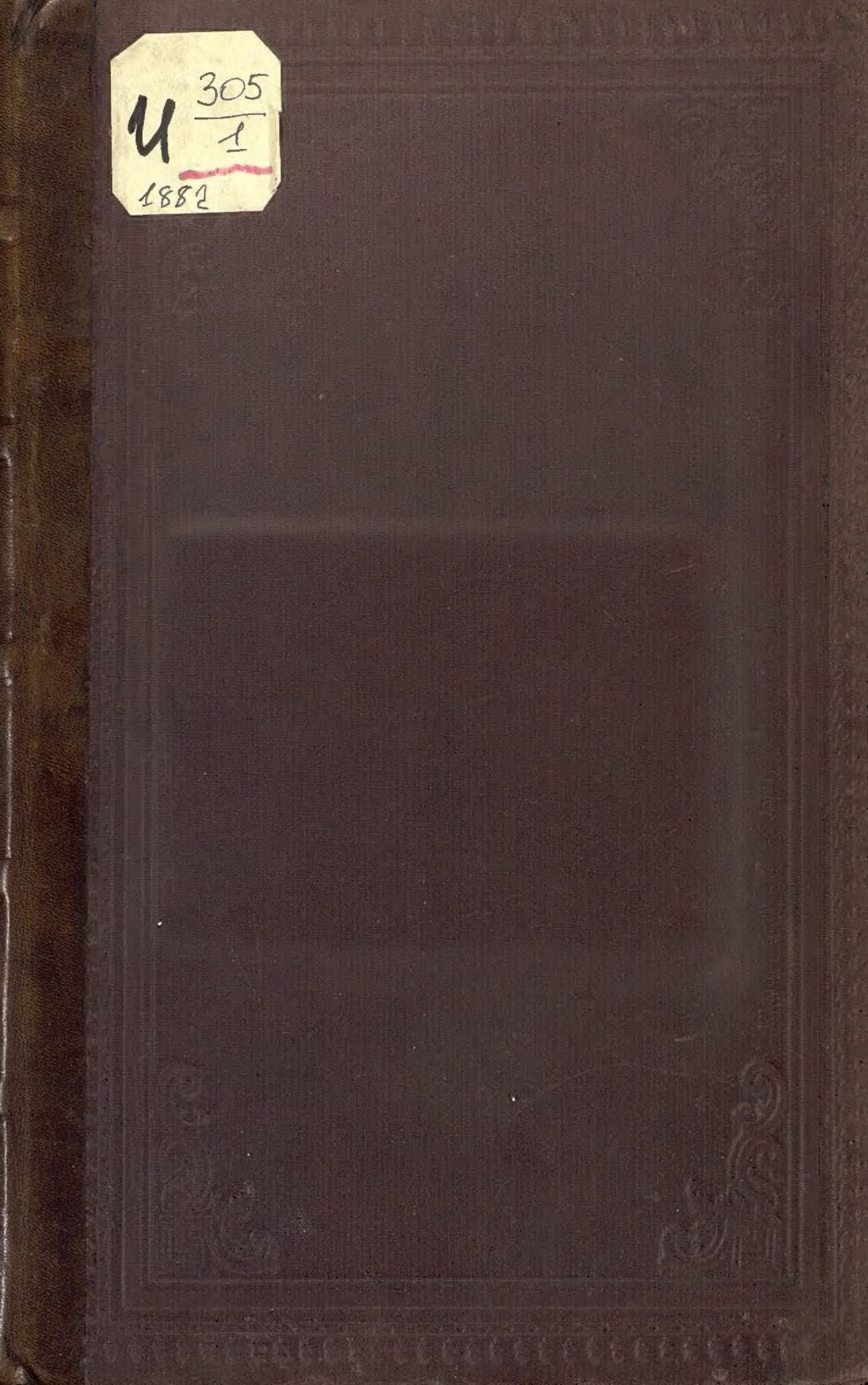

И 305/1
1881

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1882 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1898.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ вал., соб. д., 2 ст. Моск. уѣзда.

1882 ГОДЪ.

Указатель статей[1].

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы[2].

Пожеланіе русскому общественному мнѣнію стать на правильный путь. 1—А.

Настоящее значеніе термина „народное“ направленіе въ нашей внутренней политикѣ. 22.

Годовщина событія 1-го марта. 61.

Отзывъ газетъ *Земство* и *Голосъ* о поступкѣ французскаго слесаря Вюрца сообщившаго полиціи свѣдѣнія, наведшія ее на слѣдъ преступника. 99—Б.

Наша Конституція. 130.

Забота о Россіи иностранныхъ публицистовъ. 137.

Что такое наши земскіе соборы. 141—А.

Деморализація нашего общества и смутность его представленія о націонализмѣ въ политикѣ. Агитація *Голоса* за обособленіе окраинъ. 147—А.

Недостатокъ дисциплины въ нашихъ правительственныхъ сферахъ какъ главная причина нашихъ бѣдствій. 174—Б.

Кончина генерала Скобелева. 175—Б. 178.

Смута понятій по вопросу о призывѣ общества къ содѣйствію правительству. 246.

По поводу прибытія въ Москву Государя и Государыни. 249—А.

Прибытіе Ихъ Величествъ въ Москву. 251—А.

Процессъ Стасюлевича. (Долгъ честнаго гражданина). 311.

Военное дѣло.

Проектъ отдѣленія строевой и военно-ученой части отъ административно-хозяйственной. 6.

Предстоящее преобразованіе регулярной кавалеріи. 15.

Пробѣлы въ нашихъ военно-техническихъ порядкахъ. 23.

Неудовлетворительность постановки военно-техническаго дѣла. 35.

Сопоставленіе численности призывнаго контингента въ русской и нѣмецкой арміяхъ. 47.

Безполезное развитіе канцеляризма по вѣдомству главнаго штаба и въ строевыхъ канцеляріяхъ. 68.

Недостатки только что изданнаго „Положенія объ управленіи полкомъ.“ 79—А.

Предполагаемое уменьшеніе комплекта офицеровъ. Непригодность этой мѣры. 101.

Злоупотребленія интендантства и необходимость его коренной реформы. 112. 140.

Ослабленіе дисциплины въ артиллеріи. 171—А.

Обращеніе уланскихъ и гусарскихъ полковъ въ драгунскіе. 239.

Побужденія заставляющія Францію и Германію заботиться о военномъ воспитаніи школьной молодежи. 264.

Предполагаемое сокращеніе численнаго состава генеральнаго штаба. 293—А.

Приказъ о прямомъ подчиненіи артиллерійскихъ частей командирамъ корпусовъ. 298—Б.

Злоупотребленія въ дѣлопроизводствѣ военнаго вѣдомства. 301—Б.

Желательность избавленія Россіи отъ необходимости пользоваться услугами иностранцевъ для своей обороны. 336. 346. 350—А.

Искъ поручика Сиго-Двинскаго къ генералу Драгомирову и толки газетъ объ этомъ искѣ. 341.

Невыгодность условій въ какія поставлены русскіе изобрѣтатели. 351—Б.

Затрудненія создаваемыя русскимъ заводчикамъ коммиссіей рѣшающей кому давать заказы на бронепробивающіе снаряды. 361—А.

Еврейскій вопросъ.

Заступничество англійскаго парламента за русскихъ Евреевъ. 52—Б.

Экспропріація Евреевъ-аптекарей. Излишняя суровость этой мѣры. 86—Б.

Несправедливость притѣсненія Евреевъ администраціей. 94—А.

---

[1] Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ: первую, вторую или третью статью въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2] Общіе вопросы, касающіеся Россіи, затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

[3] Заглавія, напечатанныя курсивомъ, сдѣланы самимъ М. Н. Катковымъ въ «Современной лѣтописи» *Русскаго Вѣстника*, начиная съ 1882 года.

Крамола.

Крестьянское дѣло.

Морское дѣло.

Москва.

Печать.

Промышленность и торговля.

Пути сообщенія.

Религія и церковь.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Финансовые вопросы.

1. Питейное дѣло.

2. Пошлины.

Финансы.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Общій обзоръ иностранной политики.

Англія.

Австрія.

Германія.

Франція.

Восточный вопросъ.

Египетскій вопросъ.

1882 ГОДЪ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

А.

Годъ тяжкаго испытанія миноваль. Наступаетъ новый годъ. Да будетъ благословенно его начало и теченіе, да изчезнутъ всѣ призраки, и да сіяетъ въ спокойномъ величіи новое солнце надъ Русскою Землей.

Недуги которыми мы страдаемъ преходящаго свойства. Они на поверхности и легко излѣчимы, но пора же коснуться ихъ и наконецъ отъ нихъ освободиться Намъ нужна прежде всего вѣра въ свою правду, твердость и рѣшимость въ должномъ, прямой взглядъ на вещи, свобода отъ отвлеченностей, и вѣрность заповѣди: *не сотвори себѣ кумира*, не поклоняйся раболѣпно ни издѣлію своихъ рукъ, ни созданію своего ума или воли, исправляя и улучшая ихъ въ высшемъ интересѣ, согласно ихъ назначенію, для общаго блага. Кто бы ни были, и какого бы то ни было образа мыслей, болѣе консервативнаго или болѣе либеральнаго, мы всѣ могли бы сойтись на *дѣйствительной*, т.-е. на русской почвѣ, лишь бы только не вторгался между нами посторонній обманъ, пользующійся всякимъ недомысліемъ и разногласіемъ для цѣлей равно всѣмъ враждебныхъ. Дай Богъ чтобы въ наступающемъ году совершился спасительный кризисъ въ русскомъ мнѣніи и чтобъ оно стало дѣйствительно русскимъ во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ!...

Б.

Изъ европейскихъ странъ ни одна не испытала въ истекшемъ году такого роковаго удара, какой палъ на наше отечество; однако нигдѣ не обходилась политическая жизнь безъ борьбы, принимавшей иногда очень ожесточенный характеръ. Борьба велась между государствомъ и демагогіей, между монархіей и анархіей. Всюду въ Европѣ видно было стремленіе усилить и сосредочить государственную власть расшатанную и переходившую изъ рукъ въ руки.

Почти вся исторія Франціи въ истекшемъ году сосредоточивалась вокругъ личности ея нынѣшняго правителя, который, на нашихъ глазахъ, не такъ еще давно, поднялъ государственную власть на улицѣ. Послѣ десятилѣтняго упорнаго домогательства, онъ наконецъ упрочилъ ее за собою, ставъ 14 ноября 1881 года во главѣ правительства Французской республики. Эти послѣднія десять лѣтъ были для него полезною школой государственной науки и парламентской драматургіи; съ каждымъ годомъ онъ, стоя во главѣ оппозиціи, пріобрѣталъ съ одной стороны все болѣе опытности въ изученіи и удовлетвореніи истинныхъ потребностей государства, а съ другой пріобрѣталъ все болѣе ловкости въ умѣніи подчинить себѣ эгоистическія стремленія парламентскихъ партій. Одержавъ въ 1877 году побѣду надъ старыми партіями въ лицѣ маршала Макъ-Магона, онъ уже тогда, еслибы захотѣлъ, могъ бы стать во главѣ министерства; та же самая возможность представлялась ему не разъ и послѣ 1879 года, когда маршала замѣнилъ безличный президентъ Греви; но бывшій и будущій диктаторъ каждый разъ отказывался находя этотъ постъ еще слишкомъ шаткимъ. Ему необходимо было произвести коренное преобразованіе въ составѣ палаты депутатовъ и наполнить

ее твердо сплоченнымъ и вполнѣ покорнымъ ему большинствомъ. Вотъ почему онъ съ самаго начала года требовалъ измѣненія избирательной системы и введенія „выборовъ по списку,“ которые давали ему возможность подчинить себѣ пресловутый *suffrage universel*. Онъ употребилъ всѣ усилія чтобы добиться этой реформы и, дѣйствительно, 19 мая палата депутатовъ приняла выборы по списку большинствомъ 8 голосовъ, но уже 9 іюня сенатъ отвергъ ихъ большинствомъ 34 голосовъ. Тогда г. Гамбетта измѣнилъ свою тактику и потребовалъ прежде всего пересмотра конституціи съ цѣлью преобразовать сенатъ, въ которомъ онъ усмотрѣлъ самаго серіознаго противника его будущей диктатуры. По его мановенію, Франція, не думавшая до этой минуты о пересмотрѣ конституціи, выбрала 21 августа болѣе 400 депутатовъ изъ 557 со спеціальнымъ порученіемъ измѣнить конституцію съ цѣлью „обузданія сената.“ Тогда только г. Гамбетта рѣшился стать, 14 ноября, во главѣ правительства, объявивъ притомъ что прежде всѣхъ остальныхъ реформъ онъ потребуетъ въ январѣ пересмотра конституціи съ цѣлью измѣнить, по его усмотрѣнію, составъ какъ сената, такъ и палаты депутатовъ. Онъ хочетъ сперва вполнѣ обезвредить парламентъ, и, фактически лишивъ его всякаго значенія, затѣмъ безпрепятственно приняться за личное и сильное управленіе страной. Онъ уже окончательно разорвалъ свои прежнія связи съ радикализмомъ и либеральнымъ доктринерствомъ, которыми онъ въ свое время воспользовался какъ удобными средствами для достиженія цѣли. Онъ имѣетъ мужество не заигрывать съ этими врагами государства, и прямо имъ говоритъ въ лицо что онъ ихъ отыщетъ „во глубинѣ ихъ логовищъ,“ и на дняхъ доказалъ что эти слова не пустая фраза, сильною рукою усмиривъ разбушевавшихся на улицѣ соціалистовъ. Онъ окружилъ себя людьми дѣла и несмотря на громкіе крики либераловъ, поставилъ во главѣ арміи „реакціонеровъ“ Мирибеля, Галлифе, Кампенона и Шангарье, потому что ихъ считаетъ наиболѣе способными быстро и радикально устранить тѣ вопіющіе недостатки которые оказались во французской арміи во время злополучной Тунисской и Алжирской экспедиціи.

Не менѣе рельефную картину борьбы съ анархіей и усилій поднять значеніе государственной власти видимъ въ прошломъ году и въ Германіи.

Злодѣяніе 1 марта произвело какъ и вездѣ потрясающее впечатлѣніе въ Берлинѣ. Правительство, союзный совѣтъ, рейхстагъ и бо́льшая часть печати, все разомъ заговорило о необходимости рѣшительныхъ мѣръ для борьбы съ крамолой подрывающею основы не одного какого-нибудь, а всѣхъ государствъ. Въ палатѣ депутатъ Виндтгорстъ, поддерживаемый всѣми партіями, за исключеніемъ только соціалъ-демократовъ, провелъ предложеніе: просить имперское правительство путемъ дипломатіи добиться чтобы злоумышляющіе и покушающіеся на жизнь главы дружественной державы, открыто на словахъ, въ печати или иными способами призывающіе къ злодѣйству другихъ, повсюду перестали считаться политическими преступниками, чтобъ имъ было отказываемо въ правѣ убѣжища, чтобъ они подлежали законной отвѣтственности и выдачѣ по требованію той страны гдѣ совершили преступленіе. Резолюція палаты, бывшая только эхомъ желаній Берлинскаго двора, получила ходъ, но съ перваго же шага встрѣтила препятствіе со стороны Англіи и Французскаго правительства, не смѣвшаго тогда подать свой голосъ въ пользу мѣры, хотя и необходимой, но неугодной коммуникамъ. Прошелъ годъ, но дѣло не подвинулось, хотя, если вѣрить офиціознымъ берлинскимъ газетамъ, переговоры все еще продолжаются. Французское правительство уступило, Англія стоитъ на своемъ. Въ Берлинѣ въ свою очередь не находятъ возможнымъ выступить по этому дѣлу съ особою энергіей, опасаясь осложненій неблагопріятныхъ для Германіи.

Правительство одной страны не можетъ успѣшно бороться со зломъ которое находитъ себѣ притонъ въ другихъ странахъ и пользуется покровительствомъ ихъ законовъ; нужны общія и дружныя усилія всѣхъ правительствъ, теперь повидимому еще не вполнѣ признающихъ силу общей опасности. Въ бродячихъ революціонныхъ элементахъ иныя правительства еще видятъ средство пригодное для ихъ цѣлей.

За то германскіе соціалисты подняли голову. Ихъ эмиграція съ бо́льшею чѣмъ прежде рѣшительностью проповѣдуетъ политическіе перевороты путемъ убійствъ и злодѣяній; въ Германію проникаютъ не только какъ прежде возмутительные листки

и брошюры, но везется и динамитъ. Гамбургъ, Гарбургъ и Лейпцигъ одинъ за другимъ дѣлаются притонами социалъ-революціонеровъ, кои, по свидѣтельству самого Германскаго правительства, въ минувшемъ году вошли въ тѣсную связь съ русскими нигилистами.

Все это ведетъ къ тому что и въ Германіи оппозиціонныя партіи усиливаются, что центръ лѣвой все болѣе и болѣе передвигается влѣво. Умѣренныя и консервативныя партіи въ парламентахъ ослабѣваютъ, крайніе, стремящіеся къ захвату власти, то-есть къ революціи, усиливаются. Окончившуюся лѣтомъ сессію германскаго рейхстага, по безплодности ея занятій, назвали сессіей отклоненныхъ законопроектовъ. Новые выборы, несмотря на усилія, дали не лучшій, а напротивъ худшій результатъ: правительство потеряло всякую возможность добиться большинства въ палатѣ и идетъ на встрѣчу „конфликту,“ какъ выражаются нѣмецкія газеты. И, дѣйствительно, положеніе дѣлъ весьма напоминаетъ извѣстный „конфликтъ“ шестидесятыхъ годовъ. Какъ тогда министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ, такъ теперь самъ императоръ вынужденъ напомнить чиновникамъ ихъ обязанности поддерживать политику правительства. Какъ тогда, приходится прибѣгать въ тѣхъ же видахъ къ рѣшительнымъ и строгимъ мѣрамъ, начиная съ удаленія отъ должности прослужившаго уже пятьдесятъ лѣтъ генералъ-губернатора Горна, позволившаго себѣ открыто порицать правительственныя дѣйствія. Въ данномъ на дняхъ министерству декретѣ, императоръ былъ вынужденъ напомнить и о правахъ монарха. Пруссія, сказано въ декретѣ, всегда отличалась тѣсною связью между монархомъ и народомъ; въ этомъ ея сила, но потому-то и необходимо поддержать на прежней высотѣ монархическое начало, энергически противуставъ всѣмъ попыткамъ затемнить права короны.

Нельзя сказать чтобы совершающееся теперь не было предусмотрѣно. Государственный человѣкъ стоящій во главѣ правительства заранѣе принялъ свои мѣры. Еще въ прошлую, окончившуюся весною, сессію рейхстага, онъ внесъ въ палату законопроектъ о страхованіи рабочихъ,— первый шагъ на пути обширныхъ соціальныхъ реформъ кои задуманы имъ съ цѣлью вырвать массы рабочаго люда изъ рукъ демагоговъ. Понятно почему крайняя оппозиція такъ неистово напала на Бисмарка: его мѣры пресѣкаютъ пути демагогическимъ стремленіямъ.

Между тѣмъ, не обращая вниманія на насмѣшки и вопли о „ходѣ въ Каноссу,“ германскій канцлеръ принялъ мѣры къ прекращенію борьбы съ католическою церковью, стараясь устранить всѣ поводы къ недовольству въ средѣ католическаго населенія. Онъ вошелъ въ сношенія съ папскою куріей, добился замѣщенія большей части епископскихъ каѳедръ остававшихся не занятыми, посадивъ людей угодныхъ правительству. „Осиротѣлые,“ какъ выражаются клерикалы, приходы получили священниковъ... Въ Ватиканъ отправляется особый посолъ, съ назначеніемъ котораго связано установленіе полнаго modus vivendi съ католическою церковью, которой князь Бисмаркъ сулитъ полную свободу если она отдѣлитъ свою политику отъ политики поддерживаемыхъ ею теперь партикуляристовъ, ратующихъ противъ германскаго единства подъ сѣнью церкви. Партикуляризмъ не ослабѣлъ въ Германіи, а скорѣе даже усилился, и на выборахъ этого года случилось то чего не бывало прежде: въ мелкихъ государствахъ Германіи администрація явно поддерживала кандидатуры крайнихъ оппозиціонныхъ партій, не гнушаясь даже и социалъ-демократовъ, лишь бы ослабить охватившую ихъ имперію. Имперское правительство, стремясь лишить партикуляристовъ поддержки церкви, въ то же время старалось отнять у нихъ и удобные предлоги къ агитаціи. Оно сдѣлало новый шагъ къ довершенію объединенія Германіи не только въ политическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Съ Гамбургомъ заключенъ договоръ о присоединеніи къ таможенному союзу. Остался не рѣшеннымъ только вопросъ о матеріальныхъ средствахъ которыхъ требуетъ это дѣло.

Бисмарковская политика, между тѣмъ, продолжала въ Европѣ свое дѣйствіе. Сильная рука все подвигала Австро-Венгрію на Востокъ втянувъ въ свои планы даже Турцію. Султанъ ищетъ союза Германіи. Назначенные изъ Берлина въ Турцію дѣльцы для исполненія задуманныхъ ею реформъ, дѣйствуя по командѣ изъ Берлина, пріобрѣтаютъ все большее и большее вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ Оттоманской имперіи. Въ составъ

турецкаго чрезвычайнаго посольства поднесшаго императору орденъ Нишани-Имтіазъ, султанъ нарочно назначилъ своего частнаго секретаря, пользующагося его особою милостью и друга нѣмецкихъ дѣльцовъ. Изъ Берлина, по указанію тамъ данному, это посольство посѣтило Вѣну, гдѣ воспользовались имъ для установленія „весьма дружественныхъ“ отношеній къ Константинополю.

Италія также притянута къ Австро-Германскому союзу. И этого мало: она поставлена политикой по дѣламъ Туниса въ натянутыя отношенія къ Франціи, которая не безъ ловкаго толчка изъ Берлина рѣшилась на шагъ въ Тунисѣ, такъ непріятный для Италіи.

Австро-Венгрія, волею или неволею слѣдуя берлинской программѣ, совсѣмъ втянулась въ дѣла Востока. Сербію она уже взяла подъ свою руку. Черногорія, благодаря занятію австрійскими войсками Босніи и Герцеговины, въ послѣднее время вынуждена повиноваться приказаніямъ австро-венгерскаго министра-резидента. Турція, у которой больше другихъ причинъ роптать на безцеремонность Австрійцевъ, благодаря искусной берлинской политикѣ употребляетъ всѣ усилія чтобъ угодить Австро-Венгріи. Только въ Румыніи австро-венгерская политика встрѣтила отпоръ своимъ притязаніямъ на обладаніе всѣмъ нижнимъ теченіемъ Дуная, и Дунайскій вопросъ несмотря на всѣ усилія австрійскихъ дипломатовъ не подвинулся ни на шагъ впередъ. Положеніе дѣлъ въ Болгаріи также не по сердцу Австро-Венгріи. Она недовольна совершившимся тамъ переворотомъ, такъ какъ при новомъ порядкѣ вещей ей не такъ удобно интриговать какъ прежде. Въ южной Далматіи вспыхнуло возстаніе. Въ Босніи и Герцеговинѣ не спокойно. Вообще чѣмъ далѣе выдвигается Австрія на Востокъ, тѣмъ ощутительнѣе становится трудность ея внутренняго положенія и слабость связей соединяющихъ ея составныя части...

Что касается Великобританіи, то ея политика была занята всего болѣе Ирландіей, что потребовало сильнаго развитія власти, доходящаго до диктатуры. Въ самомъ началѣ 1881 года, когда парламентъ открылся мѣсяцемъ ранѣе обыкновеннаго, въ Ирландіи господствовалъ терроръ, судъ надъ г. Парнелломъ и его сообщниками въ заговорѣ окончился разногласіемъ присяжныхъ, а въ палатѣ общинъ ирландскіе члены устраивали безпримѣрныя въ парламентскихъ лѣтописяхъ задержки и помѣхи при обсужденіи предложенныхъ правительствомъ мѣръ замиренія: принудительнаго и земельнаго биллей. Несмотря на введеніе перваго изъ этихъ законовъ, организація Земельной Лиги крѣпла, съемщики всюду отказывались платить ренту, доводя замлевладѣльцевъ до разоренія; аграрныя преступленія, затихшія было подъ впечатлѣніемъ первыхъ репрессивныхъ мѣръ, возобновились съ большею силой... Когда же земельный билль, проведенный путемъ ожесточенной борьбы между обѣими палатами, въ свою очередь сталъ закономъ, въ немъ кромѣ Лиги оказались заинтересованными и американскіе Ирландцы, феніи, которые не хотѣли допустить чтобы всѣ ихъ пожертвованія пропали даромъ въ случаѣ умиротворенія Ирландіи. Результатомъ совокупныхъ усилій сравнительно умѣренныхъ *гомрулеровъ* съ Парнелломъ и кровожадныхъ феніевъ вооруженныхъ динамитомъ и съ О'Донованомъ Россой во главѣ, явилось почти открытое возмущеніе, вождемъ коего въ концѣ концовъ выступилъ г. Парнеллъ. Открытіе адскихъ машинъ присланныхъ изъ Америки въ разные города Соединеннаго Королевства и усиленіе аграрныхъ преступленій, пробудило наконецъ энергію правительства, и оно не задумалось арестовать г. Парнелла и главныхъ вожаковъ противогосударственнаго движенія, причемъ въ числѣ арестованныхъ было нѣсколько членовъ парламента, — явленіе безпримѣрное въ англійской исторіи. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ послѣдовалъ пароянскій выстрѣлъ въ видѣ манифеста Земельной Лиги, убѣждавшаго населеніе развернуть знамя неплатежа ренты; но правительство, разъ порѣшивъ вступить въ борьбу съ крамолой, не остановилось на полумѣрахъ, и желѣзною рукой задушило Лигу объявивъ ее 20 октября „незаконнымъ и преступнымъ сообществомъ.“ Попытки возмущенія въ Дублинѣ, Лимрикѣ и другихъ мѣстахъ были быстро и рѣшительно подавлены, открылись засѣданія поземельной коммиссіи и ея подкоммиссій, болѣе 50.000 съемщиковъ обратились къ новому суду, и спокойствіе въ Ульстерѣ и прочихъ сѣверныхъ провинціяхъ было возстановлено. Въ трехъ южныхъ провинціяхъ волненія еще продолжаются, съемщики крѣпко

держатся „манифеста г. Парнелла,“ но и тамъ уже являются признаки перемѣны къ лучшему.

Въ англійской внѣшней политикѣ нельзя не отмѣтить отреченія отъ направленія даннаго ей предыдущимъ кабинетомъ, какъ относительно южной Африки такъ и еще въ большей степени Индіи. Подъ конецъ прошлаго года возстаніе трансваальскихъ Буровъ едва стало извѣстно въ Англіи. При открытіи засѣданій парламента всѣ ожидали что, по словамъ тронной рѣчи, власть королевы будетъ немедленно возстановлена войсками сэръ-Джорджа Коллея, но страшныя пораженія нанесенныя Англичанамъ Бурами при Ленгсъ-Некѣ, Ингого и на Маджубскихъ холмахъ, вынудили правительство начать переговоры о мирѣ, окончившіеся признаніемъ независимости Трансвааля подъ верховною властью Великобританіи. Трансваальскій фолькерадъ пытался было вычеркнуть изъ конвенціи это „верховенство“ Англіи, но твердость г. Гладстона, выраженная въ его лидской рѣчи, и военныя приготовленія Англіи, заставили Буровъ образумиться, и конвенція была подписана. Эвакуація Кандагара была рѣшена въ принципѣ еще до созванія парламента. Предметъ этотъ обсуждался въ обѣихъ палатахъ, и министерство, побитое какъ и слѣдовало ожидать въ верхней палатѣ, нашло себѣ поддержку въ нижней большинствомъ 110 голосовъ. Въ апрѣлѣ городъ Кандагаръ былъ переданъ эмиру Абдуррахману, и такимъ образомъ англо-индійская политика возвратилась на прежній путь невмѣшательства.

Въ послѣдніе дни минувшаго года, возникъ вопросъ, быть-можетъ, чреватый событіями, — вопросъ Египетскій, часть великаго Восточнаго вопроса...

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, повидимому, все благопріятствовало процвѣтанію великой заатлантической республики, когда въ мартѣ минувшаго года генералъ Гарфильдъ смѣнилъ президента Гейеза. Самымъ выдающимся членомъ новаго кабинета былъ г. Бленъ. Соперничество между имъ и г. Конклингомъ, главою республиканской партіи въ сенатѣ, повело къ сильнымъ пререканіямъ по поводу назначенныхъ президентомъ чиновниковъ на нѣкоторыя высшія должности, окончившимся пораженіемъ г. Конклинга, который вышелъ въ отставку. Нанесенное такимъ образомъ оскорбленіе его партіи имѣло неожиданныя и прискорбныя послѣдствія. Президентъ палъ жертвой проходимца Гито, приверженца потерпѣвшихъ пораженіе „стальвартовъ,“ какъ называется извѣстная фракція Грантистовъ. Противники Гарфильда примолкли, и вице-президентъ Артуръ, очутившись во главѣ правленія, поспѣшилъ заявить что отнюдь имъ не сочувствуетъ. Но утверждая что не намѣренъ отступать отъ преданій правленія своего предмѣстника, президентъ Артуръ тѣмъ не менѣе отдѣлался отъ нѣкоторыхъ членовъ прежняго кабинета, въ томъ числѣ и отъ г. Блена, который, надо кстати припомнить, только-что положилъ основаніе совершенно новому положенію дѣлъ на материкѣ Америки, заявивъ притязанія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на исключительное право вмѣшательства въ дѣла Центральной и Южной Америки. Каковъ бы ни былъ исходъ начатыхъ такимъ образомъ переговоровъ, сомнительно чтобы Чилійцы, торжествующіе свою побѣду надъ Перу, захотѣли добровольно покориться этому главенству Соединенныхъ Штатовъ.

№ 3.

Москва, 2-го января.

Первый день наступившаго года ознаменовался обнародованіемъ двухъ указовъ, данныхъ 28 минувшаго декабря въ Гатчинѣ и служащихъ развитіемъ и дополненіемъ Положеній 19 февраля 1861 года. Въ силу одного изъ этихъ указовъ, должны обратиться въ собственниковъ всѣ тѣ крестьяне въ 37 великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ которые до сихъ поръ не выкупили своихъ земельныхъ надѣловъ и, въ качествѣ временно-обязанныхъ, состояли на оброкѣ. Другимъ указомъ, въ видахъ облегченія лежащихъ на крестьянахъ повинностей, понижаются установленные Положеніемъ 19 февраля размѣры выкупныхъ платежей на всемъ пространствѣ упомянутыхъ 37 губерній, и также въ нѣкоторыхъ селеніяхъ губерніи Могилевской и бѣлорусскихъ уѣздовъ губерніи Витебской, гдѣ крестьяне не воспользовались тѣми сбавками въ выкупныхъ платежахъ какими сопровождался обязательный выкупъ вообще въ западномъ краѣ.

Оба указа и изданныя вмѣстѣ съ ними

положенія объ обязательномъ выкупѣ и о пониженіи выкупныхъ платежей имѣютъ равно важное значеніе, но по характеру своему не одинаковы. Пониженіе выкупныхъ платежей есть благодѣяніе оказываемое всему бывшему крѣпостному населенію центральной Россіи. Если это населеніе могло завидовать крестьянамъ западныхъ губерній, которые вслѣдъ за Польскимъ возстаніемъ стали собственниками своихъ надѣловъ за пониженные выкупные платежи, то всякій поводъ къ зависти, благодаря новоизданному положенію, устраняется: выгоды пониженныхъ выкупныхъ платежей распространяются на всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ въ Имперіи. Этотъ результатъ достигается безъ ущерба для чьихъ бы то ни было интересовъ. Крестьяне будутъ платить меньше чѣмъ платили до сихъ поръ, меньше чѣмъ должны были платить на основаніи Положенія 19-го февраля, но никто ничего отъ этого не теряетъ. Самой казнѣ объявленное пониженіе выкупныхъ платежей обойдется очень недорого. Хотя это пониженіе, въ общемъ итогѣ для всѣхъ мѣстностей на которыя оно распространяется, опредѣлено въ двѣнадцать милліоновъ рублей ежегодно, однако въ счетъ этой суммы пойдетъ ежегодно изъ бюджетныхъ средствъ казны только три милліона: остальные девять милліоновъ оказалось возможнымъ покрывать ежегодно изъ особыхъ источниковъ, именно 2 милліона изъ накопившихся запасныхъ средствъ выкупной операціи и 7 милліоновъ изъ свободныхъ суммъ по ликвидаціи бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Всѣ эти особые капиталы, которые пойдутъ отнынѣ на пониженіе выкупныхъ платежей, могли бы получить и иное назначеніе. Эти капиталы могли бы составить особый фондъ, изъ котораго изливались бы чрезвычайныя милости Монарха при всякихъ случаяхъ появленія гдѣ-либо особой нужды, когда для борьбы съ ней окажутся недостаточными мѣстныя и общія опредѣленныя на то средства. Въ такихъ случаяхъ, помощь идущая прямо отъ лица Государя, помимо канцелярской процедуры и казенной формальности, особенно цѣнилась бы нуждающимися въ ней населеніями, и была бы дѣломъ въ высшей степени важнымъ и въ государственномъ отношеніи. Образовать готовый, достаточно обильный фондъ, изъ котораго могли бы быть почерпаемы средства для оказанія особыхъ пособій то одной, то другой мѣстности гдѣ можетъ оказаться особая нужда, учредить фондъ котораго средствами, въ подобныхъ случаяхъ, можно было бы распоряжаться не стѣсняясь всѣми тѣми соображеніями которыя заставляютъ, часто по необходимости, урѣзывать до послѣдней крайности всякую ассигновку изъ общихъ бюджетныхъ средствъ на пособія нуждающимся населеніямъ, вотъ задача о которой очень стóитъ подумать. Изъ Царскаго фонда благодѣянія изливались бы именно туда гдѣ въ нихъ оказалась бы особенно настоятельная надобность, именно на тѣхъ кто по особымъ обстоятельствамъ очутились бы въ крайности, тогда какъ въ выкупныхъ платежахъ даруется облегченіе не однимъ захудалымъ мѣстностямъ, но на ряду съ ними и богатымъ гдѣ существовавшій размѣръ платежей не былъ непосильною тягостью. Это однако не даетъ повода сожалѣть что вышеупомянутые капиталы рѣшено употребить на пониженіе выкупныхъ платежей. Можно надѣяться что и помимо этихъ капиталовъ не оказалось бы недостатка въ средствахъ для учрежденія Царскаго фонда, который какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ бы взглядамъ народа, привыкшаго во всѣхъ постигающихъ его бѣдахъ возлагать свои надежды, послѣ Бога, на своего прирожденнаго Государя, помимо всякихъ посредствующихъ административныхъ органовъ. Изъ этого же фонда могли бы изливаться пособія, за особенныя заслуги, и нуждающимся въ пособіи чинамъ, военнымъ и гражданскимъ, вмѣсто отмѣненныхъ нынѣ казенныхъ наградъ подарками.

Затѣмъ остается пожелать чтобы бывшее крѣпостное крестьянское населеніе, поголовно облагодѣтельствованное пониженіемъ выкупныхъ платежей, дѣйствительно и въ полной мѣрѣ воспользовалось дарованнымъ ему облегченіемъ. Земскіе сборы, имѣющіе наклонность идти въ гору безъ дѣйствительной въ томъ надобности, прогрессивно растущіе общественные сборы, особенно отяготительные для крестьянъ и идущіе часто невѣдомо куда при безурядицѣ въ крестьянскомъ самоуправленіи, наконецъ болѣе всего кабакъ, могутъ поглотить выгоды которыя даруетъ крестьянамъ возвѣщенное нынѣ пониженіе выкупныхъ платежей, всю двѣнадцатимил-

ліонную жертву которую отнынѣ будетъ ежегодно приносить цѣлое государство ради облегченія крестьянъ. Вотъ почему требовалось бы обратить теперь самое серіозное вниманіе на темныя стороны крестьянскаго быта.

Что касается обязательнаго выкупа, то эта мѣра не имѣетъ такого общаго значенія какъ пониженіе выкупныхъ платежей. Хотя обязательный выкупъ долженъ быть произведенъ во всѣхъ 37 великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, но дѣйствіе этой мѣры распространяется едва на одну пятую часть всего живущаго въ нихъ бывшаго крѣпостнаго населенія. Этой пятой части населенія дана льгота, которою значительная масса изъ остальныхъ крестьянъ не могла воспользоваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенность обязательнаго выкупа заключается въ томъ что льгота крестьянамъ, уменьшеніе лежащихъ на нихъ тягостей, достигается тутъ безъ пожертвованія казенной копѣйки, на счетъ третьихъ заинтерессованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Всѣмъ этимъ дѣло обязательнаго выкупа усложняется во многихъ отношеніяхъ, усложняется въ такой мѣрѣ что трудно допустить чтобы Положеніе о немъ при исполненіи на практикѣ не требовало принятія разныхъ дополнительныхъ мѣръ, подобно тому какъ потребовало ихъ само Положеніе 19-го февраля по мѣрѣ приведенія его въ дѣйствіе. Въ какихъ отношеніяхъ и какія именно дополнительныя мѣры могутъ потребоваться при практическомъ осуществленіи обязательнаго выкупа, это покажетъ сама практика въ непродолжительномъ будущемъ. Но нѣкоторыя стороны дѣла уже нынѣ обращаютъ на себя вниманіе, и рядъ вопросовъ возникаетъ самъ собою.

По мысли законодателя, при составленіи положенія объ обязательномъ выкупѣ, то-есть о прекращеніи обязательныхъ отношеній между бывшими помѣщичьими крестьянами и помѣщиками, слѣдуетъ имѣть въ виду *возможное соблюденіе выгодъ той и другой стороны*. Еслибъ это условіе въ какихъ-либо отношеніяхъ оказалось упущеннымъ или соблюденнымъ не въ надлежащей мѣрѣ, — не въ мѣру представлявшейся возможности соблюсти обоюдныя выгоды,—исправленіе всякой ошибки будетъ дѣломъ не только справедливости, но и политической мудрости.

Что касается интересовъ тѣхъ крестьянъ на которыхъ распространяется изданное Положеніе объ обязательномъ выкупѣ, то на первый взглядъ трудно усмотрѣть въ чемъ бы ихъ интересы не были соблюдены. Однако, во многихъ, преимущественно нечерноземныхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля дешева, по мѣстамъ въ нѣсколько разъ дешевле той выкупной ссуды которая будетъ обязательно дана крестьянамъ для выкупа, интересы ихъ требовали бы можетъ-быть большаго пониженія оцѣнки выкупныхъ земель чѣмъ 20-процентная скидка съ платимыхъ ими оброковъ. Отсрочка переоцѣнки надѣловъ была ущербомъ для крестьянъ такихъ мѣстностей. Переоброчка была бы для нихъ пониженіемъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ серіознымъ пониженіемъ оброчныхъ, а стало-быть и выкупныхъ платежей. Обязательный выкупъ ранѣе чѣмъ состоялась обѣщанная Положеніемъ 19-го февраля переоброчка, на которую многіе крестьяне, полагаясь на незыблемость закона изданнаго для ихъ блага, твердо разчитывали, не покажется ли нарушеніемъ ихъ интересовъ? Не представляется ли возможность соблюсти этотъ интерессъ крестьянъ преимущественно въ нечерноземныхъ губерніяхъ?

Съ другой стороны, въ прямо противоположномъ положеніи представляется дѣло въ губерніяхъ черноземныхъ, гдѣ земля дорога, гдѣ крестьянскіе надѣлы по мѣстамъ стóятъ въ нѣсколько разъ дороже капитализованнаго оброка который платился за нихъ крестьянами. Какъ на сѣверѣ пріостановкой переоброчки не исполнились основанныя на вѣрѣ въ законъ ожиданія крестьянъ, такъ на югѣ основанныя на той же вѣрѣ ожиданія и разчеты помѣщиковъ. Авторъ помѣщаемой ниже статьи „Голосъ помѣстнаго дворянина“ указываетъ рядъ весьма серіозныхъ, не матеріальныхъ только, не еще болѣе нравственныхъ неудобствъ, которыми можетъ сопровождаться обязательный выкупъ, еслибъ онъ наступилъ до установленной закономъ и отсроченной, но не отмѣненной переоброчки. Не было ли бы дѣломъ политическаго благоразумія обратить вниманіе на эту сторону и принять какія-либо мѣры для устраненія неудобствъ, могущихъ внести разладъ во взаимныя отношенія между двумя землевладѣльческими сословіями, постоянно находящимися между собою въ отношеніяхъ требующихъ обоюднаго довѣрія?

Не беремся судить, въ какой мѣрѣ исполнима мысль о переоброчкѣ надѣловъ одновременно съ обязательнымъ выкупомъ. Но она была бы возстановленіемъ истекающихъ изъ закона правъ, была бы огражденіемъ какъ интересовъ крестьянъ сѣверныхъ губерній, такъ и интересовъ помѣщиковъ въ губерніяхъ центральныхъ. И, кажется, такая переоброчка, ограниченная регулированіемъ оброковъ въ скромныхъ размѣрахъ, могла бы быть исполнена безъ нарушенія интересовъ другой стороны, въ томъ случаѣ еслибы казна приняла на себя ущербъ, которому подверглись бы разные интересы вслѣдствіе отсрочки переоцѣнки, — отсрочки которая входила въ виды правительства, но не тѣхъ кто могъ понести отъ нея ущербъ.

Прекращеніе безъ остатка обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками дѣло доброе и весьма важное. Но польза его можетъ быть парализована еслибы принятая для его совершенія мѣра оказалась на практикѣ одностороннею, еслибъ она получила видъ удовлетворенія нѣкоторыхъ ходатайствъ шедшихъ отъ нѣсколькихъ сословныхъ корпорацій, которымъ выгоденъ обязательный выкупъ до переоброчки, и которые отъ переоброчки могли бы только проиграть, а не выиграть. Теперь, послѣ указа объ обязательномъ выкупѣ, и они не понесли бы никакого ущерба отъ переоцѣнки.

Затѣмъ, практика можетъ серіозно выдвинуть на передній планъ и вопросъ о дополнительныхъ платежахъ. Въ этомъ вопросѣ могутъ оказаться замѣшанными интересы не однихъ помѣщиковъ, но и ихъ кредиторовъ, которые во многихъ случаяхъ давали ссуды подъ имѣнія оцѣнивая ихъ не по ожидаемой только выкупной ссудѣ, но и по установленнымъ по закону дополнительнымъ платежамъ. Не потребуетъ ли новый законъ дополненія ради огражденія разныхъ правъ основанныхъ на дѣйствовавшихъ доселѣ законахъ?

Исторически сложившаяся сила не исчезаетъ безъ слѣда. Во всякомъ случаѣ было бы неблагоразумно не брать ея въ разчетъ при какихъ бы то ни было комбинаціяхъ. Русское помѣстное дворянство было существенною силою Русскаго государства. Совсѣмъ забыть его значило бы то же что подавить въ органическомъ тѣлѣ существенный органъ. Времена мѣняются, и требованія политическихъ тѣлъ тоже мѣняются. Пало крѣпостное право бывшее принадлежностью помѣстнаго дворянства, но сила представляемая дворянствомъ осталась, способная и при новыхъ условіяхъ исполнять свое органическое назначеніе, состоящее въ службѣ государственному дѣлу. Не пользоваться государству одною изъ своихъ силъ значитъ на столько ослаблять себя. А не употребленная по своему назначенію сила все же дѣйствуетъ, но безъ пользы и стало-быть во вредъ...

Во всякомъ случаѣ, право признанное, законное, государству служившее, требуетъ уваженія. Если предметъ права становится ненужнымъ или отвергается высшею справедливостію, то во имя той же справедливости требуется чтобы съ отмѣной предмета права, не нарушить, а умиротворить самое право. Всякое нарушеніе права, если то не въ войнѣ внѣшней или внутренней, было бы ослабленіемъ всей государственной системы и потрясеніемъ всякаго въ ней права. Оставлять права не замиренными всегда опасно.

Не въ интересѣ только сословія, но въ общемъ интересѣ государства, желательно чтобы новое благодѣяніе изливаемое на крестьянство не сопровождалось никакимъ ущербомъ для помѣстнаго дворянства, котораго судьба и интересы тѣсно связаны съ нимъ и безъ участія котораго не устроится у насъ прочный земскій міръ. Пора воздержать духъ отрицанія, который самъ собою не останавливается ни предъ чѣмъ, и успѣвъ въ одномъ, не имѣетъ основанія не считать и всего остальнаго своею добычей.

№ 5.

Москва, 4-го января.

Нѣмецкіе либералы и приверженцы парламентской системы до сихъ поръ не могутъ опомниться отъ тяжкаго удара нанесеннаго имъ рескриптомъ отъ 7 января, который обнародованъ въ *Имперскомъ Указатель* отъ имени императора Вильгельма въ качествѣ короля Прусскаго. И въ самомъ дѣлѣ, рескриптъ этотъ имѣетъ историческое значеніе, далеко выходящее за предѣлы не только Пруссіи, но и Германіи. Наружныя формы государственнаго строенія подведены были послѣ 1848 года подъ одинъ шаб-

лонъ во всей Западной Европѣ, и потому неудивительно что фальшивая формула, впервые провозглашенная при королѣ-мѣщанинѣ и узурпаторѣ, Лудовикѣ-Филиппѣ, получившемъ опозоренную, униженную и разслабленную власть изъ рукъ парижской революціонной черни, сдѣлалась повсюду лозунгомъ такъ-называемыхъ либеральныхъ партій. *Le roi règne, mais ne gouverne pas*, заявилъ Тьеръ въ качествѣ перваго министра Лудовика-Филиппа въ началѣ сороковыхъ годовъ. Этотъ афоризмъ сдѣлался девизомъ доктринеровъ либерализма и парламентскихъ партій которыя возникли повсемѣстно въ Европѣ вслѣдствіе конституцій, пожалованныхъ или выхваченныхъ нахрапомъ послѣ 1848 года. Но, кромѣ Россіи, изо всѣхъ европейскихъ монархій, Прусское королевство сохранило монархическое начало наиболѣе чистымъ и внутренно нетронутымъ, хотя и тамъ, при слабомъ королѣ-романтикѣ, сдѣлана уступка революціонному движенію и воздвигнутъ идолъ подъ именемъ конституціи. Поэтому въ Пруссіи ранѣе чѣмъ гдѣнибудь возгорѣлась вражда между монархическимъ началомъ и его врагами, которые въ сущности заботятся отнюдь не о свободѣ, а о власти для себя или для своихъ. Всѣмъ еще памятенъ „конфликтъ" между Прусскою палатою представителей и правительствомъ короля, съ княземъ Бисмаркомъ во главѣ. Патріотическій порывъ охватившій страну во время войнъ создавшихъ Германскую имперію сразу положилъ конецъ бурямъ въ парламентскомъ стаканѣ. Единство и могущество Германіи, давняя мечта германскихъ либераловъ и патріотовъ, были созданы короной вопреки парламентскому большинству, и это надолго обезсилило тѣхъ бойцовъ парламентаризма, которые до 1866 года уже мнили себя близкими къ окончательному торжеству. Власть короны стала на такую высоту что посягавшіе на нее бойцы сами сочли за лучшее покориться ей и не поднимать прежняго спора. Осталось однако внутреннее противорѣчіе которое присуще всякой „писанной" конституціи, противорѣчіе между живою и сознающею свою отвѣтственность предъ Богомъ и исторіей властью монарха и изволеніями случайнаго собранія, именуемаго парламентомъ. Статья 44 прусской конституціи гласитъ что „министры короля отвѣтственны. Всѣ правительственные акты короля, дабы они были дѣйствительны, должны быть контрасигнованы однимъ изъ министровъ, который чрезъ свою подпись принимаетъ на себя отвѣтственность." На этой статьѣ писанной конституціи основывались всѣ разсчеты прусскихъ либераловъ; съ ея помощью они надѣялись, рано или поздно, выиграть свое дѣло и низвести корону, по мѣткому выраженію князя Бисмарка, на степень „параднаго украшенія парламентскаго зданія," а дѣйствительную власть пустить въ оборотъ.

Этимъ-то разсчетамъ и вожделѣніямъ совершенно неожиданно положенъ конецъ рескриптомъ отъ 7 января. „Правительственныя распоряженія короля," сказано въ рескриптѣ, „должны быть контрасигнованы министромъ, но они остаются распоряженіями монарха и суть *его* рѣшенія, конституціонное выраженіе *его* воли. „Нельзя поэтому допустить такого извращенія понятія о конституціонныхъ правахъ короля что его повелѣнія исходятъ „отъ подписавшаго оныя отвѣтственнаго министра, а не отъ самого монарха. Прусское государственное устройство есть выраженіе монархическихъ преданій этой „страны, историческое развитіе которой „основывалось на живой связи между королемъ и народомъ. Связь эту невозможно „перенести на министра назначеннаго королемъ, ибо она прикрѣплена къ личности монарха. Сохраненіе этого начала „неприкосновеннымъ есть государственная „необходимость въ Пруссіи. Я требую поэтому чтобы какъ въ Пруссіи, такъ и „въ законодательныхъ собраніяхъ прочихъ „частей имперіи, не были оставляемы въ „сомнѣніи мое и моихъ преемниковъ конституціонное право на личное управленіе „политикою моего правительства, и чтобы „всегда и всюду опровергалось мнѣніе будто установленное конституціей контрасигнованіе королевскихъ повелѣній въ чемъ-„либо видоизмѣнило самобытное свойство „этихъ повелѣній."

Парламентскій муравейникъ былъ страшно взбудораженъ этимъ энергическимъ заявленіемъ. Нѣкоторые еще утѣшаютъ себя тѣмъ будто наслѣдный принцъ „совершенно чуждъ" всему тому что вызвало эту королевскую манифестацію, и что онъ не принималъ участія въ совѣщаніяхъ которыя ей предшествовали. Такъ ли это? Императоръ Вильгельмъ говоритъ въ рескриптѣ отъ имени не только своего, но и своихъ преемниковъ

Но не въ одной Германіи, а также въ другихъ странахъ Европы, газеты пришли въ сильное волненіе отъ рескрипта императора Вильгельма. Особенно не нравится напоминаніе что присяга обязываетъ чиновниковъ не только воздерживаться отъ всякой агитаціи противъ правительственной власти, но и всѣми силами поддерживать политику королевскаго правительства.

Этотъ простой, трезвый и единственно вѣрный взглядъ на обязанности чиновниковъ выставляется чудовищнымъ преступленіемъ противъ „правъ народа", извращеніемъ „здраваго національнаго смысла," дерзкимъ „государственнымъ ударомъ." Парламентаристы всѣхъ странъ ударили въ набатъ и призываютъ всѣхъ „друзей народа" къ непримиримой борьбѣ противъ князя Бисмарка и всѣхъ подражателей ему гдѣ бы таковые ни явились, чтобы нигдѣ правительство не смѣло и думать о самостоятельности и чтобы вездѣ чиновники могли безнаказанно дѣйствовать противъ правительства. Стараясь возвратить парламентаризму прежнее обаяніе которое онъ все болѣе теряетъ въ глазахъ народа, эти господа все повторяютъ избитыя сочиненныя политическими интриганами фразы о „священныхъ правахъ народа."

Эта тревога демагоговъ впрочемъ весьма естественна. Они чувствуютъ себя хорошо только тамъ гдѣ правительство изъ трусости или изъ глупости измѣняетъ своему долгу и предоставляетъ ввѣренную его охранѣ страну на обманъ и расхищеніе.

Но совершенно безсмысленны тѣ бѣшеныя нападки которымъ подвергается князь Бисмаркъ со стороны либеральныхъ россійскихъ журналовъ, считающихъ своею обязанностью во всемъ рабски подражать наискверпѣйшимъ изъ чужихъ образцовъ. Всѣ наши либеральныя моськи принялись тоже лаять на германскаго канцлера, какъ будто онъ и имъ придавилъ хвостъ. Всѣ они также принимаютъ трагическія позы и обвиняютъ князя Бисмарка въ „государственномъ переворотѣ," въ „нарушеніи конституціи," въ „измѣнѣ парламентаризму;" грозятъ ему „конфликтомъ" и пресеріозно совѣтуютъ ему „опомниться." Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, угроза! Опомнитесь, въ самомъ дѣлѣ, императоръ Вильгельмъ и господинъ Бисмаркъ! Вамъ говоритъ это г. Стасюлевичъ...

Но вотъ что интересно: о рескриптѣ императора Германскаго молвила доброе слово газета г. Гамбетты которому довелось теперь быть держателемъ верховной власти въ своей странѣ. Вотъ что пишетъ *République Française* въ своей передовой статьѣ отъ 11 января 1882 года:

„Императоръ напоминаетъ о томъ въ чемъ состоятъ его права и объявляетъ свою непреклонную волю пользоваться ими. Въ отвѣтъ на слишкомъ независимыя стремленія выраженныя избирателями императоръ опредѣляетъ что права народныхъ представителей ограничены и что права исполнительной власти не имѣютъ другихъ предѣловъ кромѣ его верховной воли."

Указавъ затѣмъ на тѣ иллюзіи которымъ предавались въ послѣднее время нѣмецкіе прогрессисты, французская офиціозная газета продолжаетъ:

„Конечно тяжело послѣ грезъ вернуться къ суровой дѣйствительности; но не менѣе вѣрно и то что императорскій рескриптъ вовсе не нарушаетъ правъ депутатовъ, какъ это ошибочно утверждаютъ, а только опредѣляетъ права императорскаго правительства въ томъ именно видѣ какъ они ему предоставлены конституціей. Они могли быть упущены изъ виду, какъ въ Германіи такъ и въ другихъ странахъ, среди парламентскихъ преній и борьбы партій чередовавшихся вокругъ политики г. Бисмарка; тѣмъ не менѣе, эти права совершенно ясны и слѣдуетъ замѣтить что среди своихъ критикъ оппозиціонныя берлинскія газеты, сожалѣя о томъ что императоръ на нихъ сослался, не осмѣливаются однако отрицать ихъ силы. Министры въ Германіи отвѣтственны не предъ палатой, а предъ государемъ. Онъ, а не палата назначаетъ и смѣщаетъ кабинеты; онъ приводитъ въ дѣйствіе законы и правитъ государствомъ. Депутаты могутъ критиковать дѣйствія правительства; они могутъ отказывать ему въ новыхъ требуемыхъ имъ денежныхъ средствахъ, но существованіе его не зависитъ отъ депутатовъ... Такова конституціонная истина насколько она касается Германіи. Можно ее критиковать, но отрицать ее нельзя. Императорскій рескриптъ не произвелъ слѣдовательно никакого новаго толкованія отношеній существующихъ между правительствомъ и народными представителями; онъ, напротивъ того, только напомнилъ о тѣхъ далеко не новыхъ началахъ которыя составляютъ основаніе германскаго политическаго зданія."

Мы готовы думать что даже г. Родзевичъ, возвѣстившій на Новый Годъ съ дивнымъ паѳосомъ о своемъ отъ всей Россіи полномочіи требовать „великой хартіи,“ что и онъ, когда одержитъ „полную побѣду“ и довершитъ дѣло „новыхъ вѣяній“, заговоритъ этимъ языкомъ *Французской Республики* и запретитъ свою теперешнюю газету съ проволокой.

№ 6.

Москва, 6-го января.

Сегодня въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* мы прочли любопытное письмо изъ Рима объ усиленіи вооруженныхъ силъ Италіи и обращеніи ея столицы въ сильную крѣпость способную выдержать продолжительную осаду. Все это проектируется въ видахъ увеличить европейское вліяніе Италіи, которая всѣми силами стремится теперь примкнуть къ Австро-Германскому союзу, имѣющему де единственною цѣлью охраненіе мира Европы. Любопытно, однако, что несмотря на повсемѣстныя увѣренія въ миролюбіи и въ прочности мира, въ минувшемъ году всѣ государства западной Европы такъ или иначе развивали свои вооруженія. Не отстала въ этомъ даже Сербія. Всѣ страны жертвуютъ на вооруженія крупныя суммы. Только Россія представляетъ собою диссонансъ въ этомъ аккордѣ, сдѣлавъ въ своемъ бюджетѣ на настоящій годъ около 14 милліоновъ рублей сбереженія и нѣсколько сокративъ число солдатъ содержимыхъ въ мирное время подъ ружьемъ.

Ошибочно было бы однако думать что эти мѣры могутъ ослабить наше военное могущество. Сокращеніе наличнаго состава арміи въ мирное время осуществлено главнымъ образомъ на счетъ уменьшенія числа некомбатантовъ и представляетъ собою результатъ удачныхъ военно-организаціонныхъ реформъ, обезпечивающихъ въ то же время и болѣе надежное пополненіе арміи въ случаѣ значительной убыли людей въ началѣ войны, не прибѣгая къ такимъ обременительнымъ для населенія мѣрамъ какъ учебные сборы рекрутскаго запаса въ Германіи, вызывающіе тамъ недовольство и хозяйственныя затрудненія въ населеніи.

Наша армія, какъ показалъ опытъ, нуждается не въ усиленіи своего мирнаго состава, не въ увеличеніи военныхъ расходовъ, а въ измѣненіи системы военнаго управленія. Дѣло это, начатое въ прошломъ году, по послѣднимъ извѣстіямъ уже значительно подвинулось впередъ. Проектъ преобразованія уже составленъ Военнымъ Министерствомъ и въ теченіе января пойдетъ на обсужденіе извѣстной коммиссіи въ предсѣдательствѣ графа Коцебу. Сущность проектированныхъ министерствомъ преобразованій сводится къ раздѣленію его занятій между двумя главными управленіями, къ отдѣленію части строевой и военно-ученой отъ административно-хозяйственной, причемъ каждая будетъ имѣть особаго докладчика Государю; первая подъ именемъ начальника Главнаго Штаба, вторая—военнаго министра. Вмѣстѣ съ этимъ, нынѣшніе военные округа предполагается замѣнить четырьмя крупными инспекціями или арміями: сѣверною, южною, восточною и западною, въ составъ которыхъ не войдутъ только войска расположенныя въ Сибири и Средней Азіи.

Проектируемая теперь система управленія хорошо знакома нашей арміи; она существовала у насъ со времени образованія министерствъ и до военной реформы Чернышева, проведенной въ періодѣ времени съ 1832 по 1836 годъ, подъ предлогомъ сокращенія переписки и упрощенія въ ходѣ дѣлъ. Чернышевская реформа несомнѣнно подняла значеніе и власть военнаго министра, пожалуй ускорила рѣшеніе того или другаго вопроса, но она прямо ослабила гарантіи правильности этихъ рѣшеній. Реформа 1862 года сдѣлала еще шагъ въ томъ же направленіи.

Осенью этого года въ собиравшейся для обсужденія началъ военной реформы коммиссіи шли горячіе споры о томъ доставляетъ или не доставляетъ дѣйствительныя выгоды существованіе въ военномъ вѣдомствѣ двухъ самостоятельныхъ докладчиковъ о его нуждахъ. Высказывались крайнія мнѣнія, отрицалось что высокое развитіе военнаго дѣла въ Пруссіи въ значительной мѣрѣ обязано своимъ существованіемъ продолжительному дѣйствію тамъ системы военнаго управленія, тождественной съ существовавшею прежде у насъ и теперь вновь проектируемою системой. Пренія эти готовы возгорѣться снова. Правда, успѣхъ проектируемой реформы на половину обезпеченъ, но будетъ можетъ-быть полезно

указать на нѣсколько любопытныхъ фактовъ характеризующихъ систему единичнаго доклада, приведенныхъ въ недавно вышедшихъ V и VI томахъ *Историческаго очерка дѣятельности Военнаго управленія въ Россіи съ 1855 по 1880 годъ.* Изданіе это полуофиціальное, и разработано спеціалистами военнаго дѣла. Всѣмъ памятна мобилизація 1876 года и та масса новыхъ приказовъ, положеній и штатовъ кои были объявлены по исполненіи этой мобилизаціи. Оказывается что самое положеніе объ управленіи арміей было разработано только къ 1 ноября 1876 года, хотя этимъ дѣломъ Военное Министерство занималось съ 1871 года и даже образовало для этого особую коммиссію, дѣла въ которой шли, какъ оказалось, черепашьимъ шагомъ. Вмѣстѣ съ названнымъ положеніемъ изданы правила управленія частями почтовою, казначейскою, этапною. Въ результатѣ получилось что ни одна изъ этихъ частей не дѣйствовала какъ слѣдуетъ, и нѣкоторыя изъ положеній пришлось мѣнять въ теченіе самой войны (т. VI стр. 18 и слѣд.).

Далѣе. Въ первыхъ же дѣлахъ за Дунаемъ наша армія увидѣла что Турки лучше вооружены и снабжены бо́льшимъ числомъ снарядовъ и патроновъ. Ихъ пѣхота большею частію имѣла малокалиберное оружіе, кавалерія магазинные карабины, артиллерія дальнобойныя пушки. Въ какомъ же положеніи это дѣло было у насъ? Наша армія стрѣляла изъ ружей Крынка передѣланныхъ изъ заряжавшихся съ дула шестилинейныхъ винтовокъ, хотя еще въ 1870 году, на основаніи опыта Франко-Германской войны и рѣшено было замѣнить ихъ малокалиберною винтовкой Бердана (т. VI стр. 172). Прусаки приняли малокалиберное ружье Маузера въ 1871 году и въ 1876 году ихъ армія была перевооружена, тогда какъ у насъ только къ началу 1877 года на вооруженіе войскъ было винтовокъ малокалиберныхъ пѣхотныхъ 271 тысяча, да и то почти исключительно въ частяхъ войскъ Петербургскаго, Варшавскаго и Московскаго военныхъ округовъ, тогда какъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи назначены были войска Кіевскаго, Одесскаго, Харьковскаго и *даже Московскаго* округовъ, не получившія новыхъ винтовокъ. Въ теченіе кампаніи Военное Министерство также позаботилось вооружать малокалибернымъ оружіемъ не дѣйствующія войска, а резервы: пять дивизій Виленскаго и одну Финляндскаго округа. Въ распоряженіе же главнокомандующаго отпущено ружей только на шесть дивизій. „Такимъ образомъ, сказано въ *Очеркѣ*, всѣ полевыя войска *не участвовавшія* къ началу 1878 года въ военныхъ дѣйствіяхъ получили новыя винтовки“ (т. VI, стр. 179). Любопытно, что съ 1871 по 1877 годъ Военное Министерство перевооружило только 16 дивизій изъ 48, а въ теченіе двухъ лѣтъ, 1877 и 1878, оно нашло возможность снабдить новымъ оружіемъ не только всѣ 48 дѣйствовавшихъ, но еще и пять резервныхъ дивизій. Спрашивается, могло ли все это быть еслибы строевая и военно-ученая части имѣли своего докладчика, который указавъ и на примѣръ сосѣда, и на неотложность дѣла заставилъ бы поторопиться изготовленіемъ новаго оружія? А изготовить его быстро на опытѣ оказалось такъ возможно...

Относительно дальнобойной артиллеріи, въ *Очеркѣ* приводятся такія свѣдѣнія: „Хотя еще въ 1870 году производились опыты надъ утяжеленною четырехфунтовою пушкою дальняго боя, однако въ 1876 году они не были окончены. Между тѣмъ значительное превосходство новыхъ орудій турецкой артиллеріи надъ нашими въ дальности пораженія и въ силѣ удара побудило принять самыя энергическія мѣры ко введенію орудій дальняго боя въ нашу артиллерію“ (VI стр. 184). Война подогнала насъ, и въ 1877 году готовы уже были образцы, разомъ три: батарейное, легкое и конное орудія. Между тѣмъ къ началу войны наша артиллерія благодаря медленности высшаго военнаго управленія оказалась съ орудіями прежнихъ системъ; не были передѣланы даже всѣ зарядные ящики. Въ началѣ 1878 года спѣшно заказываются Круппу и Обуховскому заводу орудія: Круппъ долженъ былъ выставить къ марту 1878 г. 500 пушекъ, Обуховскій 350. Заказы не были конечно исполнены, да и не могли быть исполнены въ такой короткій срокъ, и однако къ началу 1879 г. были уже перевооружены 45 легкихъ и 14 конныхъ батарей у насъ, да въ Болгарію послана новая артиллерія на 16 легкихъ и 6 конныхъ батарей; осталось и для Кавказа 6 легкихъ батарей, такъ что въ одинъ годъ изготовлена новая артиллерія на 67 пѣшихъ и 20 конныхъ ба-

тарей, всего же около 700 орудій. Что же было бы, еслибъ эти 700 орудій были готовы раньше, еслибъ они служили уже во время войны? Не странно ли что возможное для Турокъ до войны, было невозможно для насъ. И какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ наше артиллерійское вѣдомство не располагало необходимыми для проектированія дальнобойныхъ пушекъ техниками! Совсѣмъ нѣтъ. Всѣмъ извѣстно что оно располагало и располагаетъ въ этомъ отношеніи спеціалистами имѣющими громкую извѣстность и въ Европѣ, и за Океаномъ. Если наша армія была вооружена дурно, хуже турецкой, то лишь потому что о ея вооруженіи не было отвѣтственнаго печальника; и кончилось дѣло по пословицѣ: „дитя не плачетъ мать не разумѣетъ.“

№ 8.

Москва, 7-го января.

Давно уже государственныя росписи доходовъ и расходовъ не составлялись у насъ при такихъ исключительныхъ заботахъ о достиженіи полнаго бюджетнаго равновѣсія какъ только что обнародованная роспись на текущій 1882 годъ. Эта роспись есть результатъ соединенныхъ усилій разныхъ административныхъ вѣдомствъ къ достиженію возможно большей экономіи въ распоряженіи государственными средствами. Въ чемъ выразилась пока эта экономія показываютъ цифры приходо - расходныхъ статей бюджета и разъясненія оныхъ приведенныя въ сопровождающемъ роспись всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ цифръ и разъясненій.

Прошлогодняя роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, оставляя въ сторонѣ чрезвычайные, была сведена, какъ извѣстно, съ крупнымъ дефицитомъ въ 50 милліоновъ. Роспись обыкновенныхъ доходовъ на текущій годъ сведена съ дефицитомъ всего въ $4^1/_2$ милліона, но и этотъ небольшой дефицитъ долженъ быть устраненъ, по крайней мѣрѣ доведенъ до минимума при исполненіи бюджета, такъ какъ министрамъ вмѣнено въ обязанность сдѣлать нѣкоторыя сбереженія въ тѣхъ суммахъ которыя ассигнованы на расходы по ихъ вѣдомствамъ. Сумма таковыхъ обязательныхъ по каждому вѣдомству сбереженій будетъ опредѣлена Государственнымъ Совѣтомъ; затѣмъ уже министры, каждый по своему вѣдомству, опредѣлятъ по какимъ статьямъ расходовъ должны быть сдѣланы необходимыя урѣзки.

Итакъ на бюджетъ текущаго года можно смотрѣть какъ на достигшій уравновѣшенія доходовъ съ расходами. Достигнута эта цѣль двумя путями: увеличеніемъ доходовъ и сокращеніемъ расходовъ. Судя по ходившимъ толкамъ о всевозможномъ сокращеніи расходовъ можно было ожидать что именно этому сокращенію принадлежитъ главная роль въ достиженіи указаннаго результата. На дѣлѣ, однако, оказывается иное. Весь итогъ сбереженій уже сдѣланныхъ по бюджету ограничивается суммой 12 милліоновъ (даже съ присоединеніемъ къ ней дальнѣйшихъ предположенныхъ сбереженій на $4^1/_2$ милліона итогъ ихъ дойдетъ только до $16^1/_2$ милліоновъ), между тѣмъ какъ увеличеніе доходовъ опредѣлено по бюджету въ $25^3/_4$ милліоновъ. Такая ограниченность сдѣланныхъ по бюджету сбереженій невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Можно было ожидать что соблюденіе экономіи въ чрезмѣрно разросшихся расходахъ возвратитъ бюджетъ по меньшей мѣрѣ къ тѣмъ нормамъ въ какихъ держался онъ въ недавніе еще годы. На дѣлѣ же выходитъ что при всѣхъ сокращеніяхъ и урѣзкахъ, итогъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ на текущій годъ превышаетъ итоги таковыхъ же расходовъ по бюджету 1880 на 33, а по бюджету 1879 года на 65 милліоновъ рублей.

Ограниченность сдѣланныхъ бюджетныхъ сбереженій еще болѣе бросается въ глаза если обратить вниманіе на то обстоятельство что сумма уже сдѣланнаго сокращенія въ расходахъ по военному вѣдомству составляетъ 23.229.260 рублей и по морскому 1.395.411 руб., итого болѣе $25^1/_2$ милліоновъ. Казалось бы этотъ итогъ сбереженій долженъ былъ возрасти отъ присоединенія къ нему сбереженій сдѣланныхъ по другимъ вѣдомствамъ. На дѣлѣ же вышло что бо́льшая половина сбереженій достигнутыхъ по военному и морскому вѣдомствамъ поглощена увеличеніемъ расходовъ по другимъ отраслямъ администраціи.

Прямаго разъясненія этого факта въ докладѣ министра Финансовъ мы не находимъ. Правда, при указаніи „причинъ

которыя воспрепятствовали совершенному устраненію дефицита въ росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1882 годъ" замѣчено что „главныя причины дефицита заключаются отчасти въ относительно высокихъ цѣнахъ на предметы первой необходимости, отчасти же въ общихъ недостаткахъ нашего финансоваго хозяйства." Но которое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ помѣшало сбереженіямъ по тѣмъ вѣдомствамъ чьи увеличившіеся расходы поглотили бо́льшую половину экономіи достигнутой по военному и морскому вѣдомствамъ, остается вопросомъ. Должно, однако, замѣтить что на ряду съ препятствующими соблюденію экономіи „относительно высокими цѣнами на предметы первой необходимости," въ докладѣ министра Финансовъ указывается на „пониженіе цѣнъ противъ прошлогоднихъ на предметы продовольствія" какъ на одно изъ обстоятельствъ дозволившихъ сдѣлать по военному вѣдомству достигнутыя сокращенія въ его расходахъ.

Что касается вредящихъ государственной экономіи общихъ недостатковъ нашего финансоваго хозяйства, то всѣхъ, конечно, должно порадовать заявленіе министра Финансовъ что къ устраненію этихъ недостатковъ уже приняты мѣры по указанію Высшей власти. Остается лишь пожелать чтобъ эти указанія были должнымъ образомъ приведены въ исполненіе и дали болѣе успѣшные результаты чѣмъ какіе достигнуты по уменьшенію бюджетныхъ расходовъ, несмотря на предоставленіе Департаменту Государственной Экономіи, Министерству Финансовъ и Государственному Контролю разсматривать испрашиваемые разными вѣдомствами кредиты по существу, не стѣсняясь дѣйствующими штатами. Впрочемъ, по сдѣланному въ этомъ послѣднемъ отношеніи еще нельзя судить о томъ чѣмъ вообще разрѣшатся заботы объ уменьшеніи расходовъ. „Предпринятыя въ этомъ дѣлѣ работы," читаемъ въ докладѣ министра, „далеко еще не окончены, и есть полное основаніе предполагать что въ теченіе наступающаго года могутъ осуществиться дальнѣйшія сбереженія, такъ какъ, при составленіи росписи, Государственнымъ Совѣтомъ намѣчены многія статьи расходовъ допускающія сокращенія, о которыхъ, для болѣе обстоятельнаго и всесторонняго обсужденія, сообщено въ особую коммиссію по сокращенію расходовъ." Можно при этомъ надѣяться что упомянутыя здѣсь дальнѣйшія сокращенія расходовъ не будутъ односторонними, что они не ограничатся только исполненіемъ „мѣръ которыя могли бы содѣйствовать сокращенію средствъ расходуемыхъ нынѣ страною на содержаніе ея военныхъ силъ" и „уменьшеніемъ штатнаго состава войскъ," но будутъ направлены, не на словахъ только, но и на дѣлѣ къ соблюденію строгой бережливости „во всѣхъ отрасляхъ управленія."

Всего этого, впрочемъ, предстоитъ ожидать лишь въ будущемъ, надѣемся, не далекомъ. Въ бюджетѣ же на текущій годъ сбереженія далеко еще не играютъ той роли на какую можно было разчитывать, и можно даже опасаться что значеніе ихъ, пожалуй, будетъ парализовано обычными у насъ сверхсмѣтными кредитами. Противъ развитія такихъ кредитовъ приняты, правда, мѣры, но полное примѣненіе этихъ мѣръ послѣдуетъ не въ текущемъ, а въ будущемъ году: лишь съ 1883 года „всѣ ежегодно повторяющіеся сверхсмѣтныя назначенія" будутъ, по общему правилу, вноситься въ подлежащія смѣты. Можно, конечно, быть увѣрену что сверхсмѣтныя назначенія въ текущемъ году, благодаря принятымъ мѣрамъ, ни въ какомъ случаѣ не дойдутъ до цифры 56 милліоновъ, какою опредѣлился ихъ итогъ въ 1880 году. Но если сверхсмѣтныя назначенія дойдутъ только до четвертой доли этой суммы, и въ такомъ случаѣ все бюджетное значеніе сбереженій сдѣланныхъ въ размѣрѣ 12 милліоновъ и предположенныхъ въ размѣрѣ $4^1/_2$ милліоновъ будетъ подорвано.

Во всякомъ случаѣ не на сдѣланныхъ пока сбереженіяхъ, а главнымъ образомъ на увеличеніи доходовъ основываются надежды на соблюденіе въ текущемъ году равновѣсія въ обыкновенномъ бюджетѣ. Увеличеніе доходовъ ожидается частію отъ новыхъ налоговъ, частію отъ естественнаго роста прежнихъ вслѣдствіе успѣховъ народнаго благосостоянія, естественнаго роста находящагося въ прямомъ противорѣчіи съ ходячими фразами объ истощеніи или ослабленіи финансовыхъ силъ страны. Эти силы, конечно, много страдаютъ, во многомъ подрываются „общими недостатками нашего финансоваго хозяйства," но сами по себѣ онѣ не перестаютъ возрастать, несмотря на преграды какія встрѣ-

чаетъ ихъ ростъ въ печальномъ фактѣ касающемся нашей финансовой администраціи, на который указано министромъ.

Общій размѣръ увеличенія доходовъ по росписи на текущій годъ противъ росписи на минувшій опредѣленъ въ докладѣ министра цифрою 25¾ милліона. На дѣлѣ эта цифра должна быть понижена слишкомъ на 5 милліоновъ. Занесеніе въ роспись дохода отъ эксплуатаціи Харьково-Николаевской желѣзной дороги нисколько не увеличиваетъ бюджетныхъ средствъ, ибо этому доходу соотвѣтствуетъ равный, если не большій расходъ по содержанію этой дороги. Дѣйствительное же увеличеніе доходовъ ожидается: на 2 милліона отъ возстановленія подати на золото, на 3⅞ милліона по питейнымъ сборамъ, вслѣдствіе возвышенія акциза съ 7 на 8 копѣекъ съ градуса, и почти на такую же сумму отъ измѣненія способа взиманія акциза съ сахара; затѣмъ остальную сумму, свыше десяти милліоновъ рублей, долженъ дать естественный ростъ доходовъ. Но можно разчитывать что на дѣлѣ естественное возрастаніе сборовъ далеко превзойдетъ эту цифру, какъ это бывало не разъ при исполненіи нашихъ государственныхъ росписей, если только успѣхи народнаго хозяйства не будутъ парализованы дѣйствіемъ мѣръ которыя не разъ принимались и могутъ быть впредь приняты, съ самыми лучшими намѣреніями, подъ вліяніемъ какой-либо ошибочной финансовой системы. Послѣдовательность и настойчивость въ исполненіи подобныхъ мѣръ можетъ оказаться и для народнаго хозяйства, и для государственнаго бюджета несравненно вреднѣе случайныхъ, скоро преходящихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, каковы, напримѣръ, неурожаи.

№ 9.

Москва, 8-го января.

Въ политической исторіи Франціи наступилъ на дняхъ острый кризисъ, исходъ котораго съ точностью предсказать невозможно.

2 (14) января министръ-президентъ Леонъ Гамбетта внесъ въ палату депутатовъ законопроектъ о пересмотрѣ конституціи 1875 года. Если палата одобритъ этотъ проектъ, онъ будетъ внесенъ правительствомъ въ сенатъ, а затѣмъ, если послѣдуетъ одобреніе сената, въ Версалѣ будетъ созванъ конгрессъ, т.-е. соединенное собраніе депутатовъ и сенаторовъ, который и рѣшитъ окончательно дѣло. Вся эта довольно сложная процедура, предписанная конституціей, потребуетъ не мало времени (какъ полагаютъ около мѣсяца), въ теченіе котораго всѣ прочіе политическіе и соціальные интересы Франціи отступятъ на задній планъ, такъ какъ общественное вниманіе будетъ исключительно поглощено вопросомъ о пересмотрѣ конституціи.

Дѣйствительно, отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ будущая судьба Франціи: находиться ли ей подъ диктатурой энергическаго государственнаго человѣка, или же вернуться къ системѣ трусливаго безвластія, которая такъ невыгодно отразилась на странѣ въ предшествовавшія министерства Ваддингтона, Фрейсине и Жюля Ферри. До сихъ поръ не правительство правило государствомъ сообразно съ дѣйствительными его потребностями, а правительствомъ правили парламентскія партіи сообразно съ ихъ выгодами, шедшими зачастую въ разрѣзъ съ самыми существенными интересами государства. Теперь, когда правительственная власть перешла въ руки г. Гамбетты, положеніе дѣлъ должно измѣниться. Бывшій диктаторъ не таковъ чтобы покорно подчиняться капризамъ парламентскихъ круговъ. Онъ самъ хочетъ предписывать имъ свою волю — конечно подъ конституціонною фикціей народной воли—и видѣть въ нихъ исполнителей своихъ предначертаній. Съ этою именно цѣлью, первымъ актомъ своего правленія онъ поставилъ пересмотръ конституціи, который долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ превращеніе обѣихъ палатъ въ послушныя орудія его правительства.

Внесенный имъ законопроектъ съ точностью обозначаетъ какія именно статьи и параграфы конституціи должны подлежать измѣненію дабы строго опредѣлить задачу конгресса и не дать ему возможности неограниченнаго преобразованія конституціи. Это стѣсненіе свободы конгресса не одобряется многими депутатами, въ особенности принадлежащими къ крайней лѣвой партіи, которые утверждаютъ что конгрессъ есть верховный владыка Франціи, для котораго никакіе законы не писаны и который, если захочетъ, можетъ не только измѣнить, но и упразднить всю

конституцію. Эта теорія проповѣдуется радикальною партіей чтобы добиться отъ конгресса кореннаго измѣненія конституціи въ самомъ широкомъ соціалистическомъ смыслѣ, съ уничтоженіемъ какъ сената, такъ и поста президента республики, и съ учрежденіемъ полновластнаго революціоннаго конвента. Противъ этой теоріи г. Гамбетта высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ, такъ что первый вопросъ подлежащій рѣшенію палаты будетъ заключаться въ томъ, предоставить ли конгрессу право неограниченной реформы конституціи, или же позволить ему произвести лишь нѣкоторыя, точно опредѣленныя измѣненія.

Такихъ измѣненій, по предложенію г. Гамбетты, должно быть *пять*.

Первое касается втораго параграфа 1-й статьи конституціоннаго закона 25 февраля 1875 года, въ которомъ опредѣляется общій характеръ депутатскихъ и сенатскихъ выборовъ. Параграфъ 2-й упомянутой статьи гласитъ: „Палата депутатовъ избирается всеобщею подачей голосовъ при условіяхъ опредѣленныхъ избирательнымъ закономъ.“ Въ этотъ параграфъ г. Гамбетта предлагаетъ вставить три слова „по департаментскимъ спискамъ,“ и заранѣе объявляетъ что если эта вставка не будетъ сдѣлана, то онъ немедленно подастъ въ отставку. Ставя такимъ образомъ существованіе своего министерства въ зависимость отъ принятія этихъ трехъ словъ, г. Гамбетта ясно показываетъ какое важное значеніе придаетъ онъ этимъ словамъ. И дѣйствительно, это самое существенное изо всѣхъ предлагаемыхъ имъ конституціонныхъ измѣненій. По существующему нынѣ избирательному закону, депутатскіе выборы производятся во Франціи по избирательнымъ округамъ, причемъ каждый округъ выбираетъ своего, извѣстнаго ему депутата. Эту систему г. Гамбетта хочетъ замѣнить другою, при которой каждый департаментъ будетъ выбирать соотвѣтствующее его народонаселенію число депутатовъ по заранѣе составленному списку. На практикѣ эти департаментскіе списки будутъ, конечно, составляться въ Парижѣ по усмотрѣнію правительства, такъ что въ палату депутатовъ будутъ попадать въ громадномъ большинствѣ люди безусловно преданные г. Гамбеттѣ. Еще въ прошломъ году г. Гамбетта съ величайшими усиліями добился того что система выборовъ „по департаментскимъ спискамъ“ была одобрена палатой депутатовъ. Но затѣмъ, какъ извѣстно, сенатъ отвергнулъ ее. Теперь г. Гамбетта хочетъ достичь своей цѣли инымъ путемъ, именно включеніемъ въ конституціонный законъ упомянутыхъ трехъ словъ, опредѣляющихъ общій принципъ депутатскихъ выборовъ, предоставляя себѣ въ послѣдствіи развить выводы изъ этого принципа въ особомъ избирательномъ законѣ. Противники г. Гамбетты естественно возстаютъ противъ предлагаемой имъ реформы, которая, какъ они очень хорошо понимаютъ, фактически водворитъ его диктатуру. Но многіе изъ его друзей также находятъ требуемое имъ измѣненіе неудобнымъ, на томъ основаніи что со внесеніемъ въ конституцію принципа выборовъ по департаментскимъ спискамъ, нынѣшняя палата депутатовъ, избранная въ прошломъ году по старому избирательному закону, потеряетъ всякій авторитетъ въ глазахъ народа и должна будетъ подвергнуться распущенію, не просуществовавъ своего законнаго трехлѣтняго срока. На это г. Гамбетта возражаетъ такъ: пока не будетъ изготовленъ новый избирательный законъ на основаніи внесеннаго въ конституцію принципа выборовъ по департаментскимъ спискамъ, палата не можетъ быть распущена; а потому, если она захочетъ просуществовать всѣ три года, ничто не мѣшаетъ ей принять новый избирательный законъ лишь въ концѣ третьяго года своего существованія, наканунѣ своей естественной смерти. Но въ такомъ случаѣ является новое затрудненіе. Согласно конституціи, президентъ республики имѣетъ право *во всякое время*, съ одобренія сената, распустить палату депутатовъ. Теперь же, если съ одной стороны въ конституціи будетъ установленъ принципъ выборовъ по департаментскимъ спискамъ, а съ другой палата лишь черезъ три года изготовитъ соотвѣтствующій этому принципу избирательный законъ, то президентъ республики и сенатъ фактически лишатся въ теченіе трехъ лѣтъ своего самаго важнаго конституціоннаго права. Таковы затрудненія возбуждаемыя первымъ пунктомъ законопроекта г. Гамбетты, вокругъ которыхъ, должно ждать, главнымъ образомъ сосредоточатся предстоящія парламентскія пренія.

Второе и третье измѣненія конституціоннаго закона предлагаемыя г. Гамбеттой касаются системы сенатскихъ выборовъ.

Три статьи (4, 7 и 8) конституціоннаго закона дѣлятъ сенаторовъ на два разряда: на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ. Первые, въ числѣ 225 человѣкъ, выбираются на девять лѣтъ по департаментамъ, причемъ избирателями являются: 1) депутаты, 2) члены генеральныхъ совѣтовъ и 3) члены окружныхъ совѣтовъ каждаго департамента. Къ нимъ присоединяются спеціальные делегаты городскихъ и сельскихъ общинъ — *по одному* отъ каждой общины, *какова бы ни была численность ея населенія.* Это послѣднее постановленіе г. Гамбетта находитъ крайне несправедливымъ, а потому предлагаетъ чтобы каждая община имѣла на сенатскихъ выборахъ число представителей соотвѣтствующее количеству ея полноправныхъ гражданъ, притомъ такъ чтобы на каждые 500 гражданъ приходилось по одному делегату. Г. Гамбетта уже составилъ приблизительную смѣту количества такихъ общинныхъ делегатовъ: оказывается что во Франціи всего 36.041 общинъ; изъ нихъ 32.630 общинъ насчитывающихъ менѣе 500 полноправныхъ гражданъ будутъ попрежнему имѣть на сенатскихъ выборахъ только по одному представителю; 2.560 общинъ будутъ имѣть по два делегата; 846 отъ 3 до 40; одна (Тулуза) 63; двѣ (Марсель и Бордо) отъ 100 до 150; одна (Ліонъ) 160 и наконецъ одна (Парижъ) 855 делегатовъ. Такимъ образомъ большіе города будутъ имѣть громадное вліяніе на сенатскіе выборы и правительству, какъ разчитываютъ, легче будетъ сосредоточить свое вліяніе въ какихъ-нибудь 10 большихъ центрахъ чѣмъ раздроблять его на остальныя 36.000 мелкихъ общинъ разсѣянныхъ по всему пространству Французской территоріи. Такова реформа сенатскихъ выборовъ предлагаемая г. Гамбеттой относительно смѣняемыхъ сенаторовъ. Что же касается сенаторовъ пользующихся несмѣняемостью, то г. Гамбетта хочетъ лишить ихъ этой привилегіи. До сихъ поръ они, въ количествѣ 75 человѣкъ, избирались на всю жизнь самимъ сенатомъ и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, выбывшій тотчасъ же замѣнялся новымъ несмѣняемымъ сенаторомъ. Такимъ образомъ въ сенатѣ образовывалось ядро сенаторовъ вполнѣ независимыхъ, недоступныхъ вліянію правительства. Г. Гамбетта видитъ въ этомъ неудобство и предлагаетъ чтобъ эти 75 сенаторовъ избирались подобно теперешнимъ смѣняемымъ, только на девять лѣтъ, и притомъ не однимъ сенатомъ, а сенатомъ вмѣстѣ съ палатой депутатовъ, впрочемъ безъ соединенія ихъ въ конгрессъ. А такъ какъ палата состоитъ изъ 557 депутатовъ, сенатъ же насчитываетъ только 300 членовъ, то ясно что новые сенаторы въ сущности будутъ назначаться покорными правительству депутатами, а не сенатомъ.

Четвертое измѣненіе конституціи также касается сената: оно имѣетъ цѣлью лишить его права измѣнять бюджетъ принятый палатой депутатовъ. Сенатъ, по предположенію г. Гамбетты, будетъ имѣть только право контроля и совѣта въ финансовыхъ дѣлахъ, которыя будутъ вестись самимъ правительствомъ по соглашенію съ палатой депутатовъ. Если послѣдняя будетъ выбрана по департаментскимъ спискамъ, то она, конечно, будетъ безусловно одобрять финансовыя предложенія г. Гамбетты, который фактически станетъ безконтрольнымъ распорядителемъ богатствъ Франціи. Въ этомъ случаѣ онъ будетъ независимѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ нежели самъ князь Бисмаркъ.

Пятое и послѣднее измѣненіе предлагаемое г. Гамбеттой не имѣетъ практической важности, хотя само по себѣ весьма знаменательно. Оно возникло изъ желанія сдѣлать угодное радикаламъ, въ надеждѣ что они изъ благодарности примутъ первыя четыре измѣненія. Дѣло въ томъ что по конституціи ежегодно въ первое воскресенье послѣ открытія парламента во всѣхъ церквахъ должно совершаться богослуженіе съ молитвой о ниспосланіи парламенту помощи Всевышняго. Нынѣ предлагается постановленіе это удалить изъ текста конституціи.

Таково содержаніе законопроекта о пересмотрѣ конституціи внесеннаго г. Гамбеттой въ палату депутатовъ. Это первый, рѣшительный шагъ къ диктатурѣ. Если палата, сенатъ или конгрессъ не одобрятъ этого шага, г. Гамбетта, согласно своему заявленію, сложитъ съ себя правительственную власть и станетъ во главѣ парламентской оппозиціи съ тѣмъ чтобы достичь своей завѣтной цѣли въ болѣе удобное время. Но какъ палата, такъ и сенатъ знаютъ что въ настоящее время никто кромѣ г. Гамбетты во главѣ правительства стоять не можетъ, и что никакой другой министръ-президентъ не

устоитъ противъ его оппозиціи, съ одной стороны, и противъ усиливающагося съ каждымъ днемъ радикализма, съ другой. Угроза выйти въ отставку не разъ доставляла побѣду князю Бисмарку, котораго г. Гамбетта въ послѣднее время какъ будто ставитъ себѣ въ образецъ; очень можетъ быть что то же средство окажетъ услугу и французскому министру.

—

№ 10.

Москва, 9-го января.

Возвращаемся къ обнародованному государственному бюджету на текущій годъ, о которомъ было уже сказано нами нѣсколько словъ въ № 8 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Этотъ бюджетъ представляется несомнѣнно болѣе благопріятнымъ чѣмъ прошлогодній: вмѣсто 50-милліоннаго дефицита въ предѣлахъ предвидимыхъ обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, онъ заключенъ съ неважнымъ дефицитомъ въ $4^1/_2$ милліона рублей, да и этотъ дефицитъ предположено устранить путемъ возможнаго сокращенія расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Это, хотя пока и не полное, возстановленіе бюджетнаго равновѣсія достигнуто частію благодаря урожаю текущаго года, результатомъ коего было успѣшное поступленіе сборовъ во второй половинѣ минувшаго 1881 позволившее разсчитывать на естественный ростъ ихъ въ наступившемъ 1882 году; частію благодаря цѣлому ряду финансовыхъ мѣръ. Двѣ изъ этихъ мѣръ, сокращеніе расходовъ (почти исключительно по военному и морскому вѣдомствамъ) и новые налоги (возстановленіе отмѣненной недавно подати съ добываемаго золота, возвышеніе акциза на хлѣбное вино и измѣненіе способа взиманія сахарнаго акциза), составляютъ дѣйствительныя мѣры къ устраненію прошлогодняго дефицита; въ дополненіе къ нимъ принята еще фиктивная, такъ сказать, бухгалтерская мѣра придающая бюджету болѣе благопріятный видъ сравнительно съ прошлогоднимъ. Во всѣ прежніе годы, при составленіи бюджета требовалось чтобы предполагаемыми доходами покрывались не только всѣ сдѣланныя по бюджету ассигновки, но еще и непредвидѣнные сверхсмѣтные расходы въ размѣрѣ четырехъ милліоновъ, а также возможный недоборъ окладныхъ сборовъ въ размѣрѣ, смотря по усмотрѣнію составителей росписи, отъ одного до четырехъ милліоновъ рублей. Роспись считалась сведенною безъ дефицита лишь въ томъ случаѣ если доходы, помимо смѣтныхъ расходовъ, покрывали также и указанныя двѣ статьи. Такъ, напримѣръ, роспись 1871 года признавалась сведенною съ дефицитомъ, хотя предположенные въ ней доходы (484.619.707 р.) не только покрывали весь итогъ смѣтныхъ расходовъ (483.012.702 р.), но еще обѣщали остатокъ слишкомъ въ полтора милліона рублей, ибо этихъ полутора милліоновъ конечно не могло быть достаточно для покрытія предположеннаго двухмилліоннаго недобора въ податяхъ и сверхсмѣтныхъ расходовъ въ количествѣ четырехъ милліоновъ рублей. Точно также и прошлогодній дефицитъ, при недостаткѣ доходовъ на покрытіе предвидѣнныхъ смѣтныхъ расходовъ всего въ 43 милліона рублей, выросъ до 51 милліона вслѣдствіе причисленія къ дефициту двухъ четырехмилліонныхъ ассигновокъ, одной на сверхсмѣтные расходы, другой на недоборъ въ податяхъ. Еслибъ этотъ прошлогодній способъ исчисленія дефицита былъ примѣненъ къ новой росписи, дефицитъ по обыкновенному бюджету не ограничивался бы $4^1/_2$ милліонами рублей, какъ онъ опредѣленъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ, а выросъ бы до $12^1/_2$ милліоновъ, при опредѣленіи на недоборъ въ доходахъ 4 милліоновъ, какъ сдѣлано въ прошлогоднемъ бюджетѣ, или по крайней мѣрѣ до $10^1/_2$ милліоновъ, при назначеніи на недоборъ въ податяхъ уменьшенной цифры 2 милліоновъ, какъ сдѣлано по новой росписи. Но въ текущемъ году съ обыкновеннаго бюджета снята обязанность покрывать двѣ указанныя расходныя статьи; онѣ вынесены въ особую рубрику „расходовъ непредусмотрѣнныхъ смѣтами,“ и покрывать ихъ предположено не по прежнему, обыкновенными, а по новому, чрезвычайными средствами. Не знаемъ въ какой мѣрѣ это нововведеніе можетъ быть признано финансовымъ или бюджетнымъ улучшеніемъ, но оно должно быть отнынѣ принимаемо въ соображеніе при всякомъ сравненіи новыхъ бюджетовъ съ прежними, дабы мнимымъ финансовымъ успѣхамъ не придавалось значеніе дѣйствительныхъ.

До сихъ поръ мы говорили только о

такъ-называемыхъ обыкновенныхъ смѣтахъ; нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о смѣтахъ по чрезвычайнымъ расходамъ. По отношенію къ нимъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ находимъ заявленіе которое должно порадовать каждаго кому дорого экономическое процвѣтаніе родной страны. Согласно Высочайшей волѣ, чрезвычайные расходы должны впредь ограничиваться одпѣми производительными затратами, и если только это основное правило будетъ дѣйствительно соблюдаемо, чего донынѣ не дѣлалось, нѣтъ сомнѣнія въ томъ что серіозныя улучшенія въ государственномъ хозяйствѣ не заставятъ себя ждать.

Особенно тяжкимъ гнетомъ на государственное хозяйство ложились обыкновенно расходы по желѣзнодорожной части. Производились они внѣ общихъ бюджетныхъ правилъ, безъ предварительнаго исчисленія суммъ которыя могутъ и должны быть израсходованы на желѣзнодорожное дѣло въ теченіе года. Правда въ государственныя росписи вносилась ежегодно извѣстная цифра чрезвычайныхъ расходовъ „за счетъ желѣзнодорожнаго фонда,“ но эта цифра не имѣла рѣшительно никакого значенія, такъ какъ на дѣлѣ расходъ изъ этого фонда обыкновенно въ нѣсколько разъ превосходилъ суммы назначенныя по бюджету. Главную роль по этой части всегда играли у насъ не смѣтныя, а сверхсмѣтныя назначенія, испрашиваемыя не въ тотъ періодъ времени когда вниманіе общей администраціи сосредоточивается на соблюденіи государственной экономіи, а въ тѣ мѣсяцы когда это вниманіе устремляется на иные предметы, когда интересъ соблюденія экономіи естественно ослабѣваетъ, и когда возможно бываетъ добиваться разрѣшенія даже такихъ ассигновокъ какія имѣли мѣсто, напримѣръ, по извѣстной, донынѣ не разъясненной, куріозной операціи желѣзнодорожнаго фонда съ Либаво-Роменскими акціями. Нельзя, поэтому, не порадоваться что рѣшено наконецъ положить предѣлъ такому неправильному порядку или, точнѣе, безпорядку, установленіемъ правила чтобы впредь цифры предстоящихъ въ теченіе года затратъ предназначаемыхъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, портовъ и каналовъ вносились впредь въ государственную роспись по общему порядку. Можно лишь пожалѣть что этотъ новый, болѣе правильный порядокъ вступитъ въ силу лишь съ будущаго 1883 года. Въ текущемъ же году остается пока въ силѣ прежняя система, вслѣдствіе чего и нельзя знать останутся ли расходы изъ желѣзнодорожнаго фонда хотя бы приблизительно въ размѣрахъ ассигнованныхъ по росписи $22^3/_4$ милліоновъ, или, по старымъ примѣрамъ, возрастутъ противъ этой цифры вдвое, втрое, пожалуй вчетверо.

Но главною статьей чрезвычайныхъ расходовъ въ росписи на текущій годъ является не сооруженіе дорогъ, портовъ и каналовъ, а уплата Казначействомъ суммъ якобы заимствованныхъ изъ Государственнаго Банка: по этой статьѣ предстоитъ расходъ не въ $22^3/_4$, а въ 50 милліоновъ рублей.

Въ виду поставленнаго принципа что „чрезвычайные расходы должны ограничиваться одними производительными расходами,“ рѣшеніе вопроса о томъ можетъ ли быть признанъ производительнымъ крайне обременительный для бюджета расходъ по ежегоднымъ 50-милліоннымъ уплатамъ Государственному Банку есть дѣло настоятельное, дѣло первостепенной важности. Въ докладѣ министра Финансовъ приведенъ рядъ доводовъ въ пользу признанія этихъ уплатъ расходомъ производительнымъ. Но доводы эти далеко не представляются убѣдительными.

Указаніе на то что обязательство означенныхъ уплатъ принятое на себя правительствомъ въ силу указа 1 января 1881 года „должно быть свято исполнено“ нисколько не говоритъ въ пользу того чтобы предписанный этимъ указомъ расходъ былъ производительнымъ. Каждый Высочайшій указъ долженъ быть свято исполняемъ пока онъ не отмѣненъ Высочайшею Властію, но нѣтъ такихъ указовъ которые бы этою властію не могли быть отмѣнены, какъ скоро дѣйствіе ихъ будетъ признано не соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ. Какъ отмѣненъ указъ освободившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ золотопромышленниковъ отъ уплаты подати съ золота, такъ точно можетъ быть отмѣненъ и указъ 1 января 1881 года, при чемъ для правительства прекратится всякая обязанность „свято“ исполнять оный.

Замѣчаніе министра что „затраты дѣлаемыя правительствомъ на упроченіе кредитнаго рубля нельзя назвать непроизводитель-

ными“ может быть признано вѣрным. Но ведут ли 50-милліонныя уплаты Государственному Банку к упроченію кредитнаго рубля, это вопрос на который пока нельзя дать утвердительнаго отвѣта. Утвержденіе что „мѣра эта, способствуя поддержанію цѣнности кредитнаго рубля, уменьшит на многіе милліоны цифру государственных расходов как заграничных, так и внутренних“ есть утвержденіе голословное, пророчество ничѣм не подкрѣпляемое и противорѣчащее дѣйствительности. Уплаты Банку начались, но никакого вліянія на цѣнность кредитнаго рубля не оказали и ни к малѣйшему сокращенію государственных расходов не повели, а дали прямо противоположный результат: увеличеніе расходов на уплату процентов и погашенія по займу сдѣланному ради разчетов с Государственным Банком.

Если допустить что указанные благіе результаты — упроченіе рубля и сокращеніе государственных расходов—будут достигнуты когда послѣдует погашеніе, то-есть изъятіе из обращенія кредитных билетов, то прежде всего представляется вопрос: возможно ли это изъятіе при существующих обстоятельствах? В силу указа 1 января 1881 года финансовому вѣдомству вмѣнено в обязанность приступить к изъятію кредитных билетов не иначе как в том случаѣ если это изъятіе не поведет ко вредным послѣдствіям для промышленности и торговли. А положеніе сих послѣдних не допускает сокращенія в денежном обращеніи, и стало-быть дѣлает невозможным достиженіе результатов (еслибъ они дѣйствительно могли быть достигнуты изъятіем кредитных билетов) во имя которых чрезвычайный расход, о котором рѣчь, мог бы быть признан производительным. „Удовлетвореніе правильным кредитом нужд промышленности и торговли“ требует увеличенія наличности в банковых кассах; и увеличеніе банковой наличности было достигнуто уплатой Государственному Банку в минувшем году 67 милліонов рублей. Это увеличеніе наличности позволило Банку удовлетворить нуждам промышленности и торговли, как сказано в докладѣ министра, „без обращенія к новым выпускам кредитных билетов.“ Стало-быть, не получи Банк 67 милліонов из Казначейства, необходимость удовлетворенія правильным кредитом нужд промышленности и торговли потребовала бы новых выпусков кредитных билетов. Но если ход торговых и промышленных оборотов требует новых выпусков кредитных билетов, выпусков, необходимость коих может быть устраняема только экстренными мѣрами, то какая же может быть рѣчь об изъятіи кредитных билетов и о результатах этой невозможной по обстоятельствам мѣры?

Признать ли, затѣм, пятидесятимилліонныя уплаты Государственному Банку производительным расходом на том основаніи что онѣ увеличивают средства Банка на удовлетвореніе нужд промышленности и торговли? Но в данном случаѣ торговлѣ и промышленности дается одною рукой равно столько же сколько отнимается другою. Вѣдь для уплат Банку дѣлаются займы отвлекающіе деньги от торговаго и промышленнаго употребленія, и стало-быть операція по этим уплатам получает характер работы Сизифа. А могут ли быть траты на подобную работу признаны производительными государственными расходами? Будет ли хорошею финансовою политикой неуклонная послѣдовательность и настойчивость в исполненіи такой работы, ведущей только к одному дѣйствительно несомнѣнному результату—увеличенію расходных смѣт бюджета, требующему пріисканія все новых и новых источников дохода, то-есть увеличенія взимаемых с народа всякаго рода сборов?

№ 12.

Москва, 11-го января.

Центр тяжести Восточнаго вопроса замѣтно перемѣстился с сѣвернаго на южный берег Средиземнаго Моря. Таково замѣчаніе которое стало очень часто высказываться в послѣдніе годы в виду событій в Тунисѣ и „готовящихся событій“ в Египтѣ. В особенности придерживаются этого взгляда тѣ кто думают или по крайней мѣрѣ желают вселить в других убѣжденіе что Берлинскій трактат был всемірно-исторической эпохой и завершил собою „окончательно“ первую фазу указаннаго вопроса, распорядившись извѣстным образом относительно Бал-

канскаго полуострова, а въ чемъ немедленно распорядиться еще было неудобно намѣтивъ „дальнѣйшій ходъ событій.“ Мы не принадлежимъ къ числу убѣжденныхъ въ незыблемой прочности какъ того что̀ создано Берлинскимъ трактатомъ, такъ и того что̀ авторы онаго „намѣтили“ въ будущемъ, и потому несовсѣмъ убѣждены въ томъ чтобъ указанное „перемѣщеніе центра тяжести“ было результатомъ естественной перемѣны въ политической статикѣ. Гораздо вѣрнѣе было бы сказать что дипломатическая интрига, для которой дѣла Востока всегда служили самою излюбленною ареной и вмѣстѣ наилучшею школой, сочла нынѣ за лучшее временно сосредоточить свои усилія около береговъ Нила, изъ чего однако не слѣдуетъ что берега Босфора ею вовсе покинуты. Истиннымъ центромъ Восточнаго вопроса, доколѣ вопросъ этотъ будетъ существовать, всегда останется древняя Византія. Но несомнѣнно то что въ Константинополѣ взаимная борьба интересовъ ослабѣла или вѣрнѣе притаилась и исчезла съ поверхности; между тѣмъ какъ въ Каирѣ дѣятельно подготовляются если не рѣшительныя событія, до которыхъ современная политика вообще не охотница, то новыя подмостки для старой игры и укрѣпляются новыя точки опоры для осуществленія никогда не покидаемыхъ замысловъ.

Англія и Франція выступили здѣсь открыто подъ личиной интимныхъ союзниковъ. Но этотъ дебютъ въ новой роли сдва ли можетъ быть названъ удачнымъ, ибо въ этотъ союзъ никто не повѣрилъ. Въ первыхъ числахъ января египетскому хедиву передана была представителями этихъ двухъ державъ коллективная нота, въ которой заявляется что Франція и Англія одинаково заинтересованы въ томъ чтобы поддержать существующій нынѣ въ Египтѣ государственный порядокъ, опредѣленный султанскимъ фирманомъ, и власть теперешняго хедива. „Правительства обѣихъ державъ,“ сказано было далѣе въ нотѣ, „тѣсно соединились между собой, намѣреваясь общими усиліями устранить всякіе поводы могущіе породить внѣшнія затрудненія или внутреннія смуты въ Египтѣ и убѣждены въ томъ что это намѣреніе, публично ими заявленное, само по себѣ будетъ способствовать къ устраненію опасностей угрожающихъ правительству хедива, опасностей которыя Англія и Франція согласились между собою, въ случаѣ надобности, побороть общими усиліями.“

Этотъ совокупный шагъ двухъ западныхъ державъ относительно Египта почитается первымъ дипломатическимъ успѣхомъ г. Гамбетты въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Какъ французская, такъ и англійская печать подтвердили что ему удалось побудить кабинетъ г. Гладстона на это заявленіе, направленное прежде всего по адресу Порты, а затѣмъ и противъ австро-германскихъ ея совѣтниковъ, коимъ въ настоящее время принадлежитъ первый голосъ въ политическихъ совѣщаніяхъ Илдызъ-Кіоска. Султанъ давно уже носится съ мыслью о томъ чтобы нагляднымъ образомъ проявить свои верховныя права надъ Египтомъ и воспользоваться внутреннимъ броженіемъ которое охватило въ послѣднее время тамошнее арабское населеніе, ненавидящее Турокъ. Для этого предполагается послать въ Египетъ турецкое войско. Это-то и есть та „опасность извнѣ“ о которой сказано въ коллективной нотѣ западныхъ державъ, которыя стараніями г. Гамбетты пришли де къ соглашенію занять въ случаѣ надобности Египетъ собственными войсками, а своимъ заявленіемъ, облеченнымъ въ форму коллективной ноты, имѣли въ виду и со своей стороны подтвердить міру что верховная власть надъ Египтомъ принадлежитъ фактически этимъ двумъ державамъ и никому больше. Эффектъ вышелъ однако не столь сильный какъ повидимому предполагалось въ Парижѣ и Лондонѣ. Прежде всего между англійскою и французскою печатью тотчасъ же завязалась распря изъ-за шкуры медвѣдя. Благодаря болтливости ничѣмъ нынѣ не сдерживаемой французской печати старинная антипатія между Англіей и Франціей успѣла обнаружиться одновременно съ заявленіемъ о „тѣсномъ единеніи“ обѣихъ державъ по поводу Египта. Пошли взаимныя пререканія о томъ, кому Египетъ болѣе нуженъ, кто имѣетъ на него болѣе правъ и какъ оба союзника раздѣлятъ между собою протекторатъ въ случаѣ если будетъ исполнена возвѣщенная совокупная оккупація береговъ Нила. Уже эта полемика между офиціозными органами по сю и по ту сторону Ламанша показала что „тѣсный союзъ,“ о коемъ было сказано въ коллективной нотѣ, не такъ

тѣсенъ на дѣлѣ, какъ на словахъ. Порта пріободрилась; дипломаты ея, издавна искусившіеся въ умѣніи пользоваться для своихъ выгодъ малѣйшимъ проявленіемъ разногласія между ея противниками и „союзниками,“ не замедлили воспользоваться и въ данномъ случаѣ благопріятными обстоятельствами. Чрезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія коллективной ноты, въ Лондонѣ и въ Парижѣ была передана тождественная нота турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ Ассимъ-паши, въ которой Порта подтверждаетъ весьма авторитетнымъ тономъ о своихъ верховныхъ правахъ надъ Египтомъ, очень рѣзко оспариваетъ всякій поводъ ко вмѣшательству западныхъ державъ во внутреннія дѣла Египта и прямо заявляетъ что мѣры кои обѣ державы имѣютъ въ виду предпринять на берегахъ Нила „Порта сочтетъ за покушеніе на ея верховныя права надъ Египтомъ.“

Въ Берлинѣ и Вѣнѣ отнеслись къ манифестаціи западныхъ державъ съ пренебрежительною ироніей. Тамошніе офиціозные органы съ явною насмѣшкой напомнили Франціи и Англіи о тѣхъ послѣдствіяхъ къ коимъ обыкновенно ведетъ „совокупное владычество“ (condominium), указавъ на войну возгорѣвшуюся между Австріей и Пруссіей въ 1866 году вслѣдствіе совмѣстнаго занятія Шлезвигъ-Голыптейна. Никто впрочемъ не думаетъ чтобы намѣреніе заявленное двумя западными державами могло перейти въ дѣло. Внутреннее положеніе Франціи въ настоящую минуту слишкомъ шатко и тревожно чтобъ она была способна пуститься въ новыя рискованныя предпріятія на берегахъ Африки, гораздо болѣе рискованныя нежели походъ въ Тунисъ. Самъ г. Гамбетта далеко не такъ крѣпко сидитъ на своемъ министерскомъ креслѣ какъ думали сначала; весьма можетъ быть что онъ надняхъ же вынужденъ будетъ сложить съ себя управленіе дѣлами, и власть перейдетъ въ руки крайней радикальной партіи, затѣвающей неограниченный пересмотръ конституціи и уничтоженіе даже тѣхъ слабыхъ оплотовъ государственной устойчивости коими конституція Тьера оградила общественный порядокъ отъ вторженія разрушительныхъ элементовъ коммуны. Положеніе кабинета г. Гладстона тоже не отличается прочностію и едва ли онъ устоитъ въ бурѣ надвигающейся на него въ виду предстоящаго открытія парламента и грозныхъ нападокъ которыя ему придется выдержать со стороны оппозиціи, опирающейся на возрастающее неудовольствіе страны по поводу ухудшающагося съ каждымъ днемъ положенія дѣлъ въ Ирландіи.

Къ счастію, Россіи нѣтъ надобности принимать слишкомъ близко къ сердцу эту „новую фазу“ Восточнаго вопроса. Она можетъ спокойно взирать на это сплетеніе взаимныхъ интригъ, кои могутъ только парализовать одна другую, но самая искусственность которыхъ служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ того что имъ не остановить естественнаго хода исторіи обусловливающаго интересы Россіи на Востокѣ.

№ 13.

Москва, 12-го января.

Нѣтъ существа болѣе своенравнаго и непослѣдовательнаго какъ парламентъ разбитый на дурно дисциплинованныя партіи и не руководимый твердою правительственною властью. Отъ него можно ожидать самыхъ внезапныхъ, непредвидѣнныхъ дѣйствій, способныхъ возбуждать безконечныя затрудненія и препятствовать правильному теченію государственной жизни.

Можно ли было, напримѣръ, ожидать что министерство г. Гамбетты, привѣтствованное два мѣсяца тому назадъ всеобщимъ ликованіемъ республиканской Франціи, встрѣтитъ сопротивленіе въ палатѣ депутатовъ, гдѣ оно, казалось, располагало громаднымъ большинствомъ избраннымъ со спеціальною цѣлью служить прочною опорой для правительства г. Гамбетты; можно ли было ожидать что это большинство по прошествіи какихъ-нибудь восьми недѣль превратится въ оппозицію и будетъ препятствовать г. Гамбеттѣ въ совершеніи тѣхъ необходимыхъ преобразованій которыя входили въ объявленную имъ 15 ноября правительственную программу и которыхъ такъ настойчиво и нетерпѣливо отъ него требовала республиканская партія? Теперь эти республиканскіе депутаты самымъ усерднымъ образомъ стараются подорвать популярность и авторитетъ министра-президента, завидуя его положенію и обаянію и нисколько не заботясь о тѣхъ тяжкихъ послѣдствіяхъ которыми отзовется его паденіе на всѣхъ государственныхъ

и экономическихъ дѣлахъ Франціи. Если патріотизмъ состоитъ въ готовности подчинить свои личные интересы благу отечества, то засѣдающіе во французской палатѣ „представители народа" всего менѣе могутъ быть названы патріотами: твердую и разумную политику г. Гамбетты они поддерживали только до тѣхъ поръ пока она могла служить имъ орудіемъ для сверженія предшествовавшихъ министерствъ; они рады были составлять тѣсно сплоченную, пассивно повинующуюся армію вокругъ талантливаго полководца, въ надеждѣ что его побѣда каждому дастъ частицу добычи. Теперь же, когда г. Гамбетта достигнувъ власти сталъ окружать себя лишь людьми лично ему извѣстными и преданными, выбирая ихъ не изъ однихъ рядовъ выдвинувшей его партіи; когда надежда на добычу является возможною лишь послѣ побѣды надъ самимъ побѣдителемъ, вся его армія разсыпалась на мелкія кучки, наперерывъ старающіяся разстроить его государственные планы. При такихъ условіяхъ всякое правленіе становится невозможнымъ, политическая жизнь превращается въ какое-то лихорадочное существованіе съ нескончаемымъ рядомъ острыхъ, безплодныхъ кризисовъ. У насъ иные именуютъ такой хаосъ „правовымъ порядкомъ."

Палата депутатовъ еще не приступала къ обсужденію конституціонныхъ реформъ г. Гамбетты, но уже ясно выразила свое намѣреніе воспротивиться имъ. Выслушавъ г. Гамбетту съ ледяною холодностью, она чрезъ нѣсколько дней выбрала коммиссію для предварительнаго разсмотрѣнія его проектовъ, назначивъ въ нее тридцать двухъ депутатовъ не сочувствующихъ этимъ проектамъ и только *одного* готоваго принять ихъ. Такое же враждебное настроеніе проявляется и въ парижской *республиканской* печати, различные органы которой служатъ выразителями мнѣній всевозможныхъ парламентскихъ кружковъ и партій. Изъ 36 газетъ лишь 9 требуютъ пересмотра конституціи въ томъ именно видѣ какъ его предлагаетъ г. Гамбетта и то изъ нихъ *четыре* служатъ личными органами самого министерства, а *одна (Journal des Débats)* совѣтуетъ принять реформы г. Гамбетты для того только чтобы скорѣе съ ними развязаться. Всѣ остальныя 27 республиканскихъ газетъ, начиная съ органа г. Греви и кончая органомъ г. Рошфора, подвергаютъ ежедневно министерскіе проекты самой безпощадной критикѣ. *Крайняя лѣвая* партія недовольна ими потому что они ей кажутся слишкомъ узкими; ей хотѣлось бы перевернуть верхъ дномъ всю конституцію на благо соціалистической *коммуны* и пророка ея Клемансо. *Лѣвая радикальная* фракція, желающая свергнуть г. Гамбетту и посадить на его мѣсто якобинца Бриссона, находитъ что новыя реформы слишкомъ усилятъ правительство въ ущербъ „верховнаго владыки, безконтрольнаго народа." *Лѣвый центръ* противится этимъ реформамъ какъ совершенно ненужнымъ, потому что глава этой партіи г. Жюль Симонъ—личный врагъ г. Гамбетты. *Лѣвая* партія протестуетъ противъ нихъ, надѣясь что этотъ протестъ заставитъ г. Гамбетту отказаться отъ своего поста и передать его снова г. Ферри или кому-нибудь другому изъ друзей г. Греви.

Самъ г. Греви, подписавшій, по настоянію г. Гамбетты, министерскій проектъ конституціонныхъ реформъ, тоже старается, насколько ему позволяетъ его безхарактерность, устранить отъ власти г. Габметту, яркая личность котораго отодвигаетъ его уже на слишкомъ отдаленный планъ. Онъ поклонникъ самаго шаблоннаго вида парламентской системы по которому правительство должно быть лишено всякой энергіи, инпціативы и собственной воли, дабы превратиться въ покорнаго, безличнаго исполнителя прихотей собранія. Онъ не можетъ помириться со взглядомъ г. Гамбетты, который полагаетъ что парламентаризмъ тогда только имѣетъ смыслъ если народные представители во всемъ подчиняются избранному ими самими министерству, являющемуся въ этомъ случаѣ полновластнымъ выразителемъ народной воли, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока самъ народъ на новыхъ парламентскихъ выборахъ не осудитъ дѣйствій министерства. Только при этомъ условіи, по мнѣнію его, правительство можетъ твердо держаться одной опредѣленной и строго послѣдовательной политики въ теченіе цѣлаго трехъ или четырехлѣтняго законодательнаго періода, не подвергая страну безпрерывнымъ кризисамъ безо всякой для нея практической пользы.

Франція обладающая твердымъ и прочнымъ правительствомъ всегда займетъ видное и почетное мѣсто въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Но Франція сдѣлавшаяся добычей парламентской анархіи всегда бу-

детъ государствомъ слабымъ, несмотря на свои природныя богатства, и рано или поздно сдѣлается жертвой или даже добычей германской политики. Этого не могутъ не понимать французскіе „государственные люди,“ засѣдающіе въ палатѣ депутатовъ, точно также какъ они очень хорошо понимаютъ что въ настоящее время во Франціи никто кромѣ г. Гамбетты не можетъ осуществить идеалъ прочнаго, твердаго правительства, которое такъ необходимо для ея политическаго возрожденія. Откажись онъ сегодня отъ власти, и никто не будетъ въ состояніи удержаться на его мѣстѣ долѣе двухъ, трехъ мѣсяцевъ среди всеобщаго хаоса враждующихъ партій. Тѣмъ не менѣе господа депутаты готовы скорѣе подвергнуть свою страну этому бѣдствію чѣмъ отказаться отъ надежды расхитить наслѣдіе г. Гамбетты для удовлетворенія своихъ личныхъ интересовъ и интересовъ своихъ друзей.

Но послѣднее слово еще не сказано г. Гамбеттой. Можно думать что онъ не откажется ни отъ своихъ проектовъ, ни отъ своего поста до тѣхъ поръ пока не испытаетъ всѣхъ средствъ своего политическаго умѣнья и увлекательнаго дара рѣчи. Еще не исчезла надежда что онъ одержитъ при окончательномъ обсужденіи конституціонныхъ реформъ новую побѣду, которая будетъ тѣмъ блистательнѣе чѣмъ менѣе теперь повидимому на нее можно разчитывать.

№ 14.

Москва, 13-го января.

Немного времени прошло съ тѣхъ поръ какъ нынѣшнее Сербское правительство, изъ угожденія Австро-Венгріи, свергло митрополита Михаила за его вполнѣ законное сопротивленіе закону о таксахъ, противорѣчащему духу Православной Церкви и ея св. канонамъ, а теперь въ самой Австро-Венгріи автономіи Сербской православной церкви нанесенъ жестокій ударъ тѣмъ что правительство, вопреки существующимъ законамъ, назначило „патріархомъ“ и митрополитомъ Сербскаго народа отвергнутаго церковно-народнымъ соборомъ епископа Бачскаго Германа Анджелича.

Въ виду весьма важнаго политическаго значенія какое имѣетъ совершившійся фактъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о положеніи православной сербской церкви и о привилегіяхъ дарованныхъ ей какъ прежними такъ и нынѣ царствующимъ императоромъ. Приводимъ рядъ фактовъ дабы показать какое насиліе совершается уже вторично надъ Православною Церковью въ „конституціонной“ Австро-Венгріи, на вѣротерпимость которой неоднократно указывали не только австрійскія офиціозныя газеты, но и нѣкоторыя изъ нашихъ либеральныхъ газетъ доказывающихъ что народы Балканскаго полуострова чувствуютъ влеченіе къ Австро-Венгріи за процвѣтающую въ ней „законность, свободу, самоуправленіе“ и другія блага, которыми де не пользуется народъ въ Россіи обладающей лишь „грубою физическою силой.“

Переселеніе Сербовъ въ южную Венгрію состоялось при патріархѣ Арсеніи Чарноевичѣ въ 1690 году. Австрійское правительство, которому было весьма выгодно заселить свои южныя границы воинственными выходцами, питавшими къ Туркамъ смертельную ненависть, поспѣшило дать Сербамъ цѣлый рядъ „привилегій,“ между которыми первое мѣсто безспорно занимаетъ свобода вѣроисповѣданія и полное самоуправленіе въ дѣлахъ церковныхъ и народнокультурныхъ. Въ силу тѣхъ же привилегій, Сербскій „патріархъ“ былъ признанъ религіознымъ и политическимъ главой всѣхъ переселившихся въ Австрію Сербовъ.

Послѣ заключенія между Австріей и Турціей мира въ Карловцахъ (въ 1699) Сербамъ не осталось другаго исхода какъ окончательно поселиться въ предѣлахъ Австріи, ибо положеніе „раіи“ въ Турціи осталось попрежнему безнадежнымъ. Австрійское правительство обратило все свое вниманіе на то чтобы по возможности уменьшить дарованныя Сербскому народу привилегіи, что повело къ безконечнымъ распрямъ между Сербскимъ народомъ и правительствомъ.

Между тѣми привилегіями которыя удалось отстоять Сербамъ до настоящаго времени находится, между прочимъ, и право выбора народомъ и духовенствомъ митрополита носящаго титулъ „Сербскаго патріарха.“ Въ виду того вліянія коимъ всегда пользовался въ народѣ Сербскій митрополитъ или патріархъ, Австрійское правительство неоднократно пыталось отнять у Сербовъ право выбора митрополита, но всѣ усилія его остались тщетными, такъ какъ Сербы ни за что не хотѣли отка-

заться отъ своего права, имѣвшаго громадное значеніе, особенно въ то время когда католическое духовенство, подъ покровительствомъ императрицы Маріи-Терезіи, употребляло всѣ усилія чтобы склонить Сербовъ въ унію. Сербы отстояли въ эти тяжелыя времена право выбора патріарха, но за короной осталось право подтвержденія избраннаго народомъ митрополита.

Въ 1790 году Православная Церковь въ Австріи была признана закономъ. Законы 1848—49 годовъ, а также законы 1868 года подтвердили это признаніе и оставили право выбора Сербскаго митрополита *неприкосновеннымъ*. Статуты Сербскаго церковно-народнаго собора въ статьяхъ котораго также говорится о принадлежащемъ собору правѣ выбора Сербскаго митрополита закрѣплены подписью императора Франца-Іосифа. Такое же право выбора не только митрополита, но и епископовъ было предоставлено и Румынамъ и до сихъ поръ еще не нарушалось.

Въ первый періодъ послѣ переселенія Сербовъ въ Австрію, патріархи понимали что неприкосновенность православной вѣры и самое существованіе Сербскаго народа заключается въ единомысліи патріарховъ съ народомъ, и были вслѣдствіе этого ревнителями народныхъ интересовъ въ полнымъ смыслѣ этого слова. До тѣхъ поръ пока единомысліе это оставалось въ полной силѣ, правительство рѣдко вмѣшивалось во внутреннія церковныя дѣла, не желая вызвать ненависти со стороны народа, доставлявшаго австрійскому войску лучшихъ солдатъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднее двадцатилѣтіе между Сербами произошли раздоры, такъ какъ нѣкоторые изъ высшихъ духовныхъ лицъ, увлекаясь примѣромъ западнаго духовенства, старались забрать въ свои руки народныя имущества чтобы распоряжаться ими по собственному произволу. Правительство не замедлило воспользоваться смутами и стало энергически поддерживать высшее духовенство, которое стало дѣйствовать заодно съ Мадьярами.

До послѣдняго времени правительство не рѣшалось прямо нарушать законъ утвержденный верховною властью императора. Когда послѣ смерти нелюбимаго народомъ патріарха Маширевича, на его мѣсто былъ избранъ епископъ Офенскій Арсеній Стойковичъ, правительство не утвердило этого выбора, но когда и при вторичномъ избраніи угодный Венгерскому правительству Анджеличъ былъ отвергнутъ, императоръ утвердилъ въ патріаршемъ санѣ недавно скончавшагося втораго кандидата церковнаго собора Прокопія Ивачковича. Заставивъ послѣдняго выйти въ отставку, правительство два года тому назадъ назначило администраторомъ Сербской митрополіи Анджелича, и этимъ въ первый разъ нарушило узаконенныя права Православной Церкви. Жалобы Сербскаго народа не повели ни къ чему, и Анджеличъ не будучи митрополитомъ еще долгое время остался бы распорядителемъ церковными дѣлами Сербскаго народа еслибы патріархъ Прокопій Ивачковичъ не скончался и не представилась необходимость приступить къ новому избранію.

Послѣ долгихъ колебаній правительство созвало наконецъ церковно-народный соборъ, который во второй разъ избралъ своимъ патріархомъ епископа Офенскаго Арсенія Стойковича. Какъ и слѣдовало ожидать, правительство не утвердило его. Были назначены новые выборы и соборъ высказался въ пользу епископа Ѳеофана Живковича, а кандидатъ правительства Анджеличъ снова былъ отвергнутъ соборомъ.

Венгерское правительство потерпѣло, такимъ образомъ, вторичное пораженіе. Тогда, по настоянію главнымъ образомъ мадьярскаго министра-президента Тисы, рѣшено было *обойти* существующій законъ, и правительство *противъ воли собора и народа наименовало* Сербскимъ патріархомъ Германа Анджелича. Такое грубое нарушеніе закона весьма ярко характеризуетъ какъ настроеніе Австро-Венгерскаго правительства, такъ и пресловутое „самоуправленіе,“ коимъ пользуются православные Славяне Австро-Венгріи.

Вмѣшательство католическаго правительства въ дѣла Православной церкви имѣетъ тѣмъ большее значеніе что оно ничѣмъ не вызвано, такъ какъ оба выбранные народомъ патріарха пользуются повидимому довѣріемъ правительства и отвергнуты только потому что большинство собора неблагопріятно отнеслось къ кандидату мадьярскаго министерства, Анджеличу. Австрійскія газеты постоянно толкующія о законности сообщили фактъ о наименованіи Анджелича безо всякихъ комментаріевъ. Только высокоофиціозный *Пештскій Ллойдъ* торжественно возвѣстилъ своимъ читателямъ что правительство постановило *на этотъ разъ* (fur diesen Fall) отъ се-

бя назначить Сербскаго митрополита, и что право избранія главы Сербской церкви церковно-народнымъ соборомъ не оспаривается правительствомъ и слѣдовательно остается и впредь въ полной силѣ.

Тотъ же *Ллойдъ* сообщаетъ что сербскіе депутаты намѣрены внести въ венгерскій парламентъ запросъ по поводу противозаконныхъ дѣйствій правительства, и что большинство общинъ также представятъ протесты, но и эта мѣра врядъ ли поведетъ къ какому-либо результату, такъ какъ Тиса сумѣетъ объяснить всѣ дѣйствія направленныя противъ Славянъ государственною необходимостью.

Интересно что органъ мадьярскаго министерства, еще недавно осудившій самымъ рѣзкимъ образомъ рескриптъ императора Вильгельма какъ актъ не конституціонный, теперь угрожаетъ судомъ и тюремнымъ заключеніемъ тѣмъ изъ членовъ церковно-народнаго собора, которые осмѣлятся протестовать письменно или устно противъ правительственнаго распоряженія, беззаконность котораго очевидна.

№ 15.

Москва, 14-го января.

Еще въ концѣ лѣта возникли толки о предстоящемъ преобразованіи нашей регулярной кавалеріи. Говорили объ уменьшеніи ея мирнаго состава въ видахъ усиленія боеваго. Слухи стали настойчивѣе съ образованіемъ осенью особой коммиссіи которой было поручено обсудить этотъ вопросъ. Теперь коммиссія уже окончила свои занятія проектировавъ переформированіе кавалерійскихъ полковъ, не уменьшая числа конныхъ рядовъ мирнаго времени, изъ четырехъэскадроннаго состава въ шестиэскадронный.

Трудность дѣла заключалась въ вопросѣ о матеріальныхъ средствахъ. Казалось невозможнымъ увеличить на цѣлую треть составъ регулярной кавалеріи не обременяя бюджета значительнымъ расходомъ. Военное Министерство однако и на этотъ разъ вышло изъ затрудненія изыскавъ возможность достигнуть цѣли „совершенно новымъ пріемомъ въ организаціи резервныхъ и запасныхъ частей кавалеріи.“ Итакъ опять усиливается боевой составъ на счетъ не боеваго.

Проектируемая теперь реформа кавалеріи имѣетъ громадное значеніе, и въ этомъ дѣлѣ мы сумѣли теперь стать не въ хвостѣ, какъ бывало, европейскаго движенія, а во главѣ.

Дѣло въ томъ что со введеніемъ нарѣзнаго и скорозаряднаго оружія, съ повсемѣстнымъ распространеніемъ общей воинской повинности, т.-е. съ повсемѣстнымъ усиленіемъ армій, роль кавалеріи въ сраженіяхъ и на театрѣ военныхъ дѣйствій совершенно измѣнилась.

Прежде задача кавалеріи на полѣ сраженія заключалась въ томъ чтобъ окончательно сломить потрясеннаго или разстроеннаго боемъ противника, задержать наступленіе непріятельскихъ массъ и даже разстроить ихъ, взять непріятельскую батарею слишкомъ далеко выдвинувшуюся впередъ. Съ усовершенствованіемъ оружія эта задача отошла на второй планъ. Пѣхота вооруженная скорозаряднымъ оружіемъ и занимающая въ сраженіяхъ пересѣченную и часто трудно доступную мѣстность, будучи даже разстроена, представляетъ весьма опаснаго врага для кавалеріи. Кавалерійскія атаки большими массами сдѣлались почти невозможностью. На полѣ сраженія подъ Садовой, въ 1866 году, въ послѣдній разъ выдвигаются безнаказанно большія массы конницы. Во Франко-Германскую войну 1870 и 1871 годовъ кавалерійскія атаки хотя и приносили обѣимъ сторонамъ пользу въ томъ и другомъ частномъ случаѣ, но уже не оказывали подавляющаго и рѣшительнаго дѣйствія на исходъ сраженій и кончались всегда почти полнымъ истребленіемъ атаковавшей кавалеріи: такъ было съ французскими латниками подъ Вёртомъ, такъ было съ блестящими кирасирами Бредова подъ Марсъ-ла-Туромъ, близь Меца. Пѣхота уже съ дальняго разстоянія растрепывала кавалерію, благодаря губительному огню дальнобойной артиллеріи вынужденную держаться на почтительной дистанціи отъ боевыхъ линій. Это послѣднее обстоятельство лишаетъ кавалерію возможности своевременно пользоваться минутами замѣшательства непріятеля.

Совсѣмъ иное на театрѣ войны. Прежде кавалерія рѣдкою цѣпью предшествовала своей арміи, прикрывая ее отъ неожиданнаго нападенія непріятеля и вывѣдывая о его расположеніи и движеніяхъ. Большія и отдаленныя кавалерійскія предпріятія

какъ предъ фронтомъ противника, такъ и въ тылу его, сулили успѣхъ не соотвѣтствующій риску остаться, въ рѣшительную минуту, на полѣ сраженія съ недостаточною массой кавалеріи. Да и что могла въ сущности надѣлать большая кавалерійская сила въ тылу у непріятеля? Могла истребить нѣсколько телѣгъ обоза, уничтожить какой-нибудь складъ продовольствія, поймать курьера, и только.

Теперь все это измѣнилось. Въ тылу непріятеля проходятъ желѣзныя дороги, разрушеніе которыхъ можетъ поставить его армію въ критическое положеніе, лишивъ главнѣйшаго средства подвоза продовольствія, тяжелыхъ пушекъ и необходимой нынѣ громадной массы пушечныхъ и ружейныхъ зарядовъ. Въ тылу армій непрерывно формируются теперь новыя части для подкрѣпленія и замѣны дѣйствующихъ; формируются даже цѣлыя арміи, какъ это было во вторую половину Франко-Германской войны. Выставляемыя теперь громадныя арміи нуждаются, наконецъ, въ особыхъ средствахъ сношеній: въ телеграфахъ, исправное дѣйствіе которыхъ часто есть залогъ успѣха не только отдѣльнаго сраженія, но и цѣлой операціи. Все это даетъ кавалеріи явившейся въ тылу противника большое значеніе для хода кампаніи, но въ то же время обусловливаетъ чтобы кавалерія эта, удаляющаяся на значительныя разстоянія отъ своихъ главныхъ силъ, была многочисленна и располагала средствами для самостоятельныхъ дѣйствій.

Измѣнился и характеръ дѣйствій кавалеріи предъ фронтомъ своей арміи. Всѣмъ памятно какую услугу оказала германская кавалерія своей арміи густою завѣсой закрывая ее отъ противника и раскрывая въ то же время его планы. И однако въ Германіи, немедленно послѣ кампаніи, заговорили что эта услуга могла бы быть гораздо значительнѣе еслибы нѣмецкая кавалерія выдвигалась дальше, еслибъ она въ случаѣ нужды могла предпринять на свой страхъ и рискъ болѣе рѣшительные маневры съ цѣлью раскрыть планы Французовъ. Указывали, напримѣръ, что утромъ въ день сраженія при Гравелотѣ въ главной квартирѣ нѣмецкихъ войскъ узнали о мѣстѣ нахожденія непріятеля только когда уже началось общее движеніе арміи по ошибочному направленію, которое пришлось поэтому мѣнять. Еще рельефнѣе то обстоятельство что о движеніи Макъ-Магона къ Седану Мольтке узналъ изъ бельгійскихъ газетъ, тогда какъ нѣмецкая кавалерія потеряла противника изъ виду. Выводъ изо всѣхъ этихъ разсужденій былъ тотъ что кавалерія непремѣнно должна быть реорганизована и сведена въ болѣе крупныя, болѣе самостоятельныя чѣмъ до сего времени единицы, если хотятъ чтобы не повторялись тѣ же промахи, если хотятъ чтобы кавалерія имѣла возможность помѣшать въ будущемъ такимъ мѣрамъ непріятеля какъ организація французской республиканской арміи на Луарѣ.

Вотъ почему въ западной Европѣ послѣ войны 1870—1871 годовъ идутъ изслѣдованія и опыты относительно устройства кавалеріи. Послѣднимъ и, какъ утверждаютъ, важнѣйшимъ изъ этихъ опытовъ были прошлогодніе большіе маневры прусской кавалеріи подъ Коницемъ, въ эпоху Данцигскаго свиданія.

Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ заботились объ усиленіи самостоятельныхъ кавалерійскихъ единицъ и о формированіи ихъ вновь, у насъ въ 1875 году была принята мѣра какъ разъ противоположная. Подъ предлогомъ неудобствъ маневрированія, а равно и съ цѣлью придать къ каждому пѣхотному корпусу по кавалерійской дивизіи, послѣднія были уменьшены въ составѣ. Каждую изъ прежнихъ дивизій, состоявшую изъ шести регулярныхъ полковъ, раздѣлили пополамъ, и придавъ къ каждой половинѣ по одному казачьему полку, сформировали изъ семи прежнихъ четырнадцать новыхъ кавалерійскихъ дивизій, изъ коихъ каждая почти равносильна кавалерійской бригадѣ временъ Крымской войны.

Этому порядку рѣшено было теперь положить конецъ. На обсужденіе назначенной съ этою цѣлью коммиссіи былъ поставленъ вопросъ: что выгоднѣе, увеличить число полковъ въ каждой дивизіи, или же, наоборотъ, оставивъ дивизію въ прежнемъ составѣ, усилить двумя эскадронами каждый полкъ? По отношенію къ главной цѣли дѣла, къ усиленію самостоятельности кавалерійскихъ дивизій, и то и другое рѣшеніе было бы одинаково выгодно, но коммиссія должна была имѣть еще въ виду экономію. Содержаніе новыхъ полковъ съ особыми штабами, обозами, хозяйственными учрежденіями, должно было стоить дороже, а потому коммиссія остановилась на усиленіи каждаго изъ полковъ, тѣмъ бо-

лѣе что замѣна четырехъэскадроннаго полка шестиэскадроннымъ представляетъ еще и другую выгоду: каждый полкъ становится прочнѣе и способнѣе къ самостоятельному исполненію серіозной задачи, еслибы ходъ дѣлъ заставилъ начальника дивизіи дать отдѣльному полку особое назначеніе.

Удачно и безъ новыхъ затратъ рѣшивъ крупную задачу кавалерійской организаціи, наша армія покончила съ вопросомъ надъ рѣшеніемъ котораго пока еще колеблются за границей, и колеблются именно въ виду большихъ затратъ съ которыми тамъ сопряжено это дѣло.

Обладающая громадными массами иррегулярной, но хорошо подготовленной конницы, съ преобразованіемъ кавалеріи регулярной, наша армія, по способности къ дѣйствію въ тылу противника и къ раскрытію его силъ и намѣреній, займетъ подобающее ей первое мѣсто, и мы, во всякомъ случаѣ, будемъ обезпечены противъ роковыхъ сюрпризовъ какъ неожиданное появленіе осьмидесятитысячной арміи Османъ-паши подъ Плевной, измѣнившее весь ходъ войны.

№ 16.

Москва, 15-го января.

Условія въ которыхъ находится наша внѣшняя торговля составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ нашего народнохозяйственнаго быта. Въ чрезмѣрномъ развитіи привозной торговли коренится главная причина слабаго развитія нашей промышленности, недостатка приложеній народнаго труда, недостаточнаго обилія народныхъ заработковъ, которые столь необходимы для подъема народнаго благосостоянія. Въ той же чрезмѣрности привоза коренится равнымъ образомъ едва ли не главная причина и тѣхъ невыгодныхъ явленій которыя, по слѣпой рутинѣ, приписываются обыкновенно нашему кредитно-денежному обращенію. Условіямъ внѣшней торговли преимущественно обязана страна и низкими вексельными курсами, и недостаточною прочностію своей валюты, и тѣми тяжело ложащимися на народъ бюджетными расходами которые непроизводительно дѣлаются въ видахъ улучшенія денежнаго обращенія,—улучшенія недостижимаго пока не принято мѣръ къ серіозному измѣненію обстановки въ какой находятся наши международныя торговыя сношенія. Въ каждой странѣ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ слѣдятъ за ходомъ своей внѣшней торговли. Но для насъ, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, эта торговля представляетъ особый, исключительный интересъ, какого, можетъ-быть, не имѣетъ нынѣ ни въ какой другой странѣ. Если Германія, по выраженію князя Бисмарка, могла быть разсматриваема какъ тѣло истекающее кровью вслѣдствіе либеральнаго таможеннаго тарифа какимъ думали осчастливить ее политико-экономы извѣстной школы, то съ несравненно большею силой и справедливостью то же самое должно быть сказано о Россіи и ея таможенномъ тарифѣ. Стоитъ просмотрѣть офиціальные отчеты за нѣсколько лѣтъ о ходѣ внѣшней торговли чтобы придти къ такому заключенію. Оно подтверждается и вышедшимъ на дняхъ *Обзоромъ Внѣшней Торговли Россіи за 1880 годъ*.

Это былъ вообще годъ неблагопріятный для русскаго народнаго хозяйства. Хотя недородъ хлѣба въ 1880 году и не былъ такъ великъ какъ старались его представить, но избытокъ хлѣба который могъ быть тогда отпущенъ за границу сильно сократился противъ предшедшихъ лѣтъ. Вмѣсто 39.718.000 четвертей отпущенныхъ за границу въ 1879 году, въ 1880 могло быть вывезено только 23.830.000 четвертей. Вмѣсто 363 милліоновъ рублей полученныхъ въ 1879 за хлѣбъ отъ иностранцевъ, въ 1880 году было получено отъ нихъ за хлѣбъ всего 228 милліоновъ, на 135 милліоновъ менѣе. Вслѣдствіе этого обстоятельства годовой итогъ нашего отпуска по Европейской границѣ разомъ понизился съ 606 до 476 милліоновъ. Въ такомъ размѣрѣ сократились и наши текущія средства расплаты съ иностранцами за получаемые отъ нихъ товары. Но несмотря на это сокращеніе средствъ расплаты, привозъ къ намъ заграничныхъ товаровъ не только не уменьшился, а напротивъ возросъ и дошелъ до небывалой еще цифры 578 милліоновъ рублей по одной только Европейской границѣ. Ввезя къ себѣ чужихъ товаровъ на 578 милліоновъ и отпустивъ своихъ только на 476, мы должны были приплатить 102 милліона деньгами по одному только торговому обороту. А помимо этой при-

платы должна была идти цѣлая масса другихъ обычныхъ ежегодныхъ денежныхъ расплатъ по международнымъ разчетамъ. Кромѣ товаровъ заносимыхъ въ офиціальныя таможенныя вѣдомости, шла, конечно, расплата и за товары въ эти вѣдомости не заносимые, провозимые контрабандой, иногда при содѣйствіи самихъ таможенныхъ чиновниковъ, какъ это обнаружено, напримѣръ, въ Таганрогѣ. Шла расплата по государственнымъ и общественнымъ заграничнымъ долгамъ, по казеннымъ и частнымъ заграничнымъ издержкамъ. Какая масса денегъ или, что все равно, какая масса иностранныхъ векселей нужна была для того чтобы свести счеты съ заграничнымъ міромъ въ одномъ 1880 году! Въ одинъ этотъ годъ Россія должна была уплатить за границу деньгами много болѣе двухсотъ милліоновъ рублей

Такъ-называемый „размѣнный" фондъ, хранящійся въ кладовыхъ Государственнаго Банка, давно уже не служитъ своему назначенію. Но еслибъ онъ былъ обращенъ къ нему, еслибы былъ возстановленъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, одного 1880 года было бы достаточно чтобъ исчерпать весь этотъ фондъ до дна. Весь этотъ фондъ въ одинъ годъ уплылъ бы за границу, подобно тому какъ уплыли 80 милліоновъ неосмотрительно выпущенные изъ того же фонда въ 1876 году. Тогда и цифра нашего государственнаго долга была меньше нынѣшней, и вообще масса нашихъ процентныхъ бумагъ находящихся въ рукахъ иностранцевъ была хоть и очень большая, но не такая какъ теперь, и самая разница между стоимостью привоза и отпуска требовала съ нашей стороны приплаты меньшей чѣмъ въ 1880 году; однако вывозъ золота и серебра изъ Россіи по Европейской границѣ въ 1876 превысилъ 97 милліоновъ рублей, и былъ бы еще крупнѣе еслибы не была пріостановлена продажа золота изъ Государственнаго Банка. Но до какихъ размѣровъ, еслибы былъ возстановленъ размѣнъ, могъ бы дойти отливъ золота и серебра изъ Россіи въ 1880 году, при увеличеніи государственнаго долга на нѣсколько сотъ милліоновъ противъ прежняго, при увеличившейся вообще массѣ русскихъ процентныхъ бумагъ въ рукахъ иностранцевъ (которые быстро овладѣваютъ не только облигаціями, но и акціями русскихъ желѣзныхъ дорогъ еще остававшимися прежде въ русскихъ рукахъ или въ нашемъ государственномъ желѣзно-дорожномъ фондѣ) и при большомъ въ Европѣ спросѣ на золото для расплатъ съ Америкой? Долго ли могъ бы продержаться размѣнъ при такихъ обстоятельствахъ? Не пришлось ли бы пріостановить его поневолѣ съ исчезновеніемъ изъ кассъ Банка послѣдняго полуимперіала? А подобную перспективу нельзя терять изъ виду при всѣхъ розовыхъ мечтахъ объ упроченіи кредитнаго рубля и возстановленіи размѣна. Обстоятельства бывшія въ 1880 году могутъ повториться всегда въ любой годъ.

Размѣна въ 1880 году не было, и потому золото изъ Государственнаго Банка уйти за границу не могло. Уплывало только золото находившееся въ частныхъ рукахъ, между прочимъ уплыло золото привезенное въ Россію въ небольшомъ количествѣ въ 1878 и 1879 годахъ. Уплата за границу золотомъ и серебромъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, была вообще не велика, всего около 13 милліоновъ. Но что же нибудь должны были мы дать иностранцамъ, чѣмъ-нибудь должны были расплатиться съ ними, когда ихъ счетъ на насъ болѣе чѣмъ на 200 милліоновъ превышалъ нашъ счетъ къ нимъ. Неуплаченное произведеніями нашей земли и нашего народнаго труда было конечно уплачено долговыми обязательствами, будущими доходами отъ народнаго труда, такъ сказать ипотеками на народное достояніе. Еслибъ это было только въ одномъ 1880 году, на который, такъ или иначе, можно смотрѣть какъ на исключительный, еще можно было бы утѣшать себя тѣмъ что его невыгодные результаты будутъ поправлены съ наступленіемъ нормальныхъ обстоятельствъ. Но тотъ способъ расплаты къ какому необходимо было прибѣгнуть въ 1880 году практикуется у насъ ежегодно... Въ результатѣ получается непрерывное возрастаніе тѣхъ суммъ которыя мы ежегодно должны уплачивать иностранцамъ независимо отъ разчетовъ по торговому балансу. Не есть ли это путь къ государственному разоренію?

Удивляться ли что при такихъ обстоятельствахъ наши вексельные курсы стоятъ низко, и что нашей валютѣ не достаетъ желаемой прочности? Если для расплатъ съ иностранцами, помимо своего

отпуска товаровъ, необходимо ежегодно покупать заграничные векселя на сумму во сто, въ двѣсти и болѣе милліоновъ, если золото, на которое эти векселя можно было бы покупать безъ большой потери, давно уплыло за границу вслѣдствіе хронической невыгодности нашего международнаго баланса, какъ ожидать чтобы продавцы заграничныхъ векселей не прижимали покупщиковъ располагающихъ только кредитными рублями, повышая цѣну своихъ векселей и понижая цѣну кредитныхъ рублей до послѣдней крайности? Иное было бы дѣло, еслибы была сокращена потребность въ иностранныхъ векселяхъ для расплатъ за границей, еслибы разчетный международный балансъ обратился въ нашу пользу, такъ чтобы, за размѣномъ взаимныхъ векселей, иностранцы нуждались въ покупкѣ нашихъ векселей для завершенія разчета. Тогда мы могли бы поднимать цѣну нашихъ векселей и валюты, мы, а не они, были бы господами положенія. Можно ли этого достигнуть? Примѣръ Америки показалъ что можно.

Нельзя, конечно, не прибѣгая къ банкротству, сократить заграничные платежи по находящимся въ рукахъ иностранцевъ процентнымъ бумагамъ. Но безъ особенныхъ неудобствъ могутъ быть сокращены платежи за привозимые изъ-за границы товары. Размѣръ привоза можетъ быть сокращенъ въ такой мѣрѣ что перевѣсъ отпуска будетъ достаточенъ и для покрытія всѣхъ ежегодныхъ платежей по займамъ и другимъ необходимымъ заграничнымъ расходамъ, и для уплаты части капитальнаго долга. Американскіе Соединенные Штаты добились этого своимъ таможеннымъ тарифомъ. При доброй волѣ, достиженіе подобнаго результата у насъ представляется едва ли не болѣе легкимъ чѣмъ тамъ. Посмотрите какіе преимущественно предметы привозятся къ намъ изъ-за границы, много ли между ними такихъ, привозъ которыхъ составлялъ бы необходимость или которые не могли бы быть добыты и изготовляемы въ самой Россіи. Добываніе и изготовленіе ихъ у себя дома дало бы выгодное занятіе рабочимъ рукамъ, подняло бы нашу промышленность, повело бы къ обогащенію народа, позволило бы ему самые неурожаи переносить много легче чѣмъ нынѣ. Замѣна иностранныхъ продуктовъ своими при уменьшеніи массы привоза, исправивъ нашъ разчетный балансъ, повела бы eo ipso къ улучшенію валюты и упроченію кредитнаго рубля. Ключъ къ достиженію этихъ результатовъ въ пересмотрѣ нашего таможеннаго тарифа. Этотъ пересмотръ давно ожидается, давно признанъ необходимымъ. Будемъ надѣяться что онъ совершится безъ замедленія и именно въ томъ направленіи которое требуется національными интересами. Судя по словамъ всеподданнѣйшаго доклада министра Финансовъ, цѣлью таможенной реформы будетъ „поддержка тѣхъ отраслей промышленности которыя наиболѣе нуждаются въ таможенной защитѣ.“ Это заявленіе должно порадовать многихъ. Но реформа была бы еще плодотворнѣе еслибы цѣлью ея было прямо поставлено исправленіе нашего международнаго разчетнаго баланса въ видахъ упроченія кредитной валюты, которое этимъ путемъ было бы достигнуто вѣрнѣе чѣмъ уплатой мнимаго долга Государственному Банку, и безъ тѣхъ тягостей какія эта не обѣщающая никакихъ добрыхъ результатовъ уплата возлагаетъ и на казну и на народъ.

№ 17.

Москва, 16-го января.

Результатомъ нашихъ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ въ 1880 году, какъ мы замѣтили вчера, былъ громадный недостатокъ отпуска для оплаты привозныхъ товаровъ. По одной европейской границѣ, этотъ товарный дефицитъ простирался до 102 милл. рублей; если же взять въ разчетъ обороты по азіятской торговлѣ и по торговлѣ съ Финляндіей, цифра товарнаго дефицита возрастаетъ свыше 124 милл. Такое ли это явленіе которое могло бы быть оставлено безъ вниманія?

Каждый бюджетный дефицитъ обычно вызываетъ у насъ самые тревожные толки, служитъ поводомъ къ принятію экстренныхъ мѣръ для его устраненія. Предпринимаются сокращенія разныхъ расходовъ, изобрѣтаются новые налоги для увеличенія казенныхъ доходовъ. Но есть ли основанія смотрѣть равнодушнѣе, не принимая никакихъ мѣръ, на отсутствіе равновѣсія въ нашемъ торговомъ балансѣ?

При бюджетномъ дефицитѣ не сводитъ концовъ съ концами казна; при невыгод-

номъ торговомъ балансѣ не сводитъ концовъ съ концами вся страна. Если не хорошо что казенныя траты превышаютъ имѣющіяся на ихъ покрытіе средства, то лучше ли если страна тратитъ на покупку иностранныхъ товаровъ болѣе чѣмъ позволяютъ еще текущія средства расплаты?

Долгое время была въ ходу теорія отрицавшая всякое значеніе торговыхъ балансовъ. Было въ обычаѣ указывать на Англію, куда обыкновенно привозится иностранныхъ товаровъ на сумму превышающую стоимость отпуска, какъ на доказательство того что невыгодность торговаго баланса нисколько не вредитъ экономическому положенію страны и не грозитъ ей разореніемъ. Но примѣръ этотъ, кажется, уже утратилъ въ общемъ мнѣніи всякую убѣдительность. Рентьеръ владѣющій какимъ-нибудь имѣніемъ можетъ позволять себѣ издержки превышающія извлекаемый изъ него доходъ, нисколько отъ того не разоряясь; но владѣлецъ имѣнія обремененнаго долгами, еслибы сталъ брать примѣръ съ этого рентьера, пошелъ бы вѣрными шагами къ разоренію. Онъ разорился бы не только въ томъ случаѣ еслибы сталъ проживать болѣе чѣмъ сколько можетъ дать его имѣніе, но и въ томъ еслибы сталъ тратить весь свой доходъ не отдѣляя части получаемыхъ съ имѣнія продуктовъ на расплату съ кредиторами. А относительное положеніе Англіи и Россіи очень сходно съ положеніемъ двухъ такихъ частныхъ владѣльцевъ. Англія всемірный кредиторъ; ей ежегодно приходится получать проценты съ своихъ заграничныхъ должниковъ, и въ счетъ этихъ процентовъ она беретъ себѣ массу чужихъ товаровъ сверхъ того количества которое должна получить въ обмѣнъ на собственныя произведенія. Россія, наоборотъ, должна ежегодно уплачивать большія суммы своимъ заграничнымъ кредиторамъ, уплачивать или своими продуктами, или звонкою монетой. Но какъ уплачивать продуктами когда ихъ не достаетъ для расплаты за покупаемые ею самою привозные товары? Приходится расплачиваться золотомъ. А гдѣ оно у насъ, гдѣ его взять въ томъ размѣрѣ въ какомъ оно ежегодно требуется?

Постоянная крайняя нужда въ золотѣ для заграничныхъ расплатъ, вотъ хроническая болѣзнь нашего экономическаго организма, болѣзнь внѣшнимъ симптомомъ коей являются, между прочимъ, разстройство нашего денежнаго обращенія, непрочность валюты, низкіе вексельные курсы. Причина же болѣзни въ нашемъ международномъ разчетномъ балансѣ.

Предполагаютъ улучшить валюту, дать прочность нашему кредитному рублю сокращеніемъ размѣровъ бумажно-денежнаго обращенія, изъятіемъ большей или меньшей части кредитныхъ билетовъ; готовы заключить съ этою цѣлію цѣлый рядъ займовъ. Но представляютъ ли себѣ ясно что должно получиться въ результатѣ этихъ займовъ и изъятія кредитныхъ билетовъ если нашъ международный разчетный балансъ останется въ прежнемъ положеніи, если страна попрежнему будетъ оплачивать золотомъ и значительную часть привозныхъ товаровъ, и всѣ счеты по долговымъ обязательствамъ? Это необходимое для заграничныхъ расплатъ золото ежегодно придется, какъ и нынѣ, покупать или занимать у иностранцевъ. Зная нашу крайнюю въ немъ нужду, станутъ ли они менѣе дорожиться имъ, подешевѣютъ ли иностранные металлическіе векселя, при прежнемъ на нихъ спросѣ, только потому что у насъ будетъ находиться въ обращеніи меньшее чѣмъ нынѣ количество кредитныхъ билетовъ? А вѣдь спросъ на иностранные векселя, вслѣдствіе займовъ для извлеченія кредитныхъ билетовъ, долженъ не уменьшиться, а возрасти: часть займовыхъ облигацій уйдетъ за границу, и по нимъ придется платить проценты сверхъ тѣхъ которые уже платятся иностраннымъ кредиторамъ въ настоящее время.

Кредитные билеты не сдѣлаются средствомъ годнымъ для заграничныхъ расплатъ отъ уменьшенія ихъ количества. Они могли бы стать пригодными для этой цѣли лишь при безостановочномъ ихъ размѣнѣ. Но возможность ихъ размѣна, при нашемъ международномъ разчетномъ балансѣ, не зависитъ отъ нѣсколько большаго или меньшаго количества ихъ въ обращеніи. Какъ бы мало ихъ ни было, этотъ балансъ всегда будетъ имѣть результатомъ предъявленіе ихъ къ размѣну въ такомъ количествѣ какого не выдержитъ никакой размѣнный фондъ, и которое сдѣлаетъ неизбѣжною пріостановку размѣна. Твердую почву для возстановленія размѣна можетъ дать только измѣне-

ніе характера нашихъ международныхъ разчетовъ, постановка ихъ въ такое положеніе при которомъ страна могла бы расплачиваться съ заграничнымъ міромъ не деньгами, а произведеніями своей почвы и своего народнаго труда. Необходима замѣна хроническаго дефицита въ торговомъ балансѣ значительнымъ превышеніемъ стоимости отпуска надъ стоимостью привоза. Достиженіе такой цѣли едва ли не важнѣе чѣмъ устраненіе дефицитовъ изъ государственнаго бюджета. Стремиться къ ней слѣдуетъ во всякомъ случаѣ, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Но на дѣлѣ особенныхъ жертвъ тутъ не требуется. Мѣры нужныя для исправленія баланса сопряжены не съ ущербомъ, а съ не малыми выгодами для казны. Требуется пересмотръ таможеннаго тарифа который бы не сократилъ, а значительно увеличилъ итогъ получаемыхъ казною таможенныхъ сборовъ, мѣра удовлетворяющая заявленной министромъ Финансовъ необходимости „изыскивать способы для увеличенія государственныхъ доходовъ."

Изысканіе этихъ способовъ, по замѣчанію министра, озабочивало правительство въ теченіе всего истекшаго десятилѣтія. Ни освобожденіе мѣщанъ отъ подушной подати, ни отмѣна солянаго налога, не были только мѣрами къ облегченію налоговъ, а имѣли цѣлію увеличеніе государственныхъ доходовъ. Та же цѣль, по словамъ министра, имѣется въ виду и при предстоящемъ облегченіи выкупныхъ платежей. Хотя пониженіе ихъ возлагаетъ на казну ежегодный расходъ только въ три милліона рублей, но уже въ настоящую сессію Государственнаго Совѣта Министерство Финансовъ предполагаетъ внести представленіе о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующихъ налогахъ долженствующія увеличить государственные доходы на сумму отъ десяти до 15 милліоновъ рублей. Въ чемъ будутъ состоять эти измѣненія пока неизвѣстно, но, какъ должно полагать, они коснутся и таможенныхъ пошлинъ. Говоря о предстоящихъ измѣненіяхъ въ системѣ налоговъ, министръ Финансовъ выражаетъ надежду „что новыя податныя тягости будутъ значительно умѣрены вслѣдствіе облегченія наиболѣе обремененныхъ плательщиковъ налоговъ, большей уравнительности при распредѣленіи совокупности всѣхъ сборовъ и поддержки тѣхъ отраслей промышленности которыя наиболѣе нуждаются въ таможенной защитѣ." Полагаемъ что осуществленіе выраженной надежды было бы наилучшимъ образомъ обезпечено перенесеніемъ возможно большей доли тягости на потребителей иностранныхъ продуктовъ. Это наиболѣе желательный путь къ облегченію податныхъ тягостей, входящихъ въ составъ стоимости произведеній нашей почвы и нашего народнаго труда; это прямое средство къ исправленію прежнихъ ошибокъ, благодаря которымъ вся тягость новыхъ налоговъ обрушивалась у насъ обыкновенно на элементы внутренняго производства, между тѣмъ какъ въ то же время всячески устранялась мысль о повышеніи налоговъ на продукты производства иностраннаго. Это вполнѣ согласный съ національною политикой способъ увеличенія государственныхъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это путь къ сокращенію привоза, къ сокращенію ежегодныхъ расходовъ страны на покупку иностранныхъ товаровъ. Часть денегъ которыя шли и идутъ донынѣ на покупку чужихъ произведеній, на поддержку иноземнаго производства, съ подъемомъ тарифа, пойдетъ на покупку своихъ товаровъ, на поддержку своего производства, содѣйствуя и накопленію внутреннихъ капиталовъ, въ которыхъ у насъ недостатокъ, и большей выгодности народнаго труда, на который усилится спросъ. Насколько сократится привозъ, настолько улучшится нашъ международный балансъ, настолько же уменьшится потребность въ золотѣ для заграничныхъ расплатъ, а только уменьшеніемъ нужды въ немъ можетъ быть подготовлена почва для упроченія нашего кредитнаго рубля и для возстановленія размѣна, о чемъ у насъ такъ хлопочутъ, рекомендуя, къ сожалѣнію, только палліативныя мѣры, дорого стоящія, но не обезпечивающія достиженія цѣли.

№ 19.

Москва, 18-го января.

Дѣло умиротворенія Босніи и Герцеговины, порученное Австро-Венгріи Берлинскимъ конгрессомъ, подвигается впередъ весьма туго. Послѣ трехлѣтняго занятія турецкихъ провинцій австрійскими войсками, мы находимся наканунѣ такого же возстанія какъ въ 1875 году. Австрійскія

войска въ огромномъ количествѣ направляются въ южную Герцеговину и Боку Которскую чтобы задавить возстанiе вызванное угнетенiями „культуртрегеровъ," которые обращаются съ несчастнымъ населенiемъ гораздо хуже и несправедливѣе чѣмъ обращались сами Турки. Послѣднiе мучили и преслѣдовали христiанское населенiе, но, тѣмъ не менѣе, положенiе „райи," по общему отзыву Герцеговинцевъ, было гораздо лучше.

Чѣмъ вызвано возстанiе Герцеговинцевъ? Кто руководитъ имъ? Вотъ вопросы почти ежедневно обсуждаемые австро-венгерскою печатью, которая, какъ и слѣдовало ожидать, обвиняетъ во всемъ Россiю и ея „панславистскихъ" агитаторовъ въ Сербiи и Черногорiи. Опровергать подобное безсмысленное обвиненiе считаемъ совершенно лишнимъ. Что многiе русскiе патрiоты и Сербы какъ въ княжествѣ, такъ и въ Черногорiи сочувственно относятся къ своимъ угнетеннымъ братьямъ, это конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнiю, но этого не можетъ намъ запретить ни вѣнская, ни пештская печать. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ чтобы Русскiе и „панславистскiе" агитаторы матерiально поддерживали возстанiе, которое можетъ повести къ весьма серiознымъ международнымъ затрудненiямъ.

Если бросить взглядъ на исторiю австрiйской „оккупацiи," то сейчасъ можно замѣтить что въ Герцеговинѣ и Боснiи были бы совершенно излишними какiя бы то ни было панславистскiя агитацiи, такъ какъ само Австрiйское правительство дѣлало все отъ него зависящее чтобы раздражить народъ, который и безъ того считалъ Австрiю своимъ злѣйшимъ врагомъ. Ненависть Босняковъ и Герцеговинцевъ къ Австрiйцамъ выразилась при самомъ началѣ оккупацiи, стоившей Австрiи не мало жертвъ и потребовавшей мобилизацiи многочисленной армiи.

Главная задача Австро-Венгрiи заключалась, какъ извѣстно, въ томъ чтобы рѣшить въ занятыхъ ею провинцiяхъ два вопроса имѣющiе огромное значенiе для всего населенiя, аграрный и религiозный. Еслибы вѣнскiе политики добросовѣстно исполнили возложенное на нихъ въ Берлинѣ порученiе, еслибъ они дѣйствительно обратили вниманiе на улучшенiе благосостоянiя населенiя, то быть-можетъ на югѣ разноплеменной Австро-Венгрiи и нынче все было бы спокойно, и австрiйскимъ министрамъ не пришлось бы дѣлать огромныя затраты, возбуждающiя всеобщее недовольство въ самой Австро-Венгрiи.

Вступивъ, послѣ жестокаго сопротивленiя со стороны населенiя, въ обладанiе Боснiей и Герцеговиной, Австрiйское правительство возложило на истощенный борьбою народъ огромныя подати, которыя онъ никакъ не могъ уплачивать. Жалкое имущество Босняковъ и Герцеговинцевъ, вслѣдствiе недоимокъ взыскиваемыхъ въ Австро-Венгрiи съ необыкновенною строгостью, чтобы не сказать съ жестокостью, пошло съ молотка за безцѣнокъ. Напрасны были жалобы православныхъ христiанъ и ихъ прошенiя подаваемыя вѣнскому правительству и императору Францу-Iосифу. Всѣ эти жалобы считались результатомъ „панславистской" агитацiи, и лица подававшiя ихъ ставились вслѣдствiе этого подъ полицейскiй надзоръ. За то турецкiя депутацiи благосклонно принимались въ вѣнскомъ Burg'ѣ, и имъ обѣщаны всевозможныя льготы и облегченiя... Населенiе въ первое время не предпринимало никакихъ враждебныхъ дѣйствiй противъ Австро-Венгрiи, въ надеждѣ что, при обѣщанномъ въ близкомъ будущемъ разрѣшенiи аграрнаго вопроса, положенiе народа облегчится, и онъ будетъ въ состоянiи уплачивать налоги. Особая правительственная коммиссiя, дѣйствительно, приступила вскорѣ къ выработкѣ проекта для устройства аграрныхъ отношенiй, но проектъ этотъ не удовлетворилъ ни Турокъ, ни Сербовъ. Первымъ было непрiятно что они наравнѣ съ христiанами должны нести государственныя повинности, а на послѣднихъ возложена обязанность платить оброкъ турецкимъ агамъ (помѣщикамъ), и кромѣ того и на арендуемые ими жалкiе земельные участки, доходовъ съ которыхъ не достаетъ даже на самое скудное пропитанiе, наложена подать. Аграрная реформа повела лишь къ тому что правительство обременило налогами и христiанъ и магометанъ, не измѣнивъ нисколько отношенiй между помѣщиками-Турками и арендаторами-христiанами.

При регулированiи религiознаго вопроса въ Боснiи и Герцеговинѣ, Австрiйское правительство руководилось также исключительно чуждыми населенiю интересами. Туркамъ, правда, предоставлена полная свобода вѣроисповѣданiя, за то православ-

ныхъ стали всячески преслѣдовать. Католическая пропаганда приняла огромные размѣры и была направлена главнымъ образомъ противъ православія, преслѣдуемаго во всей Австро-Венгріи. Босняки, въ особенности Герцеговинцы, очень дорожатъ своею народностію и своею религіей. Удивительно ли что они наконецъ возненавидѣли правительство которое старалось онѣмечить народъ и обратить его въ латинство?

Броженіе въ Босніи и Герцеговинѣ началось уже давно, но правительство искусно скрывало его. Всѣ письма и корреспонденціи получаемыя изъ Босніи подвергались самой строгой цензурѣ и уничтожались по усмотрѣнію правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Боснію не пропускалась ни одна славянская газета.

Введеніе всеобщей воинской повинности было каплей переполнившею чашу. Грубое нарушеніе Берлинскаго трактата и верховныхъ правъ султана раздражило въ особенности магометанъ, которые вслѣдствіе этого стали выселяться въ огромномъ числѣ. Что касается христіанъ, не служившихъ солдатами подъ турецкимъ владычествомъ, то они поняли невыгоды которыя грозятъ имъ если рабочія силы страны будутъ у нихъ отторгнуты, и неудивительно что они предпочли воевать на свой счетъ, а не въ рядахъ ненавистнаго австрійскаго войска. Чѣмъ кончится настоящее возстаніе, этого предвидѣть нельзя. Въ высшихъ военныхъ кругахъ Вѣны, какъ сообщаютъ австрійскія газеты, уже теперь указываютъ на необходимость *расширенія оккупаціи*. Неужели австрійскіе политики еще не сообразили что всякому терпѣнію есть предѣлъ и что „расширеніе оккупаціи" можетъ повести къ международнымъ затрудненіямъ?

№ 20.

Москва, 19-го января.

Изъ полученныхъ сегодня французскихъ газетъ мы узнаемъ наконецъ подробно обстоятельства при которыхъ совершилось паденіе г. Гамбетты.

Почему палата депутатовъ, два мѣсяца тому назадъ торжественно вручившая правительственную власть г. Гамбеттѣ, теперь нашла нужнымъ лишить его этой власти? Вотъ вопросъ который естественно было предложить себѣ когда телеграфъ лаконически извѣстилъ что въ четвергъ 14 (26) января г. Гамбетта вручилъ президенту Греви просьбу объ отставкѣ своего кабинета. Тотъ же самый вопросъ задаемъ мы себѣ и теперь, уже ознакомившись съ преніями палаты депутатовъ, вынудившими г. Гамбетту оставить свой постъ. Пренія эти производятъ впечатлѣніе какого-то непрогляднаго хаоса, среди котораго рѣзко выдается лишь яркая по своей простотѣ и логичности рѣчь г. Гамбетты. Запутанность преній должна была имѣть необходимымъ послѣдствіемъ безсмысленность рѣшеній. И дѣйствительно, рѣдко можно встрѣтить въ лѣтописяхъ парламентаризма столь рѣзкій примѣръ явнаго противорѣчія между двумя рѣшеніями принятыми парламентомъ въ одномъ и томъ же засѣданіи. Въ 5 часовъ 10 минутъ палата депутатовъ отвергла большинствомъ 298 голосовъ противъ 173 предложеніе г. Бароде гласившее что „палата признаетъ необходимымъ подвергнуть пересмотру конституціонные законы;" а въ 8 часовъ 15 минутъ та же палата приняла предложеніе коммиссіи тридцати трехъ, заявляющее что „палата признаетъ необходимымъ пересмотръ конституціонныхъ законовъ" 282 голосами противъ 227. Что же произошло между этими двумя противоположными рѣшеніями? Вы думаете что можетъ-быть палата узнала какія-нибудь новыя данныя, заставившія ее измѣнить свое мнѣніе? Нисколько. Самымъ выдающимся событіемъ въ этотъ трехчасовой промежутокъ была блестящая рѣчь г. Гамбетты, который похвалилъ палату за то что она такъ рѣшительно отвергла предложенный г. Бароде неограниченный пересмотръ конституціи и настоятельно просилъ ее быть послѣдовательною и отвергнуть тотъ же пересмотръ рекомендованный коммиссіей тридцати трехъ. Можетъ быть эта рѣчь г. Гамбетты не понравилась депутатамъ? Нѣтъ, она была покрыта громкими единодушными рукоплесканіями, не прекращавшимися довольно продолжительное время, пока г. Гамбетта сходилъ съ ораторской каѳедры, и возобновившимися съ неудержимою силой когда онъ, дойдя до министерской скамьи, сѣлъ на свое мѣсто. Такая блестящая парламентская овація была рѣдкостью даже для него, хотя никто такъ часто какъ онъ не одерживалъ побѣдъ въ той же самой па-

латѣ депутатовъ. И черезъ часъ послѣ этой оваціи, его восторженные поклонники заставили его подать въ отставку. И нельзя даже предположить чтобъ они сдѣлали это потому что не предвидѣли къ какому послѣдствію поведетъ ихъ рѣшеніе. Г. Гамбетта какъ нельзя яснѣе предупредилъ ихъ что все министерство немедленно выйдетъ въ отставку какъ скоро палата приметъ предложеніе коммиссіи тридцати трехъ. Остается еще одно, послѣднее предположеніе: можетъ-быть депутаты, одобряя политику г. Гамбетты и покрывая его рѣчь рукоплесканіями, заставили его покинуть министерство потому что есть налицо какой-нибудь другой государственный человѣкъ котораго они еще болѣе одобряютъ, котораго они прочатъ на мѣсто г. Гамбетты, и котораго они завтра встрѣтятъ еще болѣе единодушною торжественною оваціей? Но человѣка болѣе популярнаго чѣмъ г. Гамбетта нѣтъ въ цѣлой Франціи, и это очень хорошо знаютъ свергнувшіе г. Гамбетту депутаты. Но если такъ, то зачѣмъ же они его свергли? Такъ, просто для того чтобы свергнуть. Къ чему это поведетъ, что будетъ потомъ, этого никто не знаетъ, да объ этомъ никто пока и не спрашиваетъ. Главное дѣло сдѣлано: Гамбетта палъ, и для этого главнаго дѣла монархисты съ поразительнымъ единодушіемъ подали руку республиканцамъ, лѣвый центръ заключилъ союзъ съ крайнею лѣвою, и клерикалы соединились съ коммунарами. Завтра эти тѣсные союзы снова расторгнутся, сегодняшніе друзья будутъ непримиримыми врагами, судьба Франціи попрежнему будетъ зависѣть отъ мелкихъ эгоистическихъ споровъ и интригъ парламентскихъ партій, но за то никто не будетъ мѣшать этимъ спорамъ и интригамъ какъ это до сихъ поръ дѣлалъ г. Гамбетта.

Противорѣчія палаты депутатовъ, проявившіяся въ преніяхъ 14-го (26-го) января, не даютъ намъ никакихъ указаній относительно истинныхъ причинъ паденія г. Гамбетты. Найти эти причины можно развѣ за кулисами парламентской сцены.

Г. Гамбетта, повторяемъ, палъ жертвой не какой-нибудь одной парламентской партіи ясно сознающей преслѣдуемую ею цѣль, онъ палъ жертвой коалиціи соединившей на одинъ день представителей самыхъ противоположныхъ партій. Какія цѣли могла имѣть каждая изъ этихъ партій низвергая министерство Гамбетты?

Тактика лѣвой *несговорчивой* партіи понятна. Гг. Клемансо, Локруа, Пеллетанъ, Бароде стремятся всѣ къ очень простому идеалу: все испортить, все разстроить, все разрушить. Понятенъ также образъ дѣйствій бонапартистовъ и роялистовъ: не видя въ настоящее время возможности водворить во Франціи монархическій образъ правленія, они стараются по крайней мѣрѣ препятствовать утвержденію республики; замѣтивъ что личная энергія г. Гамбетты можетъ превратить шаткое республиканское правительство въ прочную фактическую диктатуру, они рады были содѣйствовать паденію г. Гамбетты, ввергнуть Францію въ республиканскую анархію, отдать ее на произволъ радикаламъ, дабы такимъ способомъ въ послѣдствіи доказать необходимость возстановленія монархіи.

Но уже менѣе понятною является цѣль къ которой стремились умѣренные республиканцы и бывшіе друзья г. Гамбетты; что побудило ихъ измѣнить ему когда они восемь недѣль тому назадъ чуть не боготворили его? Ихъ побудили къ этой измѣнѣ мотивы которые не впервые, но слишкомъ часто руководятъ дѣйствіями „представителей народа," — личные, эгоистическіе разсчеты.

Въ данномъ случаѣ личнымъ интересамъ депутатовъ угрожала предложенная г. Гамбеттой баллотировка по департаментскимъ спискамъ, которую онъ желалъ включить въ текстъ конституціи. Громадное большинство депутатовъ открыто признаютъ что они вполнѣ одобряютъ рекомендуемую г. Гамбеттой избирательную реформу; они прямо заявляютъ что эта реформа безусловно необходима для страны и что самъ народъ желаетъ этой реформы. Итакъ чего же лучше? Если эта реформа такъ необходима, то не слѣдуетъ ли ввести ее какъ можно скорѣе? „Нѣтъ, говорятъ тѣ же самые депутаты: избирательная реформа выгодна для страны, но она не выгодна для насъ, депутатовъ; мы засѣдаемъ всего два мѣсяца, а мы желали бы засѣдать всѣ положенные по закону четыре года; если мы примемъ теперь избирательную реформу и этимъ признаемъ прежній избирательный законъ, по которому мы сами были выбраны, неудовлетворительнымъ, то мы подорвемъ

свой собственный авторитетъ, президенту республики придется насъ распустить раньше срока, а мы этого не хотимъ, мы не желаемъ снова подвергаться риску избирательной кампаніи изъ которой мы съ такимъ трудомъ только что вышли побѣдителями. Пусть лучше страна ждетъ четыре года необходимой реформы, а мы своихъ мѣстъ не покинемъ “

Такъ разсуждали республиканцы, бывшіе друзья г. Гамбетты, а потому приняли относительно него слѣдующую тактику: видя что онъ предлагаетъ подвергнуть пересмотру нѣкоторыя статьи конституціи съ тѣмъ чтобы внести въ нее принципъ баллотировки по спискамъ, они рѣшили устроить такъ чтобы пересмотръ конституціи вовсе не состоялся. Въ этихъ видахъ они, противъ своего убѣжденія, присоединились къ предложенію радикаловъ крайней лѣвой, требовавшихъ неограниченнаго пересмотра конституціи, въ надеждѣ что сенатъ отвергнетъ такую опасную мѣру и такимъ образомъ пересмотръ не состоится. Но такъ какъ ни за что поручиться нельзя, и сенатъ можетъ-быть принялъ бы неограниченный пересмотръ, то необходимо было найти такое средство которое лишило бы г. Гамбетту возможности внести въ конституцію баллотировку по спискамъ. Это средство было придумано г. Андріё и встрѣтило живое сочувствіе среди республиканской партіи. Г. Андріё, въ качествѣ докладчика коммиссіи тридцати трехъ, формулевалъ резолюцію палаты относительно необходимости пересмотра конституціи приблизительно слѣдующимъ образомъ: „Палата считаетъ нужнымъ подвергнуть пересмотру такія-то статьи конституціи, касающіяся *сената*, а потому признаетъ необходимымъ приступить къ пересмотру всѣхъ конституціонныхъ законовъ.“ Вторая половина этой резолюціи провозглашаетъ *неограниченный* пересмотръ конституціи, а первая—*ограниченный*. Противорѣчіе являлось такимъ образомъ вполнѣ очевиднымъ. Тѣмъ не менѣе г. Андріё ухитрился доказать палатѣ логичность этого противорѣчія. „Палата, говоритъ онъ, признаетъ нужнымъ измѣнить только статьи конституціи касающіяся сената, но она ничего не имѣетъ противъ того еслибы конгрессъ, т.-е. соединенное собраніе палаты депутатовъ и сената, сталъ пересматривать и другія статьи конституціи; а такъ какъ палата находитъ нужнымъ подвергнуть пересмотру лишь статьи касающіяся сената и умалчиваетъ о баллотировкѣ по спискамъ, то изъ этого слѣдуетъ что она не желаетъ ея и что по этому, когда соберется конгрессъ, министерство не будетъ имѣть права предлагать внесеніе въ конституцію баллотировки по спискамъ.“ Такимъ образомъ выходило что каждый депутатъ и сенаторъ, засѣдая въ конгрессѣ, имѣлъ бы право предлагать какія ему угодно конституціонныя измѣненія, а министерство не могло бы пользоваться этимъ правомъ!

Г. Гамбетта должнымъ образомъ освѣтилъ въ своей рѣчи эту казуистику и потребовалъ чтобы палата сперва постановила рѣшеніе относительно второй части резолюціи г. Андріё, предлагавшей неограниченный пересмотръ конституціи. Такъ какъ палата только что отвергла совершенно тождественную резолюцію г. Бароде, то можно было съ полною увѣренностью ожидать что она точно также поступитъ и съ предложеніемъ г. Андріё. На дѣлѣ она поступила совершенно наоборотъ.

Какъ скоро предсѣдатель палаты объявилъ что вторая часть предложенія г. Андріё принята, г. Гамбетта заявилъ что министерство отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ преніяхъ. Послѣ этого заявленія онъ тотчасъ же вышелъ со своими товарищами изъ залы засѣданія и въ тотъ же вечеръ вручилъ президенту Греви просьбу объ отставкѣ всего кабинета.

Найдутся конечно люди которые скажутъ что политическая карьера г. Гамбетты кончена. Но она также не кончена какъ и послѣ его паденія въ 1871 году. Можетъ-быть его враги, желая ему повредить, на самомъ дѣлѣ оказали ему услугу: управлять съ такою палатой какою выказала себя французская палата депутатовъ было бы невозможно даже для такого энергическаго и опытнаго человѣка какъ г. Гамбетта. Можетъ-быть для него лучше пасть теперь чѣмъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ безплодныхъ усилій.

Съ паденіемъ г. Гамбетты, Франція снова вступаетъ въ періодъ внутреннихъ политическихъ раздоровъ, а слѣдовательно и въ періодъ внѣшняго политическаго безсилія. Если кто отъ всей души можетъ радоваться неудачѣ г. Гамбетты, такъ это князь Бисмаркъ: у Германіи теперь руки развязаны...

№ 21.

Москва, 20-го января.

„Я никогда не вѣрю въ политическія газетныя сообщенія пока они офиціозно не опровергнуты,“ сказалъ одинъ остроумный дипломатъ, и это изреченіе невольно припоминается въ виду единодушнаго опроверженія появившагося около 20 января во всѣхъ многочисленныхъ правительственныхъ органахъ австро-венгерской печати одновременно съ мобилизаціей значительной части австрійской арміи, которая направлена въ южную Далматію, Боснію и Герцеговину, и съ призывомъ резервовъ перваго разряда на пополненіе боеваго состава полковъ двинутыхъ на югъ. Дѣло идетъ де не о подавленіи уже вспыхнувшаго возстанія—такъ говорили офиціозные органы—а только о предупрежденіи мятежа который можетъ принять обширные размѣры: необходимо де предотвратить малѣйшій неуспѣхъ австрійскихъ войскъ, который подорвалъ бы авторитетъ Австро-Венгріи во вновь пріобрѣтенныхъ провинціяхъ, и оградить отдѣльные и малочисленные отряды жандармовъ разсѣянные по Босніи и Герцеговинѣ отъ пораженій со стороны мятежниковъ. Съ этою цѣлью мобилизованы свѣжія войска, составляющіе, по вычисленію нѣкоторыхъ вѣнскихъ газетъ, одну пятую часть всей австро-венгерской арміи, и сверхъ того созваны въ экстренное собраніе делегаціи, отъ коихъ правительство требуетъ чрезвычайнаго кредита въ 8 милліоновъ гульденовъ и разрѣшенія производить дальнѣйшіе расходы „буде таковые потребуются.“

Эти „успокоительныя“ сообщенія имѣли какъ разъ то дѣйствіе о которомъ говорилъ упомянутый выше дипломатъ. Движеніе въ Босніи и Герцеговинѣ, равно какъ и въ южной Далматіи, съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, и къ наступающей веснѣ нужно ожидать серіозныхъ событій грозящихъ вновь охватить пожаромъ если не весь Балканскій полуостровъ, то западную его половину. Такъ стали разсуждать въ самой Вѣнѣ на другой же день послѣ офиціознаго заявленія, причемъ, само собою разумѣется, вся вина возлагается на внѣшнихъ подстрекателей изъ панславистовъ „подкапывающихся подъ основы Габсбургской монархіи.“ Съ какого времени Боснія и Герцеговина, временно ввѣренныя Австро-Венгріи Берлинскимъ трактатомъ для водворенія тамъ порядка, превратились въ фундаментъ или въ одинъ изъ фундаментовъ этой державы, этого конечно не объясняетъ ни одинъ изъ тѣхъ органовъ которые три года тому назадъ яростно нападали на правительство за то что оно приняло „подарокъ Пандоры“ поднесенный ему на Берлинскомъ конгрессѣ. Только *Neue Freie Presse*, попрежнему служащая интересамъ Турціи, откровенно усматриваетъ въ теперешнихъ событіяхъ новый аргументъ противъ „пагубнаго шага“ на который натолкнулъ Австрію князь Бисмаркъ. Названная газета подводитъ итогъ суммамъ потраченнымъ до сихъ поръ Австріей на исполненіе полицейской службы которую она приняла на себя по Берлинскому трактату. Издержки эти до сихъ поръ уже простираются до 160 милліоновъ гульденовъ. Но по мнѣнію вѣнскаго органа турецкой дипломатіи, едва ли можно ожидать окончательнаго умиротворенія безпокойныхъ провинцій и послѣ тѣхъ энергическихъ усилій и новыхъ громадныхъ затратъ на которыя, повидимому, рѣшилось Австрійское правительство. Не въ первый разъ Кривошіяне оказываютъ открытое сопротивленіе Австрійскому правительству въ его попыткахъ принудить этихъ вольнолюбивыхъ обитателей гористаго и дикаго Адріатическаго прибрежья къ отбыванію воинской службы въ рядахъ ненавистной имъ австрійской арміи. Такое же возстаніе было вызвано въ южной Далматіи въ 1869 году подобнымъ поползновеніемъ Австрійскаго правительства. Но въ то время Боснія и Герцеговина еще были въ рукахъ Турціи. Австрійскій императоръ, возвращаясь въ октябрѣ 1869 года изъ своего путешествія ко Святымъ Мѣстамъ, посѣтилъ Константинополь, и во время его пребыванія тамъ заключена была между Австріей и Турціей конвенція, отъ 30 октября 1869, о взаимной помощи къ подавленію движенія вспыхнувшаго у береговъ Адріатики и конечно отозвавшагося и въ Герцеговинѣ и Албаніи. Движеніе было скоро подавлено благодаря тому что турецкіе заптіи и гайдуки, отлично знавшіе всѣ горные пути и тропинки, сумѣли отрѣзать Кривошіянамъ всякія сношенія съ ихъ единоплеменниками внутри страны. Вѣнская газета весьма сомнѣвается чтобъ австрійскіе солдаты набран-

ные въ Венгріи, Чехіи и Галиціи могли, „при всемъ ихъ самоотверженіи и патріотизмѣ," исполнить свою миссію съ такимъ же успѣхомъ какъ турецкая пограничная стража и турецкіе баши-бузуки державшіе въ страхѣ христіанское населеніе Босніи и Герцеговины. Имѣя противъ себя Турокъ, Кривошіяне, изолированные со стороны суши и тѣснимые съ моря австрійскою флотиліей, должны были вскорѣ положить оружіе. Теперь же, напротивъ, районъ возстанія распространяется на всю территорію отнятыхъ у Турціи провинцій. Противъ австрійскаго ига возмутилось не только православное, но и мусульманское населеніе остающееся вѣрнымъ верховной власти султана не отмѣненной Берлинскимъ трактатомъ, и ужь конечно трудно ожидать чтобы турецкія власти, еслибъ они имѣли возможность положить конецъ возстанію, стали помогать Австрійцамъ въ умиротвореніи провинцій отнятыхъ у Турціи путемъ дипломатическаго хищенія, то-есть самого худшаго изъ хищеній, ибо оно не опирается даже на томъ правѣ какое даетъ война.

Настоящее возстаніе имѣетъ возможность, сверхъ того, разчитывать если не на открытую помощь, то на нравственную поддержку со стороны Черногоріи. Правительство Черногорскаго князя, правда, всячески старается держать себя такъ чтобъ Австрія не имѣла никакого формальнаго повода къ нему придираться. Оно объявило инсургентамъ что не потерпитъ чтобъ ихъ отряды нарушали нейтралитетъ Черногорской территоріи и что будетъ разоружимать тѣхъ кто переступитъ Черногорскую границу. Но Черногорское правительство рѣшительно отвергло въ то же время требованіе Австріи чтобъ оно смотрѣло на инсургентовъ какъ на „разбойниковъ" и выдавало ихъ австрійскимъ властямъ. Черногорія заявила что она смотритъ на возставшихъ какъ на политическихъ бѣглецовъ, кои не подлежатъ выдачѣ, и ужь конечно не Австрійскому правительству возражать противъ такого взгляда, ибо Черногорія могла бы въ отвѣтъ на подобное возраженіе напомнить Австріи ея собственный образъ дѣйствій во время польскаго возстанія, когда мятежныя банды изъ Польши и западныхъ русскихъ губерній не только находили вѣрное убѣжище въ Галиціи, но главнымъ образомъ тамъ и формировались, оттуда снабжались оружіемъ и всѣмъ необходимымъ, совершая все это на глазахъ многочисленныхъ военныхъ австрійскихъ силъ сосредоточенныхъ въ Галиціи подъ видомъ „обсерваціоннаго корпуса." Черногорія далеко не располагаетъ такимъ количествомъ военныхъ силъ которое было бы необходимо для того чтобъ оказать Австріи ту помощь которая послѣдней была бы нужна со стороны Черногоріи.

Можно быть увѣреннымъ, поэтому, что по мѣрѣ того какъ будетъ разгараться возстаніе, австро-венгерскіе возгласы противъ „происковъ панславистовъ" будутъ раздаваться все громче и громче, хотя теперь въ коммиссіи венгерской делегаціи, засѣдавшей 31 (19) января, министръ Слави и нашелъ нужнымъ приглушить ихъ официальнымъ сообщеніемъ. Недавно же возгласы эти возвысились до весьма крикливыхъ нотъ и отъ времени до времени находили себѣ отголосокъ, хотя и смягченный, въ самомъ Берлинѣ.

Къ этой брани со стороны ревнителей принципа „легальности," какъ его понимаютъ господа мадьярскіе публицисты, намъ не привыкать стать. Но за то и русской печати, полагаемъ, нѣтъ повода скрывать на чьей сторонѣ должно быть ея сочувствіе.

№ 22.

Москва, 21-го января.

Неоднократно уже намъ приходилось указывать на систематическое искаженіе истины какъ на характеристическую особенность тѣхъ газетъ которыя именуютъ себя органами какой-то либеральной интеллигенціи. Возьмите любой нумеръ любаго подобнаго изданія, и вы при внимательномъ чтеніи чуть не на каждой страницѣ найдете то тенденціозное извращеніе чьихъ-нибудь словъ, то намѣренно ложное освѣщеніе фактовъ, то совершенно фантастическую выдумку, то положительную клевету. Опровергайте, уличайте ихъ сколько хотите, энергія ихъ отъ этого не ослабѣваетъ: они васъ же обвинятъ въ „инсинуаціи" и „доносѣ" и съ новою бодростью принимаются за свое дѣло.

Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ служитъ, какъ извѣстно, воскресшій *Голосъ*, снова принявшійся за свою „либеральную" работу

систематическаго распространенія неправды, попрежнему прикрываясь личиною поборника истины и правоваго порядка. Въ № 10 этой газеты напечатана длинная передовая статья которая какъ по формѣ, такъ и по содержанію, можетъ служить образцомъ подобнаго вида „либеральныхъ" статей. Вся она съ начала до конца написана въ какомъ-то притворномъ тонѣ простодушной благонамѣренности и наивнаго недоумѣнія. Авторъ ея выставляетъ себя человѣкомъ примиреннымъ съ „совершившимся фактомъ" и просящимъ подробныхъ наставленій какъ ему дѣйствовать въ новомъ, не привычномъ ему порядкѣ вещей; онъ жалуется на то что не понимаетъ новаго „міросозерцанія" и что „плыть противъ теченія съ каждымъ днемъ становится затруднительнѣе." „Но, прибавляетъ онъ, каждому человѣку находящемуся въ затруднительномъ положеніи дозволительно просить указаній какъ изъ него выйти."

Что же это за новое, смутившее газету, „міросозерцаніе?" Теперь, видите ли, слишкомъ де много заботятся о народѣ и слишкомъ мало обращаютъ вниманія на „интеллигенцію" которую злые люди почему-то противопоставляютъ народу въ видѣ какой-то особой „поддѣльной, измѣнившей народу націи." Прежде де легко было писать газетныя статьи, признается *Голосъ*.

„Въ двадцать почти лѣтъ нашего существованія говорить приходилось о многомъ. Удачно или неудачно выполняли мы свое назначеніе—судить не намъ. Не въ томъ и дѣло. Но въ теченіи многолѣтней литературной дѣятельности нашей намъ никогда не приходило въ голову проводить какую-нибудь границу между вопросами и нуждами, которымъ посвящались наши статьи."

Но это золотое время прошло; теперь уже совсѣмъ не то:

„Теперь вопросы поставлены иначе. Прежде чѣмъ пустить какой-нибудь вопросъ на страницы изданія, должно освидѣтельствовать его со всѣхъ сторонъ и тщательно провѣрить „народенъ" онъ или „ненароденъ." Съ какою бы силою сама жизнь и всѣ ея условія ни наталкивали васъ на извѣстные вопросы, но если на нихъ можетъ-быть положено клеймо „ненародности," вы должны отречься отъ нихъ дважды и трижды, или, какъ принято (кѣмъ?) выражаться теперь, „пообрѣзать" свои желанія. При полной готовности произвести эту нѣсколько болѣзненную операцію во имя народнаго блага, мы, однако, поставлены въ истинное затрудненіе насчетъ того что слѣдуетъ „обрѣзывать" и что нѣтъ, иначе говоря что можно признать народнымъ и что слѣдуетъ выбросить какъ продуктъ гнилаго „европейничанья." Въ этомъ отношеніи мы совершенно безпомощны и ждемъ попечительныхъ указаній отъ тѣхъ изданій, которыя взяли себѣ монополію „народной политики."

Какая скромность, какое примѣрное благонравіе! А вмѣстѣ съ тѣмъ какая фальшь, завѣдомая фальшь! Что это за „извѣстные вопросы," на которые будто бы насъ „наталкиваетъ жизнь и всѣ ея условія," но отъ которыхъ „мы должны дважды и трижды отречься такъ какъ на нихъ можетъ быть наложено клеймо ненародности?" Рѣчь очевидно не о вопросахъ, на которые наталкиваетъ *дѣйствительная* жизнь и ея *истинныя*, а не вымышленныя въ петербургскихъ редакціяхъ условія. По отношенію къ этимъ вопросамъ едва ли представилась бы надобность что-либо „обрѣзывать." И не въ этомъ „затруднительность положенія," которая смущаетъ сѣтующую газету.

Еслибы дѣйствительно *Голосъ* находился „въ затруднительномъ положеніи" и былъ бы принужденъ отказаться отъ двадцатилѣтней привычки печатать безъ разбора все что въ извѣстныхъ видахъ приходитъ на умъ, а чаще подсовывается подъ руку, то это конечно не вслѣдствіе необходимости проводить осторожную границу между вопросами „народными" и „ненародными," а развѣ между правдой и ложью. Если эти господа дѣйствительно готовы „во имя народнаго блага произвести надъ собой нѣсколько болѣзненную операцію," то они не могутъ находиться „въ затрудненіи насчетъ того что слѣдуетъ „обрѣзывать" и чего нѣтъ," иначе говоря что слѣдуетъ поставить какъ *истину* и что слѣдуетъ выбросить какъ *ложь*. Пусть они серіозно рѣшатся на эту, дѣйствительно, для нихъ тяжелую операцію, и можетъ-быть не окажется надобности отрекаться ни трижды, ни дважды, ни единожды отъ вопросовъ „на которые наталкиваетъ сама жизнь и всѣ ея условія."

Къ сожалѣнію, „полная готовность" *Голоса* совершенно притворна. Онъ не мо-

жетъ отказаться отъ лжи, такъ какъ въ ней вся его сила и въ ней одной онъ находитъ средства къ существованію.

Посмотрите, напримѣръ, какія онъ приводитъ доказательства въ подтвержденіе своего „затруднительнаго положенія:“

„Нужно же въ самомъ дѣлѣ составить себѣ списокъ вопросовъ доброкачественныхъ и зловредныхъ, тѣмъ болѣе что безъ руководящей линіи мы легко можемъ запутаться въ этомъ новомъ для насъ дѣлѣ. Напримѣръ народное просвѣщеніе: народная оно нужда или нѣтъ? Не говоримъ о высшемъ и даже среднемъ образованіи. Эти нужды признаны (кѣмъ?) „искусственными“ и подбитыми стремленіемъ къ „господчинѣ“ (?). Но народная школа? Съ одной стороны, какъ будто нужна, потому что безъ нея народъ пребудетъ темною массой, останется безъ сознательнаго пониманія своихъ правъ и обязанностей, а потому и легкою жертвой чужаго „хищенія“ и собственнаго неразумія. Съ другой стороны, какъ будто и не нужна, потому что даже малѣйшее образованіе можетъ сдвинуть народъ съ историческихъ устоевъ, открыть предъ нимъ новые горизонты, внести въ его умъ иныя понятія,—словомъ, испортить его. Какъ быть?

Какъ быть? Прежде всего не лгать. Неужели кто-нибудь у насъ теперь *принужденъ* „дважды и трижды отрекаться“ отъ народнаго просвѣщенія и считать его „ненародною нуждой?“ Неужели высшее и среднее образованіе дѣйствительно у насъ „признаны нуждами искусственными?“ Вѣдь это неправда! Все что тутъ наговорилъ *Голосъ* онъ дѣйствительно долженъ былъ бы „пообрѣзать,“ но пообрѣзать не что-либо иное, а только ложь. Высшее, среднее и низшее образованіе необходимо и полезно для народа, но только подъ условіемъ чтобъ образованіе это на всѣхъ трехъ ступеняхъ было дѣйствительностію, а не обманомъ, образованіемъ истиннымъ, а не фальшивымъ. Если мы серіозно будемъ желать чтобъ изъ нашихъ университетовъ выходили дѣльные люди науки, изъ нашихъ гимназій дѣльные студенты, изъ нашихъ народныхъ школъ дѣльные земледѣльцы и ремесленники, то желаніе наше дѣйствительно будетъ согласоваться съ потребностями нашей жизни и всѣхъ ея условій, и намъ не придется что-либо „обрѣзывать“ и отъ чего-либо „отрекаться.“ Если мы будемъ стремиться къ тому чтобы наши студенты съ серіознымъ рвеніемъ посвящали себя исключительно серіознымъ научнымъ занятіямъ, чтобы наука въ университетѣ дѣйствительно преподавалась строго научнымъ образомъ и чтобы, наконецъ, наши университеты наиболѣе приближались къ наилучшему въ образованномъ мірѣ типу университета, то наши стремленія будутъ соотвѣтствовать *истиннымъ* потребностямъ нашего высшаго образованія. Точно также если мы будемъ стараться чтобы наши гимназіи дѣльнымъ и серіознымъ образомъ подготовляли нашихъ дѣтей къ научнымъ занятіямъ въ университетѣ, чтобы преподаваніе въ нашихъ гимназіяхъ велось не кое-какъ, но ставило бы себѣ въ образецъ самое лучшее гимназическое преподаваніе, какимъ безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ признать преподаваніе въ германскихъ гимназіяхъ, то насъ нельзя будетъ обвинять въ безсмысленномъ „европейничаніи,“ такъ какъ наши стремленія ни на чемъ другомъ не будутъ основаны какъ на дѣйствительной *истинѣ*. Но если мы стали бы слѣдовать за нашею „либеральною интеллигенціей“ и за „органами *правоваго* порядка,“ еслибы мы вмѣстѣ съ ними стали добиваться не упроченія, а *крушенія* (sic) нашего средняго и высшаго образованія, еслибы мы стали стремиться къ тому чтобы превратить нашихъ студентовъ не въ серіозныхъ людей науки, а въ пустыхъ говоруновъ, еслибы мы старались поддерживать настоящее безобразное и расшатанное положеніе нашихъ университетовъ въ которыхъ студенты переходятъ съ курса на курсъ не посѣщая университетскихъ лекцій, и въ которыхъ профессора то играютъ со студентами въ „парламентъ,“ то напускаютъ на нихъ полицію; еслибы мы, наконецъ, стали добиваться чтобы въ нашихъ гимназіяхъ учились какъ можно меньше и какъ можно хуже, чтобы названіе *классическихъ* гимназій было ложью, чтобы въ нихъ систематически развивались своеволіе, лѣнь, праздность и возможно бо́льшая безнаказанность учащихся, то наши желанія были бы преступны предъ нашимъ отечествомъ не потому что они были бы „не народны,“ а потому что они всецѣло были бы основаны на самой безсовѣстной *фальши*.

Не въ такомъ ли же точно положеніи находится вопросъ и о народной школѣ? Стремитесь къ тому чтобы нашъ простой

народъ состоялъ изъ грамотныхъ и толковыхъ людей, и ваши стремленія будутъ вполнѣ законны и согласны съ истинными потребностями нашего отечества. Съ этою только цѣлью и требуйте возможно большаго размноженія народныхъ школъ. Но коль скоро вы эти школы будете превращать въ разсадники соціализма, если вы будете отрывать крестьянъ отъ земли и ремесленниковъ отъ станковъ чтобы дѣлать изъ нихъ необходимыхъ для крамолы полузнаекъ, если вы будете назначать въ сельскія школы просвѣтителей въ родѣ Соловьевыхъ и Нечаевыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будете закидывать грязью правительство коль скоро оно захочетъ провѣрить чему на самомъ дѣлѣ вы учите простой народъ, тогда дѣйствительно вамъ слѣдуетъ „пообрѣзать" свои желанія, но не потому лишь что они „не народны," а потому прежде всего что они направлены къ распространенію среди народа самой гнусной лжи...

То же самое можно сказать и о другомъ примѣрѣ, который приводитъ *Голосъ*, въ подтвержденіе своего якобы „затруднительнаго положенія." „Свобода печати," говоритъ онъ,

„есть ли народная нужда или она принадлежитъ къ числу тѣхъ „прихотей" которыя слѣдуетъ „обрѣзать?" Обсуждая этотъ вопросъ съ точки зрѣнія *массы* русскаго населенія, нельзя не придти къ заключенію что нужда не только въ свободѣ печати, но и въ самой печати не есть нужда народная... Итакъ всякое желаніе по части расширенія правъ печати не можетъ быть повидимому зачислено по части „народныхъ нуждъ." Тѣмъ не менѣе ежедневный опытъ наводитъ насъ на нѣкоторыя сомнѣнія. Мы полагаемъ что многія темныя стороны въ нашей администраціи исчезли бы подъ дѣйствіемъ гласности... и что въ нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ было бы больше жизни и меньше халатности и недобросовѣстности еслибъ общественные дѣятели чувствовали надъ собою контроль органовъ гласности... Обвинять журналиста за то, что онъ хочетъ большей свободы печати, все равно что обвинять земледѣльца въ желаніи имѣть побольше удобренія для своего поля, или платить поменьше податей, или получить хорошій урожай. Можетъ-быть мы заблуждаемся. Поэтому мы и просимъ указаній отъ лицъ болѣе насъ свѣдущихъ въ „народной политикѣ."

Оставляемъ смѣлое сравненіе печати съ „удобреніемъ для поля" на совѣсти *Голоса* и укажемъ только на то что и здѣсь вопросъ о свободѣ печати поставленъ имъ на совершенно ложную почву. Никто ему не запрещаетъ раскрывать „многія темныя стороны въ нашей администраціи, халатность и недобросовѣстность нашихъ земскихъ и городскихъ учрежденій," но только съ тѣмъ условіемъ чтобъ онъ говорилъ *правду*. Если же подъ „свободой печати" разумѣть право безнаказанно лгать и клеветать въ тенденціозныхъ видахъ, извращать, выдумывать, преувеличивать, то это уже не „свобода печати," а свобода печатнаго разбоя и мошенничества. Или же въ самомъ дѣлѣ эти господа были поборниками истины когда рукоплескали несчастной якобы „жертвѣ" нигилисткѣ Засуличъ, когда раздували ветлянскую чуму, а въ прошломъ году пугали призракомъ повальнаго голода будто бы отъ того что у насъ нѣтъ *конституціи*; когда безсовѣстно клеветали и клевещутъ на нашу учебную реформу основываясь на фантастическихъ, сто разъ опровергнутыхъ „цифровыхъ данныхъ," когда они ежедневно стремятся подорвать въ народѣ главную его силу, вѣру въ Бога и преданность власти, и увѣряютъ что онъ въ настоящее время изнемогаетъ подъ „мрачною, безвыходною реакціей," когда они наконецъ свой патріотизмъ выражаютъ въ стремленіи раздробить единую Россію на множество яко бы въ ней механически связанныхъ „народовъ?" Вотъ тотъ матеріалъ который нуженъ „либеральному" журналисту для „удобренія своего поля," вотъ почему съ его поля и поднимаются тѣ міазмы противъ которыхъ приходится принимать мѣры дезинфекціи.

Какою же нужно обладать дерзостью чтобы, стремясь къ сознательному всенародному обману, прикидываться кроткимъ смиренникомъ?

—

№ 23.

Москва, 22-го января.

Недавно въ Петербургѣ, на Волковомъ полѣ, испытывались принятыя отъ Круппа громадныя стальныя пушки одиннадцатидюймоваго калибра. Орудія эти, какъ передали *С.-Петербургскія Вѣдомости*, ока-

зались „ни куда не годными,“ такъ же какъ и отлитыя на Обуховскомъ заводѣ по образцу крупповскихъ. „Намъ кажется, прибавляетъ названная газета, что причина непригодности крупповскихъ страшно дорогихъ орудій заключается главнымъ образомъ въ томъ что Круппу излишне много довѣряютъ: принимаютъ отъ него пушки и платятъ за нихъ не послѣ испытанія, а лишь по изслѣдованіи ихъ размѣровъ и наружнаго вида.“

Наша артиллерія ведетъ изъ года въ годъ большія милліонныя дѣла съ заводомъ Круппа, и это замѣчаніе имѣетъ само по себѣ серіозное практическое значеніе, но дѣло не въ немъ. Случай вызвавшій его имѣетъ общее значеніе и невольно возбуждаетъ вопросъ нѣтъ ли въ нашихъ военно-техническихъ порядкахъ какого-нибудь крупнаго пробѣла дѣлающаго подобныя явленія возможными. Этотъ послѣдній вопросъ, въ свою очередь, стоитъ въ неразрывной связи съ дѣломъ переустройства высшаго военнаго управленія, которое теперь на очереди.

Стоитъ заглянуть въ журналы занятій артиллерійскаго комитета за последнее время, и мы найдемъ тамъ цѣлый рядъ явленій идущихъ въ pendant къ случаю съ пушками Круппа. Беремъ, напримѣръ, октябрьскую книжку *Артиллерійскаго Журнала*, весьма въ этомъ отношеніи любопытную. Изъ журнала артиллерійскаго комитета за № 261 видимъ что до сихъ поръ ружейный порохъ у насъ укупоривается въ деревянныя бочки и резиновые мѣшки. Эти мѣшки, изготовляемые каждый на три пуда пороха, „обходятся очень дорого,“ по 8 руб. за штуку, а между тѣмъ не удовлетворяютъ условіямъ герметической укупорки. Инспекторъ пороховыхъ заводовъ предложилъ замѣнить эти мѣшки жестянками устанавливаемыми въ деревянные ящики, причемъ на укупорку трехъ пудовъ пороха потребуется расходъ всего въ 4 р. 70 к., что даетъ на каждомъ пудѣ около рубля экономіи. Дѣло тянется три года и до сихъ поръ не рѣшено подъ тѣмъ только предлогомъ что выработанный образецъ жестянокъ „не составляетъ еще послѣдняго слова въ дѣлѣ укупорки.“ Въ погонѣ за лучшимъ упускается хорошее, и казна вовлекается въ крупныя и безполезныя передержки.

Другой примѣръ даетъ журналъ за № 255. Оказывается что до 1877 года всѣ колеса изготовляемыя для артиллеріи перевозились изъ однихъ складовъ въ другіе и въ батареи не иначе какъ укупоренными въ рогожи. Въ 1877 году представилась необходимость разослать изъ складовъ Виленскаго округа большое число колесъ по батареямъ. Мѣстный начальникъ артиллеріи, для устраненія „предстоявшаго по этому случаю весьма значительнаго расхода,“ созвалъ въ округѣ особую коммиссію, которая, обсудивъ дѣло, нашла излишнимъ укупоривать колеса если ихъ будутъ надѣвать рядами на жерди и въ такомъ видѣ устанавливать на желѣзно-дорожныхъ платформахъ или на возахъ. Высшее артиллерійское начальство сейчасъ же предписало принять этотъ способъ повсемѣстно, что неупустительно исполнялось въ теченіе трехъ лѣтъ, и жалобъ на это ни откуда не было. Вдругъ изъ Петербургскаго склада послали въ Оренбургскій какихъ-то 412 колесъ. Оказалось что колеса эти прибыли на мѣсто со „значительными“ поврежденіями, и потребовался порядочный расходъ на ихъ починку. Сейчасъ же вновь возбудили вопросъ объ укупоркѣ колесъ, на томъ основаніи что даже такія поврежденія какъ трещины въ деревянныхъ частяхъ колесъ, ослабленія шинъ и обручей, суть „неизбѣжное слѣдствіе отправки колесъ неукупоренными,“ ибо „артиллерійскія колеса“ въ первое время по ихъ изготовленіи имѣютъ свойство усыхать. Послѣдовало приказаніе укупоривать колеса... Но было ли для этого достаточное основаніе, вопросъ остался въ сторонѣ. Если колеса въ первое время по изготовленіи еще не годны къ службѣ, то ихъ нечего и разсылать въ мѣста назначенія; если же они годны къ службѣ, если каждое изъ нихъ можетъ и должно быть немедленно надѣто на пушечную ось, какъ было въ 1877 году, тогда ушивать ихъ въ рогожи безполезно: колесо пушки должно же быть таково чтобы не только „до Казани докатилось,“ а прошло отъ любаго русскаго города на какія угодно разстоянія, куда укажутъ военныя обстоятельства. Какимъ образомъ опытъ съ четырьмя сотнями колесъ оказался важнѣе трехлѣтняго повсемѣстнаго опыта? А между тѣмъ казна вслѣдствіе новаго распоряженія заплатитъ понапрасну десятки и сотни тысячъ...

Но вотъ журналъ артиллерійскаго комитета за № 285, онъ озаглавленъ: „О причинахъ появленія желтыхъ пятенъ на

картузахъ и порохѣ зарядовъ при храненіи." Дѣло вотъ въ чемъ. Въ прежнее время мѣшки (картузы) въ которые насыпаются пушечные заряды дѣлались изъ шерстяной матеріи. Нашли что эта матерія въ невѣроятномъ количествѣ истребляется молью, и что ее выгоднѣе замѣнить матеріей изъ шелковыхъ оческовъ. Эта перемѣна состоялась десять лѣтъ назадъ, и до 1880 года все обходилось благополучно; жалобъ слышно не было; неудобствъ отъ того въ минувшую нашу войну съ Турками не замѣчено. Вдругъ въ Брестъ-Литовскомъ артиллерійскомъ складѣ нашлись четыре заряда съ пятнами желтаго цвѣта. Начинается разслѣдованіе причинъ. Разсматриваютъ пятна въ микроскопъ и находятъ „множество" яичекъ какого-то насѣкомаго, плѣсень, а „на нѣкоторыхъ образщикахъ пятенъ взятыхъ для изслѣдованія — жучковъ похожихъ на жучковъ встрѣчающихся въ мукѣ." Жучки эти не оставляютъ въ покоѣ даже пороха! Ткань становится непрочною. Посланъ запросъ во всѣ военные округа. Оказалось что такія или подобныя пятна замѣчаются повсемѣстно и происходятъ „отъ сырости воздуха и недостаточности вентиляціи тѣхъ помѣщеній гдѣ хранятся заряды." Начальникъ артиллеріи Казанскаго округа пригласилъ для изслѣдованія пятенъ профессора Сорокина, который и разъяснилъ что эти пятна обыкновенная плѣсень, точно такая же какая появляется на растеніяхъ гербарія, если онъ лежитъ въ сыромъ мѣстѣ. Дѣло, кажется, ясно, и надо распорядиться чтобы помѣщенія для зарядовъ были сухи и хорошо вентилируемы. На дѣлѣ вышло иначе. Комитетъ нашелъ что бѣда заключается не въ сырости помѣщеній, а въ свойствѣ де ткани, способной втягивать сырость. Надо де эту ткань *дубить*, измѣнивъ самый способъ ея изготовленія на заводахъ и, сверхъ того, каждый зарядъ укупоривать въ жестянку, предварительно обернувъ его паклей, а самую жестянку—непромокаемымъ холстомъ... Теперь уже производятся по этому предмету опыты. Но во что обойдется казнѣ такой способъ храненія—объ этомъ не было и рѣчи.

Къ чему же, однако, все это ведетъ? Чтобы заключить контрактъ на три года, въ суммѣ какихъ-нибудь десяти-пятнадцати тысячъ, чтобы измѣнить какую-нибудь ничтожную мелочь въ обмундированіи или увеличить на нѣсколько копѣекъ отпускъ казны на какой-нибудь предметъ солдатскаго довольствія, словомъ, по всѣмъ новымъ вопросамъ военнаго хозяйства требуется утвержденіе Военнаго Совѣта, учрежденія замѣнившаго существовавшій прежде Военный Департаментъ Государственнаго Совѣта. Ясно что и техническіе вопросы должны разрѣшаться тѣмъ же порядкомъ. Нельзя остаться навсегда при томъ порядкѣ что *техническое* рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ по вооруженію войскъ, по изготовленію ружей, пушекъ, пороха, снарядовъ, по храненію ихъ, находится въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ поставленныхъ слишкомъ зависимо въ служебномъ отношеніи и на половину молодыхъ, частью даже въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. При такомъ порядкѣ всегда будетъ случаться то что было до сихъ поръ: въ вопросахъ первостепенной важности, но сопряженныхъ съ громадными затратами, мы будемъ отставать, потому что мнѣніе комитета не достаточно авторитетно; въ вопросахъ болѣе мелкихъ, идя за комитетомъ, будемъ получать рѣшенія и не дешевыя, и слишкомъ страдающія погоней за новизной, какъ напримѣръ введеніе резиновыхъ мѣшковъ оказавшихся непригодными и слишкомъ дорогими. Нельзя не пожелать чтобы при обсужденіи реформы высшаго военнаго управленія это обстоятельство обратило на себя подобающее вниманіе и было такъ или иначе устранено: тогда можно надѣяться что наша артиллерія, не тщась перегонять другія въ мелочахъ, не отстанетъ отъ нихъ въ дѣлахъ крупныхъ.

№ 24.

Москва, 23-го января.

Либеральныя фракціи Германскаго рейхстага и вообще весь тамошній парламентскій муравейникъ до сихъ поръ опомниться не могутъ послѣ удара понесеннаго ими въ засѣданіи прошедшаго вторника, 24 января, вслѣдствіе громовой рѣчи князя Бисмарка. Ударъ этотъ почувствовали, впрочемъ, не одни германскіе либералы и парламентаристы. Князь Бисмаркъ развилъ въ этой рѣчи всю свою ораторскую мощь; слово его, всегда оригинальное и живое, достигало на этотъ разъ высокаго и увлека-

тельнаго краснорѣчія, какое и великимъ ораторамъ удается лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ такія минуты ораторъ властвуетъ надъ своею аудиторіей и покоряетъ ее. Такъ было и на этотъ разъ, и германскіе либералы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ кои не лишены политическаго чутья, поняли что было бы совершенно безполезно оспаривать доводы князя Бисмарка „по существу.“ Ни одинъ изъ ораторовъ говорившихъ послѣ него—а говорили многіе и самые вліятельные—и ни одна изъ солидныхъ либеральныхъ газетъ разбиравшихъ рѣчь князя Бисмарка, и не пытались опровергнуть то что имперскій канцлеръ высказалъ о значеніи монархическаго принципа вообще и въ Германіи и Пруссіи въ особенности. Всѣ возраженія ограничивались лишь указаніемъ на то что никто де и не оспариваетъ принциповъ изложенныхъ княземъ Бисмаркомъ, а потому неизвѣстно де что именно побудило его говорить столь пространно и съ такимъ жаромъ и стремительностью. Но эта оговорка есть ни что иное какъ замаскированное сознаніе понесеннаго пораженія, ибо рескриптъ короля Прусскаго отъ 7 января, послужившій поводомъ къ преніямъ 24 января въ имперскомъ рейхстагѣ, подвергался въ теченіи двухъ недѣль комментаріямъ со стороны либеральной нѣмецкой печати которые вновь поставили ребромъ вопросъ о томъ кому принадлежитъ въ современномъ государствѣ верховная власть — случайному ли парламентскому большинству, или же коронѣ. Рѣчь князя Бисмарка была, по его словамъ, „подлиннымъ“ истолкованіемъ королевскаго рескрипта; но вмѣстѣ это была и энергическая, пламенная отповѣдь противъ доктрины парламентаризма въ защиту законной монархіи въ тѣхъ странахъ которыя сохранили ее неприкосновенною отъ революціонныхъ бурь текущаго столѣтія и сберегли ея историческую преемственность и живую связь съ народомъ.

Рѣчь прогрессистскаго вожака г. Генеля, которою воспользовался князь Бисмаркъ дабы высказаться предъ рейхстагомъ и страной о значеніи королевскаго рескрипта отъ 7 января была краткимъ, но весьма искуснымъ, изложеніемъ теоріи парламентаризма. Г. Генель, какъ профессоръ государственнаго права и одинъ изъ выдающихся ораторовъ своей партіи, ловко формуловалъ основный пунктъ доктрины объ „отвѣтственности министровъ“ и „безотвѣтственности короны.“ Но государства существуютъ и развиваются не по теоретическимъ измышленіямъ, а въ силу исторической преемственности, и тамъ гдѣ трудомъ столѣтій власть собрана воедино и установилось *единовластіе*, *монархія* въ истинномъ смыслѣ термина, тамъ упомянутая доктрина не можетъ не придти въ столкновеніе съ живою дѣйствительностью и не померкнуть предъ нею.

Это-то непримиримое противорѣчіе между вожделѣніями парламентской клики которая хотѣла бы *безотвѣтственно* управлять государствомъ, предоставляя монарху *безотвѣтственное* ничего-недѣланіе,—и вѣковою исторической силой монархическаго принципа въ Пруссіи и Германіи, князь Бисмаркъ и избралъ главною темой для своей аргументаціи, и исторія парламентаризма въ Пруссіи, со времени установленія онаго до послѣднихъ дней, то-есть въ теченіе тридцати лѣтъ, дала ему богатый и обильный матеріалъ, коимъ онъ мастерски воспользовался дабы показать какъ велики историческія заслуги Прусской монархіи, которая совершила свое дѣло обновленія и объединенія Германіи исключительно лишь благодаря тому что она дѣйствовала наперекоръ парламентскому большинству и въ явное нарушеніе принципа парламентаризма о безотвѣтственности короны и объ отвѣтственности министровъ предъ парламентомъ.

Нѣтъ надобности воспроизводить здѣсь блестящую аргументацію князя Бисмарка, такъ какъ мы уже привели его рѣчь *in extenso*. Укажемъ, кстати, лишь на одно мѣсто въ этой рѣчи, напоминающее о томъ чего могла бы ожидать Россія въ случаѣ торжества германскихъ либераловъ.

„Еслибы король,“ сказалъ князь Бисмаркъ, „былъ лишенъ возможности осу-„ществить свою собственную внѣшнюю по-„литику, а былъ вынужденъ слѣдовать по-„литикѣ парламентскаго большинства, то „въ 1863 году намъ пришлось бы принять „сторону польскихъ мятежниковъ противъ „Россіи и поддержать возстаніе въ Поль-„шѣ, какъ того требовалъ тогдашній вице-„президентъ ландтага, депутатъ изъ Дан-„цига, г. Берендъ. Политика короля за-„ключалась въ томъ что должно менажи-„ровать Россію и заручиться ея дружбой „въ виду предстоявшихъ войнъ и ожидае-„мыхъ великихъ событій въ будущемъ. Тог-

„дашняя же политика либеральнаго парламентскаго большинства можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: *тамъ шумятъ, тамъ бушуютъ, тамъ подвергается нападенію правительство. Это намъ по сердцу.* А потому, не долго думая, парламентскій хоръ затянулъ здѣсь „*Jeszcze Polska nie sginela* и съ этимъ крикомъ готовъ былъ ринуться впередъ. Такова политика которую хотѣли навязать королю и которая была бы ему навязана еслибы король не послѣдовалъ своей собственной."

№ 26.

Москва, 25-го января.

По извѣстіямъ сообщаемымъ петербургскими газетами, коммиссія, назначенная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ для составленія проекта новаго Уложенія о Наказаніяхъ, усердно продолжаетъ начатое ею дѣло, и работы ея подвигаются впередъ съ успѣхомъ. Общая часть Уложенія, заключающая въ себѣ лѣстницу наказаній, опредѣленіе власти суда при примѣненіи наказаній, общія правила о вмѣненіи, о сообществѣ въ преступленіи, о покушеніи, о причинахъ невмѣняемости, о смягченіи наказанія и о погашеніи силою давности, нынѣ уже вполнѣ окончена и представляетъ собою, согласно тѣмъ же газетнымъ извѣстіямъ, значительное упрощеніе сравнительно съ дѣйствующимъ до сихъ поръ уголовнымъ кодексомъ, коего общая часть заключаетъ въ себѣ 173 параграфа, тогда какъ въ проектѣ коммиссіи вся общая часть имѣетъ не болѣе 70 параграфовъ. Такъ какъ общая часть уголовнаго кодекса всегда составляетъ нѣчто законченное, независимое отъ части обнимающей отдѣльные роды и виды преступленій и положенныхъ за оныя наказаній, то было бы весьма не лишнимъ опубликовать теперь же эту общую часть проекта, по примѣру того какъ въ послѣднее время предавались гласности и прочіе важнѣйшіе законопроекты въ области матеріальнаго права, какъ напримѣръ объ ипотечной системѣ. Во всякомъ случаѣ нужно надѣяться что печати дана будетъ возможность высказаться по поводу проектируемаго кодекса, по частямъ или въ цѣломъ составѣ онаго, прежде нежели онъ получитъ силу закона. Не имѣя предъ глазами той части проекта которая нынѣ уже изготовлена и которая составляетъ важнѣйшую его часть, мы ограничимся пока лишь нижеслѣдующими указаніями.

Пересмотръ дѣйствующаго у насъ уголовнаго кодекса есть давно ощущаемая необходимость, не потому только что Уложеніе 1845 года во всѣхъ отношеніяхъ устарѣло и не соотвѣтствуетъ ни измѣнившимся условіямъ жизни, ни современнымъ началамъ науки уголовнаго права. Измѣненіе и улучшеніе нашихъ теперешнихъ уголовныхъ законовъ должно въ значительной мѣрѣ повліять и на улучшеніе нашего уголовнаго процесса чрезъ установленіе болѣе соотвѣтствующихъ предѣловъ для компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей. Нигдѣ въ мірѣ судъ присяжныхъ не имѣетъ такой обширной компетенціи какъ у насъ. И это не потому чтобы нашъ кодексъ уголовнаго процесса признавалъ по принципу необходимость возможно болѣе широкаго примѣненія этой формы суда. Онъ скопированъ съ иноземныхъ образцовъ и, подобно кодексамъ тѣхъ странъ отъ которыхъ заимствована нами эта форма суда, сложная и торжественная процедура съ участіемъ двѣнадцати такъ-называемыхъ представителей „общественной совѣсти," признается и у насъ приличествующею лишь при наиболѣе тяжкихъ видахъ преступленій. Между тѣмъ, извѣстно что не менѣе двухъ третей дѣлъ разбираемыхъ у насъ судомъ присяжныхъ составляютъ такъ-называемыя „кражи со взломомъ." Нашъ устарѣлый уголовный кодексъ поставилъ „взломъ" при тайномъ похищеніи чужаго имущества какъ главный признакъ отягченія вины при преступленіяхъ этого рода. Нашъ кассаціонный судъ, истолковывая статьи Уложенія относящіяся до кражи, еще болѣе расширилъ понятіе „взлома," подводя подъ оный рѣшительно всякое, даже не сопровождаемое никакимъ физическимъ усиліемъ, нарушеніе замкнутости помѣщенія. По разъясненіямъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, подъ понятіе взлома, и даже пролома, слѣдуетъ подводить и то если воръ раздвинулъ прогнившую и ничѣмъ не прикрѣпленную солому прикрывающую крышу крестьянскаго амбара или сарайчика дабы проникнуть внутрь такого помѣщенія. Нѣтъ спора что кража сопровождаемая какимъ бы то ни было нару-

шеніемъ цѣлости помѣщенія въ коемъ находилась краденая вещь есть преступленіе которое должно быть наказуемо болѣе строго нежели простая кража. Но нельзя не признать что этотъ признакъ вовсе не исчерпываетъ собой отягчающаго момента въ преступленіи кражи и вообще представляетъ собою довольно неудачное примѣненіе къ нашей жизни признака выработаннаго въ другихъ странахъ и въ иныхъ условіяхъ. „Взломъ“ и „проломъ“ въ примѣненіи къ нашимъ постройкамъ въ родѣ, напримѣръ, крестьянской „клѣти“ и къ употребляемымъ у насъ „замочкамъ“ далеко не совпадаютъ съ французскимъ понятіемъ *effraction*, которое взято нашимъ Уложеніемъ изъ французскаго уголовнаго кодекса. При этомъ хуже всего то что наше Уложеніе о Наказаніяхъ не только относится безразлично строго ко всякаго рода кражѣ со взломомъ, но что эта „строгость“ въ сущности не достигаетъ цѣли законодателя, а лишь влечетъ за собою большое обремененіе суда, заставляя подвергать суду съ присяжными всякаго виновнаго въ кражѣ со взломомъ и въ покушеніи на кражу такого рода. Дѣло въ томъ что наказаніе за кражу со взломомъ, какъ бы ни была ничтожна цѣнность украденнаго, всегда сопровождалось по Уложенію „лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ,“ а по Уставу Уголовнаго Судопроизводства, всѣ преступленія влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ подлежатъ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Такимъ образомъ, по всякой, даже самой ничтожной, кражѣ, если только имѣются какіе-либо признаки указывающіе на „взломъ,“ дѣло направляется прежде всего къ судебному слѣдователю, такъ какъ по важнымъ уголовнымъ дѣламъ производство предварительнаго слѣдствія обязательно. Затѣмъ дѣло поступаетъ къ прокурору, который составляетъ обвинительный актъ, вносимый имъ въ Судебную Палату, разсматривающую оный въ качествѣ обвинительной камеры и предающую обвиняемаго суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Результатъ тотъ что вся эта сложная процедура и самый судъ присяжныхъ, разчитанные на тягчайшіе виды преступленій, въ огромномъ большинствѣ случаевъ приводятся въ движеніе безъ всякой надобности. Если затѣмъ принять во вниманіе что, по уголовной статистикѣ, кражи составляютъ не менѣе 75 процентовъ общаго числа преступленій, то легко будетъ понять какое страшное обремененіе ничтожныя „кражи со взломомъ“ составляютъ для суда, присяжныхъ, прокуратуры и присяжной адвокатуры, обязательно защищающей подсудимыхъ по назначенію отъ суда. Ничего нѣтъ удивительнаго что, вслѣдствіе такого обремененія во многихъ случаяхъ до смѣшнаго ничтожными дѣлами (какъ, напримѣръ, о кражѣ полушубка или старой юпки цѣною въ 30 копѣекъ), судьи, прокуроры и адвокаты привыкаютъ относиться ко своей обязанности съ нѣкоторою небрежностью. Судебная Палата, разсматривающая по нѣскольку десятковъ и даже сотенъ дѣлъ въ одномъ засѣданіи, въ качествѣ обвинительной камеры, не можетъ дѣлать это съ тою тщательностью какая имѣлась въ виду закономъ при установленіи этого учрежденія, долженствующаго служить для привлекаемыхъ къ суду гарантіей противъ односторонности и увлеченій обвинительной власти. Судъ, прокуратура и присяжные, коимъ изо дня въ день приходится обсуждать по нѣскольку дѣлъ о копѣечныхъ кражахъ, пріучаются исполнять свое дѣло съ тѣмъ безучастнымъ и холоднымъ формализмомъ, который такъ пагубенъ въ дѣлѣ правосудія. А для обвиняемыхъ въ мелкихъ кражахъ вся эта сложная процедура, предназначенная къ тому чтобъ оградить ихъ „процессуальныя права,“ имѣетъ въ большинствѣ случаевъ лишь то послѣдствіе что они проводятъ въ тюрьмѣ *до суда* болѣе времени нежели тотъ срокъ заключенія къ коему они приговариваются по суду, такъ какъ судъ не имѣетъ, по нашему закону, права зачесть подсудимому время проведенное подъ предварительнымъ арестомъ при опредѣленіи срока наказанія.

№ 27.

Москва, 26-го января.

Обсуждавшійся минувшею осенью вопросъ о питейной реформѣ долженъ получить законодательное рѣшеніе въ непродолжительномъ времени, по всѣмъ видимостямъ ранѣе наступленія лѣта: патенты на питейныя заведенія выданы только на полгода, въ виду того что съ 1 іюля питейное

дѣло должно стать уже на новыя основанія. Этому нельзя не порадоваться: зло причиняемое отжившею свой вѣкъ существующею питейною системой такъ велико и въ такой мѣрѣ сознано всѣми что невозможно терпѣть его долѣе и откладывать его устраненіе. Медлить этимъ дѣломъ было бы не хорошо и въ томъ случаѣ еслибы не предполагалось никакихъ других податныхъ преобразованій въ видахъ подъема народнаго благосостоянія. Но уже рѣшенное пониженіе выкупныхъ платежей и возвѣщенное въ опубликованномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ регулированіе другихъ податныхъ сборовъ дѣлаютъ ускореніе питейной реформы положительною необходимостію. Безъ этой реформы всѣ мѣры къ облегченію лежащихъ на народѣ тягостей, всѣ жертвы какія въ этихъ видахъ возлагаются и на казну и на разные классы населенія остались бы безплодными. При господствѣ кабака, народъ ничего не выигралъ бы отъ предоставляемыхъ ему льготъ, кабачники не замедлили бы вытянуть изъ крестьянскихъ кармановъ тѣ рубли и копѣйки которые перестанутъ взиматься въ видѣ государственныхъ и иныхъ сборовъ, и мѣры къ подъему народнаго благосостоянія превратились бы на дѣлѣ лишь въ мѣры къ увеличенію доходовъ кабачниковъ, къ усиленію разъѣдающаго народный бытъ пьянства. Дабы всякія мѣры къ улучшенію этого быта дѣйствительно вели къ цѣли, прежде всего долженъ быть положенъ конецъ существованію кабаковъ, ихъ гибельному, разоряющему и развращающему вліянію.

Обстоятельства при которыхъ долженъ нынѣ разсматриваться вопросъ о питейной реформѣ много благопріятнѣе тѣхъ при которыхъ обсуждался этотъ вопросъ минувшею осенью. Многіе неправильные, ошибочные вгляды на питейное дѣло, бывшіе тогда въ полномъ ходу, нынѣ утратили всякій кредитъ въ общемъ мнѣніи. Идея облагороженія кабаковъ, равно какъ и мысль объ учрежденіи „общественныхъ питейныхъ заведеній“ утратили свою прежнюю привлекательность. Почти всѣмъ стало ясно что мѣры проектированныя на основаніи подобныхъ идей послужили бы не къ уменьшенію, а къ увеличенію пьянства, не къ ослабленію, а къ усиленію кабацкаго зла. Необходимо не прикрасить это зло, а уничтожить его, положить конецъ особой профессіи спаиванія народа, а не умножить классъ людей извлекающихъ выгоды изъ такой профессіи включеніемъ въ его ряды цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ. Зло не въ самомъ винѣ и его употребленіи народомъ, даже не въ случайныхъ излишествахъ этого употребленія; зло въ распивочной продажѣ, въ питейныхъ заведеніяхъ съ ихъ соблазнами ведущими къ повальному пьянству. Суть дѣла не въ улучшеніяхъ обстановки распивочной продажи: чѣмъ эта обстановка будетъ лучше, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ губительнѣе будетъ представляемый ею соблазнъ. Равнымъ образомъ, дѣло не въ томъ кому предоставить содержаніе распивочныхъ заведеній и завѣдываніе оными. Пагубное вліяніе распивочной продажи не измѣнится въ своемъ существѣ кто бы ею ни занимался. Это доказано исторіей питейнаго дѣла: и при казенной, и при откупной, и при вольной продажѣ вина, кабаки одинаково развращали тѣхъ кто были къ нимъ приставлены и не переставали быть причиной народнаго разоренія. Покончить навсегда съ кабаками, воспретить повсемѣстно распивочную продажу, оставивъ ее по возможности только въ буфетахъ, вотъ что нужно для того чтобы питейная реформа была дѣйствительно серіознымъ дѣломъ, истинно великимъ благодѣяніемъ для народа.

Убѣжденіе въ этомъ болѣе и болѣе становится общимъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя постановленія земскихъ собраній, и многія заявленія въ печати и, наконецъ, цѣлые проекты объ уменьшеніи пьянства уже поступившіе въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Нѣкоторыми изъ этихъ проектовъ, какъ сообщаютъ въ газетахъ, предлагаются слѣдующія мѣры: 1) сосредоточеніе винокуренія и питейной торговли исключительно и всецѣло въ рукахъ казны, причемъ частныя лица были бы лишены права содержать винные склады и таковые склады устраивались бы только правительствомъ; 2) опредѣленіе стоимости вина по таксѣ (не дороже пяти рублей за ведро), и 3) совершенное уничтоженіе раздробительной продажи, съ оставленіемъ ея только для пива, но съ воспрещеніемъ открытія такъ-называемыхъ портерныхъ лавокъ въ селеніяхъ и городахъ.

Оставляя въ сторонѣ частности которыя могутъ вызвать серіозныя возраженія и замѣчанія, нельзя не признать что рѣшеніе питейнаго вопроса на указанныхъ

основаніяхъ было бы именно тѣмъ которое требуется и казенными, и народными интересами. Ни при какой иной системѣ казна не можетъ получать бóльшаго дохода отъ потребленія питей народомъ какъ при правильно устроенной казенной питейной монополіи. Учрежденіе ея обратило бы въ доходъ казны всѣ тѣ выгоды которыя нынѣ достаются массѣ содержателей винныхъ складовъ и цѣлой арміи кабачниковъ. Эти паразиты перестали бы жить на счетъ народа и быть орудіемъ его разоренія и развращенія. Съ народа былъ бы снятъ платимый имъ нынѣ высокій налогъ въ ихъ пользу, онъ вышелъ бы изъ тяжкой отъ нихъ зависимости. Потребители вина платили бы только его стоимость и лежащій на немъ казенный питейный налогъ, который пересталъ бы ложиться на населеніе такою тяжестью какъ нынѣ. Вино могло бы стать дешевле, а между тѣмъ казенный доходъ съ него выросъ бы въ не малыхъ размѣрахъ. Имѣя въ виду основанія питейной реформы которыя были проектированы предварительною коммиссіей состоявшею при Министерствѣ Финансовъ и затѣмъ совѣщаніемъ „свѣдущихъ людей“ оказавшихся столь мало компетентными въ дѣлѣ, министръ Финансовъ, при составленіи государственнаго бюджета на текущій годъ, долженъ былъ предвидѣть, какъ результатъ реформы, уменьшеніе питейныхъ сборовъ, что̀ и отразилось, конечно, на сведенномъ балансѣ предположенныхъ доходовъ и расходовъ. Замѣна этихъ основаній установленіемъ казенной питейной монополіи совершенно измѣнила бы дѣло и устранила бы опасенія бюджетнаго дефицита. Сокращеніе излишнихъ, не оправдываемыхъ дѣйствительною надобностью расходовъ, безъ сомнѣнія, не перестало бы быть необходимостью; но по всей вѣроятности устранилась бы нужда въ установленіи новыхъ и возвышеніи существующихъ налоговъ.

Не знаемъ, вѣрно ли передана въ газетахъ сущность проектовъ питейной реформы о которыхъ идетъ рѣчь, и дѣйствительно ли предлагается ими отмѣна *раздробительной* продажи. Едва ли въ такой отмѣнѣ можетъ быть надобность. Зло заключается не въ раздробительной, а въ *распивочной* продажѣ, и вѣроятно только отмѣна этой послѣдней и рекомендуется. Не будетъ нынѣшней продажи *съ распитіемъ на мѣстѣ*, не будетъ и того соблазна который сопровождается нынѣ столь печальными послѣдствіями. Болѣе дешевое вино будетъ потребляться не въ меньшемъ, а пожалуй въ большомъ чѣмъ нынѣ количествѣ, но будетъ потребляться болѣе правильнымъ чѣмъ нынѣ образомъ: его будутъ пить по домамъ, въ семейной обстановкѣ, внѣ условій кабацкихъ безобразій и кабацкаго пьянства. Устраненіе распивочной продажи вина (хотя едва ли есть серіозныя побужденія слишкомъ удешевлять его) во всякомъ случаѣ не останется безъ добрыхъ результатовъ. Но нельзя того же сказать объ отмѣнѣ продажи раздробительной. Какія серіозныя соображенія могутъ побуждать къ стѣсненію покупки вина въ малыхъ количествахъ съ разрѣшеніемъ пріобрѣтенія его лишь въ крупной посудѣ? Зачѣмъ заставлять покупать вино въ количествѣ большемъ чѣмъ требуется потребителемъ? Такая мѣра могла бы пожалуй послужить нѣкоторымъ поощреніемъ корчемства, побудивъ людей имѣющихъ возможность покупать вино большими мѣрами продавать его затѣмъ отъ себя людямъ чьи средства позволяютъ пріобрѣтать его лишь въ малыхъ количествахъ.

Затѣмъ представляется весьма сомнительнымъ чтобы, при установленіи казенной питейной монополіи, было полезно сосредоточивать въ рукахъ казны, кромѣ продажи питей, также и *винокуреніе*. Ни казенные, ни народно-хозяйственные интересы такого сосредоточенія не требуютъ. Винокуреніе есть отрасль сельско-хозяйственной промышленности, заниматься коею казнѣ едва ли сподручно. Это не то что̀ продажа вина по таксѣ, тутъ требуется соблюденіе хозяйственныхъ разчетовъ, къ чему чиновники вообще мало способны. Казенное винокуреніе несомнѣнно было бы не выгоднымъ, а накладнымъ для казны дѣломъ. Съ другой стороны, оно окончательно порвало бы связь между винокуреніемъ и сельскимъ хозяйствомъ, возстановленіе и упроченіе коей столь желательно въ интересахъ земледѣлія и скотоводства. Далѣе, при казенномъ винокуреніи представляется гораздо больше удобствъ для развитія корчемства чѣмъ при частномъ. При казенной питейной монополіи, нельзя не слѣдить строго за тѣмъ чтобы вино съ заводовъ не поступало въ продажу помимо казенныхъ складовъ. Злоупотребленія въ этомъ отношеніи одинаково возможны и при казенномъ, и при частномъ вино-

куренія, но сомнительно чтобы чиновники одинаково ревностно преслѣдовали какъ злоупотребленія стороннихъ лицъ, такъ и свои собственныя. Конечно, установленіе казенной питейной монополіи обѣщаетъ столь важныя общегосударственныя выгоды что ради ихъ можно въ крайнемъ случаѣ пожертвовать частнымъ винокуреніемъ и тою пользой которую оно, будучи поставлено въ правильныя условія, можетъ приносить сельскому хозяйству. Но есть ли на дѣлѣ такая крайность? Составляетъ ли казенное винокуреніе необходимое условіе казенной питейной монополіи?

№ 28.

Москва, 27-го января.

Всѣ выдающіеся органы французской печати согласны въ томъ что „пораженіе“ понесенное г. Гамбеттой въ палатѣ депутатовъ было въ дѣйствительности его тріумфомъ, и что его паденіе въ качествѣ министра возвысило его какъ государственнаго человѣка, ибо теперь только выяснилось что онъ одинъ олицетворяетъ собою ясно выраженную и опредѣленную политическую программу, не подчиняющуюся случайнымъ колебаніямъ парламентскаго большинства, а стремящуюся подчинить себѣ это большинство и возвратить власти всю ту твердость, силу и безспорный авторитетъ, безъ которыхъ преуспѣяніе государства равно немыслимо какъ въ монархіи, такъ и въ республикѣ.

Высказывая это, французскія газеты касаются одной лишь внутренней политики и совершенно умалчиваютъ о томъ значеніи которое имѣетъ Гамбетта въ глазахъ Французскаго народа какъ олицетвореніе идеи живущей въ груди каждаго французскаго патріота безъ различія партій, идеи „возрожденія отечества,“ подъ которою, по молчаливому соглашенію всѣхъ, понимается одно и то же, а именно новая рѣшительная борьба съ Германіей. Этою фразой о возрожденіи отечества, составляющемъ задачу его жизни, г. Гамбетта закончилъ свою блестящую рѣчь въ „роковомъ“ для его министерства засѣданіи палаты 26 января, и громъ единодушныхъ рукоплесканій, коими привѣтствовала его палата когда онъ тріумфаторомъ сошелъ съ трибуны, доказалъ его друзьямъ и недругамъ что и послѣ своего „паденія“ какъ главы министерства, онъ болѣе чѣмъ когда-либо остался истиннымъ властелиномъ Франціи.

По вѣрнѣйшаго указанія на то какое могущественное вліяніе на судьбу Франціи которое сохранилъ за собою г. Гамбетта и послѣ своего паденія, слѣдуетъ искать не во Франціи, а въ томъ какъ отнеслась къ послѣднему событію въ Парижѣ заграничная печать. Берлинская печать была такъ взволнована первою вѣстью о паденіи кабинета Гамбетты что потеряла свою обычную сдержанность и въ порывѣ увлеченія высказалась съ несвойственною ей откровенностью. Первое чувство овладѣвшее берлинскою печатью было ликованіе. „Однимъ нарушителемъ мира стало меньше!“ воскликнула берлинская *Національная Газета*, стараясь убѣдить своихъ читателей что пораженіе Гамбетты есть пораженіе цѣлой системы, что „парламентаризмъ“ восторжествовалъ надъ „стремленіемъ къ личному преобладанію.“ Названная газета прежде всего постаралась конечно воспользоваться благопріятнымъ поводомъ чтобъ извлечь изъ него нравоученіе въ духѣ своей либеральной доктрины; но приведенный возгласъ выдалъ ее. Нравоученіе нравоученіемъ, но главнымъ образомъ берлинскіе либералы вмѣстѣ съ консерватизами радовались тому что во Франціи потерпѣлъ пораженіе и, какъ думали на первыхъ порахъ въ Берлинѣ, надолго исчезъ съ политической арены человѣкъ который одинъ внушаетъ Германіи серіозныя опасенія; ибо кто слѣдитъ внимательно за германскою печатью, тотъ знаетъ что преобладающее чувство въ Германіи есть чувство страха предъ грядущимъ столкновеніемъ съ Франціей, которое виситъ надъ Германскимъ народомъ какъ мечъ Дамокла. Берлинская печать съ особеннымъ жаромъ воздавала хвалу президенту Греви, который де сумѣлъ въ тишинѣ подготовить ударъ своему честолюбивому сопернику и возвратить Францію на путь парламентаризма. Понятно что нѣмецкая печать, и не одна только либеральная, считаетъ парламентаризмъ основой общественнаго порядка во Франціи съ точки зрѣнія интересовъ Германіи, и что г. Греви, пассивный и безличный носитель „верховной власти,“ отрекшійся отъ всякой иниціативы и провозгласившій себя покорнымъ исполнителемъ велѣній парламентскаго большин-

ства,—какъ бы ни были случайны и преходящи элементы изъ коихъ оно слагается,—понятно, говоримъ, насколько такой президентъ Французской республики болѣе желателенъ для Нѣмцевъ нежели тотъ кто еще два года тому назадъ одинъ имѣлъ смѣлость открыто высказать затаенную патріотическую идею о необходимости возвратить Франціи то что у нея отнято Германіей и чья политика въ качествѣ главы кабинета въ теченіе двухъ только мѣсяцевъ подала уже не мало поводовъ къ тревожнымъ ожиданіямъ. Г. Гамбетта, ставъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, правда, сохранилъ наружно „дружественныя отношенія" съ Германіей. Но г. де-Сенъ-Валье, занимавшій постъ французскаго посла въ Берлинѣ со времени Берлинскаго конгресса и пріобрѣтшій себѣ расположеніе при тамошнемъ дворѣ, былъ немедленно отозванъ изъ Берлина, и мѣсто его до сихъ поръ оставалось незамѣщеннымъ. Замѣна генерала Шанзи, въ качествѣ французскаго посла въ Петербургѣ, генераломъ Шадорди также пришлась не по вкусу берлинскимъ политикамъ. Столь же косо и подозрительно взирали въ Берлинѣ на установившіяся сразу интимныя отношенія между кабинетомъ г. Гамбетты и кабинетомъ г. Гладстона. Англійская печать почти единодушно высказала свое сожалѣніе по поводу паденія французскаго кабинета, а въ Берлинѣ и это обстоятельство было принято какъ доказательство того какія опасности угрожали бы „европейскому миру" (то-есть Германіи) еслибы Гамбеттѣ удалось упрочить свою власть.

Радость берлинской печати продолжалась, однако, не долго. Когда въ Берлинѣ узнали подробности о засѣданіи Французской палаты 26 января, свѣтлое настроеніе значительно омрачилось. Оваціи которыя оказаны были г. Гамбеттѣ въ средѣ самой палаты въ день его пораженія не могли не убѣдить берлинскихъ публицистовъ что они слишкомъ поторопились своими надгробными рѣчами надъ политическою дѣятельностью эксъ-диктатора Франціи. Особенно не понравилось то что и австрійская печать высказала г. Гамбеттѣ свое сочувствіе. „Мы не можемъ понять," замѣтила *Національная Газета*, „во имя какихъ государственныхъ интересовъ Австріи австрійская печать выражала свое сочувствіе г. Гамбеттѣ." Понять это, однако, не особенно трудно. Какъ ни тѣсенъ союзъ между Германіей и Австро-Венгріей, въ австрійской печати довольно часто прорывается чувство затаенной вражды которую въ Австріи еще очень многіе питаютъ къ счастливому сопернику и побѣдителю. Самъ князь Бисмаркъ въ своей недавней рѣчи въ рейхстагѣ съ желчью упомянулъ о „вѣнскихъ газетахъ находящихся на жалованьи у Французовъ." Такихъ газетъ, открыто выражающихъ свою симпатію ко Франціи, въ Вѣнѣ не мало, и едва ли всѣ онѣ подкуплены Франціей. Во всякомъ случаѣ, трудно приписать подкупу хвалебныя изліянія вѣнскихъ газетъ *павшему* министру.

Какъ бы то ни было, но и берлинская печать должна была сознаться что пораженіе г. Гамбетты весьма близко граничитъ съ тріумфомъ, и что было слишкомъ поспѣшно считать его навсегда устраненнымъ отъ управленія Франціей. Оставаясь при своемъ мнѣніи что Гамбетта не можетъ быть признанъ истинно великимъ государственнымъ человѣкомъ, и сравнивая его съ героемъ послѣдняго романа Альфонса Доде, Нюма Рюместаномъ, *Національная Газета* вынуждена сознаться что обаяніе личности Гамбетты надъ умами Французовъ осталось во всей своей силѣ, и что рано или поздно они призовутъ обратно „этого человѣка который хочетъ быть не конституціоннымъ министромъ, а полновластнымъ повелителемъ." „Этотъ день не будетъ счастливымъ днемъ для Франціи," замѣчаетъ далѣе цитуемая газета, „но этотъ громъ рукоплесканій, коимъ былъ привѣтствованъ павшій министръ, не можетъ быть упущенъ изъ виду тѣми кто желаетъ вѣрно разчитать будущій ходъ событій во Франціи. Сознаемся что для насъ онъ былъ очень назидателенъ."

№ 29.

Москва, 28-го января.

Паденіе министерства Гамбетты поставило президента Французской республики, г. Греви, въ немалое затрудненіе. По строгимъ правиламъ парламентаризма, онъ долженъ былъ руководиться при составленіи новаго кабинета рѣшеніемъ палаты, свергнувшимъ предшествовавшее министерство. Это рѣшеніе требовало „неограниченнаго пересмотра конституціи," противъ котора-

го такъ горячо ратовалъ г. Гамбетта и который палата, наперекоръ ему, приняла 268 голосами противъ 218. Новое министерство должно было быть выбрано изъ числа этихъ 268 депутатовъ, признавшихъ необходимымъ произвести конституціонную реформу въ самомъ скоромъ времени и въ самомъ обширномъ размѣрѣ, и новое правительство должно было немедленно приступить къ осуществленію этой реформы „требуемой Французскимъ народомъ въ лицѣ большинства его представителей."

Но парламентская теорія оказалась въ данномъ случаѣ настолько несостоятельною что даже такой горячій поклонникъ ея какъ г. Греви нашелъ себя вынужденнымъ не только уклониться отъ нея на практикѣ, но даже нарушить ее самымъ рѣшительнымъ образомъ. Новое министерство Фрейсине составлено имъ не изъ большинства свергнувшаго г. Гамбетту, а изъ меньшинства поддерживавшаго его политику. Мало того, новый кабинетъ не только не намѣренъ подчиниться рѣшенію палаты касательно неограниченнаго пересмотра конституціи, но не желаетъ даже приступить къ какой бы то ни было конституціонной реформѣ, считая ее преждевременною. Такимъ образомъ г. Греви принужденъ былъ обстоятельствами составить министерство которое, по парламентской фикціи, „противорѣчитъ священной волѣ верховнаго владыки Франціи, всемогущаго народа."

Французскіе доктринеры, радикалы и друзья г. Гамбетты не преминули, конечно, воспользоваться этимъ случаемъ чтобъ обвинить г. Греви и его новыхъ министровъ въ „нарушеніи самыхъ элементарныхъ парламентскихъ преданій." Даже самъ г. Гамбетта подсмѣивается надъ новымъ министерствомъ въ своей *République Française* (которая теперь снова издается подъ его непосредственнымъ, открыто заявленнымъ руководствомъ) и съ язвительностью указываетъ на то что г. Фрейсине въ своей программѣ выражаетъ „полную готовность подчиняться авторитету палаты," а между тѣмъ начинаетъ съ того что не исполняетъ ея рѣшенія касательно пересмотра конституціи.

Несмотря на эти не безъосновательные упреки, нельзя однако не признать что изо всѣхъ разнообразныхъ рѣшеній представлявшихся г. Греви по выходѣ г. Гамбетты, онъ принялъ если не самое лучшее, то во всякомъ случаѣ наименѣе худшее. Большинство свергнувшее г. Гамбетту представляло собою коалицію трехъ различныхъ враждебныхъ другъ другу партій: монархистовъ, умѣренныхъ республиканцевъ и крайнихъ радикаловъ. Составить парламентское министерство изъ этихъ разнородныхъ элементовъ было дѣломъ очевидно невозможнымъ. Къ тому же лишь крайніе радикалы, въ числѣ 55 человѣкъ, подали голосъ противъ г. Гамбетты изъ серіознаго желанія подвергнуть конституцію неограниченному пересмотру, остальные же 213 депутатовъ высказались за этотъ пересмотръ только изъ личной ненависти къ г. Гамбеттѣ. Невозможно было также составить министерство изъ депутатовъ одной изъ трехъ партій вступившихъ въ коалицію противъ г. Гамбетты, такъ какъ монархисты и умѣренные республиканцы не имѣли никакой опредѣленной правительственной программы кромѣ простаго сверженія г. Гамбетты, а радикалы, имѣя ясно намѣченную программу, не могли разчитывать на сочувствіе какъ самого г. Греви, такъ и остальныхъ партій палаты депутатовъ. Такимъ образомъ пришлось для образованія новаго кабинета обратиться за содѣйствіемъ къ меньшинству, т.-е. къ друзьямъ г. Гамбетты.

Но тутъ явилось новое затрудненіе. Нельзя было довести нарушеніе парламентскихъ приличій до того что новые министры усвоили бы себѣ всецѣло отвергнутую палатой политическую программу г. Гамбетты. Съ другой стороны, палата оказалась раздробленною на такія мелкія партіи что вообще никакая сколько-нибудь ясно опредѣленная политическая программа не могла разчитывать на поддержку сильнаго и тѣсно сплоченнаго большинства. Такимъ образомъ, единственно возможнымъ представилось образованіе кабинета безо всякаго опредѣленнаго политическаго характера, кабинета отсрочки, перемирія и бездѣйствія. Подобный кабинетъ могъ дѣйствительно встрѣтить всеобщее сочувствіе враждующихъ партій, желающихъ нѣсколько отдохнуть и оправиться послѣ только что оконченнаго ожесточеннаго сраженія.

Таковъ былъ разчетъ г. Греви при образованіи новаго кабинета, и опытъ, по крайней мѣрѣ первыхъ дней, показалъ что разчетъ его былъ вѣренъ. Палата встрѣтила программу г. Фрейсине если не сочувственно, то по крайней мѣрѣ безъ рѣз-

кихъ признаковъ явной враждебности. А между тѣмъ эта программа отличалась такою безсодержательностью которая при другихъ обстоятельствахъ вызвала бы громкіе протесты всѣхъ партій. „Какъ и слѣдовало ожидать, говоритъ г. Гамбетта въ своей газетѣ, программа министерства поражаетъ насъ прежде всего своимъ отрицательнымъ характеромъ, такъ что можно сказать, повидимому подъ формой парадокса, но въ дѣйствительности вполнѣ согласно съ истиной, что существенный характеръ этой програмы состоитъ въ томъ что она лишена всякаго характера.“ Въ самомъ дѣлѣ, г. Фрейсине подробно объясняетъ въ своей декларацiи чего онъ не намѣренъ дѣлать, но почти вовсе не говоритъ въ чемъ именно будетъ состоять его дѣятельность. Онъ обѣщаетъ не нарушать спокойствія умовъ и матеріальныхъ условій жизни, не потрясать мира внѣшняго и внутренняго, не ставить предѣловъ свободѣ и прогрессу, не приступать къ пересмотру конституціи, не сокращать срока военной службы пока не будутъ организованы спеціальныя колоніальныя арміи, не задерживать развитія народнаго образованія, не производить конверсіи, не выкупать желѣзныхъ дорогъ, не дѣлать новыхъ выпусковъ погашаемой ренты, и между тѣмъ не препятствовать исполненію принятаго палатами обширнаго плана ежегодныхъ общественныхъ работъ. Единственнымъ *положительнымъ* обѣщаніемъ среди этого безконечнаго ряда отрицаній является лишь намѣреніе приступить къ преобразованію судебной магистратуры въ томъ именно смыслѣ какъ предполагалъ сдѣлать это г. Гамбетта. Но и отъ этой единственной заслуги придется отказаться кабинету г. Фрейсине, такъ какъ одинъ изъ подсекретарей павшаго кабинета Гамбетты, г. Мартенъ-Фёлье, уже поспѣшилъ представить палатѣ вполнѣ выработанный проектъ судебной реформы въ томъ именно видѣ какъ хотѣлъ внести его въ палату г. Гамбетта послѣ пересмотра конституціи. Остальная часть программы наполнена тѣми громкими и неопредѣленными фразами которыя г. Гамбетта называетъ „прекрасными темами для наполненія пустоты и общими мѣстами свойственными кандидатамъ которымъ нечего сказать болѣе положительнаго.“ „Правда, прибавляетъ онъ, что въ данномъ случаѣ эти пустыя фразы составляютъ существенную часть программы, ту именно часть которая наиболѣе слушается и принимается съ наиболѣе ясно выраженною благосклонностью.“

Очевидно что пока новый кабинетъ будетъ, согласно своей программѣ, болѣе или менѣе придерживаться робкой политики бездѣйствія, онъ можетъ надѣяться на довольно безмятежное существованіе, конечно если только это бездѣйствіе не наскучитъ депутатамъ. При малѣйшемъ же проявленіи какой-либо энергіи съ его стороны; существованіе его подвергнется серіозной опасности, такъ какъ въ палатѣ нѣтъ такого большинства которое могло бы своимъ сочувствіемъ поддержать энергію министерства. Теперь палата еще страшится г. Гамбетты и полагаетъ что сверженіе г. Фрейсине будетъ равносильно возвращенію ко власти бывшаго диктатора. Но если этотъ страхъ исчезнетъ, если у той или другой партіи явится надежда захватить власть въ *свои* руки, тогда и самое полное бездѣйствіе не спасетъ г. Фрейсине и его товарищей.

Но опасность грозящая новому французскому министерству находится не въ одной только палатѣ депутатовъ, она находится и въ самомъ министерствѣ. Въ павшемъ кабинетѣ былъ *одинъ* только талантливый выдающійся государственный человѣкъ, г. Гамбетта, окружившій себя, въ качествѣ министровъ, своими безусловно преданными, хотя и далеко не геніальными друзьями. Благодаря этому обстоятельству, министерство г. Гамбетты отличалось необыкновенною однородностью и полнымъ внутреннимъ согласіемъ. Новый кабинетъ заключаетъ въ себѣ трехъ министровъ считающихъ себя одинаково способными, отличающихся самостоятельнымъ умомъ и характеромъ и придерживающихся во многихъ отношеніяхъ различныхъ убѣжденій. Какъ г. Фрейсине, такъ и г. Ферри, стояли уже во главѣ прежнихъ министерствъ и далеко не всегда были согласны въ своихъ политическихъ взглядахъ. Что же касается г. Леона Сэ, то онъ занималъ министерскій постъ гораздо раньше и дольше чѣмъ гг. Фрейсине и Ферри; къ тому же онъ имѣетъ весьма опредѣленныя и непреклонныя убѣжденія въ финансовыхъ дѣлахъ, и не сочувствуетъ обширнымъ планамъ г. Фрейсине. Этотъ послѣдній, по совѣту г. Греви, сдѣлалъ разныя уступки лишь бы заручиться содѣйствіемъ г. Сэ, такъ какъ близкія от-

ношенія послѣдняго съ барономъ Ротшильдомъ могли благотворно повліять на разрѣшеніе наступившаго на Парижской биржѣ финансоваго кризиса. Долго ли продержится въ новомъ кабинетѣ духъ взаимной уступчивости? Еслибы во главѣ его стоялъ г. Гамбетта, то гг. Фрейсине, Ферри и Сэ можетъ-быть и преклонялись бы предъ его несомнѣнно высшимъ авторитетомъ. Но другъ предъ другомъ они едва ли будутъ преклоняться. Поэтому Парижане не безъ мѣткости говорятъ что въ прежнемъ „великомъ министерствѣ“ не было великихъ членовъ, но была одна великая голова, въ теперешнемъ же есть много великихъ членовъ, но нѣтъ „великой головы.“

Таковы обстоятельства при которыхъ вступаетъ въ жизнь новое французское министерство. Парализованное раздробленнымъ на партіи парламентомъ, оно обречено или на продолжительное трусливое бездѣйствіе или на быстрое паденіе.

№ 30.

Москва, 29-го января.

По извѣстіямъ сообщаемымъ въ петербургскихъ газетахъ, въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ въ непродолжительномъ времени разсмотрѣнъ проектъ видоизмѣненій которыя предположено сдѣлать въ существующихъ нынѣ правилахъ по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей. Проектъ этотъ выработанъ еще два года тому назадъ коммиссіей избранною изъ своей среды Общимъ собраніемъ Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, вслѣдствіе предложенія министра Юстиціи, „усмотрѣвшаго изъ дошедшихъ до него свѣдѣній что уѣздныя временныя коммиссіи и столичныя соединенныя засѣданія думы и земскихъ собраній не соблюдаютъ порядка установленнаго законами для составленія какъ общаго, такъ и очереднаго списковъ присяжныхъ засѣдателей,“ что, по заключенію министра, имѣетъ вредное вліяніе на отправленіе правосудія.

Предположенія коммиссіи, съ коими, сколько намъ извѣстно, согласилось и общее собраніе указанныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, первоначально не имѣли въ виду никакихъ измѣненій въ законоположеніяхъ существующихъ насчетъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, а лишь точное и подробное разъясненіе смысла этихъ законоположеній и указаніе отвѣтственности которой могутъ быть подвергнуты должностныя лица и выборные земства за несоблюденіе всего того что предписано закономъ по этому предмету. Проектъ сенатской коммиссіи заключалъ въ себѣ, сверхъ того, весьма назидательныя указанія на укоренившіяся повсемѣстно злоупотребленія и упущенія въ дѣлѣ призыва въ судъ представителей общественной совѣсти, равно какъ и наставленіе изъ какихъ лицъ по преимуществу долженъ быть набираемъ составъ тѣхъ „судей факта,“ коимъ законъ ввѣрилъ безапелляціонное рѣшеніе вопроса о виновности или невиновности подсудимыхъ.

Судя по тому что правила выработанныя коммиссіей не были до сихъ поръ обнародованы къ обязательному руководству и что вопросъ этотъ нынѣ поступилъ на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ, слѣдуетъ думать что неправильности укоренившіяся у насъ въ дѣлѣ уголовнаго суда съ участіемъ присяжныхъ признано возможнымъ устранить не однимъ лишь подтвержденіемъ смысла существующихъ на этотъ предметъ законовъ, но путемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ самихъ законахъ. Каковы будутъ эти измѣненія покажетъ будущее. Но уже изъ проекта сенатской коммиссіи обнаруживалось съ достаточною ясностью въ чемъ дѣйствительность пошла въ разрѣзъ съ намѣреніями законодателя, гдѣ именно практика нашей жизни осилила выкладки и предположенія закона, которыя въ дѣлѣ нашей судебной реформы имѣли лишь чисто теоретическій характеръ.

Прежде всего изъ данныхъ офиціально констатированныхъ сенатскою коммиссіей видно что и въ этомъ дѣлѣ, какъ во многихъ другихъ, далеко не оправдались предположенія закона о самодѣятельности общества. Составленіе общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей возложено главнымъ образомъ на земство. Для этого уѣздныя земскія собранія, а въ столицахъ соединенныя засѣданія городскихъ думъ и мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, избираютъ ежегодно изъ своей среды *временныя коммиссіи*, на обязанности коихъ лежитъ составленіе или, вѣрнѣе, пересмотръ и дополненіе общихъ

списковъ *всѣхъ* обывателей кои по опредѣленному для нихъ (весьма низкому) имущественному и образовательному цензу имѣютъ право и обязаны исполнять функцію присяжныхъ на судѣ. Списки эти должны быть изготовлены къ извѣстному сроку (1-го сентября) и, будучи провѣрены губернаторомъ, публикуются во всеобщее свѣдѣніе дабы лица неправильно въ нихъ внесенныя, или пропущенныя безъ законнаго основанія, могли заявить объ этомъ своевременно и домогаться исправленія допущенныхъ неправильностей. Пятнадцатилѣтній опытъ доказалъ, однако, что на дѣлѣ вся эта процедура сводится въ большинствѣ случаевъ къ мертвой и чисто-канцелярской формальности. „Земскія собранія,“ какъ было заявлено въ сенатской коммиссіи, „мало обращаютъ вниманія на выборъ лицъ образуемыхъ по 87 ст. Учр. Суд. Уст. коммиссій. Члены послѣднихъ обыкновенно избираются земскими собраніями предъ самымъ концомъ ихъ очередныхъ засѣданій, когда гласные, окончивъ свои занятія и не придавая особеннаго значенія дѣлу не касающемуся непосредственно ихъ хозяйственныхъ интересовъ, спѣшатъ разъѣхаться. Вслѣдствіе сего въ упомянутыя коммиссіи попадаютъ лишь тѣ изъ членовъ земства которымъ не нашлось иного назначенія и которые по большей части относятся совершенно пассивно къ обязанностямъ по заготовленію списковъ присяжныхъ засѣдателей.“ Общіе списки въ сущности только переписываются ежегодно безъ дальнѣйшей провѣрки по свѣдѣніямъ доставленнымъ въ первый разъ, при самомъ введеніи судебной реформы, волостными правленіями, уѣздными предводителями дворянства и городскими управленіями. Работа эта въ огромномъ большинствѣ случаевъ исполняется за коммиссію, существующую лишь номинально, письмоводителемъ мѣстнаго предводителя дворянства. И хорошо еще если письмоводитель ограничивается чисто канцелярскою перепиской списка прошедшихъ годовъ. Бывали примѣры, какъ заявлено предъ коммиссіей, что письмоводители вдавались въ разборъ этихъ списковъ и, „подъ руководствомъ личнаго разчета,“ то-есть просто за взятки, или въ угожденіе отдѣльнымъ лицамъ, исключали таковыхъ изъ списка. Какъ явленіе почти повсемѣстное, замѣчается огромное преобладаніе въ спискахъ очередныхъ засѣдателей крестьянъ и мѣщанъ, небольшое сравнительно число купцовъ и чиновниковъ и лишь изрѣдка дворянъ. Списки же запасныхъ засѣдателей, то-есть призываемыхъ лишь на случай недостатка въ очередныхъ, составляются въ обратномъ порядкѣ. Предписанное по закону опубликованіе списковъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ и слѣдовало ожидать, не ведетъ ни къ чему, ибо, какъ заявлено предъ коммиссіей, *Вѣдомостей* этихъ никто не читаетъ. Даже въ Петербургѣ, по заявленію приглашеннаго въ коммиссію петербургскаго городскаго головы, весьма мало было случаевъ возраженій противъ неправильнаго внесенія, или невнесенія въ списки. Предсѣдатель Петербургскаго окружнаго суда, также призванный въ коммиссію, въ свою очередь заявилъ что „дѣятельность коммиссій составляющихъ списки присяжныхъ засѣдателей давно уже, и *притомъ повсемѣстно*, обратилась въ исполненіе одной формальности, безъ всякаго соображенія важности задачи коммиссій и тѣхъ общественныхъ интересовъ которые косвеннымъ образомъ онѣ призваны охранять.“ Бывшій товарищъ министра Внутреннихъ Дѣлъ М. А. Мартыновъ, занимавшій до того въ теченіи десяти лѣтъ должность полтавскаго губернатора, заявилъ предъ сенатскою коммиссіей что губернаторъ поставленъ въ невозможность пользоваться предоставленнымъ ему по закону правомъ просмотра и исправленія списковъ исключеніемъ изъ оныхъ лицъ неправильно въ оные внесенныхъ. Въ теченіи десяти лѣтъ его губернаторства, списки ни разу не были представляемы къ нему на просмотръ въ срокъ указанный закономъ.

Относительно заявленныхъ такимъ образомъ неурядицъ при составленіи общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей коммиссія Правительствующаго Сената высказала, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

„По изготовленіи временными коммиссіями общихъ списковъ, они поступаютъ „на вторичную повѣрку общества. Но такъ „какъ изъ собранныхъ по настоящему дѣ„лу свѣдѣній, а также изъ сообщенія при„глашеннаго въ коммиссію с.-петербург„скаго городскаго головы, оказывается что „никогда и никто не дѣлаетъ коммиссіямъ „никакихъ заявленій относительно лицъ „внесенныхъ въ общій списокъ, то ком„миссія приходитъ къ заключенію что коль

„скоро общество не пользуется предоставленнымъ ему правомъ надзора и недостаточно серіозно относится къ составленію общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, то правительство, заинтересованное въ правильномъ отправленіи „правосудія, можетъ и обязано установить „правильный надзоръ за составленіемъ списковъ присяжныхъ засѣдателей.“ Съ этою цѣлью коммиссія предположила вмѣнить въ обязанность правительственнымъ лицамъ, кои по своему положенію и по свойству занятій имѣютъ возможность сообщить вѣрныя свѣдѣнія о лицахъ вошедшихъ въ общіе списки, но не соотвѣтствующихъ званію присяжныхъ засѣдателей, представлять объ этомъ свои замѣчанія. Такими правительственными лицами коммиссія признаетъ всѣхъ принадлежащихъ къ составу суда и прокуратуры, равно какъ и чиновъ полиціи. Всѣмъ этимъ лицамъ, по предположенію коммиссіи Сената, общіе списки, по изготовленіи оныхъ, должны быть сообщаемы въ опредѣленный срокъ, причемъ они, съ своей стороны, обязаны представить также въ извѣстный срокъ свои на нихъ замѣчанія.

Еще важнѣе указаніе сенатской коммиссіи относительно способа составленія, на основаніи общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, списковъ очередныхъ. Къ этимъ указаніямъ мы еще возвратимся.

№ 31.

Москва, 30-го января.

Экстраординарная сессія австро-венгерскихъ делегацій, созванныхъ для вотированія кредита по случаю возстанія въ Герцеговинѣ и Бокѣ Которской, окончила свои работы и закрыта. Несмотря на то что самыя существенныя объясненія правительства по принятому обычаю сохраняются въ тайнѣ, въ отчетахъ предназначаемыхъ для непосвященной въ государственныя тайны публики есть тѣмъ не менѣе весьма много интереснаго, и даже молчаніе, которымъ правительство обошло нѣкоторые весьма естественные вопросы исходящіе главнымъ образомъ отъ членовъ оппозиціи, подало поводъ ко всевозможнымъ догадкамъ и комментаріямъ.

Изъ преній въ австрійскихъ делегаціяхъ выяснилось прежде всего что возстаніе въ Герцеговинѣ дѣйствительно приняло весьма обширные размѣры. Всѣ министры подтвердили это, причемъ признали также что возстаніе продолжаетъ усиливаться, и что восьмимилліонный кредитъ, потребованный у делегацій, будетъ недостаточенъ для покрытія расходовъ предстоящихъ въ близкомъ будущемъ, почему правительство намѣрено еще разъ созвать делегаціи и потребовать дополнительнаго кредита, размѣръ котораго еще не опредѣленъ.

Разъясненія данныя правительствомъ въ делегаціяхъ, повидимому, не удовлетворили ни правительственныхъ, ни оппозиціонныхъ делегатовъ, что не удивительно, если принять во вниманіе что разъясненія эти весьма не точны и исполнены противорѣчій.

Между тремя общеимперскими министрами дававшими въ делегаціяхъ объясненія, большимъ или меньшимъ успѣхомъ можетъ похвалиться только министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки, но и онъ отнесся къ дѣлу слишкомъ оптимистически, за что и подвергся рѣзкому осужденію не только со стороны оппозиціонныхъ, но и нѣкоторыхъ офиціозныхъ газетъ.

Общеимперскій министръ финансовъ г. Слави подробно распространялся о финансовомъ управленіи въ Босніи и Герцеговинѣ и утверждалъ что управленіе это прекрасно, что населеніе обременено налогами гораздо менѣе чѣмъ подъ турецкимъ владычествомъ и, наконецъ, что матеріальное положеніе народа послѣ „оккупаціи“ улучшилось. Заявленіе это встрѣчено всеобщимъ недовѣріемъ. Еще болѣе неудачнымъ можно назвать сообщеніе министра о пресловутой австрійской жандармеріи, выставленной въ первое время противъ инсургентовъ. По словамъ г. Слави, многіе изъ жандармовъ, даже удостоившіеся разныхъ военныхъ отличій за храбрость въ дѣлахъ съ гайдуками, перешли затѣмъ на сторону инсургентовъ. Не есть ли это заявленіе нравственный щелчокъ правительству, политику котораго защищалъ г. министръ?

Изъ словъ военнаго министра видно что правительство до послѣдняго времени не понимало всей опасности положенія на югѣ и не приняло вовремя мѣръ для предупрежденія безпорядковъ. На вопросъ о вооруженіи инсургентовъ, военный министръ отвѣтилъ что точныхъ извѣстій объ этомъ правительство до настоящаго времени не имѣетъ.

Невольно бросается въ глаза что правительство не захотѣло объявить сколько войскъ послано въ Герцеговину для усмиренія возстанія, хотя это молчаніе подало поводъ ко всевозможнымъ толкованіямъ. Органъ польскихъ членовъ австрійскаго рейхсрата, *Часъ*, зашелъ въ своихъ догадкахъ такъ далеко что на дняхъ сообщилъ будто мобилизована вся австрійская армія (а не пятая часть, какъ утверждаютъ вѣнскія официозныя газеты), и что предвидится столкновеніе съ Италіей. Въ полученномъ сегодня нумерѣ тотъ же *Часъ* сообщаетъ о предстоящемъ занятіи Черногоріи австрійскими войсками.

Министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Кальноки, отвѣчая на запросъ о причинахъ возстанія, выразилъ мнѣніе что возстаніе вызвано агитаторами „по профессіи," которыхъ на Балканскомъ полуостровѣ очень де много. „Послѣ оккупаціи, такъ говорилъ графъ Кальноки, агитаторы удалились изъ Босніи и Герцеговины и поселились частію на нашихъ границахъ, частію на югѣ Балканскаго полуострова. Всѣ эти агитаторы возвращаются теперь назадъ и организуютъ отряды. Эти инсургенты по профессіи знаютъ гдѣ хранятся склады оружія отъ прежнихъ временъ и раздаютъ его всѣмъ охотникамъ." Что у Герцеговинцевъ есть скрытые склады оружія, это весьма вѣроятно, но откуда у нихъ ружья новѣйшихъ системъ, это, повидимому, австрійскому министру неизвѣстно.

Графъ Кальноки подробно говорилъ о международныхъ отношеніяхъ и заявилъ что Австро-Венгрія находится со всѣми державами въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и что возстаніе на югѣ не поведетъ къ международнымъ затрудненіямъ, такъ какъ миролюбивыя намѣренія Рускаго правительства не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Сербское и Черногорское правительства держатся де также на почвѣ трактатовъ и не оказываютъ возставшимъ поддержки. Что же касается Турціи, то она находится съ Австро-Венгріей въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ, что доказывается согласіемъ султана на соединеніе турецкихъ желѣзныхъ дорогъ съ сербскими, на чемъ Австро-Венгрія уже давно безуспѣшно настаивала.

Послѣ этихъ успокоительныхъ заявленій, графъ Кальноки долженъ былъ однако признаться что народъ въ Сербіи и Черногоріи относится къ возстанію въ Герцеговинѣ чрезвычайно сочувственно, и что это можетъ повести къ столкновенію между Австро-Венгріей, съ одной стороны, и Черногоріей или Сербіей, съ другой. Въ этомъ случаѣ, по словамъ графа Кальноки, „дѣло можетъ существенно „осложниться."

Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Дѣло можетъ „осложниться," и притомъ весьма существенно, не только вслѣдствіе столкновенія съ Сербіей и Черногоріей, но и въ случаѣ „расширенія" оккупаціи, противорѣчащаго международнымъ договорамъ.

№ 33.

Москва, 1-го февраля.

Въ Харьковѣ, по распоряженію начальства, временно закрытъ Университетъ; чтеніе лекцій и практическія занятія прекращены. Поучились и довольно. Дѣло произошло, какъ водится, вслѣдствіе студентскихъ безпорядковъ. Безпорядки, по выраженію принесшей извѣстіе телеграммы, имѣли „домашній характеръ," то-есть не были политическаго свойства. И на томъ спасибо. Но домъ гдѣ творятся подобныя дѣла едва ли можно признать находящимся въ удовлетворительномъ состояніи. Справедливость требуетъ впрочемъ сказать что харьковская неурядица не есть что-либо составляющее особенность Харьковскаго Университета: она родственна неурядицѣ всѣхъ другихъ нашихъ университетовъ, хотя и не дошедшихъ еще до временнаго закрытія. Зло общее, хотя о немъ и принято либерально умалчивать. Столь важный, и по истинѣ несчастный у насъ вопросъ объ университетскомъ преобразованіи имѣетъ печальное свойство періодически на минуту оживать по поводу студентскихъ исторій, а затѣмъ какъ только дѣло поуспокоится и позамнется, вновь быть погружаемымъ въ рѣку забвенія дружнымъ напоромъ самыхъ разнородныхъ силъ. Харьковская исторія имѣетъ ту поучительность что тутъ уже нельзя, какъ въ случаяхъ волненій политическаго свойства, ссылаться на наплывъ постороннихъ вліяній, отъ котораго начальники и наставники юношества не въ состояніи оградить его при всемъ де своемъ усердіи. Нельзя свя-

зать эту исторію и съ отмѣной какихъ-либо благодѣтельныхъ постановленій устава 1863 года. „Возстановленный“ (хотя фактически ни въ чемъ и не отмѣнявшійся) уставъ дѣйствуетъ во всей полнотѣ и силѣ. А Харьковскій Университетъ даже весьма недавно, конечно въ видахъ нравственнаго вліянія на студентовъ, пользуясь возстановленіемъ устава, замѣнилъ инспектора проректоромъ.

Харьковскій Университетъ, какъ можно видѣть изъ помѣщаемой ниже корреспонденціи г. Коренскаго, закрытъ по винѣ студентовъ. Виновные понесутъ вѣроятно наказаніе, невинoвные погуляютъ. Лекціи недѣльки черезъ двѣ возобновятся, а тамъ Святая, экзамены, вакація—учебный годъ и прожили. Исторія забудется, и можно будетъ опять повести рѣчь о процвѣтаніи подъ покровомъ устава 1863 года. Но спрашивается, неужели такъ будетъ идти въ безконечность? Призывъ полиціи, къ которому охотно прибѣгаетъ самоуправленіе нѣкоторыхъ университетовъ, закрытіе университета, къ чему пришлось прибѣгнуть въ Харьковѣ, мѣры сильныя, но не особенно головоломныя. Печально только если онѣ войдутъ въ обычай. Если послѣ такой мѣры, какъ закрытіе, останутся въ прежней силѣ условія вызвавшія такое чрезвычайное мѣропріятіе и все пойдетъ по старому, то мѣра окажетъ только деморализующее дѣйствіе. Интересъ не въ томъ чтобы кое-какъ охранить внѣшній порядокъ, чтобы шли кое-какъ лекціи и студенты кое-какъ проэкзаменованные получали дипломы на право учить, судить или лѣчить. Надлежитъ же наконецъ вспомнить о великомъ интересѣ науки и обученія въ нашихъ университетахъ, подпятіе которыхъ изъ нынѣшняго состоянія распаденія возможно только при установленіи правильныхъ отношеній университета къ правительству, а учащихся къ учащимъ. Въ университеты притекаютъ съ каждымъ годомъ возрастающія массы молодыхъ людей пріобыкшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько ни направляется усилій расшатать и ихъ, къ нѣкоторому порядку и дисциплинѣ. Проходитъ недолгое время, и вчера скромные молодые люди, въ мірѣ жалкой и скучной студенческой праздности, подъ разными вліяніями, выдвигающими впередъ худшіе элементы, обращаются въ недисциплинованную массу въ родѣ той какая произвела харьковское волненіе. Студенты всегда то чѣмъ ихъ дѣлаютъ ихъ наставники и начальники, въ чьихъ рукахъ весь внутренній распорядокъ учрежденія. Харьковская исторія разыгралась на дняхъ, но уже въ прошломъ году нашъ харьковскій корреспондентъ указывалъ на тѣ явленія какими исторія эта была подготовлена, и на общую неурядицу которая ни къ чему иному и привести не могла. Корреспондентъ обращалъ вниманіе на безобразія творившіяся на „студентскихъ вечерахъ,“ устраивавшихся, конечно, не безъ поощренія съ благотворительною цѣлью въ пользу „бѣдныхъ студентовъ.“ Вошло въ обычай чуть не силою принуждать артистовъ показывать свое искусство на концертахъ въ пользу тѣхъ же бѣдныхъ учащихся. Отказаться, сказать слово противъ этого побиранія было опасно. Могъ ли при подобныхъ условіяхъ не развиваться духъ нахальства? А въ университетѣ, писалъ тотъ же корреспондентъ, лекціи „терпятся только до 12 часовъ, а съ 12 часовъ большею частію время посвящается на сходки, которыя впрочемъ теперь въ объявленіяхъ о семъ называются *собраніями* такъ какъ слово сходка есть нѣчто недозволенное.“

Что же было сдѣлано, что, главное, нынѣ имѣется въ виду чтобы кончить съ неурядицей? Можно смѣло сказать что никакія строгости на бумагѣ, никакія новыя правила и начальническія предписанія не помогутъ. Для исправленія столь запущеннаго дѣла нѣтъ другаго средства кромѣ серіозной, разумно исполненной реформы, черты которой намѣчаются сами собою для всякаго кто не хочетъ нарочно закрывать глазъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ правительствѣ возникло не смѣлое сознаніе что дѣло въ университетахъ не обстоитъ благополучно и что требуется реформа, въ заявленіяхъ университетскихъ корпорацій и въ журнальныхъ статьяхъ разнообразными нитями связанныхъ съ дѣятелями тѣхъ же корпорацій, громко высказывалось что университеты находятся въ состояніи процвѣтанія, для полнаго развитія котораго требуется только увеличить средства отпускаемыя государствомъ на учебныя пособія и содержаніе профессоровъ, да оградить распоряжающіяся университетскія корпораціи отъ всякаго вмѣшательства и надзора какой-либо государственной власти, и притомъ такъ что-

бы члены ихъ, пользуясь всѣми выгодами чиновничества, въ то же время являлись въ ореолѣ независимыхъ и даже оппозиціонныхъ дѣятелей, получившихъ рангъ не отъ государственной власти, а отъ совѣтскаго рукоположенія. Немногіе голоса указывавшіе истинное положеніе дѣла заглушались и предавались поруганію. Но хватитъ ли у кого-нибудь рѣшимости нынѣ, послѣ того что творилось въ послѣдніе годы и продолжаетъ твориться, въ виду предъ всѣми вскрывшейся, хотя и малой доли внутреннихъ непорядковъ въ нашихъ высшихъ разсадникахъ просвѣщенія, утверждать что учрежденія эти находятся въ состояніи процвѣтанія, даже просто въ нормальномъ состояніи и не требуютъ преобразованія?

Таить нечего. Высшаго образованія теперь вовсе нѣтъ въ нашемъ отечествѣ. Мы имѣемъ академіи, самовысшія техническія заведенія и институты, юридическую школу высшихъ правъ, но низкаго ученія; имѣемъ университеты со стѣнами, кабинетами, профессорами и студентами; строимъ новые, замышляемъ новѣйшіе, воздвигаемъ каѳедры, но высшаго образованія все-таки нѣтъ. Не уча нельзя научить, не учась нельзя научиться. Нахально проповѣдуемый въ послѣдніе годы планъ поймать „науку" безъ ученья есть грубѣйшій обманъ. Тонъ всему дается университетами, вопросъ объ университетахъ есть потому вопросъ о судьбахъ всего образованія въ Россіи; это вопросъ касающійся всѣхъ вѣдомствъ, общій государственный вопросъ, первый по важности въ настоящее время, ибо отъ него зависитъ будущность страны, ибо имъ должно рѣшиться въ какія руки, сойдя со сцены, сдастъ нынѣшнее поколѣніе дѣло управленія обширною страной, въ руки ли людей серіозно образованныхъ, или же недоучекъ и пустомель со внѣшнимъ лоскомъ и ужасающею внутреннею пустотой, покорныхъ всякому враждебному вліянію, которые и нынѣ такъ даютъ себя чувствовать на всѣхъ чредахъ и всяческихъ постахъ. Противъ рѣшенія этого вопроса,— кромѣ естественныхъ эгоистическихъ опасеній учащихъ корпорацій, произволу которыхъ нынѣ отдано все внутри университетовъ, возстаетъ вся тысячеголовая, сложившаяся и возросшая въ послѣдніе годы партія бездарности и умственной несамостоятельности, наименовавшая себя либеральною, объявившая себя нашею интеллигенціей призванною „вертѣть колеса прогресса," подвизающаяся въ фельетонахъ, на каѳедрахъ, въ судахъ и совѣтахъ, проникшая во всю земщину и опричину; противъ вопроса объ университетской реформѣ подымается наконецъ инстинктивно все чему можетъ грозить русское дѣло въ умныхъ рукахъ. Правительству настойчиво указывается такая „либеральная" программа: гимназіи, гдѣ дѣло только что было наладилось послѣ многихъ усилій,—разорить, а нынѣшнее университетское разореніе оградить и сохранить напредь. Что такая программа предлагается, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивительны настойчивыя надежды что она можетъ быть принята.

№ 35.

Москва, 3-го февраля.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отъ 28 января, напечатанъ отчетъ объ учебной мобилизаціи нѣсколькихъ батарей четвертаго армейскаго корпуса. Мобилизація эта, произведенная еще осенью, имѣетъ особое значеніе. Войска четвертаго армейскаго корпуса располагаютъ составомъ офицеровъ почти исключительно боевыхъ: въ четвертомъ корпусѣ офицеръ не участвовавшій въ минувшей кампаніи рѣдкость. Благодаря такому составу офицеровъ, замѣчанія сдѣланныя при мобилизаціи коснулись самыхъ важныхъ сторонъ артиллерійскаго дѣла, которыя, можетъ-быть, или даже навѣрное ускользнули бы отъ вниманія людей только съ кабинетною подготовкой. Далѣе. Мобилизованы были батареи снабженныя орудіями образца 1877 года, или такъ-называемыми дальнобойными. Какъ извѣстно, дальнобойная артиллерія въ минувшей кампаніи не участвовала; она появилась только благодаря кровавому уроку за Дунаемъ. Чертежи орудій проектировалось на спѣхъ, во время самой войны. Окончательное испытаніе образцовъ и заказъ ихъ были произведены тоже на скорую руку.

Пока дѣло шло объ удовлетвореніи потребности минуты, недостатки этой артиллеріи могли быть оставлены безъ вниманія, въ разчетѣ на несомнѣнныя преимущества стрѣльбы дальнобойной артиллеріи предъ обыкновенною. Совсѣмъ другое дѣло когда эта наспѣхъ созданная артиллерія стано-

вится единственною, когда эти наскоро устроенныя дальнобойныя пушки замѣнили всѣ остальныя. Недостатки въ нихъ, терпимые пока дальнобойная артиллерія была только подспорьемъ, могутъ пріобрѣсти роковое значеніе какъ только эта артиллерія стала нормальнымъ вооруженіемъ арміи. А недостатки эти таковы, какъ показалъ опытъ мобилизаціи, что дѣлаютъ вопросомъ самую возможность своевременнаго и успѣшнаго употребленія ихъ какъ на театрѣ войны, такъ и на полѣ сраженія. Вотъ что̀ мы читаемъ въ отчетѣ: „Наблюденія во время похода показали, что движеніе зарядныхъ ящиковъ удовлетворительно только при хорошей дорогѣ; въ распутицу и на подъемахъ (въ гору) ящики двигаются очень тяжело, и лошади сильно утомляются. По шоссейнымъ дорогамъ ящики *почти* не отставали отъ орудій; по грунтовымъ *почтовымъ* дорогамъ они уже нѣсколько отставали, а лошади *замѣтно* утомлялись; при движеніи же съ позиціи на позицію безъ дорогъ и по пахоти, ящики отставали *весьма значительно*; наконецъ при *легкихъ* подъемахъ требовалась уже помощь людей тягою.“ И все это при томъ условіи что лошади не были утомлены предварительною работой. Сомнительно чтобы такая артиллерія въ состояніи была сдѣлать Забалканскій походъ, когда на отлогія пригорки въ равнинахъ Россіи ее приходится тащить на рукахъ.

Зарядный ящикъ составляетъ одно цѣлое съ пушкой. Пушка безъ заряднаго ящика то же что̀ солдатъ, положимъ съ прекраснымъ ружьемъ въ рукахъ, но безъ патроновъ: стрѣлять онъ не можетъ. Прежде чѣмъ добраться до непріятеля, арміи или вообще всякому отряду войска приходится сдѣлать болѣе или менѣе значительный „походъ,“ пройти по крайней мѣрѣ нѣсколько десятковъ верстъ... И что̀ же? Даже при движеніи по прекрасному шоссе ящики или отстанутъ отъ орудій, или задержатъ движеніе всей колонны. Если же дорога дурна, ящики придется оставить на дорогѣ, выдѣлить въ помощь имъ солдатъ изъ пѣхоты и кавалеріи, задержать движеніе аріергарда. Остальной отрядъ съ однѣми пушками уйдетъ впередъ. Наступаетъ бой, выѣзжаетъ на позицію дальнобойная артиллерія и открываетъ огонь, стрѣляя тѣми немногими снарядами которые находятся у нея при себѣ, въ такъ-называемыхъ передкахъ. Послѣ восемнадцати выстрѣловъ, артиллерія эта замолчитъ, предоставя пѣхоту ея собственнымъ силамъ, а между тѣмъ бой только что начнетъ разгараться... Даже въ самомъ лучшемъ случаѣ, когда ящики придутъ къ мѣсту сраженія вмѣстѣ съ пушками, подобное явленіе не устраняется. Теперешнія поля сраженій имѣютъ десятки верстъ протяженія, и артиллеріи приходится весьма быстро проѣзжать значительныя разстоянія безъ дорогъ, по пахоти, кустарнику, промоинамъ, рытвинамъ; и при каждомъ такомъ боевомъ движеніи, ящики, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ, будутъ отставать *весьма значительно*, а лошади *весьма* утомляться. Послѣ нѣсколькихъ переѣздовъ, въ самый разгаръ боя, въ самую рѣшительную его минуту, утомленныя ящичныя лошади могутъ совершенно отказаться отъ службы. И есть артиллерія, и нѣтъ ее! Въ настоящее время еще больше чѣмъ прежде цѣнится способность артиллеріи къ маневрированію, къ быстрому появленію ея тамъ гдѣ противникъ всего меньше этого ожидаетъ. Артиллерія утратившая способность быстро маневрировать, обладающая, какъ говорится, „низкою степенью подвижности,“ не можетъ удовлетворять требованіямъ современнаго боя. Она разстраиваетъ всю современную тактику, заставляя возвратиться къ тактическимъ пріемамъ конца прошлаго столѣтія; зарядные ящики дальнобойной артиллеріи заставляютъ, какъ и тогда, искать для боя равнинъ съ твердою почвой, безъ пашень, безъ культуры. На театрѣ войны наша новая артиллерія обрекаетъ насъ двигаться только по шоссе. А что̀ если обстоятельства заставятъ насъ двигаться по такимъ дорогамъ гдѣ, какъ въ Болгаріи, колеса осенью вязли въ грязи чуть не по ступицу? Что̀ будетъ тогда съ нашею артиллеріей? Не останутся ли наши зарядные ящики десятки верстъ назади, подобно тому какъ это было въ минувшую кампанію съ прочимъ обозомъ, или же не придется ли намъ бросить на дорогѣ часть ихъ чтобъ усиленною упряжью вывести остальные? Въ минувшую кампанію нашу артиллерію упрекали за слабое содѣйствіе прочимъ войскамъ, за недостаточную подготовку атаки. Спрашивается, что̀ обѣщаетъ ли новая артиллерія лучшее или худшее?

Очевидно, въ такомъ положеніи дѣло оставаться не можетъ; недостатокъ будетъ, конечно, устраненъ, и надобно только порадоваться что онъ открылся своевре-

менно. Было бы хуже еслибы мы и впредь, какъ въ послѣдніе три года, продолжали уповать что артиллерія у насъ новая, вполнѣ современная, и что съ этой стороны все обстоитъ благополучно. Тогда катастрофа была бы неизбѣжна.

Случай съ нашей артиллеріей еще разъ указываетъ какъ неудовлетворительно поставлено у насъ дѣло рѣшенія важнѣйшихъ военно-техническихъ вопросовъ. Еслибъ эта новая артиллерія была разсмотрѣна не кабинетными только людьми, то едва ли проекты зарядныхъ ящиковъ получили бы утвержденіе. Люди опыта не успокоились бы на томъ соображеніи что, молъ, по вычисленіямъ, наши зарядные ящики, какъ это сказано въ полуофиціальномъ *историческомъ очеркѣ дѣятельности военнаго управленія*, „не превосходя прежніе вѣсомъ, далеко оставляютъ ихъ за собою въ другихъ отношеніяхъ."

Опытъ мобилизаціи коснулся и нѣкоторыхъ повозокъ обоза. Вотъ что читаемъ объ этомъ въ *Русскомъ Инвалидѣ:* „Что касается обоза, то вообще онъ двигался трудно, и оказалось, напримѣръ, что лазаретная линейка новаго *облегченнаго* образца недостаточно удовлетворяетъ своему назначенію. Легкость этой повозки *условная: пустую* и по хорошей дорогѣ пара лошадей двигаетъ еще очень легко; по песку, пахоти, въ гору или въ распутицу, не только съ посаженными шестью больными, но и порожняя повозка эта двигалась съ большими усиліями."

Любопытно что и здѣсь проявился тотъ же недостатокъ какъ и въ зарядномъ ящикѣ: по хорошей дорогѣ, по шоссе и пустая—повозка идетъ; какъ только условія становятся хоть немного похожими на условія военнаго времени, повозка отказывается служить.

Не доказываетъ ли все это что испытанія и повозокъ обоза, и зарядныхъ ящиковъ производились небрежно, что испытанія эти дѣлались по прекраснымъ шоссе, близъ Петербурга, на отличныхъ лошадяхъ, и людьми предубѣжденными въ пользу испытываемаго предмета. Такіе люди, конечно, могутъ не видѣть его недостатковъ.

Мобилизація батарей четвертаго корпуса, какъ съ сожалѣніемъ свидѣтельствуетъ отчетъ, хотя и была произведена при условіяхъ все еще болѣе благопріятныхъ нежели въ военное время, успѣла, однако выяснить по крайней мѣрѣ существенные недостатки матеріальной части артиллеріи и обоза. Это приноситъ несомнѣнную пользу, и нельзя поэтому не согласиться съ отчетомъ что было бы весьма полезно еслибъ и въ другихъ родахъ оружія производилась практическая мобилизація, тѣмъ болѣе что настоящій опытъ не вовлекъ казну ни въ какіе расходы. Надо только пожелать чтобы подобные опыты производились при условіяхъ возможно близкихъ къ военнымъ. Только тогда можно надѣяться что дорого стоящая матеріальная часть арміи будетъ приведена въ такое совершенство которое во время войны рядомъ успѣховъ вознаградитъ трудъ и затраты положенные на дѣло въ мирное время.

№ 36.

Москва, 4-го февраля.

Указъ 9-го января, коимъ министру Финансовъ предоставлено, въ установленныхъ предѣлахъ, производить выпуски краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства во всякое, по его усмотрѣнію, время, безъ испрошенія на то всякій разъ особаго Высочайшаго соизволенія, подалъ поводъ къ толкамъ о неблагопріятномъ положеніи русскихъ финансовъ, о бюджетныхъ недочетахъ побуждающихъ съ самаго начала года помышлять о займахъ. Между тѣмъ этотъ указъ не даетъ ни малѣйшаго основанія къ возникновенію подобныхъ толковъ. Онъ не стоитъ ни въ какой связи съ предвидимыми и непредвидимыми бюджетными дефицитами. Онъ просто представляетъ собою дополненіе къ указу 1-го января прошлаго года, воспретившему заимствованія изъ суммъ Государственнаго Банка, равно какъ и всякіе выпуски кредитныхъ билетовъ. Взамѣнъ этихъ обычныхъ прежде способовъ подкрѣпленія Государственнаго Казначейства требовалось создать новый. Надобность во временномъ подкрѣпленіи средствъ казны можетъ встрѣчаться на каждомъ шагу не вслѣдствіе какого-либо финансоваго разстройства, не въ виду дефицита, но при наилучшемъ финансовомъ положеніи, при самомъ благопріятномъ бюджетномъ балансѣ, при крупномъ перевѣсѣ доходовъ надъ расходами. Моменты наибольшихъ расходовъ не совпадаютъ съ моментами наибольшаго поступленія дохо-

довъ. Производство расходовъ, напримѣръ, весной и лѣтомъ, не ждетъ пока осенью поступятъ доходы изъ которыхъ они должны быть покрыты. Поступленіе этихъ доходовъ можетъ быть самое вѣрное и обильное, но въ ожиданіи ихъ и въ счетъ ихъ часто бываетъ необходимо добыть ту или иную наличную сумму немедленно, на короткій срокъ, съ уплатой изъ предстоящихъ вѣрныхъ и скорыхъ полученій. Эта потребность и имѣетъ быть удовлетворяема тѣми выпусками краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства, на которые указомъ 9-го января предоставлено право министру Финансовъ. Эти выпуски, въ сущности, не займы, а краткосрочный учетъ имѣющихъ поступить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предположенныхъ по бюджету доходовъ на покрытіе ассигнованныхъ по тому же бюджету расходовъ. При прежнемъ порядкѣ, когда краткосрочныя обязательства выпускались непремѣнно въ количествѣ пятидесяти милліоновъ разомъ, выпуски ихъ дѣйствительно имѣли характеръ чрезвычайныхъ мѣръ, займовъ съ колеблющимися шансами успѣха и неуспѣха реализаціи. Порядокъ устанавливаемый указомъ 9-го января усвояетъ имъ характеръ вполнѣ соотвѣтствующій ихъ назначенію — регулировать въ теченіе года приходо-расходное равновѣсіе въ предѣлахъ утвержденнаго бюджета безо всякихъ исключительныхъ мѣръ, безъ потрясеній денежнаго рынка неожиданно предъявляемыми къ нему крупными требованіями наличныхъ денегъ. Краткосрочныя свидѣтельства, при устанавливаемыхъ указомъ 9-го января порядкахъ, могутъ быть выпускаемы и погашаемы не разомъ крупными и круглыми суммами, а небольшими количествами, въ мѣру дѣйствительной надобности. Многіе крупные платежи Казначейства могутъ быть прямо производимы такими свидѣтельствами безъ предварительной, часто лишней, процедуры обращенія ихъ въ деньги. При ограниченныхъ выпускахъ, эти свидѣтельства могутъ также вовсе не поступать въ частныя руки, а обмѣниваться на деньги въ Государственномъ Банкѣ, для котораго такая операція будетъ несомнѣнно прибыльною, давая употребленіе излишней наличности накопляющейся въ его кассахъ главнымъ образомъ именно въ тѣ моменты когда Казначейство преимущественно нуждается во временномъ покрѣпленіи своихъ кассъ. А при такихъ обстоятельствахъ, конечно, выгоднѣе чтобы казна платила проценты по своимъ краткосрочнымъ обязательствамъ Государственному Банку, то-есть самой себѣ, чѣмъ частнымъ банкирамъ и вообще стороннимъ лицамъ. Установленіе порядка облегчающаго министру Финансовъ исполненіе утвержденныхъ приходо-расходныхъ смѣтъ, вотъ прямое значеніе указа 9-го января. Видѣть въ этомъ указѣ предзнаменованіе что всѣхъ опредѣленныхъ въ бюджетѣ средствъ не достанетъ на покрытіе предстоящихъ расходовъ, что безъ займовъ въ наступившемъ году мы не обойдемся, нѣтъ, поэтому, никакихъ основаній. Хотя государственная роспись и сведена съ дефицитомъ, но, какъ прямо заявлено министромъ Финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ, „наличныя средства Государственнаго Казначейства оказываются достаточными для покрытія предвидѣнныхъ расходовъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ." А если такъ, то надобность въ займѣ можетъ быть вызвана развѣ какими-нибудь непредвидѣнными расходами. Отъ таковыхъ расходовъ бюджетъ, конечно, не гарантированъ. Серіозныя мѣры противъ чрезмѣрнаго разростанія сверхсмѣтныхъ расходовъ хотя и проектированы, но большею частію вступятъ въ силу лишь съ будущаго 1883, текущій же годъ остается въ этомъ отношеніи переходнымъ, и пожалуй, благодаря этому, ознаменуется займомъ, но между таковымъ возможнымъ займомъ и указомъ 9-го января нѣтъ ничего общаго, никакой внутренней связи.

Должно замѣтить, впрочемъ, что самый вопросъ о томъ будетъ ли заключенъ какой-нибудь заемъ въ текущемъ году, переходномъ отъ прежнихъ къ новымъ порядкамъ составленія и исполненія государственныхъ смѣтъ, не имѣетъ существеннаго значенія для нашего финансоваго положенія. Гораздо важнѣе то дадутъ ли новые финансовые порядки возможность обходиться впредь безъ непрерывнаго ряда послѣдовательныхъ займовъ, положатъ ли они конецъ постоянному возрастанію не оправдываемыхъ необходимостію расходовъ, создадутъ ли они условія для безостановочнаго роста доходовъ основаннаго на подъемѣ общаго народнаго благосостоянія. Есть полная возможность, есть всѣ данныя для того чтобы достигнуть во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наилучшихъ результатовъ. Не въ

природѣ вещей, не въ естественныхъ условіяхъ нашего народно-хозяйственнаго быта могутъ заключаться препятствія къ ихъ достиженію, а развѣ въ искусственной, не соображенной съ этими условіями финансовой системѣ. Установленіе правильнаго взгляда на наше денежное обращеніе и на условія при которыхъ возможны дѣйствительныя въ немъ улучшенія. Таможенная реформа которая положила бы основаніе для возможности такихъ улучшеній и которая, обезпечивая значительное увеличеніе казеннаго дохода, вмѣстѣ съ тѣмъ дала бы у насъ жизнь многимъ производствамъ, которыя не могутъ развиваться подавляемыя иностраннымъ соперничествомъ, и открыла бы русскому народному труду обширныя поприща которыя были доселѣ для него закрыты, побудивъ русскихъ людей учиться дѣлать многое за что не было побужденій браться по безвыгодности и даже прямой убыточности занятій. Питейная реформа, которая, устранивъ нынѣшнихъ посредниковъ въ дѣлѣ взиманія питейнаго налога, берущихъ себѣ слишкомъ бо́льшую долю изъ того во что̀ вино обходится потребителямъ, дала бы казнѣ возможность на огромныя суммы, на многіе десятки милліоновъ увеличить свой доходъ отъ этой статьи не только безъ обремененія, но съ облегченіемъ плательщиковъ, и съ освобожденіемъ страны отъ лежащаго на ней кабацкаго ига. Затѣмъ реформа нашего желѣзнодорожнаго хозяйства которое слишкомъ тяжело ложится на страну, такъ что служитъ, можно сказать, главною причиной дефицитовъ въ нашемъ бюджетѣ (въ одномъ текущемъ году казна должна будетъ изъ средствъ обыкновеннаго бюджета заплатить около 55 милліоновъ рублей по разнымъ недочетамъ желѣзнодорожнаго хозяйства не считая суммъ которыя имѣютъ быть израсходованы изъ средствъ желѣзнодорожнаго фонда на удовлетвореніе нуждъ частныхъ обществъ завѣдующихъ нашими рельсовыми путями),—вотъ главныя задачи разрѣшеніе коихъ нужно въ видахъ улучшенія нашего финансоваго и экономическаго положенія. Если бы были разрѣшены безотлагательно, въ желаемомъ направленіи, только эти задачи, дефициты надолго исчезли бы изъ нашихъ бюджетовъ, и толки о необходимости заключенія государственныхъ займовъ, толки препятствующіе подъему нашихъ фондовъ, перестали бы возникать при всякомъ подходящемъ и не подходящемъ случаѣ.

№ 40.

Москва, 8-го февраля.

Послѣдствія паденія твердаго и энергическаго правительства въ Франціи и замѣна его правительствомъ слабымъ и нерѣшительнымъ уже ощущаются замѣтнымъ образомъ и за предѣлами Французской республики. Египетскій вопросъ, возникшій въ прошломъ году во время министерства Ферри и затихшій было благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ принятымъ въ началѣ января министерствомъ Гамбетты совмѣстно съ кабинетомъ Гладстона, теперь съ новою силой заявилъ о своемъ существованіи и грозитъ сдѣлаться общеевропейскимъ вопросомъ. Началась уже дипломатическая переписка между европейскими державами, поговариваютъ о коллективныхъ и циркулярныхъ нотахъ, о конференціяхъ и даже о конгрессѣ. Между тѣмъ дѣла въ Египтѣ идутъ своимъ чередомъ и безостановочно приближаются къ кризису.

Египетскій вопросъ возникъ, какъ извѣстно, вслѣдствіе притязаній египетской мусульманской партіи, присвоившей себѣ названіе „національной“ и поставившей себѣ задачей захватить въ свои руки всѣ внутреннія дѣла Египта. Душой этой партіи является энергическій полковникъ Араби-бей, пользующійся въ настоящее время самою обширною популярностью въ Египтѣ. Всѣ еще помнятъ какъ онъ 28 августа прошлаго года окружилъ въ Каирѣ дворецъ хедива отрядомъ изъ 4.000 солдатъ подъ прикрытіемъ 30 орудій и потребовалъ отставки всего министерства и созыва египетскаго парламента. Испуганный хедивъ согласился тогда на это требованіе, и въ тотъ же день министерство Ріазъ-паши подало въ отставку и было замѣнено предложеннымъ Араби-беемъ министерствомъ Шерифъ-паши. Было признано необходимымъ положить конецъ этому ненормальному порядку вещей посредствомъ занятія Египта иностранными войсками, такъ какъ туземныя войска всѣ находились въ полномъ распоряженіи Араби-бея. Но когда зашла рѣчь о томъ какая европейская держава отправитъ свои войска для занятія Египта, то между Англіей, Фран-

ціей и Турціей возникло такое рѣзкое несогласіе что всѣ сочли за лучшее предоставить Египетъ его судьбѣ, въ надеждѣ что новое министерство Шерифъ-паши не посмѣетъ открыто дѣйствовать противъ хедива и заинтересованныхъ въ Египтѣ европейскихъ державъ. Эта надежда казалась тѣмъ болѣе основательною что Араби-бей на время удалился со своимъ полкомъ изъ Каира чтобы нѣсколько успокоить этимъ европейскія державы и отвратить ихъ отъ намѣренія немедленно занять Египетъ ихъ войсками. Затѣмъ, когда, въ началѣ ноября, во главѣ французскаго министерства сталъ г. Гамбетта, Араби-бей еще болѣе стушевался, такъ что въ Европѣ многіе даже забыли о его существованіи. Твердый и рѣшительный образъ дѣйствій г. Гамбетты относительно Египта парализовалъ всѣ дѣйствія тамошней мусульманской партіи. Едва успѣлъ открыться обѣщанный хедивомъ египетскій парламентъ, какъ уже была передана въ Каирѣ тождественная нота французскаго и великобританскаго кабинетовъ, въ которой выражался протестъ противъ всякой попытки умалить права и авторитетъ хедива дарованные ему фирманомъ 30 іюля 1879 года. Нота не ограничивалась однимъ протестомъ, а прямо заявляла о рѣшимости Англіи и Франціи поддержать въ случаѣ надобности власть хедива посредствомъ военной оккупаціи. Эта угроза произвела на египетскихъ депутатовъ сильное впечатлѣніе, и они начали было уже соглашаться на предложенный хедивомъ конституціонный проектъ оставлявшій неприкосновенными опредѣленныя декретомъ хедива отъ 4 сентября 1879 права Англіи и Франціи на финансовый контроль. Депутаты, по настоянію Шерифъ-паши, отказались отъ составленнаго ими контръ-проекта, по которому всѣ внутреннія, внѣшнія и въ особенности финансовыя дѣла переходили въ вѣдѣніе парламента, и все дѣло обѣщало устроиться съ соблюденіемъ интересовъ какъ хедива, такъ и Англіи и Франціи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла когда 14 января г. Гамбетта принужденъ былъ оставить свой постъ. Его замѣнилъ во главѣ Французскаго правительства г. де-Фрейсине, который тотчасъ же заявилъ что будетъ придерживаться самой миролюбивой политики и отнюдь не предприметъ похода которымъ г. Гамбетта угрожалъ Египту. Заявленіе г. де-Фрейсине, разчитанное на пріобрѣтеніе популярности въ средѣ людей ужасающихся при одной мысли о войнѣ, было услышано и принято къ свѣдѣнію не только въ Парижѣ, но и въ Каирѣ. 18 января г. де-Фрейсине вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а уже 21 января Араби-бей появился со своимъ войскомъ въ Каирѣ, отправился къ президенту парламента и *потребовалъ* чтобы депутаты отвергли конституціонный проектъ правительства, заставили министерство Шерифъ-паши выйти въ отставку и окончательно приняли упомянутый выше контръ-проектъ. Англійскій и французскій финансовые контролеры всполошились и потребовали отъ своихъ правительствъ энергической поддержки. Наступило время привести въ исполненіе угрозу высказанную въ январьской нотѣ Гамбетты и Гладстона, такъ какъ власть и авторитетъ хедива находились въ несомнѣнной опасности. Еслибы г. Гамбетта еще стоялъ во главѣ Французскаго правительства, Франція вѣроятно сдержала бы свое слово и положила бы вмѣстѣ съ Англіей конецъ притязаніямъ Араби-бея. Иначе взглянулъ на это дѣло г. де-Фрейсине. Онъ наотрѣзъ отказался отъ занятія Египта англо-французскимъ корпусомъ, а предпочелъ дѣйствовать болѣе безопаснымъ дипломатическимъ путемъ. Онъ отправилъ хедиву ноту, въ которой совѣтовалъ ему съ возможно бо́льшимъ достоинствомъ отстаивать какъ свои собственныя права, такъ и права Англіи и Франціи, выражая надежду что ему удастся справиться съ беззаконными дѣйствіями Араби-бея.

Легко было предвидѣть послѣдствія этой платонической ноты. Хедивъ, лишенный всякой поддержки, снова, какъ и въ августѣ прошлаго года, склонился предъ дерзкими требованіями Араби-бея. Произошло это слѣдующимъ довольно оригинальнымъ образомъ. Депутація членовъ парламента отправилась 21 января къ Шерифъ-пашѣ и потребовала чтобъ онъ подписалъ выработанный депутатами конституціонный контръ-проектъ. Шерифъ отказался исполнить требованіе депутаціи и посовѣтовалъ ей отправиться къ самому хедиву. Депутація послѣдовала этому совѣту и немедленно отправилась во дворецъ. Хедивъ выслушалъ ее и спросилъ заручилась ли она уже согласіемъ Шерифъ-паши на принятіе депутатскаго контръ-проекта. На это депутаты отвѣтили что они требуютъ отъ хе-

дива смѣщенія Шерифа и назначенія новаго „національнаго“ министерства. Хедивъ попросилъ ихъ придти за отвѣтомъ на слѣдующій день, а самъ немедленно послалъ за англійскимъ и французскимъ консулами и спросилъ ихъ какъ ему поступить, и можетъ ли онъ надѣяться на дѣйствительную поддержку со стороны Англіи и Франціи. Отвѣтъ консуловъ, конечно, былъ отрицательный, и хедивъ нашелъ себя вынужденнымъ попросить на слѣдующій день депутатовъ чтобъ они назвали ему человѣка которому онъ могъ бы поручить составленіе новаго министерства. Депутаты предложили Махмудъ-пашу Боруди, одного изъ видныхъ представителей мусульманской партіи. Махмудъ, получивъ порученіе отъ хедива, тотчасъ приступилъ къ составленію министерскаго списка, но Араби-бей, опасаясь не попасть въ министры, потребовалъ чтобы парламентъ *самъ* составилъ списокъ министровъ и ему, Араби-бею, поручилъ военное министерство. Депутаты исполнили требованіе Араби-бея, а хедивъ исполнилъ требованіе депутатовъ. Такимъ образомъ фактическимъ правителемъ Египта, облеченнымъ почти диктаторскою властью, оказался Араби-бей, стоящій во главѣ всего египетскаго войска и чуть не боготворимый Египетскимъ народомъ какъ „спаситель Ислама отъ нашествія гяуровъ.“

Тутъ только г. де-Фрейсине понялъ допущенную имъ ошибку и обратился къ г. Гладстону съ просьбой войти съ нимъ въ соглашеніе касательно охраны интересовъ Англіи и Франціи на берегахъ Нила. Но г. Гладстонъ знаетъ что теперь онъ имѣетъ дѣло уже не съ рѣшительнымъ г. Гамбеттой, а съ вѣчно колеблющимся г. де-Фрейсине съ которымъ опасно вступать въ какіе бы то ни было договоры и соглашенія. Онъ предпочелъ поэтому обратиться къ прочимъ европейскимъ державамъ и пригласить ихъ къ совмѣстному обсужденію Египетскаго вопроса. Началась безконечная дипломатическая переписка. Араби-бей между тѣмъ не дремлетъ. Онъ уже достигъ того что парламентъ присвоилъ себѣ исключительное право распоряжаться египетскими финансами, такъ что англо-французскій контроль надъ ними сдѣлается невозможнымъ. До сихъ поръ ежегодный бюджетъ составлялся англійскимъ и французскимъ контролерами совмѣстно съ членами министерства. На основаніи этого бюджета, правительство хедива ежемѣсячно получало отъ контролеровъ необходимыя для расходованія суммы. Теперь же Араби-бей провелъ въ парламентѣ законъ по которому бюджетъ будетъ устанавливаться самими депутатами. Англійское и Французское правительства обратились по этому случаю къ хедиву, обвиняя его въ томъ что онъ не заботится объ охраненіи англо-французскихъ интересовъ, и хедивъ былъ такъ добръ что обѣщалъ устроить компромиссъ между контролерами и депутатами, на основаніи котораго бюджетъ будетъ устанавливаться обоими членами англо-французскаго контроля, всѣми министрами и делегаціей парламента, такъ что контролеры будутъ постоянно находиться въ самомъ ничтожномъ меньшинствѣ. Англія съ Франціей на это, конечно, согласиться не могутъ, но онѣ не могутъ и препятствовать этому. Дружное и энергическое дѣйствіе обѣихъ державъ, устроенное Гамбеттой и Гладстономъ, снова разстроилось, и Египетскій вопросъ, къ великому удовольствію князя Бисмарка, превратился въ хроническую тяжкую болѣзнь Англіи и въ особенности Франціи. Обѣ державы должны будутъ постоянно опасаться столкновенія на берегахъ Нила не только съ Египтомъ и Турціей, но и между собой. Вѣчный Восточный вопросъ, отвлекавшій до сихъ поръ вниманіе Россіи и Австріи отъ центра Европы, долженъ будетъ теперь служить предметомъ усиленной заботы также для Англіи съ Франціей. Одна Германія останется спокойною зрительницей происходящихъ вокругъ нея волненій чтобы въ удобную минуту выступить въ качествѣ „честнаго маклера“ или „верховнаго судьи.“

№ 41.

Москва, 9-го февраля.

Въ № 30 *Московскихъ Вѣдомостей* мы коснулись вопроса о порядкѣ составленія у насъ списковъ присяжныхъ засѣдателей,—вопроса бывшаго два года тому назадъ предметомъ занятій особой коммиссіи которая, по предложенію министра Юстиціи, наряжена изъ своей среды общимъ собраніемъ Перваго и Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. Мы указали на заявленныя въ сенат-

ской коммиссіи отступленія отъ предположеннаго и предписаннаго въ законѣ порядка при составленіи такъ-называемыхъ *общихъ списковъ* и на предложенныя коммиссіей мѣры къ устраненію укоренившейся въ этомъ отношеніи неурядицы.

Еще важнѣе тѣ сдѣланныя въ докладѣ коммиссіи замѣчанія которыя касаются составленія *очередныхъ списковъ* присяжныхъ засѣдателей.

Общіе списки, по мысли закона, должны заключать въ себѣ перечень *всѣхъ* обывателей данной мѣстности которые подходятъ подъ внѣшнія условія дающія право и возлагающія обязанность исполнять функціи присяжнаго на судѣ. Хотя въ законѣ и говорится что списки эти *составляются* ежегодно, но въ сущности общій списокъ есть списокъ постоянный, который слѣдуетъ лишь ежегодно тщательно пересмотрѣть, дополнивъ лицами отвѣчающими формальному цензу присяжнаго, но не занесенными прежде въ списокъ, и исключивъ тѣхъ которые, за смертью или по другимъ причинамъ, не могутъ болѣе значиться въ спискѣ. Очередной же списокъ дѣйствительно составляется ежегодно заново. Въ этотъ списокъ вносятся изъ общаго тѣ лица кои имѣютъ быть призваны въ судъ на предстоящій годъ. Законъ предписываетъ чтобъ одни и тѣ же лица не были призываемы въ теченіе двухъ лѣтъ къ ряду; стало-быть годичный очередной списокъ возобновляется весь, съ начала до конца. Но законъ заботится не о томъ только чтобы составъ присяжныхъ возобновлялся ежегодно; онъ предписываетъ особенную тщательность при составленіи очереднаго списка, именно потому что тутъ дѣло идетъ не о томъ чтобъ имѣть полный перечень лицъ отвѣчающихъ формальному цензу установленному для присяжныхъ засѣдателей, а о томъ кто именно изъ нихъ будетъ призванъ въ предстоящую сессію. По мысли закона, тутъ должно происходить настоящее *избраніе*: лица коимъ ввѣрено составленіе очереднаго списка обязаны взвѣсить не только формальные признаки, но и внутреннія качества вносимыхъ ими въ этотъ списокъ лицъ и обсудить насколько каждое избираемое ими лицо обладаетъ качествами необходимыми для представителя общественной совѣсти на судѣ. Земскія коммиссіи по составленію списковъ присяжныхъ получаютъ для этой работы усиленный составъ, а именно онѣ производятъ ее подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства и при участіи одного изъ мировыхъ судей уѣзднаго города. *Выборъ* лицъ подлежащихъ внесенію въ очередной списокъ,—сказано въ ст. 99 Учр. Суд. Уст.,—„Коммиссія производитъ по *своему усмотрѣнію* и по внимательномъ обсужденіи въ какой мѣрѣ каждое лицо удовлетворяющее условіямъ опредѣленнымъ въ статьяхъ 81—88 настоящаго Учрежденія (то есть условіямъ ценза) способно, по своимъ нравственнымъ качествамъ и другимъ причинамъ, извѣстнымъ коммиссіи, къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя. Жалобы на постановленія коммиссіи по этому предмету не допускаются.“

Всѣ эти благія намѣренія закона до сихъ поръ, однако, оставались лишь на бумагѣ. Мы видѣли что общіе списки составляются далеко не съ тою тщательностью и полнотой какая желательна, дабы важная обязанность присяжныхъ распредѣлялась на возможно большее число способныхъ къ тому лицъ. Составленіе общихъ списковъ въ большинствѣ случаевъ стало дѣломъ канцелярской работы, которою занимаются не коммиссіи избираемыя для того земствомъ, а канцелярскіе служители земства, думы или предводителей дворянства. Очередные списки составляются тѣмъ же канцелярскимъ способомъ, простою выборкой требуемаго количества именъ изъ общаго списка. Не это ли причина неудовлетворительности состава нашего суда присяжныхъ вообще и того огромнаго преобладанія крестьянъ которое составляетъ самую характерную его черту?

Вообще слѣдуетъ замѣтить что формальный цензъ установленный нашимъ закономъ для присяжныхъ засѣдателей въ значительной мѣрѣ способствуетъ крайней демократизаціи этого института, не говоря уже о тѣхъ упущеніяхъ и злоупотребленіяхъ которыя искусственно слагаютъ эту обязанность преимущественно на низшіе слои населенія. Законъ не установляетъ у насъ одного общаго имущественнаго ценза, а образовательнаго ценза законъ отъ присяжныхъ вовсе не требуетъ. Къ этой обязанности привлекаются: состоящіе на государственной службѣ не выше пятаго класса, состоящіе на службѣ по выборамъ дворянскихъ и городскихъ обществъ, затѣмъ крестьяне, относительно которыхъ въ законѣ сказано что въ общіе списки

подлежать внесенію „крестьяне избранные „въ очередные судьи волостныхъ судовъ „или въ добросовѣстные волостныхъ и сель-„скихъ расправъ и равныхъ съ ними сель-„скихъ судовъ, а также занимавшіе без-„порочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должно-„сти волостныхъ старшинъ, головъ, сель-„скихъ старостъ, или другія соотвѣтствую-„щія симъ должности въ общественномъ „управленіи сельскихъ обывателей разныхъ „наименованій, или бывшіе церковными ста-„ростами." Никакого имущественнаго ценза для крестьянъ, какъ и для состоящихъ на государственной и общественной службѣ, законъ не установляетъ. Цензъ этотъ установленъ лишь для всѣхъ прочихъ лицъ кромѣ указанныхъ трехъ разрядовъ, а именно: въ общіе списки присяжныхъ засѣдателей включаются владѣющіе землей въ количествѣ не менѣе ста десятинъ, или другимъ недвижимымъ имуществомъ цѣною въ столицахъ не менѣе двухъ тысячъ рублей, въ губернскихъ городахъ и градоначальствахъ не менѣе тысячи и въ прочихъ мѣстахъ не менѣе пяти сотъ рублей, или же получающіе жалованье, или доходъ отъ своего капитала, занятія, ремесла, или промысла, въ столицахъ не менѣе пятисотъ, а въ прочихъ мѣстахъ не менѣе двухсотъ рублей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго что въ общихъ спискахъ присяжныхъ засѣдателей крестьяне и вообще люди мало и вовсе необразованные составляютъ огромный процентъ. Но еслибъ очередные списки составлялись согласно приведеннымъ выше предписаніямъ закона, нашъ институтъ присяжныхъ засѣдателей не долженъ былъ бы имѣть того демократическаго характера какимъ онъ отличается въ дѣйствительности. Причина крайней и вредной демократизаціи его не столько въ законѣ, сколько въ томъ что регуляторъ который введенъ закономъ въ процедуру избранія присяжныхъ засѣдателей,— коммиссія усиленнаго состава коей предписано внимательное обсужденіе нравственныхъ и умственныхъ качествъ лицъ вносимыхъ изъ общаго въ очередной списокъ,— что этотъ регуляторъ на дѣлѣ не существуетъ. Очередные списки составляются совершенно механически, а при механической выборкѣ большинство присяжныхъ естественно составляется изъ людей низшаго развитія, или совсѣмъ безграмотныхъ, соотвѣтственно существующему численному отношенію между развитымъ и не развитымъ классами въ нашемъ населеніи.

Въ томъ же смыслѣ высказалась и коммиссія Правительствующаго Сената. Вотъ указанія которыя, по ея мнѣнію, должны быть обязательно преподаны, подъ страхомъ взысканія, лицамъ составляющимъ очередные списки присяжныхъ: „При одинаковыхъ условіяхъ нравственности, лица получившія высшее образованіе должны быть предпочитаемы всѣмъ остальнымъ. За недостаткомъ ихъ, вниманіе коммиссіи должно быть обращено на лицъ получившихъ среднее образованіе, и изъ числа ихъ на тѣхъ которые обладаютъ имущественною самостоятельностью, такъ какъ это послѣднее условіе дѣлаетъ для сихъ лицъ менѣе чувствительнымъ отвлеченіе ихъ отъ собственныхъ ихъ дѣлъ и даетъ основаніе къ предположенію что они болѣе независимо могутъ относится къ исполненію своихъ обязанностей. Сельскіе обыватели, даже и такіе которые обладаютъ имущественнымъ цензомъ, *должны быть почитаемы вообще менѣе пригодными къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей* по ихъ неопытности и отсутствію матеріальныхъ средствъ для долгаго проживательства въ городѣ въ положеніе соотвѣтствующемъ достоинству судьи. Поэтому изъ числа сихъ лицъ могутъ быть вносимы въ очередные списки только тѣ сельскіе обыватели *способность которыхъ къ выполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя лично извѣстна большинству состава усиленной коммиссіи.*" Не довольствуясь этимъ, сенатская коммиссія полагаетъ необходимымъ вмѣнить усиленнымъ коммиссіямъ составляющимъ очередные списки въ обязанность составленіе протоколовъ за общимъ подписаніемъ въ коихъ „особо должны быть изложены основанія которыя побудили коммиссію включить въ очередные списки лицъ изъ категоріи сельскихъ обывателей."

Не совпадаютъ ли эти указанія сенатской коммиссіи съ тѣмъ что было нами высказано по тому же поводу много лѣтъ тому назадъ?

№ 42.

Москва, 10-го февраля.

На дняхъ должны возобновиться офиціальныя совѣщанія по питейному дѣлу. Такъ

именуемые „свѣдущіе“ люди, занимавшіеся обсужденіемъ этого вопроса минувшею осенью, теперь вновь съѣзжаются въ Петербургъ чтобы принять участіе въ дальнѣйшемъ ходѣ законодательныхъ работъ по этому вопросу первостепенной государственной важности. Серіозность дѣла не позволяетъ думать чтобъ эти работы ограничились единственно пересмотромъ и коекакимъ исправленіемъ „рѣшеній“ которыя для чего-то постановлялись большинствомъ голосовъ коммиссіи экспертовъ въ ея осеннюю сессію. Какъ мало пригодны эти рѣшенія, до какой степени идутъ они въ разрѣзъ съ тѣмъ чего ожидаетъ Россія отъ предпринимаемой правительствомъ питейной реформы, въ этомъ, должно полагать, не могли не убѣдиться сами свѣдующіе люди изъ тѣхъ отзывовъ которые, конечно, доходили до нихъ со всѣхъ сторонъ съ тѣхъ поръ какъ они разъѣхались по домамъ. Эти отзывы, полагаемъ, должны были охладить ихъ недавнее пылкое увлеченіе „общественными питейными заведеніями“ и идей облагороженія кабаковъ. Кажется теперь уже всѣмъ ясно что для успѣшности реформы, для того чтобъ она стала тѣмъ чѣмъ должна быть, въ основу ея должно лечь нѣчто иное, а не проектъ бывшій результатомъ сказаннаго увлеченія и представляющій собою массу не вытекающихъ одно изъ другаго правилъ, нагроможденныхъ одно на другое благодаря случайностямъ голосованій коими они постановлялись. Наряду съ проектомъ такого свойства должны подвергнуться обсужденію иные проекты, составленные и поступившіе съ разныхъ сторонъ на разсмотрѣніе правительства въ виду обозначившейся несостоятельности работъ осенняго „совѣщанія.“ Впереди всѣхъ другихъ требуетъ рѣшенія вопросъ, должна ли реформа ограничиться одлѣми полумѣрами, однимъ качественнымъ и количественнымъ регулированіемъ кабаковъ, или же есть возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ освобожденію народа отъ лежащаго на немъ тяжкаго вѣковаго ярма, покончивъ навсегда съ кабакомъ, то-есть съ распивочною продажей водки и всѣми соблазнами каторыми эта торговля обставлена.

Распивочная продажа, въ той или другой формѣ, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, имѣетъ не мало защитниковъ не въ средѣ только людей прямо или косвенно извлекающихъ выгоды изъ кабацкаго дѣла, но и между людьми нисколько въ немъ не заинтересованными и искренно желающими если не искоренить вполнѣ, то по крайней мѣрѣ сколько возможно ослабить причиняемый распивочною продажей неизмѣримый вредъ. Но существовавшая и поощрявшаяся цѣлые вѣка распивочная продажа кажется многимъ неизбѣжнымъ, неустранимымъ зломъ, противъ котораго всякія мѣры безсильны. Утвердилось мнѣніе что запрещеніемъ распивочной продажи она прекращена не будетъ, что такъ или иначе она будетъ существовать въ широкихъ размѣрахъ, если не явно, то тайно, и что лучше разрѣшить явную чѣмъ вызывать тайную распивочную торговлю. Все дѣло такимъ образомъ сводится къ вопросу о корчемствѣ. Если есть возможность успѣшно бороться съ корчемствомъ, нѣтъ препятствій повести питейную реформу какъ того требуютъ существеннѣйшіе интересы страны и освободить народъ отъ кабаковъ. Обсудить разные способы борьбы съ корчемствомъ и шансы ея успѣха, вотъ одна изъ главныхъ задачъ которыя должны быть рѣшены прежде обсужденія частностей подготовляемой питейной реформы.

Принято утверждать что корчемство неодолимо, что его нельзя искоренить никакими мѣрами, что это доказано историческими опытами. Но такія утвержденія нельзя не признать голословными. Уже одна исторія откуповъ показываетъ что корчемство вовсе не въ такой мѣрѣ неустранимо какъ думаютъ. Если же корчемство на дѣлѣ достигло у насъ широкаго развитія, то не есть ли это прямой результатъ питейно-акцизной системы съ ея порядками, и не будетъ ли ослаблено зло съ устраненіемъ этихъ порядковъ?

Извѣстно что нѣкоторые виды корчемства преслѣдовались у насъ черезчуръ слабо, чуть не поощрялись. Взглядъ на питейное дѣло былъ исключительно фискальный. Существеннымъ зломъ считалось лишь то отъ чего могла понести убытки казна. Но ядро казеннаго питейнаго дохода составлялъ не патентный сборъ, а акцизъ съ питей. Акцизъ давалъ вдесятеро болѣе чѣмъ всѣ патентные сборы. Тайная, безплатная распивочная продажа, при такихъ обстоятельствахъ, была не столько въ ущербъ, сколько въ прибыль казнѣ. Она сопровождалась недочетами по сравнительно неважной статьѣ дохода отъ патентовъ, но за то, усиливая сбытъ оплаченнаго ак-

цизомъ вина, поднимала размѣры главнаго дохода, акцизнаго. Въ виду этого, энергически преслѣдовать безпатентную распивочную продажу не было фискальнаго разсчета. Усердное преслѣдованіе ея могло, конечно, увеличить на нѣсколько сотъ тысячъ рублей доходъ отъ патентовъ, но сокративъ пьянство, уменьшивъ расходъ вина, повело бы къ уменьшенію акцизнаго дохода на многіе милліоны, а господствовавшія финансовыя соображенія не позволяли мириться съ сокращеніемъ этого дохода и допускали мѣры противъ пьянства лишь въ степени требуемой формальнымъ соблюденіемъ приличій. Энергически, хотя далеко не всегда съ успѣхомъ, преслѣдовалось только поступленіе въ продажу вина не оплаченнаго акцизомъ. Вся сила надзора сосредоточивалась на винокуренныхъ заводахъ, а надзоръ за питейною торговлей былъ, можно сказать, только номинальный. Это всѣми чувствовалось, и нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ что корчемство распространилось у насъ до крайней степени. Но значитъ ли это что оно не можетъ быть прекращено при иной постановкѣ дѣла?

Есть два вида корчемства: тайное винокуреніе и тайная продажа вина. Правильная постановка питейнаго дѣла въ равной степени требуетъ пресѣченія злоупотребленій въ обоихъ ихъ видахъ. Но значеніе тѣхъ и другихъ злоупотребленій для казны и населенія не одинаково. Потребителямъ все равно, пьютъ ли они вино выкуренное тайно или явно; они объ этомъ и знать не могутъ, но на ихъ интересахъ существенно отзываются цѣны вина, размѣры его потребленія, бо́льшая или меньшая неправильность этого потребленія, и обстановка въ какой приходится пить. Вслѣдствіе этого выходитъ что въ пресѣченіи винокуреннаго корчемства заинтересована только казна, пресѣченіе же корчемной продажи было бы дѣломъ въ высшей степени важнымъ для всего населенія. Въ мѣрахъ пресѣченія корчемной продажи одна изъ главнѣйшихъ задачъ реформы. Чтобъ эта задача была рѣшена удовлетворительно, необходимо, съ одной стороны, чтобы лучшимъ силамъ самого населенія дана была возможность содѣйствовать правительству въ борьбѣ съ корчемниками; съ другой, необходимо чтобы казна была заинтересована въ этой борьбѣ не меньше лучшихъ людей изъ народа. Но казна будетъ серіозно заинтересована въ пресѣченіи корчемной продажи лишь въ томъ случаѣ если ея доходъ будетъ зависѣть не отъ акциза, а отъ самой питейной торговли, если она возьметъ эту торговлю прямо въ свои руки. Это одинъ изъ главныхъ аргументовъ въ пользу установленія казенной питейной монополіи. При такой монополіи отношеніе казны ко всякимъ видамъ корчемства будетъ одинаково и устранятся побужденія зорко слѣдить только за злоупотребленіями винокуренныхъ заводовъ, смотря сквозь пальцы на злоупотребленія по продажѣ питей потребителямъ. Съ установленіемъ казенной питейной монополіи, преслѣдованіе корчемства получило бы въ глазахъ приставленныхъ къ дѣлу людей значеніе серіозной задачи, сто́ящей того чтобъ ею заниматься. Вмѣстѣ съ тѣмъ, казенная монополія устроенная на правильныхъ основаніяхъ нанесла бы сильный ударъ корчемству уже тѣмъ однимъ что сдѣлала бы этотъ нынѣ столь распространенный промыселъ и мало удобнымъ, и мало выгоднымъ.

Когда мы впервые высказали эту послѣднюю мысль, въ печати было выражено недоумѣніе почему корчемство сдѣлается при казенной монополіи менѣе удобнымъ и выгоднымъ промысломъ чѣмъ нынѣ, „Мы вездѣ видимъ,“ возражали намъ, „что монополія естественно и въ силу вещей вызываетъ корчемство.“ Со своей стороны, мы просимъ возражающихъ указать гдѣ видѣли они на практикѣ питейную монополію основанную на строгомъ соблюденіи слѣдующихъ четырехъ органически-необходимыхъ условій: 1) полнаго устраненія частныхъ лицъ отъ всякаго посредничества между производителями и внутренними потребителями спиртныхъ напитковъ, причемъ всякая попытка такого посредничества строго каралась бы закономъ; 2) совершеннаго прекращенія распивочной продажи, за исключеніемъ лишь весьма немногихъ пунктовъ, за которыми строгій надзоръ не былъ бы труденъ уже по малому ихъ числу; 3) продажи вина исключительно изъ казенныхъ штофныхъ лавокъ непремѣнно въ запечатанной и обандероленной стеклянной и металлической посудѣ, и 4) одинаковости цѣнъ вина какъ въ оптовой, ведерной, такъ и въ розничной, дробной продажѣ, причемъ одинъ градусъ спирта продавался бы за столько же копѣекъ за сколько рублей продается 100 гра-

дусовъ или ведро безводнаго спирта. Къ монополіи основанной на такихъ условіяхъ примѣры монополіи при которыхъ эти условія не соблюдались относиться не могутъ, точно также какъ, напримѣръ, многочисленныя неудачи опытовъ электрическаго освѣщенія не могли служить доказательствомъ его невозможности когда найдены были условія при которыхъ оно стало возможнымъ. „Какъ только разница между „цѣною спирта на заводѣ и цѣною враз„дробь составляетъ 700 процентовъ,“ говорили намъ, „явятся всегда охотники раз„ницу эту положить въ собственный кар„манъ вмѣсто казеннаго.“ Совершенно справедливо, также какъ и то что всегда найдутся охотники поддѣлывать векселя, банковые билеты, купоны и т. д. Но цѣль не въ томъ чтобы сдѣлать невозможными всякіе случаи корчемства, а чтобы сдѣлать ихъ столь же рѣдкими какъ указанные случаи поддѣлокъ. А эта послѣдняя цѣль казенною монополіей на вышеуказанныхъ основаніяхъ достигалась бы весьма удовлетворительно. Теперь корчемство, производящееся повсемѣстно въ обширныхъ размѣрахъ, пускаетъ въ ходъ для незаконной наживы всякое вино, какъ тайно, такъ и явно выкуренное. Купить въ складѣ нѣсколько ведеръ вина по 5 рублей и продать ихъ въ раздробь по 8 рублей очень выгодно, и эта-то выгода и составляетъ главную приманку побуждающую заниматься корчемствомъ не взирая на сопряженный съ этимъ дѣломъ рискъ. При казенной монополіи, корчемничать законно выкуреннымъ виномъ не будетъ разчета вслѣдствіе равенства цѣнъ вина въ ведерной и въ дробной продажѣ. Останется корчемничать только тайно выкуреннымъ виномъ. Но и для этого вида корчемства не будетъ тѣхъ удобствъ какія существуютъ нынѣ. Кругъ корчемничающихъ имъ людей крайне съузится. Патентованныхъ частныхъ складовъ и кабаковъ, куда сбывается нынѣ корчемное вино значительными партіями, больше не будетъ; производителямъ корчемнаго вина придется имѣть дѣло только съ мелкою сошкой, съ покупателями грошовыхъ партій, подвергаясь большому риску уже вслѣдствіе одного факта частыхъ посѣщеній завода темными личностями въ неуказанное время. При отсутствіи частной торговли виномъ, тайный вывозъ его съ завода будетъ дѣломъ труднымъ; не скоро, пожалуй, найдешь и ямщика для перевозки вина не въ казенной обандероленной посудѣ, съ рискомъ попасть въ тюрьму за такую перевозку. Заводчику который рѣшился бы вести постоянныя дѣла съ мелкими корчемниками не пришлось бы ни одной ночи уснуть спокойно: а что если накроютъ хоть одного изъ негодяевъ съ которымъ онъ связался, доберутся откуда взялось вино которымъ тотъ корчемничаетъ и затѣмъ подвергнутъ строгой отвѣтственности самого заводчика? На такое слишкомъ рискованное дѣло, надо полагать, пойдутъ не многіе даже изъ „Жидковъ-арендаторовъ.“ Но для большей гарантіи въ этомъ отношеніи, ничто не мѣшаетъ установить нѣкоторый нравственный и имущественный цензъ который давалъ бы право имѣть и арендовать винокуренные заводы.

№ 43.

Москва, 11-го февраля.

Вотъ уже почти мѣсяцъ какъ г. Гамбетта принужденъ былъ сложить съ себя правительственную власть, а между тѣмъ въ Парижѣ только и рѣчи что о немъ. Тотчасъ послѣ своего паденія онъ уѣхалъ для отдыха на нѣсколько недѣль въ Италію, и тѣмъ не менѣе попрежнему оставался героемъ дня и предметомъ разговоровъ и слуховъ, газетныхъ статей и парламентскихъ толковъ. Всѣ взоры обращены на него, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ начала его похода противъ новаго министерства Фрейсине, а можетъ-быть и противъ всей палаты депутатовъ. Каждый нумеръ его офиціальнаго органа *République Française* вызываетъ безконечныя разсужденія прочихъ газетъ различныхъ политическихъ оттѣнковъ, которыя тщательно взвѣшиваютъ и комментируютъ каждое слово его передовыхъ статей, стараясь разгадать то что должно читаться между строками. Подобному же анализу подвергаются и статьи офиціознаго органа г. Гамбетты, газеты *Voltaire*, издаваемой горячимъ поклонникомъ бывшаго диктатора, пылкимъ и талантливымъ публицистомъ Артюромъ Ранкъ, который ведетъ борьбу противъ враговъ г. Гамбетты съ большимъ увлеченіемъ и болѣе прямодушною откровенностью чѣмъ самъ павшій министръ-президентъ. Ежедневно появляются въ разныхъ газетахъ са-

тирическія статьи и каррикатуры, то издѣвающіяся надъ г. Гамбеттой, то предающія осмѣянію его политическихъ противниковъ. Паденіе г. Гамбетты нашло себѣ отголосокъ даже въ поэзіи, и Парижане повторяютъ теперь наизустъ стихи своего любимаго патріотическаго поэта Поля Деруледа, въ которыхъ онъ прославляетъ г. Гамбетту какъ единственнаго настоящаго государственнаго человѣка Франціи и безпощадно бичуетъ тѣхъ „лже-Французовъ" которые де „изъ трусости соединились чтобы низвергнуть спасителя Франціи." Словомъ, тѣ изъ его противниковъ которые надѣялись что онъ послѣ 26 (14) января надолго сойдетъ съ политической сцены теперь ясно видятъ свою ошибку: г. Гамбетта не только не сошелъ со сцены, но даже не отступилъ на второй ея планъ, а попрежнему занимаетъ на ней самое видное мѣсто.

Г. Гамбетта лишь на дняхъ вернулся въ Парижъ и еще не принималъ участія въ парламентской борьбѣ; стратегическій планъ его, поэтому, не могъ еще окончательно выясниться во всѣхъ своихъ подробностяхъ, но общія характеристическія его очертанія уже опредѣлились довольно отчетливо какъ въ статьяхъ вышеназванныхъ двухъ газетъ такъ и въ словахъ и дѣйствіяхъ его близкихъ друзей и бывшихъ товарищей по министерству.

Главною цѣлью г. Гамбетта поставилъ себѣ теперь, повидимому, усиленіе и упроченіе своей популярности не въ палатѣ депутатовъ, на которую онъ давно уже махнулъ рукой, а въ странѣ. По мѣрѣ того какъ популярность его будетъ увеличиваться, авторитетъ свергнувшей его палаты депутатовъ и новаго министерства будетъ уменьшаться, такъ что, по его разчетамъ, президентъ республики принужденъ будетъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, въ скоромъ времени рѣшиться на распущеніе палаты. Но для г. Гамбетты необходимо чтобы до этого распущенія обѣ палаты парламента приняли законъ о выборахъ по департаментскому списку, безъ чего будущая палата будетъ также какъ и настоящая раздроблена на мелкія партіи и группы, среди которыхъ невозможно дѣйствовать рѣшительному и послѣдовательному въ своихъ дѣйствіяхъ министерству. Въ виду этого, г. Гамбетта ведетъ борьбу главнымъ образомъ не противъ новаго министерства; онъ не намѣренъ занять его мѣсто при настоящей палатѣ депутатовъ, къ тому же вовсе не желаетъ чтобъ его противники приписывали ему намѣреніе мѣшать, изъ личныхъ интересовъ, правильному теченію государственныхъ дѣлъ; напротивъ, онъ всячески старается доказать что если кто мѣшаетъ этому теченію, то не онъ, а палата депутатовъ.

Съ этою цѣлью онъ 9 февраля напечаталъ въ своей газетѣ передовую статью, поднявшую страшную тревогу среди враждебныхъ ему органовъ печати. Въ этой статьѣ прямо высказано что для настоящаго патріота общественное мнѣніе должно быть дороже чѣмъ мнѣніе большинства палаты, и что народъ долженъ стоять въ его глазахъ выше всякихъ кабинетовъ и парламентовъ съ ихъ „эфемернымъ большинствомъ." „Одна изъ худшихъ ошибокъ старой партіи доктринеровъ, говорилъ онъ, состоитъ въ подчиненіи всего въ великой демократіи узкимъ и измѣнчивымъ интересамъ парламентскаго большинства, отъ котораго завтра страна можетъ отказаться. Мы предпочитаемъ быть заодно съ Франціей нежели съ какою бы то ни было палатой."

Но г. Гамбетта не ограничился одними газетными статьями для усиленія своей популярности; онъ рѣшился показать на дѣлѣ какъ близки его сердцу интересы страны. Во время своего двухмѣсячнаго министерства, онъ со своими товарищами приготовилъ цѣлый рядъ законопроектовъ касающихся различныхъ весьма важныхъ реформъ. Окончивъ эту работу, онъ, однако, внесъ въ палату депутатовъ одинъ только проектъ *конституціонной* реформы, заявивъ что пока конституція не будетъ преобразована, приступать къ прочимъ реформамъ немыслимо. Противники его воспользовались этимъ заявленіемъ и стали распускать вслухъ что у него нѣтъ въ запасѣ никакихъ другихъ законопроектовъ, а что конституціонная реформа нужна ему только какъ средство къ достиженію диктатуры. Это мнѣніе, какъ извѣстно, взяло верхъ въ палатѣ, которая и заставила г. Гамбетту 26 (14) января покинуть постъ министра-президента. Но уже чрезъ нѣсколько дней послѣ своего паденія, онъ заявилъ что бывшіе товарищи его по министерству немедленно внесутъ въ палату, въ качествѣ уже депутатовъ, всѣ выработанные имъ вмѣстѣ съ ними проекты реформъ. И дѣйствительно, гг. Вальдекъ-

Руссо, Мартенъ Фэлье и Поль Беръ въ теченіе нѣсколькихъ дней представили палатѣ депутатовъ пять обширныхъ и тщательно разработанныхъ проектовъ касающихся реформы судебной магистратуры, регулированія правъ и обязанностей католическаго духовенства, преобразованія высшаго и низшаго образованія и, наконецъ, усиленія строгости законовъ направленныхъ противъ преступниковъ-рецидивистовъ.

Противники г. Гамбетты были ошеломлены этимъ градомъ законопроектовъ и должны были прекратить свои прежніе упреки въ безплодности „великаго министерства,“ а друзья павшаго министра съ особеннымъ рвеніемъ стали восхвалять его проекты и высказывать увѣренность что еслибы палата не заставила его пасть, онъ не тѣмъ бы еще наградилъ Францію. Вообще быстрое представленіе этихъ проектовъ произвело очень хорошее впечатлѣніе на страну и поставило не только палату, но и новый кабинетъ г. де-Фрейсине въ очень неловкое положеніе. Дѣло принимало такой оборотъ что Франція была бы обязана цѣлымъ рядомъ важныхъ реформъ не депутатамъ и не новому министерству, а павшему г. Гамбеттѣ и его товарищамъ. Г. де-Фрейсине рѣшился во что бы то ни стало лишить г. Гамбетту этого преимущества и наскоро изготовилъ нѣсколько правительственныхъ контръ-проектовъ, такъ чтобы проекты г. Гамбетты имѣли только видъ поправокъ къ нимъ. Но поспѣшность съ которою были составлены эти контръ-проекты весьма не выгодно отразились на ихъ внутреннемъ достоинствѣ. Они оказались менѣе обдуманными, болѣе поверхностными и непослѣдовательными, а въ особенности менѣе рѣшительными и либеральными чѣмъ проекты г. Гамбетты, такъ что контръ-проекты не только ему не повредили, но еще сослужили хорошую службу. Всѣмъ бросилась въ глаза эта разница, и даже враги г. Гамбетты сознаются что его реформы лучше и цѣлесообразнѣе реформъ г. де-Фрейсине.

Дабы избѣжать этихъ невыгодныхъ сравненій, новое министерство рѣшилось какъ можно скорѣе перещеголять г. Гамбетту либеральными мѣрами. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ законопроектъ, не потребовавшій долгихъ предварительныхъ подготовленій, на основаніи котораго всѣ городскіе муниципальные совѣты должны сами избирать своихъ мэровъ, тогда какъ до сихъ поръ мэры назначались правительствомъ. Одному только городу Парижу, г. де-Фрейсине не находитъ возможнымъ предоставить это право. Польстивъ такимъ образомъ всѣмъ прочимъ городамъ Франціи, онъ оскорбилъ своимъ проектомъ Парижъ, что много значитъ во Франціи. Нечего и говорить что друзья г. Гамбетты воспользовались этимъ промахомъ и уже заявили что они въ скоромъ времени представятъ обширный проектъ муниципальной реформы (а не одинъ только жалкій обломокъ какой представилъ г. Рене Гобле), и что они въ своемъ проектѣ не допустятъ несправедливаго предпочтенія однихъ городовъ другимъ.

Но г. де-Фрейсине рѣшилъ еще инымъ образомъ заручиться расположеніемъ депутатовъ. Онъ отмѣнилъ не понравившійся имъ циркуляръ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ г. Гамбетты, г. Вальдекъ-Руссо, запрещавшій депутатамъ и сенаторамъ обращаться къ правительству съ просьбами о доставленіи разныхъ льготъ и выгодныхъ мѣстъ ихъ друзьямъ и приверженцамъ. Благодаря этому циркуляру, правительство освободилось отъ вѣчнаго попрошайничанія членовъ парламента и могло спокойнѣе и съ большею пользой заниматься дѣлами государства. Теперь, благодаря г. де-Фрейсине, переднія министровъ снова осаждаются ежедневно депутатами и сенаторами, вслѣдствіе чего еще болѣе усиливаются всевозможныя парламентскія интриги, мѣшающія правильному ходу государственнаго организма. Нечего говорить что и эта мѣра г. де-Фрейсине на руку г. Гамбеттѣ.

Третій шагъ къ пріобрѣтенію популярности среди палаты г. де-Фрейсине думаетъ сдѣлать измѣненіемъ закона 1849 года о высылкѣ за границу иностранцевъ угрожающихъ общественному спокойствію Франціи. Это намѣреніе г. де-Фрейсине очень характеристично для его нерѣшительной, дряблой политики. Пока будетъ существовать упомянутый законъ, г. де-Фрейсине постоянно будетъ находиться въ опасности обидѣть или иностранныя державы требующія высылки изъ Франціи того или другаго изъ ихъ подданныхъ, или французскихъ радикаловъ и коммунаровъ которые будутъ противиться этой высылкѣ. Отмѣнивъ законъ 1849 года, г. де-Фрейсине будетъ имѣть легальное основаніе отказывать „съ искреннимъ сожалѣніемъ“

иностраннымъ посламъ въ ихъ просьбахъ о высылкѣ разнаго рода „политическихъ" негодяевъ, и надѣется пріобрѣсти тѣмъ популярность и поддержку среди этихъ негодяевъ и ихъ французскихъ единомышленниковъ. Нечего и говорить что г. де-Фрейсине жестоко ошибется въ своемъ разчетѣ. Люди которымъ онъ дѣлаетъ уступки отличаются именно тѣмъ что никогда не чувствуютъ признательности къ тѣмъ кто имъ уступаетъ; г. де-Фрейсине думаетъ облегчить свое положеніе среди представителей европейскихъ державъ и представителей парижской коммуны: онъ навѣрное только ухудшитъ его.

Такимъ образомъ, какъ г. Фрейсине, такъ и г. Гамбетта заботятся въ настоящее время главнымъ образомъ о своей популярности. Но первый изъ нихъ, дорожа своимъ министерскимъ портфелемъ, старается угодить палатѣ депутатовъ; второй же „предпочитаетъ быть заодно съ Франціей нежели съ какою бы то ни было палатой" и стремится возбудить общественное мнѣніе противъ теперешней палаты. Дѣло это во всякомъ случаѣ не легкое и даже опасное. Но за то г. Гамбетта, въ качествѣ простаго депутата, гораздо свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ нежели цѣпляющійся за свой министерскій постъ и робѣющій предъ депутатами г. де-Фрейсине.

№ 44.

Москва, 12-го февраля.

Въ №№ 30 и 41 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы коснулись вопроса о составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей; сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по этому вопросу.

Коммиссія общаго собранія Правительствующаго Сената, не довольствуясь разъясненіями и указаніями по предмету возстановленія законнаго порядка, столь грубо нарушаемаго въ дѣлѣ избранія представителей „общественной совѣсти" на судѣ, проектировала рядъ мѣръ которыя обезпечивали бы правительству и обществу на будущее время исполненіе предписанныхъ по сему предмету правилъ. По мнѣнію коммиссіи Сената, необходимо установить съ этою цѣлью отвѣтственность лицъ относящихся небрежно и недобросовѣстно ко своимъ обязанностямъ. Отвѣтственность эту коммиссія предложила установить, вопервыхъ, за неисполненіе присутственными мѣстами и лицами, а также земствомъ и избираемыми имъ коммиссіями, возложенныхъ на нихъ по закону обязанностей по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей; а вовторыхъ, за уклоненіе частныхъ лицъ отъ исполненія повинности присяжнаго засѣдателя.

По первому отдѣлу, сенатская коммиссія признаетъ необходимымъ подвергать отвѣтственности: а) уѣздныя земства, которыя „въ большинствѣ случаевъ" вовсе не избираютъ временныхъ коммиссій для составленія общихъ и очередныхъ списковъ; б) уѣздныхъ предводителей дворянства — за принятіе на себя обязанностей лежащихъ по закону на временныхъ коммиссіяхъ и за порученіе исполненія сихъ обязанностей своимъ письмоводителямъ; в) членовъ временныхъ и усиленныхъ коммиссій—за небрежное собираніе свѣдѣній о присяжныхъ засѣдателяхъ, за небрежное составленіе списковъ и вообще за неисполненіе предписаній и разъясненій по этому предмету Правительствующаго Сената; г) членовъ временныхъ коммиссій— за недоставленіе своевременно списковъ губернаторамъ, чрезъ что послѣдніе лишены возможности своевременно дѣлать надлежащія исправленія; д) членовъ усиленныхъ коммиссій—„за *систематическое* исключеніе изъ очередныхъ списковъ дворянскаго и купеческаго сословій и возложеніе *всей тяжести* этой обязанности на крестьянъ и мѣщанъ," и е) членовъ тѣхъ же коммиссій—за внесеніе въ очередные списки лицъ не обладающихъ имущественнымъ цензомъ, *безграмотныхъ* умершихъ, состоящихъ подъ судомъ или приговоренныхъ уже къ уголовнымъ наказаніямъ.

Сенатская коммиссія замѣчаетъ что всѣ вышеизложенныя нарушенія „не только указываютъ на непониманіе земствомъ и избираемыми коммиссіями своихъ обязанностей, но составляютъ преступную небрежность" со стороны однихъ (выборныхъ отъ земства) и превышеніе власти со стороны другихъ (представителей дворянства). Поэтому предполагается разъяснить подчиненнымъ органамъ администраціи и суда что указанныя нарушенія подлежатъ уголовному суду на основаніи соотвѣтствующихъ статей Улож. о Нак. карающихъ за небреженіе по службѣ и за превышеніе власти

Но какъ ни энергично это предписаніе исходящее отъ Правительствующаго Сената, едва ли можно ожидать что зло будетъ устранено имъ однимъ. Достаточно указать на то что уголовная кара, положенная въ тѣхъ статьяхъ Уложенія кои приведены въ доклады сенатской коммиссіи, большею частію ограничивается чисто дисциплинарными взысканіями примѣнимыми лишь къ лицамъ состоящимъ на государственной службѣ, какъ-то: выговоръ, со внесеніемъ или безъ внесенія въ послужной списокъ, вычетъ изъ времени службы, удаленіе или отрѣшеніе отъ должности и, наконецъ, исключеніе изъ службы. Всѣ эти взысканія не примѣнимы къ гласнымъ земскихъ собраній, или къ лицамъ избраннымъ изъ среды собраній на опредѣленныя должности, напримѣръ къ членамъ коммиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, не говоря ужь о томъ что вообще едва ли можно признать правильнымъ принципъ принужденія, путемъ уголовной кары, въ безмездной службѣ по выборамъ. Гораздо важнѣе другое разъясненіе сенатской коммиссіи, о томъ что работа по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, какъ весьма кропотливая и сопряженная со значительнымъ трудомъ и потерей времени, не можетъ быть безмездною, и что поэтому слѣдуетъ обязать земства чтобы для завѣдыванія дѣлами временныхъ коммиссій по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей были избираемы опытные въ этомъ дѣлѣ дѣлопроизводители изъ числа членовъ самихъ коммиссій за опредѣленное денежное вознагражденіе, съ ассигнованіемъ, какъ для него, такъ и вообще на расходы по составленію списковъ, опредѣленной суммы. Нѣтъ сомнѣнія что укоренившаяся по этой части неурядица проистекаетъ главнымъ образомъ изъ того что земствамъ предоставлено слишкомъ широкое и безконтрольное участіе въ такомъ дѣлѣ которое стоитъ почти совсѣмъ внѣ привычной земскимъ дѣятелямъ сферы интересовъ, что признано и въ докладѣ сенатской коммиссіи. Непониманіе важности дѣла, отсутствіе навыка къ нему, а главное дѣйствительная трудность онаго при той бѣдности статистическихъ свѣдѣній которою мы вообще страдаемъ, вотъ причины коимъ въ гораздо большей мѣрѣ слѣдуетъ приписать укоренившійся безпорядокъ нежели дурному умыслу, или преступному небреженію подлежащимъ уголовной карѣ. Къ тому же, до сихъ поръ не было обращаемо почти никакого вниманія на крайнюю неудовлетворительность состава нашего института присяжныхъ засѣдателей. Институтъ этотъ принятъ былъ подъ особенное покровительство нашей „либеральной" печати, которая разъ навсегда провозгласила догматъ непогрѣшимости присяжныхъ, не допуская ни критики отдѣльныхъ приговоровъ, поражавшихъ своею несообразностью, ни указаній на многія темныя стороны въ организаціи присяжнаго суда вообще. Всякое безпристрастное замѣчаніе, всякое указаніе на тотъ или иной недостатокъ въ устройствѣ суда присяжныхъ, или на какой-либо вопіющій по нелѣпости или несправедливости случай изъ судебной практики, немедленно заглушались всеобщимъ гвалтомъ о „посягательствѣ" на судебную реформу. Мы неоднократно касались вопроса о способахъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, и много разъ указывали на тѣ именно упущенія которыя признаны нынѣ и сенатскою коммиссіей за укоренившіяся „систематически." Еслибы нашъ голосъ не оставался одинокимъ, еслибы печать разъясняла земскимъ дѣятелямъ что возложенная на нихъ обязанность по составленію списковъ лицъ призываемыхъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ есть дѣло первостепенной важности, отъ котораго зависитъ весь успѣхъ этого новаго у насъ учрежденія, быть можетъ зло не приняло бы такихъ обширныхъ размѣровъ о какихъ нынѣ засвидѣтельствовано со стороны высшаго въ Имперіи трибунала...

Мѣры предлагаемыя коммиссіей Правительствующаго Сената едва ли могутъ привести къ желанной цѣли—повышенію значительно приниженнаго, сравнительно съ истинными намѣреніями законодателя, уровня умственной и нравственной доброкачественности нашего института присяжныхъ засѣдателей. Если какъ теперь оказывается, признано невозможнымъ довольствоваться одними сенатскими разъясненіями существующихъ на этотъ счетъ законоположеній и примѣненіемъ карательныхъ мѣръ за отступленія отъ порядка установленнаго закономъ, и имѣется въ виду внести нѣкоторыя поправки въ самые законы о способѣ призыва „лучшихъ людей" для участія въ уголовномъ судѣ, то пятнадцатилѣтняя практика, полагаемъ, достаточ-

но указала какого свойства должны быть эти поправки. Очевидно что обществу, въ лицѣ земства, предоставлена слишкомъ широкая и безконтрольная власть въ этомъ дѣлѣ. Контроль который предоставленъ администраціи, въ лицѣ губернатора, при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, оказывается совершенно недѣйствительнымъ. Не будетъ ли цѣлесообразнѣе призвать къ участію въ этомъ дѣлѣ самое судебное вѣдомство, котораго оно касается ближе нежели администраціи, и притомъ къ *дѣятельному* участію при самомъ составленіи списковъ и избраніи лицъ наиболѣе отвѣчающихъ требуемымъ условіямъ, а не къ провѣркѣ лишь готовыхъ списковъ составленныхъ представителями земства?

Но каковы бы ни были преобразованія которыя будутъ предприняты относительно института присяжныхъ, дѣйствительнаго и кореннаго улучшенія можно будетъ достигнуть лишь когда дѣйствующій нынѣ уголовный кодексъ будетъ замѣненъ новымъ, который теперь разрабатывается. Не подлежитъ сомнѣнію что новый кодексъ прежде всего внесетъ совершенно иныя начала въ существующую карательную систему, исключивъ изъ оной остатки старой, совершенно обветшалой лѣстницы наказаній. Разнообразныя формы лишенія правъ, составляющія *придатокъ* большинства каръ положенныхъ въ теперешнемъ Уложеніи, будутъ значительно упрощены. Лишеніе правъ, какъ наказаніе пожизненное, должно сопровождать лишь высшія ступени лѣстницы наказаній налагаемыхъ лишь за тяжкія преступленія. А съ тѣмъ вмѣстѣ значительно сузится и компетенція суда присяжныхъ. Вездѣ въ мірѣ эта торжественная форма суда примѣняется только къ наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ. У насъ же предѣлы компетенціи суда присяжныхъ опредѣлялись до сихъ поръ не по свойству преступныхъ дѣяній, а по свойству наказаній, и этою разграничительною чертой было принято именно лишеніе правъ во всѣхъ его видахъ и градаціяхъ. А такъ какъ наше теперешнее Уложеніе подвергаетъ лишенію правъ всякую квалифицированную кражу, въ томъ числѣ всѣ виды „кражи со взломомъ," кои составляютъ не менѣе 75% общаго числа преступленій у насъ совершаемыхъ, то не трудно понять что уже одно установленіе болѣе раціональнаго наказанія за кражу со взломомъ должно имѣть своимъ послѣдствіемъ такое огромное облегченіе суда присяжныхъ, при коемъ сами собою настанутъ и болѣе благопріятныя условія для поднятія уровня этого института, такъ какъ преступленіе кражъ будетъ вовсе изъято изъ подсудности присяжныхъ, и число дѣлъ судимыхъ съ ихъ участіемъ сразу понизится по крайней мѣрѣ на половину, а быть-можетъ и на три четверти.

№ 45.

Москва, 13-го февраля.

Характеристическую особенность оборотовъ Государственнаго Банка за послѣднее время составляетъ постоянное стремленіе къ увеличенію наличности въ его кассахъ. До изданія указа 1 января 1881 года подобной заботы о переполненіи кассъ не было, въ чемъ убѣждаетъ просмотръ ежемѣсячныхъ балансовъ Государственнаго Банка, его конторъ и отдѣленій за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ. Были, какъ оказывается, годы, когда совокупность наличности во всѣхъ кассахъ Банка не превышала 42 милліоновъ, понижаясь иногда до 27 милліоновъ рублей, и такія цифры не представлялись недостаточными и не обезпечивающими банковыхъ оборотовъ. Въ 1880 году кассовая наличность въ Банкѣ опредѣлялась вообще болѣе крупными цифрами, и тѣмъ не менѣе она только однажды, въ декабрѣ, дошла до 65 милліоновъ, въ остальные же мѣсяцы была меньше, сокращаясь иногда до 42 милліоновъ и даже менѣе (въ октябрѣ). Но изданъ былъ указъ 1 января 1881, и кассовая наличность быстрыми шагами пошла въ гору. Въ моментъ изданія этого указа общій итогъ наличныхъ денегъ въ кассахъ Банка, его конторъ и отдѣленій равнялся съ небольшимъ 63 милліонамъ; черезъ мѣсяцъ, къ 1 февраля 1881, онъ поднялся на 97½ милліоновъ, еще черезъ мѣсяцъ до 106, затѣмъ до 125, до 130, а къ 1 августа до 143½ милліоновъ слишкомъ. Ежедневно наступающая осенью усиленная потребность въ деньгахъ для торговыхъ оборотовъ сократила банковую наличность до 116 милліоновъ (къ 1 сентября); одновременно съ заемомъ сдѣланнымъ для уплаты казной такъ-называемаго долга ея Государственному Банку (суммы для взно-

совъ по осеннему выпуску банковыхъ билетовъ были взяты подписчиками большею частію у самаго же Банка) его наличность понизилась еще болѣе. По опустившись къ 1 октября до 72¼ милліоновъ, эта наличность начала съ той поры вновь неуклонно возрастать. 1 ноября въ кассахъ Банка лежало уже около 94, 1 декабря 113¾, а 1 января 1882 года уже 116⅓ милліоновъ, въ томъ числѣ 82¼ въ Петербургѣ и съ небольшимъ 34 милліона во всѣхъ остальныхъ кассахъ. Это возрастаніе наличности не прекращается и въ наступившемъ году. Въ одной петербургской кассѣ Банка наличность въ теченіе января увеличилась почти на 16 милліоновъ руб. и поднялась къ 1 февраля съ 82 до 98 милліоновъ, а въ слѣдующую недѣлю, къ 8 февраля, увеличилась еще почти на два милліона. Очевидно, это накопленіе банковой наличности будетъ продолжаться, и неизвѣстно на чемъ оно остановится, дойдетъ ли только до августовской цифры прошлаго года (143⅓ милліоновъ), или превыситъ и ее. Изо всего этого невольно выносится то впечатлѣніе что управленіе Банка въ послѣднее время озабочено не столько снабженіемъ страны деньгами для облегченія совершающихся въ ней оборотовъ, сколько отвлеченіемъ денегъ отъ этихъ оборотовъ для наполненія банковыхъ кассъ.

Въ нѣкоторой степени забота о поддержаніи цифры кассовой наличности въ Банкѣ на извѣстной высотѣ сдѣлалась, вслѣдствіе указа 1 января 1881 года, необходимостью, но только до нѣкоторой степени. При возможности прибѣгнуть во всякое время ко временному небольшому выпуску кредитныхъ билетовъ, можно было быть увѣреннымъ что безостановочности банковыхъ оборотовъ не грозитъ никакое сокращеніе наличности въ кассахъ, хотя бы она уменьшилась до 30 милліоновъ и ниже; съ той минуты какъ всякая возможность новыхъ бумажноденежныхъ выпусковъ пресѣчена, довольствоваться столь малою наличностью уже нельзя. Но всему есть мѣра, и едва ли можно допустить чтобъ обороты Банка, въ существующихъ размѣрахъ, требовали для своего обезпеченія наличности во сто, во сто сорокъ и болѣе милліоновъ. Итоги оборотовъ Банка по вкладамъ и по учетно-ссудной операціи вовсе не такъ велики чтобы могла быть настоятельная необходимость въ столь громадной кассовой наличности. Итогъ всѣхъ вкладовъ въ Государственномъ Банкѣ съ его конторами, какъ срочныхъ, такъ и до востребованія, далеко не достигаетъ и четырехсотъ милліоновъ, и слишкомъ мало вѣроятія чтобъ эти вклады могли быть истребованы изъ Банка разомъ въ очень большомъ размѣрѣ, если таковое востребованіе не будетъ вызвано самимъ же Банкомъ. Оно можетъ быть, конечно, вызвано сокращеніемъ его учетно-ссудныхъ операцій, сокращеніемъ которое должно усиливать таковыя операціи въ частныхъ банкахъ, побуждая ихъ при этомъ къ повышенію процента по вкладамъ, чѣмъ могутъ быть отвлекаемы вклады отъ Государственнаго Банка. Какъ извѣстно, нѣкоторое сокращеніе учетно-ссудныхъ операцій замѣчается въ балансахъ Государственнаго Банка. Итогъ всѣхъ суммъ выданныхъ Банкомъ по учету и по ссудамъ ни по одному изъ ежемѣсячныхъ балансовъ прошлаго года не превышалъ 226 милліоновъ, сокращаясь въ иные мѣсяцы, напримѣръ 1 сентября, до 191 милліона и ниже. Въ предшедшемъ 1880 году размѣры учетно-ссудной операціи Государственнаго Банка были вообще значительнѣе. Итогъ ихъ ни разу не опускался ниже 204½ милліоновъ, а въ одномъ мѣсяцѣ доходилъ до 264 милліоновъ. Можетъ-быть, ограниченіе учетовъ и ссудъ и было отчасти причиной того что итогъ вкладовъ въ Государственномъ Банкѣ въ послѣднее время сократился до цифры ниже 300 милліоновъ (не считая спеціальныхъ текущихъ счетовъ). Но во всякомъ случаѣ, даже обозначившееся стѣсненіе учета и ссудъ далеко не грозитъ Банку такимъ востребованіемъ вкладовъ которое ставило бы его въ необходимость держать на готовѣ сто-милліонныя и болѣе чѣмъ сто-милліонныя суммы. Да и не замѣтно, судя по балансамъ, чтобъ управленіе Банка опасалось крупнаго и быстраго востребованія вкладовъ: наибольшая масса ихъ приходится на конторы и отдѣленія Банка, а особеннаго накопленія кассовой наличности въ конторахъ и отдѣленіяхъ не видно; эта наличность растетъ почти исключительно въ главной, петербургской кассѣ Банка, обѣщая вскорѣ дойти тамъ до цифры общаго итога всѣхъ мѣстныхъ вкладовъ. Притомъ, еслибы при накопленіи кассовой наличности имѣлось въ виду главнымъ образомъ огражденіе Банка отъ затрудненій въ какія онъ могъ бы быть поставленъ большимъ

обратнымъ требованіемъ вкладовъ, правленіе Банка, конечно, озаботилось бы принятіемъ какихъ-либо мѣръ предупреждающихъ это востребованіе вкладовъ. Подъемомъ вкладныхъ процентовъ, которые слишкомъ низки сравнительно съ процентами взимаемыми по учетамъ и ссудамъ, Государственный Банкъ несомнѣнно обезпечилъ бы себя съ означенной стороны въ гораздо большей степени чѣмъ въ какой обезпечиваетъ его огромный избытокъ наличныхъ денегъ праздно лежащихъ въ его кассахъ. Но ни о какомъ подъемѣ вкладныхъ процентовъ въ Государственномъ Банкѣ нѣтъ и рѣчи. Банкъ не только не заботится о томъ чтобъ удержать въ своихъ рукахъ вклады, а напротивъ косвеннымъ путемъ, сокращеніемъ учетно-ссудной операціи, какъ выше сказано, вытѣсняетъ довѣренные ему вклады, создавая условія при которыхъ они должны переходить въ частные банки. Но если не для обезпеченія себя отъ возможныхъ случайностей, то для чего же въ такомъ случаѣ накопляетъ Банкъ въ своихъ кассахъ непомѣрную массу наличныхъ денегъ?

Можно было бы думать что это дѣлается въ видахъ изъятія части кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Но опытъ показалъ что несмотря на увеличеніе банковой наличности даже до суммы приближающейся къ полутораста милліонамъ, приступить къ изъятію кредитныхъ билетовъ не оказалось возможнымъ. Нужды промышленности и торговли, ходъ ихъ оборотовъ, не допускаетъ сокращенія размѣровъ денежнаго обращенія. Дѣла идутъ такъ что минувшею осенью, вмѣсто изъятія, могъ потребоваться новый выпускъ кредитныхъ билетовъ, безъ котораго оказалось возможнымъ обойтись, по заявленію министра Финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ отчетѣ, лишь благодаря состоявшейся тогда уплатѣ казной Банку пятидесяти милліоновъ. Что было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, то, по всей вѣроятности, повторится и будущею осенью. Сомнительно, поэтому, чтобъ изъятіе кредитныхъ билетовъ оказалось возможнымъ въ близкомъ будущемъ, и еще сомнительнѣе чтобъ оно могло быть подготовлено накопленіемъ наличности въ кассахъ Государственнаго Банка съ его конторами. Скорѣе слѣдуетъ допустить что это накопленіе находится въ связи съ планами преобразованія самого Банка, съ постановкой его операцій на иныя основанія. До сихъ поръ онъ оперировалъ главнымъ образомъ частными денежными вкладами которые ему ввѣрялись, выдавая подъ векселя и другія обезпеченія деньги которыя самъ получалъ по вкладамъ. Указъ 1 января 1881 года открываетъ для Государственнаго Банка возможность перейти отъ такого порядка къ иному. Уплата Банку Казначействомъ въ теченіе восьми лѣтъ 417 милліоновъ рублей (въ счетъ коихъ 67 уже уплачены въ прошломъ году), при невозможности, по ходу торговли и промышленности, употребить эти суммы на изъятіе кредитныхъ билетовъ, дѣлаетъ для Банка, при существующихъ видахъ и размѣрахъ его операцій, какъ бы излишними тѣ 300—400 милліоновъ рублей которые онъ получалъ путемъ вкладовъ и пускалъ въ обороты. Для этихъ оборотовъ будетъ совершенно достаточно тѣхъ 400 милліоновъ которые поступятъ въ кассы Банка въ видѣ долга уплаченнаго ему казной. По вкладамъ нужно платить проценты. За суммы полученныя отъ казны Банкъ платить процентовъ не будетъ, ихъ заплатитъ казна изъ своего бюджета. Всю операцію по частнымъ процентнымъ вкладамъ можно будетъ, поэтому, ликвидировать. Съ ея ликвидаціей, Банкъ получитъ форму банка эммиссіоннаго, форму почему-то особенно улыбающуюся нѣкоторымъ финансистамъ. Кредитные билеты получатъ при этомъ видъ какъ бы банковыхъ билетовъ выпущенныхъ подъ обезпеченіе вексельнаго портфеля, какъ того требуетъ доктрина. Не присутствуемъ ли мы при началѣ перехода къ таковымъ новымъ порядкамъ въ основаніяхъ операцій Государственнаго Банка? Не имѣетъ ли своимъ назначеніемъ накопленіе наличныхъ суммъ въ его кассахъ обезпечить ликвидацію вкладовъ нужную для означеннаго перехода?

№ 47.

Москва, 15-го февраля.

На дняхъ появились два военные отчета: одинъ въ Петербургѣ объ исполненіи въ 1881 году призыва къ отбыванію воинской повинности, другой въ Берлинѣ о призывѣ къ обученію, тоже въ прошломъ году, на основаніи закона 6 мая 1880 года, рекрутскаго резерва I класса.

Оба отчета имѣютъ нѣчто общее, вы-

зывающее на сравненіе. Укажемъ сперва въ чемъ заключается сходство. До 1880 г., въ Германіи, всѣ люди не попавшіе на дѣйствительную службу, за жребіемъ или вслѣдствіе какихъ-либо незначительныхъ физическихъ недостатковъ, зачислялись на 7 лѣтъ въ рекрутскій резервъ I класса, откуда затѣмъ переходили, еще на пять лѣтъ, въ резервъ II класса. Въ мирное время люди эти не обучались вовсе а между тѣмъ въ случаѣ войны должны были идти на укомплектованіе дѣйствующихъ войскъ, то-есть на пополненіе убыли отъ болѣзней и потерь въ сраженіяхъ. Укомплектовывать армію на театрѣ войны людьми вовсе не подготовленными конечно невозможно, а потому впредь до обученія этихъ людей, начинавшагося съ момента мобилизаціи, армія оставалась почти безъ средствъ пополненія такъ-называемой текущей убыли. Въ прежнее время, въ теченіе первыхъ шести или восьми недѣль войны, убыль эта бывала обыкновенно не столь значительна чтобы вынудить военное начальство принять какія-либо серіозныя мѣры для ея возмѣщенія. „Но теперь, сказано въ объяснительной запискѣ представленной Германскому рейхстагу вмѣстѣ съ проектомъ закона 6 мая 1880 года, положеніе дѣла измѣнилось: уже въ первыя недѣли похода могутъ случиться большія сраженія, и армія почувствуетъ неотлагательную нужду въ укомплектованіи; ждать пока обучится рекрутскій резервъ I класса будетъ невозможно, а потому и слѣдуетъ имѣть въ запасѣ людей вполнѣ готовыхъ стать въ ряды арміи.“ Этой цѣли и достигъ законъ 1880 года, хотя въ парламентѣ нѣсколько и ограничили его, опредѣливъ что призываются къ ученью въ мирное время не всѣ люди попадающіе въ рекрутскій резервъ I класса, а только часть, впрочемъ болѣе половины. По разчету приводимому нашимъ военнымъ корреспондентомъ изъ Берлина, семь очередей этого резерва составятъ силу въ 245.000 чел., а за обыкновенною убылью въ этотъ срокъ не меньше 220.000. Къ этой силѣ нужно прибавить еще пять очередей обученныхъ людей перечисленныхъ въ резервъ II класса, т.-е. 150.000 человѣкъ, кои должны идти по усмотрѣнію военнаго начальства или на пополненіе ландвера, или же въ ряды дѣйствующихъ войскъ.

Такимъ образомъ, въ силу закона 6 мая 1880 года, германская армія, начиная съ минувшаго года, должна ежегодно увеличиваться въ своемъ составѣ, и къ 1893 году, то-есть къ тому времени когда законъ этотъ войдетъ въ полную силу, въ распоряженіи германскаго военнаго министерства будетъ состоять запасная армія въ 370.000 человѣкъ, такъ что Германія, не считая ландштурма, будетъ выставлять 1.770.000 человѣкъ вмѣсто теперешнихъ милліона четырехъ сотъ тысячъ. „Такое усиленіе, сказано въ той же объяснительной запискѣ 1880 года, дало бы возможность Германіи свободно, въ случаѣ надобности, повернуть свой фронтъ одновременно и къ востоку и къ западу.“

Полтора года назадъ въ германскомъ парламентѣ законъ 6 мая былъ встрѣченъ далеко не сочувственно; его старались урѣзать какъ только могли; теперь взгляды перемѣнились, такъ что оппозиціонная *Кельнская Газета* съ гордостью говоритъ что „Нѣмцы не забываютъ словъ Фридриха II: Preussen muss immer auf Vorposten sein.“

У насъ о пополненіи убыли въ арміи заранѣе подготовленными людьми подумали впервые только минувшимъ лѣтомъ, но исполнено это дѣло иначе нежели въ Германіи. Вслѣдствіе различныхъ реформъ въ организаціи дѣйствующихъ войскъ и измѣненія срока дѣйствительнаго пребыванія въ рядахъ арміи представилась возможность уменьшить число ежегодно призываемыхъ подъ знамена. Вмѣсто первоначально исчисленнаго контингента въ 235 тысячъ повелѣно взять лишь 212.000, т.-е. на 23 тысячи менѣе. Вмѣстѣ съ этимъ, призывный контингентъ раздѣленъ на двѣ категоріи: на основной въ 190 тысячъ, и *дополнительный* въ 22.000. Люди зачисленные по жребіямъ въ этотъ *дополнительный* контингентъ остаются на службѣ лишь сколько нужно для ихъ общей строевой подготовки, то-есть *одинъ годъ*. Этотъ дополнительный контингентъ такимъ образомъ вполнѣ соотвѣтствуетъ обучаемой части германскаго рекрутскаго резерва I класса. Но какая же разница! Въ Германіи ежегодно призываютъ подъ знамена полтораста тысячъ человѣкъ; въ Россіи, при населеніи болѣе чѣмъ вдвое противъ Германіи, при неизмѣримо большемъ протяженіи ея территоріи, 190 тысячъ; Германія имѣетъ въ рекрутскомъ резервѣ дополнительный пріемъ въ 35 тысячъ, Россія въ 22 тысячи. У насъ такимъ образомъ ежегодно го-

товится для военнаго времени только на 27 тысячъ больше, но въ этотъ счетъ входитъ и укомплектованіе флота, пограничной стражи, отчасти полиціи, т.-е. такихъ частей кои въ Германіи пополняются независимо. Правда, въ послѣдующіе годы имѣется въ виду нѣсколько увеличить нашъ дополнительный контингентъ, но во всякомъ случаѣ онъ и съ этимъ увеличеніемъ не превзойдетъ числа призываемыхъ къ ученію германскихъ резервистовъ I класса.

Итакъ, въ то время когда Германія напрягаетъ всѣ усилія къ развитію своихъ вооруженій, въ чаяніи какого-то „поворота на два фронта," Россія слѣдуя твердо заявленной ею мирной политикѣ, только переформировываетъ свою армію, не усиливая ея ни однимъ солдатомъ; напротивъ, она беретъ съ населенія даже меньшій контингентъ нежели въ прежніе годы.

На дняхъ германская печать въ одинъ голосъ расхваливая дѣятельность своего генеральнаго штаба, разказывая какъ тамъ въ январѣ „неутомимо работаютъ день и ночь" надъ ежегодно измѣняемыми планами мобилизаціи, не поцеремонилась сказать будто произнесенная (да и произнесена ли дѣйствительно?) въ Парижѣ генераломъ Скобелевымъ фраза „война между Тевтонами и Славянами близка" — родилась на берегахъ Невы! Будто эта печать не знала что инкриминируемая ею мысль впервые произнесена германскимъ дѣльцомъ сначала въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, въ офиціальной запискѣ приложенной къ законопроекту? Если Германія и теперь, въ виду несомнѣннаго миролюбія русской политики, продолжаетъ болѣе и болѣе развивать свои вооруженія готовясь къ „возможной," — такъ сказано въ названной офиціальной запискѣ, — „борьбѣ на два фронта," если Германія ежегодно затрачиваетъ знатныя суммы на усиленіе крѣпостей своей восточной границы, то не значитъ ли это самымъ *дѣломъ* и постоянно высказывать то что̀ разъ и то не навѣрно будто бы сказано русскимъ генераломъ въ Парижѣ.

Si vis pacem para bellum! Можно не желать войны, и однако допускать ея возможность рано или поздно. Ни признаніе возможности войны, ни заблаговременная и постепенная подготовка военныхъ силъ и средствъ, *на случай*, сами по себѣ къ войнѣ не ведутъ. Иное дѣло если одна сторона будетъ ставить въ вину другой лишь рѣчь о томъ что̀ сама дѣлаетъ, если одна сторона будетъ оспаривать у другой самое право думать и дѣлать то же самое, будетъ ревниво слѣдить за передвиженіемъ каждаго солдата, за каждымъ новымъ камнемъ положеннымъ на усиленіе фортовъ сосѣда, видя въ этомъ какой-то *вызовъ*.

№ 48.

Москва, 16-го февраля.

Въ *Daily News*, отъ 20 февраля, находимъ телеграфное сообщеніе изъ Парижа о бесѣдѣ которую имѣлъ наканунѣ тамошній корреспондентъ этой газеты съ генераломъ Скобелевымъ, по поводу его рѣчи къ сербскимъ студентамъ, надѣлавшей столько шума въ Европѣ или, вѣрнѣе, послужившей предлогомъ для враждебной печати излить цѣлые потоки брани, лжи и клеветы противъ нашего отечества. Сообщеніе корреспондента англійской газеты заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія что оно было провѣрено, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ, самимъ генераломъ Скобелевымъ и напечатано съ его разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, эта корреспонденція, возстановляющая смыслъ того что̀ было сказано знаменитымъ полководцемъ, прошла мало замѣченною и ни въ чемъ не ослабила разъяреннаго хора поднявшагося со всѣхъ сторонъ противъ „панславизма" и великихъ опасностей грозящихъ де со стороны этой „дикой силы" „цивилизованной" Европѣ. Генералъ Скобелевъ нѣсколько разъ подтвердилъ предъ англійскимъ корреспондентомъ что французскія газеты передали слова его, сказанныя сербскимъ студентамъ, страшно (frightfully) искаженными и исковерканными до смѣшнаго. „Я", сказалъ онъ, „явился сюда не для того „чтобы вызвать бурю, а чтобы предотвратить ее, что можетъ быть сдѣлано лишь „путемъ откровенности. Если я заявляю „что существуетъ непріятное обстоятельство, то изъ этого не слѣдуетъ что я виновенъ въ существованіи этого обстоятельства. А оно заключается въ томъ что великая война можетъ стать неизбѣжною „если Австрійцы будутъ продолжать угнетеніе Славянъ въ Босніи и Герцеговинѣ. „Я не люблю войны. Клянусь своею честью „и совѣстью, война мнѣ ненавистна. Я говорю это предъ Богомъ. 21.000 человѣкъ

„были убиты во время моего командованія „въ теченіе одной компаніи, и тутъ я имѣлъ „случай своими глазами видѣть весь ужасъ, „всю жестокость, все бѣдствіе войны. „Вотъ почему я желалъ бы путемъ „правды достигнуть того что мои соотечественники считаютъ достижимымъ только путемъ войны. Если дипломатія закрываетъ глаза предъ фактами, то нельзя „надѣяться чтобы дипломатическая сдержанность привела къ чему-либо хорошему. „Величайшіе мастера въ дипломатическомъ „искусствѣ, Кромвеллъ и Бисмаркъ, всегда „высказывались съ откровенностью людей „дѣла, которые знаютъ чего они хотятъ „и какъ добиваться желаемаго?“ — „Въ „чемъ же желанія Россіи?“ спросилъ корреспондентъ. — „Россія ничего не желаетъ „для самой себя,“ былъ отвѣтъ генерала Скобелева, „мы народъ идеалистовъ. Мы „способны къ великому энтузіазму и любимъ дѣло самоотверженія. Что видимъ „мы? Наши братья тираннизуются Австріей, которая начала съ Босніи дабы затѣмъ установить свое господство надо всѣми Славянами Балканскаго полуострова. „Двѣ славянскія провинціи, изнывающія „нынѣ подъ гнетомъ Австріи, были ей ввѣрены лишь для извѣстной цѣли, подобно „тому какъ островъ Корфу былъ нѣкогда „ввѣренъ Англіи. Австрія не имѣетъ права ни включать въ ряды своей арміи тамошнюю молодежь, ни вмѣшиваться въ „религіозные интересы населенія. А между „тѣмъ Австрія предприняла тамъ католическую пропаганду; она приняла у себя „съ распростертыми объятіями іезуитовъ „изгнанныхъ изъ Франціи. Съ вѣдома австрійскихъ властей, іезуитскіе патеры переодѣваются православными священниками и такимъ способомъ стараются совратить поселянъ изъ вѣры ихъ отцевъ. Русскій народъ готовъ силою оружія воспротивиться военному клерикализму Австріи. „Девизомъ Россіи по отношенію къ ней „также будетъ: *руки прочь*! Россія была „бы вполнѣ довольна еслибъ Европа настояла на точномъ исполненіи буквы и „духа Берлинскаго трактата. Россія согласилась на этотъ трактатъ, въ которомъ было мало пріятнаго для нея „и для Славянъ по ту сторону Дуная; „этотъ трактатъ по крайней мѣрѣ обезпечивалъ Славянъ противъ угнетенія. Нельзя поэтому примириться съ тѣмъ чтобы населенія освобожденныя отъ ига Магомета подпали подъ ярмо Священной „Римской Имперіи. Славянамъ одинаково „ненавистно и владычество Турокъ, и господство іезуитовъ. Нужно чтобы міръ „зналъ объ этой рѣшимости Славянъ, и „чтобы дипломатія, всегда склонная не „замѣчать правды, была вынуждена стать „лицомъ къ лицу съ ней; а этимъ лучше „всего можно предотвратить войну.“

Разговоръ коснулся затѣмъ Германіи. По словамъ корреспондента, генералъ Скобелевъ не выказалъ никакой къ ней вражды. Онъ сѣтовалъ лишь на равнодушіе съ какимъ Германія смотритъ на нарушеніе Берлинскаго трактата Австріей. Въ Берлинѣ, говорилъ онъ, укоренилось убѣжденіе что Россія вышла крайне истощенною изъ послѣдней войны. Правда, Россія потратила на войну не мало силъ, финансы ея не въ порядкѣ, и она подверглась внутреннимъ смутамъ; но не слѣдуетъ забывать что она обладаетъ 80 милліонами единоплеменнаго населенія, и что новый подъемъ духа можетъ всего вѣрнѣе прекратить неудовольствіе причиненное неполнымъ успѣхомъ послѣдней войны.

Таковъ смыслъ парижской рѣчи генерала Скобелева.

Это ли рѣчь человѣка, поставившаго себѣ задачей нарушить общественное спокойствіе, какимъ стараются выставить генерала Скобелева вѣнскіе газетчики, а за ними и туземные *интеллигенты*? Можетъ ли идти дальше миролюбіе Россіи, если она, по словамъ русскаго генерала, намѣрена строго соблюдать не только духъ, но и букву Берлинскаго трактата, хотя бы этотъ трактатъ и не соотвѣтствовалъ ея интересамъ? Австрійскихъ политиковъ такая форма русскаго миролюбія повидимому не удовлетворяетъ: они требуютъ, чтобы Россія не только сама не нарушала Берлинскаго трактата въ свою пользу, но ободряла бы другихъ къ его нарушенію во вредъ ей. Какъ однако ни странно это требованіе, оно все-таки имѣетъ нѣкоторое для себя оправданіе исходя изъ устъ намъ враждебныхъ. Но какое оправданіе могутъ найти себѣ люди которые предъявляютъ намъ то же требованіе, прикрываясь личиною „русскаго патріотизма“ и безстыдно именуя себя безошибочнымъ органомъ его, а въ патріотизмѣ генерала Скобелева видятъ „только *положительную безсмыслицу*.“ (*Голосъ* № 38).

Эти „интеллигентные патріоты“ стара-

ются убѣдить Европу въ томъ что съ нами всякій можетъ поступить какъ заблагоразсудится, ибо, по ихъ увѣренію, Россія въ настоящее время совершенно безсильна. „Мы не устаемъ твердить,“ продолжаетъ петербургская газета, „о несвоевременности для насъ всякой войны, о трудностяхъ и опасностяхъ, къ которымъ, при нынѣшнемъ состояніи нашихъ вооруженныхъ силъ, нашихъ финансовъ и при нашемъ внутреннемъ неустройствѣ, привела бы насъ борьба съ двумя, а можетъ-быть и болѣе, могущественными державами.“

Еслибъ устами *Голоса* говорила Россія, то завтра же „двѣ, а можетъ-быть и болѣе, могущественныя державы,“ непремѣнно объявили бы ей войну, такъ какъ онѣ естественнымъ образомъ пожелали бы воспользоваться ея недостаткомъ въ „вооруженныхъ силахъ и финансахъ,“ ея „внутреннимъ неустройствомъ,“ упадкомъ ея духа, ея трусостью, ея подлостью...

Почти одновременно съ приведенною бесѣдой генерала Скобелева, въ Пештской палатѣ представителей шли пренія, которыя могутъ послужить комментаріемъ къ его словамъ. Депутатъ крайней лѣвой, г. Гельфи, воспользовавшись обсужденіемъ вопроса о дополнительномъ кредитѣ въ 8 милліоновъ, требуемомъ правительствомъ на военныя нужды въ Босніи и Герцеговинѣ, внесъ предложеніе чтобы въ этомъ кредитѣ было отказано и чтобы палата высказалась за немедленное очищеніе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками. Представитель мадьярскихъ радикаловъ мотивировалъ это предложеніе тѣмъ что Австрійское правительство само виновно въ томъ что возстаніе вспыхнуло; а такъ какъ оно, по всей вѣроятности, затянется и можно ожидать вмѣшательства иностранной державы, то партія представляемая г. Гельфи полагаетъ что очищеніемъ занятыхъ по Берлинскому трактату провинцій всего лучше можетъ быть предотвращено столкновеніе, роковыя послѣдствія котораго для Венгріи трудно де и предусмотрѣть. Такое предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, вызвало бурныя пренія, которыя продолжались два дня, и тутъ-то венгерскимъ патріотамъ представился случай къ изліяніямъ. А такъ какъ вольнолюбивые Мадьяры еще не совсѣмъ привыкли къ парламентскимъ порядкамъ и политическая дисциплина имъ еще мало знакома, то нѣкоторые изъ ораторовъ вдались въ откровенности, которыя отозвались въ дипломатическихъ вѣнскихъ кругахъ особенно непріятнымъ образомъ въ виду рѣчей генерала Скобелева, какъ дѣйствительно имъ произнесенныхъ, такъ и намѣренно вложенныхъ въ его уста съ цѣлью рекламаціи противъ „панславизма.“ Венгерскіе шовинисты не только подтвердили все что дѣйствительно сказано было генераломъ Скобелевымъ о проискахъ Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ, но пошли гораздо далѣе. Конечная цѣль занятія Босніи и Герцеговины и тѣхъ усилій которыя дѣлаетъ нынѣ Австрія чтобъ удержать за собою эти провинціи заключается въ томъ „чтобы держать для Австріи открытымъ путь въ Константинополь.“ Такъ высказался въ венгерскомъ парламентѣ графъ Владиславъ Гуніади, одинъ изъ видныхъ представителей мадьярской аристократіи, заявившій при этомъ объ историческомъ правѣ на Боснію, принадлежащемъ будто бы коронѣ Св. Стефана съ древнѣйшихъ временъ.

Министръ-президентъ, со своей стороны, подтвердилъ что Австрійское правительство не пожалѣетъ никакихъ усилій чтобы подавить возстаніе и удержать въ своей власти обѣ провинціи. О томъ какова конечная цѣль которая имѣется въ виду занятіемъ Босніи и Герцеговины, г. Тиса „не считаетъ возможнымъ высказать нынѣ съ министерской скамьи.“

Но и того уже достаточно что министръ ни однимъ словомъ не возразилъ противъ конечной цѣли какую выставилъ въ своей рѣчи графъ Гуніади.

№ 49.

Москва, 17-го февраля.

Проектъ закона о переселеніяхъ, обсуждаемыхъ нынѣ въ Петербургѣ особою коммиссіей изъ вызванныхъ туда земскихъ людей, при участіи трехъ министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Государственныхъ Имуществъ и Финансовъ, далеко не похожъ на тѣ подготовительные проекты какіе были въ ходу еще въ недавнее время. Весной прошлаго года, дѣлу предполагалось дать, въ угоду фельетонной мнимо-либеральной печати, самые широкіе, мечтательные размѣры, создать въ Россіи движеніе напоминающее великое переселеніе народовъ,

вызвать перекочевку населеній съ однихъ мѣстъ на другія цѣлыми массами, которыя гадательно опредѣлялись въ одномъ министерскомъ проектѣ цифрою полумилліона семействъ, но могли далеко превзойти даже эту цифру. Законъ о переселеніяхъ, согласно такимъ предположеніямъ, долженъ былъ чуть не повсемѣстно, но главнымъ образомъ въ центральной черноземной полосѣ, измѣнить условія экономической жизни въ Россіи, и размѣры крестьянскаго землевладѣнія, и обстановку помѣщичьихъ хозяйствъ, и установившіяся цѣны земель, какъ продажныя такъ и арендныя: все въ этихъ отношеніяхъ подвергалось вопросу, все должно было расшататься чтобы принять затѣмъ невѣдомо какой видъ. Остановиться на мѣрахъ которыя повели бы къ такому результату, конечно, было невозможно. Но взгляды, подъ вліяніемъ коихъ онѣ проектировались, не сразу утратили всякій кредитъ въ канцелярскихъ кругахъ; они во многомъ сказались въ томъ проектѣ разрѣшенія переселенческаго вопроса который минувшею осенью былъ предложенъ на разсмотрѣніе такъ-называемаго совѣщанія свѣдущихъ людей. Исходною его точкой была попрежнему ни на чемъ не основанная, противорѣчащая дѣйствительности мысль о чрезмѣрной будто бы густотѣ населенія во многихъ русскихъ областяхъ и о необходимости будто бы разрѣдить это населеніе. Нынѣ этотъ миражъ разсѣялся, и вмѣстѣ съ нимъ устранены навѣянныя имъ воззрѣнія, уступивъ мѣсто болѣе простымъ, здравымъ и трезвымъ взглядамъ на дѣло. Задачей проектируемыхъ мѣръ поставляется не созданіе хаотическаго броженія, какъ прежде, а напротивъ устраненіе различныхъ безпорядочныхъ явленій которыми переселенія сопровождались донынѣ. Всего что̀ могло бы искусственно вызывать переселенія предполагается избѣгать, ограничивъ законодательную задачу изысканіемъ и установленіемъ мѣръ которыя регулировали бы естественный ходъ переселеній изъ мѣстъ гдѣ въ нихъ можетъ оказаться дѣйствительная надобность, направляя эти переселенія согласно выгодамъ самихъ переселяющихся, а равно и общей пользѣ государства.

Такихъ областей которыя страдали бы отъ избытка населенія въ Россіи нѣтъ. Наша бѣда не въ густотѣ, а въ чрезмѣрной рѣдкости населенія, въ недостаткѣ рабочихъ рукъ для надлежащей обработки почвы, для желательной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны въ каждомъ ея уголкѣ. Тѣ явленія которыя въ послѣдніе годы выдавались за признаки малоземелья, того что населеніе переросло будто бы предѣлы въ которыхъ можетъ его прокармливать занимаемое имъ земельное пространство, имѣютъ совсѣмъ не то значеніе которое имъ приписывалось. Естественнымъ ходомъ дѣлъ ставятся вопросы объ измѣненіи земледѣльческой культуры, о переходѣ отъ первобытныхъ способовъ сельскаго хозяйства къ улучшеннымъ, а не о доставленіи населенію новыхъ земель, гдѣ оно избѣгая всякихъ улучшеній, могло бы хотяйничать придерживаясь старыхъ хищническихъ пріемовъ. Наши прогрессисты усмотрѣли признаки малоземелья въ ходѣ сельскаго хозяйства Вятской губерніи, равной пространствомъ крупному западно-европейскому государству, но обладающей самымъ незначительнымъ, сравнительно съ пространствомъ, населеніемъ; имъ показалось что довольно многочисленный контингентъ переселенцевъ даваемый ежегодно этою губерніей есть несомнѣнный признакъ переполненія ея жителями. На дѣлѣ же оказывается только то для этой губерніи приходитъ къ концу пора когда можно было держаться системы ляднаго хозяйства, посѣва хлѣбовъ на новорасчищенныхъ мѣстахъ съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ бросать эти мѣста и переносить посѣвы на другія; требуется оставить такую систему и перейти къ сравнительно болѣе совершенной, трехпольной, при которой одно и то же пространство земли будетъ давать несравненно большее количество хлѣба, къ выгодѣ какъ мѣстнаго населенія, такъ и всей страны. Но вмѣсто заботъ о способахъ облегчить для населенія переходъ отъ прежнихъ слишкомъ примитивныхъ хозяйственныхъ пріемовъ къ лучшимъ, вмѣсто того чтобы содѣйствовать такому переходу, нашими *прогрессистами* была пущена въ ходъ мысль о мѣрахъ которыя сдѣлали бы излишними заботы объ улучшеніяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Пусть часть населенія Вятской губерніи перейдетъ на другія мѣста, тогда оставшейся части можно будетъ еще нѣкоторое время не заботиться ни о какихъ улучшеніяхъ. Что̀ въ Вятской губерніи, то замѣчается и во многихъ другихъ, гдѣ по мѣстамъ настала пора переходить отъ по-

сѣвовъ безъ удобренія къ посѣвамъ съ удобреніемъ, отъ мелкой и небрежной пашни къ болѣе глубокой и тщательной, отъ трехпольной къ плодоперемѣнной системѣ земледѣлія. Устранять надобность въ такихъ переходахъ къ лучшему не можетъ быть государственною задачей, а именно такая задача имѣлась въ виду при первоначальной постановкѣ вопроса о переселеніяхъ, когда выводомъ полумилліона семействъ изъ этой полосы предполагалось дать остальному ея населенію возможность вести сельское хозяйство попрежнему спустя рукава. Къ этому сводится все значеніе недавнихъ воплей о малоземельѣ, о вредной густотѣ населенія, какъ объ общемъ, будто бы обозначившемся въ центральной Россіи, явленіи. Организація обширной системы переселеній должна была спасти страну отъ улучшеннаго земледѣлія. Колонизація должна была быть искусственно вызываема и поощряема цѣной большихъ жертвъ казны, между прочимъ даже изъ тѣхъ мѣстностей которыя, по своему земельному простору, привлекаютъ переселенцевъ изъ-за границы. Нечего сказать, хорошая было начиналась политика и въ экономическомъ, и въ государственномъ отношеніи!

Но при отсутствіи всякой надобности въ переселеніяхъ большихъ размѣровъ, какія могли бы быть вызваны дѣйствительною густотой населенія, невозможно, однако, допустить чтобы не было надобности ни въ какихъ переселеніяхъ, нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ. Въ громадной массѣ нашего населенія всегда могутъ найтись люди которымъ выгоднѣе перенести свою хозяйственную дѣятельность на новыя мѣста. Было бы большимъ стѣсненіемъ для нихъ, было бы невыгодно для всей страны удерживать ихъ на родинѣ если ихъ трудъ не находитъ тамъ должнаго примѣненія. Желательно только чтобы переселенія такихъ людей не имѣли характера тѣхъ безтолковыхъ, безсмысленныхъ, бѣдственныхъ скитаній, о которыхъ въ теченіе долгаго времени приходилось такъ много читать и слышать. Желательно чтобы переселяющійся темный людъ не былъ оставляемъ на произволъ судьбы, чтобы переселенія не были какимъ-то бродяжествомъ, чтобы переселенцы знали куда идутъ и что ихъ на новыхъ мѣстахъ ожидаетъ, а не шли куда глаза глядятъ увлекаясь нелѣпыми слухами и мечтами. Организовать правильное попечительство надъ переселенцами, создать органы которые руководили бы переселенцевъ и предъ выходомъ съ родины, и во время пути, и на мѣстахъ водворенія, вотъ главная задача переселенческаго вопроса. Но не послѣднюю, конечно, роль должна играть при этомъ и забота о томъ чтобы придать движенію переселеній направленіе наиболѣе согласное съ общими хозяйственными и политическими интересами государства.

Такъ, напримѣръ, въ эти интересы едва ли можетъ входить разбрасываніе населенія, направленіе массы переселенцевъ въ слишкомъ отдаленные края; направленіе ихъ туда почти равнозначительно совершенной потерѣ переселенцевъ для той части страны которая составляетъ ядро государства. Но очень выгодно расширеніе этого ядра, возможно большее сплоченіе его съ прилегающими къ нему окраинами. Эти окраины и на востокѣ, и на югѣ, и на юго-востокѣ, страдаютъ недостаткомъ населенія вообще, а частію и малочисленностію русскаго населенія въ особенности. Новороссійскія степи и Крымъ нуждаются въ приливѣ населенія для своего процвѣтанія, не менѣе нуждается въ немъ и западное побережье Кавказа. Направленіе туда переселенцевъ было бы мѣрой важною по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ; оно было бы также дѣломъ умнаго политическаго разчета усилить населеніи тѣхъ мѣстъ коренной русскій элементъ. Было бы благоразумно поэтому, направлять переселенія изъ великороссійскихъ губерній преимущественно на югъ, въ Новороссію, въ Крымъ и частію на Кавказъ, куда, впрочемъ, отчасти было бы выгодно направлять переселенцевъ и изъ Бессарабіи: въ мѣстности представляющей всѣ удобства для развитія винодѣлія и табаководства появленіе колонистовъ изъ губерніи гдѣ эти отрасли культуры дѣло привычное сдѣлалось бы задаткомъ серіозныхъ экономическихъ успѣховъ. Затѣмъ, восточныя приволжскія степныя пространства, также могутъ быть принимаемы за мѣстность, ожидающую прилива населенія, хотя направленіе туда переселеній едва ли требуется въ такой степени какъ направленіе ихъ на югъ и юго-востокъ, гдѣ оно должно дать несравненно болѣе важные экономическіе и политическіе результаты. Но въ дѣлѣ переселеній не можетъ быть совершенно оставляема безъ вниманія группи-

ровка населеній по племеннымъ разновидностямъ. Въ интересахъ цѣлаго, хорошо перемѣшивать эти разновидности. По этимъ соображеніямъ не безполезно было бы, полагаемъ, направлять въ восточныя приволжскія окраины преимущественно переселенцевъ изъ такъ-называемыхъ малороссійскихъ губерній, а также изъ западнаго края, который много бы выигралъ отъ выселенія изъ него части Евреевъ и шляхты. Избѣгать при переселеніяхъ разбрасыванія, разсѣянія переселенцевъ по разнымъ дальнимъ краямъ не значитъ, конечно, чтобы слѣдовало оставить безо всякаго вниманія такія задачи, какъ, напримѣръ, заселеніе побережья Восточнаго Океана. Въ Приморскую область Восточной Сибири могутъ быть привлекаемы переселенцы отовсюду, и изъ самой Сибири, и изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россіи. Но необходимо чтобы привлеченіе туда переселенцевъ дѣлалось съ толкомъ, чтобы колонизація производилась по обдуманному плану, дабы результатомъ ея было образованіе хотя немногихъ, но солидныхъ группъ населенія около важнѣйшихъ пунктовъ области.

Помимо заботъ о переселенцахъ и о направленіи ихъ преимущественно въ тѣ или другія мѣстности, при рѣшеніи возбуждаемыхъ этимъ дѣломъ вопросовъ не должна быть также упускаема изъ виду необходимость регулировать уже состоявшіяся переселенія. Разумѣемъ тутъ не одно только опредѣленіе положенія въ какомъ должны находиться переселенцы водворившіеся въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ, терпящіе многія невыгоды отъ неправильностей которыми это водвореніе сопровождалось. И въ центральной Россіи есть не мало совершившихся переселеній которыя, къ большой невыгодѣ переселившихся, остаются непризнанными юридически. Есть не мало людей которые издавна покинули тѣ общества куда приписаны и не имѣютъ съ ними, кромѣ этой приписки, никакой другой связи. Напримѣръ, около нѣкоторыхъ фабрикъ выстроились цѣлыя слободы, чуть не городки населенныя людьми пришлыми изъ разныхъ губерній. Это пришлое населеніе давно осѣлось на новыхъ мѣстахъ, многіе родились и выросли вдали отъ тѣхъ обществъ коихъ считаются членами. Связь съ этими обществами является для нихъ часто большимъ стѣсненіемъ. Нужно ли удерживать эту связь, давно порванную и утратившую всякій жизненный смыслъ?

№ 50.

Москва, 18-го февраля.

Придавать или не придавать значеніе „студентскимъ исторіямъ“ въ родѣ той которая случилась въ Харьковѣ и подала поводъ ко временному закрытію тамошняго университета? Харьковскій корреспондентъ *Голоса* (въ № 40), со свойственною сотрудникамъ этой газеты добросовѣстностію, сѣтуетъ на насъ за то что мы не оставили этой исторіи безъ вниманія, и заявляетъ что мѣстный генералъ-губернаторъ „пріѣхалъ въ концѣ ея и, развѣдавъ всю суть дѣла, съ тактомъ умнаго человѣка, не далъ ей никакого значенія;“ самъ же корреспондентъ, разказавъ о томъ что сходка студентовъ, на которой присутствовали и осужденные университетскимъ судомъ виновники скандала и „пламенно, съ увлеченіемъ, объясняли товарищамъ свое безвыходное положеніе,“ „приняла резолюцію: выразить порицаніе профессорскому суду,“ со своей стороны, повидимому, даже умиляется предъ этимъ случаемъ, восклицая: „О искренняя, простодушная юность!“ а въ концѣ письма вдругъ повертываетъ этотъ фактъ противъ гимназій и прибавляетъ: „Да вѣдь осуждаемые г. Катковымъ—его же и графа Толстаго питомцы, дѣти ихъ сердца, вышедшіе изъ ими же устроенныхъ классическихъ гимназій, съ аттестатами зрѣлости, ими же восхваленными.“

Итакъ, вотъ какое значеніе честные сотрудники *Голоса* желаютъ придать безчинствамъ въ нашихъ университетахъ, хотя въ то же время отрицаютъ всякое ихъ значеніе, прикрываясь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, даже авторитетомъ высшей мѣстной власти. Безчинства эти не имѣютъ никакого значенія по отношенію къ университетамъ, гдѣ они зарождаются и происходятъ, а имѣютъ де значеніе лишь по отношенію къ гимназіямъ, откуда университеты получаютъ своихъ слушателей: такова логика *Голоса*, его сотрудниковъ и, главное, *внушителей*, которые не задумываются однакоже, при всякомъ случаѣ, агитировать противъ дисциплины и серіознаго ученія въ гимназіяхъ.

Увы! Въ послѣдніе два года гимназіи, дѣйствительно, были поколеблены, было подорвано въ нихъ и ученіе, и дисциплина. Созываемые самою учебною властью съѣзды педагоговъ, какой недавно былъ въ Одессѣ, возбуждаютъ вопросы въ родѣ того, нельзя ли и преподавателямъ гимназій, по примѣру университетскихъ профессоровъ, не имѣть надъ собою никакого контроля, быть независимыми отъ государства и не смѣняемыми какъ наши теперешніе судьи. Но это зло недавняго происхожденія; гимназіи еще, слава Богу, не разрушены. Молодежь поступающая въ университеты не виновата въ тѣхъ губительныхъ условіяхъ въ которыя ее бросаютъ по окончаніи гимназическаго курса, и среди которыхъ протекаютъ рѣшающіе годы ея развитія. Не студенты виноваты въ нестроеніяхъ университетской жизни. Они жертва, а не вина, и напротивъ, лишь благодаря гимназіямъ созданнымъ послѣднею реформой, учащееся юношество въ общей сложности все-таки выдерживаетъ губительный кризисъ университетскаго не-ученья...

Сущность дѣла заключается въ томъ что молодые люди, пріученные въ гимназіяхъ къ доброму умственному труду, къ неуклонному исполненію своихъ обязанностей, къ дисциплинѣ и уваженію своихъ наставниковъ, переступивъ за порогъ университета, сразу попадаютъ въ условія, которыя дѣйствуютъ на нихъ растлѣвающимъ образомъ и противъ которыхъ не всѣ въ состояніи устоять. Первое изъ этихъ условій—полная анархія.

Уставомъ 1863 года вся власть надъ студентами предоставлена профессорамъ и профессорскимъ коллегіямъ. Власть эта почти безграничная. Профессора облечены и законодательною властью: они составляютъ всѣ правила для студентовъ, опредѣляютъ всѣ ихъ обязанности, устанавливаютъ всѣ взысканія за ихъ нарушеніе; они же стоятъ и во главѣ непосредственной администраціи надъ студентами, избирая проректора или инспектора студентовъ и всѣхъ подчиненныхъ ему чиновъ инспекціи; они же пользуются и судебною властью, избирая изъ своей среды членовъ университетскаго суда, и членовъ университетскаго правленія; имъ же предоставлено раздавать студентамъ стипендіи, пособія и всякаго рода льготы относительно платы за слушаніе лекцій, и такимъ образомъ держать въ своихъ рукахъ самыя средства ихъ къ жизни; они же безконтрольно опредѣляютъ весь ходъ и порядокъ студенческихъ занятій и экзаменовъ, и на экзаменахъ являются безконтрольными рѣшителями всей ихъ судьбы. Казалось бы, при такихъ полномочіяхъ, одного слова профессорскихъ коллегій было бы достаточно для того чтобы держать студентовъ въ порядкѣ и безусловномъ повиновеніи. И однакоже, на дѣлѣ оказывается нѣчто совсѣмъ противоположное, и съ тѣхъ поръ какъ уставъ 1863 года укоренился въ университетахъ, не проходитъ почти ни одного года чтобы даже внѣшній, матеріальный порядокъ не нарушался грубѣйшимъ образомъ въ стѣнахъ то того, то другаго университета, причемъ каждый разъ губится будущность не одного десятка молодыхъ людей, изъ коихъ при другихъ условіяхъ могли бы выйти полезные люди, и теряется много драгоцѣннѣйшаго времени для спокойнаго и плодотворнаго ученія всѣхъ остальныхъ. Какъ объяснить себѣ это загадочное явленіе: съ одной стороны безграничная власть профессоровъ надъ студентами, а съ другой, непрерывные безпорядки между студентами, обратившіеся какъ бы въ нормальную жизнь нашихъ университетовъ? Винить ли тутъ самихъ профессоровъ какъ подстрекателей или, по меньшей мѣрѣ, какъ попустителей студенческихъ безпорядковъ? Въ семьѣ, конечно, не безъ урода; но большинство профессоровъ, взятыхъ въ отдѣльности, несомнѣнно сами, люди добра и порядка, и при иныхъ условіяхъ, вѣроятно, сдѣлали бы все возможное для огражденія порядка. Корень зла отнюдь не въ лицахъ, а въ томъ положеніи въ какое эти лица поставлены уставомъ 1863 года, въ той организаціи университетскихъ властей какая узаконена этимъ уставомъ.

Одна изъ отличительныхъ особенностей этого злосчастнаго устава заключается именно въ томъ что онъ почти вовсе упразднилъ государственную власть надъ университетами, отдавъ ихъ въ полное распоряженіе профессорскихъ коллегій, которыя сами, болѣе или менѣе случайно слагающимся большинствомъ голосовъ, рѣшаютъ всѣ университетскія дѣла, избираютъ всѣхъ должностныхъ лицъ отъ повивальной бабки до ректора включительно, сами пополняютъ свой личный составъ, избирая доцентовъ, продвигая ихъ затѣмъ въ экстра-ординарные, ординарные и заслуженные профессора, и наконецъ, по прошествіи перваго

двадцатипятилѣтія и потомъ чрезъ каждыя пять лѣтъ, тѣмъ же большинствомъ голосовъ рѣшая кому изъ нихъ продолжать профессорскую службу и пользоваться, вмѣстѣ съ жалованьемъ, еще и пенсіей и пятилѣтними прибавками къ пенсіи, и кому удалиться на одну пенсію; наконецъ, сами же располагаютъ и специальными суммами университетовъ, нерѣдко весьма значительными, и по своему усмотрѣнію удѣляютъ кому—казенныя квартиры, кому—денежныя суммы на командировки и на разныя пособія. Словомъ, въ силу этого устава, всѣ профессора въ отдѣльности, во все продолженіе своей службы, начиная съ избранія въ доценты и кончая отпѣваніемъ въ университетской церкви, съ почтомъ или безъ онаго, поставлены въ несравненно большую зависимость другъ отъ друга чѣмъ отъ государства и не имѣютъ никакой надобности знать и соблюдать его требованія. Не государство рѣшаетъ въ сущности участь каждаго профессора, не оно предоставляетъ ему ту или другую долю государственныхъ правъ, выгодъ, преимуществъ и почета, а факультетскія собранія со своими выборными деканами, университетское правленіе, состоящее изъ этихъ декановъ съ ректоромъ во главѣ, и окончательно университетскій совѣтъ со своимъ выборнымъ ректоромъ; всѣ же другія власти въ сущности только утверждаютъ постановленія этихъ профессорскихъ коллегій и ходатайства ректора, и будучи поставлены совсѣмъ въ сторонѣ отъ университетскаго управленія, рѣдко когда имѣютъ основаніе не утверждать этихъ постановленій и не исполнять этихъ ходотайствъ; когда же и рѣшаются на это, то возбуждаютъ агитацію или даже просто отпоръ. Профессорскія коллегіи вообще организованы уставомъ 1863 года въ духѣ прямой оппозиціи къ государственной власти, и всякое ея вмѣшательство въ дѣла университета представляется имъ не иначе какъ посягательствомъ на ихъ самодержавныя права. Если это вмѣшательство власти относится какъ-нибудь до студентовъ, то имъ сообщаются ея требованія не рѣдко съ такими оговорками которыя заранѣе подрываютъ всякое ихъ значеніе въ глазахъ молодежи, и она мало-по-малу заражается тѣмъ же оппозиціоннымъ духомъ какимъ отличаются профессорскія коллегіи.

Но будучи единодушны, по крайней мѣрѣ съ виду, въ противодѣйствіи, явномъ или тайномъ, требованіямъ государственной власти, профессорскія коллегіи во внутреннихъ дѣлахъ своихъ служатъ ареной почти непрерывной борьбы партій и отдѣльныхъ лицъ за власть, за вліяніе, за личныя выгоды и преимущества,—борьбы, въ которую умышленно или неумышленно вовлекаются и студенты, къ совершенному подрыву профессорскаго авторитета.

Противодѣйствовать такому общему пагубному ходу университетскихъ дѣлъ каждому отдѣльному профессору до крайности трудно, при такой тяжкой зависимости другъ отъ друга, въ какую они поставлены уставомъ 1863 года: для этого понадобилось бы не мало самоотверженія и гражданскаго мужества, а этими качествами большинство людей не обладаетъ. Зависимость другъ отъ друга въ сущности сводится къ зависимости отъ тѣхъ немногихъ лицъ которыя сумѣли возобладать въ факультетскихъ собраніяхъ и затѣмъ въ университетскихъ совѣтахъ. Лица эти далеко не всегда принадлежатъ къ лучшимъ дѣятелямъ на поприщѣ науки или университетскаго преподаванія, и по большей части впередъ выдвигаются интригой, происками, агитаторскими способностями. И предъ этими-то интриганами, предъ этими агитаторами, не рѣдко должны преклоняться лучшіе дѣятели университетовъ если не желаютъ потерять свое мѣсто и всѣ тѣ преимущества которыя сулитъ имъ дальнѣйшая служба...

Эта зависимость, быть-можетъ, еще въ большей мѣрѣ тяготѣетъ надъ должностными лицами университетскаго управленія, надъ ректоромъ, проректоромъ (или инспекторомъ) и деканами, такъ какъ въ случаѣ недовольства ими лицъ командующихъ большинствомъ, имъ при ближайшемъ выборѣ грозитъ потеря всѣхъ особыхъ выгодъ, преимуществъ и почета, связанныхъ съ ихъ выборною должностью, и наконецъ самой профессуры.

При такихъ условіяхъ, при необходимости постоянно справляться и сообразоваться съ лицами и мнѣніями колеблющагося большинства университетскаго совѣта и его руководителей, есть ли какая возможность ректору, или проректору и его помощникамъ, или деканамъ, или отдѣльнымъ начальникамъ, дѣйствовать на студентовъ такъ какъ бы подобало наставникамъ юношества и такъ какъ бы слѣдовало ожидать при тѣхъ безграничныхъ

полномочіяхъ какія имъ предоставлены закономъ? Отсюда всѣ дѣйствія университетскихъ властей по отношенію къ студентамъ отличаются крайнимъ безсиліемъ; всѣ мѣры и требованія правительственной власти остаются только на бумагѣ, и студенты, въ первые же мѣсяцы своего пребыванія въ университетѣ, убѣждаются на дѣлѣ что въ сущности надъ ними нѣтъ никакой власти, что за соблюденіемъ университетскихъ правилъ и исполненіемъ ихъ обязанностей никто не слѣдитъ и не наблюдаетъ, что за нарушеніе обязанностей, если только оно не сопровождалось слишкомъ грубымъ скандаломъ, никто не посмѣетъ не только наложить на нихъ взысканіе, но и сдѣлать имъ какое-либо замѣчаніе, что имъ некого бояться, а напротивъ всѣ ихъ боятся, всѣ въ нихъ заискиваютъ, всѣ наперерывъ другъ предъ другомъ, кто эффектными лекціями, кто послабленіями на экзаменахъ, кто потворствами и подачками, и убѣдившись во всемъ этомъ они сознаютъ что они единственная сила, единственная власть въ университетѣ, что они призваны повелѣвать, всѣ же прочіе повиноваться. Что̀ можетъ быть болѣе растлѣвающаго какъ такое сознаніе въ учащейся молодежи, и что̀ мудренаго что эта молодежь въ Харьковѣ дозволила себѣ выразить порицаніе университетскому суду, а по другой версіи—всему университетскому совѣту, а корреспондентъ *Голоса*, увѣряющій что и самъ генералъ-губернаторъ не придаетъ этому безобразію никакого значенія, умиляется, восклицая: „о искренняя, простодушная юность!“

Университетскій уставъ 1863 года, устранивъ государственную власть отъ университетовъ и передавъ ихъ почти въ исключительное и безконтрольное вѣдѣніе профессорскихъ коллегій съ крѣпостнымъ подчиненіемъ имъ студентовъ, тѣмъ самымъ внѣдрилъ и въ этихъ коллегіяхъ и въ студентахъ духъ отчужденія отъ государства и оппозиціи правительству, водворивъ въ университетахъ полное безначаліе. И тѣмъ не менѣе уставъ этотъ, принесшій столько горькихъ плодовъ и университетамъ и цѣлой странѣ, остается во всей силѣ и еще въ апрѣлѣ истекшаго года былъ подтвержденъ и превознесенъ министерскимъ циркуляромъ...

№ 51.

Москва, 19-го февраля.

А.

Теперь очередь всѣхъ европейскихъ дворовъ поздравлять королеву Великобританскую и Ирландскую съ избавленіемъ отъ злодѣйскаго покушенія. Радуемся вмѣстѣ со всѣми что цѣль злаго умысла не достигнута, но желаемъ чтобы покушеніе не осталось безъ послѣдствій,—безъ тѣхъ послѣдствій какихъ у злаго умысла не могло быть въ виду. Да будетъ этотъ случай предостереженіемъ для фарисеевъ цивилизаціи, которые прикрываютъ пышнымъ титуломъ „священнаго убѣжища“ пристанодержательство открытое для политическихъ *воровъ* всѣхъ странъ! Англіи, сѣющей и поддерживающей смуты въ чужихъ странахъ, приходится подумать о своей безопасности...

Б.

Разсужденія нашихъ патріотовъ-навыворотъ, по поводу рѣчей генерала Скобелева, совпали съ возгласами злѣйшихъ враговъ Россіи. Мы сопоставили мудрованія петербургскаго *Голоса* съ выходками вѣнскихъ газетъ. Но единомысліе „русской“ газеты съ вѣнскими органами было не продолжительно. Вѣнская печать оказалась не только умнѣе, но и добросовѣстнѣе. Въ *Neue Freie Presse* (газетѣ откровенно враждебной къ Россіи), отъ 21 и 23 февраля, появились двѣ интересныя передовыя статьи, навѣянныя сообщеніемъ парижскаго корреспондента *Daily News* о его бесѣдѣ съ русскимъ полководцемъ. *Neue Freie Presse* сочла нужнымъ разобрать предъ своими читателями съ „полною и безпощадною искренностью“ вопросъ о томъ, имѣются ли серіозные поводы къ столкновенію между Австріей и Россіей, о которомъ говорилъ генералъ Скобелевъ и опасенія котораго, по свидѣтельству вѣнской газеты, овладѣли умами въ Австріи до степени паники. „Вопросъ въ томъ,“ замѣчаетъ названная газета, „есть ли между Австріей и Россіей такая противо„положность интересовъ которая, будучи „доведена до крайняго напряженія, можетъ „разрѣшиться не иначе какъ силою ору„жія.“ Вѣнская газета вынуждена сознаться что такая противоположность можетъ

оказаться. Но, не довольствуясь этимъ, *Neue Freie Presse* высказывается съ дѣйствительно безпощадною откровенностью и о томъ гдѣ слѣдуетъ искать причины такого опаснаго антагонизма между Россіей и Австріей. Это-то разсужденіе мы въ особенности рекомендуемъ петербургскимъ критикамъ рѣчей генерала Скобелева. „Какова бы ни были странные мотивы занятія „Австріей Босніи и Герцеговины,“ замѣчаетъ вѣнская газета, „самымъ страннымъ „аргументомъ намъ всегда представлялось „утвержденіе графа Андраши, будто бы „чрезъ это занятіе мы избѣжали войны съ „Россіей. Для насъ скорѣе очевиденъ про„тивоположный выводъ. Чрезъ занятіе этихъ „провинцій мы ступили на почву, на кото„рой мы рано или поздно должны столк„нуться съ Россіей. Мы первые стали дѣ„лить славянскій міръ на разныя *сферы „интересовъ,* и нѣтъ возможности избѣ„жать спора по поводу такого разграни„ченія. Словомъ, вопросъ поставленъ о „томъ кому должно принадлежать преобла„даніе надъ славянскими племенами Бал„канскаго полуострова. А на этотъ во„просъ Россія можетъ отвѣчать только въ „томъ смыслѣ что это преобладаніе „при„надлежитъ ей.“

Neue Freie Presse находитъ что сильное впечатлѣніе произведенное рѣчами генерала Скобелева объясняется положеніемъ вещей созданнымъ политикою Австріи при занятіи Босніи и Герцеговины, причемъ Австрійское правительство своимъ дальнѣйшимъ образомъ дѣйствій „отнюдь не способствовало къ тому чтобы смягчить недовѣріе внушаемое ея политикой и уменьшить соперничество интересовъ.“ Начиная съ путешествія Австрійскаго императора въ Галицію и кончая послѣдними рѣчами графа Таафе, все является де цѣлымъ рядомъ указаній на то что Австрія поставила себѣ задачей оспаривать у Россіи ея право на гегемонію между Славянами. Вѣнская газета полагаетъ что и указанія генерала Скобелева, о насильственной католической пропагандѣ среди Славянъ въ захваченныхъ Австріей турецкихъ провинціяхъ, „несовсѣмъ лишены основанія.“ Все это служитъ де болѣе нежели достаточнымъ поводомъ къ неизбѣжному въ будущемъ столкновенію съ Россіей, и чтобы предотвратить это столкновеніе вѣнская газета не видитъ инаго средства какъ коренное измѣненіе политики Австріи, „которое доказало бы всему міру что Австрія не намѣрена предпринимать въ мірѣ славянскомъ такую же борьбу за преобладаніе, какую она вела прежде въ Германіи и которая окончилась для нея столь несчастнымъ образомъ.“

Итакъ, вѣнская газета подтверждаетъ что опасность войны существуетъ единственно по винѣ Австріи, и что она одна можетъ предотвратить столкновеніе, для чего ей слѣдуетъ оставить пагубную политику направленную къ тому чтобы завладѣть Балканскимъ полуостровомъ. Не то ли же самое сказалъ и генералъ Скобелевъ, противъ котораго такъ ополчилась петербургская на выворотъ патріотическая газета *Голосъ?*

Но вѣнская газета пошла еще далѣе. Она разчитываетъ и самые шансы войны, въ случаѣ если бы таковая приключилась вслѣдствіе фальшивой и пагубной для самой Австріи политики ея правительства. „Мы не можемъ себѣ представить,“ замѣчаетъ *Neue Freie Presse*, „какую выгоду „могла бы пріобрѣсти Австрія даже еслибъ „ея война съ Россіей была успѣшна; но „мы навѣрное знаемъ что несчастный для „насъ исходъ такой войны есть самое „ужасное что только можетъ насъ постиг„нуть.“

А пресловутый союзъ съ Германіей? Неужели паника предъ войной, о которой такъ разительно свидѣтельствуетъ приведенное разсужденіе самой вліятельной изъ вѣнскихъ газетъ, не ослабляется надеждой на поддержку и помощь могучаго союзника? *Neue Freie Presse* дала отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Сущность мнѣнія вѣнской газеты по этому предмету сводится къ слѣдующему: Россія можетъ желать войны съ Австріей, и панславистская партія несомнѣнно де этого желаетъ; но она остережется де бросить одновременно вызовъ какъ Австріи, такъ и Германіи. Если же Германія не подвергнется нападенію, то, по мнѣнію *Neue Freie Presse*, нельзя и думать чтобы Германія сама кинулась въ борьбу для защиты Австріи. Можно де быть увѣрену что сочувствіе Германіи будетъ на сторонѣ Австріи, но отъ этого до дѣятельной помощи путь еще очень далекъ, и вѣнская газета убѣждена что такая поддержка не будетъ оказана. „Конвенція 1879 года вовсе не обязываетъ Германію оказывать Австріи вооруженную помощь во всякихъ обстоятельствахъ. Князь Бис-

маркъ способенъ къ величайшимъ увлеченіямъ когда дѣло идетъ о могуществѣ и чести Германской имперіи. Но мы весьма склонны думать что, въ случаѣ столкновенія между Россіей и Австріей, онъ обратитъ свои взоры исключительно на западъ, въ томъ убѣжденіи что Германія нуждается въ каждомъ изъ своихъ солдатъ для самой себя, дабы обезопасить себя противъ Франціи. Очень трудно отыскать чисто германскій интересъ который побудилъ бы Германію бросить Россіи перчатку. Въ Берлинѣ едва ли кто помышляетъ о завоеваніи остзейскихъ провинцій. Въ офиціальныхъ сферахъ Берлина еще сохраняется признательное воспоминаніе объ образѣ дѣйствій Россіи въ 1870 году, и между ею и Германіей не имѣется такихъ поводовъ къ соперничеству которые могутъ быть устранены лишь путемъ войны. Русская политика имѣетъ извѣстныя стремленія на Востокъ; но весь Востокъ, по убѣжденію князя Бисмарка, не стоитъ для Германіи здоровыхъ костей и *одного* померанскаго мушкатера.“ Австрія же напротивъ сама де себя поставила, въ силу своей восточной политики, въ непримиримое противорѣчіе съ Россіей. Вотъ почему Австрія должна де быть готовою къ тому что, въ случаѣ войны съ Россіей, она можетъ разчитывать лишь на „доброжелательный нейтралитетъ“ со стороны Германіи. За то славянскія племена Балканскаго полуострова станутъ де на сторону Россіи и именно вслѣдствіе положенія занимаемаго Австріей въ Босніи и Герцеговинѣ племена эти получатъ возможность напасть на ея армію съ боковъ и съ тыла. Нельзя де и перечислить страшныхъ затрудненій въ какихъ очутилась бы Австро-Венгерская монархія, между тѣмъ какъ для Россіи, по мнѣнію вѣнской газеты, теперешній моментъ былъ бы весьма благопріятенъ для войны съ Австріей. Поэтому *Neue Freie Presse* энергически совѣтуетъ избѣгать всякаго и наималѣйшаго повода къ ссорѣ съ Россіей, и направить всѣ усилія къ сохраненію мира, хотя бы цѣною нѣкотораго дипломатическаго приниженія.

№ 52.

Москва, 20-го февраля.

А.

Недавно опубликованы балансы Государственнаго Банка и его конторъ и отдѣленій къ 1 февраля и одного Банка, безъ конторъ и отдѣленій, къ 15 сего февраля. Въ какія-нибудь четыре мѣсяца, съ 1 октября минувшаго года, итогъ наличныхъ суммъ въ кассахъ Банка выросъ почти вдвое, съ 72¼ до 135½ милліоновъ рублей, въ одинъ только январь кассовая наличность увеличилась на 17¼ милліоновъ; не прекращается этотъ ростъ наличности и въ текущемъ февралѣ, хотя и идетъ нѣсколько медленнѣе (наличность въ главной, петербургской кассѣ увеличилась съ 1 по 15 февраля на 2½ милл.). На чемъ остановится это возрастаніе массы наличныхъ суммъ въ Государственномъ Банкѣ, какое имѣетъ оно значеніе, чѣмъ оно должно завершиться? Эти вопросы напрашиваются сами собою и поневолѣ понуждаютъ останавливаться на балансахъ Государственнаго Банка съ большимъ чѣмъ обыкновенно вниманіемъ.

Что обороты Государственнаго Банка въ тѣхъ размѣрахъ какъ они производятся вовсе не требуютъ такой громадной массы наличныхъ денегъ какую онъ нынѣ держитъ и копитъ въ своихъ кассахъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Итоги учетно-ссудной операціи частныхъ акціонерныхъ банковъ значительно, почти въ полтора раза, превосходятъ итоги таковыхъ операцій Государственнаго Банка и всѣхъ его конторъ и отдѣленій, и тѣмъ не менѣе всѣ акціонерные банки вмѣстѣ взятые держатъ въ своихъ кассахъ и на текущемъ счету въ Государственномъ Банкѣ сумму въ нѣсколько разъ меньшую той которая лежитъ непроизводительно въ кассахъ одного Государственнаго Банка. Правда, акціонерные банки могутъ довольствоваться сравнительно меньшею наличностью въ виду возможности во всякое время опереться на Государственный Банкъ и воспользоваться, въ случаѣ надобности, его средствами помощію переучета въ немъ части своихъ вексельныхъ портфелей, тогда какъ Государственный Банкъ долженъ полагаться только на себя. Это ставитъ его въ необходимость постоянно держать наготовѣ нѣсколько большія суммы чѣмъ какія нужны для обезпеченія правильнаго теченія операцій въ частныхъ банкахъ; но какое бы ни придавать значеніе этому обстоятельству, во всякомъ случаѣ для обезпеченія безостановочности всѣхъ оборотовъ Государственнаго Банка было бы достаточно нѣсколькихъ десят-

ковъ милліоновъ рублей, а мы уже къ 1 февраля видимъ въ его кассахъ громадную сумму 135½ милліоновъ, которая затѣмъ не перестаетъ возрастать. Нѣтъ, далѣе, спора въ томъ что вслѣдъ за изданіемъ указа 1-го января 1881 года, возбранившаго всякіе новые выпуски кредитныхъ билетовъ которые прежде по временамъ служили къ подкрѣпленію кассъ Государственнаго Банка, его управленіе должно было озаботиться увеличеніемъ своей кассовой наличности противъ того уровня на какомъ можно было держать ее въ прежніе годы. Въ виду упомянутаго указа, могли бы, пожалуй, возникнуть опасенія какихъ-нибудь затрудненій въ ходѣ операцій Государственнаго Банка еслибъ итогъ наличныхъ денегъ въ его кассахъ понизился до сорока, тридцати и менѣе милліоновъ рублей, какъ это случалось сплошь и рядомъ въ недавніе еще годы, не сопровождаясь никакими затрудненіями. Но отъ нѣкотораго увеличенія кассовой наличности противъ прежней нормы 30—40 милліоновъ до вышеуказаннаго расширенія ея размѣровъ разстояніе огромное, и однимъ измѣненіемъ положенія Государственнаго Банка вслѣдствіе указа 1 января 1881 года, увеличеніе его кассовой наличности до 135 милліоновъ рублей и выше объясняемо быть не можетъ.

Но для чего же нибудь эта наличность накопляется. Увеличивается она не сама собою, не вслѣдствіе чрезмѣрнаго притока вкладовъ при одновременно маломъ требованіи ссудъ для надобностей торговли и промышленности; увеличивается она вслѣдствіе особыхъ о томъ стараній. Вклады въ Государственномъ Банкѣ вообще не растутъ, и при всѣхъ колебаніяхъ въ ихъ итогахъ, показываютъ скорѣе наклонность къ сокращенію и къ переходу въ частные акціонерные банки, куда привлекаетъ ихъ сравнительно высшій процентъ даваемый вкладчикамъ. При громадной наличности, Государственный Банкъ не расширяетъ, а напротивъ сокращаетъ свою учетно-ссудную операцію, вызывая тѣмъ съ разныхъ сторонъ немалочисленныя сѣтованія. Все это дѣлается, конечно, не безъ цѣли. Но какая же цѣль имѣется въ виду? Для чего болѣе трети всего итога вкладовъ по которымъ платятся проценты не пускается въ оборотъ, а оставляется безъ движенія?

Нельзя думать чтобы при этомъ имѣлись въ виду какія-нибудь надобности казны: всякія заимствованія изъ Государственнаго Банка воспрещены Государственному Казначейству указомъ 1 января 1881 года. Банку предстоитъ не давать деньги казначейству, а напротивъ получать отъ него ежегодно по пятидесяти милліоновъ.

Трудно также допустить чтобы Банкъ копилъ наличныя деньги въ видахъ сокращенія бумажно-денежнаго обращенія, то-есть уничтоженія части привлеченныхъ въ его кассы кредитныхъ билетовъ. Изъятіе кредитныхъ денегъ при настоящихъ обстоятельствахъ было было бы мѣрой слишкомъ рискованною. Оно могло бы поставить въ затрудненіе не только торгово-промышленные обороты, но и самый Банкъ. Истребить часть кредитныхъ денегъ привлеченныхъ въ кассы Банка можно было бы безо всякихъ опасеній при обиліи ихъ въ обращеніи, а такого обилія нѣтъ. Напротивъ, въ то самое время когда въ Банкѣ лежитъ болѣе 135 милліоновъ денегъ, недостатокъ въ денежныхъ знакахъ побуждаетъ публику замѣнять ихъ при разчетахъ досрочными купонами и процентными бумагами отъ которыхъ эти купоны отрѣзаны, то-есть бумагами всего менѣе годными для замѣны денегъ. Изъятіе кредитныхъ билетовъ допущено закономъ при условіи чтобъ оно не сопровождалось стѣсненіемъ торговли и промышленности, а между тѣмъ самое накопленіе банковой наличности есть отчасти результатъ стѣсненія учетно-ссудной операціи. Чего мало то дорого, а какъ дороги у насъ наличныя деньги показываетъ высота учетнаго процента. Наша торговля и промышленность осуждены жить при такой высотѣ учета какая въ другихъ странахъ допускается, и то на короткое время, лишь въ эпохи кризисовъ. Всѣ твердятъ что у насъ мало развита предпріимчивость, что отсутствіе ея есть одна изъ главныхъ причинъ слабаго развитія нашихъ экономическихъ средствъ. Но забываютъ что высокій учетъ повсемѣстно признается уздою сдерживающею предпріимчивость, и что эта узда, изрѣдка набрасываемая на предпріимчивость въ другихъ странахъ, постоянно натянута у насъ въ Россіи. Высокая норма учета въ Государственномъ Банкѣ повышаетъ учетъ и въ акціонерныхъ банкахъ, и въ частныхъ сдѣлкахъ; она, такъ-сказать, держитъ всякую промышленную предпріимчивость въ осадномъ положеніи.

И было бы, полагаемъ, плохимъ экономическимъ и финансовымъ разчетомъ усиливать тягость такого положенія изъятіемъ кредитныхъ билетовъ, которое не замедлитъ повести къ вящему подъему учета. Помимо этого, изъятіе кредитныхъ билетовъ можетъ поставить и самый Государственный Банкъ въ немалыя затрудненія, въ положеніе при которомъ можетъ потребоваться нарушеніе закона 1 января 1881 года. Такой случай уже былъ минувшею осенью, когда обстоятельства едва не вынудили, вопреки этому указу, новаго временнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, котораго удалось избѣжать, по официальному заявленію министра Финансовъ, лишь благодаря пятидесяти милліонамъ полученнымъ въ то время Государственнымъ Банкомъ отъ Государственнаго Казначейства.

Остается полагать что накопленіемъ громадной наличности въ своихъ кассахъ, накопленіемъ производимымъ не безъ серіознаго стѣсненія денежныхъ оборотовъ въ странѣ, Банкъ подготовляется къ собственному переустройству, которое, пожалуй, не обойдется безъ ликвидаціи нѣкоторыхъ его операцій. Толки о возможности такой ликвидаціи и о подготовленіи къ ней идутъ уже давно. Но въ чемъ она будетъ состоять, какими размѣрами ограничится и что должно быть ея результатомъ, объ этомъ можно дѣлать только гадательныя предположенія. Коснется ли она только учетно-ссудной операціи? Въ постановкѣ этой отрасли оборотовъ на лучшія чѣмъ прежде основанія не можетъ быть сомнѣнія. Нельзя признать для Государственнаго Банка удовлетворительнымъ такой ходъ дѣлъ чтобъ изъ него выдавались деньги подъ обезпеченія менѣе солидныя противъ принимаемыхъ частными банками. А именно такъ и шло дѣло; въ минувшемъ году, напримѣръ, итогъ просроченныхъ векселей въ Государственномъ Банкѣ былъ втрое болѣе чѣмъ въ частныхъ акціонерныхъ, несмотря на то что у послѣднихъ учетная операція опредѣляется много большею суммой чѣмъ у перваго. Но о полной ликвидаціи учетно-ссудной операціи, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Необходимо же давать какое-нибудь употребленіе вкладамъ, должны же получать какое-нибудь назначеніе пятидесятимилліонныя суммы ежегодно получаемыя Банкомъ отъ Государственнаго Казначейства, если ихъ невозможно, по обстоятельствамъ, обратить на изъятіе кредитныхъ билетовъ. За учетно-ссудную операцію, несмотря на временное ея стѣсненіе, поэтому, нѣтъ поводовъ опасаться. Но не отзовется ли ликвидація на вкладахъ? Двадцать лѣтъ тому назадъ мы присутствовали при актѣ изгнанія вкладовъ изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, и многимъ понынѣ памятны результаты этого изгнанія. Не находимся ли мы наканунѣ подобнаго же изгнанія вкладовъ изъ нынѣшняго Государственнаго Банка? Есть не мало основаній допустить вѣроятность такого исхода. Вклады составляли до сихъ поръ для Государственнаго Банка необходимость. Безъ 300—400 милліоновъ вкладовъ, ему не изъ чего было бы производить свои операціи. Но будутъ ли нужны ему эти вклады когда онъ, въ силу указа 1 января 1881 года, получитъ изъ Государственнаго Казначейства 400 милліоновъ въ полное свое распоряженіе? Не сочтетъ ли Банкъ выгоднымъ вытѣснить изъ своихъ оборотовъ суммы по которымъ платитъ проценты, замѣнивъ ихъ суммами полученными изъ казначейства совсѣмъ даромъ, подъ видомъ уплаты мнимаго долга? Доходность операцій Государственнаго Банка, при этомъ, несомнѣнно должна возрасти, и невольно думается, ужь не это ли возрастаніе доходности имѣлъ въ виду министръ Финансовъ, когда, во всеподданнѣйшемъ докладѣ при представленіи бюджета на текущій годъ, заявилъ что исполненіе закона 1 января 1881 года можетъ дать средства нужныя для покрытія расходовъ сопряженныхъ съ пониженіемъ выкупныхъ платежей?

Если такъ, то накопленіе громадной денежной наличности въ кассахъ Банка перестаетъ быть непонятнымъ: безъ такого накопленія приступать къ вытѣсненію вкладовъ было бы невозможно. Но трудно понять какая польза могла бы произойти отъ этого. Было бы странно еслибы тягости налагаемыя на бюджетъ, а стало-быть и на народъ, уплатой Банку громадной суммы четырехсотъ милліоновъ рублей, имѣли своимъ результатомъ побужденіе людей сдѣлавшихъ сбереженія дать этимъ сбереженіямъ, вмѣсто несомнѣнно вѣрнаго, помѣщенія сопряженныя съ рискомъ? Не понятно также какая польза будетъ народу отъ пониженія выкупныхъ платежей если это пониженіе сопряжено

съ повышеніемъ податныхъ тягостей нужныхъ для уплаты Государственному Банку 400 милліоновъ рублей, уплаты входящей въ комбинацію мѣры принятой относительно выкупной операціи...

Б.

Г. Гладстонъ замѣтилъ въ палатѣ общинъ какъ извѣщаетъ сегодняшняя лондонская телеграмма, что парламентское заступничество за Евреевъ въ Россіи можетъ повредить ихъ дѣлу. Еще вѣрнѣе то что такое заступничество можетъ повредить добрымъ отношеніямъ между двумя державами. Принятіе моціи г. Вормса и затѣмъ дипломатическія представленія со стороны Англійскаго правительства могли бы имѣть своимъ послѣдствіемъ отозваніе русскаго посла изъ Лондона. Но мы не сомнѣваемся что и г. Вормсъ внося свое предложеніе, и первый министръ отклоняя оное, не придавали этому вопросу серіознаго значенія. Дѣло было затѣяно только ради разговора въ парламентѣ. Это обычная парламентская камедія. Добродѣтельные и гуманные обладатели Индіи и правители Ирландіи хотятъ намъ дать почувствовать силу своего нравственнаго суда. Они уже производили слѣдствіе по случаю „ужасовъ“ бывшихъ въ Россіи, отбирали свѣдѣнія отъ своихъ консуловъ, чинили допросы, и желаютъ быть, при всей строгости своего приговора, вполнѣ безпристрастными и справедливыми. Намъ остается только пожелать, вмѣстѣ съ г. Гладстономъ, чтобъ эта комедія не отозвалась дурно на рѣшеніи еврейскаго вопроса у насъ и не усилила бы анти-еврейской агитаціи. А съ тѣмъ вмѣстѣ, мы желали бы поставить нашимъ англійскимъ судьямъ на видъ что для нашего народнаго чувства пріятнѣе быть въ ихъ мнѣніи на дурномъ чѣмъ на хорошемъ счету.

№ 54.

Москва, 22-го февраля.

А.

Въ послѣднее время не одинъ Харьковскій университетъ вновь напомнилъ о необходимости кореннаго преобразованія нашихъ университетовъ: то же напоминаніе, хотя въ менѣе рѣзкихъ формахъ, идетъ и отъ Петербургскаго университета. На торжественномъ актѣ его, 8 сего февраля, не разбрасывались, правда, какъ въ прошломъ году, возмутительныя прокламаціи; не было также попытки нанести „оскорбленіе дѣйствіемъ“ кому-либо изъ облеченныхъ властью. Но одинъ почтенный профессоръ, на котораго было возложено университетскимъ совѣтомъ составленіе и чтеніе отчета о состояніи и дѣятельности университета, не былъ въ состояніи исполнить это порученіе: его принудили нескончаемыми криками сойти съ каѳедры; чтеніе отчета было тогда поручено ректоромъ другому, болѣе популярному профессору, который и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, но только что онъ принялся за чтеніе дальнѣйшихъ частей отчета, какъ снова начались крики и его заставили читать съ начала, такъ что публикѣ пришлось дважды прослушать одно и то же. Раздавался отъ времени до времени пронзительный свистокъ, а крикамъ и аплодисментамъ при всякомъ вызовѣ награжденнаго медалью студента не было конца. Такой ли порядокъ желательно видѣть въ университетѣ на его торжественномъ актѣ, на который приглашается публика и въ томъ числѣ многія высокопоставленныя лица? Не было ли это глумленіемъ надъ присутствовавшимъ тутъ министромъ Народнаго Просвѣщенія и всѣми учебными властями?

Никакое общество или учрежденіе, тѣмъ паче учебное заведеніе не можетъ существовать безъ дисциплины и порядка. Духъ дисциплины и порядка долженъ же наконецъ быть возстановленъ въ нашихъ университетахъ. Этого требуютъ прежде всего интересы самой учащейся молодежи, которую приходится десятками и сотнями выбрасывать изъ университетовъ и разсылать по болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ Имперіи, и которая во всякомъ случаѣ, во время пребыванія своего въ нынѣшнихъ университетахъ, проходитъ школу непризнаванія никакихъ властей, никакихъ правилъ и законовъ. Возстановленія духа порядка и дисциплины въ университетахъ требуютъ интересы родителей, которые не могутъ не трепетать за своихъ сыновей попадающихъ въ анархическую среду; наконецъ, интересы всего общества, всего государства. Горе и позоръ странѣ, гдѣ высшія учебныя заведенія становятся разсадниками не однихъ только

полезныхъ людей, но вмѣстѣ и Соловьевыхъ, Желябовыхъ, Кибальчичей, со всѣми ихъ пособниками изъ числа бывшихъ студентовъ, имена которыхъ наполняли собою лѣтопись нашихъ политическихъ процессовъ за послѣднее время. Могло ли бы все это быть при твердыхъ, разумныхъ и нормальныхъ порядкахъ?

Сила не въ томъ чтобы только усилить инспекцію надъ студентами. Какъ извѣстно, такая мѣра была уже отчасти испробована въ 1879 году по иниціативѣ бывшаго тогда харьковскаго генералъ-губернатора графа Лорисъ-Меликова и не увѣнчалась успѣхомъ: частью она осталась только на бумагѣ; частью же, будучи вдвинута въ совершенно чуждый ей строй, она была парализована въ своихъ дѣйствіяхъ и въ своемъ вліяніи на студентовъ прочими университетскими властями: ректоромъ, правленіемъ, университетскимъ совѣтомъ, даже отдѣльными профессорами. Ничего подобнаго не могло бы случиться еслибы сами эти власти и всѣ профессора въ отдѣльности были поставлены въ правильныя отношенія къ государственной власти. Съ этого только и можетъ начаться дѣйствительная и серіозная реформа университетовъ; а пока каждый профессоръ при своемъ назначеніи на должность во всемъ прохожденіи своей службы гораздо болѣе зависитъ отъ своихъ сотоварищей, отъ случайнаго большинства въ факультетскомъ собраніи и университетскомъ совѣтѣ чѣмъ отъ государственной власти, до тѣхъ поръ совершенно напрасно было бы разсчитывать на профессоровъ, профессорскія коллегіи и выборныя отъ нихъ власти. Въ такихъ многолюдныхъ и такими полномочіями облеченныхъ коллегіяхъ какъ университетскій совѣтъ усердное содѣйствіе видамъ правительства не популярно и оказывающіе такое усердіе изъ самыхъ лучшихъ и чистыхъ побужденій легко могутъ прослыть выскочками, и прислужниками, преслѣдующими личныя корыстныя цѣли, измѣнниками такъ-называемому университетскому самоуправленію; при ближайшихъ выборахъ имъ грозитъ забаллотировка, потеря должности и удаленіе на пенсію, не обезпечивающую семейнаго человѣка. Вотъ почему и самые лучшіе, самые благонамѣренные изъ профессоровъ скорѣе замкнутся въ сферу своего преподаванія и своихъ научныхъ занятій чѣмъ рѣшатся оказать какое-либо содѣйствіе инспекціи и попечителю въ дѣлѣ нравственно-дисциплинарнаго благоустройства своего университета. Но еслибы вывести ихъ изъ ложнаго положенія той гнетущей зависимости другъ отъ друга, они оказались бы надежною опорой для осуществленія вполнѣ сочувственныхъ имъ и дѣйствительно благотворныхъ для университета и науки государственныхъ видовъ.

Опора эта совершенно необходима. Профессора не могутъ и не должны быть только чтецами составленныхъ ими, болѣе или менѣе научныхъ, курсовъ: они должны быть истинными наставниками, руководителями и друзьями юношества. Такъ смотрятъ на себя университетскіе профессора, напримѣръ, въ Германіи; такъ смотрѣли на себя и наши профессора въ пору дѣйствія устава 1835 года. Но подъ вліяніемъ злосчастнаго устава 1863 года взаимныя отношенія профессоровъ и студентовъ совершенно извратились. Если въ прежнее время только одни экзамены, на которыхъ профессоръ являлся рѣшителемъ участи студентовъ, могли охлаждать и портить ихъ взаимныя отношенія, то въ настоящее время, сверхъ того и благодаря тѣмъ необычайнымъ полномочіямъ которыя предоставлены профессорскимъ коллегіямъ, профессоръ и самъ себя сознаетъ и студентамъ представляется частицею той всеобъемлющей власти, отъ которой зависитъ все ихъ существованіе, которая предписываетъ имъ законы, правда ни кѣмъ неисполняемые, которая поставляетъ надъ ними всѣхъ начальниковъ, правда ни кѣмъ не признаваемыхъ, которая можетъ во всякое время ихъ карать, хотя большею частью этого не смѣетъ, но которая за то обязана какъ можно болѣе ублажать ихъ, раздавая имъ стипендіи, пособія и льготы, исполняя всѣ ихъ требованія и домогательства и оказывая имъ всякаго рода послабленія. При такихъ условіяхъ могутъ ли быть чистыя, искреннія, близкія отношенія между профессорами и студентами, и наставническое званіе профессора не заслоняется ли ролью не только экзаменатора, какъ прежде, но еще и члена факультетскаго собранія, университетскаго совѣта, университетскаго суда и правленія? Это по преимуществу должностное лицо, по большей части въ чинахъ и украшенное орденами, доступъ къ которому не легокъ, и съ которымъ сближеніе можетъ быть желательно для бѣд-

ника-студента только ради внѣшнихъ выгодъ. Уставъ 1863 года, поставивъ профессоровъ въ крайне ложное положеніе другъ къ другу и къ государству, вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ фальшь и въ отношенія ихъ къ студентамъ. Всякая близость, искренность и чистота этихъ отношеній, омрачавшаяся прежде только перспективою экзаменовъ, теперь подъ вліяніемъ этого устава вовсе исчезла; о характерѣ профессора, какъ наставника юношества, забыли и юноши, и профессора, изъ коихъ многіе, если вопросы высшей университетской политики и администраціи еще не заглушили въ нихъ любви къ наукѣ, склоняются къ тому чтобы смотрѣть на себя только какъ на ученыхъ, которые вовсе не обязаны „возиться со студентами." Такимъ образомъ уставъ 1863 года не только водворилъ безначаліе въ университетахъ, но и отнялъ у студентовъ ихъ естественныхъ наставниковъ и руководителей. А между тѣмъ, какъ бы пригодились имъ эти наставленія и это руководство благонамѣренныхъ профессоровъ въ смутную пору которую мы теперь переживаемъ! Сколькихъ бы они предохранили отъ пагубныхъ вліяній и текущей литературы, и неблагопріятной общественной среды, въ которую нерѣдко попадають иногородные студенты, и отъ искусственно распространяемыхъ преступною пропагандой лжеученій, и сколькихъ бы спасли они отъ увлеченій приводящихъ прямо на путь гибели и преступленія! Въ своихъ профессорахъ, наши студенты въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ теперь, благодаря уставу 1863 года, такихъ наставниковъ и руководителей, даже отвыкли смотрѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, да и сами профессора, забывая о своей наставнической обязанности, ни въ своихъ частныхъ сношеніяхъ со студентами, ни въ своихъ лекціяхъ, весьма часто не сообразуются съ тѣмъ чего настоятельно требовало бы отъ нихъ ихъ званіе наставниковъ, даже нерѣдко вовлекаютъ ихъ въ борьбу свою другъ съ другомъ... Какая громадная разница въ этомъ отношеніи между нашими нынѣшними профессорами и ихъ германскими собратьями по наукѣ, которые никогда и ни въ какомъ случаѣ въ отношеніяхъ своихъ къ студентамъ не забываютъ что они наставники, а это ихъ ученики, которымъ они обязаны не только преподавать науку, руководя всѣми ихъ научными занятіями, но въ случаѣ надобности дѣлать и замѣчанія, и выговоры, и наставленія, охраняя ихъ отъ всего что несовмѣстно со званіемъ студента и съ честью университета. Только этимъ характеромъ германскихъ профессоровъ можно объяснить то что самые многолюдные изъ университетовъ Германіи, каковы Берлинскій или Лейпцигскій, на трехтысячную массу студентовъ имѣютъ только одного судью, соотвѣтствующаго нашему инспектору, одного оберъ-педелля и четырехъ педеллей, по одному на факультетъ. Какъ же не желать чтобъ и наши профессора сколь можно скорѣе возвратились на путь истинныхъ друзей, наставниковъ и добрыхъ руководителей ввѣреннаго имъ юношества, для чего, конечно, прежде всего необходимо коренное измѣненіе устава 1863 года.

Б.

Австро-мадьярская печать особенно занята теперь отношеніями между Турціей и Австро-Венгріей. Еще у всѣхъ на памяти что введеніе Австрійцами воинской повинности въ Босніи и Герцеговинѣ вызвало протестъ со стороны Турецкаго правительства, и что въ то время отношенія между Австріей и Турціей были очень натянуты. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Турецкое правительство, не довѣрявшее ни Россіи, ни Австро-Венгріи, обратилось къ Германіи, которая охотно приняла на себя выгодную роль посредника между Австріей и Турціей. Любезный пріемъ оказанный турецкому чрезвычайному посольству въ Берлинѣ произвелъ на турецкихъ министровъ и султана сильное впечатлѣніе. Въ Константинополѣ всѣ были повидимому убѣждены что Германія заключитъ съ Турціей оборонительный и наступательный союзъ и окажетъ ей помощь въ ея затрудненіяхъ съ Франціей, даже съ Англіей. Благодаря ли этому убѣжденію или чему другому, но отношенія Турціи къ Австро-Венгріи приняли сразу болѣе дружественный характеръ, и во время пребыванія въ Вѣнѣ турецкаго экстраординарнаго посольства, австрійскія офиціозныя газеты уже смѣло заявили что протестъ по поводу введенія въ занятыхъ австрійскими войсками турецкихъ провинціяхъ былъ, правда, сообщенъ турецкому послу при Вѣнскомъ дворѣ, но затѣмъ было де получено приказаніе изъ Констан-

тинополя не давать хода этому протесту. Рѣзкій переворотъ въ политикѣ Высокой Порты относительно Австро-Венгріи произошелъ именно въ то время когда турецкая чрезвычайная миссія пребывала въ Вѣнѣ. Какія обѣщанія побудили Турцію примириться съ фактомъ нарушающимъ верховныя права султана, и на вѣкъ отъ него отчуждающимъ Боснію и Герцеговину, неизвѣстно. Не подлежитъ однако сомнѣнію что во всемъ этомъ дѣлѣ играла главную роль Германія, приславшая цѣлую фалангу своихъ штабъ-офицеровъ для переустройства турецкой арміи, которое обойдется, конечно, не дешево. Вслѣдъ за возвращеніемъ турецкой миссіи въ Константинополь, наплывъ въ Турцію не только офицеровъ германскихъ, но и другихъ чиновниковъ принялъ хроническій характеръ. Когда въ Герцеговинѣ и частію въ Босніи вспыхнуло возстаніе, грозившее съ самаго начала принять обширные размѣры, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали какъ будетъ вести себя Турція. Враждебная Россіи австро-мадьярская печать, доказывающая что возстаніе вызвано исключительно „панславистами,“ планы которыхъ одинаково де гибельны и для Турціи и Австро-Венгріи, врядъ ли обратила на себя вниманіе въ константинопольскихъ политическихъ сферахъ, врядъ ли доказала имъ что Австрія и Турція могутъ остаться наилучшими друзьями, хотя бы первая самымъ грубымъ образомъ нарушила права послѣдней. Турки понимаютъ что Боснія и Герцеговина для нихъ потеряны, и что виновата въ этомъ прежде всего Австро-Венгрія. И, несмотря на то, константинопольское правительство не только не оказываетъ никакой поддержки инсургентамъ, но, какъ сообщаютъ австрійскія офиціозныя газеты, само будто бы предложило Австрійскому правительству усилить турецкіе гарнизоны въ Ново-Базарскомъ санджакѣ.

Необыкновенная дружба между Турціей и Австро-Венгріей, какіе бы мотивы ея ни вызвали, не заслуживала бы особеннаго вниманія еслибы въ самой Турціи не бросались невольно въ глаза нѣкоторые симптомы, дающіе поводъ ко всевозможнымъ догадкамъ.

Прежде всего бросается въ глаза что обанкрутившееся Турецкое правительство посвящаетъ все свое вниманіе на реорганизацію своей арміи. Объ этой реорганизаціи давно уже толкуетъ вся иностранная печать въ особенности австрійская. Недавно получено извѣстіе что турецкій военный министръ потребовалъ 40 милліоновъ франковъ для одного комплектованія турецкой артиллеріи. Слухъ о призваніи редифовъ, несмотря на опроверженія турецкихъ офиціозныхъ газетъ, упорно держится во всей печати. Много толковъ возбуждаетъ, въ особенности въ австрійской печати, столкновеніе между Турецкимъ правительствомъ и генералъ-губернаторомъ Восточной Румеліи Алеко-пашой. Столкновеніе это, вызванное будто бы какою-то мѣрой неодобренною Турецкимъ правительствомъ, не есть ли просто предлогъ для занятія Восточной Румеліи и Балканскихъ проходовъ?

Въ то время какъ мы пишемъ эти строки пришло извѣстіе что князь Миланъ провозглашенъ королемъ Сербіи. Извѣстіе это нельзя назвать неожиданнымъ. Слишкомъ годъ австрійскія офиціозныя газеты сулили князю Милану королевскій титулъ если онъ будетъ покоренъ...

№ 55.

Москва, 23-го февраля.

Въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Босніи, Герцеговинѣ и Кривошіи въ послѣдніе дни, объ этомъ разно толкуютъ. Одна сторона утверждаетъ что Австрійцы не выиграли ничего или почти ничего, другая, что возстаніе начинаетъ стихать, вслѣдствіе тѣхъ пораженій которыя инсургенты понесли на прошлой недѣлѣ. Такъ ли это, были ли пораженія столь серіозны, какъ о томъ свидѣтельствуютъ австрійскія офиціальныя депеши, судить весьма трудно, но уже одинъ взглядъ на карту показываетъ что съ 8 февраля (стар. ст.) Австрійцы выиграли весьма немного. Въ письмѣ изъ Герцеговины, отъ 8 февраля, говорится что все пространство между Невесиньемъ, Мостаромъ, Коницемъ, Сараевомъ и Фочей съ одной стороны, и Черногорскою границей съ другой, находится въ рукахъ инсургентовъ и на этомъ пространствѣ нѣтъ уже ни одного австрійскаго солдата, такъ что всѣ блоказузы, казармы и этапы взяты и уничтожены. Итакъ, около 8 февраля инсургенты владѣли обширною территоріей, движеніе по которой

для австрійскихъ войскъ, благодаря весьма гористой мѣстности и бездорожью, представляетъ необычайныя трудности. Понятно что успѣхъ австрійскихъ войскъ не могъ быть великъ. И дѣйствительно къ 16 февраля (ст. ст.) австрійскія войска, расположенныя въ Стольцѣ, Билекѣ и Требиньѣ произвели нѣсколько усиленныхъ рекогносцировокъ къ сѣверу и нашли что бо́льшая часть селеній брошена мужскимъ населеніемъ, присоединившимся къ возстанію. Въ то же время колонны дѣйствующія на верховьяхъ Неретвы успѣли продвинуться только до Уллока и то съ неимовѣрными трудностями и послѣ упорнаго боя. Это очень мало! Въ вѣнскихъ военныхъ кругахъ придаютъ, правда, большое значеніе пріобрѣтеннымъ успѣхамъ; сличая депеши и отмѣчая по картѣ движеніе войскъ, австрійскіе наблюдатели заключаютъ что концентрическое наступленіе, предпринятое противъ возставшихъ съ сѣвера, запада и отчасти съ юга, привело къ занятію высотъ между рѣками Дриной и Неретвой, откуда представляется возможнымъ направить удары противъ главныхъ сборныхъ пунктовъ инсургентовъ, которые были бы такимъ образомъ стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ. „Въ Вѣнѣ занятію названной позиціи,“ замѣчаетъ *Руской Инвалидъ*, „придаютъ едва ли не рѣшающее значеніе, несмотря де даже на то что инсургенты еще не окружены австрійскими войсками и могутъ въ крайнемъ случаѣ перенести дѣйствія въ иной районъ.“ Это замѣчаніе нашей военной газеты весьма отчетливо характеризуетъ сущность дѣла. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, состоитъ планъ австрійскихъ военныхъ властей? Прежде всего въ томъ чтобъ окружить взволнованную мѣстность и лишить возставшихъ помощи извнѣ; затѣмъ представилась бы возможность, войдя въ окруженную полосу нѣсколькими маршевыми колоннами, разобщить и порознь разбить *возстанцевъ*. Только тогда дѣло и будетъ кончено. Но до этого еще весьма далеко. Разобщенными являются пока не инсургенты, а австрійскія колонны, которымъ несмотря на ихъ силу бороться съ возстаніемъ трудно. Каждый шагъ впередъ достается только послѣ кровопролитнаго боя. Депеша Іовановича, напримѣръ, о дѣйствіяхъ около Уллока свидѣтельствуетъ что высоты занимаются инсургентами такъ сильно и такъ искусно что атаковать ихъ съ фронта нѣтъ возможности; необходимо прибѣгать къ обходамъ. Каково же совершать эти обходы по горнымъ тропинкамъ, при „жестокихъ,“ какъ выражается донесеніе, снѣжныхъ меteляхъ? Незначащій сравнительно обходъ подъ Уллокомъ и бой потребовалъ пяти часовъ времени. И бой этотъ обошелся Австрійцамъ не дешево. Несмотря на превосходство въ силахъ и атаку во флангъ, австрійская артиллерія вынуждена была прибѣгнуть къ стрѣльбѣ картечью: знакъ что инсургенты были всего въ какихъ-нибудь шестидесяти, восмидесяти саженяхъ отъ орудій! Официальная австрійская депеша говоритъ что „врагъ былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ,“ но при дальнѣйшемъ чтеніи оказывается что инсургенты просто разбѣжались въ разныя стороны и что это былъ не болѣе какъ маневръ съ ихъ стороны; дѣйствительно, они унесли при этомъ всѣхъ своихъ раненыхъ и даже часть убитыхъ. Это не походитъ на безпорядочное бѣгство *совершенно* разбитаго непріятеля, переставшаго думать о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Надо замѣтить что *возстанцы* вооружены не хуже Австрійцевъ, если только не лучше. Въ ихъ рукахъ дѣйствуютъ тѣ самыя ружья Пибоди-Мартини которыми въ минувшую войну 1877 года были вооружены лучшія турецкія войска, а извѣстно что эти ружья почти ничѣмъ не отличаются отъ англійскихъ Мартини-Генри, берущихъ верхъ надъ всѣми прочими образцами теперь существующими.

Австрійцы не безъ причины стянули къ мѣсту дѣйствія большія массы войскъ и не безъ причины такъ радуются усиленію турецкихъ гарнизоновъ, совмѣстно съ Австрійцами занимающихъ Ново-Базарскій санджакъ. Это обстоятельство, какъ объясняютъ въ Вѣнѣ, избавляетъ Австрію отъ необходимости, съ тою же цѣлью усиленія военнаго кордона, въ названномъ санджакѣ расходовать свои войска.

Пештскій Ллойдъ утверждаетъ что Турція сама предложила эту любезную услугу, видя де въ Австріи оплотъ противъ панславизма. Нѣкоторые полагаютъ однако что эта любезность находится въ непосредственной связи съ отношеніями установившимися между Константинополемъ и Берлиномъ, и оказано Турціей по внушенію нѣмецкихъ дѣльцовъ находящихся въ турецкой службѣ.

№ 56.

Москва, 24-го февраля.

Читатели, безъ сомнѣнія, обратили вниманіе на телеграмму изъ Берлина передавшую содержаніе статьи только-что появившейся въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* и трактующей о нѣкоторыхъ перемѣнахъ предполагаемыхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Сужденія иностранныхъ газетъ о нашихъ дѣлахъ вообще и о таможенной политикѣ въ особенности сами по себѣ, конечно, не представляютъ для русской публики особеннаго интереса. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ газетными сужденіями. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* есть признанный органъ князя Бисмарка, и телеграфное агентство Вольфа потому, конечно, и поторопилось познакомить русскую публику съ вышеупомянутою статьей что она внушена самимъ германскимъ канцлеромъ и притомъ чуть не прямо адресована русскому таможенному вѣдомству.

Авторъ статьи въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, какъ оказывается, очень встревоженъ слухами о томъ что наше таможенное вѣдомство намѣрено повысить пошлины на ввозимые въ Россію товары и обложить пошлиной предметы имѣвшіе до сихъ поръ въ Россію свободный пропускъ. Въ такомъ измѣненіи русскаго таможеннаго тарифа онъ усматриваетъ прямую обиду Германіи, враждебное нападеніе на нее въ ея экономическихъ интересахъ. Если Россія дѣйствительно прибѣгнетъ къ такой мѣрѣ, Германія должна де будетъ серіозно подумать о своей оборонѣ, она будетъ де вынуждена прибѣгнуть со своей стороны къ репрессаліямъ по отношенію къ Россіи. По увѣренію автора переданной телеграфомъ статьи, Германія и такъ уже давно и много терпитъ отъ Россіи на экономическомъ поприщѣ; ей давно уже нужно было бы принять мѣры защиты противъ притѣсненій съ русской стороны; но до сихъ поръ она подчиняла свои экономическіе интересы соображеніямъ политическаго свойства и, ради поддержанія дружескихъ политическихъ отношеній, смотрѣла сквозь пальцы на направленную противъ Германіи экономическую политику Россіи, не отплачивая ей тою же монетой. Но всему есть мѣра, и если Россія рѣшится на таможенную реформу о которой ходятъ слухи, чаша германскаго долготерпѣнія наконецъ переполнится. При всемъ желаніи сохранить и утвердить наилучшія политическія отношенія къ Россіи, для Германіи станетъ де необходимостью обложить пошлиной предметы ввоза въ нее изъ Россіи. Русское таможенное вѣдомство приглашается обратить серіозное вниманіе на это обстоятельство.

Смыслъ статьи ясенъ какъ нельзя болѣе. Это не что иное какъ предостереженіе дѣлаемое всѣмъ людямъ русскаго официальнаго и неофиціальнаго міра убѣжденнымъ въ необходимости таможенной реформы для улучшенія экономическаго и финансоваго положенія Россіи. Это прямая угроза, это окрикъ Quos ego! на всѣхъ сторонниковъ реформы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, готовая аргументація подсказываемая нашимъ домашнимъ противникамъ реформы.

Но, въ самомъ дѣлѣ, ужь не слишкомъ ли большему испытанію подвергнемъ мы терпѣніе Германіи если, вопреки дѣлаемому намъ предостереженію, отважимся повысить нашъ таможенный тарифъ и наложить пошлины на товары пропускавшіеся до сихъ поръ безпошлинно? Можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ наши таможенныя пошлины представляютъ собою непомѣрное стѣсненіе для германской торговли, ставятъ насъ въ положеніе эксплуататоровъ Германіи, вызывая съ ея стороны справедливый ропотъ? Посмотримъ, каковъ на самомъ дѣлѣ характеръ нашихъ торговыхъ сношеній съ Германіей, въ такой ли мѣрѣ Германія является жертвой русской эксплуатаціонной политики какъ о томъ заявляется въ ламентаціяхъ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*.

Судя по этимъ ламентаціямъ, можно подумать что благодаря своей таможенной политикѣ Россія такъ-сказать выжимаетъ сокъ изъ Германіи и, дѣлая ее рынкомъ сбыта для своихъ товаровъ, заваливая ее этими товарами, всячески стѣсняетъ сбытъ германскихъ произведеній, преграждая имъ доступъ на русскіе рынки. Можно подумать что русскій отпускъ въ Германію громаденъ, и наоборотъ привозъ товаровъ изъ Германіи въ Россію ничтоженъ. А между тѣмъ на дѣлѣ, увы, наши торговыя сношенія съ Германіей носятъ прямо противоположный характеръ. Стоитъ просмотрѣть издаваемые Таможеннымъ Департаментомъ *Обзоры Внѣшней Торговли Россіи*, хотя бы за десять лѣтъ, чтобъ увидѣть въ чью сторону клонится балансъ русско-германской торговли, и кто, Германія или Рос-

сія, имѣетъ основаніе сѣтовать на усвоенный этою торговлей оборотъ. Пусть говорятъ цифры. Приведемъ таблицу для сравненія итоговъ отпуска въ Германію и привоза изъ Германіи въ Россію за десять лѣтъ съ 1871 по 1880:

Годы.	Отпускъ въ Германію.	Привозъ изъ Германіи.	Перевѣсъ привоза надъ отпускомъ.	Перевѣсъ отпуска надъ привозомъ.
1871	74,8	162,7	87,9	—
1872	77,3	171,8	94,8	—
1873	109,8	167,8	57,8	—
1874	136,1	179,7	43,9	—
1875	109,8	221,4	111,8	—
1876	120,4	197,7	77,3	—
1877	196,7	149,3	—	47,4
1878	175,3	263,1	87,8	—
1879	186,6	266,8	80,2	—
1880	138,1	277,2	139,1	—
Итого . . .	1.326,0	2.056,5	730,5	—

Въ десять лѣтъ, Россія могла продать въ Германію своихъ произведеній только на 1.326 милліоновъ, тогда какъ Германія ввезла въ Россію товаровъ на 2.056½ милліоновъ, т.-е. на 730½ милліоновъ болѣе. И при такомъ-то отношеніи привоза къ отпуску, органъ германскаго канцлера находитъ умѣстнымъ жаловаться на стѣсненіе германскаго привоза въ Россію и говорить о необходимости мѣръ къ сокращенію русскаго отпуска въ Германію! Отъ принятія такихъ мѣръ Германію удерживали будто бы политическія соображенія, желаніе поддержать дружбу съ Россіей. Такимъ замѣчаніемъ дѣлается внушеніе что и Россія со своей стороны, ради сохраненія политической дружбы съ Германіей, должна воздержаться отъ мѣръ которыя могли бы сократить размѣры привоза къ намъ германскихъ товаровъ. Но политическія соображенія нисколько не удержали князя Бисмарка, въ недавнее еще время, отъ наложенія пошлинъ на привозимые въ Германію русскій хлѣбъ и русскій скотъ... Германскій канцлеръ счелъ необходимымъ, не стѣсняясь никакими соображеніями, немедленно приступить къ наложенію этихъ пошлинъ какъ только случилось однажды, въ 1877 году, что въ балансѣ русско-германской торговли оказался перевѣсъ на 47½ милліоновъ въ пользу Россіи. Подобный перевѣсъ, хотя бы онъ случился только одинъ разъ въ десять лѣтъ, съ германской точки зрѣнія есть дѣло недопустимое; это де такая эксплуатація Германіи которой она ни въ какомъ случаѣ и ни по какимъ соображеніямъ выносить не можетъ. Но Россія должна спокойно смотрѣть на постоянные ежегодные перевѣсы балансовъ въ пользу Германіи, хотя бы эти перевѣсы выражались цифрами въ 80, въ 90, во 100 и болѣе милліоновъ рублей, хотя бы наконецъ дѣло дошло до того что германскій привозъ къ намъ, какъ въ 1880, оказался слишкомъ вдвое болѣе русскаго отпуска въ Германію. Германія не можетъ допустить чтобъ ей хоть одинъ разъ въ десять лѣтъ пришлось заплатить Россіи деньгами 47½ милліоновъ рублей; это для нея разорительно. Но Россія отнюдь не должна считать для себя разорительными гораздо болѣе крупныя ежегодныя денежныя приплаты по торговымъ разчетамъ съ Германіей, хотя бы эти приплаты дошли наконецъ, какъ въ 1880, до 140 милліоновъ въ одинъ годъ! Пусть ежегодный отливъ денегъ въ Германію въ подобныхъ размѣрахъ дѣлаетъ невозможнымъ упроченіе русской валюты и упорядоченіе нашего денежнаго обращенія; пусть загроможденіе русскихъ рынковъ иноземными товарами подрываетъ наше производство, сокращая размѣры заработковъ которые могло бы имѣть русское рабочее населеніе: Россія не только не должна принимать никакихъ мѣръ чтобы выйти изъ такого положенія, но еще должна думать что не ее эксплуатируютъ сосѣди, а что она напротивъ эксплуатируетъ своихъ сосѣдей, въ особенности Германію, которой обязана де живѣйшею признательностью за терпѣніе съ какимъ выносятся ею русскія притѣсненія по торговой части. За малѣйшую попытку послѣдовать примѣру поданному недавно Германіей намъ грозятъ возмездіемъ, принятіемъ мѣръ къ сокращенію русскаго отпуска въ Германію, стѣсненіемъ доступа туда русскихъ товаровъ.

Но страшна ли намъ эта угроза на самомъ дѣлѣ? Такъ ли много могутъ повредить намъ таможенныя репрессаліи со стороны Германіи чтобы для насъ было дѣломъ разумнаго разчета, въ избѣжаніе этихъ репрессалій, отказаться отъ задуманной таможенной реформы и оставить торговыя дѣла идти прежнимъ, вышеуказаннымъ порядкомъ?

Наши торговыя сношенія съ Германіей, какъ намъ не однажды случалось замѣчать, характеризуются не однѣми постоянными и громадными для насъ невыгодами баланса. Извѣстно въ какой мѣрѣ вредною признается дѣятельность барышниковъ скупающихъ у заставъ привозимые для го-

родскихъ обывателей предметы; подобное барышничество строго преслѣдуется законами общественнаго благоустройства. Въ торговлѣ съ Россіей, Германія именно играетъ роль такого барышника и по привозной и по отпускной торговлѣ. Какъ ни ограниченъ, сравнительно съ привозомъ изъ Германіи, отпускъ въ нее нашихъ товаровъ, значительная часть этихъ товаровъ покупается ею лишь для барышнической перепродажи. При такомъ положеніи дѣла, стѣсненіе доступа русскихъ товаровъ въ Германію послужитъ главнымъ образомъ къ ограниченію германскаго барышничества, и откроетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкій просторъ для прямыхъ торговыхъ сношеній Россіи съ дѣйствительными потребителями ея произведеній. Не думаемъ что мы останемся въ накладѣ если наша отпускная торговля приметъ такое направленіе, и если князь Бисмаркъ поможетъ ей принять это желаемое направленіе наложеніемъ высокихъ пошлинъ на идущіе нынѣ въ Германію русскіе товары, намъ придется, можетъ-быть, сказать ему въ непродолжительномъ времени искреннее спасибо.

№ 57.

Москва, 25-го февраля.

А.

Нашлись не только въ Вѣнѣ, но и въ Берлинѣ шовинисты, которые сочли минуту благопріятною чтобы выложить на чистоту свои завѣтныя мечтанія. Одна изъ самыхъ распространенныхъ въ Берлинѣ газетъ, органъ тамошней буржазіи, *Фоссова Газета*, разболталась не въ мѣру по поводу парижской рѣчи генерала Скобелева, въ ея первой, искаженной редакціи, и стала доказывать что Германія дѣйствительно имѣетъ „стремленіе на Востокъ,“ такъ какъ де на западъ ей некуда болѣе распространяться послѣ отнятія у Франціи того что считается древнимъ нѣмецкимъ достояніемъ. Предѣлы восточнаго „стремленія“ намѣчены для Германіи названною газетой довольно широко: она полагаетъ что польскія, литовскія и остзейскія провинціи Россіи могли бы только выиграть еслибы перешли во власть Германіи, которая въ культурномъ отношеніи превосходитъ де Россію въ гораздо большей мѣрѣ нежели Поляки. *Фоссова Газета* поясняетъ что для Германіи было бы не трудно превратить всѣхъ Славянъ отнятаго у Россіи края въ Нѣмцевъ, ссылаясь въ этомъ отношеніи на примѣръ исторіи, такъ какъ теперешнее населеніе Мархіи, Помераніи и Силезіи тоже нѣкогда были Славянами.

Выходку *Фоссовой Газеты* поспѣшили заглушить мѣстные же либеральные органы, тогда какъ правительственная печать обошла ее совершеннымъ молчаніемъ. *Національная Газета* прочла своему собрату весьма внушительную лекцію о неумѣстности и неосторожности слишкомъ откровенныхъ мечтаній, доказывая что Германія, какъ государство цѣльной національности, не должна „безъ крайней нужды“ присоединять къ себѣ чуждые національные элементы. Весь интересъ Германіи заключается де въ томъ чтобы русскій рынокъ былъ открытъ для нѣмецкой предпріимчивости и для нѣмецкихъ капиталовъ, изъ коихъ и теперь уже многія сотни милліоновъ помѣщены въ русскихъ предпріятіяхъ и русскихъ процентныхъ бумагахъ. Въ этомъ отношеніи можно де лишь желать, въ интересахъ Германіи, чтобы стала болѣе доступною русская таможенная граница. Но нельзя, благоразумно продолжаетъ газета, и думать о томъ чтобы Германія принудила Россію силою оружія къ менѣе стѣснительному для Германіи таможенному тарифу. Государственный интересъ Германіи тѣсно связанъ де съ „развитіемъ въ Россіи либеральныхъ учрежденій,“ для которыхъ такія проявленія національнаго духа, какъ рѣчь генерала Скобелева, представляютъ де гораздо бóльшую опасность нежели для европейскаго мира... Итакъ, между прочимъ, вотъ кому и для чего понадобились теперь въ Россіи такъ называемыя „либеральныя учрежденія,“ противныя національному духу... Впрочемъ, для спокойствія Германіи, прибавляютъ берлинскій публицистъ, необходимо чтобъ устранено было всякое сомнѣніе въ прочности ея дружественно-сосѣдственныхъ отношеній къ Россіи.

Не довольствуясь приводимыми благоразумными увѣщаніями обращенными къ проболтавшимся доморощеннымъ шовинистамъ, *Національная Газета* привела нѣсколько дней спустя корреспонденцію „съ границы между Востокомъ и Западомъ,“ которая заслуживаетъ вниманія какъ новое и серіозное подтвержденіе тѣхъ обвиненій ко-

торыя были высказаны русскимъ генераломъ противъ политики Австріи. Этотъ корреспондентъ повидимому хорошо знакомъ съ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ вообще и въ особенности въ захваченныхъ Австріей провинціяхъ. Онъ отнюдь не противникъ этого захвата и далеко не дружелюбно относится къ Россіи. Совсѣмъ напротивъ: онъ выставляетъ себя ревностнымъ приверженцемъ программы направленной къ тому чтобъ оттѣснить Россію отъ всякаго вліянія на единоплеменные ей народы Балканскаго полуострова. Но именно въ силу этихъ убѣжденій своихъ, онъ подвергаетъ безпощадной критикѣ рѣшеніе Берлинскаго конгресса отдавшаго въ распоряженіе Австріи Боснію и Герцеговину и направившаго имперію Габсбурговъ къ гегемоніи надъ вновь созданными славянскими государствами. Этотъ планъ корреспондентъ считаетъ во всѣхъ отношеніяхъ великою ошибкой вслѣдствіе „абсолютной политической бездарности“ австро-венгерскаго правительства. Неспособность вѣнскихъ и пештскихъ правителей, распоряжающихся судьбами юныхъ племенъ недавно призванныхъ къ исторической жизни, по мнѣнію корреспондента, такъ велика что нельзя ожидать никакого улучшенія нынѣ существующаго положенія, а напротивъ слѣдуетъ думать что и по усмиреніи нынѣшняго возстанія, еслибы таковое и удалось австрійскимъ войскамъ, дѣла пойдутъ все хуже и хуже. Поэтому, корреспондентъ самымъ серіознымъ образомъ совѣтуетъ Европѣ отмѣнить свое первоначальное рѣшеніе и радикальнымъ образомъ исправить порядокъ вещей установленный Берлинскимъ трактатомъ. Онъ предлагаетъ собрать Боснію, Герцеговину, Сербію и Болгарію (о Черногоріи онъ почему-то умалчиваетъ) въ одно цѣльное и „самостоятельное“ славянское государство и отдать оное подъ власть младшей линіи лотарингской династіи въ лицѣ эрцгерцога Іоанна Сальватора...

Каково бы ни было это неожиданное заключеніе, но именно потому что мы и тутъ имѣемъ дѣло съ противникомъ Россіи, особенное значеніе имѣютъ его безпощадныя обличенія того порядка вещей который установился на сѣверо-западѣ Балканскаго полуострова вслѣдствіе Берлинскаго трактата и австро-венгерскаго режима въ Босніи и Герцеговинѣ. Таинственный нѣмецкій корреспондентъ во всемъ подтверждаетъ все что было по этому поводу сказано генераломъ Скобелевымъ. Онъ не только обличаетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ австро-венгерскую „цивилизацію“ направленную въ Босніи и Герцеговинѣ къ тому чтобъ омадьярить и онѣмечить славянскія племена отданныя во власть Австріи, признавая эти попытки помимо фальши ихъ въ высшей степени неумѣлыми, но свидѣтельствуетъ и о томъ что вѣнскій клерикализмъ подвергаетъ всяческимъ гоненіямъ мѣстное православное населеніе и всѣми способами старается поддержать усилія іезуитовъ направленныя противъ православной церкви.

Б.

Правительство Гамбетты, обѣщавшее энергически дѣйствовать, уступило мѣсто слабому и безхарактерному министерству Фрейсине, и во Франціи, по отзыву всѣхъ газетъ кромѣ министерскихъ, воцарился „тяжкій *маразмъ*,“ „болотная тишина и неподвижность.“

Въ послѣдніе дни министерства Гамбетты, органъ этого послѣдняго *République Française*, защищая необходимость энергической и дѣятельной *правительственной* власти отъ нападокъ газеты *la Paix*, органа президента республики, г. Греви, ратовавшаго за „пассивное“ правительство, напомнилъ о юмористическомъ разказѣ Диккенса, въ которомъ англійскій романистъ говоритъ объ одной странѣ гдѣ искусство ничего не дѣлать есть главный предметъ изученія и вся забота государственныхъ властей. Предстоитъ ли что-нибудь сдѣлать министерству околичностей, поручается разузнать какимъ образомъ взяться за дѣло такъ... чтобъ его не сдѣлать. Это министерство твердо поддерживается народнымъ представительствомъ. Глава государства приходитъ имъ на помощь, и при открытіи каждой сессіи въ тронной рѣчи говорится: „Милорды и господа, вамъ предстоитъ очень многое сдѣлать, ступайте въ ваши палаты и обсудите наилучшіе способы какъ бы ничего не сдѣлать.“ Въ концѣ каждой сессіи тронная рѣчь гласила: „Милорды и господа, вы провели многіе хлопотливые мѣсяцы въ изысканіи съ большимъ усердіемъ и патріотизмомъ способовъ ничего не сдѣлать, и вы успѣли въ этомъ.“

Министерство Фрейсине, повидимому, старается осуществить теорію пассивнаго правительства и примѣнить по возможности на дѣлѣ остроумный вымыселъ Диккенса. „Оно всецѣло посвятило себя без-„дѣйствію,“ говоритъ *Moniteur Universel*, „никогда еще правительственная инициа-„тива не обнаруживала такого жалкаго „безсилія какъ въ настоящее время; всѣ „дѣла приходятъ въ застой, необходимѣй-„шія реформы не осуществляются, армія „не реорганизуется, иностранныя сношенія „ухудшаются, правительство какъ бы не „существуетъ, и никто не принимаетъ на „себя отвѣтственности за это тяжкое, не-„выносимое положеніе дѣлъ.“ Но такъ говорятъ не одни только органы не сочувствующіе республиканскому образу правленія какъ *Moniteur Universel*; вотъ напримѣръ сужденіе органа г. Бриссона, нынѣшняго президента палаты депутатовъ, одного изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ республики: „Какую намъ можно „имѣть иностранную политику, какъ намъ „подготовлять союзы, какъ намъ заклю-„чать договоры, какъ намъ снаряжаться „къ войнѣ или къ миру, когда правитель-„ственная власть наша такъ шатка что „безпрестанно переходитъ изъ однѣхъ рукъ „въ другія, когда одно министерство раз-„рушаетъ дѣло другаго и парализуетъ „будущую дѣятельность третьяго?“ „Ми-„нистерство Фрейсине,“ говоритъ другая республиканская газета, *Rappel*, „забо-„тится только о томъ чтобы просущество-„вать возможно большее число мѣсяцевъ „и съ этою цѣлью старается ровно ни-„чего не дѣлать дабы не вызвать слож-„ныхъ вопросовъ и безвыходныхъ кризи-„совъ.“

„Франція страдаетъ политическою и „правительственною вялостью (atonie),“ говоритъ въ свою очередь органъ г. Гамбетты, *République Française*, отъ 3 марта. „Она не сумѣла дать себѣ то что ей „необходимо по ея преданіямъ и по ея „географическому положенію: мощно орга-„низованное правительство... Въ админи-„стративномъ механизмѣ колеса повиди-„мому перестаютъ вертѣться, до такой „степени движенія ихъ медленны и непра-„вильны. Невидимая сила инерціи пара-„лизуетъ добрую волю министровъ. Мо-„жетъ-быть они не умѣютъ приказывать; „во всякомъ случаѣ подчиненные ихъ со-„вершенно не умѣютъ слушаться... Все „это, по нашему мнѣнію, очень важно и „опасно. Франція мало-по-малу прибли-„жается къ такому состоянію которое „Прудонъ называлъ an-archie, къ доведе-„нію всякаго правительственнаго дѣйствія „до ничтожнаго минимума. Есть люди ко-„торые радуются этому, воображая будто „въ этомъ именно и состоитъ свобода; но „тогда вѣдь дикари, не обладающіе самы-„ми элементарными законами и не имѣю-„щіе никакой общественной власти, осу-„ществляли бы самый совершенный типъ „либерализма. Мы признаемся что держим-„ся нѣсколько иной идеи свободы и не „можемъ такъ легко помириться съ ослаб-„леніемъ національной жизни, которое „въ скоромъ времени превратило бы Фран-„цію въ одну изъ самыхъ безсильныхъ „державъ европейскаго континента. Всѣ „поймутъ слѣдовательно почему мы со „всею энергіей нашихъ убѣжденій про-„тивимся подобному стремленію, и почему „мы стоимъ за всякія мѣры которыя мог-„ли бы придать силу нашему политиче-„скому духу и возстановить въ нашихъ „нравахъ понятіе дисциплины. Впрочемъ, „мы въ этомъ твердо убѣждены, лишь „только Франція отдастъ себѣ отчетъ въ „той будущности которую ей готовитъ этотъ „такъ-называемый либерализмъ, она съ „презрѣніемъ отвернется отъ него.“

„Да, мы желаемъ,“ говоритъ г. Гамбетта въ другой статьѣ своей газеты (отъ 21 февраля), „мы желаемъ чтобы прави-„тельство, представляющее собою Фран-„цію, обладало могущественною организа-„ціей. По нашему убѣжденію, современные „народы имѣютъ прямую обязанность *со-„средоточивать* свои силы дабы дать имъ „возможность дѣйствовать съ величайшею „энергіей, быстротой и точностію. Въ борь-„бѣ за существованіе, происходящей меж-„ду отдѣльными народами, какъ и между „отдѣльными лицами, на поприщѣ поли-„тики, какъ и на поприщѣ промышлен-„ности, погибаютъ вѣрною гибелью тѣ на-„роды которые разбрасываютъ свои силы „или дѣлаютъ ихъ неподвижными. Мы хо-„тимъ чтобы во Франціи всѣ въ точности „повиновались правительству, во всѣхъ дѣ-„лахъ входящихъ въ кругъ его дѣятельно-„сти. Мы не допускаемъ чтобы правитель-„ство встрѣчало въ своихъ чиновникахъ то „сопротивленіе которое, несмотря на свою „невидимость, все-таки парализуетъ вся-„кое правительственное дѣйствіе; мы так-

„же не допускаемъ чтобы мѣстные интересы мѣшали общему интересу... Когда „дѣло идетъ объ общей пользѣ всего государства, мы ни на минуту не колеблемся требовать для нашего отечества „исполнительную власть отличающуюся „сильною энергіей и твердою рѣшимостію „принудить всѣхъ къ повиновенію, власть „независимую и ни на минуту не забывающую что отъ нея зависитъ судьба „Франціи... Но какъ только это твердое и дѣятельное правительство будетъ „прочно установлено, мы стоимъ за обширную свободу не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для общинъ, для департаментовъ, для всѣхъ *мѣстныхъ* интересовъ... Государству принадлежатъ права и обязанности государства, общинѣ „дѣла общины, отдѣльному лицу все что „касается отдѣльнаго лица. Лишь бы только государство могло дѣйствовать безо „всякихъ преградъ, такъ какъ дѣйствіе „его имѣетъ цѣлію охраненіе и освященіе „всѣхъ общинныхъ и частныхъ интересовъ, „мы не откажемся ни отъ одной мѣры „свободы... Но въ наше время развитіе „свободы немыслимо безъ сосредоточенія „власти."

Вотъ слова истиннаго либерализма! Вотъ что мы не переставали твердить ежедневно, и вотъ что такъ ненавистно нашимъ „легальнымъ" анархистамъ, которые прикрываются краденымъ именемъ „либераловъ."

№ 59.

Москва, 27-го февраля.

Состоявшееся на дняхъ провозглашеніе Сербскаго княжества королевствомъ служитъ предметомъ обсужденія всей европейской печати. Само по себѣ оно не имѣло бы особеннаго политическаго значенія и прошло бы также незамѣтно какъ и признаніе Румыніи королевствомъ, еслибы всякому не бросались въ глаза тѣ обстоятельства при которыхъ состоялось признаніе новаго королевства. Сербія переживаетъ теперь тяжкій финансовый кризисъ, изъ котораго врядъ ли выйдетъ безъ большихъ потерь. Возстаніе единоплеменнаго народа въ сосѣдней Босніи и Герцеговинѣ также поставило Сербское правительство въ чрезвычайно затруднительное положеніе. И среди этихъ серіозныхъ затрудненій обыкновенная, или такъ-называемая „малая" скупщина, по предложенію своего вице-президента, рѣшается совершить дѣло не подлежащее ея компетенціи, рѣшается нарушить „уставъ" провозглашеніемъ королевства. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Нѣкоторыя вѣнскія газеты отвѣчаютъ на это что нынѣшнее министерство, кредитъ котораго въ народѣ замѣтно упалъ, настояло на провозглашеніи Сербіи королевствомъ главнымъ образомъ для того чтобъ упрочить свое вліяніе въ народѣ; другія прямо указываютъ на то что совершившійся фактъ есть дѣло Австро-Венгріи, которая признаніемъ новаго королевства до нѣкоторой степени обязала князя Милана, за что онъ отплатитъ строгимъ нейтралитетомъ относительно возстанія. Одна изъ офиціозныхъ газетъ, *Bohemia*, утверждаетъ даже что Сербія обязалась быть покорною Австро-Венгріи если новый титулъ ея будетъ признанъ. Какъ бы то ни было, но изъ толковъ газетъ становится очевиднымъ что Австро-Венгрія была заинтересована дарованіемъ Сербскому князю королевскаго титула.

Какія обѣщанія даны Сербіей для достиженія признанія со стороны Австро-Венгріи новаго титула, опредѣлить не легко. Это дипломатическая тайна, тщательно ото всѣхъ скрываемая. Между офиціозными австрійскими газетами опредѣленнѣе всѣхъ высказался о новыхъ обязанностяхъ Сербскаго королевства *Пештскій Ллойдъ*. „Пусть запомнятъ наши сосѣди, такъ говоритъ органъ графа Андраши, что нынѣшнимъ радостнымъ событіемъ *они обязаны прежде всего Австро-Венгріи*. Сопротивленіе нашего правительства могло весьма легко обратить въ ничто мечты о королевскомъ величіи. Второе чего Сербія не должна забывать, это то что счастливая перемѣна въ международномъ положеніи случилась *только благодаря умѣренной и разумной политикѣ нынѣшняго Сербскаго правительства*." Министерство какого-нибудь Ристича никогда не добилось бы, по словамъ *Пештскаго Ллойда*, согласія Австро-Венгріи на признаніе князя Милана королемъ. „Конечно, говоритъ далѣе газета, то что теперь дано Сербіи не можетъ быть названо „„вознагражденіемъ нынѣшняго министерства,"" такъ какъ министры эти соблюдали интересы Сербіи,

а не других державъ. Во всякомъ случаѣ это успѣхъ *нынѣшняго* министерства. Пусть запомнятъ это наши сосѣди и пусть сообразно съ этимъ ведутъ свои дѣла. Въ настоящее время намъ необходимо искренно высказаться, поэтому мы безъ обиняковъ заявляемъ что Сербія съ ея успѣхами въ настоящемъ и съ планами въ будущемъ поставлена въ полную зависимость отъ Австро-Венгріи. Отъ этой зависимости Сербы не могутъ освободиться не разрушивъ основъ своего существованія какъ государства. Этимъ мы желаемъ сказать что Сербы не только не смѣютъ сунуться въ сферу интересовъ нашей монархіи и перейти въ своихъ стремленіяхъ границу законныхъ интересовъ Австро-Венгріи, но и при всѣхъ случаяхъ когда Австро-Венгрія будетъ призвана высказать свое мнѣніе о новыхъ порядкахъ на Востокѣ *они должны быть на сторонѣ Австро-Венгріи.*" Слова эти наглядно показываютъ что Сербскому княжеству королевскій титулъ достался не даромъ, и что Австро-Венгрія постарается извлечь для себя изъ новаго положенія Сербіи всѣ выгоды. Весь вопросъ заключается въ томъ будутъ ли король Сербскій и его министры въ состояніи исполнить требованія Австро-Венгріи. Если дѣло дойдетъ до недоразумѣній между Сербіей и ея „могущественнымъ," какъ выражаются австрійскія газеты, сосѣдомъ, то онъ, какъ видно изъ словъ венгерской официозной газеты, не замедлитъ принять противъ Сербіи самыя энергическія мѣры. „И Ганноверъ былъ королевствомъ, — такъ поучаетъ Сербовъ *Пештскій Ллойдъ,*—и гвельфская династія прочно сидѣла на тронѣ: это однако не помѣшало пасть какъ Ганноверу, такъ и его династіи. Какъ это случилось, это хорошо знаютъ въ Бѣлградѣ, и пусть тамъ объ этомъ подумаютъ хорошенько."

На ряду съ этими угрозами, щедро расточаемыми австрійскими газетами, мы находимъ въ нихъ и рядъ заявленій будто Россія долгое время не желала признать новаго королевства и только уступила настояніямъ другихъ державъ и главнымъ образомъ Австро-Венгріи. Цѣль этихъ инсинуацій для всякаго очевидна. Если признаніе Сербскаго княжества королевствомъ окажетъ Сербіи дѣйствительную пользу, то намъ остается только радоваться. Если же послѣднимъ актомъ Сербія бросилась въ объятія Австро-Венгріи, войска которой въ настоящее время стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ защитниковъ Сербской народности и своей вѣры, то намъ остается только пожалѣть что нынѣшніе правители Сербіи такъ близоруки что надѣются своею предупредительностію и послушностію навсегда сохранить расположеніе вѣнскихъ и пештскихъ политиковъ. Полезно вспомнить басню о волкѣ и ягненкѣ. Если Австро-Венгрія вздумаетъ расширить сферу своей власти и на Сербію, она конечно всегда очень легко найдетъ предлогъ для „оккупаціи" Сербскаго королевства.

№ 61.

Москва, 1-го марта.

Сегодня, 1 марта, во всѣхъ храмахъ Русской земли вознесена нелицемѣрная молитва о упокоеніи души Царя-Освободителя, измѣннически умерщвленнаго въ своей столицѣ.

За годъ предъ симъ, совершилось это страшное событіе при неслыханныхъ обстоятельствахъ.

Горсть людей, наполовину несовершеннолѣтнихъ, ничтожныхъ, навербованныхъ большею частію изъ университетскихъ недоучекъ, рабски повинующихся неизвѣстной имъ командѣ, ожесточенно, неутомимо преслѣдовали Русскаго Императора на всѣхъ путяхъ его, среди вѣрнаго и преданнаго ему народа, свято его чтившаго по сану, безпредѣльно любившаго за его благодѣянія. Покушеніе слѣдовало за покушеніемъ съ возраставшею дерзостію; дѣлались подкопы подъ желѣзными дорогами и городскими улицами, мины въ самомъ дворцѣ. Наконецъ, злодѣяніе совершилось съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ, на публичномъ проѣздѣ, среди дня, въ средоточіи всѣхъ властей.

Что̀ же? Такъ при этомъ и остаться? Такъ просто и занести въ наши лѣтописи что 1 марта 1881 года злоумышленникамъ удалось съ помощію динамита достигнуть своей цѣли? Такъ и остаться при фактѣ что горсть порченыхъ полулюдей, всѣми отвергаемыхъ и дѣйствующихъ по чьей-то командѣ, могутъ такимъ образомъ располагать судьбами великой страны?

Порченые люди вездѣ и всегда были, вездѣ и всегда будутъ. Политическіе про-

цессы показали какъ легко сбивать съ толку и уловлять молодыхъ, не достаточно окрѣпшихъ людей, брошенныхъ на произволъ случая. Вопросъ въ томъ какъ могло устроиться преступное общее дѣло, крѣпко связавшее ихъ? Почему они такъ покорно и самоотверженно повинуются какой-то неизвѣстной власти? Что̀ придаетъ имъ духъ и отвагу? Что̀ заставляетъ ихъ упорно работать въ преступныхъ видахъ, подвергаясь и лишеніямъ, и опасностямъ? Прежде всего упадокъ духа въ обществѣ, а духъ въ обществѣ падаетъ когда государственная власть слабо дѣйствуетъ, не вѣря въ себя и отъ себя отрекаясь. Съ ослабленіемъ власти законной неизбѣжно возникаютъ преступныя власти.

Какъ могла окрѣпнуть и развиться преступная организація въ Россіи среди народа ее проклинающаго, въ государствѣ могущественномъ, на виду у правительства сильнаго, неограниченнаго ничѣмъ кромѣ требованій государственной необходимости и пользы?

Дѣло въ томъ что правительства не было. Были правительственныя лица, но правительства не было. Лица во власти мыслили въ разбродъ, каждый по своему, часто дѣйствуя въ подрывъ правительственному началу ими представляемому. Политика замѣнялась личною интригой. Никто не боялся отвѣтственности за образъ дѣйствій противный долгу присяги и интересамъ государства.

Дѣло въ томъ что *Кесарево* не воздавалось въ должной мѣрѣ *Кесарю*. Минувшее царствованіе было естественною реакціей тому которое ему предшествовало, когда сурово и грозно, до подавленія жизни, господствовало начало государственное. А истина требуетъ чтобы Кесарево воздавалось Кесарю какъ Божіе Богу. Гдѣ первое не достаточно воздается, тамъ не воздается и второе, тамъ падаетъ чувство всякаго долга, мутятся умы и возникаютъ нравственныя эпидеміи...

Есть еще завѣтъ: *не сотвори себѣ кумира*. Бываютъ ошибки въ законодательствѣ, роковыя, очевидныя, причиняющія глубокое зло: слѣдуетъ ли останавливаться въ суевѣрномъ благоговѣніи предъ дѣломъ рукъ своихъ? Обязательны ли ошибочные законы для живой, самодержавной, лишь Богу отвѣтственной, предъ Богомъ ходящей власти? Не требуется ли немедленно, дня не пропуская, не стѣсняясь никакими соображеніями, исправить зло какъ только оно оказалось?

Царствованіе въ Бозѣ почившаго Императора было исполнено великихъ и благихъ дѣлъ; это по истинѣ славная страница въ Русской Исторіи. Онъ освободилъ свой народъ и положилъ начало его обновленію. Богъ помогалъ ему во всемъ, Богъ не допустилъ его и пережить самого себя. Онъ былъ взятъ въ полнотѣ силы и славы. Злодѣяніе пресѣкшее его дни падаетъ своимъ позоромъ на насъ, но не бросаетъ тѣни на его славу; его мученическая кончина, напротивъ, возвеличитъ его образъ въ благоговѣйной памяти народа. Своею кровію запечатлѣлъ онъ свой царственный подвигъ. Не было на тронѣ человѣка человѣколюбивѣе, мягкосердечнѣе, снисходительнѣе, добрѣе почившаго Императора. Но въ дѣлахъ человѣческихъ все относительно. Доброта и мягкосердечіе могутъ быть причиною слабости правительственной, скажемъ болѣе, анархіи въ правительствѣ, какъ ни странно сочетаніе этихъ понятій. Нерѣдко Государь, видя зло, настоятельно требовалъ его исправленія, но приставленныя къ дѣламъ лица не исполняли требованій Самодержца или обходили ихъ. Возникла, напримѣръ, фикція будто судебныя учрежденія, долженствующія служить органомъ государства и отъ него получающія свою силу, независимы отъ его верховной власти, — и вотъ находились совѣтники утверждавшіе будто самодержавный законодатель, стоящій во главѣ всѣхъ властей, создавъ независимый отъ администраціи судъ, и самого себя лишилъ власти смѣнить недостойнаго или неспособнаго судью. Государь ясно видѣлъ зло въ нашихъ университетскихъ порядкахъ и настойчиво требовалъ ихъ исправленія; еще въ 1872 году былъ поднятъ этотъ вопросъ, но, вопреки настояніямъ Государя, рѣшеніе подъ разными предлогами отлагалось, и зло, обильное пагубными послѣдствіями, до сихъ поръ остается во всей силѣ.

Годовой оборотъ совершился. 1 марта возвратилось. Что̀ же сдѣлано для того чтобы положить предѣлъ между временами? Что̀ дѣлается для того чтобъ освободить Россію отъ революціоннаго призрака? Слышно ловятъ злоумышленниковъ: когда же будетъ изловленъ послѣдній?..

Завтра Россія будетъ праздновать день восшествія на престолъ нынѣ царствую-

щаго Государя Императора. Все что только есть въ нашемъ народѣ честнаго и благомыслящаго соединится въ усердной и горячей молитвѣ, да благословитъ Его Господь на великій подвигъ царствованія, да укрѣпитъ въ Немъ вѣру въ Свою священную власть, драгоцѣннѣйшее благо Русскаго народа, наслѣдіе всей Русской исторіи, собранное трудомъ и кровію столькихъ поколѣній. Россія ждетъ, какъ благодати, живыхъ проявленій этой власти. Все оживетъ какъ только почувствуется истинно сильное правительство которое не руководится ничѣмъ кромѣ пользы государства, не боится рѣшительныхъ дѣйствій, не связываетъ себя пустыми церемоніями, не останавливается предъ самодѣльными кумирами и не обманываетъ себя политикой мелкихъ уловокъ.

№ 63.

Москва, 3-го марта.

Въ № 56 *Московскихъ Вѣдомостей* мы сказали нѣсколько словъ по поводу телеграммы агентства Вольфа передавшей содержаніе небольшой, но заслуживающей вниманія замѣтки *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, вызванной слухами о предположенномъ повышеніи русскихъ таможенныхъ пошлинъ. Послѣ того мы имѣли возможность ознакомиться съ самымъ текстомъ этой замѣтки, а также съ полемикой другихъ германскихъ газетъ, которая въ данномъ случаѣ послужила какъ бы иллюстраціей къ ней. Органъ князя Бисмарка не отрицаетъ права Русскаго правительства измѣнять свой таможенный тарифъ по усмотрѣнію. Порадуемся что пока еще не высказывается сомнѣній въ нашемъ правѣ распоряжаться своими дѣлами. Но вмѣстѣ съ признаніемъ нашего права измѣнять свой таможенный тарифъ по своему усмотрѣнію, вышеупомянутый органъ ставитъ вопросъ о томъ не злоупотребляетъ ли Россія этимъ правомъ своимъ, „не таково ли употребленіе этого права что оно часто и сильно вредитъ тихому сосѣду,“ то-есть Германіи. Припоминаются нѣкоторыя измѣненія въ русскомъ таможенномъ тарифѣ за послѣдніе годы и разсматриваются съ точки зрѣнія безпокойствъ причиненныхъ ими германскому промышленному и торговому міру; поднимается вопросъ о мѣрахъ возмездія къ которымъ должна де прибѣгнуть Германія, ставится на видъ теорія подчиненія экономическихъ соображеній политическимъ, и къ усвоенію таковой теоріи мы приглашаемся.

Не въ первый разъ приходится намъ слышать такія рѣчи со стороны нашего „тихаго“ сосѣда; въ томъ или иномъ видѣ онѣ повторяются при всякой попыткѣ съ нашей стороны измѣнить въ чемъ-нибудь наши таможенныя пошлины. Пять лѣтъ тому назадъ было установлено взиманіе пошлинъ золотомъ. Эта мѣра одинаково касалась всякихъ привозныхъ товаровъ, откуда бы они ни шли, изъ Англіи или изъ Германіи, изъ Австріи или изъ Франціи. Но больше всѣхъ почему-то сочла себя въ правѣ обидиться этою мѣрой именно Германія. Съ перваго января прошлаго года послѣдовало общее повышеніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ на десять процентовъ. Мѣра эта одинаково касалась всѣхъ странъ съ которыми Россія ведетъ торговыя сношенія, и опять-таки, не другая страна, а именно Германія усмотрѣла въ ней мѣру направленную противъ ея интересовъ. Теперь идутъ толки о повышеніи пошлинъ на ввозимые въ Россію химическіе продукты, краски, кожи, металлическія издѣлія и нѣкоторые другіе товары и объ обложеніи пошлинами товаровъ пропускавшихся донынѣ безпошлинно. Всѣ эти предполагаемыя измѣненія тарифа должны одинаково коснуться товаровъ идущихъ изо всѣхъ странъ. Но вновь одна Германія усматриваетъ въ задуманной у насъ таможенной реформѣ какъ бы явное противъ себя злоумышленіе, за которое грозитъ экономическою отместкой со своей стороны. Намъ предоставляется распоряжаться нашимъ таможеннымъ тарифомъ, но мы не можемъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго шага, не можемъ шевельнуться безъ того чтобы не вызвать рѣзкихъ замѣчаній и предостереженій изъ-за германской границы. Нашъ таможенный тарифъ есть наше домашнее дѣло; мы несомнѣнно въ правѣ увеличивать и уменьшать нашъ спросъ на тѣ или иные привозные товары; наше правительство несомнѣнно въ правѣ взимать съ русскихъ потребителей этихъ товаровъ налогъ въ любомъ размѣрѣ. По этому предмету не предъявляется спора, не высказывается сомнѣній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у нашихъ сосѣдей установился странный взглядъ на русскій таможенный тарифъ

какъ на германское дѣло. Отъ Россіи требуется чтобъ она, установляя размѣры своихъ таможенныхъ пошлинъ, имѣла въ виду не свои только интересы, но также, и еще болѣе, интересы германскихъ купцовъ и промышленниковъ. Она должна довольствоваться однимъ теоретическимъ, академическимъ признаніемъ своего права имѣть собственную таможенную политику, но на практикѣ должна въ этой политикѣ держаться направленія указаннаго Германіей.

Такой взглядъ установился давно, и установился отчасти по винѣ съ нашей стороны. Въ теченіи многихъ десятилѣтій мы именно поступали такъ какъ хочетъ берлинская офиціозная газета. Мы спеціально понижали въ большихъ размѣрахъ нашъ сухопутный таможенный тарифъ сравнительно съ морскимъ, въ видахъ поощренія именно ввоза товаровъ изъ Германіи и чрезъ Германію. Мы слишкомъ часто прислушивались къ шедшимъ оттуда заявленіямъ касательно направленія нашей торговой политики и принимали эти заявленія не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству. Вопреки замѣчанію *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* о томъ что при нѣкоторыхъ подъемахъ нашихъ таможенныхъ пошлинъ, на которые сѣтуетъ эта газета, не было даваемо льготнаго срока, мы, наперекоръ собственнымъ интересамъ, давно уже покинули прежде практиковавшійся пріемъ взиманія повышенныхъ пошлинъ съ того дня когда указъ о повышеніи получался въ таможняхъ; этотъ пріемъ замѣнился назначеніемъ заранѣе срока съ котораго прежнія пошлины должны быть замѣняемы новыми, и притомъ даже заранѣе назначенный срокъ иногда отдалялся, въ угоду Германіи, какъ это было напримѣръ при установленіи золотыхъ пошлинъ. Мы построили сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ такимъ образомъ что онѣ преимущественно благопріятствуютъ развитію германской торговли; мы допустили установленіе на нашихъ рельсовыхъ путяхъ такой системы тарифовъ которая опять-таки въ высшей степени выгодна Германіи, будучи невыгодна для русскаго производства; мы допустили, наконецъ, чтобы дѣлами Русско-Германскаго желѣзно-дорожнаго союза завѣдывало правленіе Восточно-Прусской желѣзной дороги, составляющей собственность не какого-нибудь частнаго общества, а самого Прусскаго правительства, и понятно чьи выгоды соблюдались преимущественно при такомъ завѣдываніи. На все это нашъ „тихій“ сосѣдъ привыкъ смотрѣть какъ на оказаніе ему должнаго. Отъ насъ привыкли ждать только такихъ мѣръ которыя были бы усиленіемъ поддержки германскихъ интересовъ въ Россіи. Эти интересы должны быть у насъ въ виду на первомъ планѣ. Это признается какъ бы нашею священною обязанностію.

Наши сосѣди согласны довольствоваться мирными завоеваніями на русской почвѣ. Весь интересъ Германіи, какъ высказалась *Національная Газета*, полемизируя съ *Фоссовой*, заключается въ томъ чтобы русскій рынокъ былъ открытъ для нѣмецкой предпріимчивости и для нѣмецкихъ капиталовъ, изъ коихъ и теперь уже многія сотни милліоновъ помѣщены въ русскихъ предпріятіяхъ и русскихъ процентныхъ бумагахъ. Нужно только чтобы возрастаніе роли германскихъ капиталовъ въ Россіи шло crescendo, чтобы русская таможенная граница становилась все болѣе доступною для германской торговли и промышленности... Этого достаточно. Дѣла идутъ такъ что въ одинъ 1880 годъ Россія забрала у Германіи товаровъ на сумму вдвое большую той на которую могла продать ей своихъ, и стало-быть должна была уплатить ей по одному товарному разчету около 140 милліоновъ рублей, не считая многихъ милліоновъ пошедшихъ въ уплату за массу товаровъ провезенныхъ контрабандой (а извѣстно какъ велико развитіе контрабанды именно на германской границѣ). Сверхъ этихъ 140 милліоновъ, должна была быть уплачена громадная сумма процентовъ по находящимся въ германскихъ рукахъ русскимъ процентнымъ бумагамъ и затѣмъ не малая доля прибылей отъ русскихъ предпріятій въ которыхъ участвуютъ германскіе капиталы. Въ уплату всѣхъ этихъ суммъ, Германія, кромѣ денегъ, благодушно беретъ въ свои руки новыя массы русскихъ долговыхъ обязательствъ, новыя доли участія въ русскихъ предпріятіяхъ. Оставьте дѣла идти изъ года въ годъ какъ они идутъ, и черезъ нѣсколько времени всѣ процентныя русскія бумаги, всѣ главнѣйшія русскія предпріятія сдѣлаются германскими. Тогда настанетъ пора принимать въ уплату, пожалуй, самую землю, водворяя на ней германскихъ колонистовъ и германскую интеллигенцію. Какой можетъ быть лучшій путь къ тому чтобы

наши сосѣди стали на русской почвѣ полными хозяевами? Имъ нужно только чтобы на этомъ пути не воздвигалось таможенныхъ заставъ.

Благодаря ошибкамъ русской политики, Германія уже успѣла стать твердою ногой на нашей почвѣ, оттѣснивъ, въ дѣлѣ экономической эксплуатаціи Россіи, всѣ другія страны, не исключая и Англіи. Завладѣвъ эксплуатаціей Россіи, нашъ сосѣдъ смотритъ на эту монополію уже какъ на свое неотъемлемое достояніе, и возмущается всякою мыслію о томъ чтобы Россія могла слѣдовать требованіямъ своего интереса. До выгодности или невыгодности русскаго разчетнаго международнаго баланса другимъ странамъ, сравнительно, мало дѣла. Если изъ итоговъ этого баланса вычесть итоги русско-германскихъ разчетовъ, то окажется что иной годъ приплачивается Россіей, иной годъ наоборотъ другія страны приплачиваютъ ей. Но Германія никогда ничего не приплачиваетъ Россіи, Россія постоянная ея данница. Если путемъ таможенной реформы Россія достигнетъ исправленія своего разчетнаго баланса, это будетъ шагъ къ освобожденію Россіи отъ дани платимой ею германскому сосѣду, и подобнаго шага онъ не допускаетъ безъ протеста.

Своею таможенною политикой князь Бисмаркъ показалъ что онъ отлично понимаетъ какое значеніе имѣетъ для каждаго государства невыгодный международный разчетный балансъ, въ которомъ важнѣйшую роль играетъ балансъ торговый. Въ виду невыгоднаго торговаго баланса, бывшаго результатомъ германскихъ таможенныхъ тарифовъ составленныхъ подъ вліяніемъ фритредерской доктрины, онъ сравнивалъ Германію съ тѣломъ истекающимъ кровью, и чтобы вывести ее изъ такого положенія поспѣшилъ приступить къ таможенной реформѣ. Но Русское правительство, чрезъ посредство *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, приглашается не слѣдовать поданному Германіей примѣру. Оно должно спокойно смотрѣть на истеканіе кровью русскаго экономическаго организма, потому что истощеніе этого организма совершается въ пользу Германіи. Намъ, конечно, не грозятъ войной изъ-за таможеннаго тарифа; нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать о принужденіи Россіи силой оружія къ установленію такого тарифа который былъ бы желателенъ съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ. Но намъ грозятъ стѣсненіемъ русскаго ввоза въ Германію, разчитывая что у насъ, можетъ-быть, не поймутъ что такая мѣра повредитъ Германіи гораздо болѣе чѣмъ намъ. Принявъ эту мѣру, Германія подорветъ не насъ, а своихъ же торговцевъ, если только мы, какъ надобно ожидать, соединимъ реформу таможенныхъ тарифовъ съ реформою тарифовъ желѣзно-дорожныхъ, слѣдуя, между прочимъ, вѣрнымъ указаніямъ самого князя Бисмарка на тѣсную взаимную связь между тѣми и другими тарифами.

№ 64.

Москва, 4-го марта.

Австрійская печать привѣтствуетъ „благополучное“ окончаніе возстанія въ Кривошіи, которое окончательно де подавлено послѣ занятія Дрегалья, служившаго послѣднимъ убѣжищемъ и опорнымъ пунктомъ инсургентовъ. При этомъ воздается хвала генералу Йовановичу, командующему отрядомъ посланнымъ на усмиреніе Кривошіянъ, и храбрости австрійскихъ войскъ. Телеграфъ передалъ намъ вчера содержаніе рескрипта императора Франца-Іосифа, коимъ офиціально подтверждается извѣстіе объ окончательномъ успѣхѣ, по мнѣнію Австрійскаго правительства, экспедиціи въ Кривошію. Слѣдуетъ ли однако изъ этого что сѣверо-западная часть Балканскаго полуострова въ конецъ замирена, и что разсѣялись тѣ тучи кои въ послѣдніе два мѣсяца затемняли горизонтъ съ этой стороны? Этого не думаютъ даже австрійскія газеты. Кривошія есть полное достояніе Австріи, и съ международной точки зрѣнія возстаніе жителей этого округа, не въ первый разъ вспыхнувшее и вѣроятно не въ послѣдній разъ „подавленное,“ есть внутреннее дѣло Австро-Венгріи и не можетъ служить поводомъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ затрудненій, дипломатическихъ или иныхъ. Иное дѣло Боснія и Герцеговина. Населеніе этихъ, на время ввѣренныхъ Австріи, провинцій возстало по тому же поводу, что́ и единоплеменные имъ Кривошіяне; подобно послѣднимъ, они готовы скорѣе перенести всѣ бѣдствія неравной борьбы съ вооруженными силами могучей имперіи, нежели добровольно подчиниться распоряженію о поставленіи

рекрутъ для австрійской арміи. Но протестъ Кривошіянъ противъ этой мѣры совсѣмъ не то что протестъ Босняковъ и Герцеговинцевъ. Первые основываются лишь на установившемся обычаѣ, который можетъ быть отмѣненъ Австріей, ихъ верховною владычицей, безъ нарушенія легальности. Въ Босніи же и Герцеговинѣ Австрійское правительство выступило за предѣлы даннаго ему на Берлинскомъ конгрессѣ полномочія. Нарушеніе это подтверждается конвенціей заключенною въ апрѣлѣ 1879 между Австріей и Турціей, по которой Австрія сама восполнила намѣренную недомолвку Берлинскаго трактата, формально признавъ верховныя права султана надъ занятыми ею временно провинціями.

Но Австрія далеко не справилась еще съ возстаніемъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Изъ официальной телеграммы переданной изъ Вѣны, отъ 14 марта, видно напротивъ что тамошніе инсургенты отнюдь не упали духомъ вслѣдствіе пораженій понесенныхъ ихъ соплеменниками въ Кривошіи, а напротивъ напали на австрійскія войска разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ и нанесли имъ немаловажный уронъ, хотя по официальному сообщенію, какъ само собою разумѣется, „инсургенты принуждены были отступить.“ Созваніе вновь австро-венгерской делегаціи послѣ Пасхи, которое рѣшено было 14 марта въ совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора въ Пештѣ, также служитъ доказательствомъ что Австрійское правительство не считаетъ дѣла „умиротворенія“ поконченымъ и нуждается въ новыхъ денежныхъ субсидіяхъ, для чего и созваны делегаціи.

Но сверхъ этихъ, уже существующихъ, затрудненій австрійская политика повидимому озабочена опасеніями иного рода. Хотя до сихъ поръ ни одна изъ европейскихъ державъ, участвовавшихъ въ Берлинскомъ конгрессѣ, не поднимала вопроса о томъ *какъ* Австро-Венгрія исполняетъ возложенное на нее порученіе; Турція, которой это дѣло ближе всего касается, хранитъ молчаніе и по крайней мѣрѣ по виду примирилась съ явнымъ нарушеніемъ ея верховныхъ правъ въ Босніи и Герцеговинѣ; тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ слишкомъ хорошо чувствуютъ что нынче-завтра можетъ измѣниться то созвѣздіе которое Австрія сочла благопріятнымъ, дабы предпринять фактическую поправку того что̀ ею было упущено въ Берлинѣ во время конгресса. Вотъ почему въ Вѣнѣ принимаютъ съ худо-скрытою тревогой всякій слухъ о дипломатическомъ дѣйствіи по поводу Босніи и Герцеговины.

Такую тревогу возбудило тамъ на дняхъ извѣстіе, сообщенное изъ Лондона въ одну изъ петербургскихъ газетъ, о томъ что г. Гладстонъ имѣетъ въ виду предложить Европѣ созваніе новаго конгресса для окончательнаго регулированія вопроса о Босніи и Герцеговинѣ. Само собою разумѣется что вѣнская печать, разбирая этотъ слухъ, не пропустила случая кольнуть Россію и обвинить ея государственныхъ людей въ томъ что они распространяютъ этотъ слухъ „ради своихъ панславистскихъ цѣлей.“ Но въ концѣ-концовъ вѣнская *Neue Freie Presse*, посвятившая обсужденію этого извѣстія цѣлую передовую статью, приходитъ къ заключенію что и самъ г. Гладстонъ пожалуй непрочь былъ бы возбудить вопросъ согласенъ ли образъ дѣйствій Австро-Венгріи въ Босніи и Герцеговинѣ съ тѣми правами и обязанностями которыя достались ей на Берлинскомъ конгрессѣ и пригласить державы къ новому совокупному совѣщанію по этому предмету. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ очень зорко слѣдили за усилившеюся въ послѣднее время борьбой партій въ Англіи и очень разчитывали на то что г. Гладстонъ потерпитъ пораженіе по поводу внесенной имъ въ палату общинъ резолюціи направленной противъ палаты лордовъ, принявшей предложеніе маркиза Солсбери о назначеніи слѣдственной коммиссіи изъ членовъ верхней палаты надъ дѣйствіями правительства въ Ирландіи. Но г. Гладстонъ, какъ извѣстно, не только не былъ побитъ, но напротивъ одержалъ блестящую побѣду надъ своимъ противникомъ, стоящимъ нынѣ во главѣ торійской партіи. Разчеты на то что во главѣ Англійскаго правительства станетъ лордъ Солсбери, привѣтствовавшій какъ „благую вѣсть“ предоставленіе Австріи задаромъ двухъ турецкихъ провинцій, не оправдались, а напротивъ окрѣпла власть того самаго г. Гладстона который началъ свое управленіе съ окрика: *руки прочь*, по адресу Австріи. Этого окрика въ Вѣнѣ не могутъ забыть и постоянно сѣтуютъ на Лондонъ, высказывая даже предположеніе что теперешнее возстаніе есть дѣло „соединенныхъ подстрекательствъ“ со стороны Россіи и Англіи.

Neue Freie Presse полагаетъ что пред-

ложеніемъ о конгрессѣ г. Гладстонъ причинилъ бы Австріи въ настоящее время великое затрудненіе. Въ сущности, Австрія не имѣетъ де никакого юридическаго титула дѣйствовать въ захваченныхъ провинціяхъ такъ какъ она теперь дѣйствуетъ. Въ этомъ вѣнская газета сознается, указывая при томъ на то какое ложное положеніе произошло вслѣдствіе великой ошибки допущенной на Берлинскомъ конгрессѣ. „Голый захватъ двухъ новыхъ провинцій,“ замѣчаетъ названная газета, „казался въ то время нашимъ руководящимъ сферамъ дѣломъ неприличнымъ, и вотъ онѣ стыдливо прикрыли этотъ захватъ названіемъ *оккупаціи* и выхлопотали себѣ на то порученіе Европы.“ Австрія не имѣетъ де, благодаря указанной ошибкѣ, законнаго титула на полное и нераздѣльное владѣніе, и если не теперь, то въ любой моментъ въ послѣдствіи можетъ де возникнуть вопросъ о срокѣ австрійскаго „временнаго владѣнія.“ Война была бы единственнымъ отвѣтомъ со стороны Австріи на такой вопросъ, думаетъ вѣнская газета...

№ 65.

Москва, 5-го марта.

Читатели найдутъ ниже замѣтку „студента“ о безобразіяхъ нашей печати. Замѣтка эта, съ тѣмъ вмѣстѣ, свидѣтельствуетъ какъ высоко надъ уровнемъ нынѣ дѣйствующей, полусгнившей интеллигенціи нашей стоитъ молодое поколѣніе воспитанное въ новой школѣ, хотя этимъ молодымъ людямъ, въ лучшіе годы ихъ, приходится выдерживать пагубный кризисъ нашей университетской неурядицы и повсемѣстной анархіи...

Замѣтка касается *Голоса,* который (№ 57) подтверждаетъ противъ воли все что мы сообщили о происходившемъ на актѣ Петербургскаго университета 8 минувшаго февраля, хотя въ то же время увѣряетъ своихъ читателей что ничего подобнаго не было, что все это нами выдумано, налгано и т. д. Было ли, по словамъ *Голоса,* чтеніе университетскаго отчета, порученное совѣтомъ университета профессору Помяловскому, прервано криками? Было.—Былъ ли онъ вслѣдствіе этихъ криковъ устраненъ отъ дальнѣйшаго чтенія отчета? Былъ.—Былъ ли онъ замѣненъ въ этомъ дѣлѣ профессоромъ Миллеромъ? Былъ.—Было ли прервано чтеніе г. Миллера новыми требованіями чтобъ онъ началъ чтеніе отчета сначала? Было.—Уступилъ ли онъ этимъ требованіямъ? Уступилъ.—Былъ ли слышанъ рѣзкій свистокъ на актѣ 8 февраля? Былъ.—Были ли рукоплесканія при раздачѣ медалей? Были; хотя *Голосъ* утверждаетъ что они были не громче обыкновеннаго, но мы не говорили что они были громче, а только что они были очень продолжительны.—Было ли все это въ присутствіи министра Народнаго Просвѣщенія и прочихъ учебныхъ властей? Было. Значитъ въ передачѣ фактовъ нѣтъ существеннаго разногласія между нами и *Голосомъ.* Другое дѣло оцѣнка фактовъ. *Голосъ* и его внушители находятъ что все это въ порядкѣ вещей, и что годичный актъ Петербургскаго университета прошелъ вполнѣ благополучно. Но, быть-можетъ, тѣ же внушители *Голоса* находили въ порядкѣ вещей и то что было на прошлогоднемъ актѣ въ Петербургскомъ университетѣ, и то что было вскорѣ послѣ того на балѣ въ актовой залѣ этого университета, гдѣ, между прочимъ, въ числѣ гостей былъ и Желябовъ, и наклеиваніе, и чтеніе прокламацій послѣ катастрофы 1 марта и т. д., и вообще все что естественно вытекаетъ изъ университетскихъ порядковъ созданныхъ уставомъ 1863 года.

До какой степени у сотрудниковъ и внушителей *Голоса* притупилось чувство приличія и неприличія во всемъ что касается университетовъ, куріозный образчикъ тому находимъ въ томъ же № 57 этой газеты, лишь на слѣдующей страницѣ. Здѣсь напечатано анонимное письмо студента математика III курса и напечатано съ вѣдома и согласія вышеупомянутаго профессора Ореста Миллера, который, между прочимъ, состоитъ товарищемъ предсѣдателя Общества вспомоществованія студентамъ Петербургскаго университета. Студентъ-математикъ этого университета не доволенъ тѣмъ что студентамъ „нельзя протестовать противъ какой бы то ни было несправедливости направленной противъ нихъ сообща (такъ какъ и протестовать надо тоже сообща, *коллективно*), что съ нынѣшняго учебнаго года въ засѣданія комитета не допускаются уже выборные отъ студентовъ (по одному съ каждаго курса и факультета), и болѣе всего недоволенъ тѣмъ что деньги (1.500 р.), пожертвованныя г-жею

Сембрихъ въ пользу студентовъ, раздаются комитетомъ не безвозвратно, а въ видѣ долгосрочныхъ ссудъ. На комитетъ, гдѣ непремѣннымъ членомъ состоитъ ректоръ университета, а товарищемъ предсѣдателя самъ же профессоръ Миллеръ, студентъ возводитъ обвиненіе въ присвоеніи чужой собственности и въ корыстныхъ видахъ („чужія деньги въ долгъ даютъ;" комитетъ „за труды по раздачѣ требуетъ долговыя обязательства на свое имя"). *Голосъ* печатаетъ это, а профессоръ *Миллеръ*, „не касаясь тѣхъ причинъ устраненія экспертовъ которыя не зависѣли отъ комитета" и замѣчая впрочемъ что „подобная экспертиза" выборныхъ студентовъ „не спасаетъ отъ ошибокъ при раздачѣ ссудъ," смиренно признаетъ свой комитетъ обвиняемымъ, благодаритъ редакцію *Голоса* что она дала ему, комитету, возможность высказаться по этому поводу, замѣчаетъ что „раздача денегъ, пожертвованныхъ г-жей Сембрихъ подъ долговыя обязательства Общества, *едва ли* можетъ быть признана вознагражденіемъ *за труды по раздачѣ*" и, наконецъ, упрекъ въ присвоеніи чужой собственности возвращаетъ тѣмъ неисправнымъ должникамъ-студентамъ которые, будучи обязаны по уставу Общества уплачивать свои долги по истеченіи четырехъ лѣтъ со времени окончанія ими курса, не возвращаютъ Обществу того что̀ пошло бы на помощь новымъ поколѣніямъ нуждающихся студентовъ." Письмо это напечатано въ *Голосѣ* по желанію не только профессора Миллера, но и по просьбѣ самого ректора университета, который состоитъ въ то же время непремѣннымъ членомъ благотворительнаго комитета!

Итакъ, вотъ каковы нынѣшнія отношенія между студентами, съ одной стороны, и профессорами и ректоромъ, высшею университетскою властью, съ другой! Профессору и ректору приходится публично, въ печати, оправдываться предъ учащеюся молодежью въ томъ что они за свою благотворительную дѣятельность не берутъ себѣ вознагражденія и не присвоиваютъ себѣ чужой собственности, а что въ послѣднемъ скорѣе повинны студенты—неисправные плательщики своихъ долговъ. Безъ сомнѣнія, и эту публичную перебранку между студентами и профессорами, при соучастіи ректора, *Голосъ* находитъ въ порядкѣ вещей и, пожалуй, вмѣнитъ ее въ заслугу уставу 1863 года; но еще болѣе характеризуется ненормальное положеніе университетскихъ дѣлъ тѣмъ что ни профессоръ, ни даже самъ ректоръ не усмотрѣли крайняго неприличія такой перебранки и почему-то сочли нужнымъ дать ей широкую огласку.

Неужели возможно еще долѣе оставаться при такомъ положеніи дѣлъ?

Въ 1875 году была снаряжена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, которая посѣтила всѣ университеты, тщательно вникая во всѣ условія и потребности ихъ быта, которая разспросила въ нихъ по одиночкѣ болѣе чѣмъ 400 профессоровъ, и которая, сообразивъ всѣ ихъ отзывы и обсудивъ всѣ подробности дѣла, при участіи созванныхъ ректоровъ университетовъ и нѣкоторыхъ профессоровъ, выработала на основаніи всѣхъ собранныхъ ею данныхъ новый университетскій уставъ. Всѣ факты затѣмъ послѣдовавшіе, печальныя сцены въ Петербургскомъ и Харьковскомъ университетахъ въ 1878 году, дѣятельность „техниковъ по подкопу и взрыву" въ 1879 и 80 годахъ, дѣятельность заграничнаго пропагандиста и бывшаго кіевскаго доцента Драгоманова, прикосновенность къ исторіи взрывовъ другаго доцента, наконецъ, самая катастрофа 1 марта, въ которой главными дѣятелями были также питомцы высшихъ школъ, и всѣ безобразія которыя вслѣдъ за тѣмъ и непосредственно предъ тѣмъ происходили въ разныхъ университетахъ, казалось бы, должны были окончательно убѣдить всѣхъ и каждаго въ неотложной необходимости ихъ кореннаго преобразованія. Всѣ средства и способы этой реформы точно также раскрыты для всѣхъ до очевидности, и тѣмъ не менѣе, вопреки неоднократно выраженной волѣ Государя, дѣло подвигалось не къ концу, а отъ конца...

Впрочемъ, теперь и самъ *Голосъ* сознается что „въ нашихъ университетахъ не все ладно;" только теперь де не время пересматривать уставъ 1863 года: „хуже будетъ." Но можетъ ли что̀ быть хуже тѣхъ безобразій которыя уже столько лѣтъ творятся въ нашихъ университетахъ къ пагубѣ и для молодежи, и для государства? Впрочемъ, пожалуй, можетъ быть что-нибудь и хуже... Было бы еще хуже еслибы, какимъ-нибудь обманомъ, сами внушители *Голоса* взялись за пересмотръ устава Только бы этого не доставало...

№ 66.

Москва, 6-го марта.

Скоро минетъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ какъ открылась вторая сессія такъ-называемыхъ „свѣдущихъ людей“ приглашенныхъ къ обсужденію питейнаго и переселенческаго вопросовъ. Надобно полагать что занятія ихъ, заключающіяся въ пересмотрѣ и переработкѣ того къ чему пришли они въ первую сессію, близки къ окончанію, что проекты новыхъ важныхъ законодательныхъ мѣръ почти изготовлены ко внесенію въ Государственный Совѣтъ. Вся страна заинтересована въ возбужденныхъ вопросахъ, никому не излишне знать въ какомъ направленіи предположено рѣшить ихъ, какое значеніе будутъ имѣть эти рѣшенія въ жизни. Но, Богъ знаетъ почему, все относящееся къ нынѣшнему періоду занятій экспертовъ по части пьянства и переселеній покрыто мракомъ неизвѣстности, и по этому предмету проникаютъ нынѣ въ публику лишь кое-какіе неясные и неопредѣленные слухи. Открытое минувшею осенью съ немалою помпой и засѣдавшее тогда не безшумно и не безъ претензій играть роль нѣкоего парламента, питейно-переселенческое совѣщаніе въ текущемъ году вдругъ стушевалось и, какъ бы не видя пользы отъ гласности для своего дѣла, предпочло набросить на него покровъ тайны. Какая бы могла быть тому причина? Что̀ это, боязнь критики или увѣренность въ своей мудрости, не нуждающейся въ указаніяхъ со стороны? Но обсуждаемые вопросы не таковы, въ особенности питейный не таковъ, чтобы при рѣшеніи его могли имѣть значеніе только мнѣнія специалистовъ, если можно признать въ этомъ качествѣ людей нынѣ его обсуждающихъ и неизвѣстно въ силу чего именуемыхъ „свѣдущими“ въ этомъ дѣлѣ. Кабакъ и трактиръ причиняютъ бездну зла, отъ этого зла терпятъ чуть не всѣ достойные уваженія интересы въ странѣ, и многіе, безъ сомнѣнія, имѣли бы что̀ сказать и вообще о предполагаемой новой постановкѣ питейнаго дѣла, и о разныхъ его частностяхъ. Многіе можетъ-быть не оцѣнятъ артистической стороны въ редакціи новыхъ параграфовъ Питейнаго Устава, стройнаго распредѣленія оныхъ по главамъ. Но за то люди дѣйствительно „свѣдущіе“ могутъ живѣе и конкретнѣе представить себѣ практическія послѣдствія этихъ параграфовъ и сдѣлать не безполезныя на нихъ указанія. Не мало такихъ указаній, какъ извѣстно, было вызвано осенними работами „совѣщанія,“ и благодаря этимъ указаніямъ, многое выработанное имъ разлетѣлось въ прахъ. Можетъ-быть, не менѣе полезныя замѣчанія были бы вызваны и тѣми новыми заключеніями къ которымъ пришло „совѣщаніе“ въ его нынѣшней сессіи. Донъ-Кихотъ, разрубивъ приготовленный имъ для себя картонный шлемъ, не пожелалъ подвергать подобному же испытанію вторую свою работу, тоже картонный шлемъ, но со вставленною въ него проволокой. Свѣдущимъ людямъ призваннымъ къ обсужденію важнаго вопроса, имѣющаго громадное значеніе не для нихъ только, а для всего государства, странно было бы слѣдовать примѣру Сервантесовскаго героя и ограждать свои заключенія отъ критическаго разбора...

Странное дѣло! Вопросы педагогическіе, для обсужденія коихъ требуется научная подготовка, высшее образованіе, философское разумѣніе, мы сыплемъ изъ тѣсной среды дѣйствительно свѣдущихъ людей на широкую арену публичнаго обсужденія. Министры, разъѣзжая по странѣ, просятъ всѣхъ и каждаго подавать свои мнѣнія по такому спеціальному дѣлу какъ основы и направленіе учебнаго дѣла. Въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ, мы домогаемся чтобъ учебная реформа была предметомъ толковъ на всѣхъ перекресткахъ, чуть не въ кабакахъ, и считаемъ долгомъ прислушиваться ко всѣмъ нелѣпостямъ, какія могутъ быть высказаны кѣмъ бы то ни было. Но возникаетъ вопросъ, напримѣръ питейный, гдѣ публичное обсужденіе имѣетъ смыслъ, гдѣ всякій изъ восьмидесяти милліоновъ людей можетъ судить, мы держимъ его въ секретѣ, и поручаемъ его тѣсному кружку людей якобы свѣдущихъ.

Такая превратность во взглядахъ на выгоды и невыгоды гласнаго обсужденія разныхъ вопросовъ является, къ удивленію, не исключеніемъ, а чѣмъ-то похожимъ на систему. Обсуждаемый нынѣ негласно, питейный вопросъ обсуждался гласно по крайней мѣрѣ минувшею осенью. Но вопросу о пересмотрѣ таможенныхъ пошлинъ посчастливилось еще менѣе. О предположеніяхъ по этой части, о характерѣ задуманной реформы публика остается почти

въ полномъ невѣдѣніи. Извѣстно только что таможенный вопросъ обсуждается, и что многія канцелярскія подготовительныя работы окончены; при обнародованіи государственнаго бюджета на текущій годъ, министромъ Финансовъ сдѣлано заявленіе позволяющее разчитывать что при измѣненіи таможеннаго тарифа будетъ сдѣлано кое-что въ видахъ оказанія покровительства нѣкоторымъ отраслямъ отечественнаго производства; затѣмъ стали поговаривать что предположенія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ тарифѣ будутъ вскорѣ внесены на обсужденіе Государственнаго Совѣта, вотъ и все. Въ чемъ именно будетъ состоять реформа, какіе будетъ имѣть она размѣры и значеніе, никто не знаетъ, и нужно было заявленіе *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* чтобы публика получила хоть нѣкоторое понятіе о томъ чтò предполагается сдѣлать.

А между тѣмъ таможенная реформа не такое дѣло чтобы нельзя было услышать отъ публики дѣльныхъ мнѣній и указаній. Таможенные вопросы затрогиваютъ множество разнообразнѣйшихъ хозяйственныхъ интересовъ, въ которыхъ массы людей заинтересованы своимъ благосостояніемъ. Для всѣхъ этихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, каждое измѣненіе таможенныхъ пошлинъ въ ту или другую стороны есть дѣло близкое, послѣдствія каждой мѣры какая можетъ быть принята, каждой ошибки которая можетъ быть допущена отзовутся на нихъ непосредственно. Выслушать, принять къ свѣдѣнію ихъ мнѣнія и указанія было бы во всякомъ случаѣ дѣломъ не лишнимъ. Не могущее повести ни къ какому вреду, публичное обсужденіе предположенныхъ по таможенной части мѣръ можетъ тутъ принести только пользу. Оставлять людей, занимающихся тѣми отраслями производства и торговли которыхъ предположенныя мѣры должны коснуться, въ невѣдѣніи объ этихъ мѣрахъ, нѣтъ основанія.

Сколько извѣстно, предполагается не пониженіе, а повышеніе пошлинъ на привозные товары. Но на какіе именно товары предположено повысить пошлину и въ какихъ размѣрахъ? Въ этомъ все дѣло. Могутъ быть такія повышенія которыхъ лучше не дѣлать. Нашъ таможенный тарифъ чуть не съ первой статьи до послѣдней находится въ полномъ разладѣ съ хозяйственными условіями и потребностями страны; въ немъ одна изъ искусственныхъ причинъ неудовлетворительности нашихъ финансовъ. Огромныя массы товаровъ пропускаются безпошлинно безо всякаго къ тому основанія, въ подрывъ производству и сбыту однородныхъ домашнихъ товаровъ и къ умаленію доходовъ казны. Пользуются таможеннымъ покровительствомъ лишь немногія отрасли производства, что часто, во вредъ этимъ производствамъ, привлекаетъ капиталы преимущественно къ нимъ, между тѣмъ какъ желательно чтобы покровительство распредѣлялось какъ можно равномѣрнѣе на всѣ производства, такъ чтобы всякому было предоставлено на внутреннемъ рынкѣ преимущество предъ иностраннымъ, въ мѣрѣ требуемой существующими условіями промышленности. Поощряется низкими пошлинами и просто безпошлиннымъ пропускомъ привозъ товаровъ въ которыхъ страна не нуждается, которые она можетъ производить сама и производила бы съ успѣхомъ, не будь поощряемой тарифомъ иностранной конкурренціи; вмѣстѣ съ тѣмъ обложены высоко предметы которыхъ страна или вовсе не можетъ производить, или не можетъ производить съ успѣхомъ. Многіе предметы роскоши, покупаемые только достаточными людьми, обложены много ниже предметовъ покупаемыхъ людьми недостаточными. Словомъ, нѣтъ такого разумнаго требованія экономической политики которому нашъ тарифъ удовлетворялъ бы хотя въ нѣкоторой степени. Нужна полная его переработка, съ пересмотромъ самой классификаціи въ немъ товаровъ, которая ведетъ ко множеству недоразумѣній и злоупотребленій, парализуя дѣйствія даже тѣхъ его статей которыя были бы менѣе другихъ неудовлетворительны, еслибы надлежащимъ образомъ примѣнялись на практикѣ. Имѣется ли въ виду такая полная переработка таможеннаго тарифа съ цѣлью приспособленія его къ условіямъ народнаго хозяйства и нуждамъ страны, или всѣ предположенія ограничиваются ничтожными измѣненіями размѣра пошлинъ которыя, какъ всякая полумѣра, не поведутъ ни къ чему доброму и, не создавъ желательныхъ условій для русскаго производства, только вызовутъ ропотъ на неустойчивость нашего тарифа, на трудность приноровляться къ его измѣнчивости?

Во всякомъ случаѣ, какія бы перемѣны въ тарифѣ не задумывались, опросъ лицъ знакомыхъ съ торговымъ и промышлен-

нымъ дѣломъ не въ качествѣ только приставленныхъ къ нему чиновниковъ или кабинетныхъ теоретиковъ есть одно изъ необходимѣйшихъ условій для уясненія разныхъ сторонъ любаго таможеннаго вопроса. Опросъ практически свѣдущихъ лицъ несомнѣнно выяснилъ бы между прочимъ то отношеніе какое имѣютъ у насъ желѣзнодорожные тарифы къ таможеннымъ, парализуя часто все значеніе послѣднихъ и не только слагая со многихъ привозимыхъ товаровъ всю тяжесть таможеннаго налога, но еще давая иной разъ привозному товару премію предъ домашнимъ. Это обстоятельство не должно быть упускаемо изъ виду при обсужденіи какъ таможенной реформы вообще, такъ и размѣровъ той или иной таможенной пошлины въ частности. Если въ Германіи, еще въ 1878 г., было признано аксіомой что пересмотръ таможенныхъ пошлинъ долженъ идти рука объ руку съ пересмотромъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, то у насъ налицо обстоятельства побуждающія еще въ большей мѣрѣ чѣмъ тамъ руководиться этимъ общимъ правиломъ. „Правленіямъ мѣстныхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ,“ говорилъ князь Бисмаркъ въ письмѣ отъ 15 декабря 1878 года къ Германскому Союзному Совѣту, „не можетъ быть надолго предоставлено право нарушать по произволу экономическій бытъ имперіи, противодѣйствовать торговой политикѣ правительствъ и подвергать населеніе колебаніямъ въ цѣнностяхъ вызываемымъ необходимо перемѣнами платы за провозъ.“ У насъ этимъ вреднымъ правомъ иныя дороги пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ...

№ 68.

Москва, 8-го марта.

Осенью минувшаго года, когда только что возникъ находящійся теперь въ полномъ ходу вопросъ о преобразованіи военнаго управленія, въ печати появилось не мало статей критически относившихся къ существующей системѣ этого управленія и указывавшихъ на широкое развитіе въ Военномъ Министерствѣ канцеляризма, причемъ дѣлались ссылки на цифры, конечно, не офиціальныя, потому что таковыхъ тогда вовсе не было. Въ виду важности дѣла и „для провѣрки степени основательности сдѣланныхъ печатью выводовъ, Военный министръ, читаемъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* (6 марта № 50), приказалъ собрать подробныя цифровыя данныя какъ о числѣ чиновниковъ и офицеровъ занимающихъ административныя должности въ настоящее время, сравнительно съ прежнимъ, такъ и о числѣ входящихъ и исходящихъ бумагъ по Военному Министерству за послѣднія 20 лѣтъ.“ Собранныя такимъ образомъ офиціальныя данныя съ надлежащими поясненіями составляютъ предметъ цитованной статьи *Русскаго Инвалида.*

Итакъ, дѣло разъяснено какъ разъ въ то время когда въ военномъ вѣдомствѣ производятся реформы, когда вопросы о сокращеніи переписки и измѣненіи всей системы военнаго управленія получили полный ходъ. Что̀ же оказывается изъ этихъ впервые появляющихся полныхъ офиціальныхъ данныхъ? Число административныхъ чиновъ уже въ *мирное время* равняется двумъ немобилизованнымъ дивизіямъ пѣхоты; ихъ 14.357, причемъ почти двѣ трети этого числа составляютъ гражданскіе чины. Общее число канцелярскихъ дѣятелей за послѣднія двадцать лѣтъ, несмотря на то что армія по мирному составу не увеличилась и что во всѣ эти двадцать лѣтъ проводились реформы якобы долженствующія сократить составъ канцелярской администраціи, увеличилось на 8,2%. По замѣчанію *Русскаго Инвалида*, это „увеличеніе бюрократическаго элемента произошло не вслѣдствіе расширенія потребностей администраціи, а вслѣдствіе увеличенія потребностей самой арміи,“ такъ какъ общее число такихъ лицъ въ главныхъ и военноокружныхъ управленіяхъ сократилось де на 28%, а въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіямъ и въ войскахъ увеличилось на 36%.

Значитъ въ войскахъ не напрасно сѣтовали на чрезвычайное развитіе канцеляризма! Но вызывается ли это развитіе числа административныхъ чиновъ дѣйствительно только „расширеніемъ организаціи арміи, накопленіемъ разныхъ запасовъ и средствъ для ея военной готовности,“ какъ это объясняетъ *Русскій Инвалидъ*, или же это увеличеніе зависитъ отъ самыхъ свойствъ организаціи установленной въ 1864 и 1874 годахъ? Цифры противорѣчатъ заключеніямъ нашей военной газеты. Запасы для арміи и для приведенія ея изъ мирнаго состава въ военный находятся въ рукахъ

интендантскаго, артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, а число чиновниковъ въ нихъ измѣнилось немного: въ интендантскомъ вѣдомствѣ оно уменьшилось съ 2.394 на 1.749, или на 645 человѣкъ; въ вѣдомствѣ инженерномъ, несмотря на „постепенное увеличеніе числа инженерныхъ дистанцій, вызванное переходомъ въ инженерное вѣдомство всѣхъ зданій бывшихъ военныхъ поселеній, а также присоединеніемъ къ Россіи новыхъ мѣстностей въ Средней Азіи и на Кавказѣ,“ число административныхъ чиновъ съ 928 упало на 879. Только въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе измѣненій вызванныхъ введеніемъ новаго оружія, число этихъ чиновъ увеличилось и то не въ канцеляріяхъ, а отъ развитія прежнихъ и учрежденія новыхъ техническихъ заведеній (напр. патронный заводъ). Прибавилось однако только 349 человѣкъ. По военно-судебному вѣдомству число служащихъ такъ же уменьшилось; по частямъ медицинской, военно-учебной, по казачьимъ войскамъ, увеличеніе числа служащихъ считается единицами. Отсюда ясно что увеличеніе числа канцеляристовъ послѣдовало не въ тѣхъ вѣдомствахъ кои удовлетворлютъ насущныя потребности арміи, а по вѣдомству главнаго штаба и непосредственно въ строевыхъ канцеляріяхъ. Цифры сюда относящіяся весьма уважительны: въ вѣдомствѣ главнаго штаба числится 4.546 и въ войскахъ 3.147 чиновниковъ, то-есть всего 7.693 человѣка, т.-е. болѣе половины всего числа служащихъ по административной части. Это составляетъ противъ прежняго увеличеніе свыше 25%. Увеличеніе послѣдовало главнымъ образомъ именно вслѣдствіе развитія канцелярской работы, ибо умножилось преимущественно число гражданскихъ чиновъ; офицеровъ прибавилось въ канцеляріяхъ всего 355 человѣкъ, чиновниковъ 1.330: прибавка въ числѣ административныхъ офицеровъ почти въ пять разъ меньше прибавки канцелярскихъ чиновниковъ. Весьма любопытно что по всѣмъ вѣдомствамъ которыя не увеличились, а напротивъ даже отчасти уменьшились, было сдѣлано именно сокращеніе числа гражданскихъ чиновъ. Исключеніе составляетъ въ этомъ только артиллерія.

Была ли дѣйствительная надобность такого поразительнаго увеличенія канцеляризма по вѣдомству главнаго штаба и собственно въ войскахъ? Если это увеличеніе вызвано настоятельною потребностію, то и сказать противъ него ничего нельзя; другое дѣло если такое увеличеніе чиновниковъ послѣдовало безъ особой надобности: тогда оно должно быть сокращено немедленно, во что бы то ни стало. Вѣдомство главнаго штаба разраслось, по объясненію *Русскаго Инвалида*, главнымъ образомъ вслѣдствіе сформированія управленій губернскихъ и уѣздныхъ начальниковъ и увеличенія числа топографовъ на съемкахъ. Въ войскахъ же оно послѣдовало только отчасти вслѣдствіе сформированія новыхъ частей, главнымъ же образомъ отъ помѣщенія въ штатъ полковой канцеляріи лишняго чиновника, котораго прежде не было. Реформа мѣстныхъ войскъ, послѣдовавшая въ сентябрѣ минувшаго года и упразднившая должность губернскаго воинскаго начальника и его канцелярію, наглядно показала что въ такомъ тароватомъ развитіи вѣдомства главнаго штаба настоятельной надобности не было. Есть ли надобность въ усиленіи полковыхъ канцелярій, это пока остается открытымъ вопросомъ, находящимся въ связи со всѣмъ ходомъ войсковой отчетности и переписки, настоятельная надобность въ сокращеніи которой однако уже признана. Дѣло лишь въ томъ насколько удастся сократить эту отчетность и переписку, однако уже и теперь найдено и уже примѣнено нѣсколько мѣръ значительно упрощающихъ и облегчающихъ дѣлопроизводство въ войскахъ.

Во всякомъ случаѣ, въ окончательномъ результатѣ, канцелярская дѣятельность по военному вѣдомству за послѣднія 20 лѣтъ не сократилась, а увеличилась, также какъ и число чиновниковъ; измѣнилось лишь, и то отчасти, распредѣленіе труда: центральныя управленія пишутъ нѣсколько меньше, исполнительные органы много больше. Насколько именно, это вопросъ на который не даютъ отвѣта офиціальныя цифры: размѣръ всей переписки по военному вѣдомству остается не извѣстнымъ; собраны данныя лишь о Военномъ Министерствѣ собственно, то-есть центральныхъ его органахъ; тутъ переписка дѣйствительно сократилась: число входящихъ бумагъ уменьшилось на 21%, а исходящихъ на 14%.

Любопытно сравнить личный составъ Министерства съ числомъ бумагъ въ немъ обращающихся. Въ общемъ выводѣ на каждаго чиновника приходится въ годъ только 177 исходящихъ бумагъ, или, выклю-

чая табельные дни, далеко меньше одной бумаги въ день; входящихъ же бумагъ приходится немногимъ больше. И что же? При этомъ ничтожномъ количествѣ дѣла, все-таки ежегодно остаются неисполненными свыше десяти процентовъ всѣхъ входящихъ бумагъ! Скажутъ, пожалуй, что не всѣ же служащіе въ центральныхъ органахъ Министерства суть непосредственные дѣлопроизводители, есть люди которые только подписываютъ. Но и въ томъ случаѣ еслибы число настоящихъ дѣлопроизводителей было вдвое меньше, работа каждаго не превзойдетъ *одной* исходящей и *двухъ* входящихъ бумагъ въ день. Это канцелярское farniente тѣмъ болѣе поразительно что напримѣръ въ Военномъ Совѣтѣ въ каждое засѣданіе обсуждается *вдесятеро* большее число и болѣе сложныхъ дѣлъ нежели тѣ съ которыми приходится бороться канцеляріямъ.

Будемъ ждать что серіозныя реформы, теперь отчасти исполняемыя, отчасти задуманныя, положатъ такому странному порядку должный конецъ.

№ 69.

Москва, 9-го марта.

Австро-Германская печать мало-по-малу начинаетъ высказываться съ большою откровенностью, и для внимательнаго читателя берлинскихъ, а въ особенности вѣнскихъ и пештскихъ ламентацій противъ панславизма, слишкомъ очевидно становится что собственно имѣлось въ виду когда за нѣсколько недѣль поднятъ былъ оглушительный гвалтъ по поводу „опасности грозящей европейскому миру и европейской цивилизаціи со стороны Россіи.“ Несмотря на то что еще по вчерашнимъ офиціальнымъ телеграфнымъ извѣстіямъ изъ Вѣны возстаніе въ самой Кривошіи далеко не подавлено, такъ какъ самъ генералъ Іовановичъ доноситъ что тамъ „еще остались отдѣльные отряды,“ которые дѣлаютъ смѣлыя нападенія на австрійскія силы, изъ чего слѣдуетъ что положеніе дѣлъ осталось совершенно то же какъ и въ началѣ, ибо инсургенты никогда иначе и не дѣйствовали и никакой другой войны не могутъ вести съ регулярною арміей какъ только партизанскую, — несмотря на все это авcтро-венгерская печать ведетъ въ послѣдніе дни рѣчь не о томъ уже какъ справиться съ неуловимыми инсургентами, а что слѣдуетъ предпринять дабы „прочно оградить владычество Австріи“ и навсегда предотвратить возможность повторенія изнурительной для австрійскихъ войскъ и для австрійскихъ финансовъ борьбы. Какъ офиціозная, такъ и оппозиціонная печать въ Вѣнѣ и Пештѣ приводитъ къ одному и тому же выводу что во всемъ виноватъ русскій панславизмъ, а наилучшимъ способомъ положить конецъ всѣмъ затрудненіямъ и кознямъ признается окончательное присоединеніе Босніи и Герцеговины къ австрійскимъ владѣніямъ, съ устраненіемъ разъ навсегда того двусмысленнаго положенія, въ которое поставлена Австрія Берлинскимъ трактатомъ. Но Берлинскій трактатъ есть международное обязательство, которое можетъ быть отмѣнено или измѣнено лишь путемъ новаго международнаго соглашенія если не войной. Австро-венгерская печать отнюдь не рекомендуетъ войны для достиженія упомянутой цѣли; но и новый конгрессъ представляется дѣломъ очень опаснымъ, такъ что слухъ о созваніи конгресса выставляется англо-русскою интригой. Предлагается просто противопоставить Европѣ „совершившійся фактъ“ и объявить что такъ какъ Австро-Венгріи пришлось вторично поддержать свою власть силою оружія и притомъ со значительною тратой людьми и деньгами, то она и не можетъ оставаться долѣе въ томъ временномъ и переходномъ положеніи по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ, которое ей создано на Берлинскомъ конгрессѣ, и признаетъ эти провинціи своею неотъемлемою собственностью. Австрія уже заручилась, какъ сообщаютъ не только вѣнскія, но и берлинскія газеты, согласіемъ Германіи на такой шагъ. Для этого графъ Волькенштейнъ, вновь назначенный посолъ Австріи при Петербургскомъ дворѣ, ѣздилъ на дняхъ въ Берлинъ гдѣ онъ имѣлъ долгія совѣщанія съ княземъ Бисмаркомъ, а оттуда поѣхалъ не въ Петербургъ, а въ Парижъ и обратно въ Вѣну. Переговоры эти имѣли де своимъ предметомъ „усилившуюся панславистскую агитацію въ Россіи,“ а въ результатѣ получилось одобреніе новаго замысла Австріи, причемъ де обезпечено и согласіе Турціи.

Пештская печать, которая всегда отличалась большою развязностію въ вопросахъ прямо или косвенно касающихся Рос-

сіи, высказывается и на этотъ разъ еще откровеннѣе. *Пештскій Ллойдъ*, слывущій органомъ теперешняго венгерскаго министра-президента г. Тисы, приводитъ въ связь указанный планъ австрійской политики, который названная газета вполнѣ одобряетъ, съ недавнимъ провозглашеніемъ Сербіи королевствомъ. Это провозглашеніе пештская газета признаетъ актомъ „избавленія Сербіи отъ преобладанія Россіи,“ коему Австрія содѣйствовала такъ же дѣятельно какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ „искорененію послѣднихъ остатковъ турецкаго владычества надъ Сербіей (!?).“ Болтливая и невоздержная на языкъ пештская газета сумѣла однако сохранить до конца взятый ею тонъ. Выставивъ Австрію въ новой роли „покровительницы свободы и независимости славянскихъ національностей Балканскаго полуострова,“ она нѣсколькими строчками далѣе начинаетъ угрожать тѣмъ же національностямъ австрійскими штыками. *Пештскій Ллойдъ* сознается что въ Сербскомъ народѣ имѣются элементы которые еще далеко не прониклись убѣжденіемъ въ спасительной для нихъ роли Австріи, и которые, подобно прочимъ славянскимъ народностямъ, попрежнему обращаютъ свои взоры къ Россіи. Нужно де ковать желѣзо пока оно горячо. Благодаря „геройскимъ подвигамъ“ австрійскихъ солдатъ въ Кривошіи, Австрія пріобрѣла де новыя гарантіи и касательно отношеній къ ней сосѣднихъ славянскихъ земель, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. „Ни Черногорія, ни Сербія не могутъ имѣть желанія лично познакомиться съ генераломъ Іовановичемъ.“ Вотъ почему *Пештскій Ллойдъ* полагаетъ что теперь именно настала благопріятная минута для того чтобъ „Австро-Венгрія окончательно оформила свое положеніе на Востокѣ.“ Основаніемъ ея политики должно де быть огражденіе возможно большей свободы и независимости для каждаго изъ народовъ Балканскаго полуострова. Но Австрія не можетъ де довольствоваться въ этомъ отношеніи только нравственными гарантіями. Какъ ни благопріятенъ настоящій моментъ, какъ ни удачны были до сихъ поръ старанія Австріи убѣдить Сербію что она не можетъ и не должна ничего ожидать отъ Россіи, весьма однако возможно что дѣла внутри Сербіи примутъ иной оборотъ и, какъ бывало уже много разъ, вновь возобладаетъ то направленіе которое ищетъ опоры только въ Россіи и только отъ нея ожидаетъ спасенія. Что касается Черногоріи, то она никогда де и не переставала быть „русскимъ пашалыкомъ.“ Нужно поэтому принять именно теперь всѣ мѣры чтобы такой оборотъ дѣлъ сталъ окончательно невозможнымъ.

Возведеніе Сербіи въ санъ королевства было де плотиной противъ „русскаго наводненія.“ Но это еще не вполнѣ преграждаетъ всякій доступъ панславистской идеи въ Сербію. Притомъ опасность эта угрожаетъ не въ одной Сербіи. Что же нужно дѣлать?

Пештскій Ллойдъ на это отвѣчаетъ въ выраженіяхъ не совсѣмъ опредѣленныхъ; но дѣло не въ подробностяхъ плана, а въ той общей идеѣ непримиримой вражды къ Россіи, которая съ такою откровенностью высказывается австро-венгерскою печатью.

Программа австро-венгерской политики по отношенію къ Славянамъ Балканскаго полуострова должна, по мнѣнію *Пештскаго Ллойда*, состоять изъ двухъ частей: первая половина задачи заключается въ томъ чтобъ отвратить эти народности отъ Россіи, обезпечивъ имъ независимое положеніе, при которомъ имъ не было бы надобности ожидать помощи отъ Россіи и возлагать на нее свои надежды. До сихъ поръ австрійская дипломатія направляла де свои усилія лишь на исполненіе этой первой половины задачи, и нужно де признаться что въ этомъ отношеніи сдѣлано довольно много. Въ этомъ де главная заслуга графа Андраши. Онъ де нанесъ вліянію Россіи на юго-востокѣ Европы смертельный ударъ, котораго въ Россіи никогда не забудутъ. Но это еще не все. Нужно де „связать судьбы вновь созданныхъ славянскихъ государствъ съ центральною Европой“ такъ крѣпко чтобы для нихъ сталъ невозможнымъ возвратъ къ прежнимъ наклонностямъ и стремленіямъ. Эта вторая половина австро-венгерской задачи выпала на долю графу Кальноки, и пештская офиціозная газета надѣется что онъ исполнитъ ее также успѣшно какъ графъ Андраши исполнилъ первую и тѣмъ пріобрѣтетъ себѣ безсмертную славу на страницахъ „австрійской“ исторіи.

Провозглашеніе Босніи и Герцеговины неотъемлемымъ достояніемъ Австріи и есть повидимому первый шагъ къ тому чтобы связать съ центральною Европой судьбы

славянскихъ народностей Балканскаго полуострова.

№ 70.

Москва, 10-го марта.

Въ теченіе послѣдняго года не разъ возникали толки о предстоящемъ преобразованіи Государственнаго Банка. То ослабѣвая, то вновь усиливаясь, слухи объ этомъ преобразованіи, можно сказать, не прекращались, заставляя полагать что нѣчто въ этомъ родѣ дѣйствительно предполагается. Въ чемъ именно должно состоять замышляемое преобразованіе неизвѣстно. Главныя основанія реформы въ разное время излагались газетными вѣстовщиками различно. Но общая черта всѣхъ возникавшихъ слуховъ та что Государственный Банкъ долженъ превратиться изъ казеннаго учрежденія въ привилегированное частное, что онъ долженъ быть переданъ въ руки частнаго акціонернаго общества. По той версіи этихъ слуховъ которая была въ особенномъ ходу минувшимъ лѣтомъ, реформа Государственнаго Банка должна была имѣть цѣлію сдѣлать его учрежденіемъ подобнымъ Англійскому Банку, причемъ проектъ преобразованія приписывался самому министру Финансовъ. Теперь утверждаютъ что въ Министерство Финансовъ представленъ проектъ преобразованія Государственнаго Банка выработанный „однимъ изъ нашихъ выдающихся финансистовъ, занимавшимъ недавно весьма видный государственный постъ." Газета пустившая въ ходъ этотъ слухъ не называетъ прямо этого финансиста, но сообщаемыя ею основанія проекта совпадаютъ съ извѣстными основаніями проекта составленнаго бывшимъ управляющимъ Государственнаго Банка Е. И. Ламанскимъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Притомъ самое появленіе слуха объ этомъ проектѣ совпало по времени съ извѣстіемъ о возвращеніи г. Ламанскаго въ Петербургъ изъ его заграничной поѣздки.

Итакъ, если слухъ, о которомъ рѣчь, вѣренъ, мы имѣемъ дѣло не съ новымъ проектомъ, а именно съ тѣмъ самымъ который былъ написанъ Е. И. Ламанскимъ еще въ ноябрѣ 1861 года. Для преобразованія Государственнаго Банка предлагались имъ тогда, какъ извѣстно, слѣдующія мѣры: Государственный Банкъ изъемлется изъ вѣдомства Министерства Финансовъ и подчиняется „исключительному и непосредственному" вѣдѣнію Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, съ увеличеніемъ въ составѣ послѣдняго числа представителей со стороны правительства, дворянства и купечества. Изъ чисто государственнаго установленія Банкъ преобразуется въ учрежденіе смѣшанное, государственно-акціонерное; для этого составляется акціонерная компанія, которая вноситъ капиталъ въ 20 милл. р., присоединяемый къ казенному капиталу Банка. Управляющій, его товарищъ и 6 директоровъ назначаются правительствомъ изъ акціонеровъ; другіе 6 директоровъ избираются самими акціонерами; сверхъ того, въ составъ правленія Банка входятъ по два члена отъ правительства, дворянства и купечества, тоже въ должности директоровъ. Правительство отказывается навсегда отъ выпуска кредитныхъ билетовъ и всякихъ другихъ денежныхъ знаковъ, со свойствомъ обязательнаго пріема въ платежи, какъ процентныхъ, такъ и безпроцентныхъ. Право выпуска денежныхъ знаковъ переходитъ къ преобразованному Банку. Банку предоставляется выпустить новые безпроцентные билеты на всю сумму, какая имъ будетъ извлечена изъ обращенія въ кредитныхъ билетахъ во вкладныхъ свидѣтельствахъ и въ 4% металл. билетахъ и безъ ограниченія суммы за вносимые слитки золота и серебра. Въ случаѣ надобности, на оживленіе торговыхъ оборотовъ предоставляется Банку, съ открытіемъ размѣна своихъ билетовъ, увеличить сумму выпуска своихъ билетовъ до 20 милл. рублей подъ залогъ краткосрочныхъ торговыхъ бумагъ. Для обезпеченія средствъ къ размѣну новыхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ и иныхъ денежныхъ бумагъ, правительство передаетъ Банку: а) размѣнный фондъ въ 100 милл. р.; б) на 200 милл. р. 5% ренты, облигаціи которой Банку предоставляется продавать способами и въ размѣрахъ какіе онъ признаетъ наиболѣе удобными; в) на 200 милл. рублей 1% обязательство Казначейства, неотчуждаемое, но подлежащее погашенію въ теченіе 100 лѣтъ; г) на 200 милл. руб. государственныхъ имуществъ: лѣсами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками и желѣзными дорогами. Доходы съ этихъ имуществъ продолжаетъ получать правитель-

ство впредь до ихъ продажи Банкомъ; Банку предоставляется производить продажу по соглашенію съ министромъ Финансовъ. При этихъ обезпеченіяхъ, Банку должно было быть вмѣнено въ обязанность немедленно приступить къ открытію размѣна по опредѣленнымъ цѣнамъ за имперіалъ, измѣняемымъ въ опредѣленные сроки. Точь-въ-точь то же самое предлагается де и въ настоящее время: тотъ же 20 милліонный акціонерный капиталъ, тѣ же самыя субсидіи Банку со стороны правительства, и почти та же организація управленія Банка, съ тою лишь разницей что всѣ его двѣнадцать директоровъ предполагаются изъ акціонеровъ по назначенію отъ правительства.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, проектъ г. Ламанскаго не получилъ хода; его рецептъ исправленія нашей захромавшей денежной системы не былъ признанъ тогда подходящимъ цѣлительнымъ средствомъ. Болѣе ли шансовъ успѣха имѣетъ его проектъ въ настоящее время, есть ли основанія думать что предлагаемыя въ немъ мѣры обезпечиваютъ достиженіе предположенной цѣли при нынѣшнихъ условіяхъ?

Что размѣнныя бумажныя деньги гораздо лучше неразмѣнныхъ, что возстановленіе размѣна (al pari или по опредѣленному, фиксированному курсу – это другой вопросъ) было бы важнымъ финансовымъ успѣхомъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но приблизитъ ли насъ къ этой цѣли преобразованіе казеннаго Государственнаго Банка въ акціонерный на какихъ бы то ни было основаніяхъ, по типу ли Англійскаго Банка, или по идеѣ г. Ламанскаго, вотъ пунктъ требующій разъясненія.

Заботы объ упроченіи денежной системы, о возстановленіи размѣнности бумажныхъ денегъ не покидали насъ болѣе двадцати лѣтъ. Но задача какъ была, такъ и понынѣ осталась не разрѣшенною. Потому ли это что рѣшеніе ея лежало на правительствѣ, а не на акціонерномъ обществѣ? На чемъ можетъ быть основано мнѣніе что директорамъ изъ акціонеровъ эта важная государственная задача будетъ болѣе по плечу? Между тѣмъ всѣ проекты преобразованія Государственнаго Банка имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ: всѣми ими требуется признаніе правительствомъ своей несостоятельности въ дѣлѣ водворенія порядка въ денежномъ обращеніи. Принявъ любой изъ этихъ проектовъ, правительство должно обратиться къ акціонерамъ, своимъ или чужеземнымъ, съ приглашеніемъ придти и взять въ свои руки и это государственное дѣло, и громадныя государственныя средства, и одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ прерогативъ. Вотъ вамъ готовое банковое учрежденіе съ цѣлою сѣтью конторъ и отдѣленій раскинутыхъ по всей странѣ, пользующееся безграничнымъ въ ней довѣріемъ; вотъ вамъ нѣсколько сотъ милліоновъ и въ наличныхъ деньгахъ, и въ государственныхъ долговыхъ обязательствахъ, и въ земляхъ; вотъ вамъ принадлежавшія донынѣ правительству права. Возьмите все это и распоряжайтесь какъ знаете. За охотниками прибрать въ свои руки такую добычу, полагаемъ, дѣло не станетъ. Но какой можно ожидать отъ этого пользы? Гдѣ гарантіи что акціонеры разрѣшатъ задачу успѣшнѣе правительства? А что если, за употребленіемъ въ дѣло всѣхъ предоставленныхъ имъ казной средствъ, наша денежная система очутится въ томъ же, если не въ худшемъ, положеніи чѣмъ нынѣ?

Акціонеры увеличатъ казенный капиталъ Государственнаго Банка своимъ 20 милліоннымъ взносомъ. Но развѣ неудовлетворительность нашего денежнаго обращенія происходитъ отъ того что капиталъ Государственнаго Банка недостаточенъ? И еслибы такъ, развѣ у правительства не нашлось бы средствъ увеличить этотъ капиталъ на 20 милліоновъ, когда предполагается что оно не затруднится отпускомъ для того же Банка нѣсколькихъ сотъ милліоновъ?

Скажутъ что распорядители Банка изъ акціонеровъ, какъ люди прямо заинтересованные въ его операціяхъ, будутъ вести его дѣла лучше чѣмъ чиновники. Но принадлежащіе лично этимъ распорядителямъ акціонерные капиталы будутъ вѣдь лишь каплею въ морѣ тѣхъ капиталовъ какими имъ предоставляется распоряжаться; это не залоги рубль за рубль, въ виду которыхъ можно было бы успокоиться. Притомъ, хорошимъ веденіемъ дѣлъ съ точки зрѣнія акціонеровъ будетъ, конечно, такое которое давало бы наилучшіе дивиденды по акціямъ, а не такое которое наиболѣе желательно для страны. Ихъ выгоды и интересы государства не солидарны, точно также какъ не солидарны съ государственными интересами выгоды желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ компа-

нія. Между прочимъ замѣчено что акціонеры, напримѣръ, Французскаго Банка получали наибольшіе дивиденды въ годы особенно тяжелые для страны. Во всякомъ случаѣ, развѣ нельзя призвать къ управленію государственнымъ кредитнымъ учрежденіемъ людей наиболѣе къ тому способныхъ, развѣ нельзя заинтересовать ихъ въ хорошемъ ходѣ денежныхъ операцій предоставленіемъ имъ доли получаемыхъ отъ нихъ прибылей, не выпуская завѣдыванія Банкомъ изъ рукъ правительства? Неужели въ самомъ дѣлѣ никто не сумѣетъ употребить по назначенію для пользы государства тѣ сотни милліоновъ которыя предполагается предоставить Государственному Банку, кромѣ акціонеровъ, которымъ дороги только ихъ личныя выгоды, и которымъ до пользъ государства нѣтъ никакого дѣла?

Преобразованіе Государственнаго Банка въ акціонерный выставляется какъ средство вылѣчить насъ отъ неправильностей нашего денежнаго обращенія главнымъ образомъ въ виду заграничныхъ примѣровъ. Всѣ знаютъ что тамъ государственные банки суть банки акціонерные, и что размѣнъ банковыхъ билетовъ производится тамъ безостановочно. Но значитъ ли это что стоитъ намъ замѣнить казенный Банкъ акціонернымъ, и размѣнъ будетъ обезпеченъ у насъ также какъ въ Англіи и во Франціи? Увы! Акціонерные банки нисколько не были и тамъ гарантіей противъ неразмѣнности бумажныхъ денегъ, когда обстоятельства вынуждали пріостановку размѣна. Мало того, въ своихъ стремленіяхъ къ возстановленію размѣна, правительства, какъ напримѣръ въ Англіи, встрѣчали въ привилегированномъ акціонерномъ банкѣ не содѣйствіе, а напротивъ противодѣйствіе этой мѣрѣ даже когда обстоятельства благопріятствовали ея осуществленію.

Ставя на мѣсто Государственнаго частный привилегированный банкъ, мы думаемъ идти, какъ ученики за учителемъ, по слѣдамъ другихъ государствъ Европы. Но поступая такъ не пойдемъ ли мы путемъ прямо обратнымъ тому какимъ шла тамъ исторія банковаго дѣла? Эта исторія представляетъ постепенное подчиненіе основанныхъ частною предпріимчивостію центральныхъ акціонерныхъ банковъ правительственному вліянію, усиленіе правительственной власти надъ ними. Мы же хотимъ, наоборотъ, вырвать изъ-подъ завѣдыванія правительственной власти центральное правительственное учрежденіе, обязанное своимъ существованіемъ именно этой власти, а не какимъ-нибудь частнымъ предпринимателямъ. Тамъ стѣсняли, въ пользу государственной власти, ради государственныхъ цѣлей, права собственниковъ Банка. У насъ государственная власть, къ своему явному ущербу, должна поступиться своими правами въ пользу людей пришлыхъ со стороны, ничего общаго съ государственными интересами и цѣлями не имѣющихъ...

№ 71.

Москва, 11-го марта.

Мы полагаемъ что вчерашнимъ днемъ положенъ конецъ всѣмъ толкамъ о наступившемъ будто бы охлажденіи между Россіей и Германіей и объ опасностяхъ будто бы, вслѣдствіе того, угрожающихъ европейскому спокойствію. Вчера, 10 (22) марта, праздновалась въ Германіи восьмидесяти-пятилѣтняя годовщина дня рожденія императора Вильгельма, и поздравленія вѣнценосному маститому герою, создавшему единую и могущественную Германію, принесенныя Россіей въ лицѣ ея Вождя, свидѣтельствуютъ что исторически установившіяся узы дружбы между обѣими державами ни мало не ослабѣли, что отношенія между ними нисколько не измѣнились, и что никакой опасности для спокойствія Европы не возникаетъ ни со стороны Россіи, ни со стороны Германіи. Только грубая неправда можетъ утверждать будто Россія нуждается въ политикѣ дѣйствія и замышляетъ завоевательные планы. Точно также нѣтъ основаній опасаться какъ бы Германіи не понадобилась ссора съ Россіей. Напротивъ, обѣ онѣ, какъ доказываетъ исторія, нуждаются во взаимномъ доброжелательствѣ, дружбѣ и союзѣ. Только возмутительная политическая нечестность, доходящая до подлости, можетъ утверждать, какъ недавно въ одной петербургской газетѣ, будто Россія когда-то тѣснила, давила Германію и вредила ей въ видахъ своей политики. Всякій знаетъ, напротивъ, что такъ-называемымъ Священнымъ Союзомъ всѣхъ болѣе воспользовалась Пруссія, которая оправилась, со-

зрѣла и окрѣпла благодаря этому союзу. Нигдѣ Пруссія, а за нею и вся Германія, не находила себѣ болѣе искренняго и полезнаго доброжелательства и содѣйствія какъ въ русской политикѣ. Мы полагаемъ,—мы имѣемъ основаніе полагать,—что и со стороны нашего сосѣда могли бы мы ожидать добраго содѣйствія еслибы только мы сами захотѣли того. Дѣло въ томъ что Пруссія слѣдуетъ во всемъ, умно и зорко, требованіямъ своей національной политики; она знаетъ что ей полезно и что ей не выгодно, она знаетъ чего она хочетъ; мы же, къ сожалѣнію, не всегда знали чего хотѣли, и не всегда хотѣли того что требовалось нашими интересами. Для правильности отношеній какъ между людьми, такъ еще болѣе между государствами, необходимо чтобы съ обѣихъ сторонъ было здравое и понудительное чувство своихъ стремленій и желаній.

Въ русскомъ обществѣ и до сихъ поръ остается неудовольствіе на положеніе которое было принято Германіей какъ во время войны, такъ и послѣ. Сколько высказывалось въ нашей печати язвительныхъ укоровъ „честному маклеру" за его недостаточно доброжелательное отношеніе къ русскимъ интересамъ! Но исторія еще не сказала своего слова объ этихъ событіяхъ, и ея правда засвидѣтельствуетъ что укоры должны мы обратить не на чужихъ, а на своихъ. Мы не можемъ требовать чтобы министръ чужой страны, хотя бы дружественной и союзной съ нами, чувствовалъ, думалъ и дѣйствовалъ за насъ, чтобъ онъ угадывалъ наши національные интересы, наводилъ насъ на нихъ и сообразовалъ съ ними свои дѣйствія. Однако,—повѣритъ ли русская публика?—выходило именно такъ что германскій канцлеръ, соблюдая интересы своей страны, въ то же время побуждалъ и насъ заботиться о нашихъ. Князь Бисмаркъ всячески старался придти къ какому-либо соглашенію съ нами на основаніи взаимныхъ интересовъ, но мы также старательно, съ упорствомъ достойнымъ лучшаго дѣла, уклонялись ото всякой попытки объясниться съ нимъ, и уклонялись именно наканунѣ событій громаднѣйшаго значенія, съ которыми соединялось для насъ столько великихъ интересовъ и которые должны были потребовать отъ насъ столько жертвъ и крови. Давъ втянуть себя въ Восточный вопросъ, помимо насъ возбужденный, и начиная войну всемірнаго значенія, мы не сочли нужнымъ принять какія-либо мѣры къ соглашенію нашихъ національныхъ интересовъ съ политикою единственно союзной намъ державы. Нельзя сказать чтобы наша дипломатія была въ этомъ случаѣ лишена свѣта и не могла бы найти себѣ опоры въ народномъ чувствѣ и мнѣніи своей страны. Съ перваго же момента, когда на горизонтѣ обозначилось кровавое знаменіе Восточнаго вопроса, *Московскія Вѣдомости* постоянно и неизмѣнно твердили и убѣждали нашу дипломатію войти въ соглашеніе съ Германіей. Руководитель германской политики, какъ публично такъ и конфиденціально, въ обращеніяхъ къ нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, заявлялъ что Германія никакихъ своихъ интересовъ на Востокѣ не имѣетъ и можетъ предоставить тамъ Россіи полную свободу дѣйствій, лишь бы черезъ то могли не проиграть, а выиграть интересы Германіи тамъ гдѣ они дѣйствительно имѣются. Donnant donnant, вотъ правило которому слѣдуютъ государства во взаимныхъ отношеніяхъ и на которомъ только и можетъ быть основана дружба между ними.

Но если германскій канцлеръ не находилъ ни одного германскаго интереса въ Константинополѣ, то мы,—повѣрятъ ли читатели?—мы, предъ Восточною войной, находили горячій русскій интересъ въ Римѣ, въ Ватиканѣ! Это вѣрно; это правда. Изъ-за этого не хотѣли мы войти въ соглашеніе съ Германіей которая вела тогда „культурную борьбу" съ Ватиканомъ. Мы находили что эта борьба нарушаетъ принципъ свободы совѣсти, и не хотѣли за это знаться съ Бисмаркомъ. Еще одна причина не допускала насъ до соглашенія которое могло бы обезпечить намъ полную свободу дѣйствій во время войны и лучшія условія при заключеніи мира: наша дипломатія опасалась что Россія станетъ слишкомъ сильна, что соглашеніе ея съ Германіей можетъ покачнуть равновѣсіе Европы…

Итакъ, не коварство „честнаго маклера," а наши заботы о русскихъ интересахъ сопряженныхъ съ папскою куріей и наши опасенія за равновѣсіе Европы, вотъ что̀ было причиною почему во время войны мы должны были постоянно озираться, вотъ почему наши войска не побывали въ Константинополѣ, вотъ почему въ Берлинѣ

намъ пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ...

Слѣдовательно, мы никого не должны винить если наши дѣла не совсѣмъ соотвѣтствуютъ нашимъ національнымъ интересамъ,—никого кромѣ себя. Если въ настоящее время дѣла идутъ не тѣмъ путемъ который казался бы для насъ желательнымъ, то мы можемъ утѣшать себя тѣмъ что въ Ватиканѣ все обстоитъ благополучно...

Какъ бы то ни было, мы вѣримъ въ силу русскаго дѣла,—въ силу русскаго Бога. Мы не сомнѣваемся что какимъ бы путемъ ни шли теперь событія, все же придутъ они, прямо или обходомъ справа или слѣва, все же придутъ къ торжеству нашего дѣла, въ которомъ таится живая сила всемірной исторіи.

№ 72.

Москва, 12-го марта.

А.

Порученное Берлинскимъ трактатомъ Австро-Венгріи умиротвореніе Босніи и Герцеговины окончилось полнѣйшимъ фіаско. Результатомъ трехгодичнаго управленія Австрійцами Босніи и Герцеговины оказалось возстаніе, которое по своимъ размѣрамъ превосходитъ герцеговинское возстаніе 1875 года, вызвавшее сперва войну Сербіи и Черногоріи противъ Турціи, а потомъ и Русско-Турецкую. Несмотря на „побѣды“ Австрійцевъ въ Бокѣ Которской, возстаніе даже въ Далматіи, старинномъ владѣніи Австріи, далеко нельзя считать оконченнымъ, что нагляднѣе всего доказывается тѣмъ что обращенные въ „дикое бѣгство“ инсургенты имѣютъ достаточно мужества чтобы нападать на австрійскія войска занимающія въ Бокѣ укрѣпленныя позиціи. О „побѣдахъ“ въ Герцеговинѣ не сообщаютъ даже офиціальныя австрійскія донесенія, изъ чего не трудно вывести заключеніе что возстаніе въ Герцеговинѣ, если не усилилось, то во всякомъ случаѣ находится въ томъ же стадіумѣ какъ мѣсяца два тому назадъ.

Удивительно ли что въ виду возможности серіозныхъ международныхъ затрудненій, явилась мысль объ европейскомъ конгрессѣ для окончательнаго рѣшенія участи Босніи и Герцеговины? Мысль эта впервые высказанная въ русской печати, энергически поддерживается англійскими и отчасти французскими газетами. За то въ Австріи она вызвала бурю негодованія. Австрійская печать, съ паѳосомъ защищавшая всегда мнѣнія „Европы“ и неприкосновенность международныхъ трактатовъ, теперь негодуетъ и старается доказать что „Европа“ не имѣетъ никакого права измѣнить тѣ статьи Берлинскаго трактата, на основаніи коихъ Австро-Венгрія *временно* управляетъ Босніей и Герцеговиной. Аргументы приводимые австрійскими офиціозными газетами въ защиту своего мнѣнія весьма оригинальны. „Еслибы срокъ оккупаціи Босніи и Герцеговины Австрійцами, разсуждаетъ одна изъ офиціозныхъ газетъ, былъ точно опредѣленъ Берлинскимъ трактатомъ, то державы несомнѣнно имѣли бы право, по истеченіи этого срока, рѣшать дальнѣйшую судьбу турецкихъ провинцій.“ Но оккупація поручена де Австро-Венгріи на *неограниченное* время. Поэтому, до тѣхъ поръ пока Австрія не пожелаетъ юридически присоединить Боснію и Герцеговину, никто де не имѣетъ права вмѣшиваться въ управленіе этими провинціями, которое касается де одной только Австро-Венгріи. Изъ этого слѣдуетъ что Австро-Венгрія, взявшая на себя порученіе отъ европейскихъ державъ, можетъ дѣлать въ турецкихъ областяхъ все что ей заблагоразсудится и отчета никому давать не обязана.

Съ нѣкотораго времени слухъ о предстоящемъ созваніи конгресса принялъ болѣе опредѣленную форму. „Въ настоящее время, пишетъ пражская *Politik*, не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію что вопросъ о созваніи конгресса для окончательнаго обсужденія международнаго положенія Босніи и Герцеговины служитъ предметомъ тщательнаго обсужденія европейскихъ державъ. Россія и Англія высказались въ пользу созванія конгресса, и къ нимъ присоединилась, какъ утверждаютъ въ свѣдущихъ кругахъ, и Франція. Вопросъ о созваніи конгресса будетъ возбужденъ когда Австро-Венгрія приступитъ къ сооруженію крѣпостей. Противъ этого плана, по словамъ газеты, энергически выступитъ Австро-Венгрія, которую поддержитъ Германія, а быть-можетъ и Турція. Способъ коимъ Австро-Венгрія намѣрена парализовать дѣйствія Россіи, Англіи и Франціи очень простъ.

Если Австро-Венгрія пожелаетъ окончательно захватить Боснію и Герцеговину, то и тогда, по мнѣнію австрійскихъ офиціозныхъ газетъ, нѣтъ никакой необходимости домогаться согласія на это европейскихъ державъ. Австро-Венгрія, говорятъ онѣ, истратила въ Босніи и Герцеговинѣ слишкомъ значительныя суммы, поэтому провинціи этихъ она не можетъ никому уступить. Еслибъ европейскій конгрессъ постановилъ чтобъ Австро-Венгрія отозвала свои войска изъ турецкихъ провинцій, то, спрашивается, кто заплатитъ австрійскому казначейству понесенные имъ убытки? Лучше всего, по мнѣнію этихъ газетъ, войти въ прямую сдѣлку съ Турціей и заключить отдѣльную конвенцію въ силу которой Турція уступила бы Австро-Венгріи Боснію и Герцеговину. Такою сдѣлкой не будетъ де нарушена ни буква, ни самый смыслъ Берлинскаго трактата. Такая сдѣлка весьма де возможна, и Турція охотно согласится исполнить желанія Австріи, если послѣдняя окажетъ ей со своей стороны какую-нибудь услугу. О какихъ услугахъ здѣсь идетъ рѣчь, австрійскія газеты умалчиваютъ, но судя по послѣднимъ извѣстіямъ, дѣло касается занятія Балканскихъ проходовъ турецкими войсками.

Вопросъ заключается въ томъ, согласятся ли державы признать сдѣлку между двумя государствами, если эта сдѣлка, какъ въ данномъ случаѣ, задѣваетъ интересы и другихъ державъ. Послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, когда русскія побѣдоносныя войска стояли близъ Константинополя, австрійскія газеты громче всѣхъ требовали созванія конгресса. Въ настоящее время, когда должна рѣшиться судьба двухъ провинцій находящихся подъ покровительствомъ Европы, созваніе европейскаго конгресса послѣ неудачнаго управленія Австро-Венгріи кажется дѣломъ не только полезнымъ, но и необходимымъ.

Б.

Въ числѣ подготовляемыхъ законодательныхъ мѣръ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ предстоящія измѣненія въ нашемъ таможенномъ тарифѣ. Вопреки установившемуся въ теченіи десятилѣтій обычаю не дѣлать тайны изъ тарифныхъ вопросовъ, по которымъ правительству всегда важно принимать къ свѣдѣнію заявленія какія могутъ быть сдѣланы представителями затрогиваемыхъ этими вопросами интересовъ, дѣло нынѣшней таможенной реформы ведется канцелярскимъ порядкомъ. Вслѣдствіе этого, никто не знаетъ въ чемъ она будетъ состоять, чего можно отъ нея ожидать. Если эта неизвѣстность не порождаетъ особенной тревоги среди производительныхъ классовъ, то, надо полагать, лишь вслѣдствіе сдѣланнаго министромъ Финансовъ заявленія что задуманныя таможенныя мѣры будутъ имѣть охранительный характеръ. Именно, говоря о своемъ предположеніи „внести въ настоящую сессію Государственнаго Совѣта представленія о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующихъ налогахъ которыя могутъ увеличить доходы государственные на сумму отъ 10 до 15 милліоновъ рублей,“ министръ Финансовъ выразилъ надежду что „новыя податныя тягости будутъ значительно умѣрены вслѣдствіе облегченія наиболѣе обремененныхъ плательщиковъ налоговъ, большей уравнительности при распредѣленіи совокупности всѣхъ сборовъ и поддержки тѣхъ отраслей промышленности которыя наиболѣе нуждаются въ защитѣ.“

Нельзя не признать такого заявленія вообще успокоительнымъ, но оно слишкомъ неопредѣленно и не даетъ просвѣта на сущность предположенныхъ мѣръ по таможенному вѣдомству. Остается неизвѣстнымъ, будутъ ли преобладать, при ихъ установленіи, фискальные разчеты, или заботы о постановкѣ разныхъ отраслей русскаго производства и промышленнаго труда въ возможно лучшія условія. Затѣмъ, въ одномъ фискальномъ отношеніи, ограничится ли дѣло наложеніемъ на привозные товары кое-какихъ пошлинъ съ цѣлію получить нѣсколько лишнихъ милліоновъ рублей, или же дѣло идетъ о такомъ подъемѣ пошлинъ съ привозныхъ товаровъ который далъ бы возможность облегчить другіе налоги ложащіеся на населеніе много тяжеле таможенныхъ сборовъ? Между тѣмъ, лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ таможенная реформа оправдала бы возлагаемыя на нее ожиданія, ибо при перенесеніи значительной доли податныхъ тягостей на таможенные сборы интересы фиска могутъ быть наилучшимъ образомъ согласованы съ интересами всего національнаго производства.

Это перенесеніе части внутренняго обложенія на привозные товары можетъ быть

исполнено у насъ въ достаточно крупныхъ размѣрахъ. Вопреки пущенному въ ходъ мнѣнію о чрезмѣрной будто бы высотѣ нашего таможеннаго тарифа, онъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ статей, страдаетъ скорѣе недостаткомъ противоположнаго характера. Средній процентъ нашего таможеннаго обложенія, конечно, выше таковаго же процента въ Англіи, Франціи и Германіи. Но въ таможенныхъ вопросахъ примѣръ этихъ странъ никоимъ образомъ не можетъ быть принимаемъ нами въ руководство. Это страны съ широко и разнообразно развитою промышленностію, которая установилась издавна и успѣла окрѣпнуть въ теченіе вѣковыхъ періодовъ самаго сильнаго таможеннаго покровительства о какомъ у насъ и не мечтаютъ; это страны заинтересованныя не столько огражденіемъ своихъ внутреннихъ рынковъ отъ наплыва чужеземныхъ товаровъ, сколько прінсканіемъ рынковъ для продуктовъ собственнаго производства, развившагося далеко за предѣлы внутренняго потребленія. Для насъ можетъ быть поучителенъ лишь примѣръ странъ находящихся въ нѣсколько сходныхъ съ нами условіяхъ, гдѣ обрабатывающая промышленность еще находится въ періодѣ юношескаго роста, гдѣ главное богатство населенія составляютъ понынѣ сырыя произведенія почвы. Такова Америка. Надъ ея таможеннымъ тарифомъ у насъ не мало глумились, ея таможенную политику не разъ пытались выставить вредною для нея самой. Но дерево познается по плоду. Эта политика не помѣшала, а помогла Америкѣ съ торжествомъ выйти изъ состоянія общаго экономическаго разстройства въ какое была она приведена страшнымъ междуусобіемъ сопровождавшимъ отмѣну рабства; эта политика помогла возстановленію правильнаго денежнаго обращенія, разстройство коего въ Америкѣ далеко превосходило то съ какимъ мы нынѣ имѣемъ дѣло у себя; благодаря этой таможенной политикѣ, Америка достигла того что перестала быть должницей другихъ странъ, вернувъ въ свои руки почти всю массу долговыхъ обязательствъ поступившихъ въ тяжелое для нея время въ руки европейскихъ капиталистовъ; благодаря той же таможенной политикѣ, она достигла такого развитія своей промышленности что для нея, можно сказать, не далеко уже время когда ей можно будетъ выступить на всемірные рынки не съ одними сырыми произведеніями. А чего достигли мы рядомъ таможенныхъ реформъ въ „либеральномъ“ направленіи? Много ли выиграли мы, отворачиваясь отъ примѣра Америки и слѣдуя примѣрамъ западно-европейскихъ странъ, не примѣнимымъ къ нашимъ условіямъ ни въ какихъ отношеніяхъ?

Ошибочность таможенной политики которой слѣдовали мы въ послѣднія тридцать лѣтъ едва ли подлежитъ сомнѣнію. Въ ней заключается одна изъ главныхъ причинъ той финансовой и экономической зависимости отъ иностранцевъ въ которой мы мало-по-малу очутились и которая будетъ все расти, если ошибка не будетъ исправлена; въ ней же одна изъ главныхъ причинъ непрочности нашей валюты и неудовлетворительности нашего денежнаго обращенія. Парализовавъ развитіе національной промышленности, нашъ недостаточно высокій тарифъ вмѣстѣ съ тѣмъ лишалъ и казну многихъ милліоновъ дохода, которые она могла бы получать при тарифѣ болѣе близкомъ къ американскимъ нормамъ. Въ послѣдніе годы эти нормы въ Америкѣ, при измѣнившихся условіяхъ, нѣсколько понижены противъ прежнихъ. Но несмотря на это пониженіе, таможенныя пошлины представляютъ тамъ самую важную изо всѣхъ статей государственныхъ доходовъ, болѣе половины всего ихъ итога. И это не потому чтобы привозъ былъ слишкомъ большихъ размѣровъ, а именно вслѣдствіе размѣровъ таможеннаго обложенія. Такъ, напримѣръ, итоги привоза иностранныхъ товаровъ въ Соединенные Штаты были:

	Милліоны долларовъ.
Въ 1877—78 году	437,1
„ 1878—79 „	445,8
„ 1879—80 „	668,0
Итого . . .	1.550,9

А итоги таможенныхъ сборовъ за тѣ же годы представляютъ слѣдующія цифры:

	Милліоны долларовъ.
Въ 1877—78 году	130,1
„ 1878—79 „	137,2
„ 1879—80 „	186,5
Итого . . .	453,8

Средній процентъ обложенія составляетъ такимъ образомъ болѣе 29¼ процентовъ.

У насъ таможенная оцѣнка привозныхъ товаровъ (которая вообще далеко ниже

дѣйствительной ихъ стоимости) дала слѣдующія цифры:

	Милліоны рублей.
Въ 1878 году	595,5
„ 1879 „	587,7
„ 1880 „	622,8
Итого . . .	1,806,0

По американской нормѣ, при такомъ размѣрѣ привоза, таможенный доходъ, въ сложности за три года, долженъ былъ бы дать казнѣ 538,1 милліоновъ рублей. Между тѣмъ, по нашему тарифу, казна получила немного болѣе половины этой цифры, всего 272,6 милліоновъ рублей, то-есть отказывалась отъ полученія ежегоднаго дохода среднимъ числомъ въ 88½ милліоновъ рублей, единственно въ угоду либеральнымъ экономическимъ вѣяніямъ и въ прямой ущербъ всему внутреннему производству.

Вышеприведенныя цифры показываютъ въ какой мѣрѣ серіозная таможенная реформа могла бы, съ одной стороны, усилить наши бюджетныя средства, съ другой, облегчить у насъ дѣло податной реформы, требующей пониженія налоговъ особенно тяжело ложащихся на населеніе. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что подъемъ общаго уровня нашихъ таможенныхъ пошлинъ до американскихъ размѣровъ вызоветъ ропотъ со стороны нашихъ заграничныхъ сосѣдей. Но почему же мы стали бы болѣе бояться этого ропота чѣмъ наши заатлантическіе друзья, и почему наши сосѣди могли бы счесть себя въ правѣ предъявлять намъ требованія съ которыми не обращаются къ Американцамъ? Они мирятся съ американскимъ тарифомъ облагающимъ товары среднимъ числомъ въ размѣрѣ около 30 процентовъ ихъ стоимости; почему же не примириться имъ съ возвышеніемъ до такого же размѣра и русскихъ пошлинъ?

№ 73.

Москва, 13-го марта.

Фальшивая тревога по поводу будто бы угрожающей европейскому миру опасности понемногу исчезаетъ, и всѣ органы печати въ Европѣ, которые какъ бы по командѣ подняли недавно единодушный крикъ противъ панславизма, теперь также какъ будто по командѣ стараются разсѣять опасенія, овладѣвшія публикой благодаря ихъ же возгласамъ,—всѣ за исключеніемъ пештскихъ газетъ, не знающихъ никакой удержи въ своей ненависти противъ Славянства и Россіи, и нашедшихъ въ рѣчахъ генерала Скобелева благопріятный предлогъ дабы проповѣдывать „немедленный открытый разрывъ съ Россіей.“ Теперь, вездѣ кромѣ Пешта, доказывается что нѣтъ повода опасаться европейскаго замѣшательства, ибо и Русское правительство дало де достаточныя доказательства что оно вовсе не намѣрено нарушать всеобщій миръ, а общественное мнѣніе во Франціи настроено отнюдь де не въ пользу наступательнаго союза съ Россіей.

Но изъ тѣхъ же „успокоительныхъ“ замѣчаній нетрудно уразумѣть смыслъ недавней тревоги. Европейскому миру не грозитъ опасность потому де что Германія занимаетъ крѣпкую позицію по отношенію къ обоимъ своимъ сосѣдямъ, на западѣ и востокѣ, и не имѣетъ причины опасаться союза между ними. Но нельзя де знать какъ сложатся обстоятельства въ будущемъ; а потому Австріи слѣдуетъ ковать желѣзо пока оно горячо и воспользоваться тѣмъ что она именно теперь болѣе нежели когда-либо свободна отъ „панславистскихъ помѣхъ.“ Таковъ совѣтъ обращенный къ Австріи. На австрійскихъ и венгерскихъ государственныхъ людяхъ лежитъ теперь, по мнѣнію берлинскаго либеральнаго органа, *Національной Газеты*, важная задача: какъ можно скорѣе и крѣпче утвердить свое вліяніе на южно-славянскій міръ. Берлинская газета не слишкомъ довѣряетъ способности австрійскихъ политиковъ и ихъ умѣнію пользоваться обстоятельствами. „Но если это дѣло теперь имъ не удастся,“ сказано далѣе, „то трудно представить себѣ чтобъ они въ будущемъ могли дождаться другаго столь благопріятнаго момента. Еслибы дѣло обстояло лучше въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ, то многое можно было бы совершить теперь чтобы возвеличить всемірное положеніе средне-европейскихъ державъ (то-есть Австріи и Германіи), ибо никакая другая держава не можетъ съ ними теперь соперничать. Нельзя теперь опасаться союза между Востокомъ и Западомъ, а потому государства лежащія по серединѣ должны бы постараться извлечь всю пользу изъ предоставленной имъ теперь свободы дѣйствій.“

Нѣмецкіе органы вѣнской печати не замедлили радостно отозваться на подобныя заявленія изъ Берлина. Недѣли три тому назадъ, въ самый разгаръ „Скобелевской паники,“ *Neue Freie Presse* повергла австрійскую публику въ немалую тревогу выразивъ сомнѣніе въ незыблемости австро-германскаго союза. Мы указали на статью появившуюся въ то время въ упомянутой газетѣ; въ ней доказывалось что Германія вовсе не имѣетъ повода воевать съ Россіей изъ-за Австріи, и что напрасно думаютъ будто Германія обязалась прійти Австріи на помощь во всякомъ случаѣ и при какихъ бы то ни было замѣшательствахъ и столкновеніяхъ ея съ сосѣдями. Теперь та же газета ведетъ иную рѣчь. Она вдругъ увѣровала въ крѣпость австро-германскаго единенія и потому успокоилась. Что же разсѣяло недавнія опасенія органа нѣмецкой партіи въ имперіи Габсбурговъ? Трусливыя опасенія вѣнской газеты замѣнились храбрыми надеждами благодаря одной замѣткѣ которая появилась въ офиціозномъ органѣ князя Бисмарка. Замѣтка эта, правда, не имѣла своимъ предметомъ теперешнія отношенія между Германіей и Австріей; офиціозная газета полемизировала противъ вождя германскихъ прогрессистовъ, профессора Вирхова, доказывая что Германія обязана своимъ единствомъ исключительно князю Бисмарку, а отнюдь не либераламъ, которые хвастаются тѣмъ что они еще съ 1848 года направляли свои усилія къ тому чтобы разрушить старый Германскій Союзъ въ коемъ первенствующее мѣсто принадлежало Австріи. „Исключеніе Австріи изъ Германскаго Союза было, правда, необходимо,“ замѣтила берлинская офиціозная газета, „*но этимъ Германскій вопросъ еще не получилъ своего окончательнаго рѣшенія;* напротивъ, слѣдуетъ признать единственною гарантіей безопасности и полнаго преуспѣянія *тѣснѣйшее* единеніе между Германіей и Австріей.“

Это-то послѣднее замѣчаніе и преисполнило восторгомъ сердца австрійскихъ Нѣмцевъ. „Вотъ откровенное и ясное слово,“ восклицаетъ *Neue Freie Presse*, „которому мы внимаемъ съ большимъ удовольствіемъ. Такъ какъ Вирховъ никогда не былъ противникомъ австро-германскаго единенія, то слѣдуетъ признать что приведенныя слова *Сѣверо-Германской Газеты* обращены не къ нему, а по другому адресу. Именно въ Россіи должны знать что германская политика считаетъ союзъ между Германіей и Австріей одною изъ своихъ основъ, и что безопасность Австріи и ея мирное развитіе для Германіи почти столь же важны какъ ея собственная безопасность. Вотъ что *Сѣверо-Германская Газета* имѣла въ виду сказать *русскимъ фанатикамъ* подстрекающимъ своихъ на войну съ Австріей, и хотя это сказано лишь мимоходомъ, въ Россіи уразумѣютъ значеніе этихъ словъ.“

Странно однако что въ самой Австріи, то-есть въ ея правительственныхъ сферахъ, не принимаютъ этихъ „благихъ вѣстей“ изъ Берлина съ такою безпримѣрною радостью какъ органъ вѣнской нѣмецкой партіи, находящейся нынѣ въ непримиримой оппозиціи съ правительствомъ. На это указываетъ и *Neue Freie Presse.* И нельзя сказать чтобы смыслъ этого прискорбнаго для австрійскихъ Нѣмцевъ явленія былъ совершенно непонятенъ.

Что для австрійскихъ Нѣмцевъ „тѣснѣйшее“ единеніе съ обширнымъ нѣмецкимъ отечествомъ есть предметъ самыхъ горячихъ вожделѣній, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но Габсбургская монархія имѣетъ *свои* преданія, и въ вѣнскихъ правительственныхъ сферахъ едва ли порадовались дѣйствительно откровенному заявленію берлинской офиціозной газеты о томъ что въ Германіи не считаютъ оконченнымъ дѣло германскаго объединенія подъ гегемоніей Пруссіи, доколѣ нѣмецкія провинціи Австріи не вошли въ составъ Германской имперіи. Имѣется стало-быть планъ завершить объединеніе обратнымъ включеніемъ этихъ провинцій въ Германскій Союзъ. Само собою разумѣется что Габсбургской династіи не предполагается возвратить при этомъ ея прежнее преобладающее значеніе. Стало-быть обратное возсоединеніе съ Германіей нѣмецкихъ провинцій Австріи возможно лишь двоякимъ образомъ: или Габсбургская династія станетъ по отношенію къ Пруссіи въ тѣ же вассальныя отношенія въ какихъ находятся нынѣ прочія германскія государства, или же указанныя провинціи совсѣмъ будутъ отняты у австрійской династіи, причемъ ей открытъ будетъ путь къ вознагражденію своей потери на счетъ турецкаго наслѣдія.

Австрійскіе Нѣмцы, вѣроятно, считаютъ такой исходъ наиболѣе для себя же-

лательнымъ, тѣмъ болѣе что этимъ былъ бы радикально разрѣшенъ и вопросъ о томъ кому должна принадлежать Богемія, коренному ли чешскому населенію, или пришлому нѣмецкому элементу. Нужды нѣтъ что для Нѣмцевъ при этомъ совсѣмъ упразднится „австрійскій патріотизмъ." Но позволительно усомниться въ томъ раздѣляютъ ли эти взгляды въ вѣнскомъ Гофбургѣ. Весьма можно допустить что замѣтка берлинской офиціозной газеты, если понимать ее какъ поняла *Neue Freie Presse*, послужила указаніемъ на то что битвой при Садовой еще не вполнѣ окончены счеты между Пруссіей и Австріей, и что завоевательные замыслы насчетъ Австріи имѣются совсѣмъ не тамъ гдѣ старается ихъ указать искусственная агитація противъ „панславизма,"—агитація быть-можетъ для того и вызванная чтобы прикрыть иные планы...

№ 75.

Москва, 15-го марта.

А.

„Австрійскому правительству приписываютъ замыселъ окончательно присоединить къ себѣ Боснію и Герцеговину. На какомъ же основаніи? Только потому что Австрійское правительство намѣрено потребовать отъ делегацій денегъ на возведеніе укрѣпленій въ этихъ провинціяхъ. Это требованіе еще ничего не доказываетъ, и въ Вѣнѣ самымъ положительнымъ образомъ отрицаютъ существованіе намѣреній приписываемыхъ Австріи. Этимъ отрицаніямъ надлежитъ дать вѣру: замыселъ приписываемый Австріи не имѣетъ даже видовъ на успѣхъ, а потому и существовать не можетъ." Такъ очерчиваетъ положеніе этого дѣла берлинскій, весьма свѣдущій въ австрійскихъ дѣлахъ, корреспондентъ *Кельнской Газеты*, обращающійся затѣмъ къ доводамъ, почему замыселъ присоединить Боснію и Герцеговину къ Австріи не имѣетъ видовъ на успѣхъ. На это, по мнѣнію корреспондента, есть двѣ причины: султанъ придаетъ слишкомъ большое значеніе сохраненію правъ верховенства въ провинціяхъ, и отъ этихъ правъ *добровольно* не отступится: пришлось бы прибѣгнуть къ конгрессу, но тогда противъ Австріи выступитъ не одна Турція, а также Россія." Послѣ рѣчей генерала Скобелева въ этомъ нельзя де сомнѣваться; русская печать, правда, „какъ будто по сигналу" отрицаетъ де существованіе какихъ-либо „воинственныхъ замысловъ, но мы уже довольно знаемъ чего слѣдуетъ ждать отъ панславистской партіи."

Итакъ, Австрія не хочетъ столкновенія съ Турціей, не хочетъ конгресса, не хочетъ, поэтому, открыто заявлять что присоединяетъ Боснію и Герцеговину, но намѣрена противопоставить всякимъ протестамъ совершившійся фактъ. „Beati possidentes," сказалъ однажды князь Бисмаркъ. Чтобы владѣть навсегда Босніей и Герцеговиной не нужно формальностей присоединенія; достаточно стать тамъ твердою ногой, а для этого стоитъ только настроить крѣпостей взамѣнъ тѣхъ жалкихъ кулъ которыя остались послѣ турецкаго владычества. Можетъ-быть Австрійское правительство и затруднилось бы исполненіемъ подобнаго плана еслибъ онъ сопряженъ былъ со слишкомъ большими денежными расходами. Но расходы эти не могутъ быть значительны. Гористая мѣстность, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія и неимовѣрная трудность обхода извѣстныхъ стратегическихъ позицій даютъ возможность довольствоваться небольшимъ числомъ весьма некрупныхъ фортификаціонныхъ сооруженій. На сѣверѣ Боснія и Герцеговина прилегаютъ къ австрійскимъ владѣніямъ, и укрѣпленій здѣсь вовсе не нужно; на югѣ необходимо удержать въ своихъ рукахъ прежде всего полосу отдѣляющую Черногорію отъ Сербіи, долину Лима, какъ открытый путь на Новый Базаръ, Митровицу и Салоники. Но долина Лима и мѣстность къ сѣверо-востоку отъ нея, гдѣ проходятъ дороги на Новый Базаръ, таковы что построивъ рядъ фортовъ у Фочи, Пребоя, Ново-Вороша, Пренолья и Сѣницы, Австрійцы сдѣлаютъ этотъ путь невозможнымъ для наступающаго какъ изъ Турціи, такъ и изъ Сербіи и особенно Черногоріи. Затѣмъ останется укрѣпить Сараево, откуда выходятъ дороги къ Сербской границѣ у Зворника и Ложницы, да Мостаръ, Требинье и какой-либо пунктъ на верхней Неретвѣ. Этого совершенно довольно чтобы предотвратить вторженіе со стороны какъ Сербіи, такъ и Черногоріи. Правда, на случай волненія мѣстнаго населенія, при условіяхъ внѣшней поддер-

жки, Австрія должна подумать о прикрытіи коммуникаціонныхъ путей ведущихъ отъ австрійскихъ границъ къ Мостару и Сараеву, но для этого нѣтъ надобности въ крѣпостяхъ или даже прочныхъ фортахъ: тутъ довольно и временныхъ укрѣпленій какими обыкновенно въ случаѣ нужды прикрываютъ этапы. Незначительное число укрѣпленій необходимыхъ для обороны страны и обезпеченія возможности выйти оттуда, въ случаѣ надобности, на югъ, въ Турецкія владѣнія, тѣмъ выгоднѣе что работы эти потребуютъ вовсе не такъ много времени какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда. Въ этомъ достаточно убѣждаетъ примѣръ Германіи, быстро настроившей неприступныя твердыни въ Альзасъ-Лотарингіи, гдѣ мѣстность не представляла тѣхъ удобствъ какія встрѣчаются въ Босніи и Герцеговинѣ. Разчитываютъ, напримѣръ, что путь ведущій отъ Сараева къ Новому Базару можетъ быть въ теченіе одного лѣта приведенъ въ полное оборонительное состояніе. Условіе скорости возведенія укрѣпленій въ глазахъ Австрійскаго правительства имѣетъ, конечно, особую важность въ виду протестовъ уже теперь возникшихъ при одной только мысли укрѣпить занятыя провинціи. Пока укрѣпленій нѣтъ, австрійская дипломатія вынуждена быть содержанною изъ опасенія проиграть такъ или иначе. Другое дѣло когда форты будутъ возведены, когда на высотахъ окружающихъ Сараево и Мостаръ поднимутся австрійскіе валы, съ которыхъ въ каждую минуту могутъ заговорить тяжелыя крѣпостныя пушки. Тогда настанетъ время всякому слову о правѣ противопоставить совершившійся фактъ. Если теперь когда Австрія стоитъ еще непрочно въ Босніи и Герцеговинѣ, верховенство султана превращается въ миѳъ, то въ послѣдствіи Турція вынуждена будетъ и признать миѳъ миѳомъ которымъ ей легко будетъ пожертвовать.

Итакъ, вовсе неважно намѣрена ли Австрія исполнить обряды формальнаго присоединенія этихъ провинцій; интересно то что она, требуя отъ делегацій денегъ на укрѣпленія, тѣмъ самымъ дѣлаетъ послѣдній рѣшительный шагъ къ завладѣнію этими провинціями. Этого отрицать нельзя, точно такъ же какъ нельзя признать за Австріей *право* строить эти укрѣпленія не только по своему усмотрѣнію, но и съ согласія султана, если только послѣдній не выговоритъ себѣ права занимать эти укрѣпленія совмѣстно съ австрійскими войсками. Безъ этого условія, первый камень положенный австрійскими инженерами въ Босніи и Герцеговинѣ будетъ со стороны Австрійскаго правительства торжественнымъ заявленіемъ что „миссія“ данная ему Европой кончена и что отнынѣ Австрія смотритъ на эти провинціи какъ на свое достояніе. „Beati possidentes!“

Б.

Не разъ уже намъ приходилось указывать на безнравственное и лживое фразерство, которое извѣстнаго рода *интеллигенты* именуютъ своимъ искреннимъ убѣжденіемъ и которое они выдаютъ за послѣднее слово цивилизованнаго либерализма, даже русскаго патріотизма. Съ особенною яркостью обозначилась фальшь этого своеобразнаго патріотизма въ той агитаціи которую эти *интеллигенты* предприняли во имя россійской науки. Ратуя за полное рабское подчиненіе русскихъ *политическихъ* интересовъ чужимъ, публицисты этого рода вмѣстѣ съ тѣмъ ратуютъ за независимость какой-то особой русской *науки*, которая должна явиться результатомъ завѣдомо *худшаго* состоянія среднихъ и высшихъ научныхъ школъ Россіи сравнительно со школами другихъ странъ. Наши гимназіи, по своему уставу, довольно близко подошли къ типу лучшей въ мірѣ среднеобразовательной школы, германской гимназіи,—слѣдовательно задачей *интеллигента* должно быть крушеніе нашихъ гимназій. Наши университеты, какъ по своему уставу такъ и по развившейся на почвѣ этого устава практикѣ, представляютъ прямую противоположность съ высоко стоящими въ научномъ отношеніи университетами Германіи, и разрушаютъ добрые результаты достигаемые гимназіями; этого, конечно, достаточно для нашихъ *либераловъ* чтобы явиться *консервативнѣйшими* защитниками нынѣшняго состоянія русскихъ университетовъ и выставлять уставы ихъ неприкосновенною святыней. Петербургская Академія Наукъ пользуется, по своему уставу, обширнымъ самоуправленіемъ и сама, по своему усмотрѣнію, выбираетъ своихъ членовъ. Она пользовалась своими правами осмотрительно, высоко держала знамя науки и старалась не допускать въ свой составъ представителей

фельетонной мудрости. Понятно что эти столпы „россійской науки,“ мечтающіе объ академическихъ лаврахъ, питаютъ непритворную и непримиримую злобу противъ не признающей ихъ заслугъ Академіи, и требуютъ отмѣны ея самоуправленія, надѣясь попасть въ число академиковъ путемъ *интеллигентнаго канцеляризма.* И вотъ начинается противъ Академіи систематически организованная кампанія, во имя все той же „россійской науки.“ Патріоты *Голоса*, упрекающіе Россію въ „безусловномъ господствѣ и давленіи на внутреннія дѣла германскаго народа,“ и требующіе чтобъ она пресмыкалась предъ волею иностранныхъ правительствъ (*Голосъ*, № 54), съ одинаковою яростью упрекаютъ нашу Академію въ томъ что она „издаетъ труды своихъ членовъ по преимуществу на нѣмецкомъ языкѣ, для обогащенія нѣмецкой науки“ (*Голосъ*, № 60), и требуютъ чтобы была учреждена опека надъ этимъ ученымъ учрежденіемъ.

Допустимъ что самоуправленіе Академіи и самовыборъ академиковъ есть зло грозящее погубить русскую науку. Въ такомъ случаѣ оставалось бы только благодарить Бога что Академія по своему уставу имѣетъ лишь ученый, а не учебный характеръ. Допустимъ что выбранный по кумовству „ученый,“ призванъ былъ бы не только обременять научную литературу своими элукубраціями, но и сверхъ того имѣлъ бы обязанность заставлять русскихъ юношей учить свои лекціи и требовать отъ нихъ на экзаменѣ знанія не науки, а противунаучной болтовни подъ страхомъ невыдачи диплома,—допустимъ эту возможность и спросимъ нашихъ *интеллигентовъ*, настаиваютъ ли они въ этомъ случаѣ на измѣненіи устава дѣлающаго возможнымъ систематическое искорененіе науки въ Россіи? Они безъ сомнѣнія выскажутся за *сохраненіе* подобнаго устава; они очень хорошо знаютъ что именно такой чудовищный антинаучный уставъ въ Россіи существуетъ. Это уставъ 1863 года, двадцать лѣтъ систематически мертвящій наши университеты. На основаніи этого устава профессоры, подобно академикамъ, сами выбираютъ себѣ товарищей, руководясь при этомъ выборѣ личными интересами, интересами своихъ партій, фракцій и группъ. Эти руководители юношества читаютъ что̀ имъ угодно, какъ имъ угодно и сколько имъ угодно, и молодые люди обреченные слушать ихъ лекціи принуждены сверхъ того усвоять себѣ всю эту мудрость и съ рабскою точностью воспроизводить ее на экзаменахъ. Нападать на самоуправленіе Академіи, которая никому, кромѣ самой себѣ вреда причинять не можетъ, и защищать *самоуправленіе* университетовъ распоряжающихся безконтрольно судьбою отборнаго русскаго юношества,—какихъ людей или партій можетъ быть это дѣломъ? Мы отнюдь не думаемъ утверждать будто уставъ Академіи есть совершенство. Мы утверждаемъ что нынѣшній уставъ университетовъ есть организованная насмѣшка и надъ государствомъ, и надъ наукой. *Голосъ* увѣряетъ своихъ читателей будто *Московскія Вѣдомости* постоянно и упорно отстаиваютъ академическіе порядки. Это неправда. Намъ рѣдко приходилось говорить объ Академіи,—и теперь мы заговорили о ней главнымъ образомъ лишь по поводу университетовъ. Но мы еще разъ повторяемъ сказанныя нами слова, которыя не понравились *Голосу*. „Въ Академіи, говорили мы, какъ чисто ученомъ, а не учащемъ, какъ университеты, обществѣ, принципъ самоуправленія и кооптаціи имѣетъ смыслъ, здѣсь онъ умѣстенъ, и въ силу этого принципа нельзя оспаривать у академическаго большинства право выбирать себѣ товарищей по нраву, причемъ можетъ быть принимаемо въ разчетъ, кромѣ спеціальныхъ трудовъ, и общее образованіе, и благовоспитанность, и образъ мыслей избираемаго.“

По поводу этихъ словъ, петербургская газета пришла въ притворное негодованіе. Она хочетъ придать имъ какой-то особый тайный смыслъ и обвиняетъ насъ въ инсинуаціи. Но неужели можно серіозно допустить мысль что въ Императорской Академіи Наукъ могла бы засѣдать компанія людей которая, по образу своихъ мыслей, подходила бы, напримѣръ, къ *Голосу?*

№ 76.

Москва, 16-го марта.

Въ нашъ вѣкъ быстраго общенія съ помощью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и развитія печати, казалось бы очень трудно разыграть одну изъ тѣхъ политическихъ интригъ которыя составляли обычное сред-

ство въ прежнія времена и въ томъ заключались чтобы въ данную минуту забить тревогу по поводу вымышленнаго факта и продолжать агитацію пока цѣль не будетъ достигнута, не обращая вниманія на всѣ попытки возстановить истину. Возможно ли прибѣгнуть къ такому же маневру теперь, когда, благодаря телеграфу, всякій выдающійся фактъ въ публичной жизни становится въ тотъ же день достояніемъ всего читающаго газеты міра? Казалось бы что намѣренная публичная ложь можетъ развѣ только повредить тому дѣлу для котораго она придумана, такъ какъ имѣются всѣ способы къ опроверженію лжи.

Такъ можетъ и должно казаться съ перваго взгляда; но не такъ выходитъ на самомъ дѣлѣ, и политическая интрига умѣетъ до сихъ поръ пользоваться ложью и извлекать изъ нея свою дѣйствительную или воображаемую выгоду. Недавняя агитація западной печати противъ „воинственныхъ замысловъ панславизма“ даетъ этому рѣзкое подтвержденіе.

Болѣе мѣсяца читаемъ мы изо дня въ день во всѣхъ безъ исключенія органахъ европейской печати болѣе или менѣе озлобленныя сказанія о томъ какъ „панславистская партія“ въ Россіи и ея печатные органы, въ числѣ коихъ нашей газетѣ обыкновенно отводится одно изъ первыхъ мѣстъ, „неистово“ проповѣдуютъ „Тамерлановскій походъ“ противъ „цивилизованной“ Европы. Панслависты видятъ де въ войнѣ противъ Запада „единственный выходъ“ изъ внутреннихъ смутъ разъѣдающихъ Россію; завоевательные замыслы, болѣе или менѣе скрытые, но всегда де составляющіе основную идею внѣшней политики Россіи, нашли дѣятельную поддержку въ этой „всесильной въ настоящее время“ партіи, а потому и т. д. Выводъ изъ этого положенія видоизмѣняется смотря по надобности и сообразно съ тенденціями болѣе или менѣе враждебными Россіи, свойственными той или другой газетѣ. Но самое положеніе остается неизмѣннымъ, фактъ выставляется какъ нѣчто доказанное, особливо со времени небывалой парижской рѣчи генерала Скобелева, этого де „Готфрида Бульйонскаго“ панславизма.

А между тѣмъ, органы русской печати коимъ приписываются злостные замыслы противъ спокойствія Европы высказывались публично; они всѣ налицо и провѣрить ихъ слова не трудно. Что же касается рѣчи генерала Скобелева, якобы произнесенной имъ въ Парижѣ, то и она подверглась тщательной провѣркѣ и истинный смыслъ словъ его сказанныхъ въ частномъ разговорѣ, искаженный нѣкоторыми газетами, былъ возстановленъ, и все фальшиво вложенное въ уста русскаго генерала было опровергнуто. Спрашивается, когда же и при какихъ обстоятельствахъ органы „панславистской печати“ взывали къ войнѣ? Требовалъ ли войны генералъ Скобелевъ, грозилъ ли ею?

Мѣсяца полтора тому назадъ одна московская газета напечатала статью посвященную Берлинскому трактату, въ которой справедливо указывалось на то что этотъ трактатъ не по сердцу Русскому народу. На эту статью тотчасъ же было обращено вниманіе въ нѣмецкой печати и ей приданъ былъ такой смыслъ будто требовалось разорвать трактатъ силою оружія. Генералъ Скобелевъ, въ разговорѣ, тоже коснулся этого трактата, хотя въ то же время настаивалъ на томъ чтобы трактатъ этотъ, каковъ бы ни былъ, соблюдался въ точности, и нѣкоторыя рѣзкія выраженія, которыя будто бы употребилъ генералъ Скобелевъ, заключали въ себѣ именно протестъ противъ поползновеній австрійской политики нарушить въ свою пользу точный смыслъ договора. Въ словахъ генерала Скобелева не было ни тѣни намека на какіе-либо воинственные замыслы Россіи; напротивъ, онъ энергически настаивалъ на ея безкорыстіи въ дѣлахъ Востока. И мы полагаемъ что это не пустыя слова въ устахъ одного изъ самыхъ блестящихъ полководцевъ недавней войны, окончившейся столь безпримѣрнымъ въ исторіи самоотреченіемъ побѣдителя. Но за то генералъ Скобелевъ горячо протестовалъ противъ любостяжательныхъ замысловъ со стороны другихъ,—замысловъ противъ единоплеменныхъ Россіи народовъ Балканскаго полуострова, за свободу и независимость которыхъ Русскій народъ проливалъ свою кровь.

Вотъ факты, которые послужили поводомъ къ яростной агитаціи, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ, противъ панславизма. Теперь нѣсколько улегся этотъ неистовый гамъ. Опасности грозившія будто бы европейскому миру признаются разсѣянными послѣ манифестацій послѣднихъ дней. Но никому и въ голову не приходитъ сознаться что недавняя агитація была на-

мѣреннымъ искаженіемъ истины; дѣлу дается, напротивъ, такой оборотъ будто мирная манифестація есть нѣчто вынужденное возбужденною въ Европѣ тревогой. Уже послѣ дня рожденія императора Вильгельма, въ вѣнской *Политической Корреспонденціи*, появилось письмо изъ Берлина, преисполненное самыхъ злостныхъ выходокъ противъ Россіи, а эта *Корреспонденція*, какъ извѣстно, имѣетъ характеръ коллективно-офиціозный и сообщенія получаемыя сю изъ европейскихъ столицъ (не исключая и Петербурга) всегда принимаются какъ высокопробныя. И вотъ, въ этомъ письмѣ изъ Берлина, повторяется сказаніе о панславизмѣ и его враждебныхъ замыслахъ. Опасность грозящая Европѣ со стороны Россіи выставляется какъ постоянная и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ неотвратимая. „Панславизмъ, сказано тамъ между прочимъ, недавно еще составлявшій мечтаніе пустыхъ фантазеровъ сталъ нынѣ орудіемъ войны.“ Посредствомъ этого орудія, то-есть посредствомъ ненависти ко всему чужеземному, преимущественно нѣмецкому, панславизмъ надѣется де поднять народъ на войну, дабы избѣгнуть *хаоса* угрожающаго внутри. „Вопросъ лишь въ томъ, замѣчаетъ далѣе берлинскій корреспондентъ вѣнскаго оффиціознаго листка, кто кого пересилитъ: панславизмъ ли ищущій спасенія въ національной войнѣ, возбужденной лживыми подстрекательствами, или *хаосъ*.“ Корреспондентъ питаетъ надежду авось либо удастся немногимъ просвѣщеннымъ приверженцамъ запада спасти Россію путемъ постепеннаго усвоенія западно-европейскихъ учрежденій...

Такими-то злостными инсинуаціями хотятъ насъ сбить съ толку и побудить къ „усвоенію западно-европейскихъ учрежденій,“ что именно и значило бы повергнуть насъ въ желаемый „хаосъ...“

№ 77.

Москва, 17-го марта.

Dum solitudinem fecerant, pacem appellant. Отстаивая во что бы ни стало анархію въ нашихъ университетахъ, водворенную уставомъ 1863 года, поборники этого устава заявляютъ теперь въ *Новомъ Времени* (отъ 13 марта 1882 г.) что они сами стоятъ за власть, за укрѣпленіе къ ней довѣрія, которое пошатнулось бы еслибъ она приступила къ ломкѣ и передѣлкѣ созданныхъ ею же положеній. Вопіющее, нестерпимое зло, которымъ страдаютъ наши университеты внутри и которое они распространяютъ отъ себя на всю страну, все это, на языкѣ новѣйшихъ поборниковъ университетскаго устава 1863 года, не болѣе какъ „недоразумѣнія, которымъ въ прежнее время придавалось значеніе преувеличенное, чуть не угрозы самому существованію государства,“ и которыя будто бы „разрѣшаются теперь самымъ спокойнымъ образомъ;“ все это де „естественная реакція противъ чрезмѣрнаго господства въ университетахъ начала государственнаго,“ и въ виду этого они, какъ бы во власть облеченные, вѣщаютъ что „и мысль о необходимости кореннаго пересмотра университетскаго устава все болѣе и болѣе отдаляется, все болѣе и болѣе обрисовывается какъ плодъ болѣзненнаго раздраженія обиженной теоріи.“ Вотъ что называется съ больной головы да на здоровую! Отрицать вопіющіе, всѣмъ извѣстные, документально засвидѣтельствованные факты, которые непререкаемо говорятъ о болѣзненномъ состояніи нашихъ университетовъ подъ дѣйствіемъ устава 1863 года, это—здорово, это—миротворно, это—достойно де „разумнаго правительства,“ задача котораго—„мирить противорѣчія жизни и закона, находить выходы изъ нихъ безъ насилія надъ тѣмъ и другимъ;“ не закрывать же глазъ на истинное положеніе дѣлъ и не обманывать ни себя, ни другихъ, а предлагать мѣры противъ зла, однажды допущеннаго и такъ долго, вслѣдствіе роковыхъ случайностей, терпимаго, это—„плодъ болѣзненнаго раздраженія обиженной теоріи.“ Какое лицемѣріе и фарисейство! Какая безстыдная и нескончаемая ложь!

Еслибы все зло нашихъ университетовъ было не болѣе какъ естественною реакціей противъ порядковъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, то могла ли бы эта реакція продолжаться цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ, порождая такія болѣзненныя явленія, которыя грозятъ окончательнымъ разложеніемъ университетовъ? Еслибы въ уставѣ 1863 года заключались какія-либо здоровыя начала, то они несомнѣнно обнаружились бы въ теченіе столь долгаго времени и возстановили бы нормальное теченіе университетской жизни, особенно же въ виду того что съ 1872 года зашла уже

рѣчь о необходимости университетской реформы и всѣ поборники устава 1863 года были крайне заинтересованы тѣмъ чтобы доказать на дѣлѣ всю благотворность этого устава. Нѣтъ, въ уставѣ 1863 года не заключается никакихъ условій для исцѣленія нашихъ университетовъ и, напротивъ, въ немъ есть все для того чтобы погубить ихъ въ конецъ... А между тѣмъ нѣтъ почти ни одной сферы общественной и государственной жизни куда бы ни проникало вліяніе университетовъ, ибо и на простой народъ они дѣйствуютъ чрезъ посредство начальныхъ школъ, для коихъ люди университета приготовляютъ преподавателей, и нѣтъ въ настоящее время реформы болѣе существенной и значительной, болѣе глубоко и широко захватывающей всю жизнь и болѣе неотложно-необходимой какъ реформа университетовъ. Законники-фарисеи, съ которыми намъ приходится сегодня сводить наши счеты и которые ради сохраненія анархіи въ университетахъ готовы принимать на себя личину поборниковъ власти, не стѣсняются въ выборѣ средства для достиженія своей цѣли. Самое сподручное для нихъ средство—ложь во всѣхъ ея видахъ, начиная съ извращенія чужихъ словъ и мнѣній. Такъ, между прочимъ, изъ того что было нами сказано о пригодности выборнаго начала въ Академіи Наукъ, они выводятъ лживымъ образомъ заключеніе что мы вовсе не противъ выборнаго начала въ ученыхъ корпораціяхъ, а слѣдовательно и въ профессорскихъ коллегіяхъ, и желали бы только чтобы послѣднія выбирали профессоровъ по нашему вкусу. Но большая разница общество ученыхъ людей призванныхъ къ разработкѣ въ тиши кабинетовъ и въ академическихъ конференціяхъ вопросовъ науки, которымъ ничего, кромѣ собственныхъ ихъ научныхъ занятій, не ввѣрено, и университеты, призванные обучать и воспитывать юношество для различныхъ поприщъ общественнаго и государственнаго служенія и сообщать своимъ питомцамъ не только ученыя степени и званія, но и права государственной службы. Если въ Академіи Наукъ умѣстны выборы, подъ контролемъ конечно государственной власти, то въ университетахъ правительство можетъ предоставить профессорскимъ коллегіямъ только право рекомендаціи, право представленія лицъ которыхъ онѣ считаютъ достойными занять вакантную каѳедру; но оно, не отрекаясь отъ себя, не можетъ стѣснять себя этою рекомендаціей и лишать себя возможности замѣщать каѳедры по своему усмотрѣнію.

Наши законники-фарисеи утверждаютъ что уставъ 1863 года вовсе не упраздняетъ государственную власть надъ университетами, ибо „отъ государственной власти зависитъ утвержденіе въ должности или званіи того или другаго выборнаго университетскаго дѣятеля." Какъ будто бы имъ неизвѣстно что это утвержденіе не болѣе какъ формальность. Такъ какъ съ правомъ утверждать или не утверждать не соединено право, въ случаѣ неутвержденія выборнаго лица и безо всякихъ околичностей, назначить отъ себя своего кандидата, а слѣдовательно не дано и возможности заботиться о томъ чтобъ имѣть такихъ кандидатовъ, чтобы заранѣе подготовлять ихъ для важнѣйшихъ каѳедръ, которыми такъ часто пренебрегаютъ наши университеты, оставляя ихъ по долгу не замѣщенными или замѣщая ихъ кѣмъ попало. Когда наше правительство, въ силу уставовъ 1804 и потомъ 1835 годовъ, исполняло свою обязанность, то оно не имѣло недостатка въ достойныхъ кандидатахъ для замѣщенія вакантныхъ каѳедръ; оно создало особый профессорскій институтъ, который далъ университетамъ и странѣ многихъ полезныхъ дѣятелей науки, и Московскій Университетъ еще до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаетъ сколькими лучшими своими дѣятелями онъ былъ обязанъ прямому назначенію отъ своего попечителя, графа С. Г. Строганова, помимо всякихъ факультетскихъ и совѣтскихъ выборовъ.

Но довольно. Кому дороги интересы науки, просвѣщенія, всесторонняго умственнаго, нравственнаго, общественнаго и государственнаго преуспѣянія Россіи, и кто что-нибудь смыслитъ въ университетскихъ дѣлахъ, для того не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ неотложной необходимости кореннаго преобразованія нашихъ университетовъ; но всѣхъ кто желалъ бы университетами пользоваться какъ могущественнымъ орудіемъ разложенія Россіи въ ея будущемъ, въ ея молодыхъ поколѣніяхъ, того рѣшительно невозможно, да и не для чего убѣждать въ необходимости кореннаго преобразованія университетовъ.

Но мы полагаемъ что статья *Новаго Времени* есть послѣдній выстрѣлъ защитниковъ Устава 1863 года. Писавшій ее, конечно, не предвидѣлъ событія которое совершилось теперь, дня чрезъ три послѣ ея появленія...

Ровно два года, одно изъ государственныхъ дѣлъ величайшей важности, народное просвѣщеніе, находилось въ состояніи тяжкаго болѣзненнаго кризиса. Невѣроятное творилось въ этой области. Вандализмъ самаго дурнаго свойства угрожалъ нашей школѣ конечнымъ сокрушеніемъ и заранѣе торжествовалъ побѣду. Истинно „проклятая рука,“ путемъ обмана и смуты, пыталась захватить всѣ источники нашего народнаго обновленія. Не только интересы просвѣщенія и науки въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, не только высшая польза государства, но простой здравый смыслъ, простая очевидность, подвергались отрицанію и поруганію. Эти оргіи попускались какъ бы для того чтобы дѣло нашей школы прошло чрезъ самое тяжкое испытаніе, и тѣмъ побѣдоноснѣе доказало бы свою живучесть. Если послѣ всего бывшаго оно еще уцѣлѣло и не рушилось, если, напротивъ, даже въ самыхъ разшатанныхъ умахъ произошла благотворная реакція, то это самый рѣшительный признакъ ея крѣпости и силы.

Всему однако должна быть пора; хорошаго понемногу... Пора кончиться и кризису которому подвергалась наша школа.

Мы сообщаемъ сегодня полученное нами изъ достовѣрнаго источника извѣстіе о назначеніи И. Д. Делянова министромъ Народнаго Просвѣщенія. Кому не извѣстно это имя? Кто въ вѣдомствѣ нашего народнаго просвѣщенія не знаетъ И. Д. Делянова, и что не извѣстно ему въ этой сферѣ, кого онъ не знаетъ изъ лицъ служащихъ этому дѣлу? Это имя должно успокоить и утѣшить всѣхъ кому дорого дѣло нашего народнаго просвѣщенія. Назначеніе это свидѣтельствуетъ что испытаніе нашей школы кончилось, что кризисъ, которому она подвергалась, миновалъ благополучно. Новое управленіе обладаетъ всѣми условіями успѣха, лишь бы только принялось со всею энергіей и твердостію дѣйствовать какъ требуютъ обстоятельства.

№ 78.

Москва, 18-го марта.

Статья г. Рязанова „Контрабанда готовымъ платьемъ,“ по своему содержанію, во всякое время могла бы заинтересовать читателя. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ она при настоящихъ обстоятельствахъ, въ моментъ обсужденія задуманныхъ измѣненій въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, наканунѣ законодательнаго разсмотрѣнія возбужденнаго таможеннаго вопроса, коего рѣшеніе, судя по газетнымъ извѣстіямъ, послѣдуетъ, можетъ быть, уже въ текущемъ мѣсяцѣ.

Указывая на общую несостоятельность нашего тарифа, г. Рязановъ, для примѣра, подвергъ разбору только двѣ его статьи, 219 и 85, чтобы показать до какой степени идутъ онѣ въ разрѣзъ съ требованіями всевозможныхъ затронутыхъ ими интересовъ и какъ трудно было бы найти какія-нибудь соображенія въ ихъ защиту. Рядомъ фактовъ и простыхъ разчетовъ доказываетъ онъ что эти статьи отнимаютъ хлѣбъ у нашего рабочаго люда, причемъ казна теряетъ большія суммы которыя могла бы получать съ привозимыхъ по этимъ статьямъ товаровъ. Необдуманность, небрежность редакціи указываемыхъ авторомъ статей тарифа, дѣйствительно, паразительна. Въ 219 статьѣ, напримѣръ, подведены подъ одинъ уровень и предметы обыкновенной одежды составляющей общую потребность, и предметы роскоши, и товары выписываемые партіями въ десятки и сотни пудовъ, и такіе которые выписываются иногда въ количествѣ немногихъ фунтовъ, каковы, напримѣръ, туалетныя принадлежности обшитыя кружевомъ. Никакого различія между всѣми этими предметами тарифъ не дѣлаетъ, облагая ихъ однообразною тарифною пошлиной. Тарифы другихъ странъ относятся къ дѣлу иначе. Въ каждомъ изъ нихъ принимается во вниманіе матеріалъ изъ котораго сдѣланы принадлежности одежды, и размѣръ пошлины поставленъ въ зависимость отъ этого матеріала. У насъ же принимается въ разчетъ только огульная оцѣнка товара, безо всякихъ основаній для ея провѣрки, безо всякихъ гарантій въ томъ что провозитель не оцѣнитъ своего товара во много разъ ниже его дѣйствительной стоимости. Постоянное крайнее приниженіе

таковыхъ оцѣнокъ есть, по свидѣтельству г. Рязанова, общее у насъ явленіе и это пониженіе оцѣнокъ доходитъ до того что партіи товара стоящія нѣсколько десятковъ тысячъ рублей оцѣниваются всего въ нѣсколько сотъ рублей. Благодаря этому выходитъ что огромный привозъ многоразличныхъ товаровъ относимыхъ къ 219 статьѣ тарифа опредѣляется офиціальною статистикой всего въ 2½ милліона рублей, и лишь съ этой суммы взимается пошлина, которая вслѣдствіе этого утрачиваетъ всякое охранительное значеніе. Взиманіе пошлинъ съ цѣны товара, какъ извѣстно, играетъ преобладающую роль въ американскомъ тарифѣ; тамъ оно господствуетъ надъ обложеніемъ по вѣсу и объему. Но тамъ приняты мѣры къ тому чтобы процентныя пошлины были дѣйствительными, а не фиктивными. Тамъ въ основу оцѣнки принимается не произвольно объявленная провозителемъ цѣна, но цѣна привозимаго товара на главныхъ рынкахъ страны откуда товаръ вывозится, съ присоединеніемъ къ ней накладныхъ расходовъ; тамъ установлена правильная система оцѣнокъ. У насъ ничего этого нѣтъ. Самое взиманіе пошлинъ съ цѣны товара составляетъ у насъ не правило, а исключеніе, которое примѣняется притомъ не въ тѣхъ случаяхъ гдѣ оно было бы наиболѣе умѣстно. Привозные мѣха, напримѣръ, по 85 статьѣ облагаются пошлиной не съ цѣны, а по вѣсу, хотя оцѣнка мѣховъ въ таможняхъ была бы дѣломъ гораздо болѣе легкимъ чѣмъ оцѣнка принадлежностей туалета подводимыхъ подъ 219 статью. Взиманіе же пошлины съ мѣховъ по вѣсу ведетъ къ тому что съ самыхъ дорогихъ привозныхъ мѣховъ казна беретъ какую-нибудь одну шестую долю процента ихъ стоимости, тогда какъ съ дешевыхъ мѣховъ не составляющихъ предметовъ роскоши взимаетъ въ двадцать и тридцать разъ болѣе. Наоборотъ, взиманіе пошлинъ съ цѣны принадлежностей одежды и т. п. ведетъ къ тому что привозные товары облагаются не тѣми сборами какіе установлены тарифомъ и какихъ требовала бы таможенная политика, а какіе находитъ удобнымъ уплатить провозитель этихъ товаровъ.

Но служитъ ли нашъ таможенный тарифъ, въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ на бумагѣ и примѣняется на дѣлѣ, выраженіемъ какой-либо таможенной политики? Стоитъ обратить вниманіе на любыя его стороны, и придется отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно. Сопоставляя различныя установленныя въ нашемъ тарифѣ пошлины, не доберешься ни до какой мысли руководившей ихъ установленіемъ. Отсутствіе всякой соразмѣрности, всякой связи между нормами различныхъ пошлинъ по нашему тарифу, давно уже замѣчалось. Эти недостатки выступили особенно ярко благодаря изданной недавно Министерствомъ Финансовъ брошюрѣ *Русскій Таможенный Тарифъ въ сравненіи съ тарифами иностранными.* Особенно поразительно сопоставленіе нашихъ пошлинъ съ американскими. Въ американскомъ тарифѣ все обдумано, все находится въ тѣсной связи; у насъ почти каждая пошлина носитъ характеръ случайности, стоитъ особнякомъ, не имѣя никакой цѣли. Достаточно просмотрѣть американскій тарифъ чтобы сразу видѣть его послѣдовательно охранительный для американскаго производства характеръ. Нашъ тарифъ тоже принято называть охранительнымъ, но вникая въ установленныя имъ пошлины трудно понять что именно онъ охраняетъ.

Наиболѣе высокими пошлинами обложены у насъ товары относящіеся къ разряду такъ-называемыхъ жизненныхъ припасовъ. Главная масса таможенныхъ доходовъ получается именно съ нихъ. Первое мѣсто въ ряду привозныхъ товаровъ дающихъ казнѣ наибольшій доходъ занимаетъ чай, и безъ пошлинъ съ него наши таможенные сборы понизились бы болѣе чѣмъ на четвертую долю всего ихъ итога, казна не досчиталась бы въ своемъ бюджетѣ почти тридцати милліоновъ рублей. Но это просто налогъ на внутреннее потребленіе, никакого производства не ограждающій и вовсе не разчитанный на развитіе чайныхъ плантацій въ Россіи. Тарифъ, по которому съ привозныхъ жизненныхъ припасовъ взимается пошлина въ размѣрѣ среднимъ числомъ 30—40% съ ихъ стоимости, между тѣмъ какъ съ издѣлій фабричныхъ, заводскихъ и ремесленныхъ пошлина не взимается среднимъ числомъ даже и въ половинномъ противъ указаннаго размѣрѣ, можетъ быть названъ фискальнымъ, никакъ не охранительнымъ.

Американскій тарифъ чуждъ фискальнаго характера въ указанномъ отношеніи. Онъ избѣгаетъ налоговъ падающихъ на

потребленіе безъ пользы для внутренняго производства. Чай, кофе, какао,—продукты не производимые почвой Соединенныхъ Штатовъ,—пропускаются по американскому тарифу безпошлинно. И несмотря на такую большую льготу для внутреннихъ потребителей, американскій тарифъ много совершеннѣе нашего даже въ фискальномъ отношеніи: американская система таможеннаго обложенія увеличила бы почти вдвое доходы получаемые нашею казной отъ таможень.

Освобождая отъ пошлинъ жизненные припасы не производимые въ странѣ и привозъ коихъ по этому не можетъ идти въ подрывъ внутреннему производству, американскій тарифъ за то налагаетъ серіозныя пошлины на такіе припасы которые могутъ быть производимы дома. Довольствуясь высокими пошлинами съ чая, нашъ тарифъ мало озабоченъ огражденіемъ интересовъ русскаго рыболовства, садоводства, огородничества, хмѣлеводства, табаководства. Въ американскомъ тарифѣ установлены по этой части гораздо болѣе высокія чѣмъ у насъ пошлины.

Въ нашемъ тарифѣ съ перваго взгляда поражаетъ длинный списокъ товаровъ пропускаемыхъ безпошлинно. Большею частью этотъ безпошлинный пропускъ представляется одинаково необъяснимымъ какъ съ фискальной, такъ и съ охранительной точки зрѣнія. Почему казна не беретъ ни копѣйки пошлины съ массы товаровъ привозимыхъ на сумму равную стоимости всего привозимаго чая? Какъ согласить съ *охранительнымъ* характеромъ тарифа безпошлинный пропускъ, напримѣръ, кирпича, всякой плотничной и бочарной работы, корзинныхъ издѣлій и тому подобныхъ предметовъ, которые Американцы облагаютъ пошлиной отъ 20 до 35% съ ихъ цѣны? Для чего пропускаются безпошлинно мраморныя ступени и тумбы (американская пошлина 50% съ цѣны), аспидъ, водопропускные и мельничные камни, алебастръ, известь и тому подобные товары, привозъ коихъ только парализуетъ попытки изслѣдованій и разработки собственныхъ мѣсторожденій этихъ минераловъ? Какой во всемъ этомъ смыслъ?

Металлическое и механическое производства составляютъ, можно сказать, основу всѣхъ прочихъ отраслей промышленности. Ни одна изъ нихъ не можетъ стоять прочно на своихъ ногахъ, чувствовать себя независимою отъ иностранцевъ, пока въ странѣ нѣтъ своего прочно установившагося механическаго производства. Упроченіе этого послѣдняго есть, поэтому, главный, центральный пунктъ всякой охранительной таможенной системы. А какую охрану даетъ механическому и металлическому производству нашъ ославленный охранительнымъ тарифъ? Лишь недавно рѣшились у насъ покончить съ безпошлиннымъ пропускомъ желѣза и машинъ, обложивъ ихъ пошлинами отличающимися скорѣе фискальнымъ чѣмъ охранительнымъ характеромъ. Не такъ относятся къ этому дѣлу въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ широкое развитіе производства металловъ и машинъ, казалось бы, уже устраняетъ особую заботу объ огражденіи ихъ отъ иностранной конкурренціи. Привозный чугунъ оплачивается втрое высшею чѣмъ у насъ пошлиной, разные сорта желѣза и стали среднимъ числомъ обложены вдвое выше чѣмъ у насъ; металлическія издѣлія и машины отъ 30 до 45% съ цѣны. Вотъ это дѣйствительно можетъ быть названо покровительствомъ. При такомъ размѣрѣ обложенія, съ однѣхъ привозныхъ машинъ казна должна была бы получать у насъ болѣе того что получается съ чая... А что получаетъ она на дѣлѣ?

Казна получаетъ едва ли достаточно для покрытія тѣхъ субсидій какія давались ею механическому и металлическому производствамъ, субсидій коими достигнуто лишь кажущееся, воображаемое развитіе у насъ этихъ производствъ. У насъ создались заводы неспособные стоять на своихъ ногахъ, существующіе только для полученія казенныхъ субсидій, могущіе обрабатывать только привозные металлы и частію служащіе только для сборки машинныхъ частей изготовленныхъ за границей. Создалось производство которое каждую минуту можетъ рухнуть какъ карточный домикъ. Не такимъ было бы оно еслибы поддерживалось не субсидіями, а тарифомъ подобнымъ американскому. И производство установилось бы прочно, и казна, вмѣсто большаго расхода на субсидіи, пользовалась бы значительною статьей дохода.

Отъ наложенія серіозныхъ пошлинъ на металлы и машины у насъ воздерживались изъ опасенія повредить другимъ отраслямъ промышленности, нуждающимся въ машинахъ; но при этомъ не принимали въ раз-

четъ что нѣкоторое вздорожаніе машинъ можетъ отозваться лишь очень слабо на цѣнахъ продуктовъ этихъ производствъ, и что этотъ подъемъ цѣнъ выкупался бы освобожденіемъ отъ иностранной зависимости. Но о постановкѣ нашихъ производствъ въ независимое отъ иностранцевъ положеніе авторы нашего тарифа едва ли заботились.

Ткацкое производство, дѣйствительно, пользуется у насъ хотя и не такими какъ въ Америкѣ, но все же серіозными покровительными пошлинами; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ его отраслей имѣютъ характеръ почти такихъ же сборочныхъ мастерскихъ какъ иные наши механическіе заводы. Наши фабрики превращаютъ въ ткани привозную пряжу. Ограждая ткацкое производство, тарифъ оставляетъ въ пренебреженіи производство прядильное, безъ котораго первое не можетъ стоять на своихъ ногахъ. Шелковая пряжа, которой ввозится у насъ на 10 милліоновъ рублей, обложена пошлиной составляющею какіе-нибудь $1^1/_2$% съ ея цѣны, тогда какъ въ Америкѣ размѣръ этой пошлины опредѣляется отъ 35 до 60%. Шерстяная пряжа, ввозимая еще на бóльшія суммы, обложена у насъ по 4 руб. 95 к. съ пуда, тогда какъ по американскому тарифу она облагается отъ 9 руб. 95 к. до 24 руб. 87 к. съ пуда и 35% съ цѣны. Вмѣсто нашихъ пошлинъ съ бумажной пряжи въ размѣрѣ отъ 3 р. $57^1/_2$ к. до 4 р. $67^1/_2$ к. съ пуда, въ американскомъ тарифѣ видимъ пошлины отъ 4 р. 97 к. до 19 р. 90 к. и 20% съ цѣны. На ряду съ пошлиной на пряжу стоятъ пошлины на матеріалъ изъ котораго она сдѣлана. Въ нашемъ тарифѣ мы имѣемъ, напримѣръ, однообразную пошлину въ $24^1/_5$ коп. съ пуда шерсти какъ простой, такъ и мериносовой. Этою пошлиной выражается все покровительство оказываемое русскому овцеводству. По американскому тарифу шерсть, смотря по сортамъ, обложена отъ 1 руб. $49^1/_5$ к. до 17 руб. 91 к. съ пуда и 30% съ цѣны.

Вотъ это можетъ быть названо дѣйствительнымъ охраненіемъ отечественнаго производства на всѣхъ его стадіяхъ и во всѣхъ отрасляхъ. И только такая послѣдовательная, вѣрная самой себѣ таможенная политика и можетъ вести къ тѣмъ результатамъ къ которымъ она направляется. Не пора ли и нашей таможенной политикѣ, наконецъ, усвоить себѣ опредѣленный и послѣдовательный характеръ?

№ 79.

Москва, 19-го марта.

А.

Недавно издано новое *Положеніе объ управленіи полкомъ* (см. *Военн. Сборн.*, мартъ). Особенно новаго въ этомъ *Положеніи* нѣтъ ничего; нельзя сказать даже чтобъ имъ разъяснялось старое, чтобъ оно строже и точнѣе опредѣляло взаимныя отношенія всѣхъ чиновъ полка, или, по крайней мѣрѣ, могло служить справочною книгой постановленій по всѣмъ отраслямъ полковаго управленія, разбросанныхъ по многочисленнымъ, разновременно изданнымъ узаконеніямъ, инструкціямъ, приказамъ и циркулярамъ. Въ новомъ *Положеніи* нѣтъ даже опредѣленныхъ ссылокъ и указаній на все это.

Итакъ, *Положеніе объ управленіи полкомъ* есть только плодъ канцелярскаго досуга и имѣетъ всѣ свойства какими отличаются труды нашихъ новѣйшихъ *интеллигентныхъ* военныхъ канцелярій: обмолвками, недомолвками, сомнительными неясностями, противорѣчіями и, главное, неясностью основной идеи, до которой за множествомъ мелочей почти невозможно добраться. Существенное упущено, мелочь на первомъ планѣ. Вотъ примѣръ взятый на выдержку. Въ статьяхъ 4—6 сказано что командиръ полка заботится о чести, о боевой готовности полка, о соблюденіи закона, военной дисциплины и приказаній начальства. Кажется, все? Нѣтъ, въ статьѣ 12-й сказано что „командиръ полка отвѣчаетъ за соблюденіе строгаго во всѣхъ отношеніяхъ порядка;“ въ 13-й, что онъ „отвѣчаетъ за точное исполненіе въ полку всѣхъ существующихъ воинскихъ уставовъ, правилъ, инструкцій;“ въ 14-й что „онъ не допускаетъ никакихъ отступленій отъ установленной для чиновъ полка формы одежды и снаряженія.“ Подробности, очевидно, совершенно излишнія, только обременяющія память, затрудняющія справки и надлежащее пониманіе основныхъ положеній. Еще примѣръ. Въ статьѣ 7-й читаемъ: „командиръ долженъ внушать подчиненнымъ чтобы каждый изъ нихъ обязан-

ность свою исполнялъ съ полною добросовѣстностью и правдою, *памятуя данную клятву служить своему Государю и Отечеству вѣрно, честно и нелицемѣрно.*" Напрасно станемъ искать поясненія этого *Положенія* или подробнаго развитія заключающейся въ немъ обязанности командира. Правда, въ статьѣ 8-й указано что начальникъ долженъ имѣть „нравственное вліяніе на всѣхъ чиновъ полка," а въ статьѣ 9-й что „онъ долженъ знать поведеніе, способности, особенности характера и наклонности подчиненныхъ ему офицеровъ и представлять о нихъ аттестаціи," но нигдѣ не сказано что полковой командиръ обязанъ слѣдить за надлежащимъ образомъ мыслей своихъ подчиненныхъ по отношенію къ статьѣ 7-й *Положенія*. А между тѣмъ обязанности налагаемыя статьей 7-ю на командира суть важнѣйшія, при исполненіи которыхъ командиръ долженъ пользоваться полнымъ и опредѣленно указаннымъ содѣйствіемъ всѣхъ чиновъ полка.

Объ отношеніяхъ полковаго командира къ начальствующимъ лицамъ сказано только что онъ „непосредственно подчиняется командиру бригады." Подробностей опять никакихъ, а между тѣмъ попадаются далѣе и такія *положенія* (ст. 27): „По всѣмъ предметамъ хозяйственной части, разрѣшеніе коихъ превышаетъ права полковаго командира, онъ представляетъ *непосредственно* начальнику дивизіи," значитъ обходитъ командира бригады которому также *непосредственно* подчиненъ. Впрочемъ, такой странный іерархическій обходъ безпрестанно встрѣчается въ нашихъ военныхъ законоположеніяхъ, разумѣется, въ прямой ущербъ дисциплинѣ и начальственному контролю.

Невольно является вопросъ, не слишкомъ ли рано явилось это *Положеніе объ управленіи полкомъ*, не затормозится ли имъ успѣшное исполненіе того дѣла, настоятельная необходимость котораго уже признана? Теперь дѣлается пересмотръ всей существующей системы, и казалось бы необходимо обождать исполненія этой реформы, вмѣстѣ съ которою измѣнятся всѣ служебныя отношенія и предѣлы власти всѣхъ строевыхъ и хозяйственныхъ начальниковъ. Если *Положеніе объ управленіи полкомъ* издано теперь, въ переходное время, то на это могли быть только двѣ причины: вопервыхъ, опасеніе что реформа совершится слишкомъ не скоро; вовторыхъ, увѣренность что она скользнетъ только по поверхности нашей военной системы, не проникая въ ея глубь, въ ея сущность и, слѣдовательно, ничего не измѣнитъ въ отношеніяхъ какъ чиновъ полка между собою такъ и его командира къ высшимъ начальствамъ и вспомогательнымъ вѣдомствамъ (напримѣръ, медицинскому).

Къ сожалѣнію, есть не мало поводовъ думать что обѣ вышеупомянутыя причины дѣйствовали здѣсь вмѣстѣ. Дѣйствующая нынѣ военная система вырабатывалась съ 1863 по 1869 годъ шесть лѣтъ; ходъ дѣла и данное ему направленіе не обѣщаютъ чтобы настоящая реформа совершилась быстрѣе; развѣ напротивъ. Отъ системы приноровленной къ требованіямъ военнаго времени перейти къ такой которая имѣетъ въ виду главнымъ образомъ требованія мирныя всегда легче нежели обратно; точно такъ же легче перейти къ полному объединенію военнаго управленія въ однѣхъ рукахъ нежели къ раздѣленію его разнородныхъ отраслей.

Но наша военная реформа не можетъ откладываться съ году на годъ, въ долгій ящикъ; это значило бы только расшатывать порядокъ и подрывать дисциплину. Вѣра въ прочность существующаго, а слѣдовательно и уваженіе къ нему подорваны. Такое состояніе длиться не можетъ и не должно. Шатанью и канцеляризму долженъ быть положенъ скорый конецъ.

Но если дѣло реформы останется въ рукахъ теперешнихъ учрежденій и канцелярій, естественно не желающихъ разстаться со своими прерогативами и досугомъ, то дѣло неизбѣжно затянется и на каждомъ шагу будетъ тормозиться. Есть, однако, средство ускорить его. Надо только призвать къ участію въ немъ представителей того главнаго органа который долженъ быть созданъ задуманною реформой. Предположено отдѣлить командную часть отъ административно-хозяйственной, и къ дѣлу прежде всего долженъ быть привлеченъ тотъ кто станетъ во главѣ этой командной части, рядомъ съ военнымъ министромъ. Затрудненія въ этомъ встрѣтиться не можетъ. Скажутъ что пока не выработано новое положеніе трудно выбрать подходящее лицо для замѣщенія должности не опредѣлившейся даже и въ главныхъ чертахъ. Но въ чемъ же дѣло? Требуется выработать положеніе объ устройствѣ арміи

и ея управленія наиболѣе приспособленное къ условіямъ службы военнаго времени. Кому же слѣдуетъ руководить этимъ дѣломъ? Для всякаго ясно что здѣсь, кромѣ любви къ военному дѣлу и знанія его начиная отъ мелочей до главнаго, нужна еще опытность. Кто лично командовалъ арміею на войнѣ, только тотъ и можетъ вполнѣ знать всѣ ея нужды, только тотъ и можетъ подать полезный совѣтъ объ устройствѣ и веденіи ея въ мирное время. У насъ есть имя удовлетворяющее всѣмъ этимъ требованіямъ. Это имя генералъ-инспектора кавалеріи и инженерной части, предсѣдателя комитета по устойству и образованію войскъ, бывшаго главнокомандующаго войскъ гвардіи и Петербургскаго округа и главнокомандовавшаго Дунайскою арміей въ боевое время.

Другаго лица въ чьи руки могло бы быть передано дѣло боевой готовности русской военной силы въ настоящее время у насъ нѣтъ.

Б.

Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ органовъ австро-нѣмецкой печати счелъ нужнымъ возвратиться къ провозглашенію Сербіи королевствомъ которое есть нынѣ уже всѣми признанный фактъ, и оцѣнить окончательно его политическое значеніе. Разсужденіе по этому поводу вѣнской *Neue Freie Presse* очень любопытно: оно служитъ нагляднымъ доказательствомъ того какъ великое дѣло исторіи совершается само собою, помимо политической интриги и вопреки хитроумнымъ дипломатическимъ Улиссамъ, замыслившимъ направить по своему и видоизмѣнить по своимъ взглядамъ и личнымъ честолюбіямъ національныя стремленія и духъ народный.

Давно ли упомянутая газета, совокупно съ большинствомъ австро-нѣмецкой и мадьярской печати, высказывала свое безпредѣльное презрѣніе къ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова и въ особенности къ сербскому народу, возстаніе котораго противъ турецкаго ига въ 1876 году было провозвѣстникомъ великаго переворота призвавшаго къ новой жизни тамошнія племена? Въ то время не было иного названія для Сербовъ въ вѣнской и пештской печати какъ „свинопасы;“ отрицалось всякое право турецкихъ Славянъ на историческое обновленіе и независимость въ будущемъ, отрицалось и ихъ историческое прошлое.

Теперь та же газета припоминаетъ въ общихъ чертахъ всю, какъ она теперь выражается, „великую и славную“ исторію Сербскаго народа, доблестную борьбу его древнихъ правителей противъ Византіи и нашествія Турокъ и „геройскую“ потерю сербской независимости послѣ битвы на Косовомъ Полѣ. Затѣмъ вѣнская газета воздаетъ хвалу пассивному геройству Сербскаго народа съ которымъ онъ стойко переносилъ турецкое иго, предпочитая горькую участь политическаго рабства въ качествѣ турецкой райи, отреченію отъ вѣры отцевъ, цѣною котораго значительная часть Боснійскаго народа, перешедшая въ магометанство купила себѣ лучшую матеріальную долю. Георгій Черный, могучій боецъ за сербскую независимость въ началѣ этого столѣтія, выставляется какъ сказочный герой, достойнымъ образомъ олицетворившій сербскій народный идеалъ и вызвавшій слова восторженнаго удивленія даже отъ такого объективнаго историка какъ Леопольдъ Ранке. Вѣнская газета старается, при этомъ, доказать что историческое прошлое Сербскаго народа тѣсно связано съ исторіей Австріи, и что во время продолжительной борьбы Габсбургской монархіи противъ Турокъ, Сербія неоднократно находила въ Австріи поддержку и своимъ стремленіемъ къ независимости. Но при этомъ умалчивается, вопервыхъ, что австрійская поддержка, даже въ то время когда она оказывалась Сербамъ, не привела къ освобожденію ихъ изъ-подъ турецкаго ига, а вовторыхъ, что политика Австріи по отношенію къ нимъ, какъ и къ прочимъ славянскимъ народамъ Балканскаго полуострова, приняла совершенно иной оборотъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ на историческую сцену выступила Россія, на которую Славяне обратили взоры какъ на свою естественную и могущественную покровительницу. Вѣнская газета забыла и о томъ что геройская борьба Кара-Георгія окончилась неудачно потому что Россія была въ то время отвлечена отъ своей освободительной миссіи на востокѣ борьбой съ Наполеономъ, а Австрія не только не поддержала народнаго героя Сербіи, но напротивъ содѣйствовала его гибели и новому порабощенію Сербовъ.

Но если *Neue Freie Presse* не совсѣмъ правдива въ своихъ воспоминаніяхъ объ

историческомъ прошломъ, то тѣмъ замѣчательнѣе искренность съ какою она высказывается о будущемъ значеніи недавняго событія, о которомъ правительственные органы разсуждаютъ какъ о великомъ успѣхѣ австрійской политики. *Neue Freie Presse* находится нынѣ въ прямой и непримиримой оппозиціи, близко подходящей ко враждѣ противъ самой государственной идеи имперіи Габсбурговъ, какъ ее нынѣ себѣ представляютъ политики Гофбурга; и вотъ причины почему австрійскіе Нѣмцы освободились отъ предвзятыхъ взглядовъ и уразумѣли наконецъ что политика не всегда властна надъ исторіей, и что относительно переворота совершающагося на Востокѣ быть-можетъ всего болѣе имѣетъ примѣненіе изреченіе поэта: man glaubt zu schieben und wird geschoben.

„Всѣ полагаютъ," замѣчаетъ названная газета, „что Австрія принимала дѣятельное участіе въ послѣднемъ возвеличеніи Сербіи и многіе склонны думать что это было искуснымъ шахматнымъ ходомъ Австріи противъ русскаго панславизма. Принявъ на себя иниціативу относительно международнаго признанія Сербіи королевствомъ, Австрія будто бы оторвала Сербію отъ Россіи и сдѣлала ее своимъ союзникомъ. Указываютъ, въ подтвержденіе этого, на то что панслависты встрѣтили провозглашеніе Сербскаго королевства несовсѣмъ дружелюбно и усмотрѣли будто бы въ ономъ помѣху своимъ стремленіямъ. Мы, пожалуй, готовы признать что австрійская дипломатія поступила довольно искусно и что въ виду невозможности предотвратить фактъ, она хорошо сдѣлала показавъ возможно довольный видъ при дурной игрѣ. Но нужно изолгаться въ конецъ чтобы утверждать что событіе это входило когда-либо въ планы Австріи. Для этого намъ достаточно напомнить слова графа Андраши, который когда-то поставилъ цѣлью австрійской политики: препятствовать образованію крѣпкихъ славянскихъ государствъ на границѣ Австріи."

Neue Freie Presse полагаетъ, въ противность установившемуся взгляду, что Сербское королевство будетъ преградой стремленіямъ Австріи расширить свое вліяніе. Австрія издревле стремилась завладѣть Бѣлградомъ, а въ новѣйшее время, когда политика ея ограничилась стремленіемъ подчинить Сербію своему вліянію, достаточно было подъема народнаго духа въ Сербіи чтобы Россія, безъ особенныхъ усилій со своей стороны, естественнымъ образомъ получила то вліяніе въ Бѣлградѣ, котораго Австрія тщетно добивалась всѣми способами дипломатическихъ ухищреній. Еще въ послѣднее время, не далѣе какъ въ прошедшемъ году, Австрія получила весьма наглядное указаніе на то какъ относится къ ней Сербскій народъ; въ день годовщины Сербской независимости населеніе Бѣлграда разбило окна въ домѣ австрійскаго резидента, князя Вреде. А съ другой стороны, замѣчаетъ вѣнская газета, можетъ ли Сербскій народъ такъ скоро забыть что въ 1876 году Сербія обязана была своимъ спасеніемъ отъ турецкихъ полчищъ единственно благодаря могучему заступничеству Россіи? И когда Сербія, послѣ заступничества Россіи, заключила миръ съ Турціей, то въ слѣдующемъ году достаточно де было одного мановенія Русскаго Царя, вступившаго съ Турціей въ войну, чтобы Сербія порвала мирный трактатъ и приняла участіе въ этой войнѣ вопреки всѣмъ увѣщаніямъ со стороны Австріи. „Словомъ," замѣчаетъ *Neue Freie Presse*, „въ послѣднее десятилѣтіе безслѣдно исчезло все то вліяніе на Сербію которое мы пріобрѣли въ теченіе столѣтій."

Не утѣшаетъ вѣнскую газету и то что, по общему мнѣнію, король Миланъ и его теперешнее правительство преданы Австріи. Министерства перемѣнчивы, и теперешнее Сербское министерство не можетъ помѣриться вліяніемъ и популярностью съ г. Ристичемъ, заклятымъ врагомъ Австріи. Едва ли, по мнѣнію вѣнской газеты, слѣдуетъ ожидать многаго отъ личнаго вліянія короля Милана, душею преданнаго, по увѣренію многихъ, Австріи. Еслибы даже это было такъ, продолжаетъ газета, то исторія Сербіи показываетъ что для правителей ея весьма опасно идти противъ народнаго настроенія, и недавній выходъ изъ скупщины 51 депутатовъ, вслѣдствіе чего засѣданія ея стали невозможны за недостаткомъ законнаго числа голосовъ, можетъ де повести къ тому что партія Ристича получитъ новое подкрѣпленіе, и теперешнее министерство вынуждено будетъ уступить ему свое мѣсто.

Таковъ, подводимый въ самой Вѣнѣ, итогъ „успѣхамъ" австрійской политики на Балканскомъ полуостровѣ.

№ 80.

Москва, 20-го марта.

Нельзя не сказать нѣсколько словъ по поводу только что вышедшаго въ свѣтъ краткаго *Отчета о таможенныхъ сборахъ и внѣшней торговлѣ за 1881 годъ.* Эти отчеты постоянно обращаютъ на себя вниманіе; тѣмъ бо́льшаго вниманія заслуживаетъ таможенный отчетъ появившійся въ моментъ обсужденія таможенной реформы. Весьма возможно что при ея обсужденіи будутъ дѣлаться ссылки на сообщаемыя въ послѣднемъ таможенномъ отчетѣ цифры; а нѣкоторыя изъ этихъ цифръ таковы что ими можно воспользоваться какъ подручнымъ средствомъ для отклоненія таможенной реформы отъ того направленія которое желательно въ русскомъ національномъ интересѣ, для убѣжденія мало свѣдущихъ въ дѣлѣ людей въ томъ что это желательное направленіе не только не полезно, но пожалуй даже вредно.

За послѣднее время, таможенные отчеты пріучили всѣхъ къ неуклонному изъ года въ годъ возрастанію таможенныхъ сборовъ. Итоги ихъ опредѣлялись въ отчетахъ:

за 1878 годъ.	79.644.579	р. кред.
„ 1879 „	91.414.892	„
„ 1880 „	101.627.555	„

переводя металлическіе рубли въ кредитные по курсу 26 пенсовъ на Лондонъ, или даже 103.785.526 р., при перечисленіи по курсу 25 пенсовъ за рубль. Каждый годъ поступленіе таможенныхъ сборовъ превышало бюджетныя ожиданія: въ 1878 году на 23 милл., въ 1879 на 15, въ 1880—на 12 милл. рублей. Въ минувшемъ 1881 году дѣло вдругъ приняло совсѣмъ иной оборотъ. Вмѣсто превышенія бюджетныхъ ожиданій, оказался недоборъ противъ росписи слишкомъ въ 13½ милліоновъ рублей; вмѣсто увеличенія таможеннаго дохода, оказалось сокращеніе его противъ предшедшаго 1880 года на 19½ милл. рублей. Весь итогъ таможенныхъ сборовъ 1881 года ограничился цифрой 84¼ милл. рублей кредитныхъ. *)

А при какихъ обстоятельствахъ получился такой невыгодный для государственной казны результатъ? При общемъ повышеніи всѣхъ таможенныхъ пошлинъ на 10 процентовъ именно съ 1 января 1881 года; при повышеніи кромѣ того, съ того же времени, пошлинъ по такой важной статьѣ привоза какъ машины и нѣкоторые сорта металлическихъ товаровъ. Такъ вотъ къ чему ведетъ повышеніе таможенныхъ пошлинъ,—къ сокращенію казенныхъ доходовъ, именно тогда когда финансовое вѣдомство озабочено пріисканіемъ источниковъ для ихъ увеличенія. А защитники національной торговой политики хлопочутъ еще о дальнѣйшемъ подъемѣ таможенныхъ пошлинъ, увѣряя что этотъ подъемъ будетъ не въ ущербъ, а къ выгодѣ казны. Какъ имъ вѣрить въ виду краснорѣчивыхъ цифръ таможеннаго отчета за 1881 годъ?

Вотъ къ какого рода аргументаціи могутъ подать поводъ цифры только что обнародованнаго таможеннаго отчета. И на людей мало свѣдущихъ такая аргументація можетъ, пожалуй, произвести впечатлѣніе: особенно если они, что весьма возможно, оставятъ безъ должнаго вниманія сдѣланное въ самомъ таможенномъ отчетѣ примѣчаніе о причинахъ сокращенія сборовъ въ 1881 году, причинахъ не имѣющихъ ничего общаго съ измѣненіемъ уровня таможенныхъ пошлинъ.

Между тѣмъ, если взять эти причины во вниманіе, то окажется, прежде всего, что таможенный доходъ 1881 года, въ сущности, вовсе не былъ меньше таможеннаго дохода 1880 года, а былъ равенъ ему, даже превышалъ его. Это на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, можетъ представиться явнымъ противорѣчіемъ факту, но это такъ.

Дѣло въ томъ что въ счетъ таможенныхъ сборовъ 1880 года поступили и зачислены сборы которые по-настоящему должны были поступить въ итогъ сборовъ минувшаго 1881 года. Указъ о повышеніи съ 1 января 1881 года всѣхъ таможенныхъ сборовъ на 10% состоялся 16 декабря 1880 года. До новаго года, съ его повышенными пошлинами, оставалось двѣ недѣли. Эти двѣ недѣли были употреблены торгующими на то чтобъ очистить пошлиной въ прежнемъ размѣрѣ многіе находившіеся на складѣ въ таможняхъ товары, не потому чтобъ ихъ нужно было пустить въ продажу, а единственно во избѣжаніе платежа повышенныхъ пошлинъ. Вслѣдствіе этого и вышло то что въ пер-

*) Перечисляя металлическіе рубли въ кредитные по курсу 25 пенсовъ на Лондонъ.

вые одиннадцать мѣсяцевъ 1880 года таможенные сборы поступили въ количествѣ 84.349.000 рублей, такъ что на каждый мѣсяцъ приходилось среднимъ числомъ по 7.668.000; а въ декабрѣ таможенные сборы поступили вдругъ въ суммѣ 19.436.000 рублей, почти на 12 милліоновъ болѣе противъ средняго мѣсячнаго поступленія. Въ теченіе всего 1880 года привозная торговля и поступленіе таможенныхъ пошлинъ шли почти въ одинакихъ размѣрахъ съ 1879 годомъ. Но въ декабрѣ 1880 года поступленіе пошлинъ разомъ превысило таковое же за декабрь 1879 года на 10.887.756 рублей. Эта цифра и выражаетъ собою приблизительно ту сумму таможенныхъ сборовъ которая относится собственно не къ 1880, а къ 1881 году, и поступила въ 1880 году лишь авансомъ. Не войди у насъ въ обычай объявлять заранѣе срокъ съ котораго должны взиматься повышенныя пошлины, держись мы попрежнему того порядка который былъ примѣненъ при введеніи въ дѣйствіе тарифа 1857 года, вся указанная поступившая авансомъ сумма съ десятипроцентною придачей (эта придача, свыше милліона рублей, потеряна казной ни за что ни про что), то-есть въ сложности 11.921.000 рублей, поступила бы въ счетъ дохода 1881 года и не дала бы ему упасть до производящей неблагопріятное впечатлѣніе цифры 84 милліоновъ. Таможенные доходы трехъ послѣднихъ лѣтъ выразились бы почти одинаковыми цифрами, а именно:

въ 1879 году	. . . . . .	91.424.892 р.
„ 1880 „	. . . . . .	92.947.770 „
„ 1881 „	. . . . . .	96.202.712 „

причемъ доходъ 1881 года не только не былъ бы ниже дохода предшедшаго года, а былъ бы значительно выше его. И онъ былъ бы еще выше и навѣрно превзошелъ бы ожиданія росписи (97.821.550 р.) еслибы состоявшіяся 3 іюня 1880 года постановленія объ отмѣнѣ безпошлиннаго привоза изъ-за границы чугуна и желѣза и объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, сталь, металлическія издѣлія и машины, вступили въ силу не съ 1 января 1881 года, а со дня ихъ обнародованія, и еслибы такимъ образомъ не былъ вызванъ усиленный въ теченіе семи мѣсяцевъ 1880 года ввозъ машинъ и прочаго, *авансомъ*, въ счетъ привоза и таможенныхъ сборовъ 1881 года.

Только что вышедшій таможенный отчетъ ставитъ на видъ сильное сокращеніе ввоза машинъ и ихъ принадлежностей какимъ ознаменовался минувшій 1881 годъ. Дѣйствительно, въ 1880 году машинъ было ввезено 4.005.000 пудовъ, а въ 1881 году только 1.418.000 пудовъ, на 2.598.000 пудовъ, то-есть чуть не втрое менѣе. Но это вовсе не значитъ чтобы повышеніе пошлинъ стѣснило удовлетвореніе у насъ потребности въ машинахъ и сократило ихъ ввозъ. Нѣтъ, громадный ввозъ машинъ въ 1880 году есть результатъ простаго разсчета торговцевъ нашедшихъ выгоднымъ ввезти заблаговременно, съ уплатой пошлины въ 50 и 30 коп. съ пуда, а частію безпошлинно, тѣ самыя машины которыя нужно было бы ввезти въ 1881 году съ оплатой по 80 или 88 коп. съ пуда. Въ сущности, вопреки таможеннымъ цифрамъ, уменьшенія въ спросѣ на заграничныя машины не было. Хотите въ этомъ убѣдиться? Сложите ввозъ 1881 года со ввозомъ 1880 года, получите 5.433.716 пудовъ; раздѣлите это число пополамъ, и увидите что на каждый изъ этихъ двухъ годовъ приходится по 2.716.000 пудовъ—цифра слишкомъ на 200.000 пудовъ превышающая привозъ машинъ въ 1879 году. Употребите тотъ же пріемъ сложенія и дѣленія относительно другихъ крупныхъ и сравнительно высоко обложенныхъ товаровъ, для которыхъ подъемъ пошлины на 10 процентовъ имѣетъ значеніе, и вы убѣдитесь что отмѣченное въ таможенномъ отчетѣ большое сокращеніе привоза чая, виноградныхъ винъ, табаку, только кажущееся, мнимое, а не дѣйствительное. Средній годовой привозъ этихъ товаровъ за послѣдніе два года былъ не меньше, а много больше привоза 1879 года, но распредѣлялся онъ между 1880 и 1881 годами далеко не поровну, въ ущербъ казнѣ, лишь вслѣдствіе назначенія впередъ срока взиманія повышенныхъ пошлинъ.

Лишь съ этою оговоркой могутъ быть принимаемы въ разчетъ, при обсужденіи таможенныхъ вопросовъ, данныя заключающіяся въ таможенномъ отчетѣ о которомъ идетъ рѣчь. А принявъ во вниманіе эту оговорку, нельзя смотрѣть на указываемое въ отчетѣ сокращеніе таможенныхъ сборовъ какъ на дѣйствительное, и нельзя привести это сокращеніе какъ аргументъ противъ желательнаго въ національныхъ интересахъ подъема таможенныхъ пошлинъ.

Относительно поступленія таможенныхъ сборовъ, минувшій 1881 годъ не можетъ быть названъ неблагопріятнымъ, несмотря на кажущееся ихъ уменьшеніе, несмотря также на все вліяніе бывшаго въ предшедшемъ 1880 году недостаточно обильнаго урожая. Но нельзя признать 1881 годъ утѣшительнымъ по ходу отпускной торговли. Какъ въ 1880 году мы имѣли дѣло съ огромнымъ перевѣсомъ стоимости привоза надъ стоимостью отпуска, такъ и 1881 годъ представляетъ намъ крайне невыгодный наклонъ нашего международнаго торговаго баланса не въ нашу пользу. Наша внѣшняя торговля имѣетъ характеръ не обмѣна товаровъ на товары, причемъ деньги служатъ только орудіемъ мѣны, но прямой покупки товаровъ на невозвратно проматываемыя деньги. И это въ то время когда у насъ ощущается крайній недостатокъ именно въ тѣхъ деньгахъ которыя могутъ имѣть ходъ на всемірныхъ рынкахъ, недостатокъ представляющій собою главное препятствіе къ устраненію неправильностей замѣчаемыхъ всѣми въ нашемъ денежномъ обращеніи. Гдѣ тутъ думать о возстановленіи размѣна, когда и безъ него въ минувшій годъ утекло изъ Россіи за границу золота и серебра въ монетѣ и слиткахъ болѣе чѣмъ на 59 милліоновъ рублей? Можно было бы не тревожиться въ виду такого уплыва золота еслибы въ нашей странѣ было въ немъ изобиліе, еслибъ оно добывалось у насъ ежегодно въ количествахъ превосходящихъ недочеты нашихъ международныхъ разчетныхъ балансовъ. Но этого нѣтъ. Отъ насъ уходятъ не только все добываемое золото, но и скудные остатки прежде накопленныхъ запасовъ его. Попробуйте открыть размѣнъ при такихъ условіяхъ, и повторится то что было въ 1863 и 1876 годахъ: золото изъ кладовыхъ банка уплыветъ за границу, послѣ чего размѣнъ придется прекратить, поставивъ бумажноденежное обращеніе еще въ худшія условія чѣмъ оно было до размѣна. Ясно что размѣну должно предшествовать такое измѣненіе международнаго разчетнаго баланса при которомъ золото могло бъ оставаться дома, при которомъ наша страна могла бы разчитываться съ другими не деньгами, а товарами. Хорошо было бы, конечно, еслибы мы могли достигнуть этого широкимъ развитіемъ нашего отпуска. Но на быстрое его расширеніе, къ сожалѣнію, разчитывать невозможно. За то есть полная возможность исправить балансъ съ другаго конца, уменьшивъ размѣры заграничныхъ платежей, и было бъ очень жаль еслибъ эта цѣль была упущена изъ виду при обсужденіи таможенной реформы.

№ 82.

Москва, 22-го марта

А.

Не давно сообщалось о политическомъ процессѣ производившемся въ Петербургѣ, при закрытыхъ дверяхъ, съ 9 по 15 февраля, причемъ изъ двадцати обвиняемыхъ надъ десятью былъ судомъ произнесенъ смертный приговоръ. И въ этомъ политическомъ процессѣ, какъ во всѣхъ прежнихъ, замѣшано, и притомъ въ качествѣ главныхъ виновниковъ, не малое число лицъ перебывавшихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и еще въ бытность свою ихъ слушателями захваченныхъ крамолой. Имѣющіяся у насъ подъ рукой свѣдѣнія за прежнее время поразительны. Изъ 35 лицъ входившихъ въ составъ такъ-называемаго Ишутинскаго кружка, который развивалъ свою дѣятельность съ 1863 по 1866 и, въ лицѣ Каракозова, выставилъ перваго злодѣя покусившагося на цареубійство, было восемь студентовъ; въ Нечаевскомъ обществѣ такъ-называемой „народной расправы" (въ 1868 и 69 гг.) изъ 62 участниковъ 43 были въ то время или не задолго предъ тѣмъ также студентами; съ половины 1873 и по 1 января 1877 причастными такъ или иначе къ крамолѣ оказалось болѣе 500 питомцевъ высшихъ учебныхъ заведеній; затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ политическихъ процессахъ то и дѣло мелькали имена студентовъ. Что можетъ быть прискорбнѣе и позорнѣе этого явленія, такъ широко и привольно развившагося подъ сѣнью университетскаго устава 1863 года и подобныхъ ему уставовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній?

Зло явится въ истинномъ своемъ свѣтѣ если мы сравнимъ въ этомъ отношеніи Германію и Россію. Въ Германіи, такъ-называемый *соціалъ-демократизмъ*, сродный отчасти съ нашимъ нигилизмомъ, несравненно болѣе распространенъ чѣмъ у насъ нигилизмъ. Во многихъ мѣстностяхъ Герма-

нія соціалъ-демократизмъ питается и поддерживается дѣйствительными условіями экономическаго быта — невозможностью для рабочаго, при всей способности и готовности къ труду, найти работу которая обезпечивала бы существованіе его и его семьи; вслѣдствіе того, соціалъ-демократизмъ распространился именно въ массахъ рабочаго люда, такъ что на послѣднихъ выборахъ въ Германскій рейхстагъ, при всеобщей подачѣ голосовъ, около милліона подано было за вожаковъ соціалъ-демократической партіи. Напротивъ, среди германской интеллигенціи социализмъ находитъ себѣ мало приверженцевъ, и молодой человѣкъ, поступившій въ студенты университета, хотя бы изъ семьи сочувствующей соціалъ-демократизму, считается потеряннымъ для этой партіи. Отсюда ея ненависть къ университетамъ и гимназіямъ, выразившаяся, между прочимъ, въ памфлетѣ Закса: „Германскія школы и высшія школы въ борьбѣ противъ свободы Германскаго народа,“ гдѣ классическому образованію, между прочимъ, достается ни чуть не лучше чѣмъ въ передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ нѣкоторой части нашей печати.

Совсѣмъ иное въ Россіи. Нигилизмъ чуждъ и противенъ народнымъ массамъ. Напротивъ, въ такъ-называемой интеллигенціи, особенно же среди учащихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, нигилизмъ находитъ себѣ богатую добычу. Германія и Россія представляютъ въ этомъ отношеніи совершенную противоположность: тамъ зло коренится въ массахъ рабочаго люда и совершенно чуждо интеллигенціи, а университеты служатъ твердымъ и надежнымъ противъ него оплотомъ; у насъ же зло коренится только въ интеллигенціи, усвоивается студентами университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и, несмотря на всѣ усилія пропаганды, остается чуждо массамъ народа.

Чѣмъ объяснить эту противоположность по отношенію къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ Россіи и Германіи? Однимъ различіемъ въ составѣ нашего и германскаго студенчества она не можетъ быть объяснена. Хотя среда германскаго студенчества, говоря вообще, въ соціальномъ отношеніи стоитъ нѣсколько выше нашей студенческой среды, но и между германскими студентами, особенно въ болѣе многолюдныхъ университетахъ, каковы Берлинскій и Лейпцигскій, есть не малое число бѣдняковъ. Почему соціалъ-демократизмъ не прививается къ германскимъ студентамъ? Причина тому заключается въ тамошнихъ профессорахъ, въ ихъ умственномъ и нравственномъ вліяніи на студентовъ, въ совершенно правильныхъ отношеніяхъ между тѣми и другими, установившихся благодаря всему учебному строю германскихъ университетовъ и системѣ государственныхъ экзаменовъ.

Въ Германіи достигаютъ профессорской каѳедры люди вполнѣ испытанные, съ установившимся образомъ мыслей, которые пріобрѣли себѣ почетную извѣстность и своими учеными трудами, и своею болѣе или менѣе продолжительною преподавательскою дѣятельностью въ университетахъ въ званіи приватъ-доцента. При этомъ, выборовъ въ профессоры въ нашемъ смыслѣ вовсе нѣтъ, а есть только рекомендація заинтересованнымъ факультетомъ троихъ кандидатовъ, нисколько не стѣснительная для правительства, которое во всякое время можетъ назначить на вакантную каѳедру или одного изъ этихъ кандидатовъ, или совсѣмъ другаго. Въ сущности, каждый самъ себѣ пролагаетъ путь къ профессурѣ своими учеными трудами и своею преподавательскою дѣятельностью въ званіи приватъ-доцента; труды и дѣятельность каждаго у всѣхъ на виду, и всѣми свѣдущими могутъ быть оцѣнены по достоинству.

Такъ ли у насъ?

Но и такимъ профессорамъ правительство въ Германіи не даетъ права ни опредѣлять весь ходъ учебныхъ занятій студентовъ, устанавливая какіе курсы, когда и у какихъ профессоровъ они обязаны слушать, какъ то дѣлается у насъ, ни быть рѣшителями ихъ судьбы на экзаменахъ, съ коими связано пріобрѣтеніе какихъ-либо правъ для государственной службы. Учащимся предоставляется устанавливать себѣ ходъ и порядокъ своихъ учебныхъ занятій, сообразуясь съ собственными наклонностями и потребностями; но буде своимъ университетскимъ ученіемъ они желаютъ пріобрѣсти права государственной службы, то государственная власть и указываетъ сколько лѣтъ должны они провести въ университетскихъ занятіяхъ, какія науки они должны себѣ при этомъ усвоить и какимъ требованіямъ удовлетворить на экзаменѣ предъ особою экзаминаціонною коммиссіей, члены которой

также назначаются правительствомъ и притомъ обыкновенно только на одинъ годъ. Эти такъ-называемые государственные экзамены регулируютъ предоставленную германскимъ студентамъ свободу ученія, а равно и предоставленную германскимъ профессорамъ свободу преподаванія, причемъ правительство тѣмъ не менѣе наблюдаетъ чтобы всѣ необходимые для студентовъ научные курсы по каждому кругу наукъ были проходимы въ тотъ (трехлѣтній или четырехлѣтній) срокъ, который установленъ какъ предварительное условіе для допущенія къ тому или другому изъ государственныхъ экзаменовъ.

При такихъ условіяхъ, студентамъ нѣтъ повода питать какое бы то ни было неудовольствіе на профессоровъ за то что они слишкомъ обременяютъ ихъ своими чтеніями, или оставляютъ имъ слишкомъ много празднаго времени, или читаютъ имъ вовсе ненужные курсы, или неудобно для нихъ располагаютъ дни и часы своихъ чтеній. Ото всѣхъ этихъ стѣсненій и неудобствъ гарантируетъ свобода ученія, предоставляющая студентамъ возможность выбирать для слушанія то что̀ каждому изъ нихъ въ данное время дѣйствительно нужно, и свобода преподаванія, предоставляющая каждому ученому имѣющему ученую степень доктора и выдержавшему особый установленный для того экзаменъ преподавать свою науку въ званіи приватъ-доцента. Дѣйствительныя потребности студентовъ, регулируемыя предстоящими имъ государственными экзаменами, не могутъ оставаться безъ удовлетворенія, и профессора поставлены въ необходимость сообразоваться съ ними въ своихъ чтеніяхъ и въ распредѣленіи ихъ по полугодіямъ, днямъ и часамъ. А другой стороны, установленныя правительствомъ экзаминаціонныя требованія побуждаютъ и студентовъ дорожить своимъ учебнымъ временемъ, усердно посѣщать избранныя ими лекціи, и не только не уклоняться отъ предлагаемыхъ имъ профессорами способовъ практически упражняться подъ ихъ руководствомъ въ наукахъ и провѣрять пріобрѣтенныя ими познанія, но и какъ можно болѣе пользоваться всѣми этими способами.

Положите конецъ и въ нашихъ университетахъ внесенному въ нихъ уставомъ 1863 года отчужденію отъ государства и господству фальшивыхъ властей; обратите профессоровъ къ прямымъ ихъ обязанностямъ быть наставниками и руководителями учащагося у нихъ юношества, и ничѣмъ инымъ; поставьте ихъ въ правильныя отношенія и къ государственной власти, и другъ ко другу, и къ учащимся: тогда и наши университеты возродятся къ новой и плодотворной жизни.

Б.

Вотъ и еще политическое убійство! Въ Одессѣ, 18 марта, умерщвленъ днемъ, на бульварѣ, среди публики, прокуроръ военно-окружнаго суда, генералъ-майоръ Стрѣльниковъ, который прибылъ туда для слѣдствія по политическимъ дѣламъ. Послѣ цареубійства 1 марта это уже второе покушеніе, и на этотъ разъ удавшееся. Дерзость съ какою въ Одессѣ совершено было новое злодѣяніе показываетъ что власть крамолы въ ея темномъ царствѣ не ослабѣла, хотя цѣлый годъ прошелъ послѣ событія 1 марта, которое должно было бы встряхнуть насъ и открыть намъ глаза. Пройдетъ еще годъ,—будетъ ли лучше при томъ же ходѣ дѣлъ?

№ 83.

Москва, 23-го марта.

А.

Два, три года тому назадъ начали было мести Одессу, которая задыхалась отъ міазмовъ нигилизма. Все тамъ поздоровѣло, повеселѣло, все вздохнуло свободнѣе. Бывало, говорили Одесситы, нельзя было выйти на Приморскій бульваръ чтобы не натолкнуться на нигилизмъ, не почуять его благоуханія, не послышать его проповѣди,—и вдругъ нигилизмъ исчезъ, почти исчезъ. Его вожаковъ выпроводили вонъ,—не знаемъ куда, должно-быть въ другіе города: у насъ соръ перебрасывается изъ города въ городъ,—какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ стало вдругъ чисто.

Мѣстная администрація была дѣятельна въ убѣжденіи что высшая администрація дѣйствительно требуетъ серіозныхъ мѣръ къ очищенію и оздоровленію зараженныхъ мѣстностей. Но чѣмъ серіознѣе мѣстная администрація дѣйствовала, тѣмъ болѣе озлоблялся противъ нея нашъ особаго свойства *либерализмъ*, т.-е. нигилизмъ въ легальной формѣ. Въ газетахъ между стро-

ками, а наконецъ и въ строкахъ, доставалось и градоначальнику одесскому г. Панютину за его не либеральный, *муравьевскій* образъ дѣйствій, и графу Тотлебену, тогдашнему новороссійскому генералъ-губернатору, за попущеніе такого преступнаго образа дѣйствій. „Диктатура сердца“ вняла жалобамъ. Генералъ-губернаторъ былъ переведенъ въ другое мѣсто, а градоначальникъ обруганный *либеральною прессой*, и отреченный *либеральною* высшею администраціей, чуть было самъ не былъ сосланъ въ „мѣста не столь отдаленныя.“ Мало-по-малу, говорятъ, возвратились въ Одессу герои нигилизма. Не знаемъ въ какомъ положеніи нашелъ теперь дѣла новый генералъ-губернаторъ, на котораго всѣ добрые люди возлагаютъ столько лучшихъ надеждъ. Нѣтъ сомнѣнія что въ какомъ бы положеніи ни засталъ онъ тамъ дѣла, они при его управленіи пойдутъ не хуже, а лучше, если только серіозныя мѣры будутъ согласны съ видами центральной администраціи...

Умерщвленіе генералъ-майора Стрѣльникова, такъ дерзко, такъ возмутительно хвастливо совершенное, показываетъ что новому управленію въ Одессѣ есть что дѣлать...

Но не странно ли что лица исполняющія свой долгъ въ борьбѣ съ такъ-называемой крамолой у насъ бываютъ въ загонѣ, что въ нихъ отыскиваютъ все дурное, ихъ безчестятъ и безславятъ? Люди легко относящіеся къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ могутъ быть совсѣмъ мерзавцами, и имъ снисходительно и *гуманно* все спускается, а съ тѣхъ кто мыслитъ честно взыскиваются всѣ грѣхи человѣчества? Не признакъ ли это времени, быть-можетъ объясняющій и устойчивость крамолы, и развитіе нигилизма?

Съ убійцами въ Одессѣ расправились быстро. Они не цареубійцы, и оказалось возможнымъ не длить цѣлый годъ слѣдствія и судить ихъ безъ торжественныхъ формальностей... Преступники, какъ пишутъ, обнаружили крайнее ожесточеніе и непомѣрную наглость. Одному изъ нихъ, говорятъ, нѣтъ и двадцати лѣтъ. Напрасно искать тутъ какого-нибудь, хотя бы и дикаго энтузіазма: просто собачья дрессировка.

Задача въ томъ чтобы сломить организацію, а сломить ее нельзя уступками, улыбками и исполненіемъ ея *легальныхъ* и *полулегальныхъ* желаній. Сломить крамольную организацію можно только твердымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Надо бить по причинамъ которыя для незажмуренныхъ глазъ очевидныя, а слѣдствія исчезнутъ сами собою. Хотимъ ли щадить людей? Будемъ безпощадны къ началамъ и властямъ воздушнымъ, которыя ихъ губятъ. Будетъ подорвана организація, и некого и не зачѣмъ будетъ ловить и казнить...

Б.

Въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ что при Министерствѣ Юстиціи образована особая коммиссія, разрабатывающая проектъ упрощенія порядка судопроизводства по дѣламъ о договорахъ и обязательствахъ, и что предполагается установить порядокъ понудительнаго исполненія обязательствъ безъ примѣненія къ нимъ формальностей состязательнаго судебнаго процесса, такъ что взысканія по обязательствамъ будутъ обращаемы къ исполненію единственно по надписи сдѣланной объ этомъ предсѣдателемъ окружнаго суда, мировымъ судьей, или нотаріусомъ.

Пятнадцатилѣтняя практика новыхъ судебныхъ установленій безспорно доказалъ что обычная судебная процедура созданная уставами 20 ноября 1864 черезчуръ сложна и страдаетъ многими ненужными формальностями въ дѣлахъ, гдѣ тяжущійся обращается къ суду не для разрѣшенія *спора о правѣ*, а лишь для понужденія неисправнаго плательщика или контрагента къ исполненію того къ чему онъ безспорно обязался. Старый порядокъ судопроизводства рѣзко отличалъ такого рода иски, которые назывались „безспорными,“ отъ дѣлъ требовавшихъ разсмотрѣнія вопроса о правѣ и называвшихся „тяжебными.“ Только дѣла втораго рода поступали прямо въ судъ; дѣла же безспорныя, по договорамъ и обязательствамъ, подлежали вѣдѣнію полиціи, которая обязана была требовать немедленно исполненія отъ отвѣтчика. Если же послѣдній возбуждалъ какой-либо споръ, какъ напримѣръ о подлинности акта, или доказывалъ что обязательство имъ уже погашено, то такого рода возраженія поступали въ судъ путемъ жалобы отвѣтчика суду на дѣйствія полиціи. Распоряженіе полиціи останавливалось лишь въ томъ случаѣ когда судъ,

принявъ жалобу, признавалъ существованіе въ дѣлѣ спорныхъ обстоятельствъ требующихъ судебнаго рѣшенія. Съ устраненіемъ полиціи отъ всякаго участія въ гражданскомъ судопроизводствѣ, указанное различіе потеряло свой практическій смыслъ; суду даны спеціальные органы въ лицѣ судебныхъ приставовъ, и дѣла безспорныя, по коимъ требуется лишь понужденіе неисправнаго или недобросовѣстнаго отвѣтчика, обращаются къ такому понужденію не иначе какъ по судебному рѣшенію, наравнѣ съ дѣлами по которымъ возникаетъ споръ о правѣ. Судебная процедура, которую должно такимъ образомъ пройти каждое дѣло прежде нежели достигнетъ окончательнаго судебнаго рѣшенія, обременена, какъ сказано выше, излишними задержками и формальностями въ примѣненіи къ безспорнымъ дѣламъ. Жалобы на медленность и затруднительность этой процедуры по приговорамъ и денежнымъ обязательствамъ раздаются часто и давно, съ самаго начала судебной реформы. Однако нельзя сказать чтобъ Уставъ Гражданскаго Судопроизводства не представлялъ никакихъ способовъ къ упрощенію производства и къ скорѣйшему достиженію цѣли для которой обращается въ судъ владѣлецъ безспорнаго, но почему-либо не исполняемаго обязательства. Въ ст. 352 Уст. Гр. Суд. постановлено слѣдующее: „По просьбѣ объ исполненіи договоровъ и обязательствъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ установленнымъ порядкомъ, предсѣдатель суда назначаетъ тяжущимся на явку самый кратчайшій срокъ и можетъ вызвать отвѣтчика даже къ первому присутственному дню слѣдующему за врученіемъ ему повѣстки о вызовѣ.“ Затѣмъ ст. 364 гласитъ: „по дѣламъ упомянутымъ въ ст. 352 судъ, если признаетъ представленныя отвѣтчикомъ возраженія незаслуживающими уваженія, постановляетъ опредѣленіе о немедленномъ исполненіи обязательства, для чего и выдаетъ въ то же время истцу исполнительный листъ.“

Итакъ, какъ бы ни былъ недостаточенъ въ этомъ отношеніи законъ, зло прежде всего проистекаетъ вслѣдствіе успѣвшей уже и въ новыхъ судахъ оказаться старой канцелярской рутины и формализма, при коихъ медленность является само собою послѣдствіемъ мертваго отношенія къ дѣлу. Дабы приведенныя выше предписанія закона примѣнялись неукоснительно, необходимо чтобы каждое исковое прошеніе, поступающее въ судъ, подвергалось немедленному предварительному разсмотрѣнію лица облеченнаго судебною властью. Въ дѣйствительности же дѣло прежде всего поступаетъ въ распоряженіе канцелярскаго чиновника. Повѣстки и вызовы отвѣтчика на судъ и назначеніе срока на явку производятся сообразно съ нуждами канцеляріи, которой интересы въ этихъ случаяхъ прямо противоположны интересамъ тяжущихся. Сверхъ того, повѣстки высылаются чрезъ судебныхъ приставовъ, которые суть не только исполнители судебныхъ рѣшеній, облеченные въ извѣстной степени судебною властью, но и посыльные. Судебные пристава тяготятся этою функціей посыльныхъ, которая не имѣетъ ничего общаго съ ихъ главною обязанностью. Вотъ почему предписываемая закономъ быстрота вызова на судъ большею частью оказывается неисполнимою даже въ томъ случаѣ когда тяжущемуся удалось обратить вниманіе судей на неотложность предъявленнаго имъ иска, ибо въ распоряженіи суда не имѣется средствъ къ немедленному вызову отвѣтчика, если онъ живетъ въ другомъ мѣстѣ. Мы полагаемъ что едва ли былъ хотя одинъ случай въ практикѣ новыхъ судовъ чтобъ отвѣтчикъ былъ вызванъ на судъ *къ первому присутственному дню*, какъ это предписываетъ ст. 352 Уст. Гр. Суд.

Давно признано что для сношенія суда съ тяжущимися слѣдовало бы имѣть при судѣ особыхъ посыльныхъ, а этими посыльными могли бы быть простые служители, а не классные чиновники какъ судебные пристава, которые къ тому же слишкомъ обременены отвѣтственною и весьма сложною процедурой *исполненія* судебныхъ рѣшеній, сопряженною въ большинствѣ случаевъ съ описью, оцѣнкой и публичною продажей имущества отвѣтчика и со всѣми возникающими при этомъ пререканіями.

Есть еще другой способъ, гораздо болѣе простой и дешевый, для сношенія суда съ тяжущимися, и способъ этотъ введенъ въ Германіи вмѣстѣ съ новѣйшею судебною реформой. Тамъ повѣстки суда доставляются тяжущимся *по почтѣ*. Почтальйоны съ большимъ успѣхомъ замѣняютъ въ Германіи судебныхъ посыльныхъ, и нѣтъ причины почему бы этотъ порядокъ не могъ быть примѣненъ и у насъ. Мы полагаемъ, напротивъ,

что наше почтовое вѣдомство могло бы принять на себя посредничество между судомъ и тяжущимися съ большею пользой не только для дѣла правосудія, но спеціально для своихъ служащихъ. Плата за врученіе повѣстокъ значительно превосходитъ почтовую таксу за доставленіе заказныхъ пакетовъ, и эта плата всегда вносится тяжущимися впередъ. Сборъ этотъ поступалъ бы въ пользу почтоваго вѣдомства, а такъ какъ заказные пакеты, о врученіи коихъ почтовый посыльный обязанъ представить подписку адресата, стали у насъ дѣломъ привычнымъ, то ничего нѣтъ легче какъ установить врученіе чрезъ почтовыхъ служителей и судебныхъ повѣстокъ съ обратнымъ доставленіемъ письменныхъ отмѣтокъ о такомъ врученіи. Такого рода сношенія суда съ тяжущимися живущими въ мѣстахъ гдѣ установлено регулярное почтовое сношеніе, очевидно, не представляло бы никакихъ затрудненій; а почтовыя сношенія достаточно развились въ послѣднее время, такъ что необходимость доставленія повѣстки въ такое мѣсто которое находится внѣ сѣти регулярныхъ почтовыхъ сношеній была бы лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Но и въ этихъ случаяхъ почтовое вѣдомство имѣетъ въ своемъ распоряженіи средство сношенія по крайней мѣрѣ не менѣе дѣйствительное чѣмъ поѣздка судебнаго пристава до такого мѣста жительства отвѣтчика. Мы говоримъ объ эстафетныхъ отправленіяхъ, кои допускаются для почтовыхъ пакетовъ и телеграммъ въ сторону отъ линій почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній. Если сохранить ту плату которая вносится тяжущимися на доставленіе повѣстки чрезъ судебнаго пристава (прогонные и суточные по классу должности пристава), то и въ этихъ случаяхъ почта получала бы вознагражденіе значительно большее нежели плата за обыкновенныя эстафеты.

Такимъ образомъ, главное улучшеніе въ видахъ ускоренія производства такъ-называемыхъ безспорныхъ судебныхъ дѣлъ должно заключаться прежде всего въ искорененіи канцелярскаго формализма, внѣдрившагося въ новыхъ судахъ помимо закона и въ установленіи болѣе легкаго и несравненно болѣе простаго способа сношенія суда съ тяжущимися.

№ 84.

Москва, 24-го марта.

Въ одной петербургской quasi-русской газетѣ недавно укоряли Россію за ея притѣснительный образъ дѣйствій съ сосѣдями. Изъ Берлина часто долетаютъ до насъ укоры о русской жадности, которая своимъ таможеннымъ тарифомъ разоряетъ де Германію, подрываетъ ея производительность и торговлю, и намъ грозятъ за это репрессаліями. Надо надѣяться что наше финансовое управленіе не повѣритъ ни петербургскому либерализму, ни берлинскимъ укорамъ въ излишне-національной торговой политикѣ Россіи. Мы надѣемся что пересмотръ нашего тарифа будетъ направленъ именно въ смыслѣ національной политики и поведетъ къ исправленію нашего торговаго баланса, что, въ свою очередь, есть единственное средство и къ исправленію нашихъ финансовъ, и къ оживленію нашей производительности

Въ чемъ выразилась наша притѣснительность въ сношеніяхъ съ сосѣдями? Не въ томъ ли что русскіе таможенные тарифы долгое время налагали не одинаковыя пошлины на товары привозимые моремъ въ русскіе порты и на тѣ же товары привозимые сухимъ путемъ, насильно направляя торговое движеніе на путь черезъ Пруссію? Не въ томъ ли что мы упрочили это направленіе торговли устройствомъ нашей желѣзнодорожной сѣти? Мы, напротивъ, всячески помогали нашимъ сосѣдямъ захватить нашу торговлю и добровольно шли подъ ихъ опеку. Вотъ какая была у насъ торговая политика. Ея результаты можетъ видѣть каждый кто не хочетъ зажмуриться. Была пора когда весь нашъ торговый оборотъ съ Германіей, и по привозу и по отпуску, далеко не достигалъ и одной трети итога нашихъ торговыхъ оборотовъ съ Великобританіей. Нынѣ послѣдній изъ этихъ итоговъ отодвинулся далеко на задній планъ; Германіи принадлежитъ львиная доля въ общей суммѣ русскихъ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ. Она везетъ къ намъ не свои только произведенія, но, какъ добрый опекунъ, доставляетъ намъ почти все въ чемъ только можетъ оказаться у насъ потребность. Россія, дѣйствительно, находится подъ опекой, дѣйствительно состоитъ на положеніи несовершеннолѣтнихъ.

Не думаете ли вы что кофе, который вы пьете, получается русскими торговцами изъ дальнихъ странъ гдѣ онъ произрастаетъ? Нѣтъ, бóльшую половину всего потребляемаго въ Россіи кофе мы получаемъ изъ Германіи. Рисъ растетъ для насъ также главнымъ образомъ въ Германіи. Не Америка, а все Германія же снабжаетъ насъ табакомъ, опередивъ въ этомъ и Турцію. Въ снабженіи насъ чаемъ Германія соперничаетъ съ Китаемъ. Она поставляетъ намъ и кожу со скота южно-американскихъ пампъ, и шерсть съ австралійскихъ овецъ, и шелкъ, и петролей, и массу другихъ не производимыхъ ею самою, но покупаемыхъ ею для насъ во избавленіе насъ отъ труда сноситься самимъ съ разными отдаленными народами и странами. Германія стала для насъ магазиномъ гдѣ мы, не ходя далеко, можемъ забирать все чтò понадобится на деньги, и въ долгъ. Зачѣмъ намъ самимъ входить въ прямыя сношенія со странами производящими нужные для насъ товары? Все это обязательно дѣлаютъ другіе за насъ. Опека и разчитывается за насъ съ другими странами. Главную массу всѣхъ нашихъ заграничныхъ платежей мы должны производить въ Германіи. Туда главнымъ образомъ уходятъ въ счетъ этихъ платежей и наше золото, и наши долговыя обязательства, смотря по тому чего тамъ потребуютъ. Благодаря такому установившемуся порядку, наши биржи стали лишь отдѣленіями Берлинской биржи.

Эта опека, это посредничество обходится намъ очень дорого. Недостаточное развитіе прямыхъ торговыхъ сношеній со странами производящими нужные намъ товары заставляетъ насъ много переплачивать на цѣнѣ привозныхъ товаровъ и понижать цѣну своихъ. Съ установленіемъ прямыхъ и активныхъ торговыхъ сношеній со всѣмъ міромъ, минуя посредниковъ, страна много выиграла бы и въ торговомъ, и въ финансовомъ отношеніи. Но какъ достигнуть этой цѣли, когда путь къ ней затрудненъ уже упрочившеюся за Германіей монополіей по многимъ важнымъ отраслямъ внѣшней торговли? Общимъ пересмотромъ тарифа, общимъ серіознымъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ можетъ быть достигнуто исправленіе невыгоднаго намъ торговаго баланса; но эта мѣра не устранитъ невыгоднаго торговаго посредничества, не поставитъ прямыхъ сношеній на его мѣсто. А эта задача не такова чтобъ ее можно было пренебречь, и въ настоящую пору обсужденія таможеннаго вопроса она не можетъ быть оставлена въ сторонѣ. Что-нибудь нужно, что-нибудь можно сдѣлать для ея рѣшенія.

Есть страны гдѣ поощреніе прямыхъ торговыхъ сношеній, помимо чужаго невыгоднаго посредничества, есть признанная задача таможенной политики. Намъ не мѣшаетъ присмотрѣться къ тому какъ тамъ ведется это дѣло. Есть чему поучиться у Американцевъ, есть чтò перенять и у Французовъ. Французскій тарифъ установляетъ различіе въ таможенныхъ пошлинахъ по происхожденію товара, облагая его особымъ, сверхъ таможенныхъ пошлинъ, сборомъ въ томъ случаѣ если товаръ привозится во Францію не непосредственно изъ мѣста своего происхожденія, а изъ другой страны. Стóитъ подумать о томъ какой оборотъ стала бы принимать русская внѣшняя торговля еслибъ усвоить эту систему.

Усвоеніе этой системы было бы, полагаемъ, важнымъ, рѣшительнымъ шагомъ къ тому чтобы русская торговля изъ невыгодной пассивной стала активною. Этимъ былъ бы облегченъ и другой необходимый шагъ—созданіе русскаго торговаго флота. У насъ полагали доселѣ содѣйствовать его развитію допущеніемъ безпошлиннаго ввоза судовъ морскихъ и рѣчныхъ съ ихъ такелажемъ, въ подрывъ собственному судостроенію. Американцы дѣйствуютъ по этой части прямо противоположнымъ способомъ: на ввозъ всякихъ судовъ, и рѣчныхъ, и морскихъ, и деревянныхъ, и желѣзныхъ, американскимъ тарифомъ наложено безусловное запрещеніе. Чей разчетъ вѣрнѣе, чья политика ведетъ къ лучшимъ результатамъ? Но одного судостроенія мало, нужно обезпеченіе работы строящимся судамъ, огражденіе своихъ карабельщиковъ отъ непосильной на первыхъ порахъ конкурренціи предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ выгодъ, напримѣръ въ видѣ сбавки противъ общаго уровня таможенныхъ пошлинъ коль скоро товаръ привезенъ изъ мѣста его происхожденія на русскомъ судпѣ, если еще рано думать у насъ объ изданіи закона равносильнаго знаменитому Кромвеллевскому Навигаціонному Акту, благодаря которому развился англійскій торговый флотъ. Адамъ Смитъ, при всей своей доктринѣ о свободной торговлѣ, признавалъ однако этотъ актъ „мудрѣйшимъ изо

всѣхъ торговыхъ законовъ Англіи.“ Измѣнились обстоятельства; англійскій флотъ въ своемъ развитіи далеко ушелъ отъ того состоянія въ какомъ находился при жизни творца нынѣшнейэкономической науки, Англія перестала нуждаться въ Навигаціонномъ Актѣ и могла отбросить его съ тѣми сильно покровительными пошлинами подъ кровомъ коихъ создались и крѣпли разныя отрасли англійской промышленности. Но нашему мореходству далеко еще до той поры когда оно могло бы процвѣтать безъ поощреній подобныхъ тому какое оказано было въ свое время англійскому вѣковымъ дѣйствіемъ Навигаціоннаго Акта. Намъ, конечно, есть чему поучиться у Англичанъ. Но, полагаемъ, намъ полезно перенять у нихъ не ту систему которую усвоили они достигнувъ своего нынѣшняго промышленнаго и торговаго положенія, а ту благодаря которой это положеніе было достигнуто.

№ 86.

Москва, 26-го марта.

А.

Извѣстно съ какою быстротой, въ послѣднее время, во Франціи, борьба съ организованнымъ папскимъ духовенствомъ перешла въ борьбу съ религіей. Правительственными мѣрами, при ропотѣ массъ и рукоплесканіяхъ нѣсколькихъ тысячъ атеистовъ завладѣвшихъ дѣлами, религія изгоняется изъ школы. Въ школьныхъ уставахъ, въ обычномъ выраженіи, обученіе должно быть нравственное и религіозное, и вотъ словно *религіозное* вычеркивается; ученіе вѣры замѣняется анекдотами о добродѣтельныхъ поступкахъ съ приличными случаю нравоученіями, катехизисъ книжкою объ общественныхъ учрежденіяхъ и о мѣстномъ благоустройствѣ и благочиніи. Предложеніе г. Жюль Симона замѣнить формулу: нравственное и гражданское обученіе (l'enseignement moral et civique) болѣе опредѣленнымъ: преподавать обязанности къ Богу и отечеству, встрѣчено въ сенатѣ насмѣшливыми возраженіями: какого такого Бога? Министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Гамбетты, профессоръ физіологіи, г. Поль Беръ, на публичной бесѣдѣ въ Зимнемъ Циркѣ, осенью прошлаго года, усиленно доказывалъ что форма разумѣнія именуемая религіей отжила де свой вѣкъ и осуждена исчезнуть, и что нравственность будущаго „истинная, которая только и достойна этого имени,“ должна имѣть единственнымъ основаніемъ научныя данныя. Доктрина бойкаго натуралиста, хотя и второстепеннаго, не осталась однако безъ возраженія въ средѣ представителей одной съ нимъ отрасли знаній. И, любопытное обстоятельство, защитникомъ идеи Божества и религіознаго элемента въ школѣ, въ странѣ недавно еще именовавшейся старшею дочерью Католической церкви, выступилъ между прочимъ нашъ соотечественникъ, Еврей по происхожденію и религіи, физіологъ имѣющій европейское имя въ наукѣ, бывшій русскій профессоръ, нынѣ французскій журналистъ, главный редакторъ газеты *Gaulois*, г. Ціонъ, тотъ самый г. Ціонъ, котораго съ такимъ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, самоуправленіе Петербургскаго университета вкупѣ съ самоуправленіемъ Петербургской Медико-Хирургической Академіи, вытѣснили изъ своей среды, безъ особенной разборчивости въ средствахъ, такъ какъ онъ имъ не по вкусу пришелся. „Признайтесь,“ обращается къ своему собрату по наукѣ г. Ціонъ въ брошюрѣ *La guerre à Dieu et la morale laïque* (въ которой собралъ свои статьи помѣщенныя прежде въ *Gaulois*): „еслибы вы ареною вашего краснорѣчія избрали не Зимній Циркъ, а попробовали бы изложить вашу теорію нравственности, основанной на естественныхъ наукахъ, въ собраніи ученыхъ предъ которыми мы оба съ почтеніемъ преклоняемся, такихъ какъ Гельмгольцъ, Уйльямъ Томсонъ, Пастёръ, Кирхгофъ, Мильнъ-Эдварсъ, Дюма, Дюбуа Реймонъ, какъ нашъ оплакиваемый учитель и другъ Клодъ Бернаръ, полагаете ли вы что вы имѣли бы такой же успѣхъ? Нѣтъ, въ ихъ присутствіи вы не отважились бы дѣлать подобныя утвержденія и конечно не обнаружили бы той смѣлости какую показали теперь. Вы побоялись бы, не правда ли, что эти избранные слушатели только пожмутъ плечами и ни одинъ не снизойдетъ даже до обсужденія вашихъ ни на чемъ не основанныхъ увѣреній. Зачѣмъ же воспользовались вы невѣжествомъ наивной толпы? Зачѣмъ старались еще болѣе разнуздать анти-религіозную ненависть, укротить которую вы уже не въ силахъ?..

Несчастіе въ томъ именно что есть ученые, ученые по профессіи, которые злоупотребляютъ авторитетомъ какой даетъ имъ официальное положеніе, чтобъ увѣрять простодушный народъ, будто наука у тѣхъ кто ею владѣетъ, или мнитъ ею владѣть, необходимо разрушаетъ религіозную вѣру. Этотъ предразсудокъ бродитъ нынѣ по улицамъ... Но религія, знайте это, неистребима, она переживаетъ кризисъ... Какая наука, скажите, есть отрицаніе вѣры въ Бога, отрицаніе религіозной идеи? Укажите хотя одну... Астрономія ли это?.. Космогонія ли?.. Физіологія ли, наконецъ, наша общая съ вами наука? Но если придетъ день когда, помощію невѣроятныхъ усилій, удастся вполнѣ овладѣть механикою мозговыхъ отправленій, если можно будетъ ощупать пальцемъ частичныя движенія свершающіяся въ мозгу въ то время когда создаются высшія умственныя произведенія, то можно ли было бы и тогда сказать что мы сколько-нибудь поняли что̀ есть сознаніе и какимъ образомъ соединенія химическихъ частицъ могутъ пораждать мысль и ощущеніе?“ Г. Ціонъ указываетъ на примѣръ странъ дѣйствительно свободныхъ, какъ Англія, Голландія, Сѣверная Америка, и спрашиваетъ осмѣлился ли бы тамъ какой-нибудь ораторъ выступить предъ собраніемъ съ тѣмъ чтобъ отзываться съ презрѣніемъ о народной вѣрѣ. „Не обернулся ли бы тамъ весь ученый міръ спиною къ дерзкому педанту заставляющему науку говорить то чего она не говоритъ и компрометтирующему ее хотя бы предъ невѣждами?“

Нашъ соотечественникъ, изгнанный *либерализмомъ* русскій профессоръ, на печальной страницѣ упоминаетъ и о своемъ отечествѣ, но, къ сожалѣнію, для того чтобъ указать на примѣрѣ нашихъ „высшихъ“ учебныхъ заведеній къ чему ведетъ воспитаніе имѣющее своимъ основаніемъ мнимую „научную нравственность.“ Г. Ціонъ разказываетъ любопытный случай изъ своей профессорской практики, который сто̀итъ привести вполнѣ. „Это было, говоритъ онъ, въ 1873 году. Я былъ тогда профессоромъ физіологіи и на меня было возложено произнести рѣчь на актѣ въ Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Я выбралъ предметомъ *Сердце и мозгъ*. Предметъ мой устрашилъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства и они, вопреки обычаю, уклонились отъ присутствія на торжествѣ. За то въ залѣ толпилась масса юношества отравленнаго преподаваніемъ моего предшественника (профессора Сѣченова), который брался показывать душу подъ микроскопомъ и сообщать кроликамъ разумѣніе человѣка кормя ихъ фосфоромъ. Эта рьяная аудиторія, среди которой было не мало молодыхъ дѣвицъ, разчитывала, безъ сомнѣнія, что я распространюсь въ томъ же духѣ какъ ихъ прежній профессоръ и воспользуюсь моимъ предметомъ къ вящему восхваленію грубаго матеріализма, проповѣдуемаго мнимо-научною литературой. Ихъ иллюзія не была продолжительна. Сначала меня слушали съ весьма симпатичнымъ вниманіемъ. Но нѣсколько намековъ на услуги оказанныя физіологіей музыкѣ, живописи, вызвали уже нѣкоторый неодобрительный ропотъ. Когда же въ концѣ рѣчи я, согласно великимъ учителямъ нашей науки, высказалъ что человѣческое знаніе имѣетъ границы внѣ которыхъ все и навсегда останется темнымъ, разразилась цѣлая буря. Ярость бури усилилась когда я произнесъ слова: „созданіе механики умственныхъ процессовъ есть последній возможный предѣлъ, дальше котораго ни естествознаніе, ни какая другая наука въ изученіи духовной жизни пойти не могутъ.“ Произнося мои слова я смотрѣлъ въ ту сторону откуда шли возраженія и читалъ на лицахъ моихъ прерывателей одновременно гнѣвъ, удивленіе и смущеніе. Такимъ образомъ, разумѣніе этихъ юношей было до такой степени лжонаправлено что они не только поднимали крикъ, какъ и вы, при одномъ словѣ Богъ, но не могли слышать развитія столь простой мысли что наука имѣетъ границы. Болѣе того: одно напоминаніе о музыкѣ, живописи, поэзіи, всѣхъ великихъ предметахъ, обыкновенно восторгомъ наполняющихъ юныя души, имъ казалось какою-то измѣной! Я сошелъ съ каѳедры исполненный мрачнаго предчувствія о будущности какую приготовляло своему отечеству поколѣніе такъ сбитое съ толку. Многіе подошли ко мнѣ съ привѣтствіями и между прочимъ военный министръ, графъ Милютинъ, одинъ изъ вождей русской *либеральной* партіи... Онъ слылъ тогда главнымъ защитникомъ школьнаго юношества и простиралъ снисходительность до извиненія самыхъ неизвинительныхъ уклоненій. „Господинъ министръ,“ сказалъ я ему, по-

благодаривъ за привѣтствіе, „замѣтили ли „вы какое дѣйствіе произвели на этихъ „молодыхъ людей нѣкоторыя мѣста моей „рѣчи? Не берусь быть пророкомъ, но не „могу не предсказать что если вы не по-„ложите конецъ въ возможно скоромъ вре-„мени, помощію радикальной реформы, „растлѣнію этого юношества, то въ резуль-„татѣ, чрезъ пятнадцать, двадцать лѣтъ, „получится полное соціальное разложеніе „Россіи." Министръ недовѣрчиво улыбнулся. „Вы преувеличиваете," сказалъ онъ, „и это оттого что не имѣете довѣрія къ „морализующей силѣ естественныхъ на-„укъ."—„О, отвѣчалъ я, „никакого довѣрія не имѣю!" Я не ошибся. Хотите ли знать чѣмъ сдѣлались эти юные нигилисты, протестовавшіе тогда противъ положеній моей рѣчи? Ихъ было около сотни, и изъ этого числа по крайней мѣрѣ семьдесятъ пять повѣшены, сосланы въ Сибирь или находятся въ бѣгахъ. Вы лично имѣли недавно столкновеніе съ однимъ изъ бѣглецовъ этой секты. И такъ, если какія-нибудь десять, пятнадцать лѣтъ воспитанія основаннаго на мнимой научной нравственности произвели подобныхъ чудовищъ, то какіе результаты дастъ оно чрезъ три, четыре поколѣнія?"

Такъ говоритъ физіологъ обращаясь ко французской публикѣ. За то послушайте какъ разсуждаетъ объ „идеализмѣ" московскій журналъ именуемый *Русскою Мыслью?* Не находя достаточно густой краски чтобы заклеймить наступившую будто бы въ прошломъ году какую-то реакцію, обратившую „благодарные зефиры въ удушливый самумъ," и породившую нынѣшнія якобы „крутыя времена," отчего де сатира г. Щедрина дошла до Свифтовской силы съ которою онъ бьетъ въ „больное мѣсто русской жизни, своимъ гніеніемъ заражающее весь народный организмъ," авторъ статьи *Русская литература въ 1881 году* (въ мартовской книжкѣ журнала), съ другой стороны успокоиваетъ себя тѣмъ что нынѣшнее время есть героическое время подвиговъ почти легендарнаго характера. „Можно положительно утверждать, продолжаетъ авторъ статьи, что ни одна эпоха русской исторіи не видѣла такого грандіознаго проявленія идеализма какъ именно послѣднія десять лѣтъ... Ни мѣсто, ни независящія обстоятельства, продолжаетъ онъ, не позволяютъ намъ иллюстрировать свои мысли фактами почерпнутыми изъ жизни всѣхъ слоевъ русскаго общества. Намъ остается только надежда что современемъ отчетливое представленіе объ идеализмѣ послѣднихъ лѣтъ, подкрѣпленное длиннымъ рядомъ краснорѣчивыхъ цифръ, длиннымъ спискомъ почти фантастическихъ фактовъ, длинною вереницей именъ людей мало чѣмъ уступающихъ нравственною силой первымъ христіанамъ, что такое представленіе вырисуется подъ перомъ добросовѣстнаго изслѣдователя во всемъ своемъ строгомъ величіи, во всей своей нравственной чистотѣ." Авторъ присовокупляетъ: „Не все, конечно, русское общество и не вся даже русская молодежь (какъ жаль!) въ одинаковой степени прониклась такими чувствами и стремленіями—ветхій Адамъ слишкомъ сильно сидитъ въ насъ. Но все что̀ было нравственно свѣжаго за послѣдніе годы, все что̀ не потеряло, въ погонѣ за корыстію, человѣческаго облика, пристало если не дѣлами, такъ по крайней мѣрѣ помыслами, къ новому теченію русской общественной мысли, къ страстному желанію во что̀ бы то ни стало сдѣлать правду и справедливость основою общественнаго строя."

Б.

Правительственное сообщеніе, въ послѣднемъ нумерѣ перепечатанное нами изъ *Правительственнаго Вѣстника*, о послѣдовавшемъ недавно распоряженіи касательно Евреевъ-владѣльцевъ и содержателей аптекъ въ Петербургѣ, вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній и вопросовъ.

Упомянутое сообщеніе, хотя и направлено противъ „ложныхъ и искаженныхъ" свѣдѣній появившихся по сказанному предмету въ газетахъ, въ сущности однако вполнѣ подтверждаетъ свѣдѣнія прежде проникшія въ печать. Оказалось что изъ 52 аптекъ имѣющихся въ Петербургѣ, 11 принадлежатъ Евреямъ и изъ нихъ двѣ находятся въ арендномъ содержаніи у Евреевъ, а три управляются также Евреями-провизорами. 10 марта Евреямъ-владѣльцамъ аптекъ и провизорамъ-Евреямъ было объявлено, первымъ что они обязаны въ теченіи года свои аптеки продать не-Евреямъ, а провизорамъ что они обязаны *немедленно* прекратить свои занятія по управленію аптеками.

Главный мотивъ заключается въ томъ что Высочайшее повелѣніе послѣдовавшее

19 января 1879 года, по которому Евреямъ-фармацевтамъ, въ числѣ прочихъ, разрѣшено повсемѣстное жительство въ Имперіи, еще не заключало въ себѣ предоставленія Евреямъ-фармацевтамъ права на повсемѣстное содержаніе и управленіе аптеками. Такъ разъяснено Высочайшее повелѣніе указами Сената отъ 30 мая 1880 и отъ 3 ноября 1881.

Означенные указы Правительствующаго Сената не были нигдѣ обнародованы, и мы не знаемъ соображеній на коихъ подобное толкованіе основано. Но сознаемся что для нась непостижимо, путемъ какихъ умозаключеній возможно было дойти до *такого* толкованія. Законъ предоставившій Евреямъ-фармацевтамъ право жить повсемѣстно въ Имперіи не можетъ быть истолкованъ иначе какъ въ смыслѣ разрѣшенія, *implicite* въ немъ содержащагося, заниматься своимъ промысломъ, посвящать свои труды той именно профессіи, благодаря которой преимущество повсемѣстнаго жительства имъ даровано. Иное толкованіе невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, законъ 19 января 1879 даровалъ Евреямъ-фармацевтамъ указанное преимущество не *потому* конечно что они Евреи, а *несмотря на то* что они Евреи, стало-быть потому именно что они *фармацевты*. Но если это такъ (чего никто не отрицаетъ), то можно ли утверждать что Евреи-фармацевты могутъ пользоваться дарованнымъ имъ преимуществомъ и жить повсемѣстно подъ тѣмъ лишь условіемъ чтобъ они занимались всѣмъ чѣмъ угодно, но только не своимъ дѣломъ, тѣмъ самымъ которое составляетъ въ глазахъ закона какъ бы гарантію ихъ гражданской доброкачественности. Внѣ черты постоянной осѣдлости Евреевъ, фармацевтъ изъ Евреевъ можетъ проживать безпрепятственно и стало-быть заниматься всякимъ дѣломъ, закономъ не возбраняемымъ: онъ можетъ быть факторомъ, цѣловальникомъ, мелкимъ и крупнымъ торговцемъ, ростовщикомъ, но фармацевтомъ онъ не можетъ быть! Вотъ толкованіе поистинѣ непостижимое. Но это еще не все. Въ *Сообщеніи* далѣе сказано что распоряженіемъ отъ 10 марта „не было допущено какого-либо стѣсненія правъ Евреевъ по примѣненію къ нимъ закона, *который они нарушили* придавая ему неправильное толкованіе," и что напротивъ примѣненіе этого закона „осуществлено въ самой снисходительной для нихъ формѣ." Если въ числѣ петербургскихъ владѣльцевъ аптекъ оказалось 11 Евреевъ, то ни одинъ изъ нихъ не могъ обзавестись аптекой или пріобрѣсти таковую покупкой иначе какъ съ вѣдома и разрѣшенія подлежащихъ властей, такъ какъ аптеки открываются и переходятъ отъ лица къ лицу по предварительномъ разрѣшеніи Медицинскаго Департамента, причемъ мѣстное врачебное управленіе имѣетъ постоянный надзоръ за каждою аптекой. Отсюда слѣдуетъ что если тутъ было нарушеніе закона, то не Евреи виноваты въ такомъ нарушеніи, а развѣ власти отъ которыхъ каждый изъ петербургскихъ Евреевъ-аптекарей получилъ надлежащее разрѣшеніе. Но разрѣшеніе разъ данное подлежащею властью есть само по себѣ законно пріобрѣтенное право. Евреи получившіе разрѣшеніе затратили свои капиталы на аптечное обзаведеніе и не трудно понять что предписаніе продать законно-пріобрѣтенную собственность въ теченіе извѣстнаго срока совершенно лишаетъ *вынужденнаго* продавца возможности получить ту цѣну которой имущество стòитъ. Мы не видимъ поэтому почему такое принужденіе можетъ быть признано „самою снисходительною формой" примѣненія къ Евреямъ запрета, о коемъ они лишь теперь узнали, такъ какъ до того и власти этого запрета не признавали. Еще менѣе понятно какое „снисхожденіе" оказано провизорамъ-Евреямъ управлявшимъ аптеками, коимъ приказано бросить это занятіе *немедленно*.

Въ *Сообщеніи* сказано еще въ опроверженіе газетныхъ толковъ: „не представляется необходимости опровергать всѣхъ „газетныхъ разсужденій по этому поводу. „Достаточно упомянуть что именно исправное содержаніе аптекъ составляетъ „предметъ настолько важный для общественнаго здравія что въ немъ всего менѣе „могутъ быть допущены хотя бы малѣйшія отступленія отъ точнаго смысла закона." Соображеніе это было бы понятно еслибы поводомъ къ теперешнему запрету послужили факты дурнаго веденія дѣла. Но такихъ указаній нѣтъ, а мотивомъ запрета приведенъ „точный смыслъ закона" по новѣйшему истолкованію онаго (разобранному выше), а этотъ законъ, о коемъ идетъ рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ техникой врачебнаго и аптечнаго дѣла.

Наконецъ, въ самомъ *Сообщеніи* какъ бы заключается признаніе что законъ объ Евреяхъ-фармацевтахъ въ томъ толкованіи какой ему нынѣ придается совершенно непонятенъ. „Пока законъ," такъ сказано, „не отмѣненъ или не подвергся измѣненію въ законодательномъ порядкѣ, онъ долженъ быть точно исполняемъ администраціей." Въ концѣ *Сообщенія* прибавлено: „Еврейскій комитетъ пересматриваетъ существующія законоположенія о правахъ и мѣстожительствѣ Евреевъ."

Если, какъ можно заключить изъ этихъ словъ *Сообщенія*, ожидается что права Евреевъ-фармацевтовъ на повсемѣстное жительство получатъ необходимое дополненіе, то не слишкомъ ли суровою мѣрой явится теперешняя экспропріація, коей подвергаются петербургскіе Евреи-аптекари?

Во всякомъ случаѣ, кажется, было бы несравненно логичнѣе и, пожалуй, гуманнѣе вовсе отмѣнить льготу дарованную Евреямъ-фармацевтамъ нежели даровать имъ гражданскую полноправность одною рукой, а другою отнимать то чѣмъ это преимущество обусловливается и въ чемъ заключается вся его сущность.

№ 89.

Москва, 31-го марта.

Помѣщая ниже замѣтку г. Тютчева, мы не можемъ не высказать и со своей стороны нѣсколькихъ замѣчаній по поводу вопроса затронутаго въ этой замѣткѣ, равно какъ и въ статьѣ за подписью Ѳ. въ № 66 нашей газеты, на которую г. Тютчевъ возражаетъ. Въ упомянутой статьѣ разказывается одинъ случай изъ практики мироваго суда, самъ по себѣ неважный, но рѣзко свидѣтельствующій о томъ безпомощномъ положеніи въ какомъ находятся у насъ владѣльцы лѣсовъ въ виду постоянно возрастающихъ порубокъ и почти полной безнаказанности порубщиковъ даже когда ихъ изловятъ и уличатъ въ преступленіи. Въ одномъ имѣніи, въ Рязанской губерніи, было порублено нѣсколько крупныхъ деревъ. Порубщикъ былъ отысканъ мѣстною полиціей, сознался въ своемъ проступкѣ и препровожденъ къ мировому судьѣ. Мировой судья вызвалъ, въ качествѣ *обвинителя*, владѣльца имѣнія; но такъ какъ тотъ живетъ въ Петербургѣ, то вмѣсто его явился управляющій или, вѣрнѣе, сынъ управляющаго (управляющій не задолго до того умеръ), молодой человѣкъ еще не достигшій гражданскаго совершеннолѣтія, который поэтому не могъ имѣть надлежащей довѣренности. Дѣло было отсрочено, и къ слѣдующему засѣданію явилась съ довѣренностью отъ владѣльца, совершенною между тѣмъ въ Петербургѣ, вдова управляющаго, которая собственно и завѣдывала имѣніемъ. Мировой судья не призналъ ея однако законною представительницей владѣльца имѣнія на томъ основаніи что, по Высочайшему повелѣнію отъ 7 января 1876 года, женщинамъ не дозволено вести чужія дѣла на судѣ. Въ виду же неявки обвинителя и неправоспособности присланныхъ имъ представителей, мировой судья прекратилъ дѣло и освободилъ обвиняемаго отъ отвѣтственности, такъ какъ дѣло о коемъ шла рѣчь можетъ по закону быть прекращено примиреніемъ, а по такого рода дѣламъ законъ непремѣнно требуетъ присутствія на судѣ *частнаго* обвинителя, устраняя публичныхъ обвинителей, каковыми по дѣламъ не подлежащимъ примиренію являются въ мировомъ судѣ чины полиціи. Обжаловать это постановленіе судьи или прислать другаго уполномоченнаго владѣлецъ не имѣлъ возможности, такъ какъ рѣшеніе мироваго судьи вступаетъ въ законную силу черезъ двѣ недѣли.

Такова сущность дѣла по поводу котораго Ѳ. обвинялъ мироваго судью въ нарушеніи закона. Г. Тютчевъ доказываетъ что рѣшеніе мироваго судьи безусловно правильно въ той части онаго въ которой признано что дѣла о лѣсныхъ порубкахъ подлежатъ разбирательству въ порядкѣ частнаго обвиненія. Что касается устраненія г-жи Г., то по замѣчанію г. Тютчева оно было бы неправильно лишь въ томъ случаѣ если довѣренность присланная ей владѣльцемъ была общею довѣренностью на управленіе имѣніемъ, которая давала ей право защищать интересы довѣрителя ея по этому имѣнію и на судѣ. Если же это была спеціальная довѣренность на веденіе единичнаго дѣла, то въ силу упомянутаго выше закона, не допускающаго женщинъ къ адвокатской дѣятельности, мировой судья поступилъ де правильно не допустивъ г-жи Г. къ представительству на судѣ интересовъ владѣльца по этому дѣлу.

Едва ли, однако, можно согласиться съ толкованіемъ г. Тютчева касательно порядка судебнаго преслѣдованія за лѣсныя порубки. Въ Уставѣ о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, изданномъ въ 1864 году, лѣсныя покражи и порубки отнесены къ числу проступковъ которые должны быть преслѣдуемы не только въ частномъ, но и въ публичномъ интересѣ. Въ ст. 18 этого Устава сказано что подлежатъ наказанію „не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ обиду“ проступки противъ чести и правъ частныхъ лицъ означенные въ стт 84, 103, 130—140 и 145—153; между тѣмъ какъ кража срубленнаго лѣса предусмотрѣна въ ст. 154, а порубка лѣса въ ст. 155 того же Устава. Стало-быть кара этихъ преступленій признана дѣломъ общественнаго интереса. Но въ 1867 году изданъ былъ спеціальный законъ „о мѣрахъ къ охраненію частныхъ лѣсовъ;“ и по п. 21 этого закона дозволено дѣла о порубкѣ прекращать по согласію лѣсовладѣльца, или его повѣреннаго, съ обвиняемымъ въ порубкѣ. Отсюда сдѣланъ *выводъ* что такъ какъ законъ и эти дѣла дозволяетъ прекращать примиреніемъ, то они должны быть отнесены къ разряду дѣлъ подлежащихъ преслѣдованію не иначе какъ по частной жалобѣ, и что полиція и вообще публичная власть не имѣетъ права участвовать въ качествѣ обвинителя въ производствѣ такого рода дѣлъ.

Нельзя однако не согласиться съ г. Ѳ. что установленіе такого порядка, влекущаго за собою на практикѣ почти поголовную безнаказанность пойманныхъ и изобличенныхъ лѣсныхъ порубщиковъ и всю ту смуту какую подобная безнаказанность производитъ во взглядахъ крестьянскаго населенія на лѣсныя покражи вообще, нельзя не согласиться, говоримъ, что *такой* юридическій выводъ, основанный на законѣ имѣвшемъ спеціальною цѣлью *охраненіе* частныхъ лѣсовъ, долженъ показаться всякому непосвященному въ тонкости юридической казуистики чистою насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ.

Да и можно ли допустить чтобы законодатель смотрѣлъ на дѣло иначе? Всякому понятно что законъ не только можетъ, но долженъ предоставить на волю обиженнаго домогаться или нѣтъ судебной кары обидчика. Изъявъ дѣла о личныхъ обидахъ изъ разряда преслѣдуемыхъ въ интересѣ публичномъ, законъ оказывалъ снисхожденіе не обидчику, а обиженному, которому оглашеніе понесенной обиды можетъ причинить новое, еще болѣе тяжкое душевное страданіе. Публичный интересъ, который всегда требуетъ чтобы противозаконное дѣяніе не осталось безнаказаннымъ, уступаетъ въ этомъ случаѣ передъ интересомъ частнаго лица, подчиняя вопросъ о карѣ его усмотрѣнію. Такое же преимущество законъ предоставляетъ частной иниціативѣ въ проступкахъ противъ имущественныхъ правъ, когда жертвой кражи или обмана было лицо состоявшее въ близкомъ родствѣ съ виновникомъ правонарушенія. Здѣсь законъ, очевидно, хочетъ подтвердить и возвысить семейное начало. Но можно ли утверждать что въ дѣлахъ о лѣсныхъ порубкахъ происходитъ коллизія между интересомъ публичнымъ, требованіемъ правосудія и частнымъ интересомъ лѣсовладѣльца? Не вѣрнѣе ли обратное положеніе, а именно что право собственности на лѣсъ безъ дѣятельной помощи публичной власти не можетъ быть ограждено и обезпечено? Всякое иное имущество можетъ быть ограждено отъ похищенія собственными средствами, но лѣса не запрешь на замокъ; огородить его тоже невозможно. Поэтому нельзя и допустить чтобы нашъ законъ поставилъ полицію и органы правосудія въ положеніе совершенно пассивное по отношенію къ лѣснымъ порубкамъ. А между тѣмъ, по толкованію г. Тютчева, выходитъ что полицейскій чиновникъ или и самъ мировой судья, заставъ лѣсныхъ воровъ на мѣстѣ преступленія, должны пройти мимо и, пожалуй, мимоходомъ дать ворамъ полезныя указанія какъ и что̀ рубить.

Откуда же, спрашивается, произошло недоразумѣніе, благодаря которому относительно лѣсныхъ порубокъ установилась у мировыхъ судей столь странная „практика“ которую г. Тютчевъ считаетъ вполнѣ согласною съ закономъ?

Правда, по спеціальному закону 1867 года, цѣль коего заключалась въ томъ чтобы дать лѣсовладѣльцамъ болѣе дѣйствительные способы къ огражденію ихъ собственности, предоставлено имъ также прощать виновныхъ. Правило это вѣроятно вызвано тѣмъ что наши крестьяне до сихъ поръ еще не привыкли смотрѣть на лѣсъ какъ на частную собственность и часто совершаютъ покражи лѣса не имѣя яснаго сознанія о противозаконности своего по-

ступка. Но интересъ общественный требуетъ чтобы законъ всячески стремился искоренить этотъ взглядъ крестьянъ, составляющій остатокъ прежняго крѣпостнаго быта. Еслибы въ 1867 году измѣнилось намѣреніе законодателя, не признавшаго въ 1864 году возможнымъ изъять лѣсныя порубки изъ разряда дѣлъ подлежащихъ публичному, а не частному обвиненію, то вмѣстѣ съ изданіемъ закона о мѣрахъ къ охраненію частныхъ лѣсовъ, было бы сдѣлано дополненіе къ ст. 18 Уст. о Нак., въ которой перечислены проступки подлежащіе преслѣдованію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. А такъ какъ такого дополненія не сдѣлано, то мировые судьи, направляющіе дѣла о лѣсныхъ порубкахъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, дѣлаютъ это, по нашему мнѣнію, на основаніи совершенно произвольнаго предположенія, явно противнаго истинному смыслу закона.

№ 90.

Москва, 1-го апрѣля.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, проектъ измѣненій въ дѣйствующемъ таможенномъ тарифѣ уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Но въ чемъ состоятъ предполагаемыя измѣненія, это понынѣ остается тайной, въ которую Министерство Финансовъ не сочло нужнымъ посвятить публику. Ей приходится довольствоваться по этому близко касающемуся ея интересовъ дѣлу лишь кое-какими отрывочными, неизвѣстно въ какой мѣрѣ достовѣрными, газетными слухами. А эти слухи вообще представляютъ дѣло таможенной реформы далеко не въ благопріятномъ свѣтѣ. Судя по извѣстному заявленію министра Финансовъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на текущій годъ, слѣдовало ожидать что измѣненія въ таможенномъ тарифѣ будутъ сдѣланы въ видахъ оказанія покровительства разнымъ отраслямъ русской промышленности. Судя по газетнымъ слухамъ, измѣненія въ тарифѣ будутъ имѣть главнымъ образомъ, если не исключительно, фискальный характеръ. Предположенное повышеніе пошлинъ по многимъ статьямъ привоза имѣетъ де цѣлію лишь увеличеніе казеннаго дохода на сумму около пяти милліоновъ рублей металлическихъ или семи милліоновъ кредитныхъ. Если такъ, если притомъ значительную часть этой суммы должно дать повышеніе таможеннаго налога на такіе продукты какъ кофе и другіе колоніальные товары, а затѣмъ остальная ея часть будетъ получена отъ повышенія пошлинъ по *многимъ* статьямъ, то само собою разумѣется что такое повышеніе пошлинъ не будетъ покровительствомъ внутреннему производству. Таможенный тарифъ, со всѣми признанными его несовершенствами, со всѣми его невыгодами и для казны и для страны, со всѣмъ его несоотвѣтствіемъ нашимъ экономическимъ условіямъ, остался бы въ сущности тѣмъ же чѣмъ былъ до сихъ поръ. Надежды возбужденныя слухами объ его пересмотрѣ были бы совершенно обмануты. Онѣ были бы обмануты и по отношенію къ интересамъ внутренняго производства, и по отношенію къ интересамъ казны.

Условія въ которыхъ находится нашъ государственный бюджетъ, кромѣ сокращенія расходовъ, требуютъ увеличенія доходовъ, въ серіозныхъ размѣрахъ. Болѣе чѣмъ какой другой источникъ доходовъ можетъ удовлетворить эту потребность налогъ на привозные товары. При полномъ, всестороннемъ пересмотрѣ тарифа, казна могла бы получить отъ таможенъ увеличеніе дохода на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей,—сумму которая на цѣлый рядъ лѣтъ устранила бы необходимость повышенія существующихъ и установленія новыхъ внутреннихъ налоговъ. Пертурбація въ промышленномъ и торговомъ мірѣ, неизбѣжно сопровождающая всякія измѣненія въ таможенномъ тарифѣ, въ такомъ случаѣ выкупалась бы важнымъ финансовымъ результатомъ, не говоря уже о томъ что всесторонній пересмотръ тарифа далъ бы возможность устранить массу жалобъ на него, раздающихся со всѣхъ сторонъ, и поставить разныя отрасли производства въ возможно лучшія условія. Но можно ли сказать что невыгоды замѣшательства которое вызовутъ въ разчетахъ торговаго и промышленнаго міра возвѣщаемыя газетами перемѣны въ тарифѣ вполнѣ окупятся увеличеніемъ казеннаго дохода на какіе-нибудь пять милліоновъ, при оставленіи внутренняго производства въ тѣхъ же невыгодныхъ условіяхъ на которыя оно осуждено было доселѣ? И лишніе пять или семь милліоновъ, конечно, сумма которою нельзя пренебрегать; но это далеко не та

какая нужна для поправленія нашего бюджета, это далеко не та какую должны были бы дать таможни при серіозной переработкѣ тарифа.

Еслибы были основанія считать нашъ таможенный тарифъ вообще удовлетворительнымъ, если бы, помимо фискальныхъ соображеній, не предстояло никакой надобности въ его пересмотрѣ и измѣненіи, то небольшое повышеніе пошлинъ по нѣсколькимъ статьямъ съ цѣлію получить 5—7 милліоновъ рублей дохода было бы дѣломъ совершенно понятнымъ. Но у насъ необходимость серіозной таможенной реформы признается всѣми, и едва ли само финансовое вѣдомство можетъ отрицать справедливость такого взгляда, едва ли оно само можетъ считать дѣйствующій таможенный тарифъ удовлетворительнымъ. Этотъ тарифъ не таковъ чтобъ его могли сдѣлать удовлетворительнымъ небольшія поправки, обѣщающія увеличеніе казеннаго дохода на 5—7 милліоновъ. И послѣ такихъ поправокъ, необходимость настоящей таможенной реформы останется столь же настоятельною какъ была и до нихъ. Этими поправками можетъ быть только замедленъ приступъ къ этому важному дѣлу совершенія коего требуютъ самые существенные народно-хозяйственные интересы. Нѣтъ спора что таможенная реформа въ томъ видѣ какъ она требуется этими интересами есть дѣло трудное и сложное, что подготовка и обсужденіе ея требуютъ времени. Но вѣдь нѣтъ же и неустранимой нужды въ томъ чтобъ измѣненія въ тарифѣ состоялись, напримѣръ, непремѣнно въ текущемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Лучше, полагаемъ, отсрочить эти измѣненія на нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ сдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ чѣмъ отсрочивать его на нѣсколько лѣтъ, замѣняя его торопливымъ принятіемъ мѣръ, настоятельность коихъ сомнительна. Чрезмѣрная торопливость тутъ едва ли чѣмъ можетъ быть оправдана. Положеніе нашихъ финансовъ мало измѣнится отъ того съ котораго мѣсяца начнутъ поступать въ казну тѣ нѣсколько милліоновъ, ради полученія которыхъ проектируется повышеніе разныхъ пошлинъ. Но улучшенію нашихъ финансовъ было бы положено прочное основаніе еслибы, вмѣсто несерьезныхъ поправокъ въ тарифѣ, была совершена дѣйствительная таможенная реформа которая поставила бы народный трудъ и разныя отрасли внутренняго производства въ условія благопріятныя для широкаго и разносторонняго развитія. Въ пользу отсрочки несущественныхъ поправокъ въ тарифѣ, съ цѣлію замѣнить ихъ изданіемъ новаго тарифа, согласованнаго съ твердо установленною національною таможенною политикой, говоритъ между прочимъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ послѣдніе годы слышатся съ разныхъ сторонъ жалобы на крайнюю неустойчивость нашего тарифа, на частыя перемѣны въ немъ. И эти сѣтованія нельзя признать совершенно безосновательными. Тѣмъ желательнѣе избѣгать мѣръ которыя могутъ имѣть характеръ какъ бы судорожныхъ подергиваній. Чѣмъ торопиться съ полумѣрой, лучше немного помедлить и принять дѣйствительную мѣру, на которой на долго можно было бы остановиться не бросаясь изъ стороны въ сторону, и на которой весь промышленный и торговый міръ могъ бы прочно основывать свои разчеты, не живя изо дня въ день въ постоянномъ опасеніи новыхъ перемѣнъ въ тарифѣ, могущихъ разрушить дальновидные разчеты.

Торопиться незначительными поправками въ тарифѣ, которыя могутъ только затормозить общій его пересмотръ, тѣмъ менѣе побужденій что черезъ какіе-нибудь два мѣсяца въ Москвѣ, центрѣ русской торговой и промышленной дѣятельности, должна открыться Всероссійская Промышленно-Художественная Выставка. Правительство не поскупилось на денежныя пожертвованія для ея устройства, и конечно желательно чтобъ эти пожертвованія окупились, чтобы Выставка принесла возможно бо́льшую пользу. Предполагается что всеобщій обмѣнъ знаній и опытности, которымъ должна Выставка сопровождаться, не останется безполезнымъ для ея участниковъ, для всего промышленнаго міра. Почему бы не воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ видахъ возможно лучшаго рѣшенія таможеннаго вопроса? Рѣшивъ этотъ вопросъ такъ сказать наканунѣ открытія Выставки, мы выказали бы этимъ прямое нежеланіе прислушаться къ голосамъ не мнимо, а дѣйствительно свѣдущихъ въ дѣлѣ людей, выразили бы явное пренебреженіе къ ихъ знаніямъ и опытности. Мы парализовали бы такимъ образомъ одинъ изъ главныхъ полезныхъ результатовъ къ какому долженъ повести предстоящій промышленный съѣздъ въ Москвѣ. Можетъ ли это быть желательно?

№ 91.

Москва. 2-го апрѣля.

Телеграфъ передавалъ намъ отзывы офиціозныхъ газетъ Берлина и Вѣны по поводу утвержденія статсъ-секретаря Н. К. Гирса министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Намъ пріятно что чему-нибудь и въ нашихъ дѣлахъ радуются наши друзья и сосѣди. Впрочемъ, никакой существенной перемѣны въ ходѣ дѣлъ вслѣдствіе вышесказаннаго назначенія не произошло и не предвидится: министромъ назначено лицо которое de facto уже было министромъ. Наши сосѣди видятъ въ этомъ залогъ политики миролюбивой. Но можетъ ли быть сомнѣніе въ миролюбивомъ направленіи русской политики? Было ли серіозное основаніе опасаться что Россія имѣетъ завоевательные планы? Если даже въ войнѣ русская политика не разчитывала на завоеванія, то откуда и зачѣмъ могли бы родиться у нея въ мирное время любостяжательныя стремленія, опасныя для спокойствія Европы? Намъ кажется что никто серіозно не опасается воинственныхъ со стороны Россіи начинаній, и въ этомъ отношеніи никому не требуется новыхъ залоговъ ея миролюбія. Но если Россія нисколько не расположена дѣйствовать наступательно и никому не можетъ внушать никакихъ въ этомъ отношеніи опасеній, то она тѣмъ не менѣе должна быть готова къ оборонѣ не только территоріи своей, но и вообще своихъ интересовъ и чести. Никто, конечно, не имѣетъ права разчитывать что Россія, якобы изъ миролюбія, будетъ равнодушна къ тому что̀ касается ея чести, что̀ задѣваетъ ея интересы, что̀ угрожаетъ ей ущербомъ, что̀ ослабляетъ ее или умаляетъ ея достоинство. Никто, конечно, не ожидаетъ что Россія откажется отъ своего участія въ дѣлахъ всемірнаго значенія и предоставитъ другимъ направлять дѣла съ которыми связаны ея существенные интересы. Это не было бы политикой миролюбія; это было бы политикой самоубійства. Правительство выпускающее власть изъ рукъ своихъ губитъ себя; великая держава забывающая, среди другихъ державъ, о своемъ достоинствѣ и своихъ интересахъ, губитъ себя. Всякій ущербъ въ достоинствѣ и во всемірномъ положеніи государства отзывается и на его внутреннихъ дѣлахъ, и наоборотъ. Ошибаются тѣ политики которые думаютъ будто государство можетъ спокойно процвѣтать въ безславіи и безсиліи. Правительство неспособное поддержать интересы своей страны въ международныхъ вопросахъ теряетъ кредитъ и внутри, и окажется неспособнымъ управлять страною, а также и наоборотъ. Государство должно хорошо знать и границы своей территоріи, и свой интересъ во всякомъ вопросѣ. Оно должно быть сильно въ мѣру своей безопасности и своего достоинства. Если оно не въ силахъ отстоять себя и свое, то оно не заслуживаетъ существованія, и его слѣдуетъ убрать. Такое государство было бы скандаломъ въ мірѣ.

Малодушные или легкомысленные политики воображаютъ что правительство можетъ купить миръ измѣною своимъ обязанностямъ внутри и интересамъ своей страны въ международныхъ дѣлахъ. Такая политика всегда сопровождается обратнымъ результатомъ. Она идетъ не къ миру, а напротивъ къ войнѣ и катастрофамъ. Ничѣмъ правительство не можетъ такъ компрометтировать себя, затруднить свое положеніе и навлечь на себя всякую вражду, какъ, напротивъ, прикинувшись жалкимъ и слабымъ. Мотивъ жалости имѣетъ мѣсто и смыслъ только между людьми, отнюдь не между государствами. Слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалѣютъ, а презираютъ и—добиваютъ.

Недавно въ одной петербургской газетѣ по поводу назначенія новаго министра Иностранныхъ Дѣлъ было сказано будто покойный Императоръ былъ вовлеченъ въ войну вопреки политикѣ своего министра, который войны не хотѣлъ. Вѣримъ что не хотѣлъ, но управленіе иностранными дѣлами Россіи, тѣмъ не менѣе, шло вѣрнымъ путемъ къ войнѣ. Начались смуты въ Босніи и Герцеговинѣ, возбужденныя конечно не Россіей, какъ уже и признано всѣми и какъ доказано самымъ фактомъ присоединенія этихъ провинцій къ Австріи. Что̀ же намъ слѣдовало бы сдѣлать если мы не хотѣли войны? Пользуясь нашимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, и еще бо̀льшимъ вліяніемъ на соплеменныя населенія этихъ провинцій, мы могли бы взять дѣло въ свои руки и въ самомъ началѣ потушить брошенную искру. А что̀ сдѣлали мы? Мы поспѣшили отдать въ руки враждебной намъ политической интригѣ ни-

чтожный, обычный на Востокѣ случай столкновенія, который эта интрига старалась раздуть. Ничтожное дѣло мы возвели въ европейскій вопросъ; въ исполненіе чужой программы, мы не приготовившись возбудили такъ-называемый Восточный вопросъ, который никогда безъ крови не обходится; мы вызвали дипломатическое вмѣшательство, международное слѣдствіе, и пожаръ разгорѣлся. Дошло до того что намъ нельзя уже было отступиться. Еслибы за тѣмъ, въ то время когда Турція изнемогала въ борьбѣ съ Черногоріей и Сербіей, мы рѣшительно потребовали отъ ней, опираясь уже на мобилизованныя войска наши, тѣхъ мѣръ которыя считали необходимыми, то онѣ были бы исполнены безъ войны, какъ доказалъ нашъ ультиматумъ который спасъ Сербію въ роковую минуту. Но мы шли къ войнѣ, и наша дипломатія продолжала истощаться въ усиліяхъ и уступкахъ чтобы доказать свое миролюбіе, давая Туркамъ время изготовиться къ серіозной войнѣ и основательно утвердиться въ презрѣніи къ намъ, за которое они потомъ и поплатились войной. На пресловутой Константинопольской конференціи мы торжественно выбросили за бортъ одно за другимъ всѣ наши требованія. Мы отказались и отъ военнаго занятія Болгаріи, и отъ жандармеріи швейцарской и бельгійской, и отъ жандармеріи турецкой съ иностранными офицерами, и отъ требованія какихъ бы то ни было реформъ въ пользу христіанскихъ населеній. Пока мы доказывали наше миролюбіе, Порта вооружалась и наконецъ бросила намъ въ лицо нашъ почтительный протоколъ которымъ мы хотѣли миролюбиво заключить столь продолжительный и уже стоившій столько крови инцидентъ,— протоколъ не заключавшій въ себѣ никакихъ требованій, все предоставлявшій мудрости Порты и милости султана, и въ сущности походившій на тѣ депеши которыя въ 1863 году западныя державы препроводили къ намъ въ заключеніе дипломатической кампаніи. Мы принуждены были начать войну за „оскорбленіе дѣйствіемъ.“

Итакъ, задача иностранной политики требуетъ прежде всего чтобы мы знали чего мы хотимъ, чтобъ у насъ была опредѣленная программа дѣйствій, чтобы мы были чутки къ интересамъ нашего государства и правильно цѣнили ихъ, давая предпочтеніе главному и существенному, и чтобы во всемъ существенномъ мы были незыблемо тверды и отнюдь не давали бы повода разчитывать на нашу уступчивость. Уступками въ существенномъ мы готовили бы себѣ впереди тяжкія затрудненія, которыя рѣдко разрѣшаются миромъ. Какъ внутри такъ и внѣ, политика достигаетъ своей цѣли когда внушаетъ должное уваженіе къ странѣ и ея правительству, чего конечно мы въ правѣ ожидать отъ новаго министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Впрочемъ, не министръ рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Вопросъ этотъ есть исключительная прерогатива Верховной Власти. Дѣло же министра состоитъ только въ томъ чтобы не скрывать отъ Государя правды и представлять ему дѣла въ вѣрномъ освѣщеніи и въ правильной градаціи.

Не только Берлинъ и Вѣна, но и Парижъ отзывается на новое назначеніе въ нашемъ правительствѣ. Сейчасъ прочли мы въ *Journal des Débats* передовую статью словно взятую изъ *Пештскаго Ллойда* или берлинской *National-Zeitung*. Со свойственною французскимъ газетамъ неподкупностью сужденія и мудростію, *Journal des Débats* также горячо какъ и нѣмецкія ратуетъ противъ русскаго панславизма, и въ назначеніи новаго министра видитъ противовѣсъ этому опасному (для Франціи?) панславизму. Парижская газета полагаетъ что въ нашемъ правительствѣ господствуетъ теперь дуализмъ: европейское направленіе представляется де новымъ министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, а панславизмъ, состоящій де въ мистическомъ единеніи Царя съ народомъ, представляется якобы министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Спѣшимъ успокоить парижскихъ радѣтелей о нашихъ дѣлахъ: никакого панславизма и ничего мистическаго въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ не обрѣтается, никакого дуализма въ нашей политикѣ нѣтъ, и трудно сказать въ какомъ у насъ департаментѣ преобладаетъ русская національная политика. Россія не имѣетъ никакихъ мудреныхъ замысловъ; она нуждается только въ твердой и просвѣщенной, истинно-національной политикѣ и ничего такъ не опасается какъ Фаэтоновскихъ полетовъ и во внутреннихъ и въ иностранныхъ дѣлахъ.

№ 92.

Москва, 3-го апрѣля.

Одна изъ нашихъ внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ, Тамбово-Саратовская, готовится къ переходу въ руки правительства; акціонерное общество этой дороги находится наканунѣ своей ликвидаціи. Объ этомъ давно ходили слухи; теперь эти слухи подтверждены протоколомъ чрезвычайнаго собранія акціонеровъ дороги, который въ копіяхъ разосланъ при № 90 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Тамбово-Саратовская линія принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ по которымъ гарантія процентовъ на акціонерный капиталъ была принята на себя земствомъ. Самая концессія на эту дорогу была выдана земствамъ Саратовской губерніи и Кирсановскаго уѣзда совмѣстно съ Саратовскимъ городскимъ обществомъ, которыя уже отъ себя сдали дорогу обществу акціонерному. Нарицательный основной капиталъ дороги былъ опредѣленъ въ 27.734.236 руб. металлическихъ, изъ коихъ на долю облигаціоннаго капитала отнесено 20.160.910 мет. р. и на долю акціонернаго 7.573.326 р. м. Правительствомъ были гарантированы проценты только по облигаціонному капиталу; гарантію по акціямъ приняли на себя, какъ сказано, вышеупомянутыя земства, едва ли сознававшія при испрошеніи концессіи какимъ бременемъ ляжетъ на нихъ эта гарантія. 350-верстная Тамбово-Саратовская линія оказалась одною изъ самыхъ малодоходныхъ. Ея валовой доходъ едва могъ покрывать расходы по эксплуатаціи, и лишь небольшія суммы могли быть отдѣляемы на уплату процентовъ по акціямъ и облигаціямъ, такъ что правительство и земства должны были приплачивать ежегодно гарантированныя ими суммы чуть не сполна. Казна еще могла не особенно тяготиться этими приплатами, хотя бы онѣ доходили до милліона и болѣе рублей въ годъ (до 2.905 р. на версту); ей такія приплаты за обычай. Но для земствъ ежегодный расходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей (до 1.091 руб. съ версты) на желѣзную дорогу былъ крайне отяготителенъ; съ ихъ стороны, было естественно стремленіе сократить по возможности размѣръ приплатъ, пользуясь всякими къ тому поводами. Отсюда само собою должны были возникать пререканія между акціонернымъ обществомъ дороги и учрежденіями гарантирующими чистый доходъ по ея акціямъ. Эти пререканія сдѣлались хроническими и грозили затянуться на весь 85-лѣтній срокъ существованія желѣзнодорожнаго Общества, изъ котораго не минуло еще и одиннадцати лѣтъ. Правительство рѣшило наконецъ принять на себя разчетъ съ акціонерами дороги. 10 декабря 1881 года министръ Финансовъ вошелъ въ Комитетъ Министровъ съ представленіемъ по этому предмету, и Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ ему было предоставлено войти въ окончательное соглашеніе съ Обществомъ Тамбово-Саратовской желѣзной дороги о замѣнѣ присвоенной его акціямъ пятипроцентной земской гарантіи четырехпроцентною правительственною. Крайнимъ срокомъ соглашенія правительства съ желѣзнодорожнымъ Обществомъ было назначено 1 апрѣля текущаго года.

Условія соглашенія, предложенныя министромъ, заключались въ томъ что акціонеры должны получить вмѣсто пятипроцентныхъ акцій съ нарицательною стоимостію во 125 р. мет. каждая, четырехпроцентныя облигаціи таковой же нарицательной стоимости, съ тѣмъ чтобы, за такою замѣной, желѣзнодорожная линія поступила уже въ полное распоряженіе правительства. Для обсужденія предложенныхъ правительствомъ условій было созвано чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ Общества Земской Тамбово-Саратовской желѣзной дороги, которое 14 марта единогласно постановило принять сдѣланное ему предложеніе.

Иного рѣшенія нельзя было и ожидать, въ виду выгодности предложенія для акціонеровъ. Сокращеніе ихъ дохода съ 5 до 4 процентовъ не имѣетъ тутъ большаго значенія, въ виду шаткости земской гарантіи и незыблемости правительственной. Разница между тою и другою гарантіей какъ нельзя лучше оцѣнена на биржахъ. Четырехпроцентныя облигаціи выдаваемыя акціонерамъ взамѣнъ акцій цѣнились на биржѣ, въ среднемъ выводѣ, по 138 р. за каждую, тогда какъ цѣна Тамбовско-Саратовскихъ акцій была 128 рублей (а въ среднемъ выводѣ за десять лѣтъ только 123$^3/_4$). Принимая правительственное предложеніе, акціонеры разомъ выигрываютъ по 10 рублей на каждой акціи, тогда

какъ въ случаѣ отказа имъ грозила не малая потеря на стоимости акціи. Еслибы предложенныя правительствомъ условія не были приняты акціонерами, то въ силу Высочайше утвержденнаго 28 декабря Положенія Комитета Министровъ, въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ появилась бы 2 апрѣля публикація о томъ что впредь правительство никакого пособія Обществу Тамбово-Саратовской желѣзной дороги на уплату купоновъ по его акціямъ оказывать не будетъ. Не трудно себѣ представить какъ отозвалась бы такая публикація на цѣнѣ акцій.

Сказаннымъ разрѣшеніемъ вопроса о Тамбово-Саратовской дорогѣ, должно полагать, будетъ снято съ земства лежавшее донынѣ на немъ бремя гарантіи ея доходности. Надо думать что сдѣлавшись правительственною, дорога уже перестанетъ быть земскою и по имени. Едва ли можетъ быть желательно оставить эту фикцію въ силѣ. Пререканія акціонеровъ съ земствомъ по вопросу о гарантіи были печальнымъ явленіемъ; но было бы еще печальнѣе еслибы мѣсто ихъ заступили непрерывныя пререканія по тому же предмету между земствомъ и правительствомъ. Напротивъ, въ освобожденіи земства отъ лежащихъ на немъ по отношенію къ дорогѣ почти неосуществимыхъ обязательствъ заключается одна изъ наиболѣе благопріятныхъ сторонъ рѣшенной финансовой операціи, оправдывающая трехсоттысячный ежегодный расходъ которымъ должна она лечь на государственный бюджетъ.

Помимо этого соображенія, нельзя сказать чтобы правительство получало въ Тамбово-Саратовской дорогѣ выгодное пріобрѣтеніе. Малодоходная донынѣ, эта линія не обѣщаетъ сдѣлаться доходною и въ близкомъ будущемъ. Въ этомъ отношеніи она не можетъ идти въ сравненіе даже съ Харьково-Николаевскою дорогой, тоже купленною правительствомъ и тоже не очень доходною. Но во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться новому шагу въ дѣлѣ перехода желѣзныхъ дорогъ къ правительству. Опытъ показалъ что оставаясь въ частныхъ рукахъ желѣзныя дороги слишкомъ легко и слишкомъ часто уклоняются отъ цѣлей для которыхъ построены, и ради которыхъ потрачены и тратятся на нихъ страной громадныя суммы. Желѣзно-дорожныя общества получили характеръ какъ бы государствъ въ государствѣ, со своими особыми интересами часто прямо идущими въ разрѣзъ съ государственными. Въ денежномъ отношеніи, частное хозяйство на желѣзныхъ дорогахъ также не оправдало теоретическихъ разсчетовъ на его выгодность для казны. При частномъ управленіи, желѣзныя дороги обходятся казнѣ едва ли много дешевле чѣмъ обходились бы при казенномъ. По всѣмъ невыгоднымъ линіямъ приплачиваетъ казна, а владѣльцы ничего не теряютъ отъ дурнаго на нихъ хозяйства и потому не заинтересованы въ его улучшеніи. Отъ выгодныхъ же линій казна ничего не получаетъ; всѣ выгоды достаются частнымъ владѣльцамъ. Всякое дальнѣйшее развитіе рельсовой сѣти постройкой дорогъ не обѣщающихъ достаточнаго дохода даетъ ни за что̀ ни про что̀ новыя большія выгоды акціонерамъ существующихъ выгодныхъ линій, усиливая движеніе на нихъ новымъ притокомъ грузовъ и пассажировъ, между тѣмъ какъ на страну падаютъ только новые тяжкіе расходы. Доходность выгодныхъ линій, какъ извѣстно, есть результатъ не столько хорошаго управленія ими сколько расширенія желѣзнодорожной сѣти, и когда наступитъ пора выкупа этихъ линій, правительству придется платить не за то что̀ сдѣлано ихъ владѣльцами, а за то что̀ сдѣлано имъ самимъ внѣ этихъ линій. При такомъ положеніи, чѣмъ ранѣе будутъ выкуплены дороги, тѣмъ лучше, тѣмъ меньшихъ жертвъ потребуетъ выкупъ, тѣмъ больше шансовъ на то что убыточность вновь пролагаемыхъ путей будетъ хоть отчасти возмѣщаться усиленіемъ доходности по старымъ линіямъ.

Судя по тому что двѣ дороги уже выкуплены, а двѣ другія строятся самимъ правительствомъ, можно по крайней мѣрѣ мечтать что вопросъ о замѣнѣ частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства государственнымъ становится на очередь и что дѣлаются опыты рѣшенія его. Нельзя не пожелать чтобъ эти опыты оказались удачными, чтобы казенное хозяйство на выкупленныхъ линіяхъ пошло какъ слѣдуетъ. Удача будетъ здѣсь не въ томъ что дороги не дававшія дохода при частномъ управленіи вдругъ станутъ давать его при казенномъ. Такого чуда ожидать нельзя. Хорошо было бы уже и то еслибы при казенномъ управленіи дороги исполняли свое назначеніе не хуже чѣмъ при частномъ, и еслибы притомъ казенныя пре-

платы по нимъ не вышли изъ тѣхъ нормъ въ какихъ держались доселѣ. На первыхъ порахъ и этого было бы достаточно.

Но что касается линій избранныхъ для опыта казеннаго управленія, то не странно ли что пренебрежена Либаво-Роменская которая имѣетъ такое непререкаемо важное для страны экономическое значеніе? Эту линію казна могла пріобрѣсти много дешевле чѣмъ каждую изъ купленныхъ. При тѣхъ суммахъ которыя уже ассигнованы для усиленія средствъ Либаво-Роменской дороги, она могла легко оказаться для казны выгоднымъ пріобрѣтеніемъ и въ денежномъ отношеніи, что едва ли можно сказать о сдѣланныхъ покупкахъ.

№ 94.

Москва, 5-го апрѣля.

А.

Ложь такъ вошла у насъ въ нравы что никто и не заботится о провѣркѣ ни чужихъ, ни своихъ мнѣній. Слушая и читая толки о крестьянскомъ разореніи, подумаешь что наша интеллигенція только о томъ и заботится какъ бы въ нашихъ весяхъ водворить благосостояніе. И земли мало, и народу въ нашихъ пустыряхъ тѣсно, и переселенія въ отдаленныя окраины производить необходимо, и поля передѣлять, и мелкій кредитъ устраивать. Гражданская скорбь, плачъ и либеральные вопли слышатся то и дѣло. Не ложь ли это? Не лицемѣріе ли очевидное и грубое?

Изойдите всю Россію и спросите любаго крестьянина, любаго человѣка изъ народа, что болѣе всего причиняетъ разореніе нашему народу. Кабакъ, всякій вамъ скажетъ; пьянство, всякій вамъ повторитъ. Спросите наединѣ свою совѣсть, и она вамъ подтвердитъ этотъ фактъ, повсемѣстный, не подлежащій сомнѣнію, бросающійся въ глаза. Итакъ, если вы дѣйствительно заботитесь о народномъ благѣ и принимаете къ сердцу крестьянское разореніе, то вы не можете къ факту пьянства относиться равнодушно. Вы прежде всего будете желать и требовать уничтоженія кабака. На этомъ прежде всего выразится вашъ паоосъ если онъ искренній. Это сдѣлается невольно и неудержимо. А между тѣмъ, посмотрите, наши радѣтели о бѣдномъ крестьянинѣ менѣе всего озабочены тѣмъ зломъ которое болѣе всего губитъ его. Изъ любви къ народу, они не прочь даже усилить и украсить кабакъ. Люди желающіе пустить для народа медвяныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, съ импровизованнымъ благоразуміемъ отвергаютъ какъ утопію всякую серіозную мѣру къ ограниченію народнаго пьянства.

Не ясно ли что въ основѣ этой скорби о народномъ разореніи нѣтъ ничего искренняго?

Но если къ кабаку мы равнодушны, то противъ шинкаря-жида мы вдругъ вознегодовали до готовности избить и сжить со свѣта все еврейское населеніе. Въ жидѣ-шинкарѣ вдругъ почему-то мы увидѣли виновника разоренія Россіи и бѣдственнаго состоянія ея крестьянства. Не ложь ли это? Развѣ жиды-шинкари спаивающіе народъ и разоряющіе и губящіе крестьянъ — повсемѣстное въ Россіи явленіе? Ни въ Московской, ни въ Тульской, ни въ Рязанской и такъ далѣе губерніяхъ нѣтъ ни одного жида-шинкаря. Жиды-шинкари имѣются только въ Заднѣпровьѣ. Но спросите у людей дѣйствительно свѣдущихъ гдѣ народъ болѣе спаивается и гдѣ крестьянинъ болѣе разоряется, въ Ковенской ли губерніи, Виленской ли, Волынской ли, Подольской ли, Кіевской ли, или въ нашихъ мѣстахъ куда Евреевъ не пускаютъ и гдѣ кабакомъ орудуетъ православный цѣловальникъ или кулакъ? Пьянство въ западномъ краѣ не только не болѣе, но гораздо менѣе развито чѣмъ въ остальной Россіи, и крестьянинъ тамъ относительно живетъ не хуже, а лучше. Въ западномъ краѣ дѣйствительно господствуетъ страшная, поразительная нищета, но это нищета не крестьянская, а еврейская...

Итакъ, не очевидно ли что зло не въ жидѣ-шинкарѣ, а въ самомъ кабакѣ, что кабацкій промыселъ не имѣетъ ничего общаго съ православіемъ и что дурное дѣло совершаемое подъ сѣнію христіанской церкви выходитъ и сквернѣе, и пагубнѣе. Дурному дѣлу христіанство не оправданіе, а осужденіе и проклятіе.

Правительственный Вѣстникъ утѣшилъ публику извѣщеніемъ что будетъ своевременно и обстоятельно сообщать обо всѣхъ случаяхъ побіенія Евреевъ: подумаешь что это заурядныя явленія, требуемыя чиномъ природы о которыхъ остается только увѣдомлять публику свое-

временно. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ средствъ прекратить этотъ вопіющій скандалъ, который усиливаетъ смуту нашего нынѣшняго положенія и такъ компрометтируетъ правительство? Неужели оно можетъ оставаться равнодушнымъ въ виду этихъ, очевидно злоумышленныхъ, поджигательствъ, и только регистрировать ихъ? Увы, сама администрація, повидимому, увлекается тѣмъ же движеніемъ... Вдругъ, какъ бы въ назиданіе черни, стала она страшно придирчива къ Евреямъ живущимъ въ разныхъ городахъ Имперіи по ремесленнымъ свидѣтельствамъ, и множество бѣдныхъ семей, ни въ чемъ неповинныхъ, высылаются разомъ, чуть не въ двадцать четыре часа, куда глаза глядятъ. Люди, ничего дурнаго не сдѣлавшіе, между прочимъ военно-служивые, которые на войнѣ отбывали свою воинскую повинность и кровью купили даровое право дышать повсемѣстно въ своемъ обширномъ отечествѣ, подвергаются тяжкимъ бѣдствіямъ. Откуда ни возьмись, вдругъ овладѣлъ нами въ этомъ случаѣ духъ строжайшей формальной законности, и Еврея выгоняютъ изъ мѣста гдѣ онъ давно живетъ не потому что онъ оказался вреднымъ или предосудительно ведущимъ себя, а потому что не шьетъ сапогъ... Эти внезапныя высылки, ничѣмъ не мотивированныя (вотъ съ нигилистами такъ мы церемонимся!) разоряютъ несчастныхъ не менѣе чѣмъ буйства подзадоренной черни.

Но объ этомъ послѣ. А теперь погорюемъ что кабакъ уцѣлѣлъ. Въ концѣ этой недѣли дѣло о кабакѣ поступитъ въ Государственный Совѣтъ, на разсмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ Законовъ и Экономіи. „Свѣдущіе люди" не помогли всероссійскому горю. По проекту, кабаки остаются въ живыхъ. Земствамъ (которыя сами теперь подъ вопросомъ въ Кахановской коммиссіи) предоставляется нормировать ихъ число и завѣдывать ихъ открытіемъ. Такъ легче чѣмъ устраивать питейное дѣло безъ вреда для народа и съ пользой для казны: это задача хлопотливая, требующая и умственныхъ затратъ, и серіозныхъ мѣръ.

Посмотримъ, однако, не произойдетъ ли какое-либо доброе разногласіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Тамъ вѣдь не все *свѣдущіе люди* и не все *финансисты*.

Рекомендуемъ читателямъ сегодняшнюю нашу корреспонденцію изъ Ельца. Вотъ голосъ человѣка по истинѣ изъ народа и по истинѣ свѣдущаго...

Б.

Недавно въ Веймарѣ вышла книга, на которую, не смотря на ея спеціальное заглавіе и содержаніе, нельзя не обратить вниманія; это учебникъ и въ то же время справочная книга для ружейныхъ заводчиковъ, мастеровъ и другихъ лицъ имѣющихъ нужду въ основательномъ знакомствѣ съ ружейною фабрикаціей. (*Die moderne Gewehrfabrication*. Practisches Hand- und-Lehrbuch fur Gewehrfabrikanten, Büchsenmacher etc. von Fr. Brandeis). Книга эта въ большомъ ходу въ Германіи и Австріи. Тамъ частная фабрикація ружей, какъ военныхъ такъ и охотничьихъ, развита очень широко и составляетъ весьма уважительную доходную отрасль народнаго труда. На частныхъ заводахъ, изъ коихъ многіе пользуются громкою извѣстностью, заняты чуть ли не сотни тысячъ рукъ. Германскіе, напримѣръ, револьверы находятъ себѣ сбытъ не только у насъ или гдѣ-нибудь въ южной Европѣ, но и въ Англіи. Извѣстно что револьверъ изъ котораго злоумышленникъ стрѣлялъ въ королеву Викторію тоже нѣмецкой работы, и притомъ — это стоитъ вниманія—*работы дешевой*: признакъ что нѣмецкимъ оружіемъ ведется обширная и правильная торговля Благодаря широкому развитію частной промышленности, военное вѣдомство какъ въ Австріи такъ и въ Германіи можетъ обходиться безъ иноземной помощи. Какая бы система оружія ни потребовалась, какъ бы затруднительна и сложна фабрикація ни была, всегда находятся въ наличности и въ требуемомъ числѣ опытныя руки. Замѣчательно что въ Австріи и Германіи армія вооружена ружьями не только домашняго издѣлія, но и своихъ системъ. Дрейзе, Маузеръ, Венцель, Кропатчекъ, Крнкъ, Дершъ, Баумгартенъ, Лебеда, Вердеръ, вотъ имена на которыя съ гордостью могутъ указать оружейники Австріи и Германіи.

Ничего подобнаго у насъ нѣтъ. Принятое у насъ и находящееся на службѣ оружіе проектировано и въ значительной мѣрѣ изготовлено иностранцами: Австрійцами, Американцами, Англичанами: Берданъ—американскій генералъ, и часть его ружей готовилась для Россіи на заводѣ

Кольта, Карле—Англичанинъ, Крынкъ—Австріецъ. Домашній принятъ у насъ только одинъ образецъ (Терри-Нормана) да и тотъ оказался неудовлетворительнымъ. Ружье Крынка, тоже мало-удовлетворительное, пришлось принять только потому что оно дозволяло нашей ружейной техникѣ выпутаться изъ затрудненій. Еслибы вмѣсто этой системы, изготовленію которой могъ способствовать всякій мѣдно-литейный заводъ, мы приняли какую-либо другую, то можетъ-быть наша армія въ 1877 году имѣла бы часть ружей заряжаемыхъ съ дула: не доставало рукъ для своевременнаго изготовленія принятой прежде системы Англичанина Карле. У насъ въ Тулѣ работаются револьверы, но военное вѣдомство все-таки вынуждено было прибѣгнуть къ заграничной фабрикаціи. Теперь, когда введены новыя сабли, бо́льшая часть ихъ находящаяся въ продажѣ носитъ штемпель *Солингенъ, литая сталь*, хотя производство клинковъ да еще чисто русской системы, генерала Горлова (принятой даже Англіей), конечно, могло быть водворено и у насъ если бы наша промышленность была болѣе развита. Но, къ сожалѣнію, „въ нашемъ отечествѣ, говоритъ *Русскій Инвалидъ*, эта (ружейная) отрасль народнаго, частнаго труда скорѣе замираетъ, а не развивается. Казенные ружейные заводы работаютъ на потребность арміи, частные мастера Тулы готовятъ ружья въ большинствѣ дешевыя, незавидныя по боевымъ качествамъ, покупаемыя въ большинствѣ неприхотливыми крестьянами-охотниками; ружья же лучшихъ качествъ привозятся въ Россію готовыми изъ-за границы, и торгуютъ ими у насъ по большей части иностранцы."

Нельзя сказать чтобы такой порядокъ былъ терпимымъ. Страна, какъ Россія въ дѣлѣ оружейнаго производства, въ дѣлѣ изготовленія средствъ обороны, не можетъ оглядываться на помощь извнѣ; ея ружейное производство должно бы не „замирать," а развиваться; въ матеріалѣ и потребителяхъ оружія мы не нуждаемся: армія наша не мала, охота развита не меньше нежели за границей. Правда, у насъ нѣтъ народныхъ стрѣльбищъ, нѣтъ стрѣлковыхъ обществъ, нѣтъ публичныхъ состязаній въ стрѣльбѣ; но нѣтъ ихъ вовсе не потому чтобы все это не могло привиться у насъ, а по той причинѣ что пока состязаться и некому и нечѣмъ: хорошія ружья, привозныя изъ-за границы, не могутъ стоить дешево, а съ ружьемъ плохимъ и даже посредственнымъ, съ ружьемъ такъ-сказать самодѣлкой, никто стрѣлять на призъ не пойдетъ.

Нельзя сказать чтобъ у насъ не могли сработать хорошаго ружья, но работать его не выгодно: иностранная конкурренція, при условіи валовой фабрикаціи, не даетъ развиться нашему производству; она душитъ его, заставляетъ замирать. Если оружейники вынуждены работать только оружіе низшаго сорта, то такое производство не въ силахъ выработать хорошихъ мастеровъ, и дѣло естественно идетъ внизъ, а не вверхъ, тормозя вмѣстѣ съ этимъ и свободу дѣйствій производства казеннаго вынужденнаго опираться единственно только на свои силы. Естественно поэтому что и казнѣ оружіе обходится у насъ относительно дороже нежели за границей.

Теперь имѣется въ виду пересмотръ таможеннаго тарифа. Было бы очень кстати воспользоваться этимъ случаемъ для полнаго огражденія такой важной для страны отрасли народнаго труда. Было время когда наше оружіе не уступало заграничному: одинъ неизвѣстный италіянскій авторъ, въ своемъ описаніи Россіи XVII столѣтія, посвященномъ кардиналу Альтіери, отзывается о нашемъ оружіи того времени такъ: „e sopra tutto valevoli sono le armi, si di taglio, che di punta e da fuoco" (то-есть особенно хорошо оружіе какъ рубящее и колющее, такъ и огнестрѣльное *). Время это миновало, но не пора́ ли намъ позаботиться о нашемъ оружейномъ производствѣ и поднять его на должную высоту чтобы разъ навсегда избавиться отъ тѣхъ прискорбныхъ обстоятельствъ кои вынудили насъ принять для вооруженія нашей арміи сначала мало удовлетворительную систему Крынка, а потомъ, не успѣвъ изготовить ружей Бѐрдана, явиться на поляхъ сраженій съ оружіемъ уступавшимъ турецкому.

Нашъ таможеный тарифъ одинаково неблагопріятно отзывается на всѣхъ отрасляхъ промышленности; но его пагубное вліяніе нигдѣ можетъ-быть не ощущается столь сильно какъ на промышленности оружейной, которая „замираетъ," вмѣсто того чтобы развиваться. Невольно спро-

---

*) Brix *Geschichte der alten Russischen Heeres-Einrichtungen* etc. Berlin, 1867, стр. 428.

симъ: что же будетъ когда эта промышленность совсѣмъ замретъ, когда и дешевое оружіе будетъ выгоднѣе купить заграницей? Иностранная фабрикація идетъ впередъ, и идетъ быстро и постоянно: если дешевые сорта нѣмецкаго оружія успѣваютъ проникать даже на рынки Англіи, то надо ожидать что недалеко то время когда нѣмецкая оружейная промышленность совсѣмъ задавитъ нашу.

№ 95.

Москва, 6-го апрѣля.

Графъ Волькенштейнъ, назначенный мѣсяца два тому назадъ австрійскимъ посломъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ на мѣсто графа Кальноки, занявшаго постъ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, не торопится отъѣздомъ къ мѣсту своего новаго назначенія. Онъ поѣхалъ сначала въ Берлинъ, затѣмъ въ Парижъ, откуда возвратился въ Вѣну лишь въ концѣ минувшаго мѣсяца. Много толковъ и разнородныхъ слуховъ возбудили эти поѣздки, совпавшія съ усиленною по всей линіи европейской печати агитаціей по поводу „панславизма,“ агитаціей которая нынѣ улеглась какъ бы по командѣ. Но затѣмъ было офиціально заявлено и подтверждено самимъ графомъ Волькенштейномъ что поѣздки его не имѣли никакой иной цѣли кромѣ улаженія вопроса о „смѣшанной“ коммиссіи для наблюденія и регулированія судоходства по нижнему теченію Дуная, отъ Желѣзныхъ Воротъ до устьевъ. Австро-венгерская печать заявляетъ что упомянутый дипломатъ очень доволенъ результатомъ своей чрезвычайной миссіи. Ему удалось де преодолѣть упорное противодѣйствіе, которое, странно молвить, оказывала до послѣдняго времени стремленіямъ Австріи французская дипломатія въ лицѣ г. Баррера, французскаго уполномоченнаго въ международной Дунайской коммиссіи, учрежденной на основаніи ст. 53 Берлинскаго трактата.

По словамъ графа Волькенштейна, онъ успѣлъ въ своей миссіи, склонивъ Французское правительство къ нѣкоторымъ уступкамъ; но самъ онъ, по собственному выраженію, „разбавилъ австрійское вино водой,“ то-есть отступился отъ первоначальнаго австрійскаго *avant-projet*. Теперь же послѣдовало де согласіе Германіи, Франціи и Австро-Венгріи на новое предложеніе, формулованное г. Барреромъ, и австро-венгерская печать дѣятельно занимается толками о томъ дадутъ ли или не дадутъ остальныя державы свое согласіе.

Въ чемъ же заключается новое предложеніе? Сущность его была изложена въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, офиціозномъ органѣ мадьярскаго министерства. По предварительному проекту, смѣшанная коммиссія должна была, какъ извѣстно, состоять изъ четырехъ делегатовъ: отъ Австро-Венгріи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, причемъ Австрія, которой проектъ этотъ принадлежалъ, настаивала на томъ что ей должно принадлежать предсѣдательство въ коммиссіи съ присвоеніемъ ей двойнаго голоса въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну (хотя Австрія вовсе не прибрежна къ Дунаю въ его нижнемъ теченіи). Теперь же предполагается составить коммиссію не изъ четырехъ, а изъ пяти членовъ, именно изъ четырехъ делегатовъ поименованныхъ выше государствъ и одного представителя международной Дунайской коммиссіи, назначаемаго поочередно. При участіи пяти членовъ, самъ собою устраняется вопросъ о раздѣленіи голосовъ по-ровну и такимъ образомъ упраздняется споръ о преимуществѣ предсѣдательскаго голоса. Тѣмъ не менѣе, Австрія не становится на равную ногу со всѣми остальными участниками смѣшанной коммиссіи, такъ какъ изъ нихъ Сербія и Болгарія не имѣютъ вовсе представителей въ международной коммиссіи. Въ этомъ заключается выгодная для Австріи сторона новаго предложенія. Но по Берлинскому трактату Румынія также имѣетъ своего представителя въ международной коммиссіи; стало-быть и она будетъ періодически пользоваться одинаковымъ съ Австріей преимуществомъ. Въ этомъ усматривается невыгода для Австріи, которая *Пештскому Ллойду* крайне не нравится, такъ что эта газета не раздѣляетъ восторговъ отъ успѣха достигнутаго графомъ Волькенштейномъ, и очень удивляется тому что и Румынія не изъявляетъ готовности принять новый проектъ. Насчетъ Италіи мадьярскій офиціозный органъ совершенно спокоенъ, такъ какъ эта держава съ самаго начала вопроса о Дунаѣ, въ томъ видѣ какъ онъ вновь поставленъ по Берлинско-

му трактату, склонялась въ пользу Австріи. Относительно Англіи, *Пештскій Ллойдъ* также не сомнѣвается, но въ смыслѣ противоположномъ, то-есть что г. Гладстонъ во всякомъ случаѣ будетъ противодѣйствовать видамъ Австріи. О Россія же названная газета высказываетъ сужденіе, которое, надѣемся, не совпадаетъ съ дѣйствительностью, но заслуживаетъ вниманія какъ образчикъ преобладающаго нынѣ во враждебной намъ печати взгляда.

„Россія," замѣчаетъ *Пештскій Ллойдъ*, „никогда не выступала открытымъ противникомъ Австріи по Дунайскому вопросу. Если она и не выказывала особенной наклонности отстаивать интересы Австріи (еще бы!), то она, съ другой стороны, не слишкомъ близко принимала къ сердцу и притязанія Румыніи, и потому соблюдала въ этомъ вопросѣ положеніе нейтральное." На такой нейтралитетъ мадьярскій органъ разчитываетъ и впредь, но только находитъ, какъ сказано, что графъ Волькенштейнъ зашелъ въ своей уступчивости слишкомъ далеко и совѣтуетъ быть тверже въ защитѣ интересовъ Австріи по этому дѣлу, утверждая что господство надъ нижнимъ теченіемъ Дуная есть „единственная и дѣйствительная выгода какую доставилъ Австріи Берлинскій трактатъ."

Какъ ни любопытно что офиціозный органъ Венгерскаго правительства открыто претендуетъ на „выгоды" отъ трактата завершившаго войну въ которой Австрія никакого участія не принимала, еще интереснѣе то что преобладаніе на Дунаѣ считается болѣе важною добычей нежели даровое пріобрѣтеніе двухъ турецкихъ провинцій. Увы, это дѣйствительно такъ!.. Изъ того какъ относится къ этому вопросу австро-венгерская печать видно что значеніе смѣшанной коммиссіи для наблюденія и регулированія судоходства по нижнему теченію Дуная далеко не исчерпывается техническимъ дѣломъ Въ Австріи понимаютъ что преобладаніе въ этой коммиссіи рѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о томъ будетъ ли Румынія самостоятельна, или же она волей-неволей станетъ въ вассальныя отношенія къ Австріи. Такъ смотрятъ на дѣло въ самой Румыніи, и вотъ причина почему въ Букурештѣ продолжаютъ оказывать сопротивленіе и видоизмѣненному проекту, несмотря на то что, по крайней мѣрѣ по газетнымъ извѣстіямъ, Румынія лишилась самой дѣятельной поддержки которую оказывалъ ей въ этомъ дѣлѣ французскій делегатъ назначенный еще въ то время когда г. Гамбетта управлялъ иностранною политикой Франціи. Само собою разумѣется что самостоятельность Румыніи возможность для нея стоять на собственныхъ ногахъ и не подчиняться политическому давленію изъ Вѣны, обусловливается преимущественно отношеніемъ Румыніи къ Россіи. Россія же не можетъ быть „нейтральною" въ томъ смыслѣ какъ понимаютъ это выраженіе въ Пештѣ и Вѣнѣ. Она не можетъ оставаться пассивною зрительницей того какъ Австрія налагаетъ свою руку на прибрежье Нижняго Дуная, стремясь осуществить свою пресловутую миссію на Востокѣ прежде всего въ этомъ направленіи.

Вскорѣ послѣ заключенія Берлинскаго трактата, враждебная Россіи печать радостно привѣтствовала возникшее недоразумѣніе между Россіей и Румыніей. На всѣ лады развивалась та мысль что Румынія есть „лучшій оплотъ противъ замысловъ Россіи," та самая Румынія которая Россіи, и только Россіи, обязана своимъ бытіемъ. Но заблужденіе было не продолжительно. Румыны, нужно имъ отдать справедливость, прежде всего убѣдились что судьба ихъ отечества попрежнему тѣсно связана съ Россіей, и что имъ предназначено быть оплотомъ не противъ Россіи, а противъ Австріи. До сихъ поръ Румынія стойко сопротивлялась австрійскимъ притязаніямъ на Дунаѣ, которыя угрожаютъ ея самостоятельности. Но безъ дѣятельной русской поддержки Румынія едва ли будетъ въ состояніи выдержать эту борьбу до конца.

Впрочемъ, быть-можетъ, г. Гладстонъ, на котораго въ Пештѣ махнули рукой, окажетъ букурештскимъ дипломатамъ поддержку, въ которой они такъ нуждаются и которой, по мнѣнію *Пештскаго Ллойда*, имъ не дождаться изъ Петербурга... Будемъ надѣяться что хоть г. Гладстонъ отстоитъ дѣло за которое болѣе всѣхъ должна была бы крѣпко стоять Россія.

№ 96.

Москва, 7-го апрѣля.

Болѣе полугода обсуждался питейный вопросъ; болѣе полугода былъ онъ предметомъ горячихъ споровъ и толковъ, глубоко интересовавшихъ всѣ слои народа сверху до низу. Теперь всѣ подготовительныя работы окончены и ожидается законодательное рѣшеніе вопроса. Какое рѣшеніе? Оправдаетъ ли оно тѣ надежды какія на него возлагались?

Въ моментъ возбужденія вопроса, при первомъ приступѣ къ его обсужденію, вѣра въ желательный благотворный исходъ предпринятаго дѣла держалась твердо и была почти всеобщею. Возникали, правда, опасенія что питейная реформа встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны многообразныхъ кабацкихъ интересовъ образовавшихся вѣками около укоренившейся системы спаиванія, разоренія и развращенія народа; что эти интересы будутъ отстаивать себя, что поэтому всячески постараются дать реформѣ ничтожные размѣры, подмѣнить серіозныя мѣры полумѣрами, рекомендовать вмѣсто дѣйствительнаго лишь кажущееся улучшеніе существующихъ питейныхъ порядковъ. Но эти опасенія не ослабляли надежды что люди призванные къ разработкѣ вопроса, проникшись сознаніемъ его первостепенной государственной важности, найдутъ въ этомъ сознаніи силы для отпора всѣмъ противодѣйствіямъ, всѣмъ поползновеніямъ привести къ нулю предпринятый пересмотръ питейныхъ узаконеній.

Дѣло пошло, однако, совсѣмъ не такъ какъ предполагалось. Никакихъ серіозныхъ противодѣйствій дѣлу реформы ни откуда не проявилось. И однако, чѣмъ дальше шло обсужденіе реформы, тѣмъ слабѣе становились надежды на благопріятный исходъ, тѣмъ болѣе падала увѣренность въ томъ что предпринятое дѣло есть дѣло серіозное. Кончилось тѣмъ что вмѣсто ожидавшейся реформы, которая по своимъ нравственнымъ и матеріальнымъ послѣдствіямъ могла бы стать на ряду съ великою крестьянскою реформой, мы стоимъ теперь наканунѣ законодательнаго разсмотрѣнія коекакихъ измѣненій въ постановленіяхъ о раздробительной питейной торговлѣ.

Проектъ этихъ измѣненій уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Изложенныя въ проектѣ новыя правила о питейной торговлѣ предполагается примѣнить не повсемѣстно. Въ обѣихъ столицахъ, въ Одессѣ, въ Кронштадтѣ, а также въ губерніяхъ Балтійскихъ и Привислинскихъ, въ Сибири, въ Закавказьѣ и въ Туркестанскомъ краѣ, питейное дѣло должно остаться на прежнихъ основаніяхъ. Для этихъ исключеній, должно полагать, имѣлись какія-нибудь основанія. Можетъ-быть, Сибирь вовсе не страдаетъ отъ пьянства и потому нѣтъ никакой надобности принимать тамъ мѣры противъ этой язвы... Затѣмъ, для Петербурга, Москвы и Одессы, можетъ-быть, сдѣлано уже все возможное въ этомъ отношеніи временными правилами изданными 16 іюня 1873 и 26 января 1874 и ничего болѣе дѣлать уже не требуется... Обывателямъ этихъ городовъ изъ ежедневныхъ невольныхъ наблюденій достаточно извѣстно насколько ходъ питейной торговли въ нихъ согласенъ съ нравственными и матеріальными интересами населенія.

Мѣры къ сокращенію пьянства будутъ примѣнены, однако, на всемъ остальномъ обширномъ пространствѣ Имперіи. Въ чемъ именно будутъ онѣ состоять, въ точности неизвѣстно, такъ какъ проектъ не опубликованъ, и все обсужденіе вопроса въ послѣдніе три мѣсяца, когда проектированныя мѣры вырабатывались, происходило подъ покровомъ непроницаемой канцелярской тайны. Достовѣрно одно что кабаки и трактиры, по проекту, будутъ процвѣтать попрежнему, но въ предѣлахъ устанавляемыхъ земскими учрежденіями. Кабацкое иго, по проекту, остается на народѣ попрежнему; но земству открывается возможность облегчать тягость этого ига, по усмотрѣнію. Въ этомъ главная, если не единственная надежда на то что новые порядки въ питейномъ дѣлѣ окажутся не хуже, а лучше тѣхъ при которыхъ мы жили до сего времени.

Сомнѣваться въ томъ что земство отнесется самымъ серіознымъ образомъ къ дѣлу, которое центральная администрація слагаетъ съ себя и возлагаетъ на него, пока нѣтъ основаній. Въ теченіе многихъ лѣтъ, земство рядомъ рѣшительныхъ заявленій доказало что оно въ полной мѣрѣ сознаетъ громадность вреда причиняемаго пьянствомъ какъ нравственному, такъ и экономическому быту народа. Когда отъ земскихъ учрежденій отбирались отзывы по питейному вопросу, мысль о необходи-

мости положить предѣлъ развитію пьянства повсемѣстнымъ сокращеніемъ питейныхъ заведеній высказывалась въ ихъ отзывахъ единодушно и энергически. Но одно дѣло мысль, другое—способы ея осуществленія. Здѣсь широкое поле для всякихъ случайностей, промаховъ и ошибокъ. Вопросъ о питейной торговлѣ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, будетъ получать различное рѣшеніе смотря по настроенію случайно возобладавшему въ средѣ земскихъ гласныхъ. До сихъ поръ это настроеніе было вообще хорошее, не расположенное къ поощренію кабацкаго промысла. Будемъ надѣяться что и будущія рѣшенія земства по питейнымъ дѣламъ будутъ всегда согласны съ этимъ настроеніемъ. Но есть опасность что земскія постановленія по питейной торговлѣ могутъ получить и иную окраску.

Интересы связанные съ питейною торговлей и прикосновенные къ ней представляютъ громадную силу. Обороты питейной торговли исчисляются многими сотнями милліоновъ рублей. Изъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей ежегодно пропиваемыхъ народомъ, въ карманы кабачниковъ поступаетъ болѣе чѣмъ въ казну. Для людей занимающихся питейною торговлей до сихъ поръ не было разчета употреблять свои средства на то чтобъ измѣнять въ свою пользу настроеніе земскихъ собраній. Эти собранія не могли ни въ чемъ ни пособить, ни повредить имъ. Совсѣмъ другое дѣло когда земскія собранія будутъ регулировать весь ходъ питейной торговли. Будетъ разчетъ употреблять всѣ усилія чтобъ организовать въ средѣ гласныхъ свою партію, питейную, и весьма возможно что за возникновеніемъ такихъ партій дѣло не станетъ. Если въ то время когда люди питейнаго дѣла не считали себя спеціально заинтересованными въ ходѣ земскихъ совѣщаній, могли быть примѣры такихъ земскихъ собраній въ которыхъ болѣе трети всѣхъ гласныхъ суть люди имѣющіе питейныя заведенія (фактъ заявленный офиціально), то чего можно ожидать когда питейные торговцы будутъ матеріально заинтересованы въ счетѣ голосовъ при земскихъ баллотировкахъ?

Думаютъ парализовать зло особымъ постановленіемъ, которымъ въ засѣданіяхъ городскихъ и земскихъ учрежденій, при обсужденіи вопросовъ о питейной торговлѣ, воспрещалось бы принимать участіе тѣмъ гласнымъ которые содержатъ заведенія съ продажею крѣпкихъ напитковъ. Иные шли дальше и предлагали, неизвѣстно только успѣшно ли, совершенно лишить содержателей питейныхъ заведеній права быть гласными и участвовать въ ихъ избраніи. Но въ томъ и другомъ случаѣ, имѣется ли достаточная гарантія противъ возможности сформированія въ средѣ земскихъ собраній особыхъ питейныхъ партій? Питейному торговцу нѣтъ надобности самому быть гласнымъ, самому подавать голосъ въ свою пользу. Ему еще лучше если за него будутъ дѣлать это другіе. Ему нужно будетъ лишь заботиться о томъ чтобы провести въ гласные своихъ надежныхъ людей, въ числѣ достаточномъ для составленія абсолютнаго большинства при интересныхъ для него баллотировкахъ. При этомъ не нужно чтобы подготовленная питейная партія была особенно многочисленна. Гласные, какъ извѣстно, не съѣзжаются въ собранія въ полномъ числѣ; ихъ съѣзды бываютъ такъ малочисленны что иной разъ не оказывается узаконеннаго числа голосовъ для того чтобы могли быть постановляемы какія-либо рѣшенія. А при такомъ условіи, поголовно являющіеся въ собранія и дѣйствующіе какъ одинъ человѣкъ сторонники питейныхъ торговцевъ легко могутъ стать законодателями по питейному дѣлу въ каждой мѣстности.

Наканунѣ законодательнаго рѣшенія вопроса необходимо принять во вниманіе всякую возможную случайность. Указанная выше случайность весьма возможна. Допустите ее, и что получится въ результатѣ питейной реформы? Питейно-торговый міръ, располагающій громадными денежными суммами и, по своему нравственному уровню, вообще неразборчивый въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, вдругъ становится непосредственно, матеріально заинтересованымъ въ направленіи земскихъ выборовъ. Системѣ этихъ выборовъ и создаваемымъ ею органамъ земства грозитъ кабацкая зараза. И если этой заразѣ данъ будетъ ходъ, именемъ земства будутъ издаваться постановленія направленныя противъ существеннѣйшихъ его интересовъ, въ разрѣзъ со всѣми его лучшими стремленіями. Кабакъ сталъ бы автономнымъ распорядителемъ своихъ судебъ и устроителемъ своего господства надъ народомъ. Можно ли не задуматься даже

предъ отдаленною возможностью подобной перспективы?

№ 97.

Москва, 8-го апрѣля.

На этихъ дняхъ *Голосъ* возвѣстилъ что „нѣмецкія газеты передали ему къ празднику весьма пріятное извѣстіе.“ Радуется эта почтенная газета тому что будто бы въ Пруссіи классическая система образованія „отжила свой вѣкъ,“ а съ тѣмъ вмѣстѣ рушились де тамъ „средневѣковые и іезуитскіе школьные порядки“ (въ Германіи, странѣ науки, была мертвая, негодная, іезуитская школа!), что эта система уступила мѣсто „порядкамъ соотвѣтствующимъ духу новаго общества,“ а потому, слѣдовательно, и намъ слѣдуетъ скорѣе разрушить нашу классическую школу. Этотъ куріозъ высказанъ съ такими поистинѣ іезуитскими пріемами умолчанія, извращенія и инсинуаціи что читатель незнакомый съ сущностью дѣла можетъ и въ самомъ дѣлѣ подумать что невозможное сдѣлалось возможнымъ.

Статья *Голоса* начинается такъ:

„Всѣмъ извѣстно что въ глазахъ нашей казенной педагогіи здравы только тѣ педагогическія начала, удачны только тѣ воспитательные и учебные пріемы которые признаны нѣмецкою и особенно прусскою школами и освящены тамошнею школьною практикой... Такъ какъ въ наши казенно-педагогическія головы крѣпко засѣла мысль что для насъ хороша только прусская школа, то намъ остается только желать чтобъ эта прусская школа какъ можно болѣе совершенствовалась и чтобы такимъ образомъ къ намъ прививались хотя и чужіе порядки, но по крайней мѣрѣ не средневѣковые и іезуитскіе, а болѣе соотвѣтствующіе духу новаго общества. Положеніе это, правда, довольно комическое, но замѣчательно что оно поддерживается не столько офиціальною чиновническою педагогіей, сколько тѣми органами печати которые выдаютъ себя за ярыхъ представителей „народной политики.“ *Московскія Вѣдомости* и *Русь*, умудряясь возставать противъ всякой постановки школы болѣе отвѣчающей нашему національному характеру и современнымъ потребностямъ, фанатически защищаютъ западную іезуитскую или близкую къ ней школу и ставятъ намъ ее въ образецъ для подражанія.“

Какъ этимъ господамъ наконецъ не наскучитъ все лгать и лгать, какъ не претитъ имъ жить постоянно въ этой атмосферѣ обмана!..

Наука есть сила и великая сила, и мы ни чѣмъ не можемъ такъ услужить нашей народности какъ способствуя развитію въ ней этой силы. Задача состоитъ не въ томъ чтобы подражать кому то ни было, а воспитывать наше юношество такъ какъ требуется для того чтобы достигать результатовъ не худшихъ въ сферѣ высшаго образованія, чѣмъ достигаются въ тѣхъ странахъ гдѣ наука есть доказанная сила. Германская школа не потому имѣетъ для насъ значеніе что она германская, а потому что она доказала себя своими результатами. Не изъ Германіи пріѣзжаютъ къ намъ доучиваться, а мы посылаемъ туда нашихъ quasi ученыхъ нищенствовать по части науки. Науку нельзя пришить къ платью; она усвоивается умомъ, и потому прежде всего требуется чтобы наши дѣти которыя къ ней готовятся были хорошо къ ней готовы, чтобъ они были въ состояніи поднимать ея тяжести и исполнять ея задачи. Напротивъ, мы отнюдь не должны подражать ни Германіи, ни иной странѣ въ этомъ дѣлѣ. Еслибы, вслѣдствіе какого-либо переворота, въ Германіи рушилась та школа на которой основывалось развитіе ея науки, и создана была бы новая школа, то было бы безсмысленнымъ обезьянствомъ послѣдовать ея примѣру. Германская гимназія вѣками доказала свою плодотворность, и мы не сдѣлаемъ никакой ошибки если будемъ держаться основаній той школы которая доказала свою плодотворность на дѣлѣ и не въ одной Германіи, но и въ другихъ странахъ, и которая ни въ какой зависимости отъ германской національности не находится. Бросаться же на какой-либо опытъ потому только что его затѣяли другіе, вотъ это-то и было бы дѣломъ безсмысленнаго обезьянства.

„Въ чемъ же заключается волшебное преобразованіе германскихъ гимназій изъ „средневѣковыхъ и іезуитскихъ школъ“ въ „соотвѣтствующія духу новаго общества.“ Послушаемъ какъ ее рисуетъ *Голосъ:*

Перемѣны произведенныя новыми учебными планами въ прусскихъ гимназіяхъ состоятъ въ слѣдующемъ: сокращены уроки

Закона Божія на одинъ часъ, *латинскаго языка на девять часовъ, греческаго на два* и правописанія (не каллиграфіи ли, г. профессоръ?) на два, а прибавлены четыре урока французскаго языка, одинъ нѣмецкаго, три исторіи и географіи, два математики, два естественной исторіи, два физики. *Особенно важныя перемѣны* произведены въ преподаваніи древнихъ языковъ: греческій языкъ, который до сихъ поръ преподавался съ третьяго класса (по нашему счету), теперь будетъ преподаваться только съ *четвертаго*; преподаваніе латинскаго языка во всѣхъ почти классахъ уменьшено на *одинъ* урокъ, въ шестомъ классѣ оно сокращено даже на *два* урока, прямо въ видахъ усиленія преподаванія по наукамъ естественнымъ и другимъ предметамъ реальнаго образованія."

Не правда ли какое крушеніе средневѣковой классической системы! У латинскаго языка взято *девять* уроковъ, а у греческаго *два*! Но почему же вы скрываете какое именно число латинскихъ и греческихъ уроковъ сокращено на *девять* и на *два* урока? И почему вы такъ старательно умалчиваете о томъ какъ велико число уроковъ по древнимъ языкамъ въ русскихъ гимназіяхъ? Слѣдующая таблица покажетъ эти столь невыгодныя для вашихъ цѣлей цифры:

Латинскій языкъ.

Классы:	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Итого.
Пруссія:										
до сихъ поръ	10	10	10	10	10	10	10	8	8	86 час.
теперь.......	9	9	9	9	9	8	8	8	8	77 "
Россія.....	8	7	5	5	6	6	6	6	—	49 "

Греческій языкъ.

Пруссія:										
до сихъ поръ	—	—	6	6	6	6	6	6	6	42 "
теперь......	—	—	—	7	7	7	7	6	6	40 "
Россія...	—	—	5	6	6	6	7	6	—	36 "

Изъ этой таблицы видно что до сихъ поръ въ прусскихъ гимназіяхъ было 86 уроковъ латинскаго и 42 урока греческаго языка. Въ нашихъ „ультраклассическихъ" гимназіяхъ на латинскій языкъ отведено лишь 49, а на греческій 36 уроковъ. Теперь въ прусскихъ гимназіяхъ будетъ 77 уроковъ латинскаго и 40 уроковъ греческаго языка, слѣдовательно на 32 урока по древнимъ языкамъ болѣе чѣмъ у насъ!

Голосъ совѣтуетъ намъ послѣдовать примѣру Пруссіи. Прекрасно! Прибавимъ же къ нашимъ восьми гимназическимъ классамъ *девятый*, увеличимъ число уроковъ греческаго языка на *четыре*, а латинскаго на *двадцать восемь*.

Голосъ не ограничивается тѣмъ что скрываетъ отъ своихъ читателей приведенныя выше цифровыя данныя; эта правдивая газета, кромѣ того, еще утаиваетъ другой фактъ. Несмотря на нѣкоторое незначительное сокращеніе учебныхъ часовъ латинскаго и греческаго языка *учебная программа этихъ языковъ* въ прусскихъ гимназіяхъ отнюдь не сократилась. Прусскіе педагоги убѣдились въ возможности достигать теперешнихъ результатовъ преподаванія древнихъ языковъ при нѣсколько меньшемъ количествѣ уроковъ благодаря богатству и силѣ своихъ педагогическихъ средствъ Чего прусскіе гимназисты достигали до сихъ поръ при десяти урокахъ латинскаго языка въ недѣлю, того же самаго они будутъ достигать и при девяти. (Въ нашихъ гимназіяхъ на латинскій языкъ опредѣлено въ I классѣ 8, во II—7, въ III и IV по 5, а въ остальныхъ по 6 уроковъ). Точно также и греческій языкъ ничего не потеряетъ въ прусскихъ гимназіяхъ если преподаваніе его начнется не съ третьяго, а съ четвертаго класса, такъ какъ онъ будетъ преподаваться не по шести, а по семи уроковъ въ недѣлю, въ IV, V, VI и VII классѣ, а преподаваніе его будетъ продолжаться тѣ же шесть лѣтъ какъ и въ нашихъ гимназіяхъ, вслѣдствіе того что курсъ въ прусскихъ гимназіяхъ продолжается 9 лѣтъ, а въ нашихъ только 8. Если, поэтому, въ VI классѣ отъ латинскаго класса отнимается не *одинъ*, а *два* часа какъ торжественно заявляетъ *Голосъ*, то одинъ изъ нихъ идетъ на греческій языкъ и лишь *одинъ* „на усиленіе преподаванія по наукамъ естественнымъ и другимъ предметамъ реальнаго образованія," какъ объ этомъ трубитъ шарлатанъ *Голоса!*

Изъ сказаннаго становится очевиднымъ что еслибы греческій языкъ въ прусскихъ гимназіяхъ былъ перенесенъ съ третьяго на *пятый* классъ при увеличеніи числа уроковъ въ пяти старшихъ классахъ до 8 часовъ, то и въ такомъ случаѣ дѣло не измѣнилось бы, такъ какъ оставались бы тѣ же самые 40 часовъ.

Чего же однако желаетъ *Голосъ*, высказывая надежду что учебная *реформа*, произведенная сосѣдями, отразится и на на-

шей школѣ благодѣтельнымъ образомъ? Онъ очевидно желаетъ чтобъ и у насъ уменьшилось число уроковъ по древнимъ языкамъ, и чтобъ у насъ греческій языкъ преподавался также лишь съ четвертаго класса (слѣдовательно всего *пять* лѣтъ) и конечно уже безъ соотвѣтственнаго увеличенія числа уроковъ въ старшихъ классахъ.

Если Пруссія, при своихъ громадныхъ педагогическихъ средствахъ, можетъ изъ 86 часовъ латинскаго языка безо всякаго ущерба для преподаванія передать другимъ учебнымъ предметамъ 9 часовъ, то развѣ мы, при нашихъ слабыхъ средствахъ, могли бы безъ ущерба уступить хоть одинъ часъ изъ нашего скуднаго 49-часоваго запаса латинскихъ уроковъ? Представимъ себѣ что Пруссія нашла бы возможнымъ остановиться въ развитіи своихъ боевыхъ силъ послѣ достигнутыхъ ею блестящихъ результатовъ, неужели изъ этого слѣдовало бы что и намъ нужно было бы также остановиться хотя мы далеко еще не достигли тѣхъ результатовъ которыхъ достигла Пруссія?

Но мы еще не покончили съ іезуитскими пріемами *Голоса*. Реформа произведенная циркуляромъ прусскаго министра Гослера гораздо существеннѣе касается реальныхъ училищъ чѣмъ гимназій. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ *Голосъ*:

„Въ реальныхъ училищахъ перваго разряда, которыя отнынѣ будутъ называться „реальными гимназіями,“ перемѣна произведена въ обратномъ порядкѣ: именно уменьшено число часовъ на преподаваніе реальныхъ предметовъ и увеличено на преподаваніе латинскаго языка, который выигралъ вслѣдствіе этой перемѣны цѣлые *десять* часовъ... Интересно знать какъ теперь поступятъ наши педагоги, недавно еще переименовавшіе нашу реальную гимназію, изъ уваженія къ ея прежнему прусскому образцу, въ реальное училище? Вѣроятно и у насъ скоро появятся реальныя *гимназіи*...“

Различные предметы носятъ различныя названія. Наши реальныя училища, не имѣющія въ своей программѣ латинскаго языка, не могли и не могутъ называться реальными *гимназіями* когда даже прусскія реальныя училища съ латинскимъ языкомъ (44 часа въ недѣлю) не удостоивались этого названія. Теперь въ нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ Пруссіи латинскій языкъ будетъ преподаваться въ размѣрѣ 54 часовъ, *слѣдовательно въ большемъ размѣрѣ чѣмъ въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ*, и только такимъ предоставлено названіе *реальныхъ гимназій*.

Въ Пруссіи реальныя училища первоначально возникли вовсе не какъ новый типъ школы. Онѣ произошли изъ старыхъ латинскихъ школъ, которыя въ пору установленія классической системы въ прусскихъ гимназіяхъ, въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, остались какъ бы за штатомъ, не имѣя средствъ подняться на высоту реформы чтобы стать полноправными. Всѣ онѣ содержатся не правительствомъ, а городскими обществами. Придумывали для нихъ разныя назначенія; старались постепенно приблизить ихъ къ типу гимназій. Многія прямо преобразовались въ классическія гимназіи; другія отказались ото всякихъ претензій и отъ латыни; нѣкоторая часть, вытянувшись до девяти классовъ, крѣпко держится латыни, и вотъ изъ нихъ тѣ которыя усилятъ у себя преподаваніе латинскаго языка до 54 часовъ получаютъ право на названіе реальныхъ гимназій. Судя по ходу дѣла, можно ожидать что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ эти реальныя гимназіи будетъ введенъ и греческій языкъ, который преподавался въ знаменитой Кельнской (Cölln часть города Берлина) реальной гимназіи въ Берлинѣ, съ десятилѣтнимъ курсомъ, гдѣ оба древніе языка преподавались въ такой же силѣ какъ и въ классическихъ гимназіяхъ.

Вотъ какъ нечестная публицистика морочитъ публику извращая факты. Реальныя училища подводятся постепенно къ типу классической школы, а она увѣряетъ своихъ читателей что классическая школа рушится.

№ 98.

Москва, 9-го апрѣля.

Ниже помѣщаемъ мы новое возраженіе г. Тютчева, предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей Дмитровскаго уѣзда, касательно порядка направленія дѣлъ объ уголовномъ преслѣдованіи лѣсныхъ порубщиковъ. На этотъ разъ, г. Тютчевъ обращаетъ свои замѣчанія противъ высказаннаго нами въ передовой статьѣ № 89 *Московскихъ Вѣдо-*

мостей мнѣнія о томъ что установившаяся въ нашихъ судахъ „практика,“ изъемлющая дѣла этого рода изъ вѣдѣнія публичной обвинительной власти и дающая имъ ходъ не иначе какъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, есть послѣдствіе „совершенно произвольнаго предположенія, явно противнаго истинному смыслу закона.“ Г. Тютчевъ доказываетъ что мировые судьи держащіеся такого порядка не только не дѣйствуютъ произвольно, но что иначе они и не могутъ поступать, такъ какъ вопросъ о лѣсныхъ порубкахъ именно въ этомъ смыслѣ разъясненъ Уголовнымъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Сената, а такія разъясненія обязательны де для всѣхъ судебныхъ мѣстъ Имперіи.

Но наше замѣчаніе вовсе не имѣло въ виду только мировыхъ судей. Мы согласны что въ этомъ случаѣ мировые судьи сообразуются съ указаніями кассаціоннаго суда. Но практика нашего Кассаціоннаго Суда далеко не отличается твердостью и неизмѣнностью разъ установленныхъ взглядовъ и нельзя приписывать ей безусловный авторитетъ. Сенатъ по многимъ вопросамъ неоднократно измѣнялъ взгляды высказанные имъ въ прежнихъ рѣшеніяхъ. Кромѣ того, сенатскія рѣшенія все-таки лишь толкованія и имъ не присвоено законодательнаго значенія; ни дополнять законъ, ни еще менѣе измѣнять точный смыслъ существующаго закона Кассаціонный Судъ права не имѣетъ, и едва ли кто станетъ утверждать что низшіе суды обязаны всегда руководиться кассаціонными разъясненіями даже въ томъ случаѣ когда они явно противорѣчатъ истинному смыслу закона. А мы остаемся при томъ мнѣніи что лѣсныя порубки, предусмотрѣнныя ст. 155 Уст. о Нак. и послѣ изданія закона 15 мая 1867 года о мѣрахъ къ охраненію частныхъ лѣсовъ, остались неизъятыми изъ разряда дѣлъ возбуждаемыхъ и преслѣдуемыхъ по инціативѣ публичной власти. Мы утверждаемъ это потому что статья 18 Уст. о Нак. осталась и послѣ 1867 г. недополненною (несмотря на новое изданіе Судебныхъ Уставовъ въ 1876 году), и статья 155, о лѣсныхъ порубкахъ, не включена въ перечень статей по коимъ вмѣшательство публичной власти устранено.

Въ сенатскомъ рѣшеніи по дѣлу крестьянина Кулакова, состоявшемся въ 1868 году, виновные въ порубкѣ сами сознались въ ней предъ судьей и повторили свое сознаніе на мировомъ съѣздѣ. Мировой съѣздъ полагалъ что въ виду этого сознанія судья не имѣлъ права оставить безъ взысканія доказанное преступленіе. На это постановленіе виновные не принесли жалобы Сенату; за то оно было опротестовано представителемъ обвинительной власти. Товарищъ прокурора подалъ протестъ на рѣшеніе съѣзда, признавая неправильнымъ привлеченіе порубщиковъ къ отвѣтственности безъ жалобы потерпѣвшаго. Нужно ли еще болѣе разительное подтвержденіе несообразности той юридической казуистики которая защищаетъ установившуюся практику? Органъ прокуратуры, которой главное назначеніе заключается въ обличеніи предъ судомъ обвиняемыхъ въ нарушеніи законовъ (ст. 4 Уст. Угол. Суд.), счелъ себя обязаннымъ домогаться отмѣны судебнаго рѣшенія, коимъ виновные, сами сознавшіеся въ своемъ преступленіи, привлечены къ отвѣтственности! Выходитъ такимъ образомъ что по дѣламъ о лѣсныхъ порубкахъ обвинительна явласть не только устранена отъ обвиненія и преслѣдованія порубщиковъ во имя закона; нѣтъ, обвинительная власть принимаетъ на себя защиту виновныхъ и требуетъ освобожденія ихъ отъ взысканія въ интересѣ общественномъ, ибо сами обвиняемые по дѣлу Кулакова, сознавшіеся на судѣ, никакой жалобы не принесли.

Г. Тютчевъ возстаетъ противъ высказаннаго въ первой нашей замѣткѣ предположенія о томъ что при теперешней судебной практикѣ относительно лѣсныхъ порубокъ, при которой отрицается право органовъ правосудія привлекать виновныхъ къ отвѣтственности помимо жалобы потерпѣвшаго, возможенъ и такой случай что полицейскій чиновникъ или и самъ мировой судья, заставъ лѣсныхъ воровъ на мѣстѣ преступленія, должны будутъ пройти мимо и, пожалуй, мимоходомъ дать ворамъ указаніе какъ и что̀ рубить. Это было лишь предположеніемъ; но случай изъ дѣйствительной жизни, о коемъ свидѣтельствуетъ сенатское рѣшеніе по дѣлу Кулакова, гораздо болѣе поразителенъ. Здѣсь обвинительная власть не ограничилась пассивнымъ отношеніемъ къ дѣлу, но прямо выступила защитницей порубщиковъ, настаивая на ихъ безнаказанности. Что̀ должны были подумать темные мужички, когда оказалось что судъ *не имѣетъ права* подвергать ихъ взысканію за кражу лѣса,

въ совокупности съ наказаніемъ за кражу ульевъ у того же Кулакова, въ которой они одновременно обвинялись? Уголовный кассаціонный департаментъ уважилъ протестъ товарища прокурора и призналъ что „мировой съѣздъ, *хотя усматривалъ виновность* обвиняемыхъ по настоящему дѣлу въ самовольной порубкѣ помѣщичьяго лѣса, но не имѣя въ виду объявленія „лѣсовладѣльца о привлеченіи ихъ за сіе „къ отвѣтственности въ судебномъ порядкѣ, за силою 21 и 22 пунктовъ означенныхъ выше правилъ (Высочайше утвержденнаго 15 мая 1867 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о мѣрахъ къ охраненію частныхъ лѣсовъ) *не долженъ „былъ возбуждать уголовнаго производ„ства* объ ихъ отвѣтственности."

Есть ли надобность еще доказывать что подобный порядокъ, еслибы даже допустить что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ буквѣ существующихъ узаконеній и тому разъясненію которое далъ имъ Правительствующій Сенатъ, есть прямое извращеніе идеи правосудія и что можно лишь удивляться какимъ образомъ недоразумѣніе возникшее по этому предмету пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе изданія закона объ охраненіи частныхъ лѣсовъ, не было до сихъ поръ прекращено путемъ законодательнаго же разъясненія? А для этого требуется только чтобы было указано что съ допущеніемъ возможности прощенія порубщиковъ со стороны лѣсовладѣльца, лѣсная порубка, какъ и вообще кража, вовсе не стала дѣйствіемъ безразличнымъ въ глазахъ правосудія, и что этимъ отнюдь не извращенъ взглядъ законодателя на преступленія этого рода до того что будто бы обвинительная власть не только не имѣетъ права домогаться наказанія виновныхъ, но напротивъ должна въ извѣстныхъ случаяхъ наблюдать за тѣмъ чтобъ уличенные порубщики не подвергались законному взысканію.

Если же этой аномаліи нельзя избѣжать иначе какъ отмѣной того правила коимъ допускается примиреніе между порубщикомъ и лѣсовладѣльцемъ, то намъ кажется что правило это должно быть отмѣнено, тѣмъ болѣе что нѣтъ причины такому чрезмѣрному послабленію со стороны закона порубщикамъ сравнительно съ прочими похитителями чужаго имущества. Лѣсовладѣлецъ можетъ сколько угодно дозволять рубить свой лѣсъ, точно также какъ всякій можетъ сколько угодно раздавать бѣднымъ свои деньги; похищеніе же чужой собственности остается преступленіемъ которое государство терпѣть не должно. Всякая кража влечетъ за собою тюремное заключеніе; а за лѣсныя порубки нашъ законъ полагаетъ въ первый и во второй разъ лишь денежный штрафъ и только при совершеніи преступленія въ третій разъ оно приравнивается по наказанію къ кражѣ, причемъ рецидивъ не считается отягчающимъ обстоятельствомъ если со времени предшествовавшей вины прошло два года.

Въ Германіи забота объ охраненіи лѣсной собственности дошла до того что въ прошедшемъ году установлены наказанія за самовольное собираніе ягодъ въ чужомъ лѣсу, и эти наказанія гораздо строже нежели лѣсныя порубки по нашимъ законамъ. Нечего и говорить что лѣсныя порубки считаются во всемъ цивилизованномъ мірѣ преступленіемъ подлежащимъ наказанію въ интересѣ не только частномъ, но и общественномъ.

№ 99.

Москва, 10-го апрѣля.

А.

Продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ работы Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи близятся къ концу. Возобновившіяся 9 апрѣля засѣданія этой коммиссіи, какъ слышно, имѣютъ предметомъ уже окончательное разсмотрѣніе проектируемыхъ по желѣзнодорожному дѣлу постановленій, которымъ затѣмъ останется только получить законодательную санкцію.

Изданіе желѣзнодорожнаго закона давно и нетерпѣливо ожидается всѣми. Произволъ разныхъ желѣзныхъ управленій въ теченіе многихъ лѣтъ лежалъ на странѣ тяжелымъ гнетомъ, отъ котораго всѣ рады избавиться. Благодаря этому произволу, желѣзныя дороги были у насъ и остаются доселѣ не то что служебными пособниками нашей торговой, промышленной и всякой хозяйственной дѣятельности, а ея господами. Счастливы тѣ кому эти господа оказываютъ благосклонность, горе тѣмъ кого постигаетъ ихъ немилость. Распоряжаясь

назначеніемъ провозныхъ тарифовъ по своему усмотрѣнію, правленія желѣзныхъ дорогъ измѣненіями тарифныхъ ставокъ то и дѣло отнимали обширные рынки сбыта у однихъ производителей и торговцевъ чтобъ отдать эти рынки другимъ. И отнимались рынки главнымъ образомъ у русскихъ производителей и торговцевъ въ пользу иноземныхъ. Было бы, конечно, преувеличеніемъ обвинять всѣ наши дороги въ антинаціональномъ направленіи, но то что большинство ихъ назначаютъ тарифныя ставки не одинаковыя для русскихъ и для иноземныхъ товаровъ, и что разница клонится не въ русскую пользу есть фактъ доказанный и общеизвѣстный. Построенныя въ видахъ поощренія русскаго производства, желѣзныя дороги во многихъ отношеніяхъ сдѣлались для него тормозомъ, вмѣстѣ парализуя и то поощреніе которое оказывается ему нѣкоторыми таможенными пошлинами. Въ трудахъ желѣзнодорожной коммиссіи заявлено множество фактовъ произвола желѣзныхъ дорогъ при назначеніи тарифовъ крайне невыгодныхъ для провоза русскихъ товаровъ и поощрительныхъ для привоза чужестранныхъ. Одинъ и тотъ же товаръ, по одной и той же дорогѣ, везется за разную цѣну смотря по тому идетъ ли онъ извнутри Россіи или изъ-за границы. Дѣло доходитъ до того что нѣкоторыя желѣзныя дороги вступаютъ въ соглашеніе съ германскими желѣзными дорогами съ прямою и нескрываемою цѣлью парализовать вліяніе русскихъ таможенныхъ пошлинъ и на привозные товары. Это достигается пониженіемъ тарифныхъ ставокъ на привозные товары втрое, вчетверо, даже въ семь разъ противъ ставокъ для тѣхъ же товаровъ внутренняго производства, такъ что скидка въ провозной платѣ съ иностранныхъ товаровъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превышаетъ размѣръ таможенной пошлины. Такимъ тарифнымъ подвигомъ, какъ сообщено въ печати, отличилось, чрезъ годъ послѣ своего сформированія, Общество Юго-Западныхъ дорогъ, и ничто не мѣшаетъ дѣлать то же самое въ такихъ же размѣрахъ и другимъ дорогамъ. Какое же значеніе можетъ имѣть правительственная таможенная политика, если за повышеніемъ пошлинъ на привозные товары всегда можетъ послѣдовать пониженіе провозныхъ тарифовъ которое обратитъ въ нуль все оказанное повышеніемъ пошлинъ покровительство русскому производству? Въ настоящую минуту, наканунѣ небольшаго повышенія нѣкоторыхъ пошлинъ, этотъ вопросъ самъ собою выдвигается на первую очередь. Въ необходимости закона который положилъ бы конецъ произволу желѣзнодорожныхъ правленій въ дѣлѣ назначенія тарифныхъ ставокъ не можетъ быть сомнѣнія. Но кромѣ того важно чтобы законъ этотъ не заставилъ себя ждать.

А между тѣмъ, пока его нѣтъ, тарифная политика многихъ желѣзныхъ дорогъ продолжаетъ идти усвоеннымъ ею путемъ во вредъ русскимъ интересамъ. То самое Общество Юго-Западныхъ дорогъ которое въ половинѣ 1879 года, какъ выше сказано, вступило съ германскими дорогами въ соглашеніе идущее наперекоръ государственной таможенной политикѣ, сдѣлало недавно, почти на дняхъ, новый шагъ къ поощренію привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ. На этотъ разъ дѣло идетъ о желѣзѣ. По Юго-Западнымъ дорогамъ провозится разное желѣзо: польское поступающее съ привислинскихъ дорогъ, русское принимаемое въ Кіевѣ и съ Курско-Кіевской дороги, иностранное идущее изъ Волочиска и Радзивилова и т. д. Изъ двухъ послѣднихъ пунктовъ желѣзо привозилось не въ особенно большихъ размѣрахъ, именно въ 1880 году дорога перевезла: изъ Радзивилова 105.000 пуд., изъ Волочиска 158.000 пуд. Правленіе Юго-Западныхъ дорогъ нашло нужнымъ усилить этотъ привозъ и двинуть силезское желѣзо изъ Радзивилова прямо въ Кіевъ, а изъ Волочиска въ Одессу и Елисаветградъ большими партіями, въ размѣрѣ отъ 150 до 300 тысячъ пудовъ каждая. Въ *Желѣзнодорожномъ Листкѣ Объявленій*, отъ 27 минувшаго марта, объявленъ новый спеціально-пониженный тарифъ „для отправокъ желѣза и желѣзныхъ издѣлій изъ Силезіи чрезъ Радзивиловъ и Волочискъ въ Кіевъ, Елисаветградъ и Одессу.“ На мелкихъ отправителей пониженіе не распространяется; они будутъ платить по существовавшему доселѣ тарифу. Но отправитель который „въ теченіе настоящаго года“ провезетъ изъ Радзивилова въ Кіевъ не менѣе 150, 200 или 300 тысячъ пудовъ заплатитъ, вмѣсто $16,_{43}$ коп. съ пуда, по $13,_{76}$, $13,_{02}$ и даже $12,_{78}$ коп. съ пуда. Будетъ ли послѣ этого поступать на Юго-Западныя дороги русское желѣзо изъ Кі-

ева и съ Курско-Кіевской дороги? Не распространится ли, напротивъ, районъ сбыта силезскаго желѣза, въ ущербъ русскому, еще верстъ на сто или болѣе за Кіевъ? По направленію отъ Волочиска на Одессу и Елисаветградъ, тарифъ пониженъ еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Кто провезетъ по одному изъ этихъ направленій не менѣе 180.000 пудовъ въ теченіе года заплатитъ, по направленію къ Одессѣ, $11_{,62}$ коп. вмѣсто $18_{,73}$ коп., по направленію къ Елисаветграду, $13_{,30}$ коп. вмѣсто $21_{,30}$ коп. съ пуда. Такое пониженіе способно расширить районъ сбыта силезскаго желѣза на 200—250 верстъ за Елисаветградъ, съ чѣмъ, вѣроятно, придется считаться едва зарождающемуся на нашемъ Югѣ домашнему желѣзному производству. Пусть кто хочетъ мечтаетъ о мѣрахъ покровительства русской металлической промышленности; русскія желѣзныя дороги не въ мечтахъ, а на дѣлѣ оказываютъ покровительство не русскому, а силезскому желѣзному производству. Невольно приходитъ въ голову мысль ужь не въ руки ли крупныхъ силезскихъ желѣзныхъ заводчиковъ попали акціи Юго-Западныхъ дорогъ, о продажѣ коихъ цѣлыми массами за границу сообщали газеты еще въ прошломъ году. Не къ Силезцамъ ли перешла и масса акцій югозападной сѣти еще недавно принадлежавшихъ казнѣ? Въ моментъ образованія Общества Юго-Западныхъ дорогъ, при утвержденіи его устава (9 іюня 1878), изъ числа всѣхъ его 499.670 акцій, болѣе половины, именно 284.795 акцій, на номинальную сумму 28.479.500 рублей, принадлежало правительству. По отчету Государственнаго Контроля за 1880 годъ, этихъ акцій оставалось въ рукахъ правительства уже всего на $7^1/_2$ милліоновъ рублей съ небольшимъ...

Какъ бы то ни было, отъ тарифныхъ распорядковъ подобныхъ вышеуказаннымъ, плохо приходится и русскому желѣзу и другимъ русскимъ товарамъ. Русскія желѣзныя дороги на глазахъ у всѣхъ, ничѣмъ не стѣсняясь, отнимаютъ кусокъ хлѣба у русскихъ производителей и рабочихъ чтобъ отдать его иностранцамъ. Не всѣ, конечно, дороги связали въ такой степени свои интересы съ чужеземными; есть дороги которыя, изъ разчетовъ собственной выгоды, желали бы дать бо̀льшій ходъ русскимъ товарамъ. Почему же онѣ, спроситъ кто-нибудь, не понижаютъ тарифовъ въ ихъ пользу въ тѣхъ же размѣрахъ въ какихъ понижаются они другими дорогами въ иностранныхъ интересахъ? Потому, между прочимъ, что подобныя пониженія тарифовъ могутъ оказаться накладными, повести къ уменьшенію доходности дорогъ. Это уменьшеніе доходности ничего не значитъ для дорогъ живущихъ единственно на счетъ казны, разчитывающихъ прямо на правительственную гарантію процентовъ по акціямъ и облигаціямъ. За убыточное пониженіе тарифовъ на такихъ дорогахъ платится казна, а не акціонеры. Иное дѣло дороги стоящія на своихъ ногахъ, оплачивающія проценты по облигаціямъ и дивиденды по акціямъ изъ своего чистаго дохода; отъ нихъ нельзя требовать чтобъ онѣ простирали свою готовность служить русской торговлѣ и промышленности до самопожертвованія.

Юго-Западныя дороги понизили тарифъ къ выгодѣ крупныхъ ввозителей силезскаго желѣза, сдѣлали имъ крупную уступку съ общей провозной платы. Изъ какихъ средствъ, на чей счетъ сдѣлана эта уступка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ цифры послѣдняго отчета Юго-Западныхъ дорогъ (за 1880 годъ; отчетъ за 1881 годъ еще не вышелъ). Весь чистый доходъ этого Общества, владѣющаго сѣтью болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи верстъ, составлялъ въ 1880 году всего 40.450 р. 18 к. Между тѣмъ по однѣмъ облигаціямъ нужно ежегодно платить 4.150.303 р. 50 к. металлическихъ, да по акціямъ 2.560.808 р. 75 к кредитныхъ. Всѣ эти уплаты, конечно, не могутъ быть сдѣланы изъ 40-тысячнаго дохода, онѣ полностію падаютъ на казну. Почему же при такомъ положеніи дѣла и не пойти на убыточное пониженіе тарифа, почему не облагодѣтельствовать силезскихъ рабочихъ въ ущербъ русскимъ, когда за разбитые горшки будетъ заплачено изъ податныхъ денегъ взимаемыхъ съ того же русскаго рабочаго люда? Воздержать отъ подобныхъ вредныхъ для всей страны пониженій тарифа можетъ только желѣзнодорожный законъ, который вырвалъ бы тарифное дѣло изъ рукъ нынѣшнихъ его заправителей.

Замѣчательно что Юго-Западныя дороги еще въ недавніе годы не были такими усердными слугами иностранныхъ интересовъ какими рекомендуютъ себя въ послѣднее время. За этими дорогами накопились не малые долги правительству еще

при отдѣльномъ ихъ существованіи, но до своего слiянія онѣ не позволяли себѣ такой рѣзкой антирусской тарифной политики какою отличаются нынѣ. Имена дорогъ вошедшихъ въ составъ Юго-Западнаго Общества не бросались въ глаза въ ежегодныхъ спискахъ дорогъ по которымъ казна приплачиваетъ гарантіи дивидендовъ. Въ 1880 году, вслѣдъ за упомянутымъ соглашеніемъ съ германскими дорогами, весь свой доходъ акціонеры получили уже не изъ выручки дорогъ, а изъ русскаго казначейства... Какъ не придти къ мысли что сліяніе Юго-Западныхъ дорогъ въ рукахъ одного общества было большою ошибкой? Для осуществленія этого сліянія, для созданія одной большой желѣзнодорожной группы, правительство не скупилось на жертвы. А къ чему это привело? Въ какомъ направленіи дѣйствуетъ созданная крупная желѣзнодорожная сила?

Б.

На дняхъ, органъ г. Кошелева въ Москвѣ и органъ г. Краевскаго въ Петербургѣ разказали своимъ читателямъ басню съ нравоученіемъ, а нравоученіе заключало въ себѣ похвалу французскимъ нравамъ. Въ Парижѣ, въ улицѣ Лаба, четырьмя злодѣями было совершено дерзкое убійство. Благодаря сообщенію сдѣланному въ полицію однимъ работникомъ, молодымъ слесаремъ Вюрцомъ, случайно напавшимъ на слѣдъ преступника, главный убійца былъ схваченъ. Оказавшій помощь правосудію работникъ, очевидно, заслуживаетъ всякой похвалы. Не такъ „по французскимъ нравамъ" въ повѣствованіи означенныхъ честныхъ русскихъ газетъ. Онѣ увѣряютъ съ большимъ чувствомъ будто во Франціи существуетъ такое отвращеніе ко всякому доносу что человѣкъ сообщившій полиціи гдѣ скрывается убійца или грабитель дѣлается предметомъ общественнаго презрѣнія какъ доносчикъ. По ихъ повѣствованію, такъ будто бы было и въ настоящемъ случаѣ. „Общество" отвернулось де отъ обличителя. Не такъ у насъ, свидѣтельствуетъ *Голосъ*, и указываетъ на г. Булюбаша, надъ которымъ, по его мнѣнію, еще мало наругались и котораго онъ теперь доругиваетъ попрежнему безнаказанно (на правительство, впрочемъ, теперь никто ужь и вниманія не обращаетъ). Читатель сколько-нибудь знакомый съ обычаями означенныхъ газетъ догадается что удивительный эпизодъ о рабочемъ отъ котораго отвернулось общество за то что тотъ изобличилъ преступника есть новая выдумка публицистовъ, для которыхъ ложь есть хлѣбъ насущный. На дѣлѣ работникъ сдѣлался предметомъ общей похвалы. Хотя Франція и республика, но все же и она имѣетъ правительство и не лишена государственнаго духа. Въ большинствѣ газетъ напечатано письмо префекта полиціи къ рабочему, гдѣ сказано: „Мнѣ донесено какъ вы, по собственному побужденію, обратились къ чинамъ моего управленія чтобы сообщить имъ свѣдѣнія объ одномъ изъ убійцъ вдовы Гальстереръ, облегчившія поимку этого преступника. Оказавъ въ этомъ случаѣ содѣйствіе правосудію вы поступили какъ благородный человѣкъ и заслужили уваженіе и признательность всѣхъ добрыхъ гражданъ. Я увѣренъ что являюсь истолкователемъ общаго чувства, громко заявляя о дѣяніи вашемъ, память о которомъ я буду сохранять навсегда." Такъ отнеслось къ „доносчику" республиканское начальство. Республиканская печать въ свою очередь отозвалась о немъ съ единодушною похвалой, и даже Рошфоръ въ своемъ журналѣ *Intransigeant* зоветъ его „честный Вюрцъ." Полицейскій коммиссаръ, невнимательно отнесшійся къ показанію Вюрца и задержавшій его до утра подъ стражей, префектомъ наказанъ лишеніемъ на извѣстный срокъ жалованья. Вюрцъ испыталъ нѣкоторыя непріятности отъ сосѣдей-рабочихъ, изъ которыхъ одни стали подсмѣиваться надъ его сношеніями съ полиціей, а другіе стали въ немъ заподазривать тайнаго полицейскаго агента. Онъ предпочелъ перемѣнить квартиру; отсюда и легенда *Земства* и *Голоса* о французскихъ нравахъ.

Эта выходка показываетъ какъ далеко зашелъ прогрессъ нашей деморализаціи. Никогда политическій развратъ не говорилъ такъ дерзко, никогда съ такимъ нахальствомъ не ругался онъ надъ нашею растерянною публикой... Увы, вспомнишь теперь и „диктатуру сердца!" А вѣдь тогда еще не было совершено царсубійство... Каково же post factum испытывать диктатуру блаженной, всему улыбающейся шуточки!

———

№ 101.

Москва, 12-го апрѣля.

Съ осени прошлаго года, Военное Министерство произвело рядъ преобразованій въ организаціи разныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего въ военномъ вѣдомствѣ образовался сверхкомплектъ офицеровъ, хотя и не слишкомъ большой, но дающій будто бы себя чувствовать. Теперь Военное Министерство предполагаетъ, еще въ текущемъ году, значительно уменьшить число сверхкомплектныхъ офицеровъ и приступить къ уменьшенію офицерскихъ чиновъ въ самыхъ штатахъ войскъ, разумѣется въ видахъ экономіи.

Но дѣйствительно ли тѣ сбереженія которыя могутъ быть сдѣланы сокращеніемъ расходовъ на содержаніе офицеровъ въ войскахъ будутъ „благоразумною" экономіей, и не отзовется ли это вредно и на боевыхъ качествахъ войскъ и на ихъ готовности? Въ войскахъ давно уже жалуются, напротивъ, не на избытокъ офицеровъ, которыхъ нечѣмъ занять, а на недостатокъ ихъ, затрудняющій обученіе и особенно военное воспитаніе солдата. Предметы солдатскаго обученія не сокращаются, а усложняются, требуя отъ учителя все болѣе и болѣе высокой подготовки. Стрѣльба, напримѣръ, которой десятокъ лѣтъ назадъ могъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, обучить толковый унтеръ-офицеръ, требуетъ въ настоящее время офицерскаго труда. Въ Германіи хорошо сознаютъ это; тамъ, не взирая ни на какія затрудненія, хлопочутъ не о сокращеніи, а объ увеличеніи числа офицерскихъ вакансій въ полкахъ. Давно ли тамъ правительство добивалось въ парламентѣ учрежденія должности такъ-называемаго „тринадцатаго капитана" въ полку. Говорили что этому тринадцатому капитану дѣлать будетъ нечего? Дѣло нашлось. Прусскіе офицеры завалены работой и трудятся съ утра до вечера. И это въ странѣ гдѣ подготовка солдата не можетъ представлять такихъ затрудненій какъ у насъ, гдѣ то, чему въ Пруссіи солдатъ выучивается изъ книжки, приходится втолковывать на словахъ. Въ Германіи, наконецъ, и составъ унтеръ-офицеровъ не тотъ что у насъ; тамъ не мало унтеръ-офицеровъ получившихъ спеціальную подготовку въ особыхъ унтеръ-офицерскихъ школахъ, гдѣ все направлено къ тому чтобы выработать изъ ученика вполнѣ надежнаго помощника офицеру. У насъ же изъ войскъ слышатся только жалобы на неудовлетворительность подготовки унтеръ-офицеровъ, на ихъ неумѣлость. У насъ, стало-быть, приходится, не уменьшать, а развѣ увеличивать комплектъ офицеровъ.

Мало того. Когда войска на поляхъ сраженій дѣйствовали массами, когда стрѣлковыя цѣпи были слабы, дѣло офицера въ бою сводилось на поддержаніе дисциплины въ массѣ, на поднятіе ея духа собственнымъ примѣромъ. Въ то время можно было, смотря по средствамъ военнаго бюджета, сокращать или увеличивать число офицеровъ; отъ этого большой бѣды не могло произойти. Теперь роль офицера перемѣнилась; не только колонны, но и сомкнутыя части въ боевой линіи исчезли съ полей сраженія. Бой ведется густою цѣпью стрѣлковъ, руководить которою гораздо труднѣе нежели прежде, тѣмъ болѣе что во всѣхъ безъ исключенія сраженіяхъ, вслѣдствіе постепеннаго усиленія боевой линіи изъ резерва, цѣпь состоитъ изъ людей не только разныхъ ротъ, баталіоновъ и полковъ перемѣшанныхъ между собою, но нерѣдко изъ людей разныхъ дивизій. Руководить участками столь разнообразной по составу цѣпи могутъ только офицеры: чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ больше будетъ порядка и дисциплины. Пересѣченная мѣстность, на которой дѣйствуютъ теперь войска, пересѣченная до того что на разстояніи уже нѣсколькихъ сотенъ шаговъ не видно что дѣлается въ сосѣднемъ участкѣ, точно также заставляетъ не уменьшать, а увеличивать число офицеровъ, какъ это и признаютъ всюду за границей, одинаково и въ Германіи, и въ Австріи, и во Франціи. Въ послѣднія войны, Франко-Германскую и Русско-Турецкую, убыль въ офицерахъ была несравненно значительнѣе нежели прежде, вслѣдствіе чего не рѣдко ощущался недостатокъ въ офицерахъ, а не избытокъ въ нихъ, который никогда помѣшать не можетъ.

Конечно, въ военномъ бюджетѣ сокращенія желательны какъ и во всякомъ другомъ; излишнихъ расходовъ быть не должно; не нужныхъ людей удерживать на службѣ нѣтъ надобности; но въ томъ-то и дѣло что у насъ избытокъ людей замѣчается не въ войскахъ, а въ канцеляріяхъ; вотъ

тутъ могутъ и должны быть сдѣланы сбереженія. Подготовка каждаго офицера обходится казнѣ не дешево; каждый офицеръ, служитъ ли онъ въ штабѣ, въ управленіи или завѣдуетъ какимъ-либо спеціальнымъ складомъ военнаго вѣдомства, въ случаѣ нужды, при некомплектѣ офицеровъ въ военное время въ строю, можетъ быть призванъ туда безо всякихъ затрудненій, тогда какъ гражданскій чиновникъ, кромѣ своего канцелярскаго дѣла, иного исполнить не можетъ. На штабныхъ, канцелярскихъ офицеровъ должно смотрѣть какъ на резервъ офицеровъ: стóитъ только позаботиться чтобъ они не сидѣли на своихъ мѣстахъ десятки лѣтъ и не отвыкали отъ строя.

У насъ вошло въ обычай одною рукою „увольнять за штатъ,“ а другою въ то же время опредѣлять иныхъ людей вновь на службу. Но правильно ли это, не вовлекается ли при этомъ казна въ лишніе расходы? Оставленный за штатомъ получаетъ въ теченіе года жалованье, тогда какъ ему было бы возможно предоставить должность замѣщаемую человѣкомъ такъ сказать съ вѣтра. На дняхъ уволено за штатъ, напримѣръ, нѣсколько офицеровъ военно-судебнаго вѣдомства и кандидатовъ на военно - судебныя должности. Всѣ эти лица получили юридическое образованіе и конечно съ пользой могли бы занять особую канцелярскую должность, гдѣ всегда требуется умѣлое обращеніе съ законоположеніями.

Не странно ли также сокращать штаты и въ то же время усиливать средства комплектованія офицеровъ? Еще въ началѣ года увеличенъ штатъ юнкеровъ въ военныхъ училищахъ, а на дняхъ усиленъ составъ военныхъ прогимназій, доставляющихъ своихъ учениковъ въ юнкерскія школы.

Все это невольно заставляетъ усумниться въ томъ чтобы всѣ эти произведенныя и проектируемыя сокращенія штатовъ производились по опредѣленному, твердо установленному и всесторонне обсужденному плану. Всѣ эти мѣры имѣютъ очевидный характеръ спѣшности и случайности, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ столь важномъ какъ организація и подготовка военной силы страны. Замѣчательно что эти торопливыя мѣры принимаются въ то время когда идетъ вопросъ о реорганизаціи высшаго военнаго управленія, устройство органовъ котораго признано неудовлетворительнымъ.

№ 102.

Москва, 13-го апрѣля.

А.

Не много времени прошло съ тѣхъ поръ какъ въ Герцеговинѣ и Бокѣ Которской вспыхнуло возстаніе и Австрійское правительство обратилось къ имперскимъ делегаціямъ съ требованіемъ экстраординарнаго кредита въ восемь милліоновъ гульденовъ для прекращенія смутъ возникшихъ на югѣ многоязычной имперіи. Общеимперскіе министры заявили тогда собравшимся делегатамъ что суммы этой будетъ вполнѣ достаточно для прекращенія возстанія, и что лишь при крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ правительству придется, быть-можетъ, и отребовать еще какую-нибудь незначительную сумму. Члены бывшей делегаціи обратились, какъ и слѣдовало ожидать, къ общеимперскимъ министрамъ съ различными вопросами о размѣрахъ возстанія, о причинахъ вызвавшихъ его, объ иноземныхъ агитаціяхъ и т. п., но министры не могли дать никакого отвѣта „за недостаткомъ данныхъ.“

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Возстаніе казавшееся сперва не важнымъ, стало усиливаться и вскорѣ приняло весьма значительные размѣры. Съ усиленіемъ возстанія предстала необходимость усилить составъ дѣйствующей арміи и привести войска на военное положеніе, чего сперва не предполагалось. Что восьми милліоновъ гульденовъ не хватитъ на покрытіе военныхъ расходовъ, это для всякаго давно уже было ясно и всякій предвидѣлъ что правительство должно будетъ снова созвать экстраординарную сессію делегацій и потребовать новаго кредита. Австрійскимъ министрамъ показалось однако нужнымъ переждать пока положеніе дѣлъ въ возставшихъ областяхъ улучшится; поэтому вторичное созваніе делегацій нѣсколько запоздало. Съ мѣсяцъ тому назадъ офиціальныя донесенія съ театра возстанія стали болѣе благопріятны. Австрійскія войска отняли у инсургентовъ нѣсколько весьма важныхъ позицій, и правительство рѣшилось снова созвать делегаціи и потребовать новаго кредита.

Всякій ожидалъ, конечно, что министры дадутъ наконецъ ясные отвѣты на тѣ вопросы которые съ самаго начала возстанія волнуютъ населеніе Австро-Венгріи. Ожиданія эти однако не оправдались. Не только о причинахъ возстанія и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ правительства, но и о томъ достаточенъ ли будетъ потребованный въ настоящее время сравнительно небольшой кредитъ, общеимперскіе министры не могли ничего отвѣтить.

Изъ отчетовъ разныхъ засѣданій делегаціонныхъ коммиссій публика могла вынести только убѣжденіе что правительство само не знаетъ или не желаетъ заявить чѣмъ кончится пресловутая оккупація Босніи и Герцеговины.

Читателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* уже извѣстно что Австрійское правительство потребовало у собравшихся на дняхъ въ Вѣнѣ членовъ делегацій экстраординарный кредитъ въ 23.733.000 гульденовъ, то-есть сумму почти втрое превосходящую первый экстраординарный кредитъ въ 8 милліоновъ, который по словамъ министровъ, высказаннымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, долженъ былъ бы быть вполнѣ достаточнымъ для покрытія всѣхъ расходовъ по умиротворенію Босніи и Герцеговины. Такъ какъ о новомъ экстраординарномъ кредитѣ было всякому извѣстно заранѣе, то всѣ ожидали что министры на этотъ разъ по крайней мѣрѣ дадутъ подробныя объясненія о причинахъ вызвавшихъ возстаніе и о планахъ правительства въ будущемъ. Ожиданія эти однако не оправдались. Общеимперскіе министры, какъ въ бывшую сессію, такъ и теперь, не сказали ровно ничего. Знаменательнѣе другихъ были заявленія министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки. Онъ сообщилъ что Австро-Венгрія находится въ наилучшихъ къ другимъ державамъ отношеніяхъ, и что правительство намѣрено употребить всѣ усилія чтобы тѣснѣе соединить Боснію и Герцеговину съ Австро-Венгріей и убѣдить тамошнее населеніе что нравственное и матеріальное состояніе Босняковъ и Герцеговинцевъ много выиграетъ отъ этого тѣснаго сближенія. Изъ словъ министра иностранныхъ дѣлъ, повидимому, не трудно было вывести заключеніе что Австрійское правительство стремится къ окончательному завладѣнію турецкими провинціями, что́ конечно весьма бы обрадовало венгерскихъ шовинистовъ; но на слѣдующій же день офиціозныя вѣнскія газеты поспѣшили заявить что объ окончательномъ захватѣ Босніи и Герцеговины пока не можетъ де быть и рѣчи, и что правительство не имѣетъ таковаго въ виду.

Изъ объясненій министра финансовъ мы узнали только что въ матеріальномъ отношеніи Боснія и Герцеговина находятся въ довольно плачевномъ состояніи, а военный министръ откровенно сознался что онъ не можетъ положительно отвѣтить на вопросъ будетъ ли достаточенъ новый кредитъ для покрытія всѣхъ расходовъ на умиротвореніе занятыхъ Австрійцами провинцій.

Словомъ, какъ положеніе Босніи и Герцеговины, такъ и намѣренія Австрійскаго правительства остались тайной, и ничего новаго о судьбѣ народа въ занятыхъ австрійскими войсками турецкихъ провинціяхъ мы не узнали.

Экстраординарная сессія собранныхъ въ настоящее время въ Вѣнѣ австрійскихъ делегацій имѣетъ интересъ только потому что на этотъ разъ венгерскіе члены делегацій не вполнѣ солидарны со своими цислейтанскими товарищами и вычеркнули изъ экстраординарнаго кредита слишкомъ два милліона гульденовъ, цислейтанская же делегація одобрила кредитъ цѣликомъ. Не знаемъ къ какому результату придутъ делегаціи когда предложеніе будетъ разбираться въ полномъ составѣ; во всякомъ случаѣ, при расходахъ въ 200 слишкомъ милліоновъ (въ эту сумму обошлась до сихъ поръ оккупація), два лишніе милліона большаго значенія имѣть не могутъ.

Б.

Сотни разъ указывалось на крайнюю неудовлетворительность у насъ слѣдственной части, а также на произволъ и небрежность въ преданіи суду. Но едва ли когда зло это выражалось въ такой рѣзкой и возмутительной формѣ какъ въ дѣлѣ о жестокомъ будто бы обращеніи поручика Нейча и его жены со своими дѣтьми, разбиравшемся въ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ городѣ Малоярославцѣ. Помѣщаемая сегодня корреспонденція изъ Калуги знакомитъ съ подробностями этого невѣроятнаго, этого ужаснаго дѣла. По наговору и клеветѣ, раскрыть которые не было ни-

чего легче, слѣдователь со всѣмъ судебнымъ аппаратомъ вторгается въ семейную жизнь ничѣмъ не запятнаннаго человѣка, подъ формой слѣдствія дѣлаетъ наѣздъ въ испуганную семью, грубою рукой касается самыхъ неприкосновенныхъ и священныхъ отношеній, выискивая показанія явно противныя истинѣ. Мало того: безо всякаго повода, въ силу мотивовъ самыхъ неосновательныхъ, отрываетъ отъ семьи отца и мать и заключаетъ ихъ въ тюрьму. Гдѣ же у насъ правительство? Неужели такія дѣла могутъ совершаться безпрепятственно и безнаказанно? Вопіющее дѣло тянется два года и наконецъ принимаетъ форму обвинительнаго акта. Судебная палата, имѣя возможность убѣдиться въ неосновательности поднятаго обвиненія въ дѣлѣ принадлежащемъ къ разряду такихъ гдѣ публичная власть должна вмѣшиваться не по подозрѣнію и наговору, а съ величайшею осторожностью, лишь при наличности несомнѣнныхъ фактовъ, тѣмъ не менѣе предаетъ г. и г-жу Пейчъ суду, какъ будто судебная процедура, даже сама по себѣ, независимо отъ исхода, не есть одна изъ самыхъ тяжкихъ пытокъ. Вопросъ о преданіи суду, въ Англіи рѣшаемый не иначе какъ съ участіемъ многочисленныхъ нотаблей (велико-присяжныхъ), есть актъ великой важности. Съ должнымъ ли вниманіемъ относится къ нему нашъ судъ? Судъ состоялся и не въ Калугѣ, какъ желали подсудимые, а въ Малоярославцѣ, гдѣ они опасались пристрастнаго отношенія къ дѣлу. На судѣ неосновательность обвиненій выяснилась вполнѣ. Присяжные вынесли безусловно оправдательный приговоръ по всѣмъ пунктамъ. Правда восторжествовала. Но неправда будетъ ли наказана? Будетъ ли кто-нибудь въ отвѣтѣ за страданія тяжкія такъ беззаконно во имя закона перенесенныя? Гдѣ управа на произволъ судебный, на „шемякинъ судъ?“ Составители „либеральныхъ“ программъ для водворенія у насъ „правоваго порядка“ съ азартомъ говорятъ о произволѣ административномъ, отъ котораго де не защищена у насъ „личность,“ но о столь обычномъ у насъ произволѣ судебномъ тщательно умалчиваютъ. Судомъ въ нынѣшнемъ составѣ и нынѣшней дѣятельности они довольны и почему-то считаютъ его „своимъ,“ набрасываясь на каждаго кто рѣшится указать его недостатки, хотя бы вопіющіе. Опытъ уже многихъ лѣтъ обнаружилъ недостатки и судебной и другихъ реформъ, и настойчиво требуетъ ихъ устраненія. Но мы оказываемся годными только на составленіе проектовъ о расширеніи правъ мошенникамъ и разбойникамъ, и обнаруживаемъ неспособность и небреженіе въ обезпеченіи честныхъ людей отъ произвола и насилія...

№ 103.

Москва, 14-го апрѣля.

Въ виду полемики возникшей между управляющимъ Сосновицкою таможней и г. Рязановымъ, вопросъ о такъ-называемыхъ „цѣновныхъ“ товарахъ, то-есть такихъ съ которыхъ пошлина опредѣлена тарифомъ не по вѣсу, мѣрѣ или числу, а въ процентахъ съ цѣны, получилъ какъ бы интересъ дня. Правильно или неправильно оцѣниваются эти товары при очисткѣ ихъ пошлиной? Это вопросъ весьма важный и для казны, и для русской промышленности. Если допустить что *цѣновные* товары оцѣниваются въ таможняхъ много ниже ихъ дѣйствительной стоимости, напримѣръ вдвое, втрое, вдесятеро, то выйдетъ что казна получаетъ лишь половину, третью или десятую часть того дохода который долженъ бы поступать съ этой статьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось бы что процентныя пошлины совершенно лишены того покровительственнаго характера какой они должны имѣть по мысли законодателя: 30-ти процентная пошлина понизилась бы на дѣлѣ до пятнадцати, десяти, трехъ процентовъ... Но возможно ли допустить чтобы разница между оцѣнкой товара въ таможняхъ и его дѣйствительною стоимостью могла доходить до такихъ размѣровъ? Что провозители товаровъ всегда наклонны платить за нихъ возможно меньшій налогъ, что они не прочь вмѣсто пошлиннаго рубля уплатить 10 копѣекъ, даже одну копѣйку, что въ этихъ видахъ имъ можетъ-быть желательно понижать таможенную оцѣнку товара не только въ десять, но и во сто разъ, это совершенно понятно и въ порядкѣ вещей. Но развѣ таможенный надзоръ позволитъ имъ несообразно низко оцѣнивать товары, когда низкія оцѣнки ведутъ къ большому ущербу для казны? Въ видѣ исключеній, по мѣстамъ, могутъ конечно быть злоупотребленія, потворства

чрезмѣрно низкимъ оцѣнкамъ, стачки между какими-нибудь таможенными чиновниками и провозителями товаровъ. Злоупотребленія возможны всегда и вездѣ. Но не въ нихъ дѣло. Рѣчь идетъ объ общихъ условіяхъ провоза чрезъ таможни цѣновныхъ товаровъ. Таковы ли эти условія чтобы цѣновные товары могли быть оцѣняемы въ таможняхъ много ниже ихъ дѣйствительной стоимости?

Большинство читателей едва ли заглядывало когда-нибудь въ Таможенный Уставъ, и потому, конечно, мало знакомо съ порядками существующими по занимающему насъ предмету. Попытаемся изложить ихъ, по возможности, въ немногихъ словахъ.

Никакого участія въ оцѣнкѣ провозимаго цѣновнаго товара таможенные чиновники не принимаютъ. Товаръ оцѣнивается его хозяиномъ (или его уполномоченнымъ), который въ подаваемомъ имъ въ таможню объявленіи можетъ выставить какую ему угодно сумму оцѣнки; еслибъ ему даже вздумалось оцѣнить въ рубль тысячный товаръ, никто ему этого воспретить не можетъ. Никакой отвѣтственности за невѣрную оцѣнку хозяинъ товара не подлежитъ: чрезмѣрно низкая оцѣнка сопряжена для него только съ однимъ рискомъ: можетъ случиться что таможня захочетъ воспользоваться предоставленнымъ ей по ст. 806 Уст. Тамож. правомъ экспропріаціи товара и, не спрашивая согласія хозяина, купитъ его товаръ за объявленную имъ цѣну съ придачей 5%, купитъ съ тѣмъ чтобы продать потомъ этотъ товаръ уже отъ себя съ аукціона. Въ такомъ случаѣ низкая оцѣнка обратится въ ущербъ самому товарохозяину.

Кромѣ указаннаго, основаннаго на 806 статьѣ, права оставлять за собой цѣновные товары, никакого другаго средства противодѣйствовать низкимъ оцѣнкамъ этихъ товаровъ лица таможеннаго надзора въ своемъ распоряженіи не имѣютъ. Право это, конечно, не лишено значенія. Но каковы условія при которыхъ оно можетъ быть примѣнено на практикѣ?

Вопервыхъ, ничто не обязываетъ лицъ таможеннаго надзора непремѣнно воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ при всякой оцѣнкѣ которая покажется имъ низкою. Примѣненіе права экспропріаціи есть для служащихъ въ таможнѣ не болѣе какъ вопросъ личной и корпоративной выгоды. Если есть полная увѣренность что за низко оцѣненный хозяиномъ товаръ можно выручить при аукціонной продажѣ солидную сумму, для служащихъ въ таможнѣ прямой разчетъ оставить товаръ за собой; но если такой увѣренности нѣтъ, таможенные чиновники по необходимости должны оставить низкую оцѣнку безо всякаго протеста и взять съ товара пошлину по разчету этой низкой оцѣнки: въ противномъ случаѣ они рискуютъ за пользованіе правомъ экспропріаціи товара поплатиться собственнымъ получаемымъ по службѣ содержаніемъ. Положимъ, напримѣръ, что хозяинъ партіи цѣновнаго товара (напримѣръ платья), въ поданномъ таможнѣ объявленіи, оцѣнилъ эту партію въ 5.000 рублей. При осмотрѣ товара, чины надзора убѣждаются что товаръ стóитъ много дороже, что при правильной продажѣ купцами за него будетъ выручено не менѣе 30.000 руб. На выручку такой цѣны при аукціонной продажѣ, конечно, нельзя разчитывать; но тѣмъ не менѣе служащіе въ таможнѣ рѣшаются оставить товаръ за собой и выплачиваютъ товарохозяину 5.250 руб. Сдѣланы публикаціи, аукціонъ состоялся, товаръ проданъ съ успѣхомъ, положимъ, за 10.000 р. Есть изъ чего и возмѣстить сдѣланную затрату по экспропріаціи и по публикаціямъ, и уплатить 1.925 р. ($38^{1}/_{2}$%) пошлины, и вознаградить по закону аукціониста; за всѣмъ этимъ остается еще порядочная сумма которая должна сполна пойти въ раздѣлъ между таможенными чиновниками. Но представьте себѣ что на аукціонѣ, по стачкѣ ли между покупателями устранившими соперниковъ помощью „отступнаго,“ или по другимъ причинамъ, за упомянутую партію товара выручено всего только 5.020 руб. При такомъ неудачномъ исходѣ аукціона, и излишекъ въ 250 рублей уплаченный провозителю товара, и 1.925 рублей пошлины, и расходъ на публикаціи, и аукціонъ, должны быть, въ силу 812 ст. Тамож. Уст., уплачены сполна изъ кармановъ таможенныхъ чиновниковъ. Въ виду возможности такой перспективы, чины таможеннаго надзора, конечно, должны серіозно поразмыслить и не разъ поколебаться прежде чѣмъ отваживаться на практическое примѣненіе принадлежащаго имъ по 806 статьѣ права. Между тѣмъ вѣроятность продажи товарной партіи на аукціонѣ за безцѣнокъ очень велика. Эта вѣ-

роятность велика даже въ столицахъ. Например, въ Петербургской таможнѣ, какъ пишетъ г. Рязановъ, продавались иногда съ аукціона съ небольшимъ по два рубля жакетки которыя затѣмъ перепродавались апраксинцамъ по $4^1/_2$ и по 5 рублей. Но во сколько разъ больше рискъ аукціоннаго продешевленія въ таможняхъ расположенныхъ въ маленькихъ мѣстечкахъ, чуть не деревняхъ, напримѣръ въ Границѣ (главномъ нынѣ пунктѣ очищенія пошлиной готоваго платья), городкѣ считающемъ съ небольшимъ двѣ тысячи жителей? Конечно, и тамъ охотно купятъ партію готоваго платья если она оцѣнена во много разъ дешевле стоимости; но нанесутъ ли на торгахъ, противъ объявленной цѣны, сумму достаточную для того чтобы лица таможеннаго надзора не только не остались въ накладѣ, но и получили выгоду, чтобъ игра стоила свѣчъ?

Чтобы рѣшить, при такихъ условіяхъ, стоитъ ли игра свѣчъ, повторяемъ, нужно взвѣсить всѣ вѣроятности успѣха и неуспѣха, а для этого нужно время. Прежде на это и предоставлялся таможеннымъ служащимъ достаточный срокъ. По правиламъ для взиманія пошлинъ съ цѣны привозныхъ товаровъ 1850 года, эти пошлины не могли быть уплачиваемы *прежде восьми дней* считая со дня вскрытія товара. Въ теченіе всего этого срока, хотя бы въ послѣдній восьмой день, каждый таможенный чиновникъ или служитель могъ заявить что по его мнѣнію товаръ оцѣненъ низко, и по такому заявленію таможня была обязана остановить товаръ, имѣя затѣмъ еще *девятидневный* (со дня объявленія подозрѣнія въ низкой оцѣнкѣ) срокъ для рѣшенія вопроса оставить ли товаръ на счетъ таможни или нѣтъ. Циркуляромъ по таможенному вѣдомству 13-го іюня 1869 г. этотъ послѣдній срокъ былъ попрежнему оставленъ въ силѣ, но восьмидневный срокъ уплаты пошлинъ за цѣновные товары, а стало-быть и срокъ заявленія подозрѣній въ низкой оцѣнкѣ былъ *сокращенъ на три дня*. Затѣмъ, не прошло семи лѣтъ, 26-го марта 1876 г. послѣдовалъ по таможенному вѣдомству новый циркуляръ, замѣнившій оба прежніе многодневные срока однимъ *сорока восьмичасовымъ*. Съ тѣхъ поръ и понынѣ „цѣновные товары могутъ быть оставляемы въ таможняхъ, для удостовѣренія въ правильности показанной имъ цѣны, никакъ не болѣе двухъ сутокъ, то-есть сорока восьми часовъ со времени досмотра, по истеченіи которыхъ товаръ долженъ быть выпускаемъ товарохозяевамъ или, въ случаѣ признанія оцѣнки недостаточною, оставляемъ за таможней“ *). Въ 48-ми часовой срокъ должно быть сдѣлано все: и замѣчена неправильность оцѣнки, и подано о семъ объявленіе въ таможенное присутствіе тѣмъ чиновникомъ или служителемъ который замѣтилъ неправильность, и постановлено окончательное рѣшеніе, результаты коего могутъ отозваться на карманахъ какъ всѣхъ служащихъ въ таможнѣ, такъ и начальника таможеннаго округа.

Не трудно сообразить насколько вслѣдствіе указаннаго сокращенія сроковъ ослабѣла практическая сила 806 ст. Уст. Там., какъ средства противодѣйствовать неправильнымъ оцѣнкамъ. Но она, помимо того, должна была ослабѣть еще и по другимъ причинамъ. Прежде товары обложенные пошлиной съ цѣны было дозволено привозить только къ нѣкоторымъ таможнямъ; мало-по-малу число такихъ таможень возросло до чрезвычайности. Прежде не только каждому таможенному чиновнику, и служителю, желающему воспользоваться четвертою частію всей прибыли какая можетъ быть получена отъ аукціонной продажи низко-оцѣненнаго товара, было много легче чѣмъ нынѣ подмѣчать факты неправильныхъ оцѣнокъ. Объявленія о цѣновныхъ товарахъ подавались непремѣнно отдѣльно отъ прочихъ. Въ одномъ объявленіи съ цѣновными не могли быть указываемы никакіе другіе товары. Эти объявленія такимъ образомъ сразу бросались въ глаза. Циркуляръ по таможенному вѣдомству 13-го іюня 1869 года отмѣнилъ прежнее правило. Со времени изданія этого циркуляра, на товары обложенные по тарифу пошлиной съ цѣны не требуется подачи особыхъ объявленій; эти товары могутъ быть показываемы въ одномъ объявленіи вмѣстѣ съ цѣлымъ перечнемъ другихъ товаровъ. Уловленіе неправильныхъ оцѣнокъ, въ силу этого, стало дѣломъ много болѣе кропотливымъ чѣмъ прежде. А срокъ для уловленія сокращенъ до послѣдней возможности.

Какая же остается за тѣмъ гарантія правильности оцѣнокъ „цѣновныхъ“ то-

*) См. примѣчаніе къ ст. 804 Уст. Тамож. по Продолж. 1879 г.

варовъ? И можно ли, при вышеизложенныхъ условіяхъ, ставить въ особую вину таможенному надзору неправильность этихъ оцѣнокъ? Въ этихъ неправильностяхъ виновны не лица таможеннаго вѣдомства, а таможенные порядки.

Какъ именно велика разница между объявляемыми въ таможняхъ и дѣйствительными цѣнами *цѣновныхъ* товаровъ, объ этомъ мы судить не можемъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ что эта разница очень велика, и что она въ разныхъ таможняхъ не одинакова. Въ какой именно мѣрѣ неправильны оцѣнки, повторяемъ, судить трудно. Но имѣются нѣкоторыя данныя для того чтобы судить о томъ какого рода оцѣнки таможенное вѣдомство расположено считать правильными. Въ своемъ официальномъ изданіи, въ *Обзорахъ Внѣшней Торговли*, таможенное вѣдомство всѣ товары провозимые по 189 статьѣ тарифа оцѣниваетъ огуломъ по 15 р. за пудъ; затѣмъ всѣ товары подходящіе подъ 219 статью тарифа оно оцѣниваетъ по 10 р. съ пуда. Вотъ нормы оцѣнокъ которыя таможенное управленіе считаетъ средними, близкими къ правильнымъ; вотъ нормы, соблюденіе коихъ провозителями товаровъ можетъ устранять въ глазахъ служащихъ по таможенному вѣдомству поводъ къ подозрѣніямъ въ неправильности оцѣнокъ. Любопытно остановиться на этихъ нормахъ.

По 189 статьѣ ввозятся „полотно, батистъ всякій и лино, смѣшанные или не смѣшанные съ бумагой.“ Что значитъ для этихъ товаровъ оцѣнка по 15 р. за пудъ? Это значитъ что фунтъ оцѣнивается въ 37$^1/_2$ коп. Почемъ же оцѣнивается аршинъ названныхъ тканей? Сколько аршинъ въ фунтѣ?

Попробуйте взвѣсить кусокъ средняго ярославскаго полотна въ 25 аршинъ: кусокъ едва ли потянетъ больше шести фунтовъ. На фунтъ придется около четырехъ аршинъ. Сколько же аршинъ придется среднимъ числомъ на фунтъ, если вѣшать привозныя голландскія полотна, батисты и лино-батисты? Будь всѣ эти ткани также грубы какъ среднее ярославское полотно, таможенная оцѣнка привозныхъ полотенъ и батиста окажется среднимъ числомъ менѣе 9$^1/_2$ коп. за аршинъ. Стало-быть болѣе тонкія, болѣе легкія полотняныя и пеньковыя ткани оцѣниваются по 5, по 3 и менѣе копѣекъ за аршинъ. Насколько такая таможенная оцѣнка соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ цѣнамъ, предоставляемъ судить каждому покупателю заграничныхъ полотенъ и батиста.

По 219 статьѣ ввозится цѣлая масса товаровъ, именно:

„Платье сшитое мужское, женское и дѣтское, кромѣ каучуковаго, мѣховыя издѣлія сшитыя и крытыя какою бы то ни было матеріей, бѣлье шитое всякое, кромѣ столоваго, всякія туалетныя принадлежности изъ тканей и тюля, *обшитыя и необшитыя кружевами*, головные уборы *готовые съ цвѣтами, перьями, лентами*, а также разные сшитые предметы, какъ-то: одѣяла, чепраки, занавѣсы, сторы, гардины.“

Что значитъ для всѣхъ этихъ товаровъ средняя оцѣнка по 10 руб. съ пуда?

Если привозится бѣлье сшитое изъ вышеупомянутыхъ полотна и батиста, то эти ткани въ видѣ бѣлья стоятъ, по таможенной нормѣ, еще въ полтора раза дешевле противъ 9$^1/_2$, 5 и 3 коп. за аршинъ.

Бумажныя ткани не высокаго достоинства по таможенной оцѣнкѣ 1880 года стоятъ среднимъ числомъ 45 рублей за пудъ. Если сшить изъ этихъ тканей бѣлье, цѣна ихъ понизится въ 4$^1/_2$ раза.

Какой разчетъ ввозить коломенку, парусину, тикъ? Онѣ цѣнятся по таможеннымъ даннымъ довольно близко къ ихъ дѣйствительной стоимости. Но сшейте изъ нихъ платье, и онѣ, по указанной нормѣ, будутъ оцѣнены втрое и вшестеро дешевле.

Шерстяныя матеріи цѣнятся по 100 и болѣе рублей за пудъ. Сшитое изъ нихъ платье оцѣнивается, по нормѣ, въ десять разъ дешевле.

Шелковыя матеріи цѣнятся среднимъ числомъ по 450 р. за пудъ; но сшитыя изъ нихъ платья подходятъ подъ общую 10 рублевую за пудъ оцѣнку. Подъ ту же оцѣнку подходятъ и идущіе на отдѣлку дамскихъ шляпъ и другихъ уборовъ искусственные цвѣты и страусовыя перья, цѣнимыя въ таможняхъ, при отдѣльномъ провозѣ, не при платьѣ, по 1.000 и болѣе рублей за пудъ.

Распространяться далѣе нѣтъ надобности. Полагаемъ, однако, что на дѣлѣ оцѣнки *цѣновныхъ* товаровъ въ таможняхъ, какъ бы ни были онѣ низки, все же не доходятъ до такихъ несообразностей къ какимъ приводятъ принятыя въ *Обзорѣ Внѣшней Торговли* нормы.

Говоря о таможенныхъ оцѣнкахъ, мы находимъ совершенно лишнимъ указывать на какія бы то ни было таможни. Но можемъ замѣтить что относительная роль разныхъ таможень въ очисткѣ пошлиной готоваго платья не разъ мѣнялась. Сосновицкая таможня никогда не имѣла въ этомъ дѣлѣ первенствующаго значенія. Въ пятилѣтіе 1871—1875 г., главнымъ пунктомъ очистки пошлиной привознаго платья было Вержболово; второе за нимъ мѣсто занимала Московская таможня. Вержболово удержало первенство и въ 1876 г., но второе послѣ него мѣсто въ томъ году отвоевали себѣ Петербургскія таможни. Въ слѣдующемъ 1877 году Петербургъ выдвинулся на первый планъ, оттѣснивъ Вержболово на второй. Въ 1878 году привозъ платья чрезъ Петербургскія таможни достигъ своего апогея, но за тѣмъ почему-то сразу упалъ, уменьшившись слишкомъ въ пять разъ. За тѣмъ, съ 1879 года, первенство между всѣми таможнями по очисткѣ пошлиной привознаго платья принадлежитъ таможнѣ Границкой, лежащей неподалеку отъ Сосновицкой. Обѣ эти таможни находятся на оконечностяхъ двухъ вѣтвей Варшавско-Вѣнской дороги, Сосновицы въ 16, а Граница въ 13 верстахъ отъ станціи Зомбковицы. Въ виду такого близкаго сосѣдства, не мудрено впасть въ ошибку и слить провозъ чрезъ обѣ эти таможни въ общую массу. Но хотя привозъ платья чрезъ Сосновицкую таможню и сильно растетъ въ послѣдніе годы, однако въ 1880 году (послѣднемъ за который имѣются официальныя данныя) онъ былъ вчетверо менѣе привоза чрезъ таможню Границкую.

—

№ 104.

Москва, 15-го апрѣля.

Сегодня въ Берлинѣ послѣдовало открытіе дополнительной, весенней сессіи рейхстага, чего въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ ожидали чуть ли не со дня на день, съ рѣдкимъ нетерпѣніемъ, объясняемымъ исключительнымъ значеніемъ сессіи. „Мы стоимъ предъ сессіей въ которую должны разрѣшиться вопросы чрезвычайной важности,“ говорила еще на дняхъ полуофиціальная *Провинціальная Корреспонденція*. И дѣйствительно, тронная рѣчь возвѣщаетъ о проектахъ табачной монополіи и страхованія рабочихъ на случай болѣзни, а равно увѣчій вслѣдствіе работы на фабричныхъ машинахъ. Эти проекты суть начало именно тѣхъ „важныхъ“ соціальныхъ реформъ кои уже полтора года какъ задуманы имперскимъ канцлеромъ и о коихъ, хотя въ общихъ выраженіяхъ, упоминается въ имперскомъ посланіи при открытіи обычной ноябрьской сессіи рейхстага.

Всякая крупная внутренняя реформа, особенно глубоко захватывающая всѣ финансовыя и экономическія условія, требуетъ увѣренности въ спокойствіи. Тронная рѣчь, вопреки давно уже установившемуся въ Германіи обычаю, начинается по этому съ заявленія что иностранныя отношенія имперіи продолжаютъ оправдывать высказанную въ ноябрьскомъ посланіи къ рейхстагу увѣренность въ прочныхъ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ державамъ. Въ самомъ дѣлѣ, Германское правительство, повидимому, глубоко увѣрено въ наступленіи временъ мирныхъ: начальникъ генеральнаго штаба фельдмаршалъ Мольтке получилъ отпускъ и отправился въ Швейцарію, какъ увѣряютъ, на продолжительное время. Ближайшіе и постоянные его помощники, адъютанты де-Клеръ и Бурстъ отчислены отъ должностей и получили другое назначеніе. Все это должно служить признакомъ что мысль о возможности войны, особенно войны на два фронта, о чемъ такъ настойчиво твердили въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ въ военныхъ сферахъ Берлина, теперь вовсе оставлена. Правда, въ германскихъ арсеналахъ идутъ спѣшныя усиленныя работы по изготовленію осадныхъ и крѣпостныхъ орудій, въ германскомъ флотѣ озабочены постройкой новыхъ миноносокъ и пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ сотъ картечницъ; но все это не выходитъ изъ предѣловъ обычной дѣятельности вызываемой послѣдними усовершенствованіями въ артиллерійскомъ и морскомъ дѣлѣ. Несмотря на эти приготовленія военное министерство нашло возможнымъ въ настоящемъ году значительно сократить число людей рекрутскаго резерва призываемыхъ къ недавно установленному обученію.

Германія не только желаетъ мира—этого желаютъ всѣ державы—Германія крайне нуждается въ мирѣ. Онъ ей нужнѣе чѣмъ кому-либо. Ея торговля еле начала оправляться отъ послѣдствія того краха

которымъ завершилась эпоха „грюндерства,“ вызваннаго блестящими надеждами вслѣдъ за окончаніемъ Франко-Германской войны, въ виду кажущагося избытка денежныхъ средствъ, преувеличенной оцѣнки благъ которыя сулили милліарды французской контрибуціи. Еще медленнѣе нежели торговля идетъ въ гору нѣмецкая промышленность которая вынесла на себѣ всѣ бѣдствія неожиданнаго краха. Налоги, прямые и косвенные, не перестававшіе расти все это время лежатъ тяжелымъ гнетомъ на плательщикахъ, крайне нуждающихся въ облегченіи: благотворительныя учрежденія, частныя и общественныя, оказываются безсильными въ борьбѣ съ достигшимъ крайняго развитія нищенствомъ: „цѣлые корпуса нищихъ и бродягъ наполняютъ страну, заваливая работой полицію и судъ, переполняя тюрьмы.“ Эти массы способныхъ къ труду, но остающихся безъ дѣла людей, могутъ сдѣлаться опаснымъ орудіемъ крамолы, попасть въ широко разставленныя сѣти соціалъ-революціонеровъ. Осенніе выборы въ рейхстагъ, давшіе палату неблагопріятную правительству, въ свою очередь показали наглядно какъ необходимо теперь же приступить къ тѣмъ соціальнымъ реформамъ которыя имперскій канцлеръ замышляетъ съ самаго начала новой таможенной политики. Эти реформы требуютъ прежде всего денегъ. Взять ихъ оказывается неоткуда. Въ распоряженіи правительства остается лишь одна мѣра: установленіе табачной монополіи, дающей возможность, съ одной стороны, понизить матрикулярные взносы отдѣльныхъ государствъ въ имперскую казну, слѣдовательно въ той же мѣрѣ понизить прямые налоги, а съ другой—установить обязательное страхованіе больныхъ и увѣчныхъ рабочихъ съ помощью отъ казны. Но эта мѣра, при первомъ слухѣ о ней, встрѣчена крайне неблагопріятно въ странѣ. Однимъ она не нравится по принципу, а главнымъ образомъ возстаютъ противъ нея изъ личныхъ интересовъ. Табачные фабриканты, торговцы, рабочіе, всѣ близкіе къ нимъ люди и слышать не хотятъ объ этой мѣрѣ. Между союзными правительствами точно также лишь незначительное большинство благопріятствуетъ этой мѣрѣ, да и то отчасти „изъ вѣжливости,“ въ ожиданіи что открытый теперь рейхстагъ громаднымъ большинствомъ голосовъ отвергнетъ этотъ „непопулярный“ проектъ, за который не рѣшился открыто даже высказаться прусскій народно-хозяйственный совѣтъ, чуждый по самому своему устройству всякихъ политическихъ интригъ.

И несмотря на все это, князь Бисмаркъ настойчиво проводитъ эту мѣру, въ правильности и пригодности которой онъ убѣжденъ опытомъ казенной табачной фабрики въ Страсбургѣ, дающимъ право разчитывать на выгодные финансовые результаты монопольной казенной фабрикаціи и продажи табаку и издѣлій изъ него. Напрасно пугаютъ его громадностью предпріятія, размѣрами риска; напрасно твердятъ что смѣтныя исчисленія приложенныя къ законопроекту „построены на пескѣ,“ не оправдаются и вовлекутъ казну только въ излишніе расходы, увеличатъ бюджетные дефициты. Канцлеръ смѣло и безъ колебаній идетъ къ намѣченной цѣли, давая назидательный, достойный подражанія примѣръ и тѣмъ изъ *нашихъ* кто колеблется въ дѣлѣ болѣе важномъ, болѣе очевидномъ и менѣе рискованномъ каково было бы учрежденіе у насъ казенной питейной монополіи. Успѣшная продажа сигаръ, табаку, папиросъ зависитъ отъ того насколько фабрикація сумѣетъ уловить вкусы и требованія потребителей, что требуетъ навыка и опытности; самая фабрикація обставлена множествомъ такъ-называемыхъ фабричныхъ „секретовъ“ и зависитъ отъ удачнаго выбора фабричнаго сортировщика. Но что можетъ помѣшать безубыточной продажѣ хлѣбнаго вина? Если изъ табачной монополіи германское правительство разчитываетъ извлечь выгоды которыхъ не въ состояніи дать простое повышеніе акциза, то каковъ же былъ бы доходъ отъ казенной торговли водкою, не говоря уже о прекращеніи систематическаго спаиванія и развращенія народа.

№ 105.

Москва, 16-го апрѣля.

А.

Питейная исторія кончилась. „Свѣдущіе люди“ отбыли свою повинность и разъѣзжаются. Все кончилось благополучно, тоесть безъ серіозныхъ результатовъ, какъ и слѣдовало ожидать. Порадуемся, поздра-

вимъ наши финансы съ непотрясенною кабацкою силой, и возвратимся къ нашимъ обычнымъ заботамъ о благѣ народа, будемъ сѣтовать на крестьянское разореніе, требовать передѣла полей, переселенія людей изъ однихъ пустырей въ другіе и бить Евреевъ.

По отзывамъ умныхъ между „свѣдущими,“ были двѣ причины которымъ питейный вопросъ обязанъ своимъ благополучнымъ консервативнымъ исходомъ: вопервыхъ, игривая случайность въ составѣ *свѣдущихъ людей*, призванныхъ къ обсужденію вопроса, и совершенно не шуточное противодѣйствіе *финансистовъ* всякой серіозной мѣрѣ которая могла бы повести къ ослабленію пьянства. Некомпетентность „свѣдущихъ“ людей, имѣвшихъ большею частію только легкое литературное знакомство съ питейнымъ вопросомъ, была такова что они могли увлечься даже идеей общественныхъ питейныхъ заведеній, не понимая къ какимъ послѣдствіямъ повела бы на практикѣ эта коммунно-кабацкая затѣя. Они потомъ устыдились этой затѣи и бросили ее, когда имъ со стороны растолковали ея значеніе, но fiasco которое они потерпѣли въ этомъ случаѣ, подорвало довѣріе къ основательности ихъ сужденій и въ ту пору когда эти сужденія стали отличаться болѣе трезвымъ характеромъ. Съ упадкомъ ихъ кредита естественно выросъ и безъ того сильный авторитетъ финансистовъ противниковъ питейной реформы отклонявшихъ всякія предложенія которыя могли бы хоть сколько-нибудь улучшить существующіе питейные порядки. „Свѣдущимъ“ людямъ приходилось заниматься порученнымъ имъ дѣломъ съ сознаніемъ своего безсилія дать ему желательное направленіе. Задача освободить народъ отъ кабака и его пагубнаго вліянія была имъ, очевидно, не по плечу. Они ограничили ее заботой о сокращеніи числа питейныхъ заведеній, и въ этихъ видахъ настаивали на томъ чтобы ни въ какой мѣстности не было открываемо кабаковъ свыше пропорціи одного на тысячу душъ мужескаго пола. Но финансисты рѣшительно возстали противъ ограниченія числа кабаковъ какою-либо нормой, выставляя на видъ возможность недобора казной ея питейнаго дохода. Фискальная рутинно-понимаемая сторона дѣла получила такое исключительное, господствующее значеніе, что заботы объ уменьшеніи пьянства совершенно стушевались предъ нею. Люди думавшіе сперва что пересмотръ правилъ о питейной торговлѣ приведетъ къ серіознымъ результатамъ скоро утратили эту надежду, придя подъ вліяніемъ окружающей финансовой среды къ мысли что никакой серіозной мѣрѣ не будетъ дано ходу людьми сознательно закрывающими глаза на результаты пьянства и доходящими, въ своихъ финансовыхъ увлеченіяхъ, до отрицанія самаго факта пьянства въ нашемъ народѣ. Не сдѣлавъ даже попытки снять съ народа кабацкое иго, „свѣдущіе“ люди не добились никакого успѣха и въ своемъ стремленіи сколько-нибудь облегчить это иго.

Финансисты не прочь были сдѣлать одну уступку: предоставить земству опредѣлять число и виды питейныхъ заведеній въ каждой мѣстности. Въ № 96 *Московскихъ Вѣдомостей* мы показывали къ чему могло бы повести предоставленіе земству распорядительной власти въ питейномъ дѣлѣ, какъ могъ бы исказиться въ такомъ случаѣ характеръ земскихъ собраній, какъ кабакъ, распространивъ свое вліяніе на органы земства, могъ бы обезпечить себя наилучшимъ образомъ, такъ что къ числу имѣющихся у насъ самоуправленій получилось бы еще самоуправленіе кабака. Подобно намъ, многіе изъ экспертовъ также были поражены этою перспективой и рѣшительно возстали противъ включенія кабаковъ въ область земскаго вѣдѣнія, заявивъ что такое включеніе, безъ опредѣленія закономъ пропорціи питейныхъ заведеній къ численности населенія, повело бы не къ улучшенію питейнаго дѣла подъ вліяніемъ земства, а къ порчѣ, подъ вліяніемъ кабаковъ, самого земства, въ которое кабатчики не замедлили бы внести свои интриги. Этотъ протестъ противъ предоставленія земству гибельнаго для него права, сколько извѣстно, былъ принятъ во вниманіе. Нормировку питейныхъ заведеній, вмѣсто земства, предположено возложить на особыя ad hoc коллегіи, составленныя изъ разныхъ лицъ: предводителя дворянства, исправника, акцизнаго чиновника, мировыхъ судей и пр. Итакъ, взамѣнъ питейной реформы, страна получитъ еще новыя учрежденія: уѣздныя, а можетъ-быть и губернскія, по питейнымъ дѣламъ присутствія, на ряду съ таковыми же по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Не извѣстно какъ поведутъ дѣло новопроектированныя

присутствія и въ какой мѣрѣ будутъ они застрахованы отъ вліянія интригъ и происковъ кабака; но во всякомъ случаѣ трудно разчитывать на уменьшеніе пьянства и сокращеніе числа питейныхъ заведеній учрежденіями, которымъ нельзя будетъ опереться на законъ и которыя въ то же время будутъ знать что въ отказахъ на открытіе кабаковъ иныя власти усмотрятъ посягательство на государственный интересъ... Вообще ни по чему не видно чтобы проектированныя измѣненія въ Питейномъ Уставѣ ослабили установившуюся систему спаиванія народа и разрѣдили кабацкую сѣть наброшенную на бѣдный темный людъ. Во всякомъ случаѣ не къ такой цѣли ведетъ проектированное разъясненіе 332 статьи Питейнаго Устава. Въ силу этой статьи, кабаки можно открывать только въ населенныхъ мѣстахъ, а „населенными мѣстами,“ по смыслу нашихъ законовъ, считаются собственно лишь города и села. Предположено установить чтобы впредь кабаки могли быть открываемы въ каждомъ поселкѣ состоящемъ изъ пяти дворовъ, и при каждой фабрикѣ или усадьбѣ, хотя бы она составляла одинъ дворъ, если въ ней проживаетъ пятьдесятъ душъ мужескаго пола... Вотъ вамъ и питейная реформа, долженствовавшая уменьшить пьянство, оградивъ слабыхъ людей отъ кабацкаго соблазна!

Говорятъ, будто при освобожденіи крестьянъ они были обижены, получили будто бы недостаточные надѣлы при несоразмѣрно большихъ платежахъ. Но вотъ примѣръ крестьянъ села Крюкова получившихъ даромъ надѣлъ въ размѣрѣ превышающемъ даже ту норму которой недавно требовалъ г. Янсонъ. Что же, благоденствуютъ эти крестьяне? Нѣтъ, вліяніе кабака парализовало все, и большой надѣлъ, и легкость платимыхъ повинностей, и довело крестьянъ до нищеты. Помѣщица, завѣщавшая своимъ крестьянамъ большое имѣніе, какъ оказывается, обогатила своимъ даромъ не крестьянъ, а содержателей кабаковъ. Лучшаго ли достигнемъ результата если напримѣръ отмѣнимъ подушные сборы оставляя предъ собою соблазномъ кабаки...

Б.

Чѣмъ больше приближается срокъ созванія международной Дунайской коммиссіи, тѣмъ больше толковъ въ австро-венгерской и румынской печати объ окончательномъ рѣшеніи столь важнаго для обоихъ государствъ Дунайскаго вопроса. Не проходитъ дня чтобы въ вѣнскихъ и пештскихъ газетахъ не было напечатано по нѣскольку статей и корреспонденцій противъ румынскихъ „шовинистовъ“ не желающихъ подчиниться притязаніямъ „могущественнаго сосѣда“ и его преобладанію на нижнемъ теченіи Дуная отъ Желѣзныхъ Воротъ до Галаца.

Въ свое время мы уже показывали что рѣшеніе Дунайскаго вопроса имѣетъ для Австро-Венгріи громадное значеніе. Значеніе это, впрочемъ, не столько политическаго сколько торговаго характера. Сбытъ австрійскихъ товаровъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Румыніи можетъ достигнуть весьма значительныхъ размѣровъ; поэтому неудивительно что Австрійское правительство, не успѣвшее провести свой проектъ объ учрежденіи „смѣшанной коммиссіи“ въ его первоначальномъ видѣ съ предсѣдательствомъ въ ней и рѣшающимъ голосомъ, поспѣшило послать сперва въ Берлинъ, а потомъ въ Парижъ новоназначеннаго посла при С.-Петербургскомъ Дворѣ, графа Волькенштейна, съ порученіемъ склонить Германію и Францію въ свою пользу. Увѣнчалась ли миссія графа Волькенштейна полнымъ успѣхомъ, объ этомъ пока судить трудно. Новый проектъ, выработанный французскимъ делегатомъ въ Дунайской коммиссіи г. Баррером, отличается отъ австрійскаго „предварительнаго проекта“ (avant-projet), но онъ предоставляетъ Австро-Венгріи предсѣдательство въ предполагаемой „смѣшанной коммиссіи“ гдѣ, кромѣ Австро-Венгріи, будутъ участвовать делегаты Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Сербское правительство съ покорностію принимаетъ всѣ приказанія получаемыя имъ изъ Вѣны; Болгарія вѣроятно также будетъ принуждена уступать требованіямъ Австро-Венгріи, такъ какъ ей никто не оказываетъ поддержки.

Остается, слѣдовательно, одна Румынія, правительство которой хорошо понимаетъ опасность грозящую со стороны Австро-Венгріи и поэтому упорно выступаетъ ея противникомъ.

На первый взглядъ можетъ показаться весьма страннымъ, что благодаря настойчивости Румынскаго правительства Австро-Венгріи пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ требованій. Но дѣло это легко

объясняется тѣмъ что Англія и Франція, торговые интересы которыхъ на Востокѣ весьма важны, отнеслись къ австрійскимъ притязаніямъ недружелюбно и поддержали Румынію. Австріи поневолѣ пришлось отчасти уступить и принять предложеніе Баррера къ обсужденію.

Судя по довольному тону вѣнскихъ офиціозныхъ газетъ (оппозиціонная австрійская печать обвиняетъ правительство въ слишкомъ большой уступчивости), новое соглашеніе, заключенное графомъ Вольксенштейномъ въ Парижѣ, будетъ для Австріи весьма выгоднымъ. Вѣнскія газеты сообщаютъ что Германія безусловно одобрила новое соглашеніе, и есть де надежда что и Англійское правительство поступитъ также. Что касается Россіи, то ея мнѣнію австрійская печать не придаетъ значенія. Вѣнскіе политики увѣрены что Русское правительство не пошевельнетъ пальцемъ для защиты интересовъ своей политики на нижнемъ теченіи Дуная. Вѣренъ ли взглядъ австрійской печати на будущій образъ дѣйствій Русскаго правительства покажетъ будущее, но въ настоящемъ онъ не лишенъ основанія. Несмотря на то что Россія прибрежна Дунаю, наша дипломатія, какъ кажется, не хочетъ вовсе знать Дунайскій вопросъ.

Въ послѣднее время распространился слухъ что у насъ поднятъ вопросъ объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Болгаріей. Проектъ этотъ заслуживаетъ конечно полнаго одобренія и осуществленіе его весьма желательно. Самымъ серіознымъ конкуррентомъ Россіи въ Болгаріи явится конечно Австро-Венгрія. Конкурренція эта будетъ для насъ тѣмъ болѣе опасною чѣмъ сильнѣе будетъ преобладаніе Австро-Венгріи на нижнемъ Дунаѣ. Надо надѣяться что правительство обратитъ, наконецъ, на этотъ вопросъ серіозное вниманіе, и когда придетъ время высказаться о новой сдѣлкѣ, заключенной въ Парижѣ, оно не упуститъ интересовъ Россіи изъ виду.

№ 106.

Москва, 17-го апрѣля.

На дняхъ мы документами и цифрами уличили *Голосъ* въ намѣренномъ обманѣ. Всякій могъ наглядно убѣдиться что этотъ офиціозный органъ общественнаго обмана, умолчавъ объ одномъ и преувеличивъ другое, представилъ происшедшее недавно въ Пруссіи маловажное измѣненіе гимназической программы въ такомъ видѣ будто тамъ какіе-то средневѣковые и іезуитскіе порядки замѣнены другими, болѣе соотвѣтствующими духу новаго общества. Нравоученіе этой басни гласило такъ: „Надобно ожидать что, наконецъ, очередь „дойдетъ и до насъ, слишкомъ поторо„пившихся перенести къ себѣ старую учеб„ную систему наканунѣ ея перестройки на „мѣстахъ ея образованія.“

Уличенный въ обманѣ, *Голосъ* старается вывернуться и дѣлаетъ это съ неимовѣрнымъ нахальствомъ.

Разбирать эти іезуитскія хитросплетенія, рыться въ этихъ безстыдныхъ софизмахъ, копаться въ грязи этой лжи, дѣло очень непріятное. Мы рѣшились, однако, исполнить этотъ трудъ дабы показать до осязательности что это за люди которые выдаютъ себя за просвѣщенныхъ представителей какого-то либерализма.

Голосъ начинаетъ свою защиту съ извѣстнаго пріема уличенныхъ преступниковъ которые стараются отвлечь вниманіе судей отъ сущности дѣла указывая на какое-нибудь совершенно побочное, часто вымышленное обстоятельство, и выставляя себя жалкими жертвами насилія и клеветы. Вотъ какъ жалуется *Голосъ:*

„Г. Катковъ не только навязываетъ вамъ мнѣнія которыхъ вы не имѣете и заявленія которыхъ вы не дѣлали, но онъ не затрудняется сочиненныя имъ отъ лица вашего слова и выраженія ставить въ кавычкахъ, затѣмъ чтобъ у читателя не оставалось сомнѣнія что эти слова и выраженія дѣйствительно вами употреблены, а не сочинены на вашъ счетъ г. Катковымъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ сочинилъ отъ нашего лица нѣсколько отдѣльныхъ фразъ, а нерѣдко сочиняетъ цѣлыя тирады въ 10—15 строкъ и, снабдивъ ихъ кавычками, пускаетъ въ оборотъ въ своей газетѣ отъ нашего имени... Г. Катковъ такъ безцеремонно извращаетъ чужія мысли и приписываетъ другимъ *никогда не высказанныя ими слова и выраженія...*“

Во всемъ этомъ конечно нѣтъ ни слова правды. Пусть *Голосъ* укажетъ хоть одну изъ тѣхъ тирадъ въ 10—15 строкъ которыя мы будто бы нерѣдко снабжаемъ *кавычками* и пускаемъ въ оборотъ отъ его

имени. А что мы будто бы въ настоящемъ случаѣ *сочинили* отъ его лица *нѣсколько отдѣльныхъ фразъ и приписали ему никогда не высказанныя имъ слова и выраженія*, то мы сейчасъ докажемъ всю лживость этого наглаго увѣренія. Изъ приведенныхъ нами въ кавычкахъ фразъ, только три слова не находятся въ № 84 *Голоса*; но они отнюдь не сочинены нами, а принадлежатъ къ обычной фразеологіи *Голоса*, и мы возвращаемъ ему эти слова по принадлежности. *Голосъ*, говорили мы, радуется тому будто бы въ Пруссіи классическая система образованія „отжила свой вѣкъ." Но развѣ онъ не твердилъ постоянно что на западѣ классическая система скоро рушится, и что безсмысленно вводить у насъ систему которая уже пошатнулась и если не сегодня, то завтра за негодностью будетъ сломана?

Въ декабрѣ 1880 года происходили въ прусскомъ парламентѣ пренія о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія. Зашла рѣчь о подготовлявшемся тогда измѣненіи въ учебномъ планѣ гимназій. Исказивъ рѣчь правительственнаго коммисара Боница, *Голосъ* въ своемъ № 342 резюмировалъ по-своему разказанныя имъ пренія парламента слѣдующими словами: „Такимъ образомъ, чѣмъ дальше тѣмъ больше выясняется громадность ошибки сдѣланной у насъ десять лѣтъ тому назадъ въ пользу такого устройства средней школы которое въ самыхъ мѣстахъ своего происхожденія *отживало уже послѣдніе годы*." И вотъ теперь *Голосъ* божится что онъ никогда не говорилъ что классическая система „отжила свой вѣкъ" въ Пруссіи, и что мы извратили его мысль и приписали ему никогда не высказанныя имъ слова и выраженія!

Въ мартѣ нынѣшняго года въ прусскомъ парламентѣ снова были пренія о бюджетѣ министерства народнаго просвѣщенія. *Голосъ* не преминулъ воспользоваться и этимъ случаемъ чтобы снова, со свойственными ему пріемами, извратить сущность упомянутыхъ преній. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу въ своемъ № 65:

„Изъ преній въ которыхъ принимали участіе министръ г. Госслеръ, правительственный коммиссаръ по народному образованію, извѣстный филологъ, тайный совѣтникъ Боницъ, и около десятка депутатовъ, представителей разныхъ партій, выяснилось что строгій, безпощадный (!) классицизмъ, на которомъ было основано до сихъ поръ среднее образованіе въ Пруссіи и который такъ воодушевилъ Каткова съ Леонтьевымъ на борьбу со здравымъ смысломъ (!) въ Россіи, *потерялъ уже почву* въ сознаніи нашихъ сосѣдей. Это свидѣтельство не какихъ-нибудь практическихъ людей или поклонниковъ реальнаго образованія, а всего образованнаго общества, и на первомъ планѣ—*людей стоящихъ во главѣ управленія дѣломъ образованія*."

Всякій читатель выведетъ конечно изъ приведенныхъ словъ *Голоса* слѣдующее заключеніе: въ Пруссіи люди стоящіе во главѣ учебнаго дѣла, т.-е. министръ Госслеръ и правительственный коммиссаръ Боницъ высказались противъ того классицизма на которомъ основано среднее, готовящее къ университетамъ, образованіе въ Пруссіи и Россіи; изъ ихъ словъ видно что этотъ классицизмъ *потерялъ уже почву* въ Пруссіи, изъ чего явствуетъ что его нужно истребить и въ Россіи. Вотъ единственно вѣрный логическій выводъ изъ словъ *Голоса*, который и сказалъ ихъ для того чтобы читатель сдѣлалъ именно такой выводъ. Представьте же себѣ, гг. Госслеръ и Боницъ ничего подобнаго противъ классицизма не говорили, а говорили нѣчто совершенно противоположное.

Министръ Госслеръ ни слова не говорилъ ни о безпощадномъ, ни объ иномъ классицизмѣ. Онъ отвѣчалъ лишь на просьбу нѣкоторыхъ депутатовъ о допущеніи учениковъ полуклассическихъ реальныхъ училищъ (съ латинскимъ языкомъ) въ университетъ на равныхъ правахъ съ гимназистами, и отвѣтилъ на эту просьбу рѣшительнымъ отказомъ. Онъ указалъ на то что въ 1876 году университетскіе факультеты высказались противъ допущенія учениковъ реальныхъ училищъ къ имматрикуляціи на философскій факультетъ, разрѣшенной въ видѣ опыта бывшимъ министромъ Мюлеромъ (съ условіемъ чтобы эти студенты могли держать въ послѣдствіи экзаменъ только на должность учителей математики, новыхъ языковъ и естествознанія въ реальныхъ же училищахъ). „Университетскіе факультеты, сказалъ г. Госслеръ, указывали какъ на главную помѣху на недостаточное знаніе латинскаго языка и полное незнаніе греческаго. Если ученики реальныхъ училищъ поступаютъ въ университетъ съ болѣе удовлетворительнымъ приготовленіемъ по математикѣ, то

они, какъ сказано въ одномъ факультетскомъ докладѣ, скоро оставляются позади учениками гимназій, такъ какъ эти обладаютъ болѣе основательнымъ образованіемъ. Лишь два факультета ставили учениковъ реальныхъ училищъ на одинъ уровень съ гимназическимъ, и то только относительно математики. Что касается медицины, то парламенту было сообщено въ 1879 году что факультеты выразились неодобрительно о студентахъ получившихъ реальное образованіе и просили не допускать этихъ студентовъ на медицинскій факультетъ. Въ виду всего этого вы не можете сѣтовать на меня если я не могу стоять за полную равноправность учениковъ реальныхъ училищъ и гимназій... Я охотно соглашаюсь съ тѣмъ что относительно общаго образованія тѣ и другіе могутъ считаться координированными, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ чтобъ они должны были пользоваться одинаковыми правами.“ (*Post*, d. 18 Mäzz, Beilage).

Вотъ что сказалъ министръ народнаго просвѣщенія Госслеръ.

Что же касается профессора Боница, то онъ дѣйствительно говорилъ о гимназическомъ образованіи, но совершенно не то что ему приписываетъ *Голосъ*. Онъ отвѣчалъ депутату Пергеру, который высказалъ опасеніе какъ бы предполагавшіяся и неизвѣстныя парламенту измѣненія въ гимназическомъ преподаваніи не отразились пагубно на высшемъ гуманистическомъ образованіи, основанномъ на древнихъ языкахъ. Профессоръ Боницъ успокоилъ г. Пергера заявленіемъ что гуманистическій элементъ отнюдь не потерпитъ никакого ущерба отъ новыхъ учебныхъ плановъ. И дѣйствительно обнародованныя теперь измѣненія въ гимназическомъ преподаваніи не измѣнили ни метода, ни предмета, ни цѣли, ни серіозности, ни объема преподаванія древнихъ языковъ въ прусскихъ гимназіяхъ, какъ это показано въ № 97 нашей газеты.

Затѣмъ г. Боницъ перешелъ къ вопросу о реальныхъ училищахъ II разряда, въ которыхъ не преподается латинскій языкъ и которыя поэтому походятъ на наши реальныя училища. Нѣкоторые депутаты предлагали ввести въ нихъ латинскій языкъ; этотъ вопросъ поднимался и у насъ въ Россіи при учрежденіи реальныхъ училищъ, и мы въ то время въ своей газетѣ высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ этой мѣры или, лучше, полумѣры. Мы доказывали что древніе языки вводимые не серіозно, не какъ основной предметъ, а какъ элементъ многопредметности, не только не полезны, но вредны. Мы доказывали что можетъ и должно быть разныхъ степеней среднее общее образованіе и безъ древнихъ языковъ для сотней тысячъ людей, не предназначающихъ себя къ высшему образованію. Того же мнѣнія въ этомъ вопросѣ и профессоръ Боницъ. Онъ не видитъ надобности вводить латинскій языкъ въ реальныя училища втораго разряда и открывать этимъ училищамъ доступъ въ университетъ. Онъ говоритъ:

„Существующія въ Пруссіи реальныя училища втораго разряда дали положительно хорошіе результаты; то же самое можно сказать и о южно-германскихъ реальныхъ училищахъ, устроенныхъ по образцу прусскихъ... Я уже прежде заявлялъ что слишкомъ рѣзко и непонятно было бы требовать чтобы преимущество образованія находилось непремѣнно въ зависимости отъ изученія классическихъ языковъ. Новые языки могутъ теперь имѣть важное образовательное значеніе, которое они прежде не имѣли и благодаря имъ въ реальныхъ училищахъ также обращается вниманіе на формальное и этическое образованіе... Итакъ если говорятъ что человѣкъ безъ классическихъ языковъ не имѣетъ общаго образованія, то это увѣреніе идетъ слишкомъ далеко. Поэтому, рядомъ съ гимназіей и реальнымъ училищемъ съ латинскимъ языкомъ, существуетъ реальное училище безъ латинскаго языка“ (см. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, *Post* и *National-Zeitung* отъ 18 марта 1882 года.)

Что же дѣлаетъ *Голосъ* изъ этихъ столь ясныхъ словъ? Онъ выхватываетъ одну фразу, не говоря въ какой она стоитъ связи, скрывая о чемъ именно говорилъ г. Боницъ, и говоритъ слѣдующее:

„Интересно было въ нѣмецкомъ парламентѣ услышать изъ устъ представителя правительства, компетентнѣйшаго изъ ораторовъ по данному вопросу, г. Боница, слѣдующее: „„Я уже и раньше заявлялъ что было бы слишкомъ рѣзко и непонятно, еслибы хотѣли преимущество общаго образованія ставить въ зависимость отъ изученія классическихъ языковъ.““

„Годъ назадъ *Московскія Вѣдомости* обвиняли насъ въ искаженіи мыслей высказанныхъ по тому же поводу въ прусскомъ

парламентѣ. Теперь имъ уже придется обвинять правительственную газету *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, по отчету которой мы приводимъ настоящее заявленіе г. Бонница.“

Правительственную берлинскую газету намъ обвинять нечего, такъ-какъ она привела полную рѣчь профессора Бонница; за то намъ опять, какъ и въ прошломъ году, приходится уличать петербургскую *офиціозную* (такъ ли?) газету въ томъ же намѣренномъ искаженіи мыслей г. Бонница. Выдернутая изъ общаго контекста фраза, приводимая на двухъ языкахъ торжествующимъ *Голосомъ*, дѣйствительно можетъ вызвать у неопытнаго читателя представленіе будто Бонницъ говорилъ противъ классическаго образованія или, по крайней мѣрѣ, ставилъ на одну ногу реальное и классическое образованіе по отношенію къ доступу въ университетъ. Но, какъ мы только что видѣли, слова г. Бонница не имѣли ни того, ни другаго значенія которое старается подсунуть ему іезуитскій пріемъ *Голоса*.

Въ апрѣлѣ текущаго года были обнародованы давно ожидавшіяся измѣненія въ прусскомъ гимназическомъ преподаваніи. Измѣненія эти не были для насъ новостью. Еще въ 1879 году въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* г. Гезенъ сообщалъ объ этой перемѣнѣ, которая, какъ мы видѣли, вышла очень незначительною: изо 128 часовъ посвященныхъ въ гимназіяхъ древнимъ языкамъ взято *одиннадцать* часовъ и изъ нихъ только *одинъ* часъ данъ естествознанію; но, сверхъ того, по новому плану, еще отнято *три* часа у другихъ предметовъ, а именно одинъ у Закона Божія и два у чистописанія (а не „правописанія“ какъ говоритъ *Голосъ*) и изъ полученной такимъ образомъ общей суммы 14 уроковъ лишь *два* удѣлены на естественную исторію (Naturbeschreibung). Объемъ, методъ и цѣль преподаванія древнихъ языковъ остались совершенно не тронутыми, между тѣмъ какъ въ перворазрядныхъ (полуклассическихъ) реальныхъ училищахъ преподаваніе латинскаго языка усилено на десять часовъ (свыше нормы нашихъ классическихъ гимназій).

Что было дѣлать *Голосу?* Признать свои надежды и предсказанія не сбывшимися, согласиться съ тѣмъ что классическая система еще не *потеряла почвы въ сознаніи нашихъ сосѣдей*, что *она у нихъ еще не отживаетъ послѣдніе свои годы?* Конечно такое признаніе было бы честно, согласно съ истиной, но потому и несогласно съ характеромъ *Голоса*. Наконецъ онъ могъ бы смолчать; но онъ предпочелъ новый обманъ.

На этотъ разъ онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Онъ торжественно заявляетъ что въ Пруссіи произошло преобразованіе гимназій, въ которыхъ теперь будутъ порядки не средневѣковые и іезуитскіе, а болѣе соотвѣтствующіе духу новаго общества. Затѣмъ онъ сообщаетъ что у древнихъ языковъ отнято одиннадцать уроковъ, но *тщательно скрываетъ* что ихъ было 128 и что характеръ преподаванія отъ этого ничтожнаго уменьшенія нисколько не измѣнился. Далѣе проводится мысль что наша классическая школа тождественна съ бывшею до сихъ поръ средневѣковою и іезуитскою прусскою гимназіей, причемъ опять-таки *тщательно скрыто* число уроковъ древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ (85). Наконецъ высказывается слѣдующее требованіе:

„Надобно ожидать что, наконецъ, очередь дойдетъ и до насъ, слишкомъ поторопившихся перенести старую учебную систему наканунѣ ея перестройки на мѣстахъ ея образованія. Дорого обошлась Россіи московская агитація, отстранившая постепенное преобразованіе нашей школы, какое было начато въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ (*Голосъ* продолжаетъ служить офиціознымъ органомъ тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину) и навязавшая намъ *школьный порядокъ, не имѣющій никакой жизненности.*“

Какъ читатель видитъ, вся эта статья № 84 *Голоса* построена по всѣмъ правиламъ мошеннической техники. Мы приняли на себя неблагодарный и непріятный трудъ обличить эту продѣлку и показать что еслибы намъ теперь пришлось преобразовать нашу гимназію по примѣру нынѣшней прусской, то слѣдовало бы прибавить 32 урока древнихъ языковъ къ нашимъ 85, дабы достигнуть установленнаго нынѣ въ прусскихъ гимназіяхъ числа 117 уроковъ. Мы обличили нахальство рѣшившееся назвать іезуитскою и средневѣковою ту школу изъ которой вышла современная наука, ничего не имѣющая общаго ни съ Средними Вѣками, ни съ іезуитизмомъ.

Что же намъ теперь отвѣчаетъ *Голосъ?* Онъ вопитъ что мы три слова поставили въ кавычки и этимъ исказили его мысль.

Итакъ онъ убѣжденъ что классическая система въ Пруссіи „потеряла почву,“ что она „не имѣетъ никакой жизненности,“ что она десять лѣтъ тому назадъ, когда мы ее переносили въ Россію, въ самыхъ мѣстахъ своего происхожденія „отживала уже послѣдніе годы,“ но онъ, Боже сохрани, никогда не говорилъ что она „отжила свой вѣкъ!“

Но что же этотъ органъ обмана возражаетъ намъ на самый существенный доводъ, на приведенныя нами сравнительныя таблицы уроковъ древнихъ языковъ въ прусскихъ и русскихъ гимназіяхъ? Ничего. *Голосъ* все также тщательно продолжаетъ скрывать ихъ отъ своихъ читателей, очень хорошо понимая что какъ скоро эти цифры станутъ имъ извѣстны, то созданный имъ миражъ исчезнетъ. Интересно посмотрѣть тотъ пріемъ какимъ эти господа увертываются отъ неудобныхъ для нихъ цифръ:

„Извращеніемъ фактовъ г. Катковъ называетъ то что мы не сравнили числа уроковъ по древнимъ языкамъ въ прусскихъ гимназіяхъ съ числомъ ихъ въ нашихъ гимназіяхъ. Но мы въ этомъ не имѣли никакой нужды (!), вопервыхъ, потому что число этихъ уроковъ въ нашихъ гимназіяхъ—ни для кого не тайна, а вовторыхъ, потому что цѣль нашей статьи было указать на *духъ* (!) школьной реформы, а не то, гдѣ больше уроковъ древнихъ языковъ,—въ девятиклассной ли прусской гимназіи, или въ восьмиклассной нашей. А духъ этотъ несомнѣнно заключается въ сближеніи классическаго образованія съ реальнымъ, въ проявленіи сознанія что общее гимназическое образованіе имѣетъ *теперь*, кромѣ древнихъ языковъ, другія опоры (*Голосъ* какъ будто не знаетъ что гимназическое образованіе *всегда* основывалось на древнихъ языкахъ и математикѣ). Что таково именно сознаніе преобразователей прусской школы—ясно видно нетолько изъ сущности очерченной нами реформы, но изъ заявленій сдѣланныхъ 17 марта, въ засѣданіи прусскаго сейма, *компетентнѣйшими лицами и, между прочимъ, главнымъ двигателемъ этой реформы, правительственнымъ коммиссаромъ извѣстнымъ филологомъ Боницемъ*. Мы уже приводили его слова, *которыя еще разъ рекомендуемъ вниманію* тѣхъ кто сомнѣвается какъ теперь смотрятъ на среднеобразовательную школу *руководящіе люди въ Пруссіи. Боницъ прямо отказывается понимать заявленіе тѣхъ которые хотятъ преимущество общаго образованія ставить въ зависимость отъ изученія классическихъ языковъ*. Въ № 65 *Голоса заявленіе Боница приведено въ подлинникѣ.*“

Одна ложь подкрѣпляется другою! Оказывается что *духъ* гимназическаго преобразованія въ Пруссіи можно узнать не изъ того неоспоримаго факта что новый учебный планъ *нисколько не измѣнилъ* преподаванія древнихъ языковъ, а изъ нѣсколькихъ словъ которыхъ профессоръ Боницъ *никогда не говорилъ о гимназическомъ образованіи!*

Но довольно. Всей лжи которою проникнута статья *Голоса* не исчерпаешь. Тутъ все есть: и умышленное умолчаніе, и намѣренное преувеличеніе, и іезуитская инсинуація, и злоупотребленіе добродушіемъ публики. Частички правды придаютъ всему этому характеръ квалифицированной лжи, то-есть обмана.

Почуявъ новый духъ въ управленіи Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, руководители *Голоса* объявляютъ себя преданными ревнителями классицизма, но противниками нашихъ гимназій гдѣ царствуетъ какой-то особый *полицейскій* или *Катковскій* классицизмъ. Въ № 98 *Голосъ* превзошелъ даже себя. Придется войти и въ эту мерзость.

№ 108.

Москва, 19-го апрѣля.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, отъ 28 апрѣля, на видномъ мѣстѣ помѣщена любопытная корреспонденція изъ Парижа, озаглавленная *Ein französischer Skobelew* и направленная противъ французскаго генерала маркиза де-Галлифе (Gallifet), извѣстнаго своими близкими отношеніями къ Гамбеттѣ. „Изъ хорошаго источника я освѣдомился, такъ начинаетъ свое письмо корреспондентъ официозной берлинской газеты, что на одномъ парадномъ обѣдѣ въ присутствіи многихъ высшихъ офицеровъ и нѣкоторыхъ клубныхъ (изъ Club de l' Union) друзей, генералъ маркизъ Галлифе со свойственною ему живостью изло-

женія, жаловался что теперешнее министерство не умѣетъ поддержать достоинство Франціи въ дѣлахъ иностранныхъ. Въ доказательство своихъ словъ господинъ маркизъ разказалъ будто князь Гоэнлоэ, германскій посолъ въ Парижѣ, уже нѣсколько недѣль хлопочетъ склонить г. Фрейсине къ подписанію договора въ которомъ Германія гарантируетъ Французской республикѣ ея границы въ Европѣ и Африкѣ, въ замѣнъ чего Франція обязывается де сократить наличный составъ арміи и не заключать ни съ кѣмъ союза." На вопросъ одного изъ удивленныхъ этимъ извѣстіемъ слушателей, какимъ путемъ маркизъ Галлифе освѣдомился о столь замѣчательномъ фактѣ, онъ „коротко и ясно" отвѣчалъ что все разказанное имъ совершенно вѣрно и что объ этомъ онъ освѣдомился отъ г. Гамбетты, „возвращеніе котораго къ дѣламъ совершенно необходимо, если не хотятъ чтобы Франція потеряла весь свой престижъ." Газета князя Бисмарка припомнила прошлое французскаго генерала. Два года тому назадъ, разказываетъ она, тотъ же самый Галлифе, въ аристократическомъ Club l'Union, въ присутствіи многочисленнаго собранія, выслушавъ упрекъ за то что примкнулъ къ республикѣ, не поцеремонился прямо сказать что поддерживаетъ г. Гамбетту именно только потому что разчитываетъ со временемъ на памятникъ на площу Брольйо въ Страсбургѣ за освобожденіе Эльзаса. „Не удивительно, восклицаетъ газета, что Галлифе не имѣетъ терпѣнья дожидаться спокойно когда война поставитъ его во главѣ арміи или даже во главѣ страны, не удивительно что онъ всячески старается подорвать миролюбивое министерство." Но не въ этомъ де дѣло, самъ Галлифе не имѣетъ особаго значенія и его рѣчь не заслуживала бы, по мнѣнію берлинской газеты, вниманія еслибы за нимъ не стоялъ самъ Гамбетта, не стѣсняющійся де въ выборѣ средствъ чтобы дискредитовать кабинетъ Фрейсине: „съ одной стороны генералъ Галлифе, инспирируемый Гамбеттой, разказываетъ въ салонахъ басни, стараясь выставить Фрейсине министромъ находящимся въ зависимости отъ Германіи и компрометтирующимъ положеніе Франціи въ Европѣ, а съ другой—поэтъ Деруледъ (Déroulède) съ яростью нападаетъ на г. Жюля Ферри за то что тотъ высказался противъ предложенныхъ его предшественникомъ г. Поломъ Беромъ военныхъ упражненій для учениковъ всѣхъ школъ и гимназій."

Здѣсь берлинская офиціозная газета считаетъ за лучшее поставить точку, не сказавъ вѣренъ или невѣренъ фактъ переговоровъ между гг. Фрейсине и Гоэнлоэ. Можетъ-быть даже самое негодованіе *Сѣверо-Германской Газеты* противъ французскаго генерала въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ что въ его словахъ есть нѣкоторая доля правды. Германія въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-либо имѣетъ интересъ войти въ сдѣлку съ Франціей чтобы изолировать ее и гарантировать себѣ нѣсколько лѣтъ полнаго спокойствія. Германія занята своими внутренними дѣлами, финансы ея далеко не въ порядкѣ, населеніе обременено налогами, для облегченія которыхъ правительство, съ замѣчательною настойчивостью, рѣшается приводить мѣру вызвавшую не мало неудовольствія не только въ населеніи, но и въ вассальныхъ правительствахъ истинное большинство которыхъ высказалось самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ табачной монополіи. На сторонѣ Пруссіи, какъ бывало и во времена австрійской гегемоніи, оказались только мелкія государства средней Германіи. Германіи, во что бы то ни стало, нуженъ миръ, но она хочетъ чтобы миръ былъ почетный, а не вынужденный. Это нужно, вопервыхъ, для престижа Германіи, а вовторыхъ, потому что военныя приготовленія ея пока тоже не окончены: артиллерія перевооружается, флотъ и его „гнѣздо" только что строятся, крѣпости поправляются или додѣлываются. Въ Берлинѣ понимаютъ что все это можетъ дѣлаться исподоволь, не спѣша, только до тѣхъ поръ пока Гамбетта не у дѣлъ, что напротивъ, какъ только власть во Франціи попадетъ въ эти руки, Германіи придется спѣшить вооруженіями. Есть и другая причина почему въ Берлинѣ обратили вниманіе на слова маркиза Галлифе. Германская оппозиція уже давно ведетъ рѣчь о томъ что финансовыя и экономическія затрудненія могутъ быть разрѣшены безъ помощи тѣхъ мѣръ къ которымъ прибѣгаетъ въ послѣднее время правительство, а особенно безъ табачной монополіи. Имперія, говорятъ въ оппозиціи, никогда не нуждалась бы въ такихъ значительныхъ денежныхъ расходахъ, а слѣдовательно и налоги могли бы быть понижены еслибъ имперское правительство сократило воен-

ные расходы въ которыхъ нѣтъ де такой настоятельной нужды, какъ увѣряютъ съ министерской скамьи. Доводы оппозиціи, какъ показали послѣдніе выборы въ рейхстагъ, не остаются безъ вліянія. Надо стало-быть образумить оппозицію, внушить ей что Германія безъ большаго риска не можетъ сократить свои вооруженія въ то время когда кругомъ ея все дышетъ де враждою. Такой пріемъ особенно кажется умѣстнымъ теперь, когда рейхстагъ собранъ и когда оппозиція сдѣлала повидимому все чтобы проектъ табачной монополіи не прошелъ. Не для того ли послушная имперскому канцлеру германская печать больше мѣсяца изо дня въ день толковала о небывалой парижской „рѣчи“ генерала Скобелева, не для того ли и теперь поднимаются толки о рѣчи маркиза Галлифе? И замѣчательно, по толкованіямъ берлинскихъ офиціозныхъ газетъ, и та, и другая рѣчь внушены Гамбеттою; въ этомъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* и усматриваетъ сходство между маркизомъ Галлифе и нашимъ полководцемъ.

№ 109.

Москва, 20-го апрѣля.

А.

Золото уходитъ изъ Россіи въ небывалыхъ донынѣ размѣрахъ... Вотъ впечатлѣніе какое съ перваго взгляда производитъ только что пришедшая въ Москву офиціальная вѣдомость, составленная таможеннымъ управленіемъ по свѣдѣніямъ полученнымъ по 15 сего апрѣля. Въ немногіе истекшіе мѣсяцы этого года вывозъ за границу „монеты и слитковъ золотыхъ и серебряныхъ“ превысилъ 21.700.000 рублей, между тѣмъ какъ привозъ по этой статьѣ не дошелъ и до 850.000. Очень большимъ вывозомъ золота изъ Россіи ознаменовался и минувшій 1881 годъ: болѣе чѣмъ на 59 милліоновъ рублей уплыло его тогда за границу, немного менѣе чѣмъ въ ознаменованный попыткою возстановленія размѣна 1863 годъ. Но въ текущемъ году, то же явленіе происходитъ въ размѣрахъ превосходящихъ прошлогодніе болѣе чѣмъ вдвое. Такого вывоза золота за границу какъ нынѣ не было даже въ соотвѣтствующіе мѣсяцы 1876 года, который предшествовалъ послѣдней Восточной войнѣ: тогда, по свѣдѣніямъ по 15 апрѣля, вывозъ золота и серебра (за вычетомъ привоза) доходилъ только до 18 милл.; въ нынѣшнемъ году онъ дошелъ до 21 милл. Въ 1876, годовой итогъ вывоза нашего золота и серебра дошелъ до 98 милліоновъ; до какой же цифры дойдетъ онъ въ текущемъ году, если отливъ драгоцѣнныхъ металловъ будетъ и впредь идти какъ онъ идетъ донынѣ?

Большой отливъ золота не имѣлъ бы особеннаго значенія еслибъ онъ былъ простою случайностію, еслибъ отливы его чередовались съ равносильными приливами. Но этого нѣтъ. Большіе вывозы монеты и слитковъ у насъ явленіе хроническое. Несмотря на то что двадцатипятилѣтіе 1856—1880 ознаменовалось длиннымъ рядомъ крупныхъ заграничныхъ займовъ, какъ государственныхъ такъ и общественныхъ, несмотря на то что эту четверть вѣка иные финансисты именуютъ періодомъ золотаго дождя пролитаго Европой на лѣса и степи Россіи, золотой дождь шелъ на дѣлѣ въ совершенно обратномъ направленіи. Весь привозъ золота и серебра за всѣ 25 лѣтъ, по таможеннымъ свѣдѣніямъ, ограничился суммой 272½ милліоновъ рублей, тогда какъ вывозъ этихъ металловъ за то же время равнялся 623 милліонамъ, превысивъ привозъ на 350½ милліоновъ. Такимъ образомъ, во все двадцатипятилѣтіе, среднимъ числомъ безвозвратно уходило отъ насъ за границу драгоцѣнныхъ металловъ ежегодно на сумму болѣе 14 милліоновъ рублей. И этотъ-то безвозвратный отливъ въ прошломъ году поднялся до 59 милліоновъ, а въ текущемъ грозитъ возрасти до ста и болѣе милліоновъ.

Можно было бы не тревожиться такимъ ходомъ дѣлъ еслибы мы были особенно богаты золотомъ, еслибъ оно добывалось въ странѣ въ размѣрахъ превышающихъ внутреннюю въ немъ потребность, еслибъ оно могло быть статьей отпускной торговли. Но этого нѣтъ. Наша золотопромышленность далеко не можетъ идти въ сравненіе съ американскою. Мы терпимъ недостатокъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ, недостатокъ служащій однимъ изъ главныхъ, признанныхъ препятствій возстановленія у насъ правильнаго денежнаго обращенія. И при такомъ-то недостаткѣ, мы имѣемъ дѣло съ громаднымъ, небывалымъ еще вывозомъ изъ страны серебра и золота...

Большой вывозъ золота въ 1863 году, въ періодъ польскихъ волненій, объясняется тогдашнею необдуманною попыткой возстановленія размѣна. Еще большій вывозъ золота въ 1876 году, наканунѣ Восточной войны, былъ обусловленъ выпускомъ въ обращеніе большаго металлическаго запаса лежавшаго до той поры въ кладовыхъ Государственнаго Банка. Но чѣмъ объяснить прошлогодній и нынѣшній отливъ драгоцѣнныхъ металловъ? Иные склонны приводить его въ нѣкоторую связь съ антиеврейскимъ движеніемъ, видѣть въ немъ возмездіе со стороны Евреевъ-капиталистовъ за побіеніе и ограбленіе ихъ единовѣрцевъ.

Въ общемъ, однако, явленіе хроническаго отлива золота изъ Россіи можетъ быть объяснено и помимо банкирскихъ еврейскихъ махинацій. Припомнимъ что этотъ отливъ золота не всегда былъ у насъ хроническимъ. Была пора когда Россія постоянно имѣла дѣло съ явленіемъ прямо противоположнаго свойства. Въ первой книжкѣ *Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи*, вышедшей въ 1851 году, покойнымъ Заблоцкимъ были помѣщены интересныя статистическія данныя за двадцатипятилѣтіе 1824—1848. Оказывается что во весь взятый имъ періодъ отпускъ золота и серебра изъ Россіи составилъ $67^1/_2$ милліоновъ рублей, тогда какъ привозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ то же двадцатипятилѣтіе опредѣлился цифрой $200^3/_4$ милл., такъ что, среднимъ числомъ, ежегодный перевѣсъ прилива надъ отливомъ составлялъ около $5^1/_3$ милл. Какой рѣзкій контрастъ съ тѣмъ что представляетъ намъ въ этомъ отношеніи двадцатипятилѣтіе 1856—1880! Но въ чемъ причины такого контраста? Ихъ можно было бы указать нѣсколько; но довольно привести одну несомнѣнную,—изданіе таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1857 годовъ, перевернувшихъ вверхъ дномъ весь торговый балансъ страны.

Благодаря ежегодному приливу металловъ въ періодъ 1824—1848, графъ Канкринъ могъ съ успѣхомъ установить въ Россіи правильное денежное обращеніе, и размѣнъ кредитныхъ билетовъ могъ долгое время держаться прочно. Но всякія попытки размѣна въ послѣднее двадцатипятилѣтіе были осуждены на фіаско. При томъ положеніи торговаго баланса къ какому привела ошибочная экономическая политика, размѣнъ не возможенъ. Ему должна предшествовать пріостановка хроническаго отлива драгоцѣнныхъ металловъ. Примѣръ Америки показалъ что такая пріостановка возможна.

Б.

Нельзя не признать что всѣ доходящія до публики свѣдѣнія объ оборотѣ какой принялъ у насъ питейный вопросъ представляютъ собою вообще мало утѣшительнаго. Но вчера довелось намъ сообщить фактъ по истинѣ отрадный. Волостной старшина Чугаевъ, двѣнадцать волостныхъ судей, десять старостъ, десять сборщиковъ податей и сто тридцать два выборныхъ отъ крестьянъ Липовской волости, Царицынскаго уѣзда, постановили на волостномъ сходѣ воспретить винную торговлю въ ея предѣлахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составили всеподданнѣйшій адресъ съ изложеніемъ побужденій руководившихъ ими при постановленіи означеннаго рѣшенія. Этотъ адресъ, обнародованный въ *Сельскомъ Вѣстникѣ*, безъ сомнѣнія, будетъ повсемѣстно съ особеннымъ вниманіемъ читаться народомъ какъ призывъ перейти отъ разгульной и безпорядочной жизни къ трезвости и честному труду, водвореніе коихъ поведетъ къ утвержденію въ странѣ „благочестія, мира и тишины.“ И можно надѣяться что доброму примѣру поданному Липовскою волостью не замедлятъ послѣдовать во многихъ мѣстностяхъ.

Сознаніе страшнаго вреда причиняемаго кабакомъ всегда было въ нашемъ народѣ, всегда усиливался онъ установить въ своей средѣ трезвость. Но эти усилія народа не только не встрѣчали поддержки, но напротивъ разбивались о неодолимыя препятствія и противодѣйствія. Попыткамъ народа прекратить въ своей средѣ пьянство отдѣлавшись отъ кабаковъ придавался у нихъ характеръ недозволительныхъ „стачекъ,“ чуть не бунта. Еще многимъ памятно народное движеніе въ сторону трезвости какимъ ознаменовался канунъ освобожденія крестьянъ. Это движеніе обнимало всю Россію. То тамъ, то тутъ, чуть не во всѣхъ губерніяхъ отъ Петербурга до Перми и Сибири, собирались крестьяне въ церкви, служили молебны и затѣмъ давали зарокъ не пить водки. Постановленія въ этомъ смыслѣ подписывались цѣлыми деревнями, цѣлыми волостями, и

благодаря этимъ постановленіямъ пьянство сократилось въ такихъ размѣрахъ что нѣкоторые откупщики оказались несостоятельными. Къ какимъ великимъ результатамъ привело бы это движеніе еслибъ оно встрѣтило должную поддержку, какъ высоко могло бы подняться народное благосостояніе! Но доброе движеніе было подавлено. Было сдѣлано такое распоряженіе: приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходокъ для сей цѣли не допускать... Какое тягостное впечатлѣніе долженъ былъ произвести на народъ такой исходъ его добрыхъ стремленій! Народъ хотѣлъ привѣтствовать отмѣну крѣпостныхъ порядковъ закрытіемъ кабаковъ и водвореніемъ трезвости. Вмѣсто того, заря освобожденія освѣтила кабаки на каждомъ шагу, въ удесятеренномъ противъ прежняго числѣ, съ соблазномъ повсюду обильно предлагаемой *дешовки*. Вмѣсто трезвой свободы, народу была навязана свобода пьяная.

Отнынѣ впечатлѣніе этой печальной эпохи можно считать изглаженнымъ. Запретъ наложенный на составленіе приговоровъ о воздержаніи снятъ навсегда. Чьи и какія противодѣйствія такимъ приговорамъ возможны послѣ Высочайшей резолюціи, собственноручно начертанной Государемъ Императоромъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ объ адресѣ крестьянъ Липовской волости? Съ благоговѣйнымъ восторгомъ будутъ читать Липовскіе крестьяне начертанныя Государемъ по поводу ихъ адреса слова: „*Искренно благодарю, дай Богъ чтобъ они исполнили свое обѣщаніе.*“ Но они повсюду отзовутся благими послѣдствіями и помимо „свѣдущихъ людей“ и финансовыхъ коммиссій...

B.

Теперь пошла вездѣ рѣчь о переселеніи Евреевъ изъ Россіи. Будетъ много шума. Но разумѣется всѣхъ Евреевъ изъ Россіи не вывезутъ; уйдутъ болѣе или менѣе зажиточныя семьи, унося съ собою капиталъ болѣе или менѣе значительный, а весь еврейскій пролетаріатъ останется на мѣстѣ. Убудетъ лишь денегъ, а убыль въ людяхъ будетъ незначительная, и мы все-таки останемся съ еврейскимъ вопросомъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости передаютъ что прибывшіе въ Петербургъ еврейскіе делегаты рѣшили обратиться къ правительству съ ходатайствомъ о дозволеніи образовать въ Россіи „Еврейскій комитетъ для оказанія денежнаго пособія эмигрирующимъ въ Америку и Палестину Евреямъ.“ Фондъ комитета будетъ составленъ отчасти на пожертвованныя крупными капиталистами деньги, отчасти по подпискѣ, причемъ „завѣдующіе этимъ дѣломъ войдутъ въ предварительное соглашеніе съ подобными же комитетами существующими за границей.“ Соглашеніе это должно будетъ, конечно, коснуться и тѣхъ началъ на которыхъ будетъ производиться выдача пособій эмигрантамъ, хотя въ общихъ чертахъ начала эти намѣчены делегатами въ томъ же самомъ собраніи когда было рѣшено обратиться съ ходатайствомъ къ правительству.

Изо всѣхъ заграничныхъ комитетовъ занятыхъ тѣмъ же дѣломъ и носящихъ то же самое названіе, первое мѣсто какъ по средствамъ, такъ и по дѣятельности принадлежитъ комитету Берлинскому, по почину котораго на дняхъ собирались тамъ делегаты всѣхъ прочихъ комитетовъ. Въ засѣданіяхъ конференціи этихъ делегатовъ, 23 и 24 апрѣля, были условлены нѣкоторыя правила которыми комитеты будутъ впредь руководствоваться при переселеніи Евреевъ за Океанъ. Рѣшено содѣйствовать переселенію въ Америку только „тѣхъ лицъ кои располагаютъ средствами къ существованію на мѣстѣ жительства.“ Всѣмъ остальнымъ въ пособіяхъ съ этою цѣлью будетъ отказываемо. Затѣмъ обязанности комитетовъ распредѣлены такимъ образомъ: Берлинъ принимаетъ на себя попеченіе о путешествіи переселенцевъ по континенту Европы; Лондонъ и Нью-Йоркъ должны заботиться о переѣздѣ моремъ и направлять переплывшихъ Океанъ туда гдѣ они могутъ всего удобнѣе найти себѣ занятія по средствамъ и умѣнью. Такимъ образомъ Русскій комитетъ во всемъ что касается переселенія Евреевъ въ Америку, составляя лишь новое звено въ готовой цѣпи, долженъ будетъ обратиться въ контору или отдѣленіе комитета Берлинскаго, направляя чрезъ его посредство выселяющихся въ тѣ пункты откуда будетъ назначена отправка за Океанъ; вся дѣятельность Петербургскаго комитета въ этомъ направленіи сосредоточится въ выдачѣ пособій и указаній для переѣзда по желѣз-

нымъ дорогамъ или на судахъ до Берлина. Но теперь былъ бы нуженъ комитетъ не столько для пособія еврейской эмиграціи, сколько для пособія разореннымъ, высылаемымъ съ ничѣмъ необъяснимою поспѣшностью изъ внутреннихъ губерній за такъ-называемую черту осѣдлости Евреевъ, за которою господствуетъ не только бѣдность, но страшная нищета еврейскаго населенія...

№ 110.

Москва, 21-го апрѣля.

Внезапное ополченіе противъ Евреевъ представляетъ собою во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное явленіе. На немъ мы можемъ видѣть какъ успѣшно дѣйствуетъ у насъ всякая интрига и какъ легко распространяются всякаго рода умственныя эпидеміи. Ровно ничего не случилось въ еврейскомъ мірѣ. Что было назадъ тому сто лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ, двадцать лѣтъ, годъ, то и теперь. Но вотъ послышался чей-то свистъ, кто-то крикнулъ „бей Евреевъ,“ и ни съ того, ни съ сего, вдругъ возникъ еврейскій вопросъ, и всѣ кто во что гораздъ напустились на Евреевъ. Удивляться ли что уличныя толпы вдругъ, въ разныхъ мѣстахъ, даже и тамъ гдѣ нѣтъ Евреевъ, бросились разорять еврейскіе дома и лавки, когда люди просвѣщенные и мыслящіе, не отдавая себѣ отчета въ свойствѣ возникшаго движенія, покоряются толчку и изыскиваютъ способы искоренить въ 24 часа зло существующее 1800 лѣтъ. Въ прошломъ году среди поднявшагося гама только съ высоты Московской каѳедры послышалось мудрое и успокоительное слово московскаго архипастыря.

Что еврейство въ Россіи есть вопросъ требующій серіозныхъ мѣръ въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и очень жаль что вопросъ этотъ, какъ и многіе другіе, не подвергался должному изученію. Но слѣдуетъ ли изъ этого что можно возбуждать подобные вопросы по случайнымъ мотивамъ, что можно вдругъ освободиться отъ затрудненія созданнаго вѣками, или что можно покончить какими-нибудь героическими способами съ четырьмя милліонами людей?

Всякій имѣетъ что-нибудь сказать съ теоретической или практической точки зрѣнія противъ Евреевъ, но не только объ еврействѣ въ Россіи, обо всемъ на свѣтѣ можетъ быть возбужденъ вопросъ. Есть однако разница между вопросомъ который зрѣетъ, шагъ за шагомъ близясь къ своему разрѣшенію, и внезапнымъ возбужденіемъ вопроса Богъ знаетъ откуда и Богъ знаетъ зачѣмъ. Въ томъ-то и сила всякой политической интриги что она вдругъ возбуждаетъ между людьми вопросы о которыхъ они и не думали, и заставляетъ ихъ плясать подъ свою дудку. Нельзя всѣхъ Евреевъ собрать въ одну шею чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя такъ же выгнать ихъ всѣхъ за нашу западную границу если не считать таковою теченіе Днѣпра; нельзя и переселить всѣ эти четыре милліона народа въ восточные края, трудно также и выслать ихъ всѣхъ въ Палестину или въ Америку. Сколько бы умныхъ вещей мы ни наговорили, все-таки мы останемся съ Евреями, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ при малѣйшемъ серіозномъ взглядѣ на дѣло. Откуда же теперь, именно теперь, это возбужденіе которое ни къ чему доброму прійти не можетъ, а выражается только въ народномъ смятеніи, въ буйствахъ толпы бѣгущей бить Евреевъ въ увѣренности что исполняетъ волю Царя, въ кровавыхъ столкновеніяхъ, въ печальной смутѣ? Не становимся ли мы, въ слѣпомъ увлеченіи, исполнителями плановъ злоумышленнаго заговора? Не дѣйствуемъ ли мы ему въ руку? Главный вопросъ въ настоящее время у насъ одинъ: это тотъ обманъ который виситъ надъ нами, это та крамола которая возбуждаетъ всевозможные вопросы для того чтобы сбивать насъ съ толку. Все въ жизни и человѣка и человѣческихъ обществъ есть вопросъ, во всемъ есть свое зло, все стремится къ лучшему и высшему. Какъ жизнь человѣка такъ и исторія народа есть непрерывная борьба. Но разумно ли предпринимать агитацію въ дѣлѣ которое требуетъ спокойной и зрѣлой обдуманности, неторопливаго и всесторонняго изученія? Требуются не возгласы, не возбужденіе страстей, не отвлеченные принципы, требуются практически примѣнимыя предложенія, требуются мѣры полезныя для государства и соотвѣтствующія дѣйствительному положенію дѣла. Еврейскій вопросъ требуетъ не избіенія Евреевъ, что невозможно, не поголовнаго изгнанія Евреевъ, что также невозможно; онъ требуетъ пересмотра нашего законодательства

относительно Евреевъ. Вмѣсто того чтобы бросаться на Евреевъ съ поднятыми кулаками, слѣдуетъ вникнуть нѣтъ ли чего въ нашемъ законодательствѣ что порождаетъ зло пагубное столько же для людей сколько и для государства. Тщательное и серіозное изученіе должно убѣдить нашу интеллигенцію, какъ правительственную такъ и общественную, что первымъ шагомъ въ еврейскомъ вопросѣ должно быть освобожденіе Евреевъ отъ еврейства, подъ гнетомъ котораго милліоны людей находятся въ силу законовъ Россійской Имперіи. Каждый Еврей есть не только Еврей, но съ тѣмъ вмѣстѣ русскій подданный, съ тѣмъ вмѣстѣ Ицька или Мошка. Наше законодательство держитъ эти милліоны людей въ обязательномъ подчиненіи Еврейскому обществу. Неся повинности наравнѣ со всѣми русскими гражданами, Евреи, кромѣ того, *обязаны* государственнымъ закономъ нести повинности относительно Еврейскаго общества и состоять въ его подданствѣ. Кромѣ податей и налоговъ общихъ всѣмъ подданнымъ Имперіи, они еще платятъ особые налоги, и не имѣютъ прямаго отношенія къ государству которое не хочетъ знать никого изъ нихъ лично и относится къ нимъ лишь черезъ посредство ихъ общества. Они обособляются не только въ силу предоставленной имъ свободы ихъ религіознаго вѣрованія, но и въ силу государственнаго закона, который поддерживаетъ ихъ въ исключительномъ положеніи. Давно, очень давно, въ нашемъ органѣ обращали мы вниманіе на это зло. Люди серіозные, изучавшіе вопросъ на мѣстахъ и входившіе во всѣ его подробности, подтверждаютъ теперь наше заключеніе. Не такъ давно учреждена была коммиссія для изученія вопроса о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ юго-западнаго края. Въ *Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* въ прошломъ году печаталось интересное изложеніе составленное на основаніи матеріаловъ добытыхъ этою коммиссіей. Вотъ что читаемъ мы въ этомъ изложеніи (*Кіевск. Губ. Вѣд.* 1881, № 89):

„Исторія существованія Евреевъ въ Польшѣ и разнообразные опыты къ устройству быта ихъ, предпринятые нашимъ правительствомъ по возвращеніи края, положительно доказали несостоятельность существующаго нынѣ порядка, искусственно поддерживая въ еврейскомъ населеніи вредное въ государственномъ отношеніи и крайне неудобное въ административномъ обособленіе этого племени, и безъ того отдѣленнаго отъ массы населенія въ государствѣ своими религіозными вѣрованіями. Опытъ прошлаго времени убѣждаетъ что для достиженія цѣли объединенія и слiянія Евреевъ съ остальнымъ населеніемъ въ государствѣ необходимо, оставляя Евреямъ полную свободу религіозныхъ вѣрованій, отмѣнить всѣ учрежденія и постановленія которыми поддерживается особенная отъ государственной національность ихъ.“

То же подтверждается и въ *Трудахъ Черниговской Коммиссіи по Еврейскому вопросу*.

Итакъ, вотъ первый шагъ, совершенно необходимый для того чтобы дать правильный ходъ еврейскому вопросу. Этимъ не исчерпывается дѣло, но безъ этого оно не можетъ правильно двинуться впередъ.

Евреевъ укоряютъ въ эксплуататорствѣ народа, изъ котораго они посредствомъ шинковъ высасываютъ соки. Нѣтъ сомнѣнія что особенность ихъ положенія, образовавшагося исторически въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ господствовала Польша, сдѣлала Евреевъ по преимуществу эксплуататорами. Польское хозяйство держало народныя массы въ скотскомъ порабощеніи. Между панами и народомъ былъ жидъ какъ единственный промышленникъ. Онъ составлялъ то что вездѣ называется среднимъ классомъ. Жидамъ отдавалось въ аренду все, и народъ, и земля, и хлопскія церкви. Ихъ трактовали какъ собакъ, а между тѣмъ все отъ нихъ зависѣло. Обособленность Евреевъ установила между ними солидарность, но не слѣдуетъ думать что массы еврейскаго населенія въ Западномъ краѣ благоденствуютъ и роскошествуютъ на счетъ эксплуатируемаго ими народа. Нѣтъ, если изъ ихъ среды дѣйствительно выдѣляются промышленники болѣе или менѣе зажиточные и богатые, то массы находятся въ нищетѣ о которой люди видѣвшіе еврейскій бытъ въ Западномъ краѣ говорятъ съ ужасомъ. Эти несчастные другъ друга ѣдятъ.

Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ о шинкахъ, то Евреи ли тутъ зло? Развѣ кабакъ не столько же пагубенъ для народа въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ въ немъ за прилавкомъ стоитъ православный цѣловальникъ? Въ Западномъ краѣ кабацкимъ дѣломъ за-

нимается Еврей но развѣ оно лучше въ другихъ мѣстахъ Россіи?

Эксплуатація, эксплуататоръ! Но вѣдь подъ эту категорію можно подвести, какъ уже и дѣлается, не однихъ Евреевъ. За еврейскимъ вопросомъ стоятъ непосредственно вопросы о кулакахъ, міроѣдахъ, попахъ, купцахъ, помѣщикахъ, наконецъ о начальствѣ, какъ уже въ легальной печати высказывалось. А что въ нелегальной?

У насъ почему-то зампнаютъ рѣчь о связи еврейскихъ побоищъ съ нынѣ дѣйствующимъ у насъ политическимъ заговоромъ, который уже далъ себя знать, хотя мы до сихъ поръ не успѣли узнать его, довольствуясь знакомствомъ только съ его агентами, которые очевидно и сами не знаютъ чьи они агенты. Все казалось бы должно было наводить насъ на мысль объ искусственномъ возбужденіи исторіи съ Евреями. Никогда не бывало у насъ чтобы вдругъ, одновременно, какъ бы по сигналу, въ разныхъ мѣстахъ, народныя толпы бросались на Евреевъ, на ихъ лавки и дома. Что злоумышленники поджигали это движеніе, что это движеніе входитъ въ ихъ виды, что они разчитываютъ воспользоваться имъ, это намъ документально извѣстно. Въ Юго-Западномъ краѣ распространялись въ народѣ прокламаціи, подъ фирмой того же самаго „исполнительнаго комитета,“ который такъ обогатилъ нашу революціонную литературу своими изданіями. Мы имѣемъ въ рукахъ одну такую прокламацію помѣченную 1 сентября прошлаго года и писанную по-хохлацки. Она обращается ко всѣмъ дурнымъ страстямъ, въ ней пролита вся обычная этимъ прокламаціямъ мерзость; въ ней повторяется въ нелегальной формѣ весь обманъ нашего легальнаго *либерализма*; здѣсь говорится обо всемъ, и о томъ что у пановъ землю отнять слѣдуетъ, что народъ угнетенъ, надо прогнать „усе начальство,“ что надо вытребовать конституцію („*палату депутативъ* щобъ управляли народомъ по его народной волѣ“), что надо бунтовать („иначе якъ силою та бунтомъ ничого ни зробемо; лишь кровь змые людске горе“). Но прежде всего слѣдуетъ де бить жидовъ. „Отъ жидôвъ горше всего терплятъ люди на Украини.“ Жидъ присоединяется ко всему. Паны и жидъ, урядники и жидъ, правительство и жидъ. Теперь, говоритъ прокламація, вы бьете жидовъ „добре робите, бо скоро по всій Русскій земли пôдыйметься бунтъ противъ Царя, панôвъ та жидôвъ. Добре що и вы будете зъ нами.“

Возбудить народъ къ бунту не такъ-то легко, а направить толпы на *жидовъ* не трудно, съ тѣмъ чтобы народъ незамѣтно въ бунтъ втянулся...

№ 111.

Москва, 22-го апрѣля.

Теперь мы можемъ быть спокойны; теперь дѣйствительно все обстоитъ благополучно. Даже *Голосъ* хочетъ быть патріотомъ и упрекаетъ газету *Русь* за измѣну національному знамени въ сужденіяхъ объ учебномъ дѣлѣ, такъ какъ эта газета отстаиваетъ типъ гимназій взятый у Нѣмцевъ, а ей слѣдовало бы, конечно, стоять за русскую школу рекомендуемую *Голосомъ*. Въ своемъ ультранаціональномъ увлеченіи, *Голосъ* требуетъ чтобы русскіе люди радовались даже тому что сквернитъ собою Россію. Ужь не слишкомъ ли это?

По мнѣнію здравомыслящихъ русскихъ людей, національный интересъ въ дѣлѣ просвѣщенія требуетъ прежде всего чтобы наша молодежь училась и воспитывалась какъ можно лучше, во всякомъ случаѣ не хуже чѣмъ въ другихъ странахъ, точно также какъ въ военномъ дѣлѣ тотъ же интересъ требуетъ чтобы Россія была вооружена не хуже чѣмъ другія націи. Газета *Русь*, отстаивая древніе языки въ учебной системѣ гимназій, защищаетъ достоинство русской школы и полагаетъ правильно что на почвѣ этихъ языковъ, не Нѣмцами или Французами выдуманныхъ, а составляющихъ общее достояніе, на которое и Русскій народъ имѣетъ неоспоримое право, образованіе наше пріобрѣтетъ ту самостоятельность которой ему не достаетъ. Школа наша будетъ наилучшимъ образомъ разрѣшать національную задачу если хорошо и успѣшно поведетъ насъ къ этой цѣли. Затѣмъ духъ школы зависитъ отъ общества которое ее окружаетъ. Согласенъ ли *Голосъ* отречься отъ интригъ враждебныхъ русскому образованію, русскому государству, русскому народу, согласенъ ли не вносить духъ подлости и обмана въ русскую публику? Благодаря послѣдней учебной реформѣ, положено начало русской наукѣ, то-есть ея самобытному развитію въ русскомъ народѣ. Надо поддерживать на-

шу школу, совершенствовать, укрѣплять и развивать ее, между тѣмъ какъ именно *Голосъ* служитъ органомъ интриги клонящейся къ тому чтобы поколебать и разрушить ее и возвратить насъ къ той школѣ которая была нашимъ умственнымъ банкротствомъ, къ школѣ, которая не произвела на свѣтъ ни одного Лассаля съ кѣмъ было бы можно и должно считаться, за то породила Писаревыхъ и Зайцевыхъ и всю шваль нигилизма. Россія не отличается наукой, въ этомъ ея недостатокъ; это было послѣдствіемъ ея историческихъ судебъ. Однако и до Петра Великаго, сблизившаго насъ съ Европой, мы обладали основаніями школы которая можетъ по праву называться русскою національною школой, потому что она состояла при нашей церкви: это разсадникъ нашего духовнаго образованія, это греко-латинская школа, откуда вышелъ Ломоносовъ и лучшіе умы прошлаго времени. Классическая гимназія, сближая насъ съ цивилизованнымъ міромъ, возвращаетъ насъ съ тѣмъ вмѣстѣ и къ той единственной у насъ школѣ которая можетъ назваться по истинѣ національною, которая образовалась на русской почвѣ, при русской церкви, была долгое время единственнымъ, и притомъ плодотворнымъ, источникомъ просвѣщенія на Руси.

Голосъ хватается не только за національность, но и за политическое благоправіе. Для этой цѣли онъ даже вспомнилъ отставнаго французскаго экономиста-фритредера Бастіа и выписалъ изъ него большую тираду, изъ коей должно явствовать что классическая система, знакомя молодежь съ Греками и Римлянами, можетъ развить въ ней духъ соціализма и революціи. Правда, *Голосъ*, по своему фальшивому паспорту состоя въ званіи либеральнаго органа, не боится этого духа, въ чемъ и оговаривается; но ему свѣдомо что другіе боятся, и для нихъ-то назиданія онъ и выписалъ эту затхлую пошлость, безнадежно надѣясь что она все-таки подѣйствуетъ.

Впрочемъ, *Голосъ* хочетъ казаться не только честнымъ человѣкомъ, но и цѣнителемъ классической системы. Нужды нѣтъ что онъ находитъ эту систему остаткомъ средневѣковаго варварства и свидѣтельствуетъ что она теряетъ почву и доживаетъ свой вѣкъ, (то-есть „свои послѣдніе годы“), онъ въ то же время и восхваляетъ ее, съ негодованіемъ протестуя противъ уликъ будто онъ враждебенъ ей, будто онъ отвергаетъ это „великое орудіе европейскаго просвѣщенія.“

Мы все говоримъ *Голосъ*,—но что̀ такое *Голосъ?* Что онъ представляетъ собою? Кому онъ органъ? Конечно, не владѣльцу своему. Маститый издатель этой газеты, мудро-безпристрастный ко всякимъ вопросамъ, безъ сомнѣнія, не будетъ убиваться за какую бы то ни было систему, классическую или не классическую. „Что̀ ему Гекуба?“ сказалъ бы о немъ Гамлетъ. Сужденія этой газеты не лишены интереса, потому что она родилась, была, и доселѣ повидимому остается органомъ когда-то бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, статсъ-секретаря Головнина, какъ по предметамъ педагогическимъ, такъ отчасти и по другимъ. *Голосъ* былъ органомъ этого министра когда онъ былъ во власти, и остался ему вѣренъ когда онъ переселъ въ оппозицію. *Голосъ* проводилъ его воззрѣнія и отстаивалъ его политику, и съ тѣмъ же усердіемъ агитировалъ противъ его преемника. Агитація эта доходила до неистовства въ то время когда обсуждалась и рѣшалась правительствомъ учебная реформа которою упразднялись начинанія и предположенія Головнинскаго управленія, и полагались основанія нашей нынѣшней школѣ. Извѣстно что реформа эта встрѣтила въ Государственномъ Совѣтѣ сильную оппозицію и осталась при ничтожномъ меньшинствѣ, съ которымъ однако согласился Государь. Когда такимъ образомъ реформа восторжествовала, оппозиція притихла, — притихъ на нѣкоторое время и офиціозный *Голосъ*. Первые годы послѣ успѣха реформы были временемъ торжества графа Толстаго. Его авторитетъ въ правительствѣ поднялся и укрѣпился; довѣріе Государя къ нему было полное; въ это время достигъ онъ своихъ высшихъ почестей, въ это время онъ былъ популярнѣйшимъ изо всѣхъ министровъ. Но оппозиція не дремала. Она оживилась какъ только правительственное положеніе министра пошатнулось отчасти вслѣдствіе ея же усилій, отчасти можетъ-быть вслѣдствіе ошибокъ и ослабленія дѣятельности министра. Правительственное, какъ и всякое, дѣло не должно останавливаться и засыпать. Что̀ нейдетъ впередъ, то идетъ назадъ, мертвѣетъ и падаетъ. Чѣмъ слабѣе становилось правительственное положеніе министра, тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовала оппозиція въ правительствѣ, и тѣмъ усерднѣе лаялъ *Голосъ*. Статьи *Голоса* долженствовали служить какъ

бы выраженіемъ общественнаго мнѣнія, между тѣмъ какъ онѣ порождались невидимыми для публики событіями за сценой. Но интересно слѣдующее обстоятельство: Почти наканунѣ паденія графа Толстаго, его соперникъ въ правительственныхъ сферахъ офиціально воздавалъ ему высокую хвалу за реформу. *Голосъ* видитъ въ учебной реформѣ графа Толстаго зло и упадокъ и не находитъ словъ для порицанія созданныхъ этою реформой гимназій, а между тѣмъ авторитетъ предъ которымъ преклоняется *Голосъ*, директоръ его педагогической совѣсти, г. Головнинъ, въ офиціальномъ отзывѣ, какъ членъ коммиссіи разсматривавшей отчетъ графа Толстаго, за нѣсколько мѣсяцевъ до его смѣны, находилъ что реформа какъ нельзя болѣе оправдала себя своими результатами и что гимназіи наши находятся въ отличномъ положеніи. Отзывъ этотъ могъ тогда показаться ироніей, но могъ быть также выраженіемъ весьма возвышеннаго образа мыслей. Во всякомъ случаѣ, не забавно ли противорѣчіе въ которомъ очутился *Голосъ* съ тѣмъ кому онъ служитъ органомъ,—не забавно ли это противорѣчіе между газетнымъ ругательствомъ и офиціальною и не гласною хвалой?..

То именно чѣмъ наши гимназіи отличаются отъ прусскихъ, *Голосъ* называетъ *Катковскимъ классицизмомъ*. „Разъ навсегда, поясняетъ онъ, должно понять что въ спорахъ нашихъ подъ именемъ *классицизма* разумѣется вовсе не классическая система, а то что можно бы назвать *Катковскимъ классицизмомъ*.“

Но первое существенное отличіе нашихъ гимназій отъ прусскихъ заключается въ продолжительности гимназическаго курса. Тотъ курсъ который прусскій гимназистъ проходитъ въ *девять* лѣтъ, русскій гимназистъ принужденъ проходить въ *восемь*. Не полагаетъ ли педагогъ *Голоса* что къ нашимъ гимназіямъ слѣдуетъ присоединить девятый годъ ученія? Это было бы хорошо, и Катковъ противъ этого спорить не будетъ.

Второе отличіе русскихъ гимназій отъ германскихъ заключается, какъ извѣстно, въ меньшемъ количествѣ уроковъ посвящаемыхъ древнимъ языкамъ. Въ прусскихъ гимназіяхъ на латинскій и греческій языки шли доселѣ 128, теперь же идутъ 117 уроковъ, а въ нашихъ гимназіяхъ 85. Если педагогъ *Голоса* желалъ бы прибавить въ нашихъ гимназіяхъ еще 32 урока къ древнимъ языкамъ для того чтобъ улучшить у насъ преподаваніе классическихъ языковъ, этого „великаго орудія европейскаго просвѣщенія,“ то мы охотно бросимъ *Катковскій* классицизмъ и открыто присоединимся къ классицизму *Голоса*.

Внѣшняя характеристическая особенность прусскихъ гимназій заключается въ отличномъ подборѣ педагогическаго персонала. Но учителей даютъ гимназіямъ университеты. Если педагогъ *Голоса* думаетъ что у насъ тогда лишь будутъ учители не хуже прусскихъ когда наши университеты будутъ стоять на одномъ уровнѣ съ университетами Пруссіи, то мы совершенно съ нимъ согласны.

Въ Пруссіи лѣтнія и зимнія вакаціи никогда не продолжаются въ общей сложности долѣе *десяти съ половиной* недѣль (Wiese. *Das höhere Schulwesen in Preussen*, стр. 35). У насъ же со всѣми праздниками едва наберется тридцать недѣль учебнаго времени. Такъ какъ же?

Педагогъ *Голоса* негодуетъ что въ нашихъ гимназіяхъ слишкомъ много занимаются грамматикой. Но въ германскихъ гимназіяхъ изученіе грамматики гораздо подробнѣе и обширнѣе чѣмъ въ нашихъ. Прусскія гимназіи доводятъ своихъ воспитанниковъ до латинской стилистики и требуютъ отъ нихъ при испытаніи зрѣлости латинскаго сочиненія, между тѣмъ какъ наши гимназіи довольствуются легкимъ extemporale лишь бы въ немъ не было грубыхъ этимологическихъ ошибокъ и были соблюдены главныя синтаксическія правила.

Въ прусскихъ гимназіяхъ господствуетъ строгая, почти военная дисциплина. Въ арсеналѣ исправительныхъ педагогическихъ средствъ удерживается тѣлесное наказаніе. У насъ же учителя дрожатъ предъ учениками, какъ бы не дали плюху или не потянули къ мировому судьѣ, а начальство упрашиваетъ молодыхъ людей поменьше учиться, побольше гулять, учителямъ же строго наказываетъ поменьше учить и тоже побольше гулять. Неужели это не нравится падагогу *Голоса*?

Въ нашихъ гимназіяхъ будто бы приносятся въ жертву древнимъ языкамъ исторія, географія и русская словесность. Но въ 1871 году когда водворялся классицизмъ въ Россію, въ первыхъ восьми классахъ прусскихъ гимназій изъ 238 недѣльныхъ уроковъ 128 были посвящены древнимъ языкамъ, 22 исторіи и географіи и 17 нѣмец-

кому языку; въ Россіи уставъ 1871 года удѣлилъ изъ 206 недѣльныхъ уроковъ 85 древнимъ языкамъ, 22 исторіи и географіи и 28 русскому языку. Если мы это выразимъ въ процентахъ, то получится слѣдующая краснорѣчивая таблица.

Предметы:	Древн. яз.	Истор. и геогр.	Отеч. яз.
Пруссія. .	51,6%	9,2%	7,1%
Россія . .	41,2%	10,6%	13,5%

Голосъ не доволенъ что въ старшихъ классахъ нашихъ гимназій меньше учениковъ чѣмъ въ младшихъ. Но какъ въ германскихъ гимназіяхъ? Или тамъ число учениковъ въ старшихъ классахъ не уменьшается, можетъ-быть даже увеличивается? Обращаемся къ *Centralblatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung in Preussen* за 1876, 1877, 1878 и 1879 годы. Если мы на основаніи сообщенныхъ въ этомъ журналѣ статистическихъ данныхъ сравнимъ число учениковъ посѣщавшихъ всѣ девять классовъ прусскихъ гимназій въ періодъ 1875—1878 года, то мы получимъ слѣдующее процентное отношеніе учениковъ старшихъ классовъ къ ученикамъ младшихъ. На 100 человѣкъ въ I (низшемъ) классѣ приходятся въ слѣдующихъ классахъ:

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
100	98	92	76	63	57	43	37	24

Что газетный лжецъ возразитъ на эти цифры?

Но онъ говоритъ что особенность *Катковскаго классицизма* заключается, кромѣ того, „въ меньшемъ еще числѣ оканчивающихъ курсъ.“ Въ вышесказанный періодъ число учениковъ вновь *поступившихъ* въ теченіе года составляло:

въ Пруссіи	*въ Россіи*
25,7%	25,4%

общаго числа учениковъ. Число *окончившихъ* полный курсъ гимназіи составляло

въ Пруссіи	*въ Россіи*
2,7%	2,1%

Общее число *выбывшихъ* до окончанія курса было даже больше нашихъ сосѣдей чѣмъ у насъ:

въ Пруссіи	*въ Россіи*
15%	14%

въ томъ числѣ:

	Въ Пруссіи.	Въ Россіи.
для перехода въ другія гимназіи и прогимназіи	3,5%	3,9%
въ реальныя училища.	1,3%	1,2%
въ другія учебныя заведенія . .	2,2%	1,5%
по другимъ причинамъ.	7,7%	7,1%
умершихъ	0,3%	0,3%
Итого	15%	14%

Педагогъ *Голоса* старается инсинуировать будто мы, въ противоположность древнимъ языкамъ, клеймимъ эпитетомъ зловредности науки естественныя, будто мы въ нихъ находимъ соціализмъ и революцію, а въ классическихъ языкахъ благочиніе. Ни одна наука не можетъ быть сама по себѣ и на своемъ мѣстѣ зловредною. Зловредны лишь тѣ школы въ которыхъ нѣтъ серіознаго ученія.

№ 112.

Москва, 23-го апрѣля.

На дняхъ въ Петербургѣ окончилось обвиненіемъ подсудимыхъ дѣло о злоупотребленіяхъ нѣкоторыхъ интендантскихъ чиновъ и поставщиковъ бывшей Дунайской арміи. Дѣло это, составляющее длинный рядъ всякаго рода преступленій, начиная съ подлога и превышенія власти однихъ до неповиновенія и вымогательства другихъ, тянулось почти полтора мѣсяца, производило сенсацію и служило предметомъ многихъ толковъ, выходившихъ далеко за предѣлы обвиненія. Судебный приговоръ по такъ-называемому „дѣлу Макшеева“ обѣщаетъ что за этимъ только-что конченнымъ процессомъ послѣдуетъ другой, въ томъ же родѣ. Въ газетахъ передаютъ что за вторымъ процессомъ послѣдуетъ третій, четвертый, пожалуй и пятый...

Злоупотребленіе, велико оно или мало, должно быть наказано, особенно злоупотребленіе въ военное время. Но кара виновныхъ не прекратитъ хищничество въ хозяйствѣ арміи. Въ 1807 году, въ арміи Беннигсена, по словамъ очевидца, „солдаты пухли и умирали съ голода.“ Императоръ Александръ I лишилъ провіантскихъ чиновниковъ военнаго мундира. Но къ чему это повело? Въ кампанію 1812 года, интендантскіе чины опять оказываются хищниками, какъ свидѣтельствуетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, и дѣйствительно, многіе изъ интендантскихъ чиновъ были тогда преданы суду и также понесли заслуженное наказаніе. Въ Крымскую кампанію интендантскія злоупотребленія приняли широкіе размѣры, и дѣло кончилось процессомъ надѣлавшимъ въ свое время много шума: судился генералъ-интендантъ арміи. Это, однако, никого не устрашило, потому что въ минувшую кампанію зло-

употребленія дошли до размѣровъ почти небывалыхъ, поразительныхъ по своей дерзости.

Безъ интендантскихъ злоупотребленій не обходилась у насъ ни одна война, несмотря на то что послѣ каждой кампаніи принимались болѣе или менѣе обширныя мѣры для предотвращенія интендантскаго хищничества на будущее время. Въ 1811 году, издано новое положеніе объ управленіи большою дѣйствующею арміей, регулировавшее и хозяйственное ея устройство; послѣ войны 1812 года, особенно подъ руководствомъ фельдмаршала Паскевича, было принято не мало частныхъ мѣръ съ тою же цѣлью, наконецъ, по окончаніи Крымской кампаніи, все наше хозяйственное управленіе перестроено за-ново, по указаніямъ опыта войны и фактовъ обнаруженныхъ при судебномъ изслѣдованіи злоупотребленій. Если несмотря на все это разнообразіе хозяйственныхъ порядковъ и правилъ о довольствіи войскъ злоупотребленія всегда проявляются въ крупныхъ размѣрахъ, то не служитъ ли это доказательствомъ что корень зла не въ подробностяхъ дѣла, не въ тѣхъ или другихъ положеніяхъ и узаконеніяхъ, а въ самой системѣ интендантства вообще и его отношеній къ войску, въ одно и то же время и какъ поставщика, и какъ контролера требованій и расходовъ, и какъ установителя порядковъ пріема и выдачи просимаго арміей.

Злоупотребленія всегда будутъ тамъ гдѣ открывается возможность дѣлать ихъ; хищеніе не выведется пока не установится такая система хозяйственнаго управленія чтобы хищеніе, крупное или мелкое, не могло укрыться. Установленіе правильной системы въ хозяйствѣ войскъ и строгаго сообразнаго съ дѣломъ, а не съ канцелярскими только удобствами порядка въ ихъ отношеніяхъ къ интендантству, вотъ что необходимо для прекращенія хищничества какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Нельзя сказать чтобъ это у насъ не сознавалось. Послѣ кампаніи былъ поднятъ вопросъ о коренныхъ преобразованіяхъ въ устройствѣ интендантства и всѣхъ его порядковъ; по слухамъ, была составлена даже какая-то коммиссія съ этою цѣлью, но дѣло заглохло. Можно бы думать что реформа всего высшаго военнаго управленія, о которой теперь идетъ рѣчь, коснется и хозяйства, установивъ болѣе правильныя отношенія между войсками и интендантствомъ. Однако, по всему что извѣстно о предполагаемой военной реформѣ, едва ли можно ожидать что она много будетъ способствовать устраненію злоупотребленій. Никакая децентрализація интендантской власти не истребитъ хищенія. Доколѣ хозяйственная часть будетъ оставаться особымъ вѣдомствомъ съ центральнымъ распорядительнымъ управленіемъ во главѣ, до тѣхъ поръ въ ней будутъ гнѣздиться злоупотребленія, принимая въ удобную минуту широкіе размѣры. Центральное управленіе, къ вѣдѣнію коего относится и установленіе всѣхъ хозяйственныхъ порядковъ даже въ самыхъ войскахъ, будетъ стремиться, какъ это всегда дѣлалось, регламентировать всякую мелочь. Такая регламентація, запутывая дѣлопроизводство, затемняя всякую мѣру множествомъ формальностей, обыкновенно только затрудняетъ контроль какъ со стороны войскъ такъ и высшій, государственный, создавая въ то же время лазейки и способы *оформить* всякій обходъ закона.

Въ послѣдніе годы у насъ хлопотали о подробной отчетности по всякому хозяйственному пустяку: на учетѣ и отчетѣ были даже покромки отъ сукна изъ котораго въ полкахъ шили мундиры и шинели солдатамъ. Войска по всѣмъ этимъ хозяйственнымъ мелочамъ имѣли счеты съ интендантствомъ и, путаясь въ канцелярскихъ мелочахъ, должны были *ладить* съ нимъ во избѣжаніе непріятностей. Мѣстные интендантскіе органы, въ свою очередь, всегда могли имѣть опору въ органѣ центральномъ, отъ котораго такъ или иначе зависѣли. Военно-окружный совѣтъ и командующій войсками въ округѣ ни по какому дѣлу не могли обратиться съ прямымъ ходатайствомъ и представленіемъ къ высшей военной власти или въ Военный Совѣтъ безъ того чтобы ходатайство не попало на предварительное заключеніе Главнаго Интендантскаго Управленія. Такъ опредѣляетъ законъ. На дѣлѣ, никакія ходатайства даже и не возбуждались безъ предварительнаго сношенія Окружнаго Интендантства съ Главнымъ. Послѣднее умалчивало объ этомъ, давало совѣты и указанія, и только на дняхъ, „изъ дѣлъ поступающихъ въ Военный Совѣтъ“ было усмотрѣно о существованіи такого лишняго и незаконнаго обычая. Интендантство,

съ центральнымъ распорядительнымъ органомъ во главѣ, составляетъ силу съ которою войсковыя части бороться не въ состояніи. Выходило такъ что войска служили интендантству, тогда какъ должно бы быть на оборотъ. Интендантство существуетъ только для войскъ, и должно быть подчинено прямо войсковому начальству. Внѣ этого подчиненія могли бы оставаться только склады, магазины и техническое бюро. Но и этимъ магазинамъ не слѣдуетъ, какъ теперь интендантству, быть контролеромъ требованій войскъ, имъ же удовлетворяемыхъ; а только исполнителемъ. Только при этомъ условіи крупныя злоупотребленія станутъ невозможными, потому что только тогда и будетъ между войсками и интендантствомъ правильное отношеніе: первыя будутъ потребителями, второе поставщикомъ, не отвѣчающимъ за количество потребованнаго и не учитывающимъ войскъ, для чего есть контрольное вѣдомство и высшее войсковое начальство. Заготовить предметы довольствія не въ полной мѣрѣ, не надлежащаго качества, по ненадлежащимъ цѣнамъ, будетъ невозможно. А въ этомъ-то и заключаются обыкновенно интендантскія злоупотребленія. Разумѣется, само собою, что число интендантскихъ чиновъ немедленно сократится, а вмѣстѣ явится возможность выбирать ихъ съ большею осмотрительностью чѣмъ теперь, особенно въ военное время, когда приходилось брать на службу для укомплектованія интендантскихъ учрежденій по военному времени всякаго кто подвернется подъ руку, не справляясь ни о его прошломъ, ни объ его умѣніи. Окружныя интендантства мирнаго времени выдѣлили въ дѣйствующую армію всего-на-всего пятьдесятъ чиновниковъ; остальныя сотни были приняты на службу со стороны, и случалось что шестнадцатилѣтки исполняли должности чиновниковъ особыхъ порученій, а юнкера должности столоначальниковъ. Реформа интендантства необходима не въ однихъ только экономическихъ или чисто военныхъ видахъ. Каждый процессъ о злоупотребленіяхъ, о хищеніи, не только падаетъ упрекомъ на власть военную, но и роняетъ авторитетъ власти вообще.

—

№ 113.

Москва, 24-го апрѣля.

Въ видѣ приложенія къ сегодняшнему нумеру *Московскихъ Вѣдомостей*, разсылается нашимъ подпищикамъ „Заявленіе" князя В. А. Щербатова, на которое обращаемъ вниманіе читателей. Заявленіе это раскрываетъ новый фактъ смуты распространяемой органами нашей печати которые любятъ чествовать себя *либеральными*, какъ будто либерализмъ состоитъ въ распространеніи лжи. Газета *Земство*, легальная впрочемъ и легальнымъ господиномъ издаваемая, даетъ у себя мѣсто, подъ эффектнымъ заглавіемъ *Несчастные*, статьѣ лживой и явно злоумышленной, и не только не заботится сама о возстановленіи истины, но стѣсняетъ задѣтое неправдой лицо объемомъ отвѣта въ которомъ должна быть изобличена клевета, выкидываетъ существенное мѣсто изъ объясненія присланнаго для обязательнаго по закону помѣщенія, и вынуждаетъ искать другой органъ дабы обстоятельно разъяснить дѣло. Статья явно клонится къ раздраженію страстей между сословіями, къ возбужденію смуты между крестьянами и помѣщиками, и это дѣлается въ настоящее смутное время людьми которые якобы заботятся объ общественной пользѣ.

Дѣло касается двухъ саратовскихъ имѣній князей Щербатовыхъ, Сухо-Карбулакскаго и Усовскаго. Первое изъ нихъ принадлежитъ кн. В. А. Щербатову, второе наслѣдникамъ его покойнаго брата кн. Гр. А. Щербатова. Въ обоихъ имѣніяхъ вмѣстѣ всего 39.535 десятинъ, считая въ томъ числѣ землю отошедшую въ надѣлъ крестьянамъ, которые, за немногими исключеніями, предпочли, при составленіи уставныхъ грамотъ, воспользоваться даровою десятиной на душу. Значительную часть обоихъ имѣній составляетъ Шахматова пустошь, пространствомъ въ 16.512 десятинъ, входящая въ составъ ихъ не равными долями: именно къ Усовскому имѣнію прирѣзано изъ Шахматовой пустоши 6.266 дес., къ Сухо-Карбулакскому — 10.246 дес. Вся эта пустошь была давнею безспорною собственностью ея владѣльцевъ; но въ послѣдніе годы она вдругъ сдѣлалась предметомъ спора. На нее, въ полномъ ея составѣ, предъявлена претензія со стороны бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣсколькихъ се-

леній Усовскаго и Сухо-Карбулакскаго имѣній. Крестьяне, болѣе пятнадцати лѣтъ послѣ составленія уставныхъ грамотъ арендовавшіе у владѣльцевъ земли Шахматовой пустоши, вдругъ заявили что вся эта пустошь составляетъ не помѣщичью, а крестьянскую собственность, что она во время крѣпостнаго права была куплена не помѣщиками, а ими, крестьянами, на помѣщичье имя. Возбужденное дѣло идетъ своимъ порядкомъ по инстанціямъ. Оно уже было на разсмотрѣніи Саратовскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и единогласнымъ постановленіемъ всѣхъ его членовъ 30 ноября прошлаго года было рѣшено „въ настоящемъ искѣ крестьянамъ отказать.“ Затѣмъ дѣло, по жалобѣ крестьянъ, перешло на разсмотрѣніе министра Внутреннихъ Дѣлъ, рѣшеніе коего еще ожидается.

Но помимо движенія дѣла по инстанціямъ, параллельно съ нимъ, совершается еще хожденіе по крестьянскому иску предъ публикой. Сперва обращеніе къ ней сдѣлано было, еще до рѣшенія дѣла въ Саратовѣ, въ видѣ саратовской корреспонденціи *Московскаго Телеграфа*; затѣмъ, по перенесеніи дѣла въ Петербургъ, сдѣлано второе обращеніе къ публикѣ, въ видѣ статьи „Несчастные“ въ № 12 газеты *Земство*. Оба писаны въ одномъ и томъ же направленіи, оба имѣютъ цѣлію выставить неправду помѣщиковъ. Но какая масса лжи понадобилась для этой цѣли авторамъ обоихъ обращеній!

По изложенію ноябрьской корреспонденціи, крестьяне восьми поименованныхъ ямъ селеній купили пустошь въ тридцатыхъ годахъ на имя тогдашняго своего владѣльца г. Столыпина, и пока онъ былъ живъ, пользовались ею даромъ. Но г. Столыпинъ умеръ де до освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не оговоривъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи что пустошь принадлежитъ крестьянамъ, и вотъ де его наслѣдники завладѣли крестьянскою собственностью, подѣливъ ее между собою. Крестьянская земля перешла де такимъ образомъ къ кн. В. А. Щербатову вмѣстѣ съ конторой гдѣ хранились документы на землю. Затѣмъ въ этой конторѣ произошелъ де пожаръ, и при освобожденіи крестьяне, лишенные документовъ на владѣніе, получили только однодесятинный надѣлъ и были вынуждены затѣмъ арендовать у помѣщика свою собственную землю. Они имѣли, конечно, право заявить о принадлежности имъ пустоши при составленіи уставныхъ грамотъ и подкрѣпить свою претензію хотя бы окольными доказательствами; но не могли до этого сдѣлать: вѣдь ихъ помѣщикъ кн. В. А. Щербатовъ былъ въ то время саратовскимъ губернаторомъ... Какова инсинуація! И представьте себѣ,— все это ложь на лжи!

Вопервыхъ, ни одно изъ селеній претендующихъ на Шахматову пустошь никогда не принадлежало никому изъ рода Столыпиныхъ, и стало-быть земля никакимъ образомъ не могла быть куплена крестьянами на имя г. Столыпина. Отношеніе же покойнаго г. Столыпина (умершаго не до освобожденія крестьянъ, а въ августѣ 1864 года) къ означеннымъ селеніямъ ограничивалось тѣмъ что онъ долгое время завѣдывалъ по довѣренности имѣніями своего зятя кн. В. А. Щербатова. Затѣмъ, пожаровъ въ конторѣ имѣнія кн. Щербатова вовсе не было, и самъ князь Щербатовъ въ періодъ составленія уставныхъ грамотъ въ его имѣніяхъ вовсе не былъ губернаторомъ, а былъ назначенъ на эту должность долгое время спустя послѣ ихъ утвержденія...

Ложь была опровергнута; но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, невѣдомый адвокатъ крестьянъ выступилъ въ газетѣ *Земство* съ изложеніемъ дѣла крестьянъ въ новой версіи. Покупка ими земли относится уже не къ тридцатымъ годамъ, а къ самому началу текущаго столѣтія. Шахматова пустошь была де куплена 20 мая 1801 года крестьянами на имя ихъ тогдашняго помѣщика генералъ-отъ-кавалеріи С. С. Апраксина. Онъ, какъ честный и почтенный генералъ, „строго разграничивалъ“ свое отъ крестьянскаго и признавалъ Шахматову пустошь не своею, а крестьянскою землей. Онъ отдалъ свои саратовскія имѣнія по рядной записи своимъ дочерямъ, но въ этой рядной записи Шахматова пустошь не была де упомянута. Иначе де повела дѣла дочь С. С. Апраксина княгиня Голицына. Она де „однимъ почеркомъ пера присоединила къ своимъ владѣніямъ“ и продала своей сестрѣ княгинѣ Щербатовой пустошь въ $16^{1}/_{2}$ тысячъ десятинъ. Эта продажа состоялась въ 1851 году, но покупщица, княгиня Щербатова около двадцати лѣтъ сомнѣвалась де принадлежитъ ли ей Шахматова пустошь и была введена во владѣніе лишь 20 декабря 1870 года.

Вотъ де какъ шатки права помѣщиковъ на эту пустошь! Крестьяне же, напротивъ, въ моментъ освобожденія такъ были увѣрены въ своемъ на нее правѣ что хотѣли вовсе отказаться отъ всякаго надѣла, но конечно не отказались отъ помѣщичьяго подарка по десятинѣ на душу. Спрашивается, почему же они не заявили о своемъ правѣ при составленіи уставныхъ грамотъ? Потому что такія заявленія были будто бы заглушены ликованіемъ по новоду полученія сказаннаго подарка, а главное потому что заявлявшіе о правахъ крестьянъ на пустошь были, какъ смутители, посажены мировыми посредниками въ кутузку... „Можете быть увѣрены," прибавлено авторомъ статьи, въ которой все это изложено, „что статья совершенно вѣрна истинѣ, такъ какъ при составленіи ея пользовались разными документами." Удивительно съ какою наглою самоувѣренностью ложь у насъ выступаетъ предъ публику. Вотъ что оказывается изъ разъясненій:

Шахматова пустошь принадлежала дѣду кн. Щербатова по матери С. С. Апраксину еще въ прошломъ столѣтіи, но о ней возникъ споръ съ Шахматовыми, и она въ 1801 году, по рѣшенію „межевыхъ правительствъ," была отсуждена въ пользу послѣднихъ; но въ томъ же 1801 году С. С. Апраксинъ купилъ пустошь у гг. Шахматовыхъ обратно. Затѣмъ никакихъ признаковъ того чтобы С. С. Апраксинъ разграничивалъ Шахматову пустошь, какъ крестьянскую, отъ прочихъ своихъ земель не оказывается. Напротивъ, когда онъ отдалъ въ 1817 году свои саратовскія имѣнія дочерямъ, онѣ тогда же подѣлили между собою какъ прочую землю, такъ и Шахматову пустошь, не дѣлая между тою и другою никакого различія, заботясь о томъ чтобъ у каждой было по возможности поровну душъ, по ровну земли, но не заботясь о томъ сколько придется земли изъ Шахматовой пустоши или изъ другихъ частей имѣнія. Объ этомъ конечно нужно было бы озаботиться если бы пустошь была не помѣщичьею, а собственною крестьянскою землею, и еслибы С. С. Апраксинъ дѣйствительно признавалъ ее таковою, онъ конечно не допустилъ бы включенія пустоши въ дѣлежъ между дочерьми, и особенно дѣлежа ея не поровну: этимъ доля одной дочери уменьшалась бы противъ другой, что противорѣчило бы постановленному имъ условію раздѣла. А между тѣмъ дѣлежъ состоялся, изъ одного большаго Усовскаго имѣнія образовалось два, нынѣшнее Усовское и Сухо-Карбулакское, за десять лѣтъ до смерти Апраксина, и означенныя имѣнія были окончательно закрѣплены за княгинями Голицыною и Щербатовою формальнымъ совершеніемъ рядной записи тоже при жизни ихъ отца. Владѣвшая большею долей, но не всею Шахматовою пустошью, княгиня Голицына, поэтому, вовсе не имѣла надобности присвоивать ее почеркомъ пера при продажѣ сестрѣ своего приданаго Сухо-Карбулакскаго имѣнія. У княгини Щербатовой тоже не могло быть никакихъ сомнѣній о принадлежности ей этой пустоши, и купивъ въ 1851 году у сестры Сухо-Карбулакское имѣніе, она была введена во владѣніе имъ не черезъ 19 лѣтъ, а въ томъ же 1851 году. Въ томъ же 1851 году она передала свои имѣнія въ управленіе своимъ дѣтямъ, Усовское—кн. Гр. А., а Сухо-Карбулакское—кн. В. А. Щербатовымъ.

Что же, наконецъ, въ этомъ „совершенно вѣрномъ истинѣ" изложеніи не оказывается вздоромъ? Не пристрастіе ли мироваго посредника, не допустившаго крестьянъ до заявленія ихъ правъ при составленіи уставныхъ грамотъ и сажавшаго заявлявшихъ эти права въ кутузку? Но грамоты о даровомъ надѣлѣ утверждались не посредникомъ, а губернскимъ присутствіемъ, въ предсѣдательствѣ губернатора. Губернаторы въ ту пору были постоянно осаждаемы крестьянами съ ихъ жалобами. Но къ тогдашнему саратовскому губернатору жалобъ отъ Щербатовскихъ крестьянъ на дѣйствія посредника не поступало, никакихъ заявленій губернскому присутствію о правѣ ихъ на пустошь, при утвержденіи въ 1862 г. уставныхъ грамотъ, сдѣлано не было. Не такой ли же пуфъ эти сказанія о „кутузкѣ" какъ и все прочее? Дѣло шло о $16^1/_2$ тысячахъ десятинъ земли, и въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ претендующихъ на эту землю не нашлось ходаковъ въ близь-лежащій Саратовъ для заявленія правъ на эту землю и для принесенія жалобы на посредника лишающаго крестьянъ этой земли въ пользу помѣщика!

Невѣдомые адвокаты крестьянъ въ печати непремѣнно хотятъ выставить своихъ кліентовъ въ видѣ „несчастныхъ" угнетенныхъ и ограбленныхъ бывшими ихъ помѣщиками. Заграбивъ ихъ землю, давъ имъ

даровой десятинный надѣлъ, князь Щербатовъ поставилъ до крестьянъ въ безвыходное положеніе; они у него чуть не въ кабалѣ, онъ сдаетъ де имъ землю въ аренду по непомѣрно высокой цѣнѣ до 15 р. за десятину, притомъ сдаетъ не всѣмъ, а лишь угоднымъ ему крестьянамъ. Его бывшіе крестьяне обратились де въ „забитыхъ, приниженныхъ, голодныхъ людей.“

Иные, можетъ-быть, этому повѣрятъ. Но сомнительно чтобъ этому повѣрили въ Саратовской губерніи, гдѣ издавна установившіяся отношенія князей Щербатовыхъ къ ихъ бывшимъ крестьянамъ достаточно извѣстны. Каковы были эти отношенія можно судить изъ заявленій самихъ крестьянъ, въ которыхъ они именовали своего помѣщика отцомъ-благодѣтелемъ и выражали свою признательность за его благодѣянія. Одно изъ такихъ заявленій напечатано въ № 38 *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* за 1861 годъ. Въ другомъ заявленіи, отъ 15 іюля 1871, крестьяне села Усовки и деревни Андреевки говорятъ, обращаясь къ князю В. А. Щербатову: „... намъ крестьянамъ всегда достается отъ васъ бо́льшая доля противъ нашихъ собратовъ живущихъ въ округѣ и въ глазахъ нашей мѣстности, мы гордимся противъ нихъ...“ Можетъ показаться что такія заявленія пустыя, льстивыя фразы. Но вотъ свидѣтельство сторонняго лица, г. Трирогова, объѣзжавшаго нѣсколько волостей разныхъ уѣздовъ Саратовской губерніи, въ видахъ изслѣдованія ихъ положенія, и изложившаго результаты своихъ изслѣдованій въ вышедшей недавно книгѣ *Община и Подать*. Онъ былъ между прочимъ въ селеніи Ивановкѣ и слышалъ отъ тамошнихъ крестьянъ такой отзывъ: „Вотъ Елшанскіе живутъ привольно, не нахвалятся *своимъ* (помѣщикомъ), а смотри на десятинѣ же сидятъ.“ Пожилой старикъ, завидуя жизни елшанскихъ крестьянъ, не одинъ разъ повторялъ г. Трирогову: „мы хотя и чужіе, а по однимъ слухамъ за него Богу молимся что крестьянъ жалѣетъ.“ Елшанка—помѣстье кн. Вл. А. Щербатова; порядки въ ней тѣ же что и у тѣхъ крестьянъ которые выставлены въ газетѣ *Земство* въ качествѣ „несчастныхъ.“ И тамъ, и тутъ помѣщичья земля сдается въ аренду цѣлымъ обществамъ на одинаково льготныхъ условіяхъ, съ тою лишь разницей что въ Сухо-Карбулакскомъ имѣніи арендныя цѣны *ниже* чѣмъ въ Елшанскомъ. „Аренду за землю,“ пишетъ г. Трироговъ, „всѣ платятъ помаленьку“ берутъ ее по силѣ; еще не было ни разу проявленія строгихъ мѣръ взысканія, такъ что обязательства налагаемыя на каждаго круговою порукой, для общины никакой тягости не представляютъ.“ Цѣна земли 6 р. за шестидесятную десятину, то-есть 4 р. за казенную. Это въ Елшанкѣ; въ Сухо-Карбулакскомъ имѣніи цѣна по какой земля сдавалась обществамъ еще ниже. А въ газетныхъ печалованіяхъ о Щербатовскихъ крестьянахъ вмѣсто этихъ цѣнъ трактуется объ уплатѣ пятнадцати рублей за десятину!

Но еслибы даже и такъ,—создастъ ли высокая арендная плата какое-нибудь право для крестьянъ на Шахматову пустошь? Какую же цѣль имѣютъ люди громоздящіе ложь на ложь, клевету на клевету во всемъ этомъ дѣлѣ, усиливая своими писаніями раздоръ посѣянный кѣмъ-то между крестьянами и землевладѣльцемъ? Этотъ раздоръ не дешево обходится крестьянамъ. По свѣдѣніямъ кн. Щербатова, крестьянами истрачено уже до сорока тысячъ рублей на тяжбу съ помѣщиками, и въ сборахъ на веденіе этой тяжбы участвуютъ противъ воли многіе крестьяне вовсе ея не желающіе и не ожидающіе отъ нея ничего добраго. Не для поощренія ли этихъ разорительныхъ для крестьянъ сборовъ и пишутся статьи выставляющія ихъ „несчастными?“ Но объясните какую роль играютъ при этомъ газеты, ихъ издатели и редакторы? Если ложь въ частной жизни роняетъ людей, то развѣ въ общественной дѣятельности она украшаетъ ихъ?

Что касается крестьянъ, то въ одномъ отношеніи дѣйствительно нельзя не признать ихъ несчастными. Ихъ несчастіе заключается не въ экономическомъ ихъ положеніи, не въ отношеніяхъ къ нимъ помѣщиковъ, но въ томъ что они стали жертвой интриги...

№ 115.

Москва, 26-го апрѣля.

Министръ Ирландіи и его товарищъ, лордъ Кавендишъ и г. Бёркъ, въ минувшую субботу, оба зарѣзаны, среди бѣлаго дня въ Фениксъ-паркѣ, въ Дублинѣ. Подъѣхала карета, изъ ней выскочили два вооруженные человѣка, бросились на обо-

ихъ гулявшихъ правителей и умертвили ихъ, по одному извѣстію, выстрѣлами, по другому, острымъ оружіемъ. Совершивъ злодѣяніе, убійцы скрылись и, какъ сообщаютъ тѣ же извѣстія, слѣдъ ихъ не отысканъ. Событіе ужасное, но послѣ того что въ послѣднее время совершалось у насъ, кого оно поразитъ, кого изумитъ? Публика привыкла къ этимъ кровавымъ событіямъ и перестала удивляться имъ. Дублинское злодѣяніе очень походитъ своею внѣшнею обстановкой на убійство генерала Мезенцова; но Мезенцовъ былъ шефъ жандармовъ въ автократическомъ государствѣ, а лордъ Кавендишъ и г. Бёркъ министры архипарламентской страны и притомъ вожди либеральной партіи. Вотъ и „правовой порядокъ!"

Дѣла въ наше время кипятъ, и логика событій совершаетъ свои операціи съ небывалою быстротой. Не успѣютъ обозначиться предпосылки какъ уже готово и заключеніе. Это дѣлается такъ наглядно, такъ разительно, такъ наконецъ часто, что казалось бы люди въ наши дни должны быть очень остры въ логикѣ. Увы, выходитъ на оборотъ!

Кровавое событіе въ Дублинѣ очень знаменательно. Это логическій королларій къ повороту политики Гладстоновскаго кабинета Только что, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, выбѣжалъ изъ этого кабинета г. Форстеръ, только что глава кабинета провозгласилъ политику уступокъ и соглашеній съ Ирландскою лигой, только что выпустили изъ тюремнаго заключенія вожаковъ этой лиги и самаго г. Парнелла, который возвратился въ парламентъ тріумфаторомъ, какъ бы послѣ великой побѣды, явилась и кровавая повѣрка. Бѣдный Бёркъ! Онъ хотѣлъ, вслѣдъ за Форстеромъ, тоже выйти въ отставку. Зачѣмъ онъ не тотчасъ же исполнилъ свое намѣреніе и остался при новомъ министрѣ который пошелъ на политику уступокъ, только не далеко ушелъ?.. Представляемъ себѣ какъ должна отозваться вѣсть объ этомъ событіи въ самой Англіи. Оно застигло общественное мнѣніе страны среди тревожныхъ опасеній возбужденныхъ страннымъ поворотомъ въ политикѣ правительства. „Радикальная партія, восклицалъ *Standard*, торжествуетъ по всей линіи, новая эра открылась въ англійской политикѣ. Англійское правительство безусловно сдалось представителямъ ирландскихъ идей. Г. Форстеръ ушелъ, и лишь съ трудомъ можно было удержать лордовъ Сельборна и Кимберлея."—„Г. Парнеллъ, мрачно замѣчаетъ *Times*, возвращается въ палату общинъ и, по правдѣ, возвращается какъ побѣдитель, as the master of the situation. Мы никакъ не можемъ убѣдить себя чтобы политика правительства не была чревата опасностями и тревогами." „Правительство, восклицаетъ въ свою очередь *Morning Post*, по всей линіи сдалось крайней ирландской крамолѣ... Изо всѣхъ министровъ только г. Форстеръ имѣетъ сколько-нибудь практическое и реальное знакомство съ ирландскими дѣлами. Правительство, какъ люди въ припадкѣ отчаянія, отыгрывается безумною игрой ...." „Министерская декларація, говорилъ *Morning Advertiser*, это просто сдача. Значитъ Лига побѣдила. Правительство капитулировало. Оно соглашается выпустить плѣнныхъ взятыхъ у непріятеля, оно освобождаетъ непріятельскаго полководца." Другіе голоса, особенно въ самой Ирландіи, поздравляютъ правительство со вступленіемъ на этотъ путь уступокъ. Повѣрка явилась быстро и, по всему вѣроятію, дни кабинета Гладстона сочтены.

Г. Гладстонъ отличный scholar, превосходный финансистъ, замѣчательный мыслитель и писатель, но не великій администраторъ. Достоинства въ одномъ не замѣняютъ недостатка въ другомъ, а у него рѣшительный недостатокъ въ правительственномъ дарѣ и государственномъ смыслѣ. Онъ былъ блистательнымъ канцлеромъ казначейства (министромъ финансовъ) въ Пальмерстоновскомъ кабинетѣ, но въ качествѣ премьера онъ печальная фигура. Не онъ руководитъ другими, а другіе водятъ его за носъ и дѣлаютъ изъ него что хотятъ.

Политика примиренія, путь уступокъ—какъ хорошо это звучитъ, какъ это миролюбиво и гуманно! Но будьте жь искренни и не дѣлайте безсмыслицы. Если хотите мириться, миритесь по правдѣ и вполнѣ. Уступать такъ уступайте и именно то чего у васъ требуютъ. Уступки и соглашенія возможны между людьми которые стоятъ на одной почвѣ и согласны въ своихъ видахъ, расходясь только въ частностяхъ и подробностяхъ. Но возможно ли соглашеніе между противниками которые враждуютъ въ существенномъ и главномъ? Какія могутъ быть уступки между врагами пока въ силѣ причина ихъ враж-

ды? Прекратите войну, заключите миръ; но если вы считаете себя обязаннымъ отстаивать то за что вы обнажили мечъ, если вы продолжаете воевать, то какой же смыслъ могутъ имѣть ваши уступки? Не будутъ ли они походить на безуміе полководца который, чтобы задобрить генерала непріятельской арміи и снискать себѣ популярность въ ней, будетъ уступать ей выгодныя позиціи и принимая битву вступитъ съ непріятелемъ въ соглашеніе какъ бы ему было удобнѣе? Отдайте Ирландію Ирландцамъ, дайте ей самостоятельность и независимость, вотъ это будетъ миръ. Затѣмъ останется только покрѣпче вооружить западныя берега Англіи. Но пока Ирландія остается въ теперешнемъ положеніи, со своею ландъ-лигой, со своими *гомрулерами*, со своими затѣмъ феніями, наконецъ, со своею *черною интернаціоналкой*, съ этою страшно дисциплинированною, но миродержавною арміей Римской церкви, пока въ свою очередь Англія есть Англія и остается при своемъ общественномъ и государственномъ устройствѣ, при своихъ вѣковыхъ преданіяхъ, борьба будетъ продолжаться, и правительство уступками своимъ врагамъ, ослабляя свою сторону, отнюдь не замиритъ, а усилитъ вражду. А нѣтъ яда злѣе и хуже ненависти смѣшанной съ презрѣніемъ...

Такъ въ Англіи, такъ еще болѣе въ нашемъ отечествѣ. Ирландскія требованія представляютъ собою нѣчто несомнѣнно реальное, а та крамола съ которою мы боремся и съ которою намъ совѣтуютъ вступить въ соглашеніе начавъ съ „праваго порядка,“ есть обманъ прямо направленный противъ Русскаго государства. Тѣ же факторы дѣйствуютъ и у насъ, но они лишены и тѣни той реальности какую имѣютъ въ Ирландіи. У насъ ни черная, ни красная интернаціоналка не имѣютъ почвы, равно какъ польская справа не имѣетъ никакого сходства съ ирландскою...

№ 116.

Москва, 27-го апрѣля.

За мѣсяцъ предъ симъ изъ Малоярославца приходили телеграммы страннаго свойства. Сообщалось о судебномъ процессѣ съ присяжными засѣдателями по дѣлу о жестокомъ обращеніи родителей съ дѣтьми. Судъ происходилъ обычнымъ формальнымъ порядкомъ, причемъ дѣти до пятилѣтняго возраста подвергались допросамъ въ присутствіи многочисленной публики. Телеграммы успокоивали публику что г. и г-жа Нейчъ оказались ни въ чемъ не виновными, и что присяжные оправдали ихъ.

Это было утѣшительно, но скажите нормальное ли это явленіе? Въ семью, въ отношенія родителей къ малымъ дѣтямъ, вторгается судебный слѣдователь, и адвокать, и судьи, и присяжные, и наконецъ многочисленная публика? Мы далеки отъ мысли что семья должна находиться внѣ всякаго контроля; напротивъ, мы думаемъ и безпрестанно твердимъ что всякая власть въ обществѣ должна быть подчинена единой государственной власти, что безъ единовластія строгаго, твердаго и всеобъемлющаго не можетъ быть ни истинной свободы въ обществѣ, ни должнаго обезпеченія человѣческой личности. Родительская власть неприкосновенна, семья есть святыня и государство должно охранять ее. Если же государственная ограда необходима и для семьи какъ для всего, то и она должна подчиняться единой власти государства, которую наша церковь чтитъ какъ отъ Бога установленную. Но если гдѣ государственная власть должна дѣйствовать съ величайшею осторожностію и бережностію, то конечно въ семейной сферѣ, и если гдѣ имѣетъ полную силу слово *самоуправленіе*, то конечно здѣсь.

Возможно ли судить родителей съ дѣтьми формальнымъ образомъ? Даже въ тѣхъ случаяхъ когда вмѣшательство государственной власти становится необходимостію, когда безуміе, звѣрство и безнравственность родителей обязываютъ власть вступиться, едва ли слѣдуетъ и въ этихъ случаяхъ прибѣгать къ судебному формализму, и возводить подобныя дѣла въ общественный скандалъ; едва ли какимъ-либо уважительнымъ интересомъ требуется разбирать подобныя дѣла по всѣмъ правиламъ судебнаго искусства и съ участіемъ публики. Если до публичной власти доходятъ свѣдѣнія о какихъ-либо ужасахъ во глубинѣ семейства, то неужели она лишена способа дознаться правды и принять должныя мѣры безъ скандала? Неужели, во имя нравственности, нельзя иначе дѣйствовать какъ посредствомъ оскорбленія общественной нравственности?

Обыкновенно дѣла семейнаго свойства вѣдала у насъ сама Верховная Власть чрезъ посредство особаго интимнаго органа, который она имѣла въ шефѣ жандармовъ. Къ нему обращались съ жалобами и доносами и онъ не гласно, посредствомъ своихъ агентовъ, обязанъ былъ развѣдывать обстоятельства дѣла чтобы помочь горю, пресѣчь зло, предотвратить скандалъ. По всему вѣроятію, бывали тутъ ошибки, бывали и несправедливости, но въ принципѣ дѣло было поставлено правильно. Только подобнымъ способомъ государство можетъ вступаться въ семейныя затрудненія. Такого рода вступательство власти не колебало ни семейнаго быта, ни общественной нравственности.

Во всякомъ случаѣ дѣло Пейчъ не можетъ считаться нормальнымъ ни при какихъ порядкахъ. Мы теперь представили читателямъ подробный стенографный отчетъ объ этомъ дѣлѣ. Тутъ нѣтъ ни одной подробности которая не возмущала бы душу. И подобныя дѣла совершаются въ странѣ гдѣ есть правительство сильное, ничѣмъ не стѣсненное въ исполненіи своихъ великихъ и священныхъ обязанностей, совершаются не потаенно, не украдкой, но легально, во имя закона, во имя той же государственной власти! Какъ людямъ не смущаться въ виду такихъ разительныхъ противорѣчій! Какъ не помрачаться умамъ въ обществѣ гдѣ возможны подобныя явленія! Два года тянулось это дѣло и подвергалась истязанію неопороченная семья по произволу самодержавнаго чиновника, котораго никто не смѣлъ остановить. Власти вокругъ смотрѣли на происходившее какъ осторожные прохожіе на уличное буйство или на мертвое тѣло, опасаясь нажить себѣ непріятностей. Нѣтъ, не совсѣмъ такъ: полиція обязана была безпрекословно исполнять распоряженія слѣдователя. Къ чести ея надо однако сказать что она затруднилась посадить г-жу Пейчъ въ тюрьму какъ того требовалъ слѣдователь. Жандармы доводили обо всемъ до свѣдѣнія высшихъ властей въ Петербургѣ, но правительство благоговѣйно бездѣйствовало, предоставляя вопіющему дѣлу идти своимъ ходомъ. Замѣтьте что легальному разгрому подверглась семья не въ темномъ быту, откуда жалобы никуда не долетаютъ. Г. Пейчъ землевладѣлецъ, состоитъ въ военной службѣ, поручикъ артиллеріи, уважаемый въ своей средѣ, на отличномъ счету у своего начальства, которое принимало въ немъ свое живое участіе, но оказалось безсильнымъ помочь ему. Онъ и жена его привлечены къ отвѣтственности по наговорамъ очевиднымъ въ своей нелѣпости. Мать будто бы изъ жестокости хотѣла изжарить своего ребенка на горячей лежанкѣ! Возможное ли дѣло чтобъ отецъ и мать, въ здравомъ умѣ и не звѣри, подвергали родныхъ дѣтей неимовѣрнымъ истязаніямъ, не объясняемымъ никакою причиной, — такимъ истязаніямъ которыя вызывали бы и оправдывали бы формальное вмѣшательство судебной власти? На судѣ обнаружилось, напротивъ, что не было никакого повода къ подозрѣнію родителей въ такихъ жестокостяхъ которыя вызываютъ дѣйствіе закона. Отношенія между родителями и дѣтьми въ данномъ случаѣ были таковы что не давали мѣста ошибкѣ. Если же не могло быть ошибки такъ чѣмъ же кромѣ произвола могло быть затѣяно это дѣло и ведено съ такою настойчивостью, съ такимъ ожесточеніемъ?

Жалуются на административный произволъ. Произвольному и несправедливому дѣйствію подвергаться тяжко во всякомъ случаѣ и отъ кого бы то ни было. Но на административный произволъ всегда есть управа, и во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, г. Пейчъ легче перенесъ бы произволъ отъ своего начальства, отъ губернатора, отъ министра, нежели отъ нѣкоего г. Лихарева. Да и какой губернаторъ, хотя бы и въ старое время, изъ одного *самолюбія* посадилъ бы его въ тюрьму? Г. Пейчъ зналъ бы по крайней мѣрѣ что имѣетъ дѣло съ лицомъ заслуженнымъ, занимающимъ извѣстное положеніе и въ служебной іерархіи, и въ обществѣ. Находясь въ строгой служебной зависимости отъ высшей власти, губернаторъ регулируется также мнѣніемъ обширнаго, открытаго и притомъ порядочнаго общества, а не искусственно созданной и замкнутой клики. Ему было бы стыдно встрѣтиться съ предводителемъ дворянства, совѣстно было бы взглянуть въ глаза тому же бригадному генералу Михелю, который такъ безуспѣшно ходатайствовалъ за г. Пейча когда его тащили въ тюрьму по изволенію разгнѣваннаго слѣдователя.

Мы находимся подъ гнетомъ больнаго мнѣнія въ дѣлѣ величайшей важности. Когда-нибудь должны же мы выбиться изъ-

подъ этого кошемара и отдать себѣ трезвый отчетъ въ томъ что мы дѣлаемъ и что дѣлается вокругъ. Въ нашихъ понятіяхъ спокойно и безотчетно водворилась фикція, которая была бы верхомъ комизма еслибы на практикѣ не выражалась слишкомъ печальными явленіями. Отъ ней, въ значительной степени, идутъ наши нестроенія и наша государственная немощь.

Скажите, кому законодатель хотѣлъ дать судебныя гарантіи? Конечно вамъ, мнѣ, г. Пейчу, то-есть всему народу. Благо народу обладающему правильнымъ судомъ, обезпечивающимъ отъ произвола общественную нравственность, личность и собственность людей! Однако, по фикціи которая утвердилась у насъ въ умахъ, выходитъ что судебныя гарантіи созданы у насъ не для народа, а для судебныхъ чиновъ, созданы не для того чтобы дѣло правосудія было ограждено прежде всего отъ судейскаго произвола, а напротивъ затѣмъ чтобы произволъ судьи былъ безотвѣтственный и полный, такъ чтобы нельзя было ни въ какомъ случаѣ нарушить священнодѣйствіе его произвольныхъ дѣйствій. Ходящая въ нашемъ обществѣ доктрина извращаетъ дѣйствительность и представляетъ въ ложномъ свѣтѣ столь важное дѣло какъ организація правосудія. Праведный судъ не имѣетъ своей воли, не долженъ имѣть. Судъ долженъ быть только примѣнителемъ закона: вотъ смыслъ его существованія. Однако правда и то что судья не машина. Примѣненіе закона не машиною дѣлается, а живымъ человѣкомъ. Оно совершается въ умѣ и совѣсти людей призванныхъ къ отправленію правосудія. Какою же волей долженъ руководиться судья въ исполненіи своей, дѣйствительно, священной обязанности? Праведный судья исполняетъ лишь волю пославшаго, а не свою. Судебное вѣдомство не должно воображать себя какимъ-то независимымъ царствомъ, самоуправнымъ, не имѣющимъ надъ собою ничего кромѣ открытаго неба. Вершина судебной власти, какъ и всякой власти въ Россіи, есть Царь, и не какъ простой орнаментъ или символъ, а какъ дѣйствительная власть, какъ живое начало.

Нелѣпая и фальшивая доктрина, представляющая судебное вѣдомство особымъ царствомъ, самоуправнымъ и самосуднымъ, не выдумка, не преувеличеніе. Дѣйствительно, у насъ вообразили будто съ учрежденіемъ новыхъ судовъ измѣнилось и существо русской государственной власти. Будто Русскій Царь отказался отъ своихъ правъ въ пользу воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія и юридическихъ факультетовъ, которымъ предоставлено образовать изъ себя независимую корпорацію, въ ея же дѣйствія никто изъ смертныхъ вступаться не долженъ. Министръ можетъ назначать или представлять къ назначенію людей на судебныя должности; но вызвавъ духа, онъ безсиленъ обратно заклясть его. Судебный чинъ не смѣняемъ. Если онъ, не совершивъ караемаго судомъ преступленія, оказывается тѣмъ не менѣе въ своихъ дѣйствіяхъ неспособнымъ или сумасброднымъ, то спасенья нѣтъ. Всѣ живущіе въ районѣ его дѣятельности должны покориться постигшей ихъ участи. Есть одно средство избавить мѣстность отъ негоднаго судьи: перевести на высшее мѣсто. Подъ вліяніемъ нелѣпой, распространившейся у насъ фикціи, совершались дѣла высокаго комизма. Зная какъ много зла можетъ причинить судебный слѣдователь, министръ Юстиціи (это было при графѣ Паленѣ) не рѣшался назначать судебныхъ слѣдователей. Но такъ какъ безъ этой функціи суды обходиться не могутъ, то министръ придумалъ тонкій маневръ: вмѣсто судебныхъ слѣдователей, онъ назначалъ *исправляющихъ должность судебнаго слѣдователя*, такъ какъ отъ первыхъ нѣтъ де возможности отдѣлаться, а послѣднихъ можно, не нарушая конституціи, удалить въ случаѣ надобности...

Въ интересѣ правосудія требуется чтобы судебная власть была независима отъ административныхъ властей, чтобъ она восходила параллельно съ администраціей до общей вершины, и равно была бы подчинена одному и тому же верховному началу. Фикція несмѣняемости судебныхъ чиновъ не можетъ же всегда держаться; когда-нибудь она разсѣется какъ туманъ, и гг. судебные чины на всѣхъ ступеняхъ окажутся смѣняемыми по волѣ Государя. Не обратится ли тогда въ фикцію независимость судовъ отъ администраціи, не возвратится ли произволъ администраціи если она будетъ вторгаться въ дѣло правосудія? Чтобъ этого не могло случиться и чтобы судебныя учрежденія были обезпечены въ своей законной и правильной независимости, слѣдуетъ желать чтобы, въ дополненіе къ нынѣ дѣйствующимъ

судебнымъ уставамъ, было ясно выражено что Государь рѣшаетъ объ удаленіи судебнаго лица не по одному докладу министра, но и по выслушаніи также доклада отъ Сената какъ высшаго судебнаго учрежденія. Такое постановленіе положило бы конецъ недоразумѣніямъ какъ между самими судебными чинами, такъ и въ публикѣ, отрезвило бы умы, внесло бы лучшій духъ въ судебныя учрежденія, и обезпечивая ихъ отъ административнаго произвола, въ то же время ограждало бы и отъ судейскаго произвола примѣненіе закона.

Дѣло Пейчъ ярко обличаетъ нашу судебную процедуру. У насъ всѣ пикируются либерализмомъ; но либерализмъ, въ своемъ истинномъ значеніи, состоитъ въ уваженіи къ человѣческой личности, а наши либералы считаютъ ни во что ея неприкосновенность. Правда, они поставляютъ долгомъ вступаться за обиженныхъ административною грубостію, но не изъ уваженія къ принципу личности, а только чтобъ опорочить администрацію, ибо тотъ же нашъ либерализмъ ни сколько не смущается никакимъ фактомъ неуваженія къ личности со стороны судебныхъ властей. Нашему либерализму дѣла нѣтъ что прокуратура и судебный слѣдователь могутъ, безъ серіозной для себя отвѣтственности, подвергнуть кого угодно всѣмъ мытарствамъ судебнаго слѣдствія. Слѣдователь интернируетъ человѣка на мѣстѣ его жительства, учреждаетъ надъ нимъ по своему усмотрѣнію полицейскій надзоръ, сажаетъ его въ тюрьму. Что́ же если къ такимъ полномочіямъ примѣшается бо́льшая или меньшая доля произвола? Отъ произвола прокурора и слѣдователя не требуется ли еще бо́льшая гарантія чѣмъ отъ полиціи, которая далеко не имѣетъ такой тяжкой власти надъ людьми?

Наконецъ, имѣются ли достаточныя гарантіи что слѣдственное дѣло не затянется? Лежитъ ли на комъ серіозная отвѣтственность за небрежность и напрасную проволочку? Есть ли обезпеченіе что дѣло не задремлетъ въ Судебной Палатѣ которая рѣшаетъ вопросъ о преданіи суду? Есть ли обезпеченіе что предсѣдатель или члены палаты отнесутся къ дѣлу не только нелицепріятно и честно, но и съ должнымъ вниманіемъ? Тяжело очутиться подъ слѣдствіемъ; еще тяжеле попасть на скамью подсудимыхъ. Преданіе суду, признаніе основательности обвиненія, есть уже предрѣшеніе дѣла. Наконецъ самый судъ... Предъ изумленною Россіей происходили судебные политическіе процессы, на которыхъ не только наши *барристеры*, но и предсѣдатели вели себя непозволительнымъ образомъ; а было ли слышно что кто-либо изъ нихъ подвергся должной отвѣтственности? Они только повышались, процвѣтая въ чинахъ и звѣздахъ. Но если въ дѣлахъ государственной важности судебные чины могутъ безнаказанно творить свою волю, то какая же гарантія для частныхъ лицъ что относительно ихъ они будутъ свято исполнять свои обязанности?

Дѣло г. Пейча, которое теперь во всѣхъ своихъ подробностяхъ извѣстно публикѣ, возмутительное дѣло! Бѣдствіе которое обрушилось на эту семью, два года томленія и нравственной пытки, будутъ навсегда памятны ей. Никто не застрахованъ отъ случайности; камень можетъ упасть и раздавить васъ, звѣрь можетъ растерзать, недобрые люди могутъ напасть на ваше жилище и умертвить дорогія вамъ существа. Но, какъ бы ни была прискорбна или возмутительна случайность, она есть случайность, и наше чувство успокоивается на твердомъ правильномъ порядкѣ среди котораго живетъ человѣкъ въ цивилизованномъ обществѣ. За то нельзя не смутиться когда прискорбный фактъ явится какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ существующаго порядка, не исключеніемъ а примѣромъ правила, не случайностью а какъ бы закономъ. Мы не видимъ въ дѣлѣ чтобы судебный слѣдователь, обрушившійся грозою на г. Пейча и его семейство, былъ во враждѣ съ нимъ. Повидимому, слѣдователь считалъ себя обязаннымъ поступать такъ какъ поступалъ, и лишь въ послѣдствіи, раздраживщись, сталъ дѣйствовать явно враждебнымъ образомъ. Дѣло началось съ какого-то сказанія о сожженномъ на печи ребенкѣ. Слухъ этотъ сразу оказался нелѣпостію, и дѣло превратилось въ инквизицію,—совершенную инквизицію,—касательно отношеній супруговъ Пейчъ къ ихъ малолѣтнимъ дѣтямъ: не дѣлаютъ ли родители разницы между своими дѣтьми, не любятъ ли однихъ болѣе чѣмъ другихъ, хорошо ли ихъ кормятъ, со своего ли стола, не спятъ ли дѣти въ холодномъ флигелѣ, не бѣгаютъ ли босикомъ, чистое ли на нихъ бѣлье, не слишкомъ ли родители

строги къ нимъ, не бьютъ ли, не сѣкутъ ли ихъ,—вотъ въ чемъ состояло слѣдствіе, вотъ на что были направлены усилія слѣдователя старавшагося раскрыть истину. Много свидѣтелей было допрошено. Въ числѣ ихъ фигурировалъ даже четырехлѣтній Саша Пейчъ, и въ протоколѣ предварительнаго слѣдствія помѣчено: „свидѣтель, повидимому изъ боязни, не хотѣлъ давать показанія, но на всѣ вопросы отвѣчалъ: не знаю." Противъ г. Пейча свидѣтельствовали, какъ обнаружено на судѣ, большею частью люди бывшіе у него въ услуженіи, мало заслуживавшіе довѣрія, отошедшіе отъ него или имъ прогнанные; обнаружилось также что нѣкоторыхъ изъ нихъ поощрялъ къ навѣтамъ сосѣдъ, деревенскій адвокатъ, почему-то бывшій въ не совсѣмъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ г. Пейчу. Тѣмъ не менѣе, слѣдователь счелъ достаточно выясненными факты что дѣти раздѣлялись на любимыхъ и нелюбимыхъ, что нелюбимыя спали и ѣли особо во флигелѣ, что г-жа Пейчъ, посадивъ на горячую лежанку ребенка, причинила тѣмъ обжогъ ему, что она прибила одну изъ маленькихъ дочерей своихъ такъ что у ней пошла кровь носомъ, что г. Пейчъ подвергалъ тѣлесному наказанію другаго, и все прочее что читатели найдутъ въ вопросахъ предложенныхъ судомъ на рѣшеніе присяжныхъ.

Итакъ, вотъ факты которые вызвали вмѣшательство судебной власти въ семейный бытъ! Семейное начало, на которомъ зиждется все человѣческое общество, исчезло бы безъ слѣда еслибы признать такое вмѣшательство дѣломъ нормальнымъ. А между тѣмъ прокуроръ не находилъ такого вмѣшательства ненормальнымъ; Окружный Судъ къ которому г. Пейчъ обращался съ жалобой на слѣдователя не призналъ дѣла ненормальнымъ и не прекратилъ его; Судебная Палата не нашла его ненормальнымъ и предала г. и г-жу Пейчъ суду по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Судъ, въ свою очередь, предложилъ на рѣшеніе присяжныхъ какъ нѣчто весьма нормальное весь рядъ вопросовъ формулованныхъ обвиненіемъ...

Всего болѣе смущаетъ эта солидарность судебныхъ властей въ дѣлѣ такъ мало согласномъ съ нормами благоустроеннаго государства.

№ 117.

Москва, 28-го апрѣля.

Газета *Голосъ* осталась вѣрна своему назначенію и по отношенію къ судебному дѣлу Пейчъ. Дѣло это достаточно извѣстно публикѣ. Послѣ краткаго изложенія его сущности въ калужской корреспонденціи помѣщенной въ № 102 *Московскихъ Вѣдомостей*, читателямъ былъ представленъ подробный стенографный отчетъ о всемъ судебномъ процессѣ. Тѣмъ рельефнѣе должна обозначиться вся наглость лжи и безсовѣстность обмана, органомъ коихъ поспѣшилъ выступить *Голосъ* (№ 109, отъ 26 апрѣля) въ этомъ дѣлѣ.

Читатели знаютъ какъ возникло все это обвиненіе отца и матери въ жестокомъ обращеніи ихъ съ дѣтьми. Свидѣтельскія показанія, на которыхъ основывалось это обвиненіе, всѣ налицо. Читатели имѣли возможность провѣрить ихъ и составить себѣ при этомъ характеристику самихъ свидѣтелей. На судебномъ слѣдствіи выяснились самыя условія при которыхъ давались свидѣтелями обвиненія ихъ, направленныя противъ г. и г-жи Пейчъ, показанія; трое изъ нихъ, во время дачи показаній, были въ услуженіи у г. Бѣляева, двое въ услуженіи у г. Ясенецкаго-Воина, у лицъ роль коихъ въ дѣлѣ оказалась болѣе чѣмъ двусмысленною. Выяснилось, затѣмъ, что обвиненіе пренебрегло всѣми до одного показаніями свидѣтелей, на правдивость коихъ можно было положиться, что оно оставило безъ вниманія показанія лицъ которыя дѣйствительно могли знать и видѣть какъ супруги Пейчъ обращаются со своими дѣтьми, напримѣръ ихъ знакомыхъ и многочисленной прислуги подолгу жившей у нихъ въ домѣ, и остановилось съ довѣріемъ лишь на показаніяхъ прислуги не способной уживаться на мѣстѣ болѣе немногихъ мѣсяцевъ и по самымъ причинамъ своего увольненія расположенной относиться недружелюбно къ бывшимъ своимъ хозяевамъ. Все судебное слѣдствіе было изобличеніемъ лживости свидѣтелей обвиненія, которые одинъ за другимъ должны были отказываться отъ показаній данныхъ ими на предварительномъ слѣдствіи. Неправда обвиненія была уличена и рядомъ непререкаемыхъ матеріальныхъ доказательствъ, и массою не подлежащихъ опороченію свидѣтельскихъ показаній. Для прочитавшихъ стенограф-

ный отчетъ не можетъ быть никакого сомнѣнія по дѣлу. Для нихъ ясно что въ обращеніи г. и г-жи Пейчъ съ дѣтьми не было ничего такого что могло бы послужить поводомъ къ слѣдствію и суду надъ ними.

И вотъ, послѣ того какъ дѣло для публики разъяснилось, органъ общественнаго обмана выступаетъ съ категорическимъ заявленіемъ что Пейчи были „тиранами своихъ дѣтей," что обвиненіе ихъ на судѣ „оказалось фактически доказаннымъ," что они „оправданы присяжными засѣдателями не по справедливости!" Правда де на сторонѣ обвиненія, но *Московскія Вѣдомости* „издѣваются надъ правдой" и „до неузнаваемости извращаютъ дѣло гг. Пейчъ," — „съ единственною цѣлію бросить новый камень въ наши преобразованныя судебныя учрежденія", „съ единственною цѣлью доказать что спасеніе наше не въ просвѣщенныхъ реформахъ, а въ усиленіи слѣпаго произвола."

Итакъ, сказать слово *противъ произвола* судебныхъ слѣдователей, столь ярко обозначившагося въ дѣлѣ Пейчъ, значитъ быть защитникомъ слѣпаго произвола. Напечатать стенографный отчетъ о судебномъ дѣлѣ значитъ извращать дѣло, издѣваться надъ правдой.

Явно обманывая публику, руководители *Голоса* прикидываются будто сами вѣрятъ своему обману. Редакція получила де „нѣсколько заявленій" по дѣлу Пейчъ; одно изъ нихъ, корреспонденція изъ Калуги, напечатано въ томъ же № 109 *Голоса*. Эта корреспонденція должна де убѣдить публику въ основательности взведенныхъ на гг. Пейчъ обвиненій.

Для цѣлей обмана это самая подходящая корреспонденція, не уступающая по своей правдивости тѣмъ извѣстіямъ которыя въ свое время печатались въ *Голосѣ* о чумѣ. Подписана она буквами А. Ф., преисполнена бранью на *Московскія Вѣдомости* и тѣ газеты которыя заимствовали изъ нихъ изложеніе дѣла Пейчъ и тѣмъ заслужили наименованіе „хлѣвной" литературы. Все это изложеніе дѣла вызываетъ у калужскаго корреспондента *Голоса* такой возгласъ:

„Можно ли такъ безсовѣстно извращать факты, такъ нагло лгать въ глаза, по крайней мѣрѣ той части публики которая хорошо знаетъ и настоящее, и прошлое г. Пейчъ, близко знакома съ ходомъ дѣла его и была очевидцемъ при судебномъ разбирательствѣ?"

Можно ли подумать что человѣкъ съ такимъ паѳосомъ возмущающійся ложью, именно и пишетъ ложь? Онъ-то, этотъ Азъ-Фертъ ужь конечно близко знакомъ съ дѣломъ и былъ очевидцемъ судебнаго разбирательства. Что же выходитъ на повѣрку? Этотъ развязный господинъ даже не знаетъ кто и какія давалъ показанія по дѣлу. Его свѣдѣнія о дѣлѣ такъ смутны что онъ смѣшиваетъ одного свидѣтеля съ другимъ, *кухарку* съ *акушеркой*. Ему вообразилось что *главная* свидѣтельница обвиненія, Полька Ковальская, бывшая кухаркой сперва у г. Пейча, потомъ у своего соплеменника слѣдователя Ясенецкаго-Воина, акушерка. Онъ приводитъ текстуально показаніе этой небывалой акушерки о томъ что она *видѣла* какъ г. Пейчъ истязалъ хлыстомъ девятилѣтнюю дочь, и о томъ какъ г-жа Пейчъ умышленно посадила трехлѣтняго сына на раскаленную лежанку голымъ тѣломъ, такъ что съ обожженнаго мѣста слѣзла кожа и пристала къ лежанкѣ, и затѣмъ прибавляетъ что „это показаніе свое Ковальская *вполнѣ подтвердила* на судѣ." Пусть заглянутъ читатели, если память имъ измѣнитъ, въ стенографный отчетъ, гдѣ приведенъ допросъ Ковальской на судѣ и затѣмъ пусть рѣшатъ какая степень наглости нужна чтобы сказать ту ложь которая приведена въ калужской корреспонденціи *Голоса*. Еще большая наглость нужна была для того чтобы сказать будто другая кухарка, Соколова, показала на судѣ что она „*собственными глазами видѣла* какъ у посаженнаго на горячую лежанку ребенка вся кожа на сѣдалищѣ (sic) была содрана и осталась на лежанкѣ," тогда какъ эта свидѣтельница, какъ видно изъ стенографнаго отчета, показала на судѣ что она только *слышала* какъ мальчикъ былъ посаженъ на горячую лежанку, но „это было когда она не жила у Пейчъ." Такова правдивость всего разказа калужскаго корреспондента.

Но могла ли знать редакція *Голоса* что вся корреспонденція отъ А-Ферта изъ Калуги есть одно сплетеніе лжи? Можетъ-быть сама эта редакція невольно поддалась обману своего корреспондента не имѣя возможности провѣрить его разказа?

Нѣтъ, въ тотъ день когда редакція *Голоса* печатала свою калужскую корреспонденцію и произносила свой приговоръ по

дѣлу Пейча, № 112 *Московскихъ Вѣдомостей*, со стенографнымъ отчетомъ о показаніяхъ на судѣ свидѣтелей обвиненія, былъ уже полученъ въ Петербургѣ. Редакція *Голоса* изъ этого отчета могла несомнѣнно убѣдиться что ни Соколова не давала такихъ показаній которыя приписывалъ ей корреспондентъ, ни Ковальская не подтверждала всей полноты показаній данныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Для редакціи *Голоса* не могло быть сомнѣнія что его калужская корреспонденція есть ложь отъ начала до конца. Но зная это, *Голосъ* нисколько не задумался напечатать ее въ поученіе публикѣ, какъ подтвержденіе собственныхъ сужденій о судебныхъ порядкахъ!

Пущенная въ оборотъ *Голосомъ* ложь уже начинаетъ рости. Издаваемый въ Москвѣ *Русскій Курьеръ* поторопился сегодня сдѣлать шагъ впередъ противъ своего петербургскаго единомышленника. Сказать что правда искажена нами, какъ сдѣлалъ *Голосъ*, *Русскому Курьеру* было нельзя: онъ самъ имѣлъ такой же какъ и мы стенографный отчетъ и напечаталъ его, хотя и съ сокращеніями. Сличеніе этого отчета съ калужскою корреспонденціей *Голоса* прямо уличаетъ послѣднюю во лжи. А для цѣлей обмана нужно чтобъ ей вѣрили. И вотъ *Русскій Курьеръ* внушаетъ публикѣ что должно вѣрить явно-лживой корреспонденціи, а не стенограммѣ, ибо судя по этой корреспонденціи „весь отчетъ г. стенографа грѣшитъ пристрастіемъ и выставляетъ дѣло далеко не въ надлежащемъ свѣтѣ...“ Отчетъ долженъ де быть исправленъ судебными властями при содѣйствіи присутствовавшихъ на судѣ лицъ, конечно не всѣхъ, а по выбору. Но это исправленіе должно начаться съ обвинительнаго акта, который причислилъ Ковальскую къ числу лицъ находившихся въ разное время въ услуженіи у г. Пейчъ, между тѣмъ какъ по калужской корреспонденціи *Голоса* Ковальская должна быть въ обвинительномъ актѣ произведена изъ кухарокъ въ акушерки.

На чемъ же наконецъ остановится мистификація публики! До чего еще дойдутъ эти органы лжи?

Корреспондентъ *Голоса* позволилъ себѣ сказать что присяжные оправдали г. Пейча только изъ милости, изъ сожалѣнія къ дѣтямъ (изъ сожалѣнія къ дѣтямъ возвратили ихъ къ родителямъ „тиранамъ!“). Но присяжные, признавъ г. Пейча не виновнымъ въ главномъ пунктѣ обвиненія, точно также оправдали его и въ оскорбленіи слѣдователя: они подтвердили гнѣвный, но заслуженный укоръ брошенный имъ въ лицо своему преслѣдователю. Судъ надъ г. Пейчемъ былъ „Шемякинъ Судъ,“ это сказали присяжные своимъ приговоромъ.

№ 118.

Москва, 29-го апрѣля.

Намъ указали въ апрѣльской книжкѣ журнала г. Стасюлевича страницы внутренняго обозрѣнія, которымъ по замыслу приписывалось, повидимому, особо важное значеніе, но которыя какъ-то прошли не замѣченныя. Дѣло идетъ объ „откровенномъ“ изложеніи „программы русскихъ либераловъ,“ имѣющемъ погрѣшить скорѣе „избыткомъ ясности“ чѣмъ недомолвкою. Составители программы оговариваются что ведутъ рѣчь только отъ своей фракціи русскаго либерализма, но замѣчаютъ въ то же время что выражаемые ими „пожеланія и взгляды“ общи всѣмъ русскимъ либераламъ. Итакъ, предъ нами манифестъ *партіи* не безъ успѣха стремящейся овладѣть положеніемъ, выраженный въ тонѣ ея умѣреннаго отдѣла. Къ чему же сводятся эти пожеланія, что написано на знамени этихъ „*русскихъ* либераловъ?“ Написаны, оказывается, весьма прельстительныя вещи, долженствующія пріятно шевельнуть каждое *умѣренно либеральное* сердце и посрамить противниковъ. Не безъ торжества дается понять что быть противникомъ „пожеланій“ сей фракціи значитъ объявить себя гасильникомъ свободной мысли, другомъ инквизиторскаго обращенія съ совѣстью ближняго, защитникомъ безправія и деспотизма. Пожеланія выражены мягко и прельстительно. Они сводятся къ слѣдующимъ пріятнымъ предметамъ: свобода печати, свобода совѣсти, огражденіе личности, укрѣпленіе мѣстнаго самоуправленія, широкое распространеніе образованія и наконецъ знаменитый правовой порядокъ. Цѣлая гамма! Къ сожалѣнію слова суть условныя обозначенія вещей, буквальный смыслъ не всегда соотвѣтствуетъ содержанію, и подъ часъ мягкое слово можетъ скрывать подъ собой весьма жесткую вещь. Въ эпоху Галилея, въ инквизиторскихъ протоколахъ писалось *строгое разслѣдованіе*, *exámen*

rigorosum, а понимать надо было попросту пытку; подъ именемъ же *дружественнаго увѣщанія* разумѣлась послѣдняя угроза обращенная къ связанному еретику предъ тѣмъ какъ его пытать. Надлежитъ потому испытывать истинный смыслъ словъ. Спрашивается, такъ ли привлекательны вещи предлагаемыя въ откровенномъ манифестѣ „русскихъ либераловъ," какъ пріятны слова ихъ обозначающія.

На первомъ планѣ стоитъ свобода печати. Но чего собственно требуетъ „программа либераловъ" подъ именованіемъ свободы печати? Дѣло, конечно, не въ декламаціяхъ о пользѣ не стѣсненнаго сужденія и о добываніи истины путемъ столкновенія мнѣній съ твердымъ упованіемъ на торжество правды. Вопросъ, очевидно, идетъ не объ отвлеченныхъ формулахъ, не о томъ какъ устроить печать на островѣ Баратаріи, а о чемъ-либо практическомъ, о мѣрахъ примѣнимыхъ къ наличной дѣйствительности и ею требуемыхъ. Органы печати стоящіе подъ знаменемъ „программы либераловъ," признаютъ что было время когда ихъ пожеланіе относительно свободы печати имѣло нѣкоторое удовлетвореніе. Это время, диктатуры сердца, которое даже нечистоплотный сатирикъ *Отечественныхъ Записокъ* чувствительно живописуетъ какъ эпоху когда какіе-то „всѣ порядочные люди" предавались „иллюзіямъ,"—не находя для времени послѣдовавшаго за диктатурой сердца другихъ красокъ кромѣ изображенія тѣхъ же порядочныхъ людей заѣденными вшею и пребывающими въ ретирадѣ. Нѣтъ значитъ надобности входить въ отвлеченныя пренія. О практическомъ смыслѣ перваго пожеланія можно судить на основаніи опыта. Время „диктатуры" считается эпохою когда была „фактически допущена" свобода *прессы*, по выраженію одного изъ ея органовъ. Если дѣло идетъ однако о терпимости, то справедливо ли такое рѣшительное противопоставленіе диктатуры последовавшему за нею времени? Тотъ же органъ прессы заявляетъ что никогда „либеральная" журналистика не говорила съ такою открытою рѣзкостію какъ нынѣ. Фактическая свобода, значитъ, не уменьшилась, а скорѣе увеличилась, да еще какъ! Никогда еще то что̀ принято называть крамолою не восхвалялось такъ восторженно какъ нынѣ. Дѣятели ея прямо приравниваются къ мученикамъ первыхъ вѣковъ христіанства; цѣлыя книжки толстыхъ журналовъ состоятъ изъ статей прямо или косвенно прославляющихъ дѣятелей той же крамолы. Чѣмъ же собственно эпоха диктатуры сердца удовлетворяла первому пожеланію „либераловъ" болѣе чѣмъ нынѣшняя не сердитая диктатура? Ясно что не о свободѣ въ обыкновенномъ смыслѣ идетъ дѣло, а о томъ чтобъ извѣстнаго ценза печать, именующая себя „либеральною прессой," чувствовала себя силою, съ которою надо считаться. „Пресса" предлагаетъ популярность, а правительственныя лица за то должны угождать ей и помогать ея пропагандѣ. Громкія сѣтованія якобы вырывающіяся отъ переполненія сердца, которое ищетъ излиться и не можетъ, представляютъ собою между прочимъ маневръ основанный на разсчетѣ довольно оскорбительнаго для правительственныхъ лицъ свойства. Шумные возгласы порицаній, какъ это обыкновенно бываетъ, вызываются именно нетвердымъ образомъ дѣйствій правительственныхъ лицъ, дающимъ надежду что шумомъ можно достигнуть цѣли. Считается даже возможнымъ устыдить правительственныя лица и заставить ихъ дѣйствовать вопреки здравому смыслу, поставляя имъ на видъ что удовлетвореніе требованіямъ онаго будетъ совпаденіемъ съ *Московскими Вѣдомостями* и осуществленіемъ Катковскихъ проектовъ. Словомъ, подъ именемъ свободы печати требуется чтобы правительство запряглось въ колесницу „прессы" и повезло на себѣ г. Стасюлевича со всею веселою компаніей. Правительство должно чувствовать священный страхъ предъ упрекомъ что то или другое мѣропріятіе не либерально, и допускать чтобы на его глазахъ обрабатывалось общественное мнѣніе, развращалось молодое поколѣніе. Какъ бы лствено ни работала интрига, правительство обязано пребывать офиціально въ глухотѣ и слѣпотѣ. Тогда будетъ свобода печати. Не точнѣе ли было бы сказать: свобода обмана? Никогда наша печать не обращалась въ такой мѣрѣ въ орудіе интриги какъ теперь: чѣмъ же г. Стасюлевичъ не доволенъ? Обманъ настойчиво повторяемый, разносимый каждодневно во всѣ углы страны, твердимый въ уши сотнямъ тысячъ людей до которыхъ такъ или иначе доходитъ печатное слово, не могъ не оказывать сильнѣйшаго дѣйствія. Выдуманное въ столицѣ разносилось по провинціямъ и, отра-

жаясь, возвращалось къ центру въ видѣ якобы мнѣнія страны. Фальшивое движеніе чрезъ пассивное и отчасти даже благосклонное отношеніе къ нему правительства подобращалось будто бы въ неудержимый потокъ, силѣ котораго остается только уступить. Кто желаетъ правды, которая есть цѣль свободы слова, тотъ первымъ пожеланіемъ на либеральномъ знамени помѣстилъ бы твердость правительственной власти. Даже *Голосъ* пересталъ бы лгать еслибы не было выгоды въ смутѣ и обманѣ. Старые и молодые развратители устыдились бы толкать молодежь въ банды еслибы исчезла надежда на успѣхъ „движенія."

На знамени „русскихъ либераловъ," послѣ свободы *прессы*, значится, по свидѣтельству программы, свобода совѣсти. Что же? Есть развѣ какія-либо утѣсненія совѣсти? Мѣшаютъ развѣ друзьямъ г. Стасюлевича въ ихъ молитвенныхъ упражненіяхъ? Ничего подобнаго, кажется, незамѣтно. Почему же вопросъ о свободѣ совѣсти выдвинутъ на передній планъ? Безъ сомнѣнія въ законодательствѣ и по этой части найдутся недостатки требующіе устраненія, но почему же именно они должны сдѣлаться заботою дня, при массѣ другихъ неотложныхъ вопросовъ? Оказывается что „либералы" тутъ хлопочутъ не о себѣ и даже не объ иновѣрцахъ, не имѣющихъ никакой причины жаловаться. Спеціальную заботу „либераловъ" составляютъ, какъ оказывается, раскольники. Въ извѣстной компаніи еще со времени Герцена чувствуется удивительная нѣжность къ раскольникамъ, несмотря на то что старообрядецъ и нашъ якобы „либералъ" находятся на противоположныхъ полюсахъ міровоззрѣнія или „міросозерцанія" по терминологіи нашихъ журналовъ. Дѣло въ томъ что въ расколѣ, кромѣ элемента противуцерковнаго, предполагается отчасти элементъ противугосударственный. Отсюда и нѣжность и забота о расколѣ въ „либеральной программѣ." Требуется чтобы элементъ этотъ получилъ возможно *сильное развитіе*, чтобы *возникла смута*, *обнаружилось бы враждебное раздѣленіе* въ *народной массѣ*, *поднялись* бы вновь вопросы *отошедшіе* казалось въ вѣчность. Вотъ для чего требуется то что на знамени означено внушительнымъ словомъ „свобода совѣсти."

Требуется обезпеченіе „личности" отъ произвола администраціи. Выступая въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, составители программы только скользятъ по этому вопросу и сговариваются что имѣютъ въ виду не административныя высылки, не „поднадзорныхъ;" рѣчь де идетъ не о мѣрахъ вызываемыхъ чрезвычайными обстоятельствами. Но о чемъ идетъ рѣчь, это остается во мракѣ неизвѣстности. Повидимому, не о невѣроятныхъ по возмутительности своей явленіяхъ судебнаго произвола, отъ котораго нѣтъ защиты. Судебнымъ устройствомъ друзья г. Стасюлевича довольны. Рѣчь идетъ только объ „администраціи." Но что собственно требуется, то все-таки остается безъ разъясненія. Составители программы ограничиваются намекомъ на какой-то случай высылки за рѣчь въ земскомъ собраніи, не имѣвшую „ничего общаго съ политическимъ преступленіемъ," и указаніемъ зависимости отъ усмотрѣнія администраціи „участи лица служащаго по найму въ земскихъ или городскихъ учрежденіяхъ." Заявляется только что „неприкосновенность личныхъ правъ настоятельно нуждается у насъ въ защитѣ и разговоръ о ней нельзя откладывать до другой, болѣе спокойной, минуты." Но „разговоръ" о столь интересномъ предметѣ на двадцати строкахъ такъ и прерывается. Почему же это? Можно подумать что съ устраненіемъ вопроса о правахъ „поднадзорныхъ" и „нелегальныхъ" тема такъ и изсякла. На то и *умѣренно либеральный тонъ*.

Слѣдуетъ „широкое развитіе" образованія. Это значитъ: допущеніе реалистовъ въ университетъ (о самыхъ университетахъ въ программѣ благоразумно умалчивается) и предоставленіе обществу свободы дѣйствія по отношенію къ народной школѣ. „Пятнадцать лѣтъ (оказывается) печать боролась противъ стѣсненій замедлявшихъ и затруднявшихъ поступательное движеніе народной школы," то-есть именно въ продолженіе того времени когда правительствомъ въ вѣдомствѣ Министерства Просвѣщенія созданы въ значительномъ числѣ народныя школы какихъ прежде вовсе не было. Зачѣмъ же было бороться вмѣсто того чтобы помогать этому дѣлу? Не трудно припомнить что „борьба" велась не противъ небывалыхъ стѣсненій къ распространенію образованія, а противъ стѣсненій революціонной пропаганды въ народѣ.

Всякій знаетъ что наша эпоха знаменуется чрезвычайнымъ ослабленіемъ вла-

сти, ея шатаніемъ, невѣріемъ въ нее самихъ облеченныхъ въ нее лицъ. Что же требуется „программою либераловъ?“ Не трудно догадаться что требуется двинуться еще впередъ на пути безвластія. Это называется „правильнымъ устройствомъ мѣстнаго управленія и самоуправленія.“ Программа предостерегаетъ отъ „мелкой административной единицы, во главѣ которой стояли бы подъ новымъ именемъ, но съ тою же или еще болѣе широкою властію прежніе мировые посредники.“ Ужь одно это показываетъ вамъ какая это партія вынесла свою програму. Мировые посредники оказались полезнымъ учрежденіемъ, которое можетъ быть и теперь было бы хорошо въ системѣ мѣстнаго управленія. Но что было бы полезно, то, къ сожалѣнію, выходитъ не либерально, и того г. Стасюлевичъ съ своею компаніей не хочетъ.

Умѣренная программа переходитъ, наконецъ, къ вопросу составляющему де „главный предметъ разногласія между либералами и не-либералами,“—къ вопросу „о такъ-называемомъ правовомъ порядкѣ.“ Хотя программа и оговаривается относительно трудности „откровенной рѣчи“ по этому предмету, высказывается однако съ совершенно достаточною ясностію. Требуется послѣдовать движенію, „которымъ была ознаменована послѣдняя сессія губернскихъ земскихъ собраній и самымъ яркимъ выраженіемъ котораго служитъ ходатайство двѣнадцати губернскихъ земствъ. Центръ тяжести этихъ ходатайствъ заключается вовсе не въ расширеніи принадлежащихъ губернскимъ или вообще земскимъ собраніямъ *настоящаго состава*, а въ *избраніи* уполномоченныхъ отъ *всѣхъ* земствъ Имперіи для обсужденія *всѣхъ* (всѣ курсивы въ подлинникѣ) важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія.“ Итакъ требуется созвать палату народныхъ представителей. Для чего, спрашивается, и что должно послѣдовать далѣе? Достойно замѣчанія что по этому важнѣйшему пункту программы вожделѣнія „либераловъ“ отличаются самою куріозною подражательностію, хотя и дается обѣщаніе что чаемое преобразованіе государственнаго строя будетъ либералами сдѣлано въ оригинальномъ стилѣ. Предлагаемый путь до наивности напоминаетъ тотъ какимъ совершилось революціонное крушеніе Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. Будутъ собраны выборные представители отъ всѣхъ земствъ (читай assemblées provinciales), вѣроятно по нѣскольку отъ каждаго земскаго собранія, что имѣетъ составить весьма внушительное собраніе. Дабы перескочить чрезъ фазу сословныхъ столкновеній какою началось собраніе французскихъ государственныхъ чиновъ, наше собраніе явится всесословнымъ въ самомъ началѣ своемъ. „Чрезъ избраніе уполномоченныхъ свершится, поясняетъ составитель программы, первый шагъ рѣшительный и важный.“ Что послѣдуетъ за нимъ? Послѣдуетъ *сочинительство*. Что значитъ сочинительство, въ статьѣ объясняется съ достаточною подробностью. Его надлежитъ понимать „въ смыслѣ пріисканія новыхъ формъ для новаго содержанія, новыхъ средствъ для новыхъ задачъ.“ Это въ программѣ именуется также „снятіемъ узъ какъ съ общества, такъ и съ народа.“ По всей формѣ Constituante, то-есть національное собраніе имѣющее задачею *сочинить конституцію* страны!

№ 119.

Москва, 30-го апрѣля.

А.

На дняхъ послѣдовало циркулярное предписаніе Военнаго министра предсѣдателямъ военно-окружныхъ судовъ. Предписаніе это возлагаетъ на нихъ отвѣтственность за точное, при судебныхъ преніяхъ, соблюденіе постановленій закона, ограждающихъ личность и дисциплину отъ злоупотребленія ораторскими преніями. „На практикѣ,“ говоритъ циркуляръ, „весьма часто „замѣчаются уклоненія отъ узаконенныхъ „правилъ, дающія поводъ къ справедли„вымъ нареканіямъ.“ Законъ опредѣляетъ что и обвиненіе, и защита должны строго ограничиваться изложеніемъ лишь того что имѣетъ прямое значеніе въ дѣлѣ и содѣйствуетъ правильному опредѣленію рода и степени отвѣтственности которой подлежитъ подсудимый. Обвиненіе, слѣдовательно, должно довольствоваться простымъ изложеніемъ доказательствъ виновности, выясненіемъ преступленія, указаніемъ нарушеннаго закона и заслуженнаго наказанія; защита также должна ограничиваться обстоятельствами и доводами опровергаю-

щими обвиненіе. Все лишнее и постороннее не содѣйствуетъ, а вредитъ дѣлу. „Допущеніе со стороны обвиненія или защиты,“ поясняетъ циркуляръ, „оскорбительныхъ отзывовъ, неумѣстной критики, „метафоръ, аллегорій и иныхъ ораторскихъ „пріемовъ не отвѣчаетъ цѣлямъ суда.“ Судъ долженъ руководиться въ точности закономъ; правильному примѣненію закона „гораздо болѣе благопріятствуетъ рѣчь въ краткой, сжатой и категорической формѣ нежели примѣненіе разнообразныхъ пріемовъ краснорѣчія.“ Запрещая затѣмъ сторонамъ, во время преній, напоминать судьямъ о важности лежащихъ на нихъ обязанностей, ибо „такія напоминанія не болѣе какъ общія мѣста,“ циркуляръ съ особенною силой напоминаетъ о запрещеніи закономъ „отзывовъ оскорбительныхъ для *чьей бы то ни было* личности“ и нарушенія должнаго уваженія къ закону и установленнымъ властямъ въ виду оскорбительныхъ отзывовъ о нихъ или „ироническихъ замѣчаній,“ критики и порицанія ихъ распоряженій. Судъ, сказано въ циркулярѣ, „имѣетъ задачею и цѣлью укрѣ„плять авторитетъ закона, порядка и вла„сти, а не колебать ихъ.“

Худыя ли даетъ указанія Военный министръ судамъ состоящимъ въ его вѣдѣніи, и однимъ ли военнымъ судамъ подобаетъ быть хорошими судами, честно исполняющими свою службу государству въ примѣненіи его законовъ и въ огражденіи признаваемыхъ имъ правъ? Или есть суды которымъ подобаетъ быть привилегированнымъ балаганомъ, мѣстомъ безчинства, клеветы, поруганія, мѣстомъ гдѣ могутъ безнаказанно и съ похвальбою совершаться дѣла преступнаго свойства, которыя законами страны предусматриваются и караются? Или есть суды которые имѣютъ своею задачей и цѣлью колебать авторитетъ закона, порядка и власти, а не укрѣплять ихъ, такъ что вышеприведенныя указанія къ нимъ относиться не могутъ или должны относиться въ обратномъ смыслѣ?

Если правительство сочло нужнымъ напомнить военнымъ судамъ о ихъ назначеніи, то развѣ общіе суды не нуждаются въ такомъ напоминаніи? Или въ общихъ судахъ слышится только трезвое и честное слово, и не слышится фальшиваго краснорѣчія направленнаго къ обману, оскорбительныхъ отзывовъ, глумленія надъ властью, неумѣстной критики дѣйствующихъ узаконеній? Судъ, сказано въ циркулярѣ, призванъ „укрѣплять авторитетъ закона, порядка и власти, а не колебать ихъ.“ Напоминая объ этомъ военному суду, находитъ ли правительство излишнимъ обращаться съ такимъ же напоминаніемъ къ общему суду, или полагаетъ что общему суду оно не въ правѣ, не смѣетъ, дѣлать какія-либо напоминанія и указанія, и что если сему суду угодно, то онъ можетъ колебать законъ, порядокъ и власть, и дѣйствовать во всемъ по своему усмотрѣнію и политикѣ, въ полной независимости отъ требованій государства?

Нѣтъ ничего фальшивѣе и грубѣе ходячаго у насъ понятія о независимости судовъ. Чѣмъ зависимѣе судъ отъ государственной власти, которой онъ призванъ служить, тѣмъ онъ независимѣе отъ фальшивыхъ властей, тѣмъ онъ въ истинномъ смыслѣ свободнѣе и вѣрнѣе себѣ.

Независимый судъ есть судъ огражденный по возможности отъ всякаго рода постороннихъ правосудію вліяній, которыя пріобрѣтаютъ тѣмъ бо́льшую силу чѣмъ слабѣе ощущается судьею зависимость отъ законной власти государства, которая его поставила, которой онъ долженъ служить и повиноваться по совѣсти.

Безъ должной отвѣтственности предъ государственною властью, судья будетъ неизбѣжно тростью колеблемою отъ всякаго вѣтра; въ примѣненіи закона онъ не въ силахъ будетъ уберечься отъ увлеченій и пристрастій несогласныхъ съ его долгомъ. Что сказано о судьѣ, то слѣдуетъ разумѣть вообще о судебномъ сословіи. Если оно фальшиво замкнуто въ независимую отъ государственной власти корпорацію, самоуправную и самосудную, то оно неизбѣжно извращается и становится сосудомъ анти-государственнаго духа.

Съ другой стороны, не можетъ быть превратнѣе мнѣнія будто правительство не обязано имѣть надзоръ надъ судами, регулировать ихъ дѣйствія и заботиться объ очищеніи ихъ персонала. Государственная власть, правительство въ высшемъ значеніи этого слова, не измѣняя себѣ, не отрекаясь отъ себя, не можетъ спокойно оставлять управляемый имъ народъ на произволъ и безотвѣтственное распоряженіе корпорацій, самовольно возникшихъ или государствомъ же созданныхъ, но дѣйствующихъ самоуправно и безконтрольно и не

чувствующихъ своей зависимости отъ высшей государственной власти, которой должно строго подчиняться все что имѣетъ характеръ обязательный, все что имѣетъ значеніе и силу власти.

Военные суды находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ высшаго правительства: хуже ли они отъ этого чѣмъ наши общіе суды которые, вслѣдствіе прискорбныхъ недоразумѣній, считаютъ себя государствомъ въ государствѣ?

Б.

Телеграмма изъ Асхабада отъ 23-го апрѣля извѣщаетъ что князь Дондуковъ-Корсаковъ, во время своей поѣздки по Ахалъ-Текинскому оазису, убѣдился въ необходимости проложить желѣзную дорогу отъ Кизылъ-Арвата до Геокъ-Тепе и провести оттуда колесный путь въ Персію. Ахалъ-Текинскій оазисъ есть, безъ сомнѣнія, важнѣйшее по своему положенію русское пріобрѣтеніе въ средней Азіи. Здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ ея пунктахъ, Россія должна стать твердою ногой и пріобрѣсти свободу дѣйствій. Эта цѣль будетъ достигнута тѣмъ лучше чѣмъ болѣе мы сдѣлаемъ для благосостоянія края и для развитія его производительныхъ силъ. Но безъ дорогъ развитіе этого богатаго края, которому суждено въ будущемъ стать главнымъ базисомъ нашего могущества въ Средней Азіи, не мыслимо. Желѣзная дорога которая прорѣжетъ оазисъ отъ моря до его восточной границы, не есть дорога только стратегическая, хотя она важна и въ этомъ отношеніи. Первоначально она строилась съ военными цѣлями, но работы ей здѣсь найдется не мало: мы еще не успѣли оглядѣться въ краѣ, а уже наткнулись на богатые нефтяные источники. Край еще не успѣлъ оправиться отъ военнаго потрясенія. Теперь Закаспійской желѣзной дорогѣ дѣла, конечно, не много, но отчасти и потому что она не докончена, что къ ней нѣтъ доступа, нѣтъ подъѣздныхъ путей: отъ Асхабада, напримѣръ, одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ оазиса, гдѣ уже начинаетъ развиваться торговля, до Кизылъ-Арвата, всего какихъ-нибудь 206 верстъ, а на проѣздъ за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ употребляется 8, иногда до 14 дней, отъ Геокъ-Тепе, главнаго пункта въ краѣ, развѣ немного меньше. Чувствительно въ этомъ отношеніи неимѣніе удобныхъ для движенія путей отсюда въ Персію, съ которою мы ведемъ значительную торговлю; часть торговли могла бы направиться легко и удобно по Закаспійской желѣзной дорогѣ, на которую уже затрачено не мало денегъ. Не довести ее до конца значило бы напрасно потерять эти деньги и, сверхъ того, добровольно отказаться отъ пріобрѣтенія мирнымъ путемъ вліянія на Мервъ, на который, какъ и на Персію, ревниво простираетъ виды Англія...

№ 120.

Москва, 1-го мая

Рѣшеніе питейнаго вопроса отсрочено. Окончательное обсужденіе проектированныхъ измѣненій Питейнаго Устава отложено Государственнымъ Совѣтомъ до будущей его сессіи, то-есть до осени. Но едва-ли кто изъ сознающихъ всю государственную важность и необходимость серіозныхъ мѣръ по этому предмету посѣтуетъ на такую отсрочку. Напротивъ, мы радуемся ей. Она служитъ добрымъ знаменіемъ. Мы видимъ въ ней признакъ болѣе зрѣлаго государственнаго духа въ нашихъ законодательныхъ сферахъ. Вмѣсто мертваго формализма готоваго принять всякій проектъ, лишь бы покончить съ вопросомъ, признано лучшимъ помедлить рѣшеніемъ нежели рѣшить кое-какъ и ограничиться полумѣрой или ничего не значащею бумажною перемѣной, которая замяла бы вопросъ и закрѣпила бы на долго нашу народную бѣду. Теперь, дѣйствительно, предполагалось лишь замять вопросъ и подъ видомъ реформы ничего не сдѣлать. Лучше подождать. Можетъ-быть, при новомъ приступѣ къ вопросу что-нибудь и выйдетъ.

Необходимое условіе для того чтобы плодотворно рѣшить питейный вопросъ заключается въ томъ чтобы была ясно сознана и твердо поставлена цѣль къ которой реформа должна быть направлена, причемъ всѣ проектируемыя по этой части мѣры строго согласовались бы именно съ поставленною цѣлью, а не съ массою постороннихъ ей, случайныхъ соображеній. Реформа не будетъ дѣломъ серіознымъ если она ограничится рядомъ мѣръ не вытекающихъ изъ одной общей мысли, ничѣмъ между собою не связанныхъ и одна другую па-

рализующихъ. Лишь предварительное уясненіе основной идеи можетъ дать критерій для оцѣнки каждой изъ проектируемыхъ мѣръ; только такое уясненіе можетъ дать путеводную нить чтобы не потеряться въ подробностяхъ и избѣжать въ законодательствѣ противорѣчій, всегда ведущихъ къ печальнымъ практическимъ послѣдствіямъ; только такое уясненіе можетъ дать рѣшенію питейнаго вопроса характеръ работы исполненной зрячимъ умомъ, а не ощупью. Между тѣмъ, именно условіе серіозности законодательной работы и было пренебрежено при обсужденіи питейнаго дѣла. Вмѣсто постановки главной задачи и оцѣнки различныхъ путей коими она наилучшимъ образомъ можетъ быть рѣшена, занимались обсужденіемъ разныхъ частностей предмета и канцелярскимъ сочинительствомъ разныхъ параграфовъ питейнаго устава ни съ какою общею цѣлью не согласованныхъ. Не руководимые ясною цѣлію, „свѣдущіе люди,“ какъ и другіе участники вопроса, бродили какъ въ лѣсу, готовые ухватиться за каждую подсказанную мысль, хотя бы нелѣпую. Одна изъ такихъ мыслей была подсказана имъ многолѣтнею агитаціей въ пользу „общественныхъ питейныхъ заведеній.“ Какъ извѣстно, идея общественнаго кабака, съ одной стороны, пропагандировалась какъ идея правительственная, причемъ общество, такъ сказать, призывалось оказать правительству поддержку для осуществленія этой идеи; вмѣстѣ съ тѣмъ, идея общественнаго кабака выдавалась за мысль самого народа, такъ что каждый могъ думать что давая ходъ мірскимъ кабакамъ можно оказать разомъ двойную услугу и правительству, и народу. Безъ предварительнаго обсужденія цѣлей реформы, девизомъ ея вдругъ сдѣлалось: „да здравствуютъ общественныя питейныя заведенія!“ Эта мысль сразу была схвачена и представителями администраціи и „свѣдущими людьми,“ и обѣ коммиссіи, какъ предварительная такъ и экспертная, едва приступивъ къ занятіямъ, рѣшали сперва вопросъ объ общественномъ кабакѣ, и лишь затѣмъ переходили къ обсужденію прочихъ сторонъ питейнаго вопроса и способовъ его разрѣшенія. Частный вопросъ объ узаконеніи общественныхъ кабаковъ въ обѣихъ коммиссіяхъ былъ рѣшаемъ до постановки главнаго вопроса, а главный вопросъ въ томъ не слѣдуетъ ли вовсе покончить съ кабакомъ вмѣсто того чтобы придумывать такія или другія ему устройства. Не обстановка и виды питейной торговли приноравливались къ духу проектируемаго питейнаго устава, а правила этого устава пригонялись по мѣркѣ одного изъ видовъ питейныхъ заведеній сомнительнаго свойства. Результатомъ работы вышелъ проектъ похожій на планъ постройки въ которомъ не печи приноровлены къ зданію и его назначенію, а самое зданіе пригонялось къ случайно сложеннымъ печамъ. Идея мірскихъ кабаковъ, какъ только она достаточно выяснилась, не могла удержаться. Но затѣмъ остальной планъ перестройки питейнаго устава остался съ кое-какими урѣзками. Преобразованіе кабаковъ было отклонено, но самые кабаки были удержаны во всей силѣ. Что же хорошаго еслибы такой планъ „реформы“ былъ утвержденъ и получилъ бы силу закона? Нѣтъ, лучше повременить.

Главная задача реформы въ томъ чтобъ устранить антагонизмъ между интересами фиска и народа при нынѣшней системѣ взиманія питейнаго налога. Требуется пріискать такую систему чтобы поступленіе въ казну питейнаго дохода не сопровождалось разореніемъ и развращеніемъ народа. Государство нуждается въ средствахъ, а цѣль государства есть народное благосостояніе, нравственное и матеріальное, и государство не должно терпѣть питейной системы которая подрываетъ народное благосостояніе. Принимать мѣры облегченія податныхъ тягостей лежащихъ на народѣ, и въ то же время оставлять въ силѣ кабацкую эксплуатацію народа, не то же ли это что давать одною рукою рубль, а другою отнимать у человѣка весь его кошель, до нага раздѣть его, да и крестъ съ шеи снять? Какой смыслъ—заводить школы и поддерживать кабаки? Согласно ли съ государственными интересами держаться такой системы взиманія питейнаго налога чтобы каждый поступающій въ казну рубль обходился народу нѣсколькими рублями, не говоря уже о развратительной обстановкѣ при которой эти рубли пропиваются? Государственные интересы требуютъ одновременнаго соблюденія выгодъ казны и народа, сохраненія питейнаго дохода и освобожденія страны отъ орды паразитовъ занимающихся спаиваніемъ народа. Эта цѣль можетъ быть достигнута установленіемъ системы взиманія питейнаго налога прямо казной. Но мысль о введеніи казен-

ной питейной монополіи не была въ виду при обсужденіи питейнаго вопроса. Введеніе казенной питейной монополіи, съ упраздненіемъ кабаковъ и вообще соблазна распивочной продажи, было бы серіозною реформой. Такая реформа потребовала бы не обычной канцелярской, но умственной работы, потребовала бы обширныхъ и глубокихъ соображеній; за то это было бы дѣло,—дѣло за которое воздастъ хвалу исторія,—а не переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Дѣло такъ важно что грѣхъ останавливаться предъ какими бы то ни было трудностями. Да и трудности не въ такой мѣрѣ велики какъ, напримѣръ, при введеніи казенной табачной монополіи. А между тѣмъ, напримѣръ, во Франціи, всѣ техническія трудности табачной монополіи съ достаточнымъ успѣхомъ одолѣваются администраціей, и точно также въ Германіи, правительство, имѣя въ виду установленіе табачной монополіи, не пугается трудностей. Подъ лежачій камень и вода не течетъ. Отсрочка рѣшенія питейнаго вопроса даетъ правительству время серіозно пересмотрѣть изготовленный проектъ питейной реформы и взвѣсить при этомъ всѣ *за* и *противъ* какъ оставленія въ силѣ существующей несостоятельной системы, такъ и замѣны ея казенною монополіей, при которой устраняются главныя невыгоды нынѣшнихъ порядковъ какъ для казны такъ и для народа, и при ней же можно достигнуть сокращенія корчемства съ большимъ удобствомъ чѣмъ нынѣ.

Какъ отсрочкѣ рѣшенія питейнаго вопроса, такъ можно было бы порадоваться и отсрочкѣ обсуждаемыхъ нынѣ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ. Таможенная реформа, какъ и питейная, требуетъ предварительнаго установленія главной цѣли къ которой она должна быть направлена. Мелкія частныя измѣненія въ тарифѣ, который во всемъ своемъ составѣ не соотвѣтствуетъ нуждамъ страны и ея народно-хозяйственнымъ условіямъ, едва ли могутъ вести къ чему-либо доброму; они могутъ только раздражить однихъ, не принося пользы другимъ. Не соображенныя достаточно съ общими условіями и требованіями дѣйствительности, они могутъ оказаться неудовлетворительными, какъ и тѣ полумѣры для поддержанія одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашего роднаго производства на которыя указано въ статьѣ: „Нѣсколько словъ по поводу критическаго положенія льняной русской промышленности" (*Моск. Вѣд.* № 118). Въ пользу отсрочки измѣненій въ тарифѣ говоритъ, между прочимъ, ужь и то обстоятельство что черезъ двѣ недѣли должна открыться въ Москвѣ выставка, на которой обозначится положеніе разныхъ отраслей промышленности. Выставка будетъ сопровождаться съѣздомъ многочисленныхъ представителей промышленнаго міра, и прислушаться къ ихъ заявленіямъ о дѣйствительныхъ условіяхъ и нуждахъ разныхъ видовъ производства было бы далеко не излишне въ интересахъ правильнаго рѣшенія таможенныхъ вопросовъ. Лучше повременить нѣсколько мѣсяцевъ съ предположенными измѣненіями въ таможенномъ тарифѣ, чѣмъ потомъ передѣлывать сдѣланное наскоро.

№ 122.

Москва, 3-го мая.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ телеграфъ приноситъ намъ изъ Каира тревожныя извѣстія: власть хедива потрясена, собственные его министры хотятъ свергнуть его съ престола, въ египетскія воды посылаются французская и англійская броненосныя эскадры, турецкія войска готовятся занять египетскую территорію, а египетская армія собирается дать имъ сильный отпоръ подъ начальствомъ главы такъназываемой *національной* партіи, пресловутаго военнаго министра Араби-бея. Все указываетъ на то что Египетскій вопросъ вступилъ въ періодъ остраго кризиса и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ вопросомъ европейскимъ.

Россія могла бы повидимому относиться равнодушно къ событіямъ на сѣверо-восточномъ берегу Африки. Но на самомъ дѣлѣ событія эти не лишены для насъ интереса. Египетскій вопросъ есть часть великаго Восточнаго вопроса, для рѣшенія котораго пролито столько русской крови, послужившей, по волѣ нашей дипломатіи, на пользу не Россіи, а врагамъ ея. Великая и сильная нѣкогда Оттоманская имперія мало-по-малу раздробляется на мелкія части и едва ли переживетъ девятнадцатое столѣтіе. Наслѣдіе Турціи переходитъ по частямъ въ разныя руки, только не въ русскія. Англія даромъ захватила себѣ Кипръ и взяла Малую Азію подъ

свой протекторатъ; Греція пріобрѣла часть Эпира и Ѳессаліи; Франція вытѣснила Турцію изъ Туниса; Австрія заняла и отняла Боснію и Герцеговину, готовится идти на Салоники, а съ титуломъ королевства обратила въ своего вассала Сербію; Франція съ Англіей собираются теперь наложить свою руку на Египетъ. А Россія, потративъ тысячи людей и милліоны денегъ, великодушно отказалась отъ Константинополя, нажила себѣ всюду враговъ и съ трудомъ могла выпросить чтобъ ей возвратили жалкій клочекъ ея же собственной Бессарабской губерніи. Если такъ будетъ продолжаться, мы легко можемъ дожить до того времени, когда вся Турція съ Константинополемъ, Проливами и Чернымъ Моремъ очутится въ чужихъ рукахъ, а мы будемъ утѣшать себя мыслію что у насъ по части иностранныхъ дѣлъ все обстоитъ благополучно, что дипломатическія наши ноты пишутся на безукоризненномъ французскомъ языкѣ и что если Европа и смѣется надъ нами, она по крайней мѣрѣ должна отдать справедливость нашему безкорыстію — и французскому слогу.

Насъ все обвиняли что мы будто бы *выдумали* Восточный вопросъ. Турція де попрежнему сильна, пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ и имѣетъ неотъемлемое право на существованіе, которое сверхъ того безусловно необходимо для поддержанія европейскаго равновѣсія. Если въ провинціяхъ Оттоманской имперіи случались волненія и смуты, то единственно де вслѣдствіе коварныхъ происковъ Россіи. Остается только и Египетское затрудненіе приписать Россіи...

Египетскій вопросъ, въ настоящемъ своемъ видѣ, возникъ вслѣдствіе агитаціи египетской мусульманской партіи, называющей себя „національною“ и поставившей себѣ задачей захватить всѣ внутреннія дѣла Египта съ устраненіемъ всякаго иноземнаго какъ турецкаго, такъ и европейскаго вліянія. Національная партія образовалась прежде всего въ арміи, изъ которой мало-по-малу были вытѣснены всѣ турецкіе и черкесскіе высшіе начальники. Душой этой партіи былъ энергическій полковникъ Араби-бей, составившій себѣ въ короткое время прочную популярность въ египетской арміи. Имѣя такимъ образомъ въ своемъ распоряженіи всю египетскую военную силу, Араби-бей задумалъ автономію Египта. Онъ не могъ надѣяться что слабохарактерный хедивъ Тевфикъ добровольно станетъ во главѣ національнаго движенія наперекоръ Турціи и европейскимъ державамъ, а потому рѣшилъ подѣйствовать на него чисто европейскимъ способомъ, посредствомъ фиктивной „народной воли.“ Еще въ прошломъ году, 28 августа, онъ окружилъ въ Каирѣ дворецъ хедива отрядомъ изъ 4.000 солдатъ подъ прикрытіемъ 30 орудій и потребовалъ отставки всего министерства и созыва египетскаго парламента. Прижатый къ стѣнѣ хедивъ не имѣлъ даже возможности посовѣтоваться съ представителями европейскихъ державъ и согласился на требованія мятежнаго войска; въ тотъ же день министерство Ріазъ-паши подало въ отставку и было замѣнено по указанію Араби-бея „національнымъ“ министерствомъ Шерифъ-паши.

Это неожиданное событіе вызвало сильную тревогу въ дипломатическихъ сферахъ Европы. Было признано необходимымъ занять Египетъ иностранными войсками. Но когда зашла рѣчь о томъ какая европейская держава отправитъ свои войска для занятія Египта, то между Англіей, Франціей и Турціей возникло несогласіе, такъ что сочли за лучшее предоставить Египетъ его судьбѣ, въ надеждѣ что одна угроза иностранной оккупаціи устрашитъ египетскихъ автономистовъ и придастъ хедиву достаточную энергію для борьбы со своимъ министерствомъ. Эта надежда казалась тѣмъ болѣе основательною что Араби-бей на время удалился со своимъ полкомъ изъ Каира, чтобы нѣсколько успокоить этимъ европейскія державы и отвратить ихъ отъ намѣренія немедленно занять Египетъ ихъ войсками.

Не мало содѣйствовало временному успокоенію египетскаго національнаго движенія и то обстоятельство что въ ноябрѣ 1881 года управленіе иностранными дѣлами Франціи перешло въ руки г. Гамбетты, вступившаго относительно Египта въ тѣсное соглашеніе съ Англійскимъ правительствомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія египетскаго парламента, въ Каирѣ была передана тождественная нота французскаго и британскаго кабинетовъ, въ которой заявлялось о рѣшимости Англіи и Франціи поддержать хедива своими войсками въ случаѣ если кто-либо попытается умалить права дарованныя ему султан-

скимъ фирманомъ 30 іюля 1879 года. Угрожающая англо-французская нота произвела на египетскихъ министровъ и депутатовъ сильное впечатлѣніе. Они начали разсматривать проектъ египетской конституціи и отклонили составленный автономистами контръ-проектъ, по которому всѣ внутреннія, внѣшнія и въ особенности финансовыя дѣла переходили въ вѣдѣніе парламента съ устраненіемъ англо-французскаго финансоваго контроля, опредѣленнаго декретомъ хедива отъ 4 сентября 1879 г. Такимъ образомъ Египетскій вопросъ приближался повидимому къ рѣшенію согласному съ желаніями хедива, Англіи, Франціи и Турціи.

Все это сразу измѣнилось съ паденіемъ г. Гамбетты. Преемникъ его, г. де-Фрейсине, тотчасъ по вступленіи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, заявилъ что онъ будетъ держаться самой миролюбивой политики и отнюдь не предприметъ похода которымъ г. Гамбетта угрожалъ Египту. Это заявленіе побудило египетскую національную партію къ новой энергической дѣятельности. 21 января Араби-бей снова появился съ своимъ войскомъ въ Каирѣ, отправился къ президенту парламента и потребовалъ чтобы депутаты отвергли конституціонный проектъ правительства, заставили слишкомъ слабое министерство Шерифъ-паши выйти въ отставку и приняли упомянутый выше автономный контръ-проектъ. Представители народной воли немедленно исполнили волю смѣлаго полковника. Хедивъ обратился за помощью къ Англіи и Франціи, не получилъ отъ нихъ ничего кромѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ и принужденъ былъ снова склониться предъ требованіями Араби-бея. Онъ подписалъ отставку министерства Шерифъ-паши и утвердилъ списокъ министровъ составленный парламентомъ. Въ этомъ спискѣ министромъ-президентомъ значился преданный Араби-бею Махмудъ-паша, а самъ Араби-бей назначилъ себѣ военное министерство. Такимъ образомъ, фактическимъ правителемъ Египта, облеченнымъ почти диктаторскою властью, оказался Араби-бей, затмившій своею популярностью несчастнаго хедива. Тевфикъ подписалъ навязанную ему конституцію, и англо-французскій финансовый контроль сдѣлался совершенно номинальнымъ, а верховная власть султана превратилась въ какую-то фикцію.

По поводу этихъ событій, между Англіей, Франціей и Турціей завязалась безконечная дипломатическая переписка, къ которой затѣмъ присоединилась и Германія. Князя Бисмаркъ признаетъ за Англіей и Франціей безспорное право вмѣшаться въ египетскія дѣла, но находитъ что и Турціи нельзя отказать въ этомъ правѣ. Всѣ эти переговоры вращались однако на чисто теоретической почвѣ и повидимому никогда не перешли бы на почву практическую еслибы не принудили ихъ къ этому послѣднія событія, совершившіяся въ Египтѣ по инціативѣ все того же неутомимаго Араби-бея.

Мѣсяцъ тому назадъ египетское министерство заявило что оно напало на слѣды обширнаго заговора противъ жизни самого Араби-бея. Внезапно въ одну ночь были произведены многочисленные аресты и въ числѣ арестованныхъ оказались главные представители противной партіи, приверженцы султана и хедива. Долго тянулось предварительное слѣдствіе, и подсудимые наконецъ были преданы особому, назначенному Араби-беемъ, военному суду. По свидѣтельству живущихъ въ Каирѣ корреспондентовъ англійскихъ и французскихъ газетъ, все обвиненіе было построено на совершенно фиктивныхъ данныхъ и послужило лишь предлогомъ Араби-бею избавиться законнымъ образомъ отъ своихъ личныхъ враговъ. Тѣмъ не менѣе, военный судъ приговорилъ обвиняемыхъ въ заговорѣ къ ссылкѣ въ Суданъ. Хедивъ по требованію султана не утвердилъ этого приговора, но не смѣя отмѣнить его, ограничился тѣмъ что въ значительной степени смягчилъ наказаніе мнимыхъ заговорщиковъ. Это не входило въ разчеты Араби-бея, и онъ рѣшился на *coup d'état*. По его требованію министръ-президентъ Махмудъ-паша, безъ вѣдома хедива, созвалъ парламентъ, дабы сама „народная воля“ высказалась противъ хедива. Тутъ, наконецъ, опомнилось Англія и Франція. Онѣ предложили Турціи занять Египетъ своими войсками, а сами рѣшили отправить къ Нилу броненосныя эскадры. Эта мѣра повидимому уже произвела свое дѣйствіе въ Каирѣ. Депутаты отказались собраться безъ разрѣшенія хедива, Махмудъ-паша подалъ въ отставку и національная партія повидимому пошатнулась.

Чѣмъ кончится кризисъ, трудно теперь судить. Во всякомъ случаѣ Англія и Фран-

ція не упустятъ случая укрѣпить свое вліяніе на берегахъ Нила, не заботясь о томъ найдетъ ли Европа этотъ поступокъ „великодушнымъ“ и согласнымъ съ трактатами гарантирующими цѣлость Турецкой имперіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Египетскій вопросъ останется для нихъ, въ особенности для Франціи, на долгое время хроническою тяжкою болѣзнью. Обѣ державы должны будутъ постоянно опасаться столкновенія въ Египтѣ не только съ Турціей, но и между собой. Такимъ образомъ, Восточный вопросъ надолго отвлечетъ отъ центра Европы вниманіе не только Россіи и Австріи, но и Англіи, Франціи и Италіи; а въ центрѣ Европы между тѣмъ безпрепятственно можетъ хозяйничать Германія. Можно ли послѣ этого удивляться что князь Бисмаркъ такъ охотно признаетъ за Англіей и Франціей право вмѣшаться въ Египетскія дѣла?

№ 123.

Москва, 4-го мая.

Если, какъ мы видимъ въ дѣлѣ Пейчъ, слѣдователь, прокуроръ и весь судъ съ многочисленною публикой вторгаются въ семью и судятъ родителей съ малыми дѣтьми, допрашивая четырехлѣтняго пузана, съ должнымъ ли уваженіемъ обращается съ нимъ отецъ и должную ли нѣжность оказываетъ ему мать, такъ что же послѣ этого о школѣ говорить?

Два случая, бывшіе одинъ за другимъ, ярко показываютъ въ какомъ положеніи находится наша несчастная школа послѣ „диктатуры сердца“ и „новыхъ вѣяній,“ и какое сильное теперь требуется дѣйствіе для того чтобы поднять ее послѣ погрома, и какъ настоятельно также требуется поставить наши суды на мѣсто чтобъ они были органомъ государства и не колебали бы, какъ недавно напоминалъ Военный министръ, закона, порядка и власти.

13 марта, въ Кіевской Судебной Палатѣ, торжественно, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ залѣ биткомъ набитой публикой, разбиралось дѣло между учителемъ и ученикомъ, исключеннымъ за негодностію изъ пятаго класса гимназіи. Мальчишка вошелъ въ классъ и ударилъ наставника. У насъ въ старое время и теперь въ странахъ варварскихъ, какъ Германія или Англія, хорошенько высѣкли бы за это мальчишку: при нашей же высокой цивилизаціи, при либерализмѣ нашей интеллигенціи, необходимо учителя съ ученикомъ судить формальнымъ судомъ, публично, торжественно, въ высшемъ судебномъ установленіи, со всѣмъ аппаратомъ судебной процедуры. Для чего же? Для того ли чтобы тѣмъ сильнѣе подѣйствовать на учащуюся молодежь, укрѣпить дисциплину, возвысить авторитетъ школы? О! нѣтъ, это не входитъ въ программу судовъ, и не въ этомъ ихъ назначеніе и забота. Гласный и торжественный судъ послужилъ къ тому чтобы съ негодяемъ ученикомъ поставить на одну доску потерпѣвшаго оскорбленіе наставника, вызвать и другихъ учениковъ и поставить ихъ на одну доску не только съ преподавателями, но и съ самимъ директоромъ Нѣжинскаго лицея, лицомъ заслуженнымъ, всѣми уважаемымъ. Всѣ эти лица подверглись истязаніямъ перекрестнаго допроса и глумленіямъ защитника. Учащіе и учащіеся должны были выслушать въ назиданіе себѣ, подъ сѣнію авторитета высшаго судебнаго учрежденія, фельетонную болтовню о классицизмѣ, о Грекахъ и Римлянахъ, а на другой день прочесть въ мѣстныхъ газетахъ новое поруганіе и свое и школы. Все это изложено въ обширной корреспонденціи присланной намъ изъ Кіева, которую мы помѣстимъ завтра. Она давно уже была доставлена намъ, но залежалась по разнымъ причинамъ, а также и потому, признаемся, что намъ было тягостно давать еще большую огласку обстоятельствамъ столь печальнаго дѣла. Но на этихъ дняхъ въ *Голосѣ* напечатанъ отчетъ о подобномъ же судебномъ дѣлѣ, еще болѣе печальнаго свойства. Въ первомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, обвинительная власть дѣйствовала съ достоинствомъ, и судъ кончился все-таки обвинительнымъ приговоромъ. Неужели однако подобные случаи школьной жизни, если они ужь непремѣнно должны подлежать общимъ судамъ, не могутъ разсматриваться по крайней мѣрѣ въ закрытомъ засѣданіи? Неужели правительственныя власти не находятъ что подобныя публичныя представленія отнюдь не назидательны, а если не находятъ, то неужели правительство не смѣетъ потребовать отъ судебныхъ

учрежденій чтобъ они были осторожнѣе, осмотрительнѣе и скромнѣе въ дѣлахъ подобнаго рода, и чтобы дѣла эти во всякомъ случаѣ разсматривались при закрытыхъ дверяхъ?

Трудно представить себѣ что-нибудь возмутительнѣе дѣла разбиравшагося въ минувшемъ апрѣлѣ въ Казанской Судебной Палатѣ также съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло состояло также въ оскорбленіи дѣйствіемъ, которое нанесено было ученикомъ учителю. Повидимому эти оскорбленія входятъ у насъ въ обычай. Юноша, должно-быть отличной нравственности и такихъ же успѣховъ, побывавшій въ разныхъ гимназіяхъ въ томъ числѣ и въ Самарской, откуда былъ за что-то удаленъ, былъ однако допущенъ къ экзамену зрѣлости, и экзаменъ выдержалъ, что повидимому не очень трудно, такъ какъ въ этой гимназіи, по свидѣтельству ея инспектора, „зачастую кончаютъ не умѣя ни склонять, ни спрягать.“ (Вотъ вамъ и грамматика, которая, по сказанію газетныхъ агитаторовъ, будто бы деспотически господствуетъ въ нашихъ гимназіяхъ!) Ни малѣйшаго не было повода къ неудовольствію этого молодаго человѣка учителемъ, который и отмѣтку ему поставилъ удовлетворительную. Судя по отзыву инспектора и другимъ даннымъ, учитель этотъ былъ лучшею педагогическою силой въ Самарской гимназіи, находящейся въ крайнемъ и для начальства округа непростительномъ упадкѣ. Поступилъ г. Патаповъ на службу въ эту гимназію недавно и употреблялъ всѣ усилія чтобы сколько-нибудь поднять въ ней ученіе, хотя, по отзыву инспектора, въ обращеніи съ учениками отличался гуманностію и кротостію. Сами ученики, а въ томъ числѣ и преступно оскорбившій его, не могли сказать о немъ ничего даже съ ихъ точки зрѣнія дурнаго, кромѣ только того что онъ иногда былъ съ ними *дерзокъ*. Вотъ до чего, благодаря *новымъ вѣяніямъ*, дошла наша школа: теперь не ученики бываютъ дерзки съ учителями, а учителя обвиняются въ дерзости предъ учениками. Ученикамъ, очевидно, не нравилось только то что онъ честно исполнялъ свой долгъ и желалъ сколько-нибудь научить ихъ чтобъ они не совсѣмъ безъ пользы вышли изъ школы.

Герой событія, уже по окончаніи своихъ счетовъ съ гимназіей, увидѣлъ въ окно проходившаго учителя, выбѣжалъ на улицу и, догнавъ его, ударилъ по головѣ. Происшествіе было безъ свидѣтелей, тѣмъ не менѣе весь городъ узналъ о немъ. Вѣсть разнесъ товарищъ героя, которому тотъ поспѣшилъ разказать о своемъ подвигѣ. Учитель хотѣлъ прежде всего сообщить о дѣлѣ попечителю округа, но, къ сожалѣнію, по совѣту инспектора, подалъ жалобу въ судъ, который всею своею процедурой и своимъ приговоромъ нанесъ безвинно-оскорбленному новое, еще гораздо болѣе тяжкое, оскорбленіе, а въ его лицѣ и тому что называется нравственнымъ порядкомъ и здравымъ смысломъ. При всей наличности преступленія, не смягчаемаго никакимъ обстоятельствомъ, судъ вынесъ *оправдательный* приговоръ, встрѣченный громкими, какъ водится, рукоплесканіями публики. Вся процедура суда, на которомъ въ присутствіи многочисленной публики допрашивались ученики, довольны ли они учителемъ, не строгъ ли онъ, не кричитъ ли иногда, а на ряду съ ними допрашивался инспекторъ заведенія и оскорбленный учитель, между тѣмъ какъ прокуроръ явно клонилъ въ сторону подсудимаго, видя въ немъ „представителя той учащейся единицы, которая имѣла неудовольствіе испытывать на себѣ всѣ строгости г. Патапова“ (хорошо по крайней мѣрѣ сказано): все это конечно не останется безъ добрыхъ послѣдствій...

Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе показанія инспектора гимназіи, который свидѣтельствуетъ что на ученикахъ Самарской гимназіи „отразились нападки общества (?) и печати на классицизмъ,“ и съ грустною ироніей объявляетъ, по поводу честной ревности учителя въ исполненіи своихъ обязанностей, что „*въ настоящее время не всегда удобно исполнять свой долгъ строго.*“ Горькія слова раскрывающія истинную язву нашего настоящаго положенія! Наказывается не нарушеніе, а исполненіе долга!

№ 124.

Москва, 5-го мая.

Все вниманіе Германіи сосредоточено теперь на обсуждаемомъ парламентомъ проектѣ имперской табачной монополіи, уже почти годъ составляющей тамъ узелъ въ который вплелись самые разнообразные

интересы какъ собственно имперіи, такъ и вассальныхъ ея государствъ, ихъ общинъ, отдѣльныхъ классовъ населенія и политическихъ партій. Исходомъ начавшейся теперь борьбы за монополію въ равной мѣрѣ заинтересованы и сторонники имперскаго правительства, и партикуляристы, и партіи стремящіяся къ ниспроверженію какъ государственнаго такъ и соціальнаго порядка. Монополія служила девизомъ послѣднихъ осеннихъ выборовъ въ рейхстагъ, неблагопріятный исходъ которыхъ для правительства объясняютъ исключительно крайнею непопулярностью этой мѣры имперскаго канцлера, который, казалось бы со *страннымъ* упорствомъ настаивая на ея проведеніи, отдаетъ ее на обсужденіе имперскаго рейхстага, несмотря на то что изъ числа 397 членовъ этого парламента, 347 рѣшительно противники монополіи.

Но въ чемъ же сущность дѣла? Рѣчь идетъ о проектѣ который долженъ дать доходъ во 163 милліона марокъ, т. е. 118 милліоновъ марокъ сверхъ того что даетъ теперь табачный акцизъ установленный въ 1879 году, вотировавъ который рейхстагъ полагалъ „на всегда“ отдѣлаться отъ ненавистной его большинству монополіи, дающей возможность Германіи выпутаться изъ ея теперешнихъ затрудненій. Этого-то большинство оппозиціи не хочетъ, и отъ этого въ свою очередь не только не хочетъ, но и не можетъ отказаться имперскій канцлеръ.

Монополія, говорилъ въ парламентѣ (10 мая) представитель князя Бисмарка статсъ-секретарь Шольцъ, монополія явилась не съ вѣтра, она тѣсно связана со всѣми усиліями правительства, въ послѣдніе четыре года, достигнуть такого развитія имперскихъ финансовъ которое, давъ имперіи должную самостоятельность, улучшило бы въ то же время финансовую и податную систему отдѣльныхъ государствъ Германіи и ихъ общинъ. Финансовая система Германіи такъ какъ она установилась съ самого начала вызвана была только крайностью; если она держалась до сихъ поръ, „то лишь потому что богатыя денежныя средства доставленныя имперіи и ея вассальнымъ государствамъ военною контрибуціей дозволяли ждать“ и заняться другими болѣе настоятельными дѣлами. Имперія не можетъ всегда оставаться при томъ условіи что бо́льшая часть ея нуждъ удовлетворяется изъ матрикулярныхъ взносовъ отъ государствъ входящихъ въ составъ имперіи. Такая система неудовлетворительна и ненадежна, тѣмъ болѣе что вассальныя государства сами находятся въ затруднительномъ положеніи. Расходы ихъ съ году на годъ увеличиваются, а для покрытія ихъ остается только одинъ источникъ: увеличеніе прямыхъ налоговъ. Но въ этомъ направленіи далѣе идти нельзя; плательщики налоговъ обременены свыше мѣры; взиманіе налоговъ требуетъ экзекуцій. Въ Германіи создалась цѣлая армія нищихъ и бродягъ, которая можетъ стать орудіемъ враждебной государству и обществу агитаціи. „Если не хотятъ, сказалъ г. Шольцъ, чтобы такое положеніе дѣлъ привело къ опасности какъ внутри такъ и извнѣ, необходимо быстро измѣнить его.“ Единственнымъ средствомъ къ тому можетъ послужить табачная монополія, польза которой уже доказана примѣромъ другихъ странъ.

Проектъ табачной монополіи не очень сложенъ. „Покупать сырой табакъ (не для вывоза), обрабатывать его и продавать табачныя издѣлія предоставляется исключительно имперіи.“ Такова сущность проекта, опредѣляемая первымъ его параграфомъ. Затѣмъ идетъ опредѣленіе что разводить табачныя плантаціи дозволяется не иначе какъ съ особаго разрѣшенія; монопольное управленіе обязано однако двѣ пятыхъ всей своей потребности въ сыромъ табакѣ покрывать жатвой германскихъ плантацій. Имперское монопольное управленіе имѣетъ свои склады сыраго табака, свои табачныя и сигарныя фабрики и особыхъ продавцевъ табачныхъ издѣлій. Продавцы эти жалованья не получаютъ; имъ, въ видѣ вознагражденія, предоставлены 10 процентовъ съ опредѣляемой тарифомъ цѣны издѣлія. Проектъ опредѣляетъ что цѣны эти, равно и качество табачныхъ издѣлій, не будутъ возвышены сравнительно съ теперешнимъ. „Чистый доходъ съ табачной операціи распредѣляется между германскими государствами пропорціонально числу населенія служащему основаніемъ для разверстки матрикулярныхъ взносовъ.“ Табачные торговцы, фабриканты и рабочіе получаютъ вознагражденіе въ опредѣленномъ размѣрѣ и, сверхъ того, принадлежащіе имъ инструменты и машины могутъ быть куплены у нихъ въ казну по соглашенію.

Таковъ проектъ возбудившій столько неудовольствій въ Германіи. Отдѣльныя го-

сударства усмотрѣли въ немъ посягательство на ихъ самостоятельность и благосостояніе. Южно-Германскія правительства, и вообще всѣ крупные члены союза высказались противъ, такъ какъ князю Бисмарку удалось провести проектъ въ Союзномъ Совѣтѣ только благодаря перевѣсу Пруссіи, поддержанной мелкими владѣніями Средней Германіи. Дѣйствительно, для южной Германіи, а такъ же и для крупныхъ торговыхъ городовъ, Гамбурга и Бремена, проектъ представляетъ нѣкоторыя невыгоды: доходъ отъ монополіи разверстывается пропорціонально населенности, тогда какъ теперь всѣ выгоды отъ табачной фабрикаціи и торговли сосредоточиваются именно только въ этихъ мѣстностяхъ Германіи, которыя такимъ образомъ должны поступиться своими барышами въ пользу преимущественно Сѣверной Германіи. Югъ теряетъ, Сѣверъ выигрываетъ. Тутъ первый поводъ къ розни, которымъ пользуются партикуляристы поддерживаемые католическимъ центромъ. Вожакъ центра, Виндтгорстъ, говоря въ парламентѣ, дѣлаетъ конечно видъ что нападаетъ на монополію по соображеніямъ народно-хозяйственнымъ и финансовымъ, но проговаривается: „Я убѣжденъ, восклицаетъ онъ въ концѣ своей рѣчи 12 мая, я убѣжденъ что монополія въ федеративномъ государствѣ не можетъ быть полезна; если же введеніемъ ея думаютъ сдѣлать шагъ къ устраненію (Beseitigung) отдѣльныхъ членовъ федераціи, чего конечно желаютъ многіе, то я противъ этого. Я стою на почвѣ федераціи, желаю сохраненія цѣлости составляющихъ Германію государствъ, не заботясь при этомъ, сочтутъ ли такой образъ мыслей враждебнымъ имперіи или не сочтутъ.“ Если партикуляристы и клерикалы не желаютъ усиленія только имперіи, то крайнія партіи оппозиціи не желаютъ усиленія государства вообще. Соціалъ-демократы опасаются что облегченіе прямыхъ налоговъ, отмѣна нѣкоторыхъ изъ нихъ и пріобрѣтеніе правительствомъ матеріальныхъ средствъ для проведенія задуманныхъ княземъ Бисмаркомъ соціальныхъ реформъ, значительно ослабитъ вліяніе этой партіи, тайное и явное, и тѣмъ устранитъ затрудненія ради которыхъ пришлось вводить въ Берлинѣ, Гамбургѣ и Лейпцигѣ малое осадное положеніе. Стремленіе этой партіи захватить рабочихъ въ свои сѣти будетъ парализовано. Середину составляютъ сецессіонисты и прогрессисты, примыкая съ одной стороны къ клерикаламъ, съ другой къ соціалистамъ: всемогущество имперіи, говорятъ они, не должно идти далѣе; правительство и теперь обманываетъ; деньги ему нужны совсѣмъ не для реформы системы налоговъ, не для облегченія плательщиковъ; этой цѣли можно де достигнуть простою экономіей въ расходахъ; правительство ищетъ средствъ для развитія вооруженій; сократите военный бюджетъ, и въ монополіи надобности не окажется. „Знаемъ мы чего вы хотите, крикнулъ на оппозицію одинъ изъ сторонниковъ монополіи, Гаммерштейнъ, въ засѣданіи 13 мая: военный септенатъ близится къ концу, и вы не хотите чтобы правительство относительно расходовъ на армію менѣе зависѣло отъ парламентскаго большинства нежели теперь... Но, отклоняя возможность реформировать податную систему, вы разрушаете отдѣльныя государства; это можетъ также привести къ единой, монолитной монархіи, и скорѣе даже чѣмъ кажется. Если же не къ этому—то къ паденію имперіи.“ Послѣднюю группу противниковъ монополіи составляютъ доктринеры всѣхъ оттѣнковъ, возстающіе противъ самаго принципа, въ которомъ видятъ стѣсненіе торговли и промышленности. Если съ этою группой правительству приходится считаться, то лишь потому, съ одной стороны, что на ея сторону стали тѣ чьи интересы затронуты всего болѣе: фабриканты и торговцы, а съ другой, потому что тактикой этой группы пользуются не безъ успѣха другія партіи.

У монополіи есть однако и защитники, но о нихъ не безъ ироніи отозвался даже представитель канцлера, статсъ-секретарь Шольцъ, повторивъ поговорку: „избави, Боже, меня отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь.“ Шольцъ даже не договорилъ; онъ просто остановился на первой половинѣ фразы: „Gott schütze mich vor meinen Freunden...“

Мы будемъ внимательно слѣдить за этимъ вопросомъ въ Германіи: въ немъ найдемъ мы интересные для насъ намеки какъ въ прямомъ, такъ и въ косвенномъ, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ.

№ 126.

Москва, 7-го мая.

Сегодня, на короткое время, прибылъ въ Москву Александръ I, Князь Болгарскій. Его Высочество, возвращаясь въ свои владѣнія, не хотѣлъ оставить Россію не побывавъ въ Москвѣ. Мы рады видѣть въ этомъ побужденіе національнаго чувства, какимъ не можетъ не быть одушевленъ вождь Болгарскаго народа. Ничто не можетъ имѣть столь глубоко ассимилирующаго, въ національномъ смыслѣ, дѣйствія, какъ государственная власть. Кому суждено быть олицетвореніемъ верховной власти народа, тотъ усвоиется ему глубже чѣмъ даже рожденіемъ. Князь Александръ родился не Славяниномъ, но ставъ княземъ Болгаріи, за освобожденіе которой и самъ онъ бился въ рядахъ русской арміи, онъ не можетъ не быть болгарскимъ Славяниномъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не можетъ не быть и русскимъ во глубинѣ своего чувства. Князя Александра еще прежде привязывало къ Россіи его близкое родство съ Императорскимъ Домомъ; но онъ сталъ вполнѣ нашимъ, ставъ Княземъ Болгаріи. Болгарская національность не составляетъ своего особаго міра; она можетъ имѣть будущность только какъ часть болѣе обширнаго цѣлаго, только какъ планета въ системѣ гдѣ Россія есть центръ тяготѣнія и источникъ свѣта и тепла. Болгарское народное чувство не можетъ не быть вмѣстѣ и русскимъ. А мы въ свою очередь не можемъ не принимать живѣйшаго участія въ дѣлахъ этой страны, желая ей какъ самимъ себѣ во всемъ успѣха и принимая къ сердцу затрудненія съ которыми ей приходится теперь бороться отчасти по нашей же винѣ. Русской доблести Болгарія обязана своимъ возрожденіемъ; русскому, увы, неразумію Болгарія обязана первыми смутами своей внутренней жизни, которыя задержали ея правильное теченіе. Пришлось бороться съ ними, и Болгарія была освобождена отъ нихъ только мудрою рѣшимостію своего Князя. Но посѣянное зло еще осталось, и окончательно исчезнетъ оно не прежде какъ мы, въ свою очередь, рѣшимся отдѣлаться отъ призраковъ которые насъ смущаютъ...

Въ новой, освобожденной русскою кровью странѣ, гдѣ требовалось прежде всего установить власть достаточно сильную и самостоятельную для дѣйствія, употреблены были, напротивъ, удивительныя усилія для того чтобы сдѣлать ее невозможною. Сочинили, по общему шаблону, конституцію съ парламентаризмомъ. Создали нѣчто столько же безсмысленное и нелѣпое по отношенію къ Болгаріи сколько чуждое Россіи къ которой она тяготѣетъ. Откуда ни возьмись, явились двѣ партіи, консервативная и либеральная, и началась фальшивая политическая игра, въ которой неминуемо погибла бы и національная самостоятельность Болгаріи, и благосостояніе ея населенія. Парламентское правленіе дѣйствительно есть правленіе партій, но лишь въ одной странѣ система эта имѣла и смыслъ, и силу. Только въ Англіи, гдѣ политическая борьба партій никогда не была серіозною, никогда не принимала радикальнаго характера, никогда не доходила до самыхъ основаній государства, а шла между своими, въ кругу аристократіи, гдѣ политическіе противники находятся между собою и въ знакомствѣ, и въ пріязни, и въ родствѣ, и гдѣ обѣ смѣнявшіяся во власти партіи слѣдовали въ сущности одной и той же національной политикѣ и работали одному и тому же дѣлу. Теперь, когда аристократія въ Англіи ослабѣла, когда пришлось отказаться отъ многихъ старыхъ преданій, слабѣетъ въ ней и правительство партій, ея парламентаризмъ; старая Англія съ каждымъ днемъ блѣднѣетъ, и быть-можетъ мы теперь наканунѣ событій которыя глубоко и существенно измѣнятъ ея политическую организацію. Но если въ отечествѣ парламентаризма были условія дѣлавшія возможнымъ правительство партій безъ вреда государству, можно ли вообще въ такомъ правительствѣ видѣть идеалъ къ которому слѣдуетъ стремиться и искусственно создавать его тамъ гдѣ нѣтъ ему условій, призывая людей организоваться во враждебныя партіи для борьбы за власть? Что такое эти партіи, консервативная и либеральная? Можетъ ли быть хорошая консервативная политика которая не была бы въ своихъ видахъ либеральною, и возможна ли хорошая либеральная мѣра которая не была бы въ основѣ своей консервативною? Дурныя же партіи куда годятся? Истинное достоинство правительства въ томъ и должно состоять чтобы быть выше партій. Отдавать же правительство въ руки одной партіи, и притомъ дурной поскольку исключительной, не

значитъ ли лишать его и достоинства, и правды?

Пожелаемъ прежде всего родственной намъ странѣ чтобы въ ней твердо и незыблемо установилась государственная власть, чтобы между ея народомъ и дарованнымъ ему Богомъ вождемъ водворилось полное довѣріе, которое послужитъ наилучшимъ обезпеченіемъ и хорошаго управленія, и національнаго развитія, и государственной безопасности. Лучше перетерпѣть случайныя въ чемъ-нибудь неудобства нежели испортить самое начало на которомъ все зиждется. Государственное устройство нельзя сочинять; оно крѣпко и плодотворно лишь тамъ гдѣ выросло изъ земли. Государство въ своихъ основаніяхъ не можетъ зависѣть отъ мнѣній, его нельзя строить на пескѣ. Оно какъ фактъ предшествуетъ всякимъ доктринамъ. Не изъ свободнаго выбора раждается государство; но отъ него, съ Божіею помощію, раждается всякая свобода и всякое право.

Пожелаемъ также чтобы съ упроченіемъ порядка въ Болгаріи укрѣплялись и умножались и связи соединяющія ее съ Россіей.

№ 127.

Москва, 8-го мая.

Въ половинѣ текущаго мѣсяца должно состояться общее собраніе акціонеровъ Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Обыкновенно такія собранія и открывались и закрывались не привлекая на себя особеннаго вниманія публики и представляя интересъ только для участниковъ въ дѣлежѣ даваемыхъ дорогами Общества доходовъ. Но предстоящее собраніе не совсѣмъ похоже на прежнія. Дѣла Главнаго Общества, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, сдѣлались предметомъ общаго вниманія. Возникъ вопросъ правильно ли пользовалось Главное Общество доходами Николаевской желѣзной дороги съ той самой поры какъ эта дорога была ему уступлена, соблюдало ли оно тѣ условія на которыхъ передана была эта дорога, не предстоитъ ли казнѣ взыскать съ Общества большія суммы не поступившія въ нее по несоблюденію Обществомъ обязательныхъ для него условій, и не слѣдуетъ ли, за нарушеніемъ этихъ условій, отобрать у Общества Николаевскую дорогу обратно въ казну. Всѣ эти вопросы давно уже стали предметомъ оживленной полемики въ газетахъ, настолько серіозной что Совѣтъ Управленія Главнаго Общества, для ослабленія производимаго ею впечатлѣнія, составилъ, напечаталъ въ большомъ числѣ экземпляровъ и разослалъ отъ своего имени особую записку въ опроверженіе сообщеній о финансовыхъ дѣлахъ Общества. Но Обществу приходится имѣть дѣло не съ газетными только изобличеніями. Правительствомъ назначена особая ревизіонная коммиссія, которая должна привести въ ясность степень правильности употребленія и распредѣленія Обществомъ доходовъ Николаевской дороги.

Уступка самой важной, лучше другихъ построенной и самой доходной изо всѣхъ нашихъ дорогъ частному обществу, безъ малѣйшей въ томъ надобности, представляетъ собою одну изъ темныхъ страницъ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, и чѣмъ болѣе будетъ пролито свѣта на это дѣло тѣмъ лучше. Хорошо если сдѣланная ошибка будетъ наконецъ сознана; еще лучше если будутъ приняты мѣры къ ея исправленію.

Помощію разныхъ софизмовъ и невѣрнаго представленія фактовъ, публикѣ долгое время внушалось что передача Николаевской дороги въ частныя руки была дѣломъ необходимости. Казенное хозяйство шло де на ней изъ рукъ вонъ плохо, дорога не давала доходовъ достаточныхъ для уплаты процентовъ на капиталъ употребленный на ея сооруженіе. Въ этомъ есть доля правды. Казенное хозяйство не было безукоризненнымъ; расходы эксплуатаціи были непомѣрно велики и поглощали львиную долю валоваго дохода, въ особенности благодаря контрактамъ съ г. Кайлемъ и съ братьями Уайненсами, нынѣшними главными акціонерами Главнаго Общества. Но должно замѣтить что при оцѣнкѣ невыгодности казеннаго управленія дорогой, постоянно примѣнялась не та мѣрка какая примѣняется къ частному хозяйничанью на желѣзныхъ дорогахъ. Частнымъ дорогамъ не ставится въ укоръ если первое время по своемъ открытіи онѣ оказываются малодоходными; отъ молодыхъ, едва начинающихъ свою дѣятельность дорогъ, говорятъ, нельзя и требовать чтобъ онѣ были доходны. Отъ Николаевской дороги требовали хорошаго дохода въ первый же періодъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, когда

дѣло было внове, когда специальныя условія хозяйства еще вовсе не опредѣлились, когда привычныхъ къ дѣлу людей не имѣлось, и когда дѣло приходилось вести такъ-сказать ощупью. Для частныхъ дорогъ считается большимъ успѣхомъ если онѣ перестаютъ требовать отъ казны приплатъ по гарантіямъ, если чистый доходъ желѣзнодорожнаго хозяйства покрываетъ гарантированные проценты по акціямъ и облигаціямъ основнаго капитала. Главное Общество, напримѣръ, считаетъ свое хозяйство по Варшавской и Нижегородской линіямъ совершенно удовлетворительнымъ, такъ какъ оно съ 1874 года не требуетъ отъ казны приплатъ по своимъ акціямъ. Для признанія удовлетворительности частнаго желѣзнодорожнаго хозяйства не требуется чтобы доходъ дороги покрывалъ, кромѣ процентовъ по акціямъ и облигаціямъ, также проценты по долгамъ казнѣ числящимся за этими дорогами. Будучи должно правительству болѣе 130 милліоновъ рублей и стало-быть будучи обязано платить казнѣ *ежегодно* болѣе пяти милліоновъ рублей процентовъ, Главное Общество полагаетъ что сдѣлало очень много уплативъ казнѣ въ семь лѣтъ (1874—1880) изъ доходовъ Варшавской и Нижегородской дорогъ 3.034.455 рублей съ копѣйками. Отъ казеннаго же управленія Николаевской дороги требовалось чтобы доходы эксплуатаціи покрывали не только проценты на капиталъ употребленный на постройку дороги, но и проценты по накопившемуся на дорогѣ долгу, соотвѣтственному тѣмъ суммамъ которыя числятся безнадежнымъ къ уплатѣ долгомъ на Главномъ Обществѣ. Наканунѣ передачи въ частныя руки, чистый доходъ Николаевской дороги, несмотря на всю невыгодность контракта съ братьями Уайненсами, достигалъ $7^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ, цифра очень хорошая если брать въ разчетъ только казенные расходы собственно на сооруженіе дороги (66.854.113 рублей), но она казалась малою по сравненію съ общимъ итогомъ этихъ расходовъ и начисленныхъ на дорогу начетовъ, и приговоръ надъ казеннымъ хозяйствомъ былъ произнесенъ. Оно было осуждено безповоротно въ пользу частнаго хозяйства, а между тѣмъ это послѣднее, почти на всѣхъ дорогахъ, далеко не давало, и по нынѣ не даетъ тѣхъ результатовъ какіе уже были достигнуты на Николаевской при казенномъ управленіи. Рѣшено было покончить съ казеннымъ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ въ ту самую пору когда оно обѣщало сдѣлаться особенно выгоднымъ для казны, въ виду замѣченнаго быстро возраставшаго движенія изъ замосковныхъ губерній, когда рельсовая сѣть стала быстро развиваться, обѣщая громадный приливъ грузовъ, которыхъ прежде не было.

Замѣчательно что отчужденіе Николаевской дороги въ частныя руки состоялось почти въ то самое время когда за границей уже начала утверждаться мысль о преимуществахъ правительственнаго завѣдыванія дорогами предъ частнымъ, о необходимости выкупа дорогъ изъ частныхъ рукъ государствомъ. Министерство Путей Сообщенія было противъ перехода Николаевской дороги изъ рукъ казны. Оно настаивало на удержаніи этой дороги за правительствомъ, указывая на повысившуюся доходность дороги и на предстоявшее дальнѣйшее повышеніе этой доходности, если только будетъ ассигновано около 14 милліоновъ на ея улучшеніе и приведеніе перевозочныхъ средствъ въ соотвѣтствіе съ усиливавшимся по ней движеніемъ. Но въ этой просимой ассигновкѣ Министерству Путей Сообщенія было отказано. Продержавъ въ своихъ рукахъ дорогу все время пока она была малодоходною, правительство поспѣшило отъ нея отдѣлаться какъ только она стала давать хорошій доходъ.

Невыгодность эксплуатаціи дороги подъ казеннымъ управленіемъ могла быть выставлена мотивомъ отчужденія дороги лишь въ глазахъ публики. Въ правительственныхъ сферахъ не могли не видѣть что $7^1/_2$ милліонный доходъ есть доходъ хорошій, особливо при несомнѣнныхъ видахъ на его увеличеніе. Но какъ побужденіе къ отчужденію дороги былъ выставленъ другой мотивъ,—общее финансовое положеніе государства и необходимость достать крупную сумму для образованія желѣзнодорожнаго фонда на развитіе желѣзнодорожной сѣти. Эту сумму, по мнѣнію Министерства Финансовъ, выраженному весной 1867 года, могла дать только продажа Николаевской дороги. Министру Финансовъ возражали что ту же нужную сумму можно было бы достать простымъ займомъ безъ продажи дороги. Нѣтъ, правительство, по договору съ иностранными банкирами, чрезъ посредство которыхъ оно дѣлало предъ тѣмъ заемъ, обязалось не заключать новыхъ займовъ

до 15 августа 1867 года; поэтому заемъ пришлось бы отложить до осени, а неизвѣстно будутъ ли осенью европейскія биржи благопріятны для большихъ финансовыхъ операцій; нужно торопиться пользуясь благопріятнымъ для нихъ лѣтнимъ временемъ и продать дорогу. Отчужденіе ея было рѣшено. Но состоялось оно при условіяхъ вовсе не соотвѣтствовавшихъ мотивамъ отчужденія

Николаевская дорога никому продана не была; казна ни отъ кого ни копѣйки за эту дорогу не получила. Сдѣланы были просто два выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій, съ назначеніемъ на уплату по нимъ процентовъ и погашенія 6 милліоновъ металлическихъ рублей изъ доходовъ Николаевской дороги, съ тѣмъ притомъ что еслибъ этихъ доходовъ оказалось недостаточно, то недостающая сумма уплачивается изъ общихъ средствъ государственнаго бюджета. И дорога тѣмъ не менѣе перешла въ руки акціонеровъ Главнаго Общества. Этотъ переходъ имѣлъ бы еще смыслъ еслибы для заключенія упомянутыхъ желѣзнодорожныхъ займовъ необходимо было содѣйствіе Главнаго Общества, еслибы правительство, не разчитывая на свой собственный кредитъ, находило нужнымъ опереться на кредитъ Главнаго Общества. Но этого вовсе не было. Главное Общество не только не было въ силахъ собирать деньги для казны, но не могло собирать ихъ для себя, для постройки тѣхъ линій которыя оно по концессіи обязалось построить. Обращаясь къ этому оказавшемуся несостоятельнымъ Обществу съ предложеніемъ принять отъ казны Николаевскую дорогу, Министерство Финансовъ, какъ документально разъяснено въ газетѣ *Новости*, прямо заявляло что „Главное Общество, нуждаясь еще въ правительственной помощи и не имѣя запаснаго капитала, не представляетъ само по себѣ достаточнаго финансоваго значенія для столь обширной операціи.“ Всю кредитную операцію правительство принимало на себя.

Условія передачи дороги Главному Обществу опредѣлились не сразу. Первоначально предложенныя ему министромъ Финансовъ условія были для Общества еще выгоднѣе тѣхъ на которыхъ дѣйствительно дорога перешла въ его вѣдѣніе. Дорога уступалась ему безплатно, даромъ. Сверхъ того, казна давала ему безвозвратно 13¼ милліоновъ для приведенія дороги въ надлежащій видъ, то-есть давала именно ту сумму въ которой нуждалось казенное управленіе чтобы сдѣлать дорогу доходною, и въ которой казенному управленію было отказано. Затѣмъ, кромѣ отчисленія изъ чистаго дохода 7.200.000 рублей кредитныхъ (суммы равнявшейся по тогдашнему курсу 6 милл. металлич. нужныхъ на уплату процентовъ по двумъ сдѣланнымъ правительствомъ выпускамъ облигацій), казна не выговорила себѣ никакого участія въ доходахъ дороги. Половина излишковъ чистаго дохода сверхъ 7.200 000 должна была идти прямо въ дивидендъ акціонерамъ, другая половина — въ уплату казнѣ долговъ числящихся за Главнымъ Обществомъ. Такія условія однако не могли быть утверждены. Къ правительству стали поступать съ разныхъ сторонъ, между прочимъ отъ московскихъ капиталистовъ, предложенія принять Николаевскую дорогу на гораздо болѣе выгодныхъ для казны условіяхъ. Волей-неволей пришлось отдать Николаевскую дорогу Главному Обществу съ нѣкоторымъ соблюденіемъ казеннаго интереса. Излишекъ дохода сверхъ 7.200.000 р. рѣшено дѣлить между казной и обществомъ въ первыя десять лѣтъ, такъ чтобы казна получала ¾, а акціонеры ¼, а по истеченіи десяти лѣтъ по равной долѣ казнѣ и акціонерамъ. Уступленная ни за что, ни про что акціонерамъ Главнаго Общества часть доходовъ Николаевской дороги дала имъ въ двѣнадцать лѣтъ болѣе 11½ милліоновъ рублей. Но этимъ Главное Общество не удовольствовалось. Расторгнувъ невыгодный контрактъ съ гг. Уайненсами, оно заставило казну поплатиться за его уничтоженіе. Оно обошлось слишкомъ въ 5½ милліоновъ рублей, и только четверть этой суммы пала на доходъ акціонеровъ, а три четверти были уплачены изъ той части доходовъ Николаевской дороги которая должна была поступить въ казну. Но этого мало Главное Общество, истративъ на улучшеніе линіи полученные отъ казны 13¼ милліоновъ, во все время завѣдыванія не стѣснялось тратить на капитальные расходы по дорогѣ какую ему вздумается часть чистаго дохода, хотя въ теченіе десяти лѣтъ на каждый израсходованный такимъ образомъ рубль который Общество могло назвать своимъ, оно тратило три казенныхъ. А общій итогъ такихъ тратъ за двѣнадцать лѣтъ составилъ десятки милліоновъ. Имѣло ли общество право распоряжаться такимъ образомъ казенными сум-

мами по своему усмотрѣнію, и если не имѣло, то не нарушило ли оно своими дѣйствіями условія на которыхъ могло владѣть дорогою, вотъ вопросъ который подлежитъ нынѣ разсмотрѣнію. Затѣмъ остается неизвѣстнымъ, требовались ли дѣйствительно тѣ расходы которые сдѣланы обществомъ изъ не принадлежавшихъ ему суммъ, и шли ли дѣйствительно деньги по тѣмъ назначеніямъ на которыя значатся израсходованными. Наконецъ, можетъ ли считать себя Главное Общество концессіоннымъ владѣльцемъ Николаевской дороги, такимъ владѣльцемъ отъ котораго Николаевская дорога не можетъ быть отобрана безъ уплаты вознагражденія опредѣляемаго капитализаціей получаемаго отъ нея акціонерами дохода? Общество полагаетъ что право его на таковое вознагражденіе несомнѣнно, но полемика выяснила что формальный договоръ относительно поступленія Николаевской дороги въ концессіонную собственность Главнаго Общества, по случайному стеченію обстоятельствъ, не былъ въ свое время утвержденъ и такъ и остался не утвержденнымъ.

Такова масса вопросовъ ожидающихъ рѣшенія отъ занятой ихъ разслѣдованіемъ правительственной ревизіонной коммиссіи, которой между прочимъ приходится провѣрить израсходованіе болѣе чѣмъ сорока милліоновъ рублей помимо расходовъ по эксплуатаціи, итогъ коихъ за двѣнадцать лѣтъ превысилъ 100 милліоновъ. Правительственная ревизія финансовой части Николаевской дороги должна была производиться ежегодно, но на дѣлѣ такая ревизія до сихъ поръ ни разу не назначалась. Нынѣшняя ревизія еще первая, и не надо быть пророкомъ чтобы предвидѣть въ какомъ смыслѣ отнесется къ ней Главное Общество. Оно конечно постарается сдѣлать все возможное чтобы привести результаты ревизіи къ нулю, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, управленіе Общества будетъ поддержано предстоящимъ общимъ собраніемъ акціонеровъ. Но дѣло ревизіи касается столь серіозныхъ интересовъ, имѣетъ такую государственную важность что нельзя не пожелать чтобы ревизующіе были поставлены въ возможность исполнить возложенное на нихъ порученіе вопреки всѣмъ препятствіямъ и затрудненіямъ. Нельзя скрывать отъ себя что дѣло ревизіи въ данномъ случаѣ особенно трудно. Главное Общество есть большая сила, не разъ съ успѣхомъ противодѣйствовавшая правительству, опираясь отчасти на обширныя и сильныя связи своихъ акціонеровъ и членовъ своего управленія. Тѣмъ необходимѣе поставить ревизующихъ въ положеніе при которомъ эти связи не затрудняли бы ихъ дѣятельности.

№ 129.

Москва, 10-го мая.

Потрудившись надъ вседневнымъ распространеніемъ общественнаго обмана, руководители *Голоса* ощутили потребность „возвыситься хоть немного надъ вседневными злобами и взглянуть на ходъ событій съ точки зрѣнія холоднаго, посторонняго наблюдателя.“ Возвысившись „въ область общихъ соображеній,“ эти господа увѣряютъ своихъ читателей что они де имѣли возможность разсмотрѣть „общій планъ картины,“ которую они тутъ же принимаются изображать съ тѣми же самыми софистическими пріемами съ которыми они такъ освоились благодаря своей долговременной ежедневной практикѣ.

Съ глубокимъ, и очевидно искреннимъ, прискорбіемъ отмѣчаютъ они прежде всего тотъ фактъ что *огромное* число изданій „охранительной,“ какъ они выражаются, печати, подняло „свой стягъ противъ всего чѣмъ Россія жила двадцать лѣтъ и на что она возлагала нѣкогда такія надежды.“ Но тутъ же *офиціозные* шарлатаны утѣшаютъ себя слѣдующимъ избитымъ софизмомъ:

„Къ счастью, мы не можемъ принять этихъ криковъ за выраженіе *общественнаго мнѣнія* и сознанія. Мы знаемъ при какихъ условіяхъ сложилась эта „пресса“ и чѣмъ объясняется ея распространенность. Не первый уже годъ ищемъ мы *общественнаго мнѣнія* не среди тѣхъ которые кричатъ и „указуютъ,“ а среди тѣхъ которые сторонятся и молчатъ, изрѣдка лишь показывая что они несогласны съ теоріями разныхъ московскихъ изданій. Незримое, но очень ощутительное вліяніе этого сознанія и даетъ намъ увѣренность что призывы „домой“ останутся безъ послѣдствій.“

Сколько уже продѣлано фокусовъ съ этимъ несчастнымъ *общественнымъ мнѣніемъ!* Гдѣ только ни ухитрялись находить его *откровенное выраженіе!* По обык-

новенной ходячей теоріи „правоваго порядка,“ его нужно искать главнымъ образомъ въ *прессѣ*. Но на сей разъ *Голосъ* отбрасываетъ эту неудобную для него въ данномъ случаѣ фикцію, и отыскиваетъ пресловутое общественное мнѣніе какимъ-то особымъ таинственнымъ путемъ „среди тѣхъ которые сторонятся и молчатъ,“ и сознаніе этого фантастическаго общественнаго мнѣнія производитъ, какъ оказывается, „незримое, но очень ощутительное вліяніе,“ благодаря которому мы можемъ быть увѣрены что Россія на вѣки загуляла и никогда не вернется „домой.“ Таково счастливое упованіе людей распоряжающихся *Голосомъ*.

Приведенный нами наборъ пустыхъ фразъ, характеризующихъ всякаго шарлатана, до такой степени наивенъ, и скрытый въ нихъ софизмъ такъ ясно сквозь нихъ проглядываетъ, что и самый невнимательный читатель едва ли попадется въ эту грубую ловушку. Нѣсколько опаснѣе для невнимательнаго и незрѣлаго умомъ читателя слѣдующій силокъ:

„Что же лучше? Изъ-за чего же огорчаться всѣми немощными, хотя и злобными выходками мнимыхъ охранителей (замѣтьте: мнимыхъ!). Къ чему волненіе, тамъ гдѣ сила вещей „рано или поздно восторжествуетъ?“ Но намъ больно думать что наше время останется безплоднымъ и пройдетъ безслѣдно въ русской исторіи. „Охранители“ безсильны на *движеніе*, хотя бы назадъ; но они сильны на *застой*, они призываютъ къ непроизводительному, противоисторическому труду, конечная цѣль котораго — остановить жизнь. Безсильные воскресить *вчера*, отвергая всякое *завтра*, они цѣпко держатся за *сегодня*, дальше котораго ничего не видятъ и не хотятъ видѣть. Вотъ почему они фатально обречены взывать къ самымъ жизненнымъ страстямъ человѣка... На какую „прекрасную зарю“ указываютъ люди, мертвенными руками хватающіеся за *сегодня* и глядящіе на это *сегодня* своими потухшими глазами? Къ какимъ чувствамъ способны взывать они, кромѣ страха предъ грядущимъ, кромѣ животныхъ инстинктовъ самосохраненія, кромѣ взаимнаго подозрѣнія. И что получится отъ такихъ вліяній кромѣ растлѣнія общественнаго, кромѣ постыдной вялости, немощной на добро и безсильной предъ зломъ? Жить со дня на день и въ благополучно прожитомъ днѣ полагать все свое счастіе — какое, подумаешь, высокое, человѣческое назначеніе для великаго народа! Вотъ что насъ мутитъ. Но опасеніе поворота назадъ, который физически даже не возможенъ, но разложеніе въ застоѣ, вотъ опасность, которую могутъ приготовить Россіи мнимые (опять, замѣтьте, *мнимые!*) охранители, если имъ удастся увѣрить что ихъ гласъ въ самомъ дѣлѣ гласъ народный.“

Если снять съ заключающагося въ этихъ словахъ софизма риторическую оболочку, то онъ предстанетъ читателю въ слѣдующемъ видѣ: Мы де желаемъ измѣнить настоящее положеніе дѣлъ, мнимые охранители не желаютъ того чего мы желаемъ, *слѣдовательно они не желаютъ измѣненія настоящаго положенія*; а такъ какъ настоящее положеніе очень скверно, то „мнимые охранители“ желаютъ нѣчто весьма нехорошее, а мы, слѣдовательно, не желая того, чего желаютъ „охранители“, желаемъ нѣчто хорошее. Софизмъ этотъ не новъ и былъ извѣстенъ въ древнегреческой софистикѣ въ слѣдующемъ типическомъ примѣрѣ: Чѣмъ я обладаю, тѣмъ ты не обладаешь; я обладаю носомъ, слѣдовательно ты носа не имѣешь. Какъ разъ то же самое говорятъ сотрудники *Голоса*: то чего мы желаемъ, того вы не желаете; мы желаемъ измѣнить настоящее положеніе, вы слѣдовательно желаете сохранить его.

Еслибы пріемъ *Голоса* не былъ софизмомъ, то петербургская газета конечно указала бы гдѣ и когда именно тѣ органы, которые она называетъ *охранительными*, выражали что они „цѣпко держатся за *сегодня* и отвергаютъ *всякое завтра*.“ Впрочемъ, софисты *Голоса* говорятъ о *мнимыхъ* охранителяхъ. *Мнимые* охранители ничѣмъ существенно не разнятся отъ *мнимыхъ* либераловъ. Но не мнимо, а правдиво мыслящіе люди никогда той нелѣпости не говорили какую сочинили софисты *Голоса* подъ именемъ охранительныхъ мнѣній. Никто не указывалъ съ такою постоянною энергіей на язвы нашего *сегодня*, порожденныя нашимъ безалабернымъ *вчера*, какъ тѣ именно люди которые были всегда противниками и мнимо либеральныхъ, и мнимо консервативныхъ глупцовъ и мошенниковъ.

Мы *по правдѣ*, а не лицемѣрно, увѣрены въ томъ что отъ сохраненія настоящаго положенія дѣлъ *дѣйствительно* ни-

чего не получится кромѣ *растлѣнія общества* и кромѣ *постыдной вялости, немощной на добро и безсильной передъ зломъ.*

Чѣмъ скорѣе минуетъ сегодняшее положеніе дѣлъ, тѣмъ лучше. Еще менѣе желаемъ мы возврата того что̀ было *вчера. Вчера* породило все то чѣмъ мы страдаемъ сегодня; *вчера* съ одобренія правительства гласно проповѣдывался нигилизмъ, отъ котораго мы теперь не знаемъ какъ спастись; *вчера,* благодаря стараніямъ патроновъ *Голоса,* наши школы были тщательно организованными разсадниками шалопайства; *вчера* петербургскіе сановники рукоплескали съ фельетонистами *Голоса* оправданію нигилистки Засуличъ, открывшей рядъ возмутительныхъ преступленій, отъ которыхъ тѣ же сановники и фельетонисты сегодня фарисейски отрекаются; *вчера,* наконецъ, благодаря *безпечности* правительства, была организована та шайка легальныхъ и нелегальныхъ негодяевъ которые *сегодня,* благодаря *бездѣйствію* правительства, смущаютъ трескомъ своихъ фразъ здравый смыслъ и чувство Русскаго народа, не доумѣвающаго что̀ надъ нимъ творится.

Мы твердо желаемъ чтобы наше *завтра* не походило ни на вчерашнее, ни на сегодняшнее наше положеніе. Ошибаться свойственно каждому человѣку, а повторять свою ошибку свойственно лишь человѣку не разумному. Послѣ тяжкихъ испытаній мы желаемъ идти *впередъ, къ новому* положенію которое насъ избавило бы отъ ошибокъ прошлаго и испытаній настоящаго.

А чего желаютъ внушители *Голоса?* Они хотятъ вести насъ *назадъ,* къ тому „чѣмъ Россія жила двадцать лѣтъ;“ они хотятъ заставить насъ продѣлать еще разъ всѣ наши ошибки, надѣясь что во второй разъ мы не остановимся на краю пропасти, а со всего размаха полетимъ внизъ головой; они желаютъ чтобы наше *завтра* походило на наше *вчера,* въ надеждѣ что *послѣзавтра* насъ будутъ поминать какъ звали...

№ 130.

Москва, 11-го мая.

Въ какой-то газетѣ, по поводу какого-то нашего выраженія, истолкованнаго въ смыслѣ порицанія кого-то изъ правительственныхъ лицъ, было выражено удивленіе какъ это намъ спускаютъ подобныя дерзости, какъ это мы сами позволяемъ себѣ подобныя дерзости желая состоять на счету благонамѣренныхъ.

Намъ уже не въ первый разъ приходится слышать подобныя разсужденія и не худо разъ навсегда объясниться по этому предмету.

Наши воздушныя партіи, либералы и консерваторы, консерваторы и либералы, хлопочутъ о „правовомъ порядкѣ,“ какъ они выражаются на своемъ жаргонѣ, и желаютъ надѣлить насъ, русскихъ подданныхъ, политическими правами. Не напрасна ли ихъ забота? Мы, русскіе подданные, уже обладаемъ тѣмъ что̀ они обѣщаютъ даровать намъ; у насъ есть даже нѣчто большее. Они хотятъ даровать намъ политическія права, но у насъ есть политическія обязанности, а это больше. Въ обязанностяхъ уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаются правами. Что̀ намъ въ обязанность поставлено, на то намъ конечно и право дано. Но если за обязанностію само собою слѣдуетъ право, то не всегда обязанность поспѣваетъ за правомъ когда оно̀ выдвигается впередъ. Право не прикрытое обязанностію уносится налегкѣ далеко впередъ, оставляя позади себя багажъ обязанностей. Напрасно намъ сулятъ конституцію; мы уже имѣемъ ее въ нашей государственной присягѣ которая обязываетъ всякаго русскаго подданнаго радѣть о пользахъ Государя и государства. Мы обязаны свято заботиться объ этихъ пользахъ, и въ предѣлахъ возможности предотвращать всякій вредъ который можетъ угрожать имъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ въ силу нашего „праваго порядка“ будетъ измѣнникъ и преступникъ. А если каждый изъ насъ обязанъ служить такимъ образомъ престолу и отечеству, то каждый, конечно, имѣетъ и право исполнять эту обязанность.

Если караульный заснулъ, мы въ правѣ разбудить его; если онъ самъ воруетъ то что̀ обязанъ стеречь, мы въ правѣ закричать и позвать кого слѣдуетъ. Мы въ правѣ это сдѣлать потому что обязаны.

Мы обязаны чтить власть. Власть отъ Бога, учитъ насъ церковь. Мы обязаны чтить власть не только за страхъ, но и за совѣсть. Насъ, православныхъ людей, обязываетъ къ тому не только граждан-

ская, но и религіозная совѣсть. Но чѣмъ священнѣе для насъ это начало, тѣмъ должно быть чувствительнѣе всякое небреженіе о немъ, а еще болѣе измѣна ему со стороны лицъ призванныхъ охранять его, блюсти его честь и пользу, исполнять его службы. У насъ есть общественное слово, есть печать которой дозволено касаться предметовъ государственнаго интереса. Странно было бы еслибъ эта сфера оставалась внѣ дѣйствія той конституціи которую мы, русскіе подданные, имѣемъ въ нашей государственной присягѣ. Люди имѣющіе право общественнаго слова обязаны не менѣе другихъ радѣть о пользахъ Государя и государства и предупреждать всякій ущербъ и вредъ имъ; только эта обязанность и даетъ смыслъ дарованному печати праву касаться политическихъ предметовъ. Не считать же, въ самомъ дѣлѣ, печать „священнымъ убѣжищемъ“ для политическихъ негодяевъ!

Но служить въ печати государству — дѣло не легкое. Какъ разъ столкнешься съ интересами которые пользуются привилегіями власти, но не всегда правдиво и честно къ ней относятся, не всегда служатъ ей должнымъ образомъ, не всегда бываютъ способны понимать и исполнять ея требованія, и нерѣдко вредятъ ея дѣлу вмѣсто того чтобы служить ему. Если общественное слово видитъ это, то оно обязано сказать; оно измѣнитъ своему долгу, оно поступитъ нечестно, оно поступитъ подло, если не скажетъ.

Мы говоримъ вообще, ни на кого, ни на что не указывая; мы хотимъ только пояснить принципъ о которомъ зашла рѣчь. Только при помощи яснаго понятія можно правильно судить о томъ или другомъ случаѣ вызывающемъ нашу оцѣнку. Мы хотимъ только пояснить что гражданское и патріотическое чувство, полная преданность Государю и государству, полная готовность сослужить правительству въ его службѣ, могутъ сталкиваться съ дѣйствіями и направленіями лицъ которыя приходятъ и уходятъ, смѣняясь на чредѣ власти, и могутъ своими ошибками, своею неспособностью или недобросовѣстностію оставлять за собою пагубныя послѣдствія.

Развѣ мы могли бы дожить до ужасной катастрофы прошлаго года, развѣ могли бы мы очутиться въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи, еслибы не цѣлый рядъ правительственныхъ ошибокъ, которыхъ нельзя не видѣть теперь когда они совершились, но которыхъ послѣдствія можно было предвидѣть? Общественное слово въ свое время и предсказывало ихъ, раскрывая ошибки и обличая обманы. Оно по возможности исполняло свой долгъ, но ему не легко обходилось это. Говоря и дѣйствуя въ интересахъ правительства, мы тутъ-то именно и сталкивались съ лицами, которыя по долгу безпристрастія старались соблюдать нейтралитетъ между правдой и ложью и по добротѣ сердца не только служили Государю и государству, но и тщились снискать любовь въ непріятельскомъ лагерѣ. Шагъ за шагомъ, русская политика переходила на тотъ путь куда влекла ее таинственная крамола. Вмѣсто того чтобы подавить ее въ началѣ, устранивъ причины которыя дали ей ходъ и ей способствуютъ, принятая система дѣйствій напротивъ создавала условія все болѣе и болѣе благопріятныя для ея развитія, и подъ предлогомъ умиротворенія враговъ сдавала имъ лучшія позиціи и усиливала ихъ, ожесточая. Изъ ничтожныхъ элементовъ выросъ призракъ могущества, не имѣющій никакой реальности и обязанный своимъ развитіемъ только къ сближенію съ властями или сближеніемъ съ ними властей. Могъ ли этотъ призракъ не пріобрѣсти обаятельную силу когда его замыслы переходили въ правительственную программу?

Скажемъ въ видѣ предположенія, предположенія нелѣпаго, но пригоднаго въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ своею несообразностью оно рѣзче выставитъ вопросъ о которомъ мы ведемъ рѣчь. Вообразимъ себѣ что въ настоящую минуту, при теперешнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ, кто-либо изъ вліятельныхъ лицъ возымѣлъ бы мысль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, созвать то что́ *эвфемистически* называется „земскимъ соборомъ,“ якобы для поддержанія власти въ ея борьбѣ съ крамолой, — не была ли бы такая мысль, даже негласно въ сферахъ власти сказанная, торжествомъ крамолы? Что́ могло бы сдѣлать сборище людей деморализованныхъ и смущенныхъ, собранныхъ вокругъ правительства которое будто бы само собою держаться не можетъ, какъ лживо увѣряютъ его противники, и малодушно повторяютъ за ними ихъ потворщики и пособники? Какую помощь могъ бы оказать этотъ сбродъ людей правительству, пока оно не станетъ твердо на свои

здоровыя ноги, не разсѣетъ призракъ крамолы и не освободится отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи?

Когда извѣстнаго преступника Нечаева, по произнесеніи надъ нимъ приговора, выводили жандармы изъ залы судебнаго засѣданія, онъ кричалъ неистово: „земскій соборъ, земскій соборъ!“ Того же требовалъ и Желябовъ. Спрашивается, кто въ своемъ смыслѣ оказался бы вѣрнѣе своему дѣлу, Нечаевы и Желябовы, или тѣ фантастическіе, предполагаемые нами блюстители государственныхъ интересовъ, которые тоже крикнули бы: „земскій соборъ?“

Если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, не способнымъ дѣйствовать, нуждающимся въ сборѣ людей которые сами не знали бы зачѣмъ они призваны, то не слѣдуетъ ли искать причины этой слабости не въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы, а развѣ въ неспособности ея случайныхъ органовъ?

№ 131.

Москва, 12-го мая.

Фабрикантамъ и заводчикамъ, которыхъ должна привлечь въ Москву со всѣхъ концовъ открывающаяся на дняхъ Выставка, предоставлена возможность громко заявить свои нужды и желанія, высказавшись по разнымъ вопросамъ имѣющимъ прямое или косвенное отношеніе къ промышленнымъ интересамъ. Имъ предоставлено право имѣть совѣщанія по этимъ вопросамъ, причемъ, помимо простаго обмѣна мыслей, эти совѣщанія будутъ имѣть и офиціальное значеніе. Торгово-Промышленный Съѣздъ въ Москвѣ созывается съ Высочайшаго разрѣшенія; программа вопросовъ, которые предположено предложить на обсужденіе Съѣзда, утверждена министромъ Финансовъ. Ниже мы печатаемъ полный текстъ этой программы, вмѣстѣ съ составленными для Съѣзда правилами.

Программа эта вообще довольно широкая и обнимаетъ собою не только вопросы спеціально касающіеся финансовъ цѣлой страны, общей торговой политики и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ государственнаго управленія. Члены Съѣзда приглашаются высказаться и о системѣ денежнаго обращенія въ Россіи, и о вексельныхъ курсахъ, и о банковомъ кредитѣ, и о желѣзныхъ дорогахъ, и о таможняхъ, и о торговыхъ трактатахъ, и о техническомъ и коммерческомъ образованіи, и о фабрично-заводской статистикѣ, и по множеству другихъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, нельзя сказать чтобы программа совѣщаній Съѣзда, по своей полнотѣ, не оставляла ничего желать. Число входящихъ въ нее вопросовъ очень велико, и нѣкоторые изъ нихъ, безо всякаго ущерба для дѣла интересующаго по преимуществу практическихъ людей приглашаемыхъ принять участіе въ Съѣздѣ, могли бы быть вовсе опущены (какъ, напримѣръ, чисто теоретическій и не достаточно ясный вопросъ о томъ „какая денежная единица и монетная система наиболѣе соотвѣтствуетъ народной денежной силѣ, экономическому развитію страны и цѣнности главныхъ предметовъ народной производительности“). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ программѣ нѣтъ многаго чему въ ней слѣдовало бы быть, что̀ для участниковъ Съѣзда важно, и безъ чего самый Съѣздъ для иныхъ можетъ утратить бо̀льшую долю своего значенія. Но можетъ-быть еще не поздно восполнить упущенное, исправить ошибки. Избѣжать ихъ особенно желательно въ виду того что предстоящій Съѣздъ у насъ дѣло новое, которому не хорошо было бы дать съ перваго шага непадлежащее направленіе. Сколько мы знаемъ, предстоящій Торгово-Промышленный Съѣздъ еще первый въ Россіи.

При чтеніи программы, самъ собою напрашивается вопросъ, должны ли занятія Съѣзда ограничиться исключительно тѣми предметами которые включены въ программу, или нѣтъ? Если да, если всякія совѣщанія о не вошедшемъ въ программу возбраняются, совѣщанія Съѣзда во многихъ отношеніяхъ утратятъ не малую долю своего интереса для весьма многочисленнаго круга фабрикантовъ и заводчиковъ. Предметомъ совѣщаній будутъ спеціальные интересы нѣсколькихъ крупныхъ отраслей производства: горнозаводской, механической, химической, кожевенной, льняной, хлопчато-бумажной, шерстяной, шелковой, винокуренной, сахарной, табачной... Но наряду съ ними не отведено мѣста другимъ тоже не совсѣмъ лишеннымъ значенія производствамъ: мыловаренному, свѣчному, клееварному, фаянсовому и фарфоровому, стеклянному и зеркальному, резиновому,

писчебумажному и множеству другихъ. При многопредметности програмы, этотъ пропускъ представляется необъяснимымъ, и о немъ тѣмъ болѣе можно пожалѣть что онъ можетъ охладить къ Съѣзду, отстранить отъ участія въ немъ представителей обиженныхъ невниманіемъ производствъ, хотя иные изъ нихъ могли бы привести вѣскіе факты, сказать дѣльное слово и по вопросамъ болѣе общаго характера составляющимъ главную часть програмы.

Затѣмъ, въ ряду этихъ общихъ вопросовъ, какъ уже выше замѣчено, поставлены многіе имѣющіе лишь теоретическій, академическій интересъ и не формулованы прямо многіе вопросы имѣющіе для всего промышленнаго міра прямое практическое значеніе. Такъ въ программѣ не предлагается прямаго вопроса о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. А между тѣмъ эти тарифы и условія измѣненія ихъ представляютъ для всѣхъ фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ несравненно большій практическій интересъ чѣмъ важный самъ по себѣ вопросъ о томъ кому должны принадлежать дороги, казнѣ или частнымъ обществамъ, и можно ли что-нибудь сдѣлать чтобъ онѣ не переходили въ собственность иностранныхъ капиталистовъ. Кому бы ни принадлежали желѣзныя дороги, кѣмъ бы они ни управлялись, для промышленности прежде всего нужно чтобъ онѣ служили всѣмъ одинаково, чтобъ онѣ не нарушали равенства условій промышленной конкурренціи, чтобы желѣзнодорожные тарифы не подрывали производства одной мѣстности къ выгодѣ другой, чтобъ они не поощряли иностраннаго промышленнаго труда въ ущербъ и подрывъ русскому. Затѣмъ, по желѣзнодорожной части, поставленъ въ программѣ вопросъ о желѣзнодорожныхъ линіяхъ, постройка которыхъ требуется въ интересахъ торговли и промышленности. Это вопросъ важный и далеко не излишне услышать по этому предмету мнѣнія торгово-промышленнаго міра. Но самая постройка дорогъ есть дѣло промышленное, и, полагаемъ, не мѣшало бы спросить промышленныхъ людей какъ, по ихъ мнѣнію, желательно впредь расширять рельсовую сѣть, такъ ли какъ она расширялась доселѣ, лихорадочно, скачками, послѣ которыхъ наступаетъ затишье, или равномѣрно, съ устраненіемъ тѣхъ экономическихъ пертурбацій которыя вызываются внезапными приливами и отливами капиталовъ и рукъ къ дорожно-строительнымъ работамъ, переходами отъ усиленныхъ заказовъ къ совершенной ихъ пріостановкѣ.

Нельзя также не пожалѣть что къ участію въ Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ не приглашены представители сельско-хозяйственныхъ интересовъ. Практикуемый у насъ пріемъ полнаго разграниченія сельско-хозяйственной промышленности отъ фабрично-заводской не одобряется многими изъ среды самихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. И тотъ и другой видъ промышленности во многомъ тѣсно связаны между собой, и разъясненіе многихъ вопросовъ программы предстоящаго Съѣзда много выиграло бы еслибъ они обсуждались между прочимъ и съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства, людьми прямо въ немъ заинтересованными. При отсутствіи же представителей сельскаго хозяйства, представляется даже непонятнымъ почему въ программу Съѣзда вошелъ вопросъ о томъ, не требуется ли „поставить винокуреніе въ условія болѣе благопріятныя для его развитія въ формѣ доступной не только немногимъ капиталистамъ-винокурамъ, но и землевладѣльцамъ даже средняго достатка, которые могли бы сообразно своимъ средствамъ пользоваться выгодами этого подспорнаго промысла для каждаго сельскаго хозяйства.“ Въ программѣ спеціально фабрично-заводскаго съѣзда естественно было бы встрѣтить вопросы объ упраздненіи кабаковъ, о паспортной системѣ, объ излишествѣ праздничныхъ дней и о другихъ предметахъ отзывающихся непосредственно на ходѣ фабричныхъ работъ; но съ какой стати тутъ вышеприведенный вопросъ о винокуреніи? Точно также невольно жалѣешь объ отсутствіи представителей сельскаго хозяйства читая тѣ пункты программы которые касаются, напримѣръ, средствъ для успѣшной борьбы съ американскою конкурренціей по сбыту русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ, или организаціи и развитія ипотечнаго кредита и вообще кредита для земледѣльческой промышленности. Не лишними были бы на Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ голоса представителей сельскаго хозяйства по нѣкоторымъ таможенно-тарифнымъ вопросамъ. Для правильнаго рѣшенія многихъ такихъ вопросовъ требуется соглашеніе интересовъ производителей сырья съ интересами тѣхъ кто его обрабатываетъ.

Каковы бы ни были частные недостатки программы Торгово-Промышленнаго Съѣзда, заявленіе практическими людьми своихъ мнѣній по многимъ входящимъ въ нее вопросамъ, полагаемъ, будетъ не безполезно для ихъ разъясненія. Въ интересахъ дѣла желательно лишь чтобъ участники Съѣзда не стѣснялись публичностью преній и не гнались за краснорѣчіемъ при выраженіи своихъ дѣловыхъ, вынесенныхъ прямо изъ жизни свѣдѣній и мнѣній. Краснобайство тутъ никакой цѣны не имѣетъ, и не для состязанія въ немъ, не для услажденія сторонней публики ораторскимъ искусствомъ, созываются на Съѣздъ представители торгово-промышленнаго міра.

Заявленіе ими разнообразныхъ нуждъ промышленности несомнѣнно должно имѣть серіозное значеніе. Но мы не совсѣмъ ясно представляемъ себѣ для чего, по правиламъ Съѣзда, мнѣнія эти предположено подвергать баллотировкѣ. Какое значеніе можетъ имѣть счетъ голосовъ въ собраніи совершенно случайнаго состава? Въ любомъ изъ его семи отдѣленій, по каждому изъ вопросовъ, на нѣсколько человѣкъ практически знакомыхъ съ дѣломъ и имъ заинтересованныхъ можетъ оказаться масса людей для которыхъ онъ совершенно чуждъ, которые могутъ судить о немъ по слуху и готовы усвоить о немъ первое подвернувшееся мнѣніе, не отдавая себѣ отчета въ томъ почему одно мнѣніе кажется имъ предпочтительнѣе другаго. Къ чему же приведетъ въ такомъ случаѣ баллотировка? Къ тому чтобы мнѣнія фабрикантовъ и заводчиковъ потонули безслѣдно въ мутной водѣ мнѣній разныхъ „лицъ интересующихся отечественною торговлей и промышленностью,“ къ тому чтобы предвзятыя рѣшенія разныхъ дилеттантовъ могли быть выданы за мнѣнія промышленнаго міра? Было бы очень жаль еслибы такъ случилось, и, кажется, во избѣжаніе такой случайности, предпочтительнѣе было бы сдѣлать сводъ выраженныхъ на Съѣздѣ мнѣній, съ объясненіемъ кому какое принадлежитъ (причемъ каждый могъ бы подкрѣплять своимъ голосомъ любое мнѣніе) чѣмъ приводить результаты Съѣзда къ перечню ни для кого не обязательныхъ рѣшеній постановленныхъ случайнымъ большинствомъ голосовъ.

№ 132.

Москва, 13-го мая.

А.

Мы печатаемъ сегодня пограничную конвенцію съ Персіей. Конвенція эта, заключенная 9 декабря прошлаго года въ Тегеранѣ и ратификованная въ Петербургѣ 28 февраля, составляетъ одинъ изъ лучшихъ, наиболѣе обдуманныхъ и сообраẑенныхъ съ интересами Россіи дипломатическихъ документовъ послѣдняго времени. Конвенція эта не велика и по объему, и по числу статей, которыхъ всего девять, включая и обычное опредѣленіе порядка утвержденія и размѣна ратификацій, но она касается сущности всѣхъ нашихъ будущихъ сосѣдскихъ отношеній къ Персіи, пріобрѣтающихъ теперь особое для насъ значеніе.

До сихъ поръ наша пограничная черта съ Персіей шла по рѣкѣ Атреку; такъ опредѣлялось прежними договорами, и этого было вполнѣ достаточно, пока Россія не пріобрѣла Ахалъ-Текинскаго оазиса, граница между коимъ и персидскими владѣніями оставалась неопредѣленною, хотя на картахъ ее тянули чуть не до Буджнурда все вверхъ по теченію Атрека. На дѣлѣ она мѣстами проходила гораздо сѣвернѣе, что впрочемъ не имѣло для Персіи практическаго значенія. Съ занятіемъ нашими войсками Ахалъ-Текинскаго оазиса и съ присоединеніемъ его къ Россіи навсегда положеніе дѣлъ измѣнялось и неминуемо возникъ удачно разрѣшенный теперь вопросъ „о разграниченіи къ востоку отъ Каспійскаго моря.“ Это разграниченіе и составляетъ содержаніе 1-й статьи конвенціи. До Чата, на Атрекѣ, граница въ сущности осталась въ прежнемъ видѣ; отсюда она направлена теперь на сѣверо-востокъ, пересѣкаетъ долину рѣки Чандыра, поворачиваетъ отсюда на востокъ и затѣмъ долиной Сумбара направляется къ дорогѣ на городокъ Дурунъ (въ оазисѣ) и достигаетъ вершинъ хребта Копетъдага, ограничивающаго Текинскій оазисъ съ юго-запада. Здѣсь, нѣсколько сѣверозападнѣе Геокъ (Денгиль) Тепе, граница дѣлаетъ опять поворотъ къ югу, не доходя ущелья Гярамба, по которому течетъ рѣчка того же имени направляющаяся къ Геокъ-Тепе. Оставляя за нами ущелье и

фортъ Гярамбъ, принадлежавшій Персіи, граница идетъ по высотамъ отдѣляющимъ бассейнъ Сумбары отъ верховьевъ рѣчки Гярамба и затѣмъ пересѣкаетъ, мѣняя направленіе, дорогу ведущую изъ Геокъ-Тепе чрезъ Гярамбъ въ Ширванъ и Кучанъ. Нѣсколькими поворотами спускаясь къ юго-востоку и къ сожалѣнію оставляя за Персіей Хейрабадъ и Кельтечинаръ (южнѣе Гяурса, почти на половинѣ разстоянія оттуда къ Кучану), граница достигаетъ хребта Зири-Ку, идетъ имъ къ юго-востоку до ручья Баба-Дурмазъ, откуда поворачиваетъ къ сѣверу и выходитъ въ оазисъ далеко къ юго-востоку отъ Гяурса, оставляя однако укрѣпленіе Баба-Дурмазъ за чертою. Общее направленіе границы указанное конвенціей не есть однако окончательное: въ конвенціи намѣчены лишь главные пункты; точное же опредѣленіе черты на мѣстѣ будетъ исполнено спеціальными коммиссарами назначенными по особому на то соглашенію сторонъ. Неточность картъ вынудитъ вѣроятно къ нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ; придется вѣроятно нѣкоторыя селенія оставить за Персіей, другія, лежащія внѣ нашей границы, включить въ нее; можетъ-быть эта доля выпадетъ и на Кельтечинаръ который граница обошла съ сѣвера. Вѣроятность значительныхъ измѣненій при установленіи границы на мѣстѣ тѣмъ бо́льшая что проведенная теперь въ общихъ чертахъ линія въ нѣсколькихъ пунктахъ пересѣкаетъ верховья горныхъ рѣчекъ, имѣющихъ какъ для Персіянъ такъ и для оазиса особое значеніе. Въ этомъ краѣ, какъ извѣстно, ни что̀ не растетъ безъ искусственнаго орошенія; жители отъ каждаго ручейка ведутъ канавки, арыки, дающіе воду для орошенія полей; граница должна на дѣлѣ сообразоваться съ направленіемъ этихъ арыковъ. Конвенція, впрочемъ, предусматриваетъ это обстоятельство, оговаривая въ статьѣ IV чтобы на остающихся въ предѣлахъ Персіи верховьяхъ ручьевъ не допускались ни новыя поселенія, ни новыя распашки, ни новые арыки. Но если нельзя проводить новыхъ арыковъ, если за этимъ учреждается строгій надзоръ, то естественно что будетъ взято во вниманіе и направленіе арыковъ существующихъ, какъ опредѣляющихъ границы поземельной собственности жителей.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи VI и VII конвенціи. Первая изъ нихъ запрещаетъ вывозъ изъ Персіи во всѣ туркменскія и текинскія земли оружія и военныхъ принадлежностей, а другая, для наблюденія за исполненіемъ постановленій настоящей конвенціи и для надзора за пограничнымъ туркменскимъ населеніемъ, даетъ Россіи право содержать особыхъ агентовъ въ пограничныхъ пунктахъ Персіи; агенты эти, какъ сказано въ конвенціи, „по всѣмъ вопросамъ касающимся поддержанія *порядка* и тишины“ въ сопредѣльныхъ владѣніяхъ будутъ служить посредниками въ сношеніяхъ русскихъ и персидскихъ властей. Такіе агенты имѣютъ полную возможность слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ сѣверо-восточномъ углу Персіи и за отношеніями между нею и ея вассальными ханствами: Буджнурдомъ, Кучамомъ, Дергезомъ и Келатомъ, пріобрѣтающими для насъ особое значеніе. Надо замѣтить что интересы Персіи здѣсь не совсѣмъ сходятся съ нашими: Персіяне могутъ желать окончательно инкорпорировать эти ханства; въ нашихъ интересахъ какъ торговыхъ, такъ и иныхъ поддержать въ прежнемъ положеніи эти вассальныя владѣнія нѣкогда созданныя также какъ въ Австріи создавалась Военная Граница, то-есть для защиты отъ Текинцевъ.

Не забыты договоромъ и торговыя отношенія. Конвенція обязываетъ обѣ стороны „въ видахъ развитія торговыхъ сношеній“ между Закаспійскимъ краемъ и Хорасаномъ войти въ соглашеніе по устройству удобныхъ для товарнаго движенія колесныхъ дорогъ. Пунктъ этотъ можетъ пріобрѣсти первенствующее значеніе, если соглашеніе которое имъ обусловливается будетъ въ той же мѣрѣ удачно какъ самая конвенція. Съ развитіемъ колесныхъ путей выиграетъ не только торговое, но и стратегическое значеніе нашихъ пріобрѣтеній въ Закаспійскомъ краѣ, составляющемъ важнѣйшую часть нашихъ средне-азіятскихъ владѣній.

Б.

„Священное право убѣжища!“ Теперь ясно для всѣхъ обнаружилась ложь этого британскаго *Non possumus*, коимъ Сентъ-Джемскій кабинетъ обыкновенно отвѣчаетъ на требованія о выдачѣ того или другаго преступника находящаго гостепріимный пріютъ на берегахъ Темзы. Вдругъ, также быстро какъ на сценѣ театра, произошла „чистая

перемѣна;“ Англія не признаетъ права убѣжища и сама требуетъ выдачи преступниковъ...

Главный секретарь по дѣламъ Ирландіи и товарищъ его пали подъ ножомъ „политическихъ убійцъ.“ Какой переполохъ поднялся по всему Соединенному Королевству! Какъ быстро слетѣла маска! Куда дѣвались фарисейскія поученія которыми такъ щедро осыпала насъ Англія устами своихъ парламентскихъ ораторовъ.

Едва огласилось кровавое событіе Фениксъ-парка, тотчасъ же трансатлантическій кабель передалъ инструкціи британскому посланнику въ Вашингтонѣ потребовать арестованія убійцъ въ случаѣ прибытія ихъ въ Америку,—ту самую Америку, которая, не пользуясь офиціальнымъ титуломъ „убѣжища,“ всегда была таковымъ на дѣлѣ и куда еще такъ недавно Гартманъ безпрепятственно совершилъ пріятную прогулку, а по окончаніи ея, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ Лондонъ, гдѣ и благоденствуетъ доселѣ...

Не то дѣлается теперь. Въ распоряженіе Англійскаго правительства отданы таможенные чиновники Соединенныхъ Штатовъ для осмотра всѣхъ судовъ приходящихъ изъ Англіи въ гавани Союза, президентъ предписываетъ правительству употребить всю судебную и административную власть для задержанія только предполагаемыхъ убійцъ и обѣщаетъ принять подъ свою защиту чиновникозъ въ случаѣ ареста по ошибкѣ.

Этого мало. Подумайте только какіе вопли подняла бы петербургская „легальная пресса“ еслибы наше правительство назначило награду за „доносъ“ на убійцъ Русскаго Царя. Это самое дѣлаетъ теперь „правовая“ Англія по случаю умерщвленія двухъ чиновниковъ. Наша „легальная пресса“ благоразумно молчитъ объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, разослать по всему свѣту объявленіе о наградѣ въ 5.000 фунтовъ стерлинговъ за „прямой доносъ“ и въ 1.000 фунтовъ за „письменную инсинуацію“ которая могла бы повести къ раскрытію убійства—какое, съ точки зрѣніи *Голоса*, пагубное развращеніе добрыхъ нравовъ!

Но пойдемъ дальше. Посмотримъ какъ распорядилось „правовое“ государство внутри. Считало ли оно нужнымъ, въ случаѣ еслибъ удалось захватить виновниковъ катастрофы, церемониться съ „убійцами“ возводя ихъ въ санъ „политическихъ страдальцевъ“ и потомъ зайчикомъ забѣгать предъ ними какъ во время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, такъ и на судѣ, ставя ихъ на одну доску со старыми слугами государства и выставляя этихъ послѣднихъ на посмѣшище и трактуя ихъ не какъ свидѣтелей, а какъ обвиняемыхъ которыхъ собрались судить „убійцы“ за невѣжливое съ ними обращеніе? Первымъ дѣломъ правительство отмѣнило всѣ процессуальныя траги-комедіи. Г. Гладстонъ, представитель либеральной Англіи, глава ея нынѣшняго правительства, поспѣшилъ внести въ палату билль отмѣняющій для дѣлъ этого рода судъ присяжныхъ и вручающій суммарную власть лорду-лейтенанту Ирландіи; глава оппозиціи, г. Норткотъ, представитель консервативнаго Альбіона и его будущаго кабинета, поспѣшилъ оказать поддержку г. Гладстону, выражая лишь опасенія какъ бы строгость этого билля не была ослаблена, какъ бы правительство не унизилось до потачки и сдѣлки съ „убійцами;“ а такъ какъ оба эти государственные человѣка въ то же время и члены парламента и вожди партій, то значитъ вся Англія, прототипъ „конституціонной“ державы, топчетъ въ грязь свои *священнѣйшія права*...

Еще одно сказанье... о свободѣ „прессы.“ Какъ печать всѣхъ странъ міра имѣетъ общія черты, такъ и „пресса“ повидимому однородна во всѣхъ „цивилизованныхъ“ государствахъ. Лондонская *интернаціоналка* на этотъ разъ не выдержала, и въ пресловутой реппурареr *Freiheit* появился гнусный пасквиль одобряющій поножовщину Фениксъ-Парка и подстрекающій къ новымъ убійствамъ какъ въ предѣлахъ владѣній ея величества королевы Англійской такъ и внѣ ихъ. Что же? Британское правительство нарядило ли комедію публичнаго суда со всѣми гарантіями безнаказанности „мошенникамъ пера и разбойникамъ печати?“ Оно просто-на-просто опечатало редакцію и стащило принявшаго на себя отвѣтственность редактора въ полицейскій судъ...

№ 133.

Москва, 14-го мая.

Мѣсяца полтора тому назадъ, по поводу одного частнаго случая сообщеннаго въ нашей газетѣ, коснулись мы вопроса о наказаніяхъ за лѣсныя порубки по нашимъ уголовнымъ законамъ и о томъ въ какомъ порядкѣ наши суды примѣняютъ эти законы (см. передовыя статьи въ №№ 89 и 98). Были приведены разительные примѣры безнаказанности „постигающей“ иногда у насъ лѣсныхъ порубщиковъ вопреки ихъ собственному желанію. Былъ такой случай что виновные въ похищеніи лѣса сами сознались въ своемъ проступкѣ предъ судомъ, и будучи приговорены за это къ наказанію, приговора не обжаловали, но представитель *обвинительной* власти опротестовалъ это рѣшеніе предъ Сенатомъ, и Уголовный Кассаціонный Департаментъ, на основаніи протеста прокурора, призналъ что судъ *не имѣлъ права* наказывать уличенныхъ порубщиковъ, подчинившихся обвинительному приговору, потому что не само потерпѣвшее лицо преслѣдовало ихъ предъ судомъ!..

Мы указывали и на то что наказанія положенныя у насъ за всякаго рода похищенія лѣса слишкомъ ничтожны. Всякая кража влечетъ за собою по нашимъ законамъ тюремное заключеніе, а за лѣсныя порубки нашъ законъ налагаетъ въ первый и во второй разъ лишь денежный штрафъ, и только при совершеніи преступленія въ третій разъ оно приравнивается по наказанію къ кражѣ, причемъ повторительная кража не считается отягчающимъ обстоятельствомъ если со времени предшествовавшей вины прошло два года; между тѣмъ какъ, напримѣръ, въ Германіи забота объ охраненіи лѣсной собственности доходитъ до того что въ прошедшемъ году тамъ установлены наказанія за самовольное собираніе ягодъ въ чужомъ лѣсу, и эти наказанія гораздо строже нежели за лѣсныя порубки по нашимъ законамъ.

Оказывается что вопросъ о наказаніяхъ за лѣсныя порубки былъ нами затронутъ какъ разъ вовремя, и что сама законодательная власть признала всю ненормальность установившагося порядка вещей до такой степени что сочтено было невозможнымъ отсрочить измѣненіе существующихъ законовъ о лѣсныхъ порубкахъ до предстоящаго въ близкомъ будущемъ общаго пересмотра нашего уголовнаго кодекса. Въ концѣ апрѣля обнародовано Высочайше утвержденное 23 марта сего года мнѣніе Государственнаго Совѣта, утвердившаго представленія министра Юстиціи объ измѣненіи стт. 155, 156 п. 1, ст. 158 и ст. 159 Устава о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями и ст. 822 Уложенія о Наказаніяхъ, въ коихъ установлены наказанія за похищеніе и самовольную порубку лѣса.

Новая редакція указанныхъ статей закона усиливаетъ наказанія за нарушенія лѣсной собственности которыя приняли у насъ размѣры общественнаго бѣдствія. Усиленіе это сказалось впрочемъ гораздо болѣе въ *намѣреніи* законодателя. Законъ оказывалъ могущественное дѣйствіе на нравственное воспитаніе народа, укрѣпляя въ немъ сознаніе о правомъ и неправомъ. Наоборотъ, слабая и нерѣшительная уголовная репрессія расшатываетъ понятіе о правѣ и заставляетъ народъ легко относиться къ извѣстнымъ преступленіямъ въ виду того что власть, въ которую народъ вѣритъ, какъ бы колеблется въ своихъ воззрѣніяхъ. Новый законъ слѣдующимъ образомъ „усиливаетъ“ наказаніе за лѣсныя похищенія: До сихъ поръ за похищеніе деревъ изъ чужаго лѣса, или за самовольную порубку, законъ налагалъ одинаковое взысканіе какъ за первый проступокъ, такъ и за первое его повтореніе. Въ томъ и другомъ случаѣ виновный подвергался денежному взысканію равному двойной цѣнѣ похищеннаго лѣса и лишь при вторичномъ рецидивѣ, то-есть при повторенія проступка въ третій разъ, положено было, сверхъ указаннаго денежнаго взысканія, тюремное заключеніе отъ одного до шести мѣсяцевъ. По новому закону, сдѣлано различіе между совершеніемъ проступка въ первый разъ и *первымъ* рецидивомъ. Виновный въ похищеніи во второй разъ подвергается денежному взысканію равному тройной цѣнѣ похищеннаго, или же, сверхъ денежнаго взысканія равнаго двойной цѣнѣ похищеннаго, аресту не свыше трехъ мѣсяцевъ. За похищеніе лѣса въ третій и болѣе разъ наказаніе осталось безъ измѣненія. Равнымъ образомъ осталось безъ измѣненія правило въ силу коего погасительная давность относительно вмѣненія

въ виду рецидива по лѣснымъ похищеніямъ истекаетъ въ два года, такъ что двухлѣтній промежутокъ между наказаніемъ за первый проступокъ и вторымъ проступкомъ лишаетъ судью права усилить наказаніе за повтореніе. Прежній законъ (ст. 156 Уст. о Нак.) перечислялъ въ шести пунктахъ отягчающія вину обстоятельства, при существованіи коихъ положенныя въ ст. 155-й наказанія могутъ быть увеличены одною половиной. По новой редакціи, къ шести пунктамъ прибавлены еще два съ нѣкоторыми незначительными перемѣнами въ прежнихъ пунктахъ. Самою важною изъ этихъ перемѣнъ слѣдуетъ считать усиленіе наказанія за похищеніе или самовольную порубку изъ лѣсовъ „обнесенныхъ заборомъ, изгородью, канавой или другою оградой." Этою прибавкой законодатель подтвердилъ тотъ вѣрный взглядъ что государственная власть должна оказывать тѣмъ большее покровительство лѣсовладѣльцамъ чѣмъ болѣе они сами заботятся замѣтнымъ для всѣхъ образомъ объ огражденіи своей собственности. Подобно тому какъ усилено взысканіе за повтореніе порубки, усилено взысканіе и рецидивистамъ-укрывателямъ похищеннаго или самовольно срубленнаго лѣса и за завѣдомую покупку таковаго. Особый видъ укрывательства лѣсныхъ похищеній предусмотрѣнъ былъ и прежнимъ закономъ: ст. 822 Уложенія о Наказаніяхъ наказываетъ спеціально *лѣсопромышленниковъ* за укрывательство или покупку завѣдомо похищеннаго или срубленнаго другими лѣса. Это спеціальное наказаніе заключалось въ томъ что при повтореніи укрывательства въ третій разъ лѣсопромышленникъ приговаривался во всякомъ случаѣ къ лишенію права заниматься лѣсною промышленностью въ продолженіе пяти лѣтъ. По новой же редакціи этого закона, такое лишеніе установлено для лѣсопромышленниковъ начиная съ перваго рецидива. Но и тутъ сохранено прежнее правило о двухлѣтней погасительной давности.

Какъ видно изъ изложеннаго, усиленія наказаній введенныя новымъ закономъ совершенно незначительны, такъ какъ и теперь строгое наказаніе (тюремное заключеніе) положено лишь за вторичное повтореніе преступленія, и при томъ съ условіемъ промежутка менѣе двухъ лѣтъ. Мы рѣшительно не понимаемъ чѣмъ обусловлена такая поблажка закоренѣлымъ похитителямъ лѣса, и почему она сохранена и впредь несмотря на то что новый законъ обращенъ исключительно противъ порубщиковъ и похитителей лѣса повторившихъ свое преступленіе. Будемъ надѣяться что когда-нибудь и наше законодательство приравняетъ кражу лѣса къ прочимъ кражамъ.

Сверхъ недостаточной строгости новаго закона, нельзя не пожалѣть еще о томъ что онъ не коснулся возникшаго по поводу лѣсныхъ порубокъ недоразумѣнія въ нашей судебной практикѣ, недоразумѣнія, которое кассаціонный судъ не разсѣялъ, а еще усилилъ своимъ рѣшеніемъ отъ 16 октября 1868 года по дѣлу Кулакова, котораго мы коснулись въ № 98 *Московскихъ Вѣдомостей*. Недоразумѣніе это заключается, какъ извѣстно, въ томъ что дѣла о лѣсныхъ порубкахъ подлежатъ будто бы судебному разсмотрѣнію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго. Вслѣдствіе такого порядка, усвоеннаго нашими судами по указанію кассаціоннаго суда, наказанію, хотя бы и столь ничтожному какое въ нашихъ законахъ положено, подвергнется лишь малая часть виновныхъ въ лѣсныхъ порубкахъ. Это происходитъ не столько отъ небреженія лѣсовладѣльцевъ о своихъ интересахъ, сколько потому что уголовныя дѣла, разбираемыя нашими судами въ такъ-называемомъ „порядкѣ частнаго обвиненія," ведутся совершенно иначе нежели дѣла возбуждаемыя въ интересѣ публичнаго (прокурорскаго) обвиненія. Чтобы провести такое дѣло на судѣ, потерпѣвшему необходимо имѣть особаго повѣреннаго или явиться на судъ лично, и всякая неявка на судъ обвинителя къ назначенному часу влечетъ за собою немедленное прекращеніе дѣла навсегда и къ освобожденію обвиняемаго отъ всякаго взысканія.

Мы утверждали что это есть не болѣе какъ недоразумѣніе, ибо въ статьѣ 18 Уст. о Нак., перечисляющей проступки подлежащіе наказанію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, лѣсныя похищенія и порубки не указаны. Новый законъ также не упоминаетъ о томъ что эти проступки должны быть подведены подъ разрядъ перечисленныхъ въ статьѣ 18 Устава о Нак. Поэтому, слѣдуетъ полагать что отнесеніе лѣсныхъ порубокъ къ этой категоріи не соотвѣтствуетъ намѣреніямъ законодателя. Но было бы гораздо лучше еслибъ обращено было вниманіе на эту неправильность

въ судебной практикѣ, и еслибы законъ въ его новой редакціи сопровождался поясненіемъ что дѣла о лѣсныхъ порубкахъ не изъяты изъ вѣдѣнія обвинительной власти. Такою оговоркой законъ содѣйствовалъ бы уменьшенію лѣсныхъ порубокъ въ большей мѣрѣ нежели вновь введеннымъ, но нерѣшительнымъ и почти нечувствительнымъ усиленіемъ наказаній за порубки.

№ 134.

Москва, 15-го мая.

При всякомъ новомъ дѣлѣ, прежде всего самъ собою напрашивается вопросъ для чего оно предпринимается, какое оно будетъ имѣть значеніе, какіе можетъ дать результаты. Этого вопроса нельзя не задать себѣ и по поводу предстоящаго въ Москвѣ Торгово-Промышленнаго Съѣзда, который долженъ начать свои засѣданія черезъ мѣсяцъ послѣ открытія Выставки. Всего естественнѣе было бы искать отвѣта на этотъ вопросъ въ самой программѣ съѣзда, съ которою читатели уже знакомы. Но, къ сожалѣнію, вмѣсто разъясненія цѣли съѣзда, эта программа можетъ лишь возбудить недоумѣніе точно ли съѣздъ будетъ дѣломъ, а не пустымъ его призракомъ, точно ли фабриканты и заводчики приглашаются принять въ немъ участіе ради серіозныхъ практическихъ цѣлей, а не просто для препровожденія времени.

Съѣздъ пріуроченъ къ Выставкѣ и долженъ быть ея дополненіемъ. Выставка должна дать понятіе о современномъ положеніи разныхъ отраслей производства, о ступеняхъ развитія которыхъ онѣ успѣли достигнуть. Но сама по себѣ она дастъ понятіе лишь о казовыхъ концахъ промышленности, о томъ что̀ можетъ быть ею исполняемо, а не о томъ что̀ дѣйствительно исполняется. Разъясненія того въ какомъ положеніи дѣйствительно находятся разныя отрасли производства всего прямѣе можно ожидать отъ людей непосредственно съ ними знакомыхъ, посвящающихъ имъ свою дѣятельность и свои капиталы, отъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Отъ нихъ естественно ожидать также указаній и на то что̀ нужно для того чтобы возможное въ нашей промышленности стало дѣйствительно достижимымъ и на то что̀ требуется для дальнѣйшаго ея улучшенія и развитія. Дать такія указанія, заявить нужды и желанія промышленности, подкрѣпивъ эти заявленія массою хорошо знакомыхъ имъ фактовъ, прямой интересъ фабрикантовъ и заводчиковъ, и всего лучше подобныя заявленія могутъ быть сдѣланы на общемъ ихъ съѣздѣ. При совокупномъ обсужденіи интересующихъ ихъ вопросовъ, съ одной стороны, могутъ быть примирены многія противорѣчія разныхъ частныхъ интересовъ, съ другой, можетъ выясниться что̀ нужно лишь для немногихъ и что̀ составляетъ общую потребность болѣе или менѣе обширныхъ группъ производителей. Съѣздъ, какъ средство довести до свѣдѣнія правительства свои нужды съ возможно болѣе полною и разностороннею ихъ мотивировкой, былъ бы несомнѣнно дѣломъ серіознымъ для фабрикантовъ и заводчиковъ, дѣломъ отъ котораго они могли бы ожидать важныхъ практическихъ результатовъ, измѣненія къ лучшему многихъ условій въ которыхъ находится наша промышленность. Но чтобы съѣздъ имѣлъ такое значеніе, необходимо чтобъ онъ былъ дѣловымъ и только дѣловымъ, чтобы на немъ не было мѣста никакому пусторѣчію, никакому толченію воды, чтобы на немъ обсуждалось только то что̀ непосредственно входитъ въ интересы фабрикантовъ и заводчиковъ, что̀ имъ хорошо знакомо. Но къ дѣловымъ ли занятіямъ, къ заявленіямъ ли только о томъ что̀ они знаютъ и что̀ имъ нужно, приглашаетъ фабрикантовъ и заводчиковъ опубликованная программа съѣзда?

Какъ видно изъ этой программы, занятія съѣзда должны заключаться не въ совѣщаніи о томъ что̀ желательно бы довести до свѣдѣнія правительства отъ имени фабрикантовъ и заводчиковъ, а въ выслушаніи массы „докладовъ,“ которые сочинятъ по разнымъ вопросамъ досужіе люди; затѣмъ въ выслушиваніи разныхъ замѣчаній на эти доклады, которые будутъ дѣлаться разными „лицами интересующимися отечественною торговлей и промышленностью“ и купившими себѣ право участія въ съѣздѣ пятирублевымъ взносомъ; наконецъ, въ баллотировкѣ поставленныхъ въ докладахъ вопросовъ, баллотировкѣ при которой на одного понимающаго въ чемъ дѣло и къ чему оно можетъ вести будутъ приходиться десятки подающихъ голоса наугадъ и которымъ рѣшительно все равно какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ нисколь-

ко ихъ не затрогивающій. Вмѣсто дѣловаго заявленія своихъ нуждъ, фабриканты и заводчики приглашаются съ сочиненію „докладовъ,“ которые потонутъ въ массѣ изготовленныхъ иными любителями, къ участію въ преніяхъ и баллотировкахъ по этимъ докладамъ,— въ преніяхъ гдѣ дѣльное слово можетъ быть заглушено праздною болтовней, въ баллотировкахъ не имѣющихъ смысла, и участіе въ которыхъ можетъ повести къ тому что за мнѣнія фабрикантовъ и заводчиковъ будетъ выдано то о чемъ имъ и не грезилось, отъ чего имъ, пожалуй, послѣ придется чураться...

При такой обстановкѣ занятій съѣзда трудно даже понять почему о немъ говорятъ какъ о „съѣздѣ фабрикантовъ и заводчиковъ,“ почему ему присвоено официальное наименованіе „Торгово-Промышленнаго.“ О созывѣ съѣзда хлопотало извѣстное петербургское „Общество для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ,“ но хлопотало, повидимому, не столько въ интересахъ промышленности и торговли сколько въ собственныхъ корпоративныхъ интересахъ. По крайней мѣрѣ, вмѣсто съѣзда фабрикантовъ и заводчиковъ получается, по программѣ, перенесеніе на время Выставки въ Москву именно самого „Общества для содѣйствія,“ со всѣми сложившимися въ немъ порядками, съ большею частію его личнаго состава и лишь со временнымъ допущеніемъ въ него массы новыхъ, не постоянныхъ, а случайныхъ членовъ. Привычнымъ ораторамъ петербургскаго „Общества,“ при его новой московской метаморфозѣ, открывается блестящее поле дѣятельности. Въ формѣ своихъ докладовъ они прочтутъ по разнымъ вопросамъ цѣлый рядъ лекцій собравшимся въ Москву фабрикантамъ и заводчикамъ, и будутъ имѣть возможность поразить ихъ при этомъ и своимъ глубокомысліемъ, и широтою взглядовъ, и пріобрѣтеннымъ умѣньемъ вести пренія. Для людей занятыхъ своимъ дѣломъ и не претендующихъ на славу ораторовъ, соперничество на этомъ поприщѣ было бы слишкомъ трудно; имъ останется только преклоняться и удивляться. Но какую связь вся эта предстоящая ораторская дѣятельность будетъ имѣть съ Выставкой и интересами привлеченныхъ ею въ Москву фабрикантовъ и заводчиковъ? Для чего нужно читать имъ, въ видѣ докладовъ, лекціи о металлическомъ и бумажномъ денежномъ обращеніи, о системахъ организаціи кредита въ разныхъ его видахъ, объ относительныхъ преимуществахъ частнаго и казеннаго управленія желѣзными дорогами и о тому подобныхъ общихъ вопросахъ? Чтеніе лекцій по такимъ вопросамъ само по себѣ можетъ быть дѣломъ хорошимъ, но всему свое мѣсто, и чтеніе лекцій всего менѣе умѣстно на съѣздѣ фабрикантовъ и заводчиковъ, ограниченномъ трехнедѣльнымъ срокомъ. Но уже не просто неумѣстно, а совершенно противно здравому смыслу поставить задачей съѣзда, по выслушаніи имъ предположенныхъ лекцій, обсужденіе и рѣшеніе, въ тотъ же трехнедѣльный срокъ, всѣхъ затронутыхъ ими вопросовъ. Для кого эти рѣшенія будутъ имѣть какое-нибудь значеніе, для науки, или для администраціи?

Внесеніе въ програму массы общихъ вопросовъ, обсужденіе коихъ не можетъ имѣть на немъ никакого смысла, а будетъ лишь пускать пыль въ глаза, легко объясняется происхожденіемъ этой программы; на составленіе ея, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣли не малое вліяніе авторы разныхъ докладовъ, не могшіе удержаться отъ соблазна прочесть ихъ предъ обширною аудиторіей, носящею громкое наименованіе Торгово-Промышленнаго съѣзда цѣлой Россіи. Но трудно объяснить себѣ какъ подобная программа могла быть утверждена въ министерствѣ. Призывать людей практики на совѣщаніе не имѣющее ни значенія, ни цѣли, ни смысла, отвлекать ихъ отъ прямаго ихъ дѣла и дѣйствительныхъ ихъ интересовъ въ чуждую имъ сферу туманныхъ разглагольствій по спорнымъ теоретическимъ вопросамъ науки и администраціи,—можетъ ли это входить въ виды правительства? Практическія указанія фабрикантовъ и заводчиковъ по разнымъ затрогивающимъ ихъ интересы и практически знакомымъ имъ предметамъ могутъ быть очень важны, и ими могутъ воспользоваться вѣдомства призванныя заботиться объ улучшеніяхъ въ условіяхъ русскаго производства и русской торговли. Но призвать фабрикантовъ и заводчиковъ, вкупѣ съ массою разныхъ дилеттантовъ, къ постановкѣ большинствомъ голосовъ рѣшеній по вопросамъ общаго государственнаго управленія, хуже чѣмъ пригласить ихъ къ пусканію мыльныхъ пузырей. Утвержденіе программы, въ томъ видѣ какъ она опубликована, нельзя не признать серіозною

ошибкой. Поздно или еще не поздно ее исправить? Но если программа уже не можетъ быть измѣнена, нельзя не пожелать, въ интересахъ дѣла, чтобы, независимо отъ этого съѣзда, было разрѣшено и организовано совѣщаніе фабрикантовъ и заводчиковъ, безъ участія стороннихъ лицъ, безъ шумной обстановки, безъ широко-вѣщательной программы, для обсужденія дѣйствительно важныхъ для нихъ дѣлъ и серіозныхъ заявленій которыя могутъ быть ими сдѣланы правительству.

№ 137.

Москва, 18-го мая.

Какія иногда бываютъ удивительныя совпаденія! Въ *Revue des deux Mondes*, именно теперь, появилась окончательная діагноза нашего недуга. Въ статьѣ г. Анатолія Leroy-Beaulieu изображено наше несчастное положеніе, изъ котораго нѣтъ иного выхода какъ рекомендуемый нашими домашними врачами, легальными и не легальными, патентованными и вольнопрактикующими. Утѣшительно по крайней мѣрѣ что добрые люди, даже на сторонѣ, принимаютъ въ насъ такое сердечное участіе и такъ заботятся о нашемъ здоровьѣ. Въ шестидесятыхъ годахъ, мы помнимъ, точно также, ко всеобщему удивленію, вдругъ заговорилъ по-русски, т.-е. о русскихъ дѣлахъ (тогда былъ Польскій вопросъ на очереди), тоже въ *Revue des deux Mondes*, г. де-Мазадъ, который, по всей вѣроятности, никогда прежде русскими дѣлами не занимался и ни въ какомъ отношеніи къ нимъ не состоялъ. Статьи г. де-Мазада памятны намъ. По поводу ихъ очутились мы въ столкновеніи съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ правительственныхъ лицъ, не хуже насъ знавшихъ почему вдругъ французскій публицистъ такъ заинтересовался нашими дѣлами. Напечатавъ подъ своею редакціей и подъ своимъ именемъ то что̀ казалось нужнымъ для нѣкоторыхъ цѣлей, г. де-Мазадъ затѣмъ оставилъ Россію въ покоѣ. Г. Леруа-Больё слѣдитъ за нашими дѣлами съ заботливостію которая граничитъ съ самозабвеніемъ, съ самоотверженіемъ. Все свое вниманіе, всю политическую сообразительность свою посвящаетъ онъ нашему отечеству забывая о своемъ, и намъ несетъ свои врачебныя пособія, въ которыхъ быть-можетъ нуждалась бы Франція.

Замѣтьте эту особенность: о нашихъ дѣлахъ пишутъ иностранцы не столько для того чтобы знакомить съ ними свою публику, сколько чтобы насъ вразумить и направить. Когда г. Шербюлье пишетъ свои остроумныя и язвительныя статейки о Бисмаркѣ, то конечно не разчитываетъ подвигнуть императора Вильгельма или его канцлера на какое-нибудь рѣшеніе; но когда иностранный писатель о нашихъ дѣлахъ повѣствуетъ, то его писаніе разчитывается главнымъ образомъ на то чтобы произвести извѣстный эффектъ въ нашихъ высшихъ правительственныхъ сферахъ и вызвать тамъ рѣшеніе... Легко сказать: чрезъ французскій журналъ намъ совѣтуютъ, почти предписываютъ, измѣнить нашъ государственный строй вѣками слагавшійся...

Бѣдная Россія, бѣдная Ѳедосья! она и не думаетъ быть больною, а ее уложили въ постель. И ветлянская чума, и жучки съ гессенскою мухой, и то что солнце лѣтомъ печетъ, и что зимою бываетъ морозно, все это прописывается въ ея скорбный листъ съ неизмѣннымъ назначеніемъ „правоваго порядка" въ какомъ-нибудь препаратѣ. Всѣ преисполнены гражданской скорби; у всякаго вмѣсто вида свой идеалъ въ карманѣ, всѣ ищутъ завтрашняго дня, и всѣ сулятъ нашей Ѳедорѣ царство небесное, хотя она вовсе не расположена покинуть юдоль земнаго существованія.

Скажите, однако, на что̀ это похоже! Мы всѣ привыкли къ обману который неотвязчиво морочитъ насъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но человѣка свѣжаго должно страшно поразить зрѣлище которое мы теперь представляемъ собой. Если Богъ дастъ благополучно минуетъ время которое мы теперь переживаетъ, всѣ съ изумленіемъ увидятъ какими грубыми средствами морочитъ насъ интрига.

Россія, конечно, не рай земной, и мы не знаемъ какая страна на земномъ шарѣ претендуетъ быть раемъ. Вездѣ есть люди и дурные, и хорошіе, и пополамъ. Вездѣ люди нуждаются, вездѣ заболѣваютъ, и вездѣ смерть есть удѣлъ людей. Вездѣ бываютъ всякаго рода бѣдствія, вездѣ бываютъ всякаго рода злоупотребленія, и въ Россіи отнюдь не больше чѣмъ въ другихъ странахъ, и не болѣе чѣмъ во Франціи, гг. французскіе публицисты. Напротивъ,

исторія Россіи болѣе чѣмъ какой-либо иной страны есть непрерывное восхожденіе изъ силы въ силу, не смотря на всѣ, неизбѣжныя въ человѣческихъ дѣлахъ, ошибки правительства, злоупотребленія и грѣхопаденія. Всякій случай казнокрадства, хищенія, своекорыстія и т. п. ставится въ укоръ нашимъ государственнымъ учрежденіямъ. Но можетъ ли быть больше казнокрадства, и хищенія, и разной мерзости въ общественныхъ дѣлахъ какъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ? Чтобы не ходить далеко, сличите за минувшія двадцать лѣтъ ходъ дѣлъ въ Россіи съ судьбою другихъ странъ. Было ли въ Россіи что-либо похожее на то страшное междуусобіе которое пережили Соединенные Штаты? Было ли во всей ея исторіи что-либо подобное тому позору и погрому которые испытала на нашихъ глазахъ Франція? Имѣетъ ли основаніе Россія завидовать теперешнему положенію Англіи?

Господа врачи! Россія право не больна. По физическимъ условіямъ своего организма, она здоровѣе и сильнѣе теперь чѣмъ когда-либо; но она одурачена, она уложена въ постель какъ больная...

Всѣ кричатъ что Россія погибаетъ отъ чрезмѣрнаго, отъ исключительнаго господства бюрократіи. Но въ Россіи никогда не было бюрократіи какъ системы. У насъ нѣтъ того Beamtenthum какимъ справедливо гордится Пруссія, нѣтъ той централизаціи какую создала во Франціи революція и Наполеновская имперія. До отмѣны крѣпостнаго права въ Россіи господствовало помѣстное дворянство и управляло народными массами не на бюрократическихъ основаніяхъ, но на правѣ частной собственности. Послѣ освобожденія крестьянъ, въ Россіи появились разныя автономіи которыя de facto упраздняютъ самый принципъ государственной власти. Не въ томъ ли истинное наше зло что государственная власть наша считается на половину упраздненною и теперь приглашается совсѣмъ покончить съ собою? Не въ томъ ли наше зло что мы дозволяемъ трактовать насъ какъ разслабленныхъ будучи здоровы и крѣпки и отдаемся въ руки самой нахальной, самой очевидной интригѣ? Намъ нужно сильное правительство, но не въ томъ смыслѣ чтобы стѣснить жизнь, какъ облыжно хотятъ интриганы представить усиленное дѣйствіе власти, а напротивъ дѣйствіе государственной власти нужно для того чтобы вырвать насъ изъ того больничнаго состоянія въ которомъ мы находимся, чтобы разогнать шарлатановъ, чтобъ обезнадежить интригу, чтобы дать всѣмъ законнымъ интересамъ вздохнуть свободно, чтобы войти въ обладаніе нашими ногами, руками, наконецъ, головой,—безъ чего какая же жизнь возможна?

Нѣтъ, не *le tchinovnisme*, какъ пишетъ французскій публицистъ, наша бѣда: кто теперь думаетъ о *чиновнизмѣ?* Нѣтъ, бѣда наша въ томъ что мы даемъ поводъ подвергать у себя все вопросу, даже наше существованіе. Нѣтъ пустой головы которая не имѣла бы готоваго проекта для преобразованія нашего государственнаго строя. Вотъ почему наше общество во всѣхъ слояхъ своихъ, и въ высшихъ болѣе чѣмъ въ низшихъ, такъ легко обрабатывается самою враждебною политическою интригой. Это состояніе самое опасное. Опасное не потому чтобы мы боялись за существованіе Россіи, но оно можетъ подвергнуть живущее поколѣніе тяжкому и гибельному кризису. При такомъ состояніи общества даже здравомыслящіе порознь люди даютъ собравшись негодный духъ. Когда люди не чувствуютъ твердой почвы подъ ногами, когда умы въ разбродѣ и сами не знаютъ чего хотятъ и чего ищутъ, тогда по малой мѣрѣ безсмысленно искать опоры въ обществѣ. Можно ли опираться на то что лишено почвы и само нуждается въ опорѣ?

№ 138.

Москва, 19-го мая.

Завтра должно послѣдовать торжественное открытіе Всероссійской Промышленной и Художественной Выставки, которой такъ давно ждали, къ которой такъ долго готовились. И не напрасно ждали, не напрасно готовились. Промышленныя выставки не представляютъ у насъ собою чего-нибудь новаго. Онѣ слѣдовали одна за другою періодически, и каждая послѣдующая обыкновенно оставляла далеко позади себя предыдущую, свидѣтельствуя о безостановочномъ движеніи впередъ въ русскомъ промышленномъ мірѣ. Но по бывшимъ у насъ доселѣ выставкамъ нельзя составить себѣ даже отдаленное понятіе о нынѣшней. И по своимъ размѣрамъ, и

по численности экспонентовъ рѣшившихся выступить на публичное состязаніе, и по разнообразію, и по обилію, и особенно по качеству представляемаго на общій судъ, нынѣшняя Выставка является у насъ фактомъ еще не бывалымъ. Успѣхи оказанные нашею промышленностью, по признанію знатоковъ, превзошли всякія ожиданія. Наша промышленность, на которую изъ года въ годъ не переставали сыпаться укоры въ коснѣніи и снѣ, не словомъ, а дѣломъ даетъ отвѣтъ своимъ порицателямъ. Заслуживающіе полнаго вниманія продукты производства, которые прежде выставлялись лишь немногими, на которые можно было указывать только какъ на счастливыя исключенія, являются теперь сомассами съ разныхъ сторонъ. У промышленности, почти по всѣмъ ея отраслямъ, нашлось большое изобиліе достойнаго быть показаннымъ, и публикѣ дѣйствительно есть что̀ посмотрѣть.

Состязаніе экспонентовъ по любой отрасли производства на открывающейся Выставкѣ будетъ дѣломъ гораздо болѣе серіознымъ чѣмъ на прежнихъ. Массы мало извѣстныхъ и вовсе неизвѣстныхъ доселѣ производителей составятъ себѣ извѣстность и репутацію; многіе изъ заднихъ рядовъ промышленнаго міра передвинутся въ передніе; множество предметовъ о которыхъ думали что они у насъ вовсе не могутъ изготовляться, что ихъ можно выписывать только изъ-за границы, окажутся не только производимыми въ Россіи, но и производимыми съ успѣхомъ и нуждающимися только въ расширеніи сбыта. Въ интересахъ расширенія сбыта товаровъ, образщики коихъ представитъ Выставка, необходимо, конечно, чтобы все выставленное экспонентами подверглось правильной и справедливой оцѣнкѣ. Необходима дѣльная и безпристрастная экспертиза. Желателенъ также, помимо формальной экспертизы, возможно большій приливъ на Выставку серіозной публики, для которой осмотръ выставленныхъ предметовъ не одно препровожденіе времени, но практическое дѣло.

Позволительно надѣяться что техническіе успѣхи русской промышленности подорвутъ мистическую вѣру большинства нашей публики въ превосходство всего иностраннаго и въ негодность производимаго у себя дома. Выставка должна изобличить это заблужденіе. До сихъ поръ оно держалось крѣпко, и примѣняясь къ нему наши производители, чтобы не остаться безъ сбыта, должны были терпѣть что ихъ издѣлія часто продаются за иностранныя, что хорошія русскія сукна продаются за англійскія, хорошія русскія шелковыя ткани за ліонскія, русскія ножовыя издѣлія продаются съ англійскими и нѣмецкими клеймами и т. п. Но если публика достаточно насмотрится на то что̀ представитъ ей Выставка и оцѣнитъ достоинство выставленнаго, не будетъ болѣе надобности прибѣгать къ такому обману, унизительному и для промышленности нашей, и для торговли, и для публики.

Русская промышленность не коснѣетъ, не спитъ, ея техническіе успѣхи внѣ сомнѣнія. Но ей не достаетъ достаточно обширнаго и обезпеченнаго сбыта, безъ котораго невозможно надлежащее развитіе и удешевленіе производства. При маломъ сбытѣ, общіе расходы производства распредѣляются на малое число производимыхъ предметовъ и тяжело ложатся на ихъ цѣны; при большомъ производствѣ, тѣ же расходы, распредѣленные на множество произведенныхъ предметовъ, позволятъ понизить ихъ цѣну. Вотъ почему можно быть увѣрену что подъемъ таможенныхъ пошлинъ, который обезпечилъ бы за русскимъ производствомъ внутренніе рынки сбыта, поведетъ развѣ только ко временному подъему цѣнъ на нѣкоторые товары. Затѣмъ внутренняя конкурренція не замедлитъ понизить ихъ, какъ это уже и сдѣлалось съ миткалями и ситцами. Но не одинъ таможенный тарифъ, благопріятствующій заполоненію русскихъ рынковъ чужеземными продуктами, мѣшаетъ расширенію сбыта русскихъ товаровъ. Едва ли не бо̀льшимъ тормазомъ для русской промышленности является система самоуправленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Каждая изъ нихъ распоряжается у себя какъ хочетъ, распоряжается не своимъ только добромъ, но и судьбами русской промышленности и торговли. Имъ предоставлена эксплуатація рельсовыхъ линій, но казалось бы ни русское производство, ни русская торговля не отданы имъ въ кабалу. Промышленность и торговля входятъ въ сферу общихъ интересовъ страны, и прямая задача правительства не допускать ихъ нарушенія. Но исполненіе этой правительственной задачи у насъ парализовано своего рода „правовымъ порядкомъ“ устано-

вившимся въ отношеніяхъ правительства къ желѣзнымъ дорогамъ. Дороги то и дѣло принимаютъ мѣры явно направленныя въ ущербъ интересамъ страны. Вредъ всѣ сознаютъ, всѣ жалѣютъ о немъ, но ничего не дѣлаютъ для его пресѣченія. Такъ, напримѣръ, недавно намъ случилось указывать на поощреніе оказанное Обществомъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ силезскому желѣзу, такимъ пониженіемъ провознаго тарифа въ его пользу которое должно расширить районъ сбыта этого желѣза на 280 — 250 верстъ, уменьшивъ на столько же районъ сбыта желѣза русскаго. Прошло немного времени, и намъ сообщаютъ уже о новой тарифной мѣрѣ того же общества, долженствующей сократить районъ сбыта русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, идущихъ изъ внутренней Россіи, предоставленіемъ исключительно дешеваго (пониженнаго въ полтора раза и вдвое противъ общаго тарифа) провоза единственно для издѣлій идущихъ изъ-за Ковеля и Бреста. Чтò дѣлать, при такихъ обстоятельствахъ, русскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ? Заботиться только о техническомъ совершенствованіи своего производства и спокойно смотрѣть на то какъ районы сбыта продуктовъ этого производства съуживаются по произволу самоуправляющихся и самодержавныхъ обществъ, которыя распоряжаются русскою государственною желѣзнодорожною сѣтью?

Неблагопріятнымъ для нынѣшней нашей Выставки обстоятельствомъ оказывается внезапно возбужденная антиеврейская агитація. Сдѣлано распоряженіе по печати о прекращеніи этой агитаціи,—давно бы пора!—но къ сожалѣнію она не ограничивается печатью. Что же касается Выставки, то для всѣхъ производителей важно чтобы товары ихъ имѣли сбытъ по возможности во всѣхъ углахъ Россіи, и между прочимъ въ томъ районѣ гдѣ пребываніе Евреевъ не считается противозаконнымъ. Это районъ весьма обширный; его населеніе еще въ 1870 году исчислялось почти въ 26 милліоновъ. Торговлей во всемъ этомъ обширномъ районѣ занимаются преимущественно Евреи. Они главнымъ образомъ снабжаютъ многочисленное мѣстное населеніе всѣми нужными ему товарами. Желательно, безъ сомнѣнія, чтобъ они торговали въ возможно бóльшихъ размѣрахъ продуктами русской фабрикаціи, чтобы связи ихъ со внутренними заводчиками и фабрикантами расширялись. Это важное условіе для успѣха фабрикъ и заводовъ и для работающаго на нихъ люда. Не только пріѣздъ торговцевъ изъ западнаго района въ Москву на время Выставки сдѣлался невозможенъ вслѣдствіе затрудненій въ полученіи ими нужныхъ для того паспортовъ, но и множество пребывавшихъ въ Москвѣ по торговымъ дѣламъ Евреевъ должны были поневолѣ покинуть ее не дождавшись открытія Выставки. Вмѣсто закрѣпленія и расширенія торговыхъ связей между нашею фабрикаціей и обширнымъ рынкомъ съ многочисленнымъ населеніемъ, на чтò многіе разчитывали, Выставка открывается при условіяхъ ослабляющихъ связи съ этимъ рынкомъ, которыя начали было завязываться прежде. Это обстоятельство не благопріятно отозвалось и на самой Выставкѣ. Нѣкоторые фабриканты и заводчики, предполагавшіе сперва принять въ ней участіе, вовсе не выступили экспонентами.

№ 139.

Москва, 20-го мая.

А.

Да благословитъ Богъ жатву русскаго труда! Да будетъ открывшаяся сегодня Всероссійская Выставка залогомъ и знаменіемъ ясныхъ дней для нашего отечества! Земля наша велика и обильна, и порядокъ въ ней будетъ лишь бы разсѣялся надъ нею туманъ лживыхъ идеаловъ, лишь бы поменьше было у ней благожелателей и благопопечителей ..

Выставка и возбуждаемые ею интересы станутъ на нѣкоторое время средоточіемъ нашей общественной жизни. Сюда обратится теперь общее вниманіе, и дай Богъ чтобъ этотъ праздникъ нашей промышленности способствовалъ отрезвленію головъ и чтобъ изъ воздушныхъ пространствъ онъ возвратилъ ихъ на землю, на добрую Русскую землю, и заставилъ бы ихъ взглянуть вокругъ себя болѣе умными глазами. Пожелаемъ еще чтобы Выставка наша не была только показнымъ дѣломъ, чѣмъ часто бываютъ наши предпріятія. Пусть бы она не была очень эффектною и очень блистательною, лишь бы она бы-

ла выраженіемъ действительности. Пусть бы въ ней оказались недочеты, лишь бы она была правдой. Она исполнитъ свое дѣло и принесетъ свою пользу если мы вынесемъ изъ нея не самомнѣніе, а плодотворное чувство того что̀ еще не достаетъ намъ, того что̀ еще требуется достигнуть. „Человѣкъ раждается на трудъ.“ Этимъ словомъ изъ книги Іова привѣтствовалъ Всероссійскую Выставку нашъ досточтимый архипастырь. „Трудомъ, говорилъ владыка, человѣкъ развиваетъ, укрѣпляетъ, усовершаетъ свои силы и способности духовныя и тѣлесныя; трудомъ пріобрѣтаетъ себѣ все необходимое для жизни и для удовлетворенія своихъ потребностей, трудомъ достигаетъ и того что̀ можетъ возвышать, украшать и облагораживать его бытъ домашній и общественный.“ Ничего лучшаго не можемъ мы пожелать нашему народу во всѣхъ его сферахъ, особенно въ высшихъ и умственныхъ, какъ улучшенія труда. Все процвѣтетъ у насъ и все войдетъ въ силу, и все станетъ намъ легко и достижимо, когда мы пріучимъ себя, главнымъ образомъ въ умственныхъ сферахъ, къ труду серіозному и доброкачественному.

Въ послѣдніе дни, во всѣхъ газетахъ только и было рѣчи о томъ что ко дню назначенному для открытія Выставки она не будетъ готова. Репортеры, не имѣвшіе возможности проникнуть въ зданіе ея заблаговременно, разказывали что въ ней господствуетъ пока хаосъ приборки, что во всѣхъ почти отдѣлахъ валяются ящики, вездѣ соръ и безпорядокъ, и что трудно де предсказать когда администрація и экспоненты управятся съ предстоящею имъ задачей и будутъ въ состояніи представить намъ произведенія всероссійской промышленности и искусства въ приличномъ видѣ.

Тѣмъ пріятнѣе были поражены посѣтители когда, вступивъ съ главнаго подъѣзда въ зданіе Выставки, съ перваго же шага увидѣли предъ собою богато убранные отдѣлы которые приковываютъ къ себѣ взоры зрителя. Нигдѣ суеты, все устроено, чистота примѣрная, почти не замѣтно пустыхъ мѣстъ или неоткрытыхъ витринъ. Ихъ такъ мало по крайней мѣрѣ что ихъ не замѣчаешь, и онѣ не нарушаютъ общаго впечатлѣнія.

Планъ построекъ, если и подлежитъ критикѣ въ архитектурномъ отношеніи, оказывается весьма удачнымъ для размѣщенія произведеній. Вездѣ много свѣта, достаточно простора при обиліи витринъ, шкафовъ, горокъ и декоративныхъ украшеній. Если сегодня Выставку посѣтили нѣсколько тысячъ человѣкъ, то можно смѣло сказать что въ десять разъ большее число посѣтителей не причинятъ давки, а лишь болѣе оживятъ всѣ части зданій. Внутренніе дворы съ ихъ фонтанами, клумбами, газонами и ротондами представляютъ нѣчто не виданное еще въ Москвѣ, и прекрасно придуманный способъ связать всѣ строенія Выставки въ одно цѣлое. Будемъ надѣяться что внутреннее достоинство выставленныхъ произведеній, послѣ свѣдущей оцѣнки ихъ, окажется достойнымъ наружнаго блеска.

Б.

23 апрѣля, предъ отдѣленіемъ Воронежскаго Окружнаго Суда, засѣдавшимъ въ Усмани, разбиралось возмутительное дѣло. Судился шестнадцатилѣтній мальчикъ, мѣщанинъ Николай Умниковъ, убившій своего отца, свою мать и свою восьмнадцатилѣтнюю сестру. Обвиненіе было почти исключительно основано на показаніяхъ подсудимаго, сознавшагося при дознаніи въ совершенномъ имъ преступленіи. Вотъ что̀ онъ разказывалъ какъ у судебнаго слѣдователя, такъ и на судѣ.

20 декабря прошлаго года, отецъ его, мѣщанинъ Матвѣй Умниковъ, занимавшійся мелкою адвокатурой и жившій со своею семьей въ селѣ Полетаевѣ, Усманскаго уѣзда, находился въ отлучкѣ, уѣхавъ по дѣламъ на нѣсколько дней въ Шацкъ. Такъ какъ къ предстоявшимъ Рождественскимъ праздникамъ нужно было закупить кое-какую провизію, а у жены Матвѣя не было дома денегъ, то она де послала своего старшаго сына, Николая, занять пять или шесть рублей у знакомаго лавочника и церковнаго старосты Куранова. Курановъ далъ Николаю шесть рублей, тотъ положилъ ихъ въ карманъ, но изъ кармана кто-то у него будто бы вытащилъ. Страхъ подвергнуться брани, а можетъ быть и побоямъ отъ отца побудилъ де его убить отца и тѣмъ избавиться отъ *проборки.* Отецъ вернулся въ Полетаево 21 декабря, а въ ночь на 22-е Николай,

проснувшись, около получаса обдумывалъ какъ все сдѣлать, снялъ рубашку чтобы не окровавить ее во время совершенія убійства и ударилъ соннаго отца топоромъ по головѣ. Въ это время изъ другой комнаты вошла мать, Николай убилъ и ее. Проснулась сестра, Николай и ее ударилъ топоромъ по головѣ. Затѣмъ онъ бросилъ топоръ къ наружнымъ дверямъ, отперъ у входной двери крючекъ, а у сѣнной отвернулъ завертку, дабы дать основаніе предположить что преступленіе совершилъ кто-либо посторонній, умылъ себѣ изъ ковшика руки, вернулся ко своей кровати, на которой спалъ больной двѣнадцатилѣтній братъ Дмитрій, надѣлъ рубашку, легъ рядомъ съ братомъ и пролежалъ на кровати до утра. Услыхавъ на дворѣ говоръ онъ, босой, въ одной рубашкѣ, выбѣжалъ во дворъ и началъ плакать и кричать, говоря: „нашихъ порѣзали." Когда же при осмотрѣ найдены были на его тѣлѣ и платьѣ кровяныя пятна, онъ сознался въ своемъ преступленіи.

Съ перваго же взгляда можно было видѣть что показанія Николая Умникова относительно мотивовъ побудившихъ его къ отцеубійству не выдерживаютъ критики. Изъ-за такихъ пустяковъ какъ потерянные шесть рублей не убиваютъ отца съ матерью. Предварительному слѣдствію предстояло раскрыть истинную причину ужаснаго преступленія. Но г. судебному слѣдователю не угодно было посвятить этому дѣлу свое драгоцѣнное время, а потому онъ удовольствовался только показаніями подсудимаго, изъ коихъ подтвердилось свидѣтельскими показаніями только то что дѣйствительно 20 декабря, во время отсутствія отца, Николай приходилъ якобы отъ матери къ Куранову и занялъ у него шесть рублей. Прокурорская власть точно также не нашла нужнымъ усмотрѣть бьющую въ глаза неполноту предварительнаго слѣдствія. Такую же небрежность выказала и судебная палата, которая сочла дѣло вполнѣ разъясненнымъ и предала Николая Умникова суду, обвиняя его въ томъ что онъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ убилъ своего отца и тогда же умышленно убилъ свою мать и сестру.

23 апрѣля началось, какъ мы сказали, судебное разбирательство. На немъ, ко всеобщему удивленію, выяснилось изъ показаній свидѣтеля, мѣстнаго исправника Сарандинаки, слѣдующее:

1) что Николай былъ только орудіемъ;

2) что въ сундукѣ покойнаго Матвѣя Умникова найдены были любовныя письма отъ борисоглѣбскаго купца Дьячкова, торговавшаго въ Полетаевѣ желѣзомъ, къ Марьѣ Умниковой, изъ которыхъ явствовали ихъ близкія отношенія;

3) что письма эти попали къ отцу Марьи не задолго до его отъѣзда въ Шацкъ и, повидимому, были имъ „пока" прибраны;

4) что Николай зналъ про это, былъ близокъ съ Дьячковымъ, и въ его отношенія къ сестрѣ былъ посвященъ;

5) что Николай говорилъ въ острогѣ нѣкоторымъ арестантамъ: „Дьячковъ научалъ меня убить отца и тогда обѣщалъ меня взять къ себѣ въ часть—въ торговлю," и

6) что Николай написалъ Дьячкову письмо изъ острога и тайно передалъ его посѣтителямъ; это письмо было перехвачено и въ немъ стояло слѣдующее: „У меня были прокуроръ и исправникъ. Но только *правды* я имъ не сказалъ. Надо намъ переговорить; въ письмѣ нельзя, пріѣзжай въ острогъ подъ чужимъ именемъ. Скажись Иваномъ Петровымъ..."

Вы думаете что при этомъ неожиданномъ разоблаченіи прокуроръ, защитникъ и члены суда встрепенулись и что, на основаніи 634 ст. Уст. Угол. Суд., судебное засѣданіе было пріостановлено для собранія дополнительныхъ свѣдѣній? Ни чуть не бывало. Судебное слѣдствіе продолжалось спокойно съ тою же самою халатностью, съ какою производилось предварительное слѣдствіе. Затѣмъ товарищъ прокурора Навроцкій сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о данномъ преступленіи, которое краснорѣчиво подвелъ подъ общій типъ „общественной болѣзни;" защитникъ г. Спиро въ своей рѣчи главнымъ образомъ нападалъ на психіатра Юргелевича, котораго онъ же, Спиро, вызвалъ въ качествѣ эксперта и который не исполнилъ своей обязанности, не признавъ въ преступленіи Николая „нѣкоторое подобіе *психоза*." Затѣмъ предсѣдатель, г. Польнеръ, добросовѣстно пробалансировалъ резюме; присяжные признали Николая виновнымъ, „но совершившимъ преступленіе безъ полнаго разумѣнія, и судъ приговорилъ его *къ поселенію въ Сибири* въ мѣста *не столь отдаленныя!! О Дьячковѣ же ни слова.*

Это ужасно! Но посмотрите какъ ко всему этому отнеслась газета *Голосъ*, изъ ко-

торой мы заимствовали всѣ вышеизложенныя обстоятельства этого безобразнаго судебнаго дѣла. *Голосъ* напечаталъ мрачную, тенденціозную статью подъ заглавіемъ *Очерки нашей сумятицы* за подписью нѣкоего г. А. Эртеля и изложилъ дѣло Николая Умникова какъ иллюстрацію къ „нашей сумятицѣ;“ за этою иллюстраціей, какъ видно изъ статьи, послѣдуютъ еще другія. Перечисливъ всѣ шесть пунктовъ, обличающихъ Дьячкова и открывшихся на судебномъ слѣдствіи благодаря показанію исправника Сарандинаки, авторъ статьи спрашиваетъ:

„Гдѣ же письма Дьячкова? Гдѣ самъ Дьячковъ? Отчего онъ не только не фигурируетъ на скамьѣ подсудимыхъ, но даже не вызвалъ въ качествѣ свидѣтеля? Гдѣ, наконецъ, письмо подсудимаго къ Дьячкову? Обвинительная власть выразила здѣсь гуманность (?!). Это хорошо (!!). Жаль что отъ иной гуманности пахнетъ наивностью. Это не хорошо.“

Ну, а что же дальше? Вы ожидаете конечно что петербургская газета будетъ указывать на тѣ послѣдствія которыя происходятъ отъ „наивности“ и „гуманности“ нашихъ судебныхъ властей, и въ нихъ-то увидитъ одну изъ причинъ „нашей сумятицы?“ Нисколько. Вы мало знаете характеръ названной газеты если ожидаете отъ нея такой естественной логики. Она прямо заявляетъ что главнымъ виновникомъ въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ является *общество*. Но почему? Потому ли что общество такъ равнодушно относится къ *наивности* и *гуманности* нашихъ судовъ которые привлекаютъ къ отвѣту ни въ чемъ не повинныхъ людей и не безпокоятъ злодѣевъ? Нѣтъ, а потому де что въ русскомъ обществѣ возможны Умниковы и Дьячковы!

Но въ какомъ же другомъ обществѣ они *не* возможны? Въ республиканской Франціи, въ „правовой“ Англіи, въ ученой Германіи, встрѣчаются не менѣе гнусные преступники. Но можно поручиться что ни во Франціи, ни въ Германіи, ни въ Англіи, не бываютъ слѣдственныя и судебныя дѣла какія такъ обыкновенны въ Россіи. Да и *органовъ общественнаго мнѣнія* такихъ нигдѣ не бываетъ которые находятъ гуманнымъ скрытіе и безнаказанность виновниковъ злодѣяній подобныхъ описанному. „Обвинительная власть выразила здѣсь *гуманность*. Это *хорошо*.“ Такъ вотъ что эти господа называютъ *гуманностію*. Они только подсмѣиваются надъ „наивностью.“

Вотъ какими словами оканчивается статья въ *Голосѣ*:

„Общественная болѣзнь,“ сказалъ (товарищъ прокурора) Навроцкій, характеризуя убійцу. Правда. Это наша болѣзнь, господа. Иногда она вылѣзаетъ на свѣтъ Божій въ видѣ отвратительныхъ прыщей, и тогда мы съ ужасомъ закрываемъ глаза и вздыхаемъ и охаемъ. Иногда радуемся внутри себя, что наши гадкіе, истрепанные нервы какъ бы оживились и заныли сладостною болью. Болѣзнь же не умираетъ оттого что констатирована—она разлагаетъ все здоровье и готовитъ почву всяческому гною. Но не поздно ли будетъ когда засмердитъ весь организмъ? Будемъ ли мы удовлетворены тѣмъ что какой-нибудь Спенсеръ отмѣтитъ подлое наше существованіе въ своей записной книжонкѣ и въ какой-нибудь „академіи десіянсъ“ важно произнесетъ: „Такъ и быть надлежало.“ Кто же виноватъ, господа?“

Кто виноватъ? Куріозный вопросъ. О чемъ идетъ рѣчь? Въ страшномъ преступленіи виноваты виновные, а въ томъ что правосудіе бездѣйствуетъ, что злодѣяніе подобное описанному остается безнаказаннымъ, что общественная нравственность расшатывается и развращается, въ этомъ виновато конечно то что *Голосъ* именуетъ *гуманностію* и *наивностію* нашей юстиціи.

№ 140.

Москва, 21-го мая.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* много разъ были указаны недостатки въ организаціи нашего интендантскаго вѣдомства и въ той системѣ продовольствія арміи въ мирное и военное время которой держалось наше Военное Министерство до послѣдней войны съ Турціей, системѣ неизмѣненной и до настоящаго времени. Но замѣчанія которыя высказывались по этому предмету до сего времени были болѣе или менѣе теоретическія. Въ настоящее время оказалась возможность прискорбнаго свойства, взглянуть на дѣло въ его фактическихъ подробностяхъ.

Наша военная администрація сама широко распахнула завѣсу скрывавшую доселѣ отъ публики и отъ лицъ кому объ

этомъ вѣдать надлежитъ ту печальную картину на которой яркими красками представлены дѣянія интендантскихъ чиновниковъ въ минувшую войну и ихъ неминуемыхъ спутниковъ, подрядчиковъ разнаго рода, попеченію которыхъ, на основаніи законовъ, предоставлено было продовольствіе нашей доблестной арміи послѣ перехода ея черезъ Дунай... Четыре слишкомъ года трудились военные слѣдователи и снаряженныя военно-слѣдственныя коммиссіи, пока они разобрались въ этомъ ворохѣ документовъ, большею частью подложныхъ, сочиненныхъ *ad hoc*, для отвода глазъ, въ показаніяхъ сотенъ людей, якобы *свидѣтелей*, но большею частью заинтересованныхъ въ скрытіи фактовъ компрометтирующихъ ихъ самихъ какъ укрывателей или сообщниковъ злоупотребленій. И плодомъ этихъ усилій явился невѣроятный процессъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ интендантскихъ чиновниковъ въ минувшую войну. Мы говоримъ: о такъ-называемомъ процессѣ Макшеева. Дѣло это разбиралось гласно въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ теченіе слишкомъ *двухъ мѣсяцевъ*, съ 18 февраля по 19 апрѣля сего года, а судились по оному какъ обвиняемые въ казнокрадствѣ, лихоимствѣ и нарушеніи своихъ служебныхъ обязанностей, изъ корыстныхъ видовъ, бывшіе интенданты Рущукскаго отряда: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Макшеевъ*, подполковникъ *Пріоровъ*, бывшіе чиновники особыхъ порученій полеваго интендантскаго управленія: статскій совѣтникъ *Тутковскій*, коллежскій совѣтникъ *Карасевичъ*, подполковникъ *Чоглаковъ*, коллежскій совѣтникъ *Шпицбартъ*, подполковникъ *Навроцкій*, надворный совѣтникъ *Крейберъ*, коллежскій секретарь *Акимовъ* и также частные подрядчики-аферисты, въ лицѣ двухъ купцовъ и двухъ мѣщанъ, но имя которыхъ, собственно говоря, легіонъ.

Мы не считали нужнымъ помѣщать въ нашей газетѣ подробный отчетъ по этому дѣлу: онъ былъ бы слишкомъ утомителенъ для читателей по обилію фактовъ, цифръ и мелкихъ подробностей, въ массѣ коихъ исчезло то что̀ существенно. Не было также надобности слѣдить изо дня въ день за всѣми изворотами и ухищреніями посредствомъ коихъ подсудимые старались очистить себя въ глазахъ суда. Но вотъ дѣло очистилось отъ постороннихъ примѣсей, и судъ опубликовалъ свое мотивированное рѣшеніе. Это рѣшеніе мы воспроизвели in extenso, и по поводу этого окончательнаго вывода суда мы со своей стороны позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Виновность большинства интендантскихъ чиновниковъ во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ, а также ненаказуемая по нашимъ законамъ стачка частныхъ лицъ съ этими чиновниками, является теперь доказанною по суду; заслуженное наказаніе постигло подсудимыхъ. Но сущность дѣла заключается не въ томъ что у насъ оказались на службѣ нечестные чиновники, что нашу армію въ ея походѣ окружали алчные до наживы подрядчики. Это все явленія заурядныя, бывающія во всякомъ другомъ государствѣ. Злоупотребленія по продовольствію германской арміи разоблачались въ большихъ размѣрахъ прусскими газетами вскорѣ послѣ Франко-Прусской войны, хотя тамъ военная администрація расправилась съ оказавшимся зломъ не доводя его до суда. Въ Сѣверной Америкѣ скандальныя дѣла о взяткахъ и нечестныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ завѣдывавшихъ продовольствіемъ войскъ во время междуусобной войны еще свѣжи въ памяти всѣхъ. Точно также памятны громадныя злоупотребленія по продовольствію въ англійской арміи въ Крымскую войну. Итакъ вопросъ не въ томъ что у насъ были злоупотребленія по продовольствію арміи. Слѣдуетъ подумать о томъ чтобы на будущее время участь нашихъ войскъ не зависѣла болѣе отъ Макшеевыхъ и Пріоровыхъ, которые вездѣ бываютъ и едва ли когда переведутся.

Неисправное и черезчуръ дорогое продовольствіе нашей арміи за Дунаемъ было причинено не столько незаконными и своекорыстными дѣйствіями чиновниковъ интендантскаго вѣдомства и его подрядчиковъ, сколько всею обстановкой дѣла, при которой соблазнъ для хищенія представлялся на каждомъ шагу.

Мы узнаемъ изъ дѣла что выступивъ въ походъ, наша армія не только не была обезпечена продовольствіемъ на время своихъ военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Турціи, но даже не имѣла точныхъ свѣдѣній о томъ на комъ будетъ лежать непосредственная обязанность прокормить ее, къ какому вѣдомству обращаться за своевременною доставкой припасовъ. Была въ этомъ отношеніи полная анархія. Разобла-

ченіе судебнаго слѣдствія даетъ намъ достаточно основанія къ подобному заключенію. Договоръ заключенный съ пресловутымъ „Товарищестомъ Коганъ, Грегоръ и Горвицъ“ почти наканунѣ открытія кампаніи не обязывалъ это товарищество быть *поставщикомъ* арміи; онъ создалъ для военнаго, или интендантскаго вѣдомства, какое-то „коммиссіонерство“ для закупки продуктовъ и фуража, по цѣнамъ которыя будутъ стоять „на мѣстѣ,“ предоставивъ ему 10% изъ затраченной суммы въ видѣ вознагражденія. Доставка же всего заготовленнаго этимъ коммиссіонерствомъ въ войска осталась на обязанности интендантства. Эти кондиціи договора до того смутны и неопредѣленны касательно установленія или „открытія“ цѣнъ на продукты, такъ не ясно опредѣляютъ обязанности котрагентовъ къ войскамъ или интендантству что этимъ договоромъ обезпечивалось обкрадываніе арміи, а отнюдь не продовольствіе ея. Возможно ли на самомъ дѣлѣ сказать напередъ въ какой мѣстности, районѣ, даже странѣ будетъ находиться дѣйствующая армія во время наступательной войны, на сколько она разобьется отрядовъ, и какъ далеко будетъ разобщеніе между послѣдними? Есть ли основаніе предполагать навѣрное что во всѣхъ этихъ пунктахъ все нужное для арміи найдется въ изобиліи, разсылай только частныхъ факторовъ для закупки, чтобы не отвлечь военныя команды отъ ихъ спеціальныхъ обязанностей, и знай развози припасы на интендантскихъ транспортахъ въ роты, эскадроны, баталіоны, полки и пр. Между тѣмъ, договоръ съ товариществомъ не могъ быть принятъ при иныхъ условіяхъ. Гдѣ, спрашивается, тѣ мѣстности въ которыхъ имѣли производиться закупки, въ которыхъ должны были открываться „цѣны“ для разчета съ „товариществомъ,“ гдѣ кончалась линія до которой коммиссіонеры должны были доставить продукты купленные внѣ района расположенія войскъ и откуда они уже транспортировались казенными средствами? Эти вопросы можно ставить до безконечности. Казалось бы всего разумнѣе было обязать такое товарищество производить свои закупки въ предѣлахъ Россіи, въ опредѣленныхъ мѣстахъ и закупленное сдавать интендантству для доставленія арміи. Но это невозможно, скажутъ, если армія дѣйствуетъ въ предѣлахъ другаго государства. А развѣ больше смысла было въ условіяхъ созданныхъ договоромъ съ товариществомъ, въ силу котораго оно примыкало къ дѣйствующей арміи, но не было съ нею связано органически? Первый главный военный полевой интендантъ, г. Аренсъ, которому упомянутый договоръ вѣроятно обязанъ своимъ происхожденіемъ, объяснилъ на судѣ, въ качествѣ свидѣтеля, что имъ составленъ былъ планъ доставки продуктовъ товариществомъ и перевозки ихъ въ войска на *казенный счетъ* и подробная къ нему инструкція, въ которой „до мельчайшихъ подробностей разработаны были всевозможныя детали,“ но, прибавляетъ тутъ же наивно г. Аренсъ, *„при первомъ приступѣ къ практикѣ все это рухнуло.“* И г. Аренсъ недоумѣваетъ отчего это случилось и намекаетъ на какія-то интриги и невѣрныя донесенія. Г. Аренсъ ошибается. Созданная имъ система продовольствія арміи неминуемо должна была рухнуть „при первомъ приступѣ къ практикѣ,“ потому что эта система не пригодна была для военныхъ цѣлей и могла повлечь за собою только недоразумѣнія и безпорядки.

Припомнимъ слѣдующее: въ іюнѣ мѣсяцѣ 1877 года войска благополучно перешли Дунай и постоянная переправа черезъ эту рѣку между Зимницей и Систовомъ была установлена. Вскорѣ военныя операціи вызвали организацію восточнаго, такъ-называемаго, Рущукскаго отряда войскъ, сосредоточившагося на востокѣ Болгаріи и дѣйствовавшаго отдѣльно отъ остальной арміи. Уже 27 іюля того года, отъ главнокомандующаго этимъ отрядомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора, получена была въ главномъ штабѣ телеграмма, въ которой говорилось *„что со времени перехода войскъ черезъ Дунай Рущукскій отрядъ отъ товарищества ровно ничего не получаетъ, что интендантство ничего не дѣлаетъ, что солдаты сами себѣ пекутъ лепешки, что такъ дальше идти не можетъ, и что Его Высочество предлагаетъ принять энергическія мѣры къ прекращенію такого порядка вещей.“* Извѣстіе это „поразило какъ громомъ“ г. Аренса; оно указывало ему на такую громадную неисправность, о которой „и думать было нельзя,“ по его мнѣнію.

Приходилось принимать энергическія мѣры, не предусмотрѣнныя договоромъ съ то-

вариществомъ, и поручить интендантскимъ чиновникамъ Рущукскаго отряда закупать для войскъ припасы и продукты вмѣсто товарищества. Приказъ въ этомъ смыслѣ былъ посланъ г. Аренсомъ г. Макшееву. Послѣдній возложилъ на своихъ чиновниковъ особыхъ порученій закупку спирта, ячменя и сѣна. А такъ какъ при заключеніи контракта съ товариществомъ, главный военно-полевой интендантъ не могъ выработать детальной инструкціи для интендантскихъ чиновниковъ при производствѣ покупокъ, о возможности которой онъ заблаговременно и думать не могъ, то каждый изъ этихъ чиновниковъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, соображаясь съ обстоятельствами. Они получали авансовыя деньги, обзавелись своими „коммиссіонерами“ и особыми подрядчиками, и немедленно вступили со своими контрагентами въ особые договоры, брали съ нихъ „залоги,“ то-есть частныя расписки на выданныя впередъ деньги, и вотъ въ Бѣлѣ, Батинѣ и другихъ пунктахъ Болгаріи составилось столько же частныхъ товариществъ сколько было интендантовъ занявшихся операціей заготовленія припасовъ и продуктовъ для арміи. Сдѣлки съ этими товариществами заключались негласныя, высшею властью не контролируемыя, а вѣрнѣе всего слѣдуетъ предполагать что онѣ никогда не заключались, по крайней мѣрѣ никогда не излагались *на письмѣ*. Замѣчательно что вся масса контролеровъ и слѣдственныхъ властей, разбиравшихъ и ревизовавшихъ интендантскіе архивы, видѣли *лишь однѣ квитанціи* въ полученіи извѣстнаго количества припасовъ, подписанныя интендантами, и въ уплатѣ суммъ удостовѣренныя подрядчиками, но ни одного изъ предварительно составленныхъ условій между этими лицами. Спрашивается, удовлетворили ли эти *частныя* операціи интендантовъ нужды арміи, устранили ли они, по крайней мѣрѣ, несостоятельное „товарищество Коганъ и К°?“ Ничуть не бывало. Это товарищество продолжало заготовлять и доставлять въ придунайскіе склады массы сѣна, спирта и пр., а другіе чиновники интендантства принимали все и выдавали ему квитанціи. Согласно послѣднимъ, казна въ 1882 году уплатила этому товариществу около 16 милліоновъ рублей, а въ 1877 году лошади главнокомандующаго ѣли сѣно въ которомъ „какія-то сухія палки преобладали надъ травой...“ За то 29 августа того же года г. Макшеевъ поручилъ подполковнику Навроцкому заготовить 200 тысячъ пудовъ сѣна „по возможно выгоднѣйшимъ цѣнамъ и никакъ не выше трехъ франковъ за пудъ.“ Когда Навроцкій окончилъ эту операцію оказалось что онъ заготовилъ всего 103.000 пуд. сѣна, и притомъ „на коммерческомъ основаніи,“ какъ гласило новое предписаніе Макшеева, очутившееся въ рукахъ Навроцкаго подъ тѣмъ же нумеромъ и числомъ которымъ выдано было первое; въономъ максимумъ цѣны указанъ уже *въ три съ половиною франка* за пудъ, а всего, по разчету контроля, эти 103.000 пуд. стоили казнѣ 138.758 руб., перевозка же его интендантскими транспортами 441 829 руб., итого 580.829 руб., такъ что „*каждый пудъ сѣна этой заготовки круглымъ счетомъ стоилъ казнѣ пять рублей шестьдесятъ одна копѣйка...*“

А въ какомъ положеніи, при такихъ колоссальныхъ издержкахъ, находилось продовольствіе арміи за этотъ періодъ времени?

Извѣстно что осенью 1877 года полевой интендантъ г. Аренсъ, пораженный какъ громомъ неисправностью и болѣзнью, вышелъ въ отставку, а его мѣсто занялъ тайный совѣтникъ Россицкій. Былъ изданъ „нарядъ“ о количествѣ припасовъ которые съ ноября 1877 года и по февраль 1878 года должны были быть приняты отъ товарищества и доставлены разновременно за Дунай въ разные прибалканскіе склады. Между тѣмъ „въ декабрѣ 1877 положеніе дѣйствующей арміи за Дунаемъ было „критическое.“ 9 декабря г. Россицкій телеграфируетъ интенданту тыла арміи: „Тырново, Габрово, Сельви и Ловча безъ заподряженнаго мною особаго запаса, потому что все было направлено въ Систово; „примите всѣ мѣры исправить тотчасъ ошибку, не щадя ничего, иначе я пострадаю „невинно и *армія должна будетъ отказаться отъ своихъ плановъ;*“ 15 декабря онъ снова по телеграфу торопитъ своихъ интендантовъ, прося о скорѣйшей доставкѣ припасовъ „ради арміи и Бога,“ а 18 декабря изъ отряда генерала Гурко онъ шлетъ слѣдующую депешу начальнику главнаго штаба. „На томъ берегу (Дуная) все, „на этомъ ничего. Неужели нельзя помочь „мнѣ *спасти армію отъ голода* какъ-либо „со стороны вѣдомства инженернаго, морскаго? Мое положеніе хуже смерти, но я

„умереть не смѣю. Помогите ради Бога.“ Къ этимъ отчаяннымъ воплямъ г. Россицкій прибавляетъ угрозы разосланныя своимъ чиновникамъ и подрядчикамъ отдать ихъ подъ военно-полевой судъ... Но Макшеевы и Пріоровы съ братіей продолжаютъ получать дары за каждую доставку припасовъ сгнившихъ за Дунаемъ безъ пользы для арміи, совершаютъ подлоги, устраиваютъ стачки и солидарно прикрываютъ преступленія свои одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Прочитавъ приговоръ суда, удостовѣряющій безпорядки и злоупотребленія въ интендантскомъ вѣдомствѣ за время послѣдней компаніи, мы нестолько возмущаемся этими мерзостями сколько содрагаемся при мысли что наша армія, если историческія событія выдвинутъ ее когда-либо въ походъ, снова станетъ въ зависимость отъ подобныхъ интендантскихъ чиновниковъ и порядковъ. А еще говорятъ что у насъ господствуетъ *сильная* бюрократія! У насъ господствуетъ, какъ мы повсюду видимъ, анархія...

141.

Москва, 22-го мая.

А.

По печати сдѣлано распоряженіе не говорить ничего ни въ пользу, ни противъ созыва земскаго собора. Нельзя не признать этого распоряженія весьма, какъ говорится, цѣлесообразнымъ; но нельзя также не признать что въ нашей печати то и дѣло, и притомъ самымъ настойчивымъ образомъ, высказывается необходимость измѣненія нашего государственнаго строя, а скептическія замѣчанія касательно такой необходимости, сколько мы знаемъ, появлялись только въ нашей газетѣ. Что же касается земскаго собора, то оставляя въ сторонѣ затронутый вопросъ о необходимости его созыва въ настоящее время, мы считаемъ должнымъ разъяснить вольное или невольное недоразумѣніе касательно самого значенія этого термина. Есть или нѣтъ необходимость въ созывѣ земскаго собора, надо во всякомъ случаѣ знать что̀ разумѣется подъ земскимъ соборомъ. Мы сейчасъ прочли въ одной почтенной газетѣ краснорѣчивыя сужденія о земскихъ соборахъ. Мы уважаемъ всякое добросовѣстное мнѣніе, но болѣе всего обязаны уважать истину. Всякій вопросъ, конечно, можетъ только выиграть отъ того что будетъ приведенъ къ своему истинному выраженію. Случается такъ что приведенный къ истинѣ вопросъ вдругъ и исчезнетъ...

Въ прошломъ году появилась сначала за границей, а потомъ и внутри, довольно объемистая книжка подъ заглавіемъ: *Письма о состояніи Россіи.* Въ ней, въ связи съ разными другими вопросами, трактуется вопросъ о земскихъ соборахъ. Мы тогда кое-что сказали по поводу этой книжки, но не коснулись того въ чемъ заключается ея главная мысль. На ней можно съ особенною наглядностію раскрыть то странное недоразумѣніе которое вдругъ у насъ соединилось съ понятіемъ о земскихъ соборахъ. Книжка эта какъ бы служитъ программой всѣхъ нынѣшнихъ толковъ по этому вопросу. А потому и кажется намъ своевременнымъ возобновить о ней рѣчь.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что безыменные авторы брошюры особенно отличаютъ наши земскія учрежденія и на нихъ главнымъ образомъ возлагаютъ надежды нашего прогресса. Въ связи съ этими-то учрежденіями является имъ въ мистической, но недалекой перспективѣ, „всевѣнчающее преобразованіе“ имѣющее де „положить конецъ нашему нравственному неустройству.“ Съ другой же стороны, они крайне недовольны земскими учрежденіями, хотя высказываются объ этомъ съ поэтическою неопредѣленностью. „Земскія учрежденія, говорятъ они, идутъ до сихъ поръ плохо, но по причинамъ которыя нельзя имъ прямо ставить въ вину.“ Какія же это причины? Вопервыхъ, земскія учрежденія, по мнѣнію авторовъ, спеленаны: „имъ дано не право и возможность, а лишь позволеніе развиться посреди государства.“ А вовторыхъ, имъ даны никуда негодные уставы. Авторы говорятъ: „факты и общій голосъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ насколько уставы о земскихъ учрежденіяхъ оказались искусственными: съ одной стороны эти учрежденія, связанныя съ народными массами только наружно, не могутъ руководить ими; съ другой же стороны, напротивъ, они проникнуты самымъ ложнымъ демократизмомъ. Дошло до того что цѣлые округа на Дону просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ.“

Однако что же такое учрежденія какъ не уставы? Если не годятся уставы земскихъ учрежденій, значитъ не годятся учрежденія, значитъ на нихъ ничего основать нельзя, значитъ никакой перспективы открывать они не могутъ, а буде такъ, то всего лучше послѣдовать мнѣнію округовъ на Дону которые просили объ отмѣнѣ самоуправленія въ его нынѣшнемъ видѣ. И если все это такъ, зачѣмъ же авторы такъ язвительно укоряютъ центральную администрацію за то что она будто бы стѣсняетъ эти, по ихъ же сужденію, фальшивыя учрежденія и не даетъ простора ихъ дѣятельности? Да и въ чемъ когда ихъ стѣсняли? Напротивъ, этимъ негоднымъ, по мнѣнію авторовъ, учрежденіямъ, оказывается большой решпектъ, и иные правители о томъ лишь и хлопочутъ чтобы пріобрѣсти благосклонность передовыхъ земскихъ дѣятелей. Дѣло у авторовъ какъ по этому, такъ и по многимъ другимъ пунктамъ, двоится въ мысляхъ. Говоря о земскихъ учрежденіяхъ, они представляютъ себѣ, подъ доброгласный звукъ *земля* и *земство*, какія-то хорошія учрежденія имѣющія лишь тотъ недостатокъ что они пока не существуютъ и что сами авторы не имѣютъ опредѣленнаго и яснаго представленія какъ ихъ устроить, а въ то же время они имѣютъ въ виду учрежденія дѣйствительно теперь существующія подъ именемъ земскихъ. То о чемъ они говорятъ безпрерывно мѣняется: то подразумѣваются хорошія, но не существующія учрежденія, то дѣйствительныя, но, по сознанію авторовъ, никуда негодныя, и оба столь разнородныя подлежащія одинаково предицируются, сливаются, смѣшиваются и производятъ крайнюю кутерьму и противорѣчіе въ мысляхъ.

Авторы вспоминаютъ, между прочимъ, о мировыхъ посредникахъ, которымъ такъ много обязана своимъ успѣхомъ крестьянская реформа. Вторя тому что такъ настойчиво, но увы! безуспѣшно, заявлялось нами въ давнее время, безыменные публицисты справедливо замѣчаютъ что мировые посредники могли бы послужить ядромъ хорошаго мѣстнаго управленія. Но признавая это и совѣтуя возвратиться къ затертому учрежденію посредниковъ, наши публицисты страннымъ образомъ пріурочиваютъ ихъ къ тѣмъ же земскимъ учрежденіямъ. Забывая что всякая вещь выноситъ свою натуру изъ своего происхожденія, они хотятъ чтобы мировые посредники выбирались не годными, по ихъ мнѣнію, земскими собраніями и были ихъ органомъ.

Но, такъ или иначе, авторы брошюры съ великимъ паѳосомъ, торжественно, напряженно, говорятъ о земскихъ соборахъ какъ о „всевѣнчающемъ преобразованіи" (couronnement de l'édifice), которое сразу пересоздастъ Русскую землю, изведетъ самодержавную власть изъ того плѣна въ коемъ держитъ ее всесильная бюрократія, все благоустроитъ и приведетъ въ порядокъ. Они успокоиваютъ самодержавную власть въ виду предстоящей борьбы съ этимъ чудовищемъ бюрократіи, которое якобы противится совершенію этого послѣдняго Геркулесовскаго подвига, и ободрительно восклицаютъ: „для воли Русскаго Государя, когда онъ правъ предъ исторіей, нѣтъ препятствій въ предѣлахъ его царства!" Но воздымая такимъ образомъ тонъ о „всевѣнчающемъ преобразованіи," долженствующемъ состоять въ учрежденіи земскихъ соборовъ, безыменные публицисты въ то же время видимо стараются преумалить значеніе этихъ соборовъ и доходятъ до того что возникаетъ вопросъ: да къ чему же нужно такое ни къ чему ненужное учрежденіе? Эти соборы отнюдь де не должны походить на парламенты запада, которые надлежащимъ образомъ обзываются говорильнями. Вмѣшиваться въ администрацію ни подъ какимъ видомъ они не должны, и законодательное дѣло будетъ въ полной отъ нихъ независимости. Соберутся эти выборные люди со всѣхъ концовъ Россіи, правительство предложитъ имъ нѣкоторые вопросы, и то не по всѣмъ частямъ (въ финансовую, военную и морскую часть имъ не слѣдуетъ де и заглядывать), они дадутъ желаемые отвѣты, доставятъ нужныя свѣдѣнія, а затѣмъ съ Богомъ разойдутся. Что можетъ быть невиннѣе такого учрежденія? Къ тому же, и это главное, учреждая земскіе соборы, мы только де возвратимся къ доброму старому времени, to the old merry Russia. „Если со временъ великаго императора Петра," говорятъ авторы, „мы далеко подвинулись въ просвѣщеніи и могуществѣ, то общественное развитіе Россіи едва ли не придется начать сызнова со дня кончины царя Алексѣя Михайловича."

Но вотъ бѣда: Петръ Великій не отмѣнялъ земскихъ соборовъ которые авторы брошюры считаютъ „всеувѣнчивающимъ

преобразованіемъ,“ не отмѣнялъ по той простой причинѣ что такого учрежденія вовсе не имѣлось. Земскіе соборы никогда не были учрежденіемъ. Они созывались случайно, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, по какому-нибудь опредѣленному вопросу, и всѣ они наперечетъ. Они созывались при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и всего разъ семь, а царствованія его было тридцать два года. До возвращенія Филарета Никитича, выборные люди постоянно окружали несовершеннолѣтняго царя; а по возвращеніи изъ плѣна его родителя, мудраго государственнаго мужа, разныхъ чиновъ люди созывались на короткое время только по отдѣльнымъ вопросамъ. Родоначальникъ новой династіи, зступивъ шестнадцатилѣтнимъ юношей на престолъ послѣ смутнаго времени, послѣ непріятельскаго нашествія и разгрома Русской земли, весьма естественно нуждался въ опорѣ и въ ознакомленіи съ нуждами разныхъ мѣстностей своего царства, которое и тогда было довольно обширно, но не имѣло ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, даже правильнаго почтоваго сообщенія. За то при его сынѣ, царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во все продолженіе его тридцатилѣтняго царствованія, приходилось созывать не болѣе какъ раза три разныхъ чиновъ людей. Въ сущности соборы эти были большею частію способомъ представленія царю такихъ же всеподданнѣйшихъ адресовъ какіе и теперь повергаются къ подножію престола отъ разныхъ сословій и изъ разныхъ мѣстностей. Часто это было такое же *ура*, какое недавно раздавалось въ Кремлевскомъ Дворцѣ на слова Государя возвѣстившаго войну.

Мы не видимъ почему полагаютъ что со временъ Петра Великаго произошелъ въ этомъ отношеніи перерывъ. Послѣ Петра Великаго былъ земскій соборъ который далеко превосходитъ допетровскіе соборы и своими размѣрами, и продолжительностію своей сессіи. Это Екатерининская коммиссія. Ни Петръ Великій, ни кто-либо изъ его преемниковъ никогда не отказывались отъ права призывать свѣдущихъ людей изъ разныхъ мѣстностей и отъ разныхъ сословій. Безпрестанно и теперь призываются эксперты; въ земскія собранія передаются для предварительной разработки разные вопросы. Изъ-за чего же шумъ и зачѣмъ учреждать то что̀ само собою разумѣется?

Куріознѣе всего то что тѣ же публицисты, проектируя свои земскіе соборы, считаютъ необходимымъ чтобы депутаты являлись на соборъ съ *императивнымъ мандатомъ* отъ своихъ избирателей. Увѣнчатели нашего общественнаго зданія требуютъ чтобы вопросы подлежащіе разсмотрѣнію великаго земскаго собора предварительно были обсужены въ помѣстныхъ соборахъ, чтобы депутаты въ центральномъ собраніи заявляли только то что̀ постановлено въ мѣстныхъ собраніяхъ. Но чтобы передать правительству мнѣніе тульскаго или рязанскаго земства, какая надобность посылать нарочныхъ когда есть почта которая скоро и дешево доставитъ требуемое по назначенію?

Итакъ, если идетъ рѣчь о земскихъ соборахъ въ смыслѣ стараго времени, то учреждать нечего, и никакого вопроса нѣтъ. Русскій Царь имѣетъ несомнѣнное право призывать и созывать, когда окажется надобность, людей разныхъ сословій по тому или другому вопросу. Имѣется ли въ настоящее время надобность созывать соборъ, это другой вопросъ, котораго мы теперь не въ правѣ касаться; но, во всякомъ случаѣ, никто не оспаривалъ у Русскихъ государей этого права и никто изъ нихъ отъ этого права никогда не отказывался ни за себя, ни за своихъ преемниковъ. Если же имѣется въ виду какое-либо учрежденіе подъ именемъ земскаго собора, то это будетъ нѣчто совершенно новое, не имѣющее ничего общаго съ земскимъ соборомъ Русской исторіи.

Вотъ въ томъ-то и бѣда: люди добросовѣстные часто сами не знаютъ чего хотятъ, между тѣмъ какъ недобросовѣстные хорошо знаютъ чего хотятъ...

Б.

Несмотря на холодную, ненастную погоду, публика массами стремится на Выставку, составляющую теперь главный предметъ общихъ толковъ. На первыхъ порахъ, впечатлѣнія выносимыя посѣтителями изъ бѣглаго обзора Выставки, конечно, не могутъ быть отчетливы. Нужно не мало времени чтобы только обойти обширныя помѣщенія занятыя выставленными предметами, а обиліе и разнообразіе этихъ предметовъ таково что невольно разбѣгаются глаза, притупляется вниманіе. Требуется нѣсколько дней только для того чтобы посѣтитель оріентировался въ разныхъ отдѣлахъ, узналъ гдѣ найти что̀ ему нужно, на чемъ интересно остановиться, особенно

когда предметы относящіеся къ одному отдѣлу находятся въ разныхъ и иногда даже не сосѣднихъ помѣщеніяхъ. Не помогутъ оріентироваться сразу ни планъ Выставки, ни изданный *Указатель* ея. Не присмотрѣвшись къ Выставкѣ, даже и съ планомъ въ рукахъ можно блуждать по ней какъ въ лѣсу, нѣсколько разъ возвращаясь на одно и то же мѣсто. Что же касается *Указателя*, то онъ пока еще далеко не полонъ и, помимо дополненій, нуждается также и въ исправленіяхъ. На составленіи его очевидно отозвалась спѣшность работъ предшествовавшихъ открытію Выставки. Едва развернувъ его, мы встрѣтили въ немъ, напримѣръ, такой куріозъ: между экспонентами „химическихъ продуктовъ“ (группа VII, классъ 54; стр. 56) оказалось, подъ № 73, Тифлисское Общество Покровительства Животнымъ, выставившее „сѣдла, попоны, уздечки, кнуты, хомуты, ошейники, модели вьючной перевозки, инструменты ковки и проч.?“

Тѣмъ не менѣе, общее впечатлѣніе выносимое изъ обзора Выставки уже и теперь оказывается вполнѣ благопріятнымъ не по отношенію къ одной только декоративной сторонѣ, которая, конечно, какъ и повсюду въ подобныхъ предпріятіяхъ, прежде всего бросается въ глаза. Невольно на каждомъ шагу останавливаетъ на себѣ вниманіе и замѣчательное совершенство техники, и столь важное во многихъ издѣліяхъ удовлетвореніе требованіямъ изящнаго вкуса. Само собою разумѣется что праздничная обстановка въ какой наша промышленность выступаетъ на Выставкѣ очень далека отъ ея будничной обстановки. Но вѣдь и иностранная промышленность является на своихъ выставкахъ тоже принаряженною, отдавая на публичный судъ не заурядные, а лишь отборные, спеціально для выставокъ изготовленные предметы. Это извѣстно всѣмъ посѣтителямъ выставокъ, и однако, зная это, иностранцы, встрѣтивъ на Парижской выставкѣ 1867 года многіе продукты русской промышленности какъ совершенную для нихъ неожиданность, заговорили о русской промышленности уже съ серіознымъ къ ней вниманіемъ. Затѣмъ успѣхи обнаруженные нашею промышленностью на мануфактурной выставкѣ 1870 года въ Петербургѣ, которые были найдены изумительными, вызвали о себѣ за границей цѣлый рядъ толковъ и появленіе обширныхъ посвященныхъ русскому производству сочиненій. На послѣдней Парижской выставкѣ выражены были даже сомнѣнія, точно ли выставленныя русскими экспонентами издѣлія суть продукты русской, а не иностранной промышленности, и понадобились особыя разслѣдованія для устраненія подозрѣній въ фальши, для убѣжденія сомнѣвавшихся въ томъ что наши фабрики дѣйствительно могутъ производить предметы не уступающіе инымъ заграничнымъ образцамъ. Нынѣшняя выставка, полагаемъ, должна еще въ большей степени утвердить убѣжденіе что русская промышленность дѣйствительно заслуживаетъ того чтобъ ее перестали не признавать, считать ее и ея интересы дѣломъ не особенно важнымъ. Достаточно пройтись по Выставкѣ чтобъ убѣдиться въ крайней односторонности и невѣрности мнѣнія будто Россія страна исключительно земледѣльческая, не могущая разчитывать на серіозное развитіе промышленности. Выставка свидѣтельствуетъ что русская почва представляетъ все необходимое для приложенія промышленныхъ силъ, и что русскій трудъ способенъ обработать то что даетъ почва.

Всемірнаго значенія наша промышленность, конечно, не имѣетъ. Но такого значенія не имѣетъ и промышленность Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, далеко опередившихъ насъ въ промышленномъ отношеніи. И Американцы довольствуются пока тѣмъ что ихъ промышленность удовлетворяетъ лишь нуждамъ ихъ собственной страны. Тѣмъ же самымъ можемъ удовольствоваться и мы. Нашей промышленности рано думать о снабженіи своими продуктами заграничныхъ рынковъ, но это не мѣшаетъ позаботиться о томъ чтобъ ей были предоставлены по крайней мѣрѣ русскіе рынки, чтобы по отношенію къ этимъ рынкамъ она была поставлена въ такія же условія въ какихъ находится американская промышленность по отношенію къ своимъ. Ничего подобнаго такимъ желательнымъ условіямъ у насъ пока нѣтъ. Не слѣдуетъ ли подумать объ этомъ существенномъ недостаткѣ особенно въ настоящую минуту, когда, благодаря Выставкѣ, промышленность и ея успѣхи стали предметомъ общаго вниманія?

Противъ мѣръ которыя могли бы поднять значеніе нашей промышленности, усиливъ производство расширеніемъ сбыта

продуктовъ въ русскихъ предѣлахъ, много разъ выставлялось то стереотипное возраженіе что огражденіе внутреннихъ рынковъ отъ наплыва продуктовъ иностранной фабрикаціи входитъ будто бы только въ своекорыстные разчеты фабрикантовъ и заводчиковъ, интересы коихъ тутъ будто бы противоположны общимъ интересамъ. Нѣтъ сомнѣнія что увеличеніе сбыта было бы выгодно для фабрикантовъ и заводчиковъ; но оно было бы выгодно не для нихъ однихъ. И теперь фабрики и заводы даютъ заработки сотнямъ тысячъ рабочаго люда и кормятъ, кромѣ того, массы народа въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ. Чѣмъ шире разовьется производство, тѣмъ бо́льшія массы народа будутъ находить въ немъ средства своего благосостоянія; русскимъ рабочимъ будетъ доставаться то что при существующихъ условіяхъ обращается въ пользу рабочихъ чужеземныхъ. Но это не все. При правильной постановкѣ промышленности, успѣхъ въ каждой отрасли долженъ благотворно отзываться не на ней одной, не на тѣхъ только интересахъ которые прямо къ ней примыкаютъ, но и на многихъ другихъ отрасляхъ производства и связанныхъ съ ними интересахъ. Расширеніе ткацкаго производства должно вести за собою расширеніе прядильнаго. Расширеніе мануфактурной промышленности должно вызывать усиленный спросъ на продукты химическаго и красильнаго производства. Чѣмъ болѣе заводовъ и фабрикъ, тѣмъ выгоднѣе должно быть для механическаго производства, для всей металлической промышленности, для всего горнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ. Чѣмъ большее развитіе получитъ обрабатывающая промышленность во всѣхъ ея видахъ, чѣмъ больше образуется промышленныхъ центровъ, тѣмъ выгоднѣе будетъ и для всего сельскаго хозяйства, которое найдетъ въ нихъ усиленный спросъ на свои земледѣльческіе и скотоводственные продукты.

Эта взаимная тѣсная связь между разными отраслями народнаго труда почти не принимается во вниманіе и часто совсѣмъ упускается изъ виду. Да на практикѣ она и не существуетъ у насъ въ той силѣ какъ слѣдовало бы быть. Многія отрасли нашей промышленности находятся въ гораздо болѣе тѣсной связи съ заграничными производствами чѣмъ съ домашними. Пройдитесь по Выставкѣ и скажите, все ли выставленное на ней есть продуктъ русскаго труда и русской почвы. Отдѣлъ машинъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ на Выставкѣ; но многое ли изъ выставленнаго сдѣлано помощію машинъ и орудій сфабрикованныхъ въ Россіи? Затѣмъ, изъ русскихъ ли металловъ сдѣлана бо́льшая часть машинъ, орудій, желѣзнодорожныхъ принадлежностей и другихъ металлическихъ издѣлій, обращающихъ на себя общее вниманіе на Выставкѣ? Русскія ли краски главнымъ образомъ бьютъ въ глаза во всей представляемой ею пестротѣ переливовъ всякаго цвѣта, русскіе ли химическіе продукты играли главную роль при переработкѣ сырья въ выставленныя издѣлія? Да и самое сырье для переработки, во множествѣ случаевъ, взято не свое, а чужое. И шерстяныя и шелковыя ткани, которыми нельзя довольно налюбоваться, приготовлены частію изъ привозной шерсти и почти сполна изъ привознаго шелка. Массы шелка, шерсти и хлопка спрядены, а частію и выкрашены за границей, у насъ же только сотканы. А между тѣмъ, судя по тому что видишь на Выставкѣ, невольно приходишь къ мысли что наша промышленность не имѣетъ необходимости опираться на иностранную въ такой мѣрѣ какъ это практикуется, что взаимный обмѣнъ услугъ между разными отраслями промышленности могъ бы быть много усиленъ къ общей выгодѣ своей страны. Возможно большее сближеніе изолированныхъ нынѣ промышленныхъ интересовъ было бы крупнымъ успѣхомъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. То что разныя отрасли производства стоятъ нынѣ особнякомъ другъ отъ друга составляетъ слабую ихъ сторону. Чѣмъ въ большей мѣрѣ будетъ освобождаться промышленность отъ этого недостатка, тѣмъ глубже она укоренится въ странѣ, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ ея самостоятельность и независимость отъ иностранцевъ. Въ теченіе долгаго времени были въ ходу стремленія поселять рознь между разными видами производства, выставлять ихъ интересы противоположными, напримѣръ, внушать что выгоды ткачей прямо противоположны выгодамъ прядильщиковъ, а выгоды этихъ послѣднихъ не совмѣстимы съ выгодами овцеводовъ, что интересы машиннаго производства враждебны интересамъ прочихъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Такого рода убѣжденія преобладали въ то время когда составлялся нынѣ дѣйствую-

щій таможенный тарифъ, подъ сильнымъ вліяніемъ котораго шла наша промышленная жизнь въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Но поддерживаемая тарифомъ рознь между разными отраслями промышленности вредно отзывается и на каждой изъ нихъ, и на всей странѣ; она выгодна только иностранцамъ, и не трудно убѣдиться что ее можно устранить безъ ущерба для тѣхъ интересовъ во имя которыхъ она допущена. Пора приступить къ общей переработкѣ таможеннаго тарифа, при которой была бы соображена вся совокупность народныхъ экономическихъ интересовъ и возстановлена должная связь между ними. Нельзя не пожелать чтобы нынѣшняя Выставка повела за собою такой пересмотръ, котораго давно уже ждутъ не дождутся промышленные люди.

№ 143.

Москва, 24-го мая.

Насъ хотѣли бы возвратить къ тому времени когда нашъ государственный корабль быстро несся на рифъ, когда политическая интрига овладѣла было самымъ кормиломъ правленія. Это было тотчасъ послѣ великой крестьянской реформы, за которою вслѣдъ ожидались потрясенія внутри самой Россіи, и когда казалось достаточно было лишь легкаго толчка извнѣ чтобъ она распалась. Пусть старожилы припомнятъ тѣ годы. Пусть припомнятъ золотыя грамоты и попытки взволновать народъ; пусть припомнятъ наконецъ польскій мятежъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ доктрину которая тогда овладѣла нашею интеллигенціей какъ тою которая честитъ себя либеральною, такъ и тою которая кичится титуломъ консервативной. Всѣми овладѣло бѣшенство какъ бы раздробить и ослабить Россію, какъ бы выкроить изъ нея нѣсколько государствъ. Самое существованіе русскаго народа отрицалось. Важныя правительственныя лица, не стѣсняясь, заявляли что Русскій народъ есть фикція, что его не наберется и десятка милліоновъ, что весь онъ заключается только въ подмосковныхъ населеніяхъ, въ предѣлахъ бывшаго Московскаго великаго княжества, что все прочее населено другими народами которые требуется де выдѣлить въ особыя автономныя политическія тѣла, и что усилія правительства какъ въ законодательствѣ такъ и въ администраціи должны клониться не къ тому чтобъ укрѣплять и поддерживать единство Россіи, а къ тому напротивъ чтобы все въ Россіи обособлять, выдѣлять, отдѣлять, ставить въ рознь, изъ каждаго племеннаго фрагмента, никогда не имѣвшаго самостоятельной политической жизни и никакой культуры, изъ каждаго оттѣнка народнаго говора, создавать особый языкъ, особую политическую національность. Нынѣшнія молодыя поколѣнія не помнятъ этого времени и знаютъ о немъ только по наслышкѣ; но кому лѣтъ за сорокъ, тѣ должны хорошо его помнить, а также помнить чего стоила въ то время борьба съ этимъ обманомъ который охватилъ наши дѣла и дѣйствовалъ растлѣвающимъ образомъ тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе что онъ былъ во власти и располагалъ правительственными способами, а въ то же время пользовался потаенными ходами интриги и только что народившеюся у насъ печатью. То было удивительное время, когда все казалось возможнымъ. Это было то время о которомъ постоянно, съ тяжкими вздохами, припоминали и покойный *Порядокъ* и здравствующій *Голосъ*, служившій и тогда какъ теперь офиціознымъ органомъ интриги. Были готовы планы раздробленія Россіи. Сколько новыхъ государствъ должно было родиться съ паденіемъ Россіи изъ ея развалинъ! Сколько, если угодно, новыхъ коронъ! Въ сущности же все это были только потуги сопровождавшія рожденіе Польскаго вопроса. Нужно было подавить въ русскомъ обществѣ патріотизмъ и національное чувство и вызвать въ Россіи центробѣжное стремленіе для того чтобы воскресить Польшу... И вдругъ, съ подавленіемъ польскаго мятежа, это вожделѣнное движеніе пріостановилось. Люди одумались, возникло русское народное чувство, сказался русскій патріотизмъ; онъ сказался во всѣхъ слояхъ общества и въ правительствѣ. Интрига была раскрыта, обманъ былъ уличенъ на всѣхъ путяхъ его. Здравый смыслъ, подкрѣпляемый событіями, вступилъ въ свои права; единство Россіи стало общимъ лозунгомъ, измѣнническая политика *многихъ* національностей спряталась предъ идеей *одной* государственной національности въ Россіи. Всѣмъ тогда стало понятно что если Россіи суждено жить, то въ ней можетъ быть только одна государственная національность, и что русская національность есть

не этнографическій, а политическій терминъ, что русскій народъ есть не племя, а исторически, изъ многихъ племенныхъ элементовъ, сложившееся политическое тѣло. Наши дѣла вышли было на путь здравой національной политики; но, къ сожалѣнію, они оставались въ рукахъ или сомнительныхъ, или мало способныхъ, и интрига продолжавшая дѣйствовать подземными путями умѣла парализовать или лженаправить самыя лучшія мѣры. Она продолжала дѣйствовать припаравляясь къ обстоятельствамъ и пролагая себѣ новые пути, въ надеждѣ что день ея опять наступитъ, что она снова воцарится и сниметъ съ себя маску среди русской, обезславленной, одураченной, потерявшей смыслъ публики. Двадцать лѣтъ много времени. Отъ національной политики осталось только имя, отъ русскаго патріотизма только похмѣлье, отъ русскаго здравомыслія только безсильный упрекъ совѣсти. Интрига уже привѣтствуетъ зарю своего дня, называя его завтрашнимъ и морочитъ публику говоря что она готовитъ для Россіи нѣчто новое; она возвращаетъ насъ къ старому, только сильнѣе противъ насъ вооруженному. Въ прежнее время карбонарская сѣть, на которую измѣна опиралась, была только польская, а теперь, благодаря нашей слабости, заставлявшей насъ слушаться завѣдомо лживыхъ совѣтовъ и затыкать уши для убѣжденій здраваго смысла и жмуриться предъ очевидностію факта, сѣть эта наполнилась порчеными людьми изъ Русскихъ, и Россія вдругъ превратилась будто бы въ самую революціонную страну міра. Что прежде не удавалось, то теперь кажется обезпеченнымъ въ успѣхѣ. Общество деморализовано и не знаетъ гдѣ правительство. Какая-то таинственная революція будто бы работаетъ въ его нѣдрахъ. Русская власть, такъ глубоко коренящаяся въ нѣдрахъ народа, объявляется якобы потрясенною, почти упраздненною. Не только въ простой публикѣ, но и въ офиціальныхъ сферахъ владычествуетъ фикція будто самодержавіе Русскаго Царя на дѣлѣ уже не существуетъ, что права его ограничены многими конституціями, какихъ *вчера* не было и каковы судебная, земская, университетская и т. д. По убѣжденію интриги въ настоящее время сталъ анахронизмомъ брошенный врагамъ Россіи стихъ нашего прославленнаго поэта:

Иль русскаго Царя безсильно слово...

Та же самая интрига, тѣ же лица, тѣ же въ сущности планы, только съ новыми средствами, съ новыми обманами, съ новыми союзниками. Она не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія во вліятельныхъ сферахъ, гдѣ, къ сожалѣнію, уроки прошлаго забыты или сохраняются въ смутныхъ воспоминаніяхъ, между тѣмъ какъ интрига крѣпко помнитъ уроки прошлаго. Ея вожаки воспользовались опытомъ, и дѣйствуютъ послѣдовательно. Весьма естественно что она предвкушаетъ свое торжество, ожидая только послѣднихъ мѣръ которыя превратили бы фиктивную слабость русской власти въ дѣйствительную и серіозную, всячески напирая на то чтобы произошло легальное, неестественное въ Россіи, раздѣленіе и перемѣщеніе власти посредствомъ какой-нибудь конституціи, такъ чтобы авторитетъ власти которымъ все держится пошатнулся въ народѣ. А когда авторитетъ этотъ пошатнется тогда, какъ справедливо разсуждаетъ интрига, ничто въ Россіи не можетъ считаться обезпеченнымъ и никакая сила не будетъ сильною. Всякая катастрофа окажется тогда возможною, и Русское царство можно будетъ руками разобрать...

Но хотя въ двадцать лѣтъ и много воды утекло, однако событія 1863 года не могли не оставить слѣда въ русскомъ обществѣ, не зарубиться въ памяти, не могли не завѣщать нѣкоторыхъ понятій. Вотъ почему интрига не вдругъ, а съ нѣкоторою осторожностію возвращается къ доктринамъ того золотаго времени когда въ ея видахъ Россія еще не спотыкалась на пути прогресса...

Голосъ запѣлъ уже старую пѣсню о Западномъ краѣ, только на новый ладъ. Такъ какъ край этотъ долженъ составлять часть Россіи, то ему и не слѣдуетъ де находиться въ исключительномъ положеніи; генералъ-губернаторства должны быть упразднены, всѣ новыя учрежденія которыя введены внутри Россіи должны де быть введены и въ губерніяхъ Западнаго края. Не очевидно ли куда клонится эта инсинуація? Отмѣна особаго положенія въ которомъ еще находится этотъ край нужна конечно не для того чтобъ онъ плотнѣе соединился съ Россіей, а для того чтобы могла просторнѣе и льготнѣе дѣйствовать анти-русская интрига у которой не отнята еще почва, такъ какъ мѣры которыхъ требо-

вала политика государственнаго единства Россіи не были исполнены должнымъ образомъ.

Вообще въ программѣ *Голоса* начинаетъ попрежнему выступать политика разныхъ національностей, которая разыгрывалась въ 1863 году и клонилась къ тому чтобъ убѣдить Россію превратиться въ Австрію. *Голосъ* беретъ подъ свое покровительство и языки Закавказскаго края.

Въ № 123 этой газеты высказывалось желаніе чтобы въ Тифлисской и Кутаисской губерніи и Батумской области *входившихъ когда-то въ грузинское царство* производство дѣлъ въ судахъ велось на грузинскомъ языкѣ: „пришлось бы только части Ахалкалакскаго и Борчалинскаго уѣздовъ, Тифлисской губерніи, присоединить къ *татарскимъ* губерніямъ.“ Такою татарскою губерніей слѣдуетъ считать Бакинскую губернію, въ которую также требуется ввести судъ присяжныхъ, причемъ всѣ дѣла должны вестись на татарскомъ языкѣ. Нѣкоторое затрудненіе представляютъ Эриванская и Елисаветпольская губерніи и Карсская область: здѣсь „равно преобладаютъ армянскій и мусульманскій элементы и потому присяжныхъ и дѣла подлежащія ихъ разсмотрѣнію нужно дѣлить на двѣ категоріи.“

Но этого мало. Мы де не только должны тщательно оберегать жителей этой части Русской Имперіи отъ русскаго языка, но сверхъ того стараться чтобы коренные русскіе люди ассимилировались инородцамъ. Въ томъ же самомъ нумерѣ тифлисскій корреспондентъ *Голоса* съ восторгомъ привѣтствуетъ рѣшеніе какихъ-то тифлисскихъ городскихъ дворянъ внести на обсужденіе губернскаго собранія между другими вопросами и вопросъ объ обязательности обученія грузинскому языку въ школахъ грузинскихъ провинцій. *Голосъ* продолжаетъ:

„Намъ кажется что туземные языки должны преподаваться въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ *не только дѣтямъ туземцевъ, но и Русскихъ*, готовящимъ себя къ дѣятельности въ нашемъ краѣ. Справедливость такого требованія сознается всѣми, но, къ сожалѣнію, никакихъ мѣръ не принимается къ его удовлетворенію. Напротивъ, уроки туземныхъ языковъ *необязательны* въ программѣ гимназическаго образованія и назначены въ неудобное для занятій время, въ шестой часъ. Словомъ, они поставлены на одну доску съ музыкой и танцами.“

Итакъ, туземные языки преподаются въ кавказскихъ гимназіяхъ; да, но увы, они *необязательны!* Какимъ же образомъ можно сдѣлать ихъ обязательными и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавать ихъ въ *удобное* время, то-есть въ тѣ самые часы когда преподаются другіе обязательные предметы? Этотъ вопросъ, который затруднилъ бы всякаго, не затруднитъ педагоговъ *Голоса*. Спросите ихъ какъ рѣшить вышеупомянутую задачу и они вамъ скажутъ что это очень легко: стóитъ только вмѣсто греческаго языка преподавать грузинскій и татарскій, а вмѣсто латинскаго армянскій, и дѣло улажено. При этомъ конечно эти образовательныя заведенія сохранили бы свое право выпускать своихъ воспитанниковъ въ университеты. Какъ ни нелѣпо это предположеніе, иного рекомендуемая петербургскою газетой реформа не допускаетъ.

Но дѣло не въ этомъ. Отъ этой реформы пострадала бы не одна только наука; внушители *Голоса* преслѣдуютъ своими требованіями другую, болѣе для нихъ серіозную цѣль: обособить окраины и повести къ исполненію программы которой краснорѣчивымъ выразителемъ былъ покойной памяти Шедо-Феротти.

Петербургскіе шарлатаны называютъ себя *либералами* и отождествляютъ свои стремленія съ европейскими либералами. Но ихъ сепаратистическія тенденціи какъ нельзя лучше доказываютъ всю фальшь ихъ либерализма. Либеральныя партіи въ Европѣ всегда считали однимъ изъ главныхъ условій прогресса единство національности. Совершенно немыслимъ былъ бы либералъ во Франціи который сталъ бы требовать чтобы въ Бретани судебныя дѣла велись на бретонскомъ, а не на французскомъ языкѣ. Подобные „либералы“ бываютъ только у насъ въ Россіи.

№ 144.

Москва, 25-го мая.

Египетское дѣло запутывается и „европейскій концертъ,“ который вчера еще провозглашался, какъ и въ прежнихъ случаяхъ подобнаго рода, единственно-возможнымъ и блистательно-достигнутымъ исходомъ

изъ затрудненія, встрѣтилъ „неожиданное" препятствіе, также по примѣрамъ недавняго прошлаго. Едва появилось официальное подтвержденіе того что великія державы, слѣдуя коллективному приглашенію Франціи и Англіи, согласились на созваніе конференціи въ Константинополѣ для улаженія египетскихъ дѣлъ, какъ телеграфъ уже сообщаетъ что Порта объявила представителямъ всѣхъ великихъ державъ, *за исключеніемъ Германіи*, что въ виду отправленія турецкой миссіи въ Египетъ, она считаетъ созваніе конференціи неблаговременнымъ.

Что же будетъ дальше? И какъ выпутается дипломатія изъ положенія въ коемъ она очутилась въ виду отказа султана подчиниться совѣтамъ европейскаго ареопага? Пока мы узнаемъ только что султанъ поспѣшилъ „успокоить" Англію и на протестъ противъ военныхъ приготовленій въ Египтѣ, телеграфировалъ хедиву „пригласить Араби-пашу прекратить приготовленія и въ особенности по укрѣпленіямъ Александріи," гдѣ все населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей, день и ночь работаютъ надъ возведеніемъ укрѣпленій со стороны моря. Любопытно что Портѣ одинаково подчиняются какъ хедивъ такъ и его мятежный министръ, провозгласившій низложеніе хедива. Но еще болѣе любопытно что повелѣніе султана прекратить военныя приготовленія оказывается уже запоздавшимъ: укрѣпленія Александріи уже готовы. Не потому ли такъ охотно повиновался Араби-паша велѣніямъ падишаха, и не чувствуется ли за всѣмъ этимъ искусная игра, причемъ въ выигрышѣ оказывается турецкая дипломатія, руководимая нынѣ Германіей очевидно не хуже чѣмъ нѣкогда Англіей. Maitre de la situation на Востокѣ очевидно Германія. Англія и Франція испытываютъ теперь то самое что и намъ приходилось испытывать подъ именемъ „европейскаго концерта."

Происходившія на прошлой недѣлѣ парламентскія пренія, какъ въ Парижѣ такъ и въ Лондонѣ, лучше всего показываютъ какъ мало предвидѣлся дипломатіей тотъ шахматный ходъ о коемъ сообщилъ вчера телеграфъ изъ Константинополя. Въ засѣданіи англійской палаты общинъ въ четвергъ, 1 іюня, г. Гладстонъ, разъясняя положеніе Египетскаго вопроса, повидимому вполнѣ вѣрилъ въ конференцію и менѣе всего ожидалъ возраженія со стороны Порты. Онъ засвидѣтельствовалъ что предложеніе о конференціи есть результатъ соглашенія между Франціей и Англіей, причемъ имѣлось де въ виду „руководить на мѣстѣ" тѣми распоряженіями которыя долженъ былъ сдѣлать султанъ. Конференція должна была собраться въ Константинополѣ дабы султанъ дѣйствовалъ не такъ какъ онъ самъ желаетъ, а какъ предпишутъ ему державы. Араби-паша почти совершенно снялъ съ себя маску, сказалъ далѣе г. Гладстонъ, и можно ожидать что онъ объявитъ Тевфика лишеннымъ престола и провозгласитъ хедивомъ Халимъ-пашу. Г. Дилкъ подтвердилъ что по полученнымъ донесеніямъ носятся слухи будто Араби-паша получаетъ внушенія изъ Константинополя и будто втайнѣ его оттуда поощряютъ. Турція, дѣйствительно, какъ кажется, рѣшилась воспользоваться благопріятнымъ для нея стеченіемъ обстоятельствъ дабы возстановить свою утраченную власть надъ Египтомъ именно въ то время когда Англія и Франція считали, напротивъ, наступившимъ время чтобы прибрать къ рукамъ эту страну, не зная только какъ подѣлиться, и попытались установить фактически свой *condominium* надъ царствомъ Фараоновъ.

Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ является нынѣ „парламентское пораженіе" которое постигло на прошлой недѣлѣ г. Гамбетту по поводу того же египетскаго вопроса. Въ засѣданіи французскаго законодательнаго собранія 1 іюня, произошла открытая схватка между главой французской національной партіи и кабинетомъ. *République Française* уже до того высказалась самымъ энергическимъ образомъ противъ обнаруживаемаго Франціей малодушія и нерѣшительности по Египетскому вопросу, въ особенности противъ конференціи. Органъ г. Гамбетты доказывалъ что Франція должна употребить всѣ усилія дабы воспрепятствовать фактическому возстановленію власти султана надъ Египтомъ, что неминуемо должно де случиться если не будутъ приняты энергическія мѣры къ устраненію теперешней диктатуры Араби-паши. Онъ является лишь представителемъ фанатическаго движенія овладѣвшаго всѣмъ мусульманскимъ міромъ. Какъ бы ни старались державы контролировать распоряженія султана и чрезъ него направить событія въ Египтѣ соотвѣтственно своимъ интересамъ, нѣтъ де сомнѣнія что прибытіе коммис-

саровъ султана въ Египетъ послужитъ лозунгомъ къ окончательному повороту событій въ смыслѣ враждебномъ Европѣ, которая согласилась на конференцію подъ условіемъ сохраненія *status quo*. Органъ г. Гамбетты требовалъ чтобы Франція высадила свои войска въ Египтѣ и постаралась собственными силами овладѣть тамошнимъ движеніемъ, хотя бы и безъ содѣйствія Англіи. Въ противномъ случаѣ движеніе мусульманскаго фанатизма грозитъ де распространиться на всю сѣверную Африку, и тогда Франціи придется быть-можетъ напрягать всѣ свои силы чтобъ отстоять свое существованіе на южномъ побережьѣ Средиземнаго Моря; Англія же будетъ господствовать въ этомъ морѣ и послѣ потери Египта, ибо у ней въ рукахъ останутся Гибралтаръ, Мальта и Кипръ.

Г. Фрейсине направилъ свои доводы главнымъ образомъ противъ этихъ заключеній органа г. Гамбетты и привелъ въ восторгъ своихъ приверженцевъ заявленіемъ что Франція ни въ какомъ случаѣ не пустится въ „политику приключеній,“ а пойдетъ рука объ руку съ Европой вообще и съ Англіей въ особенности. Палата выразила кабинету г. Фрейсине свое довѣріе большинствомъ 298 противъ 70, что было принято не столько за побѣду правительства сколько за пораженіе г. Гамбетты.

Нѣмецкія газеты въ особенности ликовали по поводу этого пораженія, доказывая что г. Гамбетта не могъ бы такъ явно высказываться въ пользу активнаго и самостоятельнаго вмѣшательства Франціи въ Египетскія дѣла еслибъ онъ не имѣлъ въ виду какихъ-либо „скрытыхъ пока“ союзниковъ съ помощью коихъ онъ надѣется раздуть египетскую искру въ европейскій пожаръ.

Нѣмецкія газеты рѣшительно не могутъ оставаться хладнокровными когда на сцену выступаетъ г. Гамбетта, и когда предвидится возможность что онъ снова станетъ во главѣ управленія во Франціи. Событія однако слишкомъ скоро доказали что г. Гамбетта была проницательнѣе своихъ противниковъ и вѣрнѣе понялъ явленія которыя нынѣ разыгрываются на Востокѣ...

№ 145.

Москва, 26-го мая.

Нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ нами въ №№ 131 и 134 *Московскихъ Вѣдомостей* по поводу программы созываемаго въ Москвѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ Торгово-Промышленнаго Съѣзда, вызвали отвѣтъ члена-дѣлопроизводителя Общества для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, г. Лоранскаго. Какъ представитель Общества взявшаго на себя иниціативу въ дѣлѣ созыва и организаціи Торгово-Промышленнаго Съѣзда, г. Лоранскій въ своемъ отвѣтѣ высказалъ все что можно сказать въ защиту программы Съѣзда и ея авторовъ. Но программа отъ этого не становится лучше, и необходимость ея исправленія, если желать чтобы Торгово-Промышленный Съѣздъ былъ дѣломъ серіознымъ, остается во всей силѣ.

Намъ пріятно узнать изъ разъясненій г. Лоранскаго что интересы вовсе не упомянутыхъ въ программѣ производствъ тѣмъ не менѣе не забыты и должны быть приняты во вниманіе на Съѣздѣ, что эти не упомянутыя отдѣльно производства подразумѣваются подъ общею рубрикой „химической“ промышленности. Для иныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ будетъ, правда, нѣсколько странно видѣть что въ той самой программѣ которая винокуренное производство ставитъ отдѣльно, производства пивоваренное, медоваренное, клееварное, стеклянное, зеркальное, салотопенное или свѣчное должны быть подразумѣваемы подъ общею рубрикой химическихъ, вмѣстѣ съ производствомъ разныхъ кислотъ, щелочей, солей и красокъ; что къ той же рубрикѣ должны пріурочивать себя писчебумажное, фарфоровое, фаянсовое и иныя производства; но бѣды въ этомъ еще нѣтъ: это лишь своеобразность классификаціи производствъ дѣлаемой Обществомъ для Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ. Сливая въ одну группу массу разнообразныхъ производствъ не имѣющихъ между собою почти ничего общаго, оно за то въ своей программѣ ставитъ отдѣльно производства однородныя. Выдѣливъ изъ горнозаводскаго дѣла интересы каменноугольной, нефтяной и соляной промышленности, оно точно также вопросъ о мѣрахъ къ увеличенію выплавки чугуна ставитъ отдѣльно отъ вопроса о мѣрахъ къ развитію горнозавод-

ской промышленности, не какъ подраздѣленіе этого общаго вопроса, а какъ вопросъ самостоятельный и равноправный.

Но главный недостатокъ програмы Съѣзда заключается не въ недосмотрахъ по классификаціи производствъ, не въ пробѣлахъ въ ихъ номенклатурѣ, а въ той постановкѣ вопросовъ которая можетъ дать занятіямъ Съѣзда не надлежащее направленіе, лишить эти занятія серіознаго, дѣловаго характера. Къ сожалѣнію, г. Лоранскій нашелъ излишнимъ войти въ разъясненіе для чего въ программу Съѣзда помѣщены разные вопросы которымъ въ этой програмѣ не должно бы быть мѣста, которые могутъ только исказить дѣятельность Съѣзда, подмѣнивъ въ немъ дѣльное слово праздною болтовней. Въ защиту занесенія въ програму разныхъ общихъ теоретическихъ вопросовъ академическаго характера, г. Лоранскій говоритъ только что проектъ програмы, прежде представленія его правительству, былъ посылаемъ на разсмотрѣніе главнѣйшихъ представителей московской торговли и промышленности и не встрѣтилъ возраженій съ ихъ стороны. Отвѣтственность за недостатки програмы Съѣзда слагается такимъ образомъ организаторами Съѣзда на тѣхъ кто приглашенъ ими къ участію въ немъ. Но едва ли въ данномъ случаѣ справедливо было бы возлагать отвѣтственность на московскихъ коммерсантовъ и фабрикантовъ. Иное дѣло еслибъ они были спрошены о чемъ, по ихъ мнѣнію, должна главнымъ образомъ идти рѣчь на предположенномъ Съѣздѣ. Давая отвѣтъ на такой вопросъ, они были бы на своемъ мѣстѣ и, вѣроятно, не вышли бы изъ дѣловой сферы. Но ихъ пригласили къ несвойственному практическимъ людямъ дѣлу научно-литературной критики изготовленнаго на сторонѣ организаціоннаго проекта, и нѣтъ ничего удивительнаго что они не дали на него критическихъ отзывовъ. Не принимая участія въ организаціи Съѣзда и въ выработкѣ его програмы, московскіе торговцы и фабриканты едва ли могли считать себя призванными изрекать veto по разнымъ частямъ не ими составленной програмы вопросовъ для обсужденія. Дѣлать ихъ отвѣтственными за эту програму значитъ сваливать съ больной головы на здоровую.

Защищая програму Съѣзда, г. Лоранскій объясняетъ почему не внесены въ програму вопросы о паспортахъ, о праздничныхъ дняхъ, вообще обо всемъ имѣющемъ отношеніе къ рабочему вопросу. Но никто и не упрекалъ составителей програмы за исключеніе изъ нея рабочаго вопроса. Если мы упомянули вскользь о нѣкоторыхъ сторонахъ этого вопроса имѣющихъ важное значеніе для всей промышленности, то лишь въ томъ смыслѣ что умѣстнѣе было бы встрѣтить въ програмѣ указанія на нихъ чѣмъ на другіе предметы которые не имѣютъ къ задачѣ „торгово-промышленнаго“ съѣзда уже ровно никакого отношенія, какъ, напримѣръ, вопросы о способахъ организаціи кредита для землевладѣльцевъ, о развитіи ипотечнаго кредита, о винокуреніи какъ подспорьѣ для сельскаго хозяйства. Вообще же рабочій вопросъ столь же мало можетъ быть предметомъ занятій Съѣзда какъ и другіе государственные вопросы, какъ, напримѣръ, общее положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ, общая организація кредита, система денежнаго обращенія и т. п. А между тѣмъ эти вопросы не только внесены въ програму, но имъ дано въ ней такое значеніе что вопросы наиболѣе близкіе къ интересамъ промышленности отодвигаются предъ ними на задній планъ и заслоняются ими. Изъ семи отдѣленій, на которыя долженъ раздѣлиться Съѣздъ, только одно будетъ заниматься спеціально вопросами прямо относящимися къ фабричной и заводской промышленности, и два другія примыкающими къ нимъ отчасти интересами торговли и кустарнаго производства; остальныя четыре отдѣленія должны посвящать свои занятія разнымъ общимъ вопросамъ о финансахъ и кредитѣ, о путяхъ сообщенія, о почтовыхъ и телеграфныхъ сношеніяхъ, о статистикѣ и техническомъ образованіи. Самые интересные для всѣхъ фабрикантовъ и заводчиковъ предметы обсужденія, при существующемъ положеніи дѣлъ, суть, безъ сомнѣнія, вопросы таможенные и вопросы о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Но не отдѣленію „фабричной и заводской промышленности“ предоставлено обсужденіе таможенныхъ вопросовъ, а отдѣленію „торговли.“ Почему это такъ сдѣлано, трудно понять. Торговый міръ гораздо менѣе промышленнаго заинтересованъ въ согласованіи таможеннаго тарифа съ интересами русскаго производства. Купцу, если онъ въ то же время не заводчикъ и не фабрикантъ, почти все равно какими бы товарами ни торговать, русскими или ино-

странными. Не въ такомъ отношеніи къ дѣлу стоятъ люди непосредственно заинтересованные въ успѣхахъ русскаго труда и производства. Несомнѣнно отъ нихъ-то и нужно бы требовать указаній чтò именно въ нашемъ таможенномъ тарифѣ мѣшаетъ этимъ успѣхамъ. Но съ вопросами по этой части къ промышленнымъ людямъ не обращаются; да и торговые люди приглашаются не къ указаніямъ на разныя частности таможеннаго тарифа, несоотвѣтственность коихъ русскимъ торгово-промышленнымъ интересамъ извѣдана ими на опытѣ, а къ обсужденію желательной „системы" таможенныхъ пошлинъ... то-есть къ тому въ чемъ практическіе люди всегда бываютъ всего менѣе компетентны. Затѣмъ изъ программъ составленныхъ какъ для секціи фабрикантовъ и заводчиковъ, такъ и для секціи торговли, исключены вопросы касающіеся желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Все касающееся желѣзныхъ дорогъ должно быть, по программѣ, обсуждаемо въ секціи путей сообщенія. Въ числѣ вопросовъ поставленныхъ для этой секціи, отдѣльнаго вопроса о желѣзнодорожныхъ тарифахъ нѣтъ. Этихъ тарифовъ можно будетъ лишь „коснуться" при обсужденіи общаго многосложнаго вопроса „какого рода мѣры могутъ быть приняты для того чтобы желѣзныя дороги въ дѣйствительности удовлетворяли потребностямъ торговли и промышленности." Задачей Торгово-Промышленнаго Съѣзда ставится такимъ образомъ чуть ли не пересмотръ и перерѣшеніе въ трехнедѣльный срокъ всего чтò сдѣлано въ нѣсколько лѣтъ извѣстною Барановскою желѣзнодорожною коммиссіей... Лишь мимоходомъ при этомъ могутъ быть сдѣланы кое-какія замѣчанія по столь важному для всей промышленности и торговли вопросу о провозныхъ тарифахъ; говоримъ: „кое-какія;" потому что огромное большинство тѣхъ отъ кого слѣдуетъ ожидать этихъ замѣчаній должны присутствовать не въ томъ отдѣленіи Съѣзда гдѣ замѣчанія касающіяся желѣзныхъ дорогъ и ихъ тарифовъ будутъ выслушиваться и обсуждаться.

Неблагопріятное впечатлѣніе производимое подобною обстановкой предстоящаго Торгово-Промышленнаго Съѣзда смягчается только тѣмъ заявленіемъ г. Лоранскаго что „вообще порядокъ занятій на Съѣздѣ вовсе не предрѣшенъ," что всѣ вопросы касающіеся подробностей организаціи Съѣзда отнесены къ обязанностямъ организаціонной коммиссіи, которая соберется въ Москвѣ и въ составъ которой приглашаются главнѣйшіе представители московской торговли и промышленности. Можно поэтому надѣяться что эта коммиссія не оставитъ безъ измѣненія проектированное распредѣленіе между секціями разныхъ вопросовъ, и распредѣлитъ эти вопросы такимъ образомъ чтобы не заставлять никого заниматься чужимъ дѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить всѣмъ возможность и удобства дѣлать заявленія по тѣмъ частямъ которыя имѣютъ для нихъ значеніе. Это, полагаемъ, могло бы быть сдѣлано даже при сохраненіи проектированнаго раздѣленія Съѣзда на секціи, если главная изъ нихъ,—по крайней мѣрѣ та которая имѣетъ всѣ права на преимущество предъ прочими въ виду открытой Выставки,—если секція фабричной и заводской промышленности будетъ подраздѣлена на группы или подкоммиссіи соотвѣтственныя дѣленію промышленности на отрасли однородныхъ, тѣсно соприкасающихся производствъ, и если на обсужденіе каждой изъ таковыхъ группъ будутъ предложены интересующіе ихъ членовъ вопросы, неизвѣстно для чего разбросанные въ программѣ по другимъ секціямъ. Нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ утратили бы при этомъ приданное имъ программой значеніе, но не въ ущербъ, а къ выгодѣ Съѣзда и тѣхъ чье участіе въ немъ особенно дорого. Серіозныя силы Съѣзда были бы такимъ образомъ концентрированы и пріурочены къ вопросамъ которые онѣ дѣйствительно могутъ разъяснить, не безъ пользы для всей промышленности. Каждый фабрикантъ и заводчикъ имѣлъ бы возможность заявить все чтò нужно въ интересахъ его дѣла, оставаясь на своемъ мѣстѣ, не забѣгая къ докладчикамъ разныхъ секцій. Каждый вопросъ обсуждался бы именно тою группой людей, которой онъ знакомъ и близокъ. Можетъ-быть, далѣе, организаціонная коммиссія найдетъ возможнымъ устранить самый пріемъ баллотировки при обсужденіи предложенныхъ Съѣзду вопросовъ, пріемъ не имѣющій смысла, и замѣнить его простымъ сводомъ заявленій какія будутъ сдѣланы на Съѣздѣ. Этимъ была бы устранена волокита заявленій участниковъ Съѣзда по разнымъ совершенно излишнимъ въ немъ инстанціямъ. По словамъ г. Лоранскаго, „передача рѣшеній отдѣленій въ общее собраніе Съѣзда есть правило практикуемое на всѣхъ Съѣз-

дахъ, и отступать отъ него не было достаточныхъ основаній членамъ Торгово-Промышленнаго Съѣзда." Но можно думать что организаціонная коммиссія изъ представителей московской торговли и промышленности не согласится съ такимъ мнѣніемъ. Не все то что могло имѣть смыслъ на другихъ бывшихъ Съѣздахъ можетъ быть пригодно и для предстоящаго Московскаго Съѣзда. На Съѣздахъ горнозаводчиковъ, сахароваровъ, овцеводовъ, когда такіе Съѣзды распадаются, напримѣръ, на отдѣленія по мѣстностямъ производства, пересмотръ общимъ собраніемъ заявленій сдѣланныхъ въ каждомъ отдѣленіи есть дѣло понятное и полезное въ видахъ соглашенія противорѣчивыхъ интересовъ въ одномъ и томъ же общемъ дѣлѣ. Но для чего можетъ быть нуженъ на Московскомъ съѣздѣ пересмотръ заявленій фабрикантовъ и заводчиковъ людьми интересующимися, напримѣръ, почтовыми и телеграфными сношеніями, авторами докладовъ о денежномъ обращеніи, о вексельныхъ курсахъ, объ ипотечномъ кредитѣ, о сельскомъ винокуреніи и т. д.? Какая можетъ быть польза отъ пересмотра заявленій льняныхъ фабрикантовъ сахароварами, водочными и табачными фабрикантами и, наоборотъ, заявленій сахароваровъ представителями филатуръ? Все должно дѣлаться по какой-нибудь разумной причинѣ и для какой-нибудь полезной цѣли. Но проектированный Обществомъ для Содѣйствія Промышленности и Торговлѣ формализмъ занятій Торгово-Промышленнаго Съѣзда не находитъ оправданія ни въ причинѣ, ни въ цѣли. Это форма ради формы, форма не помогающая дѣлу, а тормозящая и парализующая его движеніе, какъ пятое колесо въ телѣгѣ.

№ 146.

Москва, 27-го мая.

А.

Мы идемъ быстро путемъ прогресса. Теперь и въ церковное управленіе вторгается интрига посредствомъ печати. Это тоже характеристическая черта нынѣшняго дня. Что будетъ дѣлать архіерей въ котораго уличные негодяи будутъ бросать грязью если не каменьями? Какъ служитель Христовой церкви онъ долженъ терпѣливо переносить оскорбленія; онъ не пойдетъ считаться съ оскорбителями, не будетъ привлекать ихъ къ отвѣтственности. Но каково же состояніе того общества гдѣ могутъ безпрепятственно и безнаказанно совершаться подобныя безчинства?

Предметомъ ожесточеннѣйшихъ, непрерывныхъ, систематическихъ нападеній печати сталъ одинъ изъ достойнѣйшихъ предстоятелей Россійской церкви. Мы говоримъ объ интригѣ противъ московскаго архипастыря. Предметъ интриги уже изобличаетъ всю ея безсовѣстность. Не находя къ чему прицѣпиться въ его жизни и дѣятельности, она тѣмъ наглѣе въ своемъ голомъ злословіи. Безукоризненная чистота жизни, въ которой и малѣйшее пятно, *верху горы*, не могло бы укрыться отъ взора, возвышенный характеръ, христіанское безкорыстіе, ученые труды по богословію и исторіи, поставившіе его имя высоко среди церковныхъ писателей; наконецъ его свѣтлый умъ, его просвѣщенный патріотизмъ и государственное разумѣніе, напоминающее его великаго предмѣстника митрополита Филарета, — все, независимо отъ его высокаго сана, должно было бы самой интригѣ, какъ она ни безсовѣстна, внушать по крайней мѣрѣ разборчивость въ средствахъ. Интрига свила себѣ гнѣздо въ самой Москвѣ. Подъ видомъ консервативнаго, якобы преданнаго Церкви листка, издается газета исключительно въ видахъ этой постыдной интриги, непріязненной не только къ нашему архипастырю, но и къ Русской церкви вообще. Этотъ листокъ носитъ названіе *Востока* и въ Москвѣ служитъ органомъ Фанара...

Признаемся, мы также мало довѣряемъ нашимъ такъ-называемымъ консервативнымъ какъ и либеральнымъ органамъ. Просимъ припомнить блаженной памяти *Вѣсть*, которая играла столь печальную роль въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Ханжество которымъ прикрывается *Востокъ*, нисколько не лучше тѣхъ пышныхъ принциповъ цивилизаціи и права собственности какими украшала себя *Вѣсть*, подкапываясь подъ только-что установившуюся русскую національную политику въ Западномъ краѣ. Не много нужно зоркости чтобы въ выходкахъ *Востока* усмотрѣть другую интригу, которая сталкивается съ русскими

интересами на Востокѣ, злоупотребляя для своихъ цѣлей священнымъ именемъ Церкви и извращая характеръ православія фальшивою идеей папизма, не допускаемаго самымъ духомъ нашей Церкви. Ненависть этой интрижной газетки возбуждена главнымъ образомъ тою церковною политикой на Востокѣ которой держалась Россія, между прочимъ, по совѣту высокопреосвященнаго Макарія. Чтобъ убѣдиться въ источникѣ злобы довольно прочесть слѣдующія строки:

„Точно также извѣстно чью сторону держалъ преосвященный Макарій въ греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ причинившемъ такую скорбь въ православномъ мірѣ и чѣмъ могъ бы грозить нашей церкви этотъ вопросъ еслибы записка преосвященнаго Макарія принимавшая сторону Болгаръ схизматиковъ, посланная въ Константинополь, была бы представлена вселенскому патріарху.“

Итакъ, въ Москвѣ, средоточіи русскаго православія, осмѣливаются называть схизматиками Болгаръ, съ которыми мы пребываемъ въ полномъ церковномъ общеніи, несмотря на всѣ усилія интриги привлечь насъ къ непризнанному нами постановленію фанарскаго собора на которомъ Болгары были преданы анаѳемѣ.

Чтобы показать до чего доходитъ безстыдство личныхъ нападеній на нашего владыку, мы не можемъ не привести слѣдующихъ строкъ:

„Правда что высокопреосвященный Макарій пожертвовалъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ *гласно* двѣсти тысячъ на дѣла благотворенія или лучше сказать на преміи за ученыя сочиненія, но думаемъ что благотворенія митрополита Филарета, которыя онъ *дѣлалъ тайно* и рѣдко явно, далеко превышаютъ 200.000 даръ митрополита Макарія.“

Высокопреосвященному Макарію ставится въ вину даже то что онъ пожертвовалъ на общую пользу все стяжаніе доставленное ему его учеными трудами. Злоба нашла возможнымъ даже и это поставить ему въ укоръ,—зачѣмъ де онъ сдѣлалъ это явно,—причемъ съ истинно іезуитскимъ пріемомъ, также какъ бы въ укоръ ему, замѣчается что митрополитъ Филаретъ быть-можетъ пожертвовалъ еще болѣе...

Духовенство города Москвы движимое негодованіемъ собиралось въ минувшую пятницу въ залѣ Епархіальной Библіотеки, въ числѣ болѣе пятисотъ человѣкъ, чтобы выразить одушевляющее его чувство въ адресѣ высокопреосвященному Макарію. Была назначена коммиссія для окончательной редакціи этого обращенія. Вчера, имѣла она свое засѣданіе, при чемъ стало извѣстно что владыка, освѣдомившись о намѣреніи духовенства, отклонилъ поднесеніе предположеннаго адреса. Сегодня духовенство, снова собравшись, выслушало докладъ предсѣдателя, которому владыка поручилъ передать духовенству его благодарность.

Б.

На дняхъ, въ венгерскомъ сеймѣ, ораторы оппозиціи нѣсколько разъ замѣчали что правительственная политика въ Босніи и Герцеговинѣ грозитъ рано или поздно вовлечь Австро-Венгрію въ рѣшительное столкновеніе съ Россіей, опасное „конечно не для послѣдней.“ „Не трогайте медвѣдя,“ говоритъ одинъ; „не уповайте слишкомъ много на берлинскую дружбу,“ подхватываетъ другой; „помните что еще недавно въ томъ же Берлинѣ не затруднялись говорить что интересы Германіи на Верхнемъ и Россіи на Нижнемъ Дунаѣ совершенно тождественны.“

Такъ или нѣтъ, но дѣйствительно между Россіей и Германіей поддерживаются добрыя сосѣдскія отношенія, старая исторически образовавшаяся дружба, которая выдержала всѣ испытанія.

Но никакія связи не могутъ быть прочны если они не основаны на взаимномъ уваженіи. Союзы, какъ бы тѣсны ни были, не могутъ упразднить обязанность государства заботиться о развитіи своей силы, которое точно также ведетъ къ упроченію мира. Si vis pacem, para bellum. Этой аксіомы въ Берлинѣ никогда не забывали.

Нѣсколько дней назадъ, спеціальная газета *Deutsche Heeres-Zeitung* сообщала что въ военныхъ кругахъ Берлина снова усиленно заговорили о развитіи фортификаціонныхъ сооруженій вдоль восточной границы Германіи, начиная съ Данцига, который долженъ де сдѣлаться первоклассным военнымъ портомъ, одинаково сильнымъ и съ сухаго пути, и съ моря. „Этотъ проектъ, по словамъ нѣмецкой военной газеты, уже давно существуетъ, но исполненію его не придавали до послѣдняго

времени должнаго значенія.“ „Если теперь взглянули на дѣло иначе, доказываетъ *Кельнская Газета*, то именно потому что и Россія обратила вниманіе на свою западную границу.“ Можетъ-быть это и дѣйствительно такъ, но Германія всегда старалась и успѣвала въ развитіи своего могущества, своихъ вооруженій, своей военной готовности идти не позади, а впереди другихъ. Если на укрѣпленія Данцига обращалось до сихъ поръ меньше вниманія, если это откладывалось, то не потому ли, прежде всего, что вниманіе Германіи было отвлечено въ другую сторону, на созданіе сильнаго флота, которому Данцигъ долженъ будетъ служить вторымъ, восточнымъ, *гнѣздомъ?* И Германія успѣла въ этомъ.

Въ январѣ этого года вышелъ русскій переводъ сочиненія Альтмайера, *Война на морѣ*, изданный по распоряженію нашего морскаго министерства. Въ одномъ изъ примѣчаній къ переводу (стр. 176), между прочимъ, сказано: „можно безошибочно полагать что къ 1863 году Германія займетъ можетъ быть второе, а не второе такъ третье мѣсто, между флотами военныхъ державъ.“ Этого мало. Нѣсколькими строками выше говорится что въ нѣмецкомъ флотѣ мобилизація подготовлена не только не хуже, но едвали даже не лучше чѣмъ въ сухопутныхъ войскахъ: „германскіе порты устроены такимъ образомъ что могутъ мобилизовать флотъ въ продолженіе *пяти* дней.“ Въ Килѣ все направлено къ этому, причемъ не стѣснялись ни финансовыми, ни техническими соображеніями. „Рельсовые пути соединяютъ всѣ магазины порта и даже его набережныя съ германскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ.“ Не забыта ни одна мелочь: выработанъ даже, *на основаніи опыта*, способъ скорѣйшей погрузки угля на паровыя суда.

Но крѣпости, сухопутная армія и флотъ не составляютъ еще всего что нужно для обезпеченія военнаго могущества страны. Нужны деньги и вполнѣ развитая, не зависящая отъ иностранцевъ промышленность. Крахъ послѣдовавшій за эпохою *грюндерства* послѣ Франко-Германской войны повредилъ германской промышленности, и вотъ имперское правительство напрягаетъ всѣ усилія чтобы поднять и двинуть впередъ промышленность: Германія вводитъ у себя высокій покровительственный тарифъ и устанавливаетъ „боевыя пошлины.“ Половина дѣла сдѣлана. Теперь ищутъ новыхъ рынковъ, и въ этомъ дѣлѣ ничѣмъ не стѣсняются: не остановила даже дружба съ Австро-Венгріей. Германія спѣшитъ развить свои торговыя связи въ той самой Турціи торговля которой должна де входить въ сферу австрійскихъ интересовъ. „Готардская дорога, говорятъ нѣмецкія газеты, сократила для Нѣмцевъ пути на Востокъ и этимъ надлежитъ немедленно воспользоваться.“ Починъ принадлежитъ, какъ и во всемъ, правительству. Торговый людъ въ Вѣнѣ серіозно озабоченъ этими замыслами, и торговыя палаты обсуждаютъ теперь какія слѣдовало бы принять мѣры для сохраненія за Австро-Венгріей прежняго значенія въ торговлѣ съ Турціей. Не такъ поступаемъ мы: наши тарифы и таможенный и желѣзнодорожный направлены къ удовлетворенію отнюдь не нашихъ интересовъ...

Германскій дѣлецъ проникаетъ всюду: онъ реформируетъ турецкую армію и администрацію, онъ готовится захватить въ свои руки даже турецкій флотъ; ему принадлежитъ первый голосъ въ офиціальныхъ и неофиціальныхъ совѣтахъ Порты. Въ результатѣ выходитъ что Берлинъ чрезъ Вѣну тѣсно связанъ и съ Константинополемъ, и съ Букурештомъ

Въ 1866 году, во время войны съ Австро-Венгріей за первенство въ Германіи, Прусаки сумѣли притянуть на свою сторону симпатіи Венгерцевъ. И это сдѣлалось не случайно, а вслѣдствіе предварительныхъ разчетовъ и мѣръ. Имѣть на своей сторонѣ населеніе или по крайней мѣрѣ вліятельную, предпріимчивую, дѣловую часть его, въ военномъ отношеніи очень важно. Въ Привислинскомъ краѣ, гдѣ въ мѣстностяхъ сосѣднихъ съ Германіей не мало чисто нѣмецкихъ элементовъ, гдѣ если и не весь народъ, то высшіе его классы и городское населеніе не могутъ внушать намъ особаго довѣрія, мы отвращаемъ отъ себя населеніе, до сихъ поръ всегда бывшее на нашей сторонѣ, нѣсколько милліоновъ Евреевъ, въ рукахъ которыхъ почти вся торговля и бо́льшая часть промышленности края... Любопытно прослѣдить исторію анти-еврейской агитаціи. Членъ германскаго парламента, г. Вирховъ, проѣхавшій по Россіи во время первыхъ еврейскихъ погромовъ, съ большою настойчивостью заявлялъ въ рейхстагѣ, что

это движеніе перешло въ Россію изъ Германіи, что именно оттуда былъ данъ сигналъ къ безпорядкамъ... Дѣйствительно, анти-семитское движеніе возникло первоначально въ Германіи, но тамъ это была только академическая агитація которая и прекратилась сама собою какъ только вспыхнулъ пожаръ въ податливой на всякую интригу Россіи...

№ 147.

Москва, 28-го мая.

А.

По распоряженію министра Юстиціи, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* опубликована окончательно установленная особымъ совѣщаніемъ образованнымъ при Министерствѣ Юстиціи редакція проекта вексельнаго устава ко внесенію въ Государственный Совѣтъ въ предстоящую законодательную сессію. Проектъ этотъ перепечатывается въ нашей газетѣ начиная съ нумера 139.

Необходимость кореннаго измѣненія дѣйствующихъ у насъ со временъ Сперанскаго кодексовъ ощущается какъ насущная потребность нашей экономической жизни съ того самаго дня какъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости измѣнило всѣ условія нашего гражданскаго быта. Упраздненіе Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи было важнѣйшимъ шагомъ къ тому чтобъ ускорить движеніе нашего законодательнаго аппарата. Функціи Втораго Отдѣленія перенесены на Государственную Канцелярію, находящуюся въ непосредственной связи съ Государственнымъ Совѣтомъ. Чрезъ это устранилась въ значительной степени возможность прежнихъ замедленій которыя главнымъ образомъ происходили отъ того что Второе Отдѣленіе разсматривало и разрабатывало законопроекты независимо отъ Государственнаго Совѣта и часто присвоивало себѣ функціи послѣдняго, причемъ однако каждый законопроектъ въ концѣ концовъ поступалъ въ это учрежденіе и здѣсь вновь подвергался коренной переработкѣ часто съ возвращеніемъ проектовъ въ министерства или особыя коммиссіи для дополненій и передѣлокъ согласно съ указаніями Государственнаго Совѣта.

Ровно полстолѣтіе тому назадъ былъ изданъ, вмѣстѣ съ другими законами торговаго судоустройства и судопроизводства, дѣйствующій до сихъ поръ, безо всякихъ измѣненій, вексельный уставъ. Если принять во вниманіе что вексель есть главное орудіе торговаго кредита, и что въ силу этого оно есть обязательство не совпадающее съ предѣлами отдѣльнаго государства; если припомнимъ какое колоссальное развитіе получилъ въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ международный торговый оборотъ благодаря повсемѣстному приложенію пароваго двигателя и изобрѣтенію электрическаго телеграфа, то легко понять какъ мало пригодны для современныхъ нуждъ торговли и торговаго кредита законодательныя нормы о вексельныхъ обязательствахъ изданныя въ 1832 году. Потребность изданія новаго вексельнаго устава была признана *двадцать лѣтъ тому назадъ*. Одновременно съ разработкой основныхъ положеній судебной реформы, по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, при бывшемъ Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи была учреждена особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ законовъ о векселяхъ. Въ 1866 году коммиссіей этою былъ изготовленъ проектъ новаго устава о векселяхъ. По *Правительственному Сообщенію*, при начертаніи этого устава „были приняты во вниманіе отзывы и замѣчанія купечества главнѣйшихъ торговыхъ городовъ Имперіи.“ Тѣмъ не менѣе проектъ поступилъ не на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, а „на разсмотрѣніе Министерства Юстиціи, гдѣ онъ былъ подвергнутъ подробному соображенію и пересмотру въ связи съ заключеніями биржевыхъ комитетовъ по вопросу о международномъ соглашеніи по вексельному законодательству.“ Въ *Сообщеніи* не сказано сколько на этотъ новый пересмотръ потребовалось времени. Но такъ какъ первый проектъ Втораго Отдѣленія уже былъ изготовленъ въ 1866 г., то оказывается что „подробныя соображенія и пересмотръ“ производимыя затѣмъ Министерствомъ Юстиціи потребовали шестнадцать лѣтъ. Изъ имѣющихся у насъ подъ руками по этому предмету данныхъ оказывается что проектъ Втораго Отдѣленія, по изготовленіи онаго, на основаніи отзывовъ и замѣчаній купечества глав-

нѣйшихъ торговыхъ городовъ Имперіи, былъ вновь препровожденъ въ Московскій Биржевой Комитетъ, который представилъ свои замѣчанія на него въ 1870 году, и согласно этимъ замѣчаніямъ проектъ былъ дополненъ и передѣланъ. Но и затѣмъ прошло не мало времени, а уставъ о векселяхъ все еще оставался въ стадіи „предварительной переработки." Вопросъ о международномъ соглашеніи по вексельному законодательству, о коемъ упоминается въ *Правительственномъ Сообщеніи* отъ 19 мая, возникъ лишь въ 1879 году. Соглашеніе это не состоялось до сихъ поръ, и едва ли можетъ состояться.

Этотъ вопросъ о международномъ соглашеніи самъ по себѣ очень любопытенъ. 31 августа 1879 Московскимъ Биржевымъ Комитетомъ получено было предложеніе отъ министра Финансовъ, въ коемъ сказано что „изъ Министерства Иностранныхъ „Дѣлъ сообщена Министерству Финансовъ „переданная германскимъ посломъ памят„ная записка по возникшему предположе„нію о международномъ соглашеніи по за„конодательству о векселяхъ. Въ запискѣ „этой указывается на необходимость уста„новленія общаго законодательства по „вексельному праву въ государствахъ на„ходящихся между собою въ частыхъ тор„говыхъ сношеніяхъ и предлагается при„нять въ основаніе этого законодательства „германскій вексельный уставъ. Австро„Венгерское правительство, съ которымъ „Германія вошла въ сношеніе по вопросу „о вексельномъ правѣ, присоединяется къ „этому предположенію. Затѣмъ попытки „о подобномъ же соглашеніи сдѣланныя „германскими дипломатическими агентами „въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, Бернѣ и „Римѣ, встрѣтили также благопріятный „пріемъ."

Московскій Биржевой Комитетъ, разсмотрѣвъ вопросъ только съ технической стороны, возразилъ что хотя весьма желательно принятіе во всѣхъ государствахъ имѣющихъ между собою постоянныя торговыя сношенія *одинаковыхъ главныхъ основаній* для вексельнаго законодательства, но что введеніе въ Россіи германскаго вексельнаго устава во всей его цѣлости, какъ того домогается Германія, совершенно неудобно.

Послѣдующій опытъ доказалъ что предложеніе Германіи такъ и осталось въ области „благихъ намѣреній," ибо никакой „особой международной коммиссіи изъ представителей разныхъ правительствъ" для разработки общеобязательнаго вексельнаго устава по образцу германскаго учреждено не было, а напротивъ извѣстно что съ тѣхъ поръ въ двухъ странахъ изъ числа тѣхъ кои будто бы благопріятно приняли предложеніе Германіи, а именно въ Даніи и Швейцаріи, были затѣмъ изданы свои вексельные уставы, не сходные во многомъ ни между собою, ни съ вексельнымъ уставомъ Германіи, но представляющіе значительныя усовершенствованія сравнительно съ послѣднимъ, получившимъ силу закона для всей Германской имперіи лишь въ 1871 году.

Б.

Daily Chronicle сообщаетъ что 4 іюня, въ одномъ изъ домовъ на Сого (въ Лондонѣ), происходилъ митингъ „уполномоченныхъ" отъ нигилистовъ и американскихъ феніевъ „дабы обсудить полезность формальнаго союза между обѣими партіями, которыя, по мнѣнію ихъ основателей, обѣ стремятся къ полному и безусловному искорененію своихъ правительствъ." Одинъ какой-то русскій делегатъ изъ Москвы сказалъ что нигилисты теперь считаютъ въ своихъ рядахъ почти половину Россіи и могутъ де оказывать не малое вліяніе на ея иностранную политику. Они съ интересомъ слѣдили де за усиліями Ирландцевъ освободиться, но всегда считали *Британское правительство образцомъ того какое желали бы видѣть въ своей странѣ*. Они никогда де не покусятся подкапываться подъ конституцію Великобританіи, но полагаютъ что Ирландцы не пользовались тою свободой и правосудіемъ какими наслаждаются ихъ братья въ Англіи, Шотландіи и Вельсѣ. Затѣмъ говорилъ делегатъ отъ феніевъ, и послѣ нѣсколькихъ рѣчей рѣшено было что интересы обѣихъ партій требуютъ заключенія формальнаго союза, условія коего должны быть составлены четырьмя делегатами и представлены ими на утвержденіе своихъ главныхъ „правительствъ."

Сообщеніе это не лишено интереса. Оно, въ свою очередь, бросаетъ свѣтъ на сущность той крамолы которая у насъ работаетъ. Порченые и полоумные люди, это только порохъ и динамитъ употребляемый для взрывовъ, а руководитъ этимъ дѣ-

ломъ, очевидно, рука политическая. Феніи добиваются независимости Ирландіи, и въ этомъ смыслѣ враждуютъ противъ правительства Соединеннаго Королевства. Кого же россійскіе нигилисты хотятъ освободить отъ России? Посмотрите, они вовсе не такіе безумные анархисты какими являлись дѣятели крамолы въ лицѣ Рысаковыхъ и тому подобныхъ. Они, видите-ли, очень уважаютъ Британское правительство и желали бы такое же установить въ Россіи. Это немножко рознитъ съ ходячими мнѣніями о нашей крамолѣ. Эти господа нигилисты оказываются любителями „праваго порядка“ и ихъ благожеланія могли бы, безо всякой помѣхи, появиться въ *Голосѣ* или *Вѣстникѣ Европы*. Мы увѣрены что эти господа, какъ впрочемъ и сами они заявляютъ въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ, готовы съ удовольствіемъ наименовать *всеуврачивающее учрежденіе* и земскимъ соборомъ. Да и чѣмъ бы это не названіе? Не все ли равно: сеймъ, дума, парламентъ? лишь бы выбить нашу Ѳедору изъ колеи...

Исторія съ земскими соборами ярко показываетъ какъ легко въ интеллигентныхъ сферахъ нашего любезнаго отечества возбуждать разные „токи“ и „вѣянія.“ Мы показали образчикъ благонамѣренной болтовни о предметахъ государственнаго устройства. Одной благонамѣренности недостаточно для того чтобъ уберечься отъ обмана и не попасть въ его сѣти. Надобно положить зарокъ на свой языкъ и перо, и если кто владѣетъ общественнымъ словомъ, тотъ, особенно въ смутную пору какова теперешняя, не долженъ бросать сужденія о политическихъ предметахъ безъ достаточной обдуманности и зрѣлаго убѣжденія. Надобно пуще всего бояться фразы: наркотизмъ фразы всего вреднѣе дѣйствуетъ на умъ и благонамѣренныхъ живьемъ отдаетъ въ руки интриги.

Фраза бѣдовое дѣло: упившись ею можно очутиться невѣдомо гдѣ и проснуться въ омерзительныхъ объятіяхъ...

№ 148.

Москва, 29-го мая.

Прошло уже десять дней со времени открытія Промышленно-Художественной Выставки, но посѣщающая ее публика и понынѣ очень мало подвинулась въ ознакомленіи съ выставленными предметами. Огромное большинство посѣтителей до сихъ поръ не столько осматриваетъ Выставку сколько бродитъ по занимаемымъ сю обширнымъ помѣщеніямъ, теряясь въ нихъ, останавливаясь лишь на томъ что случайно бросается въ глаза, часто попадая не туда куда бы хотѣлось и не находя того что особенно могло бы заинтересовать ее. Обстоятельный, систематическій обзоръ Выставки, съ цѣлію сравнительной оцѣнки однородныхъ предметовъ, и въ десятый день Выставки почти также невозможенъ какъ въ первый. Иные наклонны ставить это въ вину экспонентамъ: они де недостаточно заботятся объ ознакомленіи публики съ ихъ издѣліями, вмѣсто того чтобы старательно афишировать ихъ и толковою устною бесѣдой съ публикой, и безплатною раздачей объяснительныхъ брошюръ и записокъ которыя объясняли бы назначеніе и преимущества выставленныхъ предметовъ. Но едва ли недостатокъ рекламъ препятствуетъ ознакомленію съ Выставкой, и сомнительно чтобы соперничество экспонентовъ по рекламной части могло содѣйствовать такому ознакомленію публики съ выставленными издѣліями которое соотвѣтствовало бы цѣлямъ Выставки. Желательно чтобы публика сама, а не по рекламамъ оцѣняла представленное ея вниманію, чтобъ она съ полнымъ удобствомъ могла въ каждомъ отдѣлѣ осматривать и сравнивать все выставленное, а не то только что ей рекомендуютъ, что для нея подчеркиваютъ. Желательно чтобы случайность помѣщенія какого-нибудь издѣлія на менѣе проходномъ, бойкомъ и видномъ мѣстѣ не оставляла его въ тѣни, къ обоюдному ущербу и публики, и экспонента. Желательно чтобы, пользуясь планомъ Выставки и ея *Указателемъ*, каждый посѣтитель не блуждая по лабиринту павильоновъ, концентрическихъ и соединительныхъ галлерей, могъ сразу направляться куда ему нужно и, не теряя лишняго времени, не разбрасываясь по сторонамъ, находить, безъ пропуска, одно за другимъ, помѣщенія всѣхъ тѣхъ экспонентовъ чьи издѣлія хочетъ онъ осмотрѣть. Нельзя сказать чтобы доставленіе публикѣ такихъ удобствъ осмотра было задачей неисполнимою, нельзя признать такую задачу даже очень трудною. Правда, для исполненія ея до сихъ поръ почти ничего не сдѣ-

лано; можетъ-быть она, за другими хлопотами, была на первыхъ порахъ совсѣмъ упущена изъ виду. Но была бы охота, а есть и время, и возможность восполнить упущенное.

Какъ уже было не разъ замѣчено, ни планъ Выставки, ни ея *Указатель*, въ томъ видѣ какъ они имѣются на лицо, не даютъ возможности оріентироваться въ выставочныхъ зданіяхъ въ той мѣрѣ какъ требуется обоюдными интересами публики и экспонентовъ. Не только тѣсной, но почти никакой связи между планомъ и *Указателемъ* нѣтъ. *Указатель* не служитъ объясненіемъ плана, планъ не указываетъ гдѣ именно найти то что значится въ *Указателѣ*. Издатели плана и *Указателя* могутъ, конечно, гордиться тѣмъ что выпустили ихъ въ свѣтъ ко дню открытія Выставки, тогда какъ на другихъ выставкахъ появленіе указателей обыкновенно много запаздывало. Но посѣтители Выставки мало выиграли отъ аккуратности издателей по отношенію къ сроку выхода изъ изданій. Вопервыхъ, изданный *Указатель* былъ до сихъ поръ на Выставкѣ чуть не библіографическою рѣдкостью; вовторыхъ, въ первомъ изданіи, кромѣ неполноты, онъ отличался еще тѣмъ недостаткомъ что заставлялъ иногда публику искать на Выставкѣ чего на ней вовсе не имѣлось. Все это, какъ обѣщаютъ, будетъ исправлено при второмъ изданіи *Указателя*, которое должно появиться на дняхъ. Но чтобъ это новое изданіе его дѣйствительно получило характеръ руководителя по Выставкѣ, помогало оріентироваться на ней, необходимо чтобъ оно дополнялось не однимъ общимъ планомъ Выставки, а нѣсколькими спеціальными планами его отдѣловъ. Изготовить такіе спеціальные планы, обозначить на нихъ помѣщенія разныхъ экспонентовъ тѣми цифрами подъ которыми они значатся въ *Указателѣ*, дѣло не особенно сложное и трудное, и едвали очень дорогое. Между тѣмъ съ такими спеціальными, согласованными съ *Указателемъ*, планами въ рукахъ, каждый серіозный посѣтитель Выставки могъ бы еще сидя у себя дома отмѣтить что именно будетъ онъ смотрѣть въ такой-то день, и *Указатель*, благодаря такимъ планамъ, сдѣлался бы для публики Аріадниною нитью въ лабиринтѣ Выставки.

Серіозному ознакомленію съ Выставкой, обстоятельной сравнительной оцѣнкѣ того что на ней есть,—оцѣнкѣ которая могла бы служить дополненіемъ и частію регулятивомъ офиціальной экспертизы, — мѣшаетъ, впрочемъ, не одно отсутствіе спеціальныхъ плановъ по разнымъ отдѣламъ, не позволяющее хорошенько въ нихъ оріентироваться. Не малою помѣхой служитъ также самое распредѣленіе многихъ предметовъ по отдѣламъ, причемъ однородное далеко не вездѣ сгруппировано, а часто представляется разбросаннымъ по разнымъ мѣстамъ. Такъ, напримѣръ, въ группѣ „научно-учебныхъ произведеній,“ посѣтитель находитъ многое однородное съ тѣмъ что встрѣчается въ другихъ далеко стоящихъ отъ нея группахъ и часто недоумѣваетъ почему нѣкоторые предметы, состоящіе съ наукой точь въ точь въ такой же связи какъ и вообще все помѣщенное на Выставкѣ, нашли себѣ мѣсто именно въ научно-учебномъ, а не въ другихъ отдѣлахъ. Еще въ большей мѣрѣ затрудняется изученіе и сравненіе выставленныхъ предметовъ группировкой въ одну компактную массу разнообразныхъ издѣлій присланныхъ на Выставку изъ привислинскихъ губерній. Для чего, въ какихъ видахъ и интересахъ найдено было за лучшее помѣстить эти издѣлія отдѣльно, а не рядомъ съ соотвѣтственными издѣліями прочихъ русскихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, это трудно понять. Боялись ли за привислинскихъ экспонентовъ что ихъ издѣлія не произведутъ на публику выгоднаго впечатлѣнія при близкомъ сосѣдствѣ издѣлій прочихъ русскихъ экспонентовъ, или, наоборотъ, опасались что эти послѣднія померкнутъ какъ звѣзды передъ солнцемъ отъ постановки рядомъ издѣлій привислинскихъ? Ни того, ни другаго предполагать нельзя. Но къ чему же въ такомъ случаѣ служитъ на Всероссійской Выставкѣ это обособленіе отдѣльной промышленной выставки Царства Польскаго? Оно положительно неудобно какъ для публики, такъ и для экспонентовъ. Кому же хотѣли имъ польстить, для кого и для чего оно сдѣлано? Вообще на выставкѣ имѣющей общепромышленный, а не этнографическій характеръ, и носящей наименованіе Всероссійской, производитъ нѣсколько странное и невыгодное впечатлѣніе сформированіе особыхъ отдѣловъ Привислинскаго, Финляндскаго, Кавказскаго и Туркестанскаго. Почему бы ужь не идти дальше и не устроить особыхъ отдѣловъ

Московскаго, Петербургскаго, Сибирскаго, Балтійскаго и т. д.? Каждый изъ нихъ, вѣроятно, могъ бы фигурировать на Выставкѣ съ неменьшею честію чѣмъ тѣ отдѣльная организація коихъ допущена...

№ 150.

Москва, 31-го мая.

Помѣщаемъ сегодня сочувственную намъ статью „Отца семейства,“ которая касается одной изъ незаживших еще ранъ нанесенныхъ нашему обществу нигилизмомъ съ помощью высшей администраціи. Рана эта — такъ-называемый *русскій женскій вопросъ*, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ что называется женскимъ вопросомъ въ другихъ странахъ Европы и Америки. Тамъ этотъ вопросъ возникъ самъ собою изъ желанія улучшить общественное положеніе и образованіе женщины; у насъ эта цѣль служила лишь прикрытіемъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ усилія нигилизма были направлены къ систематическому *развращенію* женщины, съ тѣмъ чтобы превратить ее въ слѣпое орудіе политической интриги и чрезъ нее разрушить семью. Въ Европѣ и въ Америкѣ рѣшеніе женскаго вопроса не обходилось, правда, безъ нѣкоторыхъ эксцентричныхъ явленій и „эманципированныя“ дамы не всегда бывали симпатичны, но никогда и нигдѣ онѣ не доходили до того возмутительнаго безобразія, до какого сразу доспѣли тѣ несчастныя существа которыя въ Россіи, въ Женевѣ и Цюрихѣ стали извѣстны подъ почетнымъ титуломъ „русскихъ нигилистокъ.“

Пропаганда увѣнчалась дѣйствительно неожиданно быстрымъ успѣхомъ: не прошло и пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ въ *Современникѣ* началась проповѣдь нигилизма какъ уже въ столицахъ и провинціи стали появляться столь знакомые намъ всѣмъ стриженые уроды, порвавшіе всякую связь съ семьей и обществомъ и отказавшіеся отъ всякой чистоплотности. Прошло еще пять лѣтъ, и эти несчастныя существа стали уже въ видѣ „героинь“ фигурировать въ различныхъ судебныхъ процессахъ.

Этимъ невѣроятно блестящимъ успѣхомъ наши нигилисты обязаны были правительственнымъ лицамъ, которыя какъ косвеннымъ, такъ и прямымъ образомъ, оказывали дѣятельную поддержку безобразному направленію „женскаго вопроса.“ Цензура одобряла писанія нигилистовъ, требовавшихъ развращенія русской женщины. Министры спокойно взирали на тѣ ужасные результаты которые всюду проявлялись вслѣдствіе быстрой популяризаціи разврата посредствомъ печати, подкрѣплявшейся устною пропагандой „развивателей,“ то-есть молодыхъ людей, гимназистовъ и студентовъ, попавшихъ въ сѣти того же патентованнаго нигилизма. Были приняты даже прямыя мѣры къ узаконенію „женскаго вопроса,“ и его жертвамъ было предоставлено особое отъ прочихъ женщинъ почетное общественное положеніе. „Отецъ семейства“ припоминаетъ и исторію женскихъ врачебныхъ курсовъ при военномъ вѣдомствѣ. Военное Министерство взялось готовить акушерокъ, а затѣмъ и врачей-женщинъ!

Послѣ ужасной катастрофы 1 марта, раскрывшей наконецъ всѣмъ намъ глаза, правительственная пропаганда нигилизма должна была прекратить свою дѣятельность. Медико-Хирургическая Академія преобразована въ Академію Военно-Медицинскую, и существовавшіе при ней женскіе курсы закрыты. Такимъ образомъ фальшивый „женскій вопросъ“ потерялъ ту легальную почву на которой онъ такъ долго развивался.

Но вотъ неожиданно на помощь къ нему явилась Петербургская городская дума, обѣщающая принять женскіе врачебные курсы подъ свое попеченіе и ассигновать на нихъ ежегодно 15.000 рублей. Нѣкоторые представители губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраній также предлагаютъ содѣйствовать, на земскій счетъ, различными способами образованію женщинъ-врачей; наконецъ, общество врачей одной губерніи заявило черезъ *Голосъ* о томъ что оно жертвуетъ единовременно *сто пятьдесятъ рублей* (sic) на дальнѣйшее существованіе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Изо всего этого видно что снова поднимается агитація съ тою цѣлью чтобы въ вопросѣ о высшемъ женскомъ образованіи сбить съ толку общество и правительство. Мы увѣрены что многіе благонамѣренные люди, не зная сущности этого дѣла, легко могутъ поддаться на тѣ громкія фразы которыя пускаются въ ходъ агитаторами по поводу „женскаго вопроса,“ а потому мы считаемъ нужнымъ представить этотъ вопросъ въ истинномъ его видѣ.

Женщина въ принципѣ имѣетъ одинаковое съ мущинами право на образованіе. Но пріобрѣтать образованіе она очевидно можетъ лишь тѣмъ самымъ путемъ какимъ его пріобрѣтаютъ мущины. Если молодой человѣкъ тогда лишь съ успѣхомъ можетъ заниматься въ университетѣ наукой когда онъ предварительно прошелъ серіозную восьмилѣтнюю классическую школу, то очевидно что и женщина желающая приступить къ университетской наукѣ должна предварительно пройти ту же серіозную подготовительную школу какъ и мущина. Если женщина имѣетъ одинаковыя права на образованіе, то это прежде всего значитъ что она имѣетъ право учиться въ такихъ же ученыхъ школахъ каковы мужскія классическія гимназіи. Съ другой стороны, если правительство аттестуетъ лишь тѣхъ молодыхъ людей которые прошли опредѣленные гимназическіе и университетскіе курсы, предоставляя имъ затѣмъ свободную врачебную, юридическую и преподавательскую практику и открывая имъ доступъ къ государственной службѣ, то очевидно что на основаніи той же элементарной логики, правительство совершило бы вопіющую несправедливость, предоставивъ тѣ же права и преимущества женщинамъ не получившимъ классическаго образованія и получившимъ слѣдовательно лишь поверхностное университетское образованіе. Одинаковыя права значитъ одинаковыя обязанности, а между тѣмъ агитаторы „женскаго вопроса" краснорѣчиво толкуютъ лишь о томъ чтобъ уравнять *права* женщинъ на высшее образованіе съ правами мущинъ, а объ обязанностяхъ по отношенію къ этому образованію они умалчиваютъ. Въ этомъ именно заключается вся фальшь этой агитаціи, и этого, къ сожалѣнію, многіе не понимаютъ или не хотятъ понять.

Что для женщинъ классическое образованіе доступно въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ въ которыхъ оно сообщается въ нашихъ мужскихъ гимназіяхъ, это убѣдительнымъ образомъ доказываетъ существующая уже десять лѣтъ въ Москвѣ женская классическая гимназія, г-жи Фишеръ, гдѣ дѣвицы проходятъ полный курсъ мужскихъ классическихъ гимназій и подвергаются въ концѣ курса тѣмъ же самымъ выпускнымъ экзаменамъ которые производятся во всѣхъ мужскихъ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа. Опытъ наглядно доказалъ что воспитанницы женской классической гимназіи выдерживаютъ эти экзамены съ тѣмъ же, если не съ лучшимъ успѣхомъ, какъ и питомцы мужскихъ гимназій.

Итакъ не можетъ быть и рѣчи о томъ будто классическое образованіе для молодыхъ дѣвицъ по своей трудности недоступно. Оно не такъ доступно развѣ только потому что на всю Россію существуетъ лишь одна женская классическая гимназія. А потому, еслибъ агитація о высшемъ образованіи для женщины была правдой, а не обманомъ, то она прежде всего направилась бы на то чтобъ и подготовительное образованіе для женщины поставить въ равныя условія съ мужскимъ и стала бы хлопотать объ открытіи еще нѣсколькихъ женскихъ классическихъ гимназій на основаніяхъ Московской Фишеровской. Но агитаторы этого отнюдь не хотятъ...

Общедоступные, не требующіе даже подготовительнаго образованія высшіе женскіе курсы привлекаютъ въ Петербургъ громадное количество бѣдныхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя безъ этой лженаучной приманки спокойно сидѣли бы въ своихъ провинціальныхъ городахъ. Живя среди столичной дороговизны, эти несчастныя терпятъ „ради науки" (какъ онѣ себѣ воображаютъ) несказанныя бѣдствія и постепенно впадаютъ въ какое-то состояніе одичалости, съ утратой всякой женственности. Вотъ какъ описываетъ существованіе „курсистокъ" г-жа Цебрикова, одна изъ главныхъ виновницъ „женскаго вопроса," а потому хорошо знакомая съ этимъ дѣломъ:

„Большинство не имѣютъ никакого обезпеченія, или крайне ничтожное, которое надо пополнить заработкомъ. Заработокъ годъ отъ году становится скуднѣе, запросъ на него растетъ. Надрываться надъ работой и учиться—двойная затрата силъ, и сколько сламывается этихъ силъ. Число нервно-больныхъ растетъ, и доктора приписываютъ это преимущественно дурному питанію. Надо еще принять и то въ соображеніе что благодаря дурной подготовкѣ женскихъ учебныхъ заведеній, слушаніе высшихъ курсовъ требуетъ усиленнаго умственнаго напряженія. Высшее (?) образованіе покупается многими цѣною дорогихъ жертвъ. Эти сырые и холодные углы, гдѣ набиваются по три, по четыре слушательницы; нерѣдко одна постель на

троихъ, которою пользуются по очереди; этотъ, въ трескучій морозъ, пледъ поверхъ пальто, подбитаго вѣтеркомъ; эти обѣды грошовыхъ кухмистерскихъ, а зачастую колбаса съ черствымъ хлѣбомъ и чаемъ; эти безсонныя ночи надъ оплачиваемою грошами перепиской вмѣсто отдыха...“ (*Страна* № 54).

И для чего, спрашивается, всѣ эти ужасные труды и лишенія? Для того чтобы получить жалкія крохи поверхностнаго „высшаго образованія“ которыя за недостаткомъ подготовительнаго образованія въ прокъ не пойдутъ... И для этой жалкой мишуры приносятся въ жертву здоровье, молодость, женственность. Удивительно ли что при этихъ условіяхъ курсистки обнаруживаютъ грубость нравовъ, которая такъ наглядно проявилась въ скандалѣ недавно бывшемъ во время экзаменовъ на такъ-называемыхъ Бестужевскихъ курсахъ?

Давно пора бы намъ опомниться и положить конецъ этимъ чудовищнымъ явленіямъ, которыя потому только и пріобрѣли силу что имъ патронировали лженаправленныя дѣйствія высшей администраціи.

№ 151.

Москва, 1-го Іюня.

А.

Объявлена постепенная, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отмѣна подушной подати.

Если въ періодъ обсужденія крестьянской реформы, задолго до обнародованія Положенія 19 февраля 1861, признавалось что освобожденіе крестьянъ при одной отмѣнѣ крѣпостной зависимости, безъ преобразованія всей податной системы, будетъ дѣломъ не оконченнымъ. Уже въ то время признавалось что для завершенія дѣла освобожденія, за упраздненіемъ крѣпостнаго права должно послѣдовать и упраздненіе созданной при его господствѣ и подъ его вліяніемъ финансовой системы стѣсняющей русскій трудъ во всѣхъ его приложеніяхъ. Не въ суммѣ податныхъ сборовъ, не въ размѣрахъ подушнаго обложенія заключалось зло устарѣлой, отжившей свой вѣкъ системы, но главнымъ образомъ въ способахъ взысканія податей. Въ связи съ подушными сборами тяготѣли надъ народомъ финансовая круговая порука и паспортная система, благодаря которымъ и бывшіе помѣщичьи, и государственные крестьяне равно не могли считаться людьми свободными. Крѣпостное право было упразднено, но народъ оставался закрѣпощеннымъ въ силу податной системы со всею ея обстановкой. Устраненіе этого тормаза считалось одною изъ настоятельныхъ государственныхъ задачъ. Рѣшеніе ея, однако, откладывалось съ года на годъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій. Дѣло въ томъ что требовалось не просто почеркомъ пера отмѣнить подушные сборы, но замѣнить ихъ другими, слѣдовательно преобразовать систему нашихъ налоговъ, что было дѣломъ нелегкимъ. Предлагались разные проекты, но ни одинъ не оказался достаточно зрѣлымъ, и вопросъ такимъ образомъ оставался до послѣдняго времени не разрѣшеннымъ. Наконецъ, 25 марта 1879 года состоялось Высочайшее повелѣніе, вопреки мнѣнію податной коммиссіи о несвоевременности реформы, „приступить нынѣ же къ обсужденію предположеній объ отмѣнѣ сборовъ взимаемыхъ въ пользу Государственнаго Казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ.“

Покойному Государю не суждено было дожить до исполненія его повелѣнія. Но завѣщанная имъ воля исполняется нынѣ его Царственнымъ Преемникомъ.

Отмѣна подушныхъ сборовъ, въ силу состоявшагося указа, должна начаться съ 1 января предстоящаго 1883 года. На первый разъ прекращается взиманіе подушныхъ сборовъ съ мѣщанъ, съ приписныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ, съ бывшихъ дворовыхъ людей и съ крестьянъ получившихъ такъ-называемые даровые земельные надѣлы. Дальнѣйшій ходъ податной реформы будетъ зависѣть отъ успѣшности пріисканія финансовымъ вѣдомствомъ новыхъ доходовъ которые возмѣстили бы Государственному Казначейству тѣ суммы которыя получаетъ оно нынѣ отъ подушныхъ сборовъ. Только трудность пріисканія новыхъ источниковъ дохода задерживаетъ полную и немедленную отмѣну подушныхъ сборовъ. Нельзя ли обойтись безъ разсрочки, разомъ отмѣнивъ всѣ подушные сборы со всѣхъ податныхъ классовъ? Если дѣло пойдетъ путемъ постепеннаго уменьшенія податныхъ окладовъ, зло податной системы, заключающееся, какъ сказано, не столько въ размѣрахъ обложенія сколько въ путахъ

налагаемыхъ ею на трудъ, будетъ оставаться въ силѣ еще цѣлый рядъ лѣтъ; тягость новыхъ налоговъ установляемыхъ въ замѣнъ подушныхъ сборовъ во весь этотъ періодъ не будетъ въ полной мѣрѣ выкупаться общенародною пользой освобожденія русскаго труда. Нельзя ли обойтись безъ этого неудобства? Нельзя ли совершить реформу не дожидаясь пока будутъ пріисканы новые налоги на сумму равную всему итогу подушныхъ сборовъ?

Намъ кажется что это дѣло не совсѣмъ невозможное. По исчисленію Коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ (см. XVI томъ), государственная подушная подать доставляетъ казнѣ свыше 54 милліоновъ рублей. Вотъ на какую сумму должны быть пріисканы новые налоги. Часть ихъ, долженствующая покрыть тѣ подушные сборы которые отмѣняются съ 1 января, какъ надобно полагать, уже пріискана. Но затѣмъ 50-милліонная цифра все еще остается въ перспективѣ. Необходимо ли, однако, ждать пока вся эта цифра восполнится?

Есть возможность вычеркнуть пятьдесятъ милліоновъ изъ росписи государственныхъ доходовъ не нарушивъ бюджетнаго равновѣсія. Сто́итъ только вычеркнуть равную пятидесятимилліонную цифру изъ росписи расходовъ. А въ нашемъ бюджетѣ значится ежегодный расходъ именно въ 50 милліоновъ рублей который удобно можетъ быть совсѣмъ сокращенъ, или по крайней мѣрѣ отсроченъ на то число лѣтъ которое, по предположеніямъ, нужно для пріисканія новыхъ источниковъ могущихъ дать казнѣ подобную сумму. Разумѣемъ ежегодныя уплаты казной мнимаго долга Государственному Банку. Отъ этихъ уплатъ никто ничего не выиграетъ, отъ отсрочки ихъ никто ничего не потеряетъ. Между тѣмъ отсрочка ихъ дала бы возможность безотлагательно совсѣмъ отмѣнить подушные сборы со всѣми ихъ неудобствами. Реформа немедленно стала бы приносить ожидаемые отъ нея добрые результаты, и прогрессъ народнаго благосостоянія облегчилъ бы въ скоромъ времени исполненіе другихъ финансовыхъ задачъ требующихъ увеличенія государственныхъ доходовъ.

Б.

Опубликованный на дняхъ проектъ новаго устава о векселяхъ представляетъ собою лишь незначительную часть законодательныхъ работъ предпринятыхъ въ прошлое царствованіе съ цѣлью поставить торговую и промышленную жизнь въ болѣе удовлетворительныя и соотвѣтствующія современнымъ требованіямъ условія. Не только законы о векселѣ, этомъ торговомъ обязательствѣ по преимуществу, но и все наше торговое право, равно какъ и спеціальный торговый судъ регулируются донынѣ законами совершенно устарѣвшими и давно оставленными назади быстрымъ развитіемъ торговой жизни за прошедшее полстолѣтіе. Законы эти изданы ровно 50 лѣтъ тому назадъ и въ то время они принесли огромную пользу. Торговое право и торговое судоустройство и судопроизводство были выдѣлены и обособлены при первомъ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи въ 1832 году, и эти законы заключали въ себѣ весьма важныя отличія въ принципѣ отъ общаго строя установленнаго Сводомъ. Торговое судопроизводство было далеко не канцелярскимъ производствомъ; начало устности и состязательности было имъ признано въ значительной степени; торговыя дѣла велись предъ судомъ несравненно быстрѣе нежели прочія тяжбы; самыя формы торговыхъ обязательствъ, въ особенности по части судостроенія, мореплаванія и морскаго страхованія, были разработаны съ большею тщательностью и приведены въ полное соотвѣтствіе съ иностранными законодательствами по этому предмету; законы относительно торговаго банкротства и способа удовлетворенія кредиторовъ путемъ конкурса съ точностью и достаточною ясностью нормировали возникающія въ этихъ случаяхъ сложныя и запутанныя юридическія отношенія.

Но спустя тридцать лѣтъ наше торговое законодательство не только само по себѣ обветшало вслѣдствіе совершившихся въ это время колоссальныхъ переворотовъ въ мірѣ промышленности и торговаго оборота, но торговые суды и торговое судопроизводство потеряли свои преимущества, когда съ изданіемъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года былъ преобразованъ нашъ гражданскій процессъ. Коммерческій судъ оказался болѣе канцелярскимъ судомъ нежели прочіе гражданскіе суды. Споры о подсудности, возникавшіе прежде, клонились главнымъ образомъ къ тому чтобы по возможности расширить ком-

петенцію коммерческихъ судовъ; тяжущіеся, при добросовѣстности, всячески старались чтобы дѣло ихъ было разобрано торговыми трибуналами. Теперь наоборотъ: отводы о подсудности предъявляемые въ коммерческихъ судахъ клонятся большею частью къ тому чтобъ изъять свое дѣло изъ производства торговаго суда, ибо окружные суды имѣютъ возможность рѣшить дѣло быстрѣе и правильнѣе и что всего важнѣе они снабжены гораздо лучшими исполнительными органами для точнаго и непрекаемаго исполненія постановленныхъ ими рѣшеній, такъ какъ новые суды имѣютъ для этого своихъ приставовъ, тогда какъ коммерческіе суды до послѣдняго времени исполняли свои рѣшенія чрезъ посредство полиціи. Лишь весьма недавно сдѣлано въ этомъ отношеніи то улучшеніе что коммерческимъ судамъ предоставлено выдавать исполнительные листы которые приводятся въ исполненіе чрезъ судебныхъ приставовъ состоящихъ при окружныхъ судахъ. Другая временная и паліативная мѣра къ устраненію обнаружившихся на практикѣ тяжебныхъ неудобствъ заключалась въ томъ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Петербургскомъ и Московскомъ коммерческихъ судахъ, образованы особыя отдѣленія для вексельныхъ дѣлъ, и только благодаря этому взысканіе по векселю вновь получило, но только въ обѣихъ столицахъ, характеръ особенной строгости присвоенной этого рода денежному обязательству. До того же вексельныя взысканія производились, на основаніи торговаго устава, чрезъ управы благочинія существовавшія въ Петербургѣ и Москвѣ, такъ что должникъ по векселю находилъ гораздо болѣе способовъ уклониться отъ платежа, нежели должникъ по всякому иному денежному обязательству.

На все это, какъ сказано, давно уже обращено серіозное вниманіе, и коренное преобразованіе нашего торговаго права и судопроизводства уже много лѣтъ тому назадъ признано неотложною необходимостью. Однако дѣло и до сихъ поръ остается въ періодѣ „подготовительныхъ“ работъ. Труда потрачено не мало; но необходимое преобразованіе откладывается вслѣдствіе того что до сихъ поръ не разрѣшенъ, въ смыслѣ неоспоримаго положенія, главный вопросъ отъ котораго все остальное зависитъ, а именно о томъ слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ сохранить коммерческіе суды какъ совершенно самостоятельные отъ общихъ судебныхъ мѣстъ трибуналы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ они находятся теперь, то-есть въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кишиневѣ, Архангельскѣ, Таганрогѣ, Керчи и Новочеркасскѣ?

Вопросъ этотъ возникъ еще во время судебной реформы. Вскорѣ послѣ утвержденія этой реформы была образована въ 1864 году особая коммиссія предсѣдаемая статсъ-секретаремъ Бутковымъ, которая разрѣшила упомянутый вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Она пришла къ заключенію что торговыя дѣла должны быть обращены въ общія судебныя мѣста и что къ изданію особаго устава торговаго судопроизводства нѣтъ никакого повода, такъ какъ въ замѣнъ нынѣшняго порядка достаточно было бы постановить немногія правила, дабы общій уставъ гражданскаго судопроизводства сдѣлать вполнѣ примѣнимымъ для правильнаго и быстраго рѣшенія торговыхъ дѣлъ.

Эти заключенія встрѣтили однако сильное возраженіе не только въ средѣ купечества, но и со стороны Министерства Юстиціи, которое высказалось за сохраненіе существующихъ коммерческихъ судовъ съ полнымъ измѣненіемъ ихъ организаціи и порядка судопроизводства, согласно измѣнившимся потребностямъ времени. Въ 1871 году была по Высочайшему повелѣнію образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора В. В. Фриша, нынѣ товарища министра Юстиціи, для преобразованія устава коммерческаго судопроизводства. Въ коммиссію эту вошли между прочимъ два извѣстные спеціалиста по торговому праву А. А. Книримъ и Н. А. Туръ. Не далѣе какъ въ маѣ 1872 года коммиссія эта составила на основаніи предварительныхъ работъ А. А. Книрима полный проектъ устава торговаго судоустройства и судопроизводства, который былъ въ томъ же году разосланъ всѣмъ судамъ и всѣмъ представителямъ купечества. Замѣчанія полученныя отовсюду на проектъ занимаютъ цѣлый томъ убористой печати и приложены къ проекту, также отпечатанному, но не выпущенному въ публику.

Коммиссія сенатора Фриша пришла къ выводу діаметрально противоположному заключенію коммиссіи статсъ-секретаря Буткова, высказавшись рѣшительно за сохраненіе особыхъ торговыхъ трибуналовъ.

Соображенія обѣихъ коммиссій представляютъ значительный интересъ, также какъ и самый вопросъ къ которому мы не преминемъ возвратиться.

№ 152.

Москва, 2-го Іюня.

Въ самый разгаръ реформъ минувшаго царствованія оказалось у насъ присутствіе какого-то тайнаго общества, которое обнаруживало свою дѣятельность въ покушеніяхъ на цареубійство, въ чемъ наконецъ и успѣло. Не подлежитъ сомнѣнію что это злоумышленное общество не находится ни въ какой связи съ народомъ. Оно ничего другаго не хочетъ какъ разрушенія государственнаго порядка въ Россіи, то-есть ея разрушенія. Люди выступавшіе дѣятелями этого вражескаго заговора оказывались совершеннымъ ничтожествомъ: это были большею частію люди еще въ дѣтствѣ уловленные въ карбонарскую сѣть и настеганные на всякое безумство. Правительство поставлено было въ необходимость принимать мѣры противъ этого зла. То и дѣло слышалось о необходимости бороться съ нимъ, то и дѣло призывались и сословія и семейства къ содѣйствію правительству. Но какія же мѣры принимало правительство? Какъ оно дѣйствовало противъ зла которое всѣхъ заботило и приводило въ негодованіе? Хватая ничтожныхъ людей служившихъ исполнителями имъ самимъ невѣдомыхъ замысловъ, правительство само помогало фабриковать ихъ и исполняло требованія крамолы съ которою боролось. Оно не противодѣйствовало, а содѣйствовало ея видамъ. Каракозовъ и Березовскій стрѣляли въ то время когда правительство вышло на путь національной политики внутри государства. Отвѣтомъ на эти выстрѣлы было ослабленіе національной политики, что и требовалось интригой. Мѣры которыя принимались въ Западномъ краѣ были парализованы и извращены; люди которые работали тамъ надъ русскою государственною задачей были поруганы и изгнаны оттуда съ позоромъ. Русскому какъ тогда говорилось дѣлу, русскому патріотическому духу въ обществѣ, былъ самимъ же правительствомъ нанесенъ тяжелый ударъ. Спустя лѣтъ десять, когда снова въ русскомъ обществѣ возникъ патріотическій духъ, возбужденный событіями на Востокѣ и народнаго свойства войной, съ новою силой заявила о своемъ существованіи та же злоумышленная организація. Какъ бы въ поруганіе тогдашнему патріотизму, предъ изумленнымъ и негодовавшимъ народомъ, вдругъ начались публичныя демонстраціи революціоннаго характера и политическія убійства. Поразительный контрастъ: съ одной стороны всеобщее патріотическое одушевленіе народа, съ другой—явленія возможныя только въ странѣ объятой революціей! Въ это время, въ Сенатѣ, который еще именуется правительствующимъ, происходилъ знаменитый процессъ 193. Въ это время, при рукоплесканіяхъ петербургскаго общества и офиціальныхъ лицъ, судился петербургскій градоначальникъ за сдѣланное на него въ самомъ его домѣ нападеніе нигилисткой высланною революціоннымъ комитетомъ, а сама преступница чествовалась блистательною оваціей и, тутъ же похищенная невидимою рукой, выпровожена за границу. Наконецъ 2 апрѣля 1879 года снова подвергся нападенію самъ Императоръ, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ цареубійственныхъ покушеній, даже взрывъ въ самомъ дворцѣ. Что̀ же дѣлало правительство? Оно усиливало своихъ враговъ сначала бездѣйствіемъ, а наконецъ и содѣйствіемъ. Усилія злоумышленниковъ сначала были направлены на то чтобы захватить въ свои руки школу и разрушить новые установленные въ ней порядки. Ненависть ихъ къ тогдашнему министру Народнаго Просвѣщенія не знала предѣла. И что же? Послѣ выстрѣла 2 апрѣля, положеніе графа Толстаго стало невозможнымъ. Еще оставаясь министромъ, онъ былъ преданъ истязателямъ; надъ его управленіемъ, безъ его вѣдома, было наряжено негласное жандармское слѣдствіе... Наконецъ, послѣ дворцоваго взрыва, графъ Толстой былъ уволенъ, и всѣмъ извѣстно какія оргіи затѣмъ послѣдовали...

Общество жалобно призывалось къ содѣйствію противъ крамолы, въ то время когда лица во власти старались угождать ей. Всѣмъ извѣстно какими послѣдствіями для злополучныхъ ревнителей государственной безопасности сопровождался и малый шагъ въ этомъ смыслѣ...

Публикѣ также извѣстно сколько неистовыхъ ругательствъ досталось и на нашу долю. Мы получали отъ самихъ нигили-

стовъ посланія въ которыхъ они, за наше противодѣйствіе, обвиняли насъ въ мятежѣ противъ правительства: „или вы не видите, въ своей тупости, писали они, что правительство на нашей сторонѣ?“ Какъ нигилисты, такъ точно и легальная, именующая себя либеральною, печать упрекала насъ въ мятежныхъ свойствахъ, въ оппозиціонномъ духѣ и ликовала провозглашая наше якобы паденіе. О насъ составили миѳъ будто мы были во власти, всѣмъ распоряжались, и что все дѣлалось по нашему изволенію, но потомъ благодаря торжеству этой самой леберальной партіи, мы будто бы лишились этой власти и очутились въ оппозиціи.

Наши противники ошибаются представляя насъ то во власти, то въ оппозиціи. Мы всегда во власти и всегда, если угодно, въ оппозиціи. Смѣна разныхъ лицъ въ правительствѣ нисколько не касается насъ и не измѣняетъ нашего положенія. Власть наша дѣйствительно большая: она заключается въ магической формулѣ А есть А или, если угодно, дважды два четыре. Ничего мы не говорили что не отводилось бы къ этимъ формуламъ. Это, конечно, неоспоримая сила, но ее нельзя отнять у насъ, тѣмъ болѣе что она принадлежитъ равно всѣмъ, хотя не всѣ ею пользуются и насъ же упрекаютъ въ обладаніи привилегіей за то что мы этою тавтологіей руководимся въ своихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ.

Если нужно было подавлять крамолу прокравшуюся въ наше общество, то нужно было подавлять ее, а не содѣйствовать ей. Это совершенно то же самое что А есть А и не есть не А. Вотъ что мы говорили, и эта истина не потеряла своей силы и во время торжества крамолы. Нельзя было и тогда отрицать эту истину, нельзя было и тогда не повиноваться ея велѣніямъ. Но, съ другой стороны, вѣрно и то что на дѣлѣ выходило нѣчто совершенно противное здравому смыслу который весь заключается въ магической формулѣ: А есть А.

Что требовалось для успѣшной борьбы съ оказавшимся зломъ? Власти дѣйствовали въ разбродъ, часто воюя между собою, вмѣсто того чтобъ подавлять преступную организацію. Требовалось прежде всего сосредоточить власть и дать ей должное направленіе. Вотъ что писали мы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, 6 февраля, 1880 года, тотчасъ послѣ взрыва во дворцѣ: „Въ прошломъ году была повидимому принята серіозная мѣра, учреждены временныя генералъ-губернаторства съ обширными полномочіями. Тогда же выразили мы опасеніе что никакихъ серіозныхъ послѣдствій ожидать отъ нея нельзя. Къ несчастію, такъ и вышло. Тогда же казалось намъ необходимымъ сильное центральное дѣйствіе власти. Борьбу съ организованною крамолой, которая конечно не между мальчишками получила свое происхожденіе, необходимо сосредоточить въ одной сильной рукѣ; необходимо чтобъ одинъ правительственный органъ облеченный полнымъ довѣріемъ Государя имѣлъ диктаторскую власть для борьбы со зломъ. На немъ должна лежать вся отвѣтственность и ему должны быть предоставлены всѣ средства дѣйствія. Прочія власти должны безпрекословно способствовать ему во всемъ что относится къ предмету его полномочія. Не вмѣшиваясь въ спеціальности управленій, въ технику разныхъ вѣдомствъ, онъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствій въ дѣлахъ и вопросахъ политическаго свойства. Отъ него должно исходить направленіе и соглашеніе дѣйствій генералъ-губернаторовъ; ему должны быть предоставлены контроль и провѣрка, и никакія формальности процедуры не должны имѣть силы предъ его полномочіемъ.“

Это было *дважды два четыре*, и вотъ въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней, графъ Лорисъ-Меликовъ получилъ тѣ обширныя полномочія которыя требовались положеніемъ дѣлъ. „Совершилось то чего слѣдовало ожидать,“ писали мы 14 февраля; „правительство рѣшилось дѣйствовать... Будемъ надѣяться что сильный довѣріемъ монарха, графъ Лорисъ-Меликовъ сумѣетъ, благодаря своему такту, преодолѣть трудности задачи. Всякій честный человѣкъ будетъ желать ему успѣха и способствовать ему по мѣрѣ силъ. Борьба со зломъ принявшимъ острый характеръ должна неизбѣжно повести къ разъясненію общаго положенія нашихъ дѣлъ. До сихъ поръ правительственное дѣло распадалось... Теперь придется на все взглянуть при свѣтѣ цѣлаго... Во всякомъ случаѣ мы совершенно увѣрены что сильное сосредоченное дѣйствіе власти, при данныхъ обстоятельствахъ, не только не стѣснитъ здоровыхъ силъ страны, но на-

„противъ оживить ихъ, освобождая отъ деморализаціи невольно овладѣвающей умами при видѣ странныхъ въ Россіи явленій, возможныхъ только въ эпоху безвластія и государственнаго разстройства...“

„Быть-можетъ,“ писали мы на другой день (15 февраля), „для успѣха дѣла вскорѣ окажется полезнымъ соединить всѣ части полицейскаго управленія непосредственно въ рукахъ лица призваннаго Высочайшимъ довѣріемъ къ борьбѣ съ крамолой...“

Это было тоже А *есть* А, и вотъ графу Лорисъ-Меликову вскорѣ было подчинено жандармское управленіе, а затѣмъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ III Отдѣленіе было вовсе упразднено, и такъ-называемая государственная полиція вошла въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ во главѣ котораго былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

Графъ Лорисъ-Меликовъ, при самомъ началѣ возложеннаго на него служенія, обратился съ воззваніемъ къ обществу, приглашая безъ разбора всѣхъ и каждаго къ содѣйствію. Воззваніе это произвело странное дѣйствіе. „По всѣмъ признакамъ замѣтнымъ для людей зрячихъ,“ говорили мы 20 февраля, „*диктатура* не произвела должнаго впечатлѣнія на сферы ожидающія *богатыхъ милостей* отъ дѣйствія крамолы. Эти сферы надѣются что правительство для искорененія крамолы пойдетъ путемъ какой именно она сама рекомендуетъ. Руководители заговора объявляютъ въ своихъ прокламаціяхъ что не успокоятся до тѣхъ поръ пока власть не дастъ Россіи *либеральныхъ учрежденій*. Оказывается что заговорщики хотятъ того же чего желаютъ заграничные и домашніе доброжелатели Россіи.“

Такимъ-то образомъ родилась „диктатура сердца,“ которая заперла подъ замокъ ввѣренную ей государственную власть и предоставила полный просторъ анти-государственному духу подъ титуломъ либеральной партіи. Какъ школа, такъ и все одно за другимъ отдавалось въ ея распоряженіе; ей дѣлались всевозможныя угожденія, къ соблазну и смущенію всероссійской публики; подъ выстрѣлами и взрывами обдумывалась программа дальнѣйшихъ уступокъ... Кому уступокъ?

Поддаваясь непріятелю на полѣ битвы, чего можемъ мы ожидать какъ не того что онъ поколотитъ насъ? Это тоже А есть А и не есть не А.

Послѣ событія 1 марта наступило иное время. Иныя лица появились въ правительствѣ. Но миновало болѣе года, а новое время ничѣмъ не обозначилось. Никакой попытки дѣйствовать и поправить главную причину зла, то положеніе которое образовалось послѣ столькихъ несоглашенныхъ между собой и съ общимъ государственнымъ строемъ реформъ. За то созывался маленькій парламентъ вести праздныя рѣчи о кабацкомъ дѣлѣ. За то различіе между легальною и нелегальною печатью почти совсѣмъ изгладилось. За то поднимались какіе-то вопросы о недостаткѣ земли въ Россіи, о необходимости переселеній, и почему-то вдругъ воздвиглось гоненіе на эксплуататоровъ Евреевъ; наконецъ прокрался вопросъ о земскихъ соборахъ...

Мы не имѣемъ ничего личнаго ни противъ графа Лорисъ-Меликова, ни противъ графа Игнатьева; съ обоими, напротивъ, мы были въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ; ото всей души желали мы какъ тому, такъ и другому полнаго успѣха. Къ сожалѣнію, и тотъ и другой дѣйствовали подъ обаяніемъ какой-то, якобы дѣйствительно существующей, якобы имѣющей основаніе и право существовать, либеральной партіи, не догадываясь что эта партія есть призракъ пораждаемый отчасти нашею глупостію, отчасти вражескимъ наважденіемъ, и что стоитъ только правительственнымъ лицамъ проникнуться святостью своихъ обязанностей предъ Самодержавнымъ Государемъ и Россіей какъ ее создала исторія, и твердо посмотрѣть вокругъ,—и партія эта, вмѣстѣ со крамолой, исчезнетъ какъ оптическій обманъ.

Желая уволеннымъ по болѣзни министрамъ поправиться въ здоровьи, мы надѣемся что преемникъ ихъ сохранится въ добромъ здоровьѣ на долгое время. Онъ приступаетъ къ своей новой, столь важной и отвѣтственной должности, не impromptu, не новичкомъ, но опытнымъ государственнымъ человѣкомъ, искушеннымъ въ правительственномъ дѣлѣ, съ практическимъ знаніемъ людей и вещей, съ зрѣлымъ разумѣніемъ нашихъ государственныхъ задачъ. Графъ Д. А. Толстой испыталъ на глазахъ нашихъ удивительную судьбу. Онъ, совершившій съ поразительнымъ успѣхомъ, при величайшихъ затрудненіяхъ и ожесточенномъ сопротивленіи въ самихъ правительственныхъ сферахъ, самую, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, важную, самую пло-

дотворную и по истинѣ благонадежную реформу минувшаго царствованія, въ которой зрѣетъ спасенная будущность нашего отечества,—онъ, создавшій истинный оплотъ противъ нигилизма, былъ низвергнутъ тою самою диктатурой, которая призвана была бороться съ язвой нигилизма и политическимъ развратомъ, но вотъ, чрезъ два полные событій года, государственныя заслуги его блистательно признаны новымъ высокимъ довѣріемъ Государя. Онъ на верху власти, а его нѣкогда могущественные противники одинъ за другимъ отправлены Немезидой на отдыхъ и врачеваніе... Дай Богъ ему и на этотъ разъ сослужить Государю и Россіи добрую службу.

Назначеніе графа Толстаго знаменательно и важно еще какъ для всѣхъ очевидное выраженіе живой Самодержавной воли. Имя графа Толстаго само по себѣ уже есть манифестъ и программа, имъ яснѣе чѣмъ цѣлымъ рядомъ мѣръ опредѣляется путь правительства...

Мы не рѣшились бы теперь говорить о необходимости единоличной диктатуры. Обстоятельства существенно измѣнились. Теперь было бы всего желательнѣе чтобы лица пользующіяся особымъ довѣріемъ Государя, во всѣхъ отношеніяхъ, и вполнѣ согласныя между собою, дѣйствовали по всѣмъ общимъ государственнымъ вопросамъ инціативно и солидарно.

№ 153.

Москва, 3-го іюня.

А.

Мысль о правительственномъ содѣйствіи крестьянамъ къ расширенію ихъ землевладѣнія перестала быть предположеніемъ. Положеніе о Крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ утверждено и обнародовано. Утверждены пока, какъ видно изъ текста Положенія, лишь главныя, общія основанія дѣятельности новаго банка; что касается подробностей, то онѣ имѣютъ быть опредѣлены частію новыми законоположеніями, частію по соглашенію разныхъ министерствъ, частію инструкціями министра Финансовъ. Но составленіе этихъ дополнительныхъ правилъ, вѣроятно, не заставитъ себя ждать, и крестьянскій Поземельный Банкъ, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени откроетъ свои дѣйствія и затѣмъ станетъ расширять ихъ умножая число своихъ отдѣленій по разнымъ мѣстностямъ.

Итакъ, благодаря новому Банку, крестьяне могутъ покупать землю не имѣя ни гроша, если только цѣна приторгованныхъ ими участковъ не выйдетъ изъ установленныхъ для нихъ размѣровъ ссуды. На всякаго другаго покупщика ложатся и крѣпостныя, и гербовыя, и канцелярскія пошлины; для крестьянъ всѣ пошлины замѣняются уплатой одного простаго гербоваго сбора по 60 коп. за листъ при написаніи крѣпостныхъ актовъ на покупаемыя земли, на какую бы сумму ни совершалась сдѣлка, и по 10 коп. за листъ при мелкихъ сдѣлкахъ на суммы менѣе 50 рублей. При всемъ этомъ, для крестьянина покупка земли не сопровождается тѣмъ рискомъ съ какимъ сопряжена она для всякаго другаго покупщика который вздумалъ бы купить землю не только сполна, но хотя бы частію на занятыя деньги. Крестьянину, если онъ ошибется въ разчетахъ, не грозитъ разореніе; весь рискъ для крестьянъ ограничивается тѣмъ что у нихъ можетъ быть отобранъ и проданъ съ аукціона неразчетливо купленный участокъ, за который они ни копѣйки своихъ денегъ не платили. Купятъ удачно, вся выгода ихъ; купятъ неудачно, ихъ освободятъ отъ невыгодной покупки, и всѣ ея невыгоды падутъ на Крестьянскій Банкъ. Благодаря предоставляемымъ имъ льготамъ, крестьяне могутъ за данный участокъ предлагать высшую противъ другихъ покупщиковъ цѣну; могутъ покупать земли съ разчетомъ навсегда оставить ихъ за собою, могутъ покупать даже и съ разчетомъ временной ихъ эксплуатаціи. Пока владѣть купленною землей будетъ выгодно, пока извлекаемый изъ нея доходъ будетъ съ лихвой покрывать $7^1/_2$—$8^1/_2$ процентовъ казенной ссуды, крестьяне могутъ оставаться исправными заемщиками и удерживать купленную землю за собою; но какъ скоро купленная земля будетъ истощена и обезцѣнена хищническимъ хозяйствомъ, крестьяне могутъ перейти въ разрядъ неисправныхъ плательщиковъ, предоставляя Банку отобрать у нихъ и продать невыгодную болѣе для нихъ землю. Надобно, конечно, полагать что противъ послѣдней случайности будутъ приняты мѣры при изданіи дополнительныхъ къ Положенію о

Крестьянскомъ Банкѣ правилъ. Но вообще нельзя не признать что это Положеніе является, съ одной стороны, сильнымъ поощреніемъ для крестьянъ приторговывать и покупать всякіе подручные земельные участки; съ другой, побужденіемъ для землевладѣльцевъ продавать свои земли крестьянамъ предпочтительно предъ другими покупщиками.

Покупка крестьянами земель у другихъ владѣльцевъ шла безостановочно и до учрежденія особаго банка для содѣйствія таковымъ покупкамъ; въ общемъ итогѣ, пространство земель купленныхъ крестьянами по частнымъ сдѣлкамъ измѣряется уже сотнями тысячъ десятинъ. При помощи казенныхъ ссудъ, дѣло перехода земель въ крестьянскія руки должно пойти бойчѣе. Покупщиками земель явятся не только тѣ у кого есть средства и на покупку ихъ, и на веденіе на нихъ хозяйства, но и тѣ у кого нѣтъ никакихъ средствъ, ни основнаго, ни оборотнаго капитала. Переходъ земель отъ другихъ владѣльцевъ къ крестьянамъ будетъ при этомъ сдерживаться главнымъ образомъ лишь двумя условіями: ограниченнымъ числомъ поступающихъ въ продажу земельныхъ участковъ такого размѣра какіе могутъ быть пріобрѣтаемы при помощи казенныхъ ссудъ и нормой денежныхъ средствъ предоставленныхъ въ распоряженіе Крестьянскаго Банка.

Средства для выдаваемыхъ имъ ссудъ Крестьянскій Банкъ будетъ получать посредствомъ выпуска особыхъ процентныхъ бумагъ подъ наименованіемъ „государственныхъ свидѣтельствъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка," приносящихъ $5^1/_2$% годоваго дохода. Эти свидѣтельства должны быть выпускаемы чрезъ Государственный Банкъ ежегодно на сумму не свыше пяти милліоновъ рублей; но еслибы понадобилось превысить эту цифру, министръ Финансовъ въ такихъ случаяхъ можетъ испрашивать всякій разъ особое Высочайшее разрѣшеніе. Предполагается что эти свидѣтельства будутъ ходить на биржѣ al pari; въ противномъ случаѣ, если биржевая цѣна новой процентной бумаги будетъ ниже, Банкъ долженъ понести ущербъ, ибо ни продавцамъ земли, ни крестьянамъ нѣтъ никакого дѣла до выпускаемыхъ Банкомъ свидѣтельствъ; ссуды выдаются не свидѣтельствами, а наличными деньгами. Равнымъ образомъ и публикѣ которая будетъ пріобрѣтать новыя бумаги нѣтъ никакого дѣла до состоятельности заемщиковъ Банка, будутъ или не будутъ они исправно уплачивать проценты по сдѣланнымъ имъ ссудамъ. Хотя бы масса заемщиковъ оказалась несостоятельною, хотя бы Банку пришлось отобрать у покупщиковъ половину купленныхъ ими земель, хотя бы аукціонная продажа этихъ земель дала только половину и даже менѣе тѣхъ суммъ которыя были подъ нихъ ссужены, потерпитъ только казна и никто болѣе. Рискъ такихъ потерь довольно великъ, но казна идетъ на него ради предоставленія права на полученіе казенной ссуды для пріобрѣтенія земли каждому крестьянину, каждому товариществу изъ нѣсколькихъ крестьянъ, каждому сельскому обществу. Въ началѣ, пока итогъ выпущенныхъ свидѣтельствъ Крестьянскаго Банка будетъ не великъ и пока неисправныхъ заемщиковъ будетъ немного, казнѣ нечего опасаться большихъ потерь. Но со временемъ размѣръ ихъ можетъ возрасти и сдѣлаться для всей страны не малою тягостью.

Мы остановились на указанной слабой сторонѣ новоучреждаемаго Банка главнымъ образомъ потому что есть возможность исправить недосмотры общаго плана при разработкѣ деталей въ неизданныхъ еще дополнительныхъ правилахъ, но не потому чтобы хотѣли сказать что-нибудь противъ учрежденія имѣющаго цѣлію содѣйствовать переходу земель отъ тѣхъ кто ими тяготится къ тѣмъ кто можетъ извлекать изъ землевладѣнія наибольшія выгоды. Что землѣ лучше быть въ рукахъ земледѣльцевъ чѣмъ въ рукахъ людей иныхъ профессій, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но несомнѣнно также и то что крестьянинъ и земледѣлецъ далеко не синонимы, что далеко не всякій переходъ земли во владѣніе какого бы то ни было крестьянина будетъ сельско-хозяйственнымъ и вообще экономическимъ прогрессомъ. И въ крестьянской средѣ есть не мало людей не чувствующихъ къ землѣ особой привязанности, оставляющихъ ее впустѣ, смотрящихъ отъ нея въ сторону; и наоборотъ, внѣ крестьянской среды тоже можетъ оказаться не мало людей имѣющихъ спеціальное призваніе къ сельскохозяйственной дѣятельности, но не прилагающихъ къ землѣ своихъ способностей только за недостаткомъ средствъ и возможности. Въ виду этого, нельзя не пожалѣть что новоучреж-

денному банку приданъ не общеземледѣльческій, а исключительно сословный характеръ, что поощряется имъ не мелкое землевладѣніе вообще, а только крестьянское. Этотъ исключительно сословный характеръ новаго Банка тѣмъ болѣе бросается въ глаза что Положеніе о немъ состоялось въ одинъ день съ изданіемъ указа объ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, которая должна устранить всякое различіе между такъ-называемыми податными и неподатными классами. Заботиться объ уравненіи правъ всѣхъ сословій и въ то же время создавать новое неравенство между ними, мѣрять имъ не одною мѣрой, значитъ грѣшить противъ закона послѣдовательности. Для правительства равно важны интересы всѣхъ безъ исключенія классовъ всего населенія страны, у него не можетъ быть любимыхъ и нелюбимыхъ дѣтей, оно не можетъ принимать къ сердцу предпочтительно интересы только одного какого-нибудь сословія.

Останавливаетъ на себѣ вниманіе также то обстоятельство что дѣятельность новаго Крестьянскаго Банка распространяется не на всю Имперію, а съ разными исключеніями. Признается полезнымъ чтобы помѣщичья поземельная собственность сокращалась и крестьянская возрастала на ея счетъ, но не повсемѣстно, а лишь въ предѣлахъ собственно русскихъ областей, за исключеніемъ окраинъ. Крестьянскій Банкъ не будетъ поощрять перехода помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ Балтійскихъ губерніяхъ, ни въ Закавказьѣ...

Въ учрежденіи Крестьянскаго Банка, равно какъ и въ приступѣ къ преобразованію податной системы, и въ состоявшемся пониженіи выкупныхъ платежей, несомнѣнно сказываются заботы объ улучшеніи быта крестьянъ. Нельзя не желать чтобы всѣ эти мѣры увѣнчались возможно бо̀льшимъ успѣхомъ. Но едва ли слѣдуетъ увлекаться полагая что этими мѣрами будетъ достигнутъ серіозный подъемъ народнаго благосостоянія. Ни ссуды денегъ кой-кому по мѣстамъ на покупку земли, ни нѣкоторыя облегченія въ выкупныхъ платежахъ и податяхъ, не устранятъ главныхъ причинъ препятствующихъ улучшенію народнаго быта. Не мнимое малоземелье, не размѣры взимаемыхъ съ крестьянъ платежей главнымъ образомъ разстраиваютъ крестьянскія хозяйства и ведутъ къ созданію своеобразнаго, нигдѣ кромѣ Россіи не виданнаго пролетаріата въ средѣ людей не безпріютныхъ и бездомныхъ, но обладающихъ значительною поземельною собственностью, которой позавидовалъ бы сельскій людъ любаго государства. Разоряютъ крестьянъ повальное пьянство и господствующая въ сельскомъ быту неурядица, отсутствіе попечительной о крестьянахъ власти, которая не допускала бы ихъ приходить въ состояніе рабочаго безземелія. Крестьяне мало выиграютъ отъ грошевыхъ скидокъ въ податяхъ и другихъ платежахъ, пока не сдѣлано ничего въ предупрежденіе того чтобы не взысканное съ нихъ въ казну не было пропито въ кабакахъ или не было вытянуто у нихъ подъ разными предлогами собственнымъ ихъ сословнымъ управленіемъ. Нѣтъ также никакихъ гарантій въ томъ чтобы крестьяне дурно хозяйничающіе на тѣхъ земляхъ которыми нынѣ владѣютъ стали хозяйничать лучше на земляхъ которыя поможетъ имъ пріобрѣсти Крестьянскій Банкъ и чтобъ ихъ оборотный капиталъ, недостаточный для надлежащаго веденія хозяйства даже въ существующихъ размѣрахъ, сдѣлался достаточнымъ при расширеніи размѣровъ хозяйства прикупкой земель.

Каждая изъ мѣръ принятыхъ до сихъ поръ въ интересахъ крестьянъ сама по себѣ хороша. Но, къ сожалѣнію, замѣчается недостатокъ подготовки условій при которыхъ эти мѣры могли бы принести всю ожидаемую отъ нихъ пользу, такъ что дѣло представляется какъ бы начатымъ съ конца, а не сначала. Видна какая-то суетливость, спѣшная забота о томъ чтобы поскорѣе сдѣлать что-нибудь для крестьянъ не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ дѣлается ли именно то что̀ нужно, и въ той ли постепенности въ какой требуется интересами тѣхъ кого хотятъ облагодѣять. Такъ иныя няньки стараются утѣшить и успокоить раскапризничавшагося ребенка подсовывая ему первыя попавшіяся подъ руку игрушки и лакомства, не заботясь о томъ какъ мало сообразно это съ разумными воспитательными цѣлями. Но наши крестьяне ни въ какомъ отношеніи не напоминаютъ собою капризнаго ребенка котораго нужно было бы утѣшать и успокоивать, и руководствоваться подобнымъ пріемомъ по отношенію къ нимъ было бы большою ошибкой. Ихъ интересы, нарав-

нѣ съ интересами всѣхъ прочихъ классовъ населенія, несомнѣнно заслуживаютъ полнаго вниманія. Сдѣлать все возможное съ цѣлію поднять общій уровень народнаго благосостоянія, улучшить существующія условія быта и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, есть задача первостепенной государственной важности. Но эта задача не одно и то же что̀ удовлетвореніе мнимыхъ народныхъ нуждъ заявляемыхъ такъ-называемымъ либеральнымъ лагеремъ, и для рѣшенія ея нужно не то что̀ предлагается въ извѣстныхъ либеральныхъ рецептахъ. Слѣдуя этимъ рецептамъ, мы не дадимъ странѣ того что̀ ей въ данную минуту всего нужнѣе, но можемъ, вмѣсто того, придать правительственнымъ мѣрамъ несвойственную имъ тенденціозную окраску и вредную односторонность, можемъ поселить въ умахъ ошибочное мнѣніе будто правительство не ко всѣмъ подданнымъ государства относится одинаково, будто оно дорожитъ выгодами только извѣстной части населенія страны и готово приносить имъ въ жертву другіе равноправные интересы. Это можетъ быть на руку только извѣстной партіи которая желала бы чтобы правительство стремилось не къ укрѣпленію государственнаго организма, а къ его ослабленію.

Б.

Въ статьѣ напечатанной у насъ въ минувшій вторникъ за подписью „Отецъ семейства,“ въ которой идетъ рѣчь о женскихъ врачебныхъ курсахъ, есть неточности, не замѣченныя въ вызванной ею статьѣ отъ редакціи.

Развитіе и подъемъ врачебныхъ курсовъ для женщинъ при Медико-Хирургической Академіи и Николаевскомъ Госпиталѣ имѣли особую причину. Правительство было озабочено искусственно возбужденнымъ движеніемъ увлекавшимъ женщинъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи и изъ разныхъ слоевъ общества за границу, преимущественно въ Швейцарію, въ Цюрихъ, учиться медицинѣ гдѣ онѣ становились жертвами революціонной пропаганды. Чтобъ отвлечь ихъ оттуда, старались дать этому движенію исходъ въ самой Россіи. И вотъ, вслѣдствіе этого, и получили особое развитіе врачебные женскіе курсы при учрежденіяхъ состоящихъ въ вѣдѣніи Военнаго Министерства, которое такимъ образомъ явилось разсадникомъ женщинъ-врачей, такъ какъ медицинскаго факультета при С.-Петербургскомъ Университетѣ нѣтъ. Мы имѣемъ въ рукахъ интересную офиціальную записку, относящуюся къ началу семидесятыхъ годовъ, которая яркими чертами характеризуетъ фальшивое движеніе, охватившее у насъ юное женское поколѣніе и причинившее столько зла.

Но если, какъ убѣдительно доказываетъ эта записка, движеніе было фальшиваго свойства, если оно явнымъ образомъ служило цѣлямъ злоумышленной организаціи, то слѣдовало ли, отвлекая его отъ Цюриха, направлять его въ Петербургъ и давать ему тамъ удовлетвореніе? Вожаки революціонной пропаганды могли еще легче воспользоваться этимъ движеніемъ въ Петербургѣ чѣмъ въ Цюрихѣ. Если же правительство сочло необходимымъ взять въ свои руки это дѣло, то требовалось прежде всего отрезвить его, освободить совершенно отъ фальши, и дать ему направленіе которое должно отнять у злоумышленниковъ всякую возможность овладѣть имъ для своихъ цѣлей. Врачебныя занятія, особенно при госпиталѣ, уходъ за больными и пріобрѣтеніе практическихъ врачебныхъ свѣдѣній, несравненно предпочтительнѣе тѣхъ общихъ *высшихъ* женскихъ курсовъ, гдѣ безо всякой практической цѣли преподаются молодымъ дѣвицамъ, не подготовленнымъ серіозною школой, разныя науки, которыя по большей части оставляютъ въ ихъ головахъ сумбуръ и самомнѣніе. Врачебныя при госпиталяхъ занятія могли бы стать вполнѣ полезнымъ дѣломъ, но при условіяхъ чтобы женщины которыя обрекаютъ себя этому дѣлу занимались имъ вполнѣ серіозно, подчиняясь строгой дисциплинѣ. Для высшей, ученой медицинской профессіи, требуется и ученая подготовка. Но и безъ претензіи на докторство, практическое умѣнье обращаться съ больными и оказывать нѣкоторое врачебное пособіе въ не мудреныхъ случаяхъ есть дѣло почтенное и хорошее, особенно если оно одушевляется любовью къ ближнему; требуется только чтобъ обрекающія себя этому дѣлу женщины доказали искренность своихъ побужденій строгимъ исполненіемъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей. Пусть бы это были сестры милосердія

только хорошо приспособленныя и болѣе или менѣе свѣдущія: такое направленіе, ясно и твердо выраженное, сразу очистило бы то искусственно возбужденное движеніе которымъ справедливо было озабочено правительство. Осталось бы только доброе дѣло которое заслуживало бы сочувствія и содѣйствія. Вопросъ только въ томъ, много ли привлекло бы къ себѣ дѣвицъ одно доброе дѣло безъ фальшивыхъ приправъ...

Въ статьѣ *Новая попытка обмануть науку* сказано что теоретическіе медицинскіе курсы для слушательницъ открыты при Академіи, а практическое обученіе дается при Николаевскомъ Военномъ Госпиталѣ. Это не точно. Врачебные курсы были открыты первоначально (въ 1872 году) при Академіи, а потомъ, въ 1876, переведены оттуда въ Николаевскій Госпиталь.

№ 154.

Москва, 4-го іюня.

Перемѣна въ нашей высшей администраціи тотчасъ же отозвалась на биржѣ. Фонды наши сразу повысились на 2%. Повышеніе, какъ свѣдущіе люди полагаютъ, было бы еще значительнѣе еслибы все въ Европѣ обстояло благополучно. Намъ слѣдуетъ тѣмъ болѣе озаботиться прочнымъ устройствомъ нашихъ дѣлъ и вывести ихъ изъ смутнаго положенія въ которомъ они доселѣ колеблются, что исторія, какъ видимъ, не останавливается въ своемъ ходѣ, что въ политическомъ мірѣ, быть-можетъ, готовятся и потомъ быстро прорвутся событія, къ которымъ и мы должны быть готовы. Отношенія между великими державами Европы представляютъ видъ крайней неопредѣленности. Никто не можетъ предсказать кто кому будетъ врагъ, кто кому будетъ другъ, въ случаѣ катастрофы. Всѣ прежнія основанія на которыхъ держалась политика каждаго изъ государствъ европейской системы, всѣ старыя преданія утратили силу. Вездѣ политика ищетъ новыхъ путей и ходитъ во тьмѣ, не зная какое направленіе и характеръ приметъ завтра. Надъ европейскимъ положеніемъ замѣтно господствуетъ политика германскаго канцлера, который во все продолженіе минувшаго двадцатилѣтія былъ двигателемъ событій. Давно ли казалось что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Востокѣ? И вотъ теперь ея политика господствуетъ тамъ. Дѣла Турецкой имперіи переходятъ въ ея руки. Дальнѣйшія событія покажутъ въ какой мѣрѣ и Египетское затрудненіе, которое такъ глубоко затронуло интересы двухъ западныхъ державъ, Англіи и Франціи, произошло не безъ участія Бисмарковской политики. Франція, которая пыталась было выбраться изъ своего изолированнаго положенія, походитъ на корабль безъ компаса и не менѣе Турціи зависитъ отъ дуновеній чужой политики. Таково же положеніе Австріи, которая идетъ съ завязанными глазами сама не зная куда. Англія переживаетъ тяжкій критическій моментъ, изъ котораго неизвѣстно какъ и чѣмъ выйдетъ. А между тѣмъ недавнія заявленія германскаго канцлера въ рейхстагѣ свидѣтельствуютъ что для его политики далеко еще не наступилъ субботній день, что онъ не считаетъ дѣла своей жизни завершеннымъ, что теперь-то именно и спѣшитъ онъ докончить исполненіе своихъ плановъ. Какъ и прежде, онъ встрѣчаетъ домашнія затрудненія; но, какъ и прежде, онъ предъ ними не останавливается. Какъ и прежде, наканунѣ событій рѣшавшихъ судьбу Германіи, онъ встрѣчаетъ сопротивленіе всѣхъ политическихъ партій, и шагнетъ черезъ нихъ, неуклонно продолжая идти своимъ путемъ, какъ и предъ событіями 1866 и 1870 годовъ. Что съ этими домашними затрудненіями онъ въ силахъ справиться, въ этомъ ручается прошлое. Но такъ ли, какъ и всегда, успѣшно придутъ въ исполненіе его отдаленные замыслы, и все ли такъ разчитано что въ концѣ концовъ выйдетъ то что̀ предположено? Человѣческая мудрость никогда не можетъ быть увѣрена въ точности своихъ разчетовъ. Вдругъ можетъ явиться нѣчто не входившее въ ея горизонтъ. Нельзя не замѣтить что съ каждымъ новымъ шагомъ политика Германскаго канцлера роковымъ образомъ отклоняется отъ старыхъ преданій Пруссіи и отстаетъ отъ тѣхъ историческихъ связей при которыхъ возрасло ея могущество...

Въ полученныхъ сегодня вѣнскихъ газетахъ мы нашли отрывки обвинительнаго акта по такъ-называемому „*Русскому* процессу.“ О дѣлѣ этомъ вѣнская печать начала говорить недѣли двѣ тому назадъ, возвѣщая о грандіозномъ процессѣ по обви-

ненію нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ русскаго населенія Галиціи въ государственной измѣнѣ, то-есть, въ организаціи противозаконнаго сообщества направленнаго къ отторженію, при пособіи русскихъ войскъ, Галиціи, Буковины и сѣверной части Венгріи. У обвиняемыхъ, добавляли пештскіе офиціозные органы, отобраны „стратегическіе планы, на которыхъ намѣчены пункты наиболѣе удобные для вторженія русской арміи.“ Въ офиціальномъ обвинительномъ актѣ о послѣднемъ обстоятельствѣ не говорится, но всѣ одиннадцать лицъ преданныхъ теперь суду обвиняются дѣйствительно въ измѣнѣ наказуемой смертью. Обвиненіе тяжкое. Надо думать что обвинительная власть собрала массу неопровержимыхъ уликъ, вещественныхъ доказательствъ, документовъ. Ничего подобнаго. Все обвиненіе построено на нелѣпостяхъ, на грубомъ извращеніи фактовъ и отношеній всѣхъ этихъ лицъ къ Россіи. Спрашиваютъ, напримѣръ, обвиняемую Ольгу Грабаръ, почему она вела обширную переписку съ разными лицами проживающими въ Россіи? Она заявляетъ въ отвѣтъ что была корреспонденткой нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ. Прокуратура не можетъ опровергнуть ея показаніе, однако обвинительный актъ прямо ставитъ фактъ этой переписки какъ corpus delicti и говоритъ: „Очевидно содержаніе переписки было въ высшей степени преступно и опасно.“ Адольфу Добрянскому, главному обвиняемому, лицу пользующемуся всеобщимъ уваженіемъ и занимавшему высокое служебное положеніе въ Венгріи, ставится въ вину что онъ дѣлалъ визиты въ русскихъ орденахъ заслуженныхъ еще въ 1849 году, когда онъ былъ австрійскимъ коммиссаромъ при русской арміи приходившей спасать эту же Австрію; его обвиняютъ что онъ состоитъ „на русскомъ жалованьи,“ и что онъ дѣятельнѣйшій агентъ панславистской партіи. Отъ кого получаетъ онъ это жалованье, обвиненіе не говоритъ; но непосредственно затѣмъ идутъ такія рѣчи: „доказано что онъ состоялъ въ сношеніяхъ съ Главацкимъ, *Побѣдоносцевымъ* и другими панславистами!!“ Еще нѣсколькими строками далѣе упоминается что внуки его, дѣти Ольги Грабаръ, воспитывались въ Петербургѣ „на счетъ казны,“ а сынъ его „по протекціи Побѣдоносцева“ занимаетъ „видное положеніе въ Россіи“ и состоитъ членомъ *панславистскаго* комитета. И все это находится въ офиціальномъ документѣ, въ обвинительномъ актѣ по дѣлу о государственной измѣнѣ! Какая-нибудь вѣнская или пештская газета еще можетъ говорить „о русскихъ рубляхъ,“ о русскомъ жалованьи, о *панславистскихъ* комитетахъ, приплетать къ дѣлу русскихъ министровъ, Русское правительство; но это не допустимо въ офиціальномъ документѣ, содержаніе котораго не могло обойтись безъ санкціи высшей власти. Всѣ эти возмутительно-грубыя натяжки, всѣ эти нелѣпости на которыхъ основано обвиненіе въ измѣнѣ, не могутъ не падать на отвѣтственность самого Австро-Венгерскаго правительства. Прокурорское обвиненіе въ политическомъ дѣлѣ есть правительственный актъ; но можетъ ли быть что-либо, при нелѣпости, враждебнѣе относительно Россіи чѣмъ этомъ обвинительный актъ по дѣлу *Русиновъ?*

Недавно оппозиція венгерской палаты депутатовъ обвиняла свое правительство въ томъ что оно умышленно „дразнитъ медвѣдя,“ и ведетъ „игру направленную къ тому чтобы вызвать ея столкновеніе съ сѣвернымъ сосѣдомъ.“ Всѣ рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, говорившихъ объ австрійской политикѣ на Востокѣ по поводу боснійскихъ дѣлъ, оканчивались однимъ и тѣмъ же припѣвомъ: политика эта чревата бѣдствіями, и столкновеніе съ Россіей будетъ для Австріи пагубно. Ея правительство повинуется, очевидно, внѣшнему толчку, и своею политикой приводитъ гражданъ своихъ въ смущеніе и изумленіе...

№ 155.

Москва, 5-го іюня.

А.

Послѣ цѣлаго ряда самыхъ бурныхъ эпизодовъ въ рѣшеніи Египетскаго вопроса наступило повидимому какъ бы затишье, которое, однако, едва ли будетъ продолжительнымъ. Всѣ затрудненія, возникшія между главой такъ-называемой національной партіи, предпріимчивымъ и смѣлымъ Араби-пашой, съ одной стороны, и слабосильнымъ хедивомъ Тевфикомъ съ его англо-французскими друзьями съ другой,

остались по прежнему не разрѣшенными, а между тѣмъ они приняли столь острый характеръ что настоятельно требуютъ быстраго улаженія. Дервишъ-паша, посланный султаномъ въ Египетъ въ качествѣ полномочнаго верховнаго судьи между хедивомъ и его министрами, принялъ загадочное и двусмысленное положеніе, затягивая, по обычаю турецкой дипломатіи, исполненіе возложеннаго на него порученія безконечными переговорами съ хедивомъ, съ Араби-пашой, съ французскимъ и англійскимъ консулами, съ предсѣдателями Египетскаго парламента и со всевозможными другими гражданскими и военными чинами. Очень можетъ быть что онъ такъ поступаетъ именно на основаніи данныхъ ему въ Константинополѣ тайныхъ инструкцій, съ тою цѣлью чтобы еще болѣе запутать Египетскія дѣла и вызвать этимъ вступленіе турецкихъ войскъ въ Египетъ. Такъ по крайней толкуется истинное значеніе миссіи Дервишъ-паши большинствомъ французскихъ газетъ, видящихъ въ ней стремленіе Порты подчинить своему исключительному вліянію всѣ Египетскія дѣла. Это предположеніе, дѣйствительно, находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ рѣшительномъ отказѣ которымъ Порта встрѣтила предложеніе Франціи о созваніи европейской международной конференціи для рѣшенія Египетскаго вопроса, такъ какъ де возникшія въ Египтѣ затрудненія имѣютъ чисто мѣстный характеръ и касаются исключительно внутренней политики Оттоманской имперіи, а слѣдовательно подлежатъ юрисдикціи только султана. Какъ бы то ни было, Турція пока достигла своего: европейская конференція до сихъ не состоялась, а въ Египтѣ всѣми дѣлами въ настоящую минуту распоряжается турецкій генералъ, не считающій своею обязанностью подчиняться самымъ настоятельнымъ требованіямъ Франціи и Англіи. Дипломаты этихъ двухъ государствъ были увѣрены что первымъ актомъ Дервишъ-паши будетъ немедленное смѣщеніе мятежнаго Египетскаго министерства или по крайней мѣрѣ столь ненавистнаго Европейцамъ военнаго министра Араби-паши; на самомъ же дѣлѣ представитель султана вошелъ въ дружелюбныя сношенія съ главой національной партіи, и этимъ еще болѣе возвысилъ его въ глазахъ арміи и народа. Араби-паша воспользовался усиленіемъ своей популярности и теперь уже не скрываетъ своего намѣренія низложить хедива Тевфика, какъ объ этомъ сообщаетъ въ свою газету разговаривавшій съ нимъ корреспондентъ *Daily News*. Такимъ образомъ, полными хозяевами въ Египтѣ являются въ настоящее время солидарные повидимому между собой Дервишъ-паша и Араби-паша, между тѣмъ какъ по ожиданіямъ Англіи и Франціи первый долженъ былъ устранить втораго.

Неясное уже безъ того положеніе дѣлъ въ Египтѣ еще болѣе затемнилось вслѣдствіе кровавой рѣзни, вспыхнувшей 11 іюня въ Александріи. До сихъ поръ еще неизвѣстно по какой причинѣ и по чьему побужденію арабская чернь и *солдаты* напали среди бѣлаго дня на безоружныхъ Европейцевъ, перебили и переранили столько людей и нанесли между прочимъ тяжелыя раны англійскому консулу, греческому консулу и италіянскому вице-консулу, а затѣмъ тысячи Арабовъ ворвались въ лавки и дома Европейцевъ, грабя и разрушая все что имъ попадалось подъ руку. Безпорядки эти продолжались цѣлый день, а затѣмъ Араби и Дервишъ приняли мѣры къ ихъ прекращенію. Вслѣдъ затѣмъ произошло опять загадочное явленіе: Дервишъ-паша съ хедивомъ и иностранными консулами переѣхалъ въ Александрію, оставивъ въ Каирѣ полновластнымъ распорядителемъ Араби-пашу. Тутъ-то именно и настало то временное затишье о которомъ сказано выше и которое опять-таки страннымъ образомъ съ радостью было встрѣчено англійскимъ министерствомъ и недовѣрчиво французскимъ. Общее согласіе Англіи и Франціи, повидимому, начинается разстраиваться, и Порта, опираясь на Германію, становится тѣмъ смѣлѣе и надменнѣе.

Если настоящее положеніе египетскихъ дѣлъ страдаетъ неясностью, за то теперь выяснились предшествовавшія имъ обстоятельства, благодаря только что обнародованной англійскимъ министерствомъ *Синей Книгѣ*, заключающей въ себѣ дипломатическіе документы, относящіеся къ ноябрю и декабрю 1881 года и къ январю 1882. Эти документы интересны еще въ томъ отношеніи что наглядно характеризуютъ министерства Гамбетты, Фрейсине и Гладстона.

Въ ноябрѣ 1881 года созваніемъ Египетскаго парламента очень встревожилось Французское правительство, во главѣ котораго въ то время стоялъ г. Гамбетта. Онъ тотчасъ же предложилъ г. Гладстону

принять энергическія мѣры для предотвращенія египетской революціи, грозившей интересамъ и Англіи, и Франціи въ Египтѣ. Уже тогда г. Гамбетта предсказывалъ вмѣшательство Турціи и видѣлъ въ полковникѣ Араби-беѣ агента Порты. Но г. Гладстонъ оказался иного мнѣнія: онъ рѣшительно отклонилъ мысль о всякой дѣйствительно энергической мѣрѣ и завязалъ дипломатическую переписку съ другими державами, въ которой графъ Кальноки выразилъ мнѣніе что Австрія не согласна на умаленіе правъ Турціи въ Египтѣ; италіянское министерство заявило что Египетскія дѣла имѣютъ характеръ общеевропейскій, и потому не могутъ быть рѣшаемы безъ участія Италіи, а князь Бисмаркъ не высказалъ своего мнѣнія.

Во время этой переписки Араби преспокойно работалъ надъ упроченіемъ своей популярности, надъ уменьшеніемъ авторитета хедива и надъ возбужденіемъ ненависти арміи и народа къ Европейцамъ. Снова г. Гамбетта обратился къ англійскому послу въ Парижѣ лорду Ляйонсу съ предложеніемъ отправить англо-французскія войска въ Египетъ, дабы положить конецъ занархическимъ стремленіямъ Араби-бея. Но Англійское правительство снова отклонило эту мысль и высказалось депешею отъ 30 января за занятіе Египта турецкими войсками.

Эта депеша уже не застала г. Гамбетту во главѣ правительства. Его преемникъ, г. Фрейсине, вполнѣ одобрилъ „миролюбивую“ политику г. Гладстона, съ негодованіемъ отвергъ мысль объ англо-французской оккупаціи, но не видѣлъ ничего хорошаго и въ турецкой. Онъ счелъ самымъ лучшимъ снова затѣять переписку съ державами.

Ожиданія г. Гамбетты оправдались: произошла въ Египтѣ военная революція, Араби-паша вытѣснилъ изъ Каира хедива, ожидается вступленіе турецкихъ войскъ въ Египетъ, въ Александріи произошло избіеніе Европейцевъ въ то время какъ предъ этимъ городомъ на якоряхъ качалась грозная, но совершенно безобидная англо-французская эскадра. Теперь во Франціи всѣ вспомнили о г. Гамбеттѣ. Даже газеты какъ *Temps* и *Journal des Débats*, стоявшія доселѣ на сторонѣ г. де-Фрейсине, теперь заявляютъ что г. Гамбетта былъ правъ, и что при немъ Египетскія дѣла не приняли бы того унизительнаго для Франціи оборота, изъ котораго теперь не знаетъ какъ выпутаться г. де-Фрейсине...

Б.

Наконецъ пало министерство Пирочанца въ Сербіи. Какъ-то отзовется это въ Вѣнѣ? Недавно въ Бѣлградѣ былъ уличный скандалъ; сербскія власти, какъ передавали австрійскія газеты, вынуждены были удвоить караулъ и въ австрійской миссіи и въ австрійскомъ консульствѣ. „Министерство хвалится своими наилучшими отношеніями къ Сербіи, говорили въ Венгерскомъ сеймѣ при обсужденіи боснійскихъ дѣлъ, но эти отношенія держатся только на расположеніи къ Австріи министерства Пирочанца. Съ его паденіемъ Австрію будутъ ненавидѣть и въ Бѣлградѣ такъ же какъ въ Босніи, какъ въ Болгаріи.“

Польскій судъ надъ русскими измѣнниками находитъ что дѣло еще недостаточно выяснилось даже для того чтобы дѣлать или не дѣлать справки въ Петербургѣ, которыхъ потребовалъ одинъ изъ защитниковъ, но уже теперь становится достаточно яснымъ какія силы и для чего возбудили все это дѣло: оказывается что тяжкая государственная измѣна въ которой обвиняются почтенныя лица заключается лишь въ сообщеніи нѣсколькихъ отрывочныхъ свѣдѣній, чрезъ Добрянскаго-сына проживающаго въ Петербургѣ, о похожденіяхъ въ Вѣнѣ и въ Галиціи русскихъ нигилистовъ. Понятно почему такъ враждуютъ противъ подсудимыхъ польскія газеты, начиная съ *Газеты Народовой* объявившей ихъ наемниками Русскаго правительства... Года два или полтора назадъ близкая къ князю Бисмарку *Сѣверо-Германская Газета* не даромъ же указывала въ цѣломъ рядѣ статей что русскій нигилизмъ и польская справа находятся между собою въ тѣсной связи.

№ 157.

Москва, 7-го іюня.

А.

Предстоящею отмѣной подушныхъ сборовъ выдвигается на первый планъ вопросъ о новыхъ налогахъ которые должны

возмѣстить казнѣ суммы доставляемыя ей нынѣшнею податною системой. По всей вѣроятности, понадобится ввести не одинъ, а нѣсколько налоговъ, частію прямыхъ, частію косвенныхъ, которые въ совокупности дали бы не менѣе, но болѣе того что получается отъ подушныхъ сборовъ, ибо въ связи съ преобразованіемъ податной системы правительство озабочено изысканіемъ способовъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. Какъ новыя прямыя подати, давно уже рекомендовались и поземельный, и подворный, и личный, и подоходный, и поразрядный налоги. Но всѣ относящіеся къ нимъ проекты до сихъ поръ отвергались какъ не выдерживающіе критики. И дѣйствительно, при установленіи новыхъ прямыхъ налоговъ трудно избѣжать неуравнительности и многихъ неудобствъ въ способахъ раскладки. Въ теоріи, подоходный налогъ представляется конечно самымъ справедливымъ, но не таковъ онъ на практикѣ. Классная же подать, какъ было замѣчено при разсмотрѣніи составленнаго о ней въ 1878 году проекта, оказалась бы едва ли уравнительнѣе самихъ подушныхъ сборовъ. Эти послѣдніе тоже были установлены не безъ вниманія къ различію экономическихъ средствъ плательщиковъ. Разнообразіе въ размѣрахъ обложенія подушныхъ сборовъ поистинѣ изумительно. Въ одной Европейской Россіи насчитывается *двѣсти шестьдесятъ* различныхъ нормъ подушнаго обложенія, отъ 8 коп. съ души (съ мѣщанъ города Повѣнца) до 14 р. 10 к. съ души (съ ямщиковъ Московской губ.). Жители одной и той же мѣстности обложены подушною податью не одинаково, а смотря по классу къ какому причислены; люди одного и того же класса обложены различно, смотря по мѣстности къ которой приписаны. Мѣщане нѣкоторыхъ городовъ Смоленской губерніи (Духовщины, Ельни, Краснаго) платятъ по 9 к., мѣщане во всѣхъ городахъ Московской губерніи по 58 к., въ Петербургѣ по 72 к., въ Симбирскѣ и Сызрани по 91 к. Въ Чериковскомъ и Климовичскомъ уѣздахъ, Могилевской губерніи, удѣльный крестьянинъ платитъ 30 к., бывшій помѣщичій 1 руб. 68 к., государственный 1 р. 84 к. Смотря по губерніямъ и уѣздамъ, подушный сборъ съ государственныхъ крестьянъ то понижается до 1 р. 45 к., то возрастаетъ до 4 руб. 53 к. Точно также колеблются сборы съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ между 1 р. 28 и 2 р. 93 к., съ удѣльныхъ между 30 к. и тоже 2 р. 93 к., съ однодворцевъ между 1 р. 44 к. и 4 руб. 29 к., съ Евреевъ между 1 р. 32 к. и 4 р. 20 к. и т. д. Но все многоразличіе двухсотъ шестидесяти нормъ обложенія нисколько не обезпечивало его уравнительности, и точно также мало гарантій уравнительности представляетъ раздѣленіе всего населенія на нѣсколько классовъ по какимъ-либо видимымъ признакамъ состоятельности. Съ неизбѣжною, болѣе или менѣе значительною степенью неуравнительности придется мириться при установленіи какого бы то ни было прямаго налога. Тѣмъ желательнѣе чтобъ отмѣняемые подушные сборы были въ возможно большей мѣрѣ замѣнены не прямыми, а косвенными налогами, которые гораздо легче выносятся населеніемъ.

Въ ряду косвенныхъ налоговъ которые могутъ послужить у насъ особенно обильнымъ источникомъ увеличенія государственныхъ доходовъ, первое мѣсто несомнѣнно занимаютъ таможенныя пошлины. Возвышеніе ихъ, напримѣръ, до размѣровъ американскаго тарифа, одно, безъ установленія другихъ податей, можетъ болѣе чѣмъ вознаградить казну за всю ту сумму какую потеряетъ она съ отмѣной подушныхъ сборовъ. Въ среднемъ выводѣ, таможенный доходъ въ Соединенныхъ Штатахъ равняется почти 30 процентамъ съ цѣнности всего итога привозныхъ товаровъ. Усвоивъ себѣ эту пропорцію обложенія, казна, при существующихъ у насъ размѣрахъ привоза, простирающагося по цѣнности до шестисотъ милліоновъ рублей въ годъ, могла бы получать отъ таможенъ, вмѣсто нынѣшнихъ 80—100 милліоновъ, до 180 милліоновъ рублей. Конечно, серіозный подъемъ пошлинъ имѣлъ бы результатомъ сокращеніе привоза. Но нѣтъ основаній опасаться что такимъ сокращеніемъ были бы подорваны разсчеты на значительное увеличеніе таможеннаго дохода. На первыхъ порахъ, пока подъемъ пошлинъ не вызоветъ широкаго развитія всѣхъ отраслей внутренняго производства, для чего нуженъ не малый періодъ времени, большое сокращеніе привоза будетъ лишь мимолетнымъ явленіемъ, подобно тому какъ было въ 1877 году, вслѣдъ за установленіемъ „Золотой пошлины.“ Послѣ небольшой заминки, при-

возъ товаровъ долженъ будетъ продолжаться прежнимъ путемъ, пока потребность въ этихъ товарахъ не начнетъ удовлетворяться домашнимъ производствомъ. Притомъ наши таможни должны давать бо́льшій процентъ со стоимости привоза чѣмъ американскія. Наши финансы не дошли еще до такого положенія чтобы допустить, какъ въ Америкѣ, безпошлинный привозъ чая, съ котораго получается четвертая часть всего нашего таможеннаго дохода. При американскихъ нормахъ таможеннаго обложенія, мы должны получать съ нашего привоза 180 милліоновъ плюсъ весь чайный доходъ. Стало-быть и при сокращеніи привоза, можно разчитывать на полученіе 180 милліоновъ, со включеніемъ чайнаго дохода. А между тѣмъ достаточно чтобы таможни давали 150—160 милліоновъ въ годъ дабы вопросъ о возмѣщеніи казнѣ всей суммы подушныхъ сборовъ могъ считаться почти вполнѣ рѣшеннымъ.

Вообще нельзя не пожелать чтобы рѣшеніе вопроса объ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ шло въ связи съ общимъ пересмотромъ и преобразованіемъ всего нашего таможеннаго тарифа. Это было бы разчетливо съ фискальной точки зрѣнія, и еще важнѣе и выгоднѣе для народныхъ экономическихъ интересовъ. Отмѣна подушныхъ сборовъ развязала бы путы стѣсняющія народный трудъ; преобразованіе таможеннаго тарифа открыло бы широкое поле для приложенія этого труда, усилило бы спросъ на него, вызвавъ къ жизни массу новыхъ промышленныхъ производствъ съ небывалымъ обиліемъ хорошихъ заработковъ Хорошо облегчить недостаточныхъ плательщиковъ пониженіемъ лежащихъ на нихъ податей; но еще лучше принять мѣры къ тому чтобы сдѣлать ихъ достаточными, такъ чтобъ и повышенные налоги не были для нихъ обременительны.

Убѣжденіе въ томъ что таможенный тарифъ нуждается въ серіозномъ пересмотрѣ давно уже стало общимъ. Не много отыщется въ немъ статей которыя не требовали бы измѣненія. Возьмите для примѣра хоть отдѣлъ шерсти. Можетъ ли считаться тарифъ удовлетворительнымъ, можетъ ли при немъ развиваться правильно наше овцеводство, когда пошлина на всѣ безъ различія сорта шерсти-сырца опредѣлена однообразно въ $24^{1}/_{5}$ коп. съ пуда? Нашъ тарифъ не дѣлаетъ никакого различія между низшими и высшими сортами шерсти, между шерстью простою и мериносовою, между просто мытою и чесаною. А посмотрите какъ заботливо относится къ дѣлу американскій тарифъ: вмѣсто нашей огульной ничтожной до смѣшнаго пошлины, не оказывающей никакого покровительства овцеводству и дающей казнѣ грошевый доходъ съ важной статьи привоза, мы находимъ въ американскомъ тарифѣ слѣдующій рядъ пошлинъ (приводимъ ихъ въ перечисленіи на наши металлическія деньги):

Съ грязной и мытой шерсти грубой низшаго сорта—1 р. $49^{1}/_{5}$ к. съ пуда.

Тоже, но высшаго сорта—2 р. $98^{2}/_{5}$ к

Съ грязной и мытой тонкорунной, низшаго сорта 4 р. $97^{1}/_{2}$ к. и $11^{0}/_{0}$ съ цѣны.

Тоже, но высшаго сорта—5 р. 97 коп. и $10^{0}/_{0}$ съ цѣны.

Затѣмъ, съ чесаной и тертой шерсти:

Грубой, низшаго сорта—4 р. $47^{3}/_{5}$ к.

Тоже, но высшаго сорта—8 р. $95^{1}/_{2}$ к

Тонкорунной, низшаго сорта—14 руб. $92^{1}/_{2}$ коп. и $33^{0}/_{0}$ съ цѣны.

Тоже, высшаго сорта—17 р. 91 коп. и $30^{0}/_{0}$ съ цѣны.

А у насъ, взамѣнъ всѣхъ этихъ пошлинъ, взимается только по $24^{1}/_{5}$ коп. съ пуда безо всякаго вниманія къ различію сортовъ и стоимости шерсти. И въ виду этого, еще величаютъ нашъ тарифъ протекціоннымъ! Вотъ Американцы такъ дѣйствительно оказываютъ покровительство своему производству. И благодаря усвоенной ими національной таможенной политикѣ, все ихъ производство, какъ сельское такъ и фабричное, дѣлаетъ быстрые успѣхи, причемъ и государственное казначейство не остается въ накладѣ. У насъ же и овцеводство, наравнѣ со многими другими отраслями народнаго хозяйства, едва влачитъ свое существованіе, и казна получаетъ отъ привоза шерсти-сырца, какъ отъ многихъ другихъ статей привоза, лишь кое-какіе гроши. Такъ, напримѣръ, въ 1880 году, послѣднемъ за который имѣются офиціальныя данныя, съ 391.402 пудовъ привозной шерсти-сырца, на сумму 6.426.332 руб. по таможенной оцѣнкѣ, весь таможенный сборъ составлялъ только 86.153 руб. Съ шелкомъ еще лучше. Какъ сырца, такъ и пряденаго шелка, въ томъ же году было привезено болѣе чѣмъ на 11 милліоновъ рублей, и со всего этого количества не поступило въ таможенный доходъ даже полныхъ 122

тысячъ рублей! Мудрено ли что у насъ не развивается шелководство, несмотря на обиліе мѣстностей гдѣ оно могло бы процвѣтать обогащая цѣлыя населенія? И такъ чуть не по всѣмъ важнымъ статьямъ тарифа, за немногочисленными исключеніями.

Теперь много толкуютъ о проектируемомъ новомъ налогѣ съ имуществъ при переходѣ ихъ по наслѣдству отъ однихъ лицъ къ другимъ. Можно усомниться въ его настоятельности если взять на себя трудъ просмотрѣть нашъ дѣйствующій таможенный тарифъ, и многіе спросятъ, не лучше ли, прежде обложенія русскихъ имуществъ, обложить должнымъ образомъ потребленіе иностранныхъ товаровъ, продуктовъ иностраннаго труда и иностранныхъ капиталовъ.

Б.

Въ одной московской газетѣ насъ упрекаютъ за то что мы какъ-то разъ заговорили о себѣ. Но дѣлая намъ этотъ упрекъ, Ланинскій органъ не сообразилъ что мы сказали о себѣ лишь нѣсколько словъ, а онъ тутъ же посвятилъ намъ статью въ шесть столбцовъ, и чуть не въ каждомъ нумерѣ возвращается все къ намъ же.

Въ самомъ дѣлѣ, наша печать всѣхъ оттѣнковъ была въ послѣднее время занята главнымъ образомъ нами. Мы оттѣснили на задній планъ всѣ другіе вопросы, и Бисмарка, и Египетское дѣло, и даже графа Игнатьева. *Московскія Вѣдомости* также газета: какъ же газетѣ совсѣмъ промолчать о предметѣ столь всеобщихъ толковъ?

Пространный этюдъ, посвященный намъ въ *Русскомъ Курьерѣ*, выставляетъ преимущественно на видъ дерзость къ какою мы позволяемъ себѣ говорить объ особахъ высокопоставленныхъ и правительственныхъ. Авторъ заявляетъ себя приверженцемъ *либерально-демократической партіи*, выражая юношескую увѣренность что она восторжествуетъ несмотря на всѣ усилія ея противниковъ. Мы еще не слыхали о такой у насъ партіи; но судя по тону и духу ея глашатая, *либерально-демократическая* партія по-русски значитъ *мальчишеско-холопская*. Наши репортеры, претендующіе на всезнаніе, увѣряютъ будто этотъ самый публицистъ Ланинской газеты профессорствуетъ въ Московскомъ университетѣ. Если это правда, то можно поздравить и университетъ съ профессоромъ, и г. Ланина съ прикащикомъ вышесказанной партіи.

№ 158.

Москва, 8-го іюня.

Событія въ Ирландіи наглядно показываютъ къ чему ведетъ политика уступокъ на полѣ битвы. Совпаденіе пресловутаго „Килмангамскаго трактата" съ катастрофой въ Фениксъ-паркѣ еще могло показаться случайнымъ, и дѣйствительно, на первыхъ порахъ, лишь проницательнѣйшіе изъ торійской партіи указывали на одновременность освобожденія г. Парнелла и его единомышленниковъ изъ тюрьмы съ умерщвленіемъ лорда Кавендиша и г. Бёрка. Но правительство, возлагавшее большія надежды на содѣйствіе г. Парнелла въ замиреніи Ирландіи, оставалось глухо къ этимъ указаніямъ и всячески старалось замять непріятныя объясненія въ палатѣ общинъ какъ по поводу „трактата" съ вождемъ *гомрулеровъ* и его извѣстнаго письма, такъ и по случаю сообщеній самого лорда-лейтенанта Ирландіи о томъ какъ изумило его неожиданное освобожденіе „подозрительныхъ." Между тѣмъ, ожидаемое содѣйствіе заставляло себя ждать слишкомъ долго. Прошло цѣлыхъ шесть недѣль прежде чѣмъ билль о предупрежденіи преступленій могъ добиться разсмотрѣнія въ комитетскомъ порядкѣ,— и это единственно благодаря тактикѣ новыхъ союзниковъ. Несмотря на то, правительство продолжало освобождать „подозрительныхъ" и хлопотать о новой уступкѣ въ видѣ билля о недоимкахъ,—и вотъ послѣ всевозможныхъ проявленій слабости правительства послѣдовало новое совпаденіе, на этотъ разъ всѣмъ бросившееся въ глаза.

Умерщвленіе г. Боурка и его конвойнаго совпадаетъ съ освобожденіемъ г. Бреннана такъ точно какъ смерть лорда Кавендиша и г. Бёрка служила отвѣтомъ на „Килмангамскій трактатъ."

Это новое убійство напомнило Англичанамъ чѣмъ долженъ быть въ дѣйствительности новый принудительный билль. Ножъ убійцъ занесенъ надъ сотнями людей въ Ирландіи. Билль о предупрежденіи преступленій долженъ выбить ножъ изъ рукъ убійцъ.

Какъ же отнеслись къ этому биллю ирландскіе члены, содѣйствіе коихъ правительство надѣялось купить уступками? Одного бѣглаго взгляда на ходъ послѣднихъ засѣданій въ комитетскомъ порядкѣ будетъ достаточно для уразумѣнія сокровенной цѣли *гомрулеровъ.* Вся истекшая недѣля была посвящена биллю, и однако дѣло едва-едва дошло до 5-й статьи. Въ понедѣльникъ, 5 іюня, шли безконечныя словопренія, причемъ ирландскіе члены, по выраженію одной изъ англійскихъ газетъ, „отрицали солнце въ небѣ,“ доказывая что ирландскіе присяжные будто бы не уклоняются отъ обвинительныхъ приговоровъ. Во вторникъ еще пространнѣе обсуждалось нужно ли требовать отъ судей единогласія, а затѣмъ выступилъ вопросъ объ опредѣленіи самого слова „застращиванье.“ Пренія достигли апогея при поправкѣ г. Чарлза Росселя касательно „бойкотированія,“ которая обсуждалась въ теченіе всего вечера середы и большей части утренняго и вечерняго засѣданій въ четвергъ. Затѣмъ, какъ только покончили съ г. Росселемъ, явился г. Брайсъ со своею поправкой изложенною лишь въ другихъ словахъ, но имѣвшею ту же цѣль,— изъять нѣкоторыя формы „бойкотированія“ изъ сферы дѣйствія предлагаемой мѣры. Наконецъ, въ засѣданіи парламента 14 іюня, Ирландское законодательство, включая сюда и билль о недоимкахъ также какъ билль о предупрежденіи преступленій, было „задержано“ преніями, возбужденными очевидно съ цѣлью продвинуть впередъ первую изъ помянутыхъ мѣръ въ ущербъ второй. Полковникъ Iоланъ обратилъ вниманіе палаты на то что число съемщиковъ удаляемыхъ съ арендуемыхъ ими участковъ за неплатежъ ренты быстро возрастаетъ, и тотчасъ ирландская партія ухватилась за этотъ намекъ для отчаянной вылазки на позицію принятую правительствомъ относительно того и другаго изъ упомянутыхъ биллей, причемъ опять главнымъ образомъ ополчался противъ министерства главный якобы его союзникъ, тотъ же самый г. Парнеллъ. Да онъ ужь и начинаетъ понемногу снимать маску. На дняхъ, когда палата отвергла одну изъ поправокъ направленныхъ къ ослабленію карательной силы билля, вождь *гомрулеровъ* во всеуслышаніе заявилъ въ палатѣ что нечего надѣяться на что-либо доброе если не хотятъ принимать „самыя благоразумныя предложенія.“ А благоразумныя предложенія клонятся къ тому чтобы не мѣшать мятежу дѣлать его дѣло.

Не та ли это самая тактика „задержекъ“ и „помѣхъ“ успѣшному ходу дѣлъ въ парламентѣ, противъ которой такъ ратовалъ г. Гладстонъ и даже былъ вынужденъ внести свой пресловутый билль о новомъ парламентскомъ распорядкѣ? Первый министръ, выражая свое сожалѣніе „объ этихъ прискорбныхъ дѣйствіяхъ“ ирландской партіи, указываетъ что единственный путь остающійся правительству или палатѣ, это какъ можно скорѣе принять репрессивный законъ и затѣмъ ужь перейти къ вопросу о недоимкахъ. „Члены ирландской партіи, пишетъ *Times* въ передовой статьѣ отъ 16 іюня, также хорошо сознаютъ это, хотя быть-можетъ и догадываются что законъ о недоимкахъ отнюдь не уладитъ дѣла согласно ихъ видамъ. Во всякомъ случаѣ, имъ повидимому желательнѣе задержать законъ о предупрежденіи преступленій чѣмъ ускорить принятіе закона о недоимкахъ.“ „Билль о предупрежденіи преступленій, продолжаетъ газета, если онъ пройдетъ безъ существенныхъ уступокъ и будетъ энергически хотя и безпристрастно примѣняться, долженъ сдѣлать исполнительную власть въ Ирландіи достаточно сильною для подавленія тѣхъ кто организуетъ насилія или подстрекаетъ къ нимъ. Упорство съ какимъ оспариваютъ законъ шагъ за шагомъ свидѣтельствуетъ о его достоинствахъ съ точки зрѣнія не раздѣляемой Земельною Лигой.“ А пока ирландская партія не только ничего не забыла, но и многому научилась благодаря кокетничанію съ нею слабаго Гладстоновскаго кабинета. Она пріобрѣла смѣлость, подняла голову, и въ противоположность сложившемуся мнѣнію что Англичане болѣе склонны дѣйствовать чѣмъ говорить, дѣйствуютъ теперь Ирландцы предоставляя разговоръ своимъ противникамъ. Ихъ политика „задержекъ“ теперь стоитъ на практической почвѣ, ибо каждый день потерянный въ безплодныхъ преніяхъ палаты общинъ приноситъ новыя извѣстія объ аграрныхъ убійствахъ въ различныхъ графствахъ Ирландіи, о поджогахъ, о разнаго рода застращиваньяхъ, которыя дѣлаютъ свое дѣло неуклонно и пока неотразимо. А послѣднія телеграммы извѣщаютъ уже объ открытіи складовъ оружія для Ирландіи...

Вотъ когда сбылось предсказаніе нѣкоторыхъ изъ членовъ оппозиціи что если г. Парнелла выпустятъ изъ тюрьмы, то онъ явится въ парламентъ властелиномъ положенія.

Крамола вездѣ одинакова. Ей терять нечего, а выиграть можно все. Не безуміе ли живьемъ отдаваться ей въ руки, снабжая ее новыми средствами и силами на борьбу? Gieb dem Bettler ein Pferd, er wird zum Teufel reiten, гласитъ старинная нѣмецкая поговорка, оправдавшаяся теперь и на ирландскихъ *лигерахъ*.

Однако урокъ не пропалъ даромъ, и даже Гладстоновъ кабинетъ сбирается наконецъ дѣйствовать.

№ 159.

Москва, 9-го іюня.

Нельзя не обратить вниманія на сообщенный въ газетахъ слухъ будто въ Министерствѣ Финансовъ проектируется налогъ на хлѣбъ вывозимый за границу. Передается этотъ слухъ съ подробностями заставляющими думать что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ вымысломъ, а съ дѣйствительнымъ предположеніемъ. Указывается размѣръ проектируемаго обложенія, отъ $1^1/_3$ до 2%; указывается доходъ который казна можетъ получить отъ новаго налога, именно около трехъ милліоновъ рублей. Замѣчается далѣе что при обложеніи хлѣба имѣются въ виду, между прочимъ, и внутренніе хлѣбные рынки. Мы затрудняемся, однако, смотрѣть на проектируемый налогъ какъ на дѣло серіозное. Трудно найти уважительные доводы къ установленію налога на отпускъ хлѣба, и наоборотъ имѣются налицо самыя вѣскія соображенія противъ такой мѣры. Не говоримъ уже о той странности въ самой передачѣ слуха будто налогу долженъ подвергаться не всякій вывозимый хлѣбъ, но именно отпускаемый изъ *портовыхъ* городовъ, причемъ какъ бы подразумѣвается что хлѣбъ отпускаемый по сухопутной границѣ отъ налога освобождается. Покровительствовать сухопутной торговлѣ въ ущербъ морской нѣтъ никакого разчета. Это своеобразное покровительство долгое время играло не малую роль въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, къ ущербу нашей торговой самостоятельности пособивъ сосѣдней странѣ забрать въ свои руки огромную часть нашихъ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ. Возвращаться къ прежней ошибкѣ было бы непростительно. Тѣмъ менѣе умѣстно это по отношенію къ хлѣбу, съ тѣхъ поръ какъ онъ обложенъ пошлиной по германскому таможенному тарифу. Принимать мѣры къ тому чтобы русскій хлѣбъ не уходилъ отъ уплаты этой пошлины, искусственно направлять его туда гдѣ эта пошлина будетъ съ него взыскана, можетъ входить въ германскіе, а не въ русскіе интересы. Но и вообще всякая пошлина на отпускаемый хлѣбъ, идетъ ли онъ отъ насъ чрезъ порты или чрезъ сухопутную границу, едва ли при существующихъ обстоятельствахъ можетъ найти себѣ оправданіе. Самые важные государственные интересы связаны съ расширеніемъ нашего отпуска вообще, и главной статьи его, хлѣба, въ особенности. Нашъ отпускъ далеко не достигаетъ тѣхъ размѣровъ при которыхъ онъ могъ бы служить расплатой за всю массу привозимыхъ товаровъ и за всѣ наши ежегодные заграничные расходы какъ по платежу долговъ, такъ и по другимъ надобностямъ. Требуется, поэтому, тщательное изысканіе мѣръ которыя могли бы содѣйствовать расширенію отпуска, а не наоборотъ. Въ хлѣбной торговлѣ намъ приходится бороться съ грозною американскою конкурренціей. Нашею главною задачей, въ виду этой конкурренціи, должно быть удешевленіе нашего хлѣба безъ ущерба для его производителей, то-есть возможно большее сокращеніе падающихъ на хлѣбъ накладныхъ расходовъ. А налогъ на хлѣбъ былъ бы именно увеличеніемъ этихъ и безъ того громадныхъ накладныхъ расходовъ, и повелъ бы или къ выгодному для Американцевъ повышенію нашихъ хлѣбныхъ цѣнъ, или къ уменьшенію выгодъ получаемыхъ отъ производства хлѣба русскими земледѣльцами. Конечно, налогъ въ размѣрѣ $1^1/_3\%$ или 2% не великъ; но прибавьте къ его суммѣ также всю тягость сопряженныхъ со взиманіемъ пошлины таможенныхъ формальностей, и стѣсненіе для русскаго хлѣбнаго отпуска получится очень серіозное. Можетъ ли быть допущено такое стѣсненіе ради полученія казной какихъ-нибудь трехъ милліоновъ рублей, капли въ безбрежномъ морѣ нашихъ бюджетовъ, когда имѣется налицо полная возможность собирать въ казну несравненно бóльшія суммы

не только безъ вреда для народнаго хозяйства, но съ несомнѣнною для него пользой?

Какъ бы ни была велика надобность въ усиленіи средствъ казны, нельзя бросаться на первый встрѣчный источникъ дохода когда можно выбирать между источниками. По таможенной части такихъ источниковъ множество, и было бы очень странно еслибы мы начали облагать предметы нашего отпуска, не обложивъ какъ должно предметовъ привоза. Облагать налогомъ производство хлѣба въ Россіи и въ то же время допускать безпошлинный ввозъ въ Россію разныхъ продуктовъ на десятки милліоновъ рублей и неразчетливо и несправедливо, какъ съ фискальной, такъ и съ обще-экономической точки зрѣнія. При настоящемъ положеніи дѣлъ, еще далеко не настала пора для обложенія предметовъ отпуска фискальными пошлинами. Могутъ явиться соображенія по которымъ потребовалось бы обложить иныя статьи вывоза, но не столько въ фискальныхъ сколько въ другихъ видахъ. Такъ, напримѣръ, можетъ быть желательно обложеніе пошлиной вывоза сырой нефти, въ видахъ развитія ея внутренней переработки, дабы извлеченіе выгодъ изъ русскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій было обезпечено за русскою промышленностью, а не сдѣлалось достояніемъ иностранцевъ. Такъ, въ случаѣ устраненія внутреннихъ причинъ лѣсоистребленія, заключающихся въ необезпеченности лѣсной собственности при существующей по этой части юридической и административной неурядицѣ, можетъ быть желательно, въ интересахъ лѣсоохраненія, также обложеніе пошлиной вывозимаго за границу лѣснаго товара. При вывозѣ лѣса ежегодно на тридцать и болѣе милліоновъ рублей, десятипроцентная пошлина съ этой статьи могла бы дать приблизительно ту же цифру какъ и проектируемый налогъ на хлѣбъ, и налогъ на вывозимый лѣсъ, при соблюденіи вышеозначеннаго условія, былъ бы, конечно, полезною мѣрой не въ фискальномъ только, но и въ экономическомъ смыслѣ. Въ какомъ же отношеніи могъ бы быть полезенъ налогъ на отпускъ хлѣба? Какъ можетъ идти рѣчь объ этомъ налогѣ пока казна пренебрегаетъ такими источниками дохода какіе представляетъ обложеніе привозныхъ продуктовъ въ размѣрахъ требуемыхъ интересами внутренняго производства?

Въ № 157 *Московскихъ Вѣдомостей* мы указали мимоходомъ на крайне ничтожный доходъ получаемый казной съ привозныхъ шерсти и шелка. Получая какіе-нибудь десятки и сотни тысячъ со статей привоза съ которыхъ можно было бы получать милліоны, казна несетъ ущербъ не только ничѣмъ не окупаемый, но ведущій къ прямому вреду для внутренняго производства. Поднявъ пошлины на шерсть и шелкъ до размѣровъ американскаго тарифа, казна получила бы несравненно больше чѣмъ можетъ дать налогъ на хлѣбъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказала бы серіозное поощреніе и овцеводству, и шелководству, и шерстянымъ и шелковымъ прядильнямъ. Мнѣніе будто такой подъемъ обложенія привозныхъ шерсти и шелка разорителенъ для суконныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ фабрикъ не выдерживаетъ критики. Ничто не мѣшаетъ вознаградить эти послѣднія соотвѣтственнымъ повышеніемъ пошлинъ на привозныя ткани,— пошлинъ которыя могутъ казаться высокими только тѣмъ кто не сравнивалъ ихъ съ нормами обложенія по тарифу Соединенныхъ Штатовъ.

Предположеніе что интересы разныхъ видовъ внутренняго производства несогласимы между собою давно опровергнуто практикой. Всѣмъ памятно какъ при обсужденіи вопроса о пошлинахъ на привозныя машины, фабриканты выписывающіе эти машины высказались не противъ, а въ пользу наложенія этихъ пошлинъ, даже не требуя соотвѣтственнаго повышенія тарифа на иностранные товары конкуррирующіе съ ихъ издѣліями. Но само собою разумѣется что ни отъ какой отрасли промышленности не слѣдуетъ требовать самопожертвованія, и при всякомъ измѣненіи въ тарифѣ нужно имѣть въ виду всѣ уважительные интересы которымъ это измѣненіе можетъ причинить невыгоду. Такъ, напримѣръ, нельзя не считать ошибкой, требующею исправленія, обложеніе пошлиной привознаго хлопка безъ соотвѣтственнаго повышенія пошлины на привозную бумажную пряжу, къ невыгодѣ русскихъ прядильщиковъ, и какъ бы въ поощреніе ихъ иностранныхъ конкуррентовъ. Тѣсная взаимная связь между разными отраслями производства побуждаетъ желать чтобы весь нашъ таможенный тарифъ одновременно подвергся общему пересмотру, при которомъ удобнѣе согласить разные интересы при всемъ кажущемся ихъ противорѣчіи и

отдать каждому должное. При общемъ пересмотрѣ тарифа легче и полнѣе могутъ быть достигнуты и чисто фискальныя цѣли, съ должнымъ соблюденіемъ выгодъ народнаго хозяйства и безъ тѣхъ противорѣчій во взглядахъ на одни и тѣ же интересы какими сопровождаются производимыя отъ времени до времени частныя измѣненія въ таможенныхъ пошлинахъ по фискальнымъ соображеніямъ. Такъ, напримѣръ, два года тому назадъ, при наложеніи пошлинъ на всѣ вообще машины, было рѣшено сдѣлать исключеніе для машинъ сельско-хозяйственныхъ, допустивъ ихъ къ безпошлинному привозу. Несмотря на заявленія многихъ свѣдущихъ въ дѣлѣ сельскихъ хозяевъ что пошлина на сельскохозяйственныя машины не повредила бы земледѣлію, что напротивъ его интересы гораздо лучше были бы обезпечены развитіемъ внутренняго машиностроенія, отъ наложенія пошлины отказались. Пусть лучше прозябаетъ и нейдетъ впередъ нужное въ интересахъ земледѣлія машиностроительное дѣло чѣмъ допустить чтобы на сельскихъ хозяевъ легла таможенная пошлина хотя бы въ размѣрѣ ¼ коп. съ пуда зерна. Но прошло какихъ-нибудь два года, и вотъ идетъ уже рѣчь о налогѣ на хлѣбъ который долженъ лечь на все земледѣліе несравненно большею тягостью, и которымъ не будетъ куплено для него никакой возмѣстительной выгоды, какъ было бы въ случаѣ развитія домашняго производства сельско-хозяйственныхъ машинъ.

№ 160.

Москва, 10-го іюня.

А.

Тяжела утрата понесенная нашею церковью и нашимъ отечествомъ съ кончиною высокопреосвященнаго Макарія, утрата тѣмъ болѣе чувствительная чѣмъ она неожиданнѣе. Онъ былъ еще въ порѣ силъ, и не ослабѣвалъ въ трудѣ своего служенія. Онъ взятъ отъ насъ, Божій воинъ, во всеоружіи духовнаго подвига. Почившій архипастырь былъ великою духовною силой нашего отечества, силою въ какихъ оно такъ нуждается. Какъ и подобаетъ русскому іерарху, онъ былъ вмѣстѣ и патріотомъ Русскаго царства, съ которымъ неразрывно соединены судьбы Православія. Мы убѣдимся, если оглянемся на нашу исторію, что русскому іерарху свойственно быть патріотомъ, ибо православный іерархъ не знаетъ другой земной власти кромѣ единой. Начальники церкви на Руси, пася овецъ и агнцевъ стада Христова, всегда полагали священнымъ долгомъ своимъ служить къ утвержденію православной государственной власти какъ оплота и охраны Церкви на землѣ. Таковы были даже отшельники наши, и краса ихъ, Преподобный Сергій.

Въ Бозѣ почившій владыка не долго занималъ Московскую каѳедру, но въ церковныхъ дѣлахъ здѣшней епархіи уже почувствовалась его твердая и опытная рука. Его свѣтлый практическій умъ, умудренный наукою и исторіей, нельзя было отуманить отвлеченностію и сбить съ толку фразой; ко всякому вопросу относился онъ прямо и просто, съ мудрою трезвостію. Смерть застигла его на многолѣтнемъ трудѣ посвященномъ исторіи Русской Церкви. Уже приготовленъ къ печати томъ XII, и въ своемъ уединеніи владыка дѣятельно работалъ надъ слѣдующимъ, въ который главнымъ образомъ должно было войти дѣло о патріархѣ Никонѣ и судъ надъ нимъ. Сколько поучительнаго могло быть вынесено изъ этой эпохи, сколько свѣта могло быть пролито на вопросы которые и нынѣ тревожатъ и мутятъ умы!

Во все время управленія Московскою епархіей владыка былъ предметомъ ожесточенныхъ, не бывалыхъ еще у насъ публичныхъ нападеній черезъ печать, которыя можно было объяснить только крайнею слабостію правительственной власти. Какъ подобало христіанину іерарху, онъ переносилъ терпѣливо возмутительныя проявленія этой вражды, которая имѣетъ отдаленныя цѣли, пользуясь для нихъ всякими средствами и вступая въ союзъ со всякою низостью. Предъ гробомъ почившаго да устыдятся люди служившіе орудіемъ этой интриги!

Кто займетъ теперь осиротѣвшую каѳедру Московскую? И мысль и сердце невольно обращаются къ далекой Одессѣ... Неужели Херсонскій владыка, учитель нашего въ Бозѣ почившаго архипастыря, столь еще дѣятельный въ проповѣди Слова Божія, неужели этотъ свѣтильникъ догоритъ не въ Москвѣ?

Б.

Германскій парламентъ окончилъ свои занятія, депутаты разъѣхались по домамъ, князь Бисмаркъ переселился въ Фарцинъ, а рѣчи сказанныя имъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ 12 и 14 іюня все еще служатъ предметомъ толковъ повсюду, несмотря на то что бо́льшая часть содержанія ихъ относится къ вопросу, имѣющему совершенно мѣстный германскій интересъ, къ табачной монополіи.

Бо́льшая часть, но не все содержаніе. Князь Бисмаркъ никогда не ограничивается предѣлами обсуждаемаго вопроса; крупными чертами онъ намѣчаетъ отношеніе даннаго вопроса ко всему политическому положенію.

На этотъ разъ германскій канцлеръ говорилъ о вліяніи парламентаризма на внутреннія и внѣшнія отношенія Германской имперіи, съ замѣчательною даже для него откровенностью, сознавался какъ ошибочны были соображенія вынудившія его учредить германскій парламентъ и надѣлить его правами, какъ оказалось дающими возможность „не только содѣйствовать упроченію единства и развитію страны, но и вредить имъ,“ вредить даже международному положенію Германіи. „Когда создавались наши учрежденія, сказалъ князь Бисмаркъ, я дѣйствовалъ подъ впечатлѣніемъ что опасность для національной идеи, для дѣла нашего объединенія заключается въ германскихъ династіяхъ, а якорь спасенія, цементъ для объединенія есть рейхстагъ, которому поэтому нужно было, такъ казалось, дать возможно больше правъ и сдѣлать его возможно болѣе сильнымъ. Я дѣйствовалъ тогда подъ впечатлѣніями прежняго Франкфуртскаго сейма, отъ которыхъ не успѣлъ еще отдѣлаться.“ Прошли годы, и что́ же! „Мои надежды продолжалъ канцлеръ, мои надежды что наше единство обезпечено покоятся сегодня на династіяхъ... Нѣмецкія династіи проникнуты національною идеей, онѣ сознаютъ необходимость идти рука объ руку чтобы противостоять всѣмъ внѣшнимъ опасностямъ, и въ то же время отстаивать свои монархическія права обезпеченныя имъ устройствомъ имперіи. Я увѣренъ что династіи всегда будутъ высоко держать національное знамя, нерушимо охранять политическое и военное единство имперіи отъ покушеній иноземцевъ.“ А еслибы не династіи, еслибъ опорой Германскаго единства долженъ былъ служить рейхстагъ, то „глядя на то какъ идутъ дѣла пришлось бы опасаться что мы потеряемъ то уваженіе которымъ теперь пользуемся, потеряемъ авторитетъ, и наши дѣти опять засядутъ вокругъ хорошо мнѣ знакомаго круглаго стола Франкфуртскаго сейма.“ Парламентъ, досказалъ канцлеръ въ рѣчи 14 іюня, парламентъ, погруженный въ мелочные интересы партій и пререканія съ правительствомъ, не понимаетъ даже внѣшней обстановки при которой ему приходится дѣйствовать. Забыто даже какъ совершилось объединеніе Германіи, какъ создалась имперія. Отъ правительства требуютъ популярныхъ мѣръ и бережливости, подъ которою разумѣютъ сокращеніе военнаго бюджета... „Подумайте, однако, развѣ правительство для своего удовольствія содержитъ такую большую армію? Не хочу касаться вопроса, изъ удовольствія ли или чего другаго наши сосѣди, особенно Франція и Россія, держатъ большія арміи; ограничусь только фактомъ что эти милліоны штыковъ обращены, какъ магнитныя стрѣлки къ полюсу, къ центру Европы. Мы составляемъ этотъ центръ и какъ по своему географическому положенію, такъ и вслѣдствіе условій созданныхъ исторіей, привлекаемъ коалиціи прочихъ державъ. Если мнѣ принадлежитъ въ иностранной политикѣ заслуга, то она состоитъ въ предотвращеніи коалиціи противъ Германіи начиная съ 1871 года.“ Но политическое искусство не привело бы ни къ чему еслибы Германія не располагала внушительною военною силой. Не смотря на очевидную пользу и необходимость той или другой мѣры парламентъ противится ихъ осуществленію. „Обмануть легковѣрныхъ избирателей при ужасающей лживости печати болѣе нежели легко;“ но что́ можетъ сдѣлать оппозиція еслибъ она добилась власти? Ни одна изъ партій не въ силахъ стать правительствомъ и всѣ онѣ враждуютъ между собою, теряя изъ виду общіе государственные интересы. „Фракція ставится впереди государства; эта болѣзнь, присущая конституціонному принципу, замѣчается повсюду.“ Вожакъ партіи озабоченъ выборами, онъ хлопочетъ о популярности. Табачная монополія, говорятъ, не популярна: министру предлагающему ее до этого дѣла нѣтъ. „Я вовсе не забочусь популярно или нѣтъ дѣло, я

желаю только знать, разумно ли, полезно ли оно; популярность есть дѣло мимолетное; сегодня популярно одно, завтра другое. Я пользовался популярностью, потерялъ ее и мало о томъ печалюсь; довольно съ меня сознанія что я исполнилъ свой долгъ. Популярность какого-нибудь дѣла заставляетъ меня скорѣе относиться къ нему скептически, заставляетъ только строже взвѣсить, вправду ли оно разумно? Я не гонюсь за популярностью; я стою у дѣлъ не по волѣ избирателей; мнѣ нужно только чтобы мною былъ доволенъ мой единственный избиратель—король." Въ концѣ рѣчи 12 іюня князь Бисмаркъ еще разъ возвращается къ этому вопросу, приглашая даже самый парламентъ оставить „несчастный страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ и холопство предъ популярностью." Князь Бисмаркъ всегда былъ горячимъ противникомъ парламентаризма. Съ тѣхъ поръ какъ онъ впервые сталъ у кормила правленія въ Пруссіи ему постоянно приходилось вести борьбу съ парламентаризмомъ. Не далѣе какъ въ январѣ, рядомъ фактовъ онъ доказывалъ въ томъ же рейхстагѣ что уступи онъ Прусскому ландтагу въ эпоху конфликта, Германія никогда не достигла бы единства, потому что парламентскія партіи противились всему что могло вести къ этой цѣли: и реорганизаціи арміи, и войнѣ съ Австріей; напротивъ, эти партіи усердно старались вовлечь Пруссію въ столкновеніе съ Россіей въ 1863 году, ради возстановленія Польши. Подъемъ національнаго духа въ 1870 и 1871 годахъ обманулъ дальновиднаго канцлера столько же сколько и опасенія партикуляризма нѣмецкихъ правительствъ, на который онъ наглядѣлся въ прежнемъ Германскомъ Союзѣ, засѣдая за круглымъ столомъ Франкфуртскаго сейма. Князь Бисмаркъ создалъ общегерманскій парламентъ, ждалъ отъ него содѣйствія, видѣлъ въ немъ естественнаго союзника въ борьбѣ съ партикуляризмомъ, и нашелъ врага. Именно рейхстагъ становится гнѣздомъ партикуляризма и всѣхъ центробѣжныхъ силъ, внушающихъ сосѣдямъ мнѣніе что еще разъ можно попытаться привлечь ту или другую изъ этихъ силъ на свою сторону. Парламентъ только сѣетъ недовольство въ странѣ и мѣшаетъ правительству озабоченному облегченіемъ податныхъ силъ чрезмѣрно обремененныхъ прямыми налогами. Пятая часть этихъ налоговъ въ Пруссіи взимается не иначе какъ при посредствѣ экзекуцій и продажи съ аукціона имущества плательщиковъ, а парламенты имперскій и прусскій отказываются даже вникнуть въ дѣло; ландтагъ „нахрапомъ" (stürmisch) требуетъ окончанія сессіи не желая засѣдать лѣтомъ; рейхстагъ, холопствуя предъ сбитымъ съ толку общественнымъ мнѣніемъ, отвергаетъ предложенную правительствомъ мѣру, потому-что она „не популярна" между обманутыми...

Справится ли князь Бисмаркъ со зломъ имъ самимъ созданнымъ? Будетъ ли онъ въ силахъ противустоять поднятому противъ него настроенію? „Уступить, говоритъ онъ, значитъ идти въ Каноссу, только либеральную." Положеніе его облегчается не только властью, тѣмъ что „единственный его избиратель" доволенъ имъ, но и тѣмъ что онъ потерявъ популярность не печалится. Дѣло не популярное сегодня, станетъ популярнымъ завтра; нужно только чтобъ оно было разумно и полезно...

За всѣ эти объясненія и взгляды, вдохновители *Голоса* очень негодуютъ на германскаго канцлера и готовы видѣть въ нихъ зловредное вліяніе *Московскихъ Вѣдомостей*, и чуть не предостерегаютъ его отъ нашихъ внушеній...

№ 161.

Москва, 11-го іюня.

Вслѣдствіе сдѣланнаго правительствомъ приступа къ преобразованію податной системы, вопросъ о пересмотрѣ нашего таможеннаго тарифа самъ собою выдвинулся на первый планъ, сталъ на ближайшую очередь въ ряду государственныхъ задачъ требующихъ рѣшенія. Необходимость таможенной реформы давно уже стала внѣ спора. Даже противники этой реформы вынуждены были признать и неправильность, и отсталость, и безчисленныя несообразности нашего тарифа, и его несоотвѣтствіе потребностямъ русской промышленности, и его невыгодность для казны. Но при всемъ сознаніи несостоятельности тарифа, была въ большомъ ходу мысль что общую таможенную реформу лучше отсрочить до совершенія податной, дабы обѣ эти реформы шли рука объ руку, помогая одна другой.

Теперь, послѣ изданія указа 18 минувшаго мая, не остается болѣе никакого благовиднаго предлога къ дальнѣйшей отсрочкѣ общей таможенной реформы. Остается лишь озаботиться чтобъ она была совершена при условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для всѣхъ уважительныхъ интересовъ народнаго хозяйства. Это тѣмъ нужнѣе что, судя по тому какъ рѣшались у насъ многіе возникавшіе частные вопросы объ измѣненіяхъ таможенныхъ пошлинъ, нельзя сказать чтобъ условія обсужденія этихъ вопросовъ были вполнѣ удовлетворительны.

Разработка всѣхъ таможенныхъ вопросовъ считается спеціальностью финансоваго вѣдомства. Но это вѣдомство имѣетъ наклонность смотрѣть на эти вопросы нѣсколько односторонне, болѣе съ фискальной чѣмъ съ обще-экономической точки зрѣнія. Хотя въ составъ Министерства Финансовъ и входитъ особый Департаментъ Торговли и Мануфактуръ, но не на торговыхъ и промышленныхъ интересахъ сосредоточиваются главнымъ образомъ заботы и дѣятельность Министерства. Далеко впереди этихъ заботъ стоятъ для него иныя задачи. Поддержаніе бюджетнаго равновѣсія, обильное и безнедоимочное поступленіе окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, устраненіе возникающихъ отъ времени до времени затрудненій по кредитной части, вотъ дѣла привлекающія почти все вниманіе финансоваго вѣдомства, и за обсужденіемъ ихъ, естественно, остается очень мало досуга и возможности относиться съ равнымъ вниманіемъ и усердіемъ къ дѣламъ промышленнаго и торговаго міра. Что̀ дѣлается по этой части, дѣлается какъ бы мимоходомъ, урывками, и съ постояннымъ опасеніемъ какъ бы сдѣланное не отозвалось невыгодно на ходѣ другихъ дѣлъ, въ которыхъ финансовое вѣдомство заинтересовано ближе и непосредственнѣе. Къ инымъ вопросамъ, важнымъ для нашей торговли и промышленности, финансовое вѣдомство иногда относится почти такъ же какъ, напримѣръ, къ вопросу о сокращеніи пьянства. Какъ ни гибельно пьянство для народа, какъ ни очевидна заключающаяся въ немъ неодолимая преграда къ подъему общаго благосостоянія, финансовое вѣдомство смотритъ главнымъ образомъ на доставляемый пьянствомъ казенный доходъ, и опасаясь ущерба въ этомъ доходѣ, крѣпко держится за существующую питейную систему, допуская въ ней лишь кое-какія поправки, въ видѣ уступокъ чуть не насильно у него вырванныхъ. Было бы очень печально еслибы при обсужденіи таможенной реформы повторилось то же что̀ и при разсмотрѣніи питейнаго вопроса. Въ виду такой возможности, можетъ-быть, своевременно подумать о созданіи въ ряду правительственныхъ учрежденій такого органа, для котораго интересы разныхъ отраслей народнаго хозяйства были бы прямымъ, а не побочнымъ дѣломъ.

Не разъ возбуждалась мысль объ учрежденіи у насъ особаго министерства земледѣлія, промышленности и торговли. Не беремся судить точно ли требуется созданіе новаго министерства, или та же цѣль можетъ быть достигнута просто измѣненіемъ распредѣленія предметовъ вѣдѣнія между министерствами Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ. Но вообще можно признать пробѣломъ въ системѣ нашей администраціи отсутствіе такого правительственнаго органа, для котораго слѣдить за всѣмъ относящимся къ экономической дѣятельности въ Россіи, устранять все препятствующее ея развитію и пособлять всякому въ ней успѣху было бы главною задачей. Сосредоточеніе въ одномъ вѣдомствѣ всего относящагося ко всѣмъ отраслямъ народнаго труда можетъ, между прочимъ, повести къ лучшему согласованію мѣръ принимаемыхъ въ ихъ интересахъ. Поощреніе торговли шло бы въ предѣлахъ допускаемыхъ интересами промышленности и земледѣлія; поддержка оказываемая обрабатывающей промышленности не шла бы въ разрѣзъ съ требованіями выгодъ эксплуатаціи русской почвы и т. д.

При обсужденіи таможенной реформы, существованіе правительственнаго органа имѣющаго своею главною задачей заботу объ успѣхахъ русскаго экономическаго труда было бы важною гарантіей совершенія этой реформы не въ духѣ какой-либо доктрины, а въ направленіи національной политики. Въ рѣшеніи тарифныхъ вопросовъ, интересы народнаго благосостоянія и возрѣнія бюджетно-фискальнаго свойства имѣли бы равноправныхъ представителей, а это служило бы обезпеченіемъ противъ принесенія общихъ и непреходящихъ интересовъ въ жертву интересамъ болѣе узкимъ и преходящимъ.

Конечно, при обсужденіи таможенной реформы можно прибѣгнуть къ инымъ способамъ представительства затрогиваемыхъ

этою реформой интересовъ. Можно, напримѣръ, вызвать экспертовъ и привлечь ихъ къ участію въ обсужденіи разныхъ тарифныхъ вопросовъ. Но большихъ надеждъ на однѣ эти экспертныя коммиссіи возлагать нельзя. Много ли выиграла постановка питейнаго дѣла отъ созыва для его обсужденія „свѣдущихъ людей?“ Не много выигрываютъ, какъ показалъ опытъ, и тарифные вопросы отъ однихъ совѣщаній приглашаемыхъ экспертовъ. Это мы видѣли, между прочимъ, два года тому назадъ при измѣненіи таможенныхъ пошлинъ на желѣзо, сталь, металлическія издѣлія и машины. Не смотря на созывъ экспертовъ, вопросъ остался полурѣшеннымъ, такъ что уже на другой день послѣ состоявшагося измѣненія пошлинъ мало кто былъ увѣренъ чтобы вновь назначенныя пошлины остались въ силѣ на долгій срокъ. Цѣлью измѣненій въ пошлинахъ было поставлено оказаніе тарифной поддержки всему русскому металлическому производству. Ожидалось поэтому общее повышеніе пошлинъ. На дѣлѣ же получилось вообще не повышеніе, а пониженіе пошлинъ на привозные металлы и металлическія издѣлія. Сдѣлано было кое-что только для машиностроенія, но и то не въ такой мѣрѣ чтобы дѣйствительно обезпечить ему условія развитія въ уровень существующей потребности...

№ 162.

Москва, 12-го іюня.

Въ послѣдней книжкѣ *Русской Старины*, профессоръ Петербургскаго университета, г. Андреевскій, помѣстилъ свои воспоминанія о дѣйствіяхъ покойнаго князя Суворова, бывшаго петербургскимъ генералъ-губернаторомъ въ эпоху студентскихъ безпорядковъ 1861 года, и при этомъ случаѣ сообщилъ не лишенныя интереса подробности о состояніи Петербургскаго университета въ то любопытное время. Это та эпоха когда народился и разцвѣлъ нигилизмъ. Мы тутъ у истока мутнаго теченія, которое привело къ тому что нынѣ принято называть „крамолой,“ а въ широкомъ разливѣ образовало нынѣшнюю такъ-называемую „либеральную партію.“ Не даромъ въ преданіяхъ нигилизма время это представляется какъ нѣкій золотой вѣкъ, когда люди,—по крайней мѣрѣ тѣ кого требовалось обмануть, — были такъ невинны что не замѣчали своей безпомощной неприкрытости. Отъ того времени, на длинный рядъ лѣтъ, пошло то злосчастное броженіе въ какомъ постоянно пребывали наши высшія учебныя заведенія и которое періодически приводило къ „исторіямъ“ сопровождавшимся одинаковыми послѣдствіями. Правительство встрепенется, образуется коммиссія, составятся на бумагѣ какія-нибудь правила для учащихся, а на дѣлѣ все пойдетъ или попрежнему, или еще хуже. Повѣствованіе профессора Андреевскаго объ удивительномъ зрѣлищѣ какое представлялъ Петербургскій университетъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ тѣмъ любопытнѣе что авторъ относится къ невѣроятнымъ явленіямъ которыхъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ весьма сочувственно, не замѣчая сколько пагубы причинилъ молодежи тотъ quasi-либерализмъ воззрѣній и дѣйствій которымъ авторъ воспоминаній восхищается въ себѣ и въ другихъ

„Движеніе“ шестидесятыхъ годовъ коснулось Петербургскаго университета въ ту эпоху когда студенты еще ходили въ форменномъ платьѣ и когда еще не исчезли преданія строгой внѣшней дисциплины прошлаго времени. Студенты и не помышляли еще о *сходкахъ* или студенческихъ митингахъ, отъ которыхъ пошла вся послѣдующая неурядица, и которыя потомъ многочисленные ходатаи студенческихъ правъ, изъ профессоровъ и не-профессоровъ, стали изображать какъ естественную потребность студента, столь же для него необходимую какъ воздухъ для птицы и вода для рыбы. Откуда же явились эти сходки пустившія въ Петербургскомъ университетѣ глубокіе корни? Оказывается что сходки въ Петербургскомъ университетѣ организовало само правительство въ лицѣ попечителя округа, и притомъ почти насильно! Не то ли же самое происходило и въ 1880 году, въ Москвѣ? Попечитель, князь Щербатовъ, „исполненный, говоритъ г. Андреевскій, отмѣнной вѣжливости, несомнѣнно желавшій процвѣтанія университету, давно лелѣялъ въ душѣ желаніе полной его реформы“ и „мечталъ“ объ организаціи студенческаго самоуправленія. „Онъ самъ сталъ созывать студентовъ на совѣщанія съ нимъ. *Сначала студенты шли неохотно на такія совѣщанія*, скоро получившія названія *сходокъ*.“ Настой-

чивость начальства преодолѣла однако въ этомъ случаѣ сопротивленіе, и сходки „стали получать развитіе.“ Достигнуто это было, поясняетъ г. Андреевскій, тѣмъ что, вопервыхъ, „нашли (кто нашелъ?) удобнымъ отобрать отъ инспектора распоряженіе концертами,“ вовторыхъ, затѣяно было изданіе студенческаго сборника, устроили библіотеку и кассу. „Для всѣхъ этихъ *дѣлъ*, справедливо разсуждаетъ г. Андреевскій, требовались распорядители, которыхъ надо было избирать, а для возможности избранія нужны были, уже фактически и установленныя попечителемъ, сходки.“ Г. Андреевскій, впрочемъ, слишкомъ уже исключительно приписываетъ попечителю честь учрежденія сходокъ въ Петербургскомъ университетѣ. Самъ же онъ упоминаетъ что „весьма многіе сочувствовали его мечтѣ,“ разумѣя подъ „многими“ профессоровъ, которые, говоритъ онъ, къ заведеннымъ сходкамъ „относились весьма сочувственно.“ Что̀ же произошло отъ новаго учрежденія? Г. Андреевскій не скрываетъ что студенты перестали заниматься или, какъ онъ выражается, „сходки пожирали напрасно много золотаго времени, мѣшали занятіямъ къ которымъ дѣйствительно стремилось большинство университетской молодежи.“ Это не мѣшаетъ г. Андреевскому считать новое правительственное учрежденіе,—шедшее по его же словамъ наперекоръ доброму стремленію студентовъ учиться,—не только либеральнымъ но и благодѣтельнымъ, такъ какъ подъ его де вліяніемъ „стали создаваться стойкіе характеры (не вожаки ли будущихъ движеній?) и крѣпнуть убѣжденія.“ По мнѣнію автора воспоминаній, требовалось только развить учрежденіе, образовавъ,—конечно насильно,— „студентскія общества и корпораціи.“ Фактъ впрочемъ остался фактомъ. Сходки повели къ неурядицѣ, особенно, какъ замѣчаетъ г. Андреевскій, въ періодъ когда новый попечитель отнесся къ развитію ихъ неодобрительно. Продолжали ли въ этотъ періодъ относиться къ нимъ сочувственно профессора, авторъ не упоминаетъ. Не упоминаетъ онъ и о другомъ обстоятельствѣ, имѣвшемъ не малое значеніе, а именно о стремленіи,—исходившемъ изъ либерально-профессорскихъ кружковъ и нашедшемъ потомъ выраженіе во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ по вопросу о новомъ уставѣ,—широко открывать двери университета, допуская въ него всякаго желающаго приступить къ свѣту. Стремленіе это г. Андреевскій приписываетъ исключительно духу времени. „Въ университетскихъ аудиторіяхъ, говоритъ онъ, стали являться стремившіяся къ пріобрѣтенію знаній дѣвушки.“ Явленіе это неприглядное де со внѣшней стороны, чувствительный г. Андреевскій объясняетъ жаждой „молодаго женскаго поколѣнія пріобрѣтать свѣдѣнія и желаніемъ его поставить дальнѣйшую свою жизнь въ иныя экономическія основы, объявивъ непримиримую войну роскоши и находя чарующую красоту въ образованіи и простотѣ.“ Трудно, конечно, нѣжнѣе выразиться о стриженыхъ особахъ подвизавшихся въ коммунахъ. Въ то же время, свидѣтельствуетъ авторъ, „въ массѣ молодежи... дѣйствовало *множество* постороннихъ, вовсе не принадлежавшихъ къ учащимся.“ Все это не мѣшаетъ однако нашему историку утверждать что „въ 1861 году дѣло студенческое было чисто внутреннее, никакой политической окраски не имѣвшее“ и получившее ее будто бы „только чрезъ годъ, въ мартѣ 1862 г., когда появились первыя прокламаціи и въ студенчество была пущена политическая пропаганда.“ Память въ этомъ случаѣ измѣняетъ лѣтописцу. Въ „*Колоколѣ* изд. А. И. Герцена,“ какъ г. Андреевскій выражается, „договаривавшемъ“ то чего не досказывала отечественная печать, онъ могъ бы въ статьѣ *Матеріалы для исторіи студенческихъ гоненій* найти свидѣтельство что дѣло въ 1861 году далеко не было такимъ спеціально и невинно студенческимъ. А при нѣкоторомъ напряженіи памяти онъ можетъ-быть припомнилъ бы что польская рука обнаруживала себя не тѣмъ только что, какъ онъ выражается, „начавшія разгараться въ Царствѣ Польскомъ надежды на лучшее будущее создавали и въ русскомъ обществѣ критиковъ существующаго.“

Волненія, имѣвшія въ 1861 году послѣдствіемъ временное закрытіе Петербургскаго университета, разыгрались по слѣдующему поводу. Министръ Народнаго Просвѣщенія Ковалевскій удалился изъ министерства оставивъ по себѣ мѣру имѣвшую большія послѣдствія: студентская форма отмѣнялась, студенты внѣ зданій университета (институтъ казеннокоштныхъ былъ уже упраздненъ) объявлялись гражданами до которыхъ университету нѣтъ никакого

дѣла, и съ тѣмъ вмѣстѣ всякія сходки строжайше воспрещались. Мѣра эта, придуманная главнымъ образомъ съ цѣлію сложить отвѣтственность съ завѣдующихъ, шла прямо въ разрѣзъ съ только что поощрявшимся стремленіемъ къ устройству студентскаго самоуправленія, студентскихъ обществъ и корпорацій. Новый министръ, графъ Путятинъ, мало знакомый съ вѣдомствомъ поступившимъ подъ его управленіе, принялъ доставшееся ему въ наслѣдство правительственное постановленіе за серіозное дѣло и порѣшилъ исполнить его, то-есть прекратить сходки. Это и вызвало бурю. Совѣту профессоровъ лѣтомъ 1861 года было поручено составить правила на основаніи послѣдняго постановленія, и изложить ихъ въ особой книжкѣ, которую требовалось выдать каждому студенту. Профессора должны были составлять строгія правила противъ того что̀ они, въ большинствѣ, только что поощряли и сами устраивали. Весьма понятно что они предложили, какъ повѣствуетъ г. Андреевскій, въ правилахъ „такія приспособленія, которыя не ставили бы ихъ прямо въ разрѣзъ съ ожиданіями молодежи,“ то-есть, которыя позволили бы обойти новое постановленіе. Понятно что министерство не согласилось утвердить такія правила. Лекціи открылись безъ правилъ. Студенты по старому занялись сходками. Попечитель (генералъ Филипсонъ) велѣлъ запереть аудиторіи гдѣ не было лекцій. Студенты силой заняли большую залу, „дверь въ которую, какъ обстоятельно повѣствуетъ г. Андреевскій, хотя была заперта, но отъ напора легко открылась, причемъ одно стекло этой двери разбилось.“ Началась извѣстная сумятица: прекращеніе лекцій, шествіе студентовъ толпой чрезъ весь Петербургъ къ попечителю, протесты профессоровъ, закрытіе университета, осада студентами университетскаго зданія, плѣненіе толпы войскомъ и полиціей и отправка захваченныхъ частію въ Петропавловскую крѣпость, частію въ Кронштадтъ. Власть выступила во всемъ аппаратѣ силы, чуть не съ пушками. Объявленные гражданами школьники препровождены въ крѣпости какъ граждане мятежные. И все это поднятіе государственныхъ средствъ обороны было для того чтобы прекратить въ университетѣ сходки! Подстрекатели говорили студентамъ что они *сила*, только бы держались крѣпко. Правительство само обратилось къ нимъ какъ бы къ нѣкоторой значительной силѣ, и хотя не могло не сознавать что имѣетъ дѣло съ кучкой искусственно взволнованныхъ юношей, не догадывалось, отстранивъ дѣтей, хорошенько заняться взрослыми. Была ли по крайней мѣрѣ достигнута цѣль для которой потребовалось обложеніе университета войсками? Менѣе всего. Выступили новые правительственные дѣятели. Министромъ просвѣщенія былъ назначенъ статсъ-секретарь Головнинъ, а „для успокоенія взволновавшагося общества,“ какъ узнаемъ отъ г. Андреевскаго, рижскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургъ. Въ дѣйствіяхъ правительства по отношенію къ университетамъ обнаружилось поразительное раздвоеніе: одною рукою дѣлалось то что̀ раздѣлывалось другою. То что̀ съ одной стороны правительственною властію заявлялось какъ твердое рѣшеніе, съ другой, тою же властію, парализовалось, осмѣивалось, выставлялось какъ нелѣпость. Г. Андреевскій съ умиленіемъ разказываетъ какъ князь Суворовъ началъ съ того что явившись къ задержаннымъ студентамъ „*благодарилъ* ихъ за то что они пашумѣли и тѣмъ содѣйствовали его переходу въ Петербургъ“ и прибавилъ что „понимаетъ энергію молодости и уважаетъ горячія молодыя головки.“ Дѣлается строгое распоряженіе: освобожденныхъ студентовъ обязать подпиской выѣхать въ 24 часа изъ Петербурга „если не представятъ за себя поручителей и если не надѣнутъ платья которое бы не отличало ихъ отъ другихъ гражданъ“ (студенты были въ своей формѣ: „высокихъ сапогахъ и простыхъ тулупахъ“). Двѣсти студентовъ подпавшихъ распоряженію просили ходатайства г. Андреевскаго. Отправились вмѣстѣ къ генералъ-губернатору. Эта правительственная власть крайне удивилась распоряженію другой (жандармской) правительственной власти и немедленно парализовала его. Генералъ-губернаторъ расписалъ студентовъ на поруки: себѣ, профессору Андреевскому, губернскому прокурору и правителю своей канцеляріи. Генералъ-губернаторъ не остановился на этомъ и пожелалъ чтобы студенты выбрали „старостъ или депутатовъ съ которыми можно бы сноситься.“ Студенты заявили что уже дѣло сдѣлано: они въ тюрьмѣ имѣли выборныхъ старостъ, тѣ пусть и остаются депутатами. Генералъ-губернаторъ „тотчасъ же ихъ всѣхъ ут-

вердилъ." Г. Андреевскій замѣтилъ *„въ шутку"* что именно „за это желаніе имѣть своихъ депутатовъ студенты и попали въ крѣпость." Ни генералъ-губернаторъ, ни самъ профессоръ не замѣтили серіозности этой шутки. Но что̀ должно было родиться въ головахъ юношей съ которыми поступали такимъ удивительнымъ образомъ? Затѣмъ послѣдовало нѣчто уже совсѣмъ невѣроятное. Тѣмъ же „депутатамъ," — правительствомъ вопреки правительству назначеннымъ,—дозволено устроить —что̀ бы вы подумали?.. *„вольный университетъ!"* „Много посодѣйствовалъ, прибавляетъ г. Андреевскій, опять князь Суворовъ.". Посодѣйствовали также городской глава, открывшій залы Думы, и министръ Народнаго Просвѣщенія, поспѣшившій утвердить программы приглашенныхъ студентами профессоровъ. Открылся „вольный университетъ," но лекціи въ немъ продолжались только мѣсяцъ. Профессора согласились читать подъ условіемъ чтобы студенты-распорядители отвѣчали за порядокъ. „Къ каждому профессору и приставленъ былъ студентъ-распорядитель всѣмъ завѣдывавшій относительно администраціи на лекціи." Но скоро распорядители заявили что не въ состояніи поддержать порядокъ: хорошъ должно-быть былъ порядокъ въ этомъ вольномъ университетѣ! Тогда профессора отказались, смѣло остался только г. Костомаровъ, но и ему „шумъ помѣшалъ продолжать лекціи." Закрылся вольный университетъ. Открыли опять казенный. Но порча молодежи подвинулась далеко впередъ. Политическая пропаганда работала усиленно (это припоминаетъ и г. Андреевскій) и въ университетѣ и внѣ его, исходя по преимуществу отъ польскихъ вожаковъ. Комическія сцены подстроеннаго студентскаго возстанія на улицахъ Петербурга смѣнились ужасами Петербургскихъ пожаровъ. Трудно было не видѣть что это дѣло тѣхъ же агитаторовъ которымъ „либерально" открывали доступъ въ среду ничѣмъ неограженной молодежи, и которые смущали, совращали и губили эту несчастную молодежь. Но генералъ-губернаторъ, какъ слѣдуетъ изъ разказа г. Андреевскаго, тщательно старался не добираться до подстрекателей, наивно смѣшивая ихъ съ массой молодежи и говоря г. Андреевскому: „вы знаете какъ я люблю и всегда защищаю молодежь, но посмотрите на что же это похоже, вѣдь весь городъ въ пламени!" Странный взглядъ этого добродушнаго сановника еще можно какъ-нибудь объяснить; но труднѣе понять г. Андреевскаго, который не нашелъ ничего въ отвѣтъ какъ новую „шутку:" говорятъ де будетъ наводненіе и его де сдѣлаютъ студенты. Почтенный профессоръ, — повидимому все еще воображающій себя „защитникомъ молодежи" и восхищающійся собою за догадливость что взялъ такую, себѣ ничего не сто̀ящую, а многими пріятствами обставленную роль,—не потрудился пояснить генералъ-губернатору что стараясь сквозь пальцы смотрѣть на политическое значеніе событія, якобы изъ расположенія къ молодежи, онъ оказываетъ нѣжность не молодежи, а ея врагамъ, тому проклятому ферменту который прокрался въ среду молодежи и губилъ ее безпрепятственно...

Вотъ какъ воспитывали мы наше юношество въ золотой вѣкъ шестидесятыхъ годовъ! Любопытна судьба мѣры объявившей студентовъ полноправными гражданами и послужившей поводомъ къ волненію. Мѣра эта, придуманная, какъ упомянуто, въ видахъ безотвѣтственности начальствующихъ, была введена въ конституцію дарованную университетскимъ профессорскимъ коллегіямъ уставомъ 1863 г. и стала однимъ изъ краеугольныхъ камней этого устава, который весь составленъ въ духѣ общей безотвѣтственности.

№ 164.

Москва, 14-го іюня.

Въ Константинополѣ снова засѣдаетъ Европейская международная конференція для рѣшенія одного изъ безчисленныхъ видовъ безконечнаго Восточнаго вопроса. Снова дипломаты шести великихъ державъ будутъ отыскивать, въ цѣломъ рядѣ словообильныхъ засѣданій, наилучшее средство миролюбивымъ образомъ заставить слабую, дряхлую Порту подчиниться твердо и ясно выраженной верховной волѣ европейскаго концерта, и снова слабая, дряхлая Порта, по старымъ, испытаннымъ правиламъ своей дипломатіи, будетъ водить за носъ европейскія державы, очень хорошо зная что ей нечего бояться этой верховной воли, за которою нѣтъ ни штыковъ, ни пушекъ. На сей разъ она даже

особенно пріободрилась, и опираясь на дружбу Германіи, съ презрѣніемъ отказалась принимать участіе въ занятіяхъ конференціи, предоставляя себѣ полную свободу дѣйствій. Причина самоувѣренности Турецкаго правительства кроется однако не въ одномъ только сближеніи съ Германіей, но и въ другихъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, послужившихъ поводомъ къ созванію конференціи.

Конференція созвана по предложенію Франціи и Англіи, и эти державы объявили что единственною цѣлью ея занятій должно быть возстановленіе status quo ante въ Египтѣ. Какъ ни ясна на первый взглядъ эта программа занятій, тѣмъ не менѣе она допускаетъ два совершенно различныя толкованія.

Въ Египтѣ вспыхнула, какъ извѣстно, анти-европейская революція. Во главѣ „національной" мусульманской партіи сталъ энергическій человѣкъ, Араби-паша, который опираясь на преданное ему войско добился поста военнаго министра и сталъ de facto полновластнымъ диктаторомъ Египта. Онъ провозгласилъ своимъ девизомъ „Египетъ для Египтянъ," и объявилъ непримиримую вражду Франціи и Англіи, овладѣвшимъ при посредствѣ англо-французской финансовой коммиссіи всѣми жизненными средствами Египта. По его настояніямъ, былъ созванъ вполнѣ покорный ему египетскій парламентъ который, подчиняясь неоднократно выраженному требованію диктатора, лишилъ англо-французскую коммиссію права завѣдывать египетскими финансами. Англія и Франція принялись за хедива Тевфика, но тотъ объявилъ имъ что не въ силахъ справиться со своимъ военнымъ министромъ и самъ нуждается въ помощи для борьбы съ нимъ. Въ виду этого заявленія, Французское и Англійское правительства отправили въ январѣ 1882 г. къ хедиву коллективную ноту, въ которой обѣщали ему энергическую поддержку если онъ удалитъ Араби-пашу; этимъ, полагали онѣ, и кончится все анти-европейское движеніе въ Египтѣ. Хедивъ, дѣйствительно, понадѣялся на эти обѣщанія и принялъ сторону англо-французской коммиссіи противъ притязаній „національной" партіи. Тогда Араби-паша открыто выступилъ противъ хедива и пригрозилъ ему низложеніемъ. Хедивъ обратился за обѣщанною ему „энергическою поддержкой" къ Англіи и Франціи, которыя однако ограничились совершенно безвредною морскою демонстраціей и предложили созвать конференцію для возстановленія status quo ante въ Египтѣ. Подъ этимъ возстановленіемъ прежняго порядка онѣ разумѣли отставку или даже изгнаніе Араби-паши, такъ какъ о примиреніи его съ хедивомъ повидимому нечего было и думать; съ удаленіемъ мятежнаго министра должны были возстановиться попранныя имъ права англо-французской финансовой коммиссіи.

Всѣ державы согласились какъ на созваніе конференціи, такъ и на предложенную Англіей и Франціей программу ея занятій. Только Порта заявила что не нуждается въ конференціи для возстановленія порядка въ одной изъ ея провинцій, что этотъ порядокъ она возстановитъ сама и съ этою цѣлью отправитъ особаго коммиссара въ Египетъ. Англія и Франція согласились на эту мѣру въ увѣренности что коммиссаръ Турціи приметъ сторону хедива и Европейцевъ и отъ имени султана наложитъ тяжкую кару на мятежнаго военнаго министра. Имъ однако суждено было жестоко обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Отправленный султаномъ въ Египетъ Дервишъ-паша принялъ сторону Араби-паши и примирилъ съ нимъ хедива, которому онъ объяснилъ что Англія съ Франціей никакой серіозной поддержки не окажутъ ему, и что ему гораздо благоразумнѣе присоединиться къ національной партіи и идти рука объ руку съ Араби-пашой противъ европейскаго вліянія въ Египтѣ, такъ какъ этого требуютъ интересы Оттоманской имперіи. Тевфикъ убѣдился этими доводами, отвернулся отъ Европы и для формы назначилъ новое министерство Рахебъ-паши, въ которомъ всѣ портфели были розданы совершенно новымъ лицамъ, а военное министерство осталось за Араби-пашой.

Такимъ образомъ Дервишъ-паша исполнилъ возложенную на него миссію: онъ водворилъ порядокъ въ Египтѣ и положилъ конецъ столкновенію хедива съ національною партіей. Послѣ этого султанъ еще рѣшительнѣе отвергалъ необходимость конференціи, такъ какъ status quo ante уже возстановленъ. Подъ этимъ дипломатическимъ терминомъ Турція слѣдовательно разумѣетъ положеніе до столкновенія Араби-паши съ хедивомъ, тогда какъ Англія съ Франціей стремятся возстановить положеніе бывшее до столкновенія Араби-паши

съ англо-французскою финансовою коммиссіей. Чью сторону примутъ на конференціи остальныя четыре державы пока еще неизвѣстно, но судя по тону нѣмецкихъ, австрійскихъ и италіянскихъ газетъ, едва ли можно сомнѣваться что Турція найдетъ себѣ на конференціи защитниковъ въ лицѣ своего новаго друга Германіи и ея друзей, Австро-Венгріи и Италіи.

Дѣло въ томъ что миссія Дервишъ-паши имѣла еще другое, болѣе важное значеніе нежели простое примиреніе хедива съ Араби-пашой. Она высоко подняла въ глазахъ не только Египтянъ, но и всѣхъ сѣверо-африканскихъ мусульманъ *престижъ* султана, какъ верховнаго политическаго и религіознаго владыки всѣхъ правовѣрныхъ. Объ этомъ громко теперь трубятъ турецкія и арабскія газеты, расходящіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ по всему мусульманскому міру отъ Марокко до Индіи. Подлые гяуры, говорятъ онѣ, хотѣли поссорить Египетскаго хедива съ Египетскимъ народомъ чтобъ еще глубже запустить свои хищническія руки въ Египетскую казну, но достаточно было одного мановенія падишаха чтобы посрамить европейскую интригу; теперь гяуры толпами бѣгутъ изъ Египта и спасаются на свои броненосцы, которые за тѣмъ только и прибыли въ Александрію чтобы, по приказанію султана, увезти съ собою всѣхъ Европейцевъ и очистить отъ нихъ страну принадлежащую только правителю правовѣрныхъ. Не пройдетъ и года какъ они убѣгутъ и изъ Туниса, и изъ Алжира.

Такое возбужденіе мусульманскаго фанатизма, или какъ его называютъ *панисламизма*, на южномъ берегу Средиземнаго моря входитъ въ разчеты не одной только Турціи; оно не противно и Германіи съ Австріей. Все яснѣе и опредѣленнѣе выступаютъ теперь главныя черты намѣченнаго княземъ Бисмаркомъ плана для рѣшенія Восточнаго вопроса согласно съ интересами Германской имперіи: перенесеніе центра Оттоманской имперіи на Средиземное море для постоянной угрозы Франціи, передвиженіе центра Австро-Венгерской монархіи на Балканскій полуостровъ и подчиненіе ей прямымъ или косвеннымъ образомъ всѣхъ населяющихъ полуостровъ славянскихъ племенъ въ видѣ оплота противъ Россіи, и наконецъ присоединеніе нѣмецкихъ провинцій Австріи къ Германіи, а италіянскихъ къ Италіи, дабы этою послѣднею мѣрой обязать себѣ Италію на случай войны съ Франціей.

Осуществленію этого дальновиднаго плана могли бы теперь противодѣйствовать Англія съ Франціей; но для этого необходимо было бы тѣсное между ними сближеніе и немедленное энергическое дѣйствіе. Между тѣмъ перваго не существуетъ, такъ какъ ихъ интересы въ Египетскомъ вопросѣ не тождественны, а второе невозможно такъ какъ стоящіе во главѣ ихъ министры не способны ни на какую дѣйствительно энергическую мѣру. Для Англіи во всемъ Египтѣ важенъ только Суэзскій каналъ, то-есть безопасное сообщеніе по немъ съ Индіей, такъ что она готова на всякія уступки лишь бы гарантировать себѣ это сообщеніе. Для Франціи же Египетскій вопросъ имѣетъ совершенно иную, первостепенную важность, такъ какъ за нимъ могутъ послѣдовательно возникнуть тунисскій и алжирскій вопросы, по мѣрѣ того какъ *панисламизмъ* будетъ охватывать южное побережье Средиземнаго моря. Еслибы во главѣ дѣлъ Франціи стоялъ зоркій энергическій человѣкъ, то она могла бы надѣяться отвратить отъ себя тяжкій ударъ. Но судьба ея ввѣрена г. де-Фрейсине, который цѣлымъ рядомъ ошибокъ совершенно изолировалъ Францію и теперь безпомощно дрожитъ между французскими депутатами и княземъ Бисмаркомъ. Положеніе его дѣйствительно невыносимо, и онъ давно бы палъ еслибы на его мѣсто не долженъ былъ силой вещей снова вступить г. Гамбетта, котораго боятся „представители Французскаго народа.“

Французскія газеты всѣхъ партій и оттѣнковъ, кромѣ разумѣется министерскаго органа *Paix*, только о томъ и толкуютъ что Бисмаркъ готовитъ Франціи новый Седанъ; всѣ жалуются на постыдное униженіе и одинокое положеніе Франціи; всѣ согласны что теперь никто не можетъ спасти ее, такъ какъ всякое энергическое дѣйствіе „непопулярно“ во Франціи, а такого государственнаго человѣка нѣтъ который поставилъ бы спасеніе отечества выше своей личной популярности.

Такимъ образомъ оказывается что Константинопольская конференція, созванная первоначально для того чтобы разсудить хедива съ Араби-пашой, на самомъ дѣлѣ будетъ разбирать дѣло Араби-паши contra де-Фрейсине и судя по всѣмъ признакамъ,

едва ли французскому министру удастся одержать верхъ надъ египетскимъ.

№ 165.

Москва, 15-го іюня.

Давно готовившіяся, предвозвѣщенныя оффиціально еще въ январѣ мѣсяцѣ, измѣненія въ дѣйствующемъ таможенномъ тарифѣ наконецъ состоялись и уже обнародованы. Рѣчь шла, какъ видно изъ текста указа, „объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ по *нѣкоторымъ* статьямъ тарифа.“ Но на самомъ дѣлѣ измѣненія коснулись чуть не всѣхъ статей тарифа, и лишь меньшая часть ихъ остались незатронутыми совершившеюся перемѣной. Перечень статей таможеннаго тарифа по которымъ измѣнены пошлины такъ длиненъ что, при бѣгломъ просмотрѣ, читателю можетъ показаться что онъ имѣетъ дѣло съ результатомъ общаго пересмотра тарифа, котораго всѣ такъ желали, съ настоящею таможенною реформой, о необходимости коей было такъ много говорено и писано. Такого характера, однако, состоявшіяся перемѣны не имѣютъ. Этихъ перемѣнъ много, но огромное большинство ихъ лишено серіознаго значенія. Во многихъ случаяхъ, состоялось главнымъ образомъ не измѣненіе, а округленіе пошлинъ.

Въ этомъ округленіи давно ощущалась надобность. Отъ времени до времени предпринимались у насъ, по фискальнымъ соображеніямъ, огульныя повышенія таможенныхъ пошлинъ на десять процентовъ. Въ послѣдній разъ такая мѣра принята была, какъ извѣстно, 16 декабря 1880 года. Удобныя для разчетовъ круглыя цифры пошлинъ, вслѣдствіе надбавочныхъ процентовъ, естественно приняли такой видъ при которомъ ариѳметическія выкладки какъ таможенныхъ чиновниковъ, такъ и провозителей товаровъ должны были усложниться. Простая и удобная для разчета пошлина въ 25 коп. съ пуда превращалась въ 27½ коп.; пошлина въ 2 р. съ фунта послѣдовательно превращалась въ 2 р. 20 к., затѣмъ въ 2 р. 42 к. и т. п. Многія проистекавшія отсюда неудобства теперь устранены. Такъ, напримѣръ, гдѣ по дѣйствовавшему тарифу пошлина взималась въ размѣрѣ 1 руб. 98 коп. съ пуда (деревянное масло), она будетъ взиматься въ размѣрѣ ровно 2 руб.; вмѣсто 60½ коп. съ пуда (петролей) будетъ взиматься ровно 60 коп., вмѣсто 6 руб. 5 коп. (позументы) ровно 6 руб. и т. д. Такихъ округленій, помощію то небольшаго подъема пошлинъ, то ничтожнаго ихъ пониженія, сдѣлано множество, и если исключить ихъ изъ общаго списка новыхъ нормъ таможеннаго обложенія, списокъ этотъ сильно бы сократился. Но конечно не всѣ измѣненія сдѣланы единственно въ видахъ округленія; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ попытку, правда, слабую и нерѣшительную, къ дѣйствительному измѣненію тарифа въ направленіи требуемомъ интересами народнаго хозяйства.

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ дѣйствовавшаго тарифа было слишкомъ большое число товаровъ пропускавшихся безпошлинно, безо всякихъ къ тому основаній, кромѣ развѣ подражанія англійскому тарифу. Списокъ безпошлинныхъ товаровъ теперь значительно сокращенъ. Въ достаточномъ ли размѣрѣ назначена пошлина на бывшіе безпошлинные товары и слѣдовало ли нѣкоторые изъ нихъ попрежнему освободить отъ уплаты пошлинъ, это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ и то что сдѣлано составляетъ уже шагъ къ лучшему. Правда, ожиданіе что въ интересахъ развитія нашего каменноугольнаго дѣла будетъ наложена пошлина на привозный уголь не оправдалось. Но сѣтовать въ данномъ случаѣ на финансовое вѣдомство было бы, можетъ-быть, несправедливо. Наложеніе пошлины на привозный уголь пошло бы несомнѣнно въ прокъ разработкѣ русскихъ каменноугольныхъ богатствъ, но лишь при условіи чтобы сбытъ нашего каменнаго угля, снабженіе имъ страны, не встрѣчали препятствія въ перевозкѣ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, а именно затрудненія въ этой перевозкѣ и служатъ донынѣ главнымъ камнемъ преткновенія для нашихъ углепромышленниковъ. Пока эти затрудненія не устранены, можетъ-быть несвоевременно было бы облагать привозный уголь. Пошлина на него, конечно, доставила бы казнѣ хорошій доходъ, но она, пожалуй, обременила бы потребителей угля безо всякихъ результатовъ въ дѣлѣ расширенія эксплуатаціи нашихъ угольныхъ копей. Въ меньшей мѣрѣ понятно почему найдено полезнымъ попрежнему пропускать безпошлинно разныхъ сортовъ глины, камень, кирпичи и

другія издѣлія изъ глины; но можно надѣяться что обложеніе этихъ привозныхъ товаровъ не долго заставитъ себя ждать, въ виду рѣшительно обозначившагося стремленія сокращать шагъ за шагомъ число безпошлинныхъ товаровъ.

Въ ряду ихъ въ послѣднее время особенно обращали на себя вниманіе животные продукты, сырыя кожи, сало; требованіе обложить ихъ пошлинами, въ интересахъ нашего скотоводства, было всеобщее. Это требованіе удовлетворено. Привозимыя сырыя кожи будутъ оплачиваться 50 коп., скотское сало 30 коп., стеаринъ 1 рублемъ съ пуда. Жаль только что обложенію сырыхъ кожъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ подъемъ пошлины на выдѣланныя кожи. Эти послѣднія привозятся къ намъ въ количествѣ которое, въ интересахъ нашей кожевенной промышленности, не мѣшало бы ограничить. Но уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть желательно поощреніе привоза выдѣланныхъ кожъ насчетъ сокращенія привоза сырыхъ. Чтобъ избѣжать такого поощренія необходимо было бы вмѣстѣ съ назначеніемъ 50-копѣечной пошлины на сырыя кожи повысить пошлину на выдѣланныя кожи болѣе чѣмъ на 50 коп. съ пуда. Этого, однако, къ сожалѣнію, не сдѣлано. Относительно выдѣланныхъ кожъ, измѣненіе пошлины ограничилось ихъ округленіемъ, опредѣленіемъ нормы ихъ въ 9 рублей вмѣсто 8 р. 80 к. и 5 руб. вмѣсто 4 р. 84 к.

Впрочемъ, говоря вообще, рѣдкая изъ отраслей производства можетъ пожаловаться чтобъ ей отъ сдѣланныхъ измѣненій въ тарифѣ стало хуже, нѣкоторыя же отрасли несомнѣнно должны выиграть, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ какъ было бы желательно и возможно. Овцеводы и шерстепромышленники, конечно, скажутъ спасибо за назначеніе пошлины на шерсть-сырецъ въ 1 руб. съ пуда, вмѣсто прежнихъ $24^1/_5$ к., и за установленіе лучшей чѣмъ донынѣ градаціи пошлинъ на чесаную и нечесаную шерсть, крашеную и не крашеную шерсть и шерстяную пряжу. Скажутъ также спасибо красильщики шелковой и бумажной пряжи, а частію и ея прядильщики. Почувствуютъ себя нѣсколько въ лучшемъ положеніи нѣкоторыя отрасли химическаго и красильнаго производства, главнымъ же образомъ производство анилиновыхъ красокъ, на которыя, не въ примѣръ прочимъ, пошлина повышена болѣе чѣмъ втрое, съ 4 р. 84 к. до 15 рублей съ пуда. Въ немаломъ выигрышѣ окажутся и многіе изъ машиностроителей вслѣдствіе подъема пошлинъ на нѣкоторые виды машинъ съ 1 р. $10^1/_2$ к. до 1 р. 40 к. и до 1 р. 65 к. съ пуда. Устраненіе аномаліи безпошлиннаго ввоза желѣзныхъ морскихъ и рѣчныхъ судовъ также должно обратиться въ ихъ пользу. Но несмотря на всѣ подобныя выгоды предоставляемыя нѣкоторымъ отраслямъ промышленности сдѣланными въ тарифѣ измѣненіями, общаго серіознаго поворота къ лучшему во всемъ ходѣ нашихъ промышленныхъ дѣлъ эти измѣненія не обезпечиваютъ. Общій характеръ тарифа остается прежній. Онъ только мѣстами починенъ и покрашенъ такъ что особенно разительныя его несообразности будутъ впредь менѣе рѣзко бить въ глаза; сдѣлано кое-что въ удовлетвореніе нѣкоторыхъ особенно громко заявлявшихъ о себѣ интересовъ, но сдѣлано въ половину, а большею частію менѣе чѣмъ въ половину. Несоотвѣтствіе тарифа экономическому положенію страны, несогласованность разныхъ его частей одной съ другою, непригодность его устарѣлой классификаціи и номенклатуры товаровъ остаются во всей ихъ силѣ. За устраненіе всѣхъ этихъ коренныхъ недостатковъ нашего тарифа, финансовое вѣдомство, проектируя сдѣланныя нынѣ въ немъ измѣненія, впрочемъ и не бралось. Его прямою цѣлью было небольшое увеличеніе таможеннаго дохода ради удовлетворенія текущихъ нуждъ государственнаго бюджета, а не установленіе обдуманной и серіозно примѣняемой національной политики, которая выразилась бы въ таможенномъ тарифѣ. Эта задача какъ была, такъ и осталась требующею рѣшенія. Еслибы можно было допустить что сдѣланныя въ тарифѣ измѣненія имѣютъ цѣлію упразднить эту задачу, или по крайней мѣрѣ надолго отсрочить приступъ къ ней, пришлось бы, можетъ-быть, пожалѣть объ этихъ измѣненіяхъ, несмотря на кое-какія достигаемыя ими улучшенія въ условіяхъ нѣкоторыхъ видовъ производства. Но если въ этихъ улучшеніяхъ, сдѣланныхъ такъ-сказать мимоходомъ, при удовлетвореніи чисто фискальныхъ цѣлей, видѣть задатки того направленія въ которомъ предполагается совершить предстоящую таможенную реформу, можно успокоиться за ея благопріятный исходъ, отъ котораго равно выиграютъ и все народное хозяйство,

и находящіеся въ прямой отъ него зависимости государственные финансы.

Ограничиваясь пока лишь общими замѣчаніями о сдѣланныхъ въ таможенномъ тарифѣ измѣненіяхъ и не входя въ подробный разборъ ихъ, не можемъ не отмѣтить теперь же еще одного крупнаго факта. Цѣновныя пошлины, которыя составляли одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ тарифа, и съ неудобствами коихъ читатели могли между прочимъ ознакомиться изъ №№ 76, 77, 101 и 103 *Московскихъ Вѣдомостей*, отмѣнены окончательно. Пошлины съ полотна, батиста и готоваго платья будутъ впредь взиматься не въ процентахъ съ оцѣнки произвольно дѣлаемой провозителями товаровъ, а на общихъ основаніяхъ взиманія пошлинъ со всѣхъ вообще товаровъ.

№ 166.

Москва, 16-го іюня.

„Мы не допускаемъ чтобы народъ европейскаго племени могъ развиваться путемъ совершенно отличнымъ отъ того какимъ развивались и развиваются другіе народы того же племени, и думаемъ что подобное явленіе было бы противно законамъ исторіи, что оно служило бы даже отрицаніемъ этихъ законовъ, было бы логическою аномаліей... Чѣмъ полнѣе, чѣмъ шире, чѣмъ могущественнѣе Русскій народъ будетъ въ состояніи развить свои національныя свойства, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе и довольнѣе самъ, тѣмъ больше онъ внесетъ въ общую сокровищницу человѣческаго развитія, тѣмъ лучше онъ исполнитъ свое историческое призваніе. Но для насъ несомнѣнно что такое его національное развитіе можетъ произойти только на общемъ пути европейскаго развитія.“

Кто говоритъ эти напыщенныя фразы? Та самая газета которая, по указанію своего патрона, напрягаетъ всѣ силы чтобъ убѣдить русскую публику будто намъ слѣдуетъ въ образованіи идти путемъ совершенно отличнымъ отъ того какимъ шли народы Европы. Та самая газета которая объявила ожесточенную войну самому могущественному двигателю образованія, европейской школѣ, введенной въ Россіи волей покойнаго Государя именно для того чтобы національное развитіе русскаго народа могло совершаться на общемъ пути европейскаго образованія. Та самая газета которая рекомендуетъ ввести у насъ такую школу гдѣ русскіе дѣти учились бы гораздо меньше и несравненно хуже чѣмъ дѣти Нѣмцевъ, Англичанъ и Французовъ...

Всѣмъ извѣстно почему и въ чемъ мы отстали отъ прочихъ странъ Европы. Мы отстали отъ нихъ прежде всего въ научномъ образованіи. Мы не можемъ до сихъ поръ сравняться съ ними именно потому что онѣ образованнѣе насъ. А превосходятъ онѣ насъ своимъ образованіемъ потому что пользуются богатымъ наслѣдіемъ отжившаго міра, гдѣ начало и корни того что мы называемъ Европой. У нихъ издавна, цѣлыя столѣтія, существуютъ прочно установившіяся образовательныя школы, которыя у насъ существуютъ лишь одиннадцать лѣтъ. Наука европейская стоитъ выше русской науки также потому что русскіе университеты, которые представляются такимъ совершенствомъ на страницахъ *Голоса*, нещадно губятъ золотое время нашей отборной молодежи ищущей высшаго образованія. Господа руководящіе *Голосомъ* желаютъ чтобы Россія развивалась тѣмъ самымъ путемъ какимъ шла вся Европа, а на самомъ дѣлѣ они всячески стараются лишить ее необходимѣйшихъ къ этому средствъ.

Они скажутъ что подъ развитіемъ Россіи они разумѣютъ не умственное развитіе, которое для ихъ личныхъ интересовъ непригодно, а ослабленіе Русскаго государства посредствомъ парламентаризма. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что если Россія отстала въ своемъ развитіи отъ Германіи, Англіи, Франціи, то это только потому что въ этихъ странахъ есть говорильни, а у насъ ихъ нѣтъ (будто бы нѣтъ?). Но Франція стояла высоко не только по своей образованности и по своему развитію, но и по своему политическому значенію еще въ XVII вѣкѣ, когда въ ней не было парламента и когда государство воплощалось въ королѣ. Все чѣмъ сильна наука Германіи, всѣ сокровища ея цивилизаціи, пріобрѣтены ею въ тѣ времена когда ни о какомъ германскомъ парламентѣ и помину не было. Да и современное политическое могущество Германіи явилось какъ извѣстно не *вслѣдствіе* ея парламентаризма, а *вопреки* ему, благодаря тому именно что князь Бисмаркъ дѣйствовалъ отнюдь не по изволенію такъ-называемыхъ „представителей народа.“ Примѣры эти

ясно доказываютъ что парламентаризмъ въ развитіи народа ни при чемъ; что же касается Англіи, то ея парламентаризмъ былъ toto genere отличенъ отъ того идеала о которомъ мечтаютъ наши парламентаристы.

Если Германія, Англія, Франція, столь различныя по своему политическому устройству, заняли первенствующее мѣсто въ Европѣ по своей культурѣ, то причина этому явленію заключается ни въ чемъ иномъ какъ въ общемъ для всѣхъ ихъ *пути*, въ той школѣ благодаря которой западная Европа стала наслѣдницей цивилизаціи цѣлаго великаго отжившаго міра съ котораго начинается исторія Европы. Слѣдовательно, тотъ обще-европейскій путь развитія, по которому слѣдуетъ идти Россіи для того чтобы сравняться съ Европой, вовсе не заключается въ парламентаризмѣ.

Что же дѣлаютъ руководители *Голоса?* Они, правда, велятъ теперь своимъ „публицистамъ“ восхвалять пышными фразами классическое образованіе и называть его „великимъ орудіемъ европейскаго просвѣщенія,“ а на самомъ дѣлѣ предлагаютъ надѣлить Россію лжеучебными заведеніями, спеціально изобрѣтенными для обмана науки. Для „развитія“ же они съ развязностью ярмарочнаго шарлатана рекомендуютъ свою магическую панацею противъ всѣхъ возможныхъ золъ и бѣдствій приключающихся въ Россіи. Панацея эта все тотъ же парламентаризмъ, извѣстный подъ болѣе легальною кличкой „правоваго порядка.“ Если въ другихъ Европейскихъ государствахъ совершаются преступленія и приключаются несчастные случаи, то это можетъ происходить отъ весьма разнообразныхъ причинъ; но если тѣ же преступленія и несчастные случаи являются по сю сторону русской границы, то они, по увѣренію шарлатановъ, должны быть объясняемы у насъ только отсутствіемъ парламентской конституціи. Это нелѣпое объясненіе очевидно возможно только посредствомъ грубѣйшихъ софизмовъ и лжи, направленной противъ публики, которая по мнѣнію отвѣтственныхъ и неотвѣтственныхъ редакторовъ *Голоса* должна отличаться невѣроятною наивностью. Мы не разъ уже раскрывали этотъ наглый обманъ и считаемъ не лишнимъ продолжать эти раскрытія. Вотъ нѣсколько примѣровъ взятыхъ изъ ежедневной практики этихъ господъ.

Въ селѣ Поддубровкахъ, Усманскаго уѣзда, крестьянка Матрена Толстыхъ обокрала живущаго въ селѣ отставнаго канонира Ѳедора Нижегородова. Мировой судья присудилъ воровку къ тюремному заключенію и, сверхъ того, постановилъ взыскать съ нея, по гражданскому иску, двѣсти съ чѣмъ-то рублей. Дѣло было перенесено въ мировой съѣздъ, но рѣшено такъ же. 18 августа 1878 года судебный приставъ Костевичъ описалъ находящееся въ ея квартирѣ движимое имущество и приказалъ доставить его къ 25 августа въ волостное правленіе для торговъ. Мужъ Матрены Иванъ Толстыхъ однако не выдалъ описаннаго имущества старостѣ, и 25 августа судебный приставъ принужденъ былъ производить аукціонъ на дворѣ Толстыхъ. По окончаніи аукціона, когда покупатели стали было разбирать купленное, воровка со своимъ мужемъ и сыномъ подняла невыразимый гвалтъ. Вооружившись кочергой, дубинкой и косьемъ, они стали грозить ими приставу и покупателямъ Къ бунтовавшимъ крестьянамъ подоспѣлъ на помощь мѣстный сельскій учитель Николай Покровскій, который обратился съ громкими упреками къ судебному приставу за то что тотъ продаетъ у мужика „послѣднее имущество.“ Когда же судебный приставъ возразилъ что онъ дѣйствуетъ по закону, Покровскій закричалъ: „Какой же это законъ: это — грабежъ.“ Г. Костевичъ послалъ за становымъ, который водворилъ порядокъ и усмирилъ разбушевавшуюся семью воровки и выступившаго на ея защиту сельскаго учителя. Составленъ былъ актъ, началось судебное слѣдствіе, и Покровскій вмѣстѣ съ семьей Толстыхъ былъ преданъ суду „за оскорбленіе судебнаго пристава при исполненіи имъ обязанностей службы,“ а милостивый судъ приговорилъ Покровскаго къ десятирублевому штрафу. По окончаніи дѣла онъ обратился въ училищный совѣтъ съ просьбой снова опредѣлить его въ Поддубровскую школу, но совѣтъ отклонилъ эту просьбу. Покровскій разстался со своею школой и сталъ торговать лѣсомъ. Тѣмъ вся исторія и кончается. Ничего въ ней особеннаго нѣтъ, и она могла бы случиться какъ въ Россіи, такъ и въ другой странѣ, хотя бы, напримѣръ, въ парламентской Австро-Венгріи, гдѣ такъ обильны сельскіе аукціоны крестьянскаго имущества для пополненія податей, съ тою

лишь разницей что тамъ подстрекатель къ неповиновенію судебнымъ властямъ, въ родѣ учителя Николая Покровскаго, не отдѣлался бы такимъ легкимъ денежнымъ штрафомъ.

Что же по поводу этой исторіи говорится въ *Голосѣ?* Особая статья посвященная этому дѣлу видитъ въ немъ яркій примѣръ „нашей сумятицы“ вслѣдствіе недостающаго у насъ „правоваго порядка.“ Вотъ подлинныя слова этой статьи:

„Вся эта исторія прошла предъ глазами крестьянъ. Они, конечно, вынесли изъ нея полнѣйшее уваженіе... къ Покровскому. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, официальная правда, систематично потрясаемая въ ихъ глазахъ, теперь совершенно потеряла свой престижъ и откровенно именуется ими „подвохомъ.“ Это—ихъ убѣжденіе, красною нитью проходящее во всякихъ отношеніяхъ къ начальству. (Откуда это извѣстно, авторъ статьи конечно не говоритъ.) И въ этомъ убѣжденіи растутъ ихъ дѣти. Я не объ однѣхъ Поддубровкахъ говорю. Поддубровки—капля въ морѣ. *Я говорю о томъ что неминуемо настанетъ день когда это убѣжденіе окрѣпнетъ до степени глубокой вѣры, и тогда горе тому дню, потому что онъ можетъ заполониться такою сумятицей, размѣра которой мы даже предугадать не можемъ...* А въ концѣ концовъ, скверно живется на Руси, господа, и лучше бы всякаго звѣря сдерживать на уздѣ и каждаго Костевича устрашать „правовымъ порядкомъ.“ „Устрашать“ этотъ порядокъ можетъ только именно Костевичей, *простымъ же и безхитростнымъ представителямъ органическихъ крестьянскихъ стремленій — Покровскимъ и имъ подобнымъ — онъ дастъ жизнь.* А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздвигнетъ на надлежащую высоту ту правду которая въ глазахъ крестьянства приняла форму „подвоха“ (*Голосъ*, № 135):

Хорошъ „правовой порядокъ“ который „устрашитъ“ людей поступающихъ по закону и „дастъ жизнь“ подстрекателямъ воровской семьи къ неповиновенію закону—Покровскимъ и имъ подобнымъ!

Казалось бы далѣе этого наглаго издѣвательства надъ здравымъ смысломъ идти некуда. Но патроны *Голоса* не знаютъ предѣловъ для своей безсовѣстной дѣятельности. Это доказываетъ слѣдующій совершенно невѣроятный примѣръ.

26 мая текущаго года въ Самарѣ временное отдѣленіе Казанскаго Военно-окружнаго Суда разсматривало дѣло подпоручика Штемпеля, убившаго выстрѣломъ въ одномъ изъ самарскихъ домовъ терпимости самарскаго дворянина Яроваго. Судъ оправдалъ убійцу. Въ этомъ дѣлѣ много возмутительныхъ подробностей изъ коихъ самая неимовѣрная — оправданіе убійцы. Послушаемъ однако въ какія разсужденія по этому поводу пускается *Голосъ* въ передовой статьѣ № 131:

„Не объ убитомъ Яровомъ и не объ оправданномъ Штемпелѣ можно и стоитъ теперь говорить. Насъ занимаетъ другаго рода вопросъ, *выдвигаемый окраской, которую злосчастное самарское дѣло придаетъ нынѣшнему состоянію нашихъ общественныхъ нравовъ (!).* Участники этого дѣла, посѣтители торговаго заведенія Нечуевой, принадлежали по всѣмъ признакамъ къ образованной части самарскаго общества. Это были офицеры, земскіе дѣятели, чиновники, люди, безо всякаго сомнѣнія, получившіе хотя бы среднее образованіе... Неужели такъ-таки всѣ стремленія и тянули ихъ неудержимо въ это грязное мѣсто и ничего лучшаго имъ не предстояло? Кто они такіе? Грязные, совершенно погибшіе люди, или же *при другихъ обстоятельствахъ* мы увидѣли бы ихъ въ другой роли? Послѣднее кажется несомнѣннымъ (?). Условія самарской, а *можетъ быть и другой жизни* такъ должно-быть сложились *что люди не туда попадаютъ, гдѣ имъ слѣдовало бы находиться* (!!?) Когда глухо, тихо всюду, когда пульсъ общественной жизни бьется слабо, или чувствуется его біеніе только съ нѣкоторою тревогой, тогда общество поддается вліянію самыхъ дурныхъ страстей и развратъ принимаетъ наиболѣе грязныя формы.... Въ обществѣ не слышно никакихъ призывовъ на служеніе общественному дѣлу—что же дѣлать людямъ, которые можетъ-быть, *при другой общественной обстановкѣ,* были бы полезными и почтенными дѣятелями? Имъ остаются карты, вино, нажива, развратъ, разнузданность, а потомъ въ дальнѣйшей перспективѣ, уголовщина съ ея послѣдствіями.... Гдѣ та живительная сила которая разнесла бы гниль и смрадъ, въ которыхъ задыхаются люди?“

Итакъ дѣло очень просто. Россія стоитъ предъ дилеммой: или конституція, или

проституція! Чтобы люди не ходили по „торговымъ заведеніямъ“ извѣстнаго разряда и чтобы имъ не было скучно, нужна другая общественная обстановка. Какая же? Конечно, парламентъ открыть.. Вотъ такъ будетъ парламентъ! Только гдѣ залу найти, которая вмѣстила бы всѣхъ этихъ господъ? За то какъ хорошо пойдутъ всѣ наши дѣла! Какъ процвѣтетъ законодательство! Проституція же изчезнетъ какъ во Франціи, Англіи и другихъ странахъ „правоваго порядка;“ водворится въ Русской землѣ благочестіе не хуже чѣмъ изображаемое въ романахъ Эмиля Зола.

Но и это не все. Послушайте далѣе. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ той же газеты, нѣкто г. Эртель требуетъ *праваго порядка* во имя литературы. Никто до теперь не можетъ изобразить должнымъ образомъ мужика. И Глѣбъ Успенскій, и Златовратскій изображаютъ только отдѣльные типы мужика, а нужно изобразить *мужика синтетическаго* (sic). Никакой талантъ тутъ не поможетъ. *Синтетическій мужикъ* можетъ явиться только при условіи *правоваго порядка*. Будетъ конституція, будетъ и *синтетическій мужикъ!* *)

№ 167.

Москва, 17-го Іюня.

Возвращаемся къ измѣненіямъ въ нашемъ таможенномъ тарифѣ. Мы замѣтили что бо̀льшая часть послѣдовавшихъ измѣненій есть только округленіе цифръ прежняго тарифа въ видахъ упрощенія ариѳметическихъ выкладокъ для таможенныхъ чиновниковъ и товаропровозителей, и что хотя сдѣлано кое-что въ удовлетвореніе нѣкоторыхъ особенно громко заявлявшихъ о себѣ интересовъ, но сдѣлано на половину, а большею частью даже меньше чѣмъ на половину.

Оружейная промышленность не попала, однако, въ число тѣхъ отраслей народнаго труда которымъ въ новомъ тарифѣ хоть такъ посчастливилось. А между тѣмъ наше оружейное производство, даже по признанію официальной военной газеты, не только не развивается, а идетъ внизъ, замираетъ, все болѣе и болѣе ограничиваясь изготовленіемъ дешевыхъ сортовъ оружія.

Мы уже какъ-то замѣчали что причина этому несомнѣнно лежитъ въ таможенномъ тарифѣ, хотя на первый взглядъ привозное оружіе обложено у насъ и весьма крупною пошлиной.

Статья 171 тарифа опредѣляетъ что „оружіе бѣлое, клинки сабельные и другіе, огнестрѣльное оружіе ручное, кромѣ духоваго, запрещеннаго къ привозу, и всякія къ оному принадлежности“ очищаются 19 р. 80 к. съ пуда, при чемъ, какъ сказано въ примѣчаніи, „огнестрѣльное оружіе привозимое въ ящикахъ и футлярахъ оплачивается совокупно съ вѣсомъ сихъ помѣщеній.“ По новому тарифу будетъ взиматься за пудъ оружія 20 рублей, то-есть двугривеннымъ на пудъ болѣе прежняго.

Дѣйствительно, такое обложеніе можетъ показаться даже слишкомъ высокимъ. Въ Германіи по этой статьѣ взимается приблизительно 1 р. 22 к. съ пуда, въ Австріи, въ среднемъ выводѣ, 1 р. 94 к., во Франціи 5 р. 61 к. Но всѣ эти государства, по развитію своей оружейной промышленности, не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ нами. У насъ оружейная промышленность падаетъ, а Германія, Австро-Венгрія, Франція работаютъ на вывозъ; предъ ними открытъ всемірный рынокъ; нѣмецкіе револьверы, сабли, ружья идутъ съ успѣхомъ даже въ Англію.

Тарифъ можетъ быть названъ высокимъ или низкимъ въ зависимости вовсе не отъ числа рублей или копѣекъ взимаемыхъ съ пуда товара, а отъ того достигаетъ ли онъ своей главной цѣли, огражденія на-

---

*) Выписываемъ изъ *Голоса* (№ 157) эти куріознѣйшія строки: „Никакой талантъ, хотя бы онъ былъ подобенъ Пушкину, не въ состояніи разобраться въ хаосѣ, свирѣпствующемъ на Руси. Онъ, пожалуй, можетъ его констатировать сильными, но аляповатыми (!!) чертами, въ родѣ этихъ:

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.

„Но освѣтить мятущееся пространство все-таки онъ не можетъ. Для этого нужно умиротворить сумятицу, упразднить холопскія чувства за ихъ ненадобностью, гарантировать неприкосновенность личности, урегулировать отправленія государственной и общественной жизни, словомъ нуженъ *правовой порядокъ*. И когда водворится, наконецъ, этотъ порядокъ — не замедлитъ придти писатель, который сильною и твердою рукой воздвигнетъ правду на Руси и воплотитъ руководящую идею, лучезарную какъ эта правда. И этою идеей будетъ синтетическій мужикъ.“

роднаго труда, или не достигаетъ. Таковъ ли нашъ тарифъ? Прежде всего наша оружейная промышленность нуждается въ огражденіи отъ конкурренціи дорогихъ иностранныхъ издѣлій; намъ надо не поднять только, а прямо водворить у насъ производство оружія высокихъ качествъ, тарифъ же облагаетъ одинаковою пошлиной какъ высокіе, такъ и низкіе сорты оружія. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ напримѣръ сабли въ готовомъ видѣ. Вѣсъ каждой менѣе 3 фунтовъ; въ пудѣ ихъ около 14 штукъ. Самая дешевая сабля, по заводской разцѣнкѣ въ Тулѣ, стоитъ 9 рублей, самая дорогая 15 рублей. Таможенная пошлина для нихъ одинакова, около 1 р. 43 коп. за штуку, и выходитъ что за дешевыя сабли взимается 15%, а за дорогія только 10% съ цѣны, тогда какъ въ Америкѣ взяли бы 45% съ цѣны.

Это еще рѣшительнѣе видно на ружьяхъ, гдѣ разница между высокими и низкими сортами по цѣнѣ значительнѣе: высокаго качества ружья часто въ пять и десять разъ дороже среднихъ сортовъ. Въ среднемъ выводѣ въ пудѣ будетъ около пяти ружей, стало-быть пошлина составитъ одинаково 4 рубля съ ружья, будетъ ли оно цѣниться въ 10, 25 или въ 250 рублей. Правда, дорогое оружіе привозится въ ящикахъ, а слѣдовательно въ силу вышеприведеннаго примѣчанія оплачивается дороже, но ящикъ никогда не превзойдетъ по вѣсу самого ружья; поэтому пошлина съ дорогихъ ружей много-много если вдвое только больше нежели съ дешевыхъ, тогда какъ цѣна первыхъ вдесятеро выше. За ружья Американецъ беретъ 35% съ цѣны, или почти вдвое больше нашего съ дешеваго, и въ двадцать разъ болѣе съ дорогаго. Вотъ это покровительство оружейной промышленности, которая въ Америкѣ потому-то можетъ-быть и достигла такой степени развитія что съ нею не можетъ соперничать никакая другая страна.

Это пока только одна сторона дѣла: нашъ тарифъ облагаетъ одинаково какъ готовыя издѣлія и части ихъ, такъ и ружейные стволы неотдѣланные, тогда какъ напримѣръ въ Австріи отдѣльныя части оружія и стволы въ сыромъ видѣ обложены *вдвое* слабѣе готоваго ружья, а во Франціи даже втрое и впятеро. Для оружейной промышленности совсѣмъ не одно и то же будетъ если привезены только отдѣльныя части ружья или цѣлое ружье: первыя нужно еще собрать и, какъ говорится, „отладить,“ что составляетъ на заводахъ цѣнную работу, требующую рукъ хорошаго мастера.

Разсматривая иностранные тарифы, можно видѣть стремленіе оградить преимущественно тѣ отрасли оружейной промышленности кои имѣютъ особо важное значеніе для государства; такъ въ Австріи, Италіи, Франціи холодное оружіе обложено болѣе дешевою пошлиной нежели огнестрѣльное; во Франціи дѣлается различіе даже между видами огнестрѣльнаго оружія, и различіе весьма большое. На кругъ съ пуда оружія тамъ взимается 5 р. 61 коп., съ ружей и пистолетовъ заряжаемыхъ съ дула уже 9 р. 84 коп., а съ ружей и пистолетовъ заряжаемыхъ съ казны 14 р. 76 коп.

Намъ слѣдовало бы обратить на это обстоятельство особое вниманіе, такъ какъ мы уже испытали всѣ послѣдствія недостатка въ подготовленныхъ для выдѣлки военнаго оружія мастеровъ, что задержало и перевооруженіе нашей арміи, сначала передѣлочными, а потомъ и новыми, малокалиберными винтовками

Еслибы наше оружейное производство шло впередъ, а не назадъ, мы вѣроятно теперь, точно такъ же какъ Германцы и Австрійцы, были бы вооружены ружьями своихъ системъ; а не иностранными, и не покупали бы за границей револьверовъ для арміи, въ добавокъ ко всему, весьма невысокаго достоинства. При покровительствѣ тарифа, при огражденіи и поощреніи, наша оружейная промышленность сдѣлала бы можетъ-быть даже очень быстрые успѣхи; недостатка въ свѣдущихъ мастерахъ мы скоро и не увидали бы вовсе. Это отчасти доказываетъ настоящая Промышленная Выставка. Изготовленіе мѣдныхъ патроновъ къ ружьямъ казнозаряднымъ (военнымъ) у насъ водворено очень недавно; работа началась на американскихъ станкахъ; теперь же бо̀льшая часть станковъ, въ своихъ существенныхъ частяхъ, принадлежитъ русскимъ изобрѣтателямъ, мастерамъ того же патроннаго завода.

Привилегіи по оружейной части у насъ выдаются не иначе какъ съ согласія на то артиллерійскаго вѣдомства. Было бы справедливо и практично справляться тамъ же и о желательныхъ размѣрахъ обложенія пошлиной того или другаго сорта оружія. Артиллерійское вѣдомство особенно чувствуетъ всѣ невыгоды жалкаго состо-

янія нашей оружейной промышленности. Этого требуетъ даже удовлетвореніе чисто-фискальныхъ цѣлей тарифа. Въ самомъ дѣлѣ, не уходятъ ли получаемыя теперь государствомъ съ привознаго оружія пошлины, вопервыхъ, на повышеніе цѣнъ мастеровымъ нашихъ казенныхъ заводовъ, вслѣдствіе того что предложеніе умѣлыхъ рукъ у насъ сравнительно ограниченно, а вовторыхъ, на лишніе расходы по иностраннымъ заказамъ?

— —

№ 168.

Москва, 18-го іюня.

Египетскій вопросъ заслонилъ собою въ настоящее время всѣ остальные политическіе интересы Европы. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе осложняется и запутывается, и трудно предвидѣть когда и въ какомъ смыслѣ послѣдуетъ его разрѣшеніе. Константинопольская конференція будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, только однимъ и далеко не послѣднимъ изъ его фазисовъ, тѣмъ болѣе что изъ трехъ наиболѣе заинтересованныхъ въ немъ державъ одна, Турція, не только въ конференціи не участвуетъ, но даже бравируетъ ее, наградивъ надняхъ орденомъ Меджидіе 1-й степени того самаго Араби-пашу котораго засѣдающіе въ Константинополѣ представители шести великихъ державъ призваны судить какъ мятежника противъ верховной власти султана. Остальныя двѣ заинтересованныя въ Египетскомъ вопросѣ державы, Англія и Франція, по коллективному приглашенію которыхъ состоялась конференція, связаны между собой лишь самыми слабыми узами общихъ якобы интересовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ далеко не сходятся въ цѣли своей политики. Насколько прочна мнимая солидарность и сердечное согласіе (entente cordiale), существующее, по увѣренію г. де-Фрейсине, между Англіей и Франціей, въ этомъ легко можно убѣдиться ознакомившись съ тѣми дипломатическими документами, проливающими свѣтъ на возникновеніе Египетскаго вопроса, которые надняхъ, почти одновременно, обнародованы Англійскимъ и Французскимъ правительствами.

Англійская *Синяя Книга* содержитъ дипломатическую корреспонденцію Сентъ-Джемскаго кабинета, отъ 6 февраля по 16 мая текущаго года, и служитъ такимъ образомъ дополненіемъ ко французской *Желтой Книгѣ*, документы которой обнимаютъ періодъ съ 15 ноября 1881 года до 11 марта 1882, то-есть время министерства г. Гамбетты и первый мѣсяцъ правленія г. де-Фрейсине. Сверхъ того, третьимъ неожиданнымъ документомъ, также раскрывающимъ въ извѣстной степени возникновеніе Египетскаго вопроса, явилось интересное письмо г. Блёнта (Blunt), напечатанное 11 (23) іюня въ газетѣ *Times*. Изъ внимательнаго изученія всѣхъ этихъ разнообразныхъ документовъ выясняется съ полною наглядностью осторожный и даже нѣсколько двуличный характеръ политики англійскаго кабинета, парализовавшаго сначала энергію г. Гамбетты и содѣйствовавшаго затѣмъ полному изолированію Франціи, руководимой нерѣшительнымъ и недальновиднымъ г. де-Фрейсине.

Изъ письма г. Блёнта мы впервые узнаемъ что прошлою зимой, въ самомъ началѣ возбужденнаго Араби-пашой египетскаго „національнаго" движенія, англійскій консулъ въ Каирѣ, г. Малетъ, вступилъ въ тайные переговоры, при посредничествѣ г. Блёнта, съ главой національной партіи. Въ декабрѣ 1881 года, г. Блёнтъ выработалъ даже для этой партіи обширную программу, которая въ то время надѣлала много шуму во Франціи, такъ какъ въ составленіи ея слишкомъ ясно проглядывала европейская рука. Англійское правительство хотѣло очевидно воспользоваться Египетскимъ національнымъ движеніемъ для своихъ личныхъ цѣлей, помимо Франціи Но тревога поднятая вышесказанною программой, съ одной стороны, и слишкомъ рѣзкія дѣйствія Араби-паши по отношенію къ хедиву и англо-французской финансовой коммиссіи, съ другой, заставили г. Гладстона прервать всякія сношенія съ національною партіей, что г. Блёнтъ называетъ въ своемъ письмѣ величайшею ошибкой, вызвавшею де всѣ послѣдовавшія затѣмъ въ Египтѣ ненормальныя явленія.

Г. Гладстонъ, разочаровавшись въ своемъ черезчуръ смѣломъ союзникѣ Араби-пашѣ, счелъ нужнымъ прежде всего успокоить всполошившагося г. Гамбетту и увѣрить его въ полной солидарности интересовъ Англіи и Франціи въ Египтѣ. Этимъ объясняется почему первыя депеши г. Гамбетты были съ такимъ сочувствіемъ при-

няты лордомъ Гранвиллемъ что французскій министръ даже выразилъ 29 декабря свою особую признательность англійскому послу въ Парижѣ. Онъ добился даже того что лордъ Гранвилль согласился отправить коллективную англо-французскую ноту къ хедиву, въ которой ему обѣщалась энергическая поддержка противъ притязаній Араби-паши; мало того, лордъ Гранвилль предоставилъ даже редакцію этой ноты самому г. Гамбеттѣ.

Коллективная нота была отправлена 8 января 1882, и, какъ извѣстилъ г Малетъ лорда Гранвилля, не произвела того дѣйствія котораго отъ нея ожидали. Хедивъ, правда, повѣрилъ даннымъ ему обѣщаніямъ и сталъ смѣлѣе противиться Араби-пашѣ, но послѣдній нисколько не потерялъ своей увѣренности въ успѣхѣ и сталъ еще болѣе агитировать противъ англо-французскаго вмѣшательства. Въ виду этого г. Гладстонъ счелъ болѣе благоразумнымъ также отстраниться отъ г. Гамбетты, какъ онъ предъ тѣмъ отстранился отъ Араби-паши. 17 января лордъ Гранвилль заявилъ французскому послу въ Лондонѣ что Англійское правительство подразумѣвало подъ энергическою поддержкой обѣщанною хедиву лишь „платоническое, чисто нравственное ободреніе,“ которое вовсе не обусловливаетъ собою какого-нибудь инаго, напримѣръ военнаго вмѣшательства. Г. Гамбетта, получивъ это неожиданное извѣстіе объ отступленіи г. Гладстона, отправилъ къ нему цѣлый рядъ депешъ въ которыхъ настаивалъ на необходимости единодушнаго дѣйствія для Англіи и Франціи, даже еслибы пришлось прибѣгнуть къ военному вмѣшательству, и лордъ Гранвилль какъ будто уже начиналъ подаваться на его убѣжденія, когда 26 января г. Гамбетта принужденъ былъ уступить свой правительственный постъ г-ну де-Фрейсине.

Новый французскій министръ началъ новую политику по отношенію къ Египетскому вопросу и заявилъ что порицаетъ насильственныя мѣры рекомендованныя г. Гамбеттой и никогда не согласится на военное вмѣшательство Франціи въ Египтѣ. Снова на короткое время была провозглашена солидарность интересовъ и политики Англіи и Франціи въ Египтѣ. Но вскорѣ между Англіей и Франціей обнаружилось рѣзкое несогласіе. Французскій министръ предложилъ отправить „для демонстраціи“ англо-французскую эскадру въ Александрію. Лордъ Гранвилль счелъ эту мѣру совершенно безполезною, и предложилъ вмѣсто этого поручить Турціи занять Египетъ своими войсками, ссылаясь на то что *даже князь Бисмаркъ* въ своемъ разговорѣ съ англійскимъ посломъ въ Берлинѣ, лордомъ Амптилломъ, считаетъ военное вмѣшательство Турціи „наименѣе нежелательнымъ.“ Но г. Фрейсине объ этомъ сперва и слышать не хочетъ, а затѣмъ 12 мая согласился на посылку турецкихъ войскъ въ Египетъ, но съ тѣмъ условіемъ чтобъ они дѣйствовали тамъ подъ французскимъ контролемъ для цѣлей и на условіяхъ кои опредѣлитъ Французское правительство (!). Сверхъ того г. де-Фрейсине постоянно настаивалъ на томъ чтобъ Англія и Франція сами, безъ содѣйствія другихъ державъ, рѣшили Египетскій вопросъ, тогда какъ лордъ Гранвилль не хотѣлъ связывать себѣ рукъ, дѣйствуя съ одною только Франціей, и настаивалъ на созваніи Европейской конференціи. Въ концѣ концовъ произошла взаимная уступка: лордъ Гранвилль согласился послать англо-французскую эскадру въ Александрію, а г. де-Фрейсине согласился подчиниться вердикту Европейской конференціи.

Но и теперь повидимому Англія дѣйствуетъ далеко не солидарно съ Франціей. Узнавъ о томъ что Араби-паша грозитъ разрушить Суэзскій каналъ, Британское правительство готовится высадить, безъ Франціи, войска для защиты канала, подъ тѣмъ предлогомъ что вопросъ о каналѣ исключенъ изъ програмы конференціи, а потому подписанный державами „протоколъ о безкорыстіи“ не можетъ помѣшать Англіи занять своими войсками берега Суэзскаго канала, который для нея имѣетъ первостепенное значеніе. Это извѣстіе, повидимому, застало г. де-Фрейсине врасплохъ, ибо когда 14 (26) іюня депутатъ Локруа спросилъ его объ отправкѣ англійскихъ войскъ въ Египетъ, г. де-Фрейсине отвѣчалъ что онъ не находитъ возможнымъ отвѣчать г. Локруа на его вопросы, „все равно основаны ли они на фактахъ или на простыхъ предположеніяхъ...“

Такимъ образомъ мы присутствуемъ при странномъ зрѣлищѣ: Константинопольская конференція трактуетъ о возстановленіи положенія бывшаго въ Египтѣ въ декабрѣ прошлаго года, а событія идутъ своимъ чередомъ и съ каждымъ днемъ все болѣе

лишаютъ конференцію возможности достигнуть своей цѣли.

№ 169.

Москва, 19-го Іюня.

Въ № 165 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ ряду нѣсколькихъ общихъ замѣчаній объ измѣненіяхъ сдѣланныхъ въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, мы лишь мимоходомъ и вскользь упомянули объ отмѣнѣ особой системы взиманія пошлинъ примѣнявшейся, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, только къ двумъ статьямъ тарифа (189 и 219), къ готовому платью и полотну и батисту. Но по сравнительной важности этого измѣненія въ ряду прочихъ, о немъ стоитъ поговорить подробнѣе.

По общему въ нашемъ тарифѣ правилу, таможенныя пошлины взимались съ числа, мѣры или вѣса привозимыхъ товаровъ; только съ готоваго платья, полотна и батиста пошлины взимались въ процентахъ съ цѣны этихъ товаровъ. Это исключеніе, по мысли законодателя, очевидно имѣло цѣлію даровать преимущественное таможенное огражденіе русскимъ ремесленникамъ занимающимся изготовленіемъ платья (портнымъ, портнихамъ, бѣлошвейкамъ, шляпницамъ и проч.), а также ткацкимъ производствамъ вообще и полотняному въ особенности. Въ то время какъ съ другихъ тканей взималось по разсчету въ среднемъ выводѣ отъ 23 до 27 процентовъ съ ихъ цѣны, привозное полотно было обложено 30-процентною съ цѣны пошлиной. Считая изъ какихъ бы то ни было тканей одежда облагалась затѣмъ 35-процентною пошлиной. Разумность такой градаціи стоитъ внѣ спора. Пошлина съ одежды естественно должна быть выше пошлины съ ткани изъ которой она сдѣлана, такъ какъ изготовитель платья въ Россіи изъ привозной ткани уплачиваетъ пошлину не только за ту часть этой ткани которая идетъ въ дѣло, но и за остающіеся отъ кройки лоскутки и обрѣзки. Одинаковый размѣръ пошлины съ тканей и съ одежды во многихъ случаяхъ обращалъ бы тарифъ на ткани въ номинальный, ибо превращенныя въ одежду, онѣ оплачивались бы ниже чѣмъ опредѣлено этимъ тарифомъ; это было бы прямымъ поощреніемъ иностраннымъ изготовителямъ одежды въ явный подрывъ своимъ ремесленникамъ. 35-процентная пошлина съ готоваго платья должна была, съ одной стороны, гарантировать дѣйствительность тарифнаго обложенія тканей, съ другой — оказывать русскому ремесленному труду необходимое покровительство, отсутствіе коего отозвалось бы очень невыгодно на цѣнахъ этого труда и стало-быть на всемъ бытѣ ремесленниковъ. Это покровительство для нихъ важнѣе грошовыхъ льготъ въ видѣ освобожденія ихъ отъ платежа подушныхъ. Конечно, до изданія тарифа 1857 года, многочисленному классу ремесленниковъ занятыхъ изготовленіемъ бѣлья и платья, благодаря таможенной пошлинѣ въ 50—75% съ цѣны привознаго готоваго платья, жилось много легче чѣмъ въ послѣдствіи. Но и сдѣланное въ 1857 году пониженіе этой пошлины до 35%, при условіи дѣйствительнаго ея взиманія, еще не было само по себѣ особенно большимъ для нихъ подрывомъ.

Къ сожалѣнію, и 30-процентная пошлина съ полотна и батиста, и 35-процентная пошлина съ готоваго платья (повышенныя съ 1 января 1881 года до 33 и 38½%) оставались только на бумагѣ. На дѣлѣ со всѣхъ этихъ „цѣновныхъ“ товаровъ взималась пошлина ничтожная, во много разъ меньшая. Сколько-нибудь дѣйствительныхъ гарантій того чтобы „цѣновные“ товары оцѣнивались въ таможняхъ въ суммѣ близкой къ дѣйствительной ихъ стоимости, у насъ не было. Въ американскихъ таможняхъ товары оцѣниваются особыми цѣновщиками. У насъ оцѣнка производилась самими плательщиками пошлинъ. Стоило имъ оцѣнить свой товаръ вдесятеро дешевле противъ его стоимости, и 30-процентная пошлина обращалась на дѣлѣ въ трехпроцентную. На подобныя безобразно низкія оцѣнки таможенные чиновники, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, вынуждены были смотрѣть сквозь пальцы. Имъ было предоставлено право оставлять за собою товары слишкомъ низко оцѣненные провозителемъ. Но это ихъ право, благодаря цѣлому ряду послѣдовательныхъ распоряженій по таможенному вѣдомству (изъ которыхъ многія, но не всѣ, были указаны нами въ № 103 *Московскихъ Вѣдомостей)*, было въ сущности только номи-

нальнымъ. Имъ не было дано сколько-нибудь достаточнаго срока для того чтобъ обсудить—выгодно или невыгодно воспользоваться этимъ правомъ. Между тѣмъ пропускъ чрезъ таможню низко-оцѣненнаго товара не сопровождался для служащихъ въ ней никакою отвѣтственностью; задержаніе же такого товара сопровождалось большимъ рискомъ, опасеніемъ невознаградимаго денежнаго ущерба и различныхъ непріятностей. Выходъ изъ такой дилеммы для таможенныхъ чиновниковъ былъ только одинъ: оставить оцѣнку товаровъ на произволъ провозителей. Имъ предоставлялось такимъ образомъ, вмѣсто установленнаго закономъ таможеннаго сбора, платить пошлину въ томъ размѣрѣ въ какомъ они пожелаютъ, для соблюденія приличія. Благодаря такому положенію дѣлъ, въ сосѣднихъ странахъ развилась обширная фабрикація полотенъ, батиста и готоваго платья для снабженія ими Россіи въ подрывъ ея собственной фабричной и ремесленной промышленности. О размѣрахъ этой заграничной фабрикаціи, развившейся подъ вліяніемъ нашихъ таможенныхъ порядковъ, трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе. Хотя по оцѣнкамъ плательщиковъ пошлинъ эти обороты сводятся къ какимъ-нибудь 4—5 милліонамъ рублей въ годъ, но въ дѣйствительности они, конечно, должны быть оцѣняемы въ десятки милліоновъ. Провозители полотенъ и готоваго платья оцѣнивали ихъ такъ низко что въ таможенномъ вѣдомствѣ, при составленіи статистическихъ отчетовъ о ходѣ внѣшней торговли, приняты были какъ среднія цѣны, конечно по указаніямъ опыта — смѣшно сказать — 15 руб. за пудъ полотна и 10 р. за пудъ готоваго платья. Такія нормы позволяли оцѣнивать привозныя полотна и батистъ въ кускахъ по 10 и 5 коп. за аршинъ, а въ бѣльѣ еще въ полтора раза дешевле. Одежда изъ коломенки, изъ бумажныхъ и шерстяныхъ тканей, могла быть оцѣниваема втрое, вчетверо, вшестеро и вдесятеро дешевле тканей изъ которыхъ сшита. Не говоримъ уже о томъ что подъ ту же общую среднюю норму оцѣнки въ 10 р. съ пуда подходили даже платья и уборы изъ шелковыхъ матерій и идущіе на ихъ отдѣлку искусственные цвѣты и страусовыя перья... Ясно что было много выгоднѣе ввозить всякія ткани въ видѣ готовой одежды чѣмъ въ кускахъ изъ которыхъ она могла бы быть сшита въ Россіи. Цѣновныя пошлины, благодаря способу ихъ взиманія, обращались въ большой ущербъ казнѣ и еще большій вредъ какъ всему ремесленному міру занятому изготовленіемъ всякой одежды и нарядовъ, такъ и всей вообще ткацкой фабрикаціи.

Предстояло на выборъ два пути возстановить за пошлинами на готовое платье и на полотна и батистъ то значеніе какое онѣ должны имѣть по мысли законодателя. Можно было принять серіозныя мѣры къ установленію въ таможняхъ правильной оцѣнки этихъ товаровъ привлеченіемъ къ участію въ ней цѣновщиковъ изъ представителей тѣхъ отраслей промышленности которыя въ правильности этой оцѣнки заинтересованы; этимъ способомъ достигалась бы справедливая равномѣрность какъ пошлиннаго обложенія, такъ и оказываемаго онымъ таможеннаго покровительства разнымъ видамъ промышленности. Можно было также вовсе устранить оцѣнку и замѣнить пошлины въ процентахъ съ цѣны менѣе равномѣрными пошлинами съ вѣса. Избранъ этотъ послѣдній менѣе совершенный, но за то болѣе легкій способъ, позволяющій таможнямъ обходиться безъ помощи представителей промышленности и безъ общественнаго въ ихъ лицѣ контроля. Пошлины какъ на полотно и батистъ, такъ и на готовое платье опредѣлены съ вѣса.

Нѣтъ сомнѣнія что новоустановленный порядокъ, при всѣхъ его несовершенствахъ, лучше того который былъ терпимъ доселѣ. Но однимъ этимъ едва ли можно удовольствоваться. Въ какой мѣрѣ новоустановленныя нормы обложенія удовлетворяютъ тому его условію чтобы пошлина на полотна и батистъ приблизительно равнялась 33%, а пошлина съ готоваго платья $38\frac{1}{2}$% съ его стоимости, вотъ вопросъ требующій разъясненія, которое, можно надѣяться, и не замедлитъ со стороны тѣхъ кого онъ интересуетъ непосредственно. Со своей стороны, мы ограничимся, на первый случай, указаніемъ лишь на пошлину со всякаго мужскаго платья (кромѣ сшитаго изъ бархата, полубархата и другихъ шелковыхъ и полушелковыхъ матерій). Размѣръ этой пошлины опредѣленъ въ 1 р. 30 к. съ фунта. Для дешевыхъ сортовъ платья этотъ размѣръ пошлины можетъ оказаться удовлетворительнымъ,

для иныхъ, пожалуй, даже тяжелымъ; но будетъ ли онъ удовлетворителенъ для цѣннаго суконнаго платья, если взять во вниманіе что сукно, полусукно, казимиръ и трико оплачивались до сихъ поръ пошлиной въ 1 р. 32 к. съ фунта?

Правда, пошлина на сукно по новому тарифу понижена съ 1 р. 32 к. до 90 к. съ фунта. Понижена также пошлина съ высшихъ сортовъ неваляныхъ шерстяныхъ матерій тоже до 90 к. (съ 93½ и съ 1 р. 21 к.) и до 1 р. 17 к. (съ 1 р. 22 к. и съ 1 р. 57 к.). Но и въ виду этого пониженія, вопросъ о достаточности указанной пошлины на готовое платье не теряетъ своей силы.

Не знаемъ какими соображеніями мотивировано приведенное сейчасъ пониженіе пошлинъ на сукна и шерстяныя матеріи. Оно тѣмъ менѣе объяснимо что въ виду повышенія пошлины на шерсть и шерстяную пряжу естественно было ожидать не пониженія, а повышенія пошлинъ на привозныя шерстяныя издѣлія. Подождемъ, не разъяснятъ ли этого пункта заявленія нашихъ суконныхъ и шерстяныхъ фабрикантовъ.

№ 171.

Москва, 21-го іюня.

А.

Въ только-что вышедшей іюньской книжкѣ *Артиллерійскаго Журнала* находимъ приказъ по артиллеріи отъ 28 апрѣля, за № 52. Приказъ этотъ производитъ грустное впечатлѣніе и заставляетъ задуматься о многомъ. Тяжело дѣйствуетъ уже самое оглавленіе приказа: *О принятіи мѣръ къ прекращенію кражъ артиллерійскаго имущества.* Но оглавленіе это далеко не опредѣляетъ сущности того о чемъ идетъ рѣчь въ приказѣ. Въ послѣднее время, сказано тамъ, обнаружены три весьма крупныя кражи казеннаго имущества изъ окружныхъ артиллерійскихъ складовъ; въ Петербургскомъ выкрадены бронзовыя формы, въ Московскомъ 6.300 патроновъ, въ городѣ Петровскѣ 28 пудовъ пороха. „На всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ объ этихъ происшествіяхъ,“ читаемъ далѣе, „Государь Императоръ въ собственноручныхъ резолюціяхъ Высочайше изволилъ выразить неудовольствіе на существующій *порядокъ храненія* казеннаго имущества въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, при которомъ могутъ происходить столь частыя кражи.“ Приказъ приглашаетъ поэтому всѣхъ, „начиная отъ солдата до генерала,“ употребить напряженныя усилія чтобы предотвратить повтореніе кражъ и въ концѣ входитъ въ подробности какъ сдѣлать это.

Нужно де „принять самыя усиленныя, энергическія и дѣйствительныя мѣры охраненія,“ слѣдить чтобы караульные порядки „соблюдались во всей строгости и безъ малѣйшаго упущенія,“ чтобы въ караулъ къ пороховымъ хранилищамъ и денежнымъ ящикамъ назначались „благонадежные нижніе чины,“ нужно, наконецъ, чтобы начальники артиллерійскихъ частей и учрежденій „наблюдали за водвореніемъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ строгаго исполненія всѣми чинами долга службы и нравственныхъ правилъ.“

Несомнѣнно что все сказанное положительно необходимо не только теперь, но и всегда; но достаточно ли такихъ мѣръ и распоряженій для борьбы со зломъ укоренившимся, принявшимъ широкіе размѣры и распространившимся повсюду, какъ въ казенныхъ, такъ и общественныхъ самоуправляющихся учрежденіяхъ? Не окажется ли на дѣлѣ что все это только *слово* одно. „Принять дѣйствительныя мѣры,“ но какія могутъ и должны быть эти мѣры при существующемъ *порядкѣ храненія* имущества, при существующемъ кругѣ власти начальства относительно этого порядка? „Слѣдить чтобы караульный порядокъ соблюдался безъ малѣйшаго упущенія.“ Рѣчь идетъ здѣсь только о внѣшнемъ порядкѣ, который, по сознанію уже самаго приказа, будетъ дѣйствителенъ тогда лишь когда въ караулѣ будутъ стоять *благонадежные* нижніе чины... „Наблюдать за водвореніемъ въ артиллеріи дисциплины и нравственности.“ Но это только повтореніе установленной закономъ обязанности начальства, какъ и все предыдущее...

Или можно думать что въ артиллеріи начальники частей и учрежденій не исполняютъ даже своей первой и главнѣйшей обязанности, что дисциплина и нравственность расшатаны, что кража стала не случайностью, а явленіемъ обычнымъ, вытекающимъ изъ органическаго разложенія воинскаго порядка? Приказъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. „Въ послѣднее время

(здѣсь подъ послѣднимъ временемъ разумѣются уже годы) кражи усилились, говоритъ приказъ,—и къ прискорбію участниками и виновниками въ этихъ преступленіяхъ нерѣдко оказывались нижніе чины, не только служащіе въ артиллерійскихъ частяхъ и учрежденіяхъ, но и занимающіе караулъ при имуществѣ. Приказомъ по артиллеріи отъ 22 декабря 1880 года было предписано обратить вниманіе на сбереженіе имущества и озаботиться принятіемъ *всѣхъ мѣръ цѣлесообразныхъ въ этомъ отношеніи,*" но изъ донесеній усматривается что „случаи кражъ не уменьшаются," а это „*несомнѣнно* доказываетъ что начальники обязанные повѣрять лицъ завѣдующихъ имуществомъ и слѣдить за отправленіемъ караульной службы относятся къ этимъ обязанностямъ не съ должнымъ вниманіемъ."

Если печально существованіе кражъ, то послѣднее явленіе, служащее причиной перваго, еще печальнѣе. Итакъ, все что предписывается теперь, всѣ эти „усиленныя," „энергическія," „дѣйствительныя," „цѣлесообразныя" мѣры рекомендовались уже два года назадъ, но не оказали дѣйствія, не уменьшили числа кражъ, потому что „начальники относятся къ обязанностямъ не съ должнымъ вниманіемъ!" Не есть ли это знакъ что „надо власть употребить" не на энергическія только напоминанія и предписанія, не на преданіе только пойманныхъ воровъ и небрежныхъ людей суду, а на поднятіе воинскаго порядка (дисциплины), субординаціи и нравственности вообще? Правильны ли командныя и дисциплинарныя отношенія въ артиллеріи, въ какомъ положеніи она находится къ начальникамъ войскъ въ округахъ, къ корпуснымъ командирамъ, къ начальникамъ дивизій?.. О соблюденіи дисциплины и порядка въ артиллеріи округовъ и корпусовъ поученіе и приказъ идетъ не отъ командировъ этихъ округовъ и корпусовъ, а отъ далекаго отъ нихъ главнаго артиллерійскаго начальства! Не должна ли однако, артиллерія, какъ войско, со всѣмъ своимъ имуществомъ непосредственно и во всѣхъ отношеніяхъ подчиняться войсковому начальству? Объ этомъ уже давно идутъ толки; войсковое начальство этого давно добивается, указывая на несомнѣнныя выгоды такого порядка. Высшему артиллерійскому учрежденію осталось бы тогда лишь заботиться объ изученіи и установленіи технической части, объ изготовленіи орудій, ружей, пороха, объ указаніи способовъ ихъ употребленія и количества необходимыхъ для этого припасовъ—и только. Но это *только* весьма обширно; оно охватываетъ всю ученую и техническую часть вѣдомства, требуетъ вниманія, наблюденія за тѣмъ что дѣлается въ этомъ отношеніи не у насъ только, но и за границей. Налагать на высшее артиллерійское управленіе заботы слѣдить за дисциплиной, службой и хозяйствомъ разбросанной повсюду артиллеріи, значитъ ослаблять и его спеціальную дѣятельность, и дисциплинарное вліяніе. Въ минувшую кампанію мы испытывали ослабленіе этой спеціальной дѣятельности, благодаря чему наша армія вышла на войну съ ружьями и пушками болѣе низкаго достоинства нежели тѣ какими располагалъ противникъ, Турки. Благодаря опять той же причинѣ, дальнобойная артиллерія создавалась у насъ на спѣхъ, ружейный порохъ оказался, какъ сознаются теперь, ненадлежащаго качества; благодаря тому же, теперь приходится откладывать на неопредѣленное время замышляемые уже „общій пересмотръ и окончательное рѣшеніе необходимыхъ улучшеній и измѣненій въ дальнобойной артиллеріи," недостатки которой, особенно зарядныхъ ящиковъ, обнаруживаются день за днемъ. Изъ приказа, о которомъ рѣчь, видны съ другой стороны поразительныя послѣдствія слабаго дисциплинарнаго дѣйствія центральнаго артиллерійскаго управленія, въ этомъ не виноватаго. Приказъ не исчерпываетъ всего; въ немъ рѣчь идетъ только о прямыхъ и крайне дерзкихъ кражахъ; но и помимо кражъ, ослабленіе дисциплины и нравственности должно было породить не мало золъ, начиная съ „жучка" недавно покушавшагося было на порохъ и заряды хранящіеся въ артиллерійскихъ складахъ (См. *Арт. Журн.* 1881 года № 10). Теперешній порядокъ управленія артиллеріей, при которомъ и у нея, какъ у интендантства, существуютъ два начальства, свое и чужое, общее и далекое спеціально-техническое, даетъ и тождественный результатъ, расшатанную дисциплину, которая есть единственная причина и всяческихъ хищеній, и того что напоминанія и предписанія остаются безъ дѣйствія. Такому порядку необходимо положить конецъ, и скорый конецъ. Требуется возбудить въ нашей

администраціи и во всякомъ управленіи духъ отвѣтственности и дисциплины, безъ которой не можетъ держаться никакое управленіе. Пора положить конецъ той вопіющей нравственной распущенности которая такъ разительно сказывается въ рѣшеніяхъ нашихъ судовъ. Требованія закона утратили всякую силу и страшатъ людей бывалыхъ не болѣе чѣмъ опытныхъ воробьевъ пугало въ огородѣ...

Б.

Намъ вновь приходится отмѣтить такой судебный приговоръ который поражаетъ и своею явною логическою несообразностью, и своею вопіющею неправдой. Мы говоримъ о дѣлѣ козьмодемьянскаго купца Замятнина и его жены, разбиравшемся недавно въ Казанскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, о коемъ ниже, въ отдѣлѣ *Судебной хроники*, помѣщена корреспонденція нашего судебнаго хроникера.

Дѣло это не отличается сложностью. Казанскій купецъ Устинъ Курбатовъ, по отзыву всѣхъ знающихъ его, человѣкъ весьма состоятельный и пользующійся весьма доброю репутаціей, подвергся 13 марта прошедшаго года разбойническому нападенію въ домѣ купца Семена Замятнина въ Козьмодемьянскѣ. Съ револьверомъ въ рукахъ, угрожая застрѣлить Курбатова на мѣстѣ, Замятнинъ заставилъ его подписать заранѣе имъ приготовленные три векселя на свое имя *во сто тысячъ* рублей. Курбатовъ попалъ въ домъ Замятнина, съ которымъ до того не былъ знакомъ, имѣя дѣла съ женой Замятнина, которая лишь незадолго до того вышла за послѣдняго замужъ; а до того она имѣла съ Курбатовымъ дѣла по поставкѣ дровъ для его волжскихъ пароходовъ и, по показанію Курбатова подтвержденному сознаніемъ Замятниной, находилась съ послѣднимъ въ любовной связи когда она вдовствовала. Разбойническое нападеніе Замятнина было мотивировано именно этими прежними отношеніями Курбатова къ его женѣ. Онъ требовалъ отъ Курбатова денегъ, подъ страхомъ смерти, какъ бы въ уплату за прошлое...

Подсудимые, Замятнинъ и его жена, которая обвинялась въ пособничествѣ, на судѣ отперлись во всемъ, утверждая что Курбатовъ выдалъ вексель добровольно, взамѣнъ прежнихъ на ту же сумму выданныхъ Замятниной въ видѣ подарка. По цѣлымъ рядамъ косвенныхъ уликъ, довольно искусно подобранныхъ обвинительною властью, съ одной стороны, была доказана несостоятельность объясненій подсудимыхъ, а съ другой, во всемъ подтверждена правдивость разказа Курбатова о томъ какъ онъ былъ принужденъ подписать вексель, не говоря уже о томъ что самое общественное положеніе Курбатова, всеобщій почетъ коимъ онъ пользуется и, наконецъ, его огромное богатство исключали всякую возможность предположенія чтобъ онъ могъ прибѣгнуть къ ложному извѣту на людей невинныхъ дабы избѣгнуть платежа по добровольно имъ выданнымъ обязательствамъ. Однако „господа присяжные засѣдатели" оправдали обоихъ обвиняемыхъ!

Но быть-можетъ улики представленныя на судъ со стороны обвиненія были всетаки не настолько убѣдительны и не въ такой мѣрѣ исключали возможность разумнаго сомнѣнія въ правдивости показанія Курбатова, чтобы со спокойною совѣстью дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ о виновности? Быть-можетъ присяжные руководились правиломъ что всякое сомнѣніе должно обращаться въ пользу обвиняемаго, ибо „лучше оправдать десять виновныхъ нежели осудить одного невиннаго?" Увы, нѣтъ! Присяжные не усомнились въ виновности подсудимыхъ и тѣмъ не менѣе признали возможнымъ освободить ихъ отъ законной кары. Дѣло въ томъ что вопросъ о самомъ событіи былъ выдѣленъ судомъ и поставленъ присяжнымъ отдѣльно, и на этотъ вопросъ они отвѣтили утвердительно. Они признали что подписи Курбатова на векселяхъ были имъ сдѣланы не добровольно, а по принужденію. Но если Курбатовъ подписалъ по принужденію векселя Замятнину, то кто же какъ не Замятнинъ его къ тому принудилъ? Однако на дальнѣйшіе вопросы о томъ, виновны ли Замятнинъ и его жена въ томъ что насильно заставили Курбатова дать эти подписи, присяжные отвѣтили отрицательно. На основаніи этого „вердикта" судъ опредѣлилъ: векселя уничтожить, а подсудимыхъ признать по суду *оправданными!*

Возможно ли пройти равнодушно мимо такого факта, характеризующаго всю расшатанность нравственныхъ принциповъ господствующую по преимуществу въ той

сферѣ нашей общественной жизни которая отмежевана для „служенія правосудію?“ Предположить что тутъ имѣло мѣсто что-либо худшее, а именно прямое и сознательное уклоненіе отъ истины „господъ присяжныхъ,“ вслѣдствіе ли подкупа (чему, увы, тоже бывали примѣры), или иного посторонняго вліянія на присяжныхъ—невозможно, ибо въ такомъ случаѣ для нихъ было бы всего проще отвергнуть самый фактъ преступленія. Судьи „общественной совѣсти“ очевидно разсудили дѣло по „внутреннему убѣжденію;“ а это внутреннее убѣжденіе, разумѣется не безъ содѣйствія адвокатской софистики, вѣроятно разсудило что Замятнинъ и его супруга могутъ быть помилованы, но что было бы жестоко заставить Курбатова уплатить сто тысячъ рублей по документамъ вырваннымъ у него съ револьверомъ въ рукахъ. Стало-быть надо было судить такъ чтобы никто ничего не потерялъ, никто не пострадалъ, кромѣ правосудія, закона, общественной нравственности. Но объ этихъ субъектахъ стóитъ ли заботиться?

Такъ, нужно думать, разсудили дѣло козьмодемьянскіе присяжные засѣдатели. И почему бы имъ не разсуждать такимъ образомъ если въ ихъ средѣ хотя половина принадлежали къ числу нашихъ „людей интеллигенціи,“ почерпающихъ свой запасъ нравственныхъ принциповъ изъ нашей „прессы?“ Укажите намъ хотя одинъ органъ этой „прессы,“ который въ вопросахъ права и справедливости умѣлъ бы подчиниться требованіямъ абсолютной правды, который когда-либо поднялъ бы мужественный голосъ за чистое начало правосудія, безо всякаго отношенія къ интересамъ своей котеріи? Вспомнимъ ихъ разсужденія по поводу дѣла Вѣры Засуличъ. „Мы увѣрены что если настоящее дѣло станетъ предметомъ обсужденія „прессы,“ то у ней найдется лишь одинъ отвѣтъ по поводу приговора козьмодемьянскихъ присяжныхъ; эти господа скажутъ что приговоръ „судей общественной совѣсти“ есть рѣшеніе предъ коимъ должно преклониться не разсуждая, ибо „непогрѣшимость“ присяжныхъ есть догматъ который наши либеральные и консервативные доктринеры стараются отстоять не хуже чѣмъ іезуиты отстаиваютъ ученіе о непогрѣшимости папы.

Нашъ судебный уставъ допускаетъ возможность явной ошибки со стороны присяжныхъ и предоставляетъ суду право кассировать приговоръ въ которомъ онъ признаетъ такую ошибку. Но подобная кассація, по нынѣ дѣйствующему закону, допускается лишь въ пользу обвиняемому. Ст. 818 Уст. Угол. Суд. предоставляетъ коронныхъ судьямъ отмѣнить *обвинительный* приговоръ присяжныхъ если первые признаютъ единогласно что осужденъ невинный.

Мы уже имѣли неоднократно случай указать на то что было бы вполнѣ разумно расширить это полномочіе суда и предоставить ему, въ томъ или другомъ видѣ, кассацію и *оправдательныхъ* приговоровъ присяжныхъ, когда таковые явно несообразны или противорѣчатъ очевидности.

Нашъ уставъ составленъ по шаблону. Но въ странѣ, гдѣ институтъ присяжныхъ выросъ органически и откуда онъ всѣми заимствованъ, въ Англіи, коронный судья имѣетъ право не принять отъ присяжныхъ приговора который онъ признаетъ явно не сообразнымъ съ истиной. А когда подсудимый сознается, тогда англійскій судья вовсе и не спрашиваетъ присяжныхъ, но приступаетъ прямо къ постановленію приговора о наказаніи.

№ 172.

Москва, 22-го іюня.

Египетскій вопросъ съ каждымъ днемъ все болѣе осложняется. Всѣ чувствуютъ приближеніе грозы; всѣ сознаютъ что офиціальные толки, дипломатическія заявленія и правительственныя сообщенія въ парламентахъ служатъ лишь для того чтобы прикрыть отъ непосвященныхъ глазъ глухую борьбу непримиримыхъ взаимныхъ интересовъ, которая однако каждую минуту грозитъ прорваться, и тогда мигомъ исчезнетъ вся эта искусственная декорація мнимаго „концерта,“ всѣ эти лицемѣрныя попытки „примирить“ противорѣчія; яркимъ пламенемъ разгорится огонь, и вопросъ лишь въ томъ куда направится пламя пожара и кто успѣетъ застраховать *свое* достояніе отъ разорительнаго дѣйствія освобожденной стихіи.

А между тѣмъ, если есть въ такъ-называемой общеевропейской политикѣ вопросъ на коемъ могли бы соединиться интересы всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, то это именно Египетскій вопросъ. Съ

тѣхъ поръ какъ прорытъ Суэзскій каналъ и путь всемірной торговли нашелъ въ немъ свою главную артерію, упроченіе государственнаго порядка въ Египтѣ стало вопросомъ всего культурнаго міра. Европейскій „концертъ,“ о коемъ такъ много толкуетъ оффиціальная дипломатія въ послѣдніе годы, долженъ бы здѣсь доказать что это не пустое и лицемѣрное измышленіе, а содержательная формула новѣйшаго международнаго права. Не къ такому однако заключенію долженъ придти всякій наблюдающій со стороны за ходомъ событій. Европейскій концертъ попрежнему остался фразой въ которую никто не вѣритъ, одною изъ тѣхъ фразъ безъ коихъ повидимому нельзя обойтись въ тѣ моменты исторіи когда событія созрѣваютъ.

Фальшь теперешняго дипломатическаго положенія есть впрочемъ историческая отместка за ту лживую комбинацію посредствомъ которой дипломатія изуродовала естественный ходъ событій въ 1878 году; она пожинаетъ теперь плоды своей побѣды надъ исторіей во время Берлинскаго конгресса. Немезида не долго заставила себя ждать на этотъ разъ. Турецкій султанъ Абдулъ-Гамидъ какъ нельзя лучше усвоилъ себѣ ту „миссію“ которая подготовлена ему Берлинскимъ трактатомъ. Восточный вопросъ загорѣлся съ той стороны откуда онъ грозитъ всего болѣе нашимъ старымъ противникамъ на Востокѣ. Борьба съ Босфора перешла къ устьямъ Нила. Тѣмъ хуже для Европы и тѣмъ лучше для турецкаго султана. Англія и Франція постарались первоначально отмежевать себѣ привилегированное положеніе въ Египтѣ. Притаивъ на время свое взаимное соперничество, онѣ прибрали къ рукамъ почти все внутреннее управленіе этою страной. Не болѣе какъ мѣсяца два тому назадъ Англія и Франція возвысили голосъ и заговорили такимъ властнымъ языкомъ что казалось неминуемымъ фактическое занятіе этой страны соединенными силами обѣихъ державъ. У береговъ Египта появились двѣ грозныя эскадры. Но именно съ этого времени все болѣе и болѣе померкало значеніе англо-французскаго *condominium*, а дѣйствительнымъ властелиномъ Египта оказался турецкій султанъ, коего верховенство надъ Египтомъ еще полстолѣтія тому назадъ превратилось, съ помощью Европы, въ мертвую букву! Соединенныя эскадры западныхъ державъ прибыли къ берегамъ Египта лишь для того чтобы быть зрителями фанатической рѣзни Европейцевъ устроенной вожакомъ „національной партіи“ въ Египтѣ и его фактическимъ диктаторомъ, Араби-пашой. А вмѣсто исполненія угрозъ, съ коими Англія и Франція обратились два мѣсяца тому назадъ къ Египетскому правительству въ ихъ знаменитомъ ультиматумѣ, европейская дипломатія собралась на конференцію въ Константинополѣ дабы „обсудить коллективныя мѣры къ водворенію порядка и спокойствія въ Египтѣ.“ Конференція эта, первымъ дѣломъ, подписала протоколъ „о безкорыстіи,“ по которому всѣ державы въ ней участвующія обязались не предпринимать никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій въ Египтѣ. Султанъ же, въ свою очередь, заявилъ что нѣтъ никакой надобности ни въ коллективныхъ, ни въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ державъ къ водворенію порядка и спокойствія въ Египтѣ, ибо таковой уже водворенъ его султанскою властью, въ ознаменованіе чего имъ пожалованъ первоклассный орденъ Араби-пашѣ; въ самой же конференціи султанъ отказался участвовать на отрѣзъ.

Малодушное Французское правительство, убѣдившись слишкомъ поздно что попало въ западню, всячески старается нынѣ выпутаться изъ затрудненія, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для своего *престижа*, о коемъ французскіе шовинисты самодовольно твердили въ прошедшемъ году послѣ завладѣнія Тунисомъ.

Но болѣе чувствительное англійское самолюбіе заговорило сильнѣе. Да и не одно самолюбіе. Давно ли кичливые англійскіе патріоты мнили свою страну на верху славы и могущества благодаря „великимъ успѣхамъ“ восточной политики лорда Биконсфильда? Кому изъ нихъ могло придти въ голову что послѣ занятія острова Кипра, послѣ знаменитой конвенціи 4 іюня, отдавшей, казалось, въ полное владычество Англіи всю переднюю Азію, Англійскому правительству придется трепетать не за отдаленную возможность потери своего „обаянія“ на Востокѣ, а за безопасность своего прямаго пути въ Индію, за возможность свободнаго пользованія Суэзскимъ каналомъ, безъ котораго немыслимо нынѣ ни владычество Англіи въ Индіи, ни преобладающее значеніе ея во всемірной торговлѣ?

И вотъ все громче и громче раздается „рычаніе британскаго льва.“ Англія готовится занять своими войсками побережье Суэзскаго канала. Каждый день приноситъ извѣстія о дѣятельныхъ военныхъ приготовленіяхъ происходящихъ въ Англіи и о посылкѣ къ устьямъ Нила англійскихъ броненосцевъ изъ Англіи и десантныхъ полковъ изъ Индіи. Газета *Times* заговорила громкими фразами о необходимости отстоять во что бы то ни стало англійскіе интересы въ Египтѣ, и въ Лондонѣ собираются митинги съ цѣлью побудить правительство къ энергическому образу дѣйствій и съ тѣмъ вмѣстѣ дабы заявить ему о готовности страны принести съ этою цѣлью всѣ тѣ жертвы какія окажутся необходимыми для поддержанія англійскаго могущества.

Но эти возгласы, раздающіеся изъ Англіи, далеко не производятъ прежняго впечатлѣнія. Находятся шутники которые сравниваютъ рычаніе британскаго льва съ рычаніемъ поддѣльнаго льва въ Шекспировскомъ *Снѣ въ Лѣтнюю Ночь*. Есть скептики которые думаютъ что 20 — 30.000 войска, которое Англія, при наилучшихъ условіяхъ, можетъ высадить въ Египтѣ, не представляетъ ничего грознаго для 60—80.000 арміи которою располагаетъ Араби-паша, весьма хорошо вооруженной англійскими же ружьями Ремингтона и артиллеріей отъ Круппа и Армстронга. Недавнія неудачи англійскихъ войскъ въ войнахъ съ южно-африканскими Зулуями и Бурами подкрѣпляютъ эти нелестныя для англійскаго самолюбія предположенія...

№ 173.

Москва, 23-го іюня.

„Англія не нуждается въ Египтѣ,“ писалъ однажды лордъ Палмерстонъ. „Мы вовсе не желаемъ обладать этою страной, точно также какъ разумный человѣкъ, имѣющій помѣстье въ Шотландіи и замокъ въ южной Англіи, не видитъ необходимости въ томъ чтобы всѣ расположенныя по дорогѣ гостиницы принадлежали непремѣнно ему. Единственное желаніе которое онъ могъ бы высказать заключалось бы въ томъ чтобъ эти гостиницы хорошо содержались, всегда были доступны по цѣнѣ и помѣстительности и всегда могли доставить проѣзжему хорошую котлету и почтовыхъ лошадей.“

Въ настоящее время взглядъ Англіи на значеніе Египта и другія „гостиницы,“ расположенныя по дорогѣ въ Индію, нѣсколько измѣнился. Обладая уже Гибралтаромъ и Мальтой, она недавно пріобрѣла Кипръ, а теперь готовится наложить руку на Египетъ или по крайней мѣрѣ на Суэзскій каналъ, которымъ она въ финансовомъ отношеніи уже владѣетъ съ 1875 года, когда она ловкимъ маневромъ прибрала къ своимъ рукамъ почти всѣ акціи учрежденнаго г. Лессепсомъ Общества. Вотъ уже вторую недѣлю Англійское правительство совершенно открыто принимаетъ самыя быстрыя и энергическія мѣры къ отправкѣ двадцатитысячнаго десанта изъ Англіи, Мальты, Кипра и Индіи для „защиты,“ или попросту для захвата Суэзскаго канала, нисколько не стѣсняясь тѣмъ что въ Константинополѣ торжественно засѣдаетъ Европейская международная конференція для мирнаго рѣшенія Египетскаго вопроса.

До сихъ поръ изо всѣхъ Европейскихъ державъ только Турція считала созваніе Константинопольской конференціи совершенно излишнимъ, безполезнымъ и даже вреднымъ, и отказалась принять въ ней участіе. Теперь въ безполезности этой международной говорильни убѣдилось и Англійское правительство, которое особенно настаивало на ея созваніи и представитель котораго принимаетъ повидимому дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ.

Англійская печать весьма сочувственно относится къ рѣшительному намѣренію правительства занять Египетъ войсками помимо конференціи, и прямо доказываетъ что созваніе конференціи было ошибкой, изъ которой Англія должна какъ можно скорѣе выпутаться. „При настоящихъ обстоятельствахъ, говоритъ газета *Times*, было бы всего лучше и полезнѣе еслибы конференціи совершенно не удалось достигнуть своей цѣли.“ „Конференція связываетъ намъ руки, говоритъ *Standard*, въ ту самую минуту когдѣ онѣ должны быть у насъ совершенно свободны.“ „Намъ нечего ждать исхода конференціи, говоритъ *Daily Telegraph*, мы должны дѣйствовать теперь же, пока еще не поздно.“ И Англійское правительство дѣйствительно серіозно принялось за дѣло, дабы оградить безопасность своихъ интересовъ въ Египтѣ, нисколько не заботясь о томъ ужас-

номъ „qu'en dira l'Europe," которое такъ устрашаетъ иныхъ дипломатовъ. Какъ ни миролюбивъ г. Гладстонъ, онъ все-таки встрепенулся когда Араби-паша погрозилъ взорвать динамитомъ южную часть Суэзскаго канала, и поспѣшилъ, сколько возможно, предотвратить эту опасную для Англіи катастрофу, не спрашивая на то разрѣшенія ни у Европы, ни у Франціи, ни у своего парламента.

Г. Гладстонъ исполнилъ, правда, требованіе вѣжливости и пригласилъ Французское правительство отправить также десантъ въ Египетъ. Но онъ могъ напередъ разчитывать что г. де-Фрейсине не приметъ этого приглашенія и предоставитъ Египетъ въ полное распоряженіе Англіи. Куріознѣе всего то обстоятельство что съ января Франція настаивала на англо-французской оккупаціи Египта и ей противилась Англія, а теперь въ іюнѣ роли перемѣнились и на оккупаціи настаиваетъ Англія, тогда какъ Франція отвергаетъ ее. Чѣмъ объяснить это, повидимому, сугубое противорѣчіе?

Когда шесть мѣсяцевъ тому назадъ г. Гамбетта предлагалъ г. Гладстону отправить англо-французскую армію для поддержанія хедива Тевфика противъ притязаній Араби-паши, англійскій премьеръ имѣлъ, какъ теперь объясняютъ англійскія газеты, нѣсколько довольно вѣскихъ основаній отклонить совмѣстное военное вмѣшательство Англіи и Франціи въ дѣла Египта. Вопервыхъ, Араби-паша не казался еще такимъ опаснымъ противникомъ какимъ его уже тогда считалъ г. Гамбетта; вовторыхъ, въ январѣ никто еще не говорилъ о возможности взорвать Суэзскій каналъ. Но главнымъ препятствіемъ для заключенія англо-французскаго союза было внутреннее положеніе Франціи, съ которою никакихъ прочныхъ политическихъ союзовъ заключить нельзя. Шаблонный парламентаризмъ которымъ страдаетъ французская республика совершенно уничтожилъ правительственную власть во Франціи и замѣнилъ ее безмысленною анархіей, именуемой громкимъ именемъ „верховной власти народа." Нѣсколько кучекъ разнородныхъ интригановъ, пробравшихся въ качествѣ „народныхъ представителей" въ палату депутатовъ, подчинили своему безтолковому вѣдѣнію не только внутреннія, но и внѣшнія дѣла своей страны, ежедневно держа правительство подъ страхомъ своихъ „запросовъ" и „выраженій недовѣрія." Могъ ли г. Гладстонъ заключить наступательный союзъ съ г. Гамбеттой, если при одномъ слухѣ о войнѣ близорукіе говоруны парламента немедленно свергли бы своего министра въ угоду своимъ избирателямъ, которые конечно никогда не поняли бы необходимости экспедиціи въ Египетъ?

Осторожность г. Гладстона вполнѣ оправдалась послѣдующими событіями. Изъ-за какихъ-то пустяковъ г. Гамбетта принужденъ былъ подать въ отставку при ликованіи почти всей палаты, а замѣстившій его г. де-Фрейсине счелъ первымъ долгомъ заявить палатѣ депутатовъ свою полнѣйшую ей преданность, а Англійскому правительству свое твердое намѣреніе не отправлять десанта въ Египетъ. Весьма характеристиченъ для политики г. де-Фрейсине тотъ разговоръ который онъ тотчасъ послѣ своего вступленія въ министерство имѣлъ съ англійскимъ посломъ въ Парижѣ и о которомъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ писалъ французскому послу въ Лондонѣ: „Лордъ Ляйонсъ сказалъ мнѣ что напишетъ лорду Гранвиллю о томъ что мы согласились касательно слѣдующихъ трехъ пунктовъ: 1) мы предоставляемъ себѣ примкнуть ко всякимъ дѣйствительнымъ мѣрамъ въ будущемъ; 2) мы противъ употребленія принудительныхъ мѣръ; 3) мы противъ посылки турецкихъ войскъ въ Египетъ. *Послѣ этого мы разстались взаимно поздравляя себя съ тою общностью взглядовъ какая существуетъ между нами.*" „Они поздравляли себя!" восклицаетъ по поводу этой депеши г. Гамбетта въ своей *République Française:* „Было однако съ чѣмъ! Они установили полнѣйшее соглашеніе между двумя державами съ цѣлью ничего не дѣлать. И въ этомъ вся польза какую г. де-Фрейсине хочетъ извлечь изъ союза съ Англіей!"

Но бѣдному г. де-Фрейсине не удалось извлечь и этой пользы. Союзъ съ Англіей относительно Египта сдѣлался безцѣльнымъ когда Египетскій вопросъ, какъ теперь оказывается, по настоянію Италіи, поддержанной Германіей, переданъ на разрѣшеніе всей Европѣ. Франція, интересы которой въ Египтѣ весьма существенны, оказалась изолированною и авторитету ея на сѣверномъ берегу Африки нанесенъ тяжелый ударъ.

Теперь Англія нашла себя вынужденною прибѣгнуть къ „употребленію принудитель-

ныхъ мѣръ,“ отъ которыхъ такъ отлынивалъ г. де-Фрейсине. Въ засѣданіи совѣта министровъ, происходившемъ 24 іюня, г. де-Фрейсине сообщилъ своимъ товарищамъ что Англія приглашаетъ Францію участвовать въ Египетской экспедиціи; министры признали что это участіе было бы выгодно для Франціи; это съ особенною энергіей доказывалъ министръ финансовъ Леонъ Сей, который въ видахъ *экономіи* предлагалъ истратить теперь на экспедицію нѣсколько десятковъ милліоновъ, дабы въ послѣдствіи не быть вынужденнымъ тратить на разрѣшеніе Египетскаго вопроса сотни милліоновъ. Тѣмъ не менѣе совѣтъ министровъ, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, рѣшилъ отклонить предложеніе Англіи, такъ какъ *это значило бы оправдать политику Гамбетты*, которую такъ порицалъ г. де-Фрейсине называя ее „политикой искателя приключеній.“ Такимъ образомъ министры, желая сохранить свои мѣста, приняли рѣшеніе противное интересамъ своей страны. О такомъ значеніи этого рѣшенія заговорили во французскихъ газетахъ. Даже нѣкоторые депутаты наконецъ прозрѣли и вознегодовали на министерство Фрейсине. Тѣмъ не менѣе они не посмѣли свергнуть его изъ страха предъ Гамбеттой, который силой вещей долженъ былъ бы стать на мѣсто г. де-Фрейсине дабы поправить всѣ надѣланныя имъ ошибки. Французскій генеральный консулъ въ Каирѣ г Сѣнкевичъ заявилъ прямо Французскому правительству что если въ Египетъ явятся одни только англійскія войска безъ французскихъ, то онъ ни за что не ручается, такъ какъ Франція потеряетъ всякій авторитетъ въ Египтѣ. Г. де-Фрейсине немедленно отозвалъ г. Сѣнкевича изъ Каира „за то что онъ идетъ наперекоръ политикѣ Французскаго правительства.“ Но не прошло и недѣли какъ телеграфъ насъ извѣстилъ что изъ Марсели вышла броненосная эскадра въ Египетъ и что въ Тулонѣ готовятся транспортныя суда на 15—20 тысячъ человѣкъ. Такимъ образомъ оказывается что Французское правительство не имѣетъ никакой опредѣленной политики и дѣйствуетъ подъ минутными впечатлѣніями вслѣдствіе какихъ-нибудь депутатскихъ рѣчей, личныхъ интригъ, капризовъ самолюбія или непредвидѣнныхъ дѣйствій иностранныхъ державъ.

Жалкое зрѣлище представляетъ Франція, пользовавшаяся нѣкогда такимъ авторитетомъ въ совѣтахъ Европы. Парламентаризмъ довелъ ее до того что дрянное, пагубное для страны министерство остается на своемъ мѣстѣ только потому что „представители народа“ не могутъ замѣнить его еще худшимъ министерствомъ. Весьма мѣтко выразился по этому поводу Артюръ Ранкъ въ своемъ *Voltaire:* „Положимъ что министерство г. Гамбетты проявляло власть въ самомъ деспотическомъ ея видѣ; все таки это была *власть*. Положимъ что министерство г. де-Фрейсине самая добродушная изъ анархій; все-таки это *анархія*, а насъ никто не убѣдитъ чтобы власть была хуже анархіи.“

№ 174.

Москва, 24-го іюня.

А.

Между нашими университетами Новороссійскій самый младшій, не имѣющій преданій, возросшій подъ уставомъ 1863 года. Качества этого устава отражаются здѣсь съ особенною чистотой. Яркость отраженія умѣряется только тѣмъ обстоятельствомъ что въ Одессѣ нѣтъ медицинскаго факультета. Что было бы еслибы прибавить нѣсколько десятковъ профессоровъ-медиковъ въ совѣтъ и нѣсколько сотъ студентовъ къ нынѣшнему неспокойному контингенту?. А прибавить между тѣмъ необходимо, ибо этотъ неполный университетъ не достигаетъ цѣли будучи лишенъ весьма существенной и необходимой части

Семь лѣтъ тому назадъ, профессоръ Новороссійскаго университета Абашевъ, нынѣ покойный, представилъ въ офиціальной запискѣ, затѣмъ напечатанной, такую картину внутренняго состоянія коллегіи къ которой принадлежалъ: „Всѣмъ извѣстно что въ настоящее время между членами университетскихъ сословій господствуетъ постоянная и ожесточенная борьба партій. Причина этого лежитъ въ университетскомъ уставѣ. Въ виду выборовъ на разныя должности, соединенныя съ жалованьемъ, въ совѣтѣ составляются партіи и пускаются въ ходъ всевозможныя средства. Стараются провести въ члены совѣта своихъ сторонниковъ... Каждая партія старается склонить колеблющихся въ

свою пользу личнымъ ухаживаньемъ, обѣщаніемъ выбора на другую выгодную должность, обѣщаніемъ наградъ чинами и орденами (отъ ректора это зависитъ въ весьма значительной степени); обѣщаютъ даже выгоды на сторонѣ, денежныя и почетныя. Робкихъ стараются запугать страхомъ преслѣдованія. Человѣка непріятнаго стараются поссорить съ товарищами, поставить въ неловкое положеніе предъ студентами.... И немного нужно для того чтобъ исторія совѣтская превратилась въ исторію со студентами." Съ тѣхъ поръ какъ набросана эта картина, черты которой не составляютъ исключительной принадлежности Одессы, университетскія „исторіи," профессорскія и студентскія, не прерывались въ Новороссійскомъ какъ и въ другихъ университетахъ. Но дѣло вступило въ нѣкоторую новую фазу. Во всѣхъ почти университетахъ взяли рѣшительный верхъ партіи именующія себя *либеральными;* въ нѣкоторыхъ даже дисциплинарное завѣдываніе студентами, такъ важное при современныхъ условіяхъ, перешло въ тѣ самыя руки которыя мутили студентовъ. Минуты наибольшаго торжества этихъ партій были въ тотъ легендарный годъ общей смуты учебнаго дѣла когда на сторону ихъ стали правительственныя лица, вмѣстѣ съ ними соединявшіяся на защиту и охраненіе устава отъ... правительства. Торжество было впрочемъ непродолжительное. Поразительныя событія заставили даже вольно и невольно слѣпотствующихъ пріоткрыть глаза. Не могло не пробудиться сознаніе что мы идемъ по дурному пути. Рѣшимости же вступить на правильный, правда, не обнаружилось; не видится и нынѣ. Но неувѣренность въ своей силѣ, сомнѣніе въ удачѣ, а вмѣстѣ и скрытое сомнѣніе въ достоинствѣ „началъ," внесли недовольство, колебаніе и въ среду овладѣвшую полемъ, не говоря о внутреннемъ ея раздѣленіи, никогда не прекращавшемся. Общій разладъ дошелъ до того что всякому противно оставаться на своемъ мѣстѣ. Явилось стремленіе которое можно назвать центробѣжнымъ. Одни изъ однихъ побужденій, другіе изъ совершенно иныхъ, готовы охотно бросить мѣсто служенія, съ которымъ порвана внутренняя связь. Безкорыстная любовь къ учрежденію, какъ къ чему-то родному, какъ къ нѣкоторой святынѣ, сохранилась лишь у немногихъ людей стараго времени. Сознаніе обязанности по отношенію къ государству, къ учрежденію, къ учащимся, исчезло совершенно, и нельзя даже обвинять кого-либо въ этомъ. Люди чтущіе принципъ предержащей власти въ правѣ ссылаться что именно они не имѣли никакой поддержки со стороны власти. Люди противоположнаго направленія, фактически господствуя, не могутъ въ то же время не сознавать что сила ихъ не опирается ни на чемъ положительномъ и какъ фиктивная можетъ исчезнуть въ одну минуту: на оппозиціи и популярности можно успѣшно играть, но нельзя поставить чего-либо крѣпкаго. Люди колеблющіеся, *перекинчики,* должны испытывать то что испытывалъ Санчо Панса считавшій подбрасыванье на простынѣ, какому его подвергли погонщики, хуже палочныхъ ударовъ. Система уступокъ завѣдомо дурному—пагубная система, никого не удовлетворяющая, но поселяющая общее недовольство и разладъ.

Профессоръ Мечниковъ, недовольный ходомъ дѣлъ въ профессорской коллегіи къ которой онъ принадлежалъ, объявилъ что выходитъ въ отставку, и когда дѣло приняло характеръ громкаго событія, дѣйствительно, въ половинѣ мая, подалъ таковую. Сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, отставка не была слѣдствіемъ личнаго столкновенія, а вызвана была общимъ неудовольствіемъ г. Мечникова на одесское университетское самоуправленіе. Если требуется найти виноватаго въ понесенной съ выходомъ г. Мечникова Одесскимъ университетомъ потерѣ, то виноватый тутъ очевидно университетскій уставъ, возложившій на профессорскія коллегіи бремя самыхъ разнообразныхъ, административныхъ, хозяйственныхъ, дисциплинарныхъ занятій и всяческихъ выборовъ, и породившій чрезъ это безчисленныя столкновенія. Не будь возбужденныхъ такою системой „самоуправленія" пререканій, дрязгъ, партій, интригъ, постоянной войны,—и внѣшней съ правительственною властію, и внутренней между представителями разныхъ домогательствъ,—сколько драгоцѣннаго времени, умственныхъ и нравственныхъ силъ было бы сохранено для научныхъ и учебныхъ занятій, отодвинутыхъ нынѣ на задній планъ! Сколько предпочтительнѣе было бы еслибы профессора отдыхали въ командировкахъ „съ научною цѣлью" отъ

трудовъ преподаванія, а не отъ безплодной и вредной траты времени и силъ на занятія ничего общаго съ наукой не имѣющія! Будь введена свободная система и экзамены отдѣленные отъ текущаго преподаванія,—два условія неразрывно связанныя,—какъ упростились бы отношенія профессоровъ къ студентамъ, сколько было бы побужденій трудиться! Приносимая польза получила бы должную оцѣнку, и цѣнилась бы только польза. Нельзя было бы жить на проценты съ такъ или иначе пріобрѣтенной репутаціи, а пришлось бы подумать о накопленіи капитала. Не будь ректорство приманкой, опредѣляющею внутреннюю политику коллегіи, не будь это почетное званіе поставлено въ фальшивыя отношенія и къ правительству какъ мнимый его агентъ, начальствующій въ университетѣ, и къ коллегіи какъ мнимый ея вождь, заслоняющій ее отъ начальства,—сколько столкновеній нарушающихъ университетскій миръ было бы устранено! Выходъ г. Мечникова, между прочимъ, есть прямой результатъ недовольства этого профессора и цѣлой партіи нынѣшнимъ ректоромъ Новороссійскаго университета, выбраннымъ годъ тому назадъ изъ числа самыхъ младшихъ членовъ профессорской коллегіи, что въ свое время возбуждало нѣкоторое удивленіе. Г. Ярошенко, повидимому, пошелъ не по тому пути какъ требовала партія именующая себя либеральною, и возбудилъ ея раздраженіе соединившись съ болѣе устойчивыми элементами коллегіи. Но извѣстно что въ логикѣ партій именующихся либеральными первое мѣсто занимаетъ такой силлогизмъ: самоуправленіе значитъ мы сами и по нашему управляемъ другими. Если нейдетъ по нашему, пригрозимъ отставкой. Не знаемъ таковы ли были соображенія г. Мечникова, но обстоятельства его отставки, въ соединеніи съ угрозой выйти изъ университета профессоровъ: нѣкоего математика Преображенскаго, нѣкоего юриста Гамбарова и г. Посникова, автора диссертаціи объ общинномъ владѣніи, за которое на диспутѣ въ Москвѣ одинъ студентъ-медикъ возблагодарилъ его отъ имени народа, даютъ всему эпизоду именно такой видъ, обративъ его въ демонстрацію соединенную со студентскою исторіей.

Состоялись „проводы Мечникова"—обѣдъ „тѣснаго кружка," какою-то юношескою рукой восторженно описанный въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 108) подъ именемъ „факта глубоко потрясшаго все мыслящее общество Одессы. Да и одной ли Одессы?" „Студенты, повѣствуетъ авторъ статьи *Одесскаго Вѣстника*, представители прессы, доктора, адвокаты, учителя, представители самоуправленія, отчасти профессора, инженеры, словомъ всѣ живущіе умственнымъ трудомъ классы Одессы прислали своихъ депутатовъ почтить первую звѣзду и русской и міровой науки (sic), выразить ему глубочайшее сожалѣніе по поводу его отъѣзда и излить накипѣвшую на сердцѣ горечь по поводу тѣхъ фактовъ и явленій, которые волнуютъ закулисную жизнь нашего университета и заставили уже, что публикѣ вѣроятно извѣстно, выйти изъ стѣнъ университета Преображенскаго и Мечникова и сдѣлать это въ непродолжительномъ будущемъ Посникова, Гамбарова и, какъ слышно, Ковалевскаго." На обѣдѣ, пишетъ лѣтописецъ событія, „не говорились напыщенныя рѣчи," и тутъ же приводитъ слѣдующія слова, по увѣренію его, сказанныя о г. Мечниковѣ однимъ изъ присутствовавшихъ профессоровъ: ...„Я привѣтствую въ немъ высочайшаго представителя какъ русской, такъ и міровой науки. Мнѣ горько и грустно что нашъ университетъ лишается перваго свѣтила, выносящаго на своихъ плечахъ всю тяжесть современной науки и ея методовъ." Повѣствователь не упоминаетъ какъ принялъ такую дань восторга г. Мечниковъ. Не поздоровится, казалось бы, отъ этакихъ похвалъ. Далѣе повѣствуется что какой-то докторъ обращался къ виновнику торжества со словомъ отчаянія: „своимъ отъѣздомъ вы прекращаете дальнѣйшее развитіе медицины въ Одессѣ." Земецъ восклицалъ: „возвращайтесь, возвращайтесь къ намъ, дорогой Илья Ильичъ, мы переживаемъ теперь трудную годину. Сама природа вступила съ нами въ борьбу." Сельскій хозяинъ заявлялъ что отставкой г. Мечникова, или, какъ онъ выразился, „его судьбой интересуется вся образованная Европа, весь міръ." Послѣ обѣда были проводы на станцію желѣзной дороги. По описанію выходитъ что г. Мечниковъ и его товарищи уѣхали въ какую-то другую часть свѣта. „Въ половинѣ восьмаго, сказано въ немъ, свистнулъ свистокъ, и поѣздъ тронулся. Раздались крики: Мечниковъ бросилъ Одессу, Россію, Европу! День предъ тѣмъ бро-

силъ Преображенскій, въ недалекомъ будущемъ бросятъ другіе и т. д., и т. д. Господи, да что же это?"

Описаніе комическое, но свидѣтельствующее о томъ что бродило въ возбужденныхъ студенческихъ кружкахъ. На всѣ лады толковалось что удаляется первый ученый въ мірѣ, а виновники удаленія суть профессора противной ему партіи. И вотъ въ тотъ же день и почти въ тотъ же часъ какъ справлялся прощальный обѣдъ студентовъ и другихъ „общественныхъ дѣятелей," три студентскіе депутата подали въ квартиру ректора коллективное письмо за девяносто пятью подписями въ которомъ увѣщевали его отказаться отъ ректорства и которое очень сходствуетъ съ вышеприведеннымъ газетнымъ описаніемъ проводовъ г. Мечникова. „Послѣ года вашего управленія, сказано въ письмѣ, года въ продолженіе котораго было такъ много недоразумѣній и столкновеній (студенты говорятъ очевидно о совѣтскихъ столкновеніяхъ, повидимому, имъ хорошо извѣстныхъ и ихъ интересующихъ), дѣла университета направляемыя вашею рукой приняли такой оборотъ, при которомъ профессора составляющіе гордость университета вынуждены оставить его. Всѣхъ насъ и, мы думаемъ, также всѣхъ профессоровъ и васъ лично глубоко поразило рѣшеніе Преображенскаго, Посникова, Мечникова и Гамбарова уйти изъ университета! Мы желаемъ думать что эти несчастные результаты получились помимо вашего намѣреннаго желанія, что они явились роковымъ слѣдствіемъ того направленія которое вы дали дѣламъ университета, разчитывая принести ему возможно бо́льшую пользу, и они должны убѣдить васъ что ваше управленіе вредно университету. Поэтому мы ждемъ отъ васъ что, для предотвращенія такого большаго несчастія отъ университета какъ потеря лучшихъ профессоровъ, вы откажетесь отъ дальнѣйшей ректорской дѣятельности." Въ то же время полетѣли корреспонденціи о событіи въ столичныя газеты. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* трогательно описывался фактъ какъ г. Мечникова приглашали профессоромъ въ Берлинскій университетъ и онъ отказался чтобы посвятить свои силы Новороссійскому университету. По поводу этого „факта," въ петербургскомъ притонѣ газетнаго вранья, *Голосъ*, появилась передовая статья, обвинявшая, во имя русской науки, кого-то и что-то—только не уставъ 1863 года,—и заявлявшая что нынѣ въ университетахъ стало душно жить лучшимъ людямъ. То ли было бы, подразумѣвается, при *правовомъ порядкѣ!* Г. Мечниковъ опровергъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* извѣстіе о небываломъ приглашеніи. „Я, къ своему ужасу, говоритъ онъ, увидѣлъ что мнѣ приписаны слова о приглашеніи меня въ Берлинскій университетъ, которыхъ я само собою разумѣется никогда не произносилъ и произнести не могъ." Но многіе ли прочтутъ опроверженіе, а легенда, сочиненная какимъ-то черезчуръ усерднымъ почитателемъ г. Мечникова, пошла гулять по свѣту.

Въ послѣднее время довольно обычно говорить о „русской наукѣ" и чествовать даже громкими демонстраціями отечественные таланты. Къ сожалѣнію, чествуется обыкновенно не то что въ томъ или другомъ талантѣ дѣйствительно достойно хвалы, а нерѣдко именно то что примѣшивается къ таланту и достойно не похвалы, а порицанія и осужденія. У насъ исчезло понятіе обязанности. Мы забываемъ что талантъ, какъ свыше полученный даръ, самъ по себѣ не есть заслуга, а есть обязанность... Чествованіе таланта должно быть прежде всего чествованіемъ того что изъ таланта сдѣлано или на что онъ обращается.

Б.

Газета *Недѣля* (№ 24) привела изъ послѣдней книги Герберта Спенсера нѣсколько словъ въ коихъ объясняется что черезчуръ сложный бюрократизмъ не усиливаетъ, а ослабляетъ центральную власть. Эта истина давно была извѣстна до Спенсера, и останавливаться на ней не было никакой надобности. Чѣмъ проще управленіе, и чѣмъ менѣе канцелярскихъ и всякихъ формальностей, и чѣмъ болѣе личной отвѣтственности, тѣмъ лучше. Вслѣдъ за *Недѣлей*, нѣкоторые другіе органы нашей *прессы* перепечатали цитату Спенсера и пояснили своимъ читателямъ что этою цитатой *Недѣля* поразила *Московскія Вѣдомости*. Хотя въ статьѣ *Недѣли* не упоминается о насъ, однако въ виду толкованія другихъ газетъ считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу. *Недѣля* говоритъ слѣдую-

щее: „зная слабую струну общества (желаніе имѣть сильную правительственную власть), глашатаи бюрократизма говорятъ: *власть—это сильная безотвѣтственная бюрократія.*“ Не знаемъ говорилъ ли кто подобный вздоръ, но мы всегда полагали что бюрократія, какъ и всякая служебная власть, должна быть отвѣтственна, и притомъ и серіозно и строго отвѣтственна. По нашему мнѣнію, которое часто высказывалось нами и всегда нашими противниками оспаривалось, все зло наше теперь заключается въ недостаткѣ дисциплины въ правительственныхъ сферахъ. Наши администраторы съ верху до низу недостаточно боятся нарушать, или оставлять безъ исполненія, долгъ своей службы. Случится что-нибудь и все кончается только тѣмъ что они отправляются, въ чинахъ, почестяхъ и съ окладами, поправлять свое здоровье...

Страхъ Божій есть начало премудрости; онъ есть и начало правительства. Служебныя власти въ государствѣ должны подъ грозною отвѣтственностію служить только государству, а не партіямъ ему враждебнымъ. Хорошъ министръ который въ своихъ распоряженіяхъ сталъ бы руководиться не обязанностями своей службы, а отзывами интрижной *прессы* и желаніемъ снискать себѣ популярность въ сферахъ противныхъ долгу его службы. А это бываетъ... Хорошъ также правитель который поѣхалъ бы на воеводство съ тѣмъ чтобы поступать вопреки данной ему правительственной программы и открыто надъ нею смѣялся бы. А у насъ, къ сожалѣнію, бываетъ и это. И вотъ въ этомъ-то прежде всего наше зло...

№ 175.

Москва, 25-го іюня.

А.

Военныя дѣйствія въ Египтѣ могутъ, повидимому, вспыхнуть каждую минуту. Обѣ стороны, и Араби-паша, и Англичане дѣйствуютъ, очевидно, вызывающимъ образомъ. Напримѣръ, 1 іюля Араби-паша, ссылаясь на производимыя англійскою эскадрой эволюціи и на то что по приказу султана возведеніе земляныхъ укрѣпленій у Александріи будто бы пріостановлено, настаивалъ на посылкѣ египетскаго генерала на англійскій адмиральскій корабль чтобы „потребовать объясненій.“ Чрезъ нѣсколько дней лордъ Сеймуръ, какъ передавали въ *Daily News*, обратился къ губернатору Александріи съ требованіемъ прекратить вооруженіе фортовъ и заявилъ что онъ со своей стороны рѣшился принять энергическія мѣры если требованіе его не будетъ исполнено. Какъ разъ около этого времени (4 іюля) въ Лондонѣ заговорили о немедленномъ бомбардированіи Александріи и „о неизбѣжности военныхъ дѣйствій.“

Въ Лондонѣ повидимому вполнѣ убѣждены въ успѣхѣ и находятъ что чѣмъ раньше начать дѣйствія тѣмъ лучше. Такъ, повидимому, думаютъ и не въ Лондонѣ только. Берлинскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, въ письмѣ отъ 29 іюня, прямо замѣчаетъ будто объ энергическомъ противодѣйствіи Египтянъ Англичанамъ „нечего и думать,“ и что столкновеніе которое и войной де называть не стоитъ неизбѣжно кончится „постыднымъ пораженіемъ Египтянъ даже еще до перваго сраженія.“ Но въ томъ-то и дѣло что въ Берлинѣ вовсе не серіозно такъ думаютъ и говоря о ничтожности сопротивленія египетскихъ войскъ играютъ двойную игру, съ одной стороны, какъ будто внушая султану мысль о необходимости послать въ Египетъ турецкія войска, а съ другой, убѣждая Англичанъ что торопиться не зачѣмъ. Въ Берлинѣ прежде всего хотятъ выиграть время и потому-то этотъ маневръ поддерживаютъ и въ Вѣнѣ, намекая Англичанамъ что если они замышляютъ перенести на африканскую почву ту политику разрушенія которой держалась Россія относительно Турціи, то и послѣдствія получатся одинаковыя, такъ какъ „вырванный насиліемъ у Турціи или Египта договоръ не менѣе подлежитъ пересмотру какъ и заключенный въ Санъ-Стефано.“ Въ Константинополѣ на военныя приготовленія Англичанъ смотрятъ почти какъ на угрозу и тоже желаютъ выиграть время чтобы собраться съ силами. Германскіе дѣльцы руководящіе теперь военными взглядами Порты всегда были весьма не высокаго мнѣнія о военномъ могуществѣ Англіи. Не далѣе какъ во время Афганской экспедиціи нѣмецкая печать съ замѣчательными постоянствомъ и настойчивостью доказывала что Англія располагаетъ ничтожными и недостаточными для серіозныхъ предпрі-

лтій силами, что достоинство англійскихъ войскъ упало въ такой мѣрѣ что они дѣйствительно едва могутъ справляться съ Бурами и даже съ Зулуями. Приложеніе этихъ взглядовъ къ дѣлу объясняетъ и все поведеніе Порты относительно какъ Англичанъ, такъ и конференціи. Египетская армія не велика, но это не Буры и не Зулуи. Въ мирное время въ египетскихъ войскахъ около тринадцати тысячъ; въ военное эта сила можетъ дойти до пятидесяти тысячъ человѣкъ съ хорошею артиллеріей. Офицеровъ въ Египтѣ избытокъ; армія одѣта заново, отлично вооружена, въ продовольствіи изобиліе. Справиться съ этою арміей, если ей удастся окончить военныя приготовленія, Англичанамъ было бы не легко, даже и при французской помощи. Кромѣ того, въ Константинополѣ и Египтѣ отлично понимаютъ что стратегическія выгоды не на сторонѣ Англичанъ. Десантныя войска всегда нуждаются въ перевозочныхъ средствахъ и стало-быть сейчасъ по совершеніи высадки не могутъ предпринять рѣшительное наступленіе въ глубь страны и охранить длинную линію Суэзскаго канала отъ покушеній на его цѣлость со стороны Араби-паши, который поэтому-то и могъ такъ смѣло пригрозить Англіи взрывомъ канала. Правда, корреспондентъ *Times* утверждаетъ что мины пока не заложены, но и по его словамъ „большія количества взрывныхъ веществъ дѣйствительно доставлены въ Измаилію.“ Инженеры близко знакомые съ устройствомъ канала думаютъ даже что и безъ обширныхъ взрывовъ онъ легко можетъ быть сдѣланъ непроходимымъ.

Англичане упустили моментъ наиболѣе удобный для нанесенія удара, давъ Египтянамъ возможность и время подготовиться къ отпору. Если вспыхнетъ борьба она должна принять нешуточные размѣры и потребуетъ не мало времени. Теперь пока весь вопросъ въ томъ пошлетъ или не пошлетъ султанъ войска въ Египетъ; за нимъ можетъ возникнуть другой: что̀ эти войска будутъ тамъ дѣлать и какимъ тономъ заговорятъ въ Константинополѣ когда всѣ приготовленія будутъ кончены? Едва ли однако Турки удовлетворятъ Англичанъ.

Для насъ тотъ или другой оборотъ дѣлъ въ Египтѣ вовсе не такъ безразличенъ какъ можетъ это казаться съ перваго взгляда. Вопервыхъ, по вывозной торговлѣ черезъ Египетъ Россія занимаетъ послѣ Англіи первое мѣсто; Франція въ этомъ отношеніи стоитъ ниже насъ. Такое положеніе Россія заняла со времени пріобрѣтенія въ Египтѣ хлопковыхъ плантацій, вслѣдствіе чего хлопокъ сталъ направляться къ намъ безъ посредничества Ливерпуля, прямо въ Одессу и Севастополь. Намъ поэтому вовсе не все равно останется ли Египетъ въ прежнемъ положеніи или же попадетъ подъ протекторатъ Англіи. Для Англичанъ Суэзскій каналъ путь въ Индію, для насъ въ Китай, Японію и къ нашимъ портамъ на Великомъ Океанѣ. Наша морская быстро развивающаяся торговля съ дальнимъ Востокомъ идетъ чрезъ Суэзскій каналъ.

Б.

Сегодня, 25 іюня, въ часъ ночи, скоропостижно скончался генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, за день предъ тѣмъ прибывшій въ Москву.

Совершенно неожиданная, тяжкая утрата! Русская армія, а съ ней Россія лишилась великой силы въ лицѣ Скобелева. Смерть постигла его въ цвѣтущемъ возрастѣ и уже на верху славы, но еще не проявившаго всѣхъ своихъ силъ. Быстро и высоко поднялся онъ въ своемъ орлиномъ полетѣ, но казалось только начиналъ его, только пробовалъ свои силы, и сдѣланное далеко не исчерпывало того что̀ еще могъ онъ сдѣлать, чего Россія могла ожидать отъ него. Богъ создалъ его полководцемъ, въ немъ были всѣ качества военнаго генія, но и сдѣланнаго имъ на пользу Россіи и во славу русскаго оружія достаточно для чести его имени, которое останется блистательнымъ воспоминаніемъ въ нашей военной исторіи.

Лишившись полководца, мы лишились въ Скобелевѣ человѣка съ глубоко-патріотическимъ образомъ мыслей, просвѣщеннаго и дальновиднаго политика, горячо принимавшаго къ сердцу наши задачи на Востокѣ. Не задолго до смерти, Михаилъ Дмитріевичъ довѣрилъ намъ свои соображенія и замѣтки, а также планы которыми онъ руководился въ своей блистательной Ахалтекинской экспедиціи. Мы не преминемъ сообщить изъ нихъ публикѣ все что̀ окажется удобнымъ.

№ 176.

Москва, 26-го іюня.

Измѣненія сдѣланныя въ таможенномъ тарифѣ не перестаютъ быть предметомъ общихъ толковъ. Къ сожалѣнію, тѣ изъ этихъ толковъ къ которымъ особенно важно было бы прислушаться, сужденія въ средѣ промышленнаго міра, на чьихъ интересахъ состоявшіяся перемѣны должны отозваться въ ту или другую сторону, до сихъ поръ еще не появляются въ печати. Публикѣ приходится довольствоваться пока лишь газетными сужденіями по этому предмету...

Во всѣхъ многоразличныхъ печатныхъ отзывахъ о сдѣланныхъ въ тарифѣ измѣненіяхъ замѣчается одна общая черта: никто не видитъ въ этихъ измѣненіяхъ чего-нибудь цѣльнаго, законченнаго, никто не признаетъ чтобъ ими наша тарифная система была приведена въ тотъ видъ какимъ можно было бы надолго удовлетвориться. Если не всѣми прямо высказывается, то всѣми подразумѣвается что состоявшимися измѣненіями пошлинъ нисколько не устранена потребность общаго пересмотра тарифа, а иные полагаютъ что сдѣланныя перемѣны не поведутъ даже и къ отсрочкѣ этого пересмотра. Между прочимъ, *Новое Время* передаетъ слухъ что къ общему пересмотру тарифа будетъ приступлено не далѣе какъ предстоящею осенью. Нельзя не пожелать чтобъ этотъ слухъ оправдался, чтобы серіозная таможенная реформа не заставила себя ждать и совершилась въ духѣ національной политики, которая равно обезпечила бы и интересы казны, и правильное экономическое развитіе страны. Эта послѣдняя, важная сторона дѣла была пока на заднемъ планѣ; главною цѣлью сдѣланныхъ въ тарифѣ измѣненій было не содѣйствіе внутреннему экономическому развитію, а удовлетвореніе текущихъ надобностей государственнаго бюджета. Въ этомъ всѣ согласны, и по этому пункту не оказывается разногласія даже между газетами самаго различнаго направленія. Но по мнѣнію однихъ, недостаточное вниманіе оказанное интересамъ народнаго хозяйства и преимущественно фискальный характеръ принятой мѣры составляетъ слабую ея сторону; другіе же сожалѣютъ даже о немногихъ „уступкахъ въ пользу протекціонистскихъ домогательствъ," какъ они выражаются, заявляя надежду что сдѣланныя небольшія уступки въ этомъ смыслѣ были послѣдними, что при дальнѣйшихъ измѣненіяхъ тарифа правительство будетъ руководствоваться уже исключительно фискальными соображеніями. Едва ли нужно прибавлять что главнымъ органомъ этого послѣдняго мнѣнія выступаетъ *Голосъ*. „Когда тарифъ является орудіемъ для достиженія цѣлей фиска," поучаютъ руководители этой газеты,—„противъ него нѣтъ возраженія. Всякія жалобы потребителей на высокое обложеніе привозныхъ товаровъ смолкаютъ предъ государственными нуждами... Потребители жалуются когда ихъ облагаютъ тяжелымъ налогомъ не въ пользу государства, а въ пользу небольшой группы фабрикантовъ и заводчиковъ, охочихъ до незаконныхъ барышей..."

Послушать этихъ экономистовъ, выйдетъ что покровительныя пошлины рѣшительно никому не нужны кромѣ „горсти фабрикантовъ," что единственный результатъ этихъ пошлинъ—устройство въ ихъ пользу „фактической кабалы надъ всею массой потребителей." Устанавливая покровительныя пошлины, правительство помогаетъ де только этимъ хищникамъ „ни мало не заботясь объ улучшеніи производства, продавать дрянныя произведенія по дорогимъ цѣнамъ и, сложа руки, наживать громадные барыши." Этого рода экономисты берутъ безотвѣтныхъ потребителей подъ свою защиту отъ этой беззастѣнчивой наживы на ихъ счетъ, энергически вооружаясь противъ горсти фабрикантовъ и заводчиковъ занятыхъ де „постыднымъ преслѣдованіемъ только корыстныхъ цѣлей."

Но въ самомъ ли дѣлѣ тарифная система которую отстаиваютъ и желаютъ водворить и увѣковѣчить на Руси наши фритредеры въ такой мѣрѣ выгодна для потребителей какъ это имъ внушается? Что всякому потребителю выгодно покупать нужные ему товары какъ можно дешевле, что потребителю все равно какой онъ купитъ товаръ, русскій или иностранный, лишь бы товаръ былъ хорошъ и дешевъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но для массы потребителей вопросъ о средствахъ для пріобрѣтенія товаровъ гораздо важнѣе вопроса объ ихъ дешевизнѣ. Никакая дешевизна нужныхъ въ его быту товаровъ не вознаградитъ портнаго если онъ останется безъ работы, если у него не будетъ заказовъ

вслѣдствіе того что огромная масса людей въ странѣ будетъ одѣваться въ привозимое изъ-за границы готовое платье. То же что о портномъ должно сказать о всякомъ иномъ производителѣ. Такихъ потребителей которые сами ничего не производятъ не много; большинство потребителей суть въ то же время и производители. Какъ покупщикамъ, наплывъ дешевыхъ иностранныхъ товаровъ можетъ въ извѣстномъ отношеніи дать имъ выгоду; но эта выгода грошовая сравнительно съ потерей заработковъ которые при такомъ наплывѣ отходятъ отъ русскихъ производителей къ иностраннымъ. Обезпечить производительнымъ рабочимъ классамъ населенія средства къ жизни, оградить русскій трудъ отъ подавляющей конкурренціи иностраннаго труда, вотъ одна изъ главныхъ цѣлей покровительныхъ пошлинъ требуемыхъ національными интересами. Кого должно обогащать, кому должно давать заработки русское потребленіе, своимъ или иностраннымъ производителямъ, это вопросъ который нельзя устранять при сужденіяхъ о размѣрѣ пошлинъ налагаемыхъ на привозные товары.

Еслибъ отъ покровительныхъ пошлинъ выигрывала только горсть фабрикантовъ и заводчиковъ, едва кто-нибудь, кромѣ ихъ самихъ, дерзалъ бы возвышать голосъ въ пользу установленія такихъ пошлинъ. Но около каждой фабрики, каждаго завода кормится масса людей, и объ интересахъ этой массы могутъ забывать развѣ только экономисты *Голоса*. Закрытіе фабрикъ, сокращеніе на нихъ производства весьма часто гораздо легче отзывается на интересахъ самихъ фабрикантовъ чѣмъ на интересахъ массы рабочаго люда. Основаніе новыхъ производствъ возможно, конечно, лишь при условіи чтобъ они были выгодны для предпринимателей; но помимо ихъ выгодъ, всякое новое производство расширяетъ область приложенія народнаго труда, открываетъ новыя средства существованія и улучшенія своего быта для цѣлыхъ массъ населенія. Одно земледѣліе общаго народнаго благосостоянія не обезпечиваетъ. Въ дополненіе къ нему необходимо возможно болѣе широкое развитіе промышленности. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ у насъ развита промышленная дѣятельность, народъ живетъ достаточнѣе чѣмъ тамъ гдѣ промысловъ нѣтъ. Въ видахъ подъема народнаго благосостоянія желательно, поэтому, поддерживать существующія производства и вызывать къ жизни новыя, поощряя предпріимчивость перспективою достаточныхъ выгодъ.

Безъ налоговъ на потребленіе обойтись нельзя. Экономисты *Голоса* признаютъ это въ полной силѣ. Но въ числѣ облагаемыхъ предметовъ потребленія, одни, по естественнымъ экономическимъ условіямъ страны, могутъ быть производимы въ ней самой, другіе не могутъ. Для фискальныхъ цѣлей все равно съ которой изъ этихъ двухъ категорій будутъ получаться таможенные доходы, но для народнаго хозяйства тутъ большая разница. Въ одномъ случаѣ налогъ, обогащая казну, въ то же время поощряетъ развитіе выгоднаго для страны производства; въ другомъ, поступающій въ казну таможенный сборъ никакими выгодами для народнаго хозяйства не сопровождается. Который изъ этихъ двухъ видовъ обложенія предпочтительнѣе? Конечно тотъ при которомъ невыгоды уплаты налога возмѣщаются населенію возвышеніемъ заработковъ отъ развитія поощряемыхъ налогомъ производствъ. По ученію экономистовъ *Голоса*, наоборотъ, налогъ на потребленіе хорошъ только когда отъ него никто въ странѣ не выигрываетъ. По мнѣнію этихъ экономистовъ, потребители должны будто бы разсуждать такъ: пусть налогъ тяжелъ, утѣшимся тѣмъ что ни одна уплачиваемая нами копѣйка не пойдетъ на поощреніе русской промышленности, не обогатитъ ни одного русскаго фабриканта, ни одного изъ многочисленныхъ рабочихъ которымъ наши производства даютъ заработки. Русскимъ потребителямъ, громадная масса коихъ суть въ то же время и производители, остается лишь поблагодарить за такой лестный отзывъ объ ихъ мысляхъ и чувствахъ.

Нѣтъ, напрасно эти экономисты берутъ на себя роль защитниковъ потребителей и ихъ интересовъ. Эта защита одна лицемѣрная маска, за которою скрываются иныя тенденціи. До интересовъ потребителей этимъ господамъ, въ сущности, очень мало дѣла, и это было ими не разъ доказано. Такъ, между прочимъ, въ печати было однажды замѣчено что въ интересахъ потребителей хорошо было бы понизить пошлину на деревянное масло. Эта пошлина очень высока, она доходитъ до 30 и болѣе процентовъ стоимости продукта. Благодаря высокой пошлинѣ, деревянное

масло и дорого, и дурно; его трудно достать въ продажѣ безъ подмѣсей дѣлающихъ его иногда почти негоднымъ для употребленія. Отъ этого терпитъ весь многочисленный православный людъ обыкшій, по религіозному усердію, теплить въ своихъ домахъ лампадки, которыя въ иной крестьянской избѣ висятъ въ переднемъ углу предъ каждою иконой. Какъ встрѣчена была экономистами *Голоса* мысль о пониженіи на деревянное масло? Самымъ энергическимъ противодѣйствіемъ. Завзятые фритредеры при такой оказіи разомъ перемѣнили маску и выступили въ качествѣ ярыхъ протекціонистовъ. Деревянное масло въ Россіи не производится, и нѣтъ пока шансовъ на то чтобы производство его могло развиться подъ вліяніемъ высокой пошлины; ясно что покровительнаго значенія эта пошлина имѣть не можетъ. Но эта пошлина нужна будто бы какъ таможенная охрана производства вырабатываемыхъ изъ каменнаго угля и нефти мазей для смазки машинъ... Допустимъ что такъ. Отсюда слѣдовало бы что пошлина съ деревяннаго масла не должна быть ниже пошлины на привозныя мази для смазки машинъ. Какъ высока эта послѣдняя пошлина? Слишкомъ втрое ниже чѣмъ на деревянное масло. Стало-быть пошлину на него, въ интересахъ потребителей, можно было бы понизить втрое безъ ущерба для охраняемаго производства. Но по особенностямъ своей логики, наши противники повышенія пошлинъ не сочувствуютъ ихъ пониженію когда оно не обращается во вредъ русскому производству. Они не противъ высокихъ пошлинъ когда онѣ обременяютъ потребителей безъ пользы для производства; они только противъ тѣхъ пошлинъ отъ которыхъ русская промышленность можетъ выиграть на счетъ иностранной. Изо всѣхъ измѣненій сдѣланныхъ нынѣ въ нашемъ тарифѣ, они говорятъ съ сожалѣніемъ лишь о тѣхъ которыя клонятся къ выгодѣ русскихъ прядильныхъ и красильныхъ фабрикъ и заводовъ выдѣлывающихъ краски, хотя на интересахъ потребителей эти измѣненія тарифа вовсе не отзовутся. Значительное же повышеніе пошлины, напримѣръ, на кофе, который въ Россіи не производится, не вызвало со стороны *Голоса* никакого замѣчанія. Для его экономистовъ интересы потребителей имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а лишь когда ихъ можно противопоставить интересамъ русскихъ производителей.

№ 178.

Москва, 28-го Іюня.

Сегодня Русское войско, Москва, Россія, отдали послѣдній долгъ такъ безвременно сраженному „русскому богатырю," какъ назвали Скобелева его однополчане. Печальная, но и торжественная и умилительная была минута. Тутъ не было различія между офиціальнымъ и неофиціальнымъ; то было общее искреннее народное чувство, которое всѣхъ соединило и во всѣхъ одинаково сказалось, отъ Царя до крестьянина. Въ этомъ всенародномъ чествованіи умершаго героя чувствовалась могучая животворящая сила которая и создаетъ героевъ. Лишь бы эта сила насъ не покидала, герои будутъ. Отъ насъ ушелъ человѣкъ на котораго возлагались великія надежды, но Россія не надежды чествовала провожая его, а заслуги имъ дѣйствительно оказанныя. Не за чѣмъ смущать себя мыслію о томъ что̀ сдѣлалъ бы Скобелевъ если бы долѣе прожилъ. Онъ уже сдѣлалъ довольно на свою долю. Онъ хорошо записалъ свое имя въ исторіи своего отечества; онъ будетъ жить въ преданіяхъ русскаго войска возвышающимъ духъ идеаломъ; обликъ русскаго витязя не померкнетъ въ народной памяти.

Онъ умеръ, и мы проводили его. Но не умиралъ ли онъ ежедневно подъ Плевной и въ другихъ бояхъ подъ градомъ пуль и ядеръ, всегда впереди своихъ солдатъ? Вся Россія съ замираніемъ сердца слѣдила за дѣлами его неимовѣрной отваги, которая дѣйствительно напоминала времена сказочныя. Но какъ солдаты бывшіе подъ его начальствомъ, такъ и народное чувство, съ трепетомъ за нимъ слѣдившее, плѣнялись не отвагой, а силой духа которой она была выраженіемъ. Онъ не щеголялъ отвагой безъ нужды; онъ не метался безсильно какъ угорѣлый въ опьяненіи битвы; предъ лицемъ смерти онъ оставался спокоенъ и твердъ и продолжалъ обдумывать свои планы и дѣлать свое дѣло, ничѣмъ не развлекаясь и не смущаясь. Нужна была великая сила духа чтобъ изо дня въ день, непрерывно, сохранять это самообладаніе, и оно-то дѣйствовало такъ вдох-

новительно на войска, въ этомъ-то самообладаніи была тайна его обаянія. Въ этомъ самообладаніи предъ лицемъ смерти прежде всего сказался полководецъ способный водить свои полки къ побѣдамъ. Но непрерывное напряженіе силъ чтобы сохранять нравственное равновѣсіе въ виду смерти обходится дорого: оно пожираетъ человѣка. И бываетъ такъ что люди привыкшіе къ такому напряженію силъ нуждаются въ смертной опасности и ищутъ ея чтобы вызывать и поддерживать въ себѣ силу духа, безъ котораго жизнь для человѣка одареннаго не имѣетъ цѣны.

Скорбь, съ которою проводили мы останки Скобелева, не походитъ на уныніе... Нѣтъ, онъ не унесъ съ собою нашихъ надеждъ; подвигами своей кратковременной жизни онъ возбудилъ и возвысилъ наши надежды. Когда пробьетъ часъ великихъ дѣлъ, Скобелевы явятся на Руси. Русская исторія не привыкла хранить людей про запасъ; изъ ея живыхъ силъ на новое дѣло появятся, Богъ дастъ, новые дѣятели. Лишь бы Русь сохранилась Русью, лишь бы не ослабѣвалъ тотъ народный духъ который создалъ и возвеличилъ наше государство! Только этотъ духъ и можетъ создавать у насъ великихъ людей,—и полководцевъ, и правителей, — и этотъ духъ жилъ въ Скобелевѣ, и ему обязанъ Скобелевъ честію которая провожаетъ его въ могилу. Даровитость его природы и пріобрѣтенныя имъ военныя познанія не сдѣлали бы его полководцемъ какимъ онъ былъ, не поддержали бы его на высотѣ его соображеній и даже личнаго мужества еслибы не этотъ животворящій народный духъ который сообщалъ, при его молодости, благоразуміе и зрѣлость его рѣшеніямъ, согрѣвалъ его мысль, поднималъ ее и расширялъ ея кругозоръ. Воспитанный на чужбинѣ, живя среди толкотни смутныхъ воззрѣній которыя волнуютъ наше время, Скобелевъ оставался въ своихъ убѣжденіяхъ глубоко русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ патріотическому долгу. Вотъ почему онъ не терялся въ отвлеченностяхъ и отличался здравомысліемъ и трезвостію въ своихъ соображеніяхъ. Онъ былъ не просто зубцомъ машины, но понималъ вещи въ ихъ обширной связи, и каждой подробности давалъ значеніе съ точки зрѣнія цѣлаго. Дѣйствуя въ степяхъ Средней Азіи и побѣждая тамъ трудности которыя до тѣхъ поръ казались неодолимыми, онъ одушевлялся мыслію о Босфорѣ, и живая мысль его усматривала внутреннюю связь нашихъ историческихъ задачъ на Востокѣ съ нашими внутренними затрудненіями. Сообщая намъ свои соображенія касательно Текинскаго оазиса, „вотъ," писалъ онъ, между прочимъ, „тѣ „политическіе и военные идеалы которые „въ будущемъ должны лежать въ основѣ „нашихъ дѣйствій и которыми я руковод„ствовался памятуя священныя слова по„койнаго Императора сказанныя мнѣ предъ „отправленіемъ въ экспедицію... ...Лично „для меня весь средне-азіатскій вопросъ „вполнѣ осязателенъ и ясенъ. Если по„мощію его мы не рѣшимъ, въ непродол„жительномъ сравнительно времени, серіоз„но взять въ руки Восточный вопросъ, то „азіатская овчинка не будетъ стоить вы„дѣлки. Смѣю думать что рано или поздно „русскимъ государственнымъ людямъ при„дется сознаться что Россія *должна* об„ладать Босфоромъ; что отъ этого зави„ситъ не только ея величіе, но ея безо„пасность въ смыслѣ оборонительномъ и „соотвѣтственное развитіе ея мануфактур„ныхъ центровъ и торговли. Никто, по„лагаю, не будетъ оспаривать что пока „Польскій и Западно-русскій вопросы бу„дутъ тяготѣть надъ нами, всякое пра„вильное развитіе въ лучшемъ народно„историческомъ значеніи этого слова бу„детъ крайне затруднено. Въ настоящее „время, не смотря на потраченныя крова„выя усилія, всѣ наши границы остались „открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную „армію, а Польскій вопросъ, особенно те„перь, въ виду неминуемыхъ усложненій „порожденныхъ австро-германскимъ сою„зомъ, держитъ насъ въ осадномъ поло„женіи. Только владѣя Босфоромъ, Рос„сія сможетъ сознательно и безповоротно „произнести, *преждевременный* пока, воз„гласъ разбитаго Костюшка: finis Poloniae."

№ 180.

Москва, 30-го іюня.

Попробуйте всенародно уличить въ обманѣ шарлатана! Едва ли вамъ это удастся. Вмѣсто того чтобъ отвѣчать на ваши доказательства, обманщикъ или будетъ увертываться отъ нихъ плоскими шутками или

нагло повторять свои софизмы. Тотъ и другой пріемъ разчитанъ конечно не на васъ, а на стоящую вокругъ толпу зѣвакъ, въ глазахъ которыхъ публичный вральманъ старается поддержать себя.

Примѣръ этому можно видѣть въ № 167 той газеты, на которую намъ не разъ уже приходилось указывать какъ на спеціальный и патентованный органъ общественнаго обмана.

Недавно мы предостерегали публику отъ одного изъ грубыхъ обмановъ пущенныхъ въ ходъ черезъ эту газету. Въ пышныхъ фразахъ господа взявшіе въ свое распоряженіе *Голосъ* толковали о томъ что Россія „не можетъ развиваться путемъ совершенно отличнымъ отъ того какимъ развивались и развиваются другіе народы европейскаго племени;“ а между тѣмъ оказывалось что тѣ же самые господа стараются лишить Россію необходимѣйшихъ средствъ къ этому развитію, объявивъ войну могущественному двигателю образованія, европейской школѣ, введенной въ Россіи именно для того чтобы національное развитіе Русскаго народа могло совершаться на общемъ пути европейскаго образованія. „Руководители *Голоса*, говорили мы, велятъ теперь, правда, своимъ *публицистамъ* восхвалять громкими фразами классическое образованіе и называть его *великимъ орудіемъ европейскаго просвѣщенія*, а на самомъ дѣлѣ предлагаютъ надѣлить Россію лжеучебными заведеніями, спеціально изобрѣтенными для обмана науки.“

Какъ же отвѣчаютъ на это уличенные шарлатаны? Какъ и слѣдовало ожидать, пошлыми шуточками, а затѣмъ нахальнымъ повтореніемъ опровергнутой лжи.

Прежде всего для развлеченія публики произносится съ разными вертлявыми ужимками „фантастическая защитительная рѣчь,“ въ которой, по собственному признанію писавшаго, читатель вовсе не находитъ того что онъ ожидалъ встрѣтить. Дѣло въ томъ что публицистъ *Голоса* ради потѣхи прикидывается на минуту, какъ онъ выражается, „охранителемъ,“ котораго де напрасно „обвиняютъ въ стремленіи передѣлать нашъ государственный строй на западный ладъ и въ какихъ-то разрушительныхъ замыслахъ по европейскому образцу.“ На эти обвиненія фокусникъ, переодѣвшись въ „охранителя,“ отвѣчаетъ слѣдующими словами:

„Но кто же какъ не мы всегда возставали противъ главнаго источника европейскихъ лжеученій, противъ питомника взроствшаго все поколѣнія европейскихъ реформаторовъ, сводобныхъ мыслителей, разрушителей? На чемъ воспитался умъ западнаго человѣка какъ не на классикахъ?“

Затѣмъ идетъ длинный рядъ доводовъ въ родѣ того что „классицизмъ воспиталъ поколѣніе французскихъ революціонеровъ 1789 года, преклонявшихся предъ классическими идеалами,“ и тому подобный вздоръ, то-есть доводы выдуманные, правда, не *Голосомъ*, но надъ нелѣпостью которыхъ самъ же писавшій смѣется окончивъ свою „фантастическую защитительную рѣчь;“ между тѣмъ цѣль шарлатана достигнута: весь этотъ намѣренный вздоръ наполняетъ чуть не два столбца газеты и производитъ на поверхностнаго и неопытнаго читателя такое впечатлѣніе будто въ самомъ дѣлѣ *Голосъ* нашелся что-нибудь отвѣтить на улики.

Послѣ притворнаго смѣха идетъ вторая часть программы: притворная серіозная невозмутимость. *Голосъ* переодѣвается, снимаетъ съ себя маску „охранителя“ и предстаетъ предъ публикой въ видѣ „либерала,“ который слѣдовательно не считаетъ нужнымъ защищаться когда его обвиняютъ „въ разрушительныхъ замыслахъ по европейскому образцу,“ такъ какъ эти замыслы составляютъ честь его и гордость. Онъ съ рыцарскимъ достоинствомъ беретъ подъ свою защиту классическую школу и заявляетъ что борется только противъ „полицейскихъ соображеній“ которыя „вредятъ ученію и знанію.“ А послѣ всѣхъ этихъ пустыхъ, но громкихъ словъ, ярмарочный рыцарь, съ торжествующимъ взглядомъ озираясь на толпу зѣвакъ, заключаетъ серіозную часть своей программы слѣдующими патетическими словами:

„Слѣдовательно, не европейская школа, а поддѣлка ея въ полицейскомъ духѣ г. Катковымъ составляетъ предметъ нашихъ возраженій. Пусть онъ пойметъ это разъ навсегда и не припутываетъ „самыхъ могущественныхъ двигателей европейскаго просвѣщенія“ къ вопросамъ этому „просвѣщенію“ чуждымъ.“

Эти слова прямо разчитаны на слабую память публики. Два мѣсяца тому назадъ *Голосъ* говорилъ какъ разъ то же самое и доказывалъ что въ нашихъ гимназіяхъ введена какая-то особая *толстовская, катковская* или *полицейская* классическая система, отличающаяся де цѣлымъ рядомъ

недостатковъ отъ прусской классической системы, которую *Голосъ* выставлялъ какъ образецъ послѣ произведенныхъ въ ней въ апрѣлѣ измѣненіяхъ. Мы тогда же дали себѣ трудъ подробно изобличить эту ложь руководителей *Голоса*, постоянно ссылаясь на безспорныя цифры и документы на которые шарлатаны *не возразили ни единаго слова* и принуждены были совершенно умолкнуть. Но прошло два мѣсяца, и вотъ какъ ни въ чемъ не бывало они явились на своихъ подмосткахъ съ тою же ложью, уличенною и опровергнутою.

Въ виду этого нечестнаго полемическаго пріема мы считаемъ нужнымъ вкратцѣ резюмировать сущность той лжи въ которой мы два мѣсяца тому назадъ уличили патроновъ *Голоса*.

Классицизмъ введенный въ русскія гимназіи, говорили они, отличается отъ прусскаго въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) у насъ вакаціонное время короче прусскаго; 2) у насъ въ старшихъ классахъ меньше учениковъ чѣмъ въ младшихъ, чего въ Пруссіи будто бы не бываетъ; 3) у насъ меньше уроковъ посвящено отечественному языку чѣмъ въ Пруссіи, и 4) у насъ чтеніе классическихъ авторовъ приносится въ жертву грамматикѣ, тогда какъ въ Пруссіи грамматикѣ посвящается меньше учебнаго времени чѣмъ у насъ. (Еслибъ и все это было такъ, то что же тутъ полицейскаго?)

Всю эту кучу лжи мы *документально* опровергли слѣдующими фактами: 1) у насъ вакаціонное время *несравненно продолжительнѣе* чѣмъ въ Пруссіи; 2) у насъ отношеніе числа учениковъ старшихъ классовъ къ ученикамъ младшихъ *то же самое* какъ и въ Пруссіи; 3) у насъ *больше* уроковъ посвящено отечественному языку чѣмъ въ Пруссіи, и 4) у насъ грамматика изучается въ *меньшемъ* размѣрѣ чѣмъ въ Пруссіи, а принесеніе авторовъ въ жертву грамматикѣ прямо воспрещается Министерствомъ (см. учебные планы).

Итакъ, вся характеристика *полицейскаго* классицизма, придуманная *Голосомъ*, оказалась съ начала до конца грубою завѣдомою ложью. Она не перестала быть такою ложью и по прошествіи двухъ мѣсяцевъ. Какою же дерзостью нужно обладать чтобы произнести спокойнымъ тономъ безсмысленную фразу въ которой *Голосъ* увѣряетъ будто „не европейская школа, а поддѣлка ея въ полицейскомъ духѣ составляетъ предметъ возраженій?“ Что можетъ быть общаго между классицизмомъ и полиціей? Но развѣ можно отрицать что серіозно образованный человѣкъ менѣе доступенъ для нигилизма чѣмъ невѣжественный всезнайка? Сами же патріоты *Голоса* черезъ него предлагаютъ какую-то свою классическую систему для нравственнаго оздоровленія нашей молодежи; значитъ и ихъ система имѣетъ „полицейскую“ цѣль? Никакая гимназія не можетъ ручаться за будущую полицейскую благонадежность своихъ питомцевъ, но она должна по возможности ручаться въ ихъ умственной зрѣлости. Въ своей „фантастической защитительной рѣчи“ *Голосъ* указываетъ на то „что и въ наше время соціалистъ Лассаль былъ пропитанъ уваженіемъ къ классическому міру.“ Совершенно вѣрно; но кто же не знаетъ что между соціалистомъ Лассалемъ и современнымъ ему соціалистомъ Писаревымъ относительно умственной зрѣлости была бездна? А Писаревы вышли именно изъ тѣхъ школъ къ которымъ насъ хотятъ возвратить реакціонеры *Голоса*.

Но нечестность полемическаго пріема *Голоса* заключается не въ томъ только что онъ старается отшутиться и отолгаться въ виду явныхъ уликъ, а что онъ совсѣмъ не отвѣчаетъ на самыя главныя и тяжкія изъ этихъ уликъ. Статья № 166 *Московскихъ Вѣдомостей* принудившая *Голосъ* прибѣгнуть къ разнымъ „фантастическимъ“ и софистическимъ защитительнымъ рѣчамъ была направлена главнымъ образомъ противъ систематическаго обмана, практикуемаго ежедневно внушителями *Голоса* во имя такъ-называемаго „правоваго порядка.“ Это выраженіе служитъ, какъ всякому извѣстно, легальною кличкой „конституціоннаго парламентаризма,“ для котораго патроны *Голоса* еще не выхлопотали вполнѣ легальнаго паспорта. „Если въ другихъ европейскихъ государствахъ, говорили мы, совершаются преступленія и приключаются несчастные случаи, то это можетъ происходить отъ весьма разнообразныхъ причинъ; но если тѣ же преступленія и несчастные случаи являются по сю сторону русской границы, то они, по увѣренію шарлатановъ, должны быть объясняемы у насъ только отсутствіемъ парламентской конституціи.“ Въ подтвержденіе того что редакторы *Голоса* дѣйствительно стараются навязать публикѣ этотъ нелѣпый взглядъ на причины всѣхъ существующихъ и не существующихъ невзгодъ Россіи, мы приве-

зи нѣсколько примѣровъ изъ ежедневной практики этихъ господъ; изъ этихъ примѣровъ читатели могутъ убѣдиться что если у насъ когда-нибудь установится „правовой порядокъ,“ то въ немъ будутъ засѣдать теперешніе посѣтители публичныхъ домовъ, съ тѣмъ чтобы „устрашать“ людей поступающихъ по закону и „дать жизнь“ подстрекателямъ къ неповиновенію законамъ, а также къ тому чтобы „воплотить *синтетическаго* мужика.“

Что же отвѣтили господа руководящіе *Голосомъ* на это обвиненіе? *Буквально ничего.* Передъ тяжестью уликъ они должны были умолкнуть; но они сдѣлали видъ какъ будто и не слышали этихъ уликъ и, повернувшись на пяткахъ, стали въ патетическую позу и съ пошлою вертлявостью произнесли упомянутую выше „защитительную рѣчь“ по другому вопросу. Наговоривъ съ три короба всякаго вздора, они ни единымъ словомъ не коснулись того именно что составляло сущность предъявленныхъ имъ уликъ. Они употребили *двойной* обманъ: и въ существѣ и въ формѣ отвѣта.

Но чтобъ изобличать этотъ органъ общественнаго обмана, приходилось бы повторять эту работу надъ каждымъ его нумеромъ. Вотъ напримѣръ въ № 171 *Голоса* передовая статья. Послушайте:

„Еще недавно *Московскія Вѣдомости* распространялись объ обширныхъ замыслахъ князя Бисмарка. Они старались ясно показать что цѣль канцлера состоитъ ни болѣе ни менѣе какъ въ томъ чтобы перенести центръ тяжести Оттоманской Порты на прибрежье Средиземнаго Моря, австрійскіе интересы сосредоточить на Балканскомъ полуостровѣ, самому захватить нѣмецкія земли Австріи, отдавъ Италіи италіянскія части Австріи, для упроченія своего союза съ нею противъ Франціи. Если таковы планы князя Бисмарка, то что долженъ почувствовать *русскій* патріотъ, что долженъ онъ былъ предусмотрѣть кромѣ гибели международнаго значенія Россіи? Австрія — госпожа на Балканскомъ полуостровѣ; нѣмецкія земли Австріи въ рукахъ Германіи; Италія послушная союзница Бисмарка; Франція изолированная на западѣ, Россія на востокѣ, и обѣ отданныя на жертву властолюбію Тевтоновъ — какова перспектива! Но г. Катковъ въ восторгѣ; Бисмаркъ его идолъ... Онъ основываетъ диктатуру; онъ попираетъ вольности своего народа; онъ куетъ грозную военную силу; *онъ твердъ, какъ скала!* На кого обрушится эта сила и на чьихъ плечахъ разразится эта твердость — другой вопросъ: мы ли поплатимся за идолопоклонничество предъ Бисмаркомъ, Польшей и Остзейскими провинціями — все равно, лишь бы мы остались вѣрными этому образцу „твердой“ власти. И это называется „національною политикой!“ И это не краснѣя проповѣдуется русскому обществу!“

Какъ не расхохотаться надъ этимъ уже черезчуръ грубымъ софизмомъ? На основаніи той же мошеннической логики можно пожалуй доказать что Демосѳенъ былъ измѣнникомъ своему отечеству, такъ какъ онъ, предостерегая Аѳинянъ противъ Филиппа, будилъ ихъ указывая имъ на энергію, твердость и послѣдовательность Македонскаго царя! Бисмаркъ своею твердой политикой соединилъ Германію въ одно великое цѣлое и упрочилъ ей первое мѣсто среди прочихъ государствъ Европы. Ахъ, какъ было бы льготно и ловко сосѣдямъ Германіи и всѣмъ кто опасается развитія ея могущества, еслибы князь Бисмаркъ вдругъ ослабѣлъ, поглупѣлъ и усвоилъ бы себѣ политику которую, всѣми способами обмана, осмѣливается навязывать въ настоящее время русскому правительству интрига имѣющая *Голосъ* своимъ органомъ въ печати!

№ 181.

Москва, 1-го іюля.

Alea jacta est. Египетскій вопросъ принялъ, вслѣдствіе военнаго вмѣшательства Англіи, совершенно новый оборотъ. Во вторникъ, 29 іюня, англійскій адміралъ открылъ бомбардировку по египетскимъ фортамъ, защищающимъ Александрійскую гавань. Батареи фортовъ отвѣчали. Началась расправа между Англіей и египетскимъ диктаторомъ Араби-пашой; каковъ будетъ исходъ этой борьбы, предугадать не трудно, за то совершенно невозможно предусмотрѣть дальнѣйшія послѣдствія, которыя, можетъ-быть, поведутъ къ новому рѣшенію столь близкаго намъ Восточнаго вопроса.

Нужно отдать справедливость г. Гладстону. Онъ вдругъ явилъ необыкновенную энергію и послѣдовательность. Не далѣе

какъ 25 іюня сдѣлалъ онъ странный и небывалый въ парламентской лѣтописи промахъ во время обсужденія ирландскаго принудительнаго билля въ палатѣ общинъ; онъ предложилъ къ закону имъ самимъ внесенному поправку похожую на уступку мятежникамъ, и заявилъ что если эта поправка будетъ отклонена, онъ подастъ въ отставку; а когда палата, не одобряя слабохарактерности министра, отконила странную его поправку, г. Гладстонъ, замѣтивъ слишкомъ поздно свою ошибку, взялъ назадъ свое заявленіе объ отставкѣ и просилъ продолжать обсужденіе принудительнаго билля. За то теперь, какъ будто встряхнувшись послѣ полученнаго урока, онъ оказалъ безпримѣрную въ исторіи дипломатіи энергію.

До сихъ поръ международныя конференціи собирались предъ началомъ или по окончаніи войнъ для улаженія спорныхъ международныхъ вопросовъ. Во время засѣданій этихъ конференцій, участвовавшія въ нихъ державы строго воздерживались ото всякой попытки рѣшить подлежащіе конференціямъ вопросы инымъ путемъ кромѣ дипломатическаго. Отъ этого иныя державы терпѣли непоправимые убытки, но всетаки не рѣшались дѣйствовать вопреки пресловутому „европейскому концерту.“ Англія оказалась менѣе щепетильною чѣмъ Россія въ подобныхъ обстоятельствахъ и доказала что когда дѣло идетъ объ интересахъ отечества соблюденіе дипломатическихъ приличій по меньшей мѣрѣ излишне.

Въ Константинополѣ засѣдаетъ вотъ уже три недѣли европейская международная конференція, созванная Англіей и Франціей со спеціальною цѣлью уладить затрудненія вызванныя въ Египтѣ диктатурой Араби-паши. Не ожидая ничего путнаго отъ занятій этой конференціи, г. Гладстонъ рѣшился „*параллельно* съ конференціей“ уладить египетскія затрудненія *по своему*, посредствомъ не депешъ дипломатическихъ, а Армстронговскихъ пушекъ.

Скептическій взглядъ англійскаго премьера на пользу Константинопольской конференціи весьма понятенъ. Послѣ двухнедѣльнаго совѣщанія европейскіе дипломаты, засѣдающіе въ предсѣдательствѣ г. Корти, додумались до совершенно нелѣпой и непрактической мѣры: предложить Портѣ отправить отъ имени Европы на извѣстный срокъ войска въ Египетъ для смѣщенія Араби-паши. Никто не сомнѣвался что Порта ни за что не приметъ на себя роли жандарма Европы противъ человѣка котораго султанъ за его заслуги только-что украсилъ орденомъ Меджидіе. Турція, конечно, не прочь занять своими войсками Египетъ, положить конецъ автономіи хедива и превратить плодородную Нильскую долину въ простой турецкій пашалыкъ; но для этого она должна явиться въ Египетъ самостоятельною и независимою державой, а не на извѣстный только срокъ „по порученію Европы.“ Итакъ, члены Константинопольской конференціи очень хорошо знали что Порта отклонитъ это предложеніе, но тѣмъ не менѣе они пресеріозно и пространно разсуждали о томъ какъ формуловать этотъ дипломатическій инструментъ и наконецъ торжественно вручили его 28 іюня Портѣ, не перестававшей протестовать противъ самаго существованія Константинопольской конференціи, на томъ основаніи что никакого де Египетскаго вопроса не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія что Турція, по испытаннымъ правиламъ своей дипломатіи, начала бы безконечную дипломатическую переписку, дабы выиграть какъ можно болѣе времени и дать Араби-пашѣ возможность привести Египетъ въ прочное оборонительное положеніе и захватить Суэзскій каналъ въ видѣ драгоцѣннаго „европейскаго заложника.“ Когда наконецъ выяснилась бы невозможность столковаться съ Портой, Константинопольская конференція начала бы разсматривать и обсуждать способы европейскаго вмѣшательства, которое конечно представило бы тысячу теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Когда эти затрудненія были бы улажены и было бы рѣшено отправить англо-французскую, или англо-французско-италіянскую, или англо-французско-греческую армію въ Египетъ, то прошло бы еще много времени пока наконецъ эти сложныя экспедиціи могли состояться, а къ тому времени Александрія и Каиръ могли превратиться въ неприступныя крѣпости, подъ знамена же Араби-паши могла собраться многотысячная армія регулярныхъ и въ особенности иррегулярныхъ (бедуинскихъ) полчищъ. Съ этою арміей и противъ этихъ крѣпостей Англіи пришлось бы вести войну со связанными европейскимъ концертомъ руками, а славу и плоды побѣды пришлось бы ей дѣлить съ другими державами, ни-

тересы которыхъ далеко не тождественны съ интересами Англіи.

Словомъ, повторилось бы, mutatis mutandis, то что̀ было съ нами въ 1877 году: тогда тоже засѣдала въ Константинополѣ конференція, на которой нашъ посолъ торжественно выбрасывалъ за бортъ одно за другимъ всѣ требованія Россіи, а пока длилась эта конференція, Турція вооружилась, мы же, рѣшившись на безконечную уступчивость и потому совершенно увѣренные въ мирномъ исходѣ, довольствовались выставленною для демонстраціи силой, не принимая дальнѣйшихъ мѣръ, и дѣло кончилось тѣмъ что Высокая Порта презрительно отвергла дань нашихъ уступокъ, не захотѣла принять отъ насъ даже униженное признаніе ея правъ, и чуть не сама объявила намъ войну...

Г. Гладстонъ, съ энергіей, достойною лорда Пальмерстона, рѣшилъ не дожидаться отвѣта Порты на предложеніе придуманное Константинопольскою конференціей. Лордъ Сеймуръ, командующій англійскою эскадрой предъ Александріей, отправилъ Араби-пашѣ ультиматумъ съ требованіемъ немедленно очистить форты, и, получивъ уклончивый отвѣтъ, открылъ бомбардировку.

Нѣтъ сомнѣнія что англійскіе броненосцы сумѣютъ справиться съ батареями Александрійскихъ фортовъ. Но этимъ дѣло не окончится.

Подъ начальствомъ Араби-паши двадцатитысячная регулярная армія, которая по̀ присоединеніи къ ней милиціи и бедуиновъ легко можетъ удвоиться, или даже какъ нѣкоторые увѣряютъ утроиться въ своей численности. Правда, англійскіе корреспонденты разказываютъ про египетскихъ солдатъ „чудеса трусости“ показанныя ими въ Абиссиніи и Суданѣ, но и они признаютъ что Араби-паша наэлектризовалъ ихъ фанатизмомъ и готовъ съ ними драться противъ Англичанъ „до послѣдней капли крови.“ Противъ египетской арміи Англія выставляетъ на первый разъ лишь десятитысячный корпусъ и только въ послѣдствіи, въ случаѣ надобности, примкнутъ къ нему резервы изъ Индіи и Мальты. Сухопутная борьба слѣдовательно приметъ, можетъ-быть, ожесточенный характеръ; но едва ли можно сомнѣваться что и она кончится побѣдой Англіи (хотя Араби-паша и указываетъ иронически на пораженія понесенныя англійскими войсками въ Трансваалѣ). На эту побѣду Англія можетъ однако разчитывать лишь въ томъ случаѣ если къ египетскому войску не присоединится турецкое. Въ короткій четырехлѣтній срокъ разбитая нами на голову Турція совершила, подъ руководствомъ прусскихъ офицеровъ, чудеса по части реорганизаціи своей арміи. Она создала себѣ для военнаго времени 19 армейскихъ корпусовъ, доходящихъ численностью до 600.000 человѣкъ прекрасно организованныхъ, вооруженныхъ и вымуштрованныхъ. Часть этихъ войскъ легко можетъ явиться чрезъ Сирію и Палестину въ Египетъ на помощь Араби-пашѣ и для занятія Суэзскаго канала, и съ этими войсками Англіи, не обладающей обширными сухопутными силами, не легко будетъ справиться. А что Турція легко можетъ рѣшиться на посылку экспедиціоннаго корпуса противъ англійскихъ войскъ въ Египтѣ, это доказываетъ ея послѣдняя циркулярная нота, въ которой бомбардированіе Александріи признается нарушеніемъ верховныхъ правъ султана.

Но еслибъ Англіи пришлось имѣть дѣло и съ одними египетскими войсками, то съ ея побѣдой надъ Араби-пашой далеко еще не кончился бы Египетскій вопросъ. Тогда онъ принялъ бы только свой общеевропейскій характеръ. Франція, Италія и Турція начнутъ оспаривать у Англіи плоды ея побѣды, а она тѣмъ упорнѣе будетъ за нихъ держаться чѣмъ дороже они ей достанутся. Снова вѣроятно начнутся засѣданія Константинопольской конференціи, но уже при иныхъ условіяхъ и съ иною цѣлью. До сихъ поръ конференція считала своею обязанностью только возстановленіе *status quo ante Arabi*. Теперь, когда Англія рѣшилась на изолированное военное вмѣшательство, она едва ли ограничится столь скромнымъ результатомъ. Вотъ по крайней мѣрѣ что̀ по этому поводу говоритъ газета *Standard*: „Не слѣдуетъ давать дурачить себя столь часто повторяемыми формулами. Говорятъ что всѣ наши желанія ограничиваются возстановленіемъ *status quo ante*. Но слыханное ли дѣло чтобы *status quo ante* возстановлялся войной? Если мы явимся въ Египетъ въ военномъ нарядѣ, намъ нельзя будетъ выйти изъ него не установивъ положенія дѣлъ не только удовлетворительнаго въ данную минуту, но и представляющаго основательныя ручательства за свою

прочность. Будущее темно и таинственно, а если гдѣ и пробивается свѣтъ, тамъ виднѣются западни и весьма вѣроятныя засады. Какъ бы то ни было, дѣло должно быть сдѣлано. Честь и интересы Англіи глубоко затронуты этимъ вопросомъ, и должно поддержать ихъ, чего бы это ни стоило, съ какимъ бы то ни было рискомъ."

Англія будетъ, слѣдовательно, въ случаѣ своей побѣды добиваться первенствующаго и почетнаго положенія въ Египтѣ. Но едва ли ей легко будетъ добиться своей цѣли. Правда, одна изъ соперницъ ея въ Египтѣ, Франція, приведена своимъ жалкимъ правительствомъ въ положеніе такого безпомощнаго одиночества что она хотя и приняла кое-какія приготовительныя къ походу мѣры, однако уже упустила удобную минуту начала военныхъ дѣйствій и, предоставивъ Англіи всѣ опасности войны, будетъ принуждена предоставить ей и выгоды оной. Впрочемъ, что-то еще скажетъ Фарцинскій отшельникъ...

№ 182.

Москва, 2-го Іюля.

Въ только-что вышедшей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* помѣщена небольшая статья, озаглавленная *Изъ исторіи одного университета.* Статья эта въ краткомъ очеркѣ представляетъ поучительную картину нашего университетскаго быта въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Авторъ говоритъ по личнымъ наблюденіямъ, такъ какъ самъ былъ тогда въ числѣ слушателей описываемаго имъ университета. Въ изображаемую эпоху уставъ 1863 года практиковался уже болѣе семи лѣтъ и успѣлъ уже дать плоды, хотя и не тѣ какими обнадеживали его составители, обѣщавшіе что съ упраздненіемъ начальства и водвореніемъ автономіи „университетскихъ совѣтовъ" наука и ученіе, не ощущая болѣе правительственнаго тормоза, процвѣтутъ, а между профессорами и студентами установится желанная связь, основанная на нравственномъ авторитетѣ представителей науки. Вышло какъ разъ наоборотъ. Интересы науки и обученія, при всемъ внѣшнемъ расширеніи преподаванія и значительномъ увеличеніи средствъ, отошли въ университетахъ на дальній планъ, а между студентами и профессорами порвались и тѣ связи какія были прежде: о профессорахъ усердно учившихъ студентовъ и нравственно вліявшихъ на нихъ пришлось говорить по преданію. Профессора и студенты образовали два отдѣльные міра, каждый со своими интересами, но вовсе не университетскими. Борьба съ начальствомъ, внутреннія столкновенія, дѣлежъ власти и преимуществъ, безконечные выборы, разчеты университетскаго „самопополненія," внѣуниверситетская дѣятельность въ думахъ, собраніяхъ, журналистикѣ; поѣздки и командировки, практическія предпріятія: вотъ что стало поглощать дѣятельность профессоровъ. Исторіи волновавшія студентскій міръ были еще менѣе университетскими. Да студентскаго міра въ тѣсномъ смыслѣ и не было. За стѣнами аудиторій студентовъ, въ видахъ облегченія начальства и профессоровъ, указано считать гражданами, не подлежащими попеченію университета. Образовался сбродный міръ гдѣ посторонніе университету лица играли роль болѣе важную чѣмъ сами студенты. Сюда приливали всякаго рода пропагандисты; здѣсь огромную роль игралъ женскій нигилистическій элементъ; началось кочеваніе изъ города въ городъ, легкое бросанье начатаго ученія, жизнь на общія средства пропаганды. Понятія студентовъ складывались помимо университетскаго преподаванія. Уроки политической и всякой мудрости студенты черпали изъ газетъ и журналовъ отрицательнаго направленія.

„Склонность къ усвоенію *новыхъ ученій*, говоритъ авторъ описанія,—была признакомъ прогресса, ума, таланта, равнодушіе къ нимъ—признакомъ бездарности, буржуазнаго эгоизма, тупоумія. Понятно что немногіе имѣли мужество противустоять общему теченію. Всѣ старались не отставать отъ другихъ, тѣмъ болѣе что ни окружающее общество, ни даже самъ университетъ не представляли никакого противовѣса разнороднымъ увлеченіямъ. Наука въ томъ видѣ какъ она преподавалась болѣе серіозными и трудолюбивыми профессорами была признана *казенною*, сами профессора за немногими исключеніями *служителями деспотизма*. Между большинствомъ студентовъ прочно водворилось мнѣніе что кромѣ наукъ естественныхъ, математическихъ и медицинскихъ нечего изучать, и что на юридическомъ, а частію и на филологическомъ факультетахъ *нечего дѣлать*... Лекціи посѣщались неисправно. Наукой же

занимались ровно сколько было нужно для выдерживанія экзаменовъ и полученія аттестатовъ. Для посѣщенія лекцій студенты заводили между собой очередь. Самые экзамены были по большей части простою формальностію. Либеральные профессора были снисходительны сами по себѣ, а другіе благодаря общему либеральному давленію со всѣхъ сторонъ. У нѣкоторыхъ профессоровъ можно было держать экзаменъ за другаго; у нѣкоторыхъ удобно было подмѣтить заблаговременно билеты приготовлявшіеся самими студентами. Можно было, взявъ билетъ, подготовиться тутъ же въ аудиторіи по книжкѣ. Наконецъ, нѣкоторые профессора обращались къ студентамъ съ вопросомъ: сколько желаете получить? Если студентъ довольствовался отмѣткой *три*, то экзаменъ не производился вовсе."

Дни университетской праздности употреблялись главнымъ образомъ на устройство разныхъ студенческихъ учрежденій, явныхъ и тайныхъ, всѣмъ впрочемъ вѣдомыхъ. Каждое изъ такихъ учрежденій, даже изъ тѣхъ которыя могли бы быть полезны, получало неуниверситетскій характеръ и становилось вреднымъ пріобрѣтая политическую подкладку. Устраивается столовая. Чего кажется проще? Но и тутъ вмѣсто простаго веденія дѣла сочиняется сложный уставъ, измѣнявшійся постоянно. Къ рѣшенію дѣлъ примѣнялись всевозможныя системы подачи голосовъ; члены столовой дѣлились на партіи, изъ которыхъ каждая стремилась провести своего кандидата въ составъ „столовой администраціи." Частыя общія собранія служили ареной для состязанія между первѣйшими ораторами, трактовавшими весьма пространно и въ изящныхъ выраженіяхъ о „реорганизаціи столовой администраціи," о швейцарскихъ, шведскихъ и разныхъ иныхъ системахъ подачи голосовъ и тому подобныхъ вопросахъ. Кромѣ того, „столовая" принимала въ число своихъ членовъ и постороннихъ лицъ, какъ-то: акушерокъ, гимназистовъ, гимназистокъ мелкихъ либеральныхъ чиновниковъ и какихъ-то неизвѣстныхъ молодыхъ людей и дѣвицъ, появлявшихся время отъ времени изъ столицъ для устройства разныхъ ассоціацій и распространенія прокламацій. Почти то же можно сказать о кассѣ. Въ числѣ членовъ ея также были постороннія лица пользовавшіяся пособіями наравнѣ со студентами. Изъ студенческой кассы получали не разъ пособія разныя лица обоего пола странствующія съ завѣдомою цѣлью распространять „революцію." Студенческою кассой пользовались разныя артели и ассоціаціи состоявшія не изъ студентовъ. Устраивается особая студенческая библіотека, но не для научныхъ цѣлей. Дѣло въ томъ, что „въ университетской и частныхъ библіотекахъ нельзя было получать изданій не пропущенныхъ цензурой и заграничныхъ, въ студенческой же таковыя находились въ изобиліи. Сочиненія Лассаля, Флеровскаго, Чернышевскаго, запрещенный томъ (кажется второй) Писарева, изъ заграничныхъ изданій *Впередъ* и другія подобныя, вотъ какія сочиненія занимали выдающееся мѣсто въ библіотекѣ. И это были именно тѣ сочиненія на которыя былъ наибольшій спросъ." „Кромѣ этихъ учрежденій дѣятельность многихъ студентовъ посвящена была устройству артелей, ассоціацій и коммунъ. Появились переплетныя мастерскія, швейныя, прачечныя. Много силъ потрачено было на просвѣщеніе портнихъ и прачекъ. Члены-учредители ежедневно посѣщали артели и поочередно читали вслухъ самыхъ выдающихся по ихъ мнѣнію русскихъ авторовъ, Добролюбова и Писарева. Впрочемъ дѣла шли такимъ порядкомъ не долго. Чтецы уставали читать, портнихи ничего не понимали; для нихъ оказывалось слишкомъ много темнаго въ какомъ-нибудь „темномъ царствѣ" Добролюбова За этимъ слѣдовали вещи совсѣмъ не литературнаго сорта, приводившія и членовъ-покровителей и портнихъ ко взаимнымъ ссорамъ и къ быстрой ликвидаціи дѣлъ коммуны. Съ коммунами прачекъ дѣло оканчивалось и того проще. Сознаніе благотворности артельныхъ началъ овладѣвало ими на очень короткое время. Спустя двѣ, много три недѣли, новыя коммунистки, послѣ обильныхъ возліяній въ честь Бахуса, ссорились между собою за барыши и коммуна разстраивалась... Такимъ образомъ главный интересъ въ жизни студентовъ, альфу и омегу студенческой мудрости составляли кружки, коммуны, запрещенныя сочиненія, пренія о лучшемъ государственномъ устройствѣ. Усвоивъ кой-какія идеи изъ Бокля, Спенсера, Лассаля и главнымъ образомъ изъ Писарева и Добролюбова, какъ наиболѣе доступныхъ ограниченнымъ умамъ, наши студенты жили въ какомъ-то ими самими

созданномъ мірѣ. Вся окружающая дѣйствительность была „анормальна," а потому должна быть преобразована. О русскомъ обществѣ, русской жизни и исторіи студенты не имѣли никакихъ правильныхъ понятій. По ихъ мнѣнію, весь народъ за немногими исключеніями находится въ революціонномъ броженіи. Нужно было только начать, направить движеніе въ надлежащую сторону, а тамъ „реорганизація" пойдетъ какъ по маслу. Увѣренность въ близости общей революціи была такъ сильна что студенты съ каждымъ днемъ ожидали конституціи, такъ какъ правительство запуганное страшнымъ призракомъ само де пойдетъ на уступки. Въ этомъ заблужденіи студенты поддерживались большинствомъ газетъ и журналовъ, а также дѣйствіями самаго начальства которое своею нерѣшительностію и уступчивостью заставляло студентовъ смотрѣть на себя какъ на какую-то непобѣдимую силу."

Отъ вредной игры въ коммуны, кружки, политику былъ одинъ шагъ къ дѣйствіямъ серіозно преступнымъ и опаснымъ. Изъ знаменитаго „Обвинительнаго акта по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи" (такъ-называемое Жихаревское дѣло) видно въ какіе вертепы разврата и гнѣзда преступленій обратились нигилистическія коммуны, ставъ революціонными кружками. Здѣсь подготовлялись мѣры имѣвшія, по выраженію обвинительнаго акта, цѣлью „терроризовать правительство, пустивъ въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы." Здѣсь сложился тотъ звѣроподобный образъ жизни, черты котораго указываются въ обвинительномъ актѣ по показаніямъ задержанныхъ лицъ свидѣтельствовавшихъ какъ въ коммунахъ мущины и женщины изъ нигилистической „интеллигенціи" „спали въ перемежку" и находились „между собою въ отношеніяхъ совершенно свободныхъ."

Все это не могло быть и не было тайной. Но все это требовалось считать тайной. При ослабленіи принципа власти и общей смутѣ понятій всякое раскрытіе падало на того кто дерзнулъ бы его сдѣлать. Приходилось закрывать глаза.

Мы выразились что связь между профессорами и студентами была порвана. Это не совсѣмъ точно. Была связь между студентами и нѣкоторыми профессорами, но весьма не желательная. Отъ профессора требовалось „либеральное" направленіе и тенденціозныя чтенія. „Либеральные профессора, говоритъ авторъ, хотя бы даже и бездарные ревностно поддерживались и выдвигались студентами. Но кто не былъ либеральнымъ въ студенческомъ смыслѣ этого слова, а главное былъ строгимъ на экзаменахъ, тотъ по этому одному уже пользовался репутаціей бездарнаго и рутиннаго профессора." Авторъ указываетъ что между преподавателями былъ молодой доцентъ (въ послѣдствіи извѣстный эмигрантъ) ведшій явную украйнофильскую и революціонную пропаганду. Этотъ, съ научной стороны невѣжественный и бездарный профессоръ, пользовавшійся особою популярностію, ухитрился вмѣсто древней исторіи читать о бытѣ дикихъ народовъ и по поводу Ассиріянъ говорить объ отдѣленіи Малороссіи. Другой профессоръ исторіи подвизающійся нынѣ въ с.-петербургской журналистикѣ особенно добивался популярности, но это не удалось, такъ какъ „либерализмъ" его оказался не довольно крѣпкаго запаху: его считали „буржуазно-либеральнымъ." Онъ прибѣгъ къ тому чтобы выдать себя страдающимъ за направленіе и заявилъ что текстъ его лекцій сообщается попечителю. Поднялось студенческое слѣдствіе. Оказалось что попечителю никто никакихъ лекцій не сообщалъ. „Продѣлка не удалась, профессоръ оставилъ университетъ."

Въ описываемомъ университетѣ большое значеніе имѣли украйнофилы и Поляки. „Поляки преслѣдовали свои цѣли." Ихъ участіе въ общемъ „либеральномъ движеніи" не было искреннимъ. Дѣйствуя „на общихъ сходкахъ и собраніяхъ, они составляли кромѣ того свой собственный кружокъ, въ которомъ главными предметами ученія были прошлыя и настоящія судьбы Польши." Украйнофильство „начавшись съ невинныхъ развлеченій малороссійскою поэзіей, народными идеями и костюмами, пыталось основать свою политическую теорію и провести ее посредствомъ малороссійскихъ учебниковъ и учителей въ народъ." Въ началѣ семидесятыхъ годовъ „видимая дѣятельность украйнофильскаго кружка продолжала сосредоточиваться на народныхъ пѣсняхъ украинской литературы, но втайнѣ кружокъ, пользуясь общимъ революціоннымъ настроеніемъ молодежи, подготовлялъ себѣ сторонниковъ преимущественно между учениками семинарій и народными учителями которые и предна-

значались уже для непосредственной дѣятельности въ народѣ. Менѣе всѣхъ національными и болѣе другихъ простодушными оказались студенты-Великороссы. Въ ожиданіи всеобщихъ благъ отъ осуществленія своихъ идеаловъ, они весьма добродушно уступали свое отечество Полякамъ и украйнофиламъ..."

№ 183.

Москва, 3-го іюля.

Во главѣ утвержденной министромъ Финансовъ программы занятій открытаго въ Москвѣ Торгово-Промышленнаго Съѣзда стоитъ вопросъ: „какого рода мѣры могутъ быть приняты въ видахъ увеличенія выплавки чугуна въ Россіи?" Первостепенная экономическая важность этого вопроса не подлежитъ сомнѣнію. Это первый, основной вопросъ всего нашего желѣзодѣлательнаго, сталелитейнаго, а затѣмъ и механическаго производства. Все оно, во всѣхъ его отрасляхъ, можетъ твердо стать на ноги и получить должное развитіе лишь при условіи широкаго развитія чугунноплавильнаго дѣла. Къ сожалѣнію, обстановка въ которой находится это дѣло донынѣ представляетъ мало утѣшительнаго.

Обладая неисчерпаемыми залежами какъ рудъ, такъ и каменнаго угля для ихъ обработки, Россія могла бы производить чугунъ, желѣзо и сталь не только въ количествѣ достаточномъ для удовлетворенія всей внутренней въ нихъ потребности, но и для снабженія ими всей Европы; наши минеральныя богатства таковы что чугунъ, желѣзо и сталь, при иныхъ обстоятельствахъ, могли бы играть въ нашемъ отпускѣ первую роль послѣ хлѣба. Но въ дѣйствительности не мы снабжаемъ этими металлами иностранцевъ, а напротивъ иностранцы смотрятъ на Россію какъ на выгодный рынокъ для сбыта въ громадныхъ размѣрахъ продуктовъ ихъ металлическаго производства. Вмѣсто того чтобы сбывать свои металлы за границу на сотни милліоновъ, мы сами платимъ за нихъ ежегодно сотни милліоновъ иностранцамъ Нечего и говорить какъ невыгодно отзывается это на нашемъ международномъ разчетномъ балансѣ, на условіяхъ отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ низкій уровень нашихъ вексельныхъ курсовъ.

Есть мнѣніе,—оно прямо высказывалось въ Петербургѣ когда весной третьяго года обсуждались тамъ касающіеся нашего металлическаго производства таможенные вопросы,—есть мнѣніе что наша горная промышленность не стóитъ того чтобъ обращать на нее вниманіе, потому что она въ послѣднія двадцать лѣтъ сумѣла сдѣлать такіе же успѣхи въ своемъ развитіи какіе сдѣланы горною промышленностью другихъ странъ; что если нашу горную промышленность не могли оживить ни высокій де покровительный тарифъ, ни усиленный де спросъ на металлы въ особенности для желѣзныхъ дорогъ, то на нее остается только махнуть рукой. Нелѣпость этого мнѣнія очевидна, и серіозно высказывать его могли, конечно, только экономисты *Голоса* *). Но тѣмъ не менѣе оно, повидимому, не осталось безъ вліянія при установленіи, два года тому назадъ, 3 іюня 1880 года, пошлинъ на привозные металлы. Желательнаго таможеннаго покровительства нашего горному производству оказано не было. Требовалось поставить это производство въ условія при которыхъ оно могло бы привлечь къ себѣ новые капиталы сверхъ тѣхъ которые въ него уже затрачены. Безъ прилива новыхъ капиталовъ успѣха тутъ ожидать нельзя, а необходимое для развитія русскаго металлическаго производства привлеченіе къ нему новыхъ капиталовъ возможно лишь при условіи достаточныхъ выгодъ отъ производства, при извѣстномъ обезпеченіи внутренняго сбыта металловъ вырабатываемыхъ на русскихъ заводахъ. Это обезпеченіе сбыта, эту перспективу выгодъ которая привлекла бы къ горному дѣлу капиталы необходимые для его развитія, могло дать надлежащее повышеніе пошлинъ. Но вмѣсто повышенія, 3 іюня 1880 года состоялось пониженіе пошлинъ на привозные металлы и металлическія издѣлія. Пошлина съ чугуна была опредѣлена въ 5 коп. вмѣсто $5\frac{1}{2}$ коп. съ пуда, съ желѣза въ лому въ 20 коп. вмѣсто прежнихъ 35 коп., со стали въ 50 коп., въ 35 коп. и даже въ 20 коп. вмѣсто прежнихъ 80 коп. съ пуда. Пошлины съ разныхъ сортовъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій были опредѣлены въ пониженной градаціи: 80 коп., 1 р. и 2 р. съ пуда, вмѣсто прежней:

*) См. № 107 *Голоса* 1880 года.

1 р., 1 р. 35 к., 2 р. 50 к. и 4 р. 50 к. съ пуда. Высшій размѣръ пошлины съ чугунныхъ издѣлій былъ пониженъ съ 2 р. 50 к. до 1 р. съ пуда. Пошлина съ проволоки и проволочныхъ издѣлій была понижена съ 1 р. 50 к. до 1 р. и съ 3 р. до 2 р. 50 к. И это было рѣшеніе вопроса возбужденнаго въ видахъ оказанія поддержки русскому металлическому производству!

Не такими мѣрами создавалась и поддерживалась металлическая промышленность въ другихъ странахъ, гдѣ она достигла широкаго развитія. Намъ приходилось не разъ указывать въ этомъ отношеніи на примѣръ Америки; но если этотъ примѣръ не для всѣхъ убѣдителенъ, укажемъ на Англію. Выплавка чугуна въ Англіи въ прошломъ столѣтіи находилась въ крайнемъ упадкѣ, годовое производство его опредѣлялось ничтожною цифрой одного милліона пудовъ въ годъ. Теперь чугунъ производится въ Англіи ежегодно сотнями милліоновъ пудовъ, напримѣръ въ 1876 году было выплавлено 406 милліоновъ пудовъ. Желѣзо, бывшее прежде въ Англіи предметомъ привоза, между прочимъ изъ Россіи, давно уже стало предметомъ отпуска, между прочимъ въ Россію. Пошлины на привозные металлы утратили въ Англіи всякій смыслъ и исчезли изъ англійскаго тарифа. Но при безпошлинномъ ли привозѣ развилось англійское чугунноплавильное дѣло? Нѣтъ, еще въ очень недавнее время привозный чугунъ оплачивался въ Англіи тою же пошлиной какая взимается съ него нынѣ въ Америкѣ, по 15 копѣекъ, а не по 5 или по 6 коп. какъ у насъ (шестикопѣечная пошлина установлена съ 1 сего іюля). Но 15-копѣечная пошлина считалась въ Англіи удовлетворительною уже въ тотъ періодъ когда тамошнее чугунно-литейное дѣло сильно развилось, когда ежегодная выплавка чугуна стала доходить до 100 и до 150 милліоновъ пудовъ въ годъ. Но въ предшедшее время покровительныя пошлины въ англійскомъ тарифѣ были много выше и, напримѣръ, въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія,—въ ту пору когда чугунъ выплавлялся въ Англіи приблизительно въ тѣхъ размѣрахъ въ какихъ выплавляется нынѣ у насъ,—съ привознаго чугуна взималось въ англійскихъ таможняхъ по 80 коп. съ пуда. Вотъ это такъ покровительство, и не мудрено что предоставляемыя имъ выгоды привлекли къ англійскимъ рудникамъ капиталы давшіе англійскому горному дѣлу такое широкое развитіе. А наши экономисты притворяются удивленными какъ это русское чугунно-плавильное дѣло не сдѣлало равныхъ съ англійскимъ успѣховъ при пятикопѣечной пошлинѣ, которая притомъ большею частію оставалась на бумагѣ и взималась лишь въ видѣ исключенія!

О восьмидесяти-копѣечной пошлинѣ съ пуда привознаго чугуна у насъ впрочемъ никто и не мечтаетъ. Просьбы и желанія русскихъ заводчиковъ въ этомъ отношеніи довольно умѣренны. Они конечно не могутъ мириться съ ничтожною до смѣшнаго 6-копѣечною пошлиной, которая на дѣлѣ, благодаря нашимъ желѣзнодорожнымъ тарифамъ, обращается часто не просто въ нуль, а въ положительную премію иностранному чугуну. Назначеніе пошлины въ 30 копѣекъ съ пуда чугуна—вотъ все чего просили наши заводчики, и то не всѣхъ районовъ; такъ, напримѣръ, представители южнаго района готовы были удовольствоваться 15-копѣечною пошлиной. Но въ такомъ умѣренномъ повышеніи пошлины было имъ отказано. Не болѣе ли посчастливится нашему горному дѣлу послѣ заявленій которыя будутъ сдѣланы по этой части нынѣшнимъ Промышленнымъ Съѣздомъ? Дай Богъ.

Но не одно таможенное покровительство требуется для развитія нашей горной промышленности. Нужно еще чтобы наши желѣзныя дороги пришли къ нему на помощь и перестали дружить иностраннымъ заводчикамъ, въ подрывъ отечественнымъ.

Повсюду постройка желѣзныхъ дорогъ давала усиленный ходъ развитію мѣстной желѣзодѣлательной промышленности, расширяла рынки сбыта ея продуктовъ. У насъ, наоборотъ, постройка желѣзныхъ дорогъ была одною изъ главныхъ причинъ подорвавшихъ горное дѣло. Желѣзныя дороги у насъ не только не расширили, а напротивъ сильно съузили районы сбыта русскихъ металловъ. Это обстоятельство заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ по отношенію къ самой желѣзно-дорожной сѣти, по своему расположенію болѣе благопріятной доселѣ для сбыта иностраннаго желѣза, такъ въ особенности по отношенію къ тарифной политикѣ многихъ желѣзнодорожныхъ правленій. До постройки рельсовой сѣти и русскіе и привозные металлы должны были бороться у насъ почти съ одинаковыми трудностями перевоз-

ки. Но по мѣрѣ того какъ строились желѣзныя дороги, для иностраннаго желѣза перевозка со всѣхъ границъ внутрь страны становилась все удобнѣе, между тѣмъ какъ русское желѣзо должно было попрежнему бороться съ громадными неудобствами сообщеній. Помочь тутъ можетъ дополнительное развитіе рельсовой сѣти въ интересахъ горнаго дѣла. Къ этому важному дѣлу уже приступлено, и нельзя не пожелать ему добраго успѣха. Но не менѣе важна другая сторона дѣла—тарифы желѣзныхъ дорогъ, о регулированіи коихъ давно и много говорится и пишется, безо всякихъ однако результатовъ, такъ что почти теряется надежда что произволъ желѣзнодорожныхъ правленій въ этомъ отношеніи будетъ наконецъ обузданъ. Желѣзнодорожное дѣло стоитъ у насъ такъ что бо̀льшая часть желѣзныхъ дорогъ заинтересованы въ томъ чтобы понижать свой провозный тарифъ съ желѣза идущаго изъ-за границы противъ тарифа по которому перевозится тѣми же дорогами русское желѣзо. Такія установляемыя желѣзными дорогами преміи сбыту иностранныхъ металловъ въ подрывъ русскому производству, думаемъ, должны быть устранены безотлагательно. Если даже допустить существованіе причинъ побуждающихъ медлить рѣшеніемъ желѣзнодорожнаго тарифнаго вопроса,—хотя и трудно понять какія тутъ могутъ быть уважительныя причины, — то уже во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ препятствій къ тому чтобы немедленно принять мѣры которыя могли бы вполнѣ парализовать вредное значеніе этихъ провозныхъ премій соотвѣтственнымъ имъ повышеніемъ таможенныхъ пошлинъ. Если желѣзнодорожныя правленія своими провозными тарифами подрываютъ значеніе правительственной таможенной политики, правительство, полагаемъ, не можетъ смотрѣть на это равнодушно, не принимая немедленно мѣръ къ возстановленію нарушаемыхъ такими дѣйствіями интересовъ.

№ 185.

Москва, 5-го іюля.

На дняхъ мы обратили вниманіе на необычайную энергію Гладстона въ оборотѣ данномъ имъ Египетскому вопросу. Эта энергія, помимо соображеній политическихъ, вызвана военными требованіями. Не дастъ ли она поэтому ключа къ замысламъ Англіи?

Въ чемъ дѣло? Англичане вступились за свои матеріальные интересы въ Египтѣ, а также вообще за свой *престижъ* на Востокѣ. Что̀ имъ было дѣлать при всѣми признанномъ недостаткѣ въ сухопутныхъ силахъ, при невыгодѣ и сомнительности союзовъ, при скрытомъ недоброжелательствѣ многихъ? Отступиться отъ дѣла значило бы потерять все. Надо обходиться тѣми средствами какія есть въ наличности. Говорятъ ихъ недостаточно; такъ ли это? Англійскому премьеру могли припомниться два примѣра: походъ Лудовика Святаго въ 1250 и Бонапарта въ 1798 году. 6 іюня 1250 года Лудовикъ безпрепятственно высадился у Даміэты и, какъ замѣтилъ Наполеонъ на островѣ Св. Елены, къ 26 іюня могъ бы быть обладателемъ Каира и всего Нижняго Египта. „Когда изъ Даміэты, сказано въ запискахъ Монтолона, прилетѣлъ голубь въ Каиръ съ первымъ извѣстіемъ о высадкѣ невѣрныхъ, тамъ распространилось смятеніе; не было никакихъ средствъ для обороны; правовѣрные толпились въ мечетяхъ и проводили дни и ночи въ молитвахъ ожидая непріятельской арміи. Но въ продолженіе восьми мѣсяцевъ бездѣйствія Лудовика они приготовились къ борьбѣ: Верхній Египетъ, Сирія, Аравія выслали помощь, Лудовикъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.“ Иначе дѣйствовалъ Наполеонъ: въ 1798 году 1 іюля взята была Александрія, 21 дано сраженіе при Пирамидахъ, 22 занятъ Каиръ, къ 1 августа Французы владѣли Нижнимъ, а къ 1 января 1799 года всѣмъ Египтомъ. „Еслибы Наполеонъ, читаемъ въ запискахъ Монтолона, дѣйствовалъ въ 1798 году какъ Лудовикъ, еслибъ онъ провелъ іюль, августъ, сентябрь, ноябрь, декабрь въ Александріи, то въ январѣ и февралѣ встрѣтилъ бы неодолимыя препятствія. Дамангуръ, Романіэ, Розетта, Каиръ были бы приведены въ оборонительное положеніе. Восемьдесятъ тысячъ мамелюковъ и Арабовъ поспѣшили бы на помощь и заставили бы Французовъ сѣсть обратно на суда.“ Наполеонъ началъ войну въ Египтѣ и занялъ его съ тридцатью тысячами солдатъ. Отчего бъ Англичанамъ не повторить этотъ опытъ? И вотъ сотня тяжелыхъ морскихъ орудій сбиваетъ форты Александріи, выгоняетъ оттуда пятитысячный гарнизонъ, Араби-паша становится на пути къ Каиру. Но

туда же, какъ замѣчаетъ *Daily News*, должны идти и Англичане. Имъ только нужно прежде утвердиться въ Александріи, прочно занявъ ее, также какъ Абукиръ, гдѣ предполагается высадить часть войскъ, и Розетту. Это будетъ операціонный базисъ, откуда уже легко двинуться къ историческимъ Дамангуру, Романіэ и далѣе къ Каиру, по лѣвому берегу Нила, имѣя въ распоряженіи прекрасную желѣзную дорогу. Чѣмъ могутъ, пока не подошли Бедуины, встрѣтить Англичанъ Египтяне? У Араби-паши въ мирное время было всего по штатамъ 18 тысячъ; на дѣлѣ онъ располагалъ тринадцатью. Если число это теперь даже удвоилось, то развѣ египетская армія, считаютъ Англичане, можетъ съ успѣхомъ противостоять европейскимъ войскамъ и всѣмъ средствамъ европейскаго военнаго искусства. Нельзя только дать противнику время хорошенько подготовиться. Англичане впрочемъ даже сомнѣваются чтобъ Араби-паша встрѣтилъ въ критическихъ обстоятельствахъ серіозную поддержку населенія. „Бомбардировка, сказалъ г. Гладстонъ въ нижней палатѣ, не есть актъ враждебности противъ Египетскаго народа, но только противъ тѣхъ, кто угнетаютъ его.“ „Араби-паша не есть выразитель народнаго движенія въ Египтѣ,“ добавилъ Дилкъ. Эти рѣчи очень похожи на извѣстное воззваніе Наполеона I къ египетской арміи, писанное 30 іюня 1798 года: „беи обижающіе нашихъ негоціантовъ и терзающіе обитателей Нила перестанутъ существовать.“ Стóитъ дочитать этотъ знаменитый приказъ: „воины, вы предпринимаете завоеваніе которое сильно повліяетъ на просвѣщеніе и торговлю міра. Нѣсколько утомительныхъ походовъ, нѣсколько сраженій,—и предпріятіе увѣнчается успѣхомъ.“ Такъ думаютъ и Англичане теперь, готовя свой двадцати или тридцатитысячный десантный корпусъ, снабжая его перевозочными средствами, осадными орудіями, Нортоновскими степными колодцами, оказавшими столько услугъ въ Абиссинскую экспедицію Англіи. Обстоятельства, думаютъ въ Лондонѣ, все тѣ же въ Египтѣ какъ и во французскую экспедицію прошлаго вѣка: тотъ же недостатокъ военныхъ средствъ у мѣстнаго правительства, тотъ же разчетъ на помощь Бедуиновъ, а въ концѣ можетъ-быть и Турокъ, заговорившихъ о своихъ верховныхъ правахъ нарушенныхъ бомбардированіемъ Александріи. Разница только въ цѣляхъ войны. „Вы нанесете, говорилъ Наполеонъ своимъ воинамъ, чувствительный, вѣрный ударъ Англичанамъ“ и тѣмъ беямъ которые „исключительно покровительствуютъ англійской торговлѣ.“ Теперь выстрѣлы раздались въ защиту англійскихъ интересовъ. Тогда на помощь Туркамъ и Египтянамъ подошли Англичане Кто теперь вступится въ дѣло съ оружіемъ въ рукахъ противъ Англіи; Французы идутъ-нейдутъ пока съ нею...

Но французская экспедиція прошлаго столѣтія все-таки кончилась неудачно; французскія войска должны были оставить Египетъ; ихъ подвиги и усилія Франціи пропали втунѣ. Почему? Потому что Франція не располагала необходимыми морскими силами, потому что задача войны была поставлена слишкомъ широко и превышала средства Франціи. Повторятъ ли Англичане эту ошибку? Нѣтъ, имъ нуженъ не Египетъ, они смотрятъ на него только какъ на театръ войны который придется оставить когда главная цѣль будетъ достигнута. Присоединять Египта они не будутъ. Имъ нуженъ не Египетъ, а только „хорошая гостинница,“ какъ выразился Пальмерстонъ, на перепутьи изъ Англіи въ Индію. У нихъ есть Гибралтаръ, Мальта, недавно ими занятъ Кипръ. Но этого мало. Портъ-Саидъ былъ бы конечно самою лучшею изъ гостинницъ, но его трудно удержать за собою, и мѣстность неудобная для обороны, и вступятся за него не только Египтяне, Турки, но пожалуй и Французы или еще кто другой. Иное дѣло Александрія. Мѣстность здѣсь представляетъ всѣ удобства и для англійской торговли, и для англійскихъ войскъ: двѣ прекрасныя гавани, которыя легко прикрыть неприступными съ моря фортами, каналъ ведущій въ глубь страны и очень удобный въ видахъ обороны города, расположеннаго въ добавокъ на узкой полосѣ отдѣляемой отъ материка двумя гигантскими болотистыми лагунами чрезъ кои пролегаетъ только узкій перешеекъ. Александрія можетъ быть сдѣлана неодолимою для внѣшняго нападенія. Не даромъ это мѣсто для города избрано было военнымъ геніемъ. Другой военный геній триста лѣтъ спустя показалъ какова можетъ быть оборона Александріи даже ничтожными силами. Почему бы торговому генію не создать здѣсь новаго Гибралтара. Кто помѣшаетъ теперь этому? Какъ знать;

уже заходила однако рѣчь что вырванный у Турціи или Египта оружіемъ трактатъ подлежитъ и можетъ быть подвергнутъ пересмотру и передѣлкѣ... А было время когда этому помѣшать дѣйствительно никто не могъ. Это въ эпоху предшествовавшую Крымской кампаніи стоившей столькихъ жертвъ Англичанамъ. Императоръ Николай I въ разговорѣ съ сэръ-Гамильтономъ Сеймуромъ прямо предлагалъ Англіи занять Египетъ, оставивъ Россіи Константинополь и проливы. Это вызвало тогда всеобщій гвалтъ и послужило поводомъ къ войнѣ. Теперь исторія роковымъ образомъ поставила Англію предъ задачей рѣшеніе которой ей было указано тридцать лѣтъ назадъ...

№ 186.

Москва, 6-го іюля.

А.

Телеграфныя сообщенія весьма мало выясняютъ то политическое положеніе которое создано бомбардированіемъ Александріи, этимъ *untoward event*, какъ выражаются англійскія газеты, превратившимъ большой и цвѣтущій торговый городъ въ груду развалинъ и причинившимъ убытка на сотни милліоновъ не только туземцамъ, но и многимъ тысячамъ Европейцевъ, нападеніе на которыхъ четыре недѣли тому назадъ послужило будто бы одною изъ причинъ предпринятаго англійскимъ адмираломъ „наказанія" Египтянъ. Телеграммы служатъ лишь отраженіемъ осторожныхъ фразъ дипломатіи, и эти офиціальныя фразы тѣмъ сдержаннѣе чѣмъ острѣе опасность взрыва, которую дипломатія, по крайней мѣрѣ по прямому своему назначенію, призвана предотвратить.

Какъ бы то ни было, но по послѣднимъ телеграфнымъ сообщеніямъ дѣло какъ будто бы улаживается. Конференція засѣдающая въ Константинополѣ, надъ которою Англія такъ зло насмѣялась принявшись метать бомбы прежде нежели было рѣшено что-нибудь этимъ совѣщаніемъ созваннымъ по ея же предложенію,—константинопольская конференція какъ бы ожила и постановила пригласить Порту взять на себя военное вмѣшательство въ Египтѣ „дабы сохранить *status quo* и прекратить анархію." Въ виду „неотложности дѣйствія и серіозныхъ обстоятельствъ" представители державъ, какъ бы предвидя что Порта и тутъ будетъ дѣйствовать уклончиво и постарается выиграть время, „выразили надежду" что она въ скоромъ времени дастъ отвѣтъ на сдѣланное ей предложеніе. Какъ бы въ дополненіе къ этому телеграфъ сообщаетъ объ объясненіяхъ данныхъ въ засѣданіи англійскаго парламента 3 іюля. Г. Дилкъ удостовѣрилъ что всѣ городскія ворота Александріи заняты англійскими *морскими* солдатами; но по городу расхаживаютъ *американскіе* патрули, а *нѣмецкіе* морскіе солдаты высадились съ цѣлью охранять зданіе госпиталя (по послѣдующимъ извѣстіямъ, госпиталь перебрался на корабль). На запросъ же о томъ приняты ли англійскимъ правительствомъ мѣры чтобъ отрѣзать Араби-пашѣ путь отступленія къ Каиру, г. Дилкъ отвѣтилъ отрицательно, прибавивъ къ этому что „дѣйствія Англичанъ въ Александріи вызваны необходимостью защитить жизнь и имущество Европейцевъ. *Дальнѣйшее же касается равнымъ образомъ всѣхъ европейскихъ державъ.*"

Это послѣднее замѣчаніе г. Дилка, если только оно вѣрно передано телеграфомъ, свидѣтельствуетъ что кабинетъ г. Гладстона почувствовалъ нѣкоторый страхъ предъ послѣдствіями имъ самимъ созданнаго положенія и рѣшился уклониться отъ того пути, на который онъ вступилъ было съ такою энергическою рѣшимостью; ибо если Александрія разрушена англійскими броненосцами лишь для того чтобы „защитить" жизнь и имущество Европейцевъ, изъ коихъ всѣ не успѣвшіе покинуть Александрію до бомбардировки звѣрски умерщвлены, то дѣйствительно трудно представить себѣ что-либо легкомысленнѣе бомбардированія Александріи. При первой вѣсти объ этомъ бомбардированіи возобладало мнѣніе что Англія рѣшилась разрубить Гордіевъ узелъ Египетскаго вопроса, и пока Константинопольская конференція станетъ запутывать дѣло за своимъ зеленымъ столомъ (ибо опытъ недавняго прошлаго доказалъ что никакого иного результата подобныя конференціи въ столицѣ Турціи не достигаютъ), а Французское правительство будетъ безсильно колебаться, Англія тѣмъ временемъ обезпечитъ себя фактическимъ захватомъ, дабы затѣмъ противопоставить рѣшеніямъ конференціи совер-

шившійся фактъ. Извѣстіе, полученное одновременно съ вѣстью о бомбардированіи, будто Суэзскій каналъ закрытъ для коммерческихъ судовъ, и что въ Суэзѣ стоятъ англійскіе броненосцы, не дозволяющіе никакимъ судамъ вступать въ каналъ, было явнымъ подтвержденіемъ тому что нападеніе на Александрію есть только первый шагъ къ фактическому завладѣнію Англіи каналомъ. Но затѣмъ изъ Лондона же сообщено было по телеграфу что адмиралъ Сеймуръ никому не запретилъ прохода чрезъ Суэзскій каналъ, лишь предупредивъ прибывшія къ оному съ обѣихъ сторонъ суда что они могутъ идти по каналу „на свой страхъ."

Англійское правительство заявило въ то же время въ парламентѣ будто бы Германія и Австрія вполнѣ одобрили бомбардированіе Александріи. Это заявленіе не замедлило вызвать единодушныя возраженія со стороны берлинской и вѣнской печати, и стоитъ заглянуть въ любую изъ этихъ газетъ за послѣдніе дни чтобъ убѣдиться что въ Австріи и въ особенности въ Германіи образъ дѣйствій Англіи возбудилъ крайнее раздраженіе. Офиціозныя газеты, какъ *Post* въ Берлинѣ и *Fremdenblatt* въ Вѣнѣ, прямо протестовали противъ этого утвержденія. Возраженія австро-нѣмецкой печати были такъ энергичны что одинъ изъ членовъ англійскаго парламента, г. Вормсъ, сдѣлалъ объ этомъ запросъ г. Дилку, который въ засѣданіи 3 іюля отвѣтилъ довольно уклончиво что „онъ не находитъ нужнымъ измѣнить сдѣланное прежде заявленіе."

Весьма можетъ быть что Германія и Австрія не сочли нужнымъ выразить офиціально свое неудовольствіе Англіи по поводу ея „энергическаго дѣйствія" послѣ того какъ эти державы убѣдились что у Англіи не достало рѣшимости довести до конца тотъ планъ который ей приписывали и когда они получили увѣренность что Англія не предъявляетъ никакихъ притязаній основанныхъ на достигнутомъ ею „военномъ успѣхѣ" и возвращается къ *status quo ante*, вновь передавъ дѣло въ руки конференціи и соглашаясь на то чтобы сама Турція взяла на себя возстановленіе порядка въ Египтѣ. Но въ такомъ случаѣ бомбардированіе Александріи будетъ лишенною всякаго смысла жестокостью, актомъ разрушенія, который едва ли будетъ способствовать поднятію англійскаго престижа на Востокѣ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ было главною побудительною причиной бомбардированія; ибо разрушеніе нѣсколькихъ египетскихъ фортовъ громадными орудіями англійскихъ броненосцевъ едва ли кѣмъ-либо сочтено будетъ за особенную военную доблесть. За то смиреніе выказываемое теперь Англійскимъ правительствомъ не можетъ не быть понято какъ слабодушное отступленіе отъ задуманнаго плана. Такъ пойметъ не только Араби-паша, но и весь мусульманскій міръ.

Между тѣмъ берлинскія газеты сообщаютъ что германскій уполномоченный на константинопольской конференціи г. Гиршфельдъ, получилъ отъ императора Вильгельма орденъ Краснаго Орла, препровожденный къ нему при письмѣ князя Бисмарка выражающаго ему благодарность за его образъ дѣйствій, вполнѣ согласный съ видами имперскаго канцлера, предписавшаго ему держаться роли „честнаго маклера," каковую роль г. Гиршфельдъ исполнилъ де блистательно...

Б.

Страшное несчастіе на Московско-Курской желѣзной дорогѣ служитъ предметомъ общихъ горячихъ толковъ. Не скоро опомнишься послѣ такой катастрофы; всѣ невольно прежде всего ищутъ виновныхъ. Курскую дорогу строила не компанія которая теперь ею владѣетъ, а казна; да еслибы дорога была выстроена и частною компаніей, то разрѣшеніе открыть движеніе даетъ опять-таки казенная коммиссія удостовѣряющая прочность и надежность постройки. На 296 верстѣ дорога встрѣтила глубокій оврагъ. Чтобы перейти черезъ него сдѣлана высокая насыпь, въ которой для пропуска верховой воды заложена чугунная труба. Сильный ливень 29 и 30 іюня далъ такой паводокъ что трубу вымыло и часть ея снесло внизъ на цѣлыя *двѣсти* саженъ. Дальнѣйшій напоръ воды размылъ затѣмъ около тысячи кубическихъ саженъ насыпи. Правленіе дороги можетъ быть тутъ виновато лишь въ томъ случаѣ если окажется что труба и насыпь не были исправны, а это пока сомнительно въ виду тѣхъ поврежденій которыя замѣчены въ другихъ пунктахъ дороги, начиная со 106 и кончая 331 вер-

стой: всѣ они причинены напоромъ воды и жестокимъ ливнемъ.

Ливень этотъ надѣлалъ бѣдъ не на одной Московско-Курской дорогѣ. На Ряжско-Вяземской, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, вымытъ балластъ и повреждены деревянные мосты въ восьми пунктахъ, на протяженіи около двухсотъ верстъ; на Елецкой дорогѣ поврежденъ мостъ на 77 верстѣ...

Но подобныя поврежденія на нашихъ дорогахъ не рѣдкость и въ нихъ нѣтъ ничего необычайнаго, ничего такого чего нельзя было бы въ свое время предвидѣть, а стало-быть и предупредить. Весенніе и осенніе половодья и дожди безпрестанно портятъ мосты, размываютъ насыпи, смываютъ балластъ, вырываютъ водопроводныя трубы. Неужели же все это такъ и должно быть, неужели дѣло о томъ быть или не быть несчастью съ поѣздомъ должно зависѣть отъ случая, отъ того идетъ ли поѣздъ тремя четвертями часа раньше или позже, какъ это было на Московско-Курской дорогѣ, гдѣ поѣздъ № 4 прошелъ благополучно, а № 3, чрезъ 50 минутъ, потерпѣлъ крушеніе?

Въ Германіи еще въ то время когда желѣзныя дороги большею частью находились въ рукахъ частныхъ лицъ и компаній изданъ законъ „о вознагражденіи за увѣчья.“ Законъ этотъ не освобождаетъ желѣзныхъ дорогъ отъ отвѣтственности за несчастья и увѣчья отъ подобныхъ причинъ какъ напоръ воды и ливни. Законъ этотъ остается въ силѣ и теперь. Онъ оченъ строгъ. На дняхъ на одной изъ прусскихъ линій былъ такой случай: дѣти играли около переѣзда черезъ дорогу; взрослыхъ съ ними не было. Поданъ былъ сигналъ о приближеніи поѣзда. Дорожный сторожъ закрылъ ворота переѣзда, но въ тотъ самый мигъ когда локомотивъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ ребенокъ пролѣзъ между перекладинами, выскочилъ на дорогу и былъ задавленъ. Родители потребовали вознагражденія. Правленіе дороги обвиняло родителей и указывало что оно не могло принять бо́льшихъ мѣръ предосторожности: дорожный сторожъ былъ на мѣстѣ, ворота заперты. Но судъ нашелъ что правленіе могло бы имѣть на переѣздахъ *сѣтчатыя* ворота, постройка которыхъ впрочемъ не обязательна.

Будь у насъ подобный законъ, правленія желѣзныхъ дорогъ конечно были бы много заботливѣе и осторожнѣе; но у насъ такой законъ повлекъ бы за собою только увеличеніе и безъ того значительныхъ приплатъ казны по гарантіямъ, или же увеличилъ бы суммы неоплатныхъ долговъ дорогъ казнѣ. Однако необходимо сдѣлать все возможное чтобы предотвращать по крайней мѣрѣ такія несчастія въ которыхъ никто не оказывается обыкновенно виноватымъ. Желѣзныя дороги находятся у насъ съ самаго момента ихъ открытія въ казенной опекѣ: при открытіи ихъ осматриваетъ правительственная коммиссія, всѣ сооруженія и ремонтъ пути всегда находятся подъ надзоромъ правительственнаго инспектора, инженера. Неужели же не на ихъ отвѣтственности должно лежать чтобъ извѣстное сооруженіе соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ мѣстности? Правительственная коммиссія осматривающая дорогу при ея открытіи можетъ еще пожалуй не принять во вниманіе этихъ условій, на ознакомленіе съ ними необходимо время; но правительственный инспекторъ дороги находится въ иныхъ условіяхъ. Служа на линіи иногда нѣсколько лѣтъ, инспекторъ имѣетъ полную возможность изучить всѣ ея особенности и сообразить довольно ли въ данномъ пунктѣ имѣть только трубу, или нужно построить мостъ и какой; соотвѣтствуетъ ли мостъ свойствамъ рѣки и не выгоднѣе ли построить обходную вѣтвь, какъ это нѣсколько лѣтъ назадъ сдѣлано на Николаевской дорогѣ. Неужели нѣтъ возможности вычислить соотвѣтствуетъ ли труба возможно большему напору воды? Сомнѣваться въ этомъ было бы даже странно. Нужно что-нибудь одно: или чтобы дороги, по крайней мѣрѣ ихъ правленія, были отвѣтственны въ уголовномъ и гражданскомъ порядкѣ за *всѣ* происходящія несчастія съ поѣздами, или же чтобы надзоръ за дорогами и правительственная опека надъ ними перестали быть фиктивными.

Несчастіе на Курской дорогѣ имѣетъ общее значеніе. Необходимо принять мѣры чтобы несчастія подобнаго рода не повторялись. Много ли толку что на 296 верстѣ Московско-Курской дороги вмѣсто трубы теперь построятъ мостъ; конечно новаго несчастія въ этомъ пунктѣ больше не случится, но можетъ оно произойти въ другомъ мѣстѣ, на другой дорогѣ. Что жь, такъ и дожидаться чтобы громъ грянулъ, чтобы новое несчастіе указало новый пунктъ, гдѣ одно сооруженіе должно

быть замѣнено другимъ? Сколько же времени потребуется на такую постепенную перестройку, и сколько крушеній должно произойти, сколько людей должны поплатиться жизнью и здоровьемъ пока будутъ, наконецъ, усмотрѣны и устранены всѣ вольныя и невольныя погрѣшности въ постройкѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ!

B.

Мы получили изъ Софіи слѣдующую телеграмму отъ 16 (4) іюля:

„Вѣсть объ имѣющемся будто бы назначеніи г. Кребеля русскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Софіи произвела здѣсь тягостное впечатлѣніе, такъ какъ Болгары желаютъ имѣть у себя православнаго русскаго агента. Русское вліяніе въ Восточной Румеліи значительно упало во время его консульства въ Филиппополѣ.

„Русская торговая экспедиція прибыла въ Софію.“

Нельзя не посѣтовать на странную случайность иныхъ назначеній по дипломатической части, особенно на Востокѣ. Мы не имѣемъ никакого сомнѣнія въ достоинствахъ, способностяхъ и благонадежности г. Кребеля. Прежде онъ занималъ постъ генеральнаго консула въ Персіи и, сколько извѣстно, исполнялъ эту должность съ успѣхомъ и отличіемъ. Но назначеніе его дипломатическимъ агентомъ въ Филиппополь было очевидною ошибкой; новою и быть-можетъ еще большею ошибкой было бы назначеніе его въ Софію. Г. Кребель протестантскаго исповѣданія, а это обстоятельство, которое на другомъ мѣстѣ нисколько не было бы помѣхой, не можетъ не вредить ему въ Болгаріи, а вмѣстѣ и тому дѣйствію которое ожидается тамъ отъ русскаго дипломатическаго агента. Какъ бы онъ ни былъ хорошо настроенъ, какъ бы вѣрно ни понималъ интересы порученнаго ему дѣла, онъ не можетъ такъ успѣшно дѣйствовать какъ могъ бы при другой обстановкѣ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и всякое призываемое къ дѣятельности лицо тогда только можетъ оказать всю ожидаемую отъ него пользу когда поставлено въ соотвѣтственныя ему условія. Зачѣмъ же непремѣнно посылать къ Болгарамъ русскаго представителя, хотя бы и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ, но чуждаго Русской церкви, а потому неимѣющаго одного изъ существеннѣйшихъ въ глазахъ Болгаръ свойства русскаго агента. Ему неизбѣжно придется бороться съ недовѣріемъ среды, гдѣ онъ долженъ дѣйствовать, представляя собою Россію, и на борьбу эту пойдетъ безплодно часть силъ которыя употреблялись бы съ пользою въ другомъ мѣстѣ. Русское вліяніе, говоритъ вышеприведенная телеграмма, упало въ Восточной Румеліи во время консульства г. Кребеля. Къ сожалѣнію, сколько намъ извѣстно изъ многихъ источниковъ, фактъ этотъ вѣренъ: дѣйствительно русское вліяніе понизилось въ этомъ краѣ послѣ того какъ оттуда ушелъ князь Цертелевъ.

№ 187.

Москва, 7-го іюля.

Годъ тому назадъ, 4 (21) августа 1881 года, Французскій народъ, считающійся по парламентской фикціи „верховнымъ владыкой Франціи,“ воспользовался своимъ „священнымъ“ правомъ всеобщей подачи голосовъ и назначилъ своими представителями 557 „избранниковъ націи,“ снабдивъ ихъ самыми обширными полномочіями для цѣлаго ряда необходимѣйшихъ законовъ. Никогда еще во Франціи парламентскіе выборы не происходили при болѣе благопріятныхъ для республики условіяхъ. Клерикально-монархическія партіи были разбиты и выборы происходили безо всякихъ стѣсненій со стороны правительства; „всѣ препятствія, говорила вскорѣ послѣ выборовъ газета *Siècle*, мѣшавшія въ теченіе десяти лѣтъ правильному развитію страны теперь устранены и теперь-то свободный чисто республиканскій парламентъ докажетъ какъ онъ близко принимаетъ къ сердцу интересы страны; отнынѣ начинается новая эра во Франціи, эра великихъ реформъ.“

Среди реформъ, поставленныхъ на очередь выборами 4 августа, самое видное мѣсто занимали пересмотръ конституціи съ цѣлью какъ-нибудь исправить черезчуръ яркіе недостатки парламентской системы, реформа судебной магистратуры долженствовавшая устранить судей пользующихся своею несмѣняемостью для противодѣйствія правительству, военная реформа, податная реформа и наконецъ реформа церковная.

Съ бодростью принялись за дѣло „избранники націи,“ проработали цѣлый годъ и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлали. Свергнувъ въ короткое время два министерства они дошли въ настоящее время до режима который, по замѣчанію англійской газеты *Saturday Review*, „не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи парламентаризма.“ Между палатой депутатовъ и министерствомъ г. де-Фрейсине заключенъ какъ бы компромиссъ, въ силу коего палата имѣетъ право наносить сколько угодно пораженій министерству, лишь бы только при этомъ не выражалось формальное „недовѣріе“ кабинету. Этотъ компромиссъ имѣетъ много выгодъ какъ для депутатовъ, такъ и для министерства; онъ невыгоденъ только для государства, до котораго, конечно, ни депутатамъ, ни министрамъ никакого дѣла нѣтъ. Палата имѣетъ въ этомъ ту выгоду что предъ нею прочно стоитъ слабое министерство, которое не оказываетъ сопротивленія интригамъ и маневрамъ депутатскихъ партій и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаясь на мѣстѣ не даетъ возможности явиться на сцену болѣе энергическому правительству; а министрамъ въ свою очередь очень выгодно оставаться на своихъ теплыхъ мѣстахъ несмотря на то что они по тѣмъ и другимъ вопросамъ терпятъ неудачи въ засѣданіяхъ парламента. Въ силу этихъ оригинальныхъ обстоятельствъ правительство не можетъ править, такъ какъ у него нѣтъ ни силы, ни власти, ни авторитета, ни даже популярности, и принуждено въ сущности передать правленіе депутатамъ, слѣдуя извѣстной логикѣ трусливаго вождя который говорилъ: „Je suis leur chef, il faut bien que je les suive;“ а палата въ свою очередь не можетъ править страной такъ какъ у нея нѣтъ необходимаго элемента, прочнаго *большинства*, на которомъ основана вся фикція парламентскаго правленія. Такимъ образомъ государство остается безъ управленія, то-есть находится, по мѣткому выраженію г. Гамбетты, въ состояніи „легальной анархіи.“ Этою анархіей весьма ловко пользуются крайняя радикальная и соціалистическая партіи, которыя все болѣе и болѣе задаютъ тонъ не только въ муниципальныхъ совѣтахъ большихъ городовъ, но и въ самой палатѣ депутатовъ, а съ другой стороны снова пріободрились бонапартисты, легитимисты и орлеанисты и стали опять одерживать побѣды при частныхъ парламентскихъ выборахъ въ провинціяхъ. Такимъ образомъ парламентъ, предоставленный самому себѣ, оказался неспособнымъ осуществить ту „эру великихъ реформъ“ о которой пророчествовалъ *Siècle*, и завелъ государство въ безвыходную трясину, къ великому удовольствію всѣхъ враговъ Французской республики.

Особенно наглядно обнаруживается жалкая безпомощность палаты депутатовъ въ вопросѣ о судебной реформѣ. Предъ выборами 4 августа всѣ республиканскіе кандидаты единогласно высказывались за совершенную неотложность этой реформы. Доктрина несмѣняемости судей была признана абсурдомъ, такъ какъ ни одно правительство не можетъ исполнять свою обязанность если будетъ встрѣчать противодѣйствіе въ одномъ изъ главнѣйшихъ органовъ правленія, въ судѣ. Такимъ образомъ французскіе либералы считаютъ несмѣняемость судей вредною для государства, хотя во Франціи, гдѣ правительство всегда есть только партія, несмѣняемость судей имѣетъ смыслъ, между тѣмъ какъ въ Россіи, гдѣ правительство восходя до Государя никогда не есть партія, судебное сословіе ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть независимо отъ верховной государственной власти.

Что же сдѣлала французская палата депутатовъ получивъ отъ своихъ избирателей, то-есть отъ своего „верховнаго владыки,“ порученіе отмѣнить несмѣняемость судей? 2 февраля депутатъ Мартенъ-Фёльє внесъ въ палату проектъ судебной реформы, выработанный бывшимъ министерствомъ г. Гамбетты; 17 февраля министръ юстиціи кабинета Фрейсине, г. Эмберъ, внесъ свой проектъ; оба проекта были препровождены въ особую коммиссію, которая выработала свой, третій проектъ. 30 мая палата депутатовъ приступила къ разсмотрѣнію этихъ трехъ проектовъ и 10 іюня приняла „въ принципѣ“ отмѣну несмѣняемости судей. Затѣмъ ей слѣдовало опредѣлить способъ назначенія судей, и она, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ радикальныхъ рѣчей, несмотря на энергическій протестъ министра, совершенно неожиданно рѣшила что судьи впредь будутъ *избираться самимъ народомъ*. Всѣ ожидали что послѣ того рѣшенія если не министерство, то по крайней мѣрѣ министръ юстиціи подастъ въ отставку. Но ничего этого не было; г. Эмберъ взялъ только отпускъ для по-

правленія своего здоровья, и съ тѣхъ поръ въ палату уже не являлся.

Между тѣмъ, три проекта реформы были снова возвращены коммиссіи съ порученіемъ выработать подробный новый проектъ, опредѣляющій какимъ образомъ народъ будетъ выбирать своихъ судей. Послѣ долгихъ усилій и безконечныхъ преній коммиссія не пришла ни къ какому результату. Для того чтобы выпутаться изъ этого безвыходнаго положенія, нѣкоторые депутаты предложили новый проектъ: рѣшить пока что судьи могутъ быть смѣняемы и назначаемы правительствомъ пока наконецъ не будетъ изданъ законъ объ ихъ избраніи. Другіе же депутаты предлагали слѣдующую мѣру: предоставить правительству право упразднить извѣстное число трибуналовъ, такъ чтобы наканунѣ упраздненія *перевести* на упраздняемое мѣсто какого-нибудь строптиваго судью и потомъ его упразднить вмѣстѣ съ его мѣстомъ. 1 іюля палата депутатовъ принялась обсуждать эти два оригинальныя предложенія, и отвергла какъ то, такъ и другое. Реформа вернулась въ третій разъ въ коммиссію и, по общему мнѣнію, ей не суждено будетъ видѣть въ текущемъ году окончанія своихъ мытарствъ.

Еще бо́льшая неудача постигла, какъ извѣстно, въ январѣ мѣсяцѣ проектъ пересмотра конституціи, о которомъ такъ много толковали и который теперь преданъ забвенію, такъ какъ при раздробленіи палаты на мелкія партіи нечего и думать о его осуществленіи. Вопросъ о податной реформѣ вовсе не поднимался послѣ выборовъ, а проекты военный и церковный еще не выходили изъ нѣдръ коммиссій. А между тѣмъ необходимость военной реформы съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе: у Франціи нѣтъ до сихъ поръ колоніальной арміи, не выработанъ планъ мобилизаціи, какъ это показала Тунисская экспедиція и, что́ всего невѣроятнѣе, коммиссія до сихъ поръ еще не выяснила какъ великъ ежегодный контингентъ рекрутовъ.

Чѣмъ же занималась до сихъ поръ палата? О, она рѣшила очень много важныхъ вопросовъ по части атеизма: она долго разсуждала о формулѣ присяги и въ концѣ концовъ выбросила изъ нея имя Божіе; она рѣшила изгнать иконы и Распятія изъ залъ судовъ; она опредѣлила принять мѣры для уничтоженія строящейся въ Парижѣ церкви. Сверхъ того, она рѣшила продать коронные брилліанты и на вырученныя деньги основать кассу для „инвалидовъ труда,“ „дабы брилліанты, эти виновники и свидѣтели народнаго несчастія, послужили облегченіемъ этого несчастія,“ какъ сказано въ мотивахъ законопроекта, не опредѣляющаго, впрочемъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ словами „инвалиды труда.“ Затѣмъ многіе депутаты внесли разные болѣе или менѣе фантастическіе проекты (между которыми въ особенности красуется „проектъ налога на лѣнтяевъ,“ то-есть на фабрикантовъ, домовладѣльцевъ и землевладѣльцевъ), предлагали министрамъ разные праздные вопросы и съ великимъ ликованіемъ и торжествомъ приняли законъ о *разводѣ*, который однако повидимому потерпѣлъ крушеніе въ сенатѣ.

Такимъ образомъ, оказывается что палата депутатовъ въ сущности почти даромъ потратила цѣлый годъ. Всѣ теперь упрекаютъ ее въ бездѣйствіи и заявляютъ что такъ дѣла дальше идти не могутъ. Такъ какъ ни строго конституціонное правительство г. Фрейсине, ни 557 депутатовъ управлять государствомъ не могутъ, то многіе депутаты, въ числѣ которыхъ находится президентъ палаты, г. Бриссонъ, предлагаютъ учредить правленіе посредствомъ *комитетовъ*. Эти комитеты, говорятъ они, должны состоять изъ членовъ сената, палаты и частныхъ лицъ. Сколько министровъ, столько должно быть и комитетовъ, которые де обезпечатъ единство и послѣдовательность внутренней и внѣшней политики и положатъ конецъ личнымъ интригамъ депутатовъ. Нечего и говорить что этотъ нелѣпый проектъ, встрѣченный одобреніемъ среди нѣкоторыхъ конституціонныхъ доктринеровъ, строго осуждается серіозными газетами какъ *Temps* и *Journal des Débats*. „Не всегда легко бываетъ, говоритъ послѣдняя изъ названныхъ газетъ, найти хорошаго министра иностранныхъ дѣлъ, а тутъ нужно будетъ имѣть подъ рукой цѣлые два десятка министровъ и притомъ министровъ безо всякой отвѣтственности! Это уже очевидно было бы торжествомъ единства и послѣдовательности иностранной политики Франціи.“

Примѣръ Франціи страдающей отъ нелѣпостей парламентаризма всѣмъ поучителенъ. Онъ наглядно показываетъ къ чему ведетъ эта фальшивая фикція народнаго управленія если ее не парализуетъ

сколько возможно сильная воля и власть выдающагося государственнаго человѣка. Недавно одинъ депутатъ, г. Наке, приглашалъ извѣстнаго писателя г. Александра Дюма-сына присоединиться къ республиканской партіи, на томъ де основаніи что республиканская палата приняла законъ о разводѣ. Г. Александръ Дюма отвѣтилъ республиканцу цѣлою брошюрой въ которой такъ излагаетъ причины не позволяющія ему сдѣлаться республиканцемъ. Говоря что онъ предпочитаетъ республикѣ правленіе монархическое, талантливый писатель характеризуетъ правленіе *всѣхъ*: „Народу приходится также льстить какъ царю. Онъ дѣйствительно въ настоящее время какъ царь; но это царь съ милліонами рукъ, брюхомъ, безъ головы, но съ короной; нѣчто въ родѣ морскаго краба; это существо никогда не ходитъ прямо (ça marche toujours de travers).“

Таковъ тотъ режимъ въ который погрязла Франція и который петербургскими политиками величается „правовымъ порядкомъ.“

№ 188.

Москва, 8-го іюля.

Въ программѣ занятій Торгово-Промышленнаго Съѣзда не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ о торгово-промышленной статистикѣ. Важность статистическихъ свѣдѣній по экономической части признана всѣми. При обсужденіи вопросовъ касающихся разныхъ отраслей торгово-промышленной дѣятельности, неполнота и отсутствіе необходимыхъ статистическихъ данныхъ всегда ведутъ ко множеству затрудненій, препятствуя правильной оцѣнкѣ результатовъ отъ принимаемыхъ по экономической части мѣръ и не дозволяя освѣтить въ должной мѣрѣ путь которымъ желательно идти въ видахъ улучшенія условій народно-хозяйственной дѣятельности. Это замѣчалось у насъ всегда и сдѣлалось особенно ощутительно теперь, когда разные экономическіе вопросы стали à l'ordre du jour. Достаточно просмотрѣть только что вышедшій двѣнадцатый выпускъ *Ежегодника Министерства Финансовъ* чтобъ убѣдиться какъ сильно хромаетъ наша фабрично-заводская статистика. Принявъ ея данныя за нѣчто серіозное можно придти къ самымъ страннымъ выводамъ. Возьмите, напримѣръ, нашу бумаго прядильную промышленность; какое значеніе имѣютъ показанные въ *Ежегодникѣ* итоги производства на бумажныхъ филатурахъ? Хлопокъ привозится къ намъ въ огромныхъ количествахъ. По одной Европейской границѣ было привезено его въ 1878 году на 67.893.000, въ 1879 на 60.004.000 рублей; кромѣ того, большія массы его привозились и по Азіятской границѣ, въ особенности изъ Средней Азіи. Переработка въ пряжу возвышаетъ цѣну переработаннаго волокна чуть не втрое. Итоги производства бумагопрядилень должны поэтому выражаться цифрами далеко переходящими за сто милліоновъ. А въ *Ежегодникѣ* вся сумма производства нашихъ филатуръ исчисляется за 1878 годъ въ 56 милліоновъ, за 1879 годъ въ 64 милліона рублей, такъ что стоимость всей выработанной на нихъ пряжи оказывается чуть ли не ниже стоимости хлопка пошедшаго на ея изготовленіе... Въ томъ же родѣ свѣдѣнія и по другимъ отраслямъ промышленности.

Организація правильной фабрично-заводской статистики есть несомнѣнно дѣло трудное Но у насъ хромаетъ и та сторона торгово-промышленной статистики по которой особенныхъ трудностей не представляется, каковы, напримѣръ, таможенныя свѣдѣнія о привозныхъ товарахъ. При сужденіяхъ о разныхъ тарифныхъ вопросахъ на нынѣшнемъ Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ было бы очень важно имѣть свѣдѣнія о томъ какъ отразились на размѣрахъ привоза нѣкоторыхъ иностранныхъ товаровъ сдѣланныя въ таможенномъ тарифѣ въ послѣдніе годы измѣненія, было бы важно знать, напримѣръ, къ какимъ результатамъ привелъ таможенный законъ 3 іюля 1880 года относительно привоза металловъ и машинъ. Но свѣдѣній по этой части не имѣется. Обстоятельныя офиціальныя данныя по внѣшней торговлѣ вообще сильно запаздываютъ, и имѣются пока только за 1880 годъ, когда означенный законъ, равно какъ и важный для нашей льняной промышленности законъ о наложеніи пошлины на джуту и джутовыя издѣлія, еще не дѣйствовали. Въ дополненіе къ обстоятельнымъ годовымъ таможеннымъ обзорамъ издаются, правда, ежемѣсячныя таможенныя вѣдомости, но рутинный способъ ихъ составленія лишаетъ

эти вѣдомости почти всякаго значенія. Издавна заносятся въ эти вѣдомости многія свѣдѣнія не представляющія почти никакого интереса, и наоборотъ многія наиболѣе интересныя свѣдѣнія постоянно блистаютъ своимъ отсутствіемъ. Изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, аккуратно публикуются свѣдѣнія о привозѣ иныхъ товаровъ по которымъ годовые обороты не достигаютъ и полумилліона рублей, ежемѣсячно сообщаются, напримѣръ, подробныя данныя о привозѣ изъ-за границы сахарнаго песку и рафинада, хотя Россія уже много лѣтъ вовсе не продовольствуется иностраннымъ сахаромъ, и весь годовой итогъ привоза по этимъ обѣимъ статьямъ составлялъ въ 1880 году какихъ-нибудь семь тысячъ рублей, а въ 1881 году еще и того менѣе. И въ то же время напрасно стали бы вы искать въ таможенныхъ вѣдомостяхъ свѣдѣній о многихъ привозныхъ статьяхъ по которымъ производятся многомилліонные обороты. Вотъ, напримѣръ, сталь. Привозъ ея въ Россію былъ очень великъ и быстро возрасталъ еще въ то время когда она, по тарифу, была обложена 80-копѣечною съ пуда пошлиной. Именно, стали (не въ дѣлѣ) было привезено:

Въ 1878 году на	. . . . . .	7.263.680 р.
„ 1879 „ „	. . . . .	10.690.435 „
„ 1880 „ „	. . . . .	15.200.768 „

Надобно думать что съ пониженіемъ пошлины на сталь (съ 80 к. до 50 к., 35 к. и 20 к. съ пуда, смотря по сортамъ), привозъ ея долженъ былъ еще болѣе увеличиться. Но хотя сталь заняла первенствующее мѣсто въ ряду привозныхъ металловъ, оставивъ позади себя, по размѣрамъ оборотовъ, и чугунъ, и желѣзо, таможенныя вѣдомости совершенно пренебрегаютъ этою статьей торговли, имѣющею для нашего металлическаго производства столь важное значеніе что слѣдить за нею изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, казалось бы, сдѣлалось положительною необходимостью. Точно также, не сообщается ровно никакихъ свѣдѣній о привозѣ металлическихъ издѣлій, хотя этотъ привозъ уже въ 1880 году по стоимости превышалъ 15 милліоновъ рублей, а затѣмъ, вслѣдствіе пониженія пошлинъ, долженъ былъ возрасти. Вообще въ таможенныхъ вѣдомостяхъ такъ много серіозныхъ пробѣловъ что не мѣшало бы подвергнуть пересмотру программу по которой онѣ составляются, дабы приноровить ихъ къ той цѣли для которой онѣ издаются, и которой нынѣ не удовлетворяютъ. Само собою разумѣется что ежемѣсячныя вѣдомости не могутъ быть очень дробными, но не трудно вносить въ нихъ по крайней мѣрѣ наиболѣе крупныя статьи привоза, каковы, напримѣръ, сталь, мѣдь, металлическія издѣлія, машины сельскохозяйственныя и для обработки волокнистыхъ веществъ, часовой товаръ, стеклянныя издѣлія, готовое платье, кожи, мѣха, фрукты. Хорошо было бы также по отдѣлу красильныхъ веществъ не ограничиваться свѣдѣніями объ индиго, оставляя безъ вниманія прочія краски, которыхъ привозится но сумму втрое бо́льшую, по отдѣлу другихъ химическихъ продуктовъ, не ограничиваться данными объ одной содѣ, пренебрегая прочими привозимыми на сумму вчетверо бо́льшую, а по отдѣлу льняныхъ издѣлій не довольствоваться свѣдѣніями только о полотнѣ въ виду особаго значенія какое получили въ торговлѣ мѣшки изъ джуты.

Еще важнѣе чѣмъ неполнота таможенныхъ вѣдомостей, другой всѣми признанный недостатокъ нашей официальной статистики, заключающійся въ крайней невѣрности таможенныхъ оцѣнокъ. Эти оцѣнки имѣютъ большое значеніе при опредѣленіи размѣра пошлинъ какими могутъ быть облагаемы тѣ или другіе товары, и невѣрность оцѣнокъ прямо или косвенно ведетъ къ несоразмѣрности пошлиннаго обложенія. Таможенное вѣдомство какъ бы отчаялось въ томъ чтобы привозные товары могли быть оцѣниваемы съ достаточною правильностью, и пришло къ устраненію самого принципа взиманія пошлинъ съ цѣны, отмѣненныхъ съ наступленіемъ текущаго іюля мѣсяца. Между тѣмъ въ интересахъ правильнаго развитія промышленности было бы желательно скорѣе распространеніе, а не отмѣна процентныхъ пошлинъ. Говоримъ это разумѣя не одни полотна и сшитое платье къ которымъ онѣ у насъ примѣнялись. По многимъ важнымъ статьямъ привоза система процентнаго пошлиннаго обложенія была бы, можетъ-быть, еще желательнѣе. Такъ, напримѣръ, можетъ ли быть признано отвѣчающимъ цѣли одинаковое обложеніе разныхъ привозныхъ машинъ по вѣсу, не принимая во вниманіе различій въ сложности ихъ устройства и въ ихъ цѣнности? Равномѣрнымъ

ли налогомъ ложится таможенная пошлина, съ одной стороны, на тяжеловѣсныя и сравнительно простыя машины, съ другой, на относительно легкія, но многосложныя и потому особенно цѣнныя? Болѣе другихъ заботящіеся о томъ чтобы таможенныя пошлины достигали своей цѣли, то-есть чтобъ онѣ давали возможно бо́льшій государственный доходъ обезпечивая въ то же время возможно лучшимъ образомъ интересы внутренняго производства, Американцы не даромъ остановились на системѣ процентныхъ пошлинъ предпочтительно предъ прочими, не отказываясь, впрочемъ, отъ нихъ и опредѣляя во многихъ случаяхъ двойственныя пошлины, одну съ вѣса, другую со стоимости. Не было бы основанія и у насъ отказываться отъ системы процентныхъ пошлинъ, при условіи установленія правильныхъ оцѣнокъ. Правильность ихъ, конечно, ничѣмъ не гарантируется когда поручается самимъ провозителямъ товаровъ. Мало гарантій правильности представляетъ и оцѣнка провозимыхъ товаровъ одними таможенными чиновниками. Но почему не пригласить къ участію въ таможенныхъ оцѣнкахъ представителей тѣхъ отраслей промышленности которыя заинтересованы въ покровительномъ значеніи таможенныхъ пошлинъ? При процентныхъ пошлинахъ, промышленный міръ, непосредственно заинтересованный въ томъ чтобы таможенныя пошлины не оставались только на бумагѣ, ужь конечно не допустилъ бы невѣрныхъ оцѣнокъ и, соблюдая свой интересъ, былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, ревностнымъ блюстителемъ и казеннаго интереса.

Не по однѣмъ оцѣнкамъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, таможенное дѣло могло бы много выиграть еслибы правительство призвало къ участію въ таможенномъ надзорѣ представителей разныхъ отраслей производства заинтересованныхъ въ его правильности. Непосредственный контроль со стороны такихъ промышленныхъ группъ вѣрнѣе всякихъ другихъ мѣръ положилъ бы предѣлъ и контрабандѣ, и инымъ злоупотребленіямъ въ таможняхъ. Эта мысль не новая. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, московское купечество чрезъ своихъ депутатовъ ходатайствовало о предоставленіи ему права содержать своихъ агентовъ во всѣхъ таможняхъ, и это ходатайство было уважено, но, къ сожалѣнію, по разнымъ обстоятельствамъ дѣло тогда не состоялось. Почему, однако, не вернуться къ этой мысли?

№ 189.

Москва, 9-го Іюля.

Во вчерашнемъ засѣданіи Французской палаты депутатовъ, г. Фрейсине далъ наконецъ „подробное“ разъясненіе своей политики по Египетскому вопросу; онъ говорилъ и о прошедшихъ событіяхъ, и о будущихъ намѣреніяхъ Франціи. Но двусмысленное и для всѣхъ загадочное бездѣйствіе и безмолвіе Французскаго правительства въ виду бомбардированія Александріи не стало понятнѣе послѣ этихъ разъясненій. Равнымъ образомъ, очень трудно сдѣлать, на основаніи словъ французскаго министра-президента, какія-либо опредѣленныя заключенія о томъ поворотѣ который приняло на этихъ дняхъ египетское дѣло. Г. Фрейсине подтвердилъ факты которые стали извѣстны еще до его разъясненія; но внутренній смыслъ этихъ фактовъ попрежнему теменъ для непосвященныхъ; ибо нельзя же принять за чистую монету то что̀ сказано г. Фрейсине о „европейскомъ концертѣ.“ Изъ собственныхъ словъ его ясно видно что двигающею пружиной въ образѣ дѣйствій державъ служитъ не концертъ, не единомысліе, а напротивъ глубокое взаимное недовѣріе, которое чуть не прорвалось наружу и во всякомъ случаѣ усилилось вслѣдствіе „энергической“ рѣшимости Англіи. Г. Фрейсине самъ началъ съ упрека Англіи въ томъ что она принялась самостоятельно дѣйствовать „вопреки волѣ Европы, съ отстраненіемъ европейскаго концерта.“ Но затѣмъ онъ заявилъ что наканунѣ, то-есть 6 іюля, состоялось между Франціей и Англіей соглашеніе въ силу коего обѣ эти державы будутъ дѣйствовать сообща, но съ сохраненіемъ европейскаго концерта. Очевидно что это совсѣмъ не то что̀ имѣлъ въ виду г. Гамбетта, рекомендовавшій съ самаго начала союзъ съ Англіей и высказавшійся въ томъ же смыслѣ и въ засѣданіи 7 іюля. Объ искреннемъ союзѣ между этими державами едва ли можетъ быть рѣчь теперь. Возстановленіе порядка въ Египтѣ предполагалось возложить на Турцію, которая должна была обязаться покончить это дѣло въ извѣстный срокъ

и подъ наблюденіемъ двухъ коммиссаровъ отъ европейскихъ державъ. Мятежныя войска Араби-паши, который, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, далеко еще не считаетъ своего дѣла проиграннымъ, должны были быть разсѣяны или приведены въ повиновеніе турецкими войсками. Но всѣмъ извѣстно что Араби-паша находился съ самаго начала въ связи съ Константинополемъ и дѣйствовалъ на основаніи инструкцій оттуда получаемыхъ. Не менѣе извѣстно что султанъ Абдулъ-Гамидъ ничего такъ не опасается какъ потери своего обаянія среди мусульманскихъ фанатиковъ, которые смотрятъ на Араби-пашу какъ на Магометова избранника призваннаго на смертельную борьбу съ гяурами. Можно ли въ виду этого ожидать чтобы Турція искренно предалась той задачѣ которую ей поставила конференція? Можно ли думать что сама конференція искренно довѣрила Турціи это дѣло? Очевидно что рѣшеніе принятое конференціей въ Константинополѣ имѣло совсѣмъ не ту цѣль какая офиціально выражена въ тождественной нотѣ переданной отъ ея имени Портѣ. Рѣшеніе это выражаетъ не столько программу будущихъ дѣйствій сколько результатъ усилій парализовать рѣшимость Англіи. Усилія эти временно увѣнчались успѣхомъ. Англія повидимому отступила и казалось была „приведена къ повиновенію." Но едва ли этимъ достигнуто что-либо кромѣ отсрочки, судя по сегодняшнимъ телеграммамъ изъ Лондона. Египетскій, какъ и весь Восточный вопросъ, не будетъ рѣшенъ и на этотъ разъ путемъ европейскаго соглашенія, и если вѣрно замѣчаніе г. Фрейсине что каждый разъ когда какая-либо держава пыталась рѣшить Восточный вопросъ безъ Европы, дѣло доходило до большой войны, то едва ли опасность такой войны миновала теперь послѣ рѣшенія принятаго конференціей, самое исполненіе котораго не можетъ не породить новыхъ затрудненій. Франція, управляемая г. Фрейсине, очевидно поставила себѣ задачей во что бы то ни стало избѣгать всякаго шага, который могъ бы вовлечь ее въ войну. Вотъ истинный смыслъ медоточивыхъ рѣчей французскаго министра-президента о необходимости сохраненія европейскаго концерта. Но опытъ недавняго прошлаго долженъ былъ бы убѣдить г. Фрейсине что при настоящемъ политическомъ положеніи Европы въ войну скорѣе и легче всего бываютъ увлечены тѣ кто малодушно избѣгаютъ энергическихъ рѣшеній и довольствуются гнилыми соглашеніями, подъ прикрытіемъ дипломатической химеры европейскаго концерта, нарочито придуманнаго для уловленія нерѣшительныхъ.

Энергическій образъ дѣйствій, на который рѣшилась Англія, дѣйствительно произвелъ большой переполохъ. Въ немъ усмотрѣна была серіозная опасность для той системы которая проектируется со времени послѣдней Восточной войны относительно Восточнаго вопроса. Если вы хотите знать кто больше всего заинтересованъ въ сохраненіи этой системы, прочтите что̀ говоритъ по этому поводу нѣмецкая, и въ особенности австрійская печать. Мы уже указали на то какъ неоднократно и какъ рѣзко протестовала австро-германская печать противъ заявленія англійскихъ министровъ о томъ будто бы Австрія и Германія признали вполнѣ законнымъ бомбардированіе Александріи. Правда, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* появилась затѣмъ замѣтка, въ которой этотъ рѣзкій тонъ печати какъ бы порицается въ виду того что „германская политика, мало заинтересованная происшествіями на Востокѣ (какія знакомыя рѣчи!), старается сохранить добрыя отношенія ко всѣмъ державамъ, даже къ тѣмъ между коими есть разногласіе." Благодаря этому „честному маклерству," вѣроятно, и состоялась новая комбинація, которою такъ доволенъ г. Фрейсине. Тѣмъ не менѣе, весьма любопытны тѣ соображенія которыя высказывались въ нѣмецкой и австрійской печати когда получено было извѣстіе о бомбардированіи Александріи и о томъ что Германія и Австрія будто бы одобрили дѣйствіе Англіи.

Пештскій Ллойдъ, газета весьма близкая къ Венгерскому правительству, отнеслась крайне недовѣрчиво къ заявленію г. Дилка объ указанномъ одобреніи и высказала свое мнѣніе почему именно Германія съ Австріей должны были быть особенно недовольны самостоятельнымъ образомъ дѣйствій Англіи. Англійскій кабинетъ нарушилъ де этимъ установившуюся практику „Европы" по отношенію къ Восточному вопросу, той „Европы," которая соединилась на Берлинскомъ конгрессѣ дабы отмѣнить Санъ-Стефанскій договоръ, который былъ заключенъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ одной державы. Нынѣ Англія

вновь стремится замѣнить „европейскій интересъ" и политическое рѣшеніе Европы своимъ одностороннимъ рѣшеніемъ. Вотъ почему можно де смѣло сказать что бомбардированіемъ Александріи турецкому владычеству нанесенъ не менѣе роковой ударъ чѣмъ послѣднею войной Россіи противъ Турціи. Россія въ то время старалась доказать что она одна вела войну и потому она имѣетъ право одна и раздѣлаться съ Турціей. Такъ-называемымъ консервативнымъ державамъ удалось де еще поддержать принципъ обще-европейскихъ рѣшеній въ дѣлахъ Востока. Теперь Англія вновь пошатнула этотъ принципъ, и если не удастся выдвинуть противъ нея Францію, какъ на Берлинскомъ конгрессѣ Англія была выдвинута противъ Россіи, то пропадетъ задаромъ результатъ достигнутый въ 1878 году.

Поневолѣ припоминается замѣчательное признаніе сдѣланное княземъ Бисмаркомъ въ рѣчи произнесенной имъ въ іюнѣ въ Берлинскомъ рейхстагѣ. Указавъ на то что величайшая опасность для Германіи состоитъ въ союзахъ какіе могутъ сложиться противъ нея, онъ замѣтилъ что считаетъ своею важнѣйшею заслугой послѣ 1870 года то что ему удалось разстроить всяческіе союзы между державами, кои могли быть невыгодны для Германіи.

№ 190.

Москва, 10-го Іюля.

А.

Польскій судъ надъ русскою государственною измѣной! *Польская справа* судитъ людей за измѣну ея государству! Какая чудовищная, сказали бы мы, шутка еслибъ эта шутка не отзывалась слишкомъ жестоко на тѣхъ почтенныхъ лицахъ которыя ей подвергаются. Этотъ мерзкій шутовской судъ, это кощунство надъ правосудіемъ, длится болѣе мѣсяца. Изо дня въ день газеты печатаютъ отчеты о засѣданіяхъ этого суда полные глумленій надъ правдой и здравымъ смысломъ. Эта жестокая комедія разыгрывается со всѣми обрядами законности, и правительство пока еще *дружественной* намъ державы присутствуетъ при спектаклѣ въ качествѣ благосклоннаго зрителя...

Австрія есть государство безъ національности. Она была германскою когда входила въ составъ Германскаго Союза и стояла во главѣ его. Но и тогда нѣмецкій элементъ не былъ достаточно силенъ для того чтобъ объединять составъ этой имперіи. Итакъ, Австрія не есть нація; австрійской національности *не оказывается.* Австрія есть механическое соединеніе подъ одною династіей многихъ народовъ и цѣлыхъ королевствъ. Послѣ 1866 года, когда Австрія перестала быть германскою державой, она распалась на два, почти совершенно отдѣльныя, государства, что и выразилось въ новомъ наименованіи ея: Австро-Венгрія. Венгерецъ уже не признаетъ себя Австрійцемъ, а Австріецъ есть отвлеченный терминъ, который равно относится къ разнороднымъ и даже враждующимъ между собою національностямъ, входящимъ въ составъ Цислейтаніи.

Русское населеніе Галиціи есть самое мирное, самое непритязательное, всегда во всѣхъ историческихъ перипетіяхъ остававшееся вѣрнымъ Габсбургской династіи, никогда не помышлявшее объ отложеніи. Вѣрные своему государю, русскіе Галичане не хотятъ однако быть Поляками, которые теперь властвуютъ въ Галиціи, и еще менѣе хотятъ быть орудіемъ ихъ непримиримой вражды къ руской націи, къ Россіи. Отъ русскихъ Галичанъ *Польскою справой* требуется чтобъ они не только отреклись отъ своей народности, но и стали бы врагами ея. Въ Австріи, гдѣ повидимому водворена религіозная свобода, русскимъ Галичанамъ не дозволяется возвращаться въ православіе отъ котораго они были оторваны насиліемъ и обманомъ. У нихъ отнимаютъ право говорить чистымъ русскимъ языкомъ и, съ помощію русскихъ измѣнниковъ изъ ихъ среды, а главнымъ образомъ съ помощію русскихъ измѣнниковъ въ самой Россіи, каковъ напримѣръ Кулишъ со своими единомышленниками, не говоря уже о Драгомановѣ, сочиняютъ особый языкъ, подъ именемъ *русскаго*, въ противоположность *московскому*. Въ этой конституціонной Австріи, которая намъ выставляется въ образецъ какой-то политической свободы, перехватываются частныя письма коль скоро они идутъ изъ Галиціи въ Россію или изъ Россіи въ Галицію; за каждымъ шагомъ мирнаго путешественника изъ Россіи слѣдитъ полиція, которая безъ церемоніи хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму тѣхъ кто

ей покажется противникомъ *Польской справы* или тайнаго правительства крамолы...

Съ другой стороны, Россія никогда не подавала повода думать что имѣетъ виды на захватъ какой-либо австрійской области; напротивъ, Россія даже дѣлаетъ все возможное чтобъ оттолкнуть отъ себя сочувствующія ей родственныя населенія, оттолкнуть въ угоду и въ пользу Австріи. Она предоставила Австріи завладѣть Босніей и Герцеговиной и нисколько не препятствуетъ ея дальнѣйшему движенію на Востокъ. Можно ли думать что Россія, именно Россія, имѣетъ завоевательные на Австрію виды? Ни одинъ серіозный человѣкъ во всей Габсбургской монархіи не можетъ серіозно подумать объ этомъ, между тѣмъ какъ всякому приходитъ на мысль что Германія еще не объединилась, и что значительныя части Германскаго Союза еще пребываютъ въ составѣ Австріи, и что если ей еще угрожаютъ раздробленіе и разложеніе, то развѣ съ этой стороны, а никакъ не съ русской...

И вотъ, тѣмъ не менѣе, польскимъ властямъ, автономно распоряжающимся въ Галиціи, дозволено привлечь къ тяжкому суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ почтенныхъ людей, которыхъ политическая честность не могла подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, какъ г. Добрянскій, отецъ Наумовичъ и другіе, за то только что они не хотятъ быть слугами *Польской справы*, а остаются вѣрны своей русской народности и русскимъ симпатіямъ. Не возмутительная ли это шутка? Чтобы понять всю мѣру этой неправды стóитъ только сообразить что на томъ же основаніи каждый Нѣмецъ въ Австрійской имперіи дóлженъ быть судимъ какъ государственный преступникъ, потому что онъ не только считаетъ себя Нѣмцемъ, но и гордится своею нѣмецкою народностію и всѣми своими симпатіями несравненно болѣе принадлежитъ и тяготѣетъ къ Германіи чѣмъ самые русскіе изъ Галичанъ къ Россіи. Наконецъ, если простая переписка съ друзьями въ Россіи о предметахъ вовсе не политическаго свойства вмѣняется въ государственное преступленіе русскимъ Галичанамъ, то какимъ же образомъ въ Австріи допускались польскія національныя празднества, въ родѣ юбилея Крашевскаго на который съѣзжались Поляки изъ-за кордона, чему Россія добродушно не противилась, а польская часть ея *прессы* принимала горячее участіе въ національномъ торжествѣ писателя враждебнаго Россіи? Русскіе Галичане никогда не были затрудненіемъ для Австріи, а польскій патріотизмъ есть по существу своему бунтъ. Польскій судъ надъ русскою государственною измѣной не можетъ быть иначе понятъ какъ демонстрація противъ Россіи, какъ грубая надъ нею иронія. Такихъ задирающихъ дѣйствій правительство великой державы на которую они направлены не можетъ оставлять безъ вниманія. Мы не знаемъ былъ ли какой дипломатическій запросъ объ этомъ, но очень вѣроятно что Австрійское правительство, допустившее скандалъ, отречется отъ него и скажетъ что оно, къ прискорбію своему, остается предъ этимъ фактомъ со связанными руками, такъ какъ де судъ въ Австріи независимъ, а Галиція пользуется самоуправленіемъ. Нѣтъ, отвѣтственность за скандалъ все-таки лежитъ на правительствѣ Австріи. Дѣло о государственной измѣнѣ не могло быть начато прокуроромъ безъ разрѣшенія и даже безъ предписанія высшей государственной власти. Прокуроры въ Австріи, какъ и вездѣ, гораздо болѣе дисциплинированы чѣмъ въ Россіи, гдѣ они непрочь считать себя независимою отъ правительства властію. Итакъ, мы остаемся при убѣжденіи что Австрійское правительство само допустило эту вопіющую неправду, этотъ возмутительный скандалъ, этотъ нахальный вызовъ *Польской справы*.

Что же касается *Польской справы*, то этимъ она сама выдаетъ себя. Если она, злоупотребляя правосудіемъ, позволяетъ себѣ, подъ лживымъ предлогомъ государственнаго преступленія, открыто преслѣдовать неугодныхъ ей людей, то какъ же должно поступать Русское правительство относительно не мнимо, а истинно преступныхъ заговоровъ и вражескихъ дѣйствій *Польской справы*? Если она, основываясь на фиктивномъ правѣ, преслѣдуетъ русскихъ Галичанъ за ихъ національныя симпатіи, то какъ могла бы она жаловаться на дѣйствія законнаго правительства, не признающаго въ своихъ владѣніяхъ національности которая въ своихъ стремленіяхъ не можетъ не быть государственною измѣной и преступнымъ заговоромъ...

Кстати. По поводу напечатаннаго нами (№ 172) письма изъ Варшавы, появилась на дняхъ въ *Новомъ Времени* рекламація

издателя варшавской газеты *Gazeta Polska*, объявляющая клеветой *Московскихъ Вѣдомостей* что̀ въ этомъ письмѣ сказано касательно отзывовъ о львовскомъ процессѣ. Въ *Газетѣ Польской*, свидѣтельствуетъ ея издатель, не было вовсе передовыхъ статей по поводу львовскаго процесса, а печатались только корреспонденціи о немъ. Если издатель *Газеты Польской* видитъ существенную разницу между ея передовыми статьями и письмами своего постояннаго корреспондента, то какъ же онъ имѣетъ духъ называть клеветой *Московскихъ Вѣдомостей* то что̀ было сказано не въ передовой статьѣ, а въ случайномъ письмѣ изъ Варшавы, хотя бы и оказалось что въ немъ ошибочно смѣшаны передовыя статьи *Газеты Польской* съ ея корреспонденціями.

Б.

Континентальная печать почти единогласно возлагаетъ всю отвѣтственность за разгромленіе Александріи на Англійское правительство, обвиняя его въ излишней горячности и въ чрезмѣрномъ избыткѣ энергіи. Иное дѣло англійскія газеты, въ особенности торійскіе органы. Они, правда, не довольны своимъ правительствомъ и также ставятъ ему въ вину варварское истребленіе цвѣтущаго приморскаго города, второй столицы Египта, но они приписываютъ эту ужасную катастрофу не чрезмѣрной, а *недостаточной* энергіи и распорядительности кабинета г. Гладстона. „Ошибка правительства, говоритъ *Standard*, въ настоящее время вполнѣ очевидна: она заключается въ томъ что у него не было въ готовности достаточной военной силы чтобы поддержать операціи флота.“ На ту же ошибку указываетъ и *Times*, выражая свое „сожалѣніе о томъ что сэръ-Бошанъ Сеймуръ, атакуя форты, не имѣлъ ни средства, ни власти высадить въ тылу фортовъ двѣ или три тысячи солдатъ которыя могли легко захватить желѣзныя дороги и узкую косу твердой земли, ведущую изъ Александріи во внутреннюю страну. Правда, египетскія войска храбро выдержали огонь флота, но нужно помнить что солдаты Востока гораздо храбрѣе за прикрытіями нежели въ открытомъ полѣ; а потому едва ли можно сомнѣваться въ томъ что никогда никакая египетская сила не стала бы лицомъ къ лицу съ англійскимъ отрядомъ на ровномъ мѣстѣ. Намъ тогда пришлось бы занести въ свою хронику капитуляцію вмѣсто рѣзни и пожара.“

Еще болѣе расходятся англійскія газеты съ французскими, нѣмецкими, австро-венгерскими и итальянскими органами печати въ тѣхъ совѣтахъ которые они подаютъ г. Гладстону. Послѣдніе убѣдительно просятъ англійскаго премьера опомниться, остановиться въ своемъ египетскомъ походѣ и подождать рѣшеній Константинопольской конференціи; англійскія же газеты съ замѣчательнымъ единодушіемъ заклинаютъ его быть энергичнѣе и немедля приступить къ преслѣдованію Араби-паши, который, воспользовавшись вышесказанною оплошностью адмирала Сеймура, выкинулъ для виду парламентерскіе флаги и по прекращеніи бомбардированія преспокойно вывелъ всѣ свои войска изъ Александріи и уѣхалъ съ ними неизвѣстно куда по желѣзной дорогѣ, предоставивъ городъ на разграбленіе черни и выпущеннымъ на волю каторжникамъ. Ту же военную хитрость употребилъ и Наполеонъ I въ Италіянскую кампанію 1796 года, какъ это теперь припоминаетъ *Standard*, упрекая адмирала Сеймура въ недогадливости: „Французская армія занимала чрезвычайно невыгодную позицію, Наполеонъ послалъ въ австрійскій лагерь парламентера и, пока длились фиктивные переговоры, незамѣтнымъ образомъ высвободилъ свое войско изъ его опаснаго положенія. Араби тоже воображаетъ себя Наполеономъ и вѣроятно подражаетъ военнымъ хитростямъ этого знаменитаго полководца. Единственный отвѣтъ на подобную попытку долженъ быть слѣдующій: Переговаривайтесь съ нами если вамъ угодно; но въ это время сраженіе будетъ идти своимъ чередомъ, пока вы не подчинитесь нашимъ условіямъ.“ „Теперь намъ нельзя терять времени, говоритъ *Times*. Египетъ теперь обреченъ на періодъ анархіи, но въ его собственномъ интересѣ, въ нашемъ интересѣ и въ интересѣ всего міра, этотъ періодъ долженъ быть какъ можно короче. Своимъ послѣднимъ злодѣяніемъ Араби поставилъ себя внѣ сферы человѣчности. Его нужно преслѣдовать по пятамъ и войско его должно какъ можно скорѣе разсѣять.“ Со своей стороны и *Standard* твердитъ что „теперь уже не время выражать нелѣпое и мелочное уваженіе къ формальностямъ (an absurd and punctilious deference to

forms). Въ Египтѣ предстоитъ намъ совершить важное дѣло и чѣмъ скорѣе оно будетъ совершено тѣмъ лучше. Не можетъ быть и вопроса о томъ что объектомъ нашихъ стремленій долженъ быть Каиръ. Это не только самый важный городъ въ Египтѣ, это также самый полезный стратегическій пунктъ. Онъ командуетъ надъ цѣлою системой желѣзныхъ дорогъ, онъ служитъ ключемъ къ Нижнему Нилу и сверхъ всего этого онъ рѣшительно необходимъ для защиты канала. Изъ-подъ Каира идетъ та прѣсная вода которая одна даетъ возможность занять каналъ, и этотъ фактъ придаетъ Каиру несравненно бо́льшую важность чѣмъ та которую онъ имѣлъ въ то время когда Наполеонъ Бонапартъ не щадилъ никакихъ жертвъ для завладѣнія этимъ городомъ. Мы поэтому можемъ считать за вѣрное что Каиръ будетъ цѣлью нашего движенія.“

Дѣйствительно, г. Гладстонъ повидимому намѣренъ послѣдовать воинственнымъ совѣтамъ англійской печати. Въ Мальтѣ, въ Кипрѣ и въ Индіи заготовлено 40.000 войска, часть котораго уже находится на пути въ Египетъ. Одинъ корпусъ предназначенъ для преслѣдованія Араби-паши съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности занять и Каиръ; а другой корпусъ высадится, какъ слышно, у Портъ-Саида для охраны или вѣрнѣе для захвата Суэзскаго канала, на который такъ давно уже зарится Англія.

Всѣмъ еще памятно съ какимъ недоброжелательствомъ въ пятидесятыхъ годахъ Англія встрѣтила первую попытку г. Лессепса соединить посредствомъ канала Средиземное Море съ Чермнымъ. Лордъ Пальмерстонъ опасался, съ одной стороны, что съ открытіемъ ближайшаго пути въ Индію утратится значеніе англійской Капской колоніи, а съ другой, что каналъ будетъ находиться въ рукахъ Франціи, которая во всякое время будетъ имѣть возможность отрѣзать Англію отъ Индіи. Когда однако энергія г. Лессепса превозмогла надо всѣми поставленными ему Англійскимъ правительствомъ препятствіями и въ 1869 году послѣдовало открытіе канала, Англія принуждена была примириться съ этимъ совершившимся фактомъ и съ тѣхъ поръ непрерывно думала о томъ какъ бы не только устранить сопряженную съ нимъ для нея опасность, но и извлечь изъ него наибольшую для себя пользу. Съ этою цѣлью она, въ 1877 году, неожиданнымъ для всѣхъ образомъ, скупила почти всѣ акціи Общества Суэзскаго канала и сдѣлалась такимъ образомъ, въ финансовомъ отношеніи, полнымъ его хозяиномъ. Но этого очевидно для нея было мало; ей нужно было и военное господство надъ каналомъ. Теперь представился повидимому удобный случай для того чтобы привести въ исполненіе эту давнишнюю мечту англійской дипломатіи. Англійскія газеты уже открыто говорятъ что Англія *какъ наиболѣе заинтересованная держава* должна принять на себя охрану Суэзскаго канала; съ этою цѣлью предполагается выстроить двѣ крѣпости, одну на восточномъ берегу канала между Портъ-Саидомъ и Кантарой (одной изъ станцій канала), а другую на западномъ берегу, у подошвы горной цѣпи Генеффе.

Эти дѣйствія и намѣренія Англіи вполнѣ естественны и удивляться имъ нечего. Если что̀ удивительно, то развѣ равнодушіе съ которымъ, повидимому, остальныя державы къ нимъ относятся. Пока еще не слыхать чтобы которая-либо изъ нихъ сдѣлала запросъ Англійскому правительству о той оригинальной охранѣ которую оно замышляетъ для канала Одинъ старикъ Лессепсъ испугался за судьбу своего дѣтища и спросилъ англійскихъ министровъ, неужели они на самомъ дѣлѣ хотятъ поставить каналъ подъ охрану своихъ крѣпостныхъ орудій. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ передаетъ *Кельнская Газета*, былъ весьма утѣшителенъ: каналъ де будетъ открытъ для свободнаго плаванія судовъ всѣхъ національностей!

Если остальныя державы не препятствуютъ Англіи „блюсти свои интересы,“ то нельзя сказать чтобъ они безусловно одобряли ея своекорыстную политику. Когда сэръ-Чарлзъ Дилкъ заявилъ публично въ палатѣ общинъ что Германія и Австро-Венгрія нашли образъ дѣйствій Англіи предъ Александріей вполнѣ законнымъ, то германская и австро-венгерская печать прямо заявили что это неправда и что Англія, приступивъ къ военнымъ дѣйствіямъ, вышла на свой страхъ изъ европейскаго концерта. Впрочемъ, Англія готова, по словамъ какъ министровъ такъ и газетъ, вполнѣ подчиниться рѣшеніямъ Константинопольской конференціи для возстановленія status quo ante въ Египтѣ; ей въ сущности все равно кто будетъ сидѣть правителемъ въ Каирѣ, лишь бы только ей былъ

предоставленъ въ полное владѣніе Суэзскій каналъ, вопросъ о которомъ она предварительно позаботилась устранить изъ области дѣйствій конференціи.

Итакъ, новый Гибралтаръ воздвигнется на берегахъ Суэзскаго канала... Такимъ образомъ и входъ и выходъ Средиземнаго Моря будетъ подъ пушками Англіи.

Египетскій вопросъ самъ по себѣ до сихъ поръ мало касался насъ, Русскихъ. Для насъ было почти безразлично кто правилъ Египтомъ: Тевфикъ, Араби-паша, султанъ, или англо-французская финансовая коммиссія. Но коль скоро Египетскій вопросъ становится *вопросомъ Суэзскимъ*, онъ столько же касается Россіи какъ и Англіи съ Франціей. Можемъ ли мы равнодушно допустить чтобъ этимъ міровымъ путемъ владѣла Англія потому только что это „соотвѣтствуетъ ея интересамъ?“

Нашимъ интересамъ соотвѣтствовало въ 1878 году занятіе Константинополя, и мы въ угоду Англіи пожертвовали своими интересами...

№ 192.

Москва, 12-го іюля.

По своей программѣ, Торгово-Промышленный Съѣздъ въ Москвѣ долженъ высказаться, между прочимъ, по вопросу объ упроченіи нашего вексельнаго курса. Этотъ вопросъ близко касается интересовъ торгово-промышленнаго міра. Условія въ какихъ находится русское производство не позволяютъ ему пока развиться въ желательныхъ размѣрахъ, и понуждаютъ страну выписывать изъ-за границы громадныя массы товаровъ какіе съ полнымъ успѣхомъ могли бы производиться у себя дома. При такомъ порядкѣ иностранное производство процвѣтаетъ на счетъ русскаго, иностранные торговцы, предприниматели и рабочіе получаютъ въ свою пользу выгоды которыя, при иныхъ условіяхъ, доставались бы русскому трудящемуся люду. Но этимъ дѣло не ограничивается. Выписывая товары которые могли бы мы производить сами, мы, безъ крайней въ томъ необходимости, увеличиваемъ на сотни милліоновъ наши ежегодные платежи иностранцамъ, и вслѣдствіе того нашъ международный разчетъ оказывается постоянно для насъ невыгоднымъ, что неизбѣжно отражается на курсахъ. Не выписывай мы изъ-за границы продуктовъ которые могутъ изготовляться въ самой Россіи, стоимость нашего отпуска съ избыткомъ покрывала бы всѣ необходимые заграничные платежи и по государственнымъ, и общественнымъ долгамъ, и по разнымъ заграничнымъ расходамъ, и по выпискѣ тѣхъ товаровъ которые, по естественнымъ условіямъ, не могутъ быть съ успѣхомъ производимы у себя и привозъ коихъ, поэтому, оказывается необходимымъ. Постоянный переводъ громадныхъ денежныхъ суммъ изъ Россіи за границу замѣнился бы столь же постояннымъ переводомъ денегъ изъ-за границы въ Россію. Нужно ли объяснять какъ отозвалось бы это на вексельныхъ курсахъ, когда и при всякомъ временномъ усиленіи денежныхъ переводовъ изъ-за границы въ Россію, какое наступаетъ, напримѣръ, при заключеніи заграничныхъ займовъ, вексельные курсы обыкновенно идутъ въ гору и становятся тверже?

Развить внутреннее производство настолько чтобъ устранить надобность въ привозѣ огромной массы продуктовъ, вотъ прямой путь къ рѣшенію вопроса объ исправленіи нашей валюты. Но многимъ у насъ было бы болѣе по сердцу чтобы Россія сдѣлала серіозную попытку поднять курсы и возстановить у себя металлическое денежное обращеніе помощію единственно финансовыхъ мѣръ. Пусть Россія заключитъ громадные займы на изъятіе кредитныхъ билетовъ, пусть помощію такихъ же займовъ соберетъ она себѣ большой металлическій фондъ достаточный для открытія размѣна бумажныхъ денегъ на звонкую монету. Пусть эти займы лягутъ на государственный бюджетъ и потребуютъ новыхъ налоговъ которые, обременивъ трудящіеся классы народа, поднимутъ стоимость производимыхъ ими продуктовъ. Пусть сокращеніе бумажнаго денежнаго обращенія затруднитъ всѣ обороты на внутреннихъ рынкахъ и сбытъ продуктовъ русскаго производства, и пусть, въ дополненіе ко всему этому, подъемъ валюты и возстановленіе размѣна будетъ общимъ пониженіемъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ въ томъ самомъ размѣрѣ въ какомъ онѣ повысились въ моментъ когда было установлено взимать ихъ не кредитными рублями, а золотомъ. Общій упадокъ существующихъ производствъ, тяжкій кризисъ который пришлось бы пере-

живать всѣмъ промышленнымъ классамъ при подъемѣ налоговъ вслѣдствіе большаго увеличенія государственнаго долга, со всѣмъ этимъ многіе у насъ готовы помириться лишь бы было достигнуто исправленіе денежной системы. Но есть ли гарантія въ томъ что купленный такою цѣной результатъ будетъ проченъ? Достигнутое путемъ подрыва внутренняго производства, возстановленіе валюты вызоветъ еще бо̀льшій чѣмъ нынѣ привозъ въ Россію иностранныхъ товаровъ; для уплаты за нихъ потребуются еще бо̀льшія чѣмъ нынѣ суммы, еще бо̀льшій чѣмъ нынѣ отливъ за границу звонкой монеты. Если въ прошломъ году этотъ отливъ дошелъ до 60 милліоновъ, если въ немногіе мѣсяцы текущаго года онъ уже превысилъ 25 милліоновъ, то до какихъ размѣровъ можетъ онъ дойти въ случаѣ возстановленія размѣна помощію вышеуказанныхъ финансовыхъ мѣръ? Какой размѣнный металлическій фондъ выдержитъ размѣнъ при подобной потребности въ звонкой монетѣ для отправки за границу? Дорого сто̀ящій опытъ исправленія денежнаго обращенія чисто финансовыми мѣрами можетъ завершиться лишь пріостановкой размѣна и возвратомъ къ тому положенію изъ котораго хотѣли выйти, но при усовіяхъ уже гораздо худшихъ чѣмъ нынѣшнія.

Иное дѣло идти къ исправленію денежной валюты путемъ развитія внутренняго производства. Конечно, это путь довольно медленный, но за то вѣрный. Развитіе внутренняго производства, сокращающее привозъ иностранныхъ товаровъ, устранитъ главное препятствіе къ возстановленію размѣна уменьшивъ потребность въ золотѣ для безостановочной отправки его за границу.

Но возможно ли такое сокращеніе иностраннаго привоза которое серіозно наклонило бы международный разчетный балансъ въ нашу сторону и избавило бы насъ отъ ежегодныхъ денежныхъ переводовъ за границу? Просмотрите ежегодно публикуемые отчеты о томъ *какіе* товары къ намъ ввозятся, и вы убѣдитесь что замѣна огромной массы привозимыхъ къ намъ товаровъ продуктами внутренняго производства вовсе не такъ трудна какъ можетъ казаться. Остановимся на немногихъ примѣрахъ.

Какая самая главная статья въ ряду привозимыхъ къ намъ товаровъ? Металлы и разныя изъ нихъ издѣлія. Въ одномъ 1880 году, по этой отрасли производства, мы заплатили иностранцамъ:

За металлы не въ дѣлѣ	61.734.784 р.
„ металическія издѣлія	18.914.243 „
„ машины и аппараты	67.419.980 „
Итого	148.069.007 р.

Многіе ли изъ этихъ привозныхъ товаровъ не могутъ быть изготовлены дома? Какъ показала нынѣшняя Выставка, даже бо̀льшая часть машинъ могутъ быть успѣшно изготовляемы въ самой Россіи, о производствѣ же прочихъ металлическихъ издѣлій и просто металловъ не можетъ быть и вопроса. Измѣните только условія въ какихъ находится наша металлическая промышленность, и она въ скоромъ времени будетъ давать странѣ большую массу тѣхъ металловъ, издѣлій изъ нихъ и машинъ за которые уплачивается нынѣ иностранцамъ по 150 милліоновъ къ годъ. Установите серіозныя покровительныя пошлины для всѣхъ отраслей металлическаго дѣла, и оно пойдетъ впередъ быстрыми шагами. Для развитія его нѣтъ недостатка ни въ матеріалахъ, ни въ людяхъ для ихъ переработки. Сдѣлайте только для иныхъ металлическое дѣло выгоднымъ, привлеките къ нему капиталы перспективой этихъ выгодъ. А дѣло сто̀итъ того чтобы заняться имъ серіозно. Избавить Россію отъ ежегоднаго платежа иностранцамъ свыше ста милліоновъ рублей, что̀ можетъ быть важнѣе въ видахъ улучшенія нашего баланса и зависящаго отъ него подъема нашей валюты? Гарантировать русскому производству ежегодные заказы, сверхъ нынѣшнихъ, еще на сто и болѣе милліоновъ въ годъ,—какое многообѣщающее поощреніе народнаго труда, какое могучее средство къ подъему благосостоянія въ многочисленной средѣ рабочаго населенія!

Отъ металлическаго производства перейдемъ къ химическому. Нуженъ ли намъ дѣйствительно привозъ иностранныхъ красокъ и другихъ химическихъ продуктовъ ежегодно на сумму 35—40 милліоновъ рублей? Пока нуженъ, потому что наше собственное красильное и химическое производство едва держится. Но такое положеніе его вовсе не результатъ естественныхъ условій нашей страны. Напротивъ, Россія имѣетъ всѣ уловія къ тому чтобъ изготовлять у себя дома бо̀льшую часть, почти всю массу нужныхъ ей красокъ и химическихъ продуктовъ. Есть и матеріа-

лы, есть и химики. Не достаетъ только таможеннаго покровительства, которое привлекло бы къ химическому производству необходимые капиталы и дало бы возможность небезвыгодно приложить къ нему свой трудъ какъ ученымъ техникамъ, такъ и простымъ рабочимъ. Правда, при недавнемъ измѣненіи таможеннаго тарифа, пошлины съ нѣкоторыхъ привозныхъ химическихъ продуктовъ были повышены, но въ такомъ ли размѣрѣ въ какомъ это нужно для подъема нашей химической промышленности? Возьмите для примѣра производство соды. Достаточна ли для надлежащаго его развитія новоназначенная пошлина въ 15 коп. съ пуда, вмѣсто прежнихъ 11 копѣекъ? При такой ли пошлинѣ создавалось и упрочивалось содовое производство въ другихъ странахъ, напримѣръ во Франціи? Нѣтъ, тамъ до 1860 года привозная сода оплачивалась пошлиной въ 1 р. 25 коп. съ пуда, и лишь когда внутреннее производство ея прочно утвердилось были допущены послѣдовательныя пониженія тарифа.

Нуженъ ли намъ, далѣе, привозъ иностранной шерсти ежегодно на 20—30 милліоновъ? Развѣ русскія степныя области не представляютъ всѣхъ данныхъ для развитія овцеводства въ какихъ угодно размѣрахъ? Наше мериносовое овцеводство, правда, пришло въ упадокъ вслѣдствіе отказа въ томъ покровительствѣ котораго оно напрасно домогалось. Но дѣло, полагаемъ, еще можетъ быть исправлено. То же что̀ о шерсти можетъ быть сказано и о шелкѣ. Еще менѣе чѣмъ въ привозныхъ шелкѣ и шерсти можемъ мы нуждаться въ привозныхъ кожахъ. Кожевенное производство у насъ одно изъ самыхъ старинныхъ; русскія кожи славились во всей Европѣ. А нынѣ кожи составляютъ одну изъ важныхъ статей привоза въ Россію, преимущественно изъ Германіи. Но мы долго не кончили бы еслибы стали перечислять всѣ товары которые занимаютъ большое мѣсто въ нашемъ привозѣ не въ силу естественнаго недостатка въ нихъ у насъ, а единственно вслѣдствіе малой заботы о развитіи въ Россіи многихъ производствъ которыя могли бы обогащать ея населеніе, но остаются въ застоѣ. Этимъ застоемъ мы обязаны главнымъ образомъ тому увлеченію фритредерскою доктриной которое началось у насъ съ пятидесятыхъ годовъ. Мы заплатили ему дань наравнѣ со многими другими государствами. Но давно уже настала пора отрезвиться въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ.

„Либеральный“ тарифъ 1857 года повелъ у насъ и къ подрыву внутренняго производства, и къ потрясенію нашей валюты, и къ установленію надъ Россіей тяжкой экономической и финансовой опеки иностранцевъ. Тарифъ серіозно направленный къ развитію внутренняго производства можетъ исправить зло причиненное сдѣланными ошибками; онъ поведетъ къ постепенному упроченію нашего денежнаго обращенія и поможетъ Россіи выйти изъ тягостной зависимости отъ иностранцевъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

№ 193.

Москва, 13-го іюля.

Событія въ Египтѣ развиваются не дожидаясь рѣшеній Константинопольской конференціи, отодвинутой было на задній планъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ Англіи, а потомъ будто бы возстановившей свой авторитетъ въ дѣлѣ, такъ что и Турція согласилась наконецъ принять въ ней участіе. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Египта, Араби-паша, не смутившись нисколько тѣмъ что калифъ и верховный вождь мусульманъ офиціально выступилъ противъ него, изъявивъ согласіе принять на себя возстановленіе порядка въ Египтѣ и законной власти хедива, открыто заявилъ себя мятежникомъ противъ этой власти. Онъ издалъ прокламацію въ которой обвиняетъ хедива въ сообщничествѣ съ „непримиримыми врагами Египта“ Англичанами и, объявляя страну на военномъ положеніи, требуетъ безусловнаго себѣ повиновенія. Въ свою очередь, хедивъ издалъ декретъ коимъ Араби-паша отрѣшается отъ должности и объявляется мятежникомъ; арміи воспрещается слушаться его приказаній, а народу платить потребованные имъ налоги. Въ телеграммѣ увѣдомляющей объ этомъ прибавлена замѣчательная подробность, доказывающая что въ Константинополѣ до сихъ поръ продолжаютъ играть въ двойную игру, не смотря на офиціальное присоединеніе Порты къ конференціи. Пакетботъ, сказано въ телеграммѣ, прибывшій изъ Константинополя въ Александрію, задержанъ вла-

стями (конечно не египетскими, а англійскими) по подозрѣнію въ томъ что имъ привезены письма для Араби-паши. 10 іюля была первая стычка между войсками Араби-паши и Англичанами. 250 англійскихъ *стрѣлковъ*,—изъ чего слѣдуетъ заключить что англійскія сухопутныя войска уже имѣются на мѣстѣ,—подвинулись впередъ отъ Михаллы на шесть миль съ цѣлью разрушить желѣзную дорогу, и встрѣтили отрядъ кавалеріи Араби-паши, который они обратили будто бы въ бѣгство, но и сами отступили „окончивъ данное имъ порученіе." Англичане занимаютъ Абукиръ и собираются занять Рамле.

Изо всего этого видно что дѣло, которое началось послѣ перваго снаряда брошеннаго англійскимъ броненосцемъ въ Александрію, подвигается впередъ такъ-сказать собственною тяжестью. Разъ ступивъ на путь дѣйствія, Англія уже не можетъ остановиться, и послѣднее заявленіе ея что она отнюдь не отдѣлилась отъ европейскаго концерта, что бомбардированіе Александріи ничего въ этомъ отношеніи не измѣнило и что дальнѣйшее дѣйствіе противъ Араби-паши и попытка спасти Каиръ отъ грозящаго ему разоренія выходятъ уже за предѣлы программы которую поставила себѣ Англія рѣшившись на бомбардированіе Александріи,—это заявленіе, высказанное на дняхъ сэръ-Чарлзомъ Дилкомъ въ Британскомъ парламентѣ, оказывается пустымъ словомъ, хотя изъ этого отнюдь не слѣдуетъ что англійскій министръ говорилъ не то что думалъ. Берлинскія газеты еще два мѣсяца тому назадъ, въ то время когда къ берегамъ Египта приближался съ угрозами англійскій флотъ, замѣчали что вступить на почву Египта будетъ не трудно, но легко ли будетъ оттуда выбраться съ честью? прибавляли онѣ съ ироніей. Франція въ свою очередь торопится, и отрядила уже „экспедиціонный корпусъ" въ Египетъ, коего авангардъ въ 5.000 человѣкъ имѣетъ быть немедленно посаженъ на суда въ Тулонѣ, какъ гласитъ телеграмма отъ 22 (10) іюля. Но пока Французы прибудутъ въ Египетъ, англійскія войска, уже находящіяся на мѣстѣ, волей-неволей будутъ дѣйствовать, и если имъ удастся нанести ударъ полчищамъ Араби-паши и занять значительную часть страны, то такъ ли легко будетъ побудить ихъ выдать изъ рукъ или подѣлиться уже захваченною добычей? Не придется ли Французамъ поссориться со своими вчерашними союзниками и вытѣснять ихъ изъ позиціи? Но возможно и другое: англійскія войска могутъ потерпѣть и пораженіе отъ Араби-паши. Захочетъ ли Франція спасать честь англійскаго знамени и допуститъ ли она Англичанъ развернуть свои силы насколько необходимо дабы изгладить позоръ понесеннаго пораженія, если таковое ихъ постигнетъ? А остальныя державы? Останутся ли онѣ равнодушными зрителями англо-французской расправы въ Египтѣ, расправы которая во всякомъ случаѣ есть событіе „непредусмотрѣнное," такъ какъ Константинопольская конференція имѣла въ виду прежде всего поручить эту расправу Турціи?

Такимъ образомъ, очевидно что египетское дѣло ускользаетъ изъ рукъ официальной дипломатіи и что можно ожидать наступленія такихъ событій при коихъ каждая изъ державъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ (а какая въ немъ не заинтересована?) должна быть наготовѣ чтобъ оградить свою выгоду собственными средствами, помимо той фикціи европейскаго концерта которая придумана лишь для прикрытія европейской дисгармоніи и имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ пока слова не смѣнились дѣломъ.

О томъ какъ намѣрена поступить Германія мы имѣли на дняхъ указаніе въ офиціозной замѣткѣ появившейся 17 іюля въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, содержаніе которой было передано по телеграфу. Такого рода „откровенности" со стороны Германскаго правительства, особливо когда рѣчь идетъ объ его намѣреніяхъ въ будущемъ, явленіе не совсѣмъ обыкновенное. Тѣмъ не менѣе, весьма было интересно услышать и на этотъ разъ что Германія въ сущности весьма мало заинтересована въ дѣлахъ Востока чтобъ изъ-за нихъ портить свои отношенія къ которой-либо изъ державъ ближе поставленныхъ къ дѣлу, „хотя бы между послѣдними и не было согласія." На этомъ основаніи офиціозная замѣтка порицаетъ тѣ органы нѣмецкой печати кои дозволили себѣ рѣзкія сужденія объ образѣ дѣйствій Англіи. Германское правительство отнюдь де не солидарно съ этими сужденіями печати и воздержалось отъ выраженія какого бы то ни было сужденія, тѣмъ болѣе что его объ этомъ никто не спрашивалъ. Таковъ смыслъ заявленія пря-

мо доставленнаго въ офиціозную газету изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, каковыя замѣтки всегда печатаются особымъ шрифтомъ.

Но за два дня до того, въ *Кельнской Газетѣ* появилась корреспонденція изъ Берлина, содержаніе которой совпадаетъ съ упомянутымъ правительственнымъ сообщеніемъ, и не можетъ быть сомнѣнія что корреспонденція эта вышла изъ того же источника. Но корреспондентъ „независимой“ газеты выражается гораздо развязнѣе, и потому очень любопытны тѣ мѣста гдѣ досказываются недомолвки офиціальнаго сообщенія. Корреспондентъ также упрекаетъ печать за то что она поторопилась высказать свои рѣзкія сужденія объ образѣ дѣйствій Англіи. Нѣтъ де надобности возбуждать въ Европѣ тревогу сужденіями могущими навести на мысль что Германія порицаетъ то или иное дѣйствіе иностранной державы; знаменитое изреченіе князя Бисмарка что изъ-за восточныхъ дѣлъ онъ не рискнетъ костями хотя бы одного померанскаго мушкатера вполнѣ де примѣнимо и въ настоящую пору. Сдержанность Германіи, изъ которой ей нѣтъ надобности выходить пока не созрѣли событія, есть де только признакъ сознанія своего могущества. Лишь при этомъ условіи она сохранитъ возможность *сказать въ данную минуту свое рѣшительное слово*. А пока Германія можетъ де довольствоваться тѣмъ что ея интересы въ Египтѣ ограждаются тѣмъ самымъ что̀ служитъ къ огражденію интересовъ Франціи.

Программа намѣчена такимъ образомъ довольно ясно: Англія одна не подчиняется вліянію Германіи, и потому успѣхи Англіи равносильны умаленію интересовъ Германіи; это и сказалось въ громкихъ и единодушныхъ возгласахъ германской печати по поводу бомбардированія Александріи. Но печать поступила въ этомъ случаѣ неосторожно. Германіи нѣтъ никакой надобности выступать открыто противъ Англіи и предпринимать какое-либо прямое дѣйствіе въ Египтѣ. Франція – прямая соперница Англіи въ Египтѣ, и то что будетъ сдѣлано Франціей дабы парализовать англійскія стремленія на берегахъ Нила пойдетъ въ прокъ и Германіи. Послѣдняя сохранитъ за собою роль безпристрастнаго посредника, честнаго маклера, на словахъ; въ дѣйствительности же, она выждетъ критическую минуту, и тогда явится судьей въ дѣлѣ, которое будетъ рѣшено конечно сообразно съ интересомъ ея, а не Франціи.

Что Австрія входитъ во всѣ эти виды германскаго канцлера, ясно нынѣ всѣми подразумѣвается. Но, спрашивается, неужели для германскихъ политиковъ столь же несомнѣнно предположеніе о солидарности Россіи съ указанной програмой? Повидимому такъ, ибо имя Россіи какъ бы вычеркнуто изъ списка державъ имѣющихъ *свои* интересы въ дѣлѣ поглотившемъ нынѣ все вниманіе Европы. О ней, и о ней одной, никто не упоминаетъ...

№ 194.

Москва, 14-го іюля.

По вопросу о мѣрахъ къ увеличенію выплавки чугуна въ Россіи, отдѣленіе Торгово-Промышленнаго Съѣзда занимавшееся обсужденіемъ этого предмета пришло къ единогласному рѣшенію ходатайствовать о назначеніи на привозный чугунъ таможенной пошлины въ размѣрѣ 25 металлическихъ копѣекъ съ пуда. Въ сущности, это есть повтореніе того же ходатайства съ которымъ обращались къ правительству наши горнозаводчики болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ. Тогда это ходатайство не было уважено; слишкомъ громко раздавались голоса противъ его удовлетворенія. Шли эти голоса преимущественно отъ заводчиковъ изготовляющихъ, по правительственнымъ заказамъ, рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности изъ привозныхъ металловъ. Надо полагать что эти сильные голоса не замедлятъ подняться и теперь. Но есть ли достаточное основаніе, въ угоду имъ, отклонить и нынѣ мѣру необходимую для развитія русскаго металлическаго производства?

Интересы этого производства долгое время были отодвигаемы на задній планъ. Въ теченіе десятилѣтій, впереди заботъ о русской металлургіи стояли иныя заботы. Требовалось построить во что̀ бы то ни стало обширную желѣзнодорожную сѣть, и нельзя было отсрочивать ея сооруженіе до тѣхъ поръ когда наша желѣзная промышленность развилась бы въ такихъ размѣрахъ что постройка рельсовыхъ путей не требовала бы ни одного пуда при-

вознаго желѣза. Конечно, была возможность согласить въ извѣстной степени одинъ интересъ съ другимъ и, не отвергая привозныхъ металловъ, дать ходъ и своимъ. Но забота одна совсѣмъ заслонила другую. Необходимость заставила однако вспомнить о желѣзномъ производствѣ. Можно было настроить болѣе двадцати тысячъ верстъ изъ иностраннаго желѣза; но нельзя было помириться съ тѣмъ что ремонтъ построенныхъ дорогъ оказался также невозможнымъ безъ привоза изъ-за границы какъ рельсовъ, такъ и другихъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. При такомъ условіи, въ случаѣ продолжительной войны, наша рельсовая сѣть могла бы остаться безъ ремонта и придти въ негодность именно въ ту пору когда ея услуги сдѣлались бы особенно необходимыми. Опасность такой печальной перспективы сдѣлала очевидною необходимость поднять наше металлическое производство настолько чтобъ оно могло удовлетворять потребностямъ желѣзныхъ дорогъ. Правительство ничего не щадило, не останавливалось ни предъ какими затратами лишь была бы построена необходимая государству желѣзнодорожная сѣть; оно не могло остановиться и предъ затратами необходимыми для обезпеченія будущности этой дорого обошедшейся сѣти. Оно рѣшилось создать отечественное производство желѣзнодорожныхъ принадлежностей чего бы это ни стоило. Былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ изготовлять рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности изъ *отечественныхъ* матеріаловъ; этимъ желающимъ были даны громадные правительственные заказы по исключительно высокимъ цѣнамъ и крупныя денежныя преміи за производство. Заказы были разобраны, заводы для изготовленія желѣзнодорожныхъ принадлежностей не замедлили возникнуть. Оказалась полная возможность изготовлять дома все въ чемъ нуждаются желѣзныя дороги, отъ рельсовъ до вагоновъ и паровозовъ. Привозъ заграничныхъ рельсовъ нынѣ почти прекратился; паровозы на нѣкоторыхъ заводахъ стали изготовляться въ количествѣ чуть ли не превышающемъ спросъ на нихъ. Но основное условіе производства желѣзнодорожныхъ принадлежностей — изготовленіе ихъ изъ *отечественныхъ* матеріаловъ — соблюдено не было. Изготовляются всѣ эти принадлежности почти сполна изъ привознаго металла. Стóитъ прекратиться этому привозу, напримѣръ, въ случаѣ войны, и заводы изготовляющіе рельсы и прочія желѣзнодорожныя принадлежности должны будутъ пріостановить свою дѣятельность, причемъ желѣзнодорожная сѣть окажется столь же мало обезпеченною по части ремонта какъ еслибъ этихъ заводовъ вовсе не было, какъ еслибы правительство не затрачивало многихъ десятковъ милліоновъ рублей на созданіе рельсоваго и механическаго производства. Такая весьма возможная случайность перестанетъ грозить намъ лишь въ томъ случаѣ если всѣ наши рельсовые и механическіе заводы будетъ работать на чугунѣ внутренняго производства, то-есть когда выплавка чугуна разовьется въ размѣрахъ достаточныхъ для удовлетворенія всей внутренней въ немъ потребности.

Для развитія чугунноплавильнаго дѣла не требуется отъ государства такихъ жертвъ какія были сдѣланы въ видахъ созданія рельсовыхъ заводовъ. Не требуется ни правительственныхъ заказовъ, ни денежныхъ премій; нужно только наложеніе на привозный чугунъ пошлины, которая пойдетъ на увеличеніе государственнаго дохода. Этой пошлины, утверждаютъ спеціалисты горнаго дѣла, будетъ достаточно чтобы привлечь къ нему солидные капиталы и довести производство чугуна до широкихъ размѣровъ, при которыхъ надобности въ привозномъ чугунѣ вовсе не будетъ, и цѣны на чугунъ начнутъ понижаться подъ дѣйствіемъ одной внутренней конкурренціи. Интересы рабочихъ которые найдутъ новые хорошіе заработки, уменьшеніе перевода денегъ за границу для уплаты за иностранные металлы, обезпеченіе будущности нашихъ желѣзныхъ дорогъ отъ тѣхъ случайностей какія могли бы возникнуть при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, все это въ совокупности требуетъ чтобы просимая пошлина на чугунъ была наложена безотлагательно. Можно ли при такихъ обстоятельствахъ отказаться отъ наложенія этой пошлины потому что она не нравится нѣсколькимъ заводчикамъ работающимъ на иностранномъ чугунѣ, нѣсколькимъ крупнымъ подрядчикамъ взявшимся изготовлять рельсы и другія желѣзнодорожныя принадлежности изъ отечественныхъ матеріаловъ и не исполняющимъ этого условія? Главную массу правительственныхъ заказовъ на рель-

сы и другія желѣзнодорожныя принадлежности, какъ извѣстно, разобрали заводы основавшіеся въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рудныхъ и каменноугольныхъ залежей. Трудность подвоза русскихъ матеріаловъ была очевидна для заводчиковъ при самомъ основаніи ими заводовъ, при самомъ пріемѣ ими правительственныхъ заказовъ. Тѣмъ не менѣе они приняли на себя обязательство исполнять заказы изъ отечественныхъ матеріаловъ. Ясно что при самомъ пріемѣ заказовъ эти заводчики прямо разчитывали никогда не исполнять принятаго обязательства. Они его и не исполняли донынѣ. Но значитъ ли это что они не должны его исполнять впредь, и что само правительство должно поощрять ихъ въ нарушеніи заключеннаго съ ними условія? Предлогомъ къ неисполненію заводчиками упомянутаго условія была невозможность получить русскій чугунъ въ требуемомъ количествѣ. Пошлина на чугунъ, достаточная для того чтобы развить у насъ чугуноплавильное дѣло, устранитъ этотъ предлогъ. Какое серіозное соображеніе можетъ быть приведено противъ его устраненія?

При наложеніи пошлины на чугунъ стоимость матеріала перерабатываемаго упомянутыми заводчиками, конечно, возвысится. Но въ огражденіе себя отъ ущерба какимъ можетъ сопровождаться такое возвышеніе, заводчики могутъ просить о соотвѣтственномъ подъемѣ цѣнъ на заводскія издѣлія. Наложеніе пошлины на чугунъ естественно должно сопровождаться соразмѣрнымъ повышеніемъ пошлинъ и на желѣзо, и на сталь, и на всякія изъ нихъ издѣлія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ повода не уважать интересовъ петербургскихъ и другихъ находящихся въ сходныхъ съ ними условіяхъ рельсовыхъ и механическихъ заводовъ. Но не тутъ коренится причина ихъ противодѣйствія мѣрамъ нужнымъ для развитія нашего горнаго дѣла. Ихъ страшитъ не иностранная конкурренція, отъ которой ихъ оградить не трудно, а внутренняя, отъ которой огражденіе не можетъ быть допущено. Съ развитіемъ чугуноплавильнаго дѣла, и рельсовые и иные механическіе заводы появятся въ мѣстностяхъ близкихъ къ мѣстамъ добыванія чугуна и каменнаго угля, и конкуррировать съ такими заводами будетъ конечно трудно. Но странно было бы воздерживаться отъ мѣры которая вызоветъ учрежденіе заводовъ тамъ гдѣ имъ слѣдуетъ быть по естественнымъ условіямъ, ради поддержанія заводовъ тамъ гдѣ имъ вовсе не слѣдовало возникать.

Впрочемъ, и интересы сихъ послѣднихъ въ достаточной мѣрѣ приняты во вниманіе на Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ. Ходатайствуя объ установленіи 25-копѣечной пошлины на привозный чугунъ на пятнадцатилѣтній срокъ, большинство членовъ Съѣзда признало вмѣстѣ съ тѣмъ возможность допустить временную льготу для заводовъ привыкшихъ работать на привозномъ чугунѣ. Именно, заводамъ передѣлывающимъ иностранный чугунъ и фабрикующимъ желѣзнодорожныя принадлежности подъ покровительствомъ правительства и на правительственныя средства предлагается предоставить право пользоваться иностраннымъ чугуномъ на льготныхъ условіяхъ, срокомъ не болѣе трехъ лѣтъ со дня увеличенія пошлины на ввозный чугунъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено ходатайствовать о немедленномъ прекращеніи дальнѣйшихъ правительственныхъ заказовъ на существовавшихъ донынѣ условіяхъ, какъ препятствующихъ свободной конкурренціи. Можно надѣяться что это послѣднее ходатайство не встрѣтитъ возраженій ни съ чьей стороны.

№ 195.

Москва, 15-го іюля.

Послѣднія заявленія г. Гладстона въ Британскомъ парламентѣ, равно какъ и разсужденія вліятельнѣйшихъ органовъ англійской печати, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что Англія рѣшилась идти до конца въ предпринятомъ ею дѣлѣ, завладѣть Египтомъ и создать для себя новый Гибралтаръ на другомъ концѣ Средиземнаго моря, хотя бы для этого ей пришлось стать „мятежникомъ“ противъ европейскаго ареопага. Ближайшее будущее покажетъ въ какую сторону повернутъ событія вслѣдствіе такой открыто высказанной рѣшимости Англіи. Не даромъ нѣмецкія и австрійскія газеты уже теперь сбавили свой самоувѣренный тонъ и начинаютъ высказываться совсѣмъ иначе, чѣмъ недѣлю передъ этимъ, когда *Кельнская Газета*, напримѣръ, доказывала что послѣднее и рѣшительное слово

въ египетскомъ дѣлѣ произнесетъ Германія, и что она сумѣетъ заставить и Англію отказаться отъ своихъ захватовъ, подобно тому какъ Россія вынуждена была разорвать свой Санъ-Стефанскій договоръ. Теперь, напротивъ, начинаетъ проглядывать опасеніе, не посмѣялась ли Англія надъ европейскимъ концертомъ и не было ли ловкимъ маневромъ съ ея стороны, дабы выиграть время, ея заявленіе что бомбардированіе Александріи и занятіе этой гавани нисколько не измѣнило положеніе дѣла и что она попрежнему признаетъ конференцію державъ верховнымъ рѣшителемъ судебъ Египта. Даже противъ Франціи высказывается подозрѣніе, не вступила ли она съ Англіей въ тайное соглашеніе противъ державъ засѣдающихъ на конференціи съ искреннимъ убѣжденіемъ и намѣреніемъ противопоставить совершившимся фактамъ дипломатическія преграды. Едва ли однако правительство г. Фрейсине заслужило честь подобнаго подозрѣнія. Французская палата все еще продолжаетъ свои „пренія о кредитѣ" на египетскую экспедицію; французскія войска, подобно жандармамъ въ извѣстной опереткѣ Оффенбаха, все еще двигаются, но не двинулись въ походъ, а французскій флотъ, прибывшій вмѣстѣ съ англійскимъ и простоявшій предъ Александріей два мѣсяца, развелъ пары и ушелъ подальше какъ только началось бомбардированіе.

Заявленіе сдѣланное г. Гладстономъ въ парламентѣ, при сообщеніи королевскаго посланія объ усиленіи арміи и призывѣ резервовъ, съ совершенною ясностью указываетъ на рѣшенія, принятыя англійскимъ кабинетомъ, который очевидно почувствовалъ себя болѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ послѣ выхода изъ него г. Брайта. Султанъ, коему конференція поручила возстановленіе порядка въ Египтѣ, пропустилъ для этого, по словамъ г. Гладстона, удобный случай, и на его войска полагаться нельзя. „Если державы," сказалъ онъ далѣе, „не намѣрены принять участіе во вмѣшательствѣ, или не расположены дать извѣстнымъ державамъ полномочія, то Англія сдѣлаетъ это на свой страхъ. Г. Гладстонъ выразился болѣе дипломатично: онъ сказалъ что Англія обладаетъ на это „нравственнымъ согласіемъ Европы" и разчитываетъ главнымъ образомъ на Францію. Но она обойдется де, въ случаѣ надобности, безъ того и другаго и одна возьметъ на себя „защиту Суэзскаго канала", будучи увѣрена что дѣйствія Англіи, т.-е. такія дѣйствія, которыя будутъ ею предприняты *вопреки* Европѣ, будутъ впослѣдствіи „одобрены державами." Г. Гладстонъ не вѣритъ въ Европу, и очень мало боится дипломатическихъ угрозъ и, разъ ступивъ на путь рѣшительныхъ дѣйствій, онъ считаетъ необходимымъ прежде всего не связывать себѣ рукъ и отложить разчеты съ посторонними зрителями борьбы до болѣе удобнаго времени, а именно до того момента когда *дѣло* будетъ вполнѣ окончено. „Защита Суэзскаго канала," о которой говоритъ г. Гладстонъ какъ о задачѣ которую поставила себѣ Англія, есть не что иное какъ изворотливая фраза. Безъ Суэзскаго канала Египетъ не имѣлъ бы той великой цѣны которую эта страна получила теперь. Но и обладаніе Суэзскимъ каналомъ немыслимо безъ Египта. Въ Англіи этого отнюдь не скрываютъ. „Въ послѣднее время," замѣчаетъ газета *Standard*, „много толковали о дипломатическихъ различеніяхъ между огражденіемъ канала посредствомъ занятія самаго канала, и обезопасеніемъ канала посредствомъ занятія Египта. На военный взглядъ это одно и то же. Нѣтъ иного способа военнымъ путемъ защитить каналъ какъ захвативъ и удержавъ за собою его входы; а входы эти суть два главные города Египта, Каиръ и Загазисъ. Александрія уже въ нашихъ рукахъ и нелегко понять какимъ образомъ овладѣвъ Александріей, Каиромъ, Загазисомъ, Портъ-Саидомъ и Суэзомъ, мы все еще будемъ поддерживать вѣжливую фикцію будто мы не занимаемъ Египта." Газета *Times* идетъ еще далѣе: она указываетъ уже на тѣ притязанія которыя должна предъявить Англія какъ „единственная держава принимающая на себя освободить Египетъ отъ анархіи." Органъ Лондонскаго города отнюдь не смущается тѣмъ что Англія беретъ на себя эту роль не съ согласія Европы, а вопреки ея. Ей одной должно де принадлежать въ будущемъ право контроля надъ „спасенною" страной. Начиная войну для возстановленія порядка въ Египтѣ, Англія должна де заявить что формальныя дипломатическія обязательства, данныя въ то время когда положеніе дѣлъ было совершенно иное, должны быть при-

знаны недѣйствительными. Возстановленіе твердаго правительства въ Египтѣ подъ протекторатомъ Англіи было бы, по мнѣнію *Times*, наилучшимъ и самымъ радикальнымъ рѣшеніемъ Египетскаго вопроса.

Въ иностранныя газеты было передано по телеграфу содержаніе замѣтки появившейся надняхъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* по поводу египетскихъ дѣлъ, обратившей на себя вниманіе какъ *первое* публичное проявленіе отношенія русской дипломатіи къ египетскому дѣлу, такъ какъ названная газета все еще продолжаетъ пользоваться репутаціей офиціознаго органа нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Journal de St.-Pétersbourg*, вѣрный своимъ традиціямъ, продолжаетъ смотрѣть на „европейскій концертъ" какъ на политическую кассацію и полемизируя съ газетой *Times*, высказываетъ увѣренность что Англійскій кабинетъ не отважится дѣйствовать по собственной иниціативѣ и „поставить себя на мѣсто державъ." Удивительная увѣренность высказанная двѣ недѣли послѣ бомбардированія Александріи! Но заявленія англійскаго премьера и англійскихъ газетъ быть-можетъ успѣютъ пошатнуть даже оптимизмъ *Journal de St.-Pétersbourg*.

Какъ бы то ни было, но замѣтка нашей французской газеты вызвала въ иностранной печати сужденіе о томъ что повидимому и Россія рѣшилась наконецъ подать свой голосъ по поводу египетскаго замѣшательства и воспользоваться имъ для своихъ цѣлей. Какія же цѣли подсказываются Россіи? Россія, такъ соображаютъ нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ, могла бы воспользоваться теперешнимъ моментомъ чтобы завладѣть.. Бухарой и Мервомъ. Но не трудно понять какова истинная цѣль подобныхъ подсказываній. Изъ Берлина не разъ было указываемо Россіи на ея „широкія задачи" въ Средней Азіи. Англія быть-можетъ дѣйствительно успѣетъ захватить Египетъ; тогда Босфоръ потеряетъ для нея большую часть своего прежняго значенія и съ нею не трудно будетъ сторговаться на этотъ счетъ. Но будущій наслѣдникъ турецкаго владычества на берегахъ Босфора уже намѣченъ. Для Россіи же тоже нашлось вознагражденіе; она можетъ безпрепятственно владѣть *всею* туркменскою землей съ Мервомъ включительно. Развѣ это не выгодно?

№ 196.

Москва, 16-го іюля.

Торгово-Промышленный Съѣздъ въ Москвѣ доживаетъ свои послѣдніе дни. Еще немного, и засѣданія его должны закрыться за истеченіемъ назначеннаго для нихъ трехнедѣльнаго срока. Приближается пора сводить итоги его дѣятельности. Но есть ли чему сводить итоги? Въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ Съѣзда обсуждалось множество вопросовъ, по которымъ сдѣлано множество докладовъ, произнесено не мало рѣчей и выслушано еще болѣе возраженій, наконецъ состоялись цѣлыя серіи разныхъ „рѣшеній" и „постановленій." Но какое значеніе имѣютъ всѣ эти пренія съ сопровождавшими ихъ рѣшеніями, какой вѣсъ могутъ имѣть состоявшіяся постановленія?

Возьмемъ для примѣра вчерашнее засѣданіе перваго отдѣленія Съѣзда, отдѣленія, можно сказать, самаго важнаго, такъ какъ предметъ его занятій—нужды фабричной и заводской промышленности, на которую, въ виду Выставки, обращено общее вниманіе. На очереди стоялъ десятый вопросъ программы: „не представляется ли необходимости въ улучшеніи положенія сахарной промышленности." Позволительно было ожидать по этому вопросу серіозныхъ заявленій. Сахарное дѣло находится въ настоящее время далеко не въ нормальныхъ условіяхъ. Замѣна прежней системы взиманія акциза съ сахара новою, заимствованною у Французовъ, состоялась въ столь недавнее время что сахарное производство не могло еще окончательно съ нею освоиться; но многія неудобства примѣненія нѣкоторыхъ правилъ новой системы уже достаточно выяснились, и заявленія о нихъ со стороны людей испытавшихъ всѣ ихъ невыгоды и могущихъ указать средства для ихъ устраненія имѣли бы конечно не малую цѣну. Еще большій интересъ имѣло бы раскрытіе истинныхъ причинъ нынѣшней дороговизны сахара и указаніе способовъ ея прекращенія. Безъ сомнѣнія, эти два вопроса и были бы главными предметами обсужденія еслибъ имъ занимались люди свѣдущіе въ сахарномъ дѣлѣ и серіозно въ немъ заинтересованные. Для сахароваровъ, конечно, было бы важно разъяснить, отъ пошлины ли на привозный сахаръ зависитъ возник-

шая дороговизна (та же пошлина въ недавнее время никакой дороговизны не вызывала), или отъ другихъ причинъ; требуется ли въ видахъ прекращенія этой дороговизны рекомендуемая многими отмѣна покровительственной пошлины на сахаръ (вслѣдъ за повышеніемъ акциза), или же пониженіе цѣнъ сахара можетъ быть достигнуто иными мѣрами противодѣйствія спекуляціи разыгравшейся на сахарныхъ рынкахъ. Для сахароваровъ было бы жизненнымъ дѣломъ подвергнуть критикѣ составленныя для нихъ канцелярскимъ способомъ правила и указать въ чемъ эти правила являются на практикѣ безполезнымъ бременемъ и стѣсненіемъ для ихъ производства.

При обсужденіи сахарнаго дѣла присутствовало на Съѣздѣ не мало почтенныхъ лицъ, изъ которыхъ многія должны быть признаны несомнѣнно свѣдущими, каждый по своей части, несомнѣнно способными сказать дѣльное слово о тѣхъ отрасляхъ производства которымъ посвящена ихъ дѣятельность. Но много ли было между ними людей заинтересованныхъ именно тѣмъ дѣломъ о которомъ шла рѣчь? Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, бывшій въ это время на Съѣздѣ, имѣлъ случай говорить со многими изъ его членовъ, но напрасно просилъ онъ ихъ указать ему въ числѣ присутствовавшихъ кого-нибудь изъ представителей сахарнаго производства. Тутъ были и представители разныхъ отраслей промышленности, и люди никакимъ производствомъ не занимающіеся, и машиностроители, и торговцы, вообще было много людей компетентныхъ въ чемъ угодно только не въ сахарномъ дѣлѣ, и нужно было искать съ фонаремъ именно тѣхъ людей которыхъ однихъ только и было бы интересно выслушать въ данномъ случаѣ. Что̀ же мудренаго что при такой обстановкѣ, вмѣсто обсужденія тѣхъ вопросовъ которые въ настоящее время дѣйствительно имѣютъ важное значеніе для сахарной промышленности, на Съѣздѣ шло разсмотрѣніе поданной ему своего рода частной жалобы на министра Финансовъ?

Нѣкто г. Палюшкевичъ составилъ проектъ устройства въ Закавказьѣ, именно въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, сахарнаго завода съ милліоннымъ акціонернымъ капиталомъ. До другихъ сахарныхъ заводовъ ему мало дѣла, но для своего и только для *одного* своего проектированнаго Ленкоранскаго завода онъ просилъ особой привилегіи, освобожденія на шесть лѣтъ отъ акциза съ сахарнаго песка уплачиваемаго всѣми другими сахароварами. Министръ Финансовъ еще въ мартѣ прошлаго года отказалъ въ такомъ ходатайствѣ, на томъ основаніи что „при легкости существующихъ путей сообщенія, предоставленіе просимой льготы Ленкоранскому акціонерному обществу послужитъ чувствительнымъ подрывомъ для сахарозаводчиковъ внутреннихъ губерній.“ Можетъ-быть въ данномъ случаѣ министръ Финансовъ сдѣлалъ ошибку, можетъ-быть въ видахъ созданія сахарной промышленности въ Закавказьѣ слѣдовало бы поощрить компанію г. Палюшкевича точно также какъ была поощрена компанія Юза въ видахъ развитія горнаго дѣла на югѣ Россіи... Можетъ-быть, поэтому, былъ бы смыслъ спросить сахарозаводчиковъ, точно ли ихъ интересы пострадали бы отъ исключительной привилегіи для завода проектируемаго на Каспійскомъ прибрежьѣ, и еслибъ отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, явился бы, пожалуй, серіозный предлогъ возобновить ходатайство, за устраненіемъ мотива въ силу коего оно отклонено. Но какой смыслъ могъ имѣть пересмотръ упомянутаго министерскаго рѣшенія людьми не имѣющими къ сахарному дѣлу ни малѣйшаго отношенія? Нельзя не обратить при этомъ вниманія на странную роль которая организаціей Съѣзда какъ въ данномъ такъ и во многихъ другихъ случаяхъ была навязана многимъ почтеннымъ его членамъ. Въ какомъ неловкомъ, фальшивомъ положеніи должны были чувствовать себя машиностроители, фабриканты разныхъ издѣлій и прочіе чуждые сахарнаго дѣла люди призванные говорить отъ имени сахарной промышленности и рѣшать большинствомъ голосовъ что̀ для нея полезно, что̀ вредно!

При какихъ условіяхъ обсуждались вопросы касающіеся сахарнаго дѣла, при такихъ же шло обсужденіе и множества другихъ вопросовъ входящихъ въ программу Съѣзда. Постоянно рѣшенія и заявленія баллотировались не тѣми только кому отъ той или другой мѣры можетъ быть хорошо или худо, а всѣми кому случалось присутствовать въ засѣданіяхъ. На каждомъ шагу, благодаря данной Съѣзду организаціи, не столько сапожники, сколько пирожники судили и рѣшали что̀ нужно для сапожнаго ремесла, и наоборотъ. А

между тѣмъ предполагается что занятія Съѣзда не пустая комедія, что на его „постановленія" можно будетъ въ послѣдствіи ссылаться какъ на выраженія дѣйствительныхъ нуждъ промышленности идущія прямо отъ лица ея представителей. Фикція требуетъ чтобы рѣшенія Съѣзда считались за выраженія нуждъ той отрасли промышленности которой они касаются, кто бы ни былъ авторомъ рѣшеній, и какъ бы ни расходились они съ дѣйствительными интересами этой отрасли производства. Сколько тутъ фальши, какая мистификація могущая только морочить публику и сбивать съ толку правительство въ его стремленіяхъ содѣйствовать успѣхамъ экономической дѣятельности! Какая вмѣстѣ съ тѣмъ широкая возможность для ловкихъ людей добиться на Съѣздѣ по каждому вопросу любаго рѣшенія нужнаго въ видахъ интриги, и выдать потомъ это рѣшеніе, желательное для интригановъ, но вредное для производства, за требованіе самой промышленности!

Какъ мало многія рѣшенія Съѣзда соотвѣтствуютъ интересамъ промышленности отъ имени которой они постановляются показываетъ между прочимъ слѣдующій примѣръ. Нѣкоторые изъ членовъ Съѣзда прямо обратились къ намъ съ заявленіемъ что одно изъ его рѣшеній состоявшееся 13 іюля діаметрально расходится съ интересами производства коего касается. Дѣло шло о машиностроеніи, именно о производствѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, и о таможенномъ покровительствѣ въ которомъ это производство нуждается для своего развитія. Вопросъ объ этомъ покровительствѣ у насъ пока спорный. Ни въ Германіи, ни въ Австро-Венгріи, ни во Франціи, ни въ Италіи, ни въ конкуррирующей съ нами по производству хлѣба Америкѣ, интересы земледѣлія не служатъ препятствіемъ къ обложенію пошлинами привозныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, но у насъ въ большомъ ходу мнѣніе что, въ видахъ поощренія земледѣлія, сельско-хозяйственныя машины привозимыя изъ-за границы должны быть пропускаемы безпошлинно, хотя это мнѣніе и не раздѣляется многими агрономами пришедшими къ убѣжденію что при развитіи отечественнаго машиностроенія земледѣліе выиграло бы гораздо болѣе чѣмъ при безпошлинной выпискѣ машинъ изъ-за границы. На сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ восторжествовать то одно, то другое изъ этихъ мнѣній. Но въ Москвѣ засѣдаетъ не Сельско-Хозяйственный, а Торгово-Промышленный Съѣздъ, и обсуждался на немъ вопросъ не объ интересахъ земледѣлія, а о томъ „что нужно предпринять въ видахъ развитія нашего металлическаго производства." Не сельско-хозяйственный, а торгово-промышленный Съѣздъ рѣшилъ этотъ вопросъ постановленіемъ въ пользу безпошлиннаго привоза иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ. Отказъ отъ всякой таможенной защиты является въ данномъ случаѣ какъ бы заявленіемъ представителей самого механическаго производства.

Насъ просятъ заявить что приведенное постановленіе Съѣзда состоялось совершенно неожиданно для механическихъ заводчиковъ и ни въ какомъ отношеніи не служитъ выраженіемъ ихъ мнѣній, о чемъ многіе изъ нихъ и рѣшились довести до свѣдѣнія властей, съ разъясненіемъ обстоятельствъ при которыхъ вопросъ обсуждался и баллотировался. Разногласія между заводчиками не было, но у нихъ явился оппонентъ въ лицѣ одного чиновника (намъ называли его фамилію и должность занимаемую имъ въ одномъ изъ министерствъ) заинтересованнаго, какъ намъ передали, въ дѣлахъ извѣстной торговой фирмы „Работникъ" занимающейся коммиссіонерствомъ по сбыту въ Россіи иностранныхъ земледѣльческихъ машинъ. Вокругъ этого вождя легко образовалась враждебная заводчикамъ партія, между прочимъ, изъ членовъ засѣдавшихъ обычно въ другихъ отдѣленіяхъ Съѣзда. На сторону этой партіи склонился и предсѣдавшій въ отдѣленіи Съѣзда профессоръ Менделѣевъ, который, какъ выражено въ формальномъ протестѣ подписанномъ нѣсколькими членами Съѣзда, при обсужденіи вопроса „держалъ себя крайне односторонне и не дозволялъ вполнѣ высказываться въ защиту механическаго производства лицамъ близко стоящимъ къ этому дѣлу," а по заключеніи преній подалъ голосъ противъ мнѣнія заводчиковъ. Этимъ дѣло не ограничилось. Утвержденныя для Съѣзда правила требуютъ чтобы публика ни въ преніяхъ, ни въ голосованіи не участвовала, и чтобы для нея были отведены особыя мѣста. Это послѣднее условіе соблюдено не было. Публика не была

отдѣлена отъ членовъ Съѣзда, а это, конечно, имѣетъ свое значеніе при подачѣ голосовъ вставаньемъ и сидѣньемъ. Нѣкоторыми изъ публики, какъ утверждаютъ, было потомъ заявлено что они дѣйствительно встали когда стали вставать члены, и потому легко могли быть зачтены въ число подавшихъ голоса. Но раньше чѣмъ это выяснилось и могло быть провѣрено, прежде чѣмъ возможно было сдѣлать объ этомъ формальное заявленіе, г. Менделѣевъ вдругъ отказался отъ предсѣдательства и удалился.

И состоявшееся при подобныхъ условіяхъ рѣшеніе должно быть признаваемо за отвѣтъ данный русскою механическою промышленностію на обращенный къ ней вопросъ!

Можетъ-быть мнѣнія машинозаводчиковъ по своему достоинству не могутъ соперничать съ мнѣніями ихъ оппонента-чиновника и его товарищей; но выслушивать мнѣнія своихъ чиновниковъ правительство можетъ и не созывая промышленныхъ съѣздовъ, а созывая эти послѣдніе, оно конечно имѣетъ въ виду знакомиться съ тѣмъ чего желаютъ люди промышленнаго міра, а не съ тѣмъ, что̂ находятъ хорошимъ чиновники.

№ 197.

Москва, 17-го іюля.

Попытка рѣшить Египетскій вопросъ *параллельно* двумя способами, теоретическимъ въ Константинополѣ и практическимъ въ Египтѣ, близится къ своему концу. Турція заявила 14 (26) іюля на конференціи что она согласна немедленно послать войска въ Египетъ на условіяхъ выраженныхъ въ тождественной нотѣ отъ 15 іюля. Одновременно съ этимъ заявленіемъ султанъ назначилъ Мухтаръ-пашу предсѣдателемъ коммиссіи имѣющей цѣлью приготовить войска для отправки въ Египетъ и отдалъ приказаніе чтобы на дняхъ уже выступилъ въ Египетъ первый турецкій отрядъ. Съ прибытіемъ этого отряда въ Нильскую долину, начнется новая фаза Египетскаго вопроса, исходъ которой предвидѣть очень трудно. Едва ли согласится Англія передать начатое ею дѣло „умиротворенія“ Египта въ подозрительныя руки Турціи, и едва ли Турція со своей стороны рѣшится умиротворять свою провинцію въ духѣ англійскихъ интересовъ. Столкновеніе между обѣими „магометанскими“ державами, кажется, неминуемо и, по всѣмъ признакамъ, борьба завяжется между ними ожесточенная.

Рѣшеніе Турціи послѣдовать приглашенію Константинопольской конференціи было для многихъ неожиданностью, въ особенности для Англичанъ. Если однако ближе присмотрѣться къ той политикѣ которой до сихъ поръ держалась Порта въ Египетскомъ вопросѣ, послѣднее рѣшеніе ея окажется логическимъ слѣдствіемъ ея постоянной, столь извѣстной намъ, Русскимъ, „системы оттяжекъ.“ Давно ли то время когда англійскіе дипломаты и публицисты обвиняли Россію въ систематическомъ недовѣріи къ „лояльному образу дѣйствій“ Турціи; теперь они сами заявляютъ что нельзя имѣть дѣла съ этими турецкими *увертками* (shuffling) на которыя нужно де отвѣчать не словами, а дѣлами! Это конечно не помѣшаетъ тѣмъ же дипломатамъ и публицистамъ снова называть эти увертки прямодушными какъ скоро онѣ будутъ направлены къ нарушенію не англійскихъ, а русскихъ интересовъ. А поэтому слѣдуетъ ли придавать какое-нибудь значеніе отзывамъ о насъ иностранныхъ правительствъ и печати? Не признакъ ли варварства смущаться мнѣніями и нареканіями нашихъ союзниковъ или противниковъ, и останавливаться въ своихъ дѣйствіяхъ не по собственному усмотрѣнію, а по крику людей разчитывающихъ на наше малодушіе и неразуміе?

Когда 11 (23) собравшаяся въ Константинополѣ конференція европейскихъ державъ пригласила Турцію принять участіе въ этой попыткѣ международнаго мирнаго рѣшенія Египетскаго вопроса, Турція отвѣтила, какъ извѣстно, на это приглашеніе отказомъ. Другаго отвѣта нельзя было и ожидать отъ дипломатовъ Высокой Порты. Они достигли этимъ отказомъ двухъ весьма выгодныхъ для Турціи результатовъ: вопервыхъ, они не связали себѣ заранѣе рукъ, а вовторыхъ, замедлили работы конференціи и этимъ дали возможность Араби-пашѣ принять мѣры для отраженія иностраннаго вторженія въ Египетъ.

Дѣйствительно, отказъ Порты поставилъ засѣдающихъ въ Константинополѣ дипломатовъ въ немалое затрудненіе. Съ одной

стороны, они видѣли необходимость положить конецъ египетской анархіи, а съ другой, они сознавали невозможность сдѣлать это безъ согласія Турціи, такъ какъ Египетъ есть несомнѣнно часть Турецкой имперіи. Двадцать два дня члены конференціи обдумывали разные способы какъ бы выйти изъ этой дилеммы и наконецъ рѣшили обратиться къ Портѣ съ такимъ „категорическимъ ультиматумомъ:" *или* пусть Турція возьметъ на себя возстановленіе порядка въ Египтѣ, *или* сама Европа займется возстановленіемъ этого порядка. Этотъ ультиматумъ былъ торжественно предъявленъ Турецкому правительству 3 (15) іюля. Дипломаты и офиціозныя газеты были въ восторгѣ отъ мудрости конференціи „сумѣвшей наконецъ припереть неуловимую Турцію къ стѣнѣ," какъ съ ликованіемъ заявлялъ одинъ изъ органовъ французскаго министерства. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ казалось что Турціи остается отвѣтить только *да*, или *нѣтъ*: и въ томъ и въ другомъ случаѣ можно было немедленно приступить къ умиротворенію Египта.

Но стамбульская дипломатія на этотъ разъ опять сумѣла перехитрить соединенную дипломатію всей Европы. Она нашла способъ не отвѣтить ни *да*, ни *нѣтъ* и вызвать своимъ отвѣтомъ не негодованіе, а благодарность Европы. Саидъ-паша объяснилъ что „Порта очень признательна европейскимъ державамъ за то что онѣ своею коллективною нотой отъ 3 (15) іюля подтвердили неоспоримость верховныхъ правъ султана надъ Египтомъ, и что въ виду измѣнившихся обстоятельствъ Порта готова теперь принять участіе въ конференціи для обсужденія тѣхъ мѣръ которыя могли бы возстановить порядокъ въ Египтѣ."

Этотъ ловкій отвѣтъ турецкихъ дипломатовъ имѣлъ очевидно цѣлью уничтожить все что до сихъ поръ съ такимъ трудомъ выработала конференція и, начавъ обсужденіе Египетскаго вопроса съ самаго начала, отодвинуть окончательное его рѣшеніе еще на нѣсколько недѣль, которыя очень кстати пришлись бы Араби-пашѣ для устройства египетскихъ „Плевенъ" И нѣтъ сомнѣнія что Турція достигла бы вполнѣ своей цѣли еслибъ Египетскій вопросъ рѣшался традиціоннымъ путемъ европейской дипломатіи на основаніи разныхъ отвлеченныхъ и непогрѣшимыхъ теорій „эквилибра" и „концерта." Но къ несчастію для Турціи, Англія безъ дальнѣйшихъ церемоній отказалась отъ того благоговѣйнаго трепета предъ этими теоріями, который составляетъ необходимую принадлежность иныхъ дипломатовъ готовыхъ ради фразы пожертвовать интересами своей страны, и принялась за *параллельное* практическое рѣшеніе Египетскаго вопроса посредствомъ бомбардированія Александріи, хотя эту дѣйствительно варварскую мѣру нельзя ни съ какой точки зрѣнія одобрить. Милостивый отвѣтъ Турціи, благоволившей принять участіе въ конференціи, привелъ въ восторгъ представителей европейскихъ державъ, которые поспѣшили потѣсниться вокругъ своего зеленаго стола дабы дать почетное, предсѣдательское мѣсто представителю Турціи; но на Англію этотъ отвѣтъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Всѣ Англійскія газеты единогласно назвали этотъ отвѣтъ новою турецкою уверткой и пригласили свое правительство не обращать на него вниманія и энергически продолжать свое самостоятельное дѣйствіе въ Египтѣ. Въ Англіи были увѣрены что Турція въ концѣ концовъ ни за что не согласится исполнить „роль жандарма Европы," такъ какъ ей невозможно производить экзекуцію надъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и популярныхъ поборниковъ панисламизма. Г. Гладстонъ повидимому также раздѣлялъ эту увѣренность, ибо, несмотря на присоединеніе Турціи къ конференціи, потребовалъ отъ своего парламента обширнаго кредита для Египетской экспедиціи.

Въ виду этого энергическаго образа дѣйствій Англіи путь Турціи былъ ясно предначертанъ. Ей необходимо было дать Англіи рѣшительный шахъ и матъ заявивъ что она согласна немедленно послать войска въ Египетъ на условіяхъ выраженныхъ въ тождественной нотѣ отъ 15 іюля. Такъ она и поступила. Условія поставленныя ей конференціей суть: въ теченіе опредѣленнаго времени совершенно устранить Араби-пашу и возстановить власть хедива Тевфика подъ контролемъ Европы, посредствомъ посылки турецкихъ войскъ въ Египетъ, причемъ издержки этой экспедиціи будутъ уплачены европейскими державами, а въ послѣдствіи взысканы съ Египта. Условія эти, въ особенности первое изъ нихъ, устраненіе Араби-паши, чрезвычайно тяжки для Турціи и едва ли

можно ожидать что она добросовѣстно исполнитъ ихъ. Тѣмъ не менѣе ея категорическое согласіе подчиниться этимъ условіямъ ставитъ Англію дѣйствительно въ весьма затруднительное положеніе. Такъ какъ англійскіе дипломаты, а за ними и публицисты считали немыслимымъ согласіе Турціи на предложеніе конференціи, они неоднократно имѣли неосторожность говорить: „если Турція согласится на условія конференціи, то мы не станемъ вмѣшиваться въ умиротвореніе Египта; а если она, какъ по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ ожидать, на эти условія не согласится, то мы сами умиротворимъ Египетъ." Теперь оказывается что ожиданія Англичанъ не оправдались; Турція, по крайней мѣрѣ на словахъ, согласилась на условія конференціи. Какъ теперь поступитъ Англія? Станетъ ли она спокойно выжидать пока можно будетъ уличить Турцію въ недобросовѣстности, то-есть пока Араби-паша успѣетъ приготовить весь Египетъ къ безпощадной борьбѣ съ Англіей? Едва ли; Англія находится теперь въ такомъ порывѣ энергіи что никакъ не согласится на подобную глупую выжидательную роль. Но, съ другой стороны, станетъ ли она игнорировать торжественное заявленіе Турціи и, вопреки своимъ обѣщаніямъ, продолжать свое самостоятельное „умиротвореніе" Египта? Но тогда это будетъ открытымъ глумленіемъ надъ „европейскимъ концертомъ." Рѣшится ли тогда Англія, наперекоръ всей Европы, то-есть всѣмъ другимъ державамъ, захватить Суэзскій каналъ? Или у нея окажется въ запасѣ какой-нибудь союзникъ?

Таковы новые вопросы созданные послѣднимъ ловкимъ шагомъ Турціи.

№ 199.

Москва, 19-го іюля.

Министерство Фрейсине отжило свой вѣкъ. Палата депутатовъ отказала ему въ девяти милліонахъ франковъ, которыхъ онъ просилъ для „охранительной экспедиціи на Суэзскій каналъ." Этимъ отказомъ палата вполнѣ ясно и сознательно выразила свое недовѣріе министерству; въ этомъ сомнѣваться нельзя, такъ какъ г. де-Фрейсине заранѣе придалъ своему требованію характеръ кабинетнаго вопроса, а палата отвергла это требованіе подавляющимъ большинствомъ 450 голосовъ противъ 75. . . . .

А между тѣмъ, десять дней тому назадъ, та же палата выразила тому же министерству формальное довѣріе 288 голосами противъ 105. Парламентскій режимъ Франціи давно уже пріучилъ насъ къ разнымъ неожиданнымъ противорѣчіямъ и нелѣпостямъ; тѣмъ не менѣе, невольно подивишься этому новѣйшему проявленію пресловутаго „правоваго порядка."

Еслибы въ управленіи Французской республикой участвовала хоть доля здраваго смысла и настоящаго патріотизма, давно бы уже совершилось паденіе г. де-Фрейсине, или, вѣрнѣе всего, намъ не пришлось бы видѣть и его возвышенія. Рѣдко во главѣ Французскаго правительства стоялъ болѣе бездарный и близорукій человѣкъ чѣмъ г. де-Фрейсине. Въ 1870 году онъ выдвинулся изъ скромныхъ рядовъ инженеровъ путей сообщенія благодаря г. Гамбеттѣ, который избралъ его своимъ помощникомъ для созданія новой арміи противъ побѣдоносныхъ войскъ Германіи. Подъ руководствомъ тогдашняго диктатора, г. де-Фрейсине былъ вполнѣ у мѣста. Онъ слѣпо исполнялъ приказы своего начальника, который именно нуждался въ безусловномъ и слѣпомъ повиновеніи. Благодаря тому же г. Гамбеттѣ, въ концѣ 1877 года, г. де-Фрейсине занялъ постъ министра публичныхъ работъ, когда маршалъ Макъ-Магонъ, послѣ своей неудачной попытки возстановить монархическое правленіе, принужденъ былъ составить республиканское министерство. Два года г. де-Фрейсине оставался министромъ публичныхъ работъ и въ это время прославился своими обширными проектами, которые должны были обогатить Францію громадными и полезными сооруженіями, каналами, портами, дорогами, общественными и государственными зданіями и вмѣстѣ съ тѣмъ дать работу сотнямъ тысячъ рабочихъ, оставшихся безъ дѣла послѣ войны 1870—71 года. Иниціатива этихъ проектовъ, какъ теперь стало извѣстно, принадлежала тому же доброму генію исполнительнаго г. де-Фрейсине, бывшему диктатору г. Гамбеттѣ, который однако въ то время держался въ сторонѣ и предоставлялъ всю славу проектовъ своему вѣрному другу г. де-Фрейсине, коего онъ старался все болѣе выдвигать впередъ дабы вручить

ему кормило государства; это, какъ надѣялся г. Гамбетта, дало бы ему возможность управлять Франціей через преданнаго ему г. де-Фрейсине до тѣхъ поръ пока наступило бы время ему самому принять правленіе республикой.

И дѣйствительно, когда 20 декабря 1879 года кабинетъ Ваддингтона, побѣжденный въ палатѣ оппозиціей г. Гамбетты, принужденъ былъ подать въ отставку, президентъ республики Греви нашелъ себя вынужденнымъ, къ величайшему своему неудовольствію, поручить составленіе новаго кабинета закадычному другу всесильнаго въ то время предсѣдателя палаты депутатовъ, министру публичныхъ работъ г. де-Фрейсине.

Но едва новый министръ - президентъ успѣлъ принять управленіе Франціей, захвативъ въ свои руки, по совѣту г. Гамбеты, и министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ у него отъ такой обширной власти закружилась голова. Для упроченія своего положенія онъ сталъ все болѣе приближаться къ президенту Греви и удаляться отъ своего прежняго благодѣтеля Гамбетты. Онъ возмнилъ себя достаточно умнымъ и тонкимъ государственнымъ человѣкомъ чтобъ управлять вполнѣ самостоятельно. Мало того, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, новый глава кабинета сталъ въ открытую вражду къ тому человѣку которому онъ всѣмъ обязанъ и ставилъ себѣ въ особую заслугу какъ можно болѣе вредить и противодѣйствовать ему. Всѣ еще помнятъ какъ 9 августа 1880 года г. Гамбетта произнесъ блестящую патріотическую рѣчь въ Шербургѣ, въ которой онъ напоминалъ своимъ соотечественникамъ о необходимости вернуть провинціи похищенныя у Франціи Германіей, и какъ вслѣдъ затѣмъ, 18 августа, г. де-Фрейсине произнесъ въ Монтобанѣ также рѣчь, въ которой онъ старался уничтожить впечатлѣніе произведенное пылкими словами г. Гамбетты. Этого не могъ снести бывшій диктаторъ. Онъ пустилъ въ дѣло все свое вліяніе которымъ онъ располагалъ въ палатѣ депутатовъ, и 20 сентября 1880 года г. де-Фрейсине принужденъ былъ подать въ отставку.

Разрывъ между бывшими друзьями былъ полный, и г. де-Фрейсине стяжалъ себѣ славу непримиримаго врага г. Гамбетты. Этой печальной славѣ онъ былъ обязанъ тѣмъ что 31 января 1882 года онъ во второй разъ получилъ порученіе составить спеціальный „анти - Гамбеттовскій“ кабинетъ. Президентъ Греви и палата депутатовъ были въ то время подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ сильнаго правленія г. Гамбетты, который попытался было осуществить при парламентскомъ режимѣ мощную, послѣдовательную и разумную правительственную власть. Всѣмъ извѣстно какимъ жалкимъ образомъ эта патріотическая попытка потерпѣла крушеніе, встрѣтивъ упорное сопротивленіе въ парламентскихъ интригахъ. Г. Гамбетта палъ, и интрига поспѣшила поставить на его мѣсто „непримиримаго анти - гамбеттиста,“ г. де-Фрейсине. Такимъ образомъ судьбу Франціи вручила ему не какая-нибудь заслуга его на поприщѣ государственнаго управленія, а только та репутація которую онъ стяжалъ своею неблагодарностью человѣку извлекшему его изъ мрака неизвѣстности.

Каково было второе правленіе г. де-Фрейсине всѣмъ извѣстно. Первымъ его шагомъ было разстроить все что г. Гамбетта только-что съ величайшимъ трудомъ приготовилъ для мирнаго рѣшенія Египетскаго вопроса. Всѣ теперь отдаютъ справедливость г. Гамбеттѣ за то что онъ одинъ въ то время ясно понялъ важность затѣвавшагося въ Египтѣ переворота и едва ли кто еще сомнѣвается что кровавый исходъ былъ бы предотвращенъ еслибы въ январѣ былъ приведенъ въ исполненіе планъ г. Гамбетты относительно англо-французскаго вмѣшательства. Вся вина въ томъ что этотъ планъ разстроился падаетъ на г. де-Фрейсине, который сдѣлалъ все что онъ могъ чтобъ „избавить,“ какъ онъ выражался, „Францію отъ навязанной ей политики приключеній.“ Онъ поспѣшилъ разорвать всякую болѣе тѣсную связь съ Англіей, обратился за совѣтами къ „Европейскому концерту,“ отправилъ въ Александрію „платоническую эскадру,“ въ глазахъ которой 11 іюня была перерѣзана въ Александріи европейская колонія. Онъ же настоялъ на созваніи Константинопольской конференціи, увѣряя всѣхъ что онъ ни за что не пошлетъ французскихъ войскъ въ Египетъ такъ какъ Европейскія державы все уладятъ самымъ мирнымъ образомъ и Франція благодаря Европейскому концерту „сохранитъ за собой особливое привилегированное положеніе, коимъ она пользуется въ Египтѣ, и преобладающее вліяніе, пріобрѣтенное ею

вслѣдствіе разнаго рода услугъ, какія она расточала этой странѣ въ теченіе столѣтія, вліяніе обезпечиваемое ей присутствіемъ французской колоніи, которая высоко, твердо и съ достоинствомъ держитъ знамя своего отечества." Эти патетическія фразы г. де-Фрейсине торжественно произносилъ въ палатѣ депутатовъ, увѣряя ее что одна только его политика можетъ спасти эту „цвѣтущую колонію которая служитъ въ нѣкоторомъ родѣ передовымъ стражемъ Франціи въ сѣверо-восточной Африкѣ." И эта палата депутатовъ рукоплескала близорукой и хвастливой политикѣ г. де-Фрейсине даже въ то время, когда видѣла всѣ ея гибельныя послѣдствія, когда вся та „цвѣтущая" колонія потерпѣла ужасное крушеніе въ виду французскаго флота отъ снарядовъ англійскихъ орудій и отъ рѣзни и грабежа арабскихъ фанатиковъ, когда „всѣ ея жалкіе остатки, по мѣткому выраженію г. Гамбетты, какъ обломки корабля послѣ бури были разбросаны по всѣмъ берегамъ Средиземнаго Моря отъ Смирны до Аѳинъ."

18 іюля, г. де-Фрейсине потребовалъ у палаты кредита въ 7.835.000 франковъ съ невинною цѣлью „исправить старыя суда французскаго флота, дабы привести его въ то состояніе въ которомъ онъ находился до войны 1870 года." Всѣ поняли что за этою „невинною цѣлью" скрывается начало военнаго вмѣшательства Франціи въ Египетъ, отъ котораго постоянно такъ усердно открещивался г. де-Фрейсине. Депутаты Локруа, Шармъ, Делафосъ, Клемансо и въ особенности г. Гамбетта такъ ясно и убѣдительно указали на эту тайную цѣль испрашиваемаго кредита что г. де-Фрейсине принужденъ былъ сознаться въ ней. И что же? Несмотря на то что названные ораторы разгромили всю жалкую политику „непримиримаго антигамбеттиста," несмотря на то что они съ полною наглядностью представили всѣ плачевныя послѣдствія этой политики, палата все-таки рѣшила вручить требуемыя деньги г. де-Фрейсине, да сверхъ того, 20 іюля, по его желанію, выразила ему формальное довѣріе. Что побудило ее къ этой очевидной несообразности? Все тотъ же страхъ предъ г. Гамбеттой. Если признать г. де-Фрейсине неправымъ, разсуждали господа депутаты, то тѣмъ самымъ придется признать правымъ г. Гамбетту. А этого „по принципу" не слѣдуетъ. Поэтому пусть лучше потерпитъ Франція лишь бы не торжествовать г. Гамбеттѣ!

Но не прошло и четырехъ дней какъ добродушный г. де-Фрейсине, уповая на довѣріе только-что выраженное ему палатой, потребовалъ 24 іюля еще новый кредитъ, на этотъ разъ въ 9.410.000 франковъ. Для чего? Для военной экспедиціи въ Египетъ на ряду съ приглашавшей его къ тому Англіей? О нѣтъ! Боже сохрани! Г. де-Фрейсине миролюбивъ и ему эти деньги нужны были только для охраны Суэзскаго канала, и то только сѣверной его части, и притомъ лишь отрядомъ въ 4.000 солдатъ морской пѣхоты, тогда какъ Англія возьметъ на себя охранять южную часть канала, Англія будетъ сражаться съ Араби-пашой, Англія вторгнется во внутреннія провинціи Египта и подчинитъ своему вліянію всю Нильскую долину съ Суэзскимъ каналомъ включительно. Но въ виду того что чрезъ нѣсколько дней начнутся парламентскія вакаціи, г. де-Фрейсине выговаривалъ себѣ право удвоить экспедиціонный корпусъ если обстоятельства потребуютъ бóльшаго развитія силъ. Разсмотрѣніе этого новаго кредита просилъ онъ передать въ ту же коммиссію которая только-что разсматривала первое требованіе сверхсмѣтнаго кредита въ 7.835.000 франковъ, надѣясь что она и во второй разъ окажется столь же щедрою и довѣрчивою.

Но на этотъ разъ г. де-Фрейсине ошибся. Коммиссія высказалась большинствомъ одного голоса противъ новаго кредита. Г. де-Фрейсине совершенно растерялся. Тутъ какъ разъ пришло извѣстіе что Турція сама пошлетъ экспедицію въ Египетъ. Г. де-Фрейсине съ радостью ухватился за это извѣстіе и заявилъ что такъ-какъ не Англія будетъ умиротворять Египетъ, а Турція, то Франціи нечего отправлять войска къ Суэзскому каналу, и онъ отъ новаго кредита отказывается. Но на слѣдующій день приходитъ новое извѣстіе: Англія и не думаетъ отзывать своихъ войскъ изъ Египта и нисколько не смущается намѣреніями Турціи. Г. де-Фрейсине снова мѣняетъ свой взглядъ и 29 іюля опять проситъ палату довѣрить ему просимыя деньги для охраны сѣверной части Суэзскаго канала, причемъ онъ ей всячески старается объяснить что „охрана" не есть „экспедиція." На этотъ разъ палата не вытерпѣла и, какъ извѣстно, отказала

г. де-Фрейсине въ требуемомъ кредитѣ большинствомъ 450 голосовъ противъ 75. Г. де-Фрейсине тотчасъ подалъ въ отставку и г. Греви принялъ ее Но отъ этого дѣла Франціи не измѣнились къ лучшему. Палата попрежнему остается раздробленною на мелкія эгоистическія партіи, съ которыми управлять невозможно. Если нашлось такое громадное большинство для низверженія г. де-Фрейсине, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ что то же самое большинство будетъ поддерживать его преемника. На самомъ дѣлѣ большинство это коалиціонное и дѣлится на три совершенно разнородныя части. Первую треть составляютъ радикалы, которые не желаютъ чтобы Франція какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивалась въ Египетъ, эту „новую Мексику,“ какъ они выражаются. Вторую часть составляютъ приверженцы г. Гамбетты, которые стоятъ за энергическое и прямодушное военное вмѣшательство на равныхъ правахъ и обязанностяхъ съ Англіей; тогда какъ третья часть состоитъ изъ монархистовъ которые по принципу не желаютъ поддерживать какое бы то ни было республиканское министерство.

Логическимъ слѣдствіемъ паденія г. де-Фрейсине было бы новое возвышеніе г. Гамбетты. Но объ этомъ теперь и думать нечего. Депутаты скорѣе согласятся снова выразить довѣріе г. де-Фрейсине нежели примириться съ правительствомъ г. Гамбетты. Да и самъ онъ неоднократно заявлялъ что съ *такою* палатой онъ министромъ быть не желаетъ. Французская республика, быть-можетъ, наканунѣ войны, отъ которой не спасетъ ее тотъ „верховный владыка“ который по парламентской фикціи управляетъ судьбой страны.

№ 200.

Москва, 20-го іюля.

А.

Кончился возмутительный судебный спектакль, длившійся во Львовѣ полтора мѣсяца, съ 30 мая по 17 іюля. Обвиняемыхъ было одиннадцать; обвинялись они, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, „въ преступленіи государственной измѣны караемомъ смертною казнію.“ Преступленіе это совершено ими, какъ значится въ обвинительномъ актѣ, „тѣмъ что они отчасти въ косвенномъ, отчасти въ прямомъ соглашеніи съ дворяниномъ Мирославомъ Добрянскимъ и во взаимномъ тайномъ общеніи между собою предприняли, во второй половинѣ 1881 года и до конца января 1882, частію въ Чертесѣ, въ Венгріи, частію во Львовѣ, частію въ другихъ мѣстахъ Галиціи и Буковины, дѣйствія клонящіяся къ отторженію Галиціи, Буковины и сѣверной Венгріи отъ цѣлостнаго государственнаго состава и территоріи Австрійской имперіи, къ навлеченію опасности на государство извнѣ, къ возбужденію бунта и междуусобной войны внутри,—и притомъ дворянинъ Адольфъ Добрянскій и отецъ (pater) Іоаннъ Наумовичъ какъ коноводы и зачинщики, прочіе какъ ихъ ближайшіе сообщники.“

Видите, польская прокуратура шутить не любитъ: она не допускаетъ ничего клонящагося къ нарушенію государственнаго единства, она безпощадно строга къ мятежу и смутѣ! Она такъ въ этомъ отношеніи строга и безпощадна что сочла должнымъ обвинять въ преступленіи караемомъ смертною казнію людей даже отдаленнымъ образомъ неповинныхъ въ немъ, до такой степени неповинныхъ что послѣ полутора-мѣсячнаго истязанія предъ судомъ ничего не нашлось къ подтвержденію клеветы возведенной въ обвиненіе, такъ что семеро изъ привлеченныхъ къ суду лицъ были совершенно оправданы, въ томъ числѣ главный „коноводъ и зачинщикъ“ Адольфъ Добрянскій, и только четверо признаны виновными, но не въ государственной измѣнѣ, а въ какомъ-то „нарушеніи общественнаго спокойствія...“ отецъ Іоаннъ Наумовичъ, г. Площанскій, издатель Львовской газеты *Слово*, и гг. Шпундеръ и Залусскій. Ничего серіознаго, ничего сколько-нибудь похожаго на преступный образъ дѣйствій или даже мыслей, не могло оказаться за этими четырьмя лицами, приговоренными къ тюремному заключенію отъ трехъ до восьми мѣсяцевъ „съ лишеніемъ пищи въ теченіе одного дня, черезъ каждыя двѣ недѣли.“ Впрочемъ, и оправданные подсудимые не остались безъ наказанія: въ продолженіе семи мѣсяцевъ и они вынесли тяжкія не только нравственныя, но и физическія страданія, томившись все это время въ заключеніи.

Волки судили овецъ! Это происходило въ цивилизованной и глаголемой конституціонной странѣ. Весь этотъ процессъ былъ нахальнымъ и дерзкимъ оскорбленіемъ Россіи, и это въ державѣ дружественной и союзной, которую именно русскія войска когда-то, и не очень давно, спасали отъ государственной измѣны, отъ мятежа и распаденія.

Но скандалъ этого процесса не просто глумленіе на которое можно было бы отвѣчать только презрительнымъ невниманіемъ. Нѣтъ, это разчитано на дальнѣйшія послѣдствія; это новый враждебный шагъ противъ Россіи. Галиція по Санъ населена племенемъ одной вѣры, одного языка, русскимъ народомъ. Несмотря на многовѣковое отчужденіе свое отъ судебъ русскаго народа, это населеніе не забыло своего происхожденія; хотя въ испорченномъ и искаженномъ видѣ, оно сохранило и свою вѣру, и свой языкъ. Австро-польская интрига нашла себѣ пособниковъ между Русскими въ самой Россіи, которые усиливаются разложить въ самой Россіи русскій народъ на двѣ чуждыя, а стало-быть и враждебныя части; усиливаются объединить и обособить малороссійское нарѣчіе въ противоположность *московскому* языку. Интрига встрѣтила энергическое сопротивленіе въ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ, твердыхъ и честныхъ людяхъ русскаго населенія Галиціи. Несмотря на всѣ усилія интриги, эти люди не давались въ обманъ, и остались вѣрны своему народному знамени, сохраняя въ то же время совершенно лояльное отношеніе къ Габсбургской династіи. Никогда не было слышно чтобы въ русскомъ населеніи Австро-Венгерской имперіи замышлялись мятежи и измѣны.

„Нарушеніе общественнаго спокойствія,“ на что сошло обвиненіе въ государственной измѣнѣ и за что приговорены къ тюремному заключенію отецъ Наумовичъ и гг. Площанскій, Шпундеръ и Залусскій, было только законнымъ и честнымъ отпоромъ интригѣ, которая, совершенно наоборотъ, клонится къ тому чтобы произвести смуту и возбудить измѣну въ Россіи, и для этого воспользоваться частью русской народности въ Галиціи, какъ средствомъ разложенія русскаго народа въ самой Россіи. Запугать, застращать русскихъ людей въ Галиціи, заставить ихъ молчать и организовать украинофильское движеніе которое поддержало бы и усилило бы разложеніе Россіи—вотъ ближайшая цѣль которую имѣла интрига. Возбудивъ гоненіе на честныхъ и стойкихъ русскихъ людей въ Галиціи, подвергнувъ ихъ истязаніямъ офиціально предъ зерцаломъ правосудія, предавъ поруганію то что имъ свято и дорого, она надѣется заставить молчать все ей противное... Не даромъ одновременно съ этимъ процессомъ выступилъ во Львовѣ на сцену дѣйствія русскій измѣнникъ Кулишъ.

Б.

На дняхъ завѣдомый органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* снова пригрозила намъ репрессаліями по поводу измѣненія таможеннаго тарифа. Говоримъ *снова*, потому что первое предостереженіе дано было когда только что появились слухи о предстоявшемъ пересмотрѣ нашего тарифа. Надо отдать справедливость берлинской офиціозной газетѣ: выражается она теперь далеко скромнѣе и сдержаннѣе нежели тогда, вѣроятно потому что имѣетъ дѣло съ тѣмъ что зовется fait accompli. „Мы слышали,“ читаемъ въ нумерѣ отъ 12 іюля, „что на открытой 1 іюня Выставкѣ замѣченъ поразительный успѣхъ во многихъ отрасляхъ промышленности,“ особенно де въ шелковой, бархатной и шерстяной. Объясняется де это лишь отчасти невысокими цѣнами мѣстнаго сырья и низкою заработною платой; главное же „высокія пошлины русскаго таможеннаго тарифа, носящія на себѣ характеръ дѣйствительно покровительственныхъ.“ По нѣкоторымъ де статьямъ шелковыхъ издѣлій, наиболѣе важнымъ для мѣстной промышленности, пошлина почти равняется цѣнѣ низшихъ изъ среднихъ сортовъ русскаго товара. „Все это ведетъ къ постоянному сокращенію нѣмецкаго ввоза шелковыхъ и бархатныхъ товаровъ въ Россію. Если ввозъ этотъ сравнительно съ общимъ количествомъ вывозимаго изъ Германіи по этимъ статьямъ и прежде былъ не слишкомъ значителенъ, то теперь, съ повышеніемъ русской производительности и русскихъ пошлинъ, сбытъ въ Россію шелковыхъ товаровъ теряетъ всякіе виды на успѣхъ имѣющій какое-либо финансовое значеніе. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на упадокъ сношеній съ Россіей по другимъ отраслямъ промыш-

ленности.“ Пониженіе нѣмецкаго ввоза въ Россію незначительно и, какъ замѣчаетъ сама же берлинская офиціозная газета, не можетъ отразиться на благосостояніи нѣмецкихъ фабрикъ, имѣющихъ другіе тоже обширные рынки и повышающихъ свою производительность въ послѣдніе два, три года. Правящія сферы Берлина, теперь занятые исключительно вопросами чисто финансовыми, озабочены, какъ видно, совсѣмъ другою стороной пониженія нѣмецкаго отпуска въ Россію. Съ уменьшеніемъ нѣмецкаго отпуска мѣняется нашъ разчетный балансъ, а вмѣстѣ съ нимъ относительная цѣна русскаго бумажнаго рубля и нѣмецкой марки. „Въ сбытѣ въ Россію своихъ фабрикатовъ, разсуждаетъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, Германія имѣла эквивалентное вознагражденіе за наплывъ русскаго лѣса и хлѣба. Этого эквивалента въ будущемъ, какъ видно, предстоитъ лишиться,“ а отсюда возникаетъ де необходимость поддержать германскую промышленность „надлежащимъ отвѣтомъ, конечно, посредствомъ пошлинъ...“ „И съ точки зрѣнія какъ торговой, такъ и народно-хозяйственной, оспаривать пользу такой мѣры серіозно нельзя.“ Въ своей статьѣ по поводу новаго нашего тарифа, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, не оспаривая нашего права мѣнять тарифъ, замѣчала что „совсѣмъ не по-сосѣдки“ безпрестанными измѣненіями тарифа безпокоить нѣмецкую промышленность и заставлять ее поминутно изыскивать новыя мѣры къ огражденію своихъ интересовъ. Теперь пріемъ измѣнился; указываются уже не возможные, а якобы дѣйствительные убытки, не столько *нѣмецкой промышленности*, нѣмецкихъ фабрикантовъ, сколько самой Германіи вслѣдствіе измѣненія всѣхъ ея разчетовъ съ Россіей. Надобно повысить пошлину если не на всѣ, то на нѣкоторые предметы ввозимые изъ Россіи. Законъ о германскомъ таможенномъ тарифѣ вошедшій въ силу три года назадъ предоставляетъ къ этому средства; тамъ такое повышеніе предусматривается... Но что̀ возможно въ теоріи, не всегда удобно на дѣлѣ. Удобно ли Германіи повысить пошлину, напримѣръ, на эти самые лѣсъ и хлѣбъ будто бы переполняющіе ее теперь? Въ парламентѣ, въ послѣдніе три года, взглядъ на „боевыя пошлины“ нѣсколько измѣнился; находятъ полезнымъ „честно“ продолжать начатый опытъ, но не перестаютъ настойчиво указывать что пошлина на привозный хлѣбъ все-таки высока, и что если она не оказываетъ вліянія на рыночную цѣну хлѣба, то лишь благодаря конкурренціи двухъ поставщиковъ: Россіи и Америки. Но не повысится ли цѣна тотчасъ же какъ только одинъ изъ конкуррентовъ будетъ поставленъ въ болѣе невыгодныя условія? Повышеніе пошлинъ на русскій хлѣбъ пойдетъ, пожалуй, не въ нѣмецкій, а въ американскій карманъ. Германія сѣтуетъ на сокращеніе отпуска своихъ фабрикатовъ въ Россію; не съ бо́льшимъ ли правомъ можемъ жаловаться мы на пониженіе вывоза нашего хлѣба въ Германію за послѣдніе годы, вслѣдствіе такихъ измѣненій германскаго тарифа въ 1879 году, съ которыми послѣднихъ измѣненій нашего тарифа нельзя и сравнивать? Если даже допустить что нѣмецкій ввозъ въ Россію нѣсколько упалъ (а это сомнительно, по крайней мѣрѣ наши таможенные отчеты свидѣтельствуетъ противное), то онъ могъ упасть развѣ вслѣдствіе естественнаго роста русской фабричной промышленности, которому не содѣйствуетъ, а скорѣе препятствуетъ нашъ недостаточно высокій тарифъ. Но въ какомъ положеніи къ этому естественному росту русской промышленности стоитъ *Германія? Не причастна* ли она сама этому дѣлу? „Сколько намъ извѣстно,“ свидѣтельствуетъ та же *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, „сколько намъ извѣстно, въ послѣднее десятилѣтіе, въ мѣстностяхъ близкихъ къ нѣмецкой границѣ, основаны крупныя фабрики со значительными капиталами,“ и эти фабрики „новѣйшаго происхожденія находятся частью въ рукахъ переселившихся сюда Нѣмцевъ.“ Если это такъ, то сокращеніе германскаго отпуска въ Россію не эквивалентно ли развитію въ Россіи нѣмецкихъ фабрикъ? То что̀ теряютъ въ Германіи на вывозѣ, не пріобрѣтаютъ ли все тѣ же Нѣмцы только переселившіеся на заработки въ Россію? Не есть ли упадокъ нѣмецкаго отпуска слѣдствіе все тѣхъ же причинъ которыя вліяютъ и на увеличеніе въ послѣдніе годы, въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ, эмиграціи изъ Германіи? Правительственные коммиссары и затѣмъ даже самъ князь Бисмаркъ въ парламентскихъ рѣчахъ усиленіе эмиграціи въ значительной мѣрѣ приписываютъ разорительной системѣ прямыхъ

налоговъ, особенно поразряднаго и подоходнаго. Но въ такомъ случаѣ, причемъ же тутъ русскій тарифъ и развитіе русской промышленности, о которомъ офиціозная газета говоритъ по наслышкѣ, и можетъ ли Германія поправить дѣло возвысивъ со своей стороны пошлины на русское сырье? Вѣдь значительная часть русскихъ товаровъ или только перерабатывается въ Германіи, или же служитъ предметомъ ея внѣшней торговли. Не есть ли угроза *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* только маневръ разчитанный на то чтобы вѣрнѣе добиться отъ парламента согласія на задуманныя княземъ Бисмаркомъ финансовыя реформы?

—

№ 201.

Москва, 21-го іюля.

А.

Подъ Александріей начались уже сухопутныя военныя дѣйствія. Были небольшія стычки, не имѣвшія повидимому значенія: стороны обмѣнялись выстрѣлами, поманеврировали и возвратились на прежнія позиціи. Но стычки эти разъяснили взаимное положеніе воюющихъ сторонъ, раскрыли смыслъ той неожиданной терпѣливости которою отличалась англійская дипломатія въ періодъ послѣдовавшій за бомбардированіемъ и занятіемъ Александріи. Турки продолжаютъ политику проволочекъ, Араби-паша ведетъ какіе-то переговоры съ хедивомъ, и Англія, только-что сдѣлавшая было рѣшительный шагъ чтобы покончить со всѣми этими проволочками, не только терпитъ ихъ, но отчасти какъ бы сама поощряетъ ихъ, упуская повидимому время года наиболѣе удобное для военныхъ дѣйствій въ Египтѣ. Англію не могъ, конечно, смутить вопросъ о томъ какъ отнеслась, одобрила или не одобрила Европа бомбардированіе Александріи. Въ Англіи хорошо понимали выгоды быстраго и рѣшительнаго наступленія. Англія въ своихъ требованіяхъ и настояніяхъ не пошла назадъ, вооруженій не пріостановила, напротивъ войска ея мобилизуются и перевозятся на театръ дѣйствій какъ изъ Англіи, такъ и изъ Индіи. Англія, наконецъ, вовсе пока не находитъ чтобы собираемыя ею военныя силы были недостаточны для борьбы съ Египтомъ. Зачѣмъ же ей понадобилось присутствіе въ Египтѣ турецкаго отряда, и притомъ отряда небольшаго, несамостоятельнаго, а лишь такого который могъ бы дѣйствовать подъ рукой англійскаго генерала? Стычка подъ Александріей и расположеніе войскъ Араби-паши нѣсколько разъясняютъ эту загадку.

Англія начала военныя дѣйствія и заняла Александрію не будучи готова къ войнѣ; но быстрота ея дѣйствій доставила ей за то легкую побѣду. Меньше трехъ десятковъ солдатъ стоило занятіе Александріи, важнѣйшаго пункта на базисѣ военныхъ дѣйствій, вполнѣ обезпечивающаго успѣхъ дальнѣйшей высадки англійскихъ войскъ. Въ первую минуту когда войска Араби-паши отступали отъ Александріи, Англичане легко могли бы, преслѣдуя ихъ по пятамъ, пройти узкій перешеекъ раздѣляющій Маріутское озеро отъ Абукирскаго, и такимъ образомъ ставъ предъ Кафръ-Доваромъ обезпечить себѣ свободный выходъ изъ Александріи на случай дальнѣйшаго наступленія. Но въ первые дни для этого у Англичанъ не было войскъ; затѣмъ такой маневръ сдѣлался неисполнимымъ. Займутъ или не займутъ Англичане немедленно Абукиръ и даже Розету, положеніе дѣлъ нисколько не измѣнится: и изъ Розеты придется также двигаться впередъ по узкому перешейку занятому египетскими войсками. Форсировать эти проходы можно только располагая значительною силой. Нужно стало-быть прежде всего время чтобы сосредоточить такую силу и въ то же время развлечь противника и помѣшать ему собрать сюда и со своей стороны значительную силу. Это облегчаетъ и стратегическую и тактическую задачи англійскихъ войскъ. Маневры подъ Александріей и пріемы англійской дипломатіи отчасти уже и достигли этой цѣли. Араби-паша разбросалъ свои силы. Изъ 23 регулярныхъ баталіоновъ которыми онъ располагаетъ шесть оставлены подъ Каиромъ, три поставлены на пути Англичанъ со стороны Суэза и Измаиліи; четыре баталіона посланы въ Даміету, стало-быть совсѣмъ въ сторону отъ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ изъ 22 баталіоновъ Англичане, при наступленіи изъ Александріи, встрѣтятъ только десять египетскихъ баталіоновъ, но и тѣ не въ сборѣ. У Кафръ-Довара Араби-паша сосредоточилъ только восемь баталіоновъ, а два поставилъ въ

Розетѣ. Въ египетскихъ баталіонахъ, величаемыхъ полками, считается на лицо по 780 человѣкъ; выходитъ что у Кафръ-Довара стоитъ съ небольшимъ шесть, а у Розеты около полуторы тысячъ Египтянъ. Англичане къ 25 іюля располагали шестью тысячами, которыхъ было бы можетъ-быть достаточно чтобы справиться съ Египтянами еслибы тѣ перешли въ наступленіе, но для операцій такая сила недостаточна. Сверхъ того, еслибы генералъ Алисонъ попытался перейти въ наступленіе, Арабипаша могъ бы притянуть къ себѣ шесть баталіоновъ изъ Каира. Этого-то Англичанамъ и не надо. Правда, позиція Египтянъ сама-по-себѣ сильная, укрѣпляется ими; Араби-паша, повидимому, замышляетъ подготовить Англичанамъ у Кафръ-Довара „вторую Плевну.“ Но въ интересахъ Англичанъ не разбивать этой иллюзіи египетскаго диктатора, а напротивъ поддерживать ее, доколѣ силы собравшіяся въ этой „второй Плевнѣ“ остаются такъ слабы какъ теперь: Араби-паша, кажется, ошибся избравъ позицію у Кафръ-Довара, такъ какъ движеніемъ отъ Абукира и Розеты на Дамангуръ Англичане легко могутъ обойти лагерь у Кафръ-Довара и отрѣзать Араби-пашу отъ Каира. Съ берега къ Каиру ведутъ двѣ дороги: одна отъ Александріи чрезъ Кафръ-Доваръ, другая отъ Розеты. Оба пути, по которымъ проложены рельсы соединяются у Дамангура. Все дѣло въ томъ чтобы послѣдній не былъ занятъ Англичанами и чтобы дорога отъ Розеты на Дамангуръ была открыта. Вотъ почему Англичане до сихъ поръ не предпринимаютъ никакихъ дѣйствій ни противъ Абукира, ни противъ Розеты. Имъ невыгодно обращать на эти пункты вниманіе Араби-паши. Пріемъ употребляемый теперь Англичанами тотъ же что и подъ Александріей: нечаянное нападеніе, сулящее всегда наиболѣе дешевый успѣхъ. При небольшихъ силахъ, какія могутъ выставить Англичане, для нихъ важно чтобы побѣды не покупались цѣной крупныхъ потерь. Они понимаютъ что главное превосходство европейскихъ войскъ заключается въ искусномъ маневрированіи и разсчитываютъ покончить съ Араби-пашой однимъ хорошо направленнымъ ударомъ. Эта же причина вынудила Англичанъ притянуть въ Египетъ и войска изъ Индіи. Появясь со стороны Суэза и угрожая Каиру съ Востока этотъ отрядъ отвлечетъ вниманіе Египтянъ отъ главнаго англійскаго операціоннаго направленія на Каиръ изъ Александріи. Въ Загазигѣ и Тель-эль-Кебирѣ теперь стоятъ три египетскіе баталіона; туда же, при первомъ извѣстіи о высадкѣ Англичанъ у Суэза, пойдутъ конечно и шесть баталіоновъ изъ Каира, который останется такимъ образомъ открытымъ.

Итакъ, затишье подъ Александріей есть не болѣе какъ стратегическій маневръ, результатомъ котораго будетъ вѣроятно такой же нежданный Египтянами ударъ какой имъ нанесенъ занятіемъ Александріи. Этотъ ударъ необходимъ для Англіи не только въ видахъ военныхъ, но и въ видахъ дипломатическихъ. Чѣмъ дольше будетъ тянуться война, тѣмъ больше Англія можетъ опасаться разныхъ осложненій и стороннихъ притязаній; только быстрый ошеломляющій успѣхъ можетъ устранить все это поставивъ чужеземныхъ дипломатовъ предъ совершившимся фактомъ, подобно тому какъ это случилось съ Александріей. Европейскіе дипломаты не одобрили ни бомбардированія, ни занятія ея; но въ одобреніи дипломатовъ Англичане и не нуждались. Для нихъ важно только что никто не рѣшился открыто и твердо протестовать противъ захвата.

Б.

Французская палата депутатовъ ознаменовала себя подвигомъ который лучше всякихъ теоретическихъ аргументовъ доказываетъ нелѣпость шаблоннаго парламентаризма. Въ то самое время когда Египетскій вопросъ дошелъ до крайней степени своего напряженія и нити политической интриги перепутались до такой степени что сами участники оной едва ли могутъ отдать себѣ ясный отчетъ кто врагъ и кто союзникъ, съ кѣмъ слѣдуетъ идти объ руку и противъ кого направить мѣры обороны и нападенія, въ такую критическую минуту Французская палата почти единогласнымъ рѣшеніемъ отказала кабинету Фрейсине въ испрашиваемомъ имъ кредитѣ на экспедицію въ Египетъ и тѣмъ вызвала министерскій кризисъ, объ исходѣ котораго никто въ самой Франціи ничего опредѣленнаго сказать не можетъ. Что же означаетъ этотъ *вотумъ* Французской палаты столь неожиданно осложнившій и безъ того жалкое политическое положеніе Франціи? Выразилось ли въ немъ порицаніе ми-

лодушной и колеблющейся политики г. Фрейсине? Но въ такомъ случаѣ почему палата не сдѣлала этого ранѣе, въ то время когда еще было возможно чрезъ энергическое рѣшеніе предупредить или по крайней мѣрѣ иначе направить совершившіяся въ Египтѣ событія? Не далѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ та же самая палата утвердила первый сверхсмѣтный кредитъ въ $7^1/_2$ милліоновъ на предпріятія въ Египтѣ, а новый кредитъ въ $9^1/_2$ милліоновъ точно мотивированный г. Фрейсине, указавшимъ что правительство употребитъ оный на защиту Суэзскаго канала, для чего необходимо 4.000 человѣкъ, которые по соглашенію съ Англіей займутъ два пункта въ сѣверной части канала, это опредѣленное требованіе основанное притомъ на соглашеніи съ иностранною державой отвергнуто, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ должно считать отвергнутымъ и самое соглашеніе съ Англіей.

Но можетъ-быть мотивомъ послѣдняго голосованія было именно неодобреніе этого соглашенія, которое состоялось послѣ долгихъ колебаній съ той и другой стороны? Не значитъ ли это что большинство палаты рѣшилось дѣйствовать иначе и направить дѣйствіе Франціи въ ту сторону откуда ей грозитъ наибольшая опасность, что она предпочитаетъ лицемѣрному союзу съ Англіей открытое противодѣйствіе честолюбивымъ планамъ ея столь откровенно разоблаченнымъ газетой *Times?* Но парижская печать спѣшитъ опровергнуть такое заключеніе. Телеграфъ передаетъ изъ Парижа что по мнѣнію тамошнихъ газетъ никакого единомышленнаго большинства въ палатѣ нѣтъ и не было; вотумъ палаты есть де скорѣе результатъ враждебной министерству коалиціи чѣмъ точное выраженіе мнѣнія касательно иностранной политики, такъ какъ и приверженцы и противники вмѣшательства въ египетскія дѣла подали голоса противъ кабинета. Въ добавленіе ко всему, мы узнаемъ что парижскія газеты совѣтуютъ г. Греви поручить образованіе новаго кабинета гг. *Марсеру* и *Клемансо*, такъ какъ вотумъ палаты былъ слѣдствіемъ совокупной атаки этихъ двухъ лицъ, изъ коихъ послѣдній стоитъ во главѣ крайней радикальной партіи, почти ничѣмъ не отличающійся отъ фракціи непримиримыхъ и коммунаровъ, коими предводительствуютъ г. Рошфоръ и Луиза Мишель! О г. Гамбеттѣ, пока единственномъ человѣкѣ во Франціи который обнаружилъ государственный умъ и горячій патріотизмъ и который отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ чего онъ хочетъ, никто и теперь не говоритъ...

Таково положеніе въ коемъ очутилась Франція въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ какую ей приходится переживать съ тѣхъ поръ какъ она стала „настоящею" республикой и въ ней воцарился во всей своей неприкосновенности парламентскій режимъ. Для сравненія не мѣшаетъ припомнить что въ Англіи, гдѣ парламентаризмъ не есть что-либо извнѣ заимствованное, гдѣ онъ есть результатъ историческихъ вѣковыхъ условій, кабинету г. Гладстона тоже пришлось недавно претерпѣть парламентское пораженіе, которое при иныхъ условіяхъ неминуемо повлекло бы за собою перемѣну министерства; но г. Гладстонъ отнюдь не поспѣшилъ передать въ другія руки свою власть и вмѣстѣ и отвѣтственность за все то что имъ предпринято въ египетскомъ дѣлѣ. Торійская оппозиція, съ своей стороны, также далека была отъ мысли воспользоваться настоящимъ положеніемъ дабы свергнуть своего противника и вотировала вмѣстѣ съ вигами за потребованныя на египетское предпріятіе денежныя ассигновки.

Кризисъ происшедшій нынѣ во Франціи не можетъ не отозваться для нея пагубнымъ образомъ въ ту пору когда вопросъ объ Египтѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе принимаетъ размѣры Восточнаго вопроса во всей его совокупности. Сумѣютъ ли противники г. Фрейсине воспользоваться плодами своей побѣды, и кому изъ вожаковъ многочисленныхъ фракцій достанется добыча власти надъ Французскимъ народомъ, этотъ вопросъ есть внутреннее дѣло Франціи. Но шаткость внутренней власти есть во всякомъ случаѣ элементъ внѣшняго безсилія. Пока будетъ продолжаться министерскій кризисъ, голосъ Франціи, хотя бы только слабый и нерѣшительный, долженъ будетъ совершенно умолкнуть въ томъ дѣлѣ коимъ нынѣ занята Европа, и противники Франціи во всякомъ случаѣ воспользуются этимъ въ ущербъ ей. Для тѣхъ же кому могъ бы быть выгоденъ союзъ съ Франціей всякое соглашеніе съ нею становится до такой степени сомнительнымъ и шаткимъ что выгоднѣе остановиться на какой бы то ни было комбинаціи изъ которой исключено

содѣйствіе Франціи какъ величины неопредѣленной и не поддающейся вычисленіямъ.

Упомянутая выше статья газеты *Times*, отъ 26 іюля, въ которой такъ смѣло высказываются притязанія Англіи на протекторатъ надъ Египтомъ, причемъ Англія не должна де считать себя связанною дипломатическими обязательствами принятыми ею при „другихъ условіяхъ," причинила большой переполохъ въ Германіи. Берлинскія газеты не сомнѣваются что органъ Лондонскаго Города выразилъ въ этомъ случаѣ не личное свое мнѣніе, а задушевное желаніе и стремленіе самого англійскаго кабинета; онѣ считаютъ статью „угрозой" по отношенію къ „Европѣ" и отвѣчаютъ угрозой въ свою очередь. Берлинскія газеты считаютъ себя повидимому уполномоченными говорить отъ имени Европы, и отвѣчаютъ англійской газетѣ что „Европа" не допуститъ чтобъ Англія отступилась отъ своихъ обязательствъ и чтобъ она своею властью измѣнила отношенія Египта къ Портѣ и прочимъ державамъ.

Не знаемъ насколько въ статьѣ *Times* сказалась рѣшимость англійскаго правительства; но сомнѣваемся и въ томъ имѣютъ ли берлинскія газеты полномочіе возражать отъ имени всей Европы.

Безспорно что Египетскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ отдѣльно отъ Восточнаго вопроса вообще. Если Англія, дѣйствительно, считаетъ наступившимъ моментъ для осуществленія своихъ замысловъ на долину Нила, то она безъ сомнѣнія сознаетъ что и вопросъ о Босфорѣ созрѣлъ для окончательнаго рѣшенія. Г. Гладстонъ впрочемъ никогда и не скрывалъ своего убѣжденія что пора положить конецъ турецкому владычеству въ Европѣ. Ненависть которую нѣмецкая печать питаетъ къ англійскому премьеру обусловливается не столько этимъ убѣжденіемъ г. Гладстона, сколько тѣмъ что онъ съ неменьшею энергіей высказался противъ правъ Австріи на турецкое наслѣдіе. Совершенно понятно поэтому что австро-нѣмецкая печать не можетъ допустить такой комбинаціи при которой возможно было бы соглашеніе съ Англіей, соглашеніе относящееся не только до Египта, но и до Босфора, который для Англіи потерялъ все свое значеніе съ переходомъ въ ея руки Египта съ Суэзскимъ каналомъ.

Но если немыслимо подобнаго рода соглашеніе между Австріей и Германіей и кабинетомъ г. Гладстона, то есть возможность соглашенія между Англіей и Россіей, какъ намѣтилъ тридцать лѣтъ тому назадъ императоръ Николай.

№ 203.

Москва, 23-го іюля.

Съ истеченіемъ срока опредѣленнаго для его занятій, Торгово-Промышленный Съѣздъ въ Москвѣ закрытъ при подобающей случаю торжественной обстановкѣ. Члены Съѣзда разошлись каждый къ своему мѣсту и къ своему дѣлу. Настала пора спросить чѣмъ завѣнчалась ихъ совокупная трехнедѣльная дѣятельность, какіе дала результаты, кому послужила на пользу.

Резолюціи постановленныя большинствомъ голосовъ по разнымъ вопросамъ въ каждомъ изъ отдѣленій Съѣзда подверглись разсмотрѣнію и голосованію въ послѣднемъ общемъ его собраніи и будутъ, конечно, представлены правительству. Но, спрашивается, лучше ли будетъ ознакомлено правительство съ нуждами промышленнаго и торговаго міра по прочтеніи резолюцій Съѣзда чѣмъ было до ихъ постановленія? Разныя лица принимавшія участіе въ занятіяхъ Съѣзда желаютъ чтобы въ интересахъ торговли и промышленности было сдѣлано то-то и то-то. Но на чемъ можетъ быть основана увѣренность что исполненіемъ желаній выраженныхъ большинствомъ этихъ лицъ будутъ удовлетворены дѣйствительныя нужды торгово-промышленнаго міра? Этотъ міръ, конечно, имѣлъ на Съѣздѣ своихъ представителей. Но по каждому вопросу голоса людей дѣйствительно въ немъ заинтересованныхъ терялись въ массѣ другихъ, для кого въ сущности все равно какой бы оборотъ ни приняло обсуждаемое дѣло, въ какія бы условія ни было оно поставлено. Отъ имени каждой отрасли промышленности и торговли говорили и полагали резолюціи люди никакого отношенія къ ней не имѣющіе и часто вовсе не знакомые съ ея положеніемъ. И правительство приглашается прислушаться къ этимъ резолюціямъ и принять ихъ во вниманіе при постановкѣ законодательныхъ рѣшеній по торговой и промышленной частямъ...

Соблюденіе интересовъ торговли и промышленности составляетъ несомнѣнно важную правительственную задачу. Ближай-

шее ознакомленіе съ нуждами разныхъ отраслей промышленности для администраціи необходимо. Но требуется дѣйствительное, а не мнимое знаніе условій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ для каждаго вида экономической дѣятельности, и прямой путь къ тому чтобы познакомиться съ дѣломъ какъ оно есть — спросъ тѣхъ людей которые этимъ дѣломъ занимаются. О томъ что нужно для горнаго дѣла нужно спрашивать у горнопромышленниковъ, а не у кожевенныхъ заводчиковъ и не у табачныхъ фабрикантовъ; объ условіяхъ необходимыхъ для развитія льняной промышленности странно было бы спрашивать сахароваровъ. Между тѣмъ, именно такая-то странность и имѣла мѣсто на Съѣздѣ по отношенію почти ко всѣмъ обсуждавшимся на немъ вопросамъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, вообще каждый представитель какой бы то ни было отрасли отечественной торговли считался знатокомъ и компетентнымъ судьей не по тому только дѣлу съ которымъ связаны его кровные интересы, но рѣшительно по всякому. Точно такая же компетентность сужденій признавалась за каждымъ изъ многочисленныхъ членовъ „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли“ и всѣхъ иныхъ обществъ „занимающихся разработкой экономическихъ и промышленныхъ вопросовъ,“ хотя въ числѣ этихъ членовъ значатся цѣлыя массы людей никакою промышленностью и торговлей не занимающіеся и любящіе только празднословить о нихъ. Вотъ кѣмъ баллотировались постановленныя на Съѣздѣ резолюціи. Иныя изъ этихъ резолюцій случайно совпадаютъ съ дѣйствительными нуждами промышленности, другія радикально съ ними расходятся. Тѣ и другія одинаково прошли чрезъ процессы баллотировки и получили санкцію Съѣзда, какъ бы нѣкоего торгово-промышленнаго парламента. Для кого, однако, нужна эта санкція и чего она стоитъ?

На заключительномъ общемъ собраніи Съѣзда, однимъ изъ его членовъ было сдѣлано предложеніе о періодическомъ созывѣ съѣздовъ подобныхъ нынѣшнему каждые три года. Предложеніе это было встрѣчено Съѣздомъ сочувственно. Едва ли, однако, съ такимъ же сочувствіемъ было бы принято это предложеніе серіозными людьми изъ среды торгово-промышленнаго міра, дѣйствительными его представителями. Торгово-промышленные съѣзды, какъ средство для совѣщаній о затрогивающихъ ихъ интересы обстоятельствахъ на которыя нужно обратить вниманіе властей, и какъ путь ознакомленія правительства съ тѣмъ что требуется для успѣшности дѣла которымъ они занимаются, конечно, желательны для промышленныхъ и торговыхъ людей, они для нихъ дѣйствительно нужны, чего нельзя сказать о многихъ ораторахъ закрывшагося Съѣзда. Но для промышленныхъ и торговыхъ людей нужны совсѣмъ не такіе съѣзды. Дѣловымъ людямъ нужно настоящее дѣло, а не фальшивое подобіе дѣла, не фарсъ, который можетъ внести только вредную фальшь въ дѣло промышленности и торговли. Имъ нужны съѣзды на которыхъ люди группирующіеся около каждаго промышленнаго и торговаго интереса могли бы высказаться вполнѣ, не заглушаемые жужжаніемъ разныхъ трутней, не сбиваемые съ толку неидущимъ къ дѣлу краснобайствомъ и не стѣсняемые формализмомъ обычныхъ пріемовъ обсужденія вопросовъ въ общественныхъ говорильняхъ. Имъ нужны съѣзды на которыхъ каждое дѣло обсуждалось бы только тѣми кому оно, не на словахъ только, а дѣйствительно близко и дорого, тѣми кто кладутъ на него и свой трудъ и свои капиталы, съѣзды на которыхъ прядильное дѣло обсуждалось бы прядильщиками, а не винодѣлами, производство машинъ — механическими заводчиками, а не химиками, и всего менѣе чиновниками и разными дилеттантами. При такой спеціализаціи занятій, при обсужденіи каждаго вопроса только въ средѣ людей прямо имъ заинтересованныхъ, результаты совѣщаній имѣли бы дѣйствительно серіозное значеніе, и заявленія съѣздовъ дѣйствительно знакомили бы администрацію съ тѣмъ что нужно для каждой отрасли промышленности и торговли. Въ группѣ людей занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ имѣло бы смыслъ и рѣшеніе иныхъ вопросовъ большинствомъ голосовъ, тогда какъ голосованіе вопроса касающагося одной промышленной спеціальности людьми другихъ спеціальностей непремѣнно внесетъ фальшь въ дѣло. Не бѣда если заявленія и ходатайства отъ имени разныхъ интересовъ будутъ разнорѣчивы, если напримѣръ желанія прядильщиковъ окажутся противоположны желаніямъ ткачей. Эти разнорѣчія могутъ удобно сгладиться на самомъ

съѣздѣ, ибо ничто не помѣшаетъ ткачамъ сойтись съ прядильщиками для совмѣстнаго обсужденія спорныхъ между ними предметовъ. Но еслибы соглашенія расходящихся интересовъ на съѣздѣ и не произошло, правительство имѣло бы налицо *истинныя* требованія той или другой отрасли промышленности, и въ случаѣ ихъ антагонизма могло бы болѣе или менѣе уравновѣсить ихъ, ибо каждый интересъ заявилъ бы предъ нимъ все что можетъ въ свою защиту. Нужды и желанія промышленности дошли бы до правительства во всей ихъ реальной правдѣ, а не въ фальшивой окраскѣ какую принимаютъ они проходя сквозь призму обсужденій и голосованій въ сборищахъ подобныхъ только-что разошедшемуся Съѣзду.

Торгово-промышленные съѣзды могутъ быть желательны и полезны, но лишь при условіи правильной организаціи, а не той какая была дана послѣднему съѣзду созвавшимъ его частнымъ обществомъ. Нужны съѣзды отъ которыхъ правительство слышало бы правду и на которые люди промышленнаго и торговаго міра собирались бы съ увѣренностью что ихъ заявленія не подвергнутся ни чьимъ искаженіямъ и дойдутъ до правительства во всей ихъ прямотѣ, а не въ томъ видѣ какой нравится любителямъ обсуждать всевозможные экономическіе вопросы. Не этимъ любителямъ, полагаемъ, должна принадлежать и иниціатива промышленныхъ съѣздовъ. Гораздо лучше чтобъ они созывались самимъ правительствомъ. Программа съѣздовъ была бы при этомъ, конечно, не такъ широковѣщательна какъ та съ которою мы недавно имѣли дѣло; она ограничивалась бы болѣе тѣснымъ кругомъ того чѣмъ наиболѣе озабочены интересы торгово-промышленнаго міра. Но менѣе широкая и за то серіозная программа навѣрно привлекла бы на съѣздъ гораздо болѣе многочисленныхъ представителей промышленности и торговли чѣмъ сколько видѣли мы ихъ на закрывшемся съѣздѣ. Отъ участія въ немъ не сторонились бы многіе дѣловые люди, какъ это было нынѣ, и участники съѣзда вѣроятно не разочаровывались бы въ немъ, какъ разочаровались многіе въ нынѣшнемъ сожалѣя о потерянномъ въ его засѣданіяхъ времени.

№ 204.

Москва, 24-го іюля.

Египетское дѣло все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ столкновенія между Турціей и Англіей, которое съ часу на часъ можетъ дойти до открытой вражды. Вопросъ поставленъ ребромъ, и если дипломатіи не удастся оттянуть роковую развязку, Европѣ придется присутствовать при событіяхъ въ которыхъ, независимо отъ ихъ исхода, скажется иронія исторической судьбы. Четыре года послѣ Берлинскаго трактата отпразднованнаго въ Англіи какъ великій тріумфъ и три года послѣ того какъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Солсбери, провозгласилъ основаніе австро-германскаго единенія „благовѣстіемъ,“ Британской имперіи приходится пережить въ той же почти послѣдовательности весь тотъ рядъ дипломатическихъ и иныхъ испытаній чрезъ которыя прошла Россія. Разница заключается лишь въ томъ, что Россія дѣйствовала для освобожденія единоплеменныхъ ей народовъ, между тѣмъ какъ Англія, вѣрная *своей* исторической традиціи, имѣетъ въ виду лишь захватъ и вовсе этого не скрываетъ. Помимо этого различія, все остальное поразительно напоминаетъ событія предшествовавшія послѣдней Восточной войнѣ. Въ Константинополѣ опять засѣдаетъ конференція представителей всѣхъ великихъ державъ, имѣющая своимъ офиціальнымъ назначеніемъ „предотвратить европейскую войну и оградить неприкосновенность верховныхъ правъ султана.“ Турецкая дипломатія все также изощряется въ искусствѣ учитывать въ свою пользу взаимное недовѣріе державъ, ловко маневрируетъ среди той путаницы взаимно парализующихъ себя стремленій и интересовъ, которая именуется „концертомъ.“ И попрежнему „честный маклеръ“ невидимо направляетъ событія такимъ образомъ чтобъ ему принадлежалъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ, въ которомъ онъ, также какъ и прежде, объявляетъ себя отнюдь не заинтересованнымъ. Политическій маневръ направленъ къ тому чтобы поставить рѣшившуюся дѣйствовать державу въ изолированное положеніе, но въ то же время направить дѣло такимъ образомъ чтобы столкновеніе, о предупрежденіи коего будто бы пе-

чется европейскій ареопагъ, стало неизбѣжнымъ. Пунктомъ разногласія, грозящаго на этотъ разъ разразиться открытымъ столкновеніемъ между Англіей и Турціей, сталъ вопросъ о томъ, долженъ ли турецкій султанъ всенародно объявить Араби-пашу бунтовщикомъ теперь же, до прибытія посылаемыхъ султаномъ войскъ, или же по прибытіи оныхъ въ Египетъ. Въ засѣданіи Константинопольской конференціи, 2 августа (21 іюля), взаимныя притязанія Англіи и Турціи формулованы болѣе опредѣленнымъ образомъ чѣмъ было до сихъ поръ и, вопреки первоначальному рѣшенію, держать совѣщанія конференціи въ тайнѣ, телеграфъ поспѣшилъ оповѣстить немедленно о томъ что въ этотъ день происходило. Такая поспѣшность въ оглашеніи дипломатическихъ переговоровъ есть сама по себѣ признакъ ускореннаго темпа который приняли событія и не предвѣщаетъ ничего добраго. Представитель Англіи на конференціи изложилъ англійскую программу, не оставляющую сомнѣнія въ томъ что Англія отнюдь не намѣрена вернуться съ того пути на который она вступила. Англія поставила своею задачей, какъ заявилъ лордъ Дёфферинъ, возстановить въ Египтѣ миръ и порядокъ, обезпечить свободу плаванія по Суэзскому каналу и поднять авторитетъ хедива. *Оставляя за собою свободу дѣйствій которыя могутъ быть вызваны обстоятельствами*, Англія готова де *принять содѣйствіе* всякой державы которая изъявитъ на это свое согласіе, не исключая „дружественнаго" содѣйствія султана. Но содѣйствіе султана она принимаетъ не безусловно, такъ какъ еще требуется выяснить съ какою цѣлью явятся въ Египетъ турецкія войска, будутъ ли они дѣйствовать какъ союзники Англичанъ или же послужатъ подкрѣпленіемъ для Араби-паши. Вотъ почему Англія соглашается не иначе допустить турецкія войска въ Египетъ какъ послѣ торжественнаго заявленія султана что онъ порвалъ всякую связь съ египетскимъ вожакомъ. Турецкій делегатъ, игнорируя притязаніе Англіи, выставляющей себя хозяиномъ въ Египтѣ, возразилъ какъ бы намѣренно парафразируя слова лорда Дёфферина что „Порта никогда не отклоняла содѣйствіе другихъ державъ для возстановленія въ Египтѣ *status quo*;" но что она считаетъ заявленіе англійскаго представителя не согласнымъ съ мнѣніями другихъ державъ одобряющихъ отправку въ Египетъ турецкихъ войскъ и не требующихъ того условія которое ставитъ султану Англійское правительство.

Одновременно съ этими сообщеніями о заявленіяхъ сдѣланныхъ на конференціи, телеграфъ спѣшитъ передать содержаніе нотъ коими обмѣнялись по тому же предмету, въ тотъ же день, Англія и Порта. Лордъ Дёфферинъ настойчиво требуетъ прокламаціи противъ Араби-паши, заявляя что въ противномъ случаѣ высадка турецкихъ войскъ въ Египтѣ *не можетъ состояться*. А газета *Times*, всегда въ этихъ случаяхъ дополняющая недомолвки и неопредѣленныя выраженія офиціальныхъ дипломатическихъ актовъ, заявляетъ что турецкія войска встрѣтятъ со стороны англійскихъ войскъ прямое сопротивленіе, если требованіе Англіи не будетъ исполнено. Порта же отвѣтила на это требованіе что прокламація противъ Араби-паши будетъ ею обнародована лишь по прибытіи ея войскъ въ Египетъ и притомъ лишь въ томъ случаѣ если того потребуютъ обстоятельства. Но само собою разумѣется что „обстоятельства этого не потребуютъ" если турецкимъ войскамъ, прежде чѣмъ высадиться на египетскій берегъ, придется начать враждебныя дѣйствія противъ англійскихъ военныхъ силъ находящихся въ Египтѣ. Араби-паша станетъ въ этомъ случаѣ союзникомъ Турціи; да и одной ли Турціи? Послѣднее рѣшеніе европейской дипломатіи заключается повидимому въ томъ чтобы выступить противъ притязаній Англіи и поставить ее по отношенію къ Европѣ въ такое положеніе какое она требуетъ для Араби-паши по отношенію къ Портѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Италія взяла на себя иниціативу новаго предложенія, съ которымъ въ засѣданіи 2 августа согласились представители Россіи, Австріи, Германіи и Турціи. Оно заключается въ томъ чтобы державы предприняли совмѣстное дѣйствіе для защиты Суэзскаго канала, о которомъ вопросъ выдѣляется изъ вопроса объ Египтѣ и о возстановленіи *status quo*, на что дано согласіе Турціи. Предложеніе это заключается въ томъ чтобы безопасность канала была ввѣрена международной полиціи, состоящей исключительно изъ морскихъ силъ, по заранѣе опредѣленной программѣ, причемъ *исключается высадка войскъ и другія военныя дѣйствія*. Въ то же самое время мы узнаемъ что Англи-

чане 2 августа заняли Суэзъ. Такое занятіе, очевидно, доказываетъ намѣреніе Англіи противопоставить дипломатическимъ рѣшеніямъ совершившіеся факты и оставить за собою послѣднее слово. Итакъ, остается развѣ дать турецкимъ войскамъ, а стало-быть и Араби-пашѣ „европейскій мандатъ“ выбить Англію изъ захваченныхъ ею позицій.

Вотъ какія открываются неожиданныя перспективы, если буквально принимать то что сообщается публикѣ какъ рѣшеніе къ коему будто бы пришла дипломатія. Но нужно думать что дипломатія окажется и на этотъ разъ безсильною затормозить ходъ событій. Тщетно было бы предугадывать направленіе которое примутъ событія. Во всякомъ же случаѣ благоразумнѣе выждать ихъ результата, сообразуясь исключительно съ собственнымъ интересомъ, не связывая свободы своихъ дѣйствій и будущихъ своихъ рѣшеній „коллективными соглашеніями,“ въ коихъ нѣтъ и не можетъ быть единства цѣли, по отсутствію въ нихъ единства интереса.

№ 206.

Москва, 26-го іюля.

Когда 30 января 1879 года Французское Національное Собраніе избрало президентомъ республики гражданина Греви, доктринеры парламентаризма поздравляли другъ друга съ началомъ новой эры счастія и величія Франціи. Теперь, говорили они, начнется добросовѣстное примѣненіе парламентскаго режима, которому ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ не будетъ препятствовать чья бы то ни было личная воля; теперь народъ дѣйствительно самъ будетъ распоряжаться своею судьбой, и мы покажемъ де Европѣ какія чудеса творитъ парламентаризмъ если только предоставить полную свободу его конституціоннымъ проявленіямъ. Восемь лѣтъ мы боролись де противъ явныхъ и тайныхъ враговъ абсолютной свободы парламента, и вотъ побѣда осталась на нашей сторонѣ. Теперь препятствія мѣшавшія свободнымъ функціямъ нашихъ парламентскихъ учрежденій (le libre jeu de nos institutions parlementaires) устранены; во главѣ правительства стоитъ человѣкъ чья испытанная честность намъ служитъ порукой за полную свободу парламента, и въ скоромъ времени противники парламентаризма должны будутъ сознаться что всѣ мнимые его недостатки происходятъ отъ какого-нибудь искаженія основнаго принципа его свободы, но что если правительство не будетъ вторгаться въ сферу дѣйствій народной воли, то страна быстрыми шагами пойдетъ по пути прогресса, достигнетъ небывалаго матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія и съ честью займетъ свое прежнее первенствующее мѣсто въ совѣтахъ Европы.

Такъ говорили въ началѣ 1879 года пророки шаблоннаго парламентаризма во Франціи, и за ними съ завистью восторгались счастливою судьбой Франціи и наши доморощенные парламентаристы, которые въ то время готовились осчастливить и Россію этимъ чудотворнымъ парламентскимъ режимомъ подъ евфемизмомъ „правоваго порядка.“

Съ тѣхъ поръ прошло три съ половиной года. Гражданинъ Греви вполнѣ оправдалъ всѣ ожиданія доктринеровъ народнаго самоуправленія. Онъ добросовѣстно исполнилъ роль манекена, предоставленную ему конституціей, и не ставилъ ни малѣйшихъ преградъ „свободной игрѣ парламентскихъ учрежденій,“ онъ строго охранялъ абсолютную конституціонную свободу парламента и постоянно подчинялся всѣмъ приказаніямъ, желаніямъ и фантазіямъ своенравнаго правителя Франціи. Парламентскій режимъ былъ дѣйствительно примѣненъ по всѣмъ правиламъ конституціоннаго искусства, но, къ великой досадѣ и разочарованію его пророковъ, привелъ къ самымъ неутѣшительнымъ результатамъ. Правящія сферы Франціи раздробились на мелкія эгоистическія партіи, непримиримо враждебныя между собой; Франція разстроила свои финансы, несмотря на свои баснословныя природныя богатства, и подготовила снова грозу соціальной революціи; пришла къ сознанію негодности своей арміи и ничего для улучшенія ея не сдѣлала; лишилась послѣднихъ остатковъ своего прежняго политическаго престижа и принуждена теперь занять въ совѣтѣ европейскихъ державъ самое скромное, изолированное мѣсто, такъ какъ никто съ ней никакого общаго дѣла имѣть не хочетъ и не можетъ; никогда еще кредитъ ея на международной политической биржѣ такъ низко не падалъ; даже въ 1871 году можно было

полагаться на слово Франціи, такъ какъ слово это давалъ г. Тьеръ; теперь же, съ уничтоженіемъ малѣйшихъ признаковъ живой власти, никто не вѣритъ слову Франціи, такъ какъ за это слово ручается не человѣкъ съ яснымъ сознаніемъ своей отвѣтственности, а безличная, хаотическая, капризная и неотвѣтственная толпа, именуемая въ хартіи конституціи „палатой представителей народа." Въ три съ половиной года безусловно точное примѣненіе парламентаризма низвело Францію до такого жалкаго, позорнаго положенія что сами республиканцы должны признать это быстрое паденіе; откройте любую республиканскую газету, и увидите какъ тамъ жалуются на то что безсильная, оподленная (avilie) республика изнемогаетъ въ хаотической анархіи подъ гнетомъ всеобщаго презрѣнія. Парламентаристы съ ужасомъ видятъ какому разложенію подверглось государство отъ быстраго, неудержимаго развитія разныхъ соціальныхъ язвъ, и сами теперь говорятъ что „національное представительство, нелѣпое произведеніе (produit incohérent) всевозможныхъ честолюбивыхъ, тщеславныхъ и хищническихъ стремленій и страстей сбившейся съ пути демократіи (d'une démocratie sans boussole), не знаетъ уже болѣе чего оно хочетъ и что оно дѣлаетъ." „Чтобы выпутаться изъ этого хаоса, говоритъ газета *Siècle*, органъ самого президента палаты депутатовъ, г. Бриссона, постоянно считавшагося однимъ изъ самыхъ пылкихъ адептовъ парламентаризма, нужно имѣть всемогущее положеніе какого-нибудь Бисмарка, за спиной котораго стоитъ побѣдоносная армія и раболѣпный парламентъ, или же сравнительно твердое и сильное положеніе Дизраэли или Гладстона, защищенное моремъ ото всякаго иноземнаго вторженія въ Англію, флотами ото всякаго нападенія на колоніи и огражденное отъ любопытства и слѣпой непредусмотрительности (imprévoyance aveugle) народныхъ массъ. Увы! Мы живемъ не на островѣ, у насъ нѣтъ ни Бисмарка, ни престижа трижды побѣдоносной арміи. Намъ нужно считаться со всеобщею подачей голосовъ и съ политическими ссорами которыя не слушаются никакого патріотизма и наконецъ, что всего грустнѣе, намъ нужно считаться съ арміей и флотомъ, которые вотъ уже двѣнадцать лѣтъ ждутъ своей окончательной реорганизаціи!"

Это тяжкое обвиненіе противъ парламентаризма, произнесенное такимъ человѣкомъ какъ г. Бриссонъ, всего лучше и яснѣе показываетъ какъ громаденъ и очевиденъ несомнѣнный вредъ причиненный несчастной Франціи хваленымъ режимомъ. И не знаменательно ли что республиканецъ Бриссонъ тоскуетъ о томъ что во Франціи нѣтъ какого-нибудь Бисмарка который поработилъ бы себѣ парламентъ и вывелъ бы республику изъ настоящаго хаоса.

Причины мрачнаго настроенія французскихъ республиканцевъ вполнѣ понятны. Ни разу еще послѣ войны 1871 года Франція не переживала такого тяжелаго, почти безвыходнаго кризиса какъ въ настоящую минуту На границахъ ея африканскихъ владѣній совершаются событія имѣющія міровое значеніе и близко ея касающіяся. Ея господствующее вліяніе въ Египтѣ подорвано; Суэзскій каналъ построенный Французами перешелъ совершенно даромъ въ руки Англичанъ; на глазахъ бездѣйствовавшаго французскаго флота погибъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ французской торговли, Александрія; съ каждымъ днемъ усиливается въ Африкѣ вліяніе Англіи и соразмѣрно съ этимъ падаетъ значеніе Франціи, и Франція вотъ уже цѣлую недѣлю, благодаря „свободной игрѣ своихъ парламентскихъ учрежденій," пребываетъ абсолютно безо всякаго правительства, такъ какъ палата депутатовъ поставила президента республики въ необходимость распустить министерство и въ невозможность составить другое. Шесть мѣсяцевъ палата депутатовъ поддерживала своимъ довѣріемъ ничтожество министра Фрейсине который на ея глазахъ довелъ Францію до настоящаго положенія. Онъ вѣчно колебался между миромъ и войной и изобрѣлъ наконецъ политику которая подъ видомъ миролюбія лишала въ одно и то же время Францію какъ выгодъ войны, такъ и выгодъ мира. Теперь же у Франціи нѣтъ даже и этого призрака политики. Съ 17 (29) іюля Франціей овладѣла летаргія, армія и флотъ ея прикованы къ тому мѣсту на которомъ ихъ засталъ этотъ роковой день паденія г. де-Фрейсине, а представители Франціи при европейскихъ дворахъ и на Константинопольской конференціи лишились права имѣть какое бы то ни было мнѣніе. Всѣ заснули какъ бы сказочнымъ сномъ, ожидая появленія того мага который ухитрится соста-

вить новый кабинетъ, который былъ бы принятъ палатой, и возвратить жизнь французской арміи, флоту и дипломатіи. Каждый видитъ что̀ нужно въ настоящее время для Франціи; но каждый понимаетъ также и то что, по правиламъ парламентаризма, онъ не будетъ въ состояніи дѣлать то что̀ нужно для Франціи, а принужденъ будетъ дѣлать то что̀ пожелаетъ палата депутатовъ, а палата депутатовъ сама не знаетъ чего она хочетъ, представляя собою безотвѣтственную толпу.

Нѣкоторые политики совѣтуютъ г. Греви распустить палату и назначить новые выборы, то-есть продолжить абсолютную летаргію Франціи по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ, съ тѣмъ чтобы послѣ выборовъ очутиться какъ разъ въ томъ же положеніи какъ и теперь, между тѣмъ какъ въ этотъ мѣсяцъ будетъ рѣшаться судьба Франціи въ Константинополѣ, Египтѣ, Алжирѣ. На это не согласится г. Греви, потому что прежде всего этого не захочетъ и сама палата. Чистый парламентаризмъ истощилъ всѣ свои доктрины, всѣхъ своихъ людей, всѣ свои комбинаціи, и дошелъ до абсурда. „Если не явится *человѣкъ съ высшимъ умомъ и желѣзною волей* чтобы насъ вырвать изъ этихъ византійскихъ препирательствъ, говоритъ *Gaulois*, мы приблизимся къ тому мгновенію когда будемъ только сбродомъ разнородныхъ личностей (un ramassis d'individus incohérents), предметомъ глумленія и презрѣнія для всего міра. Насъ часто спрашиваютъ да что̀ же вамъ надо? Намъ надо такого человѣка.“

А другія республиканскія газеты, какъ напримѣръ *Le National*, съ завистію указываютъ на Пруссію, гдѣ благодаря энергической волѣ князя Бисмарка во главѣ войска все время стоитъ одинъ человѣкъ, Мольтке, тогда какъ во Французской республикѣ военныхъ министровъ уже перемѣнилось одиннадцать человѣкъ!

Дѣйствительно, примѣръ „добросовѣстнаго примѣненія парламентаризма“ во Франціи оказался весьма поучительнымъ, даже болѣе поучительнымъ нежели намъ это обѣщали три года назадъ господа доктринеры. Къ несчастію для нихъ, имъ самимъ пришлось вывести изъ него много новыхъ и неожиданныхъ поученій и разочароваться въ чудотворныхъ качествахъ этого режима. Французскіе парламентаристы имѣютъ, какъ мы видѣли, столько мужества и патріотизма что сознаютъ свои ошибки, и это даетъ надежду что рано или поздно Франція оправится отъ тяжкихъ язвъ нанесенныхъ ей никуда негоднымъ государственнымъ устройствомъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ такого мужества и патріотизма у нашихъ пророковъ „правоваго порядка“ которые закрываютъ глаза предъ яснымъ примѣромъ Франціи, и все еще мечтаютъ о томъ какъ бы и Россію привести въ нынѣшнее положеніе Франціи...

№ 207.

Москва, 27-го іюля.

Толки европейской печати въ послѣдніе дни по поводу дипломатической стороны Египетскаго вопроса сосредоточиваются главнымъ образомъ на заявленіяхъ съ какими выступила Россія на Константинопольской конференціи. Офиціальное объ этомъ заявленіе впервые сообщили телеграммы изъ Константинополя, извѣстившія что русскій повѣренный въ дѣлахъ, г. Ону, объявилъ въ конференціи что Россія будетъ участвовать въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ лишь поскольку вопросъ будетъ касаться защиты Суэзскаго канала; что же касается вопроса о Египтѣ, то Россія считаетъ излишнимъ участвовать долѣе въ занятіяхъ конференціи по этому предмету. Это сообщеніе можно считать офиціально подкрѣпленнымъ въ виду того что оно было подтверждено англійскими министрами въ парламентѣ.

Касательно мотивовъ этого заявленія, въ иностранной печати обращено вниманіе на замѣтки *Journal de St.-Pétersbourg*, изъ коихъ послѣдняя гласитъ такъ:

„Иностранныя газеты пускаются въ безконечныя толкованія по поводу отсутствія русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ со времени одного изъ послѣднихъ собраній Константинопольской конференціи. Намъ кажется что объясненіе довольно простаго факта ищутъ слишкомъ далеко. Въ отсутствіи ясно опредѣленной программы касательно дѣйствія европейскаго концерта, обсужденія конференціи необходимо должны были оставаться безплодными. Трудно понять что могло выиграть достоинство Европы и въ частности каждой изъ державъ представленныхъ на конференціи играя по-

добную роль. Естественно что при такихъ обстоятельствахъ найдено было предпочтительнѣе выжидать пока въ виду конференціи будетъ положеніе болѣе ясное и опредѣленное. Этимъ объясняется инструкція данная русскому повѣренному въ дѣлахъ воздержаться до новаго распоряженія. Съ тѣхъ поръ мы замѣтили что обмѣнъ мыслей между кабинетами выяснилъ необходимость немедленнаго соглашенія въ виду защиты Суэзскаго канала, и что вслѣдствіе этого русскому повѣренному въ дѣлахъ было предписано присоединиться къ обсужденіямъ его товарищей объ этомъ неотложномъ вопросѣ. Кромѣ того, мы узнали что правительства получили предложеніе Англійскаго кабинета имѣющаго цѣлью въ точности опредѣлить принципы военнаго дѣйствія если таковое окажется необходимымъ въ Египтѣ. Такъ какъ это предложеніе можетъ послужить практическимъ основаніемъ для обсужденій конференціи, то мы не сомнѣваемся что русскій повѣренный въ дѣлахъ будетъ уполномоченъ принять въ нихъ участіе. Русское правительство всегда настаивало на поддержаніи европейскаго концерта. Оно желаетъ чтобъ онъ былъ серіознымъ, практическимъ, дѣйствительнымъ. При такихъ условіяхъ можно утверждать что оно никогда не откажется отъ участія подобающаго Россіи какъ великой европейской державѣ."

Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ названная газета можетъ быть признана выразительницей взгляда господствующаго въ офиціальныхъ сферахъ; но во всякомъ случаѣ мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе, не разъ и нами выраженное, что достоинство *Россіи* (такъ какъ о достоинствѣ Европы намъ нечего заботиться) несомнѣнно будетъ лучше охранено если она воздержится отъ „безплодныхъ" толковъ въ дипломатическомъ собраніи на Босфорѣ, которое, какъ и всѣ прежнія совѣщанія того же рода, не сумѣло ни предупредить, ни остановить событій. Но если таково убѣжденіе къ коему *наконецъ* привелъ печальный опытъ, то казалось бы, прямой выводъ долженъ быть тотъ что по Восточному вопросу вообще и по каждому частному его проявленію европейскій концертъ, какъ ни соблазнительна быть можетъ мечта о немъ въ интересахъ сохраненія всеобщаго мира, есть мечта, и что „серіознаго, дѣйствительнаго и *практическаго*" значенія концертъ ни въ какомъ случаѣ получить не можетъ. Поэтому если таковы условія которыя ставитъ Россія дабы въ будущемъ принять „подобающее ей какъ великой державѣ" участіе въ совѣщаніяхъ клонящихся къ поддержанію европейскаго концерта, то можно быть увѣрену что мы присутствуемъ теперь при послѣднемъ дипломатическомъ экспериментѣ этого рода. *Journal de St.-Pétersbourg*, по старой памяти, быть-можетъ объ этомъ и пожалѣетъ, но отнюдь не мы...

Весьма интересно однако прослѣдить какъ отнеслись наши заграничные друзья къ послѣднему шагу Россіи. Толки, которые намъ пришлось прочесть по этому поводу, чрезвычайно разнорѣчивы, и это одно уже служитъ доказательствомъ тому какъ значителенъ голосъ Россіи когда онъ раздается самостоятельно. До послѣдняго времени, пока не было ничего слышно о положеніи принятомъ Россіей по поводу египетскаго затрудненія, германская и австрійская печать представляли дѣло такимъ образомъ какъ будто Россія всецѣло присоединилась въ этомъ отношеніи къ австро-германскому единенію или, вѣрнѣе, напередъ подчинилась берлинскому капельмейстеру. Рѣчь шла постоянно о „восточныхъ" державахъ, въ противоположность къ западнымъ, то-есть къ Англіи и Франціи. Стали даже вновь поговаривать о пресловутомъ Тройномъ Союзѣ, который сама австро-германская печать давнымъ-давно провозгласила упраздненнымъ. Теперь же, когда Россіи пришлось отвести особое мѣсто въ извѣстіяхъ и сужденіяхъ по поводу египетскихъ дѣлъ, берлинская печать прежде всего постаралась истолковать заявленіе Россіи въ смыслѣ новаго затрудненія поставленнаго Англіи. А такъ какъ берлинская печать съ самаго начала приняла положеніе враждебное къ Англіи и отнюдь не скрываетъ того что усилія Германіи направлены къ тому чтобы ставить Англіи всяческія преграды въ ея египетскомъ предпріятіи, то и выходитъ какъ будто Россія, сдѣлавъ конференцію невозможною, поступила въ этомъ вполнѣ согласно съ видами Германіи. Въ этомъ смыслѣ высказались и многіе органы австро-венгерской печати, и даже *Пештскій Ллойдъ* нашелъ возможнымъ похвалить Россію за ея рѣшимость, которая окончательно де приперла къ стѣнѣ

г. Гладстона и облегчила затрудненія Турціи. За эту-то услугу, оказанную „калифу,“ *Пештскій Ллойдъ* и готовъ простить Россіи всѣ ея прегрѣшенія. Но не нужно быть посвященнымъ въ тайны дипломатическихъ переговоровъ чтобъ убѣдиться что эти похвалы расточаемыя Россіи вовсе не заслужены ею и такое толкованіе заявленнаго ею рѣшенія воздержаться отъ участія въ конференціи едва ли согласно съ дѣйствительностью. Если всѣ „восточныя“ державы были одинаково убѣждены что участвовать въ конференціи значитъ унижать свое достоинство, и если продолженіе конференціи было выгодно только для Англіи, то почему нужно было дожидаться чтобы Россія первая объ этомъ заявила? Зачѣмъ конференція вообще собралась и почему она не была по крайней мѣрѣ распущена послѣ бомбардированія Александріи, когда уже слишкомъ ясно обнаружилось ея безсиліе? Не вѣрнѣе ли допустить что сложная политическая игра затѣянная по поводу Египетскаго вопроса была основана именно на Константинопольской конференціи? Тамъ прикрѣплены были всѣ нити раскинутой имъ паутины и оттуда же онѣ расходились во всѣ концы. Достаточно припомнить что еще весьма недавно было офиціозно заявлено въ берлинской печати что князь Бисмаркъ вновь принялъ на себя роль „честнаго маклера...“ Теперь же берлинскія газеты сами сознаютъ что вслѣдствіе заявленія Россіи каждой изъ державъ возвращена полная свобода дѣйствій, и стало-быть нѣтъ болѣе мѣста къ примѣненію маклерскаго искусства которое до сихъ поръ съ успѣхомъ примѣнялось лишь за зеленымъ столомъ „совокупныхъ“ совѣщаній.

Не всѣ впрочемъ органы австро-германской печати толкуютъ дѣло указаннымъ образомъ. *Neue Freie Presse*, напримѣръ, высказывается по поводу заявленія Россіи въ томъ смыслѣ что оно составляетъ весьма важное обезпеченіе для Англіи, такъ какъ послѣдняя освобождена нынѣ отъ обязательствъ принятыхъ ею на себя предъ конференціей, въ томъ числѣ и отъ согласія изъявленнаго ею раньше на вмѣшательство Турціи въ египетскія дѣла, въ то время, когда Турція уклонялась не только отъ этого вмѣшательства, но и отъ участія въ конференціи. Теперь для Англіи важнѣе всего воспрепятствовать Турціи въ отсылкѣ ея войскъ въ Египетъ, на что Портой получено полномочіе отъ Европы. Но коль скоро нѣтъ болѣе „коллективной воли Европы,“ олицетворенной будто бы въ конференціи, то и сказанное полномочіе потеряло свою силу, и Англія можетъ смѣло воспротивиться высадкѣ турецкихъ войскъ въ Египтѣ. Что же касается шансовъ для Турціи на подмогу со стороны какой-либо изъ державъ въ отдѣльности, то въ этомъ отношеніи названная вѣнская газета, извѣстная своею симпатіей къ Турціи, весьма мало надѣется. Поэтому она совѣтуетъ Турціи не слишкомъ возвышать тонъ противъ Англіи, съ которою ей приходится де стать лицомъ къ лицу, и по возможности подчиниться ея требованіямъ, дабы Англія не могла воспользоваться ея сопротивленіемъ какъ предлогомъ къ войнѣ противъ нея, которая неминуемо должна де окончиться гибелью для Турціи.

Таковы сужденія вызванныя въ иностранной печати послѣднимъ шагомъ Россіи. Со своей стороны мы можемъ лишь повторить что интересы Россіи будутъ тѣмъ лучше охранены чѣмъ менѣе она будетъ заботиться объ охраненіи невозможнаго на дѣлѣ европейскаго концерта и чѣмъ болѣе она будетъ заботиться о своихъ выгодахъ...

№ 208.

Москва, 28-го іюля.

Обращаемъ особое вниманіе читателей на статью „Правительственная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ.“ Было бы жаль еслибы подробно высказанная въ ней мысль прошла незамѣченною.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оставлять государственные пути сообщенія въ частномъ владѣніи и управленіи, или напротивъ они должны быть взяты правительствомъ въ свои руки, въ принципѣ можно считать рѣшеннымъ. Безчисленныя неудобства и невыгоды къ которымъ ведетъ существующая система управленія желѣзными дорогами обозначились съ такою ясностію что едва ли кто, помимо желѣзнодорожныхъ обществъ, взялъ бы нынѣ на себя неблагодарную задачу защищать эту систему. Всѣ убѣждены что съ существующими порядками или, точнѣе, безпорядками желѣз-

подорожнаго хозяйства необходимо покончить, и покончить какъ можно скорѣе; всѣ также согласны что государственное дѣло не должно быть ведено въ направленіи требуемомъ своекорыстными интересами разныхъ группъ частныхъ людей, что получить надлежащее направленіе оно можетъ лишь находясь въ непосредственномъ завѣдываніи государства и прямыхъ его органовъ. Но обращаясь отъ рѣшенія вопроса въ принципѣ къ рѣшенію его на практикѣ, многіе невольно останавливаются предъ трудностями которыя должны встрѣтиться при замѣнѣ нынѣшняго частнаго управленія желѣзными дорогами казеннымъ. Желѣзнодорожное дѣло несомнѣнно есть дѣло государственное, но въ то же время оно есть дѣло коммерческое, а въ коммерческихъ дѣлахъ, какъ показали многочисленные опыты, казна плохой хозяинъ. Хромаетъ желѣзнодорожное хозяйство въ рукахъ нынѣшнихъ его заправителей, но лучше ли оно пойдетъ, и не захромаетъ ли еще болѣе перейдя въ руки чиновниковъ? Теперь дѣло идетъ дурно потому что управляющіе имъ заинтересованы въ немъ односторонне, причемъ ихъ интересы часто идутъ въ разрѣзъ и съ казенными, и съ тѣми ради коихъ желѣзныя дороги построены. Но лучше ли будетъ если управлять дѣломъ будутъ люди вовсе не заинтересованные въ томъ какъ оно идетъ и заботящіеся только о внѣшнемъ исполненіи служебныхъ обязанностей? Чтобъ идти успѣшно, всякое дѣло требуетъ хозяйскаго глаза, для котораго оно свое, а не чужое, а будетъ ли оно своимъ для чиновниковъ? Не внесутъ ли они въ него, вмѣсто живаго къ нему отношенія, систему мертваго формализма, и не попадемъ ли мы въ такомъ случаѣ изъ огня въ полымя? Подобныя опасенія высказывались много разъ, и въ нихъ видятъ главное препятствіе рѣшенію желѣзнодорожнаго вопроса въ направленіи требуемомъ государственными интересами. Но въ самомъ ли дѣлѣ, при казенной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, нельзя избѣжать тѣхъ неудобствъ чиновничьяго управленія которыхъ такъ опасаются? Намъ не разъ приводилось ставить этотъ вопросъ и указывать на путь къ его рѣшенію, и мы не можемъ не порадоваться помѣщенной въ двухъ послѣднихъ нумерахъ нашей газеты основательной статьѣ обстоятельно обсуждающей этотъ вопросъ.

Казна плохой хозяинъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, но это не значитъ чтобы не нашлось честныхъ людей способныхъ къ завѣдыванію ими и чтобы правительство не могло избрать этихъ людей своими агентами. Задача состоитъ лишь въ томъ какъ привлечь этихъ людей къ управленію казенными дорогами, какъ сдѣлать чтобъ они не относились къ дѣлу какъ наемники, въ какія условія поставить ихъ дѣятельность чтобъ она была наиболѣе плодотворною. Въ своей статьѣ Д. Г. такъ рѣшаетъ эту задачу. Весь успѣхъ желѣзнодорожнаго дѣла, и безопасность движенія, и сохранность грузовъ, и увеличеніе провозоспособности дороги, и возрастаніе сборовъ, и сокращеніе расходовъ экплуатаціи, все зависитъ отъ управляющаго дорогой и отъ лицъ на ней служащихъ. Заинтересуйте ихъ въ томъ чтобы дѣла на дорогѣ шли какъ можно лучше и поставьте ихъ въ возможность дѣлать все необходимое для улучшенія дороги, правильнаго по ней движенія и всего желѣзнодорожнаго хозяйства, предоставивъ имъ съ этою цѣлію достаточныя полномочія и денежныя средства, при строгомъ контролѣ который не допускалъ бы никакихъ злоупотребленій, но не связывалъ бы по рукамъ и по ногамъ людей которымъ дорога ввѣрена. Сдѣлайте такъ чтобъ управляющій дорогой и другіе служащіе на ней, работая на казну, знали что вмѣстѣ съ тѣмъ они работаютъ на себя; пусть они, помимо получаемаго жалованья, будутъ пайщиками въ чистомъ даваемомъ дорогой доходѣ. Введите на желѣзныхъ дорогахъ строгій фактическій контроль, и затѣмъ ввѣрьте управленіе желѣзными дорогами способнымъ, опытнымъ и трудолюбивымъ управляющимъ на коммерческихъ основаніяхъ, поставивъ ихъ въ самостоятельное, но отвѣтственное положеніе и заинтересовавъ ихъ, какъ и вообще служащихъ, процентнымъ вознагражденіемъ изъ чистой прибыли дороги; при томъ ввѣрьте дороги способнымъ людямъ не на годъ, не на два, а на достаточно-продолжительный срокъ дабы управляющіе дорогами могли быть увѣрены что успѣютъ воспользоваться плодами своей дѣятельности. Вотъ главныя условія при которыхъ, какъ полагаетъ авторъ статьи, казенная эксплуатація желѣзныхъ дорогъ могла бы пойти правильнымъ и наиболѣе выгоднымъ для казны и всей стра-

ны путемъ. Его доводы совершенно убѣдительны. „Какъ полный хозяинъ дѣла съ которымъ тѣсно связаны его интересы (процентное съ чистаго дохода вознагражденіе), замѣчаетъ онъ, управляющій дорогой будетъ имѣть возможность сдѣлать значительныя сбереженія въ расходахъ, уменьшивъ излишніе, не вызываемые необходимостью пробѣги поѣздовъ, съ соотвѣтственнымъ сокращеніемъ поѣздной прислуги и сбереженіемъ топлива и другихъ матеріаловъ тракціи; онъ строго обдумаетъ тракціи; онъ строго обдумаетъ и составитъ планъ передвиженія грузовъ какъ сквозныхъ между конечными пунктами линіи, такъ и промежуточныхъ, а также и передвиженія пассажировъ, введетъ систему прицѣпокъ и отцѣпокъ на станціяхъ товарныхъ и пассажирскихъ вагоновъ, заведетъ порядокъ нагрузокъ и выгрузокъ вагоновъ устраняющій непроизводительные ихъ простои; сумѣетъ съ тѣмъ же количествомъ подвижнаго состава перевозить большее количество грузовъ и пассажировъ, прекратитъ хищеніе какъ перевозимыхъ товаровъ, такъ и матеріаловъ, озаботится своевременнымъ заготовленіемъ, по дѣйствительнымъ, а не дутымъ цѣнамъ, топлива и другихъ матеріаловъ движенія и ремонта, уволитъ лишнихъ служащихъ въ конторахъ и на станціяхъ, прибавивъ жалованье желѣзнодорожнымъ мастерамъ, стрѣлочникамъ и сторожамъ на линіи, отъ усердной службы которыхъ главнѣйшимъ образомъ зависитъ безопасность движенія и которые нынѣ получаютъ грошевое сравнительно съ другими служащими жалованье, заведетъ пенсіонные или эмеритальные капиталы, которые законно обезпечивали бы будущнось всѣхъ служащихъ, и прекратили бы съ ихъ стороны попытки къ незаконнымъ самообезпеченіямъ, — словомъ, введетъ хозяйственность и строгій порядокъ въ дѣлѣ, безусловно необходимые въ каждомъ коммерческомъ предпріятіи и вполнѣ отсутствующіе нынѣ на нѣкоторыхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.“

Такова главная, основная мысль автора статьи о казенной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Эта статья, само собою разумѣется, не проектъ который оставалось бы только примѣнить къ дѣлу. Многія частности требуютъ разработки и могутъ стать предметомъ спора, напримѣръ какой процентъ и съ какихъ суммъ долженъ идти въ вознагражденіе управляющему и служащимъ, и можетъ ли онъ быть одинаковъ на всѣхъ дорогахъ; какія могутъ быть предоставлены управляющимъ дорогами полномочія по опредѣленію тарифовъ, какая доля валоваго сбора можетъ быть оставляема въ распоряженіи управляющаго на эксплуатаціонные расходы и т. п. За разработкой подробностей дѣло не станетъ, если будетъ усвоена основная мысль. А мысль, полагаемъ, заслуживаетъ серіознаго вниманія. Почему, въ самомъ дѣлѣ, казнѣ не дѣлиться доходомъ съ желѣзныхъ дорогъ съ тѣми кто будетъ заботиться о томъ чтобы доходъ возрасталъ если такая мѣра способна вызвать особыя старанія о возрастаніи дохода въ интересахъ государства? Почему не дать людямъ возможность наживать себѣ прямымъ честнымъ путемъ капиталы на службѣ правительству также какъ они наживаются въ частныхъ коммерческихъ дѣлахъ? Не будетъ ли это лучшимъ средствомъ устранить тѣ поползновенія къ незаконной наживѣ которыя, къ несчастію, такъ обычны въ желѣзнодорожной сферѣ?

№ 209.

Москва, 29-го іюля.

При утвержденіи 1 минувшаго іюня измѣненій въ нашемъ таможенномъ тарифѣ по европейской торговлѣ было постановлено что новыя пошлины должны вступить въ силу съ 1 числа сего іюля. Эта мѣсячная отсрочка была, конечно, не малою льготой для ввозителей иностранныхъ товаровъ. Такая отсрочка могла бы имѣть для нихъ не малое значеніе и въ былыя времена, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, но при теперешнихъ сообщеніяхъ можно было успѣть въ теченіе мѣсяца водворить въ Россіи цѣлыя горы товаровъ привезя безпошлинно тѣ которые съ 1 іюля впервые обложены пошлиной, или оплативъ прежнею низкою пошлиной тѣ по которымъ пошлина повышена. На дѣлѣ, такой льготный срокъ для ввоза въ Россію иностранныхъ товаровъ не ограничивался однимъ мѣсяцемъ. Многія измѣненія тарифа еще задолго до ихъ утвержденія были уже извѣстны поставщикамъ иностранныхъ товаровъ въ Россіи, что ими не скрывалось и о чемъ дѣлались ими газетныя оповѣщенія, и конечно они не упу-

стили воспользоваться добытыми ими по этой части свѣдѣніями. Результатомъ этого, само собою разумѣется, должно быть то что сдѣланныя въ тарифѣ измѣненія обратятся въ пользу русской промышленности не тотчасъ по вступленіи ихъ въ силу, а значительно позже, потому что сбыту ея продуктовъ придется еще не малое время конкуррировать съ массой товаровъ ввезенныхъ на льготныхъ условіяхъ, и пока эти товары не разойдутся, для нашей промышленности будетъ почти все равно, состоялись или не состоялись сдѣланныя въ тарифѣ перемѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, данная привозителямъ иностранныхъ товаровъ льгота, безъ сомнѣнія, сократила выгоды казны отъ сдѣланныхъ въ тарифѣ измѣненій: масса товаровъ ускользнула отъ уплаты въ казну повышенныхъ и вновь назначенныхъ пошлинъ. Была ли необходимость предоставлять такую льготу иностранной промышленности и торговлѣ?

Говорятъ что промышленности и торговлѣ нужно давать время приноровиться къ измѣненіямъ въ тарифѣ. Но намъ припоминается слѣдующій фактъ изъ исторіи нашихъ тарифовъ. Въ 1857 году былъ составленъ и утвержденъ 28 мая новый тарифъ по европейской торговлѣ. Общій характеръ этого тарифа достаточно извѣстенъ: это было общее сильное пониженіе пошлинъ чуть не со всѣхъ привозныхъ товаровъ; по нѣкоторымъ статьямъ пошлины понижались вдвое, втрое и даже въ большее число разъ. Тарифъ поражалъ почти всю русскую промышленность и торговлю какъ громомъ. Открывая широко ворота для наплыва иностранныхъ товаровъ, онъ совершенно измѣнялъ условія сбыта продуктовъ домашняго производства, для котораго нежданно-негаданно являлась на внутреннихъ рынкахъ сильная конкурренція чужеземцевъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда для иныхъ отраслей внутренняго производства возникалъ вопросъ о самой возможности ихъ дальнѣйшаго существованія, были всѣ основанія къ тому чтобы дать этимъ производствамъ достаточное время примѣниться къ новымъ ожидавшимъ ихъ условіямъ, опредѣливъ задолго срокъ съ котораго должны вступить въ силу пониженныя пошлины. Но русской промышленности не дано было ни срока, не передышки. Тарифъ 28 мая 1857 года былъ приводимъ въ дѣйствіе въ каждой таможнѣ со дня полученія его въ оной...

Почему же при такомъ обращеніи со своею промышленностью мы должны относиться совершенно иначе къ иностраннымъ промышленнымъ и торговымъ интересамъ, со щепетильною деликатностію ограждая ихъ ото всякихъ неожиданностей? Вышло однако такъ что не найдя вовсе нужнымъ церемониться со своими промышленными интересами, мы поставили себѣ какъ бы за непремѣнный долгъ деликатничать съ иностранными производителями и торговцами при всякой тарифной мѣрѣ вызываемой потребностями нашей страны. Установивъ въ 1876 году взиманіе пошлинъ золотомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ дали привозителямъ иностранныхъ товаровъ достаточный срокъ для уклоненія отъ ихъ уплаты. То же было сдѣлано при утвержденіи лѣтомъ 1880 года новаго тарифа на металлы и машины и при установленіи десятипроцентной надбавочной пошлины по случаю отмѣны соляного акциза. То же самое сочтено было нужнымъ сдѣлать и при измѣненіяхъ въ тарифѣ состоявшихся 1 іюня сего года.

Этою льготой для иностраннаго привоза при введеніи въ дѣйствіе послѣднихъ измѣненій тарифа дѣло не ограничилось. Едва были утверждены и опубликованы эти измѣненія, какъ общество нѣмецкихъ желѣзо и стале-промышленниковъ въ Берлинѣ обратилось ко князю Бисмарку съ представленіями касательно возвышенія русскихъ таможенныхъ пошлинъ на иностранную желѣзную проволоку. Собственно говоря, въ размѣрѣ пошлины взимаемой съ желѣзной и стальной проволоки измѣненія не произошло; какъ до 1 іюля взималось по 1 р. 10 к. съ пуда, такъ точно должно взиматься по 1 р 10 к. съ пуда и впредь. Но измѣнилось опредѣленіе того что слѣдуетъ считать проволокой. По прежнему тарифу проволокой признавались стальные и желѣзные прутья имѣющіе въ діаметрѣ не болѣе ¼ дюйма; болѣе же толстые прутья принимались за полосовое желѣзо и полосовую сталь. По новому тарифу подъ понятіе проволоки подведены прутья діаметромъ до половины дюйма. Надо думать что такіе прутья составляютъ для германскихъ заводчиковъ не маловажную статью отпуска въ Россію если они такъ встревожились перспективой платить съ нихъ повышенную пошлину. Но Германское правительство не замедлило ихъ успокоить. Въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ* появилось офиціальное извѣщеніе отъ де-

партамента иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, гласившее что по полученному изъ Петербурга официальному сообщенію Русское правительство готово доставить заинтересованнымъ лицамъ облегченіе въ томъ смыслѣ что тѣмъ изъ русскихъ фабрикъ кои пріобрѣтаютъ вышеозначенную проволоку для переработки дозволяется оплачивать ее до 1 ноября по прежнему тарифу.

Это официально-германское извѣщеніе было первымъ источникомъ откуда русскіе люди узнали о новой льготѣ дарованной иностранному привозу. Не мудрено что въ виду такого обстоятельства возникъ слухъ что сказанная льгота есть послѣдствіе переговоровъ веденныхъ княземъ Бисмаркомъ съ нашимъ Министерствомъ Финансовъ чрезъ посредство Германскаго посольства, и нѣкоторыя газеты приняли этотъ слухъ за чистую монету. *Правительственный Вѣстникъ* поспѣшилъ возстановить истину заявивъ что никакихъ сношеній по означенному предмету между Министерствомъ Финансовъ и Германскимъ посольствомъ не происходило, и что облегченія въ платежѣ пошлинъ взимаемыхъ съ привозимаго желѣза толщиной отъ ¼ до ½ дюйма были испрошены исключительно вслѣдствіе ходатайства русскихъ заводчиковъ приготовляющихъ проволоку и издѣлія изъ оной. Но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется. Дѣло не въ томъ отъ кого шло ходатайство, отъ Германскаго ли посольства, или отъ нашихъ передѣлочныхъ заводовъ находящихся въ болѣе тѣсной связи съ германскимъ чѣмъ съ русскимъ металлическимъ производствомъ; дѣло въ томъ что требованіе германскихъ заводчиковъ оказалось удовлетвореннымъ, и собственно русской металлической промышленности не легче отъ того что такой результатъ достигнутъ безъ помощи дипломатическихъ сношеній. Со всей массы проволоки, діаметромъ отъ четверти до половины дюйма, какая только будетъ ввезена въ Россію до 1 ноября, будетъ взято вмѣсто 1 р. 10 к. только по 38½ к. съ пуда, по той нормѣ по какой оплачивались до 1 іюля привозныя полосовыя и сортовыя желѣзо и сталь. А до 1 ноября этой проволоки можно ввезти въ Россію такіе запасы что ихъ достанетъ пожалуй на нѣсколько лѣтъ, и пока эти запасы не перестанутъ тяготѣть на рынкѣ, собственно русское производство проволоки будетъ оставаться въ стѣсненномъ положеніи. Матеріалъ изъ котораго она дѣлается—желѣзо и сталь—обложенъ съ 1 іюля по 40 к. съ пуда; издѣліямъ же изъ этого матеріала придется конкуррировать съ фабрикатомъ оплаченнымъ пошлиной въ 38½ коп. Между тѣмъ, на иныхъ русскихъ заводахъ,—не участвовавшихъ въ ходатайствѣ оказавшемся такъ на руку германскимъ промышленникамъ и даже не знавшихъ о немъ,—тотчасъ послѣ опубликованія тарифа 1 іюня могли быть сдѣланы и приняты заказы по изготовленію проволоки именно въ разчетѣ на установленную утвержденнымъ закономъ пошлину, а вслѣдствіе того могли быть сдѣланы и заказы машинъ и приспособленій для ея изготовленія. Какъ-то отзовется на нихъ нежданная пріостановка дѣйствія закона на которомъ они основывали свои разчеты? За то германской промышленности оказана обычная любезность...

Снискали ли мы однако себѣ всѣми подобными любезностями сосѣдямъ хоть какую-нибудь признательность съ ихъ стороны? Нѣтъ, наши германскіе сосѣди не перестаютъ роптать на насъ за причиняемыя нами безпокойства ихъ промышленности. За нашимъ западнымъ рубежемъ только и твердятъ что о необходимости принятія мѣръ къ огражденію германскихъ интересовъ отъ посягательствъ со стороны русской торгово-промышленной политики. Намъ то и дѣло грозятъ новыми „боевыми пошлинами,“ необходимыми де въ виду какого-то упадка торговыхъ сношеній Германіи съ Россіей, и еще болѣе въ виду того что Германія будто бы несетъ ущербъ отъ загроможденія ея русскими продуктами при невозможности сбывать въ равныхъ размѣрахъ свои продукты въ Россію. И иные, пожалуй, вѣрятъ что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ!

Упадокъ торговыхъ сношеній Германіи съ Россіей, невыгодный для Германіи балансъ ея торговли съ нами! Но возьмемъ официальныя цифры нашего таможеннаго вѣдомства хотя бы за послѣдніе три года, по которымъ имѣются свѣдѣнія. Вотъ итоги нашей привозной и отпускной торговли съ этою столь сѣтующею на насъ сосѣдкой:

	Отпускъ въ Германію.	Привозъ изъ Германіи.
Въ 1878—на	—175.362.950 р.	на—263.131.901 р.
„ 1879— „	—186.655.616 „	„ —266.864.201 „
„ 1880— „	—138.121.619 „	„ —274.267.734 „

Въ виду приведенныхъ цифръ, не напоминаютъ ли германскія сѣтованія на насъ тѣхъ обвиненій которыя взводилъ волкъ на ягненка въ извѣстной баснѣ? Ростъ германскаго отпуска выдается за его упадокъ; въ полтора раза и даже вдвое больщій сбытъ товаровъ изъ Германіи въ Россію противъ русскаго сбыта въ Германію выдается за невыгодный для нашей сосѣдки балансъ, который слѣдуетъ де исправить сокращеніемъ русскаго привоза помощію повышенія съ него пошлинъ.

Нѣтъ, не Германіи, а намъ нужно озаботиться исправленіемъ нашего баланса и принять въ этихъ видахъ серіозныя мѣры къ уменьшенію наплыва къ намъ иностранныхъ товаровъ, который не уравновѣшивается нашимъ отпускомъ. Пусть грозятъ намъ за такія мѣры какими угодно „боевыми пошлинами:“ мы дѣйствительно сыграли бы роль ягненка еслибъ ихъ испугались. Игра въ боевыя пошлины для Россіи менѣе опасна чѣмъ для Германіи. Она вдвое болѣе заинтересована сбытомъ къ намъ чѣмъ мы къ ней, и на каждое сокращеніе нашего отпуска на милліонъ, мы можемъ отвѣтить уменьшеніемъ ея отпуска къ намъ на два милліона. Прибавимъ къ этому что не пошедшіе въ Германію русскіе отпускные товары безъ особыхъ затрудненій найдутъ себѣ сбытъ въ другія страны; между тѣмъ нельзя сказать того же о товарахъ которые Германія сбываетъ къ намъ. Какой же смыслъ, при такомъ положеніи дѣла, могутъ имѣть обращаемыя къ Россіи угрозы? И не потому ли онѣ такъ часто повторяются что мы обычно отвѣчаемъ на нихъ всяческими уступками и любезностями, начетистыми и для казны, и для русскаго производства, и обидными для достоинства страны?

№ 210.

Москва, 30-го іюля.

Помѣщенная ниже статья В. С. подъ заглавіемъ: Fiat justitia, pereat mundus, указываетъ на случай вопіющаго судебнаго гнета надъ невинною жертвой гнуснаго преступленія во имя излишняго послабленія къ виновному какъ со стороны закона, такъ и со стороны органовъ суда. Поучительный примѣръ рѣзкаго противорѣчія между теоретическимъ кабинетнымъ измышленіемъ, внушеннымъ „гуманными“ соображеніями, и его послѣдствіемъ въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни, которая не справляется съ пошлыми доктринами и жестоко мститъ за либеральное недомысліе!

Вотъ вкратцѣ обстоятельства этого дѣла: Десять лѣтъ тому назадъ дѣвица дворянка Т. была выдана замужъ за нѣкоего К., который именовалъ себя графомъ, будучи въ дѣйствительности мѣщаниномъ. Трудно повѣрить что въ наше время возможны подобнаго рода обманы; тѣмъ не менѣе судебная хроника нашихъ дней изобилуетъ ими. Дѣло, впрочемъ, не въ фиктивномъ титулѣ. Обманъ оказался гораздо худшимъ: К. былъ двоеженецъ и преступникъ сумѣвшій укрыться отъ правосудія. Полиція однако напала на слѣдъ его и въ то время, когда онъ успѣлъ уже растратить полученное за женой приданое, появилась въ его домѣ для арестованія его. Но К. выскочилъ въ окно и, — какъ ни странно и это обстоятельство изобилующаго невѣроятностями дѣла, тѣмъ болѣе что дѣйствіе повидимому происходило въ Москвѣ, — онъ успѣлъ такимъ образомъ вновь уйти изъ рукъ правосудія на нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ пойманъ лишь въ 1879 году. Сознавшись судебному слѣдователю во многихъ преступленіяхъ и открывъ свое званіе, онъ кстати разсказалъ и о томъ что онъ былъ женатъ на крестьянкѣ, а затѣмъ отъ живой жены, продолжающей здравствовать, женился на дворянкѣ Т. Были наведены справки, разыскана первая жена. Фактъ двоеженства вполнѣ подтвердился. Оставалось подвергнуть К. наказанію за двоеженство, и еслибы присяжные не отвергли факта преступленія (чему не мало бывало примѣровъ), второй бракъ Т. былъ бы расторгнутъ и несчастная женщина получила бы хотя запоздалую возможность избавиться отъ позора этого супружества, которое по закону можетъ быть расторгнуто не прежде какъ по признаніи свѣтскимъ судомъ преступленія двоеженства.

Но уголовный судъ надъ К. до сихъ поръ не могъ состояться и дѣло о немъ остается безъ движенія въ Московскомъ Окружномъ Судѣ по той причинѣ что К. скрылся вторично и до сихъ поръ не пойманъ. Судебный слѣдователь, производившій надъ нимъ слѣдствіе послѣ первой поимки, движимый безъ сомнѣнія

„гуманными" побужденіями, *оставилъ К. на свободѣ* (это не то что дѣло г. Пейча, котораго слѣдователь посадилъ въ тюрьму), отдавъ его подъ надзоръ полиціи. Это опять-таки невѣроятно; тѣмъ не менѣе это такъ. Нетрудно догадаться что К. не замедлилъ воспользоваться своею свободой. Онъ скрылся, и трудно допустить чтобъ удалось его вновь поймать если принять во вниманіе пріобрѣтенный имъ опытъ и искусство „проживанія подъ чужимъ видомъ и именемъ," которое вообще процвѣтаетъ въ нашемъ отечествѣ и въ которомъ онъ былъ спеціалистъ, не говоря ужь о томъ что онъ могъ и умереть.

И вотъ г-жа Т. десять лѣтъ *незаконно* носитъ позорное имя преступника К., но избавиться отъ онаго, по закону же, она не можетъ! Не можетъ потому что духовный судъ, на коемъ лежитъ расторженіе брака, по закону (ст. 1.012 Уст. Уголовн. Судопр.), можетъ произнести свое рѣшеніе о расторженіи не прежде какъ послѣ приговора уголовнаго суда о виновномъ въ совершеніи недѣйствительнаго брака. Правило установленное приведенною статьей было нововведеніемъ. Прежде разбирательство суда духовнаго по такого рода дѣламъ предшествовало уголовному суду. Но при составленіи судебныхъ уставовъ было выставлено то соображеніе что если оставить прежній порядокъ, то при вопросѣ о бракахъ совершенныхъ посредствомъ насилія или обмана „духовный судъ былъ бы поставленъ въ необходимость разрѣшать вопросъ, очевидно подлежащій суду свѣтскому: дѣйствительно ли были учинены насиліе или обманъ." Забыли лишь объ одномъ, а именно что дѣло о бракахъ всегда касается *двухъ* лицъ, изъ коихъ одно обыкновенно неповинно, и что слѣдуетъ обезпечить *право* неповиннаго на освобожденіе отъ узъ обманнаго или насильственнаго брака, не ставя этого освобожденія въ зависимость отъ того, состоится ли, и скоро ли состоится, уголовный судъ надъ виновнымъ. Подумать объ этомъ слѣдовало тѣмъ болѣе что при включеніи сказаннаго правила въ новый уставъ уголовнаго судопроизводства тотъ же уставъ сдѣлалъ *безусловно невозможнымъ заочный судъ* надъ скрывшимся преступникомъ. Вопіющій случай, на который теперь указывается, есть прямое послѣдствіе этихъ двухъ нововведеній внушенныхъ „либеральною" теоріей: воспрещенія духовному суду расторгать бракъ прежде чѣмъ состоялся приговоръ надъ виновнымъ въ преступномъ совершеніи этого (хотя бы въ рукахъ суда имѣлись, какъ въ данномъ случаѣ, неопровержимыя доказательства преступнаго совершенія брака) и недопущенія нашимъ уголовнымъ судопроизводствомъ заочнаго суда надъ уклонившимся отъ суда преступникомъ.

Исключеніе изъ нашего уголовнаго суда такъ-называемаго *контумаціоннаго* процесса само по себѣ тоже характеристично. Либерализмъ и тутъ не былъ слаженъ съ дѣйствительностью, и дѣйствительность отомстила за себя, ибо „гуманность" этого закона во многихъ случаяхъ приводила къ цѣли совершенно противоположной, и люди ни въ чемъ неповинные часто несутъ тяжкія испытанія вслѣдствіе послабленія (весьма впрочемъ сомнительнаго) оказываемаго нашимъ закономъ преступнику. По прежнему порядку побѣгъ преступника не прекращалъ уголовнаго суда. Такой порядокъ свойственъ не только нашему старому канцелярскому процессу; большинство уголовныхъ кодексовъ, нынѣ дѣйствующихъ въ Европѣ, основанныхъ, подобно нашему новому процессу, на началахъ устности производства, сохранили заочный судъ надъ уклонившимся обвиняемымъ, которому только предоставляется явиться на судъ и просить новаго разбора дѣла, въ его присутствіи. У насъ же признано что „установленіе заочнаго суда надъ отсутствующими, или скрывшимися обвиняемыми было бы несообразно съ коренными началами судебнаго преобразованія, потому что привело бы къ сужденію дѣлъ по письменному производству безъ предоставленія подсудимымъ надлежащихъ средствъ къ опроверженію." „По тѣмъ же основаніямъ," сказано далѣе въ офиціальномъ коментаріи къ ст. 852 Уст. Угол. Суд., „не слѣдуетъ допускать заочнаго суда и по искамъ о вознагражденіи за вредъ и убытки причиненные преступленіями, въ совершеніи коихъ обвиняются отсутствующія лица, потому что разрѣшеніе такихъ исковъ состоитъ въ прямой зависимости отъ опредѣленія, въ уголовномъ порядкѣ судопроизводства, вины или невинности подсудимыхъ." На вопросъ же о томъ почему потерпѣвшій вредъ и убытокъ иногда матеріальный, а иногда и болѣе тяжкій, безъ немедленнаго устраненія котораго вся

жизнь потерпѣвшаго есть тяжкое бремя, чему примѣромъ г-жа Т., на этотъ вопросъ приведенное соображеніе не даетъ отвѣта, или вѣрнѣе даетъ отвѣтъ ужасающій по своей неумолимой жестокости, ибо „господа подсудимые,“ насчетъ которыхъ выражена столь высокая заботливость, уклонившись отъ суда, могли бы явиться и просить новаго разбирательства въ своемъ присутствіи и воспользоваться всѣми „надлежащими средствами оправданія,“ еслибъ у насъ введенъ былъ порядокъ заочнаго производства. При воспрещеніи же суда надъ отсутствующими не могутъ не повторяться случаи безвыходныхъ затрудненій и тяжкихъ страданій для тѣхъ чьи права нарушены преступленіемъ, коихъ возстановленіе находится въ зависимости отъ судебнаго приговора надъ преступникомъ.

Возвращаясь къ злополучной г-жѣ Т. намъ остается замѣтить что при существующихъ узаконеніяхъ на помощь ей можетъ послужить лишь устарѣвшій законъ имѣющійся въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ. Статья 54 т. X ч. I Свода Законовъ постановляетъ что въ случаѣ безвѣстной отлучки одного изъ супруговъ, продолжающейся не менѣе пяти лѣтъ, другому супругу предоставляется вступить въ новый бракъ. На основаніи этого закона г-жа Т. имѣетъ возможность въ 1883 году, по истеченіи пяти лѣтъ послѣ вторичнаго бѣгства К., просить о расторженіи брака. Но этимъ правомъ она можетъ воспользоваться лишь въ томъ случаѣ если она пожелаетъ вступить во второй бракъ и притомъ подъ ненавистнымъ именемъ К., которое она носитъ *противозаконно*, но въ силу „неумолимаго“ закона...

Другаго исхода нѣтъ если случай этотъ не послужитъ, какъ слѣдуетъ надѣяться, поводомъ къ скорому устраненію указанной аномаліи путемъ законодательнымъ.

№ 211.

Москва, 31-го іюля.

Завтра, 1 августа, открывается въ Москвѣ пятый Всероссійскій съѣздъ лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ. Пожелаемъ ему успѣха, пожелаемъ чтобы занятія его дали добрые, полезные результаты. Вопросъ о средствахъ къ сохраненію лѣсовъ въ Россіи, безпощадно истребляемыхъ и расхищаемыхъ, принадлежитъ къ числу важныхъ для всего государства вопросовъ. Онъ служитъ предметомъ общихъ толковъ, на него давно обращено вниманіе правительства. Разъясненіе вопроса съ практической стороны людьми спеціально занимающимися лѣснымъ хозяйствомъ можетъ не мало содѣйствовать давно предпринятой въ правительственныхъ сферахъ работѣ составленія общаго для всей Имперіи лѣсоохранительнаго закона. Во всѣхъ своихъ частностяхъ, этотъ законъ ближе всего касается интересовъ людей владѣющихъ лѣсами, и въ виду этого, конечно, очень важно прислушаться къ ходатайствамъ и отзывамъ лѣсовладѣльцевъ. Кто если не сами собственники болѣе всѣхъ заинтересованы въ охранѣ своей собственности, для кого если не для лѣсовладѣльцевъ особенно важенъ вопросъ о мѣрахъ къ охраненію принадлежащихъ имъ лѣсовъ, отъ кого если не отъ нихъ ожидать практическихъ по этому дѣлу указаній? При многосторонности и сложности лѣснаго вопроса, въ виду важности его въ многоразличныхъ отношеніяхъ, конечно могутъ быть приняты во вниманіе не одни только интересы лѣсовладѣнія, а также и многіе иные. Но всего менѣе, конечно, могутъ быть тутъ пренебрежены голоса самихъ лѣсовладѣльцевъ.

Чѣмъ желательнѣе выслушать эти голоса, тѣмъ болѣе надо остерегаться чтобы правда въ этомъ дѣлѣ не была подмѣнена ложью, чтобы подъ видомъ заявленій и ходатайствъ лѣсовладѣльцевъ не пошли въ ходъ тенденціи имъ не принадлежащія и ими не раздѣляемыя. Нельзя не пожелать поэтому чтобъ условія обсужденія вопросовъ подлежащихъ разсмотрѣнію на открывающемся лѣсномъ съѣздѣ были иныя чѣмъ на недавно закрытомъ такъ-называемомъ „торгово-промышленномъ,“ чтобъ эти вопросы обсуждались только тѣми кого они прямо касаются. Съѣздъ лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ и его заявленія будутъ дѣломъ, а не пустымъ его призракомъ лишь въ томъ случаѣ если участвовать въ совѣщаніяхъ будутъ только лѣсничіе и лѣсовладѣльцы, а не всякіе люди „интересующіеся лѣснымъ дѣломъ.“ Допущеніе сихъ послѣднихъ на съѣздъ совершенно извратило бы значеніе съѣзда и лишило бы всякаго авторитета результаты его занятій. Мало ли кто интересуется лѣснымъ дѣломъ? Расхитители и истребители чу-

жой лѣсной собственности тоже по-своему интересуются лѣснымъ дѣломъ. Но не много было бы чести лѣсному съѣзду еслибъ его именемъ высказались господа интересующіеся лѣснымъ дѣломъ въ подобномъ отношеніи.

Въ видахъ устраненія всякой фальши изъ тѣхъ выводовъ къ которымъ должны привести совѣщанія съѣзда, желательно было бы также, какъ мы полагаемъ, чтобы нѣкоторые вопросы имѣющіе не одинаковое значеніе для лѣсничихъ и лѣсовладѣльцевъ обсуждались ими не совокупно, а порознь. Въ такомъ раздѣленія членовъ съѣзда на двѣ группы можетъ не встрѣтиться надобности при обсужденіи, напримѣръ, вопросовъ о способахъ посадки сосны и другихъ деревьевъ, но при разсмотрѣніи вопросовъ затрогивающихъ право лѣсной собственности будетъ, думаемъ, гораздо лучше если лѣсовладѣльцы выскажутся отдѣльно, сами по себѣ, не препятствуя лѣсничимъ придти или къ одинаковымъ съ ними или къ инымъ мнѣніямъ. Иначе въ заявленіяхъ можетъ сказаться фальшь, и съѣздъ отъ имени лѣсовладѣльцевъ можетъ, пожалуй, поступиться иными правами и интересами которые въ глазахъ техниковъ лѣснаго дѣла не имѣютъ особой цѣны, но которыми собственники лѣсовъ имѣютъ основаніе дорожить.

Какъ видно изъ подготовленныхъ для съѣзда печатныхъ докладовъ, главнымъ предметомъ совѣщаній на немъ будетъ вопросъ о правонарушеніяхъ лѣсной собственности. По справедливому замѣчанію авторовъ доклада по этому вопросу, результаты съѣзда буудтъ весьма велики если ему удастся выяснить какими средствами можно оградить русское лѣсное хозяйство отъ тяжелаго гнета какимъ лежатъ на немъ правонарушенія вообще и самовольныя порубки въ частности. Но выясненіе такого вопроса должно быть особенно заботливо ограждено отъ внесенія въ него всякой фальши, а ея, пожалуй, трудно будетъ избѣжать если вопросъ будетъ рѣшаться голосованіемъ въ которомъ примутъ участіе какъ лѣсовладѣльцы чьи права прямо страдаютъ отъ порубокъ, такъ и лѣсничіе стоящіе совсѣмъ въ иномъ отношеніи къ порубкамъ не въ ихъ, а въ чужихъ лѣсахъ; не говоримъ уже объ участіи въ голосованіи лицъ просто „интересующихся лѣснымъ дѣломъ,“ изъ которыхъ иные расположены всячески мирволить порубщикамъ и смотрѣть на недовольныхъ порубками лѣсовладѣльцевъ какъ на притѣснителей нуждающагося люда. Такимъ смѣшаннымъ голосованіемъ могутъ быть, пожалуй, одобрены мѣры которыя поведутъ не къ охраненію лѣсовъ, а къ лѣсоистребленію, не къ разъясненію лѣснаго вопроса, а къ вящему его затемненію. Такой печальный результатъ тѣмъ возможнѣе что самый докладъ по вопросу о правонарушеніяхъ лѣсной собственности, подготовленный для съѣзда его распорядительною коммиссіей, отличается нѣсколько страннымъ со стороны лѣсохозяевъ отношеніемъ къ жалобамъ лѣсовладѣльцевъ на расхищеніе ихъ собственности. Отовсюду раздаются эти жалобы на громадный вредъ причиняемый лѣсамъ разнаго рода правонарушеніями, которыя съ каждымъ годомъ все усиливаются и причиняютъ лѣсовладѣльцамъ убытки иногда далеко превосходящіе стоимость похищаемаго лѣснаго матеріала. Нѣтъ счета примѣрамъ того какъ лѣсовладѣльцы, послѣ самыхъ энергическихъ усилій къ охраненію своихъ лѣсовъ отъ расхищенія, приходили къ убѣжденію что всѣ такія усилія тщетны, что для нихъ невозможно оградить свою собственность отъ истребленія. Это отбиваетъ у многихъ владѣльцевъ охоту беречь свои лѣса и побуждаетъ сводить ихъ чтобъ избавиться отъ нравственной пытки быть вынужденными молча смотрѣть на истребленіе своей собственности посторонними людьми. Лѣсная собственность менѣе всякой другой пользуется охраной закона, такъ что крестьянину стóитъ быть разъ привлеченнымъ къ суду за самовольную порубку чтобы затѣмъ уже, въ разчетѣ на безнаказанность, безо всякой опаски заниматься лѣсокрадствомъ. Все это извѣстно, и необходимость закона который оградилъ бы лѣсную собственность въ той же мѣрѣ какъ ограждается всякая другая, въ той мѣрѣ въ какой ограждается она въ другихъ государствахъ, стоитъ внѣ спора. Не пытается опровергать это и докладъ о правонарушеніяхъ подготовленный для лѣснаго съѣзда. Но онъ признаетъ за жалобами лѣсовладѣльцевъ лишь „долю“ справедливости, хотя и значительную. По смыслу доклада выходитъ что лѣсовладѣльцы чуть ли не сами виноваты въ томъ что ихъ лѣса расхищаются. Зачѣмъ они не жертвуютъ „частью лѣснаго имущества

для спасенія цѣлаго?“ Вѣдь большею частію лѣсъ воруютъ люди нуждающіеся въ немъ для построекъ, для топлива и т. д. Сдѣлайте чтобъ они не нуждались, раздавайте имъ лѣсные матеріалы за полцѣны, а частію даромъ, и они воровать перестанутъ. Вотъ средство которое докладъ ставитъ во главѣ всѣхъ другихъ какъ мѣру противъ правонарушеній лѣсной собственности. Почему бы ужь не примѣнить этого рецепта къ огражденію луговъ отъ потравъ и воровскихъ покосовъ? Вмѣсто взысканій за правонарушенія, можно раздавать сѣно и отдѣлять часть луговъ для пастьбы чужаго скота и тѣмъ откупаться отъ воровскихъ на луга покушеній. Почему не пойти еще далѣе и не примѣнить предлагаемую мѣру огражденія ко всѣмъ вообще видамъ собственности? Это было бы еще „гуманнѣе.“ Господа благотворители на счетъ чужой собственности предлагаютъ вотировать на съѣздѣ измышленную ими мѣру,—и эта мѣра можетъ быть принята большинствомъ и пойти за выраженіе мнѣній лѣсныхъ собственниковъ! Правонарушенія конечно не будетъ если владѣлецъ станетъ самъ расточать свою лѣсную собственность благотворя всему окрестному населенію. Но такое благотвореніе и лѣсоохраненіе суть два предмета не имѣющіе между собою ничего общаго. Благотворить дѣло хорошее, но не обязательное. Охрана же всякой собственности есть дѣло обязательное во всякомъ благоустроенномъ обществѣ.

Докладъ признаетъ, правда, что дѣлу охраненія лѣсовъ можетъ помочь и государственная власть „улучшеніемъ законодательства въ области судопроизводства, карательнаго устава и устава спеціальнаго (лѣснаго).“ Но это усиленіе правительственной охраны докладъ рекомендуетъ только въ тѣхъ случаяхъ когда лѣсъ расхищается „изъ корысти“, не заводя и рѣчи о такой охранѣ когда воровскія порубки дѣлаются вслѣдствіе того что порубщики нуждаются въ чужомъ лѣсѣ, или по инымъ мотивамъ. Въ такихъ случаяхъ рекомендуется упомянутая система благотворительности... Любопытно какъ отнесутся лѣсовладѣльцы къ приготовленному для нихъ докладу.

№ 213.

Москва, 2-го августа.

Оказывается что длившееся во Львовѣ въ продолженіе семи мѣсяцевъ нахальное глумленіе польской интриги надъ Россіей было понято у насъ „не въ томъ смыслѣ *какъ было бы желательно.*“ Для кого желательно? Конечно, для интриги и ея пособниковъ. Въ какомъ же смыслѣ *желательно?*

Вопервыхъ, вовсе не слѣдовало, какъ оказывается, сожалѣть объ участи тѣхъ одиннадцати невинныхъ жертвъ польской крамолы которыхъ она привлекла на скамью подсудимыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сто́итъ ли о нихъ сожалѣть когда „политическій процессъ во Львовѣ, длившійся цѣлые полтора мѣсяца, *весьма благополучно* кончился для подсудимыхъ.“ Семь мѣсяцевъ держали въ тюремномъ заключеніи одиннадцать ни въ чемъ неповинныхъ человѣкъ за измѣнническія сношенія въ Россіей, полтора мѣсяца подвергали ихъ мучительной нравственной пыткѣ на скамьѣ подсудимыхъ и наконецъ четырехъ посадили въ карательную тюрьму, и судьбу ихъ мы должны считать *„весьма благополучною!“* Мало того; русскую публику стараются убѣдить въ томъ чтобъ она вывела изъ Львовскаго скандала такого рода заключеніе: „польская общественная совѣсть можетъ судить Русскаго *по правдѣ* не внося въ дѣло ни политическихъ страстей, ни національной вражды.“ Какое благотворное дѣйствіе этой „польской общественной совѣсти“ долженъ ощущать на себѣ въ настоящее время отецъ Іоаннъ Наумовичъ, котораго она „по правдѣ“ присудила нести тяжкое восьмимѣсячное тюремное заключеніе, послѣ того какъ прокуратура продержала его семь мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи!

Впрочемъ, въ виду наглядности фактовъ отрицать ихъ невозможно даже органу польской „правды.“ Онъ поневолѣ долженъ признаться что Львовскому судилищу „пришлось разбирать политическое дѣло, по безосновательности, по несправедливости, по очевидной не только натяжкѣ, но и положительной лживости обвиненія, ничѣмъ не уступающее уголовнымъ процессамъ возбуждаемымъ только въ бурныя времена для того чтобы судебнымъ приговоромъ прикрыть дѣло палача.“ Онъ не отрицаетъ

и того что „мысль о процессѣ возникла въ польскихъ кружкахъ и навѣяна соображеніями различнаго характера, въ которыя входило, конечно, и желаніе устроить манифестацію непріятную и оскорбительную для Россіи.“ Но кто же во всемъ этомъ оскорбленіи нанесенномъ Россіи виноватъ? Какъ бы вы думали? Русскіе „шовинисты“ и „шовинистскія идеи высказываемыя лишь только заходитъ рѣчь о судьбахъ славянскаго міра.“ „Если есть въ Россіи,“ поясняетъ польская газета, „шовинисты славянофильскаго ученія, то отчего въ Галичинѣ не быть шовинистамъ-Полякамъ? Вотъ они-то и поспѣшили заявить о своемъ существованіи.“ Такимъ образомъ оказывается что львовскій скандалъ былъ только справедливымъ возмездіемъ за славянофильскій „шовинизмъ,“ нѣчто въ родѣ законныхъ респрессалій! Славянофилы высказывали шовинистскія идеи о судьбахъ славянскаго міра. Это ужасно! Какже послѣ этого можно жаловаться на то что ясновельможные австрійскіе паны возмутились этою дерзостью и „поспѣшили заявить о своемъ существованіи“ накинувшись на одиннадцать мирныхъ жителей Галиціи и учинивъ надъ ними „правдивый судъ польской общественной совѣсти?“

Нельзя лгать не впадая въ противорѣчія. Законъ этотъ испытываетъ на себѣ газета взявшаяся разъяснить публикѣ истинный смыслъ, который *желательно* придать Львовскому процессу. „Львовскій процессъ“ говоритъ она, „понятъ былъ нашими шовинистами далеко не въ томъ смыслѣ какъ было бы желательно. Вмѣсто того чтобъ увидѣть въ немъ дѣло одной изъ многихъ партій существующихъ въ средѣ Польскаго народа, они всецѣло приписали его Полякамъ; оно слѣдовательно подало имъ поводъ обрушиться всею силой негодованія на *польскую интригу*, все еще живущую въ средѣ Польскаго народа.“

Никогда въ Россіи не отождествляли Польскую „справу“ съ Польскимъ народомъ. Она потому-то и возмутительна что ничего съ народомъ общаго не имѣетъ, а сама себя выдаетъ за органъ дѣйствующій согласно съ волей польскихъ, даже литовскихъ, наконецъ чисто-русскихъ населеній. Львовскій процессъ не есть конечно дѣло всѣхъ Поляковъ; онъ задуманъ и приводится въ исполненіе нѣкоторою партіей. Это та самая партія которая организовала польскія „повстанія,“ а также нигилистическое и соціалистическое движеніе въ Россіи. Эта партія имѣетъ свои правительственные центры въ Парижѣ, въ Римѣ, во Львовѣ, а своихъ агентовъ во всей Россіи, въ разныхъ слояхъ общества и чиновничьей іерархіи. „Польская интрига все еще живетъ въ средѣ Польскаго народа,“ въ этомъ сознается даже пособляющій ей органъ. Вопросъ въ томъ, какъ Русскимъ относиться къ ней и къ ея проявленіямъ въ родѣ Львовскаго процесса? По совѣту газеты взявшейся служить ей органомъ, мы должны смотрѣть на нее благодушно, ибо если мы „обрушимся на нее всею силой негодованія,“ то мы сами окажемся виновными и во всякомъ случаѣ не поймемъ ее въ томъ смыслѣ какъ было бы ей *желательно*. Газета, повидимому, не замѣчаетъ что нельзя въ одно и то же время признавать существованіе интриги и обвинять людей которые относятся къ ней съ негодованіемъ.

Что существованіе этой интриги не отрицается, а прямо признается тою газетой о которой мы говоримъ, видно также и изъ другаго куріознаго мѣста ея статьи посвященной правильному будто бы истолкованію Львовскаго процесса. Въ томъ фактѣ что русскіе, привлеченные польскою интригой ко Львовскому суду, не всѣ были отправлены послѣ суда обратно въ тюрьму, въ которой они до тѣхъ поръ просидѣли семь мѣсяцевъ, газета видитъ необыкновенную милость со стороны польскихъ присяжныхъ и поэтому говоритъ что „этимъ процессомъ вложено сѣмя *добра*,“ которымъ де „надобно воспользоваться—надобно растить его, воздѣлывать,“ и продолжаетъ:

„Самая удобная для этого почва—Галичина, въ которой сопоставлены обѣ народности на нейтральной для нихъ, такъсказать, полосѣ, входящей въ составъ нѣмецко-венгерскаго государства. Пусть тамъ завяжутся первыя союзныя, братскія отношенія между Поляками и Русскими; пусть отвѣтомъ на *интригу*, возбужденную для того чтобъ усилить ихъ взаимную ненависть, послужитъ зародышъ образованія будущей русско-польской національной партіи, лозунгомъ которой должна сдѣлаться *равноправность* Русскихъ и Поляковъ *вездѣ гдѣ имъ приходится жить вмѣстѣ*.“

Итакъ, Русскіе въ Галиціи должны обратиться къ судившимъ ихъ Полякамъ съ та-

кою рѣчью: Вы старались обвинить насъ въ преступленіи караемомъ смертною казнью. Попытка ваша разбилась о нашу невинновность; вы все-таки сорвали свою злобу на насъ и засадили четырехъ изъ насъ въ тюрьму за какое-то миѳическое нарушеніе общественнаго спокойствія. Какъ вы добры что всѣхъ насъ не повѣсили! Придите въ наши объятія чтобъ образовать русско-польскую національную партію и давайте вмѣстѣ стараться чтобы дѣло вашей интриги одержало верхъ не только здѣсь въ Галиціи, но и „вездѣ гдѣ Русскимъ и Полякамъ приходится жить вмѣстѣ!“ Органъ интриги надѣется что русскіе Галичане такъ напуганы Львовскимъ процессомъ что съ величайшею готовностью отрекутся отъ Россіи и помогутъ Полякамъ организовать украйнофильское и польское движеніе. Но едва ли этотъ разчетъ вѣренъ. Русскіе въ Галиціи яснѣе чѣмъ когда-либо сумѣютъ теперь отличить друзей отъ враговъ. „Братскія отношенія“ къ польской *справѣ* для нихъ невозможны, такъ какъ она никогда имъ не проститъ того что они раскрыли связь которая соединяетъ польскую интригу съ интригой нигилистическою. Эта связь составляла секретъ польской справы, тщательно ею оберегаемый. Нигилистическое движеніе должно было представляться возникшимъ и развивающимся исключительно на почвѣ Россіи. Въ этомъ мнимомъ органическомъ его появленіи должна была заключаться вся его сила, весь залогъ на его успѣхъ. Нужно было убѣдить Русское правительство что требуются какія-то *коренныя* реформы для уничтоженія нигилизма (а въ сущности для того чтобы дать ему полнѣйшій ходъ), что нигилизмомъ зараженъ весь Русскій народъ и что исцѣленіе отъ этого недуга заключается единственно въ конституціонномъ самоубійствѣ власти, и вдругъ теперь оказывается что ларчикъ просто открывается, что нигилизмъ и польская справа одно и то же, что съ уничтоженіемъ одной мерзости исчезнетъ и другая и что для этого уничтоженія вовсе не требуется устройство всероссійской говорильни, а только зрячій и послѣдовательный образъ дѣйствій. И кто же все это показалъ и доказалъ? Русскіе Галичане, сослужившіе добрую службу Россіи, оставаясь при этомъ въ предѣлахъ строгой вѣрноподданности относительно Австрійскаго императора. Какъ же польской справѣ мириться съ ними?

Напрасны, слѣдовательно, усилія польской газеты. Мыслящіе люди изъ Русскихъ не могутъ понять Львовскій процессъ въ томъ смыслѣ какъ ей „было бы желательно.“ Они не дадутъ себя въ обманъ изъ-за того только что эта газета издается въ столицѣ Россіи, на русскомъ языкѣ, съ русскимъ заглавіемъ *Голосъ*.

№ 214.

Москва, 3-го августа.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемый сегодня, въ отдѣлѣ судебной хроники, отчетъ о дѣлѣ разбиравшемся 29 іюля въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Петербургскія газеты, изъ которыхъ мы заимствуемъ этотъ отчетъ, довольствовались простымъ изложеніемъ дѣла и послѣдовавшаго по оному рѣшенія суда какъ явленія совершенно зауряднаго и не заслуживающаго особеннаго вниманія „прессы,“ занятой въ настоящее время великимъ событіемъ дня—уличною расправой инженера Свентицкаго надъ редакторомъ *Русскаго Курьера*. Телеграфъ изъ Москвы не перестаетъ снабжать петербургскія газеты животрепещущими свѣдѣніями, извращая факты и нагло раздувая эту расправу въ „покушеніе на преднамѣренное убійство.“ По телеграфу же сообщается имя адвоката „только-что вернувшагося изъ-за границы“ и предложившаго г. Ланину свои услуги. Время ли тутъ разбирать рѣшеніе о судебномъ приставѣ растратившемъ *всего* 32.000 руб. и отпущенномъ изъ Петербургскаго окружнаго суда съ оправдательнымъ приговоромъ?

Оправданіе судебнаго пристава Дѣтскаго — явленіе дѣйствительно заурядное въ томъ смыслѣ что растрата чужихъ денегъ, казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, повторяется въ буквальномъ смыслѣ ежедневно то тутъ, то тамъ и не менѣе часто повторяется оправданіе подобныхъ преступленій нашими присяжными представителями общественной совѣсти. Но именно по этой причинѣ, въ виду безнаказанности этихъ преступленій освященной нашею судебною практикой, нельзя не ужаснуться предъ глубокимъ развращеніемъ общественной нравственности знаменуемымъ этими

систематическими оправданіями систематически повторяющихся растратъ, противъ которыхъ извѣстнаго сорта печать лицемѣрно вопіющая противъ казнокрадства *ни разу* не проронила ни одного слова порицанія.

Сверхъ того, нельзя не замѣтить что дѣло о судебномъ приставѣ Дѣтскомъ всетаки выходитъ изъ ряда вонъ, несмотря на то что вниманіе общества уже притупилось къ явленіямъ этого рода. Судите сами. Судебный приставъ Дѣтскій, состоявшій при петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ, растратилъ *три* наслѣдственные капитала, попавшіе къ нему въ руки (охраненіе имуществъ остающихся послѣ умершихъ возложено на мировыя судебныя установленія и на состоящихъ при нихъ судебныхъ приставовъ) и составлявшіе въ сложности 35.915 рублей. На первомъ же допросѣ, по обнаруженіи растраты, Дѣтскій во всемъ сознался, а въ оправданіе свое объяснилъ что въ началѣ у него „пропало" 734 руб чужихъ денегъ. Не имѣя чѣмъ ихъ пополнить, онъ возымѣлъ де мысль попытать счастія въ картахъ въ надеждѣ пополнить не достающія деньги. Но ему не повезло: въ первый же вечеръ *онъ проигралъ 800 руб.* и затѣмъ все продолжалъ проигрывать, пока растрата достигла указанной цифры. Любопытно то что, по показанію Дѣтскаго, первая растрата въ 734 р. приключилась еще въ 1879 году, и что въ теченіе трехъ лѣтъ она не только не была обнаружена, но въ руки пристава продолжали попадать огромныя суммы изъ „охраняемыхъ" наслѣдствъ, хотя по закону охраняемыя имущества ввѣряются не судебнымъ приставамъ, а мировымъ судьямъ которые обязаны немедленно передавать денежные капиталы на храненіе въ кассу мироваго съѣзда. Изъ свидѣтелей нѣкоторые, и притомъ товарищи Дѣтскаго по службѣ, показали что онъ жилъ широко, разъѣзжалъ на лихачахъ и содержалъ любовницу, которую онъ выдалъ замужъ и затѣмъ разказывалъ что эта свадьба обошлась ему очень дорого. Другіе свидѣтели, видимо желавшіе выгородить Дѣтскаго и имѣвшіе смѣлость заявить предъ судомъ что онъ былъ „хорошій и честный человѣкъ," показали что онъ любовницы не содержалъ, а „имѣлъ просто сожительницу" (неизвѣстно въ чемъ тутъ разница, но въ Петербургѣ, видно знаютъ) и что онъ „жил весьма скромно." Скромность эта, по показанію этихъ свидѣтелей, выразилась въ томъ что онъ игралъ въ карты только въ товарищескомъ кругу (стало-быть не съ тѣмъ только чтобъ отыграться) и проигрывалъ *не болѣе* чѣмъ 150 р. или 200 р. въ вечеръ (самъ Дѣтскій показалъ что проигралъ 800 руб. въ одинъ вечеръ). *Такая* игра не удивляла этихъ свидѣтелей, потому что Дѣтскій получалъ де хорошее содержаніе и имѣлъ частные заработки, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ онъ получилъ до 15.000 рублей. Въ теченіе двухъ лѣтъ, какъ оказывается, Дѣтскій „получилъ" болѣе тридцати тысячъ, но „хорошее содержаніе" получаемое судебнымъ приставомъ болѣе или менѣе извѣстно: штатное жалованье пристава опредѣлено въ *600 руб. въ годъ*. Сверхъ того, судебные пристава пользуются дивидендомъ изъ сбора поступающаго за врученіе повѣстокъ, за опеки и оцѣнки имуществъ подлежащихъ продажѣ съ публичнаго торга, а состоящіе при мировыхъ съѣздахъ имѣютъ еще особый доходъ съ движимыхъ имуществъ описываемыхъ въ охранительномъ порядкѣ, то-есть переходящихъ по наслѣдству. Дивидендъ этотъ, какъ утверждаютъ, въ столицахъ довольно значителенъ. Но во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать что содержаніе *честно* получаемое судебнымъ приставомъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ превышать трехъ тысячъ рублей въ годъ. При всемъ томъ, указанныхъ свидѣтелей не удивило что Дѣтскій игралъ „съ товарищами," стало-быть съ судебными же приставами, въ игру не превышающую проигрыша въ 200 рублей, а по удостовѣренію другихъ, въ 500 рублей въ одинъ вечеръ!

Самъ подсудимый подтвердилъ на судѣ свое „сознаніе," которое едва ли можно признать сознаніемъ, такъ какъ лживость его объясненій, равно какъ и тѣхъ свидѣтелей кои старались его выгородить, кидается въ глаза. ***Тѣмъ не менѣе Дѣтскій вышелъ изъ суда оправданнымъ.***

Интереснѣе всего то что присяжнымъ на этотъ разъ не пришлось отвергать самое событіе преступленія, въ коемъ сознался обвиняемый. Судъ облегчилъ имъ эту задачу. По требованію одного изъ повѣренныхъ гражданскихъ истцовъ, то-есть *обвинителя*, судъ раздѣлилъ вопросъ подлежавшій постановкѣ присяжнымъ на два. Первый вопросъ гласилъ такъ: „Доказано ли что подсудимый Дѣтскій, состоя въ долж-

ности судебнаго пристава, въ періодъ времени съ конца 1879 по 1881 годъ, издержалъ на свои надобности ввѣренныя ему по службѣ деньги и билеты на сумму до 35.915 р., а затѣмъ послѣ открытія этого преступленія, добровольно самъ собою не возвратилъ означенныхъ денегъ и билетовъ?“ На этотъ вопросъ присяжные отвѣтили: *да, доказано*. Второй же вопросъ суда гласилъ: „Если доказано, то виновенъ ли Дѣтскій въ преступленіи описанномъ въ первомъ вопросѣ?“ На это присяжные отвѣтили: *нѣтъ, не виновенъ*.

Да не подумаетъ кто-нибудь что законъ допускаетъ возможность столь вопіющаго, прямо уничтожающаго идею правосудія противорѣчія какое сказалось въ этомъ *вердиктѣ* присяжныхъ, коимъ утверждается что обвиняемый *издержалъ на свои собственныя надобности* ввѣренныя ему *по службѣ деньги*, но тѣмъ не менѣе *не виновенъ*. По закону (ст. 754 Уст. Угол. Судопр.) раздѣлить вопросъ о виновности подсудимаго отъ вопроса о событіи преступленія допускается лишь въ томъ случаѣ если возбуждено сомнѣніе должно ли преступное дѣяніе быть вмѣнено въ вину обвиняемому, напримѣръ когда есть поводъ сомнѣваться въ умственномъ состояніи обвиняемаго. Но ни въ какомъ случаѣ, по мысли закона, много разъ разъясненной кассаціоннымъ судомъ, судъ не въ правѣ выдѣлить вопросъ о виновности изъ вопроса о событіи преступленія когда нѣтъ повода сомнѣваться въ состояніи вмѣняемости обвиняемаго. Слѣдуетъ поэтому ожидать что приговоръ петербургскихъ присяжныхъ о судебномъ приставѣ Дѣтскомъ будетъ кассированъ Сенатомъ если обвинительная власть сочтетъ себя обязанною заявить на оный протестъ.

Но любопытно по какимъ соображеніямъ счелъ нужнымъ настаивать на указанномъ раздѣленіи вопросовъ повѣренный гражданскаго истца. Въ печатномъ отчетѣ мотивы приведенные присяжнымъ повѣреннымъ Турчаниновымъ, въ подкрѣпленіе своего домогательства, не значатся. Но о нихъ не трудно догадаться. Г. Турчанинову было важно чтобы былъ признанъ фактъ растраты, дававшій право его довѣрителямъ взыскивать растраченную сумму. Съ Дѣтскаго взыскать нечего, и для гражданскаго истца безразлично постигнетъ ли его законная кара или нѣтъ. Но такъ какъ судебный приставъ вовсе не уполномоченъ по закону хранить у себя капиталы принадлежащіе къ охраняемымъ наслѣдствамъ, а обязанность эта возложена на мировой съѣздъ, то утвержденіе факта растраты даетъ потерпѣвшимъ право взыскать растраченную сумму съ членовъ петербургскаго мироваго съѣзда. Но еслибы вопросъ не былъ раздѣленъ и присяжнымъ пришлось бы разрѣшить въ одномъ вопросѣ какъ фактъ растраты, такъ и виновность подсудимаго, то присяжные могли дать отрицательный отвѣтъ на весь вопросъ и такимъ образомъ отвергнутъ былъ бы самый фактъ растраты, подвергающій отвѣтственности лицъ имѣющихъ возможность заплатить.

Вотъ причина, по которой г. Турчаниновъ домогался раздѣленія вопроса. Ежедневный опытъ, повидимому, убѣдилъ его въ томъ что даже по столь возмутительному въ своихъ подробностяхъ преступленію, какъ преступленіе Дѣтскаго, слѣдуетъ опасаться его оправданія, и вотъ онъ постарался выгородить на всякій случай интересы своихъ довѣрителей.

Г. Турчаниновъ обнаружилъ большую опытность относительно „судебной практики“ нашихъ присяжныхъ и похвальное рвеніе къ огражденію интересовъ своихъ довѣрителей.

Предсѣдавшій въ судѣ также обязанъ былъ содѣйствовать тому чтобы потерпѣвшіе отъ преступленія получили удовлетвореніе. Но на немъ лежала еще болѣе важная обязанность: охраненіе интересовъ правосудія, коему оправдательные приговоры, въ родѣ того который состоялся по дѣлу Дѣтскаго, наносятъ непоправимый вредъ. Законъ возлагаетъ на предсѣдателя уголовнаго суда обязанность направлять присяжныхъ, посредствомъ своихъ разъясненій, къ правильному рѣшенію. Въ данномъ случаѣ юридическихъ разъясненій не требовалось; за то нужно было направить всю силу своихъ увѣщаній къ тому чтобъ указать присяжнымъ что они не *имѣютъ права* миловать преступника и что нѣтъ къ этому ни малѣйшаго повода. Въ этихъ-то видахъ слѣдовало безусловно отвергнуть ходатайство г. Турчанинова. Еслибы судъ отказалъ г. Турчанинову въ его ходатайствѣ о раздѣленіи вопроса, это послужило бы наилучшимъ поводомъ къ разъясненію присяжнымъ что они не могутъ отвѣтить отрицательно на единственный вопросъ, если только нѣтъ повода сомнѣваться насчетъ самого факта растраты. Но вмѣсто этого

судъ уважилъ ходатайство г. Турчанинова, и мы отсюда слышимъ какъ предсѣдавшій въ судѣ указывалъ присяжнымъ что вопросъ о виновности потому выдѣленъ въ отдѣльный вопросъ что присяжные *имѣютъ право*, отвѣтивъ утвердительно на первый вопросъ, дать отрицательный отвѣтъ на второй. Разъясненія предсѣдавшаго *не могли* имѣть иного содержанія при столь неправильной постановкѣ вопросовъ. И эти-то разъясненія какъ бы навели присяжныхъ на мысль что и по мнѣнію суда они поступятъ очень хорошо отвѣтивъ отрицательно на вопросъ о виновности Дѣтскаго.

Но неужели еще не пора серіозно подумать о томъ чтобы положить въ самомъ законѣ твердую преграду столь вопіющимъ явленіямъ въ нашихъ судахъ и въ этомъ „содѣйствіи общества" дѣлу правосудія?

№ 215.

Москва, 4-го августа.

Александрійскіе корреспонденты иностранныхъ газетъ, описывая стычку между англійскими и египетскими войсками 5 августа на перешейкѣ между озерами Маріутскимъ и Абукирскимъ, въ одинъ голосъ заявили что „военныя дѣйствія начались." Но прошло десять дней съ тѣхъ поръ какъ были отправлены эти письма, а Англичане не сдѣлали ни шагу впередъ; они даже и не готовы къ дѣйствіямъ. Только теперь телеграфъ извѣстилъ объ отправкѣ въ Египетъ послѣдняго эшелона экспедиціоннаго корпуса, до высадки котораго нельзя и ожидать серіозныхъ дѣйствій у Александріи, хотя главнокомандующій, генералъ Волзлей, прибылъ сегодня. Главнокомандующему нужно время для подробнаго ознакомленія на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, для провѣрки плана дѣйствій. Планъ этотъ, теперь это очевидно, составленъ у Англичанъ давно. Бомбардированіе Александріи, повидимому столь неожиданное, было первымъ шагомъ къ исполненію этого плана, намѣченнаго тогда лишь въ общихъ чертахъ, но соображеннаго и со свойствами театра военныхъ дѣйствій, и съ особенностями англійской военной системы, не способной къ быстрой мобилизаціи. Этотъ маневръ самъ по себѣ представляетъ не мало интереса именно для насъ. При медленности мобилизаціи, еслибъ Англичане, ожидая ея окончанія, ограничились однимъ наблюденіемъ за противникомъ съ моря и приступили бы къ дѣйствіямъ не ранѣе прибытія къ Александріи десантныхъ судовъ по крайней мѣрѣ съ частью экспедиціоннаго отряда, то занятіе ея обошлось бы несравненно дороже: и приморскіе, и сухопутные форты Александріи были бы приведены въ надежный видъ, въ городѣ былъ бы установленъ правильный военный порядокъ, для войскъ были бы устроены безопасныя отъ бомбъ помѣщенія. Египтянамъ не для чего было бы такъ поспѣшно отступать предъ англійскими пушками прикрываясь военною хитростью или, какъ говорятъ Англичане, „неслыханнымъ злоупотребленіемъ парламентерскимъ флагомъ." Неожиданнымъ ударомъ Англичане почти даромъ пріобрѣли исходный пунктъ дѣйствій. Въ Александріи поставленъ авангардъ, прочный „заслонъ," подъ прикрытіемъ котораго можно не торопясь и въ полномъ порядкѣ довести до конца мобилизацію и перевозку экспедиціоннаго корпуса, ни чѣмъ не рискуя. Нанеся первый ударъ, пользуясь полною въ первые дни по занятіи Александріи деморализаціей египетскихъ войскъ, Англичане легко могли продвинуться дальше и занять тотъ самый перешеекъ между Маріутскимъ и Абукирскимъ озерами гдѣ теперь прочно утвердились передовые отряды Араби-паши. Если это не было сдѣлано, то вовсе не потому чтобъ Англичане не сумѣли оцѣнить и воспользоваться плодами первой побѣды, а по разчету. Англичанамъ не могло быть выгодно еслибы вмѣсто Кафръ-Довара Араби-паша ушелъ назадъ, далѣе къ Каиру, заставивъ въ послѣдствіи Англичанъ маневрировать и гоняться за нимъ. Имъ не могло быть выгодно расположеніе противника которое обезпечивало бы ему полную свободу дѣйствій. Имъ, напротивъ, надо было ввести Араби-пашу въ заблужденіе, задержать его у Кафръ-Довара, который легко обойти во флангъ и тылъ, и затѣмъ покончить съ главными египетскими силами однимъ ударомъ. Всѣ дѣйствія послѣ взятія Александріи прямо подчинены этому плану захватить Араби-пашу въ Кафръ-Доварѣ. Далѣе узкой прибрежной полосы отъ Мекса, на западѣ, до Рамлеха, на востокѣ, Англичане нейдутъ и не рѣшаются даже тронуть двухъ

слабыхъ египетскихъ баталіоновъ занимающихъ Абукиръ и оттуда безпокоящихъ лѣвый флангъ Англичанъ. Прогнать эти два баталіона Англичанамъ ничего бы не стоило, особенно при поддержкѣ флота. Но это значило бы спугнуть птицу, показавъ противнику слабую сторону его расположенія и раскрывъ свои намѣренія, такъ какъ изъ Абукира идетъ прямая дорога въ тылъ Кафръ-Довару. Бездѣйствіе Англичанъ успокоило Египтянъ и они заговорили о „новой Плевнѣ.“ Кафръ-Доваръ теперь укрѣпленъ и вооруженъ значительнымъ числомъ большихъ орудій. Египтяне и не думаютъ отступать; напротивъ, изъ Кафръ-Довара, какъ изъ центра, они высылаютъ отряды чтобъ охватить расположеніе Англичанъ. Офиціальная англійская реляція о стычкѣ 5 августа почти проговаривается объ этомъ планѣ. Поводомъ къ этой рекогносцировкѣ генералъ Алисонъ выставляетъ „упорно державшійся въ туземномъ населеніи слухъ будто Араби-паша собирается отступить.“ Дѣйствія передовыхъ египетскихъ войскъ утромъ 5 августа усиливали подозрѣніе Англичанъ. Сильные отряды Бедуиновъ появились предъ фронтомъ и на флангахъ англійскаго расположенія, изъ Абукира къ Рамлеху вышла регулярная пѣхота; но Египтяне держались вдали, видимо уклоняясь отъ серіознаго столкновенія, такъ точно какъ это дѣлаютъ войска предназначенныя маскировать отступленіе арміи. Вечеромъ Англичане сами выдвинули три колонны по направленію желѣзной дороги отъ Александріи къ Кафръ-Довару стараясь, какъ сказано въ реляціи, заставить противника „развернуть и показать свои силы.“ Англичане дошли до половины перешейка и затѣмъ, достигнувъ своей цѣли, вернулись. Любопытно что ими для рекогносцировки были употреблены лишь весьма слабыя силы, такъ что Египтяне поздравили себя съ успѣхомъ. Этотъ мнимый успѣхъ подстрекнулъ ихъ; они стали еще увѣреннѣе и смѣлѣе: вчера телеграфъ извѣстилъ что противъ праваго фланга Англичанъ, со стороны Мекса, стали показываться, кромѣ Бедуиновъ, и регулярныя войска Египтянъ, повидимому уже считающихъ Кафръ-Доваръ неприступною опорною точкой для предпріятій. Этого только Англичанамъ и надо. Ихъ упрекаютъ въ медленности, говорятъ что они упускаютъ время благопріятное для дѣйствій и такимъ образомъ рискуютъ успѣхомъ. Но на войнѣ вѣрная оцѣнка того какъ одна изъ сторонъ воспользовалась временемъ возможна лишь когда дѣло сдѣлано; тутъ время мѣряется не хронометрами, а успѣхомъ. Неудача, всегда возможная при рискѣ, заставляетъ обыкновенно терять больше времени чѣмъ потребовалось бы его на тщательную подготовку. Медленность въ открытіи военныхъ дѣйствій Англичанами можетъ быть вознаграждена большею быстротой и рѣшительностью успѣха.

Изъ Вѣны и Берлина при самомъ началѣ египетскихъ осложненій посыпались угрозы. „Всякій трактатъ, твердила офиціозная печать Австріи и Германіи, который будетъ съ оружіемъ въ рукахъ вырванъ у Турціи или Египта, подлежитъ пересмотру Европы, какъ было съ договоромъ заключеннымъ въ Санъ-Стефано.“ Англійская печать не возражала на это, и еще надняхъ *Times* прямо замѣтила что когда возмущеніе въ Египтѣ будетъ подавлено, Англія пригласитъ европейскія державы „принять къ свѣдѣнію совершившійся фактъ и одобрить дѣйствія державы которая подавила возмущеніе и возстановила порядокъ и правительство.“ Но пожелаетъ ли Англія выслушать мнѣніе европейскаго ареопага относительно мзды которая будетъ потребована ею за эти услуги? Въ чемъ будетъ заключаться этотъ „совершившійся фактъ?“ Англійское правительство говоритъ что не удовольствуется возстановленіемъ простаго status quo ante, хотя де теперь еще и „не время говорить о цѣли экспедиціи.“ Правда, Англія откровенно дала увѣренія что не намѣрена „занимать“ Египетъ, такъ какъ ей необходимы де только гарантіи въ прочномъ огражденіи англійскихъ интересовъ въ Египтѣ и на Каналѣ, но эти гарантіи будутъ во всякомъ случаѣ тѣмъ обширнѣе чѣмъ полнѣе успѣхъ и чѣмъ дешевле онъ купленъ. Нѣтъ, не на фантастическую Европу, какъ надобно полагать, разчитываетъ Англія, а на какое-либо соглашеніе съ тою или другою державой и, по всему вѣроятію, съ Германіей, между тѣмъ какъ мы предъ нашею войной, гоняясь за европейскимъ концертомъ, не только не искали подобнаго соглашенія, но всячески избѣгали даже объясниться съ союзною намъ тогда Германіей о нашихъ видахъ, да и видовъ никакихъ не имѣли.

№ 216.

Москва, 5-го августа.

А.

Какую же наконецъ роль играетъ Россія въ Египетскомъ дѣлѣ? Таковъ вопросъ надъ разрѣшеніемъ котораго не мало трудятся иностранные политики. Всѣ они согласны въ томъ что роль эта нѣсколько загадочна; но попытки раскрыть загадку отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ.

До 19 (31) іюля никто и не думалъ за границей что Россія можетъ имѣть какое бы то ни было собственное мнѣніе объ Египетскомъ вопросѣ. Нѣмецкія, а за ними и австрійскія газеты съ особымъ самодовольствомъ указывали на тотъ фактъ что Россія безо всякаго колебанія приняла англо-французское приглашеніе къ участію въ Константинопольской конференціи какъ скоро выяснилось что конференція эта созывается по желанію князя Бисмарка. Съ неменьшимъ чувствомъ собственнаго достоинства тѣ же газеты поспѣшили затѣмъ порадовать своихъ читателей извѣстіемъ что представитель Россіи на конференціи получилъ изъ Петербурга инструкціи подавать во всѣхъ вопросахъ голосъ заодно съ германскими и австрійскими дипломатами. На основаніи этого извѣстія, составилась даже особая дипломатическая фикція, впервые измышленная въ германской печати, о четырехъ *восточныхъ* державахъ, Германіи, Австріи, Италіи и Россіи, отстаивающихъ на конференціи какіе-то свои „общіе интересы въ Египетскомъ вопросѣ," въ противоположность къ двумъ *западнымъ* державамъ, Англіи и Франціи, старающимся де нарушить эти интересы изъ своекорыстныхъ видовъ. Стали даже появляться слухи о формальномъ „союзѣ четырехъ восточныхъ державъ," во главѣ котораго конечно становилась Германія. Даже англійскіе и французскіе дипломаты и публицисты повѣрили въ реальность этого внезапнаго дѣленія Европы на неравныя восточную и западную половину и пресеріозно вошли въ свою трагическую роль „западныхъ державъ," противъ которыхъ почему-то изъ-за Арабя-паши составилась подъ гегемоніей князя Бисмарка грозная коалиція четырехъ восточныхъ державъ. Французы не на шутку испугались, и злополучный кабинетъ Фрейсинэ палъ именно послѣ сильной рѣчи депутата Клемансо, указавшаго съ ужасомъ на призракъ восточной коалиціи.

И вдругъ въ одинъ прекрасный день этотъ призракъ исчезъ. Что же случилось? Представитель Россіи въ Константинополѣ, г. Ону, заявилъ 19 (31) іюля что онъ не будетъ болѣе принимать участіе въ конференціи по дѣлу объ умиротвореніи Египта.

Трудно себѣ представить какой переполохъ надѣлало это извѣстіе въ европейской печати. Всѣ вспомнили что въ Европѣ имѣется держава именуемая Россіей и, что особенно знаменательно, всѣ сразу почуяли что Россія есть сила. Отзывы различныхъ органовъ англійской, французской, австрійской и нѣмецкой печати о такомъ неожиданномъ шагѣ Россіи были, конечно, весьма разнообразны, но всѣ сводились къ тому что съ выходомъ Россіи дальнѣйшія занятія конференціи становятся невозможны, такъ какъ европейская конференція безъ Россіи немыслима. *Indépendance Belge*, одна изъ наиболѣе безпристрастныхъ газетъ, поспѣшила даже напечатать некрологъ конференціи и предсказывала наступленіе новой важной фазы въ рѣшеніи Египетскаго вопроса. Англійскія газеты, даже воинственный *Standard*, признали что выходъ Россіи изъ Константинопольской конференціи дѣлаетъ положеніе дѣлъ для Англіи „грознымъ." Французскіе политики, жалѣвшіе о бездѣйствіи Франціи, съ радостью привѣтствовали самостоятельное положеніе Россіи и надѣялись что она сумѣетъ обуздать въ собственныхъ интересахъ корыстолюбивые замыслы Англіи и этимъ послужить интересамъ обреченной на летаргическій сонъ Франціи. Только нѣмецкія да австрійскія газеты старались посредствомъ разныхъ натяжекъ и тутъ выставить Россію маріонеткой въ рукахъ всемогущаго германскаго канцлера. Россія, говорили онѣ, дѣлаетъ затрудненія Англіи: это де какъ разъ соотвѣтствуетъ интересамъ Германіи, безъ позволенія которой Англія осмѣлилась по своему хозяйничать въ Египтѣ; нѣтъ слѣдовательно сомнѣнія что Россія, сдѣлавъ конференцію невозможною, поступила въ этомъ вполнѣ согласно съ видами Германіи.

Таково было впечатлѣніе произведенное на Европу эффектнымъ выходомъ г. Ону изъ-за зеленаго стола Константинопольской конференціи. Но впечатлѣніе это продолжалось лишь *одинъ* день. 19 іюля г. Ону

вышелъ изъ конференціи, а 20 іюля онъ снова вошелъ въ нее. Фикція европейскаго концерта, исчезнувшая было на одинъ день, снова появилась на сцену, и все пришло въ прежній „порядокъ."

Что же заставило Россію совершить въ теченіе сутокъ такую удивившую всѣхъ эволюцію? Этого никто до сихъ поръ хорошенько не знаетъ. Англійскія газеты объясняютъ возвращеніе Россіи въ конференцію тѣмъ будто англійскій посолъ въ Петербургѣ такъ сумѣлъ успокоить нашихъ дипломатовъ касательно полнѣйшаго безкорыстія Англіи что они будто бы тотчасъ же раскаялись въ выходѣ Россіи изъ конференціи и поспѣшили снова выговорить ей мѣсто за константинопольскимъ столомъ дипломатической causerie. Но трудно повѣрить такому объясненію. Англія все время не переставала громко трубить о своемъ безкорыстіи преслѣдуя на практикѣ свои особенныя цѣли. Если Россія дѣйствительно вышла изъ конференціи потому что перестала вѣрить пустымъ фразамъ Англіи, то не могла же она вернуться потому только что вдругъ снова повѣрила въ искренность этихъ фразъ? Нечего и говорить что такому именно толкованію съ особымъ удовольствіемъ повѣрили нѣкоторые политики въ Петербургѣ, поспѣшившіе черезъ *Голосъ* порадоваться тому что мы возвратились въ концертъ.

Другое объясненіе загадочнаго шага Россіи приводится также англійскою печатью, въ особенности газетами *Standard* и *Pall Mall*. Россія будто бы уклонилась отъ конференціи по той причинѣ что Турція не соглашалась отправить свои войска въ Египетъ и такимъ образомъ не было надежды сдержать и парализовать военные успѣхи Англіи въ Нильской долинѣ. Но лишь только Турція заявила о своей готовности принять предъявленныя ей конференціей условія для военнаго вмѣшательства въ Египтѣ какъ Россія тотчасъ де возвратилась въ конференцію чтобы всячески поддержать Турцію, которой она якобы даже уступила первую срочную уплату военнаго долга, только что регулированнаго г. Новиковымъ, дабы дать возможность Турціи снарядить свою армію, что дало де Портѣ возможность заключить въ Оттоманскомъ банкѣ заемъ въ 200.000 фунтовъ ст. Слухъ объ этой финансовой операціи подтверждался Англійскимъ правительствомъ въ засѣданіи палаты общинъ. Но неосновательность такого толкованія очевидна. Начать уже съ того что Турція заявила о своемъ согласіи на отправку войскъ въ Египетъ 14 іюля, а *fausse sortie* г. Ону состоялась 19 и 20 іюля. Затѣмъ едва ли Россія вернулась въ конференцію съ цѣлью поддержать Турцію, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ она вѣрнѣе достигла бы этой цѣли выйдя изъ конференціи; теперь же, напротивъ того, оказывается что Турція совершенно спустила свой флагъ предъ Англіей и принуждена совсѣмъ отдать себя въ руки сентъ-джемскихъ дипломатовъ. Наконецъ, кто же повѣритъ офиціальнымъ увѣреніямъ сэръ-Чарлза Дилка, будто Россія, стремящаяся въ настоящее время во что бы то ни стало сократить свои расходы, согласилась сократить вмѣстѣ съ тѣмъ и свои доходы, великодушно отказываясь принять деньги изъ рукъ своего неисправнаго должника, — и для чего же? чтобы дать ему возможность войти въ новые долги на вящую пользу Альбіона! Какъ и слѣдовало ожидать, *Правительственный Вѣстникъ* 3 августа объявилъ это извѣстіе лишеннымъ всякаго основанія.

Правда, тѣ же самыя англійскія газеты высказываютъ въ видѣ догадокъ и такое мнѣніе что Россія преслѣдуетъ де „макіавелистическій планъ," состоящій въ томъ чтобы натолкнуть Турцію на гибельную для нея войну съ Англіей дабы воспользоваться ея пораженіемъ и изловить въ мутной водѣ Константинополь, а это ей конечно не удастся."

Но еслибъ это было такъ, то наша дипломатія не могла бы имѣть ничего общаго съ завѣреніями офиціознаго (?) *Journal de St.-Pétersburg*, который объясняетъ метаморфозы г. Ону единственно желаніемъ Русскаго правительства „поддержать европейскій концертъ." Почему этотъ концертъ поддерживался 19 іюля внезапнымъ выходомъ г. Ону изъ конференціи, а 20 іюля столь же внезапнымъ его появленіемъ въ той же залѣ, остается конечно загадкой и при такомъ толкованіи.

Вотъ, напротивъ, образъ дѣйствій Англіи болѣе незагадоченъ: она выслушиваетъ въ Константинополѣ все что говорится за столомъ конференціи, принимаетъ это къ свѣдѣнію и въ то же время дѣйствуетъ на свою руку какъ ей выгодно. Италія внесла предложеніе о коллективной защитѣ Суэзскаго канала, Англія

выслушала это предложеніе, на словахъ одобрила его, а на дѣлѣ поспѣшила занять своими войсками Суэзъ прежде чѣмъ конференція успѣла опомниться и приступить къ обсужденію италіянскаго проекта.

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже статью „Къ вопросу о развитіи горной промышленности.“ Оставляя въ сторонѣ вопросъ о поощреніи этой промышленности таможеннымъ покровительствомъ, авторъ останавливается на другомъ, не менѣе важномъ, для ея развитія, условіи, на сооруженіи путей сообщенія спеціально приноровленныхъ къ потребностямъ горнаго дѣла. Вопросъ объ этихъ путяхъ сообщенія имѣетъ огромное значеніе не для одного только металлическаго производства; онъ не менѣе важенъ для разработки нашихъ каменноугольныхъ залежей, и равнымъ образомъ представляетъ большой интересъ для лѣснаго хозяйства въ тѣхъ районахъ гдѣ правильная эксплуатація лѣсовъ затруднена невозможностью сбыта лѣсныхъ матеріаловъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мысль автора, полагаемъ, должна обратить на себя вниманіе, между прочимъ, и засѣдающаго нынѣ въ Москвѣ Лѣснаго съѣзда. Вообще нельзя не пожелать чтобъ она стала предметомъ серіознаго и всесторонняго обсужденія.

Роль древеснаго угля въ чугуноплавильномъ и желѣзодѣлательномъ производствѣ нынѣ уже совсѣмъ не та что̀ въ прежнее время; онъ почти во всѣхъ странахъ замѣненъ углемъ ископаемымъ. Лишь благодаря каменному углю, разработка желѣзныхъ рудъ могла дойти до ея нынѣшнихъ размѣровъ, о которыхъ, пока шелъ въ дѣло только древесный уголь, невозможно было и мечтать; только каменный уголь далъ возможность не ограничивать количество выплавляемаго чугуна количествомъ топлива которое можетъ быть доставляемо имѣющимися налицо лѣсами безъ окончательнаго ихъ истребленія. Нѣтъ сомнѣнія что и у насъ въ Россіи только выплавка чугуна на каменномъ углѣ можетъ дать металлической промышленности тѣ размѣры которые соотвѣтствовали бы обилію рудныхъ богатствъ заключающихся въ ея нѣдрахъ. Но это не значитъ чтобы древесное топливо потеряло всякое значеніе для горнаго дѣла. Гдѣ есть лѣса, ими не пренебрегаютъ, и несмотря на широкое развитіе разработки рудныхъ залежей, напримѣръ, во Франціи и въ Америкѣ, значительная часть добываемаго тамъ чугуна понынѣ выплавляется на древесномъ углѣ. Тѣмъ менѣе можно думать чтобы древесный уголь могъ потерять всякое значеніе для нашихъ сѣверныхъ и уральскихъ заводовъ. Эти заводы примыкаютъ къ обширнымъ пространствамъ чуть не сплошь покрытымъ лѣсами, которые мѣстами гніютъ на корню и не имѣютъ почти никакой цѣнности за невозможностью сбыта. Странно было бы еслибы заводы не пользовались подручнымъ древеснымъ топливомъ, и мало хорошаго можно было бы сказать о томъ лѣсномъ хозяйствѣ которое, оставляя лѣса гнить на корню, не искало бы на заводахъ подручнаго сбыта для ежегоднаго лѣснаго прироста. А этотъ лѣсной приростъ настолько великъ что можетъ надолго обезпечить выплавку чугуна на сѣверѣ и на Уралѣ не въ нынѣшнихъ, а въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, но при непремѣнномъ условіи чтобы районъ снабженія заводовъ древеснымъ топливомъ былъ значительно расширенъ противъ нынѣшняго. При гужевой перевозкѣ лѣсныхъ продуктовъ на такое расширеніе района снабженія древеснымъ топливомъ разчитывать нельзя. Гужевая перевозка ведетъ къ вырубкѣ только самыхъ близкихъ къ заводамъ лѣсовъ и вынуждаетъ ограничиваться выработкой только такого количества чугуна какое соотвѣтствуетъ размѣрамъ сосѣднихъ лѣсныхъ дачъ. Въ этомъ лежитъ одна изъ главныхъ причинъ почему количество изготовленныхъ на Уралѣ чугуна и желѣза не увеличивается, а изъ года въ годъ остается почти одно и то же; здѣсь же причина и оскудѣнія лѣсовъ, вслѣдствіе котораго многіе изъ уральскихъ заводовъ пришли въ затруднительное положеніе. Оставаясь при гужевой перевозкѣ уральскіе заводы работающіе на древесномъ углѣ, можно сказать, осуждены на застой; ихъ производство почти не можетъ выйти изъ нынѣшнихъ размѣровъ. Они могли бы, пожалуй, какъ это предлагалось иными, и при нынѣшнемъ количествѣ древеснаго топлива чуть не утроить массу выплавляемаго чугуна еслибъ отказались отъ передѣлки его у себя въ желѣзо, предоставивъ эту передѣлку заводчикамъ другихъ районовъ болѣе богатыхъ топливомъ. Но странно требовать отъ

уральскихъ заводчиковъ, чтобъ они отказались отъ болѣе выгоднаго желѣзодѣлательнаго производства, бросили бы какъ негодныя всѣ имѣющіяся у нихъ для него устройства и приспособленія, стоившія не малыхъ затратъ, и занялись бы одною только черновою работой чугуноплавленія, сдѣлавъ новыя затраты для его расширенія. Выходъ изъ застоя возможенъ для Урала и безъ такой накладной для заводчиковъ реорганизаціи если только гужевая перевозка топлива замѣнится передвиженіемъ по рельсовымъ путямъ, коннымъ или паровымъ, смотря по тому какъ окажется выгоднѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. На необходимость такихъ путей и указываетъ авторъ занимающей насъ статьи. Нужны тутъ не дорогія желѣзнодорожныя сооруженія съ какими привыкла имѣть дѣло публика, но дороги самой дешевой конструкціи, которыя удовлетворяли бы только спеціальнымъ заводскимъ цѣлямъ, не требующимъ ни особой быстроты передвиженія, ни удобствъ необходимыхъ при перевозкѣ пассажировъ. Требуются такія дороги которыя сравнительно съ обыкновенными желѣзными дорогами имѣли бы значеніе такъ-сказать рельсовыхъ проселковъ. Требуются такіе пути которые, по приводимому авторомъ примѣру, стоили бы приблизительно около трехъ тысячъ рублей за версту при конномъ движеніи и лишь не много дороже при паровомъ. Постройка такихъ дорогъ не потребовала бы чрезмѣрныхъ издержекъ, такихъ которыя не могли бы окупиться, и отъ которыхъ пришлось бы отказаться за недостаткомъ средствъ. При дешевизнѣ постройки и содержанія линій, была бы дешева и перевозка по нимъ. При конной тягѣ, по разчету автора, стоимость перевозки была бы дешевле гужевой въ пять разъ. Это значитъ что древесный матеріалъ на заводы могъ бы привозиться съ разстояній въ пять разъ большихъ чѣмъ нынѣ. Нужно ли говорить въ какихъ размѣрахъ, при такомъ расширеніи района лѣсоснабженія, усилился бы приливъ древеснаго топлива на заводы? А соразмѣрно этому приливу увеличилось бы и металлическое производство Урала какъ чугуноплавильное, такъ и желѣзодѣлательное. На ряду съ заводами, выиграло бы и лѣсное хозяйство во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ которыя были бы прорѣзаны предлагаемыми авторомъ желѣзнодорожными проселками.

Еще болѣе чѣмъ Уралъ и прилежащія мѣстныя пространства нуждается въ подобныхъ рельсовыхъ проселкахъ металлическое и каменноугольное дѣло на югѣ Россіи. Обыкновенными транзитными желѣзными дорогами оно довольствоваться не можетъ, какъ потому что большая стоимость такихъ дорогъ влечетъ за собою и дороговизну перевозки, такъ и потому что дорогихъ дорогъ нельзя настроить столько сколько нужно для удовлетворенія всѣхъ заводовъ которые могутъ и должны возникнуть на югѣ въ виду неисчерпаемости тамошнихъ рудныхъ и каменноугольныхъ богатствъ. Можно построить двѣ, три дорогія линіи, а ихъ нужны десятки. Каменноугольный округъ Ньюкасля, говоритъ авторъ, кромѣ двухъ транзитныхъ путей идущихъ къ морю, снабженъ 160 линіями спеціальныхъ угольныхъ дорогъ, отъ 20 до 100 верстъ длиной, идущихъ по тому же направленію. Вотъ размѣры въ какихъ требуются рельсовые пути для успѣховъ горнаго дѣла. Но само собою разумѣется что эта потребность можетъ быть удовлетворена лишь при исключительной дешевизнѣ постройки, возможной лишь при устраненіи множества техническихъ условій, соблюденіе коихъ необходимо на дорогахъ пассажирскихъ и вообще ускореннаго движенія, и совершенно излишнихъ на дорогахъ не требующихъ быстроты движенія и назначенныхъ спеціально для перевозки руды и каменнаго угля.

Авторъ полагаетъ что постройка дешевыхъ спеціально-заводскихъ дорогъ была бы по силамъ самимъ заводчикамъ, при поощреніи со стороны правительства и денежной отъ него поддержкѣ. Мы готовы съ этимъ согласиться, но съ нѣкоторою оговоркой. Какъ бы ни было дешево сооруженіе рельсовыхъ проселковъ, оно все-таки въ большинствѣ случаевъ потребуетъ затраты весьма солидныхъ для частныхъ людей капиталовъ. А капиталами наша горная промышленность пока еще не такъ богата чтобы могла рѣшаться на подобныя затраты не задумываясь. Другое дѣло еслибы къ горному дѣлу было привлечено возможно большее число капиталовъ. Привлечь ихъ можетъ, конечно, только выгодность производства и обезпеченность сбыта. Вотъ почему, въ ряду мѣръ нужныхъ для развитія нашего горнаго дѣла, на первомъ планѣ стоитъ оказаніе ему серіознаго таможеннаго покровительства, которое

привлекло бы къ нему капиталы также какъ они были привлечены у насъ, напримѣръ, ко хлопчатобумажнымъ мануфактурамъ. Англійское горное дѣло развилось при такомъ сильномъ таможенномъ покровительствѣ какого наши заводчики даже и не домогаются. Подъ кровомъ высокихъ отохранительныхъ пошлинъ и при наилучшихъ условіяхъ сбыта, горное дѣло въ Англіи привлекло къ себѣ такіе капиталы для которыхъ уже было по силамъ сооруженіе сотенъ нужныхъ для него рельсовыхъ линій. А наше горное дѣло въ теченіе десятилѣтій вовсе не пользовалось таможенною охраной и находилось въ условіяхъ при которыхъ капиталы болѣе имѣли наклонность отливать отъ него чѣмъ приливать. Тѣмъ большее участіе, полагаемъ, должна принять казна въ постройкѣ нужныхъ для горнаго дѣла дешевыхъ дорогъ, и тѣмъ скорѣе нужно принять мѣры для привлеченія къ горной промышленности капиталовъ которые могли бы уже взять прямо на себя издержки нужныя для нея дальнѣйшихъ успѣховъ и развитія.

№ 218.

Москва, 7-го августа.

Англійскій парламентъ закрытъ и военныя дѣйствія въ Египтѣ начались. Главнокомандующій, генералъ Волзлей, приступилъ къ дѣлу со свойственною ему энергіей. Во вторникъ, 15 августа, онъ прибылъ въ Александрію, 16-го успѣлъ уже оріентироваться, а 17-го, въ четвергъ утромъ, сдѣлалъ первыя распоряженія, сущность которыхъ вечеромъ была уже извѣстна въ Лондонѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, ударъ противъ Египтянъ готовится не отъ Александріи и Рамлеха, съ фронта, на который обращено все вниманіе Араби-паши, а отъ Абукира, во флангъ и отчасти въ тылъ расположенія Египтянъ у Кафръ-Довара. Утромъ въ пятницу стоявшая у Рамлеха гвардейская дивизія была смѣнена и предъ полуднемъ начала садиться на суда въ Александріи. Амбаркація должна быть, какъ видно изъ телеграммъ, кончена сегодня, а завтра англійскій флотъ явится въ Абукирскомъ заливѣ и послѣдуютъ бомбардированіе Абукира и высадка тамъ англійской пѣхоты. Отъ Абукира Англичане могутъ пройти впередъ широкимъ перешейкомъ между озерами Абукирскимъ и Эдку. Этотъ маневръ, при поддержкѣ съ фронта другимъ отрядомъ направленнымъ вдоль Каиро-Александрійской желѣзной дороги, поставитъ Араби-пашу въ затруднительное положеніе: или онъ долженъ будетъ отступить, или его окружатъ. Для англичанъ все дѣло въ томъ чтобъ операція противъ Абукира разыгралась быстро; для этого прежде всего было необходимо двинуть уважительную силу. Къ Абукиру направляются всѣ суда англійскаго флота, за исключеніемъ двухъ, и цѣлая дивизія сухопутныхъ войскъ. Для противодѣйствія Англичанамъ Египтяне въ Абукирѣ располагаютъ ничтожными силами, всего двумя баталіонами, которые и подумать бы не могли о серіозномъ сопротивленіи если бъ Абукиръ не имѣлъ сильныхъ, отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ современнаго инженернаго искусства береговыхъ фортовъ. Разбить эти форты выстрѣлами съ моря Англичане не разчитываютъ, но ничто не мѣшаетъ многочисленной морской артиллеріи закидать ихъ бомбами и этимъ принудить гарнизонъ удалиться. Помочь Абукиру изъ Кафръ-Довара Араби-паша не можетъ. Послать небольшой отрядъ безполезно, а двинуть значительныя силы слишкомъ рискованно. Англійскія войска расположенныя у Рамлеха и Александріи немедленно воспользовались бы этимъ промахомъ чтобы прорваться къ Кафръ-Довару съ фронта. Египтяне были бы разбиты по частямъ.

Если выигрышъ времени значитъ такъ много для Англичанъ, то онъ еще важнѣе для Араби-паши. Еще есть время парализовать задуманный Англичанами маневръ, не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы нагромоздить укрѣпленій на перешейкѣ между озерами Абукирскимъ и Эдку, растянувъ такимъ образомъ свой фронтъ и стало-быть ослабивъ оборону; это повело бы развѣ лишь къ тому что Англичане продвинулись бы далѣе къ Розетѣ и вышли бъ уже окончательно въ тылъ Египтянамъ. Съ самаго начала занятіе и укрѣпленіе Кафръ-Довара, вмѣсто историческаго Домангура, было стратегическою ошибкой со стороны Араби-паши. Онъ увлекся мечтой о „второй Плевнѣ,“ забывъ что судьба первой была рѣшена какъ только русскія войска окружили ее. Дальнѣйшая борьба ведена была Османъ-пашой единственно

для выигрыша времени. Но Османъ-паша былъ совсѣмъ въ иномъ положеніи нежели Араби-паша. За Балканами у Турокъ стояла другая армія, и Османъ-паша не былъ диктаторомъ который держитъ и направляетъ всю оборону страны. Еслибъ Араби-паша теперь сумѣлъ отойти къ Домангуру, то этимъ онъ отсрочилъ бы близость окончательной развязки и ускользнулъ бы отъ Англичанъ. Отсиживаться въ наскоро построенныхъ укрѣпленіяхъ, все равно подъ Кафръ-Доваромъ или Домангуромъ, для Араби-паши безполезно: тутъ или тамъ онъ одинаково будетъ захваченъ Англичанами. Ему важно, напротивъ, ускользнуть отъ удара. Въ этомъ случаѣ, ловкими и быстрыми маневрами регулярныхъ войскъ и безпрестанными набѣгами Бедуиновъ на тылъ Англичанъ Араби-паша могъ бы до крайности затруднить и замедлить ихъ наступленіе къ Каиру. Англичане не располагаютъ значительными силами и разбрасывать ихъ не могутъ, а между тѣмъ, гоняясь за Араби-пашой, они вынуждены были бы ослаблять себя отдѣленіемъ значительныхъ силъ для занятія этаповъ, оставлять кои открытыми при враждебности населенія невозможно. Надо замѣтить что силы противниковъ и не равны, и не однородны. Англичане вообще сильнѣе Араби-паши, у котораго изъ двѣнадцати или четырнадцати тысячъ войскъ регулярной пѣхоты всего только восемь; остальное артиллеристы и кавалерія, преимущественно Бедуины. Артиллерія Египтянъ слабѣе англійской, но за то Англичане далеко бѣднѣе кавалеріей. Этимъ-то и могли бы воспользоваться Египтяне вмѣсто того чтобы прибѣгать къ пассивной оборонѣ за укрѣпленіями, въ борьбѣ за которыя первенствующее значеніе имѣютъ пѣхота и особенно артиллерія.

Въ ожиданіи развязки дѣла подъ Абукиромъ стоитъ обратить вниманіе на телеграммы сообщающія объ этомъ предпріятіи. Успѣхъ всякой военной операціи много обусловливается ея неожиданностью для противника; слѣдовательно, необходимо какъ можно долѣе скрывать приготовленія къ ней. Какъ разъ наоборотъ поступили въ данномъ случаѣ Англичане. За три дня всюду стало извѣстно о намѣреніи занять Абукиръ. Случайно произойти это не могло. Телеграфъ въ Александріи въ рукахъ военныхъ властей; въ Лондонѣ тоже хорошо умѣютъ молчать когда нужно. Безъ цѣли, и притомъ во вредъ дѣлу, намѣренія англійскаго главнокомандующаго не могли быть разглашены, да еще и при посредствѣ телеграфнаго агентства Рейтера. Въ оповѣщеніи о предстоящемъ бомбардированіи Абукира должна поэтому скрываться особая цѣль. Извѣстіе о серіозномъ началѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ Египтѣ не было ли разчитано и на то чтобъ ускорить конецъ безплодныхъ толкованій Константинопольской конференціи? Какъ разъ предъ этимъ Турція настаивала чтобы конференція продолжала свои занятія, члены конференціи обратились за инструкціями ко своимъ правительствамъ, и теперь, можетъ-быть подъ вліяніемъ лондонскихъ вѣстей о военныхъ дѣйствіяхъ, получили приказаніе „настоять“ на закрытіи засѣданій. Конецъ конференціи ставитъ Турцію уже прямо съ глазу на глазъ съ Англіей и даетъ послѣдней возможность удобно отдѣлаться отъ совершенно ненужнаго ей содѣйствія турецкихъ войскъ. Теперь можно прямо сказать Туркамъ что обстоятельства перемѣнились и поставить новыя условія; завяжутся новые переговоры, а военныя дѣйствія между тѣмъ пойдутъ своимъ чередомъ, и именно такъ какъ хочется Англичанамъ которыхъ союзничество Турокъ связало бы по рукамъ, хотя бы турецкій генералъ и былъ подчиненъ англійскому главнокомандующему. Подчиненія безусловнаго быть не могло бы, а сношенія и соглашенія только замедляли бы ходъ военныхъ дѣйствій, вели бы къ тому что ни одинъ маневръ, ни одинъ ударъ не былъ бы исполненъ скрытно, въ благопріятную минуту съ надлежащею быстротой. Впрочемъ, повидимому, и сами Турки не слишкомъ добивались чести дѣлить съ Англичанами лавры. У нихъ, или у ихъ ближайшихъ внушителей на это, есть свои соображенія которыя конечно и обнаружатся когда дѣло будетъ сдѣлано Англичанами. Можетъ-быть не даромъ берлинская печать, до сихъ поръ такъ настойчиво толковавшая что Германія не имѣетъ никакихъ интересовъ на Востокѣ кромѣ поддержанія мира и благополучія Турціи, вдругъ мѣняетъ тонъ и заговариваетъ что Германія не можетъ де дозволить иноземной силѣ утвердиться на Востокѣ который есть арена будущаго Германіи, мѣсто куда долженъ отлагаться избытокъ ея силъ. Куда

же дѣвалась, однако, присказка что Востокъ не стоитъ костей и одного померанскаго мушкатера?

№ 220.

Москва, 9-го августа.

Много разъ было высказано что измѣненіе въ порядкѣ студентскихъ испытаній есть ключъ всей университетской реформы. Какъ бы многообразны ни были перемѣны, если испытанія не будутъ отдѣлены отъ преподаванія и не получатъ характера испытаній государственныхъ, преобразованіе не только окажется полумѣрой, но вовсе преобразованія не будетъ: все пойдетъ попрежнему, можетъ-быть хуже. Безъ единства плана, перемѣны съ боку дѣланныя, существа дѣла не касающіяся, не продержатся; преобразованіе потерпитъ неудачу. Произойдетъ нѣчто въ родѣ того что было не такъ давно съ „крамолой." Ничего дѣйствительно серіознаго не дѣлалось, а увѣрялось что всѣ мѣры репрессіи, съ „диктатурой сердца" включительно, перепробованы и оказались безсильными; остается де одинъ путь, тотъ который крамолой указывается. И пошли было по этому пути... Цѣль университетской реформы одна: поднять дѣло науки и обученія въ нашихъ университетахъ. Правильная организація преподаванія и испытаній есть потому красугольный камень всего дѣла. Въ какомъ нынѣ состояніи находится обученіе тысячей молодыхъ людей, правительствомъ порученныхъ произволу автономныхъ профессорскихъ корпорацій, можно видѣть изъ помѣщаемой ниже статьи *Къ вопросу объ университетскихъ экзаменахъ*, писанной студентомъ подъ живымъ впечатлѣніемъ имъ лично испытаннаго. Кто знаетъ нынѣшніе университетскіе порядки, тотъ можетъ засвидѣтельствовать что картина фотографически вѣрна, какъ это ни безотрадно. „Университетская наука" приведенная къ десятку дурно составленныхъ литографированныхъ тетрадей, кое-какъ зазубриваемыхъ въ два, три дня предъ экзаменомъ чтобы добыть четверку или пятерку (тройку можно обыкновенно получить „безъ бою," какъ выражаются въ нѣкоторыхъ университетахъ) и получить дипломъ; совершенное ничегонедѣланіе въ теченіи четырехлѣтняго курса: вотъ процессъ обученія массы молодыхъ людей готовящихъ себя къ высшимъ государственнымъ профессіямъ. Авторъ статьи—студентъ юридическаго факультета и описываетъ порядки дѣйствующіе на этомъ факультетѣ. Картина была бы полнѣе еслибъ изображены были экзаменные порядки обширнѣйшаго факультета, медицинскаго, гдѣ чудесъ еще болѣе чѣмъ на юридическомъ и который между тѣмъ снабжаетъ своихъ питомцевъ правомъ врачебной практики. Впрочемъ, и на историко-филологическихъ факультетахъ положеніе дѣлъ не лучше если еще не хуже: они представляютъ зрѣлище безобразнѣйшаго произвола и хаоса и совершенно не соотвѣтствуютъ своему названію. Въ нихъ нѣтъ и тѣни серіознаго ученія и они совершенно неспособны давать учителей для гимназій. Картина, повторяемъ, безотрадная. Уставъ 1863 года сдѣлалъ свое дѣло. Науки нѣтъ въ нашихъ университетахъ.

Самоуправленіе (то-есть безконтрольное подчиненіе учащагося юношества произволу и интригамъ профессорскихъ коллегій) привело университеты къ самоуничтоженію. Казалось бы, нельзя и минуты медлить спасительною реформой; а между тѣмъ вопросъ этотъ коснѣлъ-коснѣлъ до послѣдней минуты. Да и теперь, когда реформа, повидимому, есть дѣло окончательно рѣшеное, и вступаетъ на путь законодательнаго шествія, развѣ можно сказать что она дѣйствительно готовится? Что толку въ бумажномъ уставѣ, хотя бы таковой и оказался въ должной полнотѣ и симметріи параграфовъ? Все дѣло въ исполненіи, все дѣло въ исполнителяхъ. А замѣтно ли хотя какое-нибудь движеніе въ ходѣ дѣлъ по этой части? Предпринимаются ли какія-либо ощутительныя къ реформѣ приготовленія? Дѣлаются ли какія-либо перемѣны и перемѣщенія въ персоналѣ, которыя, по всему вѣроятію, были бы необходимы для того чтобы реформа могла стать правдой и увѣнчаться успѣхомъ? Все тихо, ничего нѣтъ, все попрежнему. Бывшій въ должности министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь Сабуровъ оставилъ по себѣ обильный запасъ поучительныхъ изреченій сказанныхъ имъ въ краткій срокъ своего управленія; однако, однажды, привелъ онъ по истинѣ поучительное изъ великой книги слово о мѣхахъ старыхъ въ которые вино новое

не слѣдуетъ вливать. Какого свойства было новое вино которое намѣревалась тогдашняя администрація вливать въ свои новые мѣха, мы не судимъ; но слово о мѣхахъ какъ нельзя болѣе примѣнимо въ настоящемъ случаѣ, когда рѣшено спасти русскую науку и довершить плодотворное преобразованіе нашей школы. Безъ реформы университетовъ не можетъ считаться упроченною и реформа гимназій, которая какъ и всякое дѣло можетъ здравствовать и приносить плоды когда живетъ и движется, а не коснѣетъ. Что̀ остановилось, то закоснѣло и то идетъ назадъ и предается тлѣнію. Прогрессъ же учебной реформы теперь главнымъ образомъ состоитъ въ правильномъ устройствѣ университетовъ которые должны довершать дѣло гимназій, а не портить его, и давать гимназіямъ все болѣе и болѣе соотвѣтствующихъ своему назначенію учителей, между тѣмъ какъ университеты отказываются служить этой цѣли и вынуждаютъ содержать особыя заведенія для того чтобы наши гимназіи не остались безъ преподавателей.

Наши университеты нынѣ что̀ угодно, только не разсадники высшихъ знаній. Назовите ихъ опытомъ (увы! не блистательнымъ) конституціоннаго режима въ самодержавномъ государствѣ, экспедиціями заготовленія дипломовъ, обществами взаимнаго страхованья отъ научнаго труда, клубами любителей чего-то, но университетами они станутъ лишь когда исключительною цѣлью ихъ будетъ наука. Это невозможно пока все дѣло научнаго труда будетъ сводиться къ составленію и заучиванію безобразныхъ литографированныхъ тетрадей. Безъ существеннаго преобразованія экзаменовъ истребленіе этого рода литографированныхъ курсовъ невозможно. Не помогутъ никакія запрещенія. Курсы эти и нынѣ считаются подъ запретомъ, но процвѣтаютъ какъ никогда. Какъ всякое дѣло практической пользы, производство этихъ тетрадей съ теченіемъ времени даже значительно усовершенствовалось. Какъ не пришла никому мысль щегольнуть ими на Всероссійской Выставкѣ! Въ какомъ бы поразительно жалкомъ видѣ предстала міру русская наука! Тѣ подробныя программы съ надписаніями между строкъ, о которыхъ говоритъ авторъ, составляютъ усовершенствованіе котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще не знали. Еслибы все осталось какъ есть, то вѣроятно наступило бы время когда аудиторія профессора состояла бы единственно изъ стенографа набрасывающаго слова лектора. Это быть-можетъ практиковалось бы и теперь еслибы точное воспроизведеніе сказаннаго не было невыгодно для научной репутаціи многихъ преподавателей: недостатки нынѣ падаютъ исключительно на студентовъ-составителей. Только коренное измѣненіе испытаній можетъ вывести изъ употребленія эту литографированную литературу низкаго научнаго калибра, причиняющую положительный вредъ занятіямъ студентовъ. Она исчезнетъ потому что сдѣлается безполезною. Пока экзамены будутъ производиться какъ нынѣ каждымъ профессоромъ изъ того что̀ ему вздумалось прочесть, наука и преподаваніе не могутъ двинуться впередъ въ нашихъ университетахъ. Только разорвавъ эту связь случайно прочитаннаго съ кое-какъ спрошеннымъ и перенеся экзамены въ особыя коммиссіи, для которыхъ производство испытаній стало бы дѣломъ спеціальнаго призванія, и гдѣ требовалось бы знаніе не случайныхъ клочковъ вчера прочитанныхъ, а основаній каждой науки, можно надѣяться на улучшенія и профессорскаго преподаванія, и студентскихъ занятій, и на водвореніе у насъ свободной академической системы въ неискаженномъ видѣ. Именно эта мысль преслѣдовалась въ проектѣ новаго устава, составленномъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ нынѣшняго министра Народнаго Просвѣщенія. Производство экзаменовъ въ коммиссіяхъ составляетъ такую его существенную часть что еслибъ устранить ее, то весь проектъ распался бы и его нужно было бы замѣнить другимъ на иныхъ основаніяхъ. Противники испытаній въ коммиссіяхъ высказываютъ два главныя якобы „опасенія.“ Гдѣ, спрашиваютъ, найти, особенно въ провинціяхъ, людей настолько научно образованныхъ чтобы стать членами экзаменныхъ коммиссій, — какъ будто дѣло идетъ не объ испытаніи студента въ томъ насколько имъ усвоены элементы науки, а объ основаніи академій наукъ оцѣнивающихъ новыя изобрѣтенія въ наукѣ? Не хотятъ понять что многіе изъ числа профессоровъ, въ качествѣ членовъ коммиссій, въ составъ которыхъ войдутъ и постороннія лица, мѣстныя и присланныя, явятся совсѣмъ иными экзаминаторами чѣмъ

нынѣ. Характеръ дѣятельныхъ людей зависитъ отъ условій въ которыя они поставлены. Другое опасеніе: будто бы испытанія въ коммиссіяхъ понизятъ научный уровень требованій, по меньшей мѣрѣ смѣшно въ виду нынѣшняго состоянія университетскихъ испытаній. Всякая скромная положительная величина неизмѣримо больше нуля. А нынѣшнія испытанія даже не нуль, а величина отрицательная...

№ 221.

Москва, 10-го августа.

Съ закрытіемъ англійскаго парламента, отсрочившаго въ прошедшій вторникъ свои засѣданія до 24 октября, публика лишилась главнаго источника quasi „достовѣрныхъ“ свѣдѣній о дипломатическомъ положеніи Египетскаго вопроса. Члены оппозиціи не будутъ болѣе докучать министрамъ своими запросами, и телеграфъ не станетъ болѣе передавать отвѣты Англійскаго правительства. Едва ли однако многіе пожалѣютъ о томъ что министерская скамья въ англійскомъ парламентѣ погрузилась въ молчаніе. Не говоря уже о томъ что и во время парламентскихъ вакацій политическіе дѣятели въ Англіи имѣютъ много случаевъ высказываться публично на многочисленныхъ митингахъ, и члены кабинета очень охотно пользуются этими случаями въ періодъ политическаго оживленія, причемъ частныя собранія какъ бы еще болѣе развязываютъ имъ языкъ,—гдѣ же нынѣ тѣ наивные люди которые сохранили вѣру въ парламентскіе спектакли? Кому неизвѣстно что и въ Англіи, какъ во всѣхъ прочихъ странахъ, дѣло дѣлается не путемъ публичныхъ словопреній, и что государственные люди стоящіе у дѣлъ чрезвычайно стѣсняются необходимостью объясняться публично по поводу не терпящихъ огласки текущихъ вопросовъ иностранной политики? Большею же частью они пользуются публичнымъ словопреніемъ для того чтобы словами получше маскировать свои сокровенные планы, намѣренія и побужденія. Съ этою цѣлью, нерѣдко напередъ устанавливается программа запросовъ предлагаемыхъ публично какимънибудь мнимымъ противникомъ правительства, дабы имѣть поводъ произвести отвѣтомъ на эти запросы пригодное впечатлѣніе.

Объясненіе данное въ послѣднемъ засѣданіи палаты общинъ весьма похоже на подобнаго рода напередъ аранжированную парламентскую болтовню. Сэръ-Ашмидъ Бартлеттъ внесъ предложеніе о вотумѣ порицанія противъ правительства за его египетскую политику. Подобнаго рода предложенія тогда только могутъ быть понимаемы серіозно когда они исходятъ отъ вождя оппозиціи. Имъ обыкновенно предшествуетъ продолжительная агитація въ странѣ, и такія генеральныя парламентскія сраженія не даются за нѣсколько часовъ до закрытія сессіи. За нѣсколько дней до засѣданія, 15 августа, кабинетъ Гладстона одержалъ блестящую побѣду надъ оппозиціей въ обѣихъ палатахъ по поводу Ирландскаго билля и само собою разумѣется что при такихъ обстоятельствахъ никто и не помышлялъ чтобы предложеніе г. Бартлетта увѣнчалось успѣхомъ. Оно и было имъ взято назадъ безъ раздѣленія палаты, какъ впрочемъ всегда бываетъ при фиктивныхъ парламентскихъ нападеніяхъ. Но преднамѣренность этого „нападенія“ по взаимному соглашенію противниковъ еще болѣе обнаруживается изъ содержанія той „безпощадной“ критики которой подвергъ иностранную политику правительства его оппонентъ. Сэръ-Ашмидъ порицалъ кабинетъ г. Гладстона за то что онъ испортилъ добрыя отношенія между Англіей, съ одной стороны, и Германіей съ Австріей, съ другой. На это г. Дилкъ далъ отвѣтъ который произвелъ въ Европѣ сенсацію неожиданности; а въ данную минуту это именно и требовалось.

Г. Дилкъ заявилъ что отношенія Англіи къ Германіи и Австріи „не были никогда болѣе дружественными чѣмъ именно теперь.“ Оппонентъ утверждалъ что теперешнее правительство разрушило союзъ съ Германіей, установленный лордомъ Биконсфильдомъ. На это г. Дилкъ возразилъ что напротивъ теперешній кабинетъ поздравляетъ себя по поводу „сердечности“ его отношеній къ Германскому правительству и что онъ проникнутъ глубокою благодарностью къ Германіи, которая „самымъ ревностнымъ образомъ поддержала политику Англіи.“ Утвержденіе будто бы англійское правительство стремилось къ образованію англо-французскаго союза направленнаго противъ Германіи и Австріи, есть де выдумка лишенная всякаго основанія; Англія не имѣетъ де ни малѣйшаго повода рев-

ниво относиться къ тому вліянію которое пріобрѣла Германія въ Константинополѣ. Совершенно невѣрно и то будто бы противъ Англіи составилось единеніе четырехъ державъ: Германіи, Австріи, Россіи и Италіи, съ цѣлію противодѣйствовать ея замысламъ въ Египтѣ.

Это „сердечное" изліяніе англійскаго министра по адресу Германіи противорѣчитъ весьма недавнимъ фактамъ и едва ли можетъ быть принято въ буквальномъ смыслѣ. Но во всякомъ случаѣ оно знаменуетъ собою желаніе укрѣпить увѣренность въ полнѣйшемъ единодушіи между Германіей и Англіей. Дружеская демонстрація Британскаго кабинета по отношенію къ Германіи тѣмъ замѣчательнѣе что и со стороны Германіи въ самое послѣднее время чинились такого же рода, хотя и нѣсколько болѣе сдержанныя заявленія. Съ недѣлю тому назадъ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* помѣстила статью которая обратила на себя всеобщее вниманіе, и содержаніе ея было тотчасъ же разнесено по свѣту офиціознымъ берлинскимъ телеграфомъ. Въ ней указывалось на то что Англіи *долженъ* принадлежать первенствующій голосъ въ дѣлѣ охраненія Суэзскаго канала, и что Суэзскій каналъ отнюдь не можетъ быть объявленъ на такомъ же положеніи нейтральности и постояннаго подчиненія международному контролю, какъ нижнее теченіе Дуная. Нѣсколько дней спустя, газета *Grenzboten*, пользующаяся репутаціей органа хорошо посвященнаго въ виды и намѣренія князя Бисмарка, дополнила указанную офиціозную замѣтку указавъ на то что „Германія имѣетъ весьма малый интересъ въ томъ что происходитъ въ Египтѣ." Не ея де дѣло давать одобреніе или неодобреніе той или другой державѣ за ея политику, какъ дѣлала Франція при Наполеонѣ III. Никакое правительство въ Англіи не могло бы дѣйствовать иначе нежели кабинетъ г. Гладстона, который старается де лишь о томъ чтобъ оградить жизненные интересы „великой Британской имперіи." Германскій канцлеръ старался только чтобы дѣло не дошло до европейской войны и чтобы борьба въ Египтѣ была локализована. Готовящееся соглашеніе касательно совокупнаго дѣйствія англійскихъ и турецкихъ войскъ въ Египтѣ есть де по преимуществу результатъ примиряющихъ посредническихъ стараній князя Бисмарка въ Константинополѣ.

Берлинская печать была на первыхъ порахъ весьма озадачена этимъ замѣтнымъ поворотомъ въ тонѣ офиціозныхъ органовъ имперскаго канцлера по отношенію къ Англіи и, вѣрная своей привычкѣ во всемъ полагаться на мудрость имперскаго канцлера въ иностранныхъ дѣлахъ и одобрять оную даже не понимая ея смысла, берлинская печать поспѣшила въ свою очередь измѣнить свой тонъ и прекратить нападки на Англію, которыя постоянно усиливались со времени бомбардированія Александріи.

Нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ газетъ, впрочемъ, стараются отыскать и объясненіе этимъ внезапнымъ дружественнымъ демонстраціямъ между Германіей и Англіей. Объясненіе это заключается въ томъ что Германія должна предупредить возможность соглашенія Англіи съ Франціей и, черезъ голову Германіи, съ Россіей...

№ 222.

Москва, 11-го августа.

Мы намѣрены, на основаніи добытыхъ нами точныхъ свѣдѣній, коснуться вопроса имѣющаго огромное значеніе для русской промышленности и торговли и близкаго къ рѣшенію.

Вслѣдъ за покореніемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса и окончаніемъ желѣзной дороги между Михайловскимъ заливомъ и Кызыль-Арватомъ совершенно естественно возникла мысль направить этимъ путемъ нашу торговлю съ восточною Персіей, откуда русскіе товары могли бы проникать и далѣе на Востокъ. Въ минувшемъ году вопросъ этотъ разсматривался въ Нижегородскомъ Ярмарочномъ Биржевомъ Комитетѣ, и обсуждавшіе его пришли къ убѣжденію что изложенное выше предположеніе могло бы осуществиться еслибы только караванъ на пути между Кызыль-Арватомъ и Мешедомъ (главнымъ городомъ персидской провинціи Хорасанъ) были предоставлены удобства, которыхъ пока не имѣется, а именно еслибъ были устроены станціи на которыхъ погонщики находили бы помѣщенія для себя и для товаровъ и возможность пріобрѣтать повсюду въ достаточномъ количествѣ кормъ для вьючныхъ животныхъ.

Замѣчанія эти не лишены, конечно, справедливости. Заявленныя въ засѣданіи Яр-

марочнаго Комитета неудобства дѣйствительно существуютъ, въ особенности между Кызыль-Арватомъ и нашею новою Закаспійскою границей; но при всемъ этомъ, нельзя упустить изъ виду что открытіе новаго пути для русской торговли находится въ зависимости главнымъ образомъ отъ разрѣшенія вопроса о транзитѣ западно-европейскихъ товаровъ чрезъ Кавказъ и Каспійское море. Разрѣшеніе этого вопроса представляется безотлагательно необходимымъ въ виду предстоящаго въ скоромъ времени открытія желѣзной дороги между Тифлисомъ и Баку, которая, связавъ Черное море съ Каспійскимъ, не замедлитъ получить первостепенное торговое значеніе.

Взглядъ нашего правительства на вопросъ о кавказскомъ транзитѣ мѣнялся не разъ. Западно-европейская промышленность свободно пользовалась путемъ отъ Чернаго моря чрезъ Тифлисъ и Джульфу въ Тавризъ *) до конца тридцатыхъ годовъ, когда, въ видахъ развитія русской торговли на Кавказѣ и обезпеченія ея отъ конкурренціи Запада, рѣшено было закрыть этотъ транзитный путь, и хотя въ концѣ сороковыхъ годовъ транзитъ былъ возстановленъ, правила, коимъ на этотъ разъ онъ былъ подчиненъ, были такъ стѣснительны что значительная часть западно-европейскихъ произведеній ввозимыхъ въ Персію продолжала направляться чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ.

Въ 1864 году, вслѣдствіе дошедшихъ до Константинополя слуховъ о появленіи чумы въ одномъ изъ округовъ персидскаго Курдистана, Порта воспретила временно провозъ персидскихъ товаровъ чрезъ свою территорію; побуждаемое негодованіемъ на это распоряженіе, правительство шаха пригласило персидскихъ торговцевъ въ Тавризѣ направлять свои товары чрезъ Кавказъ. Само собою разумѣется что это распоряженіе осталось бы безо всякихъ результатовъ еслибы кавказское начальство не воспользовалось обстоятельствами для усиленія транзитнаго движенія чрезъ Кавказъ. Вслѣдствіе представленія намѣстника Кавказскаго, были тогда же дарованы транзиту облегченія и, сверхъ того, былъ открытъ новый транзитный путь: отъ Поти чрезъ Тифлисъ въ Баку. Мѣры эти не замедлили принести существенные результаты. Начавшееся вслѣдъ затѣмъ движеніе западно-европейскихъ товаровъ чрезъ Кавказскій перешеекъ къ персидскимъ портамъ Каспійскаго моря стало быстро возрастать, и въ настоящее время исключительно этимъ путемъ западно-европейскія произведенія проникаютъ на сѣверо-восточные персидскіе рынки.

Блистательное занятіе нами Ахалъ-Текинскаго оазиса налагаетъ на насъ обязанность обсудить въ какой степени такое положеніе дѣла соотвѣтствуетъ русскимъ торговымъ и политическимъ интересамъ, заботы о коихъ и вызвали наше движеніе въ Туркменскія степи.

Если для насъ не представляется выгодъ отъ стѣсненія транзита европейскихъ товаровъ слѣдующихъ чрезъ Поти, Тифлисъ и Джульфу въ Тавризъ, такъ какъ, въ случаѣ стѣсненія этого транзита, товарное движеніе не преминуло бы перейти на почти параллельный путь чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ, то въ совершенно иныхъ условіяхъ находится транзитный путь на Баку и Каспійское море. Провозъ товаровъ этимъ путемъ сопряженъ съ несравненно меньшими расходами и съ меньшею тратой времени нежели провозъ сухимъ, кружнымъ, путемъ отъ Тавриза чрезъ Тегеранъ въ Мешедъ, которымъ западно-европейская промышленность исключительно пользовалась до половины шестидесятыхъ годовъ; а изъ этого явствуетъ что Россія имѣетъ возможность непосредственно вліять на сбытъ европейскихъ товаровъ на сѣверо-восточныхъ рынкахъ Персіи. Это подтверждается, какъ намъ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, отзывами русскихъ консуловъ въ персидскихъ портахъ Каспійскаго моря. Изъ этихъ отзывовъ оказывается между прочимъ что въ 1877—1878 годахъ, когда, вслѣдствіе войны съ Турціей, закрылось товарное движеніе по Черному морю и чрезъ Кавказъ, сбытъ иностранныхъ товаровъ въ сѣверо-восточной Персіи очень сократился, и въ то же самое время увеличился спросъ на русскія произведенія, тогда какъ возобновленіе транзитнаго движенія чрезъ Кавказъ дало совершенно противоположные результаты.

Притомъ, если сравнить путь чрезъ Кавказъ и Каспійское море въ Мешедъ съ путемъ изъ Красноводска въ Мешедъ, коимъ предполагается направить русскую

*) *Тавризъ*, главный городъ персидской провинціи Азербайджана, находится въ разстояніи приблизительно 140 верстъ отъ Джульфы.

торговлю съ восточною Персіей, то значительныя преимущества окажутся на сторонѣ перваго, несмотря на желѣзную дорогу между Михайловскимъ заливомъ и Кызыль-Арватомъ. Складочнымъ мѣстомъ западно-европейскихъ товаровъ на Каспійскомъ морѣ служитъ прекрасный Гязскій портъ, расположенный во глубинѣ Астрабадскаго залива, откуда пролегаетъ большой караванный путь въ Шахрудъ и Мешедъ, путь изобилующій перевозочными средствами. Разстояніе отъ Кызыль-Арвата до Мешеда почти равно разстоянію отъ Гяза до Мешеда; но не слѣдуетъ забывать что въ Красноводскѣ товары должны перегружаться изъ морскихъ судовъ на плоскодонныя, при помощи коихъ только и возможно сообщеніе съ Михайловскимъ заливомъ, откуда начинается Закаспійская желѣзная дорога. Перегрузка эта столь же, если еще не болѣе, невыгодна для торговли какъ и перегрузка которой подвергаются товары въ устьяхъ Волги.

Само собою разумѣется что невыгодныя условія пути отъ Красноводска въ Мешедъ сдѣлаются еще болѣе ощутительными для русской торговли если, съ открытіемъ желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями, будетъ допущено по ней свободное движеніе западно-европейскихъ товаровъ въ Персію. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ не только нанесенъ тяжкій ударъ русской торговлѣ въ восточной Персіи, но, что несравненно важнѣе, и вновь пріобрѣтенный нами на востокъ отъ Каспійскаго моря край не замедлитъ наводниться произведеніями иностранной промышленности въ ущербъ нашей. Новая закаспійская граница наша имѣетъ болѣе 500 верстъ протяженія; по обѣимъ сторонамъ ея живутъ кочевыя Туркменскія населенія, постоянно переходящія изъ нашихъ предѣловъ въ Персію и обратно, и обстоятельство это, если не на всегда, то во всякомъ случаѣ на весьма долгое время, исключаетъ возможность устройства таможенной линіи которая была бы въ состояніи оградить наши новыя пріобрѣтенія отъ наплыва товаровъ изъ Персіи. Только преграда транзитному движенію чрезъ Кавказъ и Каспійское море можетъ предотвратить указанныя выше крайне нежелательныя послѣдствія, и потому слѣдуетъ надѣяться что Министерство Финансовъ не оставитъ безъ должнаго заботливаго вниманія опасность грозящую нашимъ политическимъ и торговымъ интересамъ, такъ какъ, по слухамъ, Тифлисо-Бакинская дорога откроется для движенія не позже какъ чрезъ три мѣсяца. Какъ бы ни было желательно увеличить доходность этой дороги, но нельзя допустить чтобъ этому соображенію были принесены въ жертву интересы первостепенной важности, съ коими сопряжено положеніе Россіи въ Азіи, и между прочимъ торговая будущность нашихъ новыхъ пріобрѣтеній, стоившихъ намъ немаловажныхъ пожертвованій.

Съ этой точки зрѣнія было бы желательно безусловное закрытіе транзита; но если до принятія рѣшительной и безповоротной мѣры требуется еще подумать, то на первый разъ было бы необходимо по крайней мѣрѣ обложить западные транзитные товары высокими пошлинами въ замѣнъ тѣхъ удобствъ коими они воспользуются съ открытіемъ новой Кавказской желѣзной дороги, чѣмъ могло бы быть возстановлено равновѣсіе въ пользу русскихъ произведеній.

№ 223.

Москва, 12-го августа.

Мастерскимъ и по замыслу и по исполненію маневромъ Волзлей далъ борьбѣ между Англіей и Египтомъ новый, неожиданный и рѣшительный оборотъ. Главную атаку онъ повелъ не отъ Александріи, какъ было предположено, а отъ Измаиліи на Суэзскомъ каналѣ, обращенномъ теперь въ операціонную базу Англичанъ. Генералъ Волзлей воспользовался ошибкой Араби-паши. Все вниманіе египетскаго диктатора было обращено на Александрію и охраненіе доступовъ оттуда къ Каиру. Укрѣпивъ Кафръ-Доваръ, Араби-паша стянулъ сюда наибольшую массу войскъ оставивъ для прикрытія путей ведущихъ отъ Каира къ Суэзскому каналу весьма ограниченныя силы и при томъ весьма неблагонадежныя по своему качеству. Если у Кафръ-Довара строились день за днемъ сильные верки, то здѣсь у Загазига и у Тель-эль-Кебира Египтяне ограничились нѣсколькими наскоро набросанными укрѣпленіями, вооруженными крайне ограниченнымъ числомъ орудій. Египтяне не

полагали что отсюда будетъ поведена главная атака хотя и ждали нападенія отъ Суэза и Измаиліи. Это послужило первымъ указаніемъ Волзлею для выбора именно этого пути. Считается аксіомой дѣлать именно то чего противникъ не ждетъ и что ему не выгодно. (Только у насъ, повидимому, не считается аксіомой, и часто дѣлается именно то что нужно и выгодно противнику.) Вторая причина вынудившая Волзлея перенести центръ операцій на каналъ заключалась въ возможности установить связь въ дѣйствіяхъ между европейскимъ и индійскимъ отрядами Англичанъ и въ то же время обезпечить эти дѣйствія устройствомъ широкаго и во всѣхъ отношеніяхъ удобнаго базиса. Наконецъ,—и это самое главное,—Англія еще не вступая въ рѣшительную борьбу обезпечивала себѣ все для чего эта борьба предпринимается: у нея въ рукахъ и Александрія, и каналъ, о которомъ такъ много заботились и такъ много бесѣдовали за зеленымъ сукномъ на Константинопольской конференціи. Англія фактически владѣетъ каналомъ и ей, а не кому иному придется сказать послѣднее властное слово опредѣляющее судьбу канала.

Протяженіе канала не велико: отъ Портъ-Саида до Суэза считается всего 160 километровъ. Почти на половинѣ длины его, въ 75 километрахъ отъ Портъ-Саида лежитъ Измаилія, отъ которой отходитъ желѣзная дорога въ Загазигъ и далѣе въ Каиръ. Вдоль этой дороги и южнѣе ея идетъ прѣсноводный каналъ, направляющійся затѣмъ далѣе, какъ и желѣзная дорога, отъ Измаиліи параллельно морскому Суэзскому каналу къ Суэзу. Это положеніе Измаиліи даетъ ей первенствующее стратегическое положеніе. Слѣдующимъ по значенію пунктомъ долженъ считаться городъ Эль-Кантара въ 44 километрахъ отъ Портъ-Саида. Отъ Эль-Кантары проходитъ хорошая дорога въ Салигье, откуда идетъ опять рельсовый путь чрезъ Абу-Кебиръ къ Загазигу. Третій по значенію пунктъ есть станція канала Шалуфъ, около которой, по западной сторонѣ канала, лежитъ плато того же имени, прикрывающее какъ морской каналъ, такъ и идущіе параллельно ему каналъ прѣсноводный и береговую желѣзную дорогу. Но отъ Шалуфа отходитъ еще на западъ цѣлый рядъ торныхъ путей, и притомъ кратчайшихъ, къ Каиру, въ томъ числѣ „путь мекскихъ пилигримовъ“ и „старая дорога англо-индійской почты.“ Суэзъ и Портъ-Саидъ имѣютъ значеніе только какъ конечные пункты канала, обезпечивающіе владѣніе имъ въ будущемъ. Этимъ значеніемъ различныхъ пунктовъ на каналѣ опредѣлился весь образъ дѣйствій Англичанъ 20 и 21 августа. Распустивъ ложные слухи о предстоящемъ бобардированіи Абукира, Волзлей съ цѣлою дивизіей пѣхоты и всѣмъ флотомъ, на разсвѣтѣ 20 августа, появился у Портъ-Саида. Немедленно посланъ десантъ, и Портъ-Саидъ застигнутый въ расплохъ сдался безъ сопротивленія. Командиры египетскихъ войскъ взяты въ плѣнъ, защитники города обезоружены. Телеграфъ захваченъ. Не теряя времени Англичане двигаются далѣе, и въ тотъ же день успѣваютъ занять Эль-Кантару. Въ свою очередь, силы двинутыя изъ Суэза занимаютъ съ боя Шалуфъ и потомъ Измаилію, гдѣ должны встрѣтиться индійскій и европейскій корпуса Англичанъ. Египтяне и здѣсь сопротивлялись слабо; только у Шалуфа произошло нѣчто похожее на стычку, а отрядъ занимавшій Измаилію просто отошелъ къ Нефишу (Nefiche), узлу дорогъ изъ Загазига и Суэза въ Измаилію. Англичане послѣдовали за Египтянами, но ограничились пока канонадой. На слѣдующій день Волзлей лично прибылъ въ Измаилію и началась высадка массы англійскихъ войскъ. По послѣднимъ извѣстіямъ высадилось уже 10 тысячъ. Двинутъ впередъ кавалерійскій отрядъ поддержанный артиллеріей; онъ очевидно освѣщаетъ путь для главныхъ силъ.

Скрытность и быстрота маневра, вмѣстѣ съ ложными свѣдѣніями умышленно распущенными изъ Александріи и Лондона о нападеніи на Абукиръ, ввели Араби-пашу въ заблужденіе: въ то время когда Англичане уже дѣлали послѣднія распоряженія о занятіи Портъ-Саида, Араби-паша производилъ атаки на англійскую линію у Александріи. Только 21 августа, когда каналъ былъ уже во власти Англичанъ, Араби-паша узналъ о маневрѣ Волзлея и, если вѣрить извѣстіямъ идущимъ изъ англійскихъ источниковъ, потребовалъ желѣзнодорожный поѣздъ изъ Каира въ Кафръ-Доваръ, разчитывая отступать къ Каиру или даже въ Верхній Египетъ. Съ первымъ шагомъ Араби-паши назадъ, александрійскій корпусъ Англичанъ перейдетъ въ на-

ступленіе, и если Египтяне не сумѣютъ разрушить желѣзную дорогу и особенно мосты на лѣвомъ рукавѣ Нила, Каиръ, послѣднее прибѣжище египетскаго диктатора, будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; война все-таки должна кончиться въ сущности однимъ ударомъ. Если Араби-паша останется подъ Александріей, онъ опять попадетъ между двухъ огней, такъ такъ Англичане предупредятъ его въ Каирѣ. Волзлей воспользовался основною роковою ошибкой Араби-паши, съ самаго начала разбросавшаго свои ничтожныя, вдвое слабѣйшія сравнительно съ англійскими, силы по всему Нижнему Египту, вмѣсто того чтобы расположиться сосредоточенно, съ тѣмъ чтобы смотря по обстоятельствамъ двинуться всѣми силами противъ перваго двинувшагося впередъ англійскаго отряда и постараться разбить его ранѣе нежели онъ успѣетъ соединиться съ другимъ, наступающимъ по иному пути. Въ положеніи Араби-паши оставался одинъ способъ обороны: попытка разбить Англичанъ по частямъ. Разбросавъ свои силы и простоявъ долго у Кафръ-Довара, Араби-паша не только потерялъ возможность употребить въ дѣло этотъ маневръ, но напротивъ сдѣлалъ все чтобы дать Англичанамъ возможность разбить по частямъ Египтянъ. Пока все дѣло въ томъ успѣетъ ли Араби-паша занять Каиръ ранѣе Англичанъ и какъ послѣдніе сумѣютъ поладить съ природой. Августъ кончается; въ сентябрѣ долженъ послѣдовать разливъ Нила, до крайности затрудняющій всѣ сухопутныя сообщенія, за исключеніемъ желѣзно-дорожныхъ. На этотъ разливъ Египтяне разсчитывали съ самаго начала военныхъ приготовленій. Но разливъ Нила можетъ привести впрочемъ лишь къ тому что Англичане потеряютъ полтора или два мѣсяца, которыми можетъ воспользоваться Араби-паша для укрѣпленія Каира. Англичанамъ побѣда достанется дороже и позднѣе, но исходъ кампаніи опредѣленъ уже теперь: стратегически она проиграна Египтянами; поправить дѣло можетъ только тактическая побѣда, все равно въ полѣ или за укрѣпленіями. А побѣда сомнительна: Египтяне и слабѣе числомъ, и хуже обучены.

Но за военною силой Египта можетъ стать сила народа, съ которою справиться всегда не легко иноземному вторженію. Не рано ли Англичане тѣшатъ себя будто народъ, гдѣ-то впрочемъ въ Верхнемъ Египтѣ, негодуетъ на Араби-пашу. Въ Египтѣ можетъ вспыхнуть народная, религіозная борьба съ пришельцемъ. Англичанамъ не разъ приходилось испытывать что̀ значитъ такая борьба и какого напряженія силъ она потребуетъ, но имъ не менѣе извѣстно и главнѣйшее средство предотвратить такую войну: рѣшительный полный успѣхъ и быстрое занятіе страны.

№ 224.

Москва, 13-го августа.

Гдѣ тонко тамъ и рвется, говоритъ пословица. Мы особенно бѣдны золотомъ, его почти никто не видитъ, звонкая монета давнымъ давно сдѣлалась у насъ чуть не нумизматическою рѣдкостью, а именно звонкая-то монета и уплываетъ изъ Россіи неудержимымъ потокомъ. Изъ недѣли въ недѣлю таможенныя вѣдомости сообщаютъ все о новыхъ и новыхъ массахъ золота и серебра вывозимыхъ за границу. Много, непомѣрно много было вывезено его въ прошломъ 1881 году. Въ нашей исторіи, можно сказать, не было года (за исключеніемъ 1876, предшествовавшаго Восточной войнѣ) который въ этомъ отношеніи могъ бы равняться съ 1881. И вотъ текущій годъ грозитъ далеко превзойти своего предшественника. По крайней мѣрѣ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ полученнымъ въ таможенномъ вѣдомствѣ, по 5 августа, вывозъ монеты и слитковъ въ текущемъ году оказывается слишкомъ вдвое больше вывоза ихъ въ соотвѣтственные мѣсяцы прошлаго года. Такой ли это фактъ чтобы на него не стоило обратить вниманіе? Онъ имѣлъ бы серіозное значеніе и въ томъ случаѣ если бы былъ случайнымъ явленіемъ, симптомомъ скоропреходящей острой экономической болѣзни. Но мы имѣемъ дѣло съ болѣзнію хроническою, неожиданно обострившеюся. Золото, то бо́льшими, то меньшими волнами, уходитъ отъ насъ почти непрерывно въ теченіе цѣлой четверти столѣтія; но теперь въ нѣсколько мѣсяцевъ стало утекать его сколько прежде не утекало въ годы.

Недостаточность запасовъ золота внутри государства не разъ ощущалась самымъ непріятнымъ образомъ. Припомнимъ 1877 годъ, — годъ Восточной войны, — ко-

торому предшествовалъ отливъ за границу золота въ особенно громадныхъ размѣрахъ, какъ будто бы наканунѣ войны иностранцами были нарочно пущены въ ходъ особые насосы для вытягиванія отъ насъ золота столь необходимаго въ военное время. Припомнимъ цѣной какихъ тяжкихъ условій наше правительство пыталось тогда добыть за границей часть уплывшаго туда наканунѣ золота и какою неудачей сопровождалась эта попытка. А въ минувшемъ и текущемъ годахъ ушло уже за границу золота почти столько же какъ и въ годъ предъ Восточною войной. Мы не хотимъ этимъ сказать чтобы нынѣшній, продолжающійся болѣе года, усиленный уходъ золота изъ Россіи находился непремѣнно въ связи съ событіями на Востокѣ, и чтобъ онъ могъ парализовать Россію. Какъ пять лѣтъ тому назадъ, такъ и нынѣ, Россія, въ случаѣ надобности, нашла бы средства преодолѣть свои финансовыя затрудненія. Нельзя однако и пренебрегать этими затрудненіями, нельзя не заботиться объ устраненіи ихъ причинъ. Смотрѣть какъ уплываетъ отъ насъ нужное намъ золото и сидѣть сложа руки едва ли извинительно. Нужно поторопиться мѣрами которыя остановили бы уходящіе отъ насъ золотые потоки и замѣнили бы ихъ потоками обратными, для восполненія тѣхъ запасовъ золота которые были вывезены изъ Россіи иностранцами въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія, и для освобожденія страны отъ необходимости, за неимѣніемъ достаточнаго количества золота у себя, искать его въ случаяхъ нужды у заграничныхъ капиталистовъ, съ рискомъ получить отказъ.

Какъ на прямое средство остановить уходъ золота изъ страны и возвратить его указывалось не разъ на сокращеніе количества кредитныхъ билетовъ. Въ нихъ де вся бѣда. Это они де вытѣснили изъ Россіи все золото. Сократите ихъ количество, и на убылое мѣсто будетъ де приливать въ Россію золото. Но думая такъ мы ошибались, какъ ошибались полагая будто для подъема вексельныхъ курсовъ необходимо тоже извлеченіе кредитныхъ денегъ. Рядъ фактовъ показалъ что большія измѣненія въ количествахъ обращающихся у насъ бумажныхъ денегъ оставались безо всякаго вліянія на вексельные курсы, что курсы падали при сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія и, наоборотъ, повышались при значительномъ расширеніи его. Видѣли мы, напримѣръ, что кредитный рубль цѣнился на биржѣ выше 350 сантимовъ, видѣли какъ онъ затѣмъ цѣнился ниже 290 с., и цѣнился онъ выше когда кредитныхъ билетовъ въ государствѣ было на 800 милліоновъ рублей, а упалъ слишкомъ на 60 сантимовъ когда бумажныхъ денегъ было на 20 милліоновъ меньше. Видѣли мы затѣмъ какъ болѣе чѣмъ *трехсотмилліонный* выпускъ кредитныхъ билетовъ не только не имѣлъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ пониженіе курса, а напротивъ допускалъ его повышеніе на десять и болѣе сантимовъ *). Налицо также и результаты производимаго въ послѣдніе годы извлеченія кредитныхъ билетовъ. 1 октября 1879 года итогъ бумажно-денежнаго обращенія, по балансамъ Государственнаго Банка, составлялъ 1.128,5 милліоновъ; къ 1 іюля текущаго года этотъ итогъ уменьшился до 996,7 милліоновъ. Сокращеніе серіозное, больше чѣмъ на 130 милліоновъ рублей. Какого же результата достигли этимъ сокращеніемъ? Вмѣсто повышенія оказалось пониженіе. 2 октября 1879 года рубль цѣнился въ 270 сантимовъ и выше; 2 іюля 1882 года онъ цѣнился въ 253 сантима и ниже. Что̀ думаютъ о подобныхъ фактахъ, и думаютъ ли вообще тѣ вліятельные финансисты которые мечтаютъ объ исправленіи курсовъ ежегодными уплатами изъ казны Государственному Банку по 50 милліоновъ на предметъ извлеченія кредитныхъ билетовъ? А слѣдовало бы подумать, въ виду того что ихъ мечта ложится на государственный бюджетъ, а стало-быть и на народъ, тягостію расхода 400 милліоновъ, не обѣщающаго никакихъ полезныхъ результатовъ.

Но мы ведемъ рѣчь не о вексельныхъ курсахъ, а объ уходѣ золота за границу. Какіе факты имѣемъ мы предъ глазами по этой части? Въ 1876 году, какъ сказано, былъ особенно громадный вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Россіи. Что̀

---

*) Вотъ итоги кредитныхъ билетовъ и курсы относящіеся къ первымъ числамъ мѣсяцевъ:

	Итоги кредитныхъ билетовъ въ милліонахъ рублей.	Курсы на Парижъ на Петербургской Биржѣ.
1874, ноябрь	800,3	351, 350 1/2
1877, апрѣль	780,1	286 1/2, 290
1877, іюль	846,7	255 1/2,
1879, октябрь . . .	1.151,3	270 1/4, 1/2

же, было это результатомъ расширенія бумажно-денежнаго обращенія? Нѣтъ, 1876 былъ годомъ не расширенія, а сокращенія этого обращенія: итогъ его (по балансамъ Государственнаго Банка) въ началѣ года былъ 751,₂, а въ концѣ только 708,₇ милліоновъ. Точно также и огромный вывозъ золота въ минувшемъ и текущемъ годахъ совпалъ какъ разъ съ особенно усерднымъ изъятіемъ кредитныхъ билетовъ. Изъято ихъ въ полтора года слишкомъ на 90 милліоновъ рублей, но заграничное золото не явилось на опроставшееся мѣсто, какъ ни высоко цѣнится оно на нашихъ биржахъ, а напротивъ уплыло за границу приблизительно на 90 милліоновъ русскаго золота. Кредитные билеты стали вытѣснять золото когда ихъ осталось меньше, но не вытѣсняли когда ихъ было больше. 1878 и 1879 были у насъ годами наибольшаго бумажнаго обращенія. И что̀ же? Золото въ эти два года не только не уходило изъ Россіи, но напротивъ въ эти два года оно привозилось къ намъ изъ-за границы.

Не ясна ли, въ виду всего этого, ошибочность ходячихъ мнѣній какъ о причинахъ упадка нашихъ курсовъ, такъ и о причинахъ хроническаго ухода золота изъ Россіи? Эти мнѣнія распространились и были приняты на вѣру главнымъ образомъ потому что курсы начали падать и золото стало уходить послѣ Крымской войны и вызванныхъ ею выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Но пора вникнуть въ иныя причины, на которыя не любятъ указывать наши экономисты. Надо припомнить что ни въ періодъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, ни въ первое время послѣ войны, курсы не падали. Были временныя колебанія, повышенія и пониженія курсовъ, но не выходившія изъ тѣхъ предѣловъ въ которыхъ эти явленія происходили и до Крымской войны, до выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Упадокъ курсовъ въ серіозныхъ размѣрахъ начался позже, вслѣдъ за изданіемъ фритредерскаго тарифа 1857 года, и послѣ разныхъ финансовыхъ мѣропріятій нарушившихъ установившійся ходъ экономической жизни. Благодаря тарифу 1857 года сдѣлался невозможнымъ выгодный торговый балансъ для Россіи, а финансовое хозяйство изъ года въ годъ шло путемъ все болѣе увеличивавшимъ русскіе платежи иностранцамъ сравнительно съ платежами которыхъ мы могли отъ нихъ требовать. Вотъ гдѣ истинная причина и нашихъ низкихъ курсовъ, и того что золото утекаетъ изъ Россіи. Исправьте нашъ международный разчетный балансъ, постарайтесь достигнуть того чтобы весь итогъ русскихъ заграничныхъ платежей былъ не болѣе, а менѣе стоимости тѣхъ товаровъ которые Россія можетъ продавать иностранцамъ, и русское золото перестанетъ уходить за границу, и начнется приливъ его; вмѣстѣ съ тѣмъ, не замедлятъ пойти въ гору и вексельные курсы. Но нужно торопиться. Зло причиняемое невыгодностью разчетнаго баланса растетъ съ каждымъ годомъ, а задача исправленія баланса становится все труднѣе и труднѣе.

№ 225.

Москва, 14-го августа.

Даже самые завзятые защитники злополучнаго университетскаго устава 1863 года принуждены теперь признаться что „порядокъ“ царствующій въ нашихъ университетахъ „до очевидности безобразенъ.“ Такими именно словами характеризуетъ наши университеты *нашъ Голосъ*, напечатавшій (№ 209) обширную статью подъ заглавіемъ *Будущность университетскаго образованія въ Россіи*, въ концѣ которой высказывается слѣдующій печальный взглядъ на существующіе у насъ университетскіе порядки: „Если наши университеты—главные разсадники высшаго образованія и если въ нихъ такъ низко и такъ неравномѣрно оцѣниваются способности и труды, *то нельзя не печалиться за будущность всего просвѣщенія въ Россіи. Дай Богъ чтобъ это положеніе скорѣе измѣнилось!*“ Оказывается изъ этой статьи что серіознымъ и дѣльнымъ русскимъ ученымъ въ автономныхъ русскихъ университетахъ житья нѣтъ. Оказывается что въ нашихъ университетахъ нѣтъ никакого „разчета“ заниматься наукой русскимъ ученымъ „достигшимъ благополучно желанной пристани, званія ординарнаго профессора.“ Въ самомъ дѣлѣ: „тотъ кто ничего не дѣлаетъ, ничего не пишетъ и ничего не говоритъ, получаетъ свои 3.000 рублей, между тѣмъ какъ тотъ кто трудится, пишетъ и развиваетъ свои способности, также получаетъ 3.000 рублей.“ Званіе ординар-

наго профессора есть такимъ образомъ у насъ синекура, которой русскіе ученые достигаютъ посредствомъ не заслугъ научныхъ, а кумовства, открыто практикуемаго въ самоуправныхъ профессорскихъ коллегіяхъ. Можно ли удивляться если при такихъ порядкахъ наши профессора не пользуются тѣмъ „почетомъ и уваженіемъ которые окружаютъ германскихъ профессоровъ," назначаемыхъ въ университетъ не университетскими совѣтами, а правительствомъ. Вотъ что говоритъ *Голосъ* въ названной статьѣ о германскихъ ординарныхъ профессорахъ:

„Въ германскихъ университетахъ положеніе ординарнаго профессора достигается *одними учеными заслугами* и помимо всякихъ ограниченій штатомъ. Нѣтъ для ординарныхъ профессоровъ никакого опредѣленнаго оклада: все зависитъ отъ условій которыя ученый ставитъ данному Германскому правительству, желающему его имѣть въ своемъ университетѣ. Относительно замѣчательныхъ ученыхъ происходитъ настоящая борьба между правительствами: каждое желаетъ его имѣть у себя и потому старается перещеголять другихъ своими выгодными предложеніями. Вотъ причина почему такая огромная разница въ окладахъ германскихъ профессоровъ. Эти оклады постоянно возрастаютъ, смотря по возрастанію извѣстности ученаго, и есть такіе какъ Момзенъ, Вирховъ, Гельмгольцъ или Гнейстъ, которые могутъ поставить условія какія угодно и правительство сдѣлаетъ все чтобъ удержать ихъ... Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ условій матеріальныхъ, есть другія условія нравственнаго свойства, которыя для всякаго порядочнаго и нравственно развитаго человѣка имѣютъ огромную цѣну... Посмотрите какъ въ германскихъ университетахъ относятся сами студенты къ профессорамъ. Во всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ видно полное уваженіе студентовъ къ своимъ преподавателямъ и, притомъ, замѣчательно что по ихъ убѣжденію, на такое уваженіе имѣютъ права какъ геніальные профессора, такъ и весьма посредственные."

Видите, это все какъ бы изъ *Московскихъ Вѣдомостей* выписано...

Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи даже и посредственный профессоръ пользуется уваженіемъ студентовъ, такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ серіозно и честно, по мѣрѣ силъ своихъ, трудится надъ научнымъ образованіемъ своихъ слушателей. Если бы было иначе, у него не было бы ни одного слушателя и онъ *eo ipso* пересталъ бы быть профессоромъ. У насъ, какъ извѣстно, явленіе совершенно обратное. Нѣтъ между русскими „учеными" такого бездарнаго пустомели который не могъ бы посредствомъ интригъ, холопства или пронырливости пробраться въ „ординарные" съ тѣмъ чтобы заставлять двадцать пять лѣтъ сряду несчастныхъ студентовъ вызубривать къ экзамену литографированный вздоръ, который безъ всякой предъ кѣмъ-либо отвѣтственности навязывается имъ подъ видомъ „науки." Уставъ 1863 года обязываетъ нашихъ студентовъ безпрекословно усвоивать себѣ всякую чепуху, но онъ не можетъ заставить ихъ *уважать* своихъ профессоровъ.

Итакъ дѣло ясно. „Безобразный порядокъ" нашихъ университетовъ долѣе существовать не можетъ; настала наконецъ пора измѣнить его чтобы предохранить будущность просвѣщенія въ Россіи отъ угрожающей ему опасности. Въ чемъ должно заключаться измѣненіе нашихъ университетскихъ порядковъ, также не подлежитъ вопросу. *Голосъ* указываетъ на Германію гдѣ „кипитъ научная жизнь" благодаря тѣмъ условіямъ университетскаго образованія которыя такъ благопріятно дѣйствуютъ на развитіе науки и такъ мало похожи на условія созданныя у насъ уставомъ 1863 года какъ бы нарочно для истребленія русской науки.

Но повѣритъ ли читатель если мы скажемъ что та же газета, тутъ же, представляя намъ германскіе университеты какъ высокій идеалъ научной школы, признавая порядки въ нашихъ университетахъ „безобразными," тѣмъ не менѣе называетъ намѣреніе правительства переустроить наши университеты въ лучшемъ смыслѣ „поощреніемъ невѣжества, униженіемъ профессоровъ и пониженіемъ уровня преподаванія?!" А что это дѣйствительно такъ, можно убѣдиться изъ №№ 208 и 209 названной газеты. Повторяется та же исторія что и съ гимназіями. О нихъ *Голосъ* говорилъ такъ: въ Германіи гимназіи хороши, но потому и не слѣдуетъ устраивать въ Россіи подобныя учебныя заведенія. Теперь онъ говоритъ почти то же: Германскіе университеты хороши, наши никуда не годятся, но они еще будутъ

хуже если мы поставимъ ихъ въ лучшія условія. Мы въ свое время раскрыли тѣ пріемы посредствомъ которыхъ интрига старалась навести туманъ на гимназическую реформу; то же самое приходится дѣлать и теперь когда пытаются ввести публику въ обманъ о предстоящемъ университетскомъ преобразованіи.

Пріемъ интриги состоитъ въ слѣдующемъ: отъ публики тщательно скрывается что ожидаемая реформа ни къ чему другому не стремится какъ только ко введенію у насъ именно тѣхъ самыхъ университетскихъ порядковъ которые такъ блистательно оправдались въ Германіи. О сущности реформы говорится лишь въ самыхъ туманныхъ намекахъ, и ей приписываются какія-то нелѣпыя цѣли. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ *Будущность университетскаго образованія въ Россіи* говорится слѣдующее:

„Можно быть увѣреннымъ что съ того момента когда русскіе университеты обратятся въ *отдѣленіе департамента народнаго просвѣщенія (??)* и лишатся даже своей нынѣшней автономіи, ихъ покинутъ даже и тѣ немногіе русскіе ученые, которыхъ еще нельзя зачислить въ рядъ чиновниковъ и ученыхъ ремесленниковъ. Во всякомъ случаѣ можно положительно (!) сказать что если нынѣ существующіе въ русскихъ университетахъ порядки не въ состояніи притягивать къ себѣ новыя силы, еще меньше притягательной силы будутъ они имѣть послѣ осуществленія плановъ Московской Эгеріи мужскаго пола, то-есть г. Каткова.“

Почему же, спрашивается, реформа превратитъ наши университеты въ „отдѣленіе департамента Народнаго Просвѣщенія?“ Потому можетъ-быть что профессора будутъ назначаться правительствомъ, а не университетскими коллегіями? Но вѣдь въ этомъ-то правительственномъ назначеніи и заключается та причина почета и уваженія которыми окружены германскіе профессора, какъ мы видѣли изъ той же статьи *Голоса*. Въ Германіи профессоръ получаетъ свое назначеніе отъ правительства благодаря своимъ ученымъ заслугамъ; въ такомъ случаѣ и германскіе университеты должны считаться „отдѣленіями департамента Народнаго Просвѣщенія,“ въ которомъ засѣдаютъ только одни „чиновники да научные ремесленники.“ Но вѣдь это не такъ. Чиновники, научные ремесленники и пошлые фразёры засѣдаютъ именно на нашихъ каѳедрахъ куда ихъ возводитъ не государство, а закулисныя интриги такихъ же чиновниковъ, ремесленниковъ и фразёровъ. Германская система назначенія профессоровъ притягиваетъ къ университетамъ лучшія научныя силы, наша система отталкиваетъ эти силы отъ университетовъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же *Голосъ*. Какъ же можно, въ виду всего этого, *положительно* говорить что если нынѣ существующіе въ русскихъ университетахъ порядки не въ состояніи притягивать къ себѣ новыя силы, то еще меньше притягательной силы будутъ они имѣть послѣ того какъ примутъ тотъ именно характеръ который отличается наибольшею и наилучшею притягательною силой?

Фальшь идетъ далѣе. Эти господа соглашаются что сущность реформы, кромѣ способа назначенія профессоровъ, заключается въ преобразованіи университетскихъ экзаменовъ, въ отдѣленіи экзамена отъ преподаванія или, точнѣе, въ учрежденіи государственныхъ экзаменовъ. Принципъ государственнаго экзамена, говорятъ они,

„состоитъ въ томъ что никто не можетъ быть принятъ на гражданскую службу и потомъ занимать высшія въ ней должности если не выдержитъ установленнаго экзамена и не покажетъ свѣдѣній которыя можно пріобрѣсти только въ университетѣ. Можно говорить противъ отдѣльныхъ системъ государственнаго экзамена и практическаго ихъ примѣненія въ отдѣльныхъ государствахъ, но нельзя не сказать что въ принципѣ *эта мѣра въ Германіи вызвана серіознымъ желаніемъ создать классъ образованныхъ лицъ служащихъ государству.*“

Но именно потому что эта мѣра серіозная, *Голосъ* и не хочетъ ея для Россіи, отвергая подъ тѣмъ предлогомъ что она будто бы послужитъ поощреніемъ невѣжества, униженіемъ профессоровъ и пониженіемъ уровня преподаванія. Для доказательства этого абсурда, публицисты *Голоса* ухитрились выдумать *три* софизма.

Первый изъ нихъ гласитъ:

„У насъ отдѣленіе университетскихъ экзаменовъ отъ текущаго преподаванія не можетъ имѣть такого значенія (какъ въ Германіи). Оно получило бы его только въ такомъ случаѣ еслибы соотвѣтственно

этому были измѣнены разныя статьи устава о службѣ гражданской. Именно, въ соотвѣтствіе такой реформѣ, слѣдовало бы постановить что вообще ни одно высшее учебное заведеніе не дастъ никакихъ правъ при поступленіи на службу, что всякое лицо желающее поступить на службу обязано выдержать опредѣленный экзаменъ въ учрежденныхъ для того коммиссіяхъ, и что свѣдѣнія, требуемыя для такого экзамена, могутъ быть пріобрѣтены только въ университетѣ. *Но ничего подобнаго, очевидно, не будетъ постановлено.* Прочія заведенія, кромѣ университетовъ, будутъ выпускать своихъ питомцевъ съ аттестатами дающими права на службѣ, одни университеты будутъ лишены этого права. Отсюда слѣдуетъ что при сравнительной легкости курсовъ другихъ заведеній, *законъ установитъ премію меньшему знанію*" (!).

Но привилегированныя учебныя заведенія именно теперь и существуютъ у насъ. Законъ уже установилъ такую *премію*. Училище Правовѣдѣнія, Александровскій Лицей, напримѣръ, выпускаютъ своихъ питомцевъ съ бо̀льшими правами чѣмъ университеты. Новый законъ можетъ, напротивъ, измѣнить это неправильное положеніе; но во всякомъ случаѣ эти привилегированныя заведенія стоятъ въ сторонѣ, имѣютъ характеръ закрытыхъ школъ, находятся непосредственно подъ рукою правительства, которое можетъ и самое преподаваніе въ нихъ поставить въ лучшія условія и возвысить экзаминаціонныя требованія, можетъ подчинить ихъ воспитанниковъ общему порядку, наконецъ вовсе упразднить эти заведенія. Именно преобразованіе университетовъ и подниметъ рано или поздно вопросъ о заведеніяхъ дающихъ премію нарядному полуобразованію Каждый новый законъ предполагаетъ самъ собою отмѣну соотвѣтствующихъ старыхъ. Если въ настоящее время на государственную службу поступаютъ люди со внѣшнимъ лоскомъ лжеобразованности, то это потому именно что у насъ нѣтъ серіознаго, научнаго государственнаго экзамена. Если онъ будетъ введенъ, то именно для того чтобъ оградить государство отъ губительнаго наплыва фразёровъ.

Второй софизмъ заключается въ слѣдующемъ:

Въ одно и то же время, одно и то же правительство будетъ довѣрять способности не университетскихъ преподавателей производить экзамены и не довѣрять такой же способности преподавателей университетскихъ, потому только что они „университетскіе." Что̀ можетъ выйти изъ этого кромѣ униженія университетскаго сословія,—униженія совершенно безцѣльнаго для правительства и вреднаго относительно учащейся молодежи?"

Однако въ Германіи государственные экзамены отдѣлены же отъ профессорскаго преподаванія и однако тамъ, по словамъ того же *Голоса*, университетское сословіе „окружено почетомъ и уваженіемъ." А у насъ въ Россіи? Университетскіе преподаватели *сами* экзаменуютъ студентовъ изъ прочитанныхъ имъ лекцій и, по сознанію того же *Голоса*, эти преподаватели не пользуются ни почетомъ, ни уваженіемъ среди учащейся молодежи! Что же касается преподавателей въ привилегированныхъ заведеніяхъ, то сами-то преподаватели, по всему вѣроятію, не находятся въ привилегированномъ сравнительно съ университетскими профессорами положеніи, состоятъ подъ контролемъ своего начальства и экзаменуютъ не изъ того что̀ имъ угодно, а что они были обязаны преподавать своимъ слушателямъ по установленной программѣ.

А вотъ наконецъ и третій софизмъ:

„Однимъ изъ мотивовъ такихъ quasi-государственныхъ экзаменовъ выставляется то что нынѣ испытанія производятся не изъ „науки," а изъ прочитаннаго профессоромъ. При отдѣленіи же экзаменовъ „отъ преподаванія" можно будетъ выработать программу испытаній согласную съ „наукой" и ее волей-неволей долженъ будетъ придерживаться профессоръ. Это значитъ что, по мнѣнію иныхъ господъ, „науку," т.-е. нѣчто находящееся въ состояніи постояннаго развитія и совершенствованія, можно заковать въ извѣстную „программу," къ выполненію которой и будетъ „готовить" своихъ слушателей профессоръ. По нашему, это значитъ понизить уровень преподаванія и остановить движеніе науки, которая, худо ли, хорошо ли, движется почти исключительно трудами университетскихъ преподавателей."

Бѣдная Германія! У нея вотъ уже почти цѣлое столѣтіе наука стоитъ безъ движенія, такъ какъ германскіе государственные экзамены производятся по низкой программѣ, въ которую „закована" бѣдная узница, наука! Счастливая Россія, которая въ на-

учномъ отношенiи далеко опередила Германiю благодаря тому что у нея университетскiе экзамены производятся не по „программѣ,“ а по надписаннымъ конспектамъ, которые уже никакъ нельзя заподозрить въ плѣненiи науки. Что̀ такое значитъ „заковать науку въ программу?“ Въ программѣ государственныхъ экзаменовъ обозначены общепризнанныя *основанiя* науки, съ которыми каждый кандидатъ на государственныя должности долженъ быть вполнѣ знакомъ. Наука дѣйствительно *ежедневно* развивается и совершенствуется, но *основанiя* ея мѣняются не ежедневно и даже не ежегодно. Основныя требованiя обязательны; но они оставляютъ свободное мѣсто для курсовъ необязательныхъ, въ которыхъ преподаватель, для любознательныхъ слушателей, можетъ излагать свои гипотезы и результаты своихъ изученiй по той или другой части науки. Слушателей онъ будетъ всегда имѣть если Богъ далъ ему талантъ; вздору же и пошлостей молодые люди по крайней мѣрѣ не будутъ *обязаны* слушать.

Вотъ тѣ фальшивыя доказательства, которыми заправители *Голоса* хотятъ убѣдить публику, будто лучшiе университетскiе порядки не годятся для Россiи именно потому что они лучшiе.

Есть, говорятъ, еще другое возраженiе противъ предстоящей реформы. „Реформа, сознаются иные изъ ея противниковъ, сама по себѣ прекрасна и принесла бы великую пользу нашему университетскому образованiю; благодаря этой реформѣ Россiя могла бы занять почетное мѣсто среди образованныхъ странъ Европы и вполнѣ обезпечить будущность своего просвѣщенiя. Жаль только что не мы, а другiе догадались рекомендовать ее, *наши* же высказались противъ: поэтому намъ и приходится теперь оспаривать ее въ интересахъ нашей партiи.“

Хороши же патрiотизмъ и честность этой партiи...

№ 227.

Москва, 16-го августа.

А.

Въ послѣднее время обратило на себя общее вниманiе сдѣланное въ минувшемъ iюлѣ таможеннымъ вѣдомствомъ распоряженiе о строгомъ досмотрѣ всѣхъ товаровъ отправляемыхъ изъ Россiи въ Персiю чрезъ Астраханскую таможню. Увѣряютъ что эта мѣра была принята вслѣдствiе полученныхъ со стороны свѣдѣнiй что чрезъ таможню тайно вывозится запрещенный къ вывозу товаръ, именно огнестрѣльное оружiе, которое затѣмъ переходитъ отъ Персiянъ въ руки сосѣднихъ съ ними среднеазiятскихъ кочевниковъ. Неизвѣстно въ какой мѣрѣ основательны приведенныя свѣдѣнiя, но вызванная ими мѣра оказалась положительно неблагопрiятною для русскаго отпуска въ Персiю. Кромѣ проволочки времени, строгiй таможенный досмотръ требуетъ распаковки, а затѣмъ новой упаковки товаровъ, что̀ естественно сопровождается лишними расходами, а частiю и порчей товара. Стѣснительность предписанныхъ таможенныхъ обрядностей (которымъ долженъ подвергаться только русскiй отпускъ въ Персiю и отъ которыхъ свободна русская отпускная торговля по европейской границѣ) такова что заставила многихъ опасаться какъ бы сбытъ русскихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Персiю совсѣмъ не прекратился, такъ какъ Персiяне, вмѣсто русскихъ товаровъ, легко могутъ выписывать нужные имъ товары изъ другихъ государствъ, пользуясь удобствами транзита иностранныхъ товаровъ чрезъ Кавказскiй перешеекъ. Фабриканты заинтересованные въ торговлѣ съ Персiей воспользовались недавнею поѣздкой министра Финансовъ на Нижегородскую ярмарку чтобъ обратить его вниманiе на то какимъ ударомъ для русской торговли будетъ упомянутая таможенная мѣра, и подали ему по этому предмету особую докладную записку. При этомъ были объяснены особые прiемы употребляемые при упаковкѣ мануфактурныхъ товаровъ идущихъ на азiятскiе рынки, въ удостовѣренiе того что, вопервыхъ, трудно допустить провозъ запрещеннаго груза въ кипахъ мануфактурнаго товара, вовторыхъ, что и при оставленiи въ силѣ ограниченнаго досмотра (чрезъ вскрытiе нѣсколькихъ кипъ изъ данной партiи), вскрытiе кипъ можно производить не повреждая упаковки. Министръ, какъ сообщено нашимъ нижегородскимъ корреспондентомъ, призналъ экстренность ходатайства и обѣщалъ ускорить разрѣшенiе вопроса.

Можно надѣяться что съ этой стороны

интересы русской торговли съ Персіей будутъ ограждены, что стѣснившій ее таможенный тормазъ будетъ устраненъ. Но этой торговлѣ грозитъ другая опасность болѣе серіозная чѣмъ временная мѣра принятая по Астраханской таможнѣ, опасность на которую уже указывалось надняхъ въ № 222 *Московскихъ Вѣдомостей*. Желѣзная дорога отъ Тифлиса до Баку почти достроена, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по ней должно открыться движеніе. Какъ отзовется это уже недалекое событіе на судьбахъ русско-персидской торговли, при существующихъ условіяхъ иностраннаго транзита чрезъ наши закавказскія владѣнія?

Сбытъ русскихъ товаровъ, идущихъ въ Персію главнымъ образомъ чрезъ Астрахань, ничего отъ новой дороги не выиграетъ. Но совсѣмъ иная перспектива открывается для сбыта въ Персію иностранныхъ товаровъ идущихъ въ Персію транзитомъ черезъ Кавказъ. Этотъ сбытъ уже въ настоящее время, при всѣхъ существующихъ затрудненіяхъ перевозки начиная отъ Тифлиса до Каспійскаго моря или до сухопутной персидской границы, значительно превышаетъ своими размѣрами сбытъ русскихъ товаровъ на персидскіе рынки. Чтó же будетъ, во сколько разъ возрастутъ размѣры иностраннаго транзита когда нынѣшнія затрудненія перевозки совсѣмъ устранятся, когда къ услугамъ торгующихъ съ Персіей иностранцевъ явятся всѣ удобства непрерывнаго желѣзнодорожнаго сообщенія отъ моря до моря? Значеніе Баку-Тифлисской дороги въ этомъ отношеніи оцѣнено уже и персидскими торговцами. Какъ пишутъ въ газетахъ, въ Персіи уже поговариваютъ объ установленіи торговыхъ связей въ Константинополѣ съ цѣлію выписки оттуда европейскихъ товаровъ. Но еще лучше конечно сумѣютъ воспользоваться новымъ рельсовымъ путемъ торговцы западно-европейскіе. Какая же будущность предстоитъ русскому сбыту въ Персію если непрерывный рельсовый путь отъ Поти до Баку сдѣлается каналомъ по которому неудержимымъ потокомъ польются на персидскіе рынки продукты западно-европейской промышленности вытѣсняя съ нихъ товары русскаго производства? Не трудно предвидѣть что вся русская торговля чрезъ Астрахань можетъ быть окончательно убита, такъ что устранится, пожалуй, самая надобность разрѣшать ходатайство съ которымъ наши фабриканты обратились къ министру Финансовъ на Нижегородской ярмаркѣ, за прекращеніемъ отпуска относительно коего установлены стѣснительныя обрядности строгаго таможеннаго досмотра.

Русская желѣзная дорога грозящая убить важную вѣтвь русской торговли, отнять у нея рынки которые должны быть ея достояніемъ и отдать ихъ въ полное распоряженіе иностранцевъ! Но персидскими рынками дѣло не ограничится. Наводнивъ Персію, иностранные товары не замедлятъ проникнуть и на наши среднеазіятскіе рынки, вытѣсняя русскіе продукты и изъ принадлежащей Россіи территоріи.

Зло, конечно, не въ желѣзной дорогѣ, а въ условіяхъ торговаго по ней движенія, зло въ тѣхъ льготахъ которыя предоставлены у насъ иностранному транзиту, льготахъ никакими соображеніями не оправдываемыхъ. Было время когда на чужеземный транзитъ можно было имѣть иные взгляды, видѣть въ немъ выгоду для своей страны, заботиться о привлеченіи его къ себѣ, о направленіи международныхъ торговыхъ сношеній чрезъ свою территорію; но время это давно прошло. Мнѣніе о выгодности транзитной торговли составилось въ давнія времена, когда о желѣзныхъ дорогахъ не было и помышленій, когда торговля пользовалась караванными путями, когда товары перевозились вьюками или гужемъ. Перевозка обходилась дорого; товаръ, по пословицѣ, могъ стоить полушку, а перевозка его могла обходиться въ рубль, и почти весь этотъ рубль доставался населенію той страны чрезъ которую товаръ слѣдовалъ. По направленію торговыхъ трактовъ основывались, росли и богатѣли селенія пользовавшіяся большими выгодами отъ прохожденія каравановъ и обозовъ. Эти выгоды распредѣлялись между массами населенія по всему протяженію тракта. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ всему этому насталъ конецъ. Не даромъ содержатели постоялыхъ дворовъ, люди промышлявшіе извозомъ и другіе кормившіеся отъ гужевой перевозки товаровъ такъ роптали на желѣзныя дороги, отбивавшія у нихъ хлѣбъ. Этотъ ропотъ, конечно, не могъ служить аргументомъ противъ постройки желѣзныхъ дорогъ сближающихъ отправителя съ получателемъ товара, про-

изводителей съ потребителями, и потому дающихъ странѣ выгоды далеко превосходящія тѣ какими пользовались населенія отъ гужевой перевозки. Но надобно брать вещи какъ онѣ есть, и не слѣдуетъ забывать что желѣзныя дороги отняли у населеній всѣ выгоды транзита, что поэтому о выгодности его для страны при паровыхъ сообщеніяхъ по рельсовымъ путямъ не должно быть и рѣчи. Между тѣмъ, вѣра въ утратившую всякій смыслъ выгодность транзита удержалась у насъ до такой степени что не разъ во имя этой выгодности серіозно проектировались постройки рельсовыхъ путей чрезъ все протяженіе Россіи съ цѣлію направить по нимъ движеніе товаровъ изъ Европы внутрь Азіи, какъ будто отъ такого торговаго движенія Россія могла бы что-нибудь выиграть!

Содѣйствіе которое отъ Поти до Баку дорога можетъ оказать иностранному транзиту не только не дало бы выгодъ странѣ, но напротивъ повело бы къ огромному ущербу для русскихъ интересовъ. Населенію Кавказа не будетъ лучше и легче отъ того что мимо его будутъ проноситься ряды вагоновъ нагруженныхъ иностранными товарами предназначенными въ Персію. Конечно, за перевозку иностранныхъ товаровъ желѣзная дорога возьметъ съ провозителей что̀ будетъ слѣдовать по ея тарифамъ; перепадетъ кое-что на фрахтъ въ пользу русскихъ пароходовъ на Каспійскомъ морѣ. Но для послѣднихъ иностранные грузы будутъ не болѣе какъ вознагражденіемъ за потерю грузовъ изъ Астрахани. Что же касается желѣзнодорожныхъ сборовъ, то еще вопросъ попадутъ ли они въ русскіе карманы: акціи нашихъ дорогъ принадлежатъ большею частію иностранцамъ. Но еслибъ эти акціи были и въ русскихъ рукахъ, если бы всѣ желѣзнодорожные сборы оставались въ Россіи, развѣ ради этихъ сборовъ строятся дороги? Ихъ полезное значеніе заключается единственно въ служеніи русскимъ производителямъ и потребителямъ, русскимъ промышленнымъ и торговымъ интересамъ. При допущеніи же, изъ грошевыхъ выгодъ желѣзной дороги, иностраннаго по ней транзита, эта дорога оказалась бы не другомъ, а врагомъ русской промышленности и торговли, она отняла бы у нея обширные рынки сбыта. Въ этихъ ли видахъ строилась дорога чрезъ весь Закавказскій край, столь дорого стоившій государству и людьми, и деньгами?

Оставленный на прежнихъ основаніяхъ, иностранный транзитъ черезъ Кавказъ неизбѣжно подорветъ русскую торговлю съ Персіей, можетъ повести даже къ совершенному прекращенію сбыта туда русскихъ товаровъ. Запрещеніе иностраннаго транзита, на оборотъ, обѣщаетъ широкое развитіе русскихъ торговыхъ сношеній съ прикаспійскими странами; взамѣнъ тѣхъ товаровъ которые провозятъ нынѣ чрезъ Кавказъ иностранцы, поступили бы на персидскіе рынки продукты русскаго производства. Что̀ же мы предпочтемъ: поддержку русскихъ интересовъ въ ущербъ иностраннымъ, или поощреніе иностранныхъ въ ущербъ своимъ? Каждое государство заботится о расширеніи и пріобрѣтеніи новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ. Должна ли Россія составлять исключеніе, дѣйствуя въ прямо противоположномъ смыслѣ?

Б.

Категорическое заявленіе сэръ-Чарлза Дилка въ послѣднемъ засѣданіи англійскаго парламента о неизмѣнной дружбѣ и сердечности отношеній существующихъ будто бы между Германіей и Англіей до сихъ поръ было предметомъ оживленныхъ толковъ въ европейской печати. Независимые органы австро-германской журналистики, опомнившись отъ перваго впечатлѣнія неожиданности и удивленія, разбираютъ это заявленіе съ большимъ сомнѣніемъ въ его достовѣрности, указывая и на то что правительственные органы въ Вѣнѣ и Берлинѣ не проронили по этому поводу ни одного слова. Припоминается, между прочимъ, что г. Дилкъ уже „попался" разъ по поводу египетскихъ дѣлъ, заявивъ публично въ парламентѣ будто бы представители Австріи и Германіи высказали ему что ихъ правительства одобряютъ рѣшимость Англіи бомбардировать Александрію; а спустя нѣсколько дней тотъ же г. Дилкъ вынужденъ былъ сдѣлать оговорку, изъ которой явствовало что онъ слишкомъ поспѣшно истолковалъ въ свою пользу переданное ему замѣчаніе графа Кальноки; со стороны же Германіи, поправился г. Дилкъ, ему не было передано никакого заявленія. На основаніи этого „прецедента" вліятельнѣйшія изъ газетъ

въ Берлинѣ и Вѣнѣ прямо высказываютъ подозрѣніе что г. Дилкъ и на этотъ разъ намѣренно преувеличилъ смыслъ сдѣланныхъ ему сообщеній, безцеремонно полагаясь на то что правительства Германіи и Австріи не станутъ публично изобличать его въ искаженіи истины.

„Кто хоть сколько-нибудь знаетъ князя Бисмарка,“ замѣчаетъ вѣнская *Neue Freie Presse*, „тотъ не можетъ не покачать головой надъ заявленіемъ г. Дилка. Германскій канцлеръ не любитъ Англіи и никогда еще не оказывалъ ей какихъ-либо любезностей. Если онъ постарался пріобрѣсти большое вліяніе въ Константинополѣ, то ужь конечно не для того чтобы быть тамъ ходатаемъ за Англію. Вѣрнѣе, напротивъ, то что Порта, оказавшая первоначально столь упорное сопротивленіе Англіи, дѣйствовала такъ подъ очевиднымъ вліяніемъ Германіи, и намъ кажется что германская политика по Египетскому вопросу приняла другой оборотъ лишь недѣли три тому назадъ. Но и этотъ поворотъ едва ли вызванъ желаніемъ содѣйствовать видамъ Англіи, и если г. Гартфельдъ посовѣтовалъ Портѣ быть уступчивѣе къ англійскимъ требованіямъ, то это было скорѣе въ интересѣ самой Турціи (?) нежели Англіи.“

Еще энергичнѣе высказывается противъ Англіи берлинская *Національная Газета*. „Въ Европѣ,“ замѣчаетъ названная газета, „возникло великое зло—это заносчивость Англіи (der Uebermuth Englands). Опытъ доказалъ что каждый разъ когда одинъ стремится вознестись надъ другимъ, послѣдствіемъ этого бываютъ великія бѣдствія и продолжительныя замѣшательства. Заносчивость всегда дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на окружающихъ и пораждаетъ всеобщую тревогу: одинъ желаетъ воспользоваться случаемъ дабы въ мутной водѣ рыбу удить, другой приходитъ къ убѣжденію что не слѣдуетъ сидѣть сложа руки въ то время какъ сосѣдъ обдѣлываетъ свои дѣла, и въ свою очередь кидается въ рискованное предпріятіе.“ На этомъ основаніи берлинская газета думаетъ что „Европѣ“ предстоитъ еще много дѣла и что главная задача заключается въ томъ чтобъ „обуздать заносчивость Англіи.“

Нѣтъ сомнѣнія что въ этихъ сужденіяхъ берлинской газеты вѣрнѣе сказалось истинное настроеніе Германіи по отношенію къ событіямъ совершающимся въ Египтѣ нежели въ офиціальномъ заявленіи г. Дилка о сердечномъ сочувствіи которое будто бы питаетъ Германія къ дѣйствіямъ Англіи. Но сами по себѣ эти общія мѣста изъ политической морали столь доктрально высказываемыя берлинскою газетой едва ли менѣе лицемѣрны нежели увѣренія англійскаго министра. Призывая „Европу“ къ обузданію англійской заносчивости, *Національная Газета* обнаруживаетъ лишь затаенное желаніе чтобы по отношенію къ Англіи повторилось то что произошло по отношенію къ Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Вопросъ лишь въ томъ удастся ли на этотъ разъ вызвать призракъ „Европы.“ Франція не протестуетъ противъ дѣйствій Англіи, какъ того быть-можетъ хотѣлось въ Берлинѣ, и объявила себя довольною ея дѣйствіями. Россія тоже повидимому не протестуетъ. Какъ же составить „Европу?“

Слишкомъ мало данныхъ чтобы съ достовѣрностью судить дѣйствительно ли произошелъ поворотъ въ политикѣ которой держалась до сихъ поръ Германія, а съ нею вмѣстѣ и Австрія, въ Египетскомъ дѣлѣ. Но кто внимательно слѣдитъ за австро-германскою печатью, для того ясно что въ тамошнихъ политическихъ сферахъ опасаются не столько за участь Суэзскаго канала, которая въ самомъ дѣлѣ очень мало затрогиваетъ Германію, сколько за то чтобы событія не привели къ разстройству того политическаго положенія въ которомъ, послѣ Берлинскаго конгресса, Германія получила преобладающій голосъ. Заискивающее заявленіе сэръ-Чарлза Дилка, какъ бы заключающее въ себѣ косвенное признаніе этого преобладанія, все-таки недостаточно было чтобы разсѣять это опасеніе. И не смотря на то что г. Дилкъ отрекся отъ приписываемаго ему замысла заключить союзъ съ Франціей, нѣмецкая печать продолжаетъ относиться къ этому вопросу съ большою подозрительностью.

Французская печать, въ свою очередь, также не далась въ обманъ Она вѣрно поняла положеніе, вопреки публичному заявленію сэръ-Чарлза Дилка и не повѣрила ни въ „сердечную“ поддержку Германіей англійскихъ притязаній, ни въ искренность отреченія англійскаго министра отъ попытокъ соглашенія съ Франціей. Телеграфъ передалъ намъ вчера соображенія

высказанныя самыми влiятельными французскими газетами, *République Française*, *Temps* и *Journal des Débats*. Всѣ онѣ высказываютъ убѣжденiе что Англiя не отступится отъ своего предпрiятiя и сумѣетъ удержать въ своихъ рукахъ владычество надъ Египтомъ и надъ Суэзскимъ каналомъ. Въ европейскiй концертъ названныя газеты не вѣрятъ и убѣждены что онъ будетъ безсиленъ вырвать изъ рукъ Англiи то что̀ ею уже захвачено. На этомъ основанiи французскiя газеты высказываются въ пользу англо-французскаго союза и желаютъ чтобъ усилiя Англiи увѣнчались успѣхомъ.

№ 228.

Москва, 17-го августа.

Издаваемая во Львовѣ польская *Gazeta Narodowa*, открыто проповѣдующая ненависть къ Россiи, выдала московской газетѣ *Русскiй Курьеръ* одобрительный аттестатъ, удостовѣряющiй что „изо всѣхъ газетъ *царата* (Россiйской Имперiи), *не исключая даже Голоса, Русскiй Курьеръ* всегда наиболѣе искренно благопрiятствовалъ *польской справѣ*.“

Если польскiе патрiоты находятъ что, изъ двухъ сочувствующихъ имъ мнимо-русскихъ газетъ, московская отличается большею искренностью и откровенностью чѣмъ петербургская, они дѣйствительно правы.

Отношенiя петербургской и московской газеты къ Польскому дѣлу наглядно выразились по поводу Львовскаго процесса. *Голосъ*, защищая и восхваляя польскiй судъ, все-таки принужденъ былъ сознаться что ему „пришлось разбирать политическое дѣло, по безосновательности, по очевидной не только натяжкѣ, но и положительной лживости обвиненiя, ничѣмъ не уступающее уголовнымъ процессамъ возбуждаемымъ только въ бурныя времена для того чтобы судебнымъ приговоромъ прикрыть дѣло палача.“ *Русскiй Курьеръ* не считаетъ нужнымъ соблюдать дипломатическое благоприличiе *Голоса* и прямо заявляетъ что польская прокуратура заслуживаетъ всякой похвалы за то что она возбудила Львовскiй процессъ, такъ какъ де „точкой отправленiя въ событiяхъ и дѣйствiяхъ приведшихъ къ процессу слѣдуетъ признать фактъ *совращенiя* крестьянъ мѣстечка Гнигилицы изъ унiатовъ *въ православiе*.“ Совращенiе въ православiе! И не думайте что эти слова явились случайно, обмолвкой, въ газетѣ православнаго московскаго купца; нѣтъ, слова эти повторяются нѣсколько разъ въ передовой статьѣ № 216 замоскворѣцкаго органа, который даже особенно ими хвастается и нарочно ихъ подчеркиваетъ повторяя: „мы говоримъ *совращенiе*, а не *переходъ*.“ По поводу этого „совращенiя въ православiе,“ *Русскiй Курьеръ* произноситъ слѣдующiй панегирикъ австрiйской *полицiи:*

„Австрiйская полицiя оказалась болѣе искусною, болѣе зоркою и успѣшно дѣйствующею нежели въ иныхъ государствахъ. Она оказалась способною вникать во внутреннiй смыслъ явленiй и фактовъ, не дожидаясь чтобъ они выливались въ какихъ-нибудь болѣе рѣзкихъ и уже прямо опасныхъ для спокойствiя государства формахъ. Однимъ словомъ, прослѣдивъ дѣятельность одиннадцати обвинявшихся Русиновъ, смыслъ и значенiе ихъ сношенiй съ нѣкоторыми русскими дѣятелями славянофильской клики и соотношенiе между участiемъ послѣднихъ и фактомъ *совращенiя* гнигилицкихъ крестьянъ *въ православiе*, галицiйскiя власти, полицейскiя и прокурорскiя, усмотрѣли что тутъ идетъ дѣло о зародышѣ политическаго заговора, затѣваемаго для подготовленiя *русинскаго* населенiя Галицiи къ отпаденiю въ православiе и отъ преданности Австрiйскому государству, и къ установленiю тяготѣнiя его къ сосѣднему съ Австрiей Русскому государству.“

Подобно польской полицiи во Львовѣ, польская газета въ Москвѣ набрасывается на „русинскихъ патрiотовъ“ за то что де они *„не погнушались ввести въ заблужденiе гнигилицкихъ крестьянъ, увѣривъ ихъ что въ присоединенiи ихъ къ православiю кроется неслыханное для нихъ благополучiе.“* Краснорѣчивъ также слѣдующiй польско-iезуитскiй прiемъ, посредствомъ котораго *Русскiй Курьеръ* превозноситъ мнимую законность польской интриги въ Галицiи, и который навѣрное поставитъ въ тупикъ русскаго читателя:

„Австрiйская прокуратура сочла своею обязанностiю причислить къ главнѣйшимъ уликамъ и фактъ подговора гнигилицкихъ крестьянъ къ переходу въ православiе, потому что, согласно австрiйскимъ зако-

намъ, переходъ изъ одной вѣры въ другую, будучи совершенно нестѣсняемъ въ силу основнаго закона о полной вѣротерпимости, можетъ быть однако преслѣдуемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ когда не имѣется данныхъ для доказательства искусственнаго такъ сказать совращенія и подговора, и притомъ не съ чисто-религіозною, но съ политическою цѣлью." (Sic.)

А нѣсколько строкъ далѣе *Русскій Курьеръ* самъ говоритъ слѣдующее: „процессъ доказалъ что въ сущности всѣ подсудимые во глубинѣ души оказываются преданными Австріи и ея режиму, за исключеніемъ развѣ системы управленія спеціально полицейской." Тѣмъ не менѣе онъ не хочетъ назвать Львовскій процессъ, подобно *Голосу*, „политическимъ дѣломъ возмутительнымъ по безосновательности, несправедливости, очевидной натяжкѣ и положительной лживости обвиненія," а напротивъ того оканчиваетъ свою статью о львовскомъ скандалѣ слѣдующими чудовищными словами:

„Можно съ большею вѣроятностью сказать что положительнымъ практическимъ результатомъ процесса является то что *русинскіе* дѣятели на будущее время воздержатся отъ повторенія своихъ *ошибокъ (?!)* и что они исполнятся несомнѣннаго уваженія къ австрійскимъ властямъ и суду, которыя отнеслись къ ихъ *заблужденіямъ (?!)* съ такимъ гуманнымъ великодушіемъ (!!) и съ такою осторожностью (!!), на которыя они, конечно, не могли бы разчитывать въ предѣлахъ будущаго всеславянскаго царства (?!!).

Разница въ пріемахъ сочувствія польской интригѣ со стороны *Голоса* и *Русскаго Курьера* идетъ еще дальше. Петербургскій органъ сознавался что „мысль о процессѣ возникла въ польскихъ кружкахъ и навѣяна соображеніями различнаго характера, въ которыя входило, конечно, и желаніе устроить манифестацію непріятную и *оскорбительную для Россіи*." Московскій органъ съ этимъ несогласенъ и дѣлаетъ своему петербургскому товарищу слѣдующій, совершенно уже неожиданный для него, выговоръ:

„Нѣкоторые наши публицисты силились увѣрить русское общество будто процессъ Русиновъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ *оскорбленіемъ Россіи.* Это—или тенденціозная выдумка, или плодъ болѣзненно-настроеннаго воображенія нашихъ славянофиловъ."

Бѣдному *Голосу* пришлось послѣ этого выговора сопричислиться или къ тенденціознымъ выдумщикамъ, или къ славянофиламъ! Этого патроны его конечно не ожидали.

Но ланинскій органъ польской интриги отличается полною откровенностью не только въ своихъ сужденіяхъ о процессѣ, но и вообще въ заявленіи цѣлей *Польской справы.*

Такъ въ №№ 222 и 223 названной газеты опредѣляется что̀ такое „польская справа." Всѣмъ извѣстно что „польская *справа*" значитъ „польское *дѣло*;" всѣмъ также извѣстно что „польское дѣло" есть подготовляемое всѣми средствами возстановленіе Польши отъ моря до моря по Смоленскъ и Кіевъ, въ видѣ ли королевства, какъ этого желаетъ одна партія, или въ видѣ республики, какъ желала бы другая. *Русскій Курьеръ* по „демократическому" принципу причисляетъ себя ко второй. Въ № 222 *Курьеръ* высказываетъ слѣдующую „profession de foi относительно польскаго вопроса и польско-русскихъ отношеній:"

„Прежде всего припомнимъ писанное нами еще въ маѣ на эту именно тему. Въ фельетонѣ озаглавленномъ *Обособленіе и Единеніе* (къ вопросу о польско-русскихъ отношеніяхъ см. № 144 *Русскаго Курьера*) мы указывали на современное стремленіе народностей къ *Обособленію* одновременно съ федеративными тенденціями и доказали, какъ намъ кажется неопровержимо, что мы *не можемъ отнимать у Поляковъ то что̀ мы даемъ Болгарамъ или признаемъ за Сербами.*"

Далѣе, московская газета приводитъ „програму заключающую въ себѣ и *Обособленіе* и *Единеніе*, подъ которою можетъ подписаться обѣими руками каждый Русскій и каждый Полякъ," программу изложенную въ какой-то брошюрѣ „одного разумнаго Поляка." Оказывается что эта программа составлена на тотъ случай еслибы „Польша была возстановлена какимъ-либо побѣдителемъ послѣ великихъ политическихъ событій." Вотъ что̀ по поводу этого возстановленія говоритъ „одинъ разумный Полякъ:" „Польша не имѣя силъ чтобы защититься отъ поглощенія съ той или съ другой стороны должна была бы, *оставаясь формально независимою*, превратиться въ вассала Германіи, или же послѣдовала бы требованію естественной политики буду-

щаго и здраво понятыхъ интересовъ и вступила бы, въ видахъ общей пользы, *въ неразрывный политическій союзъ съ Россіей съ обезпеченіемъ за собою внутренней автономіи...*“

Вотъ слѣдовательно та программа подъ которою, по увѣренію г. Ланина, „можетъ подписаться обѣими руками каждый Русскій.“ Западная Россія должна составить Польшу, дипломаты которой будутъ вести съ *Москвой* переговоры для обезпеченія обоюдныхъ интересовъ! Ланинская газета увѣряетъ что подобная программа не есть „измѣна Русскому государству,“ такъ какъ въ ней будто бы „нѣтъ и не можетъ быть для Россіи ни опасности, ни вреда, ни какого-либо ущерба, кромѣ, наоборотъ, очевидной пользы. Вотъ, хвастливо заключаетъ она, „та *польская справа* которой мы не перестанемъ сочувствовать.“

Удивительно ли что польская интрига довольна своимъ московскимъ органомъ? Удивляться надо лишь тому что у насъ среди бѣлаго дня такъ открыто можетъ проповѣдываться государственная измѣна. Вотъ въ Австріи не то: тамъ власти, по словамъ *Курьера*, оказываются „болѣе искусными, болѣе зоркими и успѣшно-дѣйствующими,“ а также „способными вникать во внутренній смыслъ явленій и фактовъ, не дожидаясь чтобъ они выливались въ какихъ-либо болѣе рѣзкихъ и уже прямо опасныхъ для спокойствія государства формахъ.“

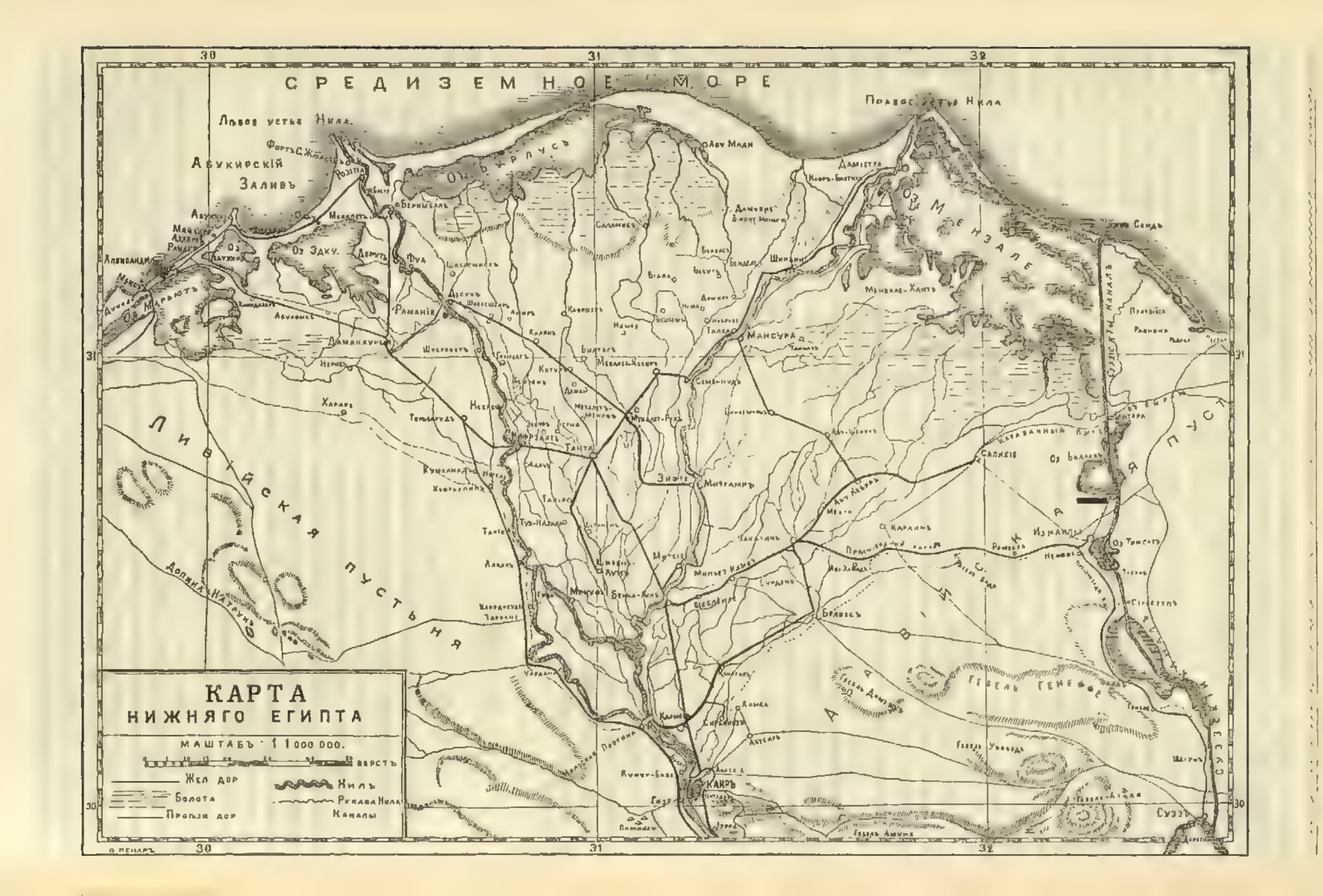
№ 229.

Москва, 18-го августа.

Не совсѣмъ легко разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ извѣстій приходившихъ въ послѣдніе дни изъ Египта. Телеграфъ какъ бы умышленно распространяетъ ложныя извѣстія, въ англійскихъ отчетахъ ловко смѣшиваются числа, и дѣло получаетъ окраску не совсѣмъ согласную съ дѣйствительностью. Путеводною нитью служатъ только извѣстія о столкновеніяхъ, нѣсколько разъясняющія характеръ дѣйствій обѣихъ сторонъ.

Быстро занявъ каналъ, Англичане вдругъ стали необыкновенно осторожны. Въ теченіе трехъ слѣдующихъ дней они продвинулись только до Магуты, то-есть на 25 верстъ отъ Измаиліи къ западу, вдоль прѣсноводнаго канала и желѣзной дороги къ Загазигу. Продвинулись не главными силами, а авангардомъ состоящимъ изъ двухъ тысячъ человѣкъ. Этотъ авангардъ 24 августа имѣлъ съ Египтянами дѣло у Магфара, затѣмъ на другой день, 25-го числа, у Магуты (нѣсколько западнѣе Рамзеса, см. карту). Главныя силы должны были выступить изъ Измаиліи только 27 августа, но какъ видно изъ послѣднихъ депешъ все еще остаются далеко назади. Что̀ за причина такой осторожности со стороны Англичанъ? По свѣдѣніямъ изъ англійскихъ источниковъ, они затрудняются организаціей перевозочныхъ средствъ. Однако, по „расписанію войскъ дѣйствующихъ въ Египтѣ,“ индійская бригада Макферсона одна имѣетъ 840 пони и почти пять тысячъ муловъ. Въ составѣ европейскихъ войскъ числится три тысячи упряжныхъ лошадей, 80 повозокъ, 500 вьючныхъ животныхъ. Часть этого транспорта оставлена конечно въ Александріи, но и той которая находится при войскахъ было бы достаточно для подъема войсковыхъ тяжестей необходимыхъ на первое время, тѣмъ болѣе что изъ счета этихъ тяжестей должно исключить патроны и артиллерійскіе снаряды, для которыхъ имѣются другія лошади и повозки. Если Англичанъ въ этомъ отношеніи что-либо дѣйствительно затрудняло, то самая мѣстность. Всѣхъ лошадей приходится поить не иначе какъ изъ прѣсноводнаго канала, а между тѣмъ Египтяне запрудили его у Магфара. Ранѣе взятія этого пункта съ боя и устраненія запруды двигать большую массу войскъ и животныхъ было конечно неосторожно. Теперь Магфаръ занятъ Англичанами, но мы все-таки видимъ что ни о чемъ англійскій генералъ такъ не заботится какъ объ установленіи желѣзнодорожнаго сообщенія по линіи Суэзъ-Измаилія-Загазигъ. Ему удалось захватить много вагоновъ, но у него не было локомотива. Не меньшее вниманіе обращено имъ и на перевозку тяжестей водой по прѣсноводному каналу, что̀ теперь отчасти уже и удалось.

Дѣло очевидно не въ однихъ перевозочныхъ средствахъ для обычныхъ войсковыхъ тяжестей. По слухамъ, у Тель-эль-Кебира сосредоточены большія силы Египтянъ, значительно превосходящія тѣ которыми располагаетъ генералъ Волзлей. По его счету, для наступленія изъ Измаиліи въ Загазигъ онъ можетъ располагать



СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Львое устье Нила
Правое устье Нила
Абукирскій Заливъ
Оз. Бурлусъ
Оз. Мензале
Оз. Марьють
Оз. Эдку
Александрія
Розетта
Даміетта
Мансура
Танта
Ливійская пустыня
Долина Натрунъ
Аравійская пустыня
Суэзскій каналъ
Исмаилія
Оз. Тимсахъ
Гебель Генефе
Каиръ
Суэзъ
30
31
32
КАРТА
НИЖНЯГО ЕГИПТА
МАШТАБЪ 1:1 000 000.
верстъ
Жел. дор.
Болота
Нилъ
Рукава Нила
Каналы

только десятью тысячами пѣхоты, 2.800 кавалеристовъ и 27 орудіями, тогда какъ у Тель-эль-Кебира собрано Египтянами свыше 20 тысячъ при 60 орудіяхъ расположенныхъ за укрѣпленіями. Дѣла которыя имѣлъ 24 и 25 августа авангардъ Волзлея у Магфара и Магуты дѣйствительно показали что противникъ располагаетъ сильною артиллеріей. Владѣя желѣзнодорожнымъ путемъ отъ Каира къ Загазигу и Тель-эль-Кебиру, Египтяне могли подвезти на укрѣпленія послѣдняго тяжелыя пушки, тогда какъ Англичане вынуждены довольствоваться пока только полевою артиллеріей. Въ стычкахъ на каналѣ, у Шалуфа и Нефише, Англичане вездѣ были слабѣе Египтянъ, точно такъ же какъ потомъ подъ Магфаромъ и Магутой. Вездѣ они остались побѣдителями, но вслѣдствіе совсѣмъ разныхъ причинъ. На каналѣ они извлекли пользу изъ превосходства своей морской артиллеріи; въ дѣлахъ подъ Магфаромъ и Магутой успѣхъ купленъ кавалерійскимъ маневромъ, охватомъ тыла и фланга противника. Но этимъ средствомъ хорошо можно пользоваться въ полѣ, и то не всегда и не противъ войскъ занимающихъ укрѣпленную позицію: тутъ необходима сильная артиллерія, особенно если противникъ сильнѣе численностію. Чтобы подвезти тяжелую артиллерію Англичане должны дождаться желѣзнодорожнаго сообщенія съ Суэзскимъ каналомъ. Вотъ въ этомъ-то именно смыслѣ понятными становятся англійскія жалобы на недостатокъ перевозочныхъ средствъ. Повидимому, дѣло это теперь устраивается, и если не всѣ силы Англичанъ, то индійская бригада 29 августа уже двинулась впередъ.

Во всѣхъ безъ исключенія англійскихъ реляціяхъ, начиная съ рапорта Алисона о рекогносцировкѣ 6 августа подъ Александріей, египетскія войска выставляются малоспособными къ серіозному стойкому сопротивленію: они обыкновенно бѣгутъ. По новѣйшимъ офиціальнымъ отчетамъ Англичанъ, въ лагерѣ Египтянъ день за днемъ все болѣе разстраивается порядокъ, падаетъ дисциплина. Но кромѣ офиціальныхъ отчетовъ, есть еще частныя свѣдѣнія. Какъ ни строга англійская военно-полевая цензура, но въ корреспонденціяхъ проскользаютъ указанія что Египтяне вовсе не такъ дурно дерутся. Въ *Daily News* прямо, напримѣръ, сказано что противникъ оборонявшій Шалуфъ „дрался храбро.“ Сопоставляя реляціи можно убѣдиться что правда на сторонѣ корреспондента. Несмотря на пораженія противника, послѣдній почему-то именно вслѣдъ за этими пораженіями переходитъ въ наступленіе, самъ атакуетъ Англичанъ. Такъ 28 августа Египтяне напали на позицію Англичанъ у Гассассина. 24 августа они ворвались было даже въ Рамлехъ, а 26 бросились на Мексъ. Правда, Египтяне вездѣ были разбиты, а у Гассассина потеряли будто бы не мало военныхъ запасовъ *), но и Англичанамъ побѣды обошлись не дешево. Англійскій главнокомандующій ссылается на численное превосходство противника и ночь помѣшавшую его полному пораженію. Въ англійскомъ лагерѣ много разчитывали на техническія средства не знакомыя Египтянамъ, на электрическое освѣщеніе, аэростаты, броненосные поѣзда, но выходитъ что Египтяне сами устроили броненосный желѣзнодорожный поѣздъ и уже сумѣли пустить его въ дѣло не безъ успѣха. Трудно допустить чтобы войско создающее для себя новые способы поражать противника находилось въ состояніи разложенія. Въ донесеніи отъ 27 августа Волзлей говоритъ что онъ только въ этотъ день могъ вполнѣ оцѣнить важность достигнутаго въ дѣлахъ 24 и 25 августа успѣха. Но какъ же это могло быть если противникъ „бѣжалъ бросивъ лагерь и всѣ запасы?“ Значитъ отпоръ былъ такъ силенъ что Англичане и на слѣдующій день *не могли знать* каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ ихъ успѣхъ. Въ томъ же донесеніи Волзлея сказано: „главный совѣтникъ Араби-паши Махмудъ-Феми, взятый въ плѣнъ, находится въ лагерѣ.“ На дѣлѣ Махмудъ-Феми, начальникъ штаба войскъ въ Тель-эль-Кебирѣ, какъ видно изъ корреспонденцій *Daily News*, вмѣстѣ съ двумя офицерами явился *перебѣжчикомъ* въ англійскій лагерь еще 21 августа. На его-то словахъ и основываются всѣ извѣстія о безпорядкахъ и неповиновеніи въ египетскихъ войскахъ. Но вѣрятъ ли этому сами англійскіе генералы, это другое дѣло. На войнѣ показаніямъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ вѣрятъ обыковенно лишь тогда

*) Первоначально сообщено было о потерѣ Египтянами 11 орудій, теперь это опровергается, такъ же какъ опровергнуты недавніе слухи о занятіи Тель-эль-Кебира.

если ихъ показанія подтверждаются другими фактами. Но едва ли факты на этотъ разъ таковы чтобы можно было вполнѣ довѣрить бѣглому „другу" Араби-паши. Не даромъ Англичане не пріостановили переговоровъ съ Турціей относительно совсѣмъ имъ не нужной военной конвенціи и добивались ея подписанія. Волненія начавшіяся въ Каирѣ и выдаваемыя за враждебныя Араби-пашѣ, быть-можетъ, напротивъ враждебны Англичанамъ и ими могутъ воспользоваться Турки точно такъ же какъ сумѣли они восемьдесятъ пять лѣтъ назадъ возбудить народное возстаніе въ Египтѣ противъ войскъ Наполеона I. Военная конвенція теперь подписывается, и съ этой стороны Англичане могли бы быть спокойны еслибы правительство Англійское не имѣло свѣдѣній что на такія конвенціи много полагаться нельзя. Турецкій солдатъ умѣетъ, когда нужно, не слушаться своихъ ближайшихъ начальниковъ, какъ было въ Босніи и въ Албаніи. Не даромъ можетъ-быть въ свою очередь и Порта настаивала чтобъ ея войска были высажены не въ Абукирѣ, Розетѣ и Даміетѣ, которыя нужно еще брать, а въ Александріи, Портъ-Саидѣ и Суэзѣ, въ тылу Англичанъ. Любопытно, добилась ли Порта этой концессіи со стороны Англіи, ни за что на нее прежде не соглашавшейся. Пока извѣстно только что высадка въ пунктахъ уже занятыхъ Англичанами была поставлена непремѣннымъ условіемъ со стороны Турокъ.

№ 230.

Москва, 19-го августа.

Нѣтъ того органа въ европейской печати который въ настоящее время не насмѣхался бы надъ европейскимъ концертомъ и надъ тѣмъ жалкимъ исходомъ который имѣли усилія дипломатіи собравшейся на конференціи въ Константинополѣ чтобы „возстановить въ Египтѣ порядокъ," а въ дѣйствительности бывшей безсильною свидѣтельницей своевольныхъ распоряженій Англіи, которая на словахъ изъявляла свое „неизмѣнное почтеніе и совершенную преданность" Европѣ, а на дѣлѣ поступала въ разрѣзъ всему что конференція провозглашала „совокупною" волей Европы. Сама конференція сознала наконецъ всю невозможность своего положенія и разошлась; но и тутъ не обошлось безъ эпизода послужившаго новою пищей для всеобщихъ и заслуженныхъ насмѣшекъ. Конференція провозгласила что Суэзскій каналъ подлежитъ международной и коллективной охранѣ, и Англія подписала это постановленіе какъ и всѣ прежнія; а на другой день, ея нн.ийскія войска заняли Суэзъ, спустя еще нѣсколько дней англійскія войска насильственно захватили Портъ-Саидъ, и владѣя такимъ образомъ каналомъ, на всемъ его протяженіи, сдѣлали его своимъ главнымъ операціоннымъ базисомъ противъ Египтянъ.

Объ европейскомъ концертѣ не обмолвился ни однимъ словомъ англійскій министръ въ своихъ послѣднихъ офиціальныхъ заявленіяхъ предъ распущеніемъ Англійскаго парламента. За то сэръ-Чарлзъ Дилкъ удивилъ всѣхъ удостовѣреніемъ въ неизмѣнной и сердечной къ Англіи дружбѣ со стороны Германіи и Австріи. Въ то же время, къ вящему удивленію, г. Дилкъ публично отрекся отъ приписанныхъ Англійскому правительству попытокъ установить союзъ съ Франціей, хотя слухъ этотъ былъ основанъ не на одяихъ газетныхъ сообщеніяхъ, а на министерскихъ заявленіяхъ сдѣланныхъ во Французской палатѣ во время всѣмъ памятныхъ преній при низверженіи кабинета г. Фрейсине. Въ Германіи отнеслись весьма скептически къ заискивающимъ заявленіямъ г. Дилка; во Франціи, съ другой стороны, нисколько не смутились тѣмъ что въ Англіи считаютъ нужнымъ публично отрекаться отъ болѣе тѣснаго сближенія съ Франціей. Французскія газеты въ одинъ голосъ выражаютъ свое сочувствіе Англіи и желаютъ ей полнаго успѣха. Наиболѣе близкій правительству органъ, газета *Siècle*, насмѣхается надъ нѣмецкими и италіянскими газетами выражающими удивленіе въ виду равнодушія Франціи при занятіи Англичанами Суэзскаго канала, и утверждаетъ что англо-французскій союзъ не нарушенъ, и что г. Дюклеръ имѣетъ право считать союзъ съ Англіей въ августѣ 1882 года такимъ же прочнымъ какимъ онъ былъ въ декабрѣ 1881 года, то-есть въ то время когда г. Гамбетта стоялъ еще во главѣ министерства.

Изо всего этого видно что помимо офиціальныхъ фразъ и ничего не стоящихъ заявленій о новыхъ будущихъ совѣщані-

яхъ коллективной Европы, каждый спѣшитъ обезопасить свои интересы инымъ, болѣе дѣйствительнымъ путемъ, и что вмѣсто невозможнаго всеобщаго соглашенія продолжаются дѣятельные переговоры между тѣми кому есть что спасти и что выгадать въ новомъ перемѣщеніи силъ на Востокѣ. Удивительно ли что и по поводу Россіи возникаютъ слухи разнаго рода, и что никто не допускаетъ мысли чтобъ и она, подобно всѣмъ другимъ, не заботилась объ огражденіи своихъ интересовъ? Нѣтъ надобности вдаваться въ разборъ этихъ слуховъ; они могутъ быть совершенно невѣрны; но во всякомъ случаѣ они проистекаютъ изъ предположенія что Россія не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того что происходитъ на берегахъ Нила, и что не будетъ прочна никакая перемѣна на Востокѣ если совершится помимо Россіи и безъ удовлетворенія ея интересовъ. О безкорыстіи чьемъ бы то ни было никто не говоритъ послѣ того какъ составленъ былъ на конференціи знаменитый „протоколъ о безкорыстіи," надъ которымъ такъ насмѣялась Англія. Въ безкорыстіе никто не вѣритъ, за исключеніемъ впрочемъ петербургской французской газеты, которая слыветъ или слыла въ Европѣ офиціознымъ органомъ вмѣстѣ съ *Голосомъ*.

Journal de St.-Pétersbourg счелъ нужнымъ опровергнуть мнѣнія высказанныя въ англійской газетѣ *Times* и во французскомъ *Temps* о томъ что и Россія имѣетъ свои цѣли и свою политику на Востокѣ. Въ *Times* было сказано что Россія будто бы имѣетъ въ виду добиваться въ Малой Азіи компенсаціи за усиленіе могущества Англіи на берегахъ Нила, французская же газета выразила мысль что недавняя конвенція между Россіей и Турціей касательно уплаты послѣднею первой военной контрибуціи будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ не столько денежное обогащеніе Россіи на счетъ Турціи сколько усиленіе русскаго вліянія въ Константинополѣ. Противъ этихъ-то „инсинуацій" энергически выступаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, доказывая что политика Россіи „совершенно безкорыстна" и что конвенція ея съ Турціей никоимъ образомъ не послужитъ „въ пользу ея политики." Что же касается Египетскаго вопроса, то въ этомъ отношеніи наша французская газета продолжаетъ питать непоколебимую вѣру въ „дипломатію" и въ то что ей, и ей одной, будетъ принадлежать послѣднее и рѣшающее слово въ египетскомъ кризисѣ. „Кризисъ этотъ," замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, „продлится до того дня когда онъ снова поступитъ на разсмотрѣніе дипломатіи. Строго говоря, она не переставала имъ заниматься и ждетъ того психологическаго (sic) момента когда ея вмѣшательство и посредничество снова окажутся полезными. Въ этотъ день Европѣ придется предъявить свои права, и ей тѣмъ легче будетъ на нихъ настаивать что Лондонскій кабинетъ не переставалъ оказывать имъ уваженіе."

О степени уваженія Лондонскаго кабинета къ „правамъ Европы" лучше всякихъ словъ свидѣтельствуетъ бомбардированіе Александріи на другой день послѣ того какъ на конференціи было единогласно заявлено что никакая держава не имѣетъ права отдѣльнаго вмѣшательства и Англіи было отказано въ европейскомъ „мандатѣ" на возстановленіе порядка въ Египтѣ, а также недавній захватъ ею Суэзскаго канала на другой день послѣ объявленія онаго подлежащимъ международной охранѣ.

Но еще страннѣе аргументъ въ опроверженіе мнѣнія газеты *Temps*, о томъ что Россія не получитъ отъ Турціи тѣхъ платежей которые выговорены въ конвенціи о военной контрибуціи, а конвенція послужитъ лишь для того чтобъ имѣть на Турцію политическое вліяніе. „Конвенція эта," замѣчаетъ наша французская газета, „имѣетъ по меньшей мѣрѣ такую же цѣну какъ и та которая заключена Портой съ владѣльцами облигацій ея государственнаго долга и заключеніемъ которой западныя державы живо интересовались, хотя дѣло идетъ не о суммахъ имѣющихъ поступить въ ихъ казначейство, а только объ уплатѣ долговъ ихъ подданнымъ. Развѣ мы позволили себѣ когда-нибудь утверждать что эти долговыя претензіи и международная коммиссія, которой поручено наблюдать за ихъ удовлетвореніемъ, дадутъ западнымъ державамъ постоянное право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Турціи? Пришло ли въ голову хоть одной русской газетѣ поставить вопросъ: какую выгоду Франція и Англія могли бы, въ случаѣ надобности, извлечь изъ претензій ихъ подданныхъ въ пользу своей политики и своихъ честолюбивыхъ видовъ?"

Смѣемъ увѣрить *Journal de St.-Péters-*

bourg что „подобныя предположенія“ многимъ приходили въ голову, да и въ самой Франціи и Англіи иначе не понимаютъ дипломатическаго заступничества за интересы кредиторовъ Турецкаго правительства. Непостижимо, напротивъ, какимъ образомъ наша французская газета такъ странно силится убѣдить Европу, будто всѣ въ Россіи только о томъ и заботятся чтобъ она не имѣла никакихъ своихъ видовъ и интересовъ на Востокѣ.

Мы не знаемъ какую цѣну могутъ имѣть эти безпрестанныя заявленія о метафизическомъ безкорыстіи Россіи, не имѣющей якобы никакихъ своихъ видовъ, ни интересовъ. Никто этимъ увѣреніямъ и не вѣритъ, и въ нихъ также мало толку какъ и въ холостой газетной пальбѣ по событіямъ.

№ 231.

Москва, 20-го августа.

Послѣ цѣлаго ряда сѣтованій на разныя таможенныя мѣры принимаемыя Россіей, въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, служащей органомъ князю Бисмарку, появилась надняхъ слѣдующая замѣтка.

„Въ настоящее время производятся офиціальныя разслѣдованія, какое вліяніе оказали на вывозъ фабричныхъ издѣлій изъ Германіи русская золотая пошлина и десятипроцентная къ ней надбавка. Въ началѣ казалось будто это не имѣетъ никакого вліянія или очень слабое, но теперь выяснилось что упомянутыя русскія мѣры весьма чувствительны для многихъ отраслей промышленности и что требуется помощь. Особенно чувствительно это вообще для чулочнаго и вязанаго товара, то-есть для отраслей кои вытѣснили было съ русскаго рынка англійскую промышленность. Теперь же только высшіе, легковѣсные сорты этихъ товаровъ могутъ удержаться на русскомъ рынкѣ. Металлическіе товары, соломенныя шляпы, искусственные цвѣты и т. д. тоже страдаютъ. Русскія газеты сначала утверждали что надбавка не повлечетъ за собою возвышенія налога, такъ какъ она покроется повышеніемъ курса русской валюты; но съ годъ какъ этотъ курсъ такъ упалъ что золотая пошлина съ надбавкой составляетъ возвышеніе тарифа на 75% прежней нормы пошлинъ въ бумажныхъ рубляхъ, тогда какъ первоначально дѣло шло только о 50%. Есть еще постановленіе весьма чувствительное для ввоза, а именно: разница дѣйствительнаго вѣса отъ деклараціи, въ случаѣ если она превыситъ 8%, подлежитъ конфискаціи, тогда какъ товаръ оплачивается по вѣсу обозначенному въ деклараціи. Напримѣръ: въ деклараціи показано 100 фунтовъ, а окажется только 50; придется платить за 100 ф., но при 100 фунтахъ въ деклараціи и 110 на дѣлѣ, десять фунтовъ конфискуются. При взвѣшиваніи возможны ошибки; декларація проходитъ двои или трои рукъ, причемъ возможны описки; поэтому, въ интересахъ германскаго вывоза желательно измѣненіе этого правила, которое должно бы обратить на себя вниманіе правительства.“

Приведенная замѣтка *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, конечно, написана не безъ цѣли. Былъ разчетъ, съ одной стороны, подѣйствовать въ извѣстномъ направленіи на вліятельныя петербургскія сферы, а съ другой, заблаговременно оправдать предъ публикой уже подготовляемыя, повидимому, въ Берлинѣ или Фарцинѣ мѣры въ видахъ оказанія разнымъ отраслямъ германской промышленности той „помощи“ о которой въ замѣткѣ говорится. Это обычный пріемъ, съ которымъ мы уже давно знакомы. Три, четыре года тому назадъ, та же газета точно такъ же проливала горючія слезы о разореніи Германіи отъ большаго сбыта въ нее русскаго хлѣба, сбыта, который будто бы опоражнивалъ германскіе карманы и наполнялъ русскіе. Слезы были нужны наканунѣ обсуждавшагося тогда въ Германіи вопроса о наложеніи пошлинъ на привозимые изъ Россіи хлѣбъ и скотъ. Теперь, наканунѣ принятія новыхъ мѣръ которыя должны отозваться на русскихъ интересахъ, понадобилось вновь выставить Германію въ положеніи стороны обиженной, а Россію, съ ея таможеннымъ тарифомъ и таможенными порядками,—въ качествѣ притѣснителя. Новаго тутъ ничего нѣтъ; повторяется тотъ же маневръ. Но иные у насъ, пожалуй, примутъ заявленія берлинской газеты за чистую монету и, ради устраненія грозящихъ со стороны Германіи репрессалій, найдутъ ея претензіи заслуживающими уваженія. Въ виду этого, будетъ не излишнимъ остановиться на главныхъ пунк-

тахъ нынѣшнихъ сѣтованій *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты.*

Порядки существующіе въ нашихъ таможняхъ далеки отъ совершенства; на нихъ то и дѣло слышатся жалобы отъ людей торговаго міра. Улучшеніе этихъ порядковъ, безъ сомнѣнія, желательно, но желательно въ интересахъ русской торговли и промышленности. Наши сосѣди желаютъ измѣненія нашихъ таможенныхъ правилъ „въ интересахъ германскаго вывоза;“ но если намъ руководиться этими интересами, то почему въ равной мѣрѣ не уважить интересовъ вывоза изо всѣхъ другихъ государствъ, Англіи, Франціи и т. д.? Каждая изъ этихъ странъ будетъ рекомендовать свои, наиболѣе для нея удобные, порядки. Къ чему же пришли бы мы допустивъ ихъ такимъ образомъ хозяйничать въ нашихъ таможняхъ? Если ни въ какой иной законодательной сферѣ, то и въ таможенномъ законодательствѣ, ни чье чужеземное вліяніе терпимо быть не можетъ. Иностранцы могутъ требовать только чтобы къ товарамъ привозимымъ изъ равно благопріятствуемыхъ странъ примѣнялись одинаковыя правила безъ оказанія кому-либо особыхъ предпочтеній. Но могутъ ли германскіе торговцы пожаловаться чтобы наши таможенныя правила были для нихъ стѣснительнѣе чѣмъ для торговцевъ англійскихъ, французскихъ и иныхъ?

Впрочемъ, въ самой замѣткѣ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* указаніе на стѣснительность русскихъ таможенныхъ порядковъ сдѣлано только кстати, мимоходомъ. Главный пунктъ жалобъ заключается въ чрезмѣрномъ будто бы повышеніи нашихъ таможенныхъ пошлинъ, повышеніи, которое названная газета, при нынѣшнемъ уровнѣ вексельнаго курса, опредѣляетъ въ 75% противъ прежней ихъ нормы. Именно отъ этого повышенія пошлинъ пострадало будто бы германское производство чулочныхъ, вязаныхъ, металлическихъ и иныхъ товаровъ, соломенныхъ шляпъ, искусственныхъ цвѣтовъ и т. д. Не что другое, а именно опредѣленіе результатовъ этого повышенія русскихъ пошлинъ есть предметъ предпринятаго въ Германіи офиціальнаго разслѣдованія. Къ чему приведетъ это разслѣдованіе неизвѣстно, точно также какъ неизвѣстно предпринято ли оно съ цѣлію раскрыть истину какова бы она ни была, или же для того чтобы добыть аргументы въ виду тѣхъ или иныхъ политическихъ разчетовъ. Но сколько можно судить по русскимъ офиціальнымъ таможеннымъ даннымъ, заявленія *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты* о вредѣ причиненномъ германской промышленности подъемомъ русскихъ пошлинъ кажутся крайне сомнительными. Обычное преобладаніе германскаго привоза надъ привозомъ въ Россію товаровъ изъ другихъ странъ не только не уменьшилось, но возрасло послѣ введенія золотыхъ пошлинъ. Не только германскіе товары не были вытѣснены съ русскихъ рынковъ товарами англійскими, французскими и иными, а наоборотъ эти послѣдніе вытѣснялись германскими. Въ трехлѣтіе предъ введеніемъ золотыхъ пошлинъ, 1873—1875, на каждые 100 рублей привоза въ Россію по европейской границѣ приходилось: товаровъ изъ Германіи на $41^2/_3$ руб., товаровъ изъ другихъ странъ на $58^1/_3$ руб. Въ трехлѣтіе 1878—1880, изо ста рублей привоза въ Россію, на долю Германіи приходилось уже $48^1/_8$ р., а на долю всѣхъ прочихъ странъ только $51^7/_8$ р. Никогда еще германскій ввозъ въ Россію не достигалъ такихъ размѣровъ какіе онъ принялъ именно въ періодъ за введеніемъ золотыхъ пошлинъ. Въ трехлѣтіе 1873—1875 весь привозъ изъ Германіи въ Россію опредѣлился суммой въ 569 милл. рублей. Въ трехлѣтіе 1878—1880 этотъ привозъ выразился цифрой 807 милліоновъ. Такіе успѣхи германской торговли, конечно, не могли быть результатомъ русскихъ пошлинъ; но ясно что эти пошлины не помѣшали успѣхамъ, и въ виду этихъ успѣховъ, казалось бы, странно заводить рѣчь о пригнетенномъ положеніи въ которое будто бы поставлена германская промышленность русскими таможенными мѣрами. Не сдѣлала подрыва германскому сбыту въ Россію золотая пошлина, еще менѣе могла подорвать его десятипроцентная надбавка. Какъ видно изъ свѣдѣній о поступленіи таможенныхъ пошлинъ въ текущемъ году, привозъ иностранныхъ товаровъ къ намъ едва ли меньше привоза ихъ въ 1880, а 1880 годъ былъ годомъ самаго большаго сбыта германскихъ товаровъ въ Россію. Это не значитъ конечно чтобы, при общемъ успѣшномъ ходѣ германскаго сбыта въ Россію, не было кое-какихъ неважныхъ отраслей этого сбыта, по которымъ бы не замѣчалось сокращенія оборотовъ. Вопреки заявленіямъ *Сѣ-*

веро-Германской Всеобщей Газеты, привозъ изъ Германіи въ Россію металлическихъ и чулочныхъ вязаныхъ, плетеныхъ и басонныхъ товаровъ, вслѣдъ за введеніемъ золотыхъ пошлинъ, не только не уменьшился, но напротивъ возросъ на многіе милліоны рублей; но сбытъ къ намъ соломенныхъ шляпъ и искусственныхъ цвѣтовъ дѣйствительно уменьшился на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ. Что же отсюда слѣдуетъ? Оправдываетъ ли это вышеприведенныя жалобы на русскій тарифъ и должно ли русское правительство, въ виду этихъ жалобъ, поспѣшить мѣрами которыя поощрили бы всѣ отрасли германскаго сбыта въ Россію?

Германскому правительству естественно заботиться о промышленности и торговлѣ своей страны: это его прямая задача. Но странно было бы еслибы забота о германской промышленности и торговлѣ вдругъ была поставлена въ обязанность не германскому, а русскому правительству, еслибы въ ущербъ русскому производству мы стали принимать мѣры къ усиленію сбыта германскихъ товаровъ на нашихъ рынкахъ. Напротивъ, одна изъ настоятельнѣйшихъ у насъ задачъ заключается именно въ сокращеніи привоза къ намъ заграничныхъ товаровъ, съ цѣлію возстановленія давно нарушеннаго торговаго баланса. Было бы странно допустить чтобы наша внѣшняя торговля шла какъ въ 1880 году, когда Германія отпустила намъ товаровъ на 277 милліоновъ, а нашихъ взяла только на 138 милліоновъ, потребовавъ денежной приплаты во 139 милліоновъ рублей. Это не мнимое, употребляя выраженіе газеты князя Бисмарка, а дѣйствительное опоражниваніе русскихъ кармановъ для наполненія германскихъ. Если при мнимомъ перевѣсѣ торговаго баланса, Германія въ 1879 году поспѣшила наложить пошлины на русскіе отпускные товары, то какъ же должны мы поступить при дѣйствительныхъ громадныхъ торговыхъ недочетахъ происходящихъ отъ наводненія Россіи иностранными и преимущественно германскими товарами?

Русскіе интересы требуютъ въ настоящее время общаго пересмотра таможеннаго тарифа и серіознаго подъема привозныхъ пошлинъ, въ среднемъ итогѣ до размѣра американскихъ, а частію можетъ быть и выше. Убѣжденіе въ необходимости такой мѣры становится общимъ. Не съ цѣлію ли убѣдить что не слѣдуетъ повышать русскій тарифъ, что повышеніе его и такъ уже дошло до послѣднихъ границъ, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* опредѣляетъ размѣръ этого повышенія въ „75% прежней нормы пошлины въ кредитныхъ рубляхъ?“ Но, на дѣлѣ, рѣчь можетъ идти о надбавкахъ только въ 10%, а никакъ не въ 75%. Въ 1857 году, нынѣшняго тарифа (послѣдующія измѣненія имѣли болѣе или менѣе частный характеръ), русскій кредитный рубль ходилъ наравнѣ съ золотою монетой. Вексельный курсъ, въ періодъ когда опредѣлялись нормы пошлинъ, не падалъ тогда ниже 395 сант. и подвимался иногда до 403½ сант. за рубль. Каждый назначенный тарифомъ пошлинный рубль былъ поэтому рублемъ въ 400, а не въ 253 сантима. Взиманіе пошлинъ золотомъ есть взиманіе ихъ въ томъ размѣрѣ какой установленъ тарифомъ 1857. Это былъ именно тотъ низкій тарифъ который такъ много повредилъ русскому производству, помѣшалъ освобожденному русскому труду дать результаты какихъ отъ него ожидали, испортилъ русскій торговый балансъ и повелъ къ упадку нашихъ курсовъ. Можно ли возвратъ къ этому низкому тарифу считать дѣйствительнымъ повышеніемъ пошлинъ? Эта мѣра дала пошлинамъ устойчивость, сдѣлала невозможнымъ пониженіе ихъ соразмѣрно каждому паденію курса, вотъ и только, но не повысила ихъ въ томъ смыслѣ въ какомъ повышеніе требуется нашимъ экономическимъ положеніемъ. Измѣрять пошлину кредитными рублями естественно русскимъ потребителямъ, но въ международныхъ сдѣлкахъ принимается въ разчетъ только металлическая монетная единица.

№ 232.

Москва, 21-го августа.

Нижегородская ярмарка, имѣющая столь большое значеніе для всей русской торговли и промышленности, оказалась въ нынѣшнемъ году очень неудачною. Она обманула всѣ разчеты торговаго міра. Причиною тому небывалое обмелѣніе Волги на всемъ протяженіи отъ верховьевъ до устья Камы. Воды на перекатахъ такъ мало что пароходное движеніе по среднему

теченію Волги сдѣлалось невозможнымъ, вслѣдствіе чего огромныя массы товаровъ назначавшихся къ доставкѣ на ярмарку застряли въ пути, поставивъ товаро-владѣльцевъ въ безвыходное положеніе. Остались не отправленными сотни тысячъ пудовъ ярмарочнаго товара которые должны были прибыть въ Нижній съ верховьевъ Волги; не могли прибыть на ярмарку еще несравненно бо́льшія массы товаровъ шедшихъ съ низовьевъ Волги и съ дальняго востока по Камѣ и остановившихся близь Казани за невозможностью дальнѣйшаго подъема вверхъ по Волгѣ. Такая остановка движенія по важнѣйшему изъ всѣхъ нашихъ водяныхъ путей приняла характеръ серіознаго бѣдствія. Владѣльцы огромнаго множества застрявшихъ въ пути грузовъ лишены возможности продать ихъ и получить средства какъ для покупки на ярмаркѣ нужныхъ имъ товаровъ, такъ и для исполненія своихъ денежныхъ обязательствъ, коихъ сроки обыкновенно пріурочиваются къ Нижегородской ярмаркѣ. Не въ лучшемъ положеніи оказываются и многіе изъ тѣхъ кому удалось доставить на ярмарку свои товары, такъ какъ массу ихъ обычныхъ покупщиковъ составляютъ владѣльцы грузовъ остановленныхъ въ пути маловодьемъ на Волжскихъ перекатахъ. Благодаря Нижегородской дорогѣ фабриканты и торговцы изъ Москвы и вообще изъ центральнаго промышленнаго района, какъ всегда, привезли на ярмарку свои фабричныя издѣлія для сбыта торговцамъ Восточнаго края и Сибири; но этимъ послѣднимъ не до покупокъ: ихъ собственные товары не дошли до ярмарки, не могли поступить въ продажу, а нѣтъ продажи — нѣтъ и денегъ. Чтобы сбыть привезенные на ярмарку товары, предлагаютъ ихъ съ большими уступками, навязываютъ въ кредитъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, на самые дальніе сроки, но и при всемъ этомъ торговцы Восточнаго края воздерживаются отъ покупокъ въ виду того что пароходчики не берутъ на себя доставки внизъ по Волгѣ, а если и берутъ, то за непомѣрно высокіе фрахты и притомъ съ оговоркой: *если будетъ возможность доставить*.

При такомъ положеніи, естественно ожидается множество неисправностей въ денежныхъ разчетахъ, безъ всякой въ томъ вины со стороны торговцевъ, а каждая такая неисправность поведетъ за собой многo новыхъ: не получившіе уплатъ отъ своихъ должниковъ не будутъ въ состояніи удовлетворять и своихъ кредиторовъ.

При такихъ обстоятельствахъ, въ виду серіозныхъ послѣдствій къ которымъ они могутъ повести, нельзя не подумать о мѣрахъ которыя могли бы предупредить или по крайней мѣрѣ облегчить грозящій торговому и промышленному міру кризисъ. Въ числѣ такихъ мѣръ указываютъ между прочимъ на продленіе въ текущемъ году срока ярмарки до половины сентября, съ отсрочкой до того же времени платежей по векселямъ.

Едва ли однако было бы достаточно этой мѣры для облегченія ярмарочныхъ разчетовъ. Она помогла бы отчасти тѣмъ кому приходится производить платежи на ярмаркѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставила бы въ затрудненіе тѣхъ кому аккуратное полученіе денегъ на ярмаркѣ необходимо для своевременной уплаты по срочнымъ векселямъ въ Москвѣ и другихъ городахъ. Гораздо полезнѣе было бы, полагаемъ, экстренное облегченіе и расширеніе кредита для торгующаго на ярмаркѣ купечества. Всѣ тѣ чьи грузы застряли въ пути за мелководьемъ были бы во многихъ отношеніяхъ выведены изъ затрудненія еслибы могли получить ссуды подъ залогъ своихъ не прибывшихъ на ярмарку товаровъ. Частными банками такой кредитъ въ требуемыхъ размѣрахъ и на соотвѣтственныхъ обстоятельствамъ условіяхъ едва ли можетъ быть оказанъ. Это могъ бы взять на себя Государственный Банкъ съ его конторами и отдѣленіями. Въ его кассахъ скопилось чуть не полтораста милліоновъ наличныхъ денегъ: есть изъ чего оказать содѣйствіе торговымъ разчетамъ и оборотамъ остановленнымъ и затрудненнымъ не по винѣ и оплошности торговцевъ. Правда, Государственный Банкъ накопилъ эту наличность въ видахъ изъятія кредитныхъ билетовъ; но оставляя совсѣмъ въ сторонѣ вопросъ о томъ нужно или ненужно это изъятіе, даже допуская что оно почему-либо нужно, слѣдуетъ помнить что обязанность оказывать необходимыя по обстоятельствамъ поддержки торговлѣ и промышленности стоитъ для Банка впереди заботъ о сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія, и эти послѣднія могутъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ когда торговые обороты не страдаютъ отъ безденежья. Между тѣмъ въ

настоящее время Нижегородская ярмарка нуждается въ большемъ чѣмъ когда-либо количествѣ денегъ, которыхъ налицо не имѣется. Обмѣна товаровъ на товары во множествѣ случаевъ не могло быть за неприбытіемъ ихъ на мѣсто; поэтому требуется масса наличныхъ денегъ для разчетовъ и сдѣлокъ которые въ прежніе годы, при нормальномъ ходѣ ярмарочныхъ дѣлъ, могли совершаться простыми переводами платежей съ однихъ лицъ на другія. Эта экстренная нужда въ деньгахъ можетъ быть удовлетворена только Государственнымъ Банкомъ, а по миновании этой нужды выданныя изъ него ссуды не замедлятъ къ нему вернуться и вновь поднять его наличность до желаемой цифры.

Но помимо расширенія кредита необходимо, конечно, принять всѣ возможныя мѣры къ тому чтобъ остановившіеся въ пути товары какъ можно скорѣе пошли по своему назначенію. Неужели нельзя ничего сдѣлать для возстановленія пароходнаго движенія отъ Казани до Нижняго и выше? Нѣтъ ли возможности углубить фарватеръ на обмелѣвшихъ перекатахъ? Обычныя мѣры въ данномъ случаѣ конечно не привели бы къ желаемымъ результатамъ, но нельзя ли помочь дѣлу мѣрами экстренными, какихъ требуетъ исключительная важность обстоятельствъ?

Волжскій водяной путь, по своему экономическому значенію, важнѣе многихъ желѣзнодорожныхъ линій. Обмелѣніе перекатовъ влечетъ за собой послѣдствія столь же, если не болѣе, важныя какъ и разныя катастрофы прерывающія движеніе по желѣзнымъ дорогамъ. Для немедленнаго возстановленія прерванныхъ рельсовыхъ сообщеній обыкновенно не скупятся на средства, движеніе спѣшатъ возстановить чего бы это ни стоило. Не позволительно скупиться на средства и для возстановленія движенія по Волгѣ. А при достаточныхъ средствахъ неужели ничего нельзя сдѣлать?

Неизвѣстно на какомъ основаніи принято за правило что заботы о поддержаніи движенія на Волгѣ должны лежать на пароходчикахъ, что расходы нужные для исправленія волжскихъ фарватеровъ должны покрываться изъ сборовъ съ судовладѣльцевъ. Суммой этихъ сборовъ и ограничивается главнымъ образомъ все что дѣлается на Волгѣ для поддержанія рѣчнаго движенія; понятно что, по недостатку средствъ, ничего серіознаго тутъ сдѣлано быть не можетъ. Но дѣло, вѣроятно, могло пойти бы иначе еслибы правительство обратило на Волгу такое же вниманіе какое обращается на желѣзныя дороги. Въ движеніи по Волгѣ заинтересованы не одни пароходчики, но и все государство. Отъ всякихъ неисправностей этого движенія страдаютъ громадные торговые, промышленные и земледѣльческіе интересы. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, отъ остановки движенія по Волгѣ терпитъ не одна Нижегородская ярмарка; кромѣ остановки шедшихъ къ ней грузовъ, остановились въ пути также и хлѣбные грузы которые должны были идти къ Рыбинску и Петербургу, остановился сбытъ хлѣба съ нижняго поволжья и происшедшій вслѣдствіе того упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ грозитъ отнять у тамошнихъ земледѣльцевъ всѣ выгоды которыя обѣщалъ имъ необыкновенно хорошій въ тѣхъ мѣстахъ урожай. Ассигнуя ежегодно десятки милліоновъ на поддержаніе движенія по желѣзнымъ дорогамъ, крайне не послѣдовательно удерживаться отъ необходимыхъ затратъ на Волгу, которая принадлежитъ къ важнѣйшимъ государственнымъ путямъ сообщенія и потому имѣетъ право на гораздо бо̀льшія о ней правительственныя заботы чѣмъ многія, столь дорого сто̀ящія казнѣ желѣзныя дороги.

А между тѣмъ, какъ теперь не вспомнить о столько разъ обуждавшемся, столько разъ обѣщанномъ южномъ направленіи несчастной Сибирской дороги, которая такъ до сихъ поръ и остается въ области предположеній! Съ какою очевидностію доказывается въ эту минуту польза желѣзнаго пути отъ Казани до Нижняго! Какимъ подспорьемъ была бы эта дорога при нынѣшнихъ затрудненіяхъ судоходства по Волгѣ!

№ 234.

Москва, 23-го августа.

Какъ поклонники, такъ и враги германскаго канцлера убѣждены что ему въ международной политикѣ „все удается.“ Но вотъ въ послѣдніе дни это убѣжденіе покачнулось. Начинаютъ думать что въ египетскомъ вопросѣ князь Бисмаркъ „промахнулся.“ Это довольно явственно начинаютъ высказывать даже берлинскія газеты. Само собою разумѣется что крити-

ка которой эти газеты подвергаютъ образъ дѣйствій Германскаго правительства облечена въ форму какъ нельзя болѣе деликатную; имя князя Бисмарка при этомъ не упоминается, и вообще о недовольствѣ берлинскихъ газетныхъ политиковъ можно заключить лишь косвенно по нападкамъ на Францію за ея поведеніе въ Египетскомъ дѣлѣ. Паденіе кабинета Фрейсине было первымъ облакомъ омрачившимъ настроеніе нѣмецкихъ публицистовъ. Съ тѣхъ поръ замѣтно ослабѣла ихъ увѣренность въ томъ что Франція приметъ на себя роль явнаго сподвижника, но тайнаго конкуррента Англіи, причемъ на долю Германіи выпала бы роль „посредника" который, сохранивъ полную свободу дѣйствій, заставилъ бы противниковъ наконецъ подчиниться своему рѣшенію. Другая, и еще болѣе важная, выгода должна была заключаться въ томъ что силы Франціи были бы на долгое время вовлечены по ту сторону Средиземнаго моря въ глухую, а со временемъ быть-можетъ и въ явную борьбу съ Англіей, на которую Германія косо поглядываетъ съ тѣхъ поръ какъ во главѣ Британскаго правительства сталъ г. Гладстонъ, этотъ непримиримый противникъ австро-германскихъ поползновеній на Востокѣ.

Но досада противъ Франціи со стороны нѣмецкихъ газетъ достигла своего апогея съ тѣхъ поръ какъ французская печать, очевидно по внушенію новаго кабинета г. Дюклера, почти единодушно стала высказываться за полное согласіе съ Англіей, доказывая что успѣхи англійскаго оружія на берегахъ Нила отнюдь не противорѣчатъ интересамъ Франціи, которой поэтому и нѣтъ де повода питать какія-либо опасенія. Даже г. Лессепсъ, который еще недавно чуть не провозглашалъ себя союзникомъ Араби-паши противъ Англичанъ, совершенно успокоился и заявляетъ теперь что онъ совершенно доволенъ съ тѣхъ поръ какъ англійскія войска завладѣли Суэзскимъ каналомъ, вслѣдствіе чего онъ не имѣетъ болѣе причинъ трепетать за безопасность своего сооруженія.

Махнувъ рукой на Францію, австро-германская печать обратила свои взоры въ другую сторону. Основываясь на послѣднихъ заявленіяхъ *Journal de St.-Pétersburg*, берлинскіе и вѣнскіе публицисты выводятъ что Россія намѣрена выступить на первый планъ, явиться главнымъ противникомъ англійскихъ притязаній и принять на себя роль передоваго борца за „Европу." Увѣренность эта однако не вполнѣ еще окрѣпла, и мадьярскія газеты, для коихъ неприкосновенность Турціи продолжаетъ быть главнымъ догматомъ, соображаютъ что Россія могла бы найти способъ примирить свои интересы съ теперешними стремленіями Англіи. Такъ *Пештскій Ллойдъ* доказывалъ надняхъ что въ Россіи не могутъ не сочувствовать всему что клонится къ умаленію верховныхъ правъ и авторитета султана, ибо пораженіе Турціи въ Египтѣ отзовется де на судьбѣ Болгаріи и Восточной Румеліи. Россіи нѣтъ де надобности выступать впередъ со своими притязаніями пока Англія „дѣлаетъ ея дѣло," и мѣшать этому дѣлу, которое во всѣхъ отношеніяхъ открываетъ Россіи путь для осуществленія въ будущемъ ея собственныхъ замысловъ, она не имѣетъ де никакой надобности.

Интересно и это мнѣніе, обличающее тревогу которая охватила нынѣ заклятыхъ враговъ Россіи въ мадьярскомъ лагерѣ.

Но всего любопытнѣе разсужденіе которое мы прочли недавно въ одной изъ самыхъ солидныхъ берлинскихъ газетъ, доказывающее что и въ Берлинѣ начинаютъ понимать Берлинскій трактатъ, эту „мирную и великую побѣду" князя Бисмарка. ***Національная Газета*** помѣстила недавно статью своего римскаго корреспондента, обсуждающаго отношенія дипломатіи къ Восточному вопросу въ той фазѣ, въ которую онъ вступилъ со времени египетскаго затрудненія. Корреспондентъ думаетъ что вопросъ этотъ имѣетъ лишь одинъ прямой и неизбѣжный исходъ: паденіе турецкаго владычества въ Европѣ, и что дипломатія, стараясь избѣжать этого единственнаго рѣшенія и обставить различными гарантіями турецкую „неприкосновенность", походитъ на страуса который прячетъ голову въ виду опасности. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, авторъ статьи отзывается весьма рѣзко о томъ дипломатическомъ походѣ противъ Россіи, благодаря которому русскія войска остановились у воротъ Константинополя въ 1878 году. Ни князь Бисмаркъ, ни лордъ Беконсфильдъ, замѣчаетъ корреспондентъ, не могли бы тогда предотвратить катастрофу еслибы политика Россіи была въ иныхъ рукахъ. Европа по-

ворчала бы, пожалуй, но въ концѣ концовъ подчинилась бы крѣпкой логикѣ совершившагося факта. Но когда увидѣли что Россія колеблется, всѣ опять пріободрились и стали вырывать добычу изъ рукъ побѣдителя и вырѣзывать для себя ремни изъ кожи побѣжденнаго, подъ тѣмъ предлогомъ будто этимъ спасаютъ его жизнь. Созданіе Восточной Румеліи должно было послужить ко спасенію Турціи и Европы, и послѣ „почетнаго мира" который лордъ Беконсфильдъ привезъ съ собою по возвращеніи изъ Берлина, Восточный вопросъ долженъ былъ исчезнуть съ политическаго горизонта. Но нельзя отвратить историческихъ катастрофъ подобными фарсами, хотя половина Европы и считала этотъ фарсъ въ то время квинтъ-эссенціей политической мудрости. Давно ли это было, а куда все это насъ привело? „Восточный вопросъ нынѣ возбужденъ по винѣ самихъ восточныхъ народовъ и благодаря мудрости дипломатовъ Берлинскаго конгресса, которая мнила этотъ вопросъ похороненнымъ потому что унизила Россію и отняла у нея немногіе плоды ея кровавыхъ побѣдъ. Изъ приличія я воздерживаюсь назвать эту мудрость подобающимъ ей именемъ."

Авторъ статьи доказываетъ далѣе что униженіе которое претерпѣла Россія не уничтожило однако присущаго ей могущества, но лишь превратило ее въ непримиримаго врага новѣйшаго международнаго соглашенія. Напрасно де иные возлагаютъ надежду на то будто внутреннія затрудненія причиняемыя нигилистами лишаютъ Россію возможности стремиться къ осуществленію своихъ завѣтныхъ стремленій. А стремленія эти опредѣляются де прежде всего глубокимъ и ничѣмъ неискоренимымъ убѣжденіемъ Русскаго народа что онъ призванъ изгнать изъ Константинополя владычество ислама и замѣнить его христіанскимъ царствомъ.

Авторъ статьи убѣжденъ что Россія рано или поздно должна выступить съ такими же требованіями относительно Босфора и Дарданеллъ какія Англія имѣетъ относительно Суэзскаго канала. Онъ опасается „что предосторожности, которыми Европа оградила себя противъ этой опасности, окажутся равными нулю, и что побѣдные клики, раздававшіеся послѣ Берлинскаго конгресса, смѣнятся восклицаніями горести."

Національная Газета, какъ и слѣдовало ожидать, сопровождаетъ эту корреспонденцію оговоркой что „не вполнѣ раздѣляетъ" взгляды своего сотрудника. Любопытно, однако, что подобныя сужденія *могутъ* появляться уже теперь во всѣхъ берлинскихъ газетахъ.

№ 235.

Москва, 24-го августа.

Высочайше повелѣно всѣ такъ-называемыя военныя гимназіи именовать впредь попрежнему кадетскими корпусами, „во вниманіе къ вѣковымъ заслугамъ" этихъ заведеній. Переименованіе есть первый шагъ къ преобразованію средне-учебныхъ заведеній военнаго вѣдомства. Приказъ 22 іюля (№ 226) твердо заявляетъ объ этомъ, оговаривая что „заведенія коимъ присвоивается наименованіе кадетскихъ корпусовъ" (но которыя, прибавимъ, ни по духу, ни по устройству не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго) будутъ продолжать „руководиться нынѣ дѣйствующими для нихъ постановленіями, *впредь до измѣненія ихъ законодательнымъ порядкомъ.*" Нѣсколько ниже, гдѣ рѣчь касается воспитательнаго состава бывшихъ военныхъ гимназій, приказъ снова оговариваетъ что служащіе остаются при прежнихъ должностяхъ *до изданія новыхъ положеній о военно-учебныхъ заведеніяхъ.*

Мы не знаемъ въ чемъ будутъ заключаться эти новыя положенія, каковы будутъ учебная программа и внутреннее устройство кадетскихъ корпусовъ, но духъ, характеръ реформы намѣченъ приказомъ съ тою же твердостью и опредѣленностью, съ какою указана и самая необходимость реформы. „Питомцы кадетскихъ корпусовъ, сказано въ приказѣ, прославивъ русское оружіе въ войнахъ прошлаго и текущаго столѣтій, доблестно подвизались на различныхъ поприщахъ полезнаго служенія Престолу и Отечеству." Совершенно необходимо чтобы питомцы новыхъ корпусовъ были ведены въ томъ же направленіи, получили такую же подготовку; иначе самое наименованіе военныхъ гимназій попрежнему кадетскими корпусами неимѣло бы никакого смысла.

Но какъ ни твердо ставитъ приказъ воспитательныя и учебныя цѣли возсозда-

ваемыхъ кадетскихъ корпусовъ, извѣстная часть нашей *прессы*, прикрываясь невѣдѣніемъ, силится выставить бывшіе кадетскіе корпуса какъ monstrum horrendum, инсинуируя что предполагаемая реформа клонится какъ бы къ тому чтобы „дѣлать солдатиковъ“ ни къ какой иной дѣятельности не годныхъ, не имѣющихъ даже и выхода изъ этого съ дѣтства де предопредѣленнаго положенія. Другое дѣло де нынѣшнія такъ-называемыя *военныя гимназіи* которыя воспитывали человѣка вообще, такого же должно думать „синтетическаго“ гражданина какъ недавно изобрѣтенный „синтетическій мужикъ“.

Цѣль этихъ воплей, ужасовъ и нареканій очевидна: стараются во что̀ бы то ни стало подорвать довѣріе общества и можетъ-быть самихъ дѣятелей къ задуманной реформѣ (благо у насъ въ администраціи часто болѣе боятся не угодить явно-мошеннической газетной интригѣ нежели не исполнить долгъ совѣсти и службы).

Именно съ этою цѣлью выставляются на показъ въ крайне преувеличенномъ видѣ нѣкоторые недостатки кадетскихъ корпусовъ и умалчиваются ихъ „вѣковыя заслуги,“ точь-въ-точь какъ въ тѣхъ фельетоннаго пошиба офиціальныхъ запискахъ которыя привели къ созданію фальшивыхъ военныхъ гимназій, то-есть не военныхъ и не гимназій. Кадетскій корпусъ не есть де школа; это казарма. Въ немъ якобы нѣтъ мѣста педагогіи, въ немъ есть де только дрессировка посредствомъ солдатчины и розги.

Все это умышленное мороченье. Кадетскій корпусъ, по мысли законодателя, не былъ и не могъ быть ничѣмъ инымъ какъ воспитательнымъ заведеніемъ; объ этомъ громко свидѣтельствуютъ вовсе не составляющія секрета законоположенія и инструкціи которыми корпуса должны были руководствоваться. Мало того, объ этомъ свидѣтельствуетъ весь тогдашній сводъ военныхъ постановленій, наказъ котораго начальствующимъ лицамъ почти вполнѣ можетъ быть, съ большою пользой для дѣла, перенесенъ въ воспитательную инструкцію. Такъ, напримѣръ, въ части II кн. I дѣйствовавшаго въ 1857 году Свода Военныхъ Постановленій, прямо сказано что начальникъ карая не долженъ унижать достоинства подчиненнаго, не ставить себѣ за правило взыскивать за каждую малѣйшую вину даже неумышленную, избѣгать мелочности, что начальникъ вообще долженъ знать характеръ каждаго подчиненнаго, вѣрно опредѣлять степень виновности, вникая въ нравственныя побужденія, что излишняя снисходительность вселяетъ пренебреженіе ко власти, что полная строгость должна быть примѣняема не къ минутнымъ заблужденіямъ, а ко вреднымъ порокамъ, что не слѣдуетъ смѣшивать придирчивость со строгостью, что „люди съ пылкими страстями хотя и подвергаются взысканіямъ за нарушеніе правилъ внутренняго порядка, имѣютъ однако же свою цѣну, и среди опасности являются отличными воинами, подаютъ примѣръ мужества и неустрашимости.“ Вообще рекомендуется „ободрять робкаго, приводить къ раскаянію строптиваго и стараться чтобы виновный созналъ что заслужилъ наказаніе“ (стт. 407—420). Вотъ еще выдержки изъ другой книги (ч. V, кн. I): „наказаніе никогда не должно производиться только для вида, оно должно быть соображено съ проступкомъ, съ умственными способностями, намѣреніями; начальникъ долженъ стараться чтобы расположеніе его духа не вліяло на размѣръ взысканія; надо наказывать вслѣдъ за виной, но не поспѣшно и безъ внимательнаго изслѣдованія обстоятельствъ.“ Итакъ, если во всей внутренней жизни войскъ, во всемъ обхожденіи съ солдатомъ, взрослымъ человѣкомъ, военный законъ рекомендуетъ соблюденіе основныхъ началъ правильнаго воспитанія, то какимъ бы образомъ эти начала могли быть чужды школамъ назначеннымъ готовить для этой арміи ея офицеровъ, ея будущихъ водителей?

Также завѣдомая неправда и то будто корпуса должны непремѣнно готовить только какихъ-то „маленькихъ солдатиковъ.“ Воспитаніе заключается въ дисциплинированіи ума и воли. Желательно достигнуть въ этомъ отношеніи возможно бо̀льшаго равновѣсія. Университетская гимназія готовитъ къ высшимъ научнымъ занятіямъ, укрѣпляя и дисциплинируя умъ учащихся; военная школа имѣя практическое назначеніе заботится главнымъ образомъ о дисциплинѣ воли. Если первая имѣетъ дѣло съ массами учениковъ готовящихся для всѣхъ высшихъ профессій, то вторая имѣетъ ограниченное число питомцевъ и по настоящему должна быть и была интернатомъ. Военная школа есть профессіональ-

ная, но не ремесленная. Она не уродуетъ, не сжимаетъ человѣка; напротивъ, хорошая военная школа именно воспитываетъ человѣка въ существенномъ свойствѣ его природы. Питомецъ средне-учебнаго заведенія еще не есть военный спеціалистъ; для этого юношу ожидаютъ дальнѣйшія изученія въ высшей школѣ или на дѣйствительной службѣ. Но онъ выйдетъ хорошо воспитаннымъ человѣкомъ, пріученнымъ владѣть собою, подчинять въ себѣ низшее высшему, повиноваться долгу и быть исправнымъ и точнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Гдѣ и въ чемъ такія свойства, развитыя воспитаніемъ, могутъ считаться излишними? Образованіе которое необходимо получить будущему офицеру прежде нежели онъ займется спеціально военными науками вовсе не какое-нибудь исключительное. Въ сосѣдней съ нами Германіи корпуса могли бы имѣть право называться военными гимназіями: они имѣютъ дѣйствительно военный характеръ и, по учебному плану, стараются приблизиться къ гимназіи. Если Германія воспитываетъ своихъ офицеровъ особо, въ кадетскихъ корпусахъ, если она предоставляетъ бывшимъ кадетамъ наиболѣе выдающуюся роль въ службѣ, то потому что они лучше чѣмъ другіе подготовлены къ этой службѣ воспитаніемъ воли и укрѣпленіемъ характера. Многіе думаютъ что военное воспитаніе можетъ быть такое какъ и всякое другое, *минусъ* нѣчто. Напротивъ, здѣсь требуется сверхъ прочаго весьма многое. Школа воспитывающая для всякой иной профессіи не имѣетъ нужды придавать особаго значенія развитію до высокой степени рѣшимости, находчивости, самоотверженія. Въ военной школѣ все это стоитъ на первомъ планѣ воспитанія. Всякая школа должна обращать серіозное вниманіе на физическое воспитаніе; въ школѣ военной это важнѣе чѣмъ въ другихъ. Строевыя занятія входятъ въ кругъ физическаго воспитанія, спеціализуютъ его, хотя не въ ущербъ воспитанію умственному. Въ элементарной военной школѣ обученіе фронту, военному артикулу служитъ не цѣлью—уставы и требованія службы мѣняются,—а средствомъ физическаго воспитанія и дисциплины, какъ смотрятъ на фронтъ даже и въ войскахъ Нѣмцы, средствомъ развить въ мальчикѣ военный духъ, то-есть духъ чести и доблести.

У насъ были созданы *лжевоенныя антигимназіи*, откуда вначалѣ былъ вовсе изгнанъ военный духъ. И что же? Меньше чѣмъ въ два десятка лѣтъ обнаружилась ошибочность этого устройства, пришлось постепенно поднимать въ этихъ школахъ подавленные элементы военнаго воспитанія, пока, наконецъ, рѣшились, вмѣсто вредныхъ полумѣръ, вспомнить о „вѣковыхъ заслугахъ“ кадетскихъ корпусовъ.

№ 236.

Москва, 25-го августа.

„Порта приняла предложеніе Англіи касательно высадки турецкихъ войскъ въ Портъ-Саидѣ.“ Такъ передаетъ телеграфъ, оговариваясь однако что военная конвенція будетъ подписана вѣроятно не ранѣе какъ на будущей недѣлѣ. Оговорка вовсе не лишняя, такъ какъ уже разъ сдѣлка между Англіей и Турціей считавшаяся конченною все-таки не состоялась. Не худо обратить вниманіе на самый языкъ депеши. „*Порта* приняла предложеніе.“ Но давно уже было извѣстно изъ офиціозныхъ константинопольскихъ корреспонденцій *Кельнской Газеты* что всѣ министры, особенно премьеръ, Саидъ-паша, были въ пользу сдѣлки съ Англіей и настойчиво рекомендовали султану эту политику. Также извѣстно что министровъ энергически поддерживали представители Австріи и особенно Германіи. Противъ сдѣлки была дворцовая партія и самъ султанъ, въ чьихъ рукахъ, не безъ ироніи замѣчаетъ названный корреспондентъ, находится все дѣло. Султанъ колеблется не желая идти противъ общественнаго мнѣнія и особенно противъ такъ-называемой старо турецкой партіи, твердящей не о сдѣлкѣ съ Англіей, не о совмѣстныхъ съ нею дѣйствіяхъ противъ Египтянъ, а взвѣшивающей послѣдствія разрыва съ Англіей и вѣроятность успѣха въ случаѣ столкновенія съ нею. Улемы и софты (такъ хорошо намъ знакомые со времени предшествовавшаго войнѣ 1877 года) твердятъ что при энергіи и рѣшимости можно ждать нѣкотораго успѣха; военные люди этой партіи увѣряютъ султана что бомбардированіе Константинополя флотомъ Сеймура имѣло бы ничтожный результатъ, и что наконецъ ни одинъ англійскій корабль не можетъ и подойти къ Константинополю если будутъ

приняты настоящія мѣры относительно пролива. При такомъ разладѣ во взглядахъ, въ высшихъ кругахъ Турціи то или другое рѣшеніе султана ставится прямо въ зависимость отъ случая. Побѣды Англичанъ 24 и 25 августа у Магуты пошатнули было вѣсы на сторону министерства и Англіи; затѣмъ снова послѣдовалъ размахъ въ противную сторону когда стало извѣстно что побѣды эти, столь громкія по первоначальнымъ англійскимъ источникамъ, на самомъ дѣлѣ не имѣли серіознаго стратегическаго значенія, такъ какъ Англичане только попятили тѣ египетскіе отряды которымъ и безъ того было приказано отступать. Дѣло подъ Гассасиномъ, 28 числа, опять нѣсколько помогло Дёфферину, Порта согласилась на предложенный Англіей компромиссъ относительно пункта высадки турецкихъ войскъ, но дѣло еще не кончено, и Порта попрежнему, какъ видно, медлитъ подписать конвенцію, выжидая какой оборотъ примутъ военныя дѣйствія въ Египтѣ. Медленность Англичанъ вызоветъ конечно со стороны Порты попытку къ новой проволочкѣ, малѣйшая неудача или даже сомнительность успѣха можетъ остановить подписаніе конвенціи.

Итакъ, дѣло въ рукахъ не дипломатовъ, а самого Волзлея, который пока не можетъ двинуться впередъ благодаря полному неустройству транспортной части и интендантуры. Англійская кавалерія, выдвинувшаяся всего только на 35 верстъ отъ Измаиліи, сидитъ безъ фуража, обозныя лошади запрягаемыя цѣлыми десятками не въ силахъ вывозить тяжелыхъ военныхъ повозокъ по песчаной дорогѣ подъ такими палящими лучами солнца что зрительную трубу едва можно держать въ рукахъ. Англійская артиллерія нуждается тоже въ снарядахъ. Волзлей потребовалъ къ себѣ резервы и осадный паркъ. Когда они придутъ, шансы на болѣе быстрый успѣхъ увеличатся, но и тогда еще придется ждать пока прибудутъ выписываемые изъ Индіи локомотивы. Въ началѣ кампаніи, особенно въ первые дни по прибытіи Волзлея къ арміи, многіе думали что послѣ двухъ или трехъ ударовъ все будетъ кончено. О природѣ съ которою теперь вынуждены бороться Англичане было забыто; войска Араби-паши выставлялись дезорганизованными, мѣстное населеніе возбужденнымъ противъ диктатора. На дѣлѣ оказалось не то: войска Египтянъ дерутся храбро, населеніе готово принять дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ пришельцевъ. Бедуины уже начинаютъ тревожить тылъ Англичанъ. Было нѣсколько нападеній на англійскіе суда и караулы какъ на морскомъ, такъ и на прѣсноводномъ каналѣ. Военныя дѣйствія происходятъ пока въ мѣстности слабо населенной, гдѣ жители не въ силахъ предпринять ничего что могло бы существенно повредить наступающему. Другое дѣло когда Англичане войдутъ въ самую дельту Нила, гдѣ каждый оросительный каналъ, каждый протокъ съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ потребуютъ военной охраны. Операціонная линія Англичанъ растянется, и за недостаткомъ силъ, по необходимости, будетъ занята слабо. Кто помѣшаетъ возставшему населенію разрушать эти мостики, нападать на транспорты идущіе подъ слабымъ прикрытіемъ? Чтобы хотя сколько-нибудь обезопасить свой тылъ и прикрыть пути сообщенія арміи съ базисомъ, Англичанамъ придется расширять фронтъ наступленія и укрѣплять каждый этапный пунктъ. Все это поведетъ и къ потерѣ времени, и къ неизбѣжному разбрасыванію силъ, которымъ несомнѣнно сумѣютъ воспользоваться Египтяне. Не даромъ уже и теперь въ арміи Араби-паши организованъ особый корпусъ сигналистовъ для сношенія съ жителями посредствомъ условныхъ огней зажигаемыхъ ночью. Подъ Александріей замѣчено что сигналы эти усвоены населеніемъ, которое отвѣчаетъ на нихъ даже изъ-за цѣпи англійскихъ аванпостовъ. Не доказываетъ ли это что Египтяне дѣйствительно помышляютъ о правильной организаціи народной войны. Порта согласна объявить Араби-пашу бунтовщикомъ. Прокламація подписана султаномъ и даже напечатана въ газетѣ *Вакитъ*. Но развѣ это можетъ имѣть серіозное значеніе? Во владѣніяхъ Турціи населеніе пріучено давать обратный смыслъ подобнымъ публикаціямъ въ угоду Европейцевъ. Развѣ турецкіе баталіоны переходившіе въ Босніи на сторону населенія возставшаго противъ Австріи не были объявляемы бунтовщиками? Не послужитъ ли и турецкая прокламація противъ Араби-паши только къ усиленію движенія въ египетскомъ населеніи? Въ окончательномъ успѣхѣ Англичанъ никто не сомнѣвается, но теперь уже не вѣрятъ что успѣхъ этотъ можетъ до-

статься имъ дешево и скоро. При этомъ условіи, Туркамъ нѣтъ и надобности торопиться; имъ во всякомъ случаѣ выгоднѣе принять участіе въ дѣлѣ позднѣе: и стоить это будетъ дешевле, и содѣйствіе будетъ имѣть бо́льшую цѣну для Англичанъ утомленныхъ борьбой. Трудно допустить чтобъ этого обстоятельства не сумѣли оцѣнить въ Константинополѣ или не пожелали бы имъ воспользоваться. Турки не даромъ добивались высадиться именно въ тылу Англичанъ, на базисѣ ихъ военныхъ дѣйствій, гдѣ до поры до времени турецкимъ войскамъ и дѣлать въ сущности нечего. Англія пока естественно не хочетъ чтобы турецкій экспедиціонный отрядъ былъ значителенъ: въ Портъ-Саидъ Англичане не хотятъ пустить болѣе двухъ или трехъ тысячъ Турокъ. Кто поручится что дѣло не измѣнится, что Англичане сами не пожелаютъ усиленія турецкаго отряда? И вотъ источникъ для новыхъ сдѣлокъ, для новыхъ переговоровъ. Три тысячи турецкихъ солдатъ занимающіе Портъ-Саидъ не помѣшаютъ господству Англичанъ на каналѣ; другое дѣло если этотъ отрядъ будетъ усиленъ и если англійскія войска будутъ ослаблены военными дѣйствіями и уже начинающею развиваться въ ихъ арміи болѣзненностью. Будутъ ли тогда Англичане въ состояніи извлечь изъ своего успѣха всѣ тѣ выгоды ради которыхъ начата кампанія и двинуты въ первый огонь войска составляющія цвѣтъ англійской арміи?

№ 237.

Москва, 26-го августа.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, именно въ апрѣлѣ, замѣченъ былъ фактъ возмутительнаго наругательства надъ здравымъ смысломъ со стороны двухъ органовъ нашей либеральной печати, *Земства* въ Москвѣ и *Голоса* въ Петербургѣ, которые, извративъ дѣло и совершенно невѣрно передавая обстоятельства, разказали какъ во Франціи одинъ молодой человѣкъ изъ рабочаго сословія навлекъ будто бы на себя всеобщее презрѣніе за то что, попавъ случайно на слѣдъ главнаго виновника одного убійства, сообщилъ объ этомъ полиціи и убійца былъ схваченъ. Названныя газеты утверждали что во Франціи считаютъ презрѣннымъ доносчикомъ того кто возьметъ на себя указать правосудію гдѣ скрывается убійца или грабитель, и что такой же участи подвергся и этотъ работникъ. Изъ разказа извлекалось нравоученіе, — какого рода, нѣтъ надобности говорить.

Ложь этого разказа была тогда изобличена. Работника Вюрца (имя „доносчика“) не только никто не поносилъ, но напротивъ ему была воздана публичная хвала, и большинство газетъ перепечатали письмо префекта полиціи на имя Вюрца въ коемъ между прочимъ сказано: „Оказавъ содѣйствіе правосудію, вы поступили какъ благородный человѣкъ и заслужили уваженіе и признательность всѣхъ добрыхъ гражданъ. Я увѣренъ что являюсь истолкователемъ общаго чувства, громко заявляя о дѣяніи вашемъ, память о которомъ я буду сохранять навсегда.“ Но не только полицейскій префектъ, даже Рошфоръ отозвался о „доносчикѣ“ съ похвалой.

„Эта выходка,“ замѣтили мы тогда по поводу лживыхъ сообщеній названныхъ газетъ, „показываетъ какъ далеко зашелъ прогрессъ нашей деморализаціи. Никогда политическій развратъ не говорилъ такъ дерзко, никогда съ такимъ нахальствомъ не ругался онъ надъ нашею растерянною публикой.“

Но „прогрессъ“ о которомъ мы говорили въ апрѣлѣ не остановился, и то что̀ намъ тогда казалось Геркулесовыми столбами превзойдено новою выходкою по поводу того же вопроса о „доносахъ.“ Судите сами.

Нѣкто Фоглеръ былъ приговоренъ Московскимъ Окружнымъ Судомъ, за убійство, къ каторжнымъ работамъ. Съ каторги онъ бѣжалъ и прибылъ съ фальшивымъ паспортомъ на имя крестьянина Игнатьева въ Одессу, гдѣ сдѣлался управляющимъ какой-то гостиницы. Одесскій товарищъ прокурора, г. Айвасъ, открылъ настоящее прошлое бѣглаго каторжника и предалъ его въ руки правосудія.

Таковы факты. Совершилось преступленіе, и лицо поставленное затѣмъ именно чтобы блюсти законъ исполнило свою обязанность. Простое исполненіе служебнаго долга не должно было бы вызывать особыхъ похвалъ въ государствѣ гдѣ исполненіе долга принадлежитъ къ естественнымъ явленіямъ. У насъ, къ сожалѣнію, съ шестидесятыхъ годовъ вошло въ моду заботиться болѣе о присвоеніи себѣ раз-

личныхъ *правъ* нежели объ исполненіи своихъ *обязанностей*, а потому служебная мѣра принятая одесскимъ товарищемъ прокурора, какъ сравнительно рѣдкій примѣръ добросовѣстнаго отношенія ко своимъ обязанностямъ, заслуживаетъ несомнѣнно полнаго одобренія со стороны всѣхъ честныхъ людей.

Нашлись однако люди которые назвали его распоряженіе „гадостью." Кто? Каторжники? Не знаемъ какъ отзовутся каторжники, но знаемъ какъ отозвалась шайка людей которая завелась у насъ на Руси и почему-то величаетъ себя „либералами." Эти „либералы" возмутились поступкомъ г. Айваса по той причинѣ что онъ вполнѣ согласенъ съ закономъ. Каторжники пока еще не имѣютъ у насъ своего особаго „органа прессы," а потому принуждены посылать лишь мысленныя проклятія одесской прокуратурѣ; за то наши „либералы" проживающіе на *легальномъ* основаніи имѣютъ полную возможность излить печатно свое негодованіе противъ г. Айваса за то что онъ не побоялся исполнить свою обязанность. Открыто, предъ лицомъ всего общества и правительства, они обвиняютъ одесскій прокурорскій надзоръ въ „фискальствѣ" и произносятъ надъ блюстителемъ закона великое отлученіе отъ „порядочнаго общества" за то что онъ не измѣнилъ совѣсти, долгу и присягѣ.

Настоящія либеральныя партіи въ Европѣ гордятся тѣмъ что всегда и всюду настаиваютъ на точномъ исполненіи существующихъ законовъ. Невозможно себѣ представить чтобы кто-нибудь изъ честныхъ людей какой бы то ни было партіи могъ вооружиться противъ офиціальнаго лица за добросовѣстное исполненіе имъ своей служебной обязанности. Совершенно противоположное явленіе представляютъ намъ агенты нашей русской противугосударственной интриги, которые присвоивъ себѣ фальшивый паспортъ либерализма стремятся подорвать въ русскомъ обществѣ всякое уваженіе къ закону. Нападеніе ихъ на одесскаго товарища прокурора служитъ лучшимъ и яснѣйшимъ доказательствомъ что у нихъ ничего нѣтъ общаго съ тѣмъ что̀ на Западѣ разумѣется подъ словомъ либерализмъ.

Нечего и говорить что защитники бѣглаго каторжника бросаютъ грязью въ зоркаго и исполнительнаго товарища прокурора не отъ своего имени, а, по правиламъ своей мошеннической тактики, отъ имени „общества". Вотъ ихъ слова:

„Общество съ негодованіемъ отнеслось къ поступку товарища прокурора Одесскаго Окружнаго Суда, г. Айваса, имя котораго причислено къ кликѣ отечественныхъ Булюбашей, *хотя характеръ доноса не политическій* (!), но несомнѣнно что *фискальство*, въ какомъ бы то ни было видѣ, по понятіямъ принятымъ въ порядочномъ обществѣ, въ высшей степени предосудительно. (*Русскій Курьеръ* № 231).

Радуйтесь, господа убійцы, воры и грабители! Отнынѣ вы имѣете на своей сторонѣ все „порядочное общество," которое съ негодованіемъ отнесется ко всякому представителю правосудія который вздумалъ бы поставить вамъ преграды въ исполненіи вашей профессіи. Трепещите, агенты полиціи, судебные слѣдователи и прокуроры! Если вы отдадите въ руки правосудія открытаго вами преступника, то *хотя бы характеръ доноса и не былъ политическій*, вы все-таки будете заклеймены кличкою *фискаловъ* и все порядочное общество найдетъ вашъ поступокъ *въ высшей степени предосудительнымъ*.

„Общество" и „общественное мнѣніе" служатъ въ рукахъ нашихъ анархистовъ не только какъ орудія критики, но и какъ орудія террора. Г. Айвасъ провинился въ томъ что не нарушилъ закона, имѣя возможность его нарушить; его, слѣдовательно, долѣе на службѣ терпѣть нельзя. Ржондъ даетъ ему, въ слѣдующей деликатной формѣ, конечно отъ лица того же „общественнаго мнѣнія," приказаніе удалиться изъ Одессы:

„У г. Айваса сохранилось еще настолько порядочности что онъ рѣшился не пренебречь голосомъ общественнаго мнѣнія; намъ передаютъ что г. Айвасъ ищетъ перваго случая перевестись куда-нибудь подальше, въ глушь..."

Итакъ, товарищу прокурора вмѣняется не только въ преступленіе соблюденіе закона, ему вмѣняется, сверхъ того, въ обязанность чувствовать угрызенія совѣсти и бѣжать изъ Одессы „въ глушь," дабы тамъ усиленнымъ нарушеніемъ законовъ загладить свою вину предъ досточтимымъ сословіемъ каторжниковъ и „либераловъ" извѣстнаго пошиба.

Любопытнѣе всего то обстоятельство что московскій „органъ" этихъ господъ хочетъ

увѣрить своихъ читателей будто „общество отнеслось къ поступку г. Айваса съ *негодованіемъ*, „*хотя характеръ доноса не политическій*.“ Ну, а какъ бы должно было отнестись „общество“ къ одесскому товарищу прокурора еслибъ онъ открылъ *политическаго* преступника? Очевидно всѣ „порядочные“ Одесситы должны были бы въ такомъ случаѣ не ограничиваться простымъ „негодованіемъ,“ а и убить г. Айваса наповалъ, какъ былъ убитъ г. Стрѣльниковъ исполнявшій такъ же добросовѣстно свою обязанность какъ г. Айвасъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ Россія находится подъ тяжкимъ кошмаромъ, нагнаннымъ на нее противорусскою революціонною крамолой. Государственная жизнь остановилась, и правительство озираясь кругомъ и прислушиваясь къ крику, говору и шепоту „прессы“ не знаетъ гдѣ враги его и гдѣ друзья. Ничтожная шайка крамольниковъ держитъ подъ шахомъ цѣлое многочисленное государство, благодаря тому что забрала въ свои руки большое число газетъ, выдавая печатаемую въ нихъ ложь и гадость за „общественное мнѣніе.“ Иныя правительственныя лица, не отличающіяся дальновидностью, повѣрили этому грубому и избитому обману и серіозно вообразили себѣ что за каждымъ изъ этихъ газетныхъ листковъ стоятъ чуть не милліоны солидарнаго съ ними народа. Другіе сами управляютъ интригой и всюду стараются распространить миѳъ о выражающемся чрезъ газеты „общественномъ мнѣніи.“ Происходитъ невообразимый сумбуръ, и мы никакъ не можемъ выйти изъ заколдованнаго круга...

Пора же, наконецъ, стряхнуть съ себя этотъ кошмаръ...

№ 238.

Москва, 27-го августа.

Интрига предпринявшая въ шестидесятыхъ годахъ походъ противъ всего государственнаго строя Россіи сосредоточила, какъ извѣстно, свои силы прежде всего на попыткѣ захватить въ свои руки русскую школу. „Когда взята будетъ школа, пророчествовалъ юный Писаревъ, тогда побѣда будетъ упрочена, тараканъ будетъ пойманъ. Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ побѣды и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды. Взять школу значитъ упрочить господство нашей идеи надъ обществомъ.“ Осада школы была поведена съ большою энергіей, и школа была взята...

Но, благодаря твердой и ясно выраженной волѣ покойнаго Государя, совершилось въ 1871 году освобожденіе средне-учебныхъ заведеній, гимназій. Всѣ еще помнятъ къ какимъ уловкамъ прибѣгалъ *Голосъ* (и доселѣ служащій органомъ бывшему въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, А. В. Головнину), дабы затормозить и испортить эту плодотворнѣйшую изо всѣхъ реформъ минувшаго царствованія. Не разъ затѣмъ враждебная рука воровски возобновляла свои попытки противъ гимназическаго устава, и въ 1880 году ей удалось на нѣкоторое время овладѣть дѣломъ народнаго просвѣщенія. Съ хищническою жадностью набросилась она тогда на гимназіи; два года хозяйничала она въ завоеванномъ ею станѣ, стараясь испортить и исковеркать все что было у ней подъ рукой; но уставъ гимназій оказался болѣе крѣпкимъ чѣмъ думали *сокрушители*; они его расшатали, но сокрушить все-таки не могли. Когда же обнаружился причиненный ими вредъ, они принуждены были покинуть занятую ими позицію, хотя на разныхъ ступеняхъ учебной администраціи все-таки остались люди со спеціальною миссіей продолжать негласное дѣло постепеннаго „крушенія.“ Дни ихъ полезной дѣятельности, можно надѣяться, сочтены.

Сочтены также, дай Богъ, дни и Головнинскаго устава университетовъ. Гимназическая реформа была не полна безъ реформы университетской, и покойный Государь настойчиво требовалъ пересмотра университетскаго устава 1863 года. Интрига употребила всѣ свои усилія чтобъ удержать университеты въ своей кабалѣ, но можно надѣяться что освобожденіе университетовъ не замедлитъ.

Наконецъ, остается еще вопросъ о начальной народной школѣ. Но и здѣсь готовятся, какъ слышно, серіозныя мѣры. Въ станѣ лжи забили по этому поводу тревогу, и противъ избавленія народной школы выдвигаются тѣ самыя орудія интриги и обмана которыя уже дѣйствовали противъ гимназической и университетской реформы.

Правительство намѣрено, какъ говорятъ, учредить церковно-приходскія училища.

Предполагается при этомъ ассигновать изъ Государственнаго Казначейства сумму на вознагражденіе священнослужителей съ тѣмъ чтобъ они преподавали всѣ учебные предметы въ церковно-приходскихъ училищахъ. Нельзя не сочувствовать этой мѣрѣ. Предоставленіе сельскихъ школъ духовенству есть самое простое, естественное и правильное разрѣшеніе великой задачи начальнаго народнаго образованія. Въ Россіи числится свыше 40.000 церквей и монастырей и при нихъ состоитъ священно-служителей, окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ (іереевъ и діаконовъ), до 70.000 лицъ. Такимъ образомъ, правительство можетъ сразу открыть десятки тысячъ народныхъ школъ и поставить надъ ними десятки тысячъ вполнѣ готовыхъ учителей, которые конечно будутъ въ состояніи обучать деревенскихъ дѣтей Закону Божію, грамотѣ, письму и счету, и которые не отучатъ, но пріучатъ ихъ къ церкви.

Не такъ смотритъ на это дѣло „нашъ извѣстный педагогъ“ баронъ Корфъ, прославившійся своими народными учебниками. Онъ врагъ „клерикализма“ и какъ таковой протестуетъ противъ церковно-приходскихъ училищъ, протестуетъ въ органѣ А. В. Головнина, который, по его мнѣнію, оказалъ Россіи великую услугу тѣмъ что не допустилъ преобладающаго попеченія духовенства надъ народною школой. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ баронъ Корфъ повѣствуетъ объ этомъ подвигѣ своего политическаго друга:

„Только немногимъ извѣстно что графъ Блудовъ, умирая, воспользовался послѣдними минутами своими чтобы прощаясь съ Бутковымъ взять съ него слово что онъ будетъ умолять Императора Александра Николаевича чтобъ онъ поспѣшилъ ввѣрить народную школу преобладающему попеченію духовенства. Это происходило въ 1864 году, когда министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ А. В. Головнинъ, *одну изъ крупнѣйшихъ заслугъ котораго предъ Россіей и составляетъ то что ему удалось хоть сколько-нибудь отстоять право общества на воспитаніе своихъ дѣтей и вызвать самодѣятельность его на этомъ поприщѣ*. „Положеніемъ“ о народныхъ училищахъ, какъ извѣстно, духовенство введено въ училищные совѣты, *въ которые получили доступъ и представители земства*“ (*Голосъ* № 229).

Какъ хорошо, хотя и противъ воли своей, баронъ Корфъ помянулъ почтеннаго графа Дмитрія Николаевича, и какъ за то не поздоровится отъ его хваленья... Баронъ Корфъ восхваляетъ А. В. Головнина, въ преданномъ ему органѣ, за то что онъ, на перекоръ предсмертной мольбѣ графа Блудова, не допустилъ чтобы духовенство имѣло преобладающее попеченіе о народной школѣ...

Вотъ уже восемнадцать лѣтъ какъ вольно-практикующіе дѣятели хозяйничаютъ въ народныхъ „земскихъ“ школахъ, объясняя ребятамъ по книжкамъ барона Корфа „*душевныя* качества свиньи, лягушки и піявки“ *), преподавая имъ всякій вздоръ подъ громкимъ названіемъ *міровѣдѣнія* и надмевая ихъ омерзительнаго свойства плебейскимъ аристократизмомъ. Въ этихъ школахъ задаютъ тонъ полуграмотные верхогляды, просидѣвшіе послѣ сохи три года въ такъ-называемыхъ учительскихъ семинаріяхъ и трактующіе свысока священника приходящаго въ школу для преподаванія Закона Божія, упрекая его въ незнаніи „новѣйшихъ методовъ“ А знаете ли вы сколько въ школахъ барона Корфа отведено времени для преподаванія Закона Божія? Изъ 720 годовыхъ учебныхъ часовъ, посвященныхъ по большой части пріобрѣтенію свѣдѣній, якобы *полезныхъ*, въ первомъ году ученія отдѣлено на Законъ Божій около 8 часовъ (въ годъ!!), во второмъ около 15, въ третьемъ около 30! И это въ народной школѣ! Мудрено ли что крестьяне во многихъ мѣстахъ не хотятъ посылать своихъ дѣтей въ такія школы? Можно себѣ представить съ какою охотой священники должны преподавать въ этихъ школахъ гдѣ ихъ предметъ занимаетъ послѣднее мѣсто и гдѣ имъ приходится выслушивать выговоры и наставленія послѣднихъ учителей стремящихся захватить въ свои руки и преподаваніе Закона Божія „по новѣйшимъ методамъ.“ По этому поводу баронъ Корфъ высказываетъ слѣдующія жалобы:

„Земство уже десятки, если не сотни разъ, указывало на необходимость предоставить народному учителю право обученія религіи, а наблюденіе за нимъ духовенству... Но не такое направленіе принимаетъ у насъ повидимому это дѣло. Вмѣсто того чтобы поддержать школы устроенныя земствомъ и содѣйствовать тому чтобы возникло по-

*) Смотри *Нашъ Другъ* барона Корфа, стр. 213.

больше земскихъ школъ, какъ такихъ которыя существуютъ на дѣлѣ, а не на бумагѣ, мы, повидимому, возвращаемся къ мысли графа Блудова о преобладаніи духовенства, только въ нѣсколько иной формѣ: восемнадцать лѣтъ назадъ предполагалось ввѣрить попеченіе о школѣ одному духовенству; въ настоящее же время предполагается *терпѣть* земскую народную школу и рядомъ съ нею поощрять особую народную школу въ томъ же селѣ, учреждаемую духовенствомъ и *образующую, какъ бы государство въ государствѣ* (!?!)... Мы затруднились бы и объяснить себѣ, какимъ образомъ въ правительственныхъ сферахъ могла зародиться надежда послужить народному образованію поощреніемъ церковно-приходскихъ школъ еслибы намъ не была извѣстна та основная мысль изъ которой вытекла приведенная теорія, разлетающаяся въ прахъ при первомъ прикосновеніи ея съ дѣйствительностью. Въ основѣ убѣжденія что слѣдуетъ создать церковно-приходскія училища, число которыхъ, не выдерживая соперничества земскихъ школъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ, отъ 1865 по 1878 годъ, упало съ 21.420 до 4.680, лежитъ мысль что преобладаніе въ школѣ *духовенства* было бы „спасеніемъ" для школы, развращающейся въ *мірскихъ* рукахъ. Не трудно написать цѣлые томы на эту тему—настолько она исчерпана *клерикалами*, придающими одному духовенству способность заботиться о нравственно-религіозномъ воспитаніи народа, и противниками ихъ, доказывающими на основаніи исторіи что нигдѣ не процвѣтала *развивающая* школа въ рукахъ духовенства безъ участія общества, и что школа которая не развиваетъ не можетъ и воспитывать, такъ какъ не надѣляетъ питомца своего ни вѣрными идеалами, ни возможностью найтись среди искушеній и устоять противъ нихъ."

Стóитъ ли опровергать эту кучу откровенныхъ нелѣпостей? Начать уже съ того что приравнивать *клерикаловъ* западной Европы къ русскому духовенству можетъ только или несвѣдующій, или шарлатанъ. Римская церковь есть громадная политическая организація которая имѣетъ свой центръ и своего главу, находящуюся въ напряженныхъ договорныхъ отношеніяхъ къ государствамъ. Тамъ слѣдовательно могутъ имѣть мѣсто партіи *клерикаловъ*, отстаивающія интересы церковнаго владычества, и партіи противныя имъ, защищающія права національнаго государства. У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Русская церковь неразрывно связана съ русскимъ государствомъ. Противополагать Русскую церковь Русскому *земству*,—не въ смыслѣ Валуевскихъ земскихъ учрежденій, а въ смыслѣ Русскаго народа,—можетъ только человѣкъ старающійся *намѣренно* смутить публику представляя ей, подъ видомъ Русскаго *земства*, лишь извѣстнаго рода „дѣятелей..."

А затѣмъ какая же это *исторія* доказываетъ будто бы *нигдѣ* (?!) не процвѣтала *развивающая* школа въ рукахъ духовенства безъ участія какого-то общества, и будто бы такая школа не можетъ „надѣлить питомца своего ни *вѣрными идеалами* (!!), *ни возможностью найтись среди искушеній* и устоять противъ нихъ." И какъ будто церковь, которая есть одно съ православнымъ народомъ, не есть общество!

Мы очень хорошо знаемъ какія школы баронъ Корфъ называетъ *развивающими* и что̀ онъ разумѣетъ подъ *вѣрными идеалами*. Это тѣ школы въ которыхъ безграмотные ученики празднословятъ съ полуграмотными учителями „о *душевныхъ* качествахъ піявки;" это тѣ „идеалы" которые содержатся въ словахъ доходъ, расходъ, барышъ, выгода, польза, чистый доходъ, которые такъ и пестрятъ баронскіе учебники и сопровождаютъ каждую въ нихъ *развивающую и практически полезную* статью. Такимъ „развитіемъ" и такими „идеалами" духовенство, конечно, не будетъ занимать своихъ питомцевъ и книжки барона Корфа, расходящіяся нынѣ, по собственнымъ его увѣреніямъ, десятками тысячъ ежегодно, вѣроятно принуждены будуть исчезнуть съ книжнаго рынка. Не удивительно поэтому что баронъ разражается филиппикой противъ православнаго духовенства, перечисляя различныя причины почему будто бы наши священно-служители не годятся въ учители сельскихъ школъ и ничего не стóятъ въ сравненіи съ настоящимъ Корфовскимъ „народнымъ учителемъ..."

№ 239.

Москва, 28-го августа.

Въ полученномъ вчера нумерѣ *Русскаго Инвалида* напечатанъ приказъ по военному вѣдомству, который вызоветъ не мало толковъ въ обществѣ, въ печати и за границей: повелѣно всѣ уланскіе и гусарскіе полки армейской кавалеріи „обратить въ драгунскіе,“ присвоивъ имъ обмундированіе и вооруженіе „одинаковое съ прежними драгунскими полками.“ Вмѣстѣ съ этимъ значительно усиленъ составъ конной артиллеріи, причемъ въ тридцати прежнихъ конныхъ батареяхъ будетъ содержаться въ мирное время по шести запряженныхъ орудій.

Итакъ, впредь въ русской арміи будетъ только два рода конницы: драгуны и казаки вооруженные ружьями и одинаково способные дѣйствовать какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю.

Мѣра теперь принятая есть первый шагъ въ дѣлѣ полнаго и серіознаго преобразованія и усиленія нашей кавалеріи, вызываемаго измѣнившимся образомъ дѣйствій кавалеріи во время войны. Годъ тому назадъ, для обсужденія этой реформы, составлена была особая коммиссія изъ спеціалистовъ, которая теперь уже вполнѣ окончила свои занятія. Извѣстно что коммиссія эта, признавъ необходимымъ усилить численный составъ кавалеріи, нашла вмѣстѣ съ тѣмъ возможность достигнуть этого не вовлекая казну въ новые значительные расходы. Въ настоящемъ случаѣ замѣна уланъ и гусаръ драгунами дастъ значительное сбереженіе, достаточное для покрытія расходовъ по усиленію конной артиллеріи.

Но замѣна уланъ и гусаръ драгунами вызвана не одними экономическими соображеніями: она важна и въ боевомъ, и въ стратегическомъ отношеніи. Кавалерія вооруженная ружьями, поддерживаемая хорошею конною артиллеріей, пріобрѣтаетъ несравненно большую самостоятельность: она можетъ безъ поддержки пѣхоты совершать дальніе набѣги и въ большихъ массахъ появляясь въ тылу противника разрушать его этапы, склады продовольствія, оружія, зарядовъ, обмундированія, портить желѣзныя дороги, мѣшать мобилизаціи и организованію резервовъ. Уже въ Наполеоновскія войны, въ началѣ столѣтія, наши партизанскіе отряды наносили противнику тяжкіе удары и до крайности затрудняли его операціи. Именно съ тою же цѣлью императоръ Николай I сформировалъ особый драгунскій корпусъ; дѣйствовать ему въ полномъ составѣ не удалось, но мысль его создавшая нашла себѣ широкое примѣненіе во время междоусобной войны въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ идея о большихъ кавалерійскихъ набѣгахъ на тылъ непріятеля сдѣлалась ходячею между кавалеристами, хотя ее и не удалось примѣнить ни въ одну изъ послѣднихъ европейскихъ войнъ: только въ 1877 году можно видѣть попытки въ этомъ направленіи, изъ которыхъ особенно выдаются дѣйствія въ тылу арміи Османъ-паши и занятіе Барбошскаго моста въ началѣ кампаніи, спасшее отъ разрушенія важнѣйшую переправу на будущемъ пути сообщенія русской арміи за Дунаемъ. Въ западно-европейской, особенно въ нѣмецкой литературѣ—и далеко не въ одной только военной—болѣе десятка лѣтъ настойчиво проводится мысль что во всякой войнѣ съ Россіей кавалерія должна играть большую роль: высказываютъ даже что всякая армія, которая вторгнется въ Россію не имѣя возможности бросить въ тылъ русскихъ армій многочисленной кавалеріи для самостоятельныхъ дѣйствій, потерпитъ участь армій Карла XII и Наполеона I, то-есть будетъ ранѣе или позднѣе истреблена *). Но чтобы парализовать такую затѣю русская кавалерія должна быть сильнѣе нежели кавалерія противниковъ: надо и отражать нападеніе, и нападать на тылъ непріятеля. Сверхъ того, намъ надо помнить что мобилизація у насъ всегда будетъ требовать гораздо болѣе времени; наши разстоянія слишкомъ велики, сѣть желѣзныхъ дорогъ рѣже. Намъ нужно выиграть, поэтому, у противника время. Англичане въ Александріи показали какъ это можетъ быть сдѣлано. На сухомъ пути мысль руководившая Англичанами выразится конечно иначе. Кавалерія въ мирное время держится мобилизованною. Почему бы не воспользоваться этимъ? Рѣшительный набѣгъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кавалеріи въ разныхъ пунктахъ, — а такіе на нашихъ границахъ есть, — не можетъ не замедлить мобилизаціи непріятельской силы и сосредоточенія его войскъ.

*) *Die Handfeuerwaffen der Gegenwart* Эльгера. Дрезденъ.

Кавалерія предпринимающая дѣйствія въ широкихъ размѣрахъ, удалившаяся на большое разстояніе отъ своихъ войскъ, должна обладать способностью дѣйствовать при всякихъ обстоятельствахъ. Ничто не удастся если эта кавалерія будетъ не въ силахъ справиться съ какимъ-нибудь пѣхотнымъ отрядомъ на который она всегда можетъ наткнуться. Германская кавалерія въ 1870—1871 годахъ хорошо убѣдилась въ этомъ будучи вынуждена возить за собою въ иныхъ случаяхъ небольшія пѣхотныя части на подводахъ. Драгунамъ это не нужно: у нихъ за плечами ружья почти не отличающіяся отъ пѣхотныхъ.

Все это только одна сторона дѣла: во всѣ войны наиболѣе важная дѣятельность кавалеріи состояла въ преслѣдованіи и истребленіи разбитаго непріятеля. Съ тѣхъ поръ какъ пѣхота вооружилась скорозарядными и къ тому же дальнобойными ружьями, преслѣдованіе кавалеріей сдѣлалось труднымъ: если пѣхотѣ удастся выйти изъ-подъ ударовъ кавалеріи хоть на нѣсколько мгновеній, она сумѣетъ сдержать ея натискъ. Но у отступающаго всегда есть подъ рукой хоть нѣсколько частей пѣхоты сохранившихъ порядокъ. Эти части могутъ и вовсе задержать кавалерію и такимъ образомъ спасти отступающую армію, или по крайней мѣрѣ ея артиллерію. Другое дѣло если преслѣдуютъ драгуны могущіе помѣряться съ пѣхотой. Это намъ приходилось не разъ испытывать въ минувшую войну за Балканами.

Кромѣ того, во всякомъ сраженіи, во всякой операціи предпринимаемой отрядами изо всѣхъ родовъ оружія, бываютъ случаи когда можетъ потребоваться немедленное подкрѣпленіе боевыхъ линій пѣхоты въ такихъ пунктахъ къ которымъ пѣхотный резервъ не можетъ прибыть вовремя; помощь эту должна подать кавалерія воспользовавшись быстротой коней, но ее подать можетъ только кавалерія умѣющая дѣйствовать пѣшкомъ, снабженные ружьемъ драгуны. Въ минувшую войну наши драгуны весьма часто дѣйствовали въ пѣшемъ строю и вмѣстѣ съ казаками принесли этимъ огромную услугу.

Обращеніе всей кавалеріи въ драгунъ неизбѣжно подниметъ и качество кавалеріи: до сихъ поръ въ обученіи нашей кавалеріи не могло быть однообразія, а это вело къ тому что и въ драгунскихъ полкахъ, входившихъ въ общій составъ кавалерійскихъ дивизій, обученіе стрѣльбѣ и пѣшему строю велось съ меньшею тщательностью чѣмъ было желательно, особенно если старшій кавалерійскій начальникъ не былъ самъ драгунъ. Теперь все это должно измѣниться: и пѣшій, и конный строй въ нашей кавалеріи будутъ стоять на одной высотѣ.

Итакъ, у насъ сдѣланъ важный шагъ; наша кавалерія становится впереди другихъ и вѣроятно надолго. Иностранцамъ не такъ легко обратить свою кавалерію въ такихъ же драгунъ какъ наши: для этого мало еще дать каждому кавалеристу ружье въ руки. Надо умѣть еще такъ поставить обѣ отрасли кавалерійской службы чтобъ одна не вредила другой: излишняя забота о пѣшемъ строѣ уронитъ строй конный, и наоборотъ. Нуженъ навыкъ, нужны боевой опытъ и военныя традиціи чтобы дѣло провести удачно. Русская армія въ этомъ отношеніи находится въ исключительномъ положеніи: у нея съ давнихъ поръ была казачья конница не знавшая иного образа дѣйствій какъ тотъ который усвоенъ потомъ драгунами. Вотъ почему нигдѣ въ западной Европѣ не могли дать драгунамъ того значенія какое они имѣли у насъ и почему несмотря на очевидныя выгоды тамъ не приняли до сихъ поръ той мѣры которая теперь принята относительно нашей кавалеріи. Еще недавно въ Тунисѣ Французы показали что они вовсе не умѣютъ даже пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ своей кавалеріи и заставляютъ ее стрѣлять въ сомкнутомъ строю, стоя, съ коня, что вызвало бы у насъ только смѣхъ. И это во Франціи, слишкомъ три четверти вѣка спустя послѣ Наполеона I, на основаніи горькаго опыта совѣтывавшаго обучить всю конницу сражаться въ случаѣ надобности въ пѣшемъ строю съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ!

Въ иностранныхъ литературахъ теперь настойчиво твердятъ будто конница утратила свое боевое значеніе, что на поляхъ сраженій ей почти дѣлать нечего, что ее пожалуй слѣдовало бы даже сократить и частью замѣнить болѣе дешевою пѣхотой: все это во многомъ справедливо относительно кавалеріи умѣющей производить только сомкнутыя атаки и безсильной справиться со стойкою пѣхотой, для конницы умѣющей хорошо дѣйствовать только пикой и саблей, и не знающей какъ ей быть

съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ извлечь изъ него пользу и потому мало способной къ отдаленнымъ самостоятельнымъ предпріятіямъ. Такая конница дѣйствительно утратила бо́льшую часть своего значенія съ того времени какъ случаи для кавалерійскихъ атакъ въ сраженіяхъ стали представляться только изрѣдка. Роль ея сыграна. У насъ это поняли, и счеты съ кавалеріей рыцарскаго типа подведены: съ обращеніемъ улань и гусаръ въ драгуны русская кавалерія повернула къ типу конницы казачьей, которая никогда не утратитъ своего значенія и съ одинаковою пользой будетъ служить и въ горахъ, и на равнинѣ, на открытой мѣстности и на пересѣченной; которая не спасуетъ предъ непріятельскою кавалеріей и не остановится передъ вражескою пѣхотой. Русская армія сдѣлала самостоятельный шагъ.

№ 242.

Москва, 31-го августа.

Странное явленіе представляютъ теперь взаимныя отношенія участниковъ „европейскаго концерта“ по поводу Египетскаго вопроса. Изо всѣхъ офиціозныхъ или такъ слывущихъ органовъ, только *Journal de St.-Pétersbourg* настаиваетъ на верховномъ авторитетѣ европейскаго „концерта“ и того рѣшенія которое онъ постановитъ въ послѣдствіи. Всѣ остальные сознаются напротивъ что и въ будущемъ мало шансовъ на то чтобы дѣло было улажено путемъ общаго соглашенія, и что „совокупное“ дѣйствіе дипломатіи на бывшей конференціи въ Константинополѣ, равно какъ и на предполагаемомъ конгрессѣ, о коемъ недавно пущены „развѣдочные“ слухи, имѣли и будутъ имѣть лишь ту цѣль чтобы посѣять раздоръ и предупредить дѣйствительное соглашеніе интересовъ. Въ этомъ смыслѣ съ особенною настойчивостью высказывается французская печать, которая вообще выбивается изъ силъ чтобы доказать что дѣйствіе Англіи въ Египтѣ не только не нарушаетъ интересовъ Франціи, но совершенно согласно съ ними. Газета *Temps* довольно откровенно разъяснила на дняхъ въ чемъ смыслъ внезапнаго „англоманства“ обуявшаго большинство органовъ французской республиканской печати. Она доказываетъ, въ статьѣ отъ 9 сентября, содержаніе коей передано по телеграфу, что подстрекательства изъ Германіи чтобы возстановить Францію противъ Англіи не увѣнчаются успѣхомъ. Франція отлично де понимаетъ что египетская экспедиція Англіи выгодна для Франціи (?), и что несогласія съ Англіей могутъ быть полезны лишь какой-либо третьей державѣ. Дружба Англіи и Франціи одинаково де важна для обѣихъ; несогласія между ними изолировали бы каждую. Пока у Франціи есть иностранная политика, она будетъ де основываться на соглашеніи съ Англіей, конференція же имѣла лишь цѣлью разъединить и поссорить ихъ.

Англійская печать, разумѣется, привѣтствуетъ эту перемѣну настроенія во французской печати и въ свою очередь доказываетъ что гораздо благоразумнѣе высказываться въ этомъ смыслѣ нежели настраивать французскую публику въ смыслѣ зависти и недоброжелательства противъ Англіи какъ это было еще недавно, когда шла агитація противъ кабинета г. Фрейсине которому ставилось въ вину что онъ своимъ бездѣйствіемъ допустилъ Англію распоряжаться свободно на берегахъ Нила. Но въ то же время англійская печать относится весьма сдержанно къ предложеніямъ о болѣе тѣсномъ единеніи между Англіей и Франціей. *Times* доказываетъ что „замѣна единоличнаго дѣйствія Англіи англо-французскимъ союзомъ не преминула бы произвести замѣшательство между державами, не говоря ужь о тѣхъ неизбѣжныхъ недоразумѣніяхъ и столкновеніяхъ которыя совокупное дѣйствіе по обыкновенію порождаетъ между самими союзниками.“ Какія же выгоды сулитъ однако лондонскій публицистъ Франціи за то что она рѣшилась наконецъ ограничиться ролью спокойнаго и доброжелательнаго наблюдателя? Онъ указываетъ Франціи на примѣръ прочихъ державъ. Всѣ державы довольствуются выжиданіемъ исхода событій, а стало-быть и Франція можетъ де на этомъ успокоиться. А такъ какъ всѣ рѣшились предоставить Англіи свободу дѣйствій, то въ этомъ и Франція можетъ де почерпнуть увѣренность что Англія приметъ и ея интересы въ разсужденіе.

Какія же однако цѣли имѣетъ въ виду Англія? Имѣетъ ли она намѣреніе отдать рѣшеніе въ руки европейскаго ареопага, или же она постарается войти въ отдѣль-

ныя соглашенія съ тѣми кто дружелюбно предоставилъ ей одной все поле дѣйствія? На это *Times*, въ той же статьѣ, даетъ отвѣтъ, который, хотя и не отличается опредѣленностью, но достаточно доказываетъ что дѣло никакъ не можетъ ограничиться возстановленіемъ въ Египтѣ *statu quo*. „Мы уже имѣли случай высказать,“ замѣчаетъ *Times*, „что Англія не обязана напередъ въ точности указывать когда она прекратитъ предпринятое ею дѣйствіе. Оно не можетъ считаться оконченнымъ когда Араби-паша будетъ разбитъ и его силы разсѣяны. Наше предпріятіе есть дѣло по преимуществу созидательное, для котораго мы теперь лишь расчищаемъ почву.“

Не трудно уразумѣть о чемъ именно хлопочетъ теперь Англія. Взаимное недовѣріе державъ, парализующее всякую попытку дѣйствительно поставить совокупную волю Европы выше отдѣльныхъ и своекорыстныхъ замысловъ, и въ особенности взаимное раздраженіе между Франціей и Германіей, которое весьма обострилось въ послѣднее время и выражается со стороны парижской печати въ очень враждебныхъ выходкахъ противъ Германіи, даже въ публичныхъ демонстраціяхъ французскихъ патріотовъ противъ Нѣмцевъ проживающихъ въ Парижѣ,—все это вмѣстѣ взятое усиливаетъ смѣлость англійской политики. Лишь бы не явилось помѣхи теперь когда самъ Араби-паша причиняетъ Англіи достаточно хлопотъ; лишь бы дана была возможность безпрепятственно докончить захватъ Египетской земли и противопоставить всякимъ голословнымъ притязаніямъ неотразимую силу „совершившагося факта; а далѣе—видно будетъ.“ Нѣтъ никакой надобности вызывать теперь ненужное раздраженіе и высказывать въ точности окончательные замыслы Англіи; всякому предоставляются всякія о томъ догадки. Между тѣмъ „праздные“ зрители всего лучше, въ интересахъ Англіи, займутъ свой досугъ если будутъ подстрекать одинъ другаго и взаимно раздражаться, ничего не дѣлая въ помѣху Англіи.

Впрочемъ, англійская печать начинаетъ понемногу „подготовлять почву“ не только въ Египтѣ пушками, но и отдаленными намеками на то каковы будутъ ея притязанія когда настанетъ время для подведенія итоговъ. Вышеприведенное указаніе газеты *Times* содержитъ въ себѣ только неопредѣленныя очертанія того что Англія намѣрена воздвигнуть на расчищенной почвѣ Египта. Газета *Globe* высказалась на дняхъ гораздо яснѣе. Она доказывала что Европа, предоставившая Англіи дѣйствовать на свой страхъ, тѣмъ самымъ лишила себя права ссылаться на трактаты и стѣснять Англію въ ея будущихъ рѣшеніяхъ. Впрочемъ, продолжаетъ *Globe*, трактаты вообще не имѣютъ въ настоящее время никакой цѣны и Англія совершенно свободно можетъ порѣшить съ Египтомъ сообразуясь исключительно со своими интересами.

Противъ этихъ-то выводовъ англійской газеты энергически и пространно возразилъ на дняхъ нашъ *Journal de St.-Pétersbourg*. Въ нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ была высказана мысль что Россія имѣетъ въ виду отплатить Англіи за ея образъ дѣйствій во время Берлинскаго конгресса, и будетъ настаивать чтобъ Англія отдала результаты своего теперешняго предпріятія на судъ и рѣшеніе Европы. *Journal de St.-Pétersbourg* возстаетъ главнымъ образомъ противъ того будто бы Россія питаетъ неудовольствіе противъ наложенныхъ на нее „во имя трактатовъ“ ограниченій. Россія вела де войну неизмѣримо болѣе трудную нежели теперешній походъ въ Египетъ, и притомъ во имя человѣколюбивыхъ цѣлей признанныхъ всею Европой. „Если, не смотря на это,“ продолжаетъ петербургская газета, „Россія преклонилась предъ европейскими трактатами и предъ авторитетомъ концерта державъ, то это дѣлаетъ честь ея политической честности. Она имѣетъ поэтому основаніе ожидать такого же уваженія къ публичному европейскому праву со стороны тѣхъ кто предъявляли къ ней свои требованія, основываясь на этомъ правѣ, ибо она показала собою примѣръ и преклонилась предъ этимъ правомъ.“

Не знаемъ подѣйствуетъ ли на англійскую публику эта лекція „публичной морали...“

№ 243.

Москва, 1-го сентября.

Цѣлый рядъ телеграммъ возвѣщаетъ о побѣдѣ Англичанъ въ Египтѣ. Тэль-эль-Кебиръ занятъ, войска Араби-паши разбиты и бѣгутъ. Такая ли это полная

побѣда какъ выставляютъ депеши идущія изъ англійскаго лагеря, или и теперь Англичане имѣютъ такой же успѣхъ какъ подъ Магфаромъ, Магутой, Гассасиномъ, это не замедлитъ выясниться. Пока извѣстно что обѣ стороны ждали боя. Дѣйствительно, въ послѣдніе дни Англичане дѣятельно готовились къ дальнѣйшему наступленію и стягивали въ Магсамехъ и Гассасинъ войска, снаряды, продовольствіе. Перевязочныя средства тоже приводились въ порядокъ. Слухи объ этихъ приготовленіяхъ дошли и до Египтянъ, развѣдчики которыхъ, Бедуины, все время держались такъ близко отъ англійскихъ аванпостовъ и такъ искусно прокрадывались за нихъ что въ ночное время англійскіе солдаты не рисковали удаляться отъ своего лагеря. Египтянамъ было необходимо провѣрить эти слухи. Какъ бы хорошо ни была организована развѣдочная служба, какъ бы ни были благонадежны шпіоны, одними этими средствами невозможно раскрыть намѣренія противника, особенно если онъ не двигается впередъ. У Араби-паши оставалось одно средство: усиленная рекогносцировка, то-есть попросту говоря бой, въ которомъ можно заставить противника развернуть свои силы. Таково именно и было дѣло 9 сентября (28 августа). Взглянемъ на его ходъ. Рано утромъ англійскіе ведеты усмотрѣли къ сѣверу отъ желѣзной дороги непріятельскую кавалерію. Египтяне очевидно угрожали правому флангу Англичанъ. Поднялась тревога и въ 7 часовъ утра начался артиллерійскій огонь. Нѣсколько позднѣе Египтяне ввели въ дѣло пѣхоту растянувъ свой фронтъ на пять верстъ и угрожая обоимъ флангамъ англійской позиціи. Англичане развернули свои силы, подтянули резервы и перешли въ наступленіе, первоначально предполагая что предстоитъ рѣшительный бой. Какъ только всѣ приготовленія къ атакѣ были сдѣланы Англичанами, Египтянамъ не для чего уже было продолжать сраженіе, они начали отступать и къ полудню все было кончено. Англичане нѣсколько подвинулись впередъ, а Египтяне точнѣе опредѣлили ихъ силы и намѣренія теперь уже приведенныя въ исполненіе. Какіе выводы сдѣлали въ Египетскомъ лагерѣ изъ данныхъ добытыхъ рекогносцировкой? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ самый ходъ дѣла подъ Тель-эль-Кебиромъ, выиграннаго Англичанами. Египтяне одинаково могли и принять рѣшительное сраженіе, и только попытаться задержать Англичанъ и затѣмъ отступать какъ это они дѣлали до сихъ поръ, хотя большею частью неискусно и съ большими для себя потерями и въ людяхъ, и въ орудіяхъ. Весь вопросъ въ томъ, истреблена египетская армія, или только отброшена и временно разстроена?

Будетъ полезно припомнить происшедшее до сихъ поръ.

Съ самаго начала военныхъ дѣйствій, то-есть со дня высадки Англичанъ въ Александріи, сдѣлалось извѣстно что Араби-паша ожидаетъ наступленія и со стороны канала, что онъ укрѣпилъ Тель-эль-Кебиръ и Загазигъ, занявъ въ то же время небольшимъ отрядомъ Салигье. Араби-паша, ожидая прибытія индійскаго корпуса Англичанъ, выставилъ небольшіе отряды вдоль Суэзскаго и прѣсноводнаго каналовъ. Отряды эти имѣли чисто рекогносцировочную цѣль, и потому какъ только Суэзскій каналъ былъ занятъ и Англичане продвинулись къ Нефишу, Египтянамъ данъ приказъ отступать, но задерживать Англичанъ и портить прѣсноводный каналъ. Послѣднее совершенно удалось, но египетскіе командиры подъ Магфаромъ (24 августа) и подъ Эль-Магутой (25 августа) продержались долѣе нежели слѣдовало, вслѣдствіе чего вынуждены были отступать слишкомъ поспѣшно. Чтобы задержать англійскій авангардъ Египтяне ввели новыя силы и перешли въ наступленіе. Англичане начали было подаваться назадъ, но ихъ кавалерія, зайдя во флангъ и тылъ противника, дала другой оборотъ дѣлу, и Египтяне потеряли Гассасинъ и его шлюзы. До сихъ поръ успѣхъ былъ на сторонѣ Англичанъ, но успѣхъ едва ли важный. Занятые Англичанами до сихъ поръ пункты не имѣли стратегическаго значенія для обороны Каира и всей Нильской дельты. Первый пунктъ имѣющій такое значеніе есть именно Тель-эль-Кебиръ, въ пятидесяти километрахъ отъ Измаиліи и нѣсколько южнѣе прѣсноводнаго канала и желѣзной дороги. Мѣстность гдѣ происходятъ теперь военныя дѣйствія носитъ названіе Вади-Тумилатъ и составляетъ долину съ сѣвера и съ юга ограниченную довольно высокими холмами. Тель-эль-Кебиръ лежитъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ выхода изъ этой долины въ дельту.

Какъ разъ въ 10 километрахъ за нимъ находится селеніе Абу-Гамаадъ, нѣсколько восточнѣе котораго проходитъ граница воздѣланныхъ земель дельты; тутъ же идущій отъ Бельбейса прѣсноводный каналъ соединяется съ другимъ направляющимся прямо отъ Загазига. Рѣшивъ укрѣпить Загазигъ, Араби-паша взялъ въ соображеніе что воды Нила при разливѣ заходятъ въ Вади-Тумилатѣ восточнѣе Тель-эль-Кебира, и что поэтому Англичане не могутъ атаковать позицію у Тель-эль-Кебира съ праваго фланга. Лѣвый флангъ позиціи Араби-паши былъ растянутъ до Эль-Карима лежащаго также на границахъ разлива, почти прямо къ сѣверу отъ Тель-эль-Кебира. Разстояніе между обоими пунктами по прямой линіи около 10 километровъ; мѣстность состоитъ изъ довольно высокихъ холмовъ съ крутыми покатостями. На этихъ-то высотахъ были расположены укрѣпленія Египтянъ имѣющія сильную профиль, прочно построенныя и вооруженныя многочисленною артиллеріей, частью большаго калибра.

Вотъ почему Волзлей потребовалъ подкрѣпленія и осадный паркъ. Англійскій главнокомандующій очевидно ожидалъ серіознаго сопротивленія и желалъ располагать достаточными средствами чтобы сломить Египтянъ безъ большихъ со своей стороны пожертвованій. Англичане остались побѣдителями подъ Тель-эль-Кебиромъ. Но побѣда важна не сама по себѣ, а по своимъ послѣдствіямъ. Невозможно истребить армію занимающую укрѣпленный лагерь, котораго нельзя обойти или окружить. Выбитыя изъ укрѣпленій войска всегда успѣютъ ранѣе или позднѣе снова устроиться. Съ занятіемъ Тель-эль-Кебира война не кончится, противникъ не попроситъ мира, котораго для Араби-паши и быть не можетъ: миръ для Араби-паши значитъ гибель. Англичанамъ придется продолжать военныя дѣйствія. При какихъ условіяхъ? Въ половинѣ сентября разливъ Нила достигаетъ высшей точки; убыль водъ начинается только въ концѣ октября. Отъ Тель-эль-Кебира Англичанамъ придется двигаться по наводненной мѣстности перерѣзанной множествомъ каналовъ, отчасти очень широкихъ. Если повозкамъ обоза теперь трудно было двигаться по песку, то еще труднѣе проходить чрезъ каналы, на которыхъ противникъ снесетъ переправы. Система шлюзовъ, сверхъ того, даетъ возможность Египтянамъ обращать всю окрестность извѣстныхъ пунктовъ въ озера. Средствомъ сообщенія останется желѣзная дорога. Мосты на ней пріобрѣтаютъ поэтому особую важность. Въ предѣлахъ Тель-эль-Кебирской позиціи, у деревни Кишлакъ, находится первый значительный мостъ. Далѣе, по дорогѣ къ Загазигу, находятся еще два большіе желѣзнодорожные моста чрезъ каналы. Эти мосты едва ли будутъ пощажены Египтянами. Подвозъ продовольствія по желѣзнымъ дорогамъ такимъ образомъ затруднится если не остановится вовсе. Англійскій штабъ какъ будто предвидитъ это и озабочивается устроить сообщеніе по каналамъ проводя барки или конною тягой, или канонерками. Но окажется ли это средство надежнымъ въ случаѣ порчи и запруды каналовъ Египтянами? Итакъ, по занятіи Тель-эль-Кебира трудно ждать быстраго наступленія Англичанъ, и Араби-паша, выигравъ время, успѣетъ снова приготовиться къ сопротивленію. Англичане испытываютъ всѣ тѣ неудобства отъ какихъ страдала армія Людовика Святаго. Война и успѣхъ обойдутся имъ все-таки не дешево, если только они не спохватятся сдѣлать серіозную диверсію отъ Александріи съ тѣмъ чтобъ угрожая Каиру заставить главныя силы Араби-паши, обороняющія дельту съ востока, отступить прямо къ столицѣ, гдѣ долженъ послѣдовать окончательный ударъ. Но объ этой диверсіи Англичане пока вовсе не помышляютъ. Они знали что дѣйствія отъ Александріи легче чѣмъ отъ Измаиліи, и если предпочли послѣдній путь, то лишь потому что торопились захватить въ свои руки Суэзскій каналъ. Теперь имъ все равно: они владѣютъ Александріей, владѣютъ каналомъ. Если война протянется долѣе, это вопросъ лишь о нѣсколькихъ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ упустивъ вовремя занять каналъ, и занять прочно—они теряли бы все. Египетская экспедиція сдѣлалась бы для нихъ почти бесмыслицей и деньги на нее потраченныя были бы потеряны.

№ 244.

Москва, 2-го сентября.

Между тѣмъ какъ французская печать не перестаетъ твердить что тѣсное сближеніе между Франціей и Англіей есть та политическая формула которая, въ противоположность официальнымъ фразамъ объ европейскомъ концертѣ, знаменуетъ собою теперешнее политическое положеніе, англійская печать въ свою очередь старается доказать что Англія „всѣмъ“ обязана Германіи и что только благодаря германскому канцлеру она пользуется свободой дѣйствій и имѣетъ возможность безпрепятственно распоряжаться на берегахъ Нила. Очевидно что продолжается маневръ къ которому прибѣгнулъ сэръ - Чарлзъ Дилкъ во время послѣднихъ засѣданій Британскаго парламента. Онъ тогда объявилъ лишенными всякаго основанія слухи о союзѣ съ Франціей, имѣющемъ цѣлью противодѣйствовать союзу „восточныхъ державъ,“ и засвидѣтельствовалъ о „сердечномъ сочувствіи“ коимъ Англія пользуется со стороны Германіи и Австріи. Французская печать однако не смутилась этимъ, не очень лестнымъ для французскаго самолюбія, публичнымъ отреченіемъ англійскаго министра и еще усилила свои заискиванія предъ Англіей. Какъ бы въ отвѣтъ на это, газета *Times*, отъ 7 сентября, вновь наговорила князю Бисмарку такую кучу любезностей которыя въ самомъ Берлинѣ показались ужь слишкомъ приторными и вовсе не соотвѣтствующими дѣйствительному положенію дѣлъ. Англійская газета превозноситъ до небесъ миролюбіе Германіи и ту мудрую политику которая, озабочиваясь прежде всего сохраненіемъ европейскаго мира, направила де всѣ свои старанія къ тому чтобы локализовать египетское затрудненіе. Вотъ почему, по словамъ *Times*, Германія разстраивала все что могло бы породить замѣшательство въ Европѣ. Германія удержала де всѣхъ кто имѣлъ желаніе запустить и свою руку въ дѣла Египта, ибо по ея мнѣнію наилучшимъ средствомъ локализовать затрудненіе было предоставить свободу дѣйствій той державѣ которая наиболѣе заинтересована возстановленіемъ порядка въ Египтѣ.

Въ Берлинѣ эти комплименты приняты съ довольно кислою миной. „Мы вовсе не думаемъ,“ замѣчаетъ *Національная Газета* по поводу статьи *Times*, „чтобы Германская нація была довольна еслибы политика нашего правительства была направлена къ тому чтобы развязать руки Англичанамъ и прикрывать ихъ тылъ. Англія можетъ возбудить своими дѣйствіями въ Египтѣ неудовольствіе какъ Франціи такъ и Россіи, и въ этомъ случаѣ мы вовсе не считаемъ себя призванными принуждать эти государства къ бездѣйствію. Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ кто полагаетъ что Египетъ не такая добыча чтобъ отдать ее на съѣденіе одному.“ Названная газета думаетъ что Египетское дѣло должно быть возвращено на рѣшеніе дипломатіи.

За то Англія, повидимому, и не помышляетъ о вердиктѣ европейской дипломатіи. Одновременно съ военною конвенціей съ Турціей, которая наконецъ состоялась, Англія заключила съ ней, какъ говорятъ, еще тайное соглашеніе касательно внутренней организаціи и управленія Египтомъ. Парижскій корреспондентъ газеты *Times* имѣлъ недавно разговоръ съ однимъ Русскимъ, имѣющимъ вѣрныя свѣдѣнія о политикѣ своего правительства, который указалъ ему основанія почему Россія вполнѣ заинтересована чтобы соглашеніе между Англіей и Портой состоялось. Вопервыхъ, такъ доказывалъ русскій собесѣдникъ англійскаго корреспондента, этимъ путемъ Турція была бы изъята изъ-подъ австро-германскаго вліянія, завладѣвшаго въ послѣднее время константинопольскими политическими сферами. Вторымъ послѣдствіемъ было бы то что Франція получивъ свою долю удовлетворенія въ Тунисѣ, а Англія завладѣвъ Египтомъ, стали бы менѣе ревниво относиться къ стремленіямъ Россіи на Черномъ Морѣ и на Босфорѣ. Втретьихъ, Франція, а даже и Англія, гораздо болѣе опасаются усиленія нѣмецкаго вліянія въ Турціи нежели славянскаго элемента. Вчетверыхъ, и это де самое главное, Россія ничего такъ не опасается въ настоящее время какъ возобновленія Восточнаго вопроса путемъ дипломатическимъ или вслѣдствіе военныхъ столкновеній; но Европа не имѣла бы права созывать конгрессъ для рѣшенія вопроса объ организаціи Египта еслибы по этому предмету состоялось соглашеніе Англіи съ султаномъ и хедивомъ и такимъ образомъ Россія была бы

избавлена отъ конгресса „который былъ бы для Россіи пораженіемъ."

Почему именно Россія должна болѣе всего избѣгать конгресса, и какія особенныя опасности онъ представлялъ бы для нея, корреспондентъ не объясняетъ и едва ли могъ бы объяснить. Можно, напротивъ, думать что положеніе которое заняла бы Россія на конгрессѣ по поводу египетскихъ дѣлъ доставило бы ей удовлетвореніе за все то что Европейскій ареопагъ заставилъ ее претерпѣть въ 1878 году въ Берлинѣ. Англія, предполагая что египетская кампанія окончится для нея столь же побѣдоносно какъ русскій походъ за Балканы, очутилась бы на конгрессѣ въ томъ самомъ положеніи въ какомъ была Россія четыре года тому назадъ, и если Санъ-Стефанскій трактатъ, заключенный открыто и согласно съ законами войны, не избавилъ Россію отъ подсудности Европейскому ареопагу, то тѣмъ менѣе могла бы Англія уклониться отъ этого суда подъ предлогомъ „тайнаго" соглашенія. Едва ли однако есть надобность воспользоваться выгодой теперешняго положенія Россіи въ видахъ именно такого удовлетворенія; не думаемъ также что Россія имѣетъ право призывать Англію къ повиновенію Европѣ на томъ основаніи что и Россія въ свое время „преклонилась предъ святостью трактатовъ." Международные трактаты, какъ и договоры частныхъ лицъ между собою, могутъ подвергнуться совершенно легальнымъ образомъ измѣненію коль скоро на это послѣдовало соглашеніе между сторонами. Сверхъ того, трактаты упраздняются силой войны, которая въ свою очередь становится источникомъ для новыхъ международныхъ соглашеній. Санъ-Стефанскій договоръ былъ актомъ легальнымъ съ точки зрѣнія международнаго права, и однако Берлинскій конгрессъ съ нимъ не поцеремонился. Позволительно думать, поэтому, что и Берлинскій трактатъ не есть актъ безусловно и навѣки неприкосновенный, не смотря на то что въ немъ участвовали всѣ великія державы. Парижскій трактатъ 1856 года также заключенъ былъ при участіи всей Европы; къ тому же Россія подчинилась ему послѣ несчастной для нея войны. Тѣмъ не менѣе Россія отреклась же въ 1871 году отъ нѣкоторыхъ ограниченій возложенныхъ на нее этимъ тактатомъ, не встрѣтивъ ни съ чьей стороны протеста.

№ 245.

Москва, 3-го сентября.

А.

Отъ полноты русскаго чувства благодаримъ почтеннаго предсѣдателя Славянскаго Комитета, К. Н. Бестужева-Рюмина, за его прекрасное, вѣрное, хорошо прочувствованное слово въ привѣтъ князю Черногорскому. Всякій Русскій узнаетъ свое чувство въ этомъ привѣтственномъ словѣ, и такъ же отзовется во глубинѣ души на отвѣтную рѣчь князя Николая

Сказанное сказано предъ цѣлымъ міромъ. Намъ не зачѣмъ таить извѣстнаго всѣмъ и всѣмъ понятнаго чувства, которое соединяетъ насъ съ единовѣрными доблестными братьями нашими. „Богъ мнѣ свидѣтель," сказалъ князь Черногорскій, „что я „остался вѣренъ и буду вѣренъ Русскому „народу и идеѣ которая имъ выражается." Что сказалъ князь то скажетъ и каждый изъ его юнаковъ. Въ словахъ этихъ нѣтъ ни задора, ни вызова: въ нихъ спокойная правда, которая никому не опасна, но за себя постоитъ.

Уже нѣсколько дней гоститъ князь Николай въ нашей сѣверной столицѣ. Скоро, говорятъ, будетъ онъ и къ намъ въ Москву. Нельзя не порадоваться доброму пріему который былъ оказанъ ему въ Петербургѣ. Даже въ печати тамошней не было, кажется, фальшивыхъ нотъ. Лукавое и гадкое не рѣшилось сказаться...

Нѣтъ, сказалось, и сказалось, увы! въ Москвѣ. Здѣсь завелся органъ „польской справы" на средства „либерала" украшающаго собою московское торговое сословіе. Этотъ органъ имѣетъ по крайней мѣрѣ то достоинство что во всемъ остается вѣренъ себѣ. Злобно наругавшись надъ русскими Галичанами за то что они любятъ Россію и тяготѣютъ къ православію, этотъ почтенный органъ не можетъ, конечно, сочувствовать и тому что Черногорцы „вѣрны Русскому народу" и что Россія вѣрна имъ.

Воздавъ хвалу австрійскимъ и германскимъ газетамъ занимающимся, въ противоположность русской печати, „серіозными и интересными разсужденіями о значеніи поѣздки Черногорскаго князя и о поведеніи черногорской *прессы* относительно Австро-Венгріи," московскій органъ

„польской справы“ выводитъ изъ этого довольно неожиданное заключеніе что иностранная *пресса* обнаруживаетъ гораздо большее знакомство со славянскими землями нежели печать „русско-славянская.“ Незнакомство Русскихъ со Славянами повело, по словамъ этого почтеннаго органа, къ обильнымъ разочарованіямъ, которымъ пора де пожелать конца, а конецъ этотъ настанетъ де только тогда „когда на мѣсто традиціонныхъ суевѣрій (sic), довѣрій и привычекъ относительно Славянъ, появится знакомство съ ихъ потребностями и условіями быта.“

Русскій Курьеръ утверждаетъ что господствующее въ Россіи убѣжденіе, что она призвана охранять Черногорію отъ вліянія сосѣднихъ съ нею государствъ, можетъ повести къ войнѣ, и пугаетъ насъ жертвами какихъ война потребуетъ. Г. Ланинъ, или его прикащики, признаютъ что Черногорія нуждается въ посторонней помощи, но она можетъ де получить таковую отнюдь не отъ Россіи „по горло погрязшей въ хлопотахъ о собственномъ благоустройствѣ и не могущей похвалиться еще какими-либо осязательными результатами, а быть-можетъ отъ другихъ, *болѣе благоустроенныхъ*, государствъ.“ Какую услугу можетъ оказать Черногоріи благоустроенная Австро-Венгрія, объ этомъ *Русскій Курьеръ* благоразумно умалчиваетъ...

Особенное неудовольствіе газеты г. Ланина возбуждаетъ то обстоятельство что тонъ черногорскихъ газетъ (г. Ланинъ полагаетъ что въ княжествѣ Черногорскомъ издается нѣсколько газетъ, а не одна только официальная, *Гласъ Черногорца*) сдѣлался „выразительнымъ и дерзкимъ“ по отношенію къ Австро-Венгріи, и что среди Черногорцевъ господствуетъ „пагубное убѣжденіе“ что всякое посягательство на Черногорію повело бы къ войнѣ съ Россіей. Они должны де быть увѣрены что Россія поддержать ихъ не въ состояніи.

Поддержать Черногорію противъ посягательствъ какой бы то ни было державы есть священная обязанность Россіи, а также дѣло политической мудрости.

Поддержка Черногоріи не означаетъ непремѣнно войны съ Австріей, которая имѣетъ болѣе основаній опасаться столкновенія съ Россіей нежели Россія съ Австро-Венгріей.

Извѣстнаго сорта партіи находятъ свой разчетъ въ томъ чтобы глумиться надъ тѣми великими моментами нашей исторіи когда высоко поднимался нашъ народный духъ. Этимъ партіямъ не по душѣ когда дѣйствія правительства сообразуются съ исторіей и духомъ народа, когда вслѣдствіе этого мощь и вліяніе Россіи возвышаются. Минувшую войну съ ея геройскими подвигами, идею, во имя коей была начата эта война, великіе результаты ею достигнутые, онѣ стараются представить лишеннымъ смысла шутовствомъ, будто бы разорившимъ Россію... Это ихъ разчетъ.

Б.

Праздникъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ, описанный въ послѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, переноситъ насъ за десять, за девять лѣтъ предъ симъ. Тогда былъ въ ходу женскій вопросъ,—вопросъ о высшемъ образованіи женщины. Нездоровое повѣтріе гнало со всѣхъ концовъ Россіи молодыхъ дѣвицъ ко дверямъ университетовъ, за границу, въ Швейцарію, въ Цюрихъ. Злонамѣренная агитація была главнымъ образомъ направлена на школу, на учащуюся молодежь, на женщину. Сколько юныхъ существованій было загублено гнуснѣйшимъ изъ обмановъ, который овладѣвая добрыми порывами не оперившихся умовъ увлекалъ свои жертвы въ невылазное болото разврата и преступленій! Но въ то время, съ Божіею помощію, совершилось глубокое и рѣшительное преобразованіе русской школы, которымъ спасено наше будущее. Въ то же время возникъ и первый опытъ правильнаго уравненія женскаго образованія съ мужскимъ въ гимназіи г-жи Фишеръ. Еще до открытія этого учебнаго заведенія, въ началѣ іюля 1872 года, мы привѣтствовали предпріятіе г-жи Фишеръ и сулили ему полный успѣхъ. „Учебное дѣло, писали мы въ № отъ 2 іюня 1872, у насъ есть дѣло новое и пока еще очень слабое. Нѣтъ у насъ тѣхъ могущественныхъ, выработанныхъ исторіей силъ какими держится оно на высотѣ въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ Европы. Исторія нашего учебнаго дѣла представляетъ лишь рядъ разрушеній и колебаній. Что и было у насъ обѣщавшаго прочное развитіе, то было сломано и почти не оставило слѣдовъ. У насъ нѣтъ ни педагогическихъ преданій, ни школъ въ которыхъ уставы

восходили бы далѣе вчерашняго дня...“ Вотъ почему у насъ было бы особенно важно внести интеллектуальный интересъ въ нѣдра семьи и въ ней найти опору для высшаго образованія. А въ семьѣ интересъ этотъ можетъ утвердиться только чрезъ женщину. Было бы желательно чтобы матери семействъ были не чужды высшимъ интересамъ науки и просвѣщенной педагогической опытности и чтобъ онѣ сами умѣли отличать истинные пути образованія отъ ложныхъ. Правильное и основательное образованіе не умалитъ женскаго въ женщинѣ; напротивъ, свойственныя ей качества могутъ отъ того получить лишь новое прекрасное развитіе...“

Опытъ удался сразу. Чрезъ годъ въ сентябрѣ 1873 года, по поводу первой годовщины гимназіи г-жи Фишеръ, мы могли съ полнымъ убѣжденіемъ высказать рядъ соображеній о женскомъ образованіи, которыя считаемъ не лишнимъ повторить и теперь, послѣ десятилѣтней годовщины этого учебнаго заведенія, давшей уже четыре выпуска дѣвицъ окончившихъ полный курсъ не только равносильный классическому курсу мужскихъ гимназій, но быть-можетъ превосходящій его по высотѣ и успѣхамъ учепицъ.

Москва, 1 сентября 1873.

Вопросъ о женскомъ образованіи заслуживаетъ серіознаго вниманія. Нельзя видѣть въ немъ только капризъ времени; надобно признать въ его основѣ существенную потребность, которая дождалась своей очереди и даетъ себя чувствовать въ наше время сильнѣе чѣмъ когда-нибудь. Плохое дѣло расправляться съ возникающими вопросами необращеніемъ на нихъ вниманія; не разумно давать растущей потребности мнимое или шуточное удовлетвореніе. Нельзя также подавлять созрѣвшій вопросъ потому только что имъ овладѣваетъ безуміе, безсмысліе и развратъ; напротивъ, тутъ-то и слѣдуетъ заняться имъ. Надобно дать ему правильное движеніе для того чтобъ онъ не заблудился на дикихъ путяхъ. Надобно направить живую потребность ко благу, иначе она станетъ неизсякаемымъ источникомъ зла.

И что сказать противъ образованія женщины вообще? Можно ли съ какой-либо уважительной точки зрѣнія отвергать его въ принципѣ? Указываютъ на природу женскую, и находятъ что особенности ея пола предназначаютъ ей сферу иную чѣмъ мущинѣ. Но особенности женщины суть особенности человѣческой природы, и если женщина во многихъ отношеніяхъ противоположна мущинѣ, то не для того чтобы во всемъ имѣть чуждый ему удѣлъ, а чтобы во всемъ восполнять его. Въ какой бы сферѣ ни предопредѣляли женщину особенности ея пола, она ни въ чемъ не можетъ считаться изъятою изъ общаго назначенія человѣка или лишенною даровъ его природы. Она столько же человѣкъ какъ и мущина, и въ правѣ сказать о себѣ словами древняго поэта: *человѣкъ есмь, и ничего человѣческаго не считаю себѣ чуждымъ*, давая словамъ этимъ несравненно болѣе глубокое значеніе чѣмъ то съ какимъ могъ произнесть ихъ римскій невольникъ.

Если особенности женской природы указываютъ на сферу дѣятельности преимущественно ей свойственную, то въ этой сферѣ должно находить себѣ мѣсто и примѣненіе все что составляетъ достоинство и силу человѣка. Чѣмъ особливѣе представляемъ мы себѣ удѣлъ женщины, тѣмъ болѣе должны признавать этотъ удѣлъ способнымъ къ принятію и раскрытію всей полноты человѣческихъ совершенствъ. Отводя для женщины особую сферу, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя и права и разумнаго основанія утверждать что сфера эта можетъ обходиться безъ развитія какихъ-либо сторонъ человѣческаго существа; мы не можемъ сказать что для женскаго назначенія достаточно, напримѣръ, какъ говорится, сердца, и нѣтъ надобности въ образованіи ума или въ развитіи воли. Коль скоро мы скажемъ себѣ что женщина въ отведенной ей сферѣ не можетъ проявить всю полноту человѣческой души, то это будетъ равносильно признанію что мы неправильно, несправедливо и неразумно стѣсняемъ ея назначеніе. Женскій удѣлъ понятый въ такомъ смыслѣ былъ бы не предопредѣленіемъ природы, а грубымъ насиліемъ факта, былъ бы тюрьмой, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ въ иныя эпохи и теперь есть въ обществахъ варварскихъ. Обрекать женщину на такую долю значитъ уродовать въ ней образъ Божій.

Наконецъ, говоря о женщинѣ вообще мы не должны забывать что въ дѣйствительности женская природа, какъ и мужская, проявляется въ безчисленномъ раз-

нообразіи индивидуальныхъ характеровъ. Единство общаго типа выражается во многоразличіи и противоположностяхъ. Бываютъ женщины одаренныя значительною силой мысли и волей способною къ далекому разчитанному дѣйствію. Если въ той сферѣ которая отводится женщинѣ нѣтъ мѣста для развитія столь существенныхъ даровъ человѣческой природы, то что же должны дѣлать обладающія ими женщины?

Если есть сфера по преимуществу свойственная женщинѣ, то это конечно семейная. Но кто сказалъ семейство, тотъ сказалъ все. На семьѣ зиждется весь міръ человѣческій; все исходитъ отсюда и все сюда возвращается; здѣсь и родится человѣкъ, и приходитъ въ силу; здѣсь по преимуществу онъ чувствуетъ себя полнымъ существомъ и приходитъ въ равновѣсіе нарушаемое внѣшнею дѣятельностію; здѣсь онъ живой человѣкъ, обновляющій и оживляющій свои силы, а не простой зубецъ машины или ея регуляторъ; здѣсь ищетъ онъ вдохновеній и успокоенія: можетъ ли этотъ внутренній міръ человѣка быть чуждъ чему-нибудь человѣческому? Если женщина находитъ въ этомъ мірѣ свое главное назначеніе, то можно ли отказывать ей въ образованіи какъ дѣлѣ для нея излишнемъ?

Впрочемъ, въ наше время, посреди нашей христіанской цивилизаціи, женщина пользуется полнымъ уваженіемъ и ей въ образованіи не отказываютъ. Ее обучаютъ разнымъ наукамъ, для нея создаютъ особыя учебныя заведенія, которыхъ число растетъ какъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, такъ и у насъ. Однакоже, почему женскому образованію положенъ предѣлъ который другая половина человѣческаго рода далеко оставляетъ за собою? Отчего мущинѣ открыто высшее образованіе, къ которому приготовляютъ его съ дѣтскихъ лѣтъ, а женщину обрекаютъ довольствоваться низшею степенью умственнаго развитія, образованіемъ поверхностнымъ, кое-какимъ? Почему женщина хорошо одаренная не должна восходить на тѣ высоты науки куда поднимаютъ мущину? Не потому ли что назначеніе женщины считаютъ несовмѣстнымъ съ высшимъ образованіемъ? Не потому ли что, ограничивая женщину сферой семейства, полагаютъ что эта сфера не нуждается въ высокомъ умственномъ развитіи? Были времена когда и государство не нуждалось въ высшемъ образованіи, недавно и для мущины на всѣхъ поприщахъ его дѣятельности казалось достаточнымъ кое-какое образованіе; но въ наше время ни одинъ народъ не можетъ безнаказанно отставать отъ другихъ въ этомъ отношеніи. Образованіе стало необходимостію, а за отсутствіемъ условій правильнаго образованія возникаетъ фальшивое подобіе его, которое умножаетъ не силу, а безсиліе и въ обществѣ, и въ семьѣ, и въ человѣкѣ.

Можемъ ли мы по совѣсти сказать что семейный бытъ въ современныхъ цивилизованныхъ обществахъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и дѣйствительно ли мы убѣждены что въ этой сферѣ все обстоитъ благополучно и что многое зло замѣчаемое нами въ современномъ мірѣ не имѣетъ своимъ источникомъ пренебреженія въ какомъ доселѣ находится женское образованіе не только у насъ, но и въ другихъ гораздо болѣе образованныхъ странахъ Европы? Въ сравненіи съ мущиной, женщину называютъ существомъ слабымъ; но развѣ изъ той школы гдѣ воспитывается будущая мать семейства, домохозяйка, помощница мужа и часто законодательница общественнаго мнѣнія, развѣ изъ этой школы можно выносить силу? И хорошо еще если образованіе получаемое женщиной остается лишеннымъ силы; несравненно хуже если ей подъ видомъ высшаго образованія прививается немощь. Въ заботахъ о женскомъ образованіи, не продолжаемъ ли мы рядить ее въ красивые лоскутки для нашей потѣхи, не заботясь о возвышеніи ея собственнаго достоинства.

Нечего опасаться основательнаго образованія и стѣснять его предѣлы. Пусть женщина идетъ здѣсь наравнѣ съ мущиной: она пріобрѣтетъ силу которая вездѣ ей пригодится и во всемъ возвыситъ ея внутреннее достоинство. Если міръ домашняго быта есть сфера по преимуществу свойственная женщинѣ, то это не значитъ чтобы женщина была непремѣнно обязана ограничиваться кругомъ заботъ предписанныхъ ей старымъ Домостроемъ. Если въ низшемъ быту жена бываетъ помощницей мужа во всѣхъ его трудахъ, то почему же не можетъ она быть опорой ему въ высшихъ сферахъ дѣятельности, гдѣ требуется зрѣлая мысль, образованный умъ?

Но ошибочно и неправильно заключеніе будто все что носитъ на себѣ образъ женщины должно непремѣнно имѣть одинаковый удѣлъ и оставаться безвыходно въ сферѣ семейной дѣятельности. Семейство семействомъ, но нѣтъ основанія исключать женщину изъ высшихъ общественныхъ профессій. Если мущина видитъ свое призваніе въ дѣятельности общественной, то вѣдь онъ не отрекается же отъ семейнаго быта, отъ семейныхъ дѣлъ и заботъ. Будучи дѣятелемъ общественнымъ и государственнымъ, онъ тѣмъ не менѣе остается же семьяниномъ. Точно также и женщина: пусть она призвана главнымъ образомъ дѣйствовать въ семействѣ, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ она не могла имѣть своей доли и въ общественныхъ призваніяхъ разнаго рода. Къ тому же, всякая ли женщина становится хозяйкой своего дома, матерью своего семейства? Не бываетъ ли вездѣ и всегда множество женщинъ не причастныхъ счастью и заботамъ семейной жизни? Должны ли эти, часто по случайнымъ причинамъ лишенныя своей доли въ семейной жизни, оставаться, подобно паріямъ, лишеннымъ всякой доли? Бываетъ всегда много женщинъ рожденныхъ въ лучшихъ условіяхъ и получившихъ воспитаніе для жизни въ общественныхъ высшихъ сферахъ, но оставшихся безъ куска хлѣба. Должны ли онѣ непремѣнно, чтобы снискивать себѣ хлѣбъ, идти въ кухарки или швеи, находя всѣ высшія профессіи закрытыми для себя? Для чего же это? Справедливо ли это относительно лицъ, и полезно ли для общества? Что касается послѣдняго вопроса, — вопроса объ общественной пользѣ, — то мы не можемъ не замѣтить что онъ въ нашемъ отечествѣ имѣетъ особое значеніе. Въ другихъ странахъ, быть-можетъ, слишкомъ чувствуется избытокъ людей; у насъ, напротивъ, все страдаетъ и изнемогаетъ отъ безлюдья. За что мы ни хватимся, вездѣ оказывается недостатокъ въ годныхъ къ дѣлу людяхъ. Намъ ли обрекать массу живыхъ нравственныхъ силъ на бездѣйствіе? Намъ ли отвергать женскій трудъ? А надобно замѣтить что женскій трудъ, omnibus caeteris paribus, у насъ часто бываетъ добросовѣстнѣе и отчетливѣе мужскаго. До послѣдняго времени условія образованія были равно плохи какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ, и въ этомъ отношеніи обѣ половины человѣческаго рода были у насъ почти уравнены, и однако между нашими образованными женщинами, чаще чѣмъ между нашими образованными кавалерами, даже съ ихъ университетскимъ дополненіемъ, встрѣчался дѣльный, здравый и возвышенный умъ. Право, говоря вообще, женщина у насъ лучше чѣмъ мущина, и мы готовы думать что всякое дѣло въ ея рукахъ, при надлежащей подготовкѣ, будетъ спориться по крайней мѣрѣ не хуже чѣмъ въ мужскихъ и исполняться съ большею честностью. Мы увѣрены что отъ хорошаго женскаго труда наша наука могла бы только выиграть и въ своемъ развитіи, и въ своихъ примѣненіяхъ, и въ своемъ вліяніи на жизнь. Чрезъ женщину она глубже проникла бы въ жизнь и обновляла бы ее въ самихъ источникахъ.

Если политическое поприще менѣе всѣхъ свойственно женщинѣ, то ей могутъ быть открыты профессіи, гдѣ требуется не меньшее образованіе. Ей и теперь открыта педагогическая дѣятельность, и это поприще, столь важное, столь основное, столь плодотворное, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе требующее дѣятелей, — поприще гдѣ наука у себя дома, — можетъ раскрыться для женщины гораздо шире чѣмъ теперь. Нѣтъ ни малѣйшей причины не доброхотствовать развитію женской дѣятельности на этомъ поприщѣ; напротивъ, все заставляетъ желать чтобы женскій трудъ въ этомъ дѣлѣ былъ сколь можно болѣе поощряемъ и чтобъ учебная дѣятельность женщины не ограничивалась низшими степенями, но простиралась и на высшія, а для этого надобно чтобы будущая учительница имѣла возможность сама пройти школу равной силы и высоты съ тою гдѣ готовится будущій учитель.

И у насъ, и въ другихъ странахъ много толкуютъ о допущеніи женщинъ на врачебное поприще. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли женщины заниматься медицинскими науками? Соотвѣтствуетъ ли это занятіе ихъ полу? Чтобы стать врачемъ надобно изучать основательно, подробно и на-голо многое такое что казалось бы должно оставаться вѣчно прикрытымъ для особъ женскаго пола и о чемъ даже неприлично заводить съ ними недвусмысленную рѣчь. Правда, физіологію преподаютъ у насъ даже для дѣвочекъ въ такъ-называемыхъ женскихъ гимназіяхъ; но тамъ это дѣлается не серіозно, только для укра-

шенія ихъ разнообразными познаніями, для забавы... Врачебная же дѣятельность нуждается въ серіозномъ занятіи дѣломъ, и тутъ всѣ церемоніи приходится оставить. Но толки о неудобствѣ для особъ женскаго пола заниматься медицинскими предметами, съ точки зрѣнія приличія, скромности и стыдливости, не имѣютъ основанія. Вопервыхъ, на это самымъ рѣшительнымъ образомъ возражаетъ тотъ фактъ что женщины не только допускаются, но и привлекаются къ занятіямъ самою *неприличною* частью медицинскаго дѣла. Если оказывается не только возможнымъ, но полезнымъ и необходимымъ допускать женщину къ изученію акушерскаго искусства, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія не допускать ее, въ видахъ приличія, къ изученію какого бы то ни было предмета входящаго въ сферу врачебной науки. Затѣмъ, нельзя признать основательными опасенія за нравственность когда рѣчь идетъ о *серіозныхъ* занятіяхъ какимъ бы то ни было предметомъ. Вопросъ не въ предметѣ, а въ духѣ и цѣли занятій. Скромность, стыдливость, цѣломудренность, не пострадаютъ нимало отъ какихъ бы то ни было занятій имѣющихъ дѣльную, добрую и полезную цѣль. Надобно имѣть только обезпеченіе въ дѣльности занятій, каковъ бы ни былъ ихъ предметъ. Есть люди, есть можетъ-быть цѣлыя организованныя шайки развратителей, которые пользуются вопросомъ о женскомъ образованіи какъ средствомъ чинить дурную агитацію въ обществѣ, или завлекать въ свои сѣти и губить молодыя существа не огражденныя достаточно ни своею семейною средой, ни своимъ воспитаніемъ отъ обмана во имя науки. Но, какъ замѣтили мы выше, надобно вырвать у обмана и разврата дѣло которымъ они завладѣли, а для этого надобно привести его въ ясность и поставить въ правильныя условія. Привести же въ ясность этотъ вопросъ очень не трудно: пусть та или другая особа женскаго пола докажетъ что она серіозно хочетъ и можетъ посвятить себя изученію какого бы то ни было спеціальнаго знанія. Наука для всѣхъ равна, ея требованія не могутъ измѣняться или приспособляться къ званію или полу. Она обладаетъ непобѣдимою привлекательностію для тѣхъ кто способенъ понимать ее, но она строга и неуступчива въ своихъ требованіяхъ и не допуститъ никакой галантерейности въ своемъ обращеніи съ дамами. Если женщина претендуетъ на занятіе которое всегда было предметомъ мужской спеціальности, то она должна и подойти къ нему тѣмъ же путемъ какъ мущина. Если женщина считаетъ себя въ умственномъ отношеніи ровней мущинѣ и серіозно домогается одинаковыхъ съ нимъ правъ на образованіе, то она должна доказать это своею способностію и готовностію пройти съ дѣтскихъ лѣтъ тотъ самый путь ученья, который шагъ за шагомъ возводитъ на высоту научнаго образованія. Если есть дѣйствительная потребность въ женскомъ университетѣ, то она должна прежде всего выразиться въ потребности женской гимназіи, не той какія этимъ именемъ фальшиво называются у насъ, но настоящей гимназіи, женской только по полу учащихся, но совершенно мужской по содержанію и объему учебнаго курса.

Вопросъ объ учебной системѣ не имѣетъ въ настоящемъ случаѣ никакого смысла. Споръ о различныхъ системахъ общаго научнаго образованія не имѣлъ смысла и въ то время когда рѣчь шла о преобразованіи мужскихъ гимназій. Противники реформы отнюдь не были озабочены тѣмъ чтобъ изъ нѣсколькихъ системъ выбрать лучшую, болѣе соотвѣтствующую цѣли. Такихъ которые добросовѣстно имѣли въ виду цѣль реформы было между возражателями немного. Такими добросовѣстными возражателями могли быть какіе-нибудь больныя головы или любители экспериментовъ *auf gut Glück*, и особаго рода самолюбивые доктринеры - спорщики которые бываютъ при всякомъ дѣлѣ и которымъ обыкновенно до самаго дѣла и нѣтъ надобности. Всѣ же остальные имѣли въ виду цѣли не только не имѣющія ничего общаго съ интересами науки и образованія въ нашемъ отечествѣ, но прямо имъ противоположныя, чего они и не скрывали. Это была коалиція людей злонамѣренныхъ съ обскурантами, точно также какъ и при крестьянской реформѣ. Цѣль учебной реформы состояла въ томъ чтобы возвысить образованіе въ нашей странѣ и поставить въ этомъ отношеніи русскую народность въ условія равныя съ тѣми народами отъ которыхъ мы нищенски и рабски доселѣ получаемъ наше умственное пропитаніе. Правительство въ Россіи со временъ Петра Великаго всегда заботилось о просвѣщеніи; оно принуждало и поощряло къ ученью, заводило школы всякаго рода, открывало уни-

верситеты и академіи, и тратило большія суммы на содержаніе заведеній посвященныхъ наукамъ. Но никогда правительственныя мѣры у насъ по части просвѣщенія не были такъ соображены съ интересами науки какъ при послѣдней реформѣ, никогда не были онѣ принимаемы столь рѣшительно въ тѣхъ видахъ чтобы положить въ русскомъ народѣ основанія самостоятельному образованію. Въ прежнія времена не доставало яснаго разумѣнія либо цѣли, либо средствъ, и въ своихъ заботахъ о насажденіи науки мы поступали какъ варвары не понимающіе сущности дѣла и бросающіеся на его обстановку; правительственныя мѣры клонились большею частью только къ тому чтобы создать у насъ нѣкоторое наружное подобіе европейскаго образованія, и къ заботамъ о просвѣщеніи нерѣдко примѣшивались опасенія какъ бы не вышло горя отъ ума, и чтобы наука въ серіозномъ, а не шуточномъ развитіи не причинила какого вреда государству. А потому, тратя большія деньги на содержаніе заведеній посвященныхъ наукѣ, мы косвенно заботились о томъ чтобъ ее принизить и обезсилить. Въ виду такой политики, ошибочно-консервативной, пагубно-предохранительной, либеральное мнѣніе у насъ привыкло упрекать правительство въ обскурантизмѣ и съ озлобленіемъ сравнивало безсильное состояніе нашей науки съ ея могущественнымъ процвѣтаніемъ въ другихъ странахъ. Но времена измѣнились. Правительство вступило на путь реформъ о какихъ едва могли мечтать наши отцы и дѣды. Наступила очередь и вопросу о просвѣщеніи, и правительство сочло себя обязаннымъ трактовать его какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ государственныхъ вопросовъ,— быть-можетъ самый существенный,—безъ правильнаго разрѣшенія котораго не возможенъ успѣхъ ни въ чемъ, ничто не можетъ считаться обезпеченнымъ, и самая будущность націи становится хуже чѣмъ сомнительною. Наша общеобразовательная школа находилась въ бѣдственномъ положеніи. При существованіи Министерства Народнаго Просвѣщенія, при болѣе значительномъ чѣмъ гдѣ-либо бюджетѣ по этой части, при многихъ университетахъ и другихъ равноправныхъ имъ высшихъ училищахъ, мы представляли зрѣлище полнаго банкротства въ научномъ отношеніи. Необходимость реформы была самая настоятельная. Однако, и въ виду такой необходимости, правительство не вдругъ принялось за реформу. Надобно было привести вопросъ въ совершенную ясность чтобы разъ навсегда утвердить нашу школу на твердыхъ основаніяхъ. Правительство окружило себя всѣми пособіями для правильнаго разрѣшенія этого вопроса законодательствомъ. Оно хотѣло предварительно изучить его во всѣхъ подробностяхъ и собрать всѣ свѣдѣнія касающіяся учебной части въ наиболѣе просвѣщенныхъ странахъ Европы. Почти пятнадцать лѣтъ длились эти приготовительныя работы. Снаряжались многія коммиссіи для изученія дѣла на мѣстахъ и для разработки проектовъ; при каждой новой фазѣ въ разсмотрѣніи вопроса спрашивали мнѣнія извѣстнѣйшихъ въ Европѣ ученыхъ и педагоговъ. Не было подробности которая не была бы тщательно соображена и взвѣшена. Нигдѣ никакая реформа не подвергалась такому долгому искусу какъ въ наше время учебная въ Россіи. Никто не можетъ сказать чтобы въ дѣлѣ этомъ законодательство наше поступило опрометчиво. Съ полнымъ убѣжденіемъ и совершенною ясностію оно впервые установило начала обученія соотвѣтствующія требованіямъ науки во всей силѣ значенія соединяемаго съ этимъ словомъ, и поставило русскій умъ въ условія развитія приблизительно равныя тѣмъ при какихъ умственныя силы развиваются для цѣлей науки у самыхъ прогрессивныхъ въ этомъ отношеніи націй.

Повторимъ, никогда Русское правительство не принимало мѣры столь соображенной съ интересами науки, столь либеральной въ этомъ отношеніи, столь способствующей дѣйствительному прогрессу, какъ исполненная въ наше время учебная реформа. Еслибъ оно во сто и болѣе разъ тратило денегъ на постройку училищныхъ зданій, на паркеты въ залахъ и на выставку учебныхъ аппаратовъ, оно ни мало не двинуло бы науки въ нашемъ отечествѣ. Наука имѣетъ дѣло съ умомъ, и вся задача состоитъ въ томъ чтобы къ высшему образованію приспѣвали умы дѣйствительно способные овладѣть имъ. Всякій легко пойметъ что одинъ возрастъ не дѣлаетъ людей зрѣлыми къ тому; точно также не дѣлаютъ ихъ къ тому способными одежда или внѣшнія украшенія. Мыслящій человѣкъ пойметъ также что умъ только

поверхностно возбужденный, но не развитый, не укрѣпленный, не пріученный къ правильному труду, — плохое орудіе для усвоенія науки въ высшемъ значеніи этого слова. Слѣдовательно, задача состоитъ въ томъ чтобы для цѣлей науки воспитывать умъ съ дѣтскаго возраста, и не предрѣшая будущей спеціальности учащихся, шагъ за шагомъ развивать ихъ силы выработанными въ продолженіе вѣковъ методами и на испытанныхъ въ своемъ образовательномъ дѣйствіи предметахъ. Учебная реформа удовлетворила этому требованію. Она основала у насъ общеобразовательную школу имѣющую дѣло съ возрастомъ между дѣтствомъ и зрѣлымъ юношествомъ на тѣхъ же самыхъ началахъ какъ въ самыхъ прогрессивныхъ странахъ міра.

Въ старыя времена, когда правительство заставляло дворянскихъ дѣтей учиться грамотѣ и цыфири, Простаковы откровенно протестовали противъ всякаго ученья, видя въ немъ излишнюю обузу. Извощикъ, говорили они, и безъ географіи довезетъ куда нужно. Простаковы нашего времени не безъ хитрости. Они кричатъ что новые порядки придуманы для того чтобы стѣснить развитіе науки: они, видите ли, вступаются за науку. Гимназіи наши переполнены учащимися и вынуждены отказывать въ пріемѣ, вслѣдъ за реформой безпрерывно открываются новыя гимназіи и прогимназіи,—и въ виду этого факта обскуранты, переодѣвшіеся въ ревнителей просвѣщенія, все-таки кричатъ что правительственныя мѣры по учебной части клонятся къ уменьшенію числа учащихся. Чтобъ удовлетворить ихъ, правительство должно было бы пренебречь требованіями науки и забыть объ интересахъ высшаго образованія, пожертвовать будущностью нашей народности, судьбами нашего государства, и вмѣсто всякой реформы объявить что Митрофанушки нашего времени могутъ оставаться на томъ же уровнѣ ученія до какого подтянули ихъ дѣдушекъ Кутейкины, Цыфиркины и Вральманы, и при этомъ пользоваться преимуществами людей ученыхъ. Правительство поступило бы, по мнѣнію этихъ господъ, самымъ просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ образомъ еслибъ оно признало курсъ уѣзднаго училища, съ нѣкоторыми прикрасами, достаточнымъ для поступленія въ университеты.

Но мы возвращаемся къ вопросу о женскомъ образованіи. Если адвокаты этого дѣла дѣйствительно радѣютъ ему, если они не обманываютъ себя или другихъ и искренно убѣждены что женщина столько же способна къ умственному развитію какъ и мущина, то они должны неминуемо требовать такой же точно школы для умственнаго воспитанія дѣвочекъ какая считается необходимою для приготовленія мальчиковъ къ высшему образованію въ университетахъ. Свои права на высшее образованіе женщина можетъ доказать не тѣмъ что острижетъ себѣ волосы, надѣнетъ очки, возьметъ себѣ гражданскаго супруга и заучитъ символъ новой вѣры состоящій въ томъ что человѣкъ есть скотина, а Бога не существуетъ. Все это можетъ быть и очень хорошо, но не имѣетъ ничего общаго съ наукой, которая требуетъ извѣстной степени умственной зрѣлости. Добросовѣстные и искренніе защитники правъ женщины на высшее образованіе должны заботиться о томъ чтобъ она могла воспитываться въ условіяхъ равныхъ съ мущиной, и доказать что она способна проходить съ успѣхомъ ту же воспитательную школу ученаго характера какая считается вообще необходимою для самостоятельнаго занятія наукой. Что могутъ они сказать противъ этого? Скажутъ ли они что такая школа слишкомъ *учена* для дѣвочекъ, или имъ не подъ силу? Но это значило бы опровергать свой же тезисъ. Скажутъ ли они что не вѣрятъ въ принятую для приготовительной школы систему и думаютъ что той же цѣли можно достигать другимъ путемъ? Но они еще разъ обличатъ свою несостоятельность: рѣчь идетъ не о прінсканіи какой-либо иной системы, а объ уравненіи условій женскаго образованія съ мужскимъ. Допустимъ что когда-нибудь придумаютъ лучшую систему гимназическаго курса,—но рѣчь идетъ не о томъ чтобы женщина училась по лучшей чѣмъ мущина системѣ, а по совершенно равной съ нимъ, и достигала равныхъ съ нимъ результатовъ. Въ дѣйствительности существуетъ только одна учебная система приготовляющая къ высшему образованію. Возможна ли еще иная система, это во всякомъ случаѣ только вопросъ (для людей понимающихъ даже и не вопросъ); несомнѣнный же фактъ состоитъ въ томъ что уже существуетъ достаточно хорошая система которая находится въ основаніи всего современнаго развитія наукъ и знаній, уже имѣется при-

готовительная школа достаточно достигающая цѣли, ибо изъ нея выходитъ высшая интеллигенція всѣхъ образованныхъ странъ міра. Другой равносильной учебно-воспитательной системы на дѣлѣ не существуетъ, а потому для уравненія женскаго образованія съ мужскимъ—не въ фантазіи, а на дѣлѣ,—надобно чтобы дѣвочки предназначаемыя къ высшему образованію проходили ту же предварительную школу ученаго характера, которую проходятъ мальчики при томъ же назначеніи.

Мы не позволили бы себѣ поднимать вопросъ о женскомъ образованіи въ нашемъ отечествѣ еслибы потребность въ немъ ознаменовалась только появленіемъ *стриженыхъ студентокъ*. Но есть признаки серіознаго и уважительнаго свойства, которые показываютъ что потребность въ женскомъ образованіи не есть только напускное, фальшивое, налганное дѣло, а начинаетъ дѣйствительно чувствоваться въ нѣдрахъ нашего общества, какъ и въ другихъ странахъ. Учебная реформа была плодотворна и въ этомъ отношеніи. Какъ только были установлены правильныя основанія общеобразовательной научной школы, явились попытки воспользоваться ими и для женскаго образованія,—попытки, въ добросовѣстности и дѣльности которыхъ нельзя сомнѣваться. Въ минувшее лѣто привѣтствовали мы открытіе въ Москвѣ женской классической гимназіи. Теперь мы можемъ поздравить это новое предпріятіе съ успѣхомъ, котораго мы и ожидали зная въ какомъ духѣ и съ какими залогами оно начиналось. Основательница гимназіи, С. Н. Фишеръ, была хорошо намъ извѣстна. Довершивъ собственнымъ энергическимъ трудомъ свое образованіе, она пріобрѣла значительную педагогическую опытность приготовляя съ большимъ успѣхомъ мальчиковъ къ поступленію въ средніе классы гимназіи. Г. Б. Фишеръ, мужъ основательницы, одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ преподавателей математики и физики. Не мудрствуя лукаво, г-жа Фишеръ приняла въ основаніе курса женской классической гимназіи учебный планъ установленный для мужскихъ гимназій. Открыты были три класса: приготовительный, первый и второй. Во второй приходилось принимать дѣвочекъ вовсе не учившихся латинскому языку, съ тѣмъ чтобы въ продолженіе одного года пройти съ ними по этому предмету курсъ перваго и втораго класса. Нашлось девять воспитанницъ поступившихъ прямо во второй классъ: число не малое по новости дѣла и особенности условій при какихъ открывался этотъ второй классъ. Но вотъ учебный годъ совершился, и въ минувшемъ іюнѣ, въ женской гимназіи г-жи Фишеръ, происходили испытанія ея ученицъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были и мы, и мы можемъ свидѣтельствовать какъ самовидцы. Ученицы всѣхъ классовъ обнаружили замѣчательные успѣхи по всѣмъ предметамъ курса, и изъ отвѣтовъ ихъ было видно съ какою заботливостью и стараніемъ ведено было обученіе. Пройденное было усвоено ученицами основательно, твердо, отчетливо, и во всемъ былъ виденъ отпечатокъ добросовѣстныхъ занятій, доброкачественнаго труда. Но особенное вниманіе присутствовавшихъ, весьма естественно, было обращено на испытаніе изъ латинскаго языка (какъ въ послѣдствіи, на высшихъ классахъ, греческаго) и успѣхи оказанные ученицами по этому главному предмету курса были поразительны. Чтобы не оставалось никакого сомнѣніи въ серіозности успѣховъ по этой части, каждую ученицу экзаменовали изо всего пройденнаго и держали иногда болѣе чѣмъ по часу. Ихъ распрашивали и переспрашивали въ другой связи и въ новомъ видѣ, ихъ теребили, къ нимъ придирались и заставляли ихъ отдавать отчетъ въ каждой подробности; ихъ испытывали какъ едва ли испытываютъ учащихся въ нашихъ мужскихъ гимназіяхъ. Отвѣты почти всѣхъ, даже слабѣйшихъ, отличались точностію, быстрой, находчивостію, которыя приводили присутствовавшихъ въ изумленіе и могли бы самого отъявленнаго скептика удостовѣрить что къ умственному воспитанію женщины можетъ быть вполнѣ примѣнена точно такая же дисциплина какъ и къ мужскому. Нельзя было не любоваться на этихъ милыхъ дѣвочекъ, съ ихъ цвѣтущими лицами, такъ бодро, такъ увѣренно, такъ весело смотрѣвшими при испытаніяхъ очень нешуточныхъ, очень строгихъ, даже придирчивыхъ. Въ нихъ не было замѣтно не только изнуренія, но и утомленія. На экзаменъ ученицы явились съ тѣми результатами какіе онѣ вынесли изъ цѣлаго года занятій, не прерывавшихся до самыхъ экзаменовъ, такъ что онѣ не проходили чрезъ тотъ лихорадочный кризисъ который называется приготовле-

ніемъ къ экзаменамъ и обыкновенно имѣетъ цѣлью замазать недостатки ученія. Дѣвочки учились серіозно и трудились тѣмъ спокойнымъ, ровнымъ, постепеннымъ трудомъ который поддерживаетъ и укрѣпляетъ силы, а не изнуряетъ ихъ. Опытъ удался блистательно. Но особенно замѣчателенъ результатъ испытанія ученицъ II класса по латинскому языку. Какъ было предположено, онѣ въ одинъ годъ прошли двухлѣтній курсъ. Успѣхи оказанные ими таковы что сдѣлали бы честь ихъ сверстникамъ въ мужскихъ гимназіяхъ, проходившимъ тотъ же курсъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Вотъ разительное доказательство лживости и безсовѣстности агитаціи которая кричитъ о непомѣрности усилій будто бы требуемыхъ новыми учебными порядками въ гимназіяхъ. Если дѣвочки могли въ одинъ годъ, безо всякаго затрудненія и съ полнымъ успѣхомъ, пройти то что въ мужскихъ гимназіяхъ проходится въ два года, то можно ли добросовѣстно сказать что новые порядки въ гимназіяхъ обременяютъ учащихся непосильными занятіями, и не справедливѣе ли изъ сдѣланнаго опыта заключать напротивъ что требованія учебнаго курса въ гимназіяхъ слишкомъ слабы? А все дѣло въ томъ что воспитанницы учебнаго заведенія г-жи Фишеръ не были парализуемы въ своихъ занятіяхъ глупыми насмѣшками надъ латынью и безсмысленными сужденіями о безполезности занятій древними языками, какія ученикамъ мужскихъ учебныхъ заведеній приходится нерѣдко слышать отъ своихъ любезныхъ родителей или родственниковъ. Эти добрые люди, не умѣя взять себѣ въ толкъ зачѣмъ дѣтей ихъ учатъ тому чему они сами не учились, и забывая что если разсуждать такъ, то мы не дошли бы и до простой русской грамоты въ которой наши прадѣды не были горазды, — внушаютъ своимъ дѣтямъ что ихъ учатъ пустякамъ, а потомъ удивляются что дѣти ихъ не дѣлаютъ успѣховъ, и вопіютъ о трудности учебнаго курса и таскаются по редакціямъ газетъ, и подкупаютъ наемныхъ писакъ строчить передовыя статьи противъ учебной реформы...

Ученицы гимназіи г-жи Фишеръ занимаются предметами своего учебнаго курса съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Онѣ гордятся своею школой и удивляются слыша что древніе языки не преподаются въ другихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. „Чему же тамъ учатъ?“ спрашиваютъ онѣ съ недоумѣніемъ. Онѣ инстинктивно чувствуютъ какой пробѣлъ остался бы въ ихъ ученіи безъ этой pièce de résistance, какъ пусто и малосильно было бы ученье безъ этого основнаго предмета...

Ото всей души желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ женской классической гимназіи г-жи Фишеръ. Съ ея успѣхомъ связанъ вопросъ о серіозномъ женскомъ образованіи въ нашемъ отечествѣ. Тѣ изъ ея ученицъ которыя, Богъ дастъ, совершатъ полный установленный въ ней курсъ ученія будутъ имѣть несомнѣнныя права на всякую ученую специальность. Предъ ними сами собой растворятся настежь всякія двери. Имъ можно будетъ смѣло предоставить полную свободу въ выборѣ дѣятельности. Такія сумѣютъ не взяться не за свое дѣло, а за какое возьмутся, то поведутъ хорошо. Гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, богатство историческаго матеріала вынесенное прямо изъ источниковъ, сокровище идей и образовъ почерпнутыхъ въ величайшихъ произведеніяхъ человѣческаго разумѣнія и творчества, непосредственное знакомство съ основными элементами всемірной цивилизаціи, мысль воспитанная практически на логикѣ совершеннѣйшихъ словесныхъ организмовъ, способная различать мельчайшіе оттѣнки смысла и восходить до самыхъ широкихъ обобщеній, сохраняя постоянный контроль надъ собою, наконецъ благородный навыкъ къ умственному труду обратившемуся въ потребность и ставшему источникомъ высшихъ наслажденій, вотъ плоды которые при успѣшномъ ходѣ дѣла вынесутъ онѣ изъ своего учебнаго курса. Особенности женской природы ни мало не потерпятъ ущерба, который былъ бы послѣдствіемъ ученія односторонняго, сосредоточеннаго напримѣръ исключительно на математическихъ наукахъ. Все что есть цѣннаго въ особенностяхъ женскаго ума сохранится и еще явственнѣе выразится. Правильно развитый и образованный умъ облагородитъ и возвыситъ инстинкты женскаго сердца, не ослабляя ихъ. Ясное и твердое разумѣніе послужитъ женщинѣ надежною опорой среди искушеній и испытаній. Зажженный свѣточъ поможетъ ей найтись во всякомъ положеніи и на всякомъ пути. И въ семьѣ, и въ обществѣ, ея вліяніе можетъ быть обильно

послѣдствіями для успѣховъ нашей цивилизаціи и для исполненія нашего народнаго призванія въ историческомъ мірѣ,— призванія которому очередь близится... Истинно образованная женщина, съ развитыми умственными интересами, съ самостоятельною мыслію способная восполнить мужское дѣло не въ одномъ чернорабочемъ трудѣ, но и въ умственномъ, не можетъ не стать истиннымъ благомъ для той общественной среды гдѣ она появится въ значительномъ числѣ разнообразныхъ характеровъ и призваній.

Но и тѣ изъ воспитанницъ школы, подобной учебному заведенію г-жи Фишеръ, которыя по обстоятельствамъ не были бы въ возможности окончить полный курсъ ея ученія вынесутъ изъ нея, перейдя за половину, существенную для себя пользу,— гораздо болѣе существенную чѣмъ результаты оконченнаго курса во всякой другаго рода школѣ.

—

№ 246.

Москва, 4-го сентября.

Послушайте съ какимъ добродѣтельнымъ негодованіемъ наши прогрессисты и либералы, наши адвокаты и журналисты вопіютъ о казнокрадствахъ и хищеніяхъ, съ какимъ пыломъ охотятся на интендантовъ и инженеровъ! Наивная публика можетъ подумать что эти суровые Катоны въ самомъ дѣлѣ ревнуютъ о чистотѣ нравовъ и пользѣ общественной, что имъ въ самомъ дѣлѣ противно воровство, хищеніе и мошенничество. Какая была бы это ошибка!

Говорятъ, наши дѣла пойдутъ какъ нельзя лучше если въ силу знаменитаго циркуляра графа Лорисъ-Меликова общество будетъ призвано къ содѣйствію правительству. Но въ дѣлѣ преслѣдованія хищеній общество уже призвано къ содѣйствію. У насъ есть судебное сословіе которое ни отъ кого не зависитъ; у насъ есть институтъ присяжныхъ. Самодержавные судьи и люди взятые изъ общества судятъ на всей своей волѣ, безповоротно и безконтрольно, всякія дѣла и дѣла о хищеніяхъ. И что же? Никогда хищенія такъ не процвѣтали какъ въ наши дни; люди общества не только выгораживаютъ преступниковъ по этой части, но и самое преступленіе въ принципѣ обѣляютъ и оправдываютъ. Если же достается интендантамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, то не столько за преступленіе въ которомъ они уличены сколько за ихъ званіе; въ ихъ лицѣ караютъ не преступниковъ, а чиновниковъ, потому что другіе виновные въ дѣлахъ того же рода не признаются виновными. Недавно обращали мы вниманіе нашихъ читателей на скандалъ подобнаго оправданія въ Петербургскомъ окружномъ судѣ. Судебный приставъ похитилъ у сиротъ значительную сумму денегъ ввѣренную его храненію. Фактъ похищенія не подлежалъ никакому сомнѣнію и признанъ присяжными, причемъ никакихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ не оказалось; но виновникъ факта признанъ невиновнымъ, то-есть самый фактъ признанъ не преступнымъ. Похитилъ ли такой-то такую-то сумму? спрашиваетъ судъ у общества. Да, похитилъ, отвѣчаетъ общество. Если похитилъ, продолжаетъ вопрошать пытливый судъ у того же общества, то виновенъ ли онъ? Нѣтъ, не виновенъ, отвѣчаетъ общество. Что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ что воровство есть фактъ, а не преступленіе. Коль скоро это такъ, то почему же и интендантамъ и всякаго рода администраторамъ пренебрегать стяжаніемъ которое „общественная совѣсть" признаетъ не преступнымъ? Почему же нужно каратъ интенданта за дѣло изъ котораго выходитъ чистъ судебный приставъ? Или воровство есть привилегія избранныхъ, и однимъ предоставляется право воровать, другимъ нѣтъ? Судебнымъ приставамъ, напримѣръ, воровать позволительно, а интендантамъ нѣтъ? Органы гласности, которые ежедневно вопіютъ о хищеніяхъ и казнокрадствѣ и требуютъ измѣненія всего нашего государственнаго строя для истребленія административныхъ *кузекъ* и *жучковъ*, остаются спокойны и веселы когда преступленія этого рода оправдываются судами и призываемою къ содѣйствію имъ общественною совѣстью. Что еслибъ „эта общественная совѣсть" овладѣла и всѣми другими нашими дѣлами?

Предоставлять сборной толпѣ дѣло правосудія, законодательства, управленія, значитъ бросать дѣло на произволъ стихіи. Толпа не человѣкъ; у ней совѣсти нѣтъ. Толпа повинуется толчку извнѣ, и если у ея нѣтъ явнаго вождя, отвѣтственнаго за ея направленіе и дѣйствія, то она неиз-

бѣжно подчиняется безотвѣтственнымъ погонщикамъ. Да избавитъ насъ Богъ во всѣхъ дѣлахъ нашихъ отъ власти толпы и отъ безотвѣтственныхъ погонщиковъ!

До сихъ поръ у насъ, какъ и вездѣ,— положимъ, у насъ больше чѣмъ гдѣ-либо, — чинились хищенія и злоупотребленія всякаго рода; но никогда дѣло не доходило до того чтобы само преступленіе торжественно оправдывалось и освящалось. А теперь мы видимъ что дѣло по законамъ всѣхъ временъ и странъ преступное чуть не возводится въ правило. Законъ которымъ поддерживается нравственный порядокъ между людьми фактически отмѣняется. Говорятъ о злоупотребленіяхъ, а попробуйте заикнуться о необходимости дисциплины, безъ которой не можетъ держаться никакое общество и правильно дѣйствовать никакая администрація, и вся шайка этихъ молодцовъ завопитъ: „бюрократія, полицейскія мѣры, Аракчеевщина!“

Если прислушаться къ ходячимъ толкамъ, то подумаешь что мы задыхаемся отъ излишества правительственнаго дѣйствія, и что правительство у насъ все во всемъ. На дѣлѣ же совершенно наоборотъ: именно то чего намъ не достаетъ и есть правительство. Мы страдаемъ не полнокровіемъ правительственнымъ, а развѣ анеміей и отъ того нервностію. Правда, у насъ есть многочисленныя правительственныя мѣста и лица; но выражаютъ ли они собою правительство, то-есть исполняютъ ли они обязанности правительства, дѣйствуютъ ли въ томъ духѣ и тѣхъ интересахъ которые правительство призвано блюсти и развивать, служатъ ли цѣлямъ правительства,—это другой вопросъ. Если у насъ есть поводъ на что жаловаться и сѣтовать, то конечно не на излишнюю ревность правительственныхъ мѣстъ и лицъ въ исполненіи своего долга, а развѣ на то что они слишкомъ эмаципировались отъ правительственнаго долга...

У насъ сложилось мнѣніе будто прогрессъ и либерализмъ состоитъ не въ улучшеніи, а въ упраздненіи правительства. Сложилось мнѣніе будто правительство въ существѣ своемъ есть темная сила, отъ которой надо избавляться, если не вдругъ то постепенно. Мнѣніе это овладѣло нашими интеллигентными и par tant правительственными сферами. Подъ вліяніемъ этой мысли, агенты власти могутъ легко въ своей совѣсти оправдывать всякое свое небреженіе и уклоненіе въ дѣлѣ службы. Правительственныя лица у насъ не рѣдко озабочены не тѣмъ чтобы дѣйствовать возможно лучшимъ образомъ съ точки зрѣнія правительства своей страны, а чтобъ отпихивать его, будто зловредное чудище, какъ можно далѣе. Бывали (говоримъ *бывали*, чтобы не затронуть кого-либо въ настоящемъ, и именъ не называемъ: nomina sunt odiosa),—бывали администраторы на высокихъ ступеняхъ государственной іерархіи которые думали возвысить свою фигуру цѣной униженія правительства въ своемъ лицѣ...

И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, правительство, аки темная сила, отступило по всей линіи и скрылось изъ виду, хотя всѣ правительственные посты заняты и число ихъ не умалилось.

Посмотримъ ближе. Вотъ одинъ изъ великихъ интересовъ государства: образованіе избраннаго юношества, изъ котораго должны выходить руководители, правители, наставники народа, его свѣтъ и разумѣніе. Не требуется ли живая государственная функція при этомъ дѣлѣ? Не должно ли правительство считать своею священною заботой веденіе этого дѣла, такъ чтобъ оно давало возможно лучшіе результаты? Не слѣдуетъ ли ожидать сосредоточенія на этомъ пунктѣ всей энергіи, всего разумѣнія, какими только можетъ располагать правительство въ данный моментъ, въ данной странѣ? Что же однако видимъ мы на дѣлѣ? Правительственныя учрежденія имѣющія отношеніе къ этому предмету существуютъ, и всѣ они что-то дѣлаютъ. Но приняты мѣры чтобы высшее образованіе нашего юношества было по возможности эманципировано отъ государства и отдано въ полное распоряженіе безотвѣтственнымъ коллегіямъ состоящимъ изъ неизвѣстныхъ правительству чиновниковъ. Имъ переданы всѣ полномочія правительства, а собственно правительственныя учрежденія служатъ только машиной утверждающею постановленія этихъ самовластныхъ коллегій. Правительство упразднено въ этомъ важномъ вопросѣ, но чуть ли еще не болѣе считается оно упраздненнымъ и въ другомъ, великомъ, всеобъемлющемъ государственномъ дѣлѣ,—дѣлѣ правосудія, которое также передано плотно связанной, сверху до низу, de facto самопополняющейся, самодержавной корпораціи, не просто независимой отъ параллельныхъ вла-

стей, но мнящейся самодержавною, то-есть независимой отъ верховной въ государствѣ власти. Нѣтъ человѣка который не былъ бы заинтересованъ дѣломъ правосудія, и вотъ весь народъ, въ самыхъ жизненныхъ интересахъ своихъ, отданъ въ безконтрольное завѣдываніе корпораціи которая сама подъ судъ отдаетъ, сама судитъ, сама повѣряетъ свои рѣшенія, сама толкуетъ законы (и стало-быть въ нѣкоторомъ смыслѣ законодательствуетъ), и никому далѣе не отдаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчета.

Печать есть, безъ сомнѣнія, общественная сила. Можно презирать ту или другую газету, но нельзя отрицать производимаго ею дѣйствія. Лица имѣющія право обращаться къ публикѣ съ печатнымъ словомъ обладаютъ талисманомъ, благодаря которому въ одинъ и тотъ же мигъ десятки, сотни тысячъ людей, въ разныхъ концахъ обширной страны, направляются на тотъ или другой предметъ и настраиваются на тотъ или другой ладъ. Присутствуетъ ли правительство, въ истинномъ смыслѣ этого слова, при игрѣ на этомъ общественномъ инструментѣ? Правительственныя учрежденія для надзора за печатью не только не уменьшились въ числѣ, но увеличились. Сооружено громадное многоэтажное зданіе для этой цѣли, содержаніе котораго стоитъ казнѣ не малыхъ денегъ: ценэора, цензурные комитеты, главное управленіе печати, начальникъ надъ нимъ, наконецъ министръ. Но можно ли, повторяемъ, сказать что правительство присутствуетъ при этой игрѣ именуемой печатью? Правительственныя учрежденія существуютъ, но правительство также упразднило себя въ дѣлѣ печати какъ и въ другихъ государственныхъ интересахъ. Наглый обманъ, гнусное безчинство могутъ систематически эксплуатировать публику и распространять ложь въ беззащитныхъ массахъ. Всѣ это видятъ, и всѣ склоняются предъ этимъ зломъ какъ предъ роковою необходимостью. Правительственныя учрежденія надзирающія за печатью обнаруживали обыкновенно признаки жизни когда печать бывало скажетъ что-нибудь не кстати для ихъ начальства, но ей предоставляется полная возможность оскорблять всѣ права, нарушать всѣ приличія, возбуждать дурныя страсти, распространять систематическій обманъ и завзятую ложь, и служить орудіемъ интригъ враждебныхъ государству. Если правительство не хочетъ во все это вступаться, такъ зачѣмъ же существуютъ всѣ эти цензурныя учрежденія? Зачѣмъ требуется имѣть правительственное разрѣшеніе на то чтобы публично безчинствовать и распространять ложь въ народѣ? Цензурныя учрежденія, яко бы надзирающія за печатью, придаютъ санкцію этимъ злоупотребленіямъ, авторитетъ этимъ обманамъ и усиливаютъ ихъ дѣйствіе. Отреченіе правительства отъ своихъ обязанностей, какъ въ этомъ случаѣ такъ и вообще, не снимаетъ съ него отвѣтственности. Оно не можетъ сказать: я не виновато если учащееся въ моихъ университетахъ юношество выходитъ не такимъ какимъ желательно было бы видѣть его: это дѣло коллегій которымъ я сдало всѣ мои полномочія, и если результаты плохи, то вина ихъ, а не моя. Зачѣмъ же сдало свои полномочія? Точно также не можетъ оно сказать: какое мнѣ дѣло что творится въ судебномъ мірѣ, я тутъ ни при чемъ. Точно также не можетъ сказать какое мнѣ дѣло что народъ на публичныхъ дорогахъ подвергается разбою, безчинству и обману? Я, въ силу прогресса, устраняюсь, всему и всѣмъ даю свободу.

Свобода! Свобода есть не только пошлое слово, но и дѣло великое. Обезпеченіе свободы есть главная цѣль государства, но именно ради обезпеченія свободы въ человѣческомъ общежитіи правительство и должно энергически присутствовать вездѣ и во всемъ, не допуская самовластія и насилія. Вся коепринудительное дѣйствіе, все обязательное, должно зависѣть отъ него и совершаться не иначе какъ подъ его строжайшимъ контролемъ. Правительство должно быть живою, неослабною силой государства и руководиться единственно благомъ великаго цѣлаго. Восходя къ источнику всякой власти, къ верховному началу, и возвышаясь надо всѣми группами интересовъ и надо всѣми властями, оно распредѣляетъ всѣ отправленія государственной жизни, указываетъ предѣлы каждой власти и блюдетъ за исполненіемъ всякой установленной государствомъ обязанности. Бездѣйствіе правительства сопровождается своеволіемъ его органовъ, злоупотребленіями, смутами, разложеніемъ.

Если у насъ чувствуется недостатокъ въ правительствѣ, то равномѣрно чувствуется и недостатокъ въ свободѣ. У насъ вездѣ заставы; во всемъ, въ самомъ не-

винномъ и законномъ, поводы къ придиркамъ, а затѣмъ и къ злоупотребленіямъ должностныхъ лицъ. Мы свободны отъ правительства въ смыслѣ органа государственной пользы и общественной справедливости; за то нерѣдко бываемъ въ порабощеніи даже у антиправительственныхъ властей.

Пусть правительство призываетъ всѣхъ и каждаго къ содѣйствію ему: и безъ того долгъ каждаго содѣйствовать ему, — долгъ, а не право. Но для того чтобы призывать къ содѣйствію нужно дѣйствовать и нужно знать что мы дѣлаемъ, нужно знать въ чемъ намъ требуется содѣйствіе, и какое. Нужно прежде всего вступить въ обладаніе своими органами и заставить ихъ дѣйствовать въ строгомъ подчиненіи цѣлому составу. Всѣ съ радостію будутъ содѣйствовать правительству, какъ только правительство скажется, дастъ себѣ чувствовать. Содѣйствовать можно не мертвому, а живому.

Если продлится у насъ состояніе правительственнаго маразма, то мы придемъ, какъ въ Америкѣ, къ Линчеву суду. Уже и теперь, за отсутствіемъ власти охраняющей общественную безопасность, люди прибѣгаютъ къ самосуду и самораспravѣ. Недавно сообщалось что въ Чистопольскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, прекратилось зло конокрадства, отъ котораго много терпѣли крестьяне. Спрашиваютъ ихъ: какая тому причину? Полиція ли была дѣятельна, суды ли были строги? Нѣтъ, отвѣчали крестьяне, никакой управы не было; такъ вотъ мы ихъ всѣхъ, батюшка, и перебили...

№ 248.

Москва, 6-го сентября.

Каиръ занятъ Англичанами, Араби-паша въ плѣну, экспедиція кончена... Быстрота событій поразительная! Какая тому причина? Положеніе Англичанъ въ военномъ отношеніи было критическое: они были слабѣе силами, имъ приходилось бороться съ природой, брать съ боя укрѣпленную позицію у войскъ еще почти наканунѣ храбро дравшихся въ открытомъ полѣ. Дѣло было рѣшено побѣдой не подъ Тель-эль-Кебиромъ, а въ Константинополѣ. Араби-паша, въ своемъ сопротивленіи хедиву и въ борьбѣ съ Англичанами, могъ опираться только на мусульманскую идею, и ею властвовать надъ войсками и населеніемъ. Самъ по себѣ онъ ничего не значилъ. Все обаяніе его было въ знамени Пророка, которое онъ поднялъ противъ иностраннаго преобладанія. Глава мусульманскаго міра, стамбульскій калифъ, благословилъ его, и въ самый разгаръ возстанія отличилъ его высокою наградой. Вооружаясь противъ хедива, Араби былъ въ глазахъ населеній не бунтовщикомъ, а карателемъ невѣрнаго правителя во имя высшей власти и освободителемъ страны отъ алчныхъ иностранцевъ. Только въ силу этого обаянія могъ онъ стать полновластнымъ диктаторомъ. Англійская дипломатія понимала это, и сумѣла настоять на томъ что тотъ же калифъ объявилъ наконецъ Араби-пашу бунтовщикомъ и запретилъ ему именоваться пашой. Съ этой минуты все измѣнилось. Обаяніе диктатора пало съ чрезвычайною быстротой Прокламація обнародована въ Константинополѣ 7 сентября, а черезъ недѣлю, 15-го диктаторъ уже былъ въ рукахъ Англичанъ. Тотчасъ по объявленіи султаномъ прокламаціи, всѣ перестали слушаться его: ни одно распоряженіе имъ сдѣланное не было приведено въ исполненіе, желѣзныя дороги, телеграфы, все досталось Англичанамъ, въ войскахъ пала дисциплина, и Араби былъ вынужденъ оставить безъ исполненія планъ обороны который, казалось, сулилъ ему вѣрный успѣхъ. Онъ и самъ упалъ духомъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ онъ когда отъ него отступился глава мусульманскаго міра, и объявилъ его бунтовщикомъ? Вотъ гдѣ кроется причина поразительнаго успѣха англійскихъ войскъ. Побѣда одержана не стратегіей и тактикой, а дипломатіей, не Волзлеемъ, а Дёфферипомъ. Войска только воспользовались побѣдой дипломатіи. Это какъ разъ на оборотъ тому что было въ нашу войну.

Предъ объявленіемъ султанской прокламаціи, еще въ началѣ сентября новаго стиля, въ Константинополѣ ходили слухи о весьма рѣшительномъ планѣ Египтянъ; говорили что Суэзскій каналъ будетъ испорченъ въ южной части, что въ то же время въ сѣверномъ его концѣ Египтяне нападутъ на англійскіе охранительные отряды и, замкнувъ каналъ, лишатъ англійскія суда возможности выплыть оттуда. Даже въ высшихъ турецкихъ сферахъ этому

вѣрили, и конечно не безъ основанія: рекогносцировка произведенная Араби-пашой 9 сентября, дѣйствительно, обнаружила намѣреніе его ударить во флангъ и тылъ Англичанъ. Присутствіе у Салигье, всего въ 50 верстахъ отъ Кантары (на каналѣ), значительныхъ силъ Египтянъ тоже указываетъ на ихъ намѣреніе обрушиться на незащищенную часть англійскаго операціоннаго базиса. Испортить каналъ не трудно, такъ какъ ширина его незначительна. Но ударъ постигшій египетскаго диктатора въ Константинополѣ разрушилъ всѣ его планы. Англійскій полководецъ, тотчасъ за объявленіемъ султанской прокламаціи, ударилъ на Тель-эль-Кебиръ. У Араби-паши въ Тель-эль-Кебирѣ, по англійскимъ свѣдѣніямъ, было отъ 25 до 30 тысячъ войскъ при 70 орудіяхъ. Волзлей располагалъ всего 11 тысячами пѣхоты, двумя тысячами кавалеріи и 60 орудіями. Выступивъ со своей позиціи около полуночи, пройдя спокойно ничѣмъ не потревоженные, Англичане предъ разсвѣтомъ выстроились къ бою и въ четыре часа 30 минутъ утра съ большою стремительностью атаковали Египетскую линію, направляя главныя силы вдоль желѣзной дороги въ правый флангъ Египтянъ; въ то же время англійская кавалерія стала обходить Тель-эль-Кебирскую линію, направляясь къ Бельбейсу, на путь отступленія Египтянъ къ Каиру. Египтяне оказали слабое сопротивленіе. Англичане захватили лагерь, обозъ, орудія. Египетская пѣхота, сбитая съ позиціи, бросилась въ разсыпную, частью въ Загазигъ, частью „въ пустыню“ по сторонамъ желѣзной дороги и прѣсноводнаго канала. Египтяне были совершенно деморализованы. Бой при Тель-эль-Кебирѣ кончился рано; преслѣдуя отступавшихъ Египтянъ и сдѣлавъ усиленный переходъ, индійскія войска вечеромъ въ тотъ же день заняли Загазигъ. Между тѣмъ англійская кавалерія миновавъ Бельбейсъ подходила къ Каиру. Желѣзныя дороги, вопреки разчетамъ и распоряженіямъ диктатора, не были испорчены, и англійскій авангардъ прибылъ 14 сентября въ Каиръ по желѣзной дорогѣ.

Движеніе Англичанъ и пораженіе Араби-паши подъ Тель-эль-Кебиромъ сдѣлалось извѣстно въ Каирѣ и Кафръ-Доварѣ 13 сентября еще днемъ. Командующій египетскими войсками въ Кафръ-Доварѣ, получивъ это извѣстіе, призналъ необходимымъ покориться. На другой день утромъ начались переговоры, а затѣмъ въ Кафръ-Доваръ прибыла Каирская депутація отправлявшаяся въ Александрію для изъявленія покорности хедиву. Араби-паша былъ разомъ оставленъ всѣми и очутился между двухъ огней: съ одной стороны сдающійся Англичанамъ Кафръ-Доваръ, съ другой враждебное населеніе Каира, уже занятаго Англичанами, главныя силы которыхъ, съ Волзлеемъ, направлялись отъ Загазига прямо на Бенъ-эль-Азль. Положеніе было безвыходное, о сопротивленіи нечего было и думать, оставалось только положить оружіе. Въ депешѣ Волзлея изъ Бенга, отъ 15 сентября, сказано глухо: „Араби и Тульба сдались безусловно, войска ихъ положили оружіе.“ По другимъ извѣстіямъ, оба главные вождя возстанія арестованы каирскимъ префектомъ „за попытку возбудить населеніе къ поджогамъ и грабежу.“

Партія сыграна, и Англичанамъ остается лишь принять мѣры чтобъ устранить разныя случайности, которыхъ всегда можно ожидать отъ населенія пораженнаго погромомъ арміи, но еще не умиротвореннаго. Въ то же время англійская дипломатія принимаетъ мѣры чтобы предотвратить высадку турецкихъ войскъ, гдѣ бы то ни было. 14 сентября лордъ Дёфферинъ былъ приглашенъ въ Порту подписать конвенцію, но не счелъ нужнымъ явиться.

Пойдутъ ли теперь Англичане съ повинною головой въ Берлинъ и предоставятъ ли ареопагу миѳической Европы выдѣлить имъ частицу изъ стяжаній добытыхъ, впрочемъ, не столько ихъ кровью сколько настойчивымъ натискомъ ихъ политики? Правда, въ началѣ Египетской кампаніи, въ Берлинѣ и Вѣнѣ заикнулись было что всякій трактатъ который будетъ вырванъ англійскимъ оружіемъ у Турціи или Египта подлежитъ такой же урѣзкѣ какъ и Санъ-Стефанскій договоръ, но теперь объ этомъ нѣтъ рѣчи....

№ 249.

Москва, 7-го сентября.

А.

Во второй по воцареніи разъ вступаютъ Ихъ Императорскія Величества въ Москву,

подъ сѣнь ея святынь. Да будетъ благословенно Ихъ пришествіе! Да будетъ оно началомъ новой жизни для нашего великаго отечества! Въ Москвѣ совершается то церковное тайнодѣйствіе которымъ освящается самодержавная власть Царя Россіи. Въ Москву приходитъ онъ законнымъ преемникомъ своихъ предковъ; отъ Москвы исходитъ помазанникомъ Божіимъ.

Всякая власть отъ Бога, учитъ наша Церковь. Но Русскому Царю дано особое значеніе отличающее его отъ другихъ властителей міра. Онъ не только государь своей страны и вождь своего народа,— онъ Богомъ поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви, которая не знаетъ надъ собою земнаго намѣстника Христова, и отреклась отъ всякаго дѣйствія кромѣ духовнаго, предоставляя всѣ заботы о своемъ земномъ благосостояніи и порядкѣ освященному ею вождю великаго православнаго народа. Русскій Царь есть болѣе чѣмъ наслѣдникъ своихъ предковъ; онъ преемникъ кесарей восточнаго Рима, строителей церкви и ея соборовъ установившихъ самый символъ христіанской вѣры. Съ паденіемъ Византіи поднялась Москва и началось величіе Россіи. Вотъ гдѣ тайна той глубокой особенности которою Россія отличается среди другихъ народовъ міра.

Высоко призваніе Государя Россіи, но и обязательно,— болѣе обязательно чѣмъ всякая другая власть на землѣ. Носить этотъ санъ требуется не только съ достоинствомъ, но съ благоговѣніемъ. Его обязанности выше всѣхъ его правъ. Для народа составляющаго Православную Церковь, Русскій Царь предметъ не просто почтенія, на которое имѣетъ право всякая законная власть, но священнаго чувства въ силу его значенія въ домостроительствѣ Церкви.

Будемъ бодро смотрѣть впередъ, но и будемъ вѣрны завѣтамъ нашей исторіи. Всякому свое: Востоку восточное, Западу западное. Воздавая должное другимъ, останемся собою и пойдемъ своимъ путемъ. Лишь бы намъ быть искреннѣе въ нашихъ побужденіяхъ, яснѣе и правдивѣе въ нашей мысли, мы найдемъ въ себѣ самихъ источники и силу всякаго успѣха. Не случайно сложилось наше могущество въ мірѣ; и не даромъ существуетъ Россія...

Б.

Неожиданно быстрый и рѣшительный успѣхъ Англичанъ въ Египтѣ засталъ врасплохъ европейскую дипломатію. Особенно непріятно поражена была англійскою побѣдой берлинская печать, которая еще за два дня до битвы при Тель-эль-Кебирѣ глумилась надъ генераломъ Волзлеемъ и возлагала большія надежды на военное искусство Араби-паши. Теперь, напротивъ, воздается хвала англійскому главнокомандующему „вполнѣ усвоившему себѣ военные пріемы преподанные нѣмецкими побѣдами во Франціи,“ а по поводу египетскихъ войскъ припоминается какъ непригоденъ оказался ихъ контингентъ во время послѣдней русско-турецкой войны. Но при всемъ томъ, въ отзывахъ берлинской печати проглядываетъ досада. Досада эта вызвана не только завистью въ виду военнаго успѣха, на который Нѣмцы признаютъ себя монополистами, но не сбывшимися разчетами.

Болѣе откровенныя изъ французскихъ газетъ разгласили тотъ замыселъ изъ котораго родилось египетское дѣло. Имѣлось въ виду втянуть Францію въ столкновеніе съ Англіей по поводу Египта. Для этого на сцену появился Араби-паша. Что Араби-паша былъ агентомъ султана и дѣйствовалъ по инструкціямъ изъ Константинополя, въ этомъ никто не сомнѣвается даже теперь когда Араби-паша объявленъ бунтовщикомъ. Съ другой стороны, всѣмъ еще памятны пренія происходившія во Французской палатѣ предъ паденіемъ кабинета Фрейсине. Ни для кого теперь не тайна что кабинетъ этотъ былъ низложенъ именно потому что слишкомъ явно обнаружилось вліяніе которое имѣли на него внушенія изъ Берлина. Новый кабинетъ началъ прямо крутымъ поворотомъ французской политики въ сторону Англіи.

Затѣмъ началось нескончаемое, такъ и оставшееся неоконченнымъ, дипломатическое дѣло объ участіи Турціи въ египетской экспедиціи. Теперь не можетъ уже быть сомнѣнія что не Турція, а Англія старалась чтобы переговоры затянулись до тѣхъ поръ пока сами событія упразднятъ надобность въ турецкой подмогѣ. Лордъ Дёфферинъ, извѣщаетъ телеграфъ изъ Константинополя отъ 18 сентября, сообщилъ Портѣ что военныя дѣйствія въ Египтѣ кончились: Англія отзываетъ свои войска

и лордъ Дёффеуринъ предоставляетъ султану „обсудить“ умѣстно ли при теперешнихъ обстоятельствахъ заключать военную конвенцію и посылать турецкія войска въ Египетъ. Газета *Times*, со своей стороны, высказывается гораздо опредѣленнѣе; она доказываетъ что такъ какъ хедивъ вступилъ снова въ свои верховныя права и Египетъ пользуется полною автономіей, гарантированною фирманами султана, то присутствіе турецкихъ войскъ „было бы противно конституціи.“

Но англійская печать устраняетъ не одну Турцію отъ Египта и не ей одной кричитъ она „руки прочь!“ Послѣ перваго извѣстія о рѣшительной побѣдѣ, *Times* заявилъ что Англія, которая одна вела войну и побѣдила, одна продиктуетъ и условія мира; что ей не нужно ничье содѣйствіе и она ничьего вмѣшательства не допуститъ.

Въ отвѣтъ на это одна изъ берлинскихъ газетъ замѣтила слѣдующее: „Когда Русскіе, также одержавшіе побѣду, и не менѣе трудную, стояли у воротъ Константинополя и принудили Турцію къ заключенію Санъ-Стефанскаго договора, Сенъ-Джемскій кабинетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и органъ Лондонскаго Города были иного мнѣнія, а нужно думать что въ концѣ концовъ Англія, подобно Россіи въ 1878 году, вынуждена будетъ убѣдиться что европейскій концертъ допускаетъ своихъ сочленовъ исполнить партію *solo* лишь до извѣстной степени.“

Мы напротивъ думаемъ что партію *solo* не трудно было исполнить до конца и въ 1878 году, и что если кто можетъ нынѣ воспрепятствовать Англіи извлечь всю возможную выгоду изъ ея успѣха, то это во всякомъ случаѣ будетъ не за зеленымъ столомъ совокупнаго европейскаго ареопага. *Настолько* урокъ 1878 года послужитъ въ назиданіе Англіи.

Но если Англія по опыту знаетъ что ей нечего опасаться европейскаго концерта и если, какъ можно думать, она вовсе откажется стать на судъ предъ европейскимъ ареопагомъ, то кто тѣ противники или конкурренты съ которыми Англія должна дѣйствительно считаться? Въ Берлинѣ очевидно стараются возобновить прежній дипломатическій маневръ, на то разчитанный чтобы въ выгодѣ остался главнымъ образомъ „честный маклеръ.“ Едва ли однако князь Бисмаркъ рѣшится въ настоящее время предложить новый конгрессъ.

Вѣроятнѣе всего что Германія опять будетъ стараться подтолкнуть Францію чтобъ она позаботилась объ огражденіи *своихъ* интересовъ на берегахъ Нила. Берлинскія газеты уже теперь указываютъ на то „какъ безцеремонно Англія оставляетъ французскія притязанія на участіе въ египетскомъ дѣлѣ безо всякаго вниманія.“ „Мы позволяемъ себѣ напомнить объ этомъ,“ замѣчаетъ берлинская *Національная Газета*, „рискуя вновь услышать отъ французскихъ правительственныхъ органовъ что мы заботимся о вещахъ которыя насъ не касаются. Мы очень дорожимъ европейскимъ миромъ и думаемъ что всѣ націи одинаково призваны пещись о немъ. Вотъ почему для насъ важно чтобы были соблюдены условія гарантирующія этотъ общій миръ и при предстоящемъ устройствѣ египетскихъ дѣлъ.“ Названная газета думаетъ что однимъ изъ главныхъ условій должно быть удовлетвореніе законныхъ интересовъ Франціи.

Французская печать нейдетъ однако и теперь на приманку, которую ей показываютъ изъ Берлина и вовсе не думаетъ чтобы Франція могла разчитывать что ея законные интересы должны быть ввѣрены охранѣ европейскаго ареопага. Органъ г. Гамбетты, который нынѣ опять занялъ такое же положеніе невидимаго, но могущественнаго внушителя правительства какъ при кабинетѣ Жюля Ферри и при первомъ министерствѣ Фрейсине,—органъ Гамбетты *République Française*, въ нумерѣ отъ 16 сентября, доказываетъ что приведеніе въ порядокъ египетскихъ дѣлъ должно быть ввѣрено нынѣ, послѣ побѣды надъ Араби-пашой, тѣмъ двумъ державамъ которыя занимались этимъ дѣломъ въ то время когда началось „пронунсіаменто“ арабскаго вождя. Необходимо де въ интересахъ какъ самого Египта, такъ и дружбы между Англіей и Франціей стараться еще болѣе упрочить соглашеніе между этими двумя державами. „Англійское правительство,“ прибавляетъ названная газета, „именно теперь можетъ и должно оцѣнить по достоинству доброжелательство и содѣйствіе Франціи.“

Содѣйствіе, на которое намекаетъ французская газета, можетъ быть понято лишь въ смыслѣ *противодѣйствія* попыткѣ подчинить рѣшеніе Египетскаго вопроса европейскому ареопагу.

№ 251.

Москва, 9-го сентября.

А.

Для наблюдателя, особенно иностранца, домашняго или изъ-за границы пришедшаго, долженъ быть поразителенъ блескъ отсутствія полиціи на всѣхъ людныхъ мѣстахъ въ настоящее время въ Москвѣ. Массы несмѣтныя наполняютъ улицы при проѣздѣ Государя; старожилы не запомнятъ такихъ громадныхъ стеченій народа, такого горячаго движенія массъ. И что же? полиціи почти не видно; лишь кое-гдѣ, будто въ обыкновенное время, встрѣтится городовой, мѣстами жандармъ, и то болѣе для вида нежели для дѣйствія. Но старожилы точно также не запомнятъ чтобы когда-нибудь, при многочисленныхъ стеченіяхъ народа, несмотря на усиленныя старанія полиціи, соблюдался такъ строго порядокъ. Сотни тысячъ людей въ движеніи на небольшомъ пространствѣ, и никакихъ безпорядковъ, полное самообладаніе.

Дѣло въ томъ что полицію теперь держитъ самъ народъ; онъ не только съ восторгомъ встрѣчаетъ своего Государя, не только рвется горячо выразить свою преданность Ему, но ревностно охраняетъ Его пути. Это ли страна мятежа и революціи каковою хотѣли представить Россію? Это ли власть безъ народа и народъ безъ власти? Это ли правительство въ осадѣ, яко бы вынуждаемое сдавать кому-то ввѣренную ему государственную цитадель?

Вотъ опроверженіе злонамѣренной лживости толковъ о нашемъ государственномъ разстройствѣ, объ упадкѣ нашего народнаго духа; вотъ очевидное для всѣхъ доказательство,—если только это требуетъ доказательствъ—что появившаяся у насъ крамола обязана лишь обману своею дерзостію. Достаточно одного яснаго взгляда чтобы призракъ исчезъ и одного твердаго шага чтобы намъ очутиться на почвѣ дѣйствительности, гдѣ все въ порядкѣ, все исполнено жизни и силы, и все ждетъ не дождется когда же кончится затменіе. Не слабый голосъ нашъ, а все вокругъ, все что мы видимъ теперь въ Москвѣ, — и этотъ народный энтузіазмъ, и это самообладаніе народныхъ массъ, и эта способность ихъ организоваться для цѣлей государственныхъ, и наконецъ эта блистательная Выставка русскаго труда, все свидѣтельствуетъ о здоровьѣ нашего народнаго организма. Если мы чѣмъ больны, то развѣ только налетнымъ воображеніемъ будто мы больны. Съ большимъ чѣмъ когда-либо убѣжденіемъ можно спросить теперь вслѣдъ за поэтомъ:

> ...Еще ли Россъ
> Больной, разслабленный колоссъ?

Никогда наше отечество не было такъ могущественно и никогда единеніе народа съ государствомъ, всегда неразрывно крѣпкое, не было такъ живо, и никогда прежде не могло бы быть такъ плодотворно какъ теперь. Говорятъ о необходимости призвать какое-то общество для содѣйствія правительству. Но правительство уже совершенно обезпечено надежнымъ содѣйствіемъ всѣхъ и каждаго въ народѣ. Весь народъ, всѣми своими сословіями, сверху до низу, готовъ содѣйствовать правительству въ общемъ дѣлѣ и въ единомъ духѣ. Историческій, все объединяющій духъ нашего народа не покинулъ насъ, лишь бы только мы охотно слѣдовали его внушеніямъ, лишь бы правительство само оставалось вѣрно ему, лишь бы мудрость правительственная нашла способъ устроить въ этомъ духѣ народныя силы для государственныхъ цѣлей. Нѣтъ лучшей опоры правительству какъ за одно съ нимъ дѣйствующія, однимъ духомъ проникнутыя, твердо организованныя, живыя силы народа.

Б.

Пріѣздъ князя Черногорскаго въ Россію и сердечный оказанный ему пріемъ обратили на себя вниманіе въ Европѣ, особенно въ Австро-Венгріи. О политическомъ значеніи поѣздки Князя измышляются всевозможныя небылицы, которыя однако проливаютъ свѣтъ на отношенія между Черногоріей и ея ближайшимъ сосѣдомъ.

До послѣдняго времени австро-венгерская печать была скудна свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ Черногоріи. Правда, въ австрійскихъ газетахъ мы находили довольно часто разсужденія какъ о внутреннихъ, такъ и о внѣшнихъ отношеніяхъ Черногорскаго княжества, но только разсужденія. Чешскія, а отчасти и вѣнскія офиціозныя газеты, проповѣдывали что Черногорію необходимо привлечь на сторону Австро-Венгріи и восхваляли „ло-

яльность“ Князя, который будто бы, въ противность своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, искренно преданъ австро-венгерской политикѣ. Задача этой политики, по словамъ помянутыхъ газетъ, состоитъ только въ томъ чтобъ отдалить Черногорію отъ Россіи. Другія газеты, въ особенности же венгерскія, во главѣ съ офиціознымъ органомъ нынѣшняго Венгерскаго кабинета *Пештскимъ Ллойдомъ*, неистово нападали какъ на народъ Черногорскій, такъ и на его Князя, который не смотря на все яко бы сдѣланное Австро-Венгріей для Черногоріи добро, тѣмъ не менѣе преданъ де панславистамъ и оказываетъ поддержку боснійскимъ и герцеговинскимъ инсургентамъ. Съ необыкновенною запальчивостью органы эти требовали чтобы Черногорія была „укрощена,“ и указывали на самый способъ „укрощенія.“ Убѣдившись на опытѣ что съ этими горцами сладить не легко и зная что наступленіе австромадьярскихъ войскъ въ Черногорію изъ Герцеговины могло бы встрѣтить непреодолимыя затрудненія и обойтись очень дорого, газеты указывали что Австріи будетъ всего удобнѣе захватить прежде всего Дульциньйо и Антивари, и отрѣзавъ такимъ образомъ Черногорію отъ всего міра, предписать ей какія угодно условія, благо Россія занята своими внутренними дѣлами и не захочетъ помѣшать планамъ „дружественной“ Австро-Венгріи.

Съ перваго же взгляда всякому должно броситься въ глаза что всѣ австрійскія газеты смотрѣли на Черногорское княжество какъ на спутникъ Австро-Венгерскаго солнца. Взгляды этихъ газетъ расходились только относительно способа какимъ выгоднѣе окончательно подчинить Черногорію вліянію Австро-Венгріи. Вся австрійская печать пребывала, повидимому, въ томъ наивномъ убѣжденіи что Россія для того только проливала драгоцѣнную кровь своихъ сыновъ чтобъ оказать услугу Австро-Венгріи и отдать на ея произволъ весь Балканскій полуостровъ.

Пока еще трудно судить насколько австрійская печать выражала мнѣнія вѣнскихъ правительственныхъ сферъ.

Пока возстаніе въ Бокѣ Которской и Герцеговинѣ не было еще сломлено, Австрійское правительство, судя по сладкому тону вѣнскихъ офиціозныхъ газетъ, заискивало предъ Черногоріей, содѣйствіе которой, даже совершенно пассивное, могло оказать Австрійцамъ большія услуги. Къ князю Николаю обратились съ просьбой быть посредникомъ между австрійскими войсками и далматинскими бѣглецами. Австрійское правительство обѣщало что всѣмъ инсургентамъ которые вернутся на родину будетъ дарована полная амнистія и — не сдержало своего обѣщанія. Большинство Кривошіянъ поэтому и теперь находятся въ Черногоріи и не желаютъ вернуться восвояси. Когда главные отряды Герцеговинцевъ были наконецъ вынуждены уступить австрійскимъ войскамъ, изъ Герцеговины также потянулась масса бѣглецовъ въ Черногорію, такъ что число выходцевъ простиралось еще недавно до 10.000 человѣкъ. Забота объ этихъ несчастныхъ пала на Черногорское правительство, которое, какъ видно изъ офиціальныхъ отчетовъ, израсходовало на содержаніе ихъ около 500.000 гульденовъ, сумму для бѣдной Черногоріи весьма значительную.

Съ подавленіемъ возстанія въ Герцеговинѣ, требованія Австрійскаго правительства усилились. Баронъ Тёммель, австро-венгерскій министръ-резидентъ, настаивалъ неоднократно чтобъ извѣстные вожди инсургентовъ были заключены въ тюрьму, что еще болѣе укрѣпляло бѣглецовъ въ ихъ намѣреніи не возвращаться на родину. Между тѣмъ скудныя средства Черногорскаго правительства повидимому истощились. Положеніе князя Николая и его правительства, въ виду этихъ обстоятельствъ, при сочувствіи Черногорскаго народа къ своимъ братьямъ изъ Герцеговины и Далматіи, стало очень затруднительнымъ. Между тѣмъ Австрійское правительство внезапно повысило всѣ пошлины на привозимые изъ Черногоріи въ Австрію предметы, и привозъ вслѣдствіе этого почти совершенно прекратился. Холодный пріемъ оказанный князю въ Вѣнѣ подтверждаетъ что Австрійское правительство сбросило маску и, не нуждаясь болѣе въ услугахъ Черногоріи, разчитывало что въ концѣ концовъ стѣсненной Черногоріи придется исполнить все чего отъ нея потребуютъ въ Вѣнѣ. Послѣдніе переговоры между княземъ Николаемъ и австрійскими министрами „не привели однако къ желательному результату:“ такъ по крайней мѣрѣ возвѣщаютъ офиціозныя австрійскія газеты.

При этихъ обстоятельствахъ поѣздка князя Черногорскаго въ Россію и въ особенности радушный пріемъ ему здѣсь ока-

занный произвели въ Австріи сильное впечатлѣніе. Въ особенности искреннія слова Князя, сказанныя въ отвѣтъ на привѣтствіе предсѣдателя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, поставили вѣнскихъ газетныхъ политиковъ въ тупикъ. Теперь они ясно видятъ что ошиблись, предполагая что Князь Черногорскій долженъ во всемъ слѣдовать приказаніямъ изъ Вѣны и что у него не можетъ быть своей національной политики. Интересы Россіи и Черногоріи солидарны, и въ этой солидарности кроется сила которая легко можетъ помѣшать планамъ простирающимся „jusqu'au delà de la Mitrovitza." Въ Вѣнѣ это хорошо знаютъ; поэтому тамъ и не понравилось торжественное заявленіе князя Николая что онъ „остался вѣренъ и будетъ вѣренъ Русскому народу и идеѣ которая имъ выражается."

№ 252.

Москва, 10-го сентября.

Предметъ кратковременнаго посѣщенія Москвы Ихъ Императорскими Величествами есть въ этотъ разъ Всероссійская Художественно-Промышленная Выставка. Праздникъ русской промышленности былъ бы не въ праздникъ безъ присутствія на немъ хозяина. Три дня почти вполнѣ посвящаетъ Хозяинъ Русской земли подробному обзору выставленныхъ образцовъ. Для всѣхъ, для своихъ и чужихъ, для друзей и недруговъ, эта выставка явилась великою неожиданностію. Когда наглый обманъ объявлялъ насъ заглохшею въ варварствѣ страной, неспособнымъ къ самостоятельной жизни народомъ, а мы слабодушно этому вѣрили и вторили,—явилось это блистательное собраніе образцовъ народнаго труда и неистощимыхъ богатствъ нашего великаго отечества.

Толки о русской неумѣлости, о косности русскаго труда, о непробудномъ снѣ въ которомъ будто бы пребываетъ русская промышленность, должны отнынѣ прекратиться. Клеветникамъ на Русскій народъ желающимъ принизить его отрицая присутствіе въ немъ задатковъ къ самостоятельному развитію и необходимыхъ для того силъ придется понизить тонъ.

У насъ всѣ привыкли удивляться, часто съ чужихъ словъ, громаднымъ успѣхамъ достигнутымъ промышленностію западныхъ странъ; но при этомъ забываютъ какой долгій періодъ времени требовался тамъ для того чтобы промышленность создалась, развилась и окрѣпла, какая могущественная поддержка оказывалась ей въ каждомъ государствѣ, какую сильную охрану въ теченіе вѣковъ находила она въ таможенныхъ тарифахъ. Сравнительно съ иностранною, наша промышленность родилась чуть не вчера; такимъ неуклоннымъ и мощнымъ государственнымъ покровительствомъ, какъ напримѣръ въ Англіи и Франціи, ей не суждено было пользоваться; сравнительно краткіе періоды, когда ей оказывалось необходимое поощреніе, какъ напримѣръ при графѣ Канкринѣ, смѣнялись періодами полнаго о ней небреженія. Сравнивая условія при которыхъ росла промышленность въ другихъ странахъ и у насъ, нельзя не признать что первая до періода полной возмужалости пользовалась самымъ тщательнымъ уходомъ, наша же была оставлена на произволъ судьбы и бывала въ загонѣ.

Русская промышленность, тѣмъ не менѣе, благодаря энергіи народнаго духа, не переставала восходить изъ силы въ силу. На каждой новой выставкѣ русская промышленность выступала все съ большею для себя честію, а нынѣшняя выставка въ Москвѣ показываетъ что мы можемъ не только сравняться съ иностранцами, но во многомъ и превзойти ихъ, что частію уже и достигнуто.

Выставка доказываетъ что наши заводчики изготовляютъ самые сложные, самые тонкіе механизмы; машины системы compound, напримѣръ, считаются самыми трудными для фабрикаціи, между тѣмъ мы видимъ что ихъ не только изготовляютъ наши мелкіе заводчики, но даже дѣлаютъ въ нихъ капитальныя улучшенія; сложныя машины для рафинадныхъ заводовъ которыя всегда выписывались изъ-за границы вытѣснены машинами нашихъ фабрикантовъ, такъ какъ при одинаковомъ достоинствѣ стóятъ гораздо дешевле. Десять лѣтъ тому назадъ выписывались изъ Англіи не только большія машины, но даже просто локомобили; теперь достаточно взглянуть на машину Курбатова, Бромлея или локомобиль Ортвейна чтобъ убѣдиться что выписывать изъ-за границы нѣтъ болѣе надобности. Желѣзнодорожные заводы также подвинулись: не смотря на крики и жа-

лобы, наши вагоны и крѣпче и комфортабельнѣе заграничныхъ. Военное и Морское Министерства стали всѣ свои нужды исполнять дома, такъ какъ Обуховскія пушки оказываются нисколько не хуже Крупповскихъ, а машины Невскаго или завода Бёрда не хуже знаменитыхъ машинъ Пена. Если мы перейдемъ въ Мануфактурный отдѣлъ, то увидимъ то же самое: ситцы и бумажные бархаты Рабенека, Баранова, Морозова, поражаютъ своею дешевизной при изяществѣ, а на ряду съ этими дешевыми матеріями роскошныя и совершено самобытныя произведенія Сапожникова и другихъ.

Выставка наконецъ ознакомила насъ съ новыми и оригинальными изобрѣтеніями и примѣненіями. Укажемъ на нефтяное отопленіе, зародившееся и разработанное у насъ въ Россіи. Этого рода топливу предстоитъ играть важную роль; неистощимые запасы нефти и нефтяныхъ остатковъ, варварски уничтожавшихся, должны быть утилизованы, и только у насъ разработанъ этотъ вопросъ и примѣненъ къ дѣлу. Одного перечня именъ Яблочкова, Ладыгина, Тихомірова, Чиколева и другихъ, достаточно чтобъ убѣдиться что и въ области электричества, этой *злобѣ дня*, сдѣлано и у насъ не мало. Свѣтъ Яблочкова призанъ лучшимъ, а лампа Ладыгина нисколько не уступаетъ Эдисоновской. Не станемъ говорить о совершенно оригинальныхъ, представляющихъ верхъ изящества, чеканныхъ издѣліяхъ Сазикова, Овчинникова, Хлѣбникова; не будемъ останавливаться на успѣхахъ нашей фотографіи и другихъ искусствъ и ремеслъ; укажемъ на форму труда которая нигдѣ не имѣетъ себѣ ничего подобнаго. Мы говоримъ о кустарной промышленности. Она ведется съ незапамятныхъ временъ, и издѣлія *кустарей*, фабрикуемыя самыми первобытными инструментами, иногда трудно отличить отъ произведеній извѣстныхъ фирмъ.

Что же сдѣлала бы энергія народнаго труда, какъ развилось бы наше производство, какіе важные экономическіе результаты были бы достигнуты, еслибы русскій трудъ былъ издавна поставленъ въ благопріятныя условія?

Бо́льшая часть напряженія нашихъ производительныхъ силъ пропадаетъ безъ результатовъ. Русскому производству не обезпечены даже русскіе рынки благодаря недосмотрамъ нашей таможенной и желѣзнодорожной политики. Даже техническіе успѣхи мало помогаютъ въ конкурренціи съ иностранцами у себя дома: мистическая вѣра въ превосходство всего иностраннаго и въ негодность своего была до сихъ поръ такъ сильна что лучшія произведенія русской промышленности, для обезпеченія имъ хоть какого-нибудь сбыта, выдаются за привозныя. Кто не знаетъ что благодаря привычкѣ не признавать хорошимъ ничего русскаго, у насъ лучшія русскія сукна продаются за англійскія, лучшія русскія шелковыя издѣлія за ліонскія, что на русскихъ ножевыхъ издѣліяхъ ставятъ англійскія и нѣмецкія клейма? Неужели однако это непризнаніе русскаго производства и презрѣніе къ нему останется въ силѣ и послѣ нынѣшней выставки, на которой достоинство и успѣхи русскаго труда такъ ясно выразились что не могли не быть признаны всѣми?

Доказавшая свою жизненность и силу русская промышленность заслуживаетъ того чтобъ ей были оказаны вниманіе и поддержка. Всего нужнѣе обезпечить за ней возможно болѣе обширный сбытъ возвышеніемъ тарифа и недопущеніемъ иностраннаго транзита, особенно чрезъ Кавказъ на тѣ азіятскіе рынки которые можно, а стало-быть и должно, закрѣпить за русскимъ производствомъ. Но помимо этого желательно, конечно, въ интересахъ русской промышленности и многое другое. Такъ, между прочимъ, требуется болѣе серіозная подготовка дѣльныхъ техниковъ. Это давно признано, но училища для этого недостаточны. Промышленный міръ мало пользуется услугами теоретиковъ выпускаемыхъ академіями, предпочитая имъ техниковъ, практически знакомыхъ со всѣми сторонами и условіями производства. Промышленный міръ дорожитъ только тѣми техниками которые образовались на фабрикахъ и заводахъ. Англія изобилуетъ искусными людьми по всѣмъ отраслямъ своего производства, но свое техническое образованіе они выносятъ не изъ лекцій, а изъ практической школы на самомъ производствѣ, не изъ академій, а изъ заводовъ и фабрикъ гдѣ они проходятъ собственнымъ трудомъ всѣ степени техническаго дѣла.

№ 253.

Москва, 11-го сентября.

Изъ Константинополя подверждается официально что Англія отказалась отъ дальнѣйшихъ переговоровъ о посылкѣ турецкихъ войскъ въ Египетъ. Впрочемъ, нельзя было и ожидать чтобъ Англія, тянувшая переговоры въ то время когда нѣсколько тысячъ солдатъ, хотя бы и турецкихъ, могли послужить ей въ помощь,— чтобъ Англія согласилась пустить Турокъ въ Египетъ теперь, когда военныя операціи окончены. Гораздо интереснѣе указаніе на дальнѣйшее содержаніе ноты лорда Дефферина: прекращая переговоры о военной конвенціи, онъ счелъ нужнымъ присовокупить что это обстоятельство не нарушитъ дружескихъ отношеній между Англіей и Турціей, такъ какъ обѣ державы имѣютъ де *одни и тѣ же виды* касательно Египта. „Бумага все стерпитъ," гласитъ пословица; стерпитъ и то будто дипломатія нашла возможность отождествить виды Англіи и Турціи касательно Египта. Но дѣло не въ томъ каковы дѣйствительно эти виды, а въ томъ что сочтено нужнымъ оповѣстить о продолжающемся „добромъ согласіи" между Англіей и Турціей и что не предвидится никакого разнорѣчія между ними и при предстоящемъ улаженіи египетскихъ дѣлъ. Зачѣмъ понадобилось такое оповѣщеніе именно теперь? Ключъ къ этой загадкѣ мы находимъ во французской газетѣ *Mémorial diplomatique*, которою европейская дипломатія издавна привыкла пользоваться для пусканія такъ-называемыхъ пробныхъ шаровъ. Въ корреспонденціи изъ Лондона отъ 16 сентября, появившейся въ названной газетѣ, сообщается слѣдующее о намѣреніяхъ Англійскаго кабинета: отказавшись отъ заключенія съ Турціей военной конвенціи за ненадобностью, Англія вступила съ Турціей въ переговоры о сепаратномъ соглашеніи касательно реорганизаціи Египта, съ тѣмъ что соглашеніе это будетъ затѣмъ сообщено прочимъ державамъ къ свѣдѣнію. Этимъ путемъ Англія надѣется де избѣгнуть конференціи или конгресса по египетскимъ дѣламъ. Впрочемъ, прибавляетъ корреспондентъ, соглашеніе съ Турціей предполагается лишь относительно Египта въ тѣсномъ смыслѣ; насчетъ же Суэзскаго канала Англія внесетъ свои предложенія на разсмотрѣніе конференціи. Сущность этихъ предложеній будетъ заключаться въ томъ что Англія оставляетъ за собою Портъ-Саидъ съ извѣстною полосой земли около этой гавани. Другими словами, Англія намѣрена воздвигнуть для себя второй Гибралтаръ на томъ мѣстѣ гдѣ начинается искусственное соединеніе Средиземнаго моря съ Индійскимъ океаномъ. Въ самомъ Египтѣ Англія намѣрена де вновь допустить Францію къ финансовому контролю, но на иныхъ основаніяхъ, дабы устранить прежнія столкновенія иностранныхъ контролеровъ съ египетскою палатой нотаблей. Египетская армія будетъ вовсе распущена и охраненіе порядка будетъ „временно" поручено англійскому оккупаціонному корпусу безъ опредѣленія впрочемъ впередъ срока оккупаціи. Если державы примутъ этотъ планъ реорганизаціи Египта, то Англія откажется де отъ возмѣщенія своихъ военныхъ расходовъ.

Таковы виды Англіи если вѣрить названной французской газетѣ. Неизвѣстно только какого рода приманку придумала Англія для того чтобы побудить турецкаго султана, столь ревниваго къ охраненію своихъ правъ, добровольно принять это предложеніе. Но если и допустить что найдется способъ задобрить калифа, то мыслимо ли чтобы прочія державы признали все дѣло въ порядкѣ и санкцію Европы устраненною на томъ основаніи что дѣло улажено между Англіей и тою державой, которой принадлежитъ верховное право надъ Египтомъ. Указанный планъ не лишенъ смѣлости, а въ политикѣ, какъ и на войнѣ, смѣлость лучшій залогъ успѣха: смѣлымъ Богъ владѣетъ. Но прецеденты на которые такъ любитъ ссылаться англійская дипломатія будутъ не въ пользу этой затѣи. Сепаратное соглашеніе съ Турціей не было признано достаточнымъ поводомъ къ устраненію европейскаго вмѣшательства по окончаніи послѣдней Восточной войны и Англія первая возстала противъ Санъ-Стефанскаго договора, коимъ Турція формально признала права пріобрѣтенныя Россіей вслѣдствіе войны съ нею. Здѣсь Турція распоряжалась своимъ достояніемъ и уступала то что принадлежало ей одной. Съ другой стороны, Россія почти ничего не пріобрѣтала по Санъ-Стефанскому договору въ свою собственную прибыль, тѣмъ не менѣе Европа призвала обѣ договорившіяся стороны на

свой судъ, и Санъ-Стефанскій договоръ былъ замѣненъ Берлинскимъ.

Ссылаясь на этотъ прецедентъ, другія державы, то-есть *Европа*, имѣютъ такимъ образомъ право не признавать никакихъ отдѣльныхъ соглашеній между Англіей и Турціей и требовать чтобъ Англія отдала на ея судъ результатъ своихъ побѣдъ въ Египтѣ. Но захочетъ ли Англія стать на судъ, и если она на судъ Европы не пойдетъ, то какимъ способомъ можно ее къ тому принудить, вотъ вопросъ надъ которымъ дипломатія теперь призадумалась и вѣроятно на долго.

Только *Journal de St.-Pétersbourg* по прежнему сохраняетъ свою, ничѣмъ не возмутимую, вѣру въ могущество европейскаго концерта и съ полнымъ оптимизмомъ относится къ участію Европы въ конечномъ разрѣшеніи Египетскаго вопроса. „Вступленіе англійскихъ войскъ въ Каиръ,“ замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, „есть разочарованіе для мусульманскаго фанатизма, который строилъ свои разчеты на предполагаемомъ имъ несогласіи между державами. Разочарованіе это будетъ еще сильнѣе когда подтвердится полное довѣріе между державами и когда Европа произнесетъ свое рѣшеніе касательно новаго устройства Египта.“

Далеко не въ такомъ розовомъ свѣтѣ представляется дѣло если судить о ближайшихъ намѣреніяхъ Англійскаго правительства на основаніи заявленій лондонской печати, которая въ одинъ голосъ требуетъ чтобъ Англія вполнѣ воспользовалась плодами своихъ усилій и не допустила ничьего посторонняго вмѣшательства. Газета *Times*, которая въ случаяхъ подобныхъ настоящему всегда служитъ выразительницей преобладающаго въ англійскихъ офиціальныхъ сферахъ настроенія, такъ изображаетъ предстоящія Англіи въ ближайшемъ будущемъ задачи: прежде всего слѣдуетъ де окончательно наказать и затѣмъ упразднить *всю* мятежную египетскую армію; затѣмъ необходимо возстановить по всему Египту власть хедива. „Работа эта,“ продолжаетъ органъ Лондонскаго города, „потребуетъ не недѣлю, не мѣсяцъ и даже не нѣсколько мѣсяцевъ, и ни въ какомъ случаѣ Англія не потребуетъ и не впуститъ чьего-либо участія въ исполненіи этой задачи. Та рука, которая сражалась и побѣдила, должна одна продиктовать условія мира. Нація проливавшая свою кровь и истратившая свою казну должна установить и условія возстановленія порядка.“

Французская республиканская печать, которая въ послѣднее время такъ усердно ратовала за Англію, нѣсколько растерялась въ виду неожиданной ею, столь скорой, развязки. Наступило время итоговъ, и Французамъ нельзя не подумать о томъ оправдаетъ ли Англія тѣ ожиданія которыя французскія газеты такъ эмфатически на нее возлагали. Газета *Temps* старается доказать что Англія и теперь очень желаетъ сохранить свои добрыя отношенія ко Франціи и поэтому должна сама постараться о томъ чтобъ интересы Франціи въ Египтѣ были удовлетворены. Имѣя Францію на своей сторонѣ, Англія, даже въ случаѣ предоставленія дѣла на рѣшеніе Европы, явилась бы предъ европейскимъ ареопагомъ во всеоружіи достигнутаго ею успѣха. Во всякомъ же случаѣ для Франціи, по мнѣнію названной газеты, выгода англійской побѣды заключается уже въ томъ что мусульманскій фанатизмъ получилъ жестокій ударъ, и что приверженцы ислама знаютъ теперь какова сила западной цивилизаціи. Это впечатлѣніе не замедлитъ де сказаться и во французскихъ владѣніяхъ въ Африкѣ.

Изумительно до чего доходитъ изобрѣтательность въ дѣлѣ политической аргументаціи. Мусульманскому фанатизму нанесенъ ударъ и исламъ вынужденъ склониться предъ могуществомъ христіанской цивилизаціи; вотъ въ чемъ, за неимѣніемъ лучшихъ доводовъ, усматривается теперь утѣшительная сторона англійской побѣды. Во сколько же разъ больше должна была ликовать „цивилизація“ по поводу русскихъ побѣдъ надъ Турціей?

№ 255.

Москва, 13-го сентября.

А.

Когда 14 сентября авангардъ Англичанъ занялъ Каиръ, англійскій генералъ телеграфировалъ что былъ встрѣченъ жителями съ распростертыми объятіями.

Нѣсколько дней спустя, 19 сентября, въ англійскія газеты изъ того же самаго Каира телеграфировали что „въ туземномъ

кварталѣ города возникли *незначительные* безпорядки" вынудившіе Волзлея объявить жителямъ что если безпорядки возобновятся, то онъ прикажетъ стрѣлять по городу изъ цитадели занимаемой англійскими войсками. Въ то же время сдѣлалось извѣстно что англійскіе офицеры отправившіеся посмотрѣть пирамиды на лѣвомъ берегу Нила подъ Каиромъ подверглись нападенію Бедуиновъ. Еще позднѣе особая депеша изъ Каира возвѣстила что 24 сентября „англійская кавалерія прошла по городу для демонстраціи," и что въ столицу Египта вытребованы изъ Загазига пять англійскихъ батарей.

Не доказываетъ ли это что населеніе Египта, подчиняясь англійской силѣ, относится къ ней вовсе не такъ дружелюбно какъ выставляли первоначально депеши англійскихъ генераловъ? Египетскіе форты одинъ за другимъ сдались Англичанамъ, но гарнизонъ ихъ успѣлъ разбѣжаться; войска бывшія подъ командой Араби-паши взяты въ плѣнъ такъ же далеко не всѣ; болѣе половины ихъ успѣли разсѣяться. Въ общей сложности по Египту разгуливаетъ теперь свыше двадцати тысячъ бѣглыхъ солдатъ, обратившихся въ мародеровъ. Бедуины также не думаютъ мириться съ Англичанами и вѣроятно не скоро подчинятся устанавливаемому ими порядку. Не рано ли англійская дипломатія стала отказываться отъ содѣйствія султана? 20 сентября Дёфферинъ передалъ Портѣ ноту заявляющую что теперь „безполезно продолжать переговоры о посылкѣ турецкихъ войскъ въ Египетъ." Англія, добавляетъ *Times*, сама совершитъ реорганизацію Египта и водворитъ тамъ порядокъ безъ посторонней помощи. Нѣтъ де даже надобности оставлять въ Египтѣ всѣ тѣ англійскія войска кои были приведены туда для военныхъ дѣйствій; значительное число ихъ, безъ сомнѣнія, окажется теперь излишнимъ. Такъ ли это? Своими побѣдами Англичане обязаны не столько стратегіи, сколько прокламаціи султана объявившаго Араби-пашу бунтовщикомъ. Двѣ, три тысячи турецкихъ солдатъ дѣйствующіе именемъ султана, руководимые довѣреннымъ отъ него лицомъ, сдѣлали бы едва ли не больше для водворенія въ странѣ спокойствія и порядка нежели десятокъ тысячъ Англичанъ дѣйствующихъ вопреки калифу. Англійская дипломатія повидимому понимаетъ это, и лордъ Дёфферинъ въ своей нотѣ отъ 20 сентября не безъ особой цѣли указываетъ что отказъ Англіи вести переговоры о высадкѣ турецкихъ войскъ не нарушаетъ де дружественныхъ отношеній между Англіей и Турціей, такъ какъ обѣ эти державы имѣютъ де „одни и тѣ же виды касательно Египта." Ссориться съ Турціей Англіи нельзя. Англійскому дипломату удалось выманить прокламацію противъ Араби-паши; сомнительно чтобы подобный маневръ удался дважды подъ рядъ. Что нужно для умиротворенія Египта? „Прежде всего, замѣчаетъ *Times*, Англіи нужно возстановить власть хедива и снабдить его силами необходимыми для того чтобы власть эта уважалась." Если правда что Англія и Турція имѣютъ „одни и тѣ же виды касательно Египта," то и въ Константинополѣ теперь „прежде всего" желаютъ возстановить власть хедива. Египетъ находится въ вассальной зависимости отъ Турціи: власть хедива исходитъ отъ султана и только имъ можетъ быть возстановляема и поддерживаема; отъ этого взгляда Порта никогда не отказывалась и своихъ верховныхъ правъ на Египетъ Англіи не уступала. Англія можетъ поэтому возстановлять власть хедива не сама по себѣ, а по согласію съ Турціей. Для поддержанія своей власти, хедивъ теперь не имѣетъ организованной силы. Египетская армія, говорятъ Англичане, уничтожена фактически пораженіемъ и технически декретомъ хедива. Остается воспользоваться, доказываетъ *Times*, тѣмъ что есть подъ рукой, англійскою арміей. „Въ Египтѣ должно поэтому остаться число англійскихъ войскъ достаточное чтобы внушить страхъ недовольнымъ." Въ Египтѣ фактически теперь дѣйствительно нѣтъ другой силы кромѣ англійской, но это еще не значитъ чтобы тамъ не могло быть другой силы. Ея нѣтъ потому что Англія отказывается допустить въ Египетъ турецкія войска и отказывается потому что присутствіе ихъ кажется Англіи невыгоднымъ. Не ясно ли что здѣсь виды Турціи и Англіи относительно Египта расходятся? Чтобы „внушить страхъ недовольнымъ," Англія конечно располагаетъ теперь достаточными силами, но будетъ ли ихъ достаточно и тогда если подъ вліяніемъ несогласій между Портой и Англіей число этихъ недовольныхъ будетъ увеличиваться вмѣсто того чтобъ уменьшаться? Можетъ ли Англія возстановить прочный по-

рядокъ въ Египтѣ, который могъ бы удержаться и тогда какъ всѣ англійскія войска выйдутъ изъ Египта? Англичане начинаютъ уже говорить объ учрежденіи въ Египтѣ особой жандармеріи, то-есть на самомъ дѣлѣ того же войска только подъ другимъ названіемъ и ставятъ условіемъ чтобы жандармерія эта находилась подъ командой англійскихъ офицеровъ. Но кто поручится въ благонадежности этой жандармеріи, что солдаты ея не откажутся повиноваться своимъ командирамъ, не разбѣгутся и не примкнутъ тоже къ числу недовольныхъ? Австрійцы въ Босніи уже испытали что подобная жандармерія, примкнувъ къ недовольнымъ, можетъ надѣлать не мало хлопотъ. Англичане, конечно, не очень заботятся о прочности власти хедива. Съ самаго начала Египетской экспедиціи они прикрываются этою властью и дѣйствуютъ ея именемъ; имъ больше ничего и не нужно. Точно такъ же вовсе не въ видахъ Англіи скорѣе вывести свои войска изъ Египта. Чѣмъ долѣе они тамъ пробудутъ, тѣмъ болѣе успѣютъ Англичане упрочить свое вліяніе въ Египтѣ. Наоборотъ, интересы Турціи въ Египтѣ въ томъ и состоятъ чтобы поскорѣе выжить оттуда Англичанъ, взявъ въ свои руки умиротвореніе края. Англія стремится къ утвержденію, такъ или иначе, своего протектората въ Египтѣ, Турція къ упроченію вассальной зависимости этой страны. Англія увѣряетъ всѣхъ будто хлопочетъ лишь о томъ чтобы спасти отъ гибели „драгоцѣнную провинцію" Турціи, а между тѣмъ въ эту спасаемую драгоцѣнную провинцію не хочетъ впустить хозяина, увѣряя и его и Европу что она сама все уладитъ къ общему удовольствію и вполнѣ безкорыстно. Посмотримъ что будетъ.

Б.

Среди множества псевдонимовъ употребляемыхъ для отвода глазъ читающей публики, особенно часто въ послѣднее время встрѣчается слово *клерикализмъ*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть религію, точно также какъ подъ псевдонимомъ *правовой порядокъ* скрывается передача власти изъ рукъ въ руки неизвѣстно кому. *Клерикализмъ* выставляется какимъ-то зломъ, тяготѣющимъ надъ свободнымъ развитіемъ Россіи, съ которымъ необходимо вести непримиримую борьбу каждому „здравомыслящему" человѣку. Такъ недавно политики *Голоса* потребовали уничтоженія нашихъ духовныхъ мужскихъ и женскихъ училищъ на томъ основаніи что „имъ присущъ довольно сильный *клерикальный* оттѣнокъ." Они приходятъ въ ужасъ потому что „въ этихъ *клерикальныхъ* учебныхъ заведеніяхъ удерживается безо всякой нужды свыше 44.000 учащагося юношества," равнымъ образомъ и потому что „7.000 учащихся въ женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства обязательно воспитываются въ духѣ *клерикальномъ*" (*Голосъ*, № 232). Съ другой стороны, во имя той же борьбы съ *клерикализмомъ*, народные педагоги того же лагеря поднимаютъ громкій протестъ противъ намѣренія правительства поощрять церковноприходскія народныя школы.

Недавно пришлось намъ раскрыть фальшь скрывающуюся за этимъ протестомъ. Нельзя приравнивать *клерикаловъ* западной Европы, ведущихъ борьбу противъ государства, съ нашимъ духовенствомъ неразрывно соединеннымъ съ Русскимъ государствомъ. Поэтому намѣреніе правительства предоставить духовенству народную школу заслуживаетъ полнѣйшее сочувствіе.

Педагоги *Голоса* перечисляютъ цѣлый рядъ причинъ почему наше духовенство не можетъ замѣнить тѣхъ народныхъ учителей которые получаютъ спеціальную трехлѣтнюю дрессировку въ учительскихъ семинаріяхъ по рецепту барона Корфа. Наше сельское духовенство страдаетъ, видите ли, отъ „нравственнаго одиночества," а потому учить деревенскихъ мальчиковъ азбукѣ не можетъ; оно страдаетъ затѣмъ отъ „невѣжества священнослужительскихъ женъ" и отъ „затруднительности для священника самообразованія, развитія, благодаря скудости матеріальныхъ средствъ и *духовной цензурѣ*." Вотъ, видите ли, еслибы нашъ сельскій священникъ читалъ Ренана, то онъ годился бы въ народные учителя; а такъ какъ онъ лишенъ этой возможности, то ученики его не научатся ни читать, ни писать, ни считать.

Читать, писать, считать, вотъ кромѣ Закона Божія программа народной школы, одобряемая какъ здравымъ смысломъ такъ и практикой тѣхъ странъ гдѣ школьное дѣло утвердилось и упрочилось. Въ 1874 году, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, была напечатана статья г. Цвѣткова *Новыя идеи въ нашей народной школѣ*, на кото-

рую мы своевременно обратили вниманіе нашихъ читателей. Авторъ этой весьма живо и интересно написанной статьи взялъ на себя не легкій трудъ изучить и изложить весь тотъ хламъ который преподается въ Корфовскихъ школахъ деревенскимъ дѣтямъ по одобреннымъ руководствамъ, и приходитъ къ тѣмъ же самымъ требованіямъ которыя правительство теперь наконецъ намѣрено, повидимому, исполнить. „Начальная народная школа,“ сказано въ названной статьѣ,

„для своей успѣшности должна быть проста... Такая школа должна прежде всего научать грамотности, а потому предметами обученія въ ней должны быть *three R* (Reading, wRiting, aRithmetic) какъ говорятъ Англичане, то-есть чтеніе, письмо и начальная ариѳметика. Если будетъ позволять время можно успѣть изученіе грамматики и ариѳметики, затѣмъ можно прибавить элементарныя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи. Всякое же многоученіе, пичканье разнымъ хламомъ, подъ предлогомъ *развитія, сообщенія полезныхъ свѣдѣній* или подо всякимъ другимъ предлогомъ практикуемое въ школахъ устроенныхъ по программѣ барона Корфа, не только не приноситъ никакой пользы, но причиняетъ положительный вредъ, отрывая деревенскихъ мальчишекъ отъ семьи, надмевая ихъ звонкимъ пустознаніемъ и сообщая имъ самый отвратительный плебейскій аристократизмъ. Вотъ что́, между прочимъ, пишетъ благочинный протоіерей Покровскій о школахъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, устроенныхъ барономъ Корфомъ: „Крестьянскіе мальчики обучавшіеся въ Корфовской школѣ смотрятъ съ высоты своего грамотнаго величія на своихъ неграмотныхъ братьевъ и сестеръ, видимо высказываютъ отвращеніе къ черной работѣ которою живетъ и довольствуется родная семья. Начинается семейная драма, глубокій семейный расколъ, гдѣ главную роль суждено играть теперешней сельской школѣ: отецъ винитъ школу за то что она отняла у него сына, долго ожидаемаго помощника въ суровыхъ трудахъ.“

„Малѣйшее посягновеніе *современнаго* учителя на нѣкоторое развитіе ихъ (крестьянскихъ) дѣтей путемъ чтенія популярныхъ школьныхъ пособій вызываетъ въ средѣ сельскаго населенія ропотъ и неудовольствіе на учителя, какъ на занимающагося не дѣломъ, а пустяками, побасенками не сто́ящими вниманія. Особенно ярко въ этомъ смыслѣ рисуется положеніе учителей въ раскольническихъ селахъ. Такъ-называемыя „начетчицы“ въ этихъ селахъ ведутъ самую рьяную конкурренцію съ учителями школъ. Почти каждый школьникъ, только что выучившійся кое-какъ читать и писать, непремѣнно, разумѣется по волѣ родителей, спѣшитъ оставить школу и переходитъ къ какой-нибудь начетчицѣ для „вящаго“ усовершенствованія.“

Устройство церковно-приходскихъ школъ положило бы конецъ системѣ народнаго развращенія.

№ 257.

Москва, 15-го сентября.

Beati possidentes, провозгласилъ нѣкогда князь Бисмаркъ, примѣнивъ изреченіе гражданской юриспруденціи къ политикѣ. Теперешнее положеніе дѣлъ на Востокѣ какъ нельзя болѣе оправдываетъ этотъ афоризмъ. Какова бы ни была судьба Египетскаго вопроса, которая готовится ему въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, Англія крѣпко держитъ Египетъ въ своихъ рукахъ и всѣ увѣрены что она не выпуститъ добычи. Такова сила и убѣдительность „совершившагося факта“ что подъ вліяніемъ его какъ бы измѣнились и самые взгляды на дѣло. Многіе органы относившіеся съ великою враждой къ англійскому предпріятію, когда результаты египетскаго похода еще находились подъ сомнѣніемъ, нынѣ сами доказываютъ что Англія должна сохранить за собою свое пріобрѣтеніе не обращаясь къ суду Европы. Особенно рѣзко такая перемѣна въ тонѣ сказалась въ италіянской печати. Въ началѣ Италіянцы отнеслись къ англійскому предпріятію недружелюбно; теперь же въ италіянской печати раздаются хвалы г. Гладстону, припоминаются его заслуги въ объединеніи Италіи, его симпатіи къ Гарибальди и пламенныя филиппики противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ. Даже австрійская печать какъ бы забыла о недружелюбіи г. Гладстона къ монархіи Габсбурговъ и подаетъ ему благіе совѣты какъ долженъ онъ поступить дабы, не осложняя вопроса ненужными формальными перемѣнами въ отношеніяхъ Египта къ

Турціи и вообще не затрогивая существующихъ насчетъ Египта трактатовъ, сохранить за Англіей всю ту власть надъ этою страной какую доставила ей побѣда генерала Волзлея. Для этого Англія должна де по возможности отдалить моментъ формальнаго вмѣшательства европейской дипломатіи. О конгрессѣ, по примѣру Берлинскаго, не можетъ де и рѣчи быть; что же касается Константинопольской конференціи, которая только отсрочила свои занятія, но не была закрыта, то по мнѣнію *Пештскаго Ллойда*, раздѣляемому и влiятельнѣйшими изъ вѣнскихъ газетъ, Англія можетъ оттянуть ея вмѣшательство по своему усмотрѣнію если только англійское правительство не склонится на подстрекательство увлекающихся побѣдой газетъ, которыя, забывая о благоразуміи, требуютъ чтобы Англія немедленно объявила Египетъ совершенно освобожденнымъ ото всякой подчиненности султану и формально завладѣла бы землей Фараоновъ. Гораздо де лучше оставить все по старому и возстановивъ власть Тевфика, безпрекословно преданнаго Англіи, довольствоваться тѣмъ что хедивъ останется слѣпымъ орудіемъ англійскаго управленія. Что же касается англійскихъ войскъ находящихся на берегахъ Нила, то Англія имѣетъ де отличный предлогъ оставить ихъ тамъ на неопредѣленное время, въ виду того что некому поддержать тамъ спокойствіе и предотвратить повтореніе недавнихъ вспышекъ мусульманскаго фанатизма противъ Европейцевъ, нынѣ поспѣшно возвращающихся въ Египетъ. Протестовать будетъ одна Порта; „но, замѣчаетъ, *Neue Freie Presse*, протестъ этотъ останется безъ послѣдствій, такъ какъ Европа повидимому весьма склоняется къ тому чтобы ничѣмъ не потревожить англійскихъ затѣй въ Египтѣ.“

Австро-венгерскія подмигиванья Англіи, по всѣй вѣроятности, имѣютъ своимъ источникомъ желаніе побудить ее къ тому чтобъ она въ свою очередь не мѣшала исполненію австрійскихъ замысловъ насчетъ Босніи и Герцеговины, которыя имѣется въ виду объявить австрійскими провинціями, о чемъ съ особеннымъ жаромъ агитируетъ въ послѣднее время венгерская печать. Но измѣненіе въ юридическомъ положеніи Босніи и Герцеговины, какъ оно опредѣлено Берлинскимъ трактатомъ, не можетъ быть допущено, единственно на томъ основаніи что Мадьяры отказываются отпустить австрійскому правительству дальнѣйшія денежныя субсидіи на умиротвореніе Босніи и Герцеговины, доколѣ эти двѣ провинціи не будутъ окончательно включены во владѣнія короны Св. Стефана.

Но и помимо этого въ Австріи вѣроятно подумаютъ дважды прежде нежели отважатся показать примѣръ отступленія отъ постановленій Берлинскаго трактата, тѣмъ болѣе что въ Берлинѣ именно теперь ощущается довольно замѣтная тревога за цѣлость и неприкосновенность этого трактата.

Тревогу эту породили именно успѣхи Англіи въ Египтѣ. Либеральные органы берлинской печати, дошедшіе въ своей парламентской борьбѣ противъ князя Бисмарка до того что рѣшаются наконецъ критиковать даже его иностранную политику (а это, замѣтимъ мимоходомъ, указываетъ на то что политическая борьба партій обострилась и въ Германіи до крайности),— либеральная печать не скрываетъ того что германская политика обочлась въ Египетскомъ вопросѣ и довольно откровенно указываетъ что событія приняли совсѣмъ не то направленіе какое старалась придать имъ рука привыкшая направлять общеевропейскую политику согласно своимъ видамъ. Франція осторожно обошла поставленную ей ловушку и вмѣсто того чтобы запутать себя въ борьбу съ Англіей изъза Египта, борьбу безплодную и едва ли представлявшую какія-либо существенныя для нея выгоды,—Франція нашла возможнымъ по крайней мѣрѣ на словахъ примирить свои интересы съ успѣхами Англіи, но за то сберегла вполнѣ свободу дѣйствій, причемъ Французы, разгадавъ или по крайней мѣрѣ увѣривъ себя что они разгадали берлинскій замыселъ, наталкивавшій ихъ на борьбу съ Англіей, стали относиться еще съ бо́льшимъ недовѣріемъ и враждебностью къ Германіи, такъ что взаимная ненависть между Франціей и Германіей вновь выступила наружу во всей своей зловѣщей страстности.

Съ другой стороны, либеральныя берлинскія газеты опасаются, какъ сказано, и за Берлинскій трактатъ, или вѣрнѣе за то чтобы Россія, поощренная примѣромъ Англіи, фактически отнявшей у султана Египетъ, не подумала и въ свою очередь отступиться отъ международнаго соглашенія 1878 года. Берлинскій трактатъ, доказываетъ *Національная Газета*, не удо-

влетворилъ и не могъ удовлетворить Россію: духъ создавшій его былъ духомъ враждебнымъ ей. Но трактатъ этотъ былъ только началомъ; онъ не завершилъ, а еще только породилъ или долженъ былъ породить новое историческое направленіе, которое могло окрѣпнуть и войти въ силу лишь со временемъ и при условіи чтобы Германія не переставала пещись объ этомъ новомъ созданіи. Но теперь, думаетъ *Національная Газета*, нельзя ручаться за то что политическая будущность Европы будетъ развиваться въ духѣ Берлинскаго трактата. Если политика Гладстона въ Египтѣ очевидно направлена противъ Берлинскаго трактата, такъ какъ цѣль его заключалась въ томъ чтобы сохранить Турцію въ указанныхъ ей предѣлахъ, а Англія наноситъ турецкому владычеству новый и тяжкій ударъ, то весьма де естественно что и другіе противники этого трактата пожелаютъ расшатать то что̀ имъ создано, если не выступятъ могущественные защитники.

Такимъ образомъ берлинская печать откровенно сознается что Берлинскій трактатъ, при заключеніи коего имѣлось будто бы главнымъ образомъ въ виду примирить и сгладить противоположные интересы Англіи и Россіи, защищаетъ не Англію, а Германію. Главную опасность для трактата усматриваютъ уже теперь въ возможности соглашенія между Россіей и Англіей.

Въ Берлинѣ повидимому хорошо понимаютъ что есть большая разница между Англіей 1882 года и Англіей 1878 года...

№ 258.

Москва, 16-го сентября.

Въ Волжско-Камскомъ Словѣ, газетѣ издаваемой въ Казани, напечатана рѣчь сказанная попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, на актѣ въ одной изъ тамошнихъ гимназій при раздачѣ аттестатовъ и наградъ.

Наша школа недавно пережила свой періодъ бурь и волненій; отношенія между учащими и учащимися извращались, учебный порядокъ колебался, дисциплина подвергалась поруганію. Въ университетахъ шла агитація. Студентовъ возбуждали къ демонстраціямъ, сгоняли ихъ на митинги; они сочиняли, подъ рукою университетскихъ властей, профессорско-студентскую конституцію; разыгрывались, какъ всѣмъ извѣстно, сцены неслыханной анархіи...

Что-то не было тогда слышно попечительскихъ голосовъ которые отрезвляли бы юношество и напоминали бы руководителямъ ихъ обязанности. Все что̀ молодые люди слышали сверху толкало ихъ, напротивъ, на путь не имѣющій ничего общаго съ интересами и цѣлями науки. Теперь стало спокойнѣе: правительство, повидимому, готовится къ необходимой реформѣ, имѣющей цѣлію прекратить фальшивое положеніе университетовъ образовавшееся въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, поставить ихъ въ правильное отношеніе къ государству, водворить въ нихъ духъ науки, освободить профессорскія коллегіи отъ тиранніи партій и очистить отъ посторонней примѣси отношенія наставниковъ къ учащимся. Изъ нынѣшнихъ студентовъ многіе нерѣдко обнаруживаютъ гораздо бо́льшую зрѣлость чѣмъ общественная и ученая интеллигенція, поджигавшая молодежь къ разнаго рода демонстраціямъ якобы въ либеральномъ смыслѣ. Студенты нынѣшняго времени, воспитанники болѣе правильной приготовительной школы, созданной правительствомъ въ 1872 году, судятъ зрѣлѣе прежнихъ поколѣній и яснѣе видятъ неправильности положенія отъ котораго страдаютъ болѣе всего они сами. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* недавно помѣщена была статья за подписью „студента,“ въ которой раскрывается ненормальность экзаминаціонныхъ порядковъ въ университетахъ. Никакихъ личныхъ намековъ, никакихъ обвиненій на кого-либо въ статьѣ этой не содержится; она характеризуетъ только общее положеніе съ точки зрѣнія студента желающаго учиться. Студентъ высказываетъ образъ мыслей которому нельзя не порадоваться. Онъ не повторяетъ рабски чужаго вздора, не радикальничаетъ; онъ остается въ предѣлахъ зраваго смысла, говоритъ по собственному опыту, говоритъ о предметѣ достойномъ, о наукѣ, которую онъ пришелъ искать въ университетѣ, и, весьма естественно, желаетъ съ пользою провести свои университетскіе годы. Онъ скорбитъ о неурядицахъ нашего университетскаго быта, которыя отзываются болѣе всего на учащейся молодежи, и желаетъ улучшеній въ томъ же смыслѣ какъ разумѣетъ правительство

послѣ долгаго и печальнаго опыта. И что же? именно теперь, именно по этому поводу, послышался строгій, укорительно назидательный попечительскій голосъ: зачѣмъ де „серіозная“ печать (этотъ комплиментъ относится къ намъ) позволяетъ себѣ колебать университетскіе порядки и печатаетъ статью студента который не доволенъ ими? „Грустно,“ сказалъ г казанскій попечитель раздавая награды кончившимъ курсъ ученикамъ гимназіи, „это безоглядное бро„саніе камней въ высшія учебныя заведе„нія на которыя въ наше время, когда мы „учились, всѣ, и общество и учащіеся, „смотрѣли съ нѣкотораго рода pietas. А „теперь пожалуй иной молодой человѣкъ, „начитавшись нападеній на университеты „и профессоровъ, внесетъ въ университетъ не прежнюю нашу pietas, любовное, „благоговѣйное чувство, а духъ критики „и отрицанія достоинствъ своихъ буду„щихъ наставниковъ.“

Не слишкомъ ли это, однако, требовать отъ молодыхъ людей поступающихъ въ нынѣшніе университеты даже *благоговѣнія* къ мудрости за достоинства которой г. попечитель едва ли самъ можетъ серіозно поручиться. Университетскія корпораціи дѣйствуютъ, по свидѣтельству казанскаго попечителя, „*единственно* въ видахъ пользы учащейся молодежи:“ удостовѣреніе пріятное, но не слишкомъ ли смѣлое?

Странное дѣло, эти университетскія корпораціи! Онѣ автономны, правительство въ ихъ дѣла не вмѣшивается, только попечитель стоя у дверей приглашаетъ входящую молодежь безоглядно исполнять все что тамъ имъ предпишутъ и благоговѣйно относиться ко всему что тамъ имъ скажутъ; публика не можетъ туда заглядывать, серіозная печать не должна касаться того что тамъ происходитъ, студенты надъ которыми производятся операціи университетскаго самоуправленія не смѣютъ пикнуть. Значитъ, совсѣмъ крѣпко и заперто со всѣхъ сторонъ. Пусть печать настаиваетъ на измѣненіи государственнаго строя, — объ измѣненіи университетскихъ порядковъ она не должна заводить рѣчи. Да наконецъ, знаете ли что?—печальныя исторіи, такъ часто происходившія въ стѣнахъ университетовъ съ тѣхъ поръ какъ тамъ господствуютъ запертыя корпораціи, причинялись именно „серіозною“ печатью которая позволяетъ себѣ иногда врываться въ эти августѣйшія учрежденія... Серіозная печать волновала молодыхъ людей, отъ ней все зло, она и нигилизмъ породила. Вотъ послушайте что говоритъ г. казанскій попечитель: „Пресса несправед„ливо и огуломъ порицающая профессо„ровъ“ (какая же это пресса несправедливо и *огуломъ* порицаетъ профессоровъ?) „оказываетъ отечеству плохую услугу; под„рывая уваженіе къ профессорамъ и зна„ченіе университетовъ въ глазахъ учащей„ся молодежи; она какъ бы санкціониру„етъ студенческія демонстраціи и безпо„рядки въ стѣнахъ университетовъ и слѣ„довательно играетъ въ руку политиче„скимъ агитаторамъ.“

Вотъ какъ пишется офиціальная исторія!

А что если при введеніи новыхъ, предполагаемыхъ правительствомъ порядковъ, кто-либо изъ наставниковъ, по старой памяти, будетъ приглашать молодыхъ людей къ изъявленію духа критики относительно правительства, хотя бы въ лицѣ попечителя, должны ли они будутъ благоговѣйно и безоглядно послѣдовать приглашенію?

Г. попечитель съ грустью вспоминаетъ „о нѣкотораго рода pietas,“ но весь вопросъ какъ для серіозной печати и благомыслящихъ студентовъ, такъ и для правительства именно и состоитъ въ томъ чтобы возобновить „нѣкотораго рода pietas“ въ университетахъ и возвратить профессорамъ свойственный имъ характеръ.

№ 259.

Москва, 17-го сентября.

На дняхъ пронесся и служитъ съ тѣхъ поръ предметомъ толковъ слухъ о проектѣ серіознаго преобразованія системы денежнаго обращенія въ Россіи. Проектъ этотъ выставляется совершенно выработаннымъ, и въ газетахъ приводятся не только мотивы и общія начала реформы, но чуть ли не весь проектъ въ восьми пунктахъ, изложенныхъ офиціальнымъ слогомъ. До сихъ поръ предлагалось обыкновенно только два средства исправленія нашей денежной системы: изъятіе кредитныхъ билетовъ и усиленіе размѣннаго фонда. Проектъ признаетъ эти средства недостаточными, не достигающими цѣли заключающейся въ томъ чтобъ упрочить нашу монетную единицу и возстановить размѣнъ

кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, и находитъ нужнымъ подготовить предварительно условія при которыхъ упроченіе валюты и возстановленіе размѣна стало бы дѣломъ возможнымъ, и въ этихъ видахъ рекомендуетъ средства почерпнутыя не изъ финансовыхъ теорій, а изъ историческаго опыта. Именно, предполагается поставить денежное обращеніе въ Россіи приблизительно въ тѣ же условія въ которыхъ оно находилось въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, и при которыхъ такъ легко была совершена графомъ Канкринымъ замѣна прежнихъ ассигнацій размѣнными кредитными билетами.

Дѣйствительно, въ виду бывшихъ опытовъ, возлагать всѣ надежды въ дѣлѣ улучшенія денежной системы на изъятіе бумажныхъ денегъ могутъ только неисправимые доктринеры. Это средство уже было неоднократно у насъ испытано, но каждый разъ обманывало возлагаемыя на него надежды. Послѣднею по времени мѣрой въ этомъ смыслѣ былъ упомянутый указъ 1 января 1881 года Всякіе дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ прекращены; на Государственный Банкъ возложена обязанность, въ предѣлахъ возможности, извлекать ихъ изъ обращенія, и исполненіе этой операціи обезпечено выдачей Банку изъ Государственнаго Казначейства 417 милліоновъ въ теченіе восьми лѣтъ. Операція началась; казна уже уплатила Банку 67 милліоновъ и чрезъ нѣсколько недѣль уплатитъ еще 50 милліоновъ; не малая масса кредитныхъ денегъ перестала обращаться въ странѣ, перейдя въ кассовые сундуки Государственнаго Банка. Не смотря на все это, не только денежное обращеніе не улучшилось, но нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ которые давали бы надежду на улучшеніе въ будущемъ. Наша монетная единица не только не сдѣлала шага къ упроченію, а напротивъ сдѣлала шагъ попятный. Стоитъ сравнить нынѣшніе вексельные курсы съ тѣми какіе стояли въ теченіе всего 1880 года (а то былъ годъ особенно неблагопріятный, ознаменованный недостаточно обильнымъ урожаемъ) чтобъ убѣдиться въ томъ что нашъ рубль до изданія указа 1 января 1881 года цѣнился на денежныхъ биржахъ дороже чѣмъ цѣнится нынѣ. Ясно что для улучшенія нашей денежной системы долженъ быть избранъ иной путь, а не тотъ какимъ шли до сихъ поръ. Но желательно было бы убѣдиться что цѣль не достигаемая изъятіемъ кредитныхъ билетовъ будетъ вѣрнѣе достигнута въ случаѣ осуществленія новаго проекта, и что рекомендуемыя имъ мѣры не причинятъ потрясеній въ сложившемся экономическомъ бытѣ.

Цѣль проекта, какъ сказано, создать на Руси приблизительно тѣ же условія денежнаго обращенія какія были предъ 1839 годомъ. Тогда у насъ обращались рядомъ и ассигнаціи, и звонкая монета, ходившая съ большимъ лажемъ. Соотвѣтственно этому, нужно, по проекту, достигнуть того чтобы въ странѣ и нынѣ стали обращаться рядомъ какъ кредитные билеты, такъ и звонкая монета. Этому препятствуютъ статьи 66, 163, 164, 166 Монетнаго и ст. 613 Вексельнаго Уставовъ. Въ силу этихъ статей, всѣ счеты, условія и всякаго рода сдѣлки какъ между казной и частными лицами, такъ и у частныхъ лицъ между собою могутъ быть производимы и совершаемы только на серебро, съ обязательнымъ пріемомъ при платежахъ, взамѣнъ серебра, кредитныхъ билетовъ въ ихъ полной нарицательной цѣнѣ, съ воспрещеніемъ при этомъ всякаго лажа на звонкую монету. Цѣнимая много выше кредитныхъ рублей, монета перестала поэтому быть платежнымъ средствомъ и вышла изъ обращенія, ибо никому не выгодно платить сто рублей монетой стоящею полтораста. Проектъ предлагаетъ посредствомъ отмѣны вышеупомянутыхъ статей дать монетѣ возможность сдѣлаться платежнымъ средствомъ внутри Имперіи Пусть монета ходитъ съ лажемъ по рыночному курсу, пусть всѣмъ лицамъ неподатныхъ сословій (на податныя сословія дѣйствіе проектируемыхъ правилъ не распространяется) будетъ дозволено совершать сдѣлки по ихъ усмотрѣнію какъ въ кредитной, такъ и въ металлической валютѣ, пусть, наконецъ, сама казна принимаетъ звонкую монету и расходуетъ ее тоже по курсу (впрочемъ не рыночному, а назначаемому министромъ Финансовъ), пусть будетъ это сдѣлано, — и въ странѣ, по предположенію авторовъ проекта, начнется вновь монетное обращеніе, станутъ накопляться запасы монеты; затѣмъ, отъ повсемѣстнаго размѣна кредитныхъ билетовъ по измѣнчивому рыночному курсу уже не особенно трудно будетъ перейти или къ фиксаціи кредитнаго рубля, или

къ возстановленію его цѣнности, смотря по тому что̀ будетъ найдено удобнѣе. Такова сущность проекта. Но имѣются ли достаточныя гарантіи въ томъ что эти надежды оправдаются, что страна выиграетъ, а не потеряетъ отъ осуществленія проекта? Можетъ-быть мы ошибаемся, но мы опасаемся что вмѣсто пользы мѣра это можетъ причинить большой вредъ нашему денежному обращенію, всему нашему экономическому быту, и будемъ искренно благодарны тому кто намъ докажетъ неосновательность нашихъ опасеній.

Прежде всего мы недоумѣваемъ на чемъ основывается увѣренность что проектируемыя мѣры поведутъ къ накопленію запасовъ звонкой монеты во внутреннемъ обращеніи (въ этомъ заключается ближайшая, непосредственная цѣль реформы). Изъ того что въ Россіи было много звонкой монеты въ тридцатыхъ годахъ еще не слѣдуетъ что запасы ея во внутреннемъ обращеніи накопились вслѣдствіе лажа. Въ тѣ времена были совершенно иныя условія содѣйствовавшія накопленію золота и серебра въ Россіи, условія какихъ нынѣ нѣтъ и которыя не могутъ быть созданы офиціальнымъ допущеніемъ лажа. Въ тѣ времена международное финансовое и экономическое положеніе Россіи было нисколько не похоже на нынѣшнее. Мы не находились тогда въ такой финансовой зависимости отъ иностранцевъ какъ нынѣ, нашъ международный разчетный балансъ былъ постоянно скорѣе выгоденъ чѣмъ невыгоденъ для Россіи. По торговлѣ съ Европой стоимость нашего отпуска была постоянно выше стоимости привоза, такъ что ежегодно не мы иностранцамъ, а иностранцы намъ должны были приплачивать монетой. Среднее ежегодное превышеніе отпуска надъ привозомъ по пятилѣтіямъ было:

1824—1828	7.620.680	р. с.
1829—1833	14.493.160	„ „
1834—1838	9.135.425	„ „
1839—1843	11.994.380	„ „

Средній годовой излишекъ привоза золота и серебра предъ отпускомъ этихъ металловъ по торговлѣ съ Европой въ тѣ же пятилѣтія былъ:

1824—1828	2.128.940	р. с.
1829—1833	11.080.720	„ „
1834—1838	3.479.000	„ „
1839—1843	6.641.560	„ „

Не мудрено что при такихъ условіяхъ звонкая монета накоплялась на внутреннихъ рынкахъ, что на ряду съ русскою звонкою монетой была у насъ тогда въ большомъ ходу также и разная монета иностранныхъ чекановъ. Итогъ казенныхъ заграничныхъ платежей въ тѣ времена былъ также не великъ: и внѣшнихъ долговъ было мало, и заграничные заказы были умѣренны; число проживающихся за границей русскихъ путешественниковъ было также не велико. Если всѣ эти заграничные платежи не покрывались перевѣсомъ отпуска надъ привозомъ, то они съ избыткомъ покрывались золотомъ добываемымъ на сибирскихъ пріискахъ, и часть этого золота постоянно шла на увеличеніе внутреннихъ его запасовъ. То ли видимъ мы нынѣ? Вмѣсто выгоднаго торговаго баланса мы имѣемъ дѣло съ хроническимъ перевѣсомъ привоза надъ отпускомъ. Намъ ежегодно приходится не получать монету отъ иностранцевъ, а отпускать за границу свое золото и серебро въ уплату за иностранные товары. Внѣшніе долги выросли въ такихъ размѣрахъ что на проценты по нимъ, которые должны уплачиваться монетой, едва ли достаточно ста милліоновъ рублей ежегодно. Заграничные расходы по заказамъ и другимъ статьямъ также выросли въ страшныхъ размѣрахъ; еще въ большей мѣрѣ увеличилось число русскихъ путешественниковъ за границей, на прожитіе коихъ и переводятся туда ежегодно громадныя суммы русскихъ денегъ. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ собою какъ бы цѣлый рядъ чудовищныхъ насосовъ выкачивающихъ золото и серебро изъ Россіи за границу. Можетъ ли при дѣйствіи этихъ насосовъ накопляться на внутреннихъ рынкахъ звонкая монета только потому что она будетъ ходить съ лажемъ? Не какъ общее платежное средство, но какъ товаръ, звонкая монета и теперь переходитъ изъ рукъ въ руки не по нарицательной цѣнѣ, а съ большимъ лажемъ, котируемымъ въ курсовыхъ бюллетеняхъ, и между лицами неподатныхъ сословій едва ли много найдется такихъ которые отдавали бы свои полуимперіалы за 5 р. 15 к. Но высокій лажъ на звонкую монету при существующихъ условіяхъ не останавливаетъ отлива золота и серебра за границу; полагаемъ что не остановитъ ихъ отлива, не создастъ ихъ прилива и тотъ лажъ на

монету, который предлагается въ новомъ проектѣ. Находись въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ русскій торговый балансъ въ положеніи сходномъ съ нынѣшнимъ, имѣй мы тогда внѣшніе долги въ близкихъ къ нынѣшнимъ размѣрахъ, не было бы и тогда накопленія звонкой монеты въ русскомъ денежномъ обращеніи, и не было бы возможно исполненіе мѣръ 1839 и 1843 годовъ не взирая на тогдашнее хожденіе монеты съ лажемъ. Намъ кажется что противъ этого трудно спорить.

Далѣе, насъ смущаетъ мысль что осуществленіе проекта можетъ дать, между прочимъ, слѣдующіе едва ли желательные результаты:

Вопервыхъ, послѣдствіемъ предлагаемыхъ мѣръ можетъ быть сильный упадокъ вексельныхъ курсовъ и потеря кредитнымъ рублемъ его нынѣшней цѣнности не только при сдѣлкахъ съ иностранцами и переводахъ денегъ за границу, но и при всѣхъ внутреннихъ платежахъ. Наши вексельные курсы низки главнымъ образомъ вслѣдствіе громаднаго спроса на звонкую монету для заграничныхъ платежей. Не будь необходимости въ этихъ платежахъ, полуимперіалы не цѣнились бы по 8 р. и выше; будь цѣна полуимперіаловъ ниже, вексельный курсъ не замедлилъ бы повыситься. Прямой путь къ повышенію курсовъ—сокращеніе спроса на золото; усиленіе же этого спроса есть, наоборотъ, прямой путь къ пониженію курсовъ. Между тѣмъ результатомъ мѣръ предлагаемыхъ въ проектѣ должно быть усиленіе спроса на золото: кромѣ нужды въ немъ для заграничныхъ расплатъ, была бы создана новая, не существующая нынѣ нужда въ золотѣ для расплатъ внутреннихъ по разрѣшаемымъ въ проектѣ безчисленнымъ внутреннимъ сдѣлкамъ въ металлической валютѣ. Вмѣсто десятка рукъ тянущихся теперь къ каждому полуимперіалу и поднявшихъ его цѣну до 8 р. 19 к., явятся сотни рукъ которыя будутъ вырывать этотъ полуимперіалъ другъ у друга набивая на него цѣну до девяти, десяти, пожалуй и болѣе рублей. Какъ отозвалось бы это на вексельныхъ курсахъ? Принята ли въ соображеніе возможность—по нашему мнѣнію, неизбѣжность — такой перспективы? Было бы интересно знать какія въ этомъ отношеніи придуманы гарантіи.

Затѣмъ другое недоумѣніе. Помимо низкаго уровня вексельныхъ курсовъ, главный недостатокъ нынѣшнихъ условій денежнаго обращенія заключается въ неустойчивости этихъ курсовъ, въ частыхъ ихъ колебаніяхъ. Но прямо и непосредственно терпятъ отъ этихъ колебаній лишь непосредственные участники сдѣлокъ съ иностранцами, а на всемъ населеніи страны эти колебанія отзываются лишь косвенно и, сравнительно, въ довольно слабой степени. Для тѣхъ кто не имѣетъ надобности пріобрѣтать заграничныя тратты, или кто покупаетъ ихъ рѣдко и на малыя суммы, колебаніе курсовъ почти не чувствительно. Съ допущеніемъ внутреннихъ сдѣлокъ на звонкую монету, съ установленіемъ пріема кредитныхъ рублей въ платежи по этимъ сдѣлкамъ не иначе какъ по рыночному курсу дня, ежедневныя колебанія этого курса и невыгоды этихъ колебаній не будутъ ли чувствоваться повсемѣстно на всемъ пространствѣ Имперіи? Теперь рубль бываетъ то дороже, то дешевле только при переводахъ денегъ за границу, а въ предѣлахъ государства онъ всегда равенъ себѣ, всегда цѣнится во 100 коп. Но съ узаконеніемъ лажа, съ распространеніемъ сдѣлокъ въ металлической валютѣ, рубль утратитъ постоянство цѣнности и во всемъ внутреннемъ обращеніи: сегодня онъ стоитъ 65 к., завтра будетъ стоить 55 к., послѣ завтра 60 к., чрезъ недѣлю 50 к. Какое обширное, безграничное поприще для игры на повышеніе и пониженіе! Какая перспектива наживы для мастеровъ устанавливать курсы по своему произволу! Локализованное нынѣ зло не сдѣлается ли общимъ и повсемѣстнымъ? Спрашивается также, въ какомъ отношеніи можетъ быть сочтено улучшеніемъ нынѣшняго денежнаго обращенія то что въ странѣ будутъ одновременно два различные внутренніе курса на одни и тѣ же рубли: одинъ устанавляемый министромъ для сдѣлокъ съ участіемъ казны, другой вольный рыночный, различный въ разныхъ городахъ и мѣстностяхъ.

Выскажемъ еще одно изъ нашихъ опасеній: мы страшимся за весь внутренній государственный кредитъ, который, по нашему мнѣнію, можетъ быть поколебленъ осуществленіемъ проекта. Въ денежномъ обращеніи этотъ кредитъ держался на двухъ, такъ сказать, столбахъ: однимъ изъ нихъ, какъ извѣстно каждому грамотному человѣку читавшему то что на-

печатано на нашихъ бумажныхъ деньгахъ, былъ безостановочный во всякое время размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету; другимъ—присвоеніе кредитнымъ билетамъ хожденія во всей Имперіи *наравнѣ* съ серебряною монетой. Государственная необходимость привела къ пріостановкѣ размѣна; не слѣдуетъ ли тѣмъ болѣе остерегаться какъ бы не пошатнуть и второй изъ столбовъ на который опирается кредитъ дающій клочкамъ бумаги цѣну дѣйствительныхъ денегъ? Что же останется за кредитными деньгами если у нихъ будетъ отнято это послѣднее условіе ихъ цѣнности? Какъ отзовется на государственномъ кредитѣ этотъ пріемъ въ казну отъ народа звонкой монеты по повышеннымъ противъ кредитныхъ рублей цѣнамъ, это признаніе самимъ правительствомъ государственныхъ кредитныхъ денегъ не заслуживающими того довѣрія которое оказывается имъ народомъ?

№ 260.

Москва, 18-го сентября.

Предъ нами второе изданіе интересной нѣмецкой брошюры, подъ заглавіемъ: *Der Russisch-deutsche Krieg der Zukunft.* Съ начала семидесятыхъ годовъ, въ Австріи и съ 1878 года въ Германіи изъ подобнаго рода брошюръ, книгъ, статей составилась цѣлая литература. „Прежняя крѣпкая связь соединявшая Россію и Германію, такъ начинается названная брошюра, прежнія узы которыхъ было еще довольно чтобы свиданіе въ Александровѣ могло предотвратить войну, *болѣе не существуютъ* (курсивъ подлинника). Со времени Берлинскаго конгресса Россія привыкла видѣть въ Германіи своего главнаго врага.“ „Предъ нами все ближе и ближе ужасная русско-нѣмецкая война. Когда вспыхнетъ она никто не можетъ опредѣлить, но уже теперь необходимо ближе всмотрѣться въ этотъ призракъ (Gespennst), изучить его въ стратегическомъ отношеніи.“ Политика руководитъ стратегіей, ставитъ ей цѣли, указываетъ рамы. Нѣмецкій авторъ скрывшійся подъ иниціалами *P. J.*, начинаетъ замѣчаніемъ что Германія не можетъ и не будетъ дѣйствовать одна; у нея есть де союзникъ связанный съ нею единствомъ интересовъ (?) Австрія, для которой „истребительный бой съ европейско-азіатскимъ колоссомъ“ становится необходимостью. За Австріей потянется и еще кое-кто живущій восточнѣе ея. Германія, Австрія и ея союзники должны положить конецъ панславистскимъ стремленіямъ: иначе де и Австрійская монархія, „этотъ многосложный организмъ,“ развалится и прочность Германіи поколеблется. „Итакъ, лозунгъ будущей войны: hie Slave—hie Teutone!“. Но и Россія не втянется въ войну изолированною; у нея точно также есть естественный союзникъ Франція. „Каково бы ни было во Франціи правительство въ то время когда представится возможность вмѣстѣ со славянскимъ колоссомъ подавить Германію, общественное мнѣніе Франціи заставитъ вступить въ этотъ союзъ.“

За этимъ кавалерскимъ очеркомъ политическихъ условій будущей войны, нѣмецкая брошюра переходитъ къ военно-географическому очерку будущаго театра военныхъ дѣйствій. Цѣлая сѣть отлично снабженныхъ желѣзныхъ дорогъ ведетъ изъ Германіи и Австріи внутрь Россіи. Всѣ эти дороги связаны между собою путями проложенными вдоль русской границы въ нѣсколько линій и облегчающими сосредоточеніе австро-германскихъ силъ на операціонныхъ базисахъ. Хорошо развитой тевтонской желѣзнодорожной сѣти противопоставляется слабая русская сѣть. „Къ западному плацдарму ведутъ только три пути: отъ Петербурга, отъ Москвы, отъ Кіева съ боковыми вѣтвями (Вержболово, Грайево, Млава, Броды). Русскія дороги концентрируются у Варшавы,“ что составляетъ де главнѣйшую ошибку, которая неизбѣжно дастъ почувствовать себя въ будущую войну. „Во всей Польшѣ на Вислѣ только одинъ желѣзнодорожный мостъ. Если Россія построитъ даже линіи отъ Кутна, чрезъ Коло на Слупцы къ Познани и отъ Лодзя чрезъ Серадзь на Вильгельмсбрюкъ (къ Бреславлю) и на Калишъ, то и тогда невыгода единственной переправы дастъ себя почувствовать при концентрированіи войскъ на лѣвомъ берегу Вислы.“ Но изъ дальнѣйшихъ разсужденій нѣмецкаго автора видно что и дополнительныя линіи на лѣвомъ берегу Вислы и новыя переправы чрезъ нее были бы еще болѣе выгодны Нѣмцамъ чѣмъ намъ. Наши линіи за Вислой, и старыя и новыя, ведутъ прямо къ нѣмецкимъ крѣпостямъ и замыкаются ими.

Обращено вниманіе въ брошюрѣ и на разницу въ ширинѣ колеи русскихъ и заграничныхъ дорогъ. Русская колея шире, это представитъ нѣкоторыя затрудненія, но не устранитъ возможности ею воспользоваться. Можно де и колеса вагоновъ переставлять, на чтò имѣются приспособленія; можно и прямо сузить колею, переложивъ рельсы, чтò составляетъ теперь предметъ серіознаго изученія въ германской военной литературѣ. Все это относится только къ дорогамъ праваго берега Вислы; на лѣвомъ берегу, желѣзныя дороги отъ Варшавы къ Торну и къ Кракову имѣютъ ту же ширину колеи чтò и за границей; онѣ такъ же къ услугамъ Нѣмцевъ, „какъ и вновь проектируемыя тамъ линіи.“ Сравненіе желѣзнодорожныхъ системъ оканчивается интереснымъ замѣчаніемъ: „Съ военной точки зрѣнія нельзя оставить безъ вниманія, читаемъ въ брошюрѣ, что важнѣйшія и самыя большія дороги въ Австріи и Германіи находятся въ рукахъ государства, тогда какъ русскія линіи по большей части въ рукахъ разныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, хотя и зависимыхъ отъ правительства.“ Переходимъ къ крѣпостямъ. Русская граница охвачена желѣзнымъ кольцомъ: Кенигсбергъ, Летценъ, Остероде, Торнъ, Данцигъ, Грауденцъ, Познань, Кюстринъ, Глогау, Нейсе, Глатцъ, Краковъ, Пшемышль. „Что касается, напротивъ, русскихъ крѣпостей, то центръ тяжести составляетъ польскій треугольникъ Новогеоргіевскъ-Ивангородъ-Брестъ-Литовскъ, съ главнымъ пунктомъ Варшавой.“ „Въ югозападной Польшѣ есть еще мелкіе укрѣпленные пункты, но они или не заслуживаютъ по теперешнимъ требованіямъ вниманія, или какъ Замостье уже упразднены.“ Во второй линіи нѣмецкая брошюра останавливается на Динабургѣ, Бобруйскѣ и Кіевѣ. Второй потерялъ де значеніе съ тѣхъ поръ какъ желѣзная дорога обошла его съ сѣвера, а третій едва ли приведенъ въ состояніе отвѣчающее современнымъ требованіямъ. Въ послѣднее время, въ Россіи задумана де и повидимому уже производится постройка не малаго числа новыхъ укрѣпленій, а старыя исправляются, но все это дѣлается такъ скрытно что надлежащія свѣдѣнія имѣетъ развѣ только германскій генеральный штабъ, располагающій лицами „которыхъ можно послать на мѣсто in besonderer Mission.“ Этимъ ли путемъ или инымъ, но нѣмецкій штабъ держится au courant относительно русскихъ фортификаціонныхъ сооруженій.

Воюющія стороны намѣчены, театръ войны очерченъ, нѣмецкій авторъ переходитъ къ стратегическимъ комбинаціямъ. Онъ фантазируетъ въ началѣ осторожно. Русскіе дѣйствуютъ наступательно. Ихъ цѣль Берлинъ. Польша клиномъ вдается въ Германію, и потому именно де въ Польшѣ соберется главная русская сила и именно въ трехъугольникѣ Новогеоргіевскъ - Ивангородъ-Брестъ. Другая армія, базируясь на Ковно, двинется противъ Кенигсберга и Данцига къ нижней Вислѣ. Эту сѣверную русскую армію поддержитъ особый вспомогательный корпусъ, высланный отъ главной по правому берегу Вислы. Такимъ образомъ, хотя и съ потерею времени, съ большимъ расходомъ силъ, но прусская территорія отъ Кенигсберга до Вислы можетъ быть занята русскою силой, которая однако едва ли де рискнетъ перейти нижнюю Вислу; довольно ей будетъ дѣла съ осадою Кенигсберга, Данцига, Торна. Главныя русскія силы собранныя въ Польшѣ двинутся впередъ вдоль Варты, но по правому или по лѣвому берегу, это нѣмецкій авторъ рѣшать не берется, да ему и не надо: русская сила будетъ задержана здѣсь отчасти самою мѣстностью, представляющею множество дефиле, и укрѣпленіями Познани и Глогау. Третья русская армія почти такой же силы какъ и собранная въ Польшѣ двинется противъ Австріи отъ Дубна и Луцка на Броды и Львовъ... Но прежде нежели откроются военныя дѣйствія „Россія броситъ массы кавалеріи въ пограничныя области противника, особенно въ Восточную Пруссію частью чтобы занять ихъ, частью чтобы нагнать страхъ на противника, разрушить желѣзныя дороги, помѣшать мобилизаціи, замедлить ее.“

Вотъ вамъ военная фантазія, разыгранная недурно. Но если таковъ русскій планъ дѣйствій, то какъ будутъ противодѣйствовать ему Германія и К°? Вотъ другая часть фантазіи: Главныя силы Германіи будутъ отвлечены на западъ, противъ Франціи; восточную границу придется оборонять всего-навсе тремъ или четыремъ прусскимъ корпусамъ. „Эта трудная задача разрѣшима только обороной,“ но оборона эта должна де быть активною: наступленіе и тутъ есть conditio sine qua non германскаго генеральнаго штаба. Изъ четырехъ

корпусовъ одинъ займетъ гарнизоны въ Восточной Пруссіи, другой вдоль праваго берега Вислы, пользуясь желѣзною дорогой Маріенбургъ-Млава, двинется къ Новогеоргіевску и возьметъ или осадитъ его; остальные два прусскіе корпуса, опираясь на Познань или Торнъ, направятся къ Варшавѣ. Наступленіе это будетъ поддержано Австрійцами частью съ лѣваго берега Вислы, частью наступленіемъ большихъ силъ вверхъ по правому берегу на Ивангородъ… Русская армія парализована; она оставляетъ мысль о наступленіи, она отступаетъ. Нѣмецкія войска утверждаются на Вислѣ. Начинается новая кампанія. Прусаки останутся сторожить базисъ, и далѣе Вислы не пойдутъ, великодушно уступя союзнику, то-есть Австріи, нанести намъ окончательный ударъ въ самомъ центрѣ Россіи, въ Москвѣ, этой „неофиціальной столицѣ славянства, центрѣ русской торговли, промышленности и земледѣлія.“ По какою же дорогой думаетъ довести до Москвы разношерстную австрійскую армію германскій стратегъ? „Она пойдетъ, говоритъ онъ, отъ Варшавы на Брестъ-Литовскъ, а затѣмъ чрезъ Минскъ, на Смоленскъ.“ Это западная; восточной арміи Австрійцевъ рекомендуется „линія къ югу отъ болотъ Припети на Кіевъ, а потомъ по дорогѣ Курскъ-Орелъ-Москва ..“ На первомъ пути придется переправляться чрезъ историческую Березину, а восточнѣе втораго лежитъ Полтава.

По правдѣ сказать, все это походитъ на одну изъ тѣхъ работъ, которыя въ Пруссіи задаются офицерамъ штаба для изощренія ихъ въ военномъ соображеніи. Уму серіозному не представляется существенныхъ и уважительныхъ поводовъ къ войнѣ между Россіей и Германіей, и обѣ онѣ, какъ надо полагать, дорожатъ исторически установившимися связями между ними И та, и другая не разъ подумаютъ прежде чѣмъ рѣшатся воевать между собою. Для достиженія нѣкоторыхъ цѣлей имѣющихся въ виду германскою политикой, надо ей искать другаго пути, а никакъ не войны съ Россіей. Для будущаго должно служить указаніемъ прошедшее.

Но дѣла человѣческія не всегда разумомъ управляются. Являются случайности которыя и людей, и правительства увлекаютъ въ сторону, и вызываютъ событія противныя всякимъ соображеніямъ. Во всякомъ случаѣ, не только для войны, но и для крѣпости союза, великая держава должна быть готова къ войнѣ. Только твердо опираясь на свои силы, она можетъ обезпечить себѣ уваженіе и пріязнь другихъ.

№ 262.

Москва, 20-го сентября.

Поѣздка князя Николая Черногорскаго въ Россію возбудила, какъ и слѣдовало ожидать, самые разнообразные толки въ австро-венгерской печати, и каждое слово изъ рѣчей произнесенныхъ нашимъ высокимъ гостемъ въ Петербургѣ и Москвѣ подверглось было въ Вѣнѣ и Пештѣ кропотливому разбору и злобной критикѣ. Но публичныя заявленія князя Николая лишь подтвердили горячо и искренне всѣмъ извѣстную родственную связь Черногорцевъ съ Русскимъ народомъ; изъ этихъ заявленій нельзя извлечь ничего для политическихъ инсинуацій. Пришлось прибѣгнуть къ вымысламъ. И вотъ въ разныхъ вѣнскихъ газетахъ появились „достовѣрныя“ извѣстія о заключенномъ во время пріѣзда князя Николая „оборонительномъ и наступательномъ союзѣ“ между Черногоріей и Россіей. Условія этого союза, по сообщенію пражской *Politik*, съ нѣкотораго времени принявшей относительно Россіи тонъ совершенно враждебный, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Россія гарантируетъ Черногорскому Княжеству его неприкосновенность и обязывается содѣйствовать оному всячески въ расширеніи его границъ. 2) Черногорія, со своей стороны, вступаетъ въ вассальное отношеніе къ Россіи, обязываясь въ случаѣ войны отдать свою военную силу въ распоряженіе Россіи. 3) Россія выплачиваетъ Черногоріи ежегодно на удовлетвореніе ея военныхъ потребностей 400 000 рублей.

Вѣковыя узы соединяющія Россію съ геройскимъ населеніемъ Черной Горы и тѣ чувства преданности, коихъ краснорѣчивымъ выразителемъ былъ недавно князь Николай, не нуждаются въ письменныхъ договорахъ. Смѣшно говорить о формальномъ союзѣ на случай „наступленія и обороны“ между Россіей и крошечнымъ княжествомъ на берегахъ Адріатики. Но несомнѣнно то что независимость Черногоріи, коею она обязана, помимо геройства своихъ сыновъ, стараніямъ Россіи, всегда бу-

детъ заботою русской политики; несомнѣнно что всякій кто вздумалъ бы посягнуть на независимость Черной Горы будетъ имѣть дѣло съ Россіей. Для такого покровительства нѣтъ надобности въ писаныхъ трактатахъ, ибо ни въ какой взаимности со стороны Черногоріи Россія не нуждается; нужно лишь чтобы Черногорія осталась вѣрна самой себѣ и не поддалась бы тѣмъ коварнымъ заманиваньямъ изъ Вѣны, которыя остались не безъ вліянія на сербскихъ „либераловъ" въ Бѣлградѣ. Но въ томъ что Черногорія неспособна на малодушную измѣну своему историческому знамени, въ Вѣнѣ и Пештѣ убѣждены не менѣе чѣмъ въ Москвѣ. Зачѣмъ же, спрашивается, понадобилась выдумка? Очевидно лишь для того чтобъ имѣть поводъ къ новымъ нападкамъ на Черногорію, дабы оправдать тѣ мелкія придирки коими австро-венгерскія власти, пользуясь положеніемъ созданнымъ Берлинскимъ трактатомъ для Австріи у черногорскаго побережья Адріатики, не переставали тѣснить отрѣзанную отъ свободныхъ сообщеній съ остальнымъ міромъ Черногорію. Во время возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, австро-венгерская печать не переставала натравлять свое правительство противъ Черногоріи, доказывая что нѣтъ иного способа сладить съ инсургентами какъ посредствомъ военнаго занятія Черногоріи. Но Австрійское правительство благоразумно уклонилось отъ такого шага, очень хорошо сознавая что Россія не допустила бы нарушенія Черногорской территоріи. Теперь, когда возстаніе, по крайней мѣрѣ по увѣренію австро-венгерской печати, подавлено окончательно (что̀ сомнительно), новымъ предлогомъ для агитаціи противъ Черногоріи служатъ выдумки о поступленіи ея въ вассальныя отношенія къ Россіи.

Но конечная цѣль всѣхъ этихъ происковъ заключается въ томъ чтобы такъ или иначе облегчить вполнѣ созрѣвшій замыселъ Австріи совсѣмъ завладѣть Босніей и Герцеговиной и объявить эти провинціи достояніемъ австро-венгерской короны. Къ убѣжденію въ необходимости такого присоединенія склонились теперь и тѣ кто всѣми силами противились принятію Австріей подарка сдѣланнаго ей Берлинскимъ конгрессомъ. Общеимперскій министръ финансовъ, г. Каллай, вернувшійся недавно изъ ввѣренныхъ его управленію Босніи и Герцеговины, привезъ готовый планъ переустройства этихъ провинцій, который нынѣ обсуждается министерствомъ и будетъ предложенъ въ предстоящую сессію на обсужденіе австро-венгерскихъ делегацій. Планъ этотъ вполнѣ одобряется мадьярскою печатью, которая изъявляетъ готовность поддержать и требованіе правительства о новыхъ значительныхъ денежныхъ ассигновкахъ на Боснію и Герцеговину, но съ условіемъ чтобы предварительно устранено было самостоятельное, съ точки зрѣнія государственнаго права, отношеніе названныхъ провинцій къ Габсбургской коронѣ, другими словами, чтобы Боснія и Герцеговина были объявлены австрійскимъ достояніемъ навсегда, и притомъ чтобъ онѣ вошли въ составъ Транслейтанской половины имперіи.

Имѣлся, впрочемъ, въ виду и иного рода планъ, о которомъ впервые заговорилъ вѣнскій корреспондентъ *Всеобщей* (Аугсбургской) *Газеты.* Планъ этотъ заключается въ томъ чтобы Боснія и часть Герцеговины были уступлены Сербіи съ тѣмъ что Сербія обяжется заключить съ Австріей военную конвенцію; этимъ способомъ Австрія достигнетъ де троякой выгоды: во-первыхъ, она избавится отъ обузы навязанной ей Берлинскимъ трактатомъ которая до сихъ поръ ничего кромѣ великихъ хлопотъ и громадныхъ денежныхъ расходовъ ей не принесла; вовторыхъ, она этимъ путемъ болѣе всего привяжетъ къ себѣ Сербію и окончательно отвратитъ ее отъ Россіи, и втретьихъ, преданная Россіи Черногорія очутится де въ положеніи совершенно изолированномъ и будетъ де достойно наказана потерявъ всякіе виды на расширеніе своихъ границъ. Между сербскими либералами этотъ планъ встрѣтилъ большое сочувствіе. Одинъ изъ нихъ поспѣшилъ сообщить его въ парижскія газеты за подписью „вліятельный членъ сербской скупщины." Сербскій депутатъ-либералъ доказываетъ что такой великодушный поступокъ Австріи былъ бы для нея равносиленъ нравственному завоеванію молодаго Сербскаго королевства, которое стало бы „надежнымъ оплотомъ Австріи отъ опасностей грозящихъ ей съ восточной стороны."

Однако австро-венгерская печать не пришла въ восторгъ отъ этого плана: потому ли что Мадьяры окончательно свыклись съ тѣмъ что Боснія и Герцеговина составляютъ ихъ неотъемлемое достояніе, отня-

тое у Турціи хотя и не силой оружія, но служащее имъ вознагражденіемъ за ту братскую любовь которую они выказали Туркамъ во время послѣдней войны, по другой ли причинѣ, но Мадьярамъ вовсе не по вкусу пришлось предложеніе „облагодѣтельствовать" Сербію. *Пештскій Ллойдъ* ставитъ вопросъ, какимъ образомъ бѣлградскіе „совѣтчики" полагаютъ возможнымъ „чтобы маленькая Сербія совершила ту задачу, для которой Австро-Венгрія оказалась недостаточно богатою и сильною?"

Соединеніе Босніи и Герцеговины съ единоплеменною и единовѣрною Сербіей могло бы при извѣстныхъ условіяхъ совершиться безъ тѣхъ затрудненій кои встрѣтила въ этомъ дѣлѣ Австрія. Но само собою разумѣется что путемъ сдѣлки съ Австро-Венгріей подобное приращеніе не могло бы быть въ прокъ Сербіи, ибо сдѣлка эта состоялась бы слишкомъ дорогою цѣной, такъ какъ отъ Сербіи требуется ни больше ни меньше какъ поступленіе подъ военную команду Австріи, то-есть пожертвованіе столь дорого купленною независимостію. Это значило бы просто-напросто войти въ составъ Австро-Венгерской имперіи.

№ 263.

Москва, 21-го сентября.

Ниже мы печатаемъ два діаметрально противоположные отзыва объ одномъ и томъ же циркулярѣ Департамента Таможенныхъ Сборовъ, отъ 28 іюля 1882, касательно прекращенія выдачи таможнями свидѣтельствъ на вывозимые за границу съ отпускными товарами мѣшки. Въ корреспонденціи изъ Либавы департаментскій циркуляръ порицается какъ мѣра якобы крайне вредная для русской хлѣбной торговли, какъ ударъ нанесенный одному изъ важнѣйшихъ русскихъ интересовъ, въ силу чего и требуется отмѣна циркуляра. Въ статьѣ „Къ вопросу о джутовомъ мѣшкѣ" разъясняется что циркуляръ не только не вредитъ русской хлѣбной торговлѣ, но, напротивъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ ея интересами и положительно необходимъ, ибо безъ него законъ 12 мая 1881, положившій пошлину на джутовые мѣшки и столь важный для всей нашей прядильной и ткацкой льняной промышленности, остался бы только на бумагѣ, безъ исполненія. Который изъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе, чьи доводы убѣдительнѣе: автора ли Либавской корреспонденціи, г. Кузнецова, изучавшаго предметъ во время своей поѣздки въ Пруссію, гдѣ онъ посвятилъ нѣсколько недѣль собиранію новѣйшихъ данныхъ по хлѣбной торговлѣ, или г. Иванюшенкова, елецкаго хлѣботорговца, знакомаго со многоразличными условіями хлѣбной торговли изъ многолѣтней практики? Слѣдуетъ ли отмѣнить циркуляръ 28 іюля какъ мѣру ошибочную и вредную, или удержать эту мѣру въ ея полной силѣ какъ благотворную и требуемую русскими интересами? Этотъ вопросъ сталъ теперь предметомъ горячей, ожесточенной полемики; для обсужденія его собираются особыя совѣщанія при Министерствѣ Финансовъ, съ участіемъ экспертовъ, и множество заинтересованныхъ въ немъ лицъ съ трепетомъ ожидаютъ его рѣшенія въ ту или другую сторону. Въ возбужденныхъ имъ преніяхъ вопросъ о джутовыхъ мѣшкахъ утратилъ свой спеціальный характеръ и принялъ форму общаго жгучаго народно-хозяйственнаго вопроса о будущихъ судьбахъ, съ одной стороны, всей русской льняной промышленности, съ другой — русскаго хлѣбнаго отпуска. Попытаемся вникнуть въ спорный вопросъ и взвѣсить представляемые обѣими сторонами доводы.

Законъ 12 мая 1881 былъ изданъ въ интересахъ русской льняной промышленности. Эта промышленность начала было развиваться и въ нѣсколько лѣтъ удвоила число веретенъ; но начавшееся развитіе ея было подорвано вторженіемъ въ Россію заграничныхъ джутовыхъ мѣшковъ: бывшій прежде ничтожнымъ, цѣнившійся по стоимости какими-нибудь десятками, много сотнями тысячъ рублей, ввозъ джутовыхъ мѣшковъ быстро выросъ въ крупную статью внѣшней торговли, ежегодно на многіе милліоны рублей. Непрочнымъ, но дешевымъ джутовымъ мѣшкомъ были вытѣснены съ русскихъ рынковъ добротные, но болѣе цѣнные льняные и пеньковые. Сбытъ мѣшечнаго полотна прекратился, и вслѣдствіе этого должно было прекратиться и производство его. Вмѣсто сорока милліоновъ аршинъ крестьянскаго холста, на Нижегородскую ярмарку стало привозиться его какихъ-нибудь два-три милліона аршинъ. Массы кустарей во мно-

гихъ губерніяхъ, занимавшихся шитьемъ мѣшковъ, тканьемъ мѣшечнаго полотна и изготовленіемъ для него пряжи, должны были отказаться отъ подручнаго и привычнаго промысла и остались безъ заработковъ. На ряду съ кустарнымъ промысломъ стала падать и льняная фабрикація. По качеству нашего льна, обыкновенно лишь меньшая половина его количества по вѣсу можетъ идти на изготовленіе среднихъ и тонкихъ издѣлій, а остальные 50—60 процентовъ льна годны только для производства мѣшечнаго полотна. Съ прекращеніемъ этого производства идущій на него очесъ обращается въ простой отбросъ, и вся стоимость этого очеса становится чистымъ убыткомъ фабриканта. На всю цифру этого убытка поднимается стоимость и сырья, и фабричныхъ издѣлій, и вмѣстѣ со вздорожаніемъ ихъ утрачивается и возможность успѣшнаго ихъ сбыта. При такихъ обстоятельствахъ, нѣсколько крупныхъ льняныхъ мануфактуръ (напримѣръ, Охтинская въ Петербургѣ, Нарская близь Ярославля, Михина въ Костромѣ и др.) должны были закрыться, многія другія значительно сократили производство и едва могли держаться. Джутовый мѣшокъ сдѣлался для русской льняной промышленности вопросомъ быть или не быть. Начались ходатайства о наложеніи на привозные мѣшки пошлины въ размѣрѣ достаточномъ для огражденія льняной и пеньковой фабрикаціи, и эти ходатайства были наконецъ приняты въ уваженіе, но не прежде какъ выяснилась неосновательность всѣхъ высказавшихся опасеній что подъемъ пошлины, ставя въ выгодное условіе льняную промышленность, будто бы причинитъ за то большія невыгоды хлѣбной торговлѣ, и что такимъ образомъ первостепенные русскіе интересы будутъ принесены въ жертву интересамъ второстепеннымъ. Были спрошены по этому предмету мнѣнія многихъ хлѣботорговцевъ и всѣхъ биржевыхъ комитетовъ. Въ отвѣтъ на запросъ, въ Министерство Финансовъ поступило отъ полутораста наиболѣе значительныхъ въ Россіи фирмъ заявленіе что повышеніе пошлины на джутовые мѣшки никакого вреда хлѣбной торговлѣ не причинитъ, что, напротивъ, повышеніе этой пошлины желательно въ интересахъ самой хлѣбной торговли, ибо льняные мѣшки, хотя первоначально и обходятся нѣсколько дороже джутовыхъ, но превосходятъ ихъ своею прочностью и доброкачественностію, служатъ дольше выдерживая тройное число транспортировокъ и потому, въ конечномъ результатѣ, обходятся дешевле джутовыхъ. Въ томъ же смыслѣ дали отзывы всѣ биржевые комитеты кромѣ лишь тѣхъ которые по своимъ торговымъ связямъ заинтересованы въ большей мѣрѣ успѣхомъ кенигсбергскихъ хлѣбныхъ спекуляцій чѣмъ выгодами русской хлѣбной торговли вообще, или же прямо заинтересованы въ торговыхъ оборотахъ по привозу джутовыхъ мѣшковъ въ Россію. Лишь послѣ этого, вмѣсто прежнихъ 33 коп., на привозные мѣшки съ 1 іюля 1881 рѣшено было взимать въ таможняхъ по 2 руб. съ пуда.

Русская льняная промышленность стала оживляться; фабриканты приступили къ расширенію производствъ, начали возникать новыя фабрики, началось возрожденіе и кустарнаго промысла, такъ какъ по деревнямъ розданы были большіе заказы на мѣшки. Въ разчетѣ на усиленіе сбыта, мѣшки и мѣшечный холстъ были изготовлены въ большомъ количествѣ; но сбытъ не оправдалъ ожиданія: льняные мѣшки попрежнему вытѣснялись джутовыми. Провозители заграничныхъ мѣшковъ нашли возможность обходить законъ 12 мая и не платя ни двухъ рублевой, ни иной пошлины, водворять джутовые мѣшки въ Россіи безпошлинно. Лазейка къ обходу закона нашлась въ томъ обстоятельствѣ что таможни, взимая пошлину съ новыхъ привозныхъ мѣшковъ, пропускали безпошлинно тѣ въ которыхъ хлѣбъ вывозился изъ Россіи и которые привозились обратно. Г. Иванюшенковъ обстоятельно разъясняетъ какъ это дѣлалось, какъ хлѣбъ сталъ вывозиться въ мѣшкахъ-тряпкахъ негодныхъ къ дальнѣйшей транспортировкѣ; какъ на все количество этихъ мѣшковъ брались таможенныя свидѣтельства для обратнаго привоза; какъ негодные вывезенные мѣшки сбывались за границей на писчебумажныя фабрики, а въ замѣнъ ихъ, подъ видомъ обратныхъ, ввозились въ Россію, по таможеннымъ свидѣтельствамъ, новые джутовые мѣшки; какъ, наконецъ, пошла въ ходъ уловка для ввоза въ Россію мѣшковъ въ двойномъ количествѣ противъ того какое нужно для хлѣбнаго отпуска; хлѣбъ начали вывозить въ двойной тарѣ, мѣшокъ вкладывался въ мѣшокъ, и на все количество вывозимыхъ та-

кимъ образомъ негодныхъ мѣшковъ брались таможенныя свидѣтельства для обратнаго привоза уже не ихъ, а новыхъ джутовыхъ мѣшковъ!

Въ мартѣ текущаго года, льняные фабриканты ходатайствовали въ Министерствѣ Финансовъ о пресѣченіи подобныхъ злоупотребленій обращавшихъ въ ничто распоряженіе 12 мая и оказанное имъ таможенное покровительство льняной промышленности. Это ходатайство было повторено нынѣшнимъ лѣтомъ. Наконецъ Министерство Финансовъ рѣшилось дать силу изданному закону и закрыть лазейку посредствомъ которой онъ обходится; циркуляромъ 28 іюля выдача таможенныхъ свидѣтельствъ на безпошлинный привозъ обратныхъ мѣшковъ отмѣнена. Льняной промышленности дана наконецъ нужная ей охрана. Вѣсть объ этомъ пришла на Нижегородскую ярмарку въ самый ея разгаръ и вызвала множество заказовъ и кустарямъ, и фабрикантамъ, на мѣшки и мѣшечное полотно, и на снаряды для ихъ изготовленія.

Но вотъ вдругъ надъ льняною промышленностію собралась новая грозовая туча. Не прошло мѣсяца послѣ опубликованія циркуляра какъ уже въ Министерствѣ стали серіозно помышлять о его отмѣнѣ, о которой и идутъ тамъ въ настоящую минуту спѣшныя совѣщанія. Какой будущности ожидать льняной промышленности въ случаѣ отмѣны циркуляра, не говоря уже о тѣхъ убыткахъ какіе понесетъ она вслѣдствіе того что сдѣланные на основаніи его разчеты при заказахъ и растратахъ будутъ обмануты!

Такъ представляется дѣло съ точки зрѣнія интересовъ льняной промышленности. Но не измѣнится ли смыслъ дѣла если мы возьмемъ въ разчетъ интересы хлѣбнаго отпуска? Признавая всю необходимость таможенной охраны для льняной промышленности и всю важность развитія этой промышленности для Россіи, нельзя не согласиться что необходимость поддержки русскаго хлѣбнаго отпуска еще гораздо настоятельнѣе, что этотъ отпускъ для нея несравненно важнѣе, и что скорѣе можно поступиться интересами льнянаго производства чѣмъ интересами производства хлѣба. Русскій хлѣбный отпускъ переживаетъ нынѣ критическое время: вытѣсняющая насъ съ заграничныхъ рынковъ американская конкурренція становится все грознѣе; заграничный спросъ на русскій хлѣбъ уменьшился, и повсемѣстно въ Россіи цѣны на хлѣбъ сильно падаютъ. Ясно что впереди вопроса, должно ли оставить въ силѣ циркуляръ 28 іюля для поддержанія льняной промышленности, стоитъ болѣе важный вопросъ не требуется ли отмѣна циркуляра во избѣжаніе стѣсненій для хлѣбнаго отпуска. Хлѣбная торговля не страдаетъ отъ наложенія пошлины на джутовые мѣшки, но не потерпитъ ли она отъ циркуляра 28 іюля, который заставляетъ вывозить хлѣбъ каждый разъ въ новыхъ мѣшкахъ, тогда какъ одни и тѣ же могли бы служить нѣсколько разъ, увеличивая въ это число разъ накладные расходы на тару?

Несомнѣнно, однако, что потерпитъ не вся отпускная хлѣбная торговля, а лишь второстепенная ея вѣтвь. Главная масса русскаго хлѣбнаго отпуска идетъ моремъ, а не сухимъ путемъ. При морскомъ отпускѣ никакихъ мѣшковъ ни льняныхъ, ни джутовыхъ, не употребляется: хлѣбъ насыпается прямо въ корабельные трюмы. Лишь одна шестая, много одна пятая часть отпускаемаго хлѣба вывозится сухимъ путемъ, и лишь этой части хлѣбнаго отпуска циркуляръ 28 іюля грозитъ невыгодами.

Нельзя ставить на одну линію по важности льняной вопросъ съ хлѣбнымъ. Но съ интересами пятой и шестой доли хлѣбнаго отпуска льняные интересы могутъ посчитаться.

Льноводство и собственно хлѣбопашество суть одинаковыя отрасли одного и того же русскаго земледѣлія, и успѣхи того и другаго равно идутъ на пользу земледѣльцевъ. Страна не извлекала до сихъ поръ изъ льноводства тѣхъ выгодъ которыя оно могло бы давать вслѣдствіе слабаго развитія обрабатывающей льняной промышленности. Обращеніемъ русскаго льна въ цѣнныя издѣлія занимаются иностранцы; они пользуются громадными выгодами отъ такой переработки, тогда какъ на долю Россіи достается лишь дешевая цѣна производимаго ея почвой сырья. Правда, и эта доля въ общемъ итогѣ превосходитъ стоимость всего хлѣбнаго отпуска по сухопутной границѣ. Но ленъ давалъ бы намъ несравненно бо́льшія выгоды еслибы возможно бо́льшая часть его подвергалась переработкѣ въ самой Россіи, получая благодаря ей въ нѣсколько разъ бо́льшую цѣнность. И можно полагать что

страна не была бы въ накладѣ купивъ развитіе льняной промышленности даже цѣной нѣкоторыхъ потерь по сухопутному (только *сухопутному*) хлѣбному отпуску.

Но вопросъ о циркулярѣ 28 іюля стоитъ не только между льняною промышленностію и сухопутнымъ хлѣбнымъ отпускомъ, но еще между сухопутнымъ и морскимъ отпусками хлѣба. Интересы этихъ двухъ отпусковъ не одинаковы. Безпошлинный провозъ обратныхъ мѣшковъ уменьшаетъ расходъ на тару для сухопутнаго отпуска, и этому отпуску нѣтъ дѣла до того что этотъ безпошлинный провозъ служитъ каналомъ для завала русскихъ рынковъ джутовыми мѣшками. По морскому, вчетверо и впятеро большему, хлѣбному отпуску нѣтъ пользы отъ обратныхъ мѣшковъ, такъ какъ онъ идетъ безо всякой тары; этому отпуску можетъ причинить не малыя невыгоды вытѣсненіе со внутреннихъ рынковъ льнянаго мѣшка джутовымъ, привозимымъ подъ видомъ обратнаго. По разчету г. Иванюшенкова, употребленіе джутоваго мѣшка вмѣсто льнянаго увеличиваетъ расходъ на тару при перевозкѣ хлѣба къ портамъ до десяти копѣекъ на четверть. Спрашивается, чтò выгоднѣе для страны: осудить на такой накладной расходъ почти всю массу хлѣбнаго отпуска ради облегченія малой вѣтви отпускной торговли, или оставить эту малую вѣтвь съ нѣкоторою невыгодой въ тарѣ ради интересовъ главной массы хлѣбнаго отпуска?

Замѣтимъ далѣе что сокращеніе сухопутнаго хлѣбнаго отпуска не есть непремѣнно сокращеніе русскаго хлѣбнаго отпуска вообще: хлѣбъ который по дороговизнѣ тары не пойдетъ въ Кенигсбергъ можетъ, безъ большихъ неудобствъ, идти на Либаву, Ригу или Ревель, гдѣ никакихъ мѣшковъ не нужно и гдѣ при томъ не придется платить ввозную германскую пошлину.

Мы коснулись главныхъ пунктовъ возникшаго горячаго вопроса, но еще далеко не исчерпали его...

№ 264.

Москва, 22-го сентября.

Обращаемъ вниманіе на помѣщаемое ниже письмо нашего берлинскаго корреспондента. Касается оно вопроса о военномъ воспитаніи, имѣющаго и для насъ не малое значеніе. Всегда полезно знать чтó дѣлается у сосѣда.

Лѣтомъ этого года наши такъ-называвшіяся военныя гимназіи переименованы въ кадетскіе корпуса. Извѣстная часть *прессы* немедленно подняла неистовый гамъ; пошли вопли о солдатчинѣ, объ обращеніи школы въ казарму, гдѣ книги хранятся де лишь „для большихъ оказій,“ о насилованіи дѣтскихъ способностей, о предрѣшеніи будущности ребенка и о тому подобномъ вздорѣ. Къ сожалѣнію, вся эта болтовня, какъ кажется, не осталась безъ вліянія на тѣхъ кому надлежитъ вѣдать дѣло...

Намъ указываютъ на чужіе края, на западную Европу, заставляютъ насъ плѣняться конституціями и республиканскимъ режимомъ; но вотъ когда мы захотимъ попристальнѣе всмотрѣться въ тамошнія дѣла, и когда предъ нами обозначится въ точности и ясности именно то чтò было бы дѣйствительно полезно принять къ свѣдѣнію, оказывается что все это аракчеевщина и крѣпостничество. Вотъ, напримѣръ, республиканская Франція: о чемъ тамъ болѣе всего хлопочутъ и заботятся? Объ усиленіи власти, а у насъ либералы только изъ того и бьются чтобы власть утратила всякую силу. Тамъ принимаютъ всѣ возможныя мѣры и отваживаются на тяжкую борьбу даже съ господствующею, политически организованною, церковью, лишь бы не было государствъ въ государствѣ, а у насъ первѣйшій пунктъ прогресса чтобы государство внутренно разлагалось и внѣшнимъ образомъ дробилось по національностямъ нарочито фабрикуемымъ; во Франціи, странѣ шаблонныхъ учрежденій, прогрессъ обнаруживаетъ несостоятельность и фальшь неумолимо-несмѣняемыхъ судей, а у насъ сказать что судъ есть органъ государства и долженъ быть подчиненъ его верховной власти, это значитъ быть ретроградомъ и обскурантомъ; въ республиканской Франціи вводится военная дисциплина во всѣ учебныя заведенія а, у насъ либерализмъ требуетъ не допускать военнаго духа даже въ военныя школы...

Въ республиканской Франціи не слышно сѣтованій на то что въ школѣ водворится дисциплина и порядокъ. Французское правительство, какое бы оно тамъ ни было, все-таки понимаетъ что обучать начаткамъ военнаго дѣла дѣтей легче чѣмъ потомъ взрослыхъ, что „военный духъ состоитъ

изъ двухъ элементовъ, повиновенія и самоотверженія, и что государство не можетъ существовать безъ дисциплины." Еще въ министерство Жюля Ферри, Французское правительство, по сообщенію *Progrès militaire* заказало 200 тысячъ учебныхъ ружей системы Гра. Ружья эти рѣшено было изготовить такъ чтобы даже мальчики отъ 11 до 14 лѣтъ могли упражняться ими. Такими ружьями предполагалось снабдить всѣ безъ исключенія школы. Мѣнялись министерства и взгляды, но никто не усумнился въ пользѣ задуманной мѣры. Напротивъ, съ прошлаго года французскія школы, соединясь по нѣскольку или въ одиночку, образуютъ роты, баталіоны, имѣютъ знамена, получаютъ награды за успѣхи въ военныхъ экзерциціяхъ. Младшіе ученики учатся всему военному артикулу, старшіе уже стрѣляютъ въ цѣль. И въ этомъ видятъ не игру въ солдатики, а серіозное дѣло, ожидаютъ что лѣтъ десять общеобязательнаго военнаго образованія и военныхъ упражненій дадутъ Франціи „мужественное и благоразумное поколѣніе, здоровое тѣломъ и духомъ." „Мысль вѣрная," замѣтила по этому поводу одна изъ нѣмецкихъ военныхъ газетъ, именно *Deutsche Heeres-Zeitung*. Точно такъ же отозвался и другой значительный военный органъ *Militair-Wochenblatt*. Германія не хочетъ отставать отъ Франціи, и графъ Мольтке поспѣшилъ своимъ авторитетомъ поддержать эти начинанія, прямо выразивъ въ письмѣ ко Франкфуртскому обществу обученія юношества воинскимъ упражненіямъ, что съ военной точки зрѣнія такія упражненія весьма желательны. Нѣмецкій фельдмаршалъ имѣетъ въ виду общую воинскую повинность. Гдѣ она введена, тамъ каждый гражданинъ можетъ быть призванъ въ ряды арміи. Чѣмъ лучше приготовитъ его къ этой обязанности школа, тѣмъ меньше потребуется удерживать его въ мирное время подъ знаменами. Нѣмецкіе либералы давно уже жалуются что существующій въ Германіи de facto двухлѣтній срокъ службы слишкомъ дологъ и уже давно настойчиво добиваются въ парламентѣ его сокращенія. Въ послѣднія пять, шесть лѣтъ не проходитъ ни одна сессія имперскаго парламента чтобы не возникало серіозныхъ толковъ о сокращеніи сроковъ службы. Школьное обученіе начаткамъ военнаго дѣла можетъ дать выходъ изъ затрудненій.

Стоитъ обратить вниманіе на побужденія заставившія Францію, а за ней и Германію, озаботиться военнымъ воспитаніемъ школьной молодежи. Обѣ страны ревниво слѣдятъ другъ за другомъ. Франція напрягаетъ повидимому всѣ усилія чтобы не только не отстать въ военномъ отношеніи отъ Германіи, но по возможности опередить ее. Въ свою очередь Германія увѣренная въ томъ что рано или поздно идея отместки возьметъ верхъ во Франціи, принимаетъ мѣру за мѣрой чтобъ усилить свои вооруженія, и не смотря на финансовыя затрудненія не только не сокращаетъ, но увеличиваетъ наличный составъ своей арміи, строитъ крѣпости, корабли, готовится соединить Нѣмецкое море съ Балтійскимъ чтобы создать своему юному флоту прочное гнѣздо. Казалось бы что и мысль о военномъ воспитаніи всего населенія въ школьные годы возникла только изъ того же соревнованія. Но едва ли это такъ. Рѣчи французскихъ министровъ на военныхъ праздникахъ въ школахъ намекаютъ еще на другую, болѣе глубокую, причину. Министръ народнаго просвѣщенія, напримѣръ, при раздачѣ въ Реймсѣ ученикамъ наградъ за стрѣльбу въ цѣль, между прочимъ сказалъ: „Республика безъ дисциплины, основанная на прихотяхъ и разнузданности воли отдѣльныхъ личностей, есть не болѣе какъ куча пыли, которая при первомъ дуновеніи изнутри или извнѣ разлетится на всѣ четыре стороны." Если Франція имѣетъ причины опасаться этого дуновенія извнѣ, то еще болѣе у нея поводовъ бояться внутреннихъ разлагающихъ причинъ. Соціализмъ съ замѣчательною быстротой раскидывается въ странѣ. Какая бы партія ни стояла во Франціи у кормила правленія, самая сила вещей вынуждаетъ ее заботиться о возбужденіи патріотизма, о воспитаніи будущаго поколѣнія въ духѣ дисциплины. Въ Германіи также чувствуется надобность поднять военный, то-есть патріотическій духъ. Уже года четыре какъ въ Германіи все чаще и чаще появляются книги и статьи о введеніи военнаго элемента въ школьное воспитаніе, въ видахъ укрѣпленія патріотизма, политическаго единства, воспитанія воли. Эта литература возникла почти одновременно съ извѣстнымъ закономъ о соціалистахъ. Если взгляды ею выражаемые стали осуществляться только въ послѣднее время, то не по той ли при-

чинѣ что именно въ послѣднее время, какъ неоднократно замѣчалъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ князь Бисмаркъ, въ Германіи сталъ замѣтно падать тотъ высокій подъемъ духа который привелъ ее къ объединенію? Борьба партій усилилась, оппозиція все громче заявляетъ свои притязанія. Культурная борьба готова принять вновь широкіе размѣры, грозя обратиться прямо въ борьбу между католицизмомъ и лютеранствомъ. Нужны особыя усилія, особыя мѣры чтобъ укрѣпить въ воспитывающемся поколѣніи патріотизмъ. „А у насъ, спрашиваетъ корреспондентъ, у насъ кажется ни о чемъ подобномъ еще и рѣчи не было?“ Да намъ зачѣмъ патріотизмъ? Вѣдь это аракчеевщина и крѣпостничество...

№ 265.

Москва, 23-го сентября.

Шумный протестъ противъ циркуляра 28 іюля по таможенному вѣдомству поднятъ во имя интересовъ важнѣйшаго изо всѣхъ русскихъ производствъ, земледѣлія. Первая наша забота должна состоять въ томъ чтобы, съ одной стороны, обезпечить русскому хлѣбу рынки сбыта, отбиваемые у него американскою конкурренціей, съ другой—обезпечить русскимъ земледѣльцамъ достаточно выгодныя для нихъ хлѣбныя цѣны. Одно изъ признанныхъ средствъ къ достиженію этой двоякой цѣли заключается въ сокращеніи накладныхъ расходовъ съ которыми сопряженъ переходъ хлѣба отъ русскаго производителя къ иностранному потребителю. И вотъ, вмѣсто столь нужнаго сокращенія накладныхъ расходовъ, принимается де мѣра къ искусственному ихъ увеличенію! Министерство Финансовъ своимъ распоряженіемъ сдѣлало де то что на осьмину отпускаемаго за границу хлѣба должна отнынѣ ложиться накладнымъ расходомъ полная стоимость мѣшка въ которомъ хлѣбъ вывозится. При этомъ дается понять что такое возвышеніе накладнаго расхода должно повести или къ соразмѣрному подъему цѣнъ по которымъ русскій хлѣбъ предлагается иностранцамъ, что̀ было бы на руку американской конкурренціи, или же къ пониженію цѣнъ по которымъ должны сбывать свой хлѣбъ наши сельскіе хозяева. Пожалѣйте русскихъ земледѣльцевъ, подумайте о судьбахъ русскаго отпуска! такъ кричатъ на всѣ лады агитаторы домогающіеся чтобы министерство поспѣшило отмѣнить только что сдѣланное имъ распоряженіе.

Но, какъ оказывается изъ внимательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла, всѣ громкія фразы этихъ причитаній, весь этотъ горькій плачъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ и хлѣбномъ отпускѣ, все это только военная хитрость въ разчетѣ произвести ошеломляющее впечатлѣніе и, пользуясь имъ, достигнуть цѣли не имѣющей ничего общаго съ тѣми интересами которыми интрига прикрывается. Для главной массы хлѣба идущей отъ насъ за границу (отъ $^4/_5$ до $^5/_6$ всего отпуска) циркуляръ 28 іюля не только не создастъ никакого повышенія накладныхъ расходовъ, но напротивъ, служитъ гарантіей противъ ихъ подъема. О какомъ-либо вредномъ вліяніи этого распоряженія на морской хлѣбный отпускъ и на связанные съ нимъ первостепенные интересы русскаго сельскаго хозяйства не можетъ быть и рѣчи. Весь, раздутый агитаціей, вопросъ сводится къ оцѣнкѣ того вліянія которое можетъ оказать это распоряженіе на сухопутный отпускъ и на сельское хозяйство того района откуда хлѣбъ шелъ донынѣ не къ русскимъ, а къ германскимъ портамъ.

Еслибы всему этому району дѣйствительно пришлось потерпѣть отъ циркуляра 28 іюля всѣ тѣ невыгоды которыя такъ ярко расписываются агитаціей, то съ этимъ надо было бы помириться: мѣстный интересъ долженъ отступить предъ общимъ интересомъ государства. Въ данномъ случаѣ, однако, еще подлежитъ вопросу въ самомъ ли дѣлѣ сухопутному отпуску и тому району изъ котораго онъ идетъ распоряженіе 28 іюля угрожаетъ тѣми невыгодами на которыя такъ настойчиво указывается. При нѣкоторомъ вниманіи, и эти опасенія окажутся лишенными основанія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что районъ, откуда хлѣбный отпускъ по географическимъ условіямъ имѣетъ естественную наклонность направляться къ германскимъ портамъ предпочтительно предъ русскими, довольно ограниченъ; онъ искусственно расширенъ постройкой сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ ведущихъ къ сухопутной границѣ и въ особенности тарифною политикой этихъ дорогъ, которая

всѣми мѣрами стремится направлять грузы къ прусскимъ портамъ, отвлекая ихъ отъ русскихъ. Для тѣхъ мѣстностей которыя такимъ образомъ чуть не насильно включены въ область сухопутнаго сбыта, повышеніе накладныхъ расходовъ по тарѣ, какъ бы велико оно ни было, не имѣетъ значенія; стóитъ хлѣбнымъ грузамъ, какъ замѣчено въ № 263 *Моск. Вѣд.*, подойти по естественнымъ наклонамъ къ русскимъ портамъ, то и на эти грузы, при отправкѣ за границу, не будетъ падать ровно никакого расхода на тару, не говоря уже о томъ что это избавитъ ихъ отъ бóльшаго накладнаго расхода, именно отъ германской ввозной пошлины. Это поведетъ только къ нѣкоторому недочету въ германскомъ таможенномъ доходѣ, а насъ можетъ только радовать возвращеніе русскимъ торговымъ городамъ значенія отнятаго у нихъ городами иностранными.

Остается затѣмъ районъ дѣйствительно нуждающійся въ сухопутномъ отпускѣ, естественно тяготѣющій къ чужимъ приморскимъ городамъ. Но и для этого тѣснаго района, примѣненіе циркуляра 28-го іюля вовсе не угрожаетъ быть такимъ начетистымъ какъ стараются представить. Для сокращенія расходовъ на тару и здѣсь вовсе нѣтъ необходимости въ безпошлинномъ провозѣ обратныхъ мѣшковъ. Эти расходы могутъ быть сокращены безъ помощи тѣхъ, не всегда удобныхъ, манипуляцій пересыпанія хлѣба изъ однихъ мѣшковъ въ другіе, о которыхъ повѣствуетъ г. Кузнецовъ въ своей либавской корреспонденціи. Для этого есть болѣе простое и вѣрное средство. Не говоримъ о томъ что желѣзныя дороги введеніемъ у себя приспособленій для перевозки хлѣба по американскому способу насыпью, безъ мѣшковъ, могли бы совсѣмъ устранить вопросъ о тарѣ по сухопутному отпуску, такъ же какъ онъ устраненъ при отпускѣ моремъ. Въ этомъ отношеніи наши желѣзныя дороги туги на подъемъ, и хлѣбной торговлѣ пришлось бы долго ждать этой услуги. Сами торговцы вывозящіе хлѣбъ могутъ довести до ничтожества расходъ на мѣшки. И нѣтъ надобности употреблять для этого мѣшки которые стоили бы обратнаго привоза. Въ продажѣ имѣются въ изобиліи и новые и старые мѣшки бывшіе уже много разъ въ употребленіи, и подержанный мѣшокъ можно купить за безцѣнокъ, немного дороже стоимости тряпья. Ничто не мѣшаетъ покупать именно этотъ сортъ мѣшковъ для сухопутнаго вывоза, и въ обратномъ привозѣ такихъ мѣшковъ не будетъ надобности: ихъ выгодно будетъ продавать за границей на писчебумажныя фабрики, воспользовавшись при этомъ преміей освобожденія отъ уплаты пошлины которою, по нашему тарифу, обложено всякое отпускное тряпье. До какихъ минимальныхъ размѣровъ сократится при этомъ расходъ на тару можетъ разчесть каждый желающій. Вывозъ хлѣба по сухопутной границѣ въ мѣшкахъ-тряпкахъ, съ продажей этихъ мѣшковъ на писчебумажныя фабрики, уже практиковался экспортерами съ предосудительною цѣлію противозаконнаго ввоза въ Россію новыхъ джутовыхъ мѣшковъ подъ видомъ обратныхъ: почему же нельзя было бы пользоваться этимъ способомъ для честной цѣли?

Какой же смыслъ имѣетъ возбужденная противъ циркуляра 28 іюля агитація? Чьимъ интересамъ служатъ на дѣлѣ ея возбудители, публично выступающіе подъ маской адвокатовъ за интересы Россіи, ея земледѣлія и хлѣбнаго отпуска?

Что циркуляръ былъ встрѣченъ непріязненно въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ, что тамошніе торговцы сочли нужнымъ обратиться по этому поводу къ германскому канцлеру, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Что Общество Юго-Западныхъ Желѣзныхъ Дорогъ явилось въ Россіи выразителемъ кенигсбергскаго негодованія, въ этомъ, пожалуй, тоже нѣтъ ничего удивительнаго. Но не куріозно ли что агитація противъ министерскаго распоряженія, истинно полезнаго и вполнѣ отвѣчающаго дѣйствительно и правильно понятымъ интересамъ страны, находитъ поддержку въ средѣ чиновниковъ самаго Министерства Финансовъ, если вѣрить сообщеніямъ газетъ.

№ 266.

Москва, 24-го сентября.

Руководящіе органы европейской печати вновь предались пререканіямъ по вопросу о „естественной группировкѣ силъ“ и о комбинаціяхъ „наиболѣе соотвѣтствующихъ данному положенію вещей.“ Такого рода толки всегда знаменуютъ собою затишье или паузу въ дѣйствительной по-

литикѣ; но, съ другой стороны, политическая печать въ Европѣ слишкомъ тѣсно связана болѣе или менѣе невидимыми нитями съ офиціальными сферами, а потому разсужденія подобнаго рода нельзя принимать за пустыя измышленія праздныхъ журналистовъ, тѣмъ болѣе что во всѣхъ этихъ разнообразныхъ толкахъ можно прослѣдить извѣстную тенденцію.

Съ нѣкоторыхъ поръ, на первый планъ выдвинулся вопросъ о томъ возможно или нѣтъ болѣе тѣсное сближеніе между Англіей и Германіей.

Слухъ о томъ что Англія имѣетъ въ виду искать опоры въ Германіи, такъ какъ соглашеніе съ Франціей, о коемъ была рѣчь до англійскихъ побѣдъ, представляется де комбинаціей слишкомъ ненадежною въ виду крайней шаткости всего теперешняго строя во Франціи и непрочности кабинета Дюклера, слухъ этотъ былъ пущенъ впервые берлинскою печатью въ видѣ письма къ „одному берлинскому другу,“ которое было приписано члену Гладстоновскаго кабинета, г. Гошену, и хотя г. Гошенъ въ послѣдствіи отрекся отъ этого письма, но берлинская печать продолжала настаивать на томъ, что въ этомъ письмѣ отразилось настроеніе господствующее въ правительственныхъ сферахъ Англіи. Не отрицая того, что подобный планъ существуетъ, газета *Times* представила дѣло такъ какъ будто не Англійское правительство пыталось искать сближенія съ Германіей, а напротивъ послѣдняя желала убѣдить Англію, что ей нѣтъ надобности считать Германію непримиримою противницей своихъ плановъ на Египетъ. *Times* очень настойчиво доказываетъ въ статьѣ отъ 26 сентября, обратившей на себя всеобщее вниманіе, что Англія не должна сближаться съ другими державами въ ущербъ Франціи. „Англія никогда не забудетъ,“ замѣтила газета *Times*, „чѣмъ она обязана Франціи и не будетъ домогаться такого одобренія своему образу дѣйствій которое имѣло бы значеніе враждебное этому старому союзнику Англіи.“

Берлинская печать, въ свою очередь, продолжала настаивать что „заискиванье“ исходитъ отъ Англіи, которая опасается де чтобъ ея успѣхи въ Египтѣ не постигла участь Санъ-Стефанскаго договора. Но Германія, доказывала далѣе берлинская печать, совсѣмъ не имѣетъ повода выступать противникомъ англійскихъ стремленій въ Египтѣ, ибо, вопервыхъ, страна эта и самый Суэзскій каналъ имѣютъ де для Германіи лишь отдаленный интересъ, а вовторыхъ, господствующее положеніе Англіи въ Египтѣ совсѣмъ не настолько придавливаетъ „центральную Европу“ какъ то что̀ было выговорено для Россіи въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Но хотя Германія и не имѣетъ повода дѣятельно противиться теперешнимъ стремленіямъ Англіи, нѣтъ де также причины спѣшить ей на встрѣчу изъявленіями своего сочувствія пока теперешнее Англійское правительство не загладитъ своихъ прегрѣшеній относительно Германіи. Прегрѣшенія эти, перечисленныя берлинскою *Національною Газетой*, начались еще въ 1870 году, когда симпатіи г. Гладстона явно склонялись на сторону противника Германіи, что̀ выразилось въ снабженіи французскихъ войскъ англійскимъ оружіемъ и въ займѣ заключенномъ тогдашнимъ диктаторомъ, г. Гамбеттой, въ Лондонѣ. Затѣмъ г. Гладстонъ, вступивъ вновь во власть въ 1880 году, двояко задѣлъ Германію, своими рѣзкими нападками на Берлинскій трактатъ и враждебнымъ тономъ противъ Австріи. Все это берлинская газета объясняетъ однако тѣмъ что Англичане слишкомъ долго привыкли относиться свысока къ Германскому народу, который въ прошедшія времена предоставлялъ Англіи свои военныя силы за деньги, но съ которымъ Англія никогда не считалась какъ съ величиной политически ей равноправною. Отсюда и затаенная досада съ которою Англія взирала де на внезапно возникшее политическое могущество Германіи. Съ другой стороны, и въ Германіи послѣ 1870 года слишкомъ де низко ставили могущество Англіи, которую принято было сравнивать съ древнимъ Карѳагеномъ. Теперь Англичане доказали, по мнѣнію названной газеты, что могущество ихъ страны ни въ чемъ не понизилось сравнительно съ прошедшими временами, и пора де убѣдиться въ томъ что Англію и Германію связываютъ узы ближайшаго кровнаго родства и что союзъ между ними вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ естественнымъ интересамъ, „такъ какъ естественный врагъ съ коимъ рано или поздно, но неминуемо, придется имъ обоимъ столкнуться, есть Россія.“

Тѣмъ не менѣе однако, горделиво разсуждаетъ далѣе *Національная Газета*,

Германіи нечего предложить Англіи, и она въ ней не нуждалась бы даже въ томъ случаѣ еслибы вспыхнула новая война съ Франціей. Англія же, напротивъ, не можетъ быть увѣрена въ томъ что ей не понадобится содѣйствія Германіи. Бытьможетъ ей и удастся уладить свое дѣло въ Египтѣ не возбудивъ завистливаго противодѣйствія Франціи и „жадности Россіи всегда готовой броситься на добычу“ (!). Въ такомъ случаѣ Германія безъ зависти будетъ смотрѣть на этотъ успѣхъ. Но событія могутъ де принять и совсѣмъ иной оборотъ нежели тотъ на какой разчитываютъ въ Лондонѣ. „Англія,“ замѣчаетъ цитуемая берлинская газета, „легко быть-можетъ очутится въ такомъ положеніи какъ герцогъ Веллингтонъ, который, стоя во время битвы при Ватерлоо на высотѣ Монъ-Сенъ-Жана, озабоченно спрашивалъ: ужели Пруссаки еще не прибыли? Извѣстно что мы тогда явились. Но мы не забыли и того что за два дня до того, во время битвы при Линьи, Англичане не хотѣли оказать намъ помощи.“

Какъ ни извилиста берлинская аргументація, характерный образчикъ которой мы здѣсь привели, тѣмъ не менѣе очевидно что въ Берлинѣ очень бы желали теперь чтобъ Англія искала поддержки именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Этотъ оборотъ рѣзко отличается отъ недавнихъ берлинскихъ рѣчей. Когда египетская экспедиція только началась, въ Берлинѣ весьма злорадно указывали на то что Англія войдетъ въ Египетъ легко, но едва ли легко оттуда выйдетъ. Затѣмъ начались подзадориванія Франціи чтобъ она поспѣшила принять участіе въ египетскомъ походѣ, дабы заставить Англію подѣлиться съ нею выгодами предпріятія. Эти подзадориванія не привели къ желаемой цѣли. Французская печать не только не послушалась этихъ подстрекательствъ, но напротивъ стала усиленно выражать свое сочувствіе Англіи, а по отношенію къ Германіи приняла совершенно враждебный тонъ какого уже нѣсколько лѣтъ не было слышно. Тогда пущена была въ ходъ послѣдняя комбинація: появились „академическія“ разсужденія о родственныхъ узахъ соединяющихъ Англію съ Германіей, съ указаніями болѣе или менѣе маскированными на то что безъ помощи Германіи, которую не трудно де пріобрѣсти, Англіи едва ли удастся выйти изъ предстоящихъ ей затрудненій.

№ 267.

Москва, 25-го сентября.

Такъ-называемый Дунайскій вопросъ, долгое время тревожившій европейскую дипломатію, главнымъ образомъ австрійскую, былъ нѣкоторое время забытъ благодаря событіямъ въ Египтѣ, а теперь снова выдвигается на первый планъ, по крайней мѣрѣ австрійскими газетами. Предметомъ нападокъ журналисты Австро-Венгріи выбрали на этотъ разъ не Румынію, которая по разчету вѣнскихъ политиковъ должна будетъ въ концѣ концовъ уступить требованіямъ „могущественнаго сосѣда,“ а Россію... Дѣло въ томъ что между постояннымъ комитетомъ Дунайской коммиссіи и Русскимъ правительствомъ вышли нѣкоторыя недоразумѣнія. Блаженной памяти Парижскимъ трактатомъ учреждена коммиссія изъ делегатовъ державъ для регулированія судоходства въ устьяхъ Дуная. По толкованію вѣнскихъ газетъ, на Дунайскую коммиссію возложенъ надзоръ не только надъ Сулинскимъ гирломъ, но и надъ гирлами Килійскимъ и Св. Георгія, такъ какъ де уровень воды въ этихъ двухъ гирлахъ можетъ отразиться и на судоходности главнаго гирла, то-есть Сулинскаго. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, международная коммиссія постановила будто бы произвести нѣкоторыя разысканія и измѣренія въ Килійскомъ гирлѣ; Русское правительство однако предупредило Дунайскую коммиссію приказавъ своимъ инженерамъ произвести нужныя работы, а когда явились инженеры международной коммиссіи, то не разрѣшило имъ приступить къ работамъ (которыя оказываются совершенно излишними). Такимъ образомъ Русское правительство нарушило де права не только Дунайской коммиссіи, но и Румыніи, которой принадлежитъ правый берегъ Килійскаго гирла. Но либо Румынія вмѣстѣ съ Россіей имѣютъ право распоряжаться въ Килійскомъ гирлѣ, либо право это принадлежитъ только Дунайской коммиссіи и тогда совершенно излишне трактовать о нарушеніи правъ Румыніи. Члены постояннаго комитета международной Дунайской коммиссіи, сообщаютъ далѣе вѣнскія газеты, энергически протестовали предъ Русскимъ правительствомъ, но на протестъ этотъ не обращено де ни малѣйшаго вниманія (чего, конечно, и слѣ-

довало ожидать). Вслѣдствіе этого, возникаетъ де весьма важный вопросъ не будетъ ли международная коммиссія распущена. Эта перспектива повидимому ужасно пугаетъ австрійскихъ публицистовъ которымъ уже грезится обмелѣніе устьевъ „австрійской рѣки“ и захватъ Россіей Килійскаго гирла, которое она можетъ де сдѣлать судоходнымъ и воспользоваться исключительно для своихъ интересовъ.

Рѣзче другихъ нападаютъ на Россію газеты офиціозныя. Вѣнская *Presse* не довольствуется тѣмъ что оспариваетъ у Русскаго правительства право производить работы въ Килійскомъ гирлѣ, но воспрещаетъ ей въ случаѣ надобности (если Килійское гирло окажется совершенно неудобнымъ для судоходства) прорыть каналъ въ своихъ владѣніяхъ, который бы кратчайшимъ путемъ соединилъ Черное Море съ судоходною частію Дуная. Проектъ постройки подобнаго канала относится еще къ тому времени когда эта часть Бессарабіи принадлежала Румыніи. Ея князь, нынѣ король, желалъ прорыть такой каналъ, но Дунайская коммиссія, вслѣдствіе протеста турецкаго делегата, рѣшила что Парижскій трактатъ отдалъ Румыніи Бессарабскую *землю*, но не далъ права распоряжаться *водами* Нижняго Дуная, коими завѣдывать имѣетъ право только международная коммиссія. Вслѣдствіе этого рѣшенія, Румынія должна была отказаться отъ исполненія своего проекта. Вѣнская *Presse*, какъ оказывается далѣе, вполнѣ увѣрена что съ Россіей можно обращаться такъ же какъ съ вассальною Румыніей, каковою она была въ шестидесятыхъ годахъ когда постройка канала была отвергнута европейскою коммиссіей. „Воды нижняго Дуная находятся исключительно во власти международной коммиссіи, говоритъ офиціозная газета въ заключеніе, и мы надѣемся что есть еще *Европа*, и что она не допуститъ нарушенія Берлинскаго трактата.“

Какъ видно, въ офиціозныхъ сферахъ Австро-Венгріи совершенно перемѣнились взгляды въ послѣдніе пять-шесть мѣсяцевъ. Когда австрійскому проекту „смѣшанной коммиссіи“ (въ которую, по постановленію международной коммиссіи, должны войти представители отъ прибрежныхъ Нижнему Дунаю Сербіи, Болгаріи, Румыніи и *неприбрежной* Австріи) угрожала опасность быть отвергнутымъ Дунайскою коммиссіей, то вѣнскіе дипломаты поспѣшили торжественно заявить что въ случаѣ неудачи своего проекта они не согласятся на продленіе полномочій Дунайской коммиссіи, срокъ коихъ истекаетъ въ началѣ будущаго года, и не считали это нарушеніемъ Берлинскаго трактата. О Россіи прибрежной Дунаю и ея участіи въ „смѣшанной“ коммиссіи не было и рѣчи: Россія очевидно считалась въ это время державой такъ же неприбрежною Дунаю какъ Англія или Франція. Теперь, когда дѣло идетъ о правахъ Россіи, а не Австріи, на вопросъ этотъ смотрятъ иначе. Но либо Россія прибрежна Дунаю и тогда она имѣетъ такое же, и даже большее право засѣдать въ „смѣшанной“ коммиссіи чѣмъ Австро-Венгрія, либо она неприбрежна: значитъ Килійское гирло никакъ нельзя считать подлежащимъ вѣдѣнію международной коммиссіи...

Прорытіе канала отъ судоходной части Дуная къ Черному Морю не находится ни въ какомъ отношеніи къ Берлинскому трактату, которому угрожаетъ опасность не отъ Россіи, а отъ тѣхъ что съ нахальнымъ паѳосомъ выставляютъ себя защитниками европейскихъ трактатовъ собираясь захватить чужія области...

№ 269.

Москва, 27-го сентября.

Грубость лжи и обмановъ, помощію коихъ агитація разчитываетъ добиться отмѣны циркуляра 28 іюля по таможенному вѣдомству, была бы по истинѣ поразительною еслибы то же самое, въ разныхъ видахъ, не продѣлывалось уже много разъ въ разныхъ случаяхъ, по разнымъ частямъ управленія,—увы! часто съ полнымъ успѣхомъ.

Отмѣна министерскаго распоряженія, сдѣланнаго въ удовлетвореніе важныхъ русскихъ интересовъ, не нужна никому кромѣ иностранныхъ промышленниковъ занимающихся изготовленіемъ мѣшковъ изъ джуты да нѣсколькихъ фирмъ сбывающихъ ихъ въ Россію. Имъ естественно не хочется разстаться съ выгодами которыя давало имъ это дѣло. Пусть Россія платитъ ежегодно за границу по нѣскольку лишнихъ милліоновъ рублей за негодный хламъ; пусть терпитъ невыгоды русскій хлѣбный

торгъ, пусть гибнетъ русская льняная промышленность, пусть сидятъ безъ дѣла и заработковъ русскіе кустари, пусть страдаетъ русскій торговый балансъ, лишь бы эта отрасль иностранной промышленности и торговли процвѣтала.

Понятно отсюда, почему полтора года тому назадъ борьба противъ повышенія пошлины на привозные мѣшки велась съ такою горячностью и ожесточеніемъ. Казалось вопросъ былъ окончательно рѣшенъ узаконеніемъ 12 мая 1881. Но почти одновременно съ обнародованіемъ этого указа въ №111 *Правительственнаго Вѣстника* и въ № 21 *Указателя правительственныхъ распоряженій по Министерству Финансовъ*, были изданы, безъ малѣйшаго шума, особыя „правила“ (не опубликованныя ни въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, ни въ *Указателѣ Министерства Финансовъ*), предоставлявшія желающимъ возможность привозить мѣшки изъ-за границы не платя не только новоустановленной двухрублевой, но и прежней 33-копѣечной пошлины. Кому принадлежитъ иниціатива оказанія этой льготы иностранному джутовому производству, по какимъ мотивамъ она дана, въ какихъ совѣщаніяхъ обсуждалась, наконецъ, когда и кѣмъ утверждена,—все это для публики закрыто завѣсой канцелярской тайны.

Фирмы заинтересованныя въ сбытѣ къ намъ джутовыхъ мѣшковъ были конечно довольны такимъ исходомъ дѣла, какъ вдругъ, 28 минувшаго іюля, министръ Финансовъ пресѣкъ дѣйствіе благопріятныхъ для нихъ правилъ. Нельзя было, конечно, при такихъ обстоятельствахъ обратиться къ министру Финансовъ и сказать ему прямо: вернитесь къ statu quo ante, оставьте намъ наши барыши, и плюньте на интересы русской промышленности и торговли, русскихъ кустарей и торговаго баланса? Такая откровенность не обѣщала бы никакого успѣха. Но почему не избрать иной путь, путь громкаго крика о русскихъ интересахъ, будто бы настоятельно требующихъ сохраненія въ полной силѣ правилъ отмѣненныхъ министромъ?

И вотъ его циркуляръ выставленъ страшнымъ ударомъ нанесеннымъ не иностраннымъ джутовымъ спекулянтамъ,—нѣтъ, а русскому земледѣлію и—смѣшно сказать!—„бѣднымъ“ русскимъ кустарямъ. Къ министру обратились съ прямыми укорами что онъ будто бы облагаетъ пошлиной не заграничный, а русскій мѣшокъ, „забывъ бѣднаго кустаря“ и „игнорируя русское производство.“ Отъ вашего циркуляра, говорятъ ему печатно, „страдаетъ земледѣліе, конкурренція съ австрійскимъ и американскимъ хлѣбомъ становится почти немыслимою,“ вашъ циркуляръ „убиваетъ хлѣбное производство въ Россіи.“ (См. *Голосъ* № 250.)

Русскій кустарь выставляется обиженнымъ, потому что, на мѣсто безвозвратно ушедшаго за границу мѣшка, ему будетъ заказываться новый и доставаться лишній заработокъ! Русскій хлѣбный отпускъ выставляется затрудненнымъ мѣрою которая гарантируетъ ему сокращеніе накладныхъ расходовъ!

Все это только смѣшно, и однако все это было выслушано. Въ министерствѣ немедленно начались совѣщанія объ отмѣнѣ министерскаго циркуляра, о возстановленіи отмѣненныхъ имъ „правилъ.“ Одно изъ такихъ совѣщаній состоялось 4 сего сентября. Поражаетъ быстрота съ какою ведется дѣло: 28 іюля подписанъ циркуляръ, лишь 4 августа онъ обнародованъ и едва 10 августа началось по немъ исполненіе, какъ уже 4 сентября формально поставленъ вопросъ объ его отмѣнѣ! Къ участію въ совѣщаніи были приглашены многіе представители затронутыхъ вопросомъ интересовъ. Были выслушаны мнѣнія льняныхъ фабрикантовъ, хлѣбныхъ торговцевъ, представителей желѣзныхъ дорогъ,—и всѣ они, за исключеніемъ представителя Общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, г. Вышнеградскаго, заявили что циркуляръ 28 іюля не только не вредная, а положительно полезная во всѣхъ отношеніяхъ мѣра.

Казалось бы, послѣ этого, оставалось только предать вопросъ объ отмѣнѣ циркуляра полному забвенію и сдать дѣло въ архивъ. Нѣтъ. Если люди понимающіе дѣло, практически съ нимъ знакомые, заинтересованные въ немъ и дѣйствительно способные подать о немъ уважительное мнѣніе, не ведутъ рѣчей въ смыслѣ требуемомъ агитаціей,—пригласимъ экспертовъ иной категоріи; передадимъ дѣло объ интересахъ хлѣбной торговли и льнянаго производства на обсужденіе суконныхъ, чугунныхъ, нефтяныхъ и табачныхъ фабрикантовъ... Для чего, въ какихъ видахъ и интересахъ это дѣлается?

Ославивъ министерскій циркуляръ вред-

ною мѣрой, агитація пытается также выставить его мѣрою противозаконною. Намекается будто министръ Финансовъ, отмѣнивъ „правила" о безпошлинномъ пропускѣ обратныхъ мѣшковъ, превысилъ свою компетенцію. Онъ въ правѣ де только установлять порядокъ надзора за тѣмъ чтобы законъ не обходили, но онъ де не въ правѣ установлять принципъ по которому мѣшки внутренняго происхожденія, или же иностраннаго, но уже разъ оплаченные пошлиной, облагались бы пошлиной при обратномъ привозѣ въ Россію: для этого нужно де изданіе новаго закона.

Нѣтъ, для этого новаго закона не нужно: нужно лишь точное соблюденіе существующаго Таможеннаго Устава. Этимъ уставомъ опредѣлено (стт. 1.127 и 1.128) что если россійскіе товары, бывъ отправлены за границу, будутъ, по случаю несбыта ихъ тамъ, возвращены въ Имперію, то они пользуются свободнымъ и безпошлиннымъ пропускомъ. Но, вопервыхъ, это правило распространяется *только*, какъ прямо выражено въ законѣ, „на товары россійскаго произведенія, отпущенные за границу и за непродажею обратно привезенные; на товары же иностранные, отправленные за границу и за непродажею въ другой разъ въ Россію привезенные, распространяться не можетъ." Вовторыхъ, законъ установляетъ обратный безпошлинный привозъ непроданныхъ за границей русскихъ *товаровъ*, а не *тары*, въ которой эти товары были вывезены. Вполнѣ согласно съ этимъ, министерскій циркуляръ не возбраняетъ обратнаго безпошлиннаго привоза русскихъ мѣшковъ, если таковые были отправлены какъ товаръ для сбыта за границей; запрещенъ только обратный безпошлинный привозъ мѣшковъ вывезенныхъ не какъ товаръ, а какъ тара при другихъ товарахъ.

Вотъ еще образчикъ лжи пущенной въ ходъ интригой. Живописуя мнимыя бѣдствія въ которыя будто бы повержены хлѣбные торговцы распоряженіемъ министра, указываютъ между прочимъ на страшныя затрудненія съ которыми будто бы сопряжена для нихъ продажа за границей мѣшковъ изъ-подъ хлѣба: чтобы продать ихъ въ Германіи, нужно де сперва уплатить установленную германскимъ тарифомъ съ привозныхъ мѣшковъ довольно высокую пошлину. Дѣйствительно, мѣшки привозимые какъ товаръ обложены по германскому тарифу пошлиной. Но кто знакомый съ дѣломъ повѣритъ чтобы гдѣ-нибудь взималась пошлина съ мѣшковъ ввезенныхъ не какъ товаръ, а какъ тара при другомъ товарѣ? На тару нигдѣ не смотрятъ какъ на товаръ. Она взвѣшивается вмѣстѣ съ товаромъ и принимается какъ бы за этотъ товаръ если пошлина взимается съ вѣса *брутто*, или изъ общаго вѣса скидывается опредѣленный процентъ на тару, если пошлина взимается съ вѣса *нетто*.

Несмотря на явную фальшь во всемъ на что опирается агитація, она тѣмъ не менѣе не теряетъ надежды на успѣхъ своего дѣла. Если не будетъ разрѣшенъ безпошлинный привозъ всякихъ обратныхъ мѣшковъ, какъ льняныхъ такъ и джутовыхъ, то не будетъ ли по крайней мѣрѣ разрѣшенъ безпошлинный привозъ обратныхъ холстинныхъ мѣшковъ русскаго происхожденія, засвидѣтельствованнаго клейменіемъ въ таможняхъ? При такомъ исходѣ, дѣло агитаціи было бы выиграно. Ставить можно какія угодно клейма; за границей умѣютъ поддѣлывать даже Бабкинскія и Тюляевскія мизерицкія сукна для сбыта въ Китай подъ видомъ русскихъ. Затѣмъ, при громадныхъ массахъ обратныхъ мѣшковъ, не представляется никакой физической возможности провѣрять ихъ въ таможняхъ поштучно для удостовѣренія что всѣ они клейменые, русскіе и холстинные, что между ними нѣтъ иностранныхъ и джутовыхъ. Въ кипахъ обратныхъ мѣшковъ, безъ всякаго риска быть уличенными въ контрабандѣ, можно съ полнымъ удобствомъ провозить не только джутовые мѣшки въ какомъ угодно количествѣ, но и цѣнныя ткани подлежащія высокой пошлинѣ. Это, полагаемъ, находится внѣ сомнѣнія и требуетъ серіознаго вниманія. Можетъ-быть не лишнимъ будетъ также принять мѣры и къ тому чтобы джутовые мѣшки и другая контрабанда не могли проникать въ страну, между прочимъ, въ кипахъ тряпья привозимаго безпошлинно по 25 статьѣ таможеннаго тарифа.

№ 270.

Москва, 28-го сентября.

По отношенію къ Россіи издавна практикуется особый пріемъ, который почти всегда приводилъ къ желанному успѣху.

Когда требуется озадачить Россію, помѣшать ей въ чемъ-нибудь важномъ или неважномъ, прежде всего пускается въ ходъ газетная агитація. Застрѣльщики открываютъ атаку по всей линіи печати, а затѣмъ уже дипломатія выступаетъ со своими болѣе или менѣе рѣшительными возраженіями и протестами, причемъ „единодушныя заявленія общественнаго мнѣнія“ обыкновенно служатъ однимъ изъ „убѣдительныхъ“ аргументовъ. Искусственность агитаціи иногда до комизма очевидна, ибо безъ прямыхъ внушеній и сообщеній изъ дипломатическихъ канцелярій газетамъ никакъ нельзя было бы и узнать что Россія провинилась предъ *Европой*. Тѣмъ не менѣе, желанный эффектъ обыкновенно достигался, и только этимъ можно объяснить повтореніе того же маневра по поводу Килійскаго гирла на Дунаѣ, хотя на этотъ разъ онъ былъ какъ кажется неудаченъ, чему нельзя не порадоваться.

Но возникшая недавно агитація по поводу „самовольныхъ дѣйствій“ Россіи на Дунаѣ весьма характеристична сама по себѣ, если принять во вниманіе что одновременно съ этимъ та же европейская печать чуть не восхваляетъ рѣшимость съ которою Англія распорядилась по-своему въ Египтѣ наперекоръ европейскому концерту, который пытался было парализовать ея дѣйствія, но посрамился и замолкъ какъ только Англія выказала твердую рѣшимость дѣлать дѣло, а не расшаркиваться предъ дипломатіей.

Читателямъ уже отчасти извѣстно въ чемъ дѣло, такъ какъ мы на дняхъ уже имѣли случай коснуться вопроса о Килійскомъ гирлѣ Дуная, прилегающемъ къ той части Бессарабіи которая возвращена Россіи по Берлинскому трактату. Когда Килійское гирло находилось во владѣніи Румыніи о немъ не заботилась ни Румынія, ни Дунайская международная коммиссія, учрежденная по Парижскому трактату для поддержанія судоходства въ устьяхъ Дуная чрезъ регулированіе фарватера. Вся забота коммиссіи была сосредоточена на среднемъ, Сулинскомъ, гирлѣ; сѣверный же, Килійскій, рукавъ Дуная продолжаетъ заноситься пескомъ и мелѣть, и Румынія, во владѣніи которой этотъ рукавъ находится, также мало объ этомъ заботилась какъ и Дунайская коммиссія. Но когда прибрежье Килійскаго рукава вновь перешло во владѣніе Россіи, ея правительство возымѣло желаніе очистить это гирло и сдѣлать оное вновь удобнымъ для судоходства. Казалось бы что такое доброе намѣреніе должно бы всѣхъ порадовать, и особливо тѣхъ кто прямо заинтересованы въ плаваніи по Дунаю. Разчищая еще одинъ фарватеръ въ устьяхъ „международной“ рѣки, Россія очевидно ни въ чемъ не нарушила постановленій коими Европа оградила свободу устья Дуная. Сулинское гирло, коимъ до сихъ поръ исключительно пользовалось международное судоходство, остается попрежнему общимъ достояніемъ, и кто не пожелаетъ пользоваться новымъ воднымъ путемъ пролагаемымъ Россіей, тотъ можетъ попрежнему направить свое судно по Сулинскому фарватеру. Очевидно поэтому что практическій вопросъ объ углубленіи Килійскаго гирла по меньшей мѣрѣ безразличенъ для тѣхъ странъ суда коихъ плаваютъ по Дунаю. Для какой же цѣли понадобился этотъ газетный гвалтъ? Очевидно лишь для того чтобы дать Россіи почувствовать что „Европа бодрствуетъ надъ неприкосновенностью трактатовъ“ коль скоро ихъ можно, хотя бы съ натяжкой, истолковать къ невыгодѣ Россіи, и когда есть основаніе думать что можетъ быть съ успѣхомъ повторенъ относительно Россіи опытъ наглыхъ криковъ и битья оконъ.

На этотъ разъ однако опытъ не удался. *Journal de St.-Pétersbourg*, такъ много грѣшившій въ былое время своими компрометтирующими защитами Русскаго правительства, отвѣтилъ по поводу вопроса о Килійскомъ рукавѣ Дуная въ совершенно иномъ тонѣ. Въ замѣткѣ отъ 3 октября, которая передана была по телеграфу въ иностранныя газеты, *Journal St.-Pétersbourg* изобличилъ назойливую притязательность Дунайской коммиссіи, которая имѣла смѣлость требовать какъ мы узнаемъ изъ означенной замѣтки, чтобы самыя измѣренія предпринятыя русскими инженерами въ Килійскомъ гирлѣ были остановлены, такъ какъ измѣренія должны де производиться подъ ея наблюденіемъ. Названная газета весьма резонно доказываетъ что Дунайская коммиссія и ея исполнительный комитетъ учреждены для того чтобы заботиться о свободѣ судоходства по низовьямъ Дуная до самаго моря, для чего ею и предприняты были различныя работы въ Сулинскомъ гирлѣ. Килійское же гирло оставалось послѣ Парижскаго

трактата внѣ сферы заботъ и компетенціи Дунайской коммиссіи, и нѣтъ ни малѣйшаго повода расширить ея компетенцію лишь потому что Килійскій рукавъ Дуная вновь перешелъ во владѣніе Россіи.

Означенное заявленіе, принятое за границей какъ офиціозное, произвело свое дѣйствіе; оно истолковано было какъ твердое желаніе Русскаго правительства настоять на своемъ и не допускать международную коммиссію до вмѣшательства въ такое дѣло которое ея не касается. Газетная агитація не только сразу притихла противъ Россіи; но вчерашніе единомышленники стали попрекать другъ друга въ томъ что они затѣяли напрасный шумъ. Такъ нѣкоторые органы вѣнской печати начали доказывать что агитацію впервые подняли румынскія газеты, и что Румынія напрасно надѣется что она въ этомъ случаѣ получитъ поддержку изъ Вѣны. Дунайская коммиссія, разсуждали далѣе вѣнскія газеты, сама по себѣ есть учрежденіе коего дни изочтены: по Парижскому трактату срокъ ея существованія истекаетъ въ 1883 году и ея существованіе будетъ продолжено лишь въ томъ случаѣ если всѣ державы участвовавшія въ Парижскомъ трактатѣ изъявятъ свое на то согласіе. Поэтому Румыны очень де не кстати затѣяли свою агитацію въ пользу Дунайской коммиссіи, ибо это можетъ подать Россіи поводъ не согласиться на продолженіе ея существованія.

Въ указанную полемику вмѣшалась и берлинская печать. Но, замѣчательное дѣло, берлинская печать оказалась по этому вопросу болѣе строгою истолковательницей Парижскаго трактата нежели вѣнская. Въ Берлинѣ настойчиво доказываютъ что по точному смыслу параграфовъ 15, 16 и 17 сказаннаго трактата, *все* устье Дуная подчинено „верховной власти международной Дунайской коммиссіи, то-есть Европы,“ и что территоріальное право Россіи, послѣ пріобрѣтенія ею обратно придунайскаго клочка Бессарабіи, простирается не до средины прилегающей рѣки, какъ обыкновенно понимается прибрежное владѣніе, но лишь до берега. Поэтому вѣнской печати внушается изъ Берлина чтобъ она не увлекалась своимъ теперешнимъ недружелюбіемъ къ Румыніи до признанія притязаній Россіи которыя явно де противорѣчатъ буквальному смыслу Парижскаго трактата.

Едва ли есть надобность продолжать съ берлинскими газетами полемику по поводу „точнаго смысла Парижскаго трактата.“ Наиболѣе убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи предметомъ, который положитъ конецъ всякимъ пререканіямъ, будетъ продолженіе тѣхъ работъ которыя Россія сочла нужнымъ предпринять у своего дунайскаго берега.

Но не куріозно ли что именно берлинская печать считаетъ почему-то полезнымъ поддерживать столь вздорную, а главное безплодную, полемику противъ Россіи?

№ 271.

Москва, 29-го сентября.

Скопинскій Общественный Городской Банкъ постигла наконецъ та судьба которой давно опасались, которой нельзя было не предвидѣть. Первое извѣстіе о Скопинскомъ крахѣ принесла телеграмма *Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства*, сообщившая что 23 сентября собралось въ Скопинскомъ Банкѣ болѣе 150 вкладчиковъ, но что ни члены правленія, ни служащіе въ этотъ день не явились, а пришелъ въ 12 часовъ только кассиръ чтобъ объявить вкладчикамъ что денегъ въ кассѣ нѣтъ, послѣ чего вкладчики потребовали составленія полицейскаго акта. Передавъ это извѣстіе, мы сочли за лучшее повременить нѣсколько сужденіемъ о фактѣ, въ виду вѣроятности, хотя и очень слабой, что дальнѣйшія извѣстія могутъ быть выставятъ его значеніе въ менѣе неблагопріятномъ смыслѣ. Но никакихъ сомнѣній болѣе нѣтъ, фактъ подтвердился во всей его неприглядности. Между прочимъ, нашъ калужскій корреспондентъ сообщилъ намъ что многіе калужскіе крупные вкладчики Скопинскаго Банка ѣздили въ Скопинъ для полученія своихъ вкладовъ, но возвратились ни съ чѣмъ, и что всѣмъ причтамъ Калужской епархіи уже дано предписаніе доставить въ мѣстную консисторію свѣдѣнія о томъ сколько хранится въ Скопинскомъ Банкѣ принадлежащихъ церквамъ денегъ.

Фактъ крупный, по своему значенію далеко оставляющій позади себя памятное Москвичамъ крушеніе въ 1875 году Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ. Скопинскій Банкъ, какъ и многіе другіе

одной съ нимъ категоріи, былъ только по названію „городскимъ общественнымъ,“ предназначеннымъ къ удовлетворенію только мѣстныхъ нуждъ въ кредитѣ,—онъ распространялъ свои операціи на всю Россію. Не былъ онъ „мѣстнымъ“ и по размѣру своихъ операцій, которому могли бы позавидовать многіе изъ нашихъ акціонерныхъ банковъ. По отчету Скопинскаго Банка за 1879 годъ, его основный капиталъ къ 1 января 1880 превышалъ 1.107.000 р., между тѣмъ какъ двѣнадцать акціонерныхъ банковъ, дѣйствовавшихъ одновременно съ нимъ, довольствовались значительно меньшими капиталами *). Сумма вкладовъ ввѣренныхъ Скопинскому Банку простиралась къ 1 января 1880 года, по тому же отчету, до 10.212.000 руб.; такой суммы вкладовъ не имѣли одновременно въ своемъ распоряженіи не только вышеупомянутые двѣнадцать акціонерныхъ банковъ, но и многіе банки съ гораздо болѣе крупными основными капиталами **); такой суммы вкладовъ не имѣлъ къ 1 января 1880 года даже С.-Петербургскій Частный Коммерческій Банкъ при его пятимилліонномъ капиталѣ. Уменьшился ли къ текущему сентябрю итогъ скопинскихъ вкладовъ съ 1 января 1880 года мы не знаемъ, но если и уменьшился, то едва ли на значительную цифру; по всей вѣроятности въ моментъ прекращенія платежей пассивъ Скопинскаго Банка былъ не менѣе десяти милліоновъ, — и разсѣянные по всей Россіи вкладчики, довѣрившіе Скопинскому Банку во многихъ случаяхъ свои послѣднія средства, свои кровныя сбереженія про черный день, переживаютъ теперь тяжелыя минуты.

Но однимъ пассивомъ прекратившаго платежи городскаго банка значеніе Скопинскаго краха не ограничивается. Какъ крушеніе погубленнаго докторомъ Струсбергомъ Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ, причинивъ панику, серіозно отозвалось на операціяхъ почти всѣхъ другихъ банковъ, такъ и банкротство Скопинскаго Банка не пройдетъ безслѣдно для однородныхъ съ нимъ городскихъ общественныхъ банковъ.

А многіе ли изъ этихъ городскихъ банковъ окажутся въ состояніи удовлетворить своихъ кредиторовъ, если они, подъ вліяніемъ паники, станутъ являться толпами требуя возврата вкладовъ? Вѣдь многіе изъ слабыхъ сторонъ устройства и дѣятельности Скопинскаго Банка, приведшихъ его къ катастрофѣ, составляютъ не исключительную его особенность, а общую принадлежность большей части, если не всѣхъ, городскихъ общественныхъ банковъ; почти всѣ они между собою родные братья, всѣ порождены однимъ и тѣмъ же Нормальнымъ Положеніемъ о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ 6 февраля 1862, изданіемъ котораго такъ гордились многіе изъ нашихъ финансистовъ. Для вызванныхъ ими къ жизни кредитныхъ учрежденій наступилъ нынѣ критическій періодъ испытанія, которое многимъ, очень многимъ изъ этихъ учрежденій окажется непосильнымъ. То что случилось въ Скопинѣ можетъ повториться, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, во многихъ десяткахъ другихъ городовъ. Нельзя знать какіе размѣры можетъ принять кризисъ подъ вліяніемъ паники; но они могутъ быть ужасны. Чтобы судить о нихъ достаточно вспомнить что общій итогъ пассивовъ всѣхъ городскихъ общественныхъ банковъ простирается до двухсотъ милліоновъ рублей, если не болѣе.

И не одни безчисленные вкладчики нѣсколькихъ сотъ городскихъ банковъ могутъ быть охвачены паникой, могутъ стать жертвами кризиса. Непосредственное вліяніе его можетъ лечь тяжелымъ кошмаромъ на цѣлыя массы городскихъ населеній не имѣвшихъ никакого касательства къ городскимъ банкамъ, не принимавшихъ ни пассивнаго, ни активнаго участія въ ихъ операціяхъ, и лишь фиктивно связанныхъ съ ними Нормальнымъ Положеніемъ о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ. Въ силу ст. 25 этого Положенія, ввѣренные городскому общественному банку „вклады обезпечиваются ручательствомъ всего городскаго общества которое отвѣтствуетъ и за цѣлость всѣхъ суммъ банка.“ На городскихъ обывателей, вслѣдствіе этого, банкротство городскаго общественнаго банка ложится еще несравненно тяжеле чѣмъ на вкладчиковъ. „Что значитъ переполохъ произведенный крушеніемъ Коммерческаго Ссуднаго Банка въ Москвѣ,“ писали мы

*) Именно: Лодзинскій торговый, Виленскій частный коммерческій, Псковскій коммерческій, Нижегородскій коммерческій, Рязанскій торговый, коммерческіе: Минскій, Либавскій, Воронежскій, Кременчугскій, Екатеринославскій, Тифлисскій и Костромской.

**) Азовско-Донской, Варшавскій учетный, Рижскій, Кіевскій промышленный, Кіевскій частный коммерческій, Николаевскій коммерческій.

7 ноября 1875 года, — „въ сравненіи съ тѣмъ какой произошелъ бы въ иномъ уѣздномъ городѣ, когда жители его въ одно прекрасное утро узнали бы вдругъ что ихъ городской банкъ оказался несостоятельнымъ на нѣсколько милліоновъ, или хоть на нѣсколько сотъ тысячъ, и что именно имъ, а не кому другому придется выплатить вкладчикамъ эти милліоны и сотни тысячъ. И въ какое недоумѣніе были бы поставлены эти городскіе обыватели въ виду совершенной неизвѣстности какимъ способомъ осуществится ихъ ручательство за вклады внесенные въ ихъ банкъ и за цѣлость всѣхъ суммъ этого банка! Поведетъ ли за собой это ручательство продажу съ аукціона всѣхъ ихъ пожитковъ, или дѣло ограничится ассигнованіемъ правительственной ссуды и уплатой ея съ разсрочкою, съ процентами или безъ процентовъ, изъ текущихъ городскихъ доходовъ, которыхъ недостаетъ часто на удовлетвореніе насущныхъ потребностей городскаго благоустройства? На этотъ вопросъ Нормальное Положеніе о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, установившее полное, ничѣмъ не ограниченное ручательство городскихъ обществъ за ихъ банки, не даетъ никакого отвѣта."

Высказывая это семь лѣтъ тому назадъ, посвятивъ тогда вопросу о городскихъ общественныхъ банкахъ четыре обширныя статьи, мы указывали на необходимость безотлагательнаго пересмотра Положенія о Городскихъ Банкахъ, въ особенности на необходимость назначенія немедленной ревизіи этихъ банковъ и установленія надъ ними серіознаго, строгаго правительственнаго контроля, въ видахъ предотвращенія возможной катастрофы. Въ семь лѣтъ, однако, ничего въ этомъ отношеніи сдѣлано не было, и до сихъ поръ идутъ лишь предварительные толки о пересмотрѣ Положенія въ сказанномъ смыслѣ. Но въ настоящую минуту задача состоитъ уже не въ томъ чтобы предупредить возможность катастрофы: она уже совершилась. Реформа городскихъ банковъ не перестала быть настоятельною необходимостью, но однимъ пересмотромъ Положенія нельзя утишить бурю сокрушившую Скопинскій Банкъ и грозящую тою же участью множеству другихъ банковъ той же категоріи. А главная задача и состоитъ теперь въ томъ чтобъ утишить начавшуюся бурю, ограничить размѣры кризиса, и не дать паникѣ распространиться повсемѣстно. Прекратить тревогу надо какъ въ экономическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; это требуется въ интересахъ общаго земскаго мира. Необходимо, полагаемъ, съ одной стороны успокоить вкладчиковъ, безотлагательно давъ имъ гарантію въ томъ что ни банкротство Скопинскаго Банка, ни другіе подобные же случаи которыхъ можно опасаться, не причинятъ имъ разоренія, не поглотятъ ихъ сбереженія. Съ другой стороны, въ той же, если не въ большей степени, необходимо успокоить населенія тѣхъ городовъ гдѣ имѣются городскіе общественные банки, введя въ разумные и справедливые предѣлы ту имущественную отвѣтственность за чуждыя и непонятныя простымъ городскимъ обывателямъ банковыя операціи которая возложена на нихъ ст. 25 Нормальнаго Положенія.

Было неправильно и несправедливо отнестись ко вкладчикамъ какъ Скопинскаго, такъ и другихъ городскихъ банковъ безучастно, предоставивъ имъ вѣдаться съ несостоятельнымъ должникомъ какъ они сами знаютъ и учреждать конкурсъ надъ Скопинскимъ городскимъ обществомъ на основаніи общаго коммерческаго права, съ перспективой получить по нѣскольку копѣекъ за рубль. Скопинскій, какъ и всякій другой общественный банкъ, не есть частное кредитное учрежденіе. Ему довѣрялись вклады не столько подъ гарантію его капиталовъ (основнаго и запаснаго) и общественной городской отвѣтственности, сколько по довѣрію къ правительству. Въ виду всего этого если Скопинскій крахъ потрясетъ благосостояніе всѣхъ членовъ, то это будетъ ударомъ не только Скопинскому, но и правительственному кредиту. А для огражденія послѣдняго можно, полагаемъ, не скупиться и на нѣкоторыя жертвы.

Еще несправедливѣе было бы отнестись безучастно къ Скопинскому (какъ и ко всякому другому городскому обществу) осудивъ его платить полностью за разбитые горшки послѣ заключительнаго финала не имъ разыгранной банковой оргіи. Было бы крайнею несправедливостію, было бы явною завѣдомою ложью сказать скопинскимъ обывателямъ: вы сами задумали у себя банковое дѣло, приступили къ нему съ полнымъ сознаніемъ принятой на себя отвѣтственности, вели его какъ

хотѣли на полной вашей волѣ и пользовались его выгодами; пожните же теперь плоды вами посѣяннаго; любили кататься, любите и саночки возить. Нѣтъ, Скопинскій Банкъ (какъ и другіе прочіе) основанъ вовсе не по инпціативѣ мѣстныхъ городскихъ обывателей; они не подумали бы браться за темное для нихъ банковое дѣло, можетъ-быть отчурались бы отъ него, еслибъ оно не было рекомендовано всѣмъ городамъ изданіемъ Нормальнаго Положенія, и еслибы затѣмъ учрежденіе городскихъ общественныхъ банковъ не поощрялось прежнею финансовою администраціей. Не имѣя понятія о банковомъ дѣлѣ, городскіе обыватели тѣмъ менѣе могли понимать и сознавать его возможные результаты; сомнительно чтобы между этими обывателями много было такихъ которые читали Нормальное Положеніе, и даже между читавшими едва ли довольно такихъ которые были въ состояніи понять и взвѣсить прочитанное. Въ учрежденіи Скопинскаго Банка мѣстные горожане неповинны даже и безсмысленною подачей голосовъ о непонятномъ и невѣдомомъ дѣлѣ. Банкъ учрежденъ въ 1863 году, а при тогдашнемъ городскомъ режимѣ не имѣло мѣста даже и то фиктивное участіе горожанъ въ городскихъ дѣлахъ какое практикуется при нынѣшнемъ фиктивномъ городскомъ самоуправленіи. Дѣло было затѣяно и велось немногими мѣстными тузами, и горожане помимо ихъ воли нежданно-негаданно очутились въ положеніи поручителей по обязательствамъ на многіе милліоны рублей. Контроль горожанъ надъ дѣйствіями заправителей банковаго дѣла могъ быть тоже только мнимымъ, а не дѣйствительнымъ. Ужь если въ финансовомъ вѣдомствѣ, которому представлялись для свѣдѣнія годовые отчеты городскихъ банковъ, спеціалисты по кредитной части не усматривали въ этихъ отчетахъ зловѣщихъ признаковъ, то гдѣ же было усмотрѣть эти признаки людямъ ничего въ банковыхъ операціяхъ несмыслящимъ? Одно только можно признать, именно что городъ пользовался нѣкоторыми выгодами отъ учрежденнаго въ немъ банка: часть банковыхъ прибылей отдѣлялась на городскіе расходы, въ подкрѣпленіе обычнымъ средствамъ городскаго бюджета. Только въ суммѣ этихъ отчисленій, полагаемъ, и можетъ быть допущена падающая на городъ отвѣтственность, только на эту сумму— и то если она не превышаетъ его бюджетныхъ средствъ,—можетъ быть предложено ему заключить заемъ на пополненіе конкурсной массы изъ которой должны быть удовлетворены кредиторы Банка. Всю остальную недостачу банковыхъ средствъ на покрытіе его обязательствъ было бы, полагаемъ, всего приличнѣе принять на себя правительству, которое не можетъ же устранить отъ себя всю тяжесть отвѣтственности лежащей на немъ въ имъ самимъ организованномъ дѣлѣ городскихъ общественныхъ банковъ. Затѣмъ уже дѣломъ правительственной власти будетъ строго разслѣдовать всѣ подробности банковой дѣятельности приведшей къ краху, взыскать что возможно со всѣхъ дѣйствительно виновныхъ въ злоупотребленіяхъ, небреженіи и несмотрѣніи, приведшихъ ко столь печальному исходу, и наконецъ примѣнить къ заслужившимъ строгость закона.

Это отнесеніе на казну не маловажныхъ суммъ какія могутъ оказаться въ недостачѣ при ликвидаціи какъ Скопинскаго, такъ и всякаго другаго изъ городскихъ общественныхъ банковъ, ляжетъ, конечно, не малою тягостью на государственный бюджетъ. Но едва ли разумно и позволительно было бы останавливаться предъ этимъ соображеніемъ. Ужь если у насъ не остановились предъ ассигнованіемъ болѣе чѣмъ четырехсотъ милліоновъ на уплату мнимаго казеннаго долга казенному банку, для уплаты никому ненужной и предпринятой единственно по теоретическимъ соображеніямъ, то какъ остановиться отъ принятія на казенный счетъ суммы во много разъ меньшей, ассигнованіе которой, съ одной стороны, было бы большимъ благодѣяніемъ цѣлымъ массамъ городскихъ населеній и безчисленному множеству вкладчиковъ, съ другой—было бы дѣломъ справедливости и разумной политики, имѣющей цѣлію какъ поддержаніе правительственнаго кредита, такъ и устраненіе вредныхъ нравственно и экономически вліяній и послѣдствій общей тревоги причиняемой крахомъ.

№ 272.

Москва, 30-го сентября.

Завтра закрытіе Всероссійской Промышленно-Художественной Выставки. Обшир-

но раскинувшійся на Ходынскомъ полѣ дворецъ промышленности съ его изящно разставленными богатствами, съ его садами, фонтанами, гремящими оркестрами, гудящими колоколами, работающими машинами, несущимися вагонами электрической дороги, кіосками, павильйонами, всѣми чудесами доставлявшими столько удовольствія посѣтителямъ въ теченіе жаркаго лѣта, какого не запомнятъ сторожилы, обратится въ хаосъ заколачиваемыхъ и развозимыхъ ящиковъ. Единогласно признается что со стороны изящества и блеска внѣшней обстановки Выставка не оставила желать ничего лучшаго. И правительство, потратившее на предпріятіе до трехъ милліоновъ,—лишь малая часть которыхъ выручена сборомъ съ посѣтителей,—и экспоненты употребившіе всѣ усилія чтобы показать товаръ лицомъ и обнаружившіе большую декоративную изобрѣтательность, не поскупились сдѣлать первый праздникъ новаго царствованія по истинѣ блестящимъ. Праздникъ вполнѣ удался. Спрашивается: сказалось ли что-нибудь, и что̀ именно сказалось этимъ праздникомъ?

Въ послѣднее время, точно по приказу данному по всей линіи партіи злоупотребляющей именемъ либерализма, принято изображать Россію въ самомъ бѣдственномъ положеніи, наканунѣ гибели и разложенія. Всякое печальное событіе возбуждаетъ чуть не ликованія. Чуть не молятся не пошлетъ ли небо чумы или глада. Нѣкоторые органы *прессы* наполняютъ цѣлые столбцы подборомъ мрачныхъ красокъ, не стѣсняясь въ вымыслахъ. На всѣ лады повторяется что жить становится нельзя отъ стѣсненій сверху и безвыходной кручины внизу. Настойчивымъ повтореніемъ лжи удалось породить кошемаръ унынія и уложить въ постель здоровую страну. Праздникъ промышленности, громко говорящій объ энергіи и способности русскаго труда, о безчисленныхъ начинаніяхъ и непочатыхъ углахъ новой производительности, призывающихъ трудъ и умъ, пришелся какъ нельзя болѣе кстати на зарѣ новаго царствованія чтобы внушить бодрость къ живому и животворному дѣйствію. Посѣщеніе Выставки Ихъ Величествами придало ей особую знаменательность. Ни малѣйшее облако не омрачило ясныхъ дней Царскаго пребыванія въ старой столицѣ среди волнъ ликующаго народа. Кто былъ свидѣтелемъ Царскаго осмотра Выставки, тотъ не забудетъ свѣтлаго выраженія радости на открытомъ лицѣ Царя, съ величайшимъ вниманіемъ обозрѣвавшаго плоды труда своей страны.

Промышленные итоги Выставки подведены раздачей наградъ присужденныхъ комитетомъ экспертовъ и утвержденныхъ правительствомъ. Раздача происходила 21 сентября въ концертномъ павильйонѣ Выставки. Рѣчь предсѣдателя ея, московскаго генералъ-губернатора, произнесенная подъ живымъ впечатлѣніемъ недавняго Царскаго посѣщенія и „высокаго благоволительнаго вниманія и одобрительныхъ отзывовъ Августѣйшихъ Посѣтителей,“ достойно выразила общее настроеніе. При звукахъ музыки были провозглашены имена награжденныхъ гербами и золотыми медалями, и самыя медали были вручены распорядителямъ отдѣловъ. Количества наградъ, какое первоначально предполагалось къ раздачѣ, оказалось мало, и по ходатайству экспертныхъ коммиссій оно было увеличено. Значительное число экспонентовъ получили высшую награду — право отмѣчать свои издѣлія государственнымъ гербомъ. Оказывается что въ послѣдніе годы возникло множество новыхъ фирмъ, успѣвшихъ въ короткое время довести производство до широкихъ размѣровъ и значительнаго совершенства. Не знаемъ и не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ экспертиза была тщательна, осмотрительна и справедлива; но ее никакъ нельзя упрекнуть въ излишней снисходительности. Серебряная медаль на нынѣшней Выставкѣ считается уже высокою наградой.

Выставка засвидѣтельствовала что многія издѣлія и продукты прежде получавшіяся исключительно изъ-за границы нынѣ приготовляются и воздѣлываются въ большихъ размѣрахъ въ Россіи. „Производство не уступающее лучшимъ заграничнымъ издѣліямъ того же рода“—одна изъ обычныхъ похвалъ при экспертной оцѣнкѣ выставленныхъ произведеній. Даже въ области приготовленія научныхъ приборовъ, фирмы имѣвшія прежде исключительно торговый, коммиссіонерскій характеръ, нынѣ обладаютъ собственными мастерскими, нерѣдко обширными, съ большимъ числомъ искусныхъ рабочихъ. Положеніемъ объ экспертизѣ, экспонентамъ удостоеннымъ высшихъ наградъ предоставлено право ходатайствовать о награжденіи своихъ сотрудниковъ и мастеровъ. Благодаря этому

постановленію, не останутся безъ награды тѣ чьими искусными руками изготовлены предметы удивлявшіе всѣхъ на Выставкѣ. Въ казенной патронной мастерской, которая довела производство лекалъ до такой степени точности что каждая металлическая часть изготовленная по этимъ лекаламъ идетъ на свое мѣсто въ каждое ружье безъ пригонки, оказались простые русскіе мастера способные изготовлять измѣрительные снаряды самой точной обработки. И это далеко не единственный примѣръ въ нашемъ смышленомъ рабочемъ людѣ. Найдись опытные, дѣльные, вполнѣ свѣдущіе руководители, въ искусныхъ рукахъ недостатка не будетъ. Общій характеръ возникающихъ самостоятельныхъ производствъ пока соревновательный: достичь того чтобъ издѣліе не уступало заграничному. Остается желать чтобы наше производство могло пролагать свои пути и достигло самобытности и плодотворной изобрѣтательности.

Послѣдняя русская промышленная выставка была въ Петербургѣ въ 1870 году (Московская Политехническая Выставка 1872 года имѣла особую цѣль и допускала иностранныя произведенія). Нынѣшняя выставка свидѣтельствуетъ о значительномъ шагѣ сдѣланномъ съ той эпохи почти по всѣмъ отраслямъ. Весьма замѣтно вліяніе оказанное громаднымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго дѣла. Потребность въ топливѣ вызвала усиленную разработку каменнаго угля и антрацита. Въ 1870 году годовая добыча каменнаго угля и антрацита простиралась до 42 милліоновъ пудовъ, въ 1880 году она достигла 200 милліоновъ пудовъ. Надо только чтобы правительство предотвратило хищническіе способы добыванія этого важнаго матеріала. На правительство же должна пасть забота и о правильномъ удовлетвореніи возрастающей потребности въ чугунѣ. Въ 1870 году ввезено изъ-за границы чугуна два милліона пудовъ, въ 1880 году пятнадцать милліоновъ. Требуется дѣятельное правительственное поощреніе чугунно-плавильныхъ заводовъ.

По примѣру Московской Политехнической Выставки, на нынѣшней былъ допущенъ отдѣлъ кустарныхъ производствъ, который постоянно привлекалъ любопытство посѣтителей разнообразіемъ, дешевизной, самобытными качествами выставленныхъ издѣлій. Онъ послужилъ предметомъ внимательнаго изученія со стороны экспертизы. Обнаружился, между прочимъ, любопытный фактъ какъ иногда въ той или другой мѣстности возникаютъ и укореняются новыя производства. Въ 1878 году, въ Михайловскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, выгорѣло село Высокое. Сосѣдняя владѣлица г-жа Казначеева, желая оказать помощь пострадавшимъ, занялась обученіемъ нѣсколькихъ крестьянокъ приготовленію кружевъ и вышиванью для продажи. Дѣло привилось и распространилось такъ что нынѣ крестьянки села Высокаго получаютъ съ этого заработка до двухъ тысячъ рублей въ годъ. Подобный промыселъ возникъ стараніями княгини Долгоруковой и княжны Шаховской въ Данковскомъ уѣздѣ той же губерніи. Здѣсь приглашена была учительница, заведена школа, и дѣло приняло значительные размѣры. Если такимъ успѣхомъ увѣнчивается частная иниціатива, то какъ много могутъ сдѣлать разумно направленныя государственныя мѣры, устраняя препятствія, углаживая пути, оживляя дѣятельность! Вся Выставка въ ея результатахъ есть обращенный къ правительству общественный призывъ дѣйствовать, — дѣйствовать въ полнотѣ сознанія своей, ни въ чемъ не умаленной, силы и своихъ священныхъ обязанностей, дѣйствовать ничѣмъ не смущаясь... Да избавимся мы отъ призрака будто ноги у насъ скудельныя!

№ 274.

Москва, 2-го октября.

Вѣнская печать, у которой самоувѣренность, особливо по отношенію къ Россіи, вошла въ привычку со времени Берлинскаго трактата и еще болѣе со времени установленія такъ-называемаго австро-германскаго „тѣснѣйшаго единенія," не только значительно сбавила тонъ въ послѣднее время, но, что̀ всего замѣчательнѣе, въ австро-венгерской печати уже нѣсколько разъ проскользнули скептическія замѣчанія относительно этого пресловутаго „единенія," а иные политики въ Австріи дошли даже до прямаго и открытаго отрицанія самаго существованія союзнаго договора между Австріей и Германіей, каковой договоръ, кстати сказать, до сихъ поръ не былъ ни обнародованъ, ни офиціально подтвержденъ. Такъ, одинъ ав-

стрійскій генералъ, коего имя, къ сожалѣнію, не обнародовано, имѣлъ недавно „бесѣду“ съ корреспондентомъ одной изъ петербургскихъ газетъ и старался доказать своему собесѣднику что Австрія болѣе всего заинтересована въ томъ чтобы не стать во враждебныя отношенія къ Россіи. На замѣчаніе о томъ что по слухамъ Австрія обезпечила себя на случай столкновенія съ Россіей оборонительнымъ союзомъ съ Германіей, австрійскій генералъ возразилъ: „Даю вамъ честное слово что такого союза не существуетъ.“ Доказывая далѣе какъ невыгодно и даже безумно было бы со стороны Австріи затѣять войну противъ Россіи, австрійскій генералъ замѣтилъ: „Что можемъ мы надѣяться у васъ отнять? Не кусокъ ли Польши, который еще болѣе усилилъ бы нашу польскую партію? Или кусокъ Малороссіи, который послужилъ бы новою пищей для нашего руссинскаго (?) сепаратизма?“ Напротивъ, побѣда Россіи надъ Австріей была бы, по мнѣнію того же австрійскаго генерала, самымъ ужаснымъ изъ бѣдствій какія могутъ постигнуть Австрію, ибо въ этомъ случаѣ славянскіе полки австрійской арміи не замедлили бы перейти на сторону Россіи, Мадьяры убѣжали бы къ себѣ домой, а Нѣмцы тоже не сочли бы де нужнымъ отдать себя на закланіе. Результатомъ всего этого было бы распаденіе Габсбургской монархіи.

Мы не можемъ, конечно, придавать значенія словамъ неизвѣстнаго генерала, но слова эти согласны съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Мы встрѣчаемъ въ серіозной австрійской печати подобныя же воззрѣнія представляющія собою совершенный контрастъ съ тѣми вызывающими манифестаціями которыя еще два года тому назадъ нарочно устраивались въ Галиціи, когда многія австрійскія и мадьярскія газеты, не говоря уже о польскихъ, пресеріозно трактовали о возстановленіи независимой Польши съ помощью и подъ эгидой Австріи. Польскій вопросъ выставлялся тогда какъ угроза Австріи противъ Россіи, посредствомъ которой монархія Габсбурговъ могла держать Россію въ страхѣ и парализовать ея политику на Востокѣ. Въ сущности Польскій вопросъ, какъ сознаютъ теперь въ самой Австріи, опасенъ не для Россіи (которая, за исключеніемъ ничтожныхъ обрѣзковъ входящихъ въ составъ такъ-называемаго Царства Польскаго, не имѣетъ ничего собственно польскаго, почти ничего что не было бы исконнымъ достояніемъ русской національности, русской государственной системы), — а развѣ для Австріи и даже въ томъ случаѣ еслибъ Австріи удалось отвоевать у Россіи частицу ея польскихъ владѣній, Австрія могла бы только пострадать, ибо отъ этого увеличился бы въ ней элементъ внутренней смуты.

Въ Австріи такимъ образомъ испугались призраковъ которые воскресли по винѣ австрійскихъ же политиковъ, ибо несомнѣнно что заигрыванія съ неисправимыми фантазерами польской самобытности послужили главною побудительною причиной тому что вновь закопошился польскій муравейникъ, и польскіе „патріоты“ почувствовали себя до того ободренными что стали выступать даже публично со своими притязаніями, чего давно уже не было. Такъ недавно познанскій депутатъ Прусскаго ландтага, г. Нѣголевскій, издалъ воззваніе къ Полякамъ чтобъ они „сообща напомнили Европѣ о гарантіяхъ территоріальной и національной самобытности Польши заключающихся въ Вѣнскихъ трактатахъ.“

Одинъ изъ самыхъ серіозныхъ вѣнскихъ органовъ, *Neue Freie Presse*, взялъ на себя опроверженіе этихъ бредней, и въ разсужденіяхъ Вѣнской газеты нельзя не видѣть знаменія времени. *Neue Freie Presse* прежде всего старается доказать Полякамъ что ничего не можетъ быть нелѣпѣе ихъ мечтаній о томъ чтобы раздѣлъ Польши, совершившійся болѣе ста лѣтъ тому назадъ, и все послѣдовавшее послѣ раздѣла, было вычеркнуто изъ исторіи какъ не существующее. Лучше всѣхъ, по мнѣнію вѣнской газеты, распорядилась своею частью Пруссія, ибо она сумѣла, путемъ настойчивой и постоянной работы, онѣмечить свои польскія провинціи до того что теперь трудно найти въ Познани демаркаціонную линію отдѣляющую чисто-польское населеніе отъ нѣмецкаго. „Это совершилось благодаря тому что въ Пруссіи верховнымъ политическимъ принципомъ всегда была идея государственнаго единства, и что отъ каждаго подданнаго прежде всего требовалось чтобъ онъ признавалъ и чувствовалъ себя Прусакомъ. Этому принципу, который поддерживался съ неумолимою твердостью, государство Гогенцоллерновъ обязано всѣмъ своимъ могу-

ществомъ и онъ одинъ предохранилъ Пруссію отъ пагубныхъ экспериментовъ и всякаго рода политическихъ ошибокъ."

Въ Австріи, напротивъ, Поляки въ значительной мѣрѣ сохранили черты національной самобытности, что объясняется особенностью Австро-Венгерской монархіи. Австрія сшита изъ разнообразной въ этнографическомъ отношеніи матеріи, и политическая мудрость ея правительства не можетъ заключаться въ томъ чтобы подчинить подвластныя ей народности единой національной идеѣ, какой въ Австріи не имѣется. „Но," продолжаетъ далѣе цитуемая Вѣнская газета, „есть обязанности возлагаемыя международными отношеніями и одна изъ главныхъ заключается въ томъ чтобы не раздражать безъ надобности могущественныхъ сосѣдей. Можно съ достовѣрностью сказать что Пруссія не желаетъ теперь, и въ будущемъ никогда не согласится отдать свои польскія провинціи дабы онѣ вошли въ составъ самостоятельнаго польскаго государства. Столь же достовѣрно что Россія сама наложила бы на себя руку еслибъ она дала согласіе на образованіе независимаго польскаго государства. Отсюда слѣдуетъ что ни въ Берлинѣ, ни въ Петербургѣ не могутъ равнодушно взирать на то какъ въ Австріи Поляки, не довольствуясь предоставленною имъ внутри имперіи свободой самобытнаго развитія, принимаютъ на себя роль руководителей польской національной справы. Могутъ ли Пруссія и Россія не обратить, наконецъ, вниманія на это явленіе? Поощреніе австрійскихъ Поляковъ не служитъ ли въ то же время поощреніемъ для прусскихъ и русскихъ Поляковъ? Пусть подумаютъ о томъ какое значеніе можетъ имѣть для нашихъ международныхъ сношеній теперешняя попытка вновь ввести Польскій вопросъ въ область политическихъ пререканій? Настанетъ быть-можетъ день, когда на Австрію будетъ возложена отвѣтственность за затѣи подвластныхъ ей Поляковъ, и мы не думаемъ чтобы для Австріи было желательно чтобы такой день насталъ."

Вѣнская газета могла бы сослаться въ подкрѣпленіе столь благоразумныхъ, хотя нѣсколько запоздалыхъ своихъ рѣчей, на недавній процессъ во Львовѣ, который былъ не просто проявленіемъ польской національной идеи. Польская справа въ своей дерзости дошла въ этомъ случаѣ до обвиненія людей чуждой національности въ измѣнѣ не Австрійскому государству, а именно польской національной идеѣ, и этотъ судъ творился публично во имя австрійскихъ законовъ, и въ числѣ подсудимыхъ были подданные одного изъ тѣхъ могущественныхъ сосѣдей которые, по сознанію самихъ австрійскихъ газетъ, не могутъ оставаться, какъ доселѣ, равнодушными зрителями враждебной агитаціи и прямыхъ оскорбленій творимыхъ австрійскими Поляками.

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Вѣнской газеты и полагаемъ что чѣмъ скорѣе Австрійское правительство проникнется рекомендуемою ей въ самой Вѣнѣ благоразумною предусмотрительностью, тѣмъ будетъ лучше для Австріи.

№ 276.

Москва, 4-го октября.

Въ Германіи теперь въ полномъ ходу мысль о новомъ шагѣ который предполагается сдѣлать по отношенію къ Россіи. Его отчасти можно было предвидѣть уже съ той самой минуты какъ было обнародовано извѣстное письмо князя Бисмарка къ Германскому Союзному Совѣту отъ 15 (3) декабря 1878, письмо бывшее точкой поворота отъ фритредерскаго космополитизма къ національному направленію въ торговой политикѣ Германіи,—письмо, въ которомъ указывалось, между прочимъ, что германскіе интересы „поведутъ можетъ-быть къ новымъ переговорамъ съ иностранными государствами относительно установленія новаго тарифа." Вскорѣ послѣ того, именно 20 декабря того же года, мы писали что германскіе государственные люди „конечно будутъ не прочь выторговать себѣ исключительныя льготы въ нашемъ общемъ таможенномъ тарифѣ, на условіяхъ мнимой равноправности." Именно о томъ чтобы выторговать себѣ у насъ исключительныя таможенно-тарифныя льготы и идетъ теперь рѣчь въ Германіи. Еще въ прошломъ году, на съѣздѣ Центральнаго Общества Германскихъ Промышленниковъ въ Дрезденѣ, была избрана особая коммиссія для составленія свода основныхъ положеній кои слѣдовало бы имѣть въ виду при заключеніи торговаго договора между Россіей и Германіей. Коммис-

сія эта, впрочемъ, до сихъ поръ не торопилась порученнымъ ей дѣломъ. Но, какъ сообщено въ органѣ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*; „въ виду начавшагося съ 1 января постояннаго возвышенія русскихъ таможенныхъ пошлинъ, совѣтъ Центральнаго Общества Германскихъ Промышленниковъ вынужденъ былъ пригласить членовъ особой коммиссіи съѣхаться въ ноябрѣ въ Берлинъ.“ При самомъ избраніи коммиссіи, совѣтомъ Общества Германскихъ Промышленниковъ была выражена надежда что рейхстагъ не откажетъ правительству въ полномочіи на заключеніе договора съ Россіей, обоюдно выгоднаго; теперь въ берлинскихъ газетахъ высказывается что, по господствующему во всей имперіи убѣжденію, переговоры по этому предмету лучше имперскаго канцлера никто повести не можетъ, и что канцлеру при надлежащихъ полномочіяхъ удалось бы заключить такой договоръ съ Россіей.

Въ теченіе не одного десятка лѣтъ заключили мы цѣлый рядъ разныхъ договоровъ и конвенцій основанныхъ на отвлеченномъ принципѣ „взаимности“ и якобы „обоюдныхъ выгодъ,“ которыя на практикѣ влекли за собою явное принесеніе русскихъ интересовъ въ жертву чужеземнымъ. Попробуйте пересмотрѣть коллекцію нашихъ торговыхъ и мореходныхъ договоровъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и иныхъ конвенцій, что вы въ нихъ найдете? Всѣ они основаны на принципѣ взаимности, равноправности и обоюдныхъ выгодъ; но предоставляютъ ли, обезпечиваютъ ли они на самомъ дѣлѣ равныя выгоды обѣимъ сторонамъ? Возьмемъ для примѣра трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи заключенный между Россіей и Франціей 20 марта (1 апрѣля) и ратификованный 12 (24) іюня 1874 года. Этимъ трактатомъ, на весь срокъ его дѣйствія, какъ французскимъ такъ и русскимъ судамъ и ихъ грузу „откуда бы оные ни пришли, изъ своей или иной страны, и какое бы ни было мѣсто происхожденія и назначенія ихъ груза,“ предоставлено какъ во французскихъ такъ и въ русскихъ портахъ „пользоваться во всѣхъ отношеніяхъ равноправностью съ національными судами и ихъ грузомъ.“ Оставаясь въ области отвлеченнаго сужденія, нельзя не признать установленную трактатомъ взаимность и равноправность; но окажется ли хоть малѣйшая тѣнь равенства выгодъ если спуститься на почву дѣйствительности? Немногія русскія торговыя суда не играютъ никакой роли въ международномъ транспортѣ товаровъ, они довольствуются почти исключительно отвозомъ въ заграничные порты небольшой части русскихъ грузовъ, совершая обратные рейсы большею частію съ баластомъ. Французскій торговый флотъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ въ мірѣ; никакая конкурренція со стороны ничтожнаго русскаго торговаго флота не можетъ грозить ему подрывомъ; немногія русскія суда посѣщающія французскіе порты не могутъ отбить грузовъ у французскихъ арматоровъ. Но можно ли сказать что конкурренція французскаго торговаго флота точно также безопасна для русскаго, что французскія суда приходящія въ русскіе порты не въ состояніи отбивать хлѣбъ у русскихъ арматоровъ? Ясно что при подобныхъ условіяхъ примѣненіе принципа взаимности и равноправности, вмѣсто обоюдныхъ выгодъ, можетъ вести только къ выгодамъ для одной и невыгодамъ для другой стороны. Но трактатъ 1874 года еще можетъ быть названъ относительно выгоднымъ сравнительно съ нѣкоторыми другими договорами. Такъ, напримѣръ, русскій торговый и навигаціонный трактатъ 21 іюня (3 іюля) 1857 года съ тою же Франціей, которымъ обѣ договаривавшіяся стороны, по принципу взаимности, ставили другъ друга въ положеніе „наиболѣе благопріятствуемыхъ націй,“ не устанавливалъ между ними не только обоюдности экономическихъ выгодъ, но даже и отвлеченно-юридической равноправности, ибо положеніе наиболѣе благопріятствуемыхъ націй по французскому и русскому законодательствамъ было далеко не одинаково: въ Россіи оно доходило почти до полнаго уравненія иностраннаго флага съ національнымъ, а во Франціи даже и благопріятствуемый флагъ подвергался многимъ стѣсненіямъ *). Вотъ какого рода взаим-

*) Такъ, въ силу 3 статьи трактата 1857 года, французскій корабль уплачивалъ въ русскихъ портахъ разные корабельные и портовые сборы въ размѣрѣ одинаковомъ съ туземными судами, *откуда бы онъ ни пришелъ;* во французскихъ же портахъ русскій корабль уравнивался съ туземными въ платежѣ означенныхъ сборовъ лишь въ томъ случаѣ если онъ пришелъ туда *непосредственно изъ портовъ россійскихъ или Великаго Княжества Финляндскаго.* Далѣе, по 12 статьѣ, всякаго рода товары привозимые въ Россію подъ французскимъ

ность лежитъ въ основѣ большей части нашихъ международныхъ соглашеній...

Благодаря нашему увлеченію фритредерскою доктриной и другимъ ошибкамъ, наши сосѣди успѣли расширить до крайнихъ предѣловъ сбытъ къ намъ своихъ продуктовъ, присвоить себѣ чуть не монополію снабженія насъ товарами другихъ странъ, наклонить въ свою пользу торговый балансъ въ такой степени что (какъ въ 1880 году) покупая у насъ на рубль, они продавали намъ на два, и наконецъ поставить Россію въ положеніе тяжелой экономической и финансовой отъ нихъ зависимости. Всѣмъ этимъ въ Германіи не могли не быть довольны, и если тамъ не прекращались сѣтованія на притѣснительность русскаго тарифа, то лишь для увѣренія насъ въ чрезмѣрной будто бы высотѣ нашихъ пошлинъ и стало-быть въ необходимости дальнѣйшаго ихъ пониженія. Но въ послѣдніе годы въ русской таможенной политикѣ стали обнаруживаться признаки если не прямаго отступленія отъ прежняго формально-фритредерскаго направленія, то по крайней мѣрѣ возможности такого отступленія. Взиманіе пошлинъ золотомъ, прекращеніе безпошлиннаго пропуска привозныхъ металловъ, десяти-процентная надбавка ко всѣмъ прежнимъ пошлинамъ, повышеніе пошлины на джуту, наконецъ состоявшіяся нынѣшнимъ лѣтомъ измѣненія въ нашемъ таможенномъ тарифѣ, встревожили нашихъ сосѣдей. Требуется поскорѣе, пока еще мы не ушли далѣе этимъ путемъ, связать Россію трактатомъ. Пусть особый международный договоръ, заключенный на основаніи „взаимности" и мнимо-обоюдныхъ выгодъ, надолго закрѣпитъ положеніе при которомъ Германія могла бы попрежнему и даже въ большей степени и съ большимъ удобствомъ чѣмъ прежде эксплуатировать Россію; пусть эта эксплуатація, бывшая доселѣ только фактомъ, будетъ возведена въ достоинство международнаго права. Трудно, конечно, добиться отъ какой бы то ни было страны чтобъ она заключила односторонній, явно невыгодный для нея договоръ. Но чего не удавалось дипломатическому искусству германскаго канцлера? Развѣ онъ не добился постройки въ предѣлахъ Россіи, съ содѣйствіемъ самого Русскаго правительства, нужной въ германскихъ стратегическихъ видахъ Бресто-Лыкской (Граевской) желѣзной дороги?

По принципу взаимности, за оказаніе льготъ германскому привозу въ Россію будетъ предложено, вѣроятно, предоставленіе льготъ русскому отпуску въ Германію.

Громадный хроническій перевѣсъ привоза надъ отпускомъ есть одно изъ главнѣйшихъ золъ нашего народнаго хозяйства, одна изъ причинъ неблагопріятныхъ экономическихъ и финансовыхъ явленій въ нашей странѣ. Когда нѣчто подобное, въ несравненно меньшихъ размѣрахъ, было замѣчено княземъ Бисмаркомъ въ Германіи, онъ тотчасъ же объявилъ, на своемъ характерномъ языкѣ, что „Германія истекаетъ кровью" и поспѣшилъ положить конецъ этому истеченію покончивъ съ фритредерствомъ. Еще необходимѣе положить конецъ „истеканію кровью" которымъ страдаетъ Россія. Какъ мы не разъ указывали, нашъ торговый балансъ со всѣми государствами за исключеніемъ Германіи хотя и не можетъ быть признанъ выгоднымъ, но и не представляетъ чрезмѣрныхъ, чудовищныхъ невыгодъ. Иное дѣло балансъ по торговлѣ съ Германіей: въ десять лѣтъ, 1871 — 1880, Россія могла продать въ Германію своихъ произведеній только на 1.326 милліоновъ, тогда какъ Германія ввезла въ Россію товаровъ на 2.056½ милліоновъ, т.-е. на 730½ милліоновъ болѣе. Съ этой стороны преимущественно требуется интересами страны сокращеніе привоза, и именно съ этой-то стороны и долженъ быть поощренъ привозъ проектируемымъ трактатомъ. Въ отплату за это, намъ предложатъ, можетъ-быть, отмѣну пошлинъ опредѣленныхъ въ германскомъ тарифѣ на идущіе изъ Россіи хлѣбъ и скотъ. Но какое значеніе можетъ имѣть въ Россіи отмѣна этихъ пошлинъ? Существенно ли важенъ для насъ самый нашъ отпускъ въ Германію? Потребленіе русскихъ товаровъ

—

флагомъ, *какого бы происхожденія они ни были*, уравнивались въ платежѣ тарифныхъ пошлинъ съ товарами ввезенными подъ національныхъ флагомъ и пользовались одинаковыми съ ними таможенными льготами; во французскихъ же портахъ такое равенство съ товарами привозимыми подъ національнымъ флагомъ распространялось на товары привозимые подъ россійскимъ флагомъ лишь *непосредственно изъ Россіи.* Русскіе корабли приходившіе во Францію не прямо изъ Россіи и привозившіе товары не изъ Россіи, а изъ другихъ странъ, должны были поэтому уплачивать добавочныя навигаціонныя и тарифныя пошлины; французскіе же корабли въ русскихъ портахъ ни въ какомъ случаѣ добавочнымъ пошлинамъ сверхъ уплачиваемыхъ наравнѣ съ русскими не подлежали.

тамъ самое ограниченное. По отношенію почти ко всей массѣ русскихъ продуктовъ ввозимыхъ въ Германію, она служитъ лишь передаточнымъ пунктомъ и не безкорыстнымъ посредникомъ въ снабженіи другихъ странъ русскими товарами. „Это посредничество,“ — писали мы 20 декабря 1878 года, — „такъ выгодно для Германіи, даетъ ей такіе огромные барыши, что стóитъ только Россіи стать относительно ея въ твердую позицію, съ твердою рѣшимостью облегчить русскимъ товарамъ помимо германскаго маклерства доступъ въ тѣ страны куда они идутъ (чего, къ сожалѣнію, пока еще не сдѣлано), — и Германія, облагая пошлиной всѣ товары ввозимые къ ней изъ другихъ странъ, не замедлитъ въ то же время установить, въ собственныхъ интересахъ, безпошлинный ввозъ русскихъ товаровъ, безо всякаго спеціальнаго торговаго трактата съ Россіей.“

№ 277.

Москва, 5-го октября.

А.

Борьба національностей во много-язычной Австро-Венгріи, вступившая въ совершенно новый фазисъ съ назначеніемъ графа Таафе цислейтанскимъ министромъ-президентомъ, принимаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе острый характеръ. „Феодальное“ большинство Вѣнскаго рейхсрата, составленное главнымъ образомъ изъ Поляковъ и Чеховъ, подвергается сильнымъ нападеніямъ со стороны нѣмецкой партіи, носящей также названіе централистской и вѣрно-конституціонной. Чехи и Поляки, за поддержку оказываемую ими министерству, достигли льготъ которыя, правда, не удовлетворили ихъ, но которыя внушаютъ опасенія централистамъ. Изо всѣхъ славянскихъ національностей Цислейтаніи особеннымъ расположеніемъ кабинета Таафе пользуются, впрочемъ, только галицкіе Поляки, благо въ Галиціи нѣтъ Нѣмцевъ которыхъ можно было бы ополячить, а есть только Русскіе навлекшіе на себя немилость за упорство съ какимъ они держатся своей народности и сопротивляются попыткамъ полонизаціи. Успѣхи достигнутые Чехами менѣе важны чѣмъ успѣхи Поляковъ, но на ихъ долю также сыплются отъ времени до времени благодѣянія Вѣнскаго правительства, которому необходима поддержка чешскихъ депутатовъ для проведенія своихъ плановъ. Въ послѣднее время, среди Словинцевъ также началось движеніе обнаружившееся въ стремленіи учреждать словинскія школы; это стремленіе болѣе или менѣе удовлетворено, также какъ и попытка ввести въ провинціяхъ населенныхъ равномѣрно Славянами и Нѣмцами равноправность въ судахъ языковъ славянскаго и нѣмецкаго.

Спрашивается, почему же въ другой половинѣ Австро-Венгріи, то-есть въ Венгріи, правительство слѣдуетъ по отношенію къ Славянамъ ее населяющимъ противоположной политикѣ. Численныя отношенія между населеніями славянскими и неславянскими въ обѣихъ половинахъ имперіи почти одинаковы. Какъ въ Цислейтаніи такъ и въ Транслейтаніи, Славяне въ совокупности составляютъ большинство; какъ тамъ такъ и здѣсь они раздроблены и вслѣдствіе этого не могутъ образовать сплоченнаго однороднаго большинства, которое могло бы быть опаснымъ для центральнаго правительства. Условія въ которыхъ находится правительство въ той и другой половинѣ имперіи совершенно одинаковы, а политика не одинакова. Изъ Венгріи почти ежедневно получаются извѣстія о репрессивныхъ мѣрахъ противъ Славянъ; преслѣдованію подвергаются не только національныя стремленія, но и религія — и религія больше чѣмъ національность. Болѣе другихъ приходится терпѣть въ Транслейтаніи или Венгріи православнымъ Сербамъ, быть-можетъ потому что они упорнѣе ведутъ, или лучше сказать вели, борьбу за свою народность, вѣроятнѣе же потому что они исповѣдуютъ православіе.

Сербской православной церкви была гарантирована полная церковная свобода еще въ то время когда Сербы, по приглашенію Австрійскаго правительства, переселились въ южную Венгрію. Рядомъ законовъ избраніе митрополита и высшій надзоръ надъ церковными имуществами предоставлены конгрессу гдѣ участвуютъ, вмѣстѣ съ духовными лицами, и міряне. Право избранія митрополита было грубо нарушено въ прошломъ году назначеніемъ на этотъ постъ, вопреки желанію конгресса, мадьярона Анджелича. Теперь же Венгерское правительство желаетъ, какъ сообщаютъ полученныя сегодня вѣнскія газеты, произвести *ра-*

дикальную реорганизацію сербской православной церкви. Синодъ православныхъ епископовъ, какъ сообщаютъ тѣ же газеты, отказался обсуждать правительственный проектъ реорганизаціи, или, лучше сказать, дезорганизаціи церкви, и настаиваетъ на удаленіи митрополита Анджелича, венгерскій же министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій намѣренъ будто бы рѣшительно выступить противъ православнаго духовенства и „ввести новые церковные порядки безъ его согласія.“ Вотъ какая перспектива угрожаетъ православному Сербскому народу въ Венгріи! Мы нарочно остановились на этомъ фактѣ, такъ какъ онъ отчасти даетъ отвѣтъ на поставленный выше вопросъ о причинахъ почему правительства Цислейтанское и Транслейтанское слѣдуютъ противоположной политикѣ по отношенію къ Славянамъ. Дѣло въ томъ что цислейтанскіе Славяне преимущественно католики и находятъ сильную поддержку въ клерикальной партіи Цислейтаніи, преслѣдующей свои особые интересы. Что интересы эти въ Австріи считаются тождественными съ интересами государства, это наглядно доказываютъ послѣднія событія въ Галиціи, какъ-то вынужденное удаленіе митрополита Сембратовича и заслуженныхъ членовъ уніатской консисторіи, отнятіе права избранія администратора епархіи, проектированная реорганизація уніатской церкви въ римскомъ духѣ и т. п. Въ то время какъ наше правительство ведетъ переговоры съ папскою куріей, католическая пропаганда въ Австріи не дремлетъ: не только уніатской, но и православной церкви въ Австро-Венгріи угрожаетъ опасность.

Б.

Привѣтствуемъ открытіе Александровской Коллегіи при Петербургскомъ Университетѣ, совершившееся 3 октября, и поздравляемъ С. С. Полякова съ истинно добрымъ дѣломъ. Радуемся также тому что этотъ пріютъ для неимущихъ молодыхъ людей посвящающихъ себя наукѣ вступаетъ въ жизнь теперь, когда въ вѣдомствѣ Народнаго Просвѣщенія водворилось спокойствіе, прекратились колебанія и смуты, и когда всякое доброе дѣло можетъ смотрѣть благонадежно впередъ, не опасаясь подвергнуться искаженію и извращенію

Честь и слава жертвователю! При его появленіи между студентами, въ учрежденной имъ коллегіи онъ былъ встрѣченъ оваціями, и молодые люди, нашедшіе въ ней пріютъ и обезпеченіе, поднесли ему благодарственный адресъ. Но не за одно только это дѣло почтенный жертвователь заслужилъ благодарность. Изъ людей обогатившихся въ наши дни успѣшными предпріятіями никто такъ обильно и щедро не жертвовалъ на пользу просвѣщенія какъ С. С. Поляковъ. Что касается Александровской Коллегіи, то открывая въ себѣ пріютъ для недостаточныхъ студентовъ она заслуживаетъ благодарности еще и за то что даетъ лучшее направленіе правительственнымъ стипендіямъ. Эти пособія составляющія въ совокупности значительную сумму далеко не могутъ надежнымъ образомъ обезпечивать нуждающееся юношество и не замѣняютъ тѣхъ конвиктовъ которые въ прежнюю пору содержались при университетахъ. Казенные студенты были крѣпкимъ ядромъ учившейся въ университетахъ молодежи. Всѣмъ обезпеченные, они жили въ полномъ довольствѣ, пользуясь всѣми пособіями для занятій, огражденные отъ всякихъ дрязгъ и столкновеній университетскою инспекціей. Въ видахъ прогресса найдено было нужнымъ упразднить эти конвикты, и молодые люди были либерально выгнаны на улицу. А между тѣмъ казенные студенты былаго времени составляли цвѣтъ дѣйствительно учившагося, работящаго юношества и поддерживали духъ серіозной науки среди своихъ товарищей. Нельзя того сказать о нынѣшнихъ стипендіатахъ, получающихъ на руки денежное пособіе, принужденныхъ искать себѣ пріютъ въ трущобахъ, терпящихъ голодъ и холодъ, брошенныхъ на произволъ случая, на всякіе соблазны. Устроенная С. С. Поляковымъ Александровская Коллегія при Петербургскомъ Университетѣ возвращаетъ насъ къ прежней университетской системѣ обезпеченія учащагося юношества и есть истинный прогрессъ. Дай Богъ чтобы на этомъ не остановилось дѣло, и чтобы положенное начало получило дальнѣйшее развитіе. Адресъ поднесенный молодыми людьми основателю Коллегіи своимъ добрымъ простымъ и сердечнымъ тономъ свидѣтельствуетъ о новомъ, здоровомъ настроеніи учащейся въ университетахъ молодежи. Знаменательнымъ признакомъ было бы уже и то только что молодые люди благодарятъ за добро...

Еще разъ поздравимъ Самуила Соломоновича съ добрымъ дѣломъ за которое и

послѣдующія поколѣнія помянутъ его добрымъ словомъ.

№ 278.

Москва, 6-го октября.

О намѣреніяхъ Англійскаго кабинета относительно Египта все еще ничего положительнаго неизвѣстно, кромѣ болѣе или менѣе офиціозныхъ заявленій о томъ что Англія „никого не обидитъ." Г. Гладстону очень на руку пришлось что парламентъ теперь не засѣдаетъ и еще нѣсколько мѣсяцевъ засѣдать не будетъ. Это избавляетъ англійскихъ министровъ отъ назойливыхъ запросовъ; а такіе запросы куда какъ неудобны, особенно когда парламентскіе „вопросники" начинаютъ перебирать, иногда очень не кстати, щекотливые предметы иностранной политики. Со стороны же болѣе компетентныхъ въ этомъ отношеніи иностранныхъ державъ, Англійскому кабинету повидимому не предстоитъ выдержать никакого дипломатическаго натиска, по крайней мѣрѣ коллективнаго, отъ имени „концерта" окончательно нынѣ умолкшаго и, какъ кажется, надолго. Какіе-то переговоры ведутся втихомолку, и о томъ что они ведутся свидѣтельствуютъ телеграфныя сообщенія о спеціальныхъ поѣздкахъ германскихъ дипломатовъ изъ Лондона въ Фарцинъ и оттуда обратно въ помѣстье лорда Гранвилля. Этимъ какъ бы намекается на то что нынѣ дѣла дипломатіи вершатся не за зеленымъ столомъ конгрессовъ и конференцій, а интимно, въ семейной, такъ-сказать, обстановкѣ, что̀, впрочемъ, давно вошло въ обычай у князя Бисмарка. Но о чемъ шла рѣчь при этихъ таинственныхъ переговорахъ нѣмецкія газеты и не пробуютъ догадываться, уже довольныя тѣмъ что, согласно указаннымъ дипломатическимъ поѣздкамъ, политическія нити повидимому вновь завязались узломъ въ мѣстѣ пребыванія фарцинскаго отшельника, хотя офиціально князь Бисмаркъ получилъ надняхъ замѣстителя по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ, въ лицѣ графа Гатцфельдта.

Только Турція ведетъ свои дѣла открыто и „на чистоту." Не успѣетъ Порта принять какой-либо дипломатическій шагъ какъ телеграфъ изъ Константинополя спѣшитъ оповѣстить содержаніе посланнаго ею циркуляра или ноты. Англія, въ свою очередь, также не оберегаетъ канцелярской тайны по отношенію къ отвѣтнымъ своимъ посланіямъ Портѣ. Но роль которую Англія заставила разыграть Турцію при послѣднихъ событіяхъ въ Египтѣ, окончательно низвела до нуля дипломатическое значеніе блистательной Порты въ европейскомъ совѣтѣ, а потому и нельзя искать никакихъ серіозныхъ указаній въ дипломатическихъ сообщеніяхъ изъ Константинополя. Такъ, надняхъ, передано было содержаніе отвѣтной ноты Сентъ-Джемскаго кабинета отъ 8 октября на запросъ Порты отъ 25 сентября о томъ намѣрено ли Англійское правительство, и когда именно, вывезти англійскія войска изъ Египта. Англійское правительство отвѣтило что часть войскъ уже вывезена, и что оно искренно желаетъ вывезти и остающіеся полки. Но въ виду того что Англія принесла великія жертвы для успокоенія Египта, и въ этомъ отношеніи приняла на себя великую отвѣтственность (предъ кѣмъ?), она должна же принять мѣры чтобъ обезпечить прочность возстановленнаго въ Египтѣ порядка, а для этой цѣли, какъ само собою разумѣется, необходимо же удержать часть англійскихъ войскъ въ Египтѣ въ теченіе „нѣкотораго времени." Такой отвѣтъ былъ бы данъ, по всей вѣроятности, еслибы тотъ же вопросъ былъ предложенъ Англіи не одною Турціей, но отъ имени европейскаго концерта. А потому и хорошо сдѣлано что сочтено излишнимъ возобновлять комедію Константинопольской конференціи, хотя она офиціально еще не закрыта, а лишь отсрочены ея засѣданія, въ виду начатыхъ Англіей военныхъ дѣйствій, до окончанія ихъ. Она тогда закрылась бы еслибы Россія настояла на своемъ отказѣ участвовать въ ней, заявленномъ не задолго до того какъ она была фактически упразднена громомъ англійскихъ пушекъ подъ Александріей. Распущеніе конференціи, еслибы Россія настояла тогда на своемъ отказѣ участвовать въ ней, было бы болѣе приличнымъ для этой конференціи исходомъ нежели ея теперешняя кончина „отъ внутренняго безсилія."

Какъ бы то ни было, но приведенное заявленіе Англіи, въ отвѣтъ на запросъ Порты, не есть очевидно тотъ отвѣтъ какого слѣдовало бы ожидать. Дѣло не въ томъ скоро или не скоро будетъ обез-

печенъ прочный порядокъ возстановленный Англіей въ Египтѣ цѣной „великихъ жертвъ," а въ томъ на одной ли Англіи лежатъ заботы объ окончательномъ устройствѣ Египта? Остались ли въ силѣ существующія насчетъ Египта международныя соглашенія, или же Англія считаетъ ихъ упраздненными, а себя верховною распорядительницей этой страны, какъ бы по праву завоеванія? Какъ ни „успокоительны" увѣренія идущія изъ англійскихъ офиціальныхъ сферъ насчетъ полнаго безкорыстія англійскихъ намѣреній, несомнѣнно то что Англія уже теперь стала на совершенно иную точку зрѣнія нежели въ началѣ египетскихъ затрудненій, ибо даже тогда какъ были отсрочены засѣданія Константинопольской конференціи, Англія признавала что конечное рѣшеніе Египетскаго вопроса выходитъ изъ предѣловъ ея компетенціи. Теперь же ведутся совсѣмъ иныя рѣчи. Англійскіе министры стараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, увѣрить что Англія и не помышляетъ превратить Египетъ въ англійскую провинцію; но о томъ чтобъ Англія признавала еще за кѣмъ-либо право на участіе въ окончательномъ рѣшеніи судьбы Египта нѣтъ и помина. Одинъ изъ членовъ кабинета, лордъ Нортбрукъ, высказался на митингѣ 12 октября въ Ливерпулѣ о намѣреніяхъ правительства. Начавъ со стереотипныхъ увѣреній въ безкорыстіи Англіи, лордъ Нортбрукъ добавилъ что Англійское правительство не намѣрено однако допустить чтобъ Египетъ снова впалъ въ анархію, отъ которой его только что спасли. Англійское правительство не имѣетъ де въ виду забрать и Суэзскій каналъ въ свое исключительное владѣніе; но оно не дозволитъ же Египту придти въ такое положеніе чтобы Суэзскій каналъ могъ быть закрытъ, хотя временно, для британскихъ судовъ.

Косвенный выводъ изо всѣхъ этихъ медовыхъ рѣчей все-таки тотъ что Англія не выпуститъ изъ рукъ захваченную ею добычу; ибо тѣ *отрицательныя* намѣренія о коихъ заявляетъ англійскій министръ могутъ быть осуществлены лишь удержаніемъ въ своихъ рукахъ фактическаго господства. И до тѣхъ поръ пока Англія удерживаетъ за собою господство ей ничего не стоитъ расточать на всѣ стороны увѣренія въ своемъ безкорыстіи, уваженіи къ трактатамъ и къ „пріобрѣтеннымъ" правамъ другихъ державъ.

Когда Россія, цѣной дѣйствительно тяжкихъ жертвъ и несомнѣнно великихъ побѣдъ, овладѣла большею частью Балканскаго полуострова, Европа, а съ нею и Англія, не довольствовались никакими увѣреніями въ отсутствіи своекорыстныхъ замысловъ, хотя въ безкорыстіи Россіи никто не сомнѣвался. Первою заботой Европы было установленіе по возможности кратчайшаго *срока* для пребыванія русскихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ. И до тѣхъ поръ не успокоились участники Берлинскаго конгресса и не считали своего дѣла поконченнымъ пока послѣдній русскій солдатъ не возвратился въ Россію. Тогда и англійскій флотъ покинулъ свою стоянку у Принцевыхъ Острововъ.

Но въ томъ и заключается заслуга г. Гладстона предъ своею страной что онъ не намѣренъ стать на судъ предъ коллективной Европой и принять предъ нею какія-либо связанныя со срокомъ обязательства. И ужь если необходимо сводить счеты съ „честнымъ маклеромъ," то г-нъ Гладстонъ предпочитаетъ сводить ихъ въ уютномъ кабинетѣ Фарцинскаго сельскаго дома, не отдавая дѣла на судъ европейскаго ареопага. Въ своемъ уединеніи князь Бисмаркъ навѣрное болѣе сговорчивъ нежели въ качествѣ предсѣдателя конгресса.

№ 279.

Москва, 7-го октября.

Два года тому назадъ, предметомъ общаго вниманія и оживленныхъ толковъ былъ неожиданный подъемъ цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи; цѣны изо дня въ день шли въ гору, и несмотря на дороговизну охотниковъ продавать его было мало, такъ что возникла рѣчь объ оскудѣніи хлѣбныхъ запасовъ въ Россіи, и серіозно обсуждалась мысль не слѣдуетъ ли стѣснить, а пожалуй и пріостановить отпускъ хлѣба изъ Россіи за границу. Теперь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ прямо противоположнаго свойства: цѣны на хлѣбъ падаютъ съ невѣроятною быстротой, желающихъ продавать его много, но спросу нѣтъ, и потому вся наша хлѣбная торговля, а вмѣстѣ и земледѣліе, переживаютъ тяжелый кризисъ.

Трудно было предвидѣть этотъ кризисъ судя по офиціальнымъ даннымъ о ходѣ нашего хлѣбнаго отпуска. Свѣдѣнія эти до-

ходятъ до 1 іюля и, стало-быть, обнимаютъ всю первую половину текущаго года. Судя по нимъ, вывозъ нашего хлѣба шелъ вполнѣ удовлетворительно. Онъ не достигалъ, правда, тѣхъ размѣровъ какъ въ первыя половины 1878 и 1879 годовъ, но затѣмъ во всѣ прочіе годы минувшаго десятилѣтія не было полугодія которое по отпуску хлѣба могло бы равняться съ истекшимъ по 1-е минувшаго іюля. Но въ какіе-нибудь два или три мѣсяца все перевернулось. Спросъ вдругъ прекратился, цѣны разомъ упали. О томъ въ какихъ размѣрахъ совершилось это паденіе можетъ дать понять слѣдующая сообщенная нашимъ елецкимъ корреспондентомъ сравнительная таблица среднихъ цѣнъ на разные хлѣба стоявшихъ въ Ельцѣ въ концѣ іюля и въ концѣ сентября:

	Въ концѣ іюля.	Въ концѣ сентября.
Овесъ	58 к.	40 к. пудъ.
Рожь	1 р. — „	75 „ „
Пшеница кубанка (турка)	1 „ 75 „	1 р. 15 „ „
Пшеница гирка (простая)	1 „ 50 „	1 „ — „ „
Пшеница озимая. .	1 „ 45 „	1 „ — „ „
Гречиха.	— „ 90 „	— „ 65 „ „
Крупа гречн. . . .	1 „ 45 „	1 „ 14 „ „
Просо.	— „ 85 „	— „ 55 „ „
Пшено.	1 „ 20 „	— „ 90 „ „

Остановится ли на этомъ паденіе цѣнъ или пойдетъ еще дальше, нельзя предугадать. Но дѣло въ томъ что и теперь приведенныя низкія цѣны только номинальныя, и чуть не каждый, особенно за наличныя деньги, готовъ продать свой хлѣбъ съ большою уступкой даже и противъ этихъ низкихъ цѣнъ. Цѣны низки, но къ портамъ хлѣбъ, напримѣръ рожь, не можетъ идти и по этимъ низкимъ цѣнамъ, ибо въ портахъ цѣны еще ниже.

Что особенно важно, это то что упадокъ цѣнъ въ указанныхъ или въ близкихъ къ указаннымъ размѣрахъ есть не мѣстное, а общее явленіе. Отъ упадка цѣнъ страдаютъ не тѣ только районы которые, какъ напримѣръ украинскія и приволжскія губерніи, благословлены въ нынѣшнемъ году обильнымъ урожаемъ, но и тѣ губерніи которыя (какъ, напримѣръ, Воронежская, Орловская, частію Тамбовская и Тульская) въ настоящемъ году похвалиться урожаемъ не могутъ. Повсюду отсутствіе спроса, повсюду полный застой въ хлѣбной торговлѣ, и повсюду, какъ результатъ этого застоя, безденежье и затрудненія въ платежахъ. Всѣмъ у кого имѣются запасы хлѣба для продажи, какъ сельскимъ хозяевамъ, такъ и хлѣбнымъ торговцамъ, приходится переживать тяжелые дни. Для тѣхъ и другихъ продавать хлѣбъ по существующимъ цѣнамъ значитъ идти на явный огромный убытокъ, — убытокъ который многихъ привелъ бы къ разоренію. На многіе сорта хлѣба цѣны такъ низки что выручка отъ продажи не можетъ покрыть затратъ земледѣльца на аренду, на сѣмена и на рабочія руки. Хлѣбнымъ торговцамъ пришлось бы продавать имѣющіеся у нихъ запасы хлѣба много дешевле тѣхъ цѣнъ по которымъ эти запасы ими самими заготовлены; а между тѣмъ у многихъ на эту заготовку затрачены не однѣ свои, а также и чужія, заемныя деньги. Кто можетъ, кто въ силахъ, каждый состоятельный сельскій хозяинъ, каждый капитальный хлѣбный торговецъ, при нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ, воздерживается отъ продажи хлѣба, выжидая для того лучшаго времени, болѣе нормальныхъ цѣнъ. Но для большинства переживать это безвременье и безцѣнье не подъ силу: періодъ застоя слишкомъ затянулся, и никто не знаетъ когда онъ окончится. Между тѣмъ настоятельная нужда въ наличныхъ деньгахъ, необходимость неотложныхъ срочныхъ расплатъ дѣлаютъ для большинства всякое выжиданіе лучшихъ цѣнъ невозможнымъ, вынуждая продавать хлѣбъ за что ни пришлось, съ какимъ бы то ни было разорительнымъ убыткомъ... Среди обширнаго круга людей прикосновенныхъ къ хлѣбной торговлѣ уже предвидятся многія банкротства. Множеству заложенныхъ имѣній грозитъ продажа съ молотка.

Ни для кого не тайна гдѣ лежитъ причина возникшаго кризиса. Внутренній урожай хлѣба болѣе обильный въ однѣхъ, менѣе обильный въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, тутъ ни при чемъ. Спросъ на нашъ хлѣбъ упалъ вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ. Почти во всѣхъ странахъ куда идетъ нашъ хлѣбъ урожай въ текущемъ году оказался исключительно изобильный, вслѣдствіе чего тамъ потребность въ привозномъ хлѣбѣ уменьшилась до крайней степени какъ только обозначились результаты жатвы. Въ то же время необычайно обильный урожай оказался и въ Америкѣ, также какъ и мы нуждающейся въ сбытѣ своего хлѣба на европейскіе рынки. Эти рынки, по-

чти обезпеченные въ нынѣшнемъ году домашнимъ хлѣбомъ, загромождаются, сверхъ того, массами хлѣбныхъ грузовъ стремящихся одновременно изъ Америки и Россіи. При такихъ обстоятельствахъ — чрезмѣрномъ предложеніи и недостаткѣ спроса—сильный упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ не требуетъ объясненія. Но очень важно обсудить какого способа дѣйствій было бы намъ предпочтительнѣе держаться при такомъ положеніи, какія мѣры могли бы пособить русскому земледѣлію и русской хлѣбной торговлѣ пережить нынѣшній кризисъ и выйти изъ него съ наименьшимъ ущербомъ, а пожалуй и съ выгодой.

Къ исключительнымъ обстоятельствамъ, къ экстреннымъ случаямъ нельзя относиться какъ къ нормальнымъ. Что̀ хорошо при нормальныхъ обстоятельствахъ, то можетъ быть дурно при исключительныхъ, и наоборотъ. Сбытъ хлѣба за границу въ возможно бо̀льшихъ количествахъ имѣетъ для Россіи огромную важность и, говоря вообще, нельзя не радоваться росту хлѣбнаго отпуска изъ Россіи, ибо при нормальныхъ обстоятельствахъ размѣрами этого отпуска опредѣляются полученныя отъ него нашею страной выгоды. Но при исключительныхъ обстоятельствахъ настоящей минуты, хлѣбный отпускъ временно перересталъ быть выгоднымъ для Россіи; отпускать хлѣбъ за границу при нынѣшнихъ на него цѣнахъ, при теперешнихъ условіяхъ заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ, значило бы отдавать хлѣбъ иностранцамъ за безцѣнокъ, въ прямой убытокъ русскимъ производителямъ его. Такому хлѣбному отпуску, размѣрами коего опредѣлялись бы только причиненные странѣ невознаградимые убытки, уже никакъ нельзя радоваться, и еще менѣе позволительно принимать мѣры къ его поощренію и усиленію. Пока остаются въ силѣ нынѣшнія исключительно неблагопріятныя для сбыта хлѣба обстоятельства, хлѣбъ можетъ быть продаваемъ за границу лишь за безцѣнокъ и съ огромнымъ для насъ убыткомъ; но спустя нѣсколько времени, когда эти обстоятельства минуютъ, тотъ же самый хлѣбъ можетъ быть проданъ въ чужія края за хорошую цѣну и съ выгодой. Есть поэтому разчетъ пріостановиться временно отпускомъ хлѣба и выжидать лучшихъ условій его сбыта. Не каждый годъ бываютъ въ Америкѣ такіе урожаи какъ въ нынѣшнемъ; въ западной Европѣ такой повсемѣстный урожай какъ въ текущемъ году положительная рѣдкость; но еще рѣже такое совпаденіе одновременныхъ обильныхъ урожаевъ и въ Америкѣ, и въ западной Европѣ. Нѣсколько шансовъ противъ одного что не далѣе какъ въ будущемъ году положеніе европейскихъ хлѣбныхъ рынковъ измѣнится въ благопріятную для насъ сторону, что тамъ появятся и спросъ на хлѣбъ, и удовлетворительныя на него цѣны. Мы можемъ много выиграть если попридержимъ свой хлѣбъ въ рукахъ до того времени; мы много проиграемъ если поторопимся спустить его за что̀ ни пришлось теперь же. Мало того что производители хлѣба понесутъ убытки продавъ его еще дешевле того во что̀ онъ имъ самимъ обошелся: несвоевременнымъ продешевленнымъ сбытомъ они уронятъ цѣны и своего будущаго хлѣба. Теперь хлѣбъ будетъ купленъ у нихъ дешево не для немедленнаго потребленія, а лишь для заготовленія запасовъ на будущее время, и эти запасы въ крѣпкихъ рукахъ заграничныхъ хлѣбныхъ спекуляторовъ будутъ тяготѣть на рынкахъ къ нашей невыгодѣ въ то время когда безъ этого былъ бы на хлѣбъ хорошій спросъ и стояли бы высокія цѣны. Никому изъ русскихъ производителей хлѣба и хлѣбныхъ торговцевъ не можетъ быть разчета сбывать съ рукъ свой товаръ въ ту минуту когда за него не даютъ и того во что̀ онъ обошелся владѣльцамъ. Къ такимъ продажамъ за безцѣнокъ, въ прямой убытокъ, можетъ побудить не разчетъ, а развѣ безысходная нужда. Устранить такую нужду, предоставить сельскому хозяйству и хлѣбной торговлѣ иной исходъ изъ нея, помимо продажи хлѣба за безцѣнокъ, вотъ чѣмъ всего лучше могъ бы быть облегченъ нынѣшній кризисъ. Такая задача не принадлежитъ къ числу неразрѣшимыхъ. Она уже была однажды поставлена ходомъ дѣлъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ, и рѣшена тогда съ полнымъ успѣхомъ. Въ 1841 году, при страшномъ паденіи цѣнъ, наше земледѣліе и хлѣбная торговля переживали точно такой же кризисъ какъ и теперь. Но, пишетъ нашъ елецкій корреспондентъ, „кризисъ былъ пережитъ тогда относительно легко, ибо правительство оказало помощь выдачей подтоварныхъ ссудъ за небольшіе проценты; хлѣбъ былъ выдержанъ дома и пошелъ уже потомъ за границу по настоящей цѣнѣ. Государственный Банкъ можетъ это сдѣлать и теперь,

благо подобный уже примѣръ практически испытанъ. Лучше на время пріостановить безцѣльное погашеніе кредитныхъ билетовъ и оказать могучую поддержку отечественному земледѣлію и хлѣбной торговлѣ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ допустить чтобы мы весь свой хлѣбный урожай за полцѣны сбыли за границу. Цѣны перемѣнятся, но отправленнаго уже не воротишь. Хлѣбъ не такая вещь которую искусственно можно наготовить сколько угодно: онъ родится единовременно, а каковъ будетъ за границей будущій урожай еще неизвѣстно." Полагаемъ что мысль нашего елецкаго корреспондента заслуживаетъ полнаго вниманія. Содѣйствіе кредита, и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, оказывалось у насъ не разъ предпріятіямъ и спекуляціямъ вовсе того не стоившимъ, и было бы странно еслибы въ этомъ содѣйствіи кредита было отказано хлѣбному дѣлу въ его нынѣшнемъ положеніи. Въ средствахъ же оказать это содѣйствіе у Государственнаго Банка нѣтъ недостатка.

Это не подъ силу частнымъ банкамъ, и тѣ изъ нихъ которые давали ссуды подъ хлѣбные грузы, могли оказаться въ затрудненіи; но Государственный Банкъ, взявъ эту операцію въ свои руки, при разумномъ ея веденіи, не подвергался бы риску серіозныхъ потерь. Само собою разумѣется что въ интересахъ дѣла требуются умѣренныя, а не высокія ссуды подъ хлѣбъ, въ размѣрахъ достаточныхъ для выхода изъ затрудненія, а не въ такихъ которые служили бы поощреніемъ для спекуляцій.

№ 280.

Москва, 8-го октября.

Возбужденъ, наконецъ, вопросъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Вчера мы передали что, по распоряженію главнаго военно-суднаго управленія, начальникамъ военныхъ округовъ, корпуснымъ командирамъ, многимъ начальникамъ дивизій, нѣкоторымъ командирамъ полковъ, всѣмъ предсѣдателямъ военныхъ судовъ и прокурорамъ разослана записка содержащая въ себѣ подробную разработку извѣстныхъ вопросовъ о проектированныхъ измѣненіяхъ. Всѣ поименованныя лица приглашаются дать свое заключеніе объ изложенномъ въ запискѣ. Такимъ образомъ, въ предстоящей реформѣ нашего военнаго судоустройства и судопроизводства призваны принять участіе какъ непосредственно лица военно-судебнаго вѣдомства, такъ и занимающія высшее положеніе въ военной іерархіи, а потому дѣятельно участвующія въ отправленіи военнаго правосудія.

Военный судъ есть органъ военнаго управленія, и его хотятъ поставить, повидимому, такъ чтобы онъ имѣлъ постоянно и неуклонно въ виду цѣли этого управленія и дѣйствительно содѣйствовалъ укрѣпленію въ арміи духа дисциплины, субординаціи и сознанія долга. Къ сожалѣнію, нашъ военный судъ не всегда стремился къ этой цѣли. Не далѣе какъ въ апрѣлѣ этого года Военный министръ вынужденъ былъ напомнить особымъ циркулярнымъ предписаніемъ предсѣдателямъ судовъ что какъ обвинителямъ такъ и защитникамъ „положительно и безусловно запрещается употреблять выраженія оскорбительныя для военныхъ начальниковъ, дѣлать о нихъ ироническія замѣчанія, критиковать и порицать ихъ распоряженія или входить въ какія-либо общія разсужденія изображающія принятые въ военномъ быту порядки какъ нѣчто ненормальное, заслуживающее порицанія." Изъ того же самаго циркуляра видно что вообще какъ прокуроры такъ и защитники „весьма часто" уклоняются отъ преподанныхъ имъ въ законѣ правилъ и тѣмъ даютъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ, тѣмъ болѣе „прискорбнымъ" что выставляютъ „въ неправильномъ свѣтѣ дѣятельность военно-уголовнаго правосудія." Надо полагать что проектируемыя измѣненія въ военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ положатъ конецъ подобному извращенію функцій суда.

Случайнымъ образомъ задуманный у насъ пересмотръ законоположеній о военномъ судопроизводствѣ и судоустройствѣ совпалъ съ таковою же реформой въ Германіи. Полезно обратить вниманіе на взгляды какихъ держится въ этомъ дѣлѣ тамошнее военное начальство. До сихъ поръ въ Германіи нѣтъ общаго закона о военномъ судопроизводствѣ. Въ большей части арміи руководятся прусскими законоположеніями, но въ Баваріи, Саксоніи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ дѣйствуютъ особые кодексы существенно от-

личающіеся отъ прусскаго. Такъ напримѣръ, Баварія держится системы гласнаго судопроизводства, Пруссія вовсе не допускаетъ его. Въ прошломъ году созвапа была особая коммиссія коей предложено сгладить эти разнорѣчія и проектировать общеимперскій законъ о военномъ судопроизводствѣ. Весной коммиссія окончила свои занятія, проектъ ею выработанный былъ разсмотрѣнъ императоромъ и переданъ па заключеніе вассальныхъ правительствъ. Въ печати и въ парламентахъ немедленно возникли горячіе толки объ этомъ проектѣ. Говорилось что правительства не могутъ придти къ соглашенію вслѣдствіе слишкомъ большаго различія во взглядахъ, и что дѣло такимъ образомъ должно затормозиться. Говорили, между прочимъ, что Баварское правительство настойчиво добивается введенія гласности въ военное судопроизводство всей имперіи чему противится Пруссія. Либералы Баварскаго ландтага и отчасти имперскаго рейхстага немедленно поспѣшили вступиться за принципъ гласнаго судопроизводства, выгодно де отличающій баварскій порядокъ отъ инквизиціоннаго прусскаго. Говорились запальчивыя рѣчи, принимались не менѣе запальчивыя резолюціи. Но ни правительства, ни военное начальство не обратили на всѣ эти вопли ни малѣйшаго вниманія. Разногласія между правительствами оказались весьма несущественными и легко устранимыми. На дняхъ официозная *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* передала что вновь составленный проектъ имперскаго военнаго судопроизводства весной уже будетъ представленъ на обсужденіе рейхстага. Оказывается что существующее теперь въ Баваріи гласное судопроизводство не удержится. Вопреки ожиданіямъ либераловъ, Баварское военное министерство высказалось вовсе не въ пользу гласности, польза которой въ военномъ процессѣ вообще де сомнительна, тогда какъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ эта гласность можетъ только вредить дѣлу, колебать дисциплину и субординацію и давать поводъ къ возбужденію политическихъ страстей. Едва ли не къ тому же взгляду пришло и наше военное начальство, съ годъ назадъ распорядившееся затворить двери военнаго суда для публики при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ преступленій дисциплинарнаго характера. Не той ли же публичности процесса надо приписать и замѣченную въ нашихъ военныхъ обвинителяхъ и защитникахъ наклонность къ праздному краснорѣчію, „къ неумѣстной критикѣ, оскорбительнымъ отзывамъ, метафорамъ, аллегоріямъ и инымъ ораторскимъ пріемамъ, не отвѣчающимъ ни условіямъ военнаго быта, ни существеннымъ цѣлямъ военнаго суда призваннаго къ укрѣпленію въ войскахъ порядка и дисциплины.“ Рѣчь въ простой, сжатой и категорической формѣ лучше и достойнѣе чѣмъ пріемы краснорѣчія вызывающіе скорѣе въ судьяхъ неудовольствіе и нетерпѣніе, не всегда выгодное и для подсудимаго. У насъ было не мало толковъ о военномъ судѣ и нареканій что судъ этотъ будто бы слишкомъ много зависитъ отъ военной администраціи и якобы поэтому не можетъ быть судомъ вполнѣ справедливымъ и безпристрастнымъ. Администрація можетъ де оказывать давленіе на судей и по своему усмотрѣнію наклонять вѣсы правосудія. Но администрація и судъ все-таки служатъ одному и тому же государству и потому должны имѣть одну и ту же главную цѣль. А какія имѣются гарантіи чтобъ избавить судей отъ давленія уличнаго мнѣнія, отъ ходячихъ фразъ, отъ заразы фальшивой популярности? Циркуляръ Военнаго министра не служитъ ли доказательствомъ что эти вліянія дѣйствуютъ на вѣсы правосудія?

№ 281.

Москва, 9-го октября.

Въ Кіевѣ случилось казусное дѣло. Надъ нашею печатью, наконецъ, грянулъ ударъ правосудія. Окружный судъ,—да, окружный судъ,—приговорилъ редактора къ тяжкой карѣ за клевету и диффамацію. Наконецъ-то! Вотъ говорили будто у насъ могутъ безнаказанно совершаться дѣла безчинства и разбоя на публичныхъ путяхъ печати! Вотъ, значитъ, не безнаказанно.

Ударъ разразился надъ газетою *Кіевлянинъ*. Грознымъ приговоромъ постигнутъ редакторъ этой газеты Д. И. Пихно. У Ѳемиды глаза завязаны, но она иногда умѣетъ глядѣть черезъ повязку.

Въ чемъ же преступленіе? Въ фельетонѣ этой газеты было сказано что одинъ

изъ гласныхъ Кіевской городской думы, нѣкто г. Конисскій, взявъ на себя обязанность наблюденія за обмежеваніемъ городскихъ земель, представилъ „аптекарскій счетъ“ расходамъ которые были имъ сдѣланы при исполненіи этой обязанности, не забывъ тома межевыхъ законовъ который ему понадобился для справокъ и непромокаемыхъ сапогъ для хожденія по лужамъ. Фельетонистъ газеты добавилъ что книга межевыхъ законовъ и сапоги не были возвращены г. Конисскимъ думѣ по минованіи надобности. Читатели найдутъ ниже въ особомъ изложеніи подробности этого знаменитаго процесса. На судебномъ слѣдствіи было доказано что хотя книга межевыхъ законовъ и была возвращена въ думу вопреки показанію фельетониста, но вѣрно то что сапоги доставлены по принадлежности не были.

Avis досточтимымъ редакторамъ *Курьеровъ, Телеграфовъ, Голосовъ.* Что же угрожаетъ имъ если оскорбленныя и оклеветанныя ими лица вздумаютъ привлечь ихъ къ суду! Г. Пихно присужденъ правымъ и милостивымъ судомъ къ тюремному заключенію за правду о сапогахъ невозвращенныхъ въ свое время по принадлежности: чего же должны ожидать отъ гнѣвнаго правосудія виновные во лжи и клеветѣ возмутительнѣйшаго свойства?

Но быть-можетъ судъ, органъ государственной власти, чуткій ко злу которое подкапывается подъ государство и охраняемый имъ нравственный порядокъ, воспользовался первымъ случаемъ чтобъ à propos de bottes поразить зловредный органъ.... Ревность опасная и во всякомъ случаѣ чрезмѣрная! Злоумышленный органъ, какъ бы ни былъ хитеръ и увертливъ, всегда можетъ дать лучшій поводъ къ удару чѣмъ фельетонъ о пятирублевой книгѣ и непромокаемыхъ сапогахъ, купленныхъ на счетъ думы и ей не доставленныхъ.... Даже польскій судъ во Львовѣ посадившій въ тюрьму отца Наумовича и г. Площанскаго, редактора *Слова,* все же старался найти нѣчто посеріознѣе сапогъ для обвиненія.

Съ другой стороны, какой бы кто ни былъ благонамѣренный и добродѣтельный человѣкъ, но коль скоро несетъ на себѣ общественную обязанность, притомъ по выбору, то не можетъ считать себя внѣ общественной оцѣнки и критики. Куда угодили бы мы еслибъ общественныя учрежденія, претендующія на самоуправленіе, и ихъ дѣятели не могли подлежать общественному сужденію?

Кто же однако обвиненный, и кто обвинитель?

Газета *Кіевлянинъ* принадлежитъ по своему направленію почти къ феноменальнымъ исключеніямъ въ нашей печати. Она издается въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Имперіи, гдѣ политическая интрига свила себѣ гнѣздо, гдѣ „польская справа“ особенно дѣятельна, гдѣ вырабатывается ядъ такъ-называемаго украйнофильства. Здѣсь очень нужны и дороги, въ сферахъ общественной дѣятельности, люди здравомыслящіе, столько же просвѣщенные сколько вѣрные гражданскому долгу, хорошо вооруженные противъ обмановъ такъ легко овладѣвающихъ общественнымъ словомъ. Мы не имѣемъ чести личнаго знакомства съ редакторомъ *Кіевлянина,* но общій характеръ его газеты достаточно о немъ свидѣтельствуетъ какъ объ общественномъ дѣятелѣ заслуживающемъ уваженія и сочувствія. Намъ не рѣдко приходилось цитовать его газету и приводить почти цѣлыя статьи изъ нея по вопросамъ серіознаго свойства. Насъ радовала зоркость мысли, вѣрность сужденія и сильное слово въ отпоръ наглости общественнаго обмана, который такъ разнуздался въ послѣдніе годы. Мы не хотимъ сказать чтобы въ этой газетѣ было все одинаковаго достоинства, чтобъ она всегда была безошибочна въ своихъ сужденіяхъ, чтобы никогда не давала увлечь себя общимъ теченіемъ какъ было во дни еврейскихъ побоищъ, которыми даже высшіе администраторы считали возможнымъ разрѣшить еврейскій вопросъ. Мы указываемъ только на направленіе газеты по главнымъ и основнымъ вопросамъ, въ которыхъ не можетъ быть разногласія между честными органами. Мы не знаемъ получаетъ ли *Кіевлянинъ* поддержку отъ правительства, въ чемъ его укоряютъ противники. Но еслибъ эта газета и дѣйствительно пользовалась субсидіей, то это конечно не можетъ быть отягчающимъ въ глазахъ суда обстоятельствомъ. Получаетъ или не получаетъ правительственную субсидію *Кіевлянинъ,* но онъ какъ политическая газета издается въ правительственномъ смыслѣ, въ какомъ должна издаваться всякая *политическая* газета въ Россіи. Служить правительству не значитъ угождать

капризамъ или фантазіямъ лицъ смѣняющихся во власти, какъ дѣлаютъ, корыстно или безкорыстно, холопскіе органы прикрывающіе себя прозвищемъ „либеральныхъ.“ Служить правительству значитъ служить тѣмъ, равно для всѣхъ дорогимъ и священнымъ интересамъ, которые находятся на попеченіи правительства. Въ наши дни шатанья умовъ когда исполненіе долга гражданскаго, даже служебнаго, обзывается печатно подлостію, когда прокуроръ за открытіе преступленія подвергается поношенію даже между своими, можетъ ли правительство не дорожить органами подобными *Кіевлянину* и общественными дѣятелями какъ его издатель и доцентъ университета г. Пихно? За то не легко дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Нужно имѣть большую силу убѣжденія и характера. Сколько тяжкихъ оскорбленій,—сколько обидъ и гоненій приходится испытывать! И каково если въ борьбѣ за интересы государства приходится встрѣчать людей прикрытыхъ авторитетомъ власти административной или судебной!

Что касается г. Конисскаго, то мы узнаемъ о немъ впервые по случаю этого процесса. Изъ объясненій на судѣ видно что онъ болѣе или менѣе принадлежитъ къ украйнофильскому толку, что онъ пописывалъ въ газетахъ, былъ корреспондентомъ какой-то либеральной газеты (говорятъ *Голоса*, другіе будто *Московскаго Телеграфа:* c'est tout dire). Если *Кіевлянинъ* задѣлъ его въ своемъ фельетонѣ, то по всему вѣроятію это было вызвано не просто его счетами поданными городской думѣ. Впрочемъ, не видно чтобы между редакторомъ *Кіевлянина* и г. Конисскимъ были какіе-либо личные счеты, но видно что между ними есть антагонизмъ въ политическомъ отношеніи. На корреспондентѣ извѣстнаго сорта газеты, повидимому, имѣлось въ виду показать какъ эти обличители и ревнители общественныхъ дѣлъ сами ведутъ себя въ дѣлахъ общественныхъ. Мы не можемъ рѣшить въ какой мѣрѣ заслуживалъ г. Конисскій непріязнь *Кіевлянина*, но если вѣрно что онъ писалъ въ *Голосѣ*, или *Московскомъ Телеграфѣ*, то *Кіевлянинъ* не могъ относиться къ нему дружелюбно. Нельзя, конечно, одобрить излишнюю рѣзкость тона о комъ бы то ни было; но рѣзкость слова въ нашей печати вошла въ обычай, а судебныя пренія превосходятъ въ этомъ отношеніи и печать. Нигдѣ злословію нѣтъ такого разгула какъ въ судахъ.

Г. Конисскій принесъ жалобу на диффамацію и клевету. Диффамація есть диффамація, то-есть дѣло преступное, когда касается частной жизни оскорбленнаго лица. Она на судѣ не доказуема и подвергаетъ виновнаго отвѣтственности во всякомъ случаѣ. Относительно же общественной дѣятельности диффамація можетъ быть судима только въ смыслѣ клеветы, то-есть какъ ложное или недоказательное нареканіе. Мы не будемъ пересказывать дѣло; ниже, въ отчетѣ, читатели найдутъ показанія обѣихъ сторонъ и сами могутъ судить было ли основаніе обвинить г. Пихно въ клеветѣ и диффамаціи и было ли основаніе приговорить его къ тюремному заключенію.

Жалуются на произволъ административной власти, которой предоставлено высылать изъ города подозрительныхъ или опасныхъ людей,—произволъ тяжкій если дѣйствуетъ безсмысленно или несправедливо. Но развѣ легче произволъ судовъ, которые по усмотрѣнію, безотвѣтственно и безнаказанно (не такъ какъ губернаторъ за высылку), за одно и то же дѣло можетъ одного оправдать, другаго приговорить къ легкому штрафу, а третьяго посадить въ тюрьму? Судейскій произволъ тѣмъ хуже что является съ ореоломъ законности.

Изъ подробнаго отчета въ *Кіевлянинѣ* видно что въ этомъ дѣлѣ окружный судъ счелъ нужнымъ предлагать сторонамъ, по заведенному лишь въ мировомъ судѣ порядку, помириться, и настойчиво возобновлялъ это предложеніе. Судъ, значитъ, требовалъ чтобы г. Пихно, сознававшій себя правымъ, отдалъ себя на милость своего противника, и если антагонизмъ между ними былъ политическаго свойства, то преклонилъ бы предъ своимъ противникомъ свое знамя.

Приговоръ Кіевскаго Окружнаго Суда произвелъ, какъ намъ пишутъ, тяжелое впечатлѣніе въ Кіевѣ. Намъ сообщаютъ даже, не знаемъ вѣрно ли, будто одинъ изъ трехъ членовъ суда былъ на другой день съ визитомъ у г. Пихно...

Г. Пихно, потрясенный и оскорбленный, подалъ въ отставку отъ должности преподавателя въ университетѣ.

Не забывайте, гг. судьи, и въ великомъ, и въ маломъ, что вы судите во имя Императорскаго Величества, и что только

поэтому ваши приговоры имѣютъ силу, и что вы не можете быть партіей, или можете быть только партіей государственной власти, васъ создавшей, которой вы должны служить органомъ въ примѣненіи законовъ.

№ 283.

Москва, 11-го октября.

Въ правительственныхъ сферахъ, какъ сообщаютъ изъ Петербурга, признана необходимость скорѣйшаго измѣненія законовъ о конкурсахъ и объ усиленіи отвѣтственности несостоятельныхъ лицъ для болѣе дѣйствительнаго обезпеченія кредита. Какъ необходимо это измѣненіе, о томъ свидѣтельствуетъ процессъ о злостномъ банкротствѣ семейства Солодовниковыхъ, разбиравшійся надняхъ въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ. Не часто у насъ доходятъ до уголовнаго суда дѣла о злостномъ банкротствѣ; а когда доходятъ, то между преступленіемъ и судебнымъ о немъ разбирательствомъ всегда лежитъ промежутокъ въ нѣсколько лѣтъ. Въ процессѣ Солодовникова этотъ промежутокъ продолжался цѣлыхъ десять лѣтъ. Удивительно ли что рѣдкія въ уголовной судебной практикѣ дѣла о злостной несостоятельности еще рѣже кончаются наказаніемъ виновныхъ? Аргументъ о погашеніи вины за давностью, признаваемый и закономъ, всегда имѣетъ большую убѣдительную силу предъ нашими присяжными; да и возможно ли представить съ полною ясностью „обстоятельства уличающія подсудимаго,“ когда улики представляются на судъ покрытыя многолѣтнею канцелярскою пылью? Въ процессѣ на который мы указываемъ, глава фирмы, Ѳедоръ Солодовниковъ, предсталъ на судъ 70-лѣтнимъ старикомъ. Присяжные не отвергли его вины, ибо они отвѣтили утвердительно на общій вопросъ о существованіи злостнаго банкротства; но обвинивъ двухъ участниковъ преступленія, въ томъ числѣ одного изъ сыновей главнаго виновника, присяжные „помиловали“ Ѳедора Солодовникова, очевидно вслѣдствіе его преклонныхъ лѣтъ.

Главный недостатокъ существующихъ законовъ о несостоятельности заключается не въ снисходительности положенныхъ за злостное банкротство наказаній. Усиленіе этихъ наказаній едва ли и возможно, такъ какъ за злостное банкроство назначено для лицъ торговаго сословія лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь на поселеніе (ст. 1163 Улож. о Нак.), и по теперешней лѣстницѣ наказаній пришлось бы для усиленія наказанія перейти къ каторжнымъ работамъ.

Требуется установленіе такого порядка при коемъ злостная несостоятельность не была бы въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣяніемъ совсѣмъ безнаказаннымъ. А для этого прежде всего требуется чтобъ устранена была чрезвычайная медленность уголовнаго производства по дѣламъ этого рода. Поправка нужна не въ законахъ о наказаніи за банкротства, а въ уголовномъ процессѣ. Самому возбужденію уголовнаго преслѣдованія за злостное банкротство должна предшествовать по дѣйствующему закону сложная процедура гражданскаго суда. На основаніи ст. 27. Уст. Уголовн. Судопр. „преслѣдованіе уголовнымъ судомъ не возбуждается, а возбужденное пріостанавливается“ до разрѣшенія гражданскимъ судомъ вопроса о свойствѣ несостоятельности обвиняемаго. Но и коронный гражданскій судъ связанъ въ своемъ рѣшеніи по вопросамъ о свойствѣ несостоятельности. Оно можетъ быть постановлено не иначе какъ на основаніи заключенія конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельнаго должника, которое открывается послѣ объявленія несостоятельности. Конкурсное управленіе дѣйствуетъ на основаніи особаго устава о торговой несостоятельности, изданнаго вмѣстѣ съ прочими законами о торговомъ судопроизводствѣ въ 1832 году. Все зло коренится главнымъ образомъ въ этомъ банкротскомъ уставѣ, который, помимо общихъ недостатковъ перваго изданія Свода Законовъ, рѣшительно не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ торговаго оборота и кредита, сложившимся за истекшее полстолѣтіе. Наши торговые законы, нашъ вексельный уставъ и въ особенности наши законы о торговой несостоятельности относятся къ современному быту приблизительно такъ какъ „грунтовыя дороги“ по коимъ двигалась торговля тридцатыхъ годовъ къ рельсовымъ путямъ и пароходнымъ сообщеніямъ нашихъ дней.

Колоссальное развитіе кредита и банковаго дѣла, главный рычагъ современной промышленности и торговли, упразднили въ цѣломъ мірѣ законы которыми регули-

ровались прежнія условія торговаго оборота, равно какъ и давнишнюю процедуру по поводу банкротствъ. Вездѣ въ Европѣ, не исключая и Англіи, до сихъ поръ не имѣющей правильно составленныхъ кодексовъ по гражданскому и уголовному праву, банкротскіе уставы были замѣнены новыми за послѣднія 10—20 лѣтъ. Въ этихъ уставахъ не только усилена отвѣтственность за злонамѣренное пользованіе кредитомъ; но обращено главнымъ образомъ вниманіе на то чтобъ отрѣзать обанкрутившемуся должнику возможность сокрыть свое имущество, которое съ момента несостоятельности становится собственностью кредиторовъ. Германское законодательство опередило и въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, законодательства остальныхъ странъ Европы. Банкротскій уставъ Германской имперіи выработанъ и утвержденъ вмѣстѣ съ кодексами судопроизводства въ концѣ 70-хъ годовъ. Основный принципъ, проведенный въ этомъ уставѣ съ замѣчательною послѣдовательностью, заключается въ томъ что ликвидація дѣлъ несостоятельнаго должника не можетъ быть ввѣрена исключительной заботѣ кредиторовъ по большинству ихъ претензій; ибо обычное злоупотребленіе при банкротствахъ заключается именно въ томъ что предъявляются фиктивныя претензіи отъ подставныхъ кредиторовъ, чрезъ посредство которыхъ бо́льшая часть наличнаго имущества должника возвращается въ его карманъ. Вотъ почему конкурсный процессъ въ Германіи производится при дѣятельномъ участіи и подъ строгимъ контролемъ суда, который самъ провѣряетъ долговыя претензіи прежде нежели предоставить кредитору право на участіе въ конкурсномъ производствѣ и на подачу своего голоса въ пользу такого или инаго распредѣленія долговъ и наличнаго имущества, равно какъ и о свойствѣ несостоятельности, отъ котораго зависитъ привлеченіе банкрота къ уголовной отвѣтственности.

Нашъ уставъ о торговой несостоятельности былъ въ свое время не хуже другихъ законоположеній этого рода; но „практика“ установившаяся на основаніи этого устава создала порядокъ въ своемъ родѣ образцовый, благодаря которому не только безнаказанно сходили съ рукъ самыя вопіющія злоупотребленія, но, что̀ всего хуже, самое сознаніе преступности банкротства ослабѣло среди торговыхъ людей, какъ это всегда впрочемъ бываетъ при частомъ повтореніи и огульной безнаказанности преступленій извѣстнаго рода. При помощи ходатаевъ-спеціалистовъ по конкурснымъ дѣламъ, казуистика конкурснаго производства достигла замѣчательнаго по своей тонкости и изобрѣтательности развитія. Организованная клика конкурсныхъ дѣлъ мастеровъ, вооруженныхъ своими спеціальными знаніями по части многочисленныхъ лазеекъ, представляемыхъ какъ буквой нашихъ конкурсныхъ законовъ такъ и установившимся въ судебной практикѣ толкованіемъ оныхъ, являлась по первому зову къ услугамъ купца задумавшаго присвоеніе себѣ ввѣренныхъ ему по торговымъ оборотамъ капиталовъ; фабриковались торговыя книги, составлялись „бронзовые“ документы въ пользу подставныхъ кредиторовъ и конкурсъ выбирался по большинству претензій изъ такихъ фиктивныхъ должниковъ. Адвокатъ спеціалистъ принималъ на себя заботу о формальной сторонѣ дѣла, такъ что на бумагѣ все выходило „въ самомъ лучшемъ видѣ;“ а въ концѣ концовъ, послѣ производства, рѣдко продолжавшагося менѣе двухъ-трехъ лѣтъ, истомленные заимодавцы волей-неволей соглашались на сдѣлку, съ полученіемъ нѣсколькихъ копѣекъ на каждый рубль своихъ дѣйствительныхъ претензій. Мировая сдѣлка возстановляла банкрота во всѣхъ его имущественныхъ и гражданскихъ правахъ и „благополучный“ конецъ нетолько вѣнчалъ дѣло, но и служилъ заманчивымъ примѣромъ и поощреніемъ для другихъ.

№ 284.

Москва, 12-го октября.

Много прекрасныхъ словъ сказано было на прощальномъ обѣдѣ который давался 10 октября отъѣзжающему отсюда епископу Харьковскому преосвященному Амвросію; но слово вызванное заботою дня было сказано московскимъ архипастыремъ. Говорилось о гармоніи между духовенствомъ и обществомъ. Но какая же гармонія когда въ обществѣ идетъ агитація прямо направленная противъ духовенства? И это фальшивое движеніе съ каждымъ днемъ становится все наглѣе и увѣреннѣе въ успѣхѣ, не встрѣчая отпора. Выдумали клерикальную партію въ право-

славной Россіи, какъ будто православное духовенство можетъ быть партіей въ Русскомъ государствѣ, какъ будто оно не было всегда живою зиждительною и просвѣтительною силой Русскаго государства. Православная церковь была духомъ души русскаго народа, ею создана Россія, ей Россія обязана своимъ величіемъ, своимъ всемірнымъ призваніемъ. Православная вѣра была тотъ кличъ народный, который собиралъ, единилъ, поднималъ Русскую землю. А кѣмъ же дѣйствовала церковь какъ не своимъ духовенствомъ? Какая же въ Россіи можетъ быть клерикальная партія, какой клерикализмъ? Таковъ былъ смыслъ и духъ немногихъ словъ сказанныхъ пастыремъ добрымъ, который призванъ не льстить своей паствѣ, а наставлять и вразумлять ее Благо было бы еслибы въ нашемъ растерянномъ обществѣ чаще слышалось простое и искреннее слово предостереженія отъ фальшивыхъ общественныхъ движеній которыя возникаютъ изъ нечистыхъ источниковъ, захватывая неосторожныхъ и увлекая ихъ далеко, куда они и сами не знаютъ и куда не хотятъ.

Посмотрите какъ неожиданно вдругъ народился на Руси новый *вопросъ*. Вотъ уже второй мѣсяцъ какъ трещитъ ружейный огонь газетъ противъ новоизобрѣтеннаго призрака „клерикализма,“ подъ которымъ будто бы изнываетъ Россія, а теперь пущена въ дѣло тяжелая артиллерія толстыхъ журналовъ. Люди выдающіе себя за столповъ правой вѣры заодно съ открытыми врагами православія, съ заклятыми отрицателями всякой религіи, дружнымъ натискомъ двинулись на православное духовенство какъ на зловреднѣйшаго губителя и грабителя Россіи. Къ изумленію своему, наше отечество узнало что оно страдаетъ ужасною язвой, и что язва эта — „клерикалы,“ то-есть священнослужители Русской церкви...

Предъ удивленною русскою публикой, ничего подобнаго не слыхавшею, раздаются глумленія надъ священниками, откапываются, измышляются и обобщаются разные невѣроятные анекдоты, и ко всему этому присоединяются напыщенныя филиппики противъ „неразвитости,“ „отсталости“ и „несовременности“ православнаго духовенства. Одни кричатъ что нужно спасти отъ духовенства школу, другіе доказываютъ что его нужно оттѣснить отъ благотворительнаго попеченія о бѣдныхъ, еще другіе что его даже изъ церкви слѣдуетъ изгнать (съ тѣмъ вѣроятно чтобы церкви запереть). Того и жди что закричатъ: *бей поповъ!*

Скандалъ этотъ можно сравнить развѣ только съ тѣмъ что̀ дѣлается теперь во Франціи. И тамъ самыя низкія страсти возбуждаются газетами противъ духовенства, и тамъ „клерикалы“ отлучаются отъ общенія со школой, бѣдными и больными, и тамъ объявляются они губителями и грабителями страны. Но какая однако разница между „антиклерикальною“ агитаціей во Франціи и въ Россіи! Тамъ духовенство есть дѣйствительно партія, армія своего владыки и крѣпко дисциплинированная и борющаяся съ правительствомъ страны изъ-за господства. У насъ православное духовенство находится въ самомъ тѣсномъ единеніи съ Русскимъ государствомъ и служитъ ему самымъ вѣрнымъ и надежнымъ союзникомъ. Во Франціи правительство само объявило войну духовенству, церкви и религіи, изгнало священниковъ изъ школъ и больницъ, монаховъ изъ монастырей; само выбросило изъ школъ, какъ ненужный хламъ, даже Распятія. Агитація французской печати противъ „клерикализма“ ведется по сигналу правительства, соотвѣтствуя его видамъ. А у насъ? У насъ правительство съ рѣдкимъ смиреніемъ присутствуетъ при всеобщемъ, всенародномъ поруганіи своего духовенства; упразднивъ себя въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, молча и грустно смотритъ оно какъ хорошо извѣстные ему витязи съ азартомъ стараются подорвать самую надежную опору его, православную вѣру Русскаго народа. Невольно раждается у иного мысль что можетъ-быть этотъ походъ противъ духовенства соотвѣтствуетъ и въ Россіи какъ и во Франціи видамъ правительства. Какъ ни стараются увѣрить Русскій народъ что его правительство безсильно, онъ все-таки знаетъ что правительство у него сильное, и что все происходящее въ обществѣ можетъ происходить только подъ его вліяніемъ, при его участіи или съ его разрѣшенія.

Впрочемъ, если судить по примѣру историческаго развитія другихъ вымышленныхъ и раздутыхъ за послѣднее время „вопросовъ,“ можно ожидать что черезъ нѣсколько времени правительство само повѣритъ въ существованіе у насъ „клерикальнаго вопроса,“ которымъ успѣютъ

прожужжать ему уши, и созоветъ „свѣдущихъ людей“ для рѣшенія этого головоломнаго вопроса.

Посмотрите какъ дѣйствуетъ общественный обманъ возбуждая среди людей неожиданныя движенія, въ которыхъ могутъ рядомъ очутиться самые разнородные элементы. Остановитесь на людной улицѣ и начните пристально смотрѣть въ одну сторону, и около васъ образуется толпа; вы отойдете, а толпа будетъ расти, особенно если найдется къ чему приглядываться. Въ публику бойко бросается вопросъ. Одни загалдятъ чужими словами, у другихъ окажется что-нибудь свое на умѣ, и у одного шевельнется одно, у другаго другое. Никто не спроситъ себя почему именно теперь возбуждается вопросъ и откуда. Люди чуждые интригѣ, но обманутые ею, становятся ея орудіемъ именно потому что направляютъ свою мысль въ ту сторону куда ихъ толкаетъ обманъ. У каждаго есть свои коньки которыми интрига пользуется и заставляетъ людей, даже противно ихъ собственнымъ лучшимъ убѣжденіямъ, тоже галдѣть въ ея смыслѣ. Появляются разные идеалы, фантастическіе проекты, и люди вовсе не враждебно расположенные къ предмету агитаціи, безотчетно, можно сказать рабски, исполняютъ надъ нимъ дѣло его враговъ.

Русское духовенство, какъ и все на свѣтѣ, не находится въ идеальномъ состояніи. И въ своемъ образованіи, и въ своемъ положеніи, и въ своей дѣятельности, оно много оставляетъ желать лучшаго. Во множествѣ принадлежащихъ къ нему лицъ не могутъ не быть и такія которыя приносятъ ему мало чести. Если чѣмъ можно особенно укорить наше нынѣшнее духовенство, то развѣ тѣмъ что иные изъ его среды сами непрочь погалдѣть о духовенствѣ, что пошлый и фальшивый либерализмъ пробился и въ его среду, что въ школѣ изъ которой наши духовныя лица выходятъ ослабѣло ученье, дисциплина, церковный духъ, что оно слишкомъ зависимо не отъ государства, какъ говорятъ, а напротивъ отъ уличныхъ вліяній, отъ фельетоновъ газетъ. Но въ общей сложности русское духовенство все же исполняетъ свое назначеніе, все же дѣлаетъ свое дѣло, все же въ немъ есть не мало достойныхъ пастырей, все жь оно великая необходимая сила, что, наконецъ, безъ духовенства не можетъ жить и дѣйствовать православная церковь. Будемъ заботиться о немъ, будемъ улучшать условія его воспитанія и положенія и не въ фантазіи, а въ дѣйствительности, будемъ ограждать его отъ уличныхъ вліяній и баллотировокъ (будетъ съ нихъ городскихъ думъ и земскихъ учрежденій), но будемъ пока довольствоваться тѣмъ что есть. Видите какъ упалъ въ нашемъ обществѣ духъ, какія недоразумѣнія овладѣли нашимъ государственнымъ бытомъ,—какъ же тутъ процвѣтать духовенству?

Но какую же цѣль имѣетъ эта агитація? Не надѣется же она въ самомъ дѣлѣ сразу покончить съ православною церковью? Такихъ фантастическихъ въ настоящую минуту видовъ обманъ не имѣетъ. Теперь нужно только навсегда оттолкнуть духовенство отъ народной школы. Вотъ ближайшая практическая цѣль интриги. Въ этихъ видахъ бросаетъ она грязью въ духовенство, а добрые люди, съ высоты своихъ идеаловъ, помогаютъ ей въ этой практической цѣли.

Народная школа вырвана у духовенства еще въ 1862 году. Сейчасъ получили мы очень поучительную книжку вышедшую въ Петербургѣ. Это *записка о народныхъ училищахъ*, превосходно составленная „въ ту пору,“ какъ сказано въ предисловіи, „когда „противъ безспорнаго дотолѣ права Цер„кви руководить первоначальнымъ обуче„ніемъ народа впервые возвысился голосъ „Министерства Народнаго Просвѣщенія, „которое изъ вѣрнаго союзника Церкви „внезапно обратилось въ завистливаго и „недоброжелательнаго соперника.“ Исходъ возникшей тогда борьбы извѣстенъ: „Шко„ла была искусственно отторгнута отъ „церкви и насильственно уклонена на тѣ „странные и исполненные опасностей пути, „по коимъ она понынѣ блуждаетъ.“ Въ настоящую пору „зловѣщія указанія“ снова обратили вниманіе правительства на этотъ вопросъ...

Вотъ зачѣмъ теперь понадобилась агитація. Требуется *запугать* правительство призракомъ общественнаго мнѣнія. Съ этою же цѣлью, между прочимъ, въ видѣ демонстраціи, создана кандидатура извѣстнаго „антиклерикала“ барона Корфа на должность инспектора московскихъ городскихъ училищъ, хотя почтенныя лица поддерживающія эту кандидатуру и не думаютъ, конечно, ни о какой интригѣ. Баронъ Корфъ высказался противъ „клерикализма“, то-есть противъ духовенства въ

дѣлѣ школы. Нуженъ не столько онъ самъ, сколько его знамя. И вотъ, какъ слышно, употребляются неимовѣрныя, еще не бывалыя въ здѣшней городской жизни усилія чтобъ обезпечить екатеринославскому педагогу избраніе московскими гласными, дабы затѣмъ построить слѣдующій силлогизмъ: московскіе гласные избрали отъявленнаго антиклерикала, слѣдовательно Москва противъ духовенства; Москва есть представительница Россіи, слѣдовательно Россія противъ церковно-приходскихъ школъ...

№ 285.

Москва, 13-го октября.

Нѣмецкая печать уже успѣла заразиться тѣмъ самымъ недостаткомъ въ которомъ она такъ часто обвиняла Французовъ: съ тѣхъ поръ какъ Германія стала могущественною имперіей, а Берлинъ „міровымъ городомъ," всякій предметъ внутренней германской политики искусственно раздувается нѣмецкими газетами въ событіе европейской важности, и въ этомъ усердно помогаетъ газетамъ офиціозный берлинскій телеграфъ. Дружно и настойчиво оповѣщаютъ они міру обо всемъ что̀ въ данную минуту поглощаетъ вниманіе германской столицы. Но излишняя притязательность и преувеличенное самомнѣніе всегда производятъ болѣе или менѣе комическое впечатлѣніе. Въ послѣдніе дни мы ни о чемъ другомъ не читаемъ въ берлинскихъ газетахъ и почти ничего другаго не сообщаетъ телеграфъ изъ Берлина какъ о результатахъ выборовъ въ Прусскій ландтагъ, происходившихъ 19 октября, то-есть въ минувшій четвергъ. И добро бы это были дѣйствительные результаты выборовъ. Но настоящій выборъ депутатовъ ландтага предстоитъ лишь въ четвергъ 26 октября, а въ прошедшій четвергъ были выбраны лишь выборщики. Но такъ какъ предполагается что выборщики имѣютъ отъ своихъ избирателей приказъ кого выбирать, то семидневный промежутокъ между выборомъ выборщиковъ и выборомъ депутатовъ употребляется на толки и вычисленія вѣроятнаго исхода выборовъ.

Для не-германскихъ читателей всѣ эти предсказанія, болѣе или менѣе достовѣрныя, представляютъ мало интереса, не только потому что они могутъ вооружиться терпѣніемъ на одну недѣлю и выждать фактическихъ послѣдствій вмѣсто гадательныхъ предположеній, но и потому что Прусскій ландтагъ отодвинутъ на задній планъ съ тѣхъ поръ какъ Берлинъ очутился столицей Германской имперіи и какъ въ немъ засѣдаетъ, рядомъ съ Прусскимъ земскимъ собраніемъ (ландтагомъ), и имперское собраніе (рейхстагъ).

Мѣстные парламенты сохранены послѣ основанія Германской имперіи не только въ Пруссіи, но и въ прочихъ государствахъ вошедшихъ въ составъ объединенной Германіи Но эти мѣстные парламенты живутъ очень тихою жизнію, и Европа очень мало о нихъ знаетъ съ тѣхъ поръ какъ имъ удѣленъ скромный кругъ „внутреннихъ" интересовъ безъ права касаться не только международной политики, которой лишенъ и имперскій парламентъ, но и всего что̀ отошло въ вѣдѣніе имперскаго законодательства, а отошло почти все что̀ составляетъ предметъ высшаго управленія, какъ-то: содержаніе и организація арміи и флота, законодательство по гражданскому и уголовному праву и судопроизводству, таможни, желѣзныя дороги, почта и телеграфъ, и т. п. Для Прусскаго ландтага не сдѣлано исключенія; кругъ его „законодательнаго" вѣдѣнія точно также доведенъ до ничтожества съ тѣхъ поръ какъ законодательныя функціи почти вполнѣ перенесены на рейхстагъ. Единственный предметъ публичныхъ преній въ ландтагѣ не лишенный общаго интереса есть „культурная борьба," которая ведется во всей имперіи. Но парламентская партія, отстаивающая противъ государства интересы католической церкви, такъ-называемая партія центра, состоитъ въ Прусскомъ ландтагѣ изъ тѣхъ же лицъ что̀ и въ рейхстагѣ; здѣсь и тамъ, главнымъ вожакомъ ея состоитъ талантливый ораторъ и ловкій политикъ, г. Виндтгорстъ. Впрочемъ, что касается группировки партій, то Прусскій ландтагъ есть вѣрная копія или, лучше сказать, повтореніе рейхстага, хотя въ уменьшенномъ размѣрѣ, такъ какъ многіе изъ членовъ рейхстага засѣдаютъ въ качествѣ господъ въ верхней палатѣ ландтага, а рейхстагъ имѣетъ еще извѣстное число депутатовъ посылаемыхъ прочими государствами Германіи. Главные вожаки всѣхъ партій, тѣ которые не только засѣдаютъ, но и выступаютъ дѣйствующими лицами на парламентской аренѣ, почти

безъ исключенія Прусаки и входятъ въ составъ какъ земскаго, такъ и имперскаго собранія. Въ виду этого, понятно почему Прусскій ландтагъ имѣетъ второстепенный интересъ не только для европейской публики, но и для самого князя Бисмарка, который весьма рѣдко тамъ появляется, развѣ только затѣмъ чтобы нанести лишній ударъ парламентаризму. Прусское министерство принимало оживленное участіе въ выборахъ прошедшей недѣли и очень энергически боролось противъ всѣхъ либеральныхъ фракцій, которыя, забывъ свои взаимныя распри, соединились въ одну оппозиціонную лигу чтобы не дать себя разбить по одиночкѣ. Выборы, сколько можно судить по предварительнымъ результатамъ прошедшей недѣли, были благопріятны для либеральной лиги въ томъ смыслѣ что она не понесла никакихъ потерь. Вообще же, по сознанію либеральныхъ органовъ берлинской печати, каждая партія удержала за собою свое прежнее „владѣніе,“ другими словами, Прусскій ландтагъ останется по прежнему ареной безплодной и изнурительной парламентской борьбы, въ которой не интересы государства впереди, а счеты и интриги партій и ихъ честолюбивыхъ вожаковъ.

Мы сказали что Прусскій ландтагъ представляетъ собою и будетъ представлять послѣ теперешнихъ выборовъ точную копію рейхстага относительно личнаго состава и группировки партій. Но есть и разница: въ ландтагѣ совсѣмъ нѣтъ партіи соціалъ-демократовъ, тогда какъ въ рейхстагѣ до сихъ поръ эта фракція имѣется, несмотря на стѣсненія коимъ подверглись избиратели этой партіи со времени закона о соціалистахъ. Это объясняется различіемъ въ системѣ выборовъ для имперскаго и для прусскаго сейма. Имперскій парламентъ, рейхстагъ, избирается, какъ извѣстно, по самой радикальной системѣ, то-есть всеобщею и тайною подачей голосовъ, притомъ избиратели назначаютъ прямо депутатовъ. Для Прусскаго же ландтага остался въ силѣ прежній, довольно сложный, избирательный законъ: избиратели, какъ выше сказано, выбираютъ не депутатовъ, а выборщиковъ, которые сходятся въ особыя коллегіи и баллотируютъ кандидатовъ въ депутаты открытою подачей голосовъ. Этого мало. Право участія въ выборахъ обусловлено цензомъ, и притомъ такъ что значеніе избирательнаго голоса возрастаетъ соотвѣтственно цензу какимъ обладаетъ избиратель. Это достигается раздѣленіемъ всѣхъ избирателей даннаго округа на три разряда, изъ коихъ каждый избираетъ равное число выборщиковъ; но эти разряды далеко не одинаковы по своей численности, такъ какъ они распредѣляются сообразно суммѣ вносимыхъ всѣми избирателями округа прямыхъ государственныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, высшій, первый разрядъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ, тогда какъ третій и низшій насчитываютъ цѣлыя тысячи голосовъ. Но и въ этотъ послѣдній разрядъ не могутъ входить тѣ бездомные бобыли, не платящіе никакихъ прямыхъ налоговъ, изъ коихъ набирается въ Германіи многочисленная партія соціалъ-демократовъ, и которые пользуются правомъ голоса при выборахъ въ рейхстагъ.

Посмотримъ какъ-то въ эту сессію, съ новымъ парламентомъ, будетъ князь Бисмаркъ улаживать вопросы своей внутренней политики... . . . . .

№ 286.

Москва, 14-го октября.

Банкротство Скопинскаго Банка теперь подъ слѣдствіемъ. Но факты подлежащіе раскрытію были извѣстны давно, много лѣтъ тому назадъ. Если къ какому, то всего основательнѣе къ дѣлу Скопинскаго Банка могло быть примѣнено право возбуждать дѣла, предоставленное прокуратурѣ статьями 297, 311 и 312 Устава Угол. Судопроизводства. Дѣло давно было совершенно ясно и даже не принадлежало къ числу тѣхъ „сомнительныхъ случаевъ“, гдѣ для начатія слѣдствія требуется предварительно собирать свѣдѣнія посредствомъ негласныхъ полицейскихъ развѣдокъ. Однако, и судебная, и полицейская, и финансовая власти до послѣдней минуты закрывали глаза на это явно нечистое дѣло, на этотъ грабежъ, которому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергались въ Россіи массы людей.

Нерѣшительность властей приступить къ дѣлу продолжалась до послѣдней минуты. Болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ банкротство Скопинскаго Банка было уже совершившимся и признаннымъ фактомъ.

Въ предвидѣніи имущественной отвѣтственности въ силу ст. 25 Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, иные изъ скопинскихъ купцовъ и мѣщанъ, какъ сообщено въ газетахъ, тогда же начали переводить свою недвижимую собственность на имена женъ и иногородныхъ лицъ, а движимость, по примѣру поданному Москвичами въ 1812 году, вывозить изъ Скопина въ другія, болѣе безопасныя мѣста. Мѣстная администрація ничего этого не замѣчала. Хотя Банкъ не переставалъ печатать въ своихъ рекламахъ что „вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, иногороднымъ высылаются съ почтой,“ но многіе вкладчики уже съ начала весны тщетно обращались въ Банкъ добиваясь возврата своихъ вкладовъ, посылая въ Скопинъ одни за другими заказныя письма и телеграммы. Въ августѣ мѣсяцѣ крестьянинъ Амосовъ уже прямо обращался къ рязанскому губернатору съ ходатайствомъ о понужденіи Скопинскаго Банка къ высылкѣ вкладныхъ билетовъ и капитала; еще мѣсяцемъ ранѣе, обратилась къ содѣйствію и защитѣ губернатора г-жа Созановичъ, прося принять участіе въ ея положеніи какъ вкладчицы, съ 27 апрѣля безуспѣшно добивавшейся возврата своихъ денегъ. По всей вѣроятности, эти случаи были не единственные; но и этихъ, при совокупности другихъ обстоятельствъ, было уже достаточно чтобъ обратить особое вниманіе на дѣла Банка и возбудить слѣдствіе о нихъ на основаніи 2-го пункта ст. 297 Уст. Угол. Судопр. Однако вмѣсто принятія какой-либо мѣры, губернская власть ограничилась передачей этихъ жалобъ скопинскому городскому головѣ, о чемъ и увѣдомила крестьянина Амосова, съ объясненіемъ что такъ поступлено на основаніи Нормальнаго Положенія о Городскихъ Банкахъ (замѣтимъ въ скобкахъ что въ этомъ Положеніи мы не нашли статьи которая обязывала бы губернатора передавать городскимъ головамъ поступающія къ нему жалобы на дѣйствія городскихъ банковъ). Приступъ къ слѣдствію по Скопинскому дѣлу замедлялся даже и послѣ скандала 23 сентября, завершившагося тѣмъ что полтораста вкладчиковъ, по выслушаніи формальнаго заявленія что денегъ въ кассѣ нѣтъ, потребовали составленія полицейскаго акта. Не ранѣе какъ чрезъ три дня, 27 сентября,—и то не по распоряженію властей, но, какъ сообщаютъ въ газетахъ, по предъявленному однимъ изъ вкладчиковъ иску,—судебный приставъ описалъ пустую кассу Скопинскаго Банка, и лишь чрезъ четыре дня послѣ того, 2 октября, прокуроръ Рязанскаго Окружнаго Суда, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, приступилъ къ пересмотру дѣлъ банка и къ опечатанію его имущества. Затѣмъ постановленіе суда наложить запрещеніе на имущество Рыкова состоялось только 6 октября, обсужденіе же дѣла о признаніи Скопинскаго Банка несостоятельнымъ отложено до 12 октября. Первый допросъ Рыкову, бывшему по болѣзни подъ домашнимъ арестомъ, сдѣланъ только 8 октября, послѣ чего онъ долженъ былъ перейти въ мѣстный тюремный за́мокъ.

Кромѣ Рыкова, какъ видно изъ газетъ, привлечены къ дѣлу Иконниковъ и Рудневъ. Но этими тремя лицами дѣло, конечно, не ограничится. Такой фактъ какъ показаніе въ отчетномъ балансѣ на 1 января текущаго года итога протестованныхъ векселей въ суммѣ 670.000 рублей, тогда какъ на дѣлѣ этотъ итогъ выражался цифрой 2.430.000 рублей,—такой фактъ не могъ состояться безъ вѣдома многихъ служащихъ въ Скопинскомъ Банкѣ, которымъ не даромъ же выдавалось одного жалованья болѣе 47.000 рублей въ годъ. Вообще слѣдователямъ предстоитъ распутать дѣло многосложное и тѣмъ болѣе трудное чѣмъ позднѣе къ нему приступлено. Много разореній было бы предупреждено еслибы власти обратили вниманіе на Скопинскій Банкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но, къ великому всѣхъ прискорбію, власть во всемъ у насъ вообще какъ будто парализована, такъ что отдѣльныхъ лицъ и винить нельзя за бездѣйствіе власти. Еслибы слѣдствіе началось хоть въ іюлѣ, по крайней мѣрѣ въ августѣ, виновные въ расхищеніи довѣренныхъ Банку суммъ имѣли бы въ своемъ распоряженіи менѣе времени схоронить концы и выгородить многихъ изъ своихъ соучастниковъ. Начнись слѣдствіе ранѣе, можетъ-быть въ Банкѣ оказалось бы Рыковскихъ векселей не на шесть милліоновъ, а на много меньшую сумму; Рыковъ можетъ-быть не успѣлъ бы своими векселями замѣнить таковые своего зятя

и другихъ лицъ съ которыхъ можно было бы взыскивать; лица подлежащія имущественной отвѣтственности имѣли бы менѣе времени для сокрытія собственности. Всѣ участники расхищенія, благодаря продолжительной отсрочкѣ, могли завершить и округлить свои дѣла: слѣдствіе не было начато ни въ іюлѣ, ни въ августѣ, ни въ сентябрѣ. Впрочемъ, быть-можетъ слѣдователи не только провѣрятъ, при помощи компетентныхъ лицъ, весь сомнительный, доходящій до 13 милліоновъ, активъ Банка, но и разыщутъ тѣхъ отвѣтчиковъ по растратѣ чьи векселя Рыковъ замѣнилъ своими. Надо полагать что исчезнувшіе векселя оставили же слѣдъ въ книгахъ Банка и въ памяти служащихъ въ немъ, равно какъ должна быть возможность опредѣлить, по тѣмъ же источникамъ, время наплыва Рыковскихъ векселей въ замѣнъ исчезнувшихъ.

По важности дѣла, по множеству и громадности замѣшанныхъ въ немъ интересовъ, нельзя не пожелать чтобы слѣдствіе было обставлено всѣми возможными гарантіями безпристрастія. Это тѣмъ необходимѣе что ходитъ молва будто въ числѣ тѣхъ чьи векселя Рыковъ замѣнилъ своими находятся многія вліятельныя лица, въ интересѣ коихъ скрыть свою прикосновенность къ дѣлу и косвенными средствами направить слѣдствіе односторонне, не обращая вниманія на интересы несчастныхъ вкладчиковъ и Скопинскихъ горожанъ. Желательно поэтому чтобы всякое дѣйствіе слѣдственной власти совершилось не иначе какъ подъ серіознымъ контролемъ не только назначенныхъ судомъ попечителей (присяжныхъ повѣренныхъ Повалишина, Климова и Ященка), но и повѣренныхъ со стороны горожанъ и вкладчиковъ. Одного этого, однако, полагаемъ, недостаточно для огражденія интересовъ пострадавшихъ отъ катастрофы; гарантія была бы гораздо серіознѣе если бы были опубликованы имена всѣхъ кредитовавшихся въ Скопинскомъ Банкѣ на значительныя суммы въ послѣдніе годы, съ той поры какъ ни въ комъ изъ знакомыхъ съ банковымъ дѣломъ людей не могло оставаться сомнѣнія въ неизбѣжности его паденія и въ характерѣ веденныхъ имъ операцій

Между тѣмъ Скопинская катастрофа не перестаетъ быть предметомъ повсемѣстныхъ толковъ. Пуще всего спорятъ о томъ должно ли правительство пособить вкладчикамъ и Скопинскимъ горожанамъ въ ихъ печальномъ положеніи. Всѣ признаютъ что большинство вкладчиковъ люди малоимущіе; ихъ право продать съ молотка весь городъ Скопинъ, пустить по міру все его населеніе, признается несомнѣннымъ, но вмѣстѣ признается что продажа Скопина дѣло не легкое, не скорое и трудно исполнимое, да и всей выручки отъ продажи пожалуй не достанетъ на удовлетвореніе вкладчиковъ даже въ отдаленномъ будущемъ. Съ другой стороны, всѣми признается что примѣненіе къ Скопину буквы закона разорило бы все населеніе этого города. Явная несправедливость буквальнаго примѣненія закона къ горожанамъ, не повиннымъ въ томъ что̀ творилось распорядителями банковыхъ операцій, выставляется въ яркомъ свѣтѣ. Допустить отвѣтственность горожанъ за эти операціи значило бы вообще допустить что повсюду, какъ рѣзко выражено въ одной газетѣ, „всякій домовладѣлецъ въ городѣ находится подъ опасностью потерять свое имущество благодаря городскому управительству находящемуся въ рукахъ жуликовъ, поддерживаемыхъ кабачниками, трактирщиками и всякою сволочью имѣющею право голоса въ управленіи.“

Казалось бы что кто все это говоритъ и думаетъ, тотъ долженъ желать и ожидать принятія казной большей или меньшей доли отвѣтственности по Скопинскому дѣлу. Но по псевдо-либеральнымъ ученіямъ, правительство должно быть празднымъ и ненужнымъ учрежденіемъ, должно бездѣйствовать и ни во что̀ не вступаться. Какъ только пробудилась боязнь за дорогой пустоцвѣтнымъ либераламъ принципъ бездѣйствія власти, взгляды на дѣло тотчасъ же измѣнились. Та же самая газета которая наканунѣ проливала слезы о печальномъ положеніи неимущихъ вкладчиковъ стала утверждать что заботиться о нихъ не сто̀итъ, что эти вкладчики, ввѣрявшіе деньги такому банку какъ Скопинскій, либо Иванушки-дурачки — а смѣшно было бы „дарить казну обокраденнымъ дуракамъ,“ — либо что эти вкладчики, гнавшіеся за лишнимъ процентомъ, корыстные спекулянты и хищники, „маленькіе Рыковы,“ и что поощрять ихъ спекуляцію „изъ народнаго кармана,“ изъ „суммы податныхъ сословій“ не просто глупо, но „возмутительно.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ,

снятіе имущественной отвѣтственности съ горожанъ вдругъ оказалось не только ущербомъ и опасностью для казны, но и вредомъ для всего общества, для всей страны: оно было бы де „преміей за легкомысліе и дурной надзоръ;“ оно „пріучило бы общество относиться безпечно и равнодушно къ дѣятельности своихъ членовъ, какъ отдѣльныхъ лицъ такъ и корпорацій организованныхъ для извѣстныхъ цѣлей и дѣйствующихъ по его полномочію;“ оно увѣковѣчило бы повтореніе „общественныхъ бѣдствій вслѣдствіе злоупотребленій отдѣльныхъ лицъ и корпорацій,“ ибо общество будетъ дремать если будетъ знать „что за него не дремлетъ какая-то внѣшняя благодѣтельная сила.“ Вотъ мы и дошли до мѣста wo ist der Hund begraben. И какъ хорошо звучитъ этотъ эпитетъ *внѣшняя* въ приложеніи къ государственной власти въ Россіи! Чтобы только отдѣлаться отъ этой „внѣшней“ силы, наши лже-либералы готовы не останавливаться ни предъ чѣмъ: пусть погибаютъ многія тысячи вкладчиковъ, пусть непоправимо разоряются цѣлые города съ ихъ округами какъ послѣ непріятельскаго нашествія, пусть это повальное разореніе вызываетъ ропотъ и неудовольствіе противъ правительства издавшаго Нормальное Положеніе,—они готовы видѣть во всемъ этомъ лишь урокъ обѣщающій ту пользу что благодаря ему „высокое начало общественнаго кредита“ будто бы получитъ „прочное основаніе.“

Чтобы власть государственная не вздумала дѣйствовать, пускаются въ ходъ всевозможные софизмы въ доказательство того что отвѣтственность казны по дѣламъ общественныхъ городскихъ банковъ есть будто бы „вздорная фантазія,“ и стараются осмѣять эту „казенную отвѣтственность.“ Вѣдь если допустить ее, говорятъ между прочимъ, то казнѣ, по тому же принципу, пришлось бы отвѣчать и за частные банки, и за всякія предпріятія, ибо всѣ они возникаютъ съ разрѣшенія правительства, и за всякаго торговца, такъ какъ и ему разрѣшенъ его промыселъ, стало-быть онъ офиціально признанъ благонадежнымъ человѣкомъ, и если таковымъ не окажется, то потерпѣвшіе отъ него убытки захотятъ, пожалуй, предъявить претензію къ казнѣ.

Жалкія попытки на остроуміе! Всему есть мѣра, есть мѣра и отвѣтственности при разныхъ обстоятельствахъ. Никто не пойдетъ искать съ казны убытковъ понесенныхъ отъ обмана торговца; но на власти лежитъ серіозная отвѣтственность какъ за недостатки торговыхъ уставовъ, такъ и за ненаблюденіе за тѣмъ чтобъ эти уставы исполнялись. Въ странѣ гдѣ учрежденіе банковъ такое же дѣло свободной частной предпріимчивости какъ всякая торговля, гдѣ открыть банкъ то же что открыть магазинъ или лавочку (какъ это было прежде въ Америкѣ), гдѣ публика привыкла къ такимъ вольнымъ банкамъ, тоже никому не можетъ придти въ голову, въ случаѣ банкротства, считать въ числѣ отвѣтчиковъ казну. Но у насъ банковое дѣло вовсе не предметъ вольнаго промысла, у насъ публика вѣковою практикой пріобыкла къ незыблемому кредиту государственныхъ учрежденій, не подвергавшихся никакимъ крахамъ и не дававшихъ повода ни къ какимъ сомнѣніямъ за цѣлость ввѣренныхъ имъ вкладовъ. Подъ вліяніемъ навѣянныхъ доктринъ ликвидировавъ свои кредитныя учрежденія, правительство въ замѣнъ ихъ само же создало массу новыхъ. Правительство несетъ на себѣ отвѣтственность за все отъ чего повидимому отстранилось: и за духъ судовъ, и за злоупотребленія разныхъ *самоуправленій*, и за извращеніе школы, и за безчинства печати и за шаткость кредита и банковые крахи, и за свое бездѣйствіе. Что касается городскихъ общественныхъ банковъ, этихъ учрежденій порожденныхъ Нормальнымъ Положеніемъ 6 февраля 1862 года, то нелѣпо приравнивать ихъ къ мелочнымъ лавочкамъ. Развѣ мелочная лавочка общественное учрежденіе? Наконецъ, развѣ мелочная лавочка совершаетъ свои операціи предъ государственнымъ зерцаломъ *)?

*) См. ст. 14 Нормальнаго Положенія: „Банку предоставляется имѣть зерцало въ комнатѣ предназначенной для засѣданія правленія, а также свою печать съ гербомъ присвоеннымъ городу гдѣ банкъ учрежденъ и съ надписью вокругъ наименованія банка.“

№ 287.

Москва, 15-го октября.

А.

Не смотря на возобновившуюся сессію Британскаго парламента, вопросъ объ Егип-

тѣ и о намѣреніяхъ державъ, въ особенности Англіи, все еще „покрытъ мракомъ неизвѣстности.“ Система умолчанія очевидно входитъ въ планъ дѣйствій Англійскаго правительства. Это подтвердилъ самъ г. Гладстонъ въ своемъ заявленіи въ середу предъ палатой общинъ. Заявленіе это вообще очень туманнаго свойства. Положеніе Англіи въ Египтѣ, сказалъ премьеръ, существенно измѣнилось лишь въ томъ отношеніи что Египетскій вопросъ зависитъ теперь болѣе отъ Англіи, такъ какъ ея правительство теперь не въ той мѣрѣ связано трактатами какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Но, продолжалъ г. Гладстонъ, настоящія отношенія Англіи къ державамъ весьма деликатны, вслѣдствіе чего онъ не можетъ выступить съ опредѣленнымъ планомъ до конца сессіи, то-есть не ранѣе какъ чрезъ шесть недѣль. Само собою разумѣется, что въ виду заявленія о „деликатныхъ“ отношеніяхъ къ державамъ, не много значенія можно придать тѣмъ дипломатическимъ документамъ которые обнародованы въ заготовленной теперь для парламента *Синей Книгѣ*. Любопытно лишь указаніе на различіе во взглядахъ, до вмѣшательства Англіи, между Россіей и Германіей на вопросъ о томъ слѣдуетъ ли или нѣтъ дать формальное порученіе на такое вмѣшательство. Обнародованный въ *Синей Книгѣ* циркуляръ нашего министра Иностранныхъ Дѣлъ къ русскимъ посольствамъ „выражаетъ живѣйшее желаніе сохраненія европейскаго концерта и возстановленія съ нѣкоторыми перемѣнами прежняго порядка въ Египтѣ, причемъ замѣчается что всякая вступающаяся въ египетскія дѣла держава должна дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго отъ Европы.“ Князь Бисмаркъ напротивъ рѣшительно противился въ іюлѣ мѣсяцѣ домогательству Англіи чтобъ отъ имени Европы ей дано было формальное порученіе на вмѣшательство. А когда было ему заявлено что Англія желаетъ лишь нравственной поддержки со стороны Германіи, то князь Бисмаркъ отвѣчалъ что онъ согласенъ на нравственную поддержку, но ни какъ на формальное порученіе.

Теперь, когда дѣло сдѣлано и Англія фактически завладѣла Египтомъ, для всякаго очевидно что князь Бисмаркъ оказалъ Англіи большую услугу своимъ рѣшительнымъ отказомъ, ибо Англія, судя по указанному заявленію г. Гладстона, становится на ту точку зрѣнія что она, какъ побѣдительница дѣйствовавшая на свой собственный рискъ, а не по порученію державъ, считаетъ себя верховною распорядительницей судебъ Египта и менѣе стѣсненною трактатами нежели въ то время когда она добивалась отъ Европы формальнаго порученія, не будучи увѣрена въ томъ насколько ея предпріятіе увѣнчается успѣхомъ.

Императоръ Францъ-Іосифъ, правда, еще вчера заявилъ австро-венгерской делегаціи, какъ сообщаетъ офиціозная телеграмма изъ Будапешта, что Египетскій вопросъ будетъ рѣшенъ ко всеобщему удовольствію, въ чемъ порукой служитъ де ненарушимое до сихъ поръ единодушіе Европы. Но намекъ г. Гладстона на то что Англія считаетъ *себя* властелиномъ положенія и что она не слишкомъ много цѣны придаетъ трактатамъ, намекъ этотъ значитъ что если столкновеній не будетъ, то лишь благодаря уступчивости другихъ, а не Англіи. Невольно опять напрашивается сравненіе между теперешнимъ положеніемъ Англіи и положеніемъ Россіи послѣ Санъ-Стефанскаго договора. *Тогда* никто въ Европѣ не заявлялъ оптимистическихъ надеждъ, а напротивъ, отовсюду слышались угрозы противъ Россіи если она не отдастъ себя на судъ Европы. Но и того не слѣдуетъ забывать что Россія первая признала себя подсудною этому суду и не возбуждала никакого сомнѣнія насчетъ обязательности для нея трактатовъ существовавшихъ до войны. Правоученіе истекающее изъ этого сравненія достаточно ясно.

Для большей ясности не мѣшаетъ однако припомнить о тѣхъ правахъ на Египетъ кои принадлежатъ Европѣ въ силу прежнихъ трактатовъ. Египетъ превратился изъ Турецкаго пашалыка въ полунезависимое государство послѣ возстанія Мегметъ-Али, и отношенія Египта къ Турціи установлены были, при дѣятельномъ вмѣшательствѣ великихъ державъ, трактатомъ 1840 года. Съ тѣхъ поръ международное положеніе Египта поступило подъ контроль Европы, и этотъ контроль много разъ весьма осязательнымъ образомъ выразился на дѣлѣ. Прежде всего европейскія государства, и притомъ не однѣ только великія державы, обладаютъ въ силу старинныхъ трактатовъ съ Турціей правомъ

консульской юрисдикціи въ Египтѣ, въ силу коей уголовный судъ надъ иностранцами принадлежитъ консулу респективнаго государства; консуламъ же принадлежитъ разборъ гражданскихъ тяжбъ возникающихъ между находящимися въ Египтѣ подданными того государства которое консулъ представляетъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, консульская юрисдикція въ Египтѣ получила дальнѣйшее развитіе вслѣдствіе учрежденія, на основаніи международнаго соглашенія всѣхъ державъ коимъ принадлежала такая юрисдикція, смѣшанныхъ трибуналовъ для разбора дѣлъ между иностранцами и туземными жителями Египта. Смѣшанный трибуналъ въ Александріи имѣлъ семь членовъ по назначенію отъ иностранныхъ державъ и только четырехъ по назначенію отъ Египетскаго правительства; въ числѣ иностранныхъ судей былъ и представитель Россіи. Спустя еще нѣсколько лѣтъ право непосредственнаго вмѣшательства иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Египта получило еще одно весьма важное дополненіе вслѣдствіе соглашенія о контролѣ надъ погашеніемъ египетскаго государственнаго долга. Отъ участія въ этомъ контролѣ добровольно отказались Россія и Соединенные Штаты; изъ остальныхъ же державъ, въ числѣ коихъ была Германія, Австрія и Италія, Англія и Франція, какъ наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ, забрали всю власть контроля въ свои руки.

Въ концѣ же концовъ Англія своимъ послѣднимъ вмѣшательствомъ довольно грубо устранила и Францію. Тѣмъ не менѣе, изъ изложеннаго видно какъ разнообразны и многосложны установленныя трактатами права Европы надъ Египтомъ и насколько права эти, съ точки зрѣнія формальной, превосходятъ право вмѣшательства Европы въ дѣла Оттоманской Порты, которая понынѣ не перестала пользоваться значеніемъ самостоятельной державы.

Будущее покажетъ насколько Англія желаетъ быть умѣренною и искренни ли постоянныя заявленія англійскихъ министровъ что они удивятъ міръ своимъ безкорыстіемъ. Но принципъ на которомъ основаны предположенія Англіи касательно Египта, очевидно, не тотъ какой былъ примѣненъ Европой, и преимущественно тою же Англіей, во время Берлинскаго конгресса. Тогда европейская дипломатія исходила изъ положенія о „неприкосновенности трактатовъ;“ теперь же г. Гладстонъ заявляетъ что Англія трактатами стѣсняться не будетъ. И при всемъ томъ Австрійскій императоръ напередъ выражаетъ увѣренность что Египетское дѣло будетъ рѣшено къ общему удовольствію и не поведетъ ни къ какимъ столкновеніямъ.

Столкновеній, по всей вѣроятности, дѣйствительно не будетъ; но съ неменьшею достовѣрностью можно сказать что миръ будетъ сохраненъ цѣной уступчивости Европы, а не Англіи.

Впрочемъ, одинъ изъ соискателей будетъ повидимому задобренъ Англіей. По извѣстіямъ впервые сообщеннымъ надняхъ газетой *Times*, Франція получила отъ Англіи *carte blanche* насчетъ Туниса и уже воспользовалась этимъ, заключивъ съ Тунисскимъ беемъ трактатъ по которому Тунисъ становится фактически французскою провинціей. Но политическое благоразуміе именно и заключается въ умѣніи удовлетворить сопутчика безъ ущерба своимъ интересамъ, и если цѣной такой уступки Франція, въ свою очередь, предоставитъ Англіи полную свободу дѣйствій въ Египтѣ, то такая сдѣлка будетъ какъ нельзя болѣе выгодна для Англіи.

Б.

Въ послѣднее десятилѣтіе, предъ глазами публики и на ея счетъ, не разъ происходили и милліонныя растраты, и крупныя крушенія банковъ и банкирскихъ конторъ. Но ни одинъ изъ подобныхъ случаевъ не производилъ на нашъ такъ-называемый либеральный лагерь такого впечатлѣнія какъ Скопинское банкротство. Къ другимъ случаямъ можно было относиться не безъ злорадства и, крича противъ хищеній и грабительствъ, рекомендовать шаблонную конституцію, при которой будто бы не было бы ни воровства, ни мошенничества, ни убійствъ, ни пожаровъ, ни эпидемій, ни неурожаевъ, а настали бы золотые годы блаженнаго милленіума. Но Скопинскій крахъ не такого рода фактъ чтобъ изъ него помощію софизмовъ можно было выжать поученіе въ приведенномъ смыслѣ. Напротивъ, онъ служитъ какъ бы образчикомъ тѣхъ результатовъ какихъ слѣдуетъ ожидать по разнымъ частямъ отъ осуществленія рекомендуемой программы увѣнчанія реформъ, ибо

самъ онъ выросъ и развился на почвѣ и подъ сѣнію „правовыхъ порядковъ“ примѣненныхъ въ сферѣ городскаго хозяйства и является ихъ цвѣтомъ и плодомъ, и вотъ, въ виду того что эти порядки не оправдали себя въ маломъ, не совсѣмъ-то ловко выставлять ихъ надежнымъ и вѣрнымъ кровомъ подъ который должно укрыться отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ бѣдъ все наше государственное зданіе. Оказался на лицо фактъ не только не пригодный для агитаціи въ пользу вожделѣнной программы, но къ тому еще такой который, въ видахъ quasi-либерализма, нужно заминать. По поводу Скопинской катастрофы понадобилось прочесть лекцію о томъ какъ слѣдуетъ смотрѣть на нее и на безчисленное множество другихъ фактовъ не говоря за нихъ въ пользу мнимо-либеральной программы.

Катехизисъ нашего либерализма не лишенъ своеобразнаго интереса. Вотъ его сущность. Какія бы злоупотребленія ни замѣчались въ дѣятельности земскихъ дѣльцовъ и городскихъ думцевъ, какими бы результатами, на подобіе Скопинскаго, они ни завершались; что̀ бы ни творилось въ судахъ, какою бы насмѣшкой надъ правосудіемъ и здравымъ смысломъ ни являлись иные приговоры и дѣйствія судебнаго персонала; что̀ бы ни происходило въ школахъ, какъ бы ни развращалось тамъ юношество, въ какихъ бы грубыхъ нарушеніяхъ дисциплины ни проявлялось это развращеніе; какъ бы ни вела себя печать, открыто отдающаяся на служеніе наглымъ публичнымъ обманамъ и крамолѣ, съ какимъ бы нахальствомъ ни предавалась она поруганію честныхъ людей, какъ бы ни подкапывалась она подо все на чемъ зиждется государственный строй начиная отъ семьи и кончая самымъ началомъ государственнаго самодержавія: во всемъ этомъ власть должна не только видѣть или простыя случайности, или печальныя исключенія, молчать и бездѣйствовать. Ея вмѣшательство для пресѣченія всѣмъ очевиднаго зла было бы якобы „полнымъ убиваніемъ самобытія, саморазвитія, самоусовершенствованія и оживленія.“ Поэтому ставится аксіомой что по отношенію къ печати, къ школѣ, къ суду, къ земскому и городскому самоуправленію, къ общественному кредиту, государственная власть и ея органы ничѣмъ и ни въ чемъ не должны проявлять своего существованія. Присутствіе государственной власти въ такихъ случаяхъ было бы будто бы отнятіемъ у общества правъ дарованныхъ ему „великими реформами прошлаго царствованія,“ чреватымъ бѣдами „попятнымъ движеніемъ, повтореніемъ исторической ошибки,“ возвращеніемъ къ „періоду казенной благонамѣренности, когда пытались взять въ казну совѣсть, душу, мысль, вѣру, и отпускать ихъ на пользованіе казенными размѣренными, патентованными пайками.“ Для власти довольно что ей дозволяется проявлять свою силу въ дѣлахъ „о расхищеніи Уфимскихъ земель, лѣсовъ Царства Польскаго и о прочихъ хищеніяхъ и казнокрадствахъ;“ тутъ, по либеральному катехизису, она можетъ присутствовать, тутъ ее можно поощрять, но въ заповѣдныя, запретныя для нея области школы, суда, печати и всяческаго самоуправленія власть не должна показывать и носа. Пусть люди видятъ какъ ихъ дѣти систематически губятся; пусть общество терпитъ все зло самоуправства распоряжающихся его интересами ловкихъ людей, захватившихъ въ свои руки такъ-называемое самоуправленіе; пусть каждый остается беззащитнымъ отъ любаго продажнаго писаки; пусть народъ испиваетъ до дна горькую чашу безсудія и Шемякина суда: на все это, по либеральному катехизису, какое-то „общество“ имѣетъ право... Пусть „въ общественной нашей жизни много грѣха, неправильности, фальши и лжи,“ но избавить отъ нихъ должно не „казенно-приказное воздѣйствіе,“ не „чиновничье начало“ (таковы эпитеты которыми наши либералы честятъ государственную власть). Нѣтъ, предоставьте дѣло избавленія общества отъ всѣхъ золъ самостоятельному суду (самосуду?) „въ которомъ могутъ свободно развиваться общественная совѣсть и общественные взгляды на правду и справедливость...“ на подобіе того какъ въ дѣлѣ Вѣрочки Засуличъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; дайте самимъ земствамъ и городамъ „выработать лучшіе порядки общественной жизни...“ путемъ Скопинскихъ и иныхъ краховъ.

Но при всемъ паѳосѣ съ какимъ проповѣдуется догматъ бездѣйствія власти, наши лжелибералы не могутъ скрыть своихъ опасеній что правительство, пожалуй, рѣшится наконецъ погрѣшить противъ этого догмата, и что Скопинское банкрот-

ство можетъ послужить прямымъ поводомъ выйти изъ полупаралпчнаго состоянія которое предписывается ему пошлою доктриной, считавшеюся верхомъ политической мудрости. Прежде всего наши либералы трепещутъ за городское самоуправленіе въ его нынѣшнемъ видѣ. Это сказалось въ отрицаніи необходимости для правительства прійти на помощь Скопинскимъ горожанамъ и вкладчикамъ Скопинскаго Банка; это сказалось еще прямѣе въ набатномъ крикѣ „спасайте независимость городскаго самоуправленія,“ въ печатномъ обращеніи ко всѣмъ русскимъ городамъ съ куріознымъ предложеніемъ сдѣлать складчину изъ ихъ бюджетныхъ средствъ, а если нельзя, то устроить подписки для восполненія всей Скопинской растраты помимо правительства. Въ одной распространенной газетѣ читаемъ: „разъ государство явится отвѣтчикомъ за грѣхи городскаго самоуправленія и городскихъ общественныхъ банковъ, на его обязанности лежитъ задача обставить и народную казну гарантіями предупреждающими повтореніе подобныхъ краховъ, подвергнуть пересмотру основныя начала Городоваго Положенія и устава городскихъ банковъ. Если нашимъ городамъ дѣйствительно дорога независимость въ управленіи собственными дѣлами, то они, не долго думая, пополнятъ недостающіе въ Скопинѣ милліоны и удовлетворятъ сполна всѣхъ вкладчиковъ лопнувшаго Банка. Этою ничтожною въ сущности жертвой русскіе города окажутъ великую услугу самоуправленію и взаимной порукѣ; быть-можетъ въ силу закона правительство не въ правѣ допустить заимствованіе съ этою цѣлью изъ городскихъ бюджетовъ, но городамъ не возбраняется устроить частную подписку.“

Нельзя, впрочемъ, сказать чтобы нашъ либеральный лагерь былъ вообще противъ реформы городскаго самоуправленія, противъ пересмотра Городоваго Положенія. Нѣтъ, этимъ господамъ, конечно, было бы пріятнѣе чтобы въ сферѣ „общественной самодѣятельности“ было все чѣмъ можно похвалиться, хотя бы по внѣшности, все же неприглядное было бы шито и крыто, и чтобы все подлежащее изобличенію и опороченію оказывалось только въ сферѣ государственной администраціи. Они по этому были бы не прочь передѣлать Городовое Положеніе, но передѣлать по своему, передѣлать не въ томъ смыслѣ чтобы въ вѣдѣніи горожанъ и ихъ выборныхъ остались лишь тѣ дѣла которыя они могутъ хорошо вести для общей пользы, не разбрасывались по сторонамъ, а въ томъ чтобъ упрочить въ городскомъ управленіи господство людей своего пошиба. Они противъ всякаго дѣйствительно полезнаго сосредоточенія городскаго самоуправленія, противъ всякаго упрощенія многопредметности его дѣятельности. Нѣтъ, пусть эта многопредметность не только не сократится, но еще возрастетъ, пусть городскіе выборные вѣдаютъ то въ чемъ не могутъ быть компетентны, какъ кредитныя операціи такъ и школьное дѣло, пусть будетъ отвоевано для нихъ что̀ можно даже изъ предметовъ подлежащихъ прямому и исключительному вѣдѣнію церковной власти; но пусть управленіе всѣмъ этимъ будетъ въ рукахъ „передовой“ либеральствующей интеллигенціи. Только этотъ смыслъ въ сущности и имѣютъ всѣ эти вызванные Скопинскимъ крахомъ вопли противъ лавочниковъ, трактирщиковъ и кабачниковъ, и въ пользу подчиненія, при городскихъ выборахъ, имущественнаго ценза—образовательному. Собственно говоря, содержатели кабаковъ должны быть любезны либеральному сердцу, какъ содержатели „народныхъ клубовъ;“ не даромъ же эти „клубы“ такъ отстаивались при обсужденіи питейнаго вопроса. Такими лавочниками какъ напримѣръ издатель *Русскаго Курьера* либералы наши еще менѣе имѣютъ причинъ быть недовольными. Но не всѣ лавочники на эту стать, и потому желательно дать городскимъ выборамъ такую „справедливую и практичную“ организацію при которой городское управленіе всецѣло очутилось бы въ рукахъ „новыхъ людей,“ употребляя терминъ извѣстнаго романа Чернышевскаго *Что̀ дѣлать*. Будь введена такая организація выборовъ, и въ передовой печати тотчасъ же прекратились бы сѣтованія на „нашу политическую неразвитость, при которой воры воротилы становятся излюбленными людьми,“ хотя бы эксплуатація общественнаго кармана и продолжалась попрежнему, только другими людьми. Но будетъ ли совершена реформа въ такомъ именно направленіи, вотъ вопросъ смутившій этихъ господъ въ виду Скопинскаго краха и поставленнаго имъ вопроса о лежащей на правительствѣ отвѣтственности за этотъ случай и многіе ему подобные. А что̀ если

правительство найдетъ полезнымъ ограничить, въ интересахъ не мнимаго, но дѣйствительнаго общества, городское самодержавіе, и ввести въ должные предѣлы объемъ компетенціи городскаго самоуправленія?

№ 288.

Москва, 16-го октября.

А.

Покушеніе на жизнь короля Сербскаго, къ счастью не удавшееся, встревожило, какъ и слѣдовало ожидать, общественное мнѣніе не только въ Сербіи, но и за границей, особенно въ Австро-Венгріи, гдѣ недавно тоже было открыто готовившееся покушеніе противъ Императора Франца-Іосифа. Безпрерывно повторяющіяся покушенія на жизнь владѣтельныхъ особъ стали, благодаря взаимнымъ интригамъ правительствъ и такъ-называемому „священному праву убѣжища,“ дѣломъ обычнымъ.

Характеръ покушенія на жизнь короля Милана по настоящее время еще не выяснился, но всѣ признаки указываютъ на то что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ покушеніемъ политическаго характера, а не личной мести. Мужъ Елены Марковичъ, полковникъ Ефремъ Марковичъ, былъ казненъ въ 1877 году за государственную измѣну. Съ того времени прошло уже пять лѣтъ. Естественно ли чтобъ Елена нуждалась въ столь долгомъ срокѣ для удовлетворенія своей мести? Говорятъ что Ефремъ Марковичъ былъ далеко не такъ виновенъ чтобы заслужить смертную казнь, что онъ палъ жертвой личной вражды бывшаго сербскаго министра-президента г. Ристича, желавшаго освободиться отъ своего врага. Почему же Елена Марковичъ, рѣшившись отомстить королю Милану, оставила въ покоѣ г. Ристича? На всѣ эти вопросы врядъ ли сумѣютъ отвѣтить тѣ кто старается отнять у преступленія политическій характеръ. Но допустивъ даже что Елена Марковичъ, вслѣдствіе „разстройства умственныхъ способностей,“ неудачно выбрала объектъ для своего мщенія, спрашивается, чѣмъ объяснить аресты произведенные, вслѣдствіе покушенія, какъ въ Бѣлградѣ такъ и въ Землинѣ?

Кажется, нѣтъ сомнѣнія что покушеніе на жизнь короля Милана было дѣломъ политическихъ замысловъ, что за Еленою Марковичъ скрываются другія лица, что она была только орудіемъ.

Кто зачинщикъ и главный виновникъ покушенія, этого пока съ увѣренностью нельзя сказать. Достаточно замѣтить что какъ въ самой Сербіи, такъ и внѣ ея предѣловъ, политическая интрига ведетъ свою агитацію въ послѣднее время довольно успѣшно.

Чѣмъ же объяснить этотъ успѣхъ? На чтò разчитываетъ интрига?

Отвѣтъ на первый вопросъ найти не трудно. Политическая интрига поднимаетъ голову когда правительство начинаетъ колебаться, теряетъ вѣру въ себя и сходитъ съ прямаго пути указаннаго ему исторіей и чувствомъ народа. Авторитетъ всякаго правительства въ Сербіи зависѣлъ всегда главнымъ образомъ отъ того въ какой мѣрѣ правительство слѣдовало національной идеѣ. Никогда авторитетъ династіи Обреновичей не стоялъ такъ высоко какъ во время Сербско-Турецкихъ войнъ и тѣснаго сближенія Сербіи съ Россіей. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Нынѣшнее австрофильское министерство въ Сербіи, возбудивъ къ себѣ ненависть въ народѣ своею анти-національною политикой и удаленіемъ отъ Россіи, подготовило для политической интриги удобное поприще. Даже авторитетъ представителя династіи Обреновичей, именемъ коего не разъ злоупотребляли гг. Пирочанацъ и Гарашанинъ съ товарищи, сталъ колебаться. Гоненія противъ митрополита Михаила, патріота оказавшаго столько услугъ Сербіи, столь уважаемаго въ Россіи, также произвели свое дѣйствіе въ ущербъ церкви и религіозному чувству народа. При такихъ обстоятельствахъ, удивительно ли что интрига подняла голову и сочла своевременнымъ „дѣйствовать?“

Труднѣе отвѣтить на вопросъ на чтò разчитывали руководители Елены Марковичъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ возможенъ не прежде какъ будутъ открыты преступники или ихъ слѣды.

Одно обстоятельство во всякомъ случаѣ бросается въ глаза. Какъ сообщаетъ телеграфъ, покушеніе было организовано заранѣе и его предполагали совершить на возвратномъ пути короля Милана изъ Рущука въ Бѣлградъ, посредствомъ взрыва

торпеды въ Дунаѣ. Свиданіе короля Милана съ княземъ Александромъ Болгарскимъ произвело въ Австріи чрезвычайно неблагопріятное впечатлѣніе. Австрійскія газеты усматривали въ этомъ свиданіи попытку Сербскаго короля снова сблизиться съ Россіей и такимъ образомъ упрочить свою популярность въ народѣ, который, какъ свидѣтельствуютъ и враждебные Славянамъ органы, напримѣръ *Neue Freie Presse*, преданъ Россіи и чувствуетъ отвращеніе отъ западныхъ идей и тенденцій. Характеръ покушенія въ виду этихъ заявленій принимаетъ особый оттѣнокъ.

Б.

Въ подкрѣпленіе кандидатуры барона Корфа на должность думскаго генералъ-инспектора московскихъ училищъ, одна изъ здѣшнихъ газетъ откопала важный документъ, статью г. Кашина (sic), появившуюся за двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, именно въ январѣ 1871 года. Кто этотъ г. Кашинъ, спроситъ читатель? Почему статья написанная имъ должна имѣть какое-либо значеніе въ данномъ вопросѣ? Дѣло совсѣмъ не въ г. Кашинѣ. Статья приводится потому что она была напечатана въ одномъ изъ нашихъ изданій, въ *Современной Лѣтописи*, выходившей въ 1871 году при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вотъ, значитъ, какую мы имѣемъ силу! Не только наши сужденія, а даже случайная корреспонденція неизвѣстнаго автора появившаяся въ нашемъ изданіи получаетъ авторитетъ до такой степени важный что ее откапываютъ черезъ двѣнадцать лѣтъ для того чтобы разрѣшить ею горячій вопросъ. Но какое отношеніе имѣетъ эта статейка къ вопросу о кандидатурѣ барона Корфа въ настоящее время?

Г. Кашинъ, въ 1870 году, былъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гостилъ тамъ у одного помѣщика, осматривалъ устроенныя имъ школы, и потомъ въ наивно-восторженныхъ выраженіяхъ восхвалилъ эти школы. Такъ какъ въ этой статьѣ рѣчь идетъ о благодѣтельномъ помѣщикѣ, то очень можетъ быть что газета въ родѣ *Русскихъ Вѣдомостей* тогда не приняла бы ее въ свои столбцы, ибо баронъ Корфъ былъ тогда почти такъ же мало извѣстенъ какъ и его гость. Онъ тогда еще не выразился, и статья г. Кашина ничего не говоритъ объ его направленіи, описывая только внѣшнюю организацію состоявшихъ въ его завѣдываніи училищъ. Баронъ Корфъ тогда не былъ еще „извѣстнымъ педагогомъ;“ онъ былъ просто баронъ, помѣщикъ *(крѣпостникъ*, сказали бы тогда *Русскія Вѣдомости)*, филантропъ заботившійся о распространеніи грамотности въ своемъ уѣздѣ. Г. Кашинъ былъ у него въ 1870 году, и статья его появилась въ январѣ 1871 года. Пресловутая же книга барона Корфа *Нашъ Другъ* вышла лишь въ теченіе этого года. Въ засѣданіи 20 ноября С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества впервые было сужденіе о педагогическихъ пріемахъ барона Корфа, причемъ была раскрыта вся несостоятельность его системы г. Мирапольскимъ, который напечаталъ затѣмъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* обширную статью: „Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ нашей народной школѣ“ (*Журн. Мин. Народн. Просв.* 1872 года январь), и въ ней подробно разобралъ всѣ абсурды екатеринославскаго педагога; а въ 1873 году въ *Русскомъ Вѣстникѣ* помѣщена о томъ же предметѣ статья: „Новыя идеи въ нашей народной школѣ,“ писанная однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ, вѣрно изложившимъ нашъ взглядъ на Корфовскую школу.

Впрочемъ, еслибы баронъ Корфъ ограничился методами обученія азбукѣ, то выборъ его въ руководители московскихъ училищъ былъ бы только печальною странностію и не имѣлъ бы по крайней мѣрѣ демонстративнаго значенія. Но теперь дѣло пошло далѣе. Баронъ Корфъ теперь уже не просто „извѣстный педагогъ,“ обучающій ребятишекъ читать, писать и считать по новѣйшимъ „научнымъ методамъ;“ онъ знаменоносецъ, онъ вожакъ противоцерковной партіи. Съ его именемъ связано теперь не только представленіе о педагогѣ, но еще болѣе объ „антиклерикалѣ.“ Выборомъ его Москва должна заявить свою солидарность съ направленіемъ которое стремится оторвать русскую народную школу отъ церкви.

Но такъ какъ заставить московскихъ гласныхъ пристать къ противоцерковнымъ тенденціямъ дѣло не совсѣмъ легкое, то пущены въ ходъ всѣ средства заимствованныя изъ практики западнаго парламентаризма и извѣстныя тамъ подъ названіемъ „электоральныхъ маневровъ.“ Устраиваются сходки избирателей, которымъ предлагаютъ, совѣтуютъ, внушаютъ, почти при-

казываютъ выбрать именно барона Корфа. Въ газетахъ печатаются напыщенные панегирики „знаменитому педагогу.“

Откапываніе старыхъ, не имѣющихъ значенія статей чтобы склонить думскихъ гласныхъ къ избранію барона Корфа также характеризуетъ интригу которая лѣзетъ изъ кожи для достиженія своей цѣли. Еще характеристичнѣе тѣ выводы которые московскій органъ интриги дѣлаетъ изъ того факта что статья г. Кашина была помѣщена въ *Современной Лѣтописи*. Представивъ выдержки изъ этой статьи, воздающей хвалу барону Корфу за хлопоты объ умноженіи и устройствѣ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, *Русскія Вѣдомости* говорятъ слѣдующее:

„Въ непонятномъ противорѣчіи находятся эти строки съ тою странною агитаціей съ которою теперь выступили противъ барона Корфа тѣ же *Московскія Вѣдомости* и К⁰, въ виду его кандидатуры на предстоящихъ выборахъ.“

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* были помѣщены 28 августа и 14 сентября двѣ статьи по поводу фельетона барона Корфа въ *Голосѣ* отъ 25 августа, заявляющаго что „школа въ рукахъ духовенства „не можетъ ни развивать, ни воспитывать „человѣка, такъ какъ не надѣляетъ питомца своего ни вѣрными идеалами, ни „возможностью найтись среди искушеній „и устоять противъ нихъ.“ Въ то время когда екатеринославскій педагогъ писалъ этотъ памфлетъ на русское духовенство и когда мы опровергали его, не было и рѣчи о его кандидатурѣ въ Московской Думѣ. Но вскорѣ послѣ этого, къ нашему изумленію, агитація дѣйствительно началась. Многіе гласные были собраны на частное совѣщаніе и имъ было предложено выбрать барона Корфа, не смущаясь недавно появившимся фельетономъ его въ *Голосѣ*. Нѣкоторые изъ гласныхъ извѣстили насъ письмами о начавшейся агитаціи, и одно изъ этихъ писемъ мы напечатали 22 сентября. Въ этомъ письмѣ гласный спрашивалъ, тотъ ли самый баронъ Корфъ рекомендуется на должность инспектора городскихъ училищъ который написалъ фельетонъ въ *Голосѣ* противъ духовенства. Мы ничего на это не сказали, и до 13 октября въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о баронѣ Корфѣ не было ни слова. А между тѣмъ агитація въ Думѣ росла. Вся Москва заговорила о ней, заговорили о ней петербургскія газеты, завязалась ожесточенная полемика между петербургскими и московскими газетами въ которой мы не принимали никакого участія. И насъ же обвиняютъ въ агитаціи!..

Впрочемъ, должно отдать справедливость откровенности и прямолинейности барона Корфа. Въ то время когда его друзья, агитирующіе за его кандидатуру, клянутся и божатся предъ думскими гласными что онъ только „извѣстный педагогъ“ и что на него клевещутъ будто онъ имѣетъ противоцерковныя воззрѣнія въ дѣлѣ школы, онъ самъ уличаетъ ихъ во лжесвидѣтельствѣ и настойчиво исповѣдуетъ свои воззрѣнія, дабы избраніе его имѣло опредѣленный, несомнѣнный, ясно выраженный характеръ. Послѣ фельетона въ № 229 *Голоса*, въ которомъ баронъ Корфъ отрицаетъ у духовенства способность воспитывать дѣтей, онъ на этихъ дняхъ, состоя уже офиціальнымъ кандидатомъ въ Московской Думѣ, обнародовалъ въ томъ же *Голосѣ* (№№ 275 и 279) два новые фельетона, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его взглядовъ на религіозное преподаваніе въ народной школѣ. Въ этихъ фельетонахъ онъ восхваляетъ Французское правительство изгнавшее религію изъ школы, и провозглашаетъ что „Франція подала цѣлой Европѣ и всему просвѣщенному міру „примѣръ того насколько тепло слѣдуетъ „относиться къ образованію массы.“ Въ чемъ же выражается это теплое отношеніе Французской республики къ народной школѣ? А въ томъ что въ новой программѣ народныхъ школъ во Франціи отсутствуетъ курсъ Закона Божія, и что „между школой и духовенствомъ не осталось ничего общаго.“ Правда, баронъ Корфъ находитъ что намъ „подражать Франціи“ теперь еще невозможно, но кандидатъ на должность инспектора Московскихъ городскихъ училищъ видитъ въ теперешней Французской, лишенной Бога, народной школѣ — идеалъ которому онъ горячо сочувствуетъ. Такимъ образомъ, предъ баллотировкой, онъ желаетъ совершенно выяснить значеніе того знамени которое передъ всѣми держитъ, дабы всѣ знали что если московскіе гласные подадутъ свои голоса за него, то они подадутъ ихъ противъ духовенства и противъ единенія русской народной школы съ церковью.

№ 290.

Москва, 18-го октября.

Послѣ блистательныхъ побѣдъ Пруссіи въ 1866 году пронеслось слово что своими успѣхами она обязана главнымъ образомъ школьному учителю, то-есть учителю первоначальной народной школы, хотя въ остальной Германіи грамотность и образованіе въ народѣ были распространены еще шире чѣмъ въ Пруссіи, прусская же школа отличалась лишь большею дисциплиной, патріотическимъ духомъ и религіознымъ направленіемъ подъ надзоромъ пасторовъ. Всѣ пошли толковать о важности шульмейстерской профессіи, и о необходимости для всякаго прогрессивнаго государства озаботиться образованіемъ особыхъ учителей для народныхъ школъ. Заговорили объ этомъ и въ думахъ, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ газетахъ. Казалось желательнымъ, въ видахъ распространенія грамотности въ народѣ, образовать классъ людей которые имѣли бы своимъ спеціальнымъ призваніемъ преподавать въ народной школѣ. У насъ потребность эта казалась тѣмъ настоятельнѣе что за дѣло народнаго обученія принимались люди, повидимому, совсѣмъ къ тому не призванные, случайные, за неимѣніемъ другаго промысла, и грамотѣ часто учили люди полуграмотные. Народная школа, казалось, требуетъ народныхъ учителей какъ особой профессіи къ которой люди должны спеціально готовиться. Какъ есть классъ университетскихъ профессоровъ или классъ учителей гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ казалось необходимымъ и для первоначальной народной школы создать особый классъ дѣятелей. Какою полезною представлялась такая профессія, какой плодотворный элементъ обѣщала она внести съ собою въ народную жизнь, и какимъ необходимымъ звеномъ мнилась она быть въ настоящей общественной организаціи! Люди эти, принадлежа къ народу, были бы, казалось, его свѣточами, были бы живою связью между темными массами и образованнымъ обществомъ, были бы проводниками всякаго рода познаній въ народѣ. Приготовленіе этихъ полезныхъ людей каждый представлялъ себѣ конечно по своему: они будутъ де, разумѣется, людьми просвѣщенными, свѣдущими по разнымъ наукамъ, — а главное строго нравственными и религіозными, добавляли про себя благочестивые люди. Какъ же образовать классъ народныхъ учителей? За этимъ дѣло не могло стать: потребовалось создать особыя учебныя заведенія для приготовленія такихъ людей, учительскія семинаріи въ которыя принимались бы мальчики изъ народа, гдѣ обучали бы ихъ всякой всячинѣ и наставляли бы ихъ въ педагогикѣ и дидактикѣ. Общее увлеченіе было такъ сильно что пришлось уступить ему. Торжеству учительскихъ семинарій много способствовалъ примѣръ Западнаго края, гдѣ эти заведенія были въ самомъ дѣлѣ необходимы и гдѣ они приносили несомнѣнную пользу И вотъ пошли учреждаться учительскія семинаріи и отъ казны, и отъ земствъ, и теперь повидимому вопросъ считается навсегда рѣшеннымъ: мы имѣемъ, должны и будемъ де имѣть многочисленный, безпрерывно возрастающій числомъ классъ народныхъ учителей, подготовляемыхъ *ad hoc* въ учительскихъ семинаріяхъ и долженствующихъ служить распространителями въ народѣ всѣхъ благъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это хорошо! Вотъ люди образованные, даже ученые, въ то же время составляющіе одно съ народомъ, обучившіеся всякой премудрости и возвратившіеся въ свой прежній быть, скромные въ своихъ потребностяхъ, довольные малымъ, —какой отличный классъ общественныхъ дѣятелей, какой превосходный элементъ цивилизаціи въ нѣдрахъ народа! Давайте же какъ можно болѣе учительскихъ семинарій! Никакихъ средствъ на это не жалѣйте! Какъ де все измѣнится у насъ когда расплодится этотъ классъ столь полезныхъ дѣятелей и когда мы будемъ считать ихъ не сотнями, не тысячами, а десятками тысячъ! Вотъ тогда-то просвѣщеніе распространится по Русской землѣ; въ избахъ заведется литература; въ кабакахъ, сихъ народныхъ клубахъ, просвѣщенные поселяне будутъ разсуждать, не хуже чѣмъ въ *чернокнижной* англійскаго клуба, объ египетскомъ вопросѣ; всякаго рода промыслы заведутся по деревнямъ; мужикъ нашъ узнаетъ что есть на свѣтѣ блоха и также таракань благодаря руководствамъ барона Корфа, съ которыми познакомитъ его народный учитель и мимоходомъ обучитъ и сельскому хозяйству, и гигіенѣ, и медицинѣ, и отчизновѣдѣнію и міровѣдѣнію.

Но будемъ говорить серіозно. Народная школа есть школа грамотности. Обученіе грамотѣ не можетъ быть самостоятельною профессіей; оно можетъ быть только принадлежностію какого-либо призванія. Къ какому же призванію могутъ примыкать учителя народной школы? Могутъ ли эти люди серіозно считаться представителями и органами науки въ томъ значеніи какое придается этому слову когда рѣчь идетъ о самостоятельномъ призваніи, посвященномъ наукѣ? Серіозной науки не можемъ мы до сихъ поръ добиться даже въ нашихъ университетахъ. Возможно ли ожидать чтобы не только теперь, но и когда-нибудь учительскія семинаріи давали людей науки, которые могли бы достойно распространять свѣтъ ея въ народныхъ массахъ? Учительскія семинаріи, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могутъ давать только людей полуобразованныхъ, а всякое полуобразованіе есть не сила, а слабость. Познанія которыя могутъ выносить изъ своихъ разсадниковъ учителя народныхъ школъ не могутъ имѣть никакого достоинства. Эти крупицы отъ трапезы наукъ не питаютъ, а только надмеваютъ и часто до глупости; болтовня о разныхъ предметахъ можетъ производить только сумбуръ въ головахъ дѣтей если начиненный отрывочными и поверхностными полусвѣдѣніями учитель, не ограничиваясь азбукой, вздумаетъ посвящать учениковъ въ свою премудрость. Возможно ли серіозно думать что такими путями наука, серіозная и плодотворная, будетъ распространяться въ народѣ? Что̀ общаго съ наукой можетъ имѣть тотъ одуряющій хаосъ словъ, безъ опредѣленнаго смысла и реальнаго значенія, который зараждался бы въ головѣ деревенскихъ мальчиковъ если учитель, не ограничиваясь азбукой и счетомъ, сталъ бы излагать имъ разнаго рода *научныя* познанія? Школа низшаго образованія, элементарная школа, можетъ имѣть свои степени восходя отъ одноклассснаго сельскаго училища до уѣзднаго или городскаго. Должна быть, конечно, разница между образованіемъ мальчиковъ которые имѣютъ досугъ и возможность учиться въ продолженіе шести и болѣе лѣтъ и обученіемъ тѣхъ которые болѣе двухъ-трехъ лѣтъ употребить на ученіе не могутъ — и которыхъ милліоны. Первоначальная сельская школа не можетъ идти далѣе простой грамотности, и она исполнитъ свое назначеніе, если хорошо обучитъ своихъ воспитанниковъ чтенію, письму и счету. Всякая задача не по силамъ можетъ только вредить дѣлу. Если бы мы задались мыслію создать въ каждомъ селѣ нѣчто въ родѣ маленькаго университета, то мы остались бы при нелѣпомъ замыслѣ, а народъ остался бы безъ грамоты. Мы можемъ оказать народнымъ массамъ великое благодѣяніе если распространимъ въ нихъ грамотность: лишь бы онѣ вышли грамотными, онѣ сами будутъ имѣть возможность, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, пріобрѣтать полезныя свѣдѣнія. Способнымъ и любознательнымъ людямъ школа грамотности даетъ способъ къ дальнѣйшему образованію. Вмѣсто преждевременной энциклопедіи жалкихъ познаній которыя взялся бы преподавать мальчикамъ воспитанникъ учительской семинаріи, постараемся лучше дать взрослымъ людямъ хорошую умственную пищу распространяя въ грамотномъ народѣ просвѣтительныя и полезныя, умно и толково писанныя книги и книжки, въ которыхъ можно сообщать имъ и сельскохозяйственныя, и врачебныя, и всякія другія свѣдѣнія. Взрослый, зрѣлый, достаточно грамотный человѣкъ, конечно, лучше воспользуется разными свѣдѣніями чѣмъ мальчикъ слушая полуобразованнаго учителя.

Итакъ, если сельскіе учителя не могутъ примыкать къ ученой профессіи, то какого же призванія по преимуществу можетъ быть дѣло народнаго обученія? Ни къ чему иному не можетъ примыкать народная школа какъ къ церкви. Только священнослужитель можетъ быть *по преимуществу* призваннымъ народнымъ учителемъ. Если вы полагаете что наше духовенство не способно обучать деревенскихъ дѣтей грамотѣ, такъ постарайтесь же сдѣлать его къ тому способнымъ. Но не нелѣпо ли думать что образованіе священника недостаточно для обученія деревенскихъ дѣтей грамотѣ? Хотя наши духовныя семинаріи много оставляютъ желать лучшаго, но онѣ тѣмъ не менѣе даютъ образованіе безспорно превосходящее все чего можетъ потребовать народное обученіе. Духовная семинарія безспорно превосходитъ все что̀, при наилучшихъ условіяхъ, можетъ дать учительская семинарія, которая способна лишь дрессировать, а не воспитывать умъ учащихся. Духовная семинарія несравненно болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ науки въ высшемъ смыслѣ этого слова чѣмъ какая бы

то ни было учительская семинарія. Воспитанникъ духовной семинаріи, по самой продолжительности, основательности и серіозности пройденнаго имъ курса, можетъ съ полнымъ правомъ считаться представителемъ просвѣщенія въ средѣ народа, независимо отъ своего богословскаго характера.

Итакъ, церковь, вотъ истинная опора народной школы. Священнослужитель, вотъ по преимуществу призванный народный учитель, и вездѣ гдѣ государство не находится въ борьбѣ съ церковью стараются народную школу удерживать сколь можно въ тѣснѣйшей связи съ религіозными учрежденіями.

Но что̀ хорошо въ идеѣ, то можетъ оказаться неудобнымъ на практикѣ. Если поручимъ народную школу священнику, то не затруднимъ ли его дѣломъ которому онъ не можетъ должнымъ образомъ посвятить себя, и не пострадаетъ ли отъ этого дѣло школьнаго обученія? Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли процвѣтать школа находясь въ завѣдываніи лица для котораго она будетъ лишь случайнымъ, какъ бы мимоходнымъ занятіемъ? На священникѣ лежатъ обязанности не всегда совмѣстныя съ регулярными учебными занятіями. Но почему же непремѣнно только на священника возлагать обязанности школьнаго обученія? Кромѣ пресвитерства, православная церковь знаетъ еще діаконство. Званіе діакона есть апостольское установленіе, а между тѣмъ оно превратилось въ предметъ какой-то церковной роскоши, такъ что въ сельскихъ церквахъ діаконъ, въ видахъ экономіи, оказался излишнимъ. Благолѣпіе богослуженія съ устраненіемъ діакона пострадало, но все существенное въ богослуженіи и всякая церковная треба можетъ совершаться безъ его участія. Неужели однако, при самомъ началѣ Христовой церкви, апостолы установили несущественную и излишнюю церковную должность? Въ апостольской церкви, какою должна быть Церковь Православная, діаконство не должно быть только роскошью, безъ которой церковь можетъ обходиться. Діаконъ учрежденъ не для однихъ только возглашеній при богослуженіи. Діаконство также не есть только ступень ко пресвитерству. Подчиненный іерею при богослуженіи, діаконъ имѣетъ, кромѣ того, при церковномъ дѣлѣ свое самостоятельное положеніе. Въ первоначальной церкви, вѣрующіе собирались не только для общей молитвы, но и на общую трапезу. Избраннымъ и освященнымъ апостолами лицамъ поручены были заботы объ общей трапезѣ. Первоначальнымъ происхожденіемъ опредѣляется существенное значеніе діаконства. Христова вѣра изъ малой общины распространилась по лицу всего міра; вѣрующіе не собираются на общую трапезу въ притворахъ церковныхъ, но апостольское учрежденіе не должно оставаться празднымъ. Діаконъ сохранитъ свое значеніе завѣдывая духовною трапезою, служа дѣлу народнаго обученія подъ сѣнію церкви. Вотъ по преимуществу призванный народный учитель. Давая священной должности діакона такое назначеніе, мы сохраняемъ ее для церкви, а вмѣстѣ удерживаемъ при церкви народную школу. Всѣ церковныя требы іерей исполняетъ и безъ помощи діакона, который можетъ неуклонно посвящать свою дѣятельность школѣ своего прихода. Его не оторвутъ во время урока для напутствія умирающаго, для крещенія новорожденнаго и для другихъ церковныхъ требъ. Въ учебные дни онъ въ школѣ, а въ воскресные и праздничные онъ сослужитъ іерею, что̀ для прихода также не лишено важности. Трудно было содержать діаконовъ въ сельскихъ приходахъ; однако желательно не только для благолѣпія, но и для ясности богослуженія, чтобы діаконъ возвратился и въ сельскіе храмы. Вмѣсто того чтобъ учреждать во множествѣ учительскія семинаріи не лучше ли обратить расточаемыя на это средства на содержаніе діаконовъ, которые со своимъ священнымъ званіемъ соединяли бы обязанности учителя народной школы? Самое обученіе выиграло бы чрезъ это въ единствѣ. Одинъ и тотъ же наставникъ преподавалъ бы и законъ Божій и все другое. Мальчики и дѣвочки пріучались бы къ церкви, а не отучались бы отъ ней, и чрезъ ея горнило проходило бы все то что̀ имъ требуется знать и что̀ они могутъ съ пользою усвоить.

Мы отнюдь не имѣемъ въ виду чтобы народное обученіе было исключительно дѣломъ діакона. Всякій членъ причта, и самъ священникъ, и псаломщикъ могутъ взяться за это дѣло если окажется удобнымъ. Точно также мы отнюдь не отвергаемъ и другихъ народныхъ училищъ кромѣ церковноприходскихъ. Дай Богъ помощь всякому доброму человѣку въ добромъ дѣлѣ. Но

мы отличаемъ *случайныхъ* дѣятелей отъ таковыхъ по призванію.

№ 291.

Москва, 19-го октября.

Въ дополненіе къ цѣлой литературѣ изслѣдованій о будущей войнѣ съ Россіей, въ которыхъ упражняются нѣмецкіе офицеры, берлинская печать занялась нашими прибалтійскими провинціями. Въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ воинственныхъ запугивающихъ брошюръ, а именно въ офиціозныхъ, какъ напримѣръ, *Der deutsche Krieg mit Russland* и *Der Polnische Kriegschauplatz, militär geographische Studien,* безъ церемоніи высказывается мысль что у Россіи слѣдуетъ отобрать Балтійскія провинціи. И не проходитъ дня чтобы въ берлинскихъ газетахъ не появилась какая-нибудь замѣтка или корреспонденція въ томъ смыслѣ будто Нѣмцевъ въ прибалтійскомъ краѣ угнетаютъ, будто положеніе тамъ нѣмецкаго землевладѣльца стало теперь „хуже чѣмъ землевладѣльца ирландскаго.“ Эти сенсаціонныя извѣстія, настойчиво повторяемыя изо дня въ день крупными органами какъ *Кельнская Газета* и слывущая близкою къ имперскому канцлеру берлинская *Post,* волнуютъ публику въ Германіи. Кому и зачѣмъ понадобилось разжигать политическія страсти? Въ Берлинѣ вошло въ обычай упрекать русскую печать будто она возбуждаетъ въ русскомъ населеніи вражду къ Нѣмцамъ. Это значитъ валить съ больной головы на здоровую: племенную вражду возбуждаетъ не русская печать, какая бы она ни была, а нѣмецкая.

Подручная печать *честнаго маклера* предсѣдавшаго на Берлинскомъ конгрессѣ, столь заботливая когда дѣло идетъ о Россіи и ея провинціяхъ, будь то даже Арменія, ни словомъ не заикнется о томъ что̀ дѣлается, напримѣръ, въ Босніи и Герцеговинѣ. Будто оттуда въ Берлинъ и почта не доходитъ. Въ Боснію и Герцеговину австрійская сила вступила „по порученію Европы“ умиротворить край, развить въ немъ гражданственность. И что̀ же? Вотъ уже пять лѣтъ какъ въ этомъ краѣ длится дѣйствительно невыносимое положеніе. Страна безлюдѣетъ, селенія выжигаются то самими бѣгущими жителями, то „умиротворяющими“ ихъ австрійскими солдатами. Сооружаются только австрійскіе форты, батареи, стратегическія желѣзныя дороги. По офиціальнымъ австрійскимъ свѣдѣніямъ, въ Босніи и Герцеговинѣ все обстоитъ благополучно, жители возвращаются къ своимъ занятіямъ, никакого возстанія нѣтъ. Берлинская печать спѣшитъ принять это къ свѣдѣнію какъ фактъ, безо всякой провѣрки. А между тѣмъ вотъ что̀ дѣлается въ Босніи и Герцеговинѣ. Весной австрійскія власти объявили что рекрутскій наборъ въ провинціяхъ „удался и прошелъ въ совершенномъ порядкѣ.“ На дѣлѣ же оказывается что правильнаго набора вовсе не было, что австрійскія власти разными хитростями, обманами и насиліемъ завлекали молодыхъ людей въ свои казармы. Теперь эти мнимые солдаты бѣгутъ въ горы и усиливаютъ четы возставшихъ. Эти четы разгуливаютъ по всемъ пространствѣ отъ Черногорской границы до Сараева, отъ Метковичей до Сербіи. Остались на службѣ лишь тѣ кто не имѣлъ духа или времени бѣжать, и ихъ приходится просто караулить, оцѣпивъ казармы втрое большею командой солдатъ. А между тѣмъ австрійскія власти начинаютъ готовиться къ новому очередному набору и уже составляютъ списки „призываемыхъ.“ Что̀ изъ этого выходитъ, лучше всего свидѣтельствуетъ депеша полученная вѣнскою *Neue Freie Presse* изъ Котора отъ 25 (13) октября. „Въ Герцеговинѣ, сказано въ депешѣ, появились *новые* отряды инсургентовъ, въ числѣ около 300 человѣкъ. Схватки съ войсками учащаются. У инсургентовъ чувствуется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, но они хорошо снабжены оружіемъ и снарядами.“ Вѣнская газета очевидно смягчила рѣзкость полученнаго ею извѣстія, но и въ этомъ видѣ оно достаточно рисуетъ положеніе дѣлъ. Констатированъ фактъ что схватки между австрійскими войсками и инсургентами вовсе не прекращались. Если онѣ еще недавно были рѣже, то не потому что инсургентовъ не было, а только вслѣдствіе, какъ передаетъ нашъ корреспондентъ, дурной погоды въ началѣ октября мѣшавшей движенію австрійскихъ войскъ въ горахъ. Телеграмма австрійской газеты удостовѣряетъ что возставшіе хорошо снабжены оружіемъ и военными припасами. А еще недавно, въ началѣ октября, имъ „приходилось драться буквально голыми руками.“

Неужели эти факты упорнаго сопротивленія населенія волѣ непрошенныхъ умиротворителей не заслуживаютъ вниманія? Если Берлинская печать не хочетъ знать ихъ, то не потому ли только что они выходятъ изъ „сферы ея интересовъ“ и могутъ повредить тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ которыя установились между Австро-Венгріей и Германіей?

Но въ такомъ случаѣ надо признать и обратную теорему: прибалтійскія провинціи входятъ въ кругъ германскихъ интересовъ, и нѣмецкая печать, распространяя вздоръ о томъ что̀ въ нихъ дѣлается, не опасается повредить дружественнымъ отношеніямъ къ Россіи. Можетъ-быть все и такъ, но едва ли въ духѣ имперскаго канцлера поднимать завѣсу своей будущей политики. Цѣль этихъ берлинскихъ воплей о положеніи Балтійскаго края должна быть ближе. За пояснительными примѣрами ходить не далеко. Весной и лѣтомъ поднимались такіе же вопли о затрудненіяхъ будто бы испытываемыхъ нѣмецкою промышленностью вслѣдствіе таможенныхъ стѣсненій со стороны Россіи, о необходимости взяться за таможенную отместку, а въ результатѣ получилось временное облегченіе по ввозу нѣкоторыхъ нѣмецкихъ издѣлій въ Россію и петиціи нѣмецкихъ купцовъ и промышленниковъ о необходимости войти съ Россіей въ соглашеніе относительно „обоюдно-выгоднаго таможеннаго трактата.“ Политикъ получилъ возможность сослаться на давленіе общественнаго мнѣнія. Нейдетъ ли дѣло и теперь только о предоставленіи какихъ-либо особыхъ льготъ и отсрочекъ для остзейскихъ провинцій, отсрочекъ которыя подняли бы въ краѣ *престижъ* Германіи. Но Германскій канцлеръ всегда старается однимъ ударомъ покончить два дѣла, достичь нѣсколькихъ цѣлей. Съ прошлаго года онъ усиленно борется съ парламентскою оппозиціей, партикуляристами и партіей центра. Теперь онъ предвидитъ усиленіе этой борьбы. Ему выгодно отвлечь вниманіе въ другую сторону, къ дѣламъ иностраннымъ, на которыхъ сходятся и мирятся пока всѣ партіи въ Германіи. Еще двухъ лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ какъ ему удался точно такой же маневръ: призракъ войны „на два фронта“ далъ возможность провести благополучно новый военный и нѣсколько финансовыхъ законовъ. Теперь положеніе внутреннихъ дѣлъ въ Германіи не лучше, а развѣ хуже чѣмъ два года назадъ, а между тѣмъ на очереди стоитъ цѣлая группа важныхъ реформъ: соціальная, податная, имперская, табачная монополія, безъ пособія которой затруднительно было бы не только исполнить многомилліонный расходъ по таможенному присоединенію Гамбурга, но и построить прочное гнѣздо нѣмецкому флоту, соединивъ Нѣмецкое море съ Балтійскимъ.

Но какое значеніе для всѣхъ этихъ цѣлей могутъ имѣть наши Балтійскія провинціи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ вышедшей недавно въ Лейпцигѣ четвертымъ изданіемъ брошюрѣ *Der Krieg mit Russland*. Вотъ что̀ сказано тамъ въ заключительной главѣ: „для торговаго развитія Пруссіи на Балтійскомъ морѣ нужны Либава и Рига, но что̀ же до этого другимъ, что̀ выиграютъ католическая Баварія, Виртембергъ, Баденъ и tutti quanti? Все что̀ выиграетъ прусская торговля, то послужитъ въ пользу всей имперіи.“ Итакъ, толки о Балтійскихъ провинціяхъ могутъ затрогивать въ Германіи не одни чувства платонической любви. Очень удобно и выгодно заговорить о нихъ кстати. Благо сосѣдъ терпѣливъ и необидчивъ!

№ 292.

Москва, 20-го октября.

Анархисты, иначе нигилисты, даютъ себя знать и во Французской республикѣ. Куда вѣтеръ погонитъ эту чуму, туда она и несетъ свои міазмы. Тѣ же пріемы какіе обнаружены были въ Россіи характеризуютъ дѣйствіе крамольниковъ во Франціи (та же тайная организація, тотъ же исполнительный комитетъ засѣдающій въ Женевѣ, тотъ же самодѣльный динамитъ), и въ числѣ дѣятелей прямо встрѣчаются имена русскихъ отверженцевъ, съ Крапоткинымъ во главѣ. Нужно ли болѣе разительное опроверженіе лицемѣрнаго увѣренія нашихъ домашнихъ политическихъ интригановъ будто рекомендуемая ими система говориленъ прекратитъ зло? Не менѣе назидательно и то какъ общественное мнѣніе во Франціи относится къ крамолѣ съ той минуты какъ стало ясно что ни парламентаризмъ, ни даже республиканскій радикализмъ не служитъ оплотомъ

противъ разрушительныхъ элементовъ направляемыхъ тайною рукой противъ тѣхъ государствъ которыя требуется въ данную минуту замутить и обезсилить. Замѣчательно что соціалисты-революціонеры до сихъ поръ пренебрегали второстепенными по своему политическому значенію государствами, хотя такъ-называемый рабочій вопросъ, который соціалисты-революціонеры выставляютъ на своемъ знамени, обстоитъ въ этихъ государствахъ далеко не лучше нежели въ странахъ крупнаго политическаго калибра. Почему, въ самомъ дѣлѣ, Швейцарія или Бельгія, гдѣ рабочіе классы находятся въ бѣдственномъ положеніи, до сихъ поръ не знаютъ ни о какихъ революціонныхъ попыткахъ со стороны соціалистовъ? Почему динамитъ свободно выдѣлываемый крамольниками въ Швейцаріи есть лишь продуктъ для вывоза, таинственнаго, но безпрепятственнаго?

Какъ бы то ни было, но во Франціи поняли теперь всю силу опасности угрожающей государству. Слишкомъ поздно спохватились проповѣдники бездѣйствія власти; и для нихъ совершенно ясно что всеобщее помилованіе дарованное нѣсколько лѣтъ тому назадъ сосланнымъ участникамъ Парижской коммуны и возвращеніе ихъ во Францію было грубѣйшею ошибкой. Амнистія эта была парламентскимъ маневромъ г. Гамбетты, посредствомъ котораго онъ надѣялся умилостивить и привлечь на свою сторону крайнюю фракцію республиканской партіи и объединить ее подъ диктаторскою властью. Разчетъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ не удался. Радикалы крайней лѣвой стали только сильнѣе съ присоединеніемъ къ нимъ возвратившихся коммуниковъ. Но вся ихъ крикливая и страстная агитація обратилась именно противъ того человѣка который одинъ требовалъ сильнаго и дѣятельнаго правительства дабы спасти страну отъ внутренняго разложенія и возвратить ей подобающее положеніе въ Европѣ. Партія „непримиримыхъ“ менѣе всего пожелала мириться съ программой имѣвшею во главѣ единство и крѣпость Французскаго государства.

Но не смотря на ошибку г. Гамбетты, бо́льшая часть французскихъ вліятельныхъ газетъ указываетъ и теперь на него какъ на такого политическаго человѣка который могъ бы положить конецъ „парламентской анархіи.“ Съ горестью сознаютъ нынѣ всѣ патріоты во Франціи, безъ различія партій, что страна прежде всего нуждается въ сильномъ правительствѣ; по крѣпкой власти одинаково вздыхаютъ теперь какъ монархисты, такъ и республиканцы, за исключеніемъ лишь тѣхъ кто отрекся ото всякой гражданской чести, ото всякихъ обязательствъ предъ отечествомъ.

Въ то же время французскіе доктринеры отрезвились отъ своихъ мнѣній касательно „политическаго убѣжища.“ Судя по офиціозной замѣткѣ, опубликованной 27 октября *Агентствомъ Гаваса*, Французское правительство имѣетъ въ виду выступить энергически противъ Швейцарскаго, за преступное потворство политическимъ бандитамъ, которые руководятъ изъ Женевы опаснымъ движеніемъ обнаружившимся на югѣ Франціи.

Куріозно то что берлинскія газеты спѣшатъ предупредить Швейцарію чтобъ она какъ можно скорѣй приняла мѣры къ устраненію того что́ можетъ подать Франціи поводъ къ рекламаціи противъ Швейцарскаго правительства. Берлинская печать не о томъ старается чтобы Швейцарія отказалась, наконецъ, въ самомъ принципѣ отъ того вопіющаго злоупотребленія въ силу котораго политическіе разбойники считаютъ Швейцарскую территорію своимъ законнымъ и неприкосновеннымъ убѣжищемъ. Нѣтъ, берлинскія газеты какъ бы о томъ хлопочутъ чтобы французскій протестъ противъ притязаній Швейцаріи на безнаказанное пристанодержательство имѣлъ не большій успѣхъ чѣмъ протестъ Россіи заявленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ и столь робко и не рѣшительно что онъ не привелъ ни къ чему. „Сколько намъ извѣстно,“ замѣчаетъ берлинская *Національная Газета*, „Германія отклоняла отъ себя какое бы то ни было посредничество въ переговорахъ которые были ведены по этому предмету между Россіей и Швейцаріей. Въ томъ какъ Швейцарія разберется нынѣ со своимъ могущественнымъ французскимъ сосѣдомъ Германія также имѣетъ лишь тотъ интересъ чтобы предотвратить омраченіе добрыхъ отношеній между европейскими государствами. Но мы желали бы чтобы Швейцарія устранила немедленно всякій поводъ къ протесту со стороны Франціи.“

Намъ кажется что „добрыя отношенія между европейскими государствами“ весьма часто омрачались и омрачаются имен-

но тѣмъ что до сихъ поръ почему-то не можетъ состояться общее соглашеніе на счетъ преслѣдованія общими усиліями тѣхъ почтенныхъ дѣятелей которые сами объявляютъ себя врагами всякаго общественнаго порядка и готовы на всякое злодѣйство. Что подобное международное соглашеніе возможно, это доказываютъ конвенціи о преслѣдованіи общими силами торговли африканскими невольниками и морскихъ разбойниковъ. Разбойники на сушѣ, объявившіе войну всѣмъ основамъ современнаго общественнаго быта, несравненно опаснѣе пиратовъ. Почему же имѣется какая-то особенная надобность избѣгать возбужденія этого вопроса? Почему бы не воспользоваться, напротивъ, тѣмъ что и сама Франція теперь вынуждается поддерживать требованіе заявленное Россіей, такъ что предложеніе о международномъ соглашеніи противъ анархистовъ исходило бы отъ двухъ великихъ державъ противоположныхъ по политическому устройству?

Не забудемъ и того что въ 1880 году Германскій рейхстагъ принялъ было резолюцію предложенную г. Виндтгорстомъ, приглашавшую правительство войти съ прочими державами въ уговоръ о совокупномъ преслѣдованіи политическихъ убійцъ. Отъ имени правительства было тогда заявлено что оно постарается дать ходъ этому желанію рейхстага. До сихъ поръ однако ничего не было слышно чтобы Германія двинула этотъ вопросъ дипломатическимъ путемъ. Вмѣсто этого, какъ берлинская газета удостовѣряетъ, Германія отклонила отъ себя посредничество по возникшимъ о томъ же предметѣ переговорамъ между Россіей и Швейцаріей.

№ 293.

Москва, 21-го октября.

А.

Какъ слышно, въ Военномъ Министерствѣ возбужденъ вопросъ о сокращеніи личнаго состава офицеровъ генеральнаго штаба приблизительно на половину и объ увеличеніи содержанія остающихся въ штатѣ чиновъ. О сокращеніи численнаго состава генеральнаго штаба говорятъ уже давно; съ самой Франко-Германской войны у насъ указывали что нашъ генеральный штабъ слишкомъ многочисленъ и что именно поэтому тщательный выборъ невозможенъ, особенно съ тѣхъ поръ когда, неизвѣстно по какой причинѣ, число слушателей въ Академіи Генеральнаго Штаба было ограничено штатомъ.

Германская армія, отличающаяся наиболѣе подготовленнымъ и дѣльнымъ генеральнымъ штабомъ, имѣетъ около половины того числа офицеровъ какое содержится у насъ, хотя въ Германіи на генеральный штабъ возложено не мало работъ какихъ не знаютъ наши офицеры.

Нельзя сказать чтобъ у нашихъ офицеровъ генеральнаго штаба было мало дѣла; они слишкомъ много работаютъ въ канцеляріяхъ, являются какъ адъютанты и въ строю, но какъ тамъ, такъ и тутъ, они несутъ обязанности для которыхъ вовсе нѣтъ надобности въ офицерѣ генеральнаго штаба. До шестидесятыхъ годовъ, до времени слiянія генеральнаго штаба съ такъ-называемымъ дежурствомъ арміи, то-есть департамента генеральнаго штаба съ департаментомъ инспекторскимъ, у генеральнаго штаба вовсе не было такихъ обязанностей, взамѣнъ чего этотъ корпусъ офицеровъ былъ дѣйствительно занятъ военно-ученою работой и службой, для которой у него теперь почти нѣтъ досуга.

Въ пользу этого слiянія въ свое время указывалось что нашъ генеральный штабъ слишкомъ далекъ отъ войскъ и отъ строя, и что поэтому онъ не можетъ имѣть практическаго навыка въ исполненіи тѣхъ обязанностей кои возлагаются на этихъ офицеровъ въ военное время. Дѣйствительно, попавъ изъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ въ старшіе адъютанты, офицеръ генеральнаго штаба какъ будто сталъ ближе къ войскамъ, въ сущности же онъ сталъ еще далѣе отъ своихъ прямыхъ обязанностей. Собирать свѣдѣнія о непріятелѣ въ военное время, изучать до мелочей сосѣднія арміи въ мирное время, слѣдить за успѣхами военнаго дѣла, заниматься военно-историческими работами съ цѣлью пріобрѣсть навыкъ къ составленію маршрутовъ, диспозицій, дислокацій, такова прямая обязанность генеральнаго штаба вездѣ; въ Германіи, на генеральномъ штабѣ лежитъ сверхъ того высшее руководство военною подготовкой арміи. Какое отношеніе всѣ эти обязанности имѣютъ къ канцелярской работѣ по учету личнаго соста-

ва войскъ и по передачѣ самыхъ простыхъ приказаній?

Итакъ, дѣло вовсе не въ томъ только чтобы сократить численный составъ генеральнаго штаба, улучшить его матеріальное положеніе и дать возможность зачислять въ генеральный штабъ съ бо́льшимъ разборомъ чѣмъ прежде. Еще важнѣе занять остающихся въ генеральномъ штабѣ офицеровъ ихъ прямымъ дѣломъ, для котораго ихъ спеціально готовили. Только при этомъ условіи можно съ увѣренностью сказать что генеральный штабъ поставленъ въ арміи на надлежащее мѣсто.

По дѣйствующимъ у насъ правиламъ, кромѣ штабной службы, собственно „въ штатѣ" генеральнаго штаба, офицеры его занимаютъ четвертую часть вакансій на должность командировъ отдѣльныхъ частей арміи и сверхъ того въ свое время они командуютъ ротами и баталіонами. Это вошедшее уже въ обычай перемѣщеніе изъ штаба въ строй и обратно служитъ достаточнымъ средствомъ для поддержанія постоянной связи между генеральнымъ штабомъ и войсками. Если понадобится, связь эту легко усилить, постановивъ что разъ посланный изъ штаба въ строй офицеръ возвращается въ штабъ не иначе какъ по особой рекомендаціи своего ближайшаго строеваго начальства. Чтобъ это не обратилось въ одну формальность, какъ теперь, надо только чтобы на каждую вакансію въ штабѣ стояло въ рядахъ войскъ по нѣскольку кандидатовъ. Аттестовать офицера достойнымъ перевода въ генеральный штабъ должны не отмѣтки полученныя имъ на академическихъ экзаменахъ, а настоящее умѣнье приложить свои военныя познанія къ дѣлу какъ въ строю, такъ и внѣ его, при исполненіи спеціальныхъ порученій. Такъ въ Германіи и дѣлается. Тамъ даже школа въ которой готовятся эти офицеры зовется просто академіей *военною*, а не *генеральнаго* штаба. Разница тутъ не въ словахъ. Въ Германіи цѣль этой академіи приготовленіе не штабныхъ дѣльцовъ, а будущихъ военачальниковъ. Офицеръ окончившій курсъ этой академіи не затеривается и въ томъ случаѣ если почему-либо не попадетъ въ генеральный штабъ. Онъ всегда на виду у своего начальства и предъ нимъ всегда открытъ свободный ходъ по лѣстницѣ военной іерархіи. У насъ не то. Всякій кончившій академическій курсъ вынужденъ рваться въ штабъ. Въ остальныхъ родахъ службы у насъ не дѣлаютъ разницы между спеціально подготовленнымъ и неподготовленнымъ офицеромъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ службы, какъ напримѣръ въ интендантствѣ, у насъ почти нѣтъ офицеровъ съ академическою подотовкой, хотя военное хозяйство у насъ, кромѣ Академіи Генеральнаго Штаба, нигдѣ не изучается.

Съ этимъ порядкомъ, вредящимъ и генеральному штабу и арміи, вѣроятно придется теперь же покончить, такъ какъ иначе сокращеніе личнаго состава генеральнаго штаба непремѣнно повлечетъ за собой уменьшеніе и числа спеціально подготовленныхъ офицеровъ арміи. Идти въ Академію для того чтобъ оттуда возвратиться въ строй безо всякихъ видовъ по службѣ найдется немного охотниковъ. Другое дѣло если *Военная* Академія будетъ давать служебныя преимущества и помимо службы въ генеральномъ штабѣ. Тогда потребуется можетъ-быть отмѣнить штатъ ограничивающій теперь пріемъ. Армія отъ увеличенія въ ней числа офицеровъ получившихъ высшее образованіе только выиграетъ. Недавно у насъ издана обязательная инструкція о занятіяхъ строевыхъ офицеровъ теоретическими работами по тактикѣ и нѣкоторымъ отдѣламъ прочихъ военныхъ наукъ. Для этихъ занятій войскамъ необходимы подготовленные руководители; чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ конечно серіознѣе будутъ и занятія.

Когда въ рядахъ арміи образуется достаточный контингентъ офицеровъ прошедшихъ академическій курсъ, штабъ получитъ возможность дѣлать строгій выборъ между ними и не задерживать у себя посредственностей. Генеральный штабъ будетъ комплектоваться дѣйствительно цвѣтомъ нашихъ „ученыхъ" офицеровъ, тогда какъ теперь приходится обыкновенно переводить въ генеральный штабъ всякаго кто, какъ говорится, съ успѣхомъ кончилъ курсъ академіи и въ теченіе короткаго періода испытанія, въ качествѣ прикомандированнаго къ штабу, не оказался вполнѣ неспособнымъ. На офицерахъ генеральнаго штаба въ военное время лежатъ слишкомъ серіозныя обязанности. Малѣйшій промахъ, небрежность, неумѣнье, могутъ имѣть роковыя послѣдствія.

Всякій офицеръ генеральнаго штаба долженъ быть лично хорошо извѣстенъ на-

чальству этого штаба. Не мало въ службѣ генеральнаго штаба есть порученій которыя можно возложить на то или другое лицо не иначе какъ соображаясь съ его качествами, съ особенностями его ума и характера; въ одномъ дѣлѣ нужна болѣе находчивость, въ другомъ смѣлость, въ третьемъ высшая степень терпѣнія, въ четвертомъ ко всему этому потребуется хорошее здоровье и большая физическая сила. Знать такимъ образомъ всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба, при теперешнемъ его составѣ и службѣ, положительно невозможно.

Б.

Какъ опасно полагаться на слухи и свѣдѣнія сообщаемые въ нашей *прессѣ*, о томъ свидѣтельствуетъ печатаемое нами сегодня объяснительное письмо И. А. Вышнеградскаго. Оказывается что все въ сообщеніяхъ петербургскихъ газетъ по одному изъ весьма важныхъ для нашей промышленности и торговли факту, если не съ умысломъ то по небрежности, передано навыворотъ. А между тѣмъ, какъ оставлять безъ вниманія сообщенія фактическаго свойства, за которыми по пятамъ не слѣдуютъ ни поправки, ни опроверженія? И вотъ волнуется міръ промышленныхъ интересовъ, дѣлаются разныя предположенія, соображенія и выводы которые потомъ, за невѣрностію свѣдѣній, оказываются лишенными основанія.

Льняную промышленность, одну изъ важнѣйшихъ отраслей нашего народнаго хозяйства тѣснилъ до изнеможенія безпошлинный ввозъ мѣшковъ. На справедливыя жалобы льнопромышленниковъ было обращено правительствомъ должное вниманіе, и въ прошломъ году вышелъ Высочайшій указъ которымъ на привозные мѣшки наложена пошлина. Льняная промышленность успокоилась и оживилась; но вскорѣ оказалось что таможни, слѣдуя какимъ-то негласнымъ правиламъ, считали себя въ правѣ пропускать безпошлинно мѣшки подъ видомъ *тары*, то-есть мѣшки которые, послуживъ для перевозки хлѣба за границу, массами возвращались въ Россію. Когда о такомъ распоряженіи въ таможняхъ стало извѣстно, льняная промышленность снова встревожилась, ибо всякому очевидно что безпошлинный ввозъ обратныхъ мѣшковъ есть въ сущности безпошлинный ввозъ мѣшковъ вообще, такъ что прошлогодній законъ фактически отмѣнялся, и льняная промышленность очутилась въ прежнемъ положеніи послѣ того какъ приняла было мѣры къ расширенію своихъ операцій. На справедливыя жалобы ея было снова обращено вниманіе, и циркуляромъ министра Финансовъ устранены были вышесказанныя правила парализовавшія дѣйствіе указа. Это не было со стороны министра какимъ-либо дополненіемъ къ закону; это было необходимымъ правительственнымъ распоряженіемъ чтобы законъ не былъ обходимъ на практикѣ и не оставался мертвою буквой. Тѣмъ не менѣе была группа интересовъ которая нуждалась въ пощадѣ. Это интересы хлѣботорговцевъ посылающихъ свои грузы за границу сухимъ путемъ и линіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ которыя главнымъ образомъ служатъ для сухопутнаго отпуска. По поводу ихъ ходатайства и было сообщено въ петербургскихъ газетахъ будто на совѣщаніи въ Министерствѣ Финансовъ представитель Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, И. А. Вышнеградскій, также какъ и хлѣботорговцы посылающіе по этимъ линіямъ свои грузы, просили если не объ отмѣнѣ циркуляра, то объ отсрочкѣ точнаго примѣненія закона на неопредѣленное время. Такъ какъ это сообщеніе передавалось положительнымъ образомъ, не встрѣчая опроверженія, то мы не могли не высказаться по вопросу который имѣетъ большую важность для нашего народнаго хозяйства и за который мы неоднократно выходили въ поле. Къ счастью, оказывается что на этотъ разъ въ поле вызвала насъ ложная тревога.

Оказывается что группа интересовъ представителемъ которыхъ предъ министромъ Финансовъ былъ почтенный авторъ печатаемаго письма, признавая вполнѣ справедливою мѣру принятую къ огражденію русской льняной промышленности, проситъ только о временной льготѣ на точно опредѣленный срокъ, именно до 1 августа будущаго года, то-есть на время „хлѣбной кампаніи,“ которую трудно было бы хлѣботорговцамъ того района выдержать безъ значительнаго ущерба, причемъ не могли бы не пострадать и интересы желѣзныхъ дорогъ того же района. Въ теченіе этого льготнаго времени администрація этихъ дорогъ и хлѣбные торговцы надѣются приспособиться къ новымъ условіямъ. Нако-

нецъ они просятъ даже не отсрочки примѣненія справедливой мѣры подчиняющей обратный ввозъ *тары* общему установленному закономъ правилу, а только временнаго смягченія этой мѣры. Они ходатайствуютъ только о разрѣшеніи до 1-го августа обратно ввозить не все количество вывезенныхъ мѣшковъ, а только восемьдесятъ изо ста.

Мы положительно не находимъ что̀ можно было бы сказать въ возраженіе на это со стороны льняной промышленности. Просятъ только временнаго смягченія принятой мѣры подъ условіемъ что запрещеніе обратнаго ввоза мѣшковъ „должно вступить вполнѣ и окончательно въ дѣйствіе въ срокъ точно опредѣленный и не весьма далекій, а именно съ начала слѣдующей хлѣбной кампаніи, то-есть съ 1 августа 1883 года.“ По заявленію И. А. Вышнеградскаго,—а его слово, по занимаемому имъ положенію въ администраціи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, имѣетъ въ этомъ дѣлѣ особенный вѣсъ,—„къ 1 августа будущаго года желѣзныя дороги могутъ приготовиться перевозить хлѣбъ розсыпью, если тому не помѣшаютъ обстоятельства не зависящія отъ желѣзнодорожныхъ управленій.“ Такихъ обстоятельствъ, по всей вѣроятности, не представится, ибо правительство, безъ сомнѣнія, приметъ всѣ мѣры къ устраненію всего что̀ могло бы затормозить успѣхъ этого дѣла. Въ виду такого заявленія, устраняется всякая надобность спорить о практичности или непрактичности нашего предложенія вывозить хлѣбъ по сухопутной границѣ въ мѣшкахъ-тряпкахъ, причемъ мы разумѣли подъ этимъ именемъ, конечно, не такіе негодные мѣшки при которыхъ дорога не могла бы принять отвѣтственности за цѣлость зерна, но мѣшки подержанные, какъ и тѣ обратные о которыхъ идетъ рѣчь.

Почтенный авторъ письма свидѣтельствуетъ что сами представители льняной промышленности, спрошенные по этому предмету, отвѣчали согласіемъ. Сколько и намъ самимъ извѣстно, они не возражаютъ противъ обратнаго привоза мѣшковъ русской фабрикаціи въ теченіи нѣсколькихъ льготныхъ мѣсяцевъ. Полагаемъ что не великъ былъ бы ихъ ущербъ еслибы въ теченіи льготнаго срока допускался привозъ обратныхъ мѣшковъ не только русской, но и иностранной фабрикаціи, тѣмъ болѣе что на практикѣ въ громадной массѣ мѣшковъ невозможно и разобрать что̀ русской, что̀ не русской фабрикаціи. Все это мелочи, изъ-за которыхъ не стоитъ спорить. Для льняной промышленности важнѣе увѣренность что льготный срокъ дѣйствительно истечетъ 1 августа, и что затѣмъ никакихъ уже новыхъ отсрочекъ не будетъ. Второе что̀ имѣетъ важность для льняной промышленности, это увѣренность что льгота испрашиваемая въ интересахъ сухопутнаго хлѣбнаго отпуска будетъ дѣйствительно льготой только для этихъ интересовъ, а не для иностранной джутовой фабрикаціи, и что поэтому временное смягченіе мѣры 28 іюля будетъ относиться только до сухопутныхъ таможень и безпошлинный пропускъ обратныхъ мѣшковъ изъ-подъ хлѣба будетъ допускаемъ только въ тѣхъ таможняхъ черезъ которыя хлѣбъ былъ вывезенъ.

Есть еще обстоятельство на которое слѣдуетъ обратить вниманіе. Прошли слухи о предположеніи постановить правиломъ чтобы всякіе вопросы о *тарѣ* рѣшались впредь не законодательнымъ порядкомъ, а простыми административными распоряженіями. Такіе слухи не могутъ не смущать льняныхъ промышленниковъ, лишая ихъ увѣренности въ будущемъ. Имѣющій для нихъ такое громадное значеніе вопросъ о мѣшкахъ есть не болѣе какъ частный случай общаго вопроса о тарѣ. Постановка такихъ вопросовъ въ зависимость отъ усмотрѣнія разныхъ лицъ которыя послѣдовательно могутъ занимать постъ министра Финансовъ и которыя могутъ имѣть весьма различные взгляды на дѣло, сдѣлало бы положеніе промышленности шаткимъ и невѣрнымъ. Каждую минуту можно было бы опасаться вторичнаго появленія правилъ подобныхъ тѣмъ которыя парализовали изданный прошлымъ лѣтомъ законъ въ огражденіе льняной промышленности. Это не можетъ не тревожить каждаго льнопромышленника, и чѣмъ скорѣе былъ бы опровергнутъ слухъ вызывающій эту тревогу тѣмъ лучше.

№ 295.

Москва, 23-го октября.

Въ понедѣльникъ, 25 октября, какъ намъ передавали, должны открыться въ Петербургѣ засѣданія особой коммиссіи, съ уча-

стіемъ приглашенныхъ экспертовъ, для обсужденія вопроса о Кавказскомъ транзитѣ. Намъ не разъ уже приводилось высказываться по этому важному вопросу, касаясь разныхъ его сторонъ. Но многихъ сторонъ мы почти вовсе не затрогивали, и въ настоящую минуту будетъ не лишнимъ остановиться на нихъ въ видахъ возможно болѣе полнаго разъясненія дѣла. Всестороннее разъясненіе вопроса тѣмъ необходимѣе что имѣются серіозныя основанія опасаться что не будетъ недостатка въ стремленіяхъ запутать и затемнить вопросъ дабы направить его рѣшеніе не такъ какъ требуется русскими интересами. Этимъ послѣднимъ придется, по всей вѣроятности, выдержать тяжелую борьбу. Ужь если по поводу временной задержки заграничныхъ транзитныхъ товаровъ въ таможняхъ Потійской и Тифлисской наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, какъ сообщаютъ въ газетахъ, буквально завалено нотами англійскаго, французскаго и австрійскаго пословъ, просящихъ объ освобожденіи этихъ товаровъ отъ ареста, то можно представить себѣ какія усилія будутъ сдѣланы съ цѣлью не допустить полнаго прекращенія транзита,—транзита крайне невыгоднаго для Россіи, но за то очень выгоднаго иностранцамъ которые имъ пользуются. Свободный провозъ чрезъ Закавказье въ Персію всегда имѣлъ для нихъ большое значеніе; пользуясь этимъ путемъ, они и до сихъ поръ вели торговые обороты съ Персіей въ размѣрахъ значительно превышающихъ оборотъ русско-персидской торговли. Но прежнее значеніе для нихъ Кавказскаго транзита можно сказать ничто въ сравненіи съ тѣмъ которое этотъ транзитъ долженъ получить съ открытіемъ движенія по желѣзной дорогѣ отъ Тифлиса до Баку, а открытіе этого движенія уже не за горами: оно ожидается къ концу этого года. До постройки этой дороги, до открытія по ней движенія, была хоть нѣкоторая тѣнь равенства въ условіяхъ сбыта товаровъ въ Персію какъ русскихъ чрезъ Астрахань, такъ и иностранныхъ чрезъ Закавказье: и тотъ и другой сбытъ встрѣчалъ разныя затрудненія въ перевозкѣ. Не говоря уже о невыгодахъ для нашей торговли отъ перегрузки которой подвергаются товары въ мелководныхъ устьяхъ Волги, она постоянно должна терпѣть отъ замерзанія Астраханскаго порта, причемъ навигація на нѣсколько мѣсяцевъ прекращается, и на все это время пріостанавливается русскій сбытъ въ Персію. Ничего подобнаго такому перерыву сношеній иностранный сбытъ въ Персію чрезъ Закавказье не испытывалъ: ни Потійскій, ни Бакинскій порты не замерзаютъ; но до сихъ поръ иностранные товары пользовались удобствомъ желѣзнодорожнаго сообщенія все-таки только отъ Поти до Тифлиса, отъ Тифлиса же до Баку должны были подвергаться неудобствамъ и лишнимъ расходамъ сопряженнымъ съ караванною перевозкой. Этимъ хоть немного, хоть отчасти уравновѣшивались вышеупомянутыя невыгоды съ которыми долженъ бороться русскій сбытъ, и благодаря этому русская торговля съ Персіей, хотя и не могла развиваться какъ было бы желательно, хотя и должна была уступать по размѣрамъ иностранному транзитному торгу, но все же могла кое-какъ держаться и даже дѣлать иногда успѣхи когда позволяли случайныя обстоятельства. Чрезъ два мѣсяца декорація совершенно перемѣнится. Русская торговля съ Персіей должна будетъ попрежнему бороться со всѣми невыгодами сообщеній; но иностранные товары не будутъ уже встрѣчать на своемъ пути ни малѣйшихъ затрудненій и задержекъ, къ ихъ услугамъ будетъ непрерывный рельсовый путь отъ моря до моря, отъ одного незамерзающаго порта до другаго также незамерзающаго. Кромѣ Потійскаго порта, на Черномъ Морѣ скоро предоставитъ имъ свои удобства и Батумскій, какъ только достроится дорога долженствующая связать его съ магистральною линіей отъ Поти до Баку. При такихъ исключительныхъ удобствахъ, иностранному транзитному торгу представляется полная возможность совершенно убить русскую торговлю съ Персіей, присвоить себѣ всѣ тѣ выгоды которыя могли донынѣ извлекать изъ нея русскіе торговцы и промышленники и утвердить за собою на персидскихъ рынкахъ полное, нераздѣльное, монопольное господство, чему связанный по рукамъ и ногамъ русскій торгово-промышленный міръ не будетъ въ состояніи помѣшать. Этого мало; кромѣ большаго расширенія сбыта въ Персію, иностранцамъ представляется возможность отнять у Россіи всѣ тѣ торгово-промышленныя выгоды которыя она могла бы извлечь изъ своихъ среднеазіатскихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Мысль о направленіи русскихъ товаровъ по желѣзной

дорогѣ отъ Михайловскаго залива къ Кызыль-Арвату, а оттуда караваннымъ путемъ въ Мешедъ и далѣе на востокъ, пришлось бы, по всей вѣроятности, бросить какъ пустую затѣю; ибо всякая наша попытка установить торговыя связи съ Мешедомъ была бы убита иностранною конкурренціей, которая не замедлитъ направить свои провезенные чрезъ Кавказъ товары по караванному пути отъ Гязскаго порта чрезъ Шахрудъ въ Мешедъ и далѣе. Русской торговлѣ пришлось бы не только отказаться отъ мысли завязать торговыя сношенія съ Мешедомъ, но терпѣть подрывъ своему сбыту даже въ русскихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, куда легко могутъ проникать иностранные товары изъ Персіи, при невозможности таможеннаго надзора по нашей новой Закаспійской границѣ, которая тянется на пятьсотъ верстъ и чрезъ которую постоянно переходятъ то въ ту, то въ другую сторону кочевыя Туркменскія племена. Все это какъ нельзя лучше извѣстно иностранцамъ, и смѣшно было бы ожидать чтобъ они равнодушно относились къ мысли о прекращеніи для нихъ Кавказскаго транзита, когда онъ открываетъ имъ перспективу столь важныхъ и несомнѣнныхъ выгодъ. Само собою разумѣется что прямыя ходатайства иностранцевъ объ оставленіи за ними выгодъ Кавказскаго транзита не представляютъ серіозной опасности для русскихъ интересовъ, ибо никому не придетъ въ голову сознательно принести эти интересы въ жертву чьимъ бы то ни было домогательствамъ. Но опасны обманчивые доводы будто сохраненіе иностраннаго транзита чрезъ Закавказье требуется именно въ русскихъ интересахъ, будто бы прекращеніе Кавказскаго транзита можетъ повести къ невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ. И въ такихъ попыткахъ нѣтъ недостатка. На существованіе ихъ указываетъ уже самая программа вопросовъ предлагаемыхъ на обсужденіе вызываемыхъ въ Петербургъ свѣдущихъ людей, если только эта программа вѣрно передана въ газетахъ.

Въ числѣ вопросовъ этой программы находимъ, между прочимъ, слѣдующій: „Нѣтъ ли повода опасаться что, съ закрытіемъ и стѣсненіемъ транзита иностранныхъ товаровъ чрезъ Кавказъ, товары эти примутъ направленіе по существующему караванному пути изъ Трапезунда на Эрзерумъ, Баязетъ и Тавризъ, причемъ на этотъ улучшенный транзитный путь будетъ обращено особенное вниманіе Турецкаго правительства, по особенному ли побужденію, или подъ вліяніемъ Англіи, и онъ (то-есть путь этотъ) дастъ возможность конкуррировать иностраннымъ товарамъ съ нашими на персидскомъ рынкѣ."

Нельзя не подивиться странности этого вопроса. Если Кавказскій транзитъ будетъ закрытъ, то, само собою разумѣется, иностраннымъ товарамъ, для того чтобы проникнуть въ Персію, останутся только два способа: или подвергаться оплатѣ пошлинами по русскому таможенному тарифу, послѣ чего они могутъ быть отвозимы въ Персію наравнѣ съ товарами русскаго производства; или же иностранные товары должны будутъ пойти знакомымъ имъ въ прежнія времена караваннымъ путемъ чрезъ Эрзерумъ. Не имѣя въ рукахъ точныхъ цифровыхъ данныхъ, трудно сказать который изъ этихъ двухъ способовъ иностранцы найдутъ болѣе для себя выгоднымъ, и что обойдется для нихъ дороже, уплата ли пошлинъ съ правомъ воспользоваться затѣмъ Закавказскою желѣзною дорогой, или стоимость и неудобства караванной транспортировки. Во всякомъ случаѣ расходы и неудобства сопряженные съ сухопутнымъ транспортомъ чрезъ Турцію могутъ не усилить, а ослабить, и ослабить въ большой степени, значеніе иностранной конкурренціи для русской торговли съ Персіей. Какими бы достоинствами ни отличался „улучшенный транзитный путь" отъ Трапезунда до Тавриза, онъ не выдерживалъ соперничества даже съ первобытнымъ транзитнымъ путемъ какой шелъ отъ Поти до Баку ранѣе постройки желѣзныхъ дорогъ за Кавказомъ. Но теперь вопросъ заключается въ томъ, при какихъ условіяхъ русскимъ товарамъ будетъ труднѣе конкуррировать съ иностранными въ Персіи: въ томъ ли случаѣ если иностранные товары будутъ имѣть къ своимъ услугамъ желѣзную дорогу отъ моря до моря, или въ томъ если желѣзная дорога будетъ замѣнена для нихъ суррогатомъ караваннаго тракта проходящаго между прочимъ чрезъ землю Курдовъ еще не успѣвшихъ пока отвыкнуть отъ наклонности къ грабежамъ и хищничеству?

№ 297.

Москва, 25-го октября.

А.

Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Правительственнаго Вѣстника* помѣщено воспроизводимое ниже „сообщеніе,“ служащее разъясненіемъ цѣли и значенія изданнаго 26 апрѣля 1876 года бывшимъ министромъ Юстиціи графомъ Паленомъ секретнаго циркуляра, о которомъ было упомянуто въ № 288 нашей газеты. Циркуляръ, какъ видно изъ разъясненія, былъ разосланъ съ цѣлью „предупредить такія мѣры какъ опечатаніе кассы и слѣдовательно прекращеніе дѣятельности кредитнаго предпріятія, безъ существенной въ томъ надобности, ибо прекращеніе выдачи вкладовъ, полученія платежей по векселямъ и т. п., само по себѣ могло бы нанести ущербъ не только частнымъ лицамъ, но и всему обществу.“ Этимъ циркуляромъ, въ видахъ устраненія недостаточно осмотрительнаго возбужденія преслѣдованій по дѣламъ банковъ и акціонерныхъ обществъ, постановлялось чтобы таковыя преслѣдованія не возбуждались безъ разрѣшенія прокуроровъ судебныхъ палатъ, и чтобы сіи послѣдніе, „предлагая о принятіи только самыхъ необходимыхъ и не терпящихъ отлагательства мѣръ, съ тщательнымъ избѣжаніемъ излишней огласки, о сущности и поводахъ возбужденнаго или предполагаемаго преслѣдованія доносили министру Юстиціи.“

Неосмотрительное начатіе слѣдствій по дѣламъ банковъ, съ вредною оглаской и съ опечатаніемъ ихъ кассъ низшими органами прокурорской и слѣдственной власти, по одному личному произволенію, безъ вѣдома и разрѣшенія высшаго начальства, не можетъ быть терпимо. Такія неосмотрительныя и произвольныя дѣйствія ведутъ ко вреднымъ послѣдствіямъ и не должны быть допускаемы не только въ дѣлахъ общественнаго интереса, отъ возбужденія коихъ могутъ пострадать массы людей, но и въ дѣлахъ частнаго свойства, гдѣ могутъ потерпѣть лишь немногія лица. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ процессѣ Нейча дѣйствія слѣдователей, безъ всякаго уважительнаго повода, на основаніи одной уѣздной сплетни, вторгнувшихся въ семейную жизнь и посягнувшихъ на нарушеніе узъ соединяющихъ отца съ дѣтьми, не могли не произвести тяжелаго впечатлѣнія. Было непонятно какъ могъ слѣдователь начать такое дѣло на свой страхъ, и не донеся предварительно властямъ коимъ онъ служитъ органомъ, не спросивъ ихъ указаній, приступить, при унизительной для главы семейства обстановкѣ, къ формальнымъ допросамъ малолѣтнихъ дѣтей о томъ какъ отецъ ихъ кормитъ и одѣваетъ, какъ обращается съ ними. Тѣмъ менѣе терпимы подобныя злоупотребленія въ сферѣ общихъ интересовъ, въ дѣлахъ, неосмотрительное веденіе коихъ можетъ разорять массы. Такія злоупотребленія были бы возможны лишь въ томъ случаѣ еслибы высшіе органы власти не хотѣли знать что̀ дѣлаютъ органы низшіе, предоставляя имъ поступать какъ вздумается, и еслибы, съ своей стороны, эти низшіе органы были поставлены въ несвойственное имъ положеніе независимыхъ властей, не нуждающихся ни въ чьихъ указаніяхъ и не находящихъ нужнымъ согласовать свои дѣйствія съ правительственными видами, ради коихъ они поставлены. Что къ такимъ дѣйствіямъ какъ опечатаніе банковыхъ кассъ и вообще возбужденіе слѣдствій по банковымъ дѣламъ нельзя приступать не донеся предварительно министру Юстиціи и что самъ министръ Юстиціи едва ли можетъ дать разрѣшеніе на это помимо сношеній съ министромъ Финансовъ и, можетъ-быть, съ другими органами высшаго управленія, это ясно само собою; къ тому же при нынѣшнихъ средствахъ сообщеній всѣ такія сношенія не требуютъ много времени и могутъ происходить не ведя за собой вредныхъ проволочекъ. Неужели, однако, дѣло это стоитъ у насъ такъ что могъ понадобиться особый министерскій циркуляръ для предписанія того что̀ требуется простымъ смысломъ?

Циркуляръ 26 апрѣля 1876 года, какъ явствуетъ далѣе изъ правительственнаго сообщенія, не имѣетъ къ городскимъ общественнымъ банкамъ никакого отношенія. Имъ не отмѣнялось и не могло быть отмѣнено дѣйствіе ст. 297 Уст. Угол. Судопр. уже по тому одному что въ силу стт. 2.104 и 2.105 Общ. Губ. Учрежд., т. II ч. I, возбужденіе слѣдствій противъ должностныхъ лицъ городскаго общественнаго управленія (къ каковымъ причисляются директора и товарищи директоровъ городскихъ общественныхъ банковъ) под-

чинено не общему, а особому для того установленному порядку. Мы не читали секретнаго циркуляра графа Палена и судили о его значеніи лишь на основаніи свѣдѣній полученныхъ отъ лицъ знакомыхъ съ его содержаніемъ; что привело ихъ къ мысли что этотъ циркуляръ имѣлъ отношеніе къ городскимъ общественнымъ банкамъ, не знаемъ и, къ сожалѣнію, не можемъ разъяснить это недоумѣніе. Упомянутый циркуляръ, не содержащій въ себѣ, судя по его вышеизложенной цѣли, ничего что побуждало бы хранить его въ тайнѣ, не переставъ быть секретнымъ. Текстъ его остается неизвѣстнымъ, и стало-быть неизвѣстно упоминается ли въ немъ о городскихъ общественныхъ банкахъ, и если упоминается, то въ такихъ ли выраженіяхъ которыя устраняли бы превратное пониманіе циркуляра. Между тѣмъ превратно понять его могли не только лица сторонніе судебному вѣдомству, но быть-можетъ и иные члены судебнаго персонала.

Благодаря правительственному сообщенію, теперь разъяснилось что поразительная медленность въ приступѣ къ слѣдствію о давно обозначившихся важныхъ злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ банкѣ была результатомъ не циркуляра графа Палена, но особыхъ порядковъ установившихся въ отношеніяхъ властей къ городскому самоуправленію и его органамъ. Излагая какими путями шло дѣло о приступѣ къ этому слѣдствію, перечисляя всѣ мытарства чрезъ которыя долженъ былъ проходить вопросъ объ этомъ слѣдствіи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ того какъ не осталось уже ни малѣйшихъ сомнѣній въ обширности и важности злоупотребленій влекущихъ за собою разореніе десятковъ тысячъ людей, — правительственное сообщеніе, въ этой своей части, является какъ бы прямымъ протестомъ противъ упомянутыхъ „особыхъ порядковъ.“ Прокуроръ Московской судебной палаты, вслѣдствіе полученныхъ имъ свѣдѣній о противозаконныхъ дѣйствіяхъ правленія Скопинскаго банка, ѣдетъ въ минувшемъ іюлѣ въ Скопинъ и удостовѣряется на мѣстѣ въ основательности поступившихъ къ нему заявленій. Необходимость начать слѣдствіе и какъ можно скорѣе пресѣчь для виновныхъ возможность продолжать противозаконныя дѣйствія и принимать мѣры къ сокрытію своего имущества и соучастниковъ преступленія была очевидная. Но чтобы сдѣлать первый шагъ къ этому необходимому дѣлу понадобилось болѣе времени чѣмъ Англичанамъ для покоренія Египта. 1 августа прокуроръ сдѣлалъ сообщеніе губернатору; отъ губернатора вопросъ перешелъ къ губернскому по городскимъ дѣламъ присутствію, а это присутствіе, признавъ себя не компетентнымъ, положило предоставить рѣшеніе вопроса Скопинской городской думѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ привыкшей покорно подчиняться во всемъ тому самому Рыкову противъ котораго требовалось возбудить дѣло. Прокуроръ пишетъ представленіе въ Правительствующій Сенатъ и передаетъ его губернатору; губернаторъ отказывается дать этому представленію ходъ. Прокуроръ посылаетъ въ Сенатъ представленіе отъ себя. Изъ Сената вопросъ вновь переходитъ въ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе. Присутствіе на этотъ разъ постановляетъ надлежащее рѣшеніе; затѣмъ это рѣшеніе переходитъ на разсмотрѣніе Скопинской городской думы, которая наконецъ-то благоволила согласиться на преслѣдованіе виновныхъ. Это случилось 30 октября, ровно чрезъ два мѣсяца послѣ 1 августа, но могло и не случиться. Дума могла пожалуй воспользоваться своимъ правомъ не согласиться съ губернскимъ присутствіемъ, и въ установленный ст. 2.100 т. II шестинедѣльный срокъ принести на опредѣленіе присутствія жалобу Правительствующему Сенату (подобно тому какъ эта самая дума, по телеграфнымъ свѣдѣніямъ, рѣшила аппеллировать противъ рѣшенія суда признавшаго Скопинскій банкъ несостоятельнымъ), причемъ вопросъ прошелъ бы еще чрезъ нѣсколько инстанцій, и Богъ вѣсть насколько еще времени отсрочился бы тогда приступъ къ слѣдствію начатому въ первыхъ числахъ октября... И все это въ порядкѣ вещей? Публика ограблена на многіе милліоны, а власти должны долгое время ходить вокругъ, толкаясь то туда то сюда въ ожиданіи чтобъ имъ было позволено остановить грабежъ! Не прискорбное ли это зрѣлище, и не въ подобныхъ ли же порядкахъ по разнымъ частямъ слѣдуетъ отчасти искать объясненія и тому печальному факту что въ нашей странѣ могла получить серіозное значеніе смута чинимая горстью такъ-называемыхъ нигилистовъ?

Въ сообщеніи *Правительственнаго Вѣ-*

стника такимъ образомъ разъяснено почему прокурорская власть не могла начать слѣдствія о скопинскихъ злоупотребленіяхъ ранѣе начала октября, хотя находила нужнымъ начать его еще въ іюлѣ. Остается неразъясненнымъ только, почему никакого шага къ начатію слѣдствія не было сдѣлано ранѣе минувшаго іюля. Давнымъ давно, много лѣтъ тому назадъ, расхищеніе суммъ ввѣренныхъ Скопинскому банку было фактомъ не подлежавшимъ сомнѣнію.

Б.

Нѣсколько дней спустя послѣ покушенія на жизнь короля Милана въ Сербіи разыгралась какая-то непонятная комедія, которой мы бы не повѣрили еслибъ о ней съ восторгомъ не сообщали всѣ офиціозныя австрійскія газеты, которыя, какъ извѣстно, получаютъ отъ австрофильскаго Сербскаго министерства точныя свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ въ Сербіи.

Спустя два-три дня послѣ покушенія Елены Марковичъ, король Миланъ принималъ депутаціи отъ разныхъ политическихъ партій, въ числѣ ихъ и депутацію отъ такъ-называемой либеральной партіи, во главѣ которой стоитъ бывшій сербскій министръ-президентъ Ристичъ, котораго Австрійцы считаютъ своимъ величайшимъ противникомъ. Король на привѣтствіе г. Ристича отвѣчалъ продолжительною рѣчью, въ коей указалъ на необходимость совмѣстнаго дѣйствія партіи „либеральной“ (г. Ристича) и „прогрессистской“ (г. Пирочанца) для успѣшнаго противодѣйствія „разрушительному радикализму.“ Г. Ристичъ уклончиво отвѣчалъ королю что предлагаемый компромиссъ долженъ быть предварительно разсмотрѣнъ всѣми членами партіи. Кромѣ этого офиціальнаго пріема, король Миланъ еще разъ пригласилъ къ себѣ г. Ристича и бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Милойковича чтобы посовѣтоваться съ ними.

Вотъ фактическія данныя сообщенныя намъ телеграфомъ и подтвержденныя извѣстіями вѣнскихъ и пештскихъ газетъ. О предметѣ совѣщанія короля Милана съ бывшими министрами, — нынѣ членами оппозиціи, — можно лишь догадываться, такъ какъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Какъ бы то ни было, спустя нѣсколько дней послѣ совѣщанія короля съ г. Ристичемъ, нынѣшній австрофильскій Сербскій кабинетъ подалъ in corpore въ отставку. Извѣстіе объ этомъ произвело въ Вѣнѣ необычайную тревогу: заговорили что Ристичу поручается образованіе кабинета и возникло опасеніе что вліянію Австро-Венгріи въ Сербіи наступилъ конецъ. На слѣдующій же день телеграфъ принесъ извѣстіе что отставка гг. Пирочанца, Гарашанина и компаніи не принята королемъ Миланомъ, и что положеніе ихъ можно считать болѣе обезпеченнымъ чѣмъ когда бы то ни было. Въ Вѣнѣ и Пештѣ вздохнули свободнѣе. Почему король Миланъ приглашалъ къ себѣ Ристича и Милойковича, это осталось загадкою, которой не берутся объяснить австрійскія газеты. Вѣроятнѣе всего что у короля Милана дѣйствительно было намѣреніе устроить соглашеніе между приверженцами Ристича и Пирочанца, но первый рѣшительно отказался входить въ какія бы то ни было сдѣлки пока „иностранная политика не будетъ измѣнена и митрополитъ Михаилъ не будетъ возвращенъ къ дѣламъ.“ Самому ли королю Милану условіе это показалось неисполнимымъ или на его рѣшеніе повліяли какія-либо другія обстоятельства, это безразлично. Отставка Пирочанца не была принята; австрофильскій кабинетъ причинившій Сербіи столько вреда, поколебавшій даже преданность народа къ династіи Обреновичей, остался у дѣлъ.

Послѣднія событія заставляютъ насъ предполагать что отказу короля Милана принять отставку кабинета много способствовали вѣнскіе дипломаты, приславшіе въ Бѣлградъ гражданскаго губернатора Босніи (извѣстнаго мадьярона) барона Николича, находящагося по женской линіи въ родствѣ съ домомъ Обреновичей. Со дня прибытія барона Николича въ Бѣлградъ, король Миланъ повидимому старается со всякимъ оказательствомъ выставлять себя сатрапомъ Австро-Венгріи. На банкетѣ данномъ боснійскому губернатору, король провозгласилъ за него тостъ и затѣмъ сказалъ австрійскому посланнику Кевенгюллеру слова которыя (если они сказаны такъ какъ переданы) должны больно отозваться въ сердцѣ каждаго Серба-патріота. Король *свободной* Сербіи собирается управлять при поддержкѣ барона Николича и Кевенгюллера. „Мы втроемъ будемъ дѣйствовать сообща. Пока Николичъ будетъ въ Босніи, а вы (Кевенгюл-

леръ) здѣсь, намъ удастся одолѣть всѣ трудности въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ.“ Вотъ дословное заявленіе короля Сербскаго, сообщенное по телеграфу изъ Вѣны. Но быть не можетъ чтобы *король* страны, за свободу которой не разъ лилась русская кровь, ставилъ себя на одну доску съ какимъ-то Кевенгюллеромъ и съ барономъ Николичемъ. Тріумвиратъ „Миланъ, Николичъ, Кевенгюллеръ“ походитъ на злую выдумку вѣнскихъ газетчиковъ...

№ 298.

Москва, 26-го октября.

А.

„Есть только одно средство къ подавленію революціонной крамолы — сильная правительственная власть.“ Такъ говорятъ теперь самые либеральные республиканцы во Франціи, между тѣмъ какъ наша такъ-называемая „либеральная пресса“ увѣряетъ будто правительство только тогда справится съ анархистами когда исполнитъ ихъ требованія, обезоружитъ себя, и отдастся имъ въ руки.

Французская республика чтится нашими „либералами“ какъ либеральнѣйшая изо всѣхъ европейскихъ великихъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ тамъ нѣтъ „свободъ!“ И свобода преній, и свобода печати, и свобода сходокъ, и свобода ассоціацій, и свобода агитацій, и даже свобода присяги. И что же? Теперь французскіе либералы всѣхъ оттѣнковъ въ одинъ голосъ кричатъ: прочь всѣ эти свободы! дайте намъ только свободное правительство! Любопытно послушать признанія одного изъ либеральнѣйшихъ французскихъ органовъ:

„Въ виду настоящаго прискорбнаго зрѣлища безпорядковъ и покушеній, люди несомнѣнно преданные республиканскимъ учрежденіямъ и либеральнымъ доктринамъ спрашиваютъ себя не слишкомъ ли мы далеко зашли на пути свободы печати и свободы сходокъ, и не слѣдуетъ ли въ интересахъ самой республики вернуться назадъ (ахъ ретрограды, ахъ аракчеевцы!) и установить различіе между свободой и своеволіемъ. Вопросъ этотъ весьма важенъ, и въ виду настоящихъ обстоятельствъ онъ служитъ предметомъ заботы для всѣхъ лучшихъ умовъ. Къ сожалѣнію, неоспоримо то что свобода не дала плодовъ какихъ мы отъ нея ожидали. Злоупотребленіе правомъ все говорить и все писать достигло крайнихъ предѣловъ. Мы надѣялись по крайней мѣрѣ что съ той минуты какъ будетъ снята всякая препона съ самыхъ насильственныхъ подстрекательствъ и съ самыхъ крайнихъ бредней (divagations), мы покончимъ съ тайными обществами, съ варварскими злодѣяніями, съ убійствами и грабежами. Конечно, найдутся люди, думали мы, способные говорить политическія глупости, но уже не будетъ такихъ которые въ состояніи совершать политическія преступленія. Мы были увѣрены что свобода служитъ лучшею гарантіей если не противъ излишествъ рѣчи, то по крайней мѣрѣ противъ матеріальныхъ безпорядковъ или противъ подпольныхъ махинацій и преступныхъ дѣйствій русскихъ нигилистовъ. Мы должны сознаться что наши ожиданія не оправдались. *Подъ режимомъ полной свободы мы были свидѣтелями фактовъ которые хуже тѣхъ что бываютъ подъ режимомъ стѣсненія.*“ (*Temps*, 30 октября.)

Таково разочарованіе французскихъ республиканцевъ. Теперь и подслѣповатые могутъ видѣть куда такъ настойчиво приглашаютъ насъ идти петербургскіе патріоты. А вѣдь было время когда люди во власти готовы были послѣдовать призыву и потянуть Россію къ тому почти безвыходному положенію въ которомъ теперь застряла Франція...

Но если мы вовремя остановились и de jure не уподобились Франціи, то de facto мы было приблизились къ ея теперешнему состоянію, которое г. Гамбетта назвалъ *легальною анархіей*. „Подъ предлогомъ децентрализаціи, говоритъ *République Française*, мы допустили разложеніе администраціи, которое, особенно въ провинціи, дошло до того что управляемые жалуются что не знаютъ кто ими управляетъ и къ кому они должны обращаться; а сами администраторы еще болѣе жалуются что не получаютъ приказаній отъ высшихъ и не могутъ добиться повиновенія отъ низшихъ властей. Сверху до низу на административной лѣстницѣ каждый больше всего заботится о томъ чтобъ оставаться не замѣченнымъ. Анархистамъ извѣстно такое распаденіе администраціи, и они захотѣли имъ воспользоваться“ (*Ré-*

publ. Franç. 1 ноября). Это и къ намъ, пожалуй, можетъ относиться. Но какая разница между средствами Французскаго правительства и нашего! Еслибы Французское правительство и *захотѣло* усилить энергію своей власти, оно *не могло бы*, тогда какъ нашему правительству ничто не мѣшаетъ исполнить свой долгъ.

Президентъ Греви и его министры не могли бы ничего сдѣлать безъ coup d'état. Сочиненные парламентомъ доктринерскіе законы о свободѣ печати и о свободѣ сходокъ, гарантирующіе полную безнаказанность всѣмъ преступленіямъ на которыя способна человѣческая устная и печатная рѣчь, даютъ крамолѣ сильное оружіе, предъ которымъ должно смиренно отступать правительство. Президенту Греви остается только держаться своего наивнаго девиза, который считается у нашихъ публицистовъ верхомъ политической мудрости: „Tout laisser dire, ne rien laisser faire" (говорить можно все, только не дѣлать). Ребяческое заблужденіе! Какъ будто *слово* человѣческое не есть то же *дѣйствіе!* Отъявленный негодяй открыто распространяетъ возмутительный обманъ и остается безнаказаннымъ; другой же, человѣкъ темный (а такихъ въ каждой странѣ громадное большинство), услышалъ или прочелъ лжеученія или лжефакты, и по простотѣ увѣровалъ въ нихъ, такъ какъ они предложены ему со всею шарлатанскою ловкостью, и вотъ онъ подвергается тяжкой карѣ! И это называется справедливостью и политическою мудростію! Настоящіе безпорядки во Франціи были подготовлены въ теченіе двухъ, трехъ послѣднихъ лѣтъ газетами и сходками. Ораторы и публицисты анархизма то и дѣло побуждали пролетаріевъ истреблять эксплуататоровъ „упивающихся пóтомъ народа," а правительство и республиканскіе либералы только улыбались при чтеніи „этихъ нелѣпостей," увѣряя другъ друга что нужно дать выговориться этимъ „паяцамъ" дабы вся пошлость ихъ вышла наружу. Но французскіе рабочіе въ своихъ кабакахъ иначе принимали эти „нелѣпости" чѣмъ либеральные министры и редакторы въ своихъ кабинетахъ и салонахъ. Тѣ принимали филиппики противъ эксплуататоровъ за чистую монету и дѣйствительно воодушевлялись ими, и теперь, когда имъ былъ присланъ изъ Женевы динамитъ съ приказомъ начать походъ противъ эксплуататоровъ, они начали его въ полной увѣренности что совершаютъ хорошее дѣло. Г. Греви допустилъ „все говорить" и ему легко было исполнить эту первую часть своей программы. Но могъ ли онъ исполнить вторую ея часть и помѣшать слову перейти въ дѣло? Увы, онъ не могъ даже преслѣдовать преступное дѣйствіе. Начавшійся судъ надъ 26 Монсолеминскими *динамитарами* пришлось прервать, такъ какъ присяжные были напуганы анонимными угрозами. Судъ присяжныхъ оказался негоднымъ, а замѣнить его полевымъ судомъ несчастный г. Греви не имѣетъ права.

Мы, слава Богу, въ такомъ позорномъ положеніи не находимся. Наше правительство устояло противъ обмана и сохранило за собой полную свободу дѣйствія, лишь бы оно, ко благу страны, пользовалось этою свободой.

Во Франціи прискорбному положенію дѣлъ могъ бы пособить развѣ только смѣлый ударъ, *coup d'état*, который развязалъ бы правительству руки для спасенія Франціи. Но и эта насильственная мѣра едва ли могла бы имѣть желаемыя послѣдствія. Всѣ монархическія преданія во Франціи порваны, народъ раздробленъ на мелкія враждебныя другъ другу партіи, которыя лишь на короткое время, въ виду общей опасности, могутъ собраться вокругъ *одного* лица. А послѣ побѣды политическія интриги опять придутъ въ броженіе.

У насъ же весь народъ составляетъ одну нераздѣльную правительственную (въ высшемъ смыслѣ этого слова) партію. У насъ преданія единодержавія нерушимы. Для того чтобы раздавить крамолу мы не нуждаемся ни въ какихъ насильственныхъ ударахъ. У насъ все готово чтобы законными, нормальными, справедливыми путями избавиться отъ обмана который мутитъ умы и вредитъ дѣйствію нашихъ учрежденій, и этимъ положить конецъ скандалу...

Б.

Въ *Русскомъ Инвалидѣ* опубликованъ приказъ по военному вѣдомству, совершенно измѣняющій то положеніе въ которомъ находилась до сихъ поръ наша артиллерія. „Въ видахъ полнаго осуществленія цѣли положенной въ основу корпусной организаціи, введенной въ арміи въ 1874 году, сказано въ приказѣ, повелѣ-

но артиллерійскія части входящія въ составъ корпусовъ изъять изъ вѣдѣнія и подчиненія начальниковъ артиллеріи въ округахъ, оставивъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ въ подчиненіи командирамъ корпусовъ чрезъ начальниковъ артиллеріи въ корпусахъ." Какъ извѣстно, цѣль положенная въ основу организаціи корпусовъ состоитъ въ усиленіи боевой готовности арміи. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ упрощеніе и ускореніе мобилизаціи, но это только одна сторона дѣла. Быстрая мобилизація арміи приноситъ пользу лишь въ томъ случаѣ если всѣ войсковыя части входящія въ составъ извѣстной крупной единицы вполнѣ подготовлены къ предстоящей имъ на войнѣ дѣятельности. Эта подготовка заключается не въ одномъ только знаніи артикула, прямыхъ своихъ обязанностей каждымъ родомъ оружія. На театрѣ военныхъ дѣйствій и на полѣ сраженія всѣ роды оружія дѣйствуютъ совмѣстно, помогая другъ другу и сообразуясь съ особенностями и свойствами сосѣднихъ съ ними по расположенію въ боевомъ порядкѣ войскъ. Кавалерія собираетъ свѣдѣнія о непріятелѣ и прикрываетъ расположеніе всего отряда; кавалерійскій начальникъ обязанъ поэтому знать и свойства пѣхоты, и свойства артиллеріи, и скорость движенія обозовъ, затрудняющихъ и задерживающихъ движеніе отрядовъ. Въ свою очередь, артиллерія, назначенная начинать бой, подготовлять атаку и поддерживать пѣхоту и кавалерію, должна привыкнуть еще въ мирное время маневрировать вмѣстѣ съ ними, подъ однимъ общимъ водительствомъ. Вотъ по какой причинѣ въ составъ корпусовъ въ мирное время всегда включались и артиллерійскія части. Но вслѣдствіе разныхъ причинъ дѣло сложилось у насъ такъ что артиллерія вовсе не находилась въ прямомъ подчиненіи командирамъ корпусовъ въ мирное время. Артиллерія присоединялась къ войскамъ корпуса только лѣтомъ, какъ часть. Въ остальное время, по частямъ учебной, строевой и такъ-называемой инспекторской, наша артиллеріи подчинялась прямо особымъ своимъ начальникамъ въ округахъ. Это прямо нарушало основную мысль лежащую въ основѣ организаціи корпусовъ. Отрасли артиллерійской службы не развивались равномѣрно. То одна часть обученія, то другая подавляла всѣ прочія. Этого мало. Подчиненіе двумъ начальникамъ, съ одной стороны, „по наружной части" корпусному командиру, а съ другой начальнику артиллеріи округа, ставило этотъ родъ оружія въ фальшивыя отношенія, расшатывало дисциплину въ артиллеріи. Если артиллерія получала какія-нибудь указанія отъ корпуснаго командира, эти указанія могли не сходиться съ требованіями прямаго артиллерійскаго начальства, что̀ вело къ разнаго рода неудобнымъ и вреднымъ для дисциплины пререканіямъ. Подчиняясь во всемъ существенномъ начальникамъ артиллеріи округа, артиллеристы далеко не находились подъ такимъ же руководствомъ и надзоромъ какъ всѣ прочія части войскъ. Въ округѣ занимающемъ иногда не малое число губерній, весьма обширныхъ, располагается обыкновенно два или три корпуса. Начальникъ артиллеріи округа, обремененный техническою и хозяйственною сторонами управленія, всѣми артиллерійскими заведеніями и складами, не имѣлъ возможности такъ близко вникать въ то что̀ дѣлается въ строевыхъ артиллерійскихъ частяхъ, какъ это можетъ дѣлать корпусный командиръ, а между тѣмъ не вникать вовсе онъ не могъ. Вниманіе его раздваивалось въ явный ущербъ дѣлу. Вотъ откуда возникло и то небрежное отношеніе къ службѣ и къ охранѣ казеннаго имущества, тѣ частные случаи хищенія этого имущества противъ которыхъ главное артиллерійское начальство тщетно принимало въ послѣдніе годы бумажныя мѣры. Дѣло доходило до того что нижніе чины артиллерійскихъ частей поставленные для охраненія этого имущества сами участвовали въ его расхищеніи. Изданный весной этого года строгій приказъ по артиллеріи справедливо указалъ что всѣ эти случаи суть прямое слѣдствіе шаткой и слабой дисциплины и недостаточнаго къ ней вниманія со стороны ближайшихъ начальниковъ. Слѣдовало принять энергическія мѣры къ ея укрѣпленію. Войско безъ твердой дисциплины, какъ бы хорошо оно ни было подготовлено технически, стоитъ весьма низко въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ. Поднять дисциплину значитъ въ высокой степени поднять боевую подготовку войскъ. Приказъ по военному вѣдомству, о которомъ идетъ рѣчь, дѣлаетъ это твердою рукой. Артиллерія, не переставая оставаться *спеціальнымъ*, какъ говорится, родомъ оружія, переста-

етъ быть войскомъ привилегированнымъ. Главное артиллерійское управленіе, объявляя свои распоряженія, будетъ теперь сноситься прямо съ начальниками корпусовъ, а не помимо ихъ съ подчиненными этому управленію.

Артиллерійское начальство военныхъ округовъ, освободясь отъ командиаго, прямаго завѣдыванія артиллеріей, получаетъ возможность обратиться къ исполненію тѣхъ весьма сложныхъ обязанностей которыя лежатъ на немъ. Артиллерійскія учрежденія, склады, мастерскія, лабораторіи, все что снабжаетъ армію предметами такъ-называемаго „артиллерійскаго довольствія,“ оружіемъ, снарядами, все это несомнѣнно усугубитъ свою дѣятельность вмѣстѣ съ усиленіемъ надзора за нею. Высшее артиллерійское начальство точно также получитъ бо́льшую возможность сосредоточить свою дѣятельность на развитіи научно-техническомъ. При этомъ едва ли будетъ возможно повтореніе такихъ явленій что наша армія оказалась снабженною орудіями и ружьями низшаго качества нежели тѣ какими располагали Турки. Не повторятся и случаи, не разъ замѣченные въ минувшую войну, что войска нуждаются въ снарядахъ для пушекъ и патронахъ для ружей, тогда какъ противникъ имѣлъ ихъ не только въ требуемомъ количествѣ, но и съ излишкомъ даже.

Настоящій приказъ есть очевидно только первый шагъ въ преобразованіи всего нашего артиллерійскаго управленія. Съ подчиненіемъ артиллерійскихъ частей ихъ прямому *боевому* начальству устранена необходимость въ содержаніи такого обширнаго учрежденія какъ Главное Артиллерійское Управленіе. Оно, по всей вѣроятности, будетъ преобразовано и значительно сокращено, что доставитъ замѣтное сбереженіе въ расходахъ казны, сбереженіе которое можетъ быть обращено на улучшеніе матеріальной части той же артиллеріи. Въ громадномъ бюджетѣ военнаго вѣдомства въ послѣднее время сдѣлано не мало сокращеній давшихъ возможность улучшить тѣ отрасли службы для коихъ до сихъ поръ не доставало средствъ: увеличить содержаніе офицеровъ, измѣнить обмундированіе, снабдить кавалерійскихъ офицеровъ казенными строевыми лошадьми, о чемъ шли толки чуть не десятокъ лѣтъ. Теперь опять идетъ рѣчь о преобразованіи мелкаго мѣстнаго военнаго управленія, именно измѣненія положенія объ уѣздныхъ воинскихъ начальникахъ. Одною изъ причинъ этого преобразованія, не уменьшающаго числа этихъ начальниковъ, указываютъ возможность безъ вреда дѣлу сохранить расходъ тысячъ на полтораста ежегодно. Если такія сокращенія являются необходимыми или желательными, то еще полезнѣе можетъ быть сокращеніе расходовъ на центральные органы военнаго управленія, если это достижимо не во вредъ службѣ. Дѣло идетъ не о сбереженіяхъ во что бы то ни стало, а объ устраненіи излишнихъ расходовъ, иногда повидимому и ничтожныхъ. Было бы дурною экономіей не давать денегъ на то что̀ дѣйствительно нужно. Армія ни въ какомъ случаѣ не можетъ ни въ одной отрасли дѣла стоять ниже армій сосѣднихъ потому что поднять въ ней то или другое стоитъ денегъ. Правильная экономія заключается именно въ изысканіи и сокращеніи всѣхъ излишнихъ, непроизводительныхъ затратъ, какъ бы ничтожны онѣ ни казались. Въ суммѣ эти затраты могутъ составить крупныя цифры Такая-то экономія и замѣтна въ нашемъ военномъ бюджетѣ въ послѣдніе два года. Приказъ по военному вѣдомству отъ 18 октября открываетъ новый источникъ такой экономіи, поднимая въ то же время и боевую готовность одного изъ важнѣйшихъ родовъ войскъ.

№ 299.

Москва, 27-го октября.

Интересъ дня составляетъ обсуждаемый теперь въ Петербургѣ коммиссіей „свѣдущихъ людей“ вопросъ о кавказскомъ транзитѣ. Рѣшеніемъ этого вопроса торопятся, да и нельзя очень медлить въ виду близкаго открытія движенія по Баку-Тифлисской дорогѣ. Тѣмъ не менѣе, совѣщанія по этому предмету, которыя предполагалось начать 20 октября, отложены на пять дней, до 25 октября. для удобства кавказскихъ коммерсантовъ вызванныхъ къ участію въ занятіяхъ по вопросу о транзитѣ, а затѣмъ, послѣ перваго засѣданія, оказалось возможнымъ отложить слѣдующее еще на нѣсколько дней. Это позволяетъ надѣяться что найдется возможность допустить кратковременную отсрочку рѣшенія вопроса во вниманіи къ ходатайству

не малаго числа московскихъ фабрикантовъ и торговцевъ о томъ чтобы вопросъ о кавказскомъ транзитѣ былъ переданъ на разсмотрѣніе выборныхъ биржеваго общества. Дать высказаться московскому биржевому купечеству о разныхъ сторонахъ вопроса и принять въ соображеніе его о нихъ мнѣнія въ данномъ случаѣ особенно важно. Москва—центръ того промышленнаго района, гдѣ производятся и могутъ быть производимы издѣлія пригодныя для сбыта въ Персію,—того района который болѣе всякаго другаго можетъ потерпѣть отъ ошибки какая можетъ случиться при рѣшеніи возникшаго вопроса. Правда, въ Петербургъ вызваны для участія въ совѣщаніяхъ нѣсколько почтенныхъ представителей московскаго биржеваго общества; но нельзя имѣть увѣренность что вызваны именно тѣ лица для которыхъ вопросъ о кавказскомъ транзитѣ имѣетъ главное значеніе, которыя особенно и непосредственно въ немъ заинтересованы. При томъ голоса вызванныхъ представителей русской промышленности на совѣщаніи могутъ затеряться въ массѣ, могутъ быть заглушены голосами иныхъ интересовъ, которымъ мало нужды до русской промышленности. Это особенно возможно въ томъ случаѣ если на нынѣшнемъ совѣщаніи будетъ допущено повтореніе тѣхъ голосованій какія практиковались на бывшихъ доселѣ „совѣщаніяхъ." Будемъ однако надѣяться что этотъ ошибочный пріемъ суммированія мнѣній свѣдущихъ людей будетъ на этотъ разъ устраненъ. Опросы свѣдущихъ людей, созывы представителей различныхъ интересовъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ обсуждаемымъ предметамъ и часто противоположныхъ другъ другу, могутъ быть полезны лишь при томъ условіи если, благодаря имъ, будетъ достигаться полное и всестороннее разъясненіе предмета, если они будутъ вести къ ознакомленію стоящихъ во власти лицъ съ такими сторонами возникающихъ вопросовъ которыя не могутъ быть въ должной мѣрѣ оцѣнены и взвѣшены въ четырехъ стѣнахъ кабинета. Но благодаря пріему голосованій, эта цѣль не достигается; вмѣсто серіознаго дѣла получается жалкая игра въ какіе-то парламентики съ борьбою партій, изъ которыхъ каждая заботится не о томъ чтобы разъяснить дѣло, а какъ бы навязать правительству свое одностороннее мнѣніе, придавъ ему авторитетъ постановленія всего сборища приглашенныхъ экспертовъ. Ничего кромѣ фальши изъ этого произойти не можетъ. Всегда возможно что важный, первостепенный интересъ будетъ представленъ на совѣщаніи малымъ числомъ голосовъ, а второстепенные и третьестепенные интересы случайно или не случайно будутъ имѣть на немъ многочисленныхъ представителей. Какой смыслъ можетъ имѣть голосованіе при подобныхъ условіяхъ? къ чему оно можетъ привести?

Судя по свѣдѣніямъ сообщаемымъ въ помѣщаемой ниже корреспонденціи изъ Петербурга, нынѣшнее совѣщаніе о кавказскомъ транзитѣ обѣщаетъ быть дѣломъ серіознымъ; о голосованіяхъ на немъ пока не было и рѣчи. Остается желать чтобы каждый изъ затронутыхъ вопросомъ интересовъ выразился вполнѣ, безъ преувеличенія и преуменьшенія, дабы затѣмъ не трудно уже было сравнить относительный удѣльный вѣсъ различныхъ интересовъ въ этомъ дѣлѣ и постановить рѣшеніе примѣнительно къ требованіямъ того интереса который окажется заслуживающимъ наибольшаго уваженія.

По всѣмъ имѣющимся до сихъ поръ въ виду даннымъ, изъ числа интересовъ замѣшанныхъ въ вопросѣ о кавказскомъ транзитѣ самымъ уважительнымъ представляется интересъ русской промышленности вообще. Забота объ ея судьбахъ и успѣхахъ не можетъ не быть одною изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. А для успѣха нашей промышленности необходимо возможно большее обезпеченіе и расширеніе сбыта ея продуктовъ. На сбытъ нашихъ издѣлій въ западныя европейскія государства мы не можемъ разсчитывать не только теперь, но и въ будущемъ. Какіе бы успѣхи ни дѣлала у насъ техническая сторона производства, хотя бы мы не только сравнялись съ иностранцами, но и превзошли ихъ въ техническомъ совершенствѣ издѣлій, намъ трудно было бы довести дешевизну производства до той степени чтобы наши издѣлія могли найти сбытъ въ странахъ западной Европы, конкуррируя съ ихъ промышленностью на той самой почвѣ гдѣ она вѣками выросла и укоренилась; да если бы мы и достигли такой невѣроятной дешевизны производства, на Западѣ нашимъ издѣліямъ не дадутъ хода: тамъ не замедлили бы принять мѣры противъ привоза нашихъ издѣлій и не поцеремонились бы

отступить отъ принциповъ свободной торговли. Но на Востокъ наши издѣлія могутъ идти съ успѣхомъ, и прямой государственный разчетъ требуетъ чтобы возможно бóльшіе районы сбыта на Востокѣ, возможно большее число восточныхъ рынковъ были обезпечены за русскою промышленностію; тутъ, по возможности, мы не должны уступать иноземцамъ ни пяди. Углаживанье для иностранныхъ товаровъ путей на восточные рынки, облегченіе иностранцамъ возможности закрѣпить за собой эти рынки и не допускать туда своею конкурренціей нашихъ издѣлій не можетъ входить въ виды нашей торговой политики. Пусть иностранцы хлопочутъ сами какъ знаютъ о водвореніи своихъ товаровъ на восточныхъ рынкахъ и между прочимъ въ Персіи, пусть везутъ ихъ туда чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ, пусть строятъ, съ согласія Турецкаго правительства, если находятъ нужнымъ, желѣзную дорогу чрезъ всю Малую Азію; это ихъ дѣло. Но было бы странно еслибы мы дозволили имъ загребать жаръ нашими руками, еслибы самими нами, въ нашихъ предѣлахъ построенная дорога была предоставлена имъ какъ средство упрочить ихъ торговое преобладаніе на персидскихъ и сосѣднихъ восточныхъ рынкахъ и вытѣснить оттуда продукты нашей промышленности. Наша задача должна состоять въ томъ чтобъ удешевлять и облегчать способы доставки въ Персію русскихъ, а не иноземныхъ товаровъ. Поэтому можно согласиться, напримѣръ, съ мнѣніемъ высказаннымъ въ *Голосъ* (№ 291) что русскіе торговые интересы въ Прикаспійской Азіи требуютъ „соединенія паровымъ путемъ центра русской фабрично-заводской промышленности съ Каспійскимъ моремъ, запертымъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году, вслѣдствіе замерзанія Волги, для движенія товаровъ.“ Но трудно согласиться съ другимъ мнѣніемъ этихъ экономистовъ, будто Россія, не построивъ пароваго пути который облегчилъ бы сбытъ товаровъ въ Персію для русской промышленности, сдѣлаетъ выгодную аферу подслужившись готовымъ паровымъ путемъ чужеземной промышленности для сбыта ея продуктовъ, въ ущербъ сбыту своихъ собственныхъ, и будто самую рѣчь о конкурренціи русскихъ товаровъ съ иностранными въ Персіи нужно отложить до той поры (невѣдомой) когда будетъ построена упомянутая дорога имѣющая соединить центръ русскаго фабричнаго производства съ Каспійскимъ моремъ. Напротивъ, чѣмъ болѣе затрудненій встрѣчаетъ на своемъ пути русскій сбытъ въ Персію, тѣмъ болѣе основаній не допустить чтобъ иностранный сбытъ туда получилъ привилегію пользоваться непрерывнымъ паровымъ сообщеніемъ. Допустивъ иностранный транзитъ по Закавказской желѣзной дорогѣ, мы оказали бы такую поддержку стремленіямъ иностранцевъ захватить персидскіе рынки въ свои руки, помогли бы имъ такъ прочно основаться тамъ, что чрезъ немного лѣтъ, пожалуй, напрасно будетъ заводить рѣчь о конкурренціи съ иностранцами въ Персіи даже и въ случаѣ сооруженія къ тому времени желѣзной дороги изъ центра Россіи къ Каспійскому морю. Нашъ сбытъ въ Персію пока не великъ; въ 1880 году вся стоимость его не достигала четырехъ милліоновъ рублей. Но имѣются налицо установившіяся торговыя связи, которымъ предстоитъ будущность. Нынѣшній вопросъ о допущеніи или недопущеніи транзита есть для этого сбыта и этихъ связей вопросъ быть или не быть. Если сбытъ не будетъ подорванъ допущеніемъ транзита, ему открывается перспектива мало по-малу развиться и принять въ послѣдствіи широкіе размѣры. Но если мы допустимъ чтобы нашъ сбытъ прекратился подъ давленіемъ иностранной конкурренціи, вспомоществуемой небывалыми здѣсь удобными средствами транзита, мы создадимъ этимъ страшное, можетъ-быть неодолимое затрудненіе въ послѣдствіи начинать дѣло съ начала.

Далѣе, едва ли можно признать справедливою мысль будто сбытъ русскихъ товаровъ въ Персію не имѣетъ шансовъ развитія пока не построена дорога отъ центра Россіи къ Каспію. Нѣтъ спора что такая дорога много подвинула бы дѣло; но пока ея нѣтъ, развѣ Закавказская дорога, вмѣсто того чтобъ оказывать услуги иностранному сбыту, не можетъ оказать такихъ же услугъ сбыту русскому? Можетъ-быть наши мануфактуристы найдутъ возможнымъ отправлять свои издѣлія въ Персію чрезъ Поти и Баку въ тѣ мѣсяцы когда прекращается навигація отъ устьевъ Волги. Этимъ же путемъ, при недопущеніи по немъ иностраннаго транзита, могли бы, полагаемъ, удобно воспользоваться и наши сахарозаводчики. Сахаръ составляетъ главную статью иностраннаго транзита въ Пер-

сію, *болье половины* всей его цѣнности. Почему не предоставить нашимъ сахарозаводчикамъ возить ихъ сахаръ въ Персію по Закавказской желѣзной дорогѣ, не мѣшая иностранцамъ везти свой сахаръ въ Персію караваннымъ путемъ чрезъ Трапезунтъ и Эрзерумъ? Можетъ-быть попытка конкуррировать съ иностранцами по торговлѣ съ Востокомъ при подобныхъ условіяхъ не окажется безуспѣшною, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ не особенно трудно будетъ примѣниться ко вкусамъ и потребностямъ восточныхъ жителей. По этому пункту не мѣшало бы спросить мнѣнія у сахарныхъ заводчиковъ, и трудно понять почему не найдено нужнымъ пригласить представителей сахарной промышленности къ участію въ совѣщаніи по вопросу о кавказскомъ транзитѣ.

Итакъ, интересы русской промышленности прямо противъ допущенія иностраннаго транзита чрезъ Закавказье; но есть, конечно, интересы для которыхъ этотъ транзитъ желателенъ, и весь вопросъ въ томъ, въ такой ли мѣрѣ важны эти послѣдніе интересы чтобы въ виду ихъ русская промышленность должна была замолкнуть и отступить на задній планъ.

Прежде всего, нельзя не признать что иностранный транзитъ былъ бы выгоденъ для общества Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, а стало-быть частію и для казны, поскольку полученіе платы за провозъ иностранныхъ товаровъ уменьшитъ приплаты по гарантіямъ. Было бы жаль отказаться отъ этой прибыльной статьи, еслибы было возможно воспользоваться ею безъ вреда для русской промышленности. Но есть ли разчетъ гнаться за этою малою прибылью и покупать ее цѣною пожертвованія русскою промышленностью и потери для Россіи персидскихъ и сосѣднихъ съ нею рынковъ? Далѣе, необходимо привести въ извѣстность, дѣйствительно ли желѣзная дорога пострадаетъ отъ прекращенія транзита въ той степени какъ о томъ говорятъ и пишутъ. Для дороги все равно за какіе товары будетъ получать она провозную плату, за русскіе или за иностранные, ей все равно возить что̀ иностранный, что̀ русскій сахаръ. Замѣтимъ при этомъ что сахаръ составляетъ по вѣсу *семь девятыхъ* всей массы провозимыхъ чрезъ Закавказье иностранныхъ товаровъ *). Въ виду такого преобладающаго, можно сказать рѣшающаго значенія какое имѣетъ сахаръ въ вопросѣ о собственно желѣзнодорожномъ интересѣ, не можемъ не повторить сожалѣніе о томъ что къ участію въ обсужденіи вопроса не приглашены представители нашей сахарной промышленности и именно южныхъ сахарныхъ заводовъ.

Кромѣ желѣзнодорожнаго, объявилъ себя надняхъ въ пользу иностраннаго транзита еще одинъ интересъ—интересъ нѣсколькихъ тифлисскихъ торговцевъ. Въ *Голосѣ* напечатана слѣдующая телеграмма:

„*Тифлисъ, 22 октября, вечеромъ.* Городской голова, по просьбѣ купечества, отправилъ министру Финансовъ телеграмму объ оставленіи въ прежнемъ видѣ здѣшняго транзита. Уничтоженіе транзита убьетъ здѣшнюю торговлю. Перевозочныя средства и торговыя фирмы перейдутъ въ Азіятскую Турцію. И теперь не велика уже разница въ стоимости перевозки товаровъ черезъ наши или черезъ турецкія владѣнія. Главное складочное мѣсто транзитныхъ грузовъ, Тавризъ, куда грузы эти идутъ черезъ Эривань и Джульфу, лежитъ внѣ района Бакинской желѣзной дороги.“

Не будемъ судить о томъ въ какой мѣрѣ интересы нѣсколькихъ торговцевъ положенные на одну чашку вѣсовъ могутъ перетянуть другую на которой лежатъ интересы всей русской промышленности. Не станемъ также говорить о томъ въ какой мѣрѣ будетъ достойно сожалѣнія если какія-то фирмы, которымъ нѣтъ дѣла до русской торговли и есть дѣло только до иностранной, перейдутъ отъ насъ въ Азіятскую Турцію. Но не можемъ не выразить недоумѣнія какимъ образомъ прекращеніе иностраннаго транзита можетъ убить мѣстную торговлю за Кавказомъ, и какимъ образомъ допущеніе транзита по желѣзной дорогѣ можетъ удержать мѣстныя перевозочныя средства отъ перехода въ Турцію. Какая связь между провозимыми безпошлинно транзитными товарами и мѣстною торговлей? Какую работу могутъ дать транзитные товары мѣстнымъ перевозочнымъ средствамъ если эти товары будутъ идти отъ моря до моря, отъ Поти до Баку, по желѣзной дорогѣ?

Иное дѣло еслибы, одновременно съ вопросомъ о запрещеніи иностраннаго тран-

*) По оффиціальнымъ даннымъ о кавказскомъ транзитѣ за 1880 годъ.

зита по желѣзной дорогѣ (въ чемъ вся суть дѣла) и о предоставленіи рельсоваго пути для передвиженія только русскихъ грузовъ, шла рѣчь о допущеніи единственно караванной перевозки иностранныхъ товаровъ, напримѣръ изъ Батума чрезъ Карсъ и Баязетъ или Эривань на Тавризъ. Въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, мѣстныя перевозочныя средства получили бы выгодное занятіе и, можетъ-быть, русская промышленность и торговля, имѣя въ своемъ распоряженіи рельсовый путь не сочла бы серіознымъ нарушеніемъ своихъ интересовъ вьючную или колесную перевозку иностранныхъ товаровъ изъ Батума чрезъ Закавказье въ Персію, и помирилась бы съ такою перевозкой въ виду выгодъ доставляемыхъ ею мѣстному населенію.

№ 300.

Москва, 28-го октября.

Сессія австро-венгерскихъ делегацій, начавшаяся дней десять тому назадъ въ столицѣ Венгріи, обращаетъ на себя почти исключительное вниманіе всѣхъ политическихъ круговъ Австро-Венгріи и всей ея читающей публики. Интересъ съ какимъ всѣ относятся къ занятіямъ делегацій всякому покажется весьма естественнымъ если принять въ соображеніе что делегаціи созываются только одинъ разъ въ году на относительно весьма короткій срокъ, и что делегаціями обсуждаются вопросы весьма щекотливые, касающіеся иностранной политики монархіи.

Въ нынѣшнемъ году делегаціи созываются уже во второй разъ; но въ первой сессіи, экстраординарной, открывшейся по случаю возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ ради кредита на военные расходы, весь интересъ былъ сосредоточенъ на этихъ провинціяхъ, а объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ иностраннымъ державамъ говорилось весьма мало и какъ бы мимоходомъ.

Теперь, когда возстаніе окончательно подавлено (такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ въ офиціальныхъ вѣнскихъ сферахъ), и когда вопросъ объ участи занятыхъ австрійскими войсками турецкихъ провинцій выдвинутъ, по крайней мѣрѣ газетами, на первый планъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали заявленій правительства какъ о его планахъ, такъ и объ отношеніяхъ къ другимъ кабинетамъ.

Ожиданіямъ этимъ не было суждено оправдаться. Общеимперскіе министры, отвѣчая на разные запросы внесенные въ коммиссіи делегацій, до сихъ поръ тщательно умалчиваютъ именно о тѣхъ которые имѣютъ для Австро-Венгріи особенный интересъ.

Начать съ того что о такъ-называемомъ Дунайскомъ вопросѣ и объ отношеніяхъ къ Россіи не было сказано ни слова, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію *Пештскаго Ллойда*, отношенія эти несомнѣнно интересуютъ все населеніе Австро-Венгріи. Это умолчаніе представляется тѣмъ болѣе страннымъ что благодаря разнымъ инцидентамъ, въ родѣ пресловутаго Львовскаго процесса, австрійская печать, въ особенности офиціозная, приняла въ послѣднее время относительно Россіи тонъ въ высшей степени задорный. Подробныя разъясненія объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ Россіи получили бы особенный интересъ главнымъ образомъ потому что Австрійское правительство, по всѣмъ признакамъ, само желаетъ поставить на очередь вопросъ о формальномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи. Объ этомъ, какъ видно изъ заявленій общеимперскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки, между Турціей съ одной стороны и Австро-Венгріей, съ другой, велись уже конфиденціальные переговоры, и Турція за приличное вознагражденіе уже согласилась было формально отказаться отъ владычества въ Босніи и Герцеговинѣ, но затрудненія въ Египтѣ, сильно пошатнувшія авторитетъ султана на Востокѣ, помѣшали дальнѣйшимъ переговорамъ, которые и отложены вѣроятно до болѣе удобнаго случая.

Невольно бросается въ глаза что въ делегаціяхъ (сколько видно изъ помѣщенныхъ въ газетахъ отчетовъ) до сихъ поръ еще не было произнесено фразы объ „искреннихъ и сердечныхъ отношеніяхъ“ между правительствами Германскимъ и Австро-Венгерскимъ, фразы сдѣлавшейся въ устахъ австрійскихъ министровъ стереотипною.

Единственный изъ болѣе серіозныхъ вопросовъ, на который графъ Кальноки далъ пространный, хотя и не вполнѣ понятный, нуждающійся въ комментаріяхъ отвѣтъ,

это вопросъ объ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ Италіи и о причинахъ откладыванья поѣздки императора Франца-Іосифа въ Италію для отданія визита королю Гумберту. Графъ Кальноки заявилъ что поѣздка отложена главнымъ образомъ потому что Италіянское правительство настаивало чтобы свиданіе монарховъ произошло въ Римѣ, а австрійскіе министры опасались что пребываніе императора Франца-Іосифа въ Вѣчномъ Городѣ послужитъ поводомъ къ весьма нежелательнымъ демонстраціямъ враждующихъ тамъ партій. Заявленіе это вызвало въ пештскихъ и вѣнскихъ газетахъ цѣлый рядъ статей, изъ коихъ видно что въ Цислейтаніи и Транслейтаніи мнѣнія расходятся весьма существенно по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ весьма важное значеніе для иностранной политики Австро-Венгріи. Между тѣмъ какъ венгерская офиціозная печать толкуетъ слова графа Кальноки въ томъ смыслѣ что отношенія Италіянскаго правительства къ Папской куріи признаются Австріей вопросомъ касающимся лишь Италіи, офиціозныя вѣнскія газеты клерикальнаго оттѣнка, не отрицая совершившагося факта объединенія Италіи, выводятъ изъ заявленія графа Кальноки заключеніе (болѣе или менѣе справедливое) что Австро-Венгрія имѣетъ свой взглядъ на отношенія между папой и Италіянскимъ правительствомъ, и не считаетъ этотъ вопросъ исключительно внутреннимъ италіянскимъ. Двусмысленное заявленіе графа Кальноки и полемика завязавшаяся между венгерскими и австрійскими офиціозными газетами не лишены интереса. Съ одной стороны, выяснилось что тѣснаго сближенія между Австріей и Италіей, о которомъ такъ много толковали въ теченіе нынѣшняго года, угрожая Россіи тройственнымъ союзомъ (Германія, Италія, Австро-Венгрія), вовсе не состоялось; съ другой стороны, становится очевиднымъ что стоящая у дѣлъ Цислейтанская клерикальная партія, оказывающая услуги Австрійскому правительству своею религіозною пропагандой среди Восточныхъ Славянъ и уніатовъ, въ то же время становится помѣхой къ сближенію съ Италіей, которой дружба или по крайней мѣрѣ нейтралитетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ для Австріи необходимъ. Теперь стало очевидно что графъ Кальноки, вступая въ свою должность, очень ошибался полагая что внутренняя политика Австріи не будетъ имѣть никакого вліянія на иностранную.

Если оставить въ сторонѣ платоническое заявленіе графа Кальноки о „дружественныхъ отношеніяхъ Австро-Венгріи ко всѣмъ державамъ,“ то окажется что международныя отношенія Австро-Венгріи вовсе не такъ блестящи, какъ стараются показать офиціозныя австрійскія газеты, дѣлающія это конечно не безъ умысла. Составленная изъ разныхъ взаимно враждующихъ національностей, Австро-Венгрія не можетъ никогда образовать великаго цѣлаго, и въ своихъ международныхъ отношеніяхъ всегда встрѣтитъ противодѣйствіе въ своихъ же собственныхъ составныхъ элементахъ. Благодаря своей восточной политикѣ, направленной не къ освобожденію, а къ угнетенію Балканскихъ Славянъ, Австрія навлекла на себя ненависть среди южныхъ Славянъ. Отвѣчая въ Венгерской делегаціи на запросъ делегата Фалька, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ былъ признаться что Черногорцы (подразумѣвая весь Черногорскій народъ) относятся къ Австрійцамъ весьма враждебно и открыто высказываютъ это; еслибы графъ Кальноки счелъ нужнымъ сказать нѣсколько тоже откровенныхъ словъ о Сербіи, то онъ долженъ былъ бы признаться что тамъ, кромѣ самого короля Милана и австрофильскаго кабинета г. Пирочанца съ его клевретами, всѣ смотрятъ на Австрію одинаково съ Черногорцами. Но графъ Кальноки предпочелъ умолчать объ этихъ отношеніяхъ, также какъ и объ отношеніяхъ къ Румыніи, и умолчаніе это, какъ и всѣ другія въ данномъ случаѣ, довольно краснорѣчиво.

Положеніе не блистательное. Не Австро-Венгріи нарываться на ссору съ кѣмъ бы то ни было, особенно съ Россіей. Но именно потому что дѣла свои плохи, печать австрійская такъ задорится по отношенію къ Россіи. Истинная сила не кричитъ. Австрійская печать прибѣгаетъ къ китайскимъ способамъ устрашенія. Она считаетъ своихъ сосѣдей все еще дѣтьми и пугаетъ ихъ грубымъ голосомъ...

— —

№ 301.

Москва, 29-го октября.

А.

Вчера, въ четвергъ, французское законодательное собраніе возобновило свою сессію, и одна изъ вліятельнѣйшихъ французскихъ газетъ, *Temps*, хорошо характеризуетъ тотъ искусственный, не серіозный интересъ съ какимъ общественное мнѣніе во Франціи готовится присутствовать при предстоящихъ парламентскихъ схваткахъ. „Мы, Французы,“ замѣчаетъ названная газета, „большіе любители театральныхъ зрѣлищъ: на всякую предстоящую законодательную сессію мы смотримъ какъ на вновь поставленную для публики пьесу и напередъ стараемся предугадать перипетіи и исходъ той драмы которая должна быть предъ нею разыграна.“ Герой драмы, какимъ всегда является глава министерства, судя по краткимъ телеграфнымъ извѣстіямъ изъ Парижа, не имѣлъ особаго успѣха при первомъ своемъ выходѣ на сцену. Заявленіе г. Дюклера, которое по необходимости ограничивалось общими и неопредѣленными фразами, дабы не раздражить сразу республиканскихъ соратниковъ справа и слѣва, принято было холодно. Глава кабинета заявилъ по поводу внутреннихъ смутъ что правительство имѣетъ въ виду спокойное подавленіе оныхъ. Друзья порядка и встревоженное населеніе кажется не успокоены этимъ заявленіемъ; для тайныхъ же и явныхъ приверженцевъ крамолы, какъ въ палатѣ такъ и за ея стѣнами, будутъ все-таки поводы къ протестаціямъ противъ „насильственныхъ“ дѣйствій правительства. Ужь и теперь французскія радикальныя газеты, а со словъ ихъ и у насъ газета *Голосъ*, стараются доказать что „динамитный заговоръ“ во Франціи есть выдумка ея правительства. „Толки объ опасностяхъ, замѣчаетъ *Голосъ*, которыми будто бы грозили странѣ анархисты, *смолкли* (?) какъ нельзя болѣе кстати за нѣсколько дней до возобновленія сессіи. Они достаточно взволновали общественное мнѣніе, такъ что палата можетъ почувствовать нѣкоторую благодарность правительству, сумѣвшему парализовать крамолу, не прибѣгая ни къ какимъ исключительнымъ мѣрамъ въ родѣ осаднаго положенія и пр.“ Петербургскій политиканъ, очевидно, намекаетъ будто, по мнѣнію Французовъ, главное зло не въ динамитномъ заговорѣ, а въ осадномъ положеніи, и что правительство можетъ заслужить благодарность за то что оно сумѣло устранить опасность не прибѣгая къ исключительнымъ мѣрамъ. Въ этихъ видахъ и раздувалась де самая опасность. „Никто не станетъ очень допытываться насколько была серіозна устраненная опасность. Самый фактъ ея исчезновенія до того по душѣ обществу, увлеченному ходомъ своихъ многосложныхъ обыденныхъ интересовъ, что общество и не думаетъ быть слишкомъ взыскательнымъ.“

Самыя республиканскія изъ французскихъ газетъ, какъ видно изъ многочисленныхъ выписокъ приведенныхъ нами по поводу революціонной пропаганды, думаютъ не такъ какъ петербургскіе либералы. Онѣ не только не перестали говорить объ опасностяхъ угрожающихъ Франціи, не только указываютъ съ возрастающею тревогой на революціонную организацію, но сожалѣютъ о томъ что государственная власть въ ихъ странѣ такъ слабо и недостаточно вооружена для борьбы со зломъ... Впрочемъ, въ той же Франціи, въ минуту опасности, и республиканская власть спуску не даетъ: это доказали „іюньскіе дни“ въ Парижѣ въ 1849 году, а также расправа въ 1871 году надъ участниками Парижской коммуны. Тогдашнее „осадное положеніе“ и полевые военные суды, по приговору коихъ десятки коммуниковъ разстрѣливались заразъ, а многія тысячи были сосланы въ Новую Каледонію, отнюдь не возбуждали противъ г. Тьера того негодованія котораго, по словамъ *Голоса*, всего болѣе будто бы боится г. Дюклеръ.

Раздираемая и слабая внутри, Франція безсильна поддерживать свой авторитетъ въ Европѣ. Борьба и взаимныя интриги партій во Французскомъ парламентѣ, вотъ чему Англія главнымъ образомъ обязана своимъ дешевымъ успѣхомъ, благодаря которому она стала фактическою обладательницею береговъ Нила.

Министерство г. Дюклера долгое время прикидывалось будто бы состоитъ въ какомъ-то таинственномъ соглашеніи съ Англіей и будто бы Франція, несмотря на свое бездѣйствіе, получитъ свою долю при окончательномъ подведеніи итога египетскаго предпріятія. Но было очевидно что

подобное будто бы дружественное отношеніе къ Англіи было только *bonne mine à mauvais jeu*. Рано или поздно, истинное положеніе обѣихъ державъ по отношенію къ Египетскому вопросу должно было выступить наружу. И можно ли было думать что Англія поступится чѣмъ-нибудь въ пользу Франціи, которая не сумѣла быть ей помощницей въ прошедшемъ и которой соперничество не можетъ, по той же причинѣ, быть ей опасно въ будущемъ?

Тѣмъ не менѣе, г. Дюклеръ счелъ нужнымъ, предъ самымъ возобновленіемъ законодательной сессіи, сдѣлать „рѣшительный шагъ“ въ доказательство того что Франція не намѣрена молчаливо подчиниться англійскимъ затѣямъ въ Египтѣ. Бывшій французскій финансовый контролеръ въ Египтѣ, г. Бредифъ, обратился на дняхъ къ Египетскому правительству съ запросомъ почему онъ не призывается къ участію въ совѣщаніяхъ египетскаго министерства, согласно существующему на этотъ счетъ декрету хедива отъ 15 ноября 1879, коимъ установленъ двойственный контроль Англіи и Франціи надъ египетскими финансами?

Этотъ запросъ, сдѣланный Франціей Египетскому правительству непосредственно, былъ принятъ въ Европѣ какъ вызовъ по адресу Англіи. Въ Германіи очень обрадовались такому проявленію затаеннаго неудовольствія Франціи.

Но спрашивается, что̀ же выиграла Франція отъ своего „рѣшительнаго“ шага?

Вчера Рейтерова телеграмма изъ Каира сообщила о нотѣ Египетскаго правительства, въ которой объявляется объ упраздненіи совокупнаго контроля Франціи и Англіи надъ египетскими дѣлами. Сегодня телеграмма *Сѣвернаго Агентства* нѣсколько смягчаетъ это извѣстіе, но сущность его остается: Египетское правительство не желаетъ продолженія контроля и настаиваетъ на замѣнѣ его чѣмъ-либо инымъ. Чѣмъ будетъ замѣненъ этотъ контроль не упоминается. Но объ этомъ ужь позаботится лордъ Дёфферинъ, прибывшій въ Каиръ съ „широкими полномочіями.“

Таковъ отвѣтъ Англіи на вызовъ...

Б.

Вотъ что̀ прочли мы вчера въ газетахъ *(Новое Время)*: „Слѣдствіе по дѣлу *писаря* Главнаго Штаба Шумейкина, обвиняемаго въ поборахъ съ писарей за переводъ ихъ въ штабъ, ведется энергически. Къ допросу привлекаются не только поплатившіеся, но и всѣ тѣ чины военнаго вѣдомства, по протекціи или по просьбѣ которыхъ совершался переводъ писарей. Утверждаютъ что поборы за переводъ достигали довольно крупныхъ цифръ. Съ нѣкоторыхъ взималось по *двѣсти* и болѣе рублей.“ Дѣло это вовсе не такъ мелко какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Прежде всего, что̀ заставляло писарей покупать себѣ мѣста? Особыхъ служебныхъ преимуществъ писаря Главнаго Штаба по закону не имѣютъ, а содержаніе получаютъ отъ казны такое же какъ и вездѣ. За что̀ же отдать двѣсти рублей, что̀ составитъ почти двухлѣтній окладъ содержанія писаря?

Не ясно ли что у писарей Главнаго Штаба есть крупные доходы, съ лихвою возвращающіе данную взятку? Но какимъ образомъ и за что̀ получаютъ писаря Главнаго Штаба эти доходы? Отъ кого, наконецъ? Оказывается что писаря въ Главный Штабъ переводились не иначе какъ по протекціи или просьбѣ разныхъ чиновъ военнаго вѣдомства, состоявшихъ, надо полагать, начальниками переводимыхъ писарей. Какимъ образомъ могло случиться что однихъ этихъ ходатайствъ было недостаточно, а требовалось еще дать подачку какому-то писарю Шумейкину, и что за всесильная особа этотъ писарь, какимъ образомъ онъ могъ пріобрѣсти такое вліяніе и значеніе въ Штабѣ? Всестороннее разслѣдованіе этого дѣла могло бы вѣроятно повести ко многимъ любопытнымъ открытіямъ относительно дѣлопроизводства Главнаго Штаба и разъяснить ту упорно десятки лѣтъ держащуюся легенду что писаря въ Главномъ Штабѣ имѣютъ „большую силу.“ Понятно видѣть на скамьѣ подсудимыхъ главнаго доктора флота Буша обвиняемаго въ торговлѣ мѣстами, но совершенно непонятно увидѣть на той же скамьѣ писаря. Бушъ былъ начальникомъ управленія; назначеніе въ должности зависѣло отъ него. Неужели и писарь Шумейкинъ относительно своихъ собратій былъ въ такомъ же положеніи? Не въ этой ли силѣ писаря нужно искать разгадки и тѣхъ удивляющихъ своею дерзостью злоупотребленій какія открыты были въ военномъ вѣдомствѣ въ послѣднее

время? Недавно обнаружено, напримѣръ, что на Шостенскомъ казенномъ пороховомъ заводѣ, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, систематически расхищались милліоны рублей. Оказалось что по одной только поставкѣ кирпича управленіе завода получило 1.800.000 рублей, изготовляя кирпичъ на собственномъ заводѣ по 9 р. за тысячу и поставляя казнѣ по 18 р. 50 к. Лѣсъ для казенныхъ построекъ поставлялся тоже заводомъ, и по очень дорогимъ цѣнамъ, хотя лѣсъ этотъ, какъ оказалось, *вырубался съ казенныхъ дачъ*. При шоссированіи дорогъ въ мѣстности и безъ того песчаной, управленіе завода представляло чудовищные счеты за поставку песку тамъ гдѣ его вовсе не шло. Спрашивается, можно ли было десятки лѣтъ всѣ эти злоупотребленія проводить и скрывать безъ содѣйствія писарей? Неужели же въ Петербургѣ, въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи, не имѣлось даже плана завода и окружающей его мѣстности, хотя заводъ и находится въ вѣдѣніи этого управленія? Кто и какъ провѣрялъ отчеты и счеты завода? Теперь много говорятъ объ извѣстной милліонной операціи съ хиною въ Главномъ Военно-Медицинскомъ Управленіи. Утверждаютъ что по дѣлу этому начато уже слѣдствіе. Но могла ли и эта операція миновать писарскія руки? Въ Главномъ Штабѣ нѣтъ конечно хозяйственныхъ дѣлъ, но за то тамъ есть не мало дѣлъ другаго рода кои могли служить доходною статьей для писарей. На первомъ планѣ стоятъ тутъ награды, назначенія, переводы, войсковая отчетность и разнаго рода пререканія. Къ сожалѣнію, въ военномъ вѣдомствѣ награды и назначенія до сихъ поръ продолжаютъ быть секретомъ. Ведется, напримѣръ, кандидатскій списокъ по назначенію въ командиры отдѣльныхъ частей; онъ составляетъ секретъ, но каждому кандидату естественно интересоваться узнать высоко ли онъ стоитъ въ этомъ спискѣ и когда можетъ разчитывать на назначеніе. Прямо этого узнать нельзя. Ведется списокъ кандидатовъ на должности уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, и тутъ совершается то же самое. Всякая почти справка и указаніе на то или другое дѣло, на средство обойти затрудненіе, на такъ-называемые „прежде бывшіе примѣры,“ въ силу которыхъ можно де ходатайствовать о томъ или другомъ,—все это легко обращается во вредъ дѣлу и службѣ, въ доходы писарей, если только порядокъ и дѣлопроизводство канцеляріи даютъ имъ доступъ къ подобнаго рода свѣдѣніямъ. Чтобы скрыть концы какого бы то ни было щекотливаго дѣла необходимо умѣлое составленіе отчетности. Вся эта умѣлость заключается, въ сущности, въ знаніи того, кѣмъ и какъ эта отчетность провѣряется. Чѣмъ больше писарей и низшихъ чиновъ въ какой-либо канцеляріи, тѣмъ труднѣе устраняются и предотвращаются злоупотребленія. Въ Германіи это сознали давно, и въ тамошнихъ центральныхъ органахъ военнаго вѣдомства число писарей доведено до минимума. Оно въ нѣсколько разъ меньше нежели у насъ. Бо́льшая часть бумагъ и пишется и переписывается прямо офицерами, тогда какъ у насъ не только серіозныя, но и *секретныя* бумаги сплошь переписываются и хранятся писарями. Это такой порядокъ при которомъ нечего и удивляться злоупотребленіямъ; скорѣе надо удивляться что злоупотребленій еще слишкомъ мало.

Слышно что въ непродолжительномъ времени будетъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ проектъ преобразованія высшаго военнаго управленія на началахъ установленныхъ собиравшеюся въ прошломъ году, въ предсѣдательствѣ графа Коцебу, коммиссіей изъ высшихъ военныхъ чиновъ.

Нельзя не пожелать чтобы съ преобразованіемъ системы военнаго вѣдомства были измѣнены и самые порядки какъ дѣлопроизводства центральныхъ учрежденій, такъ и сношеній ихъ съ подвѣдомственными этимъ учрежденіямъ мѣстными органами. Всякія злоупотребленія недостаточно только наказывать; слѣдуетъ принимать еще мѣры противъ ихъ повторенія. А въ злоупотребленіяхъ открытыхъ за послѣдніе годы по военному вѣдомству замѣчается одно и то же: источникомъ ихъ бываетъ крайне сложная отчетность и запутанное дѣлопроизводство какъ въ исполнительныхъ органахъ вѣдомства, такъ и въ его центральныхъ учрежденіяхъ. Упростить бумажное дѣло значило бы при этомъ устранить возможность многихъ злоупотребленій. Сокращеніе личнаго состава каждаго учрежденія не выполнимо безъ значительнаго сокращенія переписки, заставляющей теперь держать цѣлые полки писарей и дающей имъ не подобающую силу. До сихъ поръ у насъ думали, кажет-

ся, наоборотъ: думали что привлеченіе къ извѣстному дѣлу писарей, то-есть нижнихъ чиновъ, заставитъ чиновниковъ быть осторожнѣе и прямѣе. На дѣлѣ вышло, однако, совсѣмъ не то, какъ оказывается и по дѣлу Буша, и по дѣламъ Шостенскаго завода, и всесильнаго писаря Главнаго Штаба, Шумейкина.

№ 302.

Москва, 30-го октября.

Ходатайство Московскаго и Нижегородскаго биржевыхъ комитетовъ уважено, и людямъ промышленнаго и торговаго міра переданъ на разсмотрѣніе вопросъ о кавказскомъ транзитѣ, независимо отъ обсужденія его въ коммиссіи „свѣдущихъ людей“ при министерствѣ. Замедленія въ рѣшеніи вопроса отъ этого не будетъ, но дѣло много можетъ выиграть отъ того что кромѣ „мнѣнія представителей двухъ-трехъ московскихъ домовъ,“ о которомъ можно было отзываться что на него нельзя смотрѣть какъ на выраженіе нуждъ и потребностей русско-азіятской торговли, будутъ выслушаны голоса людей ведущихъ дѣла на Нижегородской ярмаркѣ, этомъ средоточіи русскихъ торговыхъ сношеній съ азіятскимъ Востокомъ, людей, конечно, не по наслышкѣ только знакомыхъ съ тѣмъ что̀ можетъ быть полезно или вредно для этихъ сношеній. Остается пожелать чтобы, въ видахъ возможно болѣе полнаго разъясненія предмета, кромѣ соображеній какія могутъ быть представлены отъ обширнаго, обнимающаго нѣсколько губерній Московскаго промышленнаго района и отъ торгующаго на Нижегородской ярмаркѣ купечества, былъ затребованъ отзывъ также отъ *южныхъ* сахарныхъ заводчиковъ, для которыхъ вопросъ о кавказскомъ транзитѣ связанъ съ вопросомъ о возможности сбывать въ Персію чрезъ Поти и Баку по нѣскольку сотъ тысячъ пудовъ сахару на нѣсколько милліоновъ ежегодно. Мнѣніе нашихъ южныхъ сахароваровъ заслуживаетъ по крайней мѣрѣ не меньшаго вниманія чѣмъ толки сторонниковъ иностраннаго транзита. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, скажемъ кстати, только компрометтируютъ свое дѣло, стараясь выставить всѣхъ несогласныхъ съ ними невѣждами, которыхъ не сто̀итъ слушать, представителями „интересовъ Замоскворѣчья,“ на которые смѣшно де обращать вниманіе, людьми „маскирующими своекорыстныя поползновенія патріотическою риторикой.“ Но чего хуже риторики, которая хочетъ увѣрить что при обсужденіи торговыхъ вопросовъ не должно быть корыстныхъ разчетовъ. Напротивъ, именно та изъ спорящихъ сторонъ и должна побѣдить въ вопросѣ о транзитѣ которой удастся доказать что предлагаемое ею рѣшеніе обѣщаетъ русской промышленности болѣе корысти, причемъ самые крупные интересы иностранной торговли съ русской точки зрѣнія, конечно, менѣе уважительны чѣмъ мелочной интересъ Замоскворѣчья. Въ данномъ случаѣ, подъ презрительнымъ наименованіемъ замоскворѣцкихъ, разумѣются интересы всей русской торговли съ Прикаспійскою Азіей.

Во всякомъ дѣлѣ допускающемъ различныя рѣшенія, для правильности выбора, необходимо, не становясь заранѣе сторонникомъ ни того, ни другаго и сохраняя свободу сужденія, принять въ соображеніе и тщательно оцѣнить все что̀ можетъ быть приведено въ пользу и противъ каждаго изъ этихъ сужденій, взвѣшивая при этомъ только внутреннюю силу приводимыхъ доводовъ, совлекая съ нихъ оболочку фразъ, въ которыхъ они иногда выражаются. А по вопросу о транзитѣ пущено въ ходъ не мало фразъ прямо разчитанныхъ на то чтобы произвести впечатлѣніе на умы не способные или не имѣющіе досуга вникнуть въ дѣло и отнестись критически къ тому что̀ о немъ говорится. Именно въ этомъ родѣ всѣ разсужденія о великомъ международномъ значеніи Закавказской желѣзной дороги отъ Поти до Баку. Дѣлаются справки въ исторіи чтобы напомнить что „Закавказская желѣзная дорога прошла по направленію со временъ глубокой древности служившему транзитнымъ путемъ для движенія товаровъ изъ Индіи въ Европу,“ что „заря европейской исторіи застаетъ этотъ путь усѣяннымъ цвѣтущими торговыми факторіями, существованію которыхъ положило конецъ завоеваніе Константинополя Османами и истребленіе ими на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей торговыхъ колоній великихъ италіянскихъ республикъ.“ Въ слѣдъ за этою будто бы что-то рѣшающею пошлостью, возвѣщается что „цѣлесообразнымъ провознымъ тарифомъ и сохраненіемъ въ полной непри-

косновенности кавказскаго транзита, Россія можетъ направить по Закавказской желѣзной дорогѣ всѣ товары идущіе сухопутно изъ Европы въ Персію, Афганистанъ и Индію и обратно.“ Такимъ образомъ Россія станетъ де „единственною распорядительницей пути имѣющаго міровое значеніе!“

Россія „обладательница міроваго пути,“ —ахъ, какъ это эффектно! Въ виду столь великой цѣли, какое въ самомъ дѣлѣ значеніе могутъ имѣть интересы жалкой русской промышленности и ея мизернаго сбыта въ Персію и сосѣднія страны! Однако, что за честь и радость международная дорога чрезъ наши владѣнія? Россія не Турція, и можетъ конечно не опасаться послѣдствій какія для Турціи и Египта имѣлъ Суэзскій каналъ; но интересно было бы знать какіе же это товары изъ Европы въ Индію и изъ Индіи въ Европу пойдутъ не чрезъ Суэзскій каналъ, а черезъ наше Закавказье? Кому можетъ придти въ голову, вмѣсто того чтобы везти товары непрерывнымъ морскимъ путемъ изъ Европы въ Бомбей, къ которому примыкаютъ прорѣзывающія Индію рельсовыя сообщенія, предпочесть иной путь съ цѣлымъ рядомъ перегрузокъ и въ Поти, и въ Баку, и въ персидскихъ портахъ, чтобы затѣмъ везти товары по безконечнымъ пустынямъ и чрезъ едва проходимые горные проходы и перевалы?

Торговый обмѣнъ между Европой и Индіей чрезъ Закавказье существуетъ только въ мірѣ фантазіи, а на дѣлѣ не мыслимъ. Толки о „міровомъ пути“ не болѣе какъ жалкій пуфъ, какъ фокусъ для отвода глазъ.

Вмѣсто міроваго пути, вмѣсто торговаго обмѣна между Европой и Индіей, за кавказскимъ транзитомъ остается такимъ образомъ значеніе сбыта иностранныхъ товаровъ въ Персію и прилегающія къ ней мѣстности, и только. Разница совершенно измѣняющая постановку вопроса. Съ Индіей мы не торгуемъ, не сбываемъ и не имѣемъ въ виду сбывать туда наши товары, а потому льготы и удобства предоставленныя фантастическому индоевропейскому транзиту, дѣйствительно, не были бы подрывомъ для интересовъ русской промышленности. Совсѣмъ иное дѣло иностранный транзитъ не переходящій въ Индію, но отнимающій у русской промышленности и торговли сѣверо-восточные персидскіе и сосѣдніе средне-азіятскіе рынки. Признать такой транзитъ выгоднымъ для Россіи можно не прежде какъ тщательно вычисливъ до рублей и копѣекъ, болѣе ли будетъ получено отъ провоза иностранныхъ товаровъ чѣмъ сколько можетъ получить русская промышленность отъ сбыта своихъ товаровъ въ Персію, сбыта, который несомнѣнно возрастетъ въ случаѣ прекращенія иностраннаго транзита.

Но взвѣшивать ту и другую выгоду надобно честно, а именно честности въ иныхъ печатныхъ сужденіяхъ и незамѣтно. Напротивъ, пускаются въ ходъ что называется шулерскія передержки чтобы преувеличить выгоды отъ допущенія транзита и сбить значеніе торговли съ Персіей для Россіи. Такъ, напримѣръ, петербургскіе финансисты утверждаютъ будто на сбытъ въ Персію смѣшно смотрѣть какъ на важную вѣтвь русской торговли. „Нечего сказать, важная вѣтвь, не достигающая и четырехъ милліоновъ рублей!“ презрительно восклицаютъ эти господа. Сбытъ на сумму 3.936.914 руб., дѣйствительно, не великъ; однако эта цифра не совсѣмъ ничтожна если сравнить ее съ суммой 4.574.599, которою одновременно опредѣлялся офиціально размѣръ иностраннаго сбыта въ Персію чрезъ Закавказье; разница тутъ всего въ шестьсотъ съ небольшимъ тысячъ рублей. Но всего куріознѣе разница въ сужденіяхъ по значенію однихъ и тѣхъ же персидскихъ рынковъ. Зачѣмъ Россіи гнаться за этими рынками, что туда сбывать когда „нынѣшній Иранъ съ территоріей, на $^3/_5$ представляющей безплодную пустыню, съ пятимилліоннымъ нищенскимъ населеніемъ, съ ничтожнымъ торговымъ оборотомъ, не можетъ возбуждать ни чьей торговой зависти, тѣмъ менѣе служить основой богатства азіятской торговли Россіи?“ Но и ничтожность торговыхъ оборотовъ, и безплодность пустынь, и нищенство населенія Персіи тотчасъ же забываются какъ только требуется выставить на видъ выгодность транзита зависящую отъ обширности его размѣровъ. Тутъ персидскіе нищіе вдругъ оказываются настолько достаточными чтобы покупать у иностранцевъ товары на сумму въ нѣсколько разъ бо́льшую тѣхъ $4^1/_2$ милліоновъ рублей на которые простирался иностранный транзитъ чрезъ Закавказье...

Точно также во всемъ: любой предметъ, оставаясь все тѣмъ же самымъ, получа-

етъ различное значеніе и окраску, смотря потому съ какою цѣлію на него ссылаются, *за* или *противъ*. Возьмемъ для примѣра контрабанду и дѣйствительность таможеннаго надзора для ея пресѣченія. Знакомые съ дѣломъ люди торговаго міра утверждаютъ что иностранный транзитъ служитъ средствомъ водворенія контрабандныхъ товаровъ въ Закавказьи, что этотъ контрабандный сбытъ на много превосходитъ размѣры дѣйствительнаго транзита въ Персію. Припоминается при этотъ тотъ фактъ что въ 1877 году, когда транзитъ чрезъ Закавказье былъ прекращенъ военными обстоятельствами, оттуда вдругъ открылся большой спросъ на товары изъ внутренней Россіи, спросъ тотчасъ же прекратившійся какъ только съ заключеніемъ мира возобновилось транзитное движеніе. Указывается на трудность бороться съ укоренившимися въ этомъ отношеніи злоупотребленіями, указывается даже на положительную, очевидную невозможность воспрепятствовать тому чтобъ иностранные товары привезенные въ Персію не проникали затѣмъ въ наши среднеазіятскія владѣнія. Нѣтъ, только допустите транзитъ, и никакой контрабанды не будетъ, всякія поползновенія къ ней будутъ пресѣчены таможеннымъ надзоромъ. За то берегитесь запретить транзитъ: онъ направится изъ Трапезунта на Эрзерумъ и Тавризъ, и тогда отъ контрабанды не будетъ спасенія; всесильный таможенный надзоръ разомъ превратится въ немощный, неспособный сдѣлать что-нибудь для сокращенія ея размѣровъ.

То же самое во всемъ, положительно во всемъ. Не бойтесь допустить транзита, иностранная конкурренція не убытокъ для русскаго сбыта въ Персію: тамошніе жители очень любятъ русскіе товары приноровленные къ ихъ вкусамъ и охотно покупаютъ ихъ, давая имъ почетное наименованіе „урусъ“ (русскихъ). Но будетъ бѣда и иностранная конкурренція подорветъ русскій сбытъ въ Персію если транзитные товары, съ закрытіемъ для нихъ Закавказской желѣзной дороги, будутъ перевозиться въ Персію караванами черезъ Турцію, которая много дороже желѣзнодорожной, а стало-быть ляжетъ на товары лишнимъ накладнымъ расходовъ и подниметъ ихъ цѣну. Удешевленіе иностранныхъ товаровъ въ Персіи выставляется такимъ образомъ будто бы неопаснымъ, а вздорожаніе тамъ тѣхъ же товаровъ будто бы опаснымъ для успѣховъ русскаго сбыта.

Если идетъ рѣчь о выгодахъ отъ транзита, тотчасъ же выставляются на видъ и доходъ который отъ него получитъ желѣзная дорога, и фрахты которые достанутся на долю Каспійскаго флота, и заработки которые перепадутъ рабочему люду при перегрузкахъ въ Поти и Баку. Но ни о чемъ подобномъ не упоминается когда говорится о сбытѣ русскихъ товаровъ въ Персію, какъ будто за перевозку этихъ товаровъ ничего не получать ни Закавказская, ни внутренняя желѣзныя дороги на всемъ ихъ протяженіи отъ промышленныхъ центровъ; какъ будто суда Каспійскаго, а также Черноморскаго флота будутъ перевозить ихъ даромъ; какъ будто перегрузка русскихъ товаровъ никому не дастъ заработка; какъ будто, наконецъ, самое производство товаровъ русскаго сбыта не имѣетъ никакого значенія для русскаго труда и не доставляетъ никакихъ средствъ нашему рабочему люду.

Отбросьте въ сторону запретительныя мѣры для поддержанія русской промышленности и торговли, говорятъ сторонники транзита, и довольствуйтесь одними положительными мѣрами ведущими къ улучшенію и удешевленію производства и къ облегченію путей сбыта. Никто не противъ мѣръ положительнаго свойства; никто не станетъ возражать противъ постройки пароваго пути который соединилъ бы русскую рельсовую сѣть съ незамерзающими каспійскими портами. Кромѣ этой мѣры, нельзя не указать еще на другую, на возвратъ пошлинъ взятыхъ съ привознаго сырья пошедшаго на изготовленіе русскихъ издѣлій, при вывозѣ этихъ издѣлій въ Персію и другія страны, гдѣ имъ приходится конкуррировать съ иностранными. Такъ, напримѣръ, 45-копѣечная металлическая пошлина на хлопокъ ложится въ размѣрѣ около 90 копѣекъ кредитныхъ на пудъ пряжи, въ размѣрѣ одного кредитнаго рубля на пудъ миткаля и ситца; то же самое слѣдуетъ замѣтить объ идущихъ на ихъ выработку краскахъ и т. д. Возвратъ этихъ пошлинъ необходимъ хотя для нѣкотораго уравненія условій при которыхъ русскія издѣлія должны конкуррировать на Востокѣ съ англійскими, въ стоимость производства коихъ подобныя пошлины вовсе не входятъ. Возвратъ этихъ пошлинъ также необходимъ и справедливъ какъ и воз-

вратъ акциза сахара при вывозѣ его за границу. Таможенныя пошлины и акцизы должны быть налогомъ на потребленіе, а не на производство, не на народный трудъ. Но положительныя мѣры въ пользу этого труда не исключаютъ отрицательныхъ, а идутъ съ нимъ обокъ. Какъ не воспользоваться выгодами географическаго положенія которыя даютъ возможность создать усиленный сбытъ продуктовъ русскаго труда въ восточную часть Персіи, куда караванная перевозка иностранныхъ товаровъ значительно дороже чѣмъ въ сѣверо-западную и южную части, на которыя можетъ-быть нашей торговлѣ трудно и разчитывать? Чѣмъ хуже условія въ какихъ находится наше производство сравнительно съ иностраннымъ, чѣмъ моложе и потому слабѣе наша промышленность, чѣмъ выше нашъ учетный процентъ, чѣмъ дороже страховка, чѣмъ несовершеннѣе средства перевозки, чѣмъ продолжительнѣе вслѣдствіе того періоды каждаго торговаго и промышленнаго оборота, тѣмъ болѣе основаній не отдавать Закавказской желѣзной дороги на служеніе иностранному транзиту, но воспользоваться географическими условіями какъ средствомъ возмѣщенія упомянутыхъ невыгодъ съ которыми приходится бороться русскому производительному труду...

№ 304.

Москва, 1-го ноября.

По распоряженію и указанію московскаго генералъ-губернатора разрабатывается во врачебныхъ сферахъ организація санитарнаго наблюденія въ Москвѣ, въ видахъ предупрежденія заразныхъ эпидемій. Вчера мы сообщили дошедшія до насъ объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія, еще не имѣющія офиціальнаго значенія; но мы не можемъ не выразить живѣйшаго сочувствія какъ основной мысли предполагаемаго благодѣтельнаго учрежденія, такъ и тому что дѣло это поручено столь компетентному лицу какъ медицинскій инспекторъ Московскихъ больницъ Н. Н. Новацкій. Предполагаемыя мѣры еще не выработаны, но сообщенныя вчера предположенія кажутся намъ соотвѣтствующими цѣли. Дѣйствительно было бы весьма полезно раздѣлить городъ на санитарные участки, такъ чтобы въ каждомъ изъ полицейскихъ участковъ было по одному или по нѣскольку врачей, на обязанности которыхъ лежало бы составленіе санитарной карты участка, изученіе въ этомъ отношеніи каждой улицы, дома и даже квартиры, съ тѣмъ чтобъ обращать благовременно вниманіе администраціи на возникающія гнѣзда заразы. Какъ только въ какую-либо изъ 85 больницъ и лѣчебницъ Москвы поступилъ бы заразный больной, объ этомъ немедленно сообщалось бы санитарному врачу участка. Получивъ это извѣщеніе, врачъ отправлялся бы на квартиру заболѣвшаго, узнавалъ бы нѣтъ ли въ этомъ домѣ еще заболѣвающихъ, предлагалъ бы мѣры къ предотвращенію дальнѣйшаго распространенія болѣзни, указывалъ бы какъ слѣдуетъ производить дезинфекцію, гдѣ достать необходимыя средства, какъ остеречься отъ заразы. Не всѣ дома и семьи имѣютъ своихъ постоянныхъ врачей; громадное большинство жителей крайне нуждается въ санитарныхъ указаніяхъ.

Поздно бороться со зломъ когда оно уже развилось широко, когда спорадическія заболѣванія приняли характеръ эпидеміи. Для такой борьбы обыкновенно не достаетъ ни средствъ, ни врачей. Это мы еще недавно видѣли при эпидеміи дифтерита, на борьбу съ которымъ тратились всюду большія средства, посылались цѣлые отряды врачей, фельдшеровъ, сестеръ милосердія. И что же? Командированные на мѣсто врачи едва успѣвали подавать помощь заболѣвающимъ и оказывались безсильными остановить дальнѣйшее развитіе эпидеміи. Было бы, конечно, иначе еслибы хоть небольшая часть потраченныхъ на борьбу съ развившеюся заразой средствъ и усилій была употреблена на ея предупрежденіе, какъ того требуетъ медицина. Но какъ это сдѣлать? Обыкновенно при первыхъ извѣстіяхъ о появленіи въ извѣстной мѣстности заразительной болѣзни принимаются ad hoc нѣкоторыя мѣры, устанавливается нѣкоторый санитарный надзоръ, печатаются врачебныя наставленія, приглашается къ „энергической“ дѣятельности наша альфа и омега, земство. Конечно, и эти мѣры приносятъ долю пользы, но ихъ недостаточно. Для борьбы съ заразой недостаточно знать ея сущность и способъ передачи; необходимо изучить всѣ мѣстныя условія способствующія ея развитію и распространенію, пути которыми она мо-

жетъ идти, характеръ который она можетъ принять подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Еще необходимѣе принимать мѣры для устраненія условій способствующихъ развитію эпидеміи. На все это нужно время, нуженъ навыкъ медицинскихъ и административныхъ чиновъ къ совмѣстному дѣйствію, нужна привычка населенія дѣйствовать по указанію врача. Достигнуть всего этого вовсе не такъ легко какъ можетъ казаться на первый взглядъ. Здѣсь прежде всего необходима прочно установившаяся организація дѣла. Не далѣе какъ десятокъ лѣтъ назадъ военное вѣдомство, для своихъ цѣлей, задумало изслѣдовать мѣстности расположенія войскъ въ санитарномъ отношеніи и составить санитарную карту Россіи. Средства военнаго вѣдомства не малыя: каждая войсковая часть имѣетъ по нѣскольку врачей ведущихъ самую точную отчетность относительно заболѣваній и причинъ, къ тому же войсковое начальство обязано оказывать всяческое содѣйствіе врачамъ, а между тѣмъ дѣло остановилось въ самомъ началѣ и ограничилось составленіемъ лишь нѣсколькихъ монографій имѣющихъ интересъ развѣ лишь теоретическій. Причиной остановки этихъ работъ былъ недостатокъ содѣйствія со стороны гражданскаго вѣдомства и земствъ, смотрѣвшихъ на это дѣло едва ли не какъ на праздную затѣю. Большинство населенія смотритъ на предупредительныя санитарно-врачебныя мѣры и теперь почти не лучше, особенно тамъ гдѣ дѣло коснется необходимаго ограниченія своекорыстныхъ интересовъ или понужденія.

Попеченіе о народномъ здравіи не можетъ быть отдано на благоусмотрѣніе случайнаго большинства того или другаго собранія. Небрежность или непониманіе одного изъ нихъ можетъ парализовать самыя энергическія усилія другаго. Тутъ нужны общія мѣры, указаніе свыше, нужна обязательность извѣстныхъ мѣръ и дѣйствій. Но какъ взяться за дѣло, этому можетъ научить только опытъ. Мѣстныя условія въ Россіи такъ разнообразны что едва ли даже мыслимо какое-либо однообразіе въ организаціи санитарнаго надзора. Но поэтому-то и важно не откладывать дѣла въ долгій ящикъ въ ожиданіи пока будутъ выработаны какія-либо общія основанія или, какъ вошло въ обычай говорить, „нормальный уставъ."

Но самый бдительный санитарный надзоръ, наилучшимъ образомъ организованная санитарная полиція, не могутъ должнымъ образомъ обезпечивать народнаго здравія въ нашихъ городахъ если они будутъ оставаться при тѣхъ же варварскихъ условіяхъ въ какихъ находятся теперь. Наше городское благоустройство, также какъ и наше образованіе вообще, до сихъ поръ болѣе заботились о томъ чтобы только казаться таковыми. Вопросъ о канализаціи Москвы, столь необходимый для оздоровленія ея улицъ и жилищъ, переходитъ только изъ коммиссіи въ коммиссію, отъ г. Плевако къ г. Пржевальскому. Вывозъ нечистотъ совершается первобытными способами, отравляя воздухъ, что не было такъ ощутительно и вредно въ прежнюю пору, когда населеніе было менѣе многочисленно, менѣе скучено, и когда городъ походилъ на деревню. Водоснабженіе есть дѣло первой необходимости; но что было достаточно для Москвы въ то время когда въ ней числилось не болѣе 200.000 жителей, при томъ мы остаемся и теперь, когда ея населеніе подходитъ къ милліону. Новое городское управленіе дѣйствуетъ уже двадцать лѣтъ, а мы получили только жидкое газовое освѣщеніе, очень неотличныя думскія мостовыя, проволочныя бульварныя рѣшетки, да нѣсколько новыхъ бульваровъ. Впрочемъ, отъ общественныхъ управленій нельзя ожидать энергическихъ мѣръ къ улучшенію условій городскаго быта. Дѣло въ этомъ отношеніи всегда будетъ идти и медленно, и вяло, пока государство не будетъ предъявлять своихъ требованій и ставить хорошо обдуманныя задачи въ видахъ общей пользы и для непремѣннаго исполненія.

Санитарный надзоръ можетъ оказывать свою пользу когда покажутся первые признаки заразительныхъ болѣзней; но какъ бы ни былъ дѣятеленъ этотъ надзоръ, онъ не предупредитъ развитія болѣзней если города будутъ оставаться гнѣздилищами міазмовъ, если они будетъ завалены и окружены гніющими нечистотами, если они будутъ терпѣть недостатокъ даже въ чистой водѣ...

№ 305.

Москва, 2-го ноября.

При своихъ говорильняхъ монархія Габсбурговъ устроилась очень удобно по части контроля надъ иностранною политикой правительства. Въ Германіи иностранная политика вовсе изъята изъ вѣдѣнія мѣстныхъ ландтаговъ и имперскаго рейхстага, а австро-мадьярская конституція соблюла фикцію, сохранивъ внѣшнюю форму безо всякаго содержанія; одинъ разъ въ годъ, при разсмотрѣніи въ делегаціяхъ избираемыхъ изъ среды парламентовъ Цис- и Транслейтаніи, для разсмотрѣнія обще-имперскихъ бюджетовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а также высшій представитель военной администраціи, даютъ объясненія по предметамъ своихъ вѣдомствъ. Делегаціи, даже въ полныхъ своихъ собраніяхъ засѣдаютъ не публично, а объясненія даются не предъ полнымъ собраніемъ делегаціи, а предъ выборными отъ нихъ комитетами. Члены этихъ комитетовъ даютъ предварительно торжественное обѣщаніе не разглашать ничего изъ свѣдѣній имъ сообщаемыхъ, и такимъ образомъ важнѣйшіе интересы правительства ограждены отъ вторженія въ нихъ площаднаго гама. За то публикѣ, своей и иностранной, подносятся нарочито изготовленные рефераты о тѣхъ объясненіяхъ которыя даны въ делегаціяхъ министрами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ парламентскій декорумъ соблюденъ; а правительство съ своей стороны не только сохраняетъ дипломатическія тайны, сколько то нужно, но еще имѣетъ благовидный предлогъ для составленія такого „обзора" своихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ какой въ данную минуту требуется.

Затѣмъ журналистикѣ предоставляется полная свобода судить о министерскихъ сообщеніяхъ при строгомъ соблюденіи той фикціи, будто министръ говорилъ именно то что̀ содержится въ офиціозномъ сообщеніи.

Всю эту процедуру продѣлалъ и графъ Кальноки, въ первый разъ дебютировавшій на дняхъ предъ делегаціями въ качествѣ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Сказанное графомъ Кальноки по поводу отношенія къ великимъ державамъ ограничилось лишь общими фразами. Но по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ на Балканскомъ полуостровѣ графъ Кальноки былъ гораздо откровеннѣе. Тутъ сказались болѣе или менѣе явственно виды австрійской политики, и нельзя не согласиться что въ этомъ отношеніи графъ Кальноки идетъ по стопамъ своего предмѣстника, графа Андраши, который считается авторомъ, хотя и не вполнѣ самостоятельнымъ, австрійской „миссіи на Востокѣ."

Не отступивъ ни въ чемъ отъ требованій дипломатической вѣжливости, графъ Кальноки сумѣлъ однако воздать безусловную хвалу однимъ и предостеречь другихъ. Особенно интересно сопоставленіе того что̀ сказано о Черногоріи и о Сербіи. Австрійскій министръ заявилъ что Черногорское правительство „вообще" старалось сохранить добрыя отношенія къ Австріи, хотя не обошлось де „безъ колебанія." Онъ не можетъ возлагать на князя Черногорскаго вину въ томъ что нѣкоторые изъ его подданныхъ оказывали сочувствіе и содѣйствіе инсургентамъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Равнымъ образомъ онъ, графъ Кальноки, не имѣетъ данныхъ которыя подтверждали бы что Черногорское населеніе находитъ въ этомъ отношеніи поддержку со стороны иностранной державы. Это послѣднее замѣчаніе служило отвѣтомъ на запросъ одного изъ делегатовъ, который указывалъ прямо на Россію какъ на главную виновницу сочувствія Черногорцевъ къ инсургентамъ Уликъ противъ Россіи не имѣется, но и прямаго отрицанія со стороны графа Кальноки делегаты также не услышали; а по адресу Россіи все-таки сдѣланъ намекъ, котораго дальнѣйшее развитіе предоставлено „свободной" печати, чѣмъ послѣдняя разумѣется не замедлила по своему воспользоваться. Даже о путешествіи князя Черногорскаго въ Петербургъ было потребовано отъ австрійскаго министра объясненіе, и графъ Кальноки, спасибо ему, не нашелъ въ этомъ ничего предосудительнаго; но въ офиціозный рефератъ помѣстилъ и этотъ пунктъ. Главнымъ же образомъ графъ Кальноки утѣшаетъ себя тѣмъ что Черногорія, рано или поздно, „сама убѣдится что ея матеріальное благо и спасеніе зависятъ исключительно отъ Австрія."

За то Сербія, или вѣрнѣе король Миланъ, удостоились отъ австрійскаго мини-

стра полной и безусловной похвалы. Въ зависимости ея благополучія отъ Австріи, и только отъ одной Австріи, уже нѣтъ надобности кого-либо убѣждать. Увѣренность въ этомъ господствуетъ де въ Сербіи, хотя и тутъ имѣется партія которая проповѣдуетъ противоположный взглядъ, но это де не столько изъ убѣжденія сколько изъ разчетовъ личнаго свойства. Въ чемъ именно заключаются эти личные разчеты, графъ Кальноки однако не объяснилъ. За то король Миланъ стоитъ въ глазахъ австрійскаго министра выше всякихъ сомнѣній. Онъ твердо де рѣшился основать свою политику на союзѣ съ Австріей, и ничто не поколеблетъ этой рѣшимости короля Милана. Очевидно что графъ Кальноки и самъ король Миланъ все болѣе и болѣе проникаются духомъ московской газеты г. Ланина, которая съ горячимъ вдохновеннымъ убѣжденіемъ доказываетъ что благополучіе Сербіи требуетъ сколь можно большаго отчужденія ея отъ Россіи и сколь можно болѣе полнаго подчиненія ея Австріи.

Не совсѣмъ довольна, повидимому, Австрія Болгарскимъ княжествомъ, такъ какъ, по словамъ графа Кальноки, пришлось рекламировать противъ поддержки, которая была будто бы оказана Герцеговинцамъ изъ Болгаріи. Эти рекламаціи увѣнчались де успѣхомъ, и по распоряженію Болгарскаго правительства сформировавшіяся въ Болгаріи инсургентскія банды были разсѣяны. По о томъ чтобы Болгарія также могла убѣдиться когда-нибудь въ тѣсной зависимости своего блага отъ союза съ Австріей графъ Кальноки ни словомъ не упомянулъ. Напротивъ, повидимому имѣется нѣкоторое опасеніе что Болгарія можетъ и не пойти за Австріей, такъ какъ былъ сдѣланъ запросъ, также занесенный въ офиціозный рефератъ, о томъ скоро ли будетъ приведена въ исполненіе статья Берлинскаго трактата требующая чтобъ были срыты придунайскія крѣпости поступившія во владѣніе Болгаріи. Графъ Кальноки подтвердилъ и отъ себя желаніе чтобы срытіе крѣпостей совершилось какъ можно скорѣе. Остановка де за деньгами, коихъ потребуется очень много для работъ по срытію крѣпостей.

Еслибъ этотъ послѣдній вопросъ былъ возбужденъ не въ австро-венгерской делегаціи, а предъ болѣе компетентнымъ трибуналомъ, то можно было бы спросить по какому праву Австро-Венгрія является столь усердною заступницей за Берлинскій трактатъ и въ то же время совсѣмъ не признаетъ статей того же трактата, въ силу коихъ Боснія и Герцеговина отданы ей во временное владѣніе, а отнюдь не въ полную собственность. Между тѣмъ, общеимперскій министръ финансовъ г. Каллай, коему ввѣрено управленіе этими провинціями, далъ предъ тѣми же делегаціями подробный отчетъ, который не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ что Боснія и Герцеговина окончательно признаны неотъемлемымъ достояніемъ Австріи.

№ 306.

Москва, 3-го ноября.

А.

По многимъ признакамъ, имѣются серіозныя основанія опасаться что объявленное банкротство Скопинскаго Банка есть только начало конца въ общемъ дѣлѣ огромной массы кредитныхъ учрежденій именуемыхъ городскими общественными банками. За катастрофой въ Скопинѣ уже послѣдовала другая подобная ей - во Владикавказѣ. Правда, операціи Владикавказскаго Банка не были такъ обширны какъ Рыковскія, но сущность дѣла отъ этого не мѣняется: во всякомъ случаѣ остается налицо сообщенный въ газетахъ фактъ что изо 150.000 руб. основнаго капитала, 1.400.000 частныхъ вкладовъ и 150.000 р. займа Государственнаго Банка—во Владикавказскомъ Банкѣ ничего не осталось, что эти деньги, болѣе полутора милліона рублей, ушли на учетъ ничего не стоящихъ векселей. Главными виновниками въ этомъ печальномъ результатѣ общественнаго городскаго кредитнаго предпріятія называютъ Зуевича, нынѣшняго директора Банка, Ивана Богданова, бывшаго директора, и его брата Григорія Богданова, городскаго голову. Зуевичъ и кассиръ Банка Симоновъ уже арестованы, подобно Рыкову, за растрату. Ограничится ли все дѣло Скопинымъ и Владикавказомъ, или же къ именамъ этихъ городовъ придется присовокупить еще многія другія? Дай Богъ чтобы послѣдняго не случилось, но нельзя и было бы вредно скрывать отъ себя что кромѣ поименован-

ныхъ, судьба многихъ городскихъ общественныхъ банковъ виситъ на волоскѣ, и что еще большее число этихъ банковъ поставлены въ крайне затруднительное положеніе уже теперь, при самомъ началѣ возникающаго банковаго кризиса. Изъ разныхъ мѣстъ, одни за другими, приходятъ извѣстія что вкладчики торопятся вынимать свои вклады изъ банковъ, что банки останавливаютъ учетъ и ссуды въ виду истребованія безсрочныхъ вкладовъ, которые не хранились въ кассѣ, а раздавались подъ векселя часто подлежащіе оплатѣ въ далекіе сроки и не всегда вполнѣ благонадежные. Между тѣмъ, полученія и по благонадежнымъ векселямъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ во многихъ случаяхъ затруднительны. Съ разныхъ сторонъ, чуть не отовсюду, слышатся жалобы на застой въ торговлѣ, на затрудненія въ платежахъ. Благопріятный исходъ банковаго кризиса затрудняется одновременнымъ и имѣющимъ гораздо большее значеніе кризисомъ торгово-промышленнымъ. Низкія цѣны на хлѣбъ и отсутствіе выгоднаго спроса на него сократили и остановили спросъ на продукты обрабатывающей промышленности. Нѣтъ сбыта, нѣтъ и денегъ, и въ ту самую пору когда банковый кредитъ долженъ бы былъ оказывать особенную помощь общему безденежью при громадныхъ массахъ товаровъ подъ которые могли быть сдѣланы денежныя ссуды, возникаетъ банковый кризисъ...

Когда разгарается пожаръ и пламя перекидываетъ съ одного дома на другой, когда ясно до очевидности что имѣющихся налицо мѣстныхъ средствъ не достаточно, принимаются экстренныя мѣры; а чѣмъ болѣе воспламенимаго матеріала можетъ встрѣтить огонь на своемъ пути, чѣмъ серіознѣе послѣдствія какихъ можно опасаться отъ его разрушительнаго дѣйствія, тѣмъ настоятельнѣе необходимость экстренныхъ мѣръ. Не требуетъ ли безотлагательнаго принятія экстренныхъ мѣръ и этотъ банковый пожаръ? Не чувствуется ли необходимость назначенія особой коммиссіи или единоличнаго органа власти съ широкими полномочіями и со спеціальною цѣлью борьбы съ рѣзко обозначившимся зломъ и вспоможенія тьмамъ несчастныхъ которые становятся его жертвами? Теперь не время заниматься изобрѣтеніемъ средствъ контроля надъ операціями городскихъ общественныхъ банковъ. Пусть тѣ кому досужно препираются объ этихъ средствахъ; впереди всего стоитъ необходимость залить начавшійся пожаръ, не дать ему распространиться, войти въ положеніе массъ людей которыхъ онъ разорилъ...

Б.

Помимо „интересовъ Замоскворѣчья,“ по поводу вопроса о Кавказскомъ транзитѣ заявилъ о своемъ существованіи еще одинъ крупный интересъ—интересъ „русскаго Манчестера.“ 29 минувшаго октября, упомянутый вопросъ обсуждался въ Комитетѣ Торговли и Мануфактуръ города Иваново-Вознесенска, послѣ, чего какъ мы освѣдомились, было постановлено послать директору Департамента Торговли и Мануфактуръ Н. А. Ермакову телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Невыгодныя условія для русской торговли съ Персіей при существующемъ теперь Кавказскомъ транзитѣ значительно сокращаютъ сбытъ русскихъ произведеній; а скорое открытіе желѣзнаго пути отъ Тифлиса до Баку и вѣтви соединяющей Батумскій портъ съ главною линіей представляетъ еще болѣе опасности потерять персидскіе рынки для сбыта русскихъ произведеній, почему Иваново - Вознесенскій Комитетъ Торговли и Мануфактуръ ходатайствуетъ предъ вашимъ превосходительствомъ о принятіи мѣръ способствующихъ охраненію интересовъ русской торговли и промышленности по отношенію къ Персіи отъ вліянія иностранной конкурренціи.“

Имѣютъ ли интересы Ивано-Вознесенска своихъ представителей въ „совѣщаніи свѣдущихъ людей“ созванномъ при Министерствѣ Финансовъ, приглашены ли эти представители въ томъ же числѣ какъ и представители заинтересованныхъ въ Кавказскомъ транзитѣ тифлисскихъ коммерсантовъ, мы не знаемъ, но можно надѣяться что значеніе обсуждаемаго вопроса для нашего Манчестера не будетъ забыто при его рѣшеніи Заговоривъ о немъ, пользуемся случаемъ привести нѣсколько соображеній въ дополненіе къ тому что было высказано въ нашей газетѣ по вопросу о Кавказскомъ транзитѣ.

По справедливому замѣчанію сдѣланному въ № 230 газеты *Голосъ*, это есть вопросъ „требующій для своего правильна-

го разрѣшенія цифръ, цифръ и цифръ.“ Но цифры цифрамъ рознь, и напримѣръ, едва ли много вѣса могутъ имѣть голословныя, неподкрѣпляемыя солиднымъ статистическимъ разчетомъ, заявленія въ родѣ того что при иностранномъ транзитѣ Закавказская дорога можетъ заработать до 600.000, а можетъ-быть и болѣе, и что этотъ же транзитъ доставитъ заработокъ мѣстному населенію въ суммѣ до 400.000 (?) рублей (при перевозкѣ по желѣзной дорогѣ!). Но несомнѣнно имѣлъ бы значеніе вполнѣ убѣдительнаго довода возможно болѣе точный и обстоятельный разчетъ сколько заработковъ остается въ пользу русскаго народнаго труда и всякихъ русскихъ перевозочныхъ средствъ отъ каждаго милліона рублей въ итогѣ русскаго сбыта въ Персію, если принять въ разчетъ доставку сырья въ промышленные центры, всѣ работы по превращенію сырья въ издѣлія, и затѣмъ доставку этихъ издѣлій на рынки сбыта. Тутъ важно принять въ соображеніе, употребляя выраженіе Бастіа, все „что̀ видно и чего не видать.“ Напримѣръ, нельзя упустить изъ вида какія именно выгоды могутъ получить отъ сбыта нѣсколькихъ сотъ тысячъ пудовъ сахара чрезъ Закавказье на Востокъ земледѣльцы, занимающіеся разведеніемъ свекловицы рабочіе занятые на свеклосахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ и вообще всѣ тѣ кому даетъ заработки сахарное производство и перевозка его продуктовъ. Далѣе, очень важно было бы привести цифровой разчетъ, во сколько обойдется доставка на рынки Восточной Персіи одного пуда товара, напримѣръ сахара, при перевозкѣ, съ одной стороны, желѣзнодорожнымъ путемъ отъ Поти до Баку и затѣмъ моремъ до персидскихъ портовъ, съ другой—караваннымъ путемъ отъ Трапезунта чрезъ Тавризъ. Такой разчетъ позволилъ бы опредѣлить какого успѣха можетъ ожидать русскій сбытъ въ Персію при конкурренціи иностраннаго транзита только чрезъ турецкія владѣнія, и на какое количество русскихъ грузовъ можетъ разчитывать Закавказская желѣзная дорога взамѣнъ грузовъ иностранныхъ. Что касается грузовъ идущихъ въ противоположномъ направленіи, то насчетъ ихъ дорога можетъ быть спокойна. „Внутреннее“ значеніе этого желѣзнодорожнаго пути остается во всей его силѣ и въ случаѣ прекращенія иностраннаго танзита. „Прорѣзывая весь Кавказскій перешеекъ отъ моря до моря,“ какъ сказано въ вышеупомянутомъ нумерѣ *Голоса*, „путь этотъ откроетъ сбытъ естественнымъ богатствамъ Кавказа въ бассейнѣ Чернаго Моря. Одни богатства Бакинской губерніи—этого по щедрости даровъ природы поразительнаго уголка на пространствѣ всего земнаго шара, мѣстонахожденія нефтяныхъ источниковъ, богатѣйшаго улова рыбы, мѣста произрастанія (sic) почти тропической культуры (sic),—давно вызывали необходимость въ дорогѣ открывающей возможность сбыта въ теченіе цѣлаго года.“ Не совсѣмъ лишится этотъ путь и „международнаго“ значенія. Нѣтъ причинъ не желать чтобъ онъ послужилъ къ облегченію и усиленію сбыта товаровъ изъ Персіи въ Европу. Напротивъ, чѣмъ болѣе выгодъ будутъ получать Персіяне отъ этого сбыта, тѣмъ болѣе будетъ у этого „нищенскаго“ народа средствъ для покупки русскихъ товаровъ. Поэтому нисколько не желательно чтобы желѣзная дорога повышала свой провозный тарифъ до рубля и выше съ пуда,—мѣра, которую она обѣщается принять (неизвѣстно въ какой мѣрѣ и сколько времени исполнялось бы это обѣщаніе) будто бы въ видахъ устраненія опасеній что иностранный транзитъ можетъ принять размѣры опасные для русской торговли, на самомъ же дѣлѣ, повидимому, съ цѣлью отстоять допущеніе иностраннаго транзита во что̀ бы то ни стало, хотя бы цѣной уменьшенія именно тѣхъ выгодъ отъ него на которыя ссылаются какъ на доказательство въ его пользу.

Затѣмъ, для опредѣленія размѣровъ какіе можетъ принять русскій сбытъ въ Персію и сопредѣльныя восточныя страны, можетъ имѣть большое значеніе цифровой разчетъ по части возврата пошлинъ взятыхъ съ привознаго сырья пошедшаго на изготовленіе русскихъ издѣлій. Относительно главной въ настоящее время статьи сбыта въ Персію—сахара—никакихъ разчетовъ не нужно: тутъ требуется только возвратъ акциза, размѣръ коего извѣстенъ. Но относительно другихъ статей того же сбыта *), желательно привести въ извѣстность, въ возможно болѣе точныхъ цифрахъ, въ какой именно мѣрѣ наши таможенныя пошлины на всѣ пред-

*) См. ихъ номенклатуру въ *Обзорѣ Внѣшней Торговли Россіи* за 1880 годъ, стр. 129—131 и 443.

меты нужные для производства ложатся на его продукты. Русская промышленность, для поощренія заграничнаго сбыта своихъ продуктовъ, не требуетъ установленія въ свою пользу тѣхъ премій за отпускъ помощію коихъ поощрялось развитіе, напримѣръ, англійской промышленности въ періодъ ея юношескаго роста; но нашъ народный трудъ несомнѣнно въ правѣ разчитывать на то что во всѣхъ случаяхъ гдѣ его продуктамъ приходится внѣ Россіи конкуррировать съ иностранными, эта конкурренція не будетъ для него затрудняема тягостью пошлиннаго обложенія которой не несутъ его соперники. Снятіе этого тормоза откроетъ совершенно новые виды развитію русскихъ торговыхъ оборотовъ на Востокѣ; но чтобы снять его нужно разчислить въ цифрахъ съ какихъ именно товаровъ и по скольку рублей и копѣекъ съ пуда должно быть возвращаемо въ таможняхъ русскимъ экспортерамъ.

Не будетъ также лишнимъ цифровой разчетъ тѣхъ, неизбѣжныхъ при существующихъ условіяхъ, относительныхъ невыгодъ въ какихъ находится русское производство сравнительно съ иностраннымъ, для разъясненія вопроса возможна ли для нашего народнаго труда конкурренція съ иноземнымъ при помощи единственно техническихъ улучшеній въ производствѣ и пріобрѣтенія умѣнья „примѣняться ко вкусамъ и потребностямъ Востока,“ безо всякихъ стѣсненій для иностраннаго транзита. Интересно знать, одинаковые ли капиталы должны быть затрачиваемы русскимъ и иностраннымъ предпринимателемъ на одно и то же дѣло, напримѣръ, одинаковой ли затраты требуетъ у насъ и за границей постановка одного прядильнаго веретена; одинакова ли тамъ и у насъ наемная плата за нужные предпринимателямъ капиталы? на одинаковый ли срокъ должны быть нанимаемы капиталы тамъ и тутъ для одного и того же промышленнаго оборота? одинаковый ли требуется наличный оборотный капиталъ? одинаковы ли разные накладные расходы по страховкамъ, перевозкамъ и такъ далѣе? Обстоятельное разъясненіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ пунктовъ можетъ устранить массу недоразумѣній, часто дающихъ ошибочное направленіе нашей торговой политикѣ, и ввести въ должные предѣлы значеніе того обыкновенно поставляемаго на видъ обстоятельства что наемная плата за трудъ у насъ ниже заграничной.

Говорятъ будто на развитіе русскаго сбыта въ Персію надобно махнуть рукой въ виду историческаго опыта показавшаго что всѣ попытки учреждать въ Закавказьѣ депо русскихъ товаровъ для сбыта въ Персію оканчивались неудачей. Приводятъ нѣсколько примѣровъ такихъ неудачъ, относящихся ко времени тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Но забываютъ прибавить что между положеніемъ дѣлъ въ Россіи и на Кавказѣ теперь и 40—50 лѣтъ назадъ есть нѣкоторая разница и по части средствъ сообщенія, и относительно безопасности сношеній, которымъ не угрожаютъ болѣе мюриды Шамиля и иныя замѣшательства, и относительно подъема русской торговой предпріимчивости. Забываютъ также разъяснить, были ли на самомъ дѣлѣ упомянутыя неудачныя попытки серіозными торговыми предпріятіями, или дѣлались по соображеніямъ вовсе не имѣющимъ торгово-промышленнаго характера. Между тѣмъ мы слышали что, напримѣръ, упомянутое въ № 291 *Голоса* „цѣлое общество русскихъ фабрикантовъ и купцовъ подъ предводительствомъ Гучковыхъ и Четвериковыхъ,“ отправивъ большую партію разнообразныхъ товаровъ для учрежденія склада оныхъ въ Тифлисѣ, немедленно записало стоимость всѣхъ отправленныхъ издѣлій прямо въ убытокъ, засвидѣтельствовавъ тѣмъ что отправка была сдѣлана не по торгово-промышленнымъ разчетамъ, но какъ пожертвованіе въ угоду тогдашнему кавказскому намѣстнику графу Воронцову и другимъ правительственнымъ лицамъ.

Но tempora mutantur. Невозможное въ сороковыхъ годахъ легко можетъ быть сдѣлано въ восьмидесятыхъ если будетъ прекращенъ транзитъ, съ установленіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ возврата акциза и таможенныхъ пошлинъ съ предметовъ русскаго отпуска въ Персію и сосѣднія восточныя области. И мы не удивимся, если, въ ожиданіи рѣшенія вопроса въ такомъ смыслѣ, нынѣ же начнутся между людьми Московскаго промышленнаго міра и южными сахарными заводчиками, съ приглашеніемъ, можетъ-быть, представителей зараждающагося на югѣ металлическаго производства, а равно и закавказскихъ капиталистовъ, подготовительные переговоры объ учрежденіи солиднаго товарищества на па-

яхъ, на первый разъ съ умѣреннымъ основнымъ капиталомъ, для развитія русскихъ торговыхъ оборотовъ съ Персіей. Такое товарищество могло бы учредить свои конторы и агентства въ Поти, Баку, Астрахани, въ персидскихъ и восточно-каспійскихъ пристаняхъ, устроивъ гдѣ нужно складочные магазины съ выдачей варрантовъ, подъ которые могъ бы быть открываемъ кредитъ и частными банками, и отдѣленіями Государственнаго. Товарищество могло бы торговать не только русскими, но и заграничными товарами, по оплатѣ ихъ установленными нашимъ таможеннымъ тарифомъ пошлинами. Его конторы и ихъ дѣятельность можетъ-быть усладили бы для Закавказья горечь разставанья съ тѣми тифлисскими фирмами которыя, какъ было сообщено въ *Голосѣ*, грозятъ перейти отъ насъ въ Азіятскую Турцію если на транзитъ иностранныхъ товаровъ чрезъ Тифлисъ будетъ наложено запрещеніе.

№ 307.

Москва, 4-го ноября.

Одно за другимъ получаемъ мы письма и заявленія отъ вкладчиковъ Скопинскаго банка. Два изъ нихъ, — одно отставнаго генерала, заслуженнаго ветерана Кавказской арміи, другое отъ сельскаго священника, — читатели найдутъ ниже. Нельзя не тронуться подобными заявленіями. Нельзя безъ душевнаго волненія слышать и читать разказы о подавляющемъ впечатлѣніи произведенномъ на массы вкладчиковъ невозможностью получать обратно свои вклады изъ Скопинскаго банка, страхомъ потери копѣйки сбереженной про черный день. За что обрушилась на нихъ такая бѣда, за что этотъ бѣдный учитель рисованія долженъ потерять свои три тысячи, накопленныя тяжкимъ двадцатилѣтнимъ трудомъ чтобы жена и четверо дѣтей не умерли съ голоду послѣ его смерти? За что жена сельскаго священника должна потерять свою тысячу рублей сбереженную изъ приданыхъ денегъ и сыновнихъ вспоможеній на приданое дочери и себѣ на старость? За что этотъ кавказскій ветеранъ, на закатѣ дней своихъ, осужденъ на горе видѣть своихъ дѣтей необезпеченными, лишенными послѣднихъ крохъ оставшихся сиротамъ отъ умершей матери? Въ чемъ вина ихъ и несмѣтнаго множества другихъ находящихся въ сходномъ съ ними положеніи? Еслибъ они довѣрили свои сбереженія частнымъ лицамъ, они, конечно, должны были бы пенять на самихъ себя въ случаѣ банкротства своихъ должниковъ. Но они не шли на рискъ въ погонѣ за наживой; они не вступали въ сдѣлки съ частными лицами; имъ не было никакого дѣла до Рыкова и другихъ господъ управлявшихъ Скопинскимъ банкомъ и другими мѣстными общественными дѣлами какъ до частныхъ лицъ; не этимъ лицамъ, а правительственному учрежденію оказывали они довѣріе. И развѣ они ошибались, развѣ городскія думы и управы, а стало-быть и городскіе общественные банки, не правительственныя учрежденія? Развѣ они издаютъ обязательныя для русскихъ людей постановленія и облагаютъ ихъ разными сборами не на государственномъ, а на частномъ правѣ и стоятъ къ населенію въ тѣхъ же отношеніяхъ какъ въ старину помѣщики ко своимъ крестьянамъ? Правительственный характеръ этихъ учрежденій нисколько не измѣняется отъ того что управляются они не назначенными властью, а выборными лицами; судебныя учрежденія, когда личный персоналъ ихъ пополнялся выборными отъ сословій лицами, путемъ подобнымъ тому какимъ нынѣ назначаются мировые судьи, нисколько отъ того не теряли своего правительственнаго, государственнаго значенія. Съ Рыковымъ, какъ Рыковымъ, вкладчики не имѣли никакого дѣла; они имѣли только дѣло съ представителемъ администраціи стоявшимъ во главѣ правительственнаго учрежденія. Честенъ онъ или не честенъ, хорошо или дурно ведетъ порученное ему дѣло, — это могло заботить правительственную власть, но не вкладчиковъ. Личная благонадежность Рыкова и его товарищей не могла имѣть для вкладчиковъ больше значенія чѣмъ какое имѣетъ, напримѣръ, личная благонадежность начальника интендантскаго управленія и интендантскихъ чиновниковъ для подрядчика который ввѣряетъ имъ свои залоги. Если интендантскій чиновникъ проворуется, и пропадутъ залоги, подрядчику отвѣтитъ за нихъ казна, а не проворовавшійся членъ административнаго учрежденія; взыскать съ виновнаго все что слѣдуетъ, подвергнуть его карѣ, дѣло правительства, а не частныхъ

лицъ имѣвшихъ дѣло съ правительственнымъ учрежденіемъ. Такъ и въ дѣлѣ общественныхъ городскихъ банковъ, ни одно изъ постановленій опредѣляющихъ личную и имущественную отвѣтственность членовъ банковаго и городскаго управленія, а равно и всего городскаго общества, ни 2, ни 11, ни 19, ни 25 стт. Нормальнаго Положенія нисколько до вкладчиковъ не касаются: этими статьями опредѣляется лишь порядокъ взысканія съ органовъ администраціи виновныхъ въ нарушеніи закона изданнаго имъ въ руководство, ими опредѣляется лишь способъ возмѣщенія убытковъ казны которые причинены ей этими нарушеніями. Не потому ли въ законѣ и не дѣлается никакого различія между отвѣтственностью за сохранность вкладовъ и отвѣтственностью за цѣлость суммъ принадлежащихъ самому общественному городскому банку, но обѣ эти отвѣтственности сливаются въ одну нераздѣльную? Не поэтому ли также нѣтъ въ законѣ никакихъ указаній на порядокъ ликвидаціи городскихъ общественныхъ банковъ, ни малѣйшаго намека на самую возможность такой ликвидаціи? Говорить въ законѣ о такой ликвидаціи было бы все равно что говорить о ликвидаціи Государственнаго Банка, разныхъ казначействъ, интендантскихъ и всякихъ иныхъ управленій. Правительственныя учрежденія, большія и малыя, въ случаѣ надобности упраздняются или преобразуются, но не ликвидируются. Всѣ смутныя, сбивчивыя толкованія разныхъ статей Нормальнаго Положенія, какъ надобно полагать, суть результатъ извѣстныхъ фальшивыхъ представленій о нашихъ „самоуправляющихся“ городахъ какъ о нѣкіихъ государствахъ въ государствѣ, въ родѣ членовъ бывшаго Германскаго Союза или по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ штатовъ Сѣверо-Американской федеративной республики. Но въ банкъ „Скопинскаго государства“ никто не понесъ бы вкладовъ; ихъ несли въ Скопинскій банкъ потому что о возможности существованія подобнаго государства никто не думалъ.

Нельзя смотрѣть равнодушно на бѣдствія разоренныхъ вкладчиковъ Скопинскаго и Владикавказскаго банковъ, на цѣлую массу бѣдняковъ потерявшихъ послѣдній кусокъ хлѣба, на тысячи семействъ которыя должны пойти по міру. Но точно также нельзя принимать только къ свѣдѣнію факты подобные тѣмъ о какихъ не разъ сообщалось изъ Скопина. Когда жители цѣлаго города поголовно приходятъ въ отчаяніе, со страхомъ ожидая назначенія „конкурса“ могущаго истолковать 19 и 25 стт. Нормальнаго Положенія въ томъ смыслѣ что взысканіе по претензіямъ кредиторовъ банка должно быть обращено на частныя имущества всѣхъ городскихъ обывателей, не принимавшихъ участія въ банковыхъ операціяхъ и неповинныхъ въ томъ что̀ въ немъ творилось; когда дѣло доходитъ до того что изъ города, въ виду этого конкурса, какъ бы въ ожиданіи непріятельскаго нашествія, вывозится въ уѣздъ и въ сосѣдніе города, во избѣжаніе описи, всякое цѣнное имущество, даже мебель; когда подъ вліяніемъ тѣхъ же опасеній пріостанавливается вся мѣстная торговая дѣятельность и во всемъ городѣ ни за какія деньги невозможно купить вагона хлѣба, ибо все вывезено; когда цѣлые города постигаются такою паникой съ ея матеріальными и нравственными послѣдствіями: нельзя сидѣть сложа руки тѣмъ кто могутъ, а стало-быть и должны принять мѣры къ ея устраненію.

Для ходатайства о принятіи этихъ мѣръ Скопинское городское общество отправило отъ себя въ Петербургъ особую депутацію изъ четырехъ лицъ, съ которыми, при проѣздѣ ихъ чрезъ Москву, мы имѣли случай видѣться. Мы узнали отъ нихъ много интереснаго, много проливающаго свѣтъ на темныя стороны дѣла. Теперь замѣтимъ только что непосредственная цѣль депутаціи просить объ устраненіи конкурса и назначенныхъ судомъ конкурсныхъ попечителей по дѣламъ рухнувшаго Скопинскаго банка и о назначеніи въ замѣнъ того, для разбора этихъ дѣлъ и приведенія ихъ въ порядокъ, особой правительственной коммиссіи. Ту же цѣль имѣла въ виду, тѣмъ же мотивомъ руководилась Скопинская городская дума и въ своей аппелляціи противъ того рѣшенія Рязанскаго окружнаго суда по которому Скопинскій банкъ былъ признанъ несостоятельнымъ.

Трудно пріискать основанія на которыя могъ бы опереться отказъ въ этомъ разумномъ и законномъ ходатайствѣ Скопинскихъ жителей. Какъ само государство, такъ и его органическія части—губерніи, уѣзды, города —не могутъ подлежать дѣйствію частнаго права, а могутъ быть подчинены только порядкамъ вытекающимъ изъ права государственнаго. Учрежденіе

конкурсовъ въ случаяхъ несостоятельности частныхъ товариществъ и компаній совершенно въ порядкѣ вещей и согласно какъ съ буквой, такъ и съ духомъ закона. Но учрежденіе конкурсовъ въ случаяхъ несостоятельности городовъ, уѣздовъ, губерній, есть крайняя странность; ставить города, уѣзды, губерніи и т. д. подъ ферулу конкурсныхъ попечителей и шаблонныхъ конкурсныхъ порядковъ есть верхъ безсмыслицы. Вѣдать и вершить дѣла о подобныхъ случаяхъ несостоятельности можетъ только правительство. Къ числу такихъ дѣлъ несомнѣнно принадлежатъ и банкротства Скопинскаго и Владикавказскаго банковъ, которыя, въ силу 19 и 25 стт. Нормальнаго Положенія, суть банкротства самихъ городовъ Скопина и Владикавказа, какъ частей государства.

Отмѣна конкурса назначеннаго по дѣламъ Скопинскаго Банка, устраненіе недоразумѣнія въ силу котораго онъ былъ назначенъ и могутъ быть назначены подобные ему конкурсы надъ другими городами, уже само по себѣ было бы важною мѣрой къ ослабленію паники объявшей все Скопинское населеніе. Но еще важнѣе было бы въ этомъ отношеніи разъясненіе дѣйствительнаго смысла 25 и 19 стт. Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, статей очевидно понимаемыхъ превратно. Въ этихъ статьяхъ идетъ рѣчь объ отвѣтственности всего городскаго общества за цѣлость принадлежащихъ банку и ввѣренныхъ ему суммъ, о гарантіи вкладовъ ручательствомъ всего городскаго общества. Но каждый, кто бы онъ ни былъ, можетъ отвѣчать по своимъ обязательствамъ только своимъ, а не чужимъ имуществомъ; такъ и городское общество, по его обязательствамъ, можетъ отвѣчать *только городскимъ общественнымъ имуществомъ*, только городскими общественными средствами. Имущества частныхъ лицъ живущихъ въ городѣ городскому обществу не принадлежатъ, и на эти имущества отвѣтственность по городскимъ общественнымъ обязательствамъ простираться не можетъ. Права частной собственности не могутъ быть упразднены и даже ограничены фактомъ принадлежности собственника къ тому или другому городскому обществу. Городскія общества не коммуны, не фаланстеріи, и въ законодательную мысль положенную въ основу какъ Нормальнаго Положенія о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, такъ и Городоваго Положенія вообще, не могло входить намѣреніе водворить въ Россіи доктрины коммунизма. Городское общество не можетъ совершать дневнаго разбоя отнимая у своихъ членовъ и присвоивая себѣ то что имъ принадлежитъ, не можетъ, напримѣръ, написать на всѣхъ домахъ въ городѣ что они принадлежатъ такому-то городскому обществу; оно можетъ только облагать своихъ сочленовъ налогами въ предѣлахъ предоставленныхъ ему закономъ полномочій. Помимо тягости какою могутъ лечь на горожанъ городскіе налоги (не свыше однако той нормы обложенія которая можетъ быть допущена правительствомъ), городскіе обыватели по обязательствамъ своихъ городскихъ обществъ и городскихъ общественныхъ банковъ ни къ какой иной отвѣтственности присуждены быть не могутъ. Что именно такъ, а не иначе смотритъ на дѣло наше законодательство явствуетъ уже изъ того одного что учрежденіе въ городахъ общественныхъ банковъ не влекло за собой наложенія запрещеній на находящіяся въ чертѣ городовъ недвижимыя имущества городскихъ обывателей. Еслибы 19 и 25 стт. Нормальнаго Положенія дѣйствительно имѣли тотъ смыслъ который имъ безразсудно придается, еслибы частная собственность въ городахъ, гдѣ имѣются общественные банки, дѣйствительно служила такимъ обезпеченіемъ банковыхъ операцій какъ многіе думаютъ, то развѣ находящіеся въ такихъ городахъ дома и другія недвижимыя имущества могли бы быть закладываемы какъ въ мѣстномъ, такъ и въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ? Развѣ всѣ эти кредитныя учрежденія выдавали ссуды подъ залоги значеніе коихъ обращается въ нуль въ случаѣ банкротства городскаго общественнаго банка?

№ 308.

Москва, 5-го ноября.

А.

Офиціозный телеграфъ изъ Будапешта продолжаетъ съ усердіемъ исполнять свою задачу, очевидно заключающуюся въ томъ чтобы подготовить европейскую публику къ рѣшительному шагу замышляемому Ав-

стро-Венгерскимъ правительствомъ относительно Босніи и Герцеговины. Давно прекратились „протесты" оппозиціонныхъ партій въ Цисъ- и Транслейтаніи противъ окончательнаго присоединенія этихъ провинцій; а правительство, съ другой стороны, не думаетъ болѣе скрывать своихъ намѣреній и говоритъ о названныхъ провинціяхъ какъ о неотъемлемомъ австрійскомъ достояніи. Въ этомъ смыслѣ вновь высказался вчера, какъ сообщаетъ телеграфъ, министръ Каллай предъ общимъ собраніемъ Венгерской делегаціи. Отвѣчая на запросъ г. Силадьи (въ чемъ заключался запросъ оффиціозный телеграфъ умалчиваетъ) обще-имперскій министръ финансовъ выразилъ надежду что австрійская оккупаціонная политика увѣнчается успѣхомъ. Кромѣ г. Каллая, возражалъ и графъ Андраши, настоящій зачинщикъ этой „оккупаціонной политики." Онъ возсталъ противъ заявленія Силадьи, доказывавшаго что занятіе Босніи и Герцеговины въ случаѣ войны помѣшаетъ Австро-Венгріи развить всѣ свои военныя силы. Какими фактическими аргументами опровергалъ графъ Андраши этотъ доводъ, телеграфъ не сообщаетъ; а такъ какъ изъ свѣдѣній сообщеныхъ ранѣе делегаціямъ видно что австрійскій оккупаціонный корпусъ простирается свыше 45.000, то едва ли указаніе г. Силадьи устраняется „патріотическою" фразой. Но именно такою фразой, разчитанною на эффектъ, что̀ доказывается поспѣшнымъ сообщеніемъ ея телеграфу, съ добавленіемъ что она встрѣтила одобреніе, отдѣлался въ своемъ отвѣтѣ графъ Андраши. Онъ сказалъ что „солдатъ держащійся подобныхъ воззрѣній такъ же мало солдатъ, какъ тотъ не политикъ кто возстаетъ противъ окончательнаго присоединенія этихъ провинцій."

Графъ Андраши быть-можетъ и правъ доказывая *своимъ* политикамъ изъ парламентской оппозиціи что они поступаютъ неблагоразумно и неполитично высказываясь публично противъ замысла относительно Босніи и Герцеговины. Но мы думаемъ что одного возстановленія патріотическаго единодушія по этому предмету внутри Австро-Венгріи далеко недостаточно для рѣшенія вопроса, который до сихъ поръ еще не пересталъ быть международнымъ, такъ какъ безъ измѣненія подлежащихъ статей Берлинскаго трактата Габсбургская монархія не можетъ быть признана владѣтельницей этихъ провинцій на правахъ полной собственности.

Титулъ того права которое предоставлено Австро-Венгріи надъ Босніей и Герцеговиной мотивированъ на конгрессѣ тѣми заботами, усиліями и издержками, которыя понесла Австрія отъ начала герцеговинскаго возстанія въ 1875 году до окончанія Восточной войны, вслѣдствіе необходимости ограждать свою границу и оказывать матеріальную помощь многочисленнымъ бѣглецамъ изъ этихъ провинцій, искавшимъ убѣжища на австрійской территоріи. Но съ передачей Босніи и Герцеговины во власть Австріи, провинціи эти отнюдь не успокоились. Разочарованныя въ своемъ стремленіи соединиться съ соплеменными народами Сербіи и Черногоріи, добившимися полной независимости отъ Турціи, Босняки и Герцеговинцы возстали противъ австрійскаго ига съ неменьшимъ ожесточеніемъ. Во время этой новой борьбы, Черногоріи пришлось исполнять по отношенію къ инсургентамъ ту самую роль какую играла Австрія когда возстаніе было направлено противъ Турціи. Многія тысячи инсургентовъ укрывались отъ преслѣдованій и жестокостей австрійскихъ войскъ на родную имъ почву Черногоріи, какъ прежде они укрывались въ предѣлахъ Австріи отъ свирѣпости баши-бузуковъ. Разница заключается лишь въ томъ что скудной средствами Черногоріи нести это бремя было во сто разъ труднѣе нежели великой Габсбургской державѣ. До сихъ поръ еще тысячи инсургентовъ остаются въ Черногоріи, опасаясь жестокой расправы, которой они подверглись бы какъ „мятежники" по возвращеніи подъ родной кровъ со стороны австрійскихъ властей.

И что̀ же? То самое гостепріимство которое Черногорія оказывала своимъ роднымъ братьямъ и которое Австріи поставлено было въ заслугу вмѣняется Черногоріи въ преступленіе. Австрію международный ареопагъ счелъ нужнымъ вознаградить за понесенныя ею заботы, отдавъ ей на неопредѣленное время тѣ самыя провинціи которыя эти заботы причинили въ видахъ полнаго ихъ умиротворенія. Вмѣсто умиротворенія, австрійская оккупація причинила однако новое возстаніе, еще болѣе ожесточенное нежели прежнее, противъ турецкаго владычества. А Черногорія оказывается виновною въ томъ что она своими средствами прокармливаетъ бѣжавшихъ

изъ Герцеговины. Кромѣ Черногоріи возводится обвиненіе и на Россію за симпатію къ Черногоріи.

Но спрашивается, неужели Черногорія, а за нею и Россія дѣйствительно нуждаются въ защитѣ австрійскихъ министровъ, которые, въ отвѣтъ на нахальные запросы мадьярскихъ политиковъ въ палатѣ, офиціально возражаютъ что для такого обвиненія не имѣется де въ виду достаточныхъ уликъ?

Графъ Андраши, не занимающій нынѣ офиціальнаго поста и потому высказывающійся съ большею непринужденностію нежели министры, заявляетъ что ближайшая цѣль австрійской политики есть окончательное присоединеніе занятыхъ провинцій. Дѣйствія Австрійскаго правительства въ этихъ провинціяхъ доказываютъ что на дѣлѣ это окончательное присоединеніе есть дѣло рѣшенное. Но если такъ, если, вопреки трактату установившему права Австро-Венгріи на Боснію и Герцеговину, открыто провозглашается ею иное право, которое она сама себѣ присваиваетъ, то нужно по крайней мѣрѣ чтобъ имѣлось въ виду хотя съ чьей-либо стороны выраженное согласіе на подобное самовольное присвоеніе. А пока этого нѣтъ, пока Австро-Венгрія еще не собралась съ духомъ открыто заявить о *fait accompli* окончательнаго присоединенія, ей не подобаетъ не только обвинять другихъ въ нарушеніи ея несуществующихъ правъ, но и защищать кого бы то ни было противъ подобныхъ обвиненій.

Обстоятельства сложились такъ что Австро-Венгрія можетъ разчитывать, что никто не призываетъ ее теперь къ отвѣту за нарушеніе Берлинскаго трактата и не требуетъ отъ нея возвращенія Босніи и Герцеговины ихъ законному владѣльцу, то-есть Турціи. Но отсюда еще не слѣдуетъ что и въ будущемъ не можетъ наступить моментъ для болѣе внимательнаго разсмотрѣнія правъ присвоенныхъ Австріей. Въ предвидѣніи этого австрійскіе политики и хотятъ воспользоваться настоящею благопріятною минутой, дабы имѣть за собою если не прямо выраженное, то хотя молчаливое согласіе державъ на „совершившійся фактъ."

Но и Черногорія, какъ намъ кажется, могла бы воспользоваться настоящею минутой для заявленія такихъ же правъ на вознагражденіе какое досталось Австріи за ея издержки и заботы во время возстанія Герцеговины и Босніи противъ Турціи. Это вознагражденіе по всей справедливости могло бы заключаться въ обратной уступкѣ Черногоріи той части Герцеговины которую Черногорія пріобрѣла цѣной своей крови и съ согласія Турціи выраженнаго по Санъ-Стефанскому договору. Если Берлинскій трактатъ, замѣнившій этотъ договоръ, оказывается не вполнѣ удовлетворяющимъ желанія Австріи, то и Черногорія въ правѣ требовать чтобъ отступленіе отъ буквы онаго въ пользу Австріи доставило и ей извѣстную выгоду.

Еслибы Россія открыто поддержала такое требованіе Черногоріи, это было бы утѣшительнѣе удостовѣренія австрійскихъ министровъ что они не имѣютъ данныхъ „подозрѣвать" Россію въ „тайномъ сочувствіи" Черногоріи.

Б.

Ниже приводимъ мы сжатое изложеніе мнѣній высказанныхъ въ засѣданіи Московской Биржевой Коммиссіи, и въ которомъ всѣ присутствовавшіе были совершенно согласны между собою. Въ собраніи торговыхъ и промышленныхъ людей высказалось недоумѣніе почему могла бы быть принята мѣра клонящаяся къ явному вреду для русскихъ интересовъ, принята только потому что, по чьимъ-то настояніямъ, но никакъ не въ интересахъ русской промышленности и торговли, которые при этомъ вовсе и спрошены не были, построена желѣзная дорога,—и почему одна ошибка должна вести за собой другую, еще горшую. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться что дорога предназначаемая для служенія *иностранному* транзиту построена и приведена къ окончанію не стѣсняясь недостаткомъ средствъ, между тѣмъ какъ не построено дороги которая связала бы Закавказье съ центромъ Россіи и которая такъ необходима въ русскихъ политическихъ, военныхъ и торговыхъ видахъ, точно также какъ не построена дорога въ Сибирь. По этому предмету заслуживаетъ вниманія напечатанная въ послѣднемъ нумерѣ нашемъ статья „О Закавказской и Сибирской желѣзныхъ дорогахъ." Но о затронутыхъ ею вопросахъ мы разчитываемъ поговорить въ послѣдствіи; теперь же мы сослались на нее лишь потому что въ ней выразился тотъ же русскій здравый

смыслъ которымъ руководилось и московское торгово-промышленное совѣщаніе въ единогласно принятыхъ имъ мнѣніяхъ. Быть-можетъ, въ силу другихъ соображеній, мнѣнія эти уважены не будутъ, но хорошо уже и то что они будутъ выслушаны и что въ случаѣ ихъ отклоненія будетъ на виду что̀ именно отклоняется. Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ о кавказскомъ транзитѣ, необходимо чтобъ имѣлись въ виду дѣйствительныя интересы, а не фальшивыя подобія ихъ.

Здѣшнія торгово-промышленныя совѣщанія имѣли бы вѣское значеніе въ подобныхъ обсуждаемому вопросахъ при всякихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ большее значеніе имѣютъ они въ виду несостоятельной организаціи созываемыхъ въ Петербургѣ такъ-называемыхъ „свѣдущихъ людей.“ Не за тѣмъ, конечно, созываются эти совѣщанія чтобы выслушивать мнѣнія чьи попало, людей взятыхъ откуда вздумалось, а чтобы спросить разные прикосновенные къ обсуждаемымъ вопросамъ интересы. Отзывы этихъ интересовъ не представляютъ собой ничего формально-обязательнаго, и потому не можетъ быть никакихъ побужденій добиваться чтобы мнѣнія созванныхъ представителей разныхъ интересовъ группировались такъ, а не иначе, клонились въ ту, а не въ другую сторону. Въ такихъ созываемыхъ правительствомъ совѣщаніяхъ нужно слышать правду, всю правду и ничего кромѣ правды именно о томъ что̀ желательно и чего нежелательно съ точки зрѣнія даннаго интереса. Но правду, во всей ея силѣ и объемѣ, можетъ высказать о себѣ только самъ данный интересъ взятый живьемъ, а никакъ не представитель его который можетъ быть ему чуждъ или у котораго могутъ быть другіе болѣе для него вѣскіе интересы. Если желательно знать дѣйствительное отношеніе даннаго интереса къ дѣлу, надобно предоставить ему самому отрядить отъ себя тѣхъ людей которыхъ онъ считаетъ наиболѣе способными отстаивать его. Иначе можетъ случиться, пожалуй, что, напримѣръ, голоса гг. Ананова и Алексѣева, разошедшихся съ единогласнымъ мнѣніемъ всей промышленности обширнаго Московскаго района и нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей и Среднею Азіей, пойдутъ въ петербургскомъ совѣщаніи именно за голоса того интереса который вовсе не будетъ говорить ихъ рѣчами.

У насъ много толкуютъ о выборномъ началѣ, суютъ его куда ни попало, куда вовсе не слѣдуетъ, требуютъ самаго широкаго примѣненія выборовъ какъ основы вожделѣнныхъ „правовыхъ“ порядковъ; но тамъ гдѣ это начало дѣйствительно имѣетъ смыслъ, тамъ его обѣгаютъ.

№ 309.

Москва, 6-го ноября.

Полученныя сегодня берлинскія газеты заняты сужденіями о тронной рѣчи, прочитанной императоромъ при открытіи, 14 ноября, Прусскаго ландтага. Рѣчь эта „въ немногихъ, но точныхъ выраженіяхъ“ даетъ ключъ къ уразумѣнію настоящаго положенія не только Пруссіи, но и всей имперіи. Германія нуждается въ мирѣ. Онъ ей необходимъ теперь болѣе чѣмъ кому-нибудь. „Съ особеннымъ удовольствіемъ я могу сообщить вамъ, прочелъ императоръ въ концѣ, что отношенія имперіи къ иностраннымъ правительствамъ внушаютъ увѣренность въ сохраненіи благодѣтельнаго мира.“ Этотъ конецъ рѣчи берлинская печать выдвигаетъ на первый планъ. „Миръ, замѣчаетъ *Post*, есть необходимое условіе для нашего хозяйственнаго и культурнаго развитія. Германія можетъ считать себя счастливою что она въ центрѣ Европы пользуется миромъ, не взирая на обиліе горючаго матеріала и на Западѣ, и на Востокѣ.“ Этою возможностью дальнѣйшаго развитія Германія обязана „прежде всего искусству государственнаго человѣка руководящаго ея судьбами, а затѣмъ убѣжденію иностранцевъ въ силѣ и боевой готовности германской арміи.“ Но боевая готовность страшно напрягаетъ силы страны. Оппозиція потерпѣла на выборахъ пораженіе; но финансовое положеніе Пруссіи можетъ еще поднять ее на ноги. Императоръ прямо указываетъ на несоотвѣтствіе между государственными нуждами и средствами для ихъ удовлетворенія. Бюджетъ грозитъ крупнымъ дефицитомъ, покрыть который придется займомъ. Но это только палліативная, временная мѣра: нужны новые источники доходовъ, нужна новая уступка со стороны имперскаго парламента упорно отказывающаго правительству открыть эти источники. Ландтагъ приглашается идти за одно съ правительствомъ,

и тѣмъ съ большею настойчивостью что нѣкоторыя нужды не могутъ ждать. Беднѣйшіе классы населенія неотлагательно должны быть облегчены; съ нихъ приходится снять тягости поразряднаго налога. Положеніе четырехъ низшихъ классовъ плательщиковъ дѣйствительно тяжелое. Почти половина лежащаго на нихъ налога взыскивается путемъ экзекуцій: на покрытіе платежей приходится продавать съ аукціона и за безцѣнокъ послѣднее достояніе. „Эти суровыя мѣры, сказано въ тронной рѣчи, только усиливаютъ нужду,“ и ихъ приходится устранить немедленно. „Таково мое желаніе,“ прибавляетъ императоръ, всегда бывшій горячимъ противникомъ поразряднаго начала. Еще въ 1882 году, когда этотъ налогъ былъ проектированъ, императоръ, тогда принцъ и членъ государственнаго совѣта, высказался противъ этого налога, указавъ на его разорительность для низшихъ разрядовъ плательщиковъ, вслѣдствіе невозможности соблюденія равномѣрности въ его разверсткѣ. Весною этого года императоръ, особымъ рескриптомъ на имя министра финансовъ, потребовалъ представленія ежемѣсячныхъ отчетовъ объ экзекуціяхъ. Эти-то отчеты и придали тронной рѣчи твердый тонъ, напоминающій прошлогоднее посланіе къ рейхстагу и рескриптъ прусскому министерству заявлявшій о правахъ короны. Это требованіе, которому неизбѣжно должна будетъ уступить оппозиція, подниметъ значеніе короны въ глазахъ націи, выставляя въ настоящемъ свѣтѣ то фальшивое народное представительство которое доселѣ препятствовало отмѣнѣ столь ненавистной народу подати. Но отмѣна поразряднаго налога потребуетъ новыхъ денежныхъ средствъ, и вотъ углаживается путь финансовымъ реформамъ канцлера встрѣчавшимъ такое сильное противодѣйствіе въ парламентѣ. Придется можетъ-быть принять и табачную монополію ненавистную либераламъ и партіи центра, видящимъ въ ней залогъ новой силы имперскаго правительства.

Съ такою же твердостью тронная рѣчь коснулась и другаго крупнаго интереса германской жизни, такъ-называемой „культурной борьбы,“ уже „десять лѣтъ расшатывающей еще неокрѣпшій организмъ имперіи,“ какъ выразился князь Бисмаркъ въ одной изъ недавнихъ рѣчей въ ландтагѣ. Такъ-называемая партія центра, сложившаяся и окрѣпшая среди этой борьбы, стала твердою опорой сепаратистовъ, въ свою очередь поддерживающихъ ее на выборахъ. Въ послѣднее время правительство сдѣлало нѣсколько попытокъ къ прекращенію „культурной борьбы:“ оно вошло въ прямыя сношенія съ папскою куріей и сдѣлало ей нѣкоторыя уступки. Но это не повело пока ни къ какимъ результатамъ; „культурная борьба“ не только не прекратилась, но повидимому начала еще обостряться, обращаясь изъ борьбы между государствомъ и католическимъ клерикализмомъ въ борьбу между католическою церковью и протестантствомъ. Этотъ оборотъ приняла борьба въ разчетахъ на новыя уступки. Требуется полная отмѣна майскихъ законовъ ограждающихъ права государства отъ посягательствъ католическаго духовенства. Тронная рѣчь устраняетъ эти притязанія, свидѣтельствуя съ одной стороны о сохраненіи „дружественныхъ“ отношеній ко главѣ Римской церкви, а съ другой о намѣреніи правительства сохранить выжидательное положеніе. Подѣйствуетъ это или нѣтъ на партію центра, умѣритъ ли она свои требованія, это покажетъ будущее, но заявленіе тронной рѣчи не останется безъ послѣдствій: умѣренныя партіи палаты, фрей-консервативы и націоналъ-либералы, представляющіе слишкомъ 120 человѣкъ, получили возможность поддерживать церковную политику правительства какъ только оно заявило о сохраненіи принципа майскаго законодательства. Такимъ образомъ, сдѣланъ шагъ къ соглашенію правительства съ умѣренными элементами, избавляющій его отъ необходимости и въ прочихъ вопросахъ внутренней политики искать сомнительной поддержки клерикаловъ, въ которой правительство такъ нуждалось въ прошлую сессію: консервативы насчитываютъ въ новой палатѣ свыше 114 голосовъ, фрей-консервативы располагаютъ 53, а націоналъ-либералы 67 голосами. Это составитъ во всякомъ случаѣ большинство не менѣе сильное чѣмъ прошлогодній союзъ между консервативами и партіей центра, дающій только 211 голосовъ, и то не вѣрныхъ, такъ какъ партія центра до сихъ поръ, по вопросамъ не касающимся церковной политики, при подачѣ голосовъ раздѣлялась на двѣ группы, почти равносильныя, изъ коихъ одна шла съ оппозиціей, другая съ правительствомъ.

Такъ или иначе, Германія нуждается въ мирѣ, и тронная рѣчь, какъ видимъ, не безъ

причины „съ особеннымъ удовольствіемъ“ указываетъ на его прочность. Но откуда же и зачѣмъ былъ тотъ воинственный задоръ относительно Россіи которымъ отличалась нѣмецкая печать, можно сказать, еще наканунѣ тронной рѣчи? Слѣдъ этого задора сказался даже при обсужденіи тронной рѣчи. *Post* толкуетъ, напримѣръ, о какихъ-то „горючихъ матеріалахъ“ на Востокѣ. Гдѣ же? Въ Россіи никакихъ горючихъ матеріаловъ нѣтъ. Если они собираются на Балканскомъ Полуостровѣ, то дѣлается это не Россіей, а рукою дружественной и союзной съ Германіей Австріи...

№ 311.

Москва, 8-го ноября.

Недавно въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ разбиралось дѣло по жалобѣ г. Стасюлевича, издателя *Вѣстника Европы* и прекратившейся газеты *Порядокъ*, на редактора и одного изъ сотрудниковъ *Новаго Времени*. Что же уязвило чувствительную честь г. Стасюлевича? Какою клеветой онъ считаетъ себя опозореннымъ? Редакторъ *Новаго Времени* позволилъ себѣ напечатать (никакъ года два тому назадъ: у насъ вѣдь судъ скорый) будто предполагалось наградить г. Стасюлевича орденомъ. Вы спросите съ изумленіемъ: на кого же тутъ падаетъ позоръ и клевета? Развѣ на правительство которому приписано намѣреніе почтить г. Стасюлевича знакомъ государственнаго отличія? Представьте себѣ, нѣтъ! Да и къ какой стати сталъ бы г. Стасюлевичъ отмывать отъ своей особы достоинство и честь Русскаго правительства, и его ли было бы это дѣло? Нѣтъ, г. Стасюлевичъ хочетъ себя отмыть отъ Русскаго правительства. Честь отъ Русскаго правительства была бы для него безчестьемъ, и онъ вознегодовалъ на редактора газеты которая взвела на него столь позорную небылицу. Что г. Стасюлевичъ вознегодовалъ, до этого кому какое дѣло? Всякій воленъ въ своей обидѣ. Но какъ могъ слѣдователь, прокуроръ, судъ, какъ они могли принять его жалобу къ разсмотрѣнію? Какъ эти судебные чины могли признать государственное отличіе за позорящее обстоятельство? Пусть сообщеніе *Новаго Времени* было лишено всякаго основанія,—хотя сотрудникъ этой газеты, также призванный на судъ къ отвѣту, свидѣтельствовалъ что видѣлъ самъ, во время управленія графа Лорисъ-Меликова, бумагу въ которой значилось что г. Стасюлевича предполагалось наградить Станиславскою звѣздой,—итакъ, пусть молва пущенная газетой *Новое Время* была выдумкой, но ложное извѣстіе не считается клеветою если въ немъ нѣтъ позорящаго обстоятельства. Ложное, но не позорящее сообщеніе опровергается, а не судится въ качествѣ клеветы, которая, по точному опредѣленію закона, есть обвиненіе въ чемъ-либо безчестномъ или, какъ выражается законъ, противномъ правиламъ чести. Пусть невѣрное сообщеніе касательно г. Стасюлевича было ему непріятно, но какое дѣло суду до того что пріятно или непріятно г. Стасюлевичу? Можетъ ли судъ въ основу своихъ опредѣленій брать мнѣнія друзей г. Стасюлевича, или какого бы то ни было кружка, какого бы то ни было общества, на которое вздумалъ бы ссылаться г. Стасюлевичъ? Для русскаго государственнаго суда честь и безчестіе опредѣляются съ точностію въ законахъ. „Прелюбодѣи мысли,“ какъ одинъ изъ петербургскихъ адвокатовъ опредѣлилъ свою профессію, могъ объяснять предъ судомъ что только простонародіе въ Россіи уважаетъ правительство и цѣнитъ его отличія; но судъ знаетъ что это ложь. Какое же сословіе Русскаго народа, начиная съ дворянства, считаетъ государственныя отличія или пособія за позоръ и безчестіе? Не судебное ли вѣдомство на которое какъ изъ рога изобилія сыплются правительственныя награды за его столь независимую дѣятельность? Судебные чины, принимая жалобу отъ г. Стасюлевича, сами нѣкоторымъ образомъ причислили себя къ тому обществу, мнѣніемъ котораго г. Стасюлевичъ дорожитъ, отчислившись отъ государства котораго должны бы состоять слугами. Въ маломъ видѣ, дѣло это того же пошиба что и Вѣры Засуличъ. Надо чтобъ этотъ казусъ не остался безъ послѣдствій, и чтобы судебные чины, виновные въ скандалѣ, подверглись должному взысканію. Нельзя только не пожалѣть что о такомъ взысканіи не было ничего опубликовано, въ науку другимъ и для удовлетворенія общественной нравственности, которая не можетъ же не быть смущена при видѣ суда, который въ уголовномъ процессѣ о чести и безчестіи руководится мнѣніями гг. Стасюлевича и Спасовича, а

не опредѣленіями закона, и признаетъ честь отъ Русскаго правительства за безчестіе для русскаго подданнаго.

Мы стоимъ на распутіи, и такъ оставаться долго не можемъ. Надо на что-нибудь рѣшиться, надо выбрать тотъ или другой путь.

Минувшее царствованіе было обильно реформами которыми создано много новыхъ учрежденій, но основы нашего государственнаго устройства остались неприкосновенными во всей ихъ исторической силѣ. Обновленная реформами Россія осталась Россіей. Новыя учрежденія были задуманы и созданы къ вящему здоровью нашего государственнаго организма, а не къ *устраненію* его или къ замѣнѣ другимъ. Тѣмъ не менѣе новыя учрежденія, слишкомъ быстро слѣдовавшія одно за другимъ, прекрасныя по своей основной мысли и цѣли, не всѣ должнымъ образомъ и съ достаточною зрѣлостію обдуманы, а во многомъ неразумно сфабрикованы по чужимъ лекаламъ, и потому они внесли съ собою массу представленій которыя не имѣютъ почвы и лишены смысла въ Россіи. Эти забѣжавшія къ намъ и прицѣпившіяся къ нашимъ новымъ учрежденіямъ доктрины отпечатлѣваютъ въ умахъ смутный образъ какого-то порядка вещей который не только не похожъ на нашъ, но находится въ нелѣпомъ съ нимъ противорѣчіи. Люди группирующіеся около новыхъ учрежденій живутъ въ двухъ мірахъ, въ дѣйствительномъ и фантастическомъ, который они принимаютъ за дѣйствительный. Мудрено ли что въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ иногда обнаруживаются признаки чего-то похожаго на умопомѣшательство? А потому и нельзя долго оставаться на распутіи, и надо рѣшиться на что-нибудь одно: либо упразднить и отмѣнить Россію, въ которой мы родились и живетъ на яву, либо согласить съ нею всѣ наши новыя учрежденія и очнуться отъ тѣхъ сновидѣній которыя ворвались въ слѣдъ за ними, парализуя или обращая во вредъ эти учрежденія долженствующія дѣйствовать, и дѣйствовать ко благу.

Что̀ можетъ быть лучше независимаго суда? Но какъ понимать судебную независимость? Судебная власть должна дѣйствовать единственно на основаніи закона: вотъ ея призваніе и вотъ ея независимость. Судья при разборѣ дѣла не долженъ допускать никакого своего произвола въ толкованіи и примѣненіи закона, и въ точности соображаться съ волею Законодателя. Судебныя гарантіи требуются только за тѣмъ чтобъ ограждать судью ото всякихъ постороннихъ вліяній, а гражданъ отъ произвола судьи. Судъ есть власть, но всякая власть въ государствѣ должна находиться въ строжайшей зависимости отъ Верховной Власти, ей, и только ей, служить орудіемъ, и лишь въ этомъ служеніи видѣть свое призваніе. Правительство въ Россіи совсѣмъ не то значитъ что̀ подъ правительствомъ разумѣется въ другихъ странахъ, откуда шаблоннымъ образомъ взяли мы нѣкоторыя изъ нашихъ учрежденій, не сумѣвъ пріурочить ихъ къ нашимъ понятіямъ. Въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, правительствомъ называется администрація, то-есть одна изъ двухъ правительственныхъ партій когда она находится во власти, а другая сидитъ въ оппозиціи. У насъ нѣтъ правительства партій и смотрѣть на наши дѣла въ свѣтѣ такого воззрѣнія значитъ сумасбродствовать. Въ Россіи правительство, въ высшемъ значеніи этого слова, есть сама Верховная Власть въ дѣйствіи, а потому не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ партіи. Во сколько правительство есть дѣйствіе Верховнаго начала, оно высится надъ всѣмъ, и никакая организація имѣющая *обязательный* характеръ не можетъ быть отъ него независима. У насъ не имѣетъ смысла фикція порожденная исторіей другихъ странъ: le roi règne, mais ne gouverne pas (король царствуетъ, но не правитъ). Русскій самодержецъ и царствуетъ, и правитъ, и власть его въ основѣ своей совершенно свободна, и въ этомъ смыслѣ ничѣмъ не стѣснена и не ограничена. Сказанное не есть чья-либо доктрина или мнѣніе какого-либо кружка людей; это основный законъ на которомъ стоитъ Россійская Имперія; это самый положительный фактъ: онъ можетъ кому-либо не нравиться, но никто не можетъ отрицать его. Опрокиньте этотъ фактъ, уничтожьте его если можете: тогда не будетъ той Россіи которую мы наслѣдовали отъ предковъ, для которой жили, страдали и работали столько поколѣній, жертвуя ей всѣмъ дорогимъ для человѣка на землѣ. Уничтожьте Россію, и тогда создавайте, если можете, что-либо другое взамѣнъ ея. Но пока она существуетъ, и пока мы въ ней живемъ и состоимъ ея гражданами и подданными

ея Государя Который собою олицетворяетъ ее, мы въ нашей общественной дѣятельности должны подчиняться ея законамъ, а не руководиться сновидѣніемъ. Тѣмъ болѣе обязано сообразоваться съ типомъ нашего государственнаго устройства столь великое учрежденіе какъ судебная власть которая только потому и есть власть что она находится въ зависимости отъ Самодержца, и есть его рука. Гг. Стасюлевичи и Спасовичи могутъ имѣть какія угодно мнѣнія, но судъ не можетъ принимать мнѣнія въ руководство себѣ.

Независимая печать! Но что̀ такое печать, и что̀ такое независимая печать? Дѣло не въ листѣ бумаги, не въ черномъ на бѣломъ, не въ типографской машинѣ. Печать есть общественное, всенародное слово, и нельзя полагать какую-либо существенную разницу между словомъ и дѣломъ. Не то скверпитъ человѣка что̀ входитъ въ уста, а что̀ изъ устъ исходитъ: такъ учитъ величайшій и непререкаемый для насъ авторитетъ. Слово есть то же что̀ и дѣйствіе, и притомъ дѣйствіе по преимуществу. Не въ рукахъ и ногахъ, а главнымъ образомъ въ словѣ заключается сила человѣческаго дѣйствія. Можетъ ли общественная дѣятельность въ Россіи считать себя независимою отъ ея основныхъ законовъ? Можетъ ли общественная дѣятельность политическаго свойства, какова печать, не находиться въ обязательныхъ отношеніяхъ къ государству? Или типографская машина освобождаетъ людей отъ общаго всѣмъ долга вѣрноподданства? Напротивъ, если политическая печать стала возможна въ Россіи, то лишь при условіи что лица посвятившія себя этого рода дѣятельности сознаютъ себя обязанными предъ верховною властью государства не только не менѣе, но еще болѣе чѣмъ офиціально служащіе. Право касаться всѣхъ предметовъ управленія, поднимать вопросы, обсуждать законы и дѣйствія властей, выдвигать ту или другую группу интересовъ, создавать и направлять общественное мнѣніе, представлять въ томъ или другомъ свѣтѣ событія, такъ или иначе группировать факты, развѣ такое право не должно соединяться съ соотвѣтственнымъ долгомъ? Сфера вліянія публициста гораздо обширнѣе чѣмъ каждаго изъ министровъ, который ограниченъ предѣлами своего вѣдомства и нерѣдко лишенъ возможности сообразить свои распоряженія съ общею связью государственныхъ дѣлъ. Вся разница между политическою печатью и офиціальною службой состоитъ лишь въ томъ что первая предоставлена собственной инициативѣ, не находится ни въ какомъ подчиненіи по начальству и дѣйствуетъ не по приказу, а по совѣсти.

Въ одной почтенной газетѣ мы какъ-то читали по поводу вопроса о печати будто нельзя отъ нея требовать „благонамѣреннаго вѣщанія.“ Безъ вѣщанія можно пожалуй обойтись, можно просто говорить, но непремѣнно благонамѣренно. Благонамѣренность есть непремѣнное условіе всякой общественной дѣятельности, особенно политической. Предоставляя независимымъ лицамъ играть по собственному усмотрѣнію на инструментѣ общественнаго мнѣнія, правительство непремѣнно должно быть убѣждено въ ихъ благонамѣренности.

Всякое дѣло конечно предпринимается съ надеждою на успѣхъ и вооружается для этого всѣми возможными способами. Дать образоваться въ странѣ центрамъ завѣдомо злонамѣреннаго дѣйствія, разчитывающимъ на успѣхъ и снабженнымъ нужными къ тому способами, не было ли бы это вольною или невольною измѣной?..

Но чѣмъ опредѣляется благонамѣренность независимой политической дѣятельности? Есть простой и безошибочный для этого критерій. Мнѣнія могутъ разногласить, разнородные интересы могутъ доходить до борьбы и вражды, но всѣ мнѣнія и интересы должны непремѣнно сходиться на общей для всѣхъ честныхъ гражданъ почвѣ. Долгъ честныхъ гражданъ состоитъ не въ томъ чтобъ исповѣдывать такъ-называемые консервативные принципы. Требуется служеніе не общему принципу, а опредѣленной дѣйствительности, не государству вообще, а Россіи, и не просто Россіи, а Русскому Монарху. Въ настоящее время въ ходу поговорка которою охотно прикрываетъ себя всякая тенденція: единеніе Верховной Власти съ народомъ. Если это единеніе понимается искренне, по совѣсти, безъ обмана, то патріотизмъ на русской почвѣ долженъ провѣрять себя долгомъ русскаго вѣрноподданнаго. Тотъ обманываетъ или себя или другихъ, кто выдавая себя за патріота въ Россіи не полагаетъ своего патріотизма прежде всего въ сохранности верховныхъ правъ Русскаго Царя, неразрывно соединенныхъ съ

государственною пользой и народнымъ благомъ Россіи.

Совершая свое блудодѣяніе предъ лицомъ суда, адвокатъ г. Стасюлевича, въ подкрѣпленіе его жалобы, счелъ не лишнимъ сослаться на *Московскія Вѣдомости*, которыя будто бы пострадали отъ нареканія въ полученіи правительственной субсидіи. Но г Спасовичъ не упомянулъ что завѣдомымъ проводникомъ и распространителемъ этой лжи былъ именно самъ кліентъ его. Дѣло впрочемъ шло не о субсидіи, а о самовольной будто бы недоплатѣ издателемъ *Московскихъ Вѣдомостей* арендной суммы. Ложь эта была опровергнута подробнымъ и документальнымъ изложеніемъ всей исторіи аренды *Московскихъ Вѣдомостей* и читанными въ присутствіи суда заявленіями двухъ министровъ.

Издатель *Московскихъ Вѣдомостей* никогда не получалъ казенныхъ субсидій. Онъ не нуждался въ нихъ; но еслибы нуждался и правительство признало бы его дѣятельность заслуживающею поддержки, то онъ не сталъ бы скрывать этого и видѣлъ бы въ этомъ только честь для себя.

Вопросъ можетъ быть только въ томъ заслуживаетъ ли дѣло поддержки отъ государства. Не то было бы странно что г. Стасюлевичъ *получаетъ* субсидію отъ русской казны, а развѣ только то что *г. Стасюлевичъ* получаетъ таковую.

Сейчасъ прочли мы въ *Кіевлянинѣ* что редакторъ этой газеты отказывается отъ правительственной субсидіи. Если онъ не нуждается въ ней, тѣмъ лучше; если же онъ отказывается отъ ней въ угоду своимъ и своего дѣла противникамъ, то это худо. Дѣло которому онъ служитъ должно быть выше личной щепетильности. Не большое получаемое имъ пособіе назначается не для обогащенія его, а для поддержки дѣла которому правительство не можетъ не придавать важности. Провинціальная газета съ трудомъ можетъ окупить себя въ краѣ гдѣ встрѣчаетъ столько злобнаго противодѣйствія. Недавній процессъ показалъ до какого ожесточенія дошла въ Кіевѣ вражда партій противныхъ тому честному направленію котораго держится редакторъ *Кіевлянина*. Путь его служенія не розами усыпанъ. Служить національному и государственному дѣлу въ Россіи, въ настоящее время, вообще дѣло не легкое, но—взявшись за гужъ, по пословицѣ, не говори что не дюжъ. Чувство исполненнаго долга выше и лучше всего на свѣтѣ. Сократъ предъ Аѳинскимъ народомъ, его судившимъ, не усомнился сказать что онъ заслуживаетъ содержанія насчетъ государства. Сократъ, олицетворенная мудрость, говорилъ это конечно не въ похвальбу себѣ, а свидѣтельствуя о направленіи своей независимой общественной дѣятельности. Можно ли отрицать у государственной власти право оказывать поддержку полезному дѣлу или отличать своимъ признаніемъ оказанныя заслуги? Но если открытая, отъ имени Верховной власти, въ государственныхъ видахъ даруемая поддержка есть честь, то нельзя не признать постыдными темныя, воровскія сдѣлки на казенный счетъ, изъ *фонда рентилій*, по образцу иныхъ странъ, между бандитами печати и администраторами для обмана, въ видахъ интриги, противныхъ интересамъ страны и во всякомъ случаѣ роняющихъ достоинство правительства...

Предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ проходитъ, высоко поднявъ голову, гордая, негодующая фигура г. Стасюлевича, какъ изобразилъ ее, шаля публичнымъ словомъ, адвокатъ предъ судомъ. Г. Стасюлевичъ трепещетъ при одной мысли что правительство могло признать его общественнымъ дѣятелемъ благонадежнымъ и, что̀ называется, „оскорбить его дѣйствіемъ.“ Къ счастію, оскорбленіе оказалось выдумкой, за которую диффаматоръ, по приговору суда, имѣетъ поплатиться тюрьмой...

Но отъ возвышеннаго созерцанія фигуры г. Стасюлевича, изъ области идеала, спустимся въ низменную дѣйствительность. Что̀ въ самомъ дѣлѣ значитъ независимость русскаго публициста,—не подложнаго, а дѣйствительнаго русскаго публициста? Онъ не будетъ холопствовать предъ сильными людьми, не закабалитъ себя никакой партіи, не будетъ платить дани никакому *ржонду*, и заботиться будетъ не о томъ что̀ о немъ скажутъ, а только о томъ что̀ скажетъ онъ самъ. Что̀ внушаетъ ему долгъ и что̀ видитъ онъ ясно, то скажетъ онъ твердо предъ кѣмъ бы то ни было и во что̀ бы то ни стало.

№ 312.

Москва, 9-го ноября.

Прибывшему недавно къ мѣсту своего служенія, новоназначенному туркестанскому генералъ-губернатору М. Г. Черняеву предстоитъ не мало потрудиться для благоустроенія ввѣреннаго ему края. Многое въ этомъ краѣ идетъ не такъ какъ слѣдуетъ, и не даромъ одновременно съ назначеніемъ туда новаго генералъ-губернатора рѣшено произвести тамъ общее обревизованіе разныхъ частей управленія. Какъ мало этотъ край можетъ похвалиться благоустройствомъ, показываетъ, между прочимъ, помѣщенная въ № 310 *Московскихъ Вѣдомостей* статья г. Перелетнаго „Наше транспортное дѣло въ Средней Азіи," помѣченная въ Ташкентѣ 6 минувшаго сентября.

Правильная доставка грузовъ есть необходимое условіе правильной торговли; задержки, неправильности, необезпеченность въ дѣлѣ передвиженія грузовъ къ мѣстамъ назначенія вредно отзываются на торговыхъ сношеніяхъ, парализуютъ ихъ развитіе и даже могутъ вести къ совершенному ихъ прекращенію. Не мало жалобъ въ этомъ отношеніи слышится на наши желѣзныя дороги и на ихъ распорядки. Не мало также сѣтованій слышится на неустройство нашихъ водяныхъ путей сообщенія, какъ морскихъ, такъ и рѣчныхъ: достаточно припомнить какъ отозвалось на ходѣ торговыхъ дѣлъ обмелѣніе Волги, Днѣпра и другихъ рѣкъ, или указать на затрудненія испытываемыя торговлей вслѣдствіе, напримѣръ, незащищенности Потійскаго порта отъ бурныхъ вѣтровъ; въ бурную погоду выгрузка здѣсь товаровъ бываетъ невозможна въ теченіе нѣсколькихъ дней, иногда въ теченіе двухъ недѣль; за невозможностью войти въ портъ, пароходы съ грузами назначенными для Поти и Тифлиса уходятъ иногда въ Батумъ, гдѣ и выгружаютъ товары, которые ждутъ затѣмъ возможности быть отведенными на баржахъ въ Поти, вслѣдствіе чего случается что раньше отправленные грузы приходятъ къ мѣсту назначенія позже, а позднѣйшіе грузы прибываютъ раньше, въ подрывъ коммерческихъ разчетовъ. О грунтовыхъ дорогахъ и о томъ какъ отзывается на торговлѣ положеніе въ какомъ онѣ находятся нечего и говорить. Но все что приходится слышать о разныхъ неустройствахъ во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ является еще какъ бы казовымъ концомъ сравнительно съ тою изнанкой какую представляетъ описываемое г. Перелетнымъ транспортное дѣло въ нашихъ средне-азіятскихъ владѣніяхъ. Не говоря о томъ что перевозка тяжестей производится здѣсь первобытнымъ способомъ временъ Авраама; не упоминая также о томъ что при этой перевозкѣ на верблюдахъ товары въ теченіе долгаго времени подвергаются всѣмъ вреднымъ атмосферическимъ вліяніямъ, подмочкѣ при переходахъ черезъ рѣки и болота и т. д., авторъ упомянутой статьи останавливается только на одномъ существенномъ условіи перевозки товаровъ: срочности доставки и сохранности перевозимыхъ тюковъ товара. Приводимые въ статьѣ факты по этой части нельзя не признать вопіющими. Вся торговля со Среднею Азіей, какъ оказывается, ведется на авось, безо всякой увѣренности не только въ томъ что товары дойдутъ къ мѣсту назначенія въ условленный съ вощиками срокъ, но и въ томъ что товары не пропадутъ въ пути. Все въ этомъ отношеніи находится въ полной зависимости отъ произвола вощиковъ-Киргизовъ, которыхъ нельзя иначе нанять какъ заплативъ имъ всю провозную плату впередъ, и которые затѣмъ хотятъ доставятъ въ какой вздумается срокъ, хотятъ расхитятъ и бросятъ гдѣ попало довѣренные имъ товарные тюки: управы на нихъ нѣтъ, благодаря неустройствамъ административнымъ и судебнымъ въ краѣ. Просрочки въ доставкѣ товаровъ считаются не только днями и недѣлями, но доходятъ до 150 и даже до 250 дней. Дѣло идетъ годъ отъ году хуже. Перевозка товара отъ Оренбурга до Ташкента, требовавшая прежде 50—68 дней, стала требовать почти трехъ мѣсяцевъ. Пропадающіе въ дорогѣ тюки или товарныя мѣста считаются сотнями. Убытки которые терпятъ торговцы при подобныхъ условіяхъ доходятъ до громадныхъ размѣровъ; такъ, только три транспортныя конторы, въ теченіе только двухъ лѣтъ, 1879 и 1880, понесли убытка на 781.000 руб.; многіе купцы вслѣдствіе разорительныхъ убытковъ вынуждены были прекратить торговыя сношенія со средне-азіятскими рынками, и едва ли можно укорить автора въ преувеличеніи когда онъ высказываетъ мнѣ-

ніе что все русское торговое дѣло въ Средней Азіи можетъ погибнуть если не будетъ положенъ конецъ неустройствамъ господствующимъ въ тамошней транспортировкѣ кладей.

Затрудненія встрѣчаемыя русскою торговлей въ Средней Азіи уже послужили на пользу англійскому тамъ сбыту; на счетъ сокращенія русскихъ торговыхъ оборотовъ растутъ обороты англійскіе. Русскіе товары бывшіе въ ходу въ Средней Азіи вытѣсняются, а частію уже вытѣснены англійскими товарами привозимыми туда изъ Индіи. А тутъ, какъ разъ вовремя и кстати, подоспѣла транзитная Закавказская желѣзная дорога, дабы иностранцы могли успѣшнѣе наводнять Среднюю Азію своими товарами не чрезъ Индію только, но и съ другаго конца, чрезъ Персію...

Контрастъ разительный: съ одной стороны чужеземная торговля, для которой строится нами паровой путь отъ моря до моря, съ другой—своя русская торговля, оставляемая безъ помощи и осуждаемая бороться какъ знаетъ со всѣми препятствіями какія представляютъ первобытные пути сообщенія и съ допущенными на нихъ безпорядками и безправіемъ. И при такомъ-то контрастѣ, парализованнымъ, связаннымъ по рукамъ и ногамъ, русскимъ производителямъ и торговцамъ, какъ бы въ насмѣшку, говорятъ: бѣгите въ перегонки съ иностранцами, конкуррируйте съ ними не запретомъ, а дѣломъ, улучшеніемъ и удешевленіемъ товаровъ...

Но возвратимся къ занимающей насъ статьѣ.

Неустройства въ транспортномъ дѣлѣ и терпимые отъ нихъ убытки вынудили наконецъ ташкентское купечество въ апрѣлѣ 1880 обратиться къ высшимъ властямъ въ краѣ съ просьбой положить конецъ безобразіямъ. Съ тѣхъ поръ прошло два съ половиной года, но вопросъ все еще остается открытымъ, и дѣло продолжаетъ идти попрежнему. Рѣшеніемъ этого важнаго для русской торговли и промышленности вопроса не торопились, какъ торопились удовлетвореніемъ ходатайствъ о льготѣ по привозу иностранной проволоки, о безпошлинномъ провозѣ изъ-за границы обратныхъ мѣшковъ изъ-подъ хлѣба, или какъ торопятся теперь рѣшеніемъ вопроса объ иностранномъ транзитѣ чрезъ Закавказье. Свою надежду что вопросъ о средне-азіятской транспортировкѣ получитъ наконецъ желаемое разрѣшеніе г. Перелетный основываетъ лишь на томъ что исправлявшимъ должность туркестанскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантомъ Абрамовымъ была 21 минувшаго іюля назначена особая коммиссія для его разсмотрѣнія. Занятія этой коммиссіи должны были начаться въ половинѣ минувшаго сентября. Будемъ ожидать къ чему придетъ коммиссія и какая судьба постигнетъ ея работы.

Интересенъ слѣдующій эпизодъ изъ исторіи вопроса. Г. Политовскимъ былъ выработанъ проектъ мѣръ которыя должны были устранить безурядицу въ транспортномъ дѣлѣ. Проектъ этотъ былъ представленъ генералу Колпаковскому, который призналъ проектируемыя мѣры „вполнѣ удобоисполнимыми,“ но при этомъ нашелъ что „тѣмъ не менѣе, по важности вопроса и для пользы дѣла, слѣдуетъ спросить мнѣнія гг. губернаторовъ и начальника Заравшанскаго округа.“ Всѣ полученные на этотъ вопросъ отзывы оказались противъ реформы, за оставленіе въ силѣ существующихъ порядковъ, или точнѣе, безпорядковъ, подрывающихъ успѣхи русскаго торговаго дѣла въ Средней Азіи. Какъ и почему пришли къ такому выводу другіе туркестанскіе андминистраторы неизвѣстно, но что касается начальника Заравшанскаго округа, то авторъ статьи сообщаетъ слѣдующее. Посовѣтовавшись не съ русскими и туземными торговцами знакомыми съ условіями транспортировки товаровъ, но съ состоящими при немъ чиновниками, подполковникомъ Войцеховичемъ и майоромъ Арендаренкомъ, исправляющій должность начальника Заравшанскаго округа подалъ по начальству, между прочимъ, такое мнѣніе:

„Изъ сопоставленія системы дѣйствій Англичанъ въ Индіи и нашей въ Средней Азіи, г. Политовскій, повидимому, желалъ бы чтобы выведено было заключеніе о необходимости примѣненія англійскихъ принциповъ къ дѣйствію русской власти по отношенію къ средне-азіятскимъ инородцамъ; но такъ какъ подобное желаніе идетъ совершенно въ разрѣзъ съ традиціями русской политики въ покоренныхъ странахъ, то безъ колебанія должно быть отвергнуто.“

Читая приведенныя строки, можно подумать что проектъ г. Политовскаго ставитъ населеніе покоренныхъ русскимъ оружіемъ средне-азіятскихъ областей въ приниженное

ное, угнетенное положеніе, подобное тому въ какое поставлены туземцы Индіи Англичанами, не на словахъ, но на дѣлѣ осуществившими тамъ девизъ „трепещи и покоряйся, дрожащая тварь.“ Можно подумать что этотъ, возмутившій русскую душу Заравшанскаго администратора, проектъ направленъ къ тому чтобы сдѣлать русскихъ людей господами надъ туземцами Средней Азіи, такъ чтобъ они, на подобіе баскаковъ, распоряжались произвольно этими несчастными, безотвѣтными Киргизами и Сартами. Ничуть не бывало. Хорошъ или дуренъ, практиченъ или не практиченъ проектъ г. Политовскаго, слѣдуетъ ли его принять или отвергнуть, это другой вопросъ; но во всякомъ случаѣ въ его проектѣ нѣтъ и тѣни намѣренія поставить Русскихъ въ сколько-нибудь привилегированное положеніе предъ туземцами, хотя и въ этомъ не было бы еще большаго грѣха. Проектъ имѣетъ цѣлію оградить одинаково какъ русскихъ, такъ туземныхъ торговцевъ отъ разграбленія ихъ собственности хищниками поощряемыми къ тому полною безнаказанностью, отъ крайней недобросовѣстности вощиковъ, на которыхъ одинаково не могутъ найти управу какъ Русскіе, такъ и туземцы. Все значеніе параллели проводимой авторомъ проекта между англійскою и русскою системами дѣйствій заключается въ указаніи необходимости сдѣлать шагъ къ усвоенію Россіей по отношенію къ ея торговымъ интересамъ той политики какой держится Англія по отношенію къ своимъ, дабы при конкурренціи русскихъ торговцевъ съ англійскими тѣ и другіе находились по возможности въ сходныхъ условіяхъ, дабы при ихъ состязаніи не было неравенства въ оружіи. Это-то самое будто бы и „идетъ совершенно въ разрѣзъ съ традиціями русской политики...“

„Традиціи!“ Хороши традиціи по которымъ каждый добытый русскою кровью край долженъ быть для Россіи тягостью, а не пріобрѣтеніемъ, долженъ требовать отъ нашего народа постоянныхъ жертвъ и деньгами, и людьми, но отнюдь не долженъ приносить этому народу никакой пользы! Хороши традиціи по которымъ чужестранные интересы должны быть уважаемы, а родные пренебрегаемы, оставляемы въ черномъ тѣлѣ и приносимы въ жертву первымъ!

Но въ самомъ ли дѣлѣ таковы истинныя „традиціи“ русской политики? Можетъ-быть подобной политики и держались въ смутныя времена тѣ переметчики которые бросались то изъ Москвы къ Тушинскому вору, то изъ Тушина къ царю Василію, или тѣ которые готовы были поклониться Русскимъ Царствомъ польскому королевичу. Но не таковы исконныя преданія русской національной политики, той политики которая собрала Русскую землю, возростила Русское государство, сплотила его части и создала его крѣпость, давшую ему силу выходить съ торжествомъ изо всякой борьбы и изъ самыхъ страшныхъ смутъ, въ сравненіи съ коими о нынѣшнихъ нашихъ смутахъ и говорить не стóитъ.

№ 313.

Москва, 10-го ноября.

Радушный пріемъ оказанный императоромъ Вильгельмомъ русскому министру Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретарю Гирсу и дружелюбная поѣздка его въ Фарцинъ должны были бы успокоить всѣхъ еслибъ былъ серіозный поводъ безпокоиться. Всѣ правительства засвидѣтельствовали о мирномъ настроеніи Европы. Изъ этихъ заявленій особенно замѣчательна тронная рѣчь которою императоръ Вильгельмъ открылъ 14 ноября сессію Прусскаго сейма. „Особенное удовольствіе,“ сказалъ императоръ, „доставляетъ мнѣ возможность сообщить вамъ что отношенія Германской имперіи ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ укрѣпляютъ во мнѣ убѣжденіе что благодѣянія мира для насъ обезпечены.“

По какъ ни утѣшительны эти увѣренія, которыя еще прежде въ подобныхъ же выраженіяхъ были высказаны англійскимъ и французскимъ министерствами равно какъ и императоромъ Австрійскимъ, возникаетъ вопросъ какія же предвидѣлись опасности для сохраненія мира, и была ли надобность успокоивать европейское мнѣніе, которое въ сущности никакихъ опасеній не питало? Увѣренія прусской тронной рѣчи были тѣмъ въ особенности замѣчательны что со времени основанія Германской имперіи вопросы иностранной политики были исключены изъ круга вѣдѣнія Прусскаго ландтага, и тронныя рѣчи при открытіи его сессій никогда до сихъ поръ этихъ вопросовъ не касались. Если что-либо, такъ разсуж-

даютъ нѣмецкія газеты, омрачало въ послѣднее время политическій горизонтъ, то это египетскій вопросъ. Но и на берегахъ Нила громъ оружія давно умолкъ и не слышно даже чтобы какая-либо изъ европейскихъ державъ открыто оспаривала у Англіи ея притязаніе организовать своею властью, безъ посторонняго вмѣшательства, будущее устройство Египта. Только французскія газеты изъ лагеря гамбеттистовъ заявляютъ свой запоздалый и безсильный протестъ. Но кто же придаетъ серіозное, въ смыслѣ опасенія за европейскій миръ, значеніе этимъ словоизверженіямъ, за которыми не чувствуется ни энергія государства способнаго въ случаѣ надобности дѣятельно выступить на защиту своихъ интересовъ, ни даже послѣдовательность собственнаго мнѣнія, ибо давно ли тѣ же французскія газеты съ напускнымъ восторгомъ привѣтствовали успѣхи Англіи въ Египтѣ, и почему-то были убѣждены что Англія подѣлится съ Франціей пріобрѣтенными выгодами, несмотря на то что внутреннія интриги парализовали Францію когда ей еще было не поздно дѣятельно заявить и отстоять свои интересы участіемъ въ египетскомъ предпріятіи, къ которому Англія ее приглашала?

Но если нѣтъ повода думать чтобы Франція могла причинить замѣшательство по поводу вопроса объ Египтѣ, то еще менѣе кто-либо допускалъ возможность активной политики со стороны Германіи для противодѣйствія успѣхамъ Англіи. Глухой антагонизмъ между Франціей и Англіей, замѣнившій прежніе возгласы о сердечномъ согласіи между ними, и съ каждымъ днемъ возрастающая шаткость французскаго государственнаго строя, а вслѣдствіе этого полное безсиліе Франціи, все это для Германіи благопріятно. Кромѣ того, Германія въ самомъ дѣлѣ слишкомъ мало имѣетъ прямаго интереса въ устройствѣ Египта чтобъ изъ-за этого рѣшиться на опасное для европейскаго мира дѣйствіе.

Не даромъ поэтому берлинскіе политики были озадачены какъ упоминаніемъ объ иностранной политикѣ въ прусской тронной рѣчи, такъ и тѣмъ что сочтено нужнымъ успокоивать публику при отсутствіи всякихъ видимыхъ поводовъ къ тревогѣ. Нѣкоторыя либеральныя нѣмецкія газеты находятъ причины къ опасеніямъ въ самой необычайности подобнаго заявленія со стороны правительства. Нѣмецкіе либералы припоминаютъ какъ князь Бисмаркъ, еще въ прошломъ году, отзывался что основанный имъ имперскій парламентъ далеко не оправдалъ его ожиданій и гораздо болѣе служитъ ареной для борьбы партій нежели залогомъ государственнаго единства какимъ онъ себѣ представлялъ его въ теоріи. Извѣрившись въ пригодность парламентскихъ учрежденій для укрѣпленія единства и силы государства, князь Бисмаркъ быть-можетъ для того и включилъ заявленіе относящееся до иностранной политики въ тронную рѣчь предназначенную для Прусскаго ландтага чтобъ указать на свое пренебреженіе къ прерогативамъ рейхстага.

Впрочемъ, заботу о томъ питаетъ ли князь Бисмаркъ какіе-либо замыслы противъ имперскаго парламента или нѣтъ, можно предоставить нѣмецкимъ либераламъ. Интереснѣе то что тѣ же самые либералы, не смотря на свою оппозицію князю Бисмарку въ дѣлахъ внутреннихъ, не только не возстаютъ противъ приписываемыхъ ему замысловъ по иностранной политикѣ, но всячески стараются о поддержаніи и теоретическомъ развитіи того что, справедливо или несправедливо, считается его политическою идеей. Союзъ Австріи съ Германіей, о которомъ до 1879 года никто въ Германіи не помышлялъ и истинный характеръ котораго до сихъ поръ остается дипломатическою тайной, есть, по мнѣнію германскихъ либераловъ, „краеугольный камень“ новѣйшей политики Германіи; и это де главнымъ образомъ потому что Австро-Венгрія служитъ орудіемъ посредствомъ котораго Германія можетъ дѣйствовать на Востокѣ.

„Мы находимся съ Австро-Венгріей, такъ высказывалась на дняхъ одна изъ выдающихся берлинскихъ газетъ либеральнаго лагеря, въ такомъ единеніи которое не имѣетъ себѣ параллели въ отношеніяхъ другихъ державъ между собою, такъ что судьба Австріи затрогиваетъ насъ болѣе чѣмъ что-либо иное. Доступъ къ Востоку открытъ для насъ только чрезъ Австрію. А отъ свойства внутренней политики Австріи будетъ зависѣть ея способность дѣятельно заявить о своихъ притязаніяхъ когда наступитъ время раздѣла турецкаго наслѣдства, или же ей придется допустить чтобы Дунай отъ Бѣлграда сталъ преградой, за которою въ будущемъ установится чуждый намъ порядокъ вещей и воцарят-

ся чуждыя влiянiя. Лишь при условiи крѣпкаго единенiя своихъ обѣихъ половинъ монархiя Габсбурговъ будетъ въ состоянiи обезпечить себѣ подобающее ей могучее положенiе на Балканѣ и въ Левантѣ. Вотъ почему и для Германiи весьма важно правильное внутреннее развитiе Австрiи, отъ котораго зависитъ ея миссiя на Востокѣ."

А зачѣмъ нужна Германiи какая-то миссiя Австрiи на Востокѣ, объ этомъ берлинскiй публицистъ ничего не говоритъ, да и едва ли что-нибудь знаетъ. „Австрiя открываетъ намъ доступъ къ Востоку:" да зачѣмъ же вамъ этотъ доступъ къ Востоку черезъ Австрiю? Вамъ нужно что-нибудь другое...

Между тѣмъ, вѣнскiй центральный органъ *Neue Freie Presse* выдаетъ поджигателей. Эти поджигатели—польскiе патрiоты, которые, по словамъ *Neue Freie Presse*, являются первыми поборниками мысли о необходимости войны съ Россiей и считаютъ такую войну нацiональною, надѣясь въ случаѣ успѣха возстановить „великое польское государство... даже и насчетъ побѣдоносной Австрiи," какъ замѣчаетъ вѣнская газета. Войну съ Россiей органъ нѣмецкой австрiйской партiи сравниваетъ съ игрой при которой Австрiи пришлось бы рисковать весьма многимъ съ весьма небольшими шансами на успѣхъ. „Побѣда не принесла бы намъ никакой пользы, а изобразить послѣдствiя пораженiя отказывается перо," такъ выражается вѣнская газета.

№ 314.

Москва, 11-го ноября.

Обращаемъ вниманiе на печатаемую нами сегодня статью „Нѣсколько цифръ къ вопросу о Закавказскомъ транзитѣ," доставленную намъ лицомъ хорошо знакомымъ съ ходомъ торговли въ Закавказскомъ краѣ и черпавшимъ свои данныя изъ вѣрнаго источника.

Руководители интриги домогающейся чтобы транзитный вопросъ былъ рѣшенъ во вредъ русскимъ промышленнымъ интересамъ, полагая затруднить своихъ оппонентовъ, требовали отъ нихъ цифръ, цифръ и цифръ. Требованiе ихъ удовлетворяется. Вотъ предъ ними цифры, не такiя какiя они сами приводятъ, не съ вѣтру взятыя, но не подлежащiя спору, немедленно провѣренныя справкой въ Тифлисской контрольной палатѣ и имѣющiя, можно сказать, рѣшающее значенiе въ вопросѣ объ иностранномъ транзитѣ чрезъ Закавказье.

Всякими неправдами стараются доказать будто иностранный транзитъ есть дѣло очень выгодное и для государственной казны, и для мѣстнаго населенiя; но вотъ что говорятъ цифры:

Пока иностранный транзитъ ограничивался малыми размѣрами, казна получала съ Закавказскихъ таможенъ значительный доходъ; сталъ рости транзитъ, стали уменьшаться таможенные сборы. Не успѣли утроиться размѣры транзитной торговли какъ уже таможенный доходъ уменьшился слишкомъ втрое: вмѣсто 1.422.670 руб. полученныхъ въ 1872 году, казна получила въ 1881 всего 452 818, почти на миллiонъ рублей меньше. Такова потеря для годичнаго государственнаго бюджета, цѣной коей куплено увеличенiе транзита съ 225 до 660 тысячъ пудовъ. Можно, конечно, не дорожить миллiономъ казеннаго дохода въ интересѣ иностраннаго транзита; но все же не слѣдуетъ кривить душой ставя этотъ транзитъ въ графу казенныхъ прибылей, тогда какъ его мѣсто въ графѣ казенныхъ убытковъ. Какiя имѣются уважительныя побужденiя къ тому чтобы, кромѣ пожертвованiя интересами русской промышленности и народнаго труда, жертвовать ради расширенiя иностраннаго транзита еще и миллiономъ изъ бюджетныхъ средствъ, объ этомъ не мѣшаетъ подумать при обсужденiи проектируемой росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ и мѣръ къ устраненiю предвидимаго въ ней дефицита.

Защитники транзита выставляютъ на видъ большiя будто бы выгоды получаемыя отъ транзита закавказскимъ населенiемъ. А что оказывается на дѣлѣ? Изо всей платы за перевозку транзитныхъ товаровъ, девять десятыхъ достаются занимающимся этою перевозкой персидскимъ подданнымъ, и лишь какiя-нибудь 60.000 руб., или и того менѣе, падаютъ на долю жителей нашего Закавказья. И ради этихъ-то крупицъ требуется отнять у нашего производства дѣло которое обѣщаетъ многомиллiонные заработки русскому рабочему люду!

Въ настоящее время почти всѣ важные и неважные интересы, прямо или косвенно

замѣшанные въ вопросѣ о Закавказскомъ транзитѣ, уже успѣли обозначиться въ ихъ истинномъ значеніи. Дѣло можно считать разъясненнымъ. Но ожидается что по этому дѣлу подастъ еще свой голосъ „Общество для Содѣйствія Русской Торговлѣ и Промышленности,“ въ которомъ назначено было на вчерашнее, 10-е число, публичное собраніе для обсужденія спеціальнаго доклада о Закавказскомъ транзитѣ. Какой вѣсъ, какое значеніе для дѣла можетъ имѣть этотъ „общественный“ коллективный голосъ? Составъ Общества для Содѣйствія самый пестрый: въ немъ числятся членами и торговцы, и промышленники, и чиновники, и разные прожектеры, и люди готовые быть членами всякихъ обществъ, и просто говоруны, никакого серіознаго отношенія ни къ чему не имѣющіе.

Въ такой многоголовой массѣ встрѣтятся люди заинтересованные въ той или другой отрасли промышленности, прикосновенные къ тому или иному торговому интересу. Но это лишь немногіе случайные представители, теряющіеся въ толпѣ. Встрѣтятся также люди способные отнестись къ общему дѣлу добросовѣстно и разумно; но уважительныя мнѣнія суть мнѣнія личныя, а не общественныя; толпа не всегда выслушаетъ ихъ и можетъ быть сбита съ толку первымъ интриганомъ или говоруномъ. Благодаря системѣ баллотированія мнѣній, забаллотированныя, хотя бы единственно дѣльныя мнѣнія пропадаютъ, а могутъ получать ходъ случайно принятыя мнѣнія, выдаваемыя потомъ за выраженія дѣйствительныхъ нуждъ и желаній торговаго и промышленнаго міра, хотя говорить отъ имени этого міра пестрое собраніе именуемое Обществомъ для Содѣйствія не имѣетъ никакого основанія, также какъ и случайно сошедшаяся на улицѣ толпа прохожихъ. Благодаря системѣ баллотировокъ, общественное собраніе которое могло бы быть средствомъ публичнаго заявленія разностороннихъ мнѣній по промышленнымъ и торговымъ вопросамъ получило характеръ непризваннаго, никѣмъ не уполномоченнаго, самозваннаго представителя общей совокупности торгово-промышленныхъ интересовъ, имѣя на дѣлѣ лишь такую же связь съ промышленностью и торговлей какую Англійскій клубъ имѣетъ съ Англіей, то-есть въ одномъ своемъ наименованіи. А между тѣмъ это пестрое сборище людей самопроизвольно образовавшихъ изъ себя какъ бы нѣкое судилище по торгово-промышленнымъ дѣламъ, иными почти признается въ такомъ авторитетѣ. Были примѣры что къ членамъ этого клуба „для Содѣйствія“ обращались съ рѣчами министры, излагая свою profession de foi, какъ бы въ предположеніи что говорятъ съ дѣйствительнымъ органомъ торгово-промышленнаго міра; бывали примѣры что мнѣнія принятыя баллотировкой въ клубѣ „Содѣйствія“ принимались затѣмъ въ уваженіе при обсужденіи вопросовъ правительствомъ, якобы заявленія идущія отъ дѣйствительныхъ интересовъ торговли и промышленности...

Не трудно понять къ какимъ послѣдствіямъ можетъ вести такая фальшивая фикція, какъ она на руку ловкимъ людямъ, мастерамъ ловить рыбу въ мутной водѣ. Для того чтобы клубъ „Содѣйствія“ постановилъ любое рѣшеніе, назвалъ бѣлое чернымъ или черное бѣлымъ, не требуется даже особенной ловкости и сложныхъ комбинацій. Достаточно пригласить на сходку въ клубной говорильнѣ побольше лицъ готовыхъ подать голосъ въ желаемую сторону, напримѣръ тифлисскихъ коммиссіонеровъ иностранныхъ фирмъ занимающихся транзитомъ, закавказскихъ торговцевъ открыто торгующихъ водворенными контрабандой привозными товарами, массу людей которымъ все равно сказать что да, что нѣтъ, и которымъ можно внушить что угодно, наконецъ нѣсколькихъ авторитетныхъ лицъ въ родѣ генерала Арцруни, на котораго руководители *Голоса* по вопросу о Кавказскомъ транзитѣ съ особенною помпой указываютъ какъ на авторитетъ, предъ которымъ покойный графъ Канкринъ, со всѣмъ его государственнымъ умомъ, знаніемъ и опытностью, не болѣе какъ пигмей и невѣжда. Этотъ рекомендованный *Голосомъ* авторитетъ, какъ извѣстно, публично увѣрялъ будто главный врагъ иностраннаго транзита черезъ Закавказье есть (risum teneatis, amici!) не кто другой какъ Англія; будто русскіе промышленники возстающіе противъ этого транзита дѣйствуютъ не въ русскихъ, а въ англійскихъ интересахъ; будто, наконецъ, противники транзита питаютъ „ненависть къ самому Закавказью,“ представляютъ его „въ видѣ паразитнаго нароста,“ и что съ ихъ стороны когда-то произнесены были даже слова: „срѣзать этотъ наростъ и продать его Персіянамъ

(конечно, за англійскія гинеи?)...“ *) Не станетъ дѣло за подысканіемъ и множества другихъ подобныхъ авторитетовъ. Едва ли можно говорить какое мнѣніе было бы утверждено большинствомъ голосовъ въ такъ подготовленномъ собраніи. А съ какимъ паѳосомъ результатъ этой баллотировки выдавался бы затѣмъ интригой за голосъ всероссійской промышленности и торговли, предъ которымъ де ничего не значатъ голоса изъ Москвы, Нижняго-Новгорода, Иванова-Вознесенска и другихъ центровъ русскаго торгово-промышленнаго міра.

Скажутъ пожалуй что представители этихъ центровъ могутъ въ свою очередь принять мѣры къ наполненію „Содѣйственнаго“ клуба говорунами и голосователями въ свою пользу. Русскихъ промышленниковъ въ самомъ дѣлѣ укоряютъ въ политической незрѣлости, въ неумѣньи вести агитацію какъ умѣютъ вести ее чужіе люди, пуская въ ходъ и лесть, и подкупъ, и банкеты, и подобранные митинги. Но развѣ хорошо еслибы русское дѣло въ Россіи нуждалось для своего успѣха въ пріемахъ къ какимъ свойственно прибѣгать только чужому и нечистому дѣлу!

Не знаемъ въ какую сторону высказалось или выскажется Общество для Содѣйствія, *за* или *противъ* транзита. Но кому бы оно ни „посодѣйствовало,“ какимъ бы большинствомъ голосовъ ни было принято то или другое мнѣніе, для вопроса, полагаемъ, это рѣшительно все равно, какъ нулевое слагаемое. Мнѣнія могутъ быть высказываемы кѣмъ угодно и гдѣ угодно. Дѣльное мнѣніе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія; но дѣльность и вѣрность мнѣнія не зависятъ отъ числа людей которые его раздѣляютъ: милліоны людей могутъ ошибаться, а одинъ человѣкъ можетъ придти къ истинѣ. Вѣрность мыслей оцѣнивается не числомъ поданныхъ голосовъ, а убѣдительностью доводовъ, соотвѣтствіемъ дѣйствительному положенію вещей. Совсѣмъ иное дѣло когда при рѣшеніи вопроса требуется принять во вниманіе не мнѣнія, а интересы или выгоды. Тутъ нельзя обойтись безъ счета и мѣры; тутъ необходимо измѣрять всѣ выгоды и невыгоды, тутъ важно сосчитать тѣхъ кому дѣло выгодно и кому невыгодно. Ничтожныя и большія выгоды, выгоды тѣснаго кружка лицъ, или даже нѣсколькихъ тысячъ людей, и выгоды цѣлыхъ массъ, сотенъ тысячъ, милліоновъ людей, при обсужденіи экономическихъ вопросовъ не могутъ имѣть одинаковое для правительства значеніе.

*) Скобки и курсивъ подлинника. См. *Записки Кавказскаго отдѣленія Русскаго Техническаго Общества*, т. IV, стр. 403.

№ 315.

Москва, 12-го ноября.

А.

Снова начались студенческіе безпорядки... Что́ сіе означаетъ? То-есть что́ этимъ имѣется доказать или какой цѣли достигнуть? Что́ бы ни имѣлось въ виду распорядителями этихъ спектаклей и что́ бы изъ этого ни вышло, вѣрно по крайней мѣрѣ то что безпорядки эти являются естественнымъ послѣдствіемъ порядка установившагося въ нашихъ университетахъ, а также тѣхъ мѣръ оригинальной борьбы съ такъ-называемою крамолой которыя болѣе походили на содѣйствіе чѣмъ на противодѣйствіе ей. Злоумышленная пропаганда, какъ извѣстно, могла у насъ разсчитывать только на школьную молодежь, а со стороны властей дѣлалось все чтобъ эта пропаганда не встрѣчала въ своей дѣятельности серіозныхъ препятствій. Молодежь была отдана ей въ полную власть; несчастные юноши захватывались въ ея сѣти, заражались ходячими революціонными доктринами, лишались нравствен[illegible] свободы и становились готовыми элементами всякаго безпорядка, покорными исполнителями всякой интриги. Со стороны властей не только не дѣлалось ничего чтобы вырвать этихъ молодыхъ людей изъ сѣтей, но напротивъ принимались даже мѣры чтобы зараженные становились дѣятельными распространителями своей заразы. Мы переживаемъ послѣдствія вѣчно памятной политики фельетона. Увы, мы все еще какъ будто находимся подъ дѣйствіемъ этой политики, подъ ея обаяніемъ!..

Задача для борьбы съ оказавшимся у насъ зломъ была ясная и немудреная. Зло, повторимъ, разыгрывалось у насъ только въ школьномъ мірѣ между мальчиками, едва вылупившимися на свѣтъ. Неужели не было возможности справиться тутъ со

зломъ и найти спасительныя мѣры къ исцѣленію зараженныхъ и къ пресѣченію заразы между здоровыми? Очевидно что зараженныхъ нужно было удалять изъ среды здоровыхъ. Изъ разныхъ учебныхъ заведеній исключались агитаторы съ которыми не было слада. Дальнѣйшая судьба исключенныхъ была уже внѣ контроля учебнаго вѣдомства. Это былъ вопросъ требовавшій особой правительственной мѣры. Что̀ дѣлать съ зараженными и попавшими подъ злоумышленную команду молодыми людьми? Все что̀ хотите, только не возвращать ихъ въ среду молодежи. А между тѣмъ дѣлалось именно наоборотъ: исключенныхъ изъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній и административно высланныхъ молодыхъ людей, раздраженныхъ и озлобленныхъ, съ усиленною заразой, возвращали въ очистившіяся отъ нихъ учебныя заведенія какъ волковъ въ овчарню. Они возвращались какъ тріумфаторы въ среду своихъ юныхъ сверстниковъ, какъ заслуженные ветераны, какъ мученики за убѣжденіе, какъ авторитеты новыхъ ученій, какъ твердые бойцы торжествующіе побѣду, съ развернутымъ знаменемъ, подобно недавно возвратившемуся къ своимъ пушкамъ г. Родзевичу. Что̀ можетъ сдѣлать, хотя бы и многочисленная, но брошенная безъ пастыря молодежь противъ нѣсколькихъ десятковъ товарищей, солидарныхъ, дисциплинованныхъ и послушныхъ командѣ, особенно при извѣстныхъ условіяхъ университетскаго быта, при господствѣ устава 1863 года, котораго зло всѣмъ очевидно, и который изъ году въ годъ двадцать лѣтъ продолжаетъ свое заколдованное существованіе?

Зараженныхъ возвращали, говорятъ, въ филантропическихъ видахъ... Но что̀ это за филантропія которая завѣдомо распространяетъ заразу въ здоровой средѣ? Какой пользы прежде всего можно было ожидать для самихъ зараженныхъ? Какая наука могла бы пойти имъ въ прокъ пока они не избавлены отъ зла ихъ отравляющаго? Какую пользу могло бы ожидать общество отъ такихъ по окончаніи курса? Но̀ каковы бы ни были послѣдствія для нихъ самихъ, имѣетъ ли кто право рисковать участью молодыхъ людей собранныхъ для науки, пуская въ ихъ среду завѣдомо зараженныхъ? Не значитъ ли это благодѣтельствовать на чужой счетъ, и притомъ въ несравненно худшемъ смыслѣ чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ когда рѣчь идетъ только о карманѣ? Подвергать опасности нравственность цѣлой массы молодыхъ людей и гуманно губить ихъ для того чтобы нѣкоторымъ завѣдомо поврежденнымъ изъ нихъ открыть возможность получить дипломъ который далъ бы имъ положеніе въ обществѣ и расширилъ бы кругъ ихъ дѣйствія, не оригинальная ли это филантропія? Истинная филантропія не такъ бы стала поступать; прежде всего она озаботилась бы изысканіемъ мѣръ какъ бы спасти зараженныхъ и возвратить ихъ въ общество здоровыми. Она не бросила бы ихъ на произволъ случая; она нашла бы средство, съ одной стороны, оторвать ихъ отъ злоумышленной организаціи наложившей на нихъ свою руку, а съ другой не допустила бы ихъ разносить заразу и служить проводниками всякой дурной интриги въ товарищеской средѣ. Неужели правительство не могло бы найти способовъ которые оградили бы общество отъ вредныхъ субъектовъ, и въ то же время помогло бы этимъ молодымъ людямъ вылѣчиться?

Какую печальную картину рисуютъ намъ сообщенія *Правительственнаго Вѣстника* объ университетскихъ безпорядкахъ въ Казани и Петербургѣ! Того и жди что такіе же безпорядки прорвутся и въ другихъ университетахъ... Какая же тутъ наука возможна, какое образованіе вынесутъ молодые люди изъ стѣнъ университетовъ при такихъ условіяхъ? Молодежь мятется сама не зная зачѣмъ, призывается полиція, масса молодыхъ людей виновныхъ и невиновныхъ огуломъ арестуется. Студенты явившіеся въ университетъ для слушанія лекцій, войдя въ аудиторію, вдругъ видятъ себя среди буйнаго митинга и арестуются вмѣстѣ съ другими; курсы прерываются, жизнь заведенія останавливается, золотое время проходитъ въ разгарѣ опьяненія и похмѣлья... Начнется университетскій судъ, выловятъ нѣсколько молодыхъ людей, бытьможетъ не столько злоумышленныхъ сколько крикливыхъ (злоумышленные умѣютъ обыкновенно держаться въ сторонѣ), а между тѣмъ среди молодежи окажется не мало вновь зараженныхъ субъектовъ готовыхъ служить проводниками всякой дурной интриги между своими товарищами...

Возвращаемся къ вопросу, что̀ же знаменуютъ эти безпорядки? для чего они затѣяны въ эту минуту когда правительство занято проектомъ необходимаго улучше-

нія университетскаго быта? Вопросъ этотъ пока мы оставляемъ открытымъ...

Б.

Бывшій казначей Московскаго Воспитательнаго Дома, Мельницкій, обвиненъ во всѣхъ пяти преступленіяхъ, которыя составляли предметъ четырехдневнаго разбирательства происходившаго въ концѣ прошедшей и въ началѣ текущей недѣли въ здѣшней Судебной Палатѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (въ Судебной Палатѣ потому что она служитъ первою инстанціей суда для должностныхъ лицъ не ниже VIII класса, обвиняемыхъ въ служебныхъ преступленіяхъ). Въ главномъ преступленіи, выдвинувшемъ преступленіе Мельницкаго изъ ряда обыкновенныхъ и заставлявшемъ въ прошедшемъ году такъ много о себѣ говорить, а именно въ утайкѣ 307 тысячъ рублей казенныхъ денегъ посредствомъ лживаго заявленія о похищеніи оныхъ у него на улицѣ, среди дня, Мельницкій обвиненъ присяжными безусловно. Весьма странное впечатлѣніе производитъ рядомъ съ этимъ вердиктомъ отвѣтъ присяжныхъ по остальнымъ четыремъ обвинительныхъ пунктамъ меньшей важности, по которымъ Мельницкому дано снисхожденіе, причемъ по двумъ изъ нихъ присяжные признали что онъ совершилъ указанныя въ нихъ растраты ввѣренныхъ ему суммъ (9.341 р. и 7.800 р.) *по легкомыслію*. Куріозно это легкомысліе приписываемое человѣку совершившему главное преступленіе лишь благодаря маскѣ лицемѣрія, которую онъ съ такимъ искусствомъ носилъ много лѣтъ, внушивъ безусловное къ себѣ довѣріе начальства, сослуживцевъ и всѣхъ его знавшихъ, легкомысліе со стороны „добраго дѣдушки,“ какъ называли Мельницкаго сослуживцы, и по такимъ дѣяніямъ которыя, продолжаясь много лѣтъ, обнаружились лишь когда похищеніе трехсотъ тысячъ открыло всѣмъ глаза и показало какой хищникъ скрывался подъ личиной безукоризненно честнаго человѣка. Присяжные, очевидно, не слишкомъ заботились о цѣльности смысла въ своемъ вердиктѣ если они допустили въ немъ столь явное противорѣчіе; по всей вѣроятности, они своимъ легкомысленнымъ признаніемъ легкомыслія желали лишь выразить что, не будь 300 тысячнаго похищенія, остальныя преступленія Мельницкаго были бы дѣяніями слишкомъ у насъ заурядными, кои нельзя было бы слишкомъ строго судить... Нужно, впрочемъ, и то сказать что не присяжные придумали „легкомысліе,“ такъ-какъ имъ былъ поставленъ вопросъ со стороны суда. Нашъ уголовный кодексъ по вопросамъ о растратѣ чужаго имущества очевидно отсталъ отъ современнаго „прогресса,“ и въ дѣлахъ подобнаго рода всегда допускаетъ предположеніе о растратѣ „по легкомыслію.“ А такъ какъ Мельницкій заявилъ на судѣ что онъ считаетъ своимъ долгомъ пополнить совершенныя имъ „мелкія“ растраты подъ разными видами простиравшіяся до 18.000 руб., то судъ считалъ себя почему-то обязаннымъ предоставить присяжнымъ возможность „даровать“ подсудимому это смягченіе его вины...

Но не будемъ слишкомъ придирчивы къ этой фальшивой нотѣ въ приговорѣ присяжныхъ, тѣмъ болѣе что она собственно не имѣла и вліянія на приговоръ суда о наказаніи. Мельницкій приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію (пожизненно). Это есть высшая мѣра наказанія какую могъ назначить судъ, даже по совокупности всѣхъ совершенныхъ Мельницкимъ преступленій, на основаніи статьи 354 Улож. о Нак. Но статья эта караетъ за простое пользованіе въ свою личную выгоду, или за растрату казенныхъ суммъ ввѣренныхъ должностному лицу; а Мельницкій признанъ виновныхъ въ похищеніи, которое стало возможнымъ лишь благодаря ловко-придуманному плану, исполненному съ замѣчательнымъ искусствомъ и сопровождавшемуся цѣлымъ рядомъ обманныхъ дѣйствій и лживыхъ заявленій, съ помощью коихъ похищенный капиталъ исчезъ безслѣдно. Все это обстоятельства несомнѣнно усугубляющія вину; но нашъ старый законъ своею буквой много отсталъ отъ „житейской дѣйствительности;“ онъ предусмотрѣлъ *подлогъ* письменный, Мельницкій же *письменнаго* подлога не совершилъ. Онъ совершилъ все что составляетъ сущность подлога, только не письменнымъ образомъ. Судъ же у насъ, въ другихъ случаяхъ не стѣсняющій себя буквою закона, счелъ неудобнымъ въ данномъ случаѣ удаляться отъ буквы и дѣйствовать по духу закона. Въ уваженіе принятъ не подлогъ, не обманъ, а обстоятельство *письменности*.

Но, спрашивается, можно ли признать достаточною мѣрой наказанія переселеніе на жительство въ Томскъ за похищеніе трехсотъ слишкомъ тысячъ рублей казенныхъ денегъ? Одна изъ лучшихъ комедій Островскаго, *Свои люди сочтемся*, написанная тридцать лѣтъ тому назадъ, оканчивается весьма характерною фразой, показывающею какъ уже въ то, сравнительно весьма отдаленное отъ нашего „прогресса“ и всяческаго комфорта, время, люди искусившіеся въ дѣлѣ нечестной наживы и преступнаго обогащенія на чужой счетъ относились къ недобровольному переселенію въ „мѣста не столь отдаленныя.“ Когда Подхалюзину говорятъ что за продѣлки со своимъ тестемъ онъ будетъ сосланъ въ Сибирь, герой комедіи замѣчаетъ: „въ Сибирь такъ въ Сибирь; и въ Сибири люди живутъ.“ А современный человѣкъ можетъ прибавить что и ѣдутъ туда съ большимъ удобствомъ. Живутъ тамъ не одни Подхалюзины, Юханцевы и Мельницкіе, но и многіе честные труженики. Что же за наказаніе переселиться въ Томскъ, имѣя въ своемъ карманѣ 300.000 рублей. Въ глазахъ человѣка способнаго на такое преступленіе, благопріобрѣтенное богатство составляетъ весьма достаточное вознагражденіе и за позоръ публичнаго осужденія, и за формальное „лишеніе чести,“ и за нѣкоторое ограниченіе личной свободы.

Не удивительно поэтому что „общественная совѣсть“ очень мало чувствуетъ себя удовлетворенною такимъ въ сущности фиктивнымъ наказаніемъ какое постигаетъ крупныя хищенія казенныхъ и общественныхъ денегъ, и что всего менѣе подобные приговоры служатъ къ устрашенію другихъ „повадившихся“ запускать руку въ казенный или общественный сундукъ. Эпидемія хищенія, достигшая у насъ столь ужасающихъ размѣровъ, оказывается такимъ образомъ лишенною того противодѣйствія, которое даетъ всякому благоустроенному обществу карательный законъ, въ мѣрѣ справедливости воздающій должное за содѣянное преступленіе.

Нужно надѣяться что исходъ дѣла Мельницкаго и многихъ его предшественниковъ обратитъ на себя должное вниманіе составителей разрабатываемаго нынѣ новаго уголовнаго кодекса. Помимо общаго недостатка нашей „лѣстницы наказаній“ вообще и ссылки на житье въ особенности, нельзя не указать и на то что существующее теперь наказаніе за разные виды общественнаго хищенія, вопервыхъ, намѣчено въ слишкомъ общихъ чертахъ, причемъ признаки преступленія указанные въ законѣ вовсе не соотвѣтствуютъ наиболѣе характернымъ явленіямъ современной дѣйствительности, а вовторыхъ, это наказаніе, опять-таки по показаніямъ опыта, не только мало устрашительно, но въ большинствѣ случаевъ лишено всякой силы, именно потому что преступное дѣяніе само даетъ виновному средства парализовать дѣйствіе направленной противъ него кары. Интернированіе въ обширномъ районѣ, то-есть ссылка, потеряло въ наше время удобныхъ и легкихъ сообщеній тотъ характеръ лишенія свободы который оно имѣло прежде когда переселеніе въ дальнюю страну отрѣзывало человѣка отъ возможности пользоваться благами жизни. Лишеніе свободы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть тюремное заключеніе стало главнымъ орудіемъ уголовной кары потому что мѣста ссылки потеряли въ наше время прежній характеръ „расширенныхъ тюремъ.“

Помимо этого общаго соображенія, нельзя не указать и того что хищеніе общественныхъ денегъ стало преступленіемъ опаснымъ не только вслѣдствіе своей зарядности, но и по цифрѣ похищаемыхъ суммъ. А устарѣлый законъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи никакихъ различеній, и только при растратѣ чужаго имущества принадлежащаго частному лицу установлено различіе въ наказаніи, смотря по тому растрачено ли, либо присвоено, болѣе трехсотъ рублей или менѣе. По закону, Мельницкій долженъ былъ бы подвергнуться тому же наказанію еслибъ онъ похитилъ не триста тысячъ, а только триста рублей...

Житейскій опытъ послѣдняго времени выдвинулъ впередъ многихъ героевъ хищенія на сотни тысячъ и на милліоны, и чувство справедливости настойчиво требуетъ отличить этихъ „крупныхъ дѣятелей“ отъ мелкихъ воришекъ и „почтить“ ихъ въ самомъ законѣ особымъ возмездіемъ.

№ 316.

Москва, 13-го ноября.

Въ полученномъ сегодня № 250 *Правительственнаго Вѣстника* напечатанъ слѣдующій циркуляръ Департамента Неокладныхъ Сборовъ управляющимъ акцизными сборами губерній Имперіи и Царства Польскаго, отъ 10 ноября 1882 года, за № 2.640, *о порядкѣ пріема въ залогъ, по разсрочкѣ акциза за вино, вкладныхъ билетовъ городскихъ общественныхъ банковъ*:

„Вслѣдствіе возбужденнаго однимъ изъ управляющихъ акцизными сборами вопроса о порядкѣ пріема въ залогъ по разсрочкѣ акциза за вино вкладныхъ билетовъ городскихъ общественныхъ банковъ, министръ Финансовъ изволилъ приказать сдѣлать распоряженіе о томъ чтобъ управляющіе акцизными сборами воздерживались вообще отъ пріема вновь вкладныхъ билетовъ общественныхъ банковъ въ залогъ по разсрочкѣ акциза и разрѣшали бы пріемъ оныхъ только въ томъ случаѣ если положеніе общественнаго банка, выдавшаго билеты, представляется вполнѣ благонадежнымъ.

„О семъ Департаментъ Неокладныхъ Сборовъ увѣдомляетъ управляющихъ акцизными сборами губерній Имперіи и Царства Польскаго для надлежащаго съ ихъ стороны руководства и исполненія.“

Нельзя не остановиться на этомъ циркулярѣ, нельзя не войти въ подробное разсмотрѣніе этого неожиданнаго министерскаго распоряженія въ виду исключительнаго значенія какое имѣетъ оно какъ въ экономическомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи. Приведеннымъ циркуляромъ создается для всѣхъ существующихъ въ Россіи городскихъ общественныхъ банковъ и для всей массы ихъ вкладчиковъ совершенно новое положеніе, о которомъ нѣтъ и помину въ Высочайше утвержденномъ 6 февраля 1862 года Нормальномъ Положеніи. Для всѣхъ этихъ банковъ,—а ихъ болѣе двухсотъ,—для всѣхъ этихъ людей довѣрившихъ имъ свои деньги,—а сумма этихъ денегъ простирается до двухсотъ милліоновъ рублей,—учреждается, внѣ общаго законодательнаго, административнаго и судебнаго порядка, нѣсколько десятковъ единоличныхъ трибуналовъ, въ лицѣ каждаго изъ управляющихъ акцизными сборами въ губерніяхъ. До сихъ поръ не было такихъ органовъ власти которые имѣли бы право, по собственному усмотрѣнію, безапелляціонно рѣшать какія изъ дѣйствующихъ банковыхъ учрежденій слѣдуетъ считать благонадежными, какія неблагонадежными, за которыми изъ выдаваемыхъ банками вкладныхъ билетовъ должна быть признаваема цѣнность во всей полнотѣ значащейся на нихъ суммы, и которые изъ этихъ билетовъ должны быть приравниваемы къ негодной, продаваемой на вѣсъ бумагѣ. Отнынѣ мы имѣемъ такіе органы власти (не знаемъ какъ назвать ихъ, административными или судебными) въ лицѣ губернскихъ управляющихъ акцизными сборами. Въ силу циркуляра 10 ноября, всѣ городскіе общественные банки каждой губерніи и всѣ ихъ вкладчики должны каждую минуту трепетать въ неизвѣстности какой приговоръ о благонадежности или неблагонадежности того или другаго банка изречетъ мѣстная акцизная власть. Одною изъ главныхъ заботъ и вкладчиковъ, и управленій городскихъ банковъ, и городскихъ думъ, и управъ, должна быть отнынѣ забота о томъ чтобы всякими возможными прямыми и косвенными способами расположить управляющаго акцизомъ въ пользу признанія интересующаго ихъ банка „вполнѣ благонадежнымъ.“ Неблагопріятное для банка мнѣніе о немъ акцизнаго чиновника, по какимъ бы соображеніямъ и побужденіямъ такое мнѣніе ни составилось, будетъ имѣть послѣдствія ничѣмъ не лучшія тѣхъ какія „недостаточно осмотрительное возбужденіе преслѣдованія по дѣламъ банковъ и акціонерныхъ обществъ можетъ имѣть для множества частныхъ лицъ, интересы коихъ связаны съ этими учрежденіями, а равно для общественнаго кредита“ *), тѣхъ, въ устраненіе коихъ былъ изданъ извѣстный циркуляръ графа Палена отъ 26 апрѣля 1876. Пока акцизный чиновникъ не выразилъ мнѣнія о благонадежности, *вкладной билетъ каждаго общественнаго городскаго банка есть процентная бумага принимаемая казной въ залоги* (въ предѣлахъ губерніи гдѣ учрежденъ банкъ выдавшій этотъ билетъ) *наравнѣ съ наличными деньгами*. Но стóитъ акцизному чиновнику захотѣть, и тотчасъ же эта процентная бу-

---

*) См. „Правительственное сообщеніе“ въ № 234 *Правительственнаго Вѣстника* и передовую статью въ № 297 *Моск. Вѣд.*

мага лишится присвоеннаго ей закономъ характера и уже не будетъ принимаема „въ залогъ по разсрочкѣ акциза.“ Излишне было бы разъяснять какое значеніе должна имѣть для банковъ и для вкладчиковъ такая метаморфоза въ значеніи вкладныхъ билетовъ.

Создавая совершенно новыя отношенія между городскими общественными банками и ихъ вкладчиками и акцизными чиновниками, циркуляръ 10-го ноября ставитъ сихъ послѣднихъ въ крайне затруднительное положеніе. Имъ предписано не принимать въ залогъ вкладныхъ билетовъ „если положеніе общественнаго банка, выдавшаго билеты, представляется не вполнѣ благонадежнымъ,“ но не дано никакихъ указаній чѣмъ должны они руководиться при опредѣленіи полной и неполной благонадежности банка. Не лишенные смысла и гражданскаго чувства чиновники не могутъ не сознавать какъ всей обширности предоставляемой имъ новымъ циркуляромъ власти, такъ и всей тяжести той отвѣтственности которая сопряжена съ пользованіемъ такою властію; они не могутъ не понимать что вопросы о принятіи или непринятіи вкладныхъ билетовъ въ залогъ нельзя рѣшать наобумъ, что всякое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, отъ того или иного направленія коего зависитъ утвержденіе въ полной цѣнности или обезцѣненіе огромной массы процентныхъ бумагъ распространенныхъ по всей Россіи и составляющихъ въ итогѣ до двухсотъ милліоновъ рублей, было бы непростительно. Всякая ошибка въ такомъ дѣлѣ можетъ вести къ разоренію цѣлыхъ массъ. Но что̀ дѣлать чтобъ избѣжать такихъ ошибокъ? Акцизные чиновники спеціалисты по питейной части, они могутъ считать себя знатоками и полагаться на собственныя сужденія въ вопросахъ касающихся винокуренія и кабацкаго дѣла; но могутъ ли они, предъ своею совѣстью, считать себя компетентными въ чуждомъ и мало знакомомъ имъ банковомъ дѣлѣ, могутъ ли они полагаться на свое сужденіе въ оцѣнкѣ полной и неполной благонадежности банковъ? Чѣмъ же имъ руководиться? Общею молвой? Но молва можетъ быть вздорная, можетъ даже оказаться злоумышленно распущеннымъ слухомъ; молва можетъ подать поводъ къ обревизованію банка или въ извѣстныхъ случаяхъ къ назначенію негласнаго разслѣдованія о дѣйствіяхъ служащихъ въ немъ лицъ; но на одной молвѣ нельзя основывать рѣшеній могущихъ вести къ потрясенію общественнаго кредита. На чемъ же основывать такія рѣшенія? На разсмотрѣніи банковыхъ балансовъ? Но что̀ въ этихъ балансахъ считать признакомъ полной и неполной благонадежности? По ссудной операціи, напримѣръ, есть банки гдѣ просроченныхъ ссудъ вовсе нѣтъ, и наоборотъ, есть банки гдѣ итогъ просроченныхъ ссудъ составляетъ сто процентовъ всей ссудной операціи, то-есть равняется всему ея итогу: какой процентъ просрочекъ по ссудамъ считать признакомъ неблагонадежности? По учетной операціи есть банки не имѣющіе въ своихъ портфеляхъ ни одного протестованнаго векселя, и есть банки гдѣ на каждую сотню рублей непротестованныхъ векселей числится болѣе 66 рублей векселей протестованныхъ. Есть банки вовсе не имѣющіе ни протестованныхъ векселей, ни просроченныхъ ссудъ, и есть банки гдѣ (не говоря о Скопинскомъ) болѣе двухъ пятыхъ всего итога вкладовъ, болѣе 42% этого итога, обезпечиваются протестованными векселями и просроченными ссудами; есть банки гдѣ итогъ протестовъ и просрочекъ превышаетъ слишкомъ вдвое (равняясь, напримѣръ, 239%) весь капиталъ банка. Какія же избрать нормы для того чтобы, не чиня неправды, ставить одни изъ этихъ банковъ ошую, другіе одесную?

Еще въ большее недоумѣніе должно поставить акцизныхъ чиновниковъ призываемыхъ къ совершенію этого суда надъ городскими общественными банками и ихъ вкладчиками слѣдующее обстоятельство. Министромъ Финансовъ предписано „чтобъ управляющіе акцизными сборами воздерживались вообще отъ пріема вновь вкладныхъ билетовъ общественныхъ банковъ въ залогъ по разсрочкѣ акциза.“ Но на ряду съ этимъ министерскимъ распоряженіемъ существуетъ слѣдующій прямой законъ изложенный въ Высочайше утвержденномъ 6 февраля 1862 года Нормальномъ Положеніи о городскихъ общественныхъ банкахъ (измѣненномъ и дополненномъ Высочайше утвержденными, 16 мая 1866 и 30 ноября 1870 года, мнѣніями Государственнаго Совѣта):

Ст. 31. „Безыменные билеты банка, на полученные имъ вклады, принимаются въ залогъ, наравнѣ съ наличными деньгами,

во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ той только губерніи гдѣ учрежденъ банкъ, выдавшій сіи билеты.“

Отмѣненъ или не отмѣненъ этотъ законъ? Онъ не могъ быть отмѣненъ иначе какъ по Высочайшему повелѣнію. Но никто не знаетъ чтобы такое Высочайшее повелѣніе состоялось, чтобъ оно было обнародовано. Если же статья 31 Нормальнаго Положенія не отмѣнена, то какое присутственное мѣсто можетъ отказать въ пріемѣ въ залогъ вкладныхъ билетовъ любаго изъ существующихъ въ данной губерніи городскихъ общественныхъ банковъ? Законъ присвояетъ вкладнымъ билетамъ этихъ банковъ то значеніе что они должны быть въ предѣлахъ губерніи принимаемы казной въ залогъ независимо отъ степени благонадежности самихъ банковъ, независимо отъ того хорошо или дурно ведутъ городскія общества свои кредитныя операціи. Кто же можетъ лишить эти вкладные билеты ихъ установленнаго закономъ значенія, по какимъ бы то ни было соображеніямъ?

Возможно, хотя и сомнительно чтобъ это такъ было,—возможно что какимъ-либо позднѣе изданнымъ узаконеніемъ сила ст. 31 Нормальнаго Положенія ослаблена или ограничена, напримѣръ, спеціально по отношенію къ акцизному вѣдомству. Въ такомъ случаѣ важно было бы знать время изданія такого узаконенія. Никакой законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія, если въ самомъ законѣ не постановлено что сила его распространяется и на времена предшествовавшія его обнародованію. Посему дѣйствіе предполагаемаго ограничительнаго узаконенія могло бы распространяться лишь на вкладные билеты выданные городскими банками послѣ обнародованія таковаго узаконенія. Всѣ же ранѣе сего выданные вкладные билеты каждаго изъ городскихъ общественныхъ банковъ, безо всякаго между ними различія по степени благонадежности, и не дѣлая исключенія даже по отношенію ко вкладнымъ билетамъ Скопинскаго банка, должны быть принимаемы въ залогъ всѣми присутственными мѣстами подлежащихъ губерній наравнѣ съ наличными деньгами.

Этого требуетъ законъ; это необходимо также въ видахъ поддержанія общественнаго кредита. Вкладчики вносили деньги въ городскіе банки и получали взамѣнъ своихъ денегъ вкладные билеты, имѣя въ виду, между прочимъ, ст. 31 Нормальнаго Положенія точно также какъ, напримѣръ, подписчики на государственные Восточные займы пріобрѣтали облигаціи этихъ займовъ, имѣя въ виду правительственное заявленіе что таковыя облигаціи „будутъ принимаемы по нарицательной цѣнѣ залогомъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.“ Если право утвержденное закономъ за вкладными билетами окажется шаткимъ и не вѣрнымъ, то само собою поколеблется увѣренность въ незыблемости таковыхъ же правъ присвоенныхъ облигаціямъ Восточныхъ займовъ и другихъ государственныхъ бумагъ. А это могло бы вызвать общую тревогу гораздо болѣе серіозную нежели та какую причинило на Берлинской биржѣ появленіе въ газетѣ *Страна* статьи выражающей сомнѣніе объ уплатѣ Казначействомъ Государственному Банку 50 милліоновъ рублей въ текущемъ году. Берлинскіе банкиры почему-то дорожатъ закономъ 1 января 1881 года, нисколько до нихъ не касающимся и опредѣляющимъ лишь порядокъ перевода суммъ изъ одного русскаго казеннаго кармана въ другой такой же русскій казенный карманъ; они встревожились опасеніемъ что законъ этотъ не будетъ исполненъ. Они тревожились напрасно: установленный закономъ 1 января внутренній кассовый распорядокъ пока еще не отмѣненъ; у насъ пока еще не созрѣло убѣжденіе во вредѣ этого распорядка, въ громадной тягости налагаемой имъ на государственный бюджетъ и на податныя силы народа безо всякой пользы для страны и денежнаго въ ней обращенія. Но еслибъ это убѣжденіе окрѣпло, было бы, конечно, большою странностью воздерживаться отъ отмѣны закона 1 января во вниманіи къ тому что этимъ закономъ дорожатъ на чужомъ рынкѣ. Свободное теченіе внутренняго русскаго законодательства не можетъ и не должно быть стѣсняемо никакими симпатіями и антипатіями чужой биржи: иначе русской власти пришлось бы отказаться ото всякой самостоятельности въ собственныхъ дѣлахъ, она не могла бы, пожалуй, даже принять мѣры относительно нынѣшнихъ университескихъ безпорядковъ не справившись предварительно о впечатлѣніи какое эти мѣры могутъ произвести на заграничныя биржи и не вызоветъ ли это впечатлѣніе „сильнаго предложенія русскихъ цѣнностей...“

Но одно дѣло отмѣна закона 1 января 1881 года, которая была бы выгодна и казнѣ и народу, и совсѣмъ другое дѣло отмѣна или подрывъ силы узаконеній на которыхъ зиждется государственный и общественный кредитъ въ Россіи. Къ числу таковыхъ узаконеній принадлежитъ и ст. 31 Нормальнаго Положенія.

Въ заключеніе должно замѣтить что появленіе циркуляра 10 ноября можетъ быть признано въ одномъ отношеніи добрымъ признакомъ. Городскіе общественные банки, при той постановкѣ какая дана имъ Нормальнымъ Положеніемъ, признаются учрежденіями въ такой мѣрѣ несостоятельными что исходящіе отъ нихъ вкладные билеты считаются *вообще* непригодными къ тому чтобы служить залогами и допускаются въ этомъ качествѣ лишь въ видѣ исключенія изъ общаго правила: какой болѣе сильный приговоръ могъ бы быть произнесенъ надъ Нормальнымъ Положеніемъ и надо всѣмъ тѣмъ направленіемъ финансовой политики которая выразилась изданіемъ этого Положенія и цѣлымъ рядомъ другихъ однородныхъ мѣръ? Чѣмъ скорѣе будетъ приступлено къ нихъ пересмотру, чѣмъ рѣшительнѣе приступимъ мы къ преобразованію кредитныхъ учрежденій въ видахъ устраненія тѣхъ неправильностей которыя внесены въ нихъ ошибочною финансовою политикой, тѣмъ лучше. Но исправляя прежнія ошибки, желательно избѣжать новыхъ, можетъ-быть, еще худшихъ. Чѣмъ скорѣе покончимъ мы съ Нормальнымъ Положеніемъ и другими подобными, тѣмъ лучше. Но необходимо бережно относиться къ тѣмъ правамъ частныхъ лицъ которыя были ими созданы. Лотерейные займы были большою ошибкой, которой не слѣдуетъ повторять. Но права владѣльцевъ билетовъ лотерейныхъ займовъ, тѣмъ не менѣе, не должны быть нарушаемы, въ видахъ справедливости, уваженія права собственности и подъ опасеніемъ потрясенія государственнаго кредита. То же слѣдуетъ замѣтить и о вкладныхъ билетахъ городскихъ общественныхъ банковъ.

№ 318.

Москва, 15-го ноября.

Если недостаточная отвѣтственность составляетъ первую, то изобиліе соблазна вторую изъ главныхъ причинъ нашей эпидеміи казначейскаго, кассирскаго и интендантскаго хищенія. Если прежде довольствовались „безгрѣшными“ доходами, „темными“ суммами, то теперь на первомъ планѣ стоитъ искусство „оформить“ дѣло. Это оформливанье получило широкое примѣненіе. Въ немъ иногда нѣтъ ничего собственно преступнаго, а есть лишь простой своевольный обходъ стѣснительнаго для канцелярій узаконенія. Расходуются деньги на извѣстную надобность и въ извѣстномъ размѣрѣ, а между тѣмъ расходующему лицу или учрежденію извѣстно что показать этотъ расходъ по отчету нельзя: „привяжется контроль.“ Необходимо дѣло „оформить,“ то-есть показать деньги издержанными на другую надобность, по другимъ статьямъ бюджета. Въ другихъ случаяхъ, это *оформливанье* пріобрѣтаетъ уже совершенно преступный характеръ, и фиктивный расходъ оправдывается предъ контролемъ при пособіи третьяго лица. Задача оформливать разнаго рода расходы создала цѣлую систему необходимыхъ для этого пріемовъ. Въ числѣ этихъ пріемовъ первое мѣсто занимаютъ фиктивные счеты и расписки. Нужно оправдать документомъ какой-нибудь расходъ или вовсе не существующій, или сдѣланный не въ такомъ какъ требуется для отчета размѣрѣ. Всегда найдется лицо готовое или вынужденное выдать подобный счетъ или расписку. Контрольная палата не можетъ ни оспаривать, ни обсуждать правильность такого документа. Ей приходится признать его, и вотъ хищеніе „очищено,“ неправильный расходъ признанъ правильнымъ. Далѣе контролю представленъ отчетъ по расходованію извѣстной суммы денегъ часто весьма значительной; къ отчету приложены такъ-называемые оправдательные документы, расписки и счеты: кто же удостовѣряетъ что документы эти подписаны тѣми самыми лицами отъ имени коихъ они составлены? Нѣтъ даже ручательства что лица эти дѣйствительно существуютъ на свѣтѣ. Чтобы получить какой-нибудь рубль присланный по почтѣ, необходимо почтовую повѣстку предъявить въ полицію и взять отъ ней удостовѣреніе что получатель есть именно то лицо которому посланное адресовано. Мало того, къ удостовѣренію должна быть приложена печать, да еще непремѣнно сургучная. А расписокъ о полученіи изъ казенныхъ денегъ „сполна“ столько-то никто

не удостовѣряетъ. Если въ этомъ случаѣ вѣрятъ казначею или кассиру выдающему деньги то къ чему бы представлять такой документъ въ контроль, ревизующій именно дѣйствія этого казначея или кассира? Система оформливанья и фиктивныхъ счетовъ и расписокъ обратилась въ цѣлую школу лжи и подлога, трудно уловимаго, особенно въ томъ случаѣ когда ближайшее начальство или слѣпо, или же — что бываетъ нерѣдко — само держится за необходимость оформливать расходы чтобъ избѣжать контрольныхъ начетовъ. Было время когда интендантство, или точнѣе, провіантское и коммиссаріатское вѣдомства взыскивали съ войскъ за излишне-вытребованныя вещи и деньги *вдвое*. Это взысканіе предполагало въ излишнемъ требованіи или корыстный умыселъ, или наказуемую небрежность. Теперь этой денежной отвѣтственности за неправильные счеты не бываетъ: небрежность и умыселъ ничѣмъ не рискуютъ, лишь-бы къ отчету приложены были надлежащіе документы, удостовѣряющіе дѣйствительность расхода. А дѣйствительныли документы, объ этомъ контроль не справляется. Между тѣмъ контрольный учетъ, за сложностію постановленій по хозяйственной части, такъ затрудненъ что найти неправильность очень не легко. Трудно ручаться чтобы въ кипахъ обревизованныхъ бумагъ и расходовъ не нашлось неправильныхъ и на самомъ дѣлѣ фиктивныхъ выдачъ па сотни тысячъ рублей. Надо прибавить къ этому еще и необходимое для всякаго расходчика умѣнье ладить съ контрольными учрежденіями и чинами. Благодаря всему этому, подъ начетъ попадаютъ обыкновенно не преступные, а неумѣлые и неопытные расходчики. Для доки контрольный порядокъ новаго образца представляетъ только выгоды. Теперь и начальникъ и подчиненный въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы уладить дѣло какимъ бы то ни было способомъ чтобы только не попасть подъ начетъ. Высшее начальство большею частію даже лишено возможности слѣдить за правильностью дѣлаемыхъ подчиненными учрежденіями расходовъ, подлежащихъ бумажной провѣркѣ контрольныхъ учрежденій.

Пройдя такую школу, выучась хоронить концы, нравственно шаткій чиновникъ пріобрѣтаетъ смѣлость, и отъ мелкихъ стяжаній переходитъ на крупныя. Тутъ только представляется ему вопросъ объ отвѣтственности. Она быть можетъ достаточна для мелкаго мошенника или для человѣка оплошнаго, но совершенно ничтожна для крупнаго и ловкаго вора. Естественно при этомъ желаніе взять какъ можно больше и скрыть хищеніе. Чѣмъ крупнѣе кража, слѣдовательно чѣмъ шире кругъ дѣятельности хищника, тѣмъ легче ему обойти требованія закона относительно удостовѣренія правильности денежныхъ операцій. Гораздо труднѣе найти соучастника въ подлогѣ на десятки или сотни рублей нежели на десятки и сотни тысячъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ интендантскіе процессы.

Хищеніе приняло большіе размѣры. Съ нимъ приходится энергически бороться, необходимо увеличить мѣру наказаній. Но надо также устранить способы обманывать контроль и начальство. Во всякомъ случаѣ было бы полезно устранить все что ведетъ къ „оформливанью“ и къ фиктивнымъ оправдательнымъ документамъ. Въ коллегіальныхъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ хорошо бы дать вѣсъ голосу членовъ этихъ коллегій, котораго теперь они въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ будучи прямыми подчиненными предсѣдателей, которые могутъ удалить ихъ отъ службы весьма легко и скоро. При коллегіальномъ порядкѣ, подобная субординація неумѣстна и не поддерживаетъ, а развѣ нарушаетъ дисциплину на которой держится всякая служба. Это тоже засвидѣтельствовано не малымъ числомъ уголовныхъ дѣлъ. Въ дѣлахъ касающихся интересовъ казны всякій служащій долженъ быть поставленъ такъ чтобы могъ, ничѣмъ не рискуя, исполнять свой долгъ.

№ 319.

Москва, 16-го ноября.

Новое и крупное похищеніе казенныхъ денегъ было предметомъ разбирательства въ Одессѣ въ то же время и въ томъ же порядкѣ въ какомъ разбиралось дѣло Мельницкаго въ Московской Судебной Палатѣ. Тамъ деньги, 47.000 р., похищены прямо изъ Государственнаго Казначейства и въ похищеніи обвинялись самъ казначей, г. Унтиловъ, и его помощникъ, Квартировичъ. Особенность одесскаго процесса заключается въ томъ что преступленіе совершено слишкомъ четыре года тому назадъ; такъ

долго, по совершенно непонятной причинѣ, тянулось предварительное слѣдствіе и процедура преданія суду по преступленію которое не подлежало никакому сомнѣнію съ той минуты какъ было обнаружено. И тутъ виновные не только были на хорошемъ счету у начальства, но даже были представлены къ Высочайшей наградѣ въ то самое время когда ими совершалось столь дерзкое хищеніе. Но и тутъ наказаніе, постигшее лишь одного изъ обвиняемыхъ (такъ какъ казначей Унтиловъ по обвиненію въ корыстномъ присвоеніи казенныхъ денегъ присяжными оправданъ), ограничилось тою же ссылкой на житье (только не въ Томскую, а въ Тобольскую губернію), о карательномъ значеніи котораго мы уже имѣли случай высказаться надняхъ по поводу дѣла Мельницкаго.

Какъ видно изъ обвинительнаго акта, Одесское казначейство оперировало въ 1878 году огромными суммами вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ военнаго времени. Къ этому году возвратилась чрезъ Одессу бóльшая часть войскъ участвовавшихъ въ войнѣ. Благодаря этому, въ мѣстномъ казначействѣ оборачивались огромныя суммы. Этимъ-то обстоятельствомъ воспользовались преступныя руки; пачки ассигнацій, съ обозначеніемъ на нихъ суммы содержащейся въ пачкѣ, подобраны были лишь сверху изъ крупныхъ ассигнацій, внутри же пачекъ крупные билеты были вынуты и замѣнены мелкими. Разчетъ очевидно заключался здѣсь въ томъ чтобы ввести въ обманъ тѣхъ кому должны были производиться значительныя выдачи, при коихъ получающій или не имѣетъ физической возможности провѣрить каждую пачку, или же не находитъ этого нужнымъ по довѣрію къ коронымъ чиновникамъ, тѣмъ болѣе что бандероли пачекъ были завѣрены отмѣтками „самого" казначея или его помощника.

Изъ этого очевидно, что преступленіе это отнюдь не можетъ быть приравнено къ простому присвоенію. Устанавливая наказаніе за присвоеніе и растрату ввѣреннаго по должности казеннаго или общественнаго имущества, — наказаніе, которое по обстоятельствамъ нынѣшняго времени стало черезчуръ снисходительнымъ, устанавливая это наказаніе, законъ очевидно имѣлъ въ виду не то преступленіе о коемъ шла рѣчь въ дѣлѣ Мельницкаго и въ одесскомъ процессѣ. Имѣющій на своихъ рукахъ казенныя деньги уступаетъ, по мысли этого закона (ст. 354 Улож. о Нак.), соблазну и употребляетъ ихъ на свои личныя нужды въ надеждѣ что онъ ихъ въ послѣдствіи пополнитъ. Во всякомъ случаѣ законъ исходитъ изъ того предположенія что преступленіе этого рода можетъ остаться не обнаруженнымъ лишь до тѣхъ поръ пока не произведена повѣрка. Растратившій беретъ на себя этотъ рискъ, и наказаніе, хотя и менѣе строгое, постигаетъ его даже въ томъ случаѣ если онъ успѣлъ пополнить недостающее прежде чѣмъ недостача обнаружена, стало-быть когда корыстной цѣли, собственно говоря, не было. Неужели можно подвести подъ эту же категорію похищеніе которое сопровождалось различнаго рода напередъ обдуманными продѣлками, имѣвшими цѣлью облегчить дѣло похищенія или схоронить его концы, и оставивъ за собою возможность оправдаться или свалить вину на другаго, невиннаго, въ случаѣ обнаруженія недочета? Чья совѣсть поколеблется признать кражей, и при томъ квалифицированною кражей, похищеніе крупныхъ ассигнацій изъ бандерольныхъ пачекъ съ замѣною мелкими и съ ложною отмѣткой на бандероли? Чѣмъ такая отмѣтка не подходитъ подъ признаки служебнаго подлога, указаннаго въ ст. 362 Улож. о Нак., которая, въ числѣ прочихъ видовъ подлога, признаетъ таковымъ включеніе „завѣдомо ложныхъ свѣдѣній" въ какой бы то ни было офиціальный актъ или удостовѣреніе, изъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ? Или, кому придетъ въ голову не признавать мошенничествомъ такія продѣлки какими Мельницкій надѣялся увернуться отъ законной отвѣтственности за похищеніе огромнаго казеннаго капитала?

Тѣмъ не менѣе и Мельницкій, и одесскій помощникъ казначея были преданы суду и обвинены лишь по той статьѣ Уложенія которая предусматриваетъ присвоеніе и растрату не сопровождавшіяся никакими особенными подготовленіями (*manoeuvres*, какъ выражается французскій уголовный кодексъ), съ цѣлью облегчить самое преступленіе или сокрыть его слѣды.

Для военнаго времени установлена усиленная наказуемость не только за преступленіе противъ требованій воинской дисциплины, но и за всѣ вообще преступленія коими наносится ущербъ исключительнымъ общественнымъ нуждамъ военнаго

времени, въ томъ числѣ и за вредъ наносимый интересамъ казны. За преступленіе совершенное въ Одессѣ простая логика требовала бы и болѣе строгаго взысканія сообразно съ законами военнаго времени, тѣмъ болѣе что въ 1878 году едва ли было снято военное положеніе, на которомъ состоялъ весь южный край во время войны.

Мы уже имѣли случай замѣтить что во время изданія дѣйствующаго Уложенія о Наказаніяхъ не такъ часто практиковались тѣ смѣлыя хищенія на огромныя суммы какія стали въ наше время явленіемъ зауряднымъ. Сверхъ того, ссылка на житье въ Сибирь имѣла въ то время характеръ тяжкой кары. Не слѣдуетъ забывать и того что въ то время примѣнялось еще одно наказаніе, нынѣ вышедшее изъ употребленія—отдача въ солдаты въ различныхъ градаціяхъ, съ выслугой, или безъ выслуги и съ опредѣленіемъ на службу въ баталіоны расположенные на дальнихъ окраинахъ. Это наказаніе примѣнялось не по власти суда, а большею частью въ замѣнъ наказаній наложенныхъ по суду, когда почему-либо наказаніе опредѣленное по закону оказывалось или слишкомъ тяжкимъ или не достигающимъ цѣли. Въ особенности прибѣгали къ этой замѣнѣ при преступленіяхъ по должности. Чиновникъ забывшій свой долгъ и присягу отдавался въ иную службу, долженствовавшую быть для него не только карою, но и суровою школой вѣрнаго и неупустительнаго исполненія служебныхъ обязанностей и требованій государственной дисциплины.

Въ рукахъ власти былъ такимъ образомъ способъ коимъ восполнялась въ случаѣ надобности какъ излишняя суровость, такъ и чрезмѣрная снисходительность уголовнаго закона, который не можетъ все предусмотрѣть и установить для каждаго индивидуальнаго преступленія подходящее наказаніе. Тутъ сказывалось живое проявленіе Верховной Власти въ дѣлѣ правосудія, и едва ли самые ярые поклонники шаблоннаго либерализма станутъ отрицать что подобное участіе самого Законодателя въ дѣлѣ суда служило ко благу и къ торжеству справедливости. Оно въ буквѣ закона воскрешало духъ его.

Дѣло въ томъ что Верховная Власть, источникъ всякой общественной правды въ Русской Державѣ, въ прежнее время часто восполняла своимъ рѣшеніемъ формальные приговоры суда, уклонявшіеся отъ требованій внутренней правды. И нынѣ, при другихъ порядкахъ суда, также необходима восполняющая и оживляющая букву закона воля верховнаго Законодателя...

№ 320.

Москва, 17-го ноября.

Фактомъ крушенія Скопинскаго Банка поставленъ на очередь цѣлый рядъ вопросовъ настоятельно требующихъ разъясненія и рѣшенія. Первое мѣсто въ этомъ ряду занимаетъ вопросъ о степени падающей на казну отвѣтственности по операціямъ городскихъ общественныхъ банковъ. Есть стремленіе истолковать дѣло въ такомъ смыслѣ что правительство должно предоставить городскимъ обществамъ и владѣльцамъ вкладныхъ билетовъ вѣдаться между собою какъ сами знаютъ. Такая тенденція, повидимому, раздѣляется и многими чинами финансоваго вѣдомства. Это явствуетъ изъ приведеннаго въ передовой статьѣ № 316 *Московскихъ Вѣдомостей* министерскаго циркуляра къ акцизнымъ управляющимъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ также помѣщенное въ № 247 *Правительственнаго Вѣстника* сообщеніе по поводу газетнаго объявленія отъ Васильскаго городскаго общественнаго банка. Этому банку вздумалось объявить въ *Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* что „билеты, выданные банкомъ на вклады, принимаются въ залогъ во всей Нижегородской губерніи наравнѣ съ наличными деньгами, *и вообще признаются бумагами, гарантированными правительствомъ*“ *). Узнавъ о такомъ объявленіи, Министерство Финансовъ сочло своею обязанностію довести до всеобщаго свѣдѣнія:

„1. Что ни Высочайше утвержденнымъ 6 февраля 1862 года Положеніемъ о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, ни инымъ какимъ-либо узаконеніемъ, *не присвоено вкладнымъ билетамъ банковъ правительственной гарантіи*.

„2. Что хотя по ст. 31 упомянутаго Положенія безыменные билеты на вклады общественныхъ банковъ и допускаются къ пріему въ залогъ въ присутственныхъ мѣстахъ той губерніи, гдѣ учрежденъ банкъ выдавшій билеты, но само собою разу-

*) Курсивъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

мѣется что вкладные билеты тогда только могутъ быть приняты въ качествѣ залоговъ если положеніе дѣлъ банка представляется вполнѣ благонадежнымъ, и что такимъ образомъ для присутственныхъ мѣстъ пріемъ подобныхъ билетовъ — не обязателенъ."

Что̀ касается пункта отмѣченнаго въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* курсивнымъ шрифтомъ, то тутъ спора быть не можетъ: въ Нормальномъ Положеніи о Городскихъ Общественныхъ Банкахъ, дѣйствительно, не упоминается о правительственной гарантіи по вкладнымъ билетамъ этихъ банковъ. Но что касается другаго, не отмѣченнаго курсивомъ пункта, то сдѣланное Министерствомъ Финансовъ разъясненіе онаго могло быть результатомъ лишь недоразумѣнія. Надобно полагать что чиновникъ, которому было поручено написать это разъясненіе, положившись на свою память, не справился съ подлиннымъ текстомъ ст. 31, о которой идетъ рѣчь. Иначе, зная что по ст. 65 Св. Зак. Т. I ч. I „законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ, безо всякаго измѣненія или распространенія," и что „всѣ безъ изъятія мѣста, не исключая и высшихъ правительствъ, во всякомъ случаѣ должны утверждать опредѣленія свои на точныхъ словахъ закона, не перемѣняя въ нихъ, безъ доклада Императорскому Величеству, ни единой буквы и не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій," зная это Министерство Финансовъ, конечно, не допустило бы чтобы въ его официальномъ объявленіи точныя, не допускающія перетолкованія слова закона: *принимаются* въ залогъ — подмѣнились словами совсѣмъ иного значенія: *допускаются къ пріему* въ залогъ.

Не произойди такой случайной замѣны одного слова тремя другими, не имѣло бы мѣста и то самопроизвольное толкованіе статьи 31, будто „само собою разумѣется что вкладные билеты тогда только могутъ быть приняты въ качествѣ залоговъ если положеніе дѣлъ банка представляется вполнѣ благонадежнымъ, и что такимъ образомъ для присутственныхъ мѣстъ пріемъ подобныхъ билетовъ не обязателенъ." Нѣтъ, это ни само собою, ни другимъ образомъ не разумѣется. Если допустить это „само собою," то въ равной мѣрѣ перестанетъ быть обязательнымъ и пріемъ облигацій Восточныхъ займовъ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ по нарицательной цѣнѣ, и пріемъ въ залоги по подрядамъ государственныхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ; перестанетъ быть обязательною, между прочимъ и ст. 11 „Положенія о государственныхъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ и вкладахъ въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ:" въ ней употребленъ тотъ же глаголъ „принимаются," и самопроизвольно толкуя его значеніе можно будетъ пожалуй и его замѣнить „допущеніемъ къ пріему," напримѣръ, только тогда если банковые билеты будутъ достаточно высоко котироваться на биржахъ. Полагаемъ что съ этой стороны вопросъ можно считать окончательно разъясненнымъ, и что финансовое вѣдомство не замедлитъ устранить недоразумѣніе вкравшееся въ истолкованіе ст. 31 Нормальнаго Положенія, не дожидаясь чтобы подвѣдомыя ему начальства и присутственныя мѣста были вынуждены исполнить долгъ налагаемый на нихъ стт. 76, 77 и 78 Св. Зак. т. I. ч. 1. Съ устраненіемъ указаннаго недоразумѣнія, разъяснится и то почему въ Нормальномъ Положеніи не упомянуто о присвоеніи правительственной гарантіи вкладнымъ билетамъ городскихъ общественныхъ банковъ: упоминать о правительственной гарантіи было бы умѣстно по отношенію къ бумагамъ выпускаемымъ какими-либо частными банковыми и иными обществами; но совершенно излишне и было бы тавтологіей упоминать о ней когда идетъ рѣчь о бумагахъ выпускаемыхъ учрежденіями отнюдь не имѣющими частнаго характера, каковы городскіе общественные банки. Тутъ правительственная гарантія разумѣется сама собою.

О томъ что городскіе общественные банки нельзя приравнивать къ частнымъ банкамъ, что на нихъ нельзя смотрѣть иначе какъ на учрежденія отъ правительства, мы уже говорили не разъ. Приведемъ еще нѣсколько соображеній въ дополненіе къ сказанному.

Въ опредѣленіи характера городскихъ банковъ могло бы нѣсколько смущать развѣ то обстоятельство что эти банки до изданія для нихъ Нормальнаго Положенія именовались въ законѣ (ст. 7, Св. Зак. т. XI, ч. II, Уст. Кр. изд. 1857 года) *частными* кредитными установленіями. Таковыми въ сущности и были немногочи-

сленные тогда городскіе банки, почти всѣ основанные на пожертвованія частныхъ лицъ и почти ни въ чемъ не похожіе на банки совершенно иного пошиба съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло. Но сила прежнихъ кредитныхъ уставовъ и опредѣленій сохранила свою силу лишь для немногихъ изъ прежнихъ городскихъ банковъ не испросившихъ чтобы на нихъ было распространено дѣйствіе новаго Нормальнаго Положенія. Въ этомъ же послѣднемъ нигдѣ нѣтъ рѣчи о наименованіи городскихъ банковъ частными. Точно также въ самой организаціи банковъ нѣтъ ничего что̀ представляло бы какія-либо основанія для приравненія ихъ къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ. На нихъ и не смотрѣли какъ на таковыя въ то время къ которому относится изданіе Нормальнаго Положенія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно привести мнѣніе лица компетентнаго въ этомъ отношеніи, близко стоявшаго къ законодательной работѣ по преобразованію банковой системы въ Россіи и принимавшаго дѣятельное участіе въ этой работѣ, члена Совѣта Министерства Финансовъ В. П. Безобразова. Нормальное Положеніе было издано въ февралѣ 1862 г., а вотъ что̀, между прочимъ, писалъ г. Безобразовъ осенью того же года, ровно двадцать лѣтъ тому назадъ, о томъ что городскимъ общественнымъ банкамъ не принадлежитъ характеръ частныхъ, и что „ихъ нельзя, по всей справедливости, отнести къ этому разряду."

„Городскіе общественные банки составляютъ особенную категорію, среднюю между частными и казенными банками, и именно категорію *сословныхъ банковъ*. Городское общество есть союзъ людей, соединенныхъ между собою не добровольнымъ договоромъ, а силой закона; къ нему принадлежитъ цѣлая группа народонаселенія, разграниченная отъ другихъ группъ постановленіями государственной власти, — поколѣнія прошедшія, настоящія и будущія. Городское общество есть сословіе въ обширномъ смыслѣ этого слова, хотя бъ оно совмѣщало въ себѣ представителей нѣсколькихъ или всѣхъ родовъ сословій; какъ сословіе, оно получаетъ точное опредѣленіе своихъ правъ и обязанностей, своей дѣятельности, своего имущества и т. д. отъ государственной власти, вынужденной оберегать въ лицѣ сословія права личностей, принадлежащихъ къ нему не въ силу своей воли или контракта... Поэтому городскіе общественные банки, обезпеченные достояніемъ людей, отвѣтствующихъ за банкъ не вслѣдствіе добровольнаго на то желанія и договора и не пользующихся каждый лично никакими отъ него выгодами (то-есть выгодами владѣльцевъ банка), такіе банки имѣютъ характеръ смѣшанный, отчасти государственный, отчасти частный (и скорѣе даже первый), характеръ столько же смѣшанный какъ сами сословія, являющія во всемъ своемъ историческомъ развитіи постоянную смѣсь опредѣленій публичнаго и частнаго права, интересовъ государственныхъ и частныхъ, въ разныхъ взаимныхъ отношеніяхъ и пропорціяхъ... Во всякомъ случаѣ, государственная власть не можетъ поставить себя къ этимъ банкамъ въ такія же отношенія какъ къ частнымъ банкамъ, принадлежащимъ отдѣльнымъ лицамъ или компаніямъ, то-есть не можетъ безусловно ограничиться, въ правилахъ объ ихъ учрежденіяхъ и операціяхъ, постановленіями общихъ гражданскихъ законовъ, или единственно общею полицейскою и судебною охраной" *).

Такъ смотрѣли на городскіе общественные банки при изданіи спеціальнаго для нихъ закона, и еще съ большею силой выразился этотъ взглядъ въ самомъ Нормальномъ о нихъ Положеніи. Выразился этотъ взглядъ и отрицательно, и положительно. Будь это банки частные, или хоть и казенные, но предоставленные обществамъ на концессіонномъ правѣ, въ ихъ уставахъ могла быть рѣчь о правительственной гарантіи; но это банки не частные, и потому о правительственной гарантіи нѣтъ и помину. Будь это банки частные, въ ихъ уставахъ непремѣнно было бы упомянуто о возможной ихъ ликвидаціи; но это банки вовсе не имѣющіе частнаго характера, и потому на возможность ихъ ликвидаціи не могло быть сдѣлано и намека; дѣятельность банковъ предполагается непрерывною и вѣчною, что̀ имѣетъ смыслъ лишь по отношенію къ учрежденіямъ основаннымъ на началахъ не частнаго, а государственнаго права. Въ силу этого городскимъ банкамъ пре-

*) *Банки, ихъ устройство, операціи и управленіе.* Курсель-Сенёля. Переводъ съ третьяго изданія, подъ редакціей, съ предисловіемъ и дополненіями относящимися къ Россіи, В. П. Безобразова. СПБ. 1862. Стр. 684—688.

доставлено принимать вклады на *вѣчное время*, что не дозволяется частнымъ банкамъ. Подчиненные мѣстнымъ органамъ государственнаго управленія, городскимъ думамъ и управамъ, городскіе и общественные банки поставлены въ бо́льшую зависимость отъ центральныхъ органовъ управленія чѣмъ банки частные. Такъ, по ст. 22 Норм. Пол., министру Финансовъ предоставлено „снабжать банки формами отчетовъ и балансовъ и вообще давать имъ ближайшія указанія, въ видахъ бо́льшаго единообразія въ ихъ дѣйствіяхъ,“ съ единственною оговоркой что „само собою разумѣется что всѣ таковыя указанія должны быть вполнѣ сообразны съ правилами настоящаго Положенія.“ Одно уже требованіе этого единообразія дѣйствій достаточно опредѣляетъ характеръ городскихъ банковъ: отъ частныхъ банковъ единообразія дѣйствій не требуется. Далѣе, министру Финансовъ, по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предоставлено (ст. 23, примѣч. 2) наблюденіе какъ за вкладною, такъ и за учетною операціями городскихъ банковъ; именно, они должны слѣдить чтобы сумма всѣхъ обязательствъ банка (исключая вѣчные вклады) не превышала болѣе чѣмъ въ десять разъ его основный и запасный капиталы, и чтобы „выдачи ссудъ, какъ подъ учетъ векселей, такъ и подъ всякаго рода залоги на сроки свыше девяти мѣсяцевъ, производились лишь въ той мѣрѣ въ какой Банкъ имѣетъ свободныя суммы подлежащія возврату вкладчикамъ въ сроки болѣе отдаленные чѣмъ тѣ на кои испрашиваются ссуды;“ мы не знаемъ производилось ли и какимъ способомъ производилось это требуемое закономъ наблюденіе, но ясно что главною цѣлью такого наблюденія должно было быть предупрежденіе затрудненій въ которыя можетъ быть поставлено правительство, отвѣтственное за ходъ банковыхъ дѣлъ, въ случаѣ если эти дѣла запутаются такъ что городской банкъ окажется несостоятельнымъ. Наконецъ, признаніе Законодателемъ городскихъ общественныхъ банковъ именно въ качествѣ правительственныхъ, а не частныхъ кредитныхъ учрежденій прямо выразилось въ томъ что этимъ банкамъ предоставлено имѣть зерцало въ компатѣ засѣданій правленія, и еще въ томъ что директорамъ этихъ банковъ и ихъ товарищамъ присвоенъ „мундиръ вѣдомства Министерства Финансовъ“ отъ IX до VII разряда. Нѣкоторые газетные фигляры забавляются настойчиво приравнивая городскіе общественные банки къ мелочнымъ лавочкамъ, и утверждая что несостоятельность городскихъ банковъ столь же мало касается правительства какъ и банкротство мелочныхъ лавочекъ. Этимъ газетнымъ свистунамъ кажется смѣшнымъ и нелѣпымъ какъ могли вкладчики видѣть въ Рыковѣ не просто Рыкова, даже не приказчика скопинскихъ горожанъ въ городской мелочной лавкѣ, но представителя финансовой администраціи стоявшаго во главѣ учрежденія принадлежащаго къ правительственной системѣ. Частный приказчикъ въ мундирѣ Министерства Финансовъ! Частная мелочная лавка съ зерцаломъ, въ которой мнимые хозяева не смѣютъ взять себѣ ни одной копѣйки изъ капитала на который ведется торгъ, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности установленной закономъ, не говоря уже о томъ что они не имѣютъ права безъ правительственнаго разрѣшенія прекратить разъ начатую торговлю!

№ 321.

Москва, 18-го ноября.

А.

Помѣщаемая ниже корреспонденція изъ Тифлиса проливаетъ свѣтъ еще на одну изъ закулисныхъ сторонъ вопроса о Кавказскомъ транзитѣ. Чтобы наклонить вѣсы въ пользу разрѣшенія транзита, призывается на помощь русское нефтяное дѣло; нѣтъ, не нефтяное дѣло, но г. Нобель, занимающійся, въ числѣ многихъ другихъ, нефтянымъ дѣломъ за Кавказомъ. Какая можетъ быть связь между русскимъ нефтянымъ дѣломъ и иностраннымъ транзитомъ? спроситъ изумленный читатель. Вѣдь нефть вовсе не входитъ въ число транзитныхъ товаровъ, не служитъ предметомъ ни иностраннаго ввоза въ Персію, ни иностраннаго вывоза оттуда чрезъ Закавказье. Г. Нобель хочетъ сбывать русскую нефть въ Индію; онъ уже приспособляетъ морскія суда въ которыя наливалась бы нефть въ Батумѣ для отправки затѣмъ чрезъ Суэзскій каналъ въ Индійскіе порты. Прекрасно; но чѣмъ можетъ помочь иностран-

ный транзитъ Нобелевскому нефтяному сбыту? въ чемъ можетъ повредить этому сбыту запрещеніе транзита? Конечно ни въ чемъ, если смотрѣть на дѣло какъ оно есть; но тутъ пускаются въ ходъ „дальновидныя соображенія,“ напоминающія тѣ какими объяснялась въ *Ревизорѣ* посылка чиновника для изслѣдованія нѣтъ ли измѣны въ городѣ отъ котораго хоть три года скачи ни до какого государства не доѣдешь. Теперь дорогъ чрезъ Персію нѣтъ; но можетъ-быть когда-нибудь онѣ построятся; можетъ-быть когда-нибудь чрезъ всю Персію, отъ Каспія къ Персидскому заливу, протянутся не только желѣзныя дороги, но и нефтепроводы. Этого, конечно, трудно ожидать вскорѣ въ такой бѣдной, малолюдной, пустынной и гористой странѣ какова Персія, но — сhi lo sa? Представьте себѣ что невѣроятное осуществится: тогда г. Нобель, вмѣсто того чтобъ отправлять свою нефть чрезъ Суэзъ, получитъ возможность отправлять свою нефть транзитомъ чрезъ Персію. Надобно заранѣе обезпечить ему право пользованія этимъ несуществующимъ пока транзитомъ, надо купить это будущее право цѣною разрѣшенія не фантастическаго, а дѣйствительнаго транзита чрезъ Закавказье. Запрещеніе транзита — соколъ въ рукахъ русской промышленности: отдадимъ этого сокола изъ рукъ за синицу въ небѣ для г. Нобеля. Таковы глубокомысленныя соображенія политиковъ отстаивающихъ интересы г. Нобеля, иностранца арендующаго нефтяные участки пожалованные нѣкоторымъ кавказскимъ сановникамъ.

Замѣтка о транзитѣ, подписанная инiціалами Ю. П., на которую указываетъ нашъ тифлисскій корреспондентъ, напечатана въ № 296 офиціальной газеты *Кавказъ*. Въ этой замѣткѣ указывается, между прочимъ, что теперь, когда дорога отъ Поти до Баку уже построена, поздно спорить о полезности этой дороги, а надобно признать ее какъ существующій фактъ. Совершенно вѣрно. Но этотъ существующій фактъ, смотря по тому на что рѣшится правительство, можетъ быть обращенъ или въ пользу, или во вредъ русскому производству и сбыту. Изъ того что дорога построена вовсе не слѣдуетъ чтобъ эта построенная дорога не могла сдѣлаться слугою русскихъ интересовъ, а была бы непремѣнно орудіемъ успѣха иностранцевъ на сосѣднемъ намъ Востокѣ и еще въ большей мѣрѣ орудіемъ успѣха контрабанднаго торга въ Закавказьѣ и тѣхъ кто этимъ запретнымъ торгомъ занимается.

Господа запасшіеся солиднымъ количествомъ акцій Закавказскихъ дорогъ или ихъ слуги готовы клясться что транзитъ самъ по себѣ, а контрабанда сама по себѣ, что контрабанды вовсе даже нѣтъ, а транзитъ очень полезенъ. Написать все можно, бумага все терпитъ. Но можно ли говорить о большихъ выгодахъ транзита для закавказскаго населенія послѣ того какъ доказано что львиная доля этихъ выгодъ достается не этому населенію, а персидскимъ подданнымъ занимающимся караванною перевозкой товаровъ между Тифлисомъ и Джульфами? Можно ли отрицать прямую связь транзита съ контрабандой послѣ того какъ контрольными цифрами засвидѣтельствовано что параллельно съ расширеніемъ транзита сокращается государственный таможенный доходъ, что увеличеніе транзита почти втрое повело къ сокращенію слишкомъ втрое таможенныхъ сборовъ? Почему привозъ иностранныхъ товаровъ въ Закавказьѣ, параллельно съ развитіемъ транзита, уменьшился настолько что казна въ послѣднее десятилѣтіе не досчиталась 5.812.547 руб. въ пошлинныхъ сборахъ сравнительно съ 1872 годомъ; причемъ недочетъ одного прошлаго 1881 года простирался почти до милліона рублей? Почему, если не потому что законный привозъ иностранныхъ товаровъ замѣнился тайнымъ, контрабанднымъ, подъ видомъ транзита?

Въ отчетѣ нашего репортера о бывшемъ 3 ноября засѣданіи Московской биржевой коммиссіи было приведено сдѣланное однимъ изъ членовъ этой коммиссіи замѣчаніе что во время послѣдней Восточной войны, пріостановившей транзитъ и неразрывно съ нимъ связанную контрабанду, сбытъ русскихъ товаровъ временно увеличился, такъ что въ два года прошло русскихъ товаровъ чрезъ Астрахань въ Персію, на Кавказъ и Закавказье, на 42 милліона рублей. Нѣкоторыя петербургскія газеты и въ одинъ голосъ съ ними князь Бебутовъ, дѣлавшій докладъ по вопросу о транзитѣ въ Обществѣ для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ, поспѣшили объявить эту цифру „статистическою легендой“ и „статистическимъ фокусомъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописи статистическихъ фокусовъ.“ Помилуйте, воскли-

цаютъ они, возможно ли это, когда изъ офиціальныхъ данныхъ видно что „въ 1877 году русскій отпускъ возросъ сравнительно съ предшествовавшимъ всего на ничтожную сумму 1.467.788 рублей,“ когда „весь отпускъ по всей азіятской границѣ въ эти годы равнялся всего только 17.000.000 рублей?“ Но рѣчь шла о сбытѣ русскихъ товаровъ, кромѣ Персіи, также и въ болѣе богатыя чѣмъ она области: Кавказъ и Закавказье, гдѣ представилась тогда возможность замѣнить русскими какъ законно привозимые, такъ и контрабандно, при помощи транзита, водворяемые иностранные товары. Какая смѣлость нужна для того чтобы назвать указаніе вышеупомянутой цифры фокусомъ? Сбытъ на Кавказъ и въ Закавказье не слѣдуетъ де принимать въ разчетъ когда идетъ рѣчь о транзитѣ и контрабандѣ! Можетъ-быть тамъ стояла подъ ружьемъ 300.000 армія и весьма вѣроятно де что для ея нуждъ прошло товаровъ не на 42, а можетъ-быть и на 142 милл. рублей, но это де къ дѣлу не относится. Вопросъ о Кавказскомъ транзитѣ предлагается такимъ образомъ рѣшать на основаніи приведенныхъ „можетъ-быть“ и „весьма вѣроятно...“ Но зачѣмъ тутъ эти „можетъ-быть,“ когда можно навести справку насколько именно комбаттантовъ былъ увеличенъ въ тѣ годы составъ Кавказской арміи (любопытенъ былъ бы списокъ дивизій и другихъ частей увеличившихъ собой ея численный составъ на 300.000 человѣкъ)? Къ чему тутъ эти „весьма вѣроятно,“ когда можно прямо справиться у г. Морозова какіе именно мануфактурные и иные товары вошли въ его 42-милліонный итогъ, такіе ли которые идутъ на удовлетвореніе нуждъ арміи въ военное время?

Рядомъ съ тѣми куріозными „можетъ-быть“ и „весьма вѣроятно,“ нельзя не отмѣтить и другаго куріоза: совпаденія по содержанію, порядку изложенія и одинаковости цѣлыхъ мѣстъ и выраженій, между напечатаннымъ въ № 301 газеты *Новости* „сообщеніемъ князя Бебутова“ и передовою статьей газеты *Голосъ* (№ 311). Нагло хвалящійся своею независимостью вообще и „объективнымъ отношеніемъ къ вопросу о Закавказскомъ транзитѣ“ въ частности, *Голосъ* г. Краевскаго, въ довершеніе всѣхъ своихъ метаморфозъ, обратился на этотъ разъ въ *голосъ* ex-тифлисскаго городскаго головы.

Вдохновляя *Голосъ* и посылая сообщеніе въ *Новости*, князь Бебутовъ, какъ извѣстно, 10 ноября выступилъ самъ въ Обществѣ для Содѣйствія дабы „обстоятельностью и краснорѣчивою убѣдительностію“ своего доклада плѣнить его членовъ и склонить ихъ въ пользу транзита. Въ числѣ доводовъ его доклада одинъ особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе по своей новизнѣ и оригинальности. Вотъ онъ, по тексту напечатанному въ *Новостяхъ:* „русскій сахаръ не подходитъ подъ вкусъ Персіянъ: онъ недостаточно сладокъ; но главное препятствіе его сбыта заключается въ религіозномъ предубѣжденіи мусульманъ противъ невѣрныхъ.“ Какъ, въ виду такого аргумента не оказать уваженія сластолюбію и религіознымъ чувствамъ Персіянъ и не разрѣшить транзита?

Сахарная рѣчь бывшаго редактора *Тифлисскаго Вѣстника* была покрыта апплодисментами довольно многочисленной аудиторіи, состоявшей болѣе чѣмъ изъ ста человѣкъ, какъ пишутъ намъ, „преимущественно, судя по внѣшнему типу, принадлежавшихъ къ туземному населенію Кавказа.“ Немного не доставало чтобы мнѣніе князя Бебутова было принято собраніемъ и снабжено авторитетомъ требованія отъ имени всей русской промышленности и торговли; но налаженное дѣло разстроилось вслѣдствіе непрошеннаго вмѣшательства и заступничества за русскую промышленность и торговлю со стороны г. Шрейера и нѣсколькихъ другихъ лицъ. Напрасно потомъ нѣкто г. Николадзе употреблялъ всѣ усилія чтобы вновь наладить дѣло: даже клубъ содѣйствія отказался ему посодѣйствовать...

Г. Николадзе принадлежитъ къ числу лицъ офиціально приглашенныхъ къ участію въ организованномъ при Министерствѣ Финансовъ особомъ совѣщаніи по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ. Кто этотъ г. Николадзе? Не тотъ ли что̀ такъ прославился легальнымъ направленіемъ своихъ статей въ кавказскихъ газетахъ и энергическою борьбой съ тамошними цензурными властями?

Б.

Два слова въ дополненіе къ тому что̀ было высказано нами въ №№ 316 и 320 *Московскихъ Вѣдомостей* по вопросу о пріемѣ казной въ залогъ вкладныхъ биле-

товъ городскихъ общественныхъ банковъ. Смыслъ закона ясенъ. Пріемъ этихъ билетовъ въ залогъ несомнѣнно обязателенъ въ указанныхъ закономъ территоріальныхъ предѣлахъ наравнѣ съ наличными деньгами. Но какъ обращеніе кредитныхъ билетовъ требуетъ мѣръ которыми предупреждалось бы хожденіе на ряду съ ними фальшивыхъ бумажныхъ денегъ, такъ и соблюденіе правъ предоставленныхъ закономъ вкладнымъ билетамъ требуетъ принятія мѣръ которыя не допускали бы чтобъ эти права распространялись на фальшивые, фиктивные вкладные билеты, которые выдавались нѣкоторыми банками безъ полученія вкладовъ, въ замѣнъ не имѣвшихся въ кассѣ денегъ, подъ учетъ векселей. Такою мѣрой, конечно, не могло бы быть прекращеніе пріема вкладныхъ билетовъ въ залогъ, хотя бы и временное: это было бы несправедливостью по отношенію къ дѣйствительнымъ вкладчикамъ, это было бы колебаніемъ общественнаго кредита какъ было бы, напримѣръ, несправедливостью и потрясеніемъ кредита прекращеніе пріема кредитныхъ билетовъ потому только что въ числѣ ихъ могутъ попасться и фальшивые. Интересы казны могли бы быть ограждены, вопервыхъ, безотлагательнымъ обревизованіемъ всѣхъ городскихъ общественныхъ банковъ; затѣмъ, установленіемъ бдительнаго и строгаго контроля надъ ихъ операціями.

№ 322.

Москва, 19-го ноября.

Съ конца октября и въ нашей, и особенно въ заграничной печати идутъ толки о какихъ-то пререканіяхъ, о „войнѣ,“ какъ выражалась злорадно *Газета Народова*, между министрами Военнымъ и Путей Сообщенія по поводу Пинско-Жабинской дороги. Министерство Путей Сообщенія разоблачило де въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* дѣйствія Военнаго Министерства по постройкѣ этой дороги, самымъ рѣзкимъ образомъ опровергнувъ все что было сообщено органомъ Военнаго Министерства, *Русскимъ Инвалидомъ*. Въ подтвержденіе цитируются подлинныя выраженія „сообщеній“ со ссылкой на нумера офиціальныхъ изданій гдѣ они напечатаны. Все это производитъ сенсацію, а между тѣмъ все это выдумка. На самомъ дѣлѣ нѣтъ не только никакихъ пререканій и разоблаченій, но нѣтъ и повода къ тому. Возникло все это вотъ откуда:

15 октября Военный министръ, сопровождаемый коммиссіей экспертовъ, началъ осмотръ работъ и сооруженій Пинско-Жабинской дороги. Осмотръ этотъ продолжался и 16 октября, а между тѣмъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, вышедшемъ утромъ 17 октября, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій появилась замѣтка писанная очевидно какимъ-нибудь лицомъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ и задумавшимъ похвастать или чиновникомъ располагавшимъ выслужиться. 15 октября, сказано въ замѣткѣ, на дорогѣ забитъ „послѣдній костыль,“ „весь путь *окончательно* уложенъ и открыто временное движеніе.“ Такимъ образомъ, во 132 дня построена линія во 135 верстъ, пролегающая по мѣстности „большею частью болотистой, требовавшей тщательныхъ земляныхъ работъ и девяти желѣзныхъ мостовъ, не считая трубъ.“ И несмотря на это „приблизительно каждая верста безъ подвижнаго состава стоила 18.450 рублей.“ Въ заключеніе сказано что „въ самомъ непродолжительномъ времени отправится на дорогу коммиссія отъ Министерства Путей Сообщенія для принятія новой линіи и открытія по ней постояннаго движенія.“ Замѣтка эта, какъ немедленно обнаружилось, представляла факты въ извращенномъ видѣ, а между тѣмъ ее перепечаталъ и *Правительственный Вѣстникъ*. Оставить фальшивыя свѣдѣнія обращаться въ публикѣ было нельзя, тѣмъ болѣе что баснословная дешевизна сооруженія могла вызвать не мало нареканій на Министерство Путей Сообщенія, не умѣющее де почему-то строить дорогъ такъ дешево какъ это дѣлаетъ военное вѣдомство. 9 ноября, въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, точно такъ же въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, появилась статья подъ заглавіемъ *Жабинско-Пинская желѣзная дорога*, передававшая достовѣрныя данныя и потому естественно по пунктамъ разбивавшая невѣрную корреспонденцію. „Линія, сказано, между прочимъ, въ статьѣ, пролегаетъ преимущественно по песчаному грунту“ (а не болотистому), „мѣстность весьма удобна для проложенія дороги,“ „трубъ не понадобилось,“ „по составленной Военнымъ Министерствомъ расцѣнкѣ стоимость мѣстныхъ

работъ безъ подвижнаго состава *и безъ рельсовъ* составляетъ на версту 18.400 рублей." Но эта стоимость только полотна, а не готовой линіи, потому что включивъ цѣну подвижнаго состава, рельсовъ, расходы по изысканіямъ, по дополнительнымъ работамъ необходимымъ для эксплуатаціи, получимъ общую поверстную стоимость въ 35.000, при наименьшей пропускной способности въ три пары поѣздовъ въ сутки; „если же привести дорогу въ нормальный видъ и довести пропускную способность дороги до девяти паръ поѣздовъ, то поверстная стоимость выйдетъ 42.000 рублей." Къ 15 октября постройка дороги была далеко не кончена: баластъ не досыпанъ, мосты не достроены," водоснабженія строго говоря еще *не существовало*, станціи строились, сторожевыя будки тоже, разъѣздные пути уложены не всѣ. „Въ виду такого положенія работъ, сказано въ заключеніе, которое вовсе не допускаетъ открытія пассажирскаго и товарнаго движенія, въ настоящее время на упомянутой дорогѣ разрѣшено Военному Министерству, въ видѣ изъятія, производить движеніе лишь днемъ." Какъ бы въ дополненіе къ этой статьѣ *Правительственнаго Вѣстника*, въ *Русскомъ Инвалидѣ* отъ 10 ноября напечатанъ подлинный журналъ осмотра дороги Военнымъ министромъ, чуть не дословно повторяющій сказанное въ статьѣ *Правительственнаго Вѣстника*, мѣстами даже съ большею подробностью. Такъ напримѣръ, въ Журналѣ сказано что дорога „почти на всемъ протяженіи" идетъ по равнинной мѣстности, „и только мѣстами, въ совокупности составляющими протяженіе не болѣе 30 верстъ, по мелкоболотистому грунту;" далѣе сказано что земляныя работы окончены не вполнѣ, такъ же какъ и мостовыя сооруженія, будки, станціи и водоснабженіе. Въ заключеніе упомянуто въ семи пунктахъ обо всемъ что необходимо исполнить немедленно для обезпеченія *временной* эксплуатаціи и затѣмъ сказано что „возможно допустить временное движеніе по всей линіи съ уменьшенною скоростью," которое „признается полезнымъ не только для доставленія жителямъ удобствъ желѣзнодорожной перевозки, но въ особенности *для пріученія воинскихъ чиновъ производить эксплуатацію дороги въ періодъ ея достройки*."

Итакъ, между министрами никакого разногласія во взглядахъ на положеніе дороги нѣтъ, и стало-быть статья *Жабинско-Пинская дорога*, напечатанная въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, относилась вовсе не къ Военному Министерству, а только къ невѣрной статьѣ или корреспонденціи напечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ*, съ обычною оговоркой „мы получили" и пр. Жаль что не сказано отъ кого, чтобы различить правительственное сообщеніе отъ статейки присланной какимъ-нибудь чиновникомъ или даже администраторомъ къ дѣлу прикосновеннымъ, но писавшимъ неофиціально. Надо быть очень осторожнымъ съ тѣмъ что̀ можетъ быть принято какъ слово правительства. Кстати, откуда взяли утверждать что статья *Правительственнаго Вѣстника* принадлежитъ Министерству Путей Сообщенія? Этого изъ нея не видно вовсе.

Возвратимся однако къ Журналу осмотра дороги Военнымъ министромъ. Послѣднія слова этого Журнала указываютъ каковъ вообще былъ взглядъ военнаго вѣдомства на сооруженіе Пинско-Жабинской дороги: она строилась не только потому что оказалась необходимою, но еще и въ видахъ обученія желѣзнодорожныхъ войскъ. Это и сдѣлано съ успѣхомъ.

„Трасировка линій, сказано въ Журналѣ, произведена вполнѣ хорошо," работы плотничныя, каменныя и металлическія „исполнены тщательно" изъ матеріаловъ доброкачественныхъ; верхнее строеніе дороги, рельсы, шпалы, правильны и хороши. „Вообще, сказано въ заключеніе, работы произведены... весьма успѣшно при краткости времени" напоминающей желѣзнодорожныя сооруженія во время войны. Особенно любопытна та часть Журнала гдѣ рѣчь идетъ о работахъ произведенныхъ въ присутствіи коммиссіи. Какъ извѣстно, дорога строилась разомъ съ обоихъ концовъ, отъ Пинска и отъ Жабинки, причемъ путь не былъ сомкнутъ и между вѣтвями оставался пролетъ въ 250 саженъ. Смычка произведена на глазахъ коммиссіи и „съ должною быстротой, съ полнымъ знаніемъ всѣми исполнителями своего дѣла." „Распредѣленіе рабочихъ нижнихъ чиновъ произведено было соотвѣтственно категоріямъ работъ кои производились въ должной послѣдовательности." Этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ что наши желѣзно-дорожные баталіоны учатся дѣйствительно не даромъ и что въ случаѣ военной надобности на нихъ можно положиться при сооруженіяхъ

весьма серіозныхъ и въ то же время весьма спѣшныхъ, какія только и могутъ имъ представляться во время войны. Постройка путей въ тылу арміи, далеко отъ ея фронта всегда можетъ быть производима иными силами и средствами. Назначеніемъ желѣзно-дорожныхъ войскъ должна быть прокладка путей вблизи дѣйствій, а иногда и въ самомъ ихъ районѣ, какъ то можетъ случиться при обложеніи крѣпостей, причемъ по такимъ наскоро построеннымъ путямъ придется провозить въ значительномъ количествѣ большія тяжести. Ускореніе работъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть достигнуто легкостью постройки: весь успѣхъ будетъ зависѣть отъ числа рабочихъ и отъ умѣлаго распоряженія ими. Но въ военное время придется можетъ-быть въ помощь желѣзно-дорожному баталіону привлечь полевыя войска. Надо желать поэтому чтобъ и имъ желѣзно-дорожныя работы не были чужды. По окончаніи войны 1877 и 1878 годовъ у насъ обращено большое вниманіе на обученіе всей арміи „самоокапыванію.“ Въ учебныхъ лагеряхъ наши войска возводятъ съ замѣчательною быстротой разнаго рода фортификаціонныя сооруженія. Это очень хорошо, но это еще не серіозное дѣло, тѣмъ болѣе что по окончаніи ученія войскамъ самимъ же приходится и уничтожать свои работы. Другое дѣло еслибы войска пріучались у насъ къ землекопству, работая при прокладкѣ путей сообщенія. Тутъ какая бы насыпь ни возводилась, ее необходимо исполнить не только правильно, но еще и непремѣнно прочно. Солдатъ привыкшихъ къ землекопству не трудно было бы затѣмъ пріучить придавать насыпямъ и выемкамъ какую угодно форму и размѣры, будетъ ли то подъѣздъ къ понтонному мосту, ровикъ для стрѣлковъ или батарея. Вотъ на эту-то сторону въ занятіяхъ войскъ и слѣдовало бы обратить серіозное вниманіе. Въ свое время у насъ было не мало толковъ объ этомъ. Не увлекаемся ли мы теперь слишкомъ такъ-называемымъ „самоокапываніемъ?“ Въ Германіи смотрятъ на дѣло осторожнѣе. Нельзя чтобъ армія привыкла придавать преувеличенное значеніе глыбамъ насыпанной земли. „Надо помнить, говорятъ въ Германіи, что всякое укрѣпленіе сильно не само по себѣ, а духомъ тѣхъ войскъ кои его обороняютъ.“ Практика землекопства на полезныхъ сооруженіяхъ въ мирное время тѣмъ-то и важна что, давая людямъ навыкъ къ дѣлу, устраняетъ возможность развитія преувеличенныхъ понятій о важности укрѣпленій, понятій которыя могутъ, какъ думаютъ въ Германіи, не совсѣмъ выгодно повліять на духъ войскъ, на стремительность ихъ натиска. Пути сообщенія между тѣмъ развиты у насъ еще такъ слабо что найти практику для войскъ едва ли трудно. Наконецъ, для надобностей самихъ войскъ умѣнье проложить дорогу было бы далеко не безполезно. Стóитъ только посмотрѣть на иные подъѣздные пути къ нашимъ учебнымъ лагерямъ, на пути по которымъ двигаются иногда чуть ли не цѣлые обозы; бóльшая часть этихъ путей находится въ состояніи совершенно первобытномъ. Не такъ распорядились бы въ Германіи. Устройство путей сообщенія вдоль линіи обложенія подъ Парижемъ и между биваками осаждавшихъ войскъ было образцовое, отъ полотна „военной дороги“ до фонаря и указателя. Не дурно бы сравнить съ этимъ подъѣзды къ нашимъ бивакамъ подъ Плевной, гдѣ такъ легко было сбиться съ дороги и гдѣ повозки съ трудомъ вывозились усиленною запряжкой. Наши сосѣди, Нѣмцы, не жалѣютъ средствъ на подготовку войскъ, а насъ смущаетъ что верста построенной войсками желѣзной дороги можетъ обойтись въ 40 — 50 тысячъ, то-есть не дороже многихъ нашихъ концессіонныхъ дорогъ.

№ 323.

Москва, 20-го ноября.

По мѣрѣ разъясненія дѣла, съ каждымъ днемъ все болѣе выступаетъ на видъ громадная масса интересовъ связанныхъ съ вопросомъ о Закавказскомъ транзитѣ. Одни за другими заявляютъ эти интересы о своемъ существованіи и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за происходящимъ въ Петербургѣ, шлютъ туда свои просьбы о предотвращеніи удара какимъ было бы разрѣшеніе иностраннаго транзита по новой желѣзной дорогѣ чрезъ Закавказье. Читателямъ уже извѣстны ходатайства Московскаго и Нижегородскаго биржевыхъ комитетовъ и сдѣланныя ими, совокупно съ людьми занимающимися сбытомъ русскихъ издѣлій на Востокѣ, заявленія о значеніи кавказскаго транзита для этого

сбыта; извѣстно ходатайство Комитета Торговли и Мануфактуръ Иваново-Вознесенска. Вчера телеграфъ сообщилъ намъ что и на дальнемъ югѣ биржевой комитетъ города Одессы также предложилъ ходатайствовать о прекращеніи транзита. Теперь мы можемъ сообщить еще о двухъ подобныхъ ходатайствахъ. Вотъ что пишутъ намъ изъ Шуи: Фабриканты нашего города и уѣзда и имѣющіе торговлю съ Закавказьемъ, Персіей и Средней Азіей, и при томъ принадлежащіе къ тому безспорно значительному фабрично-промышленному району каковъ Шуйско-Иваново-Кинешемскій, 18 ноября, на имя предсѣдателя коммиссіи, Н. А. Ермакова, отправили слѣдующую телеграмму:

„Мы, нижеподписавшіеся фабриканты города Шуи и уѣзда, не находя возможнымъ остаться безучастными къ вопросу о Кавказскомъ транзитѣ, нынѣ возбужденному самимъ правительствомъ, позволяемъ себѣ ходатайствовать предъ вашимъ превосходительствомъ присоединить и нашъ голосъ при окончательномъ рѣшеніи этого важнаго для русской промышленности вопроса.

„При существующемъ теперь транзитѣ, несомнѣнность развитія контрабандной торговли иностранными товарами, вопреки интересамъ казны, всего болѣе доказывается упадкомъ торговли въ Закавказьѣ русскими товарами въ послѣднее время, и на оборотъ, быстрымъ оживленіемъ этой торговли при блокадѣ Черноморскихъ портовъ въ минувшую войну. Съ открытіемъ же Бакинской желѣзной дороги и вѣтви Батумской транзитный путь получитъ новое облегченіе и развитіе къ явному ущербу русской торговли какъ въ Персіи такъ и на рынкахъ въ средней Азіи, и дастъ возможность еще болѣе развиться контрабандной торговлѣ на всемъ Кавказѣ. Несомнѣнно что только закрытіемъ транзита будетъ устраненъ тотъ вредъ, который грозитъ интересамъ Россіи, хотя бы и съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ на первое время частію доходности Кавказскихъ дорогъ. Мы твердо убѣждены что при рѣшеніи такого важнаго для Россіи вопроса нашимъ просвѣщеннымъ правительствомъ интересы русской промышленности будутъ постановлены выше интересовъ иностранцевъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ“ *).

Двумя днями ранѣе приведенной, 16 ноября была послана, тоже на имя Н. А. Ермакова, телеграмма съ подобнымъ же ходатайствомъ отъ фабрикантовъ Кинешемскаго уѣзда.

Все это, по увѣреніямъ петербургскихъ защитниковъ иностраннаго транзита, своекорыстные голоса замоскворѣцкихъ фабрикантовъ и комерсантовъ, которыхъ не слѣдуетъ де слушать. Разные господа перебравшіеся съ береговъ Куры на берега Невы чтобы защищать тамъ иноземные и мѣстные контрабандные интересы, говоря это, инсинуируютъ въ томъ смыслѣ что фабриканты хлопочутъ де только изъ-за своихъ личныхъ выгодъ, которыя заслоняютъ собою будто бы государственную пользу международнаго пути чрезъ принадлежащій Россіи край. Русскіе фабриканты и заводчики обыкновенно выставлялись въ извѣстной части нашей „прессы“ не иначе какъ эксплуататорами и споліаторами, которыхъ не мѣшаетъ прижать къ стѣнѣ, давая вмѣсто нихъ ходъ иностраннымъ предпринимателямъ, безкорыстно льющимъ золотой дождь на Россію и благодѣющимъ ея населенію. Для фабрикантовъ это не новость: они имѣли время привыкнуть къ такому на нихъ взгляду. Но тутъ не въ однихъ фабрикантахъ дѣло. Позади ихъ стоятъ массы кормящихся на ихъ фабрикахъ рабочихъ людей, которые телеграммъ ни къ кому не посылаютъ и за которыхъ другіе рѣшаютъ въ разныхъ совѣщаніяхъ, дать ли имъ заработокъ или оставить ихъ и семьи ихъ безъ хлѣба. Мало кто изъ этого люда слыхалъ что за птица транзитъ, но на этомъ людѣ всего сильнѣе отзовутся послѣдствія того или иного рѣшенія вопроса объ этомъ предметѣ. Допустите чтобъ иностранныя издѣлія заполонили Персидскіе и Среднеазіятскіе рынки, допустите чтобъ этими издѣліями, при помощи контрабанды, были завалены Закавказье и сосѣднія мѣстности, допустите чтобы вслѣдствіе этого прекратился сбытъ русскихъ издѣлій на всѣ эти рынки, и ближайшимъ результатомъ этого будетъ то что русскіе фабриканты и заводчики должны будутъ,

*) Слѣдуютъ подписи: *Алексѣй Посылинъ, С. Посылинъ, Товарищество Мануфактуръ А. Каретниковой съ сыномъ* въ с. Тейковѣ, *Н. Терентьевъ, Н. Кокушкинъ, В. Рубачевъ, Н. Небурчиловъ, Д. Бобровъ, Торговый домъ Аванасія Кокушкина сыновья, Торговый домъ В. Е. и А. Ясюнинскіе* въ с. Кохмѣ, *Товарищество Шуйской Мануфактуры бумажныхъ издѣлій.*

соразмѣрно уменьшившемуся сбыту, сократить свое производство и стало-быть распустить часть своихъ рабочихъ. Допустите, наоборотъ, что иностранный транзитъ чрезъ русскія владѣнія и тѣсно связанное съ нимъ контрабандное снабженіе Закавказья иноземными товарами будутъ прекращены; что для иностраннаго транзита останутся открытыми лишь мало удобные и сопряженные съ большими накладными расходами и рискомъ пути чрезъ Турцію; что русскому сбыту въ Персію, Среднюю Азію, на Кавказъ и Закавказье будутъ даны такимъ образомъ тѣ же и даже бо́льшіе размѣры какихъ достигъ онъ вслѣдствіе прекращенія иностраннаго транзита въ періодъ войны: что̀ будетъ ближайшимъ результатомъ этого? Усилится сбытъ, стало-быть понадобится увеличеніе производства, понадобится не распускать, а принанимать рабочихъ и даже, можетъ-быть, повышать заработную плату, создастся усиленный спросъ на не находящее сбыта сырье, необходимое для фабричнаго и заводскаго производства, получатъ заработки люди занимающіеся производствомъ и перевозкой этого сырья; выиграютъ ненавистные нашимъ народолюбцамъ русскіе фабриканты и заводчики, но въ несравненно большей мѣрѣ выиграютъ и рабочіе классы. Это не мѣшаетъ имѣть въ виду, между прочимъ, при сужденіи о томъ какъ слѣдуетъ отнестись къ предложеніямъ рѣшить вопросъ посредствомъ компромисса между защитниками и противниками транзита.

У насъ любятъ компромиссы, любятъ дѣлать ни то, ни се, мало заботясь о томъ къ чему могутъ привести полумѣры. Почему и въ данномъ случаѣ не попытаться угодить обѣимъ сторонамъ, почему не дать иностранцамъ и контрабандистамъ синицу въ руки, разрѣшивъ транзитъ на время, „въ видѣ опыта,“ и посуливъ русскому производству запрещеніе транзита когда-нибудь со временемъ? Сторонники такого компромисса не понимаютъ или прикидываются не понимающими что предлагаемый ими опытъ похожъ на то какъ еслибы мы сперва отрѣзали крылья у птицы, а потомъ пустили ее летать. Дадимъ сперва иностраннымъ торговцамъ вытѣснить русскіе товары со всѣхъ Прикаспійскихъ рынковъ и порвать установившіяся тамъ русскія торговыя связи, предоставимъ нашимъ заграничнымъ конкуррентамъ всѣ удобства стать твердою ногой на временно отнимаемыхъ у Россіи рынкахъ, а затѣмъ поглядимъ какъ-то русская промышленность и торговля развернетъ на этихъ рынкахъ свои подрѣзанныя крылья, какъ-то она тамъ будетъ конкуррировать...

Но даже оставляя въ сторонѣ эту характерную черту предлагаемаго иными опыта, спросимъ удобное ли теперь время для подобныхъ экспериментовъ?

Наша страна переживаетъ теперь одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ экономическихъ кризисовъ. Главное богатство народа, хлѣбъ, упалъ въ цѣнѣ и не имѣетъ необходимаго сбыта за недостаткомъ спроса. Всѣ чье благосостояніе зависитъ отъ сбыта производимаго ими хлѣба очутились въ затруднительномъ положеніи, осуждены на безденежье. Вслѣдствіе безденежья имъ не до покупокъ произведеній обрабатывающей промышленности: нѣтъ сбыта хлѣба, нѣтъ спроса и на мануфактурныя издѣлія, осуждены на безденежье и всѣ другія отрасли промышленной дѣятельности. Волей-неволей фабрикантамъ и заводчикамъ приходится сокращать производство. Что̀ же? отнимемъ у нихъ и виды на сбытъ въ Персію, Среднюю Азію, Закавказье, заставимъ ихъ пустить по міру въ тяжелый годъ побольше рабочихъ.

Эта сторона дѣла всячески заминается тифлисскими публицистами водворившимися въ нѣкоторыхъ газетахъ; но она, конечно, не будетъ упущена изъ виду при обсужденіи вопроса правительствомъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, это обсужденіе должно вскорѣ начаться. Изъ особаго совѣщанія при Министерствѣ Финансовъ вопросъ о транзитѣ переносится въ другое составляемое, по слухамъ, изъ нѣсколькихъ министровъ. Нельзя знать впередъ къ чему придетъ и на чемъ остановится это новое совѣщаніе; но все же, полагаемъ, можно надѣяться что въ немъ русскіе фабриканты не будутъ „разбиты на всѣхъ пунктахъ,“ какъ они, по заявленію сдѣланному г. Николадзе въ публичномъ собраніи Общества для Содѣйствія, были будто бы разбиты въ особомъ совѣщаніи при Министерствѣ Финансовъ. Сомнительно также чтобы въ предстоящемъ совѣщаніи министровъ была принята за чистую монету слѣдующая фальсификація пущенная въ ходъ *Голосомъ* (№ 314), воспроизведенная *Русскимъ Курьеромъ* (№ 320) и характеризующая то дѣло которое для

своей защиты нуждается въ подобныхъ продѣлкахъ и тѣхъ кто его защищаетъ.

Въ № 314 *Московскихъ Вѣдомостей* было приведено, какъ куріозъ, мнѣніе генерала Арцруни, выдвинутаго вдохновителями *Голоса* въ качествѣ непререкаемаго авторитета по вопросу о Кавказскомъ транзитѣ, именно было заявлено публично выраженное генераломъ Арцруни мнѣніе будто главный врагъ иностраннаго транзита чрезъ Закавказье есть не кто другой какъ Англія; будто русскіе промышленники возстающіе противъ этого транзита дѣйствуютъ не въ русскихъ, а въ англійскихъ интересахъ. Въ слѣдъ затѣмъ, въ № 317 *Московскихъ Вѣдомостей* была напечатана корреспонденція изъ Тифлиса, въ которой послѣ нѣсколькихъ дѣльныхъ замѣчаній о транзитномъ пути было высказано (не нами, а корреспондентомъ) слѣдующее также вѣрное замѣчаніе: „и другой транзитный путь былъ уже въ рукахъ Русскихъ, со взятіемъ *Баязета*, соединительнаго пункта всего транзита: но Англія пустила въ ходъ всѣ свои козни и пронырства чтобъ европейскій концертъ не присудилъ Баязета Россіи.“ Ясно почему Англія, дорожащая транзитомъ который открываетъ возможность сбыта ея товаровъ въ Персію и сосѣднія страны, не могла желать чтобы Баязетъ достался Россіи. Не все же *русская* интеллигенція будетъ служить чужимъ интересамъ въ ущербъ Россіи. Не владѣя Баязетомъ, Россія можетъ закрыть для пропуска англійскихъ товаровъ на Востокѣ только принадлежащій ей нынѣ транзитный путь; это будетъ большимъ стѣсненіемъ для англійской торговли, это немного сократитъ ея размѣръ, но къ услугамъ англійской торговли все же останется въ ея безспорномъ распоряженіи путь хотя и менѣе удобный, хотя и болѣе дорогой и рискованный, но все же путь которымъ англійскіе товары могутъ проникать если не въ восточную Персію и далѣе, то хоть въ Персію западную. Достанься Баязетъ Россіи, она могла бы преградить и этотъ путь англійскаго сбыта. Кажется, ясно, какой мотивъ руководилъ англійскою политикой, по вопросу о Баязетѣ при заключеніи Берлинскаго трактата.

Теперь обратимся къ логикѣ гг. публицистовъ *Голоса* и *Курьера*. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сказано что Англія не желала отдать Россіи Баязета; значитъ, Англія врагъ транзитной перевозки своихъ товаровъ чрезъ русскія владѣнія; значитъ, всѣ тѣ кто высказываются противъ дозволезія этой перевозки дѣйствуютъ на руку Англіи; значитъ, *Московскія Вѣдомости* своимъ указаніемъ на Баязетъ противорѣчатъ собственнымъ мнѣніямъ! „*Голосъ* изловилъ газету г. Каткова въ капитальнѣйшемъ противорѣчіи по вопросу о кавказскомъ транзитѣ,“ восклицаетъ торжествующій *Русскій Курьеръ*. Мы „изловлены:“ стало-быть всѣ мнѣнія противъ допущенія транзита, кѣмъ бы эти мнѣнія ни были высказаны, никуда не годятся, стало-быть иностранный транзитъ долженъ быть разрѣшенъ. Англія обезпечила, про всякій случай, *кое-что* для своей торговли съ Персіей: стало-быть надо отдать въ руки Англіи *все* что нужно для успѣха ея торговли. Англія будто бы врагъ перевозки своихъ товаровъ чрезъ Закавказье. Приневолимъ же ее (не погрозить ли ей въ этихъ видахъ даже военною экспедиціей?) возить свои товары непремѣнно по Закавказскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Англія не хочетъ, такъ принудимъ, наперекоръ ея воли, отнять у русской торговли прикаспійскіе рынки и насущный хлѣбъ у русскаго рабочаго люда...

Просимъ извиненія у нашихъ читателей что вели съ ними бесѣду о такихъ неприличныхъ для разговора предметахъ какъ мнѣнія *Голоса* и *Русскаго Курьера*. Но нашей публикѣ не мѣшаетъ знать какіе бываютъ у насъ „органы общественнаго мнѣнія...“

Можетъ-быть нашимъ читателямъ интересно будетъ узнать какъ на самомъ дѣлѣ смотрятъ Англичане на занимающій теперь у насъ всѣ умы транзитный вопросъ? Въ ноябрьской книжкѣ издающагося въ Лондонѣ журнала *The Chamber of Commerce* напечатано извлеченіе изъ отчета англійскаго консула въ Астрабадѣ, г. Ловетта. Въ этомъ отчетѣ говорится, между прочимъ, о томъ благопріятномъ вліяніи которое будетъ имѣть на торговлю Англіи съ Персіей вновь открываемая на Кавказѣ желѣзная дорога. Отмѣтивъ цѣлый рядъ преимуществъ возникающихъ для англійской торговли вслѣдствіе открытія Закавказской желѣзной дороги, англійскій консулъ однако высказываетъ опасеніе что всѣ эти ожиданія могутъ оказаться преувеличенными если Россія приметъ свои мѣры чтобы парализовать эти упомянутыя

преимущества. По имѣющимся свѣдѣніямъ, констатируетъ въ своемъ отчетѣ г. Ловеттъ, Россія намѣрена де обложить пошлиною весь европейскій товаръ предназначаемый для среднеазіятскихъ рынковъ и нынѣ проходящій чрезъ Закавказье транзитомъ.

Кромѣ вышеприведеннаго кунстштюка, рыцари кавказскаго транзита призываютъ себѣ на помощь, тревожа прахъ покойнаго всѣми уважаемаго генерала, тѣнь А. П. Ермолова. Онъ стоялъ за разрѣшеніе транзита и спорилъ съ графомъ Канкринымъ, который былъ противъ разрѣшенія. Мы не знаемъ какими побужденіями и соображеніями руководился Ермоловъ въ этомъ спорѣ, были ли они экономическаго или иного свойства. Но какого бы мнѣнія ни держался Ермоловъ въ ту эпоху когда онъ управлялъ Кавказомъ и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, болѣе чѣмъ сомнительно чтобъ онъ, еслибы дожилъ доселѣ, высказался въ пользу транзита при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ несомнѣнно умный человѣкъ, и при его знакомствѣ съ мусульманскимъ Востокомъ, ему отнюдь не показался бы убѣдительнымъ, напримѣръ, такой доводъ въ пользу транзита что религіозное чувство персидскихъ *шіитовъ* не перевариваетъ русскаго сахару, но требуетъ сахару французскаго, принимая его за стамбульскій, то-есть *суннитскій*. Какой разчетъ на невѣжество своихъ читателей, на незнаніе ими въ какого рода взаимныхъ отношеніяхъ находятся между собою шіиты и сунниты!

№ 325.

Москва, 22-го ноября.

Мы даемъ сегодня мѣсто статьѣ „Финансы Россіи и ихъ враги,“ извлеченной изъ берлинской газеты *Das Kleine Journal*, которая и прежде помѣщала у себя такого рода статьи. Авторъ приводитъ цѣлый рядъ дѣльныхъ и вѣскихъ аргументовъ въ защиту русскихъ финансовъ, нашей валюты и государственнаго кредита, противъ подкапывающихся подъ нихъ явныхъ и тайныхъ враговъ. Прямо и рѣшительно изобличаетъ онъ ложныя сообщенія и сужденія о финансовомъ положеніи Россіи не только нѣмецкихъ, но и русскихъ газетъ какъ *St.-Petersburger Herold* и *Страна*, не говоря уже о разныхъ нашихъ нигилистическихъ органахъ, и при этомъ изумляется „поразительнымъ добродушіемъ“ съ какимъ наше правительство терпитъ домашнихъ враговъ Россіи; сильными доводами и краснорѣчіемъ цифръ опровергаетъ онъ затѣмъ направленную противъ русскихъ финансовъ статью газеты *Times*... Вотъ до чего мы дожили! Ужь посторонніе люди заступаются за бѣдные русскіе интересы и упрекаютъ насъ въ бездѣйствіи.

По поводу этой нѣмецкой газеты и ея доброжелательныхъ Россіи статей, мы прочли гдѣ-то въ петербургской „прессѣ“ неизвѣстно для чего сдѣланное замѣчаніе что эта газета будто бы есть органъ извѣстнаго Струсберга. Что же, спасибо г. Струсбергу если онъ, забывъ о своемъ заключеніи въ Московской долговой тюрьмѣ, рѣшился замолвить доброе слово въ русскихъ интересахъ. Не мѣшаетъ прислушаться и къ его слову, какъ не мѣшало принять къ свѣдѣнію его разоблаченія относительно цѣнъ за которыя покупались у насъ иныя желѣзнодорожныя концессіи,— разоблаченія которыя публично дѣлалъ этотъ до тонкости знающій закулисную сторону желѣзнодорожнаго дѣла, развѣнчанный желѣзнодорожный король предъ судомъ въ Москвѣ. Не помнимъ были ли занесены тогда въ протоколъ его относящіяся сюда показанія и не знаемъ было ли по поводу ихъ произведено какое-либо разслѣдованіе; жаль если не было: затронутое г. Струсбергомъ дѣло много серіознѣе тѣхъ расхищеній уфимскихъ земель и привислинскихъ лѣсовъ, о которыхъ было такъ много говора и шума.

Возможно что г. Струсбергъ, какъ въ заявленіяхъ на судѣ о негласныхъ милліонахъ которые затрачивались на пріобрѣтеніе концессій, такъ и въ томъ благопріятномъ Россіи направленіи какое даетъ онъ своему печатному органу, руководился и руководится какими-либо своими видами. Особенно дурнаго въ этомъ ничего нѣтъ; напротивъ, очень хорошо что его личный интересъ ведетъ его не во враждебный, а въ пріязненный Россіи лагерь, хотя ему вести подкопы подъ русскіе финансы было бы извинительнѣе чѣмъ русскимъ газетамъ служащимъ дѣлу распространенія неправды во вредъ странѣ гдѣ онѣ издаются. И въ какое время, при ка-

кихъ обстоятельствахъ ведутъ эти псевдорусскія газеты свою нечистую игру направленную противъ русскаго государственнаго кредита!

Нельзя, и было бы вредно, скрывать отъ себя размѣры того кризиса который нынѣ переживаетъ наша страна. Этотъ кризисъ чувствуется почти повсемѣстно, тяжело отзываясь почти на всѣхъ отрасляхъ народнаго труда. Вслѣдствіе хорошаго урожая почти во всѣхъ государствахъ Европы бывшихъ всегда потребителями нашего хлѣба, при обильномъ одновременно урожаѣ въ Америкѣ, конкуррирующей съ нами на европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ, цѣны на хлѣбъ упали, спросъ за границу очень сократился. Тяжелый годъ выдался для всей громадной массы населенія живущей производствомъ хлѣба для продажи: цѣны упали такъ что большею частію не покрываютъ расходовъ производства хлѣба, да и по этимъ низкимъ, убыточнымъ цѣнамъ трудно находить для него покупателей при общемъ безденежьѣ. Тяжелый годъ выдался и для всей остальной массы населенія живущей производствомъ и сбытомъ предметовъ нужныхъ для земледѣльческихъ классовъ: у этихъ послѣднихъ, за непродажей хлѣба и упадкомъ цѣнъ на него, нѣтъ средствъ для покупки того что̀ обыкновенно ими покупалось, и потому ихъ поставщики остаются безъ покупателей. Какъ у людей земледѣльческаго міра нейдетъ съ рукъ хлѣбъ, такъ точно у людей міра промышленнаго нейдутъ съ рукъ производимые ими товары. Отсюда общій застой въ торговыхъ оборотахъ, общій недостатокъ въ средствахъ для расплатъ по прежнимъ долговымъ обязательствамъ, общее безденежье. Такова главная причина и сущность переживаемаго кризиса. Но онъ обостряется нашими внѣшними, международными торговыми и финансовыми отношеніями.

Даже при обычномъ, нормальномъ положеніи дѣлъ, нашъ международный разсчетный балансъ, съ той поры какъ Россія пошла по дорожкѣ указанной ей занесенною изъ чужи доктриной, постоянно оказывался невыгоднымъ. Какъ ни росли размѣры нашего хлѣбнаго и льнянаго отпуска, возрастаніе размѣровъ привоза шло еще болѣе быстрымъ ходомъ. Всей стоимости нашего отпуска постоянно оказывалось недостаточно чтобы расплатиться за громадную массу привозныхъ товаровъ: почти ежедневно приходилось, въ дополненіе къ товарному отпуску, приплачивать или звонкою монетой, или долговыми на себя обязательствами, акціями, закладными листами и иными кредитными бумажными цѣнностями. Параллельно съ этимъ, ходъ государственныхъ дѣлъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій требовалъ почти ежегодныхъ крупныхъ займовъ. Большею частью эти займы были заграничные. По мѣрѣ того какъ росъ итогъ заграничныхъ долговъ, росла конечно и ежегодная сумма процентовъ и погашенія по этимъ долгамъ. Эта съ года на годъ возрастающая сумма, при хронической невыгодности нашего торговаго баланса, не могла быть уплачиваема продуктами нашей почвы и народнаго труда: ее сполна приходилось уплачивать или золотомъ, или въ замѣнъ его передачей иностранцамъ части процентныхъ бумагъ обращавшихся въ Россіи, то-есть новыми на себя долговыми обязательствами. Такимъ образомъ, масса русскихъ процентныхъ бумагъ перешедшая въ руки иностранцамъ увеличивалась съ каждымъ годомъ въ непрерывно возрастающей прогрессіи. Такъ шло до послѣдней минуты. Это всегда было невыгодно, это постоянно ставило Россію въ положеніе сходное съ положеніемъ человѣка который сдѣлалъ привычку тратить больше чѣмъ зарабатываетъ и уплачивать проценты по своимъ долгамъ ежегодною выдачей на себя новыхъ векселей. Какъ частный человѣкъ въ такомъ положеніи неизбѣжно приходитъ въ зависимость отъ своихъ кредиторовъ, которые могутъ по произволу то завлекать его въ новые долги, предлагая деньги на льготныхъ сравнительно условіяхъ дабы крѣпче закабалить его, то приступать къ должнику что̀ называется съ ножомъ къ горлу, требуя съ него денегъ которыхъ у него нѣтъ, и принуждая тѣмъ занимать деньги за страшно высокій процентъ и писать векселя на сто получая всего пятьдесятъ: такъ точно создалась и финансовая зависимость нашей страны отъ ея иностранныхъ кредиторовъ, отъ заграничныхъ биржъ. Насъ точно также не разъ плѣняли теоріей мнимой выгодности заграничныхъ займовъ и соблазномъ иностраннаго „золотаго дождя“ который де оплодотворитъ русскіе лѣса и степи, дастъ имъ жизнь ко благу Русскаго народа; насъ тоже не разъ прижимали въ трудныя минуты чтобы заставить дѣлать

новые займы на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Приведемъ для примѣра хотя бы 1877 годъ, припомнимъ условія на которыхъ заключался тогдашній *пятипроцентный* стомилліонный (15 милл. ф. ст.) заграничный заемъ, стыдно сказать, по 74 за сто, тогда какъ въ сороковыхъ годахъ (до фритредерскаго нашествія на Россію) *четырехпроцентные* займы заключались по 90 и выше (до $92^1/_4$), когда даже въ тяжкую годину Крымской войны и Севастопольскаго сидѣнья пятипроцентные займы заключались по $89^{76}/_{100}$ и $91^{86}/_{100}$ за сто. Припомнимъ какъ даже этотъ позорной памяти заемъ 1877 года потерпѣлъ фіаско, между прочимъ вслѣдствіе того что наши англійскіе кредиторы пожелали показать силу своей власти надъ нашимъ государственнымъ кредитомъ, заваливъ фондовыя биржи предложеніемъ на продажу огромной массы русскихъ бумажныхъ цѣнностей... Въ настоящее время, при нынѣшнихъ трудныхъ вслѣдствіе кризиса обстоятельствахъ, повторяется подобная тогдашней прижимка, только направляемая не изъ Англіи, а изъ Германіи.

Минута для этой прижимки выбрана съ полнымъ знаніемъ дѣла, какимъ не могутъ похвалиться наши ученые финансисты, неспособные возвыситься надъ затверженными ими на школьныхъ скамейкахъ, общеизвѣстными, но устарѣлыми и опровергнутыми жизнью экономическими формулами. Берлинскіе банкиры отлично понимаютъ что значитъ для Россіи въ данную минуту сокращеніе ея хлѣбнаго отпуска. И безъ этого сокращенія мы должны были бы приплатить иностранцамъ огромныя суммы какъ по обычному перевѣсу привоза надъ отпускомъ, такъ и по разчету процентовъ и погашенія по громадной массѣ металлическихъ и неметаллическихъ русскихъ бумажныхъ цѣнностей, находящихся въ рукахъ иностранцевъ. Но въ виду кризиса постигшаго русскій хлѣбный отпускъ, сумма уплатъ которыя должны быть сдѣланы Россіей за границу разомъ поднялась до страшной цифры, можетъ-быть удвоилась. Уплатить всю эту сумму золотомъ невозможно: тутъ требуются не десятки, а сотни милліоновъ рублей; тутъ нужна такая масса золота что еслибы былъ открытъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ, то ото всего металлическаго фонда Государственнаго Банка не осталось бы, какъ говорится, и синя пороха. За неимѣніемъ золота, за неимѣніемъ такихъ товаровъ которые можно было бы отпустить за границу вмѣсто золота, не остается ничего другаго какъ учинить расплату передачей въ иностранныя руки груды векселей и русскихъ процентныхъ бумагъ. Заграничные ростовщики знаютъ эту крайность, къ которой мы приведены многими годами доктринерскихъ и иныхъ увлеченій, и не упускаютъ случая поживиться нами и ободрать насъ. Они не прочь снабдить насъ нужными намъ для расплаты иностранными векселями, но не иначе какъ продавая ихъ въ тридорога, то-есть понижая вексельный курсъ нашего рубля до возможнаго минимума; они не прочь взять наши процентныя бумаги, но не иначе какъ оцѣнивая ихъ въ тридешева; они не прочь, пожалуй, взять отъ насъ въ уплату и не имѣющій сбыта хлѣбъ, но не иначе какъ за безцѣнокъ. Къ этому направлена вся биржевая и торговая спекуляція о которой такъ много пишется въ газетахъ. Именно этотъ смыслъ имѣютъ сообщаемые въ газетахъ факты о томъ какъ Мендельсонъ и К° и Робертъ Вермауеръ именуемые „банкирами русскаго правительства,“ — тѣ самыя фирмы которыя недавно производили выпускъ облигацій Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ, — умышленно подрываютъ курсъ русскаго рубля и играютъ на пониженіе русскихъ фондовъ, выступая на биржахъ продавцами ихъ по пониженнымъ цѣнамъ; о томъ какъ многія другія первостепенныя банкирскія фирмы, и берлинскія, и союзныя съ ними амстердамскія „участвуютъ въ означенномъ предпріятіи домовъ Мендельсона и Вермауеръ;“ о томъ какъ, по словамъ берлинскаго корреспондента *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 314), „мелкіе банкиры, частные финансисты, посторонняя публика и др., видя что даже сами *банкиры Русскаго правительства* стараются поскорѣе сбыть русскіе фонды, теряютъ голову;“ о томъ какъ многіе петербургскіе банкиры дѣйствуютъ за одно съ иностранными биржевыми спекулянтами, коимъ служатъ подручными агентами, а газеты, въ томъ числѣ русскія, поддаютъ жару чтобъ уронить кредитъ Россіи въ общемъ мнѣніи; о томъ какъ русскіе крупные банки (надобно полагать что за границей очень сожалѣютъ что самый крупный банкъ, Государственный, до сихъ поръ не отданъ еще въ руки частной компаніи и потому не состоитъ въ распоряженіи берлинскихъ спекулянтовъ на

пониженіе) и тарифная политика многихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ идутъ рука объ руку съ заграничными понижателями цѣнъ русскаго хлѣба для пріобрѣтенія его за безцѣнокъ; и какъ эти домашніе пособники чужеземной спекуляціи гнетутъ русскую хлѣбную торговлю пуще американской конкурренціи.

Россію всѣми мѣрами стараются выдать за страну пришедшую на край финансовой пропасти вслѣдствіе чрезмѣрной будто бы громадности ея государственнаго долга. Этотъ долгъ, конечно, великъ, но не въ такой степени какъ насъ хотятъ пугать. Это прекрасно доказано въ помѣщенной ниже статьѣ которая дала намъ поводъ высказаться. Нѣтъ, не въ цифрѣ государственныхъ долговъ заключается слабая сторона нашихъ финансовъ, а въ ошибочной экономической и финансовой политикѣ, поставившей Россію въ положеніе при которомъ кризисы подобные нынѣшнему могутъ повторяться періодически; сдѣлавшей Русское государство должникомъ заграничныхъ капиталистовъ; приведшей насъ къ той финансовой зависимости отъ иностранцевъ, которая сдѣлала нашъ вексельный курсъ и наши фонды игрушкой въ ихъ рукахъ, и благодаря которой только и могутъ разыгрываться спекуляціи подобныя нынѣшней; наша слабая сторона въ политикѣ подготовившей на русской почвѣ сильныхъ и многочисленныхъ союзниковъ иностраннымъ биржевымъ и не биржевымъ спекулянтамъ дѣйствующимъ во вредъ Россіи. Дерево познается по плодамъ его; не пора ли срубить дерево, плоды котораго оказались столь вредными? Не пора ли покончить съ этою финансовой политикой когда выяснилось къ чему она привела и когда стало внѣ сомнѣнія что дальнѣйшее слѣдованіе этой антинаціональной политикѣ можетъ привести насъ къ результатамъ еще худшимъ?

Кризисъ тяжелъ, но онъ не истощитъ русскаго экономическаго организма, лишь бы не изнуряла его хроническая язва космополитическихъ доктринъ. Россія вышла съ торжествомъ изъ финансовыхъ затрудненій подготовленныхъ для нея заграничными биржевиками въ 1877 году, какъ скоро мы уклонились отъ путей рекомендованныхъ доктринерами и сдѣлали то что̀ требовалось національными въ данныхъ обстоятельствахъ интересами. Теперь, слѣдуя тѣмъ же интересамъ, она можетъ благополучно выйти изъ кризиса.

№ 326.

Москва, 23-го ноября.

Германскій рейхстагъ 30 ноября возобновилъ свои занятія, прерванныя 16 іюня, начавъ съ вопроса не лишеннаго и для насъ интереса.

Дѣло вотъ въ чемъ: 23 мая 1881 года состоялся имперскій законъ опредѣляющій что занятія Альзасъ-Лотарингскаго депутатскаго собранія (Landesausschuss) должны: 1) происходить при открытыхъ дверяхъ и 2) пренія вестись непремѣнно на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ депутаты кои въ этомъ языкѣ не сильны могутъ читать свои рѣчи по тетрадкѣ, „но непремѣнно на нѣмецкомъ.“ Законъ этотъ вошелъ въ силу только въ настоящемъ году, но пока еще не былъ примѣненъ. И вотъ, въ весеннюю сессію рейхстага, альзасъ-лотарингскіе депутаты его, гг. Жерменъ, Гольденбергъ и Винтереръ внесли предложеніе объ измѣненіи этого закона. Они пожелали чтобы въ дополненіе ко второму пункту закона было оговорено что „президентъ Альзасъ-Лотарингскаго депутатскаго собранія, *въ видѣ исключенія*, можетъ дозволить членамъ собранія завѣдомо совершенно не знающимъ нѣмецкаго языка говорить на французскомъ.“ Предложеніе это подняло сильную бурю въ нѣмецкой печати; однако, въ іюнѣ, оно прошло въ рейхстагѣ при первомъ и второмъ чтеніи: его поддержали клерикальный и партикуляристскій центръ и крайняя лѣвая сторона палаты. 30 ноября назначено третье и послѣднее чтеніе. Печать загремѣла доводами что предложеніе гг. Жермена и Винтерера далеко не такъ невинно какъ кажется, что оно есть не что̀ иное какъ замаскированная отмѣна закона 23 мая 1881 года. „Что̀ препятствуетъ президенту собранія раздавать щедрою рукой право говорить французскія рѣчи?“, спрашивали въ разныхъ газетахъ: „что̀ препятствуетъ населенію Альзасъ-Лотарингіи посылать въ собраніе депутатами преимущественно людей не знающихъ нѣмецкаго языка?“ Такимъ образомъ французскій языкъ получилъ бы привилегію весьма де вредную и даже просто опасную для дѣла германизаціи края. Тѣ же самые взгляды высказаны и въ преніяхъ парламента 30 ноября. „Германія, сказалъ одинъ ораторъ, должна дѣйствовать въ Альзасъ-Лотарин-

гіи твердо и энергично." „Тамъ, добавилъ другой, до сихъ поръ существуетъ французская партія, взоры которой обращены къ Парижу, и сдѣлать ей уступку значитъ навсегда удержать теперешній порядокъ" и повредить германизаціи. Напрасно г. Винтереръ силился объяснить что дѣло идетъ лишь о *факультативномъ* употребленіи французскаго языка, что нельзя же принуждать къ молчанію депутатовъ не знающихъ по-нѣмецки, что мысль о возможности злоупотребленія предоставляемымъ президенту полномочіемъ ни на чемъ не основана. Г. Винтерера почти не слушали, а статсъ-секретарь Бёттихеръ прямо завѣрилъ палату что „Союзный Совѣтъ никогда не утвердитъ этой поправки къ закону 23 мая 1881 года, такъ какъ она ведетъ къ усиленію французскаго элемента, чего не можетъ допустить правительство императора Германскаго." Французское населеніе въ Альзасъ-Лотарингіи составляетъ меньшинство; слишкомъ де 80% жителей Нѣмцы, и почти 90% понимаютъ нѣмецкую рѣчь; не болѣе 11% говорятъ только по-французски. Всегда стало-быть въ собраніе могутъ быть посланы лица владѣющія офиціальнымъ языкомъ. Правительственнаго оратора поддержали другіе, указавъ что ни въ Шлезвигѣ, ни въ Познани, гдѣ отношенія такія же какъ въ Альзасѣ, не встрѣчается препятствій въ употребленіи исключительно нѣмецкой рѣчи въ провинціальныхъ собраніяхъ. Рейхстагъ отвергъ предложеніе г. Жермена; клерикалы и крайняя лѣвая остались на этотъ разъ въ меньшинствѣ, что дало поводъ Поляку г. Яздзевскому иронически замѣтить что „Нѣмцы, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, отличаются отталкивающимъ стремленіемъ подавлять національныя особенности порабощенныхъ ими народовъ." Польскій депутатъ намекалъ здѣсь на германизацію когда-то польскихъ провинцій Пруссіи, и ему естественно было повторить то что постоянно высказывается польскою печатью, но онъ не осмѣлился распространяться объ этомъ предметѣ въ рейхстагѣ, какъ высказался *Dziennik Poznanski* въ нумерѣ отъ того же 30 ноября. Нѣмецкая печать, говоритъ польская газета, отъ времени до времени и весьма регулярно вопитъ о притѣсненіи испытываемомъ нѣмцами за предѣлами Германіи, тамъ гдѣ они составляютъ меньшинство не пользующееся политическою властью. Нѣмецкая печать говорила въ свое время объ угнетеніи Нѣмцевъ въ Шлезвигѣ, теперь говоритъ о притѣсненіи ихъ въ Богеміи, въ Венгріи, въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи. „Но пусть же это притѣсненіе будетъ для нѣмецкой печати и общественнаго мнѣнія нравственнымъ урокомъ; пусть они поймутъ какимъ примѣромъ пользуются и къ чему стремятся тѣ кого обвиняютъ въ этихъ притѣсненіяхъ нѣмецкаго элемента." *Dziennik Poznanski* принимаетъ за звонкую монету все что̀ говорилось въ нѣмецкой печати о положеніи дѣлъ въ Прибалтійскомъ краѣ и повторяетъ даже выпущенную недавно газетою *Post* фразу будто нѣмецкому землевладѣльцу въ Балтійскомъ краѣ приходится пожалуй хуже чѣмъ англійскому въ Ирландіи. Любопытно что, рядомъ съ этимъ, польская газета вынуждена сознаться что „нѣмецкій Дерптскій университетъ остается нѣмецкимъ, что языкъ на которомъ идетъ преподаваніе въ школахъ тоже нѣмецкій, что мѣстная администрація и судъ говорятъ и пишутъ опять-таки по-нѣмецки, и на русскомъ языкѣ сносятся только съ высшими инстанціями." Гдѣ же и въ чемъ заключаются тѣ притѣсненія Нѣмцевъ на которыя почти ежедневно сѣтуетъ нѣмецкая печать? Даже *Dziennik Poznanski* признаетъ что рѣшить это „трудно." Нѣмцы въ балтійскихъ губерніяхъ составляютъ такое же меньшинство какъ Французы въ Альзасъ-Лотарингіи; губерніи эти никогда и не были составною частію Германіи, и давнымъ-давно вошли въ составъ Россійской Имперіи. И что̀ же однако? Нѣмецкій языкъ тамъ господствуетъ; Латыши и Эсты населяющіе этотъ край обязаны учиться, судиться и управляться на нѣмецкомъ языкѣ. Въ Альзасъ-Лотарингіи не допускается *факультативное* употребленіе французскаго языка, а въ балтійскихъ провинціяхъ почти не допускается *факультативное* употребленіе русскаго языка! Не въ томъ вопросъ чтобы можно было заговорить въ случаѣ надобности по-нѣмецки, а въ томъ чтобъ офиціальнымъ языкомъ тамъ былъ языкъ Русской Имперіи. Въ Альзасъ-Лотарингіи просятъ допустить факультативное употребленіе французскаго языка не оспаривая господства языка нѣмецкаго, просятъ только чтобы Французъ не владѣющій нѣмецкимъ языкомъ могъ высказать свои нужды на французскомъ языкѣ, который почти утра-

тилъ штемпель національности и сталъ международнымъ. „Нѣтъ, говорятъ въ Берлинѣ, этого допустить нельзя; это противно германскимъ національнымъ интересамъ, это мѣшаетъ германизаціи отторгнутой отъ Франціи провинціи.“ Не куріозно ли что въ Альзасъ-Лотарингіи меньшинство не смѣетъ даже въ крайности заговорить на своемъ языкѣ, тогда какъ въ Балтійскомъ краѣ большинство обязывается говорить на языкѣ меньшинства чуждомъ государству, и когда находятъ это куріознымъ, то поднимается вопль о притѣсненіи германскаго элемента?..

Что касается политической мудрости которую не прочь преподать намъ польская газета, то намъ полезнѣе затвердить урокъ прочитанный статсъ-секретаремъ Бёттихеромъ въ германской палатѣ что правительство не можетъ своею рукой поддерживать враждебный государственному единству элементъ.

№ 327.

Москва, 24-го ноября.

Континентальные доктринеры либерализма очень смущены биллемъ о новомъ парламентскомъ распорядкѣ, который во всѣхъ главныхъ статьяхъ уже утвержденъ Англійскою палатой общинъ. Въ Англіи, на которую обращены взоры доктринеровъ парламентаризма, сочтено нужнымъ принять мѣры противъ злоупотребленія свободой парламентскихъ преній,—и кто же взялъ на себя инціативу такого „стѣсненія“ свободы? Вождь либеральной партіи въ Англіи! Но то что̀ удивляетъ доктринеровъ не можетъ удивлять тѣхъ кто знаетъ сущность англійскаго государственнаго порядка. Въ самой же Англіи лучшимъ доказательствомъ популярности принятой мѣры служитъ то что она утверждена значительнымъ большинствомъ нижней палаты, и притомъ именно либеральнымъ большинствомъ. Возражали же противъ билля главнымъ образомъ члены консервативной партіи, конечно, не во имя либеральнаго принципа, столь „вѣроломно“ отвергнутаго ихъ противниками, но потому что *Cloture bill* можетъ теперь послужить орудіемъ противъ оппозиціи. Само собою разумѣется что въ свое время торіи, достигнувъ власти, охотно воспользуются этимъ способомъ укрощенія парламентской болтовни.

Жизненная сила Англійскаго государства вовсе не тамъ гдѣ думаютъ видѣть ее доктринеры; эта сила не въ томъ что̀ перенимали у Англіи, черезъ посредство Франціи, подъ именемъ конституціи, другія страны Европы. Въ Англіи есть правительственные классы, the upper ten thousands, соотвѣтствующіе въ нѣкоторомъ смыслѣ нашему помѣстному дворянству; они управляютъ всѣмъ начиная съ мѣстной жизни до высшей государственной политики. Вотъ основы англійскаго государственнаго устройства. Смѣняясь у дѣлъ центральнаго управленія, обѣ англійскія партіи суть равно правительственныя партіи и ведутъ одно и то же дѣло. Борьба состоитъ только въ томъ чтобы перехватить другъ у друга центральное управленіе, причемъ мѣстное управленіе остается все въ тѣхъ же рукахъ безъ различія партій. Но и центральное управленіе переходя отъ одной партіи къ другой не измѣняется въ принципахъ и идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ англійской національной политики.

Смѣна одной партіи другою не препятствуетъ преемственности національной политики. Есть ли существенное различіе между дѣйствіями теперешняго кабинета и „имперскою“ политикой лорда Биконсфильда? А Дизраэли, вѣчный противникъ лорда Пальмерстона, не былъ ли его продолжателемъ? А лордъ Пальмерстонъ не оставался ли истымъ торіемъ находясь во главѣ либеральной партіи? Всѣ еще помнятъ горячія филиппики г. Гладстона противъ лорда Биконсфильда и его политики на Востокѣ. Но въ то время г. Гладстонъ находился во главѣ оппозиціи: онъ старался убѣдить страну что онъ лучше сумѣетъ оградить интересы Англіи, а когда его агитація увѣнчалась успѣхомъ и ему была вручена власть, никому въ Англіи и въ голову не пришло напомнить г. Гладстону объ его мидлотіанскихъ филиппикахъ, въ которыхъ онъ такъ рѣзко осуждалъ своего противника, и ставить ему въ вину то что онъ лишь двинулся дальше по тому пути которымъ шелъ лордъ Биконсфильдъ захвативъ для Англіи островъ Кипръ...

Итакъ, словесная борьба происходящая въ Англіи въ парламентѣ и въ публичныхъ политическихъ собраніяхъ есть только показная сторона и вовсе не составляетъ сущности англійской политической жизни,

которая держится на несравненно болѣе крѣпкихъ устояхъ нежели говорильни.

Въ послѣднее время оказалось, сверхъ того, что словопренія не только часто ведутъ къ безполезной тратѣ времени, но могутъ обращаться во вредъ государству. Ирландскіе обструкціонисты вздумали пользоваться свободой парламентской рѣчи для того чтобы безконечно затягивать пренія и тѣмъ ставить правительству преграды въ принятіи предположенныхъ мѣръ относительно Ирландіи и для искорененія усиливавшейся тамъ съ каждымъ днемъ крамолы.

Въ отвѣтъ на это г. Гладстонъ и предложилъ свой билль о прекращеніи преній, который на дняхъ утвержденъ палатой, правда послѣ весьма продолжительныхъ словопреній которыми парламентскіе говоруны въ послѣдній разъ отвели себѣ душу. Г. Гладстонъ не обинуясь заявилъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ рѣчей по поводу этого билля что настала пора замѣнить дѣломъ безплодныя, ни къ чему не ведущія словоизверженія. Это замѣчаніе вызвало въ лагерѣ континентальныхъ либераловъ бурю негодованія противъ вождя англійской либеральной партіи. Но въ самой Англіи вполнѣ оцѣнили мѣткость и своевременность этого замѣчанія, и парламентъ утвердилъ правила коими въ значительной мѣрѣ ограничивается привилегія болтовни.

По правиламъ, или, вѣрнѣе, по обычаю существовавшему до сихъ поръ въ Англійскомъ парламентѣ, пренія предшествующія всякому рѣшенію парламента могли быть прекращены лишь по предложенію исходившему отъ члена палаты, поддержанному и принятому большинствомъ; причемъ каждое предложеніе такого рода могло само по себѣ послужить предметомъ безконечныхъ преній, чѣмъ и пользовались ирландскіе обструкціонисты, которые изощрились до того въ искусствѣ затягивать пренія что нѣкоторыя засѣданія парламента въ прошедшемъ году продолжались безпрерывно цѣлыя сутки и даже болѣе. Спикеръ палаты или замѣняющій его предсѣдатель комитетскаго засѣданія палаты не имѣлъ никакой власти остановить пренія. По новому биллю, спикеръ или предсѣдатель комитета имѣетъ право во всякое время заявить палатѣ что вопросъ кажется ему исчерпаннымъ и спросить палату, не слѣдуетъ ли перейти къ рѣшенію вопроса. Если не менѣе 200 голосовъ высказываются за такое предложеніе, или если возражаютъ не болѣе 40 голосовъ, то пренія объявляются оконченными, и палата переходитъ къ постановленію рѣшенія.

Но пренія могли быть затянуты и другимъ еще болѣе простымъ способомъ. Каждый членъ палаты имѣлъ право во всякомъ положеніи преній, стало-быть и тогда когда палата готовилась перейти къ подачѣ голосовъ, внести предложеніе объ отсрочкѣ засѣданія, и такое предложеніе должно было подвергнуться немедленному обсужденію, и стало-быть могло служить поводомъ къ новымъ рѣчамъ. Такими предложеніями объ отсрочкѣ, которыя слѣдовали безпрерывно одно за другимъ, обструкціонисты пользовались въ особенности когда имъ было нужно задержать ходъ дѣлъ. По новому биллю, предложеніе объ отсрочкѣ можетъ быть допущено не иначе какъ съ согласія на то палаты и разрѣшается оно немедленно, безъ преній, за исключеніемъ лишь того случая когда того потребуютъ не менѣе 40 членовъ палаты, заявивъ объ этомъ поднятіемъ со своихъ мѣстъ.

Остальные параграфы новаго билля содержатъ въ себѣ лишь дальнѣйшее развитіе указанныхъ двухъ новыхъ правилъ и указаніе тѣхъ дисциплинарныхъ взысканій какимъ подвергаются депутаты виновные въ ихъ нарушеніи.

№ 328.

Москва, 25-го ноября.

Обращаемъ вниманіе на сегодняшнюю корреспонденцію нашу изъ Казани. Далеко не въ такомъ тонѣ передавалъ намъ свои интересныя, умныя, основательныя сообщенія и соображенія авторъ этой корреспонденціи, казанскій „Промышленникъ,“ какихъ-нибудь два года тому назадъ *). Тогда временно оживились было надежды на то что давно ожидаемая, давно обѣщанная, давно признанная необходимою, давно поставленная на первую очередь, давно санкціонированная Высочайшею властью, Сибирская желѣзная дорога будетъ наконецъ построена. Но какой-то рокъ тяго-

*) См. статьи за подписью „Промышленникъ“ въ №№ 320, 323, 331 и 338 *Моск. Вѣд.* за 1880 годъ.

тѣетъ надъ этою дорогой, съ нею творится что-то загадочное. Въ теченіе многихъ лѣтъ проектъ сооруженія ея не разъ былъ наканунѣ своего осуществленія. Но каждый разъ, будто нарочно, возникали обстоятельства обращавшія рѣшенное дѣло въ вопросъ подлежащій нескончаемому обсужденію. То шелъ многолѣтній споръ о томъ не отклонить ли направленіе Сибирской дороги далеко къ сѣверу отъ установившагося вѣками Московско-Сибирскаго тракта, не провести ли эту дорогу по безлюднымъ лѣсамъ Вологодскаго заволочья. То вдругъ зашла рѣчь о томъ не отклонить ли направленіе этой дороги отъ Московско-Сибирскаго тракта на нѣсколько сотъ верстъ къ югу, на Уфу или Оренбургъ и Самару. Словно кому-то нужно непремѣнно искривить эту первостепенной важности для государства дорогу, которая, по самому своему значенію, какъ всякая магистральная линія, должна прежде всего удовлетворять требованію прямизны, быть возможно кратчайшимъ разстояніемъ между конечными пунктами которые необходимо соединить паровымъ сообщеніемъ. Какъ будто мало желѣзнодорожныхъ линій испорчено у насъ подобными искривленіями, какъ будто не колетъ глазъ на картѣ хотя бы, напримѣръ, эта страшно изломанная линія вмѣсто той прямой которая должна была бы соединять такіе важные центры какъ Москва, Кіевъ и Одесса! Какъ будто мало даютъ себя чувствовать искривленія допущенныя при постройкѣ Либавской дороги, которой главнымъ назначеніемъ было направлять къ русской Либавѣ грузы которые иначе шли бы къ германскому Кенигсбергу и которая, вслѣдствіе искривленій, удлиннилась настолько что Кенигсбергъ оказался для русскихъ грузовъ болѣе близкимъ портомъ чѣмъ Либава. Стремленія искривить и изломать Сибирскую дорогу до негодности работаютъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ особенною настойчивостью, стратетельно изыскивая себѣ союзниковъ въ разныхъ частныхъ, иногда уважительныхъ, но второстепенныхъ интересахъ, и прибѣгая подчасъ къ аргументаціи отчасти напоминающей собою ту которая такъ рельефно выдается въ вопросѣ о Закавказскомъ транзитѣ. Достигнутъ ли эти господа искривители Сибирской желѣзной дороги своей цѣли неизвѣстно, но ихъ стремленія уже имѣли тотъ результатъ что дѣло постройки этой дороги затянулось безъ конца, такъ что на громадныхъ со многомилліоннымъ населеніемъ пространствахъ которымъ она должна дать жизнь, всѣ перестали надѣяться что эта дорога когда-нибудь будетъ построена и, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, „махнувъ рукой твердятъ одно: намъ до нея не дожить!“ Идутъ только споры да перекоры, а необъятныя области, ожидающія только рельсоваго пути чтобы стать дѣйствительно „золотымъ дномъ“ для Россіи, не имѣютъ до сихъ поръ ни прямой, ни даже изломанной желѣзной дороги. Недоумѣвая смотрятъ жители этихъ областей на то какъ одна за другою строились и строятся многія дороги коихъ постройкою, безъ особыхъ неудобствъ для страны, можно было бы повременить, и даже такія какъ напримѣръ Бресто-Лыкская, которыхъ вовсе не слѣдовало бы строить, между тѣмъ какъ дорога всѣми признанная за необходимую остается понынѣ въ проектѣ, подвергающемся то тѣмъ, то инымъ метаморфозамъ...

Была пора когда громадная масса интересовъ для которыхъ необходима постройка Сибирской дороги терпѣливо и безропотно ждали пока дойдетъ очередь до удовлетворенія ихъ настоятельной нужды въ рельсовомъ сообщеніи. По окончаніи Крымской войны, всѣмъ было ясно что прежде всего требовалась постройка стратегическихъ дорогъ, отсутствіе коихъ такъ печально отозвалось на всѣхъ условіяхъ Севастопольской кампаніи и на исходѣ этой геройской борьбы. Но послѣ того какъ важнѣйшія ведущія на западъ и югъ стратегическія линіи были построены, стало рѣзко бросаться въ глаза отсутствіе какой-либо разумной, соображенной съ государственными потребностями, системы въ развитіи и дополненіи русской желѣзнодорожной сѣти. Не строились нужныя и строились ненужныя дороги по совершенно случайнымъ, мимолетнымъ соображеніямъ, такъ что трудно было объяснить себѣ почему одни ходатайства о постройкѣ дорогъ принимались, другія не принимались въ уваженіе; сотни милліоновъ изъ народныхъ средствъ шли на удовлетвореніе не столько народныхъ нуждъ, сколько концессіонерскихъ похотей. Рельсовая сѣть выросла и стала считать въ себѣ болѣе двадцати тысячъ верстъ; десятки линій которыя, не бывъ вызваны дѣйствительною въ нихъ потребностью, остаются безъ дѣла и едва влачатъ свое существованіе на ка-

зенный счетъ и отбивая хлѣбъ другъ у друга; а въ то же время Россія до сихъ поръ не имѣетъ самыхъ необходимыхъ для ея государственнаго организма рельсовыхъ артерій которыя установили бы живую связь между его сердцемъ и такими важными частями и оконечностями государственнаго тѣла какъ Волжско-Камскій край, Сибирь и Закавказье. По отношенію къ Кавказу, повидимому, даже Севастопольскій урокъ пропалъ даромъ. Въ стратегическомъ отношеніи, Закавказье понынѣ остается почти въ томъ же положеніи въ какомъ находился Крымъ въ 1853—1856 годахъ. Желѣзной дороги, которая вывела бы его изъ изолированнаго отъ прочей Россіи положенія, до сихъ поръ нѣтъ; точно также нѣтъ и той дороги которая соединила бы нашу желѣзнодорожную сѣть и плодородный Кубанскій край съ Чернымъ Моремъ. За то выстроены дороги поперекъ Закавказья въ видахъ иностраннаго транзита, отрѣзавъ такимъ образомъ Закавказье отъ Россіи не только въ стратегическомъ, но и въ народно-хозяйственномъ отношеніи. Съ закавказскими дорогами, не соединительнаго, а разъединительнаго по отношенію къ Россіи значенія, почему-то не случалось тѣхъ казусовъ какіе выпали на долю столь важной какъ для обширнаго Волжско-Камскаго края и Сибири, такъ и для всего государства Сибирской дороги. Направленіе закавказскихъ дорогъ не калѣчилось никакими искривленіями, дѣло постройки ихъ не тормозилось и не откладывалось въ безконечно долгій ящикъ. Не пора ли, наконецъ, хоть теперь сдѣлать для русскихъ интересовъ требующихъ постройки Сибирской дороги то же что мы съ полнымъ усердіемъ и не скупясь на средства дѣлали въ интересахъ иностраннаго транзита чрезъ Закавказье?

Большія затрудненія и убытки причиненные торгово-промышленному міру мелководьемъ Волги въ минувшее лѣто, затрудненія отозвавшіяся на Нижегородской ярмаркѣ и до сихъ поръ отзывающіяся на многихъ важныхъ интересахъ, показали какой серіозный пробѣлъ въ нашей желѣзнодорожной сѣти представляетъ отсутствіе Сибирской рельсовой линіи, и какъ нужно бы поторопиться восполненіемъ этого пробѣла. Нашъ нынѣшній финансовый кризисъ дѣлаетъ этотъ пробѣлъ еще болѣе ощутительнымъ. Будь построена Сибирская дорога (конечно прямая, а не искалѣченная), имѣй мы ее въ своемъ распоряженіи, нынѣшній кризисъ, выражающійся паденіемъ курсовъ и фондовъ, былъ бы много слабѣе, а можетъ-быть его бы и не было. Какая причина этого кризиса? Та что нашъ отпускъ слишкомъ однообразенъ и состоитъ чуть не исключительно въ хлѣбѣ, такъ что случившагося въ нынѣшнемъ году недочета въ хлѣбномъ отпускѣ мы ничѣмъ другимъ восполнить не можемъ. Имѣй мы, наряду съ хлѣбомъ, близкую по размѣрамъ статью отпуска, напримѣръ, въ продуктахъ скотоводства, дѣло стояло бы иначе. Западная Сибирь есть страна скотоводства по преимуществу. „Одно скотоводство Сибири, при условіи скорой перевозки по желѣзной дорогѣ,“ пишетъ нашъ казанскій корреспондентъ, „могло бы составить громадную статью торговли, не только для внутренняго потребленія, но и для вывоза. Два европейскія государства, Англія и Франція, ввозятъ къ себѣ ежегодно на 1.400 милліоновъ рублей разныхъ продуктовъ скотоводства, и несомнѣнно Сибирь, по проведеніи желѣзной дороги, могла бы занять видное мѣсто въ поставкѣ этихъ продуктовъ въ Европу.“

№ 329.

Москва, 26-го ноября.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней телеграфъ изъ Константинополя два раза принесъ извѣстіе о министерскомъ кризисѣ въ Оттоманской Портѣ. Декретомъ султана отъ 1 декабря Кучукъ-Саидъ-паша былъ уволенъ отъ званія перваго министра и на его мѣсто назначенъ Ахмедъ-Вефикъ-паша; въ то же время Гази-Османъ-паша, защитникъ Плевны, бывшій военнымъ министромъ, уступилъ свое мѣсто Гусейнъ-Газни-пашѣ. Но на другой же день наступила опять перемѣна, и новый турецкій кабинетъ уступилъ мѣсто своимъ предшественникамъ, наканунѣ уволеннымъ. Саидъ и Османъ паши получили свои мѣста обратно, но съ тѣмъ измѣненіемъ что первый названъ уже не министромъ-президентомъ, а великимъ визиремъ, второй же сераскиромъ. По свѣдѣніямъ *Гавасова Агентства*, это означаетъ что султану Абдулъ-Гамиду надоѣло разыгрывать конституціонную комедію навязанную Турціи въ 1876

году. Западно-европейскіе совѣтники научили тогда Турцію искать спасенія отъ внутреннихъ неурядицъ въ „правовомъ порядкѣ,“ для чего и былъ заведенъ въ Константинополѣ парламентъ, а великій визирь превратился въ „главу кабинета“ отвѣтственнаго предъ „народными представителями.“ Шутовство это затѣяно было около того времени когда въ Южной Болгаріи совершалась Тамерлановская рѣзня. Царьградскій парламентъ существовалъ однако не долго и упразднился самъ собою; единственнымъ остаткомъ турецкаго парламентаризма послѣ погрома послѣдней войны былъ „кабинетъ“ министровъ. Султанъ Абдулъ-Гамидъ, извѣрившись въ благихъ совѣтахъ Европы, покончилъ нынѣ съ этимъ остаткомъ и возвратился къ преданіямъ турецкой старины. Сомнительно однако чтобъ это повело къ возстановленію разлагающагося организма турецкаго государства и чтобъ это спасло самого султана отъ участи которую ему пророчатъ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, во дворцѣ султана открытъ заговоръ имѣвшій цѣлью низложеніе Абдулъ-Гамида и замѣну его младшимъ его братомъ Мегемедъ-Решедомъ, которому теперь 18 лѣтъ. Со времени этого открытія, Абдулъ-Гамидъ одержимъ, какъ говорятъ, маніей преслѣдованія; онъ замкнулся въ своемъ сералѣ и почти никого къ себѣ не допускаетъ. Константинопольскіе корреспонденты европейскихъ газетъ заранѣе подготовляютъ публику къ извѣстію о томъ что теперешняго султана постигла участь его брата Мурада или, пожалуй, его дяди Абдулъ-Азиса.

Въ то же время европейская печать встревожена слухами о новомъ столкновеніи грозящемъ вспыхнуть между Турціей и Черногоріей по поводу Колашинскаго округа, который Турція упорно отказывается очистить для Черногоріи. Въ ст. XXVIII Берлинскаго трактата, установившей новыя границы Черногоріи, пограничная черта какъ бы съ намѣреніемъ намѣчена чрезвычайно сбивчиво и неопредѣленно; о Колашинскомъ округѣ въ ней не упомянуто вовсе. При возникшемъ затѣмъ между Черногоріей и Турціей пререканіи по поводу Гусинья и Плавы, пререканіи улаженномъ лишь по вмѣшательству европейскихъ державъ, вопросъ о Колашинѣ вновь обойденъ молчаніемъ. Между тѣмъ, даже по мнѣнію вѣнскихъ газетъ, не можетъ подлежать сомнѣнію что какъ городъ Колашинъ такъ и округъ его принадлежатъ къ Черногоріи; Турція же продолжаетъ занимать оный своими войсками, и переговоры по этому предмету по обыкновенію затягивались Турціей до безконечности. Въ виду этого, князь Черногорскій рѣшился недавно обратиться къ Турціи съ энергическимъ требованіемъ, заявивъ что въ случаѣ отказа очистить Колашинскій округъ онъ въ свою очередь пошлетъ для занятія онаго свое войско. Этотъ ультиматумъ подалъ Турціи поводъ прибѣгнуть къ ея обычному способу рекламаціи предъ Европой посредствомъ циркулярной депеши, въ которой выраженъ протестъ противъ вооруженій Черногоріи и высказано требованіе чтобы были присланы коммиссары отъ державъ для разрѣшенія спора. Европейская дипломатія давно привыкла къ такому пріему со стороны Турціи, и не слишкомъ торопится отвѣтомъ на ея требованія подобнаго рода. Говорили что дѣло это откладывается до весны, такъ какъ въ настоящую пору и невозможно производить какія-либо изысканія на мѣстѣ; эта проволочка соотвѣтствуетъ, конечно, и желаніямъ турецкой дипломатіи. Но Черногорія, повидимому, этимъ не довольствуется и продолжаетъ настаивать на немедленномъ удовлетвореніи ея требованій. По послѣднимъ извѣстіямъ сообщеннымъ англійскою газетой *Daily News*, великія державы рѣшили, не дожидаясь весны, послать теперь же коммиссаровъ для улаженія этого новаго Турецко-Черногорскаго спора.

Замѣчательно что вѣнскія газеты совѣтуютъ Турціи не затягивать дѣла излишними проволочками и немедленно уступить Черногоріи то что̀ ей безспорно принадлежитъ; но мало надѣются чтобы Турція отступила въ этомъ случаѣ отъ своихъ обычныхъ изворотовъ.

Съ другой стороны, мы узнаемъ что Черногорія не отрицаетъ что готовится къ войнѣ. Вчера телеграфъ передалъ содержаніе замѣтки появившейся 23 ноября (5 декабря) въ офиціальномъ органѣ Черногорскаго правительства, *Гласъ Черногорца*. „Черногорія вооружается,“ сказано въ этой замѣткѣ, „по примѣру другихъ государствъ, ибо она должна быть готова ко всякой случайности чтобъ отразить всякое нападеніе.“ „Берлинскій конгрессъ,“ сказано далѣе, „не устроилъ дѣла такъ чтобы вооруженія Черногоріи были теперь

излишни, и принуждаетъ ее, какъ и въ прежнее время, быть готовою къ войнѣ.“

Вѣнскія газеты не скрываютъ своей тревоги по поводу новаго спора между Черногоріей и Турціей. „Каждый разъ когда на Балканскомъ полуостровѣ возникаетъ какое-либо столкновеніе, замѣчаетъ *Neue Freie Presse*, мы вспоминаемъ объ опасности представляемой лѣснымъ пожаромъ, причемъ малѣйшая искра можетъ долго тлѣть не показываясь на поверхности и разгорѣться въ страшное пламя если не приняты своевременныя мѣры. Какъ бы ничтоженъ ни былъ споръ самъ по себѣ, мы всегда трепещемъ за послѣдствія. Какъ мало значенія придавали офиціальные политики возстанію возникшему осенью 1875 года близь австрійской границы! Дипломатія первоначально вовсе не обратила на него вниманія, и величайшій изъ живущихъ государственныхъ людей отозвался презрительно о Герцеговинѣ, которая не можетъ де нарушить спокойствія Европы. Три года спустя искра затлѣвшаяся въ Метковичахъ обнаружила послѣдствія своего разрушительнаго дѣйствія: она уничтожила всю юго-восточную карту Европы. Вспоминая объ этомъ, мы думаемъ что новѣйшее пререканіе между Черногоріей и Турціей заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія. Пока замѣтенъ лишь легкій дымокъ; но если дипломатическіе пожарные не примутся вовремя за тушеніе, огонь легко можетъ вновь вспыхнуть по всему Балканскому полуострову.“

Все это такъ, но искра осталась бы искрой и не разгорѣлась бы въ великій пожаръ еслибъ ея не поддували. *Das Bischen Herzogovina* въ 1875 году могла бы и не повести къ столь великимъ измѣненіямъ карты Европы еслибы посторонія руки, съ виду усиливавшіяся тушить огонь, не подкладывали горючаго матеріала...

Но и послѣ обширнаго пожара, европейская дипломатія позаботилась о томъ чтобы матеріалы для горѣнія не переводились. Между Черногоріей и Турціей то и дѣло возникаютъ все новыя пререканія, которыя имѣютъ своимъ источникомъ не столько давній антагонизмъ, сколько новыя недоразумѣнія созданныя Берлинскимъ трактатомъ. Вѣнскія газеты сами признаютъ что возраженія Турціи противъ притязаній Черногоріи не имѣютъ основанія. А между тѣмъ Турція находитъ поводъ къ сутяжничанью именно въ недомолвкахъ Берлинскаго трактата.

№ 330.

Москва, 27-го ноября.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ дополненіе къ прежнимъ извѣстіямъ о заявленіяхъ сдѣланныхъ по вопросу о Закавказскомъ транзитѣ со стороны промышленныхъ и торговыхъ интересовъ Москвы, Нижняго-Новгорода, Иваново - Вознесенска, Шуи, Кинешемскаго уѣзда и Одессы, была напечатана телеграмма изъ Оренбурга, отъ 26 ноября, извѣстившая что и тамошнее купечество ходатайствуетъ объ отмѣнѣ Кавказскаго транзита. Наконецъ, мы извѣстились что *сто пятьдесятъ три* изъ числа крупнѣйшихъ и важнѣйшихъ промышленныхъ и торговыхъ фирмъ, между прочимъ многихъ армянскихъ и даже персидскихъ, подали въ Московскій Биржевой Комитетъ заявленіе, отъ 25 ноября, по вопросу о транзитѣ чрезъ Закавказье. Указывая на тревогу съ которою промышленный и торговый міръ, какъ Москвы такъ и другихъ центральныхъ губерній, смущаемый извѣстіями о томъ направленіи которое приняло обсужденіе вопроса о транзитѣ, смотритъ на этотъ вопросъ, тѣсно связанный съ развитіемъ нашей промышленности и народнаго труда и имѣющій не мѣстное только, но и всеобщее для Россіи значеніе, всѣ эти фирмы просятъ Биржевой Комитетъ пригласить выборныхъ Московскаго Биржеваго Общества избрать депутацію для ходатайства предъ самимъ Престоломъ о закрытіи транзита иностранныхъ товаровъ чрезъ Закавказскій край въ Персію.

Люди промышленнаго и торговаго міра не вняли идущимъ изъ Петербурга, чрезъ посредство газеты *Голосъ*, внушеніямъ что „сосредоточеніе общественнаго вниманія на вопросѣ о Закавказскомъ транзитѣ крайне прискорбно,“ что это „вопросъ третьестепенный, имѣющій лишь (?!) политическое значеніе;“ они не побоялись уронить себя во мнѣніи руководителей названной газеты, объявившихъ что „въ обществѣ умныхъ людей подобнаго дѣла, какъ вопросъ о томъ допускать или не допускать по нашей желѣзной дорогѣ провозъ ино-

странныхъ товаровъ назначаемыхъ для другой страны, и быть не могло бы: чѣмъ больше провезено по нашимъ дорогамъ иностранныхъ товаровъ, тѣмъ для насъ же (будто бы) выгоднѣе;" они не устыдились прослыть въ глазахъ проповѣдниковъ такого мнѣнія „сподручниками *Московскихъ Вѣдомостей*" *).

„Сподручники *Московскихъ Вѣдомостей!*" Какъ будто *Московскія Вѣдомости* посылаютъ свои товары въ Персію! Какъ будто это вопросъ *Московскихъ Вѣдомостей!* Не мало же оказалось у насъ „сподручниковъ" на всемъ пространствѣ Россіи отъ Оренбурга до Москвы и отъ Одессы до Нижняго-Новгорода!

Газета *Голосъ* не разъ служила органомъ то тѣхъ, то другихъ официальныхъ лицъ. Чьи мнѣнія выражаются въ статьяхъ этой газеты, сотрудниковъ ли ея, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, или же какихъ-нибудь вліятельныхъ лицъ? Вотъ вопросъ который не можетъ не смущать многихъ. Такое убѣжденіе въ офиціозной окраскѣ нѣкоторыхъ мнѣній *Голоса* находило себѣ не разъ какъ бы подтвержденіе въ той исключительной легкости съ которою *Голосъ* получалъ часто возможность пользоваться офиціальными свѣдѣніями и документами, и еще болѣе въ томъ что многіе финансовые и экономическіе вопросы рѣшались въ направленіи статей предпосылавшихся въ эту газету. Не удивительно что въ виду такого убѣжденія промышленный и торговый міръ, какъ видно изъ заявленія идущаго отъ его представителей, приведенъ въ смущеніе извѣстіями о направленіи которое приняло обсужденіе транзитнаго вопроса. Нельзя не придти въ смущеніе и въ виду самаго выбора лицъ которыя были приглашены къ участію въ совѣщаніи по этому вопросу. Изъ Москвы, кромѣ двухъ, трехъ представителей фирмъ которыя дѣйствительно могутъ служить выразителями нуждъ русской промышленности, были вызваны два сторонника транзита, гг. Анановъ и Алексѣевъ; необходимость выслушать голоса интересовъ южнаго района русскаго сахарнаго производства была упущена изъ виду, между тѣмъ были приглашены въ довольномъ числѣ тифлисскіе коммерсанты и разные чиновники, между прочимъ г. Николадзе. Порождаемому всѣмъ этимъ недоумѣнію долженъ же быть положенъ конецъ и, полагаемъ, отчасти въ этихъ видахъ Московское биржевое общество желаетъ послать отъ себя въ Петербургъ особую депутацію. Транзитный вопросъ имѣетъ большую важность, а особенно при нынѣшнемъ тяжеломъ кризисѣ; отъ его рѣшенія зависятъ заработки массы трудящагося люда. При такомъ значеніи вопроса, недоумѣнія подобныя вышеупомянутому не должны имѣть мѣста; такъ или иначе, они должны быть разъяснены и устранены.

Заговоривъ о газетѣ *Голосъ*, отмѣтимъ новую съ ея стороны выходку относящуюся къ обсужденію того же транзитнаго вопроса.

Въ № 314 *Московскихъ Вѣдомостей* была напечатана, за подписью В. Б., замѣтка „Нѣсколько цифръ къ вопросу о Закавказскомъ транзитѣ." Въ нашихъ статьяхъ по тому же предмету мы ссылались на приведенныя въ этой замѣткѣ цифры, присовокупляя что онѣ „могутъ быть немедленно провѣрены въ Тифлисской контрольной палатѣ." Въ теченіе двухъ недѣль мы не слыхали ни одного возраженія противъ вѣрности этихъ цифръ. Теперь *Голосъ* (№ 321, отъ 25 ноября) объявляетъ эти цифры „подложными," „недостойною ворожбой съ цифрами которую позволяютъ себѣ *Московскія Вѣдомости* въ разчетѣ на невѣжество и легковѣріе своихъ читателей." Въ опроверженіе цифръ приведенныхъ въ замѣткѣ г. В. Б., *Голосъ* приводитъ кучу своихъ цифръ (на которыхъ мы пока останавливаться не будемъ, предоставляя себѣ въ послѣдствіи разоблачить истинный смыслъ этой цифровой игры) и между прочимъ двѣ цифры таможенныхъ доходовъ Закавказскаго края за 1880 и 1881 годы. Къ этому *Голосъ* присовокупляетъ: „цифры за два послѣдніе года обязательно сообщены намъ изъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ."

Цифры обязательно сообщенныя газетѣ *Голосъ* изъ Министерства Финансовъ не сходятся съ приведенными въ замѣткѣ нашего тифлисскаго корреспондента. Что же? Можетъ-быть г. В. Б., не имѣя доступа къ офиціальнымъ документамъ на которые можно твердо опереться, и самъ ошибся, и насъ ввелъ въ заблужденіе. Прежде, пожалуй, это могло бы имѣть значеніе при обсужденіи вопроса, но теперь

*) См. *Голосъ* №№ 317 и 321.

это безразлично. Вопросъ о транзитѣ такъ разъясненъ со всѣхъ сторонъ что еслибъ и возможно было принять на вѣру цифры подобранныя *Голосомъ*, то и это нисколько не могло бы наклонить вѣсы въ пользу разрѣшенія свободнаго провоза иностранныхъ товаровъ чрезъ Закавказье въ Персію.

Замѣтимъ, однако, что вдохновители *Голоса* напрасно обратились за справкой для провѣрки цифръ нашего тифлисскаго корреспондента въ Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ, а не по тому адресу который мы указывали, не въ Тифлисскую контрольную палату. Цифры Министерства Финансовъ, конечно, не лишены официальнаго значенія. Но на нихъ не всегда можно опираться какъ на безспорныя. Эти цифры сами часто требуютъ провѣрки, и если бы не такъ, то не было бы нужды содержать систему контрольныхъ учрежденій. Контрольныя цифры вообще признаются болѣе вѣрными, болѣе надежными чѣмъ цифры финансовыя...

№ 332.

Москва, 29-го ноября.

Публика, посѣщавшая Выставку въ Москвѣ, съ большимъ интересомъ останавливалась предъ колоссальными орудіями и снарядами изъ литой стали, изготовленными на Обуховскомъ заводѣ. Какъ орудіями разрушенія, ими конечно никто не любовался, но въ нихъ всѣ видѣли яркое доказательство техническихъ успѣховъ этого важнѣйшаго у насъ сталелитейнаго завода, казалось обѣщавшаго избавить насъ отъ необходимости обращаться къ эссенскому заводчику Круппу. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и что же? Судьба Обуховскаго завода сдѣлалась вопросомъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Обуховскій заводъ принадлежитъ товариществу на паяхъ, почти треть которыхъ находится въ рукахъ вдовы коммерціи совѣтника Кузнецовой, которая теперь желаетъ продать ихъ. Сумма за какую могутъ быть уступлены эти паи сравнительно не велика, не болѣе милліона рублей. Нашлись бы вѣроятно у насъ капиталисты желающіе пріобрѣсти участіе въ этомъ выгодномъ предпріятіи; но теперь въ Россіи мало свободныхъ капиталовъ. Кризисъ который мы переживаемъ далеко оставляетъ за собою даже затрудненія 1875—1876 годовъ. На покупку паевъ выступаютъ только два конкуррента: иностранецъ Круппъ и наше морское вѣдомство, сознающее необходимость этой операціи. Есть однако не мало сторонниковъ уступки спорныхъ паевъ г. Круппу какъ международному специалисту сталелитейнаго дѣла. Хотя, говорятъ, по отношенію къ такому колоссальному предпріятію какъ Обуховскій заводъ, затрата казной милліона рублей особаго значенія не имѣетъ, но разъ ввязавшись въ дѣло казна можетъ де быть вовлечена затѣмъ въ цѣлый рядъ новыхъ значительныхъ затратъ, примѣровъ де чему было не мало. Затраты эти тѣмъ де неблагопріятнѣе сказываются на бюджетѣ что характеръ ихъ совершенно случайный. Казенное заводское хозяйство крайне де дорого. Другое дѣло нѣмецкій заводчикъ! Ставъ главнымъ участникомъ предпріятія, онъ можетъ де поднять его. Можетъ. Но захочетъ ли, это другое дѣло. Въ послѣднее время Обуховскій заводъ сдѣлался въ Россіи значительнымъ конкуррентомъ собственнаго завода Круппа. Не затѣмъ ли онъ и стремится пріобрѣсти эти паи чтобы такъ или иначе избавиться отъ лишняго и во всякомъ случаѣ непріятнаго конкуррента? Достаточно указать хотя бы на одно то обстоятельство что издѣлія Обуховскаго завода до пріема подвергаются у насъ контрольной пробѣ, тогда какъ г. Круппъ не допускаетъ контроля при исполненіи заказовъ, прямо заявляя что „это не въ принципахъ завода.“ Конечно, возможно устранить прямое участіе Круппа въ пріобрѣтеніи Обуховскихъ паевъ, но это едва ли измѣнитъ положеніе дѣла если паи не перейдутъ въ руки казны. Они могутъ быть куплены какимъ-нибудь русскимъ агентомъ иностраннаго предпринимателя. Тѣ возраженія кои дѣлаютъ противъ покупки казной паевъ Обуховскаго завода сами по себѣ не имѣютъ серіознаго значенія. Казна, становясь крупнымъ пайщикомъ, еще не обязывается входить впредь въ какія бы то ни было лишнія затраты, да еслибъ обстоятельства и вынудили ее къ тому, то предъ этими сравнительно ничтожными затратами едва ли возможно останавливаться. Дѣло идетъ здѣсь о нашей самостоятельности въ изготовленіи средствъ обороны. Государство какъ Россія не можетъ постоянно пользоваться услугами

иностранцевъ и на этихъ услугахъ основывать свою оборону хотя бы даже отчасти. Теперь идетъ дѣло о заказѣ заводу Круппа снарядовъ большаго калибра назначенныхъ для пробиванія брони. Цѣны и условія предложенныя нѣмецкимъ заводчикомъ невыгодны; приходится довольствоваться заказомъ всего 10 снарядовъ на орудіе, а это число врядъ ли можетъ обезпечить нашу береговую оборону. Спрашивается, въ какомъ положеніи очутится эта оборона коль скоро будетъ невозможно подвозить снаряды въ военное время изъ-за границы? Если зависимость отъ иностранцевъ тяжела во всякой отрасли промышленности, то какъ же отзовется она на дѣлѣ обороны! Если мы и теперь еще не можемъ или не умѣемъ обходиться безъ заказовъ за границей, то что же будетъ когда нашъ крупнѣйшій заводъ, попавъ въ руки иностранцевъ, сократитъ или понизитъ свое производство? Будетъ ли возможно, и во что обойдется, поднять заводъ въ случаѣ крайней надобности? Почему „казенное хозяйство" на Обуховскомъ заводѣ обошлось бы для Россіи дороже хозяйничанья иностранца Круппа, заказы у котораго и теперь признаются невыгодными, хотя мы еще можемъ отказаться отъ нихъ? И не пора ли тѣ барыши которые наживаетъ отъ Россіи нѣмецкій заводъ Круппа предоставить русскимъ заводамъ? Не потому ли послѣдніе иногда и испытываютъ затрудненія въ своей дѣятельности что наиболѣе выгодныя дѣла достаются не имъ, а чужакамъ. Если при этихъ условіяхъ наши заводы, Обуховскій и Пермскій, могли стать высоко и отчасти конкуррировать съ заводомъ Круппа, то не служитъ ли это доказательствомъ что при незначительныхъ затратахъ мы могли бы обойтись безъ его услугъ? Достигнуть этой цѣли тѣмъ легче чѣмъ значительнѣе вліяніе казны на производство и порядки на нашихъ частныхъ заводахъ существующихъ казенными заказами. Пріобрѣтя треть паевъ Обуховскаго завода, казна сдѣлалась бы не собственникомъ и распорядителемъ завода, а лишь вліятельнымъ пайщикомъ, который могъ бы близко слѣдить за его дѣятельностью и направлять ее сообразно своимъ нуждамъ и выгодамъ, то-есть дѣлать какъ разъ то же самое что дѣлалъ бы и г. Круппъ пріобрѣтя тѣ же паи. Разница въ томъ что нужды и выгоды русской казны и г. Круппа не только различны, но во многомъ прямо противоположны. Это-то и имѣло въ виду морское вѣдомство ходатайствуя о пріобрѣтеніи паевъ г-жи Кудрявцевой. Было бы поэтому прискорбно еслибы предположенія Министерства не состоялись изъ опасенія будущихъ матеріальныхъ пособій заводу. Безъ этихъ пособій только въ другомъ видѣ, въ видѣ дорогихъ заказовъ, дѣло не обойдется и съ переходомъ паевъ въ руки Круппа. Но тогда и барыши достанутся не казнѣ, а тому же Круппу. Въ Германіи поступали и поступаютъ иначе. Заводъ Круппа своимъ теперешнимъ международнымъ значеніемъ обязанъ первоначальной помощи правительства, которому онъ можетъ служить теперь не однимъ уже изготовленіемъ военныхъ издѣлій, но и точнѣйшими детальными свѣдѣніями объ устройствѣ орудій и снарядовъ европейскихъ армій. Какую пользу помимо денежныхъ выгодъ извлекаетъ самъ г. Круппъ изъ иностранныхъ заказовъ, это наша артиллерія знаетъ можетъ-быть лучше другихъ. Во всякомъ случаѣ у Круппа имѣется, конечно, не мало вѣскихъ причинъ желать сдѣлаться пайщикомъ Обуховскаго завода и устранить отъ этого нашу казну.

№ 333.

Москва, 30-го ноября.

Вчера вечеромъ, вслѣдствіе извѣстнаго читателямъ заявленія 153 промышленныхъ и торговыхъ фирмъ, состоялось собраніе выборныхъ Московскаго биржеваго общества. Собраніе было многочисленное; присутствовало около ста, если не болѣе, выборныхъ. Прежде всего, въ виду заявленія по поводу котораго сошлись выборные, предстояло рѣшить вопросъ представляется ли необходимымъ, въ виду направленія принятаго обсужденіемъ вопроса о Закавказскомъ транзитѣ, прибѣгнуть къ надежнѣйшей защитѣ русскихъ интересовъ, къ Государю Императору. Вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно всѣмъ собраніемъ единогласно.

Почти одновременно была получена въ Москвѣ телеграмма, отъ 28 ноября, изъ самаго центра Средней Азіи, изъ Ташкента, извѣстившая что и тамъ „торговые люди озабочены опасеніемъ чтобы кавказ-

скій транзитъ не вытѣснилъ русскихъ товаровъ со средне-азіятскихъ рынковъ." Вообще заявленія противъ иностраннаго транзита и за его закрытіе не перестаютъ приходить съ разныхъ сторонъ, разъясняя вопросъ съ точекъ зрѣнія самыхъ разнообразныхъ интересовъ. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія напечатанное въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты заявленіе персидскаго подданнаго купца 1-й гильдіи мирзы Ашимова. Въ данномъ случаѣ къ его голосу интересно прислушаться; это не какой-нибудь дилеттантъ говорящій только по тому что чешется языкъ; для мирзы Ашимова русско-персидская торговля дѣло серіозное, чрезъ его руки проходитъ ежегодно на милліонъ русскихъ товаровъ въ Персію. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему знакомы съ разныхъ сторонъ условія торговли съ Персіей: прежде чѣмъ основать свою торговую дѣятельность въ Москвѣ, онъ два года велъ дѣла въ Марсели, а предъ тѣмъ два года въ Баку. Хорошо зная сущность дѣла, мирза Ашимовъ удивляется тому что въ Россіи встрѣчаются люди считающіе себя русскими гражданами, а между тѣмъ ратующіе за транзитъ иностранныхъ товаровъ чрезъ русскія владѣнія; но самъ высказывается по этому дѣлу, конечно, въ интересахъ не столько Россіи, сколько своего отечества, Персіи. „При первыхъ извѣстіяхъ о соединеніи желѣзною дорогой Тифлиса съ Баку и о допущеніи этимъ путемъ транзита, мы, ведущіе торговыя дѣла между Россіей и Персіей," говоритъ онъ, „стали обсуждать въ какомъ положеніи могутъ оказаться торговые обороты Россіи съ Персіей при допущеніи транзита, и пришли къ заключенію что если транзитъ будетъ допущенъ, то намъ придется торговыя дѣла съ Россіей покончить и перенести свою дѣятельность за границу, такъ какъ при допущеніи транзита русскіе товары будутъ вытѣснены съ персидскихъ рынковъ иностранными товарами, для которыхъ будетъ открытъ ближайшій и удобнѣйшій путь." Это было бы ущербомъ для Россіи, которая потеряла бы выгоды даваемые отпускомъ въ Персію товаровъ не на четыре милліона, какъ значится по невѣрнымъ офиціальнымъ таможеннымъ свѣдѣніямъ, а на восемь милліоновъ рублей; это было бы ущербомъ и для Персіи которая въ торговыхъ сношеніяхъ тяготѣетъ къ Россіи, ибо эти сношенія ея съ Россіей основываются на обоюдныхъ выгодахъ, чего нѣтъ въ торговыхъ сношеніяхъ Персіи съ другими государствами: русско-персидская торговля имѣетъ характеръ правильной мѣны товаровъ на товары; при увеличеніи русскаго сбыта въ Персію, растетъ и отпускъ персидскихъ товаровъ въ Россію, между тѣмъ какъ торговля Персіи съ другими государствами отличается односторонним характеромъ, и ростъ иностраннаго привоза не вознаграждается усиленіемъ персидскаго отпуска. Далѣе, Россія своею торговлей не вредитъ зачаткамъ самостоятельнаго экономическаго развитія въ Персіи, между тѣмъ какъ другія націи, напримѣръ Англичане, заваливая своими товарами доступные имъ рынки, убиваютъ всякую самостоятельную мѣстную дѣятельность. По отношенію къ вопросу о транзитѣ, интересы Россіи и Персіи оказываются такимъ образомъ солидарными: выгоды столько же Персіи какъ и Россіи требуютъ закрытія транзита чрезъ Закавказье. Разъяснивъ эту сторону дѣла, мирза Ашимовъ рядомъ убѣдительныхъ доводовъ опровергаетъ мнѣніе будто иностранные товары могутъ завалить персидскіе рынки и иными путями, помимо транзита чрезъ Закавказье: по всѣмъ инымъ путямъ перевозка товаровъ мало удобна, требуетъ много времени, сопряжена съ рискомъ и ложится на цѣны товаровъ тяжелымъ накладнымъ расходомъ. Эти неудобства, конечно, могли бы быть устранены постройкой желѣзныхъ дорогъ внѣ русскихъ предѣловъ: но нѣтъ никакихъ основаній опасаться чтобъ эти дороги были построены: ихъ постройка потребовала бы громадныхъ суммъ безо всякой надежды на возвратъ оныхъ, такъ какъ движеніе по такимъ дорогамъ не могло бы покрыть даже расходы по эксплуатаціи.

Мы остановились такъ подробно на разъясненіи транзитнаго вопроса съ точки зрѣнія персидскихъ интересовъ между прочимъ и въ виду того что защитники иностраннаго транзита, въ томъ числѣ руководители газеты *Кавказъ* (ошибочно или нѣтъ, публика считаетъ *Кавказъ* газетой офиціальною), настойчиво утверждаютъ что „вопросъ о транзитѣ европейскихъ товаровъ чрезъ Закавказье есть *вопросъ международный* *), въ которомъ заинтересованы: Россія вообще, Кавказъ въ частно-

*) Курсивъ въ газетѣ *Кавказъ* № 301.

сти, Персія и сосѣднія ей страны Средней Азіи и многія европейскія государства.“

Читая приведенныя сейчасъ строки, такъ и ждешь что вотъ-вотъ послѣдуетъ предложеніе передать этотъ „международный“ вопросъ на обсужденіе Европы если не въ Берлинѣ, то въ Лондонѣ. Утѣшительно думать что на этомъ международномъ ареопагѣ Россія не останется въ одиночествѣ, что требованія ея интересовъ будутъ на немъ поддержаны, если не „Кавказомъ въ частности,“ то хоть Персіей... Но вѣдь можетъ, пожалуй, случиться что только Персія и будетъ отстаивать русскіе интересы, со стороны же „Россіи вообще“ будетъ поддерживаться мнѣніе противоположное высказанному нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ въ 1869 и 1875 годахъ и находившимъ что послѣдствія транзита не соотвѣтствуютъ политическимъ видамъ Россіи. Вотъ политика которая рекомендуется намъ въ передовой статьѣ газеты *Кавказъ* (№ 301):

„Такъ какъ Россія въ настоящее время со всѣми сосѣдними народами находится въ мирѣ и дружественныхъ отношеніяхъ и задачи цивилизаціи состоятъ въ скрѣпленіи подобныхъ связей на будущее время, то оставленіе дальнѣйшаго существованія закавказскаго транзита, несмотря на постройку Закавказской желѣзной дороги, было бы всѣмъ свѣтомъ принято за актъ величайшей международной справедливости, скрѣпляющій новымъ узломъ взаимные интересы цивилизаціи между народами двухъ частей свѣта.

„Закавказская дорога есть первый участокъ естественнаго *международнаго пути изъ Европы въ Индію*. Неужели Москвичи увѣрены что Европа будетъ рада продолженію этого пути до Индостана если будетъ видѣть что на первомъ ея участкѣ будетъ поставленъ шлагбаумъ въ видѣ нашего таможеннаго досмотра?“

Стóитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, толковать о выгодахъ и невыгодахъ русской промышленности и торговли, вообще о русскихъ національныхъ интересахъ, когда рѣчь идетъ о томъ чтò скажетъ *Европа?*

Какъ бы опасаясь что такого рода пошлая трескотня фразъ можетъ все-таки смущать нашу интеллигенцію, авторъ одного изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ по поводу вопроса о Закавказскомъ транзитѣ, г. Г. М., пишетъ: „Дай Богъ чтобы громадныя жертвы понесенныя въ послѣдней войнѣ Россіей не были теперь увеличены новою, еще болѣе чувствительною жертвой, чтобы сдѣланныя въ угоду Европѣ на Берлинскомъ конгрессѣ и болѣзненно отозвавшіяся въ сердцахъ всѣхъ истинно Русскихъ людей уступки (возвращеніе Турціи Алашкертской долины, раздѣленіе Болгаріи на части и пр.) не были теперь довершены добровольною и болѣе тяжкою уступкой чѣмъ берлинскія.“ Впрочемъ, это высказалось лишь мимоходомъ, главный же интересъ письма г. Г. М. заключается въ разъясненіи вопроса, чтò выгоднѣе для „Кавказа въ частности,“ особенно для наиболѣе промышленнаго и вліятельнаго тамъ армянскаго элемента, закрытіе или разрѣшеніе иностраннаго транзита? Какъ въ Персіи иностранный транзитъ убиваетъ мѣстную самостоятельную экономическую дѣятельность, такъ еще въ большей мѣрѣ въ Закавказьѣ именно транзитъ служитъ препятствіемъ къ развитію мѣстной фабричной и заводской промышленности. Закрытіемъ транзита, напротивъ, создадутся выгодныя условія для развитія собственно Закавказской промышленности и торговли. Не этимъ ли отчасти объясняется тотъ фактъ что въ числѣ 153 фирмъ подписавшихъ извѣстное заявленіе поданное въ Московскій биржевой комитетъ значится не мало армянскихъ, конечно не изъ тѣхъ которыя занимаются контрабанднымъ водвореніемъ иностранныхъ товаровъ въ Закавказьѣ. Между прочимъ, закрытіе транзита открыло бы шансы для развитія за Кавказомъ сахарнаго производства. Объ этомъ предметѣ, во время недавней Московской Выставки, шла рѣчь на бывшемъ тогда Торгово-Промышленномъ Съѣздѣ, гдѣ читался докладъ г. Палюшкевича „о введеніи сахарной промышленности въ Закавказьѣ.“ Теперь, сколько извѣстно, лица задумавшія учредить сахарный заводъ за Кавказомъ хлопочутъ въ Петербургѣ о томъ чтобъ имъ были предоставлены исключительныя льготы какими не пользуется ни одинъ изъ сахаро-заводчиковъ въ Россіи. Въ случаѣ закрытія транзита, устранилась бы надобность хлопотать о подобныхъ неблаговидныхъ льготахъ: заводъ имѣлъ бы обезпеченный сбытъ своему сахару и на мѣстѣ въ Закавказьѣ, и на персидскихъ рынкахъ, съ возвратомъ, при вывозѣ туда, взимаемыхъ съ сахара акцизныхъ сборовъ.

Обращаемъ также вниманіе и на другое изъ помѣщаемыхъ ниже писемъ по вопро-

су о Закавказскомъ транзитѣ, присланное намъ изъ Иванова-Вознесенска. Сообщаемые въ немъ факты разъясняютъ причину почему нашъ торгово-промышленный міръ такъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросъ о Закавказскомъ транзитѣ и такъ встревоженъ толками о томъ что этотъ транзитъ можетъ быть разрѣшенъ.

Близость открытія Закавказской желѣзной дороги и одна возможность допущенія по ней иностраннаго транзита такъ рѣзко отозвались на торговлѣ Иванова-Вознесенска (и конечно не одного этого промышленнаго центра) съ Закавказьемъ что покупки туда русскихъ товаровъ сразу прекратились: вотъ уже нѣсколько времени какъ „не продано туда ни куска нашихъ ситцевъ," потому что покупатели выжидаютъ какъ разрѣшится вопросъ о транзитѣ. Это прекращеніе спроса вынудило сократить производство. Ситцевыя фабрики въ Івановѣ-Вознесенскѣ работаютъ значительно меньше чѣмъ минувшимъ лѣтомъ и прошлою зимой. Нѣкоторыя фабрики, пишетъ нашъ корреспондентъ, „совсѣмъ остановились, другія убавили рабочихъ дней въ недѣлѣ и сдѣлали 4 и 5 вмѣсто 6, или сократили рабочіе часы съ 12 на 10. Рабочіе же остаются безъ заработковъ, или добываютъ на 25—30% менѣе обыкновеннаго. Вслѣдствіе этого, развивается нищенство, заработная плата падаетъ." Нѣтъ надобности разъяснять какое значеніе имѣетъ это при нынѣшнемъ общемъ промышленномъ и земледѣльческомъ кризисѣ...

Это одна сторона медали, а вотъ другая. Нашъ корреспондентъ припоминаетъ какъ въ послѣднюю турецкую войну, прекратившую иностранный транзитъ, стали появляться въ Ивановѣ-Вознесенскѣ невиданные тамъ дотолѣ покупатели изъ Закавказья, забирали очень много и дѣлали большіе заказы, объясняя при этомъ что ранѣе они не пріѣзжали за покупками ни въ Иваново-Вознесенскъ, ни въ Москву, потому что торговали заграничными товарами. Торговля наша съ Закавказскими покупщиками, прибавляетъ нашъ корреспондентъ, „во время войны развилась до почтенныхъ размѣровъ, и многія фабрики, занявшись приготовленіемъ ситцевъ по ихъ рисункамъ, работали усиленнымъ ходомъ." Такое же усиленіе спроса и стало-быть такое же усиленіе производства было бы результатомъ закрытія иностраннаго транзита чрезъ Закавказье. Нужно ли прибавлять какъ отозвалось бы это на заработкахъ трудящагося люда и какимъ подспорьемъ было бы это въ тяжелое время кризиса, какъ облегчило бы это и для фабрикантовъ, и для ихъ рабочихъ, задачу пережить кризисъ по-добру по-здорову?

№ 334.

Москва, 1-го декабря.

Чѣмъ въ настоящее время особенно характеризуется состояніе Европы? Не Египетскимъ ли вопросомъ который такъ быстро рѣшенъ Англіей, не громомъ ли побѣдъ ея въ Африкѣ? Вѣрно по крайней мѣрѣ то что Англичане тщатся извлечь наибольшую славу изъ этой своей Египетской экспедиціи. Читая о торжествахъ которыми чествуются побѣдоносныя войска ея британскаго величества, можно подумать въ самомъ дѣлѣ что Англія вела войну. Бомбардированіе беззащитной Александріи чудищами Англійскаго флота... Прервемъ рѣчь: что если бы Россія отважилась на что-либо подобное? У насъ встрѣчаются мужи совѣта, которые пришли бы въ ужасъ,— не потому что это дѣло варварское: они напротивъ преклоняются предъ цивилизаціей Армстронговыхъ пушекъ,—въ ужасъ пришли бы они отъ того что Россія осмѣлилась бы совершить что-либо безъ позволенія Европы, хотя бы рѣшить вопросъ о Закавказскомъ транзитѣ... Итакъ, бомбардированіе Александріи да побѣда надъ бѣжавшими оборванцами Араби-паши подъ Тель-эль-Кебиромъ, вотъ тѣ подвиги которые вписываются золотыми буквами въ англійскую военную исторію. Мы вспоминаемъ нашу недавнюю серіозную войну: такъ ли мы славились ею какъ теперь Англичане своимъ военнымъ дивертисментомъ? Такъ ли благодарно чествовали мы нашихъ героевъ какъ теперь Англичане своихъ? Въ англійскія иллюстрированныя изданія нечего и заглядывать: тамъ только смотры, парады, представленія королевѣ, раздающей награды индійскимъ героямъ въ тюрбанахъ. А мы воспроизводили карикатуры нашихъ солдатъ изъ англійскихъ иллюстрацій; нашъ художникъ, владѣющій мастерскою кистью, не вынесъ изъ воспоминаній объ этой войнѣ, исполненной чудесъ самоотверженія, ничего кромѣ сценъ ужаса отъ которыхъ съ содраганіемъ отвер-

тывалась публика на европейскихъ выставкахъ...

Однако, ни Египетскою кампаніей, ни даже Мадагаскарскимъ вопросомъ возникшимъ было между Франціей и Англіей, опредѣляется нынѣшнее положеніе Европы. Господствующимъ фактомъ приходится признать очень не громкій и притомъ случайный фактъ. Это поѣздка русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ Н. К. Гирса, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Италію, гдѣ находится его больная дочь.

Германію и Берлинъ объѣхать было бы нельзя. При проѣздѣ ему оказано было императоромъ Вильгельмомъ особое вниманіе. На границу былъ высланъ нарочный чиновникъ встрѣтить и сопровождать его во время пути въ предѣлахъ Пруссіи. Ему отведенъ былъ особый вагонъ; на станціяхъ при остановкахъ для него отворялись императорскія комнаты гдѣ по распоряженію двора было сервировано для него все что приходилось по времени дня. Пріемъ оказанный ему императоромъ былъ самый радушный. Все это впрочемъ не возбудило бы никакихъ толковъ; но Н. К. Гирсъ заѣзжалъ и въ другую, какъ говорятъ берлинскіе острословы, столицу Пруссіи, въ помѣстье князя Бисмарка. Фарцинскій отшельникъ усердно приглашалъ его къ себѣ, и несмотря на нездоровье самъ выѣзжалъ на станцію, почти въ четырехъ миляхъ отъ Фарцина, встрѣтить гостя, которому отъ Данцига до Шлавы былъ предоставленъ въ распоряженіе для этой поѣздки экстренный поѣздъ. Нѣтъ сомнѣнія что между государственными людьми какъ министръ вѣдающій международныя дѣла Россіи и канцлеръ Германской имперіи всегда найдется о чемъ переговорить, особенно теперь, когда интересы Россіи въ Европѣ окончательно ввѣрены новому министру. Нерадостный случай вызвавшій поѣздку статсъ-секретаря Гирса оказался за то благопріятнымъ въ политическомъ отношеніи, такъ какъ именно благодаря этому случаю могло состояться личное, ничѣмъ не замѣнимое, объясненіе обоихъ руководящихъ государственныхъ людей. Между Россіей и Германіей было необходимо такое объясненіе, внѣ офиціальныхъ формъ, интимное, личное, — необходимо именно въ настоящее время, при началѣ новаго управленія иностранными дѣлами Россіи, послѣ многолѣтнихъ, безъ конца плодившихся, удивительныхъ недоразумѣній между двумя державами, которыя тѣсно связаны между собою и въ то же время, будто поссорившіеся любовники въ водевилѣ, капризно отвертывались другъ отъ друга, избѣгая всякихъ объясненій. Впрочемъ, говоря по справедливости, не германскаго канцлера должны мы винить въ бывшихъ недоразумѣніяхъ; не онъ отвертывался, не онъ избѣгалъ объясненій. Отъ копѣечной свѣчки, по поговоркѣ, загорѣлась Москва. Исторія быть-можетъ докажетъ въ послѣдствіи что на Берлинскомъ конгрессѣ и при другихъ дипломатическихъ актахъ, предшествовавшихъ нашей войнѣ и сопровождавшихъ ее, присутствовала тѣнь франко-польскаго публициста, г. Клячко, написавшаго въ 1864 году извѣстный памфлетъ *Les deux chanceliers*. Съ тѣхъ поръ Россія какъ будто ставила себѣ задачей доказывать что одинъ изъ двухъ канцлеровъ, вопреки ловко разсчитанной ироніи вышеупомянутаго публициста, не только не подчиняется другому, но умѣетъ во всемъ перечить ему, хотя бы во вредъ себѣ. Россія должна была, хотя бы съ пожертвованіемъ своихъ интересовъ, дать блистательное démenti публицисту который только этого и желалъ. Предъ великою войной, которую мы предпринимали, мы не хотѣли объясниться съ единственнымъ бывшимъ у насъ въ Европѣ союзникомъ; мы оставляли его въ невѣдѣніи относительно нашихъ видовъ, если мы только имѣли какіе-либо виды, въ сущности же сами оставались въ потемкахъ и отдавали дѣла свои на произволъ случая. Не задолго предъ тѣмъ оказавъ Германіи существенныя услуги, мы отвернулись отъ ней въ то время когда соглашеніе съ ней было намъ во всякомъ случаѣ не безполезно. Мы дѣлали все чтобы, въ досаду другому канцлеру, мѣшать и вредить самимъ себѣ.

Какъ бы то ни было, необходимо было очистить международныя отношенія Россіи ото всякихъ примѣсей, не имѣющихъ ничего общаго ни съ ея интересами, ни съ ея достоинствомъ; требовалось привести ихъ къ ясному, точному, трезвому выраженію. Позволительно надѣяться что свиданіе новаго русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ съ германскимъ канцлеромъ расчистило между обѣими державами почву для взаимнаго разумѣнія, столь желательнаго съ обѣихъ сторонъ. Для поддержанія исторически сложившихся отно-

шеній между Россіей и Германіей не требуется ни напряженій, ни усилій, ни какихъ-либо конвенцій на пять лѣтъ; требуется только здравый умъ и патріотизмъ правящихъ лицъ. Ни газетная болтовня для обмана публики, ни махинаціи злоумышленныхъ партій, не повредятъ связямъ соединяющимъ двѣ державы, которыхъ дѣйствительные интересы вездѣ граничатъ между собою, нигдѣ не пересѣкаясь.

Нашъ министръ находится теперь въ Римѣ, гдѣ, какъ слышно, пробудетъ до января. Вотъ еще пунктъ гдѣ случайное пребываніе русскаго министра можетъ существенно способствовать улаженію затруднительнаго вопроса, которымъ, вслѣдствіе недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія, успѣвали овладѣвать злонамѣренныя партіи. Мы не думаемъ, да это и не желательно, чтобы теперь же, сразу между нашимъ правительствомъ и Ватиканомъ состоялось какое-либо формальное соглашеніе по отношенію къ учрежденіямъ Римской церкви въ Россіи. Но можно надѣяться что и здѣсь, честнымъ, внушающимъ довѣріе словомъ будетъ подготовлена почва, на которой можетъ быть установленъ добрый для обѣихъ сторонъ modus vivendi.

№ 335.

Москва, 2-го декабря.

А.

Иностранная печать до сихъ поръ занята вопросомъ о томъ какое слѣдуетъ придавать значеніе свиданію русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ съ княземъ Бисмаркомъ. О чемъ шла бесѣда въ Фарцинскомъ уединеніи, этого конечно никто не знаетъ, но тѣмъ развязнѣе объ этомъ толкуютъ.

Праздные газетные толки не заслуживали бы никакого вниманія еслибы въ нихъ не замѣчалась нѣкоторая тенденція. . . . .

Толки начались по поводу сближенія Россіи съ Германіей; теперь же рѣчь идетъ преимущественно о союзѣ между Германіей и Австріей, о чемъ не было вопроса.

Въ маленькой еженедѣльной газетѣ *Grenzboten* отъ времени до времени появляются таинственныя политическія корреспонденціи изъ Берлина, коимъ нѣмецкая печать придаетъ значеніе въ виду личныхъ отношеній къ князю Бисмарку издателя оной, извѣстнаго доктора Буша, автора надѣлавшей въ свое время много шума книги *Bismarck und seine Leute*. Дней десять тому назадъ, вновь появилась въ *Grenzboten* отмѣченная знакомымъ шифромъ корреспонденція, въ которой объяснялось что ошибочно думаютъ будто заключенный въ 1879 году Австро-Германскій союзъ существуетъ только на словахъ; союзъ этотъ облеченъ де въ письменный актъ, и отношенія обѣихъ державъ между собою, равно какъ и къ другимъ державамъ, регулируются де на основаніи этого формальнаго трактата.

Спустя нѣсколько дней отозвался другой голосъ: берлинскій корреспондентъ издаваемой въ Вѣнѣ *Политической Корреспонденціи*. По словамъ этого корреспондента, слѣдуетъ признать что газета *Grenzboten* была уполномочена на свое сообщеніе, такъ какъ оно не было до сихъ поръ опровергнуто правительственными органами. Можно было бы возразить *Политической Корреспонденціи* что правительство оставляло безъ возраженія и ту версію которая была въ ходу до сихъ поръ, именно ту что соглашеніе состоявшееся въ Вѣнѣ въ 1879 году не было облечено въ формальный актъ. Но корреспондентъ вѣнскаго офиціознаго листка почему-то придаетъ доказательное значеніе офиціальному „молчанію“ только теперь, въ виду сообщенія *Grenzboten*. „Важность этого вывода,“ замѣчаетъ далѣе корреспондентъ, „не можетъ не быть признана. Но, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, возникаетъ вопросъ почему именно настоящая минута избрана для того чтобъ огласить упомянутый фактъ? Другаго толкованія не можетъ быть какъ только то что понадобилось именно теперь довести до свѣдѣнія Европы что дружба между Австріей и Германіей простирается до такой общности интересовъ и до такой степени формально гарантирована что никакая третья держава не можетъ вступить къ какой-либо изъ союзныхъ державъ въ отношеніе коего интимность и прочность равнялись бы связи этихъ державъ между собой.“

Однако почему же именно теперь понадобилось сдѣлать такое сообщеніе Европѣ? Офиціозный берлинскій корреспондентъ оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта. За него отвѣчаютъ другіе органы австро-германской печати, свободно фантазирую-

щіе на офиціозную тему; но берлинская *Національная Газета* проговорилась замѣтивъ что заключительныя слова приведенной выше выписки изъ *Политической Корреспонденціи* суть отвѣтъ на вопросъ, а если данъ отвѣтъ, то значитъ вопросъ былъ поставленъ, и берлинская газета довольно ясно намекаетъ что вопросъ этотъ былъ поставленъ Австріей...

Такимъ образомъ, несмотря на письменно оформленное соглашеніе, смыслъ его не настолько ясенъ для одной изъ участвовавшихъ въ немъ сторонъ чтобъ исключить всякое сомнѣніе.

Но и этого мало. Между австрійскими газетами, и притомъ такими которыя могутъ похвалиться также интимными отношеніями къ своему правительству, продолжаютъ и теперь утверждать что австрогерманское соглашеніе осталось соглашеніемъ на словахъ, и рѣшительно отрицаютъ существованіе обоюдно-подписаннаго и формальнаго трактата. *Пештскій Ллойдъ*, служащій органомъ Венгерскому министерству, замѣчаетъ что отношенія между Германіей и Австріей, установленныя въ 1879 году, не такого рода чтобъ ихъ можно было „исчерпать въ точно опредѣленныхъ рамахъ письменнаго трактата.“ Можно допустить только что въ теченіе трехъ лѣтъ, прошедшихъ со времени соглашенія, оно выразилось и въ какихъ-нибудь письменныхъ актахъ, и что руководящіе государственные люди, согласившись при личныхъ переговорахъ объ основаніяхъ установленнаго между обѣими державами отношенія, изложили эти основанія въ промеморіи. Но этимъ де и ограничивается вся формальная сторона дѣла.

Телеграфъ вчера сообщилъ намъ что въ *Кельнской Газетѣ*, наконецъ, положительно утверждается что знаменитый союзъ между Германіей и Австріей есть конвенція заключенная срокомъ на пять лѣтъ (теперь стало-быть имѣющая силу только на два года).

Всѣ эти толки и взаимныя пререканія сами по себѣ не имѣютъ значенія. Вопросъ о томъ былъ или не былъ облеченъ въ письменную форму союзъ между Германіей и Австріей остается и теперь открытымъ. Да и едва ли вопросъ этотъ такъ важенъ, какъ думаютъ, или дѣлаютъ видъ что думаютъ, разные таинственные корреспонденты. Письменные договоры, какъ и словесные уговоры между государствами, заключенные въ предусмотрѣніи будущихъ комбинацій, имѣютъ значеніе пока не пришли въ разладъ съ дѣйствительностью.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о союзѣ письменномъ или не письменномъ Германіи съ Австро-Венгріей, который такъ хлопотливо выставляется на видъ печатью этихъ странъ, не имѣетъ для Россіи никакого значенія. Россія, сколько мы понимаемъ ея интересы, отнюдь не нуждается быть третьимъ въ этомъ союзѣ и можетъ предоставить Австро-Венгріи, при ея двойствѣ, быть въ немъ и вторымъ и третьимъ. Еслибъ этотъ пресловутый союзъ оказался направленнымъ противъ Россіи, то какъ могла бы она быть въ немъ третьимъ? Если же это сдѣлка ни въ чемъ не касается ея существенныхъ интересовъ, то какая была бы Россіи надобность участвовать въ ней? Лишь бы только Россія хорошо знала „чего она хочетъ“ (а иногда случалось слышать ей отъ своихъ союзниковъ упреки что она сама не знаетъ „чего хочетъ“), и тогда отношенія ея къ друзьямъ и противникамъ во всемъ установятся правильнымъ образомъ. Лишь бы дѣла и честь Россіи оставались въ твердыхъ и трезвыхъ, покорныхъ долгу, рукахъ, вотъ все что теперь требуется въ интересахъ Россіи. Да избавитъ насъ Богъ и на будущее время отъ легкомыслія и пустозвонства въ политикѣ какъ и во всемъ. Національная политика состоитъ не въ томъ чтобы хвастаться ею ничего въ ней не смысля и компрометтируя ее, а прежде всего въ здравомысліи и честномъ пониманіи своихъ обязанностей предъ страною.

Б.

Въ числѣ недоброжелателей Россіи, какъ извѣстно, первое мѣсто занимаютъ офиціозныя газеты Австро-Венгріи. Что бы въ Россіи ни случилось, вѣнскіе и пештскіе политики считаютъ своею обязанностію выставить фактъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и кстати указать что Россія находится на краю гибели, такъ какъ де революціонное движеніе усиливается и правительство не можетъ де съ нимъ справиться. Вѣнскія газеты въ послѣднее время осмѣлились даже утверждать что офиціальныя заявленія Россіи о ея миролюбивой политикѣ теряютъ всякое значеніе, потому что Русское правительство съ каждымъ днемъ будто бы все теряетъ почву подъ ногами,

и что скоро де на сцену появятся новые факторы отъ коихъ и будетъ зависѣть иностранная политика Русской Имперіи...

Австро-венгерская печать старается подбирать факты будто бы указывающіе на разложеніе русскаго государственнаго строя, но обходитъ молчаніемъ свои домашнія непріятности доказывающія что основы государственнаго строя въ Австро-Венгріи болѣе чѣмъ шатки, и употребляетъ всѣ усилія чтобъ убѣдить свою публику будто революціонное движеніе проникло во всѣ слои Русскаго народа, что не только интеллигенція, но и масса готова дѣйствовать и т. п. И всѣ эти выводы основываются на студенческихъ безпорядкахъ, которымъ придается глубокій политическій смыслъ. Представляя Россію въ стадіи разложенія, австрійскіе журналисты, усердно поддерживаемые нѣкоторыми изъ нашихъ польско-либеральныхъ газетчиковъ, въ то же время выставляютъ на видъ мощь и вліяніе Австріи, которая осчастливила свои населенія спасительнымъ конституціоннымъ режимомъ или, какъ выражаются наши либералы, „правовымъ порядкомъ.“

Тенденціозная ложь нашихъ вѣнскихъ и пештскихъ друзей можетъ ввести въ заблужденіе только того кто не знаетъ ни Россіи, ни многоязычной Австро-Венгріи. Это что̀ называется сваливать съ больной головы на здоровую. Шатается основанный на эквилибристикѣ государственный строй Австро-Венгріи, а не Русское самодержавіе освященное исторіей и покоящееся на безусловномъ довѣріи стамилліоннаго народа.

Австрійское правительство вынуждено вести куріозную политику: то одна, то другая изъ народностей по временамъ награждается разными привилегіями, которыя при перемѣнѣ обстоятельствъ упраздняются или парализуются мѣрами въ пользу другой національности. Въ Австріи нѣтъ, да и не можетъ быть послѣдовательной *національной* политики; тамъ ведется политика „отъ случая до случая“ (von Fall zu Fall). Гдѣ нѣтъ національной политики, тамъ не можетъ быть и патріотизма. При своемъ радикально потрясенномъ финансовомъ положеніи, при страшной тяжести налоговъ, правительство лишено могущественной опоры въ патріотизмѣ народа, и государство чувствуется населеніями только какъ обуза. Недовольство населеній въ Австро-Венгріи обнаруживалось въ послѣднее время неоднократно и притомъ въ широкихъ размѣрахъ. Оставляя въ сторонѣ массу процессовъ противъ соціалистовъ, имѣющихъ однако приверженцевъ въ народныхъ массахъ, нельзя не обратить вниманіе на слѣдовавшіе одинъ за другимъ безпорядки и кровавыя расправы по всей Австро-Венгріи. Не успѣли стихнуть антисемитскіе безпорядки въ Восточной Венгріи, сопровождавшіеся убійствами и грабежомъ, какъ безо всякой осязательной причины начались побоища въ Вѣнѣ державшія городъ въ страхѣ въ продолженіе цѣлыхъ пяти сутокъ; безпорядки удалось прекратить лишь при помощи значительнаго числа войскъ употребившихъ въ дѣло оружіе. Нѣсколько дней спустя, въ разныхъ комитатахъ Венгріи возобновились безпорядки продолжающіеся и по настоящее время и прекращаемые также только при помощи военной силы; кровь лилась и въ Далматіи по поводу выбора членовъ городскихъ думъ... Взятые отдѣльно факты сами по себѣ не имѣли бы быть-можетъ особеннаго значенія, но они служатъ доказательствомъ народнаго шатанія. Мы не говоримъ о подземныхъ дѣйствіяхъ общества *Italia Irredenta* и покушеніи на жизнь императора Франца-Іосифа, отмѣтимъ только весьма характерный фактъ что въ продолженіи одного года въ Венгріи было *четыре* случая убіенія и покушенія на убійство сборщиковъ податей, причемъ злодѣянія совершались при поддержкѣ населеній.

Вѣнскіе политики поступятъ благоразумно если, оставивъ чужія дѣла, займутся своими.

№ 336.

Москва, 3-го декабря.

На дняхъ мы коснулись дѣла о заказѣ нѣмецкому заводчику Круппу снарядовъ большаго калибра назначенныхъ для пробиванія брони. Дѣло это теперь въ полномъ ходу и, если вѣрить слухамъ, склоняется въ пользу иностранца даже несмотря на то что и цѣны, и условія предложенныя имъ не выгодны, что приходится довольствоваться заказомъ всего десяти снарядовъ на орудіе, что̀ не могло бы обезпечить нашу береговую оборону. Мало того, снаряды эти приходится принимать

зажмуря глаза, на вѣру, такъ какъ де „не въ принципахъ завода“ подвергаться контрольнымъ испытаніямъ. Но за то должно быть рѣшительно въ принципахъ требовать отъ Россіи платежа ранѣе исполненія заказа. Круппъ желаетъ получить треть спрошенной имъ цѣны при самомъ заказѣ, треть когда сообщитъ что снаряды готовы, и треть по доставкѣ ихъ въ Россію. Всѣ удобства и барышъ на сторонѣ иностраннаго заводчика, который, помимо денежныхъ выгодъ, умѣетъ извлекать изъ нашихъ заказовъ и другую пользу. „Какую, замѣтили мы, это наша артиллерія знаетъ...“ Напомнимъ теперь нѣсколько фактовъ не лишенныхъ назидательности. Беремъ книжку *Военнаго Сборника* за 1870 годъ (№ 12). Вотъ что сказано тамъ въ статьѣ *Скорострѣльныя пушки нашей артиллеріи*: „У насъ называютъ пушками Круппа тѣ стальныя, нарѣзныя, береговыя орудія, которыя заводъ сталъ приготовлять въ послѣднее время *по чертежамъ русскаго артиллериста, составленнымъ на основаніи теоретическихъ изысканій также русскаго артиллериста*... Круппъ признаетъ, да и не можетъ не признавать что онъ *вполнѣ* обязанъ нашимъ артиллеристамъ стойкостью приготовляемыхъ имъ береговыхъ орудій, но это не мѣшаетъ пушкамъ изготовляемымъ по нашимъ чертежамъ для Пруссіи, Бельгіи и другихъ государствъ называться Крупповскими.“ Артиллеристы о которыхъ здѣсь упоминается и теперь состоятъ на службѣ, занимая, такъ же какъ и авторъ цитованной статьи, высокое положеніе въ нашей артиллеріи. Не странно ли же послѣ такого урока обращаться къ услугамъ Круппа имѣя возможность употребить наши денежныя и техническія силы на развитіе своихъ заводовъ? Урокъ въ томъ же смыслѣ данъ былъ нашей артиллеріи, впрочемъ, не однимъ Круппомъ. То же самое продѣлали съ нами и Готлингъ, и Берданъ. Скорострѣльныя пушки слывущія подъ именемъ *Готлинговскихъ* суть на самомъ дѣлѣ *русскія* выработанныя трудами гг. Горлова и Гуніуса (*Воен. Сб.* 1870 года, № 12). Между тѣмъ, на эти *русскія* пушки Готлингъ взялъ въ свое время заказъ въ Англіи, Турціи, Египтѣ. Неужели всего этого недостаточно для того чтобы сознать ту простую истину что мы должны быть совершенно самостоятельны въ изготовленіи средствъ обороны, и что государство какъ Россія не можетъ постоянно пользоваться услугами иностранцевъ для своей обороны. При всѣхъ иностранныхъ заказахъ у насъ постоянно ссылаются разомъ на три причины: на несовершенство нашихъ издѣлій, на дороговизну ихъ и на недостатокъ времени. Но техническое совершенство есть дѣло опытности и навыка; чѣмъ менѣе будемъ мы давать дѣла своимъ заводамъ тѣмъ хуже они будутъ работать. Заводъ Круппа поднялся на свою теперешнюю высоту именно благодаря обилію и разнообразію заказовъ. Если издѣлія нашихъ заводовъ относительно дороже, то причина этому главнымъ образомъ недостаточно широкое развитіе производства, а этому причиною именно наша непонятная страсть къ заграничнымъ заказамъ. Въ разгаръ минувшей войны мы торопливо заказали тому же Круппу массу дальнобойныхъ пушекъ для полевой артиллеріи. Ждать было дѣйствительно нельзя, силъ нашихъ заводовъ для исполненія заказа въ требуемый срокъ не доставало; но передъ войной у насъ были годы когда имѣлась возможность сдѣлать дѣло исподоволь. Скажутъ что наши заводы работаютъ медленнѣе, долѣе приспособляются къ производству даннаго издѣлія нежели заграничные; но и это обусловливается все тою же причиной. Пока эта причина не устранится, пока мы не будемъ давать нашимъ заводамъ работу, дѣло не перемѣнится. Впрочемъ, лица компетентныя находятъ что работы нашихъ заводовъ мало отличаются отъ иностранныхъ. Про Обуховскій, напримѣръ, заводъ знатоки утверждаютъ что его снаряды могутъ быть не хуже иностранныхъ. Въ № 320 *Петербургскихъ Вѣдомостей* помѣщена за подписью *Русскій техникъ* коротенькая замѣтка, принадлежащая перу лица близко знакомаго съ дѣломъ. Вотъ, между прочимъ, что читаемъ мы въ этой замѣткѣ: „Небольшимъ заказомъ стальныхъ снарядовъ заводу Круппа средства нашей обороны не будутъ усилены значительно.“ Стало-быть торопиться съ иностраннымъ заказомъ нѣтъ основанія... Средства ассигнуемыя на этотъ заказъ выданныя Обуховскому заводу дали бы ему возможность добиться изготовленія стальныхъ снарядовъ пригодныхъ къ дѣлу. Подобныя же попытки могутъ быть сдѣланы на Пермскомъ стале-литейномъ заводѣ. *Русскій техникъ* признаетъ что мы

могли бы стать независимыми отъ завода Круппа, и въ заключеніе прямо говоритъ что къ этому „должны быть направлены всѣ усилія лицъ которымъ ввѣрена оборона государства.“ Было бы жаль еслибы голосъ русскаго спеціалиста и на этотъ разъ остался безъ послѣдствій, ради неумѣстной въ важномъ дѣлѣ торопливости или изъ экономіи огарковъ. Поскупившись на ничтожную сумму теперь, мы рискуемъ переплатить вдесятеро когда обстоятельства заставятъ насъ въ попыхахъ обратиться съ заказами къ своимъ заводамъ. Но тогда возникнетъ и еще невыгодное условіе—дѣло будетъ вновѣ, издѣлія будутъ вырабатываться, какъ всегда бываетъ въ началѣ, болѣе низкаго качества, а между тѣмъ придется волей или неволей принимать ихъ. Государство не частный закащикъ: оно не можетъ гоняться за сегодняшнимъ барышомъ; оно должно заглядывать впередъ, и какъ хорошій хозяинъ, искать выгодъ въ прочной постановкѣ у себя извѣстной отрасли промышленности. Помимо крупныхъ артиллерійскихъ заказовъ, возьмемъ хотя бы фабрикацію холоднаго оружія. У насъ есть прекрасная Златоустовская оружейная фабрика, но клинки сабель новаго образца ею изготовляемые находятъ сравнительно небольшой сбытъ, и производство не можетъ принять болѣе широкіе размѣры только потому что низкая пошлина даетъ ходъ заграничнымъ *солингенскимъ* клинкамъ изготовляемымъ по нашему же чертежу. Этими клинками завалены магазины, несмотря на высокое достоинство златоустовскаго клинка. Онъ дороже, но не отъ того ли что мы не даемъ фабрикѣ стать твердо на ноги и развить ея производство?

№ 337.

Москва, 4-го декабря.

Французская республиканская печать высказываетъ теперь свое горькое разочарованіе по случаю тяжкаго политическаго пораженія понесеннаго Франціей въ Египетскомъ дѣлѣ благодаря тому что худшая изъ диктатуръ, диктатура парламентскаго большинства, связала правительство по рукамъ въ то время когда была возможность не только укрѣпить свое вліяніе на берегахъ Нила, но и раздѣлить съ Англіей лавры ея дешеваго успѣха. Поневолѣ приходится теперь довольствоваться сладкими увѣреніями изъ Лондона объ „искреннемъ желаніи Англійскаго кабинета сохранить сердечныя отношенія между обѣими державами“ и принимать какъ нѣчто серіозное тѣ предложенія коими Англія будто бы желаетъ вознаградить Францію за потерянныя ею права совладѣнія въ Египтѣ. Condominium, формально установленный въ 1879 году соглашеніемъ объ англо-французскомъ контролѣ надъ Египтомъ, отмѣняется, и Франціи въ вознагражденіе предлагаютъ предсѣдательство въ учреждаемой коммиссіи для регулированія египетскаго государственнаго долга. Предложеніе это, какъ сообщаетъ газета *Temps*, передано въ офиціальной нотѣ Французскому правительству. Одно то что Англія предлагаетъ Франціи вознагражденіе за ея право доказываетъ что право это считается утраченнымъ, и если кабинетъ г. Дюклера вступитъ въ переговоры на этой почвѣ, то тѣмъ самымъ признаетъ совершившійся фактъ упраздненія прежняго порядка. Вотъ почему г. Дюклеръ медлитъ отвѣтомъ, стараясь прежде всего добиться отъ Англіи опредѣленныхъ указаній на тотъ порядокъ управленія который она намѣрена ввести въ Египтѣ. Но само собою разумѣется что Англійское правительство и не подумаетъ сдѣлать для Франціи исключеніе и не раскроетъ предъ нею своихъ будущихъ плановъ, которымъ впрочемъ Франція не можетъ помѣшать. Былъ правда пущенъ на дняхъ слухъ будто Франціи удалось стать поперекъ дороги на пути въ Индію. Слухъ этотъ заключался въ томъ будто бы султанъ разрѣшилъ Франціи учредить колонію и морскую станцію у Таджурской бухты въ Аденскомъ заливѣ. Но этотъ константинопольскій слухъ утѣшилъ весьма не многихъ въ Парижѣ. Благоразумные люди поняли что теперь Англію этимъ не запугаешь. Султанъ конечно не прочь былъ бы такимъ подаркомъ Франціи, который ему ничего не стóитъ, отомстить Англіи за ея „вѣроломство“ въ Египетскомъ дѣлѣ. Но не такъ легко было бы для Франціи принять этотъ подарокъ какъ для султана его сдѣлать, и она едва ли рѣшится бросить Англіи вызовъ захватомъ стоянки въ Красномъ Морѣ.

Ничего другаго поэтому не остается какъ предаваться меланхолическимъ разсужденіямъ о послѣдствіяхъ парламентской безу-

рядицы. „Египетское пораженіе," замѣчаетъ газета *Temps*, „долго будетъ памятно Французамъ и должно послужить имъ урокомъ на будущее время. Французская демократія должна убѣдиться наконецъ что она не можетъ обойтись безъ иностранной политики, и что въ иностранной политикѣ нельзя руководиться узенькими разчетами и парламентскими капризами."

Но пригодится ли теперь этотъ урокъ? Потерявъ возможность отстоять интересы Франціи когда на то было время, кабинетъ г. Дюклера едва ли и теперь въ состояніи на что-нибудь рѣшиться. Франція останется безсильною въ иностранной политикѣ пока ея правительство будетъ лишь орудіемъ парламентской клики; и министерство Дюклера нисколько не лучше поставлено въ этомъ отношеніи чѣмъ министерство Фрейсине. „Оно," по замѣчанію парижскаго корреспондента *Times*, „поставлено лицомъ къ лицу съ общественнымъ мнѣніемъ вполнѣ невѣжественнымъ въ дѣлахъ иностранной политики, намѣренно сбиваемымъ съ толку людьми для коихъ личный интересъ важнѣе истины и интересовъ страны."

Корреспондентъ *Times* совѣтуетъ Англійскому правительству быть снисходительнѣе къ г. Дюклеру и войти въ его положеніе, такъ какъ будетъ гораздо труднѣе поладить съ Франціей если теперешнее министерство будетъ замѣнено приверженцами г. Гамбетты. Корреспондентъ обращаетъ вниманіе на появившуюся на дняхъ во французскомъ журналѣ *Revue Politique* статью г. Жозефа Рейнаха объ Египетскомъ вопросѣ, такъ какъ всѣмъ извѣстно что г. Рейнахъ принадлежитъ къ интимному кружку г. Гамбетты и что въ печати онъ высказываетъ идеи своего патрона. Г. Рейнахъ старается доказать что Франція не должна идти ни на какія сдѣлки съ Англіей, которыя заключали бы въ себѣ косвенное или прямое отреченіе отъ принадлежавшихъ ей правъ. „Но," замѣчаетъ корреспондентъ англійской газеты, „англо-французскій контроль въ Египтѣ фактически уже не существуетъ: онъ пересталъ существовать съ того момента какъ возстаніе Араби-паши опрокинуло все вверхъ дномъ въ Египтѣ. Еслибъ Англія послѣдовала тогда примѣру Франціи и удержалась отъ вмѣшательства, въ настоящее время не было бы ни контроля, ни свободы Суэзскаго канала, ни самого Египта какъ государства извѣстнымъ образомъ устроеннаго."

Что̀ можно возразить противъ такихъ указаній на совершившіеся факты?

Г. Рейнахъ ссылается еще на мнѣніе г. Гладстона, высказанное имъ въ 1877 году въ *Nineteenth Century*. Въ то время г. Гладстонъ полагалъ что Англія должна предоставить Франціи широкій просторъ въ ея стремленіяхъ укрѣпить свое политическое вліяніе на берегахъ Нила. Но корреспондентъ англійской газеты отнюдь не смущается этимъ указаніемъ и прямо говоритъ что одно дѣло быть въ оппозиціи, а другое стоять у власти. Можно де пожалѣть о томъ что г. Гладстонъ былъ такъ мало сдержанъ и такъ открыто высказывался въ 1877 году, но во всякомъ случаѣ, будучи у власти, г. Гладстонъ отнюдь не связанъ тѣми мнѣніями которыя онъ высказывалъ за себя лично когда находился въ оппозиціи. Не эти прежде высказанныя мнѣнія теперешняго англійскаго премьера должна, по мнѣнію корреспондента, имѣть въ виду Франція, а то что союзъ съ Англіей есть единственный, на который Франція можетъ разчитывать, и что только Англія можетъ извлечь ее изъ того изолированнаго положенія въ коемъ она теперь находится, тогда какъ Англіи напротивъ предстоитъ свобода выбора, и если Франція не приметъ ея дружбы, то каждая изъ прочихъ великихъ державъ охотно де пойдетъ на соглашеніе съ Англіей.

Не знаемъ на чемъ основана такая твердая увѣренность англійскаго корреспондента который убѣжденъ даже въ томъ что̀ „всѣ европейскія державы въ восторгѣ отъ англійскаго господства надъ Египтомъ и въ случаѣ надобности сами всячески постарались бы чтобъ Англія осталась въ томъ положеніи которое она теперь занимаетъ."

Офиціозный органъ князя Бисмарка, *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, по поводу той же статьи г. Рейнаха, находитъ соглашеніе между Франціей и Англіей желательнымъ въ интересахъ сохраненія европейскаго мира; но въ то же время предостерегаетъ Францію отъ союза съ Англіей „съ активными цѣлями," такъ какъ къ этому союзу пожелала бы присоединиться и Россія, и въ этомъ случаѣ содѣйствіе Европы едва ли могло бы считаться обезпеченнымъ.

Что̀ именно заставляетъ берлинскую газету питать и высказывать подобныя опасенія, это не всѣмъ вразумительно, тѣмъ

болѣе что г. Рейнахъ высказывается противъ соглашенія съ Англіей, а на активные союзы съ кѣмъ бы то ни было едва ли кто считаетъ Францію способною въ ея нынѣшнемъ положеніи.

№ 340.

Москва, 7-го декабря.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ мы прочли извѣстіе что въ законодательныхъ сферахъ проектировано частное измѣненіе нашихъ уголовныхъ законовъ о различныхъ видахъ похищенія и растраты казенныхъ и общественныхъ денегъ. По поводу дѣла Мельницкаго мы имѣли случай указать на поразительное несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ За похищеніе трехсотъ слишкомъ тысячъ рублей казенныхъ денегъ и еще за нѣсколько преступленій того же рода на меньшія суммы, Мельницкій приговоренъ къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію. Подобно многимъ своимъ предшественникамъ по части крупнаго хищенія, Мельницкій имѣетъ полную возможность устроить свою жизнь въ мѣстѣ переселенія со всѣмъ комфортомъ какой можетъ доставить богатство столь преступно имъ добытое. Можно-ли сказать что преступленіе наказано; и нѣтъ ли повода опасаться что *такое* возмездіе можетъ послужить лишь поощреніемъ для другихъ.

Очевидно поэтому что зло требуетъ немедленнаго противодѣйствія и что было бы крайне рискованно остаться при безсиліи нашего карательнаго закона въ виду того что предпринята общая переработка уголовнаго кодекса. Составленіе новаго уложенія о наказаніяхъ есть дѣло сложное и не мало времени пройдетъ пока новый кодексъ совершитъ весь процессъ законодательной разработки и утвержденія. До сихъ поръ изготовленъ лишь проектъ общей части будущаго уложенія, который по слухамъ поступитъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта еще въ нынѣшнюю сессію гдѣ, не дожидаясь проекта особенной части, будутъ перечислены отдѣльные виды преступленій и соотвѣтствующихъ наказаній. Одно это раздробленіе законодательной работы доказываетъ что нельзя ожидать полнаго окончанія ея въ ближайшемъ будущемъ, а судя по тому что на разработку общей части потребовался цѣлый годъ, можно съ увѣренностью сказать что изданіе новаго уголовнаго кодекса никакъ не послѣдуетъ ранѣе 1885 года. Да едва ли и желательно чтобы предпринятыя законодательныя работы по составленію уголовнаго и гражданскаго кодекса совершались торопливо подъ вліяніемъ потребностей минуты. Монументальный трудъ, благополучное окончаніе котораго будетъ славою нынѣшняго царствованія, да совершится со всею осмотрительностью столь необходимою при всякой реформѣ! Частное же измѣненіе, на которое текущая жизнь заявляетъ настойчивое требованіе, можетъ быть совершено немедленно: когда вредъ обнаруженъ, пресѣченіе зла не можетъ откладываться въ ожиданіи полной и окончательной реформы.

Наказаніе за хищеніе и растрату казенныхъ и общественныхъ денегъ предположено, согласно сказанному выше сообщенію, измѣнить оставаясь въ предѣлахъ теперь дѣйствующаго Уложенія о Наказаніяхъ. Это будетъ измѣненіе временное. Но если хищеніе общественныхъ и казенныхъ денегъ перестанетъ быть фактически безнаказаннымъ преступленіемъ, то цѣль предпринятаго измѣненія будетъ достигнута.

Мы уже говорили въ чемъ заключается несоотвѣтствіе стараго закона о растратѣ казеннаго имущества съ печальными явленіями современной дѣйствительности. Старый законъ (ст. 354 Улож. о Нак.) полагалъ всю тяжесть вины по преступленіямъ о коихъ идетъ рѣчь не столько въ корысти, сколько въ нарушеніи служебнаго долга и въ нарушеніи довѣрія оказаннаго служащему, у котораго имѣются на рукахъ казенныя деньги. По отношенію къ служащимъ, законъ этотъ не установлялъ никакого различія въ наказанія смотря по суммѣ похищеннаго. За пользованіе, присвоеніе и растрату ввѣреннаго имущества, чиновникъ подвергался, по приведенной статьѣ, наказанію въ слѣдующей постепенности: если самовольно взятое, присвоенное или растраченное пополнено прежде открытія злоупотребленія, то виновный подвергался лишь денежному взысканію не свыше цѣны присвоеннаго и отрѣшенію отъ должности. Если присвоенное пополнено послѣ обнаруженія злоупотребленія, виновнаго постигаетъ, сверхъ денежнаго взысканія, исключеніе изъ службы. Если же присвоенное не пополнено и послѣ обна-

руженія преступленія, то виновному полагается какъ высшая мѣра наказанія лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и пожизненная ссылка на житье въ Томскую или Тобольскую губернію, съ воспрещеніемъ выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, а для лицъ непривилегированныхъ сословій отдача въ арестантскія роты на время отъ полутора года до $2^1/_2$ лѣтъ. По этой статьѣ преданы суду и осуждены всѣ крупные хищники послѣдняго времени, въ томъ числѣ и Мельницкій. Мы полагаемъ что обвиненіе въ этихъ случаяхъ не было поставлено правильно, ибо при нѣсколько меньшемъ формализмѣ и приверженности къ буквѣ найдется и въ дѣйствующемъ нынѣ Уложеніи статья болѣе подходящая къ хищеніямъ новѣйшаго типа. Статья 354 трактуетъ о присвоеніи и растратѣ, которыя не сопровождались никакими особыми дѣйствіями клонящимися къ подготовленію преступленія или къ сокрытію присвоеннаго; словомъ, тутъ рѣчь идетъ о *присвоеніи*, но не о *похищеніи* въ тѣсномъ смыслѣ. Правда въ дѣйствующемъ нынѣ Уложеніи есть въ этомъ отношеніи пробѣлъ, такъ какъ оно не упоминаетъ специально объ утайкѣ казенныхъ денегъ сопровождаемой особыми приготовленіями. Но за то въ Уложеніи имѣется особая рубрика (Глава IV Раздѣла V) „о подлогахъ по службѣ.“ Въ этой главѣ нѣтъ, правда, рѣчи о корыстныхъ преступленіяхъ въ особенности; но за то понятіе *подлога* взято въ весьма широкомъ смыслѣ, и не можетъ быть сомнѣнія что подъ это понятіе вполнѣ подходили и тѣ дѣйствія коими хищники въ родѣ Мельницкаго подготовляютъ себѣ возможность самаго похищенія и сокрытія похищеннаго. Такъ статья 362 караетъ, какъ за подлогъ по службѣ, между прочимъ слѣдующія дѣйствія: „кто при отправленіи своей должности... приведетъ вымышленное свидѣтельское показаніе... или вполнѣ или частью скроетъ истину въ докладахъ, рапортахъ и прочихъ какихъ-либо официальныхъ актахъ или включитъ въ нихъ вымышленныя обстоятельства или завѣдомо ложныя свѣдѣнія...“ Спрашивается, неужели заявленіе Мельницкаго своему начальству о томъ что деньги у него похищены (въ чемъ онъ признанъ по суду виновнымъ) не подходятъ вполнѣ подъ включеніе въ официальный докладъ по службѣ „вымышленныхъ обстоятельствъ“ и „ложныхъ свѣдѣній?“ А еслибы ст. 362 Уложенія примѣнялась къ дѣяніямъ въ родѣ тѣхъ въ коихъ обвиненъ Мельницкій, то-есть къ большинству нашихъ крупныхъ хищеній, то это дало бы возможность суду приговаривать этого рода преступниковъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь *на поселеніе*, то-есть къ наказанію превышающему на *пять* степеней то къ которому они обыкновенно приговариваются по ст. 354 Уложенія. Положимъ что и ссыльно-поселенца располагающаго большими деньгами жизнь въ Сибири не можетъ очень пугать. Но между ссылкой на житье и ссылкой на поселеніе есть все-таки значительная разница: лишенный всѣхъ правъ состоянія не пользуется и имущественными правами, между тѣмъ какъ сосланный на житье сохраняетъ право обзавестись на мѣстѣ ссылки роскошною обстановкой и пріобрѣтать на свое имя всякаго рода собственность.

Какъ бы то ни было, но формализмъ и грубая приверженность къ буквѣ закона пренебрегающая его духомъ и истиннымъ смысломъ составляетъ отличительную особенность нашихъ судовъ, особенность, которая поддерживается и самымъ свойствомъ тѣхъ устарѣлыхъ законовъ по матеріальному праву которые судамъ приходится примѣнять. Это зло можетъ быть вполнѣ устранено лишь когда будутъ выработаны новые кодексы уголовнаго и гражданскаго права, чуждые той казуистичности и формализма какими отличаются теперешнее Уложеніе о Наказаніяхъ и наши законы по гражданскому и торговому праву. Частыя же измѣненія, вызываемыя неотложною потребностью, не могутъ не быть приложены къ общей существующей пока системѣ.

Сообразуясь съ этимъ нельзя не признать полезными тѣ измѣненія которыя проектированы Министерствомъ Юстиціи въ наказаніяхъ за хищеніе казенныхъ и общественныхъ денегъ. Измѣненія эти заключаются, по свѣдѣніямъ газеты *Новости*, въ слѣдующемъ:

За растрату предусмотрѣнную въ 3 ч. ст. 354 Улож. о Нак. (то-есть если похищенное не пополнено и послѣ обнаруженія преступленія) суду предоставлялось присуждать виновныхъ, если сумма растраты не превышаетъ 300 р., къ наказанію по 4 степ. 31 ст. Улож. или же по первой степени 38 ст. (ссылка на житье или тю-

ремное заключеніе до 1 года и 4 мѣсяцевъ); если же растраченная сумма болѣе 300 р., но не превышаетъ 3.000 р., по 2-й или 3-й степени ст. 31 Улож. (ссылка на житье въ губернія Иркутскую или Енисейскую съ воспрещеніемъ отлучки въ другія мѣста Сибири на время до 4 лѣтъ); а если растрата будетъ болѣе 3 000 руб., то наказаніе возвышается до 2-й степ. 20 ст. Улож. (ссылка на поселеніе въ Сибирь въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія). За растрату соединенную для сокрытія ея съ подлогомъ, или съ истребленіемъ книгъ и документовъ, предположено опредѣлить ссылку на поселеніе по 1-й степ. 20 ст. Улож. (въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири); а въ тѣхъ случаяхъ когда растраченная сумма превышаетъ 3.000 р. суду предоставляется возвышать это наказаніе до каторжныхъ работъ по 6 степ. 19 ст. Улож. (отъ 6 до 8 лѣтъ).

Немыслящіе доктринеры скажутъ что нельзя дѣлать существеннаго различія въ уголовномъ наказаніи на основаніи количества похищаемаго, что количественное различіе не есть качественное, что похитившій триста рублей въ нравственномъ отношеніи есть такой же воръ какъ и похитившій триста тысячъ. Но при малѣйшемъ серіозномъ вниманіи окажется вся неправда такого воззрѣнія. Кассиръ находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ издерживаетъ изъ ввѣренныхъ ему суммъ 300—400 рублей въ надеждѣ возмѣстить ихъ, что во всякомъ случаѣ не превышаетъ его возможности,—и хищникъ который крадетъ громадную сумму, конечно не съ тѣмъ чтобы выйти изъ временнаго затрудненія и положить ее снова на мѣсто,—неужели эти дѣйствія не различаются между собою toto genere! Одинъ есть запутавшійся человѣкъ, а другой—грабитель въ полномъ смыслѣ этого слова. *Количество* здѣсь явнымъ образомъ переходитъ въ *качество*.

№ 341.

Москва, 8-го декабря.

Петербургская печать не можетъ развязаться съ искомъ поручика Сиго-Дзинскаго къ начальнику Николаевской Академіи генеральнаго штаба, генералъ-адъютанту Драгомирову. Объ искѣ этомъ, какъ нашимъ читателямъ извѣстно, докладывалось 29 ноября въ соединенномъ присутствіи гражданскаго кассаціоннаго и 1-го департамента Сената. Поручикъ Сиго-Дзинскій жаловался что вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій должностнаго лица понесъ матеріальный ущербъ, о возмѣщеніи коего и хлопочетъ, а между тѣмъ изъ исковаго прошенія было ясно что въ дѣлѣ никакого спора о правѣ гражданскомъ нѣтъ и что искъ есть просто жалоба въ судъ подчиненнаго на начальника, лишь прикрытая притязаніями гражданскаго характера. Сенатъ опредѣлилъ искъ поручика Сиго-Дзинскаго, за силою 584 ст. Уст. Угол. Судопр., оставить безъ разсмотрѣнія. Еслибъ это было дѣйствительно такъ, еслибы поручику Сиго-Дзинскому не было дозволено говорить въ Сенатѣ о вещахъ къ вопросу о подсудности его иска не относящихся и разбирать дѣйствія своего бывшаго начальника, то искъ ариллерійскаго поручика прошелъ бы незамѣченнымъ. Теперь же онъ производитъ сенсацію, и скандалъ еще усиливается апологетами генерала Драгомирова. „Я долженъ, говорилъ Сиго-Дзинскій въ присутствіи Сената, заявить Правительствующему Сенату что мой искъ возникъ оттого что во время изложенія заданной мнѣ *темы* генералъ-адъютантъ Драгомировъ оскорбилъ меня; я предложилъ ему извиниться предо мною, но онъ отказался, а когда вечеромъ я уходилъ изъ Академіи, онъ приказалъ двумъ солдатамъ поймать меня, посадить насильно въ карету и отвезти въ сумашедшее отдѣленіе.“ Далѣе Сиго-Дзинскій краснорѣчиво излагалъ какъ несмотря на протестъ въ сумашедшемъ отдѣленіи его усадили въ ванну, грозили особою рубахой и какъ наконецъ онъ выбрался изъ госпиталя, убѣдивъ врачей что онъ въ здравомъ умѣ, „но что возникли недоразумѣнія между имъ и начальникомъ, который чтобы скрыть дѣло призналъ его, Сиго-Дзинскаго, сумашедшимъ.“ Только здѣсь первоприсутствующій остановилъ истца, прося не касаться существа дѣла... Не поздно ли было останавливать?

Дѣло, разумѣется, тотчасъ же стало предметомъ газетныхъ толковъ, что мы и предсказывали... Увы, этого мало: самъ генералъ-адъютантъ Драгомировъ выступилъ съ печатнымъ объясненіемъ, въ видѣ письма въ редакцію петербургскихъ га-

зетъ, въ которомъ онъ оправдываетъ свои дѣйствія и распоряженія относительно поручика Сиго-Дзинскаго и вступаетъ съ нимъ въ состязаніе.

Зачѣмъ же, спрашивается, понадобилось генералу Драгомирову отклонять компетенцію судебныхъ учрежденій и отряжать спеціальнаго повѣреннаго поддерживать заявленный имъ отводъ о неподсудности, если онъ тѣмъ не менѣе рѣшился подчиниться никакою властью не установленному суду, открывшемуся надъ его дѣйствіями въ редакціяхъ газетъ?

Если уже начальнику Военной Академіи почему-либо нужно было заявить о законности своихъ поступковъ по должности, то лучше было представить свои возраженія противъ обвиненій Сиго-Дзинскаго на благоусмотрѣніе Сената чѣмъ гг. Краевскаго и К°.

Въ настоящее время самъ генералъ Драгомировъ открылъ широкое поле толкованію его дѣйствій, такъ какъ его печатное посланіе дѣйствительно вызываетъ не мало недоумѣній.

Намѣренное извращеніе *фактической* стороны дѣла, по увѣренію генерала Драгомирова, заключается въ томъ что поручикъ Сиго-Дзинскій „послѣ замѣчаній на „его тему, которыя ему дали поводъ счи„тать себя оскорбленнымъ, *и не думалъ „требовать отъ него извиненія*" (курсивъ въ подлинникѣ.) Не думалъ! А еслибъ подумалъ, и не только подумалъ, но и въ самомъ дѣлѣ потребовалъ бы? Исполнилъ ли бы это требованіе генералъ Драгомировъ? Если было въ чемъ извиняться, то лучше было сдѣлать это до требованія. Не хорошо сдѣлать что-либо нуждающееся въ извиненіи; сугубо не хорошо не поправить сдѣланную погрѣшность; но, воля ваша, странно слышать какъ поручикъ показываетъ противъ своего генерала что тотъ, не смотря на его требованіе, не извинился предъ нимъ, а генералъ какъ бы ставитъ подчиненному въ вину что тотъ своего требованія не предъявилъ... Неужели въ самомъ дѣлѣ авторъ письма допускаетъ возможность подобнаго требованія обращеннаго поручикомъ къ лицу облеченному властью начальника дивизіи? Неужели дозволившій себѣ такое нарушеніе дисциплины могъ бы еще предъявлять къ своему начальнику искъ объ убыткахъ за какія-то правонарушенія, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности согласно воинскому уставу о наказаніяхъ? Должно-быть генералъ Драгомировъ и это допускаетъ. Иначе трудно понять почему онъ спѣшитъ заявить что онъ не насильно и не съ улицы отправилъ Сиго-Дзинскаго въ госпиталь, а препроводилъ его туда съ чиновникомъ при своемъ отзывѣ, когда уже товарищи своею властью удалили непокорнаго изъ аудиторіи, такъ какъ онъ обнаружилъ „припадки нервнаго возбужденія, дошедшаго до невмѣняемости." Начальникъ Академіи свидѣтельствуетъ, въ свое оправданіе, что лишь благодаря инціативѣ товарищей удаленъ былъ слушатель „дошедшій до невмѣняемости." Послѣ того какъ генералъ Драгомировъ вступилъ въ газетную полемику, каждый воленъ ставить вопросъ: были ли мѣры принятыя начальникомъ Академіи противъ провинившагося въ чемъ-то слушателя ея строго законныя или же то были мѣры произвольныя, соблюдаются ли правила военной субординаціи въ Академіи, не нарушаются ли они подчиненными, не злоупотребляетъ ли ими начальство?

А высшая военная власть, гдѣ же она?

Изъ дѣла Сиго-Дзинскаго и порожденныхъ имъ газетныхъ толковъ явствуетъ что въ Академіи произошли какія-то неправильныя дѣйствія. Почему же, мимо прямаго пути по начальству которому предстояло разобрать ихъ, потребовалось вывести ихъ наружу скандалезнымъ образомъ съ участіемъ Сената и газетъ?

№ 342.

Москва, 9-го декабря.

Юбилей Сибири знаменательно праздновался 6 декабря, въ день церковно-народнаго и вмѣстѣ государственнаго праздника. По соображеніямъ, около этого же дня поклонился Сибирью, за триста лѣтъ предъ симъ, царю Ивану Васильевичу, въ Москвѣ, сподвижникъ Ермака, атаманъ Кольцо. Съ этого момента Сибирь числится за Россіей, съ этого момента можемъ мы праздновать трехсотлѣтіе Сибири какъ русскаго края. Сибирь съ ея безмѣрными пространствами и богатствами досталась не даромъ Россіи. Она была завоевана, и завоеваніе ея было дѣломъ рѣдкой и характеристической доблести. Страну эту завоевала горсть тогдашней вольницы, бѣглые изъ разныхъ мѣстъ

тогдашней Руси люди, которые подъ именемъ казаковъ бродили на окраинахъ государства, не имѣвшихъ тогда ни опредѣленности, ни прочности,—люди жившіе внѣ закона, пробавлявшіеся набѣгами и грабежемъ, не всегда разбирая своихъ и чужихъ. Но эта вольница, эти полуразбойники отнюдь не были тѣмъ что называется мятежниками и измѣнниками. При первомъ зовѣ на Государеву службу, они явились готовые идти на всякую опасность. Ихъ была горсть, около восьмисотъ человѣкъ; но подвигъ который предстоялъ имъ былъ не малый, и тѣмъ славнѣе ихъ подвигъ. Эта малая дружина пустилась безъ оглядки въ невѣдомый путь, не имѣя позади себя ни обозовъ, ни резервовъ. Ей одной предстояла борьба съ организованною силой, съ царствомъ все-таки значительнымъ,—ибо Кучумово сибирское царство было не менѣе значительно чѣмъ Казанское и Астраханское, для борьбы съ которыми потребовались многочисленныя рати. Бороться приходилось съ тѣми самыми ордами которыя когда-то заполонили наше отечество и грозили Европѣ, и притомъ фанатизированными мусульманствомъ. Борьба съ ними была дѣломъ не легкимъ, и походъ Ермака не можетъ считаться простымъ набѣгомъ; онъ по праву принадлежитъ къ военной исторіи, и чѣмъ зрѣлѣе мы сами будемъ и внимательнѣе къ своей исторіи, тѣмъ выше будемъ цѣнить это дѣло. Ермакъ и его воины побѣждали величайшія трудности, терпѣли крайнія лишенія и выдерживали геройскіе бои въ которыхъ одинъ приходился болѣе чѣмъ на тысячу непріятелей, укрѣпляясь только мыслію что они служатъ святому дѣлу и исполняютъ долгъ свой передъ Русскою землею. Какъ истинные подвижники, они наложили на себя обѣтъ воздержанія и цѣломудрія на все время своего подвига, и лѣтопись съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на эту черту. Въ простотѣ своихъ сердецъ, они понимали высоту и величіе дѣла которому обрекли себя. Въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ, въ этой малой дружинѣ, которой не малая часть уже полегла въ бояхъ, возникъ было вопросъ: идти ли впередъ? Собрался кругъ, и осилили тѣ, говоритъ историкъ, которые хотѣли идти впередъ во что бы то ни стало. „Братцы, говорили они, куда намъ бѣжать?.. Будемъ надѣяться на Бога. Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ обѣщаніе которое мы дали честнымъ людямъ... Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ то и по смерти память наша не оскудѣетъ.“ *Аминь*, рѣшила дружина, и утромъ ринулась въ бой со всею ратью султана Кучума, въ бой рукопашный и кровопролитный, окончившійся блистательною побѣдой и завоеваніемъ города Сибири, столицы Кучумовой. Не узнаемъ ли мы нашъ народный духъ въ этихъ людяхъ которые не для себя, но для своей славы или корысти, такъ самоотверженно бились и гибли, но во исполненіе долга, съ вѣрою въ Бога, въ упованіи что служатъ великому дѣлу? Они дѣйствительно совершили великое. Начало положенное ихъ доблестію и запечатлѣнное ихъ кровью не погибло. Сибирь, не Кучумова только, но вся эта безмѣрная страна до Тихаго Океана, стала частью Русской державы. Сибирь не колонія только, не окраина, не придатокъ,—она есть существенная часть Россіи, и таковою слѣдуетъ ей быть во всемъ ея гражданскомъ устройствѣ. Сибирь конечно не то для Россіи что Индія для Англичанъ. А между тѣмъ она слыла и доселѣ слыветъ даже ссылочною колоніей, нашимъ Ботани-Беемъ... Пора прекратить то исключительное положеніе въ которомъ еще находится Сибирь. Нѣтъ, это не каторжное мѣсто, куда Россія должна выбрасывать все негодное и преступное изъ себя. Это не колонія, но это, повторимъ, и не окраина, которая нуждалась бы въ особенныхъ мѣрахъ для того чтобъ упрочить въ ней русскую государственную власть. Это сама Россія, и ничѣмъ не должна отъ нея разниться. Здѣсь нѣтъ мѣста вопросамъ какіе могли бы смущать насъ, и намъ остается только оживить эту громадную часть русскихъ владѣній болѣе дѣятельнымъ сообщеніемъ съ Европейскою Россіей посредствомъ желѣзныхъ дорогъ которыя стали необходимостію въ наше время и безъ которыхъ забытый край не можетъ жить полною жизнію. Слава Богу, трехсотлѣтній юбилей Сибири не останется въ этомъ отношеніи безъ послѣдствій. Сибирская желѣзная дорога давно настойчиво требовалась всѣми интересами, давно признана ея необходимость, и неоднократно принималось рѣшеніе приступить къ ея сооруженію; но дорога эта была какимъ-то заколдованнымъ вопросомъ. Чѣмъ ближе казалось его разрѣшеніе, тѣмъ далѣе

оно отодвигалось. Теперь, можемъ мы надѣяться, чары потеряютъ свое дѣйствіе, и трехсотлѣтіе Сибири увѣнчается живою связью ея съ Москвою, связью, которая наглядно выразится въ ожидаемой всѣми желѣзной дорогѣ.

Сибирскія населенія почерпнутъ новый духъ въ Монаршихъ обѣщаніяхъ данныхъ въ отвѣтъ на поздравленія сибирскихъ властей. Исключительное положеніе Сибири не замедлитъ кончиться. Одна и та же система управленія, одни и тѣ же учрежденія вскорѣ будутъ дѣйствовать тамъ какъ и въ остальной Россіи. Пожелаемъ только чтобы всѣ учрежденія наши приведены были въ должное соотвѣтствіе со своимъ истиннымъ назначеніемъ, и чтобы въ центральныхъ какъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ нашего отечества, реформы наши дѣйствовали ко благу, оживляя и поднимая народныя силы на пользу великаго цѣлаго. Дай Богъ, чтобы вмѣстѣ съ правдой, которая вездѣ требуется, не распространялась ложь которая парализуетъ, мертвитъ и портитъ наилучшія начинанія.

№ 343.

Москва, 10-го декабря.

Чѣмъ кончится Египетскій вопросъ, этого никто до сихъ поръ еще не знаетъ, но никто также не сомнѣвается что онъ въ концѣ концовъ рѣшится согласно съ интересами Англіи. Подъ тою или другою формой, Англичане сумѣютъ распорядиться такъ чтобъ имъ самимъ фактически управлять Египтомъ, не обременяя себя излишними тяжестями этого управленія, но извлекая изъ него всѣ нужныя имъ выгоды и обезпечивая себѣ главнымъ образомъ свободный путь въ Индію.

Но этимъ, повидимому, не удовольствуются Англичане. Судя по возбужденному и задорному тону англійской печати, колоніальная политика Англіи должна получить новое, небывалое доселѣ развитіе. „Эту новую политику, говоритъ французская газета *Paix*, можно формуловать слѣдующимъ образомъ: для сохраненія англійскаго владычества въ Индіи необходимо основать *африканскую* имперію равную по своей силѣ и обширности имперіи Индійской.“

Захватъ Египта, стало-быть, есть только первый приступъ къ осуществленію этой грандіозной мысли. Съ хедивомъ, доведеннымъ до положенія вассальнаго индійскаго раджи, дѣйствующаго только по внушенію англійскаго резидента, Англичане были бы полными хозяевами надъ всѣмъ протяженіемъ Нильской долины, а примѣръ сэръ-Самуэля Бекера и полковника Гордона ясно показалъ что съ небольшой арміей, но съ большою энергіей, можно владѣя Египтомъ легко завладѣть и Суданомъ. Политическое и коммерческое вліяніе Англіи простиралось бы слѣдовательно, безъ соперничества, отъ Средиземнаго Моря до страны великихъ озеръ служащихъ источниками Нилу. Въ то же самое время Англія была бы полною распорядительницей Суэзскаго канала не только какъ нынѣ, благодаря превосходству своихъ морскихъ силъ, позволяющему ей запереть каналъ всякому непріятельскому флоту, но и благодаря мѣстной территоріальной арміи, то-есть арміи своего вассала находящейся подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ.

Но для обезпеченія свободнаго пути въ Индію недостаточно обладать Суэзскимъ каналомъ, нужно имѣть еще въ своей власти берегъ Краснаго Моря. Англичане занимаютъ, правда, Аденъ и другіе пункты близъ южнаго входа въ это море, но они не могутъ быть покойны пока другія европейскія державы будутъ имѣть возможность укрѣпиться на восточномъ или на западномъ берегу Краснаго Моря. Средство предотвратить эту опасность уже найдено. Стóитъ только воспользоваться верховною властью султана надъ этими берегами. Азіятскій берегъ, дѣйствительно, принадлежитъ Турціи. Но султанъ не имѣетъ никакой власти надъ африканскимъ берегомъ. Тѣмъ не менѣе Англія постоянно признавала его законнымъ владѣтелемъ этого берега, дабы устранить отъ него всякую другую европейскую державу во имя оттоманской верховной власти. Французскія газеты утверждаютъ даже что имѣется тайная конвенція, подписанная полковникомъ Стантономъ и бывшимъ хедивомъ Измаиломъ, признающая за Египтомъ владѣніе западнымъ берегомъ Краснаго Моря до мыса Гвадарфуй подъ верховною властью султана. Всѣ еще помнятъ какъ всполошились Англичане когда въ прошломъ году Италія основала на

этомъ берегу колонію Ассабъ. Въ Англійскомъ парламентѣ посыпались запросы объ этой колоніи, и правительство на силу могло успокоить возбужденное общественное мнѣніе доказавъ ея безвредность.

На югъ отъ мыса Гвадарфуй восточный берегъ Африки находится подъ властью не Константинопольскаго султана, а султана Занзибарскаго, который давно уже въ военномъ и финансовомъ отношеніи состоитъ въ зависимости отъ Англіи. Въ такой же почти зависимости находится съ 1868 года и Абиссинія.

И съ юга, въ Капской колоніи, Англичане постепенно поднимаются вверхъ по восточному берегу Африки, дабы прочно охватить съ западной стороны обширный Индійскій Океанъ отдѣляющій Африку отъ Азіи и превратить его въ англійское море.

Таковъ планъ, надъ осуществленіемъ котораго Англія давно уже трудится, не спѣша, но послѣдовательно и неуклонно. Исполненіе его тѣмъ легче удавалось что Англія не находила препятствій со стороны европейскихъ державъ, а если и находила, какъ напримѣръ въ Египетскомъ вопросѣ, то не обращала на нихъ вниманія...

Потерпѣвъ жалкое фіаско въ Египетскомъ вопросѣ, благодаря тому летаргическому бездѣйствію къ которому ее приговорилъ ея шаблонный парламентаризмъ, Франція какъ бы старается теперь загладить свою ошибку посредствомъ особенно дѣятельной колоніальной политики. Ставъ въ повелительное отношеніе къ Мадагаскару, она готовится теперь отправить военную экспедицію въ Азію для окончательнаго завоеванія Тонкина съ цѣлью обезпеченія своихъ Кохинхинскихъ владѣній.

Права свои на Мадагаскаръ Франція возводитъ ко времени Генриха IV, основавшаго на этомъ островѣ фортъ Дофинъ (Dauphine) и во всякомъ случаѣ до времени Лудовика XIII призвавшаго въ 1642 году, по настоянію кардинала Ришелье, Мадагаскаръ французскою территоріей. Но во время революціи и первой республики, провозгласившей доктрину „périssent les colonies plutôt qu'un principe!“ (пусть погибнутъ скорѣе колоніи чѣмъ какой-нибудь принципъ!), Мадагаскаромъ завладѣли Англичане. На Вѣнскомъ конгрессѣ, этотъ островъ, правда, былъ возвращенъ Франціи, но она уже не была въ силахъ поддержать тамъ свой авторитетъ, и Англія воспользовалась этимъ чтобы добиться признанія короля племени Говасовъ въ качествѣ самостоятельнаго короля Мадагаскарскаго. Одновременно, въ двадцатыхъ годахъ, Англія отправила на островъ многочисленныхъ миссіонеровъ, основавшихъ въ короткое время много христіанскихъ протестантскихъ школъ. Съ тѣхъ поръ Мадагаскаръ все болѣе и болѣе подчинялся англійскому вліянію съ которымъ трудно было бороться Франціи. Въ 1865 году туземцы даже открыто взбунтовались противъ Французовъ, и Англія воспользовалась этимъ чтобы заключить особенно выгодный для себя дружественный и торговый трактатъ съ тогдашнею королевой Разогериной. Тѣмъ не менѣе, Франція до послѣдняго времени не отказывалась отъ своихъ правъ надъ Мадагаскаромъ и утверждала что ей принадлежитъ протекторатъ надъ значительною частью этого острова. Теперешняя королева Ранавало рѣшилась окончательно освободиться отъ этого протектората и отправила полномочное посольство въ Парижъ дабы добиться признанія своей полной независимости. Послѣ долгихъ переговоровъ г. Дюклеръ убѣдился въ ихъ безуспѣшности, и объявилъ Малгашскому посольству что Франція прерываетъ всякія дружественныя сношенія съ Мадагаскаромъ. Малгаши тотчасъ же отправились въ Англію, гдѣ ихъ приняли съ распростертыми объятіями, а англійскія газеты сочли нужнымъ выразить свое негодованіе въ виду „цинизма“ Франціи...

Что касается Тонкина, то эта сѣверная провинція Аннамскаго царства, стоящаго съ 1874 года подъ протекторатомъ Франціи, вотъ уже второй годъ находится въ открытомъ возстаніи противъ французскихъ властей и возстаніе грозитъ распространиться и на южную часть Аннама, граничащую съ французскою Кохинхиной. Въ прошломъ году незначительному отряду французскихъ войскъ удалось на время усмирить мятежъ, но теперь онъ снова пріобрѣлъ угрожающіе размѣры. Англійскія газеты давно уже предсказывали что Франція скоро лишится всѣхъ своихъ владѣній въ Азіи, и тонкинскія событія какъ будто оправдывали эти предсказанія. Тѣмъ непріятнѣе подѣйствовало на Англичанъ извѣстіе что Франція теперь думаетъ снарядить экспедицію въ Тонкинъ.

Впрочемъ, еще неизвѣстно какъ отнесется къ этому предпріятію французскій парламентъ. Онъ теперь, правда, находится, послѣ Египетской неудачи, въ нѣкоторомъ патріотическомъ возбужденіи,—но надолго ли? Вѣчно колеблющейся, противорѣчащей себѣ политикѣ Французской республики трудно будетъ бороться съ традиціонною, строго послѣдовательною національною политикой Англичанъ...

№ 344.

Москва, 11-го декабря.

А.

Лѣтъ девять тому назадъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцарской республики, была отмѣнена смертная казнь за тѣ преступленія какія до того по закону казнились смертью. Во всей западной Европѣ это была единственная страна которая за послѣднее десятилѣтіе, по принципу, отказалась отъ капитальной, собственно-уголовной кары правосудія; ибо ранѣе принятая отмѣна смертной казни въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, именно въ бывшемъ великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, въ Саксоніи, Ольденбургѣ, Ангальтѣ и Бременѣ, стала недѣйствительною по включеніи этихъ малыхъ государствъ въ составъ Италіянскаго королевства и Германской имперіи, уголовные кодексы коихъ отъ смертной казни не отказались. Но почти тотчасъ же послѣ отмѣны смертной казни въ помянутыхъ кантонахъ, тамъ началась дѣятельная агитація въ средѣ самого населенія противъ навязаннаго имъ принципіальнаго отреченія отъ высшей уголовной кары; и эта агитація съ тѣхъ поръ шла возрастая, такъ что возстановленіе капитальной кары есть теперь уже дѣло рѣшенное. Въ Люцернскомъ кантонѣ происходило въ ноябрѣ голосованіе новаго органическаго закона. Одна изъ статей этого закона гласитъ что смертная казнь вновь вводится и правительственному совѣту поручается выработать проектъ закона опредѣляющій виды преступленій кои должны подлежать смертной казни. Въ этомъ смыслѣ высказались девять десятыхъ изъ числа подававшихъ голоса. Самый законопроектъ представленъ 1 декабря на утвержденіе великаго совѣта Люцернскаго кантона. Въ немъ смертная казнь полагается: 1) за умышленное отравленіе которое имѣло своимъ послѣдствіемъ смерть; 2) за умышленный поджогъ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ потерю одной или нѣсколькихъ жизней; 3) за умышленную порчу желѣзныхъ дорогъ или иныхъ перевозныхъ приспособленій, послѣдствіемъ которой было одна или нѣсколько смертей; 4) за предумышленное убійство вообще. Такіе же вотумы послѣдовали въ началѣ декабря и въ остальныхъ двухъ кантонахъ, гдѣ смертная казнь была отмѣнена, именно въ Сенъ-Галленѣ и Цюрихѣ.

Любопытно сопоставить указанные факты съ тѣми толками которые раздаются въ нашей „либеральной“ печати по поводу проекта общей части уголовнаго кодекса, выработаннаго учрежденною годъ тому назадъ коммиссіей для составленія новаго Уложенія о Наказаніяхъ. Коммиссія не сочла себя въ правѣ вычеркнуть смертную казнь изъ проектированной ею лѣстницы наказаній, такъ какъ де вопросъ этотъ имѣетъ преимущественно характеръ политическій. Но коммиссія полагаетъ что „Россія могла бы сдѣлать дальнѣйшій шагъ „по историческому пути, преемственно на-„чертанному еще съ прошлаго вѣка, въ „царствованіе императрицы Елисаветы, и „не только по возможности ограничить „число случаевъ примѣненія смертной каз-„ни, но и вычеркнуть ее вовсе изъ списка „уголовныхъ наказаній налагаемыхъ по об-„щимъ законамъ.“ *Вѣстникъ Европы*, посвященный въ труды коммиссіи (см. *Внутреннее Обозрѣніе* въ декабрьской книжкѣ этого журнала), особенно умилился по поводу этого мнѣнія, и восхваляя за то проектъ утверждаетъ, со свойственною этимъ господамъ развязностью, что въ немъ „нашли мѣсто многія нововведенія составляющія лучшую черту новѣйшихъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ.“ Послѣ указанныхъ выше голосованій въ Швейцаріи, въ западной Европѣ не имѣется въ настоящее время *ни одного* кодекса, ни стараго, ни новѣйшаго, въ которомъ во главѣ каръ *налагаемыхъ по общимъ*, а не по исключительнымъ законамъ, не стояла бы грозою смертная казнь. Таковъ приговоръ Европы, на которую тѣ же *либералы* такъ любятъ ссылаться.

Но всмотримся ближе въ примѣръ нашей собственной исторіи, который приводится тоже какъ аргументъ. Со временъ

императрицы Елисаветы смертная казнь дѣйствительно перестала фигурировать въ лѣстницѣ ординарныхъ наказаній: обыкновенный судъ лишенъ былъ права примѣнять это наказаніе даже къ лютымъ убійствамъ. Но чему же научилъ насъ опытъ полутора вѣка? Не говоря ужь о смертной карѣ за нарушеніе воинской дисциплины, оставляя даже въ сторонѣ политическія преступленія, за которыя и въ Уложеніи о Наказаніяхъ положена во многихъ случаяхъ смертная казнь, можно ли, не погрѣшая грубо противъ истины, утверждать что правосудіе въ Россіи обходилось безъ этой высшей мѣры наказанія?... Казалось бы что и съ точки зрѣнія либеральной доктрины, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, было бы желательно чтобы прекратился поводъ къ пріостановкѣ въ исключительныхъ случаяхъ обычной функціи органовъ правосудія и къ наряженію чрезвычайныхъ трибуналовъ.

Нужны большое недомысліе или прямая недобросовѣстность чтобъ утверждать что вопросъ о смертной казни стоитъ въ наше время на той же почвѣ какъ и во время италіянскаго криминалиста Беккаріи, который ратовалъ противъ жестокостей *своего* времени. Тогда смертная казнь, притомъ квалифицированная, сопряженная съ мученіями и истязаніями, полагалась по закону и щедро примѣнялась къ преступленіямъ всѣхъ видовъ и степеней, начиная отъ умышленнаго убійства и кончая кражей курицы. Притомъ, кому придетъ въ голову сравнивать тогдашнюю форму суда съ тѣми гарантіями безпристрастія и снисходительности приговора какія въ наше время даны всякому подсудимому? Вотъ почему ни одно правительство въ западной Европѣ не увлеклось до сихъ поръ тѣми напыщенными фразами противъ грозной уголовной кары какими закидывали ихъ иные теоретики-криминалисты, повторявшіе лишь аргументы своихъ предшественниковъ, аргументы имѣвшіе смыслъ во время Беккаріи и даже въ началѣ текущаго столѣтія, но потерявшіе всякое значеніе теперь, при новомъ порядкѣ суда и при смягченіи самихъ законовъ, которые теперь грѣшатъ развѣ послабленіемъ, а никакъ не тѣми жестокостями противъ которыхъ возставали криминалисты прошедшихъ временъ. Ни одно правительство не поддалось лирикѣ Виктора Гюго, ни одно законодательное собраніе въ Европѣ не высказалось до сихъ поръ рѣшительнымъ образомъ за отмѣну принципа уголовной кары. Даже въ радикальномъ парламентѣ теперешней Французской республики, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ея существованія, вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни не былъ ни разу затронутъ, несмотря на присутствіе въ немъ *самого* г. Виктора Гюго.

Уголовные кодексы всего цивилизованнаго міра удерживаютъ до сихъ поръ смертную казнь, примѣненіе которой правосудіе оставляло въ своемъ арсеналѣ какъ грозу для случаевъ выходящихъ изъ ряда. Сообразно съ господствующею въ наше время гуманностію, смертная казнь считается карою соотвѣтствующею только умышленному лишенію жизни и примѣняется въ дѣйствительности лишь къ тяжкимъ видамъ злодѣйства. Примѣненіе ея не обязательно для всѣхъ однородныхъ случаевъ. Правосудіе нашего времени требуетъ особой оцѣнки для каждаго индивидуальнаго случая, допуская смягченіе наказанія по тѣмъ или инымъ сопровождающимъ преступленіе обстоятельствамъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда судъ не нашелъ поводовъ къ смягченію кары по закону и не призналъ причинъ къ снисхожденію, уголовное правосудіе всѣхъ странъ оставляетъ осужденному еще путь ко спасенію—путь помилованія верховною властью. Осужденный на смерть предается казни не иначе какъ по утвержденіи приговора монархомъ.

Что же однако выходитъ? Вездѣ въ мірѣ законъ оставилъ мечъ въ рукахъ правосудія, и за самое тяжкое изъ преступленій судъ опредѣляетъ капитальную кару, но за верховною властью сохранено право помилованія. А у насъ законъ *напередъ* помиловалъ всѣхъ преступниковъ, верховной же власти предоставилъ черезъ законъ казнить смертью!

Б.

Ходатайство Московскаго биржеваго купечества о принятіи отъ него депутаціи со всеподданѣйшимъ прошеніемъ касательно прекращенія Закавказскаго транзита отклонено, какъ впрочемъ и слѣдовало ожидать. Но ближайшая цѣль ходатайства вполнѣ достигнута. Московское биржевое купечество справедливо находитъ что транзитъ причиняетъ русской промышленности

существенный вредъ, который несомнѣнно усилится благодаря новой желѣзной дорогѣ соединяющей Черное Море съ Каспійскимъ: эта нужда русской промышленности дошла до Престола и стала Ему свѣдома во всемъ своемъ значеніи. Чего же болѣе? Нельзя диктовать Верховной Власти ея рѣшеніе. Должно предоставить Верховному Законодателю полную свободу рѣшенія, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и всѣхъ нуждъ государства. Формальное же принятіе депутаціи или петиціи, въ данномъ случаѣ совершенно благонамѣренной, послужило бы прецедентомъ для *всякой* общественной агитаціи.

№ 346.

Москва, 13-го декабря.

Вопросъ о заказѣ стальныхъ одиннадцати-дюймовыхъ бронепробивающихъ снарядовъ для нашей береговой артиллеріи, вызвавшій не мало толковъ въ нашей печати, близокъ, какъ слышно, къ рѣшенію. Въ полученномъ вчера нумерѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* мы прочли по этому поводу небольшую замѣтку, писанную очевидно лицомъ близко знающимъ дѣло. Въ замѣткѣ прямо сказано будто уже рѣшено заказъ этотъ дать иностранному заводчику Круппу, на томъ основаніи что онъ, „обладая громадными средствами и не жалѣя никакихъ расходовъ на опыты, дошелъ до такого совершенства въ выдѣлкѣ литой стали что для отлитыхъ изъ нея снарядовъ не существуетъ болѣе непроницаемой брони.“ Совсѣмъ де иное наши заводы, какъ казенные такъ и частные. Изготовленные ими снаряды по образцу Крупповскихъ, на производившихся въ послѣднее время въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ опытахъ, дали де „отрицательные результаты.“ Брони не пробивали, а отскакивали отъ нея или же сами разбивались въ куски. Что жь? Если такъ, то дѣйствительно нельзя оставить береговую нашу артиллерію вовсе безъ снарядовъ или отказаться отъ всякой, въ случаѣ надобности, борьбы съ броненосцами и стрѣлять чугунными снарядами которые пока только и умѣютъ отливать наши заводы. Дѣло вовсе не въ томъ чтобы не давать заказовъ иностраннымъ заводчикамъ, — такъ не дѣлаетъ даже Англія,—а чтобы стать относительно ихъ въ положеніе независимое. Можетъ-быть это слишкомъ трудно? Говорятъ что Круппъ обладаетъ „громадными“ средствами... Но развѣ русская казна имѣетъ менѣе средствъ нежели нѣмецкій фабрикантъ? Заказами нашего военнаго вѣдомства, не говоря о морскомъ, можетъ существовать не одинъ сталелитейный заводъ. Находитъ же Круппъ выгоднымъ для себя затратить милліонъ на пріобрѣтеніе паевъ Обуховскаго завода. Еще любопытнѣе тотъ доводъ въ пользу иностраннаго заказа что Круппъ дошелъ до хорошихъ результатовъ „не жалѣя никакихъ расходовъ на опыты.“ Но развѣ мы не можемъ по крайней мѣрѣ подражать ему чтобы добиться совершенства въ отливкѣ снарядовъ, какъ уже добились его въ изготовленіи по крайней мѣрѣ небольшихъ стальныхъ пушекъ? Изготовленіе снарядовъ не представляетъ ничего сверхъестественнаго; оно, какъ и всякое техническое производство, требуетъ только вниманія и опытности. У насъ завелась манера бросаться къ иностраннымъ заказамъ каждый разъ какъ только требуется приготовить новое издѣліе. Это намъ кажется и проще, и дешевле, и спокойнѣе, нежели добиваться успѣха у себя дома. Но удобно ли это для великой державы? Такъ ли поступаютъ другія? Системы иностранныхъ заказовъ держатся въ Европѣ только Турки, да и тѣ теперь уже отказываются отъ нея. Чтобы *обезпечить* должнымъ образомъ свою оборону, надо самимъ изловчиться въ изготовленіи способовъ обороны. Не масса чужихъ издѣлій обезпечитъ насъ надежнымъ образомъ, а своя способность изготовлять все что для этой цѣли окажется необходимымъ. Военное дѣло и техника постоянно дѣлаютъ быстрые успѣхи, и то орудіе которое сегодня кажется вполнѣ достигающимъ цѣли, завтра останется можетъ-быть далеко назади. Теперь мы заказываемъ Круппу снаряды одиннадцати-дюймовые, потому что никакая броня противъ нихъ устоять не можетъ. Но дѣло идетъ тутъ о бронѣ извѣстной толщины, извѣстной прочности. Броненосный флотъ ведетъ уже десятки лѣтъ постоянное состязаніе съ береговою артиллеріей, и верхъ остается попеременно то за кораблемъ, то за береговою пушкой. Если изобрѣтенъ снарядъ легко пробивающій существующую броню, то кто же можетъ ручаться что флотъ не

сдѣлаетъ новаго шага впередъ, и не появится броня такой толщины какой не пробьютъ и Круповскіе снаряды. Тогда какъ? Не дожидаться ли опять пока благодѣтельный Круппъ, „не жалѣя средствъ на опыты,“ изобрѣтетъ новый снарядъ и предложитъ намъ свои услуги. Если наши заводы не въ силахъ справиться съ одиннадцати - дюймовыми снарядами, то какъ же въ будущемъ они справятся съ болѣе крупными? Техника пойдетъ скачками; тамъ все послѣдовательно, и не умѣя исполнить дѣла легкаго, нечего и думать хвататься за болѣе трудное. Если мы не возьмемся серіозно за дѣло, то конечно всегда останемся въ зависимости отъ услугъ заграничныхъ производителей и будемъ идти въ военномъ дѣлѣ позади другихъ. Необходимо же, наконецъ, поставить наши заводы на такую ногу чтобъ они шли не только въ ровень съ нашими потребностями, но и представляли бы ручательство что справятся съ новыми задачами. Только тогда государство и можетъ считать свою оборону вполнѣ обезпеченною когда въ состояніи соперничать съ другими въ успѣхахъ военнаго дѣла.

На дняхъ *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* совершенно справедливо замѣтила что нечего считаться кто изъ двухъ сосѣднихъ государствъ ранѣе построилъ крѣпость или проложилъ военную желѣзную дорогу. Каждый обязанъ заботиться о своей оборонѣ и держать свои средства въ равновѣсіи съ сосѣдомъ чтобы не зависѣть отъ его милости. Еще недавно въ тронной рѣчи, при открытіи Прусскаго ландтага, сказано было что благодѣянія мира обезпечены. Однако Германія не перестаетъ заботиться о развитіи своихъ вооруженій. Она продолжаетъ строить корабли, заготовлять торпеды, задумываетъ уже проложить другую пару рельсовъ на дорогахъ ведущихъ къ ея восточнымъ границамъ. Это требуетъ конечно значительныхъ затратъ; Германія не останавливается предъ ними, хотя ея финансы вовсе не въ блестящемъ, а напротивъ даже въ весьма стѣсненномъ положеніи. Должна ли останавливать насъ затрата какихъ-нибудь сотенъ тысячъ на поддержку нашихъ заводовъ изготовляющихъ снаряды и пушки? Мы предпочитаемъ обращаться къ иностранной промышленности только потому что это пока дешевле, выгоднѣе: точно мы коммерсанты какіе! Безъ затратъ техническій успѣхъ не возможенъ, но затраты эти вовсе не постоянныя: ихъ надо сдѣлать разъ чтобы прочно установить дѣло, а тогда останется только поддерживать его, на что особыхъ затратъ не требуется. Заводъ Круппа пріобрѣлъ всемірную извѣстность своими пушками изъ литой стали. Но эти пушки изготовлялись по русскимъ чертежамъ; техническимъ совершенствомъ отливки и прочностью работъ заводъ Круппа обязанъ русскимъ артиллеристамъ. Какимъ же образомъ и почему наши заводы не могутъ воспользоваться тѣми же услугами чтобы справиться съ изготовленіемъ,—не говоримъ ужь пушекъ,—хотя бы только снарядовъ? Не было ли бы это скупостію въ дѣлѣ гдѣ скупиться нельзя, и безпечностью въ развитіи средствъ нашей обороны? Граница наша до сихъ поръ остается почти открытою: на ней и теперь не возведено ни одного укрѣпленія тамъ гдѣ они признавались необходимыми уже десятокъ лѣтъ назадъ. Мы на это не потратились, но было однако время когда пришлось почувствовать невыгоду такой экономіи. Такъ ли говорили бы мы на конференціяхъ и конгрессахъ еслибъ и граница наша была лучше обезпечена, и наша дальнобойная артиллерія была бы готова или додѣлывалась бы дома? Въ послѣднюю кампанію въ дѣлѣ вооруженія мы оказались позади даже Турокъ. Могло ли бы все это случиться еслибы наша техника стояла на своихъ ногахъ, еслибы предъ войной у насъ какъ и теперь не жалѣли средствъ на производство необходимыхъ опытовъ? И какихъ средствъ?—какія можетъ затратить частный заводчикъ...

№ 347.

Москва, 14-го декабря.

Мы не дипломаты и употребляемъ слово не для закрытія, а для раскрытія мысли или факта. Только въ этихъ видахъ считаемъ мы себя призванными высказываться публично, и только такимъ образомъ можемъ мы надѣяться принести какую-либо пользу.

Сѣверо-Германская Газета утверждаетъ что между отвѣтственными руководящими лицами обоихъ правительствъ, Рос-

сійскаго и Германскаго, не было недоразуменій, и что вся вина въ недоразуменіяхъ падаетъ лишь на печать. Этотъ почтенный органъ прибавляетъ что и въ настоящее время не требовалось между обоими министрами расчищать почву отъ недоразуменій. Мы можемъ только порадоваться что между обоими правительственными лицами нынѣ ведущими дѣла этихъ имперій нѣтъ никакихъ недоразумѣній, и охотно вѣримъ этому. Но изъ того что нѣтъ теперь, не слѣдуетъ что не было въ прежнее время, о которомъ и шла рѣчь. Впрочемъ, вопросъ не въ недоразумѣніяхъ которыя возможны всегда и со всѣми. При обоюдномъ желаніи объясниться, недоразумѣнія прекращаются. Мы не отрицаемъ что со стороны руководителя германской политики всегда было желаніе приводить въ ясность дѣла которыя соприкасались съ ея интересами, но должно сознаться что въ то время когда намъ предстояли и когда мы переживали великія событія, стоившія намъ столькихъ усилій, жертвъ и крови, мы не только не искали, мы страннымъ образомъ избѣгали всякаго объясненія съ союзною державой, оставляя ее въ невѣдѣніи относительно нашихъ плановъ и оставаясь сами въ невѣдѣніи относительно ея видовъ. Существенныхъ несогласій между Германіей и Россіей не было. Реальныхъ основаній для недоразумѣній между обоими кабинетами тоже не было, но были психическія настроенія которыя страннымъ образомъ отражались на дѣлахъ...

Напрасно *Сѣверо-Германская Газета* приписываетъ собственно печати вину бывшихъ недоразумѣній. Какова бы ни была русская печать, она въ этомъ не повинна. Мы можемъ свидѣтельствовать и подтвердить наше свидѣтельство документальными выписками изъ нашей газеты что русская печать, начиная съ того времени какъ загорѣлся Восточный вопросъ, настаивала на необходимости полнаго и всесторонняго объясненія съ Германскимъ правительствомъ. Это было *ceterum censeo* почти каждой статьи *Московскихъ Вѣдомостей* по вопросамъ иностранной политики. А между тѣмъ политика наша искусственно устранялась отъ всякаго объясненія съ союзнымъ правительствомъ, которое усиленно искало этого объясненія, что можно также документально подтвердить заявленіями германскаго канцлера. Мы не опредѣляемъ могло ли и въ какой мѣрѣ могло бы установиться соглашеніе между интересами обѣихъ державъ въ виду надвигавшихся событій; но необходимо было по крайней мѣрѣ знать какое положеніе, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, приняла бы держава находившаяся съ нами, въ силу нашей же политики, въ тѣснѣйшихъ чѣмъ всякая другая союзныхъ отношеніяхъ. Европейское положеніе Россіи было въ то время очень благопріятное. Положеніе это было создано ей обстоятельствами отъ нея не зависѣвшими, и потому дѣйствовало усыпительно. Мы вдругъ стали центромъ европейскаго равновѣсія, и всѣ искали сближенія съ нами. Но счастливое положеніе образовавшееся безъ самодѣятельнаго участія никогда не бываетъ прочно. Мы чувствовали удовольствіе такого положенія, но не воспользовались имъ въ интересахъ нашей политики. Событія застали насъ врасплохъ. Восточный вопросъ возбужденъ былъ не нами, но онъ неизбѣжно увлекъ насъ, не возбудивъ однако въ насъ должной чуткости и самодѣятельности. Мы какъ будто не серіозно относились къ событіямъ, которыя становились все требовательнѣе и грознѣе. Мы какъ будто играли въ политику, какъ послѣ думали только поиграть въ войну.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ *Сѣверо-Германская Газета*, по поводу какой-то статьи петербургскаго *Голоса*, отозвалась такъ: „Мы считаемъ эту газету не столько органомъ русскаго общественнаго мнѣнія сколько французско-польскаго вліянія...“ Не знаемъ есть ли въ *Голосѣ* французское вліяніе, но не будемъ оспаривать что онъ служитъ органомъ польскихъ вліяній. Однако что дало значеніе этому органу, давно изобличенному въ его антинаціональномъ характерѣ, органу который дѣйствительно служитъ то явнымъ, то скрытымъ проводникомъ дурныхъ вліяній? Ходъ этому органу обмана дало его странное отношеніе къ офиціальнымъ лицамъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которыя не справляясь съ его характеромъ пользовались имъ для помѣщенія своихъ статей, и въ признанныхъ органахъ Министерства, каковы были *Agence Générale Russe* и *Journal de S.-Pétersbourg*, постоянно выдвигали его какъ главный органъ общественнаго мнѣнія и національной политики Россіи. Да и теперь, по старой памяти, *Journal de S.-Pétersbourg* продолжаетъ сообщать въ своихъ столбцахъ раз-

сужденія *Голоса* яко главнаго русскаго органа, разсужденія которыя съ одной стороны выдаются за выраженіе общественнаго мнѣнія въ Россіи, а съ другой за правительственныя внушенія. Благодаря этому отношенію къ офиціальнымъ сферамъ, *Голосъ* сталъ нѣкою силою, которая много фальши и смуты внесла въ русское общество, вводя въ заблужденіе и заграничный міръ относительно видовъ русской политики.

Вообще зло нашей печати происходитъ не столько отъ свободы которою она пользуется сколько отъ неразборчиваго, а нерѣдко и нечестнаго употребленія ея офиціальными лицами...

Сѣверо-Германская Газета, полемизируя съ *Голосомъ*, замѣчетъ: „Эта вражда „противъ Германской имперіи и ея пра„вительства влечетъ за собою то что оно „и in specie имперскій канцлеръ являются „отвѣтственными за все что въ Россіи не „одобряется и можетъ возбуждать національное неудовольствіе. Если мнимо-рус„ская газета сходится съ нѣмецкими про„грессистами въ этой враждѣ противъ канц„лера, въ этой склонности видѣть въ немъ „корень всѣхъ золъ, въ этомъ паролѣ *до„лой Бисмарка*, то у нихъ же заимству„етъ она и средства вражды... По редак„торы и патроны *Голоса* слишкомъ хоро„шо освѣдомлены чтобы такъ же, какъ и „частныя русскія газеты, знать что импер„скій канцлеръ какъ тридцать лѣтъ на„задъ, такъ и теперь, въ цѣлой Германіи „все еще лучшій адвокатъ не только мир„ныхъ, но и добрыхъ отношеній къ Рос„сіи. Можетъ-быть въ этомъ-то и заклю„чается главная вина его въ глазахъ тѣхъ „нерусскихъ силъ которыя стоятъ за *Го„лосомъ*."

Что князь Бисмаркъ понимаетъ цѣну дружбы съ Россіей, въ этомъ ручается его великій государственный умъ, котораго никто у него отрицать не можетъ и его патріотизмъ въ которомъ тоже нельзя сомнѣваться. Дружба съ Россіей, какъ всегда такъ и теперь, необходима въ интересахъ Германіи, и эту дружбу ничто для нея замѣнить не можетъ. Но не только со стороны Россіи, а также самой Германіи требуется чтобы и съ русской стороны дружба эта руководилась не какими-либо сентиментальными мотивами, но яснымъ и твердымъ разумѣніемъ національныхъ интересовъ. Только при этомъ условіи она можетъ быть и прочна, и плодотворна.

Въ настоящее время есть интересы дѣйствительно *не-русскіе*, которые, посредствомъ газетъ подобныхъ *Голосу*, стараются распространить тревогу касательно нашихъ отношеній къ Германіи. Война съ Германіей выставляется для насъ неизбѣжною если не нынче, то завтра, хотя нѣтъ никакихъ серіозныхъ поводовъ ни со стороны Россіи, ни со стороны Германіи ожидать столкновенія даже въ отдаленномъ будущемъ. Въ какихъ же интересахъ возбуждается эта тревога? Въ тѣхъ чтобы Русское правительство вышло на путь „польской справы" и совершило самоубійственныя перемѣны въ своемъ составѣ, которыя якобы требуются для ея обезпеченія на случай войны съ Германіей...

№ 348.

Москва, 15-го декабря.

Сѣверо-Германская Газета объясняетъ недоразумѣнія возникавшія между Россіей и Германіей газетною агитаціей. Мы думаемъ, напротивъ, что газетная агитація была послѣдствіемъ тѣхъ неясностей которыя возникали и плодились между правительствами обѣихъ державъ. Эти неловкости между правительствами либо непосредственно отражались въ печати, либо служили поощреніемъ для разныхъ партій ловить, по пословицѣ, рыбу въ мутной водѣ. Когда возникаетъ рознь и напряженность между правительствами, то немедленно зараждаются посторонніе и чуждые имъ замыслы, которые стараются воспользоваться ихъ недоразумѣніями.

Но, во всякомъ случаѣ, агитація посредствомъ печати, явно имѣвшая своею цѣлію повредить отношеніямъ между Германіей и Россіей и воспользоваться недоразумѣніями между ихъ правительствами, агитація эта разыгрывалась не столько въ Россіи сколько въ Германіи. Тамъ выросла цѣлая литература памфлетовъ противъ Россіи, не говоря уже о газетныхъ статьяхъ враждебнаго свойства. Малѣйшее слово сказанное съ русской стороны въ защиту русскихъ интересовъ сопровождалось страшнымъ гамомъ. Чего не было наговорено по поводу — отнюдь не рѣчи, — а нѣсколькихъ словъ сказанныхъ покойнымъ генераломъ Скобелевымъ въ частной бесѣдѣ? Дорогіе, историческіе, кровные

интересы связывающіе Россію съ Востокомъ ставились ей въ вину какъ преступныя, черныя, порожденныя хищническими инстинктами стремленія, которымъ придается прозвище панславизма, а панславизмъ приравнивается къ нигилизму...

Изъ какого, спрашивается, источника могла выйти, напримѣръ, брошюра довольно значительная по объему, подъ заглавіемъ *Der deutsche Krieg mit Russland* (Leipzig 1882), выдержавшая уже четыре изданія? „Спокойствіе Европы, гласитъ эпиграфъ, требуетъ уничтоженія (Vernichtung) Россіи какъ великой европейской державы.“ „По своей обширности, по своей жаждѣ къ пріобрѣтеніямъ (такъ начинается текстъ брошюры), по своимъ внутреннимъ неурядицамъ и вслѣдствіе укрѣпляющагося панславизма, Россія становится все болѣе опасною для Европы.“ Россія есть де государство завоевательное, ея аппетитъ увеличивается съ каждымъ захватомъ. Она враждебна „всему культурному, всему нѣмецкому.“ Пора положить конецъ такому опасному порядку вещей. „Русскому колоссу надо указать его естественныя границы, надо отнять у него Финляндію, Польшу, Остзейскія провинціи, Кавказъ, Арменію“ (стр. 20), создавъ пожалуй даже между цивилизованною Европой и варварскою Россіей новый политическій организмъ, который могъ бы служить постояннымъ оплотомъ противъ Россіи. Все это рѣчи давно извѣстныя, напоминающія толки Духинскихъ и Гагеновъ; на совѣтъ послѣдняго о возстановленіи Польши, данный въ 1854 году, есть даже ссылка въ брошюрѣ. Затѣи польской справы такимъ образомъ уродливо вяжутся съ интересами Германіи. „До тѣхъ поръ пока нѣмецкія знамена не будутъ водружены на стѣнахъ Москвы, Германія не можетъ быть увѣрена что Россія не нападетъ на нее... Война противъ Германіи въ Россіи дѣло давно рѣшенное.“ Россія увѣряетъ теперь въ своемъ миролюбіи, но это потому де только что она еще не готова къ войнѣ. Въ Россіи есть двѣ политическія партіи: славянофилы и западники, но обѣ онѣ одинаково де стремятся къ русскому господству въ Европѣ, одинаково враждебны Нѣмцамъ. Эта вражда, которая теперь является могущественнымъ факторомъ русской политики, вражда потворство которой есть условіе популярности для всякаго русскаго правительства, со времени объединенія Германіи замѣтно усилилась, и особенно съ тѣхъ поръ какъ на Берлинскомъ конгрессѣ „Россія болѣзненно почувствовала что могущественная Германія есть оплотъ противъ стремленія Россіи къ захватамъ, что она потрясла могущество Россіи“ (стр. 10). Россія, по мнѣнію нѣмецкаго автора, ищетъ отомстить Германіи точно такъ же какъ стремилась къ этому Франція послѣ Садовой. „Если, продолжаетъ онъ, русско-нѣмецкая война неизбѣжна, то, спрашивается, нужно ли ждать пока Россія сочтетъ что наступилъ благопріятный моментъ; не лучше ли предупредить Россію?“ (стр. 15.) Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ брошюра приглашающая водрузить нѣмецкое знамя на зубцахъ Кремля чтобъ оттуда указать Россіи ея естественныя границы и продиктовать ей политическую програму.

Ничего подобнаго этому вздору у насъ ни писалось, ни говорилось. Каковы бы ни были русскія газеты, онѣ все-таки не врывались такъ нагло въ германскія дѣла, съ клеветой и злословіемъ, какъ нерѣдко дѣлаетъ напримѣръ аугсбургская *Всеобщая Газета* служащая клоакой всякихъ нечистотъ, съ какой бы то ни было стороны, пускаемыхъ противъ Россіи. У насъ же, увы! извѣстнаго сорта печать служитъ органомъ ядовитой вражды не къ Германіи, а къ самой Россіи. Свою ложь, свой ядъ, она старается внести въ русскія дѣла и мнѣнія, и едва ли разчитываетъ подѣйствовать на политику Германіи. Скажутъ что печать въ Германіи свободнѣе чѣмъ въ Россіи. Но для дурнаго и въ Россіи печать совершенно свободна. Скажутъ что въ Германіи есть партіи которыя ускользаютъ отъ правительственнаго контроля и имѣютъ каждая свою политику. Но правительственные органы могли бы чаще и съ большею ясностію и твердостію высказываться въ виду ложныхъ толковъ и тѣмъ лишать ихъ силы.

Газетныя препирательства начавшіяся по поводу поѣздки русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ за границу и касающіяся главнымъ образомъ отношеній между Россіей, Австро-Венгріей и Германіей все еще не прекратились, хотя притихли. Послѣ толковъ о незыблемости союза между Германіей и Австро-Венгріей и о невозможности всякой другой державѣ присоединиться къ этому союзу въ качествѣ третьяго, на первый планъ внезапно выдвинутъ

новый вопросъ касающійся исключительно отношеній между Россіей и Австро-Венгріей. Вопросъ этотъ поднятый германскими газетами произвелъ въ Австро-Венгріи переполохъ. О политикѣ графа Кальноки и о его планахъ печатаются длиннѣйшія разсужденія, интересныя только тѣмъ что ими характеризуется двойственный характеръ Австро-Венгріи. Венгерская печать какъ офиціальная, такъ и неофиціальная прямо заявляетъ что Венгрія будетъ слѣдовать своей собственной иностранной политикѣ, что она не хочетъ ничего слышать о сближеніи съ Россіей и сумѣетъ настоять на своемъ. Но не только между венгерскою и австрійскою печатью ведется оживленная полемика: спеціально-австрійская печать въ этомъ вопросѣ также раздѣлилась на двѣ партіи, и изъ нихъ одна выступаетъ за графа Кальноки, другая противъ него. Горячіе толки объ этомъ ведутся и въ Германской печати. Дѣло въ томъ что несмотря на „интимную" и „сердечную" дружбу связывающую Германію и Австрію, несмотря на избитую фразу что интересы этихъ державъ вполнѣ тождественны, онѣ относятся другъ къ другу съ нѣкоторымъ недовѣріемъ...

№ 349.

Москва, 16-го декабря.

А.

Уже прошло семнадцать лѣтъ съ того времени какъ у насъ введено въ большинствѣ губерній Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ дѣлами относящимися къ „хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ" каждой мѣстности. Перечисляя дѣла подлежащія вѣдѣнію земскихъ учрежденій, Положеніе во 2-й статьѣ своей (1.848 ст. т. II, ч. I, Свод. Зак.) даетъ имъ обширныя полномочія распространяющіяся не на одно только „хозяйство" въ строгомъ смыслѣ. Учрежденіямъ этимъ предоставлено также попеченіе о народномъ образованіи и здравіи; земскими собраніями избираются мировые судьи, въ земскихъ управахъ составляются списки присяжныхъ засѣдателей; они имѣютъ такимъ образомъ значительное вліяніе на нравственную сторону народной жизни, регулируя нѣкоторымъ образомъ и отправленіе правосудія.

Земскія собранія, уѣздныя, а еще больше губернскія, собираются лишь разъ въ году, а доклады управъ по разнымъ не терпящимъ отлагательства вопросамъ дѣлаются извѣстными большинству гласныхъ почти только въ моментъ ихъ доклада. Рѣдко кто изъ гласныхъ достаточно ознакомился предварительно съ ихъ содержаніемъ; обсужденіе ихъ не только затягивается, но и просто безъ нужды отсрочивается, съ порученіемъ управамъ доложить ихъ въ слѣдующихъ собраніяхъ, лишь бы сбыть съ рукъ докучливыя занятія и приблизить сроки закрытія собранія, въ которое призванные гласные явились нехотя, точно изъ принужденія.

Уже давно замѣчено что дѣятельность нашихъ выборныхъ учрежденій, городскихъ думъ и земскихъ собраній, часто пріостанавливается по той причинѣ что не является для открытія ихъ засѣданій положенное по закону число членовъ этихъ собраній.

По закону, крайній срокъ открытія ежегодныхъ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній есть декабрь мѣсяцъ; продолжительность ихъ опредѣлена въ *двадцать* дней, какъ максимумъ. День открытія напередъ опредѣляется и утверждается министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Число губернскихъ гласныхъ, установленное тоже закономъ, избирается уѣздными земскими собраніями на *три года*. Земское собраніе считается состоявшимся и его постановленія законными если въ ономъ принимаетъ участіе *не менѣе одной трети* общаго числа гласныхъ (1.854, 1.858, 1.867, 1.868, 1.892, 1.893 и 1.901 стт. II т. ч. 1, Св. Зак.).

Слѣдуетъ предполагать что во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ введено Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, губернскія собранія открываютъ свои дѣйствія не позднѣе 3 декабря, если принять наступленіе неприсутственныхъ праздничныхъ дней въ концѣ этого мѣсяца. На самомъ дѣлѣ, до настоящаго числа земскія собранія открыты еще въ очень немногихъ губерніяхъ; засѣданія могли состояться лишь 7 или 8 декабря; есть собраніе которое закрылось не приступивъ къ своимъ дѣйствіямъ, напримѣръ Рязанское. Какая причина? Неприбытіе законнаго числа гласныхъ...

Возьмемъ Московскую губернію. Въ Москвѣ губернское земское собраніе, въ первые нѣсколько дней послѣ его открытія, занято было почти исключительно празд-

нымъ выжиданіемъ прибытія одной трети своихъ гласныхъ съ 11 ч. до 3 пополудни и изыскивало мѣры принудить своихъ членовъ являться своевременно. Въ Черниговское собраніе незаконное число гласныхъ блуждало четыре дня, разыскивая своихъ сочленовъ нужныхъ для комплекта. Рязанское такъ и отказалось отъ надежды укомплектоваться и закрылось. Это повторяется въ Полтавѣ, Тулѣ, Харьковѣ и почти повсемѣстно.

Если принять во вниманіе что общее число губернскихъ гласныхъ достигаетъ всего въ двухъ губерніяхъ (Полтавской и Тамбовской) до *ста*; въ Московской полагается всего 93, то становится яснымъ что стремленіе посвятить себя земскимъ дѣламъ туго проявляется во всѣхъ слояхъ населенія.

Московская губернія, обще со столичною городскою думой, набрала *31 человѣкъ* воодушевленныхъ желаніемъ участвовать въ обсужденіи земскихъ докладовъ. Поразительное равнодушіе!

Раждается вопросъ: всегда ли такъ бываетъ, не есть ли текущій годъ исключеніе по какимъ-либо чрезвычайнымъ причинамъ? Отнюдь нѣтъ; это повторяется уже давно и изъ года въ годъ. Если бываютъ исключенія, то они опять-таки періодически повторяются. Въ тѣ годы когда полномочія гласныхъ прекращаются, когда сызнова требуется избрать гласныхъ, предсѣдателей и членовъ управъ, мировыхъ судей и пр., тогда и на избирательные съѣзды, и въ собранія уѣздныя и губернскія прибываютъ въ достаточномъ количествѣ, даже больше чѣмъ въ достаточномъ, лица обладающія цензомъ и правомъ голоса, правомъ класть шары. Тогда нерѣдко приходится вести горячіе споры по поводу недостаточныхъ полномочій.

Не доказываетъ ли все это что земскія учрежденія служатъ какъ бы синекурой, предоставлящею кому нужно должности, приличное содержаніе, обезпеченное положеніе, средство производить агитацію по вопросамъ не входящимъ въ сферу земскихъ учрежденій, — но отнюдь не служатъ дѣлу мѣстнаго управленія?..

Б.

Вопросъ о пріемѣ казной въ залогъ вкладныхъ билетовъ городскихъ общественныхъ банковъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, вступилъ въ новую фазу. Мѣсяцъ тому назадъ предполагалось было объявить что пріемъ такихъ билетовъ въ залогъ для присутственныхъ мѣстъ не обязателенъ и затѣмъ постановить чтобъ управляющіе акцизными сборами допускали, по разсрочкѣ акциза, пріемъ въ залогъ вкладныхъ билетовъ только тѣхъ общественныхъ банковъ коихъ положеніе представляется вполнѣ благонадежнымъ. Теперь, повидимому, это предположеніе оставлено. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, вопросъ предлагается рѣшить установленіемъ такого порядка чтобы казной принимались въ залогъ вкладные билеты только тѣхъ кредитныхъ учрежденій которыя *по произведенной правительственной ревизіи* будутъ признаны благонадежными. Правительственная ревизія совсѣмъ иное дѣло чѣмъ оцѣнка благонадежности банковъ некомпетентными въ банковомъ дѣлѣ акцизными чиновниками. Нѣтъ сомнѣнія также что при проектируемомъ порядкѣ интересы казны были бы гораздо лучше обезпечены чѣмъ теперь; казна избавилась бы отъ риска сопряженнаго съ пріемомъ въ залогъ вкладныхъ билетовъ которые иной разъ также или почти также трудно обратить въ деньги какъ и билеты Скопинскаго банка. Помимо того, въ проектируемомъ порядкѣ можно усмотрѣть еще ту выгодную сторону что онъ долженъ служить для кредитныхъ учрежденій побужденіемъ къ ходатайствамъ о назначеніи надъ ними правительственныхъ ревизій: ихъ прямой интересъ доставить своимъ вкладнымъ билетамъ залогоспособность, въ видахъ привлеченія къ себѣ вкладовъ, и конечно на этомъ соображеніи основано предположеніе проекта что расходы по ревизіямъ должны быть относимы на счетъ ревизуемыхъ учрежденій.

Но слѣдуетъ подумать и о вкладчикахъ. Съ осуществленіемъ проектируемаго порядка, городскіе общественные банки (о другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ мы пока не говоримъ) раздѣлятся на двѣ категоріи: благонадежныхъ и неблагонадежныхъ; первые будутъ, такъ сказать, рекомендованы публикѣ какъ заслуживающіе особаго ея довѣрія; относительно вторыхъ, наоборотъ, публикѣ будетъ дано какъ бы предостереженіе воздерживаться отъ довѣрія къ нимъ, не оставлять вкладовъ въ ихъ кассахъ. Не трудно предвидѣть къ какому результату должно будетъ это привести на практикѣ. Заслужившіе патентъ благонадежности городскіе банки будутъ процвѣтать попреж-

нему, расширяя свои обороты, до той поры пока, рано или поздно, вновь возникнетъ вопросъ объ ихъ благонадежности. Остальные городскіе банки (и такихъ, надо полагать, будетъ добрая половина), не получившіе патента благонадежности, заранѣе осуждены на участь подходящую къ судьбѣ какая постигла Скопинскій банкъ. Кто изъ вкладчиковъ пожелаетъ оставить свои деньги въ банкахъ которые самимъ правительствомъ будутъ признаны не заслуживающими довѣрія? Вкладчики, конечно, бросятся толпами брать свои деньги изъ такихъ банковъ, пока ихъ натискъ будетъ остановленъ страшнымъ для нихъ заявленіемъ что денегъ для ихъ удовлетворенія болѣе нѣтъ. Въ какомъ положеніи, съ какими мыслями, въ какомъ настроеніи останутся эти не успѣвшіе выручить своихъ денегъ и потому разорившіеся вкладчики? Такихъ разоренныхъ вкладчиковъ окажутся легіоны, и ни сами они, ни ихъ родные и близкіе, конечно, молчать не будутъ. Кого же будутъ винить они въ постигшемъ ихъ бѣдствіи? Кто въ самомъ дѣлѣ виноватъ въ томъ что вкладчики довѣрили свои деньги неблагонадежнымъ, не заслуживающимъ довѣрія банкамъ? Виноватъ Нормальный Уставъ Городскихъ Банковъ, именно статья 31 этого устава. Этою статьей была публично признана полная благонадежность каждаго изъ городскихъ банковъ, сохранность и цѣлость каждаго изъ ввѣренныхъ имъ вкладовъ. 31-я статья Нормальнаго Положенія говорила публикѣ: довѣряйте ваши сбереженія городскимъ банкамъ; вкладной билетъ любаго городскаго общественнаго банка почти то же что наличныя деньги, и казна принимаетъ такіе билеты (если они безыменные) въ залогъ, въ предѣлахъ той губерніи гдѣ учрежденъ банкъ, *наравнѣ съ наличными деньгами*. Это не могло не внушить публикѣ довѣрія къ городскимъ банкамъ, не могло не заманить ее ко взносамъ туда своихъ сбереженій. И вотъ вдругъ будетъ объявлено что довѣрившись закону, она какъ бы попала въ ловушку. Едва ли нужно разъяснять какого рода впечатлѣніе было бы этимъ произведено и къ какимъ могло бы оно повести нравственнымъ результатамъ. Есть конечно партіи которымъ это впечатлѣніе и его результаты были бы на руку, которымъ желательно всячески ослаблять довѣріе къ закону и сѣять сѣмена недовольства. Но людямъ не принадлежащимъ къ этимъ партіямъ свойственно желать чтобы всякіе поводы къ подобнымъ впечатлѣніямъ были по возможности устраняемы, чтобы никто не могъ сказать что онъ пострадалъ и разорился вслѣдствіе довѣрія къ закону...

№ 350.

Москва, 17-го декабря.

А.

Намъ пріятно было узнать что заказъ иностранцу Круппу стальныхъ бронепробивающихъ снарядовъ для нашей береговой артиллеріи пока не состоялся. Мы съ самаго начала высказывались противъ заграничнаго заказа, находя что „торопиться нѣтъ основанія, что средства ассигнуемыя на этотъ заказъ выданныя русскому заводу дали бы ему возможность добиться изготовленія хорошихъ снарядовъ“ и что въ видахъ государственныхъ желательно водворить у себя дома производство всего необходимаго для обороны. Оказывается что такъ смотритъ на дѣло и высшее правительство. Артиллерійскій Комитетъ, какъ извѣстно, высказался въ пользу заказа снарядовъ заводу Круппа, въ этомъ смыслѣ уже заготовленъ былъ докладъ Артиллерійскаго Управленія Военному Совѣту, но Военный министръ, какъ передаютъ петербургскія газеты, „призналъ полезнымъ не особенно торопиться разрѣшеніемъ вопроса,“ находя необходимымъ прежде тщательно обсудить дѣло и окончательно выяснить нельзя ли этотъ пробный заказъ (на 400.000 рублей), а равно и наряды слѣдующихъ лѣтъ (милліоновъ на десять) исполнить на русскихъ заводахъ тоже заявившихъ свою способность по выдѣлкѣ стальныхъ снарядовъ.“ Съ этою цѣлью составлена (и надо полагать уже открыла занятія) особая коммиссія изъ спеціалистовъ, при участіи русскихъ заводчиковъ. Исходъ дѣла будетъ, такимъ образомъ, зависѣть отъ рѣшенія коммиссіи или собственно большинства ея членовъ. Тотъ или другой составъ коммиссіи имѣетъ поэтому большую важность. Коммиссія состоитъ изъ „спеціалистовъ“ артиллерійскаго вѣдомства и заводчиковъ. Какія права, какой вѣсъ данъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ коммиссіи, для дѣла далеко не

безразлично. Въ артиллерійскомъ вѣдомствѣ, повидимому, уже сложилось предубѣжденіе въ пользу Круппа, предрѣшающее вопросъ могутъ или не могутъ справиться съ дѣломъ русскіе заводы. Какіе „спеціалисты“ попали въ коммиссію и можно ли ждать чтобъ эта вторая серія спеціалистовъ взглянула на дѣло иначе, нежели первая, засѣдавшая въ Артиллерійскомъ Комитетѣ и признавшая необходимость заграничнаго заказа? Представители нашихъ заводовъ приглашенные „къ участію въ занятіяхъ“ коммиссіи несомнѣнно представятъ не мало доводовъ въ пользу необходимости и возможности установить производство бронепробивающихъ снарядовъ въ Россіи, но будутъ ли эти доводы достаточно сильны въ глазахъ артиллерійскихъ „спеціалистовъ?“ Всего десятокъ лѣтъ назадъ, изъ несомнѣнныхъ спеціалистовъ, близко стоявшій къ дѣлу (г. Каминскій) печатно заявлялъ (*Военный Сборникъ* 1870 года № 12) что стальныя береговыя орудія называемыя у насъ Крупповскими изготовляются этимъ заводомъ для иностранныхъ государствъ *по русскимъ* чертежамъ, что заводъ Круппа „*вполнѣ* обязанъ нашимъ артиллеристамъ стойкостью приготовляемыхъ имъ береговыхъ орудій.“ Теперь повидимому все это забыто, повидимому утрачено довѣріе къ силамъ русскихъ техниковъ, такъ много сдѣлавшихъ для процвѣтанія и славы иностраннаго завода. Всѣ эти техники еще и теперь состоятъ на службѣ и занимаютъ высокое положеніе въ нашей артиллеріи. Почему не призвать ихъ къ дѣятельной помощи своимъ заводамъ? Объ этомъ стóитъ, какъ намъ кажется, серіозно подумать. И въ самомъ дѣлѣ, не странно ли обращаться къ услугамъ иностраннаго заводчика, имѣя возможность употребить свои техническія и денежныя силы на развитіе своихъ заводовъ? Но, увы! говорятъ будто нѣкоторые изъ нашихъ техниковъ пособившихъ прежде Круппу теперь уже высказались въ пользу заграничнаго заказа.

Но и въ Артиллерійскомъ Комитетѣ не всѣ его члены были такого мнѣнія. Нѣкоторые—и не изъ молодыхъ—признавали необходимымъ попытаться водворить производство бронепробивающихъ снарядовъ дома, находили что къ этому „должны быть направлены всѣ усилія лицъ которымъ ввѣрена оборона государства,“ какъ бы заманчивъ ни казался иностранный заказъ, какія бы временныя выгоды онъ ни сулилъ. Разрѣшимъ ли, однако, путемъ преній вопросъ переданный на обсужденіе коммиссіи? Не получатся ли въ результатѣ ея занятій опять два противуположныя мнѣнія, тѣ же самыя которыя борются и теперь? Какъ согласить ихъ, которому отдать предпочтеніе? И какъ въ самомъ дѣлѣ рѣшить вопросъ, можно или нѣтъ добиться изготовленія у насъ снарядовъ надлежащаго достоинства? Сейчасъ можетъ-быть и нользя, но это ничего не докажетъ. Необходимо добиваться, дѣлать опыты. Техническое совершенство безъ труда и затратъ не достигается. Нашимъ заводамъ необходимо дать средства работать, и не просто на пробу по нѣскольку снарядовъ. Первый блинъ всегда можетъ быть комомъ. Снаряды первой партіи могутъ быть и неудачны. Будетъ ли правильно на томъ и покончить? Не всегда, особенно въ началѣ, бывали безукоризненны и Крупповскія издѣлія. Не безъ причины вѣроятно и теперь Круппъ отказывается отъ строгой контрольной пробы изготовленныхъ имъ снарядовъ, ранѣе платежа за нихъ. Еслибы заводъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своихъ издѣліяхъ, то ему не нужно было бы и „возводить въ принципъ“ отказъ отъ подобнаго контроля. Чѣмъ строже была бы пріемка, тѣмъ болѣе славы для исполнившаго заказъ завода. Унасъ мѣряютъ разною мѣркой доброкачественность своихъ и заграничныхъ издѣлій. Къ своимъ мы почему-то всегда относимся неизмѣримо строже нежели къ иностраннымъ, будетъ ли то снарядъ, пушка, скорозарядное ружье. Наши сосѣди поступаютъ въ этомъ случаѣ совершенно обратно и всегда предпочитаютъ свое, подъ часъ только-что удовлетворительное, издѣліе лучшему иностранному. Какое это имѣетъ вліяніе на ходъ и успѣхъ дѣла, доказываетъ, между прочимъ, наше патронное производство. Еще недавно это дѣло у насъ было совершенно новое и патроны вырабатывались посредственные, бракъ былъ чрезвычайно великъ и фабрикація обходилась дорого. Машины были иностраннаго изготовленія, а теперь, когда дѣло стало на ноги, наши патроны не только не уступаютъ американскимъ, но положительно выше ихъ. Въ числѣ машинъ есть уже не мало принадлежащихъ русскимъ изобрѣтателямъ служащимъ на казенномъ патронномъ заводѣ. Это всѣ посѣщавшіе нынѣшнимъ лѣтомъ

Выставку видѣли воочію. Почему бы не могло точно также водвориться у насъ и всякое другое производство? Необходимы для этого только твердая воля и рѣшимость во что бы то ни стало добиться успѣха. Надо прежде всего въ принципѣ положить себѣ зарокъ на иностранные заказы, тогда найдется достаточная энергія и у своихъ заводовъ, найдутся и силы которыя помогутъ достичь совершенства издѣлій, можетъ-быть съ затратами не только не больше, но меньше тѣхъ которыя обусловливаетъ всякій заграничный заказъ когда онъ дѣлается не въ видѣ опыта, а въ обширныхъ размѣрахъ. Надо припомнить что заграничный заводчикъ будетъ работать не нашими рабочими силами, не изъ нашего сырья, и что сдавая издѣліе онъ не платитъ ввозной пошлины. Во что обошелся бы дѣйствительно заказъ Круппу, еслибы взять въ разчетъ все это? Получилась бы вѣроятно изрядная сумма. Не выгоднѣе ли теперь же затратить часть этой суммы на пособіе русскимъ заводамъ, которые потому и не могутъ пока идти въ уровень съ Круппомъ что не обладаютъ такими какъ онъ средствами. Значительная часть этихъ средствъ извлечена Круппомъ изъ русскихъ заказовъ. При средствахъ наши заводы сумѣли бы конечно справиться съ задачей. По крайней мѣрѣ думать иначе пока нѣтъ причины.

Б.

Іерусалимскій вопросъ снова обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. На престолъ старѣйшей изъ христіанскихъ церквей Братствомъ Св. Гроба былъ избранъ 28-лѣтній діаконъ. Всѣ патріархи, а также и нашъ Св. Синодъ, протестовали противъ этого выбора, и потребовали чтобы Порта отказалась утвердить выбраннаго упомянутымъ Братствомъ патріарха Іерусалимской церкви, и Порта наконецъ кассировала выборъ. Сущность дѣла остается однако не разъясненною. Нужно искать ее въ нынѣшней системѣ управленія горстью чужестранныхъ монаховъ, захватившихъ всю власть и, вдобавокъ, подпавшихъ вліянію нѣкоторыхъ изъ своей среды, получившихъ полуобразованіе на Западѣ и утратившихъ уваженіе къ церковнымъ преданіямъ. Этимъ же такъ-называемымъ Братствомъ Св. Гроба былъ низложенъ, вопреки всей іерусалимской паствѣ, доблестный патріархъ Кириллъ за его отказъ подписать постановленіе о Болгарской схизмѣ, послѣ чего, не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ какъ преступникъ былъ отправленъ на военномъ пароходѣ въ Константинополь, откуда уже не возвращался. Тогда же наше правительство вынуждено было прекратить на время высылку доходовъ съ принадлежащихъ Іерусалимской церкви въ Бессарабіи и на Кавказѣ имѣній, тѣмъ болѣе что поставленный Братствомъ на мѣсто Кирилла патріархъ Прокопій не былъ признанъ мѣстнымъ населеніемъ, которое, не смотря на всѣ притѣсненія, осталось вѣрнымъ Кириллу, не отказавшемуся отъ престола. Истощивъ всѣ денежные запасы и надѣлавъ много долговъ, Братство рѣшилось наконецъ устранить Прокопія, который подалъ Братству и Портѣ свою пресловутую просьбу объ отставкѣ. Газета *Византис*, слывущая органомъ Константинопольской патріархіи, цѣлымъ рядомъ обстоятельныхъ статей, съ которыми знакомитъ насъ г. Муркосъ, доказываетъ что вину всѣхъ возникшихъ въ послѣднее время въ Іерусалимской церкви неурядицъ слѣдуетъ искать не столько въ лицахъ сколько въ самой системѣ.

Интересы Россіи въ Іерусалимской церкви совсѣмъ не таковы какъ по отношенію къ остальнымъ восточнымъ церквамъ; здѣсь она не просто единовѣрная и могущественная покровительница, здѣсь она несетъ на себѣ особыя обязанности. Въ этой церкви находятся величайшія святыни всего православнаго міра, которыя поддерживаются главнымъ образомъ, если не исключительно, русскими пособіями. Россія не можетъ сочувствовать притязаніямъ Грековъ о принадлежности этихъ святынь Греческой націи; Россія предприняла Крымскую войну ради этихъ святынь, а не греческихъ притязаній, и въ силу принесенныхъ и приносимыхъ ею на Востокѣ жертвъ дѣлу православія не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности грозящія Святымъ Мѣстамъ, вслѣдствіе упадка этой церкви и разстройства среди управляющаго ею Братства, и должна оказать ей помощь дѣятельнымъ участіемъ въ контролѣ надъ расходованіемъ поступающихъ изъ Россіи и отъ русскихъ поклонниковъ суммъ. Только этотъ контроль и можетъ внести порядокъ въ дѣла этой церкви, направляя всѣ суммы на поддержаніе святынь и удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ, и не допуская ихъ идти

на интриги. Эту обязанность налагаютъ на Россію не только ея достоинство и собственные интересы, но и ея положеніе какъ единственной имѣющей всю полноту жизни православной державы, которой Вождь есть общій покровитель и защитникъ всѣхъ православныхъ церквей въ мірѣ.

№ 351.

Москва, 18-го декабря.

А.

Обращаемъ вниманіе на помѣщенную ниже „Замѣтку" Ветлужскаго Старожила. Въ этой „Замѣткѣ" авторъ говоритъ лишь о непосредственно знакомомъ ему предметѣ, объ условіяхъ лѣснаго хозяйства въ предѣлахъ одной только части бассейна рѣки Ветлуги, въ Нижегородской губерніи, но сущность того что онъ говоритъ имѣетъ значеніе не только для Ветлужскаго района и разъясняетъ условія въ какихъ находится лѣсное хозяйство если не во всей Россіи, то въ значительной ея части, можетъ-быть въ цѣлой ея половинѣ. То же что терпятъ землевладѣльцы Макарьевскаго уѣзда приходится терпѣть тысячамъ землевладѣльцевъ чуть не во всѣхъ пока еще не окончательно обезлѣсенныхъ губерніяхъ и уѣздахъ.

Гибельныя послѣдствія лѣсоистребленія для народнаго хозяйства и его будущности признаны всѣми. Вопросъ о мѣрахъ противъ этого зла много лѣтъ тому назадъ былъ признанъ однимъ изъ самыхъ настоятельныхъ и, разъ поставленный, не сходилъ съ очереди. Но многолѣтнее обсужденіе вопроса не привело до сихъ поръ ни къ какимъ результатамъ; лѣсоистребленіе не только не сокращается, но принимаетъ все бо́льшіе размѣры.

Не оттого ли происходитъ это что лѣсной вопросъ обсуждается лицами мало заинтересованными въ лѣсоохраненіи? Не разъ приходилось замѣчать что въ разныхъ коммиссіяхъ и лѣсныхъ съѣздахъ обсуждавшихъ вопросъ о мѣрахъ лѣсоохраненія большинство составляли не лѣсовладѣльцы, а лѣсничіе, для которыхъ лѣсъ не свое, а чужое добро, и, что еще хуже, лица вольно практикующія по части меньшей братіи, расположенныя мирволить порубщикамъ и смотрѣть на лѣсовладѣльцевъ какъ на притѣснителей.

Благодаря тому что общій тонъ сужденіямъ по лѣсному вопросу дается преимущественно людьми дилеттантски относящимися къ этому дѣлу, на первый планъ выдвинулась у насъ забота объ охранѣ лѣсовъ—смѣшно сказать—не отъ лѣсокрадовъ, а отъ лѣсовладѣльцевъ. Правда, многія уважительныя причины требуютъ чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ право частной лѣсной собственности, напримѣръ по отношенію къ такъ-называемымъ „охраннымъ" или „защитнымъ" лѣсамъ, было ограничено въ государственныхъ видахъ общей пользы. Подобныя ограниченія лѣсной собственности установлены законодательствами почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Но такія ограниченія имѣютъ смыслъ какъ завершеніе цѣлаго ряда другихъ мѣръ лѣсоохраненія; повсюду мѣрамъ ограниченія правъ лѣсной собственности предшествовало серіозное и энергическое охраніе правъ собственности отъ всякихъ на нее покушеній. У насъ же хотятъ начать дѣло не съ начала, а съ конца запрещая рубить лѣсъ тѣмъ кому онъ принадлежитъ.

Было время когда на лѣсохищеніе можно было смотрѣть сквозь пальцы, такъ какъ Россія чуть не сплошь была покрыта лѣсами, которые поэтому и не имѣли почти никакой цѣны. Но времена измѣнились, на мѣстѣ мнимо-неистощимыхъ богатствъ появилось оскудѣніе. По многимъ мѣстамъ—не на степномъ югѣ, а въ центральныхъ, нѣкогда сплошнымъ лѣсомъ покрытыхъ губерніяхъ, стало, говоря словами талантливаго автора очерковъ поволжскаго быта, до того безлѣсно „что ни прута, ни лѣсинки, ни барабанной палки; такая голь что кнутовища негдѣ вырѣзать, парнишку нечѣмъ посѣчь." При такомъ положеніи дѣла и въ виду того что подобная же перспектива грозитъ и другимъ пока еще не обезлѣсеннымъ мѣстностямъ, позволительно ли попрежнему пассивно относиться къ народной привычкѣ рубить лѣсъ не задумываясь, не уважая собственности?

Лѣсокрадство приняло у насъ страшные размѣры. Статистическихъ данныхъ по этой части, конечно, не имѣется, да ихъ и не можетъ быть, такъ какъ о большей части лѣсныхъ кражъ никакимъ властямъ не заявляется. Но приблизительное понятіе о размѣрахъ этого зла даютъ между прочимъ отчеты лѣснаго вѣдомства. Лѣтъ семь тому назадъ мы имѣли случай привести нѣ-

сколько цифръ изъ лѣснаго отчета за 1873 годъ. Что говорили эти цифры? Хотя далеко не каждая порубка бываетъ замѣчена, и далеко не по каждому нарушенію лѣсной собственности возбуждается судебное дѣло, суды все-таки были завалены дѣлами о порубкахъ и похищеніи лѣса; въ одинъ 1873 годъ такихъ дѣлъ поступило въ суды 37.797, и еще бо́льшая масса такихъ же неоконченныхъ производствомъ дѣлъ оставалась въ судахъ отъ прежняго времени; почти по четвертой части дѣлъ не удалось разыскать виновыхъ, и тѣмъ не менѣе судамъ пришлось въ одинъ годъ приговорить къ разнымъ (правда, ничтожнымъ и даже болѣе поощрительнымъ нежели устрашительнымъ) взысканіямъ за порубки 68.956 человѣкъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло въ 1873 году, а съ тѣхъ поръ оно, несомнѣнно, много ухудшилось: въ какой разительной прогрессіи растетъ зло лѣсокрадства можно судить между прочимъ по тому что, напримѣръ, ежегодная цифра дѣлъ о порубкахъ съ 11.494 въ 1866 году, непрерывно возрастая, дошла до 37.797 въ 1873. Удивительно ли что многіе лѣсовладѣльцы спѣшатъ сводить свои лѣса, полагая что лучше выручить за нихъ что́ можно, чѣмъ оставлять ихъ ворамъ на расхищеніе?

Мы упомянули сейчасъ о множествѣ судебныхъ дѣлъ по лѣснымъ порубкамъ и о налагаемыхъ за оныя взысканіяхъ... Но всѣ знаютъ какое значеніе имѣютъ эти взысканія и какъ вся судебная процедура по подобнымъ дѣламъ (характеристическіе образчики такой процедуры приводятся между прочимъ въ „Замѣткѣ“ Ветлужскаго Старожила) только убѣждаетъ нарушителей лѣсной собственности въ безнаказанности лѣсокрадства, поощряя ихъ къ новымъ и болѣе смѣлымъ порубкамъ, и вообще воспитывая и укореняя въ народѣ неуваженіе къ праву собственности. Наша судебная практика по дѣламъ о лѣсокрадствахъ служитъ лишь подтвержденіемъ того что лѣса стоятъ у насъ какъ бы вовсе внѣ закона. Лѣсокрадство не считается воровствомъ и въ большей части случаевъ не влечетъ за собой никакой уголовной отвѣтственности. Украдутъ у васъ со двора охапку дровъ, укравшій будетъ судимъ уголовнымъ порядкомъ; но если тотъ же воръ будетъ пойманъ на гораздо болѣе серіозной порубкѣ въ вашей рощѣ, то-есть на кражѣ лѣса съ корня, вы должны удовольствоваться только гражданскимъ взысканіемъ съ него, если таковое, по состоятельности порубщика, окажется возможнымъ. Какой смыслъ имѣетъ такое отношеніе закона къ лѣсокрадству? Не есть ли это какъ бы отрицаніе права лѣсной собственности, какъ бы косвенное поощреніе всяческихъ нарушеній этого права? „Нельзя преслѣдовать порубщиковъ—убьютъ; а жаловаться — ничего не будетъ,“ вотъ что́ приходится выслушивать лѣсовладѣльцамъ отъ своихъ лѣсниковъ. Какъ при такихъ порядкахъ ожидать чтобы лѣсовладѣльцы не вырубали своихъ лѣсовъ спасая ихъ отъ лѣсокрадовъ?

Вообще, пока не принято серіозныхъ мѣръ къ огражденію лѣсовъ отъ лѣсокрадовъ, всякое запрещеніе или ограниченіе порубокъ производимыхъ лѣсовладѣльцами имѣло бы характеръ мѣры принятой не въ видахъ охраненія лѣсовъ ради общегосударственной пользы, а какъ бы въ видахъ экспропріаціи ихъ у законныхъ владѣльцевъ въ пользу лѣсокрадовъ. Стѣсненію законнаго пользованія лѣсомъ должно предшествовать прекращеніе пользованія незаконнаго; было бы ни съ чѣмъ несообразно ставить лѣсовладѣльца въ такое положеніе чтобъ онъ, не пользуясь своею собственностью самъ, былъ осужденъ смотрѣть какъ она расхищается воровскими руками. Избавленіе лѣсовладѣльцевъ отъ нравственной пытки быть безсильными и безмолвными зрителями истребленія ихъ собственности было бы одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ поощренія къ необходимому въ народнохозяйственномъ интересѣ сбереженію лѣсовъ.

Въ извѣстной, но далеко не достаточной, мѣрѣ это и признается, какъ видно между прочимъ изъ проекта закона объ охраненіи лѣсовъ, сущность коего приведена въ № 326 *Московскихъ Вѣдомостей* за текущій годъ. На ряду съ назначеніемъ „большихъ денежныхъ взысканій“ съ лѣсовладѣльцевъ за вырубку ими такъ-называемыхъ „охранныхъ“ лѣсовъ, проектируется также и установленіе серіозныхъ наказаній за лѣсныя порубки. Предоставляемъ лѣсовладѣльцамъ обсудить и рѣшить достаточно ли предполагаемыхъ взысканій чтобъ отвадить искусившихся въ своемъ дѣлѣ порубщиковъ отъ лѣсокрадства, обратившагося въ привычный и организованный промыселъ.

Но одпѣми карательными мѣрами для огражденія лѣсовъ отъ расхищенія, какъ убѣдительно доказываетъ Ветлужскій Старожилъ въ своей „Замѣткѣ,“ нельзя ограничиться. Въ этомъ дѣлѣ имѣетъ полный вѣсъ нравоученіе вытекающее изъ Крыловской басни о Собакѣ, которую не могли отучить отъ кражи никакіе побои хозяина, пока онъ не послѣдовалъ данному ему совѣту:

„А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней.“

Именно этотъ смыслъ имѣетъ совершенно вѣрное заключеніе къ которому пришелъ Ветлужскій Старожилъ. „Въ нашемъ краѣ,“ пишетъ онъ,—и далеко не въ одномъ Ветлужскомъ уѣздѣ, прибавимъ отъ себя,—„лѣсное воровство могутъ остановить, или по крайней мѣрѣ ослабить, только мѣры затрудняющія сбытъ ворованнаго лѣса и привлекающія къ отвѣтственности не однихъ порубщиковъ, но и скупщиковъ... Какъ скоро крестьяне убѣдятся что ворованный лѣсъ не имѣетъ свободнаго сбыта и что ихъ трудъ положенный на похищеніе и перевозку чужаго добра можетъ пропасть даромъ, они перестанутъ смотрѣть на воровство какъ на выгодный промыселъ и станутъ искать другаго. Такая мѣра была бы дѣйствительнымъ благодѣяніемъ и не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ способствовала бы сохраненію лѣсовъ.“

Б.

Вчера мы замѣтили что у насъ „мѣряютъ разною мѣркой доброкачественность своихъ и заграничныхъ издѣлій, и что къ своимъ почему-то всегда относятся неизмѣримо строже нежели къ иностраннымъ, будетъ ли то снарядъ, пушка, ружье.“ Въ только что полученной декабрьской книжкѣ *Артиллерійскаго Журнала* мы встрѣтили любопытный фактъ наглядно поясняющій это... Чѣмъ теперь озабочено артиллерійское вѣдомство? Ему необходимъ стальной бронепробивающій снарядъ для береговой пушки, котораго наши заводы дѣлать пока не умѣютъ, такъ что приходится де по неволѣ обратиться къ иностранному заказу. Не естественно ли ждать что всякая мысль о возможности замѣнить требуемый снарядъ другимъ, совершенно новой конструкціи, будетъ встрѣчена артиллеристами съ полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ... Какъ бы не такъ! Въ морскомъ вѣдомствѣ производились и будутъ производиться опыты стрѣльбы противъ брони снарядами наполненными пироксилиномъ. Сухопутная артиллерія участія въ этихъ опытахъ принять не хочетъ, а напротивъ даже прямое свое дѣло навязываетъ морякамъ. Артиллерійскому Комитету въ іюнѣ мѣсяцѣ была представлена на разсмотрѣніе докладная записка штабсъ-капитана В—а съ чертежомъ и описаніемъ устройства проектированнаго имъ совершенно своеобразнаго снаряда для разрушенія брони. И что же? Комитетъ журнальнымъ постановленіемъ (за № 223) рѣшилъ передать предложеніе В—а для разсмотрѣнія морскому вѣдомству. Интересны подробности сужденій Комитета. Снарядъ предложенный г. В., сказано въ журналѣ, „по вылетѣ изъ орудія будетъ состоять какъ бы изъ двухъ частей: почти сплошнаго чугуннаго цилиндра и находящагося въ головной части заряда изъ нитроманнита. При ударѣ въ броню нитроманнитъ даетъ взрывъ который подѣйствуетъ непосредственно на броню и разрушитъ хоть отчасти то мѣсто куда попалъ снарядъ... Изобрѣтатель полагаетъ что сфера разрушенія будетъ весьма значительна,“ такъ что снарядъ калибра простой полевой пушки будетъ „въ состояніи разрушить по частямъ самую толстую броню.“ Изобрѣтатель сознаетъ что предлагаемый имъ снарядъ проектированъ такъ-сказать только вчернѣ, что для окончательной его выработки потребуется не мало труда, и проситъ только разрѣшить ему производить опыты, давъ нѣкоторыя средства для этого. Что же Комитетъ? Онъ признаетъ оригинальность идеи замѣчая что „сущность предложенія заключается главнымъ образомъ въ идеѣ помѣщать взрывное вещество въ головкѣ снаряда и въ употребленіи для этого нитроманнита, который, по опытамъ доктора Соколова, оказался сильнѣе пироксилина,“ надъ которымъ теперь работаютъ наши моряки. Но Комитету не понравилось устройство предложеннаго снаряда въ деталяхъ. Оно де „очень непрактично.“ Этимъ не ограничилось дѣло. Комитетъ вторымъ пунктомъ своего постановленія прямо порѣшилъ что „употреблять нитроманнитъ въ артиллерійской техникѣ еще несвоевременно“ и что „опыты съ нитроманнитомъ, пока онъ не будетъ

-приготовляться фабрично *и не войдетъ во всеобщее употребленіе*, производить не слѣдуетъ." Выходитъ нѣчто весьма комичное: артиллерійскому вѣдомству производить опыты не слѣдуетъ, а морскому можно! И почему не слѣдуетъ? Потому что взрывной составъ этотъ еще не приготовляется фабрично, потому что его „до сихъ поръ" трудно получить въ чистомъ видѣ въ большихъ массахъ. Трудно, но не невозможно. Возьмись артиллерія за предлагаемые ей опыты, нашлось бы вѣроятно попутно и средство легкой обработки нитроманнита, явилась бы возможность изготовлять его фабрично. Какая надобность ждать пока это взрывное вещество „войдетъ во всеобщее употребленіе" и слѣдовательно станетъ достояніемъ и иностранныхъ артиллерій? Да и слѣдуетъ ли поступать такъ? Наши сосѣди дѣлаютъ совсѣмъ иначе. Они стараются дать ходъ своей оригинальной идеѣ, содержать ее въ секретѣ, стараясь одни ею воспользоваться. Такъ они поступили съ ружьемъ Дрейзе, такъ теперь дѣлаютъ и со своими выводами изъ опытовъ надъ крупно-зернистымъ порохомъ. Не смущались прусскіе артиллеристы что предложенное въ 1827 году ружье Дрейзе по своей непрактичности походило больше на дѣтскую игрушку нежели на боевое оружіе. Двѣнадцать лѣтъ шла усиленная работа надъ этимъ образцомъ, и въ результатѣ установлены принципы устройства оружія заряжаемаго съ казны, отъ которыхъ и до сихъ поръ нельзя отступить безъ явнаго ущерба дѣлу. Итакъ изобрѣтеніе В—а въ сущности, какъ въ извѣстныхъ сферахъ принято выражаться, „прокатили." Изобрѣтателю, „чтобы не лишить его возможности провѣрить свою идею," дали „крѣпостное *ружье* со свинцомъ для отливки 100 пуль и 50 рублей на расходы по пріобрѣтенію нитроманнита и на различныя приспособленія для опытовъ съ разрывными пулями." Какимъ образомъ изобрѣтатель, производя опыты надъ пулями, можетъ выработать до степени полной практичности детали устройства пушечнаго снаряда, и что можно сдѣлать на такую ничтожную сумму какъ 50 рублей? Неужели наша артиллерія такъ бѣдна что не можетъ удѣлить болѣе на предметъ которымъ должна интересоваться и который появляется такъ кстати? Такова судьба русскаго изобрѣтателя. Другое дѣло иностранцы. Иначе относились въ нашей артиллеріи къ Американцамъ Гатлингу, Бердану или Англичанину Карле. Ихъ предложенія, наоборотъ, были встрѣчены съ полнымъ вниманіемъ и подвергнуты затѣмъ столь тщательной переработкѣ что отъ первоначальнаго проекта сохранилась, и то не вполнѣ, только основная идея. Почему же поступаютъ столь почтительно съ иностранцами и столь невнимательно съ русскими изобрѣтателями? Оставимъ это открытымъ вопросомъ. Кстати. Въ той же книжкѣ *Артиллерійскаго Журнала* находимъ еще два факта заслуживающіе теперь вниманія. Въ журналѣ Артиллерійскаго Комитета состоявшемся въ іюнѣ, за № 230, сказано что признанные неудовлетворительными стальные снаряды Александровскаго завода хотя и разбивались на куски (не болѣе трехъ), но все-таки *пробивали* броневую плиту. Стало-быть главное нашимъ заводомъ было достигнуто и для водворенія у насъ фабрикаціи большихъ стальныхъ снарядовъ приходится лишь достигнуть чтобы снарядъ *пробившій броню* не разлетался въ куски. Неужели же можно думать что русская техника будетъ не въ состояніи сдѣлать этотъ послѣдній шагъ? И почему можно безусловно довѣрять Круппу? Въ Журналѣ Комитета за № 225 идетъ же рѣчь о неисправностяхъ въ конной пушкѣ приготовленной на заводѣ Круппа, причемъ еще предстоитъ рѣшить возможно ли оставить это орудіе на службѣ или его слѣдуетъ вовсе забраковать.

№ 353.

Москва, 20-го декабря.

Во время недавней газетной агитаціи возбужденной проѣздомъ чрезъ Германію русскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ, за Россію вдругъ заступилась, къ общему удивленію, всегдашняя противница Россіи, католическая берлинская газета *Germania*. Этотъ неожиданный поворотъ объясняется, какъ та же газета сообщаетъ, благопріятными результатами переговоровъ русскаго министра съ ватиканскими властями. *Journal de St.-Pétersbourg*, въ замѣткѣ очевидно сообщенной изъ офиціальныхъ сферъ, подтверждаетъ что отношенія нашего правительства къ папской куріи дѣйствительно обѣщаютъ принять удовлетворительный для обѣихъ сторонъ характеръ. Намъ оста-

валось бы только порадоваться такому результату, но вопросъ о которомъ идетъ рѣчь такого свойства что невольно возникаютъ докучныя *апоріи*, говоря Аристотелевскимъ терминомъ. Если съ Римскою церковію нѣтъ сладу тамъ гдѣ она у себя дома, если она находится въ военныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ правительствамъ, даже въ тѣхъ странахъ которыя принадлежатъ къ одной съ нею исторической формаціи, то удастся ли правительству Россіи поладить съ нею прочнымъ и надежнымъ образомъ? Но, быть-можетъ, именно потому что наше отечество со своею церковію есть особый міръ, не имѣющій счетовъ съ латинскою церковію, Россіи и будетъ легче найти способъ поладить и ужиться съ нею. Дай Богъ!

Надежды главнымъ образомъ надобно возлагать на свойства лицъ представляющихъ интересы обѣихъ сторонъ и ведущихъ переговоры. Еслибы вопросъ коснулся принциповъ, то столковаться не было бы никакой возможности и стороны разошлись бы болѣе разрозненныя чѣмъ прежде. Русское правительство не можетъ вступать въ формально-договорныя съ кѣмъ бы то ни было отношенія касательно своихъ внутреннихъ дѣлъ; оно не можетъ, не теряя почвы подъ своими ногами, принять какія бы то ни было контрактныя обязательства по отношенію къ своимъ подданнымъ; но мы полагаемъ что и рѣчи не было о чемъ-либо похожемъ на конкордатъ, или вообще о какихъ бы то ни было письменныхъ обязательствахъ между нашимъ правительствомъ и куріей. Всякій такой договоръ, каковы бы ни были его условія, хотя бы предположительно очень для насъ выгодныя, былъ бы для Россіи ущербомъ, послужилъ бы не залогомъ мира, но сигналомъ къ борьбѣ, и внесъ бы въ наши дѣла ложное начало. Требуется только улаженіе практическихъ затрудненій и разрѣшеніе частныхъ вопросовъ вызываемыхъ текущими дѣлами. Россія числитъ около 8.000.000 подданныхъ римско-католическаго закона, и правительство ея не можетъ не желать чтобы религіозныя потребности этихъ населеній удовлетворялись правильно, чтобы совѣсть ихъ ничѣмъ не смущалась и чтобы все касающееся ихъ церкви было у нихъ въ должномъ порядкѣ. Но одинъ изъ догматовъ Римской церкви, которымъ она существенно разнится отъ нашей, при одномъ и томъ же апостольскомъ происхожденіи и вѣроученіи, состоитъ въ главенствѣ и непогрѣшимости римскаго владыки. Мы разнимся съ римскою церковію преимущественно и почти исключительно только въ началахъ церковнаго управленія. Мы не признаемъ видимаго главы церкви, и чтимъ ея единою главою Самого Христа, между тѣмъ какъ для нашихъ латинскихъ братьевъ необходимъ намѣстникъ Христа на землѣ, который есть папа. Все въ Римской церкви требуетъ благословенія папы, признаваемаго непогрѣшимымъ въ своихъ рѣшеніяхъ, имѣющаго царственное положеніе и находящагося въ отношеніяхъ къ своей паствѣ, гдѣ бы то ни было, какъ бы къ подданнымъ своего престола. Такое отношеніе папскаго престола къ народамъ принадлежащимъ къ Римской церкви всегда было великимъ затрудненіемъ въ исторіи запада. Оно же на нашихъ глазахъ вызвало недавно такъ-называемую культурную борьбу въ сосѣдней намъ Германіи, гдѣ вопросъ между правительствомъ страны и верховною властію иноземнаго государя коснулся самаго принципа и принялъ острый характеръ. Мы видѣли до какого ожесточенія доходилъ этотъ споръ и какъ мало подаетъ онъ надежды на благополучное разрѣшеніе пока будетъ удерживать принципіальный характеръ. Не можемъ при этомъ не припомнить что эта такъ-называемая „культурная борьба“ въ Германіи шла съ особеннымъ ожесточеніемъ въ ту самую пору когда и мы напрягали наши силы, готовясь къ событіямъ на Востокѣ касавшимся нашихъ драгоцѣннѣйшихъ интересовъ, и, можно сказать, самаго принципа существованія Россіи. Намъ было необходимо тогда обезпечить себя со всѣхъ сторонъ и болѣе всего придти къ соглашенію съ союзною Германіей, которая того только и желала, безпрестанно напоминая намъ, въ лицѣ своего канцлера, о потребности установить общую точку зрѣнія. Увы, наша дипломатія ставила себѣ тогда задачею во что бы то ни стало избѣгать соглашенія съ Германіей и была болѣе озабочена сохранностію правъ папы нежели русскими интересами на Востокѣ... Мы не только отвергали дружеское содѣйствіе въ дѣлѣ имѣющемъ для насъ великое значеніе, но и готовы были поддерживать въ борьбѣ начало намъ непріязненное.

Итакъ, возвращаясь къ вопросу нынѣшняго дня, порадуемся что наши затрудне-

нія съ Римскою куріей улаживаются, и что обѣ стороны одушевлены желаніемъ дружелюбно разрѣшать ихъ практически, не вступая въ споръ о началахъ. Пока авторитетъ папской власти имѣетъ чисто религіозный характеръ, мы можемъ предоставить ему полную свободу. Съ другой стороны, ватиканскій владыка, не встрѣчая съ нашей стороны никакого посягательства на его чисто духовную юрисдикцію, будетъ избѣгать всего что̀ можетъ придать ей недопустимый въ Россіи политическій оттѣнокъ. Все далѣе будетъ зависѣть отъ миролюбія обѣихъ сторонъ. Съ ватиканскимъ владыкой мы можемъ жить дружно не на основаніи договора, а напротивъ при условіи что никакого контрактнаго условія между имъ и нами не имѣется. Только личнымъ взаимнымъ довѣріемъ и могутъ поддерживаться наши добрыя отношенія ко главѣ римской церкви. Мы не предоставляемъ ему власти въ предѣлахъ нашего государства, но не имѣемъ ничего противъ его распоряженій въ чисто церковномъ смыслѣ и духѣ. Наше правительство, въ дѣлахъ выходящихъ изъ его компетенціи, будетъ радо видѣть въ папѣ не противника, а союзника или помощника. За то все сразу и само собою измѣнится какъ только возникнетъ сомнѣніе въ чистотѣ церковнаго характера папскихъ распоряженій. Добрыя отношенія уступятъ мѣсто недовѣрію, которое повлечетъ за собою неизбѣжныя стѣсненія. А потому взаимное довѣріе между обѣими сторонами должно находить себѣ опору въ ясномъ разумѣніи своихъ интересовъ.

Сколько намъ извѣстно, никакихъ письменныхъ обязательствъ между нашимъ правительствомъ и папскою куріей не предполагается. Наше законодательство по этой части ни въ чемъ не измѣняется; рѣчь идетъ только объ отмѣнѣ одного пункта въ дѣйствующемъ законѣ, пункта ограничивающаго свободу дѣйствій епископа при смѣщеніи или перемѣщеніи администраторовъ приходовъ. Въ силу ст. 18 указа 14 декабря 1865 года, „администраторъ, представленный епископомъ и утвержденный въ должности правительственною коммиссіей внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, не можетъ быть лишенъ сей должности безъ предварительнаго разрѣшенія той же правительственной коммиссіи. Равнымъ образомъ, администраторъ не можетъ быть епархіальнымъ начальствомъ перемѣщенъ съ одного прихода на другой, безъ разрѣшенія означенной правительственной коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.“ Папское управленіе находитъ этотъ законъ стѣснительнымъ. Вмѣшательство посторонней власти въ отношенія епископа къ подчиненнымъ ему духовнымъ лицамъ не соотвѣтствуетъ его канонамъ. Но предоставляя епархіальной власти право смѣщать и перемѣщать настоятелей приходовъ по своему усмотрѣнію, безъ особаго соглашенія съ правительственною коммиссіей, правительство конечно будетъ уважать это право лишь пока въ этихъ распоряженіяхъ не окажется затаенной тенденціи противной государству...

№ 354.

Москва, 21-го декабря.

Скопинская катастрофа и ея послѣдствія обратили на себя серіозное вниманіе, не только внутри Россіи, но и за границей, между прочимъ въ Берлинѣ, о чемъ и идетъ рѣчь въ помѣщаемой ниже Берлинской корреспонденціи. Ходящіе тамъ по этому предмету толки побудили нашего корреспондента остановиться на вопросѣ о городскихъ общественныхъ банкахъ, и изложить цѣлый рядъ относящихся къ этому вопросу соображеній. Можетъ-быть нѣкоторыя изъ этихъ соображеній не выдержатъ строгой критики, но несомнѣнная дѣльность мысли лежащей въ нихъ основаніи заставляетъ желать чтобъ эти соображенія не прошли не замѣченными и чтобы на нихъ было обращено вниманіе котораго они заслуживаютъ.

Со своей стороны считаемъ нелишнимъ теперь же сказать нѣсколько словъ по поводу двухъ пунктовъ вопроса, которыхъ касается нашъ корреспондентъ. Между прочимъ, говоря о впечатлѣніи которое произведено извѣстнымъ министерскимъ распоряженіемъ о непріемѣ вкладныхъ билетовъ городскихъ общественныхъ банковъ въ залогъ по разсрочкѣ акциза, онъ передаетъ мнѣніе многихъ что Министерству Финансовъ „слѣдовало бы гуманнѣе относиться къ городскимъ банкамъ.“ Этотъ упрекъ дѣлаемый нашему финансовому вѣдомству можетъ быть признанъ справедливымъ лишь отчасти. На недостатокъ „гуманности“ могутъ жаловаться главнымъ

образомъ вкладчики, въ интересахъ коихъ пока еще ничего не сдѣлано, но не городскіе общественные банки, которымъ во многихъ случаяхъ оказывается сильная денежная поддержка Государственнымъ Банкомъ и его развѣтвленіями. Не далѣе какъ вчера сообщали мы, со словъ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, извѣстіе о благопріятномъ результатѣ достигнутомъ воронежскою депутаціей которая ѣздила въ Петербургъ просить объ открытіи кредита изъ Государственнаго Банка, въ размѣрѣ полумилліона рублей, подъ переучетъ векселей изъ портфеля Воронежскаго Городскаго Банка. Такая же поддержка, иногда даже въ еще бóльшихъ размѣрахъ, какъ извѣстно, оказана и многимъ другимъ городскимъ общественнымъ банкамъ. Какъ велика вообще эта поддержка оказываемая городскимъ общественнымъ банкамъ, а равно и провинціальнымъ обществамъ взаимнаго краткосрочнаго кредита (на которыхъ тоже сильно отозвался Скопинскій крахъ и изъ которыхъ вкладчики также усиленно выбираютъ свои вклады), можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ цифрамъ которыя приведены въ № 186 *Биржевыхъ Вѣдомостей*, отъ 15 декабря. Вслѣдствіе истребованія публикой ея вкладовъ изъ городскихъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита и внесенія части этихъ денегъ на текущіе счеты, а также въ формѣ вкладовъ до востребованія, въ Государственный Банкъ и преимущественно въ его провинціальныя конторы и отдѣленія, вкладная операція сихъ послѣднихъ возрасла въ теченіе октября на 25 милліоновъ, въ ноябрѣ еще на $22^1/_2$ милл., итого только въ два мѣсяца слишкомъ на 47 милл. рублей. Но и такого экстреннаго прилива денежныхъ средствъ преимущественно въ провинціальныя конторы и отдѣленія Государственнаго Банка оказалось недостаточно для удовлетворенія требованій городскихъ общественныхъ банковъ и обществъ взаимнаго кредита по переучету векселей и перезалогу процентныхъ бумагъ. Чтобъ удовлетворить эти требованія понадобилось, какъ сообщено въ томъ же биржевомъ листкѣ, чтобы Государственный Банкъ отправилъ въ свои конторы и отдѣленія въ теченіе ноября мѣсяца 20 милліоновъ и въ первые двѣнадцать дней текущаго декабря еще $5^3/_4$ милліоновъ рублей.

Но чѣмъ болѣе могутъ быть довольны этимъ городскіе банки и общества взаимнаго кредита, тѣмъ менѣе можетъ это оказаться благопріятнымъ для вкладчиковъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ они мятутся въ страшной тревогѣ. Тѣ кто побойчѣе, кто раньше другихъ бросились въ банки за обратнымъ полученіемъ своихъ вкладовъ, могутъ считать себя счастливыми: они получили свое сполна. Но тѣмъ хуже для запоздавшихъ предъявленіемъ требованій или, по срочности вкладовъ, не имѣвшихъ права предъявить оныя: чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе остается шансовъ получить свои деньги обратно полностью, тѣмъ грознѣе перспектива получить за свой рубль по нѣскольку копѣекъ, да и то Богъ вѣсть когда. Этотъ рискъ потери значительной части, если не всего достоянія, увеличивается для вкладчиковъ вслѣдствіе поддержки которая оказывается городскимъ банкамъ широкимъ кредитомъ по переучету части ихъ вексельнаго портфеля въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка. Къ переучету принимается, конечно, только лучшая, наиболѣе солидная часть вексельнаго портфеля городскихъ банковъ. Такимъ образомъ, благодаря переучету, общее достоинство остальной части ихъ вексельнаго портфеля сильно понижается. Суммы добытыя переучетомъ скоро расходятся по рукамъ вкладчиковъ успѣвающихъ забѣжать впередъ для обратнаго полученія своихъ денегъ. Тѣмъ хуже для вкладчиковъ которымъ приходится ждать: для обезпеченія ихъ интересовъ остается въ городскихъ банкахъ вексельный портфель изъ котораго лучшіе векселя уже повыбраны.

Въ заключеніе ряда своихъ сужденій по вопросу о городскихъ банкахъ, нашъ берлинскій корреспондентъ, во главѣ всѣхъ мѣръ вызываемыхъ, по его мнѣнію, нынѣшнимъ положеніемъ дѣла, ставитъ огражденіе вкладчиковъ отъ грозящей имъ опасности разоренія. Именно, онъ предлагаетъ чтобы Государственный Банкъ объявилъ „что онъ отвѣчаетъ за цѣлость вкладовъ въ городскихъ банкахъ внесенныхъ по день публикаціи." Эта самая мысль не разъ высказывалась нами, и не намъ, конечно, возражать противъ нея. Но не всѣ раздѣляютъ эту мысль, многихъ она пугаетъ. Между прочимъ, противъ казенной гарантіи цѣлости всѣхъ

вкладовъ ввѣренныхъ городскимъ банкамъ приводилось не разъ то соображеніе что такая гарантія была бы для казны слишкомъ накладна и убыточна. На самомъ дѣлѣ, однако, если принять во вниманіе всѣ обстоятельства въ какихъ находятся операціи городскихъ банковъ, безусловная гарантія правительствомъ цѣлости всѣхъ *ввѣренныхъ имъ донынѣ* вкладовъ отнюдь не грозитъ казнѣ такимъ ущербомъ, отъ котораго можно было бы придти въ ужасъ. Допустимъ что общій итогъ вкладовъ во всѣхъ городскихъ общественныхъ банкахъ наканунѣ Скопинскаго краха доходилъ почти до двухсотъ милліоновъ рублей: это не значитъ чтобы въ эту сумму могло обойтись казнѣ обезпеченіе интересовъ вкладчиковъ. Подъ впечатлѣніемъ Скопинской катастрофы, истребованіе вкладовъ изъ городскихъ банковъ шло такимъ быстрымъ ходомъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ итогъ ихъ много сократился и не перестаетъ сокращаться. Это ставитъ многіе банки въ крайне затруднительное положеніе, побуждаетъ ихъ отсрочивать удовлетвореніе вкладчиковъ; но это не значитъ чтобъ активъ этихъ банковъ не представлялъ уже никакого обезпеченія для не возвращенныхъ еще вкладовъ. Не забудемъ что болѣе третьей части вкладовъ розданы въ ссуды подъ недвижимыя имущества и процентныя бумаги: въ уплатѣ этихъ ссудъ можетъ произойти замедленіе; продажа залоговъ по просроченнымъ ссудамъ можетъ въ иныхъ случаяхъ дать суммы недостаточныя для того чтобы покрыть сдѣланныя ссуды полностью; но во всякомъ случаѣ по этой статьѣ нѣтъ повода опасаться крупныхъ недочетовъ. Такихъ недочетовъ можно ожидать только по учетной операціи городскихъ банковъ. Ихъ вексельные портфели, дѣйствительно, не отличаются особенною благонадежностью; но признавая эту неблагонадежность, все же не слѣдуетъ ее преувеличивать, не слѣдуетъ думать чтобы вексельный портфель каждаго банка былъ ничѣмъ не лучше Скопинскаго. Есть не мало городскихъ банковъ гдѣ бронзовые векселя не правило, а только исключеніе; есть много банковъ гдѣ значительное большинство учтенныхъ векселей безъ неудобства могутъ быть приняты къ переучету въ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка; такъ, напримѣръ, негласная полуофиціальная ревизія Орловскаго Городскаго Банка показала, какъ сообщалъ нашъ корреспондентъ, что половина учтенныхъ этимъ банкомъ векселей, на 2.000.000 рублей, можетъ быть переучтена въ Государственномъ Банкѣ, — а Орловскій Городской Банкъ еще далеко не лучшій въ ряду своихъ собратій. Конечно, при томъ безденежьи которое причинено нынѣшнимъ экономическимъ кризисомъ, даже и многія изъ солидныхъ фирмъ затрудняются въ настоящую минуту срочными уплатами по своимъ обязательствамъ; но при допущеніи необходимыхъ по обстоятельствамъ разсрочекъ, можно быть увѣрену что по меньшей мѣрѣ половина учтенныхъ городскими банками векселей будетъ оплачена векселенадписателями въ полной суммѣ и съ процентами; затѣмъ, по остальнымъ векселямъ, можетъ быть взыскано если не все, то хоть часть. Въ общемъ выводѣ, maximum ущерба который можетъ понести казна принявъ на себя полную гарантію по вкладамъ городскихъ банковъ (на новые вклады, послѣ отмѣны ст. 31 Норм. Пол., распространять гарантію не будетъ основанія) дошла бы можетъ-быть до цифры еще весьма почтеннѣе, но казна не останавливается предъ несравненно бо́льшими издержками руководясь побужденіями даже менѣе уважительными нежели тѣ которыя требуютъ огражденія интересовъ вкладчиковъ. Если мы не боимся обременять государственный бюджетъ *ежегодными* 50-милліонными уплатами для успокоенія иностранныхъ банкировъ, ради поддержанія нашего кредита въ ихъ мнѣніи, то почему вдругъ вообразимъ мы что наша казна разорится еслибъ и пришлось заплатить хотя бы такую же сумму по ликвидаціи городскихъ общественныхъ банковъ которая спасла бы отъ разоренія массы бѣднаго люда въ Россіи, успокоила бы многія тысячи вкладчиковъ оказавъ имъ справедливость? Казна ежегодно дорого платится за ошибочность той системы благодаря которой создалось желѣзнодорожное хозяйство въ его нынѣшнемъ видѣ. Расплата за эту ошибку ежегодно ложится на государственный бюджетъ многими десятками милліоновъ рублей, можно сказать, только pro forma приписываемыми къ числящемуся на желѣзнодорожныхъ обществахъ долгу, который рано или поздно придется списать со счетовъ по безнадежности полученія; въ минувшемъ 1881 г. этотъ долгъ возросъ на 70 милліоновъ,

то-есть, иными словами, казна въ одномъ только году поплатилась 70 милліонами за допущенную ошибку въ организаціи желѣзнодорожнаго хозяйства. Ничего подобнаго такимъ громаднымъ ежегоднымъ тратамъ не требуетъ исправленіе той ошибки результатомъ коей была несостоятельная организація кредитныхъ учрежденій именуемыхъ городскими общественными банками. Тутъ все дѣло ограничивается единовременнымъ пожертвованіемъ, котораго значительная часть должна быть возмѣщена казнѣ путемъ взысканій съ массы лицъ въ теченіе многихъ лѣтъ завѣдывавшихъ операціями городскихъ банковъ и допускавшихъ въ нихъ разныя злоупотребленія.

№ 355.

Москва, 22-го декабря.

Помѣщаемая ниже статья *Быть или не быть Нижегородской ярмаркѣ?* невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Поставленный въ ней вопросъ серіозно заботитъ не однихъ Нижегородцевъ, для Нижняго же Новгорода онъ имѣетъ особенное значеніе уже по тому одному что Нижегородцы главные владѣльцы ярмарочныхъ зданій на которыя затрачены ими большіе капиталы. Эти капиталы были бы безвозвратно потеряны еслибъ ярмарка стала падать и подъ конецъ бы закрылась.

На первый взглядъ кажется страннымъ какъ могли возникнуть подобныя опасенія и что могло подать къ нимъ поводъ? Дѣло, однако, объясняется просто. „Укорененіе и усиленіе Нижегородской ярмарки,“ пишетъ авторъ статьи, „произошло главнымъ образомъ потому что она въ свое время, до изобрѣтенія паровой сухопутной перевозки, стояла на лучшихъ путяхъ того времени—водныхъ. При замѣнѣ же бывшаго вѣковаго государственнаго пути новымъ, на Самару, Уфу и Екатеринбургъ, всѣ вѣроятія и разчеты сводятся къ тому что и ярмарка перенесется на этотъ же путь, напримѣръ въ Самару, гдѣ она будетъ обладать какъ желѣзнымъ путемъ въ Сибирь и во внутреннюю Россію, такъ и полноводнымъ рѣчнымъ путемъ отъ устья Камы до Самары и отъ Самары до Каспійскаго моря.“ Общая увѣренность въ этомъ такъ сильна что „въ предстоящую ярмарку предполагается ходатайствовать о рѣшительномъ объявленіи будетъ ли ярмарка соединена съ Сибирью прямою Высочайше утвержденною Сибирскою дорогой или нѣтъ? Если Сибирской дороги не будетъ, то какъ частнымъ лицамъ такъ и правительству надобно остановиться затратами капиталовъ на ярмарку какъ на дѣло отживающее. Если же Высочайше утвержденная Сибирская желѣзная дорога будетъ построена, то не надо медлить и жалѣть средствъ на устройство ярмарки во всѣхъ отношеніяхъ.“ Дѣйствительно, постройка Сибирской дороги по утвержденному въ 1875 году направленію устранила бы всѣ тѣ препятствія которыя затрудняли донынѣ ходъ торговыхъ оборотовъ на Нижегородской ярмаркѣ, чѣмъ были бы открыты виды на новое и усиленное ея процвѣтаніе. Наоборотъ, при уклоненіи дороги далеко къ югу, на Самару и Уфу, всей массѣ исчисляемыхъ авторомъ цитуемой статьи цѣнныхъ товаровъ (которые всегда отправляются предпочтительно не по водѣ, а по желѣзнымъ дорогамъ) идущихъ съ востока въ Нижній Новгородъ и изъ Нижняго Новгорода на востокъ пришлось бы дѣлать 600—700 верстъ крюку. Какъ бы ни была сильна у торговыхъ людей привычка къ насиженному мѣсту, она должна будетъ уступить въ виду накладныхъ расходовъ при излишнемъ пробѣгѣ товарами нѣсколькихъ сотъ верстъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Тревога, подобная той какую возбуждаютъ опасенія за будущность Нижегородской ярмарки, испытывается и во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ лежащихъ по утвержденному въ 1875 году направленію Сибирской дороги: всѣмъ имъ, въ случаѣ упраздненія стариннаго государственнаго тракта и проложенія его чрезъ иные районы, въ большей или меньшей степени, „угрожаетъ запустѣніе, ликвидація прежнихъ дѣлъ, перенесеніе дѣятельности на новыя мѣста, словомъ, разореніе.“ Помѣщаемое ниже письмо „Казанца“ служитъ отчасти выраженіемъ того впечатлѣнія которое произведено въ Казани слухами (находящими какъ бы подтвержденіе въ цѣломъ рядѣ фактовъ) о замѣнѣ Сибирской дороги Самарско-Уфимскою.

Нельзя ничего сказать противъ постройки желѣзной дороги отъ Самары на Уфу и далѣе на востокъ. Эта дорога была бы несомнѣнно полезна; она оживила бы бо-

гато одаренныя природой мѣстности и принесла бы имъ большія выгоды. Самарско-Уфимская дорога имѣла бы преимущественно мѣстное значеніе, такое какъ напримѣръ Грязе-Царицынская, а не такое какъ Николаевская между двумя столицами. Намъ представляется поэтому нѣсколько странною самая мысль о возможности состязанія между Сибирскою дорогой и Самарско-Уфимскою, причемъ второй будто бы можетъ быть дано предпочтеніе предъ первою. Ставить на ближайшую очередь постройку Самарско-Уфимской дороги, отдаляя тѣмъ время постройки Сибирской, было бы почти равнозначительно соединенію Петербурга съ Вологдой прежде чѣмъ съ Москвой Всему свое время и своя очередь. Восточная половина Имперіи несомнѣнно нуждается не въ одной, а въ нѣсколькихъ линіяхъ рельсоваго сообщенія, и едва ли ей будетъ отказано въ постепенномъ развитіи рельсовой сѣти какое даровано западнымъ районамъ страны. Но само собою разумѣется что постройкѣ линій мѣстнаго значенія должно предшествовать сооруженіе магистральныхъ линій первостепенной государственной важности. Такая есть Сибирская въ ея утвержденномъ въ 1875 году направленіи. Замѣна этого направленія Самарско-Уфимскимъ была бы большимъ удлиненіемъ и искривленіемъ этого государственнаго пути, въ противорѣчіе главному требованію которому должна удовлетворять всякая магистральная линія, требованію прямизны между конечными пунктами сообщенія. Интересы высказывающіеся за постройку дороги отъ Самары на Уфу и далѣе, конечно, заслуживаютъ уваженія, но какъ бы ни были значительны эти интересы, мы сомнѣваемся чтобы въ угоду имъ можно было искалѣчить магистральную Сибирскую линію, пренебрегая всѣми экономическими интересами сложившимися по исконному направленію Сибирскаго тракта и осудивъ ихъ на печальную будущность которой они опасаются.

Какъ въ письмѣ „Казанца,“ такъ и въ статьѣ „Быть или не быть Нижегородской ярмаркѣ,“ особенно бросается въ глаза указаніе на слѣдующій странный доводъ приводимый въ защиту Самарско-Уфимской дороги ея сторонниками. Главнымъ мотивомъ направленія дороги отъ Самары па Уфу и отъ Уфы на Омскъ признается „будто бы крайняя необходимость переселенія изъ внутренней Россіи до четырехъ милліоновъ крестьянскаго населенія и водворенія этой массы населенія въ Уфимской губерніи и далѣе вплоть до Омска.“ Итакъ, фальшивый вопросъ „о великомъ переселеніи народовъ,“ временно притихшій, вновь начинается. Россія вновь выставляется страдающею отъ мнимой густоты населенія для котораго въ центральной Россіи будто бы уже не достаетъ ни земель, ни занятій, къ которымъ оно съ пользою могло бы приложить свои руки. Слушаешь подобные толки, и недоумѣваешь, точно ли идетъ дѣло не о Бельгіи и другихъ переполненныхъ населеніемъ странахъ Европы, а о Россіи, экономическому прогрессу которой главнымъ образомъ мѣшаетъ недостаточная густота ея населенія. Странное дѣло! Какъ въ малонаселенную страну, въ Россію непрерывно идетъ притокъ колонистовъ изъ-за границы. Этотъ притокъ такъ великъ что нѣкоторымъ мѣстностямъ на нашихъ западныхъ окраинахъ,— и притомъ мѣстностямъ населеннымъ много гуще тѣхъ откуда предполагается выселить милліоны крестьянъ въ Заволжскія и Сибирскія степи,—уже начинаетъ грозить чуть не онѣмеченіе. Стало-быть надо русское населеніе отодвигать на востокъ... Уйдемъ въ Азію чтобы предоставить на нашей европейской территоріи возможно большій просторъ для чужеземной колонизаціи! И эта будто бы необходимость возможно болѣе обезлюдить западную половину Россіи выставляется какъ аргументъ для искалѣченія дороги которая нужна для соединенія главнаго средоточія Русской земли съ ея восточною половиной...

№ 356.

Москва, 23-го декабря.

А.

Среди трескотни рутинныхъ фразъ, едва скользящихъ по предметамъ о которыхъ идетъ рѣчь, пріятно услышать слово не усыпляющее, а отрезвляющее мысль, побуждающее вникнуть въ дѣло и подумать о немъ не чужимъ, а своимъ умомъ. Къ числу такихъ серіозныхъ словъ принадлежитъ помѣщаемая ниже статья „Наши палліативы.“

Предметъ статьи — переживаемый Россіей экономическій кризисъ; не тотъ обострившійся земледѣльческій, промышленный, торговый, банковый и вообще финансовый кризисъ который невольно заставляетъ всѣхъ говорить о себѣ въ послѣдніе мѣсяцы, но общій хроническій кризисъ длящійся уже болѣе двадцати лѣтъ, къ которому острые кризисы относятся какъ симптомы къ болѣзни. Мы не имѣемъ въ виду шагъ за шагомъ слѣдить за ходомъ мыслей автора, и останавливаться на всѣхъ указываемыхъ имъ причинахъ той неудовлетворительности въ ходѣ нашего народнаго хозяйства которое ведетъ къ покачиванію головой какъ только зайдетъ рѣчь объ экономическомъ и финансовомъ положеніи Россіи. Мы не будемъ разъяснять въ какой мѣрѣ вѣрна основная мысль автора что бо́льшая часть нашихъ экономическихъ минусовъ есть результатъ ошибочнаго направленія выразившагося въ послѣднія десятилѣтія какъ въ общемъ законодательствѣ, такъ и во многихъ административныхъ мѣрахъ, часто противорѣчившихъ какъ самимъ себѣ такъ и той дѣйствительности къ которой должны были примѣняться. Всѣ дѣлаемыя въ статьѣ указанія на стремленія обратить законъ въ нѣкій рогъ изобилія изъ котораго сыпались бы всяческія благодѣянія, уклоняя вмѣстѣ съ тѣмъ законъ отъ прямаго назначенія служить охраной каждому лицу и каждому признанному праву; на странную двойственность во взглядѣ на русскихъ людей одновременно и какъ на взрослыхъ которымъ должно предоставить полную свободу и даже власть, и какъ на недорослей которыхъ нужно водить на помочахъ, насильственно наставляя ихъ уму-разуму подъ руководствомъ жрецовъ либерализма; на пониманіе цивилизаціи въ смыслѣ сообщенія всему быту сверху до низу декоративной обстановки, требующей расходовъ превышающихъ доходы, и отнимающей у людей средства для существенныхъ потребностей; на злоупотребленія кредитомъ во всѣхъ сферахъ, на поголовное влѣзаніе въ долги, — неизбѣжный результатъ этого повальнаго мотовства, закусившаго удила и не думающаго объ уравновѣшеніи прихода съ расходомъ; всѣ эти указанія, надѣемся, будутъ оцѣнены публикой и безъ насъ. Позволимъ себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ указываемой авторомъ дѣйствительности.

Вчера намъ привелось, говоря о Сибирской дорогѣ и Нижегородской ярмаркѣ, коснуться вопроса о нашемъ мнимомъ малоземельѣ, ставящемъ будто бы крестьянъ въ такое стѣсненное положеніе изъ котораго остается только одинъ выходъ: бросить мѣста своей нынѣшней осѣдлости и бѣжать въ заволжскіе и сибирскіе пустыри. Статья „Деревенскаго жителя“ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на этотъ вопросъ. Тысячу лѣтъ у насъ, говоритъ почтенный авторъ, „люди занимались земледѣліемъ, причемъ населеніе безо всякихъ искусственныхъ мѣропріятій возрастало въ теченіе столѣтія чуть не вчетверо, и всего было въ избыткѣ;“ не было недостатка ни въ землѣ, ни въ ея плодахъ. Въ виду этого, болѣе чѣмъ сомнительно чтобы въ двадцать, и даже не двадцать, а въ какія-нибудь десять, пять лѣтъ населеніе, размножаясь, переросло способность земли прокармливать его. И земля осталась та же, и численность населенія относительно мало измѣнилась, но вся бѣда въ томъ что, по справедливому замѣчанію автора, „въ теченіе двадцати лѣтъ та же земля съ 25 копенъ сошла на 7, количество скота уменьшилось втрое,“ и причина этого явленія лежитъ не въ самой землѣ, а въ отношеніяхъ къ ней труда. Не земли стало мало, но прилагаемый къ ней трудъ оказался не въ такихъ условіяхъ чтобы земля давала то что́ можетъ дать. Предстоящая при такомъ положеніи дѣла задача ясна: нужно сдѣлать все возможное для того чтобъ измѣнить къ лучшему невыгодныя условія труда. Но у насъ, чтобы спихнуть съ рукъ эту важную задачу, рѣшеніе коей подняло бы весь нашъ экономическій бытъ, либеральные цивилизаторы Русской земли предлагаютъ принять невыгодныя условія труда за норму и лѣчить серіозную экономическую болѣзнь палліативнымъ средствомъ переселеній. Вмѣсто мѣръ противъ дѣйствительнаго зла, принимаются мѣры противъ зла мнимаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается все возможное чтобы замаскировать дѣйствительность, выдавъ за нее придуманный фантомъ.

Никакое производство, никакое хозяйство не возможно безъ необходимыхъ для него орудій, хозяйственнаго инвентаря, оборотнаго капитала, а ихъ-то у насъ и не достаетъ. Всякіе недостатки въ этомъ отношеніи могутъ быть восполнены только путемъ сбереженій. Но совмѣстимо ли на-

копленіе у крестьянъ сбереженій необходимыхъ для подъема ихъ хозяйства съ повсемѣстнымъ господствомъ кабака и его соблазновъ?

Всякое дѣло мастера боится. Это правило, вѣрное вообще, не перестаетъ быть вѣрнымъ и въ примѣненіи къ земледѣлію. Земледѣліе вовсе не такой промыселъ который можетъ идти хорошо и спориться въ рукахъ каждаго кто возьмется за соху. Бѣда если начнетъ „сапоги точать пирожникъ;“ но не больше проку если сапожникъ возьмется за сельское хозяйство, требующее притомъ не одного навыка къ сельскимъ работамъ, но и склонности, и способности. Всѣ люди не могутъ обладать въ достаточной мѣрѣ этими личными условіями нужными для того чтобы земледѣліе шло въ ихъ рукахъ успѣшно, чтобы земля была для земледѣльца кормилицей. Но у насъ всѣ крестьяне поголовно признаются людьми какъ бы обязательно одаренными отъ природы всѣми необходимыми для сельскаго хозяина качествами и способностями. Крестьянинъ и мелкій сельскій хозяинъ у насъ, такъ сказать, синонимы. Такое понятіе о крестьянахъ унаслѣдовано нами отъ временъ крѣпостнаго права. Подъ помѣщичьею ферулой, почти всѣ крестьяне могли оказываться сносными земледѣльцами, если не какъ сельскіе хозяева, то какъ сельскіе рабочіе. Сельское хозяйство могло спориться и у этихъ послѣднихъ: недостатокъ любви и рачительности къ дѣлу возмѣщался внѣшнимъ принужденіемъ, недостатокъ собственной хозяйственной сноровки — властнымъ руководствомъ и указаніями со стороны. Съ отмѣной крѣпостнаго права, этихъ условій, при которыхъ только и могли быть *всѣ* крестьяне сельскими хозяевами, болѣе не стало. Съ дарованіемъ свободы, каждый предоставленъ его собственнымъ силамъ и наклонностямъ. Но вмѣстѣ съ дарованіемъ свободы, каждый былъ прикрѣпленъ къ данной ему въ надѣлъ землѣ, каждый былъ принудительно записанъ въ цехъ сельскихъ хозяевъ, не разбирая способенъ онъ или не способенъ хозяйничать. Можно было впередъ предвидѣть къ какимъ это приведетъ результатамъ, какъ отзовется это на производительности крестьянской земли, въ какой упадокъ должны будутъ прійти дѣла у хозяевъ неспособныхъ и видящихъ въ своемъ надѣлѣ только бремя, и какъ упадокъ хозяйства у нихъ долженъ будетъ отразиться на общемъ уровнѣ хозяйства ихъ односельчанъ, даже способныхъ и рачительныхъ, при нивеллирующемъ вліяніи общиннаго землевладѣнія. Теперь эти результаты у всѣхъ на глазахъ.

Очень хорошо что крестьяне у насъ не бездомные, ничего не имѣющіе пролетаріи, но люди обладающіе каждый своимъ домашнимъ очагомъ и пріютомъ, своею усадьбой, своимъ паемъ въ общинной землѣ, который можетъ уменьшиться въ случаѣ размноженія членовъ общины, но который и при этомъ уменьшеніи объема не понизится, а быть-можетъ возвысится въ своей цѣнности. Но изъ того что каждому выгодно имѣть цѣнную и стало-быть доходную земельную собственность не слѣдуетъ чтобы каждый могъ самъ съ выгодой вести на этой землѣ хозяйство. Земельныхъ собственниковъ послѣдней категоріи занятіе сельскимъ хозяйствомъ можетъ вести только къ разоренію. Иное было бы дѣло еслибъ общинная земля не разсыпалась въ пыль по рукамъ способныхъ и не способныхъ хозяевъ, а дѣлилась бы между способными, которые, какъ долгосрочные арендаторы общинной земли, платили бы общинѣ наибольшую, установляемую спросомъ и предложеніемъ арендную плату, и у которыхъ находили бы подручный заработокъ ихъ односельчане не способные хозяйничать. Тѣ изъ крестьянъ-собственниковъ которые не попали бы ни въ число арендаторовъ, ни въ число сельскихъ рабочихъ, обратились бы каждый къ тому промыслу къ какому кто наиболѣе склоненъ и способенъ, и всѣ три разряда крестьянъ, въ добавокъ къ тому что пріобрѣтали бы своими занятіями, получали бы еще свою долю изъ дохода съ общинной собственности. Мы этимъ припоминаемъ нашу давнюю мысль подробно высказанную нами въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ эпоху отмѣны крѣпостнаго права. Быть-можетъ теперь, послѣ бывшихъ опытовъ, мысль эта можетъ получить какое-нибудь практическое значеніе.

Вопреки торжественно провозглашаемому принципу личной свободы, весь народъ чуть не поголовно прикованъ къ одному земледѣлію. Какъ бы нарочно всѣ обстоятельства сложились у насъ такъ что крестьянамъ почти прегражденъ доступъ къ инымъ занятіямъ, къ которымъ многіе изъ нихъ могли бы оказаться болѣе способ-

ными, и которыя потому могли бы доставлять имъ бо́льшія выгоды. Бо́льшая часть многочисленныхъ отраслей труда, помимо земледѣльческаго, какъ бы признаются монополіей иноземнаго, а не русскаго рабочаго люда. И таможенный тарифъ, и провозные тарифы желѣзныхъ дорогъ, и множество иныхъ условій благопріятствуютъ тому чтобы въ Россіи имѣли широкій сбытъ продукты иностраннаго производства, устраняя тѣмъ спросъ на рабочія руки для русскаго производства, стоящаго притомъ въ тѣхъ же невыгодныхъ условіяхъ какія „Деревенскій житель" живописуетъ по отношенію къ сельскому хозяйству. Не вслѣдствіе ли такого искусственнаго сокращенія спроса, заработная плата стоитъ у насъ на столь низкомъ, сравнительно съ другими странами, уровнѣ?

Всѣ льготы оказываемыя иностранному привозу, а стало-быть и иностранному труду, оправдываются обыкновенно заботой объ интересахъ потребителей. Но поощрять потребленіе и оставлять въ небреженіи производство, которое одно можетъ дать средства для оплаты потребляемаго, значитъ поощрять мотовство и вести страну къ разоренію. Много потреблять, мало производя, значитъ, вмѣсто обогащающаго накопленія трудовыхъ сбереженій, безвозвратно проживать наслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ капиталъ какъ въ землѣ, такъ и во всемъ что̀ въ ней и на ней. А если это такъ, то не слѣдуетъ ли, бросивъ палліативы, измѣнить нашу народно-хозяйственную политику въ смыслѣ требуемомъ національными интересами?

Б.

Смерть Гамбетты произвела повсюду впечатлѣніе разнообразное, но сильное. Вездѣ почувствовалось или съ сожалѣніемъ, или съ облегченіемъ, что умеръ человѣкъ замѣчательный, обладавшій даромъ энтузіазма и иниціативы. Его выдвинулъ и возвысилъ духъ патріотизма, который горячо сказался въ немъ въ годину испытанія его отечества. Казалось, онъ одинъ тогда во всей странѣ болѣлъ за нее. Среди всеобщаго унынія, казалось, онъ одинъ не терялъ духа и тѣмъ стяжалъ право на національную благодарность: quod de respublica non desperasset. Въ тотъ тяжкій моментъ въ немъ какъ бы ожилъ духъ погибавшей націи, на него какъ бы палъ завѣтъ ея великаго прошлаго, и это сообщило бывшему адвокату и оратору необыкновенное обаяніе. Къ нему обратились всѣ патріотическія аспираціи, и онъ сталъ силой за неимѣніемъ другой силы, онъ сталъ властію среди крушенія всякой власти въ странѣ. Онъ былъ горячимъ глашатаемъ возстановленія государственнаго величія Франціи и ея національнаго возрожденія, но онъ не видѣлъ въ чемъ тайна того возрожденія котораго былъ глашатаемъ. Онъ будилъ и призывалъ всѣхъ къ дѣйствію; но дѣйствовать онъ не былъ призванъ и не могъ. Ничего не выходило изъ его попытокъ, и онъ погасъ какъ метеоръ, давшій лишь сильнѣе почувствовать мракъ своимъ не освѣщающимъ блескомъ. Онъ сошелъ во́время для своей славы. Теперь онъ останется блестящимъ воспоминаніемъ; но все свидѣтельствуетъ что дальнѣйшіе шаги его въ жизни повели бы его не кверху, а книзу. Онъ не смогъ бы стать органомъ той могущественной власти, въ которой страна нуждается и которой потребность имъ такъ хорошо чувствовалась. Онъ изнемогъ бы подъ ея тяжестію, и сталъ бы колобродить. Ему не къ чему было примкнуть. У него не было зиждительнаго начала, а на однихъ якобинскихъ максимахъ ничего нельзя построить. Смерть только спасла его отъ паденія которое уже начиналось.

№ 357.

Москва, 24-го декабря.

26 декабря, послѣ завтра, на другой день праздника, совершится столѣтняя годовщина дня рожденія великаго святителя нашей церкви, митрополита Филарета, скончавшагося восьмидесяти пяти лѣтъ отъ рожденія, въ 1867 году. Московская церковь готовится почтить его память. Съ благословенія Св. Синода будетъ совершено въ соборахъ Кремлевскихъ и во всѣхъ московскихъ храмахъ поминовеніе святителя, незабвеннаго для православной Церкви и для нашего Отечества. Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія соберется въ Мироварной Палатѣ для чествованія его великой памяти, и торжество это отзовется повсюду въ Россіи и за ея предѣлами.

Чествованіе памяти митрополита Филарета дѣло не только достойное, но и особенно полезное въ наши дни. Намъ полезно оживить теперь его память, и еще полезнѣе снова услышать его замолкнувшее слово. Онъ училъ въ тѣ времена, еще не далекія, но какъ бы отдѣленныя отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ, когда въ жизни нашего отечества не поднималось никакихъ вопросовъ, и до нашего слуха лишь изъ чужихъ странъ доносился гулъ смятеній. Слово великаго учителя, исполненное мудрости, внималось благоговѣйно; но оно раздавалось на высотѣ, оно обращалось къ духовному созерцанію. Въ проповѣдяхъ святителя Филарета таится ученіе государственной мудрости которое въ тѣ времена могло казаться отвлеченностію, хотя поучительною, но невызываемою требованіями жизни. Всѣ внимали этимъ назиданіямъ, удивлялись ихъ глубинѣ, зоркости мысли, силѣ слова; но не находили примѣнимости къ жизни въ его указаніяхъ, наставленіяхъ, совѣтахъ, относящихся къ государственнымъ вопросамъ, потому что вопросовъ этихъ не было, ихъ жизнь не задавала. Уже при концѣ жизни знаменитаго архипастыря начались въ Россіи движенія и послѣдовали нововведенія которыя должны были измѣнить весь общественный бытъ нашъ; но начавшіяся реформы еще не выразились въ своихъ послѣдствіяхъ, еще жизнь не заговорила, вопросы имѣли болѣе теоретическій характеръ, когда угасъ свѣтильникъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ горѣвшій въ русской церкви. Протекло пятнадцать лѣтъ со дня кончины Филарета, и сколько событій совершилось, какъ измѣнилось все вокругъ! Отечество наше стоитъ незыблемо на своихъ основахъ, но какое смятеніе въ умахъ, какія колебанія въ самомъ правительствѣ! Еслибы Богъ продлилъ до сего дня жизнь митрополита Филарета, еслибъ онъ и доселѣ могъ сохранить силу своего слова, какъ практически поучительно раздавалось бы оно теперь, съ какою жаждою внимали бы поученіямъ государственной мудрости умы неоторвавшіеся отъ церкви; какъ тепло, при силѣ и глубинѣ своей, отзывалось бы его слово въ сердцахъ! Назиданія Филарета обращенныя къ гражданскому смыслу не казались бы теперь только умозрѣніемъ, а были бы прямымъ отвѣтомъ на горячіе вопросы жизни. Но уходя отъ насъ митрополитъ Филаретъ оставилъ намъ въ наслѣдіе свои поученія которыя въ наши дни не только не утратили своего значенія, но пріобрѣли больше чѣмъ имѣли въ тѣ отдаленныя времена когда самъ владыка произносилъ ихъ съ церковнаго амвона. Теперь станутъ они понятны не умозрительно только, но и опытно; теперь могутъ они стать дѣйственною въ нашей жизни силою.

Совершившаяся столѣтняя годовщина митрополита Филарета побудитъ собрать и обнародовать все что онъ оставилъ намъ въ наслѣдіе, во славу Церкви и на пользу нашего Отечества. Кромѣ твореній изданныхъ при его жизни, кромѣ проповѣдей его, извѣстныхъ не въ одной Россіи, сохранилось еще множество писемъ его къ разнымъ лицамъ, писемъ которыя возвращаютъ намъ его нравственный образъ въ большей жизненности чѣмъ знали его люди не знавшіе его близко. Много уже обнародовано, но многое еще ожидается, а между тѣмъ чествуя память великаго святителя мы сдѣлаемъ и достойное его памяти, и полезное для себя дѣло если изберемъ изъ его проповѣдей то что относится къ вопросамъ государственнаго порядка, которые теперь въ большомъ ходу, смущая и волнуя умы. Многое въ этихъ поученіяхъ покажется намъ сказаннымъ по возбужденію текущихъ событій и вопросовъ. Владыка говорилъ какъ бы въ предвидѣніи этихъ вопросовъ которые насъ волнуютъ; онъ говорилъ какъ бы въ поученіе именно нашему времени. Читая его мы какъ бы внимаемъ его голосу, какъ будто онъ самъ восходитъ снова на свою святительскую каѳедру для вразумленія мятущихся, для укрѣпленія колеблющихся, для утвержденія самой власти въ сознаніи своей незыблемости и святости. Мы выбрали нѣкоторыя мѣста изъ проповѣдей Филарета относящіяся къ политическимъ вопросамъ, и предлагаемъ ихъ читателямъ въ нѣкоторомъ послѣдовательномъ порядкѣ, предоставляя себѣ въ послѣдствіи пополнить этотъ выборъ. Теперь же намъ лучше умолкнуть, и предоставить слово великому іерарху, слово которое всего вѣрнѣе и лучше оживитъ въ обществѣ память о немъ въ его юбилейный день.

„Откуда сіе множество людей соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ?* Очевидно что сіе множество народилось отъ меньшаго племени, а сіе произошло изъ семейства. Итакъ,

въ семействѣ лежатъ сѣмена всего что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ государствомъ. Тамъ нужно искать и перваго образа власти и подчиненія видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну и образовать его способности есть первый властитель; сынъ который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ есть природно подвластный. Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того Кто сотворилъ человѣка, то открывается что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдовательно всякой послѣдующей между людьми власти въ Богѣ *).

„Что повиноваться должно, надобно ли сіе доказывать? Гдѣ есть общество человѣческое тамъ необходимо есть власть, соединяющая людей въ составъ общества: ибо безъ власти можно вообразить только неустроенное множество людей, а не общество. Но власть дѣйствуетъ въ обществѣ и сохраняетъ оное посредствомъ повиновенія. Слѣдственно повиновеніе необходимо соединено съ существованіемъ общества. Кто сталъ бы колебать или ослаблять повиновеніе, тотъ колебалъ бы или ослаблялъ бы основаніе общества.

„Допуская повиновеніе изъ страха наказаній для достиженія выгодъ и почестей и изъ теоретическихъ соображеній о благѣ общественномъ, нельзя сказать что умозрѣніе сіе справедливо. Много ли въ обществѣ людей способныхъ къ такому повиновенію по идеямъ и умозрѣніямъ? Когда смотрю на опыты какъ на подобныхъ умозрѣніяхъ хотятъ въ наше время основать повиновеніе нѣкоторые народы и государства, какъ тамъ ничто не стоитъ твердо, зыблются и престолы и алтари, бразды правленія рвутся, мятежи роятся, пороки безстыдствуютъ, преступленія ругаются надъ правосудіемъ, нѣтъ ни единодушія, ни довѣренности, ни безопасности, каждый наступающій день угрожаетъ,—видя все сіе не могу не заключить: видно не на человѣческихъ умозрѣніяхъ основывать должно государственное благоустройство“ *).

„Правительство не огражденное свято почитаемою ото всего народа неприкосновенностью не можетъ дѣйствовать ни всею полнотой силы, ни всею свободой ревности потребной для устроенія и охраненія общественнаго блага и безопасности. Какъ можетъ оно развить всю силу свою въ самомъ благодѣтельномъ ея направленіи, когда его сила непрестанно находится въ ненадежной борьбѣ съ другими силами, пресѣкающими ея дѣйствія въ столь многоразличныхъ направленіяхъ, сколько есть мнѣній, предубѣжденій и страстей, болѣе или менѣе господствующихъ въ обществѣ? Какъ можетъ оно предаться всей своей ревности когда оно по необходимости должно дѣлить свое вниманіе между попеченіемъ о благосостояніи общества и между заботой о собственной своей безопасности. Но если такъ не твердо правительство, не твердо также и государство. Такое государство подобно городу построенному на огнедышущей горѣ: что значатъ его твердыни когда подъ нимъ кроется сила которая можетъ каждую минуту все превратить въ развалины? Подвластные, которые не признаютъ священной неприкосновенности владычествующихъ, надеждой своеволія побуждаются домогаться своеволія; власть, которая не увѣрена въ своей неприкосновенности, заботой о своей безопасности побуждается домогаться преобладанія: въ такомъ положеніи государство колеблется между крайностями своеволія и преобладанія, между ужасами безначалія и угнетенія и не можетъ утвердить въ себѣ послушной свободы, которая есть средоточіе и душа жизни общественной.

„Нельзя не обратить вниманія... на печальный образъ народа и общества раздѣленнаго на толки и соумышленія. Раздѣляя народъ и общество на отдѣльныя соединенія, они повреждаютъ единство цѣлаго—первое условіе общественной жизни; уменьшаютъ общую силу разсѣкая ее на частныя, взаимно противоборныя силы; ослабляютъ общественное довѣріе; волнуютъ тысячи народа вмѣсто того чтобъ устроять его благо правильною дѣятельностію въ спокойномъ послушаніи власти; колеблютъ зданіе общества, обращая въ

*) *Слова и Рѣчи,* издан. 1848 года, т. II, стр. 135.

*) Стр. 181.

вопросы и споры то что признано при учрежденіи обществъ, положено въ ихъ основаніе и утверждено необходимостію; ведутъ въ обществѣ внутреннюю войну, конечно, не къ спокойствію его и не къ безопасности, а иногда еще бѣдственнѣе заключаютъ между собою притворное перемиріе для сильнѣйшаго возстанія противъ истины и правды. Благо народу и государству, въ которомъ единымъ, всеобщимъ, свѣтлымъ, сильнымъ, всепроникающимъ, вседвижущимъ средоточіемъ, какъ солнце во вселенной, стоитъ Царь свободно ограничивающій свое самодержавіе волей Царя Небеснаго, мудростью, великодушіемъ, любовію къ народу, желаніемъ общаго блага, вниманіемъ къ благому совѣту, уваженіемъ къ законамъ предшественниковъ и къ своимъ собственнымъ, и въ которомъ отношенія подданныхъ къ верховной власти утверждаются не на вопросахъ ежедневно возраждающихся, и не на спорахъ никогда некончаемыхъ, но на хранимомъ свято преданіи праотеческомъ, на наслѣдственной и благопріобрѣтенной любви къ Царю и Отечеству и еще глубже на благоговѣніи къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ. Господи, Ты даровалъ намъ сіе благо!

„Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ. Береги Россія и возжигай сильнѣе твой домашній свѣтъ: потому что за предѣлами твоими, по слову пророческому, *тьма покрываетъ землю и мракъ на языки. Шаташася языцы и люди поучишася тщетнымъ.* Переставъ утверждать государственныя постановленія на словѣ и власти Того *Кимъ царіе царствуютъ*, они уже не умѣли ни чтить, ни хранить царей. Престолы тамъ стали не тверды; народы объюродѣли. Не то чтобъ уже совсѣмъ не стало разумѣвающихъ; но дерзновенное безуміе взяло верхъ и попираетъ малодушную мудрость не укрѣпившую себя премудростію Божіей. Изъ мысли о народѣ выработали идолъ: и не хотятъ понять даже той очевидности что для столь огромнаго идола не достанетъ никакихъ жертвъ. Мечтаютъ пожать миръ, когда сѣютъ мятежъ, не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти Царя, принуждены раболѣпствовать предъ дикою силой своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнующееся море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность.

„Но благословенъ *Запрещающій морю!* Для насъ еще слышенъ *въ событіяхъ* Его гласъ: *до сего дойдеши и не прейдеши.* Крѣпкая благочестіемъ и самодержавіемъ Россія стоитъ еще твердо...

„Царь, по истинному о немъ понятію, есть глава и душа царства. Но вы возразите мнѣ что душой государства долженъ быть законъ. Законъ необходимъ, досточтимъ, благотворенъ; но законъ въ хартіяхъ и книгахъ есть мертвая буква: ибо сколько разъ можно наблюдать въ царствахъ что законъ въ книгѣ осуждаетъ и наказываетъ преступленіе, а между тѣмъ преступленіе совершается и остается ненаказаннымъ; законъ въ книгѣ благоустрояетъ общественныя званія и дѣла, а между тѣмъ они разстраиваются. Законъ, мертвый въ книгѣ, оживаетъ въ дѣяніяхъ; а верховный государственный дѣятель и возбудитель и одушевитель подчиненныхъ дѣятелей есть Царь *).

„Нѣкоторые люди, не знаю болѣе ли другихъ обладающіе мудростью, но конечно болѣе другихъ довѣряющіе своей мудрости, работаютъ надъ изобрѣтеніемъ и постановленіемъ лучшихъ, по ихъ мнѣнію, началъ для образованія и преобразованія человѣческихъ обществъ. Уже болѣе полувѣка образованнѣйшая часть рода человѣческаго видитъ ихъ преобразовательныя усилія въ самомъ дѣйствіи, но еще нигдѣ и никогда не создавали они тихаго и безмятежнаго житія. Они умѣютъ потрясать древнія зданія государствъ; но не умѣютъ создать ничего твердаго. Внезапно по ихъ чертежамъ строятся новыя правительства и также внезапно рушатся. Они тяготятся отеческою и разумною властью царя и вводятъ слѣпую и жестокую власть народной толпы и безконечныя распри искателей власти. Они прельщаютъ людей увѣряя что ведутъ ихъ къ свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ ведутъ ихъ отъ законной свободы къ своеволію чтобы потомъ низвергнуть ихъ въ угнетеніе **)...

„Свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и дѣлать лучшее. Она есть достояніе каждаго... Но въ неисчислимости рода человѣческаго многіе ли имѣютъ такъ открытый и образованный

*) Т. III, стр. 302.
**) Т. III, стр. 291.

умъ чтобы вѣрно усматривать и отличать лучшее? И тѣ которые видятъ лучшее имѣютъ ли довольно силы рѣшительно избрать оное и привести въ дѣйствіе? Что сказать о свободѣ людей которые хотя не въ рабствѣ ни у кого, но покорены чувственности, обладаемы страстію, одержимы злою привычкой... Наблюденіе надъ людьми и надъ обществами показываетъ что люди болѣе попустившіе себя въ это внутреннее рабство—въ рабство грѣхамъ, страстямъ, порокамъ—чаще другихъ являются ревнителями внѣшней свободы,—сколь возможно расширенной свободы въ обществѣ человѣческомъ предъ закономъ и властію. Но расширеніе внѣшней свободы будетъ ли способствовать имъ къ освобожденію отъ рабства внутренняго? Нѣтъ причины такъ думать. Въ комъ чувственность, страсть, порокъ уже получили преобладаніе, тотъ, по отдаленіи преградъ противопоставляемыхъ порочнымъ дѣйствіямъ закономъ и властью, конечно, неудержимѣе прежняго предастся удовлетворенію страстей и внѣшнею свободой воспользуется только для того чтобы глубже погружаться во внутреннее рабство *)...

„Какой борьбы предметомъ бываетъ у иныхъ народовъ избраніе въ общественныя должности! Съ какою борьбой, а иногда и съ тревогами достигаютъ того чтобъ узаконить право избранія общественнаго! Потомъ начинается, и то утихаетъ, то возобновляется борьба, то за расширеніе, то за ограниченіе сего права. За неправильнымъ расширеніемъ права общественнаго избранія слѣдуетъ неправильное употребленіе онаго. Трудно было бы представить себѣ вѣроятнымъ еслибы мы не читали въ иностранныхъ извѣстіяхъ что избирательные голоса продаются; что ищущимъ избранія сочувствіе или несочувствіе выражаютъ не только утвердительными или отрицательными голосами, но и камнями и дреколіемъ, какъ будто можетъ родиться отъ звѣря человѣкъ, отъ неистовства страстей разумное дѣло; что невѣжды дѣлаютъ разборъ между людьми въ которыхъ должно усмотрѣть государственную мудрость, беззаконники участвуютъ въ избраніи будущихъ участниковъ законодательства, поселяне и ремесленники разсуждаютъ и подаютъ голоса не о томъ кто могъ бы хорошо смотрѣть за порядкомъ въ деревнѣ или въ обществѣ ремесленниковъ, но о томъ кто способенъ управлять государствомъ.

„Богу благодареніе! Не то въ отечествѣ нашемъ. Самодержавная власть утвержденная на вѣковомъ законѣ наслѣдственности, нѣкогда въ годину оскудѣвшей наслѣдственности обновленная и подкрѣпленная на прежнемъ основаніи чистымъ и разумнымъ избраніемъ, стоитъ въ неприкосновенной непоколебимости и дѣйствуетъ въ спокойномъ величіи. Подвластные не думаютъ домогаться права избирать въ общественныя должности, по увѣренности что власть радѣетъ о благѣ общемъ и разумѣетъ чрезъ кого и какъ устроить оное. Власть, по свободному изволенію и довѣрію къ подвластнымъ, даетъ имъ право избранія общественнаго, назначая оному разумные предѣлы *).

„Измѣнить царю и отечеству на войнѣ, расхитить государственное сокровище, осудить невиннаго на тяжкое наказаніе, эти вопіющія невѣрности противъ царя, отечества и закона поражаютъ всякаго и тяжесть преступленія входитъ въ число средствъ предохраняющихъ отъ покушенія на оное. Но не исполнять царской службы и пользоваться воздаяніемъ или наградой за службу, ввести виды личной корысти въ распоряженіе дѣлами и средствами общественными, принять въ судѣ ходатайство вмѣсто доказательства, и оправдать неправаго: это, говорятъ, небольшія неточности, извиняемыя иногда обстоятельствами и не препятствующія вѣрности въ дѣлахъ важнѣйшихъ. Не обольщайте себя. Эти небольшія неточности не очень малы, особенно же потому что беременны большими невѣрностями. Эта неопасная повидимому неправда *вмалѣ* ведетъ за собою невѣрность во мнозѣ **).

„Защищеніе отечества противъ воюющаго врага, очевидно, невозможно безъ самоотверженія, безъ готовности пожертвовать даже жизнію. Но и въ мирныхъ отношеніяхъ среди дѣлъ государственныхъ вѣрность не обезпечена если не готова къ самопожертвованію. Надобно ли, напримѣръ, въ судѣ или въ начальствованіи праваго, но немощнаго защитить отъ неправаго, но сильнаго соперника или преслѣдователя? Кто можетъ сіе сдѣлать?

*) Т. III, стр. 253 и 254.

*) Т. III, стр. 322 и 323.
**) Т. III, стр. 220.

Безъ сомнѣнія, только тотъ кто готовъ подвергнуться гоненію скорѣе чѣмъ предать гонимую невинность. Надобно ли предъ лицомъ сильныхъ земли высказать несогласную съ ихъ мыслями и желаніями, но спасительную для общества истину? Кто можетъ сдѣлать сіе? Безъ сомнѣнія тотъ кто готовъ пострадать за истину, лишь бы общее благо не потерпѣло ущерба *).

„Вода, хотя и есть въ ней илъ, является чистою когда онъ лежитъ на днѣ; но когда какимъ-нибудь неправильнымъ движеніемъ илъ поднимается вверхъ, вся чистая дотолѣ вода теряетъ видъ чистоты, становится мутною. Подобно сему общество человѣческое, хотя есть въ немъ часть людей недобрыхъ, является чистымъ и благополучнымъ, когда сія несчастная стихія лежитъ на днѣ, когда люди недобрые, по справедливости униженные въ общемъ мнѣніи, не достигаютъ власти, почета и вліянія на другихъ; но когда недобрая стихія поднимается вверхъ, когда люди недобрые достигаютъ власти, почета и вліянія на другихъ, тогда они мутятъ и чистую воду и добрыхъ людей или своимъ вліяніемъ вводятъ въ соблазнъ, или своею силой подвергаютъ затрудненіямъ и скорбямъ, и возрастая въ силѣ вредятъ цѣлому обществу **).

„Семейство древнѣе государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, мать, дочь и свойственныя этимъ наименованіямъ обязанности и добродѣтели существовали прежде чѣмъ семейство разраслось въ народъ и образовалось государство. Посему жизнь семейная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило плодъ, надобно чтобы корень былъ крѣпокъ и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностью, приносила плодъ общественнаго благоденствія,—для сего надобно чтобы жизнь семейная была крѣпка благословенною любовью супружескою, священною властью родительскою, дѣтскою почтительностью и послушаніемъ и чтобы вслѣдствіе того изъ чистыхъ стихій жизни семейной естественно возникали столь же чистыя начала жизни государственной, чтобы съ почтеніемъ къ родителю родилось и расло благоговѣніе къ царю, чтобы любовь дитяти къ матери была приготовленіемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготовляло и руководило къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти самодержца *).

„Въ нынѣшнія времена о предметахъ, правилахъ и способахъ воспитанія такъ много разсуждаютъ, пишутъ, спорятъ что это едва ли не уменьшаетъ довѣрія воспитателямъ отъ воспитываемыхъ, которые слышатъ ихъ препирающимися между собою и видятъ недавно одобренное осужденнымъ. Можетъ-быть это и неизбѣжно, по причинѣ умножившихся и оразнообразившихся требованій жизни общественной и частной, которымъ воспитаніе должно удовлетворять. Притомъ гласность нѣкоторые почитаютъ всеобщимъ врачевствомъ противъ общественныхъ золъ, хотя она иногда и бываетъ источникомъ общественныхъ болѣзней если слишкомъ неудержимо расширяетъ уста свои не только для правды, но и для неправды **).

„Въ наше время и близъ насъ не умножаются ли уста глаголющія суету въ забвеніи Бога и Его заповѣдей? Не глаголютъ ли они часто, свободно и обаятельно, въ бесѣдахъ, на зрѣлищахъ, въ книгахъ?...

„Дѣло суеты начинается тѣмъ что заглушается вкусъ къ духовному и усиливается наклонность къ чувственному: плѣняются изящнымъ, ищутъ пріятнаго съ охлажденіемъ къ истинному и доброму; болѣе занимаются игрой чѣмъ слушаютъ разсудка и нравственнаго чувства. Но только истинное и доброе, какъ безсмертное, доставляетъ душѣ постоянное услажденіе; а чувственное, какъ тлѣнное, не можетъ удовлетворять ее; пріятное не упроченное истиннымъ и добрымъ мгновенно и перестаетъ быть пріятнымъ при повтореніи и пресыщеніи; отсюда раждается непрестанная жажда новаго; страсти при ослабленіи вожжей разсудка и нравственнаго чувства легко превращаются въ бѣшеныхъ коней. Дѣло суеты получивъ силу не можетъ остановиться на однѣхъ забавахъ; но, смотря по обстоятельствамъ, больше или меньше, скорѣе или медленнѣе, подается *впередъ*. Куда? Это слишкомъ очевидно въ наше время. Многочисленныя уста глаголющія

*) Т. III, стр. 221.
**) Т. III, стр. 324.

*) Т. II, стр. 169.
**) Т. III, стр. 309.

суету сперва говорили суету пріятную, потомъ нескромную, потомъ соблазнительную, потомъ явно порочную, наконецъ возмутительную и разрушительную. Взволновали умы: вызвали, поощрили, *даже вновь образовали людей*, ихже десница — десница неправды, и такимъ образомъ произошли воды многи, потопъ зла, который подмываетъ основаніе всякаго общественнаго благоустройства и благосостоянія общественнаго и частнаго... Довольно ли мы осторожны *)?

„Земледѣльцы на деревенскихъ поляхъ, вдали отъ столицъ, сѣютъ сѣмена свои чтобы собрать отъ нихъ насущный хлѣбъ; но Богъ даетъ избытокъ плода отъ ихъ сѣмянъ, и сей избытокъ плода проходитъ селенія, питаетъ города и восходитъ на трапезу цареву. Подобно сему сѣйте слово истины и правды, кто можетъ на большомъ, а другіе на маломъ полѣ; поощряйте къ сему другъ друга; посѣвъ можетъ сдѣлаться обширнымъ и общественнымъ. Отъ ревностнаго распространенія въ обществѣ словъ истины и правды долженъ произойти плодъ общественнаго здравомыслія и правдолюбія, а отъ сего обиліе общественнаго мира и благоустройства, и это будетъ добрый даръ подданныхъ царю пекущемуся о благѣ ихъ, содѣйствіе его подвигу въ благоустроеніи царства...

„Привычка легкомысленно метать слово на вѣтеръ, къ сожалѣнію очень обыкновенная, не даетъ намъ примѣтить какое сокровище часто расточаемъ безъ пользы или со вредомъ для себя и для ближнихъ... Какое сокровище расточаетъ человѣкъ, какой высокій даръ повергаетъ и попираетъ, какую могущественную животворную и благотворную силу дѣлаетъ бездѣйственною и мертвою, или напротивъ злотворною, когда употребляетъ слово не для истины, правды и благости, но на празднословіе, на срамословіе, на ложь, на обманъ, на клевету, на злоупотребленіе клятвы, на распространеніе зломудрія. Не будьте къ сему невнимательны или равнодушны чтущіе достоинство слова; ревнуйте о немъ; одушевляйте и вооружайте ваше слово истиною и правдою, и дѣйствуя имъ вѣрно и твердо не допускайте разлитія глаголовъ потопныхъ (Псал. 51, 6).

„Близь пути слова правды особенно примѣтны два распутія: на одной сторонѣ — лесть, на другой — злорѣчіе. Одинъ говоритъ: „надобно съ ближними обращаться пріятнымъ для нихъ образомъ, особенно съ высшими," и вслѣдствіе сего льститъ. Другой говоритъ: „надобно черное называть чернымъ" и подъ этимъ предлогомъ предается злорѣчію. Ни тотъ, ни другой не на правомъ пути: оба на распутіяхъ которыя не ведутъ къ добру...

„Злорѣчіе которымъ нѣкоторые думаютъ исправлять зло — невѣрное для этого врачевство. Зло не исправляется зломъ, а добромъ. Какъ загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязною водой, такъ описаніями порока, столь же нечистыми и смрадными какъ онъ самъ, нельзя очистить людей отъ порока. Умноженіе предъ глазами народа изображеній порока и преступленія уменьшаетъ ужасъ преступленія и отвращенія отъ порока, и порочный при видѣ такихъ изображеній говоритъ: „не я одинъ, такихъ много; не очень стыдно." Укажите на темный образъ порока не терзая чувства и не оскорбляя вкуса чрезмѣрнымъ обнаженіемъ его гнусностей; а съ другой стороны, изобразите добродѣтель въ ея неподдѣльной истинѣ, въ ея чистомъ свѣтѣ, въ ея непоколебимой твердости, въ ея чудной красотѣ *)..."

*) Т. III, стр. 230.

*) Т. III, 304—306.

№ 360.

Москва, 28-го декабря.

По поводу проекта общей части новаго Уголовнаго Уложенія, составленнаго коммиссіей учрежденною годъ тому назадъ при Министерствѣ Юстиціи, мы высказали недавно нѣкоторыя замѣчанія по вопросу о смертной казни, затронутому въ объяснительной запискѣ коммиссіи. Замѣчанія наши касались не столько самого вопроса сколько постановки его, по нашему мнѣнію фальшивой, какая принята самою коммиссіей, и того аргумента коимъ *Вѣстникъ Европы* подкрѣпляетъ ея соображенія о необходимости вычеркнуть вовсе смертную казнь „изъ списка уголовныхъ наказаній налагаемыхъ по общимъ законамъ," свидѣтельствуя при этомъ что въ проектѣ коммиссіи „нашли мѣсто многія нововведенія составляющія лучшую черту новѣйшихъ западно-европейскихъ уго-

ловныхъ кодексовъ." Мы указали на то что и новѣйшіе и старые западно-европейскіе уголовные кодексы удерживаютъ до сихъ поръ капитальную кару за самыя тяжкія злодѣянія, и что даже тамъ гдѣ смертная казнь была отмѣнена подъ вліяніемъ агитаціи теоретиковъ-криминалистовъ обнаруживается нынѣ противное движеніе и смертная казнь *возстановляется*. Особенно знаменательно движеніе происходящее по этому поводу въ Швейцаріи, гдѣ смертная казнь отмѣнена была въ 1874 году союзною конституціей для всей республики (не въ нѣкоторыхъ лишь кантонахъ, какъ было сказано въ нашей замѣткѣ), и гдѣ съ тѣхъ самыхъ поръ началась дѣятельная агитація противъ этой отмѣны, агитація увѣнчавшаяся успѣхомъ еще въ 1879 году, когда народнымъ голосованіемъ было отмѣнено упомянутое постановленіе союзной конституціи. Съ тѣхъ поръ кантонъ за кантономъ вводятъ вновь капитальную кару въ свои кодексы. Мы указали на три кантона, Люцернъ, Сенъ-Галленъ и Цюрихъ, которые возстановили смертную казнь не далѣе какъ въ ноябрѣ этого года.

Мы поставили на видъ еще другой знаменательный фактъ. Однимъ изъ самыхъ страстныхъ противниковъ смертной казни, въ теченіе полустолѣтія, былъ французскій поэтъ Викторъ Гюго. Извѣстно какою популярностью онъ пользуется въ теперешней Франціи. До сихъ поръ онъ не только продолжаетъ свою агитацію въ прозѣ и стихахъ, но обращается съ письмами къ монархамъ и президентамъ республикъ въ Европѣ и Америкѣ за осужденныхъ на смертную казнь, и еще недавно заступался за казненнаго въ Тріестѣ Оберданка. Ходатайства французскаго лирика остаются безъ уваженія; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ что Викторъ Гюго, окруженный почестями и пользуясь дѣйствительно громаднымъ вліяніемъ, будучи, сверхъ того, членомъ верхней законодательной камеры, не возбуждалъ законодательнаго вопроса объ отмѣнѣ смертной казни въ теченіе двѣнадцати лѣтъ существованія Французской республики; самые крайніе радикалы оставляютъ этотъ вопросъ не тронутымъ. А между тѣмъ французскій уголовный кодексъ строже изо всѣхъ нынѣ дѣйствующихъ относительно примѣненія смертной казни; не менѣе восьми видовъ преступленій караются по французскимъ законамъ смертью. Французское правосудіе не приняло до сихъ поръ даже того нововведенія чтобы казнь совершалась не публично, а въ стѣнахъ тюрьмы.

Таково положеніе вопроса о капитальной карѣ во Франціи. Въ Англіи вопросъ объ ея отмѣнѣ точно также никогда не былъ серіозно затронутъ въ сферѣ законодательства. Лѣтъ 17 тому назадъ кто-то изъ членовъ палаты общинъ заговорилъ объ этой темѣ. Кто же выступилъ энергическимъ защитникомъ принципа смертной казни? Джонъ Стюартъ Милль, котораго современное либеральное ученіе считаетъ чуть не во главѣ своихъ пророковъ. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ государствъ Германіи, отмѣнившія смертную казнь подъ вліяніемъ радикальныхъ вѣяній конца сороковыхъ годовъ, принуждены были возстановить ее при введеніи обще-германскаго уголовнаго кодекса въ 1871 году. При обсужденіи этого кодекса въ рейхстагѣ, правда, происходи ли горячія пренія по этому вопросу. Но въ концѣ концовъ капитальная кара была принята, и съ тѣхъ поръ не только прекратилась всякая противъ нея агитація, но она примѣнялась на практикѣ въ тѣхъ самыхъ государствахъ Германіи гдѣ была прежде отмѣнена въ принципѣ. Смертные приговоры за тяжкіе виды убійства утверждались, напримѣръ, покойнымъ королемъ Саксонскимъ Іоанномъ, по инипіативѣ котораго смертная казнь была прежде вычеркнута изъ саксонскаго уголовнаго кодекса.

Въ Австріи разрабатываются нынѣ два новые уголовные кодекса, одинъ для Цислейтаніи, другой для Венгерскаго королевства. Въ томъ и другомъ проектѣ удержана смертная казнь за предумышленное убійство и за покушеніе на жизнь монарха. Точно также смертная казнь удержана въ проектѣ новаго италіянскаго уложенія. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ штатовъ, смертная казнь остается въ силѣ. Затѣмъ смертная казнь остается въ силѣ въ Испаніи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи.

Теперь спрашивается, имѣли ли мы основаніе признать ложью утвержденіе будто бы совершенное исключеніе смертной казни изъ проектируемаго у насъ новаго уголовнаго кодекса было бы „нововведеніемъ составляющимъ лучшую черту новѣйшихъ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ?" Въ нашей замѣткѣ мы главнымъ

образомъ имѣли въ виду ссылку на примѣры западной Европы.

Оказывается однако что во лжи виновны не тѣ кто сослались на примѣръ западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ, а мы. Изобличить насъ взялся *Голосъ*. Ученая редакція г. Краевскаго опровергаетъ наши замѣчанія цѣлымъ рядомъ фактовъ и цифръ, въ томъ числѣ и таблицами указывающими на то что въ Англіи и во Франціи, въ началѣ этого столѣтія, число смертныхъ приговоровъ и самыхъ казней было неизмѣримо больше чѣмъ въ наше время. Читатели наши припомнятъ что мы именно на то и указывали что въ наше время смертная казнь примѣняется на практикѣ неизмѣримо рѣже нежели прежде, и что вообще самое осужденіе и приведеніе приговоровъ въ исполненіе обставлены теперь такими гарантіями при которыхъ падаютъ всѣ возраженія, какія прежде дѣлались противъ смертной казни. Этимъ мы и объясняли что агитація противъ смертной казни совершенно прекратилась въ наши дни. *Голосъ* цитовалъ наши слова какъ будто текстуально и особымъ шрифтомъ, но при этомъ выкинулъ все что было нами сказано въ разъясненіе фактовъ нами указанныхъ. По поводу же нашихъ фактическихъ указаній на законодательства цивилизованнаго міра *Голосъ* поймалъ насъ во лжи указавъ съ торжествомъ на Португалію, Голландію и Румынію, гдѣ смертная казнь не значится въ уложеніи.

Мы предоставляемъ всякому судить кѣмъ сдѣлано *намѣренное* искаженіе истины, тѣми ли кто имѣлъ наглость сослаться на примѣръ новѣйшихъ уголовныхъ кодексовъ, утверждая что смертная казнь изъ нихъ исключена, или мы, сказавъ что смертная казнь въ цивилизованномъ мірѣ удержана, но при этомъ не сдѣлали оговорки относительно Португаліи, Голландіи и... Румыніи.

№ 361.

Москва, 29-го декабря.

А.

Въ петербургскихъ газетахъ (*Биржевыя* и *Петербургскія Вѣдомости*) напечатанъ достаточно подробный отчетъ о первомъ засѣданіи особой коммиссіи призванной рѣшить кому слѣдуетъ дать заказъ на бронепробивающіе снаряды, иностранцу Круппу или русскимъ заводамъ. На дняхъ мы замѣтили что „тотъ или другой составъ коммиссіи имѣетъ большую важность.“ Повторимъ поставленный тогда же вопросъ: „какіе спеціалисты попали въ коммиссію и можно ли думать чтобъ эта вторая серія спеціалистовъ взглянула на дѣло иначе нежели первая, засѣдавшая въ Артиллерійскомъ Комитетѣ и признавшая необходимость заграничнаго заказа?“ Коммиссія состоитъ подъ предсѣдательствомъ члена Военнаго Совѣта, генерала-отъ-артиллеріи Лутковскаго, бывшаго въ послѣднее время предсѣдателемъ Главнаго Военно-Тюремнаго Комитета. Слѣдующее кресло принадлежитъ артиллерійскому генералу Рѣзвому, а затѣмъ представителю военнаго вѣдомства Пестичу. За ними идутъ извѣстнѣйшіе члены Артиллерійскаго Комитета Маіевскій, Каминскій, начальникъ отдѣленія въ Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи полковникъ Можайскій и, наконецъ, полковникъ Калакуцкій, долго занимавшійся стальными издѣліями нашихъ заводовъ. Судя по составу коммиссіи, можно думать что оба взгляда на заказъ бронепробивающихъ снарядовъ представлены довольно ровно. Въ коммиссію приглашены были и заводчики. Мы не ошиблись высказывая на дняхъ ожиданіе что представители нашихъ заводовъ несомнѣнно предложатъ не мало аргументовъ за установленіе производства бронепробивающихъ снарядовъ въ Россіи. Дѣйствительно, въ первомъ же засѣданіи, выслушавъ требованія представителей артиллеріи, заводчики прямо заявили что „могутъ принять заказы и исполнить ихъ *не хуже Круппа*“ если имъ будетъ доставлена возможность произвести предварительные опыты съ тѣмъ что самый заказъ будетъ отданъ русскимъ заводамъ „на такихъ же льготныхъ условіяхъ какъ и Круппу.“ Казалось бы что этимъ и должны покончиться первыя, чисто совѣщательныя, кабинетныя занятія коммиссіи. Если русскіе заводчики заявляютъ что могутъ принять заказъ и исполнить его „не хуже Круппа,“ то остается только провѣрить на опытѣ какой вѣсъ можетъ быть данъ этому заявленію. Этимъ можетъ-быть дѣло и кончилось бы еслибы не были нашими заводчиками поставлены нѣкоторыя условія требующія обсужденія. Рѣчь косну-

лась самыхъ условій будущаго заказа. Естественно было при этомъ заявленіе что принять заказъ на условіяхъ болѣе тяжелыхъ нежели тѣ на кои соглашался г. Круппъ было бы и рискованно и не выгодно, особенно при началѣ дѣла, когда заводъ не можетъ ручаться за высокое достоинство каждаго отлитаго имъ снаряда. Вопросъ теперь въ томъ, согласится ли коммиссія и имѣетъ ли она еще право принять условіе поставленное русскими заводчиками? Но неужели же отъ этихъ прелиминарій будетъ зависѣть рѣшеніе важнаго государственнаго вопроса, готовить ли намъ средства государственной обороны дома или попрежнему оставаться почти въ полной зависимости отъ иностранцевъ. Умѣстно ли и толковать теперь объ условіяхъ будущаго заказа когда предстоитъ еще a posteriori рѣшить могутъ ли наши заводы исполнить заказъ. Имъ прежде надо дать средства произвести предварительные опыты въ широкихъ размѣрахъ. Только эти опыты могутъ дать матеріалъ для рѣшенія втораго вопроса. Еслибъ опыты вышли удачные, странно было бы отказать своимъ заводамъ въ тѣхъ льготахъ какихъ потребовалъ заводъ иностранный. За работами на русскихъ заводахъ наша артиллерія все-таки могла бы всегда лучше услѣдить чѣмъ за иностраннымъ заводчикомъ.

Не менѣе интересны требованія относительно качества издѣлій предъявленныя заводчикамъ коммиссіей. По мнѣнію представителей артиллеріи снаряды, „пробивъ броню, сами ни въ какомъ случаѣ разбиваться не должны.“ Въ этомъ требованіи и заключается для нашихъ заводовъ вся суть дѣла. Испытанные до сихъ поръ снаряды хотя и *пробивали* броню, но сами разбивались на нѣсколько (до трехъ) кусковъ. Утверждаютъ будто снаряды Круппа оставались цѣлыми. Но дѣйствительно ли они не разбивались „ни въ какомъ случаѣ,“ это пока еще вопросъ. На практикѣ дѣло зависитъ не только отъ качествъ снарядовъ, но и отъ свойствъ самой брони. Въ полученномъ на дняхъ нумерѣ *Русскаго Инвалида* находимъ статью г. Моландера о сравнительныхъ опытахъ произведенныхъ въ Италіи, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, надъ англійскими и французскими бронями, причемъ оказалось что плиты англійскихъ заводовъ гораздо слабѣе нежели французскія патентованныя г. Шнейдера. При одной и той же толщинѣ и вѣсѣ, англійскія брони были въ дребезги разбиты чугунными снарядами (тоже разлетѣвшимися въ куски), тогда какъ броня Шнейдера осталась совершенно почти неповрежденною. Разрушеніе произведенное чугунными снарядами въ англійскихъ броняхъ было таково что пострадала и деревянная подкладка подъ ними, изображающая бортъ корабля. Послѣдній долженъ былъ бы получать сильную течь.

Благодаря тому что броневая плита завода Шнейдера уцѣлѣла, италіянскіе артиллеристы получили возможность испытать ее стрѣльбой стальныхъ снарядовъ. Эти опыты весьма для насъ поучительны. Сначала взятъ былъ снарядъ Витворта изъ стали сгущенной подъ гидравлическимъ прессомъ. Снарядъ этотъ углубился въ плиту, откололъ отъ нея кусокъ, но затѣмъ отскочилъ и найденъ совершенно смявшимся и укоротившимся чуть не вдвое. Взяли снарядъ приготовленный по способу Григорини, изъ литой стали закаленной въ маслѣ. „Этотъ снарядъ, сказано въ статьѣ, разбился въ мелкіе куски, но за то и дѣйствіе его было значительнѣе другихъ:“ онъ углубился въ броневую плиту на двѣ трети ея толщины и такъ же только отбилъ отъ нея кусокъ.

Стало-быть разбиваются въ куски стальные снаряды не нашихъ только заводовъ, и дѣло это зависитъ не исключительно отъ ихъ качествъ. Не слишкомъ ли смѣло и строго требовать отъ снарядовъ чтобъ они не разбивались „ни въ какихъ случаяхъ,“ ни о какую броню. Важно прежде всего чтобы снарядъ причинялъ возможно большій вредъ самой прочной бронѣ. Еслибы броня завода Шнейдера была разбита стальными снарядами также въ дребезги какъ англійскія плиты чугунными, и еслибъ эти поврежденія грозили потопить корабль, то не все ли равно, разбиваются снаряды сами или остаются цѣлы и невредимы!

Б.

Защитники иностраннаго транзита чрезъ Закавказье стараются всѣми мѣрами умалить силу заявленія по этому предмету, которое въ концѣ минувшаго ноября было подано въ Московскій Биржевой Комитетъ *ста пятьюдесятью тремя* изъ числа значительнѣйшихъ промышленныхъ и тор-

говыхъ фирмъ. Дѣлаются попытки заподозрить живое отношеніе этихъ фирмъ къ дѣлу, внушить кому нужно что подъ заявленіемъ подписывались фирмы не имѣющія никакихъ торговыхъ связей съ Персіей и которымъ поэтому существованіе транзита не можетъ вредить ни въ какомъ отношеніи. Нѣкоторыя фирмы прямо поименовываются въ подкрѣпленіе этой инсинуаціи. Между прочимъ, вотъ тирада съ которою выступилъ на дняхъ *Голосъ* (№348), почему-то обращаясь къ намъ:

„*Московскія Вѣдомости* пытаются импонировать насъ (*кого васъ?*) спискомъ 153-хъ фирмъ, подавшихъ заявленіе въ Московскій Биржевой Комитетъ объ избраніи депутаціи „для ходатайства предъ самимъ Престоломъ." Напрасно газета торопилась обезсмертить на своихъ страницахъ почтенныя фирмы Альберта Гюбнера, Лудвига Рабенека, Кнопа, Говарда, Цынделя, Маркуса Клейна, Карла Стукена, Панфика, вдовы Катуаръ съ сыновьями, Ибрагимъ-Джана и прочихъ таинственныхъ незнакомцевъ русской торговли въ Персіи, нынѣ оказывающихся столь многочисленными... Было бы гораздо интереснѣе узнать, кто изъ подписавшихся имѣетъ торговыя связи съ Персіей и въ какомъ отношеніи существованіе транзита мѣшаетъ этимъ связямъ?"

Относительно всѣхъ поименованныхъ въ этой выходкѣ фирмъ, вотъ вѣрныя свѣдѣнія.

1. *Альбертъ Гюбнеръ*—одна изъ самыхъ большихъ ситценабивныхъ фабрикъ въ мірѣ; въ прошломъ году выпустила около 900.000 кусковъ ситца; чрезъ своихъ закащиковъ сбываетъ его во всѣ мѣста и города Россіи, а также на Кавказъ, въ Персію и Среднюю Азію, куда работаются спеціальные рисунки.

2. *Лудвигъ Рабенекъ*—одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ; вырабатываетъ до 300.000 кусковъ въ годъ кумача и ситца; изъ этого количества *почти треть* идетъ въ Среднюю Азію, Персію и на Кавказъ.

Пунцовыми товарами Рабенека и ситцами Гюбнера не брезгуютъ даже такъ-называемые транзито-торговцы Тифлиса, тѣмъ болѣе что въ настоящую минуту, столь критическую для русской торговли и промышленности, пудъ ситца стòитъ 30 руб., а пудъ кумача 45 руб., что̀, конечно, даетъ возможность, особенно по настоящему курсу, везти эти товары не только въ Персію, но и въ Германію.

3. *Кнопъ*—торговый домъ занимающійся выпиской машинъ, хлопка, бумажной пряжи и чая, главный пайщикъ Кренгольмской, Екатерингофской, Даниловской и Вознесенской Мануфактуръ, а слѣдовательно частью прямо, частью косвенно заинтересованъ въ дѣлѣ транзита; неблагопріятное разрѣшеніе транзитнаго вопроса заставитъ сократить работу на вышеупомянутыхъ мануфактурахъ и уменьшить выписку машинъ и хлопка.

4. *Товарищество Мануфактуръ Говарда*—одна изъ лучшихъ писчебумажныхъ фабрикъ въ Россіи, чрезъ своихъ покупателей сбывающая свои товары на Нижегородской ярмаркѣ въ Персію.

5. *Эмиль Цындель*—ситценабивная фабрика, нѣсколько меньшая фабрики Гюбнера; вырабатываетъ не менѣе 700.000 кусковъ такого же качества и доброты какъ и фабрика Гюбнера и сбываетъ товаръ въ тѣ же мѣста. Рисунки есть спеціально азіятскіе, персидскіе и кавказскіе.

6. *Карлъ Стукенъ*—торговый домъ, главный продавецъ такъ-называемой Лодеровской пряжи, съ самаго основанія фабрики Россійской Бумагопрядильни въ С.-Петербургѣ идущей въ Среднюю Азію; вмѣстѣ съ тѣмъ, Карлъ Стукенъ участникъ во многихъ мануфактурахъ и крупный импортеръ хлопка и красильныхъ матеріаловъ.

7. *Маркусъ Клейнъ*—фабрикантъ смѣшанныхъ издѣлій, торгующій съ Закавказьемъ и отчасти съ Персіей.

8. *П. Панфикъ и К° преемники*—торговцы москательными товарами идущими на фабрики; заинтересованы въ транзитѣ главнымъ образомъ косвенно, но частію и прямо, хотя въ весьма незначительной степени.

9. *Вдова А. Катуаръ съ сыновьями*—большой коммиссіонный домъ, имѣющій также и за свой счетъ дѣла со всею Россіей; торгуя на Нижегородской ярмаркѣ, домъ этотъ заинтересованъ въ дѣлѣ какъ покупатель персидскихъ сырыхъ товаровъ и какъ продавецъ москательныхъ, винныхъ и другихъ товаровъ.

10. *Ибрагимъ-Джанъ-Ахунджановъ*—самый крупный распространитель русскихъ товаровъ въ Средней Азіи, на сумму до 1.700.000 руб. въ годъ; естественно сильно заинтересованъ въ рѣшеніи транзит-

наго вопроса, такъ какъ открытіе транзита въ Персію убьетъ его торговыя сношенія съ Москвой гдѣ онъ издавна поселился.

Въ слѣдъ за симъ печатаемъ письмо г. Морозова, обличающее другую фальшь вносимую въ сужденія о Закавказскомъ транзитѣ тою же статьей газеты *Голосъ*:

„М. Г.—Газета *Голосъ* (№ 348), въ своей послѣдней ругательной и голословной статьѣ по поводу Закавказскаго транзита, между прочимъ упоминаетъ какую-то Морозовскую цифровую легенду о товарахъ на 42.000 000 руб., прошедшихъ чрезъ Астраханскую таможню въ 1877 и 1878 годахъ. Будучи знакомъ съ исторіей транзита и принимая въ немъ нѣкоторое участіе, симъ подтверждаю справедливость вышеприведенной цифры 42.000.000, выражающей стоимость товаровъ поступившихъ на Кавказъ и въ Персію, о чемъ можно справиться въ той же Астраханской таможнѣ откуда эти свѣдѣнія и добыты. Цифры эти засвидѣтельствованы и, когда нужны будутъ доказательства вѣрности всего вышесказаннаго, будутъ представлены куда слѣдуетъ. Примите и пр. *Д. Морозовъ*."

Москва,
27 декабря 1882.

Къ разъясненію этого же вопроса служитъ и слѣдующая замѣтка, присланная намъ изъ Астрахани:

„Вопросъ о Кавказскомъ транзитѣ не перестаетъ занимать печать и общество. Въ виду его важности для русской торговли, мы рѣшились высказать нѣкоторыя наши соображенія, полученныя путемъ нашихъ многолѣтнихъ торговыхъ сношеній съ Персіей (наша фирма болѣе семидесяти лѣтъ ведетъ съ нею торговлю).

„Астрахань и Персія, до открытія Кавказскаго транзита, производили между собою большіе торговые обороты какъ мануфактурными, такъ и многими другими товарами. Пріѣзжавшіе къ намъ Персы не только на всѣ деньги которыя они выручали отъ продажи привезенныхъ ими продуктовъ закупали въ Астрахани нужный имъ товаръ, но прихватывали еще и въ кредитъ. Обороты города достигали тогда весьма солидныхъ размѣровъ. Съ открытіемъ же Кавказскаго транзита, Персы стали постепенно убавлять свои покупки и, вмѣсто товаровъ, стали покупать у насъ только золото и серебро. Объясняется это тѣмъ что Англичане, воспользовавшись измѣнившимися обстоятельствами, стали отправлять свои произведенія прямо въ Персію; для Персовъ же оказалось, конечно, гораздо выгоднѣе покупать товаръ на мѣстѣ чѣмъ ѣздить за нимъ въ Астрахань. Торговля такимъ образомъ падала и, наконецъ, дѣло дошло до того что Персы окончательно перестали покупать у насъ товары на наличныя деньги: все выручаемое отъ продажи привезенныхъ ими продуктовъ они употребляютъ на пріобрѣтеніе золота и серебра, которое достается потомъ Англичанамъ... Если же когда и обращаются къ астраханскимъ торговцамъ за товаромъ, то норовятъ купить въ кредитъ на годъ или на болѣе долгіе сроки. *И. Фр—ловъ*."

Астрахань, 18 декабря.

№ 362.

Москва, 30-го декабря.

А.

Необходимо что-либо рѣшительное чтобы вывести дѣла наши, и по внутренней и по иностранной политикѣ, изъ того неяснаго положенія въ которомъ они продолжаютъ находиться. Отъ прошлаго накопилось такъ много сору по всѣмъ частямъ что необходимо и атмосферу освѣжить, и почву расчистить. Пока не послѣдуетъ чего-либо ясно опредѣляющаго нашу политику, можно подумать что мы идемъ все тѣмъ же покатымъ путемъ... Требуется ясная, всѣмъ видная черта между прошедшимъ и настоящимъ. Дѣлались перемѣны въ нашей высшей администраціи, но никто не хочетъ вѣрить что отъ того произошла существенная перемѣна въ направленіи нашихъ дѣлъ. Интрига пользуется неясностью, лжетолкуя каждый фактъ въ нашемъ административномъ мірѣ. Мы сказали интрига; слѣдуетъ сказать: интриги, которыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ много и которыя часто не знаютъ одна другую, хотя дѣйствуютъ за одно. Въ числѣ стимуловъ причиняющихъ смуту въ нашихъ дѣлахъ есть между прочимъ личныя честолюбія, которымъ нѣтъ надобности ни до какого дѣла и которыя ищутъ только дать себя больнѣе почув-

ствовать, надѣлать шуму и поймать свою рыбу въ мутной водѣ. Есть много всякаго рода психологическихъ мотивовъ которые возникаютъ и плодятся при неясности и нетвердости положенія дѣлъ,—и всѣмъ этимъ, конечно, пользуются, въ своихъ видахъ и цѣляхъ, злоумышленныя партіи какія вездѣ водятся, а у насъ имъ приволье.

Казалось бы, теперь должны умолкнуть толки о войнолюбивыхъ замыслахъ Россіи. Европейскія правительства не могли не понять что назначеніе новаго министра Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи имѣетъ несомнѣнно мирный характеръ. Никто, впрочемъ, изъ серіозныхъ политическихъ людей Европы не могъ и безъ того думать что Россія имѣетъ основанія готовиться къ войнѣ; но всѣ невольно думали что при отсутствіи руководящей мысли возможенъ всякій капризъ. Вотъ почему положеніе Россіи внушало нѣкоторую тревогу. У всѣхъ еще на свѣжей памяти наша послѣдняя кровопролитная война, въ которой мы очутились не подозрѣвая что воюемъ не шутя. Вотъ почему новое назначеніе въ Россіи было для европейскихъ правительствъ облегченіемъ. Несомнѣнно что назначеніе статсъ-секретаря Гирса, который хорошо извѣстенъ въ политическихъ сферахъ Европы, было для всѣхъ знаменіемъ мира. За то всѣ усилія интриги клонятся къ тома чтобы заподозрить самую серіозность этого назначенія и выставить новаго министра какъ бы только временною ширмой, за которою тѣмъ дѣятельнѣе ведутся приготовленія къ войнѣ. Случайныя семейныя причины вызвали заграничную поѣздку Н.К. Гирса, который не могъ не воспользоваться ею и въ интересахъ ввѣреннаго ему управленія. Все что нашъ министръ могъ сказать при свиданіи съ руководящими государственными людьми за границей, конечно, можетъ вести только къ успокоенію и утвержденію взаимнаго довѣрія. Но вотъ именно въ этотъ самый моментъ и поднялись толки о грозящей войнѣ между Россіей и Германіей. Нѣсколько искреннихъ разъяснительныхъ словъ сказанныхъ нами произвели доброе дѣйствіе. Въ политическихъ сферахъ Берлина они были поняты въ ихъ истинномъ смыслѣ и приняты съ сочувствіемъ. Агитація въ германской печати вскорѣ утратила острый характеръ и наконецъ утихла. Но тѣмъ усиленнѣе работаютъ домашнія интриги, и подъ ихъ вліяніемъ появляются въ разныхъ заграничныхъ газетахъ статьи и корреспонденціи одного и того же пошиба. Что, напримѣръ, можетъ быть общаго между аугсбургскою *Allgemeine Zeitung* и парижскою *Figaro?* Но тамъ и тутъ, по поводу поѣздки статсъ-секретаря Гирса, проводится одна и та же инсинуація, обличающая общее происхожденіе этихъ сказаній.

Авторъ статьи въ *Figaro* г. Ivan de Woestyne, какъ сообщаютъ намъ, до послѣдняго времени проживалъ въ Петербургѣ въ ожиданіи всероссійской революціи, состоя корреспондентомъ американской газеты *New York Herald*. Не смотря однако на ожиданія, которыя усердный корреспондентъ конечно поддерживалъ, великолѣпный спектакль все не начинается, такъ что издатель нью-йоркской газеты, при всей своей тароватости, затруднился долѣе держать въ Петербургѣ корреспондента по части революціи, которому, какъ говорятъ, платилъ по 10.000 франковъ въ мѣсяцъ въ продолженіе полутора года. Не дешево же обошлись ожиданія русской революціи почтенному г. Беннету, который могъ бы на эту сумму снарядить экспедицію въ Центральную Африку. За то возвратившись въ Парижъ, на содержаніе вѣроятно болѣе скромное газеты *Figaro*, г. де-Вёстинъ поспѣшилъ поразить міръ потрясающею вѣстію о войнѣ. Не удалась революція, не удастся ли война! Статья его озаглавлена *La guerre!* (съ восклицательнымъ знакомъ.) Это болтовня, не выдерживающая никакой критики, но съ примѣсью нѣкоторыхъ фактическихъ подробностей, придающихъ ей оттѣнокъ актуальности. При очевидныхъ нелѣпостяхъ, она все-таки оставляетъ шумъ въ головѣ у читателей. Г. де-Вёстинъ такъ долго проживалъ въ Петербургѣ, вращался въ обществѣ, бесѣдовалъ о русскихъ дѣлахъ если не съ дѣйствующими, то съ когда-либо бывшими государственными мужами и ex-дипломатами, стало-быть,—подумаетъ всякій,—есть же что-нибудь реальное въ основѣ его сообщеній. Конечно, есть: наши домашнія интриги, существованіе которыхъ есть фактъ реальный.

Надо произвести впечатлѣніе что положеніе новаго русскаго министра не прочно, что онъ не пользуется полнымъ довѣріемъ своего Государя, что въ сущности все идетъ по-старому, что наша дипломатія остается подъ тѣмъ же управленіемъ

что и прежде... Повѣствователь аугсбургской газеты пугалъ Европу или Россію что за статсъ-секретаремъ Гирсомъ стоитъ графъ Игнатьевъ, готовый ежеминутно замѣнить его; г. де-Вёстинъ присовокупляетъ что и въ настоящее время высшее управленіе международными дѣлами Россіи остается по-прежнему въ рукахъ князя Горчакова, такъ какъ де онъ продолжаетъ носить званіе канцлера. Итакъ, Европа все еще находится подъ грознымъ созвѣздіемъ *двухъ великихъ канцлеровъ!* Какъ же не встревожиться? Что же касается до заграничной поѣздки новаго министра, то, по свѣдѣніямъ г. де-Вёстина собраннымъ въ Петербургѣ, она имѣетъ своею тайною цѣлію подготовленіе союзовъ для неизбѣжной войны. Война де необходима для Россіи дабы отвлечь общество отъ внутреннихъ дѣлъ и избавиться отъ революціи которою угрожаетъ ей нигилизмъ... Увы, заграничная публика не знаетъ что въ Россіи все, не исключая и нигилизма, дѣлается съ разрѣшенія правительства. Но съ кѣмъ война? Конечно, съ Германіей! Французскій публицистъ не говоритъ что нашъ министръ и въ Фарцинъ ѣздилъ съ коварною цѣлью искать союзника противъ Германіи; но утверждаетъ что онъ имѣетъ спеціальною миссіей склонить по крайней мѣрѣ Италію и Австрію къ союзу для войны съ Германіей. Изо всѣхъ этихъ нелѣпостей, остается одно, на чемъ интриги и основываютъ свои разсчеты: остается мысль о предстоящей войнѣ между Россіей и Германіей. Но изъ нелѣпостей нелѣпость есть война между этими двумя державами. Мы на случай надобности воевать можемъ представить себя въ войнѣ съ кѣмъ хотите, съ Китаемъ, съ Турціей, съ Англіей, благо открытъ путь на Гератъ, наконецъ съ Австро-Венгріей. Но какой смыслъ могла бы имѣть для насъ война именно съ Германіей, причемъ предполагается возможнымъ даже союзъ нашъ съ Австро-Венгріей? Что забыли мы, или что понадобилось намъ въ Германіи? Не Кенигсбергъ ли? Въ какихъ національныхъ интересахъ сталкиваемся мы съ Германіей чтобы рѣшиться на тяжкія жертвы безъ которыхъ война не могла бы обойтись? У насъ есть интересы на Востокѣ. Тамъ политика наша можетъ принять, при извѣстныхъ условіяхъ, наступательный характеръ; тамъ лилась наша кровь, тамъ быть-можетъ и еще прольется много нашей крови. Но ни въ чемъ на Востокѣ Германія *непосредственно* не замѣшана, и нѣтъ сомнѣнія что, при обезпеченіи себя въ другихъ пунктахъ, она можетъ желать намъ на Востокѣ всякаго успѣха. Куда бы мы ни обратились, нигдѣ не встрѣтимъ мы повода къ столкновенію между интересами нашими и германскими... Или быть-можетъ мы обязаны мстить за Францію, вступиться за папу, заставить императора Германскаго пойти въ Каноссу, или... Но довольно: мы боимся, развивая безсмыслицы, натолкнуться на былую правду...

Скажутъ, если Россіи нечего отнимать у Германіи, то Германіи быть-можетъ есть что. Не должна ли Россія опасаться сильнаго сосѣда, которому можетъ стать тѣсно въ его границахъ и который можетъ возымѣть виды на округленіе ихъ съ нашей стороны? Допускаемъ всякую возможность въ неизвѣстности будущаго. Но что же слѣдуетъ? Только то что великая держава какъ Россія должна быть всегда готова къ оборонѣ, не завися отъ благорасположенія другихъ. Только способное къ самооборонѣ государство уважается, и только такого государства дружба цѣнится. Россія не должна быть слабѣе своихъ сосѣдей. Если сила ихъ возросла, то отставать отъ нихъ нельзя. Усиливать самооборону не значитъ готовиться къ войнѣ; напротивъ, значитъ обезпечивать миръ.

Но имѣемъ ли мы основаніе подозрѣвать нынѣшнюю Германію во враждебныхъ противъ насъ замыслахъ? Опасенія были бы возможны еслибы ея дѣлами управляло безуміе или капризное самодурство. Но нельзя допустить чтобы Германія, при здравомъ смыслѣ въ своихъ совѣтахъ, вздумала de gaieté de coeur затѣять съ Россіей нескончаемую изнурительную войну, имѣя столько счетовъ по сторонамъ и столько заботъ внутри,— съ Россіей гдѣ нѣтъ никакой Allemagna irredenta, и чтобы на такое безуміе пошла Германія теперь когда у дѣлъ ея стоитъ государственный человѣкъ превосходно понимающій всю пользу дружбы, соединяющей страну его съ Россіей. Исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ.

За тридцать лѣтъ предъ симъ противъ насъ была, въ вооруженной коалиціи, вся Европа. Только Пруссія сохраняла нейтралитетъ, правда колеблющійся, но бо̀льшаго нельзя было и ожидать при Фридрихѣ Вильгельмѣ IV, государѣ безхарактерномъ, слабомъ, разстроенномъ. Вѣрно однако то что

Пруссія, несмотря на давленіе и угрозы которымъ она со всѣхъ сторонъ подвергалась, удержалась и при слабомъ королѣ отъ враждебной противъ насъ демонстраціи, и самымъ энергическимъ адвокатомъ за сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи былъ тогда, начинавшій свое государственное поприще, нынѣшній имперскій канцлеръ Германіи. Точно также, въ 1863 году, когда снова вся Европа ополчилась противъ насъ и грозила намъ войною,—Пруссія, дѣлами которой уже управлялъ тогда г. фонъ-Бисмаркъ, не только не принимала участія въ этомъ походѣ, но оказывала намъ доброе содѣйствіе въ борьбѣ съ мятежомъ и нравственную поддержку въ спорѣ съ Европой. Дипломатическая исторія семидесятыхъ годовъ породила затѣмъ мнѣніе будто Германія, забывъ услуги оказанныя ей Россіей, приняла относительно ея коварно-враждебное положеніе во время событій на Востокѣ, гдѣ она будто бы мѣшала нашимъ успѣхамъ во время войны, заставляя насъ постоянно оглядываться, и будто бы оборвала наши лавры послѣ войны. Долгъ исторической истины обязываетъ насъ свидѣтельствовать противъ этого, не безъ причины возникшаго, но совершенно превратнаго мнѣнія. Люди естественно подозрѣваютъ враждебные замыслы въ тѣхъ къ кому сами были несправедливы; но надо же когда-нибудь подвергнуть повѣркѣ предубѣжденіе которое было порождено невѣроятными странностями именно *нашей* дипломатіи, комическими по происхожденію, печальными по послѣдствіямъ.

Наша дипломатія и до войны и послѣ войны не только не желала дружескаго содѣйствія Германіи, но упорно отталкивала всякую ея попытку войти съ нами въ соглашеніе. Дипломатія наша ставила себѣ задачей ни въ чемъ не быть за одно съ германскимъ канцлеромъ, даже въ томъ чего настоятельно требовала и польза, и честь Россіи. Она предпочла войти въ сдѣлку съ несомнѣннымъ врагомъ Россіи на Востокѣ, съ Англіей, съ лордами Биконсфильдомъ и Солсбери. Мы явились на конгрессъ уже съ готовою программой, установленною въ Лондонѣ. Всѣ наши уступки были сдѣланы въ угоду Англіи, а не Германіи. Напротивъ, въ тѣхъ вопросахъ которые еще оставались открытыми, князь Бисмаркъ постоянно былъ на нашей сторонѣ. Вѣрный интересамъ своей страны, онъ въ силу этого самаго, оказывался иногда болѣе русскимъ чѣмъ наша дипломатія, не имѣвшая подъ собою національной почвы.

Интрига идущая изъ нечистыхъ источниковъ, стараясь испортить наши отношенія къ сосѣдней державѣ, агитируетъ теперь противъ Берлинскаго трактата, будто бы навязаннаго намъ германскимъ канцлеромъ. Нѣтъ ничего фальшивѣе этой инсинуаціи. Даже судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена задолго до Берлинскаго конгресса, при посредствѣ не германскаго, а русскаго канцлера, во время Рейхштадтскаго свиданія. Что же касается Санъ-Стефанскаго договора, то въ самомъ его инструментѣ есть явные признаки что онъ заключался не за тѣмъ чтобъ остаться, а чтобы послужить матеріаломъ для уступокъ Биконсфильду,—но не Бисмарку, который въ нихъ и не нуждался.

Одно изъ ядовитыхъ средствъ употребляемыхъ интригой чтобы внести смуту въ наши отношенія къ сосѣдней державѣ есть мнимая народная ненависть Русскихъ къ Нѣмцамъ. Но слово *Нѣмецъ* въ простомъ русскомъ народѣ вовсе не имѣетъ національнаго значенія, и какъ *Франкъ* на Востокѣ означаетъ лишь иностранцевъ съ Запада, а противъ иностранцевъ какихъ бы то ни было, и швабскихъ, и шпанскихъ, у насъ нѣтъ и тѣни народной ненависти. Иностранцы всегда встрѣчали у насъ радушный пріемъ. Если народъ нашъ имѣетъ основаніе сѣтовать на иностранцевъ, то не на внѣшнихъ, а на внутреннихъ, изъ него же искусственно производимыхъ. Если мы въ нашей политикѣ не довольно національны, если мы даемъ въ нашей средѣ мѣсто измѣнническимъ крамоламъ, то винить въ томъ намъ нужно самихъ себя, а не какое-либо иностранное правительство, тѣмъ менѣе германскаго канцлера, который своимъ примѣромъ (а иногда и добрымъ совѣтомъ) показывалъ намъ какъ слѣдуетъ дѣйствовать въ національномъ смыслѣ.

Б.

Изобличимъ еще одну ложь пущенную въ ходъ и настойчиво поддерживаемую этимъ органомъ всякой нечистоты, *Голосомъ*, и оставляемую донынѣ безъ опроверженія Таможеннымъ и Контрольнымъ вѣ-

домствами, несмотря на прямыя ссылки сдѣланныя на ихъ авторитетъ.

Въ № 314 *Московскихъ Вѣдомостей* было напечатано:

„Пока иностранный транзитъ ограничивался малыми размѣрами, казна получала съ Закавказскихъ таможенъ значительный доходъ; сталъ рости транзитъ, стали уменьшаться таможенные сборы. Не успѣли утроиться размѣры транзитной торговли, какъ уже таможенный доходъ уменьшился слишкомъ втрое: вмѣсто 1.422.670 руб. полученныхъ въ 1872 году, казна получила въ 1881 всего 452.818, почти на милліонъ рублей меньше. Такова потеря для годичнаго государственнаго бюджета, цѣною коей куплено увеличеніе транзита съ 225 до 600 тысячъ пудовъ. Можно, конечно, не дорожить милліономъ казеннаго дохода въ интересѣ иностраннаго транзита; но все же не слѣдуетъ кривить душой ставя этотъ транзитъ въ графу казеннымъ прибылей, тогда какъ его мѣсто въ графѣ казенныхъ убытковъ.“

Къ этому въ № 321 *Московскихъ Вѣдомостей* мы прибавили:

„Почему привозъ иностранныхъ товаровъ въ Закавказье, параллельно съ развитіемъ транзита, уменьшился настолько что казна въ послѣднее десятилѣтіе не досчиталась 5.812.547 рублей въ пошлинныхъ сборахъ сравнительно съ 1872 годомъ, причемъ недочетъ одного прошлаго 1881 года простирался почти до милліона рублей? Почему, если не потому что законный привозъ иностранныхъ товаровъ замѣнился тайнымъ, контрабанднымъ, подъ видомъ транзита?“

Все сказанное въ обѣихъ приведенныхъ выпискахъ было основано на цифровыхъ данныхъ взятыхъ изъ надежнаго источника.

Чтобы подорвать значеніе вышеприведенныхъ цифръ руководители *Голоса* выдвинули противъ нихъ цѣлый рядъ *своихъ* цифръ. Остановимся на двухъ, о которыхъ въ *Голосѣ* (№ 321) заявлено что онѣ ему „обязательно сообщены изъ Департамента Таможенныхъ Сборовъ Министерства Финансовъ.“ Именно въ *Голосѣ* приведены слѣдующія цифры таможенныхъ доходовъ Закавказскаго края:

Въ 1880 году . . . . . 1.216.303 руб.
„ 1881 „ . . . . 1.314.640 „

Указывая на несогласіе этихъ цифръ съ приведенными въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, поборникъ иностранаго транзита говоритъ:

„Ничто не можетъ лучше характеризозать внутреннее безсиліе агитаціи противъ Закавказскаго транзита какъ необходимость прибѣгать къ столь недостойной ворожбѣ съ цифрами которую позволяютъ себѣ *Московскія Вѣдомости* въ разчетѣ на невѣжество и легковѣріе своихъ читателей, подмѣнивая дѣйствительные доходы въ 1.314.640 рублей подложною цифрой 452.818 рублей!“

Вотъ разъясненіе этой цифровой продѣлки руководителей *Голоса* сдѣланное лицомъ сообщившимъ намъ опорочиваемыя этою газетой цифры:

„Транзитный вопросъ побудилъ меня сообщить вамъ цифровыя данныя, отсутствіе которыхъ замѣчалось въ статьяхъ обоихъ направленій. Напечатаннымъ сообщеніемъ не преминула тотчасъ же воспользоваться редакція *Голоса*, извративъ выводы, а главное исказивъ значеніе цифровыхъ данныхъ. Поступленію пошлинъ съ европейскихъ товаровъ *Голосъ* противупоставилъ цифры поступленія таможенныхъ доходовъ, въ суммѣ которыхъ пошлины составляютъ одну изъ одиннадцати статей. Какъ на орудіе для разоблаченія передёржки сдѣланной *Голосомъ*, могу указать вамъ на *Отчеты Государственнаго Контроля.* Остальной полемическій вздоръ статьи *Голоса* считаю лишнимъ опровергать; скажу только что цифры не вполнѣ точныя я помѣстилъ не въ текстѣ, а въ выноскѣ.

„О заработкѣ желѣзной дороги я умолчалъ, потому что считаю что онъ останется въ томъ же размѣрѣ и по уничтоженіи транзита. Наконецъ, нельзя не удивляться гг. желѣзнодорожникамъ дѣйствующимъ при гарантіи. О чемъ они хлопочутъ? неужели о пользѣ казны и населенія?!“

Теперь сдѣлаемъ справку въ указываемыхъ нашимъ корреспондентомъ *Отчетахъ Государственнаго Контроля.*

Развернувъ *Отчетъ* за 1880 годъ, на 134 страницѣ, читаемъ что въ доходы Закавказскаго края пошлинъ съ *европейскихъ* привозныхъ товаровъ въ томъ году поступило 518.019 р. 98 к.

Въ *Отчетѣ* за 1881 годъ (тоже 134 страница) читаемъ что таковыхъ же пошлинъ въ 1881 году поступило 459.416 р. 69 к.*), чѣмъ и подтверждается послѣдо-

*) Эта цифра нѣсколько не сходится съ приведенною нашимъ корреспондентомъ цифрою 452.818 р., но эта ничтожная разница ничего въ дѣлѣ не измѣняетъ.

вательное пониженіе таможеннаго дохода отъ европейскаго привоза параллельно съ возрастаніемъ размѣровъ транзита.

Цифры 518.019 руб. 98 коп. и затѣмъ 459.416 р. 69 к. превратились въ 1.216.303 руб. и въ 1.314.640 руб. благодаря тому пріему что къ цифрѣ *таможеннаго дохода съ привозныхъ европейскихъ товаровъ*, которая должна показать растетъ ли или сокращается привозъ этихъ товаровъ подъ вліяніемъ усиленія транзита, *Голосъ* присоединилъ еще: 1) пошлины съ привозныхъ *азіятскихъ* товаровъ, 2) разныя пошлины съ *отпущенныхъ* товаровъ, 3) сборъ съ *вывозимаго* изъ Черноморскихъ портовъ орѣховаго и пальмоваго дерева, 4) ластовые сборы по Каспійскимъ портамъ, и такъ далѣе, словомъ всѣ не имѣющія никакого отношенія къ транзиту статьи (перечень ихъ желающіе найдутъ на указанныхъ 134-хъ страницахъ контрольныхъ отчетовъ) изъ которыхъ слагается таможенный доходъ Закавказскаго края.

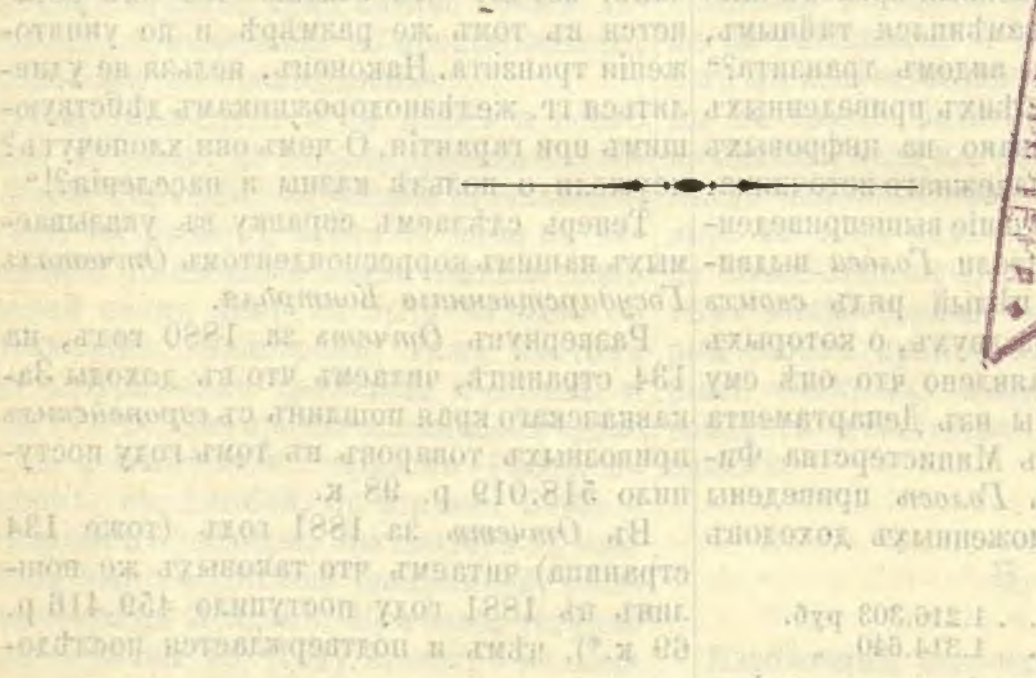
Но и несмотря на такую передержку цифръ, итоги *Голоса* не сошлись съ итогами Государственнаго Контроля. Вмѣсто возрастающихъ цифръ *Голоса* 1.216.303 руб. и 1.314.640 кред. руб., въ контрольныхъ отчетахъ находимъ понижающіеся итоги: 1.165.726 р. 99 к. и 1.136.938 р. 22 коп.

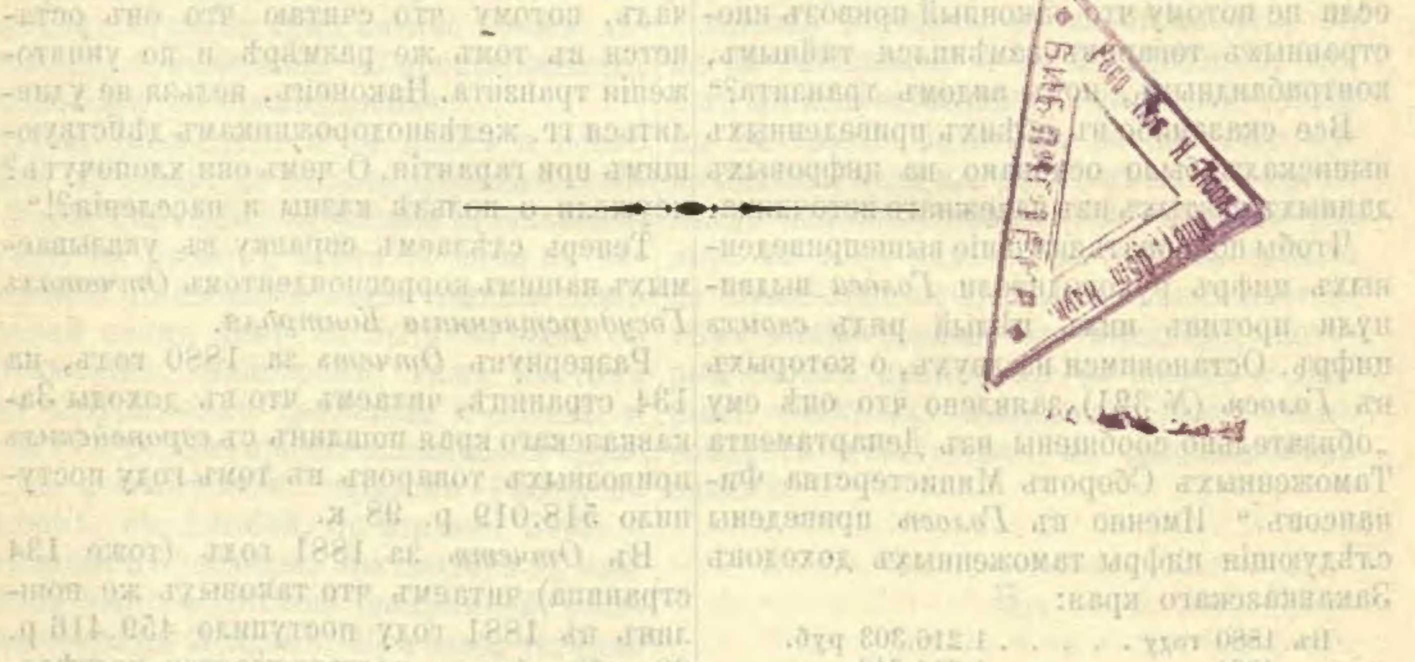
На этомъ подлогъ не остановился.

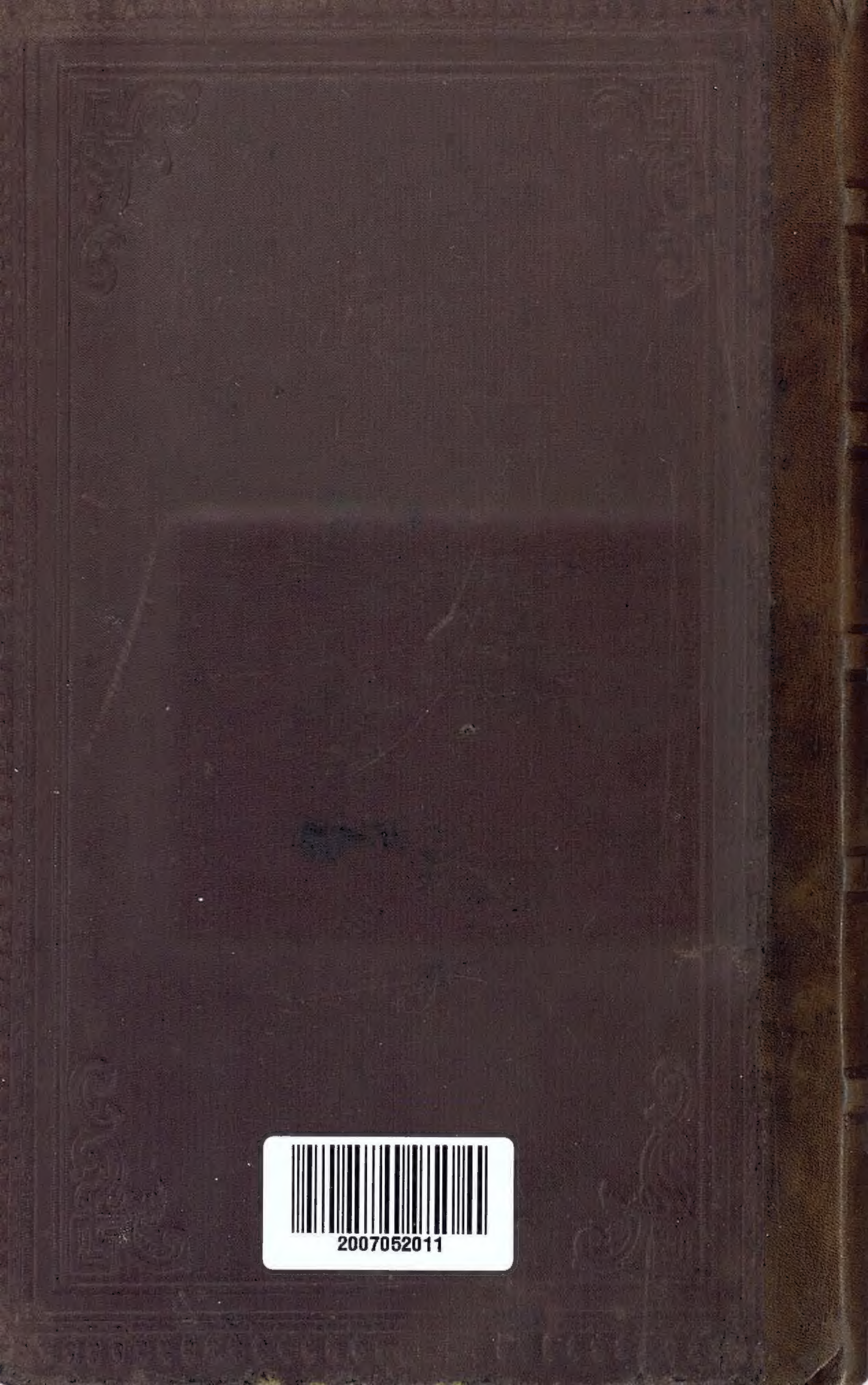
Весь итогъ таможенныхъ доходовъ Закавказскаго края за 1881 годъ (включая и всѣ никакого отношенія къ транзиту и привозу европейскихъ товаровъ не имѣющіе) составлялъ по *Отчету* Контроля 724.007 р. 23 к. металлическихъ и 56.509 р. 7 к. кредитныхъ, *Голосъ* преувеличилъ обѣ эти цифры, поставивъ вмѣсто нихъ: 817.924 р. металлическихъ и 87.744 руб. кред. Не знаемъ, сами ли руководители *Голоса* сдѣлали этотъ подмѣнъ однѣхъ цифръ другими, или же они были введены въ обманъ цифрами „обязательно сообщенными.“

Предоставляемъ читателямъ судить о дѣлѣ которое для своей поддержки нуждается въ сплетеніи наглой лжи и подлоговъ. Въ транзитномъ, какъ и во всякомъ другомъ вопросѣ, органамъ „польской справы“ естественно добиваться такихъ рѣшеній которыя, клонясь ко вреду страны, могли бы, по ихъ соображеніямъ, способствовать смутѣ и ослаблять единодушіе власти и народа.

Еще одно замѣчаніе. Сторонники транзита, въ интересахъ своего дѣла, ссылаются на „энергію“ съ которою „защищалъ транзитъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ“ (*Голосъ* № 349, корреспонденція изъ Тифлиса). Не думаемъ чтобы было прилично впутывать имена Особъ Императорской Фамиліи въ подобную полемику. Довольно было бы для защитниковъ транзита ссылаться на тифлисскихъ транзито-торговцевъ и акціонеровъ Закавказской желѣзной дороги.






2007052011